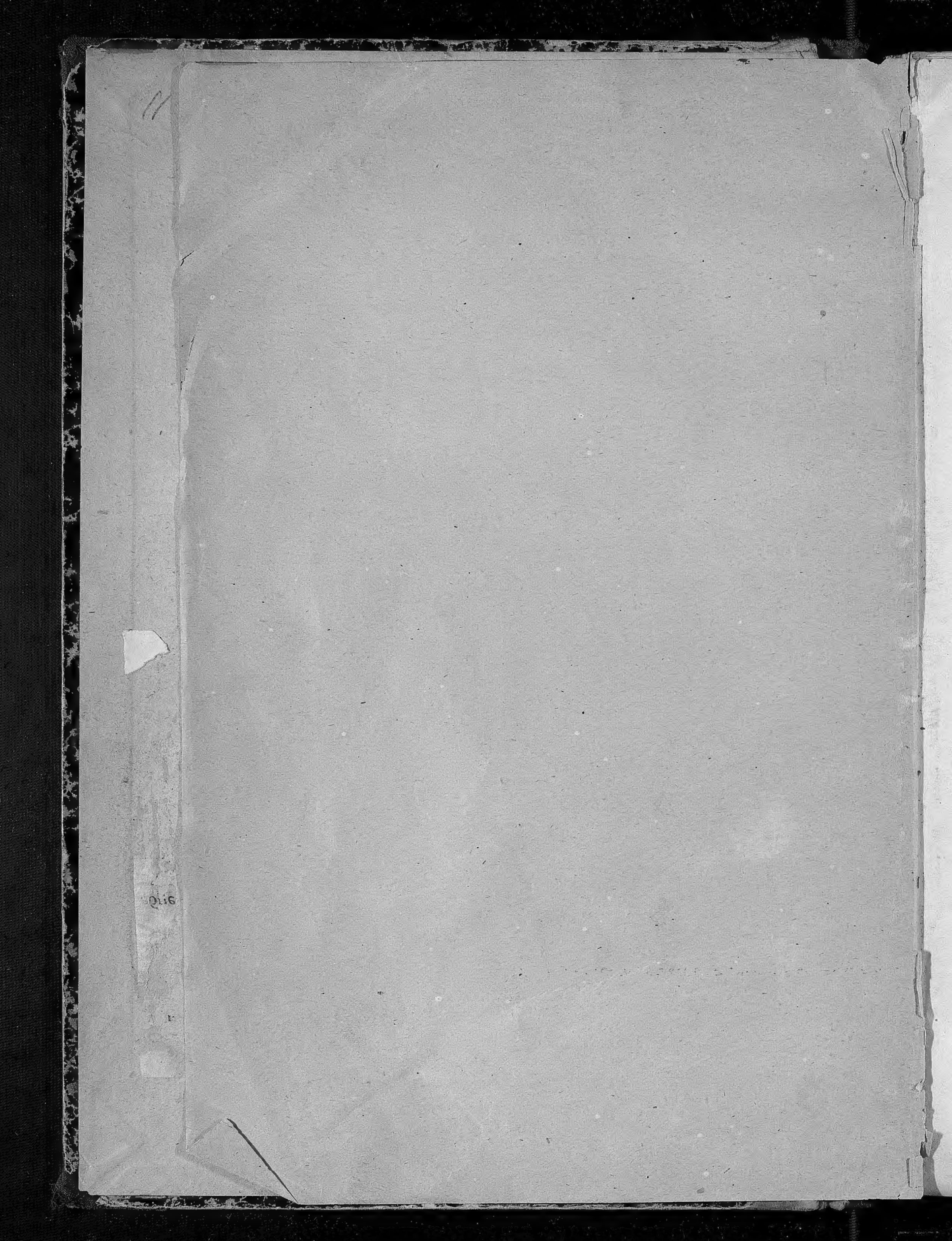
K 9 3/149



Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Н. В. Шелгуновъ.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

(„Рус. Вѣд." 1885 г. „Рус. Мысль" 1886—1891 г.).

Цѣна 2 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Обложка напечатана въ типографіи И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.
Текстъ въ типографіяхъ Четарева и Лейферта, Б. Морская, 65.
1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр. 105	напечатано	XII	глава должна быть	VIII
Стр. 123	»	XIII	» » »	IX.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

Въ серединѣ 1884 года прекратилось изданіе журнала „Дѣло“; Николай Васильевичъ Шелгуновъ оставшись „не у дѣлъ“, поселился въ Смоленской губерніи въ имѣніи А. Н. Попова.

Отправился туда Николай Васильевичъ въ „литературную отставку“, но отставку получилъ онъ только 12-го апрѣля 1891 года—со своей смертью.

Вновь взявшись за работу, Н. В. написалъ нѣсколько фельетоновъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, два изъ которыхъ вошли въ настоящее изданіе (главы I и II). Но фельетонная работа была не въ его характерѣ и настоящее мѣсто покойнаго было въ толстомъ журналѣ. Это-то мѣсто и нашелъ онъ въ „Русской Мысли“, въ которой, начиная съ января 1886 года, помѣстилъ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Очерки русской жизни“. Статьи эти касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашей жизни и значительно отличаются по характеру отъ статей предъидущей его литературной дѣятельности. Въ это время Н. В. жилъ уже отдѣльной жизнью, вдали отъ людей, въ обществѣ которыхъ вращался раньше и на нашу жизнь, по его собственнымъ словамъ, смотрѣлъ какъ бы изъ партера.

Въ одномъ изъ писемъ къ близкому ему человѣку Н. В., характеризируя свою литературную дѣятельиость говоритъ, что послѣднее время онъ мало по малу сталъ пріобрѣтать властный, поучающій тонъ и видитъ, что этотъ-то тонъ и нуженъ, что сначала онъ боялся писать руководящимъ способомъ, но видитъ, что руководящихъ-то статей и требуетъ наша читающая публика.

Въ очеркѣ LII „Что читать и какъ читать“ Н. В. говоритъ о „письменной литературѣ“, т. е. о той массѣ писемъ, которые получаетъ отъ своихъ читателей писатель, бередящій больное мѣсто нашей жизни, писемъ живыхъ съ живыми вопросами, отвѣтить на которые и стоитъ и хочется. И каждая почта приносила покойному много такихъ писемъ. Съ удовольствіемъ отвѣчая на нихъ иногда прямо, иногда печатно, онъ видѣлъ въ тѣхъ, кто пишетъ эти письма, мыслящихъ и ищущихъ истину людей.

Н. В. нерѣдко упрекали въ пессимизмѣ. Все время печатанія очерковъ на нихъ производились нападки нѣкоторыхъ органовъ нашей печати. Всѣхъ сортовъ были нападки и идейные и личные, и спокойные и

озлобленные. Нападки, сыпавшіяся на Н. В., сводились главнымъ образомъ къ его яко-бы пристрастности, къ слишкомъ предвзятому взгляду на явленія русской жизни и намѣренному замалчиванію свѣтлыхъ явленій.

Въ нѣсколькихъ очеркахъ Н. В. отвѣчалъ на эти нападки, мы же обратимъ вниманіе только на то, что онъ не былъ пессимистомъ—и твердо вѣрилъ въ торжество идей добра и справедливости. Въ послѣднемъ своемъ очеркѣ Н. В., говоря о „восьмидесятилѣтіяхъ“ и ихъ направленіи, высказываетъ мысль, что мы присутствуемъ при ихъ отходной. И онъ вѣрилъ, что волна общественной жизни, опустившись внизъ, снова пойдетъ вверхъ и не только пойдетъ, но и идетъ.

И еще одинъ фактъ подчеркнемъ: Н. В. часто говорилъ: „я браню свое потому, что хочу, чтобы оно сдѣлалось лучше“. И смѣло можно сказать, что немногіе хотѣли этого „лучше“ такъ искренно и горячо.

О. Н. Попова.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Въ Смоленской губерніи на мельницы крестьяне привозятъ такой хлѣбъ, что стыдно въ руки взять: земли, мякины, всякой шелухи столько, что не увидишь зерна.—«Посмотри, что ты привезъ; какъ это молоть?»—говорятъ мужику, — а онъ съ добродушной проніей отвѣчаетъ: «Люди не свиньи, — съѣдятъ». Мужикъ хочетъ сказать, что даже свиньи не станутъ ѣсть того, что ѣдятъ люди. Хороша-же жизнь, вызвавшая такую иронію! Но бѣда не въ томъ, что человѣкъ можетъ упасть на самый низкій уровень требованій и привычекъ, а въ томъ, что онъ трудно поднимается. И бѣдность, какъ болѣзнь, входитъ пудами, а выходитъ золотниками.

Чистой ржи здѣшній мужикъ заготовляетъ немного, только для пироговъ, да и она всегда смѣшана съ землей и гнилью. Вторые сорта хлѣба крестьяне называютъ «половыми», потому что въ нихъ наполовину мякины и всякой дряни. Между половыми хлѣбами въ первомъ номерѣ стоитъ «половая рожь»; это—рожь, въ которой болѣе трети мякины, сору и земляной пыли. Когда мужикъ высыпаетъ такую половую рожь въ мельничный мѣрникъ, то поднимается пыль столбомъ, какъ на большой дорогѣ. За половой рожью слѣдуетъ «бѣлая субарь» — смѣсь ржи и ячменя съ мякиной и земляной пылью; «черная субарь» — смѣсь ржи, гречихи, овса, ячменя и земляной пыли; «блины»— смѣсь ячменя и гречихи; «кисель» — очень тонко смолотая овсяная мука, и наконецъ мука пшеничная, изъ хорошо провѣянной, промытой и высушенной пшеницы. Э[illegible] сорта хлѣба для человѣка. Отбросы, остающіеся при вѣяніи, идутъ въ «посыпку» на кормъ «надворнымъ свиньямъ», а надворными зовутъ молодыхъ свиниятъ, которыя еще не доросли до свободы, а потому ихъ держатъ дома. Съ замѣчательною предусмотрительностью мужикъ создалъ для своихъ хлѣбовъ послѣдовательную очередь въ употребленіи. Это цѣлая кулинарно-гастрономическая система, но принаровленная не для удовлетворенія вкуса, а для развитія и поддержанія рабочей силы. Мужикъ не ѣстъ свой хлѣбъ такъ «зря», онъ не позволитъ бабѣ печь хлѣбы, изъ какой муки ей вздумается, а она должна принаравливаться къ рабочему сезону. Какъ путешественникъ, отправляющійся къ сѣверному полюсу, старается набраться силъ, такъ поступаетъ и нашъ мужикъ, готовясь къ рабочей порѣ. Начиная съ ранней весны, и особенно во время сѣнокоса, когда приходится работать въ упоръ, мужикъ ѣстъ свои лучшіе хлѣбные запасы. Если у него вышелъ хлѣбъ, онъ и въ долгъ не возьметъ дурнаго хлѣба. На вопросъ: «какого тебѣ хлѣба — субари, ячменя, овса?» мужикъ всегда отвѣтитъ: «ржанаго-бы». Ему теперь нужна «крѣпкая» пища, и плохаго хлѣба мужикъ избѣгаетъ. Во время сѣнокоса у него на завтракъ въ скоромные дни идетъ «кулешъ», приготовленный изъ пшеничной муки, а въ постные— «кисель». «Кулешъ»— тотъ же кисель, но приготовленный не изъ овсяной, а изъ пшеничной муки. Полевая рожь и субарь — это осенніе и зимніе хлѣба, когда работа не требуетъ большихъ усилій, и нужда велитъ тощать. Но и для отощанія есть очередь. Осенью мужикъ ѣстъ половую рожь, затѣмъ переходитъ къ бѣлой субари и кончаетъ черной. Черная субарь—самый дурной и трудно варимый хлѣбъ, и его дѣлаетъ такимъ гречиха. Если-бы мужикъ отказался отъ половаго хлѣба, ему съ половины зимы нечего было бы и ѣсть. Но мужикъ очень хорошо знаетъ, что мякина—не хлѣбъ, и здѣшнія мельницы принаравливаясь къ спросу, мелятъ для мужика не то, что они стали бы молоть для петербургскихъ булочниковъ. Мужикъ требуетъ муки самой мелкой, такой, чтобы мякина измололась въ самый тонкій порошокъ. На нашей мельницѣ нѣмецъ-мельникъ началъ было молоть муку, какъ онъ привыкъ у себя «для высшихъ и культурныхъ» потребителей, но мужики нашли, что мука «не хороша».

Предѣломъ высшаго достоинства служитъ мука для киселя, но для низкаго сорта хлѣба предѣла нѣтъ, оттого-то мужикъ и говоритъ, что «люди не свиньи». Худой сортъ хлѣба иногда ничѣмъ не отличается отъ гнилой соломы, снятой съ крышъ. Почему это можетъ случиться, мужикъ знаетъ, да «ничего не подѣлаешь». Я уже говорилъ, что за помолъ крестьяне платятъ натурой (мельникамъ это не особенно нравится), и потому на мельницахъ скопляются всѣ кормы крестьянскаго хлѣба—тутъ и чистая рожь съ пескомъ, и половая, и субарь, и блины, и кисель, и посыпка. Хлѣбъ этотъ, собираемый мелочами, изображаетъ собою «статисти-

ческую» среднюю величину, съ нѣкоторою наклонностью къ минимуму достоинства, потому что «худыхъ» мужиковъ больше чѣмъ хорошихъ. Такого хлѣба, собираемаго гарнцами, бываетъ на большихъ мельницахъ за 1000 пудовъ. Собранный хлѣбъ размѣщается по сортамъ и хранится въ амбарахъ. Когда наступитъ весна, а съ нею и раздача хлѣба въ долгъ, мужики, соблюдая очередь, берутъ хлѣбъ ржаной, хорошій. Субарь же лежитъ и ждетъ очереди. Когда же, наконецъ, наступаетъ пора и для субари — она оказывается залежалой, старой и затхлой. На хорошихъ мельницахъ хлѣбъ сохраняютъ лучше, но въ хозяйствахъ маленькихъ, гдѣ амбары плохи, текутъ и сквозятъ, и хлѣбъ сберегается плохо. Въ дурной годъ, когда на мельницахъ и у владѣльцевъ хлѣба не много, отпускаются, наконецъ, всякіе поскребыши (и имъ рады мужики). Вотъ этотъ-то залежалый, затхлый и поскребенный хлѣбъ даетъ, когда его мелятъ, такой запахъ, что тошнитъ. И правъ мужикъ, что «ничего не подѣлаешь». Это какой-то несчастный и неисходный круговоротъ, начинающійся и кончающійся мужикомъ. Наготовивъ хлѣба, мужикъ его осенью и зимою смелетъ и выплатитъ мельницѣ натурой, потомъ тотъ-же хлѣбъ и съ той-же мельницы онъ возьметъ весной въ долгъ, но уже затхлый. Осенью возвратитъ долгъ свѣжимъ хлѣбомъ, а весной опять получитъ тухлятину. Мельница становится какъ бы запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ, и безконечная игра въ долгъ и отдачу ведется какъ бы только для освѣженія хлѣба — и, конечно, мельничнаго, потому что если на мельницѣ есть хлѣбъ, свѣжій и не свѣжій, то нужно думать, что мельникъ прибережетъ свѣжій хлѣбъ для продажи за деньги.

Попавъ въ это нескончаемое колесо, мужикъ рвется изъ него изъ всѣхъ силъ, хотя въ то же время и говоритъ, будто «ничего не подѣлаешь». Стихійно или не стихійно, сознательно или безсознательно, но мужикъ, какъ и пчела, умѣетъ найти медъ. Правда, у пчелъ бываетъ иногда медъ дурной и горькій и бываютъ года голодные, такъ что цѣлые ульи вымираютъ. Все это случается и съ мужикомъ, но тѣмъ не менѣе энергія его неутомимости въ отысканіи хоть горькаго куска хлѣба шагъ за шагомъ создаетъ новыя комбинаціи вещей, изъ которыхъ получаются и новые результаты. Не по прихоти вкуса ѣстъ мужикъ гнилую субарь, — а бѣдность, нужда, голодъ: мужикъ отлично знаетъ вкусъ не только чистаго ржанаго хлѣба, но и пшеничной булки, и вся его скучнооднообразная мускульная трудовая жизнь направлена къ этому скромному идеалу. И нельзя сказать, чтобы мужикъ къ нему уже и вовсе не подвигался, но онъ подвигается медленно, что со времени освобожденія едва-ли приблизился даже и на полъ-своего мужицкаго маленькаго шага. Когда освобождали крестьянъ, помѣщики боялись остаться безъ рабочихъ и потому приняли весьма предусмотрительныя мѣры, заключавшіяся въ томъ, что мужикъ получилъ земли меньше, чѣмъ ему нужно, чтобы ѣсть чистый черный хлѣбъ. Обѣ стороны остались въ такомъ положеніи: помѣщикъ безъ дароваго рабочаго, а мужикъ на черной субари. Мужику было сказано: «вотъ тебѣ Богъ, и вотъ тебѣ дверь, иди на всѣ четыре стороны». И, отправившись на всѣ четыре стороны, мужикъ увидалъ, что у него и пашни мало, и луговъ мало, и лѣсу мало, а выгону и совсѣмъ нѣтъ. Все это «мало» и «нѣтъ» оказалось въ «отрѣзкахъ», которые остались за крестьянскими землями, и вотъ на эти-то «свободные» отрѣзки и направилъ теперь мужикъ свое безсознательное (а можетъ быть и сознательное) мышленіе.

Несмотря на все разнообразіе «народовъ Россіи», племенное, климатическое, почвенное, всѣхъ ихъ соединяетъ одна общая мать — бѣдность, и одинъ общій всѣмъ идеалъ пшеничной булки. Общія условія «народовъ Россіи» вездѣ одинаковы, вездѣ у мужика мало земли и это «мало» нужно дополнить. Самый простой способъ дополненія того, чего не достаетъ, — способъ впрочемъ старый — заключается въ томъ, что мужикъ беретъ то, чего ему недостаетъ, въ аренду. Но для этого нужно изобрѣсть что-нибудь другое. И вотъ безденежный мужикъ придумалъ два компромисса: онъ беретъ землю «исполу» или «кругами» и «гнѣздами». Исполу сдаетъ землю только «прогорающій» владѣлецъ, но владѣлецъ, у котораго найдется сотня—другая, этого дѣлать не станетъ, а сдаетъ землю кругами или гнѣздами. Способъ этотъ явился послѣ освобожденія во многихъ мѣстностяхъ, но удержался не вездѣ. Тамъ, гдѣ теперь трехъ-польная система смѣнилась многопольной, онъ исчезъ.

Гнѣздовая обработка заключается въ томъ, что нѣсколько семействъ составляютъ артель и за условную плату обрабатываютъ извѣстное пространство земли, которое и называется «гнѣздомъ» или кругомъ. Въ «кругѣ» обыкновенно бываетъ три десятины земли — десятина озимая, десятина яровая и десятина луговая. За обработку крестьяне кромѣ денегъ получаютъ или сѣнокосъ, или выгонъ, или право пастьбы. Для землевладѣльца такой способъ обработки очень выгоденъ; не нужно ему имѣть ни плуговъ, ни сохъ, ни боронъ, ни лошадей, ни косъ, ни грабель. Все это принесутъ, привезутъ и приведутъ крестьяне свое собственное. Владѣлецъ же, не заботясь ни о чемъ, можетъ, какъ и при крѣпостномъ правѣ, сидѣть спокойно у себя дома и курить папиросы, или же выѣхать въ поле только для прогулки.

Въ нашей мѣстности обрабатываютъ этимъ способомъ землю всѣ землевладѣльцы, даже такіе, у которыхъ земли болѣе 1,000 десятинъ, значитъ въ каждомъ полѣ десятинъ по сту. Въ окружности 50 верстъ у насъ живетъ 15 владѣльцевъ и всѣ они, кромѣ того, сдаютъ землю «гнѣздами». Только одинъ, составляющій исключеніе, сдаетъ «исполу», но уже это печальный признакъ, указывающій на начало конца. Обыкновенно за обработку гнѣзда мужики берутъ отъ 20 — 30 рублей, иногда даже и дешевле, если деревня окружена такими отрѣзками, безъ которыхъ мужикамъ совсѣмъ зарѣзъ. Въ такихъ случаяхъ бываетъ, что крестьяне обра-

батываютъ землю даромъ, только бы имъ воспользоваться отрѣзками. Если сосчитать всю работу, то мужику съ лошадью придется отъ 15 до 20 к. въ день страдной поры, когда кромѣ землевладѣльца онъ долженъ спѣшить работать на себя. Даже бабы поденщины получаютъ 20 к., да и тѣ недовольны. Былъ я свидѣтелемъ такого случая. Во фруктовомъ саду очищали и окапывали яблони. Чтобы сносить сучья, были наняты мальчики по 25 коп. въ день, а для соскабливанія съ яблонь моха—женщины по 20 коп. въ день. Мальчишки, въ качествѣ взрослыхъ мужиковъ, начали трунить надъ дѣвками и бабами, что имъ даютъ дешево, а что вотъ «мужикамъ», за работу болѣе легкую, платятъ дороже. Насмѣшка подѣйствовала, дѣвки и бабы обидѣлись, и сдѣлавъ бунтъ, потребовали прибавки. Ну, конечно, этотъ бунтъ кончился, какъ кончаются всѣ бунты изъ-за заработной платы. Недовольныхъ разсчитали, а «довольныя» согласились ходить по 20 коп. Мораль этого случая та же, что и для «круговой» обработки. Захочетъ мужикъ спросить дороже, и ему совсѣмъ откажутъ отъ работы. «Вѣдь вы же знаете, что это дешево?» спрашиваемъ мужиковъ. «Знаемъ»—отвѣчаютъ они.—«Зачѣмъ же вы идете?»—«Да ничего не подѣлаешь». И, дѣйствительно, ничего не подѣлаешь. Есть тутъ деревня, которой безъ отрѣзковъ ни впередъ, ни назадъ, даже скота некуда выгнать. Сосѣди вздумали спросить дороже и за такую грубость отрѣзковъ не получили, и были они сданы болѣе отдаленнымъ крестьянамъ; словомъ, съ мужиками было поступлено совершенно какъ съ тѣми бабами, надъ которыми смѣялись мальчишки. Но вѣдь тутъ уже не смѣхъ, что если мужикъ въ страду не захочетъ работать за 15—20 к. въ день, то останется не при чемъ. И хотя бы этимъ и кончилось, а то пойдутъ «утѣсненія» и скотъ все лѣто держи чуть не въ избѣ. Есть землевладѣльцы, которые думаютъ, что мужикъ, понявъ, какъ не выгодна гнѣздовая обработка (точно онъ этого и теперь не понимаетъ!) наконецъ отъ нея откажется, и землевладѣльцы безъ рабочихъ. Но, поговоривъ съ крестьянами, видимъ, что одного пониманія для этого еще мало. Мужикъ не цѣнитъ свой трудъ и не въ такихъ привычкахъ, чтобы цѣнить его. Всѣ условія его жизни и даже сама природа не пріучила его къ экономіи труда. Лошадь у него безсильная, телѣженка маленькая, дороги зимой и лѣтомъ скверныя, разстоянія огромныя,—ну какъ при такихъ условіяхъ ему беречь свои руки, ноги и плечи? Сосчитайте, напримѣръ, какого труда ему стоитъ произвести на свѣтъ черную субарь? Съ затратой той же силы онъ могъ бы имѣть пшеницу, арбузы, чуть не гаванскій табакъ. Какъ же мужику не видѣть, что цѣна его труду — нуль. Ему, напримѣръ, въ отрѣзкахъ не трудъ важенъ, а чтобы были у него отрѣзки и не было бы «утѣсненія», тутъ ему дорого еще и моральное благо, за которымъ онъ гонится. Конечно, ему важенъ и выгонъ, важно и сѣно на зиму, но что сѣно ему обойдется во столько, что онъ могъ бы выстроить пирамиду Хеопса, онъ и думать не станетъ, а только махнетъ рукой и отвѣтитъ своей стереотипной фразой: «ничего не подѣлаешь». «Условія успѣшности труда», какъ ихъ понимаютъ люди, у которыхъ есть превосходныя дороги, отличныя лошади, прекрасныя машины и не наши порядки, у насъ являются величиной, для которой нѣтъ никакихъ вѣсовъ. Вотъ, если мужикъ добылъ себѣ отрѣзокъ, значитъ трудъ его былъ успѣшный. Спросите мужика, трудна ли была ему обработка, онъ отвѣтитъ: «трудна», но совершенно такъ же, какъ отвѣтитъ сибирякъ, когда вы спросите его зимой, — «холодно-ли»? —Холодно, скажетъ онъ, и вы уже узнаете, что на дворѣ 40°, а то, пожалуй, и 50°.

Пока мужику нужны обрѣзки, онъ едва-ли откажется отъ гнѣздовой обработки, какъ-бы она ни была ему тяжела. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи эта система тоже практиковалась первое время послѣ освобожденія. Но когда владѣльцы перешли къ шести-и восьми-польному хозяйству съ клеверомъ, обработка гнѣздами прекратилась, потому что оказалась невыгодной для владѣльцевъ и невозможной для мужиковъ. Для владѣльцевъ была невыгодна мелкая вспашка сохами, а мужикамъ оказалось не подъ силу поднимать задернѣлую землю, стоявшую подъ клеверомъ 5—6 лѣтъ. Такъ круги и прекратились. Прекращеніе это было «естественнымъ» слѣдствіемъ новыхъ земледѣльческихъ условій, а въ нашей мѣстности причинъ для подобнаго слѣдствія и нѣтъ, и не предвидится. У насъ хозяйство трехпольное, ведется оно по старому, и рѣшительное большинство владѣльцевъ не желаетъ улучшеній, потому что безъ затратъ и безъ лишнихъ хлопотъ не введешь. При такихъ скромныхъ желаніяхъ владѣльцевъ самъ Богъ послалъ имъ гнѣздовую обработку. Правда, что крестьяне съ гнѣздами хозяйничаютъ по своему, по деревенски, не лучше и не хуже, безъ всякой «интенсивности». Но вѣдь если владѣльцамъ и не нужно ничего лучшаго и клевера они сѣять не станутъ, то нужно думать, что при этихъ условіяхъ мужикъ еще долго будетъ нуждаться въ отрѣзкахъ и обработывать земледѣльческія гнѣзда.

Владѣлецъ, обрабатывающій свою землю гнѣздами, сидитъ, какъ у Христа за пазухой. Имѣя 50 десятинъ въ полѣ, онъ получитъ чистаго дохода до 3 т. р. И во все время, что на него работаютъ, онъ не шевельнетъ палецъ о палецъ и только куритъ папиросы. И зачѣмъ тутъ еще какія-то улучшенія, когда и такъ хорошо? Владѣлецъ не только ничѣмъ не рискуетъ, не держитъ инвентаря, не имѣетъ никакихъ расходовъ,—ему и думать даже не зачѣмъ. Одно неизбѣжно—имѣть рогатый скотъ, потому что навозъ долженъ быть отъ владѣльца. Но скотъ дастъ владѣльцу густыя ароматическія сливки къ кофе и прекрасное, душистое сливочное масло. На огородахъ и парникахъ растетъ чего только душа не пожелаетъ: спаржа, рѣдька, цвѣтная капуста, сахарный горошекъ, всякія ягоды, даже мамура, а въ садахъ: яблоки, груши, вишни, сливы. Птицы въ хозяйствѣ какой хочешь: куры, гуси, утки, куры высижи-

ваютъ по 200 цыплятъ. Осенью коптятся окорока, гусиныя лопатки, заготовляется всякіе маринаты и соленье, варится варенье всякихъ сортовъ. Это-ли не жизнь! Лѣтомъ же (а лѣто здѣсь хорошее), сидя на балконѣ и попивая утренній кофе съ душистыми сливками, можно любоваться разными красивыми сельскими картинами, напримѣръ, картиной сѣнокоса, когда косцы въ красныхъ рубахахъ, дружными сильными взмахами косъ кладутъ рядами скошенную траву, или, наработавшись, садятся кругомъ и полдничаютъ «кулешомъ» или гороховымъ киселемъ... Теперь только въ домашней прислугѣ соблюдается экономія, но если владѣлецъ не окончательно безпутный человѣкъ, то жить ему можно хорошо, спокойно, въ свое удовольствіе и при среднемъ даже имѣніи держать для дѣтей гувернантку-нѣмку. Такъ и живутъ здѣсь владѣльцы. Жизнь стала только меньше парадна, дома какъ будто сѣрѣе съ виду, внутри меньше убранства и щегольства; но всѣ владѣльцы, которыхъ я здѣсь знаю и вижу, держатъ поваровъ, кучеровъ и гувернантокъ или гувернеровъ. Деревня и теперь рай для того, у кого она есть; въ нашей мѣстности всѣ владѣльцы живутъ зиму и лѣто въ деревнѣ и не промѣняютъ деревни на городъ. Слава Богу, съ освобожденія прошло уже 24 года, времени довольно, чтобы уравновѣситься и притереться къ новымъ условіямъ; успѣло даже вырости новое поколѣніе, а толки все не прекращаются о какой-то захудалости и разореніи. Да вѣдь кто въ четверть вѣка не съумѣлъ найти себѣ мѣста въ природѣ и настоящаго дѣла, тому не только государственный кредитъ, но и двухсотъ-тысячный выигрышъ ничего не поможетъ

Для мужика гнѣздовая обработка пока неизбѣжна, прежде всего потому, что она выручаетъ его изъ денежной нужды. Мой сосѣдъ, напримѣръ, сдаетъ 55 гнѣздъ и за каждое платитъ по 27 р. По условію половина денегъ должна быть отдана въ мартѣ, а другая половина—по окончаніи работъ. Значитъ, весною крестьяне не получатъ 742 р. 50 к., да столько же осенью. Вотъ они и заплатятъ всѣ подати и налоги. Вообще здѣшній мужикъ въ деньгахъ очень нуждается, заработывать же онъ ихъ можетъ только грубымъ мускульнымъ трудомъ. И на это есть причина. Въ другихъ уѣздахъ, гдѣ земля плоха или ея и совсѣмъ мало, мужики плотничаютъ, коновалятъ и уходятъ на заработки въ сторону. У насъ въ губерніи есть такія волости, гдѣ всѣ, отъ мала до велика, уходятъ на плотничьи работы, а дома остаются только бабы да старики. Бабы пашутъ, косятъ и исполняютъ всѣ мужицкія работы, только одного онѣ не умѣютъ: точить и приводить въ порядокъ земледѣльческихъ орудій; вотъ этимъ-то и занимаются старики. Но въ нашей мѣстности земля хорошая, хотя ея мало, мужикъ можетъ найти дѣло дома и потому онъ сохранилъ типъ чистаго земледѣльца и живетъ только земледѣльческимъ заработкомъ. Поэтому у насъ и въ батракахъ не бываетъ недостатка. У насъ батраковъ держатъ не только владѣльцы, но и крестьяне. На сѣверѣ и въ подмосковскихъ губерніяхъ крестьянинъ, нанимающій работника, непремѣнно богатъ; онъ и чай пьетъ по нѣсколько разъ въ день, да и самъ похожъ на самоваръ. Здѣсь батраковъ держатъ и средніе крестьяне. Напримѣръ, нашъ лѣсникъ, человѣкъ ужъ совсѣмъ небогатый (оттого онъ и въ лѣсники пошелъ) чаю никогда не пьетъ (чего здѣсь и въ заводѣ нѣтъ) и на самоваръ не похожъ, а батрака держитъ. За охраненіе лѣса онъ получаетъ 100 р., 40 р. платитъ батраку, помогающему ему въ хозяйствѣ (безъ батрака онъ опустошилъ бы хозяйство), а 60 р. остаются на всякіе расходы.

Первое время послѣ освобожденія охотниковъ въ батраки было менѣе, а теперь ихъ стало больше. Это оттого, что народу прибавилось, а земли нѣтъ. Въ деревняхъ, гдѣ крестьяне не дѣлятся и живутъ большими семьями, всегда найдутся въ домѣ 1—2 человѣка, которымъ на своемъ надѣлѣ дѣлать нечего. Въ батраки идутъ еще и отставные солдаты, а то и крестьяне по какому-нибудь случайному обстоятельству. Вообще батрачество въ жизни крестьянина случайность, а не состояніе, тѣмъ болѣе постоянное. Есть люди, которые считаютъ батрачество для себя болѣе выгоднымъ, чѣмъ крестьянство. У насъ, напримѣръ, живетъ солдатъ, уволенный изъ службы по малосилію; деревенскія работы ему трудны и онъ уступилъ свой надѣлъ брату, самъ же пошелъ въ батраки. Въ первый годъ онъ получалъ 50 р., а теперь (3 годъ) получаетъ 70 р. Солдатъ этотъ состоитъ у насъ при «искусствахъ»: онъ немножко плотникъ, немножко столяръ, немножко маляръ и стекольщикъ. Однимъ словомъ, парень съ «умными руками» и для его талантовъ имѣется всегда обширное поле. Въ глухомъ мѣстѣ, изъ котораго никуда не доскачешь, искусный человѣкъ дорогъ, и Андрей, хотя онъ во всѣхъ «искусствахъ» только—«немножко»—чистый кладъ. Въ крестьянской деревнѣ «умнымъ рукамъ» Андрея дѣлать было бы нечего, потому что здѣшній крестьянинъ живетъ «натуральнымъ» хозяйствомъ и дѣлаетъ все самъ. Недавно Андрей совѣтовался со мной, куда бы ему лучше положить 100 р., которые онъ прикопилъ (Андрей ужасно скупъ: не пьетъ, не куритъ, живетъ «монахомъ») въ банкъ-ли, въ ссудо-сберегательное товарищество или купить государственный билетъ. Много и долго мы соображали этотъ вопросъ и, разсмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, рѣшили, что лучше положить въ государственный банкъ, по именному билету, потому что даже если билетъ и украдутъ, деньги все-таки не пропадутъ. Проценты Андрея не плѣняли. Андрей для города не годится, у насъ же жить ему легко, а деньги прикапливаются. Вѣроятно, между крестьянами найдутся и многіе, которые, какъ Андрей, идутъ въ батраки, по спеціальнымъ личнымъ причинамъ. Однимъ словомъ если бы владѣльцамъ понадобились батраки, то нужно думать, что ихъ нашлось бы довольно.

Пока же владѣльцы въ батракахъ не нуждаются и держатъ ихъ въ небольшомъ числѣ. Обыкновенный штатъ средняго владѣльческаго имѣнія: скотникъ съ нѣсколькими скотницами (сосѣдъ, о кото-

ромъ я говорилъ, держитъ 150 головъ рогатаго скота, по здѣшнему этотъ владѣлецъ, пожалуй, крупный); пастухъ, 3—4 батрака (одинъ изъ нихъ старшій), кучеръ, поваръ, «хозяйка» (стряпуха для служащихъ), одна или двѣ прачки, горничная; съ женами и дѣтьми наберется человѣкъ 20—25—30. Съ такимъ штатомъ и гнѣздовой обработкой земли владѣлецъ имѣетъ все, что ему нужно и въ новомъ кредитѣ не нуждается. Да ни одинъ настоящій хозяинъ нашей мѣстности къ нему и не обратится. Для оборота ему весной совсѣмъ довольно 200—300 р., а такія деньги у хозяина всегда есть.

Но положеніе крестьянина другое. Владѣлецъ ни въ чемъ не нуждается, даже дешевый кредитъ ему не нуженъ, а крестьянинъ въ землѣ нуждается и компромиссъ, на которомъ онъ пока остановился, держитъ его на полбовомъ хлѣбѣ, да на субари. Положеніе крестьянскаго труда совершенно не нормальное и какое же это нормальное положеніе, если мужикъ съ лошадью зарабатываетъ въ день 20 к., а бабы пашутъ землю и косятъ траву, мужики же ни пахать, ни косить не умѣютъ («никто изъ насъ этого не умѣетъ» говорили мнѣ плотники). Однако не слышно, чтобы здѣшніе мужики собирались переселяться; для этого нужно, должно быть, еще худшее положеніе, но къ крестьянскому банку они обращаются и не далѣе, какъ на дняхъ, мнѣ разсказывалъ мужикъ, какъ съ ними случился грѣхъ. Купили они въ банкѣ на торгахъ 206 десятинъ (это по плану и описи), а въ натурѣ земли оказалось 124 дес. Такъ-ли все это, въ чемъ недоразумѣніе,—мужикъ объяснить не могъ, но что-то такое, что требуетъ разъясненія, тутъ есть. Вообще здѣшній мужикъ ходитъ за землей, какъ охотникъ за зайцемъ, и если, какъ говорятъ, земля есть «орудіе производства», то нашъ мужикъ похожъ немножко на плотника, у котораго есть все, кромѣ топора.

II.

Введенъ новый налогъ на процентныя бумаги, и вслѣдъ за тѣмъ къ намъ пришли «окладные листы денежныхъ земскихъ повинностей, слѣдующихъ къ поступленію въ 1885 году». Думаю, что это вполнѣ достаточная причина, чтобы поговорить о налогахъ.

Да, читатель, у насъ дѣйствительно все не такъ, какъ у добрыхъ людей, хотя несомнѣнно, что со временемъ и у насъ станетъ «такъ». Всякій изъ насъ знаетъ наизусть, что народъ нашъ подавленъ налогами. Объ этомъ вотъ, уже тридцать лѣтъ, пишется во всѣхъ газетахъ и во «внутреннихъ обозрѣніяхъ» всѣхъ толстыхъ журналовъ, и наконецъ теперешнее министерство финансовъ податной вопросъ поставило на очередь преобразованій. Тому же, кто живетъ въ деревнѣ, лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстно, что мужикъ отдаетъ кому-то и куда-то всѣ свои деньги и никогда у него не найдется свободнаго гроша. Но вотъ я просматриваю государственную роспись на 1885 годъ и оказывается, что если мужикъ и не живетъ какъ бы въ царствіи небесномъ, свободно отъ всякихъ платежей, то нельзя также сказать, чтобы и платилъ онъ ужъ очень много. Прямые налоги, т. е. то, что берется прямо съ мужика (подати, поземельный и лѣсной налоги), составляютъ 110 милліоновъ. Это значитъ, что на каждаго мужика (считая ихъ 50 мил.), приходится по 2 руб. Предполагая даже (а это такъ и въ дѣйствительности), что взрослые платятъ за стариковъ и дѣтей, все-таки прямые налоги составляютъ на каждаго плательщика отъ 3-хъ до 4-хъ рублей. Это платить еще можно, и если у мужика нѣтъ въ карманѣ ни гроша, то давятъ, значитъ, не прямые налоги. Что-же, въ такомъ случаѣ давятъ налоги косвенные? Косвенныхъ налоговъ у насъ, дѣйствительно, вчетверо больше, чѣмъ прямыхъ, но и они, какъ будто, проходятъ надъ головой мужика. Въ Европѣ этого нѣтъ; тамъ отъ косвеннаго налога не избавишься и никуда не убѣжишь, а у насъ избавиться можно. Нашъ мужикъ (за немногими исключеніями) какъ есть еще «натуральный мужикъ» и можетъ прожить цѣлый свой вѣкъ, не заплативъ ни копѣйки косвеннаго налога. Одѣвается онъ въ звѣриную шкуру, которую снимаетъ съ доморощеннаго барана; лапти онъ плететъ изъ лыка, за которымъ ходитъ въ сосѣдній лѣсъ; рубашку ткетъ ему баба изъ домашняго льна или конопли; хлѣбъ, капуста, картошка, сало, свинина, баранина, а подчасъ и мясо, все это тоже домашнее. И если мужикъ не пьетъ водки (а такихъ не мало), то, подобно Робинзону Крузе и другу его, Пятницѣ, онъ можетъ прожить совершеннымъ дикаремъ, не внося ни малѣйшей лепты на алтарь отечества, или, проще, въ государственное казначейство.

Пока нашъ Робинзонъ живетъ внѣ цивилизаціи, косвенные налоги его совсѣмъ не касаются (если онъ не будетъ пить водки), но они сейчасъ же начинаютъ преслѣдовать его, какъ только онъ вздумаетъ завести самоваръ, купить чаю, сахару, вмѣсто лаптей носить сапоги, вмѣсто звѣриной шкуры—суконное пальто и вмѣсто посконн—ситцевую рубашку. Чѣмъ къ бо́льшимъ удобствамъ жизни будетъ стремиться человѣкъ, тѣмъ больше будутъ его преслѣдовать косвенные налоги, точно они придуманы для того, чтобы человѣкъ не желалъ никогда ничего лучшаго и всегда бы сохранялъ звѣрный образъ. Перейдя изъ прямыхъ налоговъ въ косвенные и сдѣлавшись вкладчикомъ въ доходъ питейный, въ акцизъ съ табаку, въ акцизъ съ свеклосахарнаго производства и въ доходъ таможенный, оцивилизовавшійся Робинзонъ вступаетъ въ слѣдующую степень развитія, по которой съ него требуются очень разнообразныя пошлины. Какую-бы онъ ни выдумалъ теперь сдѣлать сдѣлку, за каждую онъ долженъ заплатить пошлину или гербовую, или крѣпостную, или судебную или канцелярскую. Онъ платитъ за мѣстожительство, платитъ если вздумаетъ оставить это мѣстожительство и отправится въ другое по желѣзной дорогѣ, и на новомъ мѣстѣ опять заплатитъ. Вздумаетъ ли

онъ построитъ домъ, онъ долженъ за это заплатить, вздумаетъ застраховать его отъ огня, долженъ заплатить. Даже за простое удостовѣреніе, что онъ Иванъ, если Иванъ, а не Семенъ, не Андрей, или что довѣренность на полученіе рубля съ почты написана его рукой онъ долженъ заплатить. Оцивилизовавшись и ставъ грамотнымъ, скопивъ коекакіе «деньжата» и вступивъ въ «сношеніе съ людьми», Робинзонъ является теперь вкладчикомъ въ ту рубрику налоговъ, которая зовется «государственными регаліями» (это государственныя монополіи) и такъ или иначе участвуетъ въ горной подати, въ доходѣ монетномъ, почтовомъ, телеграфномъ. Чѣмъ больше у него является сношеній, тѣмъ больше онъ платитъ. Какъ велики будутъ, наконецъ, эти платежи, ни онъ самъ ни даже лучшіе счетчики казенной палаты и казначейства не съумѣютъ выложить на счетахъ. Но вся эта совокупность мелкихъ и повсюдныхъ платежей, не поддающихся никакому учету, вмѣстѣ съ «курсомъ» составятъ то, что извѣстно подъ названіемъ «теперешней дороговизны жизни» (каждый знаетъ и очень хорошо). И только тогда, когда деревенскій Робинзонъ станетъ банкиромъ и выстроитъ себѣ на Кузнецкомъ мосту или на Невскомъ проспектѣ палацco съ цѣльными зеркальными окнами, онъ перестанетъ чувствовать мелкіе уколы косвенныхъ налоговъ и успокоится на 5-ти процентномъ платежѣ съ своихъ милліонныхъ доходовъ.

Косвенные налоги не чувствительны для богачей и минуютъ тѣхъ, кто, имѣя звѣриный образъ, ходятъ еще въ звѣриныхъ шкурахъ; но они невыносимы для тѣхъ, кто умѣщается между этими двумя крайностями, и тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ плательщикъ ближе къ звѣриной шкурѣ. Даже питейный доходъ, такой повидимому—страшный и о тягости котораго такъ много писали и пишутъ (онъ сталъ теперь еще тягостнѣе), потому что онъ составляетъ 246 мил., не особенно тяжелъ для человѣка деревни. Питейный налогъ—налогъ больше городской, налогъ на городскихъ и фабричныхъ рабочихъ, да пригородныхъ обитателей. Настоящій землевладѣлецъ, живущій настоящимъ хозяйствомъ, хотя тоже не «кисейная барышня» и выпить иногда можетъ много, но онъ дѣлаетъ это только въ особыхъ случаяхъ, какъ свадьбы, крестины, похороны, большіе праздники. Поэтому съ 246 мил. съ землевладѣльцевъ едва-ли придется получить больше половины, т. е. милліоновъ 120. Приложивъ ихъ къ 110 мил. прямыхъ налоговъ, получимъ 230 — 250 мил. или на плательщика 5 — 6 рублей. Вотъ и все, чѣмъ деревенскій мужикъ участвуетъ въ государственной росписи и въ платежахъ на правительственныя надобности.

Но есть еще отдѣлъ платежей, которыхъ городской обитатель не знаетъ, которыхъ въ государственной росписи не значится и которые повергаютъ деревенскаго жителя въ самое меланхолическое настроеніе; это—тѣ платежи, которые мы производимъ по земскимъ окладнымъ листамъ и по выкупу, лежащему на землѣ. Горше этихъ платежей нѣтъ ничего для мужика. Если мужикъ покупаетъ полштофъ водки и платитъ за него 40 к., то припоминая, что лѣтъ 25 тому назадъ за эти деньги можно было-бы купить штофъ, мужикъ говоритъ, что водка вздорожала; но покупая хоть и дорогую водку, онъ все-таки покупаетъ водку. И при платежѣ всякихъ другихъ косвенныхъ налоговъ можетъ быть рѣчь только о вздорожаніи, но предметъ налога, какой-бы онъ тамъ ни былъ, худой или хорошій, дешевый или дорогой, всегда есть на лицо. Косвенные налоги, падающіе на предметъ потребленія, можно обвинить въ томъ, что они понижаютъ уровень требованій и вмѣсто настоящихъ предметовъ пріучаютъ къ суррогатамъ и всякимъ подмѣсямъ. Ради дешевизны покупается дрянь, но и дрянь эта все-таки предметъ, а не фикція, которую не съѣшь, не выпьешь и домой не принесешь.

Но совсѣмъ иначе съ налогами земскими (за которые, впрочемъ, совершенно несправедливо обвиняютъ земство) и съ выкупными платежами. Налоги эти выплачиваются большею частью за блага чисто фиктивныя. Просмотрѣвъ окладной листъ, по которому я и мои сосѣди (мужики и не мужики) должны внести налогъ, мы не нашли ни одного реальнаго блага, которое хоть бы чѣмъ-нибудь украсило или успокоило нашу жизнь. А между тѣмъ этихъ благъ въ листѣ ровно 18! Тутъ и губернскія повинности, обязательныя и не обязательныя (содержаніе чего-то, что, однако, въ окладномъ листѣ не означено), содержаніе богоугоднаго заведенія, содержаніе воинскаго присутствія, содержаніе мировыхъ крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій, содержаніе земскаго управленія (5,725 руб.), наемъ квартиръ (содержаніе) для станового, исправника, слѣдователя, наемъ (содержаніе) сотскихъ и десятскихъ. Затѣмъ идетъ подводная повинность (3,647 р.), дорожная повинность (гдѣ-то въ краю уѣзда есть кусочекъ какого-то большака, по которому никто изъ насъ не ѣздитъ, наши же проселки и мосты мы чинимъ натурой), общественное призрѣніе, народное здравіе, народное образованіе. Послѣ перечисленія всѣхъ этихъ благъ, внизу листа крупными и жирными буквами напечатано: «на удовлетвореніе таковыхъ расходовъ, назначено по раскладкѣ къ сбору по $17^1/_4$ коп. съ доходнаго рубля». Подумаешь, что мы какіе-то Ротшильды и можемъ сорить деньгами направо и налѣво. Живемъ мы совсѣмъ въ затолочьи и такихъ затолочій, лежащихъ вдали отъ городовъ «большаковъ» и желѣзныхъ дорогъ въ Россіи десятки тысячъ. Не говоря уже про цивилизацію, за которую мы платимъ и которую мы не видимъ, но еще не было примѣра, чтобы даже холера забралась къ намъ, до того русскія затолочья удалены отъ всякихъ центровъ и не имѣютъ съ ними никакихъ сношеній. Въ цѣлый годъ (почти), что я здѣсь, я не слыхалъ о пріѣздѣ ни исправника, ни станового, ни урядника, ни члена управы, ни доктора, ни фельдшера, ни мирового, ни слѣдователя. Конечно, оно дѣлаетъ честь нашему поведенію и доставляетъ намъ спокойствіе; но не слишкомъ ли мы уже дорого платимъ на содержаніе нашего уѣзднаго правительства, котораго никогда не видимъ и безъ котораго прекрасно обходи-

лись? И нашъ докторъ (воображая себя тоже правительствомъ) никогда къ намъ не заглядывалъ, даже когда ему пишутъ, что на дѣтей моръ. А между тѣмъ на «народное здравіе» мы выплачиваемъ 6,898 р. Или, можетъ быть, мы никогда не хвораемъ, не порубаемъ себѣ рукъ и ногъ? На это можно дать такой отвѣтъ.

Первое время земство отдало все свое вниманіе народному здравію и сдѣлало очень много для развитія земской медицины, но это «много» было вмѣстѣ съ тѣмъ и очень «мало». На губернскія и уѣздныя больницы истрачены милліоны, на нихъ отдавали свои средства и жители затолочій, никогда не видавшіе ни этихъ больницъ, ни больничныхъ докторовъ; чтобы земская медицина могла принести пользу всѣмъ затолочнымъ и не ограничиваться только резиденціей въ городахъ, вмѣсто десятковъ милліоновъ необходимо было бы потратить сотни милліоновъ. Но гдѣ ихъ взять? Мужикъ, по своимъ средствамъ, можетъ заплатить доктору визитъ куринымъ яйцомъ, а доктору и полторы тысячи рублей жалованья въ годъ мало. Правъ и мужикъ, но правъ и докторъ. Какой-же выходъ? что тутъ дѣлать? И выходъ нашелся: земскій врачъ перестал быть идеаломъ, земская медицина вышла изъ моды, а народное здравіе оказалось предоставленнымъ «само себѣ». Въ этомъ моментѣ мы теперь и пребываемъ. Но предоставить народное здравіе самому себѣ—значитъ всѣхъ насъ заставить лѣчить другъ друга. Такъ мы и поступаемъ. Въ деревнѣ нельзя жить безъ того, чтобы не сдѣлаться лѣкаремъ; но какъ только вы вылѣчили удачно одного — двухъ, вашъ домъ превращается въ лѣчебницу для приходящихъ. И гнать больныхъ нельзя; придетъ къ вамъ мальчикъ съ обрубленными пальцами, баба съ порѣзанною серпомъ рукою, плотникъ съ порубленной рукой; во всѣхъ этихъ случаяхъ нужна не только помощь, но и быстрая помощь. И у насъ (тамъ, гдѣ я живу) вышла этимъ случайнымъ путемъ амбулаторія, и вотъ до какого размѣра она развилась. Въ маѣ мѣсяцѣ къ намъ приходило больныхъ: лихорадкой 130 человѣкъ (всѣ по одному разу и получали хининъ), глазами 10 человѣкъ, головными болями 4 чел., ожогами 1 чел., кашлемъ 11, поносами и желудками 17, ранами 11, всего 184 чел. Больные приходили изъ окружности 10 верстъ.

Такимъ образомъ, внося въ земскій бюджетъ $17^1/_4\%$ подоходнаго налога, и не получая за это ровно ничего, мы не только въ народномъ здравіи, но и во всемъ предоставлены самимъ себѣ. Мы сами себя лѣчимъ, сами охраняемъ себя отъ воровъ, разбойниковъ и конокрадовъ, сами чинимъ и поправляемъ свои дороги, сами наблюдаемъ за общественною нравственностью и вообще самоуправляемся, какъ американцы. Въ этомъ отношеніи русскія затолочья представляютъ весьма своеобразную противоположность русскимъ городамъ, гдѣ ужасно много управляютъ, слѣдятъ, надзираютъ. Можно подумать, что наши города за то и платятъ такъ много, чтобы ими управляли, а затолочья своими непроизводительными налогами точно откупаются отъ всякаго надзора и управленія. Можетъ быть все это и не такъ, но оно такъ кажется.

У Г. есть одинъ разсказъ съ весьма глубокимъ общественно-психологическимъ смысломъ. Въ какомъ-то кавалерійскомъ полку (это было очень давно, кажется при Александрѣ I) служилъ командиромъ пруссакъ формалистъ, служака и настоящій вахтпарадный офицеръ. Онъ былъ до того строгъ съ неумѣлыми солдатами, и вовсе не отъ злого сердца, а такъ—для порядка и дисциплины, что не только солдаты, но унтеръ-офицеры и даже вахмистръ не смѣли подходить къ нему, иначе какъ съ музыкой. А «съ музыкой» значило то, чтобы у дрожащихъ отъ страха солдатъ звенѣли колечки шпоръ. Если-же солдатъ не былъ проникнутъ спасительнымъ страхомъ и подходилъ безъ музыки, пруссакъ его тутъ-же на мѣстѣ преступленія наказывалъ фухтелями. Эта холодная, тупая, безполезная жестокость возмутила наконецъ до того всѣхъ офицеровъ полка, что товарищи сговорились сдѣлать пруссаку замѣчаніе. Одинъ изъ офицеровъ сказалъ ему, что онъ вѣроятно самъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ и что значитъ фухтель. Пруссакъ сталъ горячиться.—«Да вы не выдержите и десяти фухтелей!» говорятъ ему. — «Пари на дюжину шампанскаго», отвѣчаетъ пруссакъ.— «Идетъ». Выбрали офицера повыше и посильнѣе, пруссакъ снялъ сюртукъ, и офицеръ, обнаживъ саблю, влѣпилъ ему плашмя въ спину 10 ударовъ. Пруссакъ выдержалъ, не поморщась. «Господа», сказалъ онъ, надѣвъ сюртукъ,—«вы видите, что я выигралъ пари, хотя мнѣ это было очень трудно; но къ дюжинѣ, которую я выигралъ, я ставлю еще дюжину и даю вамъ честное слово, что не буду больше наказывать солдатъ».

Вотъ и мы, образованные, имѣемъ очень часто о налогахъ и курсѣ такое-же понятіе, какъ этотъ пруссакъ о фухтеляхъ. Должно быть налоги и курсъ тоже нужно почувствовать на себѣ, чтобы вѣрно оцѣнить непосильную и невыносимую тяжесть, какой они ложатся на платящихъ. Ну что такое курсы, читатель? Въ биржевой хроникѣ газеты вы читаете, что на Лондонъ, на 3 мѣсяца, курсъ $24^3/_8$, на Парижъ $257^5/_8$, на Берлинъ 207. Вѣдь это только цифры; но чтобы почувствовать эти фухтеля на собственномъ тѣлѣ, нужно ихъ испытать. Когда человѣкъ, принеся 1,000 рублей въ банкирскую контору, попроситъ размѣнять ихъ по курсу и когда ему дадутъ только 600 рублей, а 400 уйдутъ куда-то въ воздухъ, превратясь въ паръ, тогда только онъ почувствуетъ, что значитъ на Парижъ 257 и на Берлинъ 207. И къ налогамъ наше общество относилось всегда точно также платонически. Но когда, недавно, прошли слухи о 5% налогѣ на доходы и на купоны, тѣ же самые платоническіе сочувствователи народа, для которыхъ платежи крестьянъ были также ясны, какъ $257^5/_8$ на Парижъ, сейчасъ же стали «недовольными». И это только отъ 5%! Захолустная деревня сочла бы себя въ царствѣ небесномъ, если бы тоже внезапно свалилась съ неба такая благодать, которая обладателя дѣлаетъ недовольнымъ. Деревня эта платитъ

въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ (если она не ходитъ въ звѣриныхъ шкурахъ), въ видѣ земскихъ повинностей (на потребности государственныя, на потребности земскія—губернскія и уѣздныя—и на частныя потребности обществъ и сословій), да на выкупные платежи не меньше 50% (есть и больше). Что бы почувствовалъ купонный обладатель, который при теперешнемъ 5% налогѣ заплатитъ съ двадцатитысячнаго дохода 1,000 р., если бы съ него взяли 10,000 руб.! Вѣроятно онъ почувствовалъ-бы то же самое, что чувствуемъ и мы здѣсь, когда приходится отдавать половину дохода.

Это новое обложеніе лицъ, до сихъ поръ неплатившихъ, должно имѣть очень полезное общественно-воспитательное значеніе. И образованная масса получаетъ вѣрныя понятія только тогда, когда она начинаетъ чувствовать вещи. Безъ подобныхъ практическихъ уроковъ она никогда не выраститъ до общественныхъ чувствъ и общественныхъ симпатій, до того пониманья общественнаго равенства, которое, уничтожая исключительность и привиллегіи, сливаетъ всѣхъ въ одно общественное цѣлое, связанное взаимными интересами и взаимными тягостями. Подобное воспитаніе идетъ у насъ довольно медленно, но и то слава Богу, что оно еще идетъ. Всеобщій подоходный налогъ всталъ уже на очередь въ 1870 году, и тогда всѣ земства, и въ особенности петербургское, выразилось въ пользу его въ такой категорической формѣ, что если бы для осуществленія желаній земства не встрѣтилось препятствій, то задачи теперешняго министерства финансовъ были бы, конечно, иныя и во всякомъ случаѣ обладатели купоновъ давно бы успокоились, а если бы они и были недовольны, то, конечно, чѣмъ нибудь другимъ.

Если уничтоженіе податныхъ привиллегій можетъ служить общественно-воспитательнымъ средствомъ, какъ это нужно думать, судя по однимъ фактамъ, то по другимъ фактамъ приходится сомнѣваться въ особенномъ значеніи этого воспитательнаго средства. Какъ я уже говорилъ, наши затолочья лежатъ внѣ всякихъ сношеній съ міромъ, не пользуются никакими благами цивилизаціи и все-таки платятъ за нихъ процентовъ двадцать подоходнаго налога. Почему это могло случиться, обитатели затолочья не только не знаютъ, но и не задаютъ себѣ этого празднаго вопроса и платятъ, не говоря ни слова, потому-что «ничего не подѣлаешь». Но у затолочнаго обитателя есть въ земствѣ свой выборный представитель, въ нѣкоторомъ родѣ парламентскій депутатъ отъ «гнилого мѣстечка». Какую-же роль играетъ этотъ депутатъ на земскихъ собраніяхъ и какъ онъ защищаетъ интересы своихъ избирателей?

Казалось бы, что депутатъ, давая согласіе на обложеніе извѣстнымъ налогомъ своего «гнилого мѣстечка», видитъ, конечно, что онъ облагаетъ и самого себя. Зачѣмъ-же онъ не только молчитъ, но еще и облагаетъ себя непосильнымъ налогомъ? А вотъ подите! Вотъ, напримѣръ, какимъ налогомъ обложилъ себя самъ нашъ депутатъ за 18 фиктивныхъ благъ: за 323 дес. всей земли, приносящей доходу 255 р. 90 к., онъ пранялъ налогъ въ 44 р. 17 к., да за мельницу, приносящую 400 р. доходу—69 р. налогу итого за 655 р. доходу онъ принялъ подоходный налогъ въ 113 р. 17 к., тогда-какъ купонный обладатель такого же дохода заплатитъ лишь 32 р. 50 к. Почему же депутатъ отъ «гнилого мѣстечка» не протестовалъ, почему онъ производилъ раскладку не по дѣйствительному пользованію благами цивилизаціи, а огульно?

Очень можетъ быть, что если бы депутатъ отъ «гнилого мѣстечка» вздумалъ выступить на земскомъ собраніи съ вопросомъ о податной справедливости, то былъ бы за это побитъ камнями. Простое требованіе справедливости могло бы быть даже объяснено, какъ желаніе свалить налоги съ своихъ плечъ на другія и справедливый депутатъ уподобился бы тому волу, котораго звѣриное общественное мнѣніе принесло въ жертву богамъ за клокъ сѣна. Но тутъ вопросъ не въ одной податной справедливости, а и земской, общественной зрѣлости. Всякій, кто платитъ налоги, этимъ самымъ пріобрѣтаетъ право знать, какіе это налоги, на что они идутъ и дѣйствительно ли они расходуются правильно. Поэтому каждый выборный представитель какого бы ни было мѣста или мѣстечка, хотя бы самаго гнилого, если онъ понимаетъ, за что онъ взялся, долженъ защищать интересы своихъ избирателей, а не считать свое полномочіе въ томъ, чтобы изображать изъ себя на земскихъ собраніяхъ глухо-нѣмого. Вотъ до этой-то азбуки общественнаго представительства, извѣстной въ Европѣ каждому деревенскому мужику, у насъ не доросли еще люди, даже кончившіе курсъ въ университетѣ. Земскія собранія могли бы быть очень хорошей подготовительной школой, но къ сожалѣнію они ею до сихъ поръ еще не сдѣлались.

Я не говорю здѣсь объ общемъ сокращеніи налоговъ: это пока для Россіи невозможно. Но для того, чтобы гнилыя мѣстечки за мракъ и холодъ, въ которомъ они пребываютъ, не платили бы столько, сколько платитъ купонный обладатель, весь трудъ котораго заключается лишь въ томъ, чтобы два раза въ годъ отрѣзать купоны и обмѣнивать ихъ въ банкѣ,—въ насъ самихъ, во всѣхъ платящихъ и неплатящихъ, вѣроятно достанетъ чувства справедливости. А въ такомъ случаѣ я позволю себѣ пожелать мужества всѣмъ земскимъ депутатамъ отъ «гнилыхъ мѣстечекъ», недостатокъ котораго они прежде всего чувствуютъ на самихъ себѣ.

III.

Провинція! Но что такое провинція? Сійэсъ, конечно бы, сказалъ:

— Провинція—все!

И онъ былъ бы правъ, если бы провинція понимала, что она все. Въ дѣйствительности же наша провинція, попрежнему, только большая Ѳедора. Но назвать провинцію Ѳедорой, — это прозвище старое,—не значитъ еще встать на «высотѣ вопроса». «Провинція» — понятіе такое же сложное, какъ сложна жизнь провинціи. Гдѣ начало, гдѣ конецъ провинціи? Начинается провинція, конечно, съ ея основной ячейки, какого-нибудь починка, теряющагося въ лѣсахъ сѣвера. Но вотъ починокъ вырастаетъ въ деревню и дѣлаетъ первый шагъ къ цивилизаціи, «обзаводясь кабакомъ». Затѣмъ деревня дѣлаетъ второй шагъ и присоединяетъ къ кабаку лавочку съ баранками, лаптями, веревками и дегтемъ. Теперь потребности бывшаго починка начинаютъ расти быстро и въ немъ возникаютъ уже зачатки государственныхъ учрежденій. Къ кабаку и лавочкѣ присоединяются волостное правленіе, урядникъ, школа, и починокъ становится селомъ. Послѣ этихъ основъ гражданственности цивилизація начинаетъ расти еще быстрѣе, и село выростаетъ въ уѣздный городъ, а потомъ и въ губернскій, въ которомъ всѣ зачаточныя формы деревенской гражданственности находятъ свое высшее выраженіе. Въ концѣ-концовъ губернскій городъ выростаетъ въ столицу, какъ высшій центръ государственности, сосредоточивающій въ себѣ всѣ нити внутренней жизни страны. Въ этомъ постепенномъ превращеніи первоначальной ячейки, починка, теряющагося въ лѣсу, въ центръ государства нѣтъ ни одного такого перерыва, на которомъ можно было бы остановиться и сказать: вотъ до сихъ поръ «провинція», а отсюда начинается уже «не провинція». Если столицу считать «не провинціей» потому, что столица служитъ главнымъ центромъ интеллигенціи, то едва ли это дѣленіе будетъ правильнымъ. Нельзя сказать, чтобы только въ столицѣ группировались лучшія умственныя силы страны, хотя для умственной жизни столица представляетъ большія возможности. Въ университетскихъ городахъ провинціи попадаются очень выдающіяся ученыя силы, а въ столицѣ подчасъ есть очень плохія; въ провинціи есть журналисты, нисколько не уступающіе журналистамъ столичнымъ; замѣчательные изслѣдователи въ области народнаго быта живутъ только въ провинціи. Относительно народонаселенія численность интеллигенціи провинціальныхъ городовъ, особенно университетскихъ, едва ли меньше, чѣмъ въ столицахъ. Администрація, судъ, земство могутъ выставить вполнѣ столичныхъ представителей по способностямъ, развитію, знаніямъ и уму, хотя, можетъ быть, и менѣе сановныхъ, чѣмъ столичные дѣятели. Однимъ словомъ, ничѣмъ нельзя доказать, чтобы всѣ самые умные русскіе люди были бы только въ столицахъ и что столицы поэтому умнѣе провинціи. Что же, въ самомъ дѣлѣ, служитъ границей провинціи? Или провинція то, что сидитъ на землѣ? Но тогда и Буй, который во всякомъ случаѣ, ничтожнѣе Балакова и Дубовки, вообразитъ себя столицей. А, между тѣмъ, не пускаясь въ умствованія, спросите любаго: «Москва—провинція?» И вы получите, правда, не безъ колебанія отвѣтъ: «Нѣтъ».—«А Петербургъ?» Тутъ «нѣтъ» будетъ ужъ совсѣмъ безъ колебаній. А Казань, Саратовъ, Кіевъ, Одесса и даже Варшава окажутся провинціей. Что же дѣлаетъ провинцію провинціей? Если не промышленная и интеллигентная жизнь,—потому что, напримѣръ, въ Варшавѣ и даже въ Одессѣ всѣ высшія условія жизни на лицо,— служатъ исключительнымъ признакомъ столицы, то что-нибудь, однако же, есть дѣлающее провинцію провинціей. Это «что-нибудь»—зависимость провинціи отъ какой-то внѣ ея лежащей силы,—зависимость, которая чувствуется очень и потому кладетъ на провинцію клеймо извѣстной приниженности, сознаніе несамостоятельности, второстепеннаго положенія, отнимающее отъ провинціи всякую смѣлость, увѣренность въ себѣ, авторитетность. Провинція напоминаетъ выпускнаго гимназиста, имѣющаго заботливаго и чадолюбиваго отца, не пускающаго сына никуда безъ себя. Столица, потому только, что она столица, сообщаетъ каждому своему члену извѣстный апломбъ. Столичный корреспондентъ (не Богъ вѣсть еще какой литераторъ), пріѣхавъ въ провинцію, импонируетъ всѣхъ, и всѣ чувствуютъ, что за этимъ не Богъ вѣсть какимъ литераторомъ стоитъ какая-то сила, сообщающая ему бодрость духа. И импонирующій корреспондентъ правъ, какъ бывалъ правъ наполеоновскій гренадеръ, чувствовавшій за собою «великую армію», какъ правъ всякій англійскій кочегаръ, держащій себя въ Россіи съ высокомѣріемъ и достоинствомъ лорда, потому что чувствуетъ за своими плечами Англію. Въ этой подчиненности, зависимости, сознаніи своего принужденнаго несовершеннолѣтія, своего второстепеннаго положенія заключается главный внѣшній признакъ провинціи. Провинція—это то, чѣмъ управляютъ и что управляется, не имѣя голоса; не провинція то, что управляетъ, что говоритъ исключительно монологами и знаетъ, какъ направить человѣка, чтобы онъ прошелъ прямымъ путемъ въ страну «wo die Citronen blühen».

Но одного установленія «объекта» наблюденія еще мало. Жизнь провинціи нельзя сочинять, ее нужно видѣть; но въ чемъ же ее увидѣть, что служитъ ей зеркаломъ? Печать? Прекрасно. Но какая печать? У насъ двѣ печати, рѣзко отдѣляющіяся одна отъ другой: печать столичная, пользующаяся нѣкоторою долей свободы, и печать провинціальная, находящаяся въ положеніи цыпленка, кото-

рый никакъ не можетъ пробить скорлупу и сидитъ все еще въ яйцѣ. Какъ извѣстно читателю, только столичная печать можетъ быть не подцензурной; провинціальная же всегда подцензурна. Но этого мало. Цензурованіе провинціальнаго изданія можетъ быть переведено за тысячу верстъ отъ мѣста, гдѣ изданіе печатается, въ Москву, Ригу, Петербургъ (цензора не во всѣхъ городахъ). Такіе случаи были не разъ. Недавно, напримѣръ, цензурованіе газеты полтавскаго земства «Земскій Обзоръ», издаваемой въ Полтавѣ, было переведено въ Москву, и это оказалось для газеты настолько удобнымъ, что послѣдній 26 №, который долженъ былъ выйти 28 іюня, вышелъ только въ октябрѣ.

И, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится печать провинціальная, она, все-таки, рѣзко отличается отъ печати столичной. Жизнь сдѣлала свое дѣло. Прежде только Петербургъ и Москва были центрами интеллигенціи, теперь же нѣсколько такихъ центровъ явилось уже въ провинціи и умственно руководящее значеніе столицъ значительно ослабѣло. Случилось это не только потому, что выросла провинція, но и потому, что столичная печать стала ростомъ много меньше противъ прежняго. Ростъ столичной печати уменьшился отъ двухъ причинъ (я говорю исключительно о газетной печати): отъ условій внѣшнихъ, которыми вынута изъ газетнаго обращенія масса вопросовъ, прежде подлежавшихъ газетному обсужденію, и отъ того, что столичная газетная печать находится теперь въ рукахъ не такихъ людей, которые могли бы поставить ее на обязательную для нея высоту (исключая «Русскія Вѣдомости», лучшую изъ столичныхъ газетъ). Было время, когда въ столичной печати теплилась Божья искра, когда печать считала своею миссіей служить общественному дѣлу и бороться за общественные интересы. Тогда столичная печать дѣйствительно стояла во главѣ общественнаго движенія или, по крайней мѣрѣ, пыталась имъ овладѣть, насколько это было для нея доступно. Она являлась представительницей общественнаго мышленія по внутреннимъ вопросамъ, однимъ изъ общественныхъ органовъ по внутренней политикѣ. Занявъ эту область, столичная печать жила живою жизнью, у нея былъ нервъ, были опредѣленныя задачи, былъ смыслъ въ существованіи. Для теперешней столичной печати все это не составляетъ даже и преданія, традиція порвалась и, освободившись отъ воспоминаній лучшаго прошлаго, столичная печать стала исключительно издательскимъ дѣломъ. Вынувъ сама изъ себя душу и лишившись всякаго нутра, столичной печати осталось только одно—маскировать свою пустоту бойкимъ писаньемъ и хлесткостью, которыя если ей и удаются, но нутра, все-таки, не создаютъ. Я говорю это не голословно. Провинція по старой традиціи все еще выписываетъ столичныя газеты и читаетъ ихъ немало. И вотъ схема этого чтенія. Приходитъ столичная почта. Читатели разбираютъ газеты и воцаряется гробовое молчаніе, по временамъ нарушаемое только шуршаньемъ переворачиваемыхъ страницъ. Наконецъ, чтеніе кончено.

— Ну, что новаго? — спрашиваетъ читатель «Новаго Времени» читателя «Новостей» или московскихъ газетъ.

— Ничего. А у васъ?

— Тоже ничего.

И это обыкновенный, стереотипный отвѣтъ, который мнѣ приходится слышать постоянно. Вѣдь, не изъ дерева же, въ самомъ дѣлѣ, провинціальный читатель, чтобы не найти чего-нибудь, если бы оно было! Онъ говоритъ «ничего» не потому, что отъ него отскакиваетъ живое, а потому, что не находитъ ничего живаго. Теперешняя безцвѣтная столичная печать отвѣчаетъ вполнѣ безцвѣтности столичныхъ идей, а потому и не можетъ дать ничего провинціи, что могло бы остановить ея вниманіе, шевельнуть въ ней жилку жизни. Внѣшняя политика! Но, вѣдь, какіе же мы политики, какое мы, провинціалы, имѣемъ въ ней рѣшающее значеніе, чтобы она была для насъ живымъ дѣломъ? Хроника столичной жизни! Но эта хроника отъ насъ за тысячу верстъ. Петербургскія мѣропріятія! Но уже мы давно отъ нихъ отвыкли, да и судимъ о нихъ вѣрнѣе, чѣмъ столичные журналисты. Когда столичныя газеты еще и не думали оцѣнить питейную реформу, мы ее ужь оцѣнили. Петербургскія газеты, напримѣръ, искренно вѣрили, что теперешняя питейная реформа уничтожитъ 80,000 кабаковъ и, въ то же время, увеличитъ въ 1886 г. питейный доходъ на 20 милліоновъ. Когда наши мужики услышали, что хотятъ будто бы уменьшить число кабаковъ, они покачали головами и сказали:

— Да развѣ можно быть казнѣ безъ дохода?

И въ самомъ дѣлѣ, какъ же можно получить лишнихъ 20 м., уничтожая кабаки? Но вопросъ разрѣшился просто: 80 т. кабаковъ дѣйствительно уничтожатся, но, въ замѣнъ ихъ, откроется 100,000 «винныхъ лавочекъ». И другія мѣропріятія, о которыхъ трактуютъ петербургскія газеты, проходятъ надъ нашими головами точно облака на небѣ; вообще, провинція такъ привыкла къ жизни на точкѣ замерзанія, что провинціальную температуру не поднять теперешней петербургской оттепели.

Но и болѣе сильная столичная печать была бы не въ состояніи задержать ростъ печати провинціальной. Ростъ ея—простое и неизбѣжное слѣдствіе роста областной мысли и возникновенія провинціальныхъ интеллигентныхъ центровъ. Ихъ пока у насъ еще немного, но они растутъ и возникаютъ, и вотъ въ этихъ-то центрахъ и стали появляться свои политическія газеты, издаваемыя по тому же общему плану, по той же программѣ и въ томъ же форматѣ, какъ газеты столичныя. Для своихъ областныхъ читателей большія провинціальныя газеты представляютъ, конечно, большій интересъ, чѣмъ газеты столичныя, потому что, извлекая изъ столичныхъ газетъ ихъ столичное содержаніе, онѣ даютъ еще и мѣстную жизнь; затѣмъ передовыя статьи по политикѣ и мѣстнымъ вопросамъ, телеграммы заграничныя, телеграммы внутреннія, мѣстныя корреспонденціи, фельетонъ. Но и этого показалось мало для провинціальной печати, и вотъ

«Одесскій Вѣстникъ», новороссійскій районъ котораго не меньше Франціи, заводитъ отдѣленія редакціи въ Херсонѣ, Кишиневѣ, Екатеринославлѣ и Елисаветградѣ. Кромѣ «Одесскаго Вѣстника», въ Одессѣ выходитъ «Новороссійскій Телеграфъ»; затѣмъ, въ Кіевѣ «Заря», въ Казани «Волжскій Вѣстникъ», въ Тифлисѣ «Новое Обозрѣніе», въ Саратовѣ «Саратовскій Листокъ», въ Харьковѣ «Южный Край». Эти газеты для своихъ мѣстностей замѣняютъ вполнѣ столичную печать и вырываютъ изъ ея рукъ ту власть, которую столичная печать считала до сихъ поръ своею исключительною привилегіей. Привилегія эта и не могла не существовать, пока провинція была нѣма, какъ рыба. Теперь же, въ 20 лѣтъ существованія земства и новыхъ условій труда, создавшихся освобожденіемъ, въ особенности, когда аграрная неурядица вмѣстѣ съ другими неурядицами поставила провинцію въ необходимость чуть не ликвидировать свои дѣла, стали думать не только губернскіе и уѣздные города, но и деревни. Какъ,—хорошо или дурно,—думаетъ провинція, этотъ вопросъ, котораго намъ еще придется коснуться; но что провинція думаетъ не потому, чтобы ей хотѣлось играть во власть, какъ это увѣряютъ «Московскія Вѣдомости», а потому, что такое умственное состояніе провинціи есть неизбѣжное и неустранимое явленіе, имѣющее свой законъ, этого даже и доказывать не нужно. Когда создалось земство, на него были возложены раскладки земскихъ налоговъ; но, чтобы сдѣлать раскладки, нужно было произвести оцѣнки, а чтобы произвести оцѣнки, нужно было изслѣдовать экономическія силы плательщиковъ и ихъ податную способность. Первыя же изслѣдованія показали всю неравноправность условій, въ которыхъ живетъ народъ. Потребовались новыя изслѣдованія, и расширяя шагъ за шагомъ область изслѣдованія и вопросовъ, подлежавшихъ выясненію, провинція создала не только небывалую еще,—да и не нужную при крѣпостномъ бытѣ,—статистику, но и цѣлое, тоже небывалое и прежде ненужное умственное направленіе, задача котораго заключается въ опредѣленіи всѣхъ условій мѣстной жизни, мѣшающихъ или помогающихъ экономическому, общественному и умственному развитію народа и мѣстнаго быта. Разъ мысль зашевелилась и пошла своимъ логическимъ путемъ, она не могла ограничиться только областью земскихъ «оцѣнокъ» и «раскладокъ»; получивъ болѣе широкій размахъ, она забралась и въ другія сопредѣльныя области. Однимъ словомъ, то, что когда-то создало столичную печать, создало теперь печать провинціальную. А что провинціальная печать не есть выдумка провинціальныхъ журналистовъ, въ этомъ убѣждаетъ поразительный ростъ ея въ послѣднія десять лѣтъ.

Нельзя сказать, чтобы столичная печать не замѣтила, что изъ ея рукъ начинаетъ ускользать власть надъ «умами» провинціи. Если честь этого открытія принадлежитъ не вполнѣ «Недѣлѣ», то несомнѣнно, что въ значительной степени. Года 3—4 «Недѣля» постоянно объявляетъ, что ей дороги интересы провинціи, въ особенности ея земледѣльческаго населенія и вообще тѣхъ занятыхъ людей, у которыхъ для чтенія остается только воскресный досугъ,—что, служа интересамъ провинціи, она имѣетъ корреспондентовъ почти во всѣхъ городахъ Россіи и вообще открываетъ двери гостепріимства для всѣхъ провинціальныхъ извѣстій. Недовольствуясь этимъ, «Недѣля» беретъ на себя адвокатуру провинціальныхъ интересовъ и въ нужныхъ случаяхъ, въ интересахъ той же провинціи, дѣлаетъ кличъ по всей Россіи. Такъ, въ прошедшемъ году «Недѣля» замѣтила, какъ много пропадаетъ въ столицахъ «праздныхъ» интеллигентныхъ силъ въ безплодной погонѣ за «мѣстами», и предложила этимъ празднымъ силамъ переселиться въ деревню. Мысль несомнѣнно правильная, ибо если въ столицахъ имѣется избытокъ интеллигентныхъ силъ, а въ деревняхъ избытокъ мускульныхъ, то уравновѣшиваніе избытковъ должно создать непремѣнно гармонію отношеній. Хотя противъ практической осуществимости проекта «Недѣли» возражали нѣкоторые провинціальные органы («Заря», «Южанинъ»), но «Недѣля до сихъ поръ отстаиваетъ правильность своей мысли и въ защиту ея напечатала еще недавно передовую статью. Мы нисколько не отрицаемъ, что въ столицѣ можетъ издаваться органъ, посвященный исключительно провинціальнымъ интересамъ; такимъ органомъ и является въ Петербургѣ «Восточное Обозрѣніе»; но «Недѣля» вовсе не желаетъ быть исключительно провинціальнымъ органомъ,— она желаетъ быть столичною газетой, но понимающей нужды провинціи и сохраняющей надъ провинціей извѣстное покровительственное верховенство. Такихъ двухъ зайцевъ убить однимъ камнемъ нельзя. Но въ общей идеѣ, т. е. что столичная печать приноситъ мало пользы провинціи, «Недѣля» не ошиблась. Она ошиблась только въ отысканіи центра тяжести. Какъ бы ни расширяла «Недѣля» свой отдѣлъ корреспонденцій, ей не сдѣлаться *всеобщею* провинціальною газетой, а стараясь при маломъ объемѣ забирать больше, она рискуетъ потерять всякую опредѣленность и очутиться въ положеніи межеумка, т. е. газеты ни столичной, ни провинціальной, характеръ чего она ужь теперь и имѣетъ. Другое дѣло, если бы «Недѣля», въ качествѣ адвоката провинціи, взяла на себя печатаніе того, что по условіямъ провинціальной печати въ ней появляться не можетъ, а въ столичной появляться можетъ. А такихъ случаевъ, ищущихъ столичной гласности, въ жизни провинціи не оберешься. Если же «Недѣля», вмѣсто того, чтобы выселять интеллигентовъ изъ Петербурга въ провинцію, выселила бы на свои страницы безобразные факты, которыми еще такъ богата провинція, то оказала бы этимъ провинціи несомнѣнную и огромную услугу. Мы знаемъ, что корреспонденціи этого рода читаются въ Петербургѣ тѣми, «кому ихъ вѣдать надлежитъ», и приносятъ провинціи несомнѣнную пользу. Вообще отношеніе столичной печати къ провинціи просто, если понимать его вѣрно. Совсѣмъ не дѣло столичной печати разрабатывать провинціальные вопросы,—ихъ разработаетъ гораздо лучше сама про-

винція; точно также не дѣло столичной печати знакомить съ провинціей провинціальнаго читателя,—это сдѣлают гораздо лучше мѣстные органы; но столичная печать можетъ оказать большую услугу извѣстными обобщеніями явленій провинціальной жизни и статьями о провинціи для своихъ столичныхъ читателей. Провинція много терпѣла, да и до сихъ поръ терпитъ много, только отъ того, что ее почти не знаютъ столичные обитатели и въ верхахъ, и въ низахъ. Упреки, которые дѣлаетъ «Русь» петербургскимъ канцеляріямъ, потому и неопровержимы, что они основаны на фактахъ подобнаго незнанія. Поэтому не для провинціальнаго, а для столичнаго читателя нуженъ провинціальный отдѣлъ въ столичныхъ газетахъ. А именно такого-то отдѣла въ столичныхъ изданіяхъ и нѣтъ. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Вѣстникъ» поступилъ вполнѣ удачно, открывъ у себя «областной отдѣлъ». Нужно только, чтобы статьи этого отдѣла давали обобщенія и полныя картины быта, вродѣ *Бѣлорусскаго полѣсья* г. Вирюковича. Вообще «Сѣверный Вѣстникъ» заручился сотрудниками компетентными, которые придадутъ его «областному отдѣлу» воспитательное и просвѣщающее значеніе, но, опять повторяю, не для провинціальныхъ, а для столичныхъ читателей. Ихъ нужно воспитывать, ихъ нужно учить, чтобы они не высокомѣрничали надъ провинціей, чтобы они поняли, что и они сами только плоть отъ плоти и кость отъ кости этой провинціи и что во всѣхъ насъ течетъ одна и та же человѣческая кровь.

Если, такимъ образомъ, столичная печать не служитъ и не можетъ служить зеркаломъ провинціи, то очевидно, что провинцію нужно искать въ провинціальныхъ изданіяхъ. Не такъ давно провинціальную печать составляли только «Губернскія Вѣдомости»; теперь для большей части Россіи «Губернскія Вѣдомости» стали анахронизмомъ. Рядомъ съ «Губернскими Вѣдомостями» возникла въ провинціи обширная общая печать—политическая, экономическая, юридическая, литературная. Насколько же велико это богатство и какъ оно распредѣлено? Статистика распредѣленія провинціальныхъ изданій представляетъ любопытную особенность; точно какой-то магнитною силой вся провинціальная печать стянулась къ югу и окраинамъ. Вотъ распредѣленіе провинціальныхъ изданій по городамъ: Одесса — «Одесскій Вѣстникъ», «Новороссійскій Телеграфъ», «Одесскій Листокъ»; Таганрогъ — «Таганрогскій Вѣстникъ»; Полтава — «Земскій Обзоръ»; Екатеринославль — «Степь»; Воронежъ — «Воронежскій Телеграфъ», «Донъ»; Харьковъ — «Южный Край»; Кіевъ — «Заря», «Кіевлянинъ»; Житоміръ — «Волынь»; Вильно — «Виленскій Вѣстникъ»; Казань—«Волжскій Вѣстникъ»; Саратовъ—«Саратовскій Листокъ»; Астрахань—«Астраханскій Справочный Листокъ»; Самара—«Самарская Газета». За немногими исключеніями, все это газеты политическія. На окраинахъ издаются: въ Сибири три газеты, на Кавказѣ три газеты. О Царствѣ Польскомъ и Финляндіи я ужъ и не говорю, — тамъ цѣлая своя литература. Но въ чемъ же заключается умственное представительство средней и сѣверной Россіи, занятой великорусскимъ племенемъ? Представительства этого точно какъ будто бы и нѣтъ, если не считать имъ столичную печать. И больше чѣмъ вѣроятно, что московская и петербургская печать дѣлаютъ для среднихъ губерній излишнею свою мѣстную печать; что же касается сѣвера, т. е. губерній: Архангельской, Вологодской и Олонецкой, то онѣ хотя и составляютъ особую часть свѣта, но едва ли въ состояніи поддержать частное періодическое изданіе. Губерніи эти глухія, малограмотныя, не создавшія того средняго читателя, который уже народился на югѣ. Жизнь юга вообще многообразнѣе и сложнѣе и, кромѣ экономическихъ и хозяйственныхъ, представляетъ и племенныя особенности; окраины же, какъ Сибирь, Кавказъ, сѣверо-западный край, имѣютъ свое представительство въ болѣе развитой интеллигенціи. Поэтому совершенно естественно, что мѣстности съ интеллигентными центрами, какъ Казань, Харьковъ, Кіевъ, Одесса, или съ мѣстнымъ интеллигентнымъ представительствомъ, какъ Сибирь, Кавказъ, западный край, не могли не создать мѣстной печати.

Въ провинціальной молодой печати, и, вѣроятно, потому, что она еще молодая, можно усмотрѣть одну пріятную особенность, отъ которой столичная газетная печать уже давно освободилась. Эта пріятная особенность составляетъ принадлежность, конечно, не всей провинціальной печати, а только нѣкоторыхъ ея органовъ, въ особенности органовъ окраинъ, напримѣръ: всѣхъ сибирскихъ газетъ и въ особенности «Восточнаго Обозрѣнія», кавказскихъ газетъ, «Волжскаго Вѣстника», «Земскаго Обзора». Въ этихъ газетахъ чувствуется живая, страстная преданность своему дѣлу и любовь къ своему мѣстному очагу, придающія этимъ органамъ не только извѣстную силу убѣжденности, но и убѣдительности; въ программы этихъ газетъ не входитъ «занимательное» чтеніе или, точнѣе, редакціи ихъ считаютъ занимательнымъ только то, что приноситъ пользу ихъ мѣстности. Все это и понятно: не издательская спекуляція создала эти органы, ихъ создала потребность защиты мѣстныхъ интересовъ, необходимость изученія мѣстныхъ нуждъ и особенностей, придающихъ каждой мѣстности особый характеръ и потому требующихъ особыхъ законодательныхъ и административныхъ отношеній.

Но рядомъ съ идейнымъ отношеніемъ къ дѣлу въ едва народившейся провинціальной печати замѣчается уже и червоточина, и то, что было сказано о столичныхъ газетахъ, приходится повторить и о провинціальныхъ; *вообще* онѣ не въ лучшихъ рукахъ и чаще составляютъ издательское, чѣмъ общественное дѣло. Издательскія газеты также, какъ и столичную печать, обуялъ духъ погони за подписчикомъ. Кому принадлежитъ честь изобрѣтенія «новѣйшей» рекламы, проникшей въ провинцію,—я не знаю, но думаю, что петербургскія «Новости» въ этомъ грѣхѣ сыграли роль старшаго брата, развращающаго младшаго. Поэтому рекламу «Новостей» не приходится оставить такъ. Редакція «Но-

востей» пишетъ, что, испытывая въ послѣдніе годы большія затрудненія въ своевременномъ помѣщеніи огромнаго фактическаго матеріала, *получающагося ежедневно почти изъ всѣхъ городовъ Россіи* (курсивъ мой, чтобы читатель отнесся сочувственнѣе къ затруднительному положенію издателя «Новостей», получающаго каждый день до тысячи корреспонденцій) и отъ многочисленныхъ иностранныхъ корреспондентовъ (вѣроятно, тоже *почти* изъ всѣхъ городовъ Европы), *издатель* «Новостей» (смотрю въ концѣ газеты, кто издатель; тамъ напечатано: «редакторъ-издатель О. К. Нотовичъ», и я радуюсь, что редакторъ Нотовичъ не принялъ участія въ рекламѣ, сочиненной издателемъ Нотовичемъ, а, впрочемъ, Богъ его знаетъ) пришелъ къ убѣжденію, что текущее содержаніе *ежедневныхъ газетъ* переросло усвоенныя ими формы и рамки (вотъ гдѣ самый-то ядъ рекламы!); текущее содержаніе давно уже переросло теперешнія рамки газетъ, а, между тѣмъ, онѣ и не думаютъ о «полномъ удовлетвореніи спроса читателей на свѣжія и быстрыя сообщенія о событіяхъ, совершающихся ежедневно на всемъ земномъ шарѣ», и подумалъ объ этомъ только одинъ издатель «Новостей». И не съ сегодняшняго дня онъ думаетъ объ этомъ, онъ думаетъ и даже мечтаетъ объ этомъ 9 лѣтъ, а «съ 10 года существованія газеты подъ его редакціей, т.-е. съ 1886 г., рѣшился осуществить эту свою давнишнюю мечту» и поставить «Новости» въ отношеніи полноты и разнообразія содержанія на высоту самой серьезной англійской печати. Но, вѣдь, у «самой серьезной англійской печати», кромѣ полноты и разнообразія, есть кое-что именно и дѣлающее ее «англійской печатью». Вотъ это-то «кое-что» дадутъ ли «Новости?» «Новь» тоже даетъ «самый полный и разнообразный» матеріалъ, но, однако, ни на какую высоту она отъ этого не взобралась. Но самая любопытная часть рекламы въ ея заключеніи: «несмотря на то, — рекламируетъ издатель «Новостей», — что вышеуказанныя перемѣны сопряжены съ значительнымъ увеличеніемъ текущихъ расходовъ изданія и огромною единовременною затратой на устройство новой типографіи (каждая изъ вновь заказанныхъ скоропечатныхъ машинъ обойдется въ 35,000 р.), *подписная цѣна газеты остается безъ измѣненія*».

Мы помнимъ прежнія, еще стыдливыя рекламы, когда читателямъ обѣщали «направленіе», «честное служеніе истинѣ» и другія идейныя блага, потому что на «направленіе» былъ еще запросъ и читатель ловился на эту удочку спекуляторами-издателями; случалось, что заманивали читателя новыми романами или переводами съ рукописи, нигдѣ еще не напечатанной; но не бывало еще никогда, чтобы рекламировалась скоропечатная машина; въ тѣ, еще недавнія, времена вводили читателя въ кабинетъ редактора, знакомили его съ сотрудниками, указывали на заготовленный матеріалъ, а не водили его въ типографію смотрѣть на скоропечатныя машины въ 35,000 руб. каждая, и насколько издатель «Новостей» полагаетъ всю свою силу въ скоропечатныхъ машинахъ, можно видѣть изъ того, что послѣ напечатаннаго жирнымъ шрифтомъ

подписная цѣна газеты остается безъ измѣненія

тянется узенькая строчка петитомъ:

составъ сотрудниковъ газеты постоянно пополняется новыми силами.

Полагая всю силу «Новостей» въ скоропечатныхъ машинахъ, издателю, конечно, нѣтъ особенной причины дорожить сотрудниками: машина стоитъ издателю 35 т., а сотрудники не стоютъ ему ничего, поэтому ихъ можно мѣнять, увольнять, пополнять, даже прогонять и печатать объ этой второстепенной послѣ машинъ силѣ что-нибудь крупнымъ шрифтомъ не стоитъ. Но издатель издателемъ, а напрашивается и другой вопросъ: почему издатель «Новостей» придаетъ такое ничтожное значеніе своимъ сотрудникамъ?

Примѣръ «Новостей», не особенно достойный подражанія, нашелъ себѣ послѣдователей въ провинціальной печати. Такъ, «Одесскій Листокъ» безъ всякихъ околичностей начинаетъ свою рекламу прямо съ типографіи; есть ли у газеты кабинетъ редактора, есть ли у нея сотрудники — остается неизвѣстнымъ. Но за то относительно новѣйшихъ типографскихъ усовершенствованій подписчику сообщаются самыя подробныя свѣдѣнія. «Обыкновенныя скоропечатныя машины, — рекламируетъ издатель,—при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ печатаютъ не болѣе 800 экземпляровъ въ часъ. Выходи наша газета въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, съ такими условіями печатанія еще можно было бы помириться, но спросъ на нее усилился (?). И вотъ, чтобы устранить этотъ тормазъ (!) въ развитіи роста нашей газеты, мы, не останавливаясь предъ крупною затратой (около 40,000 фр.) (совершенно какъ издатель «Новостей», который тоже не остановился предъ крупною затратой; разница лишь въ томъ, что издатель «Новостей» достигаетъ полнаго эффекта счетомъ на рубли, а издатель «Одесскаго Листка» переводитъ для эффекта рубли на франки), заказали у всесвѣтно (!) извѣстнаго парижскаго фабриканта, г. Маринони, скоропечатную *ротаціонную* машину (чтобы издатель «Одесскаго Листка» не ввелъ своихъ подписчиковъ въ недоразумѣніе, надо бы объяснить, что значитъ ротаціонная машина, а то «ротаціонная машина» напоминаетъ «ректификаціонный спиртъ», о которомъ теперь такъ усердно рекламируютъ водочные заводчики). Машина эта печатаетъ въ часъ на такъ-называемой «безконечной» бумагѣ по 8,000 экземпляровъ, причемъ каждый изъ нихъ она разрѣзываетъ и складываетъ». Затѣмъ, въ заключеніи рекламы говорится, конечно, о цѣнѣ изданія и эту часть издатель «Одесскаго Листка» списываетъ слово въ слово съ рекламы «Новостей»: «несмотря на то, что это сопряжено съ значительными денежными затратами»... «Новости» же объявляютъ: «несмотря на то, что вышеуказанныя перемѣны

сопряжены съ значительнымъ увеличеніемъ текущихъ расходовъ изданія... подписная цѣна на газету остается прежняя.

«Новороссійскій Телеграфъ» не обѣщаетъ подписчику ротаціонную машину, но и онъ съумѣлъ найти ахиллесову пяту въ другихъ провинціальныхъ изданіяхъ (какъ это сдѣлали «Новости» со столичными газетами, уличившими ихъ въ томъ, что онѣ скрываютъ много матеріала и потому даютъ читателю мало). Издатель «Новороссійскаго Телеграфа» весьма тонко подмѣтилъ обманъ одесскихъ газетъ, которыя, «принадлежа къ числу ежедневныхъ изданій, въ сущности выходятъ далеко не ежедневно; считая 52 понедѣльника и 28 дней послѣпраздничныхъ, когда мѣстныя газеты не выходятъ, мы увидимъ (!), что почти 1/4 года подписчики остаются безъ газетъ». Находя такое положеніе читателя «тягостнымъ, ибо при настоящей быстротѣ сообщеній и внезапности политическихъ событій въ Европѣ (хорошо, что не у насъ) всякая новость имѣетъ только интересъ минуты (я, напримѣръ, «при настоящей быстротѣ сообщеній» получаю одесскія газеты на четвертый день). «Новороссійскій Телеграфъ» «дѣлаетъ почннъ» и, вмѣсто 285 №№ въ годъ, будетъ давать не менѣе 350».

Хотя «Новороссійскій Телеграфъ и объявляетъ, что онъ «дѣлаетъ почннъ», но объявленія остальныхъ одесскихъ газетъ подвергаютъ это заявленіе нѣкоторому сомнѣнію. «Одесскій Листокъ» тоже публикуетъ, что «въ теченіи года выйдетъ не 285, какъ теперь, а около 350 №№», «Одесскій Вѣстникъ» тоже публикуетъ, что онъ «будетъ выходить ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ», значитъ выпуститъ тоже 350 №№. Гдѣ же тутъ «починъ?» Кстати замѣчу, что «Одесскій Вѣстникъ» по своимъ публикаціямъ о подпискѣ составляетъ единственное исключеніе изъ одесскихъ газетъ. Объявленіе его состоитъ всего изъ трехъ пунктовъ (я говорю объ одесскихъ объявленіяхъ въ томъ видѣ, какъ они напечатаны въ декабрьской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника»). Вотъ эти пункты:

Съ 1 января 1886 г. «Одесскій Вѣстникъ» будетъ выходить ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

Съ 1 января 1886 г. «Одесскій Вѣстникъ», благодаря предпринятымъ улучшеніямъ въ типографіи (ужь такое теперь, должно быть, время, что безъ «улучшеній въ типографіи» не можетъ обойтись ни одно одесское объявленіе), будетъ доставляться подписчикамъ въ Одессѣ на домъ не позже семи часовъ утра.

И, наконецъ, самый главный пунктъ, стоящій въ объявленіи «Одесскаго Вѣстника» на первомъ мѣстѣ и вполнѣ его заслуживающій:

Съ 1 января 1886 г. подписная цѣна на «Одесскій Вѣстникъ» понижена на два рубля.

Конечно, конкурренція между одесскими газетами явленіе вполнѣ понятное: на югѣ Россіи число читателей увеличилось настолько, что они могутъ поддержать нѣсколько изданій; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы рекламы «Одесскаго Листка» и «Новороссійскаго Телеграфа» прибавляли что-нибудь къ достоинству этихъ изданій. Фактъ не становится менѣе прискорбнымъ даже и отъ того, что всего двѣ провинціальныя газеты позволили себѣ «издательскія» рекламы. Возможность подобныхъ рекламъ, во всякомъ случаѣ, служитъ доказательствомъ не только упадка провинціальныхъ литературныхъ нравовъ, но и низкаго уровня читателей. Казалось бы, что именно потому, что провинціальный читатель стоитъ вообще на низкомъ уровнѣ, печати и слѣдовало бы не забывать о своей общественно-воспитательной роли и держать себя на высотѣ того достоинства, которое для нея обязательно вездѣ, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ. И для этого не требуется ни героизма, ни особенной гражданской доблести. Конечно, отъ людей нельзя требовать того, что выше ихъ силъ, но отъ нихъ слѣдуетъ требовать исполненія обязанности, за которую они взялись. Провинціальная печать только потому и имѣетъ смыслъ, что она служитъ интересамъ провинціи и является гласнымъ выразителемъ ея нуждъ. Поэтому и тонъ печати долженъ быть тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ серьезнѣе интересы, которымъ она служитъ. А когда же интересы провинціи были болѣе серьезны, чѣмъ теперь? Люди наиболѣе сильнаго и пытливаго ума останавливаются въ недоумѣніи передъ анархіей интересовъ, превращающей Россію въ какой-то неподвижный хаосъ, въ которомъ никто не видитъ ни выхода, ни какой-нибудь свѣтлой точки, указывающей на близкій разсвѣтъ. Это положеніе до того серьезно, а апатія, овладѣвшая обществомъ, до того парализуетъ всѣ его дѣятельныя силы, что обязанность тѣхъ немногихъ, которые стоятъ впереди, употребить всѣ свои силы, чтобы поднять упавшій тонъ жизни, а не самимъ превращаться въ охвостье или, еще того хуже, развращать общественную мысль, и безъ того уже оттѣсненную «людьми дѣла».

И откуда у нашей печати, и вообще-то не парящей высоко, столько противниковъ? Въ послѣднія 25 лѣтъ (и болѣе всего въ послѣдніе годы) печать наша настолько измѣнилась, что прежнія клички стали къ ней совсѣмъ непримѣнимы. Но по старой памяти нашу печать, все-таки, дѣлятъ на либеральную и консервативную. Во время реформъ либеральная печать хотѣла новаго и шла дальше существующаго. Теперешняя же либеральная печать давно не идетъ дальше простаго охраненія того, что дали Россіи реформы. Охраняя существующее, она стала вполнѣ печатью консервативной и дальше охраненія реформенныхъ пріобрѣтеній никуда не идетъ. Что же касается той печати, которую звали консервативной прежде, то для нея слѣдовало бы придумать другое названіе, потому что она не стоитъ на мѣстѣ, а пытается разрушить существующее и пятится назадъ.

Но если у насъ и вообще-то нѣтъ печати либеральной, то еще менѣе слѣдуетъ считать либеральною печать провинціальную. Провинціальная печать собственно констатирующая, изслѣдующая, изучающая, ея роль болѣе ученая, чѣмъ публици-

стическая или политическая. Она именно зеркало, но не идей, а положеній; печать эта хозяйственная, но положеніе «зеркала провинціальной жизни» иногда по-истинѣ трагично.

Недавно, напримѣръ, былъ такой случай. Еще въ прошедшемъ году была напечатана въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» корреспонденція изъ Уфимской губерніи, подъ заглавіемъ: «Мензелинскъ». Въ корреспонденціи говорилось о кое-какихъ дѣйствіяхъ мензелинской городской думы и мензелинскаго городскаго головы Попкова. Между прочимъ, сообщался и такой «литературный» фактъ, будто бы мензелинскій почтмейстеръ, г. Каташъ, состоялъ на особомъ, не явномъ, жалованьи у городскаго головы Попкова и передавалъ ему подозрительныя письма, особенно адресованныя въ редакціи газетъ. Эта корреспонденція произвела въ богоспасаемомъ Мензелинскѣ, конечно, немалое волненіе, и дума, посвятивъ одно изъ своихъ засѣданій спеціально чтенію и обсужденію корреспонденціи, «признала ее съ начала и до конца наглою клеветой (еще бы!) съ преднамѣренною цѣлью повредить чести и достоинству какъ городскаго головы, такъ и самой городской думы», и начала противъ редактора «Волжскаго Вѣстника» дѣло о диффамаціи. Съ этимъ мнѣніемъ думы согласились не всѣ гласные. Четверо изъ нихъ находили, что думѣ тутъ обижаться нечему и тѣмъ болѣе нельзя утверждать, что корреспонденція есть «наглая клевета» на городскаго голову. Корреспонденція направлена противъ городскаго головы, а не противъ думы; «притомъ же, дѣйствія головы относительно прогимназіи, о его будто бы доносахъ на учителей, и объясненій съ министрами о субсидіи на прогимназію, а точно также входилъ ли онъ въ соглашеніе съ бывшимъ почтмейстеромъ Каташемъ и былъ ли Каташъ на жалованьи у г. Попкова, думѣ неизвѣстны. Выставленныя въ журналѣ цифровыя данныя точно также не могутъ быть подтверждены думою, такъ какъ отчетъ за 1883 г. ею не разсматривался и не утверждался,—слѣдовательно, дума не можетъ свидѣтельствовать правильность расхода. Отвергать же все сказанное въ корреспонденціи на основаніи только того, что г. Попковъ занимаетъ почетныя должности, по меньшей мѣрѣ неосновательно, такъ какъ выяснено въ послѣднее время очень многими судебными процессами, что нерѣдко рядомъ съ почетными должностями уживаются самыя вопіющія злоупотребленія». Хотя этотъ протестъ и долженъ былъ охладить задоръ городскаго головы, но, къ сожалѣнію, не охладилъ, и дѣло о диффамаціи началось.

Кромѣ этой диффамаціи, нашлась еще другая, въ которой провинился опять тотъ же «Волжскій Вѣстникъ». Дѣло это было много проще и вотъ какъ оно было изложено газетой: «Намъ пишутъ изъ Воткинскихъ заводовъ лѣсничій 2 камско-воткинскаго горнозаводскаго лѣсничества, губернскій секретарь Г—въ, поколотилъ своего письмоводителя А—ва за то, что послѣдній въ часы занятій отлучился изъ канцеляріи по домашнимъ обстоятельствамъ. Когда А—въ явился въ канцелярію и попросилъ у Г—ва извиненія за отлучку, послѣдній набросился на А—ва съ кулаками крича: «бить надо васъ, подлецовъ!» Обиженному и пожаловаться нельзя, иначе со службы долой, что и сдѣлалъ съ своимъ письмоводителемъ г. лѣсничій Г—въ. И бьютъ, и плакать не даютъ». Подъ буквами Г—въ узналъ себя лѣсничій Гавриловъ и тоже, подобно Попкову, нашелъ, что корреспонденція «Волжскаго Вѣстника» вредитъ его, Гаврилова, «чести, имени и достоинству», что она вымышленная и что редакторъ доженъ быть наказанъ за диффамацію.

И вотъ, редакторъ «Волжскаго Вѣстника» судился 14 декабря казанскою судебною палатой, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, за диффамацію мензелинской городской думы и мензелинскаго городскаго головы и за диффамацію лѣсничаго Гаврилова. Обвинительная власть поддерживала, конечно, оба обвиненія, но при этомъ обвинитель (товарищъ прокурора) «обратилъ вниманіе суда на то обстоятельство, что «Волжскій Вѣстникъ» — газета не преслѣдующая промышленныхъ цѣлей, и что, слѣдовательно, помѣщеніе въ ней инкриминирующихъ корреспонденцій вызвано, безъ сомнѣнія, побужденіями, не имѣющими никакой предосудительной подкладки». Въ виду этого обвинитель полагалъ примѣнить къ редактору «Волжскаго Вѣстника» денежное наказаніе, установленное ст. 1039 Улож. о нак., «но за то въ высшемъ размѣрѣ его, то-есть въ размѣрѣ 500 рублей».

Послѣ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ судъ совѣщался болѣе двухъ часовъ и по дѣлу мензелинской думы редактора «Волжскаго Вѣстника» оправдалъ, а по дѣлу г. Гаврилова приговорилъ къ 50 руб. штрафа и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Эти два дѣла, особенно мензелинскаго головы, любопытны не сколько по мужеству обиженныхъ, сколько по архаическимъ порядкамъ, которые они напомнили, точно въ уфимскихъ предѣлахъ люди живутъ и до сихъ поръ, какъ они жили во времена семейной хроники Аксакова. Для г. Попкова собственно важно, чтобъ объ его дѣйствіяхъ не смѣли говорить. Поэтому-то онъ и началъ дѣло о диффамаціи, а не о клеветѣ. «Волжскій Вѣстникъ» въ статьѣ по поводу оправдательнаго приговора дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Мы не будемъ говорить, насколько неприлично; чтобы не сказать болѣе, для выборнаго учрежденія возбуждать противъ редактора газеты обвиненіе въ диффамаціи, лишающей обвиняемую сторону возможности пользоваться, въ подтвержденіе своихъ доводовъ свидѣтельскими показаніями, то-есть тѣмъ средствомъ доказательства, которое предоставляется и самымъ тяжелымъ преступникамъ». Неужели же «Волжскій Вѣстникъ» думаетъ, что г. Попковъ не зналъ, что онъ дѣлаетъ? Вѣдь, не въ клеветѣ же ему было обвинять газету! Началъ онъ, Попковъ, дѣло о диффамаціи совсѣмъ не для того, чтобы лишить редактора «Волжскаго Вѣстника» возможности ссылаться на свидѣтельскія показанія. Зналъ онъ очень

хорошо, что начни онъ дѣло о клеветѣ, то на судѣ, пожалуй, оказалось бы, что клеветы никакой нѣтъ, а начни онъ дѣло о диффамаціи, то до правды тутъ доискиваться не станутъ, потому что диффамація есть оглашеніе позорящаго факта, дѣйствительность котораго, если даже и будетъ доказана, все-таки, не можетъ оправдывать подсудимаго, если судъ найдетъ, что позорящій фактъ не подлежалъ оглашенію въ печати. Вся обида г. Попкова была въ томъ, что его «пропечатали», а онъ слишкомъ большой человѣкъ (въ Мензелинскѣ), чтобы печать осмѣливалась о немъ говорить. Конечно, г. Попковъ принялъ всевозможныя мѣры и для того, чтобы никакихъ «доказательствъ» на судѣ не всплыло, и вотъ тутъ-то богоспасаемый Мензелинскъ и напомнилъ счастливыя времена Куролесова, когда можно было не только скрывать документы, но и уничтожать цѣлыя уголовныя дѣла. Когда г. Попковъ началъ дѣло противъ г. Загоскина, онъ не нашелъ для себя удобнымъ представить протестъ четырехъ гласныхъ (о которомъ говорилось выше). Между тѣмъ, г. Загоскинъ считалъ этотъ документъ очень важнымъ и просилъ его истребовать. Судебный слѣдователь казанскаго окружнаго суда, производившій предварительное слѣдствіе, потребовалъ протестъ, но ему выслали протоколъ допроса г. Попкова, а протеста не выслали. «Итакъ, говоритъ на судѣ г. Загоскинъ,— даже слѣдственная власть оказалась безсильною вытребовать этотъ документъ. Но я не могъ на этомъ успокоиться и обратился съ просьбою раздобыть его къ двумъ мензелинскимъ знакомымъ. Отвѣты получены были отъ нихъ изумительные. Первый знакомый пишетъ, что для полученія копіи съ протеста «надо обращаться къ управѣ, что онъ пытался неоднократно, но что безъ предписанія свыше здѣсь ничего нельзя ни сдѣлать, ни достать, такъ какъ не хватитъ ни силъ ни времени съ нимъ возиться». Второй знакомый отвѣтилъ, что «достать какія-либо справки и выписки изъ управы— ему ли, или другому кому, нѣтъ возможности». Ну, совершенно какъ въ дореформенныхъ земскихъ судахъ. Но какъ ни силенъ былъ г. Попковъ и какъ онъ ни замыкалъ герметически управу, но кое-какіе документы выплыли на свѣтъ Божій и, между прочимъ, «заявленіе членовъ ревизіонной коммиссіи на имя г. уфимскаго губернатора о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, господствующихъ въ мензелинскомъ городскомъ общественномъ банкѣ». Конечно, и это, и всякіе другіе безпорядки какъ въ банкѣ, такъ и въ городской управѣ нисколько не мѣшали г. Попкову продолжать въ томъ же видѣ городское хозяйство, тѣмъ болѣе, что онъ не безъ остроумія придумалъ одну очень радикальную мѣру, которая при удачѣ могла бы настолько изолировать Мензелинскъ, что о немъ мы бы, наконецъ, знали не больше, чѣмъ объ островѣ Мадагаскарѣ: г. Попковъ закрылъ для мензелинцевъ почту. Объ этомъ невѣроятномъ фактѣ г. Загоскинъ сообщилъ на судѣ любопытныя подробности. «Корреспондентъ нашъ сообщаетъ,—говорилъ г. Загоскинъ въ защитительной рѣчи,—что Каташъ (почтмейстеръ) состоялъ на негласномъ жалованьи у Попкова и что онъ передавалъ ему корреспонденцію, адресованную на имя редакцій газетъ. Фактъ въ глухой провинціи болѣе нежели обыкновенный и на который сами лица, прикосновенныя къ нему, смотрятъ весьма легко. Повидимому, и сама мензелинская дума, инкриминирующая это сообщеніе корреспонденціи, не придаетъ ему особаго значенія... Я надѣюсь,—продолжалъ г. Загоскинъ,— что достовѣрность инцидента съ г. Каташемъ станетъ внѣ сомнѣнія, при соображеніи всѣхъ другихъ обстоятельствъ, если я остановлюсь на личности почтмейстера Каташа. Я считаю возможнымъ сдѣлать это, такъ какъ Каташъ уволенъ отъ должности, благодаря ревизіи назначенной надъ нимъ по настоянію мензелинскаго предводителя дворянства, г. Останкова. Каташъ — это второй и современный экземпляръ гоголевскаго Шпекина... Фактъ нескромнаго отношенія къ письмамъ, адресованнымъ въ редакціи газетъ, со стороны служащихъ въ уѣздныхъ почтовыхъ учрежденіяхъ, — фактъ слишкомъ хорошо извѣстный какъ намъ, редакторамъ газетъ, такъ и нашимъ корреспондентамъ. Изъ опасенія «утраты корреспонденціи, адресуемой какъ въ редакціи, такъ и изъ редакціи, корреспонденты просятъ у насъ фиктивныя адреса, просятъ насъ не адресовать имъ писемъ въ конвертахъ съ бланкомъ редакціи».

Вотъ это нравы! И несомнѣнно, что союзъ г. Попкова съ мензелинскимъ Шпекинымъ превратилъ бы Мензелинскъ въ Мадагаскаръ (можетъ быть, Мензелинскъ ужъ и былъ Мадагаскаромъ, хотя это обстоятельство и осталось не выясненнымъ), если бы вмѣсто любознательнаго Каташа не назначили почтмейстера менѣе любознательнаго, снявшаго съ несчастнаго города карантинъ, уничтоженіе котораго разрѣшилось такъ блистательно дѣломъ о диффамаціи.

Сколько можно судить по этому дѣлу, г. Попковъ принадлежитъ не къ тонкимъ дѣльцамъ новѣйшей формаціи, — его работа топорная и средства его слишкомъ дореформенны. Замкнуть герметически управу, какъ несгораемый шкафъ, и вмѣстѣ съ почтмейстеромъ распечатывать письма — пріемъ грубый и устарѣлый; кромѣ того, г. Попковъ не совсѣмъ хорошо понялъ статью закона о диффамаціи и заставилъ городскую управу обидѣться вмѣстѣ съ нимъ, тогда какъ г. Попкову слѣдовало обижаться одному. Если же г. Попковъ поставилъ вопросъ лично, какъ это сдѣлалъ лѣсничій Гавриловъ, то, можетъ быть, онъ бы и выигралъ. Г. Гавриловъ показалъ на судѣ, что онъ только «оттолкнулъ» отъ себя письмоводителя, и «оттолкнулъ» онъ «въ безсознательномъ состояніи», но два свидѣтеля изъ трехъ показали, что г. Гавриловъ ударилъ письмоводителя «кулакомъ въ шею», и пояснили это такимъ внушающимъ жестомъ, который «вызвалъ въ публикѣ невольный смѣхъ». Хотя, такимъ образомъ, корреспонденція «Волжскаго Вѣстника» и подтвердилась въ своей существенной части, но, тѣмъ не менѣе, она все-таки, найдена судомъ вредящею чести, достоинству и

доброму имени г. Гаврилова, и г. Загоскинъ потерпѣлъ справедливое наказаніе. Нельзя конечно не радоваться за г. Гаврилова, возстановившаго такъ блистательно свое достоинство и доброе имя, но, тѣмъ не менѣе, г. Попкову, все-таки, нельзя было бы послѣдовать его примѣру, по той простой причинѣ, что г. Попковъ обличался какъ выборный общественный дѣятель и по дѣламъ общественнымъ.

Выясняя эту мысль, г. Загоскинъ сказалъ на судѣ: «Врядъ ли возможно серьезное сомнѣніе въ томъ, что городская дума, какъ и всякій другой органъ общественнаго самоуправленія, не можетъ не допускать широкой критики своей дѣятельности. Всякій органъ самоуправленія есть органическая часть самаго общества, составляется изъ выборныхъ обществомъ лицъ, — слѣдовательно, и контроль надъ нимъ общества не можетъ считаться стороннимъ и неумѣстнымъ вмѣшательствомъ. Тотъ органъ самоуправленія, который захотѣлъ бы протестовать противъ такого контроля, совершилъ бы преступное покушеніе на гласность, какъ основной принципъ всякаго самоуправленія. Если мы согласимся съ общепризнаннымъ положеніемъ, что пресса является выразительницею общественнаго мнѣнія, то и ея контроль надъ дѣятельностью органовъ самоуправленія долженъ быть признанъ фактомъ вполнѣ нормальнымъ». И, тѣмъ не менѣе, г. Загоскинъ, все-таки, не былъ убѣжденъ, что «общепризнанное положеніе» непремѣнно поведетъ къ его оправданію. Ссылаясь на разоблаченіе такихъ хищеній, какъ скопинское, сдѣланное печатью, г. Загоскинъ хотя и не сравнивалъ мензелинскихъ «дѣлишекъ» съ колоссальнымъ скопинскимъ воровствомъ и потому не ставилъ себѣ въ особую заслугу обличеніе дѣяній г. Попкова, но, однако, «считалъ долгомъ оговориться», что никакая кара, если бы таковая и наступила, «не заставила бы его, какъ представителя печатнаго слова, отказаться отъ разоблаченія такихъ неблаговидныхъ дѣяній, какія разоблачаются «Волжскимъ Вѣстникомъ» въ рядѣ корреспонденцій изъ захолустій нашего отдаленнаго востока». И вотъ, когда послѣдовалъ оправдательный приговоръ, въ которомъ г. Загоскинъ не былъ увѣренъ, въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» явилась передовая статья, написанная съ большимъ тактомъ, придающая приговору коронныхъ судей «серьезное значеніе». И дѣйствительно, послѣдуй вмѣсто оправданія обвиненіе, не только мензелинскіе дѣятели, но и всѣ единомышленные съ ними дѣльцы и хищники, стоящіе у общественныхъ дѣлъ, подняли бы съ торжествомъ голову, а теперешнее обвиненіе суда послужило бы прецедентомъ для всѣхъ послѣдующихъ обвиненій. Что сталось бы тогда съ «Волжскимъ Вѣстникомъ», что сталось бы и вообще съ провинціальною прессой, если бы коронный судъ наложилъ свое veto на разоблаченіе злоупотребленій выборныхъ общественныхъ учрежденій? Вѣдь, теперь, какъ справедливо замѣчаетъ передовая статья «Волжскаго Вѣстника», земскія и городскія учрежденія—единственная сфера, въ которой печатное слово, не выходя изъ рамокъ общихъ законовъ, чувствуетъ себя сравнительно свободнымъ. Запретите говорить о нихъ, о чемъ же останется говорить? У глухонѣмаго общества явится достойная его глухонѣмая печать. Уже и теперь печать лишилась всякаго внутренняго равновѣсія и только оттого, что для нея закрыта возможность обсужденія и контроля надъ цѣлою массой общественныхъ явленій, превратила земство и городскія учрежденія въ единственнаго козла отпущенія и отражаетъ недостатки этого бѣднаго козла подчасъ въ увеличенномъ видѣ, точно только въ нихъ и скопились всѣ наши русскіе грѣхи, а во всемъ остальномъ мы чище праведниковъ.

Если я говорилъ такъ много о процессѣ «Волжскаго Вѣстника», то только потому, что онъ служитъ иллюстраціей, очень полно выясняющею положеніе провинціальной печати. Оказывается, что у «зеркала» остается открытымъ не особенно большой кусокъ, въ которомъ можетъ отражаться провинціальная жизнь, да и этому незакрытому куску грозитъ иногда опасность очутиться подъ флеромъ.

Что же будетъ съ зеркаломъ провинціи, если оно очутится все подъ флеромъ, и какія есть ручательства, что этого не случится, можетъ, спроситъ читатель? Что случится съ зеркаломъ, если оно будетъ подъ флеромъ, догадаться не трудно, а какія имѣются ручательства, что этого не случится, я не знаю.

IV.

Матеріалъ, которымъ я располагаю, не великъ по времени — газеты не больше какъ за два мѣсяца, но и за эти два мѣсяца набралось столько самыхъ разнообразныхъ фактовъ, что въ нихъ можно растеряться, какъ въ дремучемъ лѣсу. Тутъ и грабежи, и убійства, и драки, и воровство, и голодъ, и холодъ, подати и недоимки, дворянскій банкъ, съѣзды сельскихъ хозяевъ, съѣздъ горнозаводчиковъ, съѣздъ желѣзозаводчиковъ, безработица, мельницы, остановившіяся потому, что они намололи ужь слишкомъ много, уголовные процессы, знаменитые и не знаменитые, юбилей училища правовѣдѣнія, назначенія новыхъ лицъ на высшія правительственныя должности и т. д. Съ какихъ же фактовъ начать, что важно, что не важно — или все важно? Чтобы распутаться въ этомъ хаосѣ многообразія, я распредѣлилъ факты по рубрикамъ и ихъ (т. е. рубрикъ) получилось 44. Первой въ хронологическомъ порядкѣ явилась хлѣбная торговля; конечно, это только случайности; начни я свою работу, когда газеты описывали съ такою подробностью юбилей училища правовѣдѣнія, въ первой рубрикѣ могло бы стоять и «училище правовѣдѣнія». Вторую рубрику заняли юридическіе вопросы, третью — звѣрство, въ слѣдующихъ рубрикахъ распредѣлялись: дворянскій банкъ, земская статистика, тюрьмы, желѣзные заводы, грамотность, общественное невѣжество, разбои, промышленность, женское образованіе, народное здравіе,

печать и гласность, школы, грубость и насиліе, люди дѣла, т. е. теперешніе дѣятели — дѣльцы и т. д. = 44. Съ какой же рубрики начать? Если держаться хронологическаго порядка, то почему хлѣбная торговля (вопросъ по преимуществу купеческій) важнѣе народной нужды или податей? Чтобы при установленіи очереди вопросовъ не руководиться личнымъ вкусомъ и симпатическими чувствами, нужно было найти основаніе болѣе разсудочное и опредѣленное. И такимъ болѣе опредѣленнымъ основаніемъ мнѣ показалось число фактовъ той или другой рубрикѣ. Самою богатой оказалась рубрика 16-я — «грубость и насиліе», а за ней 40-я—«уголовные процессы».

Не дѣлая преждевременнаго, а потому и рискованнаго обобщенія и не сводя всю русскую провинціальную жизнь только къ грубости и насилію, нельзя, однако, не чувствовать, что грубость одно изъ главныхъ явленій нашей жизни. Грубости есть всякихъ видовъ: неуваженіе къ личности и свободѣ ближняго, физической и нравственной, то отсутствіе чувства законности, которымъ полна русская жизнь, начиная съ починка, теряющагося въ лѣсной трущобѣ, и кончая городами съ газовымъ и электрическимъ освѣщеніемъ. Если бы о русской жизни не было извѣстно ничего, то одного объявленія отъ магазина Вильгельма Шульца въ Кіевѣ совершенно достаточно, чтобы не ошибиться въ общемъ заключеніи о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ № 258 «Зари» Вильгельмъ Шульцъ публикуетъ, что у него можно купить дешево къ празднику мужское и дамское платье и бѣлье, и въ концѣ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «прошу обратить вниманіе на то, что мой магазинъ помѣщается только на Фундуклеевской улицѣ и *что обращеніе мое съ посѣтителями магазина самое вѣжливое*». Не знаю, было ли бы возможно подобное объявленіе въ какомъ-нибудь самомъ забытомъ провинціальномъ городкѣ Франціи; но если-бы оно явилось у насъ даже въ Петербургѣ, то никто не нашелъ бы страннымъ, что хозяинъ магазина обѣщаетъ покупателямъ въ видѣ преміи быть съ ними вѣжливымъ. Одна возможность подобнаго объявленія показываетъ, что въ нашихъ нравахъ вѣжливость не есть правило и, слѣдовательно, грубость не составляетъ исключенія.

Въ видѣ вступленія я разскажу читателю уголовное дѣло на романической подкладкѣ, разбиравшееся 28 ноября прошедшаго года окружнымъ судомъ въ Чигиринѣ. Двадцатилѣтній парень Крикуненко ухаживалъ за молодою дѣвушкой Агафьей Гончаривной. Крикуненко ходилъ «до Гончаривны» — онъ жилъ отъ нея въ четырехъ верстахъ — почти цѣлый годъ, ласкалъ ее, цѣловалъ не разъ и считалъ ее своею невѣстой. Но скоро за Агафьей сталъ ухаживать и другой парень—Зинченко, болѣе красивый и зажиточный. Новый, болѣе блестящій женихъ сразу привлекъ къ себѣ симпатіи Агафьи и ея родителей. Крикуненко началъ ревновать и, считая за собою право первенства, не переставалъ посѣщать Агафьи. Разъ онъ засталъ ее въ объятіяхъ Зинченко и пришелъ въ такую ярость, что ударилъ ее сапогомъ. Зинченко хотѣлъ вступиться за свою возлюбленную, но Крикуненко убѣжалъ въ лѣсъ и спрятался у лѣснаго сторожа. На утро Крикуненко стало стыдно и досадно на свою грубость. Онъ рѣшилъ вечеромъ сходить къ Агафьѣ, попросить у ней прощенія и переговорить съ нею послѣдній разъ—любитъ-ли она его? Когда наступилъ вечеръ, Крикуненко пошелъ къ Агафьѣ, но домой не вернулся и утромъ нашли его трупъ привѣшеннымъ къ забору Гончара. Трупъ былъ страшно изуродованъ и исцарапанъ. Всѣ истязанія были сдѣланы еще надъ живымъ Крикуненко и когда мучители натѣшились, они задушили свою жертву. Судъ приговорилъ Зинченко, Гончара и его жену къ каторжной работѣ, а Агафью оправдалъ.

Въ этомъ дѣлѣ, прежде всего, бросается въ глаза несоотвѣтствіе аффекта вызвавшей его причинѣ. Какъ бы больно Крикуненко ни ударилъ Агафью сапогомъ, во всякомъ случаѣ мучительства, которыя ему пришлось испытать, уже никакъ не соотвѣтствовали силѣ этого удара. Людьми овладѣлъ дикій страстный порывъ, человѣка оказывалось нужнымъ проучить, а что изъ этого выйдетъ и чѣмъ все это кончится, никто не думалъ; между расходившимся инстинктомъ и рефлексомъ дѣйствія не оказалось ничего промежуточнаго, ничего сдерживающаго и уравновѣшивающаго. Люди озлились и стали тиранить свою жертву, и чѣмъ они больше ее тиранили, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе расло въ нихъ скрытое чувство и просило все большаго и большаго удовлетворенія. Крикуненко избитъ, измятъ, переломанъ, озлившіяся фуріи всего его исцарапали, но и этого мало: его душатъ и вѣшаютъ на ворота. И никто ничего не понимаетъ, что и для чего онъ дѣлаетъ, а менѣе всѣхъ Зинченко. Если ему было нужно устранить соперника, чтобы овладѣть Агафьей, которая и безъ того любила его больше, то ужь никакъ въ его планы не могло входить отправиться одному въ каторжную работу. Все въ этомъ дѣлѣ глупо и людей нельзя назвать даже сумасшедшими. Сумасшедшими управляютъ безумныя идеи, но здѣсь нѣтъ ни умной, ни безумной идеи, а есть только страстный инстинктъ безъ малѣйшей тѣни разсудочности. Первобытное, природное чувство, завладѣвъ безраздѣльно людьми, не встрѣчаетъ поправки ни въ какихъ другихъ сдерживающихъ чувствахъ; да ихъ уже и нѣтъ; они или затемнѣны этимъ болѣе сильнымъ чувствомъ, или и сами перешли въ него. Моментъ просвѣтлѣнія наступилъ, когда Крикуненко былъ уже мертвъ, но тогда уже было поздно. И въ наступившемъ свѣтломъ моментѣ, когда люди призадумались надъ тѣмъ, что они сдѣлали, и въ нихъ заговорило чувство самосохраненія, у нихъ, все-таки, оказались очень слабыя разсудочныя средства: избитый и искалѣченный трупъ Гончаръ съ женой подвѣшиваютъ къ воротамъ своей избы! И именно эта слабость разсудочныхъ средствъ, а чаще всего полное ихъ отсутствіе, но за то непомѣрное и быстрое развитіе инстинктивныхъ чувствъ, совсѣмъ заслоняющихъ или вытѣсняющихъ все

остальное, что есть въ душѣ человѣка, — вотъ основа душевныхъ процессовъ первобытнаго обитателя нашихъ первобытныхъ починковъ, когда въ этомъ обитателѣ какія-нибудь обстоятельства нарушатъ его душевное равновѣсіе.

Или вотъ такой случай и въ томъ же Чигиринскомъ уѣздѣ. Въ 10 ч. вечера крестьянинъ Гродижскій возвращается съ своимъ пріятелемъ, Иваномъ Сигидой, изъ гостей. Увидѣвъ, что шинокъ освѣщенъ, они заглянули въ него, но, не найдя знакомыхъ, пошли своею дорогой. Одинъ изъ сидѣвшихъ въ шинкѣ парней, Ващенко, узнавъ Гродижскаго, сказалъ своимъ товарищамъ Мацаку и Кочергѣ: «пойдемъ его бить». Предложеніе было принято и всѣ трое вышли изъ шинка, а за ними пошла и вся остальная компанія, засѣдавшая въ шинкѣ, человѣкъ въ патнадцать. Выломавъ изъ забора колья, молодцы пошли въ догонку за Гродижскимъ и, когда сравнялись съ нимъ, Ващенко его повалилъ и съ остальными своими товарищами началъ бить его по головѣ кольями и топтать каблуками. Сигида бросился было на помощь Гродижскому, но Мацакъ схватилъ его и приперъ къ забору. Сигида, вырвавшись, вновь бросился къ Гродижскому. Въ это время одинъ изъ парней сказалъ другому: «убьемъ его — не будетъ свидѣтелей» — и ударилъ Сигиду коломъ въ голову, а другой парень ткнулъ Сигиду коломъ въ нижнюю часть живота. Сигидѣ, однако, удалось убѣжать и его не преслѣдовали. Гродижскаго же били кольями и каблуками до того, что онъ пересталъ и хрипѣть. Тогда Мацакъ командуетъ: «довольно!» а Кочерга въ отвѣтъ на это говоритъ Ващенко: «онъ только притворяется, бей его!» и снова начинаютъ бить его каблуками. Наконецъ, молодцы, должно быть, устали и разошлись по домамъ. Гродижскій еще дышалъ. Его перенесли въ хату, пригласили священника, но было уже поздно. Чѣмъ же Гродижскій вызвалъ этотъ самосудъ? Гродижскій былъ четыре года сельскимъ старостой и, какъ говорятъ, не давалъ потачки молодежи и въ особенности деревенскимъ буянамъ и они-то теперь и устроили съ нимъ расправу. Вотъ и все. Не правда ли какъ просто? Да, просто, но именно въ этой простотѣ и весь ужасъ. «Пойдемъ его бить», — говоритъ Ващенко — и идутъ, и бьютъ, но бьютъ такъ, что черепъ оказывается расколотымъ на 6 частей. Когда Ващенко сказалъ: «пойдемъ его бить», никто, конечно, не думалъ, что это такъ случится. Гродижскаго не хотѣли убивать, а ужь это случилось какъ-то само собою. Когда Сигида вздумалъ вступиться, одинъ изъ парней говоритъ товарищамъ: «убьемъ его—не будетъ свидѣтеля» и Сигиду бьютъ коломъ по головѣ, тычутъ въ животъ. И Сигиду никто не хотѣлъ убивать въ серьезъ, потому что когда онъ убѣжалъ, за нимъ никто и не подумалъ погнаться. Бояться Сигиды, какъ свидѣтеля, не было тоже причины, потому что кромѣ его тутъ были и другіе крестьяне. Какъ же случилось смертоубійство, а могло быть ихъ и два? Случилось, и только, и никто не знаетъ какъ. Тутъ, какъ и въ убійствѣ Крикуненко, аффектъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ причинѣ, и между возбужденнымъ инстинктомъ и рефлексомъ дѣйствія не оказалось никакого разсудочнаго промежутка. Инстинктъ здѣсь былъ меньше возбужденъ, чѣмъ при истязаніи Крикуненко, страстный порывъ былъ слабѣе и потому вся драма имѣетъ болѣе спокойный, повидимому, характеръ, но отъ этого-то она еще ужаснѣе, тѣмъ болѣе, что и моральныя побужденія были слабѣе. При истязаніи Крикуненко главнымъ мотивомъ была ревность, оттого и истязаніе его имѣло особенный характеръ. Въ убійствѣ же Гродижскаго, если корреспондентъ не пропустилъ ничего, только одинъ мотивъ—излишняя строгость Гродижскаго и накопившаяся противъ него злоба, оттого и болѣе сосредоточенная и, повидимому, безстрастная, что она давно копилась. Очень можетъ быть, что если бы парни не были въ кабакѣ, ничего бы и не случилось. Водка, вообще, хорошій пособникъ въ подобныхъ случаяхъ, потому что совсѣмъ уничтожаетъ всякій промежутокъ между возбужденнымъ инстинктомъ и его рефлексомъ.

Вотъ пьетъ въ кабакѣ здоровенный мужикъ и подлѣ него стоитъ его сынъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати. Видя, что отецъ не перестаетъ пить, мальчикъ началъ уговаривать его идти домой. Надоѣлъ ли мужику ребенокъ, или ему хотѣлось показать свою родительскую власть, но онъ хватилъ его своимъ могучимъ кулакомъ надтмашь съ такою силой, что мальчикъ ударился вискомъ объ уголъ прилавка и упалъ безъ чувствъ, облитый кровью. У мальчика выскочилъ глазъ. Умеръ ли мальчикъ, или остался живъ, корреспондентъ не говоритъ. Или въ Одессѣ американецъ, г. Гинземанъ, платитъ извощику за конецъ по таксѣ 20 к., а извощикъ требуетъ 30 к., американецъ же не даетъ больше; тогда озлившійся извощикъ ударяетъ его по лицу кнутовищемъ съ такою силой, что у американца совсѣмъ выливается глазъ.

Я знаю, что нельзя обобщать одного-двухъ фактовъ, но тотъ фактъ, который я теперь приведу, допускаетъ обобщеніе. Фактъ этотъ, впрочемъ, не изъ фактовъ послѣдняго времени. Одинъ изъ подмастерьевъ петербургскаго золотыхъ дѣлъ мастера Бенига, финляндецъ Вальквистъ, убилъ, съ цѣлью грабежа, 14-ти лѣтняго мальчика, находившагося у г. Бенигъ въ ученьи. Убійство это было ненужное и Вальквистъ могъ бы сдѣлать воровство, не усыпляя его такимъ страшнымъ концомъ. Когда Вальквистъ рѣшилъ ограбить магазинъ, Редлихъ (мальчикъ) сидѣлъ въ маленькой комнатѣ, прилегающей къ магазину, и читалъ газету. Чтобы избавиться отъ соглядатая, Вальквистъ вошелъ въ мастерскую, увидѣлъ молотокъ и задумался. Но, однако, онъ взялъ молотокъ и подошелъ сзади къ Редлиху. Опершись лѣвою рукой о плиту, Вальквистъ правою рукой занесъ молотокъ надъ головой мальчика, но ему стало жаль его и онъ опустилъ руку; немного постоявъ, онъ занесъ молотокъ во второй разъ и опять ему стало жаль мальчика. Заноситъ Вальквистъ молотокъ въ третій разъ — и теперь уже никакое постороннее чувство не помѣшало ему.

Редлихъ упалъ. Проснулось ли въ Вальквистѣ чувство жалости, заговорила ли совѣсть, ужасенъ ли былъ для него видъ жертвы, но онъ взялъ одѣяло, покрылъ имъ голову трупа и, разбивъ стекло въ двери, вошелъ въ магазинъ. Тоже убійство, но въ убійцѣ вы чувствуете живого человѣка, который хотя и довелъ свое дѣло до конца подъ вліяніемъ болѣе сильнаго мотива, но въ его болѣе сложной душѣ есть мѣсто и для другихъ чувствъ. Но вотъ случай въ Томскѣ, одновременный съ этимъ убійствомъ. Два солдата мѣстнаго батальона завели польскаго переселенца въ глухое мѣсто, задушили и, чтобы «совѣсть ихъ не мучила», прокололи мертвецу грудь противъ сердца и напились его крови. Опять слишкомъ просто, безъ всякихъ осложненій... Вальквистъ получилъ нѣкоторое образованіе; онъ учился читать, писать, географіи, исторіи, ариѳметикѣ и закону Божію; это не удержало его отъ убійства, и, все-таки, какое громадное нравственное разстояніе между убійцей, который не можетъ смотрѣть на свою жертву, и убійцей, пьющимъ кровь. Конечно, это дѣлается въ Томскѣ, городѣ, прославившемся своими уголовными ужасами и, главное, ихъ простотой. Подобною простотой отличается и вся Сибирь и вообще наши восточныя окраины; чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ уголовной простоты меньше.

У насъ пока дѣйствуютъ культурныя и просвѣтительныя вліянія отдаленнаго прошлаго, не то временъ крещенія Руси, не то временъ Домостроя, не то временъ Русской Правды. Во всякомъ случаѣ, то *Уложеніе о наказаніяхъ*, которое составляетъ для народа его неписанный законъ, принадлежитъ ко временамъ самыхъ первобытныхъ юридическихъ понятій. Если народъ судитъ—онъ судитъ всегда жестоко, а наказаніе его—всегда месть; это даже и не библейское «око за око», а что-то ужасное, для чего не существуетъ никакого сравненія. Вотъ на деревенскомъ выгонѣ находятъ нагаго и избитаго солдата; весь онъ жестоко изсѣченъ кнутьями, а голова пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ и вся залита кровью. Солдатъ показалъ, что вечеромъ, будучи подъ хмѣлькомъ, онъ вышелъ на выгонъ освѣжиться и на него напали какіе-то мужики, заподозрившіе въ немъ неблагонамѣреннаго человѣка. Мужики раздѣли его и начали бить палками и кнутьями; сколько времени его били, онъ не знаетъ (!), но били его долго и жестоко и онъ, наконецъ, лишился чувствъ. Избитому солдату хотя и было оказано медицинское пособіе, но жизни оно ему, конечно, не вернуло. Или заподозрѣннаго въ кражѣ крестьянина привели въ сборную избу, и толпа порѣшила его «проучить». Затѣмъ наступило исполненіе общественнаго приговора и несчастнаго принялись бить всѣ, кто хотѣлъ и чѣмъ попало. Битый тутъ же подъ побоями и умеръ. Но образцомъ жестокости можетъ служить мужицкій самосудъ, разбиравшійся недавно тамбовскимъ окружнымъ судомъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ самосудѣ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»: «Слушая разсказы очевидцевъ объ ужасающихъ подробностяхъ этого дикаго самосуда, просто не вѣрилось, что онъ происходилъ въ цивилизованной странѣ, въ концѣ XIX вѣка. Осенью прошедшаго года, въ день храмоваго праздника, въ селѣ Коровинѣ загорѣлся домъ сельскаго старосты. Сбѣжавшійся на пожаръ уже *изрядно подвыпившій* народъ заподозрилъ въ поджогѣ одного бобыля, находившагося тутъ же на пожарѣ. Его схватили, били по чемъ попало и затѣмъ, по приказанію старосты, мнимому поджигателю связали руки и ноги, запрягли въ телѣгу почти необъѣзженную лошадь, позади телѣги привязали несчастнаго бобыля и во всю мочь поскакали въ становую квартиру, отстоящую отъ мѣста пожара за 6 верстъ. Напрасно несчастный молилъ дорогою сопровождавшаго его сотскаго развязать его и позволить ему сѣсть на телѣгу, напрасно клялся, что въ поджогѣ онъ не виновенъ: исполнительный сотскій до самаго стана тащилъ его «волокомъ» по кочкамъ, и когда пріѣхали, лицо Р. (бобыля) представляло безформенный кусокъ окровавленнаго мяса; у него поломано нѣсколько реберъ, вывихнуты руки и ноги,—словомъ, онъ искалѣченъ такъ, какъ въ старину истязали по приговору суда инквизиціи. На другой день несчастный умеръ, а противъ его мучителей становымъ приставомъ было возбуждено уголовное слѣдствіе...» Корреспонденту не вѣрилось, что этотъ дикій самосудъ произведенъ въ цивилизованной странѣ, въ концѣ XIX вѣка. Почему же не вѣрилось? Во-первыхъ, эта форма самосуда совсѣмъ не рѣдкость и случай этотъ далеко не единственный. Крестьяне поступили такъ, какъ они слыхали, что поступаютъ и другіе,—«по бывшимъ примѣрамъ». Да и тѣ факты, которые мы приводили, ничѣмъ не отличаются отъ этого самосуда. Развѣ истязаніе Крикуненко напоминаетъ цивилизованную страну и XIX вѣкъ, развѣ убійство Гродижскаго фактъ изъ цивизованной страны? А отецъ, бьющій наотмашь сына, или извощикъ, выбивающій глазъ у сѣдока изъ-за гривенника, или убійцы, пьющіе кровь ими убитаго? Если творятъ самосудъ американцы, они вѣшаютъ на фонарь или убиваютъ изъ револьвера. Это скверно, потому что насиліе, а не судъ, но тутъ нѣтъ ни истязанія, ни пытки. Люди, все-таки, держатся немножко въ уровень съ господствующими уголовными понятіями своего вѣка. Но когда приходится говорить о нашемъ народномъ самосудѣ, тутъ уже нельзя вспоминать «цивилизацію» или «XIX вѣкъ», а, напротивъ, ихъ нужно совсѣмъ забыть. Чтобы найти корень русскаго самосуда, нужно углубиться во «мракъ времени». И дѣйствительно, только во мракѣ времени можно найти объясненіе тѣмъ фактамъ жестокости и насилія, которыми такъ богата наша уголовная и неуголовная хроника. Культурному человѣку факты подобной народной жестокости должны казаться ужасающими и дикими. Но, вѣдь, они таковы и въ дѣйствительности. Да и почему имъ быть иными? Давно ли отмѣнено у насъ крѣпостное право, съ его практикой помѣщичьяго произвола и съ его свѣжими преданіями о Солтычихѣ, Куролесовѣ и тысячахъ имъ подобныхъ? Да и не одни преданія живы, а живо еще цѣлое поколѣніе, выросшее на

крѣпостныхъ порядкахъ и на куролесовской практикѣ. Каждый мужикъ, которому теперь сорокъ лѣтъ, разскажетъ вамъ такіе случаи «отеческаго обращенія» помѣщиковъ, что у васъ встанутъ волосы дыбомъ. Свѣжо преданіе и о «зеленой улицѣ», когда четыре тысячи ударовъ палками считалось наказаніемъ «среднимъ». Лѣтъ сорокъ назадъ въ Казани гоняли сквозь строй черезъ 12 т. человѣкъ въ одинъ разъ двухъ разбойниковъ, Чайкина и Быкова. Это было наказаніе на смерть. Одинъ изъ наказываемыхъ умеръ подъ палками, другой увезенъ въ больницу еще дышавшимъ. Это послѣ 12-ти-то тысячъ. Вотъ какіе были изумительные организмы и что они могли выносить! И на такіе изумительные организмы было разсчитано и наказаніе, конечно, въ видѣ maximum'а, чтобы повадно не было. На такихъ порядкахъ и слагались привычки народа. Кнутъ и плети, торговая казнь ради «устрашенія», знаменитая уголовная формула: «чтобы и другимъ не повадно было», «зеленая улица» были тою практической школой, въ которой воспиталось не одно поколѣніе и сложились ихъ общественные нравы и уголовныя понятія. Теперь, правда, пошло въ деревнѣ новое поколѣніе, выросшее на свободѣ, но понятія этого свободнаго поколѣнія, судя по такимъ фактамъ, какъ убійство Гродижскаго, такъ же жестоки, какъ и понятія его отцовъ. Да едва ли оно и могло быть иначе, потому что не явилось никакихъ новыхъ цивилизующихъ воздѣйствій, которыя могли бы создать въ народѣ внезапно гуманность и мягкость нравовъ. Русскій народъ вовсе не жестокъ по природѣ, онъ скорѣе жалостливъ, его жестокость въ самосудахъ есть жестокость юридическая, созданная понятіемъ, что нужно учить и проучить, чтобы человѣкъ впередъ не дѣлалъ. Тутъ не сердце жестоко, а жестоки понятія, жестокъ безсознательный рефлексъ страстнаго порыва, вызваннаго такимъ же безсознательнымъ мышленіемъ, въ свою очередь, создавшимся наглядною школой жизни и грубыми привычками. Недостатокъ гуманности, въ которой мы, образованные, упрекаемъ народъ, нами же, образованными, въ немъ и поддерживается.

Вотъ хотя бы такой случай. Лѣтъ пять тому назадъ въ Вяткѣ была назначена публичная казнь трехъ осужденныхъ на каторгу. Утромъ въ назначенный часъ изъ воротъ тюремнаго замка, лежащаго въ концѣ города, вышла печальная процессія. Впереди ѣхалъ казакъ, за нимъ шелъ взводъ солдатъ съ барабаннымъ боемъ, подъ командою офицера, чиновникъ полиціи, полицейская стража, товарищъ прокурора, священникъ и, наконецъ, высокія черныя дроги, и на нихъ, на высокой скамьѣ, спиною къ лошадямъ и лицомъ къ толпѣ зѣвакъ, слѣдовавшей за дрогами, трое осужденныхъ. По мѣрѣ того, какъ печальная колесница проѣзжала черезъ болѣе населенныя улицы, число любопытныхъ расло и на мѣстѣ казни превратилось въ густую толпу. Процессія остановилась у эшафота, преступниковъ стащили съ колесницы, взвели наверхъ и привязали къ позорному столбу. Блѣдные, исхудалые, съ страдальческимъ выраженіемъ въ лицѣ, осужденные ждали конца этой тяжелой для нихъ выставки. Проходятъ положенныя закономъ десять минутъ, проходятъ двадцать, тридцать минутъ, цѣлый часъ, другой, и, наконецъ, завѣдывающій всею этою церемоніей прокуроръ заявляетъ, что, «по случаю неприбытія секретаря окружнаго суда, исполненіе приговора отлагается до другаго времени». Толпа разошлась въ недоумѣніи и арестантовъ снова отправили въ тюремный замокъ. И все это случилось по канцелярскому недоразумѣнію. Вѣдь, тоже фактъ, повидимому, невозможный въ цивилизованной странѣ и въ XIX вѣкѣ, и не только онъ оказался возможнымъ, но и прошелъ совершенно незамѣтнымъ. Появилась о немъ одна корреспонденція и ни газеты, ни общественное мнѣніе не обратило на нее никакого вниманія. А, между тѣмъ, фактъ возмутительный, и больше всего по общественному равнодушію. И мы молчимъ совсѣмъ не потому, что «ничего не подѣлаешь». Нѣтъ. Сами факты проходятъ для насъ безслѣдно, ничего не шевелятъ внутри, по привычкѣ къ подобнымъ фактамъ.

Вообще, когда русскій человѣкъ считаетъ себя въ своемъ «правѣ», его великодушіе уменьшается пропорціонально увеличенію его права. Кромѣ того, осложняющимъ мотивомъ (производящимъ вообще большую путаницу въ понятіяхъ) является «власть», выражающаяся внѣшнимъ образомъ всегда большею или меньшею грубостью. Ближайшею иллюстраціею къ этому обобщенію можетъ служить провинціальная городская и деревенская полиція. Что обобщеніе не апріорно, приведу приказъ житомірскаго полицеймейстера, напечатанный въ «Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Вотъ, что пишетъ житомірскій полицеймейстеръ: «Ко мнѣ неоднократно доходили и доходятъ свѣдѣнія о грубомъ и невѣжливомъ обращеніи подвѣдомственныхъ мнѣ чиновъ житомірской городской полиціи съ публикой. Жители города нарекаютъ не только на городовыхъ, но даже и на полицейскихъ чиновниковъ, которые, при исполненіи обязанностей службы, превышаютъ предоставленныя имъ закономъ уполномочія. Прискорбно мнѣ это, но еще прискорбнѣе, послѣ разслѣдованія фактовъ по получаемымъ свѣдѣніямъ, выносить убѣжденіе въ томъ, что связь чиновъ ввѣренной мнѣ полиціи съ мѣстнымъ населеніемъ не только правильно не установилась, но даже является для нихъ какою-то непонятною обязанностью; что интересы общества, защиту которыхъ законъ возложилъ на полицію, составляютъ для нея тягость, что ровности, солидности, вниманія, вѣжливости, той вѣжливости, которая не оскорбляетъ чужаго достоинства (?), но вселяетъ убѣжденіе въ законности направляемыхъ требованій, и въ поминѣ нѣтъ, и что небрежное отношеніе къ чужому достоинству приняло даже характеръ обыденнаго явленія въ дѣятельности чиновъ полиціи, вызывая нежелательныя столкновенія съ населеніемъ и совершенно справедливый ропотъ послѣдняго; а дѣятельность чиновъ полиціи въ этомъ случаѣ сильно компрометируется. Такія отношенія къ публикѣ въ будущемъ невозможны...»

И какъ бы въ параллель къ приказу житомірскаго полицеймейстера, въ № 297 «Волжскаго Вѣстника» напечатано распоряженіе (или отношеніе, что ли, трудно опредѣлить названіе этого любопытнаго документа) полицейскаго урядника 1 участка 1 стана Осинскаго уѣзда, посланное урядникомъ въ мужскую и женскую ильинскія школы. Достопочтенный урядникъ 1 участка 1 стана Осинскаго уѣзда является блюстителемъ того, что вовсе ему не поручено. Любопытный документъ гласитъ: «Сего числа (документъ приводится съ сохраненіемъ ороографіи оригинала) въ церкви во время службы, замѣтилъ я, что ученики производятъ шалости и разговоры почему на основаніи 7 и 10 ст. Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій т. XIV Св. Зак.; изд. 1876 г. прошу преподавателя внушить ученикамъ какъ должно держать себя въ церкви, не дозволять имъ ставать въ переди церкви, а ставить ихъ парадомъ къ лѣвой сторонѣ, а главное не дозволять, имъ разговоровъ, переходить съ мѣста на мѣсто и вообще не отвращать вниманія отъ службы ни словомъ или движеніемъ, но пребывать со страхомъ, въ молчаніи, въ тишинѣ и во всякомъ почтеніи». Приказъ этотъ характеренъ въ томъ отношеніи, что обрисовываетъ поползновеніе къ «превышенію власти», о которомъ говоритъ житомірскій полицеймейстеръ. Въ первое время послѣ введенія этой низшей деревенской полицейской инстанціи, урядники долго не могли найти своего мѣста въ природѣ и все выскакивали изъ границъ, покушаясь расширять предѣлы предметовъ своего вѣдѣнія. Хотя для обузданія урядниковъ и были приняты мѣры и ихъ, все-таки, немножко обуздали, но, какъ видно, и до сихъ поръ урядники еще не нашли окончательно своего мѣста въ природѣ. Судить о всѣхъ деревенскихъ подвигахъ урядниковъ печати, конечно, трудно, потому что мужики корреспонденцій въ газеты не пишутъ. Правда, что мужикъ съ урядникомъ почтителенъ, а почтеніе обезоруживаетъ. Но въ деревнѣ есть и еще люди, кромѣ мужика, считающіе себя не подвѣдомственными урядникамъ. Такое очевидное непочтеніе урядникъ вынести не можетъ, вотъ и возникаютъ разныя «недоразумѣнія», кончающіяся или подобными приказами, какой приведенъ выше, или другими столкновеніями. Былъ, напримѣръ, такой случай. Сельскія учительницы вздумали на святкахъ устроить домашній спектакль. Урядникъ узналъ объ этомъ и донесъ становому. Что и какъ онъ донесъ, неизвѣстно. Но когда наступилъ день спектакля, всѣ участницы собрались и оставалось только начать спектакль, явился урядникъ (вѣдь, зналъ когда) и предъявилъ бумагу отъ становаго, въ которой объявлялось участвующимъ, что «любительскіе спектакли не могутъ быть устраиваемы безъ разрѣшенія». Уряднику объясняли, что это вовсе не «любительскій» спектакль, а «домашній», но урядникъ не убѣждался и стоялъ на своемъ. Только благодаря тому, что между участвующими были родственники вліятельныхъ въ уѣздѣ лицъ, удалось урезонить урядника и онъ согласился допустить спектакль, но съ условіемъ, чтобы играющіе дали ему росписку, что они читали отношеніе становаго. Волостной старшина, онъ же и попечитель народной школы въ одномъ изъ селъ Карачевскаго уѣзда, сначала не въ мѣру благоволилъ къ учительницѣ этой школы, а затѣмъ, обманувшись въ своихъ надеждахъ, началъ всячески и усиленно ее преслѣдовать и даже наблюдать за нею въ ея частной жизни. Придя разъ вечеромъ къ учительницѣ и увидѣвъ, что у нея сидитъ законоучитель сосѣдней школы, кончившій курсъ семинаріи, старшина заперъ квартиру учительницы и пошелъ въ деревню собирать властей и народъ для изобличенія запертыхъ въ какомъ-то якобы преступленіи. Преступленія никакого не оказалось; а учительница подала мировому судьѣ на старшину жалобу, котораго судья и приговорилъ къ заключенію на два мѣсяца. Но старшина, должно быть, считалъ себя въ законномъ правѣ, потому что обжаловалъ приговоръ судьи съѣзду; съѣздъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій. Тогда старшина подалъ кассаціонную жалобу и по указу сената дѣло поступило на пересмотръ брянскаго съѣзда. Этотъ съѣздъ тоже призналъ старшину виновнымъ, но наказаніе уменьшилъ до одного мѣсяца. Старшина не угомонился и подалъ новую кассаціонную жалобу, по которой дѣло его передано орловскому мировому съѣзду.

Въ городахъ, гдѣ населеніе скученнѣе и разнообразнѣе, случаевъ для грубости и насилія хотя и больше, но за то сильнѣе и контроль, сдерживающій всякій произволъ, да и деревенскій мужикъ обнаруживаетъ уже большую независимость, чувствуя поддержку. Разъ въ Москвѣ,—это было не болѣе 5—6 лѣтъ назадъ, — на Каменномъ мосту долго шумѣла толпа народу, человѣкъ триста. Городовые куда-то исчезли. Народъ толпился около лужи свѣжей крови на мосту, у самыхъ рельсовъ конно-желѣзной дороги. Когда проходившіе спрашивали: «что случилось?» изъ волновавшейся толпы слѣдовалъ отвѣтъ въ нѣсколько голосовъ: «сейчасъ городовой убилъ ломоваго извощика». Дѣло, по разсказамъ, произошло такъ. Въ проѣзжавшемъ по мосту обозѣ ломовыхъ былъ одинъ подвыпившій извощикъ, который на крикъ городоваго не хотѣлъ своротить въ сторону. Городовой, озлившись, подбѣжалъ къ нему и «ударилъ въ зубы», да такъ, что извощикъ упалъ навзничь и ударился головой о рельсы. Истекавшаго кровью ломовика подняли замертво и увезли въ пріемный покой. Даже на другой день по Замоскворѣчью только и было разговоровъ, что объ этомъ несчастномъ происшествіи. Но въ городѣ и меньшіе случаи не проходятъ такъ безслѣдно, какъ въ деревнѣ. Недавно, напримѣръ, въ Николаевѣ были собраны на полицейскомъ дворѣ извощики для осмотра экипажей. Одинъ изъ извощиковъ оказался пьянымъ и дежурный надзиратель, обругавъ его «по-извощичьи», повелъ въ караульную и на пути далъ ему нѣсколько подзатыльниковъ. Извощики зашумѣли и дѣло кончилось тѣмъ, что, по распоряженію полицеймейстера, было произведено дознаніе и представлено николаевскому военному губернатору.

Въ этомъ клубкѣ, гдѣ право и насиліе спутались

до того, что ихъ не размежуешь, смутность понятій о законности можетъ приводить даже къ слѣдующимъ невѣроятнымъ фактамъ. Любопытно, что этотъ фактъ перепечатанъ изъ Недѣльной хроники «Восхода» «Виленскимъ Вѣстникомъ», не принадлежащимъ къ числу «органовъ», особенно сочувствующихъ евреямъ. «Во многихъ городахъ,— пишетъ «Хроника Восхода»,—заведенъ такой порядокъ, что призывныхъ евреевъ, послѣ вынутія жребія, отводятъ въ особое, спеціально еврейскимъ обществомъ нанимаемое помѣщеніе (?!), гдѣ они остаются подъ полицейскою стражей до пріема ихъ на службу. Такіе пріемы практиковались у насъ уже нѣсколько лѣтъ (въ Новоалександровѣ, Ковенской губерніи). Въ этомъ году (за отсутствіемъ ли средствъ, либо по другимъ причинамъ) подобный арестный домъ еврейскимъ обществомъ отведенъ не былъ; поэтому мѣстный исправникъ поручилъ полицейскому надзирателю отвести призывныхъ евреевъ подъ арестъ въ общественную синагогу (!). Когда транспортъ призывныхъ, съ надзирателемъ во главѣ, прибылъ къ общественной синагогѣ и она оказалась закрытою, то надзиратель распорядился взломать замки, старосту же молитвеннаго дома, отказавшагося открыть синагогу, предназначенную только для богослуженія, а не для арестнаго дома, надзиратель отправилъ подъ арестъ на съѣзжую при полиціи». Что за невѣроятныя вещи! Арестъ въ молитвенномъ домѣ, т. е. въ церкви.

Странность взаимно неясныхъ отношеній, когда каждый дѣйствуетъ на свой страхъ, какъ положитъ ему Богъ на сердце и насколько онъ гораздъ что-нибудь выдумать, не могла не привести къ своеобразнымъ отношеніямъ народа къ полиціи, отношеніямъ нежелательнымъ и нетерпимымъ ни въ какомъ правильномъ гражданскомъ общежитіи. Полиція до сихъ поръ не могла создать себѣ авторитета и только законъ строгостью взысканій за неисполненіе распоряженій полиціи еще поддерживаетъ ея полицейское достоинство. Должно прибавить, что и населеніе провинціи не даетъ особенныхъ поводовъ ставить высоко его гражданское развитіе и пониманіе своихъ личныхъ и общественныхъ обязанностей. И возникаетъ изъ этой двусторонней неразвитости путаница отношеній, равновѣсіе которыхъ устанавливается только судомъ. Въ поясненіе приведу слѣдующее дѣло. Въ началѣ декабря въ одесскомъ окружномъ судѣ и, конечно, безъ участія присяжныхъ, слушалось дѣло купца Фельдмана и сына его, провизора И. Фельдмана, обвинявшихся въ оскорбленіи полиціи. Изъ полицейскаго протокола видно, что лѣтомъ, во время пожара въ домѣ г. Фельдмана, послѣдній оскорбилъ бывшаго помощника полицеймейстера, сказавъ: «что это за полиція, это разбойники, а не полиція», а другой подсудимый, И. Фельдманъ, ударилъ городового. На судѣ же выяснилось вотъ что: когда загорѣлась табачная лавка въ домѣ г. Фельдмана, то онъ, послѣ неоднократныхъ вызововъ по телефону пожарной команды, приказалъ своему дворнику и кучеру разбить двери и окна лавки и тушить пожаръ. Когда вслѣдъ за этимъ пріѣхала пожарная команда, а съ нею и помощникъ полицеймейстера, то пожаръ былъ уже потушенъ домашними средствами. Такъ какъ у горѣвшей лавочки столпилось много публики, то Фельдманы (отецъ и сынъ) потребовали, чтобы ихъ впустили, потому что они владѣльцы этого дома. Какъ показалъ свидѣтель Подлевскій (городовой), помощникъ полицеймейстера велѣлъ ему «дать имъ въ шею», что онъ и успѣлъ исполнить только относительно младшаго Фельдмана.

— Почему же вы, свидѣтель, на предварительномъ слѣдствіи показали иначе, что не вы ударили Фельдмана, а, напротивъ, онъ васъ? — спросилъ предсѣдатель свидѣтеля.

— Потому что мнѣ такъ велѣли сказать помощникъ полицеймейстера—отвѣтилъ свидѣтель.

Что городовой ударилъ г-на Фельдмана, а не г-нъ Фельдманъ городового, подтвердили и другіе свидѣтели.

Кто, читатели, виноватые въ этой исторіи? Судя по тому, что г. Фельдмана, за оскорбленіе словами помощника полицеймейстера, приговорили къ десятидневному аресту при полиціи, нужно думать, что виноватый г. Фельдманъ. Но если г. Фельдманъ и виноватъ, что сказалъ: «это не полиція, а разбойники», то, вѣдь, и городовой, «успѣвшій исполнить приказаніе помощника полицеймейстера только относительно младшаго Фельдмана», не поступалъ по-джентльменски, также какъ и его начальникъ, приказавшій «дать въ шею» обоимъ Фельдманамъ. Если г. Фельдманъ, отсидѣвъ десять дней, и не будетъ высказывать на улицѣ своего мнѣнія о полиціи, то насколько устранится этимъ фактъ, установленный такимъ компетентнымъ лицомъ, какъ житомірскій полицеймейстеръ, что небрежное отношеніе полиціи (конечно, вообще, потому что въ Одессѣ повторяется то же, что и въ Житомірѣ) къ чужому достоинству приняло даже характеръ обыденнаго явленія? Еще меньше можно ожидать, что скромное поведеніе г. Фельдмана въ Одессѣ послужитъ примѣромъ для Кіева и у кіевлянъ явится желаніе относиться къ своей полиціи съ большимъ почтеніемъ, чѣмъ они это дѣлаютъ теперь.

Надняхъ въ виленскомъ окружномъ судѣ судился еврей, воръ-рецидивистъ, за восьмую кражу. Защитникъ былъ ему назначенъ отъ суда. Дѣло было безнадежное и только однимъ обстоятельствомъ еще можно было воспользоваться защитнику — отсутствіемъ прямыхъ уликъ взлома. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовался защитникъ. Обвиняемый упорно отрицалъ свою виновность. Присяжные не признали взлома, а воровство признали доказаннымъ и вынесли обвинительный вердиктъ. Еврей его не ожидалъ и, когда ему былъ объявленъ приговоръ суда, онъ «обратился къ своему защитнику со словами, далеко не выражающими сердечной благодарности», какъ выражается «Виленскій Вѣстникъ», а затѣмъ, проходя мимо присяжныхъ, ударилъ кулакомъ одного изъ нихъ, пригрозивъ, что онъ съ ними еще раздѣлается, и выругалъ судъ. Тутъ важенъ не этотъ, собственно, случай,—мало ли какіе могутъ быть случаи,—тутъ важна та об-

щественная атмосфера, которая этому случаю едва ли можетъ сообщить характеръ исключительности.

Что въ нашей общественной атмосферѣ заключается главная причина всѣхъ нашихъ общественныхъ неустройствъ и тѣхъ «уголовныхъ уклоненій», факты которыхъ были приведены въ этомъ обзорѣ провинціальной жизни, доказывать едва ли нужно. Общественный характеръ жизни зависитъ отъ тона, который она получаетъ отъ господствующаго общественнаго мнѣнія. Теперешній тонъ нашей общественной жизни слишкомъ низокъ, чтобы создать какія-нибудь выдающіяся общественно-культурныя вліянія. Разъ только, въ эпоху освобожденія крестьянъ, да и то на короткое время, поднялся было тонъ нашей общественной жизни, благодаря реформаціоннымъ идеямъ, а затѣмъ опять упалъ и вліятельною общественною силой явились второстепенные элементы общественности. Не берусь рѣшить, на сколько наше образованное общественное мнѣніе можетъ вліять на жизнь деревни, но несомнѣнно, что сельское духовенство и общественные органы, приходящіе въ соприкосновеніе съ народомъ, не могутъ не подчиниться общему тону жизни и не могутъ не проводить его въ народъ. Но за то можно съ увѣренностью въ безошибочности утверждать, что многіе изъ фактовъ были бы невозможны при болѣе высокомъ подъемѣ общественнаго чувства и при болѣе строгомъ отношеніи общественнаго мнѣнія къ противуобщественнымъ явленіямъ. Укрощающая дисциплина общественнаго мнѣнія заключается, конечно, не въ строгости уголовныхъ наказаній (на мягкость нашихъ наказаній, кажется, пожаловаться нельзя), а въ томъ серьезномъ взглядѣ на всѣ общественныя отношенія, въ томъ постоянномъ стремленіи къ болѣе правильной ихъ организаціи, которыми единственно и создается упорядоченная жизнь.

Можно думать, что даже подобные факты, какъ опубликованный въ «Новостяхъ» — убійство акушерки, при иныхъ условіяхъ общественности были бы невозможны. Одинъ мѣстный житель,— говоритъ корреспондентъ (о «мѣстномъ жителѣ» извѣстно только, что онъ Витебской губерніи, но ни уѣзда, ни города, ни мѣстечка не означено)— обольстилъ молодую дѣвушку и затѣмъ обратился къ акушеркѣ съ просьбой о средствѣ для изгнанія плода. Акушерка съ негодованіемъ наотрѣзъ отказала и бросила ловеласу деньги въ лицо. Ловеласъ поклялся отомстить. Разъ вечеромъ приглашаютъ акушерку къ родильницѣ, акушерка поѣхала и нашла въ постели одѣтаго въ женское платье мужчину. Скандалъ удался и мужская компанія, бывшая при этой сценѣ, проводила акушерку крикомъ «ура». Оскорбленная акушерка подала жалобу въ судъ. Кончилась эта исторія тѣмъ, что акушерка была приглашена въ ближайшую деревню къ какой-то помѣщицѣ, а на другой день найдена въ лѣсу мертвою съ веревкой на шеѣ. Помимо убійства, мерзость этого факта въ скандалѣ приглашенія акушерки къ мужчинѣ. И что любопытно, скандалъ этотъ имѣетъ традиціонную живучесть. Отъ времени до времени онъ повторяется то тамъ, то здѣсь и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ подобный скандалъ — и вовсе не по злому чувству, а такъ, для шутки—учиненъ былъ въ одномъ уѣздномъ городѣ Вологодской губерніи и авторъ скандала хохоталъ отъ души, что ему удалось обмануть такъ ловко акушерку. Изъ всего общества уѣзднаго города только немногіе были возмущены этою «шуткой», а остальные хохотали вмѣстѣ съ ея авторомъ.

Скандальныя побоища, драки и дебошъ продолжаютъ въ провинціи и до сихъ поръ свое традиціонное существованіе, точно въ эти послѣднія тридцать лѣтъ не произошло въ русской жизни никакихъ нравственныхъ перемѣнъ. У мужиковъ въ деревняхъ происходятъ побоища по причинамъ «существеннымъ», обыкновенно по недоразумѣніямъ въ землевладѣніи; но образованные люди провинціи дерутся и дебоширятъ изъ причинъ «нравственныхъ». Драки обыкновенно происходятъ въ клубахъ, маскарадахъ (столицы этотъ героическій періодъ, кажется, уже пережили), но происходятъ побоища и на открытомъ воздухѣ. Въ Дубовкѣ, на одной изъ окраинъ, произошла на площади настоящая битва, героями которой были, съ одной стороны, сынъ купца и сынъ фабриканта, съ другой— толпа мѣщанъ. Молодые люди возвращались верхами съ охоты; у одного въ рукахъ была плеть, у другаго арапникъ. Вотъ все, что извѣстно о причинахъ свалки; но свалка была отчаянная и съ одной стороны были пущеныхъ въ ходъ плеть и арапникъ, а съ другой — каменья и палки. Верхъ одержали каменья и палки и охотникамъ досталось порядочно, хотя потерпѣли и мѣщане. Въ Камышинѣ два купеческихъ сынка произвели въ кафе-ресторанѣ дебошъ, съ полнымъ разрушеніемъ всего, что только можно было разрушить; ломалась даже мебель, а нѣсколько стульевъ было выброшено изъ окна на улицу. Дебоширили купчики новѣйшей формаціи: одинъ изъ нихъ, сынъ крупнаго винноторговца, окончилъ курсъ реальнаго училища, а другой—въ уѣздномъ училищѣ. Въ Кіевѣ произошелъ такой случай. Въ ресторанъ пришелъ обѣдать начальникъ казатинской телеграфной станціи. Сидя за столомъ въ ожиданіи обѣда, онъ услышалъ изъ-за сосѣдняго стола ругательства, обращенныя къ нему человѣкомъ, ему совсѣмъ незнакомымъ. Начальникъ телеграфной станціи не обращалъ сначала вниманія на задорнаго субъекта, но такъ какъ онъ и не думалъ переставать браниться, то телеграфистъ подошелъ къ нему и замѣтилъ, что его выходки неприличны. «А, такъ я тебя кинжаломъ»,— отвѣтилъ на это храбрый воинъ (герой былъ отставной офицеръ) и, вынувъ изъ голенища какой-то острый желѣзный прутъ, бросился на своего противника. Присутствующіе хотѣли было обезоружить воина, но ничего не могли съ нимъ подѣлать; онъ размахивалъ своимъ прутомъ во всѣ стороны и, наконецъ, вонзилъ его въ руку своего противника и пригвоздилъ ее къ столу. Въ Харьковѣ тоже было употреблено въ трактирѣ смертоносное оружіе. Въ общемъ залѣ заспорили какой-то молодой человѣкъ и еврей, споръ перешелъ въ ссору и

молодой человѣкъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, почти въ упоръ выстрѣлилъ въ еврея. На этотъ выстрѣлъ прибѣжалъ изъ другой комнаты братъ стрѣлявшаго и не прошло мгновенія, какъ расходившійся стрѣлецъ далъ два выстрѣла и по брату. Этотъ выхватилъ изъ рукъ стрѣльца револьверъ и, въ свою очередь, выпустилъ въ него двѣ пули. Къ счастію, никто изъ троихъ не оказался раненымъ. Въ Одессѣ уличный мальчишка обозвалъ одного потомственнаго почетнаго гражданина (русскаго) «нѣмецкой колбасой» и «кадетомъ», и почетный гражданинъ (почтенный человѣкъ 50-ти лѣтъ), ворвавшись въ квартиру матери мальчишки, набросился на мать съ нецензурною бранью и пустилъ въ ходъ руки, такъ что у побитой женщины была на другой день сильно опухшая, синяя щека. Я не составляю букета изъ фактовъ, да и перечисляю не всѣ, но и изъ этихъ можно судить довольно безошибочно о нѣкоторыхъ пріятностяхъ жизни въ провинціи. Вы приходите въ ресторанъ обѣдать и вашу руку пригвождаютъ къ столу желѣзнымъ прутомъ; вы вступаете съ кѣмъ нибудь въ разговоръ, не сходитесь въ мнѣніяхъ и противникъ палитъ въ васъ изъ револьвера. Былъ случай, когда въ патріотическомъ спорѣ одинъ господинъ отрубилъ ухо учителю французскаго языка.

Кромѣ этихъ фактовъ физическаго насилія при посредствѣ болѣе или менѣе смертоносныхъ орудій, бываютъ еще и «коллизіи»; по крайней мѣрѣ, подъ этимъ заглавіемъ «Одесскій Вѣстникъ» разсказываетъ такой случай. У портнаго Фельдмана заболѣла жена опаснымъ нарывомъ въ горлѣ. Фельдманъ пригласилъ врача Юзефовича, который, осмотрѣвъ больную, рѣшилъ, что ей нужно сдѣлать операцію, и сталъ раскладывать инструменты. Въ это время явился другой врачъ, г. Дрей, приглашенный тоже Фельдманомъ. Увидѣвъ г. Юзефовича, г. Дрей сталъ упрекать хозяина, что онъ его напрасно потревожилъ, и г. Юзефовичъ выразилъ тоже неудовольствіе. Фельдманъ, почувствовавъ бѣду, сталъ умолять докторовъ остаться и оказать совмѣстную помощь. Но явилось новое усложненіе. Г. Юзефовичъ настаивалъ на операціи, а докторъ Дрей находилъ ее не только излишней, но и вредной... Вотъ тутъ и начинается «коллизія». Д-ръ Дрей разсердился и ушелъ; д-ръ Юзефовичъ тоже разсердился и сталъ дѣлать Фельдману упреки. Растерявшійся портной, возбужденный всею этою исторіей и испуганный за больную жену, сказалъ г. Юзефовичу, что доктора хуже ремесленниковъ и ведутъ себя, какъ извощики и какъ разбойники. «Васъ зовутъ,—заключилъ Фельдманъ свою рѣчь,—къ больной для помощи, а вы спорите и ссоритесь у постели умирающей». Д-ръ Юзефовичъ считалъ себя настолько въ правѣ дѣлать у постели умирающей все, что ему вздумается, что подалъ на Фельдмана жалобу къ мировому. Еще одна «коллизія» имѣла мѣсто въ кіевской судебной палатѣ въ залѣ судебныхъ засѣданій. Присяжный повѣренный Виноградовъ хотѣлъ было ударить присяжнаго повѣреннаго Левинскаго сверткомъ дѣловыхъ бумагъ, но такъ какъ ему это не удалось, то онъ пустилъ портфельный свертокъ изо всей силы въ г. Левинскаго и крикнулъ ему: «мерзавецъ! жидъ!» «Коллизія» произошла по поводу иска ослѣпшаго на службѣ общества ю.-з. желѣзныхъ дорогъ кочегара Кухты къ этому обществу о пенсіи. Г. Левинскій доказывалъ, что Кухта ослѣпъ на службѣ и что по разсчету жалованья въ 240 р. ему слѣдуетъ пенсіи 91 р. 56 к., а г. Виноградовъ доказывалъ, что Кухта ослѣпъ не на службѣ, что размѣръ пенсіи ему преувеличенъ и ее слѣдуетъ опредѣлить или въ 60 р. 61 к., или въ 30 р. 30½ к. въ годъ.

Еще о двухъ «коллизіяхъ» печатаетъ «Саратовскій Листокъ» въ корреспонденціи изъ Камышина. «Мнѣ разсказываютъ,—пишетъ корреспондентъ,—про одного учителя (?) одного изъ здѣшнихъ училищъ (?), воздвигнувшаго гоненіе на своихъ учениковъ за то, что они не желаютъ быть его нахлѣбниками». Почтенный педагогъ предложилъ ученикамъ не изъ горожанъ жить у него и платить ему за это по 13 руб. въ мѣсяцъ. Ученикамъ это показалось дорого, потому что у обывателей они платятъ по 8 и 9 руб., и вотъ тутъ-то и послѣдовала «коллизія»: ученики отказались отъ предложенія педагога, и педагогъ началъ ставить имъ за это единицы и двойки, вмѣсто прежнихъ четверокъ и пятерокъ.

Чтобы ввести эти факты въ связь съ общею русскою жизнью (тѣмъ болѣе, что герой, о которомъ будетъ рѣчь, человѣкъ провинціи), я разскажу, какъ въ Москвѣ присяжный повѣренный Браунъ научилъ выломать двери въ квартирѣ вдовы священника Лаврова. Участковый приставъ нашелъ квартиру г-жи Лавровой совершенно открытой со двора, даже двери, ведущія въ квартиру, были выломаны; въ квартирѣ вещи были въ безпорядкѣ и вдова Лаврова находилась въ крайне возбужденномъ состояніи. Все это было сдѣлано по распоряженію домовладѣлицы и присяжнаго повѣреннаго Адольфа Адольфовича Браунъ. Кто же это Адольфъ Адольфовичъ Браунъ? «Саратовскій Листокъ», дѣлая перепечатку извѣстія, снабжаетъ ее такимъ вступленіемъ: «Московскія газеты передаютъ слѣдующій фактъ возмутительнаго самоуправства, однимъ изъ героевъ котораго является извѣстный саратовцамъ А. А. Браунъ». Значитъ, г. Браунъ переѣхалъ въ Москву, уже сдѣлавшись въ Саратовѣ извѣстностью. Жаль, что «Саратовскій Листокъ» не объяснилъ, какую извѣстность пріобрѣлъ въ Саратовѣ г. Браунъ... Въ 340 № «Русскихъ Вѣдомостей» напечатано письмо въ редакцію г. Брауна, что въ снятіи дверей въ квартирѣ г-жи Лавровой не было никакого самоуправства. «На вопросъ г-жи Чистяковой (домовладѣлицы), вполнѣ ли законны будутъ ея распоряженія о снятіи всѣхъ дверей, требующихъ передѣлки, я,—пишетъ г. Браунъ,—какъ юристъ, долженъ былъ отвѣтить, что снятіе дверей домовладѣлицей не съ цѣлью принудить жильца къ выѣзду изъ квартиры, а для поправокъ (какова юриспруденція!), не подходитъ подъ понятіе о

самоуправствѣ (слѣдуютъ разныя статьи закона, какъ и у осинскаго урядника, въ доказательство, что поступлено по закону и что для передѣлки можно было снять зимою въ морозъ всѣ рѣшительно двери, не исключая и наружныхъ). Заключаетъ свое письмо г. Браунъ такъ: «Считаю долгомъ добавить, что я самъ передамъ объ этомъ случаѣ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, и что я привлеку лицо, написавшее статью въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», къ уголовной отвѣтственности».

Во всѣхъ этихъ фактахъ любопытнѣе всего мужество ихъ героевъ, а затѣмъ, что всѣ эти мужественные герои (другими, кажется, герои не бываютъ) принадлежали къ устоямъ общества и его гражданственности. Это или хранители нашего физическаго здоровья и гражданской безопасности—доктора, адвокаты, или творцы нашей личной и общественной нравственности, руководители нашего поведенія, любви и уваженія къ достоинству ближняго. Какъ же эти столпы личной и общественной нравственности понимаютъ свои обязанности? Докторъ Юзефовичъ бросаетъ умирающую на произволъ судьбы и когда ему говорятъ, что такъ не поступилъ бы «никакой ремесленникъ и никакой извощикъ», г. Юзефовичъ имѣетъ мужество отправиться съ жалобой на человѣка, котораго онъ самъ вынудилъ сказать ему это. «Извѣстный Саратову» адвокатъ Браунъ крючкотворствуетъ и, ссылаясь на законъ, старается доказать, что можно снять зимою всѣ двери у квартиры и это не будетъ самоуправствомъ, если только заявить жильцу, что двери снимаются для передѣлки. Еще адвокатъ, г. Виноградовъ, защищая интересы богатой желѣзно-дорожной компаніи, распинается изъ всѣхъ силъ, чтобы уменьшить пенсію слѣпому кочегару на 30 руб. въ годъ, и когда ему возражаютъ, что разсчетъ его невѣренъ, онъ идетъ въ драку и ругаетъ противника «мерзавцемъ». Учитель предлагаетъ у себя квартиру ученикамъ и тѣмъ, кто отказывается, ставитъ единицы. И всѣ эти господа, поступая такъ, чувствуютъ себя на высотѣ своего гражданскаго достоинства, и не только они это чувствуютъ, но они и убѣждены, что ихъ принципы насилія безошибочны и что они найдутъ поддержку не только въ общественномъ мнѣніи, но и оправданіе своего поведенія въ судѣ. Вѣдь, иначе г. Юзефовичъ ужъ, конечно, не пошелъ бы съ жалобой въ мировой судъ, а Адольфъ Адольфовичъ Браунъ не сталъ бы привлекать репортера «Современныхъ Извѣстій» за фактъ, сообщенный имъ съ полною достовѣрностью, къ уголовной отвѣтственности. Что же это такое? Откуда такая смѣлость? Въ какой части общественнаго мнѣнія эти мужественные господа надѣются найти поддержку и защиту?

V.

Въ концѣ января, въ самый разгаръ земскаго собранія, пришелъ къ намъ № 24 «Московскихъ Вѣдомостей» съ передовою статьей противъ земства. Статья была вполнѣ сезонная. «Московскія Вѣдомости» не безъ ядовитости замѣчаютъ, что защитники земства теперь перемѣнили тактику. Они уже не отрицаютъ фактовъ, даже сами разсказываютъ о самоуправленіи чудовищныя вещи и, въ то же время увѣряютъ, что «самоуправленіе, конечно, не можетъ нести за это никакихъ упрековъ», потому что «*отдѣльныя* злоупотребленія» (курсивъ «Московскихъ Вѣдомостей») возможны повсюду, и «Русская Мысль» справедливо-де вооружается противъ пріема, излюбленнаго «Московскими Вѣдомостями» («Моск. Вѣд.» дѣлаютъ выписку изъ «Русскихъ Вѣдомостей»), — по случаю *отдѣльнаго* (курсивъ тоже «Моск. Вѣдом.») злоупотребленія въ общественныхъ учрежденіяхъ вопіять о необходимости сокрушенія нашего самоуправленія. «Московскія Вѣдомости» думаютъ, что у насъ злоупотребленія не отдѣльныя, а повальныя. Ну, что же, это, пожалуй, и такъ. И статья «Московскихъ Вѣдомостей» была бы еще убѣдительнѣе, если бы она была богаче фактами и не изъ одной земской области.

Первый и дѣйствительно чудовищный фактъ взятъ «Моск. Вѣд.» изъ «Недѣли». Въ изложеніи почтенной газеты онъ нѣсколько длиненъ; я приведу его изъ другого источника и еще въ большемъ безобразіи (вѣроятно, это не огорчитъ «Моск. Вѣдомости») и съ финаломъ, котораго ни въ «Недѣлѣ», ни въ «Моск. Вѣдом.» нѣтъ. «Предсѣдатель суражской земской управы (Черниговской губ.) Чернявскій на созванномъ имъ земскомъ собраніи, съ цѣлью избавиться отъ ревизіи отчетности, напаивалъ гласныхъ изъ крестьянъ настолько, насколько это нужно было, чтобы пьяною толпой испугать гласныхъ изъ дворянъ (едва ли они, однако, такъ пугливы) и принудить ихъ, изъ опасенія скандаловъ, оставить земское собраніе. Съ отбытіемъ послѣднихъ собраніе заключилось въ тѣсный кругъ 15 пьяныхъ писарей, старшинъ и кабатчиковъ и постановило единогласно: утвердить всѣ отчеты управы безъ ревизіи, предсѣдателю Чернявскому изъявить благодарность, прибавить ему 800 р. содержанія, избрать его почетнымъ мировымъ судьею, портретъ его повѣсить въ управѣ, сложить съ него всѣ недоимки и т. д. Постановленіе это не могло состояться, потому что не было законнаго числа гласныхъ; губернаторъ донесъ о безобразіи министру и Чернявскій смѣщенъ по Высочайшему повелѣнію. Кто же этотъ Чернявскій: крестьянинъ, купецъ, кабатчикъ? Нѣтъ, онъ не крестьянинъ, не купецъ и не кабатчикъ, онъ землевладѣлецъ и дворянинъ, онъ именно тотъ устой земства, на которомъ теперь покоятся надежды и упованія не однѣхъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Послѣ этого яркаго факта другіе, приводимые газетой, уже утрачиваютъ цвѣтъ. Напримѣръ, въ посадѣ Добрянкѣ (тоже Черниговской губ.) ведутся очень небрежно приходо-расходныя книги, записи дѣлаются большею частью огульно и т. д. Въ глуховской городской управѣ (и опять въ Черниговской губ.) въ теченіе десяти лѣтъ ни разу не про-

вѣрялись отчеты; наконецъ, по настоянію нѣкоторыхъ гласныхъ, было приступлено къ ревизіи, но управа никакъ не хотѣла дать денежнаго ящика. Когда же ящикъ былъ полученъ ревизіонною коммиссіей, въ немъ не оказалось ни копѣйки. Въ Звенигородѣ (Кіевской губ.) при ревизіи расходныхъ книгъ не оказалось оправдательныхъ документовъ на нѣсколько тысячъ рублей, а, между тѣмъ, секретарь думы въ протоколѣ написалъ, что все обстоитъ благополучно, и т. д. Въ Сызранѣ (Симбирской губ.) правленіе мѣстнаго банка роздало деньги въ такія руки, что какъ только будетъ прекращена переписка старыхъ векселей на новые, то положительно нельзя разсчитывать, чтобы по вексельному портфелю можно было получить въ возвратъ болѣе 20 копѣекъ за рубль. Въ Старобѣльскѣ капиталы общественнаго банка разобраны самими членами правленія подъ учетъ векселей въ суммахъ, въ пятьдесятъ разъ превышающихъ ихъ имущественное состояніе; резервный и запасный капиталы тоже взяты ими подъ векселя; кассовыя книги совсѣмъ не ведутся и т. д. Наконецъ, орловскій общественный банкъ сдѣлалъ крахъ чуть не на милліоны. Грабежъ, какъ выражается корреспондентъ «Моск. Вѣдом.», начался около 15 лѣтъ назадъ и по вѣтру пускались чужіе милліоны.

Нельзя сказать, чтобы эти факты производили особенно давящее впечатлѣніе. Во-первыхъ, ихъ всего семь, а въ Россіи земскихъ и городскихъ управъ 1,200; далѣе, изъ семи фактовъ, собственно, земскій фактъ одинъ; всѣ остальные изъ городской банковой практики, обыкновенно заправляемой купцами; еще далѣе, за исключеніемъ Орла, въ безпорядкахъ фигурируютъ все какія-то захолустья: посадъ Добрянка, никому невѣдомый, не особенно извѣстный Глуховъ, такая же отдаленная трущоба Звенигородка и тоже трущоба Старобѣльскъ; всѣ эти мѣста лежатъ отъ своихъ губернскихъ городовъ верстъ за триста. Конечно, трущобность ихъ не оправдываетъ, но она, однако, даетъ право на вопросы: почему никто не видѣлъ и не зналъ въ теченіе десяти лѣтъ, что дѣлается въ глуховской городской управѣ? Еще любопытнѣе, что въ губернскомъ городѣ Орлѣ, уже совсѣмъ лежащемъ на очень большой дорогѣ, только черезъ 15 лѣтъ стало извѣстно о расхищеніи милліоновъ. Конечно, на это можно отвѣтить, что и Керчь лежитъ на большей дорогѣ и тоже никто не видѣлъ и не зналъ больше пяти лѣтъ, что цѣлая масса людей занимается тамъ аваріями; Вальяно съ К° тоже много лѣтъ очищался въ казенной таможнѣ и этого тоже никто не зналъ, никто десять лѣтъ не зналъ, какъ Головачевъ очищалъ Кронштадтъ, и т. д. Дополнивъ свою картину этими или подобными имъ фактами, «Московскія Вѣдомости» выразили бы свою мысль объ огульности или всеобщности гораздо полнѣе, въ особенности если бы они обратили вниманіе на провинціальныя газеты.

Не для оправданія нашихъ городскихъ и земскихъ управъ говорю я это, да и обвиненіе ихъ тоже не ведетъ ни къ чему. Ужъ одно то, что у насъ явилось новое, небывалое слово «хищеніе», показываетъ, что мы обогатились и новымъ понятіемъ. И дѣйствительно, въ этомъ вопросѣ мы вступили въ послѣдующій «историческій» фазисъ. Прежде Россія знала только «казнокрадство», теперь ужъ она занимается «хищеніями»; сундуки размножились и уразнообразились, рукъ къ нимъ тянется больше и эффектъ не могъ не усилиться. Но если вся историческая перемѣна заключается только въ томъ, что «казнокрадство» превратилось въ болѣе широкое «хищеніе», то очевидно, что условія, создающія это наше специфическое историческое явленіе, или остались безъ перемѣны, или даже ухудшились. Ну, конечно, посадъ Добрянка и Глуховъ съ Старобѣльскомъ обвинить не трудно, для этого не нужно умѣть писать даже и передовыя статьи. Но развѣ весь складъ нашей общественной жизни могъ создать что-нибудь другое? Если бы онъ могъ это сдѣлать, то и сдѣлалъ бы, и если не сдѣлалъ, значитъ, не могъ, и никакими «моралями» тутъ ничего не подѣлаешь. Все послѣднее двадцатипятилѣтіе имѣло «индивидуалистическій» характеръ; поощрялись только личная энергія, личная предпріимчивость, крупныя производства, даже у крестьянъ поддерживалось крупное землевладѣніе; отъ почина, энергіи, предпріимчивости лица ожидалось все наше экономическое и общественное спасеніе. И вотъ, когда спасители размножились, когда размножились энергія и починъ кулаковъ и всякихъ видовъ хищниковъ, крупныхъ и мелкихъ, высоко и низко стоящихъ, тогда пошло во всемъ хищническое хозяйство, а при общемъ хищническомъ направленіи не могъ же одинъ только общественный сундукъ составлять исключеніе. Какъ же было старобѣльскимъ купцамъ, засѣдавшимъ въ банкѣ, не устроить себѣ долгосрочнаго и дешеваго кредита (изъ общественнаго сундука), когда вся Россія была охвачена кредитными стремленіями, мыслями и чувствами; когда кредитовались всякій купецъ, всякій фабрикантъ, кредитныя предпріятія росли, крупное производство процвѣтало, заманивало къ себѣ сотни тысячъ новыхъ рабочихъ, женщинъ и дѣтей, станки работали день и ночь, склады были завалены фабрикатами, лавочки торговали бойко; когда, даже въ земледѣліе проникло хищническое хозяйство (князь Васильчиковъ говоритъ, что хищническое земледѣліе началось у насъ еще при крѣпостномъ правѣ)? И вотъ повсюдная хищническая система,—система, вытягивающая послѣдніе соки изъ всего, гдѣ ихъ можно только вытянуть, стала общею заразой; она, правда, сильно подняла пульсъ нашей производительности (стоитъ сравнить недавнюю всеобщую промышленную бойкость съ дореформеннымъ застоемъ и повальною спячкой) и творцы этого искусственнаго внѣшняго оживленія не ошиблись въ своихъ соображеніяхъ и разсчетахъ: капиталовъ прибавилось, число капиталистовъ выросло въ десять, если не во сто разъ, сами творцы кредитной системы стали милліонерами; но, въ концѣ-концовъ, получилось повсюду то, что разсказываетъ «Оренбургскій Листокъ» объ Оренбургскомъ краѣ. Десять лѣтъ тому назадъ замѣчался въ Оренбургскомъ краѣ значительный

подъемъ общественной и экономической жизни. Постройка желѣзной дороги, развитіе банковаго кредита, расширеніе торговли, распространеніе земледѣлія, какъ главной сельско-хозяйственной промышленности, умиротвореніе средне-азіатскихъ окраинъ нашихъ и упорядоченіе степной торговли, большой спросъ на продукты скотоводства и побѣдоносное появленіе бухарскаго хлопка, а также и шелка на московскомъ рынкѣ, — все это оживляло мѣстную жизнь, вызывало множество предпріятій, стягивало капиталы и сулило краю экономическую будущность, достойную не только вниманія, но и коммерческаго риска. Это была картина прошлаго; а вотъ и картина настоящаго: на всѣхъ частяхъ торгово-промышленнаго и экономическаго міра отражаются слѣды какого-то невѣдомаго кризиса. Торговля слабѣетъ, рынокъ съуживается, предпріятія вянутъ, не видно энергіи и увлеченія въ дѣлахъ, земледѣліе поглотило капиталы, степное скотоводство не двигается впередъ, подешевѣли земли, кредитъ въ банкахъ напряженъ, желѣзная дорога жалуется на недостатокъ грузовъ, новыя предпріятія тяготѣютъ къ сыръ-и аму-дарьинскому району, а торговля хлопкомъ и прочими предметами средне-азіатскаго рынка въ недалекомъ будущемъ собирается оставить Оренбургъ и по закаспійскому пути пробирается на Волгу. Недаромъ же московскій торговый банкъ ликвидировалъ свою оренбургскую контору, блестяще просуществовавшую болѣе 12 лѣтъ. Даже въ нравственномъ отношеніи бытовая сторона мѣстной жизни понизилась. Хищенія, растраты и крахи перестаютъ насъ пугать, простота обычаевъ жизни замѣняется безтолковою роскошью, побужденіе къ образованію стоитъ на почвѣ коммерческаго разсчета и даже число учебныхъ заведеній перестало увеличиваться.

Нѣтъ ни одной провинціальной газеты, которая бы не жаловалась на упадокъ мѣстной производительности, на сокращенія потребленія, на глубокое экономическое разстройство, на всеобщій упадокъ духа, на равнодушіе, овладѣвшее всѣми. И корень всего этого печальнаго положенія лежитъ въ деревнѣ, въ разстройствѣ нашего земледѣльческаго хозяйства. На югѣ, напримѣръ, въ Новороссійскомъ краѣ, земля до того стала давать мало, что не стоитъ заниматься земледѣліемъ. Послѣ баснословныхъ урожаевъ, когда мы были всемірною житницей, югъ дошелъ теперь до жалкаго урожая въ 3 четверти съ десятины, и это для цѣлаго края. Обнищавшій сельчанинъ долженъ былъ сжаться во всемъ, даже въ пищѣ и питьѣ. И это отразилось не только на нашемъ фабричномъ производствѣ, но и на заграничномъ ввозѣ не только полуобработанныхъ и сырыхъ матеріаловъ, нужныхъ для фабричнаго производства, но и предметовъ излюбленнаго потребленія — чая, кофе, селедокъ. По цѣнности ввозъ чая упалъ на половину, кофе на 20%, сельдей на 25%. На желѣзныхъ дорогахъ сократился провозъ сахара, спирта, сельдей, рыбы, мяса. Въ Астрахани нынче судакъ, лещь, сушеная рыба, которыми кормится земледѣльческая Россія въ посту, продаются купцамъ по небывало дешевой цѣнѣ, а «относительно селедки (какъ пишетъ «Астраханскій Справочный Листокъ») въ настоящее время нѣтъ никакого разговора, какъ бы ея и не существовало, тогда какъ въ прошлые годы совершались покупки еще до рождественскихъ праздниковъ». Въ нашихъ мѣстахъ мельницы работаютъ на половину, потому что у крестьянина молоть нечего. Надо жить въ деревнѣ, чтобы увидѣть, а, слѣдовательно, и понять, какъ положеніе земледѣльца отражается на всемъ и всѣхъ. Чуть мужикъ зачахъ и видитъ недохватки, онъ сейчасъ же начинаетъ сокращать себя на всемъ, даже на соли; а если такое сокращеніе сдѣлаютъ 90 милліоновъ деревенскаго населенія, то, разумѣется, и остальные 10 милліоновъ, живущіе въ городахъ, почувствуютъ, что мужикъ сидитъ безъ соли, что ему не на что покупать и нечего продавать. Только подати еще мужикъ старается очищать. Поэтому государственное казначейство уже послѣ всѣхъ имѣетъ возможность судить — много или мало у мужика соли. Впрочемъ, косвенно мужикъ дѣлаетъ намеки на свое платежное безсиліе нѣсколько ранѣе, чѣмъ онъ становится недоимщикомъ: онъ начинаетъ пить меньше водки и тогда падаетъ питейный доходъ казны, что уже и случилось въ послѣдніе два года. Конечно, государственное казначейство могло бы и ранѣе увидѣть истинную платежную силу крестьянина, если бы ее не маскировала полиція. Въ февралѣ въ засѣданіи московскаго общества сельскаго хозяйства, при обсужденіи положенія русскаго земледѣлія, одинъ изъ членовъ, между прочимъ, сказалъ, что первою мѣрой спасенія отъ сельско-хозяйственнаго кризиса должно быть поднятіе благосостоянія крестьянъ, и, «прежде всего, слѣдовало бы позаботиться, чтобы крестьяне не разорялись систематически исправниками и приставами при сборѣ этими послѣдними недоимокъ (прибавлю и податей). Дѣйствія этихъ администраторовъ часто ведутъ къ разоренію цѣлыхъ уѣздовъ, что, конечно, совсѣмъ не согласуется съ видами высшаго правительства». И такое мнѣніе высказывается вполнѣ компетентнымъ лицомъ въ вполнѣ компетентномъ учрежденіи. Когда дѣло доходитъ до того, что земля перестаетъ кормить того, кто ее обрабатываетъ, когда она отказывается давать урожаи, оплачивающіе расходы воздѣлыванія, когда въ Лондонѣ за нашъ хлѣбъ даютъ почти лишь столько, сколько онъ намъ стоитъ на мѣстѣ, и каждый, кто сидитъ на землѣ, готовъ сбѣжать съ нея, вдругъ неожиданно столичные руководители деревни, точно одержимые, выступаютъ на общее спасеніе съ проповѣдью о «духѣ». «Бодрость духа,—вотъ чего да пошлетъ Россіи новый 1886 годъ,—провозглашаетъ свѣтскій проповѣдникъ.—Бодрости духа и бодрствованія. Близки великія испытанія. Уже стучится въ двери исторія, и «блаженъ рабъ его же (она) обрящетъ бдяща, недостоинъ же паки его же обрящетъ унывающа». Горе намъ, если грядущія событія застанутъ врасплохъ нашу мысль, если русское общество, словно недугомъ малокровія одержимое, не стряхнетъ съ себя того гнетущаго унынія, которому такъ легко, безъ борьбы отдалось

лѣнивое умомъ, вялое сердцемъ». Какія же насъ ждутъ «близкія великія испытанія»? Какая стучится въ двери исторія? Вы думаете, какой-нибудь поразительный финалъ угнетающаго насъ кризиса и неустройства, какая-нибудь безъисходная бѣда, которая подавитъ насъ, лѣнивыхъ умомъ и вялыхъ сердцемъ, пассивно и безсознательно отдающихся увлекшей всѣхъ насъ волнѣ личнаго своекорыстія и эгоизма и забывшихъ объ общественныхъ интересахъ и нуждахъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то. Насъ ждетъ не нужда, а пиръ, и не простой, «историческій пиръ—это смерть Турціи и раздѣлъ ея наслѣдства; насъ долженъ занимать лишь одинъ вопросъ: какой жребій въ этомъ вселенскомъ переворотѣ выпадетъ на долю Россіи?» («Русь»).

Другая столичная газета, на этотъ разъ петербургская, увѣряетъ, что все идетъ не такъ и мы заснули потому, что играемъ въ карты (или играемъ въ карты потому, что заснули). Вездѣ играютъ теперь въ карты въ разныхъ сферахъ, въ разныхъ слояхъ, въ частныхъ домахъ, въ публичныхъ собраніяхъ, играютъ не изъ страсти, не ради легкой наживы, а «чтобы какъ нибудь убить время». «Какимъ же образомъ понимать это выраженіе?—спрашиваетъ газета.—А вотъ какъ: людямъ лѣнь напрягать мозгъ, чтобы быть разговорчивыми, занятными, остроумными, имъ лѣнь проявлять свои таланты, когда таковые имѣются, имъ иногда просто лѣнь не только самимъ говорить, но и слушать, что говорятъ другіе, лѣнь напрягать вниманіе, лѣнь думать, и вотъ, чтобы потворствовать этой лѣни и, въ то же время, не сидѣть байбакомъ, а быть въ обществѣ, они и садятся за карты». Такимъ образомъ, по этимъ двумъ столичнымъ рецептамъ стоитъ только раздѣлить Турцію и стать разговорчивыми, занятными и остроумными, — и внезапно явится «бодрость духа», умственная лѣнь исчезнетъ и иностранцы повезутъ къ намъ и чай, и кофе, и селедки, которыя они у себя теперь припрятали.

Есть у меня еще корреспонденція, на этотъ разъ провинціальная; она тоже говоритъ о картахъ и о развитіи въ обществѣ карточной игры, тоже приводитъ фактъ, но у ея факта другой смыслъ. Вотъ что говоритъ корреспонденція: «съ винта начинаютъ, винтомъ кончаютъ; разговоровъ въ обществѣ, какихъ-нибудь другихъ увеселеній, книжки или газеты—со свѣчей не найти. Картъ иногда не хватаетъ въ лавкахъ, за то игранныхъ въ городѣ столько, что полная колода стоитъ не дороже бублика, и мужики, вмѣсто бубликовъ, покупаютъ на гостинцы дѣтямъ карты. Рядомъ съ картами процвѣтаетъ, конечно, и торговля винная». Тутъ ужь не о лѣни мысли рѣчь, люди не говорятъ не потому, что имъ «лѣнь думать», имъ просто не о чемъ и незачѣмъ думать, имъ не о чемъ говорить, имъ не нужны книжки и газеты, потому что они не находятъ въ нихъ того, чего ищутъ, потому что и газеты только «играютъ въ карты» и безплодно напрягаютъ свое остроуміе въ комбинаціяхъ, не дающихъ никакого содержанія мысли. Конечно, есть занятія достойнѣе и умнѣе игры въ винтъ или въ стуколку; но если люди, вмѣсто достойнаго, занимаются недостойнымъ, на это должны же быть причины, вниманіе неизбѣжно направляется на пустяки, если передъ нимъ нѣтъ ничего серьезнаго. Я не стану говорить о городахъ, гдѣ люди живутъ преимущественно жалованьемъ, но и въ городахъ есть цѣлая категорія интеллигентныхъ работниковъ, которые сегодня не знаютъ, что они будутъ ѣсть завтра. Люди съ высшимъ образованіемъ зарабатываютъ въ мѣсяцъ 15—25 руб. За частные уроки, съ условіемъ ходить къ ученику на домъ и каждый день, платится обыкновенно 4—5 руб. въ мѣсяцъ и только въ богатыхъ домахъ даютъ 10 р. За переписку, за листъ убористаго письма, платятъ отъ 8 до 12 коп.; это работа обыкновенно кончившихъ курсъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Такъ разсказываетъ «Саратовскій Листокъ» о Саратовѣ, но и въ другихъ губернскихъ городахъ, особенно университетскихъ, гдѣ наплывъ интеллигентной молодежи, повторяется то же. Въ этихъ голодныхъ бѣднякахъ не поднимешь «бодраго духа» приглашеніемъ ихъ на «историческій пиръ раздѣла Турціи». А отъ деревни эта пресловутая «историческая Турція» еще дальше. Гдѣ ужь намъ о ней думать! Напримѣръ, нынѣшняя зима съ ея бездорожьемъ была чистымъ бѣдствіемъ особенно для юга. «Убытки, причиненные бездорожьемъ и непогодою, какими насъ подарила эта зима, неисчислимы и невознаградимы,—пишетъ полтавскій деревенскій житель въ «Одесскій Вѣстникъ».—Я даже увѣренъ, что представители интересовъ нашего больнаго сельскаго хозяйства на харьковскомъ съѣздѣ въ январѣ не разъ повторяли: «не правда ли, какое прекрасное время»; а, между тѣмъ, это «прекрасное время» унесло у сельскаго населенія милліоны, потому что прекратило почти всякое сообщеніе. Сегодня морозъ, а завтра тепло; потекли рѣки и ручьи, балки наполнились водою, затоплено и сѣно въ стогахъ, и накошенный камышъ; по дорогамъ грязь, мосты сорвало прибылою водой; вмѣсто прежняго зимняго пути въ 20 верстъ, буквально приходилось дѣлать объѣзды въ 90 и 120 верстъ; это не выдумка, а «дѣйствительность». Чтобы кормить скотъ и топить печи, «жители на рукахъ вывозятъ и сѣно, и камышъ, предварительно вырубивъ и камышъ, и сѣно топорами; при этомъ третья часть остается подъ льдомъ, третья замочена и только одна третья часть при неимовѣрномъ трудѣ спасается бѣднымъ хозяиномъ, который, измученный, мокрый и голодный, возвращается уже поздно домой не для того, чтобы поѣсть, обсохнуть и, отогрѣвшись, отдохнуть. Нѣтъ, опять за топоръ, за лопату, надо прорубить полони на чистомъ мѣстѣ, чтобы набрать воды для домашняго обихода, надо напоить и накормить скотъ, надо придумать, какъ топить убогую хату мокрымъ и обмерзшимъ топливомъ». И вотъ начинаются всякія простудныя заболѣванія—тифъ, лихорадка, дифтеритъ. «Нашихъ больныхъ и калѣкъ по заведенному порядку лечатъ въ земской больницѣ, которая отъ насъ за 40 верстъ. Трудно сказать, кому удобнѣе ѣздить по такимъ дорогамъ, больнымъ ли къ медицинскому персоналу, или персоналу посѣ-

щать своихъ больныхъ. Понятно, что никто ни къ кому не ѣздитъ. Кому на роду написано умереть, тотъ и умираетъ, а кто не долженъ умереть, тому остается сладкая надежда на сооруженіе подъѣздныхъ путей. Тогда и мы будемъ похожи на цивилизованныхъ европейцевъ, а до того мы «захолустники» и ничего болѣе». Отъ этой ироніи весело не становится! И такихъ захолустниковъ, которые зависятъ только отъ Божьей воли, у насъ десятки милліоновъ. Все у насъ отъ случая, отъ какой-то планиды, которой никто не знаетъ. Напримѣръ, нынѣшнею осенью тѣ, у кого хозяйство побольше (землевладѣльцы), продавали хлѣбъ по январскимъ цѣнамъ, потому что цѣнъ еще не было, а крестьянинъ, нуждавшійся въ деньгахъ на подати и что другое, продавалъ безъ цѣны, т. е. за то, что ему давали. И до сихъ поръ мы еще не знаемъ цѣнъ, а тутъ пишутъ изъ Варшавы, что въ ней явилась персидская пшеница (лучше и дешевле нашей), и вотъ еще новый конкуррентъ, кромѣ Америки, Турціи, Венгріи. Въ деревнѣ теперь жить очень тяжело, читатель, такъ тяжело, что городскимъ жителямъ этого и не понять. Положеніе человѣка, сидящаго на землѣ, поймутъ развѣ только тѣ городскіе «интеллигенты», которые бѣгаютъ за грошовыми уроками или берутъ за переписку по 8 коп. съ листа, да и этой работы еще не могутъ найти. Тутъ, какъ и въ деревенскомъ урожаѣ, все зависитъ отъ случая. И этимъ-то людямъ, знающимъ только законъ случайностей, проповѣдуютъ бодрость духа!

Когда посмотришь на эту девяносто-милліонную земледѣльческую громаду, копошащуюся въ своей землѣ, дѣтски-смѣшными становятся всѣ возгласы благороднаго негодованія на какой-нибудь жалкій посадъ Добрянку за то, что онъ не ведетъ, какъ слѣдуетъ, приходо-расходныхъ книгъ. Уходятъ куда-то въ воздухъ сотни милліоновъ отъ непроизводительнаго народнаго труда, отъ отсутствія всякой организаціи народнаго хозяйства, отъ жалкихъ производительныхъ средствъ, съ которыми мы являемся на международный рынокъ, и тутъ вамъ говорятъ, что во всемъ виноваты Добрянки и Звенигородка! Ну, совершенно какъ Собакевичъ, который, съѣвъ цѣлаго осетра, тыкалъ потомъ вилкой въ маленькую рыбку. Но кто же съѣлъ цѣлаго осетра? Наша неурядица, наша неумѣлость, наша отсталость. Мы на рынокъ экономическихъ международныхъ отношеній выступаемъ съ такими же отсталыми и непригодными средствами, какъ тѣ кремневыя ружья, съ которыми мы выступили противъ европейскихъ штуцерныхъ въ крымскую войну. Тогда получился военный Севастополь, теперь наступилъ для насъ Севастополь экономическій. Въ этомъ экономическомъ Севастополѣ наше земство не больше, какъ маленькая дружина, которой, какъ бы она ни была храбра, неусыпна и дѣятельна, Севастополя одной не отстоять.

Что наше земство только очень маленькая дружина, но дружина очень хорошая, насколько ей позволяютъ обстоятельства, я представлю сейчасъ доказательства. Нынѣшнюю сессію я провелъ на одномъ губернскомъ земскомъ собраніи. Какомъ, это все равно, потому что всѣ наши земства и въ компетенціи и въ занятіяхъ ничѣмъ не отличаются одно отъ другаго. Утромъ, въ день открытія собранія, гласные съѣхались въ домъ губернской земской управы (у насъ домъ очень хорошъ и собраніе происходитъ въ залѣ большомъ, хорошемъ и свѣтломъ) и, въ ожиданіи пріѣзда губернатора, убивали время какъ кто зналъ: ходили, сидѣли, говорили. Въ 12 часовъ пріѣхалъ губернаторъ въ полной формѣ, съ лентой и орденами; всѣ встали и почтительно поклонились. Губернаторъ прошелъ въ конецъ зала и остановился у предсѣдательскаго мѣста, гдѣ стоялъ губернскій предводитель дворянства (предсѣдатель собранія). Среди полной тишины губернаторъ началъ рѣчь. Всѣ губернаторы въ нынѣшнемъ году начинали свои рѣчи при открытіи собраній однимъ и тѣмъ же: описаніемъ народной нужды и необходимости придти на помощь народу выдачей хлѣба на обсѣмененіе и продовольствіе. Не было, кажется, ни одной губерніи, гдѣ бы губернаторская рѣчь начиналась чѣмъ-нибудь другимъ.

Напомнивъ земству, что нужно помочь голодающему народу (что земство знало и само очень хорошо), губернаторъ перешелъ ко второй половинѣ своей рѣчи, очень характерной въ томъ отношеніи, что въ ней выразился распространенный у насъ взглядъ на сказочное могущество земства и его отвѣтственность. Губернаторъ сказалъ, что въ прошедшемъ году были въ губерніи сильные лѣсные пожары, что полиція дѣлала все, отъ нея зависящее, чтобы предупредить и уничтожить это бѣдствіе, но народъ являлся съ деревянными лопатами, которыми нельзя ни рыть земли, ни копать канавъ, ни тушить огня. И потому губернаторъ проситъ земское собраніе обратить на это обстоятельство свое вниманіе. Губернаторъ не сказалъ, что онъ проситъ земство сдѣлать для народа желѣзныя лопаты, но смыслъ его словъ былъ почти такой. Если у крестьянъ есть желѣзныя лопаты, то чтобы онъ выходилъ для тушенія лѣсныхъ пожаровъ съ желѣзными, а не съ деревянными лопатами,— дѣло полиціи; если же желѣзныхъ лопатъ у народа нѣтъ, то тутъ земству ужь ничего не подѣлать. Мало ли чего нѣтъ у народа: у него нѣтъ шинныхъ телѣгъ, у него нѣтъ порядочныхъ избъ, у него нѣтъ скота, нѣтъ денегъ, нѣтъ, наконецъ, хлѣба. И этотъ странный взглядъ на обязанности земства у насъ очень распространенъ. Точно земство какой-то волшебникъ, который все можетъ сдѣлать по щучьему велѣнью, и не дѣлаетъ чудесъ только по лѣни. Если бы земцы были такіе чудотворцы, то ужь они, конечно, давно бы постарались о чудесахъ для самихъ себя, потому что земскимъ представителямъ народа и самимъ живется не лучше этого народа и у самихъ у нихъ нѣтъ желѣзныхъ лопатъ, сами они ѣздятъ по тѣмъ же дорогамъ и мостамъ, сами терпятъ отъ неурожаевъ и лѣсныхъ пожаровъ. Наши газеты (даже тѣ, которыя защищаютъ земство) никакъ не могутъ

понять, что не въ обвиненіи или въ оправданіи земства вопросъ; это было хорошо, когда земство только начинало хозяйство, тогда указаніе на тѣ или другіе факты имѣло смыслъ. Двадцать лѣтъ повторяя одно и то же и не сдвинувшись за все это время съ мѣста, нужно же, наконецъ, подумать, отчего мы не двигаемся, и не твердить одну и ту же испошлившуюся фразу, что земство дѣлаетъ все очень худо, что оно вяло и апатично. Должно быть, оно и не можетъ поступать хорошо.

И хотя бы подобныя требованія предъявляли земству только столичные газетные руководители провинціи, а то вы услышите то же самое не только отъ провинціаловъ городскихъ (эти повторяютъ слова столичныхъ газетъ, для нихъ авторитетныхъ), но и отъ лицъ, стоящихъ близко къ земству и въ нихъ участвующихъ. Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» помѣщена дѣльная (въ предѣлахъ ея спеціальности) статья «санитарнаго попечителя» о сибирской язвѣ. Проживая постоянно въ деревнѣ, близко зная деревенскую дѣйствительность со всѣмъ ея убожествомъ, невѣжествомъ и рутиною, санитарный попечитель утверждаетъ, что деревенщина насквозь проѣдена эпидемическими ядами. Не говоря объ эпидемическихъ болѣзняхъ человѣка, какъ скарлатина, корь, дифтеритъ, кровавый поносъ, оспа, которыми деревня повсемѣстно болѣетъ изъ года въ годъ, но во всѣхъ уѣздахъ Бессарабской губерніи ящуръ, чума на рогатомъ скотѣ, сапъ на лошадяхъ, оспа на овцахъ стали чуть ли не обыденными явленіями, сибирская же язва поселилась и совсѣмъ какъ дома (что она сдѣлала и не въ одной Бессарабіи, а и по Шекснѣ, по Ладожскому каналу, въ губерніяхъ Новгородской, Петербургской). Эти ужасныя болѣзни домашняго скота отражаются слѣдующимъ образомъ на нашей экономикѣ. Въ прежнее время (по словамъ санитарнаго попечителя) для сбыта рогатаго скота, овецъ, свиней намъ были открыты рынки Румыніи, Австро-Венгріи, въ настоящее время противъ насъ, какъ зачумленныхъ, воздвигнута китайская стѣна запрещеній. До нынѣшняго года пропускали гурты свиней въ Австрію, которыя въ сѣверной Бессарабіи при замѣтномъ улучшеніи породъ составляли выгодный и довольно значительный предметъ промысла, и въ прошломъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, была скуплена у крестьянъ и помѣщиковъ масса свиней для Австріи и на границѣ скопилось болѣе 60,000 свиней. Австрійское правительство, узнавъ объ этомъ, запретило безусловно провозъ русскихъ свиней на австрійскую территорію. Скупщики очутились въ безвыходномъ положеніи и большинство ихъ совершенно разорилось. «Насъ боятся, и съ полнымъ основаніемъ»,—замѣчаетъ санитарный попечитель. Но кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, земство, кто же можетъ быть виноватъ, кромѣ него?

На основаніи Высочайше утвержденныхъ временныхъ правилъ 9 марта 1879 г. земство составило обязательныя постановленія и развѣсило ихъ во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ и во всѣхъ земскихъ управахъ. Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ обязательныхъ постановленій уѣзды раздѣляются на санитарные участки, въ каждомъ назначается санитарный попечитель (служащій безплатно), который выбираетъ себѣ по селамъ помощниковъ. Санитарный попечитель долженъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ обывателями всѣхъ санитарныхъ постановленій земства, составлять акты въ случаѣ нарушенія постановленій, принимать ближайшія мѣры противъ распространенія эпидемическихъ болѣзней на скотѣ и людяхъ. Все, повидимому, хорошо и земство пока обвинять еще не въ чѣмъ. Но именно въ этомъ хорошемъ только, повидимому, и заключается корень вины земства. Санитарный попечитель снабжаетъ это «хорошее» слѣдующимъ ѣдкимъ комментаріемъ: «Очевидно, что земство проявило достаточно заботливости о благѣ обывателей, немало находчивости и ума потратило оно, организуя такъ просто и, главное, безъ малѣйшихъ расходовъ изъ земскихъ средствъ такое первостепенной важности дѣло, какъ оздоровленіе корней. Повидимому, земство возлагало очень много надеждъ на даровыхъ санитарныхъ попечителей, предполагая въ нихъ и нужныя для этого дѣла знанія, опытность и готовность добросовѣстно и безкорыстно послужить общественной пользѣ. Имѣло ли земство достаточно серьезныхъ и положительныхъ основаній къ тому?» Въ чемъ же тутъ виновато земство, когда, какъ утверждаетъ самъ «санитарный попечитель», въ санитарныхъ попечителяхъ не оказалось ни добросовѣстности, ни безкорыстія, ни желанія послужить общему дѣлу? Но, можетъ быть, все это явилось бы, если бы санитарамъ было назначено жалованье, и тогда земство очутилось бы внѣ всякихъ упрековъ? Такъ ли? Обязательнымъ постановленіемъ требуется: навозъ и другія нечистоты вывозить за черту села и тамъ сожигать; домохозяева обязаны отхожія мѣста и помойныя ямы своевременно очищать; трупы павшихъ животныхъ вывозить за черту селенія и тамъ закапывать; кожи животныхъ, павшихъ отъ заразительныхъ болѣзней, не снимая, порѣзать и закопать съ трупами животныхъ. Уже, кажется, и эти параграфы въ состояніи навести паническій страхъ на нашу непривычную деревню, но «санитарный попечитель» находитъ, что они еще не договорены и не ясны. По его мнѣнію, недостаточно сказать, чтобы свозить нечистоты «за черту села», потому что за чертой села есть балки, проѣзжія дороги, пруды, и нужно точнѣе обозначить эти мѣста. Правда, въ инструкціи на случай появленія холеры говорится, что содержимое отхожихъ мѣстъ, помойныхъ ямъ и т. д. нужно вывозить за черту поселенія, на мѣсто, указанное врачемъ. «Ergo,—прибавляетъ «санитарный попечитель» иронически, — пока не станетъ угрожать намъ серьезная опасность, до тѣхъ поръ можно невозбранно развозить и разбрасывать всякія нечистоты, закапывать трупы вокругъ своихъ жилищъ гдѣ попало?!» Хотя «санитарный попечитель» и закрѣпилъ свою иронію такими страшными двумя

знаками, но его «гдѣ попало?!» все-таки, въ цѣль не попадаетъ. А для чего же санитарные попечители? Если все дѣло въ томъ, что въ обязательномъ постановленіи не сказано, что мѣста должны указать они (какъ въ холерной инструкціи это поручается врачамъ), въ такомъ случаѣ недоразумѣніе сводится къ легко поправимому, однимъ почеркомъ пера, редакціонному пропуску и совсѣмъ незачѣмъ метать въ земство громы, точно оно наплодило и чуму, и сапъ, и сибирскую язву, и холеру! Но «санитарный попечитель» знаетъ то, что онъ знаетъ: въ это дѣло,—говоритъ онъ,—не вложено земствомъ ni oleum, ni operam и, надо полагать, въ виду апатичности земствъ (!), урегулированіе такого важнаго дѣла, какъ санитарное благополучіе населенія, не обойдется безъ правительственнаго вмѣшательства». Вотъ куда пошло! Впрочемъ, «санитарный попечитель» можетъ успокоиться, потому что правительство уже утвердило санитарную коммиссію, хотя и неизвѣстно еще, какое она будетъ имѣть отношеніе къ земству въ смыслѣ того «правительственнаго вмѣшательства», какое желательно «санитарному попечителю».

Впрочемъ, и у самаго «санитарнаго попечителя» есть небольшое указаніе на такъ называемыя «бытовыя» условія и народныя привычки, борьба съ которыми стоитъ борьбы съ громомъ, молніею и другими стихійными силами. «Что же дѣлаютъ поселяне и землевладѣльцы совмѣстно съ своими санитарными попечителями въ случаѣ появленія сибирской язвы?»—спрашиваетъ «санитарный попечитель» и отвѣчаетъ на этотъ собственный вопросъ такъ: «Ни больше, ни меньше, какъ только что заболѣвшую скотину дорѣзываютъ для употребленія въ пищу, а съ павшей снимаютъ кожу, трупы же, если ихъ немного, выбрасываютъ собакамъ на съѣденіе на пустопорожнее мѣсто среди деревни, въ ровъ, въ рѣчку, если есть по близости». А есть еще у народа предупредительныя или предохранительныя средства противъ эпидемій. Такъ, у животнаго, павшаго отъ сибирской язвы, отрѣзываютъ ноги, голову и хвостъ и закапываютъ на межу или за межой на перекресткѣ дороги, а туловище отвозятъ, такъ чтобы никто не видѣлъ, въ глубокій ровъ или водомоину. Этою очистительною операціей, по мнѣнію не только крестьянъ, но и землевладѣльцевъ и старыхъ опытныхъ управителей, болѣзнь выпроваживается вонъ изъ деревни, къ сосѣду. Не знаю, какія средства думаетъ «санитарный попечитель» предложить земству для борьбы съ народными предразсудками и привычками, но что касается борьбы съ сибирскою язвой, то средство «санитарнаго попечителя» очень просто. Наука, — говоритъ онъ, — указываетъ «два пути». Одинъ путь, который предложилъ Пастеръ и по которому идетъ проф. Ценковскій, — опыты прививки сибирской язвы; это путь длинный и «рессурсы, которыми мы обладаемъ въ этомъ отношеніи, ничтожны» (значитъ путь не годится). Затѣмъ есть еще второй путь, указанный тѣмъ же Пастеромъ,—путь оздоровленія мѣстныхъ условій или, вѣрнѣе, уничтоженіе вредныхъ условій данной среды — очищеніе почвы, воды, дворовъ и жилищъ (это, вѣдь, очень просто, въ особенности въ деревняхъ). Но, главное, чтобы не было полумѣръ. А для этого усилить въ губерніяхъ ветеринарную часть, въ каждой деревнѣ устроить скотскія кладбища, кладбища обвести заборомъ или глубокою канавой, на кладбищахъ выкопать нѣсколько глубокихъ ямъ и въ нихъ сжигать трупы павшихъ животныхъ. Чтобы проектъ этотъ не остался только на бумагѣ, въ каждой деревнѣ долженъ быть санитарный попечитель съ помощникомъ; а чтобы санитарное поведеніе ихъ можно было контролировать, сельскій староста снабжается шнуровою книгой, въ которую онъ записываетъ павшую скотину и причину ея смерти. Проектъ дѣйствительно не только радикальный, но и грандіозный. Если въ тѣ же книги заносить и все крестьянское имущество, домашнее и полевое, и вообще всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя собираются статистиками, то каждая деревня будетъ имѣть свое статистическое бюро и вопросъ о земской статистикѣ, благодаря идеѣ «санитарнаго попечителя», разрѣшится тоже просто и радикально. Если еще въ каждой деревнѣ устроить школу, больницу съ лѣкаремъ для людей (нельзя же заводить больницы только для коровъ) и провести между деревнями шоссейныя дороги, то можно уже и совсѣмъ пристыдить земство, не съумѣвшее въ двадцать лѣтъ разрѣшить ни одного изъ этихъ вопросовъ какъ слѣдуетъ. Ну, вотъ вамъ, читатель, противники земства и ихъ способъ оцѣнки земской дѣятельности. «Санитарный попечитель» — откровенный порицатель земства; онъ называетъ земство апатичнымъ, невѣжественнымъ и въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ даже ясный намекъ, что у земства нѣтъ «здраваго смысла». Затѣмъ, чтобы окончательно посрамить здравый смыслъ земства, «санитарный попечитель» излагаетъ свой проектъ устройства въ каждой деревнѣ коровьихъ кладбищъ и коровьихъ лазаретовъ (проектъ «санитарнаго попечителя» я изложилъ съ буквальной точностью). Теперь, подражая Демосѳену, я могу сказать: «я кончилъ», а затѣмъ попрошу читателя изъ міра фантазіи опуститься на землю и отправиться со мною опять въ земское собраніе.

Пожелавъ, чтобы у крестьянъ были желѣзныя лопаты, губернаторъ заключилъ свою рѣчь обычнымъ выраженіемъ: «объявляю собраніе открытымъ» и, поклонившись, оставилъ залъ. За громаднымъ столомъ въ видѣ составнаго четыреугольника, покрытымъ зеленымъ сукномъ, размѣстились гласные; предсѣдатель собранія, почтенный сѣдой старикъ, съ большою сѣдою бородой, съ симпатичнымъ краснымъ лицомъ, занялъ предсѣдательское мѣсто; по правую его руку помѣстился предсѣдатель губернской управы, по лѣвую — секретарь собранія; гласные, которымъ не нашлось мѣста за столомъ (всѣхъ гласныхъ было до шестидесяти), размѣстились вдоль стѣны, по ту и по другую сторону стола, а за рѣшеткой, въ концѣ зала, отведенномъ для публики, человѣкъ 5 — 6 интересующихся земскими дѣлами (въ городѣ 33 тысячи жи-

телей). Бывали, впрочемъ, собранія, когда въ публикѣ сидѣло человѣкъ 25—30, и преимущественно «барышень» съ ихъ родителями. Равнодушіе публики къ земскимъ дѣламъ было бы несправедливо поставить ей въ вину; въ этомъ читатель убѣдится сейчасъ. Всѣхъ докладовъ губернской управы, представленныхъ губернскому собранію, было 68, и вотъ о чемъ: о передачѣ дома, принадлежащаго земству и городу, учебному вѣдомству подъ реальное училище; объ избраніи двухъ членовъ отъ земства въ губернское податное присутствіе; о передачѣ въ губернскій оспенный комитетъ денегъ на распространеніе оспопрививанія; о назначеніи пособій разнымъ лицамъ, служившимъ въ земствѣ; объ удовлетвореніи судебныхъ слѣдователей квартирными деньгами; о ремонтѣ дома умалишенныхъ; о разрѣшеніи принимать на страхъ по добровольному страхованію зданія училищъ въ полной оцѣночной суммѣ; объ исправленіи дома, занимаемаго городскимъ училищемъ; о ремонтѣ крѣпостной стѣны и т. д. Рѣшительное большинство докладовъ было только исполненіемъ постановленій предъидущаго губернскаго собранія или же управа просила утвердить расходъ, ею сдѣланный. Были доклады по поводу покушеній на земскій пирогъ. Такое покушеніе давно уже, и очень настойчиво, обнаруживаетъ резидирующее въ Петербургѣ общество улучшенія народнаго труда. Задачи и цѣли этого теоретическаго общества очень обширны и совершенно неясны. Когда комитетъ учредителей общества обратился года два тому назадъ къ нашему земству съ просьбой принять участіе въ осуществленіи цѣлей общества, то наше собраніе постановило оставить этотъ вопросъ открытымъ, «пока общество проявитъ свою дѣятельность настолько, что объ успѣхахъ его можно будетъ собрать положительныя данныя». Теперь комитетъ учредителей старается доказать нашему земству, что оно поступило такъ по недоразумѣнію; но собраніе, выслушавъ докладъ управы, опять осталось при прежнемъ «недоразумѣніи» (кажется, все русское земство раздѣляетъ недоразумѣніе нашего собранія); но комитетъ учредителей не падаетъ духомъ и не теряетъ надежды улучшать народный трудъ во всей Россіи, для чего въ сентябрѣ 1883 г. и открылъ въ Екатеринославской губерніи ремесленное училище и послѣ этого не сдѣлалъ ничего. Наконецъ, у насъ есть ремесленное училище, на которое земство отпускаетъ ежегодно по 2,000 руб. (всего расходуется на училище 12,000 руб.).

Въ общемъ, всѣ доклады были по мелкимъ текущимъ дѣламъ,—дѣламъ такого рода, которыя уже десять лѣтъ назадъ навлекали на русское земство упрекъ, что оно стало канцеляріей и бухгалтеріей. Понятно, что для публики слушать дѣла земства такой же интересъ, какъ слушать дѣла губернскаго правленія или казенной палаты. Если земство пользуется у насъ симпатіями общества, то только за его земскую идею, за его выборное представительство. И земство въ этомъ смыслѣ, и близко и дорого обществу и пользуется его уваженіемъ. Земцы (и нужно отдать имъ эту справедливость) чувствуютъ свое земское достоинство, свое выборное отличіе, какъ представители нуждъ и интересовъ тѣхъ, кто ихъ почтилъ этимъ отличіемъ, и не забываютъ, что они земцы. Меня интересовали не доклады управы, а общій тонъ поведенія земскаго собранія, его умственное настроеніе; и тонъ этотъ, выяснившійся вполнѣ въ первыя засѣданія, сохранился послѣдовательно до конца, точно у земства уже выработалась и установилась земская традиція. Земство, которое я видѣлъ нынче, земство не только преимущественно, но почти исключительно дворянское. Есть, правда, одинъ гласный крестьянинъ, но и тотъ въ сюртукѣ. И, несмотря на дворянскій составъ собранія, оно разрѣшало всѣ вопросы чисто-земски, и никакого другого рѣшенія, хотя немножко сословнаго, не допускалось. Былъ одинъ докладъ, возбудившій было сомнѣніе въ его земскомъ основаніи. Желая обезпечить народное продовольствіе, губернская управа предполагала образовать особый «продовольственный крестьянскій капиталъ» извѣстными ежегодными отчисленіями изъ страховаго (пожарнаго) капитала, чтобы въ распоряженіи земства были, такимъ образомъ, два продовольственныхъ капитала: одинъ крестьянскій, исключительно для крестьянъ, а другой общій, губернскій, ссудой котораго могло бы пользоваться безразлично все населеніе, но только для обсѣмененія полей въ случаяхъ исключительныхъ бѣдствій отъ градобитія, наводненій, пожаровъ и т. п. Вотъ это-то дѣленіе капитала на крестьянскій и общій и вызвало сомнѣніе. Но потомъ выяснилось, что никакой сословной идеи у управы не было (проектъ управы принятъ не былъ, но по другимъ причинамъ). Впрочемъ, земскій характеръ собранія зависѣлъ не отъ земскихъ чувствъ гласныхъ, а отъ ихъ строгой законности. Собраніе держало себя строго въ предѣлахъ, установленныхъ для него *Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ*, и не позволяло себѣ ни малѣйшихъ отъ него уклоненій. При дебатированіяхъ вопросовъ было достаточно сказать, что предполагаемое несогласно съ *Положеніемъ*, что «законъ» не уполномочиваетъ земство на ту или другую мѣру, что мнѣніе или предположеніе не имѣетъ земскаго (всесословнаго) основанія, чтобы вопросъ или мнѣніе были не приняты. Этотъ уравновѣшенный, охранительный характеръ земскихъ собраній составляетъ общую черту всего нашего земства. Оно не порывается уже никуда, у него нѣтъ ничего новаго, что бы оно хотѣло ввести, провести или устроить, оно не прокладываетъ никакихъ путей, не проводитъ никакихъ идей, оно строго, практично и стоитъ на почвѣ закона. Еще особенность земства — его строгая экономія; прежде оно было и смѣлѣе, и рискованнѣе въ расходахъ, да въ то время и денегъ было больше, и курсъ нашъ лучше, и еще не обнаруживался въ такой тяжелой, безъисходной формѣ нашъ земледѣльческій и всякій другой кризисъ. Мы тогда еще надѣялись и не были такъ прижаты къ стѣнѣ, какъ теперь. Эта всеобщая, безъисходная нужда, не позволяющая накладывать на плательщиковъ новыя тягости, заставляетъ земство отказы-

ваться даже отъ такихъ безусловно-полезныхъ мѣръ, въ необходимости и справедливости которыхъ оно убѣждено. Такимъ вопросомъ было нынче учрежденіе общей эмиритальной кассы для народныхъ учителей и учительницъ,—вопросъ, возбужденный петербургскимъ комитетомъ грамотности и разрѣшенный пока однимъ московскимъ губернскимъ земствомъ, составившимъ уже и проектъ эмиритальной кассы для учителей и учительницъ.

Еще особенность земскаго собранія, видная только для тѣхъ, кто знакомъ съ другими земствами,—его изолированность. Вы чувствуете, что это муравейникъ, живущій самъ въ себѣ и отдѣленный отъ всѣхъ остальныхъ такихъ же земскихъ муравейниковъ китайскою стѣной. Поэтому каждое земство живетъ своимъ умомъ, какой у него есть, своими традиціями и даже своими привычками. Въ этой обособленности заключается главная причина, почему, вмѣсто земскаго единства, мы имѣемъ земское многообразіе. Даже въ такихъ самыхъ существенныхъ и самыхъ важныхъ вопросахъ, какъ взаимное земское страхованіе отъ пожаровъ и система обезпеченія народнаго продовольствія, каждое земство думаетъ и поступаетъ по своему. Идеалъ взаимнаго земскаго страхованія отъ огня ужь, конечно, въ томъ, чтобы не было страховаго капитала, что при единствѣ кассы и не представляется нужнымъ. А между тѣмъ, отъ разности оцѣнокъ и неодинаковости страховыхъ премій у одного земства страховой капиталъ составляетъ 350 тысячъ (у новгородскаго), у другаго болѣе 600 тысячъ (смоленскаго). Или московское земство выработало строгій систематическій порядокъ устройства шоссе, котораго и держится изъ года въ годъ. Можетъ быть, положеніе московскаго земства въ отношеніи устройства дорогъ удобнѣе другихъ земствъ, но, вѣдь, изъ этихъ «другихъ» многія ничего и не слышали о московской системѣ. То же московское земство отличается превосходно организованною статистикой; петербургское земство извѣстно устройствомъ школъ, учительскихъ семинарій и земскою медициной. Изъ провинціальныхъ земствъ нѣкоторыя тоже составили себѣ извѣстность, напримѣръ, екатеринославское, школами; другія, начавъ бойко, потомъ померкли, не выработавъ и не установивъ традиціи; нѣкоторыя земства страдаютъ недостаткомъ въ своемъ составѣ лицъ съ университетскимъ образованіемъ. Вообще нужно признать, что на провинціальныхъ земствахъ отражается слабо вліяніе земскихъ умственныхъ центровъ, потому что никакого умственнаго общенія между земствами нѣтъ; а безъ идей и безъ умственнаго общенія умно не проживешь, и не голодомъ и нуждой прогрессируютъ народы, а идеями. Я не берусь рѣшить, какъ широкъ районъ умственнаго вліянія петербургскаго и московскаго земствъ, но неоспоримо, что и по своимъ средствамъ и по другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ эти два земства составляютъ наши главные «умственные земскіе очаги» и вліяніе ихъ было бы неустранимо, если бы между земствами состояло хотя какое-нибудь умственное общеніе. При теперешней же замкнутости земствъ вліяніе московскаго земства едва ли простирается даже и на всѣ смежныя съ нимъ земства; по крайней мѣрѣ, есть губерніи, лежащія рядомъ съ Москвой (Смоленская), на которыхъ вліяніе московскаго земства совсѣмъ незамѣтно. Насколько вліяніе умственнаго центра дѣйствуетъ благотворно, можно видѣть на новгородскомъ земствѣ, неоспоримо, одномъ изъ наиболѣе законченныхъ и организовавшихся. Въ этомъ земствѣ вліянія первоначальнаго земскаго настроенія создали настолько плодотворныя традиціи, что, повинуясь даже безсознательно установившемуся навыку, новгородское земство останется надолго и прогрессивнымъ, и благоустроеннымъ. За то есть у насъ и другія земства, которыя точно сегодня явились на свѣтъ Божій, настолько еще въ нихъ не установился внутренній порядокъ и незамѣтна твердая и точная программа. Эти земства живутъ какъ бы изо дня въ день и зависятъ отъ случайностей, не зная сегодня, что они будутъ дѣлать завтра. Московскій земецъ, случайно попавшій на земское собраніе такого земства, живущаго изо дня въ день и не выработавшаго себѣ твердаго и сознательнаго пути, съ изумленіемъ слушаетъ запальчивые споры о болѣе уравнительныхъ способахъ оцѣнки и раскладки, о пользѣ статистики и о томъ, точно ли она дастъ какіе-нибудь плодотворные практическіе результаты. Эти споры переносятъ москвича за пятнадцать лѣтъ назадъ, къ годамъ первой молодости земства, когда приходилось выяснять азбуку земскаго хозяйства. И такихъ земствъ, которыя до сихъ поръ сидятъ на земскихъ складахъ или не выросли изъ перваго класса, у насъ немало. Но за то эти недозрѣвшія земства имѣютъ выгоду будущаго, чего нѣтъ у земствъ зрѣлыхъ. Въ недозрѣвшихъ земствахъ, которымъ еще надъ многимъ приходится думать, можетъ явиться больше внутренней жизни и больше умственныхъ интересовъ, чѣмъ въ зрѣлыхъ земствахъ, которымъ остается пока только безмятежное путешествіе по наторенному пути. И чѣмъ больше жизнь зрѣлыхъ земствъ будетъ механической, тѣмъ, конечно, она будетъ рутиннѣе, тѣмъ меньше будетъ земской энергіи и тѣмъ сильнѣе будутъ обвиненія земства въ апатіи. Механическій трудъ и контроль и провѣрка бухгалтерскихъ счетовъ губернской управы могутъ убить всякую охоту къ такому «общественному» дѣлу и приведутъ лишь къ отупѣнію или къ полному равнодушію даже къ истинному земскому интересу, котораго тогда не найдешь нигдѣ съ фонаремъ. Нѣчто подобное есть возможность наблюдать уже и теперь.

При земской изолированности, когда нѣтъ никакой возможности провѣрять себя и видѣть высшіе умственные образцы, силы уходятъ на безплодное кипяченіе и ненужную нисколько для пользы дѣла раздражительность, зачастую принимающую оскорбительный, личный характеръ. Зачѣмъ это? А, между тѣмъ, это неизбѣжно, если, вмѣсто дѣйствительной жизни и живой дѣятельности, люди располагаютъ одними ихъ суррогатами. Земскія собранія нынѣшней сессіи представили, вѣроятно, не

одинъ фактъ подобной суррогатности и приходится жалѣть, что провинціальныя газеты скупы на стенографическіе отчеты земскихъ преній.

Приведу одинъ случай. Бессарабское земское собраніе провѣряетъ отчетъ управы по пунктамъ. Доходитъ очередь до 22 п., въ которомъ говорится: «Пригласить въ больницу одного врача-психіатра ко времени перевода больныхъ въ новое зданіе». Постановленіе это значится исполненнымъ.

— Нельзя ли знать, какъ это постановленіе исполнено? Я слышалъ, что приглашенъ не психіатръ, а акушеръ,—говоритъ одинъ гласный.

На это предсѣдатель управы отвѣчаетъ, что приглашенъ молодой врачъ Бернштейнъ, который хотя и занимался одно время спеціально акушерствомъ, но теперь болѣе года практикуетъ въ больницѣ и пріобрѣлъ достаточно опытности. Членъ управы прибавляетъ, что имѣетъ отъ декана того университета, гдѣ учился Бернштейнъ, извѣстнаго ученаго, самый лестный отзывъ о молодомъ человѣкѣ и такіе же отзывы онъ получилъ и въ Вѣнѣ.

— Но постановленіе собранія, все-таки, не исполнено,—возражаетъ другой гласный.

— Его и нельзя было исполнить, — вступается за управу гласный Шмидтъ, — потому что на 800 р., ассигнованныхъ собраніемъ, психіатра имѣть нельзя.

— Къ сожалѣнію, это еще разъ доказываетъ, что управа систематически (?) не исполняетъ постановленій собранія,—говоритъ гласный Ратко.

Его мнѣніе поддерживаетъ еще одинъ гласный, а гласный Эржіу добавляетъ, что надо теперь же замѣнить приглашеннаго врача психіатромъ.

— Но, вѣдь, его на 800 р. нанять нельзя, — отвѣчаетъ предсѣдатель.—Кромѣ того, молодой врачъ, приглашенный управой, занялся психіатріей; о немъ отовсюду получаются лестные отзывы.

— Больница не университетъ; въ ней не мѣсто врачу учиться на земскій счетъ, — возражаютъ гласные Ратко и Эржіу.

Затѣмъ опять споры, а гласный Ратко снова пользуется случаемъ, чтобы послать по адресу предсѣдателя стрѣлу съ довольно тупымъ концомъ. Предсѣдатель говоритъ, что психіатра Леона нельзя было пригласить, потому что противъ него высказалось собраніе, но что онъ докторъ, дѣйствительно, подходящій; а г. Ратко на это отвѣчаетъ:

— Я не зналъ до сихъ поръ, что существуетъ степень дѣйствительнаго или недѣйствительнаго психіатра, какъ степень дѣйствительнаго или недѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Только гласный Шмидтъ сохраняетъ самообладаніе и опять замѣчаетъ, что управа не виновата, а скорѣе виновато собраніе, ассигновавшее 800 р., и что управа заслуживаетъ еще благодарности, что достала врача.

И вотъ чѣмъ отвѣчаетъ на это г. Эржіу:

— Собраніе нисколько не виновато. Управа, испросивъ добавочный расходъ въ 800 р. на психіатра, который собраніе и ассигновало, вѣроятно, сдѣлала это *не спроста* (?).

А г. Ратко, у котораго въ колчанѣ имѣется неистощимый запасъ острыхъ стрѣлъ, прибавилъ:

— Если бы управа издержала больше, чѣмъ ассигновано, пригласила психіатра за 1,000—1,500 р., то это было бы съ ея стороны превышеніемъ власти, но симпатичнымъ превышеніемъ (?); приглашать же, вмѣсто психіатра, ветеринара... то акушера, за это, господа, управа не заслужила бы благодарности.

Стенографъ не отмѣтилъ, какъ эти «не спроста» и «психіатръ-ветеринаръ» были приняты собраніемъ.

Въ концѣ-концовъ, споръ привелъ къ новому вопросу, съ котораго, можетъ быть, слѣдовало бы начать:

— Что такое собственно психіатръ-спеціалистъ?—спросилъ гласный Шмидтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, что такое психіатръ?—какъ-то радостно повторилъ вопросъ гласный Кристи и предложилъ попросить д-ра Блуменфельда объяснить, «какъ можно узнать психіатра».

Докторъ далъ такое объясненіе: «психіатръ занимается извѣстное время подъ наблюденіемъ спеціалиста, уже признаннаго, и преимущественно душевными болѣзнями». Нужно думать, что это объясненіе не подвинуло ни на шагъ бессарабскихъ гласныхъ и, вѣроятно, они и до сихъ поръ еще не знаютъ, «какъ можно узнать психіатра».

Что это за внутренняя война, что это за тонъ, недостойный общественнаго собранія, обсуждающаго общественныя дѣла? И, въ то же время, когда ослабѣваетъ идея общественности, неизбѣжно является такое настроеніе, когда каждый начинаетъ чувствовать себя больше и отношенія принимаютъ ненормально увеличенный личный характеръ. Въ первую пору земства общественная идея овладѣвала всѣми гораздо сильнѣе, чѣмъ нынче; тогда и всѣ дѣла разрѣшались единодушнѣе, а, главное, не было никакихъ поползновеній на мѣстничество. Теперь же во многихъ управахъ, и губернскихъ, и уѣздныхъ, замѣчается поползновеніе предсѣдателей къ единоличному управленію и дѣло иногда доходитъ до скандальныхъ развязокъ. Когда же отношенія начинаютъ устанавливаться такъ, что люди перестаютъ знать свои мѣста, имъ это мѣсто необходимо указать. Такъ и поступило бессарабское собраніе. Наговоривъ по поводу психіатра другъ другу дерзостей (психіатръ былъ, кажется, только козломъ отпущенія), гласные сдѣлали перерывъ и затѣмъ гласный Ратко (какъ видно, главный боецъ) обратился къ собранію съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Я воспользовался перерывомъ,—сказалъ онъ,—чтобы поговорить съ нѣкоторыми членами управы, и они сообщили мнѣ, что нѣкоторые члены управы совсѣмъ ничего не знали о дѣйствіяхъ управы (вѣроятно, слѣдуетъ читать: предсѣдателя), что занятія между членами не распредѣлены, что они собираются для обсужденія дѣлъ чуть ли не разъ въ годъ, такъ что коллегіальности никакой нѣтъ: члены управы находятся какъ-то между небомъ и землей и что имъ надо дѣ-

лать, не знаютъ. Однимъ словомъ, существуетъ неурядица, которую на будущее время слѣдуетъ устранить». И затѣмъ гласный Ратко внесъ предложеніе объ избраніи коммиссіи для составленія инструкціи для управы. Вѣроятно, предложеніе гласнаго Ратко попало въ больное мѣсто, потому что послѣ небольшихъ дебатовъ было не только принято предложеніе, но тутъ же избрана и коммиссія изъ четырехъ членовъ (все это происходило 11 января), а 18 января была уже доложена собранію и инструкція.

Наши земскіе дѣятели уже давно понимаютъ, насколько земская разобщенность мѣшала вообще развитію земскаго хозяйства. У насъ существуютъ съѣзды спеціалистовъ—натуралистовъ, медиковъ, психіатровъ; а въ Петербургѣ во время выставки охотничьяго оружія предполагается «съѣздъ россійскихъ охотниковъ». Это будетъ, вѣроятно, очень солидный съѣздъ, ибо обѣщаетъ «выработать мѣры къ устраненію чрезмѣрнаго истребленія животныхъ, послѣдствіемъ чего является исчезновеніе нѣкоторыхъ породъ» (программа съѣзда); если бы охотничій съѣздъ «выработалъ мѣры» какъ уничтожить сусликовъ и саранчу (осенью саранча заложила свои яйца въ Измаильскомъ уѣздѣ на площади въ 3,100 десят.), это, конечно, было бы полезнѣе сохраненія «нѣкоторыхъ породъ». Нельзя сказать, чтобы земство совсѣмъ устранялось отъ съѣздовъ, и оно собирается для обсужденія частныхъ мѣръ, напр.: противъ эпизоотій или по страховому дѣлу. Такъ, казанское, уфимское и симбирское земства ходатайствуютъ объ открытіи въ Казани съѣзда земскихъ представителей для предварительнаго и совмѣстнаго обсужденія именно этихъ мѣръ; а въ Одессѣ 10 февраля открылся областной съѣздъ представителей земствъ шести губерній южной Россіи, чтобы, подъ предсѣдательствомъ одесскаго градоначальника, разсуждать «о насѣкомыхъ на растеніяхъ». Былъ еще нынче въ Харьковѣ областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ, которому заранѣе петербургскіе газеты не предрекали успѣха, и только потому, что на немъ предполагались овцеводы, пивовары, винокуры, сахарозаводчики, торговцы, фабриканты сельско-хозяйственныхъ машинъ, были и землевладѣльцы или ихъ арендаторы и управляющіе, не было лишь земцевъ. Вообще наши земцы до сихъ поръ являлись на всевозможные съѣзды спеціалистовъ въ видѣ ученыхъ энтомологовъ, орнитологовъ, ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, можетъ быть, даже и психіатровъ и медиковъ, а, можетъ быть, будутъ участвовать и на петербургскомъ съѣздѣ «россійскихъ охотниковъ», но земцами ихъ тамъ пока никто не видѣлъ. Между тѣмъ, именно въ интересахъ земскаго хозяйства, въ интересахъ народной экономики, въ интересахъ точнаго установленія опредѣленнаго воззрѣнія на платежныя силы и средства народа, въ интересахъ популяризаціи богатаго статистическаго и хозяйственнаго матеріала, которымъ располагаютъ уже многія земства и который никому неизвѣстенъ, кромѣ этихъ земствъ,—однимъ словомъ, въ интересахъ распространенія экономическаго и хозяйственнаго знанія Россіи (въ нашихъ столичныхъ умственныхъ центрахъ и ихъ канцеляріяхъ извѣстной едва ли болѣе Луизіаны), наконецъ, въ интересахъ единства земскаго хозяйства необходимо установленіе нѣкоторой связи между совершенно разобщенными нынѣ земствами.

Мои земскія впечатлѣнія, вызванныя земскимъ собраніемъ, имѣли дворянскій финалъ. Ожили воспоминанія о чемъ-то давно видѣнномъ, о годахъ молодости, о Россіи до освобожденія; но картина была уже не та; тѣ же краски, но куда дѣлась ихъ прежняя живость и яркость; тѣ же, повидимому, и традиціи, но ужь въ нихъ нѣтъ ни прежняго духа, ни прежней силы. Тогда у нашего помѣстнаго сословія была въ рукахъ вся экономическая власть, была и власть управленія (Екатерина II говорила о помѣщикахъ: «мои сто тысячъ полицеймейстеровъ»); оно было и единственнымъ служилымъ сословіемъ, поставлявшимъ гражданскихъ чиновъ (преимущественно высшихъ) и офицеровъ, оно раздавало провинціальныя полицейскія должности, и вся эта власть покоилась на даровомъ трудѣ, дававшемъ помѣщикамъ огромную матеріальную силу, и на исключительной земельной собственности, служившей основаніемъ этой силы. Теперь вся эта сила, сконцентрированная при крѣпостномъ правѣ въ замкнутыхъ предѣлахъ одного сословія, распредѣлилась между множествомъ новыхъ рукъ и экономическій центръ тяжести перешелъ давно на промышленность, захватившую (напр., акціонерныя и въ особенности желѣзно-дорожныя предпріятія) главные капиталы. Денежная власть теперь сосредоточилась уже въ промышленности, да и образовательный цензъ не составляетъ исключительной принадлежности дворянства, какъ это было при крѣпостномъ правѣ.

О дворянствѣ я заговорилъ вотъ почему. Земское собраніе должно было кончиться 25 января, а 27 начинались дворянскіе выборы. Съѣздъ былъ большой: земскихъ гласныхъ было не больше 60, дворянъ же явилось нѣсколько сотъ. Въ блестящее время крѣпостнаго права дворянскіе выборы вносили необыкновенное оживленіе въ сонную жизнь губернскихъ городовъ. Помѣщики съѣзжались съ женами, дѣтьми, съ прислугой, съѣзжались, чтобы стряхнуть деревенскую скуку, чтобы «пожить» и повеселиться. Ну, и веселились! Балы, обѣды, нескончаемые визиты, всевозможныя покупки во всевозможныхъ магазинахъ и лавкахъ, безконечная ѣзда съ ранняго утра до глубокой ночи, попойки, карты,—все это имѣло нѣчто ярмарочное и перевертывало кверху ногами весь мирный порядокъ губернской жизни, точно въ нее вошла внезапно съ шумомъ и гамомъ широкая масляница. Теперь ничего подобнаго не было и ничего не повторилось. Дворяне съѣхались тихо, безъ женъ и дѣтей, не на тройкахъ и четверкахъ, не въ баулахъ и возкахъ, какъ было прежде, а на парахъ, въ санкахъ; были и обѣды (уѣзды давали своимъ предводителямъ); былъ и дворянскій балъ (на который городскія барышни заранѣе уже сшили и платья), но не отъ предводителей дворянства, какъ бывало, а въ

складчину, по 5 р. съ каждаго дворянина, желавшаго въ немъ участвовать.

Даже дворянская традиція не имѣла прежняго мажорнаго тона. Всѣ, правда, были въ возбужденномъ состояніи; чувствовали, что они собрались для чего-то, что нужно что-то высказать, что-то заявить, о чемъ-то просить, за что-то благодарить. Но выдающихся ораторовъ не нашлось: болѣе сильные и краснорѣчивые, участвующіе въ земствѣ, ничего не говорили; говорили не земцы-дворяне, а дворяне не у дѣлъ. Говорилъ всего одинъ ораторъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ, хотя его и немногіе разслышали (дворянскій залъ очень великъ и гулокъ). Онъ говорилъ на общую тему, созданную теперешнимъ вѣяніемъ, о чемъ и вездѣ говорятъ и пишутъ дворяне. Послѣ этой рѣчи случился небольшой эпизодъ: выступилъ юноша и поблагодарилъ оратора отъ имени молодого поколѣнія дворянъ за то, что онъ пробуждаетъ истинныя дворянскія чувства въ молодежи, уже начавшей ихъ утрачивать. Собраніе отнеслось къ этой благодарности молча, но потомъ юному энтузіасту было замѣчено, что онъ могъ говорить только отъ себя, а не отъ молодого поколѣнія, не дававшаго ему никакого полномочія.

Сравнительно съ губернскимъ земскимъ собраніемъ дворянское собраніе было какимъ-то вѣчеваніемъ. Земское собраніе шло стройно, вызывало оживленныя пренія, въ немъ чувствовались порядокъ, цѣльность, дѣловитость, самообладаніе и спокойствіе, наконецъ, въ немъ чувствовался предсѣдатель, ставившій на очередь вопросы; вопросы эти читались въ видѣ докладовъ управы, затѣмъ наступали пренія и голосованія. Однимъ словомъ, царилъ дѣловой порядокъ, уже установившійся, который всякій земецъ зналъ и ему подчинялся. Ничего подобнаго не было въ дворянскомъ собраніи. Оно собралось собственно для выборовъ, это была его единственная дѣловая сторона, и выборы оно сдѣлало хорошо, скоро и въ порядкѣ; но когда ему пришлось изображать изъ себя совѣщательную силу и выяснить и формулировать какія-то неясныя цѣли, для осуществленія которыхъ могутъ быть такія же неясныя средства, собраніе уподоблялось волнующемуся и шумящему озеру, не признававшему надъ собой никакой укрощающей силы. Порядокъ исчезалъ, стоялъ шумъ и гулъ, всѣ говорили чуть не въ одинъ голосъ, одни апплодировали, другіе шикали и разшумѣвшееся озеро не обнаруживало ни малѣйшей наклонности подчиниться какой-нибудь дисциплинѣ. Внутренней же дисциплины, цѣльности, единства задачи (какія существуютъ въ земствѣ) въ собраніи дворянъ не было.

Дворянскій балъ удался вполнѣ; онъ начался въ 11 ч. и кончился въ 7 ч. утра. Танцовали много и весело.

VI.

Нельзя сказать, чтобы жизнь у насъ била ключомъ; но нельзя сказать, чтобы мы ужь и совсѣмъ поросли мохомъ. Наша сѣренькая жизнь сочится вродѣ ключа мертвой воды, но ключъ, хотя и мертвый, все-таки течетъ. Болѣе сильнымъ, хотя и мало замѣтнымъ издали ключомъ бьетъ жизнь деревни. По виду наша деревня все та же: живетъ она, попрежнему, въ земляныхъ норахъ, ходитъ въ звѣриныхъ шкурахъ, ѣстъ пушной хлѣбъ, налоговъ не платитъ, а вмѣсто нихъ накапливаетъ недоимки, и, въ то же время, подъ этою неподвижною внѣшнею формой свершается стихійное, упорное и энергическое движеніе, создается новый укладъ земледѣльческихъ и земельныхъ отношеній. Впрочемъ, о деревнѣ я говорить теперь не стану; на этотъ разъ я буду говорить о городѣ.

Городъ въ русской жизни всегда былъ и до сихъ поръ остается болѣе или менѣе знатнымъ бариномъ,—всѣ привилегіи и выгоды доставались только ему. Даже какой-нибудь захолустный и забытый Богомъ и людьми Белебей или Красный считаютъ себя бѣлою костью и не безъ основанія заносятся передъ деревней. Городъ, какой бы онъ тамъ ни былъ, все-таки сила хотя бы по одному тому, что онъ всегда центръ власти; мертвый ключъ городской жизни журчитъ всегда съ большею яркостью, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ живой.

Представить общую картину жизни нашихъ городовъ очень трудно. Судить о ней можно по тому, что она говоритъ о себѣ сама; но что и въ чемъ говоритъ о себѣ наша городская жизнь? Во Франціи, напримѣръ, каждый городъ имѣетъ свою газету и по ней можно узнать, что городъ думаетъ, что онъ дѣлаетъ, какія у него особенности, какіе интересы. У насъ изъ 650 городскихъ поселеній много что въ двадцати-пяти издаются газеты (я исключаю газеты казенныя). Бываетъ, конечно, что газета, захватывающая жизнь цѣлой округи, напримѣръ, «Волжскій Вѣстникъ», протягиваетъ ниточки въ безгласные уѣздные (и даже губернскіе города), но эти телефонныя нити, по многимъ причинамъ, далеко не въ состояніи дать полной картины быта городовъ, изъ которыхъ онѣ проведены. Безошибочно можно сказать, что если нельзя дать картину жизни города, то значитъ, что въ немъ и жизни нѣтъ, что если городъ не создалъ своей печати, значитъ—ему и не нужна печать, ему не о чемъ говорить публично, ему нечего разрѣшать въ печати и его подспудная, не прорывающаяся наружу жизнь не обнаруживаетъ ничего, что давало бы ей право считаться жизнью общественною. Такъ у насъ и приходится думать о большинствѣ городовъ, преимущественно великороссійскихъ. О жизни нашихъ великорусскихъ городовъ почти совсѣмъ ничего не слышно, точно этихъ городовъ и на свѣтѣ нѣтъ. Какъ они живутъ и преуспѣваютъ—никому неизвѣстно. Города эти газетъ не издаютъ, сами о себѣ ничего не пишутъ и не любятъ, когда о нихъ пишутъ другіе, справедливо считая гласность бѣсовскимъ навожденіемъ. Конечно, бываютъ и такіе случаи, о которомъ разсказываетъ «Минскій Листокъ». Мысль о необходимости мѣстнаго самостоятельнаго органа печати уже лѣтъ десять назадъ зародилась и созрѣла среди мѣстной интеллиген-

ціи, и вотъ одинъ изъ теперешнихъ сотрудниковъ «Листка» пытался даже испросить разрѣшеніе на изданіе въ Минскѣ газеты. Все шло своимъ чередомъ, разсказываетъ онъ, и было подано прошеніе, программа и прочее, затѣмъ послѣдовало личное представленіе и на этомъ-то представленіи высшее мѣстное административное лицо сказало, въ пріятной оффиціальной бесѣдѣ, голосомъ твердымъ и убѣдительнымъ, что вообще русская провинція, а ужъ и подавно Минская губернія, «не дозрѣла» до мѣстной прессы. Я говорю не о подобныхъ случаяхъ, когда съ извѣстной точки зрѣнія предрѣшается, чему должно быть и чему не должно быть. Съ этой точки зрѣнія даже и нынѣшняя провинціальная печать можетъ казаться излишнею. Я тоже знаю случай, когда редактору одной провинціальной газеты, просившему о расширеніи программы, было сказано: «а вы думаете, что намъ нужна провинціальная печать?» Но я знаю и такіе случаи, когда губернскій городъ закрываетъ свою единственную читальню; у насъ есть города, закрывающіе школы, есть масса большихъ городовъ, не имѣющихъ книжныхъ лавокъ, есть города, устраивающіе надзоръ за своими газетными корреспондентами и расправляющіеся съ ними палками (въ Кишиневѣ подобное дѣло разбиралось у мироваго судьи). Умственный мракъ и болотная жизнь подобныхъ городовъ не выносятъ гласности и чистаго воздуха. И къ этой области застоя, противъ котораго направлены интеллигентныя усилія лучшихъ русскихъ людей и печати, относится рѣшительное большинство великорусскихъ городовъ средней и сѣверной полосы. Только югъ и юго-востокъ развиваютъ все больше и больше свои силы и растутъ умственно и матеріально, точно центръ тяжести новой русской жизни собирается сосредоточиться здѣсь. Недаромъ же Петръ Великій такъ упорно тянулся къ югу. Еслибъ югъ ему дался, многое въ русской исторіи послѣднихъ двухсотъ лѣтъ было бы инымъ. Но чего не удалось тогда Петру, то дѣлается теперь само собою, временемъ, и богатый, благорастворенный югъ все болѣе и болѣе стягиваетъ къ себѣ или создаетъ вновь производительныя и интеллигентныя силы. Это фактъ, котораго нельзя ни обойти, ни не замѣтить.

Всѣ русскіе города обнаружили послѣ освобожденія усиленный ростъ, но нигдѣ этотъ ростъ не сказался съ такой силой, какъ на югѣ и юго-востокѣ. Въ Одессѣ въ 1863 г. было 121 т. жителей, а теперь 250 т., въ Харьковѣ въ 1863 г.—52 т., а теперь 165 т., въ Кіевѣ 68 т., а нынче 180 т., въ Таганрогѣ 42 т., теперь 62 т., въ Кишиневѣ 93 т., теперь 150 т., въ Ростовѣ на Дону 29 т., теперь 70 т., въ Казани 63 т., а теперь 100 т., въ Саратовѣ 84 т., теперь 110 т.; а между тѣмъ въ пресловутомъ Нижнемъ-Новгородѣ, этой всемірной ярмаркѣ, которой мы такъ гордились, населеніе въ 25 лѣтъ увеличилось съ 41 т. лишь до 57 т.; въ Рыбинскѣ, тоже важномъ торговомъ центрѣ, съ 15 т. до 19 т.; въ Ярославлѣ, красѣ Волги, съ 27 т. до 30 т. Если бы Москва и Петербургъ росли за это время такъ же, какъ Одесса, Харьковъ, Кіевъ, то въ Москвѣ было бы болѣе полутора милліона, вмѣсто нынѣшнихъ 800 т., а въ Петербургѣ—болѣе двухъ милліоновъ, вмѣсто нынѣшнихъ 960 т. Югъ, очевидно, заключаетъ въ себѣ такія условія для развитія и городской и умственной жизни, какихъ сѣверъ и великорусскіе центры не представляютъ. Югъ и умственно проснулся ранѣе; онъ больше читаетъ, больше думаетъ и имѣетъ наиболѣе развитую мѣстную печать. Только газеты юга: Одессы, Кіева, Харькова, Казани, Таганрога — даютъ возможность узнать, какъ живетъ Россія хотя въ одной своей части, потому что великороссійскія губерніи пребываютъ подъ несокрушимою печатью самаго упорнаго молчанія. Что же говоритъ печать нашихъ передовыхъ городовъ о жизни этихъ городовъ, о благахъ, которыя они преподносятъ своимъ обитателямъ?

Блага городской жизни заключаются въ безопасности, удобствахъ, дешевизнѣ жизни, въ защитѣ отъ насилія и вообще въ соединеніи такихъ условій, которыя дѣлаютъ жизнь удобной, привлекательной, содѣйствующей развитію общественности, культуры, образованія и всѣхъ видовъ прогресса. Любопытно, что въ этомъ отношеніи наши города похожи на совсѣмъ новыя поселенія, точно ихъ только вчера построили, и люди, набравшись сегодня, еще не успѣли сдѣлать даже самаго необходимаго. Напримѣръ, такой случай. Идетъ по улицѣ города садовникъ, нѣмецъ, германскій подданный (дѣло было въ 11 ч. утра) и заходитъ въ какое-то «помѣщеніе стараго зданія» (такъ напечатано въ газетѣ). Въ этомъ «помѣщеніи стараго зданія» оказался старый, высохшій колодецъ, 22 саж. глубины, «плохо прикрытый». Садовникъ оступился и упалъ въ яму пропасти. Ну, конечно, несчастный умеръ. Это было въ Одессѣ. Или въ городѣ надъ рѣкой глыба земли, величиною съ «хорошій трехъэтажный домъ», сползла съ вышины около 20 саженъ и задѣла на пути небольшой домикъ, отъ котораго уцѣлѣла едва третья часть, и задавила работавшаго въ домѣ еврея. Это случилось въ губернскомъ городѣ Житомірѣ; осенью та же самая гора уже сползла разъ къ рѣкѣ и теперь поползла еще разъ; или возвращается офицеръ послѣ стрѣльбы съ полигона и, проходя мимо кладбища, проваливается въ одну изъ общихъ могилъ,—покойниковъ на пятнадцать,—предусмотрительно выкопанныхъ администраціей кладбища. Не будь съ офицеромъ товарищей, оказавшихъ ему помощь, онъ могъ бы просидѣть въ ямѣ нѣсколько часовъ. Хорошо еще, что въ ямѣ не было покойниковъ, и края ея не сползли подобно житомірской «трехъ-этажной» глыбѣ (случилось въ Казани). И все это называется городскимъ благоустройствомъ.

Во всѣхъ нашихъ городахъ, не исключая даже красавицы «Сѣверной Пальмиры», благоустройство находится въ самомъ зачаточномъ видѣ. Въ Казани, напримѣръ, первобытность городскаго благоустройства доходитъ до того, что въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» явилось даже нѣсколько воззваній къ городской думѣ. Трудно, говоритъ газета, представить себѣ что-либо отвратительнѣе состоянія

казанскихъ улицъ, и площадей съ наступленіемъ ростопели. Площади и улицы, даже въ верхнихъ частяхъ города, представляютъ сплошныя кучи и бугры навоза, который никто и не думаетъ убирать, ледяная кора нигдѣ не скалывается, канавы никѣмъ не расчищаются. Центральная площадь города имѣетъ видъ грязной и заваленной навозомъ и мусоромъ деревенской базарной площади. Даже Воскресенская улица (казанскій Невскій проспектъ) сплошь завалена навозомъ. «Гг. представители города, — восклицаетъ газета, — когда вы насъ избавите отъ повальной грязи въ городѣ? Г. городской голова А. А. Лебедевъ! хоть бы вы употребили ваше просвѣщенное вліяніе: согласитесь, что при такихъ условіяхъ жизнь въ большомъ городѣ становится невыносимою!» И дѣйствительно, жизнь при такихъ условіяхъ не только невыносима, но просто опасна. Въ Житомірѣ можно быть внезапно погребеннымъ съѣхавшею глыбой земли въ трехъ-этажный домъ, а въ Казани также внезапно можно утонуть на улицѣ. Въ этой же самой Казани есть Рыбнорядская улица и площадь, и лавочники этой улицы выбрасываютъ пропахшій рыбою ледъ и выливаютъ ведрами какую-то вонючую гадость вездѣ, гдѣ имъ вздумается. Затѣмъ весною, когда вся эта мерзость растаетъ, на улицѣ и площади образуются громадные потоки или, вѣрнѣе, цѣлыя рѣки, мѣстами до $1^1/_2$ аршина ширины и около $^1/_2$ аршина глубины, превращающія сообщеніе въ опасное и рискованное предпріятіе. Репортеръ «Волжскаго Вѣстника» описываетъ такую сцену, которой онъ былъ свидѣтелемъ: извозчикъ, переѣзжая черезъ улицу, заѣхалъ въ образовавшуюся отъ воды канаву и опрокинулъ сѣдока въ навозную лужу. Утонулъ или выплылъ злополучный сѣдокъ, репортеръ не говоритъ; но если онъ и остался живъ, то пребываніе въ городѣ, въ которомъ такъ легко утонуть на улицѣ и не менѣе легко получить холеру или тифъ, едва ли можно считать особеннымъ счастіемъ. А холеру и тифъ Казань создаетъ у себя очень простымъ способомъ. По словамъ репортера того же «Волжскаго Вѣстника», казанскіе домовладѣльцы передъ весной выкалываютъ нечистоты въ своихъ домахъ и ночью (а болѣе смѣлые и днемъ) вывозятъ тотъ «снѣгъ» въ прилегающіе овраги или сваливаютъ на берегъ Казанки. На окраинахъ города, по словамъ того же репортера, санитарныя безобразія превышаютъ всякое вѣроятіе.

Городское благоустройство заключается, конечно, не въ красотѣ домовъ, на главныхъ улицахъ, а въ чистотѣ, въ тѣхъ условіяхъ, которыя помогали бы городскому обитателю прожить, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ, а не умирать на другой день рожденья. Наше же городское благоустройство разсчитано не на людей, а на несокрушимыя каменныя глыбы; но—увы!—людей каменной несокрушимости Россія уже давно перестала производить; попадались, правда, еще до недавняго времени люди первобытнаго склада между сибиряками, но и Сибирь уже ихъ теперь не производитъ больше. Конечно, не одинъ городъ только причиной, что стали у насъ вырождаться люди (вырожденіе началось уже и въ деревнѣ), но городъ несомнѣнно много помогаетъ вырожденію, и санитарныя условія, въ которыхъ онъ пребываетъ, не особенно помогаютъ развитію крѣпкихъ, здоровыхъ и сильныхъ организмовъ. Прежде всего, всѣ наши города до невозможности грязны и то, что свершается въ Казани, свершается вездѣ. Поэтому обитатель не только Кіева, Харькова, но даже и столичнаго града Москвы будетъ неправъ, если онъ будетъ кивать въ сторону Казани. «Грязь» есть законъ русскаго города, въ которой онъ пребываетъ съ начала Руси; «грязь»— нашъ прирожденный грѣхъ и, пребывая въ этомъ грѣхѣ многіе вѣка, мы только въ послѣднее время призадумались надъ нимъ. Въ Швеціи есть маленькій городокъ Ничопингъ, въ немъ всего двѣ тысячи жителей; и то даже не городъ, а опрятная коробочка. Окраинъ съ полуразвалившимися домишками у него нѣтъ и городъ начинается прямо съ высокихъ каменныхъ домовъ; улицы всѣ мощеныя и освѣщены газомъ, вездѣ чистота,—ни грязныхъ лужъ, ни кучъ навоза, улицы и дома точно вымыты. И не одинъ Ничопингъ такой; такой же Липчопингъ, тоже городъ-коробочка, такой же Іончопингъ и Норчопингъ и всѣ маленькіе и большіе города бѣдной и поросшей лѣсами Швеціи. А какимъ образомъ нашъ Выборгъ, тоже городъ-коробочка, имѣетъ газовое освѣщеніе и держитъ свои городскіе сады, скверы и бульвары въ такой чистотѣ, что ей позавидовали бы самые знаменитые нѣмецкіе курорты; какимъ чудомъ послѣ снѣжной, бурной ночи всѣ заносы съ гласиса исчезаютъ и житель Выборгскаго Форштадта уже въ 7 — 8 часовъ утра идетъ въ городъ по расчищенной дорогѣ, не рискуя быть погребеннымъ въ сугробахъ снѣга? Но это тайна выборгскаго городскаго хозяйства.

А вотъ картины нашихъ городовъ. Въ Бѣлгородѣ изъ многихъ дворовъ, даже зажиточныхъ жителей, продѣланы отверстія для спуска на улицы жидкихъ нечистотъ *). Въ Александровскѣ улицы превратились въ рѣки жидкой грязи, на единственной мощеной улицѣ города стоитъ курганъ гніющихъ нечистотъ, созданный стараніемъ мѣстныхъ коммерсантовъ, выбрасывающихъ изъ лавокъ всякій соръ. Чтобы зараженіе воздуха происходило совершеннѣе, въ серединѣ города выстроенъ мыловаренный заводъ, вблизи котораго нельзя пройти, не зажавъ носа. Въ Балтѣ на улицахъ непроходимая грязь, горы всякаго сора и такая вонь на улицахъ, точно въ каждомъ домѣ варится мыло. Въ Новомъ Осколѣ тѣ же наклонности къ мыловаренію, но есть и еще одна особенность городскаго хозяйства, сообщающая ему сельскохозяйственный колоритъ. На одной изъ городскихъ улицъ есть громадная яма, въ которую сваливается навозъ и всякія нечистоты изъ конюшень, домовъ и дворовъ. Когда вся эта нечистота перепрѣетъ, ее свозятъ на огороды, а къ ямѣ снова свозятъ

*) Это дѣлается и у насъ, въ Москвѣ.

всю городскую грязь, заражающую до того воздухъ, что жители перестали дѣлать въ домахъ даже форточки. Въ Лубнахъ нечистоты валяются на площадяхъ и улицахъ... и т. д., и т. д., и т. д. Но одно и то же повторяется во всѣхъ нашихъ уѣздныхъ городахъ. Картина не мѣняется, если поле своихъ наблюденій вы перенесете изъ уѣздныхъ городовъ въ губернскіе. Въ губернскихъ городахъ краски оказываются еще гуще и, благодаря большему многолюдству, всякихъ нечистотъ оказывается больше. Въ Кіевѣ грязь мѣстами непролазная, и по серединѣ Крещатика течетъ потокъ и городъ никакъ не придумаетъ, какъ бы устроить такъ, чтобъ этотъ потокъ текъ подъ землею. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, главную и такую красивую улицу превратить въ рѣку! Въ Харьковѣ, весною и осенью, по улицамъ грязь и вонь, а лѣтомъ такая пыль, что, по словамъ профессора гигіены Якоби, въ однѣ сутки садится въ Харьковѣ больше пыли, чѣмъ въ Парижѣ въ цѣлый годъ. Въ Воронежѣ сама городская управа разрѣшила сваливать нечистоты на одной изъ улицъ, у рѣки, и весной нечистоты заражаютъ рѣку и воздухъ. Въ Самарѣ, въ серединѣ города, рѣжутъ въ мясныхъ лавкахъ телятъ и барановъ и вонь отъ гніющихъ внутренностей и лавокъ нестерпимая. Тутъ же неподалеку, около церкви, помѣщается «обжорный рядъ», а между нимъ и церковью торговцы прямо, на открытомъ воздухѣ, устроили то, что ни въ одномъ благоустроенномъ общежитіи въ подобномъ мѣстѣ не устраивается; «даже въ самую церковь, во время богослуженія, черезъ отворенныя окна несутся ароматы и заглушаютъ запахъ ладана». Ужь, конечно, Самара постаралась, чтобъ и грязь у нея на улицахъ была соотвѣтственная. Въ Симферополѣ, въ старой части города, рѣдкій домъ имѣетъ помойную яму или сорникъ; все выбрасывается и вываливается прямо на улицу, по-турецки. И Тула усиливается быть турецкой. Городскія канавы распространяютъ такіе ароматы и такого необыкновеннаго ѣдкаго свойства, что многіе по цѣлымъ мѣсяцамъ не открываютъ въ домахъ оконъ... и опять прибавлю: и т. д., и т. д., и т. д., ибо то же самое, но съ нѣкоторыми перемѣнами, согласно мѣстнымъ условіямъ (конечно, не ради санитарности), повторяется и во всѣхъ остальныхъ нашихъ губернскихъ городахъ.

По іерархической лѣстницѣ городовъ мы поднялись теперь до Москвы, этой хранительницы старыхъ московскихъ традицій. О Петербургѣ я говорить не стану: Петербургъ—не столько столица, сколько резиденція; это городъ по основамъ своего двойственнаго хозяйства исключительный. Но Москва дѣло другое: это городъ самобытный,—городъ, живущій по законамъ натуральнаго развитія. Поэтому на Москву слѣдуетъ смотрѣть какъ на естественно развившійся губернскій городъ, но достигшій столичнаго размѣра, какъ на естественную высшую точку развятія нашихъ городовъ, какъ на ихъ будущій идеалъ, если ихъ не коснется никакое стороннее вліяніе и они сохранятся въ своей ненарушимой русской чистотѣ. Какую же картину городскаго благоустройства даетъ этотъ идеалъ русскихъ городовъ? А вотъ какую, читатель: «Съ наступленіемъ весенняго времени начинаютъ особенно бросаться въ глаза разные недостатки благоустройства въ нашей столицѣ,—говорятъ «Русскія Вѣдомости».—При свѣтѣ яркихъ лучей весенняго солнца невыразимо-жалкими представляются мостовыя нашихъ улицъ, покрытыя выбоинами и ямами, облитыя липкою грязью. Вы не можете проѣхать четверть часа безъ того, чтобы не встрѣтить посреди улицы упавшую лошадь, изнемогающую подъ ударами разъяреннаго возницы, или свалившагося экипажа со сломанною осью. Вы не можете сдѣлать десяти шаговъ, не испытывая зловонія, несущагося съ улицъ и изъ глубины дворовъ. Но особенно тягостное зрѣлище представляютъ въ это время бассейны, изъ которыхъ московскіе обыватели снабжаются водою. Уже при самомъ приближеніи въ водоему васъ поражаетъ толпа людей съ бочками, въ нѣсколько параллельныхъ рядовъ, расположившихся вокругъ него. Все это чающіе движенія воды. Тоненькою струйкой, чуть не каплями, падаетъ вода на грязное, заросшее плѣсенью дно бассейна и, не успѣвъ даже омыть дна, вычерпывается потребителями изъ образовавшихся выбоинъ. Больше часу требуется при такихъ условіяхъ на то, чтобы наполнить бочку микстурой воды съ плѣсенью, и потому злосчастнымъ представителямъ водовознаго промысла приходится почти по полусуткамъ, день и ночь, безъ сна и домашняго крова, ожидать своей очереди у бассейна». Неужели, думается,—спрашиваетъ дальше газета,—милліонное населеніе можетъ жить среди такой обстановки, свойственной развѣ какому-нибудь городишкѣ съ десяткомъ тысячъ жителей? А почему же и нѣтъ? Если живетъ такъ Москва со времени своего основателя Кучки, почему ей не жить и еще такъ же? Вотъ Ничопингъ, въ которомъ всего двѣ тысячи жителей, не можетъ жить безъ газа, водопровода и хорошей мостовой, онъ безъ нихъ и не живетъ. Газета дѣлаетъ сравненіе смертности Москвы со смертностью Лондона, Парижа и Берлина; изъ сравненія оказывается, что въ Берлинѣ умираетъ на тысячу жителей 27 человѣкъ, въ Парижѣ—25 человѣкъ, въ Лондонѣ—20 человѣкъ, а въ Москвѣ 34 человѣка. Не знаю, убѣдятъ ли эти цифры московскій Охотный рядъ, но, во всякомъ случаѣ они никакого эффекта не произведутъ, какъ не тронутъ сердецъ просвѣщенныхъ обитателей и другихъ нашихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, живущихъ безъ воды, безъ газа, безъ выгребныхъ ямъ и вдыхающихъ парфюмы навозныхъ кучъ и уличной грязи.

И еслибы наша городская жизнь давала себя чувствовать только этимъ однимъ! А то вотъ еще какіе представляетъ она факты. Въ Москвѣ, въ Большомъ Казенномъ переулкѣ есть домъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. А. Корибутъ-Дашкевича. Домъ этотъ состоитъ изъ трехъ жилыхъ флигелей, имѣющихъ видъ клоаки. Весь

дворъ этой клоаки покрытъ всякими нечистотами, не исключая и самыхъ нечистыхъ; но на дворѣ, должно-быть съ санитарными цѣлями, все-таки имѣется 5 помойныхъ ямъ, настолько переполненныхъ, что все ихъ пріятное содержимое течетъ по двору и просачивается въ подвальныя квартиры. Извѣстныя мѣста въ нижнихъ этажахъ совершенно недоступны для жильцовъ и бывали случаи, что приходилось спасать упавшихъ въ нихъ людей. Квартиры подвальныхъ этажей такого невообразимаго вида, что ночлежные дома Хитрова рынка кажутся, по сравненію съ ними, палаццо венеціанскаго дожа. Напримѣръ, въ главномъ флигелѣ, въ подвалѣ, есть квартира, занимаемая столяромъ и состоящая изъ двухъ комнатъ, за которыя столяръ платитъ 12 руб. въ мѣсяцъ. Какія же удобства получаетъ столяръ за эти 12 руб.? А вотъ какія. Въ первой комнатѣ, близь двери, пробита на полу дыра, служащая стокомъ текущихъ со двора къ столяру парфюмовъ. Стѣны заплѣсневѣли и покрыты слизью. Воздухъ такой, что нечѣмъ дышать. И великодушный г. Корибутъ-Дашкевичъ (человѣкъ несомнѣнно гуманный и образованный) отравляетъ медленнымъ ядомъ жизнь несчастнаго столяра, вѣроятно, и не подозрѣвающаго, что онъ совершаетъ надъ собою медленное самоубійство, за которое еще платитъ домохозяину по 144 рубля въ годъ. Другіе самоубійцы дома г. Корибутъ-Дашкевича, «коечники», не менѣе успѣшно роютъ себѣ могилу въ общей квартирѣ подвальнаго этажа. Квартира эта лежитъ глубоко подъ землею и въ нее ведетъ изломаная ветхая лѣстница, по которой можно ходить только съ опасностью для жизни. Налѣво, у самой лѣстницы, помѣщается ничѣмъ не закрытая и переполненная нечистотами выгребная яма, безъ пола. Вмѣсто него положены какія-то двѣ доски, едва замѣтныя изъ-подъ груды нечистотъ. Когда дверь въ нижнюю квартиру отворяется, изъ нея вырывается на дворъ широкая струя невыносимо-зловоннаго воздуха. У самой двери, возлѣ порога, стоитъ лужа нечистотъ, стекающихъ изъ выгребной ямы, и лужу эту обитатели квартиры вычерпываютъ сами шайками. Квартира, какъ выражается санитарная коммиссія, внѣ описанія: это зловонный, полутемный подвалъ, весь заставленный подобіями кроватей, на которыхъ грязное тряпье замѣняетъ постели. Дышать нечѣмъ. Въ квартирѣ этой, представляющей изъ себя нѣчто вродѣ наигрязнѣйшаго ночлежнаго дома, помѣщается болѣе 25 человѣкъ, хотя всѣхъ коекъ 15. Спятъ подвое на койкѣ и спятъ на полу. («Русск. Вѣд.»).

Санитарная коммиссія была, вѣроятно, возмущена всею этою невозможной мерзостью, и каждый русскій филантропъ (есть такіе и у насъ, они размножаются), прочитавъ въ газетахъ описаніе дома г. Корибутъ-Дашкевича, нашелъ бы... не знаю, что бы онъ нашелъ, но знаю, что въ Ничопингѣ г. Корибутъ-Дашкевичъ такого бы дома не выстроилъ, а въ Москвѣ онъ его не только выстроилъ, но и, занимаясь систематически сокращеніемъ жизни людей, смотритъ съ невинностью невмѣняемаго младенца на міръ Божій и въ Москвѣ считается, вѣроятно, понимающимъ свое дѣло домовладѣльцемъ. И дѣйствительно, тутъ важенъ не г. Корибутъ-Дашкевичъ и не его домъ, а то, что и г. Корибутъ-Дашкевичъ, и его домъ могутъ быть въ Москвѣ, важны возможности, создающія подобное явленіе. Именно — явленіе, потому что домъ г. Корибутъ-Дашкевича между домами Москвы вовсе не то, что кровопійца Ганъ-Исландецъ между людьми; такихъ домовъ (или близко ему подобныхъ) въ Москвѣ не одинъ. И Москва тутъ не при чемъ. Каждый большой русскій городъ, если въ немъ скучено рабочее населеніе, непремѣнно имѣетъ своего Корибутъ-Дашкевича (въ Петербургѣ только князь Вяземскій, въ домѣ котораго года три назадъ провалились всѣ этажи). Въ Кіевѣ, напримѣръ, на Мало-Владимірской улицѣ есть усадьба сельскаго священника Ракитина, въ которой, по описанію «Кіевлянина», на небольшомъ пространствѣ размѣстились четыре жилыя строенія. Тутъ же вмѣстились сараи, конюшни, нѣкоторыя принадлежности жилыхъ строеній и хозяйственныя пристройки. Дворъ представляетъ узкую полосу, испуганно пробѣгающую между строеніями и служащую больше для украшенія усадьбы, чѣмъ для удобства жильцовъ. Впрочемъ, прибавляетъ авторъ замѣтки, такіе усадьбы въ Кіевѣ не рѣдкость, точно также какъ и близкое сосѣдство помойной ямы, издающей такой смрадъ, что, по словамъ двухъ дамъ, живущихъ во флигелѣ, къ которому примыкаетъ душистая яма, онѣ принуждены ходить цѣлый день съ зажатыми носами. Нѣсколько дальше пріютилась ползучая лавина навоза со двора херсонскаго полка. Вообще, замѣчаетъ кстати авторъ, въ Кіевѣ обычай не выносить соръ далеко изъ избы, если только приходится работать не языкомъ. Нижніе этажи всѣхъ двухъ-этажныхъ строеній Ракитина ушли до оконъ въ землю. Въ среднемъ флигелѣ, занимаемомъ г. Крейеромъ, крысы пробуравили стѣну и, такимъ образомъ, сообщеніе квартиры г. Крейера съ нѣдрами земли совершенно свободное. Та же легкость и безпрепятственность, по словамъ замѣтки, написанной не безъ ядовитаго остроумія, наблюдается и при переходѣ изобилующихъ своею численностью жильцовъ ракитинскихъ домовъ въ небытіе. Еслибы священникъ Ракитинъ не имѣлъ прихода, онъ безбѣдно прожилъ бы исполненіемъ однихъ печальныхъ обрядовъ въ своемъ домѣ. Вотъ списокъ больныхъ и умершихъ въ усадьбѣ Ракитина за полтора года. Въ 1884 году умерло отъ дизентеріи: дочь прачки 6 мѣсяцевъ, сынъ кухарки 3 мѣсяцевъ, дочь Крейера 9 лѣтъ, дочь торговки 9 лѣтъ, г-жа Мигушевская 56 лѣтъ. Были больны, но выздоровѣли: сынъ лавочника $1^1/_2$ года, дочь плотника $1^1/_2$ года, дочь актрисы 10 лѣтъ, сынъ Крейера 18 лѣтъ, курсистка 23 лѣтъ, фортепіанный мастеръ 28 лѣтъ, жена портного 32 лѣтъ. Затѣмъ авторъ замѣтки перечисляетъ заболѣвшихъ и умершихъ въ 1885 и въ 1886 гг. Оказывается, что изъ семнадцати заболѣваній восемь кончилось смертью, и это въ одномъ дворѣ! Любопытно, что только эта замѣтка дала поводъ къ санитарному изслѣдованію

домовъ Ракитина, а еще любопытнѣе заявленіе, сдѣланное редакціи «Кіевлянина» предсѣдателемъ кіевскаго санитарнаго совѣта. По его словамъ, такихъ дурныхъ въ санитарномъ отношеніи домовъ, какъ домъ Ракитина, на Мало-Владимірской улицѣ много, что чрезмѣрная заболѣваемость и смертность между жильцами дома Ракитина не составляетъ особенности только его усадьбы, а то же самое повторяется и въ другихъ усадьбахъ той же мѣстности; наконецъ, что сами домовладѣльцы много способствуютъ плохому гигіеническому состоянію своихъ усадьбъ. Значитъ, все это въ порядкѣ вещей; ну, и слава Богу, что въ Кіевѣ такой порядокъ вещей, который никого не безпокоитъ.

Въ подтвержденіе этого, можетъ быть нѣсколько форсированнаго, вывода приведу еще нѣсколько фактовъ изъ жизни того же Кіева. Осматривался коммиссіей домъ, занимаемый полиціей. Домъ этотъ нанятъ по выбору бывшаго полицеймейстера Мастицкаго, т. е. лица принадлежащаго къ категоріи тѣхъ лицъ, для обозначенія которыхъ наши газеты придумали деликатную общую формулу: «тѣ, которымъ о томъ вѣдать надлежитъ». Какъ же г. Мастицкій вѣдалъ о томъ, о чемъ ему вѣдать надлежитъ? По удостовѣренію коммиссіи, только пріемная и кабинетъ полицеймейстера «удовлетворительны», всѣ же остальныя комнаты темны, низки и для занятій крайне неудобны. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ, гдѣ занимаются по нѣскольку человѣкъ, на каждаго служащаго приходится не больше одной кубической сажени воздуха, т. е. «minimum того, что обязательно полагается даже для арестанта въ тюрьмѣ». Одинъ изъ членовъ коммиссіи (докторъ) заявилъ, что многіе изъ служащихъ въ городской полиціи лѣчились у него отъ ревматизма. Еще лучше фактъ, можетъ быть не столько санитарный, сколько промышленный, и тоже изъ дѣятельности «тѣхъ, которымъ о томъ вѣдать надлежитъ», приводитъ «Кіевлянинъ» изъ жизни мѣстныхъ почтальоновъ, письмоносцевъ и другаго почтоваго мелкаго люда. Весь этотъ людъ живетъ въ самомъ почтовомъ зданіи, но на собственныя средства. Обыкновенно вновь вступившаго зачисляютъ сверхштатнымъ, безъ жалованья, но потомъ мѣсяца черезъ 2—3 зачисляютъ въ штатъ съ жалованьемъ по 18 руб. въ мѣсяцъ. Съ назначеніемъ жалованья начинается и вычетъ за столъ и за кровать за прежнее время и за текущее. За столъ берется по 8 руб., а за кровать по 1 руб. въ мѣсяцъ съ каждаго служащаго. Кровати въ этомъ почтовомъ общежитіи существуютъ около 15-ти лѣтъ, всѣхъ кроватей 35 и онѣ принесли дохода (вѣроятно, общежитію) 6,300 руб. Такимъ образомъ, если даже тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, именно этого-то и не вѣдаютъ, то понятно, что санитарный вопросъ въ нашей городской жизни принимаетъ уже совсѣмъ иной цвѣтъ, размѣръ и характеръ. Онъ, такъ сказать, изчезаетъ съ лица русскихъ городовъ, становится пустымъ мѣстомъ и все становится возможнымъ и понятнымъ. Въ томъ же Кіевѣ былъ такой невѣроятный случай, больше похожій на анекдотъ, но засвидѣтельствованный «Кіевляниномъ». Въ Римскихъ номерахъ, на Подолѣ, покушался на самоубійство нѣкто Т., который по распоряженію врача былъ уложенъ въ кровать и отправленъ въ больницу. Отъ Римскихъ номеровъ и до больницы кровать съ умирающимъ несли, передаточнымъ способомъ, дворники лежащихъ по пути домовъ. «Нечего прибавлять,—замѣчаетъ газета,—что Т. былъ доставленъ въ больницу «своевременно», встрѣтивъ по пути до 50-ти станцій «съ приваломъ». Привалы же были неустранимы, потому что больнаго несли ночью и дворниковъ нужно было вызывать колокольчиками. Вообще съ человѣкомъ у насъ не особенно церемонятся. Напримѣръ, о Кирилловской больницѣ того же Кіева «Кіевлянинъ» сообщаетъ факты, не дѣлающіе больницѣ не только особенной, да и никакой чести. Еще больныхъ администрація больницы признаетъ выздоровѣвшими и отправляетъ ихъ въ полицію для «водворенія», или такихъ же больныхъ и слабыхъ до того, что они не могутъ сойти съ телѣгъ, отсылала въ полицію и тамъ ихъ «приходилось сносить на рукахъ» въ помѣщеніе «присутствій», чтобы подвергнуть обычному допросу».

Я говорю такъ много о Кіевѣ совсѣмъ не потому, чтобъ онъ одинъ представлялъ такой пикантный матеріалъ, а потому, что этотъ городъ болѣе видный, съ болѣе развитою жизнью, развитымъ населеніемъ и съ довольно развитою гласностью, что, конечно, и помогаетъ общедоступности кіевскихъ фактовъ. И у насъ, именно, чѣмъ городъ развитѣе (въ русскомъ смыслѣ), т. е. чѣмъ онъ больше, чѣмъ больше въ немъ всякихъ учрежденій и исполнителей, тѣмъ больше въ немъ и фактовъ, напрашивающихся на гласность. Что же касается сущности фактовъ, то они вездѣ одни и тѣ же—и въ Кіевѣ, и въ Москвѣ, и въ Казани, и въ Одессѣ. Это все одна и та же вѣчно повторяющаяся сказка про бѣлаго бычка, все тотъ же законъ русской жизни, одинаковый вездѣ, гдѣ русскій человѣкъ устраиваетъ свою гражданственность и свое общежитіе. Хотя бы напримѣръ, такой фактъ: привозятъ женщину изъ деревни въ городъ, чтобы положить въ больницу. Нигдѣ (по обычаю) мѣста неоказывается. Съ несчастною женщиной не знаютъ что и дѣлать; только развозятъ ее изъ одной больницы въ другую, не найдется ли тамъ мѣста; а больная вся посинѣла (ну, совсѣмъ какъ въ Кіевѣ съ несчастнымъ самоубійцей). Городоваго, стоявшаго на одной изъ главныхъ улицъ, спросили, не можетъ ли онъ ее отправить въ пріемный покой. Городовой флегматически отвѣтилъ, что не можетѣ, а пусть ее оставятъ одну на улицѣ, посадивъ на тумбочку, тогда онъ ее и возьметъ. Дѣйствительно, когда полумертвая больная была оставлена одна «на тумбочкѣ», городовой отвелъ ее куда-то. Это было въ Москвѣ, на Тверской, и сообщаютъ этотъ фактъ «Современныя Извѣстія». Предположимъ, что этого факта не было въ дѣйствительности, но развѣ онъ отъ этого перестанетъ быть возможнымъ? Скорѣе было бы невозможнымъ, еслибъ его не было въ дѣйствительности. Такъ все это у насъ логично, цѣльно и должно неизбѣжно истекать одно изъ другаго. О

больничныхъ порядкахъ той же Москвы въ газетахъ сообщаются такія извѣстія, то подумаешь, будто Москва только сегодня завела у себя первую больницу. «Въ пріемныхъ покояхъ, — разсказываютъ «Русскія Вѣдомости»,—доставленные туда больные сыпнымъ тифомъ лежатъ нѣсколько дней, т. е. до тѣхъ поръ, пока не откроется свободное мѣсто въ больницѣ. А больницы всѣ переполнены. Особенно переполнена тифозными больными тюремная больница. Тамъ, какъ говорятъ, также какъ и во многихъ пріемныхъ покояхъ, за неимѣніемъ мѣста, больные лежатъ на полу. Въ ней смертность очень велика...» Попасть какимъ бы то ни было способомъ въ больницу, не обращаясь къ полиціи, заболѣвшимъ почти стало невозможно, говоритъ дальше газета: «надняхъ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ околодочный надзиратель, заразившійся при санитарныхъ осмотрахъ и дезинфекціи квартиръ. Его едва удалось помѣстить въ больницу, благодаря только просьбамъ одного вліятельнаго лица. Каково же обыкновеннымъ смертнымъ, за которыхъ некому просить. Остается, вѣрно, только сажать ихъ «на тумбочку».

Такіе порядки, кажется, и думаетъ устроить у себя Тамбовъ, не желая отставать отъ первопрестольной. При тамбовскомъ медицинскомъ обществѣ была открыта лѣчебница для приходящихъ, которой общество давало даромъ квартиру и дума отпускала пособія по 300 рублей въ годъ. Казалось бы, для Тамбова расходъ этотъ выносимый. Но дума, вѣроятно, нашла, что это «филантропія», и въ февралѣ нынѣшняго года отказалась выдавать пособіе, и медицинское общество отказало лѣчебницѣ въ квартирѣ. Тамбовъ въ настоящемъ случаѣ поступилъ, конечно, вполнѣ послѣдовательно, потому что нѣсколько ранѣе, но тоже въ нынѣшнемъ году, дума въ видѣ опыта предположила не давать даромъ образованія въ начальныхъ городскихъ училищахъ, а брать съ ученицъ (и за что такое гоненіе на женское образованіе) по 50 коп. въ мѣсяцъ или 5 рублей въ годъ. Теперь остается думѣ распорядиться только объ устройствѣ на улицахъ «тумбочекъ», и тогда въ Тамбовѣ будетъ все въ порядкѣ вещей. И дѣйствительно, все у насъ дѣлается какъ-то «такъ», само собою, точно русскою жизнью управляетъ какая-то невѣдомая никому планида. Къ врачу П., пользующемуся въ Самарѣ репутаціей гуманнаго человѣка (и заслуженно, какъ говоритъ корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника»), приводятъ женщину, заболѣвшую горломъ. П. осмотрѣлъ ее, записалъ въ книгу ея адресъ, посовѣтовалъ лечь въ больницу—и только. Больная оказалась дифтеритной. Никакихъ распоряженій о немедленномъ разобщеніи больной съ родственниками, съ которыми она жила, и о дезинфекціи квартиры сдѣлано не было. И только на шестой день послѣ того, какъ больная была отправлена своими родственниками въ больницу, въ квартиру ея вмѣсто санитарнаго врача былъ присланъ зачѣмъ-то *полицейскій*. Ну, не планида ли все это? Докторъ Викторовъ пишетъ въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», что въ Казани эпидемическія болѣзни не обращаютъ на себя ничьего вниманія. Сами врачи, призванные блюсти общественное здравіе, довольствуются въ подобныхъ случаяхъ тѣмъ, что съ заученною серьезною миной произносятъ «epidemica» и затѣмъ стараются скорѣе ускользнуть отъ больнаго. Санитарно-гегіеническія условія Казани такого рода, точно самъ городъ хлопочетъ о развитіи у себя эпидемій. И затѣмъ слѣдуютъ всѣмъ извѣстные факты о кучахъ навоза и другихъ нечистотъ, на которыхъ казанцы строятъ даже дома. Но хороши въ Казани на нѣкоторыхъ улицахъ и дома. Такъ, въ Госпитальной слободкѣ есть два дома, Брауна и Бородиной, въ которыхъ «въ холодные зимніе дни насквозь промерзаютъ стѣны и мерзнетъ въ графинахъ вода, несмотря на энергическое отопленіе». Въ заключеніе замѣтки г. Викторовъ говоритъ, что профессоръ Адамюкъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій думы обращалъ вниманіе гласныхъ на то, что смертность въ Казани превышаетъ рождаемость. И этому можно вѣрить, потому что объ этомъ старается даже сама дума. Если же она объ этомъ не старается, то позволяетъ стараться городскому головѣ, который «по собственному усмотрѣнію, безъ разрѣшенія думы и даже безъ согласія городской управы, позволилъ девяти именитымъ казанскимъ домовладѣльцамъ и городской богодѣльнѣ спускать нечистоты изъ извѣстныхъ мѣстъ и со дворовъ въ водосточную трубу, проходящую отъ Чернаго Озера къ Казанкѣ. Чтобъ обезвредить подобную «канализацію», каждый изъ домовладѣльцевъ устроилъ на своемъ дворѣ по «осадочному колодцу» для твердыхъ нечистотъ, затѣмъ на общія средства, вблизи Казанки, былъ устроенъ «фильтръ», гдѣ жидкія нечистоты, проходя черезъ слой извести, древеснаго угля или рѣчного песка, якобы совершенно «обезвреживаются», такъ что въ Казанку стекаетъ будто бы уже «чистая вода». Казанская дума, признавъ этотъ «опытъ канализаціи» незаконнымъ, тѣмъ не менѣе, позволила ему существовать до весны, потому что весной удобнѣе опредѣлить степень его пригодности и рѣшить окончательно его судьбу. Но, должно быть, казанцамъ есть поводъ нѣсколько сомнѣваться, что весной дѣйствительно рѣшится судьба этого «опыта», потому что въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» отъ 13 апрѣля снова говорится объ «опытѣ» и мѣстное общество врачей приглашается сдѣлать спеціальное изслѣдованіе воды въ казанскихъ источникахъ. Близость къ Кабану Архангельскаго кладбища заставляетъ подозрѣвать въ кабанной водѣ присутствіе продуктовъ трупнаго гніенія, и то же самое приходится думать объ озерѣ въ Адмиралтейской слободѣ, на берегу котораго расположено магометанское кладбище. Относительно же «опыта» авторъ замѣтки говоритъ, что «творцы его громогласно заявляютъ, что ихъ «канализація» есть лучшее средство для очистки города отъ нечистотъ и что эту «канализацію» слѣдуетъ распространить по всей Казани!»

Отравленіе жизни обитателей нашихъ городовъ не ограничивается только тѣми способами, которые были указаны: есть еще способы дополнительные, менѣе генеральные, но, тѣмъ не менѣе, достаточно

дѣйствительные, чтобы приблизить жизнь человѣка къ послѣднему концу. Способы дополнительные заключаются въ отсутствіи надзора за продуктами, которые продаются, конечно, бѣдному населенію. И этотъ обзоръ мы можемъ начать опять съ Москвы, играющей въ русской жизни если и не роль камертона, то, во всякомъ случаѣ, съумѣвшей стать наиболѣе полною выразительницей нежелательныхъ сторонъ русской жизни и русскаго «духа», воплощающагося въ Охотномъ ряду. Съ наступленіемъ масляницы, пишутъ «Русскія Вѣдомости», случаи отравленія соленою рыбой начали повторяться чаще и чаще между потребителями бѣднаго класса. Въ овощныхъ лавкахъ и на лоткахъ разнощиковъ на рынкахъ можно видѣть продаваемую самаго подозрительнаго вида соленую рыбу и ржавыхъ сельдей. Надзора за продажей съѣстныхъ припасовъ на рынкахъ и въ лавкахъ настоящаго нѣтъ, однимъ изъ лучшихъ доказательствъ чего служитъ то, что осмотры лавокъ производятся уже тогда, когда въ полицейскій пріемный покой будетъ доставленъ отравившійся рыбой и полиціи удастся узнать, гдѣ, въ какой лавкѣ куплена была заболѣвшимъ рыба. То же самое можно сказать и о торговлѣ другими съѣстными продуктами. Молоко разбавляется водой и подкрашивается, вареное мясо и ветчина, продающіяся на рынкахъ и въ закусочныхъ лавкахъ, самаго сомнительнаго качества: мясо вываренное и не свѣжее, а ветчина зачастую и совсѣмъ гнилая. Торговля всею этою отравляющею гнилью вошла не только въ обычный порядокъ нашей жизни, но и практикуется, какъ видно, въ очень широкихъ размѣрахъ. Напримѣръ, въ Кіевѣ въ рыбныхъ складахъ купца Бережнаго было найдено санитарнымъ врачомъ около ста пудовъ гнилой вонючей рыбы, и когда врачъ потребовалъ, чтобы вся эта гниль была вывезена на мѣсто свалки, то купецъ объявилъ, что онъ не позволитъ ни вывезти рыбу, ни выбросить ее, потому что ее можно еще продать. Въ концѣ концовъ, мужественному купцу пришлось, все-таки, уступить, потому что была приглашена полиція. Очевидно, что купецъ считалъ себя въ полномъ правѣ торговать гнилою рыбой и не дѣлать изъ этого никакого секрета; да и какой тутъ секретъ въ дѣлѣ, ставшемъ обычаемъ не только между заурядными торговцами, но и «извѣстными»? Такъ, «извѣстный» кіевскій рыботорговецъ С—овъ продалъ одному владѣльцу запасъ рыбы на весь постъ, и когда запасъ этотъ пришелъ и его попробовали, то умершихъ не оказалось только потому, что противъ отравленія были приняты энергическія мѣры. Весь запасъ, конечно, выкинули въ помойную яму. Корреспондентъ заключаетъ свое извѣстіе такъ: «Кромѣ этого, мнѣ передавали, что въ самомъ гор. Липовцѣ были также случаи отравленія рыбой, купленною все у того же С—ова. Странно, что такого рода торговля спокойно производится на глазахъ кіевскаго санитарнаго надзора». Положимъ, что это странно, но еще страннѣе наша гласность, все еще считающая себя сандрильонкой. Вѣдь, корреспондентъ описывалъ случай отравленія не для самаго себя, а для предостереженія публики, почему же онъ на свое сообщеніе набрасываетъ вуаль? Этого «извѣстнаго» рыботорговца слѣдовало бы сдѣлать вполнѣ извѣстнымъ, пропечатавъ его фамилію всѣми буквами, а не играть въ шарады. Если подобной гласности отвѣчаетъ и санитарный надзоръ, что же мудренаго, что рыбный ядъ продается изъ рыбныхъ лавокъ Кіева открыто и сотнями пудовъ?

И сотнями пудовъ продается въ нашихъ городахъ не одинъ рыбный ядъ, но и гнилая солонина (въ Одессѣ только въ одной лавкѣ было найдено 50 пудовъ гнилой солонины, а сколько ея еще не было найдено?), «дешевая колбаса», приготовляемая изъ гнилой говядины, гнилая ветчина; вообще все, что можетъ сгнить, предпочитается торговцами жизненными припасами больше въ гниломъ, чѣмъ въ свѣжемъ видѣ. Въ послѣднее время даже булочники дошли до искусства печь булки со стекломъ... Я прекращаю подборъ и группировку фактовъ, чтобы ослабить ихъ подавляющее впечатлѣніе хотя для того, чтобъ исчерпать вопросъ; слѣдовало бы еще сказать о томъ, насколько городъ охраняетъ собственность, честь и жизнь своихъ обитателей отъ героевъ острога.

Какъ же при такой обстановкѣ живется въ городахъ бѣднымъ людямъ? Во-первыхъ, все имъ обходится гораздо дороже. Въ Кіевѣ, напримѣръ, было обнаружено довольно характерное обстоятельство относительно квартирныхъ цѣнъ. «Какъ на окраинахъ,—говоритъ «Кіевлянинъ»,—такъ и въ центрѣ города почти всѣ подвальныя помѣщенія идутъ вдвое, втрое и даже въ четверо дороже, чѣмъ квартиры нижнихъ и верхнихъ этажей. Такъ, на Глубочицѣ въ подвальномъ этажѣ есть квартиры въ 100 р. въ мѣсяцъ, тогда какъ помѣщенія съ параднымъ ходомъ и гораздо большимъ числомъ комнатъ отдаются за 300 руб. въ годъ. То же наблюдается и въ центральныхъ улицахъ Стараго города. Въ одномъ и томъ же домѣ за наемъ двухъ комнатъ въ подвальномъ этажѣ платится отъ 350 до 450 р., а за квартиру въ 4 комнаты, съ кухней и всѣми удобствами, отъ 500 до 700 р. въ годъ. На квартиры съ парадными ходами хозяевамъ приходится ежегодно понижать цѣны, иначе квартиры по нѣскольку мѣсяцевъ стоятъ пустыми; на подвальныя же помѣщенія, напротивъ, цѣны годъ отъ году повышаются самими нанимателями, наперерывъ другъ передъ другомъ набивающими цѣны. Въ подвальныхъ помѣщеніяхъ ютится преимущественно ремесленный и вообще работящій людъ. Тутъ вы встрѣтите людей за столярнымъ, токарнымъ, слесарнымъ станкомъ, работницъ за швейными или вязальными машинами, сапожниковъ, портныхъ, вообще людей занятыхъ тяжелымъ трудомъ, обыкновенно за недостаткомъ свѣта работающихъ при огнѣ. Занимать квартиры въ верхнихъ этажахъ рабочій не привыкъ, да его въ нихъ и не пускаютъ; если же подъ мастерскую и отдаютъ квартиру въ верхнемъ этажѣ, то за нее берутъ такую цѣну, которая съѣдаетъ всѣ заработки ремесленника. И заказчикъ боится парадныхъ ма-

стерскихъ, предполагая, что въ нихъ съ него возьмутъ дороже. Такимъ образомъ, городъ создалъ для своего ремесленнаго населенія весьма странныя и запутанныя отношенія. Я говорю «городъ», потому что подобное же наблюдается и не въ одномъ Кіевѣ. Дома строятся обыкновенно для «чистыхъ» жильцовъ, и ремесленниковъ при постройкѣ домовъ въ счетъ не берутъ. Конечно, должна явиться конкурренція на квартиры для ремесленниковъ, и квартиры дорожаютъ. Но ремесленникъ платитъ изъ своей заработной платы, — значитъ, онъ беретъ дороже за свой трудъ и повышенную квартирную плату перелагаетъ на заказчика, который, оплачивая такимъ образомъ дорогія квартиры ремесленниковъ, самъ за свою квартиру платитъ дешевле. Хотя, повидимому, ремесленникъ и избавляется переложеніемъ отъ усиленной квартирной тягости и за него платитъ заказчикъ, но, въ сущности, больше всѣхъ терпитъ, все-таки ремесленникъ, потому что повышенная плата за работу уменьшаетъ число заказовъ, и чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ дороже за нихъ долженъ брать ремесленникъ. Иначе сказать, худо только ремесленнику и небогатому заказчику.

Нельзя утверждать, чтобы только цѣны квартиръ производили путаницу во внутреннихъ экономическихъ отношеніяхъ нашихъ городовъ. Но онѣ несомнѣнно вліяютъ на то, что болѣе бѣдная часть населенія должна дѣлать экономію на пищѣ и одеждѣ и что она составляетъ главный контингентъ тѣхъ покупателей, для которыхъ лавочники копятъ запасы рыбнаго яда, гнилой солонины и отравляющихъ «дешевыхъ колбасъ». Городъ пока еще ничего не сдѣлалъ для удешевленія жизни, и открытая всѣмъ дурнымъ и неблагопріятнымъ вліяніемъ жизнь городовъ все больше и больше создаетъ нежелательныя и безобразныя явленія, на которыя городъ или не обращаетъ никакого вниманія, или глядитъ на нихъ какъ на нѣчто неустранимое, естественное и неизбѣжное, какъ на какой-то роковой экономическій законъ, отъ котораго никуда не убѣжишь и противъ котораго ничего не подѣлаешь. Вотъ интеллигентная семья, доведенная нуждой до того, что не отказывается ни отъ какого чернаго труда, и, между прочимъ, живетъ выдѣлкою картонныхъ коробокъ. Вѣроятно, онѣ-то и сгубили семью; за работу 1,000 штукъ платилось 25 к., потому что и потребитель, и купецъ — всѣ ищутъ дешеваго товара. Дѣлала, дѣлала Вербицкая коробки, наконецъ не выдержала, порвалось у нея что-то въ сердцѣ и легла подъ поѣздъ. Говорятъ, будто Вербицкая пришла на станцію, чтобы собрать для дома угля и щепокъ. Можетъ-быть и такъ. Послѣ Вербицкой остался больной мужъ и трое дѣтей, изъ коихъ средній сынъ лежитъ въ дифтеритѣ. Это случилось въ Одессѣ. Въ той же Одессѣ былъ задержанъ мѣщанинъ, покушавшійся на кражу изъ бакалейной лавки. Когда мѣщанина арестовали, онъ пока объяснилъ свой поступокъ тѣмъ, что три дня ничего не ѣлъ, и тутъ же въ дежурной комнатѣ полиціи, куда его привели, упалъ отъ изнеможенія. Городское нищенство создается у насъ легко и поддерживается усердно. Астраханскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ, что въ Астрахани въ канцеляріяхъ, конторахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ могутъ нуждаться въ интеллигентномъ трудѣ, отбоя нѣтъ отъ ищущихъ мѣстъ. Цѣны на трудъ понизились до невозможности, такъ что за 10 р., maximum, можно найти человѣка, который не откажется запречься въ какую угодно работу. Нѣкоторые изъ этихъ грамотныхъ пролетаріевъ пріютились въ кабакахъ и за стаканъ водки, за десятикопеечное вознагражденіе пишутъ желающимъ просьбы къ мировымъ, апелляціи въ съѣздъ, письма и т. п. Около камеры мировыхъ судей непремѣнно толпится нѣсколько грошовыхъ адвокатовъ, въ трескучій морозъ щеголяющихъ въ лѣтнемъ пальто, дырявыхъ сапогахъ и легкой фуражкѣ. Около почтовой конторы тоже можно встрѣтить всегда представителей интеллигенціи безъ работы. Они предлагаютъ написать письмо, адресъ, навести справку. Большинство этихъ бѣдняковъ люди семейные. Корреспондентъ говоритъ дальше о простыхъ рабочихъ Астрахани, которыхъ безработица заставила просить милостыню, но которые, конечно, это дѣло бросятъ, когда подойдетъ работа. Но что же дѣлать интеллигентному пролетарію? — спрашиваетъ корреспондентъ. — Какъ что? — Да то же, что сдѣлалъ и кіевскій интеллигентный пролетарій. Видя, что никакого дѣла ему не найти, онъ поселился въ центрѣ города, въ «номерахъ для пріѣзжающихъ» и въ гостинницахъ, въ большинствѣ случаевъ даже съ подругами жизни, и путешествуетъ по гостинницамъ и по частнымъ домамъ съ рекомендательными письмами отъ высокопоставленныхъ лицъ. Этотъ видъ нищенства самый неуловимый, говоритъ «Кіевлянинъ», потому что на улицѣ интеллигентный нищій идетъ гордою поступью. При случаѣ, интеллигентный нищій можетъ и подобрать то, что лежитъ плохо, въ особенности изъ платья; не прочь онъ заняться и канцелярскою, и адвокатскою работой и настрочить просьбу въ кабакѣ.

Всѣ эти и подобныя имъ факты изъ нашего городскаго неустройства даютъ обыкновенно противникамъ самоуправленія поводъ обвинять пореформенный городъ въ неумѣлости и неспособности пользоваться своими муниципальными правами. Противникамъ самоуправленія (вмѣстѣ съ городскимъ, конечно, и земскаго) кажется, что со времени новаго городоваго положенія наши города въ теченіе 15 лѣтъ не сдѣлали ничего. Это обвиненіе дѣлается, конечно, только для того, чтобы въ концѣ концовъ воскликнуть: «долой самоуправленіе!» Если задача городскаго самоуправленія заключалась въ томъ, чтобы въ 15 лѣтъ вычистить весь мусоръ, накопившійся въ умахъ, нравахъ, обычаяхъ и привычкахъ городскихъ обывателей за всѣ предъидущія столѣтія русской исторіи, то, конечно, города сдѣлали не особенно много (да, вѣроятно, не въ этомъ заключается и ихъ задача). Нельзя скрывать, что большинство великорусскихъ городовъ (напр., Новгородъ, Псковъ, Калуга, Тула, Рыбинскъ, Нижній и т. д.) не проснулись отъ

новаго городоваго положенія, но за то вполнѣ несомнѣнно, что южные города очнулись, былая ихъ исторія кончилась и мертвый ключъ если не сталъ бить фонтаномъ, то началъ бить съ несомнѣнными признаками возникающей жизни. Взгляните хоть на Одессу. Прежде о ней говорили, что она «зимою чернильница, а лѣтомъ песочница», а теперь эта «чернильница» приняла не только европейскій видъ, но ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ нѣтъ ничего подобнаго ея мостовымъ. И тѣ города, о неустройствѣ которыхъ такъ много говорилось въ этомъ очеркѣ, несомнѣнно устраиваются, приводятся въ порядокъ и подчищаются. Лучше противъ прежняго они стали несомнѣнно. И рѣчь можетъ быть не объ этомъ, а о томъ, въ какомъ порядкѣ и очереди идетъ преуспѣяніе и отъ чего нѣкоторыя стороны общественной жизни не только прогрессируютъ, а идутъ назадъ, а другія съ подобною же непостижимостью шагнули гигантскимъ шагомъ впередъ. Матеріальное существованіе, въ особенности для бѣдныхъ людей, вездѣ стало труднѣе и нуждающихся людей прибавилось, въ то же время кулакамъ, скупщикамъ и міроѣдамъ стало повсюду просторнѣе; для натуральнаго производителя и потребителя дороги вездѣ стали тѣснѣе и расширились онѣ лишь для «посредниковъ».

Но если матеріальная жизнь городовъ ушла не впередъ, а назадъ, и на одинаковое съ прежнимъ число благъ явилось больше желающихъ, за то необыкновенный успѣхъ въ жизни городовъ сдѣлали источники благъ не матеріальныхъ (но не умственныхъ)—«изящныя искусства»—театръ и музыка (вообще зрѣлища). Благодаря энергіи Рубинштейна, встрѣтившаго сочувствіе и поддержку въ обществѣ, музыка повсюду сдѣлала необыкновенные успѣхи, а московская и петербургская консерваторіи насадили ее теперь по всей Россіи. Во многихъ губернскихъ городахъ явились даже свои собственные, такъ-называемые «мѣстные таланты», о которыхъ такъ и печатаютъ въ газетахъ: «нашъ мѣстный талантливый піанистъ» или «нашъ мѣстный музыкальный талантъ». Рядомъ съ этимъ количественнымъ нарощеніемъ музыкальныхъ силъ возникли въ южныхъ городахъ музыкальныя общества, музыкальные кружки, даже симфоническія общества.

Вмѣстѣ съ музыкой развивается и театръ. Во всѣхъ южныхъ городахъ (губернскихъ) есть теперь очень хорошіе театры, а Одесса строитъ новый театръ, который будетъ ей стоить болѣе полутора милліоновъ рублей. Барнай не ограничивается Москвой и Петербургомъ, а ѣдетъ въ Харьковъ, Кіевъ, Одессу. Тоже дѣлалъ и Сальвини. Во многихъ городахъ есть кружки любителей драматическаго искусства, а гдѣ ихъ еще нѣтъ, они устраиваются (въ Харьковѣ). Въ каждомъ южномъ большомъ городѣ вы найдете итальянскую оперу (когда прежде это было мыслимо?). Даже Ростовъ-на-Дону пригласилъ къ себѣ итальянскую оперную труппу; правда, это сдѣлалъ не Ростовъ-на-Дону, а г. Асмоловъ; но и ростовская публика показала, что она способна понимать и цѣнить музыкальное наслажденіе, и устраивала итальянцамъ сочувственныя оваціи.

Несомнѣнно, что все это очень хорошо и служитъ доказательствомъ умягченія нравовъ; но жаль, что нельзя сказать того же объ умственномъ развитіи нашихъ городовъ и о развитіи въ нихъ общественныхъ чувствъ. Въ этой области общественнаго благоустройства наши города сдѣлали очень немногое и, вѣроятно, потому, что для умственнаго роста было еще недостаточно одного городоваго положнія 1870 года. Городская интеллигенція образуетъ достаточно компетентную силу, если требуется оцѣнить итальянскую оперу (даже Ростовъ-на-Дону чувствуетъ себя въ этомъ отношеніи на своемъ мѣстѣ) или даже игру Барная. Но затѣмъ интеллигенція становится вполнѣ некомпетентною, когда она сталкивается съ такими простыми общественными вопросами, какъ ея собственное здоровье и матеріальное благосостояніе, какъ положеніе городскаго трудящагося населенія, какъ воспитаніе дѣтей и масса другихъ общественныхъ явленій городской жизни. Наибольшее умственное безсиліе общество обнаруживаетъ, однако, въ пониманіи своихъ отношеній къ представителямъ городскихъ интересовъ, которыхъ оно само для того избрало. Общественное мнѣніе, строгое и опредѣленное, когда оно становится лицомъ къ лицу съ итальянской оперой, дѣлается инертнымъ и безсильнымъ передъ городскою управой и думой, относительно которыхъ исчезаетъ всякое контролирующее значеніе общественнаго мнѣнія.

Впрочемъ, умственные интересы провинціальной интеллигенціи (по крайней мѣрѣ, тѣхъ же южныхъ университетскихъ городовъ) начинаютъ, какъ будто, пробуждаться и скромная струйка мертвой воды обнаруживаетъ уже то здѣсь, то тамъ нѣкоторые признаки оживающаго движенія. По крайней мѣрѣ, на это указываетъ живой интересъ, обнаруженный провинціальнымъ обществомъ къ публичнымъ лекціямъ, которыми была такъ обильна нынѣшняя зима (о Москвѣ и Петербургѣ я не говорю; впрочемъ, въ нихъ публичныхъ чтеній было гораздо меньше, чѣмъ въ Одессѣ). Въ Казани профессоръ Дохманъ читалъ о нервныхъ болѣзняхъ, д-ръ Маліевъ—объ органахъ дыханія у человѣка, профессоръ Любимовъ—о чахоткѣ, ея причинахъ и предосторожностяхъ противъ нея, профессоръ Васильевъ—*О древнѣйшихъ письменныхъ математическихъ памятникахъ*; въ Саратовѣ врачъ Тельнихинъ прочелъ о дифтеритѣ. Въ Кіевѣ профессоръ Сикорскій читалъ *О такъ-называемомъ мысленномъ внушеніи и узнаваніи мыслей*. Въ Одессѣ профессоръ Кирпичниковъ читалъ о *Жоржъ-Зандѣ и Гейне*, профессоръ Овсянниковъ-Куликовскій—*О поклоненіи огню у древнихъ*, профессоръ Гротъ — *О предѣлахъ знанія*, профессоръ Успенскій — *О возникновеніи восточнаго вопроса* и профессоръ Мечниковъ—о бактеріяхъ. Если исключить поклоненіе огню и математическіе памятники (пожалуй, даже и *предѣлы знаній* профессора Грота), то окажется, что выборъ предметовъ для популяризаціи былъ

вполнѣ насущный и удачный. Въ этомъ отношеніи больше всего выдѣлились лекціи профессора Мечникова. Популярный и уважаемый профессоръ, какъ говоритъ «Одесскій Вѣстникъ», «своими мѣткими и удачными обобщеніями съумѣлъ настолько заинтересовать своихъ слушателей, что многіе изъ нихъ, прежде не дававшіе себѣ отчета и не думавшіе о затронутыхъ въ лекціи явленіяхъ, сами уже обратятся къ книжкамъ и постараются пополнить одинъ изъ пробѣловъ своего образованія». Слово профессора Мечникова было живымъ словомъ; лекціи его были проникнуты идеей, которою и осмысливалось все чтеніе. Коснувшись въ заключеніе важной роли положительныхъ знаній въ общемъ человѣческомъ прогрессѣ, профессоръ Мечниковъ указалъ на необходимость сплоченія силъ научныхъ и общественныхъ для преслѣдованія настоятельныхъ общественныхъ задачъ, и разъяснилъ ошибочность распространеннаго мнѣнія, что будто бы положительныя знанія подкапываются подъ нравственные устои человѣка.

Вотъ именно этого-то и пожелаемъ мы нашему обществу достигнуть поскорѣе, а то по пути прогресса мы полземъ ужъ слишкомъ черепашьимъ шагомъ.

VII.

Россія живетъ сезонами съ примѣрнымъ постоянствомъ, придерживаясь изъ года въ годъ порядковъ, установившихся съ глубокой старины. Теперь наступилъ сезонъ «надеждъ на урожай». Не будь этого сезона, мужикъ давно бы бросилъ пахать землю; теперь же онъ каждый годъ надѣется и каждый годъ пашетъ. И когда мужикъ съ весенними надеждами принимается за весеннія работы, въ провинціальныхъ, столичныхъ и правительственныхъ изданіяхъ начинаютъ появляться свѣдѣнія о состояніи хлѣбовъ, на оффиціальномъ языкѣ называемыя «видами на урожай». Но мужикъ не признаетъ этой слишкомъ обобщающей и безличной формулы. Для него всходы хлѣбовъ совсѣмъ не «виды», для него это гамлетовскій вопросъ о «быть или не быть», но какже мечтать о томъ, чтобы «не быть»? И вотъ мужикъ каждую весну мечтаетъ о томъ, чтобы «быть», каждую весну «надѣется» и работаетъ все съ большею и большею энергіей, потому что земля даетъ все меньше и меньше. Эта исторія повторяется каждый годъ, какъ каждый годъ собираются оффиціальныя свѣдѣнія о «видахъ на урожай» и каждый годъ деревенскіе корреспонденты печатаютъ въ газетахъ о весеннихъ надеждахъ мужика. И въ нынѣшнемъ году деревенскіе корреспонденты поспѣшили прислать въ газеты свои лаконическія извѣстія о мужицкихъ надеждахъ, вѣроятно, боясь утруждать вниманіе городскихъ читателей деревенскими подробностями. Изъ Курска пишутъ, что «дожди значительно поправили травы и хлѣбные посѣвы» (и только); изъ Харькова: «Сильные дожди поправили пострадавшіе отъ морозовъ озимые всходы. Ростъ яровыхъ хорошъ, травы вездѣ въ лучшемъ состояніи» (и то же, только); изъ Саратова: «Въ полѣ появились всходы раннихъ яровыхъ посѣвовъ. Утѣшительнаго они представляютъ пока немного: сорная трава гораздо выше молодыхъ побѣговъ хлѣбныхъ злаковъ и, притомъ, ея очень много». И все извѣстія въ этомъ же родѣ. Да и что писать больше, а, главное, зачѣмъ? Кому нужны эти извѣстія и кто изъ читателей ихъ читаетъ? Даже обтерпѣвшійся деревенскій обитатель относится совершенно равнодушно къ извѣстіямъ объ урожаѣ или неурожаѣ, если эти извѣстія сообщаются не объ его губерніи или уѣздѣ. Деревенскій обитатель очень хорошо знаетъ, что «ничего не подѣлаешь», и что «все отъ Бога». А если уже деревенскій обитатель такъ равнодушенъ къ сообщеніямъ деревенскихъ корреспондентовъ, то городскому человѣку и самъ Богъ велѣлъ не обнаруживать особеннаго любопытства по поводу неизвѣстно чьихъ видовъ на урожай или надеждъ неизвѣстныхъ мужиковъ, живущихъ за тысячи верстъ. Для настоящаго (заправскаго) городскаго обитателя самое страшное деревенское извѣстіе проходитъ незамѣченнымъ. Вотъ, напримѣръ, «Степь» разсказываетъ, что въ Андреевкѣ надняхъ умерла женщина въ буквальномъ смыслѣ съ голода, оставивъ сиротами семь душъ малолѣтнихъ дѣтей. Несчастная пошла по-воду и, набравъ ведра, была уже не въ силахъ вернуться обратно. Наканунѣ ея смерти мужъ ея являлся въ волостное правленіе, падалъ на колѣни и Христомъ Богомъ молилъ волостныхъ урядниковъ дать ему хлѣба изъ запаснаго магазина, но магазинъ былъ совершенно пустъ, и несчастный вернулся ни съ чѣмъ. Какой же изъ городскихъ газетныхъ читателей обратилъ вниманіе на такой, повидимому, невѣроятный фактъ, что въ Екатеринославской губерніи, въ коренной житницѣ Россіи, умираетъ съ голода человѣкъ? И что говорить о городскомъ читателѣ: какая изъ редакцій городскихъ газетъ обратила вниманіе на этотъ фактъ? Было напечатано о немъ въ «Степи» и перепечатала только одна газета— «Волжскій Вѣстникъ», остальныя провинціальныя и столичныя газеты не обратили на этотъ ничтожный случай никакого вниманія. И въ самомъ дѣлѣ, что за важность, что умерла баба? Всегда бабы умирали и всегда онѣ будутъ умирать, а что баба оставила семь малолѣтнихъ дѣтей, такъ, вѣдь, и это потому, что они у нея были. Однимъ словомъ, фактъ оказался настолько естественнымъ и обычнымъ, что каждый прошелъ мимо его съ спокойною совѣстью и легкимъ сердцемъ. Всѣ остальные, менѣе пикантные факты уже и подавно никого не побезпокоили.

Или, можетъ быть, у нашихъ городскихъ обитателей есть свои высшіе интересы и заботы, такъ что какая-нибудь баба, умершая съ голода, и дѣйствительно фактъ слишкомъ мелкій, чтобы надъ нимъ останавливаться? Очень можетъ быть, но только въ этомъ слѣдуетъ, все-таки, убѣдиться. Городъ, и не у насъ однихъ, большой баринъ: у

него и власть, и умъ, и богатство. Онъ вездѣ считаетъ себя выше деревни, его и интересы выше, и заботы важнѣе, и задачи шире. Какими же интересами живетъ нашъ городъ и въ чемъ ихъ ширь и глубина? Чтобы узнать объ интересахъ нашихъ городовъ, нужно читать о томъ въ газетахъ, потому что газеты издаются почти исключительно для городскихъ обитателей и въ ихъ интересахъ. «Таганрогскій Вѣстникъ», напримѣръ, такъ прямо и говоритъ, что онъ служитъ только интересамъ Таганрога: «Поставивъ себѣ задачей служить интересамъ роднаго города, — говоритъ газета въ № 55,—мы, по возможности, выполняли эту задачу, касаясь того или другаго вопроса по городскому хозяйству и благоустройству, указывая на то или другое ненормальное явленіе нашей общественной жизни». Къ сожалѣнію задача оказалась невыполненной и голосу «Таганрогскаго Вѣстника» не внялъ ни городъ Таганрогъ, ни городское управленіе. Но «Таганрогскій Вѣстникъ», не теряя мужества, намѣренъ избрать своимъ девизомъ латинское изрѣченіе: «Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo», что значитъ: «капля долбитъ камень не силою, но частымъ паденіемъ». И дѣйствительно, капли, которыми «Таганрогскій Вѣстникъ» надѣется пробить камень (городское управленіе), не особенно велики, по крайней мѣрѣ въ № 55. Ихъ всего три. Во-первыхъ, говорится, что рѣшено образовать въ Таганрогѣ артель трубочистовъ при пожарной командѣ, съ тѣмъ, чтобы обращеніе къ ней обывателей не было обязательно. Это извѣстіе озаглавлено: *Засѣданіе думы 7 мая.* Потомъ идутъ *Мѣстныя извѣстія.* Извѣстіе оказывается одно счетомъ и заключается оно въ томъ, что греческое судно, на которомъ неумышленно отравились мышьякомъ пять человѣкъ изъ экипажа, называется «Евтерписъ». Изъ пяти отравившихся умеръ одинъ, капитанъ судна Исидоръ Пикуля, остальные четверо выздоровѣли. Наконецъ, идутъ *Городскія происшествія.* Ихъ два. Греческій подданный Х. П., забравшись къ часовому мастеру, укралъ у него золотые часы, и, въ ночь на 9 мая, во дворъ мѣщанина Романенко подброшенъ неизвѣстно кѣмъ только что рожденный младенецъ женскаго пола. Этими тремя рубриками и четырьмя фактами и ограничивается служеніе № 55 «Таганрогскаго Вѣстника» интересамъ Таганрога. Конечно, «Таганрогскій Вѣстникъ» не виноватъ, что всѣ интересы Таганрога исчерпываются только этими четырьмя фактами. Онъ съ мужествомъ, заслуживающимъ лучшей участи, продолжаетъ свое дѣло и «долбитъ камень». И Таганрогъ долженъ быть доволенъ, что въ немъ нашлось нѣсколько мужественныхъ и образованныхъ людей, усиливающихся вытащить на свѣтъ Божій «дѣла» городскаго управленія и старающихся пріучить думать о нихъ таганрогскихъ обитателей. Все остальное уже не зависитъ отъ мѣстной газеты, потому что она не больше какъ зеркало мѣстной жизни. Если вся общественная жизнь Тагонрога въ тотъ моментъ, когда набирался № 55, ограничивался только тѣмъ, что пять грековъ отравились, одинъ грекъ укралъ часы и къ мѣщанину Романенко подбросили ребенка, то «Таганрогскій Вѣстникъ» не можетъ ужь тутъ ничего подѣлать. Онъ даетъ то, что есть, ничего не прибавляя и не убавляя.

Конечно, Таганрогъ городъ уѣздный (правда, большой и портовый), поэтому и интересы его могутъ быть только «уѣздные». Чтобы судить вѣрно объ интересахъ русской городской жизни, нужно, значитъ, взять города большіе, губернскіе, подняться до верховъ. И вотъ я беру два нашихъ лучшихъ и большихъ провинціальныхъ города съ развитою городскою жизнію, съ крупнымъ бюджетомъ и съ интеллигентнымъ представительствомъ— Одессу и Кіевъ, а въ видѣ зеркалъ, отражающихъ мѣстную жизнь, обращаюсь къ «Одесскому Вѣстнику» и «Кіевлянину». «Одесскій Вѣстникъ» газета либеральная, общаго характера, многосторонняя и съ широкою програмой; «Кіевлянинъ»—газета консервативная, патріотическая и тоже настолько независимая, что за исключеніемъ очень немногихъ, ужь самыхъ патріотическихъ вопросовъ она не только не идетъ ни на чьемъ буксирѣ, но часто не соглашается съ выводами излишне усердныхъ сотрудниковъ «Московскихъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостей». Какъ же отражаютъ жизнь и интересы Одессы и Кіева «Одесскій Вѣстникъ» и «Кіевлянинъ»? Извиняюсь впередъ передъ читателемъ: то, что ему теперь придется прочесть, будетъ немножко длинно и немножко скучно. Но я не только не боюсь искушать терпѣніе читателя, но прошу его прочесть (и даже внимательно) все послѣдующее скучное и длинное изложеніе. Какъ № 55 «Таганрогскаго Вѣстника» былъ взятъ мною случайно, такъ же случайно, безъ выбора беру № 3 «Одесскаго Вѣстника». Вотъ его мѣстное содержаніе, подъ рубрикою *Хроника:*

Исправленіе должности товарища городскаго головы возложено на члена управы К. М. Минчіаки, который вчера же вступилъ въ исправленіе обязанностей товарища городскаго головы.

Искъ къ почтовой конторѣ. Изложу его вкратцѣ. Елисаветградскій почтмейстеръ Яковенко-Яковлевъ, за растрату пересылавшихся по почтѣ денегъ, былъ осужденъ въ 1884 г. къ ссылкѣ въ Сибирь, а почтовое вѣдомство для пополненія своихъ расходовъ описало чрезъ судебнаго пристава все движимое имущество Яковенко-Яковлева. Противъ этого протестовала жена осужденнаго, но окружный судъ не призналъ ея искъ подлежащимъ удовлетворенію. Тогда она подала на апелляцію въ судебную палату, которая признала, что г-жа Яковенко-Яковлева имѣетъ полное право вступить во владѣніе имуществомъ, описаннымъ по требованію почтоваго вѣдомства.

Работы по устройству и улучшенію Одесскаго порта. Слѣдуетъ короткое сообщеніе о томъ, что «третьяго дня» инженеры путей сообщенія производили промѣръ рельефа карантинной гавани, которая по проекту работъ должна быть углубленной, что вскорѣ, «какъ мы слышали», будетъ приступлено къ устройству землечерпальныхъ машинъ.

Годичное засѣданіе Императорскаго общества сельскаго хозяйства. Сообщается, что въ предъидущее засѣданіе разсматривался возбужденный правительствомъ вопросъ о пересмотрѣ табачнаго устава, а въ нынѣшнее засѣданіе былъ предложенъ на обсужденіе общества вопросъ о необходимости ходатайства предъ правительствомъ о пониженіи акциза на табакъ «бакунъ», употребляемый для уничтоженія чесотки на овцахъ, или же объ окончательной отмѣнѣ этого акциза. Собраніе вполнѣ согласилось съ предложеніемъ. Затѣмъ собранію былъ доложенъ годичный отчетъ о дѣятельности общества за 1885 годъ.

Смерть отъ водобоязни. Въ городскую больницу былъ доставленъ дворникъ, страдающій водобоязнью, который въ 3 часа ночи съ 24 на 25 апрѣля и умеръ въ больницѣ.

Застой въ хлѣбномъ дѣлѣ. Несмотря на истощеніе запасовъ въ Одессѣ, подвозъ хлѣба по желѣзной дорогѣ, въ послѣднее время, самый ничтожный.

Свѣдѣнія о холерѣ въ Италіи. По извѣстіямъ «Neue Fr. Presse», 3 мая былъ въ Падуѣ одинъ смертный случай отъ холеры. Въ Виченцѣ, въ тотъ же день, заболѣло 12, умерло 5. Слухи о появленіи холеры въ Анконѣ еще не подтвердились.

Постройка загона для сапатыхъ лошадей вполнѣ окончена. Загонъ устроенъ на Пересыпи, на берегу моря, изъ хорошаго лѣса, окрашеннаго эфирною смолой.

Военный пароходъ «Эльборусъ» послѣ зимней стоянки въ Николаевѣ третьяго дня совершилъ пробный рейсъ въ Одессу и вчера утромъ вышелъ обратно въ Николаевъ.

Засѣданіе исполнительной коммиссіи по канализаціи и замощенію города. Засѣданіе 24 апрѣля было посвящено разсмотрѣнію вопроса о способахъ выполненія работъ по сооруженію коллектора Приморской улицы до Щелаковой и далѣе по направленію къ солончакамъ Пересыпи. Въ заключеніе былъ разсмотрѣнъ торговый листъ на подряды постройки водостоковъ по Градоначальнической и Раскидайловской улицамъ. Коммиссія постановила утвердить торги за г. Жюньеномъ.

Дѣло о задержанномъ подъ кроватью. Нѣкій Вольфъ Левитъ, забравшись въ квартиру Гольдевича, спрятался подъ кровать, гдѣ и былъ задержанъ. На вопросъ мироваго судьи, какъ Левитъ попалъ подъ кровать, онъ отвѣтилъ, что «по ошибкѣ зашелъ въ квартиру, испугался и залѣзъ подъ кровать». Судья приговорилъ Левита въ тюрьму на семь мѣсяцевъ.

Осмотръ асфальтовой мостовой. Осмотрѣвъ асфальтовую мостовую на Николаевскомъ бульварѣ, коммиссія техниковъ пришла къ заключенію, что въ настоящее время необходимо отремонтировать около 250 кв. саженъ, причемъ полагаетъ отдать работы извѣстному лицу съ подряда.

По случаю ненастной погоды вчера работы по нагрузкѣ пароходовъ сахаромъ были прекращены на цѣлый день. Въ послѣдніе дни прибыло въ портъ три парохода съ каменнымъ углемъ.

Затѣмъ слѣдуютъ извлеченія изъ разныхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ: объ устройствѣ лечебницы для укушенныхъ бѣшеными животными, объ освидѣтельствованіи офицеровъ и чиновниковъ запаса, о миссіонерахъ для борьбы со штундистами, о составленіи въ морскомъ министерствѣ программы курса каѳедры кораблестроенія для технологическаго института, письмо г-жи Татищевой Пастеру и отвѣтъ Пастера г-жѣ Татищевой, извлеченіе изъ «Зари» о книжныхъ магазинахъ и библіотекахъ въ Россіи, о предстоящихъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ уставовъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, о предстоящемъ путешествіи хивинскаго хана, о возвращеніи изъ Рыльскаго уѣзда двухъ батальоновъ козловскаго полка, посланныхъ для усмиренія крестьянъ. Кажется, все.

«Кіевлянинъ» отличается меньшею систематичностью въ распредѣленіи извѣстій; у него мѣстныя извѣстія перепутываются съ извѣстіями не мѣстными и извѣстій вообще меньше, но общій характеръ ихъ тотъ же. Вотъ что, напримѣръ, даетъ № 110 «Кіевлянина»:

— Г. попечитель кіевскаго учебнаго округа, т. с. Сергѣй Платоновичъ Голубцовъ, возвратясь изъ поѣздки по осмотру заведеній округа, 20 сего мая вступилъ въ отправленіе своей должности.

Н. Н. Миклуха-Маклай. На дняхъ, какъ мы уже сообщали, посѣтилъ Кіевъ, проѣздомъ изъ Одессы въ Петербургъ, извѣстный нашъ соотечественникъ, ученый изслѣдователь многихъ острововъ Полинезіи, путешественникъ Николай Николаевичъ Миклуха-Маклай. Затѣмъ слѣдуютъ біографическія подробности (интересныя).

Засѣданіе думы. Въ состоявшееся 19 мая засѣданіе думы прибыло 33 гласныхъ, такъ что назначенныя къ разсмотрѣнію дѣла по отчужденію городскихъ земель, за отсутствіемъ требуемаго закономъ числа гласныхъ, вновь были отложены.

— Намъ сообщаютъ, что по генеральному плану, составленному крѣпостнымъ управленіемъ, оказывается, что мѣсто, занимаемое Печерскою гимназіей, относится къ исключительному вѣдѣнію военнаго вѣдомства и составляетъ территорію крѣпости.

— Кіевскіе хлѣботорговцы и лѣсопромышленники намѣрены, какъ мы слышали, обратиться съ ходатайствомъ къ г. министру путей сообщенія о скорѣйшемъ разрѣшеніи устройства желѣзно-дорожной вѣтви отъ станціи Кіевъ 1 до Днѣпровской пристани и вдоль набережной до Рождественской церкви.

— По распоряженію общества спасанія на водахъ, въ видахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ съ купающимися въ открытой рѣкѣ, начальникъ кіевской судоходной станціи выдалъ спасательные снаряды въ количествѣ 8 экземпляровъ.

— Мы слышали, что больничный совѣтъ Александровской больницы постановилъ, въ ознаменованіе полезной дѣятельности больничнаго врача директора больницы Ю. И. Мацона, повѣсить портретъ его въ пріемной больницы.

— Ученики выпускнаго класса ремесленнаго училища, помѣщающагося въ Сулимовскомъ домѣ,

держали 16 мая экзаменъ на полученіе свидѣтельства для пользованія льготой при отбываніи воинской повинности; экзамены дали прекрасные результаты.

— Въ настоящее время дачные поѣзда распредѣлены такъ неудачно по времени прихода ихъ въ Кіевъ, что всѣ учащіеся и учащіе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ не могутъ правильно пользоваться дачною жизнью. Мы надѣемся, что желѣзно-дорожное начальство позаботится удовлетворить вполнѣ справедливымъ требованіямъ публики и приспособитъ поѣзда соотвѣтственно началу классныхъ занятій.

— Намъ сообщаютъ, что прибывшій третьяго дня на станцію Боярка вечерній поѣздъ изъ Кіева высадилъ за неимѣніемъ билета буйно-помѣшаннаго крестьянина Гаха изъ села Писаревки, Винницкаго уѣзда.

Есть и еще извѣстія объ утопленникахъ, о пожарѣ, о холерѣ, о пароходѣ *Скобелевъ*, о священникѣ, не хотѣвшемъ хоронить покойника, о высотѣ воды въ Днѣпрѣ, о загрязненіи Софійской площади и особенно пространства возлѣ памятника Богдана Хмѣльницкаго, представляющаго «одно сплошное отхожее мѣсто» и т. д.

За городскими (мѣстными и не мѣстными) извѣстіями слѣдуютъ въ газетахъ корреспонденціи, обыкновенно «собственныхъ» корреспондентовъ. Это тѣ самыя деревенскія извѣстія, на которыя въ большинствѣ случаевъ никто никакого не обращаетъ вниманія (развѣ если вымретъ или провалится цѣлая деревня) и которыя помѣщаются для «полноты».

И вотъ передъ читателемъ вертится нескончаемый калейдоскопъ самыхъ разнообразныхъ извѣстій. Въ одномъ мѣстѣ, кто-то пріѣхалъ, въ другомъ, кто-то уѣхалъ, тамъ украли, здѣсь убили, ушелъ пароходъ съ хлѣбомъ, а послѣ него пришелъ пароходъ съ углемъ, сегодня домовладѣльца N уличили въ спускѣ нечистотъ въ городскую трубу, а завтра г-жа Татищева получила письмо Пастера и поспѣшила напечатать его въ «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», затѣмъ хивинскій ханъ собрался путешествовать по Европѣ, а въ Виченцѣ умерло отъ холеры пять человѣкъ. И съ каждымъ № газеты вертится передъ глазами читателя въ теченіе 365 дней въ году этотъ изумительный калейдоскопъ. Камушки, кажется, всѣ въ немъ разные и цвѣтъ ихъ разный, и блескъ ихъ различный, но когда вся эта масса кажущагося разнообразія вертится передъ глазами изо дня въ день въ теченіе года и затѣмъ вертится второй годъ, и третій годъ, и четвертый годъ, съ читателемъ, наконецъ, приключается неизбѣжно помраченіе ума.

При потребности и привычкѣ къ чтенію, читатель, конечно, будетъ продолжать эту Сизифову работу; онъ можетъ даже найти въ ней интересъ и разнообразіе: сегодня, напримѣръ, пришелъ пароходъ съ углемъ и къ мѣщанину Романенко подбросили ребенка, а завтра уйдетъ пароходъ съ хлѣбомъ и мѣщанинъ Романенко уже и самъ подброситъ къ кому-нибудь ребенка. И подъ впечатлѣніемъ этого постоянно мѣняющагося разнообразія читатель, наконецъ, утрачиваетъ свой послѣдній смыслъ; онъ перестаетъ даже различать отдѣльные факты. Мѣщанинъ Романенко сливается у него съ подкинутымъ ребенкомъ, пароходъ, прибывшій съ углемъ, съ пароходомъ, отправившимся съ хлѣбомъ, асфальтовая мостовая, приводимая въ порядокъ, съ загаженною Софійскою площадью, которую никто и ни въ какой порядокъ приводить не хочетъ. Затѣмъ наступитъ періодъ безразличнаго отношенія и къ Софійской площади, и къ памятнику Богдана Хмѣльницкаго, и даже къ похваламъ Пастера, что мы самые благодарные и ласковые изъ людей и, въ концѣ-концовъ, читатель на вопросъ сосѣда, что въ газетахъ новаго, начинаетъ уже отвѣчать сердито: «ничего!» До этого состоянія и дошелъ теперь русскій читатель. Для него уже нѣтъ ничего интереснаго, ничто ни на минуту не останавливаетъ его вниманія. Развѣ еще объявленіе войны могло бы вывести его изъ равнодушія, но, кажется, и войны никакой не предвидится.

Городскихъ (и не городскихъ) обитателей у насъ (и особенно теперь и особенно люди извѣстнаго направленія) обвиняютъ въ равнодушіи къ своимъ «общественнымъ» интересамъ. Но для того, чтобы заботы о мостовой или фонаряхъ получили смыслъ, для того, чтобы свѣдѣнія объ этихъ заботахъ и вообще о механическихъ занятіяхъ не пестрѣли въ хаосѣ газетныхъ извѣстій, необходимо, чтобы всѣми этими заботами руководила идея общественности. Именно въ ея отсутствіи и лежитъ причина апатіи и равнодушія, на которыя указываютъ враги нашего земскаго и городскаго самоуправленія. Съ идеей общественности и маленькое дѣло получаетъ жизненный смыслъ, а безъ нея и большое можетъ утратить всякое значеніе.

Наша читающая публика ищетъ, какъ манны небесной, такъ называемыхъ руководящихъ идей. Руководящія же идеи—это общественныя идеи, это теоретическія указанія какъ надо жить и думать въ обществѣ и что дѣлать, чтобы всѣмъ было хорошо. Несмотря на упреки, которые дѣлались обществу за его общественную неумѣлость и недостатокъ общественнаго развитія, въ немъ было всегда очень много и общественныхъ чувствъ, и общественныхъ инстинктовъ. Для общества были всегда дороги только тѣ писатели, которые умѣли затронуть въ немъ доброжелательныя, гуманныя чувства и, главное, возвести ихъ въ общественное сознаніе. Вотъ и нынче, когда среди всеобщаго умственнаго затишья, выступилъ съ проповѣдью «новой» вѣры гр. Л. Толстой, публика набросилась на его ученіе съ такою жадностью, точно это и дѣйствительно новое слово, точно никто изъ этой публики ни въ школѣ, ни дома не слышалъ ничего подобнаго. Это сказались общественные инстинкты, не находящіе въ окружающей ихъ дѣйствительности никакого удовлетворенія.

Обществс обыкновенно молчитъ и думаетъ про себя; какъ и что оно думаетъ, этого не знаетъ даже консервативная печать (которая все знаетъ). Общественное мышленіе есть единственный стимулъ, на-

правляющій личное поведеніе къ общему благу. Но съ этимъ мышленіемъ человѣкъ не родится; его нужно воспитать.

Обыкновенная школа учитъ всему: и географіи, и грамматикѣ, и математикѣ, учитъ даже истреблять людей (этому учатъ даже спеціально), но не учитъ какъ сохранять людей, не знакомитъ съ природой общественныхъ связей и общественныхъ интересовъ, не создаетъ привычекъ общественности, навыковъ дѣйствовать и работать сообща подъ контролемъ общественнаго мнѣнія и въ чувствахъ уваженія къ нему. Обыденное воспитаніе развиваетъ личныя чувства и личныя силы, точно человѣку предстоитъ жить или на необитаемомъ островѣ, или въ землѣ зулусовъ. И воспитанный въ подобной школѣ человѣкъ становится дѣйствительно или Робинзономъ, или зулусомъ; и разучается уважать не только другихъ, но и самого себя. Русская жизнь представляетъ въ этомъ отношеніи изумительные факты, едва ли гдѣ-нибудь въ другой странѣ возможные. Хотя бы, напримѣръ, такой фактъ, сообщаемый пермскимъ корреспондентомъ «Волжскаго Вѣстника». Бывшій учитель Андрей Гашевъ, уволенный изъ учителей по проискамъ бывшаго члена училищнаго совѣта и настоящаго секретаря уѣздной земской управы Четина, вошелъ къ мировому судьѣ съ просьбой о взысканіи съ Четина 173 руб., какъ убытка, понесеннаго Гашевымъ отъ увольненія его изъ учителей. Мировой приглашаетъ г. Четина и тотъ, вмѣсто того, чтобы явиться, отвѣчаетъ такою бумагой: «Я получилъ отъ вашего высокородія повѣстку о явкѣ къ 11 час. утра 21 апрѣля сего года въ вашу камеру по иску ко мнѣ о 173 руб. *какаго-то* Андрея Гашева. Считаю долгомъ вамъ заявить: 1) никакому Гашеву я долженъ не состою *и не могу состоять;* поэтому и явиться *не считаю нужнымъ*, тѣмъ болѣе, что времени не имѣю (въ этотъ день г. Четинъ праздновалъ именины дочери). 2) Если повѣстка ко мнѣ адресована не *по ошибкѣ*, то искъ, значитъ, одинъ изъ такихъ, какой два года назадъ былъ предъявленъ ко мнѣ черезъ васъ же какимъ-то Куренбинымъ или вообще въ родѣ того, что нынче зовется «шантажъ». 3) Если станутъ предъявлять ко мнѣ иски *всѣ жулики*, то мнѣ придется бросить всякую работу, потому что все время будетъ уходить на явки для отвѣта. 4) Прошу выдать мнѣ копію съ исковой просьбы Андрея Гашева для возбужденія противъ него преслѣдованія». Подписался: Почетный гражданинъ Амфилохій Ник. Четинъ. Конечно, никто не мѣшаетъ г. Четину преслѣдовать г. Гашева и считать его искъ обиднымъ, но въ какой школѣ и изъ какой науки г. Четинъ научился такимъ отношеніямъ къ достоинству ближняго и къ достоинству мироваго суда, какъ общественнаго учрежденія? И какое онъ имѣетъ право *не считать нужнымъ* явиться въ судъ, когда это счелъ нужнымъ судья? И кому нужна догадка г. Четина, заключающая къ себѣ двойную непристойность, что если судья прислалъ ему повѣстку не по ошибкѣ, то онъ его привлекаетъ къ шантажному дѣлу, подобное которому ужь разъ и производилъ? Наконецъ, что бы сказалъ г. Четинъ, такъ ревниво относящійся къ своему достоинству, что считаетъ кровною обидой простое предъявленіе къ нему денежнаго иска, если бы кто-нибудь назвалъ его жуликомъ, какъ это онъ дѣлаетъ съ г. Гашевымъ? Тутъ что ни слово, то какой-то непроглядный мракъ понятій, полное отсутствіе даже тѣни представленій объ общественныхъ отношеніяхъ и совершенное незнаніе своего мѣста. Это типъ не гражданскаго общежитія и мирныхъ порядковъ, а воинствующій наѣзднической типъ, лишенный всякой нравственной дисциплины.

Съ другимъ подобнымъ типомъ знакомитъ *Кіевлянинъ*. Болѣе четверти вѣка прошло, какъ въ городѣ Звенигородкѣ пристроился къ городскимъ общественнымъ дѣламъ нѣкій отставной коллежскій регистраторъ Іорданъ Гацкій. Г. Гацкій отличался замѣчательною особенностью не дѣлать ничего безъ благодарности. Его же личная особенность заключалась въ безпримѣрной послѣдовательности, ибо онъ бралъ благодарности не только съ просителей, но и съ городской думы, въ которой состоялъ гласнымъ и секретаремъ. Въ 1866 г., по жалобѣ обитателей Звенигородки, г. Гацкій былъ уволенъ отъ должности за взяточничество. Но онъ спряталъ бумагу и продолжалъ, попрежнему, заправлять всѣми думскими дѣлами и брать «благодарности». Въ 1879 году звенигородцы опять жаловались на г. Гацкаго. Присланный для дознанія чиновникъ нашелъ бумагу объ увольненіи г. Гацкаго въ шкафу, даже не записанною во входящую вѣдомость. Послѣдствіемъ дознанія было то, что думѣ было опять предписано уволить г. Гацкаго, онъ же опять остался на мѣстѣ и не только остался, но еще и апеллировалъ въ сенатъ. Сенатъ (указомъ отъ 31 января 1878 г.) оставилъ жалобу г. Гацкаго безъ послѣдствій и призналъ увольненіе вполнѣ правильнымъ. Пока ожидался указъ сената, г. Гацкій сдѣлался гласнымъ думы, занялъ въ ней должность секретаря и сгруппировалъ около себя сильную партію. Прежде онъ бралъ взятки только съ частныхъ лицъ, а теперь сталъ требовать ихъ уже и отъ думы. Для этого онъ создалъ для себя особую должность ходатая по городскимъ дѣламъ и нельзя не согласиться, что обнаружилъ при этомъ большую проницательность, ловкость и знаніе жизни и людей. «Ходатайствуя» по городскимъ дѣламъ, г. Гацкій бралъ думскія деньги, чтобы «смазывать», гдѣ требовалось, и извѣстный процентъ удерживалъ для себя въ возмѣщеніе расходовъ по ходатайствамъ. На «смазку» г. Гацкій бралъ отъ 100 до 500 руб., а иногда и болѣе, смотря по дѣлу. Такъ, когда были получены изъ казначейства 6,500 руб., слѣдующіе городу за военный постой, то г. Гацкій, докладывая объ этомъ думѣ, потребовалъ себѣ 10% въ возвратъ расходовъ,

сдѣланныхъ имъ въ Кіевѣ. А чтобы дума не могла имѣть на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, предъявилъ собранію письмо, полученное имъ изъ Кіева. Въ письмѣ говорилось, что если будетъ дана благодарность, то могутъ быть высланы и остальныя 7 т. руб. за постой солдатъ, иначе же ничего не будетъ, такъ какъ нѣтъ на полученіе денегъ «требуемыхъ формальностей». На это гласный думы, священникъ Н. Бутовскій, замѣтилъ:

— Прежнія времена, какъ видно, нисколько не измѣнились и старые порядки еще во всей силѣ: кто мажетъ, тотъ и ѣдетъ.

— Да, батюшка, — отвѣтилъ г. Гацкій, — безъ благодарности обойтись никакъ нельзя.

И вотъ дума выдала г. Гацкому 10% съ полученной ею суммы, т. е. 650 руб., спустя двѣ недѣли онъ получилъ еще 400 руб. (по другому дѣлу), потомъ еще 150 руб. (50 руб. ему и 100 руб. на «смазку») и подобныя выдачи повторялись по нѣсколько разъ въ годъ. Кромѣ того, г. Гацкій умѣлъ управлять думцами настолько искусно, что и его отчеты (если въ нихъ даже не доставало оправдательныхъ документовъ), и доклады принимались и утверждались безъ возраженій и ненарушимый миръ, казалось, готовъ былъ водвориться въ звенигородской думѣ до втораго пришествія. Вѣроятно, это такъ бы и случилось, если бы звенигородцы (но не думцы) не обратились съ жалобой на г. Гацкаго къ кіевскому губернатору и къ начальнику края. Почему имъ казалось недостаточнымъ обратиться только къ губернатору—неизвѣстно; но за то извѣстно, что раньше они обращались къ городскому головѣ, просили его произвести дознаніе и, «ради защиты чести городской думы, положить предѣлъ дѣйствіямъ секретаря Гацкаго», но городской голова не «положилъ предѣла» и дознанія не произвелъ. Теперь противъ г. Гацкаго и его соратниковъ, гласныхъ Трандафилова, Пищаленко и Шаца, начато судебное преслѣдованіе.

Предъидущій фактъ (Четинъ)—фактъ простой, этотъ же фактъ представляетъ непостижимости усложненныя; тамъ мы имѣли дѣло съ лицомъ, здѣсь—съ общественнымъ явленіемъ; въ первомъ случаѣ, недисциплинированное лицо ведетъ себя какъ «саврасъ безъ узды», не граждански, дико, потому что не имѣетъ никакого понятія объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ общежитіемъ, сырая некультивированная сила увлекается инстинктомъ, возбужденнымъ слишкомъ приподнятымъ личнымъ чувствомъ, поэтому сила эта дѣйствуетъ непосредственно, въ гражданскомъ отношеніи глупо, но въ нравственномъ обликѣ выскочившаго изъ гражданскихъ предѣловъ лица вы не находите еще ничего испорченнаго, претящаго, отталкивающаго. Передъ вами желчный субъектъ, ошибающійся въ размѣрахъ своего личнаго достоинства и вполнѣ зависящій лишь отъ своего темперамента. Такіе дикіе люди дики потому, что ихъ не воспитала ни семья, ни школа, ни жизнь. Какими они вышли изъ утробы матери, такими они и остались. Въ то же время, эти люди могутъ быть недурными и если бы наша школа и наша жизнь занимались лучше воспитаніемъ, то подобные дички могли бы быть и культивированы, и приручены, могли бы быть пригодны и полезны для жизни.

Совсѣмъ не то люди типа г. Гацкаго. Это не сырой продуктъ утробной жизни, не дички, какими ихъ мать родила, это продукты культуры, продукты своеобразнаго склада русской общественной жизни, которая сформировалась еще допетровскою Русью и которую пытались сломить окончательно, но не сломили реформы прошлаго царствованія. Хотя «Кіевлянинъ» въ качествѣ патріотическаго органа объясняетъ дѣятельность г. Гацкаго тѣмъ, что онъ полякъ и подобралъ къ себѣ партію изъ «поляковъ» и «жидовъ», но, кажется, въ числѣ привлеченныхъ къ суду, кромѣ самого г. Гацкаго, нѣтъ ни одного польскаго и жидовскаго имени. «Кіевлянинъ», умѣющій понимать правду, даже дѣлающій иногда замѣчанія «Московскимъ Вѣдомостямъ», когда по обязанностямъ службы садится на своего програмнаго конька, прибѣгаетъ къ сожалѣнію, къ совсѣмъ опошлившемуся и банальному способу «защиты русскихъ интересовъ», который бы уже давно пора сдать въ архивъ ржаваго и непригоднаго оружія. Непремѣнно намъ кто-нибудь да гадитъ: то нѣмецъ, то полякъ, то жидъ. Право, ужъ пора бы кончить съ подобнымъ младенчествомъ и школьничествомъ, авось дѣла наши пошли бы лучше. У нашихъ финляндскихъ военныхъ инженеровъ не было ни жидовской, ни польской партіи, а посмотрите, какихъ они надѣлали чудесъ. Въ такихъ повсюду повторяющихся дѣлахъ виновато не лицо и не лица, а условія, создающія возможность подобныхъ противуобщественныхъ подвиговъ. «Кіевлянинъ» говоритъ, что г. Гацкій орудовалъ въ Звенигородкѣ болѣе четверти вѣка. Какъ же это могло случиться? Какъ могло случиться, что г. Гацкій, уволенный сенатомъ, прячетъ указъ въ шкафъ и остается, попрежнему, на мѣстѣ; какъ могло случиться, что уволенный во второй разъ онъ опять остался на мѣстѣ? Очевидно, что г. Гацкій зналъ очень хорошо болото, въ которомъ хозяйничалъ. И еще бы ему его не знать, когда онъ въ немъ выросъ! Онъ зналъ не только болото, но и всѣхъ лягушекъ этого болота и на какую приманку какая изъ нихъ шла. Онъ велъ игру большую, захватывалъ широкій кругъ, но обращался всегда къ самымъ сквернымъ человѣческимъ инстинктамъ, потому что хорошо зналъ, какую школу жизни прошли тѣ, кого онъ доилъ. Съ одними онъ дѣйствовалъ на чувство страха, потому что они выросли въ молчаніи и повиновеніи; съ другими дѣлился потому, что ихъ можно купить; третьихъ онъ убѣждалъ небылицами и тѣ вѣрили и молчали, не усматривая въ этихъ небылицахъ ничего невѣроятнаго или невозможнаго. Когда священникъ Бутовскій замѣтилъ скромно и со вздохомъ:

— Прежнія времена, какъ видно, нисколько не измѣнились...

— Да, батюшка,—отвѣтилъ г. Гацкій съ видомъ голубицы и опустивъ глаза,—безъ благодарности обойтись никакъ нельзя...

И всѣ вѣрили г. Гацкому. Да и отчего было ему не вѣрить? Развѣ дума не дала ему «извѣрительнаго отношенія» для хожденія по дѣламъ; развѣ онъ не гласный думы и не повѣренный ея, вродѣ тѣхъ адвокатовъ и юрисконсультовъ, которыхъ имѣютъ многія частныя и казенныя учрежденія? И вотъ дѣло запутывается: къ беззаконію примѣшивается законіе и ужь самъ г. Гацкій считаетъ себя настолько правымъ и чистымъ юридически, что прямо отрицаетъ возможность обвиненія его, какъ секретаря думы, и ссылается на указъ сената 29 октября 1880 г. и 13 января 1881 года. Нужно думать, что г. Гацкій достаточно искусился въ юридическихъ основаніяхъ и знаетъ хорошо извѣстныя юридическія формы, за которыми можно сидѣть безопасно, какъ за каменною стѣной. И если бы эти легальныя формы не охраняли г. Гацкаго, то какъ бы онъ могъ остаться два раза на мѣстѣ послѣ того, что его уволили и когда его не желаетъ населеніе цѣлаго города? Одного личнаго мужества для этого еще мало. А что у г. Гацкаго было «основаніе», можно видѣть еще и изъ того, что даже городской голова, когда его просили защитить честь города, ничѣмъ ее не защитилъ и жители должны были обратиться къ высшей административной власти края.

Чѣмъ же и кѣмъ держался г. Гацкій? Ужь, конечно, не высшею администраціей и не населеніемъ Звенигородки. И наверху, и внизу ему не было поддержки и въ городѣ онъ не пользовался популярностью. Говорятъ, что если кто навлекалъ на себя немилость г. Гацкаго, «тотъ преслѣдовался самымъ немилосерднымъ образомъ и только униженныя просьбы, соединенныя нерѣдко съ ползаніемъ у ногъ Гацкаго, смягчали его гнѣвъ и освобождали несчастнаго отъ дальнѣйшихъ непріятностей». Такой человѣкъ долженъ былъ вооружать противъ себя и онъ, все-таки, держался, и держался «болѣе четверти вѣка» потому, что его поддерживала «середина». Эта середина была и въ Звенигородкѣ, и въ Кіевѣ, и въ другихъ, конечно, мѣстахъ, гдѣ она была нужна г. Гацкому. Середина эта и не въ одной Звенигородкѣ изображаетъ собою хранительницу старыхъ обычаевъ и старыхъ порядковъ, противъ которыхъ ни суды, ни положенія, ни уложенія, ни мѣропріятія ничего не въ состояніи подѣлать, если рядомъ съ ними не возникаетъ сила общественная и настолько независимая, чтобы она могла нести прямо свою голову и смѣло расчищать болотные міазмы нашей болотной атмосферы. Г. Гацкій зналъ, конечно, хорошо, что смѣлыхъ голосовъ онъ противъ себя не встрѣтитъ или, по крайней мѣрѣ, встрѣтитъ ихъ очень немного, что большинство той середины, отъ которой онъ зависѣть будетъ, или на его сторонѣ, или скромно опуститъ глаза и будетъ молчать, придерживаясь съ мудрою осторожностью русскаго общественнаго принципа: «моя хата съ краю». Въ городской жизни все должно бы быть общественнымъ; каждый камушекъ на улицѣ, казалось бы, долженъ быть общественнымъ добромъ, а между тѣмъ, наша жизнь сложилась такъ, что у насъ все стало для насъ постороннимъ, и не только городское благоустройство, но даже гимназіи и школы, въ которыхъ учатся наши дѣти, и городскія учрежденія, завѣдывающія нашими дѣлами, для насъ совсѣмъ что-то чужое. И вотъ обыватели считаютъ себя чуждыми городскихъ учрежденій, а городскія учрежденія считаютъ себя чуждыми обывателей и, въ концѣ-концовъ (если воздухъ очень уже сопрется), получается болото или «середина», на которой и распускаются такіе цвѣты, какъ г. Гацкій.

Было время, когда и столичная, и провинціальная печать имѣла повышенный тонъ потому, что у нея было повышенное общественное чувство. Теперь камертонъ совсѣмъ упалъ и наши газетные публицисты притупили свои перья, развели чернила водой. Теперешній читатель, заваливаемый массою фактовъ, опускаетъ безпомощно руки и совершенно безплодно устремляетъ вопросительный взглядъ на нашу безмолвную печать, ожидая отъ нея какого-нибудь разъясненія. Но печать, разучившаяся обобщеніямъ, молчитъ.

Мнѣ думается, что на публику клевещутъ, что ей нужны больше всего фельетоны и легкое чтеніе. Если такое чтеніе нужно для одной части публики, едва начавшей читать и составляющей приготовительный классъ читателей, то есть еще и другая публика, объ умственныхъ интересахъ которой обязательнѣе всего думать печати, если она понимаетъ, что она есть органъ общественнаго мнѣнія и должна служить этому мнѣнію. И объ этой-то именно части публики у насъ и думаютъ меньше всего, точно печать существуетъ только для приготовительнаго класса. Отъ этого страннаго положенія, созданнаго себѣ печатью, получается совсѣмъ фальшивая общая картина состоянія нашего общества. Посторонній наблюдатель, пожелавшій составить себѣ мнѣніе объ обществѣ по печати, не можетъ не придти къ заключенію, что наше общество ни о чемъ не думаетъ, и, въ то же время, онъ не можетъ не позавидовать спокойному и безмятежному состоянію нашей жизни, настолько уже осѣвшей, установившейся и пришедшей въ стройный порядокъ, что намъ нечего больше желать, не къ чему стремиться и довольно одного созерцательнаго отношенія къ повседневнымъ фактамъ, стройно совершающимъ свое теченіе на общее благополучіе и счастье.

XII.

За сезономъ надеждъ на урожай слѣдуетъ у насъ въ традиціонномъ порядкѣ сезонъ пожаровъ. Такъ бывало всегда, такъ повторилось и нынче. Наступили жары, начались крестьянскія работы, а съ ними въ провинціальныхъ и столичныхъ газетахъ стали появляться извѣстія о деревенскихъ пожа-

рахъ. Для городскихъ пожаровъ опредѣленнаго сезона не существуетъ и, во всякомъ случаѣ, города горятъ не тогда, когда горятъ деревни (въ Москвѣ, напримѣръ, въ мартѣ и апрѣлѣ было 40 пожаровъ и убытокъ отъ нихъ составляетъ 270 тыс. руб., въ январѣ же и февралѣ пожары сдѣлали Москвѣ убытку почти втрое больше). Деревня въ этомъ отношеніи поступаетъ гораздо опредѣленнѣе и точнѣе. Города горятъ больше случайно, деревни же, подчиняясь извѣстному неизмѣнному закону времени. Время есть и причина. Прежде долго не знали, почему деревенскіе пожары бываютъ почти исключительно лѣтомъ, и въ особенности въ рабочую пору, когда все взрослое населеніе уходитъ въ поле. Теперь уже выяснилось и установилось, что три четверти деревенскихъ пожаровъ, «причины которыхъ неизвѣстны», происходятъ оттого, что дома остаются ребятишки. Прежде думали, что пожары случаются преимущественно ночью, и согласно этому начальство требовало, чтобы въ деревняхъ ходили ночные караулы; теперь считаются болѣе дѣйствительнымъ дневные караулы и, какъ пишутъ въ газетахъ, «въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ С.-Петербургской губерніи, въ виду усилившихся полевыхъ работъ, по иниціативѣ мѣстныхъ земствъ, введены особые дневные караулы главнымъ образомъ для присмотра за дѣтьми, остающимися безъ надзора родителей». Нужно думать, что другія земства приняли ту же мѣру, хотя объ этомъ и не писалось въ газетахъ.

Есть и еще разница между пожарами деревень и городовъ. Деревни горятъ тихо, скромно, по-домашнему, такъ что иногда и сами мужики не знаютъ, когда сгорѣла ихъ деревня: пришли съ поля и деревни нѣтъ. Города горятъ свѣтло, ярко, парадно, въ блестящей обстановкѣ пожарныхъ, даже съ грандіозною величественностью, привлекающей массу любопытныхъ и публики. О пожарахъ деревни говорятъ мало и судьбой деревенскихъ погорѣльцевъ почти не интересуются. О пожарахъ городовъ оповѣщается во всѣхъ газетахъ, въ особенности если городъ выгоритъ до тла, какъ нынче выгорѣлъ Минскъ, какъ въ прошломъ году выгорѣло Гродно (деревень обыкновенно горятъ какъ свѣчки и до тла). Въ пользу городскихъ погорѣльцевъ объявляются подписки; назначаются комитеты для раздачи пособій и въ судьбѣ городскихъ погорѣльцевъ всѣ принимаютъ болѣе или менѣе живое и дѣятельное участіе. Недавно, напримѣръ, въ торговомъ селѣ Баландѣ (Аткарскаго уѣзда) выгорѣло болѣе ста дворовъ и никто объ этомъ пожарѣ не зналъ, кромѣ двухъ-трехъ редакцій провинціальныхъ газетъ. А когда сгорѣлъ въ Вильно циркъ Феррони, то лучшія мѣстныя литературныя силы поспѣшили описать это бѣдствіе съ такими трогательными подробностями, что нельзя было не сочувствовать и погибшей лучшей лошади цирка, не захотѣвшей выйти изъ пылавшей конюшни, и сгорѣвшимъ ручнымъ волкомъ, которыхъ тоже оказалось невозможнымъ спасти (несчастій съ людьми не было). Но особенную симпатію выразили мѣстные писатели къ козлу, обнаружившему замѣчательное хладнокровіе и мужество. Во время пожара всѣ были заняты спасеніемъ лошадей и ручныхъ волковъ, а о козлѣ, привязанномъ въ конюшнѣ на веревкѣ, забыли. Козелъ разорвалъ веревку и спокойнымъ, неторопливымъ шагомъ вышелъ изъ пламени и всталъ между публикой.

И тотъ же «Вилен. Вѣстн.», когда ему приходилось говорить о деревенскихъ пожарахъ, становился внезапно сухимъ и жесткимъ, какъ пергаментъ. Вотъ какъ онъ сообщаетъ своимъ читателямъ о пожарахъ, бывшихъ въ губерніи за первую половину апрѣля: «Вилен. Губерн. Вѣд.» сообщаютъ...» и затѣмъ выписываетъ съ буквальною точностью, что сообщаютъ губернскія вѣдомости. Оказывается, что въ губерніи было 49 пожаровъ и «убытку понесено всего на 233,604 р.». Хорошо это *всего*; точно виленскія газеты очень огорчаетъ, что убытокъ такъ малъ. А, между тѣмъ, какъ трогательно онѣ описывали пожаръ цирка Феррони! «Дѣйствіями пожарной команды руководилъ г. полицеймейстеръ. На пожарѣ присутствовали гг. генералъ-губернаторъ, губернаторъ, командующій войсками, генералъ отъ инфантеріи Ганецкій и много другихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Вся площадь была запружена народомъ. Вниманіе всѣхъ было обращено на несчастнаго г. Феррони, который приходилъ въ отчаяніе...» Затѣмъ слѣдуетъ картина воображаемаго авторомъ передовой статьи (пожару цирка посвящена передовая статья) ужаса жителей Вильно, если бы циркъ Феррони загорѣлся во время представленія и публикой овладѣла паника... «Страшно! Дальше отъ этой картины!»—кончаетъ авторъ описаніе воображаемаго имъ пожара цирка Феррони вмѣстѣ съ виленскою публикой.

Въ томъ же «Виленскомъ Вѣстникѣ» есть и еще описаніе пожара въ Вержболовѣ: «При весьма жаркой погодѣ,—пишетъ корреспондентъ,—въ самомъ центрѣ города, заселенномъ бѣдными обывателями, вспыхнулъ страшный пожаръ, который угрожалъ разрушеніемъ лучшей части города. Къ счастію, огонь былъ локализованъ. Особенно отличались своею энергіей пріѣзжій ксендзъ изъ сосѣдняго села, надзиратель пограничной стражи, г. Войтовичъ, и нѣкоторыя другія лица. При полученіи извѣстія о пожарѣ въ сосѣднемъ посадѣ Кибартахъ и пограничномъ посадѣ Эйдкуненѣ (Пруссія) немедленно забили тревогу, стали звонить въ церкви и на вокзалѣ и, по распоряженію начальника станціи Вержболово, тотчасъ отправлена была желѣзно-дорожная пожарная команда съ инструментами. Въ то же время прибыла и вольная пожарная команда изъ Эйдкунена, состоящая изъ именитѣйшихъ гражданъ посада. Благодаря ихъ общимъ усиліямъ, огонь былъ потушенъ и, такимъ образомъ, опасность устранена».

Сообщеніе это принадлежитъ корреспонденту «Новостей», а не «Виленскаго Вѣстника», но отъ этого вопросъ не измѣняется, тѣмъ болѣе, что я говорю не о газетахъ, а объ общемъ существующемъ у насъ отношеніи къ деревнѣ. Городской пожаръ у насъ всегда явленіе «субъективное»; это бѣдствіе той части общества, которая сама о себѣ пишетъ и сама о себѣ читаетъ. Поэтому всякій городской пожаръ найдетъ своихъ краснорѣчивыхъ

лѣтописцевъ, которые постараются изобразить бѣдствіе съ поражающими и трогательными подробностями, а чтобы еще сильнѣе подѣйствовать на воображеніе читателей, готовы даже прибѣгнуть къ очень своеобразному художественному пріему, какъ это сдѣлалъ авторъ передовицы «Виленскаго Вѣстника». Здѣсь задача въ томъ, чтобы возбудить благожелательство и сердоболіе, чтобы явилась «рука дающая»; а симпатическія чувства только и можно вызвать тѣмъ, чтобы читатель почувствовалъ весь ужасъ бѣдствія и всѣ страданія лишеній, которыя влечетъ за собою пожаръ. Но даже и помимо этого, каждый городской пожаръ всегда близокъ каждому городскому жителю уже потому, только, что этотъ пожаръ того самаго города, въ которомъ житель обитаетъ. Дѣло выходитъ, такимъ образомъ, своимъ, понятнымъ и близко затрагивающимъ чувство страха и личнаго интереса каждаго. Является даже солидарность не только между жителями одного города, но и жителями разныхъ городовъ. Когда сгорѣлъ вѣнскій театръ, жители всѣхъ городовъ, гдѣ есть театры, призадумались надъ этою чужою бѣдой и начали принимать мѣры, чтобы и у нихъ не повторилось того же. Когда сгорѣлъ въ Бердичевѣ циркъ того самаго Феррони, который погорѣлъ нынѣ въ Вильно, повторилось то же и жители городовъ видѣли въ пожарѣ цирка общественное бѣдствіе.

Совсѣмъ другое деревенскіе пожары. Та часть русскаго населенія, которая сама о себѣ пишетъ и сама о себѣ читаетъ, относится къ нимъ всегда «объективно», да иначе къ нимъ относиться и не можетъ. Для описанія деревенскихъ пожаровъ не существуетъ корреспондентовъ-очевидцевъ; единственные корреспонденты, черезъ которыхъ становятся извѣстными деревенскіе пожары,—урядники и волостныя правленія. Понятно, что отъ нихъ никакихъ трогательныхъ литературныхъ описаній ожидать нельзя, да они отъ нихъ и не требуются. Урядники и волостныя правленія просто доносятъ по начальству о деревенскихъ происшествіяхъ, а пожаръ есть «происшествіе», такое же происшествіе, какъ убитый или утонувшій человѣкъ, подкинутый младенецъ, украденная лошадь. Пока еще пожары случаются то здѣсь, то тамъ единично, о нихъ доносятъ въ отдѣльности; когда же наступитъ «сезонъ», объ огульныхъ пожарахъ идутъ и донесенія огульныя, въ видѣ «срочныхъ вѣдомостей» по установленной формѣ: погорѣли, молъ, такія-то деревни, убытокъ отъ каждаго отдѣльнаго пожара такой-то, причина пожара неизвѣстна или онъ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ (поджоги въ деревняхъ очень рѣдки) и затѣмъ слѣдуетъ общій итогъ. Эти извѣстія въ ихъ краткомъ видѣ печатаются въ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ рубрикѣ происшествій, перепечатываются иногда другими газетами, больше провинціальными, и то не всегда, потому что для мѣстной провинціальной газеты достаточно печатать и о своихъ пожарахъ. Столичныя газеты этихъ извѣстій даже и не перепечатываютъ, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ читателю, ищущему разнообразнаго и интереснаго чтенія, дать цѣлые столбцы выписокъ вродѣ этой: «въ продолженіе первой половины апрѣля всѣхъ пожарныхъ случаевъ по губерніи было 49; изъ нихъ произошли: отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ 8, отъ неисправнаго содержанія дымовыхъ трубъ 5, отъ поджога 3 и отъ неизвѣстныхъ причинъ 33, убытка понесено всего 233,604 р. Болѣе значительнѣйшіе по причиненнымъ убыткамъ пожара были: въ Лидскомъ, Дисненскомъ и Ошмянскомъ уѣздахъ; въ первомъ изъ нихъ въ м. Остринѣ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ сгорѣло 220 дворовъ, въ томъ числѣ 60 дворовъ крестьянскихъ и 160, принадлежащихъ евреямъ, а также двѣ синагоги и почти все движимое имущество; слишкомъ 400 семействъ остались безъ крова и хлѣба, убытка понесено на 149,665 р.; во второмъ сгорѣла деревня Савицкая, состоящая изъ 27 дворовъ; убытка понесено на 13,960 р., и въ послѣднемъ, въ дер. Чухны, Кревской волости, пожаромъ истреблено 15 дворовъ; убытка понесено на 13,635 р. Причина пожара не выяснена». Обыкновенный читатель, увидѣвъ цифры этой «статистики», читать ее не станетъ, хотя если бы онъ прочелъ ее, то пожаръ въ м. Остринѣ, гдѣ сгорѣло 220 дворовъ и осталось безъ крова и хлѣба слишкомъ 400 семействъ, а народъ лишился имущества на полтораста тысячъ, оставилъ бы въ немъ живое впечатлѣніе. Теперь же при пожарныхъ извѣстіяхъ, вставляемыхъ въ газеты для полноты свѣдѣній, а иногда и просто для «затычки», извѣстія о горящей деревянной Россіи являются совсѣмъ мертвымъ, числовымъ, статистическимъ матеріаломъ вродѣ публикуемыхъ вѣдомостей о заразныхъ болѣзняхъ или о числѣ родившихся и умершихъ. Все это такъ далеко отъ читателя, что онъ никакой связующей идеи или чувства съ этими «мѣстными происшествіями» найти въ себѣ не можетъ и живаго дѣятельнаго впечатлѣнія они на него не производятъ.

Конечно, можно возразить, что живое впечатлѣніе и не особенно нужно, а достаточно впечатлѣнія дѣятельнаго, т. е., чтобы погорѣльцы получили земскую страховую премію. Но вотъ фактъ, изъ котораго читатель увидитъ, какія получаются иногда послѣдствія, если нѣтъ впечатлѣнія живаго. Осенью прошлаго года на тетюшской пристани загорѣлась барка съ грузомъ въ 35 т. порожнихъ кулей. Въ числѣ прибѣжавшихъ на пожаръ былъ и городской голова Серебряковъ. Прибѣжалъ онъ, разумѣется, вслѣдствіе впечатлѣнія дѣятельнаго. И тотъ же городской голова не обнаружилъ ни капли впечатлѣнія живаго, потому что встрѣтившейся ему пожарной командѣ приказалъ вернуться обратно. Пожаръ былъ настолько незначителенъ, что съ нимъ легко справилась бы одна пожарная машина, и Журинъ, хозяинъ кулей, нѣсколько разъ просилъ городскаго голову о пожарной трубѣ. Городской же голова оставался нѣмъ и глухъ къ просьбамъ Журина и лишь въ 8 ч. утра обнаружилъ нѣкоторый запасъ живаго чувства. Потому что живое чувство обнаружилось въ городскомъ головѣ только въ 8 ч. утра, послѣ того какъ пожаръ продолжался всю

ночь и когда изъ 35 т. кулей осталось несгорѣвшихъ лишь 2,700 кулей, Журинъ, какъ гласный думы, внесъ въ ближайшемъ засѣданіи на разрѣшеніе собранія вопросъ: имѣлъ ли право голова Серебряковъ отказать ему въ пожарной машинѣ? Дума не только нашла, что Серебряковъ отказать въ машинѣ не имѣлъ права, но и усмотрѣла въ поступкѣ головы неисполненіе думскаго постановленія 28 іюля 1881 г. и единогласно рѣшила о неправильномъ дѣйствіи городскаго головы сообщить губернатору. Дума рѣшила такъ потому, что постановленіемъ 28 іюля вмѣнялось городскому головѣ въ обязанность отправлять часть пожарнаго обоза даже въ сосѣднія съ городомъ селенія, а ужь тѣмъ болѣе для головы было обязательно послать пожарный обозъ на пожаръ на городской пристани, возлѣ самаго города. Все это не убѣдило городскаго головы Серебрякова и онъ на рѣшеніе собранія отвѣтилъ, что пожарныхъ за черту города, все-таки, отпускать не будетъ. Такимъ образомъ, вопросъ изъ маленькаго становился большимъ, изъ спокойнаго превращался въ страстный. Не рѣшивъ ничего въ этотъ день, дума собралась на другой и изъ дебата выяснилось, что у городскаго головы не разъ обнаруживалось и живое дѣятельное чувство. Такъ, когда горѣлъ кирпичный сарай брата Серебрякова, лежащій за чертой города, то онъ для тушенія пожара послалъ пожарныхъ. Обнаружены были и другіе подобные же случаи сочувствія Серебрякова къ людскимъ бѣдствіямъ и потому дума постановила: «вмѣнить головѣ въ непремѣнную обязанность исполнять постановленіе думы о пожарномъ обозѣ и просить губернатора охранять городъ отъ неправильныхъ дѣйствій головы, угрожающихъ опасностью горожанамъ». Это любопытное дѣло разсматривалось, наконецъ, въ особомъ присутствіи судебной палаты и въ искѣ Журину было отказано.

Какая же причина, что Серебряковъ былъ обѣленъ? Прежде всего, причина, вѣроятно въ томъ, что въ письменномъ объясненіи онъ отрицалъ, будто бы далъ обозу приказаніе вернуться (а въ засѣданіи думы сказалъ, что такое приказаніе имъ было дано), дальше онъ говорилъ, что брандмейстеръ вернулся самъ, что ночь была темная, а спускъ съ горы крутой, что право распоряжаться пожарнымъ обозомъ принадлежитъ полиціи и, наконецъ, что губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе нашло дѣйствія его, Серебрякова, правильными. Прокуроръ судебной палаты далъ заключеніе въ пользу Серебрякова, основываясь на разъясненіи сената, что пожарными распоряжается полиція и что если палата признаетъ искъ Журина правильнымъ, то это рѣшеніе пойдетъ въ разрѣзъ съ постановленіемъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія.

Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ важно не рѣшеніе суда и я привелъ его только для полноты изложенія; важно внутреннее содержимое самаго факта и сравненіе, на которое онъ напрашивается. Совсѣмъ на противуположной сторонѣ отъ Тетюша, на крайнемъ западѣ Россіи, въ Вержболовѣ, случился тоже пожаръ. Корреспондентъ не скрываетъ, въ какую сторону склоняются его симпатіи. Пожаръ начался въ части города, заселенной бѣдными обывателями, и «угрожалъ разрушеніемъ лучшей части города». Тѣми ли соображеніями руководствовались пріѣзжій ксендзъ изъ сосѣдняго села, надзиратель пограничной стражи Войтовичъ и другія лица и отстаивали ли они лучшую часть города, или только тушили худшую, неизвѣстно, но, какъ видно, они обнаружили большое самоотверженіе и мужество и, по словамъ корреспондента, «отличались своею энергіей». И не только очевидцы пожара были увлечены живымъ дѣятельнымъ чувствомъ помощи ближнему, но и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ начали бить тревогу, звонить въ колокола и съѣхались пожарные не только желѣзно-дорожной станціи, но и изъ Эйдкунена. Эйдкуненъ лежитъ въ Пруссіи и, казалось бы, какое ему дѣло до пожара въ Россіи, а онъ-то именно и поднялъ больше всего шуму и даже сталъ звонить на своей единственной колокольнѣ. Не для себя билъ тревогу и звонилъ въ колокола Эйдкуненъ, ему за себя бояться было нечего; онъ сзывалъ на помощь сосѣду и вслѣдъ за тревогой выслалъ въ Вержболово вольную пожарную команду, «состоящую изъ именитѣйшихъ гражданъ». А вотъ какъ поступилъ нашъ русскій «именитѣйшій» гражданинъ, городской голова города Тетюша. Онъ, правда, пришелъ на пожаръ, но пожарную команду, ѣхавшую на пожаръ, вернулъ обратно, и именитаго гражданина нужно было просить всю ночь, до 8 ч. утра, чтобы онъ позволилъ пріѣхать для тушенія пожара одной трубѣ. А какъ бы поступилъ тотъ же самый Серебряковъ, если бы онъ былъ именитымъ гражданиномъ Эйдкунена? Нужно думать, что онъ поступилъ бы не такъ, какъ поступилъ въ Тетюшахъ, и поступилъ бы онъ не такъ просто потому, что въ Эйдкуненѣ и нельзя поступить иначе. Въ Эйдкуненѣ Серебрякову, вѣроятно, не удалось бы обѣлиться и юридически. Обѣленіе это было нужно Серебрякову не ради удовлетворенія его нравственнаго чувства, а просто для того, чтобы не заплатить Журину убытковъ, которые тотъ искалъ съ него. Обѣленіе, конечно, получилось, но гдѣ же правда, которой искалъ Журинъ? Серебряковъ сначала говорилъ, что это онъ вернулъ пожарныхъ, а потомъ что ихъ вернулъ брандмейстеръ, и что во всемъ виновата полиція, съ которой Журинъ и долженъ искать убытки. Все это, конечно, очень хорошо, но, тѣмъ не менѣе, у Журина изъ 35 т. кулей осталось всего только 2,700, да и то потому, что Серебряковъ отпустилъ ему, наконецъ, одну пожарную трубу. Значитъ, могъ же распоряжаться пожарными городской голова. Правда и то, что губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе нашло дѣйствія Серебрякова правильными, но, вѣдь, то же присутствіе не доказало, чтобы повѣренный Журина говорилъ неправду, когда, ссылаясь на свидѣтелей, онъ утверждалъ, что присутствіе «не провѣрило на мѣстѣ обстоятельствъ дѣла». Такимъ образомъ, тѣ, кто были обязаны тушить пожаръ и его не тушили, остались правыми и оказался виноватымъ тотъ, кто погорѣлъ. Смягчаю-

щимъ обстоятельствомъ является, разумѣется, неблагоразуміе самого Журина, на которое и указалъ Серебряковъ. «Журинъ самъ виноватъ въ своихъ убыткахъ,—писалъ въ объясненіи Серебряковъ,—потому что не застраховалъ свой товаръ». Это объясненіе Серебрякова ставитъ весь вопросъ на новую и, можетъ быть, самую правильную точку зрѣнія, ибо дѣлаетъ возможнымъ понять и объяснить то, что иначе совсѣмъ непонятно и необъяснимо. Именно во всемъ виноватъ Журинъ. Онъ долженъ былъ помнить, что живетъ въ Тетюшахъ, а не въ Вержболовѣ, и что подлѣ Тетюшъ нѣтъ ни Эйдкунена, ни какой-либо страны, населенной нѣмцами, или французами, или англичанами, которые, увидѣвъ, какъ горятъ его кули, забьютъ во всѣ колокола и вышлютъ своихъ именитыхъ людей, чтобы тушить пожаръ совсѣмъ въ постороннемъ для нихъ государствѣ.

Къ вопросу о дѣятельномъ и недѣятельномъ чувствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ вопросу, отчего Серебряковъ въ Тетюшахъ и въ Эйдкуненѣ поступалъ бы неодинаково, я еще вернусь; а теперь буду опять продолжать о пожарахъ деревни, къ которымъ городъ относится объективно, тогда какъ къ своимъ пожарамъ онъ относится субъективно.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда всѣ вопросы были новыми и общественными и каждый изъ нихъ устанавливался, опредѣлялся, популяризировался и дѣлался общимъ достояніемъ, писалось много и о «пожарномъ вопросѣ». Въ это время было разсчитано (и затѣмъ подкрѣплено оффиціальными статистическими изслѣдованіями), что «деревянная» Россія сгораетъ вся до тла каждыя 15—20 лѣтъ. Очевидно, что пожаръ—бѣдствіе такое же большое, какъ голодъ, какъ вымираніе населенія отъ оспы и повальныхъ болѣзней. Что пожары большое бѣдствіе, было извѣстно и до шестидесятыхъ годовъ и еще до шестидесятыхъ годовъ для предупрежденія пожаровъ въ казенныхъ селеніяхъ были предприняты очень серьезныя и радикальныя мѣры. Крестьянамъ приказано строиться съ интервалами, въ интервалахъ и передъ домами должны были расти березки; крестьяне должны были имѣть огнегасительные инструменты и съ какимъ инструментомъ какой крестьянинъ долженъ являться на пожаръ было обозначено на особыхъ дощечкахъ, а дощечки прибиты къ крестьянскимъ избамъ. При гр. Киселевѣ были заведены пожарныя трубы; трубы имѣлись при волостныхъ правленіяхъ и хранились какъ разъ противъ нихъ въ особыхъ открытыхъ спереди навѣсахъ. Было обращено вниманіе и на соломенныя крыши и открыты даже способы превращенія ихъ въ несгараемыя. Поощрялись въ деревняхъ каменныя постройки, рекомендовались глинобитныя зданія. Всѣ эти предупредительныя мѣры удержались въ шестидесятыхъ и послѣдующихъ годахъ и составляли немалую заботу и земствъ. Мѣры земства были преимущественно поощрительнаго характера. Такъ, новгородское земство, по предложенію извѣстнаго князя Васильчикова, назначило награду отъ 10 до 20 к. «за каждое посаженное, принявшееся и огражденное отъ порчи скота дерево». Постановленіе это состоялось въ 1869 году, а въ 1870 было доложено собранію, что постановленіе осталось невыполненнымъ, «въ виду того, что при выдачѣ вознагражденій за посадку деревьевъ пришлось бы употребить столь значительную сумму, что истощился бы страховой капиталъ». Было признано полезнымъ, чтобы вмѣсто соломы крестьяне крыли избы дранью, и на это дѣло былъ открытъ крестьянамъ кредитъ, не истощавшійся, вѣроятно, только потому, что крестьяне остались, попрежнему, при соломѣ. Возложено было на крестьянъ-домохозяевъ обязательство имѣть передъ своими домами въ лѣтнее время, съ начала іюня по октябрь, по одному чану съ водой на каждые два дома. Усилены компетенція и власть пожарныхъ старостъ, которые сдѣланы главными распорядителями во время деревенскихъ пожаровъ (сдѣланы, такъ сказать, сельскими брандмейстерами). Каждый явившійся на пожаръ и вздумавшій не подчиняться законнымъ требованіямъ деревенскаго брандмейстера подвергался взысканію по суду. Предполагалось даже предоставить пожарнымъ старостамъ производить въ ихъ участкахъ примѣрныя пожарныя тревоги, но потомъ было найдено болѣе соотвѣтственнымъ предоставить это право только членамъ управы, и въ виду указа правительствующаго сената (6 ноября 1875 г.) новгородское земское собраніе редактировало этотъ деликатный пунктъ (§ 94 правилъ о предосторожности противъ пожаровъ) такъ: «примѣрныя пожарныя тревоги производятся членами земскихъ управъ, по уполномочію оныхъ, и уѣздными исправниками; являться же на эти тревоги обязаны всѣ мѣстные жители съ надлежащими пожарными инструментами». Однимъ словомъ, воспитаніе крестьянъ въ искусствѣ тушенія пожаровъ принимало весьма серьезный характеръ не только земскій, но и полицейскій. Имѣлось въ виду снабдить крестьянъ даже гидропультами и довольно усердно пропагандировался гидропультъ Барановскаго. Заботливая регламентація дошла до того, что было точно обозначено, какое количество огнегасительныхъ снарядовъ должны имѣть крестьяне. На каждые 10 дворовъ назначено имѣть: 1 багоръ, 1 ухватъ, 1 лѣстницу трехсаженной длины, 1 бочку въ 20 ведеръ и при ней 2 швабры (это математически-точное постановленіе состоялось не въ тѣ отдаленныя времена, когда издавались бумажныя правила, а въ теперешнее практическое время, въ декабрѣ 1879 года). Было еще намѣреніе, ради усиленія обаянія пожарнаго старосты, дать ему мѣдный нагрудный знакъ по образцу тѣхъ, какіе даны лѣсникамъ и полевымъ сторожамъ, но это мнѣніе не только не оказалось всеобщимъ, а явилось даже сомнѣніе въ необходимости спеціальныхъ пожарныхъ старостъ, которыхъ могли бы замѣнить старосты сельскіе. Защитники пожарныхъ старостъ справедливо доказывали, что въ большинствѣ случаевъ деревенскіе пожары легко потушить или, по крайней мѣрѣ, «локализировать», потому что небольшія крестьянскія избы можно раскидать и разнести безъ особенныхъ усилій, но для этого нужно,

чтобы на пожарѣ былъ энергическій распорядитель, а имъ-то и долженъ быть пожарный староста.

Кромѣ этихъ мѣръ, направленныхъ собственно на борьбу съ огнемъ, были изданы еще постановленія, имѣвшія исключительно предупредительный характеръ, именно правила объ устройствѣ селеній. Въ этихъ правилахъ были сдѣланы точныя и подробныя указанія, какъ должны располагаться селенія, какія полагаются имъ улицы, гдѣ должны быть площади и церкви, въ какомъ порядкѣ ставить крестьянскіе дворы, какъ должны быть широки дворы. Напримѣръ, если для двора опредѣлено 12 саженъ, то изъ нихъ 7 или 8 саженъ отдѣлять подъ дворъ съ строеніемъ, а 5 или 4—подъ огородъ; а если дворъ опредѣленъ въ 10 саженъ, то подъ дворъ съ строеніемъ отдѣлять 6 саженъ, а подъ огородъ—4 сажени. Такія же точныя указанія сдѣланы и относительно размѣровъ и положенія коноплянниковъ, гуменъ и овиновъ; только относительно фруктовыхъ садовъ допущено исключеніе и всякое стѣсненіе ихъ признано «несовмѣстнымъ», ибо, «напротивъ, стараться должно всемѣрно поощрять разведеніе и распространеніе садовъ». Относительно матеріаловъ, изъ которыхъ крестьяне должны строить избы, регламентація оказалась довольно либеральной. Предоставлялось крестьянамъ строиться изъ такихъ матеріаловъ, «какіе гдѣ находятся, и дѣлать постройки каменныя, деревянныя и мазанныя»; но въ мѣстахъ, «изобилующихъ камнями, строенія производить на каменномъ фундаментѣ». Вообще «изысканіе мѣръ къ уменьшенію силы пожаровъ» составляло предметъ особенной заботливости не только земства, но и администраціи, и при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ этимъ названіемъ (изысканіе мѣръ къ уменьшенію силы пожаровъ) состояла даже особая коммиссія. Въ «Голосѣ» въ 1878 г. сообщалось, что коммиссія остановилась на мысли собрать черезъ губернаторовъ прибалтійскихъ и нѣкоторыхъ другихъ губерній подробныя свѣдѣнія о возведеніи построекъ изъ полеваго камня. Примѣненіе этого камня къ строительному дѣлу желалось еще и для того, «чтобы хотя отчасти освободить отъ него поля и другія хозяйственныя угодья» (не было забыто, значитъ, и сельское хозяйство). Потомъ, — говорилось въ сообщеніи «Голоса»,— съ теченіемъ времени (когда?) коммиссія соберетъ свѣдѣнія о другихъ способахъ производства недорогихъ огнебезопасныхъ зданій. Матеріаломъ для соображеній послужатъ, вѣроятно, и наблюденія, за послѣднее время сдѣланныя въ Румыніи и Болгаріи, гдѣ огнебезопасныя постройки изъ смѣси глины съ уличною грязью, соломою и т. п. въ большомъ употребленіи. При проложеніи бендеро-галацкой желѣзной дороги,—говорилось въ сообщеніи,—наши инженеры имѣли уже случай примѣнять такія наблюденія къ дѣлу при возведеніи сторожевыхъ будокъ и казарменныхъ помѣщеній.

Какимъ окончательнымъ успѣхомъ въ 1886 году увѣнчались изысканія мѣръ къ уменьшенію силы пожаровъ, читатель, знакомый съ деревней, можетъ безъ труда увидѣть изъ того, что онъ знаетъ о теперешней деревнѣ, а читатель, съ деревней незнакомый, изъ того, что пишется о деревенскихъ пожарахъ нынче и что писалось о нихъ въ газетахъ прежде. Деревни и нынче пылаютъ совершенно такъ же, какъ онѣ пылали до изысканія мѣръ.

Кто виноватъ: судить не намъ;
Но только возъ и нынѣ тамъ.

Нужно думать, что неуспѣхъ изысканій произошелъ исключительно оттого, что тѣ, кто обнаруживалъ заботливость о деревнѣ, относились къ ней «субъективно». Городскіе обитатели съ городскими привычками и средствами представляли себѣ, какъ бы они поступали сами, если бы были мужиками. Но, будучи мужиками, они бы поступали совершенно такъ же, какъ поступаютъ и теперь настоящіе мужики, т.-е. не строили бы избъ на каменномъ фундаментѣ или по румынскому и болгарскому образцу, не сажали бы березокъ и не имѣли бы ни чановъ съ водой, ни швабръ. Неуспѣхъ новыхъ бумажныхъ мѣръ былъ неизбѣженъ, потому что ими повторялось то, что и раньше оказывалось вполнѣ безплоднымъ. Повтореніе это было наслѣдственнымъ анахронизмомъ и собственно шестидесятымъ годамъ принадлежитъ не повтореніе стараго, а дѣйствительно новое, чего до шестидесятыхъ годовъ не было извѣстно, — взаимное страхованіе, введенное земствомъ. Въ организаціи и установленіи дѣла взаимнаго страхованія заключается, конечно, одна изъ величайшихъ заслугъ земства на пользу погибавшей отъ пожаровъ деревянной Россіи. Взаимное страхованіе ничего не регламентируетъ, ничего не требуетъ отъ крестьянина, чего бы онъ не могъ исполнить. Осязательная и непосредственная практическая польза этого дѣла была настолько очевидна для крестьянина, что оно сейчасъ же привилось и усвоилось повсюду. Мужикъ, заплатившій 25 коп., получаетъ въ случаѣ пожара 50 руб., а заплатившій 50 к.—100 р. Это ужъ совсѣмъ просто, ясно, несложно, а, главное, быстро. И вотъ простое дѣло, практическая полезность котораго была очевидна каждому, достигла въ 10 лѣтъ такого всеобщаго успѣха, какого «мѣры къ изысканію способовъ» не могли достигнуть и во сто лѣтъ (да не достигнутъ и въ тысячу, если матеріальныя и умственныя условія деревни не измѣнятся къ лучшему).

Сдѣлаю небольшое отступленіе. Въ «Недѣлѣ» (№ 23) помѣщена статья о пожарахъ, какъ кажется, еще въ первый разъ въ печати указывающая на одну изъ «новыхъ» причинъ деревенскихъ пожаровъ.

Почтенная газета говоритъ: «Кто бы могъ ожидать, что существующая у насъ система обязательнаго земскаго страхованія можетъ явиться одною изъ важнѣйшихъ причинъ пожаровъ? А, между тѣмъ, это несомнѣнно доказано для Новгородской губерніи изслѣдованіемъ страховаго дѣла за 18½ лѣтъ его существованія. Точныя цифровыя данныя показали, что въ то время, какъ средняя страховая сумма, приходящаяся на одно застрахованное

строеніе, колеблется по уѣздамъ губерніи отъ 21,4 до 39,3 рубля, страховая сумма, приходящаяся на одно сгорѣвшее строеніе, равна по тѣмъ же уѣздамъ отъ 23,7 до 54,8 рублей, т.-е. на 11—40% выше. Выходитъ, такимъ образомъ, что горятъ, главнымъ образомъ, строенія, застрахованныя по болѣе высокой оцѣнкѣ. Это обстоятельство уже наводитъ на мысль, что значительная часть пожаровъ происходитъ не отъ случайныхъ причинъ». Затѣмъ дѣлается ссылка на Старорусскій уѣздъ. Какъ ни правдоподобно подобное заключеніе, но, тѣмъ не менѣе, тѣ же самыя цифры не даютъ еще права его сдѣлать. Этотъ же самый вопросъ не разъ обсуждался новгородскимъ земствомъ и мнѣніе, подобное мнѣнію «Недѣли», высказывалось представителями старорусскаго земства. Но противъ этого мнѣнія являлось и другое мнѣніе, менѣе сенсаціонное и, какъ кажется, больше справедливое. Старорусскій уѣздъ—уѣздъ богатый, съ большими селеніями и болѣе цѣнными постройками, чѣмъ другіе уѣзды. Подобныя селенія платятъ и болѣе высокую страховую сумму и получаютъ въ случаѣ пожаровъ болѣе высокую страховую премію, чѣмъ селенія мелкія, страховые риски которыхъ меньше. Все это настолько извѣстно земцамъ, что для нихъ совершенно понятно, почему *среднее* пожарное вознагражденіе по губерніи можетъ быть выше *средней* оцѣнки. До объясненія причины этого поджогами еще очень далеко. Поджоги съ корыстными цѣлями бываютъ и въ городахъ, но главнѣйшая причина городскихъ пожаровъ, все-таки, не въ нихъ, а уже тѣмъ болѣе пожаровъ деревенскихъ. Деревенское страхованіе производится или по общей оцѣнкѣ, или по особой (для дворовъ болѣе цѣнныхъ). Страховая премія по особой оцѣнкѣ выдается въ 2/3 стоимости и не выше 500 руб. Конечно, старшина можетъ по недосмотру допустить оцѣнку выше дѣйствительной стоимости строеній, но выше 500 руб. она, все-таки, идти не можетъ, а, между тѣмъ, крестьянскія постройки много выше 500 руб. и доходятъ даже до 1,000 р. Какой же разсчетъ поджигать дорогой домъ, чтобы получить за него меньше? Если бы, однако, корыстный поджигатель и явился, ему, кромѣ уголовнаго суда, грозитъ еще и крестьянскій самосудъ тѣхъ, кто погорѣлъ по его милости. Это узда сильная. Но, вѣдь, и земства понимаютъ страховой разсчетъ, а потому едва ли повышенными страховыми преміями станутъ поощрять поджоги. Слѣдовательно, видѣть въ обязательномъ земскомъ страхованіи одну изъ «важнѣйшихъ» причинъ пожаровъ едва ли есть основаніе. Изъ цифръ, приводимыхъ «Недѣлей», оказывается, что по Новгородской губерніи поджоги составляютъ отъ 4—15%; если эту цифру принять даже для всей Россіи, то окажется, что остальныя причины составляютъ отъ 85—96%. Значитъ поджоги не только не «важнѣйшая» причина, но совсѣмъ ничтожная, и земское страхованіе въ нихъ совсѣмъ неповинно.

До сихъ поръ еще не придумано ничего лучшаго для обезпеченія крестьянъ въ случаѣ пожаровъ. Взаимное земское страхованіе настолько всеобщая «объективная» мѣра, что она сразу поставила деревню внѣ всякой зависимости отъ чьихъ бы то ни было симпатическихъ дѣятельныхъ и недѣятельныхъ чувствъ, а людей, у которыхъ этихъ чувствъ нѣтъ, избавила отъ нареканій, подобно тѣмъ, какія пришлось выслушать хотя бы тетюшскому городскому головѣ. И при деревенскихъ пожарахъ, не разъ и не два, падали на городскихъ пожарныхъ обвиненія въ равнодушіи къ бѣдствію и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, горитъ деревня въ двухъ верстахъ отъ города, и хоть бы одна живая душа отправилась къ ней на помощь. Да и не въ томъ обида, что никто изъ городскихъ жителей не спѣшитъ на помощь, а въ томъ, что пожарный на городской каланчѣ съ невозмутимымъ спокойствіемъ ходитъ кругомъ, точно нигдѣ нѣтъ никакого пожара. А пожарные, все-таки, правы, что не ѣдутъ тушить деревню, и нельзя ихъ винить за то, что у деревни нѣтъ никакой пожарной организаціи. Увлекшись дѣятельнымъ чувствомъ жалости, они стали бы переѣзжать отъ одной горящей деревни къ другой и могли бы забраться, наконецъ, изъ Тетюшъ въ Эйдкуненъ. Не симпатіями и дѣятельнымъ чувствомъ жалости устанавливаются правильныя отношенія въ общественной жизни, а порядками и стройною организаціей этихъ отношеній. Эйдкуненъ, конечно, поступилъ похвально, явившись на помощь горѣвшему Вержболово; но и Серебряковъ виноватъ не тѣмъ, что у него не нашлось сочувствія къ бѣдѣ Журина, а тѣмъ, что не исполнилъ своей обязанности, и не только ее не исполнилъ, а еще нашелъ юридическіе выходы для собственнаго обѣленія. Это вопросъ не сочувствія или несочувствія, а вопросъ о томъ, что человѣкъ теряетъ границы своихъ гражданскихъ отношеній.

Вся наша повседневная мелкая неурядица коренится именно въ неустройствѣ этихъ отношеній. И въ деревнѣ, и въ городѣ обыденная путаница, создающая всякія недоразумѣнія, неудовлетворенія и недовольства другъ другомъ и порядками, заключается только въ томъ, что люди забываютъ свое мѣсто и нѣтъ такихъ общихъ возможностей, доступныхъ для всякаго, чтобы выскочившаго человѣка водворить въ его границахъ. Вотъ, напримѣръ (чтобы воспользоваться примѣромъ уже знакомымъ), Серебряковъ возвращаетъ пожарную команду съ пожара, когда, казалось бы, ему слѣдовало не только торопить ее пріѣздомъ, но и самому распоряжаться на пожарѣ. Что же онъ дѣлаетъ вмѣсто этого? Онъ заставляетъ Журина упрашивать себя всю ночь и склоняется, наконецъ, на его просьбу лишь въ 8 часовъ утра. Это уже совсѣмъ что-то непонятное, если искать разрѣшенія не тамъ, гдѣ его слѣдуетъ искать. Но еще Крыжаничъ замѣтилъ, что русскіе неумѣренны во власти, и это подтвердилъ еще разъ Серебряковъ. Онъ имѣлъ власть разрѣшить и отказать и въ Эйдкуненѣ онъ бы разрѣшилъ, а въ Тетюшахъ отказалъ. Во всѣхъ случаяхъ, подобныхъ тетюшскому (ему же имя легіонъ), всегда главная причина въ игрѣ во власть. При отсутствіи общественнаго воспитанія и неразвитости общественныхъ понятій человѣкъ, очутившійся у власти и не умѣю-

щій думать въ общественномъ направленіи, сейчасъ же начнетъ дѣйствовать, какъ Богъ положилъ ему на душу.

Тѣ, кто живетъ въ деревнѣ, имѣютъ возможность наблюдать этотъ порядокъ ближе, чемъ гдѣ-либо, а, главное, въ самомъ корнѣ явленія. Въ нашемъ округѣ живетъ кузнецъ, а у него есть сынъ, совсѣмъ молодой парень, длинный какъ хлыстъ, и съ очень длинными ногами, приспособленными для ходьбы. Парень былъ нанятъ въ «бѣгуны», т.-е. ходить въ городъ за почтой, а городъ лежитъ отъ нашей мѣстности за 40 верстъ. Нашъ «бѣгунъ» отмѣривалъ это разстояніе два раза въ недѣлю съ такою легкостью и быстротой, что даже пріобрѣлъ себѣ извѣстность. Вѣроятно, поэтому на его долю и выпало высшее назначеніе: его сдѣлали сотскимъ. Получивъ, въ качествѣ оффиціальнаго лица, бляху на шапку и нагрудный знакъ, онъ обзавелся еще какимъ-то жезломъ вродѣ поповской палки и сталъ неузнаваемъ. Нѣкогда скромный «бѣгунъ» пріобрѣлъ теперь особенный пошибъ, онъ перестал здороваться, снимая шапку, а прикладываетъ уже руку ко лбу совсѣмъ по-офицерски, и дѣлаетъ это не безъ граціи. Вся фигура его получила военный обликъ (насмотрѣлся на офицеровъ, когда ходилъ въ губернскій городъ за почтой) и дышетъ самодовольнымъ достоинствомъ. Однимъ словомъ, парень потерялъ голову. Нынче въ христовскую заутреню онъ пришелъ въ свою приходскую церковь и, не прошенный никѣмъ, началъ распоряжаться, толкалъ (да какъ грубо) бабъ, ребятишекъ и мужиковъ, разставляя ихъ на мѣста, и до того мѣшалъ молиться, что вызвалъ ропотъ. Къ сожалѣнію священникъ ничего этого не замѣтилъ, а то велѣлъ бы его вывести. Сдѣлайте такого дурака старшиной и онъ непремѣнно натворитъ всякихъ чудесъ и затѣетъ дѣло о сопротивленіи властямъ. Поручите ему быть сборщикомъ податей и онъ, конечно, не уступитъ тому старооскольскому сборщику, который трепалъ недоимщиковъ за бороды, толкалъ ихъ ногами въ спину и сажалъ подъ столъ, и все это только для того, чтобы показать, что это онъ можетъ сдѣлать. Должно быть, ужъ очень завлекательно показать, что я, молъ, могу то и то, что я больше тебя; и это показываніе дѣлается даже и въ такихъ случаяхъ, когда никто и не сомнѣвается, что человѣкъ больше, такъ что, казалось бы, и показывать-то нечего. Въ «Новостяхъ», напримѣръ, сообщалось, о слѣдующемъ невозможномъ случаѣ въ кишиневской губернской земской больницѣ. Молодой врачъ, г. Ч—въ (и отчего не прописана вся фамилія?), завѣдывая сифилитическою палатой, явился въ нее, чтобы сдѣлать одному больному болгарину наколы для подкожнаго впрыскиванія. Болгаринъ, подвергавшійся этой манипуляціи уже четыре раза, возропталъ и заявилъ, что онъ не можетъ ихъ больше переносить. Казалось бы, доктору оставалось только исполнить желаніе больного и не лечить его мучительнымъ способомъ. Но г. Ч — въ поступилъ такъ, какъ развѣ поступилъ бы на его мѣстѣ какой-нибудь сотскій изъ «бѣгуновъ». Докторъ приказалъ больному «не возражать». Когда же больной опять о чемъ-то заикнулся, врачъ, топнувъ ногой, приказалъ прислугѣ держать его, чтобы сдѣлать операцію силой. Видя, что дѣло становится круто, болгаринъ собралъ остатки своего послѣдняго мужества и заявилъ рѣшительно, что онъ «не желаетъ». Тогда г. Ч — въ подбѣжалъ къ больному и далъ ему звонкую пощечину. Корреспондентъ прибавляетъ, что этотъ необычайный случай (ужь будто бы необычайный?) «заставилъ городъ вспоминать и перечислять, сколько реберъ лишились больные (вѣроятно, все въ той же больницѣ), скольких безцеремоннымъ образомъ выбрасывали на улицу и проч.»

Или такой фактъ. Въ Одессѣ у мироваго судьи разсматривается дѣло по обвиненію вдовы чиновника Станиславы Хмелевской дамско-портняжескимъ цехомъ въ содержаніи «тайной мастерской». Въ качествѣ обвиняемой явилась худая, удрученная горемъ женщина, лѣтъ подъ сорокъ. Все время она горько плакала и постоянно приговаривала, что не свершила никакого преступленія. Защиту ея принялъ безденежно случившійся въ камерѣ помощникъ присяжнаго повѣреннаго г. Рейнгерцъ. Служащіе въ ремесленной управѣ, въ качествѣ обвинителей, утверждали, что въ квартирѣ обвиняемой, въ подвальномъ этажѣ, они застали Хмелевскую съ другою женщиной за иглой. Свидѣтельница г-жа Губеръ, живущая въ томъ же домѣ, показала, что Хмелевская занимается большею частью поденною работой, живетъ въ темной конуркѣ, за которую платитъ 4 руб. въ мѣсяцъ. Свидѣтельница иногда давала Хмелевской кое-какую работу; дѣвушка, которую застала ремесленная управа, приходитъ иногда къ Хмелевской просто какъ къ знакомой, вообще обвиняемая крайне нуждается. Выслушавъ обвинителей и свидѣтелей, судья призналъ Хмелевскую по суду оправданною; но, «усматривая въ дѣйствіяхъ выборныхъ должностныхъ лицъ дамско-портняжескаго цеха незаконныя дѣйствія въ томъ, что они вышли изъ предѣловъ предоставленной имъ власти, такъ какъ они не имѣютъ права нарушать неприкосновенности частныхъ квартиръ, и таковое право принадлежитъ одной лишь государственной власти въ лицѣ администраціи, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, а равно не имѣли никакого права собственною иниціативой конфисковать чужое имущество, такъ какъ таковое право предоставлено законами Россійской имперіи одной лишь судебной власти, постановилъ: о дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ дамско-портняжескаго цеха довести до свѣдѣнія г. одесскаго градоначальника для поступленія съ ними по его усмотрѣнію». Корреспондентъ говоритъ, что радѣтелей интересовъ ремесленнаго сословія этотъ приговоръ непріятно поразилъ и они ужъ вовсе не ожидали подобнаго сюрприза. То-то и ужасно, что у насъ личное насиліе можетъ примиряться съ голубиною невинностью и съ полною вѣрой въ собственную правоту. Сознательное насиліе, которое знаетъ, что оно дѣлаетъ, слѣдовательно, можетъ этого и не дѣлать, для общежитія менѣе опасно, чѣмъ та тупая глупость, при кото-

рой человѣкъ, имѣя власти на мизинецъ, считаетъ себя уже въ законномъ правѣ дѣлать, что ему вздумается, да потомъ же еще и удивляется, что его за это не гладятъ по головкѣ.

До чего можетъ доходить тупость именно этого рода, читатель можетъ убѣдиться изъ слѣдующаго факта, сообщаемаго «Астраханскимъ Справочнымъ Листкомъ».Въ одномъ изъ засѣданій городской думы въ Красномъ Яру не доставало гласнаго. Вмѣсто того чтобы объявить засѣданіе не состоявшимся, городской голова замѣнилъ двѣнадцатаго гласнаго именною печатью неграмотнаго гласнаго Шапошникова. Въ числѣ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію, былъ и вопросъ о мѣрахъ противъ искусственнаго повышенія хлѣботорговцами цѣнъ на хлѣбъ по случаю неурожая и о выборѣ почетнаго смотрителя въ городское училище. Такъ какъ голова, подъ предсѣдательствомъ котораго обсуждался вопросъ о цѣнахъ на хлѣбъ, самый крупный хлѣбный торговецъ въ Красномъ Яру, то дума постановила противъ искусственнаго повышенія цѣнъ на хлѣбъ мѣръ никакихъ не принимать. Съ именною печатью вмѣсто гласнаго прошли въ этомъ засѣданіи 7 постановленій. Но въ послѣдующее засѣданіе, когда гласные уже одумались, а, можетъ быть, запаслись и храбростью, одинъ изъ нихъ, Сергѣевъ, возбудилъ вопросъ о томъ, насколько печать можетъ замѣнить гласнаго. Разъ такое начало установилось, можно и всѣхъ гласныхъ замѣнить печатями и устраивать думскія засѣданія изъ печатей, подъ предсѣдательствомъ головы. Такъ ли мотивировалъ гласный Сергѣевъ внесенный имъ вопросъ, я не знаю и корреспондентъ ничего не говоритъ; но за то онъ съ точнѣйшею пунктуальностью сообщаетъ отвѣтъ головы на неумѣстный вопросъ Сергѣева. Голова отвѣчалъ: «Я, предсѣдатель, приказываю вамъ замолчать, а то прикажу вывести васъ вонъ!» И Сергѣевъ, какъ говоритъ корреспондентъ, «прикусилъ языкъ».

Фактъ дѣйствительно изумительный; но вопросъ, во всякомъ случаѣ, не въ томъ, что красноярскій городской голова дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ помраченія, и не въ томъ вопросъ, чтобы придти отъ этого удивительнаго факта только въ изумленіе. Мы уже тысячу лѣтъ изумляемся и, все-таки, не ушли ни на шагъ впередъ. Надо что-нибудь, наконецъ, и сдѣлать. Къ сожалѣнію, корреспондентъ не говоритъ, кончилось ли это дѣло только тѣмъ, что прикусилъ себѣ языкъ гласный Сергѣевъ, или же явились и еще какія-нибудь послѣдствія и прикусилъ языкъ городской голова. Фактъ прошелъ, во всякомъ случаѣ, для общественнаго мнѣнія незамѣтнымъ и, кромѣ «Саратовскаго Листка», его, кажется, не перепечатала ни одна газета. А если бы что-нибудь подобное случилось хотя бы въ Эйдкуненѣ, нѣмцы, конечно, зазвонили бы во всѣ колокола, и погромче, чѣмъ они звонили, когда сдѣлался пожаръ въ Вержболовѣ. Да такой голова и страшнѣе всякаго пожара, а Красный Яръ молчитъ. Вотъ какія у насъ дѣла въ деревняхъ и въ городскихъ захолустьяхъ!

Красноярскій фактъ не простой, а сложный. Когда нашъ длинноногій «бѣгунъ», превратившись въ сотскаго, усвоилъ себѣ офицерскія манеры, онъ только сталъ комиченъ. Когда, забравшись въ христовскую заутреню въ церковь, онъ сталъ разставлять въ порядкѣ бабъ, мужиковъ и ребятишекъ, онъ былъ тоже больше любопытенъ, чѣмъ опасенъ, и до сходства съ пожаромъ ему, во всякомъ случаѣ, далеко. Скажи сотскому слово священникъ или явись урядникъ—и вся его власть немедленно бы улетучилась передъ властью большей. Конечно, русская жизнь богата «изумительными» фактами изъ полицейской практики; городовые дерутся, урядники ломаются надъ сельскими учителями и учительницами и т. д., но всякій полицейскій чинъ стоитъ подъ властью еще большей власти и ея трепещетъ. Безобразія, которыя дѣлаетъ полицейскій чинъ, происходятъ больше отъ усердія (хотя не безъ примѣси иногда и погони за магарычемъ); но полиція, все-таки, не больше, какъ войско, повинующееся командѣ и потому легко перемѣняющее фронтъ. Но здѣсь не то. Здѣсь выборное лицо, представитель и охранитель общественныхъ интересовъ, олицетворяетъ ихъ въ самомъ себѣ и соединяетъ кулачество съ властью. Онъ не только приказываетъ, какъ лицо, облеченное властью, но еще и давитъ своею толстою мошной. Ему, пожалуй, и власть-то нужна только для кулачества. А двѣ такія силы, приведенныя въ гармонію, могутъ произвести чудеса и убить всякую жизнь. Толстосумство — власть и сама по себѣ сильная, что же выйдетъ, если оно еще соединится съ правомъ заставлять своихъ противниковъ молчать? И молчатъ! А кулакъ, между тѣмъ, все дальше и дальше протягиваетъ руку; а по мѣрѣ того, какъ растетъ вокругъ него бѣднота, аппетиты его растутъ и онъ, наконецъ, даже въ счетѣ процентовъ начинаетъ терять разумъ. Глазовскій корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника» разсказываетъ, что народная нужда развела въ Глазовскомъ уѣздѣ слѣдующихъ «благодѣтелей». Мужикъ, нуждающійся въ сѣменахъ, обращается къ благодѣтелю и тотъ даетъ ихъ ему «исполу». Это значитъ, что мужикъ обработаетъ землю, посѣетъ, сожнетъ, вымолотитъ и привезетъ половину урожая на дворъ благодѣтеля, который все это время только и дѣлалъ, что кулачилъ, да распивалъ чаи, и еще въ ноги кланяется при этомъ мужикъ «благодѣтелю» и благодаритъ его за милость. Какъ же тутъ не потерять послѣдній общественный смыслъ?

Въ извѣстномъ всѣмъ дѣлѣ о безпорядкахъ на морозовской фабрикѣ повторилась та же исторія, но только вызвавшая острый конецъ. Я приведу показанія самого г. Морозова, который на судѣ «отвѣчалъ даже болѣе, чѣмъ его спрашивали стороны, стараясь мотивировать свои объясненія». По словамъ г. Морозова, прошедшій годъ, а «пожалуй», и нынѣшній были для рабочихъ тяжелымъ временемъ. Спросъ на товаръ и сбытъ его сокращался, поэтому должны были уменьшиться и заработки рабочихъ. Когда торговля пошла тише, Морозовъ понизилъ плату рабочимъ на 10—15%.

Но не пониженіе платы донимало рабочихъ, а штрафы. Морозовъ говорилъ, что штрафы поступали въ пользу товарищества фабрики, въ видахъ улучшенія товара; но за то морозовская фабрика платила по 45 к., а остальные фабриканты по 35 к. На вопросъ защитника г. Шубинскаго, не уравновѣшивалась ли штрафами эта разница цѣнъ, такъ что, вырабатывая товаръ высшаго достоинства, системой штрафовъ плата за него доводилась, однако, до 35 к., Морозовъ далъ уклончивый отвѣтъ. Шоринъ, этотъ особенно довѣренный человѣкъ Морозова, раскрылъ еще болѣе фабричные порядки. По его словамъ «штрафы налагались несправедливые»; въ послѣдніе 2½ года заработная плата все болѣе и болѣе (всего разъ пять) сбавлялась, а штрафы, наоборотъ, увеличивались, «такъ что ткачамъ дѣйствительно стало не въ моготу работать». Но не виноваты въ этомъ лица, налагавшія штрафы; они исполняли лишь распоряженіе Морозова, «который самъ приказывалъ браковщикамъ штрафовать по возможности строже, причемъ нѣкоторыхъ браковщиковъ за *плохую службу* даже прогонялъ». Штрафныхъ денегъ набиралась ежегодно отъ 20 до 30 т. и среднимъ числомъ приходились по 30 до 50% съ заработка, такъ что на нихъ уходила половина задѣльной платы. Бывали случаи, что ткачъ, благодаря системѣ штрафовъ, не вырабатывалъ даже на харчи. Частыя перемѣны вырабатываемыхъ матерій, переводъ ткачей съ одного станка на другой, съ ночной на дневную смѣну мѣшали успѣху работы и ставили ткачей еще въ болѣе тяжелое положеніе. Когда штрафы по рабочей книжкѣ достигали 50%, то, чтобы не поражались (кто? ужь, конечно, не рабочій, который хорошо зналъ, что онъ не дополучитъ) количествомъ штрафовъ, «на всякій случай» такую книжку замѣняли новою. Это дѣлалось такъ: рабочаго разсчитывали фиктивно и на его книжку клали штемпель объ уничтоженіи, а черезъ день или два этотъ же рабочій какъ будто вновь поступалъ на фабрику и получалъ новую рабочую книжку. Изъ одного изъ протоколовъ, составленныхъ слѣдователемъ о заработкахъ и штрафахъ, прочитаннаго на судѣ, обнаружилось, что цѣны въ 1884 г. сравнительно съ 1881 г. были понижены по сортамъ матерій на 8, 10, 15, 20 и 25%, на одномъ же сортѣ матласе и полушерстянаго молескина была сдѣлана скидка въ 50%. Съ Пасхи же 1884 г. цѣны были еще понижены.

Это та же система «исполу», о которой пишетъ глазовскій корреспондентъ. Рабочему назначается рубль, а дается полтина, рабочій же долженъ исполнить работу на весь обѣщанный рубль. Но глазовскіе благодѣтели дѣйствуютъ «на глазомѣръ» и совсѣмъ примитивно, больше по обычаю, тогда какъ морозовское «исполу» есть вполнѣ законченная и выработанная система, сознательно обставленная даже извѣстными гарантіями. Первая гарантія заключается въ нуждѣ рабочаго, который поэтому всегда будетъ находиться во власти и что съ нимъ ни дѣлай — не уйдетъ; а вторая — въ уничтоженіи уликъ, ибо единственный свидѣтель, рабочая книжка, уничтоженъ. Примитивный глазовскій «благодѣтель»—не больше какъ обыкновенный деревенскій кулакъ, грубый и необразованный, вѣроятно, и не подозрѣвающій, что онъ дѣлаетъ, а, можетъ быть, и искренно воображающій, что онъ благодѣтельствуетъ. Здѣсь же ужь далеко не примитивность, здѣсь не только знаютъ, что дѣлаютъ, но и знаютъ, что могутъ за это отвѣчать, и потому изобрѣтаютъ способъ, чтобы отводить глаза и заметать слѣдъ. И система эта продолжалась не годъ, не два, пока рабочіе не увидѣли, что они совсѣмъ приперты къ стѣнѣ. «Современныя Извѣстія» совершенно вѣрно объясняютъ морозовское дѣло (и вся наша печать поняла и объяснила его вѣрно, кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей»), какъ простое желаніе рабочихъ обратить на свое положеніе вниманіе начальства. «Они желали, — говоритъ газета, — правительственнаго вмѣшательства въ ихъ отношенія къ фабриканту, чувствуя себя опутанными и не умѣя найти своего права; требовали опредѣленія своихъ обязанностей по государственному уставу, призывали «государственный контроль»... Рабочіе чувствовали себя обиженными въ простомъ, обычномъ, законномъ правѣ и обратились къ власти за огражденіемъ. Путь они избрали незаконный,—замѣчаетъ газета,—но они могли бы сказать, что другаго имъ не остается. Въ самомъ дѣлѣ, къ кому бы они пошли? Къ исправнику? Къ мировому судьѣ? Начали бы дѣло споромъ? Но такой поступокъ относительно законности немногимъ бы отличался отъ того, что было ими учинено». Въ заключеніе газета указываетъ на необходимость измѣнить кое-что въ фабричныхъ отношеніяхъ и говоритъ, что, по газетнымъ слухамъ, фабричный проектъ уже и составленъ.

И заликуетъ же фабричный рабочій, узнавъ, что законъ взялъ его подъ свою защиту! Когда-то очередь ликованья дойдетъ и до деревенскаго мужика и законъ защититъ его, наконецъ, отъ кулака? А этой «власти» развелось у насъ ужь слишкомъ много.

XIII.

Вятскій корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника» пишетъ, что въ Вяткѣ наступилъ вполнѣ «мертвый сезонъ». Вѣроятно, то же самое повторяется и не въ одной Вяткѣ. Мертвымъ сезономъ считается въ городахъ лѣтняя пора, когда городскіе обыватели не знаютъ, куда имъ дѣться отъ скуки, пыли и жары, и мечтаютъ о счастливой деревнѣ, ея зеленыхъ лугахъ, поляхъ, о любви на лонѣ природы. А «счастливая деревня» переживаетъ въ этотъ «мертвый сезонъ» страду: она коситъ и жнетъ, печется на солнцѣ съ его восхода до заката и мечтаетъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣе кон-

чилась эта каторжная работа да не помѣшали бы дожди. Даже никакихъ надеждъ на урожай не питаетъ въ страду мужикъ, до того ему много работы. Да и зачѣмъ мужику урожай?

Князь Мещерскій («Гражданинъ») имѣлъ недавно разговоръ объ урожаѣ съ однимъ изъ свѣдущихъ людей.

«— Урожай будетъ, а затѣмъ?—спрашиваетъ князь.

«— А затѣмъ ничего, — отвѣчаетъ свѣдущій человѣкъ.

«— Какъ ничего?

«— А такъ ничего... цѣнъ на хлѣбъ не имѣется и не будетъ, и больше ничего.

«— Но, вѣдь, есть мѣстности Россіи, гдѣ спросъ на хлѣбъ очень значительный; значитъ, туда и сбывайте хлѣбъ»,—сказалъ князь Мещерскій.

Свѣдущій человѣкъ посмотрѣлъ на князя Мещерскаго взглядомъ добродушнаго сожалѣнія и отвѣтилъ:

«— Вотъ и видно, что вы живете въ Петербургѣ: въ Россіи доставить хлѣбъ изъ одной губерніи въ другую труднѣе чѣмъ доставить хлѣбъ изъ той же губерніи въ Америку.»

«— Не можетъ быть! — сказалъ изумленный князь.

«—А вотъ попробуйте! Желѣзныя дороги существуютъ у насъ не какъ пути сообщенія для оборотовъ нашей экономической жизни, а какъ отдѣльныя предпріятія, чтобы какъ можно больше нажить и какъ можно меньше издержать. Поэтому движеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ сообразуется не съ экономическими нуждами, а съ заранѣе составленными росписаніями».

Можетъ быть, никакого подобнаго разговора у князя Мещерскаго съ свѣдущимъ человѣкомъ и не происходило, но князь старый боевой конь; онъ не можетъ не ржать и не брыкаться. На этотъ разъ князь Мещерскій сдѣлалъ козломъ отпущенія желѣзныя дороги, тогда какъ козла нужно искать въ другомъ мѣстѣ. Что желѣзныя дороги производятъ въ нашей экономической жизни не малую путанницу, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но что не онѣ виноваты въ томъ, что для мужика урожай иногда хуже неурожая, —это тоже не подлежитъ сомнѣнію. Если мужикъ бралъ хлѣбъ на сѣмена и на продовольствіе по неурожайной цѣнѣ въ 1 руб., то при урожаѣ и цѣнѣ въ 50 коп. онъ долженъ будетъ продавать хлѣбъ вдвое, точно также вдвое онъ долженъ продать хлѣба, чтобы уплатить подати, земскіе сборы и недоимки. Сколько же останется теперь у мужика отъ его урожая, въ особенности если цѣны упадутъ, какъ это было въ 1860 году? Тогда въ Ригѣ давали 35 коп. за пудъ. Если это случится и нынче, то въ западномъ краѣ, тяготѣющемъ къ Ригѣ, гдѣ (т.-е. въ западномъ краѣ) цѣна ржи обыкновенно 65—75 коп., хлѣбъ будетъ продаваться на мѣстѣ копѣекъ за 25, а въ средней хлѣбной полосѣ, гдѣ рожь и обыкновенно по 40 коп., она будетъ продаваться дешевле 20 к. Отъ такого урожая пойдешь съ сумою по міру и, пожалуй, придется прекратить платежи. Положимъ, что желѣзныя дороги у насъ предпріятія «самостоятельныя», какъ выражается князь Мещерскій, но если бы они стали возить хлѣбъ даже даромъ, то изъ этого тоже ничего бы не вышло. Дѣло не въ желѣзныхъ, дорогахъ а въ томъ, что нашъ землевладѣлецъ запутался въ неисходныхъ долгахъ и что ему изъ нихъ ни за что не выкрутиться. Мужикъ всегда долженъ: и при урожаѣ, и при неурожаѣ. Осенью онъ беретъ въ долгъ сѣмена, потому что сѣять нечего; съ декабря начнетъ забирать хлѣбъ, потому что ѣсть нечего; потомъ у него продадутъ корову за недоимки, а тамъ опять осень и опять сѣять нечего, и пошла повторяться эта нескончаемая сказка про бѣлаго бычка, когда при неурожаѣ мужикъ дѣлаетъ долги, а при урожаѣ отдаетъ ихъ двойнымъ количествомъ продукта (по цѣнамъ какія стоятъ) и затѣмъ остается одинаково ни съ чѣмъ.

Очень жаль, что князь Мещерскій черпаетъ познанія о дѣлахъ своего отечества изъ такого некомпетентнаго источника, какъ «свѣдущіе люди». Если бы онъ прочелъ *Отчетъ одесскаго комитета торговли мануфактуръ за 1885 г.*, то убѣдился бы, что съ нашими желѣзными дорогами жить еще можно, да и бѣда, которую онѣ вносятъ, поправимая, а вотъ съ неурядицей и общими причинами ее создающими, дѣло стоитъ туго и, должно быть, еще долго урожай не будетъ у насъ отличаться отъ неурожая. Въ 1885 году шелъ изъ нашихъ южныхъ портовъ сильный вывозъ хлѣба и цѣна на него упала настолько, что выручка отъ продажи не отвѣчала стоимости. Однимъ словомъ, чтобы земледѣлецъ или производитель могъ получить то, что получалъ ранѣе, ему приходилось отдавать гораздо больше хлѣба. Противъ 1884 года русскій земледѣлецъ не довыручилъ 12 милл. рублей, а заграничный потребитель получилъ излишекъ одесскаго вывоза почти на 60 процентовъ дешевле (конечно, этому помогъ и нашъ злополучный курсъ). Съ этимъ бы еще можно помириться, если бы усиленный вывозъ былъ вызванъ увеличеніемъ запашекъ и изобильнымъ урожаемъ, но именно этого-то и не было. «Урожай 1885 года въ противоположность 1884 г., — говоритъ отчетъ, — былъ для губерній, составляющихъ сельско-хозяйственный одесскій районъ, неудовлетворительнымъ». Въ 120 волостяхъ Херсонской губерніи крестьяне въ концѣ 1885 года просили ссуду на обсѣмененіе полей, «несмотря на то, что на населеніи и безъ того лежитъ огромный долгъ губернскому и правительственному продовольственнымъ капиталамъ и существуютъ огромныя недоимки сельскимъ продовольственнымъ запасамъ, всюду уже разобраннымъ». Ясно, значитъ, что для уравновѣшенія нашего внѣшняго торговаго баланса «понадобилось урвать кусокъ насущнаго хлѣба изъ рукъ земледѣльца и работника», а что это былъ дѣйствительно кусокъ урванный, отчетъ подтверждаетъ общимъ замѣчаніемъ, что «плохое сельско-хозяйственное положеніе въ теченіе прежнихъ лѣтъ отозвалось въ 1885 году во многихъ мѣстахъ

Россіи, особенно въ ея юго-восточныхъ губерніяхъ, именно сокращеніемъ запашекъ», а въ частности ссылкой на Подольскую губернію, въ которой наемныя цѣны на землю понизились, чего бы не случилось, если бы населеніе расширяло запашки.

Всѣ эти факты и заключенія я беру изъ «Одесскаго Вѣстника», газеты уже потому компетентной въ подобныхъ вопросахъ, что она находится у ихъ источника. Замѣчаніями той же газеты я пользуюсь по поводу только что вышедшей въ Одессѣ брошюры г. Рандича: Aperçu commercial sur la production céréale dans la Russie Meridionale. Г. Рандичъ—коммерсантъ, давно извѣстный Одессѣ и хорошо знающій хлѣбную торговлю южной Россіи. По разсчетамъ г. Рандича, хлѣбные запасы южной Россіи послѣдней жатвы всѣ исчерпаны и теперь приходится ждать будущей жатвы, которая можетъ сдѣлаться предметомъ вывоза не раньше, какъ въ концѣ сентября. Поэтому странамъ-потребительницамъ придется въ этомъ году обратиться въ Америку или Индію, чтобы купить хлѣбъ, который Россія имъ дать не можетъ. Что же касается будущаго урожая, то можно надѣяться, что онъ дастъ до 15 милліоновъ четвертей, т.-е. то количество, которое вывозилось ежегодно изъ нашихъ южныхъ портовъ. Въ настоящее же время и высокія цѣны, предлагаемыя покупателями, не оживятъ вывоза, потому что вывозить почти нечего. Въ такомъ оскудѣніи хлѣбныхъ запасовъ г. Рандичъ видитъ очень благопріятное для Россіи обстоятельство. Во-первыхъ, онъ видитъ въ этомъ доказательство развитія въ Россіи хлѣбопашества, а затѣмъ старается успокоить насчетъ и Америки. Америка оказывается не особенно опасной намъ потому, что вслѣдствіе высоты размѣннаго курса и удешевленія морскаго фрахта мы имѣемъ 30%, такъ сказать, аванса, составляющаго барышъ нашего производителя сравнительно съ заграничнымъ, и потому намъ не только не страшны американцы, но мы можемъ еще и развивать свое производство, несмотря на низкія цѣны на европейскихъ рынкахъ. На низкія цѣны раздаются жалобы отовсюду — со стороны земства, производителей, коммиссіонеровъ и все-таки, какъ увѣряетъ г. Рандичъ, земледѣліе въ Россіи забираетъ все болѣе и болѣе широкое пространство. А это происходитъ вотъ отъ какихъ причинъ: во-первыхъ, съ 1861 года наше рабочее населеніе увеличилось почти вдвое, во-вторыхъ, крестьянскій и дворянскій банки должны несомнѣнно вліять на развитіе земледѣлія, а, въ-третьихъ, русскій народъ, по словамъ г. Рандича, издавна привыкъ къ земледѣлію и, при настоящихъ экономическихъ условіяхъ, то-есть при отсутствіи капитала, знаній и предпріимчивости, ничѣмъ инымъ и заниматься не можетъ.

Высказывая все это, г. Рандичъ имѣлъ хорошія намѣренія и во всякомъ случаѣ желалъ сказать Россіи что-нибудь пріятное и успокоительное. Но именно этого-то и не получилось. Оказывается, что намъ нечего бояться соперничества Америки, Индіи, Австраліи, Турціи, Персіи и всякихъ другихъ производителей хлѣба, потому что разстроены государственные финансы и рубль стоитъ низко, что нашъ мужикъ не развитъ, не знаетъ ничего, кромѣ земледѣлія, не имѣетъ никакихъ человѣческихъ потребностей и можетъ жить въ земляной норѣ и питаться глиной, что у насъ, наконецъ, нѣтъ ни капиталовъ, ни знаній, ни предпріимчивости. Если такою цѣной покупать себѣ мѣсто на международномъ хлѣбномъ рынкѣ, то лучше уже совсѣмъ отказаться отъ этого рынка и самимъ съѣдать свой хлѣбъ, а не сидѣть, какъ теперь, впроголодь, отнимая отъ мужика послѣднее зерно, чтобы везти его за-границу! Ну, а если наши финансы поправятся, если у крестьянина разовьются человѣческія потребности, если ему не будетъ нужды продавать кулакамъ и скупщикамъ свой послѣдній хлѣбъ, чтобы покрыть подати, если у насъ явятся капиталы, знаніе и предпріимчивость? Или ничего этого не нужно и пока мы находимся въ теперешнемъ денежномъ безсиліи, намъ не нужны ни человѣческія потребности, ни образованіе, ни знаніе, ибо только путемъ всяческихъ безсилій и сохраненіемъ звѣринаго образа мы сохраняемъ себѣ и мѣсто въ природѣ? Едва ли это такъ, г. Рандичъ. А какъ же? Вотъ этого-то у насъ никто не знаетъ.

И «Московскія Вѣдомости» не отрицаютъ фактовъ, которыхъ и нельзя отрицать. Корреспондентъ этой газеты пишетъ, что въ Приволжьи хотя и ожидается хорошій урожай, но онъ никого не веселитъ, какъ это бывало прежде, а, напротивъ, вызываетъ заботы о томъ, гдѣ добыть денегъ, чтобы справиться съ уборкой. Да и что дѣлать съ хлѣбомъ, который, какъ будто, сталъ никому не нуженъ? «Благословенный» приволжскій край еще не забылъ 1884 года, когда цѣна на хлѣбъ упала до того, что не окупала провоза. Въ Бузулукѣ было нѣсколько такихъ случаевъ, когда казакъ на наемной подводѣ привозитъ въ городъ хлѣбъ, а за хлѣбъ даютъ цѣну ниже провоза и хозяинъ бѣжитъ тайкомъ, оставляя хлѣбъ возщику, и возвращается домой безъ хлѣба и безъ денегъ. Тутъ призадумаешься, какъ быть и какъ жить, если и нынче Богъ наградитъ такимъ же годомъ. И въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлать? Въ той мѣстности, гдѣ я живу, и землевладѣльцы, и земледѣльцы задаются тѣмъ же вопросомъ и боятся будущихъ цѣнъ. Корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» говоритъ, что въ его мѣстности «прислушиваются съ большимъ интересомъ ко всѣмъ извѣстіямъ о томъ, что земство или частныя лица принимаются, наконецъ, за устройство хлѣбныхъ складовъ и что государственный банкъ будетъ выдавать ссуды подъ хлѣбъ на условіяхъ, не похожихъ на существующія нынѣ». Будутъ ли новыя условія похожи на существующія или не будутъ на нихъ похожи, это рѣшительно все равно. Если корреспонденту, вторящему въ тонъ «Московскихъ Вѣдомостей», нужно было изобразить дѣйствительное положеніе Поволжья лишь для того, чтобы пустить стрѣлу по направленію теперешняго министра финансовъ, то онъ промахнулся и попалъ только въ себя. Корреспондентъ не пишетъ, въ какой онъ живетъ

мѣстности (можетъ быть, онъ это и пишетъ, но я пользуюсь выпиской «Саратовскаго Листка», въ которой этого не сказано); если онъ живетъ подъ Самарой или подъ Саратовымъ и думаетъ о ссудѣ изъ государственнаго банка только для себя, то останутся ли условія ссуды существующія или будутъ другія, для русской деревенской громады, живущей вдали отъ городовъ и продающей свой хлѣбъ скупщикамъ, чтобы расквитаться со всякими платежами, это совсѣмъ все равно. Задорожной и задолжавшей Россіи не будетъ легче оттого, что корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» получитъ выгодную ссуду подъ залогъ своего хлѣба. Хороши только тѣ мѣры, которыя помогаютъ деревнѣ, ибо лишь она изображаетъ собою тѣхъ трехъ неподвижныхъ китовъ, на которыхъ покоится все благополучіе Россіи. Изъ южныхъ портовъ идетъ за границу отъ 15 до 17 милліоновъ четвертей ежегодно. Хотѣлось бы знать, сколько въ этихъ милліонахъ четвертей хлѣбныхъ зеренъ г. корреспондента, желающаго получить ссуду «на условіяхъ, не похожихъ на существующія»? Все громадное количество хлѣба, которое мы отпускаемъ изъ южныхъ портовъ и отправляемъ въ Либаву и Кенигсбергъ, создается почти исключительно трудомъ деревни и составляется изъ милліонныхъ мелочныхъ партій, продаваемыхъ въ одиночку крестьянами скупщикамъ, факторамъ, маклакамъ и купцамъ. Чѣмъ же помогутъ этой массѣ отдѣльныхъ производителей ссуды изъ государственнаго банка такимъ отдѣльнымъ лицамъ, какъ корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей»? Поднимутъ ли они деревенскую цѣну хлѣба, когда мужикъ спѣшитъ продать его на уплату недоимокъ, податей и долговъ? Превратятъ ли они урожай въ радостное событіе для мужика, сулящее ему раздѣлаться съ долгами и отдохнуть отъ вѣчной проголоди и вѣчныхъ недоимокъ? Конечно, нѣтъ. Что же дѣлать, чтобы урожай походилъ, наконецъ, на урожай и отличался бы чѣмъ-нибудь отъ неурожая?

Этотъ-то вопросъ объ урожаѣ и неурожаѣ и составляетъ нашъ главный вопросъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, и каждый разрѣшаетъ его по своему или какъ Богъ положилъ кому на душу. Князь Мещерскій съ знающимъ человѣкомъ свели его къ высокимъ тарифамъ желѣзныхъ дорогъ, и нельзя сказать, чтобы они не имѣли на это никакого основанія. По словамъ «Южанина», на николаевскомъ хлѣбномъ рынкѣ держится упорный слухъ, что, въ виду предстоящихъ большихъ отправокъ по Днѣпру, Днѣстру и Бугу къ Одессѣ и Николаеву, русское общество пароходства и частные пароходовладѣльцы Анатра и Ратнеръ рѣшили покончить бывшую между ними конкурренцію и поровну полакомиться жатвой урожайнаго года. Въ виду этого ожидаютъ сильнаго повышенія фрахтовъ по притокамъ Чернаго моря. Какая же бѣда, что повысится фрахтъ и что пароходчики возьмутъ съ хлѣбныхъ торговцевъ дороже за провозъ? Барышъ купцовъ уйдетъ къ пароходчикамъ, и только. Но есть въ природѣ такой особенный законъ, по которому всегда и во всемъ виноватъ мужикъ. Такъ случилось и тутъ. И что всего удивительнѣе, что фрахтъ еще не повышенъ, какой онъ будетъ — никому неизвѣстно, а уже поговариваютъ, что скупщики объявятъ на хлѣбъ такія цѣны, чтобы мужикъ заплатилъ ихъ будущіе риски за повышенный фрахтъ. Это новый налогъ на мужика за то, что его посѣтилъ урожай, и если пароходовладѣльцы захотятъ еще устроить стачку съ скупщиками, то они возмогутъ снять съ мужика и послѣднюю рубашку... И при всемъ томъ фрахтомъ и желѣзно-дорожными тарифами вопросъ объ урожаѣ и неурожаѣ вполнѣ не разрѣшается, почему и предлагаются еще и другія разрѣшенія. Напримѣръ, поволжскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» думаетъ, что неурожаи въ Россіи сейчасъ же прекратятся, какъ только гдѣ-то тамъ на Волгѣ будутъ устроены хлѣбные склады, а государственный банкъ будетъ выдавать частнымъ лицамъ ссуды «на условіяхъ, не похожихъ на существующія». Г-жа Пиккеръ думаетъ, что неурожаи исчезнутъ, и въ Россіи воцарится полная гармонія между человѣкомъ и природой, ставшей теперь мачихой, если «воскресить все болѣе исчезающій, по общему мнѣнію (?), образъ умной женщины, исполненный граціи и женственности» (г-жа Пиккеръ, бывшая начальница женской гимназіи въ Одессѣ, развила эту мысль въ брошюрѣ: *О мѣрахъ для надзора за учащимися женскихъ гимназій*, а учебное начальство разослало произведеніе г-жи Пиккеръ по округу. См. *Внутреннее обозрѣніе* іюльской книги «Русской Мысли»). Кабатчики думаютъ, что вопросъ объ урожаѣ будетъ разрѣшенъ радикально, если уничтожить акцизное управленіе и предоставить кабатчикамъ свободную безпатентную торговлю. Въ томъ же родѣ думаютъ и наши фабриканты, мануфактуристы, желѣзозаводчики и купцы, преимущественно московскіе. Они желаютъ возстановить внутреннія заставы (отмѣненныя императрицею Елисаветой Петровной въ 1754 г.), отдѣлить Привислинскій край таможенною линіей и ввести на заграничныя издѣлія запретительную пошлину. Нолинское земство (Вятской губ.) предполагаетъ достигнуть въ своемъ уѣздѣ урожаевъ закрытіемъ 14 школъ (и вѣроятно, что урожаи въ Нолинскомъ уѣздѣ уже давно бы и явились, если бы губернаторъ не опротестовалъ этого постановленія экстреннаго собранія, отложивъ рѣшеніе вопроса до очереднаго собранія въ октябрѣ). «Кіевлянинъ» (и еще нѣкоторыя провинціальныя и столичныя газеты) думаетъ, что для обезпеченія урожаевъ нужно искоренить «жида», и т. д.

И въ то время, какъ всѣ эти партизанскіе голоса шумно, развязно, авторитетно, но въ разбросъ и между собою не соглашаясь, разрѣшаютъ вопросъ объ урожаѣ и неурожаѣ въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ, въ брошюрахъ и книгахъ, народная громада безъ шуму и безъ газетныхъ публикацій двигается стихійно, перемѣняя свое мѣсто, точно морской приливъ и отливъ, подчиняясь тому же закону, который двигаетъ и тучами саранчи. Это тоже «шкурный» вопросъ, но шкурный вопросъ не единицъ, мечтающихъ о ссудахъ изъ государ-

ственнаго банка только для себя, а шкурный вопросъ массъ. Обыкновенно говорятъ, что народная масса дѣйствуетъ инстинктивно. Какой тутъ инстинктъ, когда каждый изъ этой массы очень хорошо знаетъ, что ему нужно, что онъ дѣлаетъ и для чего онъ дѣлаетъ? «Инстинктъ»—просто риторическая фигура, которую употребляютъ, чтобы показать, что приходится имѣть дѣло съ силой, и очень большою силой,—съ силой, которую не скоро сдвинешь съ мѣста, да и не скоро остановишь, если она двинулась. А теперь мы и переживаемъ именно такое время, когда русскій ледникъ, тысячу лѣтъ лежавшій на одномъ мѣстѣ, вдругъ подталлъ, зашевелился и, наконецъ, сошелъ съ своего мѣста. Движеніе это началось сейчасъ же послѣ освобожденія; но первое время ледникъ только подтаивалъ, теперь же онъ двинулся. Но не въ этомъ сущность вопроса. Сущность въ перемѣнѣ «идеи», заправлявшей движеніемъ прежде и заправляющей имъ теперь. Прежде мужикъ больше мечталъ и жилъ въ области сказочной фантазіи о новомъ надѣлѣ земли и объ общемъ передѣлѣ, который, наконецъ, долженъ непремѣнно наступить. И вотъ мужикъ все ждалъ этой счастливой минуты; ждалъ, что откуда-то придетъ какая-то сила и устроитъ все мужику, уведетъ его въ землю ханаанскую и посадитъ на новое хорошее мѣсто. Въ этихъ мечтахъ и упованіяхъ сказывалась старая традиціонная привычка мужика разсчитывать на внѣшнюю власть. Съ учрежденіемъ крестьянскаго банка мужикъ сталъ думать иначе. Теперь онъ не фантазируетъ, не мечтаетъ, не смотритъ на небо съ разинутымъ ртомъ, ожидая, вотъ-вотъ явится рогъ изобилія и посыплются изъ него земныя блага. Мужикъ понялъ, что на землѣ нужно жить какъ на землѣ, что нужно быть самому своимъ хозяиномъ, самому создавать себѣ новое и лучшее положеніе. Можетъ быть, мужикъ въ цѣлой массѣ это еще и не совсѣмъ понялъ, но несомнѣнно, что онъ это начинаетъ понимать, понемногу начинаетъ разставаться съ своею былою безпомощностью, становится на свои собственныя ноги и, вмѣсто того, чтобы только мечтать о землѣ, которую ему кто-то долженъ надѣлить, идетъ въ банкъ, беретъ оттуда ссуду и покупаетъ землю себѣ самъ. Это очень важный переломъ въ идейной жизни мужика.

Переходное время, которое мы переживаемъ, однако же, успѣетъ всѣхъ насъ съѣсть, прежде чѣмъ громада, двинувшаяся съ мѣста, чтобы создать себѣ новый укладъ, не осядетъ, не установится въ своемъ широкомъ движеніи и снова не создастъ себѣ пуповины взамѣнъ разорванной освобожденіемъ. И пока самъ народъ не найдетъ своего мѣста въ природѣ, всѣмъ тѣмъ, кто не народъ, кто не двигается съ нимъ, повинуясь тому же толчку, останется только наблюдать, какъ вся эта громадная масса копошится и движется, то хлынетъ въ одну сторону, то отольетъ; идетъ то волной, то въ одиночку, постоянно отдаваясь одной мысли, одному повелѣвающему волевому чувству—упокоиться и осѣсть для болѣе спокойнаго и обезпеченнаго матеріальнаго существованія.

Теперь деревня отыскиваетъ новые устои пока еще прадѣдовскимъ способомъ и для установленія новаго равновѣсія новаго средства не нашла. При прадѣдахъ человѣкъ, искавшій воли, уходилъ въ казаки, а кому была нужна земля—искалъ новаго мѣста и распахивалъ новину. Хлѣбъ давалъ Богъ и человѣкъ въ это божеское дѣло не вмѣшивался. И теперь еще мужикъ въ цѣлой своей массѣ думаетъ по-прадѣдовски и видитъ спасеніе въ одномъ передвиженіи.

«Саратовскій Листокъ», сравнивая надѣлы нашихъ крестьянъ съ тѣмъ, что имѣетъ народъ за границей, замѣчаетъ совершенно справедливо, что «въ Россіи, по условіямъ ея культуры, имѣетъ громадное значеніе размѣръ участковъ, принадлежащихъ крестьянамъ». И въ самомъ дѣлѣ, за границей нерѣдко все владѣніе крестьянской семьи ограничивается шестью акрами (2 дес. 960 саж.), съ которыми легко управляется домохозяинъ при помощи жены и малолѣтнихъ членовъ своего семейства, и живетъ вполнѣ обезпеченно. Тогда какъ у насъ даже надѣлъ въ 3—4½ дес. на душу или отъ 9—13½ десятинъ семью держитъ впроголодь и заставляетъ искать спасенія въ переселеніи. Есть, правда, и у насъ группы населенія, находящіяся въ лучшихъ культурныхъ условіяхъ, которыхъ хозяйство подходитъ къ заграничному. Такъ, по наблюденіямъ г. Абрамова («Недѣля», № 27), у нѣмцевъ-колонистовъ Петербургскаго уѣзда земледѣліе поставлено очень высоко. Система полеводства у нихъ одиннадцати и четырнадцати-польная. Въ видѣ удобренія употребляются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ петербургскія нечистоты, и земледѣліе даетъ нѣмцамъ значительный доходъ. Каждый дворъ сбываетъ въ Петербургъ на нѣсколько сотъ рублей сѣна, получаемаго съ искусственныхъ луговъ. Такіе же хорошіе заработки получаются отъ сбыта овса, картофеля и молочныхъ продуктовъ. Изъ промысловъ преобладаютъ такіе, которые не отвлекаютъ населеніе отъ домовъ и занимаютъ руки всей семьи,—молочный, огородный, дачный. Общая сумма доходовъ нѣмца-колониста до 800 руб., да столько же отъ земледѣлія. Нѣмцы представляютъ наиболѣе образованную часть подстоличнаго населенія. Нѣмецкую грамоту они знаютъ поголовно, но и съ русскою грамотой знакомы три четверти населенія колоній; молодежь же, и, притомъ, обоего пола, поголовно владѣетъ нѣмецкою и русскою грамотой. Общій умственный уровень колонистовъ весьма высокъ, въ чемъ легко убѣдиться,—говоритъ г. Абрамовъ,—какъ изъ бесѣдъ съ ними, такъ и въ особенности присматриваясь къ общему строю ихъ хозяйства. Нѣмецъ не только сознательно относится ко всѣмъ подробностямъ своего хозяйства, но и составляетъ планъ своимъ работамъ на цѣлый годъ и въ точности его выполняетъ. Многіе ведутъ тщательныя хозяйственныя записи. За всѣми улучшеніями въ хозяйствѣ сосѣдей они слѣдятъ внимательно и все возможное примѣняютъ у себя. Нѣкоторые выписываютъ сельско-хозяйственныя изданія и пользуются

всѣми подходящими нововведеніями. Съ внѣшней стороны жизнь въ колоніяхъ обставлена вполнѣ хорошо и удобно. Улицы поражаютъ чистотой и та же чистота на дворахъ и въ домахъ. Дома удобные, просторные, съ украшеніями извнѣ и съ городскою обстановкой внутри. Работая въ будни, какъ истый земледѣлецъ или чернорабочій, нѣмецъ праздникъ проводитъ бариномъ, со всѣми удобствами цивилизованной жизни. Праздничные костюмы нѣмцевъ красивы и даже роскошны, будничные—крѣпки и удобны. Питается нѣмецъ такъ хорошо, какъ развѣ только самая небольшая часть столичнаго населенія. По наблюденію г. Абрамова, петербургскіе колонисты представляютъ расу крѣпкую, могучую. Заболѣетъ нѣмецъ, къ его услугамъ врачъ, содержимый колонистами на свой счетъ. На свой же счетъ содержатъ школы всѣ колоніи, имѣющія болѣе 10 дворовъ.

Если г. Абрамовъ расписалъ бытъ петербургскихъ колонистовъ даже болѣе яркими красками, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, и если бы русскій земледѣлецъ могъ успокоиться даже на половинѣ нѣмецкаго благополучія, то и этого половиннаго идеала нашъ мужикъ едва ли бы достигъ однимъ передвиженіемъ. Поэтому-то «Саратовскій Листокъ» и замѣчаетъ, что «истинными благодѣтелями народа будутъ тѣ, кто въ связи съ развитіемъ народныхъ школъ научитъ хоть часть нашего крестьянскаго населенія обходиться по возможности своими надѣлами, вести на нихъ прибыльное и обезпечивающее его нужды хозяйство и обращать вниманіе не на обширность, а на качество полей». Замѣчаніе вполнѣ вѣрное; но только кто и какъ этому научитъ и откуда явится подобный благодѣтель? Въ отдѣльности и теперь есть русскіе крестьяне, которые завели травосѣяніе (клеверъ), молотилки и вѣялки; но въ цѣломъ народъ пока видитъ свое спасеніе только въ «новыхъ мѣстахъ», и, можетъ быть, онъ въ этомъ несовсѣмъ неправъ. Передвигаясь (и особенно вдаль), крестьянинъ уходитъ не только на лучшую землю, но думаетъ спастись еще (а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ спасается) отъ «среды», отъ условій и обстоятельствъ, съ которыми онъ безсиленъ бороться. Мужикъ думаетъ, что «на новомъ мѣстѣ» онъ найдетъ и новые порядки, потому что съ порядками стараго мѣста ему никакъ не справиться. Тутъ борись, не борись, а ничего не подѣлаешь. Вотъ почему мужикъ и ищетъ спасенія въ переселеніи.

Какого рода эта борьба и какъ она трудна даже только въ области одного крестьянскаго хозяйства, читатель увидитъ изъ слѣдующаго. Самарскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» говоритъ, что убиваніе зачумленнаго скота и изолированіе здороваго давно уже рѣшено самарскимъ земствомъ въ положительномъ смыслѣ; но убиваніемъ скота не измѣнишь условій почвы, воды и содержанія скота. Крестьянскій скотъ въ Самарской губерніи постоянно мельчаетъ и вырождается отъ недостатка пастбищъ, сѣнокосовъ и отъ сквернаго питанія. Лошади падаютъ нерѣдко во время самыхъ полевыхъ работъ отъ истощенія и изнуренія; даже мелкій скотъ, какъ овцы и свиньи, на который не распространяются «чумныя правила», мретъ ежегодно все болѣе и болѣе, и районъ его смертности все расширяется. Крестьяне говорятъ, что скотъ падаетъ не отъ чумы, а «отъ оспы», «отъ дурнаго корма», «плохаго ухода» и т. д. Крестьяне очень хорошо понимаютъ, насколько невыгодно для хозяйства, что лошадь работаетъ вмѣсто 20 лѣтъ только 10 или 15, что корова къ веснѣ едва волочитъ ноги, а овцы вмѣсто 10—15 фунтовъ шерсти даютъ 2—3 фунта. Крестьяне 20 селеній Бугурусланскаго уѣзда въ послѣднія 20 лѣтъ принимались не разъ за улучшеніе мѣстной породы лошадей и покупали заводскихъ жеребцовъ, но изъ этого ничего не вышло. Какъ ни береги хорошую лошадь, а татары-конокрады непремѣнно ее украдутъ. Пытались крестьяне разводить и хорошихъ овецъ, да только пасти ихъ не на чемъ. А тутъ въ послѣднее десятилѣтіе и урожаи хлѣба стали гораздо меньше и упала цѣна на хлѣбъ, а, между тѣмъ, подати и налоги возрасли. И вотъ ежегодно великимъ постомъ, когда нужно «справлять подати», гуртовщики и скупщики разъѣзжаютъ по деревнямъ стаями и скупаютъ овецъ, крестьяне же, которымъ во что бы то ни стало нужно вывернуться изъ нужды, рады этимъ дорогимъ гостямъ. «Дорогіе гости», конечно, знаютъ хорошо свое дѣло. Они строго сортируютъ овецъ, берутъ только лучшихъ и цѣну даютъ возможно низкую. Въ 1885 году въ одномъ только селеніи Алпаевѣ, Бугурусланскаго уѣзда, казанскіе купцы закупили постомъ 450 овецъ, по 3 руб. за овцу. Послѣдствіемъ этого «выборнаго» порядка является вырожденіе овецъ, а чего не успѣютъ сдѣлать гуртовщики и скупщики, то докончатъ эпизоотіи, конокрады и волки. Въ Самарскомъ, Ставропольскомъ, Бузулукскомъ и Бугурусланскомъ уѣздахъ пало въ послѣднее десятилѣтіе одного рогатаго скота 235,858 головъ, да лошадей, овецъ и свиней около 80,000. Конокрады только въ послѣдніе два года украли въ тѣхъ же уѣздахъ 5,690 лошадей, 54 коровы, 196 овецъ и 14 жеребятъ. Волки съѣли въ теченіе того же времени въ Ставропольскомъ, Самарскомъ и Бузулукскомъ уѣздахъ 12,971 штуку разнаго мелкаго скота.

Что же тутъ дѣлать мужику? Онъ отлично знаетъ, что у него нѣтъ корму для скота (да еще бы и не знать этого, когда у него на самой пашнѣ во время работы умираетъ лошадь отъ голоду!); знаетъ онъ, что скупщики выбираютъ лучшихъ овецъ, а цѣну даютъ самую низкую; знаетъ онъ, что конокрады уводятъ у него лучшую лошадь и что волки растаскиваютъ мелкій скотъ,—все это онъ знаетъ, потому что все это дѣлается на его глазахъ, да силы-то у него нѣтъ никакой ни противъ волковъ, ни противъ конокрадовъ, ни противъ скупщиковъ, и мужикъ побрелъ «на новыя мѣста».

Этимъ спасительнымъ дѣломъ мужикъ занимается въ такую жаркую и пыльную пору, которую горожане зовутъ «мертвымъ сезономъ». Но для му-

жика это самый «живой» сезонъ; онъ тутъ пашетъ, сѣетъ, коситъ, жнетъ, ползетъ на новыя мѣста, вообще обнаруживаетъ самую кипучую дѣятельность и живетъ на всѣхъ парахъ. Такъ какъ городская жизнь теперь совсѣмъ затихаетъ и отражать въ ней нечего, то и газеты теряютъ свой городской оттѣнокъ и начинаютъ уподобляться камеръ-обскурѣ (я говорю преимущественно о столичныхъ газетахъ), не совсѣмъ ясно и полно отражающей слишкомъ далеко лежащее отъ нея лоно природы и копошащееся на немъ, какъ муравьи, деревенское рабочее населеніе. Въ многосложной, запутанной и малоизвѣстной жизни деревни подробности ея внутренняго міра совсѣмъ заслоняются тремя бросающимися въ глаза грандіозными картинами. Эти три главныя картины, въ которыхъ деревня участвуетъ всею своею массой,—полевыя работы (урожай или неурожай), пожары и переселеніе. Не одинъ десятокъ лѣтъ повторяются эти картины изъ года въ годъ, но въ ихъ кажущееся однообразіе жизнь вноситъ постоянныя перемѣны. Вотъ и нынче мужикъ двинулся на новыя мѣста, какъ онъ двигался и раньше, но въ теперешнемъ его движеніи есть особенности, которыхъ раньше не было. Раньше движеніе было какъ бы спорадическое, теперь же оно затронуло деревню точно повальная болѣзнь. Газетные корреспонденты пишутъ, можетъ быть, только десятую долю того, что имъ удалось увидѣть, но и эта десятая доля блещетъ такими изумительными подробностями, что переселенческій героизмъ нашего мужика принимаетъ, дѣйствительно, стихійные размѣры. Еще въ 1884 году въ газетахъ писалось о 117 крестьянскихъ семействахъ изъ разныхъ селъ Лубенскаго уѣзда, выселившихся въ Ставропольскую губернію на землю, купленную у тамошняго помѣщика Колантарова. Теперь многіе изъ этихъ переселенцевъ уже вернулись, а другіе продолжаютъ возвращаться на родину, «щобъ умерти въ ридной земли». И корреспондентъ «Зари», сообщающій это извѣстіе, прибавляетъ, что, «несмотря на эту неудачу переселенія, движеніе не прекращается и теперь». Или: изъ Троицкой волости, Курскаго уѣзда, тронулась на-дняхъ большая партія переселенцевъ въ Минусинскій уѣздъ, Енисейской губерніи. Партія заключала въ себѣ 60 семей. Переселенцы говорили: «и рады бы дома остаться и силы есть работать, и охоты не занимать стать, да не къ чему руки приложить, негдѣ развернуться». И вотъ переселенцы послали сначала ходаковъ, тѣ сообщили имъ объ очень соблазнительныхъ условіяхъ переселенія, а затѣмъ переселенцы, распродавъ все свое добро, задумали двинуться и въ путь. «Но,—какъ пишетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—въ это дѣло вмѣшалась почему-то (?) мѣстная администрація и не пустила ихъ весною, мотивируя свое запрещеніе тѣмъ, что необходимо собрать справки, имѣются ли свободныя земли въ Енисейской губерніи». Вслѣдствіе этой «неожиданности», многіе изъ переселенцевъ «проѣли» часть своихъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи имущества, и уже готовы были придти въ отчаяніе, но, наконецъ, отъ администраціи пришло не только разрѣшеніе на переселеніе, но и было сообщено переселенцамъ весьма пріятное для нихъ извѣстіе, что на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ съ нихъ будутъ брать плату по уменьшенной цѣнѣ (за 4-й классъ). Или: 26 іюня черезъ Курскъ прошла партія переселенцевъ, направляющихся въ Харьковскую губернію. По разспросамъ оказалось (корреспонденція «Русскихъ Вѣдомостей»), что переселенцы ѣдутъ на землю, купленную ими при содѣйствіи харьковскаго крестьянскаго поземельнаго банка у помѣщика Змѣевскаго уѣзда, Крюкова. Земли куплено 740 дес., по 65 р. за десятину. Банкъ выдалъ по 50 р. за десятину, а по 15 р. пришлось доплатить самимъ крестьянамъ. Покупка этой земли свершилась такъ: по общему соглашенію было рѣшено пріобрѣсти по 10 десятинъ на каждое домохозяйство; но такъ какъ въ деревнѣ, которой принадлежалъ починъ, охотниковъ переселиться на такихъ условіяхъ нашлось всего 40 семей (а требовалось 74), то крестьяне послали довѣреннаго по сосѣднимъ деревнямъ, чтобы онъ кликнулъ кличъ, не желаетъ ли кто записаться на сходцы, и собралъ бы недостающее число «нумеровъ», или семей. Желающихъ отыскивать долго не пришлось и недостающіе 24 «нумера» нашлись тутъ же въ сосѣдней деревнѣ. Переселенцы всѣ народъ, повидимому, зажиточный, одѣты они чисто и каждый ѣдетъ на 2—3 лошадяхъ и денегъ везутъ съ собою отъ 100 до 400 р. на семью, не считая того, что уже уплачено за покупку земли. Или: черезъ Нижній-Новгородъ прослѣдовали двѣ партіи переселенцевъ изъ Щигровскаго и смежныхъ съ нимъ уѣздовъ Курской губерніи. Переселенцы идутъ частію въ Барнаулъ, частію въ Минусинскій уѣздъ. Въ большинствѣ это народъ все бѣдный, едва способный перенести лишенія далекаго пути отъ Курска до Сибири. Изъ 867 человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей, только 407 взрослыхъ плательщиковъ; а бѣднота этихъ взрослыхъ плательщиковъ такая, что пароходы Курбатовой отказались взять съ нихъ плату за проѣздъ. Еще бо́льшая бѣднота оказалась у другой партіи тоже курскихъ переселенцевъ и тоже направляющихся въ Сибирь. Всѣхъ этихъ переселенцевъ набралось изъ разныхъ деревень около 1,200 человѣкъ, и вотъ, чтобы идти одною партіей, всѣмъ вмѣстѣ, переселенцы назначили сборнымъ пунктомъ желѣзнодорожную станцію «Курскъ», рядомъ съ которой на площади и начали собираться. Дѣлалось это, конечно, не скоро, да и трудно собраться скоро 1,200 человѣкамъ. Пошли дожди, земля размокла, ѣсть народу нечего кромѣ ржаныхъ сухарей съ водою, начались болѣзни, преимущественно желудочныя, а за помощью обратиться не къ кому. Къ счастію, нашелся добрый человѣкъ, содержатель буфета на вокзалѣ, пригласившій проѣзжавшаго изъ Москвы въ Одессу военнаго врача осмотрѣть больныхъ, лежавшихъ на мокрой землѣ, въ мокрой одеждѣ. Врачъ нашелъ, что больнымъ нужны не лѣкарства, а горячая пища, и тотъ же добрый человѣкъ накормилъ всѣхъ больныхъ горячими щами съ говядиной и пшенною кашей. Въ Тюмень, по

словамъ корреспондента «Восточнаго Обозрѣнія», съ каждымъ поѣздомъ пріѣзжаетъ масса переселенцевъ почти изъ всѣхъ губерній Россіи, даже изъ нѣкогда благодатной Самары. Есть между переселенцами бѣдные, а есть и богатые, по крайней мѣрѣ, очень многоземельные (одно семейство вятичей, имѣющее по 11 дес. земли на душу, выслало на развѣдку въ Сибирь старуху съ сыномъ). Бѣдные идутъ отъ бѣдноты, а богатые—отъ тѣсноты. Такъ, семья, выславшая на развѣдку старуху, жалуется на тѣсноту отъ недостатка выгоновъ и лѣсу. Вообще, кромѣ бѣдноты, гонитъ «переходное время», переживаемое сельскимъ населеніемъ, и его безсиліе въ борьбѣ съ природой и порядками. Обыкновенно переселенческій потокъ тѣмъ упорнѣе и шире, чѣмъ хуже время. Послѣ всякаго болѣе значительнаго неурожая поднимаются съ мѣста массы переселенцевъ, чтобы идти на «новыя поля». Эти новыя поля отыскиваются крестьянами повсюду: въ Сибири, на Уралѣ, на Кавказѣ, на берегахъ Восточнаго океана и даже въ невѣдомомъ Гурдабаѣ. Случается, что, недобравшись до Гурдабая, переселенцы возвращаются домой. Корреспондентъ «Самарскаго Справочнаго Листка» пишетъ, что самарскіе переселенцы въ Ташкентъ (вѣрно это-то и есть Гурдабай) дошли только до Соляной Защиты и на половину уже растерялись. Часть ихъ осталась тамъ для заработковъ, чтобы, запасшись средствами, двинуться далѣе, а часть вернулась въ Новоузенскій уѣздъ, и тоже для заработковъ, но чтобы потомъ идти домой, въ свои разоренныя гнѣзда, если у кого такія остались, ибо большинство распродало и дома, и усадьбы, и огороды. Черезъ Тюмень только въ маѣ мѣсяцѣ прошло больше 2 тыс. человѣкъ. Переселенцы были больше изъ губерній Екатеринославской и Тамбовской, затѣмъ Пермской, Астраханской, Пензенской, Витебской, Курской, Воронежской, Вятской. Меньше всего было переселенцевъ изъ губерній: Вологодской, Костромской, Нижегородской, Полтавской, Тверской и Тульской. Кромѣ этого сухопутнаго потока, въ Сибирь есть еще переселенческій потокъ и водяной. Въ Южно-Уссурійскій край Приморской области переселенцы прибываютъ почти исключительно моремъ. Путь этотъ и дешевле, и ближе. Съ 1886 года переселеніе въ Южно-Уссурійскій край допускается лишь на собственный счетъ и пособія отъ казны никакого не дается. Желающій отправиться въ Уссурійскій край долженъ представить обезпеченіе не меньше 600 руб. на семью. Деньги эти идутъ на покупку скота, который тамъ въ цѣнѣ, земледѣльческихъ орудій, на домашнее обзаведеніе и на содержаніе семьи въ теченіе года. Впрочемъ, какъ показалъ опытъ, 600 руб. на все это едва достаточны и, во всякомъ случаѣ, извернуться ими крестьянину трудно. Переселенцы, идущіе въ Уссурійскій край сухимъ путемъ черезъ Сибирь, остаются большею частью въ Амурской области.

Но еще мало добраться до «новой земли», надобно на ней усидѣть, а это удается не всѣмъ и не всегда. «Сибирская Газета» говоритъ, что изъ Барнаульскаго округа двинулось въ нынѣшнемъ году назадъ въ Россію нѣсколько волостей. Въ одинъ разъ пошли около двухъ тысячъ душъ! Эти не осѣвшіе переселенцы четыре года бились, чтобы притереться къ мѣсту, но не притерлись и не пустили корней. Жалуются они на старожиловъ, относившихся къ нимъ враждебно, на неурожаи послѣднихъ трехъ лѣтъ и на отсутствіе всякихъ заработковъ. А бываетъ и такъ, что подобные не осѣвшіе въ одномъ мѣстѣ Сибири переселенцы идутъ дальше. Такъ, въ нынѣшнемъ году новоселы одной волости Томскаго округа, побившись три года безплодно, двинулись въ Семирѣченскую область, а переселенцы Убинской волости, Барнаульскаго округа, прожившіе въ своемъ поселкѣ четыре года, ушли на Амуръ. Гостепріимная Сибирь оказалась совсѣмъ не такою гостепріимной, какъ о ней разсказывали.

Приведенные факты составляютъ, можетъ быть, тысячную долю фактовъ дѣйствительныхъ, но общій характеръ переселенческаго явленія настолько ясенъ даже изъ немногихъ фактовъ, что въ выводѣ ошибки быть не можетъ. Прежде всего, переселеніе является хаотическимъ массовымъ передвиженіемъ, принимающимъ подчасъ бродяжескій характеръ. Народъ поднимаетъ съ мѣста нужда, малоземелье или какое-нибудь утѣсненіе и вообще такое неудовлетвореніе, котораго мужикъ вынести больше уже не въ состояніи. Уходятъ не одни бѣдные, какъ это бывало прежде, а пошли уже и богатые, располагающіе сотнями рублей на семью. Случаются въ переселеніи и неудачи, но онѣ никого не охлаждаютъ; вмѣсто возвращающихся неудачниковъ, идутъ новыя толпы и переселенческій потокъ не только не ослабѣваетъ, а усиливается. Мѣстная администрація, какъ видно, находится въ какомъ-то неопредѣленномъ и во всякомъ случаѣ невыясненномъ отношеніи къ переселенію и переселенцамъ. Фактъ, сообщаемый «Русскими Вѣдомостями», когда переселенцевъ остановили, чтобы справиться, есть ли въ Енисейской губерніи свободныя земли, и потомъ имъ не только позволили продолжать свой путь, но и устроили льготный проѣздъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, едва ли представляетъ трудности для его оцѣнки. Подобныхъ недоразумѣній не одно; бываетъ даже, что волостное правленіе выдастъ паспорты и переселенцы, распродавъ все, тронутся въ путь, а ихъ удержитъ слѣдующее за волостнымъ правленіемъ начальство въ силу правила или постановленія, раньше неизвѣстнаго или гдѣ-то хранившагося и необъявленнаго. Казалось бы, что, при вмѣшательствѣ власти (конечно, въ интересахъ переселенцевъ), такіе случаи, какъ безпомощное положеніе толпы въ 1,200 человѣкъ, мокнувшей и болѣющей отъ дождя и сырости, должно бы, прежде всего, обратить на себя вниманіе ближайшихъ блюстителей, на глазахъ которыхъ свершаются такія вещи, а, между тѣмъ, не отыщись на станціи добрый человѣкъ, позаботившійся о больныхъ, къ нимъ никто не прислалъ бы доктора, а ужъ тѣмъ болѣе не далъ бы горячихъ щей и каши.

Наша администрація относится къ переселенію,

нельзя сказать, чтобы сочувственно, но нельзя сказать, что и несочувственно. Она предоставляетъ это явленіе народной жизни его собственному теченію, вѣроятно, имѣя въ виду скорѣе его сдерживать, чѣмъ поощрять. Во всякомъ случаѣ то, что сдѣлано для переселенія, не даетъ повода видѣть въ этихъ мѣрахъ какое-либо поощреніе. Существующая въ Батракахъ лѣтъ пять переселенческая контора есть скорѣе статистическое бюро, занимающееся регистраціей переселенія, и вся задача его только въ томъ, чтобы давать переселенцамъ точныя справки о свободныхъ мѣстахъ и поуменьшить горемычное блужданіе тѣхъ, кто, не зная ничего, идетъ отыскивать Гурдабай. Контора эта даже и учредилась-то въ такое время, когда движеніе переселенцевъ большими партіями черезъ с. Батраки стало прекращаться.

Есть еще чиновникъ въ Уфѣ, которому поручено «изслѣдованіе положенія переселенцевъ». Чиновникъ этотъ имѣетъ, какъ кажется, преимущественно мѣстный характеръ. Въ Уфимской губерніи казенныхъ земель нѣтъ, и потому переселенцы водворяются здѣсь или на частныхъ, или на башкирскихъ земляхъ. И вотъ возникаетъ масса дѣлъ, иногда очень запутанныхъ, о гражданскихъ правоотношеніяхъ, которыя для переселенцевъ настоящій дремучій лѣсъ. Обязанность чиновника слѣдить за всѣми подобными дѣлами и выводами переселенцевъ изъ дремучаго лѣса, если, по несчастію, они въ немъ очутятся. Это собственно зимнее занятіе чиновника. На лѣто же онъ переселяется изъ Уфы въ Златоустъ и здѣсь слѣдитъ за переселяющимися и оказываетъ помощь нуждающимся. «Въ 1885 году «пособія» заимообразныя или безвозвратныя, выдавались нуждающимся въ очень ограниченномъ размѣрѣ, достаточномъ лишь на путевое довольствіе до мѣста назначенія, по разсчету поверстнаго движенія въ сутки. Другой помощи переселяющіеся, повидимому, не находятъ». Такъ характеризуютъ дѣятельность чиновника «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Есть еще подобный же чиновникъ и въ Томскѣ. Томскъ составляетъ очень важный пунктъ въ переселенческомъ движеніи, потому что до Томска переселенцы плывутъ на пароходахъ, а отсюда начинается колесная дорога и нужно запасаться своими собственными лошадьми и телѣгами. И вотъ для помощи переселенцамъ и назначенъ въ Томскѣ чиновникъ. На любомъ изъ пароходовъ, отправляющихся изъ Тюмени,—пишетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», — вывѣшено объявленіе, что переселенцы за денежнымъ пособіемъ, юридическими совѣтами по дѣлу переселенія, за справками о новыхъ мѣстахъ могутъ обращаться къ переселенческому чиновнику, имѣющему жительство въ г. Томскѣ (слѣдуетъ очень точный адресъ). Оповѣщено также, что на пристани для переселенцевъ существуетъ временное помѣщеніе (бараки), гдѣ оказывается нуждающимся безплатная медицинская помощь. Какъ же отъ всей этой помощи живется переселенцамъ? Корреспондентъ говоритъ, что въ 1885 г. чиновникъ истратилъ 6,000 руб., изъ нихъ 3,000 на помощь переселенцамъ, а 3,000 на жалованье служащимъ, на содержаніе бараковъ и на канцелярію. На нынѣшній годъ чиновникъ составилъ смѣту въ 20,000 р., но къ приходу двухъ первыхъ партій не было ассигновано еще ни копѣйки и только въ началѣ іюня открытъ кредитъ на 3,000 р., т. е. на половину прошлогодней суммы. Эти деньги пойдутъ, конечно, на содержаніе служащихъ, на бараки и на канцелярію, а для переселенцевъ не останется ничего. Въ прошедшемъ году лошадей и телѣги продавалъ переселенцамъ чиновникъ, въ нынѣшнемъ же году продажа эта отдана на коммиссію, и изъ тона, которымъ говоритъ объ этомъ корреспондентъ, слѣдуетъ заключить, что такая перемѣна едва ли къ лучшему. Такимъ образомъ, помощь чиновника переселенцамъ сводится только къ собиранію свѣдѣній объ удобныхъ для поселенія мѣстахъ, подачѣ юридическихъ совѣтовъ и завѣдыванію бараками. Свѣдѣнія объ удобныхъ мѣстахъ добываются черезъ волостныя правленія и качество этихъ свѣдѣній настолько уже извѣстно переселенцамъ, что они предпочитаютъ посылать на развѣдки ходаковъ или разспрашивать своихъ родныхъ и знакомыхъ. О баракахъ корреспондентъ отзывается менѣе, чѣмъ съ похвалою. Это два продолговатые сарая, сколоченные на живую нитку и разсчитанные на 3,000 чел., хотя въ нихъ помѣщается иногда вдвое болѣе народу. Есть еще сарайчикъ, сколоченный плотнѣе,—больница; но ни въ больницѣ, ни въ баракахъ печей не полагается и, какъ удостовѣряетъ корреспондентъ, изъ 4-хъ навигаціонныхъ мѣсяцевъ въ теченіе 2-хъ оставаться въ больницѣ безъ вреда для здоровья невозможно. Пребываніе въ баракахъ для переселенцевъ обязательно и при первомъ пароходномъ свисткѣ барачные полицейскіе бѣгутъ на пристань и отправляютъ переселенцевъ въ эти сараи, не позволяя никому помѣщаться въ городѣ.

А, впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра. Общество—и вообще-то организмъ тугой и неповоротливый, а у насъ и тѣмъ болѣе. Но послѣднія двадцать лѣтъ, все-таки, кое-что сдѣлали и хотя наша общественность развивается не совсѣмъ правильно, подчасъ ползетъ въ сторону и вообще скрипитъ вродѣ немазаннаго колеса, но поступательность въ ней несомнѣнна. И мужикъ, предоставленный себѣ, почувствовалъ, что ему нужно становиться на свои ноги и самому отыскивать выходы, и то же почувствовало и «общество». Конечно, пока приходится отмѣчать факты не особенно поразительные въ этомъ отношеніи, но я вовсе не хочу поражать читателя. Дѣло въ томъ, что самодѣятельность несомнѣнно уже начинаетъ пускать первые ростки, пока еще маленькіе, слабые и очень зеленые, но, все-таки, ростки. Остается только поддерживать въ обществѣ культуру этого новаго растенія и вызвать общество на самодѣятельность.

Бѣдствія переселенческаго скитанія, предоставленнаго самому себѣ и лишеннаго всякой правильной организаціи, голодъ, нужда, болѣзни и всевозможныя лишенія, которымъ подвергаются тысячи

народа, цѣлыми массами двигающіяся отъ одной нужды къ другой, до сихъ поръ пока вызывали лишь сердобольный голосъ печати, да помощь отдѣльныхъ добрыхъ людей, личное чувство которыхъ не выносило слезъ, страданій и безпомощной подавленности всѣхъ этихъ голодающихъ, зябнущихъ и болѣющихъ бѣдняковъ, точно обреченныхъ на смерть и гибель. Вѣдь, и мы живые люди; не одни же только французы, англичане и нѣмцы умѣютъ чувствовать по-человѣчески. Но у насъ пока личныя чувства не идутъ дальше личнаго порыва и еще трудно разрѣшаются общественными идеями и тѣмъ болѣе общественнымъ поведеніемъ. Можетъ быть, именно отъ этой-то трудности мы легко и впадаемъ въ преувеличеніе и радуемся, больше чѣмъ слѣдуетъ, маленькимъ и едва зеленымъ росткамъ, которые то тамъ, то здѣсь пробиваются на нашей не особенно плодотворной общественной нивѣ. Такой ростокъ было появился въ Бійскѣ (Томской губерніи), гдѣ сердобольные люди, насмотрѣвшись всякихъ переселенческихъ бѣдствій, задумали устроить общество для помощи переселенцамъ. Общество выработало себѣ уже и уставъ и послало его на утвержденіе. Посланъ былъ уставъ въ январѣ, но до сихъ поръ, какъ пишетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», разрѣшенія еще не получено. Ростокъ въ дальнѣйшемъ прозябаніи, значитъ, остановился.

Удачнѣе оказалось прозябаніе ростка въ Тюмени. Тюмень, какъ первый сибирскій городъ и начальный пунктъ пароходнаго движенія по рѣкамъ Западной Сибири, всегда былъ мѣстомъ болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ переселенческихъ партій. Слѣдовательно, жителямъ Тюмени приходилось знакомиться коротко съ нуждой и бѣдностью переселенцевъ и увидѣть, что имъ нужно. И вотъ, въ іюнѣ 1883 года образовался въ Тюмени «временной комитетъ для оказанія помощи переселенцамъ» изъ 10 членовъ тюменскаго общества подъ предсѣдательствомъ пароходовладѣльца г. Игнатова. Услуги, оказанныя комитетомъ переселенцамъ, заключались въ слѣдующемъ: по соглашенію съ пароходовладѣльцами понижена для переселенцевъ провозная плата отъ 10 до 20%; отправлены комитетомъ на свой счетъ 558 бѣднѣйшихъ переселенцевъ отъ Тюмени до Томска; выдавались (и тоже бѣднѣйшимъ) деньги на продовольствіе во время пребыванія въ Тюмени и въ пути, выдавались пожертвованныя вещевыя пособія: чай, сахаръ, платки, рубашки, а также книги и брошюры; оказывалась безплатная врачебная помощь и выдавались лѣкарства. Для безплатнаго помѣщенія переселенцевъ въ ожиданіи пароходовъ построены бараки, раздѣленныя на 4 просторныя помѣщенія. При баракахъ двѣ кухни, баня, прачешная. Кромѣ того, выстроенъ отдѣльный теплый больничный баракъ на 6—10 кроватей (постройка этого барака стоила 1,137 рублей). Для пользованія переселенцевъ во время пути на каждый пароходъ отдается въ распоряженіе помощника капитана аптечка съ 15 самыми необходимыми средствами. Наконецъ, въ распоряженіи переселенцевъ имѣются 6-ти ведерный самоваръ и чайная посуда. Все это по-человѣчески и видно, что о людяхъ заботятся люди. Тутъ, кромѣ пониманія нужды, чувствуется вниманіе и даже ласка, и нѣтъ ничего формальнаго и полицейскаго.

Въ «мертвый сезонъ» городскихъ обитателей деревня занималась не однимъ переселеніемъ; нынче въ іюнѣ и іюлѣ деревня волновалась больше обыкновеннаго: она жила политическою жизнью и избирала своихъ излюбленныхъ земскихъ людей.

О земствѣ пишутъ у насъ очень много и обыкновенно только дурное. Это дурное сводится или къ тому, что въ такой-то управѣ проворовался такой-то, или что такое-то земство ровно ничего не дѣлаетъ. Подобными изобличеніями занимаются не одни консерваторы, но и «либералы». Эта «критика», не требующая особенной мудрости и совершенно не нуждающаяся въ знаніи земской жизни, производится посредствомъ кабинетнаго демонстрированія надъ фактами, хотя и вѣрными, но смыслъ которыхъ критикамъ не всегда дается. Вообще порицательныя отношенія къ земству—пустыя и невѣжественныя слова, имѣющія свою долю правды и оказывающія несомнѣнную пользу, только совсѣмъ не въ томъ отношеніи, въ какомъ думаютъ не оказать наши порицатели и наши газетные учителя и проповѣдники общественной морали. Если слушать этихъ «отцовъ» и общественныхъ руководителей, то, право, подумаешь, что земство только тѣмъ и занимается, что учиняетъ хищенія изъ земскаго сундука и ничего не дѣлаетъ. Нѣтъ, господа учители и наставники, у земства смысла побольше чѣмъ вы его видите! Оно живой общественный огранизмъ, имѣющій свою идею, свои желанія, стремленія, цѣли, за которыя оно борется, нерѣдко очень страстно, упорно и энергично. Земство въ своей идеѣ не есть что-нибудь цѣльное или неподвижное. Это очень сложный, живой организмъ, наблюдать который слѣдуетъ не въ его спокойномъ состояніи, когда земцы работаютъ въ управахъ или собираются на общія губернскія или уѣздныя собранія, а когда земщина (т.-е. все, что сидитъ на землѣ — владѣльцы, крестьяне, духовенство) выбираетъ своихъ уполномоченныхъ. Тутъ только и можно замѣтить, что наше земство не мертвое или умирающее тѣло, а живая, растущая и крѣпнущая сила, развивающая въ себѣ большее и большее общественное сознаніе.

Если въ двадцать лѣтъ существованія земства въ немъ произошли весьма замѣтныя внѣшнія перемѣны, то и это случилось только потому, что земская идея въ смыслѣ самоуправленія очень выросла въ ширину, хотя и сбавилась въ глубину. Когда земство только что явилось, во главѣ его стали «идейные» и даже родовитые люди. Такими лицами, напримѣръ, были князь Васильчиковъ, князь А. А. Суворовъ, постоянно посѣщавшіе земскія собранія. Это было вообще идейное время и время идейнаго установленія земскихъ основъ и земской програмы. «Идейные» люди были тогда дѣйствительно всѣмъ; это были тѣ работники, которые и не въ одномъ земствѣ устанавливали и

укрѣпляли краеугольные камни. То было время почина, для котораго требовались и люди почина. Авторитетные голоса этихъ немногихъ людей подчиняли себѣ всѣхъ и вся, и эти всѣ и вся шли за ними покорно, потому что не чувствовали силы взять такое авторитетное и идейное дѣло на себя.

Но вотъ подъ вліяніемъ совсѣмъ не земскихъ причинъ и не отъ ошибокъ идейныхъ людей въ общей русской жизни совершается экономическое разстройство; рубль падаетъ, финансы запутываются, промышленность и торговля испытываютъ нѣчто вродѣ кризиса (а потомъ и дѣйствительно кризисъ), общіе расходы увеличиваются настолько, что ихъ не могутъ покрыть никакія усилія народнаго труда, все дорожаетъ, всѣмъ становится жить трудно. Поворотъ къ этому ухудшенію дѣлъ намѣтился уже десять лѣтъ назадъ и тогда же намѣтился поворотъ и въ нашей общественной политикѣ. Тамъ и сямъ, сначала единично, а потомъ уже и цѣлою толпой выступаютъ теперь «дѣльцы» и «практики», прежде не смѣвшіе поднимать голоса, а теперь берущіе на себя починъ въ дѣлахъ и вопросахъ, которые, какъ имъ кажется, они понимаютъ безъ ошибки. Насколько дѣльцы и практики понимали то, за что они брались, можно видѣть изъ состоянія текущихъ дѣлъ—все запуталось такъ, что опять приходится возвращаться къ идеямъ. Но за то несомнѣнно, что дѣльцы и практики создали новое направленіе, которое, какъ отливъ, смѣнило прежній приливъ. Новое направленіе, сдѣлавшись господствующимъ, создало и соотвѣтствующую практику управленія и не въ одномъ земствѣ; въ земствѣ же съ этого времени возникаетъ рядъ тѣхъ явленій, порицаніемъ которыхъ занялась преимущественно консервативная печать. «Кабатчики», «аппетиты правящей партіи» (т.-е. стремленіе ко всякому денежному сундуку), «подкупы», «спаиваніе», «отсутствіе земскаго интереса»,—вотъ тѣ главныя смертоносныя формулы, подъ которыя подводится теперь дѣятельность земства. Но то, что замѣчается теперь въ земствѣ, не есть исключительно земскій грѣхъ. Не однимъ земцамъ жилось трудно, у всѣхъ поубавились доходы, и всѣ, кто могъ, одинаково устремились за «мѣстами» и за крупными содержаніями. Это было общее направленіе, вызвавшее, наконецъ, законъ о несовмѣстительности.

И не въ этомъ еще главное дѣло, ибо это только личные грѣхи, выражавшіеся въ отдѣльныхъ фактахъ. Общее направленіе заключалось не въ этихъ частностяхъ, а въ новой земской политикѣ, которая, однако, не была исключительно земской. Когда «экономія» и «сбереженіе» явились лозунгомъ новой общей программы, они стали лозунгомъ и программы земской. Земство тѣмъ скорѣе усвоило эту программу, что само состоитъ изъ плательщиковъ и чувствуетъ непосредственно всю тягость постоянно увеличивающихся налоговъ и земскихъ платежей. И вотъ новая программа очень скоро нашла себѣ массу сторонниковъ, тѣмъ болѣе, что была ужь очень проста и сводилась всего къ одному, всѣмъ понятному слову: «экономія». Приведу любопытный фактъ изъ исторіи этого поворота въ земствѣ. Въ одномъ изъ нашихъ уѣздныхъ земствъ (не говорю въ какомъ, потому что не въ этомъ дѣло) землевладѣлицы, что большая рѣдкость, имѣютъ половину голосовъ. Не участвуя сами въ выборахъ, онѣ выдаютъ довѣренности, и довѣренности эти составляютъ даже предметъ домоганія, потому что открываютъ путь не только въ уѣздные, но и въ губернскіе гласные. Довѣренности, обыкновенно, сопровождаются указаніями, какой «политики» лицо, облекаемое довѣріемъ, должно держаться. Когда пошла «экономія» землевладѣлицы (женщины вообще бережливѣе мужчинъ) выставили ее своимъ главнымъ и основнымъ требованіемъ. Теперь ужь ни одно предложеніе, за которымъ слѣдовало новое ассигнованіе, не проходило безъ грома и бури, а оправданіе довѣрія заключалось лишь въ урѣзываніи. На одномъ изъ собраній, когда какой-то новый расходъ прошелъ большинствомъ, внезапно раздается восклицаніе: «что же мы скажемъ нашимъ дамамъ!» Это былъ крикъ отчаянія изъ лагеря побѣжденнаго меньшинства, испугавшагося отвѣтственности предъ своими довѣрительницами...

Вотъ изъ этой-то «экономіи» теперь и пошло все; «экономія» повела къ закрытію нѣкоторыхъ земскихъ школъ, къ сокращенію расходовъ на земскую медицину, къ убавкѣ жалованья докторамъ, къ замѣнѣ ихъ мѣстами фальдшерами и ко всякимъ другимъ сократительнымъ стремленіямъ. Теперь деньги и экономія стали сами по себѣ цѣлью, и вся финансовая и хозяйственная мудрость свелась къ урѣзыванію и сокращенію. Недостаетъ денегъ для обязательныхъ расходовъ, земскіе экономы кричатъ «закрыть школы», не на что починить провалившагося моста, тѣ же экономы требуютъ закрытія медицинскихъ пунктовъ и увольненія докторовъ.

Когда стало намѣчаться практическое направленіе, то оно, какъ и всякое новое умственное движеніе, обнаруживало въ началѣ нѣкоторую робость и неувѣренность. Но по мѣрѣ того, какъ число сторонниковъ его увеличивалось, а идейные люди, встрѣчая меньше сочувствія, стали удаляться, практики стали дѣйствовать смѣлѣе, выступать рѣзче, болѣе сомкнутымъ строемъ и, наконецъ, дошли даже до виртуозности въ избирательныхъ маневрахъ. Нынче въ Курскѣ былъ такой случай. Шли выборы гласныхъ отъ города въ уѣздное земское собраніе. Явилось 94 избирателя и изъ нихъ 36 съ довѣренностями отъ женъ и сестеръ. Въ этихъ выборахъ принимали участіе многіе изъ землевладѣльцевъ, не попавшіе въ гласные отъ сельскихъ обществъ и расчитывавшіе на городскіе выборы. Но купеческая партія оказалась на столько сплотившейся и дружной, что провела въ гласные и въ кандидаты только купцовъ и ни одного дворянина. По окончаніи выборовъ стали высказываться требованія продолжать выборы кандидатовъ. Это требованіе шло со стороны дворянской партіи, расчитывавшей провести хотя своихъ кандидатовъ; но городской голова употребилъ такой пріемъ: онъ предложилъ желающимъ баллотироваться встать; желающихъ не оказалось и собраніе закрыто.

Дѣлецъ, практикъ, купецъ, несомнѣнно. оття-

гивают земское дѣло книзу, но также несомнѣнно, что по мѣрѣ того, какъ «купецъ» поднимаетъ голову и начинаетъ подавать свой голосъ, чего онъ прежде дѣлать не рѣшался, кругъ активныхъ участниковъ въ земскихъ дѣлахъ расширяется и увеличивается масса лицъ, интересующихся (такъ или иначе) земскими дѣлами. Даже крестьянинъ почувствовалъ теперь, что онъ не совсѣмъ нуль, какъ было прежде. Передъ выборами за мужикомъ теперь очень ухаживаютъ, сулятъ ему и водку, и деньги, ублажаютъ разными манерами и вообще ищутъ и заранѣе создаютъ себѣ популярность. Не о томъ я говорю, что спаиваніе и подкупы хорошее дѣло, а о томъ, что и крестьянинъ сталъ ужь понимать, что онъ «голосъ» и въ нѣкоторомъ родѣ сила, которую ищутъ и за которой ухаживаютъ. Выборы и у насъ стали теперь горячкой, и чтобы ихъ подготовить, разъѣзжаютъ по селамъ и владѣльцамъ вербовщики и агитаторы, обнаруживающіе дѣятельность и энергію, которой позавидовали бы даже сторонники Гладстона. Вотъ наступаютъ выборы въ уѣздномъ земствѣ, въ которомъ борятся двѣ партіи (фактъ). Отъ обѣихъ партій выступили агитаторы и больше недѣли разъѣзжали по уѣзду вдоль и поперекъ, вербуя сторонниковъ, въ особенности между мелкими землевладѣльцами и крестьянами. Нынѣшніе выборы (въ мѣстности, о которой рѣчь) подготовлялись съ особою энергіей, потому что готовилось генеральное сраженіе. Даже «батюшки», вообще ко всѣмъ дѣламъ равнодушные, были сдвинуты съ своихъ мѣстъ. Чего же хотѣли воюющія стороны и что онѣ дѣлили? Одна партія, попрежнему, хотѣла остаться у своихъ мѣстъ, другая хотѣла выставить своихъ гласныхъ, чтобы руководить дѣлами и имѣть рѣшающій голосъ. Первая партія, бездѣятельная и инертная, скупая и нераспорядительная, занимая земскія должности, считала уже этимъ однимъ свой долгъ вполнѣ исполненнымъ. Ея члены управы не выѣзжали никогда за городскую черту, хотя бы такъ, ради прогулки или любопытства, посмотрѣть на земскія школы, земскія дороги и понаблюсти въ натурѣ за земскими дѣлами. Новая партія выступила именно съ протестомъ противъ этихъ сонныхъ людей и хотѣла провести своихъ людей въ уѣздные и губернскіе гласные, чтобы въ сонномъ ключѣ явилась живая струя и чтобы люди, наконецъ, встрепенулись и стали работать. Энергическія протестанты, конечно, очень скоро привлекли къ себѣ симпатію (конечно, не спящихъ земцевъ) и одна изъ землевладѣлицъ (высокопоставленная дама), живущая въ Петербургѣ, прислала довѣренность, въ письмѣ къ своему уполномоченному объяснила, что предлагаетъ ему присоединиться къ «партіи порядка». Такимъ образомъ, у безвѣстной до сихъ поръ партіи явилось очень красивое и благонамѣренное названіе. Партія порядка взяла на выборахъ блистательно верхъ и ея представители прошли громаднымъ большинствомъ. Любопытно, что партія порядка, добивавшаяся главенства въ земскомъ собраніи, не дала никого на земскія должности. Никто изъ этой партіи не пошелъ ни въ управу, ни въ мировые судьи, и на эти мѣста пришлось выбирать изъ партіи оттѣсненной.

Можетъ быть, приведенный фактъ обобщать и нельзя, но его нельзя же и вычеркнуть, тѣмъ болѣе, что это фактъ вовсе не единичный. «Купецъ», конечно силенъ и энергиченъ, особенно въ захолустьяхъ сильно въ немъ и его сословное купеческое чувство, оттого онъ и обобщилъ интеллигента съ дворяниномъ и, оттѣсняя того и другаго, хочетъ самъ занять первое мѣсто. Все это понятно и въ порядкѣ вещей. Но и обобщенный интеллигентъ еще не совсѣмъ вымеръ, хотя онъ и не въ авантажѣ, и онъ-то и является теперь тою единственною весталкой, которая хранитъ священный огонь идей, завѣщанный теперешнему земству отъ лучшей его поры. И теперешній земскій интеллигентъ является не только хранителемъ священнаго огня, но онъ выступаетъ еще умудренный суровымъ опытомъ въ той школѣ, которую заставила его пройти «партія дѣйствія» и практическіе дѣльцы. Нѣкогда исключительно идейный интеллигентъ и теоретикъ (какъ его называли) началъ тоже становиться теперь на практическую почву, но съ тою широтой пониманія своихъ общественныхъ обязанностей, которой не встрѣчалось у практическаго своекорыстія «дѣльцовъ» и не обнаружилось у сословнаго своекорыстія «купцовъ». Это новое намѣчающееся движеніе въ земствѣ слѣдуетъ не только отмѣтить, но и подчеркнуть, какъ несомнѣнный признакъ живучести земской идеи и интеллигентной силы земства, начавшаго понимать, что оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сила практическая, дѣловая. Вотъ факты, на которыхъ основывается такое заключеніе. Въ началѣ іюля въ петербургское губернское земское собраніе былъ внесенъ проектъ объ учрежденіи подъ контролемъ земства паеваго товарищества по устройству сельскихъ кассъ для выдачи крестьянамъ ссудъ подъ залогъ движимостей и сельско-хозяйственныхъ орудій. То же земство Петербургской губерніи задалось мыслью поднять экономическій уровень крестьянъ и въ разрѣшеніи этой задачи остановилось на слѣдующемъ: необходимо уменьшить скученность населенія и помочь переселенію крестьянъ въ многоземельныя губерніи и облегчить имъ возможность къ пріобрѣтенію земель. Въ виду же того, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Петербургской губерніи есть земли, которыя по нежеланію ихъ владѣльцевъ заниматься лично ихъ обработкой и сдавать въ аренду за дешевую цѣну, гуляютъ по нѣскольку лѣтъ, признано нужнымъ установить правило, въ силу котораго пустующія земли, по истеченіи извѣстнаго срока, обязательно должны сдаваться въ аренду или идти въ продажу.

Если эти широкіе замыслы петербургскаго земства будутъ осуществлены и за петербургскимъ послѣдуютъ и другія земства, то вопросъ объ урожаѣ и неурожаѣ, до сихъ поръ разрѣшавшійся такъ неудачно (или, лучше сказать, совсѣмъ не разрѣшавшійся), окажется на половину оконченнымъ. Да и давно бы ему пора стать чисто-земскимъ вопросомъ.

X.

Возьмите, читатель, карту Россіи и отчертите на ней Сибирь, Кавказъ, Финляндію, Прибалтійскій край (остзейскія губерніи), Сѣверо-западный край (литовскія губерніи), Привислянскій край (Царство Польское) и у васъ получится небольшой овалъ, который составляютъ Великороссія и Малороссія. Этотъ небольшой овалъ и есть тотъ обѣтованный край, которому одному досталось множество благъ, окраинамъ еще пока неизвѣстныхъ.

Крестьянская реформа прошла по всей Россіи, также какъ и воинская повинность; но судъ (правый и милостивый), земскія учрежденія и реформа печати составляютъ еще привилегію немногихъ мѣстностей. Только столицы (двѣ маленькія черныя точки на картѣ Россіи) пользуются всѣми безъ исключенія благами русской гражданственности, культуры и цивилизаціи. У нихъ и газовое и электрическое освѣщеніе, и пути сообщенія, и самоуправленіе, и цивилизованная укрощенная полиція, и судъ присяжныхъ, и свобода печати. Затѣмъ эти блага, начиная сокращаться за предѣлами столицъ, въ провинціи Европейской Россіи входитъ только частью, а къ окраинамъ уже настолько расплываются, что, напримѣръ, Сибири (вѣроятно, потому, что она очень большая) остается одинъ только мракъ.

Сибирь вполнѣ страна мрака, о которой обитатель Европейской Россіи знаетъ только, что въ ней есть «мѣста отдаленныя» и «мѣста не столь отдаленныя». И дѣйствительно, это страна невозможная; ничего подобнаго Сибири нельзя найти въ исторіи колоній всѣхъ странъ и народовъ въ мірѣ. Читая сибирскія газеты, приходишь въ ужасъ и отчаяніе и за Сибирь, и за русскій геній. Гдѣ же эта прославленная русская способность къ колонизаціи? Что мы сдѣлали съ Сибирью въ триста лѣтъ принадлежности ея Россіи? Что сдѣлала сама Сибирь въ это время? Какъ люди могутъ жить среди подобныхъ неустройствъ? Какъ это люди могутъ еще терпѣть другъ друга болѣе трехсотъ лѣтъ и не разбѣгутся отъ самихъ себя?

И въ то же время эту дикую, распущенную страну, гдѣ весь воздухъ зараженъ насиліемъ и произволомъ, люди любятъ, да еще какъ! И любятъ они не отдѣльно Иркутскую губернію или Енисейскую, не Минусинскій округъ или Амуръ. Нѣтъ, они любятъ Сибирь, всю Сибирь, какъ она есть, отъ Ледовитаго океана до Китая. Разсказываютъ про одного датчанина, служащаго телеграфистомъ гдѣ-то въ Иркутской губерніи (и, между прочимъ, изучившаго Салтыкова до того, что онъ можетъ сказать на какой страницѣ, въ какомъ томѣ стоитъ тотъ или другой его сатирическій перлъ), что этотъ телеграфистъ, прослужившій въ Сибири десять лѣтъ, поѣхалъ, наконецъ, въ Данію къ отцу и матери, чтобы съ ними проститься и затѣмъ поселиться въ Сибири навсегда, потому что онъ не знаетъ лучшей страны въ мірѣ. Что же влечетъ его къ Сибири, почему это лучшая страна, чего въ ней ищутъ, что въ ней находятъ, какому она отвѣчаетъ идеалу? Должно же быть, что-нибудь есть въ ея широкомъ просторѣ, а не одно насиліе и произволъ. Теперь эта страна ссылки, лежавшая до сихъ поръ мертвымъ пластомъ, какъ бы хочетъ проснуться уже и для внѣшней политической жизни. Не въ Константинополѣ разрѣшится восточный вопросъ, говорятъ сибиряки, а здѣсь, у насъ, на границахъ Китая и въ столкновеніи съ нимъ. И въ Сибири дѣйствительно много внутренней жизни, какой нѣтъ въ Европейской Россіи; много въ ней и свѣжихъ нарастающихъ силъ, и энергіи, и желанія перемѣнъ и стремленій къ лучшей гражданственности и къ широкимъ идеаламъ, просторъ которымъ даетъ и пространственная необъятность Сибири, и ея громадныя мертвыя богатства, и плодородіе земли, и разнообразіе климатовъ, и разнообразіе племенъ, ее населяющихъ. Именно такою, какою Сибирь теперь, Сибирь неустроенная, Сибирь бѣдная умственно и матеріально, она и даетъ просторъ не только желаніямъ и стремленіямъ, но и фантазіи.

Но не потому ли такъ велико и желаніе перемѣнъ, что въ теперешней Сибири почти жить нельзя? И не потому ли преувеличиваетъ сибирская печать неустройство Сибири, что въ сибирякахъ уже наболѣло до послѣдней степени чувство недовольства безправіемъ и заброшенностью? Молчала же Сибирь триста лѣтъ? Отчего она заговорила такъ громко теперь? Или неустройствъ прибавилось? Нѣтъ. Ихъ убавилось. Заговорило въ Сибири сознаніе, заговорила въ Сибири интеллигенція, которой у этой страны до сихъ поръ не было. Сибирь теперь также наканунѣ, какъ была наканунѣ Россія до освобожденія, раньше создавшая свою интеллигенцію и раньше подумавшая о своихъ распорядкахъ. Но это «наканунѣ» наступило для Сибири не сегодня. Оно наступило для Сибири такъ давно, что многіе изъ ея патріотовъ успѣли придти даже въ отчаяніе и у нихъ опустились руки. «Даже Щаповъ, этотъ горячій идеалистъ, мечтатель, человѣкъ глубокой вѣры въ обновленіе и грядущее человѣчество, опускалъ руки передъ мрачнымъ существованіемъ сибирскаго общества, отданнаго матеріальнымъ интересамъ и предоставленнаго одной наживѣ»,—говоритъ «Восточное Обозрѣніе».

Чтобы понять и почувствовать Сибирь, нужно читать ея газеты не отдѣльными нумерами, между другимъ чтеніемъ, а сплошь, залпомъ, въ большомъ количествѣ. Только при «большомъ количествѣ» понимается громадная разница въ особенностяхъ Сибири и Россіи и почему между Сибирью и Россіей бывали всегда недоразумѣнія. Ихъ создавала не Сибирь. Ихъ создавали тѣ «обрусители», которые являлись въ Сибирь изъ Россіи и хотѣли кроить ее по-русскому. Сибирь и до сихъ поръ для Россіи такая же новая страна, какою она были при Иванѣ Грозномъ. Тогда знали, что въ Сибири есть инородцы и мѣха—и только; а нынче русскіе о Сибири знаютъ еще, что въ ней есть мѣста отдаленныя и не столь отдаленныя. Прогрессъ въ знаніи не особенно большой. И съ подобными-то знаніями о громадномъ разнообраз-

номъ краѣ ѣхали въ него привлекаемые привилегіями будущіе правители Сибири. Они считали себя жертвами обстоятельствъ, ибо брали мѣста потому, что не находили ничего лучшаго въ Россіи; они ѣхали въ каторжную Сибирь, какъ въ ссылку, чувствовали себя въ Сибири чужими, смотрѣли на нее свысока, какъ обыкновенно смотрятъ люди высшей культуры на страны низшей культуры, и, служа, отбывали только повинность, да и то лишь ради денежныхъ и другихъ привилегій. Такъ поступали лучшіе. Худшіе же прямо ѣхали въ Сибирь только для наживы. И Сибирь дала этимъ заѣзжимъ гостямъ прозвище «навозныхъ» и «гамадриловъ». Но ни отношенія отъ этого не улучшались, ни Сибири не становилось отъ этого лучше. Наплывы служащихъ смѣнялись одни другими, а Сибирь, все-таки, продолжала оставаться для Россіи такою же невѣдомою страной, какою была нѣкогда Мексика для Испаніи. До сихъ поръ привилегированное населеніе Сибири не съумѣло создать для нея даже внутренней безопасности.

Когда читаешь русскія газеты, то совсѣмъ и не замѣчаешь полицейскихъ извѣстій о кражахъ, воровствахъ и уголовныхъ происшествіяхъ. Мелкія уголовныя исторіи совсѣмъ теряются среди массы извѣстій другаго рода и другаго интереса. Но въ сибирскихъ газетахъ, напротивъ, центръ тяжести именно въ уголовщинѣ, и въ уголовщинѣ гомерическаго и невозможнаго въ Россіи размѣра. Если въ Россіи выдастся иногда преступленіе, поражающее жестокостью или безстрастностью, какъ нынче убійство въ Лиговѣ, газеты съ непритворнымъ ужасомъ описываютъ его, какъ нѣчто необычное, невозможное, нежелательное и возмущающее чувство. Сибирь въ подобныхъ случаяхъ ничѣмъ не возмущается и не ужасается; она въ своей печати лишь коротко отмѣчаетъ факты и дѣлаетъ это не ради самихъ фактовъ, а ради общихъ выводовъ и общихъ требованій, которые они вызываютъ въ населеніи. Для Россіи уголовныя событія представляютъ интересъ сами по себѣ, они служатъ даже матеріаломъ для занимательныхъ разговоровъ, какъ романъ, какъ сказка, ну, какъ выходящее изъ ряду событіе, и никакихъ общихъ выводовъ обыкновенно изъ нихъ не дѣлается. Въ Сибири же всякій подобный фактъ есть новая капля въ чашу сибирскихъ бѣдствій, капля, идущая въ счетъ, капля, наполняющая чашу, чтобы ее переполнить, капля, истощающая мѣру общаго терпѣнія и усиливающая желаніе перемѣнъ и устройства новаго порядка. Въ Россіи создался уже типъ интеллигентныхъ и тонкихъ уголовныхъ преступниковъ, какъ князь Гокчайскій, какъ пойманный недавно въ Москвѣ Огрызко, обворовавшій московское отдѣленіе государственнаго банка; которыхъ жизнь похожа на романъ, полный всякихъ приключеній; которые средствомъ преступленій сдѣлали умъ и достигли замѣчательной ловкости и изворотливости въ обманахъ, но которые не пойдутъ на насиліе. Въ Сибири же до сихъ поръ употребляютъ простыя средства: гирьку, топоръ, крюкъ, и съ человѣческою жизнью не церемонятся.

Въ Томскѣ, напримѣръ, просто жить нельзя; грабители держатъ весь городъ въ осадѣ и никто не можетъ поручиться за цѣлость своей головы и имущества, говоритъ «Сибирская Газета». Грабители разъѣзжаютъ по городу въ кошевахъ и вооружены арканами, крючьями, ломами и револьверами. А на какіе смѣлые подвиги способны молодцы, разъѣзжающіе въ кошевахъ, читатель убѣдится изъ слѣдующаго. Около 7 часовъ вечера подъѣзжаетъ кошева къ магазину и изъ нея выходитъ человѣкъ средняго роста, широкоплечій, одѣтый въ азямъ, и съ головой, обмотанной шарфомъ; въ кошевѣ сидятъ еще три человѣка въ маскахъ. Отворивъ дверь въ магазинъ и придерживая ее ногой, чтобы она не захлопнулась, грабитель схватилъ въ охапку лежавшіе на прилавкѣ у самой двери 30 паръ брюкъ съ жилетами и бросился къ кошевѣ. Прикащики кинулись за нимъ и одинъ изъ нихъ схватилъ грабителя за ногу, но тотъ, бросивъ ограбленное въ сани, вынулъ изъ-за пазухи револьверъ и выстрѣлилъ въ прикащика. Кошева умчалась во весь опоръ. Вся эта исторія происходила въ центрѣ города, въ мѣстѣ самаго бойкаго уличнаго движенія, саженяхъ въ 15 отъ извощичьей биржи, на которой стоитъ до десятка извощиковъ. Ни одного городоваго по близости не оказалось, извощики тоже не тронулись съ мѣста и кошева благополучно продолжала свой путь. Или возвращается вечеромъ около 10 часовъ ученикъ ремесленнаго училища, его обгоняетъ кошева и одинъ изъ сидѣвшихъ набрасываетъ на ученика арканъ съ петлей. Ученикъ сбрасываетъ ее съ себя и бѣжитъ, а одинъ изъ грабителей выскакиваетъ изъ кошевы и гонится за утекающимъ ученикомъ; къ счастью, на улицѣ показался экипажъ и грабитель, выругавъ убѣгавшаго ученика, вернулся къ кошевѣ. И что, казалось бы, взять съ ученика ремесленнаго училища или съ гимназиста; но вотъ около 3 часовъ дня, когда ученики гимназіи и учителя выходили съ гимназическаго двора на улицу, мчится кошева и у одного изъ гимназистовъ срываютъ съ головы шапку. Это, конечно, милостиво, потому что кошевы дѣлаютъ еще и не то. Напримѣръ, въ 2 часа ночи подъѣзжаетъ кошева съ пятью молодцами къ дому; двое изъ молодцовъ перелѣзаютъ черезъ заборъ, отворяютъ ворота, въѣзжаютъ во дворъ и ворота затворяютъ. Все дѣлается спокойно, увѣренно и безбоязненно, какъ у себя дома. Когда одинъ изъ проживающихъ въ домѣ сталъ кричать обходнаго, то въ крикуна бросили арканъ съ гирей и цѣпью, но промахнулись и, попавъ въ окно, разбили обѣ рамы. Хорошъ ударъ! Впрочемъ, ограбить дома молодцамъ не удалось и кошева уѣхала ни съ чѣмъ, наведя на всѣхъ только паническій страхъ.

Кошева, это путешествующій сибирскій разбой, приноровленный къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. И дѣйствительно, для грабителей способъ этотъ оказывается наиболѣе удобнымъ, потому что если въ кошеву запряжены лихіе кони, то за нею и не угонишься. И подобныя кошевы разъѣзжаютъ не только по улицамъ Томска, но и по большой дорогѣ. Нынѣшнею зимой двѣ кошевы, запряженныя

тройками лихихъ лошадей, напали на обозъ изъ 15 подводъ, пригрозили возчикамъ, срѣзали пять кулей крупичатой муки и ускакали въ городъ. Въ Томскѣ, и тоже двѣ кошевы, ограбили въ одномъ домѣ нѣсколько тысячъ рублей, забрали все, что можно было забрать и уложить въ кошевы (а въ кошеву,—глубокія рогоженныя сани,—умѣщается столько, что купецъ, отправляющійся на ярмарку съ краснымъ товаромъ, укладываетъ весь его въ одну кошеву), и уѣхали, прихвативъ кстати еще и лошадь. Для подобныхъ подвиговъ, конечно, требуется особенная смѣлость. Чаще же кошева, разъѣзжая по улицамъ, прибѣгаетъ къ помощи крюка, которымъ зацѣпляютъ проходящаго, втаскиваютъ въ кошеву, обираютъ и выбрасываютъ. Понятно, что кошева, появляющаяся на какой-нибудь улицѣ, производитъ на проходящихъ паническій страхъ и всѣ отъ нея бѣгутъ, какъ отъ внезапно выскочившаго тигра или бѣшенаго волка. Вотъ, напримѣръ, около шести часовъ вечера на людной улицѣ появляется кошева, публикой овладѣваетъ паническій страхъ и раздаются предостерегающіе крики: «кошевка, кошевка»; верховой полицейскій останавливаетъ кошеву, въ ней оказываются два пассажира, а у нихъ два большихъ ножа и револьверъ; на вопросъ куда кошева ѣдетъ, пассажиры отвѣчаютъ, что они ѣдутъ «такъ», кататься, и какъ кататься никому не запрещено, то полицейскій отпускаетъ кошеву и она отправляется благополучно дальше, чтобы найти улицу менѣе людную, гдѣ ей не помѣшаютъ.

Кошева стала для Томска и его большаго тракта болѣе страшной, чѣмъ пожаръ или холера, такъ что для охраненія городскихъ жителей пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію войска. «Томскій губернскій воинскій начальникъ, — пишетъ «Сибирская Газета», — получилъ предложеніе изъ главнаго штаба, чтобы въ распоряженіе томской полиціи для ночнаго надзора командировалось до 50 человѣкъ военной стражи», а «Томскія Епархіальныя Вѣдомости» предлагаютъ церковному начальству для охраненія церквей нанимать вооруженныхъ стражниковъ, вооружить трапезниковъ и зажигать на колокольняхъ фонари. Ужь это совсѣмъ какъ въ Абиссиніи или въ Марокко, гдѣ безъ ружья и кинжала нельзя выйти изъ дому. И ничего не подѣлаешь; каждому приходится защищать себя, какъ онъ знаетъ, и на револьверъ отвѣчать револьверомъ, потому что томскіе молодцы иначе не ходятъ, какъ съ гирьками и револьверами. Даже архіерея разбойники не оставили въ покоѣ. Нынѣшнею зимой забрался въ архіерейскій домъ какой-то любопытный и въ щель запертой двери разглядывалъ что-то въ помѣщеніи преосвященнаго. Когда служка хотѣлъ крикнуть, разбойникъ пригрозилъ ему револьверомъ и быстро ушелъ. Дѣло дошло до того, что въ Иркутскѣ передъ праздниками украли лошадь у губернатора, похитили какія-то вещи у и. д. губернатора и полицеймейстера. Если разбои и грабежи доходятъ до такой безбоязненности, что воры проникаютъ въ дома архіерея, губернатора и полицеймейстера, то очевидно, что это уже не цвѣточки, а ягодки. Тутъ даже и не смѣлость, а просто издѣвательство надъ властью. И эта смѣлость, и это издѣвательство растутъ въ Сибири все больше и больше, проникая даже въ такіе уголки, которые до сихъ поръ Богъ хранилъ. Минусинскій корреспондентъ «Сибири» говоритъ, что въ благословенномъ Минусинскомъ округѣ стало развиваться воровство, грабительство и убійство. «Тамъ, гдѣ прежде не слыхать было о нихъ, теперь они свершаются въ значительномъ числѣ. Никогда еще не бывало, чтобы инородцы участвовали въ убійствахъ, а теперь и они стали убивать».

И все это неизбѣжная логика фактовъ и совершенно въ порядкѣ сибирскихъ вещей. Обитатель Петербурга или Москвы, и не только обитатель столицъ, но обитатель какого-нибудь Царевококшайска или убогаго вологодскаго Никольска, въ которомъ тоже не мало ссыльныхъ воровъ, поступитъ совершенно праздно, если станетъ переносить на себя ужасъ обитателей Томска, потому что ничего подобнаго въ городахъ Европейской Россіи и произойти не можетъ. И русскіе города никѣмъ не охраняются (кромѣ столицъ, да и въ нихъ только въ одномъ Петербургѣ полиція приведена въ нѣкоторый порядокъ) и ихъ блюдетъ пока лишь десница Божія; но въ русскихъ городахъ и деревняхъ совсѣмъ иное напластованіе и гораздо выше и культурнѣе умственная и нравственная формація; гражданственность больше осѣла, понятія объ общежитіи выработались точнѣе и время разбойничьихъ нравовъ относится уже къ воспоминаніямъ о томъ прошломъ когда были еще цѣлы брынскіе лѣса, да изъ Жигулевскихъ горъ на Волгѣ можно еще было нападать на судовые караваны. Но въ Сибири не тотъ слой напластованія, который осѣлъ уже въ Россіи. Сибирь еще бродитъ, какъ свѣжая опара, въ которую подкладываются все новыя и новыя дрожжи. При этихъ условіяхъ ничего не подѣлаешь и получится то, что должно получиться.

Въ нынѣшнемъ году въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» были напечатаны свѣдѣнія о сибирской ссылкѣ за 10 лѣтъ. Изъ этихъ свѣдѣній становится совсѣмъ яснымъ, какими сильными дрожжами являются въ сибирской жизни отброски, которыми Россія такъ щедро снабжаетъ Сибирь каждый годъ. Съ 1875 по 1885 годъ прибыло въ Тобольскую губернію 66,583 ссыльныхъ обоего пола. Умерло изъ нихъ 11 т., бѣжало 10 т., сосланы далѣе или перемѣщены 4,735 ч., приписаны въ мѣщане и крестьяне 28,670 ч. Приписанные къ городамъ, эти новые граждане составляютъ $^1/_7$ городскаго населенія, а въ нѣкоторыхъ городахъ (Ишимѣ) ровно половину. Въ деревняхъ поселенцы составляютъ $^1/_{16}$.

Какой же свѣтъ культуры и просвѣщенія вносятъ въ Сибирь эти новые, подневольные граждане? «Не охотою идутъ ссыльные въ Сибирь,—говоритъ тобольскій отчетъ,—да неохотно и водворяются въ ней. Несмотря на казенное пособіе, ссыльные вообще неохотно обзаводятся домами и хозяйствомъ; въ теченіе десяти лѣтъ обзавелось домами только

1,813. Хозяйство даже и тѣми, которые принимаются за него, ведется черезъ пень въ колоду; только и встрѣчаешь помѣтки противъ сельскихъ хозяевъ изъ ссыльныхъ: «земли обрабатываютъ самое необходимое количество для своего пропитанія, остальную отдаютъ въ аренду». Вотъ и перебивается такимъ образомъ каждый изъ нихъ, стараясь при первой возможности уйти или по паспорту на заработокъ, или улизнуть совсѣмъ безъ всякаго паспорта и примкнуть къ громадной арміи бродягъ, которыми наводнена Сибирь. Изъ причисленныхъ къ мѣстамъ бо̀льшая часть помѣчена: «въ безъизвѣстной отлучкѣ» и бродитъ не вѣсть Богъ гдѣ, распложая массу преступленій».

«Десять лѣтъ тому назадъ,—говоритъ тотъ же отчетъ,—былъ представленъ исправнику, для водворенія на прежнее мѣсто жительства, какой-то чахлый, изморенный, босой и въ одномъ бѣльѣ субъектъ, только что пойманный изъ бѣговъ; на немъ числилось казенной недоимки девяносто съ чѣмъ-то рублей. Надо было видѣть отчаяніе исправника, съ которымъ онъ, осматривая съ ногъ до головы пойманнаго ссыльнаго, повторялъ: «попробуйте съ этого сокола получить что-нибудь», а соколъ при этомъ хоть бы глазомъ моргнулъ и только на вопросъ исправника: «вѣдь ты опять убѣжишь, шельмецъ?» медленно, не спѣша и не перемѣняя позы, отвѣтилъ: «хворается что-то ваше в—діе, а Богъ силы дастъ, какъ поди бы не уйтить».

Въ 1875 году бывшимъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, генераломъ Казнаковымъ, были затребованы свѣдѣнія о ссыльныхъ, и ихъ недочетъ противъ списочнаго числа оказался въ 16,829 человѣкъ. Въ десятилѣтній періодъ времени населеніе Тобольской губерніи увеличилось на $^{1}/_{17}$, число преступленій въ 13 разъ, а число осужденныхъ въ $2^{1}/_{2}$ раза («Восточное Обозрѣніе»).

Изъ исторіи ссыльныхъ съ перваго ихъ шага на сибирской землѣ читатель увидитъ, что и это все тоже въ порядкѣ вещей и иначе быть не можетъ. Беру эту исторію изъ газеты «Сибирь».

Съ открытія навигаціи и до глубокой осени, ежедневно, партіями человѣкъ въ 150 и болѣе, прибываютъ ссыльные въ Тюмень. Здѣсь, въ приказѣ, ихъ сортируютъ и назначаютъ имъ мѣста жительства. Это дѣлается такъ (хотя законъ велитъ поступать иначе): въ глухія волости, напримѣръ, назначаютъ мастеровъ всякаго рода, начиная съ ювелировъ, а крестьянъ, не видавшихъ у себя на родинѣ ничего, кромѣ сохи, причисляютъ (хоть это и не всегда) къ городамъ. Ошибка въ распредѣленіи для ссыльныхъ всегда бываетъ роковою, ибо нѣкоторые изъ нихъ приписываются безъ права отлучекъ; другіе же, не лишенные этого права юридически, лишаются его фактически, потому что паспортъ въ Сибири стоитъ не дешево. Затѣмъ разъ въ недѣлю, человѣкъ 800 и болѣе, отправляютъ ссыльныхъ изъ Тюмени этапомъ въ другіе города и округи. Это тоже путина, и, главное, имѣющая развращающее вліяніе и на арестантовъ, и на солдатъ, и на мѣстное населеніе. До Тюкалинска, напримѣръ, партія идетъ 28 дней, до Тары 42 дня, а если къ этому прибавить еще путь отъ города до волости, то нѣкоторымъ приходится идти дней по 60. Путь этотъ есть путь всякихъ безобразій, ибо солдаты смотрятъ на командировку съ партіей, какъ на время отдыха и пріятнаго препровожденія времени. Но помѣхой служитъ партія, за которою нужно слѣдить, и тутъ является на выручку компромиссъ: арестанты обѣщаютъ не быть особенно требовательными и слѣдить другъ за другомъ, чтобы никто не убѣжалъ, и вообще не подводить команду, а команда обѣщаетъ не стѣснять партію, дозволять арестантамъ покупать водку, играть въ карты, посѣщать въ деревняхъ «веселые дома». «Разъ соглашеніе состоялось, — говоритъ авторъ статьи, — сейчасъ же начинается кутежъ, пьянство и всякія безобразія какъ солдатъ, такъ и арестантовъ, и продолжается до тѣхъ поръ, пока не смѣнится конвой. Тамъ новое соглашеніе, новый кутежъ, и такъ вплоть до мѣста назначенія. Надо отдать справедливость солдатамъ: по части разгула они далеко оставляютъ за собой арестантовъ»,—замѣчаетъ авторъ.

На какіе же доходы пьетъ арестантъ, когда у него нѣтъ на рукахъ денегъ (деньги отбираются и выдаются на мѣстѣ)? Въ этомъ случаѣ помогаетъ арестанту тотъ же конвой, который выдаетъ ему кормовыя за нѣсколько дней впередъ, чаще до мѣста смѣны, и ради выпивки арестантъ голодаетъ. Или же арестантъ продаетъ свои и казенныя вещи, а случается, что и воруетъ дорогой. Къ мѣстному населенію у арестанта возникаютъ скорѣе враждебскія, чѣмъ дружескія чувства, и понятно почему. Крестьяне по этапному пути, видя нескончаемые кутежи и дебоширство солдатъ и арестантовъ и обремененные постоемъ и подводами смотрятъ на арестантскія партіи далеко не дружелюбно. Кромѣ постоянныхъ ссоръ и стычекъ, не разъ повторялись и случаи побоищъ. Ужъ какая при этомъ между ссыльными и туземцами можетъ возникнуть пріязнь!

Но вотъ, наконецъ, партія добралась до города. Начинается опять сортировка. Назначенныхъ въ волости отправляютъ на мѣста съ полицейскими и сотскими, а тѣмъ, которые приписаны къ городу, говорятъ: «можете идти!» А куда идти? Городъ незнакомый, въ карманѣ ни гроша, на плечахъ рубище, часто еще съ «тузомъ» на спинѣ. Кто же возьметъ человѣка съ такой рекомендаціей! До ссыльнаго нѣтъ никому никакого дѣла. Есть ли у него работа, или нѣтъ, сытъ онъ или голоденъ, живъ онъ или пропалъ подъ заборомъ, какъ собака,— это всѣмъ и всякому все равно. Поселенецъ — парія, и о судьбѣ его не заботится ни одинъ живой человѣкъ. Парію поможетъ развѣ такой же парій, какъ онъ. Во всякомъ ссыльномъ городѣ есть «отпѣтые» изъ такихъ же ссыльныхъ, живущіе всякими темными дѣлами, содержащіе притоны жулья и эксплуатирующіе это жулье и вновь прибывшихъ поселенцевъ. Хозяева такихъ притоновъ еще за городомъ поджидаютъ прихода партіи и приглашаютъ къ себѣ желающихъ. Поселенецъ, которому дѣться некуда, идетъ въ притонъ, гдѣ его продержатъ

день, два, недѣлю и потомъ выгонятъ, и опять онъ ни при чемъ, если не сумѣетъ найти работы; а это совсѣмъ не такъ легко.

Самое выгодное время для работы лѣто, когда есть и спросъ на рабочихъ, и цѣны даются хорошія. Ссыльные пользуются этимъ временемъ и массами идутъ въ деревни наниматься на сельскія работы. Но какъ не великъ лѣтомъ спросъ на руки, многіе изъ ссыльныхъ остаются безъ дѣла и потому, что оказываются лишними, и потому еще, что не пригодны по малосилію и недостатку навыка. Да и для того, кто оказался пригоднымъ, сельскія работы не больше, какъ счастливая случайность, потому что продолжаются онѣ слишкомъ недолго; а тамъ опять слоняйся и опять ищи дѣла.

Городскіе заработки постояннѣе, но и они кормятъ плохо. Напримѣръ, въ Тарѣ и Тюкалинскѣ развито болѣе сапожное ремесло, а за нимъ стоитъ кузнечное, въ Ишимѣ же главное ремесло кузнечное, а сапожное занимаетъ второе мѣсто. Остальныя ремесла, портняжное, столярное, находятся въ зачаточномъ положеніи. Поэтому поселенецъ, назначенный въ Тару, Тюкалинскъ, Ишимъ, долженъ быть или сапожникомъ, или кузнецомъ. Какъ же такой счастливецъ устроится въ этихъ городахъ? А вотъ какъ. Въ сапожныхъ мастерскихъ, — а ихъ, особенно въ Тарѣ, много, потому что громадное количество сапоговъ шьется для вывоза въ киргизскую степь,— работаютъ по 16—18 часовъ въ день и платится за такой день на хозяйскихъ харчахъ 20 коп. И это въ лучшихъ мастерскихъ, работающихъ по заказу. При мѣсячной платѣ рабочій на хозяйскихъ харчахъ получаетъ 4 руб., при поштучной платѣ за пару мужскихъ сапоговъ отъ 40 до 80 коп. (работается пара отъ 2 до 4 дней); за женскіе ботинки отъ 30 до 50 коп. (работаются 1½ — 2 дня). Въ мастерскихъ, работающихъ на базаръ и на вывозъ, плата еще меньше, такъ что за пару бродней платится на хозяйскихъ харчахъ отъ 7 до 10 коп. Круглый годъ работа бываетъ только въ мастерскихъ, шьющихъ по заказу, въ остальныхъ лишь лѣтомъ. Кузнечная работа оплачивается лучше, но за то она труднѣе, да и работаютъ въ кузницахъ, особенно весною, дольше, чѣмъ въ сапожныхъ мастерскихъ.

Больше всего работы даютъ заводы кирпичные, кожевенные, винокуренные, но за то плата на нихъ ничтожная, да и работа почти каторжная. Напримѣръ, на кожевенныхъ заводахъ (кожевенное производство сильно развито въ Тобольской губерніи) работаютъ съ 3 часовъ утра до 9 вечера вечера и чернорабочій (а ихъ 90%) получаетъ лѣтомъ по 20 к., а зимой 7—8 к.; мастеръ, отдѣлывающій кожи, лѣтомъ получаетъ отъ 30 до 40 к., а зимой 20 к. Работа на кожевенныхъ заводахъ трудная, многимъ рабочимъ приходится быть цѣлый день въ водѣ, обращеніе съ ними крайне грубое и принимаютъ исключительно поселенцевъ, дошедшихъ до послѣдней степени обнищанія. Поселенцу, мало-мальски сносно одѣтому, отвѣчаютъ: «намъ такихъ не надо; иди, пропейся до послѣдней рубахи, тогда приходи, примемъ». И какъ ни тяжка жизнь на подобныхъ заводахъ, ссыльные тянутся къ нимъ и положеніе ихъ, все-таки, сравнительно завидное, потому что есть за то какой-нибудь кусокъ хлѣба. А кто не нашелъ себѣ мѣста, тотъ или христарадничаетъ, или убѣгаетъ, или творитъ что-нибудь и похуже.

Авторъ, которымъ я пользуюсь, приводитъ факты поразительнаго упадка физическаго и нравственнаго этихъ несчастныхъ, тоже когда-то, можетъ быть, бывшихъ людьми, теперь же утратившихъ всякій человѣческій образъ и совсѣмъ одичавшихъ. «Намъ случалось,—говоритъ онъ,—заходить въ Тарѣ въ одинъ изъ пріютовъ нищеты (есть въ Тарѣ такой Тимошка, изъ поселенцевъ, который даетъ у себя безплатный пріютъ ссыльнымъ, сколько бы ихъ ни пришло, но на условіи, чтобы они не занимались никакими темными дѣлами, пока живутъ у него; тарская голытьба считаетъ Тимошку своимъ благодѣтелемъ и спасителемъ). На пространствѣ 4—5 кв. аршинъ помѣщалось человѣкъ 20, иногда и болѣе; тутъ были мужчины и женщины, старики и дѣти. Костюмы на всѣхъ жалкіе: иной едва прикрытъ лохмотьями какого-то подобія рубахи, изъ подъ которыхъ проглядываетъ грязное тѣло. Жили всѣ они поденною работой и милостыней. Случалось, что на всю артель было два-три халата и армяка, въ которыхъ можно выйти на работу или за милостыней. Въ такихъ случаяхъ соблюдалась очередь: одни шли на работу, другіе оставались дома. И такая обстановка не изъ худшихъ». Или, говоритъ тотъ же авторъ: «Идя какъ-то по Тарѣ, мы замѣтили сидящаго подъ заборомъ оборванца, что-то дѣлающаго. Подойдя ближе, мы увидѣли, что передъ нимъ навалена куча сѣрыхъ капустныхъ листьевъ, которые онъ посыпалъ солью и жадно ѣлъ безъ хлѣба. Когда мы окликнули его, онъ поднялъ на насъ помутившіеся глаза; лицо было худо до послѣдней степени; покрывавшая его грязь и тупое, безсмысленное выраженіе дѣлали его еще ужаснѣе: вся фигура имѣла какой-то животный, скотскій видъ. Оказалось, что весной онъ пришелъ въ городъ, нѣкоторое время работалъ на заводѣ, но затѣмъ остался безъ работы (она прекратилась), теперь второй мѣсяцъ безъ мѣста и нѣсколько дней не ѣлъ. Бѣдняга набралъ на огородѣ брошенныхъ листьевъ, а соль у кого-то выпросилъ». Или: «въ бурную ночь, когда дождь и вѣтеръ прохватывали до костей, на кучѣ наваленныхъ бревенъ лежала какая-то фигура и не то всхлипывала, не то стонала. Изъ разспросовъ мы узнали, — говоритъ авторъ,—что это не имѣющій пристанища и работы поселенецъ, недавно присланный въ городъ. Когда я привелъ его къ себѣ, то увидѣлъ сгорбленнаго старика лѣтъ подъ 60, съ всклоченною сѣдою бородой, худаго, кожа да кости, въ рубищѣ, съ котораго ручьями лила вода.... И это во всѣхъ сибирскихъ городахъ...» Нѣкоторые до того тяготятся подобною жизнью подъ заборами, вѣчнымъ холодомъ и голодомъ и неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, что добровольно идутъ въ тюрьмы, объявляя себя бродягами, взводя на себя небывалыя преступленія, чтобы отдохнуть въ острогѣ отъ мукъ, которыя имъ приходится выносить на волѣ. Такъ по-

ступаетъ «середина», которая, какъ вездѣ, преобладаетъ и между поселенцами. Люди болѣе энергическіе, сильные и здоровые выбираютъ себѣ другой путь, отъ преступленія къ преступленію, отъ острога къ острогу, а въ концѣ ихъ ждетъ или каторга, или самосудъ сибиряка. Середина, эта сѣрая безличная масса, отощавшая, обнищавшая, упавшая до самаго низшаго уровня потребностей, затупѣлая, загнанная и задерганная жизнью, является въ Сибири элементомъ такого гражданскаго прогресса, съ которымъ можно дойти до людоѣдства. Что же касается «рѣшительныхъ», то этотъ «элементъ гражданскаго прогресса» творитъ только панику, превращаетъ Сибирь въ разбойничій вертепъ и вызываетъ мѣры военной охраны.

Въ послѣднее время въ Сибири далъ себя почувствовать наплывъ интеллигентныхъ жуликовъ, «которые,—говоритъ «Сибирь»,—при прежнемъ судопроизводствѣ, навѣрное, остались бы только въ сильномъ подозрѣніи и спокойно продолжали бы мошенничать на родинѣ. Теперь не то: присяжные безжалостно осудили ихъ, и они явились въ Сибирь не въ качествѣ «несчастенькихъ», которымъ въ былое время сочувствовалъ простой народъ; они явились «культуртрегерами», просвѣтителями невѣжественной окраины, они втираются въ довѣріе богатыхъ людей, становятся помощниками проворовавшихся чиновниковъ и совокупно съ ними управляютъ различными торговыми заведеніями. Сначала скромные, они, присмотрѣвшись и пообжившись, начинаютъ ужъ выпускать свои когти и жить насчетъ людской довѣрчивости и добродушія, возвращаясь къ той же практикѣ, которая и въ Россіи довела ихъ до скамьи подсудимыхъ. Они сбываютъ дутыя акціи, получаютъ деньги по подложнымъ телеграммамъ, совершаютъ поджоги ради полученія страховыхъ премій, выманиваютъ у простоватыхъ людей мошенническими способами деньги и пускаютъ въ ходъ всю свою умственную изворотливость, чтобы жать, гдѣ не сѣяли.

Всѣ эти отброски Россіи имѣютъ въ сибирской жизни значеніе инородныхъ тѣлъ и составляютъ въ ней какъ бы налетъ и прожилки. Тѣмъ не менѣе, налетъ и прожилки создаютъ собою заражающую атмосферу, подобно тому, какъ коховскія запятыя создаютъ холеру. Основной слой сибирской жизни, лежащій внизу глубокимъ и сильнымъ пластомъ и составляющій ту почву, на которой должна вырасти сибирская гражданственность, есть коренное сибирское населеніе, если, можетъ быть, и нуждающееся въ пришломъ населеніи, то ужъ ни въ какомъ случаѣ не въ отбросках, доказавшихъ уже свою неспособность къ гражданскому общежитію.

Сибирь искони извѣстна какъ золотое дно, какъ источникъ неисчерпаемыхъ естественныхъ богатствъ и безграничнаго земельнаго простора, гдѣ на каждаго земледѣльца приходится до 100 десятинъ земли, какъ страна, не знавшая никогда крѣпостнаго права, несмотря на то, что не разъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ заявлялось о необходимости для блага Сибири ввести въ ней частную земельную собственность. Какъ же живетъ коренное населеніе этого золотаго дна и свободной страны, не знавшей никогда крѣпостнаго права?

Начнемъ хоть съ такого факта, повидимому, мелкаго и единичнаго. Корреспондентъ изъ Олекмы пишетъ въ «Сибирь»: «Если якутскій обыватель въ сотый разъ кричитъ «караулъ, грабятъ!» то въ Олекминскомъ округѣ отъ этого крика жители и голосъ потеряли и осталось имъ одно: молчать и охать. Полиція здѣсь состоитъ изъ двухъ лицъ и, по разсказамъ, дѣла у нихъ столько, что оба должны сидѣть въ присутствіи, а округъ отданъ на волю судебъ. Вдобавокъ къ многочисленнымъ русскимъ поселенцамъ, назадъ тому болѣе 10 лѣтъ сюда прислали нѣсколько сотъ татаръ, которыхъ причислили въ нашъ единственный улусъ, и на всю эту массу не дали ни аршина земли, такъ что нѣтъ мѣста, гдѣ бы можно поставить юрту или вырыть землянку. Кромѣ золотыхъ пріисковъ, никакой промышленности въ округѣ нѣтъ, на золотые же пріиски семейныхъ не принимаютъ. Лѣтомъ часть этихъ ссыльныхъ зарабатываетъ деньги на полевыхъ работахъ у скопцовъ, а зимой и того нѣтъ, а жить надо, питаться нужно, и какъ у самихъ ничего нѣтъ, то волей-неволей несчастные берутся за чужое. Мѣстные обыватели лишаются каждый годъ не одной сотни скота, а о мелкомъ воровствѣ и говорить нечего; въ самомъ же городѣ попрошаекъ не перечтешь. Ходятъ за милостыней старые и молодые, слабые и здоровые, трезвые и пьяные, и за этимъ никто не слѣдитъ. Людей бьютъ въ городѣ, бьютъ, сжигаютъ и топятъ въ округѣ, а виновныхъ не находятъ. Впрочемъ, нельзя винить однихъ ссыльныхъ: якутъ тоже переимчивъ; говорятъ, что одного татарина подстрѣлили, а его семью перерѣзали и сожгли якуты».

И такъ, коренной житель не только кричитъ и охаетъ, но отъ крику потерялъ даже голосъ, и, все-таки, его никто не услышалъ. И кричитъ онъ не отъ однихъ ссыльныхъ, а и отъ многаго другаго. Прежде всего, онъ кричитъ отъ страшныхъ поборовъ, не казенныхъ, конечно. Казенные платежи составляютъ гласный бюджетъ сибирскаго крестьянина, а есть еще у него бюджетъ негласный, превышающій гласный въ $1^1/_2$ раза. Нѣкоторые же изслѣдователи увѣряютъ, что негласный бюджетъ превышаетъ гласный въ 2, 3 и даже 4 раза. И, судя по массѣ свѣдѣній, которыя публикуются сибирскими газетами, нужно думать, что цифры эти не преувеличены. Главными обиралами народа являются волостные писаря, ихъ помощники и кулаки. Они продѣлываютъ вещи, возможныя развѣ только въ Сибири. Поборы дѣлаются или въ прямой формѣ, т.-е. берется съ души, что тамъ окажется нужнымъ, или въ формѣ косвенной, болѣе удобной по ея запутанности и менѣе замѣтной для плательщика, какъ и всякіе косвенные налоги. Напримѣръ, въ Минусинскомъ округѣ подводная повинность стоила крестьянамъ только одной волости 126,340 руб. въ 6 лѣтъ. Ревизіонная коммиссія, дѣлавшая учетъ, прямо говоритъ, что многіе изъ незакон-

ныхъ доходовъ и поборовъ настолько неуловимы, что ихъ и опредѣлить нельзя. Удостовѣрено, напримѣръ, что, кромѣ 2,682 руб., которые шли на взятки головы и писаря, съ каждой деревни, желавшей освободиться отъ гоньбы, бралось 100 руб.; за выдачу удостовѣренія въ состоятельности ямщика 5 руб.; опредѣленное обществомъ число паръ увеличивалось по произволу писаря и головы, а на этихъ подводахъ возились экипажныя и телѣжныя колеса, барочныя снасти, свѣжая рыба, масло, ягоды, птица для лицъ на государственной службѣ, не говоря уже о томъ, что засѣдатель и его семейство ѣздили на увеселительныя прогулки на земскихъ подводахъ. Изъ 126 тыс. ушло на писарей, голову и т. д. не меньше половины. И это только по одной подводной повинности; по другимъ повинностямъ, напримѣръ, дорожной, ближайшее крестьянское начальство поступало по тому же финансовому принципу; волостной голова дралъ и бралъ, точно башибузукъ въ непріятельской странѣ, такъ что съ общества сошло переплатъ 32,180 руб. Послѣ этихъ цифръ читателю не покажется невѣроятнымъ и бюджетъ одного приленскаго исправника, сообщаемый газетою «Сибирь»: жалованья, столовыхъ и квартирныхъ отъ правительства 1,650 руб., съ трехъ волостныхъ правленій, двухъ степныхъ думъ и одной инородческой управы по 600 руб. въ годъ—3,600 руб., съ одного винокуреннаго завода 1,000 руб., съ двухъ крупныхъ кабацкихъ фирмъ по 1,000 руб.—2,000 руб., съ трехъ городскихъ складовъ по 300 руб,—900 руб., съ прочихъ складовъ въ округѣ minimum до 3,000 руб., итого 12,150 руб. При этомъ еще и квартира даромъ, стоющая обществу по меньшей мѣрѣ 350 руб. въ годъ, и получается круглая цифра въ 12,500 руб. Не преувеличеннымъ покажется и общій разсчетъ, дѣлаемый «Сибирью» натуральнымъ повинностямъ. Повинности эти, переведенныя на деньги, составляли среднимъ числомъ 23 руб. 65½ коп. въ годъ съ человѣка. Это по отчету; въ дѣйствительности же крестьянинъ платилъ въ десять разъ больше того, что выставлялось въ отчетахъ. Какое же крестьянское хозяйство, даже богатой Сибири, выдержитъ такой налогъ? И окажется въ концѣ-концовъ, что сибирскій земледѣлецъ отдаетъ все, что онъ заработаетъ, и золотое дно выходитъ золотымъ для всѣхъ, кромѣ того, кто его разрабатываетъ. Приведенный разсчетъ, положимъ, сдѣланъ для житницы Сибири, Минусинскаго округа, но его безошибочно можно обобщить для всей Сибири. Гдѣ похуже, тамъ, конечно, и сборы меньше, но, въ силу установившейся всеобщей, одинаковой системы, мужикъ вездѣ отдаетъ все, что получаетъ, и изъ него выжимается все, что выжать можно.

Рядомъ съ этимъ выжимающимъ сибиряка прессомъ, т. е. головой, писарями и другими властями, стоитъ еще болѣе ужасный и безжалостный прессъ—кулакъ, этотъ изумительный продуктъ русской жизни, и только русской жизни. Ничего подобнаго не знаетъ европейская цивилизація. Это не буржуа и даже не «буржуй», это «кадыкъ» (по минусинскому прозвищу), это мертвая петля, опутывающая каждаго крестьянина; онъ держитъ въ трепетѣ даже администрацію и «подъ ея охраною вершитъ дѣла, за которыя всякій другой пошелъ бы на каторгу» («Сибирь»). Вотъ характеристика одного такого «кадыка».

Давно уже въ Сибирь былъ сосланъ за воровство нѣкій Р—чъ. Долго онъ бѣдствовалъ и пресмыкался, пока судьба не сжалилась надъ нимъ. Изъ состраданія его приняли прикащикомъ на золотые промыслы. Прослуживъ недолго на пріискѣ, Р—чъ попалъ писаремъ къ кочевымъ инородцамъ и здѣсь выказалъ свои необыкновенныя способности къ самымъ возмутительнымъ беззаконіямъ. Пріобрѣтя капиталъ и укрѣпившись, Р. бросилъ писарство и явился въ с. Абаканское, гдѣ открылъ множество кабаковъ. Абаканское—село богатое и ладить съ нимъ не такъ легко, какъ съ инородцами. И вотъ Р., какъ и всѣ кулаки, входитъ въ сдѣлки съ администраціей. Для него составляются незаконные приговоры и онъ открываетъ кабаки противъ желанія крестьянъ. На дорогѣ «кадыку» стоитъ, однако, писарь Половниковъ, держащій сторону крестьянъ. Боясь отвѣтственности за мошенничество, Р., при посредствѣ связей, смѣняетъ писаря; затѣмъ, подкупивъ писцовъ волостнаго управленія, Р. выкрадываетъ изъ волости свои дѣла о подлогахъ и съ помощью вновь присланнаго засѣдателя П. и его письмоводителя О., сосланнаго въ Сибирь за подлоги, сочиняетъ доносъ на Половникова и добивается того, что честный человѣкъ, прослужившій 20 лѣтъ писаремъ, извѣстный начальству, имѣвшій похвальные листы и медаль «за усердіе», былъ не только исключенъ изъ службы, но и посаженъ въ острогъ. Такому ли сильному человѣку, которому повинуется начальство, не скрутить мужика! И скрутилъ. Такъ, раздувъ одно свое кабацкое дѣло, онъ не только отобралъ въ одномъ селеніи скотъ и крестьянское имущество, но и нѣкоторыхъ изъ крестьянъ отправилъ на каторгу «за возмущеніе противъ властей». Про Р. говорятъ, что онъ ворочаетъ не только волостною, но уѣздною и отчасти губернскою администраціей. «Таштыпскій кулакъ Л—тинъ открыто выражаетъ свое презрѣніе къ администраціи, которая ничего не можетъ съ нимъ сдѣлать, несмотря на массу мошенническихъ дѣлъ, уголовныхъ преступленій, совершаемыхъ имъ чуть не ежедневно по отношенію къ закабаленному имъ таштыпскому краю» («Сибирь»).

«Допотопные засѣдатели, прожженные писаря, кабатчики и міроѣды-кулаки въ должностяхъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ учиняютъ дѣянія, истинно невѣроятныя, и уму непостижимыя,—пишутъ въ ту же газету «Сибирь».—Разные живоглоты закабаляютъ и разоряютъ цѣлыя селенія, поѣдаютъ цѣлыя семьи, сѣкутъ налѣво и направо всѣхъ, имъ противящихся и дерзающихъ «пикнуть» противъ ихъ произвола и насилія (сѣкутъ и заковываютъ въ кандалы даже корреспондентовъ). Потомъ эти «звѣроподобные»,—говоритъ «Сибирь»,—выходятъ въ купцы, въ золотопро-

мышленники, засѣдаютъ во главѣ городскихъ управленій, а то на 10—12 подводахъ, украшенные регаліями, отъѣзжаютъ въ страны далекія, во-свояси, или въ Крымъ, Италію и подалѣе... И такихъ непочатые углы въ Сибири. Вотъ болѣе десятка лѣтъ царитъ въ одномъ хлѣбномъ округѣ одинъ фешенебельный писарь. Домъ у него полная чаша; въ кухнѣ чуть не французскій поваръ; за столомъ чуть не каждый день шампанское. Изъ какихъ источниковъ образуется это разливанное море? Какіе ручьи и рѣки наполняютъ эту пучину? Источникъ у насъ одинъ,—говоритъ корреспондентъ,—крестьянскія слезы. Говорятъ, что по всему теченію Ангары, на протяженіи всей волости, гдѣ купается въ шампанскомъ г.-м-т-р-въ, вода въ нашей матушкѣ горько-соленая».

Способы выжиманія и установленія авторитета доведены до такой примитивно-грубой виртуозности, которая идетъ вполнѣ параллельно съ томскою кошевой, и наводятъ такой же паническій страхъ. Вотъ, напримѣръ, участковый писарь Тесинской волости, Малиновскій, приглашаетъ съ собою волостнаго писаря и кандидата волостнаго головы рыскать по волости съ цѣлью добычи (совершенно какъ рыскаютъ, отыскивая добычи, молодцы въ кошевахъ; но вотъ что странно: отчего иногда въ сибирскихъ газетахъ прописываются фамиліи виртуозовъ большихъ дорогъ всѣми буквами, какъ въ настоящемъ случаѣ, а иногда въ видѣ шарадъ: г.-м-щ-р-въ; вѣдь, кажется, тоже писарь?). Странствуя по дебрямъ округа, эти господа натыкаются на заимку третьяковскую и начинаютъ провѣрять паспорты. Все оказалось въ исправности. Только у крестьянъ Цывилевыхъ, *имѣвшихъ на заимкѣ собственные дома*, паспорты были просрочены на 12 дней. «Поступить съ ними, какъ съ бродягами!»—кричитъ Малиновскій. Кандидатъ головы арестуетъ крестьянъ. Тѣ, конечно, молятъ, чтобы начальство смилостивилось, потому что время страдное. И начальство смилостивилось. Взыскало по пятнадцати рублей за каждый просроченный паспортъ въ свою собственную пользу (на двухъ писарей и кандидата) и возвратило паспорты крестьянамъ.

Еще случай, похожій больше на анекдотъ. Участковый кареловскій писарь пожелалъ имѣть къ обѣду холодное изъ овечьихъ ножекъ и головы и гонялъ для этого земскихъ лошадей за 30 верстъ. А ѣздилъ старшина, получившій оффиціальный пакетъ на свое имя; въ пакетѣ же было предписаніе о ножкахъ и головѣ. Или еще «анекдотъ», хотя и перепечатанный русскими газетами, но который я повторю, придерживаясь правила: «хорошее скажи, да еще разъ скажи». Крестьянинъ Чебышевъ не исполнилъ какого-то волостнаго распоряженія, основаннаго на предписаніи исправника (случай этотъ былъ въ 1881 г.). Голова поколотилъ крестьянина, а крестьянинъ пожаловался исправнику. Исправникъ пріѣзжаетъ въ Аб—скъ и разбираетъ дѣло въ волости.

«— И ты ударилъ его?—разглаживая бакенбарды, спрашиваетъ задумчиво исправникъ голову.

«— Ударилъ, ваше-скородіе, виноватъ!—отвѣчаетъ развязно голова.

«— И... за что же это онъ ударилъ тебя, братецъ?—продолжаетъ исправникъ, обращаясь къ крестьянину.

«— Да оно точно, ваше-скородіе, я маленько проштрафился, — говоритъ мужикъ, — да, вѣдь, драться нонѣ заказано, а коли въ чемъ виноватъ, такъ представляй къ законному суду.

«— Заказано? Драться-то заказано?!—меланхолически восклицаетъ исправникъ.—Ну-ка, голова, поднеси ему въ морду при мнѣ!

«Голова, исполняя приказаніе начальства, «подноситъ», и авторитетъ поколебавшейся было власти возстановляется.

«Все это свершается среди господствующаго русскаго племени, явившагося въ Сибирь исполнить свою цивилизаторскую миссію. Но въ Сибири есть и коренное его племя, исконные обитатели страны—инородцы. Наши первые землепроходцы отнимали по праву сильнаго имущество и добычу у этого исконнаго обитателя и принуждали его нести непосильную дань. За первыми пришельцами явились новые, осѣвшіе на мѣстахъ, которые съ перваго же шага принялись за широкую эксплуатацію инородцевъ, подъ покровительствомъ русской власти и при помощи спиртныхъ напитковъ. Въ послѣдующій и болѣе къ намъ близкій періодъ сибирской исторіи русское населеніе, продолжая ту же «экономическую политику», заявило уже права на земли и угодья инородцевъ. Съ ограниченіемъ землевладѣнія, съ уничтоженіемъ лѣсовъ, съ отобраніемъ рыболовныхъ статей, прежнее приволье и благосостояніе инородцевъ исчезли. Инородецъ не могъ не уступать русскому, потому что за русскимъ стояла власть; не могъ инородецъ и бороться съ русскимъ путемъ развитія самостоятельной жизни, потому что законы были чужды его устоевъ, и вотъ, вмѣсто прежняго величія, инородческія общества представляютъ теперь какія-то отребья человѣчества» («Восточн. Обоз.»).

Въ числѣ сибирскихъ инородцевъ одни стоятъ на самой низкой степени культуры, какъ остяки, самоѣды, орочены, гиляки; другіе поднялись уже до извѣстной степени культуры, не уступающей культурѣ русскаго пришельца (киргизскія и бурятскія народности). Съ первыми было бороться не трудно, вторые же вели постоянную и упорную борьбу за существованіе и продолжаютъ ее и теперь. Но кулакъ силенъ и всемогущъ. Онъ умѣлъ за мизерныя крохи пріобрѣсти отъ инородца его рыболовныя статьи и когда инородецъ умиралъ отъ голода, кулакъ наживалъ себѣ состояніе. Среди сибирскаго приволья и простора кулакъ не встрѣчалъ никакого удержу и далъ полную волю своей дикой и необузданной натурѣ. Онъ настроилъ у инородцевъ водочныхъ заводовъ и кабаковъ, «радѣлъ» о краѣ, среди дня грабилъ почты, нападалъ съ оружіемъ на почтальоновъ и беззащитныхъ ямщиковъ-киргизовъ, сокрушалъ ланиты и скулы туземцевъ, для уменьшенія въ народѣ пьянства началъ платить рабочимъ за трудъ урюкомъ (и не ошибся въ раз-

счетѣ); чтобы помочь бѣднѣющимъ киргизамъ, устроилъ сберегательную кассу, первымъ внесъ въ нее сто рублей, а когда въ кассѣ накопилось порядочно киргизскихъ денегъ, взялъ всю кассу себѣ; учинялъ всякое насиліе и самое невозможное взяточничество (конечно, въ союзѣ съ уѣздными письмоводителями). Разсказываютъ, что для кулака и К° самымъ благодарнымъ полемъ дѣятельности были киргизскіе съѣзды для выбора волостныхъ старшинъ и біевъ. Съ одного съѣзда вывозилось по пятнадцати тысячъ и болѣе. Уѣздные письмоводители (перечислены фамиліи), которымъ,—говоритъ «Восточн. Обоз.»—красная цѣна грошъ, вывозили отъ пяти до восьми тысячъ съ одного съѣзда.

Кулаки всего Минусинскаго округа, — пишетъ «Сибирь»,—слетаются, какъ коршуны въ степи, и выжимаютъ всѣ соки у аборигена. Все это совершается не только съ вѣдома, но и при помощи сельской и городской администраціи, которая весьма часто и сама устраиваетъ охоту на инородцевъ. Въ настоящее время (конецъ 1885 г.) въ Минусинскѣ организовано цѣлое общество охотниковъ, во главѣ которыхъ стоитъ нѣкій У—евъ, бывшій писаремъ въ инородческихъ управахъ и знающій экономическое положеніе каждаго татарина. Этотъ У—евъ состоитъ при слѣдователѣ П—овѣ и каждую субботу докладываетъ ему, какого татарина можно «пощипать». Слѣдователь отправляется на базаръ и ловитъ, кого указано. Такъ былъ уловленъ и обобранъ татаринъ Кулгашевъ, котораго П—овъ арестовалъ, забралъ у него 14 рублей, мѣдныя стремена и даже сорвалъ крестъ съ шеи (татаринъ былъ крещеный). Продержавъ татарина въ каталажкѣ, П—овъ выпустилъ его, возвратилъ ему 4 рубля, а 10 рублей, стремена и крестъ удержалъ у себя (этотъ же фактъ съ подробностями, которыя я не привелъ, чтобы не слишкомъ омрачать картины, напечатанъ и въ «Восточн. Обоз.»). Тотъ же слѣдователь выслалъ административнымъ порядкомъ изъ города подъ надзоръ инородческаго общества двухъ татаръ за то, что они нашли вора, укравшаго сѣдло у ихъ земляка, и выкупили это сѣдло; воръ остался цѣлъ и невредимъ, а татары высланы... за покражу.

Или еще фактъ, дополняющій картину нашего культурнаго вліянія на инородцевъ. Съѣзжій праздникъ у инородцевъ. Пьютъ члены думы, пьютъ родовые старосты, пьютъ подвластные имъ старшины, пьютъ бабы,—все пьяно. Гуляютъ старосты, гуляютъ старшины, пропивая общественныя деньги. Этотъ неизсякаемый источникъ для пьянства образовался слѣдующимъ образомъ: инородцы платятъ подати по числу ревизскихъ душъ; за умершихъ и неспособныхъ платятъ родившіеся послѣ ревизіи. А такъ какъ родившихся въ теченіе двадцати пяти лѣтъ послѣ десятой ревизіи гораздо больше, чѣмъ умершихъ, то въ каждомъ родѣ число наличныхъ платежныхъ душъ превышаетъ число ревизскихъ. Эта разница въ числѣ душъ даетъ старшинамъ и родовымъ старостамъ по нѣскольку сотъ рублей въ годъ. Усчитать ихъ нѣтъ возможности, потому что при взысканіи податей никакихъ списковъ не ведется, да и нѣтъ, впрочемъ, основаній усчитывать, потому что и сами степно-думскіе письмоводители ежегодно налагаютъ на тѣхъ же инородцевъ, а родовые старосты взыскиваютъ сверхъсмѣтные сборы на удовлетвореніе нуждъ именно ихъ письмоводителей и земскихъ властей. Тотъ же авторъ сообщаетъ еще болѣе характерный фактъ. Помощникъ письмоводителя Каталовъ былъ изобличенъ въ мошенничествахъ по отношенію къ инородцамъ и начальство обязало его подпиской не вмѣшиваться въ инородческія дѣла. И вотъ этотъ человѣкъ, только что обязавшійся подпиской оставить инородцевъ въ покоѣ, командируется письмоводителемъ думы въ белтирскій родъ для раскладки податей. Каталовъ беретъ съ собою водку, спаиваетъ родоваго старосту и старшинъ и уговариваетъ ихъ собрать съ инородцевъ по 89¼ коп. съ души, на пополненіе суммы, затраченной на подарки какимъ-то начальникамъ. Кромѣ мужества, нужно для такого подвига и увѣренность, что въ Сибири все сойдетъ съ рукъ.

Еще обираютъ инородцевъ, если и не всѣхъ, а тѣхъ, кому выпала такая несчастная доля, т. е. преимущественно якутовъ, «наслѣдники». Такъ зовутъ якуты поселенцевъ, которыхъ въ Якутской области развелось въ послѣднее время достаточно. Голодный поселенецъ требуетъ отъ якута хлѣба, а якутъ и самъ-то ѣстъ сосновую кору; поселенецъ требуетъ земли, а у якута и ея нѣтъ. И возникаютъ между голодными поселенцами и голодными якутами недоразумѣнія, очень часто кончающіяся убійствомъ. Корреспонденціями о печальномъ положеніи якутовъ наполнены всѣ сибирскія газеты.

Въ жизни Сибири и не разберешь, когда кончаются нравы и когда начинаются порядки. Нравы создали порядки, а порядки питаютъ нравы, и получается неисходный кругъ безъ начала и конца, въ которомъ никакъ не размежуешься. Сибирь, создавшаяся для Россіи завладѣніемъ, занятіемъ, захватомъ, до сихъ поръ осталась вѣрна этой традиціи и, кромѣ «захвата», не выработала никакого другаго гражданскаго уклада. Всякій захватываетъ, гдѣ и что можетъ и кого можетъ, и переноситъ свою личную практику и въ общественныя отношенія. И любопытно, что уголовные факты, составляющіе въ русскихъ газетахъ содержаніе судебной хроники, въ сибирскихъ газетахъ составляютъ хронику обыденныхъ происшествій, какъ заурядныя и мало кого удивляющія дѣла. Такъ они, какъ кажется, и кончаются только доведеніемъ ихъ до свѣдѣнія читателей. Вотъ хотя бы такіе факты. Торговый пароходъ «Кяхта» бросаетъ якорь въ Усть-Карѣ для продажи разныхъ товаровъ. Собирается публика, начинается продажа и прикащики ловятъ съ поличнымъ одного барина, имѣющаго Станислава, обладающаго рангомъ коллежскаго ассесора и занимающаго постъ, требующій неподкупной честности. Чиновника плѣнила дюжина японскихъ платковъ и одна карта полотняныхъ пуговицъ! Правда, чиновника убрали,—говоритъ корреспондентъ, но прибавляетъ,—что «щуку бросили въ море, на берегъ Байкала». А то, пришла

въ магазинъ Дмитріева (въ Иркутскѣ) дама, извѣстная хозяевамъ, взяла золотые часы съ эмалью, чтобы показать ихъ мужу, и въ тотъ же день заложила ихъ за 60 руб. При закладѣ «дама» представила полицейское удостовѣреніе, что часы принадлежатъ ей. Корреспондентъ спрашиваетъ: какъ станетъ полиція производить слѣдствіе о мошенничествѣ, когда сама же удостовѣрила, что часы принадлежатъ дамѣ? Конечно, полиція въ неловкомъ положеніи, но главное дѣло, все-таки, въ томъ, что тутъ запутались нравы и порядки, одинаково, какъ видно, практикуемые и тѣми, надъ кѣмъ производятся слѣдствія, и тѣми, кто ихъ производитъ. Въ Иркутскѣ на мучномъ базарѣ хозяинъ догналъ вора, уѣхавшаго на его конѣ въ кошевѣ, и, схвативъ вора, хотѣлъ съ нимъ расправиться. Но внезапно явившійся полицейскій закричалъ на хозяина: «какъ ты смѣешь его бить, ему, навѣрное, кто-нибудь велѣлъ сѣсть въ кошеву, а не самъ онъ это выдумалъ?» И вора онъ отпустилъ, а хозяина потащилъ въ полицію. Когда другой хозяинъ двухъ покраденныхъ лошадей нашелъ у вора на вышкѣ свои хомуты, то чинъ полиціи сказалъ: «мало ли хомутовъ продается на базарѣ», и воръ тотчасъ же повторилъ его слова и сказалъ, что онъ купилъ хомуты у татарина. У одного поселенца въ харчевнѣ хотѣли выкрасть изъ кармана какой-то толстый пакетъ (думали, что деньги). Поселенецъ вора притащилъ въ полицію; но затѣмъ достаточно было явиться въ полицію хозяину харчевни, чтобы все дѣло получило совсѣмъ другой оборотъ. Поселенецъ былъ обвиненъ въ избіеніи трехъ жуликовъ, продержанъ подъ арестомъ (и голодомъ) $1^1/_2$ сутокъ и препровожденъ для водворенія; пакетъ же, хотя не съ деньгами, а съ табакомъ, оказался, все-таки украденнымъ. Ѣдетъ верхомъ мимо второй частной управы господинъ. Лошадь чего-то испугалась и сшибла его. Сброшенный ударился головой о землю и потерялъ сознаніе. Полицейскіе отправили его въ больницу, гдѣ онъ не нашелъ у себя въ карманѣ ни часовъ, ни цѣпочки. Въ часть представленъ еврей съ воровскимъ пальто, снятымъ вмѣстѣ съ блузой, пиджакомъ, шапкой и сапогами съ рабочаго типо-литографіи и предаваемыми евреемъ на базарѣ. Пальто, пролежавшее недѣлю въ части, было возвращено хозяину, «но интересно знать, спрашиваетъ «Сибирь», — гдѣ остальныя вещи и что дѣлается съ лицами, занимающимися торговлей крадеными вещами, и особенно съ тѣми, кто занимается грабежемъ?» Объ одномъ убійствѣ въ с. Александровскомъ было узнано въ 3 часа утра; но вмѣсто того, чтобы тотчасъ послать погоню за преступниками, стали грабить все, что не было увезено убійцами: у убитаго были запасы хлѣба, крупъ, — и все это расхищено («Сибирь»). Около одной заимки найдены два трупа и лошадь и дознанія не было никакого произведено. Недалеко отъ Алек—го поднятъ трупъ въ енотовой шубѣ; потомъ шубы не оказалось, а на убитомъ очутился казенный халатъ. Съ дѣвочкой въ лѣсу было сдѣлано насиліе и сельскія власти не хотѣли даже принять заявленія родителей. Изъ г. Н. «Сибирь» получила множество жалобъ на одного алгвазила. На глазахъ своего начальника онъ вторгается въ дома мирныхъ обывателей, отбираетъ у нихъ лошадей, производитъ обыски и т. д. Удивительнѣе всего, — говоритъ газета, — что ближайшее начальство какъ будто ничего не замѣчаетъ и на жалобы даже не отвѣчаетъ. Только что вышедшая замужъ молодая женщина отравилась спичками и упорный слухъ обвиняетъ въ звѣрскомъ обращеніи молодаго мужа и свекровь. Священникъ отказался хоронить и всѣ ожидали вскрытія, но послѣдовало распоряженіе засѣдателя похоронять покойницу. Приводятъ въ городскую больницу поселенца, избитаго крестьянами до того варварски, что все тѣло несчастнаго было черно, какъ уголь. На третій день избитый умеръ. Въ актѣ вскрытія показано, что смерть послѣдовала отъ прилива крови въ головной мозгъ. Ну, и т. д., потому что нѣтъ и конца подобнымъ фактамъ, и факты эти никого не тревожатъ и не безпокоятъ, точно Сибирь осуществила собой тотъ счастливый общественный идеалъ, когда люди, не зная ни помощи, ни суда и никакихъ общественныхъ учрежденій, живутъ внѣ власти и закона. Да, можетъ быть, внѣ закона, но уже не внѣ власти, по крайней мѣрѣ, не внѣ власти отдѣльнаго лица, свободнаго дѣлать все, что оно вздумаетъ. Въ Читѣ издано обязательное постановленіе, запрещающее покупать на базарѣ гуртомъ хлѣбные припасы до 12 ч. дня. Является на базаръ войсковой старшина и покупаетъ возъ овса. Базарный староста заявляетъ войсковому старшинѣ, что гуртовая покупка въ это время не допускается, и предъявляетъ экземпляръ обязательнаго постановленія. На это войсковой старшина отвѣчаетъ, что, во-первыхъ, староста не смѣетъ мѣшать ему покупать, во-вторыхъ, что постановленіе для него, войсковаго старшины, не обязательно, потому что не подписано военнымъ губернаторомъ, и, въ-третьихъ, что онъ, войсковой старшина, не хочетъ знать ни базарнаго старосты, ни городскаго учрежденія, издавшаго постановленіе, ни представителей этого учрежденія, которымъ, — заключилъ войсковой старшина, — «поди и скажи»... ну, и сказалъ хорошія слова.

Войсковой старшина былъ, конечно, еще изъ кроткихъ; менѣе сдержанные поступаютъ въ Сибири, даже и не въ подобныхъ случаяхъ, совсѣмъ иначе. На почтовую станцію пріѣзжаетъ нѣкто Р—цкій. Войдя въ комнату, онъ разражается невозможною бранью за то, что станція плохо освѣщена, и требуетъ фонарей. Смотритель замѣчаетъ, что у него жена и дѣти, и проситъ такъ не браниться. Р—цкій сталъ браниться еще больше. Въ это время входитъ въ комнату горный инженеръ С—вскій и требуетъ лошадей. Смотритель извиняется, что пока лошадей нѣтъ, беретъ подорожную и идетъ въ переднюю. Тогда Р—цкій совѣтуетъ пріѣзжему побить смотрителя—и лошади будутъ. С—вскій находитъ совѣтъ резоннымъ, бьетъ смотрителя по лицу и требуетъ, чтобы ямщикъ принесъ ему изъ экипажа револьверъ. Еще не такъ давно станціонный смотритель былъ застрѣленъ

подобнымъ же господиномъ изъ револьвера. И это все цивилизаторы края, которые знаютъ только кулакъ да насиліе. Должно быть, уже такой воздухъ въ Сибири, что люди, даже пріѣзжіе изъ климатовъ умѣренныхъ, сейчасъ пріобрѣтаютъ особый пошибъ, чувствуютъ свой необыкновенный ростъ и дичаютъ. Да и нельзя не почувствовать роста и не одичать, когда все можно дѣлать и дѣлать безъ мѣры. Подобная свобода создаетъ, наконецъ, особенное чувство достоинства и щепетильной неприкосновенности, такъ что воры и мошенники считаютъ себя честными людьми, а общественные грабители и служащіе карманниками—блюстителями общественнаго спокойствія и охранителями. Вотъ, напримѣръ, идетъ татаринъ по улицѣ, идетъ онъ выпивши и напѣваетъ пѣсенку. Пѣвуна арестовали и потащили въ кутузку, но скоро, впрочемъ, выпустили. «Все, повидимому, обошлось хорошо,—говоритъ «Сибирь»,—но у татарина пропало 146 р. и ихъ не нашли». Попробуйте сказать, что они пропали въ кутузкѣ! До чего можетъ доходить щепетильность и впечатлительность человѣка, чувствующаго въ Сибири всегда очень большой ростъ, приведу два факта. Въ Киренскѣ живетъ политическій ссыльный, полякъ Д—скій, который болѣе десяти лѣтъ имѣлъ кузницу, построенную имъ на городской землѣ. Въ концѣ прошлаго года кузница эта сгорѣла. Д—скій обратился въ думу съ просьбой уступить ему тотъ клочекъ земли, чтобы построить новую кузницу, но городской голова категорически заявилъ, что дума землю не продастъ и строить кузницы не позволитъ. И почему? А потому, что пожаръ кузницы Д—скаго былъ причиной, что въ «Сибири» явилась корреспонденція, указывающая на плохое состояніе киренской пожарной части. Еще лучше слѣдующій фактъ. Въ «Сибири» былъ сдѣланъ упрекъ одному врачу, не поѣхавшему по призыву бѣднаго крестьянина. Черезъ нѣсколько времени полученъ въ редакцію слѣдующій отвѣтъ врача: «Учу: законъ не воспрещаетъ высшей платы отъ богатыхъ. Хочешь помощи даромъ, не говори, что богатъ и не оскорбляй. Цѣни трудъ врача, а не количество и ѣдкій вкусъ лѣкарствъ; и на то, и на другое потрачены средства, но, «снявши голову, по волосамъ не плачутъ». Бѣденъ—жди объѣзда врача, зови фельдшера, кой въ нуждѣ вызоветъ врача; но лекарь не машина, чтобы даромъ изо дня въ день кататься. Ради Терентьева я могъ потерять три дня. Заключаю: гг. корреспонденты! оглашайте «случай» въ осторожныхъ выраженіяхъ; не судите не провѣривши.

«Баргузинъ. Кириловъ».

И г. Кириловъ, можетъ быть, правъ, можетъ быть, и корреспондентъ «Сибири» судилъ не провѣривши, но чтобы написать подобное письмо, нужно жить въ Сибири, совсѣмъ распуститься и даже отвыкнуть краснѣть. И въ Сибири, дѣйствительно, не краснѣютъ, до того въ ней примитивны нравы и понятія.

Въ этихъ господствующихъ нравахъ и причина, что борьба, которую ведетъ съ сибирскими порядками высшая сибирская администрація, до сихъ поръ оказывалась совершенно безплодною. Въ Россіи администрація до того властна и сильна, что едва не управляетъ совѣстью гражданъ. Въ Сибири же нравы, обычаи и порядки настолько устойчивы, что, какъ бы администрація ни была полномочна, она отступаетъ передъ ними, какъ Петръ В. отступилъ передъ раскольничьей бородой. Въ Россіи крѣпостное право и его злоупотребленія уничтожены однимъ почеркомъ пера; а попробуйте почеркомъ пера уничтожить сибирскіе нравы и порядки! Ихъ можно уничтожить только уничтоженіемъ всѣхъ сибирскихъ учрежденій и главенствомъ интеллигенціи. Теперь же главенствуютъ кулакъ и нажива. Генералъ-губернаторъ Синельниковъ очень заботился объ искорененіи всякихъ злоупотребленій и сильно желалъ избавить крестьянъ и инородцевъ отъ темныхъ поборовъ, и, однако, темные поборы нисколько не уменьшились и всѣ факты, приведенные въ настоящемъ очеркѣ, принадлежатъ ближайшему послѣ него времени. Взоры упованія сибирскихъ патріотовъ устремлены теперь на генералъ-губернаторовъ графа Игнатьева и барона Корфа. Съ какимъ упованіемъ смотрятъ на графа Игнатьева сибиряки, можно видѣть изъ слѣдующей замѣтки «Сибирской Газеты»: «Свѣдѣнія, доходящія до насъ со всѣхъ сторонъ, рисуютъ дѣятельность нынѣшняго исправляющаго должность генералъ-губернатора Восточной Сибири графа Игнатьева въ весьма симпатичномъ свѣтѣ. Графъ Игнатьевъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ искренно заботится о нуждахъ края. Его главное вниманіе обращено на вопросы крестьянской жизни, и къ обсужденію этихъ вопросовъ онъ привлекаетъ людей независимыхъ, чуждыхъ бюрократическихъ фантазій и знакомыхъ съ жизнью мужицкою близко-практически. Систематически и упорно графъ очищаетъ административный персоналъ края. При немъ удалены были прославившіеся въ Восточной Сибири гг. (слѣдуетъ перечисленіе удаленныхъ лицъ). Во всякомъ случаѣ, если дѣятельность графа будетъ продолжаться въ томъ же направленіи, онъ можетъ надѣяться, что Сибирь сохранитъ о немъ такія же пріятныя воспоминанія, какія оставили послѣ себя Синельниковъ, Деспотъ-Зеновичъ и др.». А «Восточное Обозрѣніе», изъ котораго взята эта выписка, прибавляетъ: «тѣ же самыя благопріятныя вѣсти доносятся и къ намъ изъ Восточной Сибири о дѣятельности графа А. П. Игнатьева. Это одно изъ самыхъ счастливыхъ управленій. Дай Богъ успѣха графу въ его добрыхъ намѣреніяхъ».

А въ «Сибири» помѣщено такое извѣстіе: «Въ то время, когда соединенными усиліями высшей администраціи принимаются всѣ мѣры къ упорядоченію дѣлъ въ сельскихъ и волостныхъ управленіяхъ, въ видахъ возможнаго облегченія лежащихъ на крестьянахъ повинностей, въ средѣ заскорузлыхъ агентовъ низшей администраціи и сподручныхъ имъ выборныхъ лицъ крестьянскаго управленія идетъ глухая, но неустанная борьба съ начинаніями, исходящими отъ высшихъ властей. Учеты

должностныхъ лицъ, попрежнему, или вовсе не производятся, или дѣлаются слабо и безтолково,— не потому, чтобъ собравшіеся на сходы были неспособны произвести правильный учетъ волостныхъ и мірскихъ суммъ, а единственно потому, что крестьяне еще не освободились отъ страха передъ сюртукомъ и кокардой. Въ одной, напримѣръ, волости на волостномъ сходѣ было убавлено число междудворныхъ подводъ, въ виду безполезности держать при волости десятки лошадей безъ дѣла. И что же? Рѣшеніе схода намѣренно не введено въ приговоръ, и волостной старшина, по своему ли почину, или по чьему-либо внушенію, тотчасъ началъ прибавлять по парѣ, въ надеждѣ довести число подводъ до прежняго числа. Ему, видите ли, необходимо ежедневно двѣ пары для поѣздокъ домой, нужны подводы для его помощниковъ: казначеевъ и писарей. Дошло до того, что гг. помощникамъ волостнаго старшины для того, чтобы сходить закусить за 30—40 саженей отъ волости, подается особая подвода. Мы того и ждемъ, что возстановится даровое кормленіе чиновниковъ на общественныхъ квартирахъ, а затѣмъ, глядишь, и «общественная рубашка», и прочія прелести. Хоть бы эти господа брали примѣръ кое съ кого, кто недавно посѣтилъ многія волости и не желалъ даже выпить чашки чаю даромъ. Новое вино, видно, не вливаютъ въ старые мѣха!» Должно быть, что такъ!

XI.

Россія и до сихъ поръ находится въ періодѣ «собиранія земли». Пространственность Россіи вдохновила Бенедиктова создать такую поэтическую картину:

Черезъ Алтай,
Бросивъ локоть на Китай,
Темя вспрыснувъ океаномъ,
Въ Балтъ ребромъ,
Плечемъ въ Атлантъ,
Въ полюсъ лбомъ,
Пятой въ Балканамъ,
Мощный тянется гигантъ.

И «мощный гигантъ» дѣйствительно все тянется (какъ говорятъ, самою силою вещей), забирая повсюду все, что только можетъ забрать, и въ послѣднее время, не безъ нѣкотораго упованія, гигантъ сталъ кидать свои взоры уже и за предѣлы Чернаго моря.

Въ этой шири, въ этомъ просторѣ, въ этой возможности выбора себѣ мѣста есть, должно быть, что-нибудь очень завлекательное, ибо наша національная гордость основана преимущественно на томъ, что мы очень велики. Но, разумѣется, тутъ не въ ростѣ дѣло, а въ безсознательномъ (а, можетъ быть, сознательномъ) чаяніи того будущаго, которое создастъ намъ наша пространственность, когда минетъ эпоха «собиранія земли».

И теперь Россія, еслибъ она занялась, какъ слѣдуетъ, развитіемъ своихъ умственныхъ средствъ и производительныхъ источниковъ, могла бы быть и во сто разъ умнѣе, и во сто разъ богаче. Но пока, видно, не пришла еще пора для развитія умственнаго, и настолько еще не пришла, что у насъ есть вліятельная часть общественнаго мнѣнія, находящая умственность вредною для Россіи.

Въ чемъ же, однако, будущія выгоды нашей пространственности, вдохновлявшей и не одного Бенедиктова?

Россія занимаетъ теперь 22 милл. квадратныхъ километровъ и на этомъ пространствѣ считаетъ 100 милл. жителей, т.-е. по 5 человѣкъ на километръ. Но даже и при теперешней своей умственности Россія могла бы прокормить легко на каждомъ километрѣ до 100 человѣкъ, а, слѣдовательно, вмѣсто 100 милл. населенія, имѣть 2.200.000,000 жителей. Эти два милліарда могли бы создать намъ армію въ 22 раза больше теперешней, т.-е. 22 милл. дѣйствующей арміи, 44 м. резервовъ и 110 милл. ополченія, итого всей боевой силы 176 милл.

Такого благополучія (какъ бы оно ни желательно въ виду сосѣдства съ Бисмаркомъ) мы въ сей моментъ имѣть, однако, не можемъ, ибо, принимая періодъ удвоенія населенія въ 65 лѣтъ (Янсонъ), мы можемъ пріобрѣсти двухмилліардное населеніе, а армію въ 176 милл. только въ 2196 году, т.-е. черезъ три столѣтія. Едва ли какое-нибудь изъ европейскихъ государствъ можетъ питать въ себѣ подобныя честолюбивыя мечтанія даже черезъ тысячу лѣтъ. Но, однако, въ чемъ же тутъ гордость, что черезъ триста лѣтъ у насъ будетъ 176 милл. солдатъ? А что же у насъ будетъ еще? На этотъ вопросъ, пожалуй, и отвѣчать не нужно, и лучше, читатель, благословите судьбу, что у насъ теперь не два милліарда жителей. Что было бы, напримѣръ съ Сибирью, если бы въ ней, вмѣсто $3^1/_2$ м. жителей (по 0,27 человѣкъ на километръ), было бы ихъ въ 350 разъ больше (т.-е. по 100 человѣкъ на километръ)? Сибирь, очевидно, спасла пространственность. Отъ невозможности справиться съ этою пространственностью Сибирь останется еще на долго главнымъ земельнымъ фондомъ для всѣхъ излишковъ русскаго населенія. Когда Сибирь перестанетъ быть ссыльнымъ мѣстомъ и сдѣлается мѣстомъ правильной колонизаціи, тогда только она займетъ подобающее ей великое мѣсто въ нашей государственной экономикѣ. А насколько велика предстоящая Сибири спасательная роль, можно увидѣть изъ слѣдующаго приблизительнаго разсчета. Если Европейская Россія будетъ отправлять своихъ излишковъ по $1^1/_2$ милл. ежегодно (теперь она высылаетъ ихъ тысячъ двадцать), то Сибири достанетъ для русской колонизаціи лѣтъ на пятьсотъ (считая и удвоеніе сибирскаго населенія въ 65 лѣтъ). Вотъ какимъ драгоцѣннымъ и неистощимымъ источникомъ счастья является для насъ Сибирь. Своею безграничною пространственностью она спасетъ насъ на столѣтія отъ взаимнаго поѣданья. Ну, а въ эти столѣтія и Европейская Россія не будетъ

стоять на одномъ мѣстѣ и придумаетъ тоже что-нибудь для своего собственнаго счастья.

Интеллигентная Сибирь, конечно, понимаетъ, какую спасательную роль въ будущихъ судьбахъ Россіи призвана сыграть Сибирь. Но, кажется, только Европейская Россія до сихъ поръ понять этого не въ состояніи, — продолжаетъ снабжать Сибирь своимъ нравственнымъ отребьемъ и оставляетъ эту богатую и несчастную страну на жертву невѣжества и всякихъ неурядицъ. Въ виду великой будущей колонизаторской роли Сибири, ей необходимо предоставить самой создать ядро той благоустроенной гражданственности и того нравственнаго общежитія, которыя бы послужили воспринимающею руководящею силой для всего будущаго прилива населенія. Трудность пересозданія Сибири заключается не въ какихъ-либо ея внутреннихъ невозможностяхъ, а просто въ недостаткѣ самыхъ элементарныхъ гражданскихъ учрежденій и въ отсутствіи въ ней идейнаго руководящаго большинства И только поэтому эта страна великаго будущаго, съ ея несмѣтными земельными резервами, является обездоленною, невѣжественною и одичалою страной, скорѣе идущею къ упадку, чѣмъ къ благосостоянію, и уже начавшею утрачивать свою прежнюю манящую привлекательность. Теперешняя Сибирь уже не тянетъ къ себѣ, какъ это было прежде, а скорѣе пугаетъ и отталкиваетъ, и манящею силой является другая окраина и тоже благословенная—Кавказъ.

Когда-то очень давно, когда теперешніе старики были дѣтьми, Кавказъ былъ для нихъ поэтическою страною, воспѣтой Пушкинымъ и Лермонтовымъ. И Прометей былъ прикованъ къ скалѣ Кавказа, и Демонъ леталъ надъ его вершинами. Воодушевлялись мы и изумительнымъ геройствомъ идеальныхъ Мулла-Нура и Амалатъ-бека. Потомъ ихъ смѣнили уже и настоящіе герои—Казы-Мулла, Шамиль. То былъ героическій періодъ въ жизни Кавказа, переживавшійся и русскою молодежью. Скучная, холодная Сибирь никогда не давала такого матеріала для воображенія только начинавшихъ читать юношей. Изъ Сибири шли грустные разсказы; были извѣстны легенды о Меньшиковѣ, умершемъ въ Березовѣ, объ Остерманѣ, умершемъ тамъ же, о декабристахъ, о женахъ декабристовъ.

Впрочемъ, героическій періодъ Кавказа не исчерпывался только подвигами черкесовъ. Кавказъ создалъ и цѣлый рядъ легендарныхъ русскихъ героевъ съ Ермоловымъ во главѣ; Кавказъ создалъ и знаменитаго кавказскаго солдата, и знаменитаго кавказскаго козака. Борьба съ обѣихъ сторонъ шла упорная, и боролся не черкесъ съ русскимъ,— боролся Западъ съ Востокомъ, шла стихійная свалка двухъ разныхъ міровъ, двухъ разныхъ цивилизацій. И Востокъ, наконецъ, уступилъ Западу. Въ 1859 г. взятъ, наконецъ, Гунибъ, Шамиль увезенъ въ Калугу и послѣдовало «замиреніе» Кавказа. Всему этому ужь, кажется, такъ давно (а прошло всего 25 лѣтъ), что многіе объ этихъ старыхъ исторіяхъ никогда ничего не слышали, а кто слышалъ—успѣлъ ужь позабыть. Теперешній «замиренный» Кавказъ ничѣмъ не напоминаетъ своего яркаго, героическаго, кипучаго прошлаго, точно все кавказское прошлое унеслось какимъ-то вихремъ и на смѣну прежнихъ людей выросли, какъ бы изъ земли, люди новые. Въ Баку, этой Меккѣ поклонниковъ Зороастра и священныхъ неугасимыхъ огней, явились новые огнепоклонники въ лицѣ Нобеля и К° и Ротшильда и К°. Вотъ какъ все это было давно и какъ начисто смелъ Западъ Востокъ.

Но что же этотъ Западъ и русская цивилизація дали «замиренному» и покоренному Востоку взамѣнъ его прежней жизни? Кавказъ тоже сталъ русскою колоніей и потянулъ къ себѣ русскія силы, и случилось то, что случается въ волшебныхъ фонаряхъ, когда одна картина смѣняется другою,— вмѣсто прежней ясной картины, получается туманное пятно, въ которомъ зритель не можетъ ничего разобрать. Именно въ этомъ положеніи туманнаго пятна и находится теперешній Кавказъ. Сонный магометанскій Востокъ столкнулся съ нахлынувшею въ него новою струей,—новою не по ея желательному западно-прогрессивному вліянію, а по ея скорѣе разъѣдающей, чѣмъ созидающей силѣ. Кавказъ превратился въ арену, на которой сталкиваются, двигаются и что-то устраиваютъ всевозможные взаимно-противуположные интересы чуждыхъ другъ другу народностей, и изображаетъ собою пока громадное тѣло въ моментъ химическаго броженія, прекрасную страну, надѣленную неисчерпаемыми естественными богатствами, чудною природой, чуднымъ климатомъ, но страну, какъ и Сибирь, лишь богатаго будущаго.

Не въ обиду русской цивилизаціи говорю я это, а скорѣе въ ея разъясненіе. Мы сами (великороссы), въ качествѣ молодой культурной силы, еще пѣнимся и бродимъ и живемъ пока тоже только будущимъ. Если въ азіатскій Востокъ мы и вносимъ цивилизацію болѣе высокую, чѣмъ магометанская, то, однако, цивилизацію не такой высокой пробы, чтобъ эта русская цивилизація не нуждалась и сама во многихъ и многихъ улучшеніяхъ. Но, пріобщая Востокъ къ себѣ, сами-то мы приподнимаемся ли? Какую цивилизацію мы насадили у инородцевъ Сибири, да и вообще въ Сибири, кажется, хорошо извѣстно. Пошлите Сибирь цивилизовать Китай,—развѣ она создастъ Китаю высшую культуру? Положимъ, что на Кавказѣ являются вліянія болѣе гражданскія. Но что идетъ за ними, когда начинаетъ вливаться свободная бытовая русская волна и устанавливаются «свободныя» бытовыя отношенія? Цивилизаторомъ тогда является кабатчикъ, тавричанинъ, шибай, кулакъ, сибирскій кадыкъ, а надъ ними, въ верхнемъ слою, въ болѣе мягкой формѣ,—сначала буржуй, а потомъ коммерсантъ, умѣющій въ лайковыхъ перчаткахъ выжимать соки, пожалуй, лучше кулака. Кулакъ грубо выжметъ то, что видитъ, а коммерсантъ выжметъ деликатно и будущее, которое не народилось. А бытовыя наши вліянія?.. Магометанинъ трезвъ и цѣломудренъ, правдивъ и честенъ. А что дастъ ему выскочившій изъ кабака Антошка-хри-

стопродавецъ, который всякую мораль разрушить можетъ, а взамѣнъ ея и для самого себя не создалъ еще ничего? Поэтому наша цивилизаторская миссія на Востокѣ можетъ съ первыхъ же шаговъ очутиться въ роковомъ положеніи, потому что рядомъ съ гражданственностью войдетъ съ нею и нѣчто сибирское, съ которымъ борьба подчасъ труднѣе, чѣмъ съ Востокомъ.

Есть въ нашей цивилизаторской миссіи и еще одна роковая сторона. Верхи русской цивилизаціи для Востока пока высоки и, имѣя постоянно дѣло съ Востокомъ, мы понизимъ свой собственный уровень. Еще опаснѣе, что, смотря слишкомъ пристально на Востокъ, мы отворачиваемся отъ Запада. Въ этомъ случаѣ такъ называемые національные интересы, если они не имѣютъ высшихъ умственныхъ гарантій, могутъ оказать плохую просвѣтительную услугу. И въ такое роковое положеніе Россію ставитъ неизбѣжно ея положеніе между Западомъ и Востокомъ, на который она переноситъ культуру, цивилизацію и науку Запада. Вѣдь, только отъ подобнаго положенія могло возникнуть мнѣніе, что интеллигенція Россіи не нужна, что она есть зло, отворачивающее Россію отъ Россіи. Конечно, еще какой-нибудь десятокъ лѣтъ — и это мнѣніе исчезнетъ, но оно, все-таки, сдѣлаетъ свое нехорошее дѣло. Вообще удержаться наверху, когда обстоятельства оттягиваютъ книзу, задача нелегкая; но если мы ее преодолѣемъ и удержимся на европейскихъ умственныхъ верхахъ, это будетъ достойно великаго народа, какимъ мы хотимъ быть.

Умиротвореніе Кавказа свершилось еще такъ недавно, такъ недавно Кавказъ изъ военнаго лагеря превратился въ гражданское общежитіе, что говорить о какомъ-либо законченномъ строительствѣ, разумѣется, не приходится. На Кавказѣ все пока только начинается, строится, перестраивается, возникаетъ, задумывается, и во всѣхъ этихъ начинаніяхъ и въ росткахъ возникающей новой жизни приходится наблюдать не столько архитектуру будущаго зданія, сколько матеріалъ, употреблющійся для постройки. Наблюденіе это любопытно, конечно, и въ интересахъ Кавказа, а еще болѣе для оцѣнки тѣхъ цивилизаторскихъ и культурныхъ силъ, которыя выдѣляетъ Россія для облагодѣтельствованія окраинъ. Въ Сибири въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ Россія выдѣляла такой культурный матеріалъ, что Сибирь, наконецъ, совсѣмъ одичала и проситъ, какъ милости, чтобъ ее оставили въ покоѣ. Съ Кавказомъ этого, къ счастію, не случилось, да и не случится, но, тѣмъ не менѣе, и на Кавказѣ культурный матеріалъ обнаруживаетъ настолько своеобразныя особенности, что позволяетъ заключить, что въ метрополіи еще въ полномъ дѣйствіи тѣ условія и обстоятельства, которыми этотъ матеріалъ создается. Однимъ словомъ, теперешнее положеніе Кавказа даетъ возможность судить не столько о Кавказѣ, сколько о бытовомъ и идейномъ состояніи самой Россіи.

Кавказъ изображаетъ пока удивительную смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній», обычаевъ, нравовъ, климатовъ и поразительныхъ естественныхъ богатствъ и красотъ природы. Я не стану описывать, конечно, ни Дарьяльскаго ущелья, ни красотъ военно-грузинской дороги, ни Терека, ни могучихъ горъ Кавказа; но я приведу описаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей Кавказа, чтобы читатель убѣдился, что Кавказъ дѣйствительно лучшій перлъ русскихъ владѣній. Вотъ, напримѣръ, село Бослеви, пріютившееся въ котловинѣ, образуемой предгорьями Лихской горы и рѣки Квирилой. Всѣ долины и низкіе отроги этого ущелья покрыты вѣковымъ лѣсомъ грецкихъ орѣховъ, каштановъ, шелковицы и дубовъ; на равнинахъ красуются миндальныя деревья, груши различныхъ сортовъ, яблони, черешни, одичалыя гранатники, съ чудными огненными цвѣтами, сливы. Густой и колючій ежевичникъ образуетъ непроходимыя заросли. Но красоту и своеобразный характеръ ландшафту даетъ виноградъ, окутывающій цѣлые лѣса. Взбираясь на самыя высокія вѣтви, онъ ниспадаетъ густыми гирляндами и выставляетъ отовсюду свои тяжелыя, синеватыя или золотистыя грозди, которыхъ нерѣдко съ одной лозы собираютъ до 25 пудовъ. Подобные виноградники стоятъ иногда вовсе безъ загородей и можно ѣхать десятками верстъ по холмамъ и долинамъ, покрытымъ виноградными рощами.

Или вотъ еще своеобразная и чисто-кавказская картина. Осень. Жатва кончилась. Отовсюду съ полей и по дорогамъ движутся вереницы ословъ. Каждый оселъ несетъ на себѣ по два огромныхъ снопа хлѣба, почти совсѣмъ его закрывающихъ. Эти движущіяся вереницы сноповъ провожаютъ толпы крестьянъ, большею частью въ синей одеждѣ, и все это направляется къ деревнѣ. Но эта деревня не русская деревенская куча, покрытая соломой. Залитыя лучами южнаго солнца, бѣлѣютъ южныя стѣны заборовъ, сложенныхъ изъ глины. Рѣзко надъ ними выдѣляются зеленыя пирамиды тополей, за которыми скрываются сады, виноградники, огороды. Заборы тянутся вдоль всей дороги, вдоль всѣхъ улицъ и переулковъ. Мѣстами изъ-за забора выступаютъ плоскія крыши саклей, образуя рядъ галлерей, на которыхъ постоянно толпятся люди. Все это вмѣстѣ, — и сакли съ ихъ плоскими крышами, проглядывающими черезъ зелень садовъ, и высокіе бѣлоствольные тополи, и глиняныя стѣны заборовъ, тянущіяся иногда на 10—15 верстъ, и вереницы ословъ со снопами, возвращающіяся домой, — образуетъ оригинальную, своеобразную картину, словно въ укрѣпленіе какое-то въѣзжаешь, словно это не Закавказье, какъ его привыкли видѣть въ болѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ, а совершенно новая, невѣдомая страна. Передъ закатомъ солнца, въ деревнѣ замѣтно оживленіе около колодцевъ. Толпятся дѣти, женщины и мужчины; слышенъ говоръ, смѣхъ, иногда заунывная пѣсня. Но вотъ огненный шаръ солнца опустился за горизонтъ, обагривъ снѣжную вершину Арарата, наступила ночь, предвѣщая и на завтра такой же зной, какъ сегодня, — и въ селеніи все замерло. Взойдетъ луна и одѣнетъ синимъ свѣтлымъ туманомъ село,

погруженное въ темную атмосферу. Не узнать села: видны только бѣлыя стѣны на черныхъ пирамидахъ, увѣнчанныхъ шарообразными гнѣздами; недвижно стоятъ бѣлыя фигуры аистовъ, бросая далекую тѣнь; ничто не шелохнется, развѣ только упадетъ листъ или застрекочетъ кузнечикъ. Отъ воды потянетъ свѣжестью. Сколько поэзіи въ этой южной ночи!—прибавляетъ корреспондентъ.

Или побережье Чернаго моря, Сухумъ. Городъ окаймленъ съ восточной, сѣверной и западной сторонъ предгоріями Кавказскаго хребта и открытъ только съ юга и частью съ юго-востока. Въ Сухумѣ во всѣ времена года только два вѣтра. Днемъ дуетъ такъ называемый brise, теплый морской вѣтеръ. Онъ начинается съ 10—11 часовъ утра и продолжается до 6—7 часовъ вечера. Затѣмъ наступаетъ полное безвѣтріе и около 9 — 10 часовъ ночи начинаетъ дуть горный вѣтеръ въ направленіи противуположномъ дневному. Этотъ вѣтеръ продолжается до утра, когда наступаетъ новое затишье и затѣмъ начинается опять brise. Въ Сухумѣ послѣ мягкой зимы наступаетъ вдругъ лѣто съ одинаковою температурой до позднихъ осеннихъ мѣсяцевъ. Днемъ температура не превышаетъ 35°, а ночью опускается не ниже 20° тепла. Въ Сухумѣ собственно два времени года: лѣто, которое тянется девять мѣсяцевъ, и весна, продолжающаяся три мѣсяца. Въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ температура колеблется между 9 и 20° тепла, ночью же падаетъ до 5—7° тепла. Въ этомъ благодатномъ климатѣ яблоки даютъ иногда по два урожая, а всѣ фруктовыя деревья въ октябрѣ и ноябрѣ цвѣтутъ второй разъ. Корреспондентъ разсказываетъ, что въ декабрѣ прошлаго года одинъ знакомый садоводъ принесъ ему цѣлое блюдечко свѣжей садовой малины, давшей второй плодъ.

Эти благодатные, райскіе уголки, конечно, не занимаютъ Кавказа сплошь, но они, особенно въ южномъ Кавказѣ, являются настолько частыми и большими пространствами, что создаютъ возможность культуры риса, хлопка, сахарнаго тростника, шелковицы, не говоря уже о виноградѣ и самомъ разнообразномъ и роскошномъ плодоводствѣ. И этотъ-то надѣленный богато климатомъ и плодородіемъ край тысячи лѣтъ пребываетъ въ какой-то летаргіи, не создавъ ничего культурнаго, не внеся на благо цивилизаціи ни одной крупицы. О кавказскихъ мусульманскихъ народностяхъ можно сказать то же, что говоритъ Вамбери вообще о тюркскихъ народностяхъ. При всемъ міровомъ значеніи своей исторіи, при всѣхъ гигантскихъ переворотахъ, вызванныхъ тюркскою народностью, она была неспособна утвердить свое національное существованіе и шла частью къ полному уничтоженію, частью къ существенному преобразованію. «Съ перваго своего появленія среди народовъ древности, въ качествѣ представителей постоянной войны и грубой силы, тюрки только до тѣхъ поръ умѣли удерживать свою власть, пока лучи новаго лучшаго міроваго устройства не прогоняли мрачныхъ тѣней государственнаго и общественнаго упадка, и по мѣрѣ того, какъ лучи эти становились явственнѣе, роль тюрковъ приходила къ концу». Такимъ же упадкомъ кончилъ и Кавказъ, не съумѣвшій воспользоваться благодатностью своего климата и почвы и потому уступившій свое мѣсто народу болѣе способному воспользоваться богатыми и разнообразными средствами его богатой природы.

На тѣхъ благодатныхъ мѣстахъ, о которыхъ я говорилъ, туземецъ не съумѣлъ воспользоваться ничѣмъ, и богатства природы не послужили ему ни къ чему. Ущелье, въ которомъ помѣстилось Бослеви, могло бы прокормить 20,000 человѣкъ, а оно прокармливаетъ только 2,000. «Проѣзжая по этому ущелью, — говоритъ корреспондентъ, — вы замѣчаете вездѣ страшную бѣдность. Сакли, разбросанныя по возвышеніямъ, безъ оконъ, печей и каминовъ. Внутренность жилой комнаты: земляной полъ, среди котораго находится углубленіе для огня и приготовленія пищи; единственную мебель составляютъ широкія, низенькія тахты, сколоченныя изъ досокъ и покрытыя рогожею; полка съ посудой и нѣсколько сундуковъ». Главныя занятія жителей Бослеви — винодѣліе и земледѣліе, но то и другое совершенно неразвито. Мѣстность производитъ болѣе 150 отличныхъ сортовъ винограда и мѣстное вино занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто въ Закавказьи, а, между тѣмъ, оно остается безъ всякаго сбыта. Садоводство по климатическимъ условіямъ могло бы процвѣтать, а, между тѣмъ, оно не дѣлаетъ ни шага впередъ.

Есть еще въ Закавказьи благодатный уголокъ— Ордубатское приставство (ю.-в. часть Нахичеванскаго уѣзда). Съ птичьяго полета мѣстность эта представляется рядомъ кряжей, образующихъ девять ущелій, закрытыхъ съ сѣвера, по скатамъ которыхъ раскинуты сады 62 селеній. Главное занятіе жителей составляютъ садоводство, виноградарство и шелководство. Изъ 22 тыс. жителей $^3/_5$ составляютъ татары и $^2/_5$ армяне. Населеніе вообще богато, въ особенности армяне, такъ что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по нѣскольку сотенъ тысячъ рублей. Но молва гласитъ, что они разбогатѣли не отъ плодоводства или садоводства, а отъ операцій, не имѣющихъ ничего общаго съ хозяйствомъ. И, несмотря на эти сотни тысячъ, не смотря даже на то, что многіе изъ обитателей видѣли Европу, прогресса ни въ чемъ не замѣтно. Во всемъ участкѣ нѣтъ ни одного дома европейской архитектуры, ни одного сколько-нибудь благоустроеннаго хозяйства. Мѣстные сорта фруктовъ славятся по всей губерніи, отличаются богатствомъ сахара, ароматичностью и при хорошей сушкѣ могли бы дать видный въ торговлѣ продуктъ; а, между тѣмъ, никто изъ жителей и не подумалъ ввести какія-либо улучшенія въ это дѣло, и до сихъ поръ плоды сушатся, какъ они сушились при Авраамѣ, т. е. просто на солнышкѣ, на крышѣ или на землѣ. Хозяинъ только смотритъ, чтобы плоды не растаскали птицы, а муравьямъ, жучкамъ, мухамъ позволяетъ ихъ ѣсть и портить сколько имъ угодно. Мѣстность продаетъ ежегодно около 11,000 пудовъ сушеныхъ абрикосовъ (курага) и, кромѣ того, до 100 пудовъ сушеныхъ персиковъ и груши. Продажная цѣна за

пудъ абрикосовъ отъ 1—3 р.; а, между тѣмъ, за курагу лучшаго качества (еслибъ оно было) цѣна была бы отъ 12 до 20 р. за пудъ. Культура винограда тоже первобытная; отдѣльныхъ виноградниковъ нѣтъ и лоза садится вперемежку съ деревьями. Въ садахъ обыкновенно напихано все безъ всякаго порядка и системы: тутъ и абрикосъ, и орѣхъ, и тополь, и лоза, и чинаръ. Ухода за деревьями тоже нѣтъ никакого: ихъ не окапываютъ, не подрѣзаютъ, и не очищаютъ. Въ такомъ же положеніи находится и шелководство.

И подобная отсталость не составляетъ ни исключенія, ни принадлежности какихъ нибудь отдѣльныхъ мѣстностей. Кавказъ есть сплошная Азія, гдѣ все приходитъ въ упадокъ, все ждетъ иной культуры и иного образованія, не похожаго на прошлое. На Кавказѣ нѣтъ ни одной отрасли и земледѣльческой промышленности, которая бы ушла дальше первобытныхъ пріемовъ. Да и откуда было явиться инымъ пріемамъ? А, впрочемъ, и при первобытныхъ пріемахъ нѣкоторыя производства отличались цвѣтущимъ состояніемъ сравнительно съ нынѣшнимъ. Напримѣръ, винодѣліе въ Кахетіи. По своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, Кахетія представляетъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ и богатѣйшихъ уголковъ Закавказья и занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто не только въ краѣ, но и въ цѣлой имперіи. Было время, когда Кахетія служила житницей если не всей Грузіи, то, по крайней мѣрѣ, ея главнаго рынка—Тифлиса. «Лѣтъ сорокъ, пятьдесятъ тому назадъ,—говоритъ газета «Иверія»,—тифлисскій базаръ снабжался исключительно кизихскимъ хлѣбомъ; мало того, оттуда же доставлялись: водка, кукуруза, просо, рисъ, хлопокъ, шелкъ, превосходный душистый табакъ, красильныя вещества, несмѣтное количество фруктовъ, шерсть, рогатый скотъ и проч.». И все это какъ въ воду кануло. «Иверія» думаетъ, что одна изъ главныхъ причинъ этого—отсутствіе удобныхъ путей сообщенія. Поэтому Кахетія является какимъ-то оторваннымъ кускомъ и даже съ Тифлисомъ не соединена сколько-нибудь сносною дорогой. Такъ ли? Вѣдь прежде дорогъ не было, а Кахетія, однако, цвѣла! Не найдется ли еще какихъ-нибудь причинъ (и въ числѣ ихъ нѣсколько десятилѣтій постоянной войны), которыя уже, конечно, меньше всего помогали процвѣтанію какого бы то ни было хозяйства?

Въ счетѣ причинъ всякихъ упадковъ Кавказа играетъ не малую роль и восточная косность, которою, кромѣ аборигеновъ, отличаются и просвѣтители Кавказа. Приведу одинъ примѣръ, который беру изъ статьи о разведеніи хлопка (г. Сакакини: «Кавказъ»). Авторъ говоритъ: «Изо всѣхъ странъ, почва и климатъ которыхъ благопріятны для культуры этого растенія, Кавказъ, быть можетъ, одинъ только не вступилъ на путь прогресса. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на здѣшнія поля, чтобъ убѣдиться, что почти все въ названномъ краѣ находится по сю пору въ первобытномъ положеніи, что здѣсь повсюду господствуетъ самая грубая рутина, что лѣнь составляетъ наслѣдственный порокъ той массы населенія, которая должна была бы представлять самую жизненную часть страны, и, наконецъ, что здѣшнему крестьянину не знакомы самыя элементарныя практическія свѣдѣнія по земледѣлію и землевоздѣлыванію». Во время американской войны,—продолжаетъ г. Сакакини,—стали было думать, что Кавказъ послѣдуетъ за всеобщимъ движеніемъ. Нѣкоторые кавказскіе землевладѣльцы занялись было культурой хлопка, но рвеніе ихъ остыло такъ же быстро, какъ и явилось. Съ той минуты, какъ хлопокъ Новаго Свѣта снова появился на европейскихъ рынкахъ, Кавказъ прекратилъ его производство и съ тѣхъ поръ не сдѣлалъ ни одного шага для его разведенія.

Кавказъ переживаетъ въ настоящее время кризисъ,—кризисъ не только экономическій, промышленный, но и бытовой, соціальный, гражданскій. Онъ готовится измѣнить всю свою физіономію подъ воздѣйствіемъ новой культуры, вносимой Россіей на смѣну прежней, уже установившейся восточной культуры. Какъ это сдѣлается, и сдѣлается ли быстро, въ какую сторону измѣнится нравственный обликъ кавказскаго аборигена,—сказать, конечно, трудно; но несомнѣнно, что, подъ воздѣйствіемъ русской цивилизаціи, многія симпатичныя черты горцевъ исчезнутъ. Аборигеновъ Кавказа нельзя стричь подъ одну гребенку, ибо каждое племя представляетъ свои не только расовыя особенности, но особенности въ міровоззрѣніи, развитіи и культурѣ. И, тѣмъ не менѣе, разъѣдающій элементъ уже явился, повидимому, твердо и непоколебимо установившійся бытъ уже поколебался подъ разлагающею силой западной культуры. Между горцами Кавказа есть одни, обнаруживающіе особенную консервативную живучесть, напримѣръ, дагестанцы и чеченцы, весь строй домашней жизни которыхъ застылъ въ неподвижной формѣ. Дагестанцы — фанатики въ дѣлѣ религіи и отличаются страстью къ теологіи и вообще къ религіозному формализму. Но, кромѣ саддукеевъ, есть на Кавказѣ и свои фарисеи, для которыхъ религіозныя установленія и правила имѣютъ житейскій практическій смыслъ и подлежатъ выполненіямъ и измѣненіямъ сообразно практическимъ требованіямъ. Если по мнѣнію чеченца и ногайца, обычаи — неприкосновенная святыня, преемственно перешедшая отъ предковъ, то кумыки обычаи только уважаютъ, но не благоговѣютъ передъ ними и во многихъ случаяхъ безтрепетно отступаютъ отъ нихъ. Такъ, обычай гостепріимства у нихъ сильно подчиненъ соображеніямъ объ общественномъ положеніи хозяина и гостя и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Правда, есть представители княжескихъ и узденскихъ фамилій, считающіе дѣломъ чести принять и угостить всякаго, кто въѣдетъ въ ихъ дворъ и привяжетъ свою лошадь къ традиціонному столбу посреди двора; но большинство населенія тяготится безразличными пріемами и безъ церемоній уклоняется отъ нихъ. Обычай кровной мести въ этомъ народѣ, къ чести его, не проникнутъ жгучею страстью, какъ у горцевъ Дагестана, чеченцевъ, кабардинцевъ и другихъ, а потому и примиреніе по кровнымъ дѣламъ устраивается довольно просто и легко. Куначества,

какъ залога беззавѣтной связи между собою лицъ разныхъ фамилій, у кумыковъ почти не существуетъ. Вліяніе родства среди кумыковъ ограничивается предѣлами двухъ-трехъ поколѣній отъ одного главы, не распространяясь на всѣхъ представителей отдѣльной фамильной группы, какъ, напримѣръ, въ чеченскомъ племени. Обычаи по сватовству и женитьбѣ соблюдаются, какъ отличный предлогъ для пированья и вообще пріятнаго препровожденія времени, существенныя же стороны этихъ актовъ держатся на почвѣ торговыхъ сдѣлокъ. Даже общеизвѣстные традиціонные взгляды горцевъ на хищничество, какъ на актъ молодечества, среди кумыковъ вовсе не пользуются авторитетомъ непоколебимой истины. Кумыки въ большинствѣ выросли изъ этого младенческаго положенія и смотрятъ на хищниковъ, какъ на представителей зла, а не добра» («Кавказъ»). И во всей своей внутренней жизни кумыки обнаруживаютъ ту же прогрессивную податливость. Они живутъ въ сакляхъ хотя и общаго горскаго типа, но во внутреннемъ убранствѣ у нихъ господствуетъ полная смѣсь стилей, начиная чисто-европейскимъ и кончая чисто-персидскимъ. Одѣваются кумыки, подобно другимъ горцамъ, въ черкеску, папаху, бешметъ, чювяки; но случается, что папаху замѣняютъ фуражкою и носятъ съ большимъ удовольствіемъ русскую обувь и русское пальто военнаго покроя, вмѣсто народной шубы. Въ селеніи Аксаѣ даже женщины и дѣвушки носятъ модные ботинки, вмѣсто чювякъ, и на вечеринкахъ появляются съ вѣерами и зонтиками послѣднихъ фасоновъ.

При этой прогрессивной податливости аксаевскій кумыкъ отличается безпечностью, легкомысліемъ и веселостью. Онъ любитъ ловкую плутню, острую шутку, веселое бездѣлье, пѣсню и пляску. Аксаевецъ купитъ, продастъ, обманетъ, украдетъ, подерется и убьетъ,—и все это съ легкимъ сердцемъ, чуть не съ улыбкой, и что бы ни сдѣлалъ, на все махнетъ рукой. Если этотъ подвижной типъ и облегчаетъ очень задачу цивилизаціи Кавказа, то онъ же грозитъ и разрушеніемъ традиціонной магометанской нравственности.

Пока изъ нравственныхъ элементовъ аборигеновъ Кавказа и воздѣйствія на нихъ русской нравственности создается что-нибудь общее и среднее, менѣе восточное и болѣе западное, смѣнится жизнь еще не одного поколѣнія. До того же времени, то здѣсь, то тамъ, Кавказъ будетъ еще, вѣроятно, обогощать уголовную лѣтопись кровавыми фактами. Въ томъ и бѣда имѣть дѣло съ горцемъ, что онъ сейчасъ же берется за кинжалъ, и это практикуется не одними обитателями саклей, но и горцами, вкусившими отъ культуры и цивилизаціи. Такая ужь у нихъ горячая и неукротимая кровь. Мы, сѣверяне, вообще разсудочные, холодные и разсчетливые, дѣлаемъ уголовныя преступленія, выпивая для рѣшимости шкаликъ; горцу для убійства не нужно никакого шкалика; онъ вспыхнулъ, выхватилъ кинжалъ — и конецъ. Идетъ дорогой мальчикъ-пастухъ; ему на встрѣчу ѣдетъ горецъ верхомъ. Горецъ вглядывается въ мальчика, узнаетъ въ немъ пастуха, у котораго въ прошломъ году пропала его овца, соскакиваетъ съ лошади и убиваетъ кинжаломъ мальчика. Или: нѣсколько человѣкъ крестьянъ выѣхали въ ближайшее поле съ арбами за камнемъ. Откуда ни возьмись какой-то осетинъ и началъ ругать крестьянъ всячески—за то, какъ говорилъ онъ, что они собираютъ камень, принадлежащій его барину, князю Амилахвари. Осетинъ выхватилъ кинжалъ и одному изъ крестьянъ нанесъ такой страшный ударъ въ животъ, что внутренности вышли наружу и несчастный на другой день умеръ. Или: празднуется свадьба въ домѣ горца. Пляска и джигитовка кончились. Гости расходятся по саклямъ. Группа молодежи, разнаго пола и возраста, идетъ переулкомъ. Дорогой одному изъ горцевъ, постоянно карабчившему невѣстъ для другихъ, явилась внезапная мысль скарабчить невѣсту себѣ. Онъ обхватываетъ рукой вокругъ тонкаго стана одну красивую пери и тащитъ ее къ своей саклѣ. Дѣвушка сопротивляется и зоветъ на помощь... Вдругъ черезъ плетень перескакиваетъ какой-то герой и всаживаетъ кинжалъ по самую рукоятку въ сердце похитителя. Братъ убитаго, видѣвшій эту сцену изъ своего двора, мигомъ очутился возлѣ убійцы, но тотъ ударилъ его кинжаломъ въ щеку, еще кого-то онъ ударилъ въ ногу и, затѣмъ, пользуясь наступившею ночью, сѣлъ на подвернувшагося чужого коня и ускакалъ. Или: два кровные врага, Гиго Чхарти-швили и Сесика Дарчія-швили, встрѣтились въ церкви въ день новаго года. По мѣстному обычаю, въ этотъ день примиряются самые ярые враги. Чхарти-швили подошелъ къ своему противнику и поздравилъ его съ праздникомъ, а тотъ выхватилъ кинжалъ и вонзилъ его прямо въ животъ поздравителя. Раненый выбѣжилъ изъ церкви, а ранившій пустился за нимъ въ догонку. Первому перерѣзываетъ путь Дарчія-швили и стрѣляетъ въ него изъ револьвера, но пуля, миновавъ того, въ кого была направлена, попала въ отца стрѣлявшаго. Наступаетъ страшный переполохъ, толпа дѣлится на двѣ партіи и вступаетъ въ ожесточенный бой: кинжалы сверкаютъ, отчаянные крики оглашаютъ воздухъ и въ результатѣ получается девять убитыхъ.

Но вотъ совсѣмъ при иныхъ условіяхъ и при чисто-гражданской обстановкѣ, повидимому, не располагающей къ проявленію воинственныхъ наклонностей, свершается слѣдующій фактъ. Идутъ въ Баку городскіе выборы (по III разряду). Нѣкто Ага-Бала-Гаджи-Ага-Гаджи-оглы (избиратель) употребляетъ всѣ усилія, чтобы провести своего кандидата; онъ вертится въ толпѣ, проситъ, требуетъ и нещадно ругаетъ тѣхъ, кто не соглашается поддержать его кандидата. Одинъ изъ задѣтыхъ дерзкою назойливостью Ага-Балы выбранилъ его и, кажется, еще и толкнулъ. Затѣмъ произошла общая свалка и тотъ же Ага-Бала, выхвативъ изъ-подъ полы пистолетъ, намѣревался выстрѣлить въ кого-то, но его схватили за руку и пуля, отведенная отъ того, кому она назначалась, попала въ совершенно неповиннаго наборщика типографіи. Корреспондентъ («Кавказа»), впрочемъ, увѣряетъ, что

при избраніи управы не будутъ ни шумѣть, ни стрѣлять и все пойдетъ тихо и чинно. Такъ ли все это случилось, или Ага-Бала опять явился съ пистолетомъ, чтобы подстрѣлить кого-нибудь, неизвѣстно.

Волшебный, поэтическій Кавказъ, создавъ южную, страстную породу людей, придумалъ такіе же южные и нравы.

Пусть весь міръ возстанетъ противъ меня,
Я не оставлю тебя, о дѣва!
Пусть страшный судъ настанетъ на землѣ, моя дѣва,
Я не оставлю тебя.
Съ снѣжныхъ горъ пусть пророкъ шлетъ свое повелѣніе
Среди громовъ: „Да разлучатся Арзу и Гамборъ!"—
И, все-таки, не покину тебя, о дѣва!
Сахаръ падаетъ съ твоихъ устъ.
Пусть соловей оставляетъ свою любимую розу,
Но я,—о дѣва моя!—я не оставлю тебя.

Такія любовныя пѣсни, полныя страсти и поэзіи, поютъ трухменцы и эти пѣсни находятъ себѣ отзвучіе въ сердцѣ каждаго истиннаго горца. Нельзя сказать, чтобы, поджигаемая воображеніемъ, страстность создала кавказской женщинѣ какое-нибудь почетное или уважаемое положеніе. Нѣтъ. Женщина на Кавказѣ—вещь, и только. Ее можно купить; а если купить не на что, то украсть. И тутъ опять возникаетъ цѣлый рядъ путаницъ, совсѣмъ неудобныхъ въ гражданскомъ общежитіи, съ очень прозаическимъ, а иногда и уголовнымъ концомъ. Вотъ молодой абазинецъ, Аковъ, влюбленъ въ 15-ти лѣтнюю дочку-красавицу своего сосѣда. Заплатить за нее нужно не менѣе 1,000 руб., а влюбленный голъ, какъ соколъ. И онъ рѣшается на отчаянное средство. Поздно вечеромъ, когда сосѣда не было дома, Аковъ проникаетъ въ его саклю, схватываетъ дѣвушку и пытается убѣжать съ нею. Тетка дѣвушки хочетъ удержать похитителя, онъ ударомъ кинжала освобождается отъ старухи и спѣшитъ съ добычей къ товарищу, сидѣвшему въ засадѣ. Перепуганная дѣвушка кричитъ дорогой отчаяннымъ образомъ и на крикъ ея является ея дядя съ родственниками, нагоняютъ Акова, отнимаютъ отъ него дѣвушку, и дядя, мстя за поруганную честь дѣвушки, ударомъ кинжала кладетъ на мѣстѣ влюбленнаго.

При взаимности чувства подобные романы кончаются благополучнѣе. На р. Урунѣ, близъ Армавира, живетъ вдова княгиня М., а у нея есть молодая дочь. На-дняхъ, какъ пишетъ корреспондентъ «Сѣвернаго Кавказа» (т.-е. въ концѣ марта нынѣшняго года), княгинѣ донесли, что явились послы отъ князя Л....а за княжной. Не желая выдавать дочь за Л., княгиня М. приняла на случай похищенія нѣкоторыя стратегическія мѣры: дочь спрятала на чердакъ, а сама вооружилась шашкой. Посланные, замѣтивъ, что прислуга въ кунацкой, бросились въ комнаты княгини, но храбрая княгиня оказала очень мужественный отпоръ и даже ранила одного изъ посланныхъ. Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, отъ храброй княгини отняли шашку и связали руки. Княжна, наконецъ, была найдена и увезена, а возмущенная княгиня отправилась съ жалобой въ городской судъ. Вызванъ былъ народный кадій, приглашены обвиняемые и, къ общему изумленію, оказалось, что похищенная княжна уже обвѣнчалась съ своимъ молодымъ похитителемъ и никакихъ претензій на него не имѣетъ.

Обычай карабченій невѣстъ подъ русскимъ вліяніемъ начинаетъ понемногу исчезать, и горцы, получившіе образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, старыхъ традицій уже не придерживаются. Но образованіе пока не въ силѣ уничтожить сословныхъ предразсудковъ, которыми горцы гораздо богаче насъ, русскихъ, и благодаря этимъ предразсудкамъ и приходится прибѣгать къ старымъ традиціоннымъ средствамъ въ грубой, насильственной формѣ, съ кинжалами и шашками, съ связываніемъ рукъ. Въ томъ-то и бѣда Кавказа, что склонность къ традиціонному восточному насилію въ немъ жива еще и до сихъ поръ. Кавказецъ ходитъ вооруженный съ ногъ до головы, точно онъ въ военномъ лагерѣ и ждетъ каждую минуту вооруженнаго нападенія со стороны. Похищеніе невѣстъ есть только романическая форма насилія, смягченные верхи цѣлаго строя жизни, въ послѣднихъ низахъ своихъ кончающагося конокрадствомъ, скотокрадствомъ, грабежами и разбоемъ. Есть на Кавказѣ мѣстности, въ которыхъ настолько развилось конокрадство, что жители, отправляющіеся на заработки куда-нибудь подальше, берутъ съ собою не лошадь, а только сѣдло. Подвиги отчаяннаго Керима вызвали снаряженіе для поимки его особаго военнаго отряда изъ трехъ сотенъ казаковъ и одной сотни дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка подъ начальствомъ командира этого полка. Отряду поручалось поймать Керима съ товарищами и истребить разбойничьи шайки, ужь очень расплодившіяся на югѣ Кавказа. Отрядъ началъ свои дѣйствія въ концѣ апрѣля нынѣшняго года, а въ концѣ іюня Керимъ ушелъ въ Турцію, наколобродивъ вездѣ достаточно. Но Керимъ и самъ только болѣе пышный цвѣтъ бытовыхъ порядковъ Кавказа; разбои на кавказской почвѣ возникаютъ легко и въ составленіи разбойничьихъ шаекъ изъ разныхъ головорѣзовъ на Кавказѣ никакихъ затрудненій никогда не представляется. Даже кровомщеніе создалось на Кавказѣ какъ мѣра самозащиты противъ безправія и для огражденія личной и имущественной безопасности. И тонъ кавказской жизни (разумѣется не въ городахъ) даетъ инородческое населеніе, преобладающее настолько, что на $1^1/_3$ милліона русскихъ приходится 4 милл. инородцевъ.

Стихійною силой забираясь все дальше и дальше на Кавказъ, мы добрались до границъ Персіи и присоединили къ Россіи край съ такими естественными богатствами, какихъ не заключали въ себѣ ни Перу, ни Чили, ни Мексика, когда ихъ Богъ послалъ Испаніи. Но трудность задачи заключалась, конечно, не въ присоединеніи, хоть оно и продолжалось почти сто лѣтъ, а въ тѣхъ послѣдующихъ просвѣтительныхъ и культурныхъ вліяніяхъ, которыя должна была обнаружить на окаменѣвшій Востокъ европейская цивилизація, которой мы явились представителями. Просвѣтитель-

ныя вліянія не могутъ быть выше тѣхъ, кто ихъ вноситъ. Въ нашихъ же просвѣтительныхъ вліяніяхъ, внесенныхъ на Кавказъ, рѣзко обрисовываются двѣ струи — вліяніе правительственное, путемъ мѣропріятій и учрежденій, и вліяніе бытовое, путемъ той свѣжей волны, призванной нравственно обновить край, которою явились русскіе переселенцы. Я буду говорить только о бытовой волнѣ и бытовыхъ вліяніяхъ, и матеріаломъ для меня будутъ служить кавказскія газеты и ихъ мѣстная хроника за нынѣшній годъ.

Русскіе переселенцы, явившіеся просвѣтителями и обновителями Кавказа, были частью изъ казаковъ, частью изъ сосланныхъ сектантовъ, частью изъ русскихъ крестьянъ (въ послѣднее время явились на Кавказѣ даже эсты). Являясь на Кавказъ въ качествѣ культурной силы, русскій вносилъ и свой обиходъ, и свои привычки, и свои деревенскіе мірскіе и общественные порядки. Кабатчикъ, поэтому, долженъ былъ играть на новомъ мѣстѣ важную роль и выдвигаться въ качествѣ перваго піонера русской цивилизаціи. Вмѣстѣ съ кабатчикомъ, развивалось и пьянство, а за нимъ шли традиціонный русскій волостной писарь и старшина (атаманъ). Кабатчикъ устанавливалъ основы легкой наживы, а писарь и атаманъ — основы гражданскихъ отношеній.

Насколько неустойчивый культурный элементъ самъ подчинялся вліянію мѣстныхъ условій, указываютъ молокане и другіе сектанты Карской области. Они утратили здѣсь почти всѣ свои земледѣльческія качества и хлѣбопашество, напримѣръ, у молоканъ не выходитъ за предѣлы удовлетворенія ихъ личныхъ нуждъ. Собственно въ Карсѣ сектантовъ мало, но въ области почти всѣ видныя и плодотворныя мѣста отданы молоканамъ, духоборцамъ, прыгунамъ и субботникамъ. Изъ нихъ духоборцы несравненно трудолюбивѣе другихъ, а потому и живутъ лучше. Молоканъ же соблазнила легкая нажива и окончательно отбила ихъ отъ земледѣлія. «Молоканинъ,—говоритъ карскій корреспондентъ «Сѣвернаго Кавказа», — лучше употребитъ день въ страдную пору (хотя у него страдной поры собственно и нѣтъ) на поѣздку въ городъ къ какому-нибудь барину за совѣтомъ, какъ бы ему повыгоднѣе продать то сѣно, которое онъ еще собирается косить, чѣмъ тотъ же день употребить на покосъ и уже тогда запродавать скошенное. Женскій полъ сектантовъ тоже не отличается трудолюбіемъ. Молоканка, напримѣръ, лучше снесетъ за семь верстъ въ городъ для продажи на гривенникъ молока, чѣмъ пойдетъ въ поле грести сѣно. Вообще же, можно сказать о закавказскихъ русскихъ сектантахъ, преимущественно же о молоканахъ, составляющихъ большинство сектантовъ,— заключаетъ корреспондентъ, — что изъ русскаго мужика, безустанно работавшаго сохой въ Россіи лѣтъ 40—60 тому назадъ, ненормальныя жизненныя условія Закавказья выработали до крайности лѣнивый и продувной пролетаріатъ, самоувѣренно возлагающій всѣ свои упованія на карманъ чиновнаго барина, какъ на дойную корову».

И на противоположномъ концѣ Кавказа, на крайнемъ его сѣверѣ, наблюдается то же самое. Въ № 10 «Недѣли» писалось изъ Калмыцкой степи, что тамъ возникло нѣсколько десятковъ цвѣтущихъ русскихъ селъ, которыя теперь приходятъ въ упадокъ, потому что калмыцкія зайсанги не хотятъ сдавать крестьянамъ въ аренду ни клочка калмыцкой земли. На это г. Д. Ивановъ (въ «Сѣверномъ Кавказѣ») предлагаетъ корреспонденту «Недѣли» нѣсколько слѣдующихъ вопросовъ для отвѣта: «Легко было богатѣть и «цвѣсти» крестовцамъ (Крестовская волость, о которой шла преимущественно рѣчь), наживаясь на счетъ простодушнаго калмыка, полюбившаго на свое несчастіе русскую водку. Но что же сдѣлали сами крестовцы для восхваляемой культуры? Развели ли они лѣса, устроили ли ключи? Въ самомъ «цвѣтущемъ селеніи» имѣются ли порядочные сады? Оврагъ за огородами вдоль селенія—укрѣпленъ ли? Установлено ли правильное водораспредѣленіе и проч.?» И ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ корреспондентъ «Недѣли» не отвѣчаетъ. «А сколько мнѣ извѣстно, — говоритъ г. Ивановъ, — что въ той же самой Крестовой врядъ ли кто когда-нибудь объ этомъ заботился. Каждый старался взять побольше изъ того, что было готоваго; «лучшія земли» распахалъ, остальныя вытравилъ и выбилъ скотомъ, а потомъ пошелъ къ калмыку, благо у него много пустующей земли, никогда не паханной и рѣдко посѣщаемой стадами. Дикій разбойникъ калмыкъ беретъ немного денегъ, немного муки, — богатѣй, «умѣлый колонистъ», ни о чемъ не заботясь!»

Въ той же корреспонденціи г. Ивановъ говоритъ о сообщеніи, сдѣланномъ имъ въ географическомъ обществѣ о вліяніи русской колонизаціи на природу Сѣвернаго Кавказа. «И общій выводъ, — говоритъ г. Ивановъ,—получался далеко не въ пользу русскаго колониста, разбогатѣвшаго только на счетъ самаго широкаго расхищенія природныхъ богатствъ страны, и расхищенія, произведеннаго самыми немудрыми пріемами, изъ которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ ревностное лѣсоистребленіе и несообразно большое скотоводство. Послѣднее велось и ведется на счетъ быстраго стѣсненія мѣстнаго кочевника, котораго замѣнилъ русскій колонистъ, познавшій всю силу доходности отъ скотоводства при неограниченномъ легкомъ пользованіи обширными землями». На Кавказѣ, какъ и повсюду, русскіе колонисты не приносили никакой серьезной земледѣльческой культуры, вели хозяйство экстензивное (хищническое) и главную силу видѣли въ обширномъ скотоводствѣ. При первомъ же препятствіи продолжать ту же систему, т.-е. захватывать все шире и шире, колонистъ терялся, бѣднѣлъ и начиналъ плакаться. Это именно и случилось съ крестовцами, когда калмыки отказали имъ въ землѣ.

Колонизація Кавказа производилась или правительственнымъ путемъ, преимущественно съ военными цѣлями, или же путемъ свободнаго переселенія и наплывомъ крупныхъ собственниковъ, коммерсантовъ и промышленныхъ людей.

Заселеніе Закубанскаго края, а затѣмъ (1864 г.) прибрежья Чернаго моря сдѣлалось по добровольному вызову правительства и только меньшая часть поселенцевъ взята по жребію изъ кубанскихъ же казаковъ. Поселенцамъ было оказано отъ казны большое пособіе и, кромѣ провіанта, выдано на каждое семейство по 240 руб. Въ первые же дни по прибытіи переселенцевъ между ними появились болѣзни и такая смертность, которую слѣдовало объяснить неудачнымъ выборомъ мѣстъ и, пожалуй, еще и дурными привычками переселенцевъ. Получивъ на руки сравнительно цѣлое богатство, да, кромѣ того, обезпеченные казеннымъ провіантомъ, поселенцы запьянствовали и загуляли и забыли о всякомъ хозяйствѣ. Вмѣсто того, чтобы построить себѣ дома, они сколотили себѣ кое-какіе шалаши, — ну, и, разумѣется, должны были болѣть и вымирать, подвергаясь всякимъ неблагопріятнымъ вліяніямъ лихорадочной мѣстности. Такихъ станицъ (Шапсугскій батальонъ) было поселено 12, а чтобы поселенцы просвѣтились въ мѣстномъ хозяйствѣ, къ станицамъ было присоединено до полусотни дворовъ горцевъ. Такимъ образомъ, не мы явились просвѣтителями азіатамъ, а азіаты намъ. Конечно, отъ военныхъ поселеній и не требовалось культурнаго вліянія и оно не входило въ планы военной колонизаціи.

Цѣли этой должны были удовлетворить колоніи чисто-гражданскія, основанныя въ разныхъ пунктахъ прибрежной полосы. Предположено было эти пункты заселить крестьянами, а участки земли, лежащіе между поселеніями, раздать, на извѣстныхъ условіяхъ, частнымъ лицамъ. По предположенію, эти частныя и, конечно, интеллигентныя лица должны были внести въ край свои капиталы, знанія, таланты и благоустроенными большими хозяйствами послужить образцовымъ примѣромъ для крестьянъ-колонистовъ. Участки предполагалось частью продавать съ торговъ, а частью отводить безплатно до 50 десятинъ въ однѣ руки, съ обязательствомъ обработки. Но на торги никто не явился, а для дароваго полученія участковъ нахлынула такая масса охотниковъ, что относительно ихъ желанія спекулировать на счетъ казенной даровщинки не было никакого сомнѣнія. Всего на даровыхъ условіяхъ было роздано въ этотъ періодъ 6,153 десятины, въ числѣ 133 участковъ, на которыхъ до настоящаго времени заведено хозяйство только въ девяти участкахъ!

Послѣ неудачи первыхъ торговъ было рѣшено допустить продажу земель по выбору самихъ покупателей, но не свыше 3,000 дес. въ однѣ руки. Продажная цѣна назначена по 10 руб. за десятину и деньги разрѣшалось уплачивать въ теченіе 10 лѣтъ. Конечно, владѣльцевъ уже не стѣсняли обязательствами обработки и на добрую ихъ волю предоставлялось служить или не служить культурной силой и быть или не быть образцами раціональнаго хозяйства.

Былъ принятъ и еще одинъ способъ колонизаціи порожнихъ земель—пожалованіемъ какъ высшимъ чинамъ администраціи, за ихъ кавказскую службу, такъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ. «Эта раздача лучшихъ въ округѣ земель, — говоритъ оффиціальный источникъ, которымъ я пользуюсь, — точно также не привела къ той цѣли, ради которой была допущена, но, напротивъ, усилила спекуляцію и надолго затормазила правильный ходъ колонизаціи.

Я боюсь утомлять читателя мелкими подробностями неудачъ предпринятой колонизаціи и представлю ему лишь общіе ея результаты. Въ 15 лѣтъ поселено въ Черноморскомъ округѣ въ селеніяхъ 10 т. душъ обоего пола, а въ городахъ 12 т. Среднимъ числомъ на милю крестьянскаго населеніе составляетъ только 106 ч., тогда какъ у кочующихъ калмыковъ считается на милю 164 ч., а на Кавказѣ вообще 675 ч. на милю.

По національностямъ колонисты составляютъ именно смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній». Между ними и русскіе, и нѣмцы, и чехи, и молдаване, и греки, и армяне, и черкесы. Русскихъ, конечно, всего больше. Степень благосостоянія, которой достигли колонисты, очень не одинаковая. Нѣкоторыя селенія обжились и хорошо устроились, за то другія не подвинулись ни на шагъ впередъ со времени водворенія и бѣдствуютъ такъ же, какъ они бѣдствовали вначалѣ. Наименѣе способными колонистами оказались русскіе: «имъ не удалось, хотя сколько-нибудь удовлетворительно, устроить свои хозяйства, они плохо выдерживаютъ лихорадочный климатъ, не могутъ привыкнуть къ горной мѣстности и мечтаютъ лишь объ обратномъ выселеніи на равнины, на которыхъ жили въ прежнее время. Если у нѣкоторыхъ русскихъ поселянъ хозяйство идетъ удачнѣе, то нельзя не обратить вниманія на то, что даже и у подобныхъ хозяевъ обрабатываются только однѣ ровныя поляны, склоны же горъ и холмы, бывшіе у горцевъ въ обработкѣ, заростаютъ лѣсомъ и кустарниками».

Самыми удачными вышли поселенія чеховъ, молдаванъ и другихъ инородцевъ, а также, конечно, и черкесовъ, какъ коренныхъ обитателей края.

Кромѣ земель, отведенныхъ въ надѣлъ крестьянамъ, роздано еще болѣе 90 т. дес. лучшей въ округѣ земли.

Изъ всей этой массы розданной и проданной земли обработано только 420 десятинъ или меньше $^1/_2$ процента!

Эти свѣдѣнія я беру изъ опубликованной въ газетѣ «Кавказъ» «Поѣздки его сіятельства главнокомандующаго гражданскою частью на Кавказѣ по Кубанской области и Черноморскому округу». Свѣдѣнія эти не только вполнѣ оффиціальныя, но и прямо устанавливающія взглядъ теперешней высшей администраціи Кавказа на его заселеніе. Оказывается, въ послѣднемъ выводѣ, что «богато одаренный природою край, вмѣщавшій въ себѣ стотысячное городское населеніе, представляетъ послѣ 15-ти лѣтнихъ заботъ объ его колонизаціи, почти пустыню... Ни въ какой другой части имперіи не предоставлялось поселенцамъ такихъ значительныхъ льготъ и не выдавалось такихъ щедрыхъ пособій, какъ въ Черноморскомъ округѣ, а, между

тѣмъ, многіе изъ поселенцевъ считаютъ себя д сихъ поръ временными пришельцами и готовы во всякое время покинуть мѣста, насиженныя въ продолженіе 15 лѣтъ. Очевидно, что въ планѣ заселенія округа и въ способахъ его исполненія были допущены крупныя ошибки». Одною изъ причинъ неудачи считается отсутствіе хорошо устроенныхъ дорогъ, и пока дороги не будутъ устроены, не можетъ быть приступлено и къ правильной колонизаціи.

Конечно, нельзя отрицать, что пути сообщенія играютъ въ дѣлѣ колонизаціи не малую роль. Но вопросъ вотъ въ чемъ: долженъ ли сначала явиться поселенецъ и самъ устроить не только дороги, но и школы, и церкви, и телеграфы (такъ, по крайней мѣрѣ поступаютъ американцы), или же болѣе правильно устроить сначала всю обстановку для поселенца и уже затѣмъ водворить его въ готовый домъ и на готовое хозяйство? Кажется, и подобные опыты бывали. Въ Сибири и до сихъ поръ можно встрѣтить по большой дорогѣ дома съ заколоченными окнами. Это были тоже готовые дома съ готовыми хозяйствами, куда водворяли поселенцевъ, да только поселенцы разбѣжались. И на Кавказѣ были опыты поселенія съ усиленными денежными и всякими другими пособіями и даже съ готовымъ провіантомъ, что же вышло? Поселенцы запьянствовали, загуляли и на половину вымерли. И почему это русскій оказывается вездѣ и во всемъ какимъ-то неудачникомъ? Многое, конечно, нужно приписать его винѣ, но многое зависитъ и отъ внѣшнихъ условій, которыя совсѣмъ не въ его власти. У насъ все дѣлается какъ-то силой, да нажимомъ, и до сихъ поръ еще не перевелись попечители и опекуны, которые то вышлютъ переселенцевъ силой или по жеребью, то выберутъ имъ мѣсто, по своимъ соображеніямъ, гнилое, болотное, ядовитое; то отправятъ для колонизаціи людей, совсѣмъ къ этому неспособныхъ, или превратятъ колонизацію въ ссылку, и затѣмъ оказывается, что колонизація не удалась только потому, что забыли выстроить дороги.

И въ то время, когда гдѣ-то тамъ, внизу, маленькіе люди карабкаются, копошатся, какъ муравьи, обязанные изображать изъ себя культурную, цивилизующую силу, вносящую Европу въ Азію,—другая волна, волна крупная, захватывающая широко, разливается потокомъ и вершитъ свое дѣло, не встрѣчая ни неудачъ, ни смертоносныхъ лихорадокъ. У насъ только маленькимъ ничего не удается. И на Кавказѣ представителями цивилизаціи явились тоже только тѣ, кто могъ взять побольше. Не знаемъ, насколько заслуживаетъ вѣроятія сообщеніе новороссійскаго корреспондента газеты «Кавказъ», что «Цемесская долина съ окрестностями заняла первое мѣсто въ ряду другихъ вновь заведенныхъ хозяйствъ на Черноморскомъ берегу» и что руководящее начало по части высшей культуры дается благоустроенными хозяйствами гг. Пиленко, Пенчула, Гейдука, Мензелинцева, Каткова, Лилле и другихъ. Самъ корреспондентъ, кажется, сомнѣвается въ этомъ, ибо замѣчаетъ, что «одинъ въ полѣ не воинъ». Но, вѣдь, и кромѣ того извѣстно, что крупныя владѣнія, очень выгодныя тѣмъ, кому онѣ принадлежатъ, особыхъ услугъ культурѣ нигдѣ и никогда не оказывали и ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить колонизирующей силой. Для этого требуется масса мелкихъ, энергичныхъ и дѣятельныхъ непосредственныхъ работниковъ, тѣхъ неутомимыхъ и безстрашныхъ піонеровъ, способныхъ преодолѣвать всякія препятствія, которыми только и создавалась успѣшная колонизація пустырей и новыхъ земель. Крупные владѣльцы могли создать Виргинію и невольничество, невѣдомое до нихъ въ Америкѣ, но они были не въ силахъ создать сѣверныхъ американскихъ колоній съ ихъ энергическимъ, предпріимчивымъ, образованнымъ и свободнымъ населеніемъ.

Кавказъ, пока онъ не выработаетъ для себя піонеровъ колонизаціи и не привлечетъ къ себѣ отдѣльныхъ дѣятельныхъ, энергичныхъ и знающихъ силъ, способныхъ не только къ механическому труду, но и способныхъ развить въ себѣ власть надъ кавказскою природой, останется вѣчно бѣдною, пустынною степью, какого бы состоянія ни достигали крупные владѣльцы. И эти отдѣльные богатѣи чѣмъ больше будутъ шириться и забирать силу, тѣмъ большую массу мелкихъ производителей они будутъ подчинять своей власти; но Кавказъ отъ этого не станетъ ни богаче, ни благосостоятельнѣе, и все больше и больше будетъ утрачивать своё значеніе, какъ колоніи. Latifundia не создали благоденствія Риму, а, напротивъ, привели его къ бѣдности. Теперь на Кавказѣ пять милліоновъ жителей, но онъ можетъ прокормить еще 45 мил. Превратите земли, на которыхъ могли бы помѣститься эти 45 милл. людей, въ крупныя хозяйства, куда вы помѣстите излишекъ русскаго населенія, когда ему понадобятся свободныя земли Кавказа? Главная ошибка Кавказа заключается въ томъ, что онъ въ колонизаціи, вмѣсто государственнаго начала, выставилъ на первое мѣсто начало личное. И любопытно, что, несмотря на рядъ неудачныхъ опытовъ, повторявшихся и въ Оренбургскомъ краю, и въ Самарскомъ, и въ Уфимскомъ, и на Кавказѣ, личное начало до сихъ поръ еще признается какимъ-то могучимъ факторомъ благосостоянія и общественнаго развитія.

Намекъ на ту роль, какую этотъ факторъ сыгралъ уже на Кавказѣ, читатель могъ замѣтить въ приведенномъ выше отзывѣ г. Иванова о русскомъ колонистѣ. Этотъ колонистъ, расхитившій природныя богатства Кавказа, есть тавричанинъ. Тавричане — выходцы изъ Таврической губерніи и потомки молоканъ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій переселенныхъ насильно или переселившихся добровольно въ Таврическую губернію. Въ Таврической губерніи они получили большіе надѣлы и, «благодаря хорошимъ матеріальнымъ условіямъ жизни и царившей среди нихъ строгости нравовъ, изъ нихъ выработалась совершенно особенная, крѣпкая, чрезвычайно развитая физически, умная, энергическая, трезвая и крайне умѣренная раса людей», — говоритъ г. Абрамовъ («Дѣло» 1883 г.). «Къ сожалѣнію,—продолжаетъ

г. Абрамовъ, — они сосредоточили всѣ силы своей души исключительно на достиженіи возможно большихъ матеріальныхъ выгодъ. Къ этому въ значительной мѣрѣ толкало ихъ безправное положеніе, при которомъ ихъ грабили и обирали всѣ, кто хотѣлъ, и благодаря которому они могли существовать спокойно, только пуская въ ходъ деньги. Суровая дѣйствительность научила ихъ видѣть въ деньгахъ главную силу жизни». И та же непригядная дѣйствительность сплотила ихъ въ крѣпкое, тѣсное общество и научила глядѣть враждебно на всѣхъ, кто не принадлежитъ къ ихъ обществу. «Здѣсь мы видимъ, — говоритъ г. Абрамовъ, — одно изъ печальныхъ послѣдствій той несчастной политики, которая такъ долго практиковалась по отношенію къ раскольникамъ». Но здѣсь же можно усмотрѣть еще и другое. Можно усмотрѣть вообще воспитательное вліяніе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, способныхъ создавать совсѣмъ новые типы людей. А это даетъ не только надежду, но и увѣренность, что при благопріятныхъ условіяхъ, которыхъ пока лишена русская деревня, она можетъ создать и тотъ типъ піонера колонизаціи, котораго пока Россія не имѣетъ, чтобы вносить на Востокъ культурное вліяніе и исполнять свою цивилизаторскую миссію. Съ тѣмъ же, что есть и съ чѣмъ мы пытаемся служить общечеловѣческому прогрессу, настоящей цивилизаціи мы на Востокъ не внесемъ. «Тавричанъ» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до сихъ поръ зовутъ молоканами, но они давно уже перестали быть ими. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и числятся православными, но это только «политика». Ихъ религія заключается въ наживѣ и деньги — ихъ единственный богъ, которому они молятся. Между собой тавричане держатся дружно и сплоченно и оказываютъ другъ другу поддержку, но за то всю остальную массу населенія они эксплоатируютъ съ тою безпощадною, безжалостною и холодною, разсудочною безсердечностью, которая составляетъ принадлежность кулака.

Тавричане, занявшись овцеводствомъ, скоро разбогатѣли до того, что для ихъ стадъ не хватало мѣста въ Таврической губерніи. Тогда они разошлись съ своими стадами по всему югу Россіи, начиная съ Бессарабіи и кончая Терской областью. Очень можетъ быть, что на этомъ дѣло бы и кончилось, т.-е. тавричане остались бы тѣми же тавричанами-овцеводами. Но явилось одно обстоятельство, творцами его, конечно, непредвидѣнное, создавшее тавричанамъ совершенно новое общественное положеніе, и тавричане превратились въ крупныхъ ландъ-лордовъ. Случилось это такъ. На югѣ и юго-востокѣ Россіи, съ цѣлью созданія крупнаго землевладѣнія и насажденія культуры, огромныя пространства земли были розданы казачьимъ офицерамъ и вообще военнымъ и гражданскимъ чинамъ. Конечно, ни офицеры, ни чиновники не знали, что имъ дѣлать съ этою землей и какъ насаждать въ краѣ культуру, и потому почти всѣ подобныя земли попали, въ концѣ-концовъ, въ руки тавричанъ. О размѣрѣ земельныхъ владѣній тавричанъ читатель можетъ судить по слѣдующимъ цифрамъ, которыя я беру изъ «Сѣвернаго Кавказа». Мазаевъ, напримѣръ, скупилъ въ Баталпашинскомъ уѣздѣ у разныхъ лицъ 4,697 дес., онъ же купилъ у горцевъ близь рѣки Урупа 3,190 дес.; кромѣ того, хутора его на арендуемыхъ земляхъ раскинуты по всему Ейскому уѣзду. Площадь арендуемыхъ имъ дополнительныхъ надѣловъ только въ трехъ станицахъ составляетъ 42,987 дес.; но онъ владѣетъ дополнительными надѣлами еще четырехъ станицъ. Два брата Петрика купили на правомъ берегу Кубани 6,250 дес., у генерала Баженова 3,054 дес., у генерала Зотова 4,090 дес. Хутора этихъ братьевъ-тавричанъ раскинуты по всему Сѣверному Кавказу и въ особенности въ сѣверной части Кубанской области, на земляхъ, арендуемыхъ за самую низкую плату у войска и станичныхъ обществъ. Въ одномъ мѣстѣ братья Петрики арендуютъ 10,890 дес., а въ Кущейской степи 80,053 дес. Братья Николенко скупили у князя Святополкъ-Мирскаго 3,005 дес. и у генерала Филиппсона 6,039 дес., у генерала Ольшевскаго 4,052 дес., у генерала Тарханъ-Моуравова 3,025 дес., у генерала Козловскаго 5,500 дес. Цифры внушительныя и, какъ нужно думать, ниже дѣйствительныхъ, потому что относятся къ 1882 году.

При пропорціональномъ отношеніи силъ крупное землевладѣліе бывшихъ пастуховъ-чабановъ, можетъ быть, и не нарушало бы гармоніи отношеній съ мѣстнымъ населеніемъ, но разъ поднявшійся кулакъ не знаетъ никакой пропорціи и сейчасъ же начинаетъ давить и пользоваться всѣми правдами и неправдами. Въ этомъ случаѣ сибирскій «кадыкъ» и кавказскій тавричанинъ сформировались по одному типу и дѣйствуютъ по одному закону наживы, являясь разлагающею общественною силой, творящей смуту и разоренье и нарушающей спокойное и правильное теченіе жизни. Конечно, тавричанинъ, пока онъ тавричанинъ, и долженъ поступать такъ, какъ онъ поступаетъ. Овцеводъ, владѣющій громадными стадами, по мѣрѣ того, какъ стада его увеличиваются, долженъ увеличивать для нихъ и пастбища. Но вотъ, что, при теперешнемъ общественномъ развитіи тавричанина и при условіяхъ нашей жизни, можетъ возникнуть изъ этой вполнѣ естественной причины.

Есть въ Екатеринодарскомъ уѣздѣ Бузиновскій поселокъ, лежащій въ десяти верстахъ отъ станицы Новомалороссійской. По какому-то межевому проекту вышло такъ (все это подробно объясняетъ «Сѣверный Кавказъ»), что 30,000 дес. земли оказались у нѣкоторыхъ станицъ излишними и опредѣлены въ дополнительные надѣлы другимъ станицамъ, якобы нуждающимся въ землѣ. Пронюхавъ, что въ окрестностяхъ Новомалороссійской станицы объявилась излишняя земля, тавричане поспѣшили въ Екатеринодаръ и устроили дѣло такъ, что земля эта оказалась ими арендованной отъ 70 коп. и до 1 руб. 20 коп. за десятину. Какъ все это случилось, неизвѣстно, и корреспондентъ не берется даже объяснить, хотя и пишетъ со словъ крестьянъ и тавричанъ. Часть населенія Бузинов-

скаго поселка подчинилась этой неожиданной бѣдѣ и переселилась въ Новомалороссійскую станицу, но другая часть захотѣла искать правды и послала куда-то своихъ ходоковъ. А, между тѣмъ, тавричане понастроили на арендованной землѣ дома, сараи, помѣщенія для овецъ, для крупнаго скота, затѣмъ нагнали скотъ, опахали поселокъ межой и запретили бузиновцамъ выгонять свой скотъ за межевую борозду. Читатель ужъ, конечно, догадывается, чѣмъ кончилась эта «обыкновенная исторія». Одни считали себя въ своемъ правѣ, другіе—въ своемъ. Пошло въ ходъ дреколіе, трое оказались убитыми, нѣсколько человѣкъ ранеными. Потомъ у бузиновцевъ явились союзники и подъ защитою коннаго и пѣшаго вооруженнаго конвоя бузиновцы стали увозить сѣно, заготовленное тавричанами. Какъ разсказываетъ корреспондентъ, тавричане пользовались арендною землей безъ всякихъ документовъ. Корреспонденція оканчивалась такъ: «по послѣднимъ извѣстіямъ, шестеро бузиновцевъ посажены въ тюрьму и послѣдуютъ въ ссылку. Бузиновцамъ (не казакамъ) предоставлено возвратиться въ Россію.»

Конечно, другого конца и нельзя было ожидать; но такъ какъ настоящій очеркъ посвященъ колонизаціи Кавказа, то вопросъ, конечно, не въ томъ, какой конецъ имѣло бузиновское дѣло, а въ томъ, какой конецъ можетъ грозить всему Кавказу, если его колонизаторами, просвѣтителями и гражданскими устроителями явятся тавричане. Мы уже знаемъ, какіе «гражданскіе» порядки создалъ кулакъ (тотъ же тавричанинъ) въ Сибири и какъ онъ развратилъ деревенскую администрацію, неужели и изъ Кавказа онъ сдѣлаетъ Сибирь?

XII.

Въ нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ газетъ явилось нѣсколько статей о читателѣ и журналистикѣ, объ интеллигенціи и идеалахъ. Авторы негодуютъ на низменный уровень читателя и на исчезновеніе въ обществѣ идеаловъ. Жалобы эти повторяются не разъ, и начались онѣ не нынче, а, пожалуй, еще лѣтъ двадцать назадъ. Такъ, тогда было высказано, что писателю не хочется писать, а читателю не хочется читать; уже тогда русская жизнь походила на вавилонскую башню и люди начинали говорить на разныхъ языкахъ; уже тогда, наконецъ, слышались жалобы на отсутствіе идеаловъ, т. е. стремленій къ осуществленію ближайшихъ общественныхъ задачъ, на общихъ началахъ о справедливости.

Но кто же тутъ виноватъ, читатель или писатель, и какъ это случилось, что никому не стали нужны идеалы и общество очутилось въ пустотѣ? Наконецъ, точно ли съ лица Русской земли исчезъ и читатель, и писатель, и идеалъ?

Что въ русской жизни свершилось неблагополучіе, и неблагополучіе именно умственное, что въ каждомъ чувствуется неудовлетвореніе, — замѣчается тоже не сегодня. Но вотъ что стало замѣчаться сегодня—новый типъ людей, созданныхъ этимъ умственнымъ состояніемъ. Типъ этотъ не особенно распространенъ, но и въ русской жизни не замѣчается ничего такого, что могло бы остановить его развитіе. Этотъ нарождающійся типъ очень характеренъ. Онъ не парадируетъ, не шумитъ, не ораторствуетъ, не выдается,—скорѣе онъ прячется и маскируется и только въ минуты откровенности обнаруживаетъ свое нутро. И маскируется онъ не изъ неувѣренности въ себѣ, а потому, что боится, чтобы его не перетолковали. Типъ этотъ—настоящій интеллигентный типъ человѣка усомнившагося. Вѣроятно, подобный типъ замѣчается уже и въ городской жизни, но я буду говорить объ образчикѣ деревенскомъ, созданномъ землей и теперешнимъ положеніемъ земледѣльческаго быта. Мой образчикъ — землевладѣлецъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ и вполнѣ обезпеченный. Онъ ведетъ свое хозяйство совсѣмъ по-мужицкому и всѣ улучшенія считаетъ ненужными. Землю онъ обрабатываетъ на кругъ, мужицкими лошадями и мужицкими сохами, скотъ держитъ по-мужицки, породы не улучшаетъ, кормить его лучше мужицкаго считаетъ пустымъ дѣломъ потому, что молока, все равно, не получится больше, построекъ никакихъ не дѣлаетъ и хорошія, солидныя постройки, а тѣмъ болѣе на каменномъ фундаментѣ, считаетъ тоже ненужными. Въ своей домашней жизни онъ держится той же системы и урѣзываетъ всѣ «излишки». Единственное, что онъ себѣ позволяетъ—разведеніе яблонь, да и то говоритъ: «посажу пятьсотъ штукъ и довольно». Когда онъ видитъ, что его сосѣди занимаются улучшеніемъ хозяйства, въ особенности же построекъ, онъ только улыбается добродушно-иронически, точно ему жаль, что они тратятъ свои и средства, и силы, и время по-пустому. По его мнѣнію, ничего не нужно ни улучшать, ни созидать,— пускай все остается, какъ оно есть,— потому что ни имѣніе не дастъ больше, ни затраченный капиталъ не принесетъ выгоды. Свой пессимизмъ онъ доводитъ до того, что и себя считаетъ ненужнымъ, и вотъ въ этомъ-то и его нутро, которое онъ тщательно скрываетъ и маскируетъ своимъ ироническимъ подсмѣиваніемъ надъ «хозяевами». Въ минуты откровенности, одинъ-на-одинъ, онъ высказываетъ, что и имѣніе-то его ни для чего не нужно. Лучше отъ его хозяйства никому и ничего не сдѣлается, и сдѣлаться ничего не можетъ, поэтому ужь лучше ему уйти къ мужикамъ. То же пророчитъ онъ и всѣмъ имѣніямъ своего уѣзда, считая присутствіе въ нихъ владѣльцевъ совершенно безполезнымъ въ интересахъ какого бы то ни было прогресса—умственнаго, нравственнаго, хозяйственнаго. Когда вы станете его опровергать, онъ представитъ такіе убѣдительные факты изъ пережитой имъ жизни, особенно въ послѣднія двадцать лѣтъ, что вамъ станетъ совсѣмъ ясно, почему онъ не можетъ думать иначе. Онъ—практикъ, хотя и интеллигентъ, и у него были идеалы и стремленія; но «одинъ въ полѣ не воинъ», говоритъ онъ; жизнь

коротка, а ужь ему пятьдесятъ пять лѣтъ,—ему не разбудить тѣхъ, кто спитъ, и не поднять съ мѣста тѣхъ, кто сидитъ.

Этотъ безотрадный типъ, конечно, не съ неба свалился, а создался разными толчками жизни, да заборами, которые она выставляла и выставляетъ. Типъ этотъ есть пассивная реакція противъ того, что человѣкъ безсиленъ и измѣнить и чему онъ, въ то же время, не хочетъ уступить. Несомнѣнно, что жизнь выработаетъ и активную реакцію этой же формы, но пока еще, кажется, нѣтъ признаковъ ея появленія и думающій человѣкъ, находящійся въ средѣ голыхъ фактовъ, которые даетъ деревня, не имѣетъ поводовъ мечтательно глядѣть на вершину идеальной горы, когда люди ползутъ не на гору, а подъ гору, и когда у этого движенія явилась даже традиція. Этотъ отвѣтъ вы услышите отъ каждаго думающаго практика, который не забылъ еще того, что было, который хорошо видитъ то, что есть, который знаетъ, что ему не поймать журавля въ небѣ, да и не прожить маѳусаиловы годы. Типъ этотъ—не вымышленный, а дѣйствительный—помогаетъ разрѣшить многіе вопросы и кабинетныя недоразумѣнія и обобщенія, къ которымъ у насъ одинаково склоненъ какъ писатель, такъ и читатель.

Не происходитъ ли наша склонность къ обобщеніямъ отъ пространственности, разноплеменности и господственности, которая выпала на долю сравнительно небольшаго великорусскаго племени? Такъ или не такъ, но, кажется, нѣтъ на свѣтѣ другаго народа, который былъ бы такъ склоненъ обобщать все въ себѣ и въ томъ ближайшемъ, что его окружаетъ. Эта личная склонность стала и наклонностью національною и, въ особенности, неисправимою привычкой Петербурга и Москвы, тамошнихъ лицъ, кружковъ и даже газетныхъ редакцій.

Россія—понятіе очень широкое, не поддающееся скорому опредѣленію. Она вмѣщаетъ всевозможные климаты, начиная тропическимъ и кончая полярнымъ; ея флора и фауна обнимаютъ тигра и бѣлаго медвѣдя, пальму и оленій мохъ; въ ней живетъ 80 національностей и племенъ, говорящихъ на 80 языкахъ; окраины ея составляютъ отдѣльные міры съ своею собственною культурой, съ особыми нравами, обычаями, инымъ вѣроисповѣданіемъ, даже съ своею собственною литературой и цивилизацией. И все это безконечное разнообразіе великороссъ обобщилъ въ себѣ и назвалъ Россіей. Понятно, что такое поглощеніе въ себѣ должно было сообщить великороссу и наклонности къ обобщенію всѣхъ національностей въ одной русской, всѣхъ отдѣльныхъ стремленій въ общемъ русскомъ стремленіи и къ возможному слiянію всѣхъ племенныхъ и національныхъ разновидностей въ одно нравственное, религіозное и культурное цѣлое. Конечно, великороссъ считаетъ себя не безъ основаній господиномъ всего этого разнообразія, ибо въ теченіе не одного столѣтія онъ изъ года въ годъ присоединялъ къ себѣ чужія земли и чуждыя ему національности, пока не дошелъ до границъ Китая и Индіи. И, тѣмъ не менѣе, централизуя и присоединяя и давая всему свое имя, великороссъ скрѣпилъ все только внѣшними границами, да средствами власти, не создавъ умственнаго единства и общественнаго сознанія даже въ своемъ собственномъ великорусскомъ племени.

И въ самомъ дѣлѣ, какое умственное единство представляетъ великорусское племя, которое, конечно, только одно и предполагается, когда говорятъ о Россіи? Въ чемъ наша идейная цѣльность и цѣльность нашей цивилизаціи, какую умственную обобщенность мы изображаемъ, чтобы можно было ее принять за идеалъ гражданственности и предложить другимъ народамъ, какъ желательный образецъ? Обыкновенно мы дѣлимъ себя на двѣ большія и неравныя группы—на интеллигенцію и народъ. Но въ этихъ группахъ тоже нѣтъ ничего цѣльнаго. На интеллигенцію также нельзя надѣть одну общую шапку, какъ и на народъ, и, можетъ быть, нигдѣ обобщеніе такъ не ошибочно, какъ въ игрѣ съ понятіемъ «интеллигенція». У насъ чуть ли не столько интеллигенцій, сколько считающихъ себя образованными. Какіе внѣшніе и какіе внутренніе признаки интеллигенціи, гдѣ она начинается, гдѣ она кончается? Даже образованіе не всегда служитъ ея внѣшнимъ признакомъ. Духовенство, напримѣръ, никогда не берется въ разсчетъ, когда говорятъ объ интеллигенціи. Есть еще цѣлое среднее сословіе арендаторовъ, управляющихъ, мелкихъ собственниковъ, учителей народныхъ школъ, тоже грамотныхъ и читающихъ и выписывающихъ газеты, кончавшихъ и школу, которые не считаются въ рядахъ интеллигенціи. Про купцовъ, лавочниковъ, Охотный рядъ и говорить ужь нечего, хотя и къ нимъ проникла и грамотность, и газета. А, между тѣмъ, всѣ эти низы русской цивилизаціи участвуютъ такъ или иначе въ русской общественной жизни; они даютъ ей цвѣтъ, направленіе, даже извѣстный строй; они, можетъ быть, главные участники въ томъ мнѣніи, которое сама о себѣ составляетъ Россія и какое о ней составляютъ европейцы. На эту низину опирается даже власть и считаются съ нею внутренняя и внѣшняя политика. Однимъ словомъ, несомнѣнно, что наше среднее нѣчто вноситъ въ русскую жизнь большой вкладъ, составляетъ переходную ступень къ интеллигенціи и задаетъ ей не только большую работу, но и становится иногда такъ поперегъ жизни, что тормазитъ всякое движеніе.

Мнѣ думается, что это отступленіе можетъ выяснить, почему у насъ невозможны обобщенія не только въ такомъ слишкомъ широкомъ понятіи, какъ Россія, но даже и для понятій болѣе узкихъ, какъ интеллигенція и народъ, точныхъ границъ для которыхъ нѣтъ. Конечно, у подобныхъ обобщеній есть несомнѣнно своя идея и свой идеалъ. Такъ, напримѣръ, теперь мы начали ставить памятники за гражданскія или культурныя заслуги. Поставили мы нѣсколько памятниковъ Пушкину, поставили памятникъ Глинкѣ, поставили на-дняхъ памятникъ Пахтусову. Всѣ эти памятники отъ благодарной Россіи; но кто же изображаетъ «благодарную Россію», когда девяносто девять милліоновъ

изъ ста не слышали даже имени Пушкина, Глинки и Пахтусова? Конечно, въ этихъ случаяхъ говоритъ частью національная гордость, а частью прозрѣвается въ будущемъ та культурная и просвѣщенная Россія, именемъ которой и дѣйствуютъ небольшія группы представителей просвѣщенія. Движеніе несомнѣнно идейное, но, въ то же время, не лишенное стремленія къ очень широкому обобщенію, ибо небольшія интеллигентныя группы обобщаютъ въ себѣ всю Россію.

Въ упрекъ теперешнему времени было сдѣлано указаніе на шестидесятые годы, на тогдашняго читателя и на идеи, идеалы и стремленія, которые его одушевляли. Но, вѣдь, шестидесятые годы были моментомъ очень короткимъ. Самое яркое по общественному возбужденію время было лишь до 19 февраля 1861 г., т. е. до освобожденія. Умственное возбужденіе читателя и писателя того времени настолько же не составляетъ ихъ заслуги, насколько теперешнее безразличіе не составляетъ вины. Идеалъ не есть что-нибудь совсѣмъ уже парящее въ небѣ и удовлетворяющее лишь голому созерцанію. Идеалъ—та же синица, которую каждый тянется взять въ руки, а въ стремленіи къ достиженію практическаго результата, манящаго своимъ лучшимъ, и заключается вся одухотворяющая и возбуждающая сила идеала. Безъ надежды взять идеалъ въ руки никто къ нему и тянуться не станетъ. Пессимистъ-помѣщикъ, о которомъ я говорилъ, вѣритъ вполнѣ въ свѣтлое будущее Россіи, но онъ тоже знаетъ, что это будущее не для него и что онъ успѣетъ умереть до того времени десять разъ. Живому нужно живое и настоящее, а не бубны за горами. Массу составляютъ не единицы, живущія книжками, думами и идеями, или практики кабинетнаго мышленія, а милліоны дѣйствительно практическихъ людей, которымъ нужно и дѣло практическое, ближайшее осуществленіе чего-нибудь лучшаго, чего у нихъ нѣтъ, что имъ нужно и чего они хотятъ достигнуть. Посмотрите, напримѣръ, какъ Нобель и К° достигаютъ своихъ ближайшихъ идеаловъ (тоже идеалы!) и съ какою энергіей онъ къ нимъ стремится. Полюбуйтесь на энергію сахарныхъ заводчиковъ, когда они увидѣли, что лежатъ недалеко милліоны, которые можно взять. Конечно, это не общественные идеалы, но, вѣдь, является же у насъ энергія, когда есть чего достигать; значитъ, не о недостаткѣ энергіи или равнодушіи и апатіи можетъ быть рѣчь, а очевидно, что о чемъ-то другомъ. Такую же энергію проявило во время освобожденія крестьянъ и общество, когда были общія задачи; когда каждаго помѣщика жегъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, когда и каждаго крестьянина бралъ за живое тотъ же вопросъ. Это была не идейная фикція, не журавль въ небѣ, а осязательное практическое дѣло, забиравшее каждаго подъ ребро.

Безплодно никто не воздыхаетъ объ идеалахъ и изъ одних моральныхъ побужденій жить идеями не станетъ. Это — роскошь единицъ, а не практической массы, живущей фактомъ, и тѣмъ болѣе массы русской. Въ качествѣ сѣвернаго народа мы склоннѣе всего къ холодному разсчету и къ спокойной разсудочности; насъ не увлечешь желаніемъ удивить «сорокъ вѣковъ съ высоты пирамиды». Насъ скорѣе возбудитъ кличъ: «нашихъ бьютъ»— и тогда мы пойдемъ освобождать и Сербію, и Болгарію. И въ этомъ сказываются наша разсудочность и практичность; нужно, чтобъ это были «наши», потому что до другихъ намъ дѣла нѣтъ.

Когда у общества нѣтъ въ рукахъ идейныхъ или практическихъ общественныхъ задачъ, общество не сдвинешь съ мѣста ни моралью, ни устыженіемъ. А именно къ этому средству и прибѣгаютъ нѣкоторые органы печати, обвиняя общество въ равнодушіи къ своимъ дѣламъ и въ пустомъ увлеченіи внѣшнею политикой. Въ этомъ обвиненіи есть часть правды, насколько политикой является болгарскій вопросъ. Наши патріотическіе органы закусывали удила безъ мѣры, они подхлестывали себя и усиливались возбуждать въ читателяхъ патріотическій азартъ. Были газеты, которыя въ своемъ патріотическомъ усердіи потеряли всякую мѣру и отзывались о князѣ болгарскомъ и о болгарахъ въ выраженіяхъ, унижающихъ и достоинство печати, и наше національное достоинство, ибо сильный противникъ, какимъ по отношенію къ Болгаріи является Россія и отъ имени которой говорили газеты, такъ говорить не станетъ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, обнаруживавшихъ особенную удаль и храбрость, приводили въ восторгъ полуграмотныхъ читателей; но, во-первыхъ, отъ этого нѣтъ особенной бѣды, а, во-вторыхъ, очень далеко до такого увлеченія, чтобы читатели, и особенно полуграмотные, забыли бы свои дѣла. Читали они и политику, грубымъ инстинктамъ ихъ льстили, можетъ быть, и призывы къ репрессаліямъ, но, въ то же время, всякій изъ нихъ, попрежнему, сидѣлъ въ своей лавкѣ, торговалъ мукой или дѣйствовалъ аршиномъ. Я говорю объ этихъ читателяхъ потому, что противъ нихъ были обвиненія. Но и другіе читатели изъ-за болгарскаго вопроса не оставили своихъ дѣлъ, и неистовый шумъ, который производила печать, никого не увлекъ и никого не обманулъ. Въ чемъ же и кого тутъ обвиняютъ?

Обвиненіе идетъ дальше. Обвиняютъ интеллигенцію, наиболѣе образованную часть общества, въ ея слабости къ иностранцамъ и непростительномъ равнодушіи къ вопросамъ собственной русской жизни. «Возьмите хоть самый современный вопросъ — сахарный, — говоритъ провинціальный корреспондентъ, поддерживающій обвиненіе.—Сахарозаводчики съ рѣдкою смѣлостью заявляютъ, что въ ихъ интересахъ имъ необходимо обирать Россію на нѣсколько десятковъ милліоновъ ежегодно. И что же мы? Мы, публика, менѣе на нихъ негодуемъ, чѣмъ на какихъ-нибудь пьяныхъ буяновъ, наговорившихъ дерзостей барону Каульбарсу... Отчего общество, отчего наши общественныя учрежденія не просятъ за населеніе, отчего не ходатайствуютъ, чтобы Россія не отдавалась въ жертву ловкимъ предпринимателямъ?» Я съ пунктуальною точностью выписалъ обвиненіе и поста-

вилъ его въ ковычкахъ, чтобы имѣть возможность съ такою же точностью на него отвѣчать.

Образованному обществу рекомендуется сахарный вопросъ, какъ самый «современный». Конечно, онъ современный, но, только, что съ нимъ дѣлать образованному обществу? Авторъ обвиненія думаетъ, что обществу нужно просить за населеніе. Но кто это общество? Какія у него для ходатайства за населеніе имѣются публичные органы? Есть у насъ земство; но сахарный вопросъ совсѣмъ не земскій вопросъ. Что сахарный вопросъ — современный вопросъ, совершенно вѣрно, но что онъ входитъ не въ компетенцію образованнаго общества, а въ компетенцію министерства финансовъ, это подлежитъ еще меньшему сомнѣнію. И что въ сахарномъ вопросѣ такого необычайнаго, что онъ долженъ волновать общественное мнѣніе больше иностранной политики и болгарскаго вопроса? О сахарномъ вопросѣ именно и не станетъ говорить образованная часть общества, потому что по существу тутъ и говорить не о чемъ. Что сахаръ станетъ дороже? Но у насъ все стало дороже, и кофе, и чай, и ситцы, и сукно, и дрова, и квартиры. Если «образованному обществу» предлагается «просить за населеніе» о сахарѣ, отчего ему не просить и обо всемъ остальномъ? Вопросъ получится уже совсѣмъ не сахарный, а таможенный; а «образованное общество» встрѣтитъ очень сильную оттолчку, и тоже отъ «образованнаго общества» — отъ купечества, заводчиковъ и фабрикантовъ, которые и просили о возвышеніи тарифа. Предполагая, однако, въ «образованномъ обществѣ» такое мужество, что оно за толчками гнаться не станетъ, а послѣдуетъ указаніямъ негодующаго корреспондента, мы, все-таки, недоумѣваемъ, что можетъ быть дальше? У насъ вопросовъ непочатый уголъ. Есть у насъ и желѣзно-дорожный вопросъ, пожалуй, болѣе важный, чѣмъ сахарный, потому что желѣзно-дорожные тарифы и высоки и неравнительны, и тормазятъ торговлю; есть у насъ и желѣзно-дорожный налогъ, есть у насъ и желѣзнодорожные долги, есть у насъ огромные государственные долги, для уплаты процентовъ по которымъ уходитъ изъ общихъ нашихъ платежей милліоновъ 260 въ годъ; есть у насъ и вопросы сельскаго хозяйства, и народнаго образованія, ну и т. д. И по всѣмъ этимъ неустройствамъ образованное общество должно «просить за населеніе». Такъ ли? Провинціальный корреспондентъ, сахарный вопросъ котораго я развиваю, вѣроятно, и не подумалъ, на какой путь онъ становится.

Печать (извѣстная ея часть), желая воздѣйствовать на общество, глубоко ошибается, придумывая такія искусственныя средства, какъ сахарный вопросъ и отвлеченіе вниманія отъ внѣшней политики. Трудовое и практическое населеніе, живущее среди окружающихъ его неразрѣшенныхъ вопросовъ, знаетъ очень хорошо и ихъ практическую важность, и полную безполезность пустыхъ разговоровъ, если отъ нихъ не можетъ получиться никакихъ полезныхъ послѣдствій. Въ этомъ случаѣ иностранная политика является не только незамѣнимымъ суррогатомъ, но и школой общественнаго мышленія; она шевелитъ мысль, даетъ ей работу и мѣшаетъ людямъ, особенно сидящимъ на землѣ, порастать мохомъ. Отнимите отъ нашихъ газетъ иностранную политику и «иностранщину»,—какъ выражается корреспондентъ, — что же въ нихъ останется? Сахарный вопросъ?.. Пощадите! Вѣдь, мы, по деревнямъ, и такъ говоримъ много объ урожаѣ, о хлѣбѣ, о цѣнахъ; мы слѣдимъ и за рижскими цѣнами, и за петербургскими, и за московскими, и за орловскими. Надо же отдохнуть и на чемъ-нибудь другомъ, узнать, какъ живутъ люди, что они думаютъ, что ихъ волнуетъ, чего они хотятъ, къ чему стремятся. А если къ разговорамъ о цѣнѣ на хлѣбъ прибавить еще разговоры о цѣнѣ на сахаръ, тутъ и совсѣмъ одурѣешь.

Еще указываютъ на времена Бѣлинскаго, когда положеніе печати не было блистательно, а люди и думали, и говорили, и горѣли идеалами и стремленіями. Едва ли эта параллель удобна. Время Бѣлинскаго, во-первыхъ, очень далекое отъ насъ время, и потому издали оно кажется гораздо розовѣе, чѣмъ было; а, во-вторыхъ, сказать, что тогда люди и горѣли, и думали, и стремились — ужъ не будетъ ли слишкомъ смѣлымъ обобщеніемъ? Кто были эти люди? Пять человѣкъ московскаго кружка да сто читателей, которые ихъ понимали. Остальные ужь, конечно, были не въ силахъ извлечь мысль изъ маскараднаго костюма, въ которомъ они являлись публично. И самъ Бѣлинскій маскировался въ эстетическую тогу, лишь бы благополучнѣе, не навлекая подозрѣній, миновать то, что онъ называлъ «денонціяціями». А обходилъ онъ ихъ при посредствѣ эстетическаго пріема, вотъ какъ. Нужно, положимъ, сказать, что во времена Байрона было скверно жить на свѣтѣ, и Бѣлинскій выражается: «Байронъ былъ Прометей нашего вѣка, прикованный къ скалѣ, терзаемый коршуномъ; могучій геній, на свое горе, заглянулъ впередъ, и не разсмотрѣвъ за мерцающею далью обѣтованной земли будущаго, онъ проклялъ настоящее и объявилъ ему вражду непримиримую и вѣчную; нося въ груди своей страданія милліоновъ, онъ любилъ человѣчество, но презиралъ людей». Выражаться такимъ языкомъ и теперь никто не помѣшаетъ, но имъ едва-ли кто нибудь захочетъ говорить.

Указываютъ на печать шестидесятыхъ годовъ и на ея горячій протестъ противъ всего, что возмущало тогда общественное чувство, и приводится въ примѣръ извѣстная исторія съ «Вѣкомъ». Но, вѣдь, теперь уже давно нѣтъ ни газетъ, ни журналовъ того времени; сохранились только «Московскія Вѣдомости», вѣрныя своей традиціи, да «Русскія Вѣдомости». Послѣднія нельзя считать газетой собственно шестидесятыхъ годовъ, потому что онѣ начались въ 1862 году, когда миновала яркая пора и жизнь вступала въ новое русло. Теперешнія газеты явились всѣ послѣ и въ нихъ работаетъ послѣдующее поколѣніе писателей, въ первую пору шестидесятыхъ годовъ только нарождавшееся.

Изъ теперешнихъ газетъ, не называя ее по имени, упрекаютъ въ порчѣ читателя больше всего «Новое

Время», «выкинувшее знамя пестраго направленія». Читателей же «Новаго Времени» характеризуютъ какъ особую породу людей и зовутъ ихъ «нововременцами». Но, вѣдь, «Новое Время» выдумалъ не г. Суворинъ. Прежде чѣмъ явилась эта газета, народился ея читатель—эклектикъ, искавшій примиренія между вѣяніемъ шестидесятыхъ годовъ, которыя его задѣли, и между личнымъ, практическимъ направленіемъ, которое стало затѣмъ выступать. Манило его и прежнее хорошее, и либерализмъ, и европеизмъ, и смѣлый пошибъ мысли съ отрицающимъ, нигилистическимъ оттѣнкомъ, но практическое чувство подсказывало, что на этомъ скользкомъ и рискованномъ пути не соберешь благъ жизни. И соединивъ, повидимому, старое съ новымъ, этотъ новый человѣкъ не остался вѣренъ ни старому, ни новому. Сохраняя внѣшній нигилистическій пошибъ, нигилистическую развязность, и удержавъ нѣкоторыя повадки нигилизма, онъ отрицаетъ его, какъ направленіе, и не желаетъ слыть нигилистомъ, но, въ то же время, придерживаясь многихъ мнѣній «Московскихъ Вѣдомостей», по крайней мѣрѣ, гласно, онъ не желаетъ носить на себѣ ярлыка этого направленія. Такой же смѣшанный у него и патріотизмъ, и либерализмъ, и европеизмъ. При всемъ своемъ внѣшнемъ новомъ, нововременецъ пахнетъ всегда чѣмъ-то старымъ.

Это типъ уже послѣреформенный. До освобожденія Россія знала только помѣщика и мужика. Мужикъ остался и до сихъ поръ, но помѣщикъ распался на множество формъ и разновидностей. Кромѣ нововременцевъ, изображающихъ типъ рѣзкаго, рельефнаго очертанія, явился типъ либераловъ съ ихъ разновидностью, къ которой примѣнима характеристика Г., сдѣланная, впрочемъ, по другому случаю, что «не знаешь, гдѣ кончается либералъ и гдѣ начинается исправникъ» Какъ въ нововременцахъ соединяются «Московскія Вѣдомости» съ нигилизмомъ, такъ въ этой разновидности соединяется чиновникъ съ отрицаніемъ чиновничества. Затѣмъ идутъ прогрессисты разныхъ оттѣнковъ, консерваторы разныхъ оттѣнковъ, и тѣ, и другіе, съ ихъ крайностями вверхъ и внизъ. Во всѣхъ этихъ формахъ, съ ихъ крайностями мнѣній, такъ много разнообразія, что соединить ихъ въ одно понятіе интеллигенціи значитъ ничего не сказать, а еще мудренѣе преподать общій совѣтъ, какъ они должны думать и чувствовать, возбуждать въ нихъ негодованіе къ ихъ собственной апатіи или къ недостатку гражданственности, или совѣтовать имъ заняться сахарнымъ вопросомъ. Подобное насильственное руководительство, желающее дѣйствовать или моральными средствами (т.-е. въ сущности, поученіемъ и устыженіемъ), или гальванизацией мысли (т.-е. сочиненіемъ искусственныхъ вопросовъ и подхлестываніемъ), является лишь новымъ усложненіемъ того, что и безъ того сложно, и только увеличиваетъ кашу понятій. Общественное сознаніе отъ подобныхъ воздѣйствій не только ничего не выигрываетъ, а скорѣе еще больше затемняется. Газета, наприм., въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ предлагаетъ обществу заниматься меньше иностранною политикой и больше думать о внутреннихъ вопросахъ. И вотъ сейчасъ же находится адептъ, который порѣшаетъ, что политика — глупость и что нужно думать о сахарномъ вопросѣ. Съ такими понятливыми учениками мы забредемъ въ дебри ужъ и совсѣмъ непроходимыя. Я говорю не о томъ, что извѣстная часть печати и публика не вызывали бы желанія видѣть въ нихъ бо́льшее умственное и общественное развитіе, чтобы они не могли не возбуждать въ болѣе свѣжихъ и впечатлительныхъ людяхъ чувства протеста, даже негодованія и желанія измѣнить такой порядокъ вещей; я говорю о томъ, что для воздѣйствія на общество нужно выбирать настоящія средства. Пускай морализируютъ и возмущаются поэты, сатирики, беллетристы, но публицисты должны дѣйствовать на общественное сознаніе; они должны обращаться къ разуму и указывать на сущность зла и на дѣйствительныя противъ него средства. Публицистъ перестаетъ быть публицистомъ и становится лирикомъ, когда, вмѣсто спокойной рѣчи, будящей сознаніе, онъ начинаетъ бить себя въ перси и плакать.

Въ общей идеѣ, высказываемой газетами, что нужно пробуждать въ обществѣ самодѣятельность, есть несомнѣнно вѣрное основаніе. Но самодѣятельность, какъ общая идея, только одна сторона вопроса, а есть у него и другая. Обществу, въ видѣ примѣра, указываютъ на шестидесятые годы. Ихъ можно, я думаю, оставить и въ покоѣ. Шестидесятые годы были медовымъ мѣсяцемъ нашего общественнаго сознанія и первымъ пробужденіемъ общественнаго чувства, а медовый мѣсяцъ не повторяется. Теперешнее время выставило свои задачи; оно не прорубаетъ новыхъ путей, оно на готовыхъ уже путяхъ хочетъ устроить порядокъ; его идея— въ установленіи правильныхъ, справедливыхъ и честныхъ гражданскихъ отношеній. Какъ же и куда идетъ общество по этой дорогѣ, и точно ли идетъ, и точно ли располагаетъ для этого необходимыми возможностями?

Первое условіе для этого, казалось бы, въ возможности знать, что есть, а затѣмъ въ возможности сдѣлать то, что нужно. Есть ли, однако, у насъ всѣ возможности знать, что есть и чѣмъ пользуется наша гласность, чтобы дѣйствовать на общественное сознаніе? Вопросъ этотъ, конечно, самый важный, потому что отъ общества требуется самодѣятельность не только петербургскою печатью, но и правительствомъ. Такъ, харьковскій губернаторъ, закрывая происходившій въ началѣ нынѣшняго года въ Харьковѣ сельско - хозяйственный съѣздъ, напомнилъ собранію «о необходимости перестать возлагать всѣ надежды на правительственную помощь и искать выхода, между прочимъ, въ собственной энергіи и самодѣятельности». Какъ же съ такою политикой сходится у насъ политика печатнаго слова? На громадной территоріи Царства Польскаго и Сѣверо-Западнаго края, съ многочисленнымъ населеніемъ, не существуетъ ни одного

вольнаго органа русской печати. Въ краѣ издаются лишь двѣ оффиціозныя газеты—«Варшавскій Дневникъ» и «Виленскій Вѣстникъ» (въ нынѣшнемъ году, впрочемъ, чуть ли не послѣ десятилѣтнихъ домогательствъ, сталъ издаваться въ Минскѣ «Минскій Листокъ»). Названныя оффиціозныя газеты служатъ, какъ говоритъ корреспондентъ, которымъ я пользуюсь, «лишь отголоскомъ канцелярскихъ предначертаній мѣстной администраціи; онѣ назначены для истолкованія той или иной политики русскихъ властей по отношеію къ мѣстному краю. Изученіе же края въ экономическомъ, бытовомъ, общественномъ отношеніи не входитъ въ ихъ задачи». Да и существуютъ эти органы благодаря лишь субсидіямъ, обязательной выпискѣ и казеннымъ объявленіямъ. Насколько личные интересы, а не интересы края, служатъ приманкой для издателей этихъ газетъ, показала смерть Щебальскаго (редактора «Варшавскаго Дневника»). Открывшаяся вакансія вызвала цѣлый переполохъ и явились десятки домогательствъ, ибо, какъ говорятъ, газета даетъ редактору 25 т. р. въ годъ дохода. Отсутствіе въ Царствѣ Польскомъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ вольной печати устраняетъ и всякую возможность знать что-нибудь точное объ этихъ краяхъ. «Русскіе странники», заглядывающіе въ эти края и пишущіе корреспонденціи въ столичные газеты, обыкновенно собираютъ всякія сплетни на тему о польско-католической интригѣ и дальше политики обрусенія ничего не видятъ и не слышатъ. «Вообще о Западномъ краѣ у насъ гораздо меньше свѣдѣній, чѣмъ объ Якутской области, Приморскомъ краѣ и другихъ далекихъ окраинахъ Россіи»,—говоритъ корреспондентъ («Недѣля»). Но едва ли и положеніе великороссійскихъ губерній удобнѣе. Вся громадная площадь отъ Бѣлаго моря и до Малороссіи почти не имѣетъ вольной печати. Боюсь ошибиться, но кажется, что, кромѣ «Орловскаго Вѣстника» и «Смоленскаго Вѣстника», на всей этой площади не издается ни одной частной газеты. Конечно, въ большинствѣ губерній есть земская статистика и экономическій бытъ составляетъ предметъ довольно тщательныхъ земскихъ изслѣдованій. Но изслѣдованія, и статистики, и земскіе дебаты по земскимъ вопросамъ далеко еще не замѣняютъ болѣе всесторонняго отношенія къ жизни печати, всегда менѣе заинтересованной частностями и дающей болѣе широкія основанія для общественнаго мнѣнія и его контроля. Только Новороссійскій край, Малороссія и азіатскія окраины, Кавказъ и Сибирь, имѣютъ еще сравнительно довольно удовлетворительную печать, если не по размаху ея свободы, то, по крайней мѣрѣ, по числу и размѣру органовъ, имѣющихъ даже характеръ большихъ газетъ.

Къ сожалѣнію, и эта ограниченная въ размѣрахъ печать не имѣетъ возможности развить всей своей полезной силы. Помѣхой является ни кто больше, какъ само общество. Я говорю «общество» потому, что нетерпимость къ гласности обнаруживалась во всѣхъ слояхъ—и въ образованныхъ и въ необразованныхъ, и внизу и вверху, и даже у общественныхъ учрежденій. Если въ Сибири корреспондента заковываютъ въ кандалы и сажаютъ въ кутузку, это относится къ дикости Сибири; если городской голова изъ купцовъ начинаетъ противъ редактора судебное дѣло о диффамаціи, самъ убѣжденный въ томъ, что все напечатанное о немъ совершенная правда, это относится къ невѣжеству головы; если, какъ случилось недавно, — и на этотъ разъ не въ Сибири, а въ Европейской Россіи,—лицо, занимающее общественную должность, побило секретаря изъ-за подозрѣнія, что онъ посылаетъ корреспонденціи, это относятъ къ невѣжеству, соединенному съ грубостью. Но что сказать о цѣломъ общественномъ учрежденіи, и не захолустномъ, а столичномъ, какъ московская городская дума, чуть не затѣявшая съ «Московскими Вѣдомостями» цѣлой исторіи (это было въ началѣ прошлаго года)? Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана не совсѣмъ приличная выходка противъ значительной части московскихъ думцевъ, прикрытая именемъ гласнаго одного изъ разрядовъ. Большинство гласныхъ этого разряда было настолько возмущено выходкой, что публично, въ засѣданіи думы, отказалось отъ всякой солидарности съ авторомъ. Казалось бы, этого вполнѣ достаточно для возстановленія достоинства думы; но она взяла случай настолько близко къ сердцу, что перешла всякіе предѣлы именно того самаго достоинства, которое она оберегала. Одни хотѣли преслѣдовать анонимнаго обличителя и пріютившую его газету; другіе предлагали протестовать отъ имени думы; третьи называли обличителя «пасквилянтомъ» и доказывали, что пасквилянты должны быть розыскиваемы полиціей, а пасквили сжигаемы рукою палача; четвертые предлагали выразить автору «порицаніе» и въ порицаніи назвать его «писакой». Если ужъ такое учрежденіе, какъ столичная дума, не можетъ понять, что, въ силу своего положенія, она подлежитъ самой широкой общественной критикѣ, на которую она всегда имѣетъ возможность отвѣчать, пользуясь тою же печатью, то какому-нибудь уѣздному толстосуму изъ кить-китычей нельзя поставить въ уголовную вину, что онъ оберегаетъ свое достоинство физическимъ насиліемъ. Да и что такое средство, предлагавшееся московскою думой, какъ лишь не болѣе мягкая форма насилія? Одни дерутся, другіе ругаются и въ цѣломъ получается затхлый погребъ, въ которомъ печати дышется очень трудно. Особенность протестовъ всѣхъ огорченныхъ гласностью заключается въ томъ, что они начинаютъ дѣло не о клеветѣ, а о диффамаціи. Человѣкъ прибьетъ кого-нибудь или натолкаетъ въ шею, газета печатаетъ объ этомъ корреспонденцію и герой считаетъ себя опозореннымъ и жалуется суду на диффамацію. Правда, этихъ героевъ изъ міра самодуровъ, описаннаго Островскимъ, много поубавилось, растворились они и въ форму менѣе сырую, но чувство достоинства понимается ими попрежнему, даже и тогда, когда человѣкъ несетъ общественную обязанность и дѣйствія его подлежатъ общественному контролю.

Этотъ нашъ прирожденный грѣхъ идетъ иногда далеко выше среды, изъ которой бралъ свои сю-

жеты Островскій. Года два назадъ разбиралось въ Бендерахъ дѣло одного становаго пристава и требовалось до полутораста свидѣтелей, которые должны были прибыть издалека. Дѣло происходило въ горячую рабочую пору. Явились свидѣтели, явились присяжные, только не является судъ. Бьетъ, наконецъ, 2 часа и истомленные ожиданіемъ свидѣтели и присяжные просятъ судебнаго пристава узнать, будетъ ли разбирательство. Прошелъ еще часъ и послѣдовало объявленіе, что судъ начнется не ранѣе 7 часовъ вечера. Собравшіеся были настолько раздражены такимъ пренебрежительнымъ къ нимъ отношеніемъ, что кто-то замѣтилъ, что бессарабскій судъ обращается съ присяжными и съ свидѣтелями, какъ съ лакеями. Наконецъ, въ 7 часовъ явился судъ, были провѣрены свидѣтели и присяжные и предсѣдатель объявилъ, что засѣданіе отлагается до слѣдующаго дня. Одинъ изъ присяжныхъ, надворный совѣтникъ Гофманъ, опасаясь, что и завтра можетъ повториться такая же исторія, спросилъ предсѣдателя, навѣрное ли судъ состоится завтра? И при этомъ добавилъ, что присяжные—люди занятые и не могутъ терять даромъ свое время; къ тому же, они обижаются, что судьи «обращаются съ ними, какъ съ лакеями». Предсѣдатель нашелъ, что Гофманъ оскорбилъ судъ, и пригласилъ прокурора составить протоколъ, а Гофманъ изъ присяжнаго, т.-е. судьи по совѣсти, превратился въ подсудимаго. На судѣ Гофманъ, между прочимъ, сказалъ: «Если хотя нѣсколько воспитанный человѣкъ, заставивъ простолюдина напрасно ждать, извиняется передъ нимъ, то тѣмъ болѣе присяжные, удостоенные довѣріемъ закона, заслуживаютъ вниманія со стороны судей. Мы исполняемъ свои обязанности, мы жертвуемъ своимъ временемъ, своими интересами, но жертвовать для прихоти гг. судей—тяжело! Желательно знать, отданы ли присяжные на усмотрѣніе суда, такъ что онъ можетъ держать ихъ сколько угодно, или же они вызываются для постановленія приговоровъ по совѣсти и убѣжденію?» Предсѣдатель остановилъ Гофмана и послѣ этого онъ замолчалъ, «боясь сказать что-либо неугодное суду». Судъ затруднился произнести приговоръ и только потому, что осталось не выясненнымъ, была ли выражена Гофманомъ претензія во время засѣданія или послѣ, передалъ дѣло судебному слѣдователю. Чѣмъ кончилось дѣло Гофмана—не знаю; но чѣмъ бы оно ни кончилось, во всякомъ случаѣ, для бессарабскихъ судей оно кончилось ничѣмъ.

Вотъ еще судебное дѣло, и тоже изъ прошлогоднихъ, — дѣло не только бытовое, но даже историческое. Читаешь и не вѣришь, чтобы все это могло происходить въ пореформенное время. Бывали подобныя дѣла при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бываютъ они и нынче въ Сибири, но чтобы что-нибудь подобное могло совершаться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и, притомъ, въ какихъ-нибудь двухъ-стахъ верстахъ отъ Петербурга, кажется настолько невѣроятнымъ, что не вѣришь печатному и думаешь: да такъ ли все это? И дѣйствительно, вся эта исторія настолько изумительна, что кажется сочиненною. Беру описаніе дѣла изъ «Недѣли».

Въ Валдайскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, поселился помѣщикъ В. П. Гецевичъ, и въ томъ же уѣздѣ купилъ въ 1874 году имѣніе нѣкто г. Казинъ. Это былъ человѣкъ богатый и на новую усадьбу денегъ не жалѣлъ. Между прочимъ онъ провелъ къ себѣ съ Окуловской станціи дорогу, которая прошла какъ разъ по крестьянскимъ землямъ. Крестьяне просили Гецевича вступиться, и Гецевичъ началъ дѣло. Казинъ представилъ свидѣтельство мироваго посредника, что земля принадлежитъ ему, но и Гецевичъ представилъ свидѣтельство, и тоже отъ мироваго посредника (конечно, другого), что земля принадлежитъ крестьянамъ, что она удобная и съ 1862 г. обложена оброкомъ. Казинъ покончилъ съ крестьянами дѣло полюбовно, но не такъ онъ кончилъ съ Гецевичемъ. Отъ Гецевича потребовали внезапно паспортъ. Гецевичъ предъявилъ дворянскій указъ Герольдіи, но документъ не былъ признанъ (кѣмъ, корреспондентъ не говоритъ) подлиннымъ и Гецевича посадили въ тюрьму. Въ заключеніи Гецевичъ просидѣлъ болѣе полугода, гдѣ ему не давали ѣсть по цѣлымъ днямъ, сажали въ вонючій карцеръ и вообще обращались съ нимъ безъ жалости. Наконецъ, его освободили, но за «оскорбленіе суда» (какое?—опять неизвѣстно) засадили снова въ тюрьму (на 4 мѣсяца). Въ 1879 году Казинъ продалъ имѣніе брату новгородскаго губернатора Лерхе, и новый помѣщикъ захватилъ у Гецевича 9 десятинъ земли и озеро. Въ это же время крестьяне д. Мельницы, судившіеся съ помѣщикомъ Балкашинымъ и проигравшіе дѣло, просили Гецевича заступиться за нихъ. Гецевичъ подалъ прошеніе въ съѣздъ и рѣшеніе мироваго судьи было отмѣнено. Но за то на Гецевича былъ поданъ доносъ, что онъ «возмущаетъ крестьянъ», и его отправили административнымъ порядкомъ въ Кемь. Девять мѣсяцевъ путешествовалъ Гецевичъ по этапу (корреспондентъ говоритъ, что и въ оковахъ) въ Архангельскую губернію, «и только благодаря счастливому случаю, по милости покойнаго Государя, его возвратили изъ ссылки». Казалось бы, что и этихъ мытарствъ для человѣка довольно, но судьба не хотѣла оставить Гецевича въ покоѣ. Въ 1882 г. къ Гецевичу пришли съ просьбой новые крестьяне. Они сняли у того же Балкашина покосы и обязывались платить за нихъ по 3,000 пудовъ сѣна. Сѣно взвѣшивалось на фальшивыхъ вѣсахъ и съ крестьянъ перебиралось по $1^1/_2$ тысячи пудовъ лишнихъ. Гецевичъ обратился къ прокурору, вѣсы были признаны фальшивыми, сняты полиціей, и дѣло старались замять; но Гецевичъ подалъ цѣлый рядъ просьбъ, между прочимъ, министру юстиціи и министру внутреннихъ дѣлъ, завязался процессъ и былъ рѣшенъ въ пользу крестьянъ. Тогда Балкашинъ заявилъ, что росписки, выданныя его управляющимъ крестьянамъ и представленныя Гецевичемъ, поддѣльныя. Гецевича засадили въ тюрьму и въ ней снова обращались съ нимъ безчеловѣчно. Гецевичъ подалъ жалобу прокурору на притѣсненія со сто-

роны исправника г. Пицуры и, между прочимъ, выражался, что «исправникъ, желая прикрыть мошенническія продѣлки Балкашина» и проч. Присяжные отвергли поддѣлку росписокъ и Гецевича оправдали, но за оскорбленіе исправника его приговорили къ 50 руб. штрафу. Подробности этихъ двухъ дѣлъ и составляютъ бытовую картину. Гецевичъ не могъ явиться на судъ по болѣзни и представилъ свидѣтельство, но со стороны прокурора явилось сомнѣніе и судъ постановилъ сдѣлать *приводъ*. Приводъ должна была свершить та самая полиція, объ оскорбленіи которой въ лицѣ ея начальника должно было разбираться дѣло. Приводъ свершился такъ, что противъ Гецевича началось новое дѣло о «вооруженномъ сопротивленіи властямъ». Сопротивленіе это онъ выражалъ тѣмъ, что, схвативъ револьверъ, угрожалъ перестрѣлять всю полицію, но отъ него было отнято смертоносное оружіе, оказавшееся не заряженнымъ, и что ударилъ помощника исправника по щекѣ «дверью». На судѣ урядникъ показалъ, что Гецевичъ началъ раздражаться, когда полученная имъ изъ Петербурга телеграмма была вырвана помощникомъ исправника изъ рукъ старушки-экономки и арестована. Никто не видѣлъ револьвера въ рукахъ Гецевича, но всѣ очень хорошо видѣли, какъ его били. Одинъ изъ свидѣтелей-крестьянъ показалъ, что «всѣ прибывшіе бросились на Гецевича, затѣмъ его вывели связаннаго, полицейскіе толкали его въ спину и пихали ногами, а помощникъ исправника ударилъ его по шеѣ; когда экономка подступилась къ нимъ, ее ударили такъ, что она замертво упала на землю; на дворѣ Гецевича, какъ собаку, поволокли къ телѣгѣ и взвалили на нее». То же говорили и другіе крестьяне. Въ Новгородѣ, гдѣ Гецевича посадили въ арестантскую, у него на рукахъ оказались рубцы и полосы отъ веревокъ. На судѣ происходило тоже нѣчто странное. Становой приставъ показалъ, что «Гецевичъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, готовый ко всякому сопротивленію законной власти», а когда защита спросила свидѣтеля: знаетъ ли онъ Гецевича, то предсѣдатель замѣтилъ, что «эти вопросы къ дѣлу не идутъ». Когда тотъ же защитникъ возразилъ, что если предсѣдатель не считаетъ возможнымъ предлагать свидѣтелю вопросы, то не найдетъ ли судъ возможнымъ прочесть его предварительное показаніе. Предсѣдатель отвѣтилъ, что онъ и это считаетъ излишнимъ. Когда было объявлено, что Гецевичъ подлежитъ суду еще и по другому обвиненію, защитникъ просилъ объяснить, въ чемъ заключается это дѣло. Предсѣдатель отказался объяснить, а Гецевичъ хотѣлъ самъ разсказать его, предсѣдатель остановилъ Гецевича и даже лишилъ его слова. Тогда старшина присяжныхъ просилъ разъяснить, съ чего начались обвиненія противъ Гецевича, «такъ какъ во всемъ этомъ видна какая-то интрига». Предсѣдатель отвѣтилъ, что судъ находитъ подобное разъясненіе излишнимъ. Адвокатъ въ защитительной рѣчи просилъ присяжныхъ обратить вниманіе на то, «мыслимо ли въ частной жизни проводить теорію дисциплинированія людей, опыты которой производятся недалеко отъ Новгорода». Присяжные вынесли Гецевичу безусловно-оправдательный приговоръ, публика встрѣтила его взрывомъ рукоплесканій, а предсѣдатель сдѣлалъ публикѣ строжайшее замѣчаніе.

Дѣло это напоминаетъ извѣстное замѣчаніе отца Аввакума въ его дневникѣ. Въ Сибири воевода билъ Аввакума нещадно 10 лѣтъ кошками, а Аввакумъ, разсказывая объ этомъ наивно, замѣчаетъ: «а Богъ еще знаетъ, кто кому досадилъ больше: онъ ли мнѣ, или я ему». И здѣсь, пожалуй, не рѣшишь, кто кому досадилъ больше—старая Россія новой, или новая старой. Но за то одно можно рѣшить вполнѣ, что всѣ поступки Гецевица были объяснены чисто-личными побужденіями и такъ называемыми «личностями». Старая Россія до сихъ поръ никакъ не можетъ понять, чтобы можно было что-нибудь дѣлать по другимъ побужденіямъ. И въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего человѣкъ распинается, идетъ на непріятности, сидитъ въ тюрьмѣ, путешествуетъ по этапу къ Бѣлому морю, подвергаетъ себя побоямъ? Становой видитъ въ этомъ только бунтарство, желаніе сопротивляться законной власти. Свои, т.-е. помѣщики, еще въ большемъ недоумѣніи и Гецевичъ для нихъ сосѣдъ настолько неудобный, что они сжили бы его со свѣта всѣми мѣрами. Полиція раздѣляетъ это мнѣніе, потому что и для нея Гецевичъ неудобенъ. Власть не можетъ быть довольна Гецевичемъ, потому что онъ ей дѣлаетъ много хлопотъ и не прочь писать о томъ, что дѣлается, и въ губернію, и въ Петербургъ. Судъ тоже недоволенъ, хотя и не совсѣмъ ясно, чѣмъ. Но вотъ тутъ-то и вопросъ: что же дѣлать? Или пускай г. Казинъ прокладываетъ для себя дороги по чужимъ землямъ, г. Балкашинъ обвѣшиваетъ мужиковъ, а г. Лерхе отрѣзаетъ къ себѣ землю сосѣдей? Конечно, тогда г. Гецевичъ не путешествовалъ бы въ Архангельскую губернію, не сидѣлъ бы въ тюрьмѣ и не былъ бы битъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ поступать, если нужно поступать?

Или такой случай. Изъ Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи, былъ высланъ отставной солдатъ изъ евреевъ, Моргуновскій. Высланный, однако, продолжалъ посѣщать Александрійскій уѣздъ, гдѣ жилъ большею частью у почетнаго судьи Бурдзинкевича. Это сдѣлалось извѣстно полиціи, и становой приставъ, выслѣдивъ Моргуновновскаго, арестовалъ его на станціи желѣзной дороги и передалъ жандармамъ. Въ это время на станцію является Бурдзинкевичъ и къ нему съ жалобой обращается арестованный. Бурдзинкевичъ достаетъ изъ чемодана судейскую цѣпь, облекается въ нее, въ залѣ I класса дѣлаетъ разбирательство и постановляетъ рѣшеніе: «Моргуновскаго, какъ неправильно задержаннаго освободить, обязавъ подпиской не оставаться больше въ Александрійскомъ уѣздѣ, паспортъ же его передать приставу, чтобы послѣдній не былъ лишенъ возможности привлечь Моргуновскаго къ отвѣтственности законнымъ порядкомъ». Моргуновскій ликовалъ, полиція стушевалась, но за то возникло дѣло о неправильности

дѣйствій самого судьи и, по распоряженію сената, назначено слѣдствіе. Въ дѣйствіи судьи усмотрѣны признаки превышенія власти, потому что Моргуновскій былъ высланъ по распоряженію генералъ-губернатора, и одесской палатѣ пришлось опредѣлить границу между властью мировыхъ судей и властью высшей мѣстной администраціи. На судѣ было сказано много обвинительныхъ и защитительныхъ рѣчей. Защитникъ, вооружившись книжкою г. Фойницкаго, ссылался на помѣщенныя въ ней соображенія государственнаго совѣта, приводилъ мнѣнія гг. Неклюдова, Макалинскаго и ихъ толкованіе закона и, вообще, процессъ получилъ особо-важный характеръ, ибо суду предстояло разрѣшить вопросъ о «столкновеніи судебной и административной власти».

Между тѣмъ, одновременно съ арестомъ Моргуновскаго, приставъ на той же желѣзно-дорожной станціи задержалъ еще еврейку, для отправки въ становую квартиру, а затѣмъ для дальнѣйшаго распоряженія. Но смышленная еврейка дала, черезъ фактора, кому-то 13 рублей и была освобождена. «Не обезпокоивъ своею особой ни сената, ни судебной палаты, ни другихъ властей, не затронувъ никакихъ великихъ принциповъ, она—говоритъ «Недѣля»,—быстро получила желаемое и теперь едва ли менѣе довольна, чѣмъ поднявшій суету Моргуновскій. Такова практическая мудрость и ея преимущество. Гдѣ же правосудіе больше виновато: тамъ ли, гдѣ вмѣшался судья, или тамъ, гдѣ онъ вовсе на вмѣшивался?»

Но развѣ не въ этомъ наша историческая бѣда, что приходится всегда прибѣгать къ «практической мудрости»? Жили мы ею, жили много вѣковъ и попытались было отъ нея освободиться, но врагъ, должно быть, силенъ и практическая мудрость снова стоитъ вершителемъ той правды, которую безъ нея не найдешь. Надо послушать евреевъ, чтобы понять всю силу этой практической философіи. Еврей—прирожденный пессимистъ; онъ — тотъ демонъ, о которомъ говоритъ Пушкинъ, что «не вѣрилъ онъ любви, свободѣ; на жизнь насмѣшливо глядѣлъ и ничего во всей природѣ благословить онъ не хотѣлъ». Еврей настолько извѣрился въ жизнь, что, что бы вы ему ни говорили о благородныхъ побужденіяхъ, о правдѣ, онъ только машетъ рукой и увѣряетъ, что правда—рыночный товаръ. Чтобъ убѣдить еврея въ противномъ, нужно представить ему факты; а гдѣ же ихъ возьмешь, особенно изъ жизни евреевъ? Гецевичу практическіе мудрецы своими способами подсказывали то же: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся». И не будь присяжнаго и гласнаго суда, Гецевича бы съѣли такъ начисто, что и внуки его помнили бы поговорку о сильномъ и богатомъ. Но до суда нужно было еще дойти, жизнь же слагается не изъ однихъ судебныхъ фактовъ. Вотъ тутъ и ключъ къ уразумѣнію, почему наше время выработало двойственный типъ—ходящихъ двумя путями. Типъ этотъ создала практическая мудрость, а кто не хочетъ ей подчиниться, уходитъ въ пессимизмъ.

И нѣтъ въ наше переходное время ни одного самаго простаго вопроса, который бы разрѣшался точно и окончательно въ одну сторону. Есть вопросы, надъ которыми мы трудимся больше ста лѣтъ и, все-таки, ничего не порѣшили. Кажется, вопросъ объ образованіи не особенно головоломный вопросъ, а вотъ, напримѣръ, какъ далеко мы ушли въ изученіи... ну, хотя бы языковъ. Въ собраніи преподавателей французскаго и нѣмецкаго языковъ въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ, происходившемъ въ концѣ сентября въ Петербургѣ, одинъ изъ преподавателей французскаго языка высказалъ, что ни теоретическое, ни практическое направленіе не достигали цѣли. Ученики выходили изъ училищъ не только безъ знаній, но даже тѣ, которые знали языки дома, послѣ восьми лѣтъ гимназіи совсѣмъ забывали ихъ. До половины 60-хъ годовъ преобладало практическое изученіе языка для языка; послѣ 66 года велѣно преподавать новые языки для общаго умственнаго развитія учениковъ, и стала преобладать теорія. Результаты оказались плачевными. Въ чемъ же ошибка, гдѣ искать спасенія? Спасеніе найдено не было, но ошибокъ указано много. «Преподавателямъ не была извѣстна не только конечная цѣль годичнаго класса, но даже и окончательная цѣль училища. Одинъ старый учитель пересчиталъ циркуляры, по которымъ мѣнялись и цѣли, и пути къ нимъ. Были минимальныя требованія отъ оканчивающихъ—понимать говорящаго; затѣмъ—самому говорить; иногда требовалось знать теорію, переводить, а иногда требовалось излагать письменно и знать языкъ въ совершенствѣ. Максимумъ требованій не совпадалъ съ часами и силами учениковъ; мѣнялись книги, методы, программы, но уровень знаній оставался всегда ниже крайняго минимума. Мнѣніе стараго учителя поддержали и другіе учителя; находили много ошибокъ въ прошедшемъ и настоящемъ, говорили, что въ Россіи изученіе языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ стоитъ по результатамъ ниже сосѣднихъ странъ. Въ Пруссіи, для военныхъ цѣлей, практика французскаго языка въ кадетскихъ корпусахъ давала выпускнымъ возможность говорить и переводить книги. Правда, страдалъ выговоръ, потому что учителя тамъ нѣмцы; но, все-таки, цѣль достигалась. Послѣ введенія всеобщей воинской повинности методъ преподаванія распространенъ на всѣ среднія заведенія. Въ іезуитскихъ школахъ католическихъ государствъ ученики съ 4-го класса могутъ говорить по латыни. Методы извѣстны. Чего же намъ недостаетъ»? («Кроншт. Вѣст.») И какъ ни простъ отвѣтъ на вопросъ, а, все-таки, ничего не подѣлаешь. Пруссаки, французы, англичане принялись за изученіе нашего языка и скоро будутъ говорить по-русски не хуже насъ, а мы, всегда хвалившіеся своими способностями къ языкамъ, скоро, кажется, забудемъ и свой языкъ, родной языкъ. Что это вовсе не такъ невѣроятно, привожу отзывъ г. Муравьева (лицо вполнѣ авторитетное) о кандидатахъ на судебныя должности (книга г. Муравьева подъ тѣмъ же заглавіемъ). «Печальный опытъ порой указываетъ на кандидатовъ,—пи-

шетъ г. Муравьевъ,—дипломы которыхъ свидѣтельствуютъ объ окончаніи ими курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, а письменныя работы, въ то же время, о многочисленныхъ орѳографическихъ ошибкахъ и, слѣдовательно, о самомъ полномъ незнаніи русскаго правописанія. Нерѣдки и случаи какого-то полудѣтскаго неумѣнья логически связать, правильно и ясно изложить двѣ-три мысли, или незнакомства съ самыми элементарными пріемами логическаго мыслительнаго процесса. Не многимъ удовлетворительнѣе представляется и получаемое кандидатами спеціальное юридическое образованіе. Обыкновенно кандидату недостаетъ не только прочнаго, въ плоть и кровь переработаннаго усвоенія тѣхъ общихъ правовыхъ понятій, основныхъ теоретическихъ началъ отдѣльныхъ отраслей права, на которыхъ зиждется вся сила и все достоинство юриста, не только знакомство съ юридическою литературой, не только умѣнья юридически разсуждать и аргументировать, но даже и многихъ изъ тѣхъ простѣйшихъ элементарныхъ познаній въ догмѣ, которыя нужны ему въ его ежедневномъ практическомъ обиходѣ». Что же дадутъ жизни такія пустыя бутылки, а на нихъ, вѣдь, опирается правда и справедливость!

Съ народною школой и съ образованіемъ народа дѣло стоитъ еще экспериментальнѣе. Тутъ разныя требованія являются даже у людей прогрессивныхъ; чего же ожидать отъ старой Россіи, которой очень желательно (и удается) овладѣть воспитаніемъ народа?! Теперь въ качествѣ просвѣтителя народныхъ понятій и руководящимъ свѣточемъ объявился князь Мещерскій («Гражданинъ»). Князь Мещерскій предпринимаетъ изданіе еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала для народа «Воскресенье». Князь обѣщаетъ дать своимъ подписчикамъ «занимательное, разнообразное и полезное чтеніе въ строгомъ духѣ уваженія ко всему, что чтитъ нашъ русскій народъ, какъ начала и основы своего быта». Но откуда же знаетъ князь Мещерскій, что чтитъ народъ и какія основы его быта? Этой мудреной вещи у насъ еще не знаютъ даже люди, основательно и серьезно изучающіе народный бытъ и хорошо знакомые съ тѣмъ, что сдѣлано для этого изученія. А князь Мещерскій такъ прямо и хочетъ начать съ основъ, вѣроятно, полагая, что ихъ можно усвоить вполнѣ изъ разговоровъ съ петербургскими извозчиками. Насколько князь Мещерскій знакомъ съ основами,—ужь что говорить объ основахъ народнаго быта и міровозрѣнія, которыя и для людей знающихъ пока еще тарабарщина!—а съ основами такихъ элементарныхъ понятій, какъ самоуправленіе (а оно тоже основа крестьянскаго быта),—я нахожу указаніе въ № 12 «Недѣли» нынѣшняго года. Князь Мещерскій всегда былъ противникомъ самоуправленія, потому что онъ въ немъ усматривалъ либеральную идею и вотъ онъ получаетъ отъ одного своего «смиреннаго читателя и почитателя» письмо, внезапно раскрывающее его умственныя очи на вопросъ, о которомъ онъ не имѣлъ никакого понятія, хотя постоянно писалъ о немъ. Вопросъ заключается въ томъ, что ведетъ къ большему порядку въ жизни и къ большей справедливости въ отношеніяхъ—выборное начало, или начало назначенія? Князь Мещерскій думалъ до сихъ поръ, что исключительный и ничѣмъ незамѣнимый источникъ общественнаго блага заключается только въ назначеніи, и вдругъ слышитъ отъ «почитателя» такое элементарное, но для князя Мещерскаго совсѣмъ неожиданное и новое объясненіе: «Назначеніе,—поучаетъ князя его почитатель,—вѣдь, это тотъ же выборъ, но здѣсь выбираетъ только губернаторъ и, пожалуй, по совѣщанію съ предводителемъ дворянства; вѣдь, это и будетъ то же, что случилось съ мировыми посредниками послѣднихъ назначеній, когда, освоясь съ системами назначеній, стали попадать въ посредники не только не лучшіе, но положительно худшіе люди, которые съумѣли заискать у предводителя и у правителя губернаторской канцеляріи; этого-то сорта посредники и были причиной того, что со всѣхъ сторонъ явились ходатайства объ уничтоженіи должности посредниковъ, которая, въ сущности, сама по себѣ очень полезна, что всѣ сознавали, а ходатайствовали объ уничтоженіи должности, не видя другой возможности избавиться отъ лицъ, занимавшихъ эту должность!» «Теперь», —говоритъ дальше авторъ письма,—исправники не выбираются, а назначаются, а лучше ли они выборныхъ? Положительно нѣтъ, а гораздо хуже, и ни для кого не секретъ, что нужно, въ большинствѣ случаевъ, для того, чтобы попасть въ исправники. Губернаторъ не можетъ знать близко всѣхъ лицъ, которыхъ онъ назначаетъ на должность, и часто долженъ руководствоваться стороннимъ указаніемъ или рекомендаціей, которыя не всегда бываютъ безпристрастны и безкорыстны. Не въ такомъ положеніи находится общество, которое гораздо лучше знаетъ своихъ членовъ и почти всегда поступаетъ безпристрастно въ выборѣ людей, служащихъ ему,—разумѣется, если это общество состоитъ не изъ кулаковъ и кабатчиковъ; устройте такъ, чтобы люди этого сорта не могли преобладать въ обществѣ,—въ этомъ вся суть». Еслибъ это разсудительное мнѣніе консерватора взяло верхъ у его коллегъ, то, кажется, ничего бы и не осталось желать лучшаго; а вотъ подите: стоитъ у этихъ людей поперегъ какая-то палка, которая въ головахъ у нихъ все перепутываетъ.

И наши прогрессисты иногда не безъ грѣха. Всѣ у насъ согласны, что народная масса темна и самъ народъ зоветъ себя темнымъ. А какъ же сдѣлать его свѣтлымъ? И вотъ люди совсѣмъ не консервативнаго лагеря желаютъ поднять благосостояніе народа и его понятія преимущественно агрономическимъ образованіемъ. Для этого они хотятъ, «чтобы правительственными или земскими мѣрами была создана образцовая агрономія, чтобы въ школахъ интеллигентныхъ юношей и дѣвицъ обучали агрономіи, чтобы по больше было сельско-хозяйственныхъ обществъ, чтобы выписывался земствомъ племенной скотъ, чтобы устраивались сельско-хозяйственные съѣзды, чтобы основывались сельско-хозяйственныя училища съ образцовыми

фермами, чтобы при каждой губернской и уѣздной управѣ былъ агрономъ, чтобы по больше издавалось сельско-хозяйственныхъ журналовъ» и т. д. На это мнѣніе слѣдуетъ возраженіе, что крестьянская земледѣльческая неурядица происходитъ вовсе не отъ отсутствія агрономіи, а отъ общей неразвитости народной массы, отъ глубокой вѣры крестьянина въ рутину, отъ его предразсудковъ и боязни новшествъ. Крестьянинъ истребляетъ воробьевъ потому, что считаетъ ихъ врагами Христа, ужей — потому, что смѣшиваетъ ихъ съ гадюкой, грачей — потому, что убѣжденъ, будто они поѣдаютъ зерно въ поляхъ; и у крестьянина хозяйство плохо только потому, что онъ неразвитъ, теменъ, неподвиженъ умомъ. При чемъ тутъ образцовая агрономія, съѣзды, общества, образцовыя фермы? Неужто столь немудренныя истины, что желѣзный плугъ экономнѣе деревяннаго, что землѣ нужно удобреніе, или, по крайней мѣрѣ, отдыхъ, что птицъ избивать грѣшно и вредно, что лѣса и рощи — нужны, что яблоня сама не выраститъ, а нужно ее посадить, что свеклу нужно сѣять гнѣздами, что если лошадь стерла спину, такъ что образовалась глубокая язва, то нелѣпо ее запрягать, — неужто все это столь премудрыя вещи, что ихъ безъ агрономіи не сообразишь?... Что помогутъ, да и мыслимы ли земледѣльческія улучшенія при такомъ состояніи крестьянства, когда община за ведро водки ссылаетъ въ Сибирь, въ угоду міроѣду, ни въ чемъ неповиннаго сообщественника, когда крестьяне теряютъ выгодный промыселъ потому, что начинаютъ класть кирпичи въ пресованное сѣно, когда ростовщичество, кляузничество, произволъ и неудержимое грабительство волостныхъ писарей, подкупъ и спаиванье волостныхъ судей, дранье розгами сѣдобородыхъ мужиковъ — явленія обычныя, никого не удивляющія?.. Я утверждаю (все это слова г. Алексѣева), что нашему крестьянству нужно просвѣщеніе, много просвѣщенія, какъ можно больше просвѣщенія. Нужно школъ какъ можно больше; нужно книжекъ народу побольше, да получше. Нужно, чтобы свѣжая, бодрая интеллигенція шла въ провинцію, — все равно, въ какомъ мундирѣ, чинѣ и званіи...

Вотъ новые два вопроса, которые лишь служатъ новымъ фактомъ нашего равномыслія. О томъ, чтобъ интеллигенція шла въ народъ и садилась на землю, писалось много за и противъ. Казалось бы, что и голодному интеллигенту было указано спасеніе, и для деревни найдено благо, однако, голодный интеллигентъ, попрежнему, переколачивается въ городѣ и въ деревнѣ еще не показался. Что же касается агрономіи и сельскаго хозяйства, то этой эдиповой задачи не разрѣшилъ даже харьковскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ. Всѣ плакались, всѣ говорили, что плохо, что не только помѣщикъ бѣжитъ съ своей земли, — побѣжитъ съ нея и мужикъ. И мѣры принимались для борьбы съ неблагопріятными условіями, — мѣры серьезныя: устраивались желѣзныя дороги, но они привели только къ уничтоженію заработковъ въ извозномъ и чумацкомъ промыслѣ, да къ созданію всесильныхъ монопольныхъ желѣзно-дорожныхъ компаній, высасывающихъ послѣднее отъ сельскаго хозяйства; открывались кредитныя учрежденія, но они развили лишь спекуляцію и всякое обираніе. Даже земство, — это, казалось бы, самое удачное изъ учрежденій на пользу народнаго хозяйства, — не могло ничего подѣлать, потому что компетенція его была очень ограничена. Такъ думаютъ одни, а другіе думаютъ совсѣмъ другое. Что же тутъ дѣлать?.. На харьковскомъ съѣздѣ преобладало пессимистское настроеніе, люди, видимо, извѣрились въ мѣропріятія и не ожидали ничего ни отъ улучшенія и удешевленія транспорта, ни отъ развитія обрабатывающей промышленности, которой даже приписывалось общее разстройство дѣлъ, и не видѣли никакого разсчета помѣщать капиталъ въ сельское хозяйство. Даже не вѣрили, что цѣны на хлѣбъ могутъ подняться. Оказался заколдованный безвыходный кругъ, напоминающій извѣстный афоризмъ Фурье: оттого ли люди глупы, что они бѣдны, или они бѣдны оттого, что они глупы?

Подобное пессимистское настроеніе считается общественною язвой не только консерваторами, но даже нововременцами и либералами. Они требуютъ бодрости духа, точно на эту бодрость духа можно подписаться въ любой редакціи вмѣстѣ съ газетой. Въ «Волыни», напримѣръ, пишутъ, что хозяйства въ краѣ потрясены до основанія, и это отразилось на всемъ складѣ жизни, торговля упала, помѣщики перестали ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ въ I и II классахъ и перебираются въ III, хозяева сократили жалованье служащимъ, арендаторы требуютъ уменьшенія арендной платы, цѣны на хлѣбъ хотя и поднялись, да нѣтъ хлѣба. Началось исканіе мѣстъ. Люди, повидимому, состоятельные и занимающіе хорошее общественное положеніе рады, когда удастся занять казенное мѣсто въ столицѣ или въ провинціи. Бывали случаи, что помѣщики не могли платить за столъ и квартиру для своихъ дѣтей-гимназистовъ, живущихъ въ Житомірѣ. Какъ отъ людей въ такомъ положеніи требовать, чтобъ они ходили по улицамъ, посвистывая, съ веселымъ лицомъ, и проявляли бодрость духа? И требуютъ еще не этого, а чтобы общество, вмѣстѣ съ бодростью духа, устроило и всѣ свои порядки. Общество должно поправить земледѣліе и завести агрономію; оно должно найти и установить чистоту и правду въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ; оно же должно создать благородную и честную печать и изгнать изъ храма всѣхъ продавцовъ, превратившихъ его въ торжище. Россія существовала тысячу лѣтъ, ни о какомъ обществѣ ничего не слышала и вдругъ и консерваторы, и не консерваторы требуютъ, чтобы общество стало архитекторомъ, никогда не учившись архитектурѣ, и построило бы для Россіи хрустальный дворецъ. Въ то же время, эти же самые консервативные мыслители хотятъ изгнать самоуправленіе и замѣнить его институтомъ урядниковъ. Вотъ и примиряйте это противорѣчіе. Г. Фуксъ, въ іюльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» «Русская Мысль», сентябрь: «Библіографическій отдѣлъ»), говоритъ, что наша полиція,

несмотря на всѣ преобразованія, завершившіяся на нашихъ глазахъ положеніемъ комитета министровъ 14 іюня 1878 г. объ учрежденіи полицейскихъ урядниковъ, только формально соотвѣтствуетъ своему назначенію, а по существу — нѣтъ. Причины такого положенія, по мнѣнію г. Фукса, коренятся глубоко, весьма многоразличны и, между прочимъ, заключаются въ неправильномъ отношеніи къ полиціи общественнаго сознанія. Чтобы создать это правильное отношеніе, г. Фуксъ желаетъ вмѣсто теперешнихъ пяти тысячъ урядниковъ назначить ихъ до десяти или пятнадцати тысячъ и поручить ихъ непосредственному и ежедневному наблюденію особыхъ начальниковъ, пользующихся почетомъ и довѣріемъ жителей, но, въ то же время, отъ нихъ независимыхъ, имѣющихъ имущественный цензъ и назначаемыхъ отъ правительства (проще говоря, помѣщиковъ). Г. Фуксъ совершенно правъ, что наша полиція по существу не отвѣчаетъ своему назначенію и что отношеніе къ ней общества неправильно. Никто у насъ такъ не плодитъ пессимизма, какъ полиція; предупрежденіемъ преступленій она не занимается, но за то урядники собираютъ статистику (нынче они собирали статистику землевладѣнія и сельскаго хозяйства), разъѣзжаютъ для чего-то, чего мы, обыватели, не можемъ понять, но за то мы всегда бываемъ довольны, когда выѣзжающій въ деревню урядникъ проѣдетъ мимо. Конечно, это отношенія неправильныя, да, вѣдь, не мы же, обыватели, ихъ создали. Мы (обыватели) молимъ Бога только объ одномъ, чтобы полиція поменьше вмѣшивалась въ нашу жизнь, а г. Фуксъ думаетъ, что только тогда все и пойдетъ хорошо, когда она будетъ стоять надъ нами въ тройномъ числѣ. Мы знаемъ, насколько даже пять тысячъ урядниковъ помогли развитію въ Россіи практической мудрости, а г. Фуксъ хочетъ увеличить эту мудрость втрое. По его разсчету, на содержаніе новаго штата урядниковъ потребуется до 4 милліоновъ, а мы знаемъ, что имъ и восьми милліоновъ будетъ мало. Г. Фуксъ думаетъ, что независимый начальникъ устроитъ съ оравой урядниковъ миръ и благоволеніе, а мужики (и не мужики) думаютъ, что ихъ совсѣмъ опутаетъ кабала, подобная той, о которой разсказываетъ корреспондентъ «Кіевлянина» изъ Литинскаго уѣзда. Тамъ владѣлецъ дер. Лукашовки, Котляревскій, подалъ мировому посреднику жалобу, что лукашовскій сельскій староста «выше всякой мѣры предается пьянству», отчего въ деревнѣ царитъ «безначаліе, самоволіе, насилія и прочія напасти»; что крестьянское общество и помѣщикъ, желая устроить свои земельныя отношенія «на основѣ мирнаго согласія, спокойствія и существенныхъ выгодъ для общества», заключили между собою договоръ о выпасѣ, но имъ противудѣйствуютъ названный староста и волостной писарь, отказавшіеся засвидѣтельствовать договоръ и усердно сѣющіе между ними «сѣмена всякихъ раздоровъ и волненій». Въ концѣ-концовъ оказалось, что все это безначаліе и самоволіе натворилъ самъ Котляревскій, запутавшій крестьянъ такимъ договоромъ, что они, напримѣръ, «не имѣли права пахать и засѣвать своихъ сѣнокосныхъ полянъ безъ дозволенія помѣщика».

Деревню всѣ обвиняютъ въ безначаліи и, въ то же время, такіе прожектеры, какъ г. Фуксъ, только и хлопочатъ о томъ, чтобъ увеличить это безначаліе. Надъ мужикомъ, вѣдь, всякій ломается и всякій считаетъ себя его начальникомъ. Напримѣръ, такой случай. Члену крестьянскаго присутствія потребовался крестьянинъ-землевладѣлецъ ради его голоса на съѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ и онъ черезъ сотскаго приказываетъ крестьянину явиться. Крестьянинъ дѣлаетъ 35 верстъ, является къ члену, но обстоятельства въ чемъ-то измѣнились и надобности въ крестьянинѣ уже не оказывалось. «Вы мнѣ приказали явиться», — говоритъ крестьянинъ члену. — «Да, братецъ, но теперь ты мнѣ не нуженъ, ступай!» — отвѣчаетъ членъ. И такъ поступается не со старшиной, который ужь всѣмъ рѣшительно подначаленъ, а съ крестьяниномъ-собственникомъ. Корреспондентъ «Недѣли» разсказываетъ, что въ Ковенской губерніи есть одинъ посредникъ, который при личномъ объѣздѣ волостей строго-на-строго воспрещаетъ писарямъ и учителямъ выписывать нѣкоторыя газеты, а позволяетъ выписывать «Ниву» и «Вокругъ Свѣта»; всѣмъ учителямъ народныхъ училищъ говоритъ «ты» и воспрещаетъ садиться въ своемъ присутствіи и, въ то же время, бывшіе волостные писаря этого участка, уволенные въ разное время, начинаютъ снова поступать на мѣста. Крестьяне, недовольные этими назначеніями, ропщутъ. А что же будетъ, когда, по проекту г. Фукса, въ каждой деревнѣ поселится свой начальникъ? Кто же изъ живущихъ въ деревнѣ не знаетъ, что хорошій, простой, домовитый и общественный мужикъ, выбранный въ старшины, черезъ два-три года становится никуда не годнымъ и забываетъ всякую общественность?... А, впрочемъ, довольно, — очеркъ, кажется, затягивается.

Всѣ эти факты, кажется, не изъ веселыхъ, но другими они и не могутъ и быть, потому что я ихъ бралъ изъ газетъ и судебныхъ рѣшеній, имѣющихъ дѣло лишь съ отрицательными сторонами жизни. Факты эти мнѣ были нужны совсѣмъ не для того, чтобы показать, что въ русской жизни много тѣневыхъ сторонъ, а для того, чтобы выяснить, насколько діаметрально-противуположны предлагаемыя для ихъ освѣтлѣнія средства. Одно изъ средствъ (либеральнаго лагеря), чтобы общество очнулось, покаялось и создало достойную себя благородную печать. Но мнѣ думается, что печать, которую обвиняютъ, другою и быть не можетъ, и ни ей измѣниться, ни ее измѣнить нельзя, а тѣмъ болѣе полемическими средствами. Общество тоже не мѣняютъ назиданія, какъ бы они ни были красивы и внушительны. Да и что такое общество? Вѣдь, это — опять сваливанье въ одну кучу и бѣлыхъ, и черныхъ, и красныхъ, и зеленыхъ. А, между тѣмъ, читатель съ болѣе высокими общественными требованіями есть, и писатель для него есть, но нѣтъ возможностей для приложенія ихъ силъ. Чтобы бороться съ общественнымъ невѣжествомъ, наличныхъ средствъ слишкомъ мало, и чтобы поднять

уровень общественной мысли и общественной нравственности, тоже недостаетъ достаточнаго авторитетнаго руководительства. И вотъ лучшіе люди, еще вѣрующіе, изобрѣтаютъ новую религію и находятъ послѣдователей, думающихъ новою вѣрой обновить жизнь (хотя и старая вѣра хороша); а тѣ, которые знаютъ, что ничего не подѣлаешь, но не родились для того, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, становятся пессимистами и обнаруживаютъ наклонность сформироваться въ типъ, которымъ я началъ этотъ очеркъ. А, вѣдь, были годы и они были оптимистами. Вотъ теперь и подумайте, какими средствами создается бодрость духа.

XIII.

Разбирая газетный матеріалъ для настоящаго очерка, я нашелъ въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» довольно рѣзкую полемическую замѣтку противъ фельетона г. Эртеля, напечатаннаго въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». И фельетонъ г. Эртеля, и возраженіе ему «Волжскаго Вѣстника» относятся къ нашему самому больному мѣсту (а, впрочемъ, къ самому ли больному? У насъ такъ болитъ вездѣ, что, пожалуй, трудно сказать, гдѣ болитъ больше).

Г. Эртель, подъ названіемъ *Житницы*, описываетъ земледѣльческіе порядки Самарской губерніи. Да, край удивительный! Точно это и не Россія, а вновь открытая русскими купцами часть свѣта, въ которую они собрались, чтобы растащить все, что въ теченіе вѣковъ скопилось въ ея нѣдрахъ. Не нынче, правда, началось это расхищеніе. Еще при калмыкахъ самарскій край обнаружилъ наклонность къ Latifundi'и, когда десятки тысячъ десятинъ снимались русскими купцами по гривеннику за десятину по двадцати-четырехъ-лѣтнимъ контрактамъ. Когда калмыки были угнаны въ степь, земли ихъ отобраны въ казну и сроки калмыцкихъ контрактовъ кончались, оказалось, что десяти-копѣечная десятина выросла въ цѣнѣ до семи рублей. Какъ такому золотому дну было не привлечь къ себѣ предпріимчивыхъ піонеровъ купеческой цивилизаціи? И піонеры пошли и завладѣли всѣмъ этимъ, нѣкогда дикимъ и пустыннымъ калмыцкимъ краемъ. Даже не выговоришь безъ трепету цифру десятинъ, принадлежащихъ доброму десятку теперешнихъ самарскихъ купцовъ, говоритъ г. Эртель. Одному купеческому семейству принадлежитъ 250,000 дес., другому 180,000, третьему болѣе 100,000 и т. д. Владѣлецъ 4—5 тыс. дес. считается вовсе не крупнымъ владѣльцемъ.

И всѣ эти многотысячныя хозяйства, повинуясь тяготѣющему надъ ними закону спроса и предложенія, живутъ всѣми инстинктами хлѣбнаго базара. Это даже и не земледѣльческія хозяйства, а скорѣе земледѣльческія фабрики, работающія на всѣхъ парахъ для какого-то невѣдомаго имъ рынка. Какъ можно больше вспахать, какъ можно больше засѣять, какъ можно скорѣе обмолотить и свезти на пристань или на станцію желѣзной дороги,— вотъ законъ самарскаго земледѣлія. Все, что изобрѣтаетъ Европа по части скорѣйшаго обрабатыванія, все, что не требуетъ большихъ техническихъ знаній, но за то обѣщаетъ быстрый результатъ, какъ напримѣръ, паровая молотилка, найдетъ въ самарскомъ хозяйствѣ и покупателя, и потребителя. Агрономъ тамъ не требуется, да ему и дѣлать нечего. «Заводите какое хотите интензивное хозяйство въ Самарскомъ уѣздѣ, дешевая уфимская бѣлотурка непремѣнно сдѣлаетъ васъ банкротомъ»,— говоритъ г. Эртель. Убивающая своею дешевизной уфимская бѣлотурка, съ одной стороны, и Самара и Балаково — съ другой, превратили самарскаго земледѣльца въ хлѣбнаго биржеваго игрока. Онъ не производитель (по существу), а сбытчикъ и продавецъ; его главная задача не въ томъ, чтобы создать зерно или вести хозяйство, а въ томъ, чтобы играть въ торговую политику и знать ее досконально. Вмѣсто агрономіи, хозяинъ долженъ знать, кому сдать землю, да какъ и на сколько поднять арендную плату; онъ долженъ умѣть нанять по дешевой цѣнѣ рабочихъ, заключить съ ними запутывающій ихъ контрактъ, умѣть ходить по судамъ. Даже самарскій мужикъ усвоилъ себѣ эту политику и рѣдко нанимается на посторонніе заработки. И онъ развилъ въ себѣ купеческіе инстинкты, и онъ обрабатываетъ свою землю рабочими или, какъ выражается г. Эртель, «рабами». А рабовъ этихъ гонитъ въ самарскій край нужда въ огромномъ количествѣ. Цѣлыми сотнями, а иногда и тысячами, скопляются они въ базарныхъ селахъ въ ожиданіи спроса, худые, съ изможденными лицами, опаленными солнцемъ и вѣтромъ, босые и полуодѣтые. И былой бурлакъ сталъ тоже рядомъ. Коренное дѣтище Волги, безъ роду и племени, оборванный, спившійся, съ лицомъ, одувшимся отъ пьянства, отчаянный, рѣчистый, грубый, бурлакъ тянетъ теперь земледѣльческую лямку, какъ онъ тянулъ прежде лямку судовую.

Что же спасетъ этотъ расхищаемый край, «что принесетъ сюда свѣтъ и посодѣйствуетъ подъему сознанія, когда силы крестьянина еще не оскудѣли, когда грозное малоземелье еще не подрѣзало ему крылья?—спрашиваетъ г. Эртель.—Грамотность? Но она не прочь стать орудіемъ самаго безшабашнаго кулачества. Земство? Но оно бьется здѣсь въ рукахъ невѣжественныхъ и продажныхъ и опять-таки всецѣло зависитъ отъ кулаковъ. Образцовыя фермы по рецепту г. Шарапова? Онѣ могутъ играть здѣсь роль дорогой, но безполезной игрушки, смѣшной для крестьянъ и разорительной для землевладѣльцевъ, буде землевладѣльцы захотятъ подражать ей. Интеллигентный человѣкъ въ качествѣ заправителя, администратора и совѣтчика? Онъ либо безполезенъ, либо принесетъ вредъ, ибо практическими его познаніями воспользуются опять-таки «практическіе» люди изъ крестьянъ, люди съ необходимо-кулаческимъ настроеніемъ.

«То принесетъ сюда свѣтъ,—заключаетъ фельетонъ г. Эртель,—то подниметъ сознаніе массы,

что принесетъ съ собою этическіе идеалы въ соединеніи съ практическими, что потрясетъ господствующее міровоззрѣніе въ самыхъ его основахъ, что вмѣстѣ съ «фосфоритами» принесетъ проповѣдь религіознаго апоѳеоза труда, проповѣдь автора удивительной рукописи *О трудолюбіи и тунеядствѣ* крестьянина Бондарева,—однимъ словомъ, то, что мы, интеллигентные люди, назовемъ новымъ интеллигентнымъ «сектантствомъ», когда оно появится, наконецъ, и что полицействующая литература не замедлитъ окрестить «движеніемъ въ народъ, подобнымъ движенію пропагандистовъ въ семидесятыхъ годахъ», а мы согласимся и скажемъ: да, подобнымъ по силѣ движеніемъ, но совершенно иного склада и съ иными цѣлями».

Этотъ вполнѣ невинный фельетонъ вызвалъ, какъ я уже сказалъ, рѣзкую полемическую замѣтку, напечатанную въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» и подписанную буквою И. Авторъ замѣтки видитъ въ г. Эртелѣ ученика гр. Толстаго, замѣнившаго разсужденія вѣщаніями и дошедшаго до геркулесовыхъ столбовъ противорѣчій и самому себѣ, и здравому смыслу. По словамъ автора, г. Эртель только повторяетъ гр. Толстаго. У учителя—отрицаніе науки, у ученика шагъ еще дальше—отрицаніе грамотности; у обоихъ проповѣдь «этическихъ идеаловъ», съ одной стороны, и, въ то же время, отрицаніе тѣхъ условій, безъ которыхъ успѣхъ этой проповѣди невозможенъ, т. е. грамоты и интеллигенціи. «Ни школой, ни совѣтомъ, ни руководствомъ интеллигентный человѣкъ,—заключаетъ авторъ замѣтку,—не поможетъ народу, по словамъ г. Эртеля; и вотъ нужно образовать секту, которая будетъ проповѣдывать «этическіе идеалы въ соединеніи съ практическими» и давать крестьянамъ зрѣлище «апоѳеоза труда». Бѣдный интеллигентный человѣкъ!.. Ему, значитъ, остается сдѣлаться чѣмъ-то вродѣ раскольничьяго попа».

То-то такъ ли? И это ли предлагаетъ г. Эртель? Что его подивили земледѣльческіе порядки самарскаго края, гдѣ всякій тащитъ и расхищаетъ, гдѣ люди живутъ лишь алчными инстинктами, гдѣ, съ одной стороны, звѣрообразный бурлакъ, спившійся и оборвавшійся или обнищавшій татаринъ, а съ другой—жомъ и молотокъ, выжимающій и выколачивающій изъ всѣхъ и всего, что только можно выжать и выколотить,—все это совсѣмъ просто и понятно. Всякаго свѣжаго человѣка подобные людскіе порядки, гдѣ каждый или молотъ, или наковальня, не можетъ не заставить призадуматься. Такъ жить, очевидно, нельзя, а какъ же сдѣлать, чтобы люди жили по человѣчески? И не только свѣжіе люди, впервые посѣщающіе эту новооткрытую и устроенную купцами страну, но и ея старые постоянные обитатели негодуютъ и протестуютъ противъ ея «виргинскихъ» порядковъ. Прочитайте, что пишетъ г. Португаловъ въ № 39 «Недѣли». Тутъ уже не захватъ, не расхищеніе производительныхъ мертвыхъ силъ природы, а что-то такое ужасное, чему и названія нѣтъ, и что свершается совсѣмъ спокойно, во имя права собственности. И дѣйствуютъ тутъ не одинъ, не два какихъ-нибудь случайно забравшихся въ культурную страну дикаря,—нѣтъ, тутъ вы имѣете дѣло съ понятіями цѣлой среды, съ ея представленіями о правѣ и законности и ея убѣжденіемъ, что это право будетъ защищено и охранено.

Неподалеку отъ Мелекеса (посадъ Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи) есть три деревни, въ которыхъ живутъ 93 домохозяина. По уставной грамотѣ имъ отведена земля за 15 верстъ, на которую имъ и слѣдовало выселиться. Владѣлица, княгиня Трубецкая, вѣроятно, и выселила бы крестьянъ, но на это требовалось 20 тысячъ. «Такъ на этомъ дѣло и застряло,—разсказываетъ г. Португаловъ.—Мужики остались жить на своихъ мѣстахъ и жили бы, пока ихъ не снесло бы какимъ-нибудь ураганомъ или подземнымъ ударомъ. И ураганъ нашелъ... Помѣщики (нуждавшіеся постоянно въ деньгахъ, продавали и перепродавали эти деревни изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, онѣ не очутились въ прошломъ 1885 году въ рукахъ владыки Маркова. Этотъ властелинъ, винокуренный заводчикъ и богачъ, первымъ дѣломъ распорядился и приказалъ снести деревни, почему-то ему мѣшавшія. Несмотря на вѣковую давность владѣнія, несмотря на просьбы и мольбы, въ маѣ 1885 года явились сынъ Маркова, Ѳедоръ, судебный приставъ Корниловъ и становой Благодаревъ съ партіей урядниковъ и 39 человѣкъ плотниковъ — вятчанъ, коихъ предварительно напоили. И вотъ, когда этотъ воинственный отрядъ, подъ командою полицейскихъ, явился на мѣсто дѣйствія, все населеніе Муловки было очевидцемъ приведенія въ исполненіе судебнаго рѣшенія. Это былъ буквальный разгромъ. Все ломалось въ дребезги, все разбивалось и выкидывалось. Прежде всего, была выброшена пища изъ печей. Жена крестьянина Еболдова, упавшая въ обморокъ, была вытащена за ногу на улицу, и приставъ былъ настолько цивилизованъ и джентльменъ, что облилъ ее водой. Съ тѣхъ поръ она хилѣетъ. Разгромивши на первый разъ до основанія пять усадебъ, тутъ же приступили къ описи имущества крестьянъ на удовлетвореніе Маркова за какіе-то убытки. Все оцѣнивалось въ ничто и было продано за безцѣнокъ... Нѣсколько времени спустя, Марковъ прислалъ землекоповъ и велѣлъ рыть глубокою канаву вокругъ домовъ и дворовъ, оставшихся еще не разгромленными, чтобъ оттѣснить крестьянъ отъ сообщенія съ ихъ гумнами и лишить ихъ возможности не только выгонять скотъ на выгонъ, но даже выѣхать изъ дворовъ. Крестьяне Христомъ-Богомъ молили не окапывать ихъ рвами и рѣшительно заявили, что не дадутъ себя въ засаду. Тогда явился самъ Ѳедоръ Марковъ и велѣлъ своимъ землекопамъ бить крестьянъ скребками и кирками. Словомъ, чуть не произошло кровопролитіе; но землекопы не рѣшились вступить въ открытый бой съ крестьянами. Тогда-то пошли волокита, аресты, уголовныя преступленія, сопротивленіе властямъ и такъ далѣе. Все было пущено въ ходъ, чтобы навязать крестьянамъ уголовщину, разорить ихъ до послѣдняго и если не мытьемъ, такъ катаньемъ заставить бросить свои кровныя

земли и уйти куда угодно... Теперь это дѣло въ разныхъ инстанціяхъ».

И это не въ одной калмыцкой Самарѣ; совершенно такъ же нашъ купецъ исполняетъ свою гражданскую миссію на Кавказѣ, въ Сибири и вездѣ, гдѣ онъ является въ качествѣ представителя русскихъ началъ. Что же мудренаго, что насъ считаютъ дикарями и боятся, какъ огня, русской цивилизаціи? Да, тутъ дрогнешь и спросишь, что же дѣлать, какою плотиной остановить разливъ этой дикой силы? Есть у насъ и школы, и грамотность, и интеллигенція, все есть, повидимому, что есть и у другихъ христіанскихъ народовъ,—и всѣ эти просвѣтительныя и умягчающія средства, кажется, въ полномъ ходу, а «кадыкъ» претъ себѣ, какъ какой-нибудь таранъ, и все разступается передъ нимъ, все уступаетъ его силѣ, все служитъ ей.

Но въ этомъ ли разливѣ купеческой цивилизаціи вся наша бѣда? Нѣтъ, читатель, это только полбѣды. Главная наша бѣда въ томъ, что мы сваливаемъ своихъ боговъ, которымъ еще вчера молились, и не умѣемъ сохранять умственнаго наслѣдства. Въ этомъ случаѣ г. Эртель только одинъ изъ многихъ, изъ тѣхъ многихъ, у которыхъ есть уже и свой органъ въ печати, и «Волжскій Вѣстникъ» обвиняетъ его въ томъ. Сказать, что грамотность, какою ее получаетъ народъ, не несетъ исцѣленія, еще не значитъ отрицать грамотность вообще; сказать, что интеллигенція, т.-е. извѣстная часть ея, въ качествѣ заправителей, администраторовъ и совѣтниковъ, либо безполезна, либо принесетъ вредъ, тоже не значитъ отрицать интеллигенцію вообще. Въ сущности, съ кѣмъ же борется прогрессивная печать, хотя бы тотъ же самый «Волжскій Вѣстникъ,» какъ не съ интеллигенціей,—съ тою интеллигенціей, которая, вмѣсто свѣта, вноситъ мракъ, вмѣсто образованія, сѣетъ невѣжество, вмѣсто правды и порядка, вноситъ неправду и безпорядокъ? Недавно судился, по опредѣленію сената, въ саратовской судебной палатѣ николаевско-новоузенскій предводитель дворянства Акимовъ. Это одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Николаевскаго уѣзда, человѣкъ еще среднихъ лѣтъ, значитъ, новой формаціи и получившій университетское образованіе. Интеллигентъ несомнѣнный. А посмотрите, что творилъ этотъ несомнѣнный интеллигентъ. Является несомнѣнный интеллигентъ съ мировымъ судьею Росляковымъ, оба пьяные, на засѣданіе для составленія списка лицъ, имѣющихъ право баллотироваться въ мировые судья, и начинаютъ дебоширить, какъ въ трактирѣ. Росляковъ коснѣющимъ языкомъ лепечетъ: «Алеша, ты у насъ сила... ты—власть, только прикажи, кого хочешь уберемъ! Но къ этому же Алешѣ (мировому судьѣ Міроѳдову) Акимовъ отнесся совсѣмъ не какъ къ силѣ: «я тебя вытащилъ изъ грязи,—сказалъ онъ ему,—а ты идешь противъ моихъ требованій!» А секретарю съѣзда, Спирину, когда тотъ спросилъ, почему онъ не внесенъ въ списокъ, Акимовъ отвѣтилъ: «ты пасквильный корреспондентъ, соціалистъ, принадлежишь къ тайнымъ обществамъ, и я тебя вышлю съ жандармами» и, выбѣжавъ изъ совѣщательной комнаты, сталъ кричать, чтобъ ему прислали немедленно жандармовъ. Міроѳдовъ и Спиринъ обратились къ свидѣтелямъ этихъ сценъ, мировымъ судьямъ, съ просьбою составить протоколъ, но никто изъ нихъ не рѣшился на актъ подобной смѣлости: до того они трепетали передъ владыкой двухъ уѣздовъ. Протоколъ по просьбѣ Спирина былъ составленъ товарищемъ прокурора, который и далъ протоколу ходъ. На судѣ выяснилось, что самодурство Акимова не имѣло границъ, что онъ ворочалъ всѣми дѣлами уѣзда и дѣлалъ самыя дикія постановленія. Оказалось, что онъ обнаруживалъ всегда необузданный характеръ и въ Петербургѣ судился за нечаянный будто бы выстрѣлъ. Хорошо объясненіе — необузданный характеръ! Медвѣдь еще необузданнѣе, да и того сажаютъ на цѣпь. Всѣ эти необузданные до тѣхъ поръ и дѣлаютъ всякія глупости, пока имъ позволяютъ. Гр. Толстой своею теоріей о непротивленіи злу не сказалъ ничего новаго. Онъ только формулировалъ нашу обыденную практику общественныхъ отношеній, когда каждый считаетъ себя очень маленькимъ и беззащитнымъ и при первомъ болѣе рѣзкомъ шумѣ убѣгаетъ, какъ мышенокъ въ свою норку. Кто же не знаетъ, что у насъ только единицами являются истинно-свободные и независимые люди съ выработаннымъ общественнымъ характеромъ, а что же мы дѣлаемъ, чтобъ они вырабатывались и какія для этого существуютъ возможности? Вопросъ старый, тридцать лѣтъ тому назадъ разрѣшенный еще нашею печатью, а теперь до того забытый, точно его никогда и не было. Вмѣсто того, чтобы въ общественныхъ мѣрахъ видѣть средства гражданскаго устроенія, мы снова обращаемся къ эстетикѣ и художественности, къ поэзіи жизни и къ моральнымъ проповѣдямъ. Много вѣковъ нужно, чтобы не только въ распившемся бурлакѣ, потерявшемъ человѣческій образъ, но и въ такихъ интеллигентахъ, какъ Ѳедоръ Марковъ, сносящій деревни, или Акимовъ, стрѣляющій *нечаянно* въ людей, воспиталось то умягчающее художественное и поэтическое чувство, которымъ теперь нѣкоторые собираются врачевать Россію! Не подъ другимъ ли только соусомъ преподносятъ тутъ читающей публикѣ толстовскую теорію о непротивленіи злу? Пока проповѣдники художественности будутъ насаждать чувство поэзіи жизни въ г. Акимовѣ или въ Ѳедорѣ Марковѣ, первый успѣетъ проглотить по одиночкѣ всѣхъ николаевцевъ и новоузенцевъ, а второй снесетъ всѣ деревни Ставропольскаго уѣзда. А какія чувства слѣдуетъ воспитывать по этой теоріи въ робкихъ мышатахъ? Они и теперь при первомъ шорохѣ разбѣгаются по норкамъ, съ поэтическимъ же чувствомъ и художественностью, гнушающимися всякимъ противленіемъ, они дадутъ такого стрекача, что ихъ уже ничѣмъ не выманишь изъ норки.

Мнѣ думается, что оппонентъ г. Эртеля перенесъ центръ тяжести своихъ обвиненій совсѣмъ не туда. Г. Эртель раньше общаго вывода совершенно ясно говоритъ, что нужно довести «трудовую обста-

новку до поэзіи», что нужно, чтобы «пахарь вкладывалъ свою душу въ работу», чтобъ онъ «обходился съ нивой любовно», чтобы земледѣльческій бытъ разцвѣлъ «тою поэзіей труда, которую такъ превосходно изображалъ Кольцовъ въ своихъ пѣсняхъ». Въ своихъ требованіяхъ г. Эртель настолько радикаленъ, что считаетъ необходимымъ «потрясти господствующее міровоззрѣніе (какое?) въ самыхъ его основахъ» и это должны свершить, конечно, эстетики-художники, которые пойдутъ въ народъ и вложатъ въ него «любовное отношеніе къ хозяйству и поэтическія связи съ природой», такъ, чтобы Самарская губернія превратилась въ «идиллію аксаковской «Семейной хроники» (хороша идиллія!). Все это далеко не толстовская программа, которая при всей ея непослѣдовательности, все-таки, трогаетъ, такъ или иначе, чувство и можетъ давать направленіе поведенію. Въ эстетической же теоріи нѣтъ никакой программы: она не больше, какъ смутная фантазія, не дѣйствующая даже на воображеніе. Я говорю все это не о г. Эртелѣ и пользуюсь его фельетономъ лишь какъ поводомъ, чтобъ указать на одно изъ теченій нашей публицистики. Въ Германіи, при подобныхъ же внѣшнихъ обстоятельствахъ, наблюдалось подобное же направленіе и тѣхъ, кто ему слѣдовалъ, Берне называлъ «лавендуловыми душами». И у насъ завелись свои «лавендуловыя души», но только у нихъ едва ли окажется много сторонниковъ. Русскій человѣкъ вообще не любитъ ничего слащаваго и слабостью мысли и характера его не увлечешь.

Но относительно малой пользы отъ грамотности и ея безсилія остановить разладъ царящаго у насъ самодурства и кулачества лавендуловыя души, все-таки, правы, но только изъ этого факта совсѣмъ не слѣдуетъ дѣлать того вывода, который дѣлаетъ оппонентъ г. Эртеля. Вѣдь, и Стюартъ Милль говоритъ, что благами послѣдствіями изобрѣтенія машинъ пока еще не воспользовались рабочіе, но изъ этого уже никакъ не выходитъ, что Стюартъ Милль желаетъ уничтоженія машинъ. Есть масса благодѣтельныхъ изобрѣтеній, которыми до сихъ поръ пользуются только сильные и богатые и лишь для нихъ одних открытъ пока свободный доступъ къ благамъ цивилизаціи. Вѣдь, вся задача современнаго общественнаго мышленія, всѣ усилія лучшихъ и болѣе справедливыхъ людей направлены на то, чтобъ эти блага распредѣлялись какъ можно равномѣрнѣе и не составляли бы привилегіи нѣкоторыхъ. То же повторяется и съ грамотностью, которая и не у насъ однихъ далеко не приноситъ своей пользы. Да и давно ли мы стали грамотѣями, давно ли завелись у насъ школы? Я говорю, конечно, о школѣ народной, о той многострадальной народной школѣ, которой такъ же не везетъ у насъ, какъ и многому другому, что предпринималось въ интересахъ справедливости и народа. Пожалуй, и намъ, образованнымъ, грамотность не приноситъ всей пользы; и, можетъ быть, отъ этого мы и сами приносимъ мало пользы. Не стану говорить о нашихъ многихъ внутреннихъ дѣлахъ, о которыхъ нигдѣ и ничего не прочитаешь, но возьму хоть школу: что и гдѣ можетъ узнать о ней наша читающая публика? Я, напримѣръ, пользуюсь въ этомъ отношеніи большими средствами, чѣмъ обыкновенный читатель, потому что имѣю въ своемъ распоряженіи столичныя и провинціальныя газеты; но выбрать и выискать изъ нихъ то, что меня интересуетъ по какому-нибудь данному вопросу — настоящая Сизифова работа. То здѣсь, то тамъ, въ десяткахъ газетъ выищешь, въ видѣ маленькихъ и точно случайныхъ заплаточекъ, коротенькія извѣстія или корреспонденціи по интересующему вопросу, но когда ихъ начнешь связывать, чтобы получить цѣльную картину, то получается только дырявое лоскутное одѣяло или нѣчто вродѣ тѣхъ дѣтскихъ складныхъ картинокъ, въ которыхъ половина фигуръ растерана. Но въ этомъ нельзя винить и газеты: не святымъ же духомъ узнавать ихъ сотрудникамъ, что дѣлается въ Россіи, когда и она молчитъ, и молчатъ тѣ, кто ею вѣдаютъ. И вотъ и пишущіе, и читающіе довольствуются всякими обрывками свѣдѣній, какія выходятъ въ газетахъ, и только по ихъ общему тону могутъ судить объ общемъ ходѣ жизни. Словомъ, вмѣсто ясной, точной картины, открывается лишь сѣрый фонъ какихъ-то теченій, точно съ высокой горы смотришь на океанъ, покрытый туманомъ. Видишь, что и здѣсь что-то не ладно и тамъ что-то не ладно, а въ чемъ и почему это не ладно, не поймешь и не узнаешь. Подобныя печатныя прятки (впрочемъ, не намѣренныя со стороны печати) едва ли приносятъ кому бы то ни было пользу, а тѣмъ болѣе россійскому неустройству.

Когда я дописывалъ эти слова, мнѣ принесли письмо одного изъ моихъ далеко живущихъ друзей. Пишетъ онъ мнѣ по поводу одного изъ моихъ очерковъ: «Пожалѣлъ я, между прочимъ, что, говоря о земствѣ и противупожарныхъ мѣрахъ, вы не упомянули ни словечка о вятскомъ земствѣ. Тамъ это дѣло дѣйствительно хорошо устроено: въ одномъ Глазовскомъ уѣздѣ, напримѣръ, больше тысячи пожарныхъ машинъ и при нихъ спеціально особый механикъ, который только и дѣлаетъ, что ѣздитъ по уѣзду и осматриваетъ ихъ, чинитъ, поправляетъ, учитъ крестьянъ обращаться съ ними. Все это дѣлаетъ, главнымъ образомъ, губернское земство, а не уѣздныя. То же самое, говорятъ, и въ другихъ уѣздахъ. Разумѣется, на самомъ дѣлѣ не Богъ вѣсть что, но, все-таки, видно хоть нѣкоторое стараніе и забота о мужикѣ. А какъ прекрасно устроена тамъ медицинская часть, хотя докторовъ и фельдшерскихъ пунктовъ, все-таки, мало. Изъ пяти докторовъ (одинъ уѣздный), четыре тамъ люди молодые, очень дѣятельные и буквально ни съ кого не берущіе ни гроша; аптека также земская и все отпускаетъ безплатно, взыскивая только 5 коп. съ каждаго рецепта, т. е. съ каждаго отпуска лѣкарствъ, хотя бы нѣкоторыя изъ нихъ стоили нѣсколько рублей. Какъ посравнишь все это съ такими чиновничьими палестинами, какъ, напримѣръ, здѣшній округъ (письмо изъ Сибири), такъ и увидишь всю огромную разницу между чиновничьею и зем-

скою дѣятельностью, какъ бы послѣдняя ни была плоха и узка. Тутъ положительно нельзя хворать,—такъ дороги доктора и аптека,—а въ деревнѣ и подавно, потому что тамъ и доктора никогда не увидишь. Изъ двухъ докторовъ одинъ только и дѣлаетъ, что по мертвымъ тѣламъ ѣздитъ вскрытіе производитъ, а другой постоянно въ городѣ живетъ...» Упрекъ мнѣ совершенно справедливый, но что же дѣлать мнѣ и вообще всякому другому русскому публицисту при нашихъ условіяхъ гласности? Кромѣ вятскаго, есть еще много и другихъ земствъ, у которыхъ и пожарная и медицинская, и школьная части устроены очень хорошо, но развѣ о нихъ можно гдѣ нибудь найти хоть одно печатное слово? Развѣ собираніе свѣдѣній о Россіи у насъ организовано, развѣ есть у насъ такой органъ, въ которомъ бы давались точные и подробные отчеты о внутреннихъ и земскихъ дѣлахъ? Земства, правда, издаютъ свои постановленія, но какъ ихъ добыть обыкновенному смертному? Да если бы обыкновенный смертный ихъ и досталъ, онъ, все-таки, едва ли бы ихъ одолѣлъ и пришелъ бы къ какимъ-нибудь точнымъ и опредѣленнымъ итогамъ. Каждое земство пишетъ у насъ отчеты и доклады по-своему, а есть и такія управы, которыя никакихъ отчетовъ земскому собранію не представляютъ. А при разнообразныхъ регистраціяхъ ни о какихъ общихъ итогахъ не можетъ быть и разговора. Напримѣръ, о земскихъ школахъ однѣ управы даютъ въ отчетахъ очень подробныя свѣдѣнія, такъ что вы узнаете даже, гдѣ каждый учитель или учительница окончили свое образованіе; другія же даютъ только огульную цифру школъ и расходовъ на нихъ и считаютъ это вполнѣ достаточнымъ. Центральнаго земскаго органа у насъ нѣтъ, откуда же явиться земскому единству и на чемъ и какъ столковаться земцамъ? Попытки къ организаціи единообразія въ усиліяхъ, задачахъ и способахъ земской дѣятельности не имѣли до сихъ поръ никакого результата, да, по всей вѣроятности, скоро его и не достигнутъ. И вотъ и земская, и неземская Россія живетъ отгороженными кутками и каждый кутокъ варится въ своемъ собственномъ соку, не вѣдая, какъ варится его сосѣдъ. Какими же знаніями при такихъ средствахъ отечествовѣдѣнія можетъ владѣть наше общество, на которое извѣстная часть печати возлагаетъ отвѣтственность за всѣ неустройства, если отечество отъ общества спрятано и если оно не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ это отечество живетъ? Что же мудренаго, что наша тенденціозная печать не только играетъ общественнымъ невѣдѣніемъ, какъ фокусникъ шарами, но еще и старается совсѣмъ завязать обществу глаза и заткнуть уши, чтобы затѣмъ лѣпить изъ него, какъ изъ воска, какія нужно фигурки? Именно такою игрой и занимается теперь эта часть печати въ вопросѣ о народномъ образованіи, въ пользѣ котораго усомнился г. Эртель.

Въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ «Кіевлянинъ» сообщалъ, въ видѣ коротенькаго извѣстія, что министерство народнаго просвѣщенія собираетъ свѣдѣнія о томъ, какія необходимы измѣненія въ программѣ учительскихъ семинарій, чтобы сельскія школы могли имѣть вполнѣ подготовленныхъ учителей для преподаванія ремеслъ и общеполезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній. Вмѣстѣ съ этимъ сельскія школы предполагается приспособить къ мѣстнымъ условіямъ, такъ что въ одной школѣ можетъ преподаваться, какъ спеціальный предметъ, огородничество или садоводство, а въ другой—столярное или сапожное ремесло и проч., смотря по мѣстнымъ требованіямъ. Что же, мысль прекрасная и ее остается только одобрить. Но «Кіевлянину» было нужно другое и въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ онъ разразился въ передовой статьѣ цѣлою филиппикой противъ земскихъ школъ. Чтобы сохранить цвѣтъ и ароматъ этой филиппики, я приведу главную ея часть цѣликомъ.

«Останавливаясь на этомъ новомъ теченіи въ сферѣ народнаго образованія и опредѣляя его значеніе,—говоритъ «Кіевлянинъ»,—намъ кажется, что осуществленіе вышеуказанной программы составитъ *цѣлую эпоху* въ жизни нашей народной школы, дастъ ей то твердое положеніе, какого она до сихъ поръ была совершенно лишена. Въ силу неисповѣдимыхъ судебъ наша народная школа еще недавно была поставлена въ столь ложное положеніе, что можно только удивляться, какъ до сихъ поръ это анти-народное искусственное насажденіе просвѣщенія не заглохло еще окончательно и не отбило у массы народа всякой охоты къ образованію. Преслѣдуя *ложно* (курсивъ «Кіевлянина») реалистическія цѣли, наша школа направила всѣ силы къ тому, чтобы порвать естественную связь ея съ церковью, а равно и съ жизнью, и наши педагоги вели обученіе народа такъ, что всѣ «знанія» (ковычки «Кіевлянина»), которыя давала школа, являлись *ни къ чему* (курсивъ опять «Кіевлянина») непригодными и должны были забываться совершенно; все, что получили воспитанники такихъ школъ,—это льготу по отбытію воинской повинности, да и то лишь въ такомъ случаѣ, если не опускалось время и ученикъ не успѣлъ превратиться въ совершенно безграмотнаго. Съ изданіемъ закона о церковно-приходскихъ школахъ въ системѣ народнаго образованія былъ пополненъ крупный пробѣлъ и религіозно-нравственному просвѣщенію народа дано надлежащее мѣсто. Но это лишь одна сторона дѣла. Народную школу необходимо поставить такъ, чтобъ она, въ то же время, служила *экономическимъ* (курсивъ «Кіевлянина») пользамъ и нуждамъ массы населенія, была *реально связана съ потребностями жизни и удовлетворяла ихъ* (курсивъ «Кіевлянина»). Эта вторая задача и будетъ достигнута со введеніемъ преподаванія въ народныхъ школахъ общеполезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній и ремеслъ».

И такъ, оказывается, что измѣненіе въ программѣ учительскихъ семинарій составитъ *цѣлую эпоху* въ жизни нашей народной школы;

что законъ о церковно-приходскихъ школахъ пополнилъ крупный пробѣлъ и религіозно-нрав-

ственному просвѣщенію народа дано надлежащее мѣсто;

что теперешняя (читай земская) школа была поставлена въ ложное положеніе и удивительно, какъ она еще окончательно не отбила у народа охоты къ ученью;

что земская школа стремилась порвать естественную связь народа съ религіей и жизнью;

что знанія, которыя она давала, являлись ни къ чему непригодными и должны были забываться совершенно.

Уже одного обвинительнаго пункта, что школа разрывала «естественную связь народа съ религіей и жизнью», было бы совершенно достаточно, чтобы закрыть всѣ земскія школы. Отчего же онѣ оказываются не только не закрытыми, но и растутъ ежегодно? На этотъ вопросъ даетъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ самъ «Кіевлянинъ», добросовѣстно оговорившій, до перечисленія обвинительныхъ пунктовъ: «намъ кажется». Именно почтенному «Кіевлянину» все это только показалось. Но если это такъ, если «Кіевлянинъ» сознавалъ, что ему это только кажется, зачѣмъ же онъ пользуется невѣдѣніемъ читателя и говоритъ такъ утвердительно о вещахъ, ему точно неизвѣстныхъ? Во всякомъ случаѣ въ этомъ «кажется» заключается самое безобидное объясненіе тѣхъ обвиненій земской школы, которыя приходится встрѣчать въ газетахъ и выслушивать въ земскихъ собраніяхъ отъ людей, хотя и считающихъ себя земцами, но не знающихъ ни земскихъ дѣлъ, ни не умѣющихъ думать по-земскому. А эти господа, благодаря слабому протесту противъ нихъ со стороны земства, уже не первый годъ высказываютъ совершенно безнаказанно такія вещи, которыхъ они при иныхъ условіяхъ высказывать бы устыдились. «Зачѣмъ намъ народное образованіе, на которое уходятъ десятки тысячъ ежегодно земскихъ денегъ, а пользы и на грошъ нѣтъ? — говорилъ на аткарскомъ земскомъ собраніи нынче, въ октябрѣ, гласный Гардеръ.— Образованіе народа приноситъ одинъ лишь вредъ! Деревенскіе ребята въ школахъ научаются безнравственности и невѣрію въ Бога. Учениковъ въ школахъ учатъ не закону Божію, а тому, что у коровы спереди есть голова, а сзади... хвостъ. Грустно!.. Пора это зло пресѣчь! Закрыть надо школы, уничтожить! Пусть попы да дьячки учатъ народъ грамотѣ! Они научатъ народъ чему нибудь хорошему!» Съ меньшимъ числомъ знаковъ восклицанія, но такъ же убѣдительно, говорилъ на курскомъ собраніи на ту же тему гласный Анненковъ: «Пора земству отказаться отъ обыкновенія строить зданія для школъ стоимостью въ 2—3 тысячи рублей; не нужны въ школахъ глобусы, ландкарты: расходы на все это не только не полезны, но даже вредны. Образованіе же только приноситъ населенію вредъ, развращаетъ крестьянъ. На что, напримѣръ, употребляютъ свои знанія волостные и сельскіе писаря, какъ не на вредъ населенію? Продуктомъ образованности въ деревнѣ являются, кромѣ писарей, кабатчики, кулаки, аблакаты и прочіе пройдохи. Просвѣщеніе портитъ крестьянское юношество, которое не почитаетъ теперь родителей, забыло посѣщать церкви, пьянствуетъ». «Одесскій Вѣстникъ» говоритъ, что этотъ же самый г. Анненковъ, два года тому назадъ, доказывалъ въ земскомъ собраніи, что для бѣдняковъ должны быть организованы особыя школы, въ которыхъ фабриковались бы расторопные лакеи и ловкія горничныя.

«Любопытно бы знать,—замѣчаетъ «О. В.»,— какая школа фабриковала самого г. Анненкова?»

И въ этомъ замѣчаніи газеты меньше всего ироніи. Оно напоминаетъ другое замѣчаніе, сдѣланное по поводу «нашихъ самоучекъ» («Рус. М.», кн. VII). Съ извѣстнымъ Слѣпушкинымъ былъ такой случай. Встрѣчается съ нимъ какой-то незнакомецъ и для поправленія его денежныхъ обстоятельствъ даетъ ему 700 р. И когда Слѣпушкинъ полюбопытствовалъ узнать имя великодушнаго человѣка, тотъ ему отвѣтилъ: «На что тебѣ меня знать,—вѣдь, я тебя знаю», ссудилъ, да болѣе и не показывался. На какой почвѣ возникъ этотъ великодушный человѣкъ? — спрашиваетъ авторъ. Откуда и въ самомъ Слѣпушкинѣ то, что, обзаведясь кирпичнымъ заводомъ, онъ сталъ для рабочихъ вторымъ отцомъ, кормильцемъ, совѣтникомъ, судьею, заботливымъ попечителемъ о больныхъ? Откуда это, что онъ всегда совѣстился притѣснять своихъ должниковъ и, встрѣтивъ кого-нибудь изъ нихъ, обыкновенно показывалъ, что не замѣчаетъ, потому что по опыту зналъ, какъ тяжело встрѣчаться съ заимодавцемъ. Отчего, въ самомъ дѣлѣ,— спрашиваетъ авторъ статьи, — одинъ и тотъ же нашъ народный міръ поражаетъ, въ одно и то же время, и самоотверженнаго мірянина, и міроѣда? Въ самомъ дѣлѣ, какая школа создаетъ подобныя крайности не только въ деревнѣ, но и въ земствѣ и гдѣ хотите, на какой почвѣ возникаютъ такія дикія понятія, что образованіе приноситъ вредъ, а просвѣщеніе портитъ, что школы нужно закрыть, какъ этого требуютъ гг. Гардеръ и Анненковъ? На какой почвѣ возникла вражда противъ земства? Да все на почвѣ того же самаго невѣжества, которое питается неудовлетворительной организаціей образованія, слабыми средствами просвѣщенія, а больше всего слабыми возможностями для борьбы въ самой жизни, въ повседневной ея практикѣ, съ этимъ невѣжествомъ, такъ гордо и самоувѣренно поднявшимъ теперь свою голову и не только безстыдно рисующимся своимъ цинизмомъ, но и являющимся силою, имѣющею власть вязать и разрѣшать. Г. Гардеръ, напримѣръ, вызвалъ на аткарскомъ собраніи «чрезвычайно шумныя пренія», потребовалось его опровергать, потребовалось представлять доказательства, что онъ говоритъ вздоръ. Въ защиту народнаго образованія выступили четыре гласныхъ: А. Сафоновъ, Котовъ, Садовниковъ и Гарцуевъ, которые доказали, что народное образованіе въ уѣздѣ находится въ очень хорошемъ состояніи, что народъ относится къ школамъ съ большою симпатіей и не жалѣетъ на нихъ послѣднихъ грошей. На предложенный предсѣдателемъ вопросъ: «желаетъ ли собраніе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, ассигновать на народное

образованіе 18,000 рублей?» — собраніе отвѣтило утвердительно.

Зачѣмъ же г. Гардеръ и его сторонники поднимали весь этотъ шумъ? Зачѣмъ приходилось спорить и доказывать вновь то, что было еще доказано при Ломоносовѣ? Зачѣмъ люди, неимѣющіе умственнаго ценза, допускаются къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ? А что люди безъ умственнаго ценза стали выдвигаться теперь въ качествѣ Демосѳеновъ, въ этомъ много повинна такъ называемая консервативная печать. Посмотрите, какимъ развѣтвленнымъ потокомъ разливается по Россіи... ну хотя бы извѣстный родникъ, бьющій въ Москвѣ. «Московскія Вѣдомости» читаются, конечно, высшею консервативною интеллигенціей, но за ними выступаетъ цѣлый рядъ провинціальныхъ газетъ, оффиціозныхъ, полуоффиціозныхъ, даже и со всѣмъ неоффиціозныхъ, какъ «Кіевлянинъ», «Варшавскій Дневникъ», «Виленскій Вѣстникъ», «Волынь», «Кавказъ», «Новороссійскій Телеграфъ», которые текутъ по провинціи ручейками того же цвѣта и утоляютъ жажду любознательнаго читателя все тою же водой. За этими претендующими на большую серьезность и основательность органами выступаютъ частью приспѣшники «Московскихъ Вѣдомостей», какъ «Южный край» и «Лучъ», а частью мелкіе органы «вольной печати», разсчитывающіе на провинціальныхъ дешевыхъ подписчиковъ — «Нива», «Свѣтъ», «Иллюстрированный Міръ», «Всеобщая Газета», «Волга», «Радуга», «Вокругъ Свѣта», набирающіе своихъ читателей между сельскимъ и городскимъ духовенствомъ, мелкими купцами и приказчиками, небогатыми землевладѣльцами, управляющими, кабатчиками, волостными писарями и т. п. малоразвитою и нетребовательною публикой. Что же мудренаго, что избиратель, начитавшійся г. Окрейца («Лучъ») или «Южнаго Края», выбираетъ въ гласные людей того высокаго умственнаго ценза, какъ гг. Гардеръ или Анненковъ; а эти въ свою очередь превращаютъ земскія собранія въ приготовительный классъ общественности или въ арену общественныхъ недоразумѣній? Но нужно быть, однако, справедливымъ и къ гг. Гардеру и Анненкову. Какъ же имъ не высказывать своихъ мыслей, когда даже такіе солидные представители провинціальной печати, какъ «Кіевлянинъ», думаютъ о земскихъ школахъ совершенно такъ же? Вотъ мы и опять подошли къ школѣ и теперь отъ нея уже не отойдемъ.

И такъ, земскую народную школу обвиняютъ и прогрессисты извѣстнаго оттѣнка, и консерваторы. Прогрессистовъ школа не удовлетворяетъ потому, что не даетъ этическихъ идеаловъ и одна грамотность безсильна бороться противъ безшабашнаго кулачества; газетные консерваторы находятъ, что школа стремится порвать естественную связь народа съ религіей и жизнью, а консерваторы-практики, черпающіе руководящія идеи къ исполненію изъ консервативныхъ газетъ, уже совсѣмъ и не думая, оглашаютъ воздухъ кличемъ: «Долой школы! Пускай попы да дьячки учатъ народъ грамотѣ». Посмотримъ же, что говорятъ факты и даютъ ли они основаніе только къ этимъ выводамъ или къ какимъ-нибудь другимъ.

Исторія нашей народной школы коротка. До Петра Великаго у насъ была школа церковная (какъ и все тогдашнее образованіе), т.-е. тамъ и здѣсь,—и ужь, разумѣется, не въ деревняхъ,—учила дѣтей церковной грамотѣ, потому что другой и не было, да молитвамъ. Петръ вводитъ гражданскую азбуку и создаетъ школу профессіональную, потому что ему были нужны знающіе люди. Но «посадскіе люди» съ ужасомъ смотрѣли на всѣ эти цифирныя, военныя, навигацкія и разноязычныя школы и просили царя ихъ отъ школъ освободить, что Петръ и сдѣлалъ. Затѣмъ вплоть до царствованія Императора Николая о народной т.-е. деревенской, мужицкой школѣ ничего не слышно; правительство заботилось лишь о среднемъ и высшемъ образованіи и до деревни не доходило. При Императорѣ Николаѣ, и въ особенности съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, начинаются въ казенныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ заводиться школы, въ которыхъ деревенскихъ мальчишекъ учили, обыкновенно силкомъ, грамотѣ. Эти школы и тогда назывались «бумажными», т.-е. объ нихъ писалось въ отчетахъ одно, а въ дѣйствительности было другое: народъ этихъ школъ не любилъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на своего рода рекрутчину. Надо было измѣниться всѣмъ условіямъ народной жизни, чтобы школы стали дѣйствительно потребностью, и это измѣненіе явилось съ освобожденіемъ крестьянъ и съ возникновеніемъ земства. Вотъ когда, наконецъ, не только наступила пора народной школы, но явилась и дѣйствительная школа.

Дореформенныя школы, доставшіяся въ наслѣдство земству, едва ли даже и можно было считать школами. Помѣщались онѣ Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ какъ, и учили ихъ грамотѣ по Домострою всякіе учителя—и отставные солдаты, и дьячки, и дворовые, и пьяные, и трезвые. Достались въ наслѣдство земству и церковно-приходскія школы, помѣщавшіяся тоже кое-гдѣ и кое-какъ, то въ сторожкѣ при церкви, то у дьячка; учебныхъ средствъ почти никакихъ не было, ни азбуки, ни книгъ для чтенія, и вся грамота сводилась къ механическому чтенію по букварямъ да церковнымъ книгамъ.

И вотъ точно чудомъ какимъ-то свершается нѣчто невиданное и небывалое. Вопросъ о народномъ образованіи становится общимъ вопросомъ, надъ нимъ задумывается не земство только, а лучшіе люди Россіи; прежняя Россія, никогда и не слыхавшая объ ученыхъ педагогахъ, о методахъ и педагогіи, тутъ внезапно, неизвѣстно откуда, точно изъ земли, создала рядъ даровитыхъ, знающихъ и фанатически преданныхъ дѣлу народнаго образованія писателей, воспитателей, учителей, создавшихъ никогда еще не слыханную въ Россіи педагогію и установившихъ народную школу на научныхъ основахъ. Въ исторіи народной школы имена ея первоучителей и организаторовъ, какъ

Ушинскій, Водовозовъ, Максимовичъ, Столпянскій, Золотовъ, баронъ Косинскій, баронъ Корфъ, Студитскій, Кочетовъ, Блиновъ, Тихоміровъ—сохранятся навѣчно. Я перечислилъ далеко не всѣхъ изъ посвятившихъ себя народному образованію и масса ихъ служитъ лучшимъ показателемъ силы того движенія, которое овладѣло образованными людьми въ пользу народнаго образованія.

Движеніе это было вполнѣ сознательное и люди отлично понимали, въ чемъ заключаются ихъ цѣли и задачи и какія трудности лежатъ имъ на пути. Нужно было создавать все вновь, потому что предъидущая школа (если только школой можно назвать то, что было) давала лишь отрицательныя указанія. Работа была большая и трудная, и не только для обыкновенной публики, но, пожалуй, и для земцевъ не всегда понятная. Только тѣ, кто стоялъ у самаго дѣла, могутъ оцѣнить вполнѣ тотъ, повидимому, мелочной, но, въ сущности, гигантскій трудъ, который вынесли на своихъ плечахъ творцы нашей народной школы. Они должны были и дѣлать и передѣлывать, учить и сами учиться. Для этого было мало одной энергіи,—требовалась страстная любовь къ дѣлу, извѣстная настойчивость и даже упрямство въ достиженіи цѣли. Двигалъ людьми не казенный формализмъ, не служебная исполнительность, а та благородная, одушевляющая сила, которая зовется искрой Божіей. И, можетъ быть, ни на какомъ другомъ поприщѣ жизнь не выдвинула столько беззавѣтныхъ энтузіастовъ, которые, несмотря ни на какія лишенія, толчки и непріятности всецѣло охваченные любовью къ ближнему, отдавали всѣ свои силы, чтобы внести свѣтъ въ темный міръ заброшенной русской деревни. Это не фразы! Я не пишу исторію народной школы (а ее долженъ бы кто-нибудь написать, и именно теперь, когда еще свѣжо впечатлѣніе перваго труда и когда еще живы тѣ, кому первымъ пришлось пробивать пути, класть первые камни этого будущаго зданія, да отвоевывать подъ нею каждый вершокъ земли, борясь съ окружающимъ невѣжествомъ и непониманіемъ), — я хочу только показать читателю, насколько неправды, и именно теперь, говорится и пишется объ одномъ изъ лучшихъ нашихъ дѣлъ. Чтобы читатель самъ убѣдился въ этомъ, я въ видѣ схемы народнаго обученія въ земскихъ школахъ представлю ему тѣ результаты, которые были выяснены на первомъ съѣздѣ учительницъ-семинарокъ земской учительской школы П. П. Максимовича въ Твери, въ августѣ 1883 года. Эти итоги будутъ и живою картиной самой земской школы, какою она является теперь.

Первоначальное обученіе грамотѣ ведется, во всѣхъ безъ исключенія школахъ, по звуковому методу. Это кропотливое дѣло требуетъ большаго вниманія и терпѣнія. Самое большое затрудненіе испытываютъ дѣти при первыхъ опытахъ слiянія звуковъ по разрѣзнымъ буквамъ; дѣти не могутъ догадаться, какъ связать звуки вмѣстѣ, какъ прочитать двѣ буквы сразу, и всегда произносятъ каждый изъ двухъ звуковъ отдѣльно (*мъ—а*). Для устраненія этого затрудненія, учительница или учитель заставляетъ тянуть первый звукъ, а потомъ сразу прибавить къ первому звуку второй. Но и этотъ пріемъ очень часто не уменьшаетъ затрудненія, и учительницѣ нерѣдко приходится самой подсказывать произношеніе слога. Затрудненія эти продолжаются, приблизительно, во время изученія перваго десятка буквъ. Не мало затрудняетъ дѣтей и сліяніе согласныхъ звуковъ съ мягкими гласными. Дѣти произносятъ мягкій гласный звукъ или твердо (*ма*, вмѣсто *мя*), или вмѣсто *я* произносятъ *ъя* (*мъя*). Послѣ того, какъ дѣти познакомятся съ первыми 10—15 буквами, имъ выдаются книжки (не вездѣ, правда). Дѣти этому ужасно рады, да довольны и родители, которыхъ обыкновенно особенно интересуютъ первые успѣхи обученія ребенка.

Дѣти при поступленіи въ школу говорятъ такъ, какъ они научились говорить въ семьѣ, а потому ихъ языкъ отличается всѣми тѣми неправильностями, какія существуютъ въ мѣстномъ говорѣ. Школа должна исправить этотъ недостатокъ, т.-е. то, что дѣйствительно неправильно въ мѣстномъ языкѣ, и научать учениковъ понимать общелитературный языкъ, какимъ пишутся книги. Это дѣло и трудное, и деликатное и, къ сожалѣнію, не дающее прочныхъ результатовъ, ибо ребенокъ слышитъ общепринятый литературный языкъ только въ школѣ, а затѣмъ и до школы, и послѣ школы, и во всю жизнь его окружаетъ мѣстный говоръ. Учителя думаютъ, что замѣтное вліяніе школы и книги на мѣстный языкъ скажется только черезъ нѣсколько поколѣній, прошедшихъ послѣдовательно черезъ школу. Исправленіе говора дѣтей должно дѣлаться умѣло и осторожно, чтобы въ ребенкѣ не явилось чувства пренебреженія къ крестьянскому языку и къ тѣмъ, кто имъ говоритъ, чтобы ребенокъ не заважничалъ, чтобы въ немъ не явилось желаніе щеголять словами и оборотами, которыхъ онъ, пожалуй, даже и не совсѣмъ понимаетъ. Это дѣло требуетъ тѣмъ большей осторожности, что народный языкъ питаетъ языкъ литературный и служитъ его главнымъ источникомъ. Да, кромѣ того, есть много словъ, не заключающихъ въ себѣ никакого дурнаго смысла, но которыя не употребляются въ литературномъ языкѣ только потому, что *не принято* такъ говорить. Графъ Л. Толстой употребляетъ въ своихъ народныхъ разсказахъ слова: кобыла, портки и т. п., не принятыя въ литературной рѣчи. И, конечно, удерживаніе дѣтей отъ подобныхъ словъ принесетъ только вредъ, потому что дѣти станутъ доискиваться причины и могутъ приписать этимъ словамъ такой смыслъ, какого въ нихъ вовсе нѣтъ. Народная школа переводитъ теперь ученика постепенно отъ народнаго языка къ языку общелитературному и при этомъ исходною точкой отправленія въ обученіи языку, первою ступенью въ послѣдовательномъ умственномъ развитіи учащихся служитъ народный языкъ, слѣдующею ступенью служатъ: языкъ народной сказки, пѣсни и пословицы, а высшею является языкъ литературный.

Когда дѣти выучатся читать слова и предло-

женія, имъ даютъ читать коротенькія повѣствованія и разсказы, представляющіе развитіе какой-либо одной основной мысли. Статьи описательнаго характера въ этотъ періодъ обученія мало доступны дѣтямъ и читаются ими съ большимъ трудомъ. Сказки, забавные анекдоты, шутки и прибаутки, скороговорки, пѣсенки и т. п. хотя и охотно читаются дѣтьми, но встрѣчаютъ полнѣйшее неодобреніе и даже порицаніе со стороны родителей, и потому ихъ въ школѣ не читаютъ.

Обыкновенный способъ разработки статей заключается въ слѣдующемъ: статья читается вся сразу и два или три раза—механически и при этомъ исправляютъ ошибки учениковъ въ выговорѣ и произношеніи словъ, въ интонаціи чтенія предложеній и проч. Послѣ механическаго прочтенія дѣлается разборъ статьи по частямъ, причемъ объясняются дѣтямъ незнакомыя слова и выраженія, переспрашиваютъ прочитанное, а потомъ дѣти передаютъ своими словами содержаніе прочитаннаго отрывка. Такъ читается статья до конца. Въ концѣ статьи выводится главная мысль, и дѣти пересказываютъ содержаніе всей статьи.

Съ чтеніемъ басенъ дѣло идетъ труднѣе: въ нихъ сбиваетъ дѣтей вымышленная форма. Поэтому дѣтямъ нужно сначала прочесть басню и растолковать имъ прямой ея смыслъ, а потомъ уже смыслъ переносный. Примѣненіе дѣйствій и поступковъ животныхъ къ дѣйствіямъ и поступкамъ человѣка—очень трудная работа для дѣтей; басенные образы въ воображеніи дѣтей берутъ всегда перевѣсъ надъ объясненіями этихъ образовъ учителемъ.

Дѣти очень охотно заучиваютъ наизусть стихотворенія, но родители деревенскихъ дѣтей въ большинствѣ случаевъ относятся къ занятію не одобрительно. Такъ же не одобряетъ народъ сказки и пѣсенки; онъ считаетъ чтеніе сказокъ бездѣльемъ, и, дорожа временемъ, требуетъ, чтобы школа учила ребенка только «дѣлу». Поэтому, несмотря на то, что сказка можетъ служить прекраснымъ воспитательнымъ матеріаломъ и вообще нравиться дѣтямъ, потому что соотвѣтствуетъ вполнѣ той ступени развитія, на которой стоятъ дѣти, приходится иногда дѣлать уступку родителямъ и пользоваться сказкой только для внѣкласснаго чтенія.

Чтеніе есть основа школы, ея главный развивающій элементъ въ области умственной и нравственной, сообразно этому и статьи, избираемыя для чтенія, дѣлятся: на статьи, заключающія въ себѣ естественно-историческія, географическія и историческія свѣдѣнія (описанія и разсказы) и образцово-литературныя произведенія и статьи религіознаго и нравственнаго содержанія, развивающія и облагораживающія преимущественно чувства (басни, стихотворенія, повѣсти, разсказы и проч). Совершенно справедливо замѣчаетъ одна изъ учительницъ (г-жа Боркова), что разумно направленнымъ чтеніемъ можетъ быть исчерпана почти вся задача современной народной школы.

Какъ примѣръ вліянія задушевныхъ разсказовъ на чувство дѣтей, г-жа Боркова указываетъ на сказку, напечатанную въ «Игрушечкѣ»—*Откуда взялся ландышъ*. «Одна старушка возвращалась отъ обѣдни съ своимъ внучкомъ Яшей; ихъ окружила толпа нищихъ; Яша, пораженный картиной бѣдности, спросилъ у бабушки: «почему такъ много несчастныхъ на свѣтѣ?» Старушка ему отвѣтила, что жилъ на свѣтѣ злой старый колдунъ, онъ спряталъ людское счастье въ сундукъ и унесъ далеко въ лѣсъ. Съ тѣхъ поръ стало много горя въ людяхъ. Охваченный чувствомъ состраданія и любви, Яша все думалъ, какъ отыскать счастье людямъ. Позднею ночью онъ уходитъ въ лѣсъ на поиски. Идетъ день, другой, заходитъ далѣе, а счастья все нѣтъ. Усталый, онъ падаетъ подъ сосенкой и плачетъ. Слезы его капаютъ на зеленую травку, на землю, и оттуда поднимаются ландыши, такіе же бѣлые и чистые, какъ чисты были его слезы, желанія и любовь». Сказка эта произвела глубокое впечатлѣніе на дѣтей; они заставляли ее перечитывать, задумывались и даже дѣлали свои замѣчанія по поводу Яшиной жалости къ людямъ. Этотъ фактъ даетъ поводъ г-жѣ Борковой сдѣлать такой выводъ. Крестьянскій ребенокъ очень рано начинаетъ вести почти самостоятельную жизнь внѣ нравственнаго вліянія матери. Вся ушедшая въ заботу дня, крестьянская мать мало имѣетъ времени думать о дѣтяхъ, а если и ласкаетъ ихъ, разсказываетъ что-нибудь, то урывками и между дѣломъ. А, между тѣмъ, сплошь и рядомъ, дѣти бываютъ окружены фактами грубаго насилія и несправедливости, перевѣса физической силы надъ нравственною и въ этой обстановкѣ быстро грубѣютъ и дѣлаются безчувственными. Поэтому школа, по мнѣнію г-жи Борковой, должна, насколько возможно, замѣнить крестьянскому ребенку недостающее ему умягчающее вліяніе матери, ввести его въ свѣтлый міръ добрыхъ чувствъ, человѣчности, правды и любви. Но отвѣчаетъ ли этимъ требованіямъ учебный матеріалъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи современная народная школа? При классномъ чтеніи обыкновенно употребляются книги для чтенія Паульсона, Водовозова, Ушинскаго, Толстаго и «Родина» Радонежскаго. Въ массѣ начальныхъ училищъ нѣтъ библіотекъ для внѣкласснаго чтенія, а если онѣ и попадаются иногда, то составленныя случайно, безъ системы, и потому не имѣютъ никакого значенія для нравственнаго и умственнаго развитія дѣтей. Перечисленные же выше авторы тоже не удовлетворяютъ вполнѣ. Паульсонъ погрѣшаетъ нравоученіями и натяжками добродѣтельныхъ чувствъ и потому не производитъ на дѣтей настоящаго впечатлѣнія. Водовозовъ иногда не интересенъ и сухъ; Толстой нравится дѣтямъ больше Паульсона и Водовозова, но за то ни Радонежскій, ни Толстой не даютъ дѣтямъ знаній и заботятся только о развитіи чувства и воображенія. По отношенію къ передачѣ полезныхъ знаній преимущество опять на сторонѣ Водовозова и Ушинскаго. Эти особенности каждаго изъ авторовъ заставляютъ учителей строго относиться къ каждому изъ нихъ и дѣлать изъ статей для чтенія выборъ, наиболѣе соотвѣтствующій задачамъ воспитанія. Но этого мало. Сухое изложеніе статей, дающихъ знаніе, принуж-

даетъ учителей прибѣгать къ устнымъ бесѣдамъ, которыя, какъ замѣчено, дѣйствуютъ гораздо сильнѣе на умъ и воображеніе дѣтей, чѣмъ чтеніе. И это понятно: книга сама по себѣ, все-таки, мертвая буква и требуетъ значительно усиленной работы воображенія и способности умозаключенія со стороны чтеца, а все это нужно ребенку еще пріобрѣсти. И, тѣмъ не менѣе, учителя пользуются бесѣдами, какъ вспомогательнымъ средствомъ, и книгѣ дается преобладающее значеніе, какъ единственному источнику для самообразованія дѣтей въ будущемъ.

Кромѣ классныхъ занятій въ школахъ, гдѣ представляется для того возможность, ведутся съ учениками внѣ классныя чтенія. Но это возможно лишь въ тѣхъ не многихъ школахъ, гдѣ всѣ ученики живутъ вблизи школы или гдѣ дѣти остаются для ночлега. Чтеніе въ такихъ случаяхъ имѣетъ классный повторительный характеръ. Читаетъ или учительница, или же сами дѣти по очереди. Къ сожалѣнію, большая часть школъ крайне бѣдны книгами для самостоятельнаго внѣ класснаго чтенія учениковъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ни въ одной школѣ нѣтъ никакихъ книгъ, кромѣ учебныхъ, и лишь въ немногихъ школахъ есть по нѣскольку названій богослужебныхъ книгъ (Псалтырь, Часословъ), житій святыхъ, дешевыхъ историческихъ, естественно-историческихъ и географическихъ брошюръ.

Обученіе церковно-славянскому чтенію начинается во всѣхъ школахъ съ перваго же года и продолжается въ теченіе всего школьнаго курса. Дѣтей знакомятъ съ церковно-славянскою азбукой уже тогда, когда они пріучатся разбирать безъ труда слова и фразы гражданской печати. Имъ показываютъ только тѣ буквы, которыхъ нѣтъ въ гражданской азбукѣ, объясняютъ значеніе надстрочныхъ и строчныхъ знаковъ и тотчасъ же заставляютъ читать церковную печать. Дѣти разбираютъ церковно-славянскій текстъ безъ всякаго труда.

Главная задача обученія церковно-славянскому чтенію заключается въ томъ, чтобы довести дѣтей до умѣнья читать бѣгло церковно-славянскія книги и понимать читаемое.

Вслѣдствіе недостатка времени, упражненіе въ славянскомъ чтеніи ограничивается книгами новозавѣтными, преимущественно Евангеліемъ, церковными пѣснопѣніями и тѣми псалмами, которые чаще другихъ читаются во время богослуженія. Чтеніе начинается съ Евангелія не только потому, что оно понимается дѣтьми легче псалмовъ, но еще и потому, что нѣкоторые изъ учениковъ оставляютъ школу по окончаніи двухлѣтняго курса, и начать обученіе съ Псалтыря или Часослова значитъ лишать ихъ возможности познакомиться съ Евангеліемъ, основой и источникомъ всего христіанскаго ученія.

При церковно-славянскомъ чтеніи учитель не входитъ въ толкованія догматическія. Это—дѣло законоучителя.

Чтеніе наиболѣе понятныхъ евангельскихъ разсказовъ облегчаетъ значительно преподаваніе закона Божія. Такъ, когда священнику въ школѣ г-жи Борковой пришлось разсказывать о чудесахъ Спасителя послѣ чтенія ихъ съ учительницей по Евангелію, то дѣти въ одинъ голосъ закричали: «мы это знаемъ, мы читали».

Исторія суда, страданія и смерти Спасителя производитъ на дѣтей грустно-религіозное впечатлѣніе. «Помню, какъ однажды,—сообщаетъ г-жа Боркова,—когда передъ дѣтьми живо и ясно проходили картины суда, неистовства толпы, варварство стражи, домогательство фарисеевъ, и когда на этомъ ужасномъ фонѣ выступалъ свѣтлый ликъ Христа, полный любви, милосердія и всепрощенія,—дѣти были серьезны и сосредоточены. У многихъ на глазахъ навертывались слезы, а одна дѣвочка такъ и совсѣмъ заплакала и на вопросъ: «что съ ней?»—отвѣчала: «Христа жалко».

Совмѣстно съ чтеніемъ ведется во всѣхъ школахъ и обученіе письму. Оно не ограничивается однимъ механическимъ писаніемъ, а имѣетъ въ виду научить дѣтей правильно писать и излагать толково мысли. Наконецъ, дѣти обучаются и ариѳметикѣ. Говоря коротко, земская начальная школа стремится создать для деревни такихъ грамотныхъ людей, которые бы могли ясно понимать, что они читаютъ, сознательно считать, правильно писать и толково излагать свои мысли. Конечно, для большинства школъ это только идеалъ, котораго не всегда можно достигнуть по недостатку самыхъ необходимыхъ средствъ для преподаванія, т. е. по бѣдности школы и недостаточному вниманію къ ней тѣхъ, отъ кого зависятъ порядокъ и устройство школы. Поэтому-то на съѣздѣ и была избрана коммиссія, которой было поручено составить программу требованій отъ оканчивающихъ курсъ народной школы, выполнимую при самыхъ ограниченныхъ средствахъ школы.

Какое же отношеніе народа къ школѣ и какое вліяніе школы на дѣтей? «Съ глубоко-радостнымъ чувствомъ мы можемъ занести въ нашъ отчетъ,—говоритъ предсѣдатель съѣзда, засвидѣтельствованный сотнею изъ разныхъ губерній собравшихся учительницъ фактъ единства воззрѣній на основныя задачи семьи и школы, школьнаго ученія и воспитанія; если въ чемъ и встрѣчаются между школою и семьею несогласія, такъ въ выборѣ способовъ первоначальнаго ученія, въ выборѣ матеріала для первоначальныхъ классныхъ упражненій, но и эти несогласія постепенно сглаживаются и въ главномъ, въ существенномъ, школа съ перваго же дня своего рожденія идетъ рука объ руку съ семьею. Не менѣе отрадно,—говоритъ отчетъ,—и то воспитательное вліяніе, которое является результатомъ школьнаго ученія: сотни фактовъ свидѣтельствуютъ, что современная школа будитъ и развиваетъ духовныя силы, развиваетъ и укрѣпляетъ духовныя потребности къ дальнѣйшему умственному и нравственному развитію и, слѣдовательно, выполняетъ свою задачу».

Лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, крестьянинъ не требовалъ ничего больше, какъ того, чтобы его ребенокъ научился читать Часословъ и Псалтырь, и отдавали дѣтей въ ученье только болѣе за-

житочные. И теперь крестьянинъ требуетъ, чтобы школа научила дѣтей читать божественное, но онъ требуетъ еще, чтобы дѣти умѣли бойко и внятно прочитать и книгу гражданскую, прочитать и «протолковать бумагу», четко и складно написать письмо и сдѣлать выкладки на счетахъ. Между крестьянами все больше и больше развивается спросъ на грамотность и знаніе, спросъ этотъ создается развитіемъ жизни и такъ какъ земская школа отвѣчаетъ полнѣе всего этому вопросу, то и понятно, что крестьяне предпочитаютъ ее школамъ стариннаго образца. Въ «домашнія школы» съ учителемъ-дьячкомъ, отставнымъ солдатомъ и проч. крестьяне отдаютъ дѣтей только по необходимости, когда вблизи нѣтъ земской школы. Очень часто отъ такихъ учителей переводятъ дѣтей на годъ и на два въ земскія школы доучиваться. Даже раскольники поступаютъ такъ. И дѣти полюбили школу и учатся охотно безъ малѣйшаго принужденія.

Новой школѣ бываетъ трудно въ мѣстахъ глухихъ, гдѣ учителями были до этого отставные солдаты, грамотные мужики, гдѣ была въ ходу палка и линейка; въ такихъ мѣстахъ требуютъ старыхъ пріемовъ воспитанія и обученія. «Съ грустью нужно сознаться,—говоритъ отчетъ,—что защитниками старыхъ пріемовъ являются зачастую и священники». Вообще о законоучителяхъ мы находимъ въ отчетѣ такую замѣтку: «Всѣмъ извѣстно, что преподаваніе закона Божія, этого главнаго предмета, лежитъ на обязанности священника. Для всякаго понятно, сколько пользы можетъ принести священникъ школѣ своимъ нравственнымъ вліяніемъ и на дѣтей, и на родителей. Но, къ великому горю, не всегда такъ бываетъ...» Во всякомъ случаѣ учитель долженъ жить въ мирѣ со священникомъ потому, что послѣдній всегда можетъ навредить учителю. До сихъ поръ на учителя смотрятъ, какъ на вещь, которую можно всегда передвинуть и распорядиться ею, какъ хочется. И почти въ однихъ дѣтяхъ учитель находитъ нравственную опору; онъ на нихъ отдыхаетъ душою, на нихъ видитъ свое вліяніе, они одни въ деревенской и почти одинокой жизни учителя являются его друзьями. И это тоже не фразы!

Тамъ, гдѣ потребность въ грамотности настолько уже велика, что волостная и земская школа удовлетворить ей не можетъ, или же школа земская лежитъ слишкомъ далеко, крестьяне устраиваютъ домашнія школы, т. е. для обученія дѣтей нанимается крестьянами какой-нибудь грамотѣй—солдатъ, дьячокъ, грамотный мужикъ, черничка. Обыкновенная плата за выучку—отъ 3 р. до 5 р. Главное занятіе въ школахъ этого типа (старыя школы) заключается въ чтеніи преимущественно церковныхъ книгъ, Часослова и Псалтыря, рѣдко въ письмѣ (списываніе съ прописей) и въ счетѣ (нумерація). Дисциплина въ школахъ строгая и поддерживается побоями. Дѣти, поступающія изъ этихъ школъ въ школы земскія, отличаются послушною исполнительностью, робостью и скрытностью. Читаютъ они механически прекрасно, но не могутъ разсказать ничего изъ того, что прочитали и пишутъ они красиво, но только съ прописей. Школы эти, по мѣрѣ учрежденія земскихъ школъ, вымираютъ или отодвигаются дальше, или же замѣняются школами грамотности новаго типа—*отводками* земской школы, въ которыхъ учатъ кончившіе курсъ въ земской школѣ. Нѣсколько учениковъ изъ этихъ школъ явились на экзаменъ для полученія права на льготу четвертаго разряда, и вотъ какой отзывъ о нихъ далъ на съѣздѣ экзаменаторъ: по своей подготовкѣ ученики эти значительно уступаютъ окончившимъ курсъ въ земской школѣ: подъ диктовку пишутъ они хотя и довольно красиво, но малограмотно, читаютъ и разсказываютъ прочитанное хорошо, устно считаютъ порядочно, но съ ариѳметическими дѣйствіями знакомы не основательно.

Вотъ картина нашей земской школы; мнѣ къ ней прибавлять нечего,—читатель самъ увидитъ, насколько правдиво увѣреніе «Кіевлянина», что земская школа преслѣдуетъ *ложно* реалистическія цѣли и направила всѣ свои силы къ тому, чтобы порвать естественную связь народа съ церковью и жизнью, что знанія, которыя она даетъ, ни къ чему. Тутъ же читатель найдетъ отвѣтъ гг. Гардеру и Анненкову (которые, въ сущности, повторяютъ обвиненіе «Кіевлянина,» но только выражаются рѣзче), что учениковъ въ школахъ учатъ не закону Божію (не забудьте, что въ каждой школѣ есть законоучитель), а тому, что у коровы спереди голова, а сзади хвостъ, и что образованіе приноситъ населенію вредъ и развращаетъ крестьянъ.

По поводу предполагаемаго измѣненія въ программѣ учительскихъ семинарій, чтобы сельскія школы могли имѣть вполнѣ подготовленныхъ учителей для преподаванія ремеслъ и общеполезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній, вызвавшаго въ «Кіевлянинѣ» недостойный его солидарности шумный восторгъ (усмотрѣна была въ этомъ даже *цѣлая эпоха*), я приведу опять факты. На томъ же самомъ съѣздѣ, о которомъ была рѣчь, разсуждали и объ ученіи въ школахъ ремесламъ и было высказано вотъ что: ремесламъ въ школахъ не обучаютъ, и при настоящемъ короткомъ срокѣ курса обученіе ремесламъ было бы не желательно: занятія эти подорвали бы общеобразовательное значеніе школы. Кромѣ того, дѣти поступаютъ въ школу въ такомъ возрастѣ, когда еще не созрѣли для физическаго труда. На весьегонскомъ же съѣздѣ учителей въ 1882 г. (вотъ еще когда обсуждался этотъ вопросъ земскими учителями!) была признана и польза подобнаго обученія въ интересахъ народа и въ интересахъ школы, но было высказано рѣшительное мнѣніе противъ порученія обученія ремеслъ самимъ учителямъ (что именно и нравится «Кіевлянину»). Несомнѣнно, что обученіе ремескамъ въ народной школѣ принесетъ больше пользы, и мальчику, и его отцу, чѣмъ обученіе въ какой-нибудь мастерской. Но можетъ ли научить ремеслу школа, по крайней мѣрѣ, теперешняя, когда у нея нѣтъ для этого ни помѣщеній, ни средствъ, и когда на ремесла она можетъ удѣлить только два часа въ недѣлю? И кто будетъ учить ремесламъ? Учитель?

Но, прозанимавшись съ дѣтьми 6—7 часовъ, онъ нуждается въ отдыхѣ, а вечеромъ обязанъ прочитать десятка два-три, а иногда и болѣе, тетрадей самостоятельныхъ работъ и приготовиться къ работамъ слѣдующаго дня. Не нужно забывать еще, что сдѣлаться учителю мастеромъ совсѣмъ не такъ легко, и что люди, способные къ умственному труду, рѣдко имѣютъ «золотыя руки», какія нужны для мастера. Погнавшись за двумя зайцами, можно не поймать ни одного. Да и вообще вопросъ о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ и школахъ ремесленныхъ—вопросъ для земства не новый и онъ, конечно, можетъ разрѣшиться лишь учрежденіемъ отдѣльныхъ подобныхъ школъ, а не порученіемъ учителю, обучающему чтенію и письму, учить еще столярничанью и слесарничанью. Я, впрочемъ, не вдаюсь особенно въ этотъ вопросъ,—мнѣ хотѣлось только провѣрить «Кіевлянина» по поводу его шумнаго умиленія передъ наступающею, по его мнѣнію, «цѣлою эпохой».

Гораздо труднѣе разрѣшить вопросы и сомнѣнія г. Эртеля. Наша земская школа дѣлала несомнѣнно много, несомнѣнно много сдѣлали и тѣ, кто создалъ народную школу. Довольно сказать, что при прежней (до-земской) школѣ грамотности читать народу было нечего, кромѣ Часослова и Псалтыря, теперь же къ услугамъ школы и народа болѣе двухъ тысячъ названій. Все это создалось въ эти двадцать лѣтъ. Школъ всѣхъ около 30 т. и въ нихъ учащихся до 2 милліоновъ. Много? Нѣтъ, читатель,—такъ все это мало, что составляетъ лишь одну десятую часть дѣтей школьнаго возраста, а вмѣсто 30 тысячъ школъ, намъ нужно имѣть 300 тысячъ. Когда же это будетъ и когда всѣ дѣти школьнаго возраста пройдутъ черезъ школу? Дальше. Учителя нашихъ народныхъ школъ, какъ видѣлъ читатель, употребляютъ самыя энергическія и благородныя усилія, чтобы дать нравственно-умягчающее и умственно-просвѣщающее воспитаніе крестьянскимъ мальчуганамъ и достигаютъ, насколько позволяютъ обстоятельства, своей цѣли. Но, вѣдь, мальчуганъ вступаетъ въ школу всего 8—9 лѣтъ, а 12—13 лѣтъ онъ ее оставляетъ и вступаетъ въ дѣйствительную жизнь. Какова же эта жизнь, по крайней мѣрѣ, иногда, вы знаете изъ *Житницы* г. Эртеля. Ну, что мальчуганъ 12—13 лѣтъ, этотъ мышенокъ (какимъ бы его ни сдѣлала добродѣтельнымъ школа), можетъ подѣлать лицомъ къ лицу передъ тѣми, откормленными сырымъ мясомъ котами, которыхъ передъ ними выставитъ жизнь въ образѣ «дѣятелей», изображенныхъ гг. Эртелемъ и Португаловымъ? Добродѣтельнымъ мышатамъ не повернуть этой арміи котовъ, и, прежде чѣмъ одинъ изъ нихъ объ этомъ подумаетъ, онъ будетъ съѣденъ. Ясно, что рядомъ со школой нужно и еще кое-что, чего у насъ, очевидно, не достаетъ и что одно и поддержитъ благородныя усилія школы создать людей лучшихъ понятій. Это «нѣчто» создадутъ не проповѣдники эстетическихъ красотъ (котовъ никакою эстетикой не прошибешь), а лишь иныя возможности для болѣе справедливыхъ отношеній, которыхъ мы до сихъ поръ не имѣемъ и, несмотря на прожитую тысячу лѣтъ, еще не выработали.

Что же касается школы, или, точнѣе, земской народной школы, то, вѣдь, всѣ нападки на нее вродѣ тѣхъ, которыя я привелъ, совершенно пустыя слова. Теперешняя народная школа, какъ теоретическая и практическая система, есть цѣлое знаніе, надъ которымъ мыслящая Россія трудилась двадцать лѣтъ. Этого знанія и опыта не вычеркнешь ни почеркомъ пера, ни газетными статьями, и кто бы ни сталъ открывать школу, онъ обратится къ этому нашему единственному умственному фонду, въ которомъ только и можно найти руководящія указанія по народно-школьному дѣлу. Это, впрочемъ, знаетъ и самъ «Кіевлянинъ», которому поэтому я и посовѣтовалъ бы припомнить напечатанную у него въ 10 нумерѣ замѣтку «о засѣданіи совѣта законоучителей кіевскихъ городскихъ училищъ». Все, что говорилось отцами, напримѣръ, объ общихъ отношеніяхъ къ учащимся и вообще о постановкѣ школы, составляетъ давно извѣстную каждому сельскому учителю азбуку школьно-народной педагогики. Вѣдь, не станутъ же отцы доходить своимъ умомъ до того, до чего уже давно дойдено!

XIV.

Каждый годъ, какъ прежде, такъ и теперь, наши газеты подводятъ 1 января итоги году предъидущему. Но итоги эти (особенно прежде и теперь) очень не похожи другъ на друга. Послѣ Севастополя мы тоже подводили итоги, и при Петрѣ Великомъ подводили итоги, подвели итогъ еще и на ближайшей памяти. За непохожими другъ на друга итогами шли такіе же непохожіе слѣдствія, разнымъ образомъ отражавшіяся на нашей общественной и государственной жизни. О нашемъ послѣднемъ итогѣ дѣлаетъ интересное сообщеніе Аксаковъ.

Года четыре тому назадъ Аксакову удалось побесѣдовать съ однимъ «умнымъ и опытнымъ сановникомъ» по поводу «застоя», на который тогда громко жаловались въ особенности въ Петербургѣ и Москвѣ. «Печать, общество и даже бюрократы «помоложе», — говоритъ Аксаковъ, — заявляли требованіе на преобразованія, на смѣлую постановку и еще болѣе смѣлое разрѣшеніе вопросовъ, касающихся самыхъ существенныхъ сторонъ нашего государственнаго, политическаго, экономическаго и соціальнаго строя. Ложно или основательно подобное требованіе? Жалѣть или не жалѣть о застоѣ?»—спрашиваетъ Аксаковъ.

Умный и опытный сановникъ разрѣшилъ вопросы Аксакова такъ: «въ предъявляемомъ обществомъ требованіи нѣтъ собственно ничего серьезнаго, опредѣленнаго, насущно-нужнаго, потому что никакихъ такихъ «спѣшныхъ», «жгучихъ», «животрепещущихъ» вопросовъ вовсе и не имѣется. Потребность, выражаемая обществомъ, — по-

требность фальшивая. Оно просто избаловано двадцатью пятью годами непрерывныхъ реформъ, постоянно содержавшихъ его въ возбужденномъ состоянiи, постоянно волновавшихъ его болѣе или менѣе сильными ощущенiями. Какъ избалованный ребенокъ, которому ежедневно дарили новую игрушку и вдругъ прекратили подарки, оно, оставшись безъ новинокъ, просто *скучаетъ*. Необходимо, чтобы общество вышло изъ-подъ власти этого нервнаго, лихорадочнаго состоянiя, успокоилось, зажило по-будничному, и тогда жизнь съ своими очередными вопросами потечетъ сама собою, нормально и правильно».

Аксаковъ хотя и не согласился вполнѣ съ мнѣнiемъ сановника, но усмотрѣлъ въ немъ и «не малую долю правды». Аксаковъ, напр., находилъ, что реформъ у насъ было слишкомъ много, что, кромѣ нѣкоторыхъ крупныхъ, необходимыхъ реформъ, были и болѣе или менѣе ненужныя реформы, «вызванныя одною праздною манiей преобразованiя». Относительно же «нервности» Аксаковъ сдѣлалъ сановнику слѣдующее возраженiе: «Съ нервнымъ, вовсе непроизвольнымъ состоянiемъ общества нельзя не считаться. Врядъ ли его нервы могутъ быть успокоены бездѣйствiемъ власти, или, что почти одно и то же, дѣятельностью правительства, ограниченною одними очередными, такъ называемыми текущими дѣлами». Относительно крестьянской реформы Аксаковъ говоритъ сановнику: «Неужели думаете вы, что освобожденiе крѣпостныхъ крестьянъ, что реформа 19 февраля 1861 года такъ-таки и завершена вполнѣ, дѣло поконченное, отжитое, о которомъ докучаютъ нашей памяти одни лишь выкупные платежи? Да, она еще длится, и не можетъ не длиться. Это реформа больше, чѣмъ переворотъ, въ обыкновенномъ значенiи слова, это цѣлая революцiя, конечно, мирная, но, все-таки, революцiя. И мы до сихъ поръ обрѣтаемся въ революцiонномъ процессѣ, продолжаемъ испытывать на себѣ его дѣйствiе. Мы сорвались съ одного берега, но еще не пристали къ другому, и все еще несемся внизъ по рѣкѣ, находясь въ моментѣ творчества въ переходномъ состоянiи, а переходное состоянiе не есть нормальное, оно — болевое, нервное, его не вычеркнешь изъ жизни и съ нимъ нужно считаться. («Русь» 1883 г., № 3).

Вотъ два почти противуположныя мнѣнiя, и оба составляющiя итогъ одного и того же предъидущаго. Аксаковъ, котораго ужъ, конечно, ни въ чемъ заподозрить нельзя, считаетъ нужнымъ правильное и нормальное развитiе государственной и общественной жизни въ дальнѣйшемъ преобразовательномъ направленiи; и опытный сановникъ считаетъ нормальнымъ развитiемъ предоставленiе общества самому себѣ, не тревожа его никакими возбуждающими нервы дѣйствiями и оставивъ его въ покоѣ вмѣстѣ съ очередными вопросами.

Послѣ этого разговора прошло четыре года, четыре года постоянныхъ итоговъ, которыми изо-дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и изъ года въ годъ наполнялись наши газеты и журналы, земскiя извѣстiя, судебная и полицейская хроники. Матерiалъ, слѣдовательно, такой богатый, что можно уже безъ ошибки судить, насколько жизнь, предоставленная самой себѣ, когда въ ея неустройства не вносятся поправки, можетъ своими собственными силами сложиться нормально и течь правильно.

Уже давно Россiя занята только будничными, очередными дѣлами, а деревня изъ буденъ никогда и не выходила. У города есть театръ, концерты, катанья на тройкахъ, танцы, балы, ужины въ ресторанахъ, юбилейные обѣды, т.-е. тѣ или другiе суррогаты жизни, которые могутъ занимать вниманiе городскихъ обитателей и успокоить ихъ нервы. У деревни ничего этого нѣтъ. У нея (и то не у всякой) есть только кабакъ. Отъ этого, если деревенскiй обитатель дорвется до кабака, то, для успокоенiя своей нервной системы, онъ пьетъ въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ пили богатыри Владимiра. Станетъ ли мужикъ пить чай, онъ и тутъ поступаетъ какъ богатырь, чтобы вся утроба чувствовала, что онъ напился чаю. Ему всякое нервное удовлетворенiе требуется въ богатырскихъ размѣрахъ. И это совершенно понятно. Его будничная, ежедневная жизнь до того несложна, до того въ ней всякiй день повторяется одно и то же и идетъ годъ въ годъ съ правильностью часовъ, что онъ совсѣмъ застываетъ въ этомъ затупляющемъ однообразiи вѣчной заботы о хлѣбѣ и въ вѣчномъ напряженномъ трудѣ. Вся жизнь мужика воспитываетъ его въ отвычкѣ думать и говорить о чемъ-либо дальше его лошади и коровы; вся же его внутренняя и внѣшняя политика заключается въ податяхъ. Иногда его положенiе въ этомъ отношенiи бываетъ много труднѣе положенiя Болгарiи, потому что сборщикъ уводитъ со двора послѣднюю корову. Ужъ это ли не будни! Реформы мужика тоже не избаловали и во всякомъ случаѣ не прiучили ни къ новинкамъ, ни къ волнующимъ сильнымъ ощущенiямъ. Мужикъ не волновался даже и во время самой реформы, по крайней мѣрѣ, тогда зорко слѣдили, чтобы этого не случилось. Значитъ, вопросъ о нормальной и правильной жизни деревни долженъ стоять внѣ всякаго сомнѣнiя.

Чтобы оцѣнить вѣрно истинныя силы деревни (мужика), ее не слѣдуетъ обобщать, подводя подъ одну гребенку и сѣверъ, и югъ, и западъ, и востокъ. Деревню нельзя представить себѣ въ «идеѣ», теоретически, ее, напротивъ, нужно расчленять, видѣть не «вообще», а по частямъ, и не только ее «видѣть», нужно ее чувствовать. Неоспоримо, что мужикъ долженъ себѣ все сдѣлать самъ — и онъ долженъ дѣлать все самъ уже по одному тому, что никто за него и для него дѣлать этого не станетъ. Но мужикъ, все-таки, не можетъ сдѣлать ни дождя, когда хлѣбъ сохнетъ отъ засухи, ни сдѣлать солнца и теплой погоды, когда холода мѣшаютъ хлѣбу зрѣть.

Вотъ двѣ деревни, которыя я вижу почти каждый день и знаю ихъ внѣшнюю жизнь. Лѣтомъ онѣ похожи на муравьиныя кучи, а зимой — на снѣжныя сугробы. Обѣ деревни лежатъ за сорокъ верстъ

отъ всѣхъ городовъ и всѣхъ желѣзныхъ дорогъ. Мужики живутъ только хлѣбопашествомъ, промысловъ никакихъ не знаютъ, развѣ изрѣдка кое-кто изъ нихъ, подводахъ на 10—15, наймутся отвезти въ городъ муку съ сосѣдней мельницы. За путину въ 80 верстъ (взадъ и впередъ), да за два дня труда съ лошадью мужикъ получитъ одинъ рубль. И этотъ доходъ рѣдокъ.

Опытомъ годовъ мужики этихъ деревень (и не этихъ однѣхъ, а почти всего уѣзда) выработали такую экономическую политику. Они засѣваютъ поля для себя, для дома, а коноплю сѣятъ на огородахъ для подати. Такъ эти двѣ статьи и не смѣшиваются, по крайней мѣрѣ, теоретически. Но вотъ наступаетъ осень и оказывается, что или хлѣбъ не уродился, или конопля не уродилась, а бываетъ, что не уродится ни хлѣбъ, ни конопля. Опытъ годовъ этими случайностями (вовсе не рѣдкими) немедленно ниспровергается и доходныя статьи, такъ хорошо разъединенныя теоретически, получаютъ совершенно неожиданное назначеніе. И противъ этихъ случайностей мужикъ подѣлать ничего не можетъ.

Или крестьянинъ разсчитываетъ, что ему за рожь дадутъ 60 — 65 к., а цѣна ей съ неба свалится въ 55 коп. Цѣна же именно сваливается съ неба. Ее не дѣлаетъ ни мужикъ, ни землевладѣлецъ, ни мельникъ; всѣ они зависятъ отъ Орла, отъ Риги, отъ Кенигсберга. И Орелъ зависитъ не отъ себя, не отъ себя зависитъ и Рига. А что подѣлаешь съ Америкой и Индіей? Мужикъ такъ далеко, конечно, не думаетъ и объ Америкѣ онъ ничего не знаетъ. И, тѣмъ не менѣе, весь его трудъ становится въ ненормальныя условія, и не Америкой только, съ которою еще можно побороться, а тѣмъ, что нѣтъ выгодныхъ рынковъ, нѣтъ близко ни желѣзныхъ дорогъ, ни шоссе, что курсъ нашъ низокъ и становится все ниже и ниже, что земли мало, а платежи велики, что доходы отъ земли иногда не покрываютъ труда. Сообщу любопытный фактъ этого рода. Одна деревня купила при помощи крестьянскаго банка землю. Въ первый годъ крестьяне землю обрабатывали міромъ, а на второй сдали ее въ аренду, потому что это и выгоднѣе и вѣрнѣе. Арендная плата всегда исправна и ею заплатишь и долгъ банку, и подати, а при неурожаѣ или низкихъ цѣнахъ собственная обработка принесетъ только убытокъ.

Что же изъ всѣхъ этихъ помѣхъ крестьянинъ можетъ устранить собственными средствами, чтобы создать себѣ правильную, нормальную жизнь? Солнца онъ сдѣлать не можетъ, дождя тоже. Но, вѣдь, для него такія же невозможности и желѣзная дорога, и шоссе, и рынки, и цѣны на хлѣбъ, и курсъ, и размѣръ податей, и недостатокъ земли. И вотъ, когда всѣ эти невозможности соединятся въ одну общую невозможность, мужикъ чувствуетъ себя передъ ея непреоборимою силой такимъ же безпомощнымъ, какъ передъ громомъ и молніей. И тогда мужикъ изъ своей деревни бѣжитъ и отправляется искать счастья въ «Гурдабай».

Теперь, читатель, вы можете обобщить картину и тогда увидите, какъ цѣлыми вереницами и толпами идутъ переселенцы то на Кавказъ, то въ Сибирь, то въ Уфимскій край, то на Амуръ. Идутъ они и пѣшкомъ, и плывутъ на пароходахъ, и ѣдутъ по желѣзнымъ дорогамъ. Всѣ эти массы людей двигаются бо́льшею частью на авось, безъ плана, нерѣдко даже куда глаза глядятъ. Одни идутъ впередъ, другіе, разочарованные, возвращаются домой, не найдя счастья, за которымъ они пошли.

О переселеніи писалось у насъ въ послѣдніе годы столько, что даже боишься повторять эту старую и всѣмъ извѣстную исторію. Но, должно быть, старая исторія еще, все-таки, мало извѣстна, потому что каждая журнальная статья о переселеніи читается съ новымъ интересомъ, точно читателю открываютъ Америку. И эта Америка, какъ видно, въ дѣйствительности еще не открыта, иначе нечѣмъ объяснить, что переселеніе остается «вопросомъ», пока разрѣшаемымъ «собственными средствами», лишь одними мужиками. Судя по прогрессу, который сдѣлалъ этотъ вопросъ, предоставленный разрѣшенію лишь деревни, можно разсчитывать, что если мужикъ позаймется переселеніемъ еще лѣтъ двѣсти, то, можетъ быть, и организуетъ его въ стройное, упорядоченное явленіе.

Трудности переселенія заключаются не въ одномъ передвиженіи. Если у мужика хватитъ силъ и хлѣба на дорогу, онъ дойдетъ и до края свѣта; но дойти до края свѣта только первая половина дѣла. Главная трудность—устроиться на новомъ мѣстѣ, а для этого одной выносливости и способности голодать еще мало. Наши тульскіе, курскіе, тамбовскіе, полтавскіе (и какіе хотите) переселенцы оказались, по оффиціальнымъ отзывамъ, самыми неспособными колонизаторами Кавказа. Такими же оказались они и на Амурѣ, и въ степяхъ Азіи. То время, когда наши землепроходцы убѣгали въ пустыни и далекія края отъ помѣщиковъ и преслѣдованія за вѣру, когда въ этихъ дальнихъ краяхъ, напримѣръ, въ Сибири, земли не считали и не мѣрили и всякій садился гдѣ хотѣлъ, плѣняясь ширью и просторомъ, да первобытнымъ изобиліемъ еще не тронутыхъ богатствъ природы, давно уже миновало. Теперь уже и переселенцамъ нарѣзаютъ землю по числу душъ, а иногда въ количествѣ, далеко не плѣняющемъ просторомъ. Близкихъ мѣстъ, болѣе или менѣе схожихъ, по условіямъ, съ мѣстностями, изъ которыхъ переселяются, стало тоже меньше, и переселенцамъ приходится брести въ даль, гдѣ и почва другая, и растительность другая, и всѣ условія культуры и жизни другія. Тамбовскій мужикъ, видѣвшій только рожь и овесъ и очутившійся въ Закавказьѣ, едва ли скоро придетъ въ себя отъ изумленія передъ рисовыми полями, кукурузой, сахарнымъ тростникомъ, лѣсами шелковицы и чайными и табачными плантаціями. Даже кавказскіе старожилы не освободились еще отъ подобнаго изумленія, когда неизбѣжныя условія развитія предъявили имъ подобныя культурныя требованія. Что же подѣлаетъ тутъ тамбовецъ съ извѣстною ему культурой только ржи и овса?

Есть въ жизни переселенцевъ примѣры и болѣе

крайніе, когда наши мирные и вовсе не воинственные мужики должны были выходить въ поле по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и съ заряженными винтовками, потому что въ камышахъ скрывались тигры, а за камышами караулили неосторожныхъ колонистовъ таранчи-киргизы. Переселенцы по Сыръ-Дарьѣ и у Казалинска встрѣтили условія до того необычайныя, что еще изумительно, какъ они разбѣжались только черезъ пятнадцать лѣтъ, а не раньше. Степной камышъ, куга, въ руку толщиной, саксаулъ, котораго не возьмешь ни топоромъ, ни пилою, сушь и безводіе съ перваго же шага навели на переселенцевъ подавляющее уныніе. Кончилось тѣмъ, что переселенцы, вмѣсто земледѣльцевъ, превратились въ извозчиковъ и стали возить военные транспорты изъ Оренбурга въ попутные форты и въ Ташкентъ. Но и этотъ послѣдній хлѣбъ отбили у мужиковъ подрядчики и купцы-милліонеры. «Съ этой минуты переселенцы стали разоряться», — говоритъ г. Жакмонъ («Русская Мысль» 1886 г., кн. IX). Послѣ же голоднаго 1879 года они и совсѣмъ разбѣжались. А, между тѣмъ, «въ тѣхъ же низовьяхъ Сыръ-Дарьи, по сосѣдству съ нашими переселенцами, существуютъ пашни киргизовъ, и хотя въ нихъ орошеніе происходитъ примитивнымъ способомъ, посредствомъ ручныхъ и воловьихъ чигирей, несмотря на то, получаются несравненно лучшіе результаты при хлѣбныхъ посѣвахъ, нежели у русскихъ поселенцевъ»,—пишетъ г. Жакмонъ.

И вся эта безпомощность совершенно понятна. Съ своими агрономическими и всякими другими познаніями мужикъ голодалъ и дома; оттого онъ и убѣжалъ. Но какую же силу могли представлять эти скудныя знанія въ борьбѣ съ совершенно новыми условіями природы, климата, растительности, охватившими нашего великоросса, который, при всей своей смѣтливости, туго идетъ на какія бы то ни было новыя приспособленія, даже на простое заимствованіе? И вотъ тотъ же великороссъ, очень тугой въ сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ, для которыхъ, все-таки, нужны знанія, нашелъ выходъ въ характерной и очень распространенной особенности, которая уже давно создала русскимъ репутацію народа, способнаго къ торговлѣ и промышленности. Этою репутаціей пользовались еще новгородцы. Промышленность и торговля составляютъ выходъ для всякой деревенской энергіи и способности. Чтобы торговать и промышлять, не нужно знаній, для этого довольно бойкости и смѣтливости, которая, по пословицѣ, что смѣлость города беретъ, у насъ обыкновенно и замѣняетъ знаніе. У другихъ народовъ, у которыхъ развиты техническія производства и существуетъ широкое техническое образованіе, способности выступаютъ обыкновенно на этотъ путь и на путь изобрѣтеній. Полемъ конкурренціи является изысканіе новаго или усовершенствованіе и улучшеніе существующаго. Въ особенности въ этомъ отношеніи выдѣляется Франція, въ которой изобрѣтательныя (и вообще прогрессивныя) способности очень развиты, а промышленныя привилегіи играютъ большую роль. У насъ же даже фабрики и заводы умѣютъ обходиться безъ знающихъ техниковъ. «Указатель фабрикъ и заводовъ» сообщаетъ, что въ восьми наиболѣе фабричныхъ губерніяхъ Россіи, въ которыхъ число фабрикъ доходитъ до 5,300, технически-образованныхъ управляющихъ-спеціалистовъ состоитъ: русскихъ—281 и иностранцевъ—227. Значитъ, 4,792 фабрики находятся въ рукахъ управляющихъ доморощенныхъ.

Если технически-знающіе люди не особенно требуются для фабрикъ, то для деревни они и совсѣмъ не нужны. И нельзя не признать, что наша сѣрая деревня служитъ очень ограниченнымъ полемъ для какихъ бы то ни было изобрѣтательныхъ способностей и прогрессивныхъ дѣйствій. У насъ есть цѣлые края, какъ Бѣлоруссія, куда въ деревни не проникли еще ни сапоги, ни ситцы, ни фабричныя сукна, и крестьяне удовлетворяютъ всѣ свои потребности самодѣльщиной. Сукно (бѣлое) у нихъ домашнее, бѣлье (посконное) домашнее, обувь (лапти) тоже домашняя. Плотники, столяры, слесаря, мѣдники—вообще ремесленники — для бѣлорусской деревенской бѣдноты совсѣмъ не нужны и никогда не требуются. Даже кузнецамъ дѣлать нечего, потому что на двадцать телѣгъ только одна найдется шинованная, а лошадей куютъ къ зимѣ, да и то не всегда. Бѣдность настолько ограничиваетъ потребности крестьянъ, что имъ ничего и не нужно. Что же среди этихъ, ни въ чемъ не нуждающихся, людей станутъ дѣлать изобрѣтательныя способности, когда ни этихъ способностей, ни знаній не къ чему приложить? Куда дѣваться умственнымъ силамъ, предпріимчивости и энергіи, если, по несчастію, природа наградитъ ими человѣка? Положимъ, что общая бѣднота и одинаково сѣрая жизнь уравниваютъ способности, и энергическіе, умственно-выдающіеся и способные къ почину люди въ деревнѣ не часты, но они все-таки появляются. И если такой человѣкъ явится, ему открыта единственная въ деревнѣ для способностей дорога— въ кабатчики или въ кулаки. Для этихъ двухъ дѣлъ условія нашей деревенской жизни открываютъ широкій просторъ, — такой же просторъ, какой они открываютъ и для деревенской торговли. Тутъ не нужны знанія, не требуется пройти школу; тутъ требуется только изворотливость, обиходъ (т. е. умѣнье обойтись, которымъ въ совершенствѣ владѣютъ евреи), умѣлость и смѣтка. А какое сдѣлать употребленіе этимъ способностямъ, научитъ уже сама жизнь.

Кабатчикъ и кулакъ вызываютъ у насъ давно всеобщее негодованіе и печать травитъ ихъ изъ всѣхъ силъ, какъ единственное или, по крайней мѣрѣ, самое главное наше зло, какъ ненасытныхъ піявицъ, высасывающихъ послѣдніе народные соки. Вѣрно, что и кулакъ, и кабатчикъ не вносятъ ни малѣйшей крупицы ни въ народное, ни въ государственное матеріальное благосостояніе, не производятъ они никакихъ полезныхъ предметовъ и живутъ на народномъ и государственномъ тѣлѣ, какъ паразиты. Но я говорю о нихъ теперь не съ точки зрѣнія моральныхъ или экономическихъ послѣд-

ствій. Я беру ихъ какъ явленіе и только указываю на происхожденіе этого явленія. Эти паразиты созданы не закономъ произвольнаго зарожденія,—они только приложили свои способности къ тѣмъ единственнымъ дѣламъ, которыя щедрою рукой предложила имъ русская жизнь. Во всякомъ случаѣ, они дѣло рукъ человѣческихъ и тѣхъ порядковъ и отношеній, которые эти самыя руки и устроили.

Въ порицаніе теперешнему времени говорятъ, что прежде, при откупахъ, у насъ не было кабатчиковъ. Тогда, дѣйствительно, вмѣсто кабатчиковъ, были «сидѣльцы»; но развѣ это не то же кушанье, только подъ другимъ соусомъ? Сидѣлецъ всегда былъ ловчакъ и пройдоха, бойкій, изворотливый, плутоватый и умѣлый, знавшій вдоль и поперегъ своего потребителя и умѣвшій обойти не только его, но и всякое начальство. Такихъ ужъ и подбирали. Со времени акцизной системы кабатчиковъ только расплодилось; но и при откупѣ, и теперь мѣсто за кабацкою стойкой всегда принадлежало способности и ловкости. Впрочемъ, при теперешнемъ упадкѣ дѣлъ въ кабатчики пошли люди уже и совсѣмъ не тѣхъ способностей. Въ нашей мѣстности жилъ старикъ-живописецъ. Прежде, когда у купцовъ проявлялось «усердіе», живописцамъ въ деревнѣ было дѣло, теперь «усердіе» поизсякло, храмы всѣ построились и живописцы изъ деревень всѣ куда-то порастерялись. Старикъ-живописецъ остался въ деревнѣ, потому что у него была небольшая землица, но живописной работы у него совсѣмъ не было, и онъ своихъ двухъ сыновей сдѣлалъ малярами. Но въ теперешнее время въ деревнѣ и маляру дѣлать нечего. Мужикамъ маляры и никогда не бывали нужны, а землевладѣльцы, у кого и были крашеные дома, то уже давно облѣзли, а вновь домовъ они не красятъ. И вотъ, одного изъ братьевъ-маляровъ я встрѣтилъ недавно въ кабакѣ на большой дорогѣ, поступилъ онъ въ сидѣльцы въ кабакъ водочнаго заводчика и получаетъ жалованье. «Есть у васъ пиво?»—спрашиваю я его.—«Есть, да нехорошо, а свѣжаго еще не привозили»,—отвѣчаетъ онъ. Развѣ настоящій кабатчикъ такъ бы отвѣтилъ? Онъ заставилъ бы меня перепробовать все испорченное пиво, увѣряя, что другая бутылка будетъ лучше, и за всѣ бутылки взялъ бы деньги. Загнала маляра въ кабакъ нужда, потому что только въ кабацкомъ промыслѣ еще и можетъ найти себѣ человѣкъ помѣщеніе. У насъ въ кабакахъ сидятъ теперь и отставные солдаты, съ бабой и кучей дѣтей,—ихъ тоже загнала въ кабакъ нужда, потому что нѣтъ никакихъ дѣлъ,—сидятъ въ кабакахъ и женщины, однѣ бойкія, другія простоватыя, какъ этотъ маляръ, и которыя скажутъ вамъ всегда правду.

А, кажется, и этотъ единственный выходъ для деревенскихъ способностей готовъ скоро закрыться. Теперь акцизъ доведенъ до послѣдняго предѣла и повышаться ему уже некуда. Винные заводы даютъ прибыль, если держать, въ то же время, и кабаки, да всячески кривить душой и обходить законъ. Если акцизъ на вино вздумаютъ поднять еще, то и винные заводы упадутъ, какъ упали всѣ наши дѣла.

Особенность нашего экономическаго быта заключается именно въ томъ, что производительныя способности развиваются у насъ гораздо слабѣе способности «распредѣленія». Насколько способность распредѣленія развилась у насъ послѣ освобожденія, можно увидѣть уже изъ уголовной хроники. Причина такого своеобразнаго направленія способностей заключается въ народной бѣдности и маломъ числѣ потребностей. Наши фабрики, заводы и промышленныя заведенія работаютъ преимущественно для городскаго населенія и для интеллигенціи. И размѣръ этого потребленія сравнительно настолько невеликъ, что не можетъ способствовать развитію производства, по крайней мѣрѣ, особенно замѣтно. Деревня потребителей не создаетъ, а если и создаетъ, то въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Значитъ, фабрикамъ приходится работать все на однихъ и тѣхъ же потребителей или же для расширенія производства искать внѣшнихъ рынковъ. На отыскиваніе внѣшнихъ рынковъ мы не особенно счастливы и купеческая смѣтка, которой мы отличаемся дома, тутъ намъ измѣняетъ. А такъ какъ мы своихъ производствъ не расширяемъ (или очень слабо), то, слѣдовательно, и нѣтъ мѣста для приложенія нашихъ растущихъ интеллигентныхъ силъ. Такимъ образомъ, получается неисходный кругъ: съ одной стороны, для развитія жизни требуется интеллигенція, а съ другой—неразвитая жизнь не даетъ интеллигенціи дѣла. И вотъ, одни изъ интеллигентовъ, надломленные и разочарованные въ своихъ стремленіяхъ, идеалахъ и надеждахъ, кончаютъ самоубійствомъ, другіе голодаютъ, болѣе же рѣшительные и менѣе разборчивые изъ нихъ становятся на путь «распредѣленія» богатствъ, практикуя это дѣло или способами дозволенными, или же такими, что попадаютъ въ мѣста не столь отдаленныя.

Духъ «распредѣленія», обуявшій теперь всю Россію, проникъ и въ землевладѣльческій бытъ, что при упадкѣ сельскаго хозяйства, цѣнъ на хлѣбъ и бездоходности имѣній и не можетъ быть иначе. Въ былыя времена доходъ получался просто и думать о немъ не приходилось, теперь же, если не думать, ничего не получишь. И вотъ, въ землевладѣльческомъ быту повторяется то же явленіе, которое наблюдается и въ жизни деревни. Какъ въ деревнѣ болѣе способные и энергическіе идутъ въ кабатчики, кулаки и вообще стараются выдѣлиться изъ сѣрой массы, такъ и среди деревенской интеллигенціи болѣе способные перестаютъ сидѣть вплотную на своей землѣ. Способный и шустрый владѣлецъ сейчасъ же начинаетъ спекулировать; онъ занимается скупками и перекупками, заводитъ промышленныя заведенія, напримѣръ, мельницу для торговли мукой, или же скупаетъ тощій скотъ, откармливаетъ его и перепродаетъ мясникамъ, вообще такъ или иначе и смотря по обстоятельствамъ, примазывается къ торговлѣ, потому что торговля, несмотря на застой, все-таки, самое прибыльное занятіе. Только менѣе предпріимчивые и менѣе подвижные занимаются исключительно земледѣліемъ, но за то они ищутъ себѣ

подспорья въ земскомъ жалованьи. Есть, впрочемъ, и изъ «распредѣлителей», которые умѣютъ соединить торговлю, напримѣръ, съ служеніемъ Ѳемидѣ. Однимъ словомъ, способности прокладываютъ себѣ пути.

Но пути-то эти, увы, мало подвигаютъ нашу жизнь впередъ. А, между тѣмъ, въ нашемъ обществѣ еще, кажется, никогда не было такого сильнаго накопленія моральной возбужденности. Прочитайте, что на эту тему появляется въ печати, послушайте, что говорятъ люди внѣ печати, прислушайтесь къ тому, что говоритъ мужикъ,—всѣ хотятъ чего-то другаго, хотятъ правды, хотятъ жить по-божески, по справедливости.

Всякій, кто живетъ въ деревнѣ, очень хорошо знаетъ, что въ жизнь ея высшаго слоя (т.-е. всего того, что не есть мужикъ) никто не вмѣшивается. Мы здѣсь живемъ вполнѣ сами по себѣ, властей никакихъ не видимъ, внѣшняго давленія никакого и ни въ чемъ не чувствуемъ, полиціи никогда не видимъ (даже и тогда, когда она бываетъ нужна), собираемся свободно на выборы гласныхъ, на выборахъ держимъ себя вполнѣ свободно, такъ же свободно чувствуемъ себя и въ земскихъ собраніяхъ—и, однако, странное дѣло, и нами всѣ недовольны, и мы всѣмъ недовольны, и «сама собою» нормальная и правильная жизнь у насъ никакъ не складывается. Что-то есть въ этой жизни такое, что правда въ ней не беретъ верхъ.

Вотъ, положимъ, идутъ выборы гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и нежелательные («качества» которыхъ извѣстны) не проходятъ, или же, изъ боязни быть забаллотированными, они и сами не предъявляютъ себя въ кандидаты. Но для человѣка съ «качествами» всегда больше путей; если для него закрыта одна дверь, онъ стучитъ въ другую. И вотъ, такой человѣкъ предлагаетъ себя крестьянамъ. Чтобы быть ими выбраннымъ, употребляются разныя средства или, точнѣе, два: подкупъ, въ видѣ денегъ, подарковъ или водки, и застращиваніе. Подкупаютъ, обыкновенно, вліятельныхъ людей, напримѣръ, старшинъ, а выборщиковъ угощаютъ водкой, сначала въ маломъ количествѣ, въ видѣ задатка, но съ обѣщаніемъ, что хорошее угощеніе послѣдуетъ, когда выборы состоятся. Подкупъ, конечно, мерзость, но что же вы подѣлаете противъ этой мерзости со всею вашею порядочностью? Порядочные люди не хотятъ человѣка, а онъ, все-таки, пролѣзетъ, и совсѣмъ не по винѣ выборнаго начала, а только по его незаконченности. Въ выборы никто вмѣшиваться не имѣетъ права, это дѣйствіе вполнѣ свободное и не стѣсняемое, и это установлено для того, чтобъ устранить возможность всякаго давленія. Только не устранена возможность давленія мѣстныхъ авторитетовъ, да кабака и подкупа. И какъ вы ихъ устраните? Хорошее, повидимому, средство—гласность, но ея у насъ нѣтъ и васъ же, изобличителя неправды, могутъ обвинить въ диффамаціи или клеветѣ. А, между тѣмъ, гласные отлично знаютъ, съ какими изъянами прошли у нихъ выборы, кому и какой былъ подаренъ сельско-хозяйственный продуктъ, кто и насколько купилъ водки на угощеніе и какіе фокусы употреблялись, чтобы крестьяне клали шары направо и налѣво. Конечно, въ сомнительныхъ случаяхъ, возникаютъ и дознанія, но тутъ дѣло опять зависитъ отъ того, какого лагеря человѣкъ дѣлаетъ дознаніе, и справедливость дознанія ничѣмъ не гарантирована. Бываетъ и такъ, что права сомнительныхъ гласныхъ провѣряются земскимъ собраніемъ; но тутъ опять все зависитъ отъ большинства, тогда какъ справедливость можетъ быть на сторонѣ меньшинства. Бываютъ, напримѣръ, такіе случаи, что лучшіе люди, съ интеллигентнымъ развитіемъ, люди истинно-земскіе, желающіе порядка въ земскихъ дѣлахъ, составляютъ большинство одного голоса, но съ противной стороны подаетъ голосъ предсѣдатель и берутъ верхъ рѣшенія вовсе не земскія. Тоже характерный фактъ, что предсѣдатель идетъ въ руку съ старшинами и писарями (какъ извѣстно, всегда зависимыми), и вовсе не въ интересахъ народа, а именно противъ нихъ. Чтобы не быть голословнымъ, я представлю такой фактъ. На народныя школы партія старшинъ и писарей и землевладѣльцевъ отъ крестьянъ (хороши довѣренные!) не прибавляетъ ничего, а напротивъ, урѣзаетъ предложенную интеллигентною партіей прибавку учителямъ за обученіе пѣнію и, въ то же время, городское женское училище, въ которомъ учатся мѣщанскія дѣвочки, превращаетъ въ женскую прогимназію, въ угоду купцамъ. Когда потомъ говорили гласнымъ отъ крестьянъ, что они тутъ такое путали и понимали ли они, съ кѣмъ, въ своихъ интересахъ, они должны были голосоваться, они только чесали затылки. И вовсе не мужицкая глупость тутъ причиной. Мужикъ и въ мудреныхъ вопросахъ, какъ раскладки, не теряется, но онъ превращается въ нуль, когда находится въ зависимости и когда на него въ самомъ земскомъ собраніи производится давленіе. Тутъ отъ мужика вы никакой правды не требуйте. Да и что говорить о мужикѣ, особенно зависимомъ (вѣдь, не Муцій Сцевола онъ), когда далеко не мужики, за обѣщанное имъ земское мѣсто, переходятъ отъ партіи къ партіи! Иногда, чтобы выиграть голосъ, создаютъ даже новыя мѣста. Бываютъ еще случаи униженныхъ просьбъ; мнѣ, напримѣръ, передавали за фактъ, что одного гласнаго, перешедшаго на противную сторону, упрашивали на колѣняхъ, чтобъ онъ вернулся въ свое лоно, и когда ничто не помогало, ему предложили мѣсто. Противъ убѣдительности такого довода, конечно, было уже невозможно устоять, и человѣкъ, только что измѣнившій однимъ, измѣнилъ затѣмъ другимъ.

Изъ-за чего же столько ухищреній, подходовъ, подвоховъ, изъ-за чего всѣ эти траты денегъ на подкупы, спаиванье или въ качествѣ хотя и даровага, но не менѣе (а, можетъ быть, и болѣе) дѣйствительнаго средства—застращиванье? (Средство, доступное только властнымъ людямъ, стоящимъ у какого-нибудь кормила и употребляемое лишь по отношенію къ мужикамъ, старшинамъ и писарямъ). Побужденія ко всѣмъ этимъ ухищреніямъ бываютъ

самыя разнообразныя, иногда даже просто непостижимыя (хотя и объяснимыя) и всегда личныя.

Наиболѣе обыкновенная причина—простая корысть, погоня за земскимъ мѣстомъ. При теперешней трудной жизни, малой доходности и разстройствѣ хозяйствъ, число лицъ, ищущихъ земскихъ занятій, очень увеличилось. Въ былые годы подобные люди держались за казенныя мѣста. Теперь же казенныхъ мѣстъ поубавилось, а, между тѣмъ, людей со средними способностями, годныхъ лишь для «дѣлопроизводства», прибавилось. Вотъ эти-то средніе люди и составляютъ главныхъ кандидатовъ въ гласные, чтобы проложить себѣ дорогу въ управу или на другое выборное мѣсто. Передъ выборами эти «алчущіе» обыкновенно изобличаютъ себя неожиданными визитами къ земцамъ, которыхъ они считаютъ вліятельными и желаютъ расположить въ свою пользу. При такихъ визитахъ они обыкновенно обнаруживаютъ благородный образъ мыслей и чистоту своихъ воззрѣній на земскія обязанности. Вообще они стараются кокетничать и нравиться, что имъ иногда удается, а иногда и нѣтъ.

Другіе изъ алчущихъ не таятъ никакой матеріальной корысти и такіе не только гораздо непроницаемѣе, но иногда даже и совсѣмъ не понятны. Человѣкъ, повидимому, не ищетъ ничего, — не нужно ему ни должности мироваго судьи, ни мѣста въ управѣ,—и, въ то же время, онъ употребляетъ необыкновенную энергію, чтобы склонить въ свою пользу землевладѣльцевъ, и если они не даются, то крестьянъ. Побужденіемъ у этихъ людей бываетъ то чувство власти, то желаніе вліять, а иногда и простая традиція положенія. Послѣдняя причина замѣчается преимущественно между дворянами старыхъ родовъ, коренными туземцами, фамиліи которыхъ играли роль въ своихъ уѣздахъ. Эти послѣдніе могикане, еще хорошо помнящіе крѣпостное время, особенно недолюбливаютъ новое наплывное помѣстное населеніе, въ руки котораго перешла едва ли не половина прежнихъ помѣщичьихъ имѣній. Между наплывными есть и дворяне, и купцы, и такъ... какіе-то неизвѣстные не то, изъ управляющихъ, не то изъ разночинцевъ. По національностямъ наплывные бываютъ изъ русскихъ, изъ нѣмцевъ, поляковъ, а иногда и латышей. Это разношерстное населеніе, съ иными привычками, нравами, традиціями, имѣетъ мало общаго съ родовыми землевладѣльцами, у которыхъ еще свѣжо въ памяти крѣпостное время и сохранилось вполнѣ, хотя и замаскированно, прежнее дворянское чувство. Конечно, никакого слiянія интересовъ и понятій тутъ ожидать нельзя, а уступить поле разношерстности не позволяетъ дворянское достоинство. И вотъ, чтобъ удержать свое положеніе, изыскиваются компромиссы, иногда совершенно неожиданные. Наплывные, пускающіе еще корни и не безъ основанія считающіе себя будущими хозяевами положенія, стараются устраивать связи или между собою, или съ крестьянами, а старые, коренные владѣльцы уже и прямо заключаютъ союзъ съ крестьянами. Бываетъ такъ, что родовитые владѣльцы дружатъ со старшинами и писарями и стараются пріобрѣсти популярность между крестьянами, чтобы пройти въ гласные, если другимъ путемъ (при разношерстности землевладѣнія) имъ это не удается. Гласный изъ родовитыхъ является всегда «столпомъ»; онъ стоитъ на сторонѣ «порядка», онъ баллотируетъ всегда съ предсѣдателемъ и изображаетъ собою не только охранительное, но даже «оффиціозное» начало. Конечно, «порядокъ» и «благонамѣренность» не больше, какъ слова, и бываютъ случаи, когда, вмѣсто поддержанія порядка, «столпъ» производитъ безпорядокъ. Напримѣръ, такой случай. Избираются въ коммиссію по раскладкѣ—«столпъ», двое старшинъ, писарь, настоящій земецъ и представитель отъ казны. Чтобъ усилить налогъ на казенные лѣса, столпъ стоитъ за раскладку по двумъ разрядамъ и, чтобъ имѣть на своей сторонѣ большинство, онъ говоритъ, обращаясь къ старшинамъ, что лѣса совсѣмъ не нужны. Какое тамъ лѣсное хозяйство?... Отдать бы ихъ крестьянамъ, у которыхъ земли мало,—и старшины понимаютъ эту рѣчь, поддерживаютъ оратора и коммиссія большинствомъ рѣшаетъ противъ меньшинства, а представитель казны подаетъ особое мнѣніе (то же, кажется, дѣлаетъ и земецъ).

Стали добиваться теперь положенія въ земствѣ и купцы, тоже усвоивающіе, хотя и своеобразно, идею общественности. Хотя купцы фигурируютъ преимущественно въ городскихъ думахъ и управахъ, но есть и земства, въ которыхъ они добрались до власти и большинства. Въ то время какъ въ земствѣ, даже преимущественно дворянскомъ (чисто-дворянскихъ земствъ, кажется, нѣтъ ни одного, не исключая даже и симбирскаго), обыкновенно господствуетъ земское направленіе (кромѣ нѣкоторыхъ вопросовъ), купцы составляютъ всегда сословную группу и, не особенно дружа другимъ представителямъ, держатся тѣсно другъ друга. Дворянъ купцы не долюбливаютъ за то, что они—дворяне, а земскую интеллигенцію за то, что она—интеллигенція. Кромѣ того, купцы обязательно не любятъ печать и потому они всегда ярые враги корреспондентовъ, которыхъ всѣми силами стараются не допускать до земскихъ собраній (эту же нелюбовь къ корреспондентамъ обнаруживаетъ, кажется, и московская дума).

Къ купеческой же группѣ слѣдуетъ причислить наиболѣе вліятельные и разбогатѣвшіе экземпляры, вышедшіе изъ раздобрѣвшихъ крестьянъ, волостныхъ писарей и старшинъ, которые добиваются земскихъ мѣстъ, конечно, не по сословнымъ причинамъ, а ради власти и положенія. Замѣчательно, съ какою истинно-купеческою находчивостью и смѣткою умѣютъ пользоваться своимъ земскимъ положеніемъ эти по-истинѣ промышленные люди (купцы тоже). Напримѣръ, членъ управы (конечно, уѣздной) изъ «промышленныхъ», завѣдывающій земскими суммами, держитъ въ городѣ лавку колоніальныхъ товаровъ. Въ управѣ денегъ нѣтъ и всѣхъ, кто за ними является, просятъ подождать. Но людямъ же нужно пить и ѣсть; сахаръ, чай и проч. дома на исходѣ, а то ихъ и совсѣмъ нѣтъ. И вотъ промышленный членъ, ко-

нечно, оказывая вниманіе къ трудному положенію, выдаетъ записку на полученіе въ долгъ изъ его лавки чаю, сахару, муки, крупъ и т. д. Такое соединеніе промышленности съ земскими обязанностями очень помогаетъ развитію торговли и практикуется оно уже давно, но въ то время, которое было «давно», подобныя соединенія земскихъ и торговыхъ заботъ составляли отдѣльные случаи, а теперь они множатся.

Всѣ эти сорты жаждущихъ образуютъ всегда партію, противную земцамъ или, точнѣе, интеллигенціи, и стараются вогнать ее въ меньшинство, что теперь начинаетъ удаваться чаще, чѣмъ прежде. Но между оппозиціей дворянскаго правительства (оффиціознаго) и оппозиціей купеческаго (вообще промышленнаго) сословія есть существенная разница. Дворяне стоятъ главнѣйше за извѣстные «принципы» и идеи и во всякомъ случаѣ они идейные представители. Купеческая же партія стоитъ больше за экономію и за счетъ денегъ, что, безъ сомнѣнія, хорошо, если, какъ нынче въ нолинскомъ земствѣ (Вятской губерніи), не ведетъ къ упраздненію школъ и къ уменьшенію медицинской помощи. Въ нолинскомъ земствѣ, гдѣ большинство оказалось на сторонѣ купеческой партіи, закрыты 22 земскія школы и введена обязательная суточная плата за право пользованія лѣченіемъ въ земскихъ больницахъ; кромѣ того, докторовъ обязали избѣгать, по возможности, даровой выдачи лекарствъ приходящимъ больнымъ крестьянамъ. Это по отношенію къ земскому интересу. Что же касается интереса купеческаго, то то же большинство постановило уменьшать земскій сборъ съ недвижимыхъ городскихъ имуществъ и торговыхъ помѣщеній. Такъ понимаютъ купцы свои земскія обязанности, превращая земскую экономію въ свою собственную.

Очень можетъ быть, да, пожалуй, и несомнѣнно, что все это дѣлается потому, что всѣмъ стало жить трудно. Застой чувствуется не только во всѣхъ экономическихъ производствахъ, но и въ умственной производительности, но за то больше, чѣмъ когда-нибудь, обнаруживается лихорадочная дѣятельность въ погонѣ за кускомъ хлѣба или за пирогомъ, смотря по тому, чего у кого нѣтъ. Нервное, лихорадочное состояніе, которое выходило еще недавно наружу, ушло теперь внутрь. Оставивъ область интеллигенціи, печати, оно сосредоточилось въ среднемъ слоѣ, для дѣятельности котораго земство служитъ едва ли не единственнымъ полемъ. На этомъ полѣ сталкиваются весьма разнообразные интересы многообразныхъ общественныхъ группъ, создавшихся освобожденіемъ крестьянъ, и сосредоточиваются всѣ наши общественныя боевыя силы. Котелъ этотъ кипитъ если не особенно сильнымъ общественнымъ ключемъ, то, несомнѣнно, сильнымъ ключемъ сословныхъ и личныхъ интересовъ. Борьба ведется безпардонная и энергичная, хотя всѣхъ ея мелкихъ подробностей обыкновенное общество (публика), не принимающее въ борьбѣ непосредственнаго участія, не знаетъ. Объ этой борьбѣ въ газетахъ не пишутъ и корреспонденты за нею не слѣдятъ, хотя она представляетъ превосходный матеріалъ для характеристики нашей современной общественной нравственности. Обыкновенно борятся страсти очень мелкія и выборъ средствъ отличается неразборчивостью (на войнѣ какъ на войнѣ). Наибольшею неразборчивостью рекомендуютъ себя «одиночки», примазывающіеся къ какой-нибудь партіи, чтобы протереться въ гласные, въ управу и вообще на земское жалованье. Группы держатъ себя чище, хотя и онѣ прибѣгаютъ къ средствамъ не совсѣмъ достойнымъ (вѣроятно, по недоразумѣнію).

Обыкновенный пріемъ, употребляемый противъ нежелательнаго человѣка, или даже противъ цѣлой группы заключается въ «заподазриваніи», въ томъ, что пускается въ ходъ «слово и дѣло». Это дѣлается не только для того, чтобы ослабить партію при выборѣ гласныхъ и перетащить голоса на свою сторону, но и потомъ, когда враждебная партія сформировала свой лагерь и нужно уронить довѣріе къ ней мѣстной власти. Въ такихъ случаяхъ очень помогаютъ крайнія обобщенія. Напримѣръ, подготовляются выборы гласныхъ отъ крестьянъ и между ними пускаютъ слухъ, что противная партія не православная, а «батюшкамъ» шепчутъ, что партія «польская» (это дѣлается, конечно, не въ великороссійскихъ губерніяхъ). Между тѣмъ, во всей партіи на 12 гласныхъ только 4 поляка и вполнѣ обрусѣвшихъ, остальные всѣ и русскіе, и православные. Или пускаютъ слухъ, что такой-то (нежелательный) принадлежитъ къ «панской» партіи. А «панъ»—уже цѣлая программа будущаго поведенія: это значитъ, что онъ будетъ мирволить владѣльцамъ, а съ крестьянами будетъ строгъ. «Панскій» мировой судья не спуститъ крестьянамъ никакой мелочи, ни случайной потравы, ни порубки, ни украденныхъ яблоковъ и за все назначитъ наказаніе строгое. Такой ужъ, конечно, страшенъ. Или пускаютъ другого «жупела»—насчетъ неблагонамѣренности и неодобренія начальства. Наконецъ, люди съ отношеніями къ властямъ пользуются ихъ протекціей, а кто самъ владѣетъ властью, тотъ самъ и пускаетъ ее въ дѣло въ свою пользу. Сочиненные «жупелы», если они разсчитаны хорошо, всегда достигаютъ своей цѣли. Кромѣ того, пускаютъ подъ рукой нехорошіе слухи и въ провинціальной властной сферѣ, которая и вообще, и относительно земцевъ въ особенности болѣе склонна вѣрить худому, т.-е. тому, что можетъ ей надѣлать хлопотъ и осложненій, чѣмъ хорошему. Всѣ эти и подобныя имъ продѣлки раздражаютъ партію, противъ которой онѣ направлены (а нѣкоторыхъ и тревожатъ), настраиваютъ ее крайне возбужденно и страстно, и какъ для накопленія взаимныхъ враждебныхъ чувствъ есть достаточно поводовъ, то слѣдующія за выборами гласныхъ собранія, когда партіи сходятся для генеральныхъ битвъ на почвѣ разрѣшенія практическихъ вопросовъ, бываютъ въ высшей степени напряженныя и зачастую не обходятся безъ рѣзкихъ и грубыхъ выходокъ, готовыхъ перейти даже въ большую крайность (это я выражаю нѣсколько уклончиво). Въ

нынѣшнемъ году было нѣсколько подобныхъ напряженныхъ и враждебныхъ собраній, когда партіи стояли стѣна противъ стѣны, твердо и неуступчиво, и когда, поэтому, не былъ разрѣшенъ ни одинъ вопросъ, потому что голоса раздѣлились поровну. Поэтому же не состоялись выборы ни управы, ни мировыхъ судей.

Обыкновенно выборная борьба есть борьба тайная и ведется она минными средствами противъ партіи земской, которая всегда сильна нравственно и знаніемъ дѣла, но пока слаба числомъ и, вѣроятно, ослабѣетъ больше, если жизнь, продолжая слагаться «сама собою», выдвинетъ снизу еще больше купцовъ и «экономовъ», а въ дворянской партіи усилится противуземское движеніе. Но кромѣ минныхъ средствъ, ради быстраго торжества надъ противникомъ, когда медлить не приходится, употребляется и средство открытое — право власти. Есть въ земскомъ положеніи статья, которою опредѣляется, когда собраніе, по неполному числу гласныхъ, считается несостоявшимся. И этою статьей, бывали случаи, бойцы пользовались такъ. Предсѣдатель видитъ, что противная сторона, собравшись въ полномъ числѣ, перевѣшиваетъ голосами, между тѣмъ, въ партіи, съ которою голосуетъ предсѣдатель, не явилось трое. Очевидно, что всѣ предложенія пройдутъ нежелательнымъ большинствомъ. И вотъ предсѣдатель послѣ провѣрки правъ гласныхъ объявляетъ собраніе закрытымъ по неполному числу гласныхъ. Какъ, что, почему, на основаніи какого закона? Предсѣдатель указываетъ на статью (37 пол. о зем. учр), ему отвѣчаютъ, что она совсѣмъ сюда не подходитъ; тогда онъ говоритъ, что беретъ это на свою отвѣтственность. И гласные, притащившіяся за десятки верстъ, разъѣзжаются по деревнямъ. Вы говорите, что это незаконно; совершенно справедливо, что незаконно, но, тѣмъ не менѣе, собраніе закрыто, а когда оно потомъ было вновь назначено черезъ мѣсяцъ, всѣ нужные гласные были налицо.

Въ борбѣ партій предсѣдатель очень важное лицо. Онъ ведетъ пренія и можетъ ихъ склонять въ желательную для него сторону: онъ своимъ голосомъ создаетъ при равенствѣ голосовъ большинство; онъ, наконецъ, открываетъ собраніе и можетъ при этомъ поступить (и поступаетъ) такъ. Собраніе, положимъ, должно быть открыто въ 10 ч. утра, но еще не всѣ явились гласные «ихъ» партіи. Начинать битву при такихъ условіяхъ, разумѣется, рискованно. И вотъ, не явившихся или ждутъ, или посылаютъ за ними гонцовъ и собраніе не открывается. Всякихъ подобныхъ мелочей есть масса и опытнымъ стратегамъ нужно хорошо ихъ знать и умѣло ими пользоваться. И нужно отдать справедливость нашей дипломатической способности (ее тоже признавали всегда въ числѣ русскихъ особенностей, какъ и способность къ торговлѣ), что сравнительно въ короткое время мы достигли въ этой игрѣ почти артистическаго совершенства. Жаль только, что артистическое совершенство всегда направлялось противъ земскаго дѣла и противъ земскихъ людей.

Этого мало. Мы часто видимъ, какъ просто распущенное личное чувство и самодурствующій произволъ вносятся въ область самоуправленія. Какъ иначе назвать, напримѣръ, что городской голова приказываетъ гласному, съ мнѣніемъ котораго онъ не согласенъ, замолчать (и тотъ замолкаетъ)? Какъ назвать поведеніе городскаго головы, врывающагося въ комитетъ, совсѣмъ не подлежащій его вѣдѣнію, и начинающаго выгонять его членовъ, потому что между ними онъ усмотрѣлъ своего заклятаго врага? Потомъ, тотъ же голова стучитъ кулакомъ въ запертую отъ него дверь комитета и требуетъ, чтобы его впустили, потому что онъ «голова и что голова вездѣ имѣетъ свою неотъемлемую власть». Вѣдь, на такого голову, очевидно, слѣдовало надѣть горячечную рубашку, а его, пожалуй, выберутъ купцы и на слѣдующее трехлѣтіе. Или опять купецъ (совсѣмъ они героями стали), по поводу протокола о выборахъ, признанныхъ неправильными, обращается къ секретарю: «Почему *ты* не разъяснилъ, что выборы неправильны? *Ты* это долженъ былъ разъяснить!» Секретарь смотритъ удивленно на вопрошающаго и спрашиваетъ:

— Кому это вы говорите?

— Кому? Тебѣ!

— Я васъ прошу мнѣ не говорить *ты*.

— А я тебѣ буду говорить ты: *ты*—нанятой и долженъ слухать насъ,—отвѣчаетъ гласный, входя въ азартъ.

Секретарь проситъ голову запретить гласному грубить; голова звонитъ и явственно произноситъ: «Г. Мясникинъ, я прошу васъ замолчать». Мясникинъ садится и умолкаетъ.

Подобные крайніе факты удобны тѣмъ, что избавляютъ отъ необходимости приводить факты мелкіе, совершенно какъ по индѣйскимъ слонамъ можно судить вполнѣ безошибочно о размѣрахъ остальныхъ животныхъ Индіи. Конечно, въ оправданіе нашихъ слоновъ можно сказать, что они самородки, и что они въ земское и городское самоуправленіе только отъ этого и вносятъ порядки своихъ мучныхъ лабазовъ. Но возьмите сферу печати, въ которой, повидимому, нѣтъ мѣста ни индѣйскимъ слонамъ, ни самородкамъ, развѣ они практикуютъ не тѣ же пріемы, когда дѣло касается вопросовъ еврейскаго, нѣмецкаго, польскаго, и не только этихъ вопросовъ, но и вопросовъ земскаго, школьнаго и т. д.? Все сводится къ простому запрещенію: секты запретить, жидовъ запретить, нѣмцевъ запретить. У насъ образовалась даже цѣлая печать запретительнаго направленія, вырабатывающая въ обществѣ, и безъ того склонномъ къ нажиму и патріотическому кулаку, вкусъ ко всякимъ запрещеніямъ. Наши пріемы въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, доходятъ до курьезовъ. «Волжскій Вѣстникъ», со словъ «Кіевлянина», сообщаетъ, не безъ ироніи, какъ производится обрусѣніе нѣмецкихъ поселеній въ Юго-западномъ краѣ. Мѣстная власть распорядилась, чтобы нѣмецкія названія колоній были передѣланы въ соотвѣтствующія русскія: такъ, Карльсдорфъ въ Карловку,

Вержбидиндорфъ въ Вербовку, Эвандорфъ въ Ивановку, Романсдорфъ въ Романовку, Климандорфъ въ Климовку и т. д. Главное, что просто! Но вотъ что можетъ случиться съ этою простотой: прежде такъ и знали, что нѣмцы живутъ подъ нѣмецкими названіями, а теперь они, прикрывшись русскими, въ дѣйствительности останутся, можетъ быть, еще бо́льшими нѣмцами. Но ужъ такова теорія и логика запрещенія, которая физическія средства всегда считаетъ дѣйствительнѣе умственныхъ и нравственныхъ, и потому, когда эти средства приводятъ къ результатамъ противуположнымъ, мы начинаемъ писать о неблагодарности и обнаруживаемъ наклонность къ чувствительности и изливаемся въ упрекахъ. Бородатымъ мужчинамъ это, какъ будто бы, и не идетъ.

Всѣ эти факты (конечно, они далеко не *всѣ*, хотя и всѣ не измѣнятъ вывода) относятся до той жизни, которая именно развивается «сама собою». Собственно, это картина преимущественно земщины, т. е. всего того, что сидитъ на землѣ и живетъ въ своихъ замкнутыхъ, ограниченныхъ земельныхъ интересахъ и въ интересахъ купеческаго стяжанія. Только съ птичьяго полета эта жизнь можетъ казаться спокойною, мирною и даже сонною; въ дѣйствительности же въ ней затрачивается громадная масса силъ и она находится постоянно въ напряженномъ, нервномъ состояніи; все въ ней бродитъ, борется и враждуетъ, ибо каждый тянетъ въ свою сторону и карабкается кверху, чтобы сѣсть на чужія плечи. Если эта жизнь (точнѣе, кутерьма) незамѣтна издали, то только потому, что она безгласна; въ дѣйствительности же она движется съ неудержимостью ползущей лавины и въ томъ направленіи, которое для нея открыто. Несомнѣнно, что она по этому направленію ползетъ «сама собою», выдвинувъ хозяиномъ положенія личный интересъ. И хозяинъ положенія отлично знаетъ свою силу; онъ закрываетъ школы, сокращаетъ медицину, перестаетъ поправлять дороги, перелагаетъ своеобразно налоги; онъ не гнушается никакими средствами, чтобы завоевать себѣ большее мѣсто. А небольшая группа интеллигентныхъ представителей истинныхъ земскихъ интересовъ, образующая численное меньшинство, ничего не можетъ подѣлать съ этою прущею лавиной, оттягивающею всю жизнь книзу.

И вотъ передъ нами два слоя жизни, и каждый изъ нихъ стремится развиваться «самъ по себѣ», у каждаго свои очередные, будничные вопросы и дѣла. Хозяева положенія считаютъ «очередными» дѣлами закрытіе и даже истребленіе всего того, чѣмъ только развивается и растетъ общественная жизнь; они плодятъ низменные противуобщественные инстинкты и мужественно трубятъ о себѣ и своихъ подвигахъ въ своей собственной печати. Другіе же считаютъ «очереднымъ» дѣломъ развитіе учрежденій, обезпечивающихъ общественную справедливость, образованіе и чувство личнаго достоинства. Теперь спрашивается, которое изъ этихъ двухъ теченій можетъ создать «нормальное и правильное» направленіе будничныхъ дѣлъ, и за которыми «будничными» очередными дѣлами слѣдуетъ считать право на поддержку? Не правда ли, странный вопросъ? А, вѣдь, казалось бы совсѣмъ яснымъ, что только дурное дѣлается «само собою», а хорошее само собою никогда еще не дѣлалось.

XV.

Въ общихъ отзывахъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ о 1886 годѣ разнорѣчія не замѣтно. Только «Московскія Вѣдомости» удержались отъ оцѣнки года и начали новогоднюю передовую статью безразличною, повидимому, фразой: «о своихъ дѣлахъ говорить попридержимся: они слишкомъ текучи и годовымъ срокомъ не опредѣляются». Остальныя газеты не смутились текучестью русскихъ дѣлъ и подвели «текучести» итоги. Одни сдѣлали эту работу съ большою обстоятельностью и съ тщательностью домовитыхъ хозяекъ вымели все, что накопилъ 1886 годъ, затѣмъ выметенное разложили на кучки и устроили нѣчто вродѣ всероссійской выставки идейной и общественной производительности 1886 года. Такъ поступили «Новости», «Новое Время», «Русскій Курьеръ», «Русскія Вѣдомости». Другія, напримѣръ, «Современныя Извѣстія», выставки не дѣлали и ограничились короткою общею характеристикой прошлогоднихъ дѣлъ. Но какъ бы различно ни поступили органы нашей печати, всѣ они говорили и прямо, и между строкъ, что годъ былъ «сѣренькій», «безразличный», «будничный». Разница въ отзывахъ заключалась не въ существѣ, а въ формѣ, въ пріемѣ отношеній къ фактамъ, въ той большей или меньшей виртуозности, которую газеты обнаружили въ этомъ дѣлѣ, казавшемся имъ очень щекотливымъ и деликатнымъ. Какъ же газеты воспользовались богатымъ матеріаломъ, который предлагалъ имъ только что пережитый годъ? А матеріалъ былъ несомнѣнно, и матеріалъ очень богатый и очень разносторонній. Газеты развертывали передъ читателемъ картину всей русской жизни, во всѣхъ ея областяхъ и сферахъ, давали обзоръ внѣшней политики и внутреннихъ мѣропріятій, давали обзоръ финансовъ, экономической и хозяйственной жизни, литературы, музыки, художества, театра, просвѣщенія и даже русской науки. Такой богатый матеріалъ могъ подавить самый серьезный умъ; самое сильное воображеніе смутилось бы передъ задачей слить это громадное разнообразіе въ одну общую картину, дать ей правильное освѣщеніе, установить разнообразію законъ. Какъ же отнеслась печать къ громадной массѣ фактовъ, которую развернула передъ нею русская жизнь, въ какое отношеніе поставила она себя къ нимъ, насколько помогла общественному сознанію и насколько подготовила читателя понимать то, что встрѣтитъ его въ 1887 году? Начну съ газетъ московскихъ.

Какъ я уже сказалъ, «Московскія Вѣдомости»

перешагнули черезъ внутренніе вопросы: «О своихъ дѣлахъ говорить попридержимся... Посмотримъ, что дѣлается у другихъ»,—сказала газета и затѣмъ увела своихъ читателей за границу. «Московскія Вѣдомости» всегда хорошо знаютъ, что онѣ дѣлаютъ, и равновѣсія не теряютъ. И теперь, оставивъ за спиной «текучія» дѣла, потому что они «годовымъ срокомъ не опредѣляются, «Московскія Вѣдомости» взялись за оцѣнку еще болѣе текучихъ дѣлъ, еще менѣе подчиняющихся годовому сроку. Но для «Московскихъ Вѣдомостей» это не отступленіе,—онѣ ведутъ свою линію и дѣлаютъ свое дѣло. О своихъ подписчикахъ газета, кажется, вовсе не заботится и печатаетъ статьи не для нихъ. По тону и манерѣ изложенія, а, главное, по напряженію, которое чувствуется въ каждой передовой статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей», такъ и кажется, что газета ведетъ бесѣду черезъ головы своихъ подписчиковъ съ какимъ-то отдаленнымъ, невидимымъ читателемъ. На этотъ разъ «Московскія Вѣдомости» обѣляютъ Францію отъ всякихъ подозрѣній въ ея желаніи идти слишкомъ налѣво и хотятъ доказать, что она достойна дружбы Россіи. Правители Франціи,—говоритъ газета,—«цѣлымъ рядомъ мѣръ доказали свое нерасположеніе къ стремленіямъ анархистовъ и свою готовность всѣми мѣрами поддерживать въ странѣ порядокъ и спокойствіе». Для упроченія порядка и спокойствія Фрейсине порвалъ съ представителями крайнихъ мнѣній,—если не на словахъ, то на дѣлѣ,—и твердо преслѣдовалъ свою цѣль. «Безпорядки въ Деказвиллѣ были подавлены силой и агитаторы въ кандалахъ препровождены въ тюрьму. Такую же твердость и рѣшительность выказало правительство и при возникновеніи всѣхъ другихъ безпорядковъ, съ какой бы стороны они ни исходили: съ крайней лѣвой или съ крайней правой». Съ этою же цѣлью были высланы претенденты и мѣра эта «свидѣтельствуетъ о настойчивости правительства положить конецъ шатанію, пагубному для страны». «Умѣренность и твердость были положены въ основу и иностранной политики, гдѣ и принесли хорошіе результаты». «Въ общемъ,—заключаетъ газета свой отзывъ,—Франція не можетъ пожаловаться на истекшій годъ: она принимаетъ все болѣе и болѣе соотвѣтствующее ей положеніе въ европейской системѣ».

Совсѣмъ иную картину внутреннихъ порядковъ представляютъ Англія, Германія и Австрія. Въ Англіи «менѣе чѣмъ въ два года смѣнились четыре министерства,—не лучше, чѣмъ бывало во Франціи въ періодъ самыхъ печальныхъ неурядицъ». «Внѣ все болѣе падаетъ довѣріе къ Англіи, внутри — къ самой конституціи, и въ добавокъ — феніи, анархисты, соціалисты. Словомъ,—говорятъ «Московскія Вѣдомости»—новый годъ застаетъ Англію далеко не въ завидномъ положеніи».

Въ Германіи внутреннее положеніе тоже очень шатко. Правительство употребляетъ всевозможныя мѣры, чтобъ упрочить объединеніе Германіи, дѣлаетъ массу уступокъ, но во всѣхъ важныхъ случаяхъ терпитъ полную неудачу, если не считать перемѣну въ Баваріи по случаю непредвидѣнной смерти короля Людвига. Регентъ Луитпольдъ оказывается весьма подходящимъ для германскаго канцлера. «Но пріобрѣсти симпатіи правителя еще не значитъ снискать расположеніе народа», и ко всему этому «соціализмъ въ Германіи распространенъ чуть ли не болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ».

Что же касается Австріи, то въ ней «рѣзче, чѣмъ когда-либо, выказалась старая язва—вражда различныхъ національностей, составляющихъ эту собирательную имперію». «Поляки, чехи, другіе славяне, венгры, нѣмцы—всѣ враги другъ друга и, въ то же время, на югѣ Австріи все болѣе поднимаетъ голову Italia irredenta, встрѣчающая восторженное сочувствіе и въ населеніи Италіи. Вообще въ воздухѣ пахнетъ порохомъ и чувствуется неизбѣжность войны между Франціей и Германіей.

Другая изъ старыхъ московскихъ газетъ—«Современныя Извѣстія»—тоже не увѣрена въ мирѣ, но она не увѣрена и въ войнѣ. «Есть ли основаніе быть удостовѣренными, — высказываетъ свои сомнѣнія газета,—что продолжится единомысліе Россіи съ Турціею и не обращеньіи будутъ обстоятельствами единомышленники въ противниковъ? Поддержитъ ли Германія Австрію или Россію, и Россія поддержитъ ли Германію? Присоединится ли Италія къ Франціи или къ Германіи? Да, наконецъ, вполнѣ ли невозможенъ союзъ даже Франціи съ Германіею, сколь ни мало это вѣроятно?... Столь же темно и будущее отношеніе между Франціей и Великобританіей. Честь рѣшенія вопроса быть ли войнѣ въ 1887 г., принадлежитъ, по мнѣнію «Современныхъ Извѣстій», господину Муткурову: «занавѣсъ будетъ поднятъ, если, какъ предвѣщаютъ слухи, Болгарія будетъ провозглашена королевствомъ, съ Баттенбергомъ или безъ Баттенберга, все равно, и если, не довольствуясь даже сліяніемъ съ Восточною Румеліей, поднимутъ движеніе и въ Македоніи». Такимъ образомъ, «Современныя Извѣстія» ставятъ миръ и войну въ зависимость отъ Болгаріи и Россіи съ Турціей.

Мало вѣруя въ точные разсчеты разума, «Современныя Извѣстія» признаютъ въ исторіи присутствіе «мистическаго» элемента и думаютъ, что именно онъ-то и явится вершителемъ будущихъ судебъ Европы. «Въ данномъ положеніи,—говорятъ «Современныя Извѣстія»,—есть обстоятельство, сила котораго окажетъ себя несомнѣнно, но которое не поддается разсчету: Европа приближается къ столѣтнему юбилею «великой революціи». «Съ этой точки зрѣнія смотря,—разсуждаетъ старая московская газета,—можетъ быть, было бы даже лучше, чтобы военная гроза пронеслась надъ Европою скорѣе и чтобы къ 1889 году небо уже совершенно расчистилось». Но даже и при мистическомъ элементѣ въ исторіи, все-таки, не совсѣмъ ясно, почему «великая революція», свершившаяся въ 1789 году, должна привести Европу къ военной катастрофѣ въ 1889 году.

Не разрѣшивъ этого вопроса, «Современныя Извѣстія» обращаются къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ, «томительную неопредѣленность» которыхъ они ставятъ въ прямую зависимость отъ не-

опредѣленности внѣшняго положенія, и при этомъ опять склоняютъ свой взоръ въ сторону Баттенберга и Святой Софіи и требуютъ подъема народнаго духа. Газета не безъ основанія замѣчаетъ, что «вѣрующіе въ независимость экономической жизни отъ дипломатическихъ отношеній отечества обличаютъ, между прочимъ, свое невѣжество въ психологіи. Униженнымъ положеніемъ государства не удручается ли сердце гражданина, а при этомъ какое мѣсто предпріимчивости? Мало того: не сокращаются ли самыя желанія, а отсюда и экономическія потребности, а отсюда размѣры производства и обмѣна?» Чтобы подкрѣпить эту мысль, газета указываетъ на нѣмцевъ, у которыхъ послѣ Седана и Меца явилось и сознаніе своего достоинства, и чувство увѣренности, а вмѣстѣ съ ними разцвѣла въ Германіи торговля и промышленность.

Но не одни внѣшнія дѣла дѣйствуютъ удручающимъ образомъ на нашъ народный духъ и на нашу экономическую жизнь. «Общество стоитъ на распутіи,—говорятъ «Современныя Извѣстія»,—реформы прошлаго царствованія подвергнуты вопросу, а обликъ будущаго вполнѣ и точно не опредѣленъ. Уѣздное управленіе ждетъ предвозвѣщеннаго преобразованія, земскія и городскія учрежденія—пересмотра своихъ началъ, судебная реформа систематически урѣзывается. Совокупность этихъ неопредѣленностей, проникнутыхъ однимъ отрицаніемъ, не можетъ оживлять населеніе, да не можетъ не содѣйствовать и окончательной деморализаціи самихъ учрежденій, если въ нихъ существуютъ недостатки».

Печальное положеніе, которое рисуютъ «Современныя Извѣстія», подѣйствовало удручающимъ образомъ, прежде всего, на самую газету и повергло ее въ крайне пессимистическое настроеніе. Народное хозяйство въ застоѣ, говоритъ газета, и нѣтъ признаковъ, по которымъ бы можно было ожидать его поднятія, земледѣліе перестаетъ быть доходнымъ производствомъ, наша задолженность передъ иностранцами возростаетъ, обязанность расплаты ведетъ къ новымъ займамъ и къ возвышеніямъ налоговъ, налоги же достигли пункта, послѣ котораго они дѣйствуютъ уже заднимъ ходомъ и начинаютъ сокращать производство и обмѣнъ; подобный же задній ходъ наблюдается и по важнѣйшимъ статьямъ бюджета, какъ доходы таможенный и питейный.

Въ сферѣ умственной жизни «прошлый годъ утѣшилъ русскаго человѣка единодушнымъ—и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ—признаніемъ величія его писателей. Но то дѣятели минувшаго времени и, притомъ, въ сферѣ исключительно художественной. А поднимается ли умственная дѣятельность внутри? Пребываетъ ли силъ отъ знанія? Воскресаютъ ли идеалы? Кончается ли періодъ, который можно назвать опереточнымъ? Преобразованные университеты дали-ль чѣмъ-нибудь знать обществу объ удвоенной производительности, которой нужно было ожидать отъ новаго начала, къ нимъ примѣненнаго? На эти вопросы способнѣе насъ отвѣтить сами читатели». Такъ заключаютъ свой обзоръ года «Современныя Извѣстія». Но гдѣ же читателю найти отвѣты на эти вопросы? Безпросвѣтный, скорбный пессимизмъ «Современныхъ Извѣстій» ляжетъ на бѣднаго читателя такимъ гнетомъ, что даже въ самомъ бодромъ человѣкѣ едва ли явится что-нибудь кромѣ щемящаго чувства, безвѣрія и страха передъ такимъ пугающимъ, неопредѣленнымъ будущимъ. И почему сама газета не отвѣтила на свои вопросы?

«Русскій Курьеръ» указываетъ на три особенности въ международной политикѣ 1886 года: повсемѣстный подъемъ національнаго духа, ослабленіе связующихъ народы и государства нитей и стремленіе къ новой группировкѣ державъ взамѣнъ нарушенной прежней. «Новая струя, охватившая народныя массы и проникнувшая во всѣ слои общества, выбрасываетъ,—по словамъ «Русскаго Курьера»,—на поверхность общественной и политической жизни дѣятелей, отвѣчающихъ шовинистской тенденціи» и удаляетъ тѣхъ, которые для этого не годятся. Надежды на миръ въ 1887 году «Русскій Курьеръ» ни малѣйшей не питаетъ. «Все мрачно, темно, безпросвѣтно»,— говоритъ онъ.

На внутреннія дѣла «Русскій Курьеръ» смотритъ, впрочемъ, не съ такимъ омраченнымъ челомъ и даже какъ-то двойственно. Домашнимъ дѣламъ онъ посвящаетъ двѣ статьи: «Право и судъ 1886 г. и 1886 годъ въ экономическомъ отношеніи». Первая статья написана съ нѣкоторымъ пессимизмомъ, а вторая съ немалою дозой оптимизма. Въ «Правѣ и судѣ» «Русскій Курьеръ» называетъ 1886 годъ годомъ «текущихъ реформъ». Ничѣмъ особенно крупнымъ онъ не ознаменовался, но канцеляріи и многочисленныя коммиссіи учено-бюрократическаго характера, судя по отголоскамъ, достигающимъ до общества и печати, работали всѣ 365 дней, готовя къ выпуску въ свѣтъ чрезвычайные законодательные памятники. Начало всѣмъ этимъ «проектамъ реформъ и законопроектамъ» положено не въ истекшемъ году, а перешли они въ наслѣдство «отъ многихъ и даже весьма многихъ предшественниковъ». Эту медленность «Русскій Курьеръ» объясняетъ тѣмъ, что «нигдѣ пословица: семь разъ примѣрь, одинъ отрѣжь—не нуждается въ такомъ строгомъ примѣненіи, какъ при писаніи законовъ». Кромѣ этого утѣшенія общаго характера, «Русскій Курьеръ» въ безплодности прожитаго года усматриваетъ еще и утѣшеніе спеціальное. «Принявъ во вниманіе современное общественное настроеніе и дующіе отовсюду холодные вѣтры, врядъ ли мы ошибемся,—говоритъ «Курьеръ»,—если скажемъ, что появленіе въ такое смутное и тревожное время всякаго рода «реформъ» едва ли желательно и что «писаніе законовъ» совершается не во благовремении. При недовѣріи ко всѣмъ просвѣтительнымъ и гуманнымъ реформамъ незабвенной памяти Императора Александра II, все болѣе и болѣе проникающемъ и охватывающемъ наши вліятельныя сферы, при несомнѣнномъ и нескрываемомъ торжествѣ не симпатизирующей имъ части русской печати, что можемъ мы ожидать и что получить?» Еще безотраднѣе другое оправданіе, дѣлаемое «Курьеромъ»

прошедшему году. «Когда общество въ тревогѣ за сохраненіе существующаго, когда подъ это «существующее», чѣмъ общество привыкло уже дорожить, подкапываются и подводятъ мины, когда оно окружено, такъ сказать, атмосферою «подозрительныхъ признаковъ», является не малою радостью и облегченіемъ одно уже то, что существующее продолжаетъ существовать и что «страхи» оказываются миражемъ, плодомъ испуганнаго и разстроеннаго воображенія». Сколько у «Русскаго Курьера» упованій на 1887 годъ и какою надеждой желаетъ газета окрылить читателя, можетъ явствовать изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ «хорошо было бы, еслибъ и о немъ (1887 годѣ) по истеченіи 365 дней можно было сказать то же, что сказали о 1886 годѣ».

Въ другой статьѣ, экономической, хотя тоже говорится о застоѣ во всѣхъ дѣлахъ, о народной бѣдности и неудачныхъ мѣропріятіяхъ, но все это выходитъ какъ-то гораздо розовѣе. Указывая на упадокъ нашей хлѣбной торговли и на необходимость, поэтому, измѣненія культуры хлѣбовъ и развитія обрабатывающей промышленности, «Русскій Курьеръ» замѣчаетъ: «Давно ведутся разсужденія на эту тему. Радикальныхъ же средствъ для перехода къ такому порядку не было указано и въ текущемъ году; не видно было и частнаго почина, хотя истина достаточно выяснилась. Такъ что старый годъ передаетъ новому все тотъ же заколдованный кругъ, изъ котораго наше народное хозяйство не можетъ выбиться уже не первый годъ». Мѣры, придуманныя для помощи народу, останавливаются всегда гдѣ-то на полпути и до истинно нуждающихся не доходятъ. Отдѣленіе крестьянскаго банка, напримѣръ, выдаетъ крестьянамъ ссуды подъ залогъ зерна, но не менѣе тысячи пудовъ, сохраняемыхъ въ хорошо устроенномъ амбарѣ. И вотъ ссудой пользуется скупщикъ, закладывая «свое» зерно, а мужикъ, у котораго дѣйствительно свое зерно, ссуды получить не можетъ. Или крестьянскій поземельный банкъ выдаетъ ссуды малоземельнымъ крестьянамъ для покупки земли, но выдаетъ меньше, чѣмъ нужно мужикамъ. Недостающую сумму крестьяне должны найти, гдѣ они знаютъ. Поэтому, кто имѣетъ возможность раздобыть «доплату»—ссуду изъ банка получаетъ, а кто нѣтъ—остается безъ ссуды и безъ земли. Разживаются только ростовщики и кулаки — или тѣмъ, что ссужаютъ крестьянъ деньгами для доплаты, или же тѣмъ, что, прикрываясь именемъ общества, получаютъ изъ банка тысячи. Тотъ же банкъ почему-то благоволитъ больше подворному владѣнію, чѣмъ общинному. При подворномъ владѣніи онъ даетъ ссуду до 500 руб. на дворъ, а при общинномъ—по 125 на мужицкую душу. Чтобы получилось 500 руб. на дворъ, нужно быть въ семьѣ четыремъ мужицкимъ душамъ, а такихъ семей почти нѣтъ. Бывали примѣры, что крестьяне-общинники, чтобы получить изъ банка бо́льшую ссуду, составляли приговоры о замѣнѣ общиннаго подворнымъ владѣніемъ. Говоря объ обращеніи оброчной подати бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи, «Курьеръ» замѣчаетъ: «Мѣропріятіе это довольно уже оцѣнено было какъ нами, такъ и всею русскою прессой, какъ актъ высокой справедливости». Газета, очевидно, тутъ что-то не договорила. Еще «актъ высокой справедливости» газета усматриваетъ въ положеніи о чиншевикахъ. Упоминая же о законѣ о наймѣ фабричныхъ и сельскихъ рабочихъ, «Курьеръ» замѣчаетъ: «фабричному закону, надо думать, предстоитъ болѣе счастливая будущность».

Наиболѣе полный обзоръ изъ московскихъ газетъ сдѣлали 1886 году «Русскія Вѣдомости». Кромѣ общей передовой статьи, газета дала обзоръ народному хозяйству и финансамъ, земскому и городскому самоуправленію, праву и суду, иностранной политикѣ, народному образованію, наукѣ и, наконецъ, русской литературѣ. Шесть страницъ убористой печати сплошь посвящены 1886 году. Газета напечатала даже двойной фельетонъ, въ которомъ тотъ же злополучный годъ изображается въ смѣшномъ видѣ. Со стороны фактической точности и подробности ни ожидать, ни требовать бо́льшаго нельзя. Кажется, не осталось въ оффиціальной и общественной жизни Россіи ни одного уголка, куда бы не заглянула газета. Но общій выводъ остается все тотъ же, что «истекшій годъ былъ тяжелымъ годомъ для нашего отечества». «Все соединилось для того, чтобы сдѣлать его по истинѣ годиной испытаній, - говорятъ «Русскія Вѣдомости».— Внутренняя жизнь государства была омрачена тягостною экономическою неурядицей, а внѣшняя—неоднократно грозившею войной». Всѣмъ тяжело жить, всѣ жалуются, всѣ ждутъ исхода». «Но какъ же встрѣтили мы бѣдствіе, что противупоставили ему, какія средства были пущены въ ходъ для борьбы съ нимъ?—спрашиваетъ газета.—Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что, въ виду кризиса, общее уныніе и упадокъ духа преобладали надъ энергіей, а безплодныя жалобы заслоняли собою здравыя попытки вникнуть въ истинныя причины зла и вступить въ борьбу съ нимъ». Во внѣшней политикѣ мы обнаружили одно время неосновательный шовинизмъ; въ смыслѣ государственныхъ мѣръ внутренней политики, минувшій годъ былъ бѣднымъ годомъ; въ области хозяйственной жизни мы заявили безпомощность, отсутствіе энергіи и неумѣнье или нежеланіе вдуматься въ истинныя причины зла и бороться съ ними, по мѣрѣ возможности, собственными силами. Представители нашей обрабатывающей промышленности не сдѣлали ничего, хотя они жаловались много и громко. Апатія и бездѣятельность замѣчались не въ одной области обрабатывающей промышленности, а повсюду, всюду слышались только жалобы и всюду царило бездѣйствіе. Жалобы эти нашли себѣ отголосокъ и въ нѣкоторыхъ органахъ печати, которые вмѣстѣ съ толпой направили свои нападки совсѣмъ не туда, куда слѣдовало. Органы этой печати «вопіяли о ломкѣ всего, что создано было великими реформами прошлаго царствованія, чѣмъ жила и живетъ обновленная Россія». Въ области экономическихъ отношеній эти органы проповѣдывали нелѣпости и абсурды вродѣ политики бумажныхъ денегъ и слѣпаго про-

текціонизма. Наконецъ, въ области внѣшней политики они разжигали дурные инстинкты шовинизма. Нарисовавъ безотрадную картину минувшаго года, газета спрашиваетъ: что несетъ съ собою наступающій годъ и чего желать отъ него?—и высказываетъ четыре пожеланія: чтобы разсѣялись политическія тучи, чтобы очистилась почва для мирнаго преуспѣянія нашего государства, чтобы общество воспрянуло духомъ для борьбы съ неурядицей и для бодрой самодѣятельности; наконецъ, чтобы спасительная самодѣятельность встрѣчала на своемъ пути возможно меньше преградъ.

Передавать содержаніе новогоднихъ статей «Русскихъ Вѣдомостей» я не стану. Во-первыхъ, это было бы невозможно уже по одному ихъ объему, во-вторыхъ, читателямъ этой распространенной московской газеты встрѣтиться съ короткимъ и сухимъ конспектомъ того, что уже имъ извѣстно, было бы скучно; а въ-третьихъ, ни въ мысляхъ «Русскихъ Вѣдомостей», ни въ ихъ пожеланіяхъ нѣтъ ничего такого, что могло бы вызвать возраженіе.

Еще невозможнѣе передать содержаніе новогоднихъ статей большихъ петербургскихъ газетъ—«Новостей» и «Новаго Времени». Если «Русскія Вѣдомости» подавляютъ обиліемъ основательности и подробностями, то «Новости» ужъ и совсѣмъ приведутъ въ трепетъ читателя своимъ новогоднимъ нумеромъ въ восемь громаднѣйшихъ страницъ. Это цѣлая книга, а чтобы прочесть ее, нужно имѣть большой досугъ. Приводить содержаніе новогоднихъ очерковъ «Новостей» и потому еще нѣтъ необходимости, что политическіе и экономическіе взгляды этой газеты достаточно извѣстны. Какъ знаетъ читатель, эта газета — либеральная. Но заглавіе статей я перечислю: «общій обзоръ, 1886 годъ въ экономическомъ отношеніи, церковь и народное просвѣщеніе, земство, военный обзоръ, преобразованія по флоту, литературные итоги, театръ, музыка, 1886 г. на скамьѣ подсудимыхъ» (заглавіе неудачное: можно подумать, что газета сажаетъ на скамью подсудимыхъ 1886 годъ, хотя онъ во всѣхъ предъидущихъ статьяхъ только и дѣлалъ, что сидѣлъ на этой скамьѣ; а, между тѣмъ, это уголовная хроника) и, наконецъ, «предсказанія на 1886—1887 гг.». Приведу я также и нѣкоторыя выдержки изъ «общаго обзора», чтобы отмѣтить, какъ «Новости» устанавливаютъ общій характеръ русской жизни за прошлый годъ. Никакого «новаго счастья» этотъ годъ не принесъ, да и не могъ принести,—говоритъ газета. Для этого, по мнѣнію «Новостей», не доставало самыхъ существенныхъ условій: сколько-нибудь ясныхъ идеаловъ, сознательныхъ отношеній къ жизни или хотя бы любви къ ней. «Даже страданіе, происходящее отъ невыполненія завѣтныхъ цѣлей, гораздо предпочтительнѣе того чувства неудовлетворенности, которое получается, когда въ обществѣ оскудѣваютъ жизнерадостныя представленія, горячая вѣра въ правду и добро и возбуждающая силы и духъ надежда на лучшее будущее. Но и страданій мы не испытывали въ прошломъ году именно потому, что ничего не желали и, съ старческимъ равнодушіемъ, ни о чемъ не заботились». Затѣмъ газета возражаетъ «нѣкоторой части нашей журналистики», которая передъ началомъ прошлаго года привѣтствовала «отрезвленіе» общества отъ идеаловъ «шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ» и провозглашала, что «всѣ снова почувствовали почву подъ ногами, всѣ снова ощутили реальность своей національности, вѣры и исторіи, всѣ поняли, что кончилось безсмысленное время самоуничтоженія». Говорить объ «отрезвленіи» отъ прошлаго можно было бы въ такомъ случаѣ, если бы на смѣну стараго явилось что-нибудь новое; но, къ сожалѣнію, ничего подобнаго не замѣчается и не чувствуется,—замѣчаютъ «Новости». Даже Аксаковъ, одинъ изъ виновниковъ «отрезвленія», покончилъ свои дни въ самомъ разочарованномъ настроеніи, не усматривая никакихъ признаковъ скораго подъема духа и возрожденія нравственной и умственной бодрости. «Прошлый годъ,—говорятъ «Новости»,—надо записать въ число тѣхъ промежуточныхъ, безцвѣтныхъ лѣтъ, которыя очень походятъ на сѣренькія будни и надъ которыми историкъ останавливается развѣ только для того, чтобы указать на печальныя послѣдствія упадка жизненной энергіи». И всѣ факты, которые затѣмъ приводитъ газета изъ законодательной, экономической и общественной нашей дѣятельности за 1886 годъ, подходятъ какъ разъ къ этому заключенію. Или никакого «отрезвленія» не случилось, или же оно не дало ничего.

«Новое Время» даетъ обзоръ еще полнѣе, чѣмъ «Новости», и особенною полнотой отличается литературное обозрѣніе, жизненность которому придаетъ статья о нашей политической печати. Другая особенность обзоровъ «Новаго Времени»—въ отсутствіи общей характеристики истекшаго года и въ неровности статей. Передовая статья—*Законодательная дѣятельность въ 1886 году*—написана съ такимъ «административнымъ тактомъ», которому могъ бы позавидовать даже «Правительственный Вѣстникъ». По отзыву «Новаго Времени», истекшій годъ не отличался особенно большимъ движеніемъ законодательства въ количественномъ отношеніи, но по важности тѣхъ законовъ, какіе состоялись, и по разнообразію затрогиваемыхъ ими сторонъ государственной и народной жизни, 1886 годъ займетъ, все-таки, не послѣднее мѣсто въ теченіе переживаемаго десятилѣтія. При взглядѣ на перечень новыхъ законовъ чувствуется, что основные пути переживаемаго Россіей періода уже намѣчены и теперь дѣло идетъ какъ о подтвержденіи и дополненіи этихъ намѣченныхъ въ послѣдніе годы главныхъ началъ, такъ и о взаимной связи ихъ общею подкладкой, въ видѣ, напримѣръ, новой системы мѣстныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, «Новое Время» устанавливаетъ, что наше законодательство послѣднихъ годовъ уже сложило традицію и идетъ твердо въ своемъ направленіи, не обѣщая никакихъ колебаній и въ будущемъ. Если 1866 годъ не отличается, по словамъ газеты, самостоятельнымъ починомъ въ зако-

нодательной области и онъ больше разрабатываетъ мысли своихъ предшественниковъ, за то въ этой разработкѣ видна обстоятельность и твердость, доказывающія, что законодательная энергія нисколько не ослабла: «охватывая нѣсколько меньшій кругъ предметовъ, она ничего не утратила въ своей жизненности». Затѣмъ газета переходитъ къ перечисленію отдѣльныхъ законоположеній и начинаетъ со вновь пересмотрѣннаго учрежденія объ Императорской фамиліи, которое называетъ «очень важнымъ и любопытнымъ по содержанію». На второе мѣсто газета ставитъ законодательное теченіе по объединенію нашихъ окраинъ, обнаружившееся въ 1886 году съ особенною энергіей. На мѣрахъ, принятыхъ относительно Балтійскаго края, «Новое Время» останавливается съ особенною подробностью и кончаетъ краткимъ обзоромъ остальныхъ правительственныхъ мѣропріятій. Въ числѣ характерныхъ постановленій «Новое Время» указываетъ на проявленіе законодательной заботливости о народной нравственности, объ огражденіи установившихся религіозныхъ и другихъ принятыхъ взглядовъ и т. п. «По отношенію же къ образованному классу населенія, изъ числа обыденныхъ ограничительныхъ мѣръ особаго свойства, указываетъ, въ качествѣ признака времени, на воспрещеніе носить вѣнки и эмблемы при погребальныхъ процессіяхъ, какъ несогласные съ православнымъ взглядомъ на предметъ».

Въ обзорѣ политической печати «Новое Время» говоритъ, что въ прошедшемъ году интересы къ политикѣ международной не только въ печати, но и въ жизни, рѣшительно преобладали надъ всѣми другими интересами, какъ бы затѣняя и отводя на второй планъ послѣдніе. Но нельзя сказать, чтобы печать не посвящала своего вниманія и внутреннимъ вопросамъ. По ходу русской жизни наши внутренніе вопросы 1886 г. большею частью не представляли ничего новаго въ смыслѣ того, что называется направленіемъ. Всѣ руководящія начала были уже выяснены раньше, и то, на чемъ могла остановиться печать, «не могло сообщить ея страницамъ особенный блескъ, а ея мнѣніямъ о внутреннихъ дѣлахъ — слишкомъ громкій резонансъ: проза жизни и въ печати оставалась прозою». Но то, что политическая печать избѣгала касаться вопросовъ принципіальнаго свойства, «Новое Время» ставитъ ей въ заслугу. «Нельзя указать ни одного серьезнаго случая,—говоритъ газета,—гдѣ тотъ или другой органъ печати выдвинулся бы какимъ-нибудь принципіальнымъ вопросомъ политическаго или хотя общественнаго характера. Такъ называемыя «направленія» если еще и не исчезли изъ русской печати, то, во всякомъ случаѣ, проявляются не въ принципіальныхъ вопросахъ или же смѣшались и перепутались». Въ послѣднемъ явленіи, по мнѣнію «Новаго Времени», сказывается, безспорно, нивеллировка, свершившаяся въ русскомъ общественномъ сознаніи. «Что было спорнымъ и подвергалось сомнѣніямъ еще въ минувшее десятилѣтіе и въ первые годы восьмидесятыхъ годовъ, то для однихъ стало безспорнымъ и несомнѣннымъ по существу, а для другихъ—безразличнымъ или безнадежно потеряннымъ». Такое явленіе газета не считаетъ постояннымъ и продолжительнымъ. Пріостановившуюся умственную жизнь слѣдуетъ, по словамъ газеты, считать моментомъ передышки, раздумья, послѣдствіемъ нѣкотораго утомленія и желанія осмотрѣться, провѣрить привычныя понятія и ходячіе взгляды. Отъ этого и печать, живущая силой, которую даетъ ей общество, отказалась, какъ будто, отъ общихъ вопросовъ и чуждается ихъ до поры до времени. Старые вопросы отошли, а новые еще не пришли или, по крайней мѣрѣ, не обозначились съ достаточною ясностью. Во всякомъ случаѣ, это не вина печати, а послѣдствіе болѣе общихъ причинъ, неотразимо воздѣйствующихъ на общественное настроеніе.

Для полноты картины «Новое Время» отмѣчаетъ нѣсколько фактовъ внѣшней жизни нашей политической печати. Умеръ И. С. Аксаковъ, а съ нимъ сошло со сцены и цѣлое міровоззрѣніе; другою утратой была смерть П. К. Щебальскаго, редактора «Варшавскаго Дневника». Для прочихъ органовъ печати 1886 годъ принесъ нѣкоторое количество цензурныхъ непріятностей и весьма значительное число судебныхъ процессовъ, изъ коихъ бо́льшая часть закончилась обвинительными приговорами. «Русское Дѣло» подверглось пріостановкѣ на три мѣсяца, «Заря» прекращена совсѣмъ; но взамѣнъ ея разрѣшено «Кіевское Слово», выходящее при участіи бывшаго издателя «Зари», г. Андреевскаго, и нѣкоторыхъ мѣстныхъ желѣзно-дорожныхъ дѣятелей. Что касается, наконецъ, состава политической печати, то въ немъ не замѣчается никакой прибыли, никакихъ новыхъ дарованій, которыя обратили бы на себя вниманіе. «Старое старится, а молодое какъ будто не ростетъ... Увидитъ ли новый годъ новые всходы на журнальной нивѣ?»—спрашиваетъ «Новое Время».

«Недѣля» находитъ, что 1886 годъ не представлялъ такихъ рѣзкихъ событій, которыя дѣлали бы его памятнымъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ свои особенности. Отмѣтивъ эти особенности въ области экономической и законодательной, газета указываетъ на обнаружившіеся въ концѣ года признаки исчезновенія общественной апатіи и появленія интереса къ общественнымъ дѣламъ.

Отзывы провинціальной печати о 1886 годѣ не всегда ограничиваются только оцѣнкой мѣстныхъ дѣлъ. Чѣмъ мѣстная газета больше по объему и чѣмъ бо́льшій кругъ читателей она имѣетъ, тѣмъ больше предметовъ она захватываетъ и шире ведетъ свое обозрѣніе, присоединяя къ мѣстнымъ дѣламъ дѣла общія и международную политику. Особенно щедръ въ международной политикѣ оказался «Кіевлянинъ», растянувшій ее на нѣсколько нумеровъ. Чтобы не утомлять читателя, я выберу изъ провинціальныхъ газетъ только наиболѣе характерные факты и мнѣнія.

О «Волжскомъ Вѣстникѣ» мнѣ, къ сожалѣнію, сказать ничего не придется, потому что первыхъ двухъ его новогоднихъ нумеровъ я не получилъ.

«Саратовскій Листокъ» называетъ 1886 годъ

годомъ недоброй памяти. Политическій горизонтъ былъ мраченъ, въ торговлѣ и промышленности былъ застой, дожди не дали убрать и половины того урожая, который обѣщался, дешевизна хлѣба производила удручающее дѣйствіе на населеніе, а въ мѣстной общественной жизни не обнаружилось тоже ничего свѣтлаго. Выборы въ думу дали наибольшій процентъ виноторговцевъ, трактирщиковъ и кабатчиковъ, большой процентъ базарныхъ героевъ и безсильное меньшинство интеллигенціи. «Закваска остается старая, вожаки будутъ тѣ же, а при такой закваскѣ хорошо и то, что въ прежніе періоды никому не дѣлалось умышленнаго зла»,— замѣчаетъ «Саратовскій Листокъ». Губернское земское собраніе въ интересахъ экономіи урѣзало на двѣ трети необходимое для прокормленія и обсѣмененія Царицынскаго уѣзда пособіе. Одинъ изъ гласныхъ проповѣдывалъ при этомъ, что голодовки полезны, ибо онѣ поддаютъ энергіи труду и безъ нихъ крестьянинъ бы облѣнился. Въ видахъ той же экономіи закрыта статистика, существовавшая шесть лѣтъ и стоившая 50,000 р. Земцы нашли, что статистика не только безполезна, но въ томъ видѣ, какъ она есть, даже вредна.

«Южанинъ», издаваемый въ Николаевѣ, ограничиваетъ новогодній обзоръ только жизнью своего города. Кажется, Николаевъ единственный уголокъ въ Россіи, въ которомъ живутъ счастливые люди и въ которомъ общественное управленіе стоитъ на высотѣ своей задачи. Только два обстоятельства нѣсколько омрачили свѣтлое настроеніе мѣстныхъ обитателей: учрежденіе аукціонной камеры, «польза которой еще не выяснилась фактически» («впрочемъ, отвергать ее нельзя», — замѣчаетъ «Южанинъ»), и окончательно разстроенное дѣло сооруженія водопровода. «Но, во-первыхъ, — говоритъ «Южанинъ», — это единственный печальный фактъ въ ходѣ нашего самоуправленія за прошлый годъ, а, во-вторыхъ, этотъ вопросъ долженъ считаться спорнымъ». Счастливый Николаевъ!

«Одесскій Вѣстникъ» характеризуетъ 1886 г., какъ годъ общественно-экономическихъ компромиссовъ и несбывшихся желаній. Въ числѣ мѣропріятій, предпринятыхъ для улучшенія экономическаго положенія Россіи, «Одесскій Вѣстникъ» разбираетъ и правила о наймѣ фабричныхъ и сельскихъ рабочихъ. Новый фабричный законъ для Юга не представляетъ существенной важности, потому что фабричная и заводская промышленность развита въ высшей степени слабо. О правилахъ же для найма на сельскія работы «Одесскій Вѣстникъ» отзывается такъ: «вотъ уже полгода прошло съ тѣхъ поръ, какъ «правила» обнародованы, а до насъ изъ селъ не дошло рѣшительно ни одной вѣсти о способѣ ихъ примѣненія. И это вполнѣ понятно, потому что въ дѣйствительности никакого примѣненія не произошло. Дѣло въ томъ, что правила составлены внѣ надлежащаго сообразованія съ интересами, понятіями, жизненными условіями и стремленіями тѣхъ «сферъ», для руководства которыхъ они спеціально предназначены. Сельскохозяйственная рабочая жизнь у насъ такъ разнообразна и такъ безконечно сложна, что регламентировать ее общими «правилами»—задача тщетная, непосильная, невозможная къ «исполненію».

«Кіевлянинъ» подводить итогъ прошедшему году отказывается, считая это пока невозможнымъ: «это дѣло будущаго историка»,—говоритъ газета. Что же касается мѣстныхъ вопросовъ, то газета на первомъ планѣ ставитъ невзгоду экономическую: свеклосахарный кризисъ и сопровождавшій его значительный и мѣстами даже полный неурожай озимыхъ хлѣбовъ и упадокъ цѣнъ и заграничнаго спроса. Низкія цѣны хотя и легли тяжело на многихъ отдѣльныхъ хозяевъ, но были благопріятны для массы населенія, потому что ослабили опасность голоданія. Тѣмъ не менѣе, опасность голода впереди и, какъ говоритъ «Кіевлянинъ», «до новаго урожая придется еще много хлопотать по дѣлу народнаго продовольствія». Тифъ, дифтеритъ, скарлатина и т. д., видимо, обратились въ кіевскомъ краѣ въ болѣзни хроническія. Хронической стала и водобоязнь. Лѣвобережныя губерніи края отправили массу переселенцевъ на Амуръ и Сахалинъ, куда погнали ихъ неурожаи и «не вполнѣ благопріятно сложившіяся экономическія условія...» (?) Вообще край прожилъ прошедшій годъ не особенно радостно, да и въ будущемъ мало видится лучшаго.

«Орловскій Вѣстникъ», подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ козловскихъ, мценскихъ и орловскихъ банковыхъ событій, говоритъ объ удручающемъ вліяніи на общество и общественную нравственность воротилъ и въ особенности ихъ совѣтниковъ и помощниковъ, которые создаютъ и оформливаютъ различные проекты, такъ какъ сами воротилы въ большинствѣ случаевъ малограмотны. Въ этихъ совѣтникахъ «обыватель видитъ болѣе опасную язву, нежели въ лиходѣйствующихъ воротилахъ. Не будь у воротилъ умныхъ совѣтниковъ, они попадали бы какъ «куръ во щи», а теперь проведутъ и выведутъ,—научились такъ, что сами болванятъ за первый сортъ. Какъ много значитъ имѣть хорошихъ учителей!» — восклицаетъ «Орловскій Вѣстникъ». Жаль, что газета не говоритъ яснѣе. Такъ же неопредѣленно выражается она о городскомъ и земскомъ самоуправленіи. Въ орловской городской жизни замѣчались одни лишь изъяны. Въ силу какихъ причинъ городское самоуправленіе не удовлетворяло своему назначенію — «это другой вопросъ, но оно не стояло на высотѣ своего призванія», — говоритъ «Орловскій Вѣстникъ». На земскихъ собраніяхъ давали знать себя только «сословные предразсудки, боязнь свѣта, науки, стремленія къ исключительно личной жизни», но губернское земство давало отпоръ всѣмъ этимъ низменнымъ инстинктамъ.

«Минскій Листокъ» (новый органъ Бѣлорусскаго края) находитъ, что если «минувшій годъ не можетъ похвастать богатствомъ реформъ во всѣхъ отрасляхъ нашего государственнаго устройства и управленія, то это объясняется оскудѣніемъ нашихъ финансовъ, въ чемъ не мало повиненъ Александръ Баттенбергскій и его вожаки». Но, не-

смотря на скудость казны, минувшій годъ, по словамъ «Листка», займетъ въ исторіи видное мѣсто такою крупною реформой, какъ учрежденіе въ сѣверо-западномъ краѣ крестьянскихъ земельныхъ банковъ и изданіе положенія о чиншевикахъ. По мнѣнію «Минскаго Листка», теперь «земледѣліе станетъ съ каждымъ годомъ улучшаться и настанетъ время, когда только одинъ крестьянинъ, этотъ единственный естественный кормилецъ всего нашего отечества, станетъ богатыремъ Микулою Селяниновичемъ...»

«Сѣверный Кавказъ», противупоставляя законодательныя мѣры экономическому состоянію государства и указывая на неурожай, постигшій всю восточную часть сѣвернаго Кавказа, почти въ конецъ разорившій населеніе, говоритъ, что «въ окончательномъ итогѣ внутренней жизни, какъ вообще, такъ и въ частности для Кавказа, получается преобладаніе пассива надъ активомъ, такъ какъ то или иное экономическое положеніе государства непосредственнѣе и ближе захватываетъ интересы населенія, нежели ходъ его законодательной дѣятельности».

«Новое Обозрѣніе» (выходящее въ Тифлисѣ) находитъ тоже перевѣсъ пассива надъ активомъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе на народномъ образованіи, которое считаетъ «важнѣйшимъ изъ всѣхъ дѣлъ, способныхъ двинуть отсталый Кавказскій край на путь цивилизаціи». «Народное образованіе, — какъ говоритъ газета, — подвигалось въ истекшемъ году хотя и не быстро, но и не безъ нѣкотораго успѣха». Тотъ же прошлый годъ «если не усилилъ надежды на учрежденіе въ Закавказьи университета, то и не сдѣлалъ ничего, чтобы лишить край надежды видѣть въ стѣнахъ древней столицы Закавказья расадникъ высшаго знанія». Въ числѣ отрадныхъ явленій «Новое Обозрѣніе» указываетъ на благопріятные результаты думскихъ выборовъ и на нѣсколько большее число голосовъ, которые получила интеллигенція. Впрочемъ, замѣчаетъ газета, успѣхъ въ дѣлѣ благоустройства зависитъ не столько отъ думы, сколько отъ умственнаго развитія и сознанія общественныхъ обязанностей со стороны большинства горожанъ. «Дай Богъ, чтобы наступившій годъ принесъ намъ много новыхъ школъ и чтобъ онъ позволилъ намъ дѣлать шагъ впередъ на длинномъ, но благотворномъ пути народнаго образованія».

Если у читателя достало терпѣнія прочесть всѣ эти извлеченія, то у него не могло не явиться тоскливое ощущеніе томительнаго умственнаго однообразія. Для произведенія болѣе полнаго впечатлѣнія умственной скуки я могъ бы сдѣлать болѣе строгій и полный выборъ изъ однообразнаго содержанія новогоднихъ нумеровъ. Но мнѣ этого не позволило мѣсто. Впрочемъ, употребивъ и обратный пріемъ, т. е. исчерпавъ изъ газетъ все ихъ «разнообразіе», я достигъ той же цѣли. Если, такимъ образомъ, даже при «разнообразномъ» чтеніи ощущается только умственная скука, то какая же тоска овладѣла бы читателемъ при многократномъ повтореніи ему однихъ и тѣхъ же фактовъ! Кажущееся разнообразіе новогоднихъ газетныхъ обозрѣній заключается не въ сущности фактовъ или мыслей, а въ личныхъ особенностяхъ редакцій и ихъ сотрудниковъ, въ ихъ талантливости и умѣньи писать. Что же касается сущности вопросовъ и сдѣланныхъ изъ нихъ общихъ заключеній, то нѣтъ газеты, которая не повторяла бы другую, точно всѣ эти новогоднія статьи писались въ одной общей для русскихъ газетъ редакціи. И общая редакція для новогоднихъ заключеній была дѣйствительно установлена повсюдно-однороднымъ общественнымъ мнѣніемъ уже ранѣе, въ теченіи 1886 года, сдѣлавшимъ оцѣнку явленіямъ русской жизни. Явленія эти до того просты, факты всѣ до того ясны, что никакого разнорѣчія во взглядѣ на нихъ и быть не могло. Это все равно, какъ если бы показать обществу термометръ, въ которомъ ртуть стоитъ на 20° мороза. Какое тутъ могло быть различіе мнѣній? Факты прошлаго года представляли подобныя же точныя цифры и общественному мнѣнію приходилось имѣть дѣло съ математическими величинами. Вообще въ прошедшемъ году преобладалъ языкъ цифръ, и этимъ же языкомъ говорили и новогоднія обозрѣнія. Снова было повторено, какъ колебался нашъ курсъ, какъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ онъ то падалъ, то подымался и, наконецъ, дошелъ до 233½ на Парижъ, рядомъ цифръ по предметамъ вывоза и ввоза показывалось колебаніе и упадокъ нашего международнаго обмѣна, цифрами показывали пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, уменьшеніе доходовъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Неурожаи, упадокъ земледѣлія и сельскохозяйственной производительности, голодъ, переселеніе и подобныя имъ явленія въ народной жизни — опять настолько неоспариваемыя очевидности, которыхъ нельзя ни отрицать, ни объяснять двойственно.

И факты эти создались не однимъ 1886 годомъ. Въ этомъ году они обнаружили лишь большую напряженность. Понятно, поэтому, что и общественное вниманіе, давно уже направленное въ сторону нашихъ общественно-экономическихъ минусовъ, съ не меньшимъ напряженіемъ слѣдило и за тѣми мѣрами, которыя направлялись для ихъ упорядоченія. Общество, которое и на самомъ себѣ, въ своей ежедневной жизни, испытывало подавляющее вліяніе всякихъ неустройствъ и минусовъ, съ упорствомъ и настойчивостью слѣдило за тѣмъ, что дѣлалось противъ этой томящей всѣхъ жизни, и ждало, что вотъ-вотъ явится, наконецъ, облегченіе и дѣла пойдутъ лучше. Вниманіе, направленное лишь въ одну сторону, въ сторону ожиданія лучшаго, переходило естественнымъ логическимъ путемъ въ критическую мысль, въ оцѣнку того, что дѣлалось для облегченія общественнаго положенія, и общественное мышленіе само собою принимало характеръ политическій. Сфера этой политики была, конечно, узка, она была ограничена оцѣнкой результатовъ исключительно экономическихъ, хозяйственныхъ и финансовыхъ мѣропріятій. И тутъ, какъ и въ оцѣнкѣ вызвавшихъ ихъ фактовъ, не могло тоже явиться разнорѣчія. Законодательныхъ и административныхъ мѣръ было не много,

всѣ онѣ были у всѣхъ на лицо, и оцѣнка ихъ не заключала въ себѣ ничего такого сложнаго, въ чемъ нельзя было бы легко разобраться или столковаться: законъ о семейныхъ раздѣлахъ, фабричный законъ, законъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ, законъ о чиншевикахъ, преобразованіе оброчной подати,—вотъ и всѣ главнѣйшія мѣропріятія 1886 года. У общественной мысли былъ уже заранѣе готовый и аршинъ, съ которымъ никакой ошибки въ оцѣнкѣ и случиться не могло. И въ самомъ дѣлѣ, какую трудность могла представлять оцѣнка, напримѣръ, закона о преобразованіи оброчной подати въ выкупные платежи и закона о чиншевикахъ? Намъ, теперешнимъ сподвижникамъ восьмидесятыхъ годовъ, прошедшее время, свершившее освобожденіе крестьянъ, оставило въ наслѣдіе два теченія мысли — противу-крѣпостное и крѣпостное. Эти два теченія можно прослѣдить безъ всякаго труда во всѣхъ мелочахъ русской жизни, во всей ея идейной и практической борьбѣ. Русская современная исторія и есть именно исторія борьбы этихъ теченій. Въ законѣ о преобразованіи оброчной подати (мысль эта возникла впервые въ управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева) бывшіе государственные крестьяне приравниваются къ бывшимъ крѣпостнымъ. Въ этой мысли есть несомнѣнная послѣдовательность съ точки зрѣнія личной собственности. Если помѣщичьимъ крестьянамъ была дана возможность выкупа земли, то, для уравненія правъ всѣхъ русскихъ крестьянъ, нужно и государственнымъ крестьянамъ предоставить ту же возможность. И вотъ законъ превращаетъ государственныхъ крестьянъ тоже въ земельныхъ собственниковъ. А такъ какъ положеніе 19 февраля открыло широкія возможности для образованія личнаго мелкаго и крупнаго крестьянскаго землевладѣнія, то предусмотрѣть, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ законъ, сдѣлавшій и государственныхъ крестьянъ земельными собственниками, ужъ, конечно, не представляло никакого труда. Въ законѣ о чиншевикахъ и въ правилахъ для найма сельскихъ рабочихъ, съ тѣмъ же аршиномъ въ рукахъ, не трудно было опредѣлить, въ какую сторону клонятся благопріятныя условія — въ сторону ли землевладѣльцевъ или чиншевиковъ, въ пользу ли нанимателей или нанимаемыхъ. Теперешнее время относится очень бережливо къ традиціи установившагося строя и отыскиваетъ выходы по возможности въ компромиссахъ. И компромиссъ вовсе не новое явленіе; онъ обнаружился достаточно ясно въ первыхъ мѣрахъ, намѣченныхъ какъ основаніе для реформы 19 февраля. Но въ то время компромиссъ былъ еще идеей, теперь же онъ сталъ простою традиціей и силой чисто-механической.

Въ настоящее время,—время упорядоченія мелкихъ неустройствъ и подгонки мелкихъ частностей въ общую гармонію съ устоями крестьянской реформы,—создалось и соотвѣтственное этому законодательное направленіе. Теперешняя законодательная дѣятельность, несомнѣнно, очень энергична и стремится обнять послѣдовательно всѣ мелочи и частности неустройствъ и, взамѣнъ исчезнувшаго съ крѣпостнымъ правомъ промежуточнаго цемента помѣщичьей власти, создать соотвѣтственную ей силу. Этому простому общему плану соотвѣтствуютъ такія же простыя и практическія мѣры. Мѣры эти, какъ я уже сказалъ, очень скоро были оцѣнены и печатью, и общественнымъ мнѣніемъ. Ни разговора, ни мыслей они не могли возбудить въ обществѣ много и содержаніе ихъ исчерпалось очень скоро. Затѣмъ ни говорить, ни думать въ общественномъ направленіи было нечего. Правда, газеты, въ своихъ новогоднихъ нумерахъ, повторили всю эту старую исторію снова, съ подробностями экономическими, промышленными, финансовыми и проч. и съ выводами и заключеніями, которые были сдѣланы раньше и которые, конечно, были еще у всѣхъ въ памяти. Отъ этого повторенія получилось лишь впечатлѣніе томительнаго однообразія, которое и испыталъ читатель при чтеніи новогоднихъ обозрѣній, То, что испытывалъ отдѣльный читатель при чтеніи новогоднихъ обозрѣній, испытывало и общество въ теченіи года. Причины заскучавшей русской мысли и томительнаго однообразія нашей печати только и заключаются въ томъ, что всѣмъ приходится думать о мелкихъ однородныхъ фактахъ и мелкихъ общихъ мѣрахъ чисто-практическаго характера, о которыхъ собственно и думать нечего и которые, по скудности комбинацій, не представляютъ интереса для мысли.

И это бы еще ничего, если бы область общественной мысли была шире. А то общественному вниманію открыта сфера почти исключительно однихъ экономическихъ явленій, о которыхъ приходится думать лишь въ одномъ экономическомъ направленіи, не заходя ни въ какія сопредѣльныя области. Ну, какъ не заскучать мысли, какъ не впасть ей въ тоскливое напряженіе, вызывающее вялость и равнодушіе? Въ такихъ случаяхъ люди обыкновенно начинаютъ думать въ личномъ направленіи и тогда получается то, съ чѣмъ такъ энергично борется теперь наша печать,—преобладаніе своекорыстныхъ инстинктовъ надъ общественными. Это опять—неисходный кругъ, нѣчто въ родѣ гордіева узла, который каждый публицистскій органъ и старается разрубить своимъ собственнымъ мечомъ.

Наичаще практикуемое средство разрубанія гордіева узла заключается въ превращеніи козла отпущенія общества, отдѣльныхъ сословій или даже отдѣльныхъ лицъ. И при этомъ употребляются очень энергическія усилія для отысканія виновнаго и предъявленія ему обвинительныхъ пунктовъ. Обществу говорятъ, что оно впало въ позорную апатію и равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ; купцамъ, промышленникамъ и фабрикантамъ, — что они собственными умственными силами ни въ чемъ не могутъ ни разобраться, ни устроиться; интеллигенціи,—что она ноетъ и стонетъ по собственной винѣ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ печать выступаетъ только обличающею и обвиняющею силой; она не разъясняетъ причинъ, почему всѣ эти обвиняемые поступаютъ такъ, а не иначе, и какія препятствія стоятъ имъ на пути. Въ цѣ-

лому русскому обществу говорятъ, что у него нѣтъ ясныхъ, жизнерадостныхъ идеаловъ, сознательнаго отношенія къ жизни, любви къ ней, горячей вѣры въ правду и добро и духа окрыляющей надежды въ лучшее будущее. Въ этой или другой формѣ, но читатель повсюду встрѣчаетъ однородныя обвиненія. Но позвольте! Вѣдь, говоря все это, вы, въ сущности, ничего не говорите, а только устанавливаете факты, вѣрности которыхъ ничѣмъ не доказываете. Допустимъ справедливость того, что у общества нѣтъ «жизнерадостныхъ» идеаловъ, любви къ жизни и еще тамъ чего-то. Но развѣ вопросъ въ этомъ? Ну, нѣтъ, такъ и нѣтъ! Вопросъ въ томъ, отчего ихъ нѣтъ; а если они были, то куда они дѣлись и отъ какихъ причинъ исчезли? Въ этихъ обвиненіяхъ печать настолько же справедлива, насколько она была бы справедлива, обвиняя самое себя въ безцвѣтности, фактичности и однообразіи. А, вѣдь, и это справедливые факты. Но печать выставляетъ для себя оправданіемъ недостаточность простора, независящія обстоятельства; а тѣхъ же независящихъ обстоятельствъ не допускаетъ для общества. Такое отношеніе къ обществу ставитъ печать въ совершенно фальшивое положеніе. Взявъ на себя роль обвинителя, наставника и учителя и взобравшись на подмостки, печать совсѣмъ забываетъ, что она—тоже общество и роль школьнаго учителя или проповѣдника—не ея роль. Печать—не учитель, а только умственная, анализирующая и критическая сила. И именно этою анализирующею силой наша печать въ большинствѣ «руководящихъ» органовъ и перестала быть съ тѣхъ поръ, какъ она стала заниматься преимущественно упреканіемъ общества въ апатіи, праздности и общественной безнравственности. Вообще теперь у насъ мысль куда-то запряталась и «Испанія осталась безъ короля». Умственная томительность отъ этихъ праздныхъ и безсодержательныхъ обвиненій еще болѣе увеличивается, никто не становится ни бодрѣе, ни умнѣе, и когда затѣмъ умственная тоска еще болѣе усиливаетъ общественную апатію, слѣдуютъ еще болѣе усиленныя обвиненія. Ясно, что это—средство запутать гордіевъ узелъ еще больше, а ужь вовсе не разрубить его.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы назиданіе и упреки печати не имѣли своихъ основаній. Это дѣло даже довольно традиціонное. Попытки воздѣйствія на общество средствами подобнаго рода извѣстны у насъ давно. Если порядки создаютъ людей, то и люди, въ свою очередь, создаютъ порядки,—вотъ основанія этихъ попытокъ. Намѣреніе, во всякомъ случаѣ, очень хорошее. Печать, видя, что для общества закрыта одна дверь, хочетъ отворить ему другую. Но, вѣдь, предлагать обществу только упреки и обвиненія — еще не значитъ отворять двери общественному сознанію. Возьму хоть новогоднія обозрѣнія. Въ нихъ собранъ газетами громадный фактическій матеріалъ, массы цифръ, названій и именъ, и всѣ эти факты — точно бусы, нанизанныя на нитку; отъ одного обозрѣнія ихъ рябитъ въ глазахъ и лишь кое-гдѣ, въ видѣ выводовъ, попадется замѣчаніе по адресу общества или промышленниковъ, а то и вообще русской неумѣлости. И весь этотъ громадный матеріалъ, едва умѣстившійся у нѣкоторыхъ газетъ на 5—6 страницахъ убористой печати, остался, такимъ образомъ, сырымъ матеріаломъ безъ всякихъ теоретическихъ обобщеній, выводовъ и руководящихъ общихъ идей. Подумаешь, что подъ современнымъ давленіемъ факта и дѣловаго направленія печать стала бояться теорій и общихъ идей. Чувствуется даже въ газетной манерѣ шаблонность и рутина, какой-то установившійся порядокъ, отъ котораго никто не смѣетъ отступить. И дѣйствительно, наши газеты изъ года въ годъ ведутъ свои обозрѣнія чисто съ машинною точностью. А, между тѣмъ, при бóльшей экономіи съ фактическимъ матеріаломъ (сдѣлавшимся достаточно извѣстнымъ читателю въ теченіе года) и при обработкѣ его идейнымъ освѣщеніемъ, вмѣсто 5—6 громадныхъ страницъ скучнаго, однообразнаго и безрезультатнаго чтенія, можно было бы дать 2 — 3 страницы чтенія плодотворнаго. Войдите въ душу читателя, получающаго не одну газету, когда его засыплятъ, точно мукой, такими интересными, напримѣръ, фактами: привозъ иностранныхъ издѣлій былъ ниже, чѣмъ когда-либо за послѣднее время. Мануфактуристы стали приписывать испытываемыя ими затрудненія соперничеству польскихъ фабрикъ. Правительство назначило коммиссію для изслѣдованія вопроса. Работы ея не опубликованы, но, судя по тому, что проникло въ печать, она едва ли подтвердитъ ходячія мнѣнія фабрикантовъ. Въ ряду мѣръ по части обрабатывающей промышленности на первомъ планѣ стоитъ изданіе правилъ о надзорѣ за фабриками. Правила эти на первый разъ введены только въ губерніяхъ Петербургской, Московской и Владимірской. Для окончательнаго завершенія фабричнаго законодательства не достаетъ лишь правила объ отвѣтственности хозяевъ за несчастія. Слышно, что проектъ такихъ правилъ уже подготовленъ. По части путей сообщенія прошлый годъ принесъ немного. Желѣзныя дороги работали плохо. По внѣшней торговлѣ истекшій годъ также нельзя помянуть добромъ. Сравнительно съ своимъ предшественникомъ, 1886 годъ представляетъ за 10 мѣсяцевъ уменьшеніе цѣнности вывозныхъ товаровъ на 58,6 мил. р. По 1 ноября вывезено на 356,7 мил. р. противъ 416,3 мил. р. за 10 мѣсяцевъ 1885 г.... и т. д. въ этомъ родѣ, и затѣмъ идетъ цѣлый столбецъ перечисленій, чего привезено больше, чего меньше, такъ что въ глазахъ читателя начинаетъ рябить отъ цифръ. Въ отдѣлѣ таможенныхъ пошлинъ, вексельнаго курса, денежнаго обращенія, сельско-хозяйственной производительности повторяется все то же. Конечно, всѣ эти подробности очень важны и серьезны, но только у обыкновеннаго читателя можетъ отъ нихъ сдѣлаться обморокъ, а для спеціалиста по торговлѣ и промышленности онѣ едва ли нужны.

Казалось бы, что, при обвинительномъ отношеніи къ обществу, печати слѣдовало бы дать и картину виновности общества, его настроенія, желаній, стремленій, его думъ и тяготѣній; но именно подобной картины печать и не дала. Даже литера-

турные и научные обозрѣватели, въ компетенцію которыхъ больше всего входилъ этотъ вопросъ, дали только каталоги именъ и названій. Едва ли такой пропускъ зависѣлъ отъ «независящихъ обстоятельствъ», тѣмъ болѣе, что «независящія обстоятельства», отличаются у насъ довольно любопытною своеобразностью. О нѣкоторыхъ вопросахъ (напримѣръ, финансовыхъ, какъ и о финансовыхъ дѣятеляхъ) печать говоритъ даже съ жестокостью, въ другихъ случаяхъ она рано ставитъ себѣ предѣлы, а бываетъ, что она даже забѣгаетъ впередъ и обнаруживаетъ смиреніе, котораго отъ нея никто не требуетъ. Въ то же время, несомнѣнно, что такой чувствительный и нервный аппаратъ, какъ печать, не можетъ не усиливать своей собственной впечатлительности подъ воздѣйствіемъ атмосферическаго давленія. Въ этой чувствительности печати и въ ограниченности ея предѣловъ заключается причина, вызвавшая недоумѣвающіе вопросы нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетъ. Онѣ нашли, что нынче направленія и писатели до того смѣшались, что даже крупные литераторы стали участвовать въ мелкой прессѣ. Отвѣтъ на это недоумѣніе очень простъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда царило отрицательное направленіе, были и писатели съ исключительно-отрицательнымъ направленіемъ. Такимъ, напримѣръ, былъ Шашковъ, оставшійся отрицателемъ до самой смерти. Въ то время всякій отрицатель могъ найти себѣ мѣсто въ органѣ, если отрицаніе составляло хоть малѣйшую часть направленія органа. Этой одной точки соприкосновенія было вполнѣ достаточно, чтобы связать людей, которые въ другомъ могли и не сходиться. Какъ тогда связывало писателей отрицаніе, такъ теперь ихъ связываетъ сохраненіе того, что дано реформами противъ направленія, усиливающагося нанести реформамъ идейный и фактическій вредъ. За немногими, единичными исключеніями, вся теперешняя столичная и провинціальная печать стала охранительною, и потому всякій писатель, стоящій за неприкосновенность реформъ, уже этимъ однимъ имѣетъ общую точку соприкосновенія съ каждымъ охранительнымъ органомъ. Еще можетъ удерживать писателя нежеланіе вступить въ тотъ или другой литературный кружокъ; но уже это вопросъ чисто-личныхъ симпатій и умственныхъ привычекъ, которыя за немногими исключеніями, подъ вліяніемъ господствующаго нивеллирующаго воздѣйствія, тоже нынче утратили свою остроту. Вообще теперешняя печать распадается на два господствующіе лагеря. Одинъ изъ нихъ отстаиваетъ всѣми силами пріобрѣтенныя Россіей либеральныя учрежденія и желаетъ довести ихъ до полнаго развитія, другой — всѣми силами противодѣйствуетъ этому стремленію. Опасность, грозящая учрежденіямъ со стороны втораго лагеря, конечно, больше всего соединяетъ людей, хотя нельзя не замѣтить, что опасность эта бываетъ часто преувеличенною и не всегда дѣйствительною. Тѣмъ не менѣе, она настолько вліяетъ иногда на сужденіе, что, напримѣръ, «Русскій Курьеръ» высказалъ въ новогоднемъ нумерѣ, что «всякій родъ реформъ былъ бы въ теперешнее время нежелателенъ, ибо, при недовѣріи къ ранѣе свершившимся реформамъ, все болѣе и болѣе проникающемъ въ наши вліятельныя сферы, что можемъ мы ожидать и что получить?».

Эта неувѣренность печати, насколько реформы прошлаго царствованія могутъ сохранить свою устойчивость, и чувство страха передъ невѣдомою опасностью сообщили оцѣнкамъ 1886 года даже характеръ раздраженія и досады. Хотя нѣкоторыя—не только провинціальныя, но и столичныя—газеты, съ астрономической точки зрѣнія, не придавали никакого значенія 1 января, усматривая въ немъ лишь условное понятіе, но, тѣмъ не менѣе, и онѣ отнеслись къ прошедшему году какъ къ какому-то лиходѣю, на которомъ каждый старался, какъ умѣлъ, сорвать свою досаду за неудачи, обманутыя надежды, разочарованія и т. п. Прошлый годъ явился какимъ-то предохранительнымъ клапаномъ, который каждый открывалъ, чтобъ освободиться отъ удручающихъ тяжелыхъ впечатлѣній. Называли прошедшій годъ и годомъ недоброй памяти, и сѣрымъ, и безцвѣтнымъ, и годомъ общественно-экономическихъ компромиссовъ, годомъ пассивовъ и т. п. Такъ относились къ покойнику серьезныя передовыя статьи. Что же касается фельетонистовъ, то они излили на него все свое остроуміе и сатирическую желчь, какія у нихъ накопились въ теченіе года. Въ общемъ въ отзывахъ печати о 1886 годѣ выступало худо скрываемое, а иногда и вовсе не скрываемое недовольство, явившееся у печати, конечно, лишь какъ выраженіе общественнаго настроенія.

Фельетонныя обозрѣнія и по самому существу своему, и по шаблонности не могли сообщить нутра и души слишкомъ (а иногда и исключительно) фактическому, сухому и мертвому изложенію передовыхъ статей, не выходившихъ изъ програмы правительственныхъ мѣропріятій и оффиціальныхъ отчетовъ. Конечно, подобная программа была бы для газетъ невозможна, если бы общественное вниманіе не клонилось въ сторону внутренней политики. Это обстоятельство нельзя не отмѣтить, какъ признакъ несомнѣннаго (хотя, можетъ быть, и небольшаго роста нашей общественности и возникающей привычки общественнаго контроля. Но, тѣмъ не менѣе, само общество осталось, все-таки, въ тѣни и зеркало, какъ называютъ у насъ печать, его не отразило. Небольшое исключеніе сдѣлали только «Современныя Извѣстія», выразившія часть общественнаго настроенія, и «Новое Время», давшее отзывъ о нашей политической печати.

«Современныя Извѣстія» говорятъ о томительной неопредѣленности, нависшей надъ внутреннею жизнью, и, какъ кажется, приписываютъ бодрость народнаго духа исключительно внѣшнимъ политическимъ причинамъ. Въ подтвержденіе своей мысли они ссылаются на отзывъ коммерческихъ людей, по словамъ которыхъ, «минувшею осенью дѣла наши на нѣсколько недѣль или, можетъ быть, дней внезапно оживились послѣ памятной телеграммы Государя Императора на имя Баттенберга». «Вѣрую-

щіе въ независимость экономической жизни отъ дипломатическихъ отношеній отечества обличаютъ, между прочимъ, свое невѣжество въ психологіи»,— замѣчаетъ газета. И какъ ни справедливы оба эти замѣчанія, но тѣмъ не менѣе, ссылки на Седанъ и Мецъ, напоившія сердца нѣмцевъ гордостью, которая будто бы и создала послѣдующее развитіе въ Германіи торговли и промышленности, едва ли удачны. Очевидно, что газета высказала лишь половину мысли. Воины Атиллы и Тамерлана были очень горды своими военными успѣхами, а ходили, все-таки, въ звѣриныхъ шкурахъ, ѣли сырое мясо и спали на голой землѣ. Экономическое процвѣтаніе создается далеко не побѣдами или покореніями Лотарингій и Эльзасовъ. Кажется, и мы не мало присоединили къ себѣ разныхъ кусковъ отъ Азіи, уперлись уже въ Индію, стали господами на Черномъ морѣ, но все это не помѣшало «Современнымъ Извѣстіямъ» подмѣтить не только экономическій, но и нравственный упадокъ въ нашей жизни. Для гражданскаго устроенія нуженъ не военный, а гражданскій подъемъ духа. Вотъ эту-то вторую половину мысли и не договорили «Современныя Извѣстія» прямою рѣчью, хотя они высказали ее вполнѣ ясно указаніемъ на неопредѣленности», подавляющія общество, и на упадокъ умственной дѣятельности. Еще яснѣе выразились «Современныя Извѣстія» въ другой статьѣ—по поводу американской предпріимчивости. Въ южныхъ штатахъ Америки въ послѣдніе мѣсяцы истекшаго года открыто 722 фабрики и завода и въ предпріятія вложено 83.834,000 долларовъ. Кромѣ того, въ тѣ же мѣсяцы основалось 66 желѣзно-дорожныхъ обществъ. Приводя эти факты, «Современныя Извѣстія» замѣчаютъ: «Семьсотъ двадцать два новыхъ промышленныхъ предпріятія въ теченіе какихъ-нибудь девяти мѣсяцевъ! Краснорѣчивая цифра для тѣхъ странъ, которые тратятъ всѣ свои силы и даже сверхъ силъ напрягаются для охраненія своихъ границъ, не имѣя ни времени, ни возможности подумать о внутреннемъ благосостояніи...» Это необыкновенное развитіе предпріимчивости зависитъ исключительно отъ гражданской свободы, создающей и самодѣятельность. Въ Европѣ наблюдается тотъ же фактъ. Наиболѣе развиты въ промышленномъ отношеніи Англія и Франція, гдѣ промышленныя, экономическія и всякія другія отношенія наименѣе стѣснены. Германія стоитъ много ниже въ отношеніи гражданской свободы, и потому она менѣе развита умственно и промышленно. Еще ниже стоитъ Австрія. А Турція, гдѣ все зависитъ отъ заптіевъ и пашей, готова уже и сама разсыпаться.

«Новое Время» состояніе политическаго настроенія общества устанавливаетъ въ такомъ видѣ: печать, говоря въ прошедшемъ году о внутреннихъ вопросахъ, никакихъ общихъ руководящихъ началъ не касалась и даже, какъ будто, избѣгала вопросовъ принципіальнаго свойства; такъ называемыя «направленія» если и не исчезли изъ русской печати, то, во всякомъ случаѣ, они спутались; общество находится теперь въ моментъ передышки и провѣрки привычныхъ понятій и ходячихъ взглядовъ: старые вопросы отошли, а новые еще не пришли; все это отражается неблагопріятно на современномъ состояніи политической печати; но все это должно кончиться, вопросъ лишь въ томъ, скоро ли это случится; а гадать это трудно.

Во всемъ этомъ есть недоговоренность и неясность. «Новое Время», конечно, только устанавливаетъ очевидности и можетъ судить о печати и обществѣ лишь настолько, насколько мысли, идеи, стремленія и желанія общества не только выражаются печатью, но и могутъ ею выражаться. О передышкѣ общества можно тоже только гадать и тоже настолько, насколько существованіе передышки находитъ доказательство въ нашей политической печати. Во всякомъ случаѣ, на основаніи очевидностей, выражаемыхъ печатью, никакъ нельзя судить о дѣйствительномъ умственномъ состояніи общества и его направленіяхъ. О томъ, что старое старится (что несомнѣнно), а молодое какъ будто не ростетъ (въ смыслѣ, конечно, публицистическомъ, ибо «Новое Время» говоритъ о политической печати) — заключить безошибочно, тоже едва ли возможно. Для безошибочнаго сужденія о силахъ нужно, прежде всего, опредѣлить, какое существуетъ для нихъ приложеніе.

Выводы «Новаго Времени» погрѣшаютъ именно тѣмъ, что очевидности и факты, въ томъ видѣ, какъ они отражаются нашею такъ называемою политическою печатью, газета принимаетъ за факты несомнѣнно существующіе въ такомъ видѣ. Но дѣйствительно существующаго мы не знаемъ, ибо видимъ лишь часть его. Умственнаго настроенія общества и его теченій мы тоже не знаемъ; судить о нарождающихся умственныхъ силахъ и направленіи, которое они принимаютъ, тоже не имѣемъ возможности. И, во всякомъ случаѣ, сказать, что наша теперешняя политическая печать служитъ зеркаломъ идей, желаній и стремленій общества, настолько же нельзя, насколько недопускается утверждать, что маленькій обломокъ зеркала, выставленный гдѣ-нибудь въ углу двора, отражаетъ весь Божій міръ. «Новое Время», не погрѣшая противъ дѣйствительности, могло бы утверждать лишь одно, что наличное число фактовъ, представляемыхъ печатью, даетъ право лишь на нѣкоторыя частичныя заключенія и что для общаго безошибочнаго вывода ихъ слишкомъ мало. И въ самомъ дѣлѣ, изъ чего и гдѣ мы можемъ узнать и увидѣть умственную Россію и возможно ли это при существующихъ средствахъ? «Новые всходы на журнальной нивѣ» «Новое Время» ставитъ въ зависимость отъ нарожденія молодыхъ силъ и необнаруженіе ихъ приписываетъ «перелому», въ которомъ находится общественное сознаніе. Это опять заключеніе по нѣкоторымъ очевидностямъ. «Переломъ», «передышка», «раздумье», о которомъ говоритъ «Новое Время», и есть именно тѣ ходячія фразы, которыя не имѣли живаго значенія даже и тогда, когда были пущены въ ходъ. Теперь же Россія уже настолько передышалась и осмотрѣлась, что имѣетъ возможность судить вполнѣ безошибочно, насколько по сооруженнымъ для нея путямъ сообщенія она идетъ

быстро къ порядку, матеріальному благосостоянію и умственному преуспѣянію. Что же касается «всходовъ на журнальной нивѣ» и добрыхъ имъ пожеланій, то, казалось, было бы правильнѣе призвать божье имя (какъ это дѣлаетъ «Новое Время») для ниспосланія плодородія нивѣ, потому что какіе же могутъ быть всходы, когда имъ не на чемъ рости? Публицисты являются тамъ, гдѣ есть публицистика, точно также какъ ораторы тамъ, гдѣ говорятъ общественныя рѣчи. Наконецъ, относительно обвиненія, что наше зеркало отражаетъ наши обрывки жизни, справедливость велитъ замѣтить, что зеркало не само же себя окромсало. Впрочемъ, нельзя отрицать, чтобы точка зрѣнія «Новаго Времени» на задачи публицистики и общественнаго направленія не имѣла практическихъ, житейскихъ основаній. На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ и нѣкоторые другіе органы. Не знаю, насколько они признаютъ дѣйствительное справедливымъ, но несомнѣнно, что они признаютъ не все справедливое возможнымъ. Смотря на жизнь съ ближайшей практической точки, они являются среди нашей печати представителями дарвиновской теоріи «приспособленія».

Если наша печать дѣлится еще на лагери въ воззрѣніяхъ на внутреннюю политику, то относительно внѣшней она образуетъ одинъ лагерь, съ однимъ общимъ одушевляющимъ всѣхъ желаніемъ освободиться отъ политической зависимости отъ Германіи и встать на свои собственныя ноги.

XVI.

Вотъ и началось «новое счастіе», съ которымъ еще такъ недавно поздравляли всѣ другъ друга. Если посмотрѣть на Россію въ ея «новомъ счастіи» съ птичьяго полета, то покажется, что вся она повыползла изъ деревень на дороги. По проселкамъ и большакамъ тянутся теперь нескончаемые обозы; кувыркаются они на раскатахъ, заваливаются въ канавы, снова вытягиваются въ линію, какъ перелетные гуси, опять кувыркаются и заваливаются, опять вытягиваются въ линію, пока не доползутъ, наконецъ, куда имъ нужно.

Для земледѣльческой Россіи зима—сезонъ обозовъ и продажи хлѣба,—сезонъ, когда деревня пожинаетъ плоды своихъ лѣтнихъ трудовъ. Но пожинаетъ ихъ не мужикъ, потому что онъ свои «излишки» продалъ еще осенью, теперь пожинаютъ плоды,—и чаще всего плоды того, чего не сѣяли,—скупщики, перекупщики, хлѣбные торговцы и владѣльцы, а мужикъ только кувыркается на раскатахъ, перевозя чужой хлѣбъ. И будетъ онъ этимъ кувырканьемъ заниматься до распутицы, а потомъ «пойдетъ въ кусочки» или станетъ забирать хлѣбъ въ долгъ у кулаковъ и владѣльцевъ.

Зима—самая горячая пора для деревенскаго мышленія. Лѣтомъ думать некогда, да и не очемъ. Всѣ тогда пашутъ, сѣютъ, жнутъ, а думать начинаетъ деревня, когда наступитъ пора пожинать плоды лѣтнихъ трудовъ. Теперь деревня думаетъ исключительно въ денежномъ направленіи. «Денежное мышленіе»—особенное мышленіе по своей простотѣ и легкости, и оно свершается совсѣмъ безъ связи со всякимъ другимъ человѣческимъ мышленіемъ. Имѣетъ оно дѣло только съ цифрами, съ цѣной; а цѣну на хлѣбъ устанавливаетъ «спросъ». Что же, кто такое «спросъ»? А спросъ есть нужда, переходящая зачастую въ голодовку, какъ, напримѣръ, нынче въ южной половинѣ Украйны, а частью и въ сѣверной Малороссіи. Когда пойдетъ «спросъ», всякій набавляетъ цѣну, по копѣйкѣ, по двѣ, а болѣе рѣшительные сразу по пяти и даже по десяти копѣекъ. Только батюшки и менѣе нуждающіеся хозяева «попридерживаются» и «выжидаютъ», когда цѣна поднимется еще выше. И всякій знаетъ, что цѣну дѣлаетъ нужда, голодъ; такъ и говорятъ, что вотъ тамъ-то,—ну, хотя бы въ Суражскомъ и Мглинскомъ уѣздахъ,—нужда въ хлѣбѣ, и онъ требуется, и цѣна ему 85 к., а будетъ и рубль. И всякій, у кого есть хлѣбъ, очень доволенъ, что цѣна хлѣбу будетъ рубль. Кто продалъ свой хлѣбъ раньше по 65 копѣекъ, теперь считаетъ по пальцамъ, на сколько онъ получилъ меньше, и, покачивая головой, говоритъ: «поспѣшилъ». А есть и такіе, которые не хотятъ продавать и по рублю, а ждутъ, когда будетъ полтора рубля: это значитъ, когда голодовка превратится въ голодъ или въ моръ. Скупщики и факторы тоже считаютъ, но въ обратную сторону отъ продавцовъ. Кто поопоздалъ и заплатилъ 60 или 80 к., т.-е. на десять или на двадцать копѣекъ дороже противъ осенней цѣны, тоже считаютъ по пальцамъ, что они переплатили, и, покачивая головой, говорятъ: «опоздалъ». Но и тѣ, кто поспѣшилъ, и тѣ, кто опоздалъ, не теряютъ бодрости духа, потому что цѣна ростетъ. Не радуется только тотъ, кого голодъ заставляетъ платить дорого, но и онъ платитъ безропотно, потому что ничего не подѣлаешь. Такъ все это дѣло и идетъ кругло и гладко.

«Денежное мышленіе» знаетъ только счетъ; это—математическая безстрастная сила, холодное разсудочное движеніе мысли, которому чувства только мѣшаютъ, и потому оно и освобождаетъ себя отъ всякихъ чувствъ и волненій и направляется по кратчайшей прямой линіи. Все дѣло рѣшается простымъ счетомъ, словами: «много» и «мало». Каждый хочетъ «много» и никто не хочетъ «мало». Въ кулакѣ денежное мышленіе доходитъ лишь до своей высшей точки, но вездѣ и всегда оно одинаково бездушно, одинаково безчеловѣчно, а что самое ужасное—всякому понятно. «Да ты пойми,—говоритъ продавецъ нуждающемуся мужику,—что, вѣдь, рожь теперь рубль!» И мужикъ «понимаетъ», что и въ самомъ дѣлѣ, какъ

же уступить ему рожь дешевле, когда цѣна ей рубль? Этотъ «рубль» точно какая-то фатальная сила, неустранимая, неизмѣняемая, подчиняющая себѣ безповоротно всякую человѣческую волю, всякое человѣческое чувство. И сила рубля дѣйствительно безповоротная и роковая,—до того, что рубль можетъ выросги до двухъ рублей, что люди будутъ даже умирать съ голоду, потому что у нихъ нѣтъ этихъ самыхъ двухъ рублей, чтобы спасти себѣ жизнь, а цѣна, все-таки, будетъ рости, пока ростъ ея не остановятъ «естественныя» причины, т.-е. когда уже некому будетъ давать по два рубля. И тогда цѣна упадетъ сразу до своихъ прежнихъ сорока копѣекъ. Этотъ ужасный порядокъ отношеній, эти «будни» жизни и ея «нормальное» теченіе совершенно всѣмъ понятны,—не понятно только этимъ самымъ всѣмъ, что могутъ быть и другія будни, и другіе нормальные порядки.

О томъ, что могутъ быть другія будни, мужикъ не только не думаетъ, но даже и не мечтаетъ. А поступаетъ онъ такъ потому, что дальше «сегодня» не заглядываетъ. Его же «сегодня»—это его изба съ бабой и ребятишками и съ нимъ, хозяиномъ, во главѣ. Его «сегодня» въ томъ, чтобы былъ «хлѣбушка», да деньги на всякіе платежи. Думать же мужику не приходится потому, что раньше его объ этомъ подумали его дѣды и отцы, оставившіе ему въ наслѣдіе цѣлый курсъ домоводства и сельскаго хозяйства. Изъ этого наслѣдственнаго курса мужикъ заучилъ на память, что «наѣздомъ хлѣба не напашешь», а «Богу молись, крѣпись, да за соху держись»; рожь сѣй «хоть на часокъ, да въ песокъ» (т.-е. въ сухое время), а «овесъ топчи въ грязь, будетъ князь» (сѣй раннею весной); съ посѣвомъ овса спѣшить не нужно: «яровое сѣю—по сторонамъ гляжу», «ржаной сѣю—шапка съ головы свалится— не подыму»; гречиху сѣй, когда рожь зазеленѣлась, а пшеницу—въ ясную погоду; по осени объ урожаѣ судить нельзя,—«осень говоритъ: я урожу, а весна говоритъ: а я погляжу»; но за то «хоть и холоденъ сентябрь, да сытъ», и осенью и «у вороны копна, и у воробья пиво»; «крестьянина кормитъ пашня, а не работа въ лѣсу»; но для спорой работы нужна сила, потому что «и у голодной пташки зобъ на сторонѣ»; сытъ, такъ и работникъ: «ѣла кашу коса (т.-е. поѣлъ косецъ хорошо)—коса ниже; не ѣла каши коса—коса выше»; «если не хочешь ходить пѣшкомъ—сыпь коню мѣшкомъ», потому что «не возъ ѣдетъ, а овесъ везетъ». Курсъ отцовской наслѣдственной мудрости мужика очень обширенъ и обхватываетъ онъ всю сферу практической жизни мужика. Была ли мудрость отцовъ выше мудрости дѣтей, этого рѣшить я не берусь, но нужно думать, что дѣды и отцы, какъ и ихъ нынѣшніе внуки и дѣти, тоже не знали, почему «сѣй овесъ въ грязь, а рожь, хоть на часокъ, да въ песокъ». Они знали только одно, что такъ нужно, и то же самое знаютъ и ихъ нынѣшніе внуки и дѣти.

Но къ мудрости дѣдовъ и отцовъ внуки и дѣти прибавили немного своей мудрости. Дѣды и отцы и меньше голодали, и меньше платили, внуки же и дѣти знаютъ, что осенью нужно спѣшить продавать «излишки», чтобы уплатить подати, недоимки и долги, что весной не будетъ хлѣба ни для ѣды, ни для посѣва и придется идти къ купцу, а купецъ за одолженіе возьметъ «процентъ». Мужикъ «понимаетъ», что иначе и нельзя,—что купцу нельзя не взять «процента», что это его ремесло, что за хлѣбъ и слѣдуетъ брать цѣну, какая на него стоитъ, потому что «каждому нужно кормиться». Мужикъ и самъ не уступитъ своего хлѣба ниже цѣны, но только осенью онъ продастъ свой хлѣбъ купцу по 60 коп., а весной купитъ его у того же купца по рублю. Вотъ такъ и идетъ у мужика колесомъ весь его хозяйственный обиходъ, установившійся на столько точно, что въ немъ, какъ въ пѣсни, слова не выкинешь и не прибавишь. И мужикъ твердо знаетъ свою пѣсню и тянетъ ее, какъ бурлакъ тянетъ лямку.

И такъ, мужику думать не о чемъ,—обо всемъ ужъ деревня передумала раньше и всему сложила свой порядокъ. Дѣды и отцы сложили порядокъ земледѣлія, а внуки и дѣти порядокъ «сбыта» на новыхъ экономическихъ основаніяхъ, создавшихъ кулака и неоплатные долги и недоимки. Однимъ словомъ, «гармонія экономическихъ отношеній» установилась такъ прочно, что все совершается силою вещей, и мужикъ, думай онъ или не думай, осенью продастъ свой хлѣбъ по 60 к., а весной купитъ его по рублю. Впрочемъ, въ предѣлахъ этихъ установившихся общихъ «основъ», у мужика остается еще много частностей, о которыхъ ему приходится позаботиться: изба, полоса, лошадь, корова, семья, а, главное, долги и платежи; и въ денежномъ направленіи мужикъ поэтому думаетъ очень энергически.

Но вотъ мужикъ переступаетъ порогъ своей избы и границу своей полосы, и для него открывается широкій Божій міръ, въ которомъ еще недавно вполнѣ самостоятельный владыка своего дома, жены и семьи становился внезапно маленькимъ и безпомощнымъ, какъ Божья коровка. Все, что мужикъ ни встрѣчаетъ въ широкомъ Божьемъ мірѣ, все это для него несокрушимыя стихійныя силы, которымъ онъ и отдается въ полную ихъ волю, потому что «ничего не подѣлаешь». И зная, что ничего не подѣлаешь, мужикъ безропотно смотритъ въ глаза каждой бѣдѣ, равнодушно глядитъ на опасность, выноситъ голодъ, холодъ, идетъ на войну, если велятъ, и, пришибленный въ лѣсу деревомъ или непріятельскою пулей, онъ съ послѣднимъ вздохомъ думаетъ, что «ничего не подѣлаешь», и умираетъ спокойно, не чувствуя упрековъ совѣсти, что не такъ онъ устроилъ свою жизнь и что могъ бы поступать иначе. Ничего онъ не могъ!

Мужикомъ деревенская Россія не кончается,—у нея есть продолженіе. Прежде между мужикомъ и помѣщикомъ былъ большой промежутокъ, теперь же этотъ промежутокъ пополнили землевладѣлецъ-разночинецъ, поповскій сынъ, бывшій дворовый, переселившійся латышъ, былой управляющій, купецъ, обѣднѣвшій дворянинъ, опростившійся до разночинца. Дальше идетъ мелкій и средній владѣ-

лецъ-дворянинъ и формацію завершаетъ крупный собственникъ. Общія условія земледѣльческой жизни наложили на всю эту разношерстность одно клеймо, соединили ее въ одно цѣлое, но внѣ земледѣльческихъ условій все это такія же Божьи коровки, какъ и деревенскіе мужики. Разница не качественная, а количественная. Мужикъ возится съ двухдесятинною пашней, мелкій владѣлецъ — съ десятинною, средній—со стодесятинною, а крупный—съ тысячедесятинной; у мужика двѣ коровы, у средняго владѣльца ихъ сто и т. д. Но, затѣмъ, и мужики, и владѣльцы, начиная съ разночинца и кончая крупнымъ владѣльцемъ, заняты однимъ дѣломъ и думаютъ объ одномъ. Тутъ они такъ сливаются и интересы ихъ до того спутываются, что границы между владѣльцемъ и мужикомъ не найдешь. Весной у всѣхъ ихъ одна забота—о пашнѣ, лѣтомъ о жнитвѣ и сѣнокосѣ, осенью о молотьбѣ, а зимой о томъ, какъ бы раздобыть побольше денегъ. Въ отношеніи общественныхъ чувствъ положеніе мужика, пожалуй, даже благопріятнѣе. Мужикъ живетъ міромъ, каждый день видитъ своего сосѣда и все дѣлаетъ сообща, «какъ всѣ». И пахать мужики выѣзжаютъ цѣлою деревней въ одинъ день, и въ извозъ нанимаются цѣлою деревней, и о мірскихъ дѣлахъ разсуждаютъ цѣлою деревней. Владѣльцы сидятъ въ своихъ усадьбахъ, какъ птицы въ гнѣздахъ, и каждый думаетъ думу про себя и поступаетъ про себя. Если не нужно продать сосѣду хлѣба или нѣтъ до него другой нужды, то сосѣдъ съ сосѣдомъ не видятся по цѣлымъ мѣсяцамъ. Мужицкій кругозоръ, конечно, узокъ, потому что мужикъ не думаетъ дальше своей полосы, избы и коровы, но, вѣдь, и владѣлецъ не думаетъ дальше своихъ земель, своей семьи и своихъ коровъ. Если мужикъ, занятый одними лишь насущными дѣлами, имѣетъ звѣриный образъ, то онъ съ этимъ образомъ и родился; владѣлецъ же, когда-то учившійся въ гимназіи или даже и въ университетѣ, звѣриный образъ пріобрѣтаетъ отъ жизни, закрывающей для него возможность думать дальше своего гнѣзда. Мужикъ, вступая въ широкій Божій міръ, чувствуетъ себя вполнѣ безпомощнымъ передъ стихіями и понимаетъ, что тутъ «ничего не подѣлаешь». И владѣлецъ въ широкомъ Божьемъ мірѣ чувствуетъ себя Божьей коровкой и тоже знаетъ, что ничего не подѣлаешь. Только въ своемъ птичьемъ гнѣздѣ владѣлецъ еще чувствуетъ, что у него есть и воля, и власть, и можетъ онъ кой-о-чемъ думать и коечѣмъ распоряжаться. Но за границами его земли его воля, власть, мысль, знаніе, совѣтъ ни для кого не нужны и никѣмъ и ни для чего не требуются. Всѣ эти его человѣческія права существуютъ для него, пока онъ сидитъ дома. И не нужный для внѣшней жизни человѣкъ, конечно, еще глубже зарывается въ семейный и хозяйственный эгоизмъ, годъ отъ году поростаетъ гуще мохомъ, мертвѣетъ ко всему, что не составляетъ хлѣбнаго амбара, дремлетъ и скучаетъ, когда съ нимъ говорятъ не объ урожаѣ и цѣнахъ на хлѣбъ, отвыкаетъ думать и говорить и долженъ сдѣлать надъ собою необычайное усиліе, чтобы подняться съ мѣста и выползти изъ дому для такъ называемыхъ общественныхъ обязанностей (напримѣръ, земскіе выборы, земское собраніе).

Этому печальному процессу умственнаго вырожденія помогли многія обстоятельства. Еще «Петербургскія Вѣдомости», редакціи В. Ѳ. Корша, выкинули въ видѣ общественнаго знамени пресловутую формулу: «теперь не время широкихъ задачъ». И общество забросило широкія задачи и занялось узкими, но кому же отъ этого стало лучше? Конечно, не Коршъ былъ Колумбомъ новой формулы и не газетныя статьи создали новую жизненную практику, но онѣ ей очень помогли и въ наивной недальновидности полѣзли въ щель. Дѣйствительно, наше экономическое положеніе было тогда не блестяще; всѣмъ было ясно, что требуется развитіе производствъ и усиленіе экономической дѣятельности, — не ясно было только то, какими средствами этого достигнуть. Вмѣсто того, чтобы расширить умственныя возможности и создать новыя благопріятныя условія для стѣсненнаго повсюду труда, сторонники узкихъ задачъ открыли погоню за людьми съ дѣловыми способностями и исключительно денежнымъ мышленіемъ. Ихъ искали, ихъ создавали, ихъ поощряли. Это было цѣлое направленіе, цѣлое теченіе въ нашей внутренней политикѣ. Практическая дѣловитость считалась единственнымъ признакомъ ума и общественныхъ способностей. Даже профессора становились дѣльцами, устраивали заводы для производства какихъ-то необыкновенныхъ кирпичей, вступали въ руководители банковыхъ предпріятій, очищали усовершенствованными способами спиртъ, поддѣлывали для торговцевъ вина и, въ концѣ-концовъ, строили себѣ хорошіе каменные дома и дѣлали круглыя состоянія. Но отъ профессорскихъ предпріятій Россія не стала богаче. Жизнь, опорожненная отъ идей, очень быстро пошла по новому пути, не встрѣчая никакого противодѣйствія; интеллигенція не требовалась, потому что отъ нея не ожидали никакихъ матеріальныхъ благъ, — напротивъ, она только возбуждала страхи, причиняла безпокойства и, какъ увѣряли, вносила въ жизнь только усложненія. Недальновидные люди думали, что для процвѣтанія Россіи совершенно достаточно фабрично-заводскаго и дѣловаго мышленія, и насколько такой взглядъ оправдался, можетъ теперь судить безъ труда каждый, кто читаетъ газеты и кто знаетъ жизнь нашихъ городовъ.

Что мужицкая и не мужицкая деревня не думаетъ дальше полей и коровъ и чувствуетъ полную свою ненужность, когда выползаетъ въ широкій міръ, это, повидимому, всякому понятно. Деревня вездѣ и даже въ Западной Европѣ изображаетъ собою умственную и общественную отсталость. Но возьмите наши города, эти очаги цивилизаціи, эти центры умственной и всякой другой дѣятельности и предпріимчивости, этихъ піонеровъ прогресса, ведущихъ за собою скучающую, дремлющую и отсталую деревню, къ которой они всегда и вездѣ относятся съ нескрываемымъ высокомѣріемъ, — какой же они-то вносятъ свѣтъ въ русскую жизнь? Про Петербургъ говорятъ, что онъ еще никогда не былъ

такъ безцвѣтенъ, какъ нынче: всѣ жалуются на безденежье и затишье. Затишье въ торговлѣ и промышленныхъ дѣлахъ (видно, дѣловое и денежное мышленіе не помогло) и полное затишье умственное, переходящее въ смертоносную скуку и въ умственную прострацію. «Утромъ домашнія и служебныя занятія, а вечеромъ карты и выпивка», какъ пишетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» о Владимірѣ. И такимъ манеромъ живутъ нынче люди и въ Петербургѣ, и во Владимірѣ, и вездѣ. Жизнь разнообразится развѣ тѣмъ, что въ одномъ городѣ больше пьютъ, а въ другомъ больше играютъ. Во многихъ городахъ интеллигенція употребляетъ очень энергическія усилія, чтобы вывести общество изъ томящей его умственной бездѣятельности, и для этого устраиваютъ музыкальные кружки, спектакли любителей, концерты и литературныя чтенія съ благотворительною цѣлью и вообще изыскиваютъ способы для интеллигентнаго провожденія досуга. Въ Тифлисѣ же распространились слухи, что устраивается литературное общество. «Новое Обозрѣніе» замѣчаетъ по поводу этихъ слуховъ, что ими общество обнаружило дѣйствительно ощущаемую потребность въ умственной жизни, которой теперь у него нѣтъ. Но вопросъ въ томъ: «литературныя ли общества могутъ создать умственную жизнь?»

Литературныя общества будутъ всегда только тѣсными кружками, да и возможны они лишь въ центрахъ, гдѣ есть литературныя силы и литературно-образованные люди. Что въ Тифлисѣ слухи о литературномъ обществѣ такъ живо заинтересовали многихъ, доказываетъ лишь то, что въ Тифлисѣ есть достаточно людей образованныхъ, которымъ понятны и близки литературные интересы и которые въ нихъ могутъ найти умственное удовлетвореніе. Но, во всякомъ случаѣ, это средство настолько суррогатное и исключительное, что оно возможно развѣ въ очень небольшомъ числѣ русскихъ городовъ, а остальнымъ, попрежнему, придется оставаться при картахъ и выпивкѣ. Вѣдь, находятъ же во Владимірѣ, что общественная библіотека не нужна, «потому что сколько ни читай, а всего не перечитаешь!»

Но если бы Тифлису удалось устроить литературное общество, въ чемъ заключалась бы программа его литературнаго времяпровожденія? Въ чтеніи ли сочиненій и въ удовлетвореніи чувства изящнаго красотами литературныхъ произведеній, или же въ критическихъ бесѣдахъ? Если будетъ допущена и критика, то границы ея будутъ ли чисто-эстетическія, или же и жизненныя, реальныя и критической мысли изъ области искусства будетъ дозволено вступить и въ область человѣческихъ отношеній, а, слѣдовательно, и существующихъ общественныхъ условій? Трудно допустить, чтобы критическая мысль могла удержаться исключительно въ области изящнаго и психо-физической индивидуальной оцѣнки. Современная общественно-развитая мысль не можетъ удовлетвориться только подобною работой,—она захочетъ идти дальше. И если это случится, то, мысли, конечно, откроется очень широкій кругозоръ и она, по всей вѣроятности, очень скоро переступитъ предѣлы чисто-литературныя. Но окажется ли возможнымъ удержаться ей въ этихъ предѣлахъ? Нужно думать, что нѣтъ, потому что если бы для мысли были открыты эти предѣлы, то она и безъ всякихъ литературныхъ обществъ и безъ критики литературныхъ произведеній нашла бы себѣ достаточно пищи въ явленіяхъ нашей общественности и въ фактахъ, которые на каждомъ шагу представляетъ наша нескладная жизнь.

Едва ли и вопросъ въ томъ, чтобы только найти занятіе для мысли. Мысль можетъ быть занята очень энергически и при дѣловомъ мышленіи и при денежномъ, и при заводско-фабричномъ, и при сельско-хозяйственномъ. И этому мышленію у насъ открыты очень широкія возможности. Но, видно, въ немъ заключается мало удовлетворенія и однимъ имъ жизнь еще не слагается, если люди ищутъ чего-то другаго, и если, какъ въ Тифлисѣ, могло явиться желаніе устроить литературное общество. На сколько это вѣрно, показало 29 января.

Пятидесятилѣтняя годовщина смерти Пушкина представляла рѣдкій случай для заявленія нашего національнаго и общественнаго сознанія. Не говоря уже про увлекающихся французовъ, но и у разсудительныхъ нѣмцевъ и англичанъ подобная годовщина вызвала бы необыкновенный подъемъ національнаго духа. Вѣдь, Пушкинъ для насъ великая идея, въ немъ выразилось наше первое сознаніе народности, въ немъ мы находимъ первое воплощеніе русской мысли во всемъ ея разнообразіи художественной формы, въ немъ мы видимъ начало всего нашего послѣдующаго литературнаго развитія, изъ него мы выводимъ и Гоголя, и Тургенева, и гр. Льва Толстаго, и Достоевскаго, мы ставимъ его въ уровень съ величайшими поэтами міра, мы говоримъ, что еще и до сихъ поръ не выяснили себѣ вполнѣ значенія Пушкина и не установили на него точнаго и опредѣленнаго взгляда, — какъ же мы почтили воплотившуюся въ Пушкинѣ нашу національную идею, какъ почтили память поэта, составляющаго нашу національную гордость, на какой умственной высотѣ мы себя показали?

Еще за недѣлю до 29 января никто ни въ Россіи, ни въ Петербургѣ не зналъ, чѣмъ ознаменуется день пушкинской годовщины. Ни отдѣленіе русскаго языка и словесности при академіи наукъ, ни общество литературнаго фонда не обнаруживали ни малѣйшаго поползновенія на какой-либо почннъ. И вотъ явилась боязнь, что пушкинскій день пройдетъ въ Петербургѣ, пожалуй, и совсѣмъ незамѣтно. Вѣдь, Петербургъ, все-таки, считаетъ себя головой Россіи (хотя онъ уже давно усиливается превратить себя только въ шляпу) и гробовая тишина въ подобный юбилейный день для головы Россіи была бы ужь совсѣмъ зазорной. Небольшой кружокъ литераторовъ взялъ на себя вывести голову Россіи изъ подобнаго грозящаго ей зазорнаго положенія и ему удалось заручиться согласіемъ литературныхъ корифеевъ—гг. Гончарова, Григоровича, Грота, Краевскаго, Стасюлевича,

Майкова, Потѣхина и друг., которые составили изъ себя распорядительную коммиссію и выработали программу юбилейнаго торжества. Торжество это должно было заключаться въ двухъ панихидахъ и литературно-музыкальномъ утрѣ, посвященномъ пушкинскимъ произведеніямъ.

Противъ этой, несомнѣнно очень скромной, программы выступило «Новое Время». Прежде всего, оно возстало противъ самозванной коммиссіи, которую никто не выбиралъ. «Говорятъ, — писала газета,—что коммиссію эту затѣялъ г. Вейнбергъ. По чьему полномочію онъ затѣялъ, никто не знаетъ. Г. Вейнбергъ называетъ скромно себя секретаремъ коммиссіи, но, въ сущности, говоря выраженіемъ Пушкина, онъ ея «зачинатель» и «совершитель», а всѣ тѣ, кого онъ пригласилъ на помощь себѣ, играютъ нѣсколько странную роль». Вмѣсто программы, выработанной коммиссіей, «Новое Время» предложило свою: «никакихъ торжествъ» въ день 29 января не требуется, никакихъ трапезъ и чтеній «отъ литературы» для «общества» не подобаетъ устраивать въ этотъ день, печальный день. Литераторы и «общество» должны сдѣлать одно: отслужить въ Казанскомъ соборѣ панихиду, — панихиду всенародную, доступную всѣмъ безъ «особыхъ приглашеній», билетовъ, безъ различія чиновъ и ранговъ, и на этой всенародной панихидѣ помолиться за упокой великой страдальческой души поэта...» Разница между программой коммиссіи и «Новаго Времени» заключалась въ томъ, что коммиссія желала устроить двѣ панихиды и литературно-музыкальное утро, а «Новое Время» устраняло литературно-музыкальное утро и предлагало одну панихиду. Разница эта, впрочемъ, очень существенная, потому что «Новое Время» превращало 29 января въ день исключительнаго поминанія, въ день всеобщей печали, а коммиссія съ поминовеніемъ соединяла еще и возстановленіе въ памяти общества художественнаго образа Пушкина.

Статья «Новаго Времени», написанная съ ненужною рѣзкостью, вызвала въ петербургской печати полемику, да раздѣлила голоса и въ печати провинціальной. «Новое Обозрѣніе», напримѣръ, находило, что «единственное воспоминаніе, какое русскій человѣкъ можетъ имѣть объ этомъ днѣ, это—воспоминаніе ужаса и нестерпимой сердечной боли, испытанныхъ тогда цѣлою Россіей. Какое тутъ можетъ быть мѣсто какому бы то ни было «торжеству» или «празднованію»? А, между тѣмъ, находятся такіе господа,—говоритъ газета,—которые, очевидно, не вѣдая, что творятъ, затѣваютъ на 29 число именно такія «торжества» и «празднованія».

Вопросъ, поставленный на полемическую почву, конечно, нисколько отъ того не выяснился, а скорѣе спуталъ понятія и ближайшимъ фактическимъ послѣдствіемъ статьи «Новаго Времени» было то, что коммиссіей овладѣла паника и члены ея поспѣшили разбѣжаться. Всѣ большіе города отслужили панихиду въ своихъ гимназіяхъ, школахъ и университетахъ: Петербургъ, Москва, Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Тифлисъ, Казань, Екатеринославъ, Новгородъ, Тамбовъ, Саратовъ, Ставрополь, Астрахань и т. д., а изъ уѣздныхъ городовъ,—за исключеніемъ очень немногихъ,—Кронштадтъ, Царское Село, Вязьма, Николаевъ, Таганрогъ, о другихъ же свѣдѣній въ газетахъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, не окажется большою ошибкой, если предположить, что изъ 535 городовъ Россіи едва одна четверть почтила 29 января моленіемъ за упокой, которое желали было превратить лишь «во всенародную панихиду, безъ различія чиновъ и ранговъ, въ день общей всероссійской печали». Но всенародная панихида вышла, все-таки, только панихидой общества и интеллигенціи, а остальные милліоны русскаго населенія въ четвергъ 29 января сидѣли или въ своихъ избахъ, или тянулись обозами съ хлѣбомъ и кувыркались на раскатахъ, не различая этого четверга отъ другихъ четверговъ, когда они дѣлали то же самое. Кто же, въ такомъ случаѣ, долженъ былъ изображать народъ на всенародной панихидѣ.

Конечно, никто, и самою силой вещей 29 января и послѣдующіе дни, посвященные памяти Пушкина, вышли тѣмъ, что предполагала сдѣлать изъ нихъ коммиссія. Они вышли днями поминовенія и чествованія, днями чтенія отъ литературы для общества, празднествомъ интеллигенціи. Если предполагалось уменьшить внѣшнюю торжественность дня 29 января и подъ предлогомъ всенародности отнять отъ него широкій общественный характеръ или уменьшить просторъ для выраженія общественныхъ чувствъ и идей, то это, конечно, достиглось и день прошелъ вяло и безцвѣтно.

Тому, кто хотѣлъ бы наблюдать факты изъ русской общественной физіологіи (а, можетъ быть, и патологіи), пушкинскіе дни давали достаточный для того матеріалъ; факты, правда, были мелкіе и противорѣчивые, но, вѣдь, и вся наша теперешняя жизнь мелка и противорѣчива. Я уже говорилъ, какъ растаяла коммиссія, состоявшая изъ корифеевъ литературы послѣ статьи «Новаго Времени». Конечно, не «Новое Время» было тутъ дѣйствующею причиной; оно лишь дало ближайшій поводъ выразиться извѣстному состоянію общественной мысли, очень полною иллюстраціей которому служитъ слѣдующій фактъ.

По проекту и полномочію николаевскаго городскаго головы, гласный Ге представилъ николаевской думѣ докладъ о томъ, какъ бы достойнѣе почтить память Пушкина. «Пушкинъ,—говорилъ докладчикъ,—дорогъ намъ не какъ художникъ, не какъ творецъ произведеній, преисполненныхъ изящества русской рѣчи,—онъ дороже всего тѣмъ, что училъ благородно мыслить и благородно чувствовать, и потому тѣмъ достойнѣе будетъ почтена память о Пушкинѣ, чѣмъ больше скажется въ насъ готовности служить нравственному подъему нашего не читающаго міра. Въ лирѣ Пушкина, насколько это было тогда возможно, звучала нота на пользу темнаго русскаго люда. Мы—представители не народа, а города, говорилъ г. Ге и на этомъ основаніи находилъ, что Николаеву нужно что-нибудь сдѣлать

на духовную пользу того класса горожан, который не может ускорить своего умственнаго развития чтением и на который можно, поэтому, воздействовать лишь путем театра. С этою целью г. Ге полагал объявить награду автору такого драматическаго произведения, которое, представляя пьесу из быта мелкой мещанской среды, наводило бы зрителя на благородныя мысли и благородныя чувства для разрешения поставленнаго пьесою вопроса. Премию г. Ге полагал назвать «пушкинскою николаевской городской думы».

При обсуждении предложения г. Ге главный вопрос заключался, казалось бы, не в том, может или не может городская дума объявить подобную премию. Во многих городах, например, в Одессе, в Казани, Саратове, городские театры составляют не только городское имущество, но и городскую оброчную статью; театры эти сдаются в арендное содержание антрепренерам и в условиях с ними выставляется, какого рода эстетическим требованиям антрепренер должен удовлетворить. Тут только уже один шаг к тому, чтобы дума премировала пьесы для своего театра. Если это так, то думе оставалось лишь оценить главную мысль г. Ге — насколько пьеса должна быть для мелкой мещанской городской среды, страдающей от «бед, истекающих из несчастных заблуждений и черствости нравов городскаго рабочаго и служилаго люда», точно это какой-то особенный род русской черствости и заблуждений. Но даже и в этом виде вопрос еще являлся спорным. Если Островский создал драму купеческую; почему же не явиться и еще другому Островскому, который бы создал драму мещанскую, как теперь граф Л. Толстой написал драму из крестьянскаго быта? Но николаевская дума поставила вопрос совсем не так. Гласный г. Кузьмин, (отставной инженер-механик, он же и член управы) возражал, что дума не имеет права на подобное постановление, что в законе нет прямаго указания, чтобы городския управления могли заниматься подобными делами, что, к тому же, он слышал и даже читал в какой-то газете, что имеется циркулярная программа, которою разрешается отслужить панихиду, прочитать публично некоторыя произведения Пушкина и т. д. Поэтому, следовало бы предварительно разрешения вопроса навести точныя справки. Еще оппонент, г. Сербинов (землевладелец и бывший мировой судья), возражал, что назначение премии за лучшее драматическое произведение зависит от цензурнаго комитета и что неизвестно, разрешит он пьесу или нет. Тот же г. Сербинов, обращаясь к председателю, сказал: «прошу указать на устав, который разрешает думе премировать драматическия произведения»; на что председатель ответил г. Сербинову: «прошу указать на устав, который не разрешает думе этого». Тот же г. Сербинов доказывал очень курьезную мысль, что без особаго разрешения начальства дума не имеет права украшать своего здания даже бюстом Пушкина. После длинных препирательств вопрос о премировании был поставлен на голоса и оказался забаллотированным.

В этом любопытном пререкании николаевской думы нет ничего комическаго, а все очень печально. Оно показало, на сколько в каждом из нас сидит еще служака и насколько даже в наших выборных представителях жив старый дореформенный принцип, что нельзя то, что запрещено, а можно только то, что дозволено. С такими удивительными юридическими понятиями можно прожить тысячу лет, правда, очень послушными и благонравными младенцами, но за то никогда и не вырости из панталончиков. И любопытно тут не то, что люди ходят в панталончиках, а то, что они сами на себя их надевают, когда никто от них этого не требует. Ведь, если бы проект г. Ге заключал что-нибудь противозаконное, — конечно, городской голова не явился бы первым его защитником и не предложил бы для доклада думе. И робкую нервность петербургских литературных корифеев, которым было достаточно самаго отдаленнаго сомнения в своем праве на общественный почин, чтоб отбросить всякую мысль о чествовании имя обоготворяемаго поэта и великаго учителя, из школы котораго они выросли и учениками котораго себя считают, можно объяснить только ненормальною болезненною чувствительностью, созданною более воображаемыми призраками, чем действительными опасностями. Наш мягкий, уступчивый славянский характер, больше женский, чем мужской, пассивный и упругий, когда он встречает препятствия, но за то давящий, разсудочно-холодный и безжалостный, когда ему открыто свободное поле, весь тут налицо. Каждый точно сжался и ушел в себя, никто не показывает своего нутра, и какие химические процессы и комбинации свершаются на глубине, под гладкою поверхностью стоячаго болота, с трудом определит даже самый проницательный химик. Живем ли мы инстинктом, живем ли безсознательным мышлением, насколько сознательное чувство общественности руководит нашими поступками, это никому неизвестно. Россию зовут сфинксом. Она действительно сфинкс, и мы не встречаем вокруг себя никакой силы, которая бы овладела и этим инстинктом, и этим безсознательным мышлением и дала бы ему стройное движение в целях общественной гармонии. Личность замкнулась и ушла в себя, ибо общее не дает ей удовлетворения, но и общее не встречает в личности желательнаго ему удовлетворения. В конце-концов, баланс нашей жизни никак не может найти себе устойчиваго равновесия и в результате получается или безпощадный личный пессимизм, или оптимистический фатализм. А жизнь изо дня в день идет своим путем, подвигаясь шаг за шагом к той несомненной правде отношений, в которой, по уверению ученых, лежит так называемый закон прогресса. Очень утешительная мысль для тех, кто надеется дожить до внуков.

А, впрочем, и для Пушкина, еслиб он дожил

до нашихъ дней, утѣшеніе въ этой мысли едва ли бы нашлось. Внуки не стали особенно умнѣе, и дѣдамъ при нихъ едва ли бы жилось счастливѣе. Казалось бы, что исторія давно распростерла свою руку надъ поэтомъ и почтенный многострадальный прахъ его можно бы ужь и не тревожить, а, между тѣмъ, вотъ какимъ стихотвореніемъ почтилъ память Пушкина одинъ провинціальный журналъ, издаваемый для народа:

„Несчастный мученикъ безвѣрья
И мученикъ своихъ страстей,—
Не ковзолея, а моленья
Онъ проситъ о душѣ своей.

Не чуя почвы подъ ногами,
Онъ вѣчно падалъ и страдалъ,
И „сладкозвучными стихами“
Сегодня то же прославлялъ.

Надъ чѣмъ сегодня же смѣялся...
Безхарактерность—идеалъ,
Съ которымъ онъ всегда сближался
И коего онъ типомъ сталъ.

Проказъ его не искупали
Ни бойкость фразъ, ни легкій стихъ.
Хотя два пастыря почтили
Его хвалой въ рѣчахъ своихъ.

Но та хвала, какъ увлеченье,
Недолговѣчна и пуста!...“

Стихотвореніе это напечатано въ издающемся въ Харьковѣ журналѣ «Благовѣстъ», и я беру его изъ фельетона *Скромнаго Наблюдателя* въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». И *Скромный Наблюдатель*, и «Одесскій Вѣстникъ», который тоже перепечаталъ это стихотвореніе, называютъ его «глупымъ». Совершенно справедливо, что оно не умно, но рѣчь не объ этомъ,—вѣдь, и человѣческая глупость только потому возможна, что жизнь открываетъ ей еще очень широко двери гостепріимства. Память о Пушкинѣ чтилась у насъ двойственно—и какъ безвременно погибшаго страдальца, и какъ безсмертнаго великаго поэта. Первое чествованіе было торжественнѣе, болѣе всеобще и имѣло, да и могло имѣть, лишь чисто-личный характеръ, ибо посвящалось личной памяти человѣка. Надо было имѣть большой тактъ, чтобы при личной оцѣнкѣ Пушкина удержаться въ равновѣсіи, ибо для церкви Пушкинъ не великій или народный поэтъ, а обыкновенная христіанская душа, можетъ быть, даже болѣе многогрѣшная и заблуждавшаяся, о которой поэтому нужно болѣе и молиться. Изъ «Правительственнаго Вѣстника» извѣстно, что въ нѣкоторыхъ церквахъ священники обращались къ молящимся съ небольшими проповѣдями, посвященными жизни и объясненію значенія дѣятельности Пушкина, и что передъ началомъ панихиды въ церкви Петербургскаго университета профессоръ богословія, о. Рождественскій, обратился къ присутствующимъ съ прочувствованными словами, «посвященными свѣтлой памяти усопшаго раба Божія Александра». Къ сожалѣнію, рѣчи эти нигдѣ не напечатаны,—по крайней мѣрѣ, мнѣ не удалось ихъ найти. Но вотъ главное содержаніе рѣчи, сказанной на панихидѣ въ церкви Московскаго университета профессоромъ богословія, протоіереемъ Иванцовымъ-Платоновымъ: «Намъ, служителямъ закона Божія,—сказалъ проповѣдникъ,—можно являться не съ словомъ возбужденія и увлеченія, а развѣ лишь съ словомъ предостереженія, тамъ, гдѣ можетъ произойти что-либо подобное поклоненію кумирамъ, въ которые русское общество превращаетъ Пушкина все болѣе и болѣе. Все высокое, свѣтлое, геніальное въ дѣятельности человѣческой вызываетъ наше сочувствіе, уваженіе, удивленіе, благодарность и любовь, но, прежде всего, потому, что это—даръ Божій. Но мы не должны забывать, что въ земной дѣятельности высшіе небесные идеалы проявляются въ бренной человѣческой оболочкѣ, часто до того покрытой всякими несоотвѣтственными приращеніями, что за нею иногда едва-едва можно бываетъ разсмотрѣть мерцаніе высшаго Божественнаго свѣта. Пушкинъ между русскими писателями и вообще между русскими людьми представляется наиболѣе надѣленнымъ высшими небесными дарами; но кто же можетъ сказать, что онъ во всю свою жизнь безупречно служилъ высшему призванію?... Грустно и больно припомнить, какъ много въ этой необыкновенной натурѣ потрачено даромъ въ праздности, суетности, мелочности, какъ много въ этой столько обѣщавшей жизни прошло нечистыхъ и жалкихъ увлеченій, и какъ, наконецъ, прекратилась эта дорогая жизнь, человѣкомъ разумнѣйшимъ, человѣкомъ образованнымъ, человѣкомъ-христіаниномъ отданная въ жертву нелѣпѣйшему и нечестивѣйшему изъ общественныхъ предразсудковъ... Утѣшеніемъ въ этихъ грустныхъ воспоминаніяхъ можетъ служить, что Пушкинъ, при всѣхъ своихъ слабостяхъ и увлеченіяхъ, всегда оставался по натурѣ искреннимъ, добрымъ, благороднымъ, великодушнымъ человѣкомъ, что онъ искренно и простодушно сознавался и раскаивался въ своихъ увлеченіяхъ и заблужденіяхъ... Въ самой кончинѣ его жизни, хотя и отданной въ жертву нелѣпому предразсудку, насъ можетъ утѣшать, по крайней мѣрѣ, то, что въ послѣднихъ своихъ минутахъ это была, все-таки, искренняя, добрая, христіанская кончина... Во всякомъ же случаѣ,—заключилъ проповѣдникъ,—весьма разумнымъ и добрымъ дѣломъ представляется то, что почитатели великаго поэта, вспоминая о его кончинѣ, прежде всего—прежде всякихъ удивленій, восхваленій, прославленій, нашли нужнымъ помолиться о вѣчномъ упокоеніи души его...»

Конечно, эта рѣчь и правдива, и безпристрастна, и проникнута чувствомъ христіанскаго всепрощенія, и, при всемъ томъ, думается, что лучше бы ей быть построенною на другой мысли. Припоминая въ началѣ своей рѣчи, что какая-то предвѣщательница сказала молодому Пушкину: «ты сдѣлаешься кумиромъ для своихъ соотечественниковъ», проповѣдникъ указываетъ на строгую заповѣдь закона Божія: «Не твори себѣ кумира и не преклоняйся передъ нимъ»—и своимъ словомъ хочетъ предостеречь отъ подобнаго увлеченія. Но, вѣдь, вторая заповѣдь запрещаетъ поклоненіе кумиру совсѣмъ не въ этомъ смыслѣ и, во всякомъ случаѣ, обоготвореніе Пушкина (если это только

обоготвореніе) такъ далеко не идетъ. Очень можетъ быть, что если бы проповѣдникъ задался другою мыслью, то и рѣчь его вышла бы другою. Но теперь, когда ему пришлось сказать, что кумиръ не есть кумиръ, ему нужно было это и доказать. Понятно, что рѣчь должна была принять характеръ обличенія. Мягко, сдержанно, тепло, гуманно сдѣлалъ это проповѣдникъ, но, все-таки, онъ сдѣлалъ только это, а не что-либо другое.

Личное отношеніе къ Пушкину явилось и въ стихотвореніи «Благовѣста». Этотъ мало извѣстный журналъ (его нѣтъ въ спискѣ періодическихъ изданій календаря Суворина), судя по заглавію, долженъ быть журналомъ духовнымъ. Конечно, это не оправданіе тому, что журналъ не съумѣлъ отнестись правильно къ Пушкину. Дѣло не въ томъ, что журналъ отнесся строго къ «безвѣрію» поэта, а въ томъ, что ни въ одномъ словѣ «Благовѣста» не звучитъ христіанская любовь, для духовнаго журнала обязательная. Но разъ открывъ путь для личной оцѣнки, разъ ставъ надъ могилой Пушкина, чтобы вспоминать его ошибки и заблужденія, мы этимъ открыли и полный просторъ каждому относиться къ Пушкину съ своимъ собственнымъ моральнымъ пониманіемъ. Вѣроятно, не одинъ «Благовѣстъ» смотритъ на Пушкина такимъ образомъ и находитъ его вліяніе вреднымъ. И вотъ является любопытное противорѣчіе. Въ то время, когда Пушкинъ даже оффиціально признанъ народнымъ, всероссійскимъ поэтомъ, когда оффиціальное чествованіе его свершалось во всѣхъ городскихъ соборахъ, во всѣхъ школахъ, гимназіяхъ и университетахъ, когда его сочиненія издаются въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ для народа,—журналъ, тоже издающійся для народа, какъ «Благовѣстъ», является съ словомъ протеста и этому же самому народу, которому предлагаютъ читать Пушкина, говоритъ: не читай этого невѣрующаго, этого вѣчнаго мученика своихъ страстей, не заслуживающаго никакого мавзолея и памяти, не слушай похвальныхъ рѣчей, которыя ему расточаютъ даже пастыри. Не знаю, удобно ли духовному журналу являться съ такимъ обличеніемъ, и я отмѣчаю это обстоятельство просто какъ фактъ. Казалось, полстолѣтія со смерти Пушкина совсѣмъ бы достаточно, чтобы перестать спорить о немъ и чтобъ его имя перестало возбуждать личныя страсти, отразившіеся даже въ журналахъ. Ужь не стану говорить объ одесской «Пчелкѣ», которая нашла возможнымъ воспользоваться несчастнымъ сочетаніемъ обстоятельствъ, послужившихъ причиной смерти Пушкина, чтобы набросать на него скабрезную тѣнь. Но эти факты нельзя и замолчать, ибо они какъ разъ указываютъ на нѣчто противуположное тому, что хотѣлъ доказать о. Иванцовъ-Платоновъ: они именно указываютъ на слишкомъ еще малое у насъ уваженіе къ Пушкину. Вы скажете, что такъ относится къ Пушкину не общество, а только часть его, что общество, напротивъ, было возмущено всѣмъ этимъ. Въ такомъ случаѣ, покажите, въ чемъ выразилось его возмущеніе, если не считать протеста «Одесскаго Вѣстника» и «Новостей»:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви.

И этому факту есть, къ сожалѣнію, объясненіе, какъ и всему на свѣтѣ. Но то и страшно, что объясненіе ведетъ часто къ извиненію, и до сихъ поръ мы еще думаемъ, что все понять — значитъ все простить. А объясненіе, по крайней мѣрѣ, отношенія «Благовѣста» къ Пушкину, заключается въ той нашей моральной строгости, аршиномъ которой мы хотимъ непремѣнно мѣрить нравственный ростъ каждаго. И это направленіе было у насъ всегда господствующимъ.

Безпощадно строгіе къ личному поведенію своихъ умственныхъ вождей, мы безразличны и милостивы ко всякому поведенію общественному. Мы даже и не предполагаемъ, что лично честный человѣкъ (что, несомнѣнно, обязательно для каждаго) можетъ быть не честенъ политически, если онъ не умѣетъ понимать правильно общественные интересы. Не понимая этого, мы въ общественномъ поведеніи съ трудомъ отличаемъ добродѣтель отъ порока, благодѣянія отъ злодѣянія, и личная оцѣнка намъ служитъ совсѣмъ не для того, чтобы въ личномъ поведеніи провидѣть его общественный конецъ. И 29 января ушло у насъ только на воспоминаніе подробностей изъ личной жизни Пушкина, на подробности его трагическаго конца, на мелкія воспоминанія его лицейской жизни и вообще на такія его біографическія подробности, съ которыми мы точно хотѣли познакомить обитателей Сиріуса, никогда ничего не слыхавшихъ о Пушкинѣ, а не русское общество, которое должно бы было знать ихъ хорошо, потому что оно устроило ему его трагическій конецъ. Если 29 января было днемъ поминовенія и покаянія, то ужь, конечно, не для Пушкина, которому и не въ чемъ, да и не возможно каяться, а для насъ, для общества, продолжающаго и нынче устраивать для своихъ лучшихъ людей такую же жизнь, которую оно устраивало Пушкину, Лермонтову, Бѣлинскому. Немножко общественныхъ подробностей коснулся лишь профессоръ О. Миллеръ, да и тотъ сдѣлалъ это, кажется, только съ полемическими цѣлями, направивъ свои усилія не совсѣмъ туда, куда бы нужно.

Рѣчь профессора Миллера была произнесена не 29 января, а наканунѣ, въ засѣданіи научно-литературнаго общества. «Не веселиться, не радоваться, — отъ радостей мы, вѣдь, и отвыкли, — даже не торжествовать собираемся мы,—мы собираемся поминать, — началъ свою рѣчь профессоръ.—Наше время—по преимуществу время поминокъ. Всѣ эти поминки – и не давно почившихъ, и давно почившихъ дѣятелей—и скорбны, и наставительны». Затѣмъ лекторъ обрисовалъ положеніе Пушкина въ той средѣ, которая его засосала и погубила, какъ эта среда становилась все болѣе и болѣе толстѣвшимъ средостѣніемъ «между нимъ и главою родной земли» и какъ, наконецъ, эта жизнь измучила Пушкина и стала ему невыносима и довела до роковаго 29 января. «Да,—сказалъ профессоръ, – печальная и позорная для насъ повѣсть. Ужасенъ этотъ день, 29 января, но поминать сво-

его мученика-поэта мы обязаны. Не стало Пушкина, который, несмотря ни на что, вмѣнялъ самому себѣ въ заслугу, что «въ свой жестокій вѣкъ онъ возславилъ свободу», — и на слово, этотъ «Божій даръ», все болѣе и болѣе налагались у насъ земныя оковы. Если уже Пушкину, для того, чтобы напомнить въ своемъ журналѣ о «Радищевѣ, врагѣ рабства», пришлось заговорить эзоповскимъ языкомъ,—но даже и это не помогло,—то чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе оказывалось возможнымъ затрогивать въ литературѣ вопросы, подобные тѣмъ, которые затронуты были Радищевымъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе изгонялось изъ литературы всякое сколько-нибудь опредѣленное и рѣшительное общественное направленіе. Самые вопіющіе жизненные вопросы все болѣе и болѣе обращались въ монополію оффиціальныхъ сферъ, а обществу предоставлялось безмолвно ожидать вполнѣ негласнаго ихъ рѣшенія. Наступила такая пора, когда, по выраженію недавно покинувшаго насъ поэта-публициста (И. С. Аксакова), оставалось только «проклинать силы и молодость, какъ ненужное бремя». Конецъ этой печальной порѣ наступилъ только съ воцареніемъ Александра II, при которомъ, вмѣстѣ съ другими благими дарами, Россія увидала впервые своего дорогаго поэта въ его настоящемъ видѣ».

Но и тутъ,—говоритъ О. Ѳ. Миллеръ,—по стеченію обстоятельствъ, Пушкинъ подвергся особой опалѣ, вдругъ оказавшись безъ вины виноватымъ. «Торопясь порѣшить вопросы насущные, вызываемые «злобою дня», мы думали сдать въ архивъ тѣ вопросы духовные, вѣчные, которые, однако же, вытекаютъ изъ той же природы, такъ какъ «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ». Если все идеально-руководящее — только напущенный на людей дурманъ, то въ матеріализмѣ, разнуздывающемъ инстинкты, думалось намъ тогда, заключается все спасеніе; если все сводится въ жизни на одну борьбу за существованіе, то нелѣпо, противно законамъ природы, заключили мы, всякое добровольное самоограниченіе, фантастично и сумасбродно начало братской любви, разъ навсегда замѣняемое усовершенствованнымъ общественнымъ механизмомъ». И вотъ, съ утратой идеала, явилась въ обществѣ тоска и врачующимъ откликомъ на эту тоску послужила тогда же «вдохновенная рѣчь Достоевскаго, свалившая съ нашихъ плечъ тяжелый грузъ преждевременной старости, указавшая намъ идеалъ въ стремленіи къ всемірности и всечеловѣчности. И «мы опять ощутили въ душѣ своей Бога».

Ахъ, если бы все это была правда, если бы дѣйствительно тогда въ Москвѣ свалился бы съ плечъ нашего общества грузъ преждевременной старости, если бы мы опять ощутили въ душѣ своей Бога (и неужели мы Его ощущали при Пушкинѣ и даже тогда, когда устраивали ему вмѣсто жизни адъ?), если бы мы дѣйствительно сознавали, что задача нашей русской народности—въ стремленіи къ всечеловѣчности и космополитизму, къ общему счастію всѣхъ людей на землѣ и къ своему, конечно, собственному! Но когда же это было? А если и было, то почему г. О. Миллеръ умолчалъ, что тотъ самый «русскій скиталецъ», который, страдая своею заброшенностью и выстраненіемъ изъ жизни, явился въ Москвѣ восторженною силой, способною увлечься идеаломъ всеобщей любви и братства,—что этотъ самый скиталецъ есть кость отъ кости и плоть отъ плоти того самаго матеріализма, который, какъ говоритъ г. О. Миллеръ, убилъ, будто бы, въ насъ всякій идеалъ, всякое стремленіе къ живому, доброму, справедливому и прекрасному. Дѣло было проще. Тѣ, кого г. Миллеръ зоветъ матеріалистами, были самыми отчаянными идеалистами,—но только не въ эстетической области, — они были прямымъ продолженіемъ тѣхъ самыхъ идей, которыя создали и общественныя понятія Пушкина, только къ той «злобѣ дня», которою болѣлъ Пушкинъ, они присоединяли еще и свою «злобу дня». Во враждѣ, которую усмотрѣлъ г. О. Миллеръ, заключалась не вражда противуположностей, не борьба свѣта со тьмой, а было лишь боязливое, страстное чувство, чтобы художественная созерцательность не отвлекла вниманія въ сторону и не явилась бы «тормазомъ на пути къ прогрессу», какъ это и самъ объясняетъ г. О. Миллеръ. Ни въ чемъ тутъ общественная мысль не дѣлала ошибки; она была только слишкомъ энергична и стремительна. Это былъ неустранимый и неизбѣжный историческій моментъ въ ростѣ нашего общественнаго сознанія и простое логическое слѣдствіе предъидущаго. А если это была исторія, то полемика съ нею уже совершенно безполезна. Но г. О. Миллеръ не только полемизируетъ съ исторіей, но и не считаетъ для себя обязательнымъ тотъ самый идеалъ всеобщей любви, братства, а, главное, справедливости, отсутствіе которыхъ онъ такъ тщательно выслѣживаетъ въ чужихъ душахъ. Обвинивъ «матеріалистовъ» въ томъ, что они забыли «самое слово Божіе», г. О. Миллеръ не далъ доказательства лучшей памяти и, какъ видно, тоже забылъ, что тѣми же божественными устами произнесено: «если я неправъ—Вы мнѣ это докажите; если-же я правъ—за что вы меня бьете?» И г. О. Миллеръ не доказываетъ, а бьетъ. И когда же и кого онъ бьетъ? Онъ бьетъ все того же самаго «скитальца», того же самаго ищущаго и загнаннаго интеллигента, которымъ былъ и Пушкинъ.

Мало утѣшительнаго обнаружилось въ скорбные дни памятованія Пушкина. Дни оказались дѣйствительно скорбными, и скорбѣла больше всего мысль, чувствовавшая себя Сандрильонкой. На пушкинскомъ торжествѣ въ Москвѣ было не то: тогда пили тосты и говорили смѣлыя рѣчи, общественный камертонъ звучалъ надеждой, всѣмъ дышалось легко, общественный нервъ былъ приподнятъ, мысль работала открыто. То время обозвали временемъ «вѣяній», надъ нимъ даже пытались смѣяться; но, вѣдь, кто же не знаетъ, что это былъ смѣхъ боязни? Въ это «смѣшное» время, ставшее теперь достояніемъ исторіи, и поминальныя рѣчи звучали не тѣмъ, чѣмъ онѣ звучали нынѣ. «Нынѣ свѣтлый праздникъ русской поэзіи и отечественнаго слова,— сказалъ преосвященный (и глубоко просвѣщенный) Макарій, митрополитъ московскій. — Россія че-

ствуетъ торжественно знаменитѣйшаго изъ своихъ поэтовъ открытіемъ ему памятника, а церковь отечественная, освящая это торжество особымъ священнослуженіемъ и молитвами о вѣчномъ успокоеніи души чествуемаго, возглашаетъ вѣчную память». Да, именно вѣчную память,—память, которая не умретъ. Тогда же, во имя Пушкина, было сказано и еще знаменательное слово: «Не будемъ предаваться мечтамъ и утопіямъ, — говорилъ г. Катковъ, — будемъ только надѣяться, что сила свѣта возьметъ свое, что сила недоразумѣній, раздѣляющихъ людей, будетъ ослабѣвать, и что все шире и шире будетъ становиться область, въ которой люди разныхъ мнѣній могутъ сходиться мирно и даже дружно». И несомнѣнно, что если бы время «вѣяній» не сдѣлалось достояніемъ только исторіи, то въ нашей жизни явились бы условія болѣе помогающія примиренію партій и болѣе дисциплинирующія мысль уже однимъ ея подъемомъ, чѣмъ условія, въ которыхъ находится мысль теперь. Пожалуй, и нынче было выражено желаніе объединенія и замиренія, предлагалось печати бросить ея мелкія дрязги и сдѣлать это тоже во имя памяти Пушкина. Но что же значитъ тутъ «Пушкинъ?» Какъ примириться во имя его? Вѣдь, не значитъ же это, что люди, наполнивъ бокалы, чокнутся, выпьютъ на брудершафтъ и, пожавъ другъ другу руку, станутъ неразлучными друзьями. Пушкинъ для насъ—не мистическое имя, способное создать всеобщее умственное единеніе какою-то присущею ему чудодѣйственною силой. Въ той жизни, которую устроили Пушкину общественныя условія, онъ для насъ живой образъ, живая страдающая мысль, всѣ его мучительныя страданія, какъ представителя русскаго слова и русской мысли, такъ свѣжи и такъ намъ близки и понятны, точно все это происходило вчера, а для другихъ это, пожалуй, и «сегодня». Скиталецъ и загнанный интеллигентъ, Пушкинъ является для нашего времени поучительнымъ живымъ урокомъ, ибо мы и нынѣ не съумѣли еще освободиться отъ тѣхъ условій, которыя загубили Пушкина, отравили всю его жизнь, которыя мѣшали развитію его таланта, тормазили, сбивали и уродовали его мысль и слово, задерживали всенародный доступъ его произведеній. Если имя Пушкина «стало какъ бы общепризнаннымъ знаменемъ значенія самой русской литературы въ жизни русскаго общества, въ исторіи развитія русской мысли, которая въ наше время получила уже права гражданства въ литературѣ всемірной, въ исторіи роста сборной умственной сокровищницы всего человѣчества», какъ коротко и вѣрно формулировалъ въ предъидущей книжкѣ «Русской Мысли» мой коллега, внутренній обозрѣватель, значеніе Пушкина, то имя того же Пушкина является еще и знаменемъ для соединенія сознательныхъ усилій русской печати въ достиженіи и выработкѣ условій, необходимыхъ для свободнаго ея развитія, какъ органа общественности, для завоеванія себѣ соотвѣтственнаго этому положенія, для укрѣпленія въ обществѣ сознанія, что интеллигенція и литература — могущественныя средства, которыми создается общественное процвѣтаніе, сила и слава народовъ. Въ этомъ сознаніи мы, какъ кажется, ушли еще не особенно далеко отъ времени Пушкина и пока научились лишь хоронить своихъ пророковъ, да произносить хвалебныя рѣчи только на ихъ могилахъ, которыя мы тщательно имъ роемъ при ихъ жизни.

Но насколько чувство независимости чуждо даже самихъ писателей и они ещё спутываютъ свои писательскія обязанности съ обязанностями имъ совершенно чуждыми, еще разъ (и ужь который!) пришлось убѣдиться въ нынѣшніе пушкинскіе дни. Не о чревоугодіи и пиршествѣ думали люди, когда, какъ правильно замѣтила «Недѣля», въ «Недѣльныхъ замѣткахъ»,—«люди сердца, люди, «помнящіе родство» въ литературѣ, думали на этихъ невинныхъ праздникахъ отвести душу, собравшись вмѣстѣ одною писательскою семьей». Вѣдь, это просто необходимое и вполнѣ понятное живое общеніе людей умственнаго труда во имя общихъ интересовъ и для живаго обмѣна мыслей. Не Богъ вѣсть какъ красна наша жизнь и не Богъ вѣсть насколько богата общественными впечатлѣніями, чтобы пушкинская годовщина не зашевелила бы въ каждомъ цѣлый рой мыслей и чувствъ, требовавшихъ живаго обмѣна. Нѣкоторыя петербургскія и провинціальныя газеты нашли такое стремленіе неумѣстнымъ, но, тѣмъ не менѣе, обѣды литераторовъ состоялись въ Москвѣ и въ Петербургѣ. О московскомъ обѣдѣ въ газетахъ не говорилось почти ничего; извѣстно лишь, что нѣсколько писателей произнесли рѣчи, а въ чемъ заключались ихъ рѣчи, это такъ и осталось тайной. Петербургскимъ рѣчамъ посчастливилось болѣе. Онѣ не только были напечатаны, но рѣчь г. Спасовича даже подала «Кіевлянину» случай показать, насколько онъ понимаетъ и какъ онъ понимаетъ свои журнальныя обязанности. Петербургскія рѣчи отличались больше всего славословіемъ и только г. Спасовичъ сказалъ рѣчь, имѣвшую содержаніе. Умно и хорошо задуманная и построенная, литературно составленная, красивая и стройная рѣчь эта имѣла цѣлью дать общественную характеристику Пушкина и указать его мѣсто въ ряду міровыхъ поэтовъ. «Я не могу,—сказалъ г. Спасовичъ,—поставить его между первоклассными міровыми геніями, но этихъ геніевъ и немного — всего три или четыре: Гомеръ, Дантъ, Шекспиръ и, можетъ быть, Гете. Во второмъ уже ряду стоятъ: Байронъ, Шиллеръ, Альфредъ Мюссе, Мицкевичъ, Викторъ-Гюго, Гейне; въ этой, все-таки, великой семьѣ помѣщается и Пушкинъ. Я устраняю и другое невѣрное представленіе о Пушкинѣ: не могу я видѣть въ немъ образецъ великаго гражданина, образецъ героя (слѣдуютъ доказательства)... онъ былъ единственно и исключительно только поэтъ и не болѣе, какъ поэтъ! Но за то какой дивный и геніальный поэтъ! Для Россіи онъ то же, что Дантъ для итальянцевъ, что Кохановскій для поляковъ въ XVI столѣтіи: онъ—создатель поэтическаго языка...» Сильныхъ гражданскихъ струнъ г. Спасовичъ въ душѣ Пушкина не усматриваетъ: «онъ былъ вольная, рѣзвая

птичка, которая по натурѣ своей не могла быть никакъ приручена...» «Я не настолько самоувѣренъ,—сказалъ г. Спасовичъ,—чтобы выдавать мое представленіе о Пушкинѣ за безусловно-вѣрное и правильное. Пусть каждый изъ присутствующихъ меня дополнитъ и исправитъ...» Но никто изъ присутствующихъ г. Спасовича не дополнилъ и не исправилъ, а произошло вотъ что: г. Комаровъ счелъ нужнымъ *протестовать* противъ рѣчи г. Спасовича, что только «понапрасну разстроило въ нѣкоторой степени гармонію чествованія великаго поэта» («Новости»). Полчаса спустя послѣ обѣда г. Модестовъ сказалъ г. Комарову нѣсколько словъ въ защиту рѣчи г. Спасовича, что онъ, т. е. г. Спасовичъ, взглянулъ на дѣло съ той точки зрѣнія, которая не должна была отсутствовать при чествованіи Пушкина, что если г. Спасавичъ не поставилъ Пушкина рядомъ съ Гомеромъ, Дантомъ и Шекспиромъ, то онъ не поставилъ его ниже никакого другаго поэта, что намъ нечего такою оцѣнкой оскорбляться, что она не можетъ унизить Пушкина и что стоящій рядомъ съ Викторомъ Гюго, съ Мицкевичемъ—Пушкинъ не можетъ казаться униженнымъ. Инцидентъ этотъ вызвалъ въ петербургской печати (кажется, мелкой) сыскъ, въ которомъ больше всего отличился «Кіевлянинъ». Въ статьѣ «Кіевлянина» есть все, что въ такихъ случаяхъ идетъ въ дѣло: и «кичливый ляхъ», и «о чемъ шумите вы, народные витіи», и очень тонкое (кажется, даже черезъ-чуръ тонкое) объясненіе причинъ обѣда. Весь этотъ пиръ созывался, по объясненію «Кіевлянина», для того, чтобы г. Спасовичъ могъ сказать свою рѣчь; «для нея (рѣчи) хлопотали петербургскіе интеллигенты извѣстной окраски въ столь привычной имъ роли панургова стада,—хлопотали совсѣмъ безкорыстно, даже не подозрѣвая, что и для чего дѣлаютъ». Статья «Кіевлянина», не имѣющая ничего общаго съ журналистикой, возбудила въ г. Модестовѣ такія тревоги, что онъ счелъ долгомъ напечатать, что именно онъ говорилъ г. Комарову и еще цѣлую разъяснительную (оправдательную?) статью. Помилуйте, господинъ Модестовъ, что это вы дѣлали! Что «Кіевлянинъ» преслѣдовалъ вовсе не журнальныя цѣли и что ему нѣтъ ровно никакого дѣла до мѣста, которое занимаетъ Пушкинъ, всякій можетъ убѣдиться изъ рѣчи профессора Дашкевича, произнесенной имъ въ кіевскомъ университетѣ и напечатанной въ томъ же «Кіевлянинѣ». Г. Дашкевичъ, опредѣляя мѣсто Пушкина въ ряду другихъ поэтовъ, говоритъ вотъ что: «Нашъ поэтъ искалъ въ частномъ рѣшеніи *(Евгеній Онѣгинъ)* основныхъ вопросовъ жизни. Быть можетъ, онъ старался взойти къ разгадкѣ ихъ *не съ полною сознательностью*, не столько какъ философъ, а болѣе какъ художникъ; быть можетъ, у него не было такого опредѣленнаго философскаго міровоззрѣнія, какимъ отличался Шиллеръ, столь хорошо изучившій современную ему философію, въ особенности систему Канта и Гете, углублявшійся также въ естествознаніе... Нашъ поэтъ мѣрялся своими силами съ Аріосто, Шекспиромъ, Мольеромъ, Гете выходилъ изъ этого сравненія не съ позоромъ, а съ полною честью. Правда, и самые вопросы, которые занимали музу Пушкина, и постановка ихъ не отличались такою глубиной, которая присуща произведеніямъ одного изъ величайшихъ ново-нѣмецкихъ поэтовъ, Шиллера. Въ лирикѣ Пушкина, при всѣхъ ея крупныхъ достоинствахъ, мы не найдемъ того, что составляетъ величайшее достоинство лирики Шиллера. Да и вся поэзія Пушкина не возноситъ насъ такъ высоко въ область идеала, какъ шиллеровская... Быть можетъ, *также слишкомъ много сказалъ* г. Незеленовъ, утверждая, что взглядъ Пушкина на жизнь оказался нравственно выше міросозерцанія Гете; умственный кругозоръ его оказался шире!..» («Кіевлянинъ», № 27). Нужно думать, что мѣсто, отведенное Пушкину г. Спасовичемъ, было почетнѣе, чѣмъ отведенное «Кіевляниномъ» и г. Дашкевичемъ.

Впрочемъ, «Кіевлянинъ» явился не единственною ложкой дегтя въ бочкѣ меда. И не въ томъ бѣда, что «Кіевлянинъ» явился дегтемъ, потому что деготь можетъ быть и литературный, а въ томъ бѣда, что журналистика беретъ на себя заботу слѣдить за тѣмъ, что вовсе не составляетъ ея компетенціи и для чего существуютъ особые спеціальные органы, такъ что добровольство печати можетъ оказываться вовсе ненужнымъ. Для литературныхъ органовъ съ такими понятіями Пушкинъ, сказавшій:

> ... Для власти, для ливреи
> Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
> . . . .
> Вотъ вольность! Вотъ права!—

для подобныхъ литературныхъ органовъ Пушкинъ, конечно, не знамя и подъ его знамя ихъ не соберешь. Къ 1880 году раздался было кличъ примиренія, а нынче ужь никто и попытки для этого не дѣлалъ!

Дѣйствительный серьезный и важный результатъ пушкинской годовщины не зависѣвшій ни отъ воли, ни отъ согласія или несогласія печати, есть появленіе массы дешевыхъ изданій Пушкина, который, такимъ образомъ, сдѣлался доступнымъ тѣмъ, кто его до сихъ поръ читать не имѣлъ возможности. Нашъ длинный срокъ монополіи литературной собственности дѣлаетъ то, что одна часть Россіи получаетъ только черезъ пятьдесятъ лѣтъ возможность читать книги, которыя другая часть Россіи читаетъ полустолѣтіемъ раньше. По этому разсчету Лермонтовъ сдѣлается общедоступнымъ въ 1891 г. (слава Богу, этому очередь скоро), Бѣлинскій въ 1898 г., Гоголь въ 1902 г., Достоевскій въ 1931 г., Тургеневъ въ 1933 г. Но это будетъ для второй части Россіи, а у насъ есть третья, и четвертая, не знающая грамоты и до сихъ поръ. Когда же для нея-то сдѣлаются доступными наши писатели? Не въ этомъ ли и законъ русскаго прогресса?

«Русскія Вѣдомости» вполнѣ кстати возбудили вопросъ о литературной собственности, потому что теперешнее ея монопольное положеніе почти заслоняетъ доступъ произведеній печати въ массу грамотной Россіи. Нашъ законъ, съ его пятидесяти-

лѣтнимъ срокомъ послѣ смерти автора, больше заботится о правахъ наслѣдниковъ, чѣмъ самихъ писателей. Въ Англіи подобный же законъ гораздо практичнѣе и оберегаетъ больше интересы автора, чѣмъ его наслѣдниковъ. Если авторъ пользовался при жизни своими авторскими правами, то его наслѣдники могутъ продолжить это пользованіе въ теченіе 42 лѣтъ, со дня 1-го изданія. Такимъ образомъ, если авторъ пользовался своимъ правомъ 30 лѣтъ, то наслѣдники могутъ пользоваться имъ 12 лѣтъ. Нашъ полустолѣтній срокъ сравнительно со срокомъ англійскимъ является чудовищно громаднымъ. Предположите, что русскій авторъ напечаталъ первое свое изданіе 20-ти лѣтъ и затѣмъ прожилъ 50 лѣтъ; значитъ, только еще черезъ 50 лѣтъ, или черезъ 100 лѣтъ, послѣ перваго изданія, его сочиненія сдѣлаются общедоступными. Ну, какъ при такихъ условіяхъ намъ догонять Европу?! А казалось бы, намъ больше, чѣмъ кому-либо, слѣдовало позаботиться о самомъ широкомъ и свободномъ приливѣ чтенія въ нашу еще такъ малообразованную грамотную среду.

Какая же связь, спроситъ читатель, у конца этого очерка съ его началомъ, пушкинскихъ дней—съ мужикомъ, кувыркающимся при раскатахъ? Связь, читатель, въ томъ, что и мы, литераторы и интеллигенты, выступая въ широкій Божій міръ, чувствуемъ себя такими же Божьими коровками, какими чувствуютъ себя мужики внѣ деревни. Надъ всѣми нами, подобно року древнихъ, тяготѣетъ какая-то невѣдомая русская «планида», съ которою, какъ и съ рокомъ, ничего не подѣлаешь. Она спутываетъ чувствомъ страха наши понятія, сбиваетъ съ толку поведеніе, можетъ заставить насъ говорить не то, что мы думаемъ или хотѣли бы думать, и вообще создаетъ такія пертурбаціи въ нашихъ мысляхъ и поступкахъ, что можетъ довести даже до нѣкотораго самозабвенія и оправданія передъ «Кіевляниномъ».

XVII.

Начну кажущимся отступленіемъ.

Какъ и почему случается, что исторія идетъ приливами и отливами? То высоко поднимается волна жизни—и способности, чувства, идеи,—все идетъ вверхъ, сердца бьются, мысль работаетъ, всѣ точно вдругъ полюбятъ другъ друга, всякій думаетъ объ общемъ счастіи, гуманность и прощаемость одушевляютъ всѣхъ, всѣ хотятъ работать на благо другъ друга, измѣняютъ учрежденія, порядки, законы, нравы, обычаи; а то волна вдругъ отольетъ—и все отходитъ съ нею назадъ; тѣ, которые любили и хотѣли устраивать лучшую жизнь, точно куда-то исчезнутъ и мѣсто ихъ займутъ совсѣмъ иные люди, на прежнихъ не похожіе, идеи прячутся, мысль надѣваетъ на себя ночной колпакъ, жизнь застываетъ, гуманность смѣняется непрощаемостью, всѣ дѣлаются сердитыми и недовольными, каждый думаетъ только о себѣ, дѣла перестаютъ идти полнымъ ходомъ, даже земля, точно вторя отливу, отказывается давать урожаи, люди, еще недавно такіе добрые и щедрые, становятся разсчетливыми и скупыми, каждый себя урѣзываетъ, каждый мѣшаетъ жить другому... Какой-то итальянскій историкъ объяснилъ эти приливы и отливы смѣною поколѣній и, по его разсчету, каждый приливъ и отливъ тянется около семнадцати лѣтъ. Едва ли это вѣрно. Бывали приливы очень короткіе, сейчасъ же вызывавшіе обратную зыбь, и бывали отливы, которые тянулись 25—30 и даже болѣе лѣтъ. Но несомнѣнно, что отцы и дѣти въ приливахъ и отливахъ играютъ главную роль и что за каждымъ приливомъ слѣдуетъ отливъ, чтобъ опять уступить свое мѣсто приливу.

Прекрасною иллюстраціей къ этой исторической теоріи можетъ служить Германія. Въ ней отливъ начался съ воцареніемъ Бисмарка и продолжается вотъ уже 25 лѣтъ, не обнаруживая особенной наклонности уступить свое мѣсто приливу, начало котораго, однако, уже намѣчается. Дурные и дикіе инстинкты Германіи нашли въ Бисмаркѣ не столько лучшаго выразителя, сколько энергическаго, сильнаго и послѣдовательнаго человѣка, способнаго дать имъ плоть и кровь.

Лѣтъ сорокъ назадъ, когда еще существовала теорія политическаго равновѣсія, въ школахъ, на урокахъ исторіи, учили, что для спокойствія Европы необходимо, чтобы середину ея занимало слабое государство, а сильныя, какъ Россія и Франція, стояли бы по концамъ. Если русскіе тогда и подсмѣивались надъ микроскопическими Липпе-Детмольдами и Зондерсгаузенами; то тогдашняя миніатюрная Германія была, все-таки, счастливѣе теперешней большой и сильной Германской имперіи. У тогдашней Германіи были десятки умственныхъ центровъ, въ которыхъ жилось очень гемютно. Въ каждомъ маленькомъ Липпе-Детмольдѣ былъ свой маленькій дворъ, который покровительствовалъ своимъ ученымъ, писателямъ, художникамъ. Военныхъ замысловъ тогдашняя маленькая Германія не питала и честолюбіе ея микроскопическихъ княжествъ заключалось въ томъ, чтобы соперничать другъ съ другомъ въ умственной дѣятельности. Одно княжество гордилось своимъ Шиллеромъ, другое — Гете, третье — Фейербахомъ, четвертое — Гумбольтомъ, пятое — Бетховеномъ или Моцартомъ, а вся Германія вмѣстѣ гордилась тѣмъ, что только у нея одной такая масса замѣчательныхъ людей и что только она одна производитъ для всего остальнаго міра и философію, и литературу, и

науку, и искусство. Это время было золотымъ вѣкомъ для Германіи, когда ее никто не боялся, когда ее уважали, когда мы, русскіе, хотя и противупоставляли маленькимъ Липпе-Детмольдамъ нашу пространственность, тщеславясь при этомъ подвигами въ двѣнадцатомъ году казаковъ, но, все-таки, ѣздили въ Германію за умомъ-разумомъ и возвращались въ восторгѣ отъ ея простыхъ порядковъ и свободной умственной жизни.

Потомъ теорія европейскаго политическаго равновѣсія была забыта, Германія пожелала сдѣлаться большой и сильной, явился Бисмаркъ, точно нарочно выкованный для этого дѣла на заводѣ Круппа, а Россія и Франція, каждая по-своему, помогли Германіи. Теперь Германія забыла и Шиллера, и Гете, учившихъ ее думать міровымъ образомъ, и не стала отъ этого ни счастливѣе, ни богаче, ни уважаемѣе. Германія не только испортила жизнь себѣ, но испортила жизнь и всѣмъ своимъ сосѣдямъ. Она дала новый тонъ всей европейской жизни, какого не придавалъ ей даже Наполеонъ I. Наполеонъ былъ, все-таки, «сыномъ революціи», онъ былъ тяжелъ правителямъ, но при немъ Франція для другихъ народовъ была передовою страной, она разносила по Европѣ новыя идеи, давала покореннымъ странамъ наполеоновскій кодексъ, пробуждала національное чувство. Ничего подобнаго не сдѣлала Германія Бисмарка. Германская имперія не дала Европѣ никакихъ идей, никакихъ новыхъ общественныхъ началъ, ничего такого, за что исторія занесла бы имя Бисмарка въ число благодѣтелей человѣчества и прогрессивныхъ просвѣтительныхъ правителей. Создавшись мечомъ, она только дѣйствуетъ мечомъ, и, конечно, погибнетъ отъ меча. Свою тяжелую грубую руку Германія Бисмарка наложила на всѣ свободныя политическія, экономическія и общественныя отношенія не только у себя дома, но и у своихъ сосѣдей. Она всей европейской жизни придала грубый средневѣковой тонъ, заразила всѣхъ своими запретительными стремленіями. Несомнѣнно сильный и даровитый человѣкъ, Бисмаркъ своимъ личнымъ вліяніемъ подчинилъ себѣ всѣхъ остальныхъ болѣе слабыхъ государственныхъ людей, поманивъ и раздраживъ ихъ властные аппетиты; онъ — несомнѣнный творецъ обновленной идеи «сильной власти», творецъ идеи новаго монопольнаго государства и системы государственно-экономическихъ экспериментовъ. Глазъ Бисмарка видитъ повсюду, рука его достаетъ вездѣ, даже за границей Германіи, и его властнымъ требованіямъ подчиняются (по крайней мѣрѣ, еще недавно подчинялись) не только мелкія, но и крупныя государства.

Какъ же все это могло случиться послѣ еще недавнихъ уроковъ исторіи, послѣ памятнаго всѣмъ сверженія деспотизма Наполеона I? То, конечно, были уроки отцовъ, забытые дѣтьми, но, можетъ быть, лучше объясняетъ этотъ фактъ лордъ Честерфильдъ, писавшій еще въ прошедшемъ столѣтіи въ наставленіи своему сыну: «милый другъ, поѣзжай на континентъ Европы и убѣдись, какъ нужно мало ума, чтобъ управлять людьми». Не Бисмаркъ создалъ средневѣковое государство въ самомъ центрѣ Европы, а создали его тѣ, кѣмъ такъ легко управлять и кто такъ легко преклоняется передъ всякою силой: Европа всегда передъ кѣмъ-нибудь преклонялась. Она преклонялась передъ Наполеономъ I, потомъ преклонялась передъ Наполеономъ III, потомъ передъ Бисмаркомъ. И — странное дѣло! — никто, въ то же время, не думалъ преклоняться передъ Гладстономъ, этимъ единственнымъ современнымъ государственнымъ человѣкомъ Европы!

Если Викторія, прячась отъ народа, отъучаетъ англичанъ отъ мысли, что у нихъ есть королева, то Бисмаркъ пріучаетъ къ враждебнымъ мыслямъ противъ такой государственности, которая требуетъ только жертвъ и не даетъ ничего взамѣнъ ихъ. У нѣмцевъ, наконецъ, не достанетъ ни крови, ни денегъ, чтобы нести ихъ на алтарь отечества, какъ при Наполеонѣ I у Франціи не достало людей, чтобы пополнять армію. И когда это случится, когда терпѣніе нѣмцевъ и Европы истощится, тогда опять хлынетъ потокъ, подобный тому, который устремился на Наполеона I. Благословенія смѣнятся проклятіями, недавнее боготвореніе перейдетъ въ ненависть, кумиръ будетъ свергнутъ и волна жизни опять поднимется и пойдетъ на приливъ... А тамъ, глядишь, люди опять создадутъ себѣ новый кумиръ и повторится снова старая исторія.

Гладстона создалъ совсѣмъ противуположный порядокъ идей. Гладстонъ — не мечтатель, какъ Бисмаркъ, для котораго Германія, прежде всего, военная имперія съ Гогенцоллернами во главѣ. Для Гладстона Англія есть довольный, счастливый, свободный и самоуправляющійся народъ, отъ котораго не требуется никакихъ жертвъ для поддержанія воздушныхъ замковъ. Если онъ и требуетъ жертвъ, то не кровавыхъ и не отъ народа. Отъ этого наше общественное мнѣніе всегда сочувствовало Гладстону и никогда не сочувствовало Бисмарку и его жестокому режиму. Мы слишкомъ еще недавно разстались съ крѣпостнымъ правомъ и слишкомъ хорошо помнимъ его жестокости, да не совсѣмъ еще отдѣлались отъ всѣхъ послѣдствій крѣпостничества, чтобы видѣть въ безпощадной суровости какой бы то ни было общественный идеалъ. Мы сами, пожалуй, нуждаемся въ мягкости и, можетъ быть, отъ этого-то и идемъ толпой за всякимъ добрымъ человѣкомъ. Всякій проповѣдникъ любви и согласія становится у насъ сейчасъ же пророкомъ и къ нему стремятся жаждущіе услышать согрѣвающее слово, — до того мы страстно ищемъ любви и добрыхъ чувствъ, до того, какъ видно, мы еще ищемъ душевнаго отдыха и жизни успокоеннымъ безбоязненнымъ сердцемъ. Еще недавно мы шли за Достоевскимъ, еще недавнѣе бѣжали за графомъ Л. Толстымъ. Мы часто не разбираемъ даже смысла любви, которой насъ поучаютъ; намъ довольно того, что это любовь, и мы за ней тянемся къ доброму человѣку, который насъ можетъ согрѣть. И въ писателяхъ намъ дороже всего тѣ, которые шевелятъ въ нашемъ сердцѣ

добрыя, человѣческія чувства. Чѣмъ, напр., такъ дорогъ намъ недавно умершій Надсонъ? Только своею задушевностью, только своимъ согрѣвающимъ словомъ, только своимъ страдальческимъ неудовлетвореннымъ чувствомъ любви, которому жизнь не давала отвѣта, только надеждой, что такъ вѣчно быть не можетъ, только тѣмъ, что въ чувствахъ и страданіяхъ Надсона каждый находилъ свои чувства и свои страданія.

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,—
Кто бы ты ни былъ,—не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей.
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь,—
Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

* *
*

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ.
Ни нужды безпросвѣтной,—мертвящей нужды,—
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

* *
*

О, мой другъ! не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись,—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи, полныя скорбной мольбой...

Это едва ли не лучшее изъ своихъ стихотвореній Надсонъ читалъ въ Кіевѣ на вечерѣ въ пользу «литературнаго фонда». Публика жадно ловила каждое слово уже угасавшаго поэта и вызовамъ и аплодисментомъ не было конца. И нельзя сказать, чтобы въ оцѣнкѣ, сдѣланной Надсону «Волжскимъ Вѣстникомъ», не заключалось очень большой доли правды. Газета говоритъ, что «Надсонъ является выразителемъ колебаній того честнаго, но слабаго большинства, идеалы котораго благородны, но мало опредѣленны. Молодая жажда подвига, страстное желаніе отдаться служенію благу родины сдерживается у нихъ вѣчнымъ вопросомъ о томъ, какой путь производительнѣе и вѣрнѣе ведетъ къ цѣли». Эта оцѣнка была бы полнѣе, если бы къ ней прибавить, что Надсонъ находился еще въ моментѣ скорбныхъ ощущеній и болѣющихъ чувствъ, но уже готовился вступить на путь зрѣющей мысли. Вотъ что сказалъ тотъ же Надсонъ:

Нѣтъ, вѣрьте вы, слѣпцы, трусливые душою,
Изъ страха истины себѣ я не солгу,
За вашей жалкою я не пойду толпою
И тамъ, гдѣ долженъ знать, я вѣрить не могу.

Но, тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ вѣрно, что слабое большинство находится въ расшатанномъ состояніи, что оно въ недоумѣніи стоитъ передъ открывающимися передъ нимъ путями жизни, не имѣетъ точныхъ и опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ, не уяснило себѣ своихъ общественныхъ задачъ и все ждетъ Моисея, который бы вывелъ его изъ умственной пустыни. И въ Моисеяхъ у насъ недостатка не ощущается: то здѣсь, то тамъ объявляются пророки, то проповѣдующіе новую религію, то спасеніе приспособленіемъ, то и совсѣмъ бѣгство изъ жизни...

Это, можетъ быть, слишкомъ длинное предисловіе вызвано статьями г. Д. Ж.: *Къ чему способна интеллигенція*, напечатанными въ №№ 7 и 9 «Недѣли». Статьи г. Д. Ж. производятъ болѣе впечатлѣніе: не то, чтобъ онѣ были написаны сокомъ нервовъ и кровью сердца, но онѣ трогаютъ и сердце, и нервы, и тѣмъ совершеннѣе этого достигаютъ, что вызываемые ими боль и вопросы такъ и остаются въ васъ болью и прежними неразрѣшенными вопросами.

Статьи направлены противъ «интеллигентнаго пролетарія», который, будто-бы, не можетъ существовать безъ «мѣста», «жалованья», и «службы». По словамъ автора, это нашъ прирожденный грѣхъ, не извѣстный ни мужику, ни мѣщанину-ремесленнику, ни лавочнику и вообще той народной массѣ, которая иначе и не жила никогда, какъ на свой страхъ вольнымъ промысломъ. Ничего подобнаго, будто бы, не знаютъ нѣмцы, французы, англичане, американцы, которымъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не страшно пускаться въ житейское море безъ всякой заручки вродѣ «мѣста», «службы», «жалованья». Наша же интеллигенція въ огромномъ большинствѣ совсѣмъ неспособна прожить безъ няньки въ видѣ начальства, земства или хозяина. Она родится и воспитывается не для самостоятельнаго существованія, а для того, чтобы служить, т.-е. дѣлать то, что ей укажутъ и какъ прикажутъ, и за это получать жалованье. По словамъ автора, нашъ современный интеллигентный пролетарій служитъ не тому, чему поклоняется, а по большей части тому, что отрицаетъ, и дѣлаетъ это единственно по той причинѣ, что ему нужны готовыя, обезпеченныя средства, и при этомъ продаетъ свою нравственную, и умственную свободу. Причину этого явленія авторъ усматриваетъ въ винѣ цѣлыхъ поколѣній, въ историческомъ наслѣдіи, которое они намъ передали, и признаетъ эту вину предъидущихъ поколѣній чрезвычайно крупнымъ и чрезвычайно важнымъ историческимъ фактомъ. «Это вина цѣлыхъ поколѣній, передаваемая наслѣдственно отъ отца дѣтямъ, вина нравственнаго безсилія сохранить свою свободу, вина ежедневной, ежечасной, повсемѣстной и обратившейся въ обычай продажи своихъ силъ, своихъ знаній, своихъ услугъ не тому, кому бы хотѣлъ ихъ посвятить, а тому, кто дороже за нихъ даетъ, подъ условіемъ, чтобъ эти силы, знанія и услуги прилагались такъ именно, какъ этотъ дороже дающій хочетъ, хотя бы и во вредъ тому, кому продающій эти силы желалъ бы приносить пользу». «Искать мѣсто», «получить мѣсто», «потерять мѣсто», «ждать мѣста», «опять найти мѣсто» — въ этомъ проходитъ вся жизнь интеллигентнаго пролетарія, начиная съ того момента, какъ онъ «окончилъ образованіе» (всѣ эти ковычки принадлежатъ автору). И какое же это образованіе? — спрашиваетъ авторъ. Спеціально приспо-

собленное къ существованію на «мѣстѣ» и, мало этого, нарочито создающее субъектовъ, неспособныхъ добывать себѣ средства къ жизни иначе, какъ «службой», и вообще до ребячества безпомощныхъ въ повседневной практической жизни. Женщины средняго круга,—говоритъ авторъ,—умѣютъ хоть что-нибудь дѣлать необходимое въ жизни: шить, стряпать, мыть, а мужчины изъ «интеллигенціи»—совершеннѣйшіе ребята въ практическомъ обиходѣ, да къ этому еще, по большей части, безпорядочные, безалаберные, невыносимые. Все это происходитъ оттого, что интеллигента со дня рожденія готовятъ къ занятію въ будущемъ «мѣста», которое дастъ возможность «все, что нужно», купить, заказать, велѣть сдѣлать и приготовить. «Замѣчательно, — говоритъ авторъ ,— то равнодушіе, съ какимъ интеллигентнѣйшіе изъ родителей, относятся къ безчисленнымъ и вопіющимъ ненормальностямъ обычной системы образованія и воспитанія: видятъ эти ненормальности, осуждаютъ ихъ, негодуютъ, жалѣютъ дѣтей, стараясь это дѣлать втайнѣ отъ нихъ, и, все-таки, отдаютъ ихъ на жертву всѣмъ этимъ ненормальностямъ, нерѣдко серьезно рискуя и здоровьемъ ихъ, и жизнью даже нравственностью. Это называется: «доставить дѣтямъ образованіе».

Для большей наглядности авторъ иллюстрируетъ свои заключенія тремя картинками съ натуры. Въ одной интеллигентный родитель разсуждаетъ, что единственный капиталъ, который онъ можетъ дать своимъ дѣтямъ,—образованіе, и каково бы оно ни было, оно — единственное средство, способно, открыть дорогу и принести процентъ въ видѣ жалованья, пенсіи, гонорара. «Папа, папа! — прерываетъ сынъ бесѣду отца,—а я сегодня изъ греческаго *пять* получилъ». Въ другой картинѣ два пріятеля — учитель и секретарь — пьянствуетъ и оба уже «готовы». «Нѣтъ, братъ, это не жизнь, а чортъ знаетъ что такое. Чтобы такъ жить и не удавиться, надо быть свиньей... Я—учитель греческаго языка!... Нѣтъ, неправда, я свинья... оба мы свиньи и больше ничего; вслѣдствіе этого выпьемъ, потому что либо удавиться, либо напиться: другого выхода намъ съ тобою нѣтъ, потому—тоска».—«Нѣтъ, ты мнѣ скажи: зачѣмъ мы учились?»—прерываетъ секретарь.—«А вотъ затѣмъ и учились, чтобы сознавать, что мы — свиньи и больше ничего»...

«— А у насъ учитель-то греческаго языка опять захворалъ; онъ всегда двадцатаго числа болѣнъ дѣлается»,—говоритъ Коля на другой день отцу.—«Не болтай глупости!—отвѣчаетъ строго интеллигентный родитель и вдругъ у него въ душѣ мелькнуло что-то вродѣ зависти. Вотъ человѣкъ хоть разъ въ мѣсяцъ забудется, а я и этого паскуднаго удовольствія не имѣю: изъ года въ годъ, изо дня въ день все та же проклятая лямка и больше ничего, ни сзади, ни спереди... Это не жизнь, а это... чортъ знаетъ что такое!» И интеллигентный папаша сдѣлался еще мрачнѣе обыкновеннаго и, оставшись одинъ, кончилъ свои мрачныя размышленія тоже скандаломъ: машинально остановившись передъ письменнымъ столомъ, машинально же взялъ онъ со стола книгу, какое-то очень ученое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ по его «спеціальности», и пришелъ въ бѣшеную ярость: онъ потрепалъ ее съ ожесточеніемъ, ударилъ объ полъ, пнулъ ногой и, сказавши: «у, прро-клятая!» бросился на кушетку.

Прошло шесть лѣтъ. Коля и учитель греческаго языка встрѣтились на кумысо-лечебномъ заведеніи, узнали другъ друга и обрадовались. Отецъ Коли умеръ въ чахоткѣ, а Колю факультетъ отправилъ лечиться на казенный счетъ. «А знаете, я вамъ что сказать собираюсь?—говоритъ учитель Колѣ. Вы меня простите... Христа ради васъ прошу: простите меня, молодой человѣкъ!» Онъ всталъ съ мѣста и поклонился Колѣ въ поясъ.—«Да что съ вами? Въ чемъ васъ простить?»—«А въ томъ, что я васъ своею безполезностью изнурялъ».—Однако, вѣдь, вы и до сихъ поръ, если не ошибаюсь... — «Да, да, и до сихъ поръ то же дѣлаю... и дѣлаю, и скорблю, и ругаю себя: «свинья ты, свинья безсовѣстная, что ты дѣлаешь-то?» А вотъ подите же...» Я полагаю, — замѣчаетъ г. Д. Ж., — что еще черезъ нѣсколько лѣтъ Коля будетъ то же говорить: «Это не жизнь, а это... это чортъ знаетъ что такое?...»

Все, что говоритъ авторъ, совершенная правда и картинки его взяты съ натуры, однако, вы чувствуете, что въ этой правдѣ есть какая-то неправда, — такая же неправда, какая слышится иногда въ обвинительной рѣчи пересаливающаго прокурора. Стоитъ передъ вами блѣдный, испитой, жалостнаго вида субъектъ, изолгавшійся и проворовавшійся и, съ точки зрѣнія прокурора, несомнѣнно, кругомъ виноватый. Но смотрите вы на несчастную фигуру обвиняемаго и не вѣрится вамъ жестокому слову обвинителя. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ не врагъ же себѣ этотъ жалкій обвиняемый, тоже, вѣдь, человѣкъ, тоже, вѣдь, у него и мать была, какъ говоритъ въ *Мертвомъ домѣ* Достоевскаго часовой надъ трупомъ умершаго арестанта. И тянетъ васъ къ этому несчастному обвиняемому, хотя, въ то же время, вы несомнѣваетесь, что въ словахъ обвинителя есть правда. Должно быть, дѣло не въ одномъ обвиненіи, а еще въ чемъ-то и другомъ, чего въ обвиненіи вы не находите. Если вѣрить и обвинительному слову г. Д. Ж., то что же можетъ быть мерзѣе нашего русскаго интеллигента? Нѣтъ въ немъ ни Бога, ни совѣсти, ни сердца, а есть только негодная душенка, которую онъ и продаетъ всякому, кто дастъ больше, «подъ условіемъ, чтобъ его силы прилагались такъ, какъ того хочетъ дающій дороже, хотя бы и во вредъ тому, кому продающій эти силы желалъ бы приносить пользу». «Провѣрьте эту формулу на десяткахъ тысячъ (не слишкомъ ли много?) конкретныхъ случаевъ,—говоритъ авторъ,—и вы убѣдитесь, что она вѣрна». Въ томъ то и дѣло, что при первой-же провѣркѣ, даже и не «на десяткахъ тысячахъ случаевъ», она окажется невѣрна, и самъ авторъ помогаетъ этому опроверженію своею послѣдующею ссылкой на «препятствія прогрессу».

Авторъ думаетъ, что «препятствіе прогрессу» создаютъ только тѣ, кто ищетъ мѣстъ и живетъ на жалованьи, и если бы не было подобныхъ продажныхъ душъ, то прогрессъ свершалъ бы свое торжественное шествіе безъ всякихъ задержекъ. «Если то или другое препятствіе прогрессу держится крѣпко, какъ каменная стѣна,—говоритъ г. Д. Ж.,—то это не потому только, что подъ нимъ крѣпкій фундаментъ бѣдности и невѣжества, но и потому еще, что цѣлыя массы интеллигентныхъ единицъ частью безсознательно, частью сознавая смутно ложность своего положенія, даютъ матеріалъ для образованія этой стѣны, такъ что, можетъ быть, каждый ея десятый кирпичъ—интеллигентная сила; и когда такой кирпичъ по какой-нибудь причинѣ выпадетъ изъ стѣны, онъ считаетъ это для себя бѣдствіемъ и изо всѣхъ силъ старается снова «найти себѣ мѣсто въ той же стѣнѣ». Едва ли и прогрессъ, и препятствія ему зависятъ отъ такихъ простыхъ причинъ, какъ «интеллигентные» кирпичи, которые стоитъ только вынуть, чтобъ исчезла всякаго стѣна, мѣшающая прогрессу. Я зналъ одну писательницу, которая предлагала очень простое средство, чтобы создать въ любой странѣ свободную печать: если въ странѣ существуютъ стѣсняющія условія, то писатели поголовно должны перестать писать. И Инсаровъ находилъ, что нѣтъ ничего легче сдѣлать Болгарію свободной,—стоитъ только прогнать турку. Самъ же г. Д. Ж. говоритъ, что препятствія прогрессу потому держатся крѣпко, что подъ ними «крѣпкій фундаментъ бѣдности и невѣжества» и что интеллигентная сила въ этой стѣнѣ лишь десятый кирпичъ. Но почему же каждый такой десятый или даже пятый кирпичъ долженъ быть непремѣнно прогрессивною силой? Вѣдь, и приливы, и отливы создаетъ все та же интеллигенція, а вовсе не какіе-то голодные и жалкіе бѣдняки, которымъ платится жалованье. А кто же имъ платитъ его? Бисмаркъ — несомнѣнный интеллигентъ, и не только интеллигентъ, но и человѣкъ замѣчательныхъ способностей и энергіи характера. А Мольтке? а вся военная партія Германіи, неужели это все какіе-то наемные «чинушки», которые продали себя «стѣнѣ»? Не они ли и составляютъ стѣну и ея крѣпкій фундаментъ, а не бѣдный и невѣжественный нѣмецкій Михель или деревенскій школьный учитель, состоящій на жалованьи? Пока существуетъ извѣстный порядокъ идей и понятій, эти идеи и понятія найдутъ себѣ мѣсто и въ человѣческихъ головахъ, а отдѣльные кирпичи тутъ ни причемъ. Было бы болото... А г. Д. Ж. хочетъ прогнать турку. Сводить весь вопросъ къ продажѣ совѣсти тоже едва ли позволительно; въ каждой странѣ, даже въ той самой Турціи, найдутся, можетъ быть, не больше какъ единицы продающихся людей, которые вполнѣ презираются тѣми, кто ихъ покупаетъ, а г. Д. Ж. ссылается «на десятки тысячъ конкретныхъ случаевъ». Онъ былъ бы болѣе правъ, сославшись на десятки тысячъ конкретныхъ случаевъ «интеллигентной» глупости, которой на свѣтѣ гораздо больше, чѣмъ продажной совѣсти. Да и что такое совѣсть? Совѣсть есть идеалъ, и у каждаго, у кого есть идеалъ, есть и совѣсть (поэтому у каждаго можетъ быть своя собственная совѣсть). Пока человѣкъ не противорѣчитъ своими поступками своему идеалу (личному или общественному), онъ будетъ доволенъ собою и спокоенъ, а станетъ поступать на перекоръ—и въ немъ заговоритъ совѣсть. Какой же былъ идеалъ у приведенныхъ г. Д. Ж. для иллюстраціи типовъ: у «интеллигентнаго» родителя, у учителя греческаго языка, у Коли? Авторъ ихъ идеаловъ ни общественныхъ, ни личныхъ намъ не показалъ. Онъ показалъ только недовольныхъ людей,—недовольныхъ, кажется, просто своею собственною личною жизнью. Скорѣе думается, что у нихъ ни какихъ общественныхъ идеаловъ никогда и не было. Ужъ самое «полученіе мѣста», на которое, какъ на царящую жизненную формулу, указываетъ г. Д. Ж. и къ чему пріурочивалъ воспитаніе Коли и его «интеллигентный» отецъ,—говоритъ прямо, что все счастіе этихъ людей не идетъ далѣе обыденныхъ мечтаній о выигрышѣ въ двѣсти тысячъ. Все это какія-то общественныя маріонетки, которыя безразлично могутъ свершать всякія движенія, и г. Д. Ж. желаетъ, что бы то были Прометеи, и какъ они никакого священнаго огня не похитить, не зажечь, ни потушить не въ состояніи, а г. Д. Ж. непремѣнно желаетъ, чтобъ они учинили что нибудь подобное, то онъ и приноситъ ихъ въ жертву вродѣ того невиннаго вола, который одинъ оказался виноватымъ, что разгнѣванный Юпитеръ послалъ на звѣрей моръ. При чемъ же тутъ «интеллигенція», когда вся суть именно и заключается въ отсутствіи того, что составляетъ коренное содержимое интеллигенціи и безъ чего она утрачиваетъ свой общественный смыслъ и перестаетъ быть интеллигенціей? Зависѣло вполнѣ отъ г. Д. Ж. подобрать такой типъ учителя греческаго языка, какой былъ ему нуженъ для доказательства. Но на свѣтѣ, вѣроятно, больше такихъ греческихъ учителей, которые совершенно механически занимаются своимъ дѣломъ и любятъ его и, занявъ въ стѣнѣ мѣсто кирпича, вполнѣ способствуютъ ея однородности и цѣльности. Отчего же г. Д. Ж. не хочетъ допустить, что въ стѣнѣ все именно такіе кирпичи, вполнѣ къ ней приспособленные и пріуроченные? Это было бы для него тѣмъ послѣдовательнѣе, что самъ же онъ говоритъ, что «виной этого—историческій фактъ, наслѣдственно созданный цѣлымъ рядомъ поколѣній». Цѣлыя поколѣнія передавали по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ извѣстныя понятія и созидали извѣстный историческій фактъ, и вдругъ ихъ праправнукъ, выросшій въ той же средѣ и въ тѣхъ же понятіяхъ, оказывается единственнымъ отвѣтчикомъ за тысячелѣтній грѣхъ своихъ предковъ. Если виновата исторія, то, казалось бы, ее и привлекать къ отвѣтственности; но какъ исторія ни въ чемъ виноватой быть не можетъ, то очевидно, что обвиненіе отпадаетъ само собою и вопросъ сводится не къ отысканію отдѣльныхъ виноватыхъ, а къ объясненію условій, создающихъ тѣ или другія формы жизни и тѣ или другіе типы людей. Это двѣ совершенно противуположныя точки зрѣнія. При

одной непремѣнно явятся прокуроры, какимъ и есть г. Д. Ж., а обвиняемые будутъ доказывать, что они ни въ чемъ невиноваты. Это точка зрѣнія моралистовъ и проповѣдниковъ личной нравственности. При другой—искать виновныхъ нѣтъ необходимости, потому что безполезно, а требуется лишь выяснить причины тѣхъ или другихъ явленій и показать, какія общія послѣдствія получаются при однѣхъ причинахъ и какія при другихъ. Это точка зрѣнія историческая или политическая.

Г. Д. Ж. говоритъ, что исканіе «мѣстъ» и неспособность прожить безъ няньки въ видѣ начальства есть прирожденный грѣхъ «интеллигенціи», и исключительно русской, а что этимъ не грѣшатъ ни нѣмцы, ни французы, ни англичане (про американцевъ уже и говорить нечего), ни, наконецъ, наши деревенскіе мужики. Конечно, авторъ при этомъ обвиненіи руководствовался самыми похвальными нравственными побужденіями и желалъ, чтобъ у насъ вырабатывались такіе же самостоятельные характеры какіе вырабатываетъ Америка. Но и при похвальныхъ желаніяхъ требуется справедливость, ибо иначе проповѣдникъ рискуетъ не достигнуть своей цѣли. Въ Германіи, во Франціи, въ Англіи люди тоже ищутъ «мѣстъ» и «жалованья», какъ и у насъ, а въ Америкѣ «казенныя мѣста» оказывались до того прибыльными, и въ президенство генерала Гранта погоня за мѣстами стала до того повальной, что все это вызвало, наконецъ, протестъ цѣлой политической партіи. Государственный механизмъ—очень сложная машина, и чтобы приводить ее въ движеніе, требуется много всякихъ винтовъ, колесъ и рычаговъ. Ужъ я не говорю про армію, которая въ Европѣ отнимаетъ отъ другихъ дѣлъ больше десяти милліоновъ народу. Администрація и всегда требовала очень много людей, но съ тѣхъ поръ, какъ Бисмаркъ явился творцомъ государственнаго соціализма и системы правительственныхъ монополій и казенныхъ табачныхъ и другихъ фабрикъ, «мѣстъ» должно открываться еще больше, а, слѣдовательно, усилится за ними и погоня.

Не знаю, впрочемъ, правильно ли дѣлать различіе между «мѣстами» казенными и частными. Предположите, что въ странѣ была частная табачная производительность, а потомъ она стала казенною монополіей. Отъ этого, конечно, «мѣстъ» не прибавится, а они изъ частныхъ превратятся только въ казенныя. Существенной разницы такая перемѣна не произведетъ никакой и люди на фабрикахъ казенныхъ будутъ едва ли менѣе самостоятельны, чѣмъ они были на фабрикахъ частныхъ. Или въ половинѣ нынѣшняго вѣка явился новый видъ государственно-народнаго хозяйства—желѣзныя дороги, создавшія громадную массу «мѣстъ», на которыхъ люди живутъ на жалованьи. Персоналъ желѣзно-дорожныхъ управленій составляетъ цѣлую армію. Въ Америкѣ, гдѣ желѣзныхъ дорогъ больше въ десять разъ, чѣмъ у насъ, въ десять разъ больше и желѣзно-дорожныхъ служащихъ. Пароходныя компаніи, частныя и акціонерныя, поглощаютъ тоже цѣлую массу людей, и чѣмъ сильнѣе развивается пароходное и желѣзно-дорожное движеніе, тѣмъ большее число агентовъ они требуютъ. Это опять «мѣста». У насъ подобныхъ мѣстъ сравнительно гораздо меньше, чѣмъ у другихъ, болѣе развитыхъ экономически и общественно народовъ. Поэтому у насъ и оказывается больше казенныхъ мѣстъ. Что же касается личной самостоятельности служащихъ, то еще вопросъ, гдѣ они стѣснены больше — на казенной, или на частной службѣ. Желѣзно-дорожная дисциплина, напримѣръ, до того строга, что едва ли съ нею можетъ сравниться дисциплина какой бы то ни было канцеляріи. Дисциплина, устанавливаемая «хозяевами», тоже едва ли мягче. Купеческая дисциплина Китъ Китычей, кажется, достаточно извѣстна. Но вотъ что требуется, напримѣръ, и не самодурами. Есть извѣстный у насъ сахарный заводчикъ, милліонеръ, вышедшій изъ крестьянъ; для завѣдыванія его заводами у него существуетъ громадная администрація изъ управляющихъ, помощниковъ, бухгалтеровъ, писцовъ и т. д. Главная его канцелярія (при его особѣ) стоитъ цѣлаго департамента и въ ней «чиновники» должны быть всегда во фракахъ, что въ казенныхъ мѣстахъ уже давно вывелось. Или ѣдетъ владѣлецъ князь Б. и управляющій одного изъ имѣній князя получаетъ отъ главноуправляющаго такую телеграмму: «встрѣтить его сіятельство на станціи X. во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ». Личная служба гораздо больше убиваетъ самостоятельность, чѣмъ какая бы то ни было правительственная служба. Личный произволъ хозяина и больше и непосредственнѣе, чѣмъ произволъ оффиціальнаго начальства. И причины этого совершенно понятны. При личномъ началѣ дѣйствуютъ и личныя пружины, и личные интересы, и даже личные капризы.

Если у насъ, какъ я уже сказалъ, можетъ быть, больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, гоняются за мѣстами казенными, земскими и вообще общественными, то, конечно, только потому, что этотъ родъ занятій по преимуществу даетъ средства для существованія. Весьма вѣроятно, что всякій точно также занялся бы и ремесломъ и другимъ видомъ личнаго труда, если бы на него существовалъ спросъ. Но ни промышленность, ни ремесленность у насъ не развиты и развиваются очень туго, потому что туго прибавляется и потребитель. А, между тѣмъ, «мѣста» ростутъ гораздо быстрѣе. Еще 25 — 30 лѣтъ назадъ были у насъ мѣста только казенныя, а теперь явились мѣста земскія, желѣзно-дорожныя, пароходныя, банковыя, разныхъ акціонерныхъ предпріятій и т. д. На всѣ эти мѣста требуется масса лицъ, а по мѣрѣ развитія общественно-экономическихъ дѣлъ и предпріятій явится еще больше мѣстъ и на нихъ потребуется еще больше людей, конечно, приспособленныхъ къ этимъ мѣстамъ,—людей извѣстныхъ навыковъ, извѣстной спеціальности, составляющей иногда цѣлую науку. «Мѣста» совсѣмъ не такая простая вещь, чтобы было достаточно простаго желанія получать жалованья. Когда нынче въ Одессѣ было запрещено нотаріусамъ имѣть въ конторахъ евреевъ и просьба нота-

ріусовъ, чтобы воспрещеніе было отложено на два мѣсяца, ибо нельзя по щучьему велѣнію найти соотвѣтственныхъ и знающихъ людей, не была уважена, то натаріусы напечатали въ петербургскихъ газетахъ вызовъ людей, которые могли бы работать въ нотаріальныхъ конторахъ. И каждое «мѣсто» точно также требуетъ вполнѣ приспособленныхъ людей, прошедшихъ цѣлую школу, усвоившихъ извѣстные навыки, привычки и знанія. Даже отъ простаго переписчика требуется теперь, чтобъ онъ имѣлъ конторскій почеркъ. Только со стороны можетъ казаться, что «мѣсто» — простая вещь, въ дѣйствительности же каждое «мѣсто» есть особаго рода спеціальность, и, по мѣрѣ развитія дѣлъ, люди, себя имъ посвящающіе, стали распадаться на соотвѣтствующія этимъ мѣстамъ спеціальности. Это, несомнѣнно, печальный порядокъ общественно-экономическихъ отношеній, но именно потому, что онъ порядокъ экономическій, къ нему ошибочно подходить съ аршиномъ личной морали. Загляните въ душу всей этой массы подневольныхъ людей, служащихъ въ разныхъ компаніяхъ, акціонерныхъ обществахъ, въ конторахъ, и т. д., и т. д., и т. д. Вѣдь, все это рабы и захребетники, которые ими такъ и умрутъ, не испытавъ, что значитъ ходить на своихъ ногахъ и работать для своего собственнаго дѣла, потому что для нихъ и не существуетъ никакихъ возможностей встать на свои ноги. Развѣ что старшіе купеческіе приказчики, наворовавъ у хозяевъ, сдѣлаются купцами. Но, вѣдь, это уже старая традиція и съ развитіемъ личной честности и этотъ способъ достиженія самостоятельности, вѣроятно, посократится.

Г. Д. Ж. говоритъ, что «служба» и «жалованье» съ точки зрѣнія мужика, мѣщанина-ремесленника, лавочника, и т. д. — вещи очень странныя. Едва ли. Именно въ положеніи мужика это вещи настолько не странныя, что безъ «этой точки зрѣнія» мужикъ совсѣмъ бы пропалъ. Больше милліона народу ходитъ у насъ ежегодно — одни на зимніе заработки, другіе на лѣтнія работы. Бредутъ эти милліоны нерѣдко совсѣмъ на авось, надѣясь, что, вотъ, можетъ быть, найдется «мѣсто» и «жалованье». Такъ было, напримѣръ, съ каменщиками, штукатурами и т. п., которые задаромъ ходили въ Петербургъ, когда послѣ строительной горячки, подманившей рабочихъ, Петербургъ пріостановился съ постройками. Такъ ходятъ иногда десятки тысячъ людей совершенно напрасно въ степныя или поволжскія губерніи на полевыя работы, когда или прибредетъ слишкомъ много рабочихъ, или неурожай не дастъ всѣмъ работы. Посмотрите, какая масса деревенскаго люда, ищущаго работы, наполняетъ поѣзда желѣзныхъ дорогъ, волжскіе и черноморскіе пароходы. Все это — искатели временныхъ «мѣстъ» и временной задѣльной платы. А фабричные рабочіе, которые ужь исключительно живутъ мѣстомъ и жалованьемъ? Крестьянинъ счастливѣе тѣхъ, кто отдаетъ въ наемъ свой личный трудъ ради болѣе или менѣе постояннаго мѣста, только тѣмъ, что какъ-никакъ, а у него есть и хата, и земля, т. е. постоянный уголъ, тогда какъ у интеллигентнаго или грамотнаго захребетника впереди только богадѣльня. А сколько между крестьянами бобылей, одиночекъ, вѣчно живущихъ въ работникахъ, то у владѣльцевъ, то у крестьянъ! Вѣроятно, этотъ безмѣстный и нанимающійся людъ составляетъ нѣчто очень солидное, если, наконецъ, потребовалось выработать въ законодательномъ порядкѣ особыя правила для сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ. А сколько одинъ Петербургъ, уже не говоря про другіе большіе города, привлекаетъ людей на мѣста старшихъ и младшихъ дворниковъ и швейцаровъ! Служба эта образовала даже особую спеціальность. Наконецъ, солдаты рѣдко садятся на землю, а обыкновенно ищутъ мѣстъ и жалованья не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. Пролетаріатъ земледѣльческій и фабричный сталъ теперь у насъ такимъ же экономическимъ явленіемъ, какъ и въ Европѣ; онъ только не достигъ еще до подобнаго же напряженія, но, какъ показываютъ факты, достигнетъ и этого, потому что онъ не убываетъ, а растетъ. Земледѣльческій и фабричный пролетаріатъ только не бросается у насъ такъ рѣзко въ глаза и о немъ теперь очень мало пишутъ. Происходитъ же это, вѣроятно, потому, что городскіе жители не всегда его видятъ, а, можетъ быть, и потому, что, при слишкомъ низкомъ уровнѣ потребностей нашего народа, бѣднота, къ которой мы приглядѣлись, не бросается ужь рѣзко въ глаза, тогда какъ интеллигентный городской пролетаріатъ у всѣхъ на виду и производитъ болѣе удручающее впечатлѣніе уже по одному тому, что потребности интеллигентнаго пролетарія, все-таки, развитѣе, а потому и лишенія еще чувствительнѣе. Наконецъ, интеллигентъ, можетъ быть, двадцать лѣтъ учился только для того, чтобы создать себѣ мѣсто въ природѣ, онъ свѣжъ и силенъ, имѣетъ знанія и хочетъ работать, но жизнь ему въ работѣ отказываетъ. Именно этимъ пролетаріатъ и тяжелъ.

Здѣсь мы приходимъ къ чему-то несогласимому. Г. Д. Ж. обвиняетъ родителей, что они готовятъ своихъ дѣтей только для «мѣстъ», а оказывается, что приготовленные для мѣстъ люди образуютъ только пролетаріатъ. Какъ же это могло случиться, когда вездѣ и повсюду мы еще нуждаемся въ интеллигентныхъ людяхъ и именно для «мѣстъ»? У насъ городскія управленія страдаютъ потому, что не располагаютъ достаточными интеллигентными силами, отъ того же страдаетъ и земство, нашъ слѣдственный персоналъ, наша администрація болѣютъ тѣмъ же грѣхомъ. Вездѣ намъ еще нужны, въ видѣ простыхъ исполнителей, интеллигентные люди въ деревнѣ, и въ городѣ. Нѣтъ у насъ школъ, не достаетъ учителей, — вездѣ мы пропадаемъ отъ полуобразованія или отъ недостатка людей образованныхъ, — и при такомъ запросѣ на людей вдругъ ухитрились создать интеллигентный пролетаріатъ, а г. Д. Ж. негодуетъ, что интеллигентные и образованные люди ищутъ мѣстъ! Казалось бы, что «мѣста» должны ихъ искать.

Обвиняетъ еще г. Д. Ж. интеллигентныхъ родителей за равнодушіе, съ какимъ они относятся къ без-

численнымъ и вопіющимъ ненормальностямъ обычной системы образованія и воспитанія, и видя все и осуждая это все, они, все-таки, приносятъ своихъ дѣтей въ жертву. Предположимъ, что это вѣрно. Но какъ же иначе могли бы поступать родители, если для нихъ нѣтъ выбора, если система и частныхъ, и общественныхъ учебныхъ заведеній одна и та же, если только на условіи уступки нѣкоторымъ ненормальностямъ можно добыть кое-что и нормальное? Причемъ тутъ родители? Но г. Д. Ж. не ограничивается только обвиненіемъ родителей въ безжалостности,—онъ рѣзко порицаетъ ихъ за то, что въ образованіи они видятъ «единственный капиталъ, открывающій дорогу въ жизни». Но какой же другой «капиталъ» могъ бы замѣнить въ этомъ случаѣ образованіе? Образованіе есть единственная сила, которою человѣкъ заручается для борьбы съ жизнью, только образованіе и ничто другое даетъ человѣку необходимыя для этого средства и самымъ лучшимъ образованіемъ будетъ, конечно, такое, которое подготовитъ человѣка ко всѣмъ случайностямъ, какія ему выпадутъ. Если бы человѣкъ могъ знать *все*, это былъ бы наиболѣе подготовленный для жизни человѣкъ. Наше образованіе, конечно, далеко отъ такого идеала, какъ далека отъ идеала и вообще наша жизнь, и, все-таки, едва ли справедливо обвинять интеллигентныхъ родителей за то, что они хотятъ дать дѣтямъ образованіе и выпустить ихъ въ жизнь съ умственнымъ капиталомъ. Можно подумать, что г. Д. Ж. негодуетъ на то, что родители хотятъ давать дѣтямъ образованіе. Но, конечно, онъ этого не думаетъ,—онъ только страстно относится къ основной своей мысли и хочетъ подкрѣпить ее всѣми доступными для него доказательствами и средствами. А основная мысль его слѣдующая.

«Такъ жить нельзя!»—одна изъ самыхъ обычныхъ фразъ тоскующей интеллигенціи. «Такъ жить нельзя!»—говоритъ одинъ, другой, третій, пятый, десятый, сотый... Можетъ быть, десятки тысячъ трагически повторяютъ эту фразу и, однако-жь, всѣ живутъ такъ, какъ и нельзя», а не иначе. Уже одно это свидѣтельствуетъ о какомъ-то повальномъ безсиліи. Если такъ жить нельзя, то давайте жить по-другому. Но какъ жить по-другому, когда жизнь наша обставлена такими условіями, измѣнить которыя не въ нашей власти? Вотъ въ этомъ-то и ошибка: вы не туда смотрите (все это говоритъ г. Д. Ж., слова котораго я передаю съ буквальною точностью); вы смотрите на «условія», окружающія вашу жизнь и сжимающія ее, какъ ногу сжимаетъ тѣсный сапогъ, и думаете, что въ нихъ только, въ этихъ условіяхъ, въ этомъ тѣсномъ сапогѣ, причина той боли, которую вы чувствуете. А вамъ бы надо другимъ вопросомъ заняться: да во мнѣ-то самомъ нѣтъ ли чего-нибудь такого, что дѣлаетъ для меня эти условія тяжелыми? Догадайтесь, наконецъ, что сапогъ не потому жметъ, что онъ узокъ, а потому, что онъ на вашей ногѣ. Противъ этого трудно спорить. Еще труднѣе спорить противъ положенія, что условія жизни государственной, общественной, общенародной измѣняются очень медленно. Поэтому, если осуществленіе той или другой метаморфозы считать необходимымъ условіемъ личнаго счастія, то надо напередъ знать, что вѣроятнѣе всего такъ и умрете, ничего не дождавшись... А ждать приходится въ тоскѣ гнетущей, достигающей нерѣдко степени нравственной пытки... Вотъ эту-то пытку и выражаютъ словами: «такъ жить нельзя» (повторяю еще разъ, что я выписываю съ буквальною точностью). Лучше будемъ такъ говорить: «Нечего ждать, пока условія жизни внѣ насъ измѣнятся; давайте лучше тѣ условія измѣнять, которыя отъ насъ зависятъ,—условія *собственной своей жизни*».

Г. Д. Ж. думаетъ, что «тоскующая интеллигенція» сильно преувеличиваетъ, воображая, что ея тоска въ близкомъ родствѣ съ «вельтшмерцемъ», или, по крайней мѣрѣ, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ строя жизни *внѣ* ея самой, а не отъ строя жизни ея собственной. Вся причина въ насъ самихъ, ибо строй нашей повседневно-будничной жизни весь пропитанъ и отравленъ закабаленностью. Требованія «общепринятаго» обычая или условнаго приличія и требованія службы—вотъ два хозяина, на которыхъ интеллигентный работникъ работаетъ всю жизнь свою, отъ колыбели до могилы. Но съ обычаемъ и приличіями еще можно примириться, потому что изъ-за нихъ «не стоитъ мучиться и бороться». «Другое дѣло — *свобода труда*. Она едва ли не самая существенная часть «свободы» вообще, этого величайшаго блага, которымъ дорожитъ, какъ драгоцѣнностью, все живое: человѣкъ, звѣрь, рыба, птица, букашка. Быть лишеннымъ свободы труда и не чувствовать этого лишенія—невозможно. Свободный «творческій» трудъ — наслажденіе; несвободный трудъ—наказаніе, даже въ буквальномъ смыслѣ, по «уложенію».

Нельзя сказать, чтобы г. Д. Ж. не игралъ немножко въ прятки, разсчитывая, конечно, на проницательность читателя. Г. Д. Ж. сводитъ тоску къ двумъ причинамъ: къ царящему обычаю и приличіямъ и къ чувству неудовлетвореннаго ожиданія перемѣнъ въ жизни общественной. Обычаи онъ сравниваетъ съ узкимъ сапогомъ, который жметъ не потому, что онъ узокъ, а потому, что онъ на ногѣ. Ну, конечно, всякій узкій сапогъ жметъ только поэтому, и сапогъ, стоящій въ шкафу у сапожника, никакой ноги не жметъ. Высказавъ эту удивительную истину, г. Д. Ж. съ торжествомъ замѣчаетъ, что противъ нея спорить нельзя. Это вѣрно, но также вѣрно и то, что съ сапожною теоріей г. Д. Ж. можно весь вѣкъ простоять на одномъ мѣстѣ. Все стѣсняющее нашу жизнь никто не мѣшаетъ сравнивать съ узкими сапогами; но едва ли позволяется утверждать, что единственное средство избавиться отъ узкихъ сапоговъ—ходить босикомъ. Даже про жену говорятъ, что она—не башмакъ—не сбросишь, а г. Д. Ж желаетъ, чтобы интеллигенція (а, можетъ быть, и человѣчество) разулась сразу отъ всѣхъ стѣсняющихъ ее обычаевъ и приличій (конечно, ложныхъ, а не вообще). Но теорія г. Д. Ж. погрѣшаетъ не одною практическою неосуществимостью: главный ея грѣхъ въ томъ, что г. Д. Ж.

желаетъ, чтобы каждый думалъ только о себѣ и снималъ бы свой собственный сапогъ, не заботясь о сосѣдѣ; но это слишкомъ аристократично и ведетъ къ практикѣ грубаго личнаго эгоизма, которому г. Д. Ж. и усиливается поучать тоскующаго интеллигента. Впрочемъ, на томъ, чтобы интеллигенція разулась отъ «приличій, передъ которыми ничуть не благоговѣетъ», г. Д. Ж. особенно не настаиваетъ, ибо все это «еще сносно, потому что ничтожно и мелочно и не стоитъ изъ за этого мучиться и бороться». Главный врагъ прогресса, на котораго г. Д. Ж. и обрушиваетъ всю разрушительную силу своей аргументаціи, — закабаленный трудъ.

Тоска нашей интеллигенціи происходитъ вовсе не отъ неудовлетворяющихъ ее внѣшнихъ условій жизни, разсуждаетъ г. Д. Ж., а просто отъ неудовлетворительнаго строя ея внутренней жизни. Нужно чтобы люди сдѣлались довольны собою, и тогда они будутъ довольны всѣми. А чтобы люди стали довольны собою, нужно чтобы они сдѣлались независимы, какъ птицы Божіи, и работали бы только про себя и для себя. Когда каждый создастъ себѣ птичью свободу, всѣ сдѣлаются счастливыми и тоска исчезнетъ, потому что каждому отдѣльному счастливому человѣку тосковать будетъ и не о чемъ. Это несомнѣнная теорія прогресса, ибо г. Д. Ж. признаетъ «свободу величайшимъ благомъ, которымъ дорожитъ даже всякая букашка». Какой же получится прогрессъ, если, увлекшись заманчивою мечтой о свободѣ букашекъ, мы послѣдуемъ за теоріей г. Д. Ж.?

По словамъ г. Д. Ж., интеллигенція роковымъ образомъ становится на пути продажнаго труда и этимъ опредѣляется и устанавливается весь послѣдующій ея строй жизни. Дѣло начинается со школы. Ни дѣти, ни родители,—говоритъ г. Д. Ж.,—вовсе не хотятъ того, что называется «ученьемъ», но они сознательно подчиняются этому неизбѣжному злу, потому что иначе нельзя, потому что это единственное средство заручиться возможностью «получить мѣсто» (здѣсь г. Д. Ж. ссылается на графа Л. Толстаго). Когда молодой человѣкъ сдалъ послѣдній экзаменъ, всѣ ликуютъ; но чему радуются неразумные люди? Никто изъ нихъ не понимаетъ, что назавтра душа молодаго человѣка будетъ уже полна заботъ и жизнь его потечетъ тѣмъ же русломъ, но лишь въ другой обстановкѣ. До сихъ поръ «сцена изображала классную комнату, аудиторію, теперь же она будетъ изображать канцелярію, но суть дѣла останется та же: будешь дѣлать не то, что хочешь, и въ этомъ пройдетъ вся твоя жизнь».

Роковыя послѣдствія того, что человѣкъ будетъ сначала учиться по принужденію, а потомъ служить по принужденію, будутъ заключаться въ томъ что онъ рѣшитъ, что «такъ жить нельзя», и затѣмъ или станетъ искать выхода въ «забвеніи», или опошлится. Середины г. Д. Ж. никакой не допускаетъ. Средства къ забвенію могутъ быть иногда очень почтенныя и симпатичныя. Одинъ погрузится въ радости и печали и во всѣ мелочи своего домашняго очага, нянчится съ дѣтишками, цвѣты на окнахъ лелѣетъ, канареекъ разводитъ, другой погрузится въ какую нибудь спеціальность, словарь какой нибудь составляетъ всю жизнь, хотя и видитъ, что никогда его не кончитъ, и смутно сознаетъ, что словарь его никому ненуженъ; какими нибудь доисторическими древностями начнетъ яко бы увлекаться—курганы копаетъ, черепки собираетъ, или путешествіе какое нибудь предприметъ съ ученою цѣлью, вообще стараются успокоиться на какихъ нибудь суррогатахъ жизни. «Въ устахъ интеллигенціи,—дѣлаетъ общее заключеніе г. Д. Ж.,—найти себѣ дѣло по душѣ—значитъ ничто иное, какъ найти приличный способъ забыться, оправдать на себѣ пословицу: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы не плакало»...

Ну, конечно, жить самообманомъ и суррогатами жизни недостойно человѣка-гражданина, какимъ долженъ быть интеллигентъ. Но какое же средство для настоящей жизни предлагаетъ г. Д. Ж.? Средство очень простое: каждый долженъ жить свободнымъ творческимъ трудомъ и не продавать его, ибо это есть рабство и закабаленіе, отъ котораго и происходятъ всѣ наши несчастія. Школа и ученье есть первый шагъ къ закабаленію и къ привычкѣ дѣлать и поступать противъ своихъ желаній, и потому г. Д. Ж. прилагаетъ свою разрушающую силу, прежде всего, къ отрицанію ученья. Впрочемъ, онъ не говоритъ этого нигдѣ прямо. Онъ только бросаетъ съ птичьяго полета фразу, что ученье пріучаетъ человѣка къ рабству и что учиться добровольно никто не хочетъ, и затѣмъ удаляется съ побѣдоносным видомъ, не считая нужнымъ приводить какія-либо доказательства. Читателю при такомъ странномъ къ нему отношеніи приходится впасть или въ безнадежно-удрученное состояніе, или провѣрить своего авторитетнаго учителя. И дѣйствительно, жизнь говоритъ далеко не то, что говоритъ г. Д. Ж. Современная жизнь такъ сложна, естественныя науки и техническія знанія такъ развились и такъ ушли далеко, что нерѣдко всей человѣческой жизни мало, чтобъ овладѣть какимъ нибудь однимъ отдѣломъ знанія. Чтобы какая-либо страна могла идти въ уровень съ другими общественно-экономически развитыми странами, требуется нынче громаднѣйшая затрата силъ на образованіе и ученье. Чтобы стать, напримѣръ, ну, хотя бы мельникомъ (вѣдь, не Богъ же вѣсть какая мудреная, повидимому, наука) и работать не только для европейскихъ, но и для русскихъ рынковъ, умѣть управляться съ турбинами, французскими жерновами и съ теперешними плотинами, нужно проработать подъ надзоромъ, указаніемъ и руководительствомъ лѣтъ десять, пятнадцать. Раньше настоящій мастеръ, котораго бы боялось дѣло, не выйдетъ. И во всемъ и вездѣ такъ. Ткачество, красильное производство, стали цѣлыми обширными науками. Поднимаясь отъ механическихъ знаній въ область химіи, технологіи, со всѣми ея подраздѣленіями, составляющими самостоятельные отдѣлы, механики, машиностроенія, судостроенія, желѣзнодорожной техники, архитектуры гражданской и военной, желѣзнаго производства, или переходя въ область сельскаго хозяйства съ различ-

ными его вѣтвями — скотоводствомъ, винодѣліемъ, винокуреніемъ, хмѣлеводствомъ, пчеловодствомъ, плодоводствомъ, — мы встрѣчаемся съ такою массой самыхъ разностороннихъ знаній, что цѣлый вѣкъ живешь и учишься и всякій день оказывается, что чего-нибудь не знаешь. Міръ стучитъ теперь безъ устали всевозможными работающими колесами, фабрики, заводы въ ходу денно и нощно, желѣзныя дороги едва успѣваютъ перевозить товары и пассажировъ, пароходы снуютъ по всѣмъ морямъ и океанамъ, вездѣ и во всемъ лихорадочная дѣятельность, даже земледѣліе приняло промышленный характеръ и разсталось съ своею прежнею безжизненною патріархальностью. Позволь себѣ нынче какая-либо страна малѣйшую отсталость въ знаніи или ослабленіе производительной энергіи и она сейчасъ же будетъ оттѣснена другимъ, болѣе знающимъ и энергическимъ народомъ. Но не лихорадочная практическая дѣятельность создаетъ теперешній успѣхъ, а лихорадочная умственная производительность, постоянное напряженіе изобрѣтательныхъ способностей, новыя открытія, усовершенствованія, улучшенія, которыми можетъ овладѣть производитель. Поэтому наибольшее вѣроятіе встать на первое мѣсто или, по крайней мѣрѣ, не отстать отъ другихъ выпадетъ на долю только того народа, у котораго наиболѣе возбуждена мысль и работаетъ она во всѣхъ направленіяхъ, и если эта мысль, созидая знанія, вмѣстѣ съ тѣмъ, создаетъ и общія условія, при которыхъ знанія могли бы развиваться наиболѣе свободно и всесторонне. Поэтому же только тотъ народъ и встанетъ на высотѣ развитія, который овладѣетъ совершеннѣе возможностями для полнаго своего умственнаго роста. И вотъ почему школа — высшее, среднее, низшее, техническое образованіе, создающее кромѣ собственно техниковъ и спеціалистовъ, еще и такъ называемую интеллигенцію съ ея свободными умственными профессіями, заняло во всемъ мірѣ первое мѣсто. Потребности прогресса и цивилизаціи открываютъ столько возможностей и путей для приложенія къ дѣлу всѣхъ создающихся вновь умственныхъ силъ, что сколько бы ихъ еще ни явилось, для всѣхъ, найдется дѣло. Какъ же съ этимъ запросомъ жизни на производительныя силы согласить отрицательное отношеніе къ ученію г. Д. Ж., котораго едва ли выручитъ ссылка на авторитетъ графа Л. Толстого? Если рѣчь шла собственно о нашей русской школѣ и объ ея отсталости, такъ и надо же было указать на существующіе недостатки нашего домашняго и общественнаго образованія. Но ничего подобнаго г. Д. Ж. не сдѣлалъ. Онъ прямо сказалъ, что лучшее время жизни мы тратимъ на изученіе «научнаго талмуда» (Толстой), забывъ, по всей вѣроятности, что на свѣтѣ существуютъ кромѣ «талмуда», механика, химія, технологія, медицина, агрономія и т. д. до безконечности. Вѣдь, безъ этого талмуда вы цѣлый вѣкъ профакирствуете.

Предвидя возраженіе, что и мужикъ, и ремесленникъ, и фабричный, — всѣ живутъ тоже не свободнымъ трудомъ, г. Д. Ж. говоритъ, что это совсѣмъ не то и что только «нужда» дѣлаетъ трудъ не свободнымъ. Для интеллигента нужно все дорогое: жизнь въ городѣ (отчего же непремѣнно въ городѣ?), мундиръ (почему же только мундиръ?), часы, сапоги съ калошами рублей въ 12—15 или дороже, крахмальныя сорочки, иногда еще фракъ, перчатки, книги по своей спеціальности, учебники для дѣтей, мундирчики, портфели, извозчики, прислуга, докторъ, аптека, дача «для чистаго воздуха», не считая никакихъ прихотей, — все это «необходимо», чтобъ обезпечить себѣ и дѣтямъ возможность служить, получить и сохранить мѣсто. А въ общей сложности обходится все это дорого. «Представьте себѣ, — говоритъ г. Д. Ж., — что какой-нибудь чиновникъ (почему же чиновникъ, а не интеллигентъ, котораго распинаетъ г. Д. Ж.?), разсчитавши, что ему выгоднѣе жить совсѣмъ иначе, превратился бы... ну, хоть въ деревенскаго лавочника: многое ли изъ тѣхъ вещей, какія у него въ городѣ были «необходимостью», доведется ему впереди заводить? Почти ничего; потребуется совсѣмъ другая обстановка — въ десять разъ дешевле: квартира въ 3 — 5 рублей, полушубокъ, валенки, личные сапоги, ситцевыя рубашки, рукавицы, холщевые фартуки. Сравните-ка этотъ инвентарь съ предъидущимъ и посчитайте, во сколько разъ онъ дешевле, а особенно если допустить, что у деревенскаго лавочника дѣтишки лѣтомъ, пожалуй, и совсѣмъ босикомъ бѣгать могутъ, не роняя своего достоинства и не конфузя папашу. Между тѣмъ, деревенскій лавочникъ не меньше имѣетъ дохода, чѣмъ чиновникъ средней руки».

Совершенно справедливо, что если бы чиновникъ превратился въ деревенскаго лавочника, то ему жить было бы дешевле. Но при чемъ же тутъ свободный, независимый трудъ, вмѣсто котораго теперь г. Д. Ж. подставилъ два совсѣмъ другія понятія: «сбереженіе», и «нужду»? Значитъ, подъ свободой и независимостью труда г. Д. Ж. понимаетъ собственно ограниченіе потребностей ради удешевленія жизни. А не нужными предметами онъ считаетъ жизнь въ городѣ, часы, сапоги съ калошами, книги по своей спеціальности, учебники для дѣтей, мундирчики (конечно, съ ними и гимназію), прислугу, доктора, аптеку и мѣсто чиновника, которому, т. е. чиновнику, ради свободы труда предлагаетъ сдѣлаться деревенскимъ лавочникомъ. Да развѣ въ томъ задача интеллигенціи, чтобы ей перестать быть интеллигенціей и засѣсть въ деревенскихъ лавкахъ? Казалось бы, вся задача прогресса и общественно-экономическаго развитія въ томъ, чтобы поднять потребности деревни и сравнять ихъ съ потребностями города и интеллигенціи, а г. Д. Ж. поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ отбираетъ отъ городскихъ жителей и интеллигентовъ книги, учебники, докторовъ, аптеки, часы, обувь и отправляетъ ихъ босикомъ въ деревни. Вообще г. Д. Ж. относится къ обуви съ нѣкоторою жестокостью: сначала онъ разулъ интеллигенцію отъ всѣхъ стѣсняющихъ ее обычаевъ и приличій, а теперь снимаетъ съ нея уже ея послѣдніе сапоги. Несомнѣнно, что человѣкъ безъ потребностей самый свободный человѣкъ и такимъ былъ

Діогенъ. Но чѣмъ былъ Діогенъ, того г. Д. Ж. русскому интеллигенту не даетъ, а даетъ онъ ему только его пустую бочку.

Отнявъ отъ интеллигента свободный трудъ, которымъ было его поманилъ, и замѣнивъ его «нуждою», г. Д. Ж. самъ уничтожилъ «существенную разницу» между интеллигентомъ и мужикомъ, ремесленникомъ и чернорабочимъ, которая ему была нужна для большаго приниженія интеллигента. Но, кажется, мужицкая нужда, и особенно чернорабочаго и босяка, будетъ почище нужды интеллигенціи. Г. Д. Ж. имѣлъ возможность познакомиться съ мужицкою нуждой не только изъ провинціальныхъ корреспонденцій, но и изъ уголовной хроники. Уже это ли не нужда, когда мужикъ, вмѣсто чистаго хлѣба, ѣстъ пушной, ходитъ въ лаптяхъ, а сапоги, и то не всегда, надѣваетъ по праздникамъ, одѣвается въ домашнюю сермягу, почти никогда не ѣстъ говядины, а весной отправляется «въ кусочки». Въ привычкахъ болѣе низкаго уровня потребностей, какъ потребности нашего народа, едва ли какой-либо другой народъ въ мірѣ и выростаетъ. Здѣсь г. Д. Ж. представлялся удобный случай провѣрить себя, припомнивъ, что писалось изслѣдователями соціально-экономическаго быта о вліяніи низкаго уровня потребностей вообще на жизнь и развитіе народовъ. Но г. Д. Ж. предпочелъ перескочить черезъ всякія изслѣдованія и «нужду» возвелъ въ новый факторъ внутренняго удовлетворенія и умиротворенія, заставляя всѣхъ недовольныхъ жизнью и самими собой искать въ ней счастія и довольства. Очевидно, что г. Д. Ж. не признаетъ экономическихъ теорій и изслѣдованій, а желаетъ руководствоваться собственными наблюденіями и здравымъ смысломъ. Это было хорошо лѣтъ двѣсти назадъ; но въ XIX вѣкъ, вѣкъ положительныхъ наукъ, создавшій даже соціологію, здравый смыслъ безъ знаній не больше, какъ пустое пространство.

Еще разницу между интеллигентомъ и мужикомъ г. Д. Ж. усматриваетъ въ томъ, что мужикъ всегда знаетъ, чего онъ хочетъ, а «тоскующій интеллигентъ» знаетъ только, чего онъ *не* хочетъ. Но и это невѣрно. Что мужикъ подчиняется факту и успокоивается на другомъ фактѣ, формулой котораго служитъ вполнѣ практическій выводъ, что «ничего не подѣлаешь», то, вѣдь, это только и происходитъ оттого, что мужикъ—не интеллигентъ. А что интеллигенція не можетъ указать опредѣленно предмета своихъ желаній, то и это вѣрно только частью. Одна часть интеллигенціи, чувствуя неудобства своего положенія, дѣйствительно не можетъ указать на средства, чтобъ избавиться отъ неудобствъ, и къ числу этой интеллигенціи принадлежитъ и самъ г. Д. Ж., безплодно потратившій столько напряженнаго умственнаго труда, чтобы предложить человѣчеству, въ видѣ новаго счастія, старую, всѣмъ извѣстную нужду, отъ которой люди всѣми силами стараются освободиться. Да и тутъ г. Д. Ж. не сказалъ ничего новаго, а только переложилъ въ статью поговорку: «по одежкѣ протягивай ножки». Но, кромѣ этой незнающей части интеллигенціи, есть еще и знающая, которая и не думаетъ ходить въ потемкахъ и очень хорошо знаетъ, отчего зависитъ теперешняя прострація мысли и тоска. Въ этомъ г. Д. Ж. тоже могъ бы легко убѣдиться хотя бы даже изъ чтенія газетъ и журналовъ. Приведу для г. Д. Ж. небольшую выписку изъ «Новостей», говорящихъ по поводу нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій: «Нисколько неудивительно, что нашими экономическими и финансовыми затрудненіями пользуется первый встрѣчный, за исключеніемъ развѣ только лѣнивыхъ. Масса кредитныхъ билетовъ, промышленный застой, неустойчивость финансовой политики, изступленное проповѣдничество противъ «доктринъ», трудно преоборимая туча бумагъ и предварительныхъ разрѣшеній, сквозь которую приходится пробиваться самой законнѣйшей и полезнѣйшей дѣятельности, отсталость образовательная, психическій кризисъ, плодящій пессимизмъ, метафизическія сомнѣнія и атавизмъ мысли и стремленій,—все это очевидныя и безспорныя условія, которыя приводятъ къ постепенному и естественному упадку экономической жизни и къ финансовому разстройству. Пока мы не выйдемъ изъ этихъ угнетающихъ духъ и дѣятельность патологическихъ условій, наши курсы должны искажаться». Года четыре назадъ эту самую мысль, но развивая ее нѣсколько дальше, высказывали за насъ иностранныя газеты. «Дайте намъ хорошую политику, и у насъ будутъ хорошіе финансы»,—гласитъ очень старый, но тоже и давно забытый афоризмъ. А г. Д. Ж. совершенно серьезно думаетъ, что угнетенный общественный духъ воспрянетъ и мы станемъ богаче и довольнѣе, если нѣсколько мелкихъ петербургскихъ чиновниковъ превратятся въ деревенскихъ лавочниковъ и превратятъ своихъ дѣтей изъ гимназистовъ въ босоногихъ деревенскихъ мальчишекъ.

Это именно атавизмъ мысли, атавизмъ, понемногу и незамѣтно отравляющій насъ все болѣе и болѣе, до того, наконецъ, что люди перестаютъ различать черное отъ бѣлаго и съ самыми искренними намѣреніями тащутъ щипцы, чтобы погасить и послѣдній мерцающій огарокъ мысли. И это вовсе не знаменіе времени. Это обычный фактъ во времена, подобныя нынѣшнему, когда первыя скрипки въ оркестрѣ молчатъ, потому что для нихъ наступила пауза, и играть начинаютъ только третьи скрипки да барабанщики. И г. Д. Ж. съ самыми благожелательными цѣлями открываетъ шествіе назадъ, не подозрѣвая, что по этому скользкому пути можно идти только подъ гору. Теперь, на первый разъ, г. Д. Ж. разулъ интеллигента и сдѣлалъ его лавочникомъ, но потомъ онъ уже заставитъ его идти и «въ кусочки». И все это ради того, чтобы создать «свободнаго человѣка», не продающаго никому своего труда и своей совѣсти. Еще не такъ давно никому бы не пришло въ голову выставлять для интеллигента деревенскаго лавочника цѣлью стремленій и идеаломъ гражданственности; тогда у насъ были въ оборотѣ, всё-таки, кое-какія идеи общественнаго блага, имѣлся и нѣкоторый политическій смыслъ, и нѣкоторый политическій тактъ. Теперь все это

закрылось какимъ-то пластомъ, очутилось подъ спудомъ, и мы едва подаемъ признаки своего интеллектуальнаго существованія.

Нельзя не отмѣтить и еще одинъ фактъ, рѣзкимъ выразителемъ котораго является тоже г. Д. Ж. Прежде о мужикѣ говорилось въ интересахъ его экономическаго и общественнаго развитія, въ интересахъ его общественныхъ и гражданскихъ правъ. Это была общественная программа, обѣщавшая, во всякомъ случаѣ, и плодотворные общественные результаты. Теперь же стали говорить о мужикѣ совсѣмъ съ иными цѣлями, чтобы противупоставить его, какъ идеалъ, «безсильному, слабому, безпомощному, разшатанному и голодному интеллигенту». Этому направленію послужили многіе и многими средствами; усиленно послужилъ ему графъ Л. Толстой, усиленно служило и служитъ «Новое Время». Вообще для интеллигента наступила печальная пора, когда его начали травить со всѣхъ сторонъ, и травили не однихъ людей, но и идеи, точно всѣ старались о томъ, чтобы опорожнить себя и другихъ отъ всякихъ мыслей. Это направленіе было тоже атавизмомъ; оно было частью возвращеніемъ къ старо-московской боязни всякихъ идей и новшествъ, а частью вызвалось пробужденіемъ «національнаго сознанія», стремленіемъ освободиться отъ умственнаго вліянія Запада. Стремленіе вообще законное и похвальное, доказывающее пробужденіе чувства самостоятельности, но, къ сожалѣнію, принявшее слишкомъ страстную и рѣзкую форму. Интеллигенція стала какъ бы синонимомъ людей, мыслящихъ по западному, а не по русскому образцу, по западной, а не по русской наукѣ,—людей, лишенныхъ почвы, отчужденныхъ отъ своего, русскаго. И вотъ наступило время «русскаго» мышленія, когда во имя «своихъ», «русскихъ» началъ и русскихъ историческихъ идей, пока еще не установленныхъ и не выясненныхъ, совсѣмъ изгонялось всякое другое мышленіе. Западная мысль очень посократилась, даже почти исчезла, но русская мысль не дополнила образовавшейся пустоты, въ которой мы и пребываемъ. На сколько свое мышленіе оказалось для насъ общественно-производительнымъ, можно увидѣть изъ того, что въ печати стали раздаваться голоса, что мы наканунѣ психическаго и умственнаго кризиса. Можетъ быть, это мнѣніе и преувеличено, но ужь самая возможность его появленія указываетъ на глубокую ненормальность положенія, въ которомъ мы находимся. Приведу въ доказательство хоть такой фактъ. Въ «Новомъ Времени» явился фельетонъ, посвященный вопросу о нищенствѣ интеллигенціи, т. е. тому же вопросу, который пытался разрѣшить практически и г. Д. Ж. Фельетонистъ «Новаго Времени» говоритъ, между прочимъ: «У хлѣба происходитъ страшная трагическая давка, — давка бездарныхъ людей, выученныхъ писать бумагу по всѣмъ правиламъ школы. Ихъ ужасно много, неизмѣримо больше, чѣмъ хлѣба, имъ ассигнованнаго общимъ порядкомъ жизни. Отсюда эта нищенская конкурренція на всякій интеллигентный трудъ и низведеніе его цѣнности почти до нуля. Отсюда же это интеллигентное нищенство, оскорбительное и неприличное, вызывающее скорѣе на комическія размышленія, чѣмъ на обязательное сочувствіе, къ которому такъ склонно наше панургово стадо съ выдохшимися пустозвонами либерализма во главѣ». Уже самая полемичность тона, бранчивость и желаніе воздѣйствовать на страстное чувство указываютъ на отсутствіе умственнаго равновѣсія и самообладанія, которое всегда неизбѣжно, если мысль овладѣла вопросомъ. И «Новое Время», являющееся однимъ изъ представителей «русскаго» мышленія, не нашло противъ общественнаго явленія, которому оно само придаетъ громадную нравственную важность, ничего иного, какъ обозвать его неприличнымъ, оскорбительнымъ, вызывающимъ скорѣе комическія размышленія, чѣмъ обязательное сочувствіе. Но ненормальныя общественныя явленія не могутъ быть ни неприличными, ни оскорбительными, ни комическими, какъ не можетъ быть неприличной народная нужда, какъ не можетъ быть смѣшнымъ голодающій босякъ, ночующій подъ городскимъ мостомъ, какъ не можетъ быть оскорбительной голодовка и бродящій на-авось переселенецъ, какъ не можетъ вызывать чувство высокомѣрнаго пренебреженія сахарный кризисъ или кризисъ нашего земледѣлія и вообще наше экономическое разстройство. Все это лишь частные признаки общаго ненормальнаго состоянія и такимъ же частнымъ признакомъ является и голодающій интеллигентъ, который, по словамъ «Новаго Времени», выучился только писать бумагу и для котораго на пиру природы не оказывается мѣста. Но не ему одному на пиру русской природы не оказалось прибора, и вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какъ это приборъ создать, чтобы всѣ могли вкушать отъ трапезы за общимъ русскимъ табльдотомъ? И вотъ именно этотъ-то вопросъ и оказался настолько труднымъ для «русскаго» мышленія и не одного «Новаго Времени», что лишь повторился извѣстный въ психологіи фактъ, когда безсильная мысль, именно потому, что она не можетъ овладѣть вызвавшими ее ощущеніями, переходитъ въ раздраженіе и страстность и находитъ себѣ выходъ лишь въ нетерпимости и гоненіи. Вызывая только «комическія размышленія», нищенство интеллигенціи (хотя это вовсе не нищенство, а пролетаріатъ) не станетъ оттого меньше и русское мышленіе было бы, конечно, больше на высотѣ своей задачи, если бы остановилось надъ вопросомъ: чѣмъ же все это можетъ кончиться? Но, освободившись отъ лучшихъ европейскихъ теченій, русская мысль, какъ видно, не стала оттого сильнѣе, производительнѣе и проницательнѣе.

XVIII.

Что за странная вещь: тысячу лѣтъ мы работали, чтобы создать себѣ интеллигенцію, а когда она явилась, мы ее прокляли. Одни прокляли ее потому, что она не устроила для Россіи садовъ Семирамиды; другіе, желая быть послѣдовательными, прокляли самые источники, ее создавшіе,—науку, знаніе; третьи прокляли свою молодость и «заблужденія», а вмѣстѣ съ ними и тѣхъ, кто этихъ потерявшихъ свою молодость людей заставилъ и научилъ думать; четвертые — упали духомъ и, подавленные несокрушимыми препятствіями, сжались и признали себя неудачниками и лишними. Бодрость духа и самообладаніе сохранили очень немногіе. Эти-то немногіе и составляютъ тѣ два враждебные лагеря, въ борьбѣ которыхъ сосредоточивается вся наша теперешняя внутренняя идейно-общественная жизнь. Ниже этихъ враждующихъ верховъ лежатъ уже слои геологическіе—интеллигентная «собирательная посредственность» и «рядовая масса», всегда присоединяющаяся къ торжествующей сторонѣ. У рядовой массы есть не мало и своихъ литературныхъ органовъ, и газетныхъ вождей, которые такъ или иначе—и, конечно, въ «интересахъ русскаго прогресса» и «національнаго преуспѣянія»—идутъ въ хвостѣ за торжествующею силой. Это совершается съ чистою совѣстью и съ искреннимъ убѣжденіемъ, что такъ нужно для русскаго блага. Еще искреннѣе, — по крайней мѣрѣ, несомнѣнно съ самыми гуманными и идеальными цѣлями, — поступаютъ тѣ, которые предлагаютъ Россіи обрости шерстью и ходить на четверенькахъ. Проповѣдники этого идеала подкупаютъ своею проповѣдью любви и всеобщаго братства и находятъ большое сочувствіе въ доброжелательной рядовой массѣ, искренно желающей служить интересамъ меньшаго брата. Вездѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ тѣ и другіе втаптываютъ интеллигенцію въ грязь — то за ея нравственную безпомощность, то за ея умственное безсиліе, и укрѣпляютъ и такъ уже достаточно сильное наше традиціонное неуваженіе къ наукѣ и идеямъ. Искренніе и недальновидные вожди (какъ бы ни были громадны ихъ другіе таланты) не видятъ того, что у нихъ дѣлается на глазахъ, но за то во имя евангельской правды смѣло смотрятъ въ даль вѣковъ. Въ этомъ они сходятся вполнѣ съ нашими маленькими Бисмарками. Бисмарки всегда доказывали, что сначала нужно сдѣлать людей совершенными, а потомъ ужь можно будетъ дать имъ и болѣе совершенные порядки. По теоріи Бисмарковъ, освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство — мы получили слишкомъ рано, не заслуживъ ихъ добрымъ поведеніемъ, и поэтому гораздо лучше возвратиться къ порядкамъ до-крымской войны и употребить свои досуги на самоусовершенствованіе. Подобнымъ же образомъ думалъ и Наполеонъ III, который несомнѣнно «увѣнчалъ» бы Францію свободой, если бы ему не помѣшали въ этомъ послѣ Седана сами французы.

Въ руку микроскопическимъ Бисмаркамъ играютъ и тѣ, кто бьетъ лежачихъ. Дѣлаютъ ли они это сознательно, или безсознательно, все равно,—общественный результатъ получается одинъ, потому что центръ тяжести обвиненія переносится не туда, чѣмъ и вносится большая смута въ понятія. Приведу одинъ примѣръ, и самый свѣжій. Недавно какія-то тифлисскія барышни обратились къ графу Л. Толстому съ просьбой научить ихъ, что дѣлать. Ну, что въ этомъ фактѣ такого важнаго, чтобы стоило говорить о немъ на всѣ лады? А, между тѣмъ, и столичныя, и провинціальныя газеты обрушились съ такою свирѣпостью на бѣдныхъ тифлисскихъ барышень, точно онѣ спрашивали, что имъ дѣлать, не у графа Л. Толстаго, а у принца Александра Батенбергскаго. Въ Россіи 10 милліоновъ интеллигенціи и изъ этихъ милліоновъ пять барышень обращаются съ дѣтскимъ вопросомъ къ графу Толстому. Неужели этого довольно, чтобъ обвинить всѣ десять милліоновъ въ безпомощности и глупости? Да и въ барышняхъ ли, спрашивавшихъ графа Л. Толстаго, что дѣлать, лежитъ центръ тяжести, или въ отвѣтѣ гр. Толстаго? Барышни написали графу Л. Толстому очень скромное письмо, которое было извѣстно ему одному; а онъ свой отвѣтъ печатаетъ въ «Новомъ Обозрѣніи». Или это циркуляръ графа всей русской интеллигенціи?.. Съ небольшими измѣненіями въ редакціи газетныя нападки на барышень получили бы совсѣмъ иной видъ и заключали бы въ себѣ несомнѣнную истину, но именно этой редакціи въ нападкахъ и не оказалось.

Барышни, обратившіяся къ графу Л. Толстому, конечно, очень молодыя и, можетъ быть, именно потому и очень доброжелательныя, что начитались проповѣдей графа Л. Толстаго. Вопросъ ихъ наивный, пожалуй, даже дѣтскій, но—и только. Какъ же поступаетъ графъ Л. Толстой, этотъ несомнѣнный титанъ по сравненію съ вопрошавшими его младенцами? Во-первыхъ, какъ я уже сказалъ, онъ отвѣчаетъ всероссійскимъ циркуляромъ, увѣренный, что его письмо будетъ перепечатано всѣми газетами; и, во-вторыхъ... во-вторыхъ, вотъ что: «есть у меня знакомый, хорошій человѣкъ, Сытинъ, — отвѣчаетъ барышнямъ графъ Л. Толстой, — издатель народныхъ книгъ, желающій сколь возможно улучшить ихъ содержаніе. Возьмите одну или нѣсколько изъ этихъ книгъ — азбуку ли, календарь, романъ ли (особенно,—говоритъ гр. Л. Толстой,—нужна работа надъ повѣстями; онѣ дурны и ихъ много расходится), прочтите ихъ, исправьте или и вовсе передѣлайте. Если вы исправите опечатки, безсмыслицы, то и то будетъ польза; если вы при этомъ еще выкинете мѣста глупыя или безнравственныя, замѣнивъ ихъ такими, чтобы не нарушался смыслъ,—это будетъ еще лучше; если же вы, подъ тѣмъ же заглавіемъ и пользуясь фабулой, составите свою повѣсть или романъ съ хорошимъ содержаніемъ, то это будетъ уже очень хорошо. То же о календаряхъ, азбукахъ, ариѳметикахъ, исторіяхъ, картинахъ... Работа, несомнѣнно, полезная, а

степень пользы будетъ зависѣть отъ той любви, которую вы положите въ нее».

Неужели это отвѣтъ на вопросъ? Вѣдь, тѣ изъ барышень, которыя знаютъ, что имъ дѣлать, спрашивать не станутъ, а тѣ, которыя спрашиваютъ, конечно, за такое дѣло взяться не въ состояніи. Фельетонистъ «Недѣли» совершенно справедливо замѣчаетъ, что «браться за этотъ трудъ первой встрѣчной «образованной» барышнѣ слѣдуетъ посовѣститься. Барышня, прежде всего, не знаетъ народа, она видала его мелькомъ, она чужда ему, почти какъ человѣкъ другой національности. Кромѣ того, барышня—не художникъ, а браться за литературу, за повѣсти и романы позволительно только художнику. Показалось бы въ высокой степени смѣхотворнымъ, если бы барышни заявили претензію писать для интеллигенціи (тоже, вѣдь, безграмотныхъ и безтолковыхъ книгъ сколько хотите). Между тѣмъ, такое же покушеніе на народный умъ трактуется серьезно. Для интеллигенціи пишутъ Тургеневы, Толстые, Пушкины,—ну, а для народа годятся и тифлисскія барышни...» Вѣрно, вполнѣ вѣрно! Но къ кому относится этотъ упрекъ—къ тифлисскимъ барышнямъ, или къ графу Л. Толстому? Барышни ровно ни за что не брались,—онѣ только спросили, что имъ дѣлать,—а графъ Л. Толстой отвѣчаетъ: «пишите романы для народа». Конечно, графъ Толстой знаетъ хорошо, что значитъ писать для народа, и, зная это, онъ, все-таки, даетъ свой совѣтъ барышнямъ, ни способности, ни таланты, ни знанія которыхъ ему неизвѣстны: «положите въ эту работу любовь—и польза отъ нея будетъ»,—пишетъ графъ Л. Толстой. Какое простое средство сдѣлаться писателемъ! Но непрактичность совѣта графа Л. Толстаго не въ этомъ одномъ. Предположите, что его циркуляръ воодушевитъ всѣхъ не знающихъ, что имъ дѣлать, барышень нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, и «хорошаго человѣка» Сытина завалятъ со всѣхъ концовъ Россіи исправленными ариѳметиками, грамматиками, повѣстями, романами и картинками. Сколько бы любви ни положилось въ эту работу, но если она будетъ сдѣлана безъ системы, порядка, плана, знаній, идей и таланта, и если г. Сытинъ получитъ по 50 — 100 исправленныхъ разными руками экземпляровъ одной и той же вещи, онъ, конечно, взмолитъ, чтобъ его пощадили, а графу Толстому придется напечатать второй циркуляръ, чтобы барышни прекратили свое усердіе. Кажется, это соображеніе вѣрное, потому что если бы графъ Толстой желалъ преподать совѣтъ только тифлисскимъ барышнямъ, то онъ написалъ бы имъ такъ же скромно, какъ писали онѣ ему, а если бы онъ находился въ полномъ равновѣсіи, то, вѣроятно, далъ бы барышнямъ, ему совершенно неизвѣстнымъ, какой нибудь другой совѣтъ. Но фельетонистъ «Недѣли» не допускаетъ въ графѣ Толстомъ никакихъ ошибокъ мысли. Доказывая невозможность требовать чего-нибудь толковаго отъ *барышень*, «которыхъ одно имя служитъ, такъ сказать, дипломомъ неспособности на какое нибудь серьезное практическое дѣло», фельетонистъ думаетъ, что въ совѣтѣ графа Толстаго заключается «горькій упрекъ» всей литературной братіи. Графъ Толстой знаетъ, что «есть классъ людей, спеціально занимающійся литературой, цеховыхъ, такъ сказать, ремесленниковъ этого дѣла», и, все-таки обращается не къ нимъ, а къ «барышнямъ». «Это ли не горькая насмѣшка надъ писателями, насмѣшка обидная, но справедливая?» — заключаетъ фельетонистъ. Не слишкомъ ли тонко такое объясненіе? Мышленіе гр. Толстаго совсѣмъ просто и ясно и едва ли требуются чрезвычайныя усилія, чтобы найти въ немъ какой-то сокровенный смыслъ, насмѣшку или упрекъ, тѣмъ болѣе, что все это вовсе не въ характерѣ графа Толстаго. Онъ прямо говоритъ тифлисскимъ барышнямъ: «у пріобрѣтающихъ знанія есть еще дѣло: подѣлиться этими знаніями, вернуть ихъ назадъ тому народу, который воспиталъ насъ. *И вотъ такое дѣло есть у меня*». Не въ этомъ ли «у меня» и секретъ? Тифлисскимъ барышнямъ графъ Толстой посовѣтовалъ «вернуть назадъ знанія», тамбовскимъ или казанскимъ барышнямъ онъ можетъ посовѣтовать класть печи или шить сапоги, потому что у него есть и такое дѣло.

Случай этотъ, повидимому, частный, фактъ мелкій, но когда подобныхъ фактовъ набираются тысячи, они становятся уже общимъ слѣдствіемъ общихъ причинъ, противъ которыхъ неизбѣжно бороться. И въ самомъ дѣлѣ, какое бы ни случилось несчастіе среди русской интеллигенціи, со всѣхъ сторонъ сейчасъ же поднимаются саддукеи и фарисеи (въ особенности сидящіе въ теплыхъ гнѣздахъ и съумѣвшіе обезпечить себя опрѣсноками), образуютъ грозный синедріонъ и изрекаютъ несчастнымъ проклятіе и побіеніе камнями. Пять тифлисскихъ барышень, повинныхъ только въ томъ, что, начитавшись русскихъ пророковъ, желаютъ излить на кого нибудь накопившееся въ нихъ чувство доброжелательства, обращаются къ своему учителю за совѣтомъ, но никакого дѣльнаго совѣта не получаютъ, и грозный синедріонъ предаетъ ихъ публичному осмѣянію. Женщина-врачъ публикуетъ въ «Новомъ Времени», что ищетъ переводовъ французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и другихъ подходящихъ занятій, и опять оказывается виноватымъ голодный, да еще и въ томъ, что «ухитрился не найти себѣ дѣла». Еще женщина-врачъ, отчаявшаяся найти какія либо интеллигентныя занятія, ищетъ мѣсто горничной или кухарки,—и опять грозный синедріонъ, и опять обвиненіе, и опять избіеніе. Синедріону даже не является мысль, что это объявленіе похоже на мистификацію: обвинять стало для него уже маніей, и онъ не прощаетъ даже мертвыхъ. Если безпомощный интеллигентъ, истощивъ всѣ свои силы въ борьбѣ съ жизнью, отправляетъ себя къ праотцамъ, это даетъ строгому синедріону случай не только обвинить покойника, но и всю благополучную живущую интеллигенцію въ малодушіи и безхарактерности. Недавно сельская учительница судилась за кражу у своихъ знакомыхъ карманныхъ часовъ. Судъ учительницу оправдалъ, а синедріонъ обвинилъ. И всегда бываетъ виноватъ слабый, голодный, безпомощный и

лишній! А, между тѣмъ, вся наша жизнь направлена къ тому, чтобы создавать лишнихъ людей, а людей у дѣла выталкивать изъ дѣла. Земледѣльческая страна съ девяносто-милліоннымъ земледѣльческимъ населеніемъ, мы ухитрились даже земледѣльца сдѣлать лишнимъ, и онъ побрелъ куда глаза глядятъ, чтобъ отыскать себѣ новое мѣсто. Искони хлѣбные производители, мы съумѣли сдѣлать себя лишними и на европейскихъ рынкахъ. «Не говоря уже о томъ, что хлѣбныя цѣны въ портахъ пали до уровня небывалаго еще за послѣднія 50 лѣтъ, — пишутъ «Орловскому Вѣстнику», — какъ въ портахъ, такъ и заграницею, въ послѣднее время начинаютъ даже совсѣмъ отказываться отъ покупки нашего русскаго хлѣба». Что-то непостижимое: за границей оказывается лишнимъ нашъ хлѣбъ, а дома лишнему мужику, бѣгущему со своей полосы, тоже нѣтъ хлѣба. Кризизъ промышленный прибавилъ и еще лишнихъ людей. Напримѣръ, на Уралѣ, какъ пишетъ екатеринбурскій корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника», образовалось множество лишнихъ людей между заводскими рабочими и заводскою интеллигенціей. Какъ поступили рабочіе, корреспондентъ не говоритъ, но интеллигенція толпами устремилась искать какого бы то ни было заработка въ Екатеринбургъ, Пермь, Тюмень и другіе ближайшіе города. Конторы обоихъ управленій желѣзныхъ дорогъ въ Екатеринбургѣ — тюменской и уральской, горнаго правленія, нотаріальныя, частныя, суды и всѣ присутственныя мѣста ежедневно осаждаются массами искателей мѣстъ. И подобное повторяется не на одномъ Уралѣ, а вездѣ, гдѣ стали закрываться фабрики и заводы. Массу лишнихъ людей создала не только наша экономическая неустойчивость, но и шаткость внутренней жизни и мѣропріятія, клонящіяся вовсе не къ авантажу интеллигенціи. Теперь должна явиться еще большая масса лишнихъ людей, если окажется вѣрнымъ газетное извѣстіе, что въ 1887 и 88 гг. не будетъ пріема на высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани. Массу лишнихъ людей дало закрытіе женскихъ медицинскихъ курсовъ. Еще новую массу лишнихъ людей сулитъ налогъ на заграничные паспорты. Лишними явятся не фланеры и жуиры, которые лишними никогда не бываютъ, а люди труда, желающіе быть полезными. «Новости» даютъ довольно подробный перечень этихъ живущихъ внѣ Россіи тружениковъ, которымъ придется сдѣлаться лишними. За границей живутъ и учатся много нашихъ художниковъ, которымъ необходимо итальянское солнце и небо, картинныя галлереи, остатки артистической и монументальной старины, т.-е. все то, чего Россія дать имъ не можетъ. На иностранныхъ театрахъ, преимущественно въ Италіи, поетъ много нашихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, которые только потому и уѣхали искать хлѣба за границей, что изучили искусство не для того, чтобы пѣть въ отечественныхъ оперетках и въ публичныхъ садахъ. Въ Парижѣ, Миланѣ, Вѣнѣ и Флоренціи живетъ много молодыхъ русскихъ, учащихся пѣнію бо̀льшею частью на свой счетъ, и которымъ ни петербургская, ни московская консерваторія не дадутъ того знанія и искусства, которые они пріобрѣтутъ за границей. Живетъ за границей масса дѣйствительно больныхъ людей, для которыхъ вернуться въ Россію — значитъ умереть. Масса молодежи служитъ въ Лондонѣ, Парижѣ (прибавлю и въ Китаѣ) въ коммерческихъ конторахъ и торговыхъ домахъ, потому что это и прибыльнѣе, и полезнѣе, чѣмъ служить у русскихъ Титъ Титычей. Всѣ эти скромные труженики или учащіеся за границей, или пристроившіеся къ мирнымъ дѣламъ, вернувшись, увеличатъ и безъ того ростущую у насъ массу лишнихъ людей. Только медицинскіе факультеты Парижа, Берна и Цюриха вышлютъ обратно не меньше трехсотъ человѣкъ учащейся молодежи (мужчинъ и женщинъ). Если въ цѣломъ всѣ вернувшіеся составятъ только тысячу человѣкъ (въ одномъ Парижѣ живетъ постоянно русскихъ до 4,000, а сколько ихъ живетъ въ Вѣнѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ?), то и этой тысячи вполнѣ достаточно, чтобы и безъ того ужъ хмурая физіономія нашей интеллигенціи стала еще хмурѣе.

Теперь спрашивается, въ силу какого закона справедливости возможенъ личный судъ надъ неповинными единицами? Гдѣ у насъ, у газетныхъ судей, право приносить живаго человѣка въ жертву какой-то измышленной нами тенденціи?.. Я припоминаю, какимъ ужасомъ поразило меня, когда въ изслѣдованіи г. Лаптева Казанской губерніи (1861 г.) я прочелъ о трехъ самоубійствахъ отъ голоду. Тогда въ Россіи о голодной смерти никто никогда и ничего не слышалъ. Всѣмъ было извѣстно только, что Россія—«житница» и что

Въ нашемъ славномъ государствѣ
Денегъ куры не клюютъ.

И вдругъ въ житницѣ—самоубійство отъ голоду! Но потомъ тамъ и здѣсь, все чаще и чаще, стали обнаруживаться случаи голодной смерти (буквально голодной, установленной вскрытіемъ) и случаи самоубійствъ отъ голоду. Теперь мы къ этимъ ужасамъ и приглядѣлись, и прислушались, и ужъ не упрекаемъ въ торгашескомъ безсердечіи туманный Альбіонъ, въ которомъ, рядомъ съ поразительнымъ богатствомъ родовой и денежной аристократіи, живетъ одичавшее населеніе, питающееся отбросками уличныхъ нечистотъ. Когда мы лучше узнали, что свершается въ нашей житницѣ, мы стали немножко справедливѣе къ другимъ. Въ Англіи, дѣйствительно, голодаетъ одичавшій уличный пролетарій, но въ той же Англіи еще не было случая, чтобы повѣсился съ голоду учитель. Недавно, напримѣръ, въ мѣстечкѣ Раймишекѣ, Витебской губерніи, покончилъ самоубійствомъ частный учитель Волконскій. Въ послѣднее время доходы его значительно сократились: одинъ ученикъ уѣхалъ, другой заболѣлъ, третій пересталъ платить за уроки. Какъ не ухитрялся Волконскій, а не могъ свести концы съ концами,— расходы все росли, а доходы уменьшались. На бѣду еще у Волконскаго заболѣли дѣти. И вотъ Волконскій рѣшается отправить жену съ дѣтьми къ ея родителямъ въ Динабургъ, къ такимъ

же бѣднякамъ, какъ и онъ самъ. Средство было отчаянное, подсказанное нуждой, но за которое несчастный ухватился, какъ утопающій за соломинку. Отъ жены стали приходить вѣсти мало успокоительныя. Она была въ тягость родителямъ и между нею и братьями происходили не только ссоры, но даже и стычки. Волконскій совсѣмъ упалъ духомъ, у него явилось нервное лихорадочное состояніе, такъ что на урокахъ онъ сидѣлъ въ пальто и калошахъ; наконецъ, бѣдняга слегъ. Поправившись, онъ пошелъ на уроки и въ двухъ мѣстахъ получилъ отказъ. Вернувшись домой, онъ нервно зашагалъ по своей одинокой комнатѣ, долго ходилъ изъ угла въ уголъ, сосредоточенно думая, и, наконецъ, выдумалъ... «Не заварить ли чего?» — спрашиваетъ его уже подъ вечеръ хозяйка. — «Нѣтъ, не надо... и лампы не надо!»—отвѣтилъ Волконскій, а когда черезъ полчаса хозяйка вошла къ своему постояльцу, чтобы попросить перочинный ножикъ, постоялецъ висѣлъ подъ потолкомъ... Можетъ быть, все это и безхарактерно, и малодушно, но едва ли мужество и въ томъ, чтобы кинуть камнемъ въ висячій трупъ.

Обвинительное направленіе имѣетъ у насъ уже и свою исторію. Это, въ сущности, цѣлое міровоззрѣніе, построенное на несомнѣнно справедливомъ основаніи. Когда мы призадумались надъ освобожденіемъ крестьянъ и когда впервые въ насъ шевельнулось чувство свободы, выступила у насъ и теорія «личности». Теорія эта нашла фанатично преданныхъ проповѣдниковъ, особенно между женщинами, что и понятно. Предполагалось, что если свободная, независимая и энергическая личность проникнется благородными идеалами, то этого одного вполнѣ достаточно для человѣческаго счастія. Нужно только, чтобы каждый сталъ свободенъ, чтобы каждый носилъ въ себѣ честные идеалы и чтобы каждый проводилъ ихъ въ жизнь. Когда каждый, такимъ образомъ, станетъ свободенъ, честенъ и энергиченъ, станутъ честны, свободны, энергичны и всѣ. И вотъ началась пропаганда «энергической и честной личности» и ярые нападки на «дряблыя, дрянныя натуришки». Между женщинами-писательницами и до сихъ поръ сохранились закаменѣлые бойцы этого направленія, напоминающіе тѣхъ механическихъ желѣзныхъ рыцарей, которые каждый часъ стучатъ молотомъ въ колоколъ башенныхъ часовъ. Изо дня въ день, изъ года въ годъ вы слышите на томъ же мѣстѣ все тѣ же удары, и съ «энергіей, заслуживающею лучшей участи», повторяется давно уже утратившая всякій жизненный смыслъ фраза о «дряблыхъ и дрянныхъ натуришкахъ».

Но теорія личности оказалась обоюдоострымъ мечомъ и привела къ результатамъ совершенно неожиданнымъ. Лучшіе люди, наиболѣе способные проникаться общественными идеалами, встрѣтили столько несокрушимыхъ для единоличной энергіи препятствій, что совсѣмъ измучились и физически, и нравственно. Равновѣсіе характеровъ поколебалось, мысль утратила силу и ясность, явилась нервность, а съ нею и всѣ ея обычныя послѣдствія съ самоубійствомъ въ концѣ. И когда, вмѣсто торжества, наступило отступленіе, закаменѣлые проповѣдники «энергичной личности» уже окончательно убѣдились въ своей безошибочности и еще съ большимъ презрѣніемъ стали клеймить «дряблыя и дрянныя натуришки». У суровыхъ проповѣдниковъ «силы и достоинства» недостало самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ чувствъ, чтобы не проклинать покойниковъ. Они сейчасъ же поняли, что идеалъ личнаго счастія есть курица съ золотыми яйцами, и, обзаведясь этимъ хозяйственнымъ предметомъ, образовали среду новой формаціи и стали господами положенія. Теперь спорный вопросъ о средѣ и личности можно, кажется, считать выясненнымъ.

Вообще теоріи личности пришлось у насъ вынести большое испытаніе; все то, къ чему она теперь пришла, создалось на костяхъ живыхъ людей, выработалось массой личныхъ страданій и двадцатипятилѣтними тяжелыми испытаніями. Хотя проповѣдники «энергической и сильной личности» и остались недовольны тѣми, кто производилъ эти опыты, но именно эти-то проповѣдники и могутъ быть меньше всего судьями сдѣланнаго. Какъ бы ни были малы общественные результаты, которыхъ мы достигли, но всѣ они созданы только необыкновенною энергіей и громадною затратой силъ, — да не простыхъ силъ, а восторженно приподнятыхъ сосредоточеннымъ чувствомъ любви и какимъ-то неудержимымъ желаніемъ отдать всю эту накопившуюся любовь для блага и пользы народа и Россіи. Этотъ фактъ высокой общественной нравственности у насъ еще недостаточно оцѣненъ, хотя, въ то же время, онъ составляетъ неизбѣжное явленіе въ жизни каждаго молодаго народа, едва предпринимающаго первые опыты гражданственныхъ и необычныхъ для него общественныхъ отношеній. Чтобы завести кассу ссудъ, устроить лавочку, промышленное предпріятіе—керосинное или желѣзнодорожное, не требуется ни энтузіазма, ни сосредоточенной любви, ни, еще меньше, заботъ о благѣ или пользѣ народа и Россіи. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ чѣмъ меньше восторженности и увлеченія, тѣмъ лучше. Еще ни одна кухарка не покупала говядины съ энтузіазмомъ и ни одинъ купецъ не продавалъ своего товара съ восторженнымъ чувствомъ. Если бы ростовщикъ вздумалъ полюбить закладчика, то онъ не взялъ бы съ него ни залога, ни процентовъ. Любящій кулакъ пересталъ бы быть кулакомъ. Но общественныя дѣла дѣлаются по иному закону. Первые пуритане, явившіеся въ Америку, были проникнуты энтузіазмомъ, любовью и вѣрой въ идею свободы, которую они хотѣли осуществить на дѣлѣ. Только энтузіазмъ далъ имъ энергію перенести всѣ трудности переселенія въ невѣдомую даль, только любовь и вѣра дали имъ силу на борьбу съ препятствіями, которыя имъ пришлось преодолѣть въ новой странѣ. Религіозный энтузіазмъ, чувство свободы и взаимности сплотили ихъ въ одно тѣсное и сильное цѣлое и создали изъ смѣлой горсти людей несокрушимую силу, положившую начало новому общественному

союзу. Теперь для Америки уже не требуется ни восторженности, ни увлеченія, чтобы продолжать установившійся тогда порядокъ. Но, чтобы его создать и установить, требовались необыкновенныя силы, которыя могъ создать лишь чрезвычайный подъемъ духа. Но настанетъ опять какой-нибудь общественный моментъ, когда людямъ придется забыть свои личныя дѣла, какъ это было во Франціи, въ войну съ нѣмцами, или въ Америкѣ, во время войны за независимость, или еще недавно за цѣлость свободнаго союза, — и опять послѣдуетъ взрывъ энтузіазма и восторженный подъемъ чувствъ. Когда у насъ освобождали крестьянъ, явилось подобное же общественно-психическое возбужденіе, и оно только и имѣло рѣшающую силу и дало торжество стремленіямъ меньшинства. Подобное дѣло не могло ни рѣшиться, ни создаться, ни продолжаться безъ увлеченія. Только приподнятое чувство любви могло заставить людей забыть о себѣ и жертвовать своими личными интересами въ пользу идеи общаго блага и счастія другихъ. Возвышенное настроеніе продержалось все время реформы, и хотя не всегда выражалось въ одинаковой напряженности, но всегда чувствовалось и въ большихъ, и въ малыхъ дѣлахъ. Страстное чувство передавалось тогда отъ одного къ другому и дѣйствовало заражающимъ образомъ на все общество, и каждый свѣжій человѣкъ былъ готовъ отдать всѣ свои силы на служеніе народу. Именно служеніе, потому что то, что люди дѣлали, или хотѣли дѣлать, не были простыми и обыденными дѣлами. Умъ, чувство и сознаніе говорили, что это дѣла особенныя, что въ нихъ есть подвигъ, — и каждый, дѣлавшій подобное дѣло, чувствовалъ себя выше, и сильнѣе, и способнѣе, и лучше, и энергичнѣе. Сознаніе исполняемаго общественнаго долга поднимало каждаго въ его собственныхъ глазахъ, поощряло на дальнѣйшую дѣятельность, вознаграждало за всѣ труды, лишенія, неудачи, потери и страданія. Даже такое, повидимому, простое дѣло, какъ обученіе народа грамотѣ, какъ приготовленіе учителей въ учительскихъ семинаріяхъ, выполнялось какъ служеніе, какъ высшая миссія. Бывали случаи, что профессора университета шли въ народные учителя. Къ фактамъ подобной восторженности и къ неизбѣжному въ подобныхъ случаяхъ внутреннему приподниманію себя нельзя относиться ни съ порицаніемъ, ни съ насмѣшкой. Профессоръ, идущій въ деревенскіе учителя, или интеллигентъ, дѣлающійся волостнымъ писаремъ, свершаютъ, несомнѣнно, необычное дѣйствіе. Можетъ быть, было бы лучше, если бы они себя не приподымали, но сомнительно, чтобы даже и у миссіонера, отправляющагося въ Камчатку, не билось подъ его черною рясой сердце гордостью. Бывали послѣдствія худшія и, должно быть, тоже неизбѣжныя. Приподнятость чувства, желаніе подвига и исканіе высшаго дѣла создавали иногда болѣзненную реакцію — крайняго упадка нравственныхъ силъ и полнаго личнаго недовольства. Человѣка или не удовлетворяло то, что онъ дѣлалъ, и онъ хотѣлъ чего-то высшаго, или же онъ чувствовалъ, что для высшаго у него нѣтъ силъ, а обыкновеннаго онъ дѣлать не хотѣлъ. Еще не такъ давно случилось одно самоубійство, потому что человѣкъ не нашелъ внутренняго примиренія между своими стремленіями къ подвигу и безсиліемъ, которое онъ въ себѣ ощущалъ. Погибла дѣвушка, по отзывамъ людей, знавшихъ ее, дѣйствительно превосходная, а у нашихъ проповѣдниковъ «энергической личности» не нашлось другаго слова, кромѣ обвиненія ея въ малодушіи и высокомнѣніи. Ужасно просто обвинить и поставить каждый фактъ въ готовую шаблонную клѣтку; для этого не требуется ни думать, ни чувствовать, ни понимать, — довольно лишь заучить моральную таблицу умноженія. Фактъ поставленъ въ клѣтку, на клѣткѣ надпись — «малодушіе» — и дважды семь окажется математически равнымъ четырнадцати.

А, между тѣмъ, это самоубійство говоритъ, что наша общественная жизнь еще далека отъ своей нормы и спокойнаго, правильнаго и ровнаго поступательнаго движенія. Для кажущихся простыхъ дѣлъ все еще требуются не простые, а приподнятые люди, жизнь проситъ миссіи, ждетъ жертвъ, зоветъ на подвигъ. Тифлисскія барышни, обратившіяся къ графу Л. Толстому, просили его указанія не въ томъ, какую машину завести имъ лучше — швейную или вязальную, а къ какому общественному дѣлу полезнѣе пристроить имъ свои силы, гдѣ и въ чемъ эти силы нужнѣе. «Что дѣлать?» — совсѣмъ не такой еще у насъ простой вопросъ, а въ особенности для молодыхъ. Поэтому самыя простыя, повидимому, дѣла дѣлаютъ у насъ далеко не простые люди. Лучшимъ доказательствомъ служитъ самъ графъ Л. Толстой. Такая крупная литературная сила — и вдругъ идетъ на исправленіе книжекъ для народа, ведетъ практическую пропаганду физическаго труда — кладетъ печи, шьетъ сапоги, и совсѣмъ не потому, чтобы настоящіе печники и сапожники не умѣли дѣлать этого дѣла. Ужь несомнѣнно, что печи и сапоги графа Л. Толстаго очень плохи и что ни въ Америкѣ, ни въ Англіи, ни во Франціи графъ Толстой не сталъ бы заниматься ничѣмъ подобнымъ. Никакой французъ не былъ бы въ состояніи себѣ представить, чтобы Золя, ради нравственной пропаганды, сталъ класть печи и шить сапоги. Также и Англіи было бы невозможно вообразить Гладстона или Парнелля, которые бы для устройства справедливыхъ отношеній въ Ирландіи отказались отъ парламентской дѣятельности и, вмѣсто того, стали бы проповѣдывать ирландскимъ владѣльцамъ гуманность и справедливость. Вездѣ интеллигенція стоитъ у насъ какъ бы наготовѣ съ вопросомъ «что дѣлать?» и ищетъ дѣла, и проситъ дѣла, и хочетъ дѣла, но не простаго, практическаго, обыденнаго, будничнаго, а дѣла съ общественнымъ характеромъ. Теперь это направленіе утратило, правда, свою первоначальную яркость, захватъ его сталъ меньше и нѣтъ въ немъ уже прежней суетливой шумливости. Но оно еще существуетъ потому, что не свершило своего цикла, т.-е. не дошло до той точки, когда могло бы передать свою миссію въ обыкновенныя практи-

ческія руки нормально текущей и уложившейся жизни. Недавно, напримѣръ, составлялъ предметъ спеціальнаго доклада на послѣднемъ съѣздѣ земскихъ врачей въ Твери фактъ именно изъ этой области. Такъ какъ о фактѣ этомъ сообщалось въ газетахъ вскользь, въ нѣсколькихъ словахъ, и фактъ поэтому не имѣлъ достаточной огласки, то г. А. Пругавинъ посвятилъ ему въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» отдѣльную статью.

Вопросъ въ томъ, возможна ли вольная врачебная практика въ деревнѣ? Можетъ ли эта практика обезпечить врача и могутъ ли поэтому городскіе врачи, сидящіе безъ дѣла, уйти въ деревню? Вѣдь, кажется, вопросы простые и отвѣты на нихъ должны имѣться простые, и, тѣмъ не менѣе, все-таки, потребовался для разрѣшенія ихъ человѣкъ съ подъемомъ, рѣшимостью и энергіею, который путемъ подвига сдѣлалъ бы этотъ вопросъ простымъ. Совершенно какъ для того, чтобы Перу и Мексику сдѣлать нынче доступными для любаго матроса, требовались нѣкогда отважные и предпріимчивые Пизарро и Фердинанды Кортесы. Этимъ Пизарро въ вопросѣ о деревенскихъ врачахъ явился г. Таировъ. Онъ былъ земскимъ врачомъ и оставилъ земскую службу, чтобы сдѣлать опытъ вольной деревенской практики. Для опыта онъ выбралъ Весьегонскій уѣздъ Тверской губерніи, въ одной изъ деревень котораго поселился. У г. Таирова, какъ видно, рѣшимости и отваги было гораздо больше, чѣмъ денегъ, потому что 8 р. въ мѣсяцъ за ѣзду казалось для него платой непосильной. Объѣздивъ три деревни и прицѣнившись въ 150 дворахъ, г. Таировъ едва нашелъ одного домохозяина, согласившагося пустить его на квартиру за 3 руб. въ мѣсяцъ безъ отопленія. Положеніе г. Таирова въ деревнѣ дѣйствительно напоминало положеніе Пизарро въ Перу. И нашъ Пизарро долженъ былъ присматриваться къ невѣдомой ему Перу, а наши перувіанцы къ невѣдомому имъ Пизарро. Какъ это бываетъ въ новыхъ странахъ, посѣщаемыхъ впервые иностранцами, пришли взглянуть, прежде всего, на пришлеца любопытные. Въ сущности это были развѣдчики и тоже люди изъ смѣлыхъ, которые на свой страхъ взялись произвести рекогносцировку. Этими развѣдчиками были бабы, почти здоровыя, явившіяся къ г. Таирову какъ будто за совѣтомъ. Г. Таировъ отнесся къ нимъ внимательно, назначилъ лекарства, бабы ушли домой, какъ будто за посудой для лѣкарства, но къ доктору не возвратились. Политика Пизарро возымѣла свое дѣйствіе и положила основаніе дружескимъ отношеніямъ и довѣрію мѣстныхъ обитателей. За развѣдчиками явились и настоящіе больные: это были «хроники», страдавшіе застарѣлыми болѣзнями. И съ «хрониками» г. Таировъ поступаетъ съ тактомъ и съ знаніемъ человѣческаго сердца. Съ бабъ и съ «хрониковъ» онъ не взялъ за совѣты ничего,—съ бабъ потому, что онѣ были здоровы, а съ хрониковъ, кромѣ того, и взять-то было совѣстно. Но и знаніе сердца человѣческаго не допускало поступать въ этомъ деликатномъ вопросѣ слишкомъ смѣло и рѣшительно. Крестьяне очень скупились, «больше пятачкомъ угощали, часто въ долгъ брали, хотя и платили аккуратно послѣ». Крестьяне, очевидно, «пробовали» и пытались установить выгодную для нихъ практику отношеній: «пятакъ или гривну дамъ—и ладно», говорили они. И это говорили даже состоятельные и съ нѣкоторою пренебрежительностью, ибо дешевизна платы роняла доктора въ ихъ глазахъ. Дешевый, такъ, конечно, не хорошій! И вотъ г. Таировъ дѣлаетъ попытку поднять свое достоинство и назначаетъ отъ 20—30 к. и даже болѣе за совѣтъ, смотря по состоянію больнаго. Съ возвышеніемъ платы за совѣтомъ стало приходить больше, платить стали охотно, не было денегъ—платили холстомъ и продуктами, и г. Таировъ крестьянъ въ этомъ не стѣснялъ. Вообще плата не только не отпугивала крестьянъ, а, напротивъ, придавала солидность отношеніямъ, скрѣпляла ихъ взаимностью услугъ... Каждый выѣздъ на практику скоро сталъ давать Таирову 2 - 3—4 рубля, а при визитахъ на дому, смотря по болѣзни, крестьяне платили 1—2—3 рубля. Отношенія вполнѣ установились. Таировъ сталъ строить домъ, и вотъ результатъ перваго года практики. «Переѣхалъ я сюда,—говорилъ г. Таировъ,—безъ всякихъ средствъ буквально, а прошелъ годъ—и уже почти выплатилъ за построенный для себя домъ. Значитъ, ужъ почти нажилъ собственный уголъ. Отъ крестьянъ только за врачебные совѣты и пособія получилъ въ первый годъ 600 руб., да отъ духовныхъ и дворянъ 200 руб...» Я сдѣлалъ очень короткое извлеченіе изъ статьи г. А. Пругавина и отъ этого центръ тяжести какъ будто перенесся собственно на денежныя отношенія. Въ дѣйствительности вся трудность положенія г. Таирова заключалась въ отношеніяхъ нравственныхъ и въ томъ, чтобы крестьяне признали въ немъ «своего». Въ этомъ взаимномъ притираньи г. Таирову помогли больше всего его тактъ, умѣлость и искреннее сердечное отношеніе какъ къ больнымъ, такъ и къ здоровымъ. Г. Пругавинъ считаетъ, что опытъ г. Таирова «увѣнчался блестящимъ успѣхомъ» и расчистилъ путь въ деревенскія захолустья молодымъ врачамъ.

А вотъ и другіе факты, и тоже изъ деревенской врачебной практики. Въ мѣстечкѣ Зарнины, Могилевской губерніи, умеръ на дняхъ фельдшеръ Кузьминъ, 109 лѣтъ отъ роду. «Саратовскій Листокъ» говоритъ, что покойный былъ въ высшей степени дѣятельный и хорошій человѣкъ. Каждый день обращались къ нему за помощью сотни больныхъ; онъ всѣхъ выслушивалъ, всѣмъ помогалъ. Отъ состоятельныхъ онъ бралъ плату, а бѣднымъ самъ платилъ. За гробомъ покойника шла громадная толпа народа. Или еще фактъ. Въ той же Могилевской губерніи, на границѣ губерніи Смоленской, есть мѣстечко Манастырщина и въ немъ живутъ два вольно-практикующіе фельдшера, оба евреи. Одинъ лечитъ больше аристократію, другой—бѣдняковъ, и у обоихъ есть достаточная практика. Фельдшеръ-аристократъ пользуется репутаціей знающаго и имѣетъ хорошую практику, не обѣгаютъ его даже и владѣльцы. Напримѣръ, больной крестьянинъ, вовсе не изъ особенно зажиточ-

ныхъ, заплатилъ ему за посѣщеніе 7 рублей, да привезъ и отвезъ на своихъ лошадяхъ; одна владѣлица за леченіе заплатила 300 руб. Вѣроятно, и не въ одной Могилевской губерніи есть подобные же давно водворившіеся деревенскіе доктора. Въ западныхъ губерніяхъ они должны быть несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, въ еврейскихъ мѣстностяхъ, потому что евреи очень дорожатъ здоровьемъ и не вѣрятъ въ знахарство, къ помощи котораго прибѣгаютъ больше русскіе крестьяне.

Отчего же, спрашивается, смерть Кузьмина прошла незамѣтно, точно самаго обыкновеннаго и зауряднаго человѣка, объ его почтенной дѣятельности не читалось ни рефератовъ въ медицинскихъ обществахъ, ни печаталось газетныхъ статей, какъ не печаталось ничего о практикѣ фельдшеровъ Монастырщины, а, между тѣмъ, объ «опытѣ» г. Таирова и онъ самъ счелъ нужнымъ дать публичный отчетъ, и заговорили публицисты, какъ о дѣйствіи что-то разрушающемъ, устанавливающемъ, прокладывающемъ путь? И дѣйствительно, дѣло Кузьмина и фельдшеровъ Монастырщины простое дѣло, а дѣло г. Таирова—не простое дѣло. Кузьминъ былъ несомнѣнно добрый и хорошій человѣкъ и, вѣроятно, онъ былъ нисколько не хуже г. Таирова, но вопросъ тутъ не въ добротѣ; добрыхъ людей много живетъ по деревнямъ, много есть и добрыхъ землевладѣльцевъ, которые лечатъ крестьянъ и помогаютъ имъ и другимъ образомъ, но ихъ, все-таки, никто не знаетъ, въ газетахъ о нихъ не пишутъ, да и писать о нихъ незачѣмъ. А, между тѣмъ, г. Таировъ создалъ себѣ извѣстное положеніе въ общественномъ мнѣніи, какъ создалъ его себѣ и г. Астыревъ, три года пробывшій въ волостныхъ писаряхъ. Причина въ томъ, что, какъ бы выразился историкъ-публицистъ, въ дѣйствіяхъ г. Таирова есть общественный моментъ, а въ дѣйствіяхъ фельдшеровъ Монастырщины нѣтъ ничего, кромѣ ихъ личнаго дѣла,—такого же дѣла, какъ и завести въ деревнѣ лавочку. Конечно, первая деревенская лавочка въ Россіи была событіемъ, но каждая теперешняя новая лавочка не больше, какъ обычное торговое дѣло. То же будетъ современемъ и съ деревенскими врачами. За границей вы встрѣтите на каждомъ шагу деревенскихъ эскулаповъ, объѣзжающихъ своихъ деревенскихъ паціентовъ въ кабріолетѣ въ одну лошадку. И дѣлаютъ они свое дѣло тихо, обыденно, и никто имъ не удивляется, никто не видитъ въ этомъ подвига. Наступитъ время, когда и наши деревенскіе врачи будутъ объѣзжать своихъ паціентовъ въ кабріолетахъ. А теперь, пока, намъ еще не обойтись безъ Таировыхъ и ихъ потребуется не одинъ человѣкъ, прежде чѣмъ это дѣло станетъ простымъ, будничнымъ и чисто-личнымъ дѣломъ.

Установившееся невѣрное отношеніе къ интеллигенціи и невѣрная оцѣнка ея дѣятельности произошли только оттого, что большинство хотѣло мѣрить ея дѣла личнымъ и моральнымъ аршиномъ. Ростъ измѣрялся произвольною саженью, а не барьеромъ, который приходилось перескакивать. Измѣряли силы, а не препятствія; старались вытянуть человѣка, не справляясь, сколько верстъ ему придется пробѣжать. Это случилось потому, что мы лучше знали свои желанія и яснѣе представляли свои требованія, чѣмъ знали дѣйствительность, съ которою приходилось имѣть дѣло. И вотъ когда сады Семирамиды не появились, мы же превратились въ обвинителей. И кто эти «мы»? Такіе же точно интеллигенты, почему-то внезапно превратившіеся въ судей, точно и сады Семирамиды, и все остальное хорошее должны были дѣлать другіе, рабочіе, интеллигенты. Этотъ интеллигентный аристократизмъ заразилъ даже лучшихъ, которыхъ идеализмъ уводилъ очень часто въ сказочныя мечтанія, а съ ними и въ противорѣчія.

Графъ Л. Толстой, напримѣръ, сомнѣваясь въ силахъ личности, требуетъ отъ нея, все-таки, силы и высокаго нравственнаго совершенства. Отрицая безсильную интеллигенцію, онъ хочетъ опираться на еще болѣе безсильную массу; требуя сознательной любви къ ближнему, онъ допускаетъ фатализмъ. Но, отрицая русскую цивилизацію, онъ не говоритъ, что собственно въ ней отрицаетъ, какія формы жизни, какія отношенія. Вы понимаете только ясно выраженное желаніе, чтобы міръ двинула впередъ усовершенствованная личность, но не находите никакого указанія: какими средствами общество можетъ создать подобныхъ совершенныхъ людей и какимъ путемъ совершенные люди создадутъ совершенныя общественныя формы. Область общественныхъ отношеній графъ Л. Толстой вообще обходитъ. И проповѣдники «энергической личности» ограничиваются лишь моральною проповѣдью, заявленіемъ своего неудовольствія на людей двухъ-аршиннаго роста и хотятъ, чтобы всѣ были, по меньшей мѣрѣ, четырехъ аршинъ. Къ этой же группѣ примыкаютъ и тѣ, которые обвиняютъ интеллигенцію въ неспособности ходить на собственныхъ ногахъ и постоянно ополчаются противъ интеллигентнаго пролетарія. Недовольство графа Л. Толстаго и его сторонниковъ лежитъ какъ бы внѣ времени и мѣста, нѣдрится въ томъ общемъ моральномъ чувствѣ, которому не удовлетворила интеллигенція, не обнаружившая достаточной любви къ ближнему. Другіе недовольные, не особенно, повидимому, заботятся о любви къ ближнему и о ней въ своихъ порицаніяхъ не упоминаютъ. Они ближе къ времени и мѣсту, но тоже стоятъ на точкѣ личной морали и приписываютъ всѣ неустройства, какъ вообще, такъ и въ средѣ самой интеллигенціи, моральной несостоятельности интеллигентной личности. Эти недовольные думаютъ тоже, что только личность можетъ создать порядокъ и благоустройство въ жизни.

Кромѣ этихъ прогрессивныхъ обвинителей, которые недовольны интеллигенціей потому, что желали бы, чтобъ она была еще лучше, есть и обвинители, которые отрицаютъ въ интеллигенціи ея прошлое, которое въ первомъ ея умственномъ пробужденіи, въ ея первомъ мышленіи видятъ корень всего русскаго зла, и себя возводятъ въ олицетворенную поправку прошлыхъ ошибокъ мысли увлекавшейся неразумной молодости. Не въ томъ бѣда,

что такіе люди у насъ есть, —мало ли какіе люди бываютъ на свѣтѣ? — но въ томъ бѣда, что эти люди забрались въ литературу и имѣютъ въ провинціи и столицѣ свои газеты, которыми и сѣютъ умственную смуту. Въ одномъ изъ подобныхъ провинціальныхъ органовъ, по поводу смерти нѣсколькихъ лицъ изъ мѣстнаго интеллигентнаго кружка, явилось, напримѣръ, такое общее разсужденіе: «Физіологи и моралисты могутъ смотрѣть на упраздненіе кого-либо изъ міра живыхъ, или вообще на смерть, какъ на заурядный актъ видоизмѣненія формъ. Когда-то читали мы убѣдительныя разсужденія о физическихъ и химическихъ законахъ разложенія и преобразованія тканей, о той пользѣ, которую приноситъ пользу мертвый, уступая мѣсто новой жизни, я даже знаю лично прекрасную семнадцатилѣтнюю юницу, такъ сильно увлеченную описаніями смерти, что она искренно желала умереть, дабы оказать услугу родной землѣ, и, можетъ быть, умерла бы, если бы не подвернулся кстати храбрый и мѣстный Марсъ, увидѣвъ котораго дѣвица согласилась временно отложить злосчастное намѣреніе удобрить собою кусочекъ родной почвы... Да, была въ русской жизни такая полоса, когда всѣ мы, теперь уже старики, готовы были смѣяться надъ исторической святыней, наслѣдственнымъ преданіемъ, дѣдовскимъ именемъ и даже народнымъ божественнымъ догматомъ, когда развѣнчать Пушкина до степени пустаго балагура, а Лермонтова объявить забулдыгой и порнографомъ считалось смѣлостью мысли. Слава Богу, эта «смѣлая» эпоха, когда вся грамотная Русь пошла было въ разбродъ, далеко позади насъ, это взбаломученное море улеглось, и мы, уцѣлѣвшіе остатки того времени, вспоминаемъ прошлое съ нѣкоторымъ укоромъ взрослой совѣсти...»

Когда вы имѣете дѣло съ людьми правдивыми, добрыми, искренними, а, главное, понимающими чего они хотятъ и что они говорятъ; какъ тѣ порицатели интеллигенціи, о которыхъ я говорилъ, и если вы сами искренни и стремитесь къ одной окончательной съ ними цѣли, то даже и взаимныя недоразумѣнія совершенно ясны и понятны. Одни идутъ правѣе, другіе лѣвѣе, третьи дѣлаютъ кругъ, четвертымъ кажется, что ихъ дорога самая прямая, но всѣ вмѣстѣ они идутъ, все-таки, впередъ, знаютъ куда идутъ и потому понимаютъ другъ друга. Но вотъ съ вами заговорилъ психопатъ, въ головѣ котораго помѣшано палкой; тутъ ужь взаимное пониманіе и разговоръ становятся невозможными, ни онъ васъ ни въ чемъ не убѣдитъ, ни вы его, и останется разойтись въ разныя стороны. На психопатическое сужденіе нельзя дѣйствовать разсудочными средствами, оно даже и не сужденіе, а просто извѣстное психическое состояніе, противъ котораго дѣйствуетъ только время, т.-е. когда подъ вліяніемъ болѣе благопріятныхъ общественныхъ теченій возможность такого состоянія или совсѣмъ исчезнетъ, или очень ослабѣетъ. Какая логика или какіе разсудочные доводы возможны, напримѣръ, съ авторомъ, котораго я привелъ? Онъ не признаетъ разницы между физіологами и моралистами, увѣряетъ, что чьи-то разсужденія о физическихъ и химическихъ законахъ преобразованія тканей оказывались до того неотразимо убѣдительными, что одна барышня (а, можетъ быть, и не одна, потому что объ убѣдительности разсужденій авторъ говоритъ во множественномъ числѣ) захотѣла умереть, чтобъ «удобрить собою кусочекъ родной почвы»; еще будто бы «*всѣ мы*, теперь уже старики», смѣялись и надъ исторіей, и надъ преданіями, и надъ народнымъ божественнымъ догматомъ, и когда вся грамотная Русь пошла въ разбродъ. Къ счастью, однако, теперь это взбаломученное море уже улеглось и «*мы*, уцѣлѣвшіе остатки того времени, вспоминаемъ это прошлое съ нѣкоторымъ укоромъ взрослой совѣсти». Разъяснять автору, что все это его фантазіи, совершенно безполезно, просить отъ него объясненій, кто эти «мы всѣ, вспоминающіе свое прошлое съ укоромъ взрослой совѣсти»—безполезно тоже. Въ разсужденіяхъ автора важны совсѣмъ не его мысли, а его побужденія и его ссылки на «взрослую совѣсть». Побужденія его несомнѣнно не добрыя; для васъ ясно, что это—врагъ, и злой врагъ; что же касается «взрослой совѣсти», то на ней стоитъ остановиться.

Есть особенный сортъ умственныхъ способностей—механическихъ или подражательныхъ. Дѣти съ такими способностями бываютъ обыкновенно понятливыя, усвоиваютъ быстро и легко, отличаются хорошею памятью и нерѣдко слывутъ за даровитыхъ. Но думать они, все-таки, не умѣютъ и въ нихъ нѣтъ умственной самостоятельности. Въ школахъ они учатся хорошо, получаютъ хорошіе баллы, но образуютъ заурядную середину, ничѣмъ особеннымъ не выдающуюся. Въ товариществѣ они отличаются эгоизмомъ, самолюбивы, къ товарищамъ менѣе способнымъ относятся съ оттѣнкомъ высокомѣрія и вообще склонны считать себя выше другихъ. Выростая въ извѣстной умственной атмосферѣ семьи и школы, они усвоиваютъ ея понятія тоже механически, въ нихъ не вдумываются и обыкновенно на вопросъ: «почему» — отвѣта дать не могутъ. И вотъ въ жизни подобнаго юноши являются обстоятельства, когда внезапно его окружаютъ мнѣнія, знанія, идеи совершенно новыя, никогда имъ не слыханныя, поражающія его своею новизной. При склонности къ новому и перемѣнамъ, юноша или молодой человѣкъ набрасывается на новыя для него понятія, легко ихъ усвоиваетъ, но также чисто механически и внѣшнимъ образомъ. Ни одного изъ этихъ мнѣній или понятій онъ не провѣряетъ и не сопоставляетъ съ другими понятіями, да на эту работу онъ и не способенъ, и, въ то же время, онъ можетъ много разсуждать и много говорить, но тоже чисто-механически. Если въ жизни такого человѣка встрѣтятся обстоятельства, которыя подѣйствуютъ на его чувство страха, то опасное мышленіе, бывшее тому причиной, такъ же легко сбрасывается, какъ было и принято, и человѣкъ возвращается къ своимъ первымъ пенатамъ. Онъ точно такъ же могъ бы разстаться и съ пенатами, если бы они привели къ страхамъ.

Чувство страха, и вообще-то одно изъ самыхъ могущественныхъ чувствъ, потому что оно коренится въ инстинктѣ самосохраненія (тоже самомъ сильномъ инстинктѣ), у этихъ натуръ является главнымъ, основнымъ чувствомъ. Въ минуты увлеченія они могутъ и забыть страхъ, но вообще инстинктъ самосохраненія совершенно безсознательно владѣетъ всѣмъ ихъ мышленіемъ и всѣми поступками и сообщаетъ имъ личное, своекорыстное направленіе. Уже въ дѣтскихъ играхъ у этихъ натуръ наблюдается эта руководящая ихъ особенность. Они бываютъ рѣдко сильными физически и потому должны уступить тѣмъ, кто ихъ сильнѣе и быстрѣе. Когда болѣе сильный, искренній и прямой ребенокъ ломитъ прямо, на чистоту, они ищутъ обходныхъ средствъ и обыкновенно выигрываютъ лукавствомъ, чѣмъ и возбуждаютъ споры и пререканія, а нерѣдко разстраиваютъ и совсѣмъ игры. Своекорыстіе, личный разсчетъ и очень рѣдкія минуты, когда они забываютъ о своемъ я, вотъ главная черта этихъ характеровъ. Нужно думать, что эта особенность происходитъ отъ ихъ физической слабости. Въ то время, какъ у сильныхъ людей, за удовлетвореніемъ заботы о себѣ, остается еще довольно и физической, и нравственной силы для другихъ, у этихъ вся ихъ небольшая сила уходитъ на себя, а на другихъ у нихъ ужь ничего не остается. Поэтому-то они и рѣдко поступаются своимъ для другого. При подобныхъ органическихъ условіяхъ и ихъ мышленіе принимаетъ преимущественно личный, а не идейный характеръ, и для того, чтобы думать въ общемъ направленіи, у нихъ тоже не остается чѣмъ, потому что все истратилось для себя.

Часто объ этихъ натурахъ говорятъ, что онѣ измѣнили своимъ убѣжденіямъ, что онѣ раскаялись, да онѣ и сами готовы признать въ себѣ не одну, а двѣ или три совѣсти. Но объ измѣнѣ убѣжденіямъ можно говорить тогда, когда было убѣжденіе; что же касается раскаянія, то въ идеяхъ и знаніяхъ раскаяваться нельзя. Едва ли кто-нибудь упрекнетъ Бисмарка въ измѣнѣ убѣжденіямъ потому, что сегодня онъ воюетъ съ папой, а завтра съ нимъ дружитъ, сегодня ухаживаетъ за Лассалемъ, а назавтра издаетъ законъ противъ соціалистовъ, сегодня приглашаетъ націоналъ-либераловъ на обѣдъ, а завтра перестаетъ имъ кланяться. Бисмаркъ всегда знаетъ свою дорогу и никогда не теряетъ своей ниточки. И папа, и Лассаль, и націоналъ-либералы, — все это для Бисмарка механическія средства, чтобы провести свои общія идеи. У тѣхъ же натуръ, о которыхъ я говорю, свершается подобный же процессъ въ обратную сторону. Для Бисмарка цѣлью служатъ идеи, а папа, Лассаль и націоналъ-либералы — средства; у нихъ же идеи служатъ средствами для тѣхъ цѣлей, которыя ими двигаютъ. Бисмаркъ можетъ промѣнять Лассаля на папу, Австрію на Италію, а эти натуры могутъ промѣнять свои знанія и понятія, если они не оказываютъ имъ никакихъ личныхъ услугъ, на всякія другія знанія и понятія, которыя услуги имъ окажутъ: химія и физіологія могутъ уступить свое мѣсто этикѣ, этика — соціологіи, а соціологія — полицейскому праву. Но этимъ не нарушится ихъ цѣльность и послѣдовательность, и натуры эти останутся все тѣми же натурами отъ колыбели до могилы. Это несомнѣнно цѣльныя и нераскаянныя натуры, упорно и безсознательно-инстинктивно направленныя въ одну сторону, которыя сегодня могутъ смѣяться надъ своею молодостью, а завтра надъ своею старостью, — которыя, не дорожа своими идеями, не дорожатъ ими и въ другихъ,—для которыхъ не существуетъ ни своей, ни чужой совѣсти, да, пожалуй, и ничего священнаго и вообще-то въ жизни, что, однако, не мѣшаетъ имъ надѣвать на себя тогу ярыхъ защитниковъ и основъ, и священныхъ преданій, до которыхъ имъ въ дѣйствительности очень мало дѣла. Условія европейской жизни подобнымъ натурамъ благопріятствуютъ менѣе, но онѣ есть вездѣ и, при извѣстномъ направленіи внутренней политики, какъ нынче въ Германіи при бисмарковскомъ режимѣ, люди этихъ способностей и наклонностей поощряются и могутъ даже играть нѣкоторую роль. Удобство ихъ въ томъ, что въ политикѣ они являются представителями «національнаго» и «патріотическаго» направленія (какъ самаго смежнаго съ *я*) и Бисмаркъ находитъ въ нихъ весьма солидную поддержку своимъ планамъ. Въ Англіи и во Франціи люди этого патріотическаго направленія роли не играютъ.

Кажется, нигдѣ въ мірѣ интеллигенція не находится въ такихъ мало благопріятныхъ для ея развитія условіяхъ, какъ у насъ. Тогда какъ въ Европѣ она не только занимаетъ извѣстное мѣсто въ природѣ, но и сама составляетъ эту природу, у насъ она еще не выработала себѣ никакого опредѣленнаго положенія и вся пока въ будущемъ. Понятно, поэтому, что въ Европѣ и внутреннія отношенія къ интеллигенціи совсѣмъ не тѣ, какія у насъ. Политическая роль интеллигенціи въ Европѣ все ростетъ и ростетъ и интеллигенція начинаетъ занимать на Западѣ все болѣе и болѣе выдающееся и вліятельное положеніе. Сознаніе подобной роли интеллигенціи начинаетъ проникать уже и въ умъ Бисмарка; желѣзный канцлеръ, вообще не особенно склонный къ уступкамъ, признаетъ въ интеллигенціи тотъ высшій и безошибочный умственный критерій, котораго не можетъ миновать правильная государственная политика. Въ Англіи вліяніе просвѣщенной интеллигенціи на ходъ внутреннихъ дѣлъ и внутреннія преобразованія въ интересахъ справедливости и блага населенія обнаруживается уже давно. Никогда еще вліяніе англійской интеллигенція въ благородной роли, которую она, съ Гладстономъ во главѣ, приняла на себя въ борьбѣ за права ирландскаго народа, не было такимъ сильнымъ и рѣшающимъ, какъ нынче. Во Франціи тактичность, сдержанность и благоразуміе интеллигенціи и полное ея единомысліе съ ея вполнѣ патріотическимъ и національнымъ правительствомъ обнаружились самымъ блестящимъ образомъ въ теперешнихъ запутанныхъ европейскихъ дѣлахъ,

равновѣсіе которыхъ изъ всѣхъ силъ нарушалъ Бисмаркъ. Требовалась громадная выдержка и большая умственная и политическая зрѣлость, чтобы въ республикѣ, и у народа, такъ легко воспламеняющагося, не нарушалось умственное равновѣсіе и страсти не взяли бы перевѣса. Тактичность и умѣлость, съ которыми Франція оберегала свои республиканскія учрежденія, при общемъ несочувствіи имъ Европы, и ея теперешнее поведеніе показываютъ, на какомъ высокомъ умственномъ уровнѣ стоитъ ея интеллигенція и какая будущая роль предстоитъ интеллигенціи и повсюду. Но то, что понадобилось для Франціи, сто лѣтъ уже живущей при свободныхъ учрежденіяхъ, едва ли возможно тамъ, гдѣ сепаративные интересы раздѣляютъ еще народъ на группы, гдѣ, какъ, напр., въ Германіи, еще сильна сословность и родовой аристократизмъ съ его феодальными стремленіями. Этимъ странамъ нужно еще пережить борьбу партій и выработать руководящее умственное единство въ одинаковомъ пониманіи справедливости народныхъ стремленій къ болѣе уравнительному соціальному строю. Въ такомъ положеніи и находится теперь Германія, въ которой, подъ шумливою возбужденностью, искусственно отвлекающею ея вниманіе къ внѣшней политикѣ и искусственно возбуждаемомъ раздраженіи противъ Франціи, копится и зрѣетъ новое соціальное сознаніе, готовящееся предъявить свои требованія при первой къ тому возможности. И когда это случится, Германія явится страной партій, — страной, по всей вѣроятности, очень ожесточенной борьбы разныхъ группъ ея интеллигенціи. Но, несмотря на то, что интеллигенція Германіи не выработала еще себѣ такого зрѣлаго и согласнаго единства, какъ во Франціи и въ Англіи, тѣмъ не менѣе, общее сознаніе видитъ въ интеллигенціи единственную силу, въ умственномъ ростѣ и въ значеніи которой только и лежитъ успѣхъ общаго народнаго процвѣтанія и источникъ справедливыхъ внутреннихъ отношеній. Въ Германіи, поэтому и, вѣроятно, вслѣдствіе ея особеннаго умственнаго склада, утвердилось уже глубокое, почти инстинктивное уваженіе къ наукѣ и образованію; Германія гордится успѣхами просвѣщенія, гордится своимъ умственнымъ представительствомъ, своими школами, университетами и своею интеллигенціей. Даже самое дѣленіе интеллигенціи на партіи радуетъ нѣмцевъ, потому что въ этихъ партіяхъ они видятъ готовыхъ бойцовъ, умственною борьбою которыхъ разрѣшатся соціальныя недоразумѣнія и выработаются болѣе справедливые и уравнительные общественные порядки.

Положеніе русской интеллигенціи пока еще ни въ чемъ не напоминаетъ положенія интеллигенціи европейской. У нашей интеллигенціи прошедшее очень коротко, настоящее ея неопредѣленно и вся она пока въ будущемъ. Въ нашемъ общественномъ сознаніи не выработалось ничего подобнаго тому отношенію къ интеллигенціи, какое существуетъ въ Германіи. Даже сама интеллигенція не выяснила еще у насъ своего значенія, своего положенія, своего прогрессивнаго существа и своихъ задачъ во времени. Только поэтому у насъ и возможны фантастическія отрицанія интеллигенціи во всемъ ея цѣломъ и прошломъ, какъ это дѣлаетъ графъ Л. Толстой, и радикальныя попытки вставить въ нее какое-то новое нутро. Но, вѣдь, интеллигенція не есть чья-нибудь выдумка, она историческое явленіе и потому, конечно, только въ исторіи и слѣдуетъ искать отвѣта на вопросы, что это за сила. Впрочемъ, пускай читатель не пугается, я не начну съ Рюрика, а воспользуюсь для справки только «Нижегородскимъ лѣтописцемъ» г. Гацискаго. «Нижегородскій лѣтописецъ» сухъ и кратокъ; картина русской жизни, которую онъ даетъ, не отличается яркостью, блеска въ ней нѣтъ, а, напротивъ, все сѣро и однообразно и настолько бѣдно событіями, что иногда въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ и отмѣтить ему нечего. И такою была вся русская жизнь, вездѣ она слагалась одинаково: борьба князей, борьба съ татарами, постройка храмовъ, развитіе московской власти и стягиваніе частей къ московскому центру, — вотъ и все небогатое содержаніе нашей исторіи московскаго періода. Государственная жизнь того времени имѣетъ чисто-механическій характеръ, вы видите лишь физическій ростъ формирующагося большаго тѣла и ростъ этотъ свершается самъ собой, какъ свершается, напримѣръ, ростъ молодаго слона. Слонъ, вѣроятно, и не думаетъ, что онъ ростетъ, а ростетъ себѣ—и только. Такъ росла и Россія, пока въ лицѣ Петра Великаго не явилось наше первое интеллигентное государственное сознаніе. Петръ Великій есть первый русскій интеллигентъ, онъ наше первое пробужденіе идейности и критической силы. А вотъ какою была русская жизнь въ московскій періодъ, какъ повѣствуетъ «Нижегородкій лѣтописецъ».

Въ первой четверти XIII вѣка, между 1212 и 1222 годами, великій князь Юрій Всеволодовичъ основалъ на устьѣ Оки городъ, назвалъ его Нижнимъ Новгородомъ и построилъ въ немъ деревянную церковь во имя архангела Михаила. Основавъ городъ, онъ оттѣснилъ отъ него мордву, разоривъ селенія и зимницы мордовскія. Въ 1227 году онъ замѣнилъ деревянную церковь каменною. Потомъ онъ повелѣлъ русскимъ селиться по рѣкамъ Окѣ, Волгѣ и Кудьмѣ, гдѣ кому вздумается. Въ 1252 году великій князь суздальскій, нижегородскій и городецкій, Константинъ Юрьевичъ (сынъ Юрія Всеволодовича), построилъ внутри Нижняго-Новгорода каменную соборную церковь Преображенія Господня, въ которую перенесъ изъ Суздаля нерукотворенную икону Спасителя. Въ 1303 году къ Нижнему подошли неожиданно мордовскія полчища, противъ которыхъ великій князь Дмитрій Константиновичъ послалъ брата своего Бориса Константиновича съ сильною ратью. Въ то же время, и великій князь московскій Дмитрій Ивановичъ прислалъ на помощь воеводу своего Ѳеодора Андреевича Свиблова съ сильною московскою ратью. Соединившись, оба войска бросились на мордовскія земли, опустошили ихъ, побили мордву жестоко, разорили мордовскія жилища, забрали многихъ,

съ женами и дѣтьми, въ плѣнъ и, приведя плѣнныхъ въ городъ, предали ихъ различнымъ казнямъ: волочили по льду и собаками травили. Въ 1377 году подошелъ къ Нижнему-Новгороду царевичъ Арапша изъ Орды, но, узнавъ, что князь московскій подалъ помощь, вернулся во-свояси. Тогда московскій князь вернулся въ Москву, оставивъ часть своего войска, а князь Дмитрій Константиновичъ послалъ изъ Нижняго дѣтей своихъ, князей Ивана и Семена Дмитріевичей, преслѣдовать царевича Арапшу. Дойдя до рѣки Пьяны, они здѣсь остановились и, забывъ всякую осторожность, сложили боевое оружіе на телѣги и начали забавляться охотой на звѣря и птицу. Мордва это подсмотрѣла и повѣстила татаръ. Вскорѣ подошелъ врагъ и, раздѣлившись на нѣсколько полковъ, обложилъ русскій станъ и ударилъ на него и началось побоище. Нижегородскіе князья, не успѣвши вооружиться, побѣжали къ рѣкѣ Пьянѣ, татары же преслѣдовали ихъ съ тылу, причемъ убили князя Семена и съ нимъ множество бояръ, а князь Иванъ Дмитріевичъ въ торопяхъ бросился на конѣ въ рѣку Пьяну и утонулъ. Вообще побито было много и бояръ, и войска русскаго. Несчастіе это, — говоритъ лѣтописецъ, — случилось по волѣ Божіей 2 августа. Затѣмъ татары бросились къ Нижнему-Новгороду. Великій князь Дмитрій Константиновичъ, не имѣя возможности противустоять имъ, бѣжалъ въ Суздаль, а нижегородскіе жители въ слѣдъ за нимъ тоже разбѣжались. Въ 1354 году великій князь Андрей Константиновичъ отправился въ Орду къ царю Бердибеку и получилъ отъ него ярлыкъ на Суздаль, Нижній-Новгородъ и Городецъ. Въ 1359 году великій князь Андрей Константиновичъ перестроилъ близъ палатъ своихъ, въ каменную, церковь архангела Михаила. Въ 1368 году появился за рѣкой Кудьмой царевичъ Арапша, пожегъ селенія, пограбилъ множество христіанъ, многихъ умертвилъ и въ плѣнъ отвелъ. Тогда князь Борисъ Константиновичъ погнался за нимъ изъ Нижняго съ небольшою ратью, настигъ его у рѣки Пьяны и Божіею помощью разбилъ. Въ 1370 году митрополитъ Алексѣй, возвращаясь изъ Орды, построилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ каменную церковь во имя Благовѣщенія. Въ 1371 году старшій братъ великаго князя Бориса Константиновича, Дмитрій Константиновичъ, явился подъ Нижнимъ съ матерью своею великою княгинею Еленою и съ митрополитомъ Алексѣемъ, но Борисъ Константиновичъ не покорился. Тогда прибылъ въ Нижній-Новгородъ отъ великаго князя московскаго Дмитрія Ивановича игуменъ Сергій съ требованіемъ, чтобы Борисъ Константиновичъ явился въ Москву, но онъ на это отвѣтилъ отказомъ. Игуменъ Сергій, по повелѣнію митрополита, затворилъ въ Нижнемъ всѣ церкви, а князь Дмитрій Константиновичъ началъ войну противъ брата своего Бориса Константиновича. Въ томъ же 1371 году княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ построена была въ Нижнемъ-Новгородѣ на Почайнѣ каменная церковь во имя Св. Николая Чудотворца. Въ 1372 году въ Нижнемъ-Новгородѣ у соборной церкви Преображенія Господня большой колоколъ самъ прозвонилъ три раза. Въ 1374 году великій князь Дмитрій Константиновичъ повелѣлъ строить въ Нижнемъ-Новгородѣ каменную стѣну. Въ томъ же году въ Нижнемъ-Новгородѣ были убиты мамаевы послы, съ которыми было 1,000 татаръ, татарскаго воеводу и всю его дружину схватили и бросили въ тюрьму, гдѣ продержали цѣлый годъ. Въ 1378 году пришли къ Нижнему-Новгороду татары; князя тогда въ городѣ не случилось; жители же, покинувъ городъ, побѣжали за Волгу. Князь Дмитрій Константиновичъ послалъ къ татарамъ и велѣлъ дать имъ окупъ за городъ; окупъ они взяли и, несмотря на то, сожгли городъ и, уйдя изъ него, опустошили весь уѣздъ. Въ 1384 г. скончался Дмитрій Константиновичъ. Въ 1393 г. подошелъ къ Нижнему-Новгороду князь Семенъ Дмитріевичъ, въ рати котораго былъ татарскій царевичъ Ейтякъ съ тысячью татаръ. Жители заперлись въ городѣ и бились съ татарами три дня, побили татаръ и, заключивши съ ними миръ, цѣловали крестъ на томъ; татары же дали по своей вѣрѣ клятву, но, нарушивъ ее, снова напали на городъ и перебили множество нижегородцевъ. Въ 1422 году былъ голодъ по всей русской землѣ. Люди питались травой, тиной, гнилушками и даже мертвечиной. Многіе погибли голодною смертью. Въ 1509 году царь, государь и великій князь Василій Ивановичъ прислалъ въ Нижній-Новгородъ Петра Фрязина для работъ по постройкѣ городской каменной стѣны. Въ томъ же году былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ писецъ Григорій Заболотскій, который описывалъ городъ и уѣздъ, межевалъ землю и ставилъ границы. Въ 1513 году, 1 августа, былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ пожаръ, отъ котораго сгорѣла городская дубовая стѣна...

И въ такомъ сухомъ видѣ простаго указанія фактовъ ведется вся лѣтопись. Даже такое событіе, какъ участіе Нижняго-Новгорода въ освобожденіи Москвы, лѣтописецъ отмѣчаетъ какъ простой заурядный фактъ, несомнѣнно не отличавшійся для него ничѣмъ отъ пожара городской стѣны или нашествія татарскаго царевича Ейтяка. «Въ 1612 г., — пишетъ лѣтописецъ, — прибылъ въ Нижній-Новгородъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; нижегородскіе же жители всякихъ чиновъ выбрали нижегородскаго посадскаго человѣка Кузьму Минина въ помощь къ князю Дмитрію Михайловичу. Оба они собрали въ Нижнемъ-Новгородѣ много войска изъ посадскихъ людей и установили на ихъ содержаніе сборъ пятой деньги. Устроивши войско, они пошли изъ Нижняго въ Москву, для очищенія московскаго». И въ самомъ дѣлѣ, при общемъ стихійномъ характерѣ тогдашней русской жизни, что въ этомъ фактѣ такого, что отличало бы его отъ междоусобицъ князей, отъ голода, являвшагося то тамъ, то здѣсь, отъ нашествія Литвы и т. д.? Все это считалось обыкновенно Божьимъ попущеніемъ и дальнѣйшихъ размышленій никакихъ не вызывало. И освобожденіе Москвы свершилось тѣмъ же стихійнымъ порядкомъ, какимъ свершалась борьба съ татарами

и шелъ весь укладъ русской жизни. Нужно было прожить Россіи еще двѣсти лѣтъ и народиться интеллигенціи, чтобы могло, наконецъ, явиться (да и то послѣ долгихъ и многихъ изслѣдованій) объясненіе этому факту, сдѣланное Забѣлинымъ (беру послѣдующее извлеченіе тоже отъ г. Гацискаго). «Въ общихъ чертахъ,—говоритъ г. Забѣлинъ,—смута представляетъ явленіе весьма своеобычное. Это не революція, не перестановка старыхъ порядковъ по-новому,—это только глубокое потрясеніе, великое «шатаніе» государства... Банкротомъ оказался не народъ, а само правительство... Смута началась, прежде всего во дворцѣ. Когда государь-хозяинъ померъ, не оставивъ прямаго наслѣдника, то слуги — *холопи* (служилые люди) бросились къ его сундукамъ. *Богомольцы* (духовенство) въ страхѣ и ужасѣ молили Бога о помощи. *Сирота-народъ* долго стоялъ передъ домомъ покойника и все видѣлъ и все слышалъ, что тамъ творилось, и прямо называлъ все это дѣло *воровствомъ*, а всѣхъ заводчиковъ смуты — *ворами*. Онъ было сначала и самъ смѣшался съ холопскою толпой (Болотниковы, Трубецкіе, Заруцкіе), но скоро понялъ, что все это было холопское дѣло, что ему здѣсь, кромѣ своихъ боковъ, отстаивать и защищать нечего. Онъ и кликнулъ свой знаменитый кличъ въ лицѣ своего старосты Кузьмы, что если помогать отечеству, такъ не пожалѣть ни жизни и ничего, и пошелъ... не *переставлять*, а *уставлять* по-старому, уставлять покой и тишину и соединеніе государству, какъ было доселѣ, какъ было при прежнихъ государяхъ. Нижегородскій подвигъ въ нашей исторіи дѣло великое,—говоритъ г. Забѣлинъ,—величайшее изъ всѣхъ нашихъ историческихъ дѣлъ, потому что оно въ полномъ смыслѣ дѣло народное, созданное исключительно руками и жертвами самого сироты-народа, у котораго всѣ другія сословія явились на этотъ разъ только помогателями».

Эту нравственную оцѣнку подвига народа сдѣлало уже потомъ наше интеллигентное сознаніе, сирота же народъ, кинувшись помогать Москвѣ, и тогда (какъ поступилъ бы еще и нынче) дѣйствовалъ инстинктивно, подъ воздѣйствіемъ непосредственнаго чувства, что нужно спасать своихъ. Ни они и ни кто другой и не задавались вопросомъ, отчего вся бѣда, кого приходится спасать и что слѣдуетъ уставлять. Въ этихъ, правда, вопросахъ въ самый моментъ спасанія и надобности не представлялось, да и потомъ эти вопросы никому не являлись. Потребовался Петръ Великій, т.-е. интеллигентная сила, чтобы понять и сознать, что формы прежней русской государственной жизни, разъ приведшіе къ смутѣ, не могутъ оставаться въ прежнемъ видѣ. И Петръ, изучивъ европейскія государственныя формы, создалъ военно-полицейское государство, опирающееся на бюрократію, государство настолько сильное, что голосъ его рѣшалъ даже судьбы Европы. Но вотъ проходитъ опять двѣсти лѣтъ и подъ крѣпкими внѣшними формами обнаруживается новое «шатанье». Послѣ Ивана Грознаго обнаружилась несостоятельность государственная, теперь наступилъ кризисъ внутренній. Исключительно государственныхъ средствъ для новой интеллигентной работы оказалось недостаточно и государство обратилось къ интеллигентнымъ средствамъ всей страны. И познанія нашей молодой, едва возникшей интеллигенціи, и ея пониманіе условій и требованій русской жизни оказались вполнѣ на уровнѣ той великой исторической задачи, для разрѣшенія которой она была призвана. Затѣмъ, когда освобожденіе и послѣдовавшія за нимъ главныя реформы были закончены, дальнѣйшее участіе интеллигенціи уже не оказывалось нужнымъ и она опять отодвинулась на второй планъ. Но скоро стало обнаруживаться, что исключительно бюрократическія средства и познанія канцелярій недостаточны, чтобы овладѣть всѣмъ многообразіемъ внутреннихъ отношеній, необыкновенно быстро развившихся изъ новыхъ условій свободнаго труда.

Что же значитъ это многообразіе отношеній развивающейся жизни? Означаетъ это собственно трудность ихъ овладѣнія, неизвѣстную ни одному изъ европейскихъ государствъ. Во Франціи, напримѣръ, и Югъ, и Сѣверъ, и Западъ, и Востокъ представляютъ и въ экономической, и въ народной жизни самое незначительное различіе. А попробуйте подвести у насъ Сѣверъ, Югъ, Востокъ и Западъ подъ одно единство! Южный берегъ Крыма — страна табаку и виноградарства, принадлежащая русскимъ магнатамъ, живущимъ въ роскошныхъ виллахъ; но вотъ вы переступаете Крымскія горы и передъ вами разстилается, подъ палящимъ солнцемъ, необозримая степь, занимающая весь югъ Россіи и сѣверъ Кавказа; не встрѣтите вы въ этой степи ни магнатовъ, ни виллъ, а пасутся въ ней повсюду многомилліонныя стада, принадлежащія особой породѣ промышленныхъ тузовъ, бывшихъ еще недавно мужиками-тавричанами. На Кавказѣ картина опять рѣзко мѣняется: это—страна шелководства, винодѣлія, нефтяныхъ и горныхъ богатствъ, страна воинственныхъ нравовъ и полудикихъ инстинктовъ, на половину магометанская, на половину христіанская. Въ Закаспійскомъ краѣ вы уже и совсѣмъ въ пустыняхъ Азіи, среди дикаго населенія, живущаго по оазисамъ: это - страна хлопка. Еще дальше—Туркестанъ, съ его прославленными «ташкентцами», съ его смѣшанными обычаями, нравами и порядками и съ возникающею русскою промышленностью и гражданственностью. А тамъ идутъ уже сибирскія области, Амурскій край, Забайкалье, въ которомъ китайцы уже грозятъ русскимъ своею промышленною конкуренціей: это край золотопромышленности и руднаго дѣла, край желѣзныхъ заводовъ, край своеобразныхъ «сибирскихъ» порядковъ, край, только теперь перестающій быть ссыльнымъ и едва вступающій на путь гражданскаго устроенія. Къ границамъ Сибири примыкаетъ опять своеобразная мѣстность - лѣсистая полоса изъ губерній Архангельской, Вологодской, Пермской и Олонецкой; въ этнографическомъ, въ промышленномъ, въ торговомъ и даже въ бытовомъ отношеніи

это опять новый міръ. Финляндія... но Финляндія живетъ сама по себѣ. Южнѣе Финляндіи, черезъ Финскій заливъ, идетъ Остзейскій край, край лютеранской культуры и нѣмецкихъ порядковъ. Затѣмъ идетъ Царство Польское, край Кіевскій, Малороссія, Бѣлоруссія, отличающіеся каждый и своею культурой, и своимъ хозяйственнымъ обиходомъ, и своеобразными особенностями, которыхъ никакъ нельзя подвести подъ одну мѣрку и выстричь подъ одну гребенку. Даже среднія, великорусскія губерніи представляютъ рѣзкія различія и почвенныя, и климатическія, и промышленныя; однѣ изъ нихъ земледѣльческія, другія фабричныя, съ энергическимъ промышленнымъ населеніемъ, которому приходится сильно бороться съ неблагопріятными экономическими условіями, въ которыхъ оно находится.

Какой министръ торговли, или промышленности, или сельскаго хозяйства, если бы эти министры даже и были бы у насъ, былъ бы въ состояніи вмѣстить въ себѣ все это многообразіе мелкихъ и крупныхъ различій и особенностей, изъ какихъ источниковъ въ немъ могло бы явиться знаніе всѣхъ отдѣльныхъ характерныхъ частностей, не исключительно хозяйственныхъ, но и бытовыхъ, съ которыми при управленіи тоже всегда приходится считаться? Ни одна канцелярія не имѣетъ у себя ни библіотеки, ни архива, въ которыхъ бы имѣлись подобныя свѣдѣнія. До освобожденія крестьянъ о подобныхъ свѣдѣніяхъ особенно не думали и ихъ для нашего времени не скопили. Послѣ же освобожденія эту работу взяли на себя тоже не канцеляріи. Теперь изслѣдовательницей народной жизни явилась интеллигенція, принявшаяся за это дѣло съ неудержимою энергіей, точно интеллигенцію томилъ какой-то духовный голодъ, который она спѣшила удовлетворить. И вотъ началось это удовлетвореніе и вездѣ появились изслѣдователи, изслѣдователи обыкновенно мѣстные, провинціальные. Изученіе выразилось не въ одной земской статистикѣ, а и въ массѣ отдѣльныхъ изслѣдованій, въ массѣ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, въ теченіе 25—30 лѣтъ помѣщавшихся въ провинціальныхъ и столичныхъ газетахъ, въ толстыхъ журналахъ и въ періодическихъ спеціальныхъ изданіяхъ. Этимъ богатымъ сокровищемъ знаній, касающихся самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, владѣетъ наша преимущественно провинціальная интеллигенція, являющаяся почти единственною ихъ хранительницей. Но богатыя умственныя силы и знанія нашей интеллигенціи пропадають у насъ безслѣдно, точно погребенныя подъ спудомъ.

Не знаю, вышла ли ясна моя общая мысль, что моральнымъ аршиномъ и спасеніемъ, которое должно изойти только отъ усовершенствованной личности, не разрѣшаются историческіе вопросы и народы не спасаются отъ общественныхъ кризисовъ. Въ 1612 году спасла Московское государство не усовершенствованная личность, и петровскія реформы создала не усовершенствованная личность, да, наконецъ, не усовершенствованная личность создала и освобожденіе. Если бы государственная жизнь зависѣла лишь отъ усовершенствованной личности, а не отъ идей и учрежденій, то мы и до сихъ поръ сидѣли бы въ московскомъ періодѣ.

XIX.

Одинъ нѣмецкій экономическій писатель, далеко не изъ крайнихъ, дѣлаетъ о своихъ нѣмецкихъ соотечественникахъ слѣдующее замѣчаніе, которое я и выписываю цѣликомъ въ видѣ вступленія къ настоящему очерку: «Какъ велико должно бы быть изумленіе гражданина, жившаго въ цвѣтущее время въ Греціи или Римѣ, если бы онъ ожилъ внезапно среди теперешней нашей европейской культуры! Какъ бы удивили и изумили его всѣ изобрѣтенія и условія общежитія, которыя придумалъ человѣческій умъ въ эти болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ! Но еще болѣе, чѣмъ паровыя фабрики, желѣзныя дороги и нарѣзныя орудія, изумило бы его, конечно, глубокое невѣжество, въ которомъ находится нынче большая часть гражданъ относительно важнѣйшихъ учрежденій своего государства, и ему показалось бы совершенно непостижимымъ, какъ мало бо̀льшая часть людей заботится именно о томъ, что онъ привыкъ считать важнѣйшимъ интересомъ человѣчества». Если бы тотъ же самый гражданинъ древняго Рима зашелъ изъ Европы къ намъ, то нужно думать, что не съ изумленіемъ, а съ глубокимъ соболѣзнованіемъ взглянулъ бы онъ на стомилліонную страну, живущую въ полнѣйшемъ невѣдѣніи своихъ учрежденій. И не равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ поразило бы больше всего римлянина (изъ этого равнодушія мы никогда и не выходили), ему было бы совсѣмъ не понятно, какимъ образомъ стомилліонная страна можетъ жить исключительно инстинктами, изо дня въ день, не обнаруживая никакихъ высшихъ руководящихъ ею общественныхъ идей и не имѣя никакихъ идейныхъ традицій. Державный римлянинъ съ живымъ интересомъ наблюдалъ бы это громадное тѣло, жизнью котораго какъ вверху, такъ и внизу руководитъ какая-то инстинктивная случайность, что-то такое, чего нельзя опредѣлить и предусмотрѣть заранѣе, и что, въ то же время, съ неудержимою силой даетъ этой жизни извѣстное и вполнѣ опредѣленное направленіе. Не изъ наблюденій ли надъ русскою судьбой графъ Л. Толстой и извлекъ свою фаталистическую философію о полномъ историческомъ ничтожествѣ кажущихся могучихъ единицъ, будь этими единицами не только Бисмаркъ, но даже и

Наполеонъ I? Въ нашей инстинктивной жизни мы отдаемся только факту и всегда пассивно. Но мы никогда съ исторической проницательностью не можемъ предусмотрѣть завтрашняго дня и живемъ изъ минуты въ минуту, почесывая то мѣсто, гдѣ внезапно зачесалось, закрывая то мѣсто, гдѣ неожиданно почувствовался холодъ. Вотъ уже почти два вѣка, со времени Петра Великаго, мы живемъ этою случайною жизнью, точно маятникъ, качаясь между противуположными инстинктами, уничтожая сегодня то, что было сдѣлано вчера, и вновь созидая завтра то, что было уничтожено сегодня. Мы живемъ поколѣніями и каждое поколѣніе, считая себя господиномъ своего времени, поступаетъ какъ истинный хозяинъ, не справляясь съ тѣмъ, что думали отцы, и не желая знать, что будутъ думать дѣти. Поколѣніе знаетъ лишь себя и хочетъ жить только для себя. Даже петровскую работу старалось уничтожить поколѣніе, смѣнившее Петра. Можно подумать, что законъ русской жизни въ томъ только и заключается, чтобы дѣти противорѣчили отцамъ, а отцы дѣдамъ. У насъ дѣти еще ни разу не продолжали дѣла своихъ отцовъ и умственное наслѣдіе переходило лишь черезъ поколѣніе, т.-е. согласіе какъ въ движеніи впередъ, такъ и въ движеніи назадъ являлось только между внуками и дѣдами. Эта внучатная практика съ особенною ясностью наблюдается съ «золотаго вѣка» Екатерины.

Пока Европа, не зная машинъ, жила еще простымъ бытомъ и силы народовъ измѣрялись ихъ военнымъ могуществомъ, мы могли занимать среди европейскихъ государствъ не только видное, но даже выдающееся мѣсто. Русскій мечъ, пожалуй, и нынче имѣетъ на вѣсахъ Европы не малое значеніе. Но, вѣдь, не въ одномъ мечѣ сила! Чтобы не наскучить читателю историческими справками, я представлю ему самую коротенькую параллель. Франція, въ которой всего 35 м. жителей, т. е. втрое меньше, чѣмъ у насъ, была, казалось, до тла разорена нѣмцами въ войну 70-го года. Кромѣ милліардовъ, которые ей стоила эта война, со всѣми ея опустошеніями, Франція заплатила еще Германіи пять милліардовъ золотомъ. Но вотъ прошло пятнадцать лѣтъ, и разоренная Франція не только возстановила всѣ свои потери, но и стала еще богаче и сильнѣе, чѣмъ была. А мы отъ сравнительно ничтожной войны съ Турціей, которую и вели-то еще на чужой землѣ, не только до сихъ поръ не поправились, но единственно этой войнѣ (что, впрочемъ, несправедливо) приписываемъ всѣ наши теперешнія денежныя бѣды.

Въ чемъ же причина этой разницы силъ? Причина только въ томъ, что Европа со второй четверти нынѣшняго столѣтія росла умственно и экономически на всѣхъ парахъ, при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для свободнаго развитія личности. И у насъ, правда, съ шестидесятыхъ годовъ завелись желѣзныя дороги, телеграфы, машинное производство, явилось освобожденіе крестьянъ и гласный судъ, широкій торговый и промышленный кредитъ и даже либеральный таможенный тарифъ, и—насколько всего этого мы получили, настолько мы и ушли впередъ по пути умственнаго, экономическаго и гражданскаго преуспѣянія. Положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, есть, въ сущности, не мѣра нашего успѣха, а лишь мѣра возможностей для этого успѣха. Съ первыми благими начинаніями мы было быстро двинулись впередъ, но затѣмъ внутреннія обстоятельства стали мѣняться, а, наконецъ, и совсѣмъ измѣнились, и въ сей моментъ мы дошли до экономическаго положенія, которое экономическою наукой зовется неподвижнымъ состояніемъ. И вотъ, являясь на рынокъ всемірнаго труда и всемірной конкурренціи только съ однимъ этимъ сокровищемъ, какое мы можемъ занять другое мѣсто, кромѣ послѣдняго? Это именно и случилось, потому что мы не хотѣли идти впередъ такъ же скоро, какъ другіе, мы настолько же скоро отъ нихъ отставали.

Наглядныыъ и очевиднымъ выраженіемъ этой отсталости служитъ нашъ рубль. Оцѣнка, которую дѣлаютъ рублю другіе народы, есть собственно оцѣнка нашей поступательности, нашихъ гражданскихъ, умственныхъ и экономическихъ успѣховъ, нашихъ хозяйственныхъ и финансовыхъ способностей и умѣлости и того ручательства, которое мы можемъ представить за свое ближайшее лучшее будущее. Наше дѣло стоитъ до того просто и ясно, что двухъ взглядовъ на него быть не можетъ. За рубль намъ даютъ полтину, да, кромѣ того, насъ на половину почти вытѣснили съ европейскихъ рынковъ. Это внѣшняя сторона факта. Внутренняя же его сторона вовсе не въ недовѣріи къ естественнымъ нашимъ богатствамъ или къ трудолюбію мужика. И естественныя богатства наши все также неисчерпаемы, какъ они были, и мужикъ нашъ трудится попрежнему. Въ производительности мы ушли, пожалуй, и не мало впередъ. Въ послѣднія 25 лѣтъ стали разрабатываться у насъ новые источники богатствъ, которыхъ прежде и не подозрѣвали, напримѣръ, нефть, да и земледѣлецъ нашъ сталъ послѣ освобожденія много энергичнѣе и разнообразнѣе въ своемъ трудѣ. Что все это такъ, и что мы за это время стали производить всего больше, видно уже изъ однихъ цифръ нашего бюджета. Въ 1862 г. мы могли отдавать только 300 м., и больше этого взять со стороны было уже невозможно, а теперь получается 880 м., т.-е. почти втрое. И, несмотря на это тройное увеличеніе государственныхъ средствъ, дѣло встало такъ, что за тотъ же самый рубль, за который въ 1862 году давали 87 коп., теперь даютъ только 50 к. И тогда у насъ было серебра и золота не больше, чѣмъ теперь, но тогда мы возбуждали большую надежду и вѣру въ наши общественныя способности и въ способности къ хозяйственной организаціи, а теперь эта вѣра поколебалась даже и въ насъ самихъ. Расти—мы несомнѣнно растемъ, но напоминаемъ немножко слона въ клѣткѣ: и лечь-то ему на бокъ мало мѣста, и вытянуться некуда, и до корма, изъ своей клѣтки, онъ не можетъ дотянуть хобота.

Въ газетахъ писалось не мало о финансовыхъ проектахъ, поступившихъ въ министерство финан-

совъ. Сначала говорили, что представлено 600 проектовъ, потомъ заговорили о 800, потомъ о 900, а, наконецъ, и о цѣлой тысячѣ. Изъ всей этой тысячи только содержаніе двухъ сдѣлалось извѣстно публикѣ: проектъ г. Ярмонкина и проектъ извѣстнаго синолога Васильева. И г. Ярмонкинъ, и г. Васильевъ думаютъ, что богатство заключается въ бумажкахъ, и потому стоитъ только выпустить ихъ побольше, и слонъ сейчасъ же вытянется въ своей клѣткѣ во весь ростъ и сдѣлается сразу огромнымъ и очень богатымъ. Г. Васильевъ читалъ свой докладъ *(Ассигнаціи — деньги)* въ обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ и предсѣдатель общества, гр. Игнатьевъ, послѣ доклада «откровенно сознался, что, зная г. Васильева около тридцати лѣтъ, онъ не подозрѣвалъ въ немъ финансовыхъ способностей». Это была иронія, и несправедливая. Г. Васильевъ статью подъ тѣмъ же заглавіемъ напечаталъ еще въ 1877 г. въ «Гражданинѣ» и высказывалъ въ ней тѣ же мысли, которыя онъ высказывалъ въ докладѣ. О финансовыхъ вопросахъ г. Васильевъ думалъ давно, еще въ Китаѣ, и изобрѣтеніе ассигнацій онъ приписываетъ китайцамъ. Но хотя ассигнаціи изобрѣли и китайцы, но министра, настаивавшаго на ихъ введеніи, они, какъ, говоритъ г. Васильевъ, все-таки, убили. Впрочемъ, г. Васильевъ не оправдываетъ этой суровости китайцевъ къ ихъ собственному изобрѣтенію и думаетъ, что ассигнаціи заслуживаютъ такой же блестящей будущности, какъ книгопечатаніе, компасъ и порохъ, которые тоже были изобрѣтены китайцами. Нужно только, чтобъ это изобрѣтеніе было усовершенствовано, и этимъ-то усовершенствованіемъ и занялся г. Васильевъ. Г. Васильевъ не только великій патріотъ, но и великій самобытникъ, къ Западу и его наукѣ онъ питаетъ инстинктивную ненависть и думаетъ, что Россіи нужно жить съ тою же самостоятельностью, съ которою живетъ Китай: «Въ теченіе тысячи лѣтъ,— говоритъ г. Васильевъ,—мы перепробовали много порядковъ; намъ навязывали ихъ и норманы, и Византія, и татары такъ же, какъ теперь несемъ почти двѣсти лѣтъ иго европеизма, — не пора ли намъ зажить собственнымъ умомъ?» Такъ думалъ г. Васильевъ въ 1877 г. и такъ же онъ думаетъ въ 1887 году. Г. Ярмонкинъ тоже великій патріотъ и великій самобытникъ; не меньшіе патріоты и самобытники, конечно, и авторы остальныхъ 998 финансовыхъ проектовъ, не получившихъ, къ сожалѣнію, огласки.

Печать въ исключительномъ большинствѣ («Московскія Вѣдомости», конечно, на сторонѣ бумажекъ) отнеслась къ самобытнымъ проектамъ съ суровостью. Иначе ей и нельзя было поступить. Обойти проекты молчаніемъ было опасно. При нашей наклонности къ «самобытности» проекты могли бы найти благопріятную почву между чиновниками, купцами, батюшками, старшинами, волостными писарями, т. е. тѣми новыми читателями, въ среду которыхъ уже проникла газета, чтобы произвести вредную смуту въ ихъ скромныхъ умахъ и сообщить скромнымъ умамъ совершенно нежелательный полетъ. Большинство газетъ разбирало проекты по существу, т. е. доказывая ихъ финансовую несостоятельность; но были газеты, которыя желали проникнуть и въ глубину побужденій авторовъ. Напримѣръ, «Кіевлянинъ», указывая на манію финансовыхъ проектовъ, измышляемыхъ сотнями въ Петербургѣ и въ провинціи, и на бойкую биржевую игру бумагами при сильномъ паденіи и непрерывномъ колебаніи нашего рубля, говоритъ, что подобное явленіе свидѣтельствуетъ, что и дисциплина знаній, и дисциплина дѣловой морали шибко идутъ на убыль. «Финансовые и экономическіе вопросы находятся нынѣ въ такомъ положеніи, въ какомъ очутилась бы, напримѣръ, военная наука и ея практика, если бы внезапно стратегіи, тактикѣ, артиллерійскому, военно-строительному, минному и инымъ военнымъ искусствамъ и наукамъ была бы внезапно дана чистая отставка и каждый могъ бы объявить себя Наполеономъ, а всѣхъ оберъ-и штабъ-офицеровъ всѣхъ службъ, до генераловъ генеральнаго штаба включительно, невѣждами, доктринерами и рутинерами. Конечно, сразу объявились бы сотни Наполеоновъ, Мольтке, Кутузовыхъ, Скобелевыхъ, а военныхъ Америкъ было бы открыто въ теченіе мѣсяца не меньше, чѣмъ нынѣ финансовыхъ, въ особенности, если бы каждый изъ прожектеровъ питалъ надежду, что и онъ можетъ быть генераломъ и получить въ свое наблюденіе какую-либо «часть» (преимущественно, конечно, интендантскую) или, по крайней мѣрѣ, пристроиться при казенномъ порядкѣ».

Весьма вѣроятно, что и подобныя побужденія увлекали нѣкоторыхъ составителей проектовъ, но въ цѣломъ, конечно, двигало ими не своекорыстіе. Посмотрите, съ какою искренностью и съ какою любовью къ Россіи пишетъ г. Васильевъ! Ужь, конечно, только эта любовь (можетъ быть, и не безъ примѣси маленькаго честолюбія) побудила его выступить съ своимъ словомъ спасенія. И такихъ искреннихъ людей найдутся, конечно, тысячи, и каждый изъ этой тысячи непремѣнно побѣжитъ на спасеніе своего отечества, когда ему покажется, что только его-то тутъ и не достаетъ. Газеты удивляются, что явилась тысяча проектовъ (въ сей моментъ я прочелъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», что ихъ явилось уже двѣ тысячи); но удивительно не то, что явилась тысяча или двѣ тысячи проектовъ,—удивительно, что ихъ не явилось 10 или 20 тысячъ. Еслибъ явилось даже 100 тысячъ проектовъ, то и это было бы только въ порядкѣ вещей. Такая ужь у насъ почва. У насъ все, а особенно образованіе, устанавливается такъ, чтобы давать просторъ и развитіе явленію, извѣстному подъ именемъ самобытности. Грамотность распространяется у насъ гораздо быстрѣе образованія. Всѣ мы умѣемъ читать, но только очень немногіе что-нибудь знаютъ и понимаютъ, что они читаютъ. Наши низшія, первоначальныя школы выпускаютъ лишь съ знаніями, которыя даютъ «Родное Слово» и «Книжки для чтенія». Гимназіи сообщаютъ тоже только элементарныя и неполныя знанія; даже

университеты не даютъ понятій о многихъ самыхъ существенныхъ и серьезныхъ сторонахъ жизни и объ отношеніяхъ, которыя потомъ охватятъ человѣка. Читатель скажетъ, что этого и не нужно и что школа не можетъ давать всѣхъ знаній, что учебныя программы и въ Европѣ совершенно ничтожны и что пробѣлы въ знаніяхъ пополняются внѣ школы и уже сама жизнь научитъ знать то, что нужно знать. Это совершенно вѣрно. Но вотъ тутъ-то и начало той разницы, которую создаетъ между людьми различная жизнь, и причина, почему мы становимся самобытниками и обнаруживаемъ неудержимую потребность жить «собственнымъ умомъ». Нѣмецъ, французъ, англичанинъ живутъ послѣ школы тоже собственнымъ умомъ, но они думаютъ совсѣмъ при другихъ условіяхъ. Нѣмецъ, напримѣръ, сидя вечеромъ въ компаніи за кружкой пива, разсуждаетъ о рѣчи, которую только что произнесъ въ парламентѣ Висмаркъ, и что отвѣтилъ ему Рихтеръ или Виндгорстъ, разбираетъ онъ, почему и хлѣбъ сталъ дороже, отчего стало вывозиться меньше нѣмецкаго желѣза въ Россію, какъ, въ случаѣ войны съ Россіей, придется наступать—идти ли на Царство Польское, или въ Остзейскій край, брать ли Москву, или Петербургъ. Сама жизнь и участіе, которое принимаетъ въ ней каждый нѣмецъ, заставляютъ его думать, но думать не про себя, не въ одиночку, а вслухъ, выяснять себѣ понятія въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ, на людяхъ, въ компаніи, публично. Приходится, конечно, жалѣть, что нѣмецкое общественное мнѣніе устанавливается часто неправильно, какъ, напримѣръ, нынче, когда Висмаркъ пустилъ въ ходъ всѣ свои средства, чтобы заставить народъ избрать парламентъ, который бы далъ Висмарку и септеннатъ, и разорительные налоги, и войну съ Франціей. Но я говорю не объ ошибкахъ общественнаго мнѣнія Германіи, управляемой, къ ея собственному несчастію, плохими патріотами,—я говорю объ общихъ жизненныхъ условіяхъ, заставляющихъ нѣмцевъ думать и говорить.

Совсѣмъ иначе слагаются обстоятельства, когда школа не находитъ своего продолженія въ жизни. Въ этихъ случаяхъ мысли приходится работать при условіяхъ очень для нея неудобныхъ. Каждый, точно паукъ, сидитъ въ своемъ углу и думаетъ про себя. Холодно ли человѣку, или голодно, все онъ долженъ разрѣшать только «своимъ умомъ». Умъ сосѣда ему ни въ чемъ не поможетъ. Мысль всегда одинока, человѣкъ вѣчно замыкается въ себѣ и только въ себѣ вѣчно кроется. А, между тѣмъ, живое чувство проситъ жизни и мысль проситъ живаго обмѣна. Положеніе можетъ быть иногда чисто-драматическимъ. Гр. Игнатьевъ тридцать лѣтъ зналъ г. Васильева и не подозрѣвалъ въ немъ финансовыхъ способностей, а, между тѣмъ, изъ словъ г. Васильева оказывается, что онъ думалъ объ этихъ вопросахъ не 30, а 40 лѣтъ. («Мнѣ хочется высказаться хоть по одному изъ тѣхъ вопросовъ, которые занимаютъ меня въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ»,—начинаетъ свою статью *Ассигнаціи—деньги* г. Васильевъ въ 1877 г.). Тридцать лѣтъ думать про себя—и молчать, вѣдь, это просто ужасно! И когда человѣкъ, наконецъ, рѣшился заговорить, посмотрите, къ какимъ онъ прибѣгаетъ изворотамъ, какъ въ немъ выдѣляются два его основныхъ противуположныхъ чувства — чувство ложнаго смиренія, созданнаго загнанностью, и гордыня, въ каждомъ словѣ заявляющая свой протестъ. Эта двойственность въ крайней ея формѣ выразилась у насъ съ особенною выпуклостью въ Достоевскомъ. Жизнь жестоко отнеслась къ этому человѣку, она скомкала его и растоптала. Есть извѣстіе, что онъ въ каторгѣ былъ высѣченъ. Страшно даже написать это слово! Что тутъ значитъ человѣческая личность и какія могутъ быть тутъ толки объ ея правахъ, когда ее можетъ стереть первый озвѣрѣвшій тюремный смотритель? И Достоевскій научился смиренію. Но тѣмъ сильнѣе подъ внѣшнею формой росло въ немъ гордое сознаніе своего *я*. И разрослось, наконецъ, это *я*, и настолько восполнило все его нутро, что искусственно созданное внѣшнее смиреніе едва его сдерживало. Равновѣсіе исчезло: жизнь, стиравшая личность, въ то же время, создала горделивое *я*, болѣзненное, раздражительное, нетерпимое, ненавидящее и давящее. Въ той же страшной школѣ, въ которой росъ характеръ, росла и мысль. У нея назади не было ничего, кромѣ плохихъ учебниковъ добраго стараго времени, и пришлось мысли жить внутри себя, питаться матеріаломъ, который давала окружающая среда, да развѣ отрывки изъ воспоминаній о лучшемъ прошломъ. Оставалось до всего доходить своимъ умомъ, создавать жизненныя истины самобытно. И вотъ, въ концѣ-концовъ, создается убѣжденіе, что наша жизнь не похожа на европейскую (ужь конечно), что у нея свои законы, свои особенности, къ которымъ нельзя примѣнять европейской мѣрки (что, конечно, тоже вѣрно, если считать жизнь неизмѣнною и неподвижною).

То же, хотя въ болѣе мягкой формѣ, приходится читать между строкъ и у г. Васильева. «Конечно, мои воззрѣнія причислятъ къ области фантазіи, назовутъ утопіей,—пишетъ г. Васильевъ во вступленіи,—иначе ужь черезчуръ хорошо бы было въ нашей матушкѣ Россіи; но почему же фантазіи позволять разыгрываться только въ романахъ и поэзіи?.. Притомъ, если чувствуешь досаду на окружающую дѣйствительность,—гдѣ найти утѣшеніе болѣющему чувству, какъ не въ фантазіи? Развѣ съ помощью ея нельзя забыться хоть на нѣсколько минутъ и полюбоваться хоть въ утопическомъ снѣ на свое милое отечество?» «Правда, я не администраторъ, не дипломатъ, равно какъ не финансистъ, не философъ или педагогъ,—говоритъ г. Васильевъ,—но что же мнѣ дѣлать, если я, какъ человѣкъ и гражданинъ, не могу не интересоваться всѣми затрогивающими вопросами государственной и общественной жизни? Притомъ, собственная моя спеціальность заставляетъ меня постоянно сталкиваться съ подобными вопросами; можетъ быть, отъ нея и происходитъ то, что какъ скоро какой вопросъ зайдетъ мнѣ въ голову, такъ онъ перера-

ботывается въ ней по своему; мнѣ представляется, что люди разсуждаютъ какъ-то односторонне, или даже совсѣмъ наизворотъ. Конечно, въ виду того, что мнѣ пришлось бы одному ратовать противъ всѣхъ, я долженъ былъ остерегаться высказываться, но на это у насъ нѣтъ и возможности... Но бываютъ моменты, когда никакое благоразуміе, никакая боязнь скомпрометировать себя не должны удерживать человѣка высказать то, что ему кажется вѣрнымъ...»

Посмотрите, какъ все это, повидимому, просто и искренно и какъ, въ то же время, нѣтъ въ этой искренности ни одного простаго и прямаго слова. «Я, правда, не администраторъ и не дипломатъ»... Иначе сказать мнѣ объ общественныхъ дѣлахъ и думать не полагается (скромность смиренія); а съ другой стороны это значитъ, что *хотъ я не* администраторъ и *не* дипломатъ, *однако*, все-таки, *я думаю* правильнѣе ихъ и каждый вопросъ перерабатывается во мнѣ по своему, а не такъ, какъ у нихъ, но я долженъ молчать и молчу, молчу 30, 40 лѣтъ... наконецъ, наступаетъ моментъ, когда уже начинаетъ грозить моему отечеству непоправимая бѣда, потому что никто въ немъ не думаетъ правильно, и тогда я выступаю съ своимъ спасительнымъ словомъ. И все это горделивое извращеніе личнаго чувства создалось исключительно вѣчною жизнью внутри себя, привычкою рыться только въ себѣ, искусственною замкнутостью и вынужденною необщительностью. При условіи постояннаго, вѣчнаго молчанія или кружковой жизни, *я* сейчасъ же теряетъ всякую мѣру, а одичавшая въ одиночествѣ мысль утрачиваетъ живую воспріимчивость, упругость и гибкость, и костенѣетъ до того, что для нея не существуетъ никакихъ другихъ мнѣній—ни отдѣльныхъ лицъ, ни цѣлыхъ народовъ. Что для этого высокомѣрнаго *я* Европа и Америка съ ихъ цивилизаціей, съ ихъ разностороннею жизнью, съ ихъ многовѣковою работой коллективной мысли и общественно-жизненнымъ опытомъ! Всѣ ошибаются, всѣ люди, весь міръ, и только этотъ одинъ непогрѣшимый умомъ (весь свой вѣкъ сидѣвшій въ углу паукъ) носитъ въ себѣ истину, ему прирожденную апріорную, не нуждающуюся ни въ какомъ опытѣ, ни въ своемъ, ни въ чужомъ. Ну, какъ при такомъ высокомѣріи не придти къ скромной мысли, что и вся Россія должна быть построена по моему личному типу, что она совсѣмъ особенная страна, не похожая на другія страны, и потому должна жить на особыхъ началахъ—своимъ умомъ, самобытно, т.-е. чтобы каждый паукъ сидѣлъ въ своемъ углу и плелъ паутину для себя?

Чѣмъ же оказывается въ дѣйствительности этотъ свой умъ и эта самобытность? Они оказываются просто чистымъ листомъ бумаги, на которомъ каждый самобытникъ выводитъ каракули, какія ему вспадутъ на мысль. Тутъ кромѣ умственной изолированности, при которой человѣкъ неизбѣжно лишается всякой способности сравнивать свой ростъ съ ростомъ другихъ, дѣйствуетъ еще и полное отсутствіе общихъ основныхъ знаній, на обыденномъ языкѣ называемое невѣжествомъ. Это невѣжество можетъ быть даже и ученое. Г. Васильевъ, напримѣръ, говоритъ, что «монастыри монгольскіе кишатъ логистами, діалектиками и метафизиками, которые поспорятъ даже съ гегеліанцами, а, все-таки, они сущіе невѣжды». Ну, вотъ то же повторяется и у насъ и происходитъ исключительно отъ того, что нашей мысли никогда не приходится мѣряться съ другою живою мыслью, что не встрѣчаетъ она себѣ живой непосредственной провѣрки, что варится она, бѣдная, въ своемъ собственномъ соку. И отважна-то она оттого, что потеряла мѣру своего роста, что безъ общественной шлифовки и дисциплины она загрубѣла и привыкла носиться одиноко, какъ жеребенокъ въ степи. Но ея отвага вовсе не признакъ ея умственнаго мужества, это не отважное умственное мужество Гладстона, создавшееся строгою умственною дисциплиной и духомъ строгаго научнаго изслѣдованія, это просто отвага умственнаго младенчества и невѣдѣнія, вродѣ отваги тѣхъ дикарей, которые не боятся выстрѣловъ, пока не знаютъ, что они убиваютъ. Только этимъ и объясняется возможность появленія у насъ 100 тысячъ проектовъ по одной изъ важнѣйшихъ частей государственнаго управленія, менѣе всего допускающей самобытничество и свой умъ. И, конечно, ни одинъ изъ этихъ прожектеровъ не усомнился бы на секунду въ силѣ своего государственнаго ума, потому что онъ не встрѣтилъ въ жизни ни одного случая для подобнаго сомнѣнія, почему же ему не считать себя финансистомъ, равнымъ Гладстону? По поводу 2 тысячъ проектовъ наши фельетонисты пошутили надъ ихъ составителями и припомнили гоголевскаго Амоса Ѳедоровича. Но ей-Богу же это не смѣшно, не смѣшно еще и потому, что всѣ эти люди, живущіе своимъ умомъ (и пока приложившіе его къ финансовой области), изображаютъ собою несомнѣнно крупную невѣжественную силу, съ которой будетъ бороться не легко, если она доберется до дѣлъ.

Петръ Великій и Ломоносовъ дошли до всего тоже своимъ умомъ и были тоже вполнѣ самобытны; но ихъ «свой умъ» заключался въ томъ, что они владѣли сущностью знаній. Петръ, чтобы преобразовать Россію, познакомился со всѣмъ, до чего дошла просвѣщенная Европа, думая вѣка. Ломоносовъ, чтобы насадить науки въ Россіи, поступилъ точно такъ же. Если бы Ломоносовъ былъ менѣе уменъ, онъ, пожалуй, дошелъ бы своимъ умомъ только до дѣланія часовъ. Вѣдь, въ сущности, наши самобытники только и занимаются тѣмъ, что изобрѣтаютъ часы, которые ужь давно изобрѣтены. Ни одинъ изъ нихъ ни разу не додумался до того, что не было бы извѣстно раньше. И это была не проба силъ, вродѣ разсужденій юнцовъ о высшихъ матеріяхъ и міровыхъ вопросахъ, давно уже рѣшенныхъ. Разсужденія юнцовъ естественны, нужны и неизбѣжны; ибо на этихъ разсужденіяхъ юнцы расправляютъ свои умственныя крылья. Но когда взрослые люди «своимъ умомъ» додумываются до истинъ XV или XVI столѣтія или до часовъ съ кукушкою, и когда такое поведеніе принимаетъ характеръ повальности и даже поддерживается не-

чатью, то очевидно, что тутъ приходится имѣть дѣло съ общественнымъ явленіемъ.

До чего достигъ «своимъ умомъ» Петръ Великій и чѣмъ такъ легко овладѣлъ Ломоносовъ, не дается всѣмъ, потому что умные люди вообще гораздо рѣже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Но, вѣдь, не всѣмъ же быть Петрами и Ломоносовыми; есть, кромѣ умныхъ, и менѣе умные. И имъ нужно думать, и знать, и понимать, что вокругъ нихъ дѣлается. И вотъ, когда потребность знать и думать не встрѣчаетъ возможности правильнаго удовлетворенія, она принимаетъ уродливыя анти-общественныя формы, является какою-то своеобразною умственною ненормальностью, извѣстною только въ Россіи. Ужь, конечно, эта своеобразность составитъ одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи нашего умственнаго и общественнаго развитія. Но и безъ этой печали, которую испытаетъ еще будущій историкъ, намъ придется увидѣть много практическихъ помѣхъ нашему развитію отъ этой пассивной самобытности, потому что она уродуетъ способности, плодитъ рефлексію, создаетъ цѣлыя поколѣнія людей, удовлетворяющихся механическимъ мышленіемъ, и, наконецъ, убиваетъ характеръ. Въ этотъ пассивный типъ вырождаются обыкновенно люди тихіе, не смѣлые, склонные къ сосредоточенности, т.-е. какъ разъ тѣ, на кого русской жизни слѣдовало бы меньше всего накладывать свою суровую руку.

Кромѣ этого пассивнаго типа, есть у насъ еще и типъ активный. Это тоже самобытники, они тоже живутъ своимъ умомъ, но это самобытники культивированные. Они умны, практичны, смѣлы, рѣшительны и способны къ широкому размаху. Какъ люди дня, они не заглядываютъ на завтра и отъ сегодня берутъ все, что отъ него можно взять. Школа не оставляетъ на нихъ никакого слѣда: прошли ли они университетъ или технологическій институтъ, военное училище или пажескій корпусъ, это совершенно безразлично, потому что ихъ формируетъ уже послѣдующая жизнь, практическія отношенія которой они превосходно изучаютъ и которыми они еще превосходнѣе умѣютъ пользоваться. Они не увлекаются ни послѣднимъ, ни предпослѣднимъ словомъ науки, а знаютъ только практическое положеніе вещей и затѣмъ поступаютъ по здравому смыслу. Здравый смыслъ ихъ главное оружіе; онъ замѣняетъ имъ и знаніе, и всякія теоріи, къ которымъ они относятся высокомѣрно только пока они ненужны. Для нихъ тоже не существуетъ чужихъ опытовъ и чужихъ знаній, и въ этомъ они какъ будто похожи на искреннихъ самобытниковъ. Но искренніе самобытники желаютъ внести поправку въ чужое мышленіе, потому что добродушно считаютъ только свое мнѣніе непогрѣшимымъ и правильнымъ; практики же объ этомъ нисколько не заботятся. Если чужое мышленіе можетъ принести имъ выгоду, они отъ него не откажутся, потому что вездѣ съумѣютъ найти то, что имъ нужно; они относятся высокомѣрно только къ тому, что въ данную минуту кажется имъ не подходящимъ и не обѣщаетъ выгоды. Искренніе самобытники, все-таки, руководятся общими идеями, они желаютъ своему отечеству блага и все ихъ честолюбіе въ томъ, чтобы это отечество (и въ особенности Петербургъ) знало, что это благо исходитъ отъ нихъ. Они всегда немножко Добчинскіе. Но самобытниковъ-дѣльцовъ этимъ не удовлетворишь; у нихъ честолюбіе другое, ихъ алчную натуру не прошибешь сантиментальною извѣстностью и не подкупишь никакими идеями и чувствами. Разъ вставъ на свою дорогу, они не останавливаются и не задумываются ни передъ чѣмъ и выжимаютъ лимонъ до послѣдней капли. Ихъ рѣшимость и отвага настолько велики, что способны повергнуть общество въ ужасъ и довести его даже до паническаго страха.

Если вѣрить извѣстіямъ петербургскихъ газетъ (а имъ нельзя не вѣрить), то теперь въ дѣловомъ и финансовомъ мірѣ наступила минута этихъ рѣшительныхъ людей, которые ничего не боятся и ни передъ чѣмъ не задумываются. «Новое Время» пишетъ, «что биржевая игра такъ у насъ теперь оживилась, что приходится подумать—не передъ крахомъ ли это? Аппетиты разгораются, легковѣріе становится повальнымъ, слухи ростутъ и увлекаютъ даже благоразумныхъ, и въ атмосферѣ какъ бы предчувствуется приближеніе биржеваго времени». Но спекуляція составляетъ лишь частичку той атмосферы, давленіе которой приходится испытывать обществу. Финансизмъ до того овладѣлъ теперь умами, общее стремленіе внести свою лепту стало настолько направленіемъ времени, что даже и тѣ 2 т. финансовыхъ проектовъ, о которыхъ говорятъ газеты, не служатъ выраженіемъ дѣйствительности. Финансовые слухи ростутъ и надвигаются со всѣхъ сторонъ точно тучи, предлагаются налоги на всевозможные предметы, начиная заграничными паспортами и кончая куриными яйцами, проектируется монополія на вино, табакъ и даже сахаръ, сочиняются новыя финансовыя теоріи и предаются проклятію, какъ рутинеры и доктринеры, Адамъ Смитъ, Рикардо и Карлъ Марксъ, протекціонизмъ доходитъ до своихъ послѣднихъ предѣловъ и покушается обложить пошлиной воздухъ и воду; наконецъ, пронеслись даже страшныя слова—конверсія и девальвація. Говорятъ, что выпускъ послѣдняго займа изъ 4% есть первый шагъ къ пониженію процентовъ и по всѣмъ остальнымъ бумагамъ, а затѣмъ послѣдуетъ и девальвація. Послѣдуетъ ли она, или не послѣдуетъ, гадать этого не дано никому. Первый слухъ о девальваціи прошелъ лѣтъ 5 — 6 тому назадъ и замеръ. Но теперь онъ возобновился съ большею настойчивостью и съ большимъ вѣроятіемъ, что найдутся руки и сердца, которыя свершитъ ее не дрогнутъ.

Въ этомъ хаосѣ слуховъ, толковъ и проектовъ любопытны не сами проекты, а отношеніе ихъ творцовъ къ дѣйствительности. Точно дѣло идетъ не о людяхъ, ихъ силахъ и карманахъ, а о какихъ-то алгебраическихъ величинахъ. Если составитель проекта желаетъ, положимъ, облегчить наши финансы на 10 милліоновъ, то онъ пріискиваетъ со-

отвѣтственную комбинацію и, получивъ въ итогѣ 10 милліоновъ, чувствуетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Найдя, напримѣръ, наиболѣе удобнымъ обложить заграничные паспорты, онъ сосчитываетъ, насколько человѣкъ можно наложить этотъ налогъ, и затѣмъ выводитъ, что на каждый паспортъ должно падать въ годъ 360 руб. золотомъ, т. е. почти 600 руб., а будутъ ли платить налогъ живые или умирающіе, бѣдняки или милліонеры, ему до этого нѣтъ никакого дѣла. Математическія соображенія творцовъ налоговъ всегда очень просты и требуемые результаты достигаются обыкновенно простымъ умноженіемъ. Если, вмѣсто 100 милліоновъ, нужно получить 200, то сто умножается на 2, и, вмѣсто 1 рубля, предполагается брать съ человѣка 2 руб. Можетъ ли человѣкъ вынести этотъ второй рубль, вопроса не составляетъ, придется ли плательщику отдать дополнительный рубль изъ излишекъ, или же продать овцу, корову, а, можетъ быть, и лошадь,—смѣлые люди надъ этимъ не задумываются. Конечно, наша практика собиранія налоговъ, пріучившая народъ къ продажѣ коровъ и лошадей, много облегчаетъ размахъ нашихъ финансистовъ, но нужно думать, что и для этой практики есть же предѣлъ, о которомъ слѣдуетъ, наконецъ, вспомнить.

Впрочемъ, финансисты поступаютъ менѣе откровенно и не вынимаютъ рублей прямо изъ кошельковъ плательщиковъ. Замаскированные налоги, которые они собираютъ, называются косвенными и налогами на потребленіе. У насъ эта система доведена теперь, кажется, до своего послѣдняго предѣла. Все, что можно обложить, уже обложено; вездѣ, гдѣ можно набавить, уже набавлено. Мы платимъ налогъ за мясо, муку, булки, яйца, масло, платье, за ѣзду по желѣзнымъ дорогамъ, платимъ налогъ за каждый кусокъ, который поступитъ въ ротъ, за каждую нитку, которою чинимъ заплатку. Не за горами то время, когда, читая характеристику Сидней Смита англійскихъ налоговъ, мы съ гордостью думали, насколько мы умѣлѣе и счастливѣе англичанъ и лучше ихъ управляемся. Я приведу эту интересную характеристику, чтобы читатель сдѣлалъ самъ нужную ему параллель и убѣдился, насколько онъ теперь счастливъ. «Налоги,—пишетъ Сидней Смитъ,—накапливаютъ на налоги, пока каждый предметъ потребленія, поступающій въ человѣческій ротъ, прикрывающій человѣческое тѣло, руки или ноги, не будетъ ими обложенъ. Налогъ ложится на все, что пріятно видѣть, что пріятно слышать, что пріятно чувствовать, обонять. Налогъ налегъ на тепло, на свѣтъ, на все, что находится на землѣ, въ водѣ, подъ землею; на все, что приходитъ изъ-за границы или добывается дома. Налогъ ложится на каждое новое сырье, служащее источникомъ новой промышленности, на приправку, возбуждающую аппетитъ человѣка, и на лѣкарство, возстановляющее его здоровье, на горностая, украшающаго судью, и на веревку, на которой повѣсятъ преступника, на соль бѣдняка и на овощи богача, на гвозди гроба. Въ постели и за столомъ, при смерти и при рожденіи должны мы платить налогъ. Школьникъ бьетъ бичемъ оплаченный налогомъ мячикъ, безбородое дитя взнуздываетъ свою оплаченною налогомъ лошадку оплаченную налогомъ уздой, на оплаченной налогомъ улицѣ. Умирающій англичанинъ наливаетъ свое лѣкарство, оплаченное семью процентами, въ ложку, оплаченную 15° о, ложится на постель, оплаченную 22%, пишетъ духовное завѣщаніе на гербовой бумагѣ въ 8 фунтовъ и умираетъ на рукахъ врача, который за право отправить его на тотъ свѣтъ заплатилъ 100 фунтовъ. Немедленно затѣмъ все имущество покойника облагается налогомъ отъ 2 до 10 процентовъ, берется высокая пошлина за гробъ, добродѣтели умершаго оповѣщаются міру на обложенномъ налогомъ мраморѣ и, наконецъ, только на небесахъ, въ обществѣ тѣней, успокоивается душа человѣка, чтобы не знать больше никакихъ налоговъ». Эта картина былыхъ годовъ въ Англіи теперь не примѣнима, но за то она вполнѣ примѣнима къ намъ.

Опредѣлить, что выплачиваетъ каждый въ видѣ косвенныхъ налоговъ, нѣтъ никакой возможности. Это такая многосложная и запутанная сѣть, столько въ ней случайнаго, произвольнаго, что не найдется на свѣтѣ ума, который могъ бы что-нибудь тутъ сосчитать или разсчитать. Вы хотите испечь булку и покупаете 10 фунтовъ муки. Если пшеница, изъ которой она сдѣлана, выросла на арендной землѣ, то мука окажется дороже на соотвѣтствующую часть арендной платы и на соотвѣтствующую часть арендного контракта, за который уплачены пошлины. Если же этого не было, то владѣлецъ земли, все-таки, возьметъ за пшеницу ту же цѣну, хотя онъ никому и ничего за землю не платилъ и никакого контракта ни съ кѣмъ не заключалъ. Затѣмъ на мельницѣ ляжетъ на муку цѣлый рядъ дополнительныхъ платъ: кромѣ платы за помолъ, мукѣ придется принять на себя часть всѣхъ тѣхъ налоговъ, которые лежатъ на мельницѣ, и за ея турбины, и за ея вальцы, и за всякія ея желѣзныя части, и за торговое свидѣтельство владѣльца машины, за приказчичьи свидѣтельства его мастеровъ, за земскіе сборы. Купецъ, который купитъ муку отъ мельника, набавитъ на нее свои гильдейскіе и всякіе другіе платежи и платежи своихъ приказчиковъ, прибавитъ плату за лабазъ и за всѣ налоги, которые лежатъ на немъ. Если мука изъ первыхъ рукъ попадаетъ во вторыя, то къ ней сдѣлается и еще новая прибавка. Сколько же образуется всѣхъ этихъ прибавокъ и сколько мытарствъ испытаютъ десять фунтовъ муки, пока они дойдутъ до вашихъ рукъ, и сколько каждый, черезъ чьи руки мука прошла, постарается наложить на нее добавочной цѣны? Вы покупаете въ лавкѣ сукно, — оказывается, что налогъ налегъ на него уже съ перваго клока сѣна, который съѣлъ баранъ давшій шерсть на сукно, и прежде чѣмъ сукно поступило въ лавку, въ которой вы его купили, оно вздорожало на соотвѣтствующую часть налога на краски, машины, желѣзо, фабричныя зданія, промысловыя, торговыя, гильдейскія свидѣтельства мастеровъ, рабочихъ приказчиковъ,

смотрителей, хозяевъ. Затѣмъ, въ лавкѣ на сукно налегли новыя надбавки изъ всѣхъ тѣхъ платежей, которые долженъ очистить продавецъ. Каждая бутылка пива, которую вы выпьете, уже выплатила цѣлый рядъ налоговъ — за солодъ, за хмѣль, за производство, за заводъ, въ которомъ ее сдѣлали, за лавку, въ которой ее продали. Въ каждомъ стаканѣ чая, который вы пьете, скопилась масса самыхъ мелкихъ и разнообразныхъ налоговъ, которые были взяты и за стаканъ, и за ложку, и за сахаръ, и за чай, гдѣ-то тамъ далеко, еще на границѣ Китая. И всѣ эти налоги, гдѣ бы они ни были взяты, по мѣрѣ того, какъ предметъ переходитъ изъ рукъ въ руки, все ростутъ и ростутъ и, въ концѣ-концовъ, будутъ выплачены вами, потребителемъ, а фабриканты и купцы ихъ съ своихъ плечъ сбросятъ. Налоги въ этомъ видѣ опутываютъ всю нашу повседневную жизнь, въ милліонныхъ комбинаціяхъ проникаютъ повсюду, ложатся на каждое дѣйствіе не только промышленное, но иногда и вовсе не промышленное, добавочною цѣнностью, и, по мѣрѣ того, какъ потребленіе предмета расширяется, ростетъ эта добавочная цѣнность, составляющая иногда громадную трату народа, далеко не соотвѣтствующую первоначальной величинѣ налога. Предположимъ, что послѣдовалъ налогъ на ввозъ хлѣба по 10 коп. на четверть и хлѣба ввозится въ страну 10 милліоновъ четвертей. Какъ только явился налогъ, сейчасъ же и весь остальной хлѣбъ, производимый въ странѣ, положимъ 1 милліардъ четвертей, поднимается тоже на 10 коп. и потребители въ цѣломъ выплатятъ 110 милліоновъ, изъ которыхъ только десять составятъ доходъ казны, а 100 милліоновъ разойдутся между купцами и торговцами.

Совершенно подобное же повторяется у насъ теперь съ пошлиною на желѣзо. Года два тому назадъ она уже была поднята, но недавно послѣдовало еще новое повышеніе, такъ что желѣзо у насъ, противъ того, что оно стоитъ за границей, ровно вдвое дороже. Обложены высокою золотою пошлиной, являющеюся для нѣкоторыхъ предметовъ чисто-запретительною, руда, чугунъ, разныхъ видовъ желѣзо, сталь, косы, серпы, ручные инструменты для ремеслъ, фабрикъ и заводовъ, локомобили, тендера, пожарные снаряды, машины, фабричные и заводскіе аппараты. Начиная съ копѣечной иголки и подковы для мужицкой лошади и кончая тысячною машиной для фабрики, всѣ желѣзныя издѣлія поднимутся у насъ теперь въ цѣнѣ и страна заплатитъ, можетъ быть, въ десять, въ двадцать разъ больше желѣзнымъ заводчикамъ, фабрикантамъ и торговцамъ, чѣмъ получитъ въ видѣ золотой пошлины финансовое управленіе. Но повышеніе пошлины не значитъ только увеличеніе дохода казны и производителей, оно значитъ еще и сокращеніе потребленія. Если покупатель можетъ заплатить за вещь 10 коп., это еще не значитъ, что онъ можетъ заплатить за нее двадцать. Нашъ мужикъ и до сихъ поръ платилъ за желѣзо втрое дороже, чѣмъ платитъ за него у себя нѣмецъ, французъ, англичанинъ, а теперь будетъ платить и еще дороже. Если онъ и прежде ковалъ у лошади только двѣ ноги, потому что на четыре у него не доставало денегъ, то теперь онъ перестанетъ ковать и совсѣмъ. О шинныхъ колесахъ онъ забудетъ уже и мечтать, а постарается замѣнить желѣзо болѣе солиднымъ деревомъ. Солидность эта даже и при прежнемъ сравнительно не дорогомъ желѣзѣ была доведена мужикомъ до такой монументальности, что напоминало циклопическія сооруженія. Наши деревенскія телѣги на деревянныхъ осяхъ способны вызвать только изумленіе. Все въ нихъ громадно, толсто, неуклюже, тяжело только оттого, что должно имѣть желѣзную прочность. И весь домашній обиходъ мужика какой-то циклопическій, первобытный, все и вездѣ у него неуклюже и нескладно, какъ въ домѣ, такъ и на пашнѣ, только потому, что желѣзо никакъ не можетъ дойти ни до его избы, ни до его бороны и сохи. А теперь оно будетъ отъ мужика еще дальше. Разумѣется, есть въ крестьянскомъ хозяйствѣ и такія вещи, отъ которыхъ отказаться невозможно, напримѣръ, заграничные серпы и косы, на нихъ теперь мужикъ и будетъ переплачивать (урѣзывая себя на чемъ-нибудь другомъ) во славу и процвѣтаніе нашей отечественной неумѣлости. И во всемъ и за все отвѣчаетъ всегда потребитель; это истинный козелъ отпущенія, который долженъ платить и за чужую глупость, и за чужую неумѣлость, и удовлетворять чужіе аппетиты.

Такъ какъ мы теперь переживаемъ моментъ поощренія отечественной промышленности, то бѣдному козлу отпущенія придется очень туго, потому что это поощреніе свершится исключительно на его счетъ. Здѣсь, однако, слѣдуетъ оговориться. Обыкновенно налоги на вино, табакъ (вводится налогъ и на керосинъ, а «Современныя Извѣстія» предлагали ввести налогъ еще и на спички, вѣроятно, по ихъ очень близкому отношенію къ керосину) называются налогами на предметы потребленія внутренняго производства, а таможенные — налогами на предметы иностраннаго. Но довольно взглянуть въ «таможенномъ тарифѣ» на алфавитный указатель привознымъ товарамъ, чтобъ убѣдиться, что тутъ и не можетъ быть никакой рѣчи объ иностранномъ производствѣ. Если изъ-за границы идетъ къ намъ много предметовъ иностраннаго производства, въ готовомъ видѣ, напримѣръ, льняныя, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, кружева, тюль, готовое платье, шляпы, фуражки, модныя издѣлія, то гораздо больше приходитъ такихъ предметовъ, которые покупателю совсѣмъ не нужны, а идутъ они на заводы и фабрики. Есть масса красильныхъ и химическихъ веществъ, которыхъ мы не производимъ и производить не можемъ, но безъ которыхъ не можетъ обойтись наша заводская и фабричная промышленность и которыя, однако, все-таки, обложены высокою пошлиной. Когда пошлина берется съ сырья, то оно очень удорожаетъ производство, и если такая пошлина существуетъ, то едва ли ее слѣдуетъ считать для производства необходимою, а, между тѣмъ, она существуетъ, поднимаетъ цѣну на русскія издѣлія,

всѣ эти высокія цѣны, вмѣстѣ съ высокими пошлинами, выплачиваетъ многотерпѣливый потребитель, а, между тѣмъ, внутреннія производства, для поощренія которыхъ потребитель обязанъ выворотить всѣ свои карманы, оплачиваютъ ему дурными издѣліями по высокой цѣнѣ. Въ сущности, значитъ, поощряются не производства, а дурное производство, не удешевленіе, а удорожаніе, не успѣхи общаго процвѣтанія, а процвѣтаніе немногихъ на счетъ многихъ, хотя казалось бы, что наши ситцевые и шелковые фабраканты, получающіе золотыя медали и почетные дипломы на всемірныхъ выставкахъ, и вообще русскіе производители, увѣряющіе, что русскія издѣлія нисколько не уступаютъ иностраннымъ, что иностранцы кладутъ на нихъ свои клейма (напримѣръ, шеффильдскіе мастера на тульскихъ издѣліяхъ), ни въ какихъ поощреніяхъ больше и не нуждаются. И они, дѣйствительно, нуждаются не въ поощреніяхъ, а нуждаются только въ наживѣ, возможность которой имъ и гарантируется высокимъ тарифомъ. Таможенный тарифъ дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ совершенно какъ правительственныя гарантіи желѣзнымъ дорогамъ. И тамъ тоже милліонныя гарантіи выплачиваются немногимъ предпринимателямъ изъ доходовъ, собираемыхъ со всѣхъ, и нерѣдко съ людей, которые и желѣзной дороги въ своихъ краяхъ не видѣли. Такими же гарантіями пользуется и русское общество пароходства и торговли, такихъ же гарантій желали и сахарозаводчики.

Но тутъ мы опять наталкиваемся на нѣкоторыя... ну, хотя бы недоразумѣнія. Если требуется поощрять общественную промышленность, то, казалось бы, не зачѣмъ облагать неимовѣрно высокою, да еще и золотою пошлиной рѣшительно все, что приходитъ изъ-за границы и что для фабрикъ совсѣмъ не требуется, напримѣръ, деревянныя дудочки (свирѣли), мазь для бритвъ и ремней, замазку для оконъ, составы для склепванія стекла и фарфора, зубочистки, кисеты турецкіе, клей губной, птичьи клѣтки, коврижки и пряники, бумажные колпаки, турецкія фески, бисерные кошельки, кожаныя котомки, кресты иностранныхъ орденовъ, рыболовные крючки, кофейныя мельницы, соленые огурцы, очки, песокъ для засыпанія чернилъ, порошокъ для чистки металлической посуды, зубной порошокъ, краска для волосъ, эоловы арфы, пемзу, перецъ, миндаль, масла — прованское, деревянное, лимонное, пальмовое, померанцевое и т. д., кофе, чай, чернику (алфавитный указатель къ таможенному тарифу занимаетъ 79 страницъ и ужь чего-чего въ немъ нѣтъ). Конечно, мы никогда не будемъ производить ни чая, ни кофе, ни оливковаго и лимоннаго масла, и, слѣдовательно, таможенный тарифъ поощряетъ не промышленность, а облагаетъ потребности и жизнь во всѣхъ ея мелочахъ. Но и жизнь едва ли удовлетворится заграничными деревянными дудочками, зубочистками, турецкими кисетами и пескомъ для посыпанія чернилъ, да и налогъ на эти невинные предметы едва ли подниметъ ихъ отечественное производство. Ясно, что таможенный тарифъ является въ такихъ случаяхъ чисто-фискальною мѣрой, средствомъ для усиленія государственныхъ доходовъ. Онъ, конечно, обложилъ бы охотно деревянныя дудочки и домашняго издѣлія, но онѣ для него неуловимы. И вотъ получается любопытная картина чисто неуловимой борьбы, которую устраиваетъ жизнь противодѣйствующей ей регламентаціи. Высокая пошлина на разные ничтожные предметы иностраннаго производства совершенно подавляетъ ихъ потребленіе, бисерные кошельки мы начинаемъ вязать сами, а турецкія фески носить перестанемъ. Томоженный тарифъ отъ этого, конечно, лишится нѣкоторыхъ статей обложенія, а домашняя промышленность ничего не выиграетъ. При общей же дороговизнѣ жизни и дороговизнѣ производствъ (благодаря все тѣмъ же налогамъ) даже деревянныя дудочки и бисерные кошельки поднимутся въ цѣнѣ и вся эта прибавившаяся дороговизна ляжетъ опять на плечи того же козла отпущенія — потребителя. Повторяется общеизвѣстный законъ, что высокія пошлины подавятъ потребленіе въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ онѣ увеличатъ таможенный доходъ. Но чѣмъ больше будетъ спускаться потребленіе, тѣмъ больше будетъ уменьшаться и таможенный доходъ; а какъ государственные доходы должны увеличиваться, а не падать, то придется прибѣгнуть опять къ усиленію налоговъ; увеличенные налоги сейчасъ же надавятъ потребителя и онъ начнетъ вводить у себя экономію, а эту экономію потребителя почувствуютъ раньше всѣхъ продавецъ и производитель; чтобы не лишиться покупателя, они постараются удешевить предметъ, а какъ удешевить его будетъ совершенно невозможнымъ (если, напримѣръ, обложенный высокою пошлиной предметъ не производится страной), то производитель и продавецъ начнутъ замѣнять настоящее не настоящимъ, пойдутъ въ ходъ суррогаты и подмѣси, очень часто вредныя, обманъ, плутовство—и опять за всю эту путаницу отвѣтитъ тотъ же козелъ отпущенія — потребитель. Въ то же время, высокая пошлина вызоветъ и тайное ей противодѣйствіе, потому что каждый будетъ стараться придумать способъ болѣе дешеваго пріобрѣтенія обложенныхъ высокою пошлиной товаровъ, и вотъ усилится контрабанда, а усиленная контрабанда вызоветъ болѣе усиленный таможенный надзоръ, а съ нимъ и новые расходы финансоваго вѣдомства. Какимъ образомъ путемъ подобной путаницы страна создастъ себѣ экономическую независимость, становится совершенно непонятнымъ. Ужь, конечно, намъ никогда не имѣть своего чаю, кофе, оливковаго и деревяннаго масла, а, кромѣ того, при тарифѣ, приближающемся къ запретительному, зачѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ производить хорошо и дешево, когда потребитель волей-неволей возьметъ по дорогой цѣнѣ и дурное? Вы скажете, что между производителями возникнетъ конкурренція; но еще вѣроятнѣе, что между ними возникнетъ стачка, потому что нагнать цѣны будетъ имъ всѣмъ выгодно, а покупатель и тутъ ничего не подѣлаетъ, и опять станетъ козломъ. Такимъ образомъ, подъ

видомъ поощренія отечественной промышленности получатся отечественныя монопольныя производства и страна, уже и безъ того истощенная, отдастъ монополистамъ свои послѣдніе гроши и должна будетъ сократить и безъ того уже ограниченныя до послѣдней степени потребности.

Когда говорятъ у насъ объ экономическихъ интересахъ государства и объ общемъ экономическомъ развитіи, то большею частью предполагаютъ промышленность и торговлю и интересы только одной части населенія. Богатство и развитіе промышленности считалось всегда однороднымъ съ интересомъ и богатствомъ государства. Отъ этого и главнѣйшія и болѣе энергическія мѣры пріурочивались обыкновенно къ интересамъ промышленнымъ, городскихъ сословій и къ нуждамъ городовъ. Казалось бы, что въ такомъ исключительно земледѣльческомъ государствѣ, какъ Россія, должны стоять на первомъ планѣ интересы земледѣлія и сельскаго населенія, но этого никогда не бывало, и какъ еще при Петрѣ Великомъ были выдвинуты впередъ интересы промышленности, такъ эти интересы на томъ же первомъ планѣ остались и до сихъ поръ. И промышленно-торговое сословіе всегда хорошо понимало свое привилегированное положеніе, всегда умѣло имъ пользоваться, всегда подавало свой голосъ, всегда заявляло о своихъ нуждахъ, всегда умѣло кстати замѣтить, что его обѣднѣніе поведетъ къ обѣднѣнію государства, и потому патріотическіе интересы требуютъ его поддержки. Такимъ образомъ, патріотизмъ пріурочивался къ промышленности и торговлѣ и въ нихъ по преимуществу усматривались русскіе интересы и русская самобытность, а промышленно-торговое сословіе возвело себя въ главнаго представителя патріотизма и самобытности.

Съ особенною силой этотъ промышленный патріотизмъ далъ себя почувствовать нынче, когда ради его таможенный налогъ вогнали на такую высоту, что не въ далекомъ будущемъ неизбѣжно ожидать поворота въ обратную сторону. Но въ сей моментъ мы пока смотримъ еще въ сторону противоположную и гонимъ вверхъ свои налоги, изобрѣтаемъ новые и даже усиливаемся создать источники новыхъ доходовъ. Пока заговорили лишь о казенномъ кабакѣ и табачной монополіи. Съ тѣми экономическими понятіями, которыя руководили нашею финансовою политикой послѣ крымской войны, болѣе рѣзкой противуположности и вообразить нельзя. Все, что считалось тогдашими финансистами бѣлымъ, нынѣшними считается чернымъ, и что считалось тогдашними чернымъ, считается нынѣшними бѣлымъ. Тогдашнія финансовыя преобразованія начались съ уничтоженія монополій казенныхъ фабрикъ и заводовъ, теперешнія же начинаются съ ихъ возстановленія, такъ что «своимъ умомъ» мы снова додумались до того, на чемъ стояли наши дѣды.

Государство, конечно, имѣетъ право устраивать свои фабрики, заводы и монополизировать свое производство, не исключая даже сельскаго хозяйства. Но вопросъ тутъ не въ правѣ государства, а въ выгодахъ, которыя оно получитъ, и въ потеряхъ, которыя оно нанесетъ своимъ гражданамъ. Кольберъ оказалъ Франціи несомнѣнную услугу устройствомъ казеннаго шелковаго производства, но это не было монополіей, государство не посягало на выгоды населенія, а скорѣе поступалось своими выгодами, потому что водворяло въ странѣ небывалую до того промышленность и брало на себя всѣ риски новаго дѣла. И у насъ была императорская мануфактура и императорскіе стеклянный и фарфоровый заводы, при устройствѣ которыхъ имѣлись частью тѣ же образовательныя цѣли. Но государственное монопольное производство, устраиваемое исключительно съ цѣлями увеличенія казенныхъ доходовъ, меньше всего заботится объ общей пользѣ и выгодахъ населенія. Въ этомъ случаѣ государство впадаетъ въ прямое противорѣчіе само съ собою, ибо посягаетъ на то, что оно должно охранять, и, вмѣсто того, чтобы сливать и примирять интересы, оно само вводитъ въ нихъ разрозненность и противодѣйствіе. Сдѣлавшись фабрикантомъ и купцомъ, государство будетъ, конечно, и самымъ безжалостнымъ фабрикантомъ, и самымъ безжалостнымъ купцомъ; оно вооружится всѣми средствами административной и уголовной кары, какими только можетъ располагать, а монопольное государственное производство пріобрѣтетъ сразу тотъ суровый и безпощадный характеръ, который неразлученъ съ необходимостью строгаго охраненія государственныхъ интересовъ противъ всякаго на нихъ покушенія. А покушеній этихъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше будутъ страдать отъ монополіи интересы частные. Другая особенность всякой казенной монополіи въ томъ, что она не можетъ вести свое дѣло настоящимъ коммерческимъ образомъ. Государственныя деньги всегда липнутъ сильнѣе къ рукамъ, чѣмъ частныя, и чиновникъ по самому существу своего положенія не можетъ быть хорошимъ хозяиномъ. Частное дѣло идетъ всегда быстрѣе и предусмотрительнѣе, чѣмъ казенное; чиновникъ же всегда связанъ массою правилъ, инструкцій, отчетностей и отвѣтственностей, не оставляющихъ для его дѣятельности почти никакого простора. Но если бы даже и не было этого, если бы казенное управленіе обнаружило полное довѣріе къ своимъ агентамъ и распорядителямъ, то и тутъ успѣхъ казеннаго дѣла никогда бы не сравнялся съ успѣхомъ частнаго. Частный хозяинъ или предприниматель, прежде всего, любитъ свое собственное дѣло и работаетъ для его успѣха. Чиновнику же нѣтъ никакихъ побужденій любить казенную фабрику, уже по одному тому, что она для него чужая. Частный предприниматель заботится о выгодахъ своего дѣла и ради его расширенія идетъ на случайности и риски, терпитъ зачастую неудачи, за которыя никому не отвѣчаетъ. Чиновникъ ради выгоды производства рисковать никогда не станетъ, да и права для этого не получитъ. Чиновникъ гонится не за успѣхомъ, а онъ боится неуспѣха и отвѣтственности и потому изображаетъ полнѣйшую противуположность частному предпринимателю. Частный предприниматель смѣлъ, рискованъ, онъ слѣдитъ за всѣми мелочами, мѣшающими

успѣху его дѣла, онъ изыскиваетъ всякія средства для его улучшенія, расширяетъ сбытъ, создаетъ новые рынки, вводитъ всякія улучшенія и усовершенствованія, не испрашивая ни чьего разрѣшенія. И потому всякое частное дѣло есть подвижное дѣло, въ немъ чувствуется нервъ, жизнь въ немъ бьетъ ключомъ. Казенное же дѣло въ рукахъ чиновниковъ всегда мертвое дѣло и отличается медленностью, робостью, рутиной и отсталостью. Что бы теперешніе защитники казенныхъ монополій ни говорили въ пользу чиновниковъ, имъ, защитникамъ, не вынуть изъ чиновника его чиновничьей души и не вставить въ него живую душу свободнаго человѣка, свободно занимающагося своимъ собственнымъ дѣломъ. Частный предприниматель—это предупредительный другъ своего потребителя, онъ льститъ его вкусу, сочиняетъ для него всякія новинки, привлекаетъ его рекламами и вообще въ тонкости знаетъ его наклонности, вкусы, капризы и слабости и всѣми ими умѣетъ пользоваться. Это цѣлая, никѣмъ не записанная психологія, вродѣ устнаго обычнаго права, на которую потрачена масса ума, наблюдательности и изученія. Какія же могутъ быть у чиновника побужденія, чтобы создать психологію потребителя? Вотъ, напримѣръ, табачный фабрикантъ Шапошниковъ «особенно рекомендуетъ» теперь въ газетахъ сорты папиросъ «необыкновенно высокаго достоинства», приготовленныхъ изъ «чистаго турецкаго табаку»—Брилліанты, Европейскія, Смирны, Польскія, Грація, Амброзія, Душесъ, Демонъ, Ласточка, Гадалка, Букетъ, Календарь. Развѣ чиновникъ, управляющій казенною папиросною фабрикой, станетъ такъ заботиться о потребителѣ и изобрѣтетъ для него Грацію, Ласточку, Демона и Букетъ? При сколькихъ сортахъ папиросъ онъ вступитъ на фабрику, при столькихъ же, проуправлявъ ею полстолѣтія, онъ ее и оставитъ. Курильщики, конечно, помнятъ то время, когда у насъ только что появились папиросы, начавшие вытѣснять вакштабъ Жукова. Тогда былъ всего одинъ сортъ папиросъ, а теперь ихъ уже триста. Вообще въ эти 30—40 лѣтъ наша табачная промышленность, пользовавшаяся довольно относительною свободой, развилась необыкновенно, привлекла къ себѣ массу рукъ и капиталовъ и создала себѣ европейскую извѣстность. Съ введеніемъ табачной монополіи все это громадное частное дѣло рухнетъ, табаководство, развившееся въ послѣднее время очень сильно, упадетъ, цѣны на табачныя издѣлія выростутъ, т. е. табакъ станетъ хуже, а потребитель опять явится козломъ отпущенія.

Когда прошелъ слухъ о табачной монополіи, то между табаководами, фабрикантами и торговцами сейчасъ же явилась вполнѣ понятная тревога, и къ министру финансовъ изъ разныхъ мѣстъ было отправлено нѣсколько прошеній, конечно, вполнѣ понятнаго содержанія. Какой эффектъ долженъ былъ произвести этотъ тревожный слухъ, можно увидѣть хотя бы изъ слѣдующей корреспонденціи изъ Майкопа, напечатанной въ «Новомъ Обозрѣніи». «Наши табачные плантаторы,—пишетъ корреспондентъ, — находятся въ неописанной ажитаціи. Да и въ самомъ дѣлѣ, есть изъ-за чего и волноваться. Вдругъ, нежданно-негаданно пришла вѣсть о предположеніи ввести табачную монополію. Многіе изъ плантаторовъ уже послали различныя прошенія и ходатайства въ Петербургъ, но что изъ нихъ вышло — еще пока ничего не извѣстно. Табачная монополія безусловно должна во многомъ подорвать благоденствіе и мирное житіе россійскихъ табаководовъ и фабрикантовъ и значительно уменьшить табачное производство. Хотя, положимъ, еще не извѣстны тѣ основанія, которыя будутъ приняты при ея введеніи, и весьма легко можетъ быть, что будутъ установлены какія-нибудь льготы, которыя дадутъ возможность табачнымъ дѣятелямъ, не терпя особыхъ убытковъ, или прекратить свою дѣятельность, или же продолжать ее на новыхъ началахъ, но, во всякомъ случаѣ, какъ бы эти льготы ни были обширны, монополія, все-таки, должна явиться весьма обременительной».

Умягченныя выраженія корреспондента далеко не выясняютъ истиннаго положенія дѣла и вѣроятныхъ потрясеній, которыя произведетъ табачная монополія въ народномъ хозяйствѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ она коснется, она пройдетъ какъ ураганъ и смететъ все, что ни заденетъ. Г. Янсонъ, по свѣдѣніямъ акцизнаго вѣдомства, принимаетъ площадь табачныхъ плантацій для 1871—75 гг. въ 41,600 дес., а г. Янжулъ въ 1879 г. опредѣляетъ площадь плантацій въ 46 тыс. дес.; это значитъ, что табачныя плантаціи занимаютъ у насъ вчетверо большую площадь, чѣмъ во Франціи. Табакъ разводится у насъ не менѣе, какъ въ 40 губерніяхъ; кромѣ того, онъ разводится въ Сибири, на Кавказѣ, въ Туркестанѣ. Черниговская губернія засѣваетъ табакомъ 17 тыс. десятинъ и столько же засѣваетъ губернія Полтавская. Табаководство составляетъ преимущественно крестьянскую промышленность, и, напримѣръ, въ Волынской губерніи считается 12,862 плантаціи. Въ какомъ видѣ установится табачная монополія, предусмотрѣть, конечно, трудно; но если за образецъ будутъ взяты Франція или Австрія, т. е., что табаководы будутъ находиться подъ строжайшимъ контролемъ правительства, чтобы ни одинъ листъ табаку не ушелъ отъ нихъ въ постороннія руки, то число плантацій будетъ сокращено и для разведенія табаку будутъ назначены только извѣстныя мѣстности, да будетъ установленъ для плантацій извѣстный минимумъ. Если все это такъ и случится, тогда очевидно, что на громаднѣйшемъ пространствѣ Россіи табаководство будетъ уничтожено и исчезнетъ культура одного изъ прибыльнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ растеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Крупныхъ плантацій, удобныхъ для надзора, монополія, конечно, не коснется,—она смететъ только мелкія, мужицкія плантаціи, а ихъ по цифрамъ г. Рагозина, было въ 1871 г. больше ста тысячъ, а къ 1887 г. явилось, можетъ быть, и двѣсти тысячъ. Плантаціи эти составляютъ иногда всего нѣсколько огородныхъ грядъ; меньше $^1/_4$ десятины считается по г. Рагозину, 87 тыс., отъ $^1/_4$ до 1 дес. 26 тыс.

отъ 1 до 5 дес. 5 тыс. Эти цифры, какъ относящіяся къ 1871 г., далеко ниже дѣйствительныхъ.

Государство — не производитель и не коммерсантъ. Государство есть общественная организація, имѣющая цѣлью свободное развитіе личности и ея благосостояніе. Такъ какъ государство не производитель, то оно необходимыя для него средства получаетъ отъ народа. Народъ, производящій платежи, подвергаетъ себя этимъ извѣстнымъ лишеніямъ и ослабляетъ свои производительныя силы. Слѣдовательно, задача финансоваго управленія въ томъ, чтобы, по возможности, меньше отвлекать отъ народа его излишки и держать народъ какъ можно дальше отъ роковаго для него предѣла истощенія податныхъ силъ. Если это не будетъ соблюдено, то свободный производительный капиталъ страны можетъ совсѣмъ исчезнуть и экономическое развитіе народа остановится.

XX.

Представился мнѣ нынче случай ѣхать на Волгу. Хорошій это край, широкій, раздольный, простору въ немъ — какъ въ первобытной степи, даже какъ будто Америку напоминаетъ. Насидѣвшись въ деревнѣ, да еще въ губерніи, гдѣ все очень маленькое и узенькое, гдѣ люди жмутся какъ тараканы въ избѣ, гдѣ копѣечный урожай считается благословеніемъ Божіимъ и никто никогда не видитъ рублей, я ожилъ только отъ одной возможности отдохнуть степнымъ просторомъ и на время почувствовать себя свободнымъ. Чтобы полнѣе воспользоваться свободой, я составилъ даже особенный планъ. Планъ былъ, впрочемъ, очень простъ и заключался въ томъ, что я буду «путешествовать». Правда, Соллогубъ увѣрялъ, что по Россіи можно лишь «ѣздить» но, вѣдь, это было тогда, когда люди странствовали еще по способу Чичикова. Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка и въ Россіи явились не только желѣзныя дороги, но и пароходы «американскаго типа». Настроившись быть туристомъ, я взялъ только ручной чемоданъ, и беззаботно, съ легкимъ сердцемъ, тронулся въ путь. Лошади фыркали и бѣжали легко и весело, хотя имъ до желѣзной дороги приходилось сдѣлать больше сорока верстъ, и они это знали. И мнѣ было весело. Рисовалось впереди что-то другое, новое, хорошее, чего я давно не видѣлъ; правда, это «что-то» было еще очень далеко, да я его и не зналъ въ точности, а только воображалъ, а, можетъ быть, и выдумывалъ, но оно, все-таки, было, и оставалось лишь выбраться на Волгу, чтобы журавль въ небѣ сталъ синицей въ рукахъ. Ахъ, все это такъ и случилось, но большой журавль оказался очень маленькою синицей.

Подумаешь, какимъ просторомъ наградилъ насъ Богъ, иди куда хочешь и никогда не дойдешь до краю, а, между тѣмъ, вездѣ и всюду мы ухитрились все сжать, съузить, стѣснить. Есть преданіе, что Петръ Великій хотѣлъ стянуть населеніе отъ окраинъ къ Москвѣ. Въ этомъ есть идея. Очень можетъ быть, что въ тѣснотѣ мы бы лучше устроили просторъ, да и вообще устроились бы умнѣе. За границей, кажется, ужь очень тѣсно, а устроились же люди свободно, на нашемъ же просторѣ, какъ видно, люди нарочно выдумываютъ тѣсноту и жмутся другъ къ другу. Отъ скуки, что ли? Если бы только отъ скуки, — но нѣтъ. Нашъ мужикъ и въ степномъ просторѣ селится большими деревнями. Такъ же поступаетъ и французъ, который любитъ тоже большія поселенія. А нѣмцы, англичане, американцы селятся особняками. Хохолъ тоже не любитъ большихъ слободъ, а особенно въ линію; онъ раскинется отдѣльными хатками и окружитъ себя кущами зелени, фруктовыми деревьями и цвѣтниками. Говорятъ, что въ способѣ поселенія выражается способность къ колонизаціи, и народы, селящіеся большими слободами, какъ мы и французы, плохіе колонизатары. И дѣйствительно, нѣмецъ, не нуждающійся въ близкомъ сосѣдѣ, отважно забирается въ самую дикую трущобу и лѣсную глушь и энергически приспособляетъ ее къ своимъ потребностямъ, удобствамъ и выгодамъ. Подобною же колонизаторскою способностью отличаются и наши латыши. Латышъ тоже заправскій піонеръ, онъ тоже не нуждается въ сосѣдѣ и такъ же энергиченъ, неутомимъ и настойчивъ, какъ нѣмецъ и англичанинъ. Бывали случаи, что одинокій латышъ-поселенецъ вскапывалъ землю подъ хлѣбъ лопатой, — да не какой-нибудь огородъ, а цѣлое поле въ двѣ десятины. Русскій піонеръ сказалъ-бы въ подобномъ случаѣ: «да развѣ безъ лошади что-нибудь подѣлаешь?» — и ушелъ бы куда глаза глядятъ; а латышъ и пришелъ-то безъ лошади, бѣднякъ-бѣднякомъ, чуть не въ томъ видѣ, какъ его мать родила, и ужь раньше рѣшилъ, что онъ вскопаетъ землю палкой, по-первобытному, и, покопавъ такъ года два, завелъ потомъ и лошадь. Такъ въ одиночку, но съ энергіей работаетъ нѣмецъ и англичанинъ, и каждый изъ нихъ копается отдѣльно, устраиваетъ свой собственный особнякъ, и когда наберется этихъ особняковъ сотни, тысячи и, наконецъ, десятки и сотни тысячъ, получается цѣлая культурная страна. Мы же, куда ни придемъ, сейчасъ толпимся въ кучу, въ стадо, хотимъ все дѣлать міромъ и съ общаго согласія. Это, конечно, очень хорошо, если люди понимаютъ другъ друга и понимаютъ свободу.

Отчего же мы толпимся въ кучу, а нѣмцы и англичане нѣтъ? Что куча иногда очень мѣшаетъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Куча всегда оттягиваетъ книзу, всегда заставляетъ каждаго поступать по-среднему; только куча и

стадность мѣшаютъ нашему крестьянскому земледѣлію превратиться въ агрономію. Все это совершенно вѣрно, но также вѣрно и то, что въ кучѣ, толпѣ, мірѣ все, пока, спасеніе нашего мужика. Явись мужикъ піонеромъ-одиночкой, его сейчасъ же слопаетъ сосѣдъ-хищникъ. Только громадой и міромъ мужикъ и силенъ, и какъ ни велика иногда глотка хищника, а громады ей не захватить. Наблюдая колонизацію, какъ она совершается на нашихъ глазахъ, можно сказать только одно, что каждый народъ является въ ней съ своимъ готовымъ прошлымъ, съ инстинктами и привычками, которые въ немъ сложились, установились и опредѣлились за много ранѣе. Нѣмецъ и англичанинъ смѣло и отважно идутъ впередъ, свое прежнее мѣсто они бросаютъ, а не бѣгутъ отъ него. Нашъ же поселенецъ всегда бѣжитъ отъ стараго и съ щемящимъ чувствомъ идетъ къ новому, боится его неизвѣстности. Нѣмецъ и англичанинъ уходятъ отъ условій жизни, съ которыми пока никто ничего подѣлать не можетъ и самъ онъ, что съ нимъ ни дѣлалъ, не могъ ничего подѣлать. Нашъ же мужикъ бѣжитъ отъ порядковъ и отношеній, съ которыми можно многое подѣлать, да ничего не дѣлается. Нѣмецъ и англичанинъ идутъ съ гордымъ сознаніемъ своего *я*, съ приподнятымъ личнымъ чувствомъ, съ увѣренностью, что онъ создастъ на новомъ мѣстѣ новые порядки и что эти порядки зависятъ отъ него. Нашъ мужикъ идетъ точно тать ночной, съ робкою запуганностью; онъ чувствуетъ и знаетъ только одно, что онъ очень маленькій, что нигдѣ и ничего отъ него не зависитъ, и о новомъ мѣстѣ, куда онъ бредетъ, онъ знаетъ только одно, что авось тамъ будетъ лучше. Въ этомъ «авось» весь источникъ его пассивной энергіи. Это попросту чувство надежды, что должно же быть наконецъ и лучше. Но какъ и откуда возьмется это лучшее, мужикъ совсѣмъ не знаетъ. Разумѣется, не безъ личнаго чувства и нашъ русскій піонеръ, но оно заключается въ томъ, что онъ только чувствуетъ, что по-божески должно быть все иначе, но эта божеская правда должна придти откуда-то со стороны, а самому ему ее не устроить. Этотъ историческій опытъ составляетъ весь общественный багажъ нашего мужика, съ которымъ онъ идетъ на Амуръ, и въ Ташкентъ, и на Кавказъ, и куда хотите. Піонеромъ съ личною энергіей нѣмца, американца и англичанина является у насъ не мужикъ, а промышленникъ. Онъ-то и есть, пока, нашъ колонизаторъ, разносящій русскую культуру; но это не организаторъ, а хищникъ — это щука, которой непремѣнно нужно кого-нибудь съѣсть. Нѣмецъ и англичанинъ тоже умѣютъ ѣсть, въ Америкѣ европейскій піонеръ съѣлъ всю краснокожую породу и теперь онъ поселился въ Африкѣ, въ Азіи и въ другихъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы съѣсть туземца, но для своихъ и для себя онъ строитъ школы, церкви, созидаетъ порядки и своему сосѣду жить и дышать не мѣшаетъ. Нашъ же піонеръ-промышленникъ и до сихъ поръ ѣлъ и теперь продолжаетъ ѣсть только своего бѣлокожаго брата, а о школахъ и порядкахъ никогда не имѣлъ никакого понятія и еще нигдѣ ихъ не устроилъ.

Я помню самарскій край въ его лучшее, какъ называютъ здѣсь теперь, «либеральное время». Самарскія степи были тогда только что отняты отъ калмыковъ. Край былъ широкій, раздольный, первобытно-степной, въ которомъ жилось свободно. Это значитъ, что всякій, кто могъ, забиралъ чужое. Тогда еще существовало первобытное право захвата и болѣе ловкіе піонеры наживались, какъ наживаются люди только во вновь открытыхъ странахъ, наживались не изобрѣтеніями, не развитіемъ производствъ или культуры,—нѣтъ, наживались совсѣмъ просто, по первобытному—захватомъ и смѣлостью. Началась эта смѣлость еще при калмыкахъ (не думайте, читатель, что я говорю о чемъ-нибудь очень далекомъ,—нѣтъ, я говорю о тѣхъ временахъ, когда уже строилась царскосельская желѣзная дорога). И вотъ, когда мы начали строить первыя желѣзныя дороги и, такъ сказать, пріобщаться къ Западу, наши піонеры стали надвигаться на калмыцкія, киргизскія и башкирскія степи. Всѣ эти піонеры были изъ простыхъ мужиковъ, русскихъ или молоканъ. Простору было много и всѣмъ было мѣсто. Піонеръ началъ съ того, что познакомилъ калмыка съ благами русской цивилизаціи. «Что обскачетъ твой конь въ день, то и бери»,—говорилъ калмыкъ піонеру, получая отъ него штофъ водки. Потомъ калмыкъ сталъ умнѣе и началъ сдавать землю по контракту, но и піонеръ зналъ цѣну денегъ. Сдавалось за десять копѣекъ, по двадцатипятилѣтнимъ контрактамъ, то, что стоило рубли. Потомъ калмыковъ съ ихъ родныхъ ставропольскихъ и самарскихъ степей прогнали въ Азію, земли ихъ сдѣлали казенными оброчными статьями и статьи эти захватилъ тотъ же піонеръ, тотъ же жадный до наживы русскій промышленникъ, да умный, ловкій и смѣлый молоканинъ. Этотъ-то піонеръ по нѣмецко-американскому образцу и клалъ начало гражданскаго устроенія края и создавалъ традицію захвата и широкихъ аппетитовъ. Первыхъ піонеровъ было не много, можетъ быть, человѣкъ десять, но ихъ было достаточно, чтобы заложить фундаментъ будущему зданію, которое съ тѣхъ поръ все росло и ширилось и продолжаетъ рости и шириться. Какъ на югѣ, въ новороссійскихъ степяхъ, изъ таврическихъ молоканъ создался захватившій все тавричанинъ, такъ и здѣсь, въ самарскомъ краю, создался захватившій все въ свои руки піонеръ-промышленникъ. Какъ на югѣ тавричанину благопріятствовали всѣ общія условія и мѣстныя особенности, такъ и самарскому піонеру-промышленнику помогли общія условія и самарскія особенности. Тавричанинъ вышелъ изъ пастуха-овцевода и захватилъ въ свои руки всѣ пастбища; самарскій же піонеръ захватилъ въ свои руки всѣ свободныя степи, на которыхъ можетъ рости пшеница. А пшеница здѣсь замѣчательная,—кажется, во всемъ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго самарской пшеницѣ. Это не пшеница, а янтарь, и самъ Богъ отвелъ для нея самарскія и оренбургскія степи,

назначивъ имъ границей Волгу. Волга есть естественная граница между Европой и Азіей, живое урочище, раздѣляющее эти два различныхъ міра. По сю сторону Волги (въ Европѣ) флора малорослая, скудная, тощая, по ту (въ Азіи), точно чудомъ какимъ, все рѣзко становится инымъ, рослымъ, сильнымъ, многообразнымъ и въ Европѣ невиданнымъ. Въ степяхъ ростетъ дикій малорослый персикъ, таволожка, мальва, истра, ковыль, а янтарная пшеница (бѣлотоловка) ростетъ до того густо и сильно, что за уборку ея берутъ вчетверо дороже, чѣмъ сейчасъ же на противуположномъ европейскомъ берегу Волги. Даже фауна тутъ иная. Кузнечики величиною чуть не съ воробьевъ, въ садахъ шпанская муха, а въ поляхъ живутъ тарантулы. Ну, конечно, не кузнечики, бабочки и малорослый персикъ, да красота степей поманили къ себѣ піонера, а только янтарная пшеница, которую онъ такъ или иначе превратилъ въ свою золотоносную розсыпь. Самъ піонеръ пшеницы не сѣялъ: дѣлалъ онъ было эту попытку, но оставилъ,—онъ забралъ землю. Сначала онъ забиралъ ее отъ калмыка, а когда калмыка прогнали и землями его завладѣли казна и удѣлъ, то онъ началъ снимать степи отъ новыхъ ихъ хозяевъ и раздавать мужику. На этой передачѣ онъ безъ хлопотъ наживалъ десять рублей на рубль, да наживалъ еще и на пшеницѣ, которую скупалъ отъ мужика и казака по Иргизу, оставляя имъ всѣ хлопоты, трудъ и риски и получая отъ нихъ уже совсѣмъ готовый янтарь. Какъ было тутъ не разбогатѣть и не воспитать въ себѣ широкихъ аппетитовъ? Весь размахъ фантазіи былъ широкъ, какъ была широка степь, эту фантазію воспитавшая. Люди пріучались мечтать не о рубляхъ, а о тысячахъ и милліонахъ, и эти милліоны были не фантазіей вродѣ мечтаній о выигрышѣ въ двѣсти тысячъ, а настоящими милліонами, которые каждый видѣлъ, какъ они ростутъ въ карманахъ, и аппетиты росли не только у тѣхъ, у кого были, но, можетъ быть, еще больше у тѣхъ, у кого никакихъ кармановъ не было. Ширь и ея громадные масштабы и возможность быстраго обогащенія создали здѣсь даже особую породу людей—умную, смѣтливую, ловкую, но жадную до денегъ, не умѣющую думать дальше захвата и безжалостную и жестокую, когда дѣло касается наживы.

Здѣсь и женщина-то вышла умная, смѣтливая, смѣлая и тоже съ широкими аппетитами, но въ сторону не наживы, а прожиганія жизни. Піонеръ-промышленникъ, захватывая всякую чужую копѣйку и собирая милліоны, жался, а подчасъ и скряжничалъ, оставаясь и съ милліонами все тѣмъ же мужикомъ, и сапоги онъ носилъ бутылками и мазалъ ихъ дегтемъ, и голову уснащалъ деревяннымъ масломъ, а за обѣдомъ ѣлъ только солонину съ хрѣномъ. Женщина цивилизовалась быстрѣе, а праздный досугъ и мужнины милліоны научили ее лакомиться жизнью. Стяжаніе и захватъ, просторъ, досугъ, да прожиганіе этого досуга,—вотъ на какой почвѣ росла, крѣпла и развивалась здѣшняя жизнь и какую создавала она себѣ традицію. Худо это или хорошо, я объ этомъ не говорю,—я говорю только о томъ, на какихъ основахъ слагалась здѣшняя гражданственность и какому богу люди учились и привыкали молиться. Чего же слѣдуетъ ожидать не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ отъ подобныхъ гражданскихъ устроителей? Привычка къ степной свободѣ, привычка думать только о томъ, не лежитъ ли что гдѣ-нибудь еще никѣмъ не занятое, и нельзя ли его захватить, привычка высматривать и забирать, творитъ людей смѣлыхъ, рѣшительныхъ, предпріимчивыхъ и отважныхъ, вырабатываетъ характеры твердые, неуступчивые, неуклонно идущіе къ своей цѣли. Но этотъ смѣлый и неуступчивый человѣкъ не больше, какъ степной дикарь, и никакого настоящаго гражданскаго порядка ему не создать, пока не придетъ къ нему на помощь человѣкъ, который вложитъ свѣтъ человѣческаго понятія въ эту степную голову и человѣческія чувства въ это мощное степное тѣло. А тѣло дѣйствительно мощное и людей такихъ размѣровъ вы нигдѣ не встрѣтите. Ихъ вскормила и выхолила та же степь на удивленіе міру, создавъ новую девятипудовую человѣческую породу. Вотъ ѣдетъ этотъ девятипудовой человѣкъ, въ плетушкѣ, въ свою степь и плетушка гнется подъ его тяжестью. Посмотрите на этотъ первобытный организмъ, какъ онъ скроенъ и сшитъ, какъ все въ немъ приспособлено для утробы и поглощенія. Спина круглая, мощная, выпуклая, мясистая (онъ сидитъ, опустившись и не много сгорбившись отъ собственной тяжести), точно у гориллы, въ плечахъ косая сажень, и на этомъ громадномъ туловищѣ, на загорѣлой, красно-коричневой, заплывшей, толстой мясистой шеѣ сидитъ сравнительно маленькая голова съ заплывшимъ, лоснящимся лицомъ. Какія же другія мысли, кромѣ мыслей о захватѣ, могли явиться въ этой головѣ, и можетъ ли вырваться изъ этихъ мощныхъ объятій, что хоть разъ въ нихъ попадетъ? И мощныя объятія захватили самарскій край и держатъ его крѣпко.

Край! Но, вѣдь, край не земля, не степь, не черноземъ. Край—это люди. И въ объятіяхъ первобытнаго девятипудоваго человѣка очутилась тоже не земля, а мужикъ. Мы кичимся надъ поляками, что они звали мужика «быдломъ». Вѣрно, что мы своего мужика «скотомъ» не называли. Мы звали его ласково «кормильцемъ» и дожали этого кормильца до того, что онъ побѣжалъ куда глаза глядятъ. Этими бѣжавшими куда глаза глядятъ «кормильцами» наполнился и самарскій край. Сюда бѣжалъ и здѣсь селился народъ отовсюду, и въ Россіи, кажется, нѣтъ губерніи, гдѣ была бы такая смѣсь всякихъ людей. Сюда набѣжали хохлы, русскіе, татары, нѣмцы; здѣсь вы найдете и потомковъ стрѣльцовъ, и потомковъ казаковъ, и потомковъ бѣжавшихъ крѣпостныхъ и дворовыхъ, и потомковъ бѣглыхъ солдатъ и раскольниковъ. По религіямъ смѣсь еще больше: молокане, раскольники всякихъ толковъ, православные, магометане, католики, лютеране,—всѣ выставили здѣсь своихъ представителей, и все это бѣжавшее въ степь па-

селеніе, искавшее выхода и свободы, сначала и дѣйствительно жило свободно, пока не явился порядокъ. Для порядка земли были отграничены, составлены на земли планы, планы утверждены и крестьяне введены во владѣніе. Только девятипудовому піонеру не отвели владѣнія и не ограничили его никакими планами; точно только для него одного Богъ создалъ всѣ степи и повелѣлъ ему быть ихъ хозяиномъ. И онъ сталъ ихъ хозяиномъ...

Поставилъ я точки потому, что забѣжалъ немножко впередъ. Всѣ эти размышленія явились у меня уже здѣсь, на мѣстѣ, въ Самарѣ, да въ ея кумысной степи, когда я уже увидѣлъ широкую, оттѣсняющую всѣхъ спину девятипудоваго піонера и тощаго, хотя и крупнаго, костистаго самарскаго мужика, отъ котораго девятипудовой піонеръ отнимаетъ даже то, что тощему мужику отведено по плану. Самара съ ея піонеромъ и тощимъ костлявымъ мужикомъ развернулась передо мною не вдругъ, степная панорама ея расширилась по мѣрѣ того, какъ я отодвигался отъ подмосковнаго центра. Нужно было проѣхать тысячу верстъ и выбраться на Волгу, чтобы, наконецъ, увидѣть этотъ тѣсный просторъ, приспособленный пока лишь для широкой спины піонера-промышленника.

И странная вещь, какъ ни тѣсно, повидимому, здѣсь сѣрому и покрытому черноземною пылью мужику, немножко напоминающему сибирскаго запыленнаго бродягу, и, все-таки, здѣсь дышется легче. Ужь больно просторъ великъ и возбуждаетъ онъ чувство надежды, что отъ него еще многое можетъ попасть въ руки настоящаго хозяина степи, мужика, что есть еще чѣмъ распорядиться въ пользу этого настоящаго хозяина. Но не то раньше, по пути въ Москву, да отъ Москвы до Волги. Тамъ ужь брать нечего,—все взято, все разобрано, просторъ исчезъ и впереди осталась одна «интензивность». Отъ этого же подъ московскимъ центромъ вы не увидите ни широкой спины, ни девятипудоваго человѣка. Онъ исчезъ, какъ исчезъ его сородичъ—мамонтъ, какъ уходитъ и китъ все дальше и дальше, гдѣ находитъ больше простора. Здѣсь же и мужикъ находится еще въ періодѣ мамонта,—онъ крупенъ и костистъ,—и если его посадить на хорошій кормъ, то и онъ потянетъ девять пудовъ. И грубымъ захватомъ подъ Москвой ничего не подѣлаешь, развѣ попадешь съ нимъ на скамью подсудимыхъ. Подмосковный человѣкъ уже понялъ, что онъ зависитъ не отъ земли, не отъ того, сколько онъ заберетъ ее въ свои лапы. Поэтому тамъ пошла фабрика и лавка, торговля, промышленность, изворотъ и сношеніе. Тамошній человѣкъ сталъ отъ этого меньше и ростомъ, но за то умственнѣе и интензивнѣе и не напоминаетъ собою ни ковыльнаго чернозема, ни первобытной степи.

До Москвы ѣхали со мною два московскихъ купчика. Я говорю «купчика» потому, что они и въ дѣйствительности не были купцами и походили скорѣе на «купеческихъ дѣтей». Не было въ нихъ никакой самостоятельности, а по всѣмъ разговорамъ и манерамъ, даже по тому, что они начинали пить водку въ 8 часовъ утра, видно было, что они еще не настоящіе хозяева (хоть у одного изъ нихъ есть лавка въ рядахъ, а у другаго какая-то фабричка,—должно быть, отцовская). Купчики и сами звали себя не купцами, а «агентами», даже какъ будто и гордились этимъ. И немудрено, потому что отъ агента требуется умственность, интензивность, ловкость и умѣлость. Ѣздили купчики въ Лодзь по коммиссіоннымъ дѣламъ московскихъ фабрикантовъ и сношенія этого рода между Москвой и Лодзью уже установились и приняли правильную форму. Очевидно, что Москва просыпается и начинаетъ (хотя и туго) понимать, что по старому, по-московскому, поступать теперь нельзя, а то, чего добраго, и китайцы насъ обгонятъ.

И странная вещь, сознавая, что надо думать и поступать по-европейски, Москва, первая, строитъ между собою и Европою китайскую стѣну. Она первая—за всякіе тарифы и запрещенія, за крѣпостныя сооруженія и непроходимыя дороги. Дайте только Москвѣ волю и—по всѣмъ границамъ (конечно, западнымъ) она выроетъ глубокіе рвы и соорудитъ каменныя стѣны, она окружитъ стѣною Царство Польское, Финляндію, Балтійскій край, вообще замуравитъ всѣхъ тѣхъ, кто ея умнѣе, производительнѣе и изобрѣтательнѣе. Смѣшной этотъ, право, геній русскаго прогресса; никакъ онъ не умѣетъ понять свободы, а все бы онъ запретилъ, искоренилъ и замуравилъ, а чего замуравить нельзя, то онъ выгналъ бы вонъ, чтобы остаться въ компаніи только съ киргизами, татарами и орочонами. Съ этими, видите, можно жить, а съ нѣмцами, французами, англичанами жить нельзя. Мои купчики оказались, конечно, московскими патріотами и энергично стояли за поголовное изгнаніе изъ Россіи иностранцевъ и особенно нѣмцевъ. Бисмарка они ненавидѣли не за его европейскую политику, а просто за то, что онъ нѣмецъ; въ русскую внѣшнюю и финансовую политику вѣровали вполнѣ,—вѣровали, что Бисмаркъ будетъ устыженъ и рубль нашъ станетъ рублемъ и процвѣтутъ въ Москвѣ лавки съ краснымъ товаромъ. Вообще они на Божій міръ смотрѣли изъ форточки ситцевой фабрики.

Въ Кунцевѣ (подъ самой Москвой) изъ крайней дачи сѣлъ въ нашъ поѣздъ какой-то благовидный господинъ, и одинъ изъ краснорядцевъ, показывая на него пальцемъ, сказалъ товарищу: «Смотри, смотри, вотъ только и дѣло его въ томъ, что въ 12 часовъ поѣдетъ въ Москву и въ 4 вернется къ себѣ на дачу и получитъ за это десять тысячъ».

— А кто онъ такой?—спросилъ я краснорядца.

— Такой же агентъ, какъ мы.

— Отчего же онъ получаетъ такъ много?

— Нѣмецъ!

Вотъ и весь секретъ патріотической политики: «нѣмецъ!» Значитъ, если этого нѣмца вытурить, то его 10 тысячъ очутятся въ карманѣ русскаго краснорядца. Но и нѣмецъ еще силенъ, и одною вытуряющею политикой его барыши себѣ въ карманъ не положишь, потому что нуженъ для этого еще и нѣмецкій умъ; а имъ, пока, московскій фабричный патріотизмъ заручиться не успѣлъ. Впрочемъ, «нѣмецъ»—не исключительно человѣкъ лю-

теровой вѣры, говорящій по-нѣмецки. «Нѣмецъ» — это все то, что умнѣе насъ и лучше умѣетъ вести дѣло. Нѣмецъ—собственно тотъ вкусный кусокъ, который попадаетъ въ чужой ротъ и при видѣ котораго у насъ текутъ слюнки. Тутъ французъ, и англичанинъ, и американецъ, и даже китаецъ могутъ быть нѣмцами.

На Волгѣ славятся пароходы Зевеке, тоже «нѣмецъ» (Зевеке, собственно, англичанинъ или, какъ увѣряютъ его пароходные конкурренты, ради уязвленія, англійскій еврей). Что же значитъ нѣмецъ Зевеке? Это значитъ вотъ что. Значитъ, что на пароходѣ Зевеке вы будете имѣть прекрасную каюту, чистую, безъ клоповъ, достанете себѣ постельное бѣлье, подушку, одѣяло, а пожалуй даже туфли и халатъ. Зевеке—значитъ прекрасный салонъ, съ пьянино, триповою, мягкою, удобною мебелью и широкими покойными диванами, просторный, свѣтлый, изъ оконъ котораго вы можете, сидя въ теплѣ и уютѣ, наслаждаться широкимъ раздольемъ Волги. Зевеке—значитъ большая, удобная, чисто и красиво сервированная столовая, съ бронзой и хрусталемъ. Зевеке—значитъ значительно пониженная цѣна за мѣста и каюты, это значитъ, что вы не столкнетесь съ выпившимъ капитаномъ, что васъ никто не выругаетъ «по русски», что васъ не утопятъ, не взорвутъ на воздухъ, что въ роли капитана вы не встрѣтите ни отставнаго дьячка, ни трактирнаго маркера. На пароходѣ Зевеке пассажиръ есть первый гость, и первый гость чувствуетъ, что все тутъ приспособлено для его удобства, безопасности и комфорта. На видномъ мѣстѣ, во всѣхъ отдѣленіяхъ парохода, вывѣшены, въ рамкахъ, подъ стекломъ, списки служащихъ на пароходѣ. Вы узнаете, что вашъ капитанъ (конечно, нѣмецъ или шведъ) воспитывался въ мореходномъ училищѣ и совершилъ дальнія плаванія. Помощникъ—тоже нѣмецъ или шведъ, и тоже кончилъ мореходные классы, и тоже совершалъ дальнее плаваніе. Машинистъ—ученый, сдавшій экзаменъ; кочегаръ—опытный, служившій долго на заводахъ. На пароходной трубѣ, на видномъ мѣстѣ, утвержденъ манометръ, а рядомъ удостовѣреніе, за казенною печатью и подписями, что паровой котелъ безопасенъ и можетъ выносить столько-то атмосферъ. Подойдите къ манометру днемъ, ночью, утромъ, вечеромъ, и вы увидите, что стрѣлка дрожитъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, и убѣдитесь, что паровой котелъ управляется истиннымъ артистомъ. Вотъ что значитъ «Зевеке»! Нѣмецъ Зевеке—значитъ точность, аккуратность, чистота, порядокъ, безопасность, вѣжливость, удобство и дешевизна. Зевеке—значитъ первые на Волгѣ пароходы американскаго типа, т.-е. плавучіе двухъ-этажные громадные дома, въ которыхъ вы чувствуете себя какъ въ своей квартирѣ. Зевеке, или нѣмецъ, значитъ первый почину, первое указаніе, какъ должно быть устроенно пассажирское пароходство, какъ слѣдуетъ вести пароходное дѣло и какъ получать отъ него правильно выгоду. Теперь и другія пароходныя компаніи завели пароходы американскаго типа, но для того, чтобъ они ихъ завели, потребовался нѣмецъ Зевеке. Зевеке же завелъ, для плаванія къ Рыбинску, мелкосидящіе пароходы американской же системы, съ колесомъ сзади. «Русскіе» замахали руками и рѣшили, что это «пустое дѣло», а теперь и сами стали строить такіе же пароходы. И тутъ для почина потребовался «нѣмецъ». Зевеке говоритъ, что онъ беретъ въ капитаны только нѣмцевъ потому, что русскіе не знаютъ когда можно пить. И въ этомъ «когда пить» сказывается цѣлое дѣловое воспитаніе, цѣлая школа. Мои купчики начинали пить съ 8 часовъ утра, даже подъѣзжая къ Москвѣ; тутъ они пили, пожалуй, еще больше, чтобы кончить дорожный запасъ, - пили они, вѣроятно, и подъѣзжая къ Лодзи, пили и въ самой Лодзи; а нѣмецъ, сѣвшій въ нашъ поѣздъ, въ Кунцевѣ ужь, конечно, не пилъ въ это утро ничего, кромѣ кофе, потому что ѣхалъ на дѣло. Нѣмецъ и въ питьѣ выработалъ извѣстный порядокъ, установилъ систему, превратилъ питье нѣкоторымъ образомъ даже въ идею. Русскій пьетъ, пока, безъ всякой идеи, безъ всякой системы и порядка, а попросту, когда вздумается, когда Богъ положитъ на душу. Онъ выпьетъ всегда какъ-то случайно; налили ему рюмку—онъ и выпьетъ, нальютъ вторую—онъ выпьетъ и вторую; можетъ выпить такъ и десятую, а потомъ, когда загорится сердце, посадитъ пароходъ на мель, или пустится обгонять пароходъ конкуррентной компаніи и просадитъ бокъ или ему, или своему пароходу. Такъ это и водилось всегда на Волгѣ; и безобразіе волжскихъ капитановъ, какъ и волжскихъ бурлаковъ, вошло даже въ пословицу. Нѣмецъ Зевеке и тутъ явился съ новымъ словомъ, и первый установилъ, что капитанъ долженъ знать, когда можно пить. Если же, по теоріи моихъ дорожныхъ купчиковъ, протурить сейчасъ же со всѣхъ волжскихъ пароходовъ нѣмцевъ, пока «новое слово» Зевеке еще не утвердилось повсюду, то опять бы наступили на Волгѣ первобытныя времена и началось бы «ушкуйничество капитановъ». Не въ какомъ-то пристрастіи къ нѣмцу тутъ дѣло, а въ томъ, чтобы пьяный человѣкъ не утопилъ или не взорвалъ на воздухъ парохода, да не было бы человѣческихъ жертвъ.

Было время, когда и Петербургъ обижался на нѣмцевъ, и это было много ранѣе, чѣмъ начала обижаться Москва. Петербургу было обидно, что нѣмецъ стоитъ у кормила. Изъ времени этой обидчивости сохранился еще и до сихъ поръ анекдотъ о Ермоловѣ, который будто бы просился въ нѣмцы. Но Петербургъ въ своей обидчивости былъ больше правъ, чѣмъ Москва, потому что нѣмецъ у кормила совсѣмъ не такъ удобенъ, какъ на фабрикѣ или пароходѣ. Нѣмецъ у кормила вноситъ педантизмъ, мелочность, формализмъ и полицейскіе порядки. Онъ всѣ русскіе недостатки немедленно приведетъ въ строгую систему, да вдобавокъ къ нимъ приложитъ еще и свою нѣмецкую педантическую и немножко палочную душу. Но на пороходѣ, фабрикѣ, въ агентурѣ, въ конторѣ нѣмецъ—золотой человѣкъ, и ему у насъ остается еще много дѣла, прежде чѣмъ русскій саврасъ пріучится ходить въ оглобляхъ.

Теперь жизнь съ верховъ начинаетъ спускаться у насъ внизы и былая крѣпостная Россія становится капиталистически-буржуазною. Направленія этой жизни нѣмецъ не даетъ и широкая спина девятипудоваго піонера-промышленника гораздо совершеннѣе, чѣмъ жидкій нѣмецъ, оттѣснитъ все, что стоитъ на пути русскаго буржуйства. Одинъ девятипудовой буржуй нагадитъ больше, чѣмъ тысяча нѣмцевъ. Нѣмецъ—просто человѣкъ порядка, системы, почина въ чистоплотности и хорошихъ привычкахъ, которыхъ пока нѣтъ у русской широкой спины. Не нѣмецъ намъ гадитъ, а сами мы гадимъ, и нельзя же для моихъ двухъ купчиковъ, желающихъ получать чужое жалованье, создавать политику вытуренія, да еще и называть ее истинно-русскою, патріотическою политикой. Для такого большого государства, какъ Россія, въ которомъ есть же и умные люди, это едва ли умно.

На широкой Волгѣ, гдѣ такъ много простора и русскаго раздолья, сдержанный и культурный нѣмецъ еще болѣе замѣтенъ и еще рѣзче видна его необходимость. Съ нами плыло нѣсколько нѣмцевъ и всѣ они, по манерамъ, по виду, какъ-то выдвигались изъ остальной, русской публики. Плылъ заграничный нѣмецъ-коммиссіонеръ по скупкѣ за Волгой шерсти для заграничныхъ торговыхъ домовъ; плылъ пивоваръ, тоже заграничный нѣмецъ, при пивоварѣ состоялъ очень юный нѣмецъ, только что окончившій школу, и молоденькая нѣмочка, ѣхавшая изъ-за границы и ни слова не понимавшая по-русски; плыла очень представительная, высокая и сановитая нѣмка, и тоже изъ-за границы, наконецъ, плыли три молодыхъ нѣмца-туриста, ходившіе неразлучно: одинъ высокій и тонкій, другой маленькій и круглый и третій невысокій и не круглый. У каждаго изъ нихъ было по биноклю и по бедекеру. Удивительно, какъ всѣ эти нѣмцы и нѣмки умѣли хорошо пристроиться. Самыя лучшія каюты парохода оказались у нихъ. Особенный талантъ въ пристроеніи обнаружили три нѣмца съ биноклями. Они помѣстились въ каютѣ, окна и дверь которой выходили на наружную галлерею парохода. Отворятъ нѣмцы-туристы окно, растворятъ дверь и, лежа на диванахъ, любуются въ бинокли видами Волги; или же выставятъ на галлерею у своей каюты столикъ и пьютъ на немъ утренній кофе,—ну, точно они на брюлевой террасѣ въ Дрезденѣ; все у нихъ выходило какъ-то по-домашнему, семейно, гемютно, дружно и покойно. И какъ же такихъ хорошихъ нѣмцевъ вытурять? Имъ у насъ на Волгѣ будетъ дѣла еще на сто лѣтъ.

Волга не даромъ считается лучшею рѣкой въ Европѣ, но изумительна она не своими видами и многоводіемъ, а ободряющею и живительною ширью и свѣтлою, просторною далью. Это не холодная, мрачная, лѣсная пустынность Оби и Камы, гдѣ дикая природа гнететъ и давитъ, гдѣ глазъ упирается и направо, и налѣво въ безпривѣтную темную лѣсную чащу, скрывающую отъ васъ солнце, и чувствуете вы себя маленькимъ, безпомощнымъ, безсильнымъ. И на Волгѣ вы не почувствуете себя царемъ природы; но Волга охватитъ васъ яркою далью, веселымъ цвѣтомъ своихъ береговъ, то чисто-песчанныхъ, то хотя и поросшихъ лѣсомъ, но не мрачною пихтой или елью, густою и высокою, точно подпирающею небо и сжимающею какъ безконечный корридоръ; на Волгѣ лѣсовъ нѣтъ, а есть лѣсистые холмы, закругленные, яркіе, съ изумительною свѣтовою игрой, постепенно уходящіе вдаль и сливающіеся съ голубымъ небомъ. И у васъ становится легко и свѣтло на сердцѣ и, кажется, въ самой болѣющей душѣ не можетъ не явиться объективнаго спокойствія, въ самомъ истрадавшемся человѣкѣ не можетъ не возникнуть умиротворяющаго равновѣсія. Это не объективное спокойствіе, вызываемое видомъ горъ и горною далью, уводящею куда-то вверхъ, въ эфиръ голубаго неба и когда вы чувствуете себя успокоеннымъ, потому что съ вами нѣтъ никого. На Волгѣ не отдѣляешься отъ земли, ни въ какой небесный эфиръ не уходишь, и отъ людей не бѣжишь,—люди тутъ, подлѣ васъ; но люди вамъ не мѣшаютъ, вы чувствуете себя внѣ ихъ и смотрите, смотрите не отрывая глазъ, на эти безпрестанно мѣняющіеся и убѣгающіе отъ васъ берега и на это вѣчно одно и то же не мѣняющееся голубое небо.

Очень можетъ быть, что Волга кажется такой только съ плавучихъ громадныхъ домовъ, называемыхъ пароходами американскаго типа. И на пароходахъ этихъ все дѣйствительно приспособлено къ тому, чтобы отдаваться обаянію природы. Вдоль галлереи, обхватывающей пароходъ, вокругъ по борту стоитъ нескончаемый рядъ диванчиковъ и столовъ, всегда занятыхъ; вы не слышите ни стука машины, не чувствуете ни малѣйшаго сотрясенія, точно пароходъ стоитъ на мѣстѣ и передъ вами бѣжитъ безпрестанно мѣняющаяся, безконечная панорама. Кажется, и наши туристы-нѣмцы были приспособлены къ тому, чтобы усиливать обаяніе Волги. Они дружно, втроемъ, переходили то на одну, то на другую сторону галлереи, точно ихъ влекла панорама за собою, съ безмолвнымъ согласіемъ наводили свои три бинокля на одну и ту же точку и тянули другихъ смотрѣть туда же... Да, это былъ совсѣмъ особый міръ, полный порядка, тишины, благоустройства, поразительной чистоты и умиротворяющаго спокойствія; даже разговоровъ никакихъ не было слышно и говорить, кажется, никому и не хотѣлось. Пароходъ плылъ какъ бы самъ собою, точно на немъ не было ни капитана, ни команды,—не бывало слышно ни брани, ни крику, и лишь изрѣдка, приближаясь къ пристани, пароходъ давалъ знать, что онъ подходитъ, не рѣзкимъ, оглушительнымъ свисткомъ, отъ котораго лопается барабанная перепонка, а глухимъ ревомъ, точно выходящимъ изъ раструба пароходной трубы.

И все это благополучіе, въ которомъ вы, натомившійся и наболѣвшій русскою сутолокой человѣкъ, чувствуете себя въ иномъ мірѣ, въ благоустройствѣ, тишинѣ, свободѣ и порядкѣ, гдѣ вамъ никто не мѣшаетъ ни безтолочью, ни грязью, ни грубостью; гдѣ вы чувствуете себя окруженнымъ не только удобствами, но даже комфортомъ (у Зевеке и 3-й классъ помѣщается въ томъ же общемъ домѣ,

подъ тою же крышей, въ свѣтлой, просторной, чистой каютѣ и у каждаго есть своя койка),—все это человѣческое, настоящее, какъ должны жить люди, пришелъ и показалъ намъ нѣмецъ. «Вы вотъ плавали до сихъ поръ, какъ дикари, а я вамъ построю плавучій домъ, чтобы вы плавали и жили, какъ другіе люди»,—сказалъ нѣмецъ и построилъ свой ноевъ ковчегъ, въ которомъ вы, не выѣзжая изъ Россіи, можете прожить нѣсколько дней въ иныхъ, настоящихъ человѣческихъ порядкахъ. И вотъ мы, тѣ же самые русскіе, которые во всѣхъ другихъ мѣстахъ живемъ по-свойски, дебоширимъ, шумимъ и всячески безобразничаемъ, какъ только вступимъ въ ноевъ ковчегъ, становимся совсѣмъ иными людьми, точно выросли сразу на два столѣтія. И не то, чтобы мы ужъ совсѣмъ были бы неспособны жить какъ слѣдуетъ,—нѣтъ, мы только сами ничего не умѣемъ устроить, а приди къ намъ человѣкъ, который это умѣетъ устроить, мы очень рады и тоже станемъ жить, какъ живутъ другіе.

Когда плывешь по Волгѣ, то дѣйствительно чувствуешь себя какъ бы въ иномъ мірѣ, но за то какъ только вступишь на берегъ, то и пойдетъ все то же, отъ чего было такъ пріятно отдохнуть хоть нѣсколько дней. Я знаю, что пароходъ устроить легче, чѣмъ устроить Нижній-Новгородъ или Самару, но тутъ не о томъ рѣчь, что труднѣе и что легче. Лѣтъ тридцать пять назадъ на Волгѣ плавалъ только одинъ пароходъ, жалкій, маленькій, грязный и ободранный, возившій пассажировъ вмѣстѣ съ грузомъ. И теперь Зевеке возитъ пассажировъ и грузъ, но онъ возитъ ихъ во дворцахъ, а вмѣсто одного парохода, плаваетъ ихъ по Волгѣ восемьсотъ. Отчего же пароходный прогрессъ оказался такимъ поразительнымъ, и отчего ни Нижній, ни Самара, ни другіе поволжскіе города въ тѣ же 35 лѣтъ не научились ни мыться, ни чесаться? Самара, правда, въ это время хоть вытянулась въ длину и ширину, а Нижній даже никуда и не вытянулся.

Какъ только путешественникъ изъ плавучаго дворца вступитъ на самарскую землю, его сейчасъ же обдастъ невыносимый смрадъ отъ полувысохшей, гніющей береговой грязи, затѣмъ его обманетъ ободранный, грязный извозчикъ, потомъ путешественникъ, задыхаясь отъ уличной пыли, попадетъ въ грязную гостиницу, потомъ... ахъ, читатель, потомъ вы почувствуете себя въ тѣхъ самыхъ родныхъ порядкахъ, отъ которыхъ думали отдохнуть на широкомъ просторѣ Волги (и на пароходѣ дѣйствительно отъ нихъ отдохнули), да въ свободныхъ просторныхъ самарскихъ краяхъ, въ которые васъ манило воображеніе.

А Самара дѣйствительно просторна. Изъ маленькой и скромной, съ пятнадцатью тысячами жителей, она въ тридцать пять лѣтъ стала длинною и широкою и собрала въ себѣ восемьдесятъ тысячъ жителей. На этой самой ширинѣ и длинѣ нѣмцевъ умѣстилось бы непремѣнно тысячъ полтораста или двѣсти. Нѣмецъ или англичанинъ только піонеромъ-колонизаторомъ уходитъ въ особнякъ, въ городахъ же строится тѣсно. Ему нужно, чтобъ отъ него были бы близко и школа, и библіотека, и почта, и лавка, и рынокъ, и церковь, чтобы все, что ему нужно, было бы у него подъ рукой. Самара же собрала въ себя людей совсѣмъ не для школы, библіотеки, почты и церкви. Въ нее влѣзъ піонеръ, во-первыхъ, потому, что ему нужно же гдѣ-нибудь жить, а, во-вторыхъ, чтобъ ему удобнѣе было грузить пшеницу, которую онъ скупаетъ у мужика и казака. Собрала людей только пшеница. Въ Америкѣ созидается городъ потому, что людямъ нуженъ умственный центръ, представляющій всѣ удобства для личныхъ и общественныхъ дѣлъ. Въ нашей же родной степи ничего этого не нужно, и если въ ней выстроится даже и городъ, то и онъ не больше, какъ та же, но только населенная, степь. Такою населенною степью вышла и Самара, въ которой, какъ и во всякой степи, гуляетъ свободно только вѣтеръ, да носитъ тучи пыли, а человѣка вы въ ней почти и не увидите. Съ городскими цѣлями въ Самарѣ никто и не селился, потому-то Самара и не городъ, а просто очень большое заселенное пространство. Самара есть пока наглядная несообразность тѣхъ условій, которыя создали это заселенное пространство, и тѣхъ отношеній, въ которыхъ оно находится ко всей остальной самарской степи. Единично, тамъ и здѣсь, стоятъ въ разныхъ мѣстахъ города палаццо съ зеркальными стеклами и чугунными подъѣздами. Сосчитайте эти палаццо и вы узнаете число девятипудовыхъ піонеровъ, вскормленныхъ и выращенныхъ самарскими степями. Затѣмъ рядомъ съ палаццами тянутся или пустыри, или заборы, или торчатъ трубы сгорѣвшихъ лѣтъ пятнадцать назадъ домовъ, которымъ уже никогда не отстроиться, какъ никогда не поправиться зарвавшемуся и разорившемуся піонеру. Еще дальше, за заборами и пустырями и мельчающими домами окраинъ, тянутся слободки, гдѣ тѣсно жмутся другъ къ другу трехъ и двухъоконныя лачуги. Это деревня, оставившая степь и поселившаяся въ городѣ чтобы работать на піонера *). Самару приспособлялъ піонеръ только для своихъ нуждъ; а піонеру пока ничего не нужно, кромѣ пристани для грузки пшеницы, амбара для ея ссыпки и мельницъ, чтобъ ее молоть. Для умственной же и общественной жизни Самара еще совсѣмъ не приспособлена, потому что ни умственныхъ, ни общественныхъ потребностей у піонера пока не явилось. Даже потребностей простаго удобства жизни нѣтъ у піонера. Поэтому если онъ и задумаетъ сдѣлать что-нибудь ради удобствъ городской жизни, то получается совсѣмъ не то. Самара устроила, напримѣръ, водопроводъ, но это вовсе не водопроводъ, а только его названіе, потому что воду изъ него пьютъ только бѣдные. Самара устраиваетъ мостовую, но

*) Въ Самарѣ только одна Дворянская улица похожа на городскую, въ ней сплошной рядъ (собственно въ центрѣ города) каменныхъ домовъ и хорошіе магазины. Чѣмъ дальше отъ этой улицы, тѣмъ городъ меньше походитъ на городъ, тѣмъ чаще бросаются въ глаза пустыри и промежутки между домами, и тѣмъ чаще рядомъ съ порядочнымъ домомъ стоитъ какая-нибудь убогость.

это опять только названіе, потому что мостовая кладется изъ бѣлаго известковаго камня, поверхъ его насыпается чуть не на аршинъ песку, отчего вмѣсто мостовой получается Сахара съ вѣчными тучами песчаной пыли, которая въ тихіе, знойные дни (при 40-то градусахъ жары!) стоитъ въ воздухѣ непроглядною мглой, а при вѣтрѣ то крутитъ ее вихремъ, то несетъ по всѣмъ направленіямъ и даже далеко за городъ. Не знаю насколько это вѣрно, но больные одного кумыснаго заведенія, лежащаго отъ Самары въ 8 верстахъ, говорили мнѣ, что при сильномъ вѣтрѣ они задыхаются отъ самарской пыли. Вотъ вамъ и Самара. И, все-таки, въ ней живутъ люди.

Пока Самара только ширится и прихватываетъ къ себѣ все больше и больше сосѣднюю степь. И шириться она, какъ видно, хочетъ еще долго. Она строитъ соборъ почти на окраинѣ (громадный соборъ стоитъ на громадной площади, болѣе похожей на степь), она строитъ театръ за городомъ, разсчитывая, что тутъ-то и будетъ современемъ центръ. Отъ этого будущаго центра до почты, лежащей на противуположномъ концѣ города, будетъ верстъ пять, — значитъ, современемъ будетъ и десять. Прихватывая степь и скопляя населеніе, Самара растетъ только количественно. Когда она была маленькой, пыль и грязь производили въ ней 15 т. жителей, теперь же пыль и грязь производятъ 80 т. жителей; тогда лачуги ютились по окраинамъ единицами, теперь они составляютъ цѣлыя слободы; тогда умственное представительство (тогдашній либеральный элементъ) выдавался сильнѣе, потому что піонеръ только что нарождался и чувствовалъ себя маленькимъ, теперь же онъ выросъ и забралъ Самару и край въ свои руки.

Но, несмотря на количественную силу піонера, въ его рукахъ лишь внѣшняя, денежная власть, и не онъ составляетъ нравственное и умственное нутро края. Нутро это въ сектантствѣ и разновѣріи, гнѣздомъ которому и служатъ Самара и самарскій край. Самарцы любятъ называть себя американцами (это я слышалъ не разъ отъ молоканъ) и, можетъ быть, они не совсѣмъ ошибаются въ своемъ предчувствіи. Теперь Самара находится пока въ религіозномъ моментѣ и дальше этого мысль народа не ушла и не заглядываетъ. На разныхъ разновѣрцевъ приходится въ Самарѣ почти 40 т., и эта цифра принадлежитъ не моей догадкѣ. Понятно, что православіе, окруженное такимъ сильнымъ сектантствомъ, едва ли въ состояніи сохраняться въ чистотѣ. Но, съ другой стороны, соблазнъ, окружающій православіе, и необходимость призадуматься, порождаетъ и болѣе крѣпкое православное убѣжденіе. Здѣсь всякая секта и всякая вѣра машетъ на другую рукой, и всѣ онѣ вражатъ другъ другу; на молоканъ же смотрятъ какъ на отщепенцевъ. Самые фанатичные—староверы. Они суровы, нетерпимы и строги. Эти застывшіе на старинѣ и старомъ обычаѣ люди не знаютъ уступки, твердо стоятъ на своемъ и не умѣютъ ни миловать, ни прощать. Православныхъ они не любятъ, но, однако, чувствуютъ, что имѣютъ съ ними что-то общее; за то фанатично ненавидятъ молоканъ. Молокане мягче и общительнѣе; въ нихъ нѣтъ ни суровости, ни фанатизма, они даже мало похожи на религіозную секту,—это скорѣе люди мысли и убѣжденія, чѣмъ люди вѣры. Старовѣръ беретъ все безъ размышленія, безъ провѣрки, оттого-то онъ не только фанатикъ, но и изувѣръ. Молоканинъ же раціоналистъ, а нѣкоторые изъ болѣе мыслящихъ молоканъ допускаютъ даже прогрессивное молоканство. Разъ вставъ на путь критической мысли, молоканинъ легко идетъ впередъ и хотя сказанное въ Евангеліи признаетъ основой молоканства, но допускаетъ, что и жизнь идетъ впередъ, а съ нею должно, конечно, мѣняться и вѣроученіе. Молоканинъ и видомъ отличается отъ раскольника. Въ каждомъ старовѣрѣ сидитъ въ бòльшемъ или меньшемъ количествѣ, отецъ Аввакумъ, въ старовѣрѣ чувствуется всегда что-то дикое и даже зловѣщее, а во взглядѣ — подозрительность и недовѣріе. Можетъ быть, все это выработалось и исторіей, т. е. многовѣковымъ преслѣдованіемъ и страхами, подъ которыми жилъ у насъ расколъ, но нельзя сказать, чтобы не участвовало тутъ и изувѣрство. Раскольникъ, какъ еврей, считаетъ всѣхъ другихъ нечистыми и чуждается каждаго, кто не раскольникъ. Всѣхъ не своихъ онъ всегда больше или меньше ненавидитъ и злобность или озлобленіе — его главная душевная черта.

Молоканинъ, напротивъ, общителенъ и простъ. Онъ ни отъ кого не отдѣляется и ни кого не чуждается, смотритъ онъ прямо и открыто, безъ ненависти и изувѣрства, ходитъ опрятнѣе и чище всѣхъ другихъ. Но, въ то же время, чувствуется въ молоканинѣ и то, что здѣсь называютъ гордостью. Молоканинъ, а особенно изъ болѣе выдающихся или главарей, не всегда скрываетъ сознаваемое имъ свое умственное превосходство надъ другими сектантами и вѣрующими, и это сознаніе умственной увѣренности и внутренней правоты выражается во всей болѣе открытой фигурѣ молоканина. Конечно, не безъ основанія молокане смотрятъ на другихъ, какъ на темныхъ людей, но эта увѣренность въ себѣ переходитъ иногда и предѣлы. Не разъ мнѣ случалось слышать, отъ одного изъ главарей молоканства не только о другихъ сектантахъ, но и о своихъ молоканахъ (молоканской толпѣ): «что они! ничего не понимаютъ—дураки!»

Православное населеніе занимаетъ здѣсь середину между молоканствомъ и старовѣрствомъ. Раскольникъ, уткнувшись лбомъ въ стѣну, глухъ и слѣпъ для всего, что не расколъ, и почти ни въ чемъ не уступаетъ жизни. Молоканинъ, напротивъ, хочетъ относиться ко всему сознательно, хочетъ понять, что онъ видитъ, такъ сказать, обнять критическимъ окомъ окружающій его міръ и отношенія (конечно, преимущественно нравственнаго порядка) и изображаетъ собою несомнѣнное прогрессивное народное начало. Православные, занимая середину, стоятъ ближе къ старовѣрамъ, ибо держатся строже буквы и формы. Что же касается того, что молокане усерднѣе молятся золотому

тельцу, то, кажется, въ этомъ обвиненіи участвуетъ нѣсколько личное чувство. Золотой телецъ здѣсь общій богъ, которому одинаково молятся люди всѣхъ состояній, всѣхъ сектъ и всѣхъ религій. Только одинъ этотъ богъ ихъ всѣхъ примиряетъ и заставляетъ забывать религіозное различіе, и потому понятно, что лишь въ его рукахъ и вся судьба здѣшняго человѣка.

Здѣсь выступитъ осенью на судѣ герой «захвата» и восторжествуетъ, если общественная совѣсть не поможетъ сторонѣ терпящей. Я хочу сказать два слова о дѣлѣ купца Маркова съ крестьянами Негодяйки (дѣйствительное названіе деревни). О подвигахъ Маркова писалъ въ «Недѣлѣ» г. Португаловъ, говорилось и въ «Русской Мысли». Крестьяне Негодяйки принадлежали кн. Трубецкому. Послѣ освобожденія имъ былъ отведенъ надѣлъ, кн. Трубецкой предполагалъ выселить Негодяйку на другое мѣсто, самъ даже ѣздилъ, чтобы отыскать мѣсто для того удобное, но мѣста удобнаго не нашлось. Такъ крестьяне Негодяйки и остались на той усадебной землѣ, на которой они теперь живутъ. Когда Марковъ, года два назадъ, купилъ землю кн. Трубецкаго (уже изъ вторыхъ рукъ), онъ потребовалъ, чтобы крестьяне оставили усадьбу. Крестьяне не оставили. Марковъ началъ ихъ тѣснить; началъ даже окапывать деревню канавой, ну, и пошло въ ходъ все, что идетъ въ такихъ случаяхъ: дреколье, сопротивленіе властямъ, судъ, тюрьма, и затѣмъ опять дреколье, опять сопротивленіе властямъ, опять судъ и опять тюрьма. Нынѣшнею осенью дѣло будетъ рѣшаться судомъ окончательно, и если Марковъ будетъ стоять на своемъ правѣ, не смилуется и не оставитъ крестьянъ на ихъ усадьбѣ, то имъ придется разбрестись куда глаза глядятъ. Понятно, почему крестьяне стоятъ такъ упорно за свое насиженное мѣсто. Не потому оно имъ дорого, что на немъ жили ихъ отцы и дѣды, — дѣды ихъ на этомъ мѣстѣ, пожалуй, даже и не жили, потому что кн. Трубецкой изъ Негодяйки создалъ Сибирь и выселялъ въ нее всѣхъ тѣхъ, кто почему-нибудь ему не понравился. Оттого и Негодяйка. Если бы была возможность куда-нибудь выселиться, на надѣлъ или по близости его, крестьяне и не стали бы спорить, но мѣста-то нѣтъ; для мужиковъ просто міръ клиномъ сошелся. Но Марковъ ничего этого не хочетъ понимать: «Моя земля, — говоритъ онъ,—уходите куда знаете». Считая землю своею, Марковъ и распоряжается ею соотвѣтственно: то посылаетъ рабочихъ рыть на этой землѣ пни, то песокъ, то драть мохъ, то рыть канаву, то выгоняетъ на крестьянскую землю свой скотъ. Крестьяне же, считая землю своею, гонятъ вонъ марковскихъ рабочихъ, загоняютъ его скотъ и т. д. Марковъ обвиняетъ въ самоуправствѣ крестьянъ, крестьяне обвиняютъ въ самоуправствѣ Маркова. И вотъ возникъ въ мелекесскихъ мировыхъ учрежденіяхъ десятокъ дѣлъ о самоуправствѣ, въ которомъ одни и тѣ же лица являются то обвиняемыми, то обвинителями.

Марковъ—большая сила и, имѣя двухмилліонное состояніе, держитъ весь мелекесскій край въ своихъ рукахъ. Способъ этого держанья не исключительно самарскій. Это способъ вообще всѣхъ дикихъ мѣстъ, гдѣ человѣкъ съ мошной очень легко зазнается, потому что «мошна» — сила несомнѣнная и даетъ человѣку большую власть надъ людьми.

Не отрицая силы Маркова,—да и какъ ее отрицать, когда каждый можетъ въ ней убѣдиться? — крестьяне, однако, думаютъ, что, кромѣ силы, есть на землѣ еще и правда, и вотъ эту-то правду они упорно и отыскиваютъ. Пока за правдой крестьяне обращались съ нѣсколькими жалобами къ сенату и вотъ что, по поводу одной подобной жалобы на мѣстнаго мироваго судью, сообщается въ «Казанскомъ Листкѣ» (№№ 88 и 89): «... Мировой судья Виноградовъ, во время разбирательства одного дѣла, позволилъ себѣ массу самыхъ необычайныхъ поступковъ: запугивалъ, запутывалъ и сбивалъ крестьянскихъ свидѣтелей, кричалъ на нихъ, и, не довольствуясь крикомъ, обращался даже къ публикѣ: «эй, у кого широкая глотка—выходи, объяснись со свидѣтельницей». Повѣренному крестьянъ давалъ 5 минутъ на объясненія по дѣлу, слѣдилъ за временемъ по своимъ карманнымъ часамъ, и по истеченіи 5 минутъ, половину которыхъ употребилъ на свои же собственныя разсужденія, лишилъ его слова; вырвалъ изъ рукъ его протоколъ, когда повѣренный хотѣлъ сдѣлать въ немъ замѣчаніе, что показанія свидѣтелей искажены. На крестьянъ судья тоже кричалъ и обзывалъ ихъ непозволительными словами. Мы не можемъ,—говоритъ корреспондентъ, — привести здѣсь этихъ выраженій по ихъ нецензурности; въ жалобѣ же крестьянъ, которая была прочитана въ публичномъ засѣданіи мелекесскаго мироваго съѣзда и которая теперь отослана въ сенатъ, всѣ эти выраженія приведены дословно. Въ представленномъ мировому съѣзду объясненіи и читанномъ въ томъ же публичномъ засѣданіи съѣзда, г. Виноградовъ не отрицалъ, что все это было дѣйствительно такъ, какъ описываютъ крестьяне, и только старался такъ или иначе, объяснить свои поступки. Такъ, свою не печатную руготню онъ объяснялъ тѣмъ, что крестьяне не могутъ понимать литературнаго языка, и потому онъ вынужденъ былъ объясняться съ ними *языкомъ народнымъ*. Но и это еще не все: по словамъ крестьянской жалобы, судья доходилъ до такого раздраженія, что не только кричалъ и ругался, но даже бросалъ свою судейскую цѣпь и швырялъ томы законовъ...» Я привелъ только одинъ фактъ изъ цѣлой серіи ихъ, сообщаемыхъ «Казанскимъ Листкомъ».

Кто же этотъ Марковъ? А вотъ онъ кто. «Явился нѣкогда въ Мелекесъ, въ лаптяхъ и сермягѣ, мелкій купецъ Марковъ,—говоритъ тотъ же «Казанскій Листокъ»,—и открылъ подъ рогожнымъ шалашомъ какую-то торговлю. Нажива сразу удалась ему, и вотъ онъ на скопленныя деньжонки началъ все болѣе и болѣе расширять свою торговлю, а инстинктъ наживы подсказалъ ему, что лучше всего завести кабакъ. Завелъ онъ кабакъ, а тамъ дру-

гой, третій и т. д. Изъ лапотника превратился онъ въ дороднаго кабатчика, купилъ себѣ домикъ, завелъ сундучокъ и началъ набивать его деньжонками. Въ какія-нибудь десять лѣтъ Марковъ сталъ конкуррировать съ первыми богачами Мелекеса. Теперь Марковъ первый тузъ въ округѣ. У него два большихъ винокуренныхъ завода, громадная паровая мукомольная мельница, нѣсколько лавокъ, погребовъ и магазиновъ въ разныхъ городахъ, чуть ли не больше десятка каменныхъ домовъ, и нѣсколько сотъ (?) кабаковъ, цѣлою сѣтью опутавшихъ почти всю Самарскую губернію» (въ выноскѣ же авторъ говоритъ, что Марковъ сидѣлъ уже въ тюрьмѣ за предъявленіе одного долговаго документа къ вторичному взысканію). Теперь Маркову 70 лѣтъ, но онъ еще бодрый старикъ и все дѣло держитъ въ своихъ рукахъ. Марковъ — человѣкъ стараго закала (онъ раскольникъ-старовѣръ), но сыновья его уже вкусили отъ плодовъ цивилизаціи и носятъ пиджаки, цилиндры и перчатки. Марковы, по словамъ корреспондента, живутъ совершенно магнатами и передъ ними всѣ въ уѣздѣ преклоняются, начиная съ простаго будочника и кончая интеллигентомъ; нужнымъ людямъ они всегда готовы сдѣлать одолженіе и снабдить ихъ (въ долгъ) деньжонками. Секретъ вліянія, слѣдовательно, простъ.

Все это очень хорошо; но зачѣмъ же магнату и крупному землевладѣльцу утѣснять и разорять мужика? Марковъ его вовсе и не думаетъ разорять. Онъ купилъ двѣ тысячи десятинъ земли, внутри которой есть клочекъ, заселенный крестьянами, и Марковъ желаетъ, чтобы они жили гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не внутри его владѣнія.

Для Маркова весь вопросъ заключается въ цѣльности плана, въ единствѣ границы. Насколько важна для Маркова эта цѣльность плана, можно судить по тому, что всѣ его тяжбы и хлопоты и непріятности съ крестьянами стоятъ ему дороже (такъ увѣряетъ корреспондентъ) спорнаго клочка, занятаго Негодяйкой. Корреспондентъ же этой причинѣ не придаетъ важности и объясняетъ побужденія Маркова «страстью къ гешефту и самодурствомъ». Пускай и это объясненіе вѣрно, пускай вѣрно и то, что Марковъ желаетъ только округлить свои владѣнія. Желаніе округлить свои владѣнія вполнѣ законное и даже невинное; «страсть къ гешефту и самодурству» тоже не Богъ вѣсть какая дурная страсть, когда есть на свѣтѣ страсти гораздо худшія. Да и дѣло тутъ не въ побужденіяхъ, а въ невозможныхъ во всякомъ гражданскомъ общежитіи послѣдствіяхъ: въ дреколіи, побоищахъ, самоуправствѣ, разореніи крестьянъ, которое непремѣнно воспослѣдуетъ, если Марковъ выиграетъ дѣло. Ждать отъ Маркова милости и великодушія едва ли полагается. Негодовать, что у него нѣтъ подобныхъ чувствъ, совсѣмъ праздное занятіе. Переносить споръ мужиковъ съ Марковымъ на моральную почву и требовать его разрѣшенія моральными средствами какъ будто даже и глупо. Какая тутъ мораль, когда всѣ отношенія края выросли на «захватѣ» и на немъ и застыли? Марковъ — одинъ изъ характерныхъ представителей самарскаго «піонерства», это кряжъ, котораго розовою помадой не умягчишь.

Есть, однако, причина думать, что Негодяйка спасется отъ операціи. Широка самарская земля и много въ ней простору для «піонера» и «снимателя», тѣсно мужику на этомъ просторѣ и даже выселиться некуда (при милліонахъ-то свободной земли!), но есть въ Самарѣ и еще одна возникающая сила, это тоже піонеръ, но не піонеръ захвата, а піонеръ порядка и гражданскаго общежитія — нарождающаяся интеллигенція. Много ли этой силы въ самарскомъ краѣ, самарская статистика не говоритъ, но крестьяне Негодяйки сильно разсчитываютъ, что къ нимъ на помощь придетъ эта соль самарской земли и спасетъ ихъ на судѣ.

Къ этой соли самарской земли я еще вернусь.

И такъ, просторъ, о которомъ я мечталъ, направляясь въ Самару, оказался журавлемъ въ небѣ. Человѣку на самарскомъ просторѣ живется тѣсно и дышется трудно. Богатый, широкій край забралъ въ свои руки піонеръ-хищникъ и приспособилъ для захвата и всѣ порядки. Отъ такого піонера ждать, конечно, нечего, потому что для него справедливость, правда; совѣсть и законъ заключаются въ возможности наживы и захвата. Дальше этого онъ думать еще не научился и потому свелъ всѣ отношенія къ анархіи единоличнаго произвола, которымъ и давитъ все, что стоитъ ему на пути.

XXI.

Если бы русская жизнь была такою, какою она представляется путешественникамъ, то, казалось бы, ничего лучшаго намъ и не нужно. Спросите Поля Деруледа о Россіи и, конечно, онъ дастъ о ней самый восторженный отзывъ. Брандесъ остался доволенъ Россіей, вѣроятно, не менѣе Поля Деруледа. Кенанъ... но Кенанъ по Россіи не путешествовалъ, онъ «ѣздилъ», онъ посѣщалъ сибирскія тюрьмы и сибирскую каторгу, онъ отыскивалъ русскихъ философовъ и, найдя одного, убѣжалъ отъ его доказательствъ о непротивленіи злу... И нельзя сказать, чтобы въ Россіи не было того, что въ ней видятъ путешественники.

И не однимъ знатнымъ иностранцамъ Россія представляется такою свѣтлою и хорошею. Если бы меня спросили, какою будетъ Россія въ будущемъ, я посовѣтовалъ бы вопрошающимъ путешествовать. Пока я сидѣлъ на мѣстѣ и только читалъ газеты, я совсѣмъ не чувствовалъ Россіи. Въ каждой газетной статьѣ я видѣлъ только ея автора, и въ

каждой газетѣ — ея редактора. Все это были какія-то «я», которыя мнѣ ничего не выясняли,— была Россія газетная. Только отправившись путешествовать, я почувствовалъ, что есть еще и Россія живыхъ людей, которыхъ никогда въ нашихъ «политическихъ» газетахъ не увидишь и не встрѣтишь. А если они есть, значитъ, кромѣ той Россіи, о которой мы читаемъ въ «политическихъ» газетахъ, есть еще и другая Россія. Конечно, это не та Россія, которая преподносила Полю Деруледу хлѣбъ-соль, и не та Россія, которая нарождаетъ «русскихъ» философовъ, даже не та Россія, которую видѣлъ Кенанъ. Это какая-то совсѣмъ другая, особенная Россія, но Россія несомнѣнно существующая, потому что иначе ее нельзя было бы и увидѣть. И отчего этой Россіи не замѣчаешь, когда сидишь на мѣстѣ и читаешь газеты, отчего ее встрѣтишь только въ путешествіи? Я думаю, это оттого, что каждый русскій, отправляясь путешествовать, оставляетъ часть себя дома и, отряхнувъ прахъ съ своихъ ногъ, бѣжитъ, чтобы отдохнуть отъ самого себя, отъ собственной намученности и измученности, бѣжитъ отъ той невидимой веревки, которою онъ, какъ поросенокъ, привязанъ къ какому-то невидимому колышку. И этотъ второй русскій—совсѣмъ другой русскій: онъ русскій, освобожденный отъ мѣста и времени, естественный и простой, какимъ быть долженъ человѣкъ,— однимъ словомъ, русскій будущаго, какимъ бы онъ хотѣлъ быть и какимъ, конечно, и будетъ.

Мнѣ пришлось сталкиваться съ людьми всякихъ положеній и всякихъ состояній. Тутъ были и мужики, и мѣщане, и купцы, и художники, и офицеры, и молокане, и православные мужчины и женщины. И каждый изъ этихъ людей былъ неизмѣримо умнѣе общихъ порядковъ его собственнаго слоя, къ которому онъ принадлежалъ. Мужики были умнѣе мужицкихъ порядковъ, мѣщане—мѣщанскихъ, купцы — купеческихъ, землевладѣльцы—землевладѣльческихъ (а взятые вмѣстѣ, они были умнѣе общихъ порядковъ). Особенно удивилъ меня одинъ армейскій офицеръ, самаго обыкновеннаго, можно сказать — настоящаго армейскаго вида. Этотъ офицеръ настоящаго армейскаго вида оказался истиннымъ интеллигентомъ, и интеллигентомъ не отвлеченнымъ, а живой дѣйствительности. Когда я высказалъ ему мое изумленіе, онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ изъ «среднихъ», и что такихъ, какъ онъ, много. Пускай будетъ и такъ. Для меня главный вопросъ заключался не въ статистикѣ предмета, а въ томъ, какъ можетъ критическая мысль уживаться рядомъ съ дисциплиной? Казалось бы, такимъ противуположностямъ нужно непремѣнно разбѣжаться, а, между тѣмъ, онѣ дружески располагаются рядомъ, каждая противуположность отмежевываетъ себѣ особое мѣстечко и не мѣшаетъ своей сосѣдкѣ. И это вовсе не такъ удивительно, даже, пожалуй, и вовсе не удивительно. Не только наша русская, но и вся европейская жизнь держится на равновѣсіи, устанавливаемомъ подобнымъ размежеваніемъ между фактомъ жизни и критикой этого факта. Бываютъ времена и въ жизни отдѣльныхъ людей, и въ жизни народовъ, когда критическая мысль неумежевываетъ себѣ бо́льшее мѣсто, и тогда фактъ уступаетъ идеѣ. А бываетъ, что фактъ беретъ перевѣсъ надъ критическою мыслью, и тогда она скромно ждетъ своей очереди и въ ожиданіи ея ростетъ, ширится и крѣпнетъ. И въ этомъ нѣтъ ни двойственности, ни непослѣдовательности,—тутъ такая же очередь, какъ въ морскихъ приливахъ и отливахъ. Теперь мы копимъ приливъ и переживаемъ время ростущей критической мысли. И ростъ ея зависитъ совсѣмъ не отъ газетъ, журналовъ и книгъ. Если бы въ Россіи не печаталось ничего, кромѣ ярлыковъ для бутылокъ, критическая мысль росла бы все равно. Есть множество случаевъ, которые самымъ непосредственнымъ образомъ затрогиваютъ почти каждаго и заставляютъ думать. Со мною на кумысѣ былъ художникъ-крестьянинъ, еще не кончившій академію. Когда прошелъ слухъ, что дѣти крестьянъ не будутъ допускаемы въ гимназію, художникъ сильно затревожился. Его сыну 10 лѣтъ и онъ собирался отдать его нынѣшнею осенью въ гимназію. Конечно, призадумаешься. Мнѣ случалось встрѣчать людей очень почтенныхъ и уже далеко не молодыхъ, не политикановъ и не философовъ, и даже не интеллигентовъ, а такъ—самыхъ обыкновенныхъ и простыхъ смертныхъ, которые, при другихъ условіяхъ, о положеніи молодежи и не думали бы, а теперь они думаютъ. У одного невзгода постигла сына, у другаго племянника, у третьяго—знакомаго. Отъ этихъ почтенныхъ людей я узналъ многое, чего не встрѣтилъ ни въ одной газетѣ. На пароходѣ, или на водахъ, люди собираются со всѣхъ концовъ Россіи, все равно какъ въ Нижній на ярмарку, и всякому есть что ска ать, было бы только желаніе слушать. Ужь, конечно, всякій разсказываетъ не о томъ, что напечатано въ газетахъ, а о томъ, чего не напечатано. И получается такая лабораторія самодвижущейся мысли, о размѣрахъ которой даже трудно составить вѣрное представленіе. Это-то и есть естественный ростъ общества, если жизнь принуждаетъ его думать.

Сначала я было принялъ за особенное счастье, что я встрѣчаю думающихъ людей, но потомъ убѣдился, что мое счастье только въ томъ, что со мной говорили. Люди, повидимому, самые простые, безъ всякихъ претензій на общественное развитіе, поражали вѣрностью своихъ сужденій. Умъ ихъ заключался въ ихъ добротѣ и въ естественномъ чувствѣ справедливости, которое испытываетъ теперь большое искушеніе. Справедливость и заставляетъ думать. Въ этомъ отношеніи женщины оказывались далеко выше мужчинъ. Мужчины отличались преимущественно дѣловитостью и обнаруживали наклонность къ спеціальному мышленію. Они указывали точнѣе и подробнѣе на «непорядки», но женщины были общѣе, брали жизнь подъ корень и производили освѣжающее впечатлѣніе своею цѣльностью и широкою сердечностью. Мужчины обнаруживали больше головныя чувства и были потому гуманны, женщины, напротивъ,

обнаруживали острое, живое чувство дѣятельной любви. Мужчины заставляли думать и говорить, женщины—чувствовать и поступать. Въ особенности осталась у меня въ памяти одна молодая женщина изъ новыхъ, ищущая, ростущая, набирающаяся знаній. Такъ какъ женскіе медицинскіе курсы у насъ улетучились, то осенью она собиралась въ бернскій университетъ и теперь, вѣроятно, уже уѣхала. Когда я называлъ ее «новою», она сердилась и говорила, что она такая, какъ всѣ. Но она говорила неправду, хотя сама этого не знала. Дѣйствительно, «новыя» всѣ такія, но эти «всѣ» считаются, все-таки, еще не тысячами. А что онѣ «всѣ такія», это, пожалуй, вѣрно. «Всѣ такія» значитъ, что подобный свѣтлый, хорошій и чистый человѣкъ точно солнце освѣщаетъ пустой и темный закоулокъ, въ который заберется. Въ закоулкѣ сейчасъ же сдѣлается и свѣтло, и тепло, и ясно, а уйдетъ изъ него хорошій человѣкъ, и опять наступитъ мракъ. Изумительно, какъ иногда одинъ человѣкъ просто своею хорошею, безхитростною природой, своею любящею силой, своею жалостливостью ко всему страдающему, болѣющему и несчастному можетъ на все разлить свѣтъ, дать всему праздничный видъ, сообщить смыслъ жизни. Такой смыслъ жизни сообщала и она, и всякому становилось ясно, что смыслъ жизни въ томъ, чтобы помогать другому. Упадетъ ли ребенокъ и ушибется—она ужъ тутъ и помогаетъ ребенку и успокоиваетъ его; уронятъ ли ребенка (и такой случай былъ) — она опять тутъ и прикладываетъ ему холодные компрессы; обидитъ ли кто ребенка—она снова тутъ (она была особенно жалостлива къ дѣтямъ); сдѣлается ли съ больнымъ взрослымъ припадокъ—она явится первою и всѣмъ распорядится и сдѣлаетъ все, что слѣдуетъ, чтобы облегчить ему страданія. И въ сужденіи о людяхъ ея неотразимая сила заключалась въ жалостливости, оттого-то она и была всегда справедлива. Очень помогало ея жалостливости то, что она много знала (она кончила акушерскіе курсы, была на бестужевскихъ курсахъ), много читала, много думала, да и жизнь ея слагалась такъ, что ей приходилось много жалѣть, и потому она не только умѣла помогать, но и знала, какъ помогать. Я думаю, что тѣ, кто нападаетъ на женское образованіе, никогда не видѣли ни одной образованной и хорошей женщины.

На томъ же кумысѣ была женщина замѣчательная въ другомъ отношеніи. Это была женщина немолодая, некрасивая, мать многихъ дѣтей, но тянувшая къ себѣ прямымъ, открытымъ взглядомъ, спокойною кротостью и постоянною ровностью своихъ ко всѣмъ отношеній. Она была серьезна и почти никогда не улыбалась и, въ то же время, лицо ея сохраняло слѣды застывшей доброй улыбки, точно эта улыбка относилась къ чему-то прошлому, да такъ съ того времени на лицѣ навсегда и осталась. Особенностью ея былъ открытый и спокойный взглядъ ея никогда не мигавшихъ круглыхъ глазъ, прямо смотрѣвшихъ на того, съ кѣмъ она говорила. Такъ смотрятъ только очень маленькія дѣти. Но ея изогнутыя брови, надавленныя книзу, изобличали внутреннее недоразумѣніе, какъ будто во всемъ ея существѣ скрывался какой-то неразрѣшенный вопросъ. И неразрѣшенный вопросъ въ ней дѣйствительно скрывался. И какъ спокойно и просто говорила она при этомъ о своемъ мужѣ; не слышалось въ ея словахъ ни порицанія, ни досады, точно она говорила о чемъ-то постороннемъ, ея совсѣмъ не касающемся. Но развѣ ея вопросъ сталъ бы для нея яснѣе, еслибъ она жаловалась на мужа? Она и не жаловалась. Мужъ для нея былъ только частью того факта, который составлялъ теперь вопросъ ея жизни. А полнымъ фактомъ былъ для нея ея собственный міръ, который она и усиливалась себѣ выяснить. Дѣлала она это совсѣмъ спокойно, точно она разсматривала кого-то посторонняго, говорила и совѣтовалась о другомъ. И все это выходило у нея тихо, ровно, смотрѣла она на васъ прямо своими круглыми немигающими глазами, на лицѣ стояла все та же застывшая улыбка, а брови выражали все то же недоумѣніе. Вопросъ, какъ видно, разрѣшенія не находилъ. Въ чемъ же заключался ея вопросъ? Вопросъ заключался въ томъ, что она, какъ ей казалось, потеряла вѣру. Дѣвушкой она была очень набожна и замужъ она вышла за человѣка набожнаго. И вотъ затѣмъ свершилось въ ней нѣчто непостижимое: сначала въ нее закралось сомнѣніе, а потомъ пропала, какъ она говоритъ, и вѣра. Прежде она больше помогала бѣднымъ и была добрѣе. Было время, когда она дѣлала экономію на домашнемъ хозяйствѣ, чтобы помогать нуждающимся, и мужъ бранилъ ее за это и, въ то же время, строго соблюдалъ всѣ обряды. «И вотъ,—разсказывала она,—я уже не могу молиться теперь такъ, какъ молилась прежде; я потеряла то, что во мнѣ было, и не нашла ничего взамѣнъ»... Я ее успокоивалъ, но сомнѣваюсь, чтобы успокоилъ ее. Попрежнему, она смотрѣла на меня прямо своими немигающими дѣтски-чистыми глазами, попрежнему, на ея лицѣ стояла застывшая добрая улыбка и, попрежнему, было видно въ ея изогнутыхъ бровяхъ скорбное недоумѣніе... И не «книжки», не злонамѣренные развиватели, не печать или газеты вызвали это внутреннее движеніе. Напротивъ, первый толчокъ ему далъ очень набожный и строго обрядовый человѣкъ, а затѣмъ все пошло само собою.

Довелось мнѣ увидѣть и еще одну хорошую женщину; въ ней религіозные вопросы уже давно покончились и все для нея было просто, ясно и опредѣленно. Это была женщина тоже уже не первой молодости, но полная, сильная, красивая, представительная и необыкновенно подвижная и дѣятельная. Бывало, приду я къ ней часовъ въ семь вечера,—а она жила за полверсты или больше, на собственной дачѣ, солидной и большой, вродѣ молельни въ византійско-русскомъ стилѣ, съ большимъ садомъ и прекрасными цвѣтниками,—и пока я прохожу по цвѣтнику, передъ домомъ, ужъ она выходитъ изъ кухни, стоящей въ сторонѣ, и кричитъ: «Я еще не одѣта, ужь извините; вѣдь, все я должна сдѣлать сама и за всѣмъ приглядѣть;

теперь, вотъ, варила варенье; пожалуйста, пройдите въ аллею,—я сейчасъ». И не успѣю я пройти въ аллею, какъ съ балкона уже раздается ея громкій, звучный голосъ: «Вотъ я и готова!»—и она сходитъ по лѣстницѣ ко мнѣ въ корсетѣ, подобранная, одѣтая, причесанная, хоть сейчасъ съ визитомъ къ губернаторшѣ,—и начинаются затѣмъ ея неумолкаемые разсказы. Очень ужь въ ней много силы. Ея жизнь сложилась безъ затрудненій, потому что уже смолоду она усвоила понятія, въ которыхъ ей не приходилось потомъ сомнѣваться. Она дочь извѣстнаго своимъ умомъ молоканина и племянница или внучка еще болѣе извѣстнаго молоканина Укленна. Пашковцы, кажется, хотѣли обратить ее въ свою вѣру, но у нихъ не нашлось ничего такого, что шло бы дальше молоканства и чѣмъ бы они могли къ себѣ привлечь. Когда я ее спросилъ, въ чемъ заключается ученіе пашковцевъ, она мнѣ разсказала вотъ что: пригласили ее разъ пашковцы къ себѣ, домъ былъ большой, знатный и собраніе происходило въ столовой. Дѣло происходило въ Петербургѣ. Темные люди—бабы, дворники, кучера и вообще мужики—собирались по черной лѣстницѣ (по этой же лѣстницѣ ихъ потомъ и проводили), а господа и вообще публика чистая собирались по лѣстницѣ парадной. Когда всѣ усѣлись — кучера, бабы и дворники по одну сторону, а чистая публика по другую, началось поученіе. Все поученіе заключалось въ томъ, чтобы слушатели «приняли Христа». «Не поняла я ихъ, — говорила мнѣ моя собесѣдница. — Они только и твердятъ: «примите въ себя Христа», а что значитъ принять и какъ Его принять? Я имъ и сказала: вы бы хоть объяснили, что значитъ принять Христа, а то, вѣдь, васъ совсѣмъ не понимаютъ». И ужь, конечно, молокане, которыхъ религія учитъ дѣятельной любви и которые привыкли къ ясности, точности и практичности поученій, въ пашковскомъ мистицизмѣ едва ли бы нашли разъясненіе своихъ сомнѣній, если они у нихъ есть. А ужь ей-то и совсѣмъ не въ чемъ было сомнѣваться. Въ ней было слишкомъ много силы и за удовлетвореніемъ заботъ о себѣ оставалось еще много ея для другихъ. Это была именно доброта большой дѣятельной силы и потому доброта самая надежная, составлявшая просто физическую потребность. Она не могла не быть недоброй, не могла не возиться съ людьми, а большія средства ужь и совсѣмъ пріучили ее давать просторъ своимъ великодушнымъ чувствамъ. Мнѣ разсказывали, что она разстроила свое состояніе, помогая бѣднымъ. Она надѣляла невѣстъ приданымъ, хоронила покойниковъ, раздавала деньги на поправку, давала въ долгъ всякому, кто просилъ, кормила сиротъ, держала у себя безпомощныхъ старухъ и теперь, ихъ живетъ нѣсколько въ верхнемъ этажѣ дачи). Кромѣ этой личной помощи, она занималась и занимается помощью общественною: дѣтскимъ пріютомъ, воспитаніемъ сиротъ, призрѣніемъ женщинъ, выпущенныхъ изъ тюремъ, вообще устройствомъ судьбы бѣдныхъ, несчастныхъ, закинутыхъ женщинъ и, такъ сказать, разрѣшаетъ женскій вопросъ практически—помощью и воспитаніемъ.

Были у насъ тамъ и другія женщины, стоявшія уже во второмъ ряду, и у всѣхъ ихъ была одна общая черта. Была, напримѣръ, жена небогатаго торговца, еще молодая, но совсѣмъ больная женщина. Какъ она еще жила! Кажется, въ ней собрались всѣ болѣзни на свѣтѣ и не было въ ея тѣлѣ ни одного живаго мѣста. И, въ то же время, видъ у нея былъ здоровый и даже опытный глазъ не подмѣтилъ бы на ея молодомъ, правда, грустномъ, лицѣ ея невыносимыхъ страданій. Болѣли у нея руки, болѣли ноги, болѣла голова, болѣла грудь, спина, не могла она подниматься по лѣстницѣ, да и по ровному мѣсту переступала съ трудомъ. И ничего; всегда она была шутлива и весела и только иногда какъ будто затуманится и станетъ грустно-серьезной. Значитъ, ужь гдѣ-нибудь очень заболѣло. И, затѣмъ, сейчасъ-же улыбнется или сшалитъ, какъ дѣвочка. Любила она обманывать. Проплетется своею тихою, больною походкой, да и говоритъ совсѣмъ серьезно, что за воротами, въ полѣ, остановился персіянинъ съ товаромъ и что такіе-то больные ужь у него покупаютъ. Пойдемъ мы за ворота и никакого персіянина тамъ не окажется. А она довольна, что обманула, и, посматривая на насъ, лукаво улыбается. Я думаю, что она и шалила только потому, что была очень больна. И никогда она не ныла, не жаловалась, не старалась вызвать участія, только ужь если ей станетъ очень тяжело, приляжетъ на плечо сосѣдки и тогда мы ее старались не тревожить. Много разсказывала она объ обычаяхъ средняго самарскаго купечества своего слоя. Старики большею частью раскольники и крѣпко держатся обычая, не курятъ, не пьютъ, дочерямъ выбираютъ мужей сами, домъ держатъ строго, въ струнѣ, ведутъ крѣпкій счетъ деньгамъ и требуютъ отъ всѣхъ нѣмаго повиновенія. Нѣкоторые изъ ея разсказовъ могли бы казаться невѣроятными, если бы ей можно было не вѣрить. Вечеръ. Сидятъ гости, на столѣ уже стоитъ самоваръ и хозяйка приноситъ стеклянную вазу съ вишневымъ вареньемъ. Старикъ-хозяинъ посмотрѣлъ и насупился. «А чего нѣтъ еще?—говоритъ онъ. Хозяйка смѣшалась, ушла торопливо и принесла вазу съ клубничнымъ вареньемъ. Старикъ всталъ и, не произнося ни слова, взялъ вазу съ вишневымъ вареньемъ и трахъ ее объ полъ, потомъ взялъ вазу съ клубничнымъ вареньемъ и ее тоже объ полъ. Никто ничего не понимаетъ. Гости притихли. Хозяйка дрожитъ и только ждетъ, что почтенный супругъ и ее трахнетъ объ полъ. «А гдѣ ложки?»—наконецъ, произноситъ хозяинъ. Оказалось, что жена принесла варенье безъ ложекъ. Въ такой школѣ, конечно, начнешь и научишься думать, и молодое поколѣніе этимъ ужь и занялось.

Общая черта женщинъ, о которой я сказалъ,—это тонкая наблюдательность, направленная на изученіе ближайшихъ общихъ жизненныхъ фактовъ. Можетъ быть, я и ошибаюсь, что эта способность развита сильнѣе въ женщинахъ, чѣмъ въ мужчинахъ, но такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ при-

шлось заключить изъ того, что я встрѣчалъ. Были у насъ на кумысѣ и мужчины, но, во-первыхъ, они были гораздо замкнутѣе, а, во-вторыхъ, ни въ какую психологію они не вдавались. Былъ бухгалтеръ желѣзной дороги, господинъ желчный и, должно быть, сердитый; подойдетъ онъ иногда, наклонится къ лицу и, озираясь, начнетъ говорить съ таинственнымъ видомъ. Ждешь, что онъ раскроетъ какую-нибудь свою душевную тайну, а онъ, озираясь, чтобы его не услышали, разскажетъ, что вчера кумысъ былъ крѣпкій и потому сегодня утромъ желудокъ оказался у него не въ такомъ порядкѣ, какъ вчера, когда онъ пилъ кумысъ средній. Мой компаньонъ художникъ говорилъ тоже только о кумысѣ или о своемъ кашлѣ и иногда лишь проговаривался объ академическихъ порядкахъ; купецъ или молчалъ, или говорилъ о томъ, что тогда-то собирается въ Бузулукъ на ярмарку, а послѣ Бузулука отправится въ Нижній. Но былъ на томъ же кумысѣ и еще бухгалтеръ (и тоже желѣзнодорожный), отъ котораго я скоро узналъ не только о желѣзно-дорожной бухгалтеріи, но и множество другихъ вещей чисто-личныхъ и очень интересныхъ. Этимъ откровеннымъ бухгалтеромъ была женщина. Откровенность женщинъ происходила вовсе не отъ ихъ болтливости, а отъ ихъ болѣе правильныхъ отношеній къ жизни. Какой-нибудь начальникъ желѣзно-дорожной станціи, день и ночь отправляющій и встрѣчающій поѣзда, совсѣмъ, наконецъ, утрачиваетъ всякій смыслъ и не знаетъ, когда онъ живетъ настоящею жизнью, тогда ли, когда онъ въ красной шапкѣ, или когда онъ безъ красной шапки. И желѣзно-дорожный бухгалтеръ, повѣрявшій мнѣ тайны своего желудка, за графами своихъ книгъ тоже, пожалуй, не видѣлъ далеко, да, кажется, и кумысъ-то онъ пилъ для того, чтобы потомъ лучше считать. Женщины же красныхъ шапокъ не носятъ и формальною, механическою жизнью живутъ меньше насъ, мужчинъ. Ихъ окружаетъ иногда дѣйствительность хотя и мелкая (но, вѣдь, отпускать поѣзда или подводить бухгалтерскіе итоги — тоже дѣйствительность не Богъ вѣсть какая крупная), но непосредственно жизненная, возбуждающая нескончаемую внутреннюю работу. За этими кажущимися мелочами скрываются подчасъ очень серьезныя задачи, вызывающія настойчивую работу мысли въ области не одной психологіи, а и въ области личныхъ отношеній, тѣхъ серьезныхъ и важныхъ отношеній, отъ которыхъ подчасъ зависитъ весь строй и складъ жизни. Такую именно работу женской мысли мнѣ и пришлось наблюдать. Это было не механическое мышленіе какого-нибудь желѣзно-дорожнаго бухгалтера,—нѣтъ, это было мышленіе жизненное, ростъ сознанія, работа критическаго анализа. И все это дѣлалось просто, безъ ложной стыдливости и самолюбія мужчинъ (обыкновенно имѣющихъ маленькую слабость все знать), безъ заигрыванія въ откровенность или въ изліянія. То были совсѣмъ простые и натуральные люди, непритворно болѣвшіе тѣми вопросами, о которыхъ они говорили,—вопросами, которые наполняли все ихъ нутро и били черезъ край. Люди говорили потому, что не могли не говорить, разговоръ ихъ былъ простымъ стенографированіемъ того, что они думали. Это дѣлалось само собою, потому что и не могло не дѣлаться. Легко и просто становилось съ этими открытыми, добрыми и простыми людьми, точно цѣлый вѣкъ прожилъ съ ними,—такъ все зналось, понималось и видѣлось, что въ нихъ происходитъ. Захеръ Мазохъ говоритъ гдѣ-то, что человѣку, котораго встрѣчаешь на большой дорогѣ въ первый разъ въ жизни и знаешь, что потомъ уже никогда его не встрѣтишь, скорѣе откроешь свою душу, чѣмъ человѣку знакомому или близкому. Но тутъ было не то. Тутъ не душа открывалась, васъ не вводили во внутренній міръ личныхъ страданій,—личное оставалось личнымъ и не обнаруживалось; конечно, и оно было, но оно скрывалось за общимъ,—тутъ просто разрѣшались наболѣвшіе или болевые вопросы, тутъ высказывалась потребность выяснить, установить или провѣрить то, что было не ясно и безъ провѣрки и установленія чего нельзя жить по справедливости. Люди, оставивъ тамъ, на «мѣстѣ», часть самихъ себя съ разными практическими неурядицами и неустройствами, здѣсь какъ бы провѣряли себя, выясняли себѣ свои думы и заботы, очищались отъ злобы дня, чтобы явиться съ освѣженными и просвѣтленными силами. Я думаю, что отъ этого только всякій и былъ такъ искрененъ и открытъ и люди въ шесть недѣль лучше и ближе узнавали другъ друга, чѣмъ на «мѣстѣ» они сдѣлали бы это въ десять лѣтъ. И чѣмъ человѣкъ былъ проще, чѣмъ онъ меньше довѣрялъ себѣ, тѣмъ онъ былъ открытѣе. Самыми простыми и открытыми людьми были или настоящіе интеллигенты, или же совсѣмъ простые люди безъ всякихъ претензій на интеллигентность или образованіе. Съ какою болѣющею прямизной высказывала, напримѣръ, свои недоумѣнія женщина, потерявшая вѣру, и какъ упорно и настойчиво искала она отвѣтовъ на свои вопросы. Дома, на мѣстѣ, она, очевидно, ихъ не находила и здѣсь вмѣстѣ съ физическимъ исцѣленіемъ она искала и исцѣленія душевнаго. Я думаю, что она, наконецъ, и найдетъ въ себѣ ту новую просвѣтленную силу для вѣры, въ которой и воспитаетъ своихъ дѣтей, вѣру въ дѣятельную любовь и въ справедливость, которую хотѣлъ отнять отъ нея мужъ. Вопросы этой женщины принадлежали къ области религіознаго движенія мысли, въ настоящее время несомнѣнно очень сильнаго, составляющаго переходъ къ новой общественной нравственности. И чѣмъ труднѣе становится окружающая жизнь, чѣмъ она больше плодитъ несчастныхъ и выкинутыхъ изъ всякихъ сферъ людей, нуждающихся въ помощи, тѣмъ чувство дѣятельной любви будетъ принимать все болѣе широкіе размѣры, привлекать къ себѣ большее число послѣдователей и получать все болѣе и болѣе общественный характеръ. Сама жизнь вызываетъ и создаетъ это движеніе нравственнаго чувства и направляетъ его изъ умственныхъ верховъ, гдѣ оно первоначально явилось, въ болѣе широкіе, народные слои и кладетъ основаніе иному общественному сознанію.

Съ тою же прямизной и искренностью и не съ меньшею серьезностью, замаскированною, правда, шуткой, разрѣшала семейный вопросъ наша другая больная. И кому было научить ее задаваться подобными вопросами? Мать ея — крестьянка, отецъ,—купецъ-раскольникъ, весь свой вѣкъ старавшійся только о томъ, чтобы держать незыблемо старый обычай и порядокъ. А, между тѣмъ, весь этотъ незыблемый порядокъ совсѣмъ раскачался внутри ея и оставилъ въ ней лишь анекдотическія воспоминанія, которыми она любила дѣлиться съ нами во время вечерняго чая. Это ужь больше чѣмъ сомнѣніе, а, главное, очень поучительный фактъ для тѣхъ, кто всякое движеніе мысли приписываетъ только книжкамъ. Какъ же свершилось такое чудо, что женщина, читавшая съ трудомъ печатное, выкинула за бортъ, да еще смѣясь, все то, въ чемъ ее смолоду такъ тщательно утверждали и укрѣпляли? И все это сдѣлалось просто, безъ діалектическихъ тонкостей, безъ рефлектированія, безъ чувствительныхъ словъ и либеральной болтовни,— сдѣлалось по естественному чувству справедливости, по простому практическому сознанію, что такъ жить нельзя, а нужно жить иначе. Должно быть, и раскольничій, домостроевскій бытъ похоронитъ женщина, а затѣмъ пойдетъ и дальше, а мужчина оставитъ за собою благородную роль его охранителя. Впрочемъ, женщина и должна явиться первою насадительницей справедливыхъ отношеній не только въ семьѣ, но и въ жизни. Вѣдь, не отъ раскольниковъ и старовѣровъ всякихъ цвѣтовъ ждать, чтобы они внезапно просвѣтлѣли. Имъ нужно для этого переучиться думать. Прежде всего, на защиту справедливости встанетъ мать, которой теперь есть о чемъ горевать, и сдѣлаетъ она это по простому и непосредственному чувству жалости къ своимъ и чужимъ дѣтямъ.

Наше кумысное общежительство, скромное и числомъ и цѣлями, которыя собрали людей, отражало, тѣмъ не менѣе, какъбы цѣлую Россію. Знатныхъ, богатыхъ и сильныхъ между нами не было, а, все-таки, были люди очень различные и по роду занятій и по степени образованія, съѣхавшіеся со всевозможныхъ концовъ нашего обширнаго отечества. И тихій Донъ, и Москва, и Петербургъ, и Малороссія и Западъ, и Востокъ дали своихъ представителей. И всѣ эти разные люди, съ разныхъ концовъ Россіи, нашли сразу и совсѣмъ непроизвольно общую точку для соприкосновенія въ желаніи отыскать правду и установить справедливость. Каждый говорилъ только о себѣ, и внезапно оказалось общее единство и люди съ перваго же раза стали понимать другъ друга. Другая общая черта обнаружилась въ особенномъ уваженіи къ интеллигентности. Интеллигентность не имѣла у насъ личнаго представительства, она являлась чѣмъ-то вродѣ отвлеченнаго нравственнаго принципа, была чѣмъ-то вродѣ Іеговы евреевъ, котораго хотя никто никогда не видѣлъ, но чувствовалъ, что Іегова есть и что онъ наблюдаетъ за совѣстью каждаго. Для меня это была любопытная особенность, которой мнѣ на «мѣстѣ» не удалось подмѣтить. Тамъ, на мѣстѣ, объ Іеговѣ, — этой высшей совѣсти, — какъ будто никто ничего и не знаетъ, а всѣмъ повелѣваетъ «порядокъ». Порядокъ же—нѣчто вродѣ практическаго фатализма. Хочешь или не хочешь, а иди направо или налѣво, куда тамъ придется. Жизнь—точно бѣличье колесо: какъ попадешь въ какое колесо, такъ въ немъ и крутишься. И все въ этомъ колесѣ уже готово, все на мѣстѣ и вертится оно тоже уже по установленному порядку, такъ что бѣлкѣ ничего другого не остается, какъ только бѣгать. На кумысѣ же мы походили на первыхъ піонеровъ, явившихся въ новую страну. Никакого готоваго бѣличьяго колеса тамъ не было, никакихъ отношеній не существовало. Всякій устанавливалъ самъ и свой порядокъ и свои отношенія, и устанавливалъ такъ, какъ ему это нравилось. Въ то же время, всякій явился съ своимъ готовымъ умственнымъ и нравственнымъ багажемъ, о которомъ я уже говорилъ, и потому всѣ отношенія установились взаимно-бережливыя и справедливыя, потому что справедливости-то каждый именно и искалъ. Я не идеализирую, читатель, и ничего не сочиняю, — я разсказываю то, что было и что я видѣлъ и испыталъ. Это была дѣйствительно маленькая колонія, въ которой каждый жилъ свободно и, въ то же время, чувствовалъ Іегову. Совершенно подобнымъ же образомъ устроились, конечно, и первыя американскія колоніи. Главная задача въ такихъ случаяхъ, чтобы съ перваго шага былъ взятъ вѣрный общественный тонъ, а ужь дальше все пойдетъ само собою. Вотъ въ самарскихъ степяхъ первый тонъ далъ захватъ, и посмотрите, какая получилась отъ этого кутерьма и какъ долго она будетъ мѣшать даже тому самому хищнику, который этотъ захватъ сочинилъ. Чтобы кончился захватъ, нужно, чтобы хищникъ съѣлъ хищника, т. е. чтобы повторилось то, что разсказываетъ Мюнгаузенъ о двухъ львахъ, которые перестали драться только тогда, когда съѣли другъ друга до самаго хвоста. И вотъ только послѣ того, какъ это случится, и начнется на мѣстѣ, оставшемся свободнымъ отъ львовъ, настоящая мирная и справедливая колонизація. А, впрочемъ, для сохраненія исторической безпристрастности, я долженъ прибавить, что и у нашей медали была обратная сторона,—и на нашемъ свѣтломъ небосклонѣ появились было вначалѣ тучи, но они сейчасъ же и разошлись, и небосклонъ сталъ снова свѣтлымъ. Случился фактъ одной семейной несправедливости, вызвавшей общій протестъ. Пострадавшимъ былъ ребенокъ. Но тутъ Іегова установилъ все въ границахъ справедливости, и фактъ, навлекшій негодованіе, больше не повторялся.

Я не умѣю назвать иначе, какъ интеллигентностью, ту общую уравновѣшивающую силу, въ которой сосредоточивались всѣ упованія нашихъ чающихъ. Каждый, въ комъ сидѣла какая-нибудь умственная или нравственная неразрѣшенность, былъ убѣжденъ, что есть такое нѣчто, которое сдѣлаетъ яснымъ всѣ его недоразумѣнія. Этимъ-то нѣчто и была интеллигентность. Интеллигентностью была не наука, не знаніе, а какое-то высшее все-

разрѣшающее начало или источникъ, въ которомъ сосредоточивалось все высшее и самое правильное общепримиряющее разрѣшеніе всѣхъ отношеній, всѣхъ недоразумѣній и всѣхъ неясностей жизни. Это былъ всеобщій источникъ справедливости и общаго счастья, въ которомъ каждое отдѣльное *я* находило то, что ему нужно по его собственной совѣсти. Источникъ этотъ представлялся не чѣмъ-нибудь мечтательнымъ, вродѣ молочной рѣки съ кисельными берегами, а несомнѣнно существующимъ. И эта фанатическая вѣра въ высшую силу интеллигентности была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ человѣкъ былъ проще, чѣмъ меньше онъ искусился отъ знанія, чѣмъ больше было въ немъ запросовъ и чѣмъ меньше онъ довѣрялъ себѣ. Интеллигентность не пріурочивалась ни къ кому въ отдѣльности, ни въ комъ не воплощалась и исключительно не олицетворялась, а, между тѣмъ, и оцѣнка людей дѣлалась по тому, сколько каждый носилъ въ себѣ этой интеллигентности и приближался къ той мудрости, которую каждый въ интеллигентности видѣлъ. Такимъ образомъ, интеллигентность признавалась единственною силой, устанавливающею общественное равновѣсіе, что, пожалуй, и вѣрно, ибо справедливую жизнь возможно устроить лишь при подобныхъ понятіяхъ. Въ такихъ подробностяхъ, какъ я пишу, никто у насъ не высказывалъ своихъ воззрѣній на интеллигентность. Но общее отношеніе къ ней, когда люди разрѣшали свои вопросы или высказывали свои недоумѣнія, было именно такое, да и весь практическій складъ внутреннихъ отношеній нашей маленькой колоніи былъ именно такой. Это была крошечная община изъ двадцати съ небольшимъ человѣкъ, основанная на чувствахъ взаимной бережливости и взаимнаго участія. Да людямъ и нужно было беречь другъ друга, потому что не счастье и довольство собрали ихъ, а страданія физическія, а можетъ быть, и нравственныя.

Все, что я говорилъ, было въ дѣйствительности, и, въ то же время, это не была дѣйствительная дѣйствительность. Дѣйствительная дѣйствительность началась только тогда, когда я вернулся на «мѣсто» и нашелъ большую кучу газетъ, накопившуюся почти за два мѣсяца. Это была уже не та дѣйствительность, которую я только что оставилъ. Тамъ были вопросы и сомнѣнія, что-то искалось, что-то просило провѣрки и мысль работала въ общемъ направленіи; здѣсь, въ той Россіи, которую я нашелъ въ газетахъ, все было уже разрѣшено, опредѣлено, установлено, провѣрять ничего не требовалось, сомнѣній никакихъ не существовало, даже думать, пожалуй, не приходилось. Тамъ чувствовалась какая-то робость, неувѣренность въ себѣ и стыдъ мѣшалъ человѣку становиться кому бы то ни было на ногу; здѣсь стыда не замѣчалось и каждый точно старался ходить непремѣнно по чужимъ ногамъ. Тамъ чувствовалось взаимное береженье и больше понимали, что другіе тоже больные; здѣсь всѣ были здоровые и бережливости не было и въ поминѣ. Отъ этого получалось нѣчто похожее на международную политику вооруженнаго мира, а подчасъ и «крови и желѣза», отводившую мужеству самое почетное мѣсто. Хотя все это я говорю по поводу немногихъ «діамантовъ», которые я нашелъ во «внутреннихъ извѣстіяхъ», однако, я, все-таки, не боюсь дѣлать обобщенія. Первый діамантъ, который я нашелъ въ газетахъ, заключался въ томъ, что въ чрезвычайное костромское земское собраніе былъ внесенъ г. Колюпановымъ проектъ земскаго преслѣдованія печати. «Въ послѣднее время,—гласилъ проектъ,—печатаются въ газетахъ корреспонденціи, въ которыхъ распространяются разныя клеветы на губернскую земскую больницу и порицаются существующіе въ ней порядки. Чтобы положить конецъ печатанію подобныхъ корреспонденцій, на благоусмотрѣніе губернскаго собранія предлагается поручить наличнымъ членамъ ревизіонной коммиссіи составить оффиціальное опроверженіе, отправить его для напечатанія въ редакціи, ложь распространявшія, потребовать отъ нихъ, чтобы онѣ или сознались во лжи, или выдали имена корреспондентовъ. Въ послѣднемъ случаѣ возбудить противъ этихъ лицъ уголовное преслѣдованіе». Видите, какъ все это просто прямолинейно, безъ всякихъ сомнѣній, а главное, скоро и рѣшительно. Г. Колюпановъ чувствуетъ себя фельдмаршаломъ, командующимъ пятисоттысячною арміей; въ кустахъ онъ усматриваетъ двухъ истомленныхъ враговъ и быстро рѣшаетъ двинуть на нихъ всю армію, чтобы ихъ истребить. Несомнѣнно, что это очень смѣло и рѣшительно, но, кажется, было бы достойнѣе фельдмаршала обратить свое мужество противъ болѣе дѣйствительнаго врага, чѣмъ направлять его противъ печати. Костромское собраніе не нашло въ себѣ мужественной рѣшимости г. Колюпанова и поступило гораздо миролюбивѣе. Оно постановило провѣрить сначала корреспонденціи, и если онѣ окажутся ложными, то напечатать въ газетахъ опроверженіе. И въ самомъ дѣлѣ, если бы газетныя извѣстія оказались вѣрными (корреспонденція, которою я пользуюсь, говоритъ, что въ газетахъ была напечатана сущая правда, а потому и опровергать тутъ нечего), если бы повторился случай, свидѣтелемъ котораго была недавно Самара? Тамъ тоже нашелся мужественный и рѣшительный фельдмаршалъ, пожелавшій, подобно г. Колюпанову, сокрушить свободу печати. И вотъ на защиту попранной чести и оскорбленнаго человѣческаго достоинства самарскаго фельдмаршала пріѣхало въ Самару, за 400 верстъ, отдѣленіе саратовской судебной палаты и на судѣ между прокуроромъ и оскорбленнымъ фельдмаршаломъ произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Вы, что ли, г. Корнѣевъ, выписывали «Самарскій Листокъ» въ то время, когда напечатана была въ немъ статья?— спрашиваетъ прокуроръ.

— Да, управа выписывала!—отвѣчалъ оскорбленный фельдмаршалъ.

— Вы сами прочитали статью, или вамъ кто-нибудь сказалъ о ней?

— Самъ прочиталъ.

— И сразу же себя въ ней узнали?

— Да какъ же не узнать-то?!...

— А вы развѣ Коршуновъ?

— Нѣтъ, я Корнѣевъ.

— Почему же вы узнали себя въ статьѣ, какъ въ зеркалѣ? Развѣ все то, что тамъ написано про Коршунова, было и съ вами? Развѣ вы были кабатчикомъ?

— Былъ.

— Братъ вашъ служилъ земскимъ стражникомъ?

— Служилъ.

— Больницу, о которой говорится въ статьѣ, вы строили?

— Я.

— Значитъ, и передержки на ея постройку произведены также вами?

— Нѣтъ!.. это по постановленію управы! Да передержки и не было.

— Какъ же не было? Было ассигновано на постройку 20 т., а израсходовано 29!..

Прокуроръ, «имѣя въ виду полную тождественность героя статьи съ г. Корнѣевымъ, который узналъ себя, какъ въ зеркалѣ, нашелъ преступленіе «Самарскаго Листка» вполнѣ доказаннымъ», но требовалъ наказанія виновныхъ въ самой низшей мѣрѣ, и судебная палата приговорила ихъ къ 5 руб. штрафа, а въ случаѣ несостоятельности, къ аресту на одинъ день. Неужели г. Колюпановъ желалъ бы подобной побѣды и удовлетворился бы тѣмъ, что его приравняли бы къ г. Корнѣеву? Корнѣевъ—кабатчикъ изъ крестьянъ, попавшій въ члены земской управы, г. Колюпановъ—ветлужскій предводитель дворянства, губернскій гласный, извѣстный въ свое время писатель, печатавшій статьи въ «Вѣстникѣ Европы» и дѣятель шестидесятыхъ годовъ. Г. Корнѣевъ имѣетъ полное право ничего не понимать, а у г. Колюпанова именно этого-то права и нѣтъ. Откуда же это сходство, этотъ умственный союзъ кабатчика съ былымъ либеральнымъ дѣятелемъ, что ихъ соединило? А соединило... соединили ихъ одни и тѣ же понятія объ общественныхъ отношеніяхъ.

Съ другой стороны, характерно и поведеніе противниковъ. Въ то время, какъ гг. Колюпановы и Корнѣевы держали себя съ требовательнымъ высокомѣріемъ и руководящимъ достоинствомъ,—тѣ, кто является обличителями общественныхъ ненормальностей и уклоненій, держатъ себя съ дѣтскою робостью. Когда производилось предварительное слѣдствіе по жалобѣ г. Корнѣева, редакторъ-издательница «Самарскаго Справочнаго Листка», отказавшись назвать фамилію автора статьи, что, конечно, было очень хорошо, поступила ужъ совсѣмъ нехорошо въ своихъ дальнѣйшихъ показаніяхъ. Она объяснила, что статьей не имѣлось въ виду оскорбить именно г. Корнѣева, потому что въ ней выведенъ вообще типъ кулака-міроѣда, что сходство имени героя статьи съ именемъ г. Корнѣева (оба они Иваны Григорьевичи) чисто-случайное, что герой названъ членомъ уѣздной земской управы для приданія статьѣ большаго интереса. Ну, зачѣмъ эти увертки? Почему бы не сказать прямо, что изображался именно тотъ, кто изображенъ, что статья изобличала не какое-то фантастическое лицо, а такъ-таки прямо г. Корнѣева? Вѣдь, если вы, господа, являетесь обличителями и знаете, что говорите, такъ и держите себя какъ обличители, съ смѣлостью говорящіе правду и въ лицо, и на судѣ. Еще съ большею слабостью поступила редакторъ-издательница передъ разбирательствомъ дѣла. Она чуть не просила извиненія у г. Корнѣева, да, пожалуй, и просила, потому что какъ назвать то объясненіе (какъ сказано въ «Самарской Газетѣ»), съ которымъ г-жа Флорова обратилась къ г. Корнѣеву? Она «объясняла» ему, что, издавая газету, въ редакціонныя дѣла не вмѣшивалась, не играла сама въ редакціи никакой роли и не знала даже, что печатается въ ея газетѣ. Понятно, что и прокуроръ при обвиненіи не могъ не обратить вниманія на эти смягчающія обстоятельства и выгораживалъ г-жу Флорову ея исключительнымъ положеніемъ, ея редакціонною неподготовленностью, ея изолированностью въ изданіи, т.-е. вообще невмѣняемостью. Если для г. Корнѣева не было особенною честью получить удовлетвореніе, которое онъ получилъ, то, пожалуй, и для г-жи Флоровой не было особенной чести оказаться невмѣняемой. Это, впрочемъ, достойное возмездіе за трусость. Но трусамъ и не слѣдуетъ браться за изобличеніе, не слѣдуетъ не ради ихъ самихъ, а потому, что они наносятъ неисчислимый вредъ тому самому дѣлу, къ которому пристраиваются. Сиди себѣ за печкой и не высовывай носа. Въ какомъ же видѣ должна являться передъ общественнымъ мнѣніемъ обличительная печать, когда ее изображаютъ жалкіе сверчки? Изобличители—наши единственные трибуны и пророки слова, которые должны быть достойны своего дѣла. Но какое же это достоинство, когда пророки на первый же вопросъ о виновности, точно пойманныя въ шалости дѣти, даютъ всегда одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: «это не я!» И что за бѣда отсидѣть въ тюрьмѣ? Я зналъ одного шотландца, котораго немилосердный кредиторъ, зная его безвыходное положеніе и несомнѣнную честность, тѣмъ не менѣе, засадилъ въ тюрьму. Какъ только это случилось, соотечественники шотландца купили его заведеніе, чтобы заплатить долгъ безжалостному кредитору. Но гордый шотландецъ не пошелъ на сдѣлку и отсидѣлъ въ тюрьмѣ весь срокъ (больше года). Такъ жестокій кредиторъ и получилъ лишь «нравственное» удовлетвореніе. Купленное заведеніе было потомъ преподнесено честному и гордому шотландцу въ подарокъ его соотечественниками. И случилось это не въ Шотландіи, а въ Петербургѣ. Вотъ подобныхъ-то шотландцевъ наша обличительная печать что-то и не выставляетъ.

А, впрочемъ, гдѣ они и въ другихъ мѣстахъ?! Вѣдь, мужество людей, которые такъ смѣло ходятъ по чужимъ ногамъ, есть только мужество ихъ положенія или же простой невмѣняемости. Обыкновенно гордый человѣкъ неустрашимо отстаиваетъ свое достоинство только до перваго допроса, а затѣмъ внезапно стушевывается или подобно храброму мышенку старается спрятаться въ норку, причемъ обыкновенно не успѣваетъ скрыть хвостъ, за ко-

торый его и вытаскивають. Въ томъ же 135 № «Самарской Газеты» сообщается о дѣлѣ мироваго судьи Милоголовкина, котораго судили за оскорбленіе съѣзда. Оскорбленіе заключалось въ томъ, что г. Милоголовкинъ отказался исполнить постановленіе съѣзда, потому что оно «не выдерживаетъ критики ни со стороны логики, ни со стороны закона, ни со стороны самой полезности». Когда же г. Милоголовкина попросили объяснить, что̀ онъ хотѣлъ сказать этимъ, то оказалось, что онъ употребилъ эти выраженія какъ «литературныя, по неопытности, потому что служитъ мировымъ судьей всего нѣсколько мѣсяцевъ». Храбрый мышенокъ былъ, конечно, вытащенъ за этотъ хвостъ и потерпѣлъ достойную кару за неумѣнье выражать свои мысли. Но встрѣчается и обратный взглядъ на «литературную» рѣчь. Мировой судья Виноградовъ, о которомъ я говорилъ въ предъидущемъ «очеркѣ», объяснилъ свою непечатную брань тѣмъ, что говорилъ съ крестьянами «народнымъ» языкомъ, ибо «литературнаго» они понять не могутъ. Пока г. Виноградова еще не вытащили изъ его норки, но, вѣроятно, и онъ потерпитъ достойную кару за свой противуположный взглядъ на «литературу». Хотя «литературность» во всѣхъ подобныхъ случаяхъ является норкой, но главное тутъ, все-таки, не въ норкѣ, а въ томъ, какъ быстро человѣкъ, за минуту державшій себя львомъ, превращается въ мышенка, внезапно очутившагося въ мышеловкѣ. О, человѣческое достоинство!...

Встрѣчая въ газетахъ факты, иногда рѣшительно недоумѣваешь, въ какую ихъ поставить клѣтку. А, между тѣмъ, творецъ факта, повергающаго васъ въ недоумѣніе, смотритъ на всѣхъ не мигая и чувствуетъ себя не-только исполнявшимъ свой гражданскій долгъ, но въ нѣкоторомъ родѣ совершившимъ даже патріотическій подвигъ. Такимъ человѣкомъ, смотрящимъ на міръ Божій не мигая, оказался одинъ константиноградскій землевладѣлецъ, завѣдывающій воинскимъ участкомъ. Явившись въ волость ночью 30 мая, онъ приказалъ собрать призываемыхъ. 31 мая, къ двѣнадцати часамъ дня, собралось ихъ 300 человѣкъ, вполнѣ по-походному, съ котомками и сапогами за плечами. Въ полдень явился самъ мобилизаторъ и, обратившись къ призывнымъ съ рѣчью, объяснилъ имъ какъ и что они обязаны сдѣлать, если послѣдуетъ приказъ, и затѣмъ распустилъ ихъ по домамъ.

Это не курьезный фактъ или забавный анекдотъ, надъ которымъ остается только посмѣяться. За этою «мобилизаціей» стоитъ цѣлое сознаніе извѣстныхъ правъ и возможностей, чего мобилизаторъ и не скрывалъ, потому что на упреки сосѣднихъ землевладѣльцевъ, оставшихся въ страдную пору сѣнокоса и стрижки овецъ цѣлый день безъ рабочихъ, онъ отвѣчалъ, что «имѣлъ право сдѣлать опытъ, чтобы ознакомиться съ дѣломъ, которое поручено ему земствомъ». И вотъ мобилизаторъ, сознавая свое право, сдвигаетъ съ мѣста 300 человѣкъ солдатъ, за ними двигается 300, а, можетъ быть, и 600 бабъ и 300 или 600 ребятишекъ, идутъ знакомые и любопытные, вообще свершается массовое передвиженіе чуть не цѣлой волости и останавливаются въ ней всѣ дѣла. И всю эту кутерьму свершаетъ человѣкъ просто-таки потому, что ему вздумалось, потому что онъ начитался въ газетахъ о мобилизаціи французской и ему хотѣлось разрѣшить для самого себя вопросъ: а какъ бы это было у насъ? Права производить свой опытъ онъ не имѣлъ и никто и никогда ничего подобнаго ему не поручалъ. Въ завѣдываніи его состоялъ конскій воинскій участокъ, но онъ и лошадей не смѣлъ собирать по своему усмотрѣнію. Какъ же могло случиться, что человѣкъ, не имѣющій права тронуть съ мѣста даже лошади, произвелъ вдругъ нѣчто вродѣ великаго переселенія народовъ? Корреспондентъ говоритъ, что «волостной старшина и писарь были назначены недавно»,—иначе сказать, все свершилось по ихъ невѣдѣнію.

Положимъ, что это такъ, но главный вопросъ, все-таки, не въ этомъ, а въ той теоріи права, которую создалъ себѣ мобилизаторъ и въ вѣрности которой онъ ни на одну минуту не сомнѣвался.

По поводу разныхъ общественныхъ безобразій говорилось въ нашей беллетристикѣ не разъ, что нѣтъ у насъ стыда. Вѣрно, что извѣстнаго сорта стыда у насъ нѣтъ, но, вѣдь, чтобы явился подобный стыдъ, нужно, чтобы раньше его явились общественныя понятія, нужна хоть какая нибудь работа сомнѣвающейся мысли—такъ ли, молъ, то, что я дѣлаю? Сомнѣній-то нѣтъ, и никогда и ничто ихъ не возбуждало. Выросъ человѣкъ въ стоячемъ болотѣ, да въ немъ и обросъ мохомъ и плѣсенью. Даже и раньше, если въ немъ что было думающаго, потомъ совсѣмъ заросло, какъ заростаетъ лѣсомъ заброшенное поле. Иногда еще судъ можетъ заставить его впервые подумать, но онъ и на судѣ явится младенцемъ, ибо онъ чистъ отъ колыбели. И совѣсть у него спокойна, и мысль у него спокойна, и, обвиненный на судѣ, онъ только окончательно растеряется, а, все-таки, ничего не пойметъ. Какъ же это такъ: цѣлый вѣкъ онъ зналъ, что «можно», и вдругъ оказывается, что «нельзя»? И это еще сортъ людей искреннихъ и добрыхъ, а возьмите тѣхъ, кто хочетъ ходить по чужимъ ногамъ и не видитъ ничего дальше своихъ собственныхъ мозолей. Этихъ не убѣдишь и страшнымъ судомъ, потому что они уже совсѣмъ «убѣжденные». И вотъ, начитавшись въ газетахъ объ этихъ убѣжденныхъ, я внезапно встрѣтилъ въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» извѣстіе о какихъ-то странныхъ людяхъ, совсѣмъ на этихъ не похожихъ, которые не убѣждены даже въ томъ, что имѣютъ право спасти жизнь человѣку. Такіе люди оказались въ Казани. Въ комнату писарей резервнаго батальона вбѣжали впопыхахъ нѣсколько дѣвушекъ съ крикомъ: «Пожалуйста, спасите, утонула наша подруга!...» Одинъ изъ писарей сейчасъ же бросился въ рѣку и вытащилъ утопавшую. Кажется, это было вполнѣ естественное право. Но вотъ въ толпѣ явились сомнѣвающіеся и раздались смущающіе голоса, что «по закону, безъ доктора, отъ себя ничего нельзя предпринять». Что же тутъ дѣлать? Оставить тонувшую ждать доктора, чтобы потомъ ей уже никакого доктора

не потребовалось? Подумали, подумали и рѣшили утопленницу качать. Когда же явился докторъ, дѣвочка, какъ разсказывали спасители репортеру, «у насъ уже начала кричать». «Съ своей стороны, мы полагаемъ,— прибавляетъ репортеръ,—что начальство по меньшей мѣрѣ не вмѣнитъ образа дѣйствій г. Кафтанникова (писарь, вытащившій дѣвочку) и его соучастниковъ по спасенію утонувшей дѣвочки не только въ преступленіе, но и въ проступокъ». Неужели репортеръ пишетъ это серьезно? Да, совершенно серьезно! Онъ не менѣе Кафтанникова раздѣляетъ его страхи и находится въ искреннемъ недоумѣніи, что можно видѣть въ томъ, что Кафтанниковъ откачивалъ дѣвочку—проступокъ или преступленіе. Даже и тѣхъ, которые помогали Кафтанникову, репортеръ зоветъ «соучастниками». Точно онъ разказываетъ объ уголовномъ преступленіи. Ужъ несомнѣнно, что константиноградскій землевладѣлецъ, поднявшій на ноги цѣлую волость, чувствовалъ себя гораздо тверже въ своемъ правѣ свершить переселеніе народовъ, чѣмъ писарь Кафтанниковъ и сообщающій объ его самопожертвованіи репортеръ. Выходитъ даже такъ, что Кафтанниковъ сдѣлалъ не подвигъ, а только нарушеніе; о томъ, что онъ спасъ человѣка, рискуя собственною жизнью, говорится вскользь и весь интересъ сообщенія сосредоточенъ на откачиваніи и на защитѣ Кафтанникова, осмѣлившагося на такую ужасную вещь.

Все это, конечно, не плоды ученія гр. Л. Толстаго о непротивленіи злу, а плоды другой школы, но, тѣмъ не менѣе, эта другая школа находится въ тѣсной связи по своимъ результатамъ съ теоріей гр. Толстаго. Если только немножко порасширить ученіе гр. Толстого о непротивленіи, то придешь и къ невмѣшательству вообще въ судьбу человѣка, а отказавшись отъ противленія, слѣдуетъ отказаться и отъ дѣланія добра, потому что всякое добро есть уничтоженіе какого-нибудь зла. Видишь ли ты страдающаго или погибающаго человѣка, проходи мимо, потому что это не твое дѣло; вѣдь, не все ли равно, отъ чего человѣкъ страдаетъ—отъ воды, отъ людей или отъ порядковъ, которые тоже отъ людей? Теорія очень удобная и для самого гр. Л. Толстаго, потому что повелѣваетъ не противиться и тому злу, которое и онъ разсѣваетъ. А что онъ разсѣваетъ зло, это тоже несомнѣнно. Въ томъ же «Волжскомъ Вѣстникѣ» я прочиталъ, что *Посредникъ*, этотъ главный распространитель въ народѣ произведеній гр. Толстаго, издалъ двѣ новыя картины, нарисованныя художниками Кившенко и Богатовымъ и изящно выполненныя въ хромолитографіи Сытина и К° («хорошій человѣкъ Сытинъ», какъ называетъ его гр. Толстой). Одна изъ этихъ картинъ служитъ иллюстраціей къ разсказу гр. Толстаго *Ильясъ*. Добрый башкиръ Ильясъ, обѣднѣвшій отъ разныхъ несчастій, пошелъ въ работники. «И какое же это счастье,—говоритъ жена Ильяса,—мы полвѣка счастья искали и пока богаты были все не находили, теперь ничего не осталось,—въ люди жить пошли, такое счастье нашли, что лучше не надо. Теперь встанемъ мы со старикомъ, поговоримъ всегда по любви въ согласіи; спорить намъ не о чемъ, только намъ и заботы, что хозяину служить. Работаемъ по силамъ, работаемъ съ охотой, такъ чтобы хозяину не убытокъ, а барышъ былъ. Придемъ,—обѣдъ есть, ужинъ есть, кумысъ есть. Холодно,—кизякъ есть погрѣться и шуба есть. И есть когда поговорить, и о душѣ подумать, и Богу помолиться». А присутствующій въ числѣ гостей мулла подтверждаетъ слова старухи: «Это умная рѣчь... это и въ писаніи такъ написано». На картинкѣ и изображенъ именно этотъ моментъ, когда жена Ильяса выходитъ изъ-за занавѣски къ гостямъ и говоритъ свои умныя рѣчи. Въ одной изъ статей о графѣ Л. Толстомъ Н. К. Михайловскій говоритъ о *лубочной* картинкѣ къ «Ильясу», но, вѣроятно, другая картинка и «умная рѣчь» жены Ильяса потребовала болѣе усиленнаго нагляднаго ея распространенія, для чего теперь приглашены уже художники. Очевидно, что поученія и мысли гр. Толстаго проповѣдуются очень усердно и книжками, и картинками. Теперь этотъ потокъ не остановишь, онъ установился, имѣетъ уже свою традицію и изсякнетъ только тогда, когда свершитъ свой циклъ. Но явленіе это настолько серьезно, что его нельзя оставить такъ.

Ни одинъ человѣкъ (а также и ни одинъ народъ) не можетъ дать больше того, что имѣетъ, понятно, поэтому, что и гр. Толстой не можетъ идти дальше самого себя. Его теорія по отношенію къ народу заключается въ томъ, что «пріобрѣтающіе знанія должны вернуть ихъ назадъ тому народу, который ихъ воспиталъ».

И такое дѣло обязательно для всякаго интеллигента, желающаго отдать свой долгъ народу, такое дѣло считаетъ гр. Толстой обязательнымъ и для себя. Но, отдавая народу свой долгъ, гр. Толстой можетъ сдѣлать это лишь тою монетой, которую имѣетъ. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ монетѣ, которой долгъ будетъ выплачиваться. Если и каждый интеллигентъ поступитъ такъ, какъ поступаетъ гр. Толстой, и станетъ отдавать свой долгъ тоже только тою монетой, которую имѣетъ, то можетъ получиться совершенный мюнцъ-кабинетъ, что, пожалуй, ужъ и получилось. Но, вѣдь, прежде лубочныя изданія для народа и всякіе «Англійскіе милорды» были тоже долгомъ, который отдавала народу интеллигенція. Отдавался этотъ долгъ, конечно, плохо и старую монету вытѣснили изъ обращенія, но лучше ли отдается долгъ теперь? Въ кредитъ прежнихъ Манухиныхъ окончилась вѣра, но точно ли «Посредникъ» и «хорошій человѣкъ Сытинъ» являются банкирами, заслуживающими полнаго довѣрія? Не заставятъ ли они народъ подумать, что «господа» отводятъ ему глаза? Теперь народъ можетъ подумать это скорѣе, чѣмъ въ крѣпостное время, когда просвѣщали его только «Англійскими милордами». Всѣ эти «милорды» были сказками изъ другаго міра и всякій читатель зналъ, что ничего такого на свѣтѣ и не бываетъ. Но теперь, во имя несомнѣнно симпатичнаго стремленія интеллигенціи къ сближенію съ народомъ и сліянія съ нимъ въ общихъ желаніяхъ и идеяхъ, сѣется

смута и утверждается расколъ. Можно подумать, что тѣ, кто ради сближенія съ народомъ стали издавать для него книжки, хотятъ не соединить народъ съ интеллигенціей, а, напротивъ, ихъ разъединить. Если народъ сравнить, что ему давали читать тогда, съ тѣмъ, что даютъ читать теперь, то онъ не можетъ не сказать, что ему теперь мягко стелютъ, да жестко спать. Въ «Англійскихъ милордахъ» никто не идеализировалъ прелести крѣпостнаго права и вообще тогда соціальной стороны народной жизни не касались. Теперь же дается народу цѣлый рядъ разсказовъ, въ которыхъ расписываются розовыми красками очень печальныя стороны новой народной жизни (гр. Толстой далъ цѣлый рядъ подобныхъ разсказовъ: «Вражье лѣпко, а Божье крѣпко», «Свѣчка», «Два старика», «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ», «Ильясъ») и расхваливаютъ мужику то, отъ чего онъ чурается всѣми своими силами, отъ чего онъ бѣжитъ и въ Сибирь, и въ Ташкентъ, и на Кавказъ, и Богъ знаетъ куда. Нѣтъ, этимъ путемъ мужика съ интеллигентомъ не сольешь. Остается, и тоже для довершенія своей пропаганды, чтобъ гр. Толстой написалъ въ параллель къ «Ильясу» еще и разсказъ для фабричныхъ рабочихъ. Тоже и готовый свѣтъ, и готовое тепло, и припасы готовые въ лавочкѣ, только работай, чтобы хозяину не убытокъ, а барышъ былъ. Совсѣмъ хорошо и лучшаго и не выдумаешь, а мѣсто дѣйствія можно перенести въ Турцію или Персію. Вѣдь, стыдливость не позволила гр. Толстому выставить и въ «Ильясѣ» русскаго! И какой русскій мужикъ станетъ увѣрять, что батракомъ быть лучше, чѣмъ хозяиномъ, когда идти въ батраки не только несчастіе, но и стыдъ? И жена-то Ильяса хвалитъ свое батрачество, можетъ быть, только для того, чтобы смягчить стыдъ и горечь этого положенія и хоть чѣмъ нибудь поднять себя во мнѣніи гостей. Видно, что чувство достоинства еще не совсѣмъ у нея утратилось. Но куда бы гр. Толстой ни переносилъ мѣсто дѣйствія своихъ апологій зависимости и батрачества и суевѣрія — въ Башкирію, Персію или Турцію, ему не увѣрить русскаго домовитаго хозяина и бездомнаго фабричнаго пролетарія, что на другихъ работать лучше, чѣмъ на себя, и жить въ людяхъ лучше, чѣмъ своимъ домомъ. Всякій разсказъ, въ которомъ выводился бы русскій мужикъ, считающій себя счастливымъ въ подобномъ положеніи, былъ бы завѣдомою ложью. Предположите, что мужикъ, читая подобный разсказъ, понимаетъ и сознаетъ, что онъ читаетъ, — что скажетъ такой понимающій мужикъ объ интеллигентѣ, усиливающемся доказать ему подобную несообразность? Не подумаетъ же мужикъ, что люди, поучающіе его, темнаго человѣка, дѣлаютъ это безсознательно (хотя въ дѣйствительности они и точно не вѣдаютъ, что творятъ); и что они отвѣтятъ мужику, если онъ скажетъ, что писатели нарочно наняты барами и фабрикантами, чтобы отвести ему, мужику, глаза? И подобныя подозрѣнія не будутъ новостью. Неужели же ради такого сближенія съ народомъ стоило вытѣснять «Англійскаго милорда»? Несомнѣнно, что въ книжкахъ для народа есть много и хорошихъ, но также несомнѣнно, что есть и такіе разсказы, которыхъ если и нельзя ужь вынуть изъ обращенія, то слѣдовало бы не печатать повторными изданіями и ужь ни въ какомъ случаѣ не иллюстрировать ихъ еще и картинками, какъ это сдѣлалъ теперь «Посредникъ» съ «Ильясомъ», да приглашать еще для этого извѣстныхъ художниковъ.

Совсѣмъ что-то другое заставляютъ перечувствовать и передумать всѣ эти факты. И все это продѣлывается съ искреннимъ доброжелательствомъ, съ убѣжденіемъ, что такъ и слѣдуетъ быть всему, съ мыслью о справедливости, съ заботою о чьемъ-то благѣ. Но отчего же боишься этого блага и хочешь бѣжать дальше отъ этой справедливости? Не оттого ли, что творцы этихъ фактовъ ужь ни въ чемъ не сомнѣваются? Все порѣшилъ и ни въ чемъ не сомнѣвается г. Колюпановъ, ни въ чемъ не сомнѣвается гр. Толстой въ «Ильясѣ», не сомнѣвается «хорошій человѣкъ Сытинъ», исполняющій заказы картинокъ, не сомнѣваются художники, рисующіе эти картинки, и сомнѣвается еще развѣ только писарь Кафтанниковъ, можно ли откачивать утопленницъ.

XXII.

Возвращаясь домой, я встрѣтилъ на пароходѣ одного изъ тѣхъ трехъ нѣмцевъ-туристовъ, съ которыми плылъ до Самары. Ни бинокля, ни бедекера у нѣмца уже не было: вѣрно, онъ выучилъ Волгу на память. Мы заговорили какъ старые знакомые, хотя въ поѣздку внизъ даже и не кланялись. И на этотъ разъ нѣмецъ съумѣлъ устроиться превосходно и пользовался особеннымъ вниманіемъ буфетчика и прислуги. Каюта его была всегда убрана и выметена съ ранняго утра, сапоги чистились неупустительно и приносились во-время. Секретъ этого вниманія заключался въ томъ, что нѣмецъ въ невыметенную каюту бы не пошелъ и нечищенныхъ сапогъ бы не надѣлъ, — это во-первыхъ. Во-вторыхъ, нѣмецъ не фамильярничалъ и не заговаривалъ съ прислугой, а держалъ себя какъ «пассажиръ». Наконецъ, въ-третьихъ, нѣмецъ сейчасъ же устанавливалъ порядокъ и точность въ своемъ режимѣ. Вставалъ онъ въ извѣстный часъ и въ извѣстный же часъ требовалъ себѣ кофе, обѣдалъ тоже въ опредѣленный часъ, въ извѣстный же часъ пилъ и свой вечерній чай. И во всемъ остальномъ онъ былъ также точенъ и устойчивъ. Такъ, въ хмурую погоду онъ надѣвалъ кожаныя ботинки, а

въ ясную—легкія, изъ сѣраго полотна; днемъ ходилъ въ пиджакѣ, всегда аккуратно застегнутомъ на верхнюю и нижнюю пуговицы, вечеромъ же, послѣ заката солнца, надѣвалъ драповое пальто; въ солнечные дни онъ загибалъ поля своей мягкой шляпы спереди внизъ, въ видѣ козырька; а когда солнце уходило—расправлялъ козырекъ. Прислуга тоже знала, что если нѣмецъ съ нею не фамильярничаетъ и держитъ себя строго, за то же онъ и не спроситъ водки и закуски, когда слѣдуетъ пить кофе, не заставитъ прислугу сбиться съ ногъ, подавая то рыбную солянку, то свѣжую икру, то то, то другое, и непремѣнно «какъ можно скорѣе» или даже «сейчасъ», что онъ никого не заставитъ суетиться или бѣгать стремглавъ по лѣстницѣ, по двадцати разъ въ день въ кухню и изъ кухни, и никто отъ него не услышитъ ни «дурака», ни «скотины». Вниманіе, оказываемое буфетомъ нѣмцу, служило для другихъ пассажировъ даже предметомъ зависти. Напримѣръ, въ Казани многіе купили сливочное масло, купилъ его и нѣмецъ; а когда пассажиры пожелали, чтобы ихъ масло было положено на ледъ, то получили въ отвѣтъ, что на ледникѣ нѣтъ мѣста, такъ что они держали масло у себя въ каютѣ и ѣли его теплое и мягкое. А нѣмцу и къ утреннему кофе, и къ вечернему чаю подавалась жестянка изъ-подъ омаровъ, въ которой лежало холодное и твердое масло, завернутое въ чистую и мокрую тряпочку. И утренній кофе подавался ему иначе, — въ серебряномъ кофейникѣ и на серебряномъ подносѣ, а другимъ въ кофейникѣ фарфоровомъ и на подносѣ крашеномъ. Когда я спросилъ буфетчика, почему нѣмцу кофе подаютъ на серебрѣ, буфетчикъ мнѣ отвѣчалъ, что серебряный приборъ всего одинъ и подается онъ обыкновенно тому, кто закажетъ первымъ. Пускай это и такъ, а, все-таки, только одинъ нѣмецъ получалъ серебряный сервизъ.

Изъ всѣхъ пассажировъ нѣмецъ говорилъ только со мною, да и то потому, что большею частью я съ нимъ заговаривалъ. Съ остальными онъ былъ только сдержанно-вѣжливъ, т. е. давалъ дорогу, уступалъ дамамъ мѣсто на скамейкѣ и при этомъ всегда улыбался привѣтливо, но не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія вступить въ разговоръ. Уступивъ мѣсто, онъ сейчасъ же уходилъ. Вообще онъ держалъ себя далеко и, какъ видно, ни въ чьемъ обществѣ не нуждался, находя, что ему и съ самимъ собою очень хорошо. Это удовлетвореніе собою выражалось во всей кругленькой и маленькой фигурѣ нѣмца, имѣвшей нѣчто авторитетное и даже наполеоновское, такъ что когда пассажиры ужь очень громко смѣялись, то такъ и казалось, что нѣмецъ скажетъ: «господа, пожалуйста, потише».

Когда нѣмецъ, и, конечно, по росписанію, ходилъ взадъ и впередъ по галлереѣ, передъ обѣдомъ для аппетита и вечеромъ для хорошаго сна, думалось мнѣ не разъ, какою школой и какими порядками создаются такіе удовлетворительные счастливцы? Кажется, и у насъ въ школахъ учатъ и порядкамъ, и всякимъ правиламъ и на нашемъ пароходѣ плыли все люди образованные, видавшіе даже и высшія заведенія, а, между тѣмъ, только одинъ этотъ нѣмецъ и казался вполнѣ опредѣленнымъ и законченнымъ, очевидно, хорошо знавшимъ, чего онъ хочетъ, какое требуется ему отмежевать себѣ мѣсто и какъ слѣдуетъ поступать, чтобы сохранить въ цѣлости границы этого отмежеваннаго владѣнія. На лицахъ другихъ, русскихъ, пассажировъ виднѣлось не то скорбь, не то забота, отъ которой они только теперь, временно, на пароходѣ, избавились и которая ихъ снова ждетъ тамъ, на берегу, у себя дома, что они этого «у себя» именно какъ будто и боятся и отъ него хотѣли бы убѣжать, да никуда не убѣжишь. Благодушное же и довольно улыбающееся лицо нѣмца, напротивъ того, говорило, что тамъ, на берегу, его и не ожидаютъ никакія скорби, что въ его «на мѣстѣ», «у себя» именно и заключается источникъ его довольства и удовлетворенія, къ которому онъ теперь и стремится. Не на пароходѣ же разцвѣло его довольное, улыбающееся лицо; онъ принесъ его на пароходъ уже готовымъ, какъ будто на-показъ, онъ и ходилъ-то такъ, точно себя показывалъ. Въ дѣйствительности же онъ былъ такимъ, какимъ онъ былъ, а показывали себя остальные пассажиры, у которыхъ за улыбкой и выраженіемъ довольства, принятымъ имъ на пароходѣ, не имѣлось, какъ кажется, ни малѣйшаго довольства.

Такъ какъ было очевидно, что нѣмецъ не начнетъ самъ разсказывать мнѣ о себѣ, потому что ему этого и не было нужно, а до Нижняго оставалось недалеко, то въ одно изъ дообѣденныхъ хожденій нѣмца по галлереѣ я присоединился къ нему и сдѣлалъ ему рядъ вопросовъ, на которые онъ мнѣ отвѣтилъ совершенно прямо и просто. Онъ ѣздилъ въ Саратовъ на каникулы и каждое лѣто плаваетъ по Волгѣ для отдыха и всегда на пароходахъ «Зевеке», какъ самыхъ удобныхъ, зимою же живетъ въ Петербургѣ. Еще недавно онъ былъ гувернеромъ въ одной частной петербургской гимназіи, содержимой нѣмцемъ, а теперь въ ней же учителемъ нѣмецкаго и латинскаго языковъ, и въ сей моментъ возвращается къ своимъ занятіямъ.

— Мнѣ думается, что учительство нѣсколько скучное и ужь, во всякомъ случаѣ, не особенно пріятное занятіе и вы, пожалуй, не съ особеннымъ удовольствіемъ возвращаетесь въ Петербургъ, — сказалъ я.

— О, нѣтъ! Напротивъ, я очень радъ, я такъ люблю свои занятія,—отвѣтилъ нѣмецъ.

На томъ же пароходѣ плылъ одинъ московскій журналистъ, тоже заинтересовавшійся нѣмцемъ, и когда я передалъ ему мою бесѣду съ нѣмцемъ, то журналистъ со вздохомъ и не отвѣчая на мои слова, а какъ бы дѣлая общій выводъ, сказалъ: «Да, это все культура, а у насъ ея еще пока нѣтъ!»

И дѣйствительно, «нѣмецъ» есть представленіе о какомъ-то качествѣ, котораго у насъ нѣтъ, и, въ то же время, о какомъ-то недостаткѣ, котораго намъ имѣть бы не хотѣлось. И за спиною нѣмца, котораго мы, русскіе пассажиры, разсматривали чуть не въ бинокль, какъ удивительный экземпляръ особенной человѣческой породы, стояла многовѣко-

вая работа цѣлыхъ смѣнявшихъ одно другое поколѣній,—работа, въ которой нашъ пароходный нѣмецъ не принималъ никакого участія, а былъ только ея готовымъ результатомъ. Первобытный тевтонъ, оставившій свой первобытный лѣсъ и разставшійся съ звѣриною шкурой, много поработалъ, измѣнялъ, приспособлялъ и устранвалъ, прежде чѣмъ установилъ себѣ новый порядокъ жизни, создалъ иныя привычки и изъ тевтона превратился въ нѣмца. И мы, русскіе пароходные пассажиры, какъ видно, очень хорошо и понимали, и чувствовали, что значитъ «нѣмецъ»; вопросъ заключался для насъ вовсе не въ опредѣленіи этого понятія. Поэтому, удивляясь, повидимому, нѣмцу, мы въ дѣйствительности вовсе ничему не удивлялись и думали совсѣмъ не о томъ. Указывая на нѣмца, каждый какъ бы съ упрекомъ говорилъ своему собесѣднику: «а вотъ этого-то у насъ и нѣтъ», точно въ этомъ «нѣтъ» былъ виноватъ собесѣдникъ. И дѣйствительно, ни у кого изъ насъ «этого» не было. Нѣмецъ дѣйствовалъ какъ какое-то механическое машинное приспособленіе, точно маленькая фабричка въ формѣ человѣка,—фабричка, въ которой внутренній механизмъ работалъ съ разъ установленною точностью, которую ничто не могло измѣнить, а если бы измѣнило, то фабричка совсѣмъ бы перестала дѣйствовать. И каждый изъ насъ чувствовалъ, что въ немъ нѣтъ этой фабричности, этой необходимой точности и опредѣленности, безъ которой можно зайти совсѣмъ не туда, куда хотѣлъ идти. Если нѣмецъ выходилъ утромъ изъ своей каюты, чтобы идти направо, то и онъ, и всѣ остальные пассажиры знали, что онъ пойдетъ только направо (точно такъ же можно было ручаться за нѣмца, если онъ выходилъ изъ своей петербургской квартиры на Васильевскомъ островѣ). А мы, русскіе пароходные пассажиры, ужь и изъ каютъ выходили большею частію «такъ», не зная куда и зачѣмъ; а если иногда и выходили съ намѣреніемъ идти направо, то въ дѣйствительности могли пройти и направо, и налѣво, и впередъ, и даже назадъ. Все это зависѣло отъ какихъ-то внѣшнихъ, случайныхъ причинъ, а вовсе не такъ, какъ у нѣмцевъ, отъ точнаго внутренняго механизма.

Только культура помогла нѣмцамъ произвести чудеса, которыхъ мы еще недавно были свидѣтелями. Когда всѣ такія маленькія фабрички, работавшія съ точностью хронометра, какъ нашъ пароходный нѣмецъ, подъ честолюбивымъ стремленіемъ быть большимъ и первымъ въ Европѣ народомъ, соединились въ одну общую фабрику, работавшую съ точностью того же хронометра, то получилось извѣстное изумительное кольцо, которымъ и былъ стянутъ Парижъ. Вырваться изъ этого кольца можно было только на воздушномъ шарѣ, для чего, опять, требовалось быть не меньше, какъ Гамбеттой. Такимъ образомъ, отдѣльные твердые механизмы, соединившись въ одинъ общій твердый механизмъ, образовали такую несокрушимую коллективную силу, съ которой не могъ бы бороться никакой отдѣльный геній, будь онъ даже во сто разъ геніальнѣе Наполеона I.

Таковъ ужь законъ коллективнаго дѣйствія, законъ силы всякаго народа во всей его массѣ, въ соединенныхъ желаніяхъ и усиліяхъ единицъ, думающихъ одинаково и хотящихъ одного и того же. Получается именно то самое соединеніе силъ, о которомъ твердитъ людямъ съ незапамятныхъ временъ басня о старикѣ и трехъ молодыхъ, а вмѣстѣ съ этимъ повторяется еще и другая всѣмъ извѣстная и тоже съ незапамятныхъ временъ истина, что басни до сихъ поръ никого и ничему не научили. Такимъ образомъ, та самая противная для русскаго человѣка точность, по которой нѣмецъ пьетъ кофе непремѣнно въ опредѣленный часъ и въ опредѣленный же часъ идетъ гулять, чтобы сдѣлать опредѣленное число шаговъ, или же съ такою же опредѣленностью мѣняетъ кожаныя ботинки на полотняныя, вотъ эта-то самая опредѣленность цѣлей и задачъ создала и ту самую нѣмецкую силу, которой мы изумляемся и завидуемъ.

Любопытно, что такъ называемая нѣмецкая культура наблюдается только у протестантскихъ народовъ, а у католическихъ ея нѣтъ. О французахъ Трошю, во время осады Парижа, сказалъ съ досадой, что когда придетъ время дѣйствовать, они только тогда начинаютъ раскладываться. Итальянцы, по безпорядочности и необузданности, едва ли уступятъ намъ. А, между тѣмъ, эсты, латыши, финны и вообще всѣ протестантскіе народы приняли и нѣмецкую культуру. Нужно думать, что главный секретъ заключается здѣсь въ протестантской идеѣ и въ протестантской умственной дисциплинѣ. Но въ этой же дисциплинѣ и секретъ того робкаго и сторожливаго чувства, съ которымъ мы смотримъ на нѣмецкую машинную точность. При сравненіи себя съ аккуратнымъ нѣмцемъ, намъ всегда кажется, что мы дѣлаемъ все свободно, а онъ, бѣдный, дѣлаетъ все по какому-то приказанію, точно всѣмъ его поведеніемъ распоряжается невидимо сидящій въ немъ полицеймейстеръ. Пойдетъ ли нѣмецъ прохаживаться передъ обѣдомъ для аппетита, такъ и кажется, что ему приказалъ это его невидимый полицеймейстеръ; перемѣнитъ нѣмецъ въ жаркую погоду кожаныя ботинки на полотняныя или отправится спать, когда мы всѣ гуляемъ еще по галлереѣ и любуемся луною,—опять кажется, что полицеймейстеръ не позволилъ бѣдняку любоваться луною, а велѣлъ уходить въ каюту. Намъ все это казалось ненужными притѣсненіями, и мы всякій разъ чувствовали жалость къ бѣдняку, который не можетъ ничего дѣлать, какъ ему хочется. Дѣйствительно, нѣмецъ какъ будто подчеркивалъ каждое свое дѣйствіе; онъ могъ бы перемѣнять ботинки и уходить въ свою каюту съ меньшимъ дѣловымъ видомъ и съ меньшею торжественностью. Но полицеймейстеръ тутъ, все-таки, не при чемъ, и нѣмецъ чувствовалъ себя не только вполнѣ свободнымъ, но даже довольнымъ и счастливымъ, что онъ такъ умно собою распоряжается. То, что намъ казалось машиннымъ, механическимъ порядкомъ, было собственно порядкомъ въ мысляхъ нѣмца, точностью его понятій, убѣжденій, правилъ, принциповъ, что ли. Въ

головѣ нѣмца помѣщался цѣлый подробно разработанный кодексъ, обнимавшій, установлявшій и опредѣлявшій всѣ жизненныя отношенія, начиная отъ самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ,—напримѣръ, въ какихъ ботинкахъ ходить въ какую погоду и въ какомъ часу слѣдуетъ уже быть въ постели, и кончая самыми серьезными и высшими отношеніями и обязанностями — къ ближнимъ, обществу, государству, человѣчеству. Нѣмецко-протестантская культура не оставила въ покоѣ ни одного уголка ни въ чувствахъ, ни въ мысляхъ своихъ послѣдователей, куда бы она ни забралась и гдѣ бы она ни установила точнаго порядка и гармоніи. Этимъ занялся еще Мартинъ Лютеръ, который былъ вполнѣ практическій реформаторъ, очень хорошо понимавшій, чего онъ хочетъ. Оттого-то нѣмцы и приняли такъ охотно лютеранство, что оно сулило имъ не журавля въ небѣ какъ папство и католичество, а обѣщало лучшій порядокъ на землѣ, котораго они отъ католичества добиться не могли. Лютеранство стало, такимъ образомъ, для нѣмцевъ духовно-нравственною школой для устройства земныхъ отношеній. Оно и обняло ихъ дѣйствительно всѣхъ, начиная съ отношеній родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, господъ къ прислугѣ и крестьянамъ, и прислуги и крестьянъ къ господамъ, и кончая отношеніями народа къ власти и власти къ народу. Это была цѣльная, точная, подробная до мелочей инструкція для человѣческаго поведенія, въ которой для всякой обязанности и всякаго права имѣлось точное указаніе, частью писанное, частью бытовое, и если маленькій нѣмецъ усвоивалъ всѣ эти правила хорошо, внимательно и прилежно сначала дома, подъ руководствомъ родителей, а потомъ въ школѣ, подъ руководствомъ учителя, и въ церкви, подъ руководствомъ пастора, то изъ него получался настоящій большой «нѣмецъ», т. е. человѣкъ съ точными, ясными и твердо усвоенными правилами и понятіями, разрѣшавшими ему всякіе вопросы жизни, и съ привычками порядка во всемъ его личномъ обиходѣ.

Приспособленный такимъ образомъ для жизни и увѣренный, что онъ найдетъ себѣ въ ней мѣсто, нѣмецъ проникался гордымъ сознаніемъ своей силы, не безъ нѣкотораго оттѣнка высокомѣрія, съ которымъ онъ всегда и повсюду претендовалъ если и не на первенствующее мѣсто, то ужь, во всякомъ случаѣ, на сохраненіе личной самостоятельности. Вотъ и нашъ пароходный нѣмецъ держалъ себя тоже съ гордымъ видомъ человѣка, твердо стоящаго на своихъ ногахъ, и своими мѣстами считалъ только первыя мѣста. Ходилъ онъ между нами точно власть имущій, какъ будто чувствовалъ себя въ классѣ между учениками, а мы, остальные русскіе пассажиры, хотя и не считали себя учениками, а, все-таки, сознавали, что нѣмецъ зараженъ иначе, чѣмъ мы, да, пожалуй, и кое-чѣмъ другимъ, чего у насъ нѣтъ. Каждому изъ насъ казалось совсѣмъ естественнымъ, что нѣмецъ можетъ держать себя въ мажорномъ тонѣ, что есть такая у него внутри пружинка, которая этотъ тонъ производитъ, а въ насъ ни въ комъ этой пружинки нѣтъ. И дѣйствительно, въ нѣмцѣ внутри все пѣло въ мажорномъ тонѣ, такъ и просилось наружу, а мы не только никакъ не пѣли, но, кажется, и не знали никакихъ пѣсенъ.

А, между тѣмъ, и у насъ есть культура, и вполнѣ несомнѣнная культура. Ужь если есть культура у китайцевъ, турокъ и персіянъ, то какже намъ-то ее не имѣть,—не хуже же мы ихъ. Мы тоже появились на свѣтъ не прямо «русскими», а были сначала «славянами», какъ «нѣмцы» были сначала «тевтонами». Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Маврикій видѣлъ славянъ живущими въ пещерахъ, точно медвѣди въ берлогахъ, свершилось въ жизни славянъ много перемѣнъ и бывшій пещерный славянинъ выросъ въ большое, даже очень большое, государственное тѣло, назвавшееся Россіей. Русская культура такъ же несомнѣнна, какъ и культура нѣмецкая; она выражается и въ нашемъ русскомъ бытѣ, и въ нашемъ русскомъ обиходѣ, и въ русскихъ правахъ, и въ томъ особенномъ характерѣ внутреннихъ отношеній, которыя нѣмцы называютъ «русскими». Какъ для насъ «нѣмецъ» составляетъ понятіе вполнѣ опредѣленное, такъ и для нѣмца «русскій» тоже вполнѣ опредѣленное понятіе. А если все это такъ, если существуетъ русская культура и такая же самостоятельная, какъ нѣмецкая, то отчего же нѣмецъ держитъ себя съ спокойнымъ и увѣреннымъ достоинствомъ, точно онъ господинъ своей собственной судьбы, точно только онъ самъ одинъ ее для себя и дѣлаетъ, и сдѣлаетъ ее непремѣнно такою, какою хочетъ, а мы, русскіе, создавшіе себѣ просторное и громадное отечество, въ которомъ никогда не заходитъ солнце, ходимъ какою-то неувѣренною поступью, опустивъ глаза книзу?

Въ Штетинѣ, въ гостинницѣ, разговорился я разъ съ кельнеромъ. Это былъ нѣмченокъ лѣтъ тринадцати. Ужь очень меня заинтересовала судьба этого симпатичнаго мальчугана, и я спросилъ его, что же онъ думаетъ съ собою дѣлать. Вотъ что мнѣ отвѣтилъ этотъ ребенокъ. «Теперь,—сказалъ онъ,—я пробуду здѣсь, въ Штетинѣ, еще годъ, чтобы совсѣмъ хорошо узнать свое дѣло, а потомъ отправлюсь въ Парижъ,—тамъ, говорятъ, насъ, нѣмцевъ, очень цѣнятъ (это было до войны). Въ Парижѣ пробуду два года и научусь французскому языку; затѣмъ отправлюсь въ Лондонъ, гдѣ тоже очень цѣнятъ нѣмцевъ; въ Лондонѣ пробуду два года и выучусь по-англійски. Зная три языка, англійскій, французскій и нѣмецкій, я вернусь въ Германію и поступлю въ оберъ-кельнеры». И такъ разсуждалъ нѣмченокъ тринадцати лѣтъ. Планъ его былъ простъ. Оберъ-кельнеромъ онъ въ нѣсколько лѣтъ накопитъ себѣ деньжатъ и затѣмъ, гдѣ-нибудь въ деревнѣ, откроетъ собственную гостинницу или кабачокъ и станетъ хозяиномъ. Потомъ онъ найдетъ себѣ Амальхенъ, обзаведется дѣтьми и воспитаетъ изъ нихъ такихъ же «нѣмцевъ», какъ самъ.

Причина увѣренности, съ которою нѣмецъ-кельнеръ говорилъ, что онъ вотъ то и то сдѣлаетъ, заключалась совсѣмъ не въ томъ, что онъ этого

желалъ, а въ томъ, что онъ зналъ навѣрное, что все это и сдѣлается безъ всякихъ помѣхъ или внезапныхъ и совершенно неожиданныхъ препятствій. Онъ зналъ, что свѣтъ для него не сойдется клиномъ. Ужь не въ этомъ-ли пунктѣ и заключается разница между нѣмецкою и нашею культурой. У нѣмцевъ все ясно и точно, у насъ же нѣтъ почти ничего яснаго и точнаго. Нѣмецъ можетъ составить себѣ точный планъ жизни и по этому плану и прожить такъ же точно. А русскій человѣкъ, какой бы онъ ни составилъ точный планъ, ужь никакъ не можетъ поручиться, что такъ все ему и повезетъ. Положимъ, русскій человѣкъ рѣшитъ, что онъ будетъ учителемъ или пожелаетъ приготовить себя для такого или другаго дѣла; спросъ же есть и на учителей, и на людей для такого-то дѣла. Планъ для жизни составленъ, соображенъ въ подробностяхъ и—увы!—что-то такое тамъ внезапно повернется, точно пружина какая, и хорошо соображенный планъ расплывется въ пространствѣ, точно паръ. Беру слѣдующій литературный примѣръ изъ статьи г. Д. Ж. въ «Недѣлѣ». Учитель, и тоже классическаго языка, какъ и нашъ пароходный нѣмецъ, составилъ себѣ точный и опредѣленный планъ—учить, воспитывать, создать себѣ удовлетворяющую жизнь, а кончилъ тѣмъ, что началъ пить, потому что усомнился въ пользѣ своего дѣла; даже прощенье началъ просить у собственныхъ учениковъ, что училъ ихъ безполезности. Что же это такое? Учитель ли не приспособился къ русской культурѣ, культура ли его не приняла, нарушилось ли равновѣсіе между человѣкомъ и культурой, которая его создала? Можно лишь сказать одно, что нѣмецъ и создавшая его культура находятся въ болѣе опредѣленномъ и взаимноясномъ положеніи, чѣмъ русскій человѣкъ и его культура. Во-первыхъ, каждый нѣмецъ есть непремѣнный и весьма точный продуктъ своей культуры, а, во-вторыхъ, нѣмецкая культура есть именно та самая опредѣленная среда, въ которой непремѣнно имѣется и мѣсто для каждаго, ею самою созданнаго, продукта. Совершенно какъ бы въ пчелиномъ ульѣ, гдѣ для каждой пчелы есть мѣсто и работа. И такая взаимная связь приводитъ къ тому, что, въ концѣ-концовъ, получается улей, полный медомъ.

Или приведенный мною для примѣра учитель греческаго языка мечталъ о невозможномъ, о молочныхъ рѣкахъ въ кисельныхъ берегахъ? Нисколько. Его просто засосало, что онъ дѣлаетъ не то, что онъ думалъ дѣлать, и когда ему случалось старину вспомнить съ пріятелемъ, или, какъ онъ выразился, «студенчество свое воскресить», тутъ-то и поднимался въ немъ разладъ и недовольство собою. Мечталъ онъ юношей просто о томъ, чтобы приносить людямъ пользу, а оказалось, что никакой онъ пользы не приноситъ. Вотъ и все. Когда-то былъ въ новгородской учительской семинаріи директоромъ баронъ Коссинскій (онъ былъ ученикомъ Ушинскаго и послѣ него занималъ мѣсто инспектора классовъ въ Смольномъ институтѣ). Коссинскій былъ замѣчательный педагогъ, зналъ превосходно свое дѣло и обладалъ особеннымъ талантомъ возбуждать въ своихъ питомцахъ добрыя чувства и стремленія. Умѣлъ онъ вложить въ каждаго любовь къ дѣлу, довести почти до энтузіазма желаніе работать на пользу ближняго, а что главное—создать атмосферу возвышенныхъ и облагораживающихъ чувствъ, въ которой каждый сейчасъ же настраивался на высокій тонъ. Въ этомъ, конечно, заключалось величайшее достоинство Коссинскаго, какъ педагога и наставника. Правда, тогда и время такое было, что господствовалъ и повсюду возвышенный тонъ и самъ Коссинскій былъ настроенъ по тому же камертону, наконецъ, и задача воспитателей понималась какъ нѣчто миссіонерское и творческое, создающее новое вино для новыхъ мѣховъ. Впрочемъ, какъ нужно думать, новгородская губернская управа не была удовлетворена творческимъ направленіемъ Коссинскаго, нашла, что онъ развиваетъ въ своихъ воспитанникахъ изъ мужиковъ слишкомъ демократическія понятія, и Коссинскій оставилъ новгородскую семинарію. Много лѣтъ спустя мнѣ пришлось читать письмо одного изъ учениковъ Коссинскаго. Случилось съ этимъ ученикомъ то же (если не хуже), что и съ учителемъ греческаго языка. Занявъ, въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ Новгородской губерніи, мѣсто сельскаго учителя, онъ скоро разочаровался въ своихъ идеалахъ и стремленіяхъ. Школа не шла у него, какъ ему хотѣлось; подумалъ, подумалъ человѣкъ—и занялся писательствомъ; но и въ писательствѣ не нашелъ удовлетворенія, опять призадумался человѣкъ надъ собою, и порѣшилъ искать счастія въ семейной жизни, зависящей, повидимому, меньше всего отъ внѣшнихъ случайностей, но не дала того, что искалось, и семейная жизнь... И вотъ тутъ-то человѣкъ, подведя итогъ своей жизни и не разрѣшивъ ничего, написалъ письмо къ одному изъ петербургскихъ редакторовъ... «Что же мнѣ остается теперь дѣлать,—спрашивалъ человѣкъ, не нашедшій себѣ мѣста въ природѣ,—застрѣлиться, что ли?» Не знаю, застрѣлился ли онъ, но бывали люди, которые въ подобномъ положеніи стрѣлялись.

Вы скажете, что все это идеализмъ, предъявленіе къ жизни неосуществимыхъ требованій. Совершенно справедливо, и вотъ объ этомъ-то я и говорю. Нашъ пароходный нѣмецъ ужь конечно требовалъ отъ жизни только возможнаго, а что возможно и что невозможно, этому его научила культура. Наша же культура, съ одной стороны, создавала барона Коссинскаго и его учениковъ, съ приподнятыми чувствами и стремленіями, а съ другой—не давала подобнымъ людямъ простора. Сама она правою рукой творила то, что уничтожала лѣвой, и потому понятно, что идейно созданный правою рукой русской культуры человѣкъ, очутившійся подъ ея лѣвою рукой, конечно, не могъ разсчитать ничего съ точностью нѣмца. Какая ужь тутъ могла явиться смѣлость, гордость и самоувѣренность, когда вся забота сводилась только къ тому, чтобы хоть какъ-нибудь спасти свою собственную душу!

Приведу еще фактъ, и тоже не книжный или литературный, а изъ живой дѣйствительности. Въ послѣдней книжкѣ «Недѣли» закончилъ свои заграничные очерки г. Дѣдловъ («Издалека»). Пока г. Дѣдловъ былъ заграницей, въ немъ чувствовался мажорный тонъ, держалъ онъ себя умственно вполнѣ независимо, разсудочнымъ и критическимъ окомъ онъ проникалъ и въ прошлыя, и въ будущія судьбы Италіи и Турціи, и запада и востока, видъ его былъ бодрый и увѣренный, чувствовалъ онъ себя, какъ нашъ нѣмецъ на пароходѣ, на первомъ мѣстѣ и держалъ себя съ тою же спокойною объективностью и съ тѣмъ же сознательнымъ достоинствомъ. Но вотъ онъ возвращается домой и внезапно этотъ человѣкъ, еще недавно говорившій только въ мажорномъ тонѣ, впадаетъ въ тонъ минорный. Извиняюсь передъ читателемъ за нѣсколько длинную выписку, но иначе нельзя: «Томленіе и нетерпѣніе увидать родину и ступить на твердую землю стали невыносимы, — говоритъ г. Дѣдловъ.—Не только пассажиры, но и служащіе на пароходѣ просто мѣста себѣ не находили, въ ожиданіи, когда же, наконецъ, пройдутъ тридцать шесть часовъ, отдѣляющіе насъ отъ Россіи. Море, противъ ожиданія, было спокойно, и тридцатаго мая, въ четвертомъ часу утра, мы увидѣли Одессу. Но странно, вмѣсто радости, которой я ожидалъ, мною овладѣло тяжелое чувство. Я видѣлъ Италію, обремененную тремя цивилизаціями: античною, эпохи Возрожденія и новѣйшею въ формѣ ея усовершенствованнаго политическаго устройства. И, все-таки, эта страна нища и убога, все-таки, ея пѣснь спѣта, и міръ ничего уже не ждетъ отъ нея. Я видѣлъ дикій Египетъ и заглянулъ въ варварскую Турцію. И тутъ пахло кладбищемъ и разореніемъ. Народъ, весь цѣликомъ, отъ султана и до послѣдняго носильщика гдѣ-нибудь въ Яффѣ, рѣшительно не знаетъ, зачѣмъ онъ живетъ. Ѣсть, пить, спать, пьянѣть отъ гашиша или отъ религіознаго изступленія—вотъ жизнь Востока. И тутъ все уже кончено. Теперь передо мною лежала родина—низкая, плоская, безграничная страна, въ багровомъ свѣтѣ восходившаго солнца, въ буромъ туманѣ водяныхъ паровъ и степной пыли. Европа и Востокъ боятся моей родины, — значитъ, она крѣпка и сильна. Природа не истощена; народъ, не знающій убійственныхъ турецкихъ и итальянскихъ податей, европейскихъ пролетаріата и клерикализма, восточнаго рабства, долженъ быть свѣжъ и бодръ,—значитъ, будущее родины велико. Но отчего же эта распущенная апатія, которая поражаетъ въ русскихъ, когда ихъ сравнишь съ Европой? Отчего интеллигенція похожа на унылаго чиновника, оставшагося за штатомъ? Отчего простой народъ все больше и больше дѣлается похожимъ на бывшаго двороваго, Некрасовскаго Ивана? Отчего ростущій классъ городскихъ босяковъ и золоторотцевъ напоминаетъ въ корень развращеннаго южнаго итальянца, а фанатическія религіозныя секты невольно приводятъ на умъ каирскихъ воющихъ дервишей и сирійскихъ ансаріеховъ или унитаріевъ? Я не вѣрю, чтобы народъ и исторію дѣлали учрежденія. Народъ самъ себя создаетъ. Что же таитъ будущее моей родины, я не могъ отвѣтить себѣ. Вѣдь, родина—это я... Судить самого себя нельзя, а отъ пророчествъ о самомъ себѣ съ трепетомъ отворачиваешься, какія бы они тамъ ни были, хоть бы самыя благопріятныя. И вотъ этотъ-то трепетъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ и омрачилъ радость свиданія съ давно невиданною родиной».

Не для того я сдѣлалъ эту выписку, чтобы показать, какъ заключеніе г. Дѣдлова не сходится съ общимъ тономъ его путевыхъ замѣтокъ (въ особенности, когда онъ громилъ Италію), и не для того я сдѣлалъ эту выписку, чтобы показать, что г. Дѣдловъ понимаетъ очень хорошо нѣкоторыя вещи, но печатно говоритъ о нихъ какъ будто другое. Эта черта, очень обычная въ нашихъ писателяхъ (особенно теперешняго времени), даетъ отвѣтъ и на главный вопросъ, что тотъ же г. Дѣдловъ, человѣкъ несомнѣнно и образованный, и думающій, и наблюдательный, и понимающій, и державшій себя въ путешествіи съ приподнятою головой, какъ только вступилъ на родную почву, такъ и самъ сталъ похожъ на «унылаго чиновника, оставшагося за штатомъ». Откуда же этотъ внезапный минорный тонъ, послѣ той мажорности, съ которою г. Дѣдловъ поражалъ Италію, Турцію, Египетъ? Нашъ пароходный нѣмецъ, вступивъ послѣ путешествія по чужимъ странамъ на свой дорогой фатерландъ, не упалъ бы духомъ, не сталъ бы пытать будущаго и не почувствовалъ бы трепета, подобно г. Дѣдлову, а, напротивъ, выросъ бы на цѣлый аршинъ и затрубилъ въ побѣдную трубу... И робкое чувство г. Дѣдлова вполнѣ искренно. Правдивость не позволила ему увѣрять въ томъ, чего онъ не видѣлъ. Конечно, онъ могъ бы и умолчать о распущенной апатіи, которая поражаетъ въ русскихъ, когда ихъ сравнишь съ европейцами, могъ бы онъ умолчать и о нашей интеллигенціи, похожей на чиновника, оставшагося за штатомъ, могъ бы онъ умолчать и о народѣ, напоминающемъ Некрасовскаго Ивана, и о городскихъ босякихъ и золоторотцахъ,—не умолчалось же, какъ видно! Мысль сама собою требовала законченности, и, не давая никакихъ разъясненій, г. Дѣдловъ возстановилъ, все-таки, вѣрно факты.

Чтобъ устранить всякія недоразумѣнія, къ которымъ я подалъ поводъ октябрьскимъ очеркомъ, считаю необходимымъ сказать, что подъ именемъ «нѣмца» я вовсе не понимаю всякаго безъ исключенія нѣмца или какого нибудь опредѣленнаго Адама, Готлиба или Іоганна. Даже и пароходный нѣмецъ, котораго я такъ часто вывожу за руку передъ публикой, для меня вовсе не живой нѣмецъ, а только извѣстный вопросъ или идея, имѣющая значеніе настолько, насколько она разрѣшаетъ мои домашніе вопросы. Вмѣсто «нѣмца» и «нѣмецкой культуры», можно было бы взять Европу и европейскую культуру, какъ это дѣлаетъ г. Дѣдловъ. Я же беру «нѣмца» потому, что онъ для насъ, русскихъ, гораздо нагляднѣе; мы нѣмцевъ знаемъ хорошо, такъ сказать, испытали ихъ своею

собственною жизнью, знаемъ и пользу, которую они намъ принесли, знаемъ и вредъ, которымъ наградила насъ ихняя «нѣмецкая культура». Но опять повторяю, что «нѣмецъ» для меня не больше, какъ извѣстное представленіе, и тѣ, кто думаютъ, что достаточно быть Адамомъ Адамовичемъ, чтобы изображать изъ себя носителя нѣмецкой идеи и быть образцомъ для каждаго русскаго, очень на этотъ счетъ ошибаются. Не для меня одного, а и для всѣхъ русскихъ «нѣмецъ» совсѣмъ не такой идеалъ, къ которому пріурочивались бы всѣ наши общественныя и личныя стремленія. Именно къ этому-то идеалу, къ которому мы уже пригляделись на нашихъ нѣмцахъ, мы и не тянемся. Если московскій журналистъ, глядя на пароходнаго нѣмца, сказалъ: «да, это все культура»,—то онъ этимъ выразилъ лишь общее сожалѣніе, что въ нашей жизни недостаетъ чего-то, а вовсе не то, что намъ нужно нѣмецкое самоублаженіе, или что всѣ мы должны походить на пароходнаго нѣмца. Мы именно въ «нѣмцѣ»-то, котораго знаемъ и видимъ, и не находимъ того, что удовлетворяло бы нашему общественному идеалу и представленію о свободѣ. Оттого-то мы такъ и сочувствовали нашему пароходному нѣмцу, когда намъ казалось, что онъ, бѣдненькій, ничего не смѣетъ сдѣлать безъ разрѣшенія своего полицеймейстера. Вотъ этого-то полицеймейстера, сокращающаго личность, мы и боимся. Вся наша историческая жизнь сложилась на подчиненіи частнаго и личнаго общему, на томъ, что личность почти безъ остатка растворилась въ общемъ. Боясь этого поглощенія, мы, однако, въ то же время, во всемъ обликѣ, во всемъ поведеніи нѣмца видѣли такое сильно развитое чувство личности, что вздохъ московскаго журналиста являлся лишь невольнымъ, неудержимымъ, скорбнымъ и, въ то же время, завистливымъ поясненіемъ его мысли. Конечно, культура создала въ нѣмцѣ то чувство, о которомъ вздохнулъ журналистъ, а наша культура этого чувства въ насъ не создала, и потому московскій журналистъ, вздыхая о культурѣ, вздыхалъ не собственно о нѣмецкой культурѣ, а вздыхалъ о тѣхъ возможностяхъ, которыя создали въ нѣмцѣ его Selbstgefühl.

И нѣмецъ въ этомъ отношеніи представлялъ дѣйствительно богатый и нескончаемый матеріалъ для наблюденія. Его Selbstgefühl возникъ именно изъ его интеллигентнаго сознанія. Это исключительно умственное чувство, создавшееся общественными порядками и тѣмъ положеніемъ, которое и заняла личность, выросшая на подобномъ сознаніи. Человѣкъ просто знаетъ свое мѣсто въ природѣ и ощущаетъ подъ ногами твердую почву. И вотъ, и тѣ учителя, о которыхъ я говорилъ, и баронъ Коссинскій, утратившій свое мѣсто директора, и его ученикъ, наконецъ, совсѣмъ уже не знавшій, что ему дѣлать съ своимъ *я*, и г. Дѣдловъ, которому наша интеллигенція напомнила чиновника, оставшагося за штатомъ, наконецъ, московскій журналистъ, искавшій душевнаго облегченія во вздохѣ, — всѣ они только и стоятъ въ недоумѣніи передъ этимъ вопросомъ, скорбно чувствуя и сознавая, что какой-нибудь нѣмецъ-кочегаръ идетъ съ приподнятымъ чувствомъ личности и несетъ гордо свою голову, а они, интеллигенты, внутренно сознающіе, что если у нихъ умственное и нравственное сокровище болѣе богатое, чѣмъ у чумазаго нѣмца-кочегара или у кельнера, умѣющаго только подавать тарелки, ходятъ понуривъ голову, какъ заштатные чиновники... Г. Дѣдловъ говоритъ, что исторію дѣлаетъ самъ народъ. Это вѣрно, но, кажется, тутъ не въ этой исторіи дѣло.

Изъ всѣхъ фактовъ, которые я привелъ, читатель, конечно, замѣтилъ, что понуривъ голову ходитъ только интеллигентъ, г. Дѣдловъ тоже сравниваетъ съ заштатнымъ чиновникомъ только интеллигента, но не говоритъ ничего подобнаго ни о босякахъ, ни о золоторотцахъ, о нашихъ же промышленникахъ и купцахъ онъ и совсѣмъ не говоритъ. Вотъ въ этомъ-то пунктѣ «нѣмецъ», кажется, и является наиболѣе рѣзкимъ намъ противорѣчіемъ. Хотя Selbstgefühl и очень силенъ въ нѣмцѣ-кочегарѣ и въ нѣмцѣ-кельнерѣ, но это чувство въ нихъ только отраженное. Не въ себѣ они чувствуютъ приподнимающую ихъ силу, а чувствуютъ ее внѣ себя; сила, которою они гордятся и свѣтъ которой на нихъ отражается, есть вполнѣ ими сознаваемая и чтимая сила нѣмецкаго генія, нѣмецкой умственности и культуры, которую создалъ тотъ же нѣмецкій геній. Вотъ въ чемъ главная гордость нѣмца. Онъ именно гордится сознаніемъ всего того, что создали его нѣмецкая наука, его нѣмецкая философія, его нѣмецкое образованіе. Въ противуположность нѣмцамъ, чувства гордости своимъ, русскимъ, умомъ у насъ еще совсѣмъ не явилось, точно до сихъ поръ нашъ русскій умъ ни къ чему намъ не служилъ и ничего онъ намъ не произвелъ. А, между тѣмъ, всю русскую исторію, и всю нашу культуру, и все теперешнее наше сознаніе создалъ только нашъ, русскій, умъ. Мало этого: онъ, наконецъ, усомнился въ себѣ и въ своемъ прошломъ творчествѣ и это сознательное сомнѣніе выразилъ въ тѣхъ поправкахъ, которыя было пытался ввести въ жизнь. И вотъ тутъ-то и возникло нѣчто совершенно неожиданное: вмѣсто одного ума, у насъ внезапно обнаружились два — умъ старый и умъ новый, отецъ и сынъ. Старый умъ усомнился въ новомъ умѣ, потому что онъ будто бы ничего еще не создалъ, да и въ состояніи ли онъ что-нибудь создать—неизвѣстно. Новый же умъ (сынъ), не отрицая былой творческой и организаціонной силы стараго ума, усомнился въ его силѣ идти дальше и эту способность призналъ только за собою. Въ сей моментъ, можетъ быть, въ наиболѣе острой формѣ свершается эта борьба стараго русскаго ума съ крѣпнущимъ новымъ русскимъ умомъ. Старый умъ, занимая господствующее и дѣятельное положеніе, совсѣмъ не чувствуетъ себя заштатнымъ чиновникомъ, а, напротивъ, какъ кажется, никогда не былъ еще такъ увѣренъ въ себѣ. Скромнымъ заштатнымъ чиновникомъ является новый умъ, и ужъ конечно только о представителяхъ этого ума и говорилъ г. Дѣдловъ.

Г. Дѣдловъ даетъ очень подходящій матеріалъ,

которымъ нельзя не воспользоваться. Вступивъ въ Одессѣ на родную почву и отдавшись скорбнымъ размышленіямъ, г. Дѣдловъ остановился, между прочимъ, на слѣдующей параллели: «Вѣдь, родина — это я: она меня родила, въ ней я умру, только на ея землѣ имѣетъ смыслъ моя жизнь. Судить самого себя нельзя, и отъ пророчествъ о самомъ себѣ съ трепетомъ отворачиваешься...» Едва ли въ нашемъ пароходномъ нѣмцѣ что-нибудь подобное этимъ мыслямъ могло бы явиться. Что родина родила г. Дѣдлова—это несомнѣнно, что онъ въ ней умретъ—это можетъ быть; но чтобы родиной онъ былъ самъ—это и слишкомъ широко, и совершенно невѣрно. Превративъ себя въ родину, г. Дѣдловъ немедленно же лишилъ себя права судить о самомъ себѣ. Никакой «нѣмецъ» не построилъ бы такого силлогизма. «Нѣмецъ», преисполненный личнаго чувства, нашелъ бы, что все подлежитъ его умственной компетенціи. Онъ ушелъ бы мыслью за тысячу лѣтъ назадъ и за тысячу лѣтъ впередъ и самымъ основательнымъ образомъ отштудировалъ бы подробности настоящаго. Г. Дѣдловъ же, какъ только высадился въ Одессѣ, сейчасъ же поставилъ себѣ точку и рѣшилъ, что самого себя судить нельзя, а передъ всякими пророчествами слѣдуетъ трепетать.

Нѣмецко-протестантская культура вся выросла на сужденіи; сужденіе и только сужденіе создало силу и гордость нѣмца, сужденіе поставило Германію на то мѣсто, которое она занимаетъ въ человѣчествѣ; сужденіе и только сужденіе создало силу и благосостояніе англичанъ, французовъ, американцевъ. У насъ же до Петра Великаго общественный принципъ заключался въ «несужденіи», и если мы выработали себѣ исторической традиціей обезличеніе, то именно только потому, что боялись «сужденія». Мы сложили себѣ даже особенное повѣрье, что кто прочтетъ Библію, тотъ сойдетъ съ ума,—до того у насъ была развита болзнь, что, чего добраго, мы начнемъ читать да думать. Нѣмецъ этого не боялся, ибо онъ зналъ, что только сужденіе свободное и независимое сужденіе творитъ силу, что сужденіе есть высшее и совершеннѣйшее благо, безъ котораго человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ. Какимъ же образомъ не только отказываться намѣренно отъ этого блага, да еще и возводить отказъ въ теорію и проповѣдь умственнаго скопчества, какъ это дѣлаетъ г. Дѣдловъ? Вся разница между европейскою и русскою культурой заключается только въ томъ, что въ Европѣ, и въ особенности въ нѣмецко-протестантскихъ странахъ, сужденіе составляло основу развитія, непремѣнный догматъ его; въ русской же, до-петровской культурѣ сужденіе объявлялось помѣхой и разсматривалось какъ нѣчто разрушающее цѣльность общаго.

Безъ сомнѣнія, въ томъ, что Европа имѣла возможность и считала себя въ правѣ судить о вещахъ, судить о которыхъ мы еще не считали себя въ правѣ, лежитъ вся разница нашей умственной культуры отъ умственной культуры преимущественно протестантскихъ странъ. У протестантовъ не было такой умственной области, которая бы не была открыта для сужденія. Это различіе и было причиной, что на всю нашу умственную жизнь легъ своеобразный отпечатокъ, который не изгладился до сихъ поръ, не смотря на то, что со времени Петра Великаго открылся у насъ доступъ знаніямъ и бывали даже моменты, когда они очень энергично проводились въ болѣе образованные слои населенія. Дѣло въ томъ, что русскій умъ пока еще нѣсколько особенный умъ. Какъ подобное заключеніе не можетъ показаться парадоксальнымъ, но у него есть основаніе. Европейское мышленіе имѣетъ свою многовѣковую традицію; оно есть наслѣдственное умственное состояніе, выработавшее себѣ логическія формы, извѣстную дисциплину, систему, порядокъ, пріемъ. Такое выработанное и сложившееся мышленіе превратилось уже въ органическую принадлежность каждаго отдѣльнаго лица и въ своемъ коллективномъ проявленіи сообщаетъ мышленію каждой отдѣльной національности особенный характеръ. Про нѣмецкое мышленіе извѣстно, что оно отличается глубиной, подробностями и, въ то же время, туманно. Французское мышленіе отличается ясностью и математическою точностью; оно не такъ отвлеченно или теоретично, какъ нѣмецкое, но за то реальнѣе, и осязательнѣе. Русское мышленіе еще не выяснилось и не установилось и не имѣетъ опредѣленной физіономіи. Конечно, у насъ есть и были оригинальные мыслители, но каждый изъ нихъ имѣлъ лишь свою личную физіономію. Что же касается мышленія русско-наслѣдственнаго, установившагося традиціей, то оно рѣзче всего обнаруживается въ нашей апріорности, въ томъ, что называется у насъ думать своимъ умомъ. Никакого общаго мышленія у насъ не существовало, знаній не было, провѣрять себя было не на чемъ, вотъ каждый и думалъ на собственный страхъ, и это не только фигурально, но и въ дѣйствительности. При такомъ положеніи мысли, когда она «варилась только въ своемъ собственномъ соку», не могла не сложиться та наслѣдственная умственная замкнутость, которая и привела къ особой формѣ апріорности чисто-русской. Каждый такой отдѣльный замкнутый умственный организмъ, варившійся въ своемъ собственномъ соку, превратилъ самъ себя въ источникъ несомнѣнной истины, ему прирожденной и лично ему принадлежащей. А затѣмъ, по формулѣ г. Дѣдлова: «родина—это я», личная теорія сложилась и въ русскую международную. Оказалось, что для насъ не писаны ни европейскіе, ни общечеловѣческіе законы мышленія и знаній и что мы можемъ изобрѣтать своимъ умомъ даже собственныя русскія науки. Не больше тридцати лѣтъ назадъ велся объ этомъ даже печатный споръ.

И у этого своеобразнаго явленія есть достойное полнаго уваженія основаніе. Въ желаніи думать своимъ умомъ сказывается не только стремленіе къ личной, но и къ общественной самостоятельности, — сказывается, пожалуй, и чувство національнаго достоинства. Есть, однако, основаніе полагать, что чувство нашего національнаго достоинства выиграло бы ужь несомнѣнно больше, если бы

русская мысль доросла до идеи общенародной солидарности и пріобщилась бы къ мысли европейской. Самостоятельность англичанъ, французовъ, нѣмцевъ и американцевъ нисколько не теряетъ отъ ихъ свободнаго умственнаго общенія. Такъ все это старо и общеизвѣстно, что даже стыдно повторять, а, между тѣмъ, приходится не только повторять, но еще и доказывать, бороться, наживать себѣ противниковъ. Все это, конечно, происходитъ только отъ того, что крѣпки еще корни стараго прошлаго и много еще они даютъ побѣговъ, а насколько крѣпки старые корни и побѣги, приведу фактъ. Въ іюньскомъ «очеркѣ» мнѣ пришлось говорить о томъ же «своемъ умѣ» по поводу двухъ тысячъ финансовыхъ проектовъ и одинъ изъ читателей «Русской Мысли» нашелъ нужнымъ выступить на защиту самоучекъ-финансистовъ, къ которымъ онъ причисляетъ и себя. Мнѣ онъ выслалъ свою брошюру о бумажныхъ деньгахъ, а въ редакцію прислалъ письмо, въ которомъ доказываетъ неправильное отношеніе «Русской Мысли» къ факту появленія у насъ самоучекъ. Случилось, однако, такъ, что письмо, предназначавшееся для редакціи, дошло до меня, а брошюра, назначавшаяся мнѣ, до меня не дошла. Поэтому я буду говорить только о томъ, что до меня дошло, и буду говорить объ этомъ тѣмъ охотнѣе, что авторъ письма, думая доказать неправильное отношеніе «Русской Мысли» къ факту, въ дѣйствительности только подтверждаетъ правильность этого отношенія.

Авторъ, прежде всего, обрушивается на печать вообще, которая, будто бы соболѣзнуя бѣдности русской мысли, въ то же время, несказанно рада случаю поглумиться надъ всякимъ проявленіемъ ея самостоятельности. Глумленіе это, продолжающееся десятки лѣтъ, по словамъ автора, именно и привело насъ къ умственной апатіи. Что же касается «Русской Мысли» въ частности, то вопреки своему девизу, она считаетъ «научнымъ» только то, что вышло изъ-подъ пера нѣмца, француза, англичанина, все же сказанное *русскимъ* представляется ей будто бы дерзкимъ лепетомъ. Эту мысль авторъ украшаетъ небольшимъ полемическимъ завиткомъ, что «нельзя же считать у насъ людьми съ убѣжденіемъ только пишущихъ въ газеты и журналы». Все это настолько справедливо, что если бы авторъ желалъ именно дать оружіе противъ самого себя, то онъ и не могъ бы придумать ничего лучшаго. Во-первыхъ, онъ сразу вычеркиваетъ всю нашу тысячелѣтнюю исторію, а печати, которая въ послѣдніе десятки лѣтъ выходила изъ всѣхъ силъ, чтобы пробудить мысль, онъ съ такимъ же знаніемъ нашего прошлаго великодушно надѣваетъ ночной колпакъ и увѣряетъ, что она-то именно и усыпила русскую мысль. Въ способѣ такого сужденія «изъ себя» и заключается характерная особенность нашей наслѣдственной апріорности. Авторъ неоспоримо преисполненъ самыми лучшими патріотическими чувствами и искренно желаетъ помочь Россіи въ ея затруднительномъ финансовомъ положеніи. Но я говорю не объ этомъ, — я хочу сказать, что увлеченіе даже самыми лучшими патріотичекими чувствами не даетъ никому права вступать въ полемику съ истиной. Такъ, авторъ письма говоритъ, что западно-европейская наука, въ пересадкѣ на русскую почву, молчитъ въ своемъ безсиліи помочь Россіи въ ея финансовомъ затрудненіи, что наши ученые финансисты — университетскіе и академическіе — тоже глубокомысленно молчатъ и получаютъ лишь свое жалованье. И вотъ, когда повсюду царитъ мракъ или безсиліе и не является никто для спасенія отечества, «выступаютъ одинъ за однимъ люди темперамента, для которыхъ бѣдствіе отечества — ихъ собственное бѣдствіе». Эти-то люди темперамента и есть «доморощенные финансисты». Авторъ письма сравниваетъ ихъ съ «самодѣльною лучиной», которая погасаетъ, «когда засвѣтитъ солнце финансовой жизни», а пока оно еще не засвѣтило, намъ слѣдуетъ жить при доморощеной лучинѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «патентованные врачи отказались отъ леченія больнаго, указывая на неизбѣжность его смерти, больной же, вовсе не согласный съ такимъ приговоромъ врачей, началъ лечить себя самъ и обратился къ простымъ знахарямъ...»

Все, что говоритъ авторъ письма, служитъ лишь новымъ подтвержденіемъ неизбѣжности извѣстныхъ послѣдствій, когда мысль варится только въ собственномъ соку. А послѣдствія отъ этого получаются вотъ какія: высокомѣрное пренебреженіе къ наукѣ, высокомѣрное отношеніе не только къ представителямъ ея, ученымъ — академикамъ и профессорамъ, но и къ тѣмъ, кто практически примѣняетъ знанія къ жизни; пренебреженіе къ писателямъ, вообще ко всѣмъ, кто думаетъ не такъ, какъ намъ хочется; смѣлость отрицанія доходитъ иногда до предѣловъ помѣшательства величія и, въ то же время, маскируется въ напускную скромность или, какъ въ данномъ примѣрѣ, выражается въ величаніи себя «самодѣльною лучиной» и «простымъ знахаремъ». Ничего подобнаго не могло бы явиться при нормальномъ культурномъ развитіи мышленія въ предѣлахъ строгой дисциплины ума. Въ этихъ случаяхъ мышленіе есть только мышленіе и задачи его истина, и никто не считаетъ мышленіе ни своимъ личнымъ подвигомъ, ни нравственною заслугой, ни какою-то исключительною принадлежностью, вродѣ золотой короны, которую человѣкъ самъ для себя сдѣлалъ и съ видомъ высокомѣрнаго смиренія гуляетъ въ ней въ толпѣ, отыскивая поклоненія.

Въ нашей же наслѣдственной русской формѣ, когда мышленіе является лишь изолированною пытливостью, оно не только не нуждается, но даже чуждается всякой внѣшней поддержки. Если же думающій «своимъ умомъ» человѣкъ обращается къ чтенію, т. е. какъ будто-бы желаетъ узнать, что думали о томъ же и другіе, то всѣмъ этимъ чужимъ онъ воспользуется лишь для того, чтобы окончательно убѣдиться въ собственной безошибочности. Въ этомъ случаѣ мыслители «своимъ умомъ» напоминаютъ ту барышню, которая говорила: «не знаю, какъ это такъ выходитъ, но я всегда

права». И они всегда правы, и они всегда отъ провѣрки еще болѣе укрѣпляются въ «своихъ мысляхъ». Эту общую черту всѣхъ тѣхъ, кто доходитъ до всего «своимъ умомъ», можно прослѣдить не только въ приведенномъ мною авторѣ письма, но и въ сродственныхъ ему русскихъ мыслителяхъ. И всякое несогласіе съ ними они всегда сведутъ къ чему-то личному, къ направленному именно только противъ нихъ, къ враждебности противъ всего «русскаго», къ отсутствію патріотическихъ чувствъ: къ пристрастію къ чужому. Вотъ ужь истинно-то, «вѣдь, родина—это *я*».

Впрочемъ, всѣ эти «самостоятельные» умственные люди не обнаруживали у насъ никогда руководящаго вліянія и не оставляли никакихъ прочныхъ слѣдовъ въ общемъ сужденіи. Они являлись или единично или изображали незначительную фракцію, а тонъ общей картинѣ давали не они. Чтобы не быть голословнымъ, я опять сошлюсь на г. Дѣдлова, достаточно наблюдательнаго для того, чтобы не усумниться въ его компетенціи. Сравнивая Россію съ Европой, онъ, видимо, остановился въ недоумѣніи передъ тѣмъ, что такъ рѣзко бросилось ему въ глаза, когда онъ вступилъ на родную землю. Онъ отмѣчаетъ и интеллигенцію и народъ и характеризуетъ первую унылымъ чиновникомъ, оставшимся за штатомъ, а народъ сравниваетъ съ Некрасовскимъ Иваномъ. Бросаются ему въ глаза еще босякъ и золоторотецъ, эти городскія паріи и отброски городской жизни. Но онъ ни слова не говоритъ о собственномъ горожанинѣ и среднемъ, промышленномъ городскомъ сословіи, составляющемъ крѣпкое ядро нашей городской жизни. Очевидно, что это ядро не поразило его ни своею унылостью, ни босоногостью, ни развращенностью, ни вообще такими отрицательными качествами, чтобы пришлось «трепетать» передъ его настоящимъ или будущимъ. И дѣйствительно въ экономіи нашего современнаго мышленія городское сословіе является очень плотнымъ центромъ, около котораго группируются всѣ силы нашего теперешняго руководящаго мышленія. Будетъ даже и еще точнѣе, если я скажу, что все наше теперешнее общественное мышленіе сосредоточилось только въ этомъ центрѣ. И не потому наше теперешнее мышленіе исключительно промышленное, чтобы только оно и требовалось жизнью, а потому что промышленныя способности развиты у насъ гораздо сильнѣе всѣхъ остальныхъ. Отъ этого-то мы и идемъ развязнѣе всего по пути развитія нашей промышленности и ни одно сословіе не пользуется у насъ бо́льшею свободой и бо́льшимъ вниманіемъ, какъ классъ промышленный. Причина этого, кромѣ традиціи, заключается въ томъ, что промышленные вопросы всѣмъ ясны и понятны, стремленія промышленнаго класса доступны каждому, перспективы, раскрываемыя его преуспѣяніемъ, для всѣхъ одинаково заманчивы и сердцу знатныхъ и не знатныхъ одинаково пріятенъ и понятенъ звонъ золота и счетъ банковыхъ билетовъ. Кажется, что ни одно занятіе не уравниваетъ такъ способностей и не внушаетъ такъ легко убѣжденія, что нѣтъ ничего легче, какъ управлять міромъ. И промышленность теперь дѣйствительно управляетъ міромъ, и насколько она считаетъ это простымъ и легкимъ, доказательство тому представляетъ русское купечество.

Всѣмъ извѣстно, съ какою широкою освободительною идеей выступило нынѣшнее лѣто всероссійское купечество въ запискѣ, поданной имъ на Нижегородской ярмаркѣ министру финансовъ. Этотъ высокій образчикъ нашей культуры и «самобытности» отрицаетъ всякія другія понятія, до которыхъ «всероссійское» купечество додуматься еще не успѣло. Съ чуждыми купечеству понятіями отрицаются и чуждые ему порядки. И такимъ чуждымъ и ужь конечно не «русскимъ» учрежденіемъ оказались, напримѣръ, фабричные инспекторы. Вотъ какъ жалуется на него всероссійское ярморочное купечество: «Русскіе промышленники, оглядываясь на долгое, спокойное и патріархальное прошлое русскихъ производствъ, смѣютъ думать, что они заслуживаютъ у власти бо́льшаго довѣрія, чѣмъ то, какое имъ оказано изданіемъ новаго фабричнаго закона, отдающаго часто цѣлое предпріятіе на милость и немилость лица, не имѣющаго ничего общаго ни съ интересами государства, ни съ нуждами промышленности». Русскіе промышленники, говоритъ дальше записка, не имѣютъ ничего противъ вмѣшательства государства во взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ; они готовы привѣтствовать законъ, хорошо регулирующій эти отношенія, и его истолкователей, стремящихся водворить миръ, и тишину, и любовь въ фабричной средѣ. Но новый законъ мало приближается къ этому идеалу, а его исполнители преслѣдуютъ совершенно непонятныя и тенденціозныя цѣли и только вносятъ раздоръ и разладъ въ фабричную жизнь.

Это то же «самобытное» мышленіе и все та же культура мысли, которая у людей съ «своимъ умомъ» сводитъ истину къ ихъ *я* и которая въ другихъ случаяхъ говоритъ: «родина—это *я*». Фабриканты, создавшіеся тою же культурой, съ неменьшею послѣдовательностью утверждаютъ, что Россія есть Иваново-Вознесенскъ, и что патріотизмъ, благо государства и интересы русской промышленности—суть выгоды десяти ситце-бумажныхъ фабрикъ. Бѣдная Россія является, наконецъ, растрепанной на безконечное число разныхъ маленькихъ *я*; кулаки убѣждены, что Россія — это они, приказчики и мелкіе торговцы думаютъ, что Россія—это они, купцы 2-й и 1-й гильдіи и крупные фабриканты считаютъ Россіей только себя, а г. Дѣдловъ утверждаетъ, что Россія—это онъ. И бѣдная Россія, разрываемая на тысячи клочковъ, наконецъ совсѣмъ теряется; она смотритъ съ ужасомъ на это расхищеніе ея по кусочкамъ и недоумѣваетъ, что же она такое и кому она принадлежитъ.

И неужели же это прогрессирующая русская исторія? Кажется, что такъ, насколько этотъ прогрессъ желаютъ творить купцы и фабриканты. Прежде лавочники считали себя только лавочниками и дальше безмѣна не думали, а ситцевый фабрикантъ считалъ себя лишь ситцевымъ фабрикан-

томъ и дальше своего аршина не глядѣлъ. Теперь же, когда одинъ превратился въ коммерсанта, а другой въ мануфактуриста, ихъ культурная мысль сразу же широко расправила свои крылья, хотя вверхъ никуда не поднялась, а заняла лишь больше мѣста. И свои эгоцентрирующія понятія русскіе промышленники высказываютъ съ полнѣйшею откровенностью во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда спрашиваютъ ихъ мнѣнія. Ихъ теорія управленія міромъ остается всегда одною и тою же, — все для нихъ и ничего для другихъ. Напримѣръ, не только въ Западной Европѣ, но и у насъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ общественныя понятія гораздо развитѣе, давно всѣмъ извѣстно (знаютъ это и фабриканты), что на свѣтѣ, кромѣ хозяевъ ситцевыхъ фабрикъ, есть еще и другіе люди, о которыхъ нужно тоже позаботиться, и что, поэтому, если рабочій искалѣченъ или изуродованъ фабрикой или потерялъ на ней здоровье, то нельзя же допустить, чтобы фабрикантъ, нажившій его трудомъ состояніе, считалъ себя вправѣ сказать ему: «Милый другъ, я тебѣ очень благодаренъ, но такъ какъ ты теперь безъ рукъ и безъ ногъ и мнѣ поэтому не нуженъ, то вотъ тебѣ, дорогой человѣкъ, въ подарокъ отъ меня нищенская сума, — будь только бережливъ и ты не умрешь съ голоду». И иностранцы, и наши варшавскіе фабриканты уже рѣшили, что фабричный инвалидъ, какъ и всякій другой инвалидъ, долженъ быть обезпеченъ и что владѣлецъ фабрики обязанъ отвѣчать за увѣчье и смерть своихъ рабочихъ. Но когда тотъ же вопросъ былъ предложенъ на обсужденіе нашихъ фабрикантовъ, то они въ своихъ гуманныхъ чувствахъ и гуманныхъ понятіяхъ не нашли ничего, кромѣ опасенія, чтобы законъ въ пользу инвалидовъ «не послужилъ бы средствомъ къ возбужденію неосновательныхъ исковъ и не оказалъ бы крайне вреднаго вліянія на состояніе промышленности, безъ пользы для самихъ рабочихъ». Иначе сказать, позвольте намъ, попрежнему, вытурять инвалидовъ на большую дорогу, — пускай себѣ живутъ, какъ сами знаютъ. И наши промышленники убѣждены, что въ древности, при патріархахъ, люди именно такъ и жили и потому-то порядки эти и называются патріархальными.

Нашъ мануфактуристъ-промышленникъ можетъ соорудить для себя громадную семиэтажную фабрику, которая будетъ пыхтѣть и стучать день и ночь, онъ можетъ завалить своими ситцами всѣ рынки, но вокругъ этой фабрики и внутри ея онъ расплодитъ только печаль и уныніе. Онъ заставитъ платить себѣ не только покупателя, но и собственнаго фабричнаго рабочаго. Онъ выжметъ сокъ вездѣ, куда только дотянутся его руки, и затѣмъ выброситъ уже ненужный ему выжатый лимонъ. Явившись на смѣну помѣщику и скупивъ его земли, онъ свелъ бережонные лѣса, онъ выпахалъ земли, разрушилъ постройки, а скотъ продалъ мясникамъ и затѣмъ, распродавъ по частямъ разоренное гнѣздо, увезъ возами рубли, на которые размѣнялъ былое благосостояніе. И съ своею собственною «промышленностью» онъ обращается нисколько не лучше, а «интересы государства» онъ понимаетъ совершенно такъ же, какъ и интересы помѣщичьяго имѣнія, которое онъ купилъ, чтобы разорить. Дайте ему въ руки «государственные интересы» и онъ ихъ тоже размѣняетъ на рубли и положитъ себѣ въ карманъ. Онъ работаетъ на своей фабрикѣ день и ночь съ энергіей дѣйствительно изумительной, но отечество для него, все-таки, только тѣ рынки, на которыхъ онъ можетъ продать свой товаръ. Если русская деревня будетъ не въ состояніи покупать его ситцы, онъ такъ же спокойно и во имя тѣхъ же «отечественныхъ интересовъ» отправится въ Китай, Персію, Бухару или Индію. Онъ уже и теперь, когда ослабѣла покупательная способность нашего мужика, очень зорко началъ высматривать азіатскіе рынки и сталъ выпрашивать себѣ льготъ и привилегій во имя государственнаго интереса. Но тотъ же мануфактурный патріотъ никогда и не подумаетъ поднять покупательную способность своего роднаго народа. Вѣрно, что его энергія громадна, даже чудовищно громадна; онъ смолоду, можетъ быть, ходилъ въ лаптяхъ, потомъ не доѣдалъ и не досыпалъ и много вынесъ собственнымъ горбомъ, прежде чѣмъ выстроилъ семь семиэтажныхъ корпусовъ, и, оглядывая свое прошлое, онъ имѣетъ полное право гордиться собою и проникаться сознаніемъ своего *я*. И *я* его дѣйствительно громадно, чувство личности развито въ немъ до крайнихъ предѣловъ; но это не культурный Selbstgefühl нѣмца, созданный совокупностью личныхъ и наслѣдственныхъ культурныхъ понятій и привычекъ. Это просто чувство изолированной самости, не имѣющее никакой идейной и общественной связи ни съ близкими, ни съ далекими людьми. Для него всякій человѣкъ только потребитель, а земной шаръ — лишь одинъ обширный рынокъ. Вотъ и вся его общественная теорія, да другой онъ и не могъ себѣ сложить.

Краски эти могутъ показаться преусиленными только потому, что онѣ собраны въ одну кучу. Но сущность явленія, что наши промышленныя способности развиваются безъ участія общественно-умственныхъ вліяній, остается вѣрной. Еще разъ повторю, что исключительно промышленное направленіе, которое усматривается и не у насъ однихъ, является лишь оттого, что промышленныя и изобрѣтательныя способности и развитѣе остальныхъ, да и развиваются они легче. Только отъ этого промышленное направленіе является почти вездѣ центральнымъ и остальныя, можетъ быть, болѣе важныя (и несомнѣнно болѣе важныя) стороны жизни еще ждутъ своей очереди въ общественномъ вниманіи, которое явится лишь тогда, когда общественныя способности достигнутъ болѣе высокаго развитія, чѣмъ теперешнее. Съ этимъ, конечно, пока ничего не подѣлаешь, но нужно же это знать.

И дѣйствительно, для промышленныхъ способностей всѣ остальныя стороны русской жизни, собственно не промышленной, не той, которая заключается въ четырехъ стѣнахъ фабричнаго двора и потому ее не положишь сейчасъ же на счеты, пред-

ставляютъ слишкомъ запутанную усложненность, чтобы ее можно было размотать какъ фабричную катушку. Два такихъ трудныхъ и многосложныхъ явленія выросли особенно замѣтно въ послѣдній современный намъ періодъ русской жизни и оба они не подъ силу людямъ съ промышленнымъ умомъ. Оба эти явленія не только широки и сложны, но они еще продолжаютъ «твориться» и потому находятся въ постоянно мѣняющемся движеніи, представляя въ этой своей жизненности почти полную противуположность уже осѣвшему и устоявшемуся промышленному слою русской жизни. Одно изъ этихъ явленій или состояній есть интеллигенція, многосторонніе и сложныя стремленія которой и ея умственныя симпатіи ужъ и вовсе не принадлежатъ къ области фабричнаго мышленія, а другое—крестьянскій вопросъ, выросшій тоже не на фабричной землѣ. Объ интеллигенціи я говорить теперь не стану, а въ крестьянскомъ или народномъ вопросѣ укажу лишь на одну его частность—переселеніе. Какова же эта частность и подъ силу ли разобраться въ ней фабрично-промышленному мышленію?

Началась эта «частность» не на нашей памяти. Давно она уже срослась съ жизнью русскаго мужика, и этотъ крѣпкій землѣ человѣкъ, несмотря на постоянныя и энергическія мѣры для удержанія его на мѣстѣ, всю свою жизнь только и дѣлалъ, что отрывался отъ мѣста. Это было постоянное движеніе, то одиночное, то массовое, то стихавшее, то поднимавшееся, сравнить которое можно развѣ лишь съ неустойчивымъ равновѣсіемъ океана. И это вовсе не игра картинными словами. Океанъ такъ же не сжимаемъ, какъ и народная жизнь, и эта жизнь такъ же, какъ и океанъ, вѣчно движется, чтобы возстановить нарушенное гдѣ-либо равновѣсіе. Сильнѣе всего нарушилось равновѣсіе народной жизни на нашихъ глазахъ и намъ поэтому и приходится быть свидѣтелями энергическаго стремленія народа къ возстановленію нарушеннаго равновѣсія. Точно потокъ какой, переселенческое движеніе направляется съ неудержимою силой повсюду. Прежде знала его только Сибирь, теперь же переселенческое движеніе устремилось на Кавказъ, за Кавказъ, въ юго-восточный край, въ степи уральскія и за-уральскія, разливается оно перекрещивающимися потоками и внутри Россіи, направляясь съ западной пограничной полосы далѣе на востокъ, въ глубь Россіи, или же изъ Прибалтійскаго края въ Бѣлоруссію, а изъ южныхъ черноземныхъ губерній въ ближайшія степныя. Громадная полоса земли отъ нашей западной границы до Восточнаго океана и отъ средней черноземной полосы до всей южной русской границы служитъ ареной этого передвиженія.

Велика эта полоса и можетъ вмѣстить она въ себѣ три Европы, но смыслъ переселенческаго движенія не въ томъ, что заняло оно три Европы (что можно увидѣть съ любой каланчи), а въ его внутреннемъ укладѣ. Обыкновенно переселенцы имѣютъ жалкій, оборванный видъ; толпами валяются они на платформахъ желѣзныхъ дорогъ, подъ дождемъ и вѣтромъ, ожидая по суткамъ и болѣе поѣзда, толпами нагружаютъ ими вагоны и пароходныя баржи или открытыя палубы пароходовъ, точно какими отверженцами; потомъ, изможденные, изголодавшіеся, опаленные солнцемъ, обносившіеся, со всѣмъ своимъ скарбомъ, ребятишками и бабами, на тощихъ, изголодавшихся и такихъ же отверженныхъ лошаденкахъ, пробавляясь Божьимъ именемъ, тянутся длинными вереницами по дорогамъ, дни за днями, цѣлые мѣсяцы, точно ужъ и конца не будетъ ихъ пути. И характерный видъ этого нескончаемо-передвигающагося убожества сталъ у насъ до того обыченъ и каждому извѣстенъ, что при встрѣчѣ никто уже и не спрашиваетъ, что это за люди. Кто же не знаетъ, что это—«переселенцы!»

Но какъ бы ни былъ тяжелъ путь, онъ мужика не пугаетъ. У него вся дума о томъ невѣдомомъ будущемъ, которое ждетъ его тамъ, на мѣстѣ,—на томъ самомъ мѣстѣ, для котораго онъ и зябъ, и голодалъ, и христарадничалъ, и столько времени жилъ отверженцемъ. Какъ бы трудности и пути ни были велики, ихъ переселенецъ всегда осилитъ,—не было еще примѣра, чтобы его испугали лишенія. Но то, что онъ встрѣтитъ на «мѣстѣ», онъ осилитъ не всегда,—никакое терпѣніе, никакая выносливость тутъ подчасъ не помогаютъ,—и переселенецъ, отбитый на всѣхъ пунктахъ, бѣжитъ обратно на свою родину.

Борьба, которую приходится выносить переселенцу,—борьба съ мѣстнымъ населеніемъ (теперь ставшимъ особенно враждебнымъ) и съ массой новыхъ, невѣдомыхъ условій и обстоятельствъ, которыя нужно или къ себѣ приноровить, или къ нимъ приноровиться. Переселенецъ вноситъ съ собою цѣлый законченный міръ уже установившихся понятій, вѣрованій, обычаевъ, привычекъ и своихъ сельско-хозяйственныхъ знаній, иногда на мѣстныя совершенно не похожихъ. Такой же законченный міръ представляютъ собою и старожилы. И становятся эти два взаимно-непонимающіе міра стѣной противъ стѣны, и враждебность ихъ доходитъ иногда до того, что не примиряетъ ихъ даже общая религія. «Что лѣзешь?—говоритъ казакъ-сторожилъ новоселу, пробирающемуся въ толпѣ молящихся,—церковь-то наша, а не ваша». Это-то «наше» и «ваше» превращаетъ взаимное приспособленіе въ неустанное насиліе. Въ такомъ видѣ и стоитъ нашъ «колонизаціонный» вопросъ на отдаленныхъ окраинахъ. Вопросъ этотъ выяснило и установило не промышленное движеніе мысли, а интеллигентное, промышленное же сознаніе до него еще нисколько не приблизилось, какъ не приблизилось оно и вообще къ культурно-общественному мышленію.

XXIII.

Безъ всякой мистификаціи предлагаю читателю опредѣлить, къ какому году (конечно, нынѣшняго столѣтія) относятся слѣдующія извѣстія (изъ какой газеты я ихъ беру, читателю совершенно безразлично, нумеръ новогодній):

Статья передовая: Минувшій годъ, по отношенію къ внутренней жизни нашего отечества, не отличается ничѣмъ выдающимся: это былъ годъ, такъ сказать, будничный, заурядный, не ознаменовавшійся никакими крупными событіями положительнаго характера, не возбудившій въ обществѣ никакихъ особыхъ надеждъ и, въ то же время, не принесшій никакихъ существенныхъ разочарованій...»

Народное хозяйство и финансы: «Истекшій годъ относительно экономической жизни долженъ быть по всей справедливости названъ годомъ застоя и кризиса. Правда, русское народное хозяйство давно уже не видало свѣтлаго времени, но минувшій годъ выдается изъ ряда вонъ. Земледѣліе, коренной промыселъ нашей страны, страдало, въ одно и то же время, и отъ мѣстныхъ неурожаевъ, и отъ затрудненій въ сбытѣ продуктовъ за границу. Въ цѣломъ, сборъ озимыхъ хлѣбовъ былъ въ истекшемъ году выше средняго, но за то можно указать нѣсколько обширныхъ районовъ, въ которыхъ урожай хлѣбовъ и травъ былъ болѣе, чѣмъ неудовлетворителенъ...»

Право и судъ: «Рѣдко какой годъ вносилъ столько тревоги и потрясенія въ спокойную и невозмутимую сферу правосудія, какъ истекшій. Онъ напомнилъ въ этомъ отношеніи, недоброй памяти, бурный 1878 годъ, когда, подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, чуть было реакціонному потоку не удалось снести зданіе судебныхъ учрежденій, сооруженіе которыхъ стоило стольхихъ усилій...»

Русская литература: «Истекшій годъ, конечно, по многимъ причинамъ останется въ лѣтописяхъ русской литературы однимъ ихъ самыхъ черныхъ годовъ. Уже по одному тому, что литература служитъ отраженіемъ жизни, она не можетъ процвѣтать въ такіе моменты, когда падаетъ пульсъ общественной жизни, оскудѣваютъ всѣ умственные интересы, когда люди, предаваясь полной апатіи и безпробудной спячкѣ, словно въ бреду бормочутъ отдѣльныя безсвязныя слова и фразы изъ своего прежняго умственнаго достоянія, мѣшая и путая ихъ Богъ знаетъ съ какою безсмыслицей, и когда неожиданно воскресаютъ такія явленія, такіе взгляды, которые казались давно уже похеренными въ историческомъ прошломъ.

«Но положеніе литературы въ такіе моменты дѣлается еще тяжелѣе, чѣмъ всѣхъ отраслей жизни. Жизнь имѣетъ свои тепленькіе, уютные уголки, въ которые она пугливо прячется, когда на улицѣ холодъ и непогода, и, грѣясь у какого-нибудь отраднаго огонька, выжидаетъ наступленія тепла и ведра. Но литература по самому существу своему есть растеніе, ростущее на юру и потому неизбѣжно подвергающееся всѣмъ буйствамъ стихій. Литература, забравшаяся въ уголокъ, перестаетъ быть литературой. Писатель, пишущій для двухъ-трехъ друзей или, еще лучше, для самого себя, становится въ высшей степени въ комическое, плачевное и неблаговидное положеніе курицы, кладущей яйца для того, чтобы самой же и поѣдать ихъ... Ненадежность читателя отразилась неизбѣжно на энергіи писателей. Они положительно потеряли сознаніе, для кого писать и для чего, кого можно нынѣ вразумить или расшевелить. При такомъ нравственномъ состояніи лучшихъ писателей понятно, что нечего было и ждать отъ прошлаго года, чтобъ онъ особенно двинулъ впередъ русскую литературу, ознаменовался бы какими-нибудь блистательными успѣхами въ видѣ новыхъ словъ, новыхъ вѣяній и какихъ бы то ни было яркихъ проявленій...»

Теперь я предложу читателю рядъ фактовъ изъ трудовой жизни Россіи: «Благодатная весна въ полномъ разцвѣтѣ; въ поляхъ, лугахъ, садахъ и огородахъ все растетъ, цвѣтетъ, благоухаетъ; грунтовыя дороги просохли и сдѣлались удобопроѣзжими; даже городская уличная грязь изъ полужидкаго состоянія перешла въ твердое, сохранивъ на своей поверхности колеи, ямы и другія неровности. По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ городъ, каждое утро тянутся возы съ пенькой и хлѣбомъ, направляясь къ одному пункту въ городѣ— къ большимъ каменнымъ домамъ, украшеннымъ живописною вывѣской: «винный складъ и торговля товарищества братьевъ К.», на огромномъ дворѣ которыхъ каждый день пріемъ пеньки и отпускъ водки безпрерывно идутъ съ утра до ночи. Вечеромъ обратное движеніе: убогія лошаденки съ пустыми телѣгами и спящими пьяными крестьянами плетутся знакомою дорогой къ своимъ дворамъ... Такихъ кабаковъ развелось у насъ множество и во всѣхъ ихъ кабатчики устроили двойную торговую операцію—продаютъ водку и скупаютъ пеньку, коноплю, хлѣбъ, овесъ, скотъ, птицъ, домашнюю утварь, земледѣльческія орудія и прочее движимое крестьянское достояніе.

«Виды на урожай еще не опредѣлились. Сначала шли вѣсти благопріятныя и изъ самыхъ различныхъ мѣстностей то и дѣло сообщали о «благодѣтельныхъ дождяхъ». Но потомъ то тамъ, то здѣсь стали раздаваться жалобы на засухи. Въ Крыму хлѣба постепенно погибаютъ отъ недостатка влаги. Изъ всѣхъ его уѣздовъ слышатся сѣтованія. Жалуются еще въ южной и отчасти средней части Саратовской губерніи, да въ Вятской...

«Съ наступленіемъ лѣта начались и наши обычные пожары. У насъ пожары не только часты, но и всегда опустошительны. Если у кого загорится изба, то рѣдко бываетъ, чтобы огонь не перебросило къ сосѣдямъ, а тамъ, глядишь, со двора на дворъ огонь пойдетъ гулять по всему селу. Пожары, во время которыхъ сгораютъ цѣлыя села, а иной разъ и города, бываютъ очень часто...»

Если бы читателя спросить, къ какому году относятся эти факты, онъ, конечно, ничего бы не отвѣтилъ. Какой, напримѣръ, годъ мы переживали безъ крупныхъ событій, безъ надеждъ, безъ разочарованій? Когда у насъ не было пожаровъ, когда кабатчики не обирали мужиковъ, когда въ городахъ не было уличной грязи,—о какомъ же, значитъ, годѣ рѣчь? Если бы я сказалъ, что эти извѣстія относятся къ 1875 или 1850 году, чѣмъ бы меня читатель опровергъ? А если бы я сказалъ, что рѣчь идетъ о 1887 годѣ, что читатель нашелъ бы въ моихъ словахъ несообразнаго?

Къ отдѣльнымъ годамъ у насъ можно пріурочить лишь очень громкіе факты, вродѣ рожденія Петра Великаго, войны двѣнадцатаго года, освобожденія крестьянъ, или выдающіяся бѣдствія вродѣ повальнаго голода, или холеры. Но затѣмъ жизнь идетъ до того ровно, ползетъ такимъ черепашьимъ шагомъ, что и въ столѣтія не замѣтишь въ ней почти никакой разницы. Трехпольная система, которою началась русская исторія, до сихъ поръ осталась все тою же системой; какъ народъ «бродилъ» до Бориса Годунова, прикрѣпившаго его къ землѣ, такъ онъ и опять забродилъ, получивъ свободу; неурожаи и голода остались все тѣми же голодами и неуражаями и къ средствамъ, придуманнымъ Годуновымъ, не прибавилось ни одного новаго. И строится деревня все такъ же, какъ она строилась при Герберштейнѣ, и горитъ она изъ года въ годъ по прежнему, какъ свѣчка (даже говорятъ, что она стала теперь горѣть сильнѣе).

И, въ то же время, въ этомъ застоѣ есть и движеніе. Во внѣшнемъ обиходѣ Россія ушла очень впередъ; ушелъ не только городъ,—ушла и деревня. Деревня жжетъ теперь керосинъ, ходитъ въ «спинжакѣ», играетъ на гармоникѣ и даже танцуетъ «кадрель». А городъ, въ этой самой цивилизаціи, ушелъ и еще дальше; только куда же онъ пришелъ? Если вѣрить иностранцамъ, то едва ли мы ушли дальше керосиновой цивилизаціи, спинжака и гармоники. Положимъ, что такой отзывъ дѣлаютъ о насъ нѣмцы, но тѣ же нѣмцы недолюбливаютъ французовъ больше, чѣмъ насъ, и, однако, ничего подобнаго о нихъ не разсказываютъ. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ о Россіи нѣмецкій журналъ «Gegenwart»: «Какъ только перешагнешь рижско-витебскую желѣзную дорогу,— говоритъ «Gegenwart»,—тотчасъ же исчезаютъ всѣ условія для европейской цивилизаціи,—ни сознанія права въ общественной жизни, ни понятія о справедливости въ частной, нѣтъ слѣдовъ правды, искренности и вѣрности въ личныхъ сношеніяхъ, нѣтъ уваженія къ честному труду. Общественныя отношенія заключаются только въ желаніи напакостить сосѣду... Никто никому не довѣряетъ... И никто не видитъ зла въ этомъ, такъ какъ всѣ мыслятъ по-азіятски, а не по-европейски. И откуда могутъ на этой почвѣ вырости правда и вѣра? При полномъ отсутствіи основъ для цивилизаціи въ Россіи, неудивительно, что у русскаго народа нѣтъ ни науки, ни искусства» (эту выписку я взялъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей»).

Это отзывъ, конечно, враждебныхъ людей, но враждебность здѣсь не причемъ, потому что и хвалить можно съ тѣми же самыми цѣлями. И, тѣмъ не менѣе, «Gegenwart», все-таки, правъ, что у насъ каждый наровитъ лишь напакостить каждому и что купецъ третьей гильдіи, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ во главѣ русской цивилизаціи, совсѣмъ выскочилъ изъ себя и потерялъ мѣру своего роста. Этотъ дореформенный человѣкъ почувствовалъ себя хозяиномъ положенія: онъ господинъ въ лавкѣ и на базарѣ, онъ орудуетъ и въ губернскомъ банкѣ, и на фабрикѣ; онъ творитъ въ городѣ дороговизну, онъ наровитъ стать хозяиномъ и въ земствѣ.

Но, вѣдь, дореформенный человѣкъ народился не сегодня,—онъ сегодня только вылѣзъ изъ-подъ спуда и сталъ господиномъ положенія лишь потому, что оказался не въ авантажѣ интеллигентъ. «Gegenwart» только и говоритъ, что объ этомъ выскочившемъ изъ себя человѣкѣ, съ которымъ дѣйствительно невозможно никакое общежитіе и который повсюду вноситъ только содомъ. Подумайте, какое возможно общежитіе, напримѣръ, хотя бы въ Балашовѣ. Проживаетъ въ этомъ городѣ нѣкій дикій человѣкъ, который колотитъ свою жену, какъ колотятъ только шубу противъ моли. И вотъ, когда разъ дикій человѣкъ вздумалъ бить свою жену, сосѣди у него ее отняли и увезли. Тогда дикій человѣкъ началъ стрѣлять изъ оконъ своей квартиры въ собравшуюся толпу. Другой дореформенный человѣкъ въ томъ же Балашовѣ (содержатель гостинницы) обварилъ кипяткомъ изъ самовара свою жену и она умерла на другой же день. Или, въ той же Саратовской губерніи, въ Покровской слободѣ, существуетъ обычай являться въ знакомые дома ночью и требовать угощенія.

Недавно къ сельскому старостѣ, человѣку весьма почтенному и зажиточному, явилась за полночь подгулявшая компанія и потребовала водки. Когда же гостямъ въ ней было отказано, они выбили камнями въ домѣ всѣ стекла. Или дореформенная мать жалуется на своего сына, что онъ укралъ у нея двѣ ложки варенья. Назначается судебное разбирательство.

«— Въ чемъ вы обвиняете своего сына?—спрашиваетъ судья дореформенную мать.

«— Въ кражѣ варенья со взломомъ.

«— Но, вѣдь, вы видите изъ показанія свидѣтелей, что никакого взлома не было. Наконецъ, на какомъ основаніи обвиняете вы, когда вы сами не видѣли, и въ чемъ вы его обвиняете?

«— Въ кражѣ сбруи и варенья.

«— Но, вѣдь, цѣла и сбруя, и банка варенья?

«— Да, но онъ изъ нея уже взялъ варенья.

«— Скажите, обвиняемый, брали вы изъ банки варенье?

«— Бралъ.

«— И много?

«— Двѣ столовыхъ ложки. Въ протоколѣ это записано».

Судья обращается къ дореформенной матери и спрашиваетъ, во-сколько она цѣнитъ пропавшее варенье. «Рубля въ два»,—отвѣчаетъ мать. Судья на это замѣчаетъ: «немного дорого» — и оправдываетъ обвиняемаго.

Газета, изъ которой я беру эти факты, называетъ ихъ «курьезными». Но какой же курьезъ въ томъ, что васъ могутъ подстрѣлить ни съ того, ни съ сего, когда ночью къ вамъ могутъ ворваться гости и перебить всѣ стекла, или же потянуть васъ въ судъ «такъ», просто изъ фантазіи.

Или такой случай:

Мировой судья въ Одессѣ разсматриваетъ дѣло по обвиненію полиціею нѣкоего Николая Сукова, еще среднихъ лѣтъ, въ покушеніи на мошенничество...

«— Ваша фамилія Суковъ?

«— Точно такъ, г. судья, Николай Суковъ»,— робко отвѣчаетъ обвиняемый.

Въ полицейскомъ протоколѣ говорится, что нѣсколько дней тому назадъ Суковъ, съ двумя записками: отъ содержателя ресторана на пароходѣ «Михаилъ» и отъ ресторана парохода «Петербургъ»,—покушался получить изъ лавки окорокъ и 4 фунта сосисекъ, и у торговки на Греческомъ базарѣ другіе продукты. Обѣ записки оказались подложными.

«— Что вы скажете, обвиняемый, въ свое оправданіе?

«— Ничего, г. судья... я ничего не знаю, какъ все это произошло.

«— Записки эти вами писаны?

«— Нѣтъ, писалъ ихъ другой... знакомый мой, Иванъ...

«— Ну, разскажите, какъ было дѣло... Отчего вы такъ дрожите? Успокойтесь, не бойтесь и разскажите все, какъ можете...»

Но Суковъ еще больше дрожитъ. Блѣдное, исхудалое лицо его подергивается конвульсіями, на ввалившихся глазахъ показываются слезы.

«— Я... г. судья... дрожу... постоянно... Это со мною давно...

«— Отчего же, отъ пьянства?

«— Нѣтъ... Я водки никогда не пилъ... Это... два года тому назадъ я упалъ на пароходѣ въ трюмъ, разбился... лежалъ больше года въ еврейской больницѣ... а потомъ остался безъ должности... Я долго служилъ въ Русскомъ Обществѣ... Я, г. судья, былъ ученымъ поваромъ... служилъ на пароходахъ...

«— Чѣмъ же вы въ послѣднее время занимались?

«— Ничѣмъ... послѣ болѣзни за это «дрожаніе» меня уже нигдѣ не принимаютъ... и вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я остался безъ куска хлѣба... родныхъ у меня нѣтъ...

«— Вы раньше судились, въ тюрьмѣ сидѣли?

«— Боже меня упаси, г. судья... никогда... меня на всѣхъ пароходахъ знаютъ за честнаго человѣка и только всѣ называютъ меня несчастнымъ...

Судья пристально всматривается въ обвиняемаго.

«— Скажите, обвиняемый, вы не находились ли... въ отдѣленіи умалишенныхъ, въ больницѣ?

На блѣдномъ лицѣ несчастнаго выступаетъ краска.

«— Да, г. судья... я находился тамъ два съ половиною года...

«— Давно это было?

«— Больше десяти лѣтъ тому назадъ.

«— Что же, вы пьянствовали?... по какой причинѣ вы попали въ больницу? Разскажите, не стѣсняйтесь.

«— Да, видите ли, я имѣлъ... столкновеніе... съ помощникомъ капитана парохода «Нахимовъ», — ну, и все послѣ этого случилось...

«— Что же случилось: вы утопали?

«— Нѣтъ... онъ меня ругалъ... я ему отвѣтилъ грубостью,—ну, онъ приказалъ меня повѣсить... къ мачтѣ вверхъ ногами.

«— И долго вы висѣли въ такомъ положеніи?

«— Какъ мнѣ тамъ разсказывали, больше полчаса... Ну, послѣ этого происшествія я не знаю, что со мной было, только я очутился въ домѣ умалишенныхъ и долго тамъ себя не помнилъ. Потомъ я выздоровѣлъ и долго... до послѣдняго несчастія, паденія въ трюмъ, служилъ поваромъ на «Михаилѣ». Теперь я въ полномъ разсудкѣ.

«— Ну, разскажите, какъ попали къ вамъ эти записки...»

Суковъ разсказываетъ, что въ день ареста встрѣтилъ своего стараго знакомаго Ивана и разсказалъ ему о своемъ горестномъ положеніи: «Я нѣсколько дней ничего не ѣлъ, не имѣлъ даже на ночлежный пріютъ и говорилъ, что готовъ покончить съ собою». Иванъ сталъ успакоивать Сукова, пригласилъ въ трактиръ на чай, сказалъ ему: «ничего, я опять служу на пароходѣ... я тебя какъ-нибудь пристрою» — и далъ Сукову записки: «иди, говоритъ, возьми въ лавкахъ для меня продукты, а я, пока, зайду въ другую лавку». Съ этими записками Суковъ и попался.

На вопросъ судьи: служитъ ли виновникъ его несчастія помощникомъ капитана и въ настоящее время, Суковъ отвѣтилъ:

«—Нѣтъ, его давно уже уволили изъ Русскаго Общества. Теперь онъ, какъ и я, несчастенъ, такъ же скитается въ карантинной гавани и ночуетъ въ ночлежныхъ пріютахъ, только онъ по другимъ причинамъ, черезъ пьянство... Онъ часто вспоминаетъ, какъ меня повѣсилъ, и говоритъ: «прости меня, Николай». Богъ съ нимъ, онъ тоже насчастный, ходитъ безъ куска хлѣба...» («Одесскій Вѣстникъ»).

Сколько въ этой безсознательной общественной драмѣ умственнаго мрака, который точно черный ракъ держитъ русскаго человѣка въ своихъ рукахъ. Посмотрите, какія чудеса разсказываютъ въ га-

зетахъ о капитанахъ волжскихъ пароходовъ. Вотъ идутъ два парохода—пассажирскій внизъ по Волгѣ и буксирный вверхъ. Пассажирскій даетъ сигналъ идти по лѣвой сторонѣ рѣки; буксирный долго не отвѣчаетъ и, наконецъ, тоже даетъ сигналъ идти по лѣвой сторонѣ, т.-е. пароходы идутъ другъ на друга. Капитанъ пассажирскаго парохода начинаетъ давать продолжительные, тревожные свистки, публика въ переполохѣ выбѣгаетъ на палубу; капитанъ, продолжая тѣ же учащенные, пронзительные свистки, приказываетъ что-то въ машину и, наконецъ, кричитъ въ рупоръ буксирному пароходу: «что вы дѣлаете? куда вы ѣдете?...» Еще двѣ-три минуты и буксирный пароходъ врѣзался бы въ пассажирскій, но, противъ ожиданія, внезапно перемѣняетъ курсъ и проходитъ въ разстояніи одного только аршина. Проходя мимо, командиръ буксирнаго парохода разражается съ мостика такою площадною бранью по адресу командира пассажирскаго парохода, что всѣ пассажиры спѣшатъ уйти съ палубы. Кто поручится, что подобный дикій человѣкъ не привяжетъ кого хотите къ мачтѣ кверху ногами? И все, вѣдь, это такъ просто, до ужаса просто! «Подвязать его къ мачтѣ ногами кверху!»—говоритъ дореформенный человѣкъ и такіе же ископаемые люди спѣшатъ исполнить его приказаніе. Ни онъ не понимаетъ, что дѣлаетъ, ни они. Кому сказать, кому протестовать? Такихъ людей и нѣтъ. Найдись же протестующій, кто поручится, что онъ и самъ не попадетъ на мачту?... Я знаю одинъ случай, когда пароходный командиръ билъ рабочаго буквально на смерть, и всѣ остальные рабочіе молча смотрѣли, какъ остервѣнѣвшій человѣкъ мялъ несчастнаго, не издававшаго даже ни одного стона. Когда мужикъ бьетъ свою жену, онъ знаетъ, что онъ это можетъ, и жена знаетъ, что онъ можетъ, и всѣ сосѣди знаютъ, что онъ можетъ, что онъ въ своемъ правѣ: «хочу бью, хочу съ кашей съѣмъ». Когда помощникъ капитана вѣшалъ Сукова, тоже всѣ знали, что онъ это можетъ, и помощникъ, и Суковъ, и вся пароходная команда. Въ этомъ «можетъ» вся разгадка. Разгадка въ «идеѣ», въ понятіи о томъ, кто и что «можетъ», кто и что «не можетъ». Въ «можетъ» и «не можетъ» и заключается весь неписанный законъ «этого рода» нравственныхъ отношеній. Въ Европѣ человѣкъ тоже «можетъ» и «не можетъ», но онъ и можетъ, и не можетъ другое, чѣмъ у насъ. Онъ жену убить не можетъ, и это знаетъ всякій мужъ, и повара повѣсить кверху ногами не можетъ, и это тоже знаетъ всякій капитанъ, онъ и ругаться не можетъ, какъ ругаются наши волжскіе капитаны.

Былъ недавно такой случай. Въ Благовѣщеніе компанія крестьянскихъ дѣвушекъ вышла погулять за село и устроила игру. Какой-то пьяный солдатъ погнался за дѣвушками, тѣ отъ него побѣжали, свалили маленькую дѣвочку, игравшую на дорогѣ, и сами на нее попадали. Отецъ придавленной дѣвочки пожаловался старостѣ и просилъ дѣвушекъ наказать. Староста созвалъ сходъ и высѣкъ дѣвушекъ при полномъ сходѣ и огромной толпѣ любопытныхъ. Отецъ одной изъ высѣченныхъ подалъ на старосту жалобу и старосту предали суду. На судѣ староста оправдывался тѣмъ, что онъ совсѣмъ и не зналъ, что есть такой законъ, чтобы не сѣчь «бабъ», а защитникъ говорилъ, «что староста учинилъ расправу совершенно во вкусѣ и понятіяхъ того общества, среди котораго онъ выросъ и котораго онъ сталъ непосредственнымъ начальникомъ». Видите, какъ все просто и понятно.

И такъ, человѣкъ дѣлаетъ потому, что онъ «можетъ», и совершаетъ иногда нѣчто дѣйствительно невообразимое и ужасное. И свершаетъ онъ ужасное совсѣмъ не потому, чтобы былъ исчадіемъ человѣчества. Ничуть не бывало. Онъ поступаетъ такъ просто потому, что «можетъ», что онъ чувствуетъ себя въ своемъ правѣ; но онъ не злодѣй, не тигръ кровожадный, не безчувственный камень. Помощникъ, повѣсившій Сукова, всякій разъ, какъ встрѣтитъ его, говоритъ: «прости меня, Николай». И говоритъ онъ это точно не за себя, а за какого-то другаго человѣка, не за того, которымъ онъ теперь. Теперь бы онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ, а тогда онъ былъ не то, тогда онъ былъ «помощникъ», потому и поступалъ какъ «помощникъ», а теперь онъ такой же человѣкъ, какъ Суковъ. Тутъ два человѣка въ одномъ человѣкѣ, оттого-то у насъ такъ и обычна фраза, которой не услышишь ни отъ англичанина, ни отъ француза, ни отъ нѣмца: «вы со мной говорите, какъ съ человѣкомъ?» Значитъ, можно быть и не человѣкомъ, и даже не полагается быть имъ. Человѣкъ и дѣйствительно перестаетъ быть человѣкомъ, когда онъ «можетъ», а когда онъ не можетъ, онъ кротокъ и тихъ и малъ ростомъ, какъ младенецъ. И въ этомъ нѣтъ ни смиренія, ни чувствъ какой-либо высшей нравственности,—тутъ просто два разныхъ теченія, которыми плыветъ человѣкъ и потому у него два разныхъ отношенія къ людямъ и два разныхъ поведенія. Въ одномъ случаѣ и внѣшній форсъ, и смѣлость, и сила, и орломъ глядитъ человѣкъ; въ другомъ—онъ малъ и скроменъ и какъ будто все начинаетъ ужь понимать. И въ «помощникѣ» сколько было форсу и виду, и достоинства, когда онъ зналъ, что можетъ Сукова повѣсить. Пожалуй, и Суковъ былъ тогда тоже въ форсѣ, потому что состоялъ при отдѣльной части (поваромъ); оттого-то онъ не стерпѣлъ и нагрубилъ, но помощникъ «могъ» больше. Только теперь Суковъ малъ и кротокъ и имѣетъ жалостный видъ, а будь онъ тогда на мѣстѣ помощника, и онъ бы повѣсилъ повара. И въ помощникѣ исчезъ теперь весь его форсъ, потому что онъ знаетъ, что ничего не можетъ и что, напротивъ, съ нимъ всякій и все можетъ. Но нравственное и умственное нутро его все то же, ничего въ немъ не прибавилось, ничего въ немъ не убавилось,—онъ только смирился, какъ смирился и Николай. Смотрите, съ какимъ форсомъ сѣкъ староста дѣвушекъ при цѣломъ мірѣ и какъ онъ чувствовалъ, что онъ большой человѣкъ, а когда пришлось ему давать отвѣтъ на судѣ, оказалось, что онъ и маленькій, и

темный, и никакихъ законовъ не знаетъ (а прежде ихъ зналъ и зналъ, что «бабъ» сѣчь можно).

Это «можно» и «не можно» въ разныхъ сферахъ нашего быта выражается въ разныхъ формахъ. Существуютъ формы вполнѣ примитивныя и настолько же древнія, какъ трехпольная система нашего земледѣлія. Ни рука времени, ни исторія, ни культура еще не коснулись этой уцѣлѣвшей древней формы. Недавно въ одной деревнѣ водили молодую бабу, всю обмазанную дегтемъ и обсыпанную перьями и землей,—водили съ гиканьемъ и смѣхомъ цѣлою толпной и въ особенности увеселялись этимъ назидательнымъ зрѣлищемъ мальчишки и дѣвчонки. Кромѣ этихъ древнихъ формъ, есть формы и тоже не новыя, но уже созданныя послѣдующею гражданскою культурой и тоже уцѣлѣвшія отъ кажущагося погрома новѣйшихъ реформъ. Вотъ, напримѣръ, въ вагонѣ конки, въ Одессѣ, ѣдетъ какой-то важный господинъ съ кокардой. Осмотрѣвъ билеты у пассажировъ, контролеръ обращается къ нему:

— Господинъ, позвольте вашъ билетъ.

— А вамъ для чего? Я только что показывалъ.

— Позвольте, я обязанъ посмотрѣть.

— Убирайтесь! Не покажу, да и только... не желаю!

— Прошу васъ, покажите. Вѣдь, на билетѣ написано: «просятъ по востребованію предъявлять», и я исполняю только свою обязанность.

Но на всѣ увѣщанія контролера и публики господинъ съ кокардой твердилъ только: «не покажу, не покажу, не покажу!» Вагонъ былъ остановленъ и господину предложено выйти изъ вагона.

— Не уйду—и конецъ! я заплатилъ деньги, а билетъ показывать не обязанъ,—твердила важная кокарда.

Исторія продолжалась около получаса и къ мѣсту столкновенія собралось шесть вагоновъ. Пассажиры стали протестовать, набросились на упрямую кокарду, а она только ухмылялась и повторяла: «не покажу, пусть явится полиція». Полиція, наконецъ, явилась и составила протоколъ.

Этотъ фактъ тоже не смѣшонъ, какъ не смѣшны воспоминанія о прошломъ, сохраняемыя «Русскою Стариной» и «Русскимъ Архивомъ», ибо за этими воспоминаніями, какъ подъ могильною плитой, скрывается цѣлая исторія. Важная кокарда есть сохранившійся обломокъ цѣлаго зданія, нѣкогда стройнаго и величественнаго, надъ сооруженіемъ котораго трудилось много умовъ и много поколѣній. Теперь отъ этого зданія остались лишь отдѣльные обломки, но и по этимъ обломкамъ можно судить, каковы были порядки нѣкогда всеобщей системы и какихъ людей она производила. Важная кокарда отстаивала глупо свою позицію, но, вѣдь, это кажется глупымъ только теперь, а когда система стояла твердо на своемъ фундаментѣ, это не было ни глупо, ни умно, а было только въ порядкѣ вещей, и въ естественности этого порядка также никто не сомнѣвался, какъ никто не сомнѣвался въ томъ, что всякое зданіе должно стоять на фундаментѣ. Теперь «устой» самъ сталъ предметомъ полицейскаго протокола, какъ нарушитель порядка, а тогда онъ этимъ способомъ укрѣплялъ порядокъ. Поэтому въ самопожертвованіи, съ которымъ «устой» обрекъ себя на полицейскій протоколъ, есть даже рыцарство. Помощникъ капитана, подвѣсившій Сукова,—плодъ той же системы и того же порядка, но онъ не больше какъ плодъ; тогда какъ «обломокъ»—само дерево, производившее подобныя вѣтви, листья, цвѣты и плоды. Отъ этого помощникъ и не твердъ, и когда ему пришлось опуститься до карантинной гавани, отъ прежняго его величія не осталось ничего. Помощникъ—это застывшій обычай, а «обломокъ» — высохшій законный порядокъ, пожалуй еще не настолько мертвый, чтобы ему храниться только въ гербаріи.

Вотъ изъ этого-то еще не совсѣмъ высохшаго гербарія былъ недавно извлеченъ хорошо сохранившійся экземпляръ плода, живучесть котораго повергла многихъ въ изумленіе и въ цѣломъ осталась не разъясненною загадкой. Въ канцеляріи одесскаго градоначальника (П. П. Коссаговскаго, нынѣ курскаго губернатора) служилъ дѣлопроизводителемъ по питейнымъ дѣламъ и чиновникомъ особыхъ порученій нѣкто Экскузовичъ. Служилъ онъ раньше въ Гродненской губерніи и тамошній губернаторъ далъ о немъ такой отзывъ: «человѣкъ способный по службѣ, но по нравственнымъ качествамъ не благонадеженъ». И вотъ этотъ «способный человѣкъ» предсталъ передъ одесскимъ окружнымъ судомъ. Обвинялся онъ въ томъ, что, «состоя дѣлопроизводителемъ и пользуясь почти неограниченнымъ довѣріемъ своего непосредственнаго начальства (одесскаго градоначальника), путемъ различныхъ притѣсненій, придирокъ и умышленнаго крайняго замедленія дѣлопроизводства, при посредствѣ Фихгендлера и Дайна, вымогалъ у различныхъ лицъ болѣе или менѣе крупныя суммы за выдачу разрѣшеній». Передъ судомъ прошелъ громадный рядъ свидѣтелей, обличителей и жертвъ, показаніями которыхъ установились факты вполнѣ несомнѣнной стяжательности Экскузовича. Онъ медлилъ выдачею свидѣтельствъ, дерзко обращался съ просителями, которые по цѣлымъ днямъ ожидали у дверей канцеляріи разрѣшеній своихъ просьбъ, и дѣло дошло до того, что разъ толпа трактирщиковъ подняла такой шумъ, что Экскузовичъ вызвалъ изъ участка полицейскаго чиновника для возстановленія порядка. Экскузовича изображали какою-то невообразимою силой, внѣ которой не существовало другой, большей силы. Одинъ хозяинъ ресторации имѣлъ на открытіе ея разрѣшеніе министра финансовъ, а Экскузовичъ, все-таки, не позволилъ открыть. Хозяинъ ресторации обратился къ управляющему акцизными сборами и тотъ ему объявилъ, что препятствій быть не можетъ. А Экскузовичъ, все-таки, свидѣтельства не выдавалъ. Трактирщикъ обратился къ греческому консулу (трактирщикъ былъ грекъ); консулъ переговорилъ съ градоначальникомъ—и свидѣтельство, все-таки, не получалось. Только когда Кавадіа (трактирщикъ) далъ Фихгендлеру 250 р., Экскузовичъ явился въ трактиръ, нашелъ все въ отличномъ порядкѣ и не только выдалъ свидѣтельство, но ока-

зался до того изысканно вѣжливымъ, что называлъ Кавадія «*господинъ* Кавадія». Про Экскузовича говорили, что онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, и всякія жалобы на него были безполезны. Онъ точно околдовалъ свое начальство. И вотъ, когда этотъ всемогущій Экскузовичъ предсталъ передъ судомъ, прокуроръ употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы обвинить его, а защитникъ Экскузовича, пользуясь тѣми же фактами, доказывалъ, что виноваты Фихгендлеръ и Дайнъ; наконецъ, присяжные, на основаніи тѣхъ же фактовъ, оправдали всѣхъ обвиняемыхъ.

Публика никакъ не ожидала оправданія и осталась недовольна приговоромъ. Но развѣ присяжные, послѣ всего того, что они выслушали на судебномъ слѣдствіи, могли сказать что-нибудь другое? По всему ходу дѣла, какъ оно еще сложилось до суда, жертвой могъ быть только кто-нибудь изъ трехъ лицъ, сѣвшихъ на скамью подсудимыхъ, или всѣ вмѣстѣ, но никто другой. И жертвъ не оказалось. Чѣмъ мотивировали свое рѣшеніе присяжные — никому неизвѣстно, но несомнѣнно, что они поступили по совѣсти. Мы, публика, читая судебныя дѣла въ газетахъ или зная о нихъ по городскимъ толкамъ, совсѣмъ не судьи совѣсти присяжныхъ. Не фраза только слова защитника Экскузовича: «Онъ (Экскузовичъ), въ случаѣ обвиненія, уйдетъ далеко, а совѣсть сама, гг. присяжные, останется съ вами». И дѣйствительно, присяжные больше всего боятся своей совѣсти. Выслушивая дѣло, присяжные живутъ каждымъ нервомъ, вся душа ихъ напряжена, они волнуются, горятъ и глубоко переживаютъ массу ощущеній разнорѣчивыхъ — то обвинительныхъ, то оправдательныхъ. Привести всѣ эти ощущенія въ порядокъ, разложить ихъ по кучкамъ иногда не подъ силу и человѣку, привыкшему себя анализировать. Но «да» или «нѣтъ» слагаются легко и просто, и тѣмъ это общее рѣшеніе ближе къ истинѣ, чѣмъ присяжные относятся непосредственнѣе къ дѣлу, не мѣшая чувствамъ никакою предвзятою мыслью. Такъ поступили они и тутъ. И публика осталась недовольна. Правы присяжные, но права и публика. Публика—тоже своего рода присяжный, но это высшій присяжный, ибо она—творецъ общественнаго мнѣнія. Судебные присяжные рѣшали отдѣльный случай, а публика, этотъ общій присяжный, ждала обобщеннаго рѣшенія. Публикѣ тоже не нужны жертвы, но ей нужна правда, удовлетворяющая ея общему чувству справедливости. Столько услышать о всякихъ утѣсненіяхъ, столько выслушать жалобъ и негодованій—и что же въ результатѣ? Если обвиняемые не виноваты, то кто же виноватъ? Одинъ изъ защитниковъ сказалъ, что «система питейной коммиссіи обладала всѣми аттрибутами устрашенія и подчиненія». Но «система» на скамьѣ подсудимыхъ не сидѣла, хотя именно картины ея быта проходили постоянно передъ глазами присяжныхъ и публики. Отдѣльные обвиняемые сами являлись какъ бы жертвами тѣхъ возможностей, которыя ихъ создавали. Точно паръ какой поднимался на глазахъ публики, цѣлая отуманивающая атмосфера, возникалъ цѣлый порядокъ боящихся свѣта отношеній. И всѣ его послѣдствія легко могли и не дойти до суда, если бы Экскузовичъ не вооружилъ всѣхъ излишествами — усиленною заносчивостью, грубостью, рѣзкимъ надавливаніемъ и требованіемъ большихъ кушей. И какъ пахнуло отъ поведенія Экскузовича и его присныхъ и отъ показаній трактирщиковъ стариной,—тою грубою, недавнею стариной, когда съ человѣкомъ не церемонились, когда его можно было скрутить въ бараній рогъ, дать ему толчка, даже подвѣсить за ноги! Вѣдь, Экскузовичъ только потому и былъ заносчивъ и и грубъ, онъ только потому такъ грубо и надавливалъ, что все это еще можно. Человѣкъ, значитъ, еще много «можетъ», и что онъ можетъ—доказалъ судъ надъ Бушемъ, надъ Головачемъ, надъ керченскими таможенными чинами, надъ Экскузовичемъ. Но эти громкія дѣла—только крупные цвѣты, выросшіе на почвѣ общихъ возможностей и отношеній. Должна же на этой почвѣ рости тамъ, внизу, еще какая-нибудь трава, и, можетъ быть, очень густая, которая не доросла, а, можетъ быть, и никогда не доростетъ до суда. Вотъ этой-то нижней картины никто не увидѣлъ, да никто ее, кажется, и не знаетъ. Жизнь молчитъ и что въ ней происходитъ тамъ, внизу, на широкомъ днѣ, не прочитаешь ни въ судебной хроникѣ, ни въ беллетристикѣ, ни въ земской статистикѣ, ни въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ, ни въ областныхъ корреспонденціяхъ. И въ дѣлѣ Экскузовича не обнаружилось дна,—дѣло это явилось частною, отдѣльною картиной, на первомъ планѣ которой стояли три человѣка, а за ними человѣкъ двадцать одесскихъ трактирщиковъ... Чувствовались въ рѣчахъ защитниковъ и обвинителя какіе-то намеки, даже приговоръ присяжныхъ явился лишь намекомъ, но на что? Такъ это «что» и осталось необнаруженнымъ жизнью, хранящею у насъ еще глубоко свои секреты.

И еще одинъ секретъ скрыла недавно наша русская жизнь, обнаруживъ лишь какіе-то намеки на какую-то вражью силу, стоящую поперекъ нашей жизни. Въ Самарѣ, у мироваго судьи Кожевникова, разбиралось дѣло съ тройнымъ содержаніемъ: врачъ Курочкинъ обвинялся полиціей въ нарушеніи тишины и спокойствія; г. Ященко и его горничная, кучеръ и дворникъ обвинялись г. Курочкинымъ въ нанесеніи ему сильныхъ побоевъ и, наконецъ, г. Ященко обвинялъ г. Курочкина въ ночномъ нападеніи на себя въ своемъ домѣ и оскорбленіи дѣйствіемъ.

Въ номерахъ «Пандора», въ Самарѣ, проживалъ мирно и тихо, самъ-другъ съ женою, врачъ Курочкинъ, чиновникъ медицинскаго департамента, служащій запаснымъ врачемъ на самаро-уфимской дорогѣ. Въ Самарѣ г. Курочкинъ недавно и, за исключеніемъ двухъ-трехъ улицъ, города совсѣмъ не знаетъ (беру всѣ эти и послѣдующія свѣдѣнія изъ «Волжскаго Вѣстника»). Жалованье получаетъ скромное и еще болѣе скромную и умѣренную ведетъ жизнь. Часовъ въ 10 вечера (14 февраля) къ Курочкинымъ зашли ихъ знакомые—чиновникъ Буланинъ

съ женою и жена капитана, г-жа Добрынская, и позвала Курочкиныхъ къ себѣ. Г. Курочкинъ отказался, но жена его пошла. Оставшись одинъ, г. Курочкинъ сѣлъ за работу, затѣмъ часовъ въ 11 навѣстилъ одного изъ своихъ паціентовъ, жившаго въ той же «Пандорѣ», а потомъ, взявъ у коррндорнаго 25 к. на извощика (не имѣлъ мелкихъ), г. Курочкинъ, отправился за женой. У Добрынскихъ г. Курочкинъ ни разу не былъ и, соображая, какъ ихъ разыскать, вспомнилъ, что неподалеку, на Саратовской улицѣ, есть складъ 95 батальона, въ которомъ служитъ г. Добрынскій, гдѣ и думалъ узнать адресъ капитана. Часовой показалъ ему на противуположный домъ, рядомъ съ домомъ г. Ященка. Въ домѣ, указанномъ часовымъ, оказался не г. Добрынскій, а батальонный командиръ Домбровскій. По разсѣянности, или по близорукости, г. Курочкинъ, вмѣсто показаннаго ему дома, попалъ на крыльцо дома г. Ященко. Смѣшать же дома было легко, потому что оба они красные, не штукатуренные. На стукъ въ дверь вышла горничная. Г. Курочкинъ спросилъ Добрынскаго и сказалъ, что пришелъ за женой. Горничная отвѣтила, что Добрынскій тутъ не живетъ, и затѣмъ послѣдовало вотъ-что: кто-то сильно ударилъ г. Курочкина по затылку, такъ что онъ потерялъ сознаніе и очнулся уже въ кутузкѣ 1-й части; во всемъ тѣлѣ онъ чувствовалъ сильную боль, голова страшно болѣла, одинъ глазъ косилъ, такъ что онъ видѣлъ предметы дальше ихъ дѣйствительнаго мѣста, шапка, очки, шелковый шейный платокъ и 25 к., занятые у коррндорнаго, исчезли, все пальто было покрыто его собственными волосами, которые лѣзли изъ головы цѣлыми прядями. Очнувшійся г. Курочкинъ, конечно, удивился, что онъ попалъ въ кутузку, и спросилъ у дежурнаго, какъ это могло случиться, а дежурный, вмѣсто отвѣта, спросилъ его, какъ онъ попалъ къ Ященкѣ. Тогда г. Курочкинъ еще больше изумился, потому что Ященко онъ не только не зналъ, да никогда его и не видалъ. Полиція составила протоколъ, но со словъ только г. Ященко, а показаній г. Курочкина не занесла и протокола ему не показала. Вотъ такъ и возникло у мироваго это странное дѣло съ тройнымъ содержаніемъ. Выходило такъ, что г. Курочкинъ ворвался ночью въ чужой домъ, надебоширилъ и за это былъ сведенъ прислугой г. Ященко въ часть.

«Волжскій Вѣстникъ» даетъ и портреты героевъ этой злополучной исторіи. Г. Ященко — видный и здоровый мужчина, горячій малороссъ. Кучеръ его — здоровенный и рослый дѣтина, смотритъ изподлобья, типичный представитель вышибалъ, которыхъ держатъ въ извѣстнаго сорта кабакахъ и портерныхъ. О горничной извѣстно, что она краснорѣчивал въ показаніяхъ, а о дворникѣ ничего не извѣстно. Что же касается главнаго героя исторіи, то его корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника» рисуетъ такъ: «представьте себѣ человѣка ниже средняго роста, крайне худощаваго, съ весьма рѣдкою растительностью на кроткомъ блѣдномъ лицѣ, очень близорукаго и потому носящаго свѣтлыя очки. Такихъ людей вы можете встрѣтить между прилежными и скромными студентами изъ семинаристовъ на послѣднихъ курсахъ. Это — люди, съ любовью отдающіеся избранной ими спеціальности и внѣ ея мало на что обращающіе вниманіе». Самарскій полицеймейстеръ охарактеризовалъ г. Курочкина тоже какъ человѣка миролюбиваго или, по крайней мѣрѣ, безопаснаго. Прочитавъ въ «Самарской Газетѣ» о происшествіи (эта статья, какъ говоритъ корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника», была буквально воспроизведена на судѣ краснорѣчивою горничной), полицеймейстеръ пригласилъ къ себѣ г. Курочкина, чтобъ убѣдиться, «не представляетъ ли онъ человѣка опаснаго для городскаго спокойствія», но, увидѣвъ г. Курочкина, убѣдился, что Самарѣ отъ него не можетъ быть никакой опасности. И, все-таки, случилось какъ-то такъ, что этотъ слабый, тщедушный и безопасный человѣкъ набросился на здороваго и сильнаго г. Ященк., а кучеръ и лакей г. Ященко *только отвели* г. Курочкина въ участокъ, сдали на руки полиціи и велѣли его обыскать. Мировой судья оправдалъ всѣхъ.

Но позвольте! Если г. Курочкинъ былъ избитъ до потери сознанія, то кто-нибудь его да избилъ. А если мировой судья объявилъ г. Курочкину, «что въ общественномъ мнѣніи онъ теперь оправданъ и, видя его, нельзя допустить, чтобъ онъ былъ способенъ и могъ избить г. Ященко», то значитъ, что г. Ященко обвинялъ г. Курочкина завѣдомоложно. Какъ же могли получиться всѣ правые? Несомнѣнно, что каждый мировой судитъ по своей совѣсти и каждый поэтому судитъ по-своему. Мировой, судившій Сукова, былъ человѣкъ великодушный, — его тронула судьба несчастнаго «Николая» и ему хотѣлось привлечь къ отвѣтственности «помощника», эту первую причину всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій Сукова. Въ дѣлѣ г. Курочкина опять иной судья, и совѣсть его иная. Защитникомъ г. Курочкина, какъ выражается корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника», былъ *«почтенный»* присяжный повѣренный г. Трахтенбергъ». И когда этотъ почтенный человѣкъ по поводу показанія одного свидѣтеля обратился къ мировому судьѣ: «я, какъ защитникъ г. Курочкина, прошу...» — судья оборвалъ его: «я уже слышалъ, что вы защитникъ...» — «Не будете ли вы столь добры, что позволите спросить свидѣтеля...» — продолжаетъ снова почтенный г. Трахтенбергъ, и опять ему въ отвѣтъ: «здѣсь о добротѣ не можетъ быть разговора, — прошу не говорить ненужныхъ словъ!» Наконецъ, *оправдавъ* г. Курочкина, онъ ему говоритъ: «вѣдь, вы и сами не совсѣмъ правы, г. Курочкинъ». Оказывается, что сплоховалъ тотъ, кто потерпѣлъ, точно практика жизни признаетъ одну общую истину: «на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ». На почвѣ этой же практической мудрости выросъ и нашъ «здравый смыслъ» вообще. Всегда онъ понимаетъ только практическую дѣйствительность, — его стоячая мысль полета не знаетъ; это именно сила застоя и неподвижности, — та самая сила, которая стоитъ за свое насиженное

и засиженное мѣсто и оберегаетъ его, какъ сокровище.

И вотъ, когда между туземцами Балашова, Покровской слободы, Одессы и другихъ городовъ и мѣстъ, гдѣ мирнымъ обитателямъ грозитъ смерть или увѣчье отъ сосѣдей, являются люди, не усматривающіе въ этихъ и подобныхъ отношеніяхъ ничего, ни радостнаго, ни желательнаго и потому ихъ порицающіе,—имъ говорятъ: «вы все хвалите европейскіе порядки, зачѣмъ же вы не уѣдете въ хваленую Европу?» Но позвольте! Въ Петербургѣ, напримѣръ, внезапно наступаетъ десятиградусный морозъ, какъ же мнѣ поступить? Попросить хозяина дома истопить получше печи въ моей квартирѣ, или же, по теоріи этого своеобразнаго отчизнолюбія, уложить свои чемоданы и, не произнося ни слова, уѣхать въ Бразилію? Ужъ будто бы отъ того, что я уѣду въ Бразилію, петербургскія квартиры станутъ теплѣе? По этой изумительной теоріи—любить значитъ молчать. Но вѣдь то же самое хочетъ и нѣмецкій «Gegenwart». Онъ именно доволенъ тѣмъ, что мы молчимъ и что русская жизнь идетъ «сама собою», потому что если бы намъ удалось идти такъ же быстро, какъ идутъ нѣмцы, что бы сталось съ Германіей? Поэтому «Gegenwart» и тѣ, кто увѣряетъ, что родину слѣдуетъ любить молча, вовсе и не желаетъ, чтобы мы стали умнѣе того, что есть, и чтобы въ насъ явился малѣйшій общественный смыслъ, котораго въ насъ недостаетъ. И «Gegenwart» отлично это понимаетъ. Онъ знаетъ всѣ мелочи русской жизни, онъ подводитъ имъ итогъ, онъ обзываетъ насъ азіятами — и лукаво умалчиваетъ, что желаетъ намъ отъ полноты своего ненавидящаго сердца оставаться, попрежнему, и глупыми, и бѣдными. И «Gegenwart» не можетъ думать о насъ иначе, онъ знаетъ свою стройно организованную жизнь, развивающуюся сознательно, правильно, по опредѣленному общественному плану, сравниваетъ эту жизнь съ нашею жизнью, при которой каждый дѣлаетъ то, что онъ хочетъ, и высокомѣрно трубитъ вездѣ о превосходствѣ нѣмца надъ русскимъ. И «Gegenwart» правъ, тысячу разъ правъ.

Вотъ вамъ, читатель, двѣ параллели. Нѣмцамъ стало жить тѣсно, и давно уже они начали перебираться въ Америку. Но посмотрите, какъ они дѣлаютъ это умно, стройно и предусмотрительно. Каждый нѣмецъ, отправляющійся въ Америку, знаетъ, что онъ отправляется въ Америку, а не въ Гурдабай. Онъ знаетъ, что такое Америка, гдѣ она лежитъ, какъ и чѣмъ живутъ въ ней люди. Онъ знаетъ, что для отъѣзда въ Америку нужно прибыть въ Гамбургъ или въ Временъ, и тамъ сѣсть на пароходъ. Онъ знаетъ, что на пароходѣ цѣна за переѣздъ такая-то и пароходъ будетъ плыть столько-то. Нѣмецъ знаетъ, что онъ приплыветъ въ Нью-Йоркъ, что въ Нью-Йоркѣ есть переселенческое бюро, что въ этомъ бюро нужно записаться и что на каждый опредѣленный вопросъ онъ получитъ опредѣленный отвѣтъ. И когда опредѣленный отвѣтъ на опредѣленный вопросъ будетъ полученъ, переселенцу-нѣмцу останется лишь ѣхать по желѣзной дорогѣ до извѣстнаго мѣста и тамъ, на этомъ извѣстномъ мѣстѣ, выбрать себѣ участокъ земли и на немъ водвориться. Видите, какъ все это просто, ясно и точно!

А вотъ вамъ картина нашего переселенія. На улицѣ въ Баку, у полицейскаго управленія, стоитъ и галдитъ толпа народу, окруживъ телѣжку, которую полицейскіе тщательно осматриваютъ и выворачиваютъ все, что въ ней лежитъ. Что же это дѣлаетъ полиція? А полиція ищетъ въ телѣжкѣ «планъ», который будто бы вожакъ-переселенецъ хотѣлъ скрыть. Мѣсяца за два, этотъ самый старикъ съ планомъ уговорилъ своихъ односельчанъ, въ Екатеринославской губерніи, переселиться на Амуръ и вотъ, когда они теперь добрались до Баку, старикъ вести ихъ отказался и даже задумалъ убѣжать. Теперь толпа требуетъ, чтобы отобрать у старика «планъ». Будь въ ихъ рукахъ «планъ», они и сами все найдутъ и придутъ, куда имъ нужно. Бакинская полиція, какъ видно, тоже прониклась вѣрою въ чудодѣйственный планъ и усердно отыскиваетъ его въ телѣжкѣ старика. Толпа, окружающая телѣжку, волнуется и голоситъ: одни жадно смотрятъ въ перерываемую телѣжку, другіе тормошатъ несчастнаго старика.

— Подавай «планъ»!—реветъ загорѣлая и оборванная бабенка, — не дури, кажи, куда планъ спряталъ; ты нашъ водитель, ты казалъ, что на Мардарью поведешь,—ну, и веди!

— Нема у меня плана, потерялъ,—увѣряетъ старикъ, безпомощно разводя руками.

— Брешешь! Подавай планъ, который тебѣ монахъ далъ! Ты казалъ, что поведешь насъ въ вѣчность, поведешь на Мардарью (Аму-Дарья)!

— Да никакого у меня плана нема, — продолжаетъ увѣрять старикъ,—то мене фершалъ далъ ракулю... можетъ бачили колы ракулю, годовую ракулю?

— Ракуля? ракуля?... Можетъ быть, оракулъ?

— Эге! Оракулъ, оракулъ! годовой оракулъ... мене фершалъ оттудова листочекъ вырвалъ, а у темъ листочку моря показаны и земли...

— Можетъ быть, календарь?

— Такъ, такъ, такъ!... Календарь, календарь годовой!

— Брешешь, брешешь! Не дури добрыхъ людей, планъ отдавай; люди слышали, какъ ты сказалъ, что по тому плану ты насъ поведешь въ вѣчность; сказалъ, что тебѣ монахъ подарилъ планъ...

— Ей же-Богу, то не планъ, то ракуля... то, якъ его, календарь...

— Брешешь, то такъ большая, толстая бумага.

Вдругъ баба завыла горькимъ голосомъ:

— О-о, о-о-й! Боже-жь мій! На кого я тебе оставила?!.. пишла зъ далекой родины... батьку, матерь ридну просила!... Ой, ой! Боже мій!.. Люди добрые, помогите, на чужую сторону не покидайте... ой, ой, ой...

А вотъ вамъ, читатель, и еще картина изъ переселенческаго быта. На этотъ разъ для параллели

вы имѣете не заграничнаго нѣмца, а нашего русскаго, въ Россіи народившагося, въ русскомъ климатѣ выросшаго. Посмотрите, что это за сила и что эта сила можетъ сдѣлать.

Нашимъ южнымъ колонистамъ давно уже стало тѣсно жить на старыхъ земляхъ и они теперь двинулись въ Крымъ. Движеніе это усилилось особенно въ послѣдніе годы. Напримѣръ, въ Перекопскомъ уѣздѣ изъ 638 т. десятинъ всей площади—494 т. находятся въ рукахъ нѣмцевъ. А какую настойчивость при этомъ обнаруживалъ нѣмецъ, читатель увидитъ изъ того, что онъ отучилъ шпанку пить воду. Повидимому, невѣроятно, а, между тѣмъ, это такъ.

При недостаткѣ воды нѣмцы-овцеводы не поили шпанку по двѣ, по три недѣли и ничего—шпанка жива, здорова и весела. Весной и осенью, когда травы сочныя, нѣмцы овецъ вовсе не поятъ, о зимѣ и говорить нечего. И своихъ изумительныхъ результатовъ нѣмецъ достигъ съ отличающею его изумительною настойчивостью; онъ отучалъ овцу не вдругъ, а постепенно, и довелъ ее почти до того, что она можетъ совсѣмъ не пить.

Вотъ этотъ-то настойчивый нѣмецъ, который даже овцу отучилъ пить воду, и двинулъ изъ бессарабскихъ и молочанскихъ колоній избытокъ прироста своего населенія. Семейные раздѣлы у нѣмцевъ рѣдки. Обыкновенно одинъ изъ братьевъ, оставаясь на хозяйствѣ, выплачивалъ наслѣдникамъ ихъ доли. Если же у него не было наличныхъ денегъ, то ему выдавалась ссуда изъ колоніальныхъ суммъ или сиротскихъ денегъ, которыя въ нѣмецкихъ колоніяхъ считаются сотнями тысячъ. Затѣмъ, выдѣленные наслѣдники, оставшіеся безъ земли, укладываютъ весь свой скарбъ въ фургоны и отправляются искать осѣдлости. Въ Крыму есть всегда продажная земля, переселенцы даютъ задатокъ, остальная сумма разсрочивается лѣтъ на десять и новые колонисты начинаютъ строиться. Прежде всего, колонистъ строитъ школу и при ней столбъ съ колокольчикомъ,—и въ этой школѣ съ колокольчикомъ вся сила нѣмца. Въ школу молодежь учебнаго возраста бѣгаетъ всю недѣлю, а въ воскресенье въ эту же школу идетъ съ Библіей въ рукахъ каждый отецъ семейства и каждая мать. Молясь надъ святою книгой, нѣмецъ отдыхаетъ душой и проникается хорошими чувствами и мыслями.

Выстроивъ школу, нѣмецъ-колонистъ приступаетъ къ своимъ собственнымъ постройкамъ. Но и въ нихъ начинаетъ съ хозяйственныхъ, а домъ для себя строитъ послѣ всего. Устроившись, нѣмецъ пріискиваетъ себѣ въ городѣ кредитора, у котораго и забираетъ все, что въ деревенскомъ обиходѣ ему нужно: сѣмена на посѣвъ, деньги на покупку рабочаго скота, нанку и ситецъ для себя и семьи. Будетъ урожай—нѣмецъ уплатитъ старый долгъ, наберетъ новаго товару и опять начнетъ работать отъ зари до зари. Если же урожай не случится, нѣмецъ опять заберетъ все въ долгъ и обезпечитъ кредитора переводомъ по формальному контракту на его имя всѣхъ его посѣвовъ и всей движимости. Обыкновенно, почти всякій нѣмецъ-колонистъ въ долгахъ по уши, но онъ всегда пользуется обширнымъ кредитомъ и мало-по-малу выплачиваетъ свои долги.

И не смотря на то, что нѣмецъ и покупаетъ землю, и живетъ въ долгъ,—онъ все же собственникъ, и мало того, что онъ собственникъ, онъ и общественный дѣятель, онъ—земскій голосъ. Теперешняя земская роль нѣмца, можетъ быть, и не особенно выдающаяся, потому что онъ большею частію даетъ шаръ своимъ кредиторамъ. Но когда онъ освободится отъ кулака, и міроѣда, и ростовщика, онъ станетъ въ земствѣ работать для себя и ужь, конечно, сумѣетъ устроить свои дѣла такъ же, какъ онъ съумѣлъ устроить свое переселеніе и отучить шпанку пить. Уже и теперь знающіе люди говорятъ, что не дальше, какъ черезъ десять лѣтъ, Крымъ обратится въ провинцію съ нѣмецкимъ населеніемъ, управляемымъ своими ставленниками въ земствѣ и судѣ.

Такъ какъ пошло на параллели и картины, то я представлю читателю еще одну картину. Беру ее изъ заграничныхъ извѣстій «Недѣли». Читаешь и не вѣришь, точно сказка Шехеразады. Что это за подвижный, сильный и смѣлый умъ, для котораго самое, повидимому, невозможное становится возможнымъ, самое неосуществимое дѣлается осуществимымъ и мечта переходитъ въ дѣйствительность! Что же мудренаго, что европейская жизнь бьетъ ключемъ и рвется впередъ на всѣхъ парахъ.

Англійскій романистъ Вальтеръ Бэзантъ семь лѣтъ тому назадъ написалъ романъ: «Люди всякаго рода и положенія». Героиня романа отдаетъ милліонное наслѣдство на попытку поднять нравственный и умственный уровень трущобнаго лондонскаго населенія. Она поселилась въ Истъ-Эндѣ, этомъ трущобномъ кварталѣ Лондона, сдѣлалась простою работницей и задумала выстроить для народа «дворецъ наслажденій». Вотъ какъ описываетъ Бэзантъ первое посѣщеніе дворца его будущими хозяевами: «Анджела остановилась съ своими друзьями передъ большимъ зданіемъ. Оно еще было закрыто лѣсами и казалось темнымъ, пустыннымъ. Громадный входъ, на манеръ портика съ колоннами, напоминалъ соборъ св. Павла. Анджела позвонила и вошла въ обширную, высокую залу, въ концѣ которой возвышалось нѣчто вродѣ трона подъ бархатнымъ балдахиномъ. По сторонамъ тянулся рядъ статуй, на стѣнахъ висѣли картины, на хорахъ виднѣлся большой органъ. «Вотъ, — сказала Анджела,— ваша пріемная, вы можете здѣсь танцовать въ тысячу паръ; въ дождливые дни здѣсь могутъ играть ваши дѣти; здѣсь же вы можете устраивать и концерты». Потомъ она повела своихъ друзей въ театръ, въ громадную гимнастическую залу, библіотеку, билліардную, картежную, шахматную, курильню, чайныя и кофейныя комнаты. Второй этажъ былъ посвященъ спеціально школѣ. Тутъ находилось безконечное число большихъ и малыхъ ауди-

торій и мастерскихъ, въ которыхъ обучали наукамъ, искусствамъ и всякаго рода ремесламъ. «Во дворцѣ наслажденій,—сказала Анджела,—мы будемъ не только плясать и пѣть; мы каждый день будемъ научаться чему-нибудь новому, полезному. Все въ этомъ дворцѣ будетъ даромъ, и завѣдывать имъ будутъ сами рабочіе, потому что это нашъ дворецъ и мы никому не позволимъ нажить въ немъ ни копѣйки». И вотъ эта невѣроятная мечта романиста осуществилась и надняхъ королева Викторія впервые въ свое пятидесятилѣтнее царствованіе посѣтила трущобный Лондонъ, чтобы открыть въ немъ народный дворецъ. Зрѣлище было невиданное, но и дѣло было тоже невиданное. Правда, при открытіи дворца присутствовала только избранная публика, а хозяева дворца «блистали своимъ отсутствіемъ» и въ этомъ отношеніи королева Викторія не походила на Анджелу, а программа Бэзанта оказалась невыполненною. Конечно, и въ другомъ отношеніи Викторія не напоминала Анджелы: она сухо, чисто оффиціально открыла дворецъ и повторила въ своей рѣчи банальныя фразы о томъ, что бѣднымъ необходимо работать, похвалила купцовъ, сдѣлавшихъ крупныя пожертвованія на дворецъ, и одного изъ жертвователей произвела въ баронеты. Но, вѣдь, не могла же королева Викторія держать себя съ рабочими, какъ Анджела. Во всемъ остальномъ народный дворецъ оказался дѣйствительно дворцомъ.

Народный дворецъ строился по подпискѣ и ядро капитала составили пожертвованныя двадцать пять лѣтъ тому назадъ мистеромъ Бьюмонтъ 12,500 фун. стерл. на интеллектуальное развитіе жителей Истъ-Энда. Прочитавъ романъ Бэзанта, распорядители фонда рѣшились осуществить идею романиста; но такъ какъ денегъ для «дворца наслажденій» было слишкомъ мало, то они и открыли подписку. Подписка быстро дошла до семидесяти пяти тысячъ фунтовъ, а по смѣтѣ на все предпріятіе нужно сто тысячъ. Недоставало, значитъ, пустяка и распорядители принялись за дѣло. Постройка началась въ прошедшемъ году, а нынче уже свершилось освященіе. Пока готова только, и то внутри, «королевина зала», поражающая своею отдѣлкой, блескомъ, мраморными статуями, золотомъ. Въ тотъ же день королева заложила фундаментъ народныхъ школъ, которыя будутъ примыкать къ главному зданію, а черезъ два года народный дворецъ будетъ готовъ совсѣмъ.

Не правда ли, какъ все это невѣроятно, а для насъ, русскихъ, ужь рѣшительно ни на что не похоже! Но вотъ и еще страничка изъ сказки Шехеразады: въ Америкѣ уже десять лѣтъ какъ существуетъ настоящій народный университетъ, хотя и не совсѣмъ въ такомъ видѣ, какъ мы это понимаемъ. Создало его «Шатоквасское литературное и научное общество», имѣющее до ста тысячъ членовъ и многочисленныя отдѣленія не только въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ, но и въ Англіи, въ континентальныхъ европейскихъ странахъ, въ Индіи, Китаѣ, Японіи, Южной Африкѣ и на океанскихъ островахъ. Цѣль общества—руководить серьезнымъ чтеніемъ взрослыхъ лицъ, не имѣвшихъ возможности получить или кончить высшее образованіе. При этой системѣ чтеніе считается основаніемъ образованія, а лекціи составляютъ только подспорье. Центральное управленіе общества находится въ Нью-Йоркѣ. Въ зимніе мѣсяцы членамъ отправляются списки книгъ, которыя они должны прочесть по избранному ими предмету, а если они желаютъ, то имъ предлагаются и письменныя работы. Лѣтомъ же общество разбиваетъ свой лагерь на берегу Шатоквасскаго озера, въ живописной долинѣ между горами, отдѣляющими бассейнъ Миссисипи отъ бассейна св. Лаврентія. Въ большой рощѣ дубовъ, тополей, кленовъ и ясеней выстроено шестьсотъ маленькихъ домиковъ и большой отель и раскинуто триста палатокъ. Въ теченіе сезона перебываетъ здѣсь до семидесяти пяти тысячъ человѣкъ, изъ коихъ одни остаются два или три дня, а другіе поселяются на все время. Посѣтители слушаютъ лекціи по всевозможнымъ наукамъ у самыхъ лучшихъ профессоровъ американскихъ университетовъ, занимаются практически въ лабораторіяхъ, а въ свободное время развлекаются стрѣльбой въ цѣль, гребными гонками, крокетомъ, балами, концертами, вечерами.

Американцы думаютъ (и вполнѣ безошибочно), что взрослый гораздо пригоднѣе для ученія, чѣмъ ребенокъ, и потому въ члены Шатоквасскаго общества (мѣстность лѣтняго лагеря называется Шатоква) принимаются только взрослые, не моложе 21 года. Составъ общества самый разнообразный: не кончившіе по какимъ-либо причинамъ курса студенты, школьники, вовсе не учившіеся ничему рабочіе, всякіе служащіе въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, родители, желающіе имѣть хотя общее понятіе о томъ, чему необходимо учить ихъ дѣтей, и т. д. Къ какимъ же результатамъ ведетъ эта система? «Одинъ изъ самыхъ блестящихъ учениковъ Шатоквасскаго университета,—говоритъ авторъ статьи, изъ которой мы взяли эти свѣдѣнія,—кондукторъ конно-желѣзной дороги, оказалъ необыкновенные успѣхи въ изученіи санскритскаго и зендскаго языковъ. Поступая въ члены общества, онъ не имѣлъ понятія, что существуютъ такіе языки, а теперь считается авторитетомъ въ наукѣ, хотя все это время онъ не переставалъ исполнять свою кондукторскую службу по семнадцати часовъ въ сутки».

Что же тутъ намъ дѣлать и какой изъ всего выводъ? Выводъ только одинъ и всѣмъ давно, давно извѣстный и на тысячу ладовъ повторявшійся: «намъ нужно просвѣщеніе, много просвѣщенія, очень много просвѣщенія».

XXIV.

Новогодніе нумера газетъ и журналовъ принято начинать обзоромъ предъидущаго года. Такіе обзоры имѣютъ несомнѣнный смыслъ, и читатель, не безъ причины, желаетъ, чтобъ ему давали итоги. Но итоги бываютъ разные. Счетъ прачки на 25 копѣекъ имѣетъ тоже итогъ. Купивъ въ мелочной лавкѣ вареную колбасу съ чеснокомъ, вы тоже узнаете итогъ того, что должны за нее заплатить. Для народа, для жизни, для общественнаго сознанія нужны не такіе итоги. Дороги итоги, создающіе или подвигающіе сознаніе, указывающіе новые пути жизни, вносящіе поправку въ общественное или личное мышленіе, раскрывающіе для него новые горизонты. И такіе итоги зовутся, не безъ причины, эпохами въ жизни народовъ. У каждаго народа есть подобныя эпохи; народъ благословляетъ ихъ творцовъ, онъ обзываетъ ихъ именами цѣлые періоды времени. Память народная крѣпка и благодарна, и что народъ хоть разъ благословилъ, останется навсегда благословленнымъ. Французы и до сихъ поръ помнятъ своего «добраго» Генриха IV. Но «добрый» король умеръ—и стали опять копиться тяготы и несправедливости, опять бѣдному и слабому становилось жить не подъ силу. И когда всякой неправды и тяготы накоплялось очень много и требовался опять «добрый король», который бы это могъ понять и зло уничтожить,—«добрый король» всегда и нарождался, и народъ опять благословлялъ своего «добраго короля». На «добрыхъ королей» была особенно счастлива Франція.

И у насъ были свои періоды, которые и народъ, и исторія помнятъ хорошо, но «исторія,—какъ сказалъ Карамзинъ,—злопамятнѣе народа». Исторія занесла на свои страницы имя царя, прикрѣпившаго крестьянъ къ землѣ; народъ же, забывъ его имя, увѣковѣчилъ поговоркой: «вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день!»—только его дѣло. Исторія знаетъ еще эпохи Петра Великаго, Екатерины II, Александра I, Николая I. Все это были эпохи государственно-политическаго строительства. Народъ едва ли помнитъ эти эпохи хорошо, хотя эпоху Петра Великаго ужъ, конечно, никогда не забудетъ. Смутно чувствуетъ народъ, что въ петровскомъ времени было какъ будто какое-то "благо», но «добрымъ» Петра не назвалъ и не назоветъ; не назвалъ «добрымъ» и Ивана Грознаго, хотя, какъ увѣряетъ Карамзинъ, Грозный не любилъ только бояръ; не назвалъ «добрымъ» и царя Бориса, не назвалъ «доброй» и Екатерину II. Но эпоху Александра II, когда къ народу снова вернулся его старый Юрьевъ день, народъ уже навѣрное запомнитъ. Онъ ее и запомнилъ, только имени ей никакого не далъ, и отзывается о ней какъ-то неопредѣленно и не точно, безъ обычной мѣткости: «когда пришла воля», «когда насъ ослобонили»—и всегда въ этомъ родѣ, точно это начало чего-то, а конца еще не пришло.

Впрочемъ, не перемѣнами въ народной жизни творились наши историческіе періоды. Такихъ свѣтлыхъ періодовъ во всю нашу тысячелѣтнюю исторію былъ всего одинъ—освобожденіе. Эти итоги творились новыми идеями, — умственными итогами, которые создавали интеллигенція и наши выдающіеся талантливые люди. То были итоги пробужденія новыхъ понятій и душевнаго просвѣтлѣнія, когда каждый чувствовалъ въ себѣ наплывъ совсѣмъ иныхъ, небывало-хорошихъ чувствъ и мыслей, когда каждый обновлялся умственно, начиналъ думать и понимать, о чемъ онъ прежде не думалъ и чего онъ прежде не понималъ, когда люди становились добрѣе, а потому и справедливѣе... Но и такихъ періодовъ въ русской жизни было еще не много. Былъ періодъ Пушкина. Съ «Мертвыми душами» явился періодъ Гоголя, оба періода очень плодотворные, несмотря на то, что ихъ зовутъ чисто-литературными. Были и еще періоды пробужденія общественнаго сознанія и попытки расширить предѣлы свободнаго слова и мысли. Былъ, наконецъ, довольно яркій періодъ возбужденія общественнаго сознанія, когда свершились всѣ послѣднія реформы... Вотъ, кажется, и все.

Эти періоды зовутъ справедливо праздниками русской мысли. Впрочемъ, праздники эти были только «приходскіе», праздники одной, пока изолированно живущей интеллигенціи. А когда же праздники русской мысли станутъ обще-русскими праздниками, безъ различія между народомъ и интеллигенціей, когда идеи будутъ доступны народу также, какъ онѣ доступны интеллигенціи, когда и народъ пойметъ красоту художественнаго слова и красоту художественной мысли, когда двигателемъ его явятся великіе общественные идеалы и идеи общаго блага, добра и справедливости, — когда?.. Если для того, чтобы создать интеллигенцію, Россіи потребовалось прожить почти тысячу лѣтъ, то неужели нужна еще тысяча лѣтъ, чтобы и народъ сталъ интеллигенціей? Тутъ, конечно, можно поставить не одинъ вопросительный знакъ, но никакого отвѣта и ниоткуда, все-таки, не послѣдуетъ. Пока же можно отвѣтить, что, въ ожиданіи этого «когда», русская жизнь течетъ двумя слоями; а такъ какъ, заговоривъ о новогоднемъ итогѣ, я заранѣе зналъ, что буду говорить о нижнемъ теченіи, то и приглашаю читателя опуститься въ шахту того слоя, отъ котораго до интеллигентнаго свѣта «какъ до звѣзды небесной далеко».

Въ исторіи этого нижняго слоя два итога имѣли рѣшающее значеніе. Первымъ былъ тотъ итогъ, послѣ котораго народъ сказалъ со вздохомъ: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день», а второй итогъ

подарилъ народу Императора Александра II, который опять отдалъ Юрьевъ день на волю народа. Промежутокъ между этими двумя итогами обнимаетъ 250 лѣтъ и является для народа чѣмъ-то вродѣ того продолжительнаго волшебнаго сна, которымъ проспалъ одинъ шотландскій охотникъ. Проснувшись, охотникъ былъ очень изумленъ, что лежитъ совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, на которомъ заснулъ. Заснулъ онъ въ полѣ, а проснулся въ дремучемъ лѣсу, собака его исчезла, ружье совсѣмъ изоржавѣло, платье почти истлѣло, а голодъ его одолѣвалъ такой, какого онъ еще никогда не испытывалъ. Подумалъ, подумалъ охотникъ, видитъ, что онъ ничего понять не можетъ, всталъ и побрелъ въ деревню. И дорога что-то не та,—а охотникъ зналъ хорошо всѣ тропинки,—и деревня, въ которую онъ пришелъ, смотритъ какъ-то странно, и люди въ ней совсѣмъ другіе,—и одѣты они иначе, и даже говорятъ иначе. Спросилъ охотникъ того, другаго изъ знакомыхъ ему крестьянъ, ему отвѣтили, что они давнымъ-давно какъ умерли... Оказалось, что охотникъ проспалъ сто лѣтъ. Ну, вотъ въ этомъ же родѣ проспала и наша деревня съ момента закрѣпленія ее къ землѣ. Деревня точно застыла на эти 250 лѣтъ, а теперь оттаяла и опять поплыла. Природа за это время какъ будто измѣнилась, и обстоятельства многія поизмѣнились, пожалуй и люди измѣнились, только спавшій охотникъ остался все тѣмъ же и, проснувшись, опять принялся за свое старое дѣло, съ своимъ старымъ, заржавѣвшимъ ружьемъ.

До Бориса Годунова нашъ мужикъ только и дѣлалъ, что бродилъ и мѣнялъ мѣсто, отыскивая, гдѣ бы ему осѣсть похозяйственнѣе и поспокойнѣе. Народъ искалъ уклада и ради его кочевалъ въ одиночку и толпами. Имъ двигалъ какой-то безпокойный бродячій инстинктъ, что-то номадное, сохранившееся еще отъ пастушескаго быта. Были, конечно, и другія причины, которыя заставляли народъ бродить, но главная заключалась въ томъ, что народъ не выбралъ себѣ надлежащаго мѣста и не осѣлъ. Когда Юрьевъ день для народа кончился пришлось поневолѣ сидѣть на мѣстѣ, но народъ дѣлалъ это по принужденію, а не добровольно. Народное движеніе, правда, и тутъ не прекращалось, только люди бродили съ другими цѣлями. Прежде бродилъ земледѣлецъ, мужикъ спокойный и хозяйственный, чтобъ отыскать себѣ лучшій хозяйственный укладъ. Теперь же человѣкъ съ мирными наклонностями сидѣлъ крѣпко, а сталъ уходить свободолюбивый, не сносившій помѣщичьей власти и барскаго произвола. Уходилъ только этотъ безпокойный и опасный человѣкъ, и уходилъ онъ на окраины, на югъ, въ Сибирь, въ казаки, въ вольные охочіе люди. Все остальное сидѣло, не двигалось и работало на помѣщика. Такъ прожилъ прикрѣпленный къ землѣ мужикъ 250 лѣтъ, пока не явился для него опять Юрьевъ день и свобода исканія и передвиженія.

Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, что просидѣлъ мужикъ на землѣ, ничему его не научили. Онъ просидѣлъ точно подъ стекляннымъ колпакомъ, въ какомъ-то оцѣпенѣніи или дремотѣ. Не сталъ онъ ни лучшимъ пахаремъ, ни лучшимъ хозяиномъ, не устроился, не разбогатѣлъ, даже не приросъ къ мѣсту. А какимъ онъ былъ, когда его прикрыли колпакомъ, такимъ онъ и вышелъ на свѣтъ Божій, когда колпакъ сняли. Совсѣмъ какъ проспавшій сто лѣтъ шотландскій охотникъ. И совершенно такъ же, какъ этотъ охотникъ: какъ только мужикъ вышелъ изъ оцѣпенѣнія, онъ сейчасъ же всталъ и пошелъ... пошелъ искать себѣ новое мѣсто, что помѣшалъ ему сдѣлать 250 лѣтъ ранѣе внезапно накрывшій его колпакъ.

Весьма вѣроятно, что если бы народные инстинкты и народное стремленіе къ равновѣсію не встрѣтили неодолимыхъ препятствій, то народъ давно бы осѣлъ на мѣстѣ, давно пережилъ бы тотъ періодъ броженія, который переживаетъ теперь, и намъ не пришлось бы быть свидѣтелями теперешняго переселенческаго движенія. Ничего подобнаго нашему переселенческому движенію нельзя встрѣтить ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ Англіи, ни даже въ Ирландіи. Тамъ народъ, въ цѣломъ, осѣлъ и твердо сидитъ на своемъ мѣстѣ. Переселенцами являются единицы, и хотя этихъ единицъ набираются сотни тысячъ, но это, все таки, движеніе не массовое. Масса осѣла твердо на своемъ мѣстѣ и вовсе не думаетъ его оставлять, а выдѣляются изъ массы только лишніе. Въ Германіи, напримѣръ, крестьянская семья можетъ крѣпко сидѣть въ своемъ какомъ-нибудь Вермсдорфѣ и вполнѣ въ немъ процвѣтать, а вдругъ какому нибудь Іоганну изъ этой благополучной семьи придетъ блажная мысль: «дай-ка уѣду въ Америку, чтобы нажить милліонъ»,—и сядетъ Іоганнъ въ Гамбургѣ на пароходъ и уплыветъ въ Америку. Даже въ Ирландіи, гдѣ, повидимому, цѣлыя массы остаются не при чемъ, никогда ирландцамъ не приходило въ голову убѣжать съ своей земли всѣмъ населеніемъ и какъ есть цѣликомъ переселиться въ Америку. Ирландецъ со своимъ милымъ Зеленымъ Островомъ ни за что въ мірѣ не разстанется. Онъ не только любитъ свой островъ, но онъ и вѣритъ въ себя,—вѣритъ, что все можетъ устроиться къ лучшему и всѣмъ въ Ирландіи будетъ хорошо. Насколько сильно ирландецъ въ это вѣритъ, насколько онъ увѣренъ, что все пойдетъ какъ слѣдуетъ, по справедливости, если онъ самъ будетъ хозяиномъ своихъ порядковъ, видно изъ той упорной борьбы, которую Ирландія ведетъ теперь съ Англіей. Еслибъ у Ирландіи не было вѣры въ свои силы и въ возможность устройства лучшихъ порядковъ, она, конечно, цѣликомъ, и, можетъ быть, уже давно, сбѣжала бы въ Америку.

Наше переселеніе совсѣмъ что-то другое, совсѣмъ особое и на европейское переселеніе не похожее. Тамъ осѣвшій народъ отправляетъ свои излишки; тамъ осѣвшіе съ мѣста не тронутся, у насъ же нѣтъ осѣвшихъ и каждый можетъ сдѣлаться переселенцемъ. Тамъ многовѣковая культура привязала человѣка къ землѣ и земледѣлецъ видитъ на своемъ клочкѣ земли наслѣдственную работу многихъ смѣнявшихъ одно другое поколѣній. Вамъ нѣмецкій земледѣлецъ раз-

скажетъ подробно, что и отъ кого ему досталось. Фруктовый садъ устроилъ ему дѣдушка, а болото осушилъ прадѣдушка; дренажъ устроилъ отецъ, каменный заборъ вокругъ дома и сада построилъ онъ самъ. Домъ со всѣмъ внутреннимъ обиходомъ: съ высокою, какъ слонъ, отъ наваленныхъ на нее перинъ и подушекъ, двуспальною кроватью подъ балдахиномъ, на которой и вдоль, и поперекъ можетъ улечься цѣлая семья, и коммодъ, и диванъ, и кресло, и зеркало,—достался ему тоже еще отъ дѣдовъ и пращуровъ. И эти портреты почтенныхъ особъ покажетъ вамъ съ гордостью нѣмецкій крестьянинъ. Висятъ они у него въ рамкахъ надъ диваномъ, по сторонамъ зеркала и надъ коммодомъ. И всякое поколѣніе что нибудь прибавляло отъ себя въ хозяйствѣ и покупало всегда все прочное, что могло прослужить сто-двѣсти лѣтъ. Въ каждой нѣмецкой избѣ вы и до сихъ поръ увидите стѣнные часы съ кукушкой или рыцаремъ, вращающимъ глазами вмѣстѣ съ маятникомъ. Въ Шварцвальдѣ такихъ часовъ уже болѣе ста лѣтъ какъ не дѣлаютъ. Значитъ, еще вотъ когда они были куплены. Домъ нѣмецкаго, англійскаго, французскаго крестьянина—полная чаша, и какъ выростешь въ этой полной чашѣ съ груднаго-то возраста,—ну, какъ тутъ не пустить корней? А какіе корни и куда пуститъ наше деревенское дитя? Изба, въ которой ростетъ ребенокъ—чистая степь; ужъ какіе тутъ портреты родоначальниковъ,—поди-ка, и имени роднаго дѣда ребенокъ не слыхалъ. Даже и изба-то выстроена только вчера, потому что каждое поколѣніе погорало не меньше двухъ разъ. Тутъ просто разные періоды культуры, которыхъ и сравнивать нельзя. Европейскій земледѣлецъ живетъ въ одной культурѣ, а нашъ мужикъ—въ другой. Европеецъ все предъидущее, первоначальное, уже пережилъ, а нашъ мужикъ пребываетъ пока въ первоначальномъ и только теперь начинаетъ пытаться изъ него выйти. Много, много кладетъ мужикъ на это дѣло энергіи, и борется ради своего устроенія изъ всѣхъ силъ, какія сохранилъ ему Богъ. Исканіе мѣста есть главная особенность теперешняго времени. И когда все поуспокоится, когда крестьянинъ заживетъ на прочномъ мѣстѣ, съ теперяшняго времени онъ, вѣроятно, будетъ вести свое лѣтосчисленіе, какъ велъ до сихъ поръ свое лѣтосчисленіе съ «француза». Припоминая прошлое, мужикъ, по всей вѣроятности, скажетъ: «это было послѣ воли, когда народъ еще селился».

Когда каждый изъ насъ сидитъ у себя въ кабинетѣ и читаетъ корреспонденціи провинціальныхъ и столичныхъ газетъ, то переселеніе должно казаться чѣмъ-то очень безпорядочнымъ, безтолковымъ и инстинктивнымъ. И, конечно, въ немъ нѣтъ той сознательной стройности и опредѣленности, съ которыми ирландецъ или нѣмецъ селятся въ Америкѣ. Европейцы дѣломъ переселенія овладѣли въ такой степени, что и въ немъ, какъ во всемъ, являются виртуозами. Нашъ мужикъ ни въ чемъ не виртуозъ, почему же ему быть виртуозомъ только въ переселеніи? И, тѣмъ не менѣе, если бы мы всѣ, наблюдающіе переселеніе изъ форточекъ своихъ кабинетовъ, и мы всѣ, случайно, а, можетъ быть, и не случайно встрѣчающіе партію переселенцевъ на большихъ дорогахъ и затѣмъ трогательно описывающіе въ корреспонденціяхъ нужду этихъ, повидимому, растерянныхъ и бредущихъ на авось бѣдняковъ, взглянули бы на нихъ съ воздушнаго шара, то думаю, что каждый бы изъ насъ сознался, что онъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ. Отъ самаго Балтійскаго моря, съ громадной полосы земли, обнимающей и западный, и юго-восточный край и все, что лежитъ южнѣе Москвы, и весь югъ отъ австрійской границы, до Чернаго моря и до Кавказа, ползетъ народъ въ одномъ направленіи съ сѣвера на югъ и на востокъ, направляясь въ Сибирь, въ восточныя азіятскія степи, на Кавказъ и въ Закавказье, въ страны благодатныя и привольныя. И переселенческій потокъ двигается всегда въ одно и то же время и всегда въ извѣстномъ точномъ направленіи. Ясно, что у движенія есть законъ времени и мѣста. Если послушать самихъ переселенцевъ, то отъ нихъ объ этомъ законѣ, конечно, ничего не узнаешь, кромѣ глупостей. Собираются, напримѣръ, русскіе крестьяне въ «Китай», составляютъ списки желающихъ, собираютъ по 70 коп. съ души и съ легкимъ сердцемъ, окрыляемые разными сладостными мечтами, двигаются въ путь. У переселенцевъ есть и карта «Китая», на которой нашу землю можно закрыть одною ладонью, а ту землю, куда идутъ переселенцы, не закроешь и двумя ладонями. Земля эта досталась намъ такъ: была китайка, а у нея былъ сынъ; китайка послѣ смерти оставила землю сыну, онъ подарилъ ее нашему царю, который приходится ему дядей. Вотъ на эту-то землю и зовутъ теперь всѣхъ. И вѣритъ всему этому народъ, потому что ему нужно вѣрить. Такъ вѣритъ народъ и въ «плантъ». Плантъ — нѣчто вродѣ магнитной стрѣлки, указывающей куда идти. И переселенецъ крѣпко держится за «плантъ», потому что увѣренъ, что безъ него не попадешь куда нужно. И «Гурдабай» такой же «плантъ», и «Китай». Такія ужъ у народа географическія свѣдѣнія. Но, вѣдь, народу ни въ школѣ, ни на сходкахъ, ни такъ, гдѣ нибудь, никто, никогда и ничего не говорилъ ни о Китаѣ, ни о Гурдабаѣ, ни о плантѣ. Да, пожалуй, не въ этихъ свѣдѣніяхъ тутъ и дѣло. Дѣло въ томъ, что и Китай, и плантъ, и Гурдабай не больше, какъ источники, которыми питается и поддерживается энергія переселенца. Не «плантъ», «Китай» или «Гурдабай»... двигаетъ народъ, — имъ двигаютъ очень точныя мысли и очень понятное для него стремленіе, подробности котораго, можетъ быть, для мужика не всегда ясны, а для насъ ужъ и никогда не ясны. Бабы, ревѣвшія въ Баку, когда старикъ-вожакъ потерялъ «плантъ», не разложили бы вамъ по пальцамъ, отчего онѣ ревутъ, приходятъ въ отчаяніе и готовы разорвать бѣднаго старика на части. Но, вѣдь, этого не понимала и бакинская полиція. Смѣшно все это, читатель, и глупъ нашъ темный народъ, не правда ли; но, вѣдь, это глупость только формальная, внѣшняя, а за внѣшнею глупостью, въ глубинѣ мужицкой души,

скрывается нѣчто и вовсе не смѣшное, а, напротивъ, очень почтенное.

Переселеніе требуетъ большой отваги, великой рѣшимости, смѣлости и безграничной готовности подвергать себя всякимъ лишеніямъ, трудностямъ и случайностямъ. Слабый и мягкій человѣкъ на это дѣло не пойдетъ. Очевидно, что срываются съ мѣста только болѣе рѣшительные, болѣе стойкіе. Для этихъ отважныхъ людей энергія и рѣшимость—все, потому что безъ нихъ не сорвешься съ мѣста, да и не дойдешь до другаго. Поэтому народъ совершенно инстинктивно хватается за все, что поддерживаетъ его энергію, и особенной разборчивости при этомъ не обнаруживаетъ. Планъ или какая нибудь сказка, вродѣ той, что въ Китаѣ ждетъ переселенца всякое богатство, и не только казенное продовольствіе, но и царское жалованье,—все въ этихъ случаяхъ хорошо и кстати, лишь бы энергія прибавлялась. Заправилами движенія являются обыкновенно самые смѣлые и бывалые, способные дѣйствовать на массу. Чаще всего ими бываютъ отставные солдаты, видавшіе виды, люди съ фантазіей и способные присочинить, если это требуется. Иногда сочинитель и самъ не предполагаетъ, что онъ сочиняетъ; у него у самаго такія географическія, историческія и политическія знанія, что изъ нихъ не можетъ получиться ничего, кромѣ сказки. Но, вѣдь, и въ Америку приманивали первыхъ переселенцевъ тоже сказками. Разсказывали, напримѣръ, что въ Америкѣ есть такія фруктовыя деревья, на которыхъ, вмѣсто плодовъ, висятъ за косы красивыя дѣвушки. Люди посмѣлѣе и шли, чтобы разводить подобныя плантаціи на мѣстѣ, а оставшіеся дома просили, чтобъ имъ выслали сѣмена, чтобы развести плантаціи въ Европѣ. Воображеніе главная сила во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, а безъ смѣлости и энергіи не сдѣлаешь ничего. Да и было ли бы лучше, если бы переселенцы знали всю правду, знали бы все, что ихъ ждетъ на новыхъ мѣстахъ! И солдатъ только потому идетъ смѣло на приступъ, что увѣренъ, что побѣдитъ. И молодежь смѣла потому, что самоувѣрена и что преувеличиваетъ свои силы. Русскій человѣкъ всегда давалъ большую цѣну смѣлости. А кто можетъ доказать, что если бы народъ зналъ географію, то онъ переселялся бы умнѣе? Вѣдь, не Китай или Гурдабай его манитъ,—его гонитъ мѣсто, на которомъ онъ сидитъ; Китай поддаетъ только пару рѣшимости.

Что же гонитъ народъ съ мѣста и кто его знаетъ, какъ слѣдуетъ? Нельзя сказать, чтобы мужикъ переселялся только для того, чтобы завести часы съ рыцаремъ и повѣсить портреты предковъ. Мало ли у кого нѣтъ часовъ съ рыцаремъ и не виситъ портретовъ предковъ,—не сейчасъ же ѣхать за ними въ Китай! Переселяются не одни бѣдные. Въ послѣдніе годы уплывали изъ Одессы на крайній Востокъ крестьяне совсѣмъ обезпеченные. Они платили за проѣздъ съ семьи чуть ли не рублей 500—600, или даже больше, и на мѣстѣ для обзаведенія должны были имѣть рублей 600—800. Но и у бѣдняковъ, кромѣ бѣдности, были и такія причины которыя заставляли бѣжать и богатыхъ. Какія же это причины? Вопросъ этотъ до сихъ поръ не выясненъ и ни въ одной корреспонденціи вы не найдете на него отвѣта.

Нашъ мужикъ, точно кладъ какой, запечатанъ семью печатями и держитъ свою душу подъ семью вьюшками. Молчитъ — и только. Скажетъ одно слово: «не по-божески» — и догадывайся, что это значитъ. Но мужикъ всегда чувствуетъ хорошо, потому онъ и думаетъ хорошо. Можетъ быть, въ большинствѣ случаевъ, особенно сложныхъ, онъ думаетъ и безсознательно, но онъ думаетъ несомнѣнно правильно и ужь именно по справедливости и по-божески. Правильное мышленіе мужика узнаешь не изъ его словъ, а изъ его распорядковъ и дѣлъ. Изъ дѣлъ его узнаешь и то, отчего онъ переселяется.

Очень цѣнное наблюденіе этого рода даетъ г. Пономаревъ надъ переселенцами въ Сибири. Сибирь—страна захвата и личнаго начала. Коренной житель живетъ въ ней вѣковѣчными заимками, точно помѣщикъ. «Рассейскіе» же люди вносятъ общинные распорядки, передѣлъ земли и уравненіе тягостей и обязательствъ. Это новое и прогрессивное начало начинаетъ уже разъѣдать старые сибирскіе порядки и «рассейскій» новоселъ является піонеромъ мірскаго общественнаго уклада и равноправности. Бывали, напримѣръ, такіе случаи: переселяются «рассейцы», но ихъ еще мало и потому сибиряки въ большинствѣ. Тогда «рассейцы» отписываютъ на родину, приглашаютъ своихъ родныхъ, тѣ пріѣзжаютъ, на сходѣ образуется большинство—и порѣшаетъ разверстать землю по душамъ. Первое время русскимъ новоселамъ въ Сибири всегда трудно и они еле-еле перебиваются, но какъ только они выдюжатъ и приспособятся, сейчасъ же становятся господами положенія и подчиняютъ сторожиловъ своему вліянію. Вотъ что, значитъ, нужно было переселенцу и у себя дома и почему онъ ушелъ. «Рассейскій» мужикъ является въ этихъ случаяхъ безсознательнымъ политическимъ строителемъ и творцомъ общиннаго уклада. И потому несомнѣнно, что подобное переселеніе есть движеніе прогрессивное и, въ то же время, явленіе очень и очень сложное.

Относительно агрикультурной прогрессивности нашихъ переселенцевъ сказать, кажется, ничего нельзя. Переселенецъ всегда въ полной зависимости отъ новаго мѣста. Поэтому-то онъ и говоритъ, напримѣръ, о Сибири, что въ Сибири все иначе. И дѣйствительно, мѣстныя условія Сибири совсѣмъ другія, и если новоселъ упрямъ и наблюдателенъ, если онъ захочетъ дѣлать все по «рассейски», то будетъ только терпѣть потери и, наконецъ совсѣмъ прогоритъ. То у него сѣмя вымерзнетъ, то вымокнетъ, то снѣгу нанесетъ столько, что и къ Троицѣ не вытаетъ; вздумаетъ «рассеецъ» попробовать удобреніе, а на легкой сибирской землѣ навозъ, какъ разогрѣетъ его солнце, въ пепелъ превращается; вздумаетъ вмѣсто перелога, ввести трехпольную систему—и неотдохнувшая земля ничего не дастъ.

И въ азіятскихъ окраинахъ, на Кавказѣ или въ

Закавказьѣ, «рассеецъ» съ своими куриными познаніями является тоже младенцемъ неразумнымъ. Въ этихъ благословенныхъ странахъ, гдѣ ростетъ хлопокъ, рисъ и виноградъ, переселенецъ ужь и совсѣмъ ничего не понимаетъ, потому что ничего похожаго на свое «рассейское» хозяйство не находитъ. Даже и по способностямъ онъ уступаетъ азіяту. Сарту, напримѣръ, онъ уже и совсѣмъ не соперникъ. Вотъ какъ отзывается о сартахъ корреспондентъ «Восточнаго Обозрѣнія». Это такой народъ, который все можетъ сдѣлать, все у него найдется. Спросите у него птичьяго молока—и онъ на слѣдующій базаръ непремѣнно что-нибудь доставитъ для удовлетворенія спроса. Народъ удивительно изобрѣтательный, кропотливо-трудолюбивый и талантливый въ искусствахъ. Никто лучше его не выходитъ фруктоваго сада, хлѣбнаго поля, овощнаго огорода или бахчи. Сартъ крайне опасный конкуррентъ не только русскому производству въ Ташкентѣ, но и заграничному. Напримѣръ, работу сарта англійскихъ сѣделъ крайне мудрено отличить отъ настоящей англійской; офицерскіе форменные сапоги, американской или французской кожи, сдѣланные сартомъ, всегда лучше и прочнѣе, нежели русскихъ мастеровъ. Чтобы судить о способностяхъ сарта, нужно посмотрѣть лѣпную работу вновь строющагося въ Ташкентѣ, великолѣпнаго по архитектурѣ и внѣшнимъ украшеніямъ, собора. Съ какою тщательностью выводитъ сартъ всякую вѣтку, листокъ гирлянды, виньетку, всякое перышко крыла ангела, каждый кудрявый волосокъ на его головѣ. Какъ искусно, глядя на чертежъ, передаетъ всѣ оттѣнки красокъ. Вся лучшая и болѣе тонкая лѣпная работа собора сдѣлана сартами. Кромѣ того сартъ энергиченъ и предпріимчивъ. Никакого дѣла сартъ не обѣгаетъ, ничего не дѣлаетъ спустя рукава, а все съ любовью, тщательно, прочно и красиво. За работой онъ кропотливъ и терпѣливъ не менѣе китайца. Кустарныя производства исключительно въ рукахъ сартовъ, какъ и вся промышленность. Не многіе русскіе примкнули къ нимъ только въ успѣшномъ производствѣ хлопка. Конечно, съ такимъ конкуррентомъ бороться трудно, но, какъ видно, «рассеецъ» не особенно завидуетъ способностямъ сарта и чувствуетъ свою силу въ другомъ. Если въ техникѣ и въ искусствахъ русскій уступаетъ сарту и не научитъ его ничему ни въ полѣ, ни въ огородѣ, ни въ фруктовомъ саду, за то онъ научитъ его общинному порядку, научитъ жизни съ мірскаго согласія и «какъ всѣ» и дастъ азіяту первый урокъ въ устройствѣ хозяйственно-политическомъ. Что-то даже, повидимому, и невѣроятное, чтобы нашъ деревенскій мужикъ, никогда даже и не слышавшій, что такое политика, явился бы вдругъ политическимъ воспитателемъ! Конечно, противъ успѣшности подобнаго вліянія можно возражать, но, вѣдь, я и не доказываю, что «рассеецъ», явившись въ Ташкентѣ или Самаркандѣ, превратитъ ихъ назавтра въ Нью-Йоркъ, а ихъ окрестности—въ Америку. Я говорю только о томъ, что общинно-экономическія понятія русскаго человѣка выше понятій азіятовъ, и потому русскій переселенецъ является въ степяхъ Азіи силою культурной и прогрессивной. Иначе сказать, я говорю только о томъ, что переселенческое движеніе Россіи есть движеніе прогрессивное. Прогрессивная сила его можетъ быть слаба, мѣстами она можетъ быть даже и совсѣмъ ничтожна, но въ немъ несомнѣнно выражается жизнь, сила, стремленіе впередъ къ лучшему и справедливому. Съ этою думой мужикъ нашъ, кажется, и подъ колпакъ засѣлъ 250 лѣтъ тому назадъ и подъ колпакомъ она, кажется, у него еще болѣе окрѣпла. Несомнѣнно, что жизнь подъ колпакомъ заставила мужика многое сравнить и о многомъ молча передумать и сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, пожелать жизни по-божески.

Жизненность, и, если хотите, даже историческая жизненность, видна и въ направленіи переселеній, точно народъ хочетъ поправить то, что волей-неволей испортили ему первые родичи. Всѣ славянскія племена заняли мѣста хорошія, земли плодородныя, въ климатахъ теплыхъ или умѣренныхъ. Только новгородскіе славяне забрались въ затолочь, къ Ильменю, въ болота и дичь, въ холода и снѣжные сугробы. И просторъ былъ открытъ намъ только къ сѣверу, еще въ бо́льшую дичь и въ большіе холода; потому-то мы и выросли какъ-то однобоко—сначала къ Ледовитому океану, а потомъ круто, въ сторону, уродливымъ сибирскимъ клиномъ. Но благодатный югъ всегда манилъ къ себѣ русскихъ, и вся исторія расширенія государственныхъ границъ заключалась въ стремленіи къ югу и въ южныя плодородныя мѣста Азіи, къ Черному морю и къ его проливамъ, чтобы имѣть свободный путь къ людямъ. Можетъ быть, изъ этого стремленія къ хорошимъ плодороднымъ мѣстамъ, куда намъ было легче шириться, чѣмъ на занятый уже Западъ, и заключили, что историческая миссія Россіи — внести культуру и цивилизацію на Востокъ, въ Азію. А, между тѣмъ, историческая миссія заключалась здѣсь просто въ естественномъ стремленіи къ лучшему, къ колонизаціи плодородныхъ и благодатныхъ земель, въ которыхъ трудъ неизмѣримо успѣшнѣе и результаты его неизмѣримо богаче. И шагъ за шагомъ, упорно и послѣдовательно тянулись мы постоянно къ югу и запускали свой холодный сѣверъ. На сѣверѣ и въ центрѣ Россіи теперь жизнь стала, или почти стала, а самый сильный пульсъ бьется на югѣ. Все тянется теперь на югъ, города растутъ почти по американски и въ 10—20 лѣтъ населеніе въ нихъ увеличивается вдвое, втрое. Вмѣстѣ съ промышленною и экономическою жизнью растетъ и развивается на югѣ жизнь умственная. Нашъ югъ неизмѣримо образованнѣе и дѣятельнѣе сѣвера, онъ прогрессивнѣе, умнѣе, подвижнѣе и энергичнѣе, даже особый типъ русскихъ людей выработалъ не похожій на сѣверный. Сѣверянинъ твердъ въ своей традиціи неподвижности и по преимуществу человѣкъ дореформенный. Южанинъ же человѣкъ по преимуществу послѣреформенный, выросъ онъ на нашей памяти и исторія для него началась только послѣ освобожденія. Пока мы наблюдаемъ лишь возникновеніе и ростъ

этой новой формаціи, будущее же ея — впереди, какъ и все будущее Россіи.

Народное переселенческое движеніе, направляющееся на югъ и юго-востокъ, творитъ подобное же будущее. Земледѣліе, промышленность и торговля Россіи одинаково стремятся теперь создать себѣ новое лучшее положеніе, какого требуетъ современная цивилизація. При царѣ Горохѣ еще можно было сидѣть въ тундрѣ и въ сибирской тайгѣ, потому что тогда люди одѣвались въ звѣриныя кожи. Наловить себѣ рыбы въ постный день, да натолочь конопляннаго масла еще не Богъ вѣсть какая цивилизація, а больше тогда ничего и не требовалось. Теперь даже одинъ такой конкуррентъ, какъ Америка, можетъ заставить перемѣнить всю систему сельскаго хозяйства, какъ это и дѣлаетъ Америка, принуждая насъ, вмѣсто ячменя и ржи, сѣять пшеницу. Чтобы удержать за собою хоть самое послѣднее мѣсто между цивилизованными народами, надо выходить на рынокъ международнаго труда съ продуктами, которые требуются, съ продуктами высокаго достоинства и разнообразными, а не съ сырою рыбой и постнымъ масломъ. И на совѣтѣ народовъ можно засѣдать нынче только съ мыслями умными и съ стремленіями человѣческими. Взаимная солидарность народовъ вовсе не книжная фантазія или выдумка либеральныхъ публицистовъ. Это дѣйствительная и активная сила, которая даже Китай сдвинула съ мѣста, а насъ принуждаетъ устраивать желѣзную дорогу въ двѣнадцать тысячъ верстъ черезъ всю Сибирь вплоть до Восточнаго океана. Это тоже своего рода переселеніе, т. е. перенесеніе въ другія мѣста центровъ дѣятельности, и расширеніе сношеній. Движеніе это охватываетъ всѣхъ и отъ него не освободишься, ему подчиняется вся Россія, начиная съ правительства, строящаго азіятскія желѣзныя дороги, и кончая мужикомъ переселенцемъ, который ѣдетъ по этимъ дорогамъ, чтобы заселить новыя мѣста и создать въ нихъ новую жизнь.

И такъ, переселеніе есть прогрессивное движеніе. Но какъ же согласить этотъ прогрессъ съ другимъ явленіемъ русской жизни, подробностями котораго переполнены всѣ наши провинціальныя и столичныя газеты и даже толстые столичные журналы? Переселенецъ — представитель прогресса, разносящій идею русской общины во всѣ окраины и азіятскія степи, долженъ бы, повидимому, идти съ видомъ того же гордаго достоинства и сознанія своей нравственной силы, съ какими шелъ нѣкогда англійскій пуританинъ въ Америку. А что же пишутъ о нашемъ разносителѣ прогресса корреспонденты? И нищъ-то онъ, и убогъ, и питается Христовымъ именемъ, и лежитъ кучами подъ дождемъ и вѣтромъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ, и держитъ-то онъ себя тише воды, ниже травы и всякій-то его пихаетъ и гонитъ. Мученикомъ и страдальцемъ ползетъ несчастный разноситель прогресса, кляня свою жизнь и прося Бога избавить его поскорѣе отъ всей этой муки. Представитель прогресса и съ своего роднаго-то мѣста сбѣжалъ, потому что его заѣлъ кулакъ, кабатчикъ и хищникъ. Оказалось, что на пиру русской природы много званыхъ, да мало избранныхъ, и въ избранныхъ объявился только кулакъ и кабатчикъ. И доставалось же этому самому «избранному»! Давно его травитъ печать, давно подвиги «избраннаго» изображаетъ и сатира, и беллетристика, и публицистика, но «избранный» не утихаетъ и не сокращается, а, напротивъ, множится и ростетъ и занимаетъ на пиру все больше и больше мѣста. Видно, что одними словами «избраннаго» не сократишь и сатирой его не исправишь. И «избранный» дѣйствительно не господинъ самого себя; онъ ростетъ и множится и населяетъ Русскую землю совсѣмъ не потому, чтобы этого хотѣлъ или не хотѣлъ. Спросите его, почему онъ забралъ на пиру природы такъ много приборовъ, и онъ отвѣтитъ, что «нельзя иначе».

При крѣпостномъ правѣ кулака и хищника не было, былъ только кабатчикъ, но кабатчикъ былъ тогда и малъ, и скроменъ. Это былъ еще эмбріонъ, для развитія котораго не существовало благопріятной среды, не подошло еще надлежащаго случая. Но какъ только благопріятная среда явилась, такъ эмбріонъ и выросъ. До освобожденія крестьянъ Россія знала только общественно-государственный принципъ, государство поглощало всѣхъ и каждаго, всѣ и все служило только государству, хотя государственный соціализмъ тогда еще не былъ извѣстенъ. Висмаркъ провозгласилъ его уже много послѣ. Но Россія практиковала его со временъ Петра Великаго, когда государство обратило на свою службу всѣ силы, но за то каждой силѣ дало готовое мѣсто и положеніе. Правда, этотъ соціализмъ не опускался до низовъ, а напоминалъ Аѳинскую республику, въ которой равенство существовало лишь для свободныхъ гражданъ, а не рабовъ. Тѣмъ не менѣе, принципъ оставался, все-таки, принципомъ, и единственнымъ общественнымъ принципомъ, и рядомъ съ нимъ другаго не стояло. Освобожденіе круто повернуло весь этотъ старый порядокъ и сразу измѣнило весь прежній строй. Теперь потребовалась свободная личность, были провозглашены ея права и на нее возложены всѣ упованія возрожденія и обновленія. Не даромъ же мы побратались тогда съ американцами и назвали ихъ нашими «заатлантическими друзьями». Америка выставлялась тогда какъ высшій образецъ общественной силы и процвѣтанія, если общественная жизнь опирается на энергическую и «самодовлѣющую» личность. И вотъ эта «самодовлѣющая» личность у насъ и появилась. Для нея на открывшемся тогда пиру природы были поставлены лучшіе приборы, а къ нимъ стулья и кресла. И всѣ болѣе способные къ развитію личной энергіи и дѣятельности шумно и толпой кинулись занимать свободныя мѣста. Тогда предполагалось, что если эти мѣста будутъ заняты, то общественная гармонія явится сама собою въ видѣ неизбѣжнаго и неустранимаго слѣдствія новаго начала, точно готовый пирогъ съ печки.

Личное начало было неоспоримо громадною прогрессивною силой, на нее возлагались почти всѣ

упованія и надежды; идея личности, свободной личности, являлась почти господствующею идеей и пропагандировалась тогда и учеными, и публицистами, и беллетристами. Но чтобы эта проповѣдь не осталась одними словами и чтобы открыть идеѣ и практическіе пути, въ самихъ учрежденіяхъ того времени было оставлено нѣсколько довольно просторныхъ выходовъ. Все положеніе объ освобожденіи крестьянъ было составлено такъ, чтобы примиреніе между общимъ и личнымъ предоставить жизни. Для этого въ жизни были открыты весьма предусмотрительно два пути: однимъ могла идти безъ помѣхъ община, а другимъ,—самодовлѣющая личность. Затѣмъ примиреніе интересовъ общины и личности должно было свершиться добровольнымъ компромиссомъ, предоставленнымъ на свободный выборъ народа. Впрочемъ, въ пользу общаго было предоставлено нѣсколько больше шансовъ, вродѣ того, какъ слабому билліардному игроку даютъ нѣсколько очковъ впередъ. Очевидно, что съ самаго начала предусматривалось, что при равенствѣ голосовъ община не выдержитъ и отступитъ отъ перваго же натиска самодовлѣющей личности.

Русскому народу предстояло разрѣшить величайшій вопросъ исторіи, до сихъ поръ еще никѣмъ не разрѣшенный,—создать равновѣсіе между лицомъ и обществомъ. Вся исторія человѣчества, вся работа теоретическихъ и практическихъ умовъ съ тѣхъ поръ, какъ рядомъ съ однимъ человѣкомъ очутился другой, заключалась въ пріисканіи и установленіи формулы равновѣсія и взаимнаго соглашенія. Можно ли было ожидать, что мы, русскіе, тысячу лѣтъ прожившіе глухо-нѣмыми, такъ сразу же, на другой день освобожденія, и разрѣшимъ съ честью этотъ никѣмъ еще не разрѣшенный вопросъ? Ну, конечно, мы его не разрѣшили. За то мы проявили необыкновенно сильную личную энергію, и она обнаружила необыкновенную устойчивость и настойчивость въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, а, главное, проникла во всѣ отношенія, начиная съ экономическихъ и до семейныхъ и обнаруживая цѣльность въ послѣдовательности и въ захватѣ всего, что личность считала подлежащимъ ея разрѣшенію или что вело къ ея освобожденію. Энергія эта и должна была быть исключительной, потому что 250 лѣтъ она копилась подъ колпакомъ, когда человѣку не полагалось имѣть своей воли. И вотъ, освободившись внезапно, она и не могла обнаружить вполнѣ всей своей накопившейся силы. Для тѣхъ, кто ужь слишкомъ противупоставляетъ интеллигенцію народу, точно это два совсѣмъ раздѣленные оазиса въ пустынѣ, замѣчу, что все, что намѣтилось въ жизни интеллигенціи (жителей городовъ), намѣтилось и въ жизни народа (жителей деревень). Идея свободы точно такъ же проникла и въ крестьянскую семью, какъ она проникла въ семью интеллигентную; въ раздѣлахъ дѣти освобождались изъ-подъ опеки родителей и вообще отъ всякаго внѣшняго гнета, неотдѣленныя дѣти тоже обнаружили небывалое прежде стремленіе къ независимости и вызвали ропотъ стариковъ противъ отбившейся отъ рукъ молодежи; даже женскій вопросъ,—чего уже никакъ, повидимому, нельзя было ожидать отъ забитой русской бабы,—поднялъ голову и произвелъ въ деревнѣ великій и небывалый переполохъ. Баба набралась даже такого духу, что стала грозить мужику, что броситъ его, если онъ вздумаетъ ее бить. И мужикъ струсилъ и рѣшилъ, что бить нельзя (конечно, не всякій). Къ этимъ общимъ чертамъ съ интеллигенціей деревня прибавила одну исключительно ей принадлежащую особенность, которой у интеллигенціи и быть не могло, потому что она никогда не жила общиной. Особенность заключалась въ томъ, что мужики съ болѣе сильнымъ личнымъ чувствомъ задумали выдѣляться изъ общины, освобождаться отъ зависимости міра и пожелали жить особнякомъ на собственной землѣ.

Если бы стремленіе деревенскихъ людей съ болѣе сильнымъ личнымъ чувствомъ заключалось только въ желаніи создать себѣ личную независимость и завести собственное хозяйство, то такое скромное стремленіе заслуживало бы лишь монтіоновской преміи за добродѣтель. Къ сожалѣнію, оказалось нѣчто иное и деревенскій человѣкъ съ личнымъ чувствомъ не только не обнаружилъ никакой добродѣтели, а, напротивъ, создалъ себѣ только славу хищника и разбойника. Весьма вѣроятно, что деревенскіе хищники и не такіе страшные злодѣи, какъ о нихъ пишутъ, и что совсѣмъ несправедливо, да и невѣрно, каждаго энергическаго деревенскаго мужика съ развитымъ личнымъ чувствомъ превращать непремѣнно въ разбойника. Можетъ быть, и въ этомъ случаѣ, какъ во многомъ, мы грѣшили излишнимъ обобщеніемъ. Во всякомъ случаѣ, статистики этого вопроса у насъ нѣтъ и намъ ничего неизвѣстно, сколько человѣкъ изъ людей съ болѣе развитымъ личнымъ чувствомъ превращались въ кулаковъ и хищниковъ, и сколько жили хорошими и скромными хозяевами, и добрыми односельцами, и сосѣдями, заслуживающими монтіоновской преміи. Напримѣръ, въ той мѣстности, въ которой я живу, совсѣмъ нѣтъ кулаковъ, а кабатчики если и не отличаются скромностью красныхъ дѣвушекъ, то и неизвѣстны никакими художествами и сами едва перебиваются на жалованьи отъ винныхъ тузовъ и винокуренныхъ заводчиковъ. Добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ,—добѣжало бы что-нибудь о художествахъ деревенскихъ утѣснителей, еслибъ они были; но что-то ничего не слышно. Весь западный край съ еврейскимъ населеніемъ не знаетъ тоже кулака. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, что кулакъ въ Россіи не только существуетъ, но онъ и плодится, и что онъ, можетъ быть, и бываетъ страшнѣе разбойника на большой дорогѣ и безжалостнѣе палача. И, въ то же время, дѣло, все-таки, не въ этомъ. Если въ лѣсу появились волки и медвѣди, то странно удивляться, что они не уподобляются скромнымъ баранамъ и не пасутся на лугахъ вмѣстѣ съ коровами. Тутъ вопросъ въ томъ, что создаетъ волковъ и медвѣдей, а не въ томъ, что у волковъ и медвѣдей волчьи и медвѣжьи пасти. И въ Америкѣ развито сильное личное чувство, и по личной энергіи и предпріимчивости, по

погонѣ за наживой ужъ едва ли какой-нибудь самый завзятый русскій кулакъ сравнится съ американцемъ, а что-то на кулака въ Америкѣ жалобъ не слышно. Кулакъ, какъ и ростовщикъ, несомнѣнный паразитъ, но на сильномъ дубѣ не бываетъ ничего чужеяднаго, а лишаи и черви являются только на деревьяхъ слабыхъ. Не потому кулакъ—кулакъ, что его такимъ Богъ создалъ, а потому онъ кулакъ, что вокругъ ужъ много всякой слабости и безсилія. Не въ личномъ чувствѣ и не въ личной энергіи бѣда, а въ томъ, что для развитія личныхъ силъ существуетъ такая почва, что вмѣсто пользы другимъ люди приносятъ лишь вредъ.

Деревенская жизнь выставляетъ иногда очень поучительные факты, которые, къ сожалѣнію, служатъ у насъ урокомъ не для тѣхъ, кто долженъ бы ихъ замѣчать. Въ Буинскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, есть лѣсистая мѣстность, въ которой лѣсъ продавался владѣльцемъ съ торговъ, площадями, и потому его покупали, конечно, только лѣсопромышленники, а не мужики. Мужики же работали на купцовъ и, разумѣется, зарабатывали мало. Земля въ этой мѣстности плохая, даетъ урожаи скудные и крестьяне зачастую покупали хлѣбъ уже до масляницы. Однимъ словомъ, народъ жилъ бѣдно и черно. Казалось бы, что въ лѣсистой мѣстности онъ могъ имѣть порядочныя избы, но и ихъ-то у него не было. Лѣсъ былъ дорогъ и народъ жилъ въ своихъ старыхъ курныхъ избахъ, перестроить которыя не было у него силъ. А перестроить ихъ по новому было и необходимо, и неизбѣжно, ибо, благодаря изумительной вентиляціи курныхъ избъ, народъ поголовно страдалъ простудными и глазными болѣзнями. Но вотъ 8—10 лѣтъ назадъ появляется въ буинскихъ лѣсахъ короѣдъ и затѣмъ свершается нѣчто чудесное: мужики бросаютъ свои курныя избы, строятъ новые дома съ трубами, деревни принимаютъ веселый, праздничный видъ, глазныя болѣзни исчезаютъ, народъ закопошился и повеселѣлъ и въ деревняхъ явилось небывалое (конечно, сравнительно) благоденствіе. Чудо это свершилъ крошечный жучокъ, напортившій столько лѣсу, что продать его весь лѣсопромышленникамъ было невозможно и помѣщики начали продавать его въ розницу и по дешевой цѣнѣ мужикамъ. Имѣя только два рубля денегъ и лошадь, крестьянинъ могъ уже дѣлать хорошій гешефтъ. Онъ покупалъ у владѣльца кубическую сажень дровъ за 60 коп., перерубалъ ее на швырокъ, отвозилъ на базаръ верстъ за 20 въ мѣстность безлѣсную и выручалъ отъ продажи рублей десять и для дома крестьянинъ запасалъ дешевый лѣсъ на годъ, и въ нуждѣ этотъ дешевый лѣсъ служилъ крестьянину ссудной кассой и вполнѣ замѣнялъ ему кошелекъ кулака, къ которому обращаться уже не было нужды. Нуженъ мужику хлѣбъ—и везетъ мужикъ на базаръ возъ дровъ и пріѣзжаетъ домой съ мукою. Нужда совсѣмъ исчезла, мужики обстроились вновь изъ дешеваго лѣса и благословили маленькаго короѣда, свершившаго такое неожиданное для нихъ чудо.

Вотъ какъ просто выясняется кулацкій вопросъ. Не личное чувство, не энергія наживы, не бездушіе или жестокосердіе создали его, а такія условія и такое положеніе массы, когда даже и не жадный до наживы человѣкъ можетъ развить въ себѣ аппетиты наживы и стать ростовщикомъ. Еще Вольтеръ сказалъ, что бѣдность хуже порока; она даже двойной порокъ, потому что одинаково развращаетъ какъ бѣднаго, такъ и богатаго. Совершенно такъ же развращало прежде мужика и барина крѣпостное право. Кулачество—явленіе, созданное извѣстнымъ положеніемъ вещей, и пока это положеніе существуетъ, будетъ процвѣтать и кулачество. Насколько народъ разстается легко съ бѣдностью, если трудъ его оплоченъ, читатель видѣлъ изъ разсказа о буинскихъ крестьянахъ. Въ особенности печально, что такое прогрессивное стремленіе, какъ развитіе чувства личности и усиленной энергіи жизни, привело у насъ пока лишь къ деревенскому кулачеству, а въ городахъ создало людей наживы и дѣльцовъ.

Еще печальнѣе, что отъ тѣхъ же причинъ въ деревнѣ появился пролетарій и разночинецъ, а въ городахъ выросъ босякъ. Это тоже новое явленіе и тоже «личный» продуктъ. Въ Херсонской губерніи, напримѣръ, водворились въ деревняхъ и селахъ своеобразные «иноземцы», тоже не совсѣмъ чуждые наживы на счетъ мужика. Эти «иноземцы» не французы, не англичане и не нѣмцы, а обыкновенные русскіе люди—купцы, мѣщане, отставные военные, чиновники и, вообще, всякій людъ, ищущій себѣ мѣста. Они живутъ въ селахъ вмѣстѣ съ крестьянами или составляютъ отдѣльные поселки, а земли крестьянскіе пріобрѣтаютъ разными законными, преимущественно же незаконными путями, потому что крестьяне пока своихъ земель продавать не имѣютъ права. Противъ этого внѣдряющагося въ деревню новаго элемента по чувству справедливости говорить, пожалуй, и не слѣдуетъ. Это люди несомнѣнно энергическіе, но на пиру русской природы оставшіеся безъ прибора, и нельзя же обвинить ихъ за то, что они этотъ приборъ стараются сами себѣ приготовить. Во всякомъ случаѣ, явленіе это нельзя не отмѣтить, и тѣмъ болѣе, что у него есть несомнѣнное будущее и что оно внесетъ въ деревню нѣчто новое. Когда нѣкоторыя петербургскія и провинціальныя газеты совѣтовали идти въ деревню безмѣстной интеллигенціи, они, конечно, не подозрѣвали, что еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія разночинецъ сталъ забираться въ деревни Херсонской губерніи, сначала только въ казенныя, а съ 1863 года и въ деревни помѣщичьихъ крестьянъ. Разночинецъ—не мужикъ и не земледѣлецъ, это сложная и составная формація съ разнообразнымъ прошлымъ, съ иными понятіями, иными нравами и обычаями, а, главное, съ инымъ духомъ и другими традиціями. Вообще это продуктъ юга, въ которомъ человѣкъ развивается и ростетъ на большомъ просторѣ, отъ этого онъ и предпріимчивѣе, и смѣлѣе, и размахъ его гораздо больше, и личное чувство его сильнѣе, и крѣпче въ немъ привычки независимости. Вообще въ разночинцѣ есть что-то общее съ босякомъ, такъ что если бы

босяку удалось пристроиться къ деревнѣ, то и онъ вышелъ бы тоже разночинцемъ.

Весьма вѣроятно, что между босякомъ и разночинцемъ есть промежуточныя степени и разночинецъ не переходитъ непосредственно въ босяки. Деревня создала теперь еще и земледѣльческій пролетаріатъ, который по своему тяготѣнію къ землѣ ближе къ сельскому разночинцу, хотя по своей необезпеченности онъ ближе къ босяку. Есть, можетъ быть, еще и другія переходныя формы, но общее между разночинцемъ и босякомъ заключается, все-таки, въ ихъ оторванномъ и смѣшанномъ происхожденіи. И тотъ, и другой сорвались съ своего прошлаго, оба они не нашли себѣ въ немъ мѣста и создали себѣ новое положеніе—одинъ въ деревнѣ, хотя онъ и не деревенскаго происхожденія, другой—въ городѣ, хотя онъ и не вполнѣ городскаго происхожденія. Конечно, главная экономическая разница заключается въ томъ, что разночинецъ — не пролетарій, а босякъ—пролетарій, но я имѣю собственно въ виду рѣзко выраженную личную форму того и другаго.

Босякъ развелся теперь у насъ почти во всѣхъ городахъ, но скопляется онъ преимущественно тамъ, гдѣ легче пріискивается работа. Пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который у меня есть подъ рукой, я буду говорить объ одесскомъ босякѣ. Онъ же и типичнѣе другихъ. Босяцкій міръ составляетъ сплоченную корпорацію, раздѣляющуюся на отдѣльныя группы. У каждой есть свой центръ заработка, и каждая группа держится дружно, не допуская къ себѣ босяка изъ другой группы. Такъ, у Стараго Базара ютится босякъ чернорабочій, это—носильщикъ и рабочій на постройкахъ; босякъ на Тираспольской заставѣ занимается нагрузкой и выгрузкой хлѣба, карантинные рабочіе — грузкой угля. Босякъ въ нѣкоторомъ родѣ спеціалистъ и старается по возможности не мѣнять работы, развѣ ужь заставитъ крайняя нужда. Бывали случаи, когда агенты съ пароходовъ расхаживали повсюду—по пріютамъ, рестораціямъ, отыскивая босяковъ и приглашая ихъ на работу. А, между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы босякъ былъ обезпеченъ работой. Обыкновенно босякъ работаетъ не больше 120 дней въ году и зарабатываетъ отъ 150 до 180 руб. Деньги, повидимому, хорошія, но босякъ немного младенецъ и съ деньгами справляться не умѣетъ. Ходитъ онъ грязный, оборванный, лѣтомъ босикомъ, а зимой въ опоркахъ, а какъ только заработаетъ что—идетъ въ ресторацію и истратитъ все, что досталъ. Правда, и устоять противъ соблазна босяку трудно. Въ «его» городѣ 13 ресторацій, 6 чайныхъ трактировъ и 4 пивныя лавки, а вечеромъ послѣ работъ дѣлать нечего, и вотъ босякъ идетъ отдохнуть въ заведеніе. Босяку изъ деревенскихъ мужиковъ нравится еще и то, что сидитъ онъ въ ресторацiи, какъ баринъ, а половой ему служитъ; органы, женщины, сравнительно роскошная обстановка трактировъ, яркій свѣтъ,—все это ласкаетъ усталые нервы, тянетъ, успокоиваетъ, заставляетъ забыться отъ тяжелой жизни. А жизнь босяка тяжелая, кормится онъ въ обжоркѣ или по ресторацiямъ, а спитъ по пріютамъ, только немногіе имѣютъ частныя квартиры. Квартиры!.. Квартиры эти—углы въ подвалахъ, грязные, вонючіе, сырые, темные,—ну, конечно, пойдешь въ трактиръ. Можетъ быть, это и неразсудительно и было бы лучше, если бы босякъ умѣлъ беречь что-нибудь на черный день, но онъ этого-то и не умѣетъ. Бывали случаи, когда босяки оставались совершенно безъ работы, такъ что городъ раздавалъ имъ безплатную пищу,—но, все-таки, встрѣчались случаи голодной смерти. И, несмотря на эту неприглядную жизнь, босяцкій міръ увеличивается, и не только увеличивается, но и обособляется и имѣетъ даже свою духовную физіономію, свои собственные взгляды на жизнь, свои собственныя общественныя понятія. Это и не могло быть иначе уже по самому составу босяцкаго міра.

Въ немъ собрались представители всѣхъ націй и сословій—англичане, нѣмцы, французы, испанцы, греки, турки, но больше всего, конечно, русскіе. Русскіе здѣсь изъ всѣхъ губерній и изъ всѣхъ сословій, начиная простымъ деревенскимъ мужикомъ и кончая интеллигентомъ и привилегированными. Интеллигентовъ, впрочемъ, немного, считаютъ ихъ процентовъ шесть, но это, однако, значитъ, вотъ что. Всѣхъ босяковъ въ Одессѣ тысячъ десять, слѣдовательно, доля интеллигентовъ составляетъ 600 человѣкъ. Въ числѣ интеллигентовъ есть студенты, бросившіе университетъ, есть окончившіе высшія учебныя заведенія, купцы, дворяне, чиновники, отставные военные, духовные и есть особенная категорія привилегированныхъ, вытолкнутыхъ въ босяцкую команду общими причинами, отъ нихъ независѣвшими. Главною причиной для всѣхъ была неудачно сложившаяся жизнь, даже разочарованіе въ людяхъ и идеалахъ. Поэтому босяки всѣ, такъ или иначе, несчастные люди и всякихъ родовъ неудовлетворенные. Есть между ними игроки (ихъ, впрочемъ, мало), есть забитые жизнью, семейными неудачами, есть философы или идеалисты, которые нашли, что жизнь вездѣ грязь и мерзость, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, эта грязь и мерзость не маскируются, не лгутъ, не напускаютъ на себя того, чего въ нихъ нѣтъ; есть и гордые, замкнутые, умалчивающіе о своемъ происхожденіи и причинахъ, сдѣлавшихъ ихъ босяками; наконецъ, есть озлобленные, склонные къ отрицанію современныхъ формъ жизни. Впрочемъ, озлобленность и неудовлетвореніе есть общая черта всѣхъ босяковъ. Интеллигентные босяки большею частью работаютъ тоже въ гавани, но нѣкоторые изъ нихъ занимаются и чисто-интеллигентнымъ трудомъ: писаньемъ бумагъ, писемъ, уроками у матросовъ и у небогатаго близъ живущаго люда.

Босякъ, повидимому, безпутенъ, не умѣетъ онъ справляться и съ собою, съ своими слабостями и наклонностями и, несмотря на свое внѣшнее нравственное паденіе, на трактирную и пьяную жизнь, онъ гордъ и независимъ и очень оберегаетъ свое достоинство. Это общая черта всякаго городскаго пролетарія. Босякъ не только считаетъ себя честнымъ человѣкомъ, но онъ и въ дѣйствительности

честенъ; какъ бы онъ ни нуждался, онъ не пойдетъ на «художество» и воровать не станетъ. Между настоящими босяками воровъ нѣтъ,—воровствомъ занимаются подростки, получившіе карантинное воспитаніе, и такъ называемые «стрѣлки» или «отпѣтые», которые собственно и не принадлежатъ къ босякамъ, потому что босякъ—рабочій.

Въ Черкасахъ, Кіевской губерніи, босяки организовали даже общину или артель, управляемую выборнымъ старостой. Староста наблюдаетъ за порядкомъ и тишиной во время работы, распредѣляетъ ее между членами общины и дѣлитъ между босяками заработокъ. Староста облеченъ безусловною властью и артель повинуется ему безропотно и безпрекословно. И черкасскій босякъ, подобно одесскому, высоко ставитъ свое достоинство и ревниво оберегаетъ артель отъ всякихъ нареканій. Вора и дурнаго человѣка въ артель не возьмутъ, и если бы на кого-нибудь изъ артели пало подозрѣніе въ кражѣ, то сами же босяки разыщутъ дѣло и произведутъ слѣдствіе. Босяцкая артель есть организація рабочая, а не воровская, и босякъ есть легальный человѣкъ, живущій легальнымъ трудомъ. Воръ поэтому не товарищъ босяку и, самъ ставъ воромъ, онъ пересталъ бы быть босякомъ и уже не могъ бы гордиться тѣмъ, что онъ босякъ.

Факты, служившіе матеріаломъ для этого очерка, я бралъ изъ провинціальныхъ газетъ, и не указывалъ на нихъ только потому, чтобы не построить статьи несущественными ссылками. Ужь, конечно, не самъ же я выдумывалъ эти факты. Свѣдѣнія я имѣлъ лишь за послѣдній годъ; но за время, когда всѣ эти вопросы стали намѣчаться, провинціальная печать собрала такой богатый матеріалъ, что если бы нашелся трудолюбивый человѣкъ, этимъ матеріаломъ желающій воспользоваться и его разработать, то трудъ его принесъ бы громадную пользу не только современному общественному сознанію, но и послужилъ бы ему руководящею нитью для будущаго. Мы теперь опять получили вкусъ къ изслѣдованіямъ о «сухихъ туманахъ», къ русской старинѣ и къ бабушкинымъ сказкамъ и начали замалчивать самые существенные и жизненные вопросы.

Уже не одно поколѣніе, народившееся послѣ освобожденія, трудится надъ разрѣшеніемъ вопроса о личномъ и общемъ. Много для разрѣшенія его было положено труда и теоретическаго и практическаго, и столько при этомъ погибло людей не добившихся ни до какого счастья, что одно время раздался даже въ обществѣ скорбный возгласъ о «пожертвованныхъ поколѣніяхъ». Да исчезло не одно поколѣніе, не рѣшивши этого вопроса даже и для себя, и даже между босяками не мало такихъ, безплодно избившихся, людей. Но только намъ ли считать себя пожертвованными поколѣніями, когда передъ нами тотъ же вопросъ зрѣлъ у народа, сидѣвшаго подъ колпакомъ 250 лѣтъ? Сколько же тутъ пожертвовалось поколѣній? Мы счастливѣе уже тѣмъ, что на нашу долю выпало разрѣшить вопросъ на дѣлѣ и проводить свои разрѣшенія въ жизнь.

Что же мы, однако, разрѣшили или, по крайней мѣрѣ, какъ намѣтили разрѣшеніе? Можно пока сказать одно, что дѣло склонилось въ пользу личнаго, и склонилось однобоко и уродливо. Въ деревнѣ личное начало, въ формѣ ли кулачества, или стремленія къ личной самостоятельности и выдѣленія изъ міра, взяло настолько перевѣсъ надъ общимъ, что «міръ» или пошелъ въ переселеніе и понесъ свою прогрессивную общинную идею на окраины и въ Азію, или же, оставшись на мѣстѣ, настолько оказался подавленнымъ, что вызвалъ въ печати и въ общественномъ мнѣніи сильную тревогу и боязнь за судьбу крестьянской общины. Повидимому, сплоченная община оказалась далеко слабѣе отдѣльныхъ энергичныхъ личниковъ, сильныхъ не только собственною силой, но и сочувствіемъ подобныхъ же имъ сторонниковъ личнаго начала. И, несмотря на всю уродливость теперешняго практическаго разрѣшенія этого вопроса, въ основаніи его лежитъ громадная сила и широкое общественное разрѣшеніе. Конечно, не кулакъ и хищникъ даютъ этой идеѣ содержаніе, но, вѣдь, они и не больше, какъ наросты на слабомъ тѣлѣ. Сила идеи не въ кулакѣ, ломающемся своею мошной, сила идеи—въ гордомъ сознаніи личнаго достоинства, которое она даетъ человѣку. Посмотрите на ободраннаго въ опоркахъ босяка, что заставляетъ его чувствовать свое достоинство, какъ не сознаніе своихъ человѣческихъ правъ на такое же существованіе и на такой же приборъ на пиру, какой стоитъ и передъ всѣми остальными? Каждый босякъ хочетъ быть не только званымъ, но и избраннымъ. Босякъ, преисполненный личнаго гордаго чувства, ужь неизмѣримо почтеннѣе любаго купчины и кулака, не имѣющаго ни малѣйшаго понятія о человѣческомъ достоинствѣ. А босякъ это достоинство не только понимаетъ, но и носитъ въ себѣ. Вотъ въ чемъ громадное прогрессивное значеніе, особенно у насъ, и особенно теперь, идеи личности. У нея, конечно, нѣтъ еще настоящаго, но у нея есть несомнѣнное будущее. Въ настоящемъ же она пока копитъ, собираетъ и роститъ тѣ зачаточные общественные элементы, которые, наконецъ, дождутся своей очереди и займутъ, наконецъ, въ жизни свое мѣсто.

Я знаю, чѣмъ мнѣ возразитъ читатель. Онъ скажетъ, что все это очень хорошо, но пока очень далеко. А, между тѣмъ, въ настоящемъ царитъ хищникъ и кулакъ, человѣкъ наживы и дѣлецъ, и все общее и хорошее гибнетъ въ ихъ поганыхъ рукахъ, какъ только они до него прикоснутся. Это вѣрно; но также вѣрно и то, что не голодъ и бѣдность двигаютъ человѣчествомъ, а двигаютъ имъ только идеи. Безъ идей нѣтъ прогресса и безъ идей нѣтъ идеаловъ.

XXV.

Наша общественная мысль съ каждымъ годомъ обнаруживаетъ все меньше и меньше признаковъ своего существованія. Въ этомъ легче всего убѣдиться изъ новогоднихъ обозрѣній столичныхъ газетъ. Въ всѣхъ нихъ есть одна рубрика: «Наука въ 1887 году», или просто «Наука», въ которой дается систематическій каталогъ сочиненій, явившихся въ году. Нужно думать, что большинство читателей этого каталога не проглядываютъ и они поступаютъ вполнѣ резонно, потому что какой же интересъ читать каталоги? И, тѣмъ не менѣе, эти скучные каталоги, которыхъ никто не читаетъ, представляютъ большой интересъ именно потому, что указываютъ, какую именно «науку» произвелъ русскій умъ въ 1887 г.

Когда освобождали крестьянъ, наша наука заключалась въ изученіи причинъ бѣдности и богатства народовъ, условій силы, могущества и процвѣтанія государствъ. Тогда мы переводили Адама Смита, Рикардо, Штейна, Люи Блана, даже Томаса Мура и Кабэ. Рядомъ съ ними издавался Шлоссеръ, Веберъ, Дарвинъ, Ляйель, Гексли, Спенсеръ, Стюартъ Милль, масса популярныхъ сочиненій по естествознанію, по вопросамъ образованія и т. д. То былъ истинно неизсякаемый родникъ живой воды, въ которомъ каждый могъ утолить свою умственную жажду. Не было вопроса, на который бы тогдашняя наука не дала отвѣта. Все, что имѣло къ русской жизни хотя малѣйшее отношеніе, было изслѣдовано, разъяснено, переведено и напечатано. Казалось, что наши умственные работники хотѣли обезпечить Россію всякими книгами, по крайней мѣрѣ, на цѣлое столѣтіе. Да, кажется, они ее и обезпечили, потому что съ тѣхъ поръ наша «наука» почти совсѣмъ не подаетъ голоса,— по крайней мѣрѣ, ея голоса никто не слышитъ,— такъ что если бы газеты не давали научныхъ обзоровъ, то можно бы подумать, что никакой науки у насъ и нѣтъ.

А, между тѣмъ, она есть, въ чемъ читатель сейчасъ же и убѣдится. Вотъ что, напримѣръ, говорятъ о русской наукѣ въ 1887 году «Русскія Вѣдомости», обзоръ которыхъ отличается наибольшею полнотой. Газета перечисляетъ сочиненія только болѣе крупныя и представляющія наибольшій общій интересъ, и ими оказываются—по математикѣ: «Свойства матеріи», «Опытное изслѣдованіе электрическихъ колебаній въ электролитахъ». Въ области астрономіи слѣдуетъ упомянуть,—говоритъ газета,—о трудахъ русскихъ астрономовъ по фотографированію звѣзднаго неба и объ астрофотометрическихъ наблюденіяхъ (Цераскій: «Астрономическій фотометръ». М., 1887 г.). Въ области химіи центральнымъ органомъ служилъ «Журналъ русскаго физико-химическаго общества». Это очень почтенный журналъ, но въ цѣлой Россіи его читаютъ только сто человѣкъ. Кромѣ весьма цѣнныхъ статей этого почтеннаго журнала, химію обогатили еще и нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, именно: «Изслѣдованіе водныхъ растворовъ по удѣльному вѣсу», «Очеркъ развитія химическихъ воззрѣній», «Анилиды и толуиды глюкозъ», «О пиридиновыхъ соединеніяхъ», «Глицерины или трехъатомные спирты и ихъ производныя».

Я, однако, боюсь дѣлать выписки въ такомъ видѣ, потому что читатель не станетъ ихъ, пожалуй, и читать. Поэтому постараюсь говорить проще. И такъ, химія дала намъ «Анилиды и толуиды глюкозъ». Съ химіей тѣсно связаны технологія и и сельское хозяйство, которыя обогатились тоже разными спеціальными сочиненіями и изслѣдованіями и тоже, конечно, весьма полезными, хотя въ библіотекахъ нашихъ сельскихъ хозяевъ ихъ что-то и не видно. Причина этому, нужно думать, очень простая: сочиненія эти сельскимъ хозяевамъ совершенно не нужны, потому что предназначались почти исключительно заводчикамъ. Зачѣмъ, напримѣръ, сельскимъ хозяевамъ «Практическое руководство къ примѣненію электричества къ промышленности», или «Общія изслѣдованія о кардочесаніи хлопка», или «Изслѣдованіе внутренняго напряженія въ чугунѣ и стали»? Впрочемъ, и для нашего обездоленнаго сельскаго хозяйства «наука» сдѣлала тоже вкладъ, хотя и не очень богатый. Сельскимъ хозяевамъ были даны: «Матеріалы по изученію русскихъ почвъ», «Земледѣльческія машины», «Сельско-хозяйственныя машины», «Объ удобреніи почвъ»—и только.

Но вотъ отдѣлъ болѣе интересный, живой и доступный большему числу читателей—географія. Въ этой области уже начинаетъ обнаруживаться наша любопытная особенность—убѣжать отъ себя, уйти куда-нибудь подальше. Всѣ наши знаменитые путешественники непремѣнно уходили на край свѣта. Г. Юнкеръ отправился на семь лѣтъ въ экваторіальную Африку и создалъ себѣ европейскую извѣстность, что и понятно, потому что намъ экваторіальная Африка совсѣмъ не нужна; г. Потанинъ путешествовалъ въ Гань-су, г. Игнатьевъ—въ горахъ Ханъ-Тенгри, г. Бунге—по Ново-Сибирскимъ островамъ, князь Масальскій—въ пограничной части Карской области, г. Елисеевъ—въ Малой Азіи. Географическое общество издало: «Орографическій очеркъ Памирской горной системы», «Древнѣйшія русла Аму-Дарьи», «Верхнее и среднее теченіе судоходной Аму», «Объ опредѣленіи географической широты по соотвѣтственнымъ высотамъ двухъ звѣздъ». Все это труды несомнѣнно почтенные и высоко научные, потому что, съ одной стороны, касаются или совсѣмъ отдаленныхъ

странъ вродѣ Китая, для котораго наши неутомимые путешественники, конечно, и трудились, или же уводятъ читателя во времена Геродота и Александра Македонскаго. Читатель, напримѣръ, узнаетъ, что Страбонъ, со словъ Аристотеля, который вмѣстѣ съ Александромъ Македонскимъ переправлялся черезъ Оксъ (древнее названіе Аму-Дарьи) вблизи Бактры, а это было за 329 лѣтъ до Р. Х., разсказываетъ, что «Оксъ очень удобенъ для плаванія судовъ». Это свѣдѣніе я взялъ, впрочемъ, не изъ изданія географическаго общества, а изъ другаго («Аму и Узбой»), напечатаннаго въ Самарѣ въ 1879 г. Имя высокаго изслѣдователя хотя и не обозначено, но оно не секретъ. Вообще Аму-Дарьѣ у насъ посчастливилось больше, чѣмъ Волгѣ, о которой, впрочемъ, мы тоже знаемъ, что при Александрѣ Македонскомъ она была удобнѣе для плаванія, чѣмъ нынче.

Вѣроятно, географическому обществу извѣстно, чего стоили путешествія г. Пржевальскаго «въ глубь Азіатскаго материка». Хорошо бы и публикѣ узнать эту цифру. Только изданіе одной экспедиціи въ Тибетъ, въ трехъ тысячахъ экземпляровъ, стоило 14,986 руб. Если бы, вмѣсто Тибета, котораго г. Пржевальскому такъ и не удалось увидѣть, какъ слѣдуетъ, «нашъ неутомимый путешественникъ» изслѣдовалъ бы губерніи Архангельскую, Вологодскую или Олонецкую, или какой-нибудь другой малоизвѣстный край (у насъ и своихъ Тибетовъ не мало), то, по всей вѣроятности, для этихъ малоизвѣстныхъ краевъ явилась бы хотя какая-нибудь польза и, во всякомъ случаѣ, большая, чѣмъ для Тибета, въ которомъ г. Пржевальскій блеснулъ метеоромъ, произвелъ среди китайцевъ переполохъ и долженъ былъ вернуться, потому что его идти дальше не пустили.

Ахъ какъ еще много на свѣтѣ людей, для которыхъ «наука» только въ томъ, что очень далеко по времени или по мѣсту! И у насъ процвѣтаетъ по преимуществу лишь эта наука. На напечатаніе авантюръ и путевыхъ впечатлѣній г. Пржевальскаго въ Тибетѣ и въ верховьяхъ Желтой рѣки мы бросимъ пятнадцать тысячъ, а на полезное изслѣдованіе того, что лежитъ подъ руками и чего мы, все-таки, не знаемъ, мы не дадимъ и пятнадцати копѣекъ. Вотъ одинъ примѣръ изъ множества, и беру я его изъ «Гражданина», который, къ сожалѣнію, всякую простую вещь съумѣетъ испортить какою нибудь скверною инсинуаціей. Для насъ, «образованныхъ» людей, печать составляютъ только тѣ 5—6 газетъ, которыя мы привыкли читать. Между тѣмъ, въ Россіи, кромѣ французской, нѣмецкой и польской печати, есть печать армянская, турецко-татарская, еврейская, грузинская, финская, эстонская, латышская, литовская, даже гилякская, бурятская. Въ одномъ Привислянскомъ краѣ печатается 194 періодическихъ изданій, и между ними русскихъ только три. Въ Варшавѣ издается газетъ больше, чѣмъ въ Москвѣ. Еврейская печать, кромѣ древне-еврейскаго, богата изданіями и на жаргонѣ. Талмудъ печатается въ десяткахъ томовъ и во множествѣ стереотипныхъ изданій; кромѣ того, печатается по-еврейски масса повѣстей, стихотвореній и правоучительныхъ разсказовъ. На турецко-татарскомъ языкѣ печатается арабскимъ шрифтомъ, кромѣ «Корана» и экзегетическихъ на него сочиненій, тоже не мало сочиненій и другихъ родовъ. Существуетъ печать и на тибетско-манджурскомъ языкѣ. Вѣдь, это цѣлый невѣдомый намъ міръ идей и понятій не только религіозныхъ и философскихъ, но и бытовыхъ. Что же мы знаемъ объ этомъ мірѣ, объ его чувствахъ, стремленіяхъ, желаніяхъ, удовлетвореніяхъ или неудовлетвореніяхъ и о той правдѣ, которою онъ живетъ? Если бы мы знали получше этотъ міръ, ужь, разумѣется, мы научились бы и думать правильнѣе и вѣрнѣе судить о нуждахъ и потребностяхъ людей, да нѣсколько поубавили бы и свою обрусительную ретивость. Теперь же мы думаемъ, что только въ одномъ нашемъ окнѣ и свѣтъ, и хотимъ заставить всѣхъ людей смотрѣть въ одно окно. Конечно, по Тибету и по Китаю путешествовать легче и можно свершать чудеса физической неустрашимости, лишь бы Богъ далъ силъ и здоровья, да была бы съ собою хорошая пища. Но на изслѣдованіе 88 національностей, которыя составляютъ Россію, а тѣмъ болѣе на изслѣдованіе того, что и какъ эти національности думаютъ и чѣмъ они живы, прежде всего, нужно знать всѣ эти 88 языковъ. Съ однимъ физическимъ здоровьемъ тутъ многаго не подѣлаешь.

Даже и менѣе ученые и неустрашимые путешественники, чѣмъ г. Пржевальскій, старались держаться подальше отъ Россіи, вѣроятно, потому, что по Россіи можно только ѣздить, а не путешествовать. 1887 г. далъ намъ «Сыръ-Дарьинскую область», «Очерки Кавказа», «По дальнему востоку», «Въ чужихъ краяхъ», «Путешествіе по Монголіи и Китаю», «Египетъ», «Въ Европѣ». Такъ какъ все это путевые очерки туристовъ, ѣздившихъ для отдыха или развлеченія, то было бы несправедливо претендовать, что вмѣсто желанія познакомиться съ «своими краями», они ѣдутъ въ чужіе. Но и здѣсь нельзя не замѣтить, что большинство тяготѣло къ западу, не къ Европѣ, а къ дальнему востоку, къ Монголіи, Китаю, Египту.

Давно уже жалуются у насъ, что книжная торговля падаетъ и что публика читаетъ только вздоры вродѣ «Желѣзнодорожной Библіотеки» и разныхъ легкихъ романовъ. Вѣроятно, читатель еще помнитъ, какъ лѣтъ пятнадцать назадъ наши умственные руководители рѣшили, что нужно отучить публику отъ журналовъ и популярныхъ статей и заставить ее читать книги. Были приняты и соотвѣтственныя тому мѣры. Что же мы теперь видимъ? Популяризація дѣйствительно исчезла, а книгъ, все-таки, не читаютъ; да и какъ ихъ читать? Прежде были Фохтъ, Бюхнеръ, люди несомнѣнно талантливые и умѣвшіе говорить живо о живомъ. Теперешніе же ученые, эти истинные люди науки, не унижаются до популяризаціи, они твердо и незыблемо стоятъ на научной высотѣ и не уронятъ себя для грамотной толпы. И это дѣлается не такъ, не случайно; это цѣлое движеніе мысли, напра-

вившейся въ трущобу и скуку и въ этой трущобѣ полагающей найти истинную науку. Я не отрицаю, что серьезной наукѣ были отданы очень почтенныя научныя силы и что почтенныя силы создали почтенные результаты. Я говорю о томъ, что наше естествознаніе, бывшее нѣкогда общимъ достояніемъ каждаго грамотнаго, теперь взобралось или на вершину Арарата и стало рядомъ съ Ноевымъ ковчегомъ, или опустилось въ преисподнюю и зарылось въ допотопныхъ слояхъ. Изъ того, что далъ 1887 г. по естественнымъ наукамъ, едва ли одинъ обыкновенный грамотный человѣкъ прочелъ хотя одну книгу, развѣ за исключеніемъ талантливыхъ очерковъ г. Кайгородова «Изъ зеленаго царства». Все остальное можетъ привести обыкновеннаго человѣка въ обидное отчаяніе, по своей несокрушимой недоступности. Кто рѣшится прочесть, а, слѣдовательно, и купить: «Очеркъ физико-географическихъ условій Европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды» (книга несомнѣнно хорошая), или «О геологическомъ строеніи Самарской луки» (тоже серьезная работа), или «О генетическомъ сродствѣ нѣкоторыхъ третичныхъ формъ копытныхъ», «Гео-ботаническія или фито-географическія наблюденія», «Къ исторіи развитія гидроидовъ», «Къ вопросу о гермафродитизмѣ у птицъ» (совсѣмъ страшныя названія, способныя нагнать на обыкновеннаго читателя паническій страхъ, какъ «Анилиды и толуиды глюкозъ»), «Матеріалы къ познанію организаціи стерляди» (эту книгу по недоразумѣнію могутъ купить еще буфетчики и повара), «О нервныхъ окончаніяхъ у головастика», «Сравнительная остеологія пингвиновъ», «О возрожденіи утраченныхъ органовъ у пауковъ», «Сравнительно-анатомическое изслѣдованіе хорды у рыбы», «Эмбріологія раздѣльно-полыхъ раковъ», «Изслѣдованіе о строеніи головнаго и спиннаго мозга у амфибій и гадовъ»?

И мысль, направившаяся въ область анализа и изученія частностей, мелочей, малаго, а не большаго, жизни амфибій и пауковъ, а не людей, не есть явленіе случайное. Теперешняя изслѣдующая мысль перешла повсюду отъ общаго къ частному отъ близкаго къ допотопному. Въ этомъ она усмотрѣла свою собственную поправку, такъ сказать, отреклась отъ своего предъидущаго движенія, когда она устремлялась преимущественно въ область обобщеній и отыскиванія общихъ законовъ жизни. Даже знанія, самыя близкія къ интересамъ живыхъ людей, подчинившись этому господствующему движенію, остановились лишь на частностяхъ и отдѣльныхъ вопросахъ, т. е. дали только матеріалъ для будущихъ работниковъ мысли, которые имъ и воспользуются для общихъ выводовъ. И вся работа теперешней мысли есть работа черновая, работа для будущаго, а не для настоящаго. По этнографіи, языковѣдѣнію, исторіи, даже политической экономіи 1887 годъ не далъ ничего, кромѣ матеріаловъ. Какъ назвать иначе такія изслѣдованія или сочиненія, какъ «Цыгане», «Вотяки Сосновскаго края», «Евреи», «Матеріалы для изученія быта и языка бѣлоруссовъ», «Осетинскіе этюды», «Этнографія Кавказа» (это собственно матеріалы для познанія абхазскаго языка)? Или въ области исторіи словесности: «Слово о полку Игоревѣ», «Изслѣдованіе по исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ», многочисленные матеріалы для біографіи Пушкина (по случаю пятидесятилѣтней годовщины его смерти), «Біографія Батюшкова», «Бумаги Жуковскаго», «Матеріалы для біографіи Гоголя». Или по исторіи искусствъ: «Славянскій и восточный орнаментъ», «Исторія византійскаго искусства по миніатюрамъ», «Византійскія церкви Константинополя», «Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства».

Объ археологіи, конечно, говорить не приходится, но и наша исторіографія сдѣлала попытку приблизиться къ археологіи. Исключеніе составляютъ только «Внѣшняя политика Императора Николая I» и «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ». Послѣдняя книга вышла въ 1887 г. третьимъ изданіемъ, чѣмъ и доказала, что наша публика охотно читаетъ то, что представляетъ для нея живой интересъ. Вѣроятно, втораго и третьяго изданія дождется и «Внѣшняя политика Императора Николая I», но за то несомнѣнно, что всему остальному суждено остаться похороненнымъ на полкахъ книжныхъ магазиновъ, а, можетъ быть, даже и въ складахъ издателей, мужеству и патріотизму которыхъ нельзя не удивляться.

Только политическая экономія и статистика дали изслѣдованія исключительно по текущимъ вопросамъ. Тутъ мы имѣемъ: «Экономическую отвѣтственность предпринимателей», «Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ», «Желѣзнодорожные тарифы», «Поземельный кредитъ», «Очеркъ теоріи и политики налоговъ», «Наши финансы и подоходный налогъ», «Статистику государственныхъ финансовъ въ Россіи въ 1862—1884 гг.», сочиненія, несомнѣнно, всѣ почтенныя, но тоже только для читателей исключительныхъ. Для тѣхъ же исключительныхъ читателей собиралась, разрабатывалась и печаталась громадная масса статистическаго матеріала и разныхъ спеціальныхъ изслѣдованій вродѣ «Кустарныхъ промысловъ Нижегородской губерніи», «Опыта статистическаго изслѣдованія о ссудосберегательныхъ товариществахъ».

Весь отдѣлъ политико-экономическихъ и статистическихъ изслѣдованій нельзя и назвать собственно научнымъ. Науки въ немъ нѣтъ ровно никакой, а есть только указанія, имѣющія чисто-практическій характеръ и предназначаемыя исключительно для разныхъ видовъ администраціи: земской, общественной, правительственной. У насъ на это дѣло уходитъ теперь громадная масса силъ, и силъ превосходныхъ — молодыхъ, горячо и съ увлеченіемъ отдающихся изученію всѣхъ сторонъ экономической, трудовой жизни народа и его матеріальныхъ средствъ. Это изученіе есть именно тотъ предохранительный клапанъ, которымъ открывается выходъ въ пространство разнымъ ошибочнымъ соображеніямъ и разсчетамъ на силы и средства страны и кладется возможный предѣлъ несправедливости въ

обложенія. Но, кромѣ этого, статистико-экономическія изслѣдованія имѣютъ еще и прямое практически-руководящее значеніе, потому что просто-на-просто указываютъ на вещи, какъ онѣ есть. Прочитаетъ, напримѣръ, «О крестьянскомъ хозяйствѣ въ Острогожскомъ уѣздѣ», или «О крестьянскомъ хозяйствѣ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ», или «О бытѣ государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края» — мѣстный администраторъ или земецъ, ничего объ этомъ бытѣ и хозяйствѣ никогда не слыхавшій, и узнаетъ то, чего онъ не зналъ. Въ этомъ смыслѣ наши изслѣдователи народно-экономическаго быта являются для теперешняго времени истинно-спасительными маяками, потому что освѣщаютъ путь практическимъ дѣятелямъ и спасаютъ ихъ отъ безплоднаго блужданія въ дебряхъ личныхъ соображеній и изволеній.

И, тѣмъ не менѣе, эти маяки, служащіе непосредственнымъ практическимъ цѣлямъ, не освѣщаютъ горизонта, свѣтъ ихъ падаетъ только подлѣ того мѣста, на которомъ они стоятъ. Положимъ, что статистика и всегда служила практическимъ цѣлямъ, была вспомогательнымъ знаніемъ и ея цифры, какъ сказалъ еще Гёте, «не управляютъ свѣтомъ, а только показываютъ, какъ имъ управляютъ»; но у насъ теперь и экономическая наука превратилась въ статистику, въ маякъ, освѣщающій путь финансовымъ, промышленнымъ и торговымъ руководителямъ. А затѣмъ остальныя «науки» — не больше, какъ мерцающіе фонари, разставленные по какимъ-то далекимъ тропинкамъ, по которымъ никто не ходитъ.

Наша наука очень существенно отличается отъ науки европейской своею неполнотой и урѣзанностью. Въ то время какъ европейская наука удовлетворяетъ всѣмъ жизненнымъ требованіямъ и считаетъ весь міръ своимъ владѣніемъ, наша наука сидитъ въ одномъ уголкѣ и одною своею частью несетъ практическую, служебную роль, а другою изображаетъ «чистую» науку, служа пока неизвѣстнымъ цѣлямъ и открывая хоть какой-нибудь выходъ умственной пытливости. У насъ есть математика, астрономія, химія, физика, исторія (прекращающая свои изслѣдованія сто лѣтъ не доходя до нашего времени), археологія, нумизматика, и въ этихъ наукахъ мы не только сильны, но и имѣемъ пользующихся европейскою извѣстностью ученыхъ и профессоровъ; а затѣмъ начинается загороженное пространство, въ которое наша наука уже и не заглядываетъ. Поэтому ни въ философіи, ни въ общественныхъ знаніяхъ, какъ экономика, политика, соціологія, государственное и народное право, чѣмъ такъ сильна европейская наука и что даетъ ей общій смыслъ, мы не имѣемъ ни одного ученаго, ни одного профессора, ни даже ни одного сочиненія, которые были бы хоть кому-нибудь извѣстны. И европейскіе ученые занимаются головастиками, пауками, раками и амфибіями, но подобнаго рода изслѣдованія не выползаютъ у нихъ на первое мѣсто, а скромно сидятъ въ своихъ узкихъ переулкахъ; во главѣ же всего выступаютъ въ европейскомъ ученомъ мірѣ только общественныя и политическія науки и тѣ общественныя руководящія идеи, которыми собственно и формируется человѣческій смыслъ и люди научаются понимать, для чего они живутъ.

И мало того, что идейность умственнаго движенія научаетъ людей понимать, для чего они живутъ, но они и въ дѣйствительности начинаютъ жить; они и думаютъ шире, и чувствуютъ шире, и наслаждаются жизнью шире, полнѣе, благороднѣе. Весь матеріалъ для ихъ жизни является другой, все умственное творчество расширяется и живетъ иными темами и задачами. Мы же не далеко ушли и въ художественномъ творчествѣ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно нашего драматическаго искусства и театра. Въ петербургскіе театры, какъ говорятъ тамошнія газеты, публика ходила только потому, что ей было некуда дѣваться. Единственная даровитая пьеса, которую было предлагала поставить петербургская театральная дирекція — «Власть тьмы», была тою же дирекціей отложена «въ самое сокровенное мѣсто театральнаго архива». Въ Москвѣ, конечно, было не лучше. Вотъ отзывъ, сдѣланный одной московскою газетой о положеніи нѣкогда образцоваго Малаго театра: «Грустно за этотъ храмъ — памятникъ величаваго прошлаго, за эти подмостки, на которыхъ стройною чередой прошли ряды безсмертныхъ созданій человѣческаго генія, гдѣ теперь свободно разгуливаютъ различные прощалыги современности, неудачные полулюди претенціозной бездарности, именуемой современнымъ драматическимъ творчествомъ».

Если бы я не боялся наскучить читателю, то сдѣлалъ бы выписку изъ книжнаго каталога Базунова за 1869 годъ, чтобы читатель самъ могъ увидѣть, какое изумительное умственное творчество было тогда и насколько скудно творчество теперешнее во всѣхъ безъ исключенія родахъ умственной производительности. И пусть, опускаясь книзу, мы такъ бы и знали и такъ бы и говорили, что опускаемся и глупѣемъ, но нѣтъ; у насъ развелась теперь цѣлая печать, которая увѣряетъ и доказываетъ, что въ одичаніи-то и заключается ростъ, что мы никогда не были болѣе просвѣщены, чѣмъ нынче, никогда не стремились болѣе вѣрнымъ путемъ къ благополучію и процвѣтанію, какъ теперь, и никогда не были такъ самостоятельны умственно и нравственно, какъ освободившись отъ европейскаго вліянія. Все это утверждаетъ наша такъ называемая консервативная печать, которую и слѣдуетъ поставить во главѣ нашего одичанія.

Въ 1887 г. свершилось особенно замѣтное одичаніе ея органовъ, и именно послѣ смерти Каткова. «Новое Время» (въ обзорѣ политической печати) говоритъ, что «теперь, на основаніи прямыхъ наблюденій, можно сказать, что отсутствіе Каткова на поприщѣ русской журналистики осязательно чувствуется не только въ этой скромной области, но и далеко за ея предѣлами». Что касается «предѣловъ», то объ этомъ я не знаю и потому говорить не стану; но что отсутствіе Каткова чувствуется въ области «консервативной» журнали-

стики, это совершенно вѣрно. Чувствуется оно собственно тѣмъ, что Катковъ своимъ авторитетнымъ тономъ и почти оффиціальнымъ характеромъ статей совершенно маскировалъ идейную пустоту остальной охранительной печати.

Можно согласиться и съ другимъ замѣчаніемъ «Новаго Времени», что въ послѣдніе годы своей журнальной дѣятельности Катковъ былъ «редакторомъ русской политической мысли, признававшійся таковымъ оффиціально»; но опять нельзя согласиться, что будто бы «въ качествѣ такого редактора онъ оказалъ нашей журналистикѣ неоцѣненныя заслуги и что всего болѣе Каткову она обязана тѣмъ, что пріобрѣла значеніе, далеко переросшее узкія рамки ея юридическаго положенія».

Все, что принадлежало Каткову лично, то и отошло съ нимъ въ вѣчность. Не русская печать пріобрѣла при Катковѣ значеніе, а онъ самъ придалъ, и то только «Московскимъ Вѣдомостямъ», свое собственное значеніе. Какъ и почему выпало на долю Каткова такое значеніе—неизвѣстно; но за то очень хорошо извѣстно, что едва ли кто-нибудь больше Каткова старался съузить рамки нашей публицистики, и не только ихъ съузить, но даже положить предѣлъ существованію нѣкоторыхъ ея органовъ. Припомните, напримѣръ, его отношеніе къ сибирской печати.

Смерть Каткова, прикрывавшаго своимъ флагомъ умственный грузъ нашей консервативной печати, только покончила оптическій обманъ, такъ долго отводившій всѣмъ глаза. Это все равно, какъ одинъ хорошій актеръ замаскировываетъ бездарность цѣлой труппы. Но со смертью Каткова обнаружилось и еще одно обстоятельство, напоминающее остроту Гейне насчетъ остзейскихъ нѣмцевъ, которые въ Германіи говорили, что они русскіе, а въ Россіи съ такою же гордостью называли себя нѣмцами. Гейне (это было еще при Императорѣ Николаѣ) сравнилъ ихъ съ селедкой, которая плаваетъ въ обширномъ океанѣ и считаетъ океанъ своимъ отечествомъ, а кита соотечественникомъ. Ну, вотъ такими же селедками, считающими кита своимъ соотечественникомъ, оказались и тѣ господа, которые вздумали замѣстить Каткова.

Замѣстители, прежде всего, поспѣшили раздѣлить оставшееся имъ наслѣдство. Кн. Мещерскій, выпускавшій прежде своего «Гражданина» два раза въ недѣлю, превратилъ его въ газету ежедневную, думая этимъ простымъ, чисто механическимъ способомъ забрать въ свои руки бразды газетнаго консерватизма. Но не дремалъ и г. Петровскій. Хотя имя его и не было никому извѣстно, но, тѣмъ не менѣе, онъ отрекомендовалъ себя читателямъ искреннимъ носителемъ духа и мыслей Каткова и сталъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Наконецъ, г. Ѳ. Бергъ, «заполучивъ» «Русскій Вѣстникъ», увезъ его для изданія въ Петербургъ. Такимъ образомъ, отъ огромнаго наслѣдія Каткова не осталось, кажется, ничего не расхищеннаго. Только одного Катковъ не оставилъ своимъ преемникамъ, не оставилъ онъ имъ того, что именно и давало ему силу и значеніе. Этотъ талисманъ онъ унесъ съ собою въ могилу, и, конечно, сдѣлалъ очень хорошо.

Вопреки мнѣнію «Новаго Времени», слѣдуетъ сказать, что Катковъ былъ не нормальнымъ, а исключительнымъ явленіемъ въ нашей журналистикѣ, вовсе не согласнымъ съ общимъ ходомъ дѣлъ. Можетъ быть, онъ даже и хорошо сдѣлалъ, что умеръ во-время, потому что непремѣнно наступила бы пора, когда онъ былъ бы отозванъ отъ «редакторства русской политической мысли». Это должно было случиться частью по личнымъ качествамъ Каткова, а частью потому, что онъ отыгралъ бы свою роль. Подобный примѣръ былъ еще и до Каткова. Печать шестидесятыхъ годовъ была тоже большою силой и къ голосу ея (по внутреннимъ вопросамъ, которые тогда стояли на первомъ планѣ) прислушивалось правительство, мнѣніемъ ея руководились люди власти, а обыкновенная публика ужь и совсѣмъ училась у нея (послѣдняго значенія Катковъ никогда не достигалъ, да за нимъ онъ, пожалуй, и не гнался, потому что видѣлъ въ публикѣ «улицу»). Затѣмъ, когда въ услугахъ печати шестидесятыхъ годовъ не усмотрѣлось больше надобности и возникли иные вопросы и между ними съ особенною силой выступилъ вопросъ польскій, Катковъ пошелъ вверхъ, а печать шестидесятыхъ годовъ пошла внизъ. Это было одновременное расходящееся движеніе; разстояніе увеличивалось все болѣе и болѣе и когда Катковъ достигъ своего апогея, либеральная печать уже стлалась совсѣмъ на землѣ. Таково было видимое положеніе вещей.

Дѣйствительное же положеніе вещей было другое. Катковъ, въ сущности, вовсе не возвеличивалъ значеніе нашей консервативной печати, какъ это думаютъ ея сторонники. Напротивъ, онъ только подтвердилъ тысячный разъ давно извѣстную истину, что консерваторы всегда были бѣдны талантами и способными людьми. А такъ какъ одна ласточка весны еще не дѣлаетъ, то Катковъ, сойдя со сцены, только помогъ лучше разсмотрѣть пустоту, которая послѣ него осталась. Въ 1887 году московская журналистика лишилась трехъ своихъ столповъ: Каткова, Аксакова (умеръ въ 1886 г.) и Гилярова-Платонова и ихъ вакансіи заняли кн. Мещерскій, г. Петровскій и Ѳ. Бергъ. Если бы у консервативной печати имѣлись лучшіе представители, ужь, конечно, они бы и явились. Очевидно, что «московское направленіе» въ рукахъ гг. Мещерскаго, Петровскаго и Берга прежнимъ остаться уже не можетъ и пойдетъ къ своему вырожденію.

Когда это бывало, чтобы «Московскія Вѣдомости» предавались унынію и впадали въ меланхолію? Онѣ всегда уподоблялись бурному потоку, ворочающему каменья и вырывающему деревья съ корнями, а нынче въ новогоднемъ нумерѣ они журчатъ ручейкомъ, тоскливо текущимъ въ невѣдомую и пугающую даль. Меланхолія «Московскихъ Вѣдомостей» происходитъ, прежде всего, отъ сознанія собственнаго безсилія: «могущественный центръ единенія умовъ въ нашемъ отечествѣ (Катковъ) исчезъ, а, между тѣмъ, ни въ чемъ такъ не нуждаемся мы нынѣ, какъ въ центрахъ, способныхъ

соединять нашу въ разбродъ идущую общественную жизнь», говоритъ газета. И затѣмъ рисуетъ такую картину разброда: «самые невѣроятные слухи, выдумки, фальшивыя, сочиненныя извѣстія передаются какъ достовѣрныя. На чемъ-нибудь положительномъ нельзя соединить трехъ людей. Но за то нѣтъ ничего легче, какъ соединить голоса на чемъ-нибудь отрицательномъ. На каждый мотивъ недовольства можно мгновенно собрать тысячи людей. Нынѣ только и слышатся эти мотивы». И знаете-ли гдѣ? Въ московскихъ и петербургскихъ гостиныхъ знатныхъ и богатыхъ людей и даже въ праздничной блестящей публикѣ Невскаго проспекта. «Все это люди недовольные, не имѣющіе другихъ рѣчей, кромѣ порицанія и жалобъ: и на климатъ, и на воздухъ, и на воду, и на всѣ физическіе, нравственные, общественные и государственные порядки». И кто же эти порицатели? (Вотъ тутъ-то «Московскія Вѣдомости» и впадаютъ въ меланхолію и есть отчего). Порицателями и недовольными являются какъ разъ тѣ люди, «все существованіе коихъ зиждется на этихъ порядкахъ и которые прежде всѣхъ поплатились бы при измѣненіи этихъ порядковъ». Дѣйствительно, есть о чемъ подумать. И «Московскія Вѣдомости», подумавъ, рѣшили, что все это происходитъ отъ «колеи туманныхъ понятій», въ которой, конечно, прежде всего, находятся сами «Московскія Вѣдомости». Вѣдь, еслибъ у нихъ былъ путеводный фонарь, они, прежде всего, постарались бы зажечь его и повели бы московскія и петербургскія гостиныя знатныхъ и богатыхъ людей и всѣхъ тѣхъ, «существованіе коихъ зиждется на «этихъ» порядкахъ», туда, «куда указываетъ трезвая мысль». Но вся бѣда въ томъ, что ни фонаря, ни «трезвой мысли» у г. Петровскаго нѣтъ, такъ что онъ съ отчаяніемъ восклицаетъ: «можно подумать, что только одни наши враги знаютъ, чего хотятъ!»

Не имѣется никакого фонаря и у «Гражданина», но за то онъ замѣняетъ его мужествомъ развязности, за которое «Московскія Вѣдомости» и обозвали князя Мещерскаго «шутомъ», а его «благонамѣренныя чувствованія»—«гремушками и свистульками». Съ княземъ Мещерскимъ невозможенъ ни серьезный разговоръ, ни серьезная полемика. Если ему замѣчаютъ, что онъ говоритъ глупости, онъ сейчасъ же надѣваетъ полицейскую шапку и составляетъ протоколъ. Такъ онъ поступилъ нынче и съ «Вѣстникомъ Европы». Замѣчанія этого журнала онъ не принимаетъ лично на себя, онъ сейчасъ отождествляетъ себя съ «русскими народными началами и основами государственнаго бытія, на защиту и служеніе которымъ посвятилъ всецѣло свою многолѣтнюю общественную дѣятельность», и вмѣсто всякаго отвѣта составляетъ актъ, въ которомъ обвиняетъ «Вѣстникъ Европы» по 250 ст. Уложенія о наказаніяхъ. Между тѣмъ, если бы кн. Мещерскій читалъ внимательнѣе своего «Гражданина» и понималъ бы всѣ корреспонденціи, которыя печатаетъ, то ему пришлось бы повторить то же, что сказали новогоднія «Московскія Вѣдомости». Но князь Мещерскій и тутъ остался вѣренъ своимъ полицейскимъ замашкамъ. Онъ, напримѣръ, очень неблаговидно переворачиваетъ весь смыслъ замѣчанія «Вѣстника Европы», что въ извѣстной мерзкой полемикѣ «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей» перевѣсъ остроумія и колкости остался несомнѣнно на сторонѣ московской газеты и что было время, когда редакторъ «Гражданина» шелъ рука объ руку съ Катковымъ, а съ «Московскими Вѣдомостями» у него было трогательное единодушіе. «Если это такъ,—говоритъ кн. Мещерскій,—то, стало быть, не *все* (курсивъ князя Мещерскаго) изъ прежнихъ статей московской газеты *осталось налицо и теперь* (курсивъ его же); стало быть, сохранился только призракъ внѣшняго подобія этихъ статей, а самая суть измѣнилась... до полной противоположности...» «Не поздоровится г. Петровскому отъ этакихъ похвалъ!»—прибавляетъ князь Мещерскій. Но едва ли князь Мещерскій сдѣлается здоровѣе, если онъ, поступая такимъ образомъ, думаетъ, что служитъ народнымъ началамъ и основамъ государственнаго бытія. И народныя начала, и государственное бытіе требуютъ отъ людей, прежде всего, честности и порядочности. Князь Мещерскій же обвинилъ г. Петровскаго въ томъ, что онъ измѣнилъ «Московскія Вѣдомости» въ самой ихъ сути, до полной противуположности, только для того, чтобъ объявить, что не г. Петровскій есть истинный преемникъ духа и мыслей Каткова, а онъ, князь Мещерскій. Подождите, князь Мещерскій составитъ еще противъ г. Петровскаго и обвинительный актъ по 250 ст. Уложенія.

Ужъ лучше бы, князь Мещерскій, вы поступили бы какъ г. Ланинъ. Онъ тоже заявилъ права на богатое наслѣдство Каткова и ощутилъ въ себѣ его духъ и мысли (должно быть, это очень легко). Въ объявленіи объ изданіи въ 1888 г. «Русскаго Курьера» онъ такъ прямо и говоритъ, что не г. Петровскій, не теперешнія «Московскія Вѣдомости» воспріяли въ себя преемственно духъ Каткова, а онъ, г. Ланинъ, поэтому онъ, Ланинъ, есть истинный продолжатель дѣла Каткова и истинный стражъ русскихъ и славянскихъ интересовъ. «Мысли наши и сердца наши преисполнены чувствами искренняго патріотизма... Историческіе русскіе завѣты и чувства единства національнаго духа съ единоплеменными и единокровными народами славянскими заставляютъ насъ зорко слѣдить за судьбами славянства... Смерть славныхъ московскихъ публицистовъ заставила насъ особенно ревниво встать при исполненіи своихъ обязанностей». А чтобы у будущихъ подписчиковъ «Русскаго Курьера» не оставалось бы на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, г. Ланинъ объявляетъ, что съ 1887 г. къ газетѣ его прибавилось до 650 строкъ, что въ текстѣ, кромѣ объявленій, до 3,000 строкъ, что для печатанія газеты устроена типографія съ усовершенствованными машинами и аппаратами, что имъ, Ланинымъ, куплена (жаль, что неизвѣстно за сколько) англійская скоропечатная машина «Викторія», печатающая и фальцующая 10,000 экземпляровъ газеты въ часъ, что бумага, по осо-

бому заказу, получается съ фабрики Кувшинова, что для разсылки газеты въ провинцію имѣется экспедиторъ, а для Москвы артель разнощиковъ, наконецъ, что онъ, Ланинъ, «состоятельный человѣкъ и представляетъ, поэтому, для подписчиковъ прочную гарантію въ цѣлости ихъ подписныхъ денегъ». Все это—неумѣло, глупо и чисто по-охотнорядски, но за то вы знаете, что тутъ «коммерція»—и только. И, все-таки, было бы лучше, если бы кн. Мещерскій поступалъ только по-охотнорядски, чѣмъ кричать при всякомъ случаѣ «слово и дѣло».

Я напомню кн. Мещерскому одинъ фактъ, о которомъ онъ, вѣроятно, читалъ въ «Недѣлѣ». Въ одномъ городѣ жили два фельетониста: одинъ изъ нихъ состоялъ при газетѣ, а другой былъ безъ мѣста. И вотъ этотъ второй фельетонистъ рѣшилъ въ сердцѣ своемъ, что онъ спихнетъ своего собрата и займетъ его мѣсто. Для этого онъ сначала прибѣгнулъ къ разнымъ домашнимъ средствамъ, а такъ какъ домашнія средства ни къ чему не привели, то онъ взялъ перо, настрочилъ на своего противника ложный доносъ, подписалъ его ложною фамиліей и отослалъ къ мѣстному градоправителю. Градоправителемъ оказался человѣкъ разсудительный и справедливый. Поэтому, прежде чѣмъ сдѣлать «распоряженіе», онъ позвалъ къ себѣ обвиняемаго для объясненій и показалъ ему «доносъ». Обвиняемый, по почерку, узналъ своего собрата... и затѣмъ послѣдовало нѣчто для автора доноса совершенно неожиданное. Мѣстные литераторы собрали противъ него неопровержимыя доказательства, онъ сознался, плакалъ и просилъ прощенія.

Въ этихъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не съ чувствами приходится имѣть дѣло, а съ понятіями. Вѣдь, любовь, справедливость, совѣсть, стыдъ—не въ сердцѣ, а въ головѣ, и въ пустопорожнихъ головахъ ихъ искать безполезно. Это все элементарныя понятія, которыхъ если не пріобрѣтешь наукой, то въ сердцѣ ихъ не найдешь.

Но гдѣ же эта наука, которая бы учила насъ элементарнымъ общественнымъ понятіямъ и учила бы думать по справедливому? Она у насъ далась только отдѣльнымъ, болѣе пытливымъ и умнымъ людямъ. И воспитала этихъ избранныхъ счастливцевъ не наука о головастикахъ и паукахъ, ихъ учила не та политическая экономія или статистика, которыя роются только въ текущихъ фактахъ, и не та исторіографія, которая остановилась на родословіяхъ, и не та юриспруденція, которая не пошла дальше уголовнаго права и изслѣдованія тѣлесныхъ наказаній,—ихъ воспитала та наука, которая учитъ понимать нужды и потребности отдѣльныхъ людей и человѣческихъ обществъ, которая устанавливаетъ законы справедливыхъ человѣческихъ отношеній. И за этою наукой имъ приходилось идти дальше родной школы и читать дальше того, на чемъ остановились творцы отечественной науки.

Но эта болѣе далекая и трудная наука не для серединныхъ головъ, въ которыхъ вмѣщаются только извѣстныя понятія,—все равно, какъ есть люди, которые учатся хорошо въ низшихъ школахъ и никакъ не могутъ одолѣть университетскаго курса. Вотъ эти-то серединные люди и составляютъ запасъ, изъ котораго черпаютъ себѣ сотрудниковъ и редакторовъ такія изданія, какъ «Московскія Вѣдомости», «Гражданинъ», «Лучъ». Обыкновенно это недоучки, блуждающіе, по выраженію г. Петровскаго, въ «колеѣ туманныхъ понятій». Въ видѣ образчика этого блужданія я укажу на самого г. Петровскаго, который ради умиротворенія нашихъ университетовъ придумалъ раздѣлить ихъ на роты, дать ротамъ военныхъ начальниковъ по назначенію военнаго министра (а министра народнаго просвѣщенія, вѣроятно, упразднить?), въ помощь къ нимъ придать необходимое число унтеръ-офицеровъ, барабанщиковъ и горнистовъ, а студентовъ обязать служить въ этихъ ротахъ 4 года. Очевидно, что г. Петровскій блуждаетъ ужь внѣ всякой колеи, если не понимаетъ разницы между полкомъ и университетомъ.

Отыскивать блужданія кн. Мещерскаго въ «колеѣ туманныхъ понятій» просто ужь и не хочется, скучно. Впрочемъ, укажу на одинъ фактъ: «Есть ли въ Россіи,—печатаетъ онъ у себя въ «Гражданинѣ»,—хотя одинъ мало-мальски грамотный гимназистъ, который бы не зналъ имени Дарвина и въ чемъ состоитъ сущность его знаменитой теоріи?.. Если въ Россіи нѣтъ гимназиста, который бы не имѣлъ понятія о Дарвинѣ, то, съ другой стороны, нѣтъ и профессора, который бы имѣлъ ясное понятіе о Николаѣ Яковлевичѣ Данилевскомъ; а, между тѣмъ, этотъ, почти никому невѣдомый въ Россіи ученый, въ своей никѣмъ почти не читаемой книгѣ «Дарвинизмъ» до основанія разрушилъ теорію Дарвина—не болѣе и не менѣе!» И этотъ-то вздоръ печатаетъ у себя кн. Мещерскій и совершенно серьезно въ него вѣритъ. И нельзя сказать, чтобы у кн. Мещерскаго не было ни ума, ни таланта,—все это въ малой степени у него есть, такъ что за границей его бы и взяли въ сотрудники какого нибудь «Gartenlaube», но у насъ онъ пѣнится и шумитъ и величаетъ себя носителемъ и охранителемъ народныхъ началъ и основъ государственнаго бытія. Возражая «Новостямъ», которыя въ новогоднемъ нумерѣ сказали, что наши либералы приняли теперь на себя роль охранителей и что къ активной роли нашъ консерватизмъ неспособенъ, кн. Мещерскій говоритъ, что консерватизмъ вовсе не исключаетъ прогресса. Это совершенно справедливо, но только тутъ рѣчь о другомъ. Рѣчь исключительно о томъ, къ чему способны гг. кн. Мещерскій, Петровскій, Окрейцъ, Ѳ. Бергъ и имъ подобные представители нашей такъ называемой консервативной печати. Рѣчь о томъ, что по способностямъ, талантамъ и образованію на своемъ ли они мѣстѣ, или не на своемъ? Кн. Мещерскому, конечно, извѣстно, что консервативнымъ органомъ въ англійской печати есть «Times». Теперь пускай тотъ же кн. Мещерскій представитъ себѣ, что онъ, гг. Петровскій, Бергъ, Окрейцъ и всѣ ихъ сотрудники замѣнятъ редакцію «Times» и начнутъ свой дебютъ съ того, что г. Петровскій

предложитъ англійскіе университеты превратить въ пѣхотные полки, кн. Мещерскій вмѣстѣ съ Н. Я. Данилевскимъ (не смѣшивайте съ Г. П. Данилевскимъ, романистомъ) и Н. Н. Страховымъ примутся «разрушать до основанія теорію Дарвина», потомъ дадутъ рядъ статей противъ свободы печати (въ «Мысляхъ русскаго читателя» «Гражданинъ» въ № 4 высказываетъ подобное желаніе относительно печати «подвластныхъ намъ языковъ», т.-е. относительно всего того, что печатается у насъ по-армянски, турецки, еврейски, грузински, фински, эстонски, латышски, гилякски, бурятски,—иначе, на всѣхъ живущихъ въ Россіи 88 языкахъ). Какъ полагаетъ кн. Мещерскій, что скажутъ англичане, прочитавъ подобный нумеръ «Times'а», какъ они назовутъ его новаго редактора: консерваторомъ или обскурантомъ, и найдутъ ли они возможнымъ для достоинства Англіи, чтобы подобный редакторъ руководилъ консервативною журналистикой и присвоивалъ бы себѣ громкій титулъ «носителя и охранителя народныхъ англійскихъ началъ и основъ англійскаго государственнаго бытія»? Кн. Мещерскій скажетъ, что консерватизмъ есть понятіе условное и, такъ сказать, мѣстное, но это неправда. Россія—страна европейская, и потому для нея не можетъ быть и другаго консерватизма, кромѣ европейскаго, т.-е. ей нужны и школы, и университеты, и широкое развитіе образованія для всѣхъ сословій, и возможность для всесторонняго матеріальнаго и умственнаго развитія, и умная консервативная печать, которая бы умѣла это понимать, какъ это и есть въ Европѣ.

Вотъ, читатель, каковы дѣла нашей печати. Приходится тратить и время, и силы на то, чтобы доказывать, что земля движется вокругъ солнца и что тьма не есть свѣтъ. Но что же дѣлать, когда 1887 годъ далъ такіе итоги, которые заставляютъ толковать объ азбучныхъ истинахъ, точно онѣ народились вчера? Смерть Каткова дѣйствительно самое крупное событіе прошлаго года. Наступила какъ будто бы тишина, въ воздухѣ какъ бы поприутихло и въ природѣ поуспокоилось. Но эта тишина внѣшняя и обманчивая и никакого удовлетворенія жизни и мысли она не приноситъ. Катковъ, правда, умеръ, и съ нимъ умерло все внѣшнее значеніе московско-консервативной печати. Теперь ни съ г. Петровскимъ, ни съ г. Бергомъ, ни съ княземъ Мещерскимъ иностранная политическая печать считаться не станетъ. Но за то теперь приходится больше бояться за серединнаго русскаго читателя и за читающіе низы. Прежнія «Московскія Вѣдомости» до низовъ не доходили: Катковъ писалъ только для слоевъ высокихъ. Новыя же птицы, принявшія его наслѣдіе, запоютъ вульгарныя пѣсни, станутъ наигрывать на дурныхъ инстинктахъ, которые имъ и самимъ-то ближе и понятнѣе, и откроютъ погоню за подписчикомъ, кто бы онъ тамъ ни былъ. И пойдетъ популяризація такъ называемыхъ «народныхъ началъ» или, попросту сказать, одичанія.

Трудно сказать, гдѣ это одичаніе идетъ быстрѣе, въ столицахъ или въ провинціи. Въ столицахъ оно только менѣе замѣтно, потому что тамъ имѣется болѣе суррогатовъ жизни въ видѣ всякихъ родовъ сборищъ и внѣшняго движенія: театровъ, концертовъ, танцовальныхъ вечеровъ, уличной суеты. Къ этому, столичные люди выработали уже себѣ болѣе или менѣе европейскій обликъ и культурный обиходъ. Но, въ сущности, и въ столицахъ, и въ провинціи въ такъ называемомъ обществѣ почти совсѣмъ незамѣтно въ обращеніи общественныхъ идей. Даже въ такихъ домахъ, гдѣ прежде совсѣмъ не знали картъ, завелся теперь винтъ. Говорить о чемъ-нибудь, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ городскихъ происшествій, считается какъ-то страннымъ, даже неумѣстнымъ и глупымъ. И въ самомъ дѣлѣ: всѣ умы за карточными столами заняты карточными комбинаціями, а вы вдругъ выпалите какою-нибудь общею идеей! И общіе разговоры все больше и больше выходятъ изъ употребленія, развѣ подъ видомъ общественной новости разскажутъ вамъ, что такое-то лицо назначило на каѳедру фармакогнозіи профессора фармакологіи и когда ему доложили, что это совсѣмъ не то, лицо отвѣтило: «ну, все равно, пускай читаетъ».

Негодовать за все это на общество совсѣмъ нѣтъ причины. Общество всегда общество. Оно всегда, прежде всего, практично, и потому каждый ищетъ удовлетворенія въ возможномъ, въ томъ, что ему дается и что онъ можетъ взять. Поэтому же, чѣмъ меньше открыто для каждаго возможностей думать объ общихъ дѣлахъ, тѣмъ онъ о нихъ станетъ и думать меньше, а, наконецъ, и совсѣмъ перестанетъ и потеряетъ всякую связь между своимъ личнымъ и чужими или общими интересами. Только въ этомъ, вѣдь, и одичаніе. Но на кого же тутъ негодовать?

Вотъ, со словъ «Южнаго Края», «Гражданинъ» разсказываетъ, что одно изъ засѣданій харьковскаго губернскаго собранія никакъ не могло состояться, потому что гласные убѣгали постоянно играть въ карты. А шелъ, видите ли, очень важный докладъ—«объ отвѣтственности сельскихъ обществъ за потравы», и нужно было перебаллотировывать двѣнадцать предложеній. Послѣ каждой перебаллотировки гласные сбѣгали въ сосѣднюю комнату и принимались за винтъ, ихъ опять приводили, они опять сбѣгали и предсѣдатель до того усталъ отъ своей неуспѣшной охоты за гласными, что, наконецъ, закрылъ собраніе. «Кажется, достаточно характерно отношеніе гласныхъ къ общественнымъ дѣламъ!»—восклицаетъ «Гражданинъ». Нисколько не характерно. Во-первыхъ, дѣло идетъ всего объ одномъ докладѣ, содержанія котораго «Гражданинъ» совсѣмъ не знаетъ, хотя и называетъ его «въ высшей степени важнымъ и затрогивающимъ интересы всѣхъ сельскихъ хозяевъ». Въ томъ и вопросъ, какъ онъ ихъ затрогивалъ. Если бы онъ затрогивалъ интересы гласныхъ больше, чѣмъ винтъ, они, конечно, не стали бы сбѣгать, а если сбѣгали—значитъ «высшей степени важности» въ немъ не было. Положимъ, что эта важность и была. Но, вѣдь, земскія дѣла вообще и еще важнѣе, чѣмъ харьковскій докладъ о потравахъ, отчего же наи-

болѣе извѣстные земскіе дѣятели стали удаляться отъ земскихъ дѣлъ и тоже въ нѣкоторомъ родѣ сбѣгать въ сосѣднюю комнату, чтобы заниматься личными дѣлами? Обвиняйте сколько хотите этихъ дѣятелей въ недостаткѣ «гражданскаго мужества», въ «характерномъ отношеніи къ общественнымъ дѣламъ», — земское дѣло отъ этого не подвинется впередъ ни на одинъ шагъ и охлажденіе останется, все-таки, охлажденіемъ.

Да и откуда бы взяться общественному воодушевленію, если люди живутъ, напримѣръ, такимъ образомъ? Возьмемъ хотя Вильну, городъ очень удобный для примѣра, потому что это бывшая столица, былой центръ умственной, общественной и политической жизни нѣкогда очень оживленнаго цѣлаго края. Вотъ что объ этой бывшей столицѣ пишетъ корреспондентъ одной петербургской газеты, которую я назову послѣ. Въ Вильнѣ живетъ около 40 тыс. евреевъ, около 35 тыс. поляковъ, 15 тыс. русскихъ и затѣмъ иностранцы, преимущественно нѣмцы. Русскіе, т.-е. интеллигентное русское общество состоитъ изъ военныхъ и чиновниковъ. Чиновники знаютъ только свою службу и въ ней (а для тѣхъ, у кого есть семья, такъ и въ семьѣ) заключаются всѣ интересы жизни. «Нѣтъ у нихъ,—говоритъ корреспондентъ,—такихъ вопросовъ, такой злобы дня, которая бы въ одно время волновала одинаково, напримѣръ, чиновника казенной палаты и члена окружнаго суда». Есть въ Вильнѣ клубъ и онъ какъ бы соединяетъ всѣ слои виленскаго общества, но только за карточными столами. Есть «кружокъ любителей драматическаго искусства», но этотъ центръ, какъ подобные центры и во всѣхъ другихъ городахъ, служитъ средствомъ для забавы людей праздныхъ и сытыхъ и «искусство» тутъ только предлогъ. Есть еще «офицерское собраніе», но оно только для военныхъ, которые держатъ себя совершенно въ сторонѣ отъ «штатскихъ». Поляки, какъ говоритъ корреспондентъ, совсѣмъ куда-то попрятались, «ушли въ свои норы», совершенно отдѣлились отъ русской части населенія и держатъ себя настолько осторожно, что на улицѣ или въ публичномъ мѣстѣ не говорятъ даже по-польски. О внутренней жизни поляковъ, т.-е. объ ихъ умственныхъ и общественныхъ интересахъ, корреспондентъ не говоритъ ни слова. Очевидно, что объ этомъ онъ ничего не знаетъ и имѣетъ возможность наблюдать поляковъ только на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ. Наконецъ, еврейское населеніе Вильны и иностранцы живутъ исключительно своими дѣловыми интересами.

Что же соединяетъ это разноплеменное и разнохарактерное общество, какія общія идеи, общія стремленія, общія задачи? Да ничего. Ни нравственной, ни матеріальной, ни духовной связи нѣтъ у этого стотысячнаго населенія. Только и есть общаго, что люди живутъ въ одной городской чертѣ, а иногда въ одномъ дворѣ, рѣдко подъ одною крышей (все это говоритъ корреспондентъ), ходятъ за провизіей на одинъ и тотъ же базаръ и гуляютъ по однѣмъ и тѣмъ же улицамъ. И тихо, и безшумно течетъ жизнь виленцевъ изо дня въ день. Сегодня, какъ вчера, а завтра, какъ сегодня, нѣтъ у нихъ общественныхъ интересовъ, никакихъ «злобъ дня», ни тревогъ, ни волненій, даже болѣе выдающихся преступленій въ городѣ не свершается, точно у людей до того вымерло все нутро, что исчезли человѣческія страсти. А если вымерло у людей нутро, то какой же ждать отъ нихъ общественной жизни? И «такихъ событій, которыя волновали бы общественные умы, хотя бы и провинціальнаго муравейника, — таковыхъ въ Вильнѣ совсѣмъ нѣтъ, и по очень простой причинѣ, ибо самаго *общества* (курсивъ корреспондента) въ широкомъ значеніи этого слова тутъ тоже нѣтъ, такъ-таки совсѣмъ нѣтъ». Есть, правда, въ Вильнѣ городское общественное управленіе или, по-просту, городская дума, и, казалось бы, хоть городскіе интересы, болѣе живые и серьезные, могли бы связать людей, но такъ какъ и въ обыденной жизни интересы разныхъ группъ населенія Вильны расходятся, то и въ думѣ представители этихъ группъ тоже ни въ чемъ сойтись не могутъ.

Въ самомъ дѣлѣ прискорбное положеніе, и тѣмъ болѣе прискорбное, что всѣ эти свѣдѣнія о виленской общественной жизни я взялъ изъ «Гражданина». А, вѣдь, когда-то люди и радовались, и стремились къ чему-то, и жили не этою мертвою жизнью. Я тоже помню Вильну. Правда, это было очень давно. Тогда Вильна была столицей края. И теперь корреспондентъ «Гражданина» зоветъ Вильну столицей сѣверо-западнаго края. Не знаю, иронически ли онъ ее такъ называетъ. Кажется, нѣтъ.

Корреспондентъ говоритъ, что онъ видѣлъ много провинціальныхъ городовъ Россіи, но болѣе мертваго, какъ Вильна, не знаетъ. Но это сказано просто для сгущенія красокъ. Возьмите хоть Казань, тоже большой городъ, да еще и университетскій. Посмотрите, что разсказываетъ о ней г. Миролюбовъ въ новогоднемъ нумерѣ «Волжскаго Вѣстника». Скука, скука и скука, — говоритъ онъ, — скука, дошедшая до того, что стрѣляются, вѣшаются и отравляются юноши, едва вступившіе на путь жизни, стрѣляются, вѣшаются и отравляются почтенные отцы и матери семействъ, кончаютъ разсчеты съ жизнью старцы, дни которыхъ и безъ того уже сочтены неумолимыми Парками»... И г. Миролюбовъ, говоря это, не желаетъ ни поразить воображеніе читателя, ни напустить мрачныхъ красокъ. Онъ просто беретъ статистическіе факты изъ «Лѣтописи казанской жизни» за послѣднія пять лѣтъ, помѣщенной въ «Календарѣ Волжскаго Вѣстника». Скука, разъѣдающая казанскую жизнь, проникла повсюду и занесла въ казанскія общественныя учрежденія — въ думу, въ земство—мертвящую апатію. Важные вопросы остаются въ сторонѣ, и мельчающая мысль, лишенная всякой энергіи, толчется на мѣстѣ и тратитъ свои силы на пустяки. Люди толкуютъ битые часы о какомъ-то «школьномъ клопѣ» необычайныхъ размѣровъ, якобы обнаружившемся въ одномъ изъ уѣздовъ губерніи. Ну, а, напримѣръ, такой фактъ отчаянія, доходящій до вандализма, приво-

димый г. Миролюбовымъ? Что могло создать его, какими идеями и чьими уроками онъ могъ воспитаться? Въ ресторанѣ Чернаго Озера подгулявшая компанія молодыхъ людей, «порядочныхъ и интеллигентныхъ», провозгласила и пѣла «вѣчную память» князю Бисмарку и маститому германскому императору. И это не гдѣ-нибудь за угломъ или въ четырехъ стѣнахъ,—нѣтъ, публично, въ публичномъ мѣстѣ, въ присутствіи общества нѣмцевъ, бывшаго тутъ же въ ресторанѣ. Это что такое? Плоды проповѣдей о патріотизмѣ или чтенія политическихъ газетъ? Да, есть тутъ и ихъ плоды, плоды той развязности, съ какою нѣкоторыя наши газеты низкопробнаго пошиба позволяли себѣ неприличную брань противъ политическихъ недоброжелателей Россіи. Это, вѣдь, очень наклонная плоскость,—только стоитъ разъ на нее встать, и быстро покатишься книзу, если ничто не тянетъ кверху. Вотъ мы и катимся.

Хорошо бы узнать, какъ трактирное общественное мнѣніе отнеслось къ провозгласившимъ вѣчную память,—встрѣтило ли оно протестъ, или одобреніе и въ чемъ этотъ протестъ выразился. Хотя г. Миролюбовъ и ничего не говоритъ объ этомъ, но есть основаніе предполагать, что провозгласители чувствовали подъ ногами почву. А что подобная почва у насъ вообще приготовляется, читатель усмотритъ изъ слѣдующаго. Въ Петербургѣ у мирового судьи разбиралось дѣло по жалобѣ русскаго на нѣмца, будто бы оскорбившаго русскаго (кто эти «русскій» и «нѣмецъ», въ «Новостяхъ» не сказано). Въ пивной или трактирѣ «нѣмецъ» обидѣлъ русскаго тѣмъ, что свою бутылку поставилъ на его столъ или его бутылку на свой (что-то вродѣ этого), и произошла ссора, а затѣмъ русскій подалъ мировому жалобу. Мировой предложилъ противникамъ помириться. «Нѣтъ, я не могу»,—отвѣтилъ русскій.—«Отчего же вы не можете?»—«*По принципу* не могу. Какъ же это онъ, нѣмецъ, да смѣлъ обидѣть меня, русскаго, у меня дома, въ Россіи!» Мировой, однако, еще разъ предложилъ примиреніе. «Хорошо, я готовъ его простить,—отвѣтилъ русскій,—если онъ заплатитъ мнѣ десять рублей».—«Какъ же десять рублей? Вѣдь, вы говорили, что по принципу».—«Ну, да, я, можетъ быть, ихъ и пожертвую въ благотворительныя учрежденія»,—отвѣтилъ обиженный. Примиреніе состоялось на трехъ рубляхъ, которые обиженный и спряталъ въ свой карманъ. Все это не глупо и не смѣшно, а, напротивъ, очень серьезно. Очевидно, что «идеи» начинаютъ проникать къ читателямъ пивныхъ и извозчичьихъ трактировъ и начинается популяризація отвлеченныхъ понятій, какъ патріотизмъ, народность, народныя начала, славянская идея, основы народнаго духа и т. д. Но по силамъ ли популяризація этихъ понятій тѣмъ органамъ печати, которые взялись за нее и только себя считаютъ истинными носителями патріотическихъ чувствъ и народныхъ началъ? То-то что нѣтъ. Всѣ наши проповѣдники патріотизма и народныхъ началъ понимаютъ ихъ такъ, какъ понимаетъ ихъ Бисмаркъ. Ничего, что они обрушиваются на него со всякими обвиненіями. Они обвиняютъ его, пока дѣло касается другихъ, но для себя, и у себя, они тѣ же Бисмарки, но только поменьше и ничего своего сказать не умѣютъ. Отъ этого подъ видомъ популяризація народныхъ началъ и національной самостоятельности получается только проповѣдь о взаимномъ глотаніи, и каждый народъ усиливается найти или у себя дома, или въ сосѣдствѣ кого-нибудь, кого бы онъ могъ проглотить. Не эгоизмъ, не интрига, не борьба политическихъ и личныхъ самолюбій причиной этого, какъ утверждаютъ нѣкоторыя газеты,—причиной тутъ просто отсутствіе извѣстныхъ общественныхъ понятій, которымъ и взяться не откуда, если ихъ не производятъ умственные источники страны и если этихъ понятій нѣтъ въ общемъ обращеніи. Понятія эти та же золотая монета, и если страна чеканитъ только мѣдь, то золота, конечно, въ ея обращеніи не будетъ.

Вотъ общій набросокъ итога, который даетъ научный обзоръ за 1887 годъ. Чтобы заполнить то, чего намъ не даетъ знаніе и отсутствіе многихъ понятій, гр. Л. Толстой и многіе другіе стали взывать къ добрымъ чувствамъ и къ чувству дѣятельной любви. На ту же тему явилась въ № 4 «Недѣли» опять статья Д. Ж.,—человѣка, неоспоримо проникнутаго самымъ искреннимъ доброжелательствомъ. Но область чувствъ, къ сожалѣнію, тотъ же плодородный, но не обработанный черноземъ.

XXVI.

Надняхъ мнѣ пришлось ѣхать по брестской дорогѣ въ спальномъ вагонѣ «международнаго общества». Такіе вагоны ходятъ между Варшавой и Вѣной, Варшавой и Петербургомъ и Варшавой и Москвой. «Международное общество спальныхъ вагоновъ» засѣдаетъ въ Парижѣ, гдѣ его главный административный центръ, и всѣ отчеты по движенію посылаются каждый день изъ Петербурга, Москвы и Варшавы въ Парижъ. Это сообщилъ мнѣ международный кондукторъ. Отъ него же я узналъ, что постоянно въ ходу на нашихъ дорогахъ 6 вагоновъ и каждый изъ нихъ даетъ въ сутки доходу 50 руб. Значитъ, въ годъ всѣ 6 вагоновъ дадутъ 108 тыс. руб. Вагоны стоютъ по 22 тыс. каждый, слѣдовательно—132 т. р., которыя они стоютъ, даютъ въ годъ доходу 108 т. Недурно!

Недурно и то, что мы, русскіе, за то, чтобы спать у себя спокойно дома, платимъ деньги въ Парижѣ. Предположите обратный случай, что французъ за то, чтобы спать спокойно во Франціи.

платилъ бы деньги въ Петербургѣ или Москвѣ. Такого случая никакъ не предположишь. Самая мысль подобнаго предпріятія показалась бы у насъ смѣшной. И она была бы дѣйствительно смѣшна и непрактична. Если бы Москва вздумала отправить своихъ артельщиковъ во Францію, чтобы приготовлять французамъ постели, то французы поблагодарили бы Москву за ея вниманіе и сказали бы, что они умѣютъ дѣлать постели и сами. Такимъ образомъ, русская мысль оказалась бы во Франціи безплодной, и совершенно подобная же французская мысль приноситъ у насъ французамъ очень цѣнные плоды. И мы еще долго будемъ платить за чужія мысли, а своихъ мыслей имѣть пока не будемъ. Вѣдь, и въ спальныхъ международныхъ вагонахъ мы платимъ не за постель, а за мысль. И французъ дѣйствительно стоитъ, чтобы ему платили. Уменъ онъ, знаетъ людей, да и человѣка уважать умѣетъ. Если бы Москва придумала подобное общество спальныхъ вагоновъ, она назвала бы его или «московскимъ», или «всероссійскимъ», а французъ, приславъ къ намъ свои спальные вагоны, назвалъ ихъ «международными». Тутъ есть разница. Французъ не высокомѣрничаетъ, не отталкиваетъ,—напротивъ, онъ привлекаетъ къ себѣ, связываетъ васъ съ собою международною идеей, такъ что русскому и въ самомъ дѣлѣ можетъ показаться, что онъ участвуетъ въ международности (пока тѣмъ, что спитъ).

А пускай хотя бы и такъ. Я по крайней мѣрѣ, чувствовалъ себя въ «международномъ вагонѣ» гораздо легче и свободнѣе, чѣмъ въ русскомъ, въ которомъ я ѣхалъ ранѣе. Очень можетъ быть, что у меня было международное настроеніе, но, вѣдь, оно-то и важно, потому что оно дало мнѣ безмятежность духа, увѣренность, что я буду спать спокойно до утра, что никто ночью не ворвется ко мнѣ, не станетъ спрашивать—кто я и куда ѣду, не положитъ мнѣ на голову дорожнаго мѣшка, не сядетъ на мои ноги, не будетъ шумѣть и заводить исторій или всю ночь играть въ винтъ. Международность есть, очевидно, взаимное соглашеніе на правахъ равенства ради взаимныхъ услугъ; при этомъ же она несомнѣнно означаетъ еще миръ, спокойствіе, бережливое отношеніе къ ближнему, а такъ какъ все это Парижъ умѣетъ устроить гораздо лучше, чѣмъ Петербургъ или Москва, то международное общество и засѣдаетъ въ Парижѣ и изъ Парижа распоряжается спокойствіемъ русскихъ пассажировъ.

Даже международный кондукторъ былъ особенный человѣкъ, тоже вполнѣ приспособленный для международнаго мира и согласія. Онъ не мудрилъ, не пыжился, не старался показать, что онъ кондукторъ, и что поэтому онъ можетъ высадить меня въ первомъ снѣжномъ сугробѣ. Я былъ увѣренъ, что онъ со мною этого не сдѣлаетъ, а что, напротивъ, будетъ заботиться обо мнѣ, постарается устроить мнѣ всякое спокойствіе. И я сейчасъ же почувствовалъ себя не на большой дорогѣ, гдѣ я для каждаго только проѣзжающій или пассажиръ, а почувствовалъ себя спокойно, какъ дома. Вещи мои онъ разложилъ по мѣстамъ, мнѣ показалъ мѣсто у окна, потомъ поклонился и ушелъ. Все это онъ сдѣлалъ очень быстро и такъ же быстро окинулъ меня опытнымъ взглядомъ, измѣрилъ своимъ международнымъ окомъ и, какъ мнѣ показалось, опредѣлилъ сразу, что я за человѣкъ, чего я могу пожелать и потребовать и сколько безпокойствъ и хлопотъ могу ему я натворить.

Въ видѣ символизма, что русская душа найдетъ въ международности свое удовлетвореніе и почувствуетъ себя въ родной атмосферѣ, въ вагонѣ былъ буфетъ (безъ крѣпкихъ напитковъ) и въ серединѣ его на самомъ видномъ мѣстѣ блестѣлъ золотомъ томпаковый фигурный самоваръ. Когда смерклось, кондукторъ предложилъ намъ чаю. «Намъ»—это значитъ мнѣ и еще одному русскому, сидѣвшему въ нашемъ отдѣленіи; заграничному же нѣмцу, который сидѣлъ тутъ же и углубился въ заграничную нѣмецкую газету, онъ чаю не предложилъ. Утромъ, когда я всталъ (мои спутники еще спали), онъ предупредительно предложилъ мнѣ свободное отдѣленіе, раскрылъ столъ, принесъ въ серебряномъ подстаканникѣ стаканъ чаю съ лимономъ и потчивалъ московскими сухарями.

Вы скажете, что то же самое сдѣлаетъ и всякій русскій кондукторъ. Нѣтъ, читатель,—никакъ не то же самое. Онъ, конечно, подастъ вамъ и чай, и постель сдѣлаетъ, но все это онъ сдѣлаетъ безъ всякой международности. Да и откуда у насъ могли бы явиться международныя понятія, когда весь свой вѣкъ мы просидѣли какъ медвѣди въ берлогѣ, да еще и за китайской стѣной? Международность создается общеніемъ, взаимными отношеніями, обмѣномъ всевозможныхъ услугъ—умственныхъ, культурныхъ, нравственныхъ, политическихъ, промышленныхъ, эстетическихъ,—однимъ словомъ, постоянною, живою, кипучею связью интересовъ. И въ этомъ отношеніи самый международный человѣкъ, конечно, французъ – и по темпераменту, и по развитію, и по уму, и по историческому и политическому опыту.

Мы же, русскіе, не только не создали себѣ еще никакого международнаго мѣста, но мы не нашли еще мѣста даже своему собственному *я*. И ползетъ это безмѣстное *я* изъ каждаго во всѣ стороны, точно опара изъ горшка, и никакъ не можетъ найти себѣ равновѣсія. Заграничный нѣмецъ, сидѣвшій въ нашемъ отдѣленіи и читавшій заграничную нѣмецкую газету, держалъ себя съ большимъ внѣшнимъ достоинствомъ и, въ то же время, онъ съ уваженіемъ относился къ своимъ сосѣдямъ. Полякъ, ѣхавшій въ нашемъ же вагонѣ, не боялся уронить своего достоинства тѣмъ, что отвѣтитъ на вопросъ человѣка незнакомаго; онъ предупредительно помогалъ вамъ, если видѣлъ, что вамъ трудно поднять свою вещь до полки; онъ, казалось, уступилъ бы другому свое мѣсто, если бы замѣтилъ, что другому это мѣсто нужнѣе. И, въ то же время, чувствовалось, что и заграничный нѣмецъ, и вѣжливый полякъ очень хорошо знаютъ себѣ цѣну, что у нихъ есть и внутреннее содержаніе, и сила, и самостоятельность, и нравственная независимость. Это были люди, съ

которыми сейчасъ же чувствовалось что-то общее и хотѣлось заговорить объ общечеловѣческихъ дѣлахъ, которыя они, очевидно, понимали.

Но вотъ съ шумомъ отворяется дверь вагона и входитъ господинъ въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и бобровыми лацканами. Шинель у господина надѣта на распашку, грудь выпучена, а бобровые лацканы отворочены во всю ширину и длину. На головѣ у господина форменная фуражка съ краснымъ околышемъ и съ кокардой выше околыша. За краснымъ околышемъ шелъ другой господинъ, съ которымъ околышъ говорилъ, не оборачиваясь, и кричалъ точно кому-то впередъ. Мы, старожилы вагона, молча переглянулись, а красный околышъ, не обращая ни на кого вниманія, *прослѣдовалъ* въ отдѣльное купэ, въ которомъ и продолжалъ кричать на весь вагонъ, отпуская время отъ времени французскія фразы и вообще держа себя такъ, точно во всемъ вагонѣ, кромѣ его, никого не было.

— Каковъ господинъ!—говорю я своему сосѣду, русскому.

— Это уѣздный предводитель дворянства, N.

— Что же онъ такой важный?

— Да теперь всѣ они стали такіе.

Только едва ли они стали такими теперь. Всегда они были такими. Да и кто эти *они?* Вы думаете, только красные околыши? Всѣ мы, болѣе или менѣе, красные околыши. Ничье *я* не знаетъ еще у насъ своего мѣста, да и не въ состояніи его узнать. Всѣ свои силы, всю свою любовь оно отдаетъ только себѣ,—оно не знаетъ ничего кромѣ своихъ личныхъ горестей и личныхъ радостей. Это что-то болѣзненное, ненормальное, какая-то общественная ипохондрія, мрачный эгоизмъ, считающій все человѣческое для себя постороннимъ и поглощенный исключительно своими ничтожными личными желаніями, ощущеніями, чувствами, интересами. Одинъ англичанинъ, хорошо изучившій Петербургъ, сказалъ, что «русскіе занимаются только мелочами». Англичанинъ могъ бы сказать это даже и безъ особеннаго изученія Петербурга, а только сдѣлавъ бѣглое сравненіе нашей общественности съ общественностью Европы и Англіи. Тамъ, всѣми условіями жизни, люди поставлены въ необходимость думать о другихъ, разбирать дѣла этихъ другихъ и находить отношенія своихъ дѣлъ къ дѣламъ другихъ. Тамъ нельзя жить не думая, тамъ не думая не создашь себѣ ни личнаго, ни общественнаго положенія, поэтому общественная тупость тамъ исключеніе, тогда какъ у насъ она правило. Если въ Европѣ нельзя прожить не думая, то у насъ, какъ кажется, только тогда и проживешь, когда не думаешь. Въ Европѣ, чтобы создать себѣ общественное положеніе, подняться на общественные верхи, надо заявить свою способность понимать нужды и интересы людей, имѣть навыкъ и привычку думать объ ихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ, надеждахъ и желаніяхъ. У насъ же этого не только не требуется, а, напротивъ, если станемъ много думать о другихъ, хлопотать о правдѣ и справедливости, да объ искорененіи зла, то прослывешь только «безпокойнымъ» и очутишься въ такомъ положеніи, что поневолѣ начнешь думать только о себѣ. Если бы красный околышъ умѣлъ лучше думать, чѣмъ онъ думаетъ, то, конечно, онъ держалъ бы себя лучше и въ международномъ, и въ своемъ родномъ русскомъ вагонѣ, но былъ ли бы у него тогда красный околышъ и такіе представительные бобровые лацканы? Глупыхъ людей нельзя винить за то, что существуютъ такіе порядки, которые не заставляютъ глупыхъ становиться умнѣе. Сама жизнь выталкиваетъ у насъ человѣка изъ жизни, дѣлаетъ его глупѣе даже того, что онъ есть, понижаетъ его умственно и нравственно, направляя все его вниманіе только на самого себя, на крошечные интересы его микроскопическаго *я*.

Исторія русской литературы отмѣтила любопытный фактъ этого рода въ байронизмѣ, когда самыя возвышенныя, гуманныя, общечеловѣческія идеи и геніальный титанизмъ личной борьбы противъ всякаго насилія и соціальной неправды были низведены до простаго мелкаго эгоизма, печоринства. Г. Стороженко въ рѣчи о Байронѣ, читанной имъ въ февралѣ, въ засѣданіи общества любителей россійской словесности, мастерски разъяснилъ, почему байронизмъ выродился въ русскомъ пониманіи въ такую смѣшную пародію. «Политико-соціальная основа поэзіи Байрона, не имѣвшая корней въ самой жизни, была понята у насъ весьма немногими и оставила мало слѣдовъ въ литературѣ. Байроновскій индивидуализмъ, апоѳеозъ личности въ борьбѣ ея съ обществомъ, превратился у насъ въ обожаніе собственной личности и презрительное отношеніе ко всякой чужой. Перенесенное на русскую почву, байроновское разочарованіе совершенно лишилось своего трагическаго характера и было понято весьма односторонне, какъ слѣдствіе жизненнаго пресыщенія. Видоизмѣненный такимъ образомъ байронизмъ оказалъ не малое вліяніе не только на поэзію, но и на нравы нашей интеллигентной молодежи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Москвичи въ гарольдовыхъ плащахъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, почувствовали непонятное презрѣніе къ обществу, ни въ чемъ передъ нами неповинному; непризнанныя натуры стали относиться пренебрежительно къ общественной нравственности и освященнымъ вѣками обычаямъ и считали такое отношеніе признакомъ высшей породы».

Вотъ все, что мы были въ состояніи понять изъ Байрона. Его идеи не вошли въ насъ, его чувства оказались намъ не подъ силу, его энтузіазмъ къ дѣлу свободы, его ненависть къ насилію, его личное величіе въ той неудержимой жаждѣ служенія, съ какимъ онъ отдалъ всѣ свои силы и свою жизнь на освобожденіе страдающихъ народовъ, совсѣмъ пронеслись надъ нашими головами, точно облака на дальнемъ небосклонѣ. Такъ высоко мы своей головы поднять не могли. Все это и больно, и прискорбно, и, въ то же время, вполнѣ понятно. И у насъ оказался трагизмъ положенія, но только не байроновскій, а русскій.

Дурно и печально, что во всѣхъ случаяхъ пробужденія у насъ мысли наше личное *я* выростало

до непомѣрнаго размѣра и каждый считалъ себя человѣкомъ лучшей, высшей породы. Но почему же это случалось только у насъ, а не во Франціи, не въ Англіи? Почему именно у насъ человѣкъ съ такою страстностью облюбливалъ свое *я*, испытывалъ такое высокое наслажденіе въ самоощущеніи, въ чувствѣ личнаго существованія? Конечно, только потому, что съ самой колыбели ему приходилось испытывать лишь собственную малость. Вся атмосфера понятій и отношеній, въ которыхъ росъ у насъ ребенокъ, а потомъ жилъ взрослымъ человѣкомъ, только учила его смиренію, подчиненію, зависимости маленькихъ и слабыхъ отъ большихъ и сильныхъ. Эти понятія были сведены въ руководящій воспитательный и жизненный кодексъ еще «Домостроемъ», первымъ систематическимъ сборникомъ русской житейской мудрости.

«Домострой», по своему времени, не только очень важный руководящій источникъ нравственныхъ и личныхъ отношеній, но и необходимо нужный каждому человѣку того времени кодексъ всей накопившейся въ народѣ нравственной и практической мудрости, продиктованной всѣми предъидущими, установившимися общественными и религіозными порядками. Священникъ Сильвестръ былъ въ этомъ отношеніи для насъ тѣмъ же, чѣмъ Конфуцій для китайцевъ. Конфуцій тоже не сочинилъ ничего своего, а только собралъ плоды народной мудрости и практическихъ правилъ и подвелъ имъ итогъ. То же самое сдѣлалъ и Сильвестръ. Онъ собралъ то, что жило въ народныхъ понятіяхъ въ разбродъ, собралъ раскинутыя правила въ одно мѣсто и далъ каждому возможность съ ними познакомиться и ими руководствоваться.

«Домострой» училъ всему, что было нужно и неизбѣжно знать тогдашнему человѣку, чтобы прожить по правиламъ благочестія, любви, смиренномудрія и подчиненія. Поэтому, въ первыхъ главахъ онъ учитъ вѣрѣ и благочестію, потомъ даетъ уроки благоразумія житейскаго, особенно по экономіи домашней, и заключаетъ нравственными наставленіями.

Кодексъ Конфуція получилъ въ Китаѣ обязательную силу и государственное значеніе. Нашъ «Домострой» государственнаго значенія не имѣлъ и ни въ какомъ законѣ не говорилось, чтобы Россія воспитывала своихъ дѣтей и вела свое домашнее хозяйство непремѣнно по «Домострою». И, тѣмъ не менѣе, «Домострой» имѣлъ у насъ огромное воспитательное вліяніе. Это происходило отъ того, что отецъ Сильвестръ ничего не выдумалъ своего, ничего никому не навязывалъ, а просто бралъ изъ жизни то, что въ ней было, и это все, что было, записалъ въ извѣстномъ и стройномъ порядкѣ. Сильвестръ былъ просто человѣкъ систематическаго ума, понявшій, что нужно дать людямъ такое руководство для жизни, въ которомъ бы было собрано все то, что люди давно уже придумали, разрѣшили и установили, но что еще не оглашено къ общему свѣдѣнію и руководству и какъ бы носится только въ воздухѣ.

Однимъ словомъ, «Домострой» существовалъ гораздо раньше Сильвестра, онъ жилъ въ понятіи, но въ разбросъ, и передавался изъ поколѣнія въ поколѣніе на память. Ко времени Сильвестра правила этой житейской нравственности и мудрости уже настолько установились, окрѣпли и накопились, что ихъ было неизбѣжно собрать въ одно писанное цѣлое.

Потому что «Домострой» сочинилъ не Сильвестръ, а сочинила его сама русская жизнь онъ и получилъ у насъ такое прочное и многовѣковое руководящее значеніе. Герои и героини Островскаго—все люди, жившіе по «Домострою», тѣ самые люди, которые «Домострой» сочиняли и поддерживали его въ несокрушимой чистотѣ. Значитъ, цѣлые вѣка. Островскій тоже ничего не сочинилъ. Онъ только взялъ домостроевскіе консервы и показалъ ихъ на сценѣ. Можетъ быть, Островскій и не подозрѣвалъ, что эти живые консервы—плоды «Домостроя»; можетъ быть, и публика, смѣявшаяся въ театрѣ, не подозрѣвала, какіе это плоды и какъ далеко въ глубь старины идутъ корни, ихъ создавшіе.

Потому что Островскій выводилъ на общественный судъ купеческій бытъ, мы (не купцы) очень негодовали на этотъ мѣшающій намъ глухой и тупой міръ безграничнаго самодурства, вовсе не подозрѣвая, что повторяемъ на себѣ мораль басни о Климычѣ, который тоже кивалъ на Петра. Всѣ мы были Климычами, только въ иной, не купеческой формѣ. «Домострой» царилъ у насъ повсюду, во всѣхъ понятіяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ деревенской избы и кончая помѣщичьимъ домомъ. Вездѣ ходилъ домостроевскій «жезлъ», вездѣ въ томъ или другомъ видѣ сокрушались ребра или *вѣжливенько* стегали женъ и дѣтей плеткой (совѣты «Домостроя»),—вездѣ, съ первыхъ же шаговъ жизни, человѣкъ чувствовалъ, какъ его во всемъ нагнетали и принуждали, какъ его личному чувству не давали ни простора, ни выхода и, какъ какое нибудь масло, выжимали въ старыя притившія формы. Это сознаніе своего личнаго несчастія насъ, наконецъ, и пробудило.

Свое несчастіе долженъ былъ почувствовать ранѣе, конечно, читающій и думающій человѣкъ, а какъ каждый читаетъ только свое и понимаетъ все по-своему, то и Байрона мы поняли по-своему. Байронъ былъ несчастливъ по-европейски, а мы почувствовали себя несчастными по-русски. Въ Европѣ страдало лицо за общество, у насъ страдало лицо за себя. Это, впрочемъ, была естественная очередь вопросовъ, неизбѣжный порядокъ мысли, которая могла дорости до общаго, только пройдя личное. Все это, читатель, было очень давно, еще до освобожденія крестьянъ, въ очень глухую пору. А пора была поистинѣ глухая, — глухая до того, что даже Печоринъ, человѣкъ несомнѣнно умный, не могъ найти себѣ другаго дѣла, кромѣ донъжуанства.

Впрочемъ, отъ Печорина, пожалуй, и не слѣдовало ожидать ничего другаго. Онъ считалъ себя человѣкомъ титанической породы, воображалъ, что сдѣланъ не изъ той глины, какъ всѣ остальные люди, и весь ушелъ въ свое *я*, которому съ другими было тѣсно.

Но, рядомъ съ Печоринымъ и съ его предками и потомками, были у насъ люди, дѣйствительно, другой породы (эти двѣ породы людей велись еще изстари). Люди этой другой породы и Байрона понимали, какимъ онъ былъ, а не перетолковывали его только въ свою пользу. Кружокъ понимавшихъ людей былъ не великъ и во главѣ его стояли преимущественно поэты (тогда они еще шли у насъ во главѣ умственнаго движенія). И одинъ изъ нихъ, Рылѣевъ, въ элегіи на смерть Байрона, изображая горе греческаго народа, лишившагося своего защитника, восклицаетъ (беру эти строфы изъ той же рѣчи г. Стороженко):

Рыдая, вкругъ его кипитъ
Толпа шумящаго народа,
Какъ будто въ гробѣ томъ свобода
Воскресшей Греціи лежитъ.
Какъ будто цѣпи вѣковыя
Готовы вновь тягчить ее,
Какъ будто идутъ на нее
Султанъ и грозная Россія.
Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью твоихъ дѣтей.
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой сынъ, твой другъ и твой поэтъ,
Увянулъ Байронъ въ цвѣтѣ лѣтъ
Въ святой борьбѣ за вольность грека!

Но вотъ глухая пора кончилась, наступило иное время, а съ нимъ и другія общественныя и личныя задачи. Впрочемъ, я, кажется, выражаюсь слишкомъ общепринято, ибо, въ сущности, и общественныя, и личныя задачи остались все тѣ же, а только возможности для ихъ разрѣшенія явились другія. И теперь въ эту новую пору личность опять сказала: «хочу жить». Это «хочу жить» было всегда самымъ мучительнымъ вопросомъ, потому что за нимъ стоялъ другой вопросъ: «что значитъ жить», «что дѣлать?»

Разрѣшеніе явилось двойное. Печоринцы, то-есть люди того же личнаго типа, хотя и не всегда его ума и силы, но люди всегда съ безмѣрнымъ эгоистическимъ *я*, всегда стоящіе наготовѣ, чтобы урвать чужое, и поэтому хищники по существу, разрѣшили вопросъ о «хочу жить» очень не многосложно и совсѣмъ по прямой линіи. Болѣе способные изъ нихъ пристроились къ банкамъ, адвокатурѣ и другимъ подобнымъ дѣламъ, даже создали эти дѣла или ужъ, во всякомъ случаѣ, создали извѣстную атмосферу, почву, режимъ, что ли, на которыхъ и въ которыхъ процвѣла и окрѣпла практика щучьихъ инстинктовъ и поползновеній. «Хочу жить», на языкѣ и въ понятіяхъ печоринскаго типа, значило «хочу кататься какъ сыръ въ маслѣ», хочу денегъ, хочу положенія, хочу взять отъ жизни все, что можно. Умные печоринцы всего этого и достигли, и съумѣли сберечь себя. Глупые и легкомысленные, гнавшіеся слишкомъ за наслажденіями, проворовались и пропали. Еще болѣе глупые и бездарные не чувствовали въ себѣ силъ орудовать и изобрѣтать, пошли на мѣста, обезпечили себя карьерой, службой, жалованьемъ, довольствовались представительнымъ положеніемъ и шинелью съ бобровымъ воротникомъ и лацканами. Еще болѣе глупые, менѣе честолюбивые и ужъ совсѣмъ неспособные садились на маленькія мѣста и получали за нихъ и изъ нихъ все, что можно получить и выдавить. Это выдавливанье и выдаиванье было общею чертой и умныхъ и глупыхъ, и даровитыхъ и бездарныхъ, было родовымъ признакомъ типа людей, для которыхъ «хочу жить» значило—«кататься какъ сыръ въ маслѣ». Конечно, не всѣ достигали счастія сыра, потому что недоставало для всѣхъ сыровъ масла; но ужъ это другой вопросъ.

Рядомъ съ этимъ типомъ явился и еще типъ (хотя собственно типомъ назвать его не точно), для котораго «хочу жить» и «что дѣлать» представляли совсѣмъ другую практическую программу. Эти люди ужъ хорошо понимали Байрона и совсѣмъ не понимали ни печоринства, ни донъ-жуанства. Масса молодыхъ и энергичныхъ силъ этого типа встала наготовѣ, чтобы отдаться какому нибудь общему дѣлу, люди горѣли приносить пользу другимъ, устроить лучшія общественныя отношенія, ввести повсюду правду и справедливость. И все это было не мечтательнымъ порывомъ, люди учились и думали, и энергично хотѣли устроить все вокругъ себя получше, они и сдѣлали это все вокругъ получше. Они сдѣлали лучше свои личныя отношенія, сдѣлали лучшую семью, сдѣлали лучшее воспитаніе дѣтей, и вообще все вокругъ себя сдѣлали лучше, и свѣтлѣе, и просторнѣе, и свободнѣе...

Ну, а дальше? А дальше не вышло ничего, потому что человѣкъ съ программой «получше» почувствовалъ себя привязаннымъ къ колышку и дальше своей веревки идти не могъ. Все, что человѣкъ могъ сдѣлать для себя, онъ и сдѣлалъ, а для другихъ онъ и не могъ ничего сдѣлать. Не желанія недоставало для этого,—оно было, было много и энергіи,—недоставало только возможности что-нибудь дѣлать; человѣкъ просто не имѣлъ для этого ни права, ни свободы, и его «получше для другихъ» стояло, такъ сказать, внѣ его компетенціи... А, между тѣмъ, жизнь просила разрѣшенія этого вопроса, и вотъ какое разрѣшеніе явилось.

Давно, очень давно и въ обществѣ, и въ печати стало появляться неудовольствіе на то, что мало правды въ нашей жизни. А, вѣдь, кажется, все-то у насъ именно и устраивали для того, чтобы появилась правда,—и банки, и земство, и желѣзныя дороги, и промышленность поощряли, и землевладѣльцевъ поддерживали. Гдѣ же правда-то? Правды нѣтъ! — говоритъ «Гражданинъ»; правды нѣтъ!—говорятъ и «Московскія Вѣдомости»; правды нѣтъ!—говорятъ столичныя и провинціальныя газеты всѣхъ цвѣтовъ и направленій; правды нѣтъ!—говорятъ и отдѣльные писатели, какъ графъ Л. Толстой, г. Д. Ж. (въ «Недѣлѣ») и другіе. Всѣ сѣтуютъ и негодуютъ на зло и неправду, на то, что люди не дѣлаютъ ничего хорошаго другъ для друга и что со всякимъ днемъ прибавляется худое.

Замѣтивъ это, моралисты стали еще глубже проникать въ зло, еще внимательнѣе опредѣлять его причины и, наконецъ, какъ кажется, нашли дѣйствительное и вполнѣ радикальное средство для его исцѣленія. Средство это хотя и не принадлежитъ исключительно гр. Л. Н. Толстому, но ему несомнѣнно принадлежитъ почипъ въ общемъ воззваніи, почипъ въ направленіи личной совѣсти на новый путь спасенія. И всѣ тѣ, чья душа наболѣла отъ неискоренимой и намучившей ихъ неправды жизни, набросились на *новое* слово и за новымъ пророкомъ пошла толпа учениковъ и послѣдователей.

Несомнѣнно, что пророкъ и его ученики и послѣдователи—люди хорошіе, глубоко нравственные, вѣроятно, искренніе, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно искренно желающіе, чтобы люди жили по-божески, по справедливому, въ любви, согласіи и мирѣ. Одинъ изъ учениковъ гр. Л. Н. Толстаго говоритъ о немъ, что онъ «потрясъ сердца и всколыхалъ умы, можетъ быть, сильнѣе и глубже, чѣмъ когда-либо случалось это въ русской литературѣ за все время ея недлинной исторіи; но какъ скоро это прошло, какъ быстро улеглись эти крупныя, высокія волны, перекатившіяся во всю ширь земли русской, отъ края до края, и даже отозвавшіяся во всѣхъ концахъ свѣта!»

Какое же это новое слово произвело такую бурю, и отчего эта буря такъ скоро затихла? Новое слово, въ сущности, совсѣмъ не новое слово, и при всемъ томъ,—говоритъ г. Д. Ж., — оно окончательно и безповоротно рѣшило вопросъ русской интеллигенціи: *что дѣлать?* «И мы должны признать,—говоритъ г. Д. Ж. въ «Недѣлѣ» (№ 4),—что другаго отвѣта нечего и искать: *его не можетъ быть и не будетъ*. Какой же это отвѣтъ? Въ двухъ словахъ его формулировать нельзя, и только въ иносказательной формѣ есть ему подходящее, достаточно всеобщее и сильное выраженіе: «Кто хочетъ идти за Мной, отвергнись себя, возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною».

Но развѣ это отвѣтъ?—спрашиваетъ г. Д. Ж.—Да, отвѣтъ, и другаго отвѣта не можетъ быть: въ этомъ интеллигенція должна убѣдиться, на этомъ она должна успокоиться. Это единственный *полный* отвѣтъ, примѣнимый ко всякому положенію и ко всякому отдѣльному человѣку. Остается только въ каждомъ частномъ, конкретномъ случаѣ каждому въ отдѣльности, по своей совѣсти, взвѣшивать и рѣшать. «Если я такъ поступлю, если я такъ устрою свою жизнь, если я пойду по этой дорогѣ, то могу ли я по совѣсти сказать, что я иду по слѣдамъ единственнаго учителя, на котораго вполнѣ можно положиться?»

Г. Д. Ж. убѣжденъ, что какъ ни малочисленна семья горячихъ сторонниковъ гр. Л. Н. Толстаго, но она дѣлаетъ свое дѣло (что, конечно, очень хорошо, потому что въ обществѣ увеличивается число хорошихъ людей), и, въ то же время, г. Д. Ж. жалѣетъ, что идеи Толстаго еще не проникли въ литературу, и что «процессъ воздѣйствія этихъ идей не можетъ проявиться такъ скоро, ибо здѣсь онѣ встрѣчаются съ твердо хранимыми традиціями прежнихъ *направленій*». «Масса пишущей братіи,—говоритъ г. Д. Ж.,—не имѣетъ обыкновенно ни достаточно смѣлости, ни достаточно свободы высказывать что-нибудь новое, оригинальное и отступать отъ шаблоновъ своего направленія. Нужно быть очень выдающимся писателемъ, чтобы получить право произвести такое отступленіе отъ того, что и какъ *принято* говорить, какъ и къ чему принято относиться.

Я не совсѣмъ понимаю, почему г. Д. Ж. потребовалось обвинить писателей въ стадности и глупости. Но, кромѣ того, обвиненіе это и несправедливо. Если гр. Л. Н. Толстой и г. Д. Ж. строго держатся традиціи своего «направленія», которое, по словамъ самого г. Д. Ж., началось $18^1/_2$ вѣковъ назадъ, то почему же не оставаться вѣрными традиціи своего направленія и другимъ пишущимъ людямъ, у которыхъ тоже есть свои резоны и безошибочность которыхъ они могутъ доказать? Вѣдь, г. Д. Ж., какъ и гр. Л. Н. Толстой ищутъ истину, и другіе тоже ищутъ истину. Весь вопросъ въ томъ, *вся* ли истина въ рукахъ гр. Толстаго и его ученика, г. Д. Ж.? Не получится ли болѣе полная истина, если часть истины, найденную гр. Толстымъ, пополнить еще и другою частью? (Для устраненія недоразумѣній и въ особенности для устраненія подозрѣнія въ личной полемикѣ, считаю необходимымъ сказать, что я отдаю полную дань уваженія тѣмъ нравственнымъ и личнымъ мотивамъ, которые руководятъ г. Д. Ж. Онъ искренно и глубоко вѣруетъ во всеисцѣляющую силу моральнаго принципа и въ нравственное поведеніе каждаго отдѣльнаго человѣка. Но вопросъ именно въ томъ и заключается, поскольку исключительно моральный принципъ можетъ быть панацеей противъ общественныхъ неустройствъ и порядковъ и насколько самый нравственный, даже идеально-добродѣтельный человѣкъ располагаетъ необходимою свободой для его идеальной добродѣтели, т. е. для того, чтобы его добрыя слова и желанія становились бы и добрыми дѣлами?).

И такъ, г. Д. Ж. очень огорчаетъ, что наша литература (конечно, не изящная, а публицистика) не хочетъ повторять «новаго слова», котораго интеллигенція ждетъ отъ нея жадно и нетерпѣливо. Исключеніе г. Д. Ж. дѣлаетъ лишь въ пользу Г. И. Успенскаго, котораго онъ, какъ кажется, хочетъ поставить подъ одну сѣнь съ гр. Л. Толстымъ. Чтобы показать ихъ сходство, г. Д. Ж. выписываетъ изъ статьи Г. И. Успенскаго *Призывъ къ добру* слѣдующія слова: «Слишкомъ продолжительное сосредоточеніе русской общественной мысли на борьбѣ *со зломъ*,—только со зломъ,—слишкомъ тщательный анализъ только зла, слишкомъ упорное напряженіе мысли на искорененіе все того же зла и зла—значительно съузило размѣры духовной жизни русскаго человѣка, омрачило его мысль, обезпощадило его сердце, а, вѣдь, изъ такихъ элементовъ мудрено родиться способности привлекать сердца, пробуждать пламенную любовь и покорять людей силой нравственнаго вліянія. Не пора ли дать русскому омраченному сердцу воз-

можность жить и другими его сторонами? Не пора ли ему отдохнуть въ ощущеніяхъ добра и добраго дѣла? Вѣдь, еще не пробовали узнать, какъ велико стремленіе русскаго человѣка къ добру. Пора попробовать!»

Я нарочно повторилъ эту выписку, чтобы читатель убѣдился, что Г. И. Успенскій говоритъ совсѣмъ не то, что въ немъ усмотрѣлъ и понялъ г. Д. Ж. Совсѣмъ не гр. Л. Толстаго мораль онъ поддерживаетъ и не мораль г. Д. Ж.,—онъ какъ разъ говоритъ въ пользу той «пишущей братіи», которая, по словамъ г. Д. Ж., твердо хранитъ традиціи прежнихъ направленій. Вѣдь, онъ именно и говоритъ о *возможности* дѣлать добро, о просторѣ, который бы открыла жизнь для тѣхъ, кто добро дѣлать хочетъ. Вѣдь, не пробовали еще открыть этого простора. Въ этомъ именно и заключается весь вопросъ нашего времени. Зрѣетъ онъ давно и теперь, какъ кажется, назрѣлъ уже настолько, что и слѣпые его увидѣли, и глухо-нѣмые о немъ заговорили. Еще хорошо, что у насъ такъ свѣжо сохраняются традиціи прежнихъ направленій, которыя несправедливо обвиняетъ въ замалчиваніи «новаго слова» г. Д. Ж. Только эти традиціи старыхъ направленій и уясняютъ, почему самый добродѣтельный человѣкъ можетъ просидѣть у насъ весь свой вѣкъ на собственной печкѣ и никто его добродѣтели не увидитъ. Зла, несправедливости и всякой пакости каждый изъ насъ можетъ надѣлать сколько захочетъ и товарищей себѣ сейчасъ же найдетъ. А пускай добродѣтельный человѣкъ вздумаетъ слѣзть съ своей печки, собрать товарищей и начать повсюду дѣлать добро и справедливость. А г. Д. Ж. и гр. Л. Толстой думаютъ, что это все такъ просто, что простое дѣло не дѣлается только потому, что мы не хотимъ его дѣлать, и что стоитъ только сказать: «иди за мной», такъ всѣ и пойдутъ. «Это заблужденіе,—говоритъ г. Д. Ж.,—будто мы не знаемъ, что дѣлать,—отлично знаемъ: умъ велитъ, совѣсть,—велитъ, но третій и самый сильный властитель нашихъ поступковъ—*сердце*—еще не вступилъ съ ними въ союзъ, и потому мы безсильны...» Но нѣтъ ли еще и четвертаго властителя, противъ котораго даже и сердце, вступившее въ союзъ съ умомъ и совѣстью, ничего не подѣлаетъ, и этому почтенному союзу придется по-старому засѣсть на печку?

Гр. Л. Толстой очень подробно и шагъ за шагомъ описалъ, какимъ образомъ и изъ какихъ фактовъ въ немъ выросли его благожелательные чувства. Эти факты интересны именно тѣмъ, что ставятъ васъ прямо въ самую практику вопроса. Я возьму эти факты изъ статьи гр. Л. Толстаго: *Мысли, вызванныя переписью*,—статьи, которую читатель читалъ, а, можетъ быть, и не читалъ. Факты эти такъ же свѣжи и теперь, какъ они были свѣжи тогда, когда по поводу ихъ у гр. Л. Толстаго явились «мысли». Долго эти и имъ подобные факты будутъ еще повторяться, какъ они долго повторялись до сихъ поръ; долго будутъ наводить и на «мысли» и, вѣроятно, еще долго изъ этихъ мыслей не выйдетъ никакого дѣла.

Когда гр. Л. Толстой переѣхалъ въ 1881 году на житье въ Москву, его удивила городская бѣдность. Деревенскую бѣдность онъ зналъ, а городская для него была совсѣмъ нова и непонятна. Въ особенности его поразили нищіе,—не нищіе съ сумой и Христовымъ именемъ, а нищіе безъ сумы и безъ Христова имени,—нищіе, которые не просятъ, а только стараются встрѣтиться съ вами глазами и, смотря по вашему взгляду, просятъ или нѣтъ. Сначала гр. Л. Толстой не зналъ, почему московскіе нищіе не просятъ прямо, но потомъ понялъ.

Разъ, идя по Аѳанасьевскому переулку, онъ увидѣлъ, что городовой сажаетъ на извозчика опухшаго отъ водяной и оборваннаго мужика. Онъ спросилъ: «За что?—городовой отвѣтилъ: «За прошеніе милостыни».—«Развѣ это запрещено?»—«Стало быть, запрещено»,—отвѣтилъ городовой. Гр. Л. Толстой поѣхалъ за городовымъ въ участокъ. Тамъ за столомъ сидѣлъ человѣкъ съ саблей и пистолетомъ. Гр. Толстой спросилъ: «За что взяли этого мужика?»—и человѣкъ съ саблей и пистолетомъ отвѣтилъ: «Вамъ какое дѣло?» —потомъ, однако, онъ прибавилъ: «Начальство велитъ забирать такихъ; стало быть, надо». То же самое сказалъ ему и городовой, привезшій нищаго.

Въ другой разъ гр. Толстой встрѣтилъ на Мясницкой толпу нищихъ, которую городовые вели въ участокъ. И опять онъ повторилъ свой вопросъ: «За что?»—и получилъ отвѣтъ: «За прошеніе милостыни». И въ то же время ему попадались на каждой улицѣ нищіе, и у церквей во время службы, и особенно похоронъ, стояли ихъ цѣлыя шеренги. Но почему же нѣкоторыхъ нищихъ ловятъ и запираютъ куда-то, а другихъ оставляютъ? Или есть между ними законные и беззаконные нищіе, или ихъ такъ много, что всѣхъ нельзя переловить, или однихъ забираютъ, а другіе вновь набираются? Этого гр. Толстой такъ и не могъ понять.

Встрѣчаетъ разъ гр. Толстой мужика съ просѣдью въ бородѣ, здороваго, но который просилъ милостыню. На расспросы мужикъ отвѣтилъ, что онъ калужскій, пришелъ въ Москву на заработки, сначала имѣлъ работу — рѣзать старье на дрова, но все перерѣзалъ и остался теперь безъ работы, пилу даже проѣлъ. Гр. Толстой далъ ему деньги на пилу и указалъ мѣсто, куда приходить работать.

«— Смотри же, приходи. Тамъ работы много.

«— Приду, какъ не придти! Развѣ охота,—говоритъ, — побираться?»

Даже клялся мужикъ, что не обманетъ, и, все-таки, не пришелъ. «И такъ нѣсколько человѣкъ обманули меня,—говоритъ гр. Толстой.—Обманывали меня и такіе, которые говорили, что имъ нужно только денегъ на билетъ, чтобы ѣхать домой, и черезъ недѣлю попадались опять на улицѣ». Всѣ эти обманщики были очень жалки, всѣ они были полураздѣтые, бѣдные, худые, болѣзненные люди».

Когда гр. Толстой говорилъ про эту городскую нищету съ городскими жителями, ему отвѣчали: «О, это еще ничего все то, что вы видѣли. А вы пройдите на Хитровъ рынокъ и въ тамошніе ночлежные дома». И вотъ въ декабрѣ, въ морозный и

вѣтряный день, гр. Толстой пошелъ къ этому центру городской нищеты. Это было въ будни, часу въ четвертомъ. Уже идя по Солянкѣ, онъ сталъ замѣчать больше и больше людей въ странныхъ, не своихъ одеждахъ и въ еще болѣе странной обуви, — людей съ особеннымъ нездоровымъ цвѣтомъ лица и, главное, съ особеннымъ, общимъ имъ всѣмъ, пренебреженіемъ ко всему окружающему. Всѣ эти люди направлялись въ одну сторону. Не спрашивая дороги, гр. Толстой пошелъ за ними и вышелъ на Хитровъ рынокъ. На рынкѣ такія же женщины въ оборванныхъ капотахъ, салопахъ, кофтахъ, сапогахъ и калошахъ, и столь же свободныя, несмотря на уродство своихъ одеждъ, старыя и молодыя сидѣли, торговали чѣмъ-то, ходили и ругались. Народу на рынкѣ было мало. Рынокъ отошелъ, и большинство людей шло въ гору мимо рынка и черезъ рынокъ, все въ одну сторону. Гр. Толстой пошелъ съ ними. Взойдя на гору, люди подошли къ угловому большому дому и большинство шедшихъ остановились у этого дома. По всему тротуару этого дома стояли и сидѣли на тротуарѣ и на снѣгу улицы все такіе же люди. Съ правой стороны входной двери—женщины, съ лѣвой—мужчины. Всѣхъ было нѣсколько сотъ. Домъ, у котораго дожидались эти люди, былъ Ляпинскій безплатный ночлежный домъ. Толпа ждала, когда начнутъ впускать.

Гр. Толстой остановился тамъ, гдѣ кончалась вереница мужчинъ. Ближайшіе стали смотрѣть на него и притягивали его своими взглядами. Сначала всѣ молчали, но послѣ двухъ-трехъ встрѣчъ взглядами отчужденіе пропадало. Ближе всѣхъ стоялъ мужикъ съ опухшимъ лицомъ и рыжею бородой, въ прорванномъ кафтанѣ и стоптанныхъ калошахъ на босу ногу. А было 8 градусовъ мороза. Гр. Толстой спросилъ, откуда онъ? Мужикъ охотно отвѣтилъ и заговорилъ; другіе приблизились. Онъ смоленскій, пришелъ искать работы на хлѣбъ и подати. «Работы, — говоритъ, — нѣтъ, солдаты нынче всю работу отбили. Вотъ и мотаюсь теперь. Вѣрьте Богу, не ѣлъ два дня»,—сказалъ онъ робко. Сбитеньщикъ, старый солдатъ, стоялъ тутъ. Гр. Толстой подозвалъ его. Онъ налилъ сбитня. Мужикъ взялъ горячій стаканъ въ руки и, прежде чѣмъ пить, стараясь не упустить даромъ тепло, грѣлъ объ него руки. Грѣя руки, онъ разсказалъ свои похожденія.

Пока онъ разсказывалъ, человѣка три изъ толпы подтвердили его слова и сказали, что они точно въ такомъ же положеніи.

Худой юноша, блѣдный, длинноносый, въ одной рубахѣ, на верхней части тѣла прорванной на плечахъ, и въ фуражкѣ безъ козырька, бочкомъ протерся черезъ толпу. Онъ, не переставая, дрожалъ крупною дрожью. Гр. Толстой предложилъ и ему сбитня. Онъ также взялъ стаканъ, грѣлъ объ него руки и только что началъ что-то говорить, какъ его оттѣснилъ большой, черный, горбоносый, въ рубахѣ ситцевой и жилетѣ, безъ шапки. Горбоносый попросилъ тоже сбитня. Потомъ подошелъ кривой уродъ въ лохмотьяхъ и опоркахъ на босу ногу; потомъ что-то офицерское, потомъ что-то духовнаго званія, потомъ что-то странное, безносое,— все это, голодное и холодное, умоляющее и покорное, тѣснилось вокругъ гр. Толстаго и жалось къ сбитню. Сбитень выпили. Одинъ попросилъ денегъ, гр. Толстой далъ. Попросилъ другой, третій, и толпа осадила гр. Толстаго. Сдѣлалось замѣшательство, давка. Дворникъ сосѣдняго дома крикнулъ на толпу, чтобы очистили тротуаръ его дома, и толпа покорно исполнила его приказаніе. Толпа, прежде растянутая по тротуару, теперь вся разстроилась и прижалась къ гр. Толстому. Всѣ смотрѣли на него и просили. Онъ роздалъ все, что у него было, что-то около 20 рублей, и съ толпой вмѣстѣ вошелъ въ ночлежный домъ.

Ночлежный домъ гр. Толстой не описываетъ, а ставитъ строчку точекъ.

Ляпинскій домъ произвелъ на гр. Толстаго потрясающее впечатлѣніе. И онъ придумалъ вызвать въ богатыхъ людяхъ сочувствіе къ городской нищетѣ, собрать деньги, набрать людей, желающихъ содѣйствовать этому дѣлу, и вмѣстѣ съ переписью, которая тогда предполагалась въ Москвѣ, обойти всѣ притоны бѣдности, войти въ общеніе съ несчастными, помочь имъ деньгами, работой, помѣщеніемъ дѣтей въ школы, стариковъ и старухъ въ пріюты и богадѣльни. Однимъ словомъ, организовать самую широкую и дѣятельную благотворительность.

Графу Толстому для переписи назначили участокъ у Смоленскаго рынка, гдѣ находятся дома, называемые вообще Ржановъ домъ или Аржановская крѣпость. Дома эти принадлежали когда-то купцу Ржанову, а теперь принадлежатъ Зиминымъ. Гр. Толстой подошелъ къ Аржановской крѣпости съ Никольскаго переулка; спускаясь подъ гору, онъ поровнялся съ мальчиками отъ 10 до 14 лѣтъ въ курточкахъ и пальтецахъ, катающихся кто на ногахъ, кто на одномъ конькѣ подъ гору по обледенѣвшему стоку тротуара. Мальчики были оборванные и, какъ всѣ городскіе мальчики, бойкіе и смѣлые. Гр. Толстой остановился посмотрѣть на нихъ. Изъ-за угла вышла, съ желтыми, обвисшими щеками, оборванная старуха. Поровнявшись съ гр. Толстымъ, она остановилась, переводя хрипящее дыханіе. «Вишь, — сказала она, указывая на катавшихся мальчиковъ,—только баловаться! Такіе же ржановцы, какъ отцы будутъ». Одинъ изъ мальчиковъ, услыхавъ слова старухи, остановился. «Что ругаешься? — закричалъ онъ на старуху,—сама ржановская козюлиха!» Толстой спросилъ у мальчика: «А вы тутъ живете?»—«Да, и она тутъ. Она голенищи украла»,—крикнулъ мальчикъ, и поднявъ впередъ ногу, покатился дальше. Старуха разразилась самою неприличною бранью.

Съ горы въ это время, размахивая руками (въ одной была связка съ однимъ маленькимъ калачомъ и баранками), шелъ по серединѣ улицы бѣлый, какъ лунь, старикъ весь въ лохмотьяхъ. Старикъ имѣлъ видъ человѣка, только что подкрѣпившагося шкаликомъ. Онъ слышалъ, видно, брань старухи и взялъ ея сторону. «Я васъ, чертенята, у!» — крикнулъ онъ на ребятъ, направляясь какъ будто

на нихъ. Старикъ этотъ на Арбатѣ поражаетъ своею старостью, слабостью и нищетой. Здѣсь же это былъ веселый работникъ, возвращающійся съ дневнаго труда.

Встрѣча съ ругающеюся старухой, съ веселымъ старикомъ и съ катавшимися мальчишками вдругъ совершенно съ новой стороны показали гр. Толстому дѣло, которое онъ затѣвалъ. «Я понялъ тутъ въ первый разъ, — говоритъ гр. Толстой, — что у всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которымъ я хотѣлъ благодѣтельствовать, кромѣ того времени, когда они, страдая отъ холода и голода, ждутъ впуска въ домъ, есть еще время, которое они на что-нибудь да употребляютъ, есть еще 24 часа каждыя сутки, есть еще цѣлая жизнь, о которой я не думалъ. Я понялъ здѣсь въ первый разъ, что всѣ эти люди, кромѣ желанія укрыться отъ холода и насытиться, должны еще жить какъ-нибудь тѣ 24 часа, каждыя сутки, которыя имъ приходится прожить такъ же, какъ и всякимъ другимъ. Я понялъ, что эти люди должны сердиться, и скучать, и храбриться, и тосковать, и веселиться. Я, какъ ни странно это сказать, въ первый разъ ясно понялъ, что дѣло, которое я затѣвалъ, не можетъ состоять въ томъ только, чтобы накормить и одѣть тысячу людей, какъ бы накормить и загнать подъ крышу 1,000 барановъ, а должно состоять въ томъ, чтобы сдѣлать доброе людямъ. И когда я понялъ, что каждый изъ этой тысячи людей такой же точно человѣкъ, съ такимъ же прошедшимъ, съ такими же страстями, соблазнами, заблужденіями, съ такими же мыслями, такими же вопросами, — такой же человѣкъ, какъ и я, то затѣянное мною дѣло вдругъ представилось мнѣ такъ трудно, что я почувствовалъ свое безсиліе, но дѣло было начато (проектъ облагодѣтельствованія), и я продолжалъ его».

Помимо общаго жизненнаго интереса, который представляетъ описаніе гр. Л. Толстаго московской нищеты и пролетаріата, оно ясно заключаетъ въ себѣ огромный чисто-личный и психологическій интересъ. Гр. Л. Толстой искренно, безъ ложнаго стыда, хотя и не безъ рисовки, впускаетъ читателя въ свою душу и показываетъ, какъ въ ней зарождались новые вопросы и какъ онъ ихъ разрѣшалъ. Эта, такъ сказать, умственная автобіографія гр. Л. Толстаго представляетъ единственный интересъ во всей его статьѣ и самую цѣнную ея часть.

Цѣнность ея двойная. Вы видите, во-первыхъ, ростъ человѣческой души, возникновеніе въ ней общественныхъ чувствъ, сознанія общечеловѣческихъ задачъ и выборъ или установленіе тѣхъ практическихъ мѣръ осуществленія, къ которымъ пришло это сознаніе; а, во-вторыхъ, въ васъ является цѣлый рядъ вопросовъ чисто-общаго характера. Начну съ нихъ.

То, что разсказываетъ гр. Л. Толстой о пробужденіи въ немъ общественныхъ чувствъ, относится къ 1882 году (кажется въ этомъ году была перепись Москвы). Гр. Л. Толстому было тогда лѣтъ пятьдесятъ, онъ стоялъ въ апогеѣ своей литературной извѣстности, имя его повторялось всѣмъ читающимъ міромъ, романы его переводились на всѣ языки.

И знаменитый романистъ и психологъ, создавшій такую эпопею, какъ «Война и миръ», гдѣ передъ глазами читателя раскрываются законы, управляющіе цѣлыми милліонами людей, геніями и простыми смертными, Наполеономъ и солдатикомъ Каратаевымъ, — этотъ самый, несомнѣнно много видѣвшій, много наблюдавшій и много думавшій писатель на пятидесятомъ году своей жизни въ первый разъ видитъ московскихъ нищихъ и городскую бѣдноту! И эта бѣднота его поразила, возмутила и взволновала до глубины души, — взволновала до того, что, придя домой, гр. Л. Толстой началъ разсказывать одному пріятелю свои впечатлѣнія, и когда тотъ ему отвѣтилъ, что это самое естественное городское явленіе, а въ Лондонѣ и еще хуже, то гр. Л. Толстой сталъ возражать, но съ такимъ жаромъ и съ такою злобой, что жена гр. Толстаго прибѣжала изъ другой комнаты, спрашивая: что случилось? «Оказалось, — пишетъ гр. Л. Толстой, — что я, самъ не замѣчая того, со слезами въ голосѣ кричалъ и махалъ руками на своего пріятеля. Я кричалъ: «такъ нельзя жить, нельзя такъ жить, нельзя!» Это свидѣтельство самого гр. Л. Толстаго.

Скажите же, что это за условія общаго умственнаго развитія, что это за замуравленность личной жизни, что человѣкъ можетъ прожить полвѣка бокъ-о-бокъ съ самою что ни-на-есть общественною болячкой и гнойною раной — и ея не видѣть, никогда о ней ничего не слышать, ничего о ней не читать и существованіи ея совсѣмъ и не подозрѣвать? Да и откуда человѣкъ и могъ бы о ней что-нибудь услышать, когда онъ и родился, и учился, и росъ, и жилъ въ глухомъ лѣсу. Осина, своею вѣчно подвижною листвой, говорятъ, разбалтываетъ разные секреты, но, вѣроятно, не эти. И вотъ русскій человѣкъ, если онъ самъ уберегъ себя въ молодости или другіе уберегли его отъ книгъ и идей, отдаетъ дань своей человѣчности и потребности быть общественнымъ существомъ въ такую пору, когда европеецъ достигаетъ уже своего высшаго умственнаго развитія.

Въ этомъ кусочкѣ автобіографіи гр. Л. Толстаго *(Мысли по поводу переписи)* мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство подобнаго умственнаго запаздыванія. Увидѣвъ нищету Ляпинскаго дома, гр. Л. Толстой мечтаетъ искоренить всю умственную и матеріальную бѣдность широкою благотворительностью, а побывавъ въ Аржановской крѣпости и всмотрѣвшись въ катающихся мальчишекъ, ругающуюся старуху и веселаго нищаго, гр. Л. Толстой не только понялъ, что благотворительностью тутъ ничего не подѣлаешь, но понялъ еще и другую вещь, болѣе важную, что всякій изъ этой тысячи людей такой же точно человѣкъ, съ такими же страстями, соблазнами, заблужденіями, — однимъ словомъ, такой же человѣкъ, какъ и онъ. Гр. Л. Толстой почти слово въ слово повторилъ Фрид. Штрауса, слова котораго я привелъ въ другой ста-

тьѣ. Не прибавилъ онъ только: «въ этомъ вся нравственность». И дѣйствительно, замѣчательно, какъ долго можно прожить у насъ на свѣтѣ, обходясь безъ общественной нравственности и даже не подозрѣвая, что она существуетъ. Только теперь, послѣ посѣщенія Ляпинскаго дома и Аржановской крѣпости, нравственное чувство овладѣло всѣмъ существомъ гр. Л. Толстаго.

Можетъ быть, и хорошо, что мы молодѣемъ въ старости, но печально при этомъ то, что вслѣдъ за молодостью мы отрекаемся отъ всего своего предъидущаго. Примѣръ этого мы уже видѣли на Гоголѣ, который совсѣмъ отвернулся отъ себя, вычеркнулъ все свое прошлое, какъ заблужденіе, какъ нѣчто недостойное человѣка и христіанина, и все, что онъ написалъ и напечаталъ, охотно сжегъ бы вмѣстѣ со вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ», если бы это было возможно. Съ гр. Л. Толстымъ свершается тоже нѣчто подобное. Онъ тоже отвернулся отъ своей прошлой литературной дѣятельности, тоже нашелъ ее пустой, суетной, мелкой, недостойной и вступилъ на стезю личной добродѣтели. Не совсѣмъ одинаковое по формѣ, но одинаковое по духу, свершилось превращеніе и въ Достоевскомъ.

Что это за роковое сцѣпленіе обстоятельствъ и условій, что за замуравленность жизни, которая держитъ сначала человѣка въ одиночествѣ умственномъ, а когда въ немъ проснется дѣятельность мысли онъ захочетъ понять явленія высшаго нравственнаго порядка, которыхъ до тѣхъ поръ не касалось его вниманіе, онъ уже и самъ, совершенно добровольно (должно быть, вслѣдствіе общаго одиночнаго строя русской жизни) опять замуравливается, хотя и въ другую форму душевнаго одиночества? Неужели же это нравственность, общественная нравственность, и почему она принимаетъ такую эгоистическую и даже высокомѣрную форму, хотя, въ то же время, человѣкъ совершено искренно и говоритъ, и чувствуетъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всякій другой?

Причину этого, какъ кажется, нужно искать въ сознаніи каждымъ какъ своего личнаго безсилія, такъ и своей общественной изолированности. Я опять обращусь за доказательствами къ фактамъ, которые далъ гр. Л. Толстой,—во-первыхъ, потому, что онъ незаурядный человѣкъ, а, во-вторыхъ, потому, что онъ даетъ очень хорошій и обнародованный имъ самимъ матеріалъ для заключенія.

Гр. Л. Толстой сдѣлалъ цѣлый рядъ опытовъ, въ которыхъ его дѣятельное чувство любви не привело ни къ какимъ результатамъ. Хотѣлъ онъ помочь работой просившему милостыню калужскому мужику, далъ ему денегъ на пилу, сказалъ, куда приходить на работу, мужикъ клялся, что придетъ, и—обманулъ. Обманули его другіе такіе же нищіе. Въ Ляпинскомъ домѣ онъ испоилъ сбитнемъ почти половину его обитателей и роздалъ всѣ деньги, какія у него были, но ни изъ сбитня, ни изъ розданныхъ денегъ не получилось ничего. Въ Аржановской крѣпости онъ убѣдился ужь окончательно, что милостыней и благотворительностью ничего не подѣлаешь, да и обитатели Аржановской крѣпости ни въ томъ, ни въ другомъ особенно не нуждались. Всѣ они были рабочіе, и хотя жили тѣсно и грязно, но работали или торговали, вообще трудились и, «вмѣсто несчастныхъ, погибшихъ и развращенныхъ, я,—говоритъ гр. Л. Толстой,—видѣлъ большинство трудящихся, спокойныхъ, довольныхъ, веселыхъ, ласковыхъ и очень хорошихъ людей». Если между ними и бывали иногда нуждающіеся, то всегда оказывалось, что имъ уже ранѣе помогли сосѣди, обитатели этой же Аржановской крѣпости, и посторонняя помощь оказывалась ненужной. Обитателямъ «дворянской» части Ржанова дома никакими деньгами и нельзя было помочь, потому что всѣ они соскочили съ рельсовъ и никакъ на нихъ попасть не могли. Это были люди безъ настоящаго и будущаго, жившіе прошлымъ, и — увы! — невозвратнымъ прошлымъ.

Захотѣлъ было гр. Л. Толстой спасти погибшихъ женщинъ и одну изъ нихъ спросилъ, не хочетъ ли она перемѣнить жизнь? Она усмѣхнулась и сказала:

— Да кто же меня возьметъ съ желтымъ билетомъ?

— Ну, да, если бы найти мѣсто кухарки или куда?—сказалъ гр. Л. Толстой.

— Кухарки? да я не умѣю хлѣбы-то печь,—сказала она и засмѣялась. Она сказала, что не умѣетъ, но гр. Л. Толстой видѣлъ по выраженію ея лица, что она и не хочетъ быть кухаркой, что она считаетъ положеніе и званіе кухарки низкими.

Еще хотѣлось ему спасти 13-ти лѣтнюю дѣвочку, которой торговала ея мать, но подумалъ онъ и понялъ, что при томъ взглядѣ на жизнь, который образовался у этой женщины, въ поступкѣ ея нѣтъ рѣшительно ничего дурнаго и безнравственнаго. Она дѣлала и дѣлаетъ для дочери все, что можетъ, т.-е. что считаетъ она лучшимъ для себя. Силой отнять дочь можно, но убѣдить мать, что она дѣлаетъ дурное, продавая свою дочь, нельзя.

Задумалъ гр. Толстой спасать дѣтей и взялъ къ себѣ изъ Ржанова дома 12-ти лѣтняго мальчика, но мальчикъ сбѣжалъ черезъ недѣлю опять въ Ржановъ домъ и нанялся на Прѣсненскихъ прудахъ за 30 копѣекъ въ день въ процессію какихъ-то дикарей, водившихъ слона. Дѣтей въ самомъ жалкомъ положеніи было очень много въ Аржановскомъ домѣ: были дѣти проститутокъ, были сироты, были дѣти, носимыя нищими по улицамъ, и всѣ они были очень жалки, но гр. Толстой уже изъ опыта съ сбѣжавшимъ отъ него мальчикомъ убѣдился, что онъ не въ состояніи помочь имъ, «живя своей жизнью»,—прибавляетъ гр. Толстой.

И это сознаніе своего личнаго безсилія и въ то же время, глубоко дѣятельное чувство сердоболія и непремѣнное желаніе сдѣлать что-нибудь нравственное, хорошее, доброе, спасающее, выразилось именно въ особой, своеобразной и чисто-русской формѣ. Чисто-русская форма здѣсь въ томъ, что человѣкъ убѣжалъ отъ дѣла, что онъ подумалъ, много и сильно подумалъ, наболѣлъ и возмутился душой и рѣшилъ, что все скверно въ жизни: не служитъ ей какъ слѣдуетъ наука, не помогаютъ открытія и изобрѣтенія и больше всего мѣшаютъ ту-

ность и эгоизмъ и то, что люди живутъ не такъ. Съ поразительною умственною смѣлостью человѣкъ отринулъ и современную цивилизацію, и современную культуру, и современную науку, и современную экономику,—все отринулъ и разметалъ, все проклялъ, отъ всего отвернулся, и, проклявъ и отвернувшись отъ всего и понявъ, что онъ ничего самъ лично не подѣлаетъ, этотъ человѣкъ отпустилъ бороду, посыпалъ голову пепломъ, ушелъ въ дремучій лѣсъ и, вырывъ пещеру, засѣлъ въ ней одинъ, совсѣмъ одинъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, поразительная умственная смѣлость, какой нигилизмъ отрицанія и, въ то же время, какое полное отсутствіе того, что зовется волей, характеромъ, дѣятельнымъ поведеніемъ!

И это опять наша родная черта, выражающаяся въ однихъ (какъ въ гр. Толстомъ) въ смѣломъ теоретическомъ отрицаніи дѣйствительности, въ полнѣйшей пассивности поведенія и въ бѣгствѣ назадъ, или, какъ въ Достоевскомъ, въ обращеніи къ старымъ пенатамъ, къ «Домострою», къ идеализаціи собственныхъ страданій и собственнаго личнаго умаленія. И всегда это бѣгство назадъ, всегда бѣгство отъ жизни, отъ настоящей и живой дѣятельности, всегда это какая-то болѣзненная нервность и ничего въ этомъ бѣгствѣ нѣтъ ни настоящаго здорово-умственнаго, ни смѣлаго, ни практичнаго, ни дѣятельнаго.

Все это тяжелые, очень тяжелые вопросы, и не для того я заговорилъ о нихъ, чтобы кого-нибудь обвинять. Я только устанавливаю факты, отвѣчаю на вопросъ, отчего наше благожелательство бѣжитъ въ лѣсъ и садится въ пещеру, отчего у насъ погибаютъ или свихиваются такіе выдающіеся по способностямъ и талантамъ люди, какъ Гоголь, Достоевскій и нѣкоторые изъ нашихъ извѣстныхъ современниковъ. Посмотрите, какая масса благопожеланій и стремленій, чтобы всѣмъ жилось по-божески, у насъ погибаетъ безъ всякаго дѣйствительнаго результата и мы лишь болѣемъ одними желаніями! А что такое подобный фактъ, что люди только въ пятьдесятъ лѣтъ впервые додумываются, что на свѣтѣ есть общественная нравственность и что безъ нея не проживешь? На что же уходили всѣ эти пятьдесятъ лѣтъ ранѣе, отчего люди не начали своей жизни прямо съ идей и привычекъ справедливости, отчего они нигдѣ ихъ не видѣли и не находили? Американскій ребенокъ простою практикой ежедневныхъ отношеній, просто только тѣмъ, что онъ видитъ и что онъ слышитъ, безъ всякаго напряженія и труда ростетъ въ общественныхъ понятіяхъ, надъ которыми мы начинаемъ задумываться въ пятьдесятъ лѣтъ. Отъ этого мы такъ и избиты нервами и напряженіемъ мысли, пытающейся обнять, проникнуть и понять нашу многомудрую и запутанную жизнь,—напряженіемъ, способнымъ особенно впечатлительныхъ и чувствительныхъ людей доводить до полнаго психическаго разстройства.

Жалуются на необыкновенно сильно развившуюся у насъ въ послѣднее время нервность, да какъ же ей не явиться при такомъ безплодномъ напряженіи мысли, не имѣющей никакого выхода въ дѣлѣ? Графъ Толстой далъ своею умственною исповѣдью превосходную иллюстрацію къ этому общему состоянію русской мысли. Когда погибали маленькіе люди, никто этого не замѣчалъ, и сколько ихъ погибло, никому неизвѣстно. А и маленькіе тоже думали и о томъ же; случалось, что и въ пещеры не садились, какъ это дѣлали крупные,—ну, и выходили въ тиражъ, и только.

Въ томъ же нумерѣ «Недѣли» (4), въ которомъ г. Д. Ж. приглашаетъ идти въ пещеру за гр. Толстымъ, разрѣшившимъ будто бы окончательно вопросы нашей интеллигенціи, и что ей дѣлать, есть корреспонденція изъ Павловска-Воронежскаго. Разсказывается въ этой корреспонденціи, какъ грязь сдѣлала для крестьянъ трудными заработки извозомъ и затруднила уплату недоимокъ, которыя, однако, взыскиваются съ большою строгостью. «Въ деревнѣ Потаповкѣ, въ концѣ прошлаго декабря, лишилъ себя жизни мѣстный староста, которому пришлось выгонять крестьянскую скотину на продажу за недоимки. Покойный страшно тяготился этимъ, говоритъ корреспондентъ: «Те плаче, те тебе лае, те нарікае—ажъ сердце кровью запікаеться»,—говорилъ онъ и—повѣсился. Предположите, что истинная причина самоубійства и не та, но скажите, что же въ этомъ фактѣ у насъ невозможнаго, если бы причина была вѣрна?

Въ томъ же нумерѣ «Недѣли» предлагается вопросъ, что долженъ дѣлать обыватель, когда онъ встрѣчаетъ на улицѣ какое нибудь безобразіе: избиваютъ слабосильнаго, «волокутъ» (въ буквальномъ смыслѣ слова) по землѣ женщину, подвергаютъ истязаніямъ ребенка и т. д.? Долженъ ли онъ спокойно пройти мимо такого безобразія, потому что это не наше дѣло, или обязанъ вмѣшаться и защитить? Этотъ вопросъ ставится по поводу безпричиннаго заарестованія г-жи Красовской, за которую вступились г. Гаршинъ и его жена. И этотъ вопросъ—нашъ живой вопросъ. Читатель, можетъ быть, помнитъ случай, приведенный мною въ одномъ изъ предъидущихъ *Очерковъ*, когда не только писарь, спасшій утопленницу, но и репортеръ газеты, напечатавшій объ этомъ, не были увѣрены, можетъ ли тотъ, кто спасъ утопленницу, ее откачивать. Совсѣмъ простъ и естественъ поэтому и случай такого показанія свидѣтеля кулачной расправы двухъ какихъ-то бойцовъ съ редакторомъ одной одесской газеты: «Я, г. судья, совсѣмъ ни причемъ. Собралось какое-то собраніе, а мое дѣло, г. судья, подальше отъ собранія: понявъ, что тутъ дѣло не ладно, я поспѣшилъ удалиться. Больше ничего не знаю». Графъ Толстой разсказываетъ, ужь не припомню гдѣ, что разъ въ Москвѣ онъ встрѣтилъ полицейскаго, волочившаго нищаго. Графъ Толстой остановилъ городоваго, собралась вокругъ толпа.

«— Ты грамотный?—спрашиваетъ гр. Толстой полицейскаго.

«— Грамотный.

«— Евангеліе читалъ?

«— Читалъ.

«— Знаешь, что тамъ говорится?
«— Знаю.
«— Такъ какъ же ты обижаешь человѣка?
« – А ты грамотный?—спрашиваетъ въ отвѣтъ полицейскій гр. Толстаго.
«— Грамотный.
«— Полицейскій уставъ читалъ?
«— Нѣтъ.
«— Ну, то-то!»

Это все хотя уличные и, повидимому, очень мелкіе факты, но уже и въ нихъ чувствуется сила какого-то жизненнаго разнообразія, что-то широкое, развѣтвляющееся, и цѣлый укладъ отношеній, воспитывающихъ людей въ сдержанности, осторожности, невмѣшательствѣ, даже въ боязни дать просторъ своимъ доброжелательнымъ чувствамъ. И это на улицѣ, гдѣ, повидимому, и всякому физическому насилію на глазахъ людей открытъ меньшій просторъ, да и общественному доброжелательству выразиться всего удобнѣе. Оставьте улицу и углубитесь въ дебри русской жизни, такъ сказать, въ самый центръ ея лабораторіи, откуда исходятъ и гдѣ совершаются всѣ ея явленія. Ой! какимъ вы маленькимъ окажетесь, читатель, какъ бы ни было велико ваше общественное чувство и ваше желаніе дѣлать добро и творить справедливость. И зная русскую жизнь, какую цѣну можно дать той теоріи общественной нравственности, которая проповѣдуетъ удаленіе отъ зла и молчаливое одиночное сидѣніе въ пещерѣ? По общимъ условіямъ и практическимъ отношеніямъ, мы, русскіе, и такъ самый эгоистичный народъ въ мірѣ. А самое печальное, что мы этого до сихъ поръ не можемъ ни понять, ни сознать. Отъ этого мы не найдемъ мѣста и дѣла не только своему благожелательству, не найдемъ мѣста и себѣ, ни—еще того менѣе—мѣста въ международности, до которой намъ рости и думать еще долго, долго. Такъ мы и торчимъ среди народовъ какимъ-то отрѣзаннымъ ломтемъ, да и дома-то мы отрѣзаны другъ отъ друга точно такъ же...

А, впрочемъ, есть въ Европѣ и еще одинъ народъ, нѣсколько похожій на насъ. Это наши сосѣди—нѣмцы. Одинъ изъ вѣрныхъ сыновъ Германіи, патріотъ въ хорошемъ смыслѣ, призадумавшись надъ судьбой своего отечества, написалъ книжечку (Die Characterlosigkeit in Deutschland), въ которой доказываетъ, что Германія страдаетъ отъ недостатка характера и что ей совсѣмъ неясны ни причины ея страданій, ни средства для ихъ исцѣленія. Авторъ думаетъ, что въ Германіи вообще, а въ ея прибалтійскихъ округахъ въ особенности существуютъ еще законы и порядки очень стѣсняющіе гражданъ и отпускающіе имъ очень маленькую порцію простору и личной свободы,—порцію гораздо меньшую, чѣмъ какая бы должна соотвѣтствовать теперешнему состоянію нѣмецкой цивилизаціи и нуждамъ страны.

XXVII.

Нынѣшній очеркъ я начну смертью Гаршина. Съ Гаршинымъ знакомъ я не былъ, но мнѣ случалось встрѣчаться съ нимъ у общихъ знакомыхъ, и, несмотря на мимолетность нашихъ короткихъ встрѣчъ, Гаршинъ оставилъ во мнѣ очень яркое воспоминаніе. Есть такіе люди, отъ которыхъ точно идутъ какіе-то невидимые, теплые, влекущіе лучи. Отъ Гаршина именно и шли такіе лучи. Отъ всей его красивой фигуры вѣяло добротой и спокойствіемъ, и въ его большихъ черныхъ глазахъ чувствовалось что-то умиротворяющее, любящее, понимающее. Именно понимающее. Вы чувствовали, какъ, говоря съ вами, онъ проникалъ въ васъ своими черными, красивыми глазами, но это не былъ колючій, острый, рѣжущій, высматривающій взглядъ, вызывающій сторожливое чувство,—нѣтъ, бархатный, мягкій взглядъ, устремленный на васъ, ничего въ васъ не высматривалъ, не сравнивалъ съ чѣмъ-то другимъ, не растягивалъ по какой-то мѣркѣ, не давилъ книзу. Вы чувствовали, что передъ вами не врагъ, котораго нужно бояться и противъ котораго не мѣшаетъ, на случай, держать камень въ карманѣ, а человѣкъ, съ которымъ совершенно безопасно и что человѣкъ этотъ все готовъ, все хочетъ и все умѣетъ понять. Какъ-то сразу эти бархатные, мягкіе, умные глаза устанавливали съ вами взаимную душевную связь и вы чувствовали себя легко и спокойно. Это секретъ рѣдкихъ натуръ, но натуръ даровитыхъ, умныхъ, истинно человѣческихъ. Такимъ именно и былъ Гаршинъ, какъ пишутъ о немъ теперь близко знавшіе его люди.

Не задолго до смерти Гаршинъ попалъ въ «исторію», надѣлавшую не мало шума и бывшую три раза предметомъ судебнаго разбирательства. Ночью, на Невскомъ, «тащили» въ участокъ дѣвушку, заподозрѣнную въ проституціи. Въ слабую, беззащитную женщину вцѣпились дворники и произошла сцена самаго грубаго насилія. Каждый изъ этихъ здоровенныхъ мужиковъ, привыкшихъ носить сразу по сажени дровъ въ пятый этажъ, могъ бы, кажется, унести подъ мышкой десять такихъ дѣвушекъ, но сплачи, чуть не толпой, накинулись на не хотѣвшую идти добровольно дѣвушку, затѣяли съ нею борьбу и волокли ее, какъ бы волокли они куль. Гаршинъ вступился за несчастную и увлекъ за собою многихъ изъ прохожихъ. «На разбирательствѣ у мироваго высказалась во всей ясности симпатичная, глубоко-гуманная, всепрощающая натура Гаршина. Въ то время какъ другіе участники дѣла не могли иначе, какъ съ глубокою злобой, говорить объ агентѣ полицейско-врачебнаго комитета, аресто-

вавшемъ несчастную, о дворникахъ, тащившихъ ее, и о полицейскомъ чиновникѣ, грубо встрѣтившемъ протестантовъ, явившихся въ участокъ заступаться за арестованную, Гаршинъ относился ко всѣмъ этимъ лицамъ безъ малѣйшей злобы, указывая на то, что корень зла не въ этихъ исполнителяхъ медико-полицейскаго надзора, а въ самомъ этомъ надзорѣ, въ тѣхъ условіяхъ жизни, которыя создали и поддерживаютъ необходимость этого надзора. И таковъ Гаршинъ былъ во всемъ и всегда. Онъ ненавидѣлъ зло, но любилъ людей. Это была поистинѣ христіанская натура» (выписку эту я сдѣлалъ изъ воспоминаній г. Абрамова, напечатанныхъ въ «Недѣлѣ»).

Я не стану говорить о моральныхъ особенностяхъ Гаршина, на которыя указывалъ г. Абрамовъ, т.-е. что онъ любилъ людей, ненавидѣлъ зло и былъ поистинѣ христіанскою натурой. Рядомъ съ этими нравственными качествами выступаетъ изъ того же факта, приводимаго г. Абрамовымъ, качество болѣе цѣнное—умственное. Какъ Кювье по одному зубу воспроизводилъ цѣлый скелетъ, такъ и по этому одному факту можно воспроизвести полный умственный образъ Гаршина, опредѣлить руководившія имъ идеи и самого Гаршина воспроизвести въ подобную же руководящую идею. Тутъ дорогъ именно живой человѣкъ во всемъ его жизненномъ поведеніи. И выразилось оно не въ одномъ лишь сердечномъ порывѣ на защиту страдающаго и слабаго, или въ негодованіи на грубое насиліе и издѣвательство орды мужиковъ надъ беззащитною женщиной и надъ еще болѣе возмутительнымъ насиліемъ агента полицейскаго врачебнаго комитета, тѣшившагося своею властью,—нѣтъ, тутъ дѣло не въ чувствѣ жалости или въ чувствѣ негодованія, а въ цѣломъ міровоззрѣніи, которое все такъ и сказалось въ одномъ этомъ фактѣ. Вся симпатичность нравственнаго образа Гаршина заключается въ спокойной, уравновѣшанной цѣльности его характера, въ томъ вѣрномъ смыслѣ, съ какимъ онъ понималъ кутерьму нашей современной жизни. Онъ не морализируетъ и не обвиняетъ, онъ не требуетъ гуманности, гдѣ и слѣда ея быть не можетъ, онъ какъ будто даже и оправдываетъ дворниковъ и агента, онъ понимаетъ и грубость полицейскаго чиновника, все онъ понимаетъ. И понимая все это, онъ не проходитъ равнодушно мимо толпы, волокущей по тротуару беззащитнаго человѣка; онъ является обвинителемъ и свидѣтелемъ и ведетъ свое свидѣтельство до установленія и общихъ причинъ, создающихъ подобныя явленія... Это человѣкъ не только чувствующій, но и понимающій, не только понимающій, но и поступающій,—это умъ и характеръ, соединенные вмѣстѣ, а потому и производящіе впечатлѣніе цѣльности.

Я знаю, что на всѣхъ людей нельзя надѣть одну голову, но есть понятія, которыя въ данное время для всѣхъ должны быть обязательны. Каждому обязательно быть справедливымъ, а, слѣдовательно, понимать свое мѣсто въ человѣческой природѣ, т.-е. въ обществѣ. Какъ, повидимому, ни просто понятіе о справедливости, но оно у насъ настолько рѣдко, что даже такое простое и естественное поведеніе, какое мы встрѣчаемъ въ Гаршинѣ, кажется у насъ чѣмъ-то выдвигающимъ изъ ряда. И что же особеннаго свершилъ Гаршинъ? Идетъ онъ по Невскому, видитъ, что силачи упражняютъ свою силу надъ младенцемъ, вступается за младенца, а затѣмъ судьѣ и публикѣ объясняетъ, что не одни силачи причиной всей этой исторіи, а есть у нея еще и корни, и что на эти-то корни и слѣдуетъ обратить главное вниманіе... Написалъ я это и задумался. Какъ же такую азбучную, простую мысль предлагать съ серьезнымъ видомъ читателю, точно великое нравственное открытіе? Гдѣ это возможно?

Вопросъ о «средѣ» и «моральной личности» и до сихъ поръ у насъ еще «нерѣшенный вопросъ», хотя острое время его прошло. Строгихъ моралистовъ первой формаціи, ожидавшихъ отъ «энергической личности» общественнаго обновленія, смѣнили теперь пророки «христіанской морали» и душеспасительнаго житія на необитаемомъ островѣ. Но едва ли это шагъ впередъ. Проповѣдники «энергической личности», все-таки, толкали на борьбу, а наши новые проповѣдники и это запрещаютъ, потому что всякая борьба есть зло. А, впрочемъ, въ общественно-практическомъ отношеніи обѣ моральныя теоріи приводятъ къ одному результату, потому что общественное обновленіе возлагаютъ на усовершенствованную личность. То же самое говорилъ всегда и Катковъ, говорили противники освобожденія и реформъ. Они тоже доказывали, что люди должны сначала усовершенствоваться, и ужъ тогда, когда они будутъ въ состояніи понять благодѣяніе свободы и справедливаго суда, дать имъ и свободу, и справедливый судъ. Наполеонъ III хотѣлъ «увѣнчать» свое зданіе свободой тоже только тогда, когда французы научатся понимать ее.

Но и проповѣдники теоріи «среды» не остались на старомъ мѣстѣ, а ввели въ свою теорію дополненіе. Сначала они ставили человѣка въ исключительную зависимость отъ «среды», т.-е. отъ общественныхъ условій, и всю отвѣтственность возлагали только на эти условія. Теперь они дѣлаютъ для человѣка обязательнымъ общественное сознаніе и общественныя чувства, и только мѣркой этого сознанія и оцѣняютъ людей. Это уже большой шагъ впередъ въ направленіи общественной зрѣлости.

Когда эти два общественныя ученія появились у насъ, лѣтъ тридцать назадъ, они имѣли преимущественно теоретическій характеръ. Это были, такъ сказать, первыя искры общественныхъ идей, брошенныя въ общество, задумавшееся надъ своимъ положеніемъ и надъ средствами, которыми создаются лучшія отношенія. Вопросъ былъ очень серьезный и споръ, возникшій между сторонниками этихъ двухъ ученій, былъ споръ не о словахъ, а о самой сущности всѣхъ отношеній. Вопросъ заключался въ томъ—развитіемъ ли политическихъ понятій и реформами общественныхъ отношеній достигается умственное, экономическое и общественное улучшеніе, или же вѣрнѣе идти обратнымъ путемъ, т.-е. не сверху внизъ, не отъ общаго къ личному, а снизу вверхъ, отъ личнаго къ общему,

т.-е. чтобы каждая единица преобразовалась умственно, экономически и общественно, а тогда преобразуется самъ собою и весь общественный строй. Рѣчь шла не только о разныхъ міровоззрѣніяхъ, о разныхъ программахъ жизни и различномъ поведеніи людей, но и о совершенно различныхъ типахъ людей. Конечно, эта постановка вопроса чисто-теоретическая и послѣдовательность ея теоретическая, чего въ практической жизни, гдѣ всѣ отношенія болѣе или менѣе сталкиваются и перепутываются, и быть не можетъ. Но, тѣмъ не менѣе, то или другое міровоззрѣніе кладетъ на человѣка свое клеймо, сообщаетъ ему ту или другую общественную и умственную физіономію, опредѣляетъ тотъ или другой характеръ поведенія, даетъ ему ту или другую общественную роль.

Въ моралистѣ (будемъ такъ называть этотъ типъ за неимѣніемъ болѣе точнаго термина) будетъ всегда преобладающимъ личное начало. Это его точка отправленія во всемъ, это основа его справедливости, его аршинъ, которымъ онъ мѣритъ и людей, и всѣ ихъ отношенія. Поэтому онъ будетъ тяготѣть всегда и во всемъ въ сторону свободы личности, стремиться ставить ее въ независимость отъ формъ жизни и, въ то же время, эту самую свободную личность подтянетъ не только къ моральному, но и къ уголовному кодексу. Размахъ его желаній будетъ всегда широкъ, потому что онъ во всемъ будетъ исходить изъ идеи личной свободы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поставитъ надъ этою свободой полицеймейстера (волю) и сдѣлаетъ его отвѣтственнымъ за поведеніе человѣка. Онъ будетъ противъ условныхъ внѣшнихъ формъ жизни и будетъ искать «истины» и внутренней «правды», а такъ какъ онъ ихъ вокругъ себя не найдетъ, то въ практической и общественной жизни пойдетъ по равнодѣйствующей. Это спасетъ его отъ принадлежности къ «партіямъ» и поставитъ его болѣе или менѣе внѣ не только всякихъ политическихъ увлеченій, но, пожалуй, даже и политическихъ теченій, потому что въ нихъ онъ всегда усмотритъ какую-нибудь односторонность и не найдетъ той своей «истины», которую онъ ищетъ въ жизни. Поэтому же онъ будетъ обнаруживать больше склонность къ «наукѣ», къ отвлеченному мышленію, можетъ быть даже къ метафизикѣ, къ философскому исканію «истины» и «правды». При литературномъ талантѣ онъ станетъ «художникомъ» беллетристомъ, можетъ сдѣлаться даже и критикомъ, но это будетъ критикъ-художникъ, ищущій вѣчной красоты, стремящійся освободить искусство отъ вліяній и теченій времени. Критикомъ-публицистомъ онъ никогда не будетъ, а тѣмъ болѣе не будетъ чистымъ публицистомъ или политическимъ писателемъ. Въ немъ будетъ всегда чувствоваться что-то выдѣляющее его изъ другихъ, приподнятость его собственной личности, умственный и нравственный аристократизмъ, симпатіи въ сторону верховъ, тяготѣніе къ бюрократическому строю жизни, представляющему будто бы защиту противъ шумливыхъ, безпорядочныхъ тревогъ демократическаго строя, и «улицы», къ которой онъ питаетъ инстинктивную брезгливость.

Я не берусь рѣшить, какъ онъ поступитъ въ томъ случаѣ, который былъ приведенъ для характеристики Гаршина. Но можно думать, что, возмутившись насиліемъ, онъ скорѣе пройдетъ мимо и, во всякомъ случаѣ, не явится такимъ свидѣтелемъ, какимъ явился Гаршинъ. И моралистъ будетъ въ этомъ случаѣ вполнѣ послѣдователенъ, ибо если бы дѣвушка, вмѣсто того, чтобы сопротивляться, пошла въ участокъ добровольно, ее никто не волочилъ бы силой. Конечно, темпераментъ и въ поведеніи моралиста играетъ важную дѣятельную роль, но, все-таки, есть основаніе думать, что нѣсколько рыбій темпераментъ именно и ставитъ моралиста въ его наблюдательное положеніе и отдаляетъ его отъ активнаго участія въ жизни.

Общественное равнодушіе моралиста есть, несомнѣнно и прежде всего, условіе его натуры, а ужь послѣ того—умственнаго развитія и умственныхъ привычекъ. Мнѣ случилось знать одного очень почтеннаго человѣка, близкаго друга Бѣлинскаго и члена извѣстнаго московскаго кружка сороковыхъ годовъ, который довелъ въ себѣ душевное равновѣсіе до того, что какъ бы совсѣмъ себя выдѣлилъ изъ жизни. Это была натура вполнѣ «художественная», съ традиціями «лучшаго времени», но за то и вполнѣ чуждая всѣхъ общественныхъ теченій. Онъ точно стоялъ за заборомъ на возвышеніи и оттуда смотрѣлъ, какъ копошатся за заборомъ люди. Прямаго участія въ жизни онъ не принималъ (можетъ быть, отъ того, что прошло его время) и его общественное чувство заключалось только въ стремленіи къ примиренію всѣхъ крайностей и въ прінсканіи всеобщей равнодѣйствующей. Онъ любилъ вмѣшиваться въ частныя ссоры, въ столкновенія клубныхъ партій, даже въ земскія несогласія, и вездѣ хотѣлъ явиться миротворцемъ. Но ужь онъ ничѣмъ не возмущался, ни на что не негодовалъ, и если ему приходилось «дѣйствовать», то онъ всегда выбиралъ такое мѣсто, съ котораго удобнѣе стушеваться, не вовлекая себя въ исторію. Эта боязнь «исторій» и «скандаловъ» болѣе или менѣе неизбѣжная черта людей этого типа и такъ называемыхъ «художественныхъ» натуръ. Они всѣ немножко старики и сибариты смолоду и ихъ художественная чистоплотность не выноситъ грубости боевой жизни.

Иной типъ вырабатываетъ теорія «среды». Человѣкъ этого типа за безусловною истиной не гонится и въ этомъ отношеніи онъ попридерживается опредѣленія Платона, что истина есть то, что люди признаютъ истиной въ данное время. Вотъ онъ въ этомъ времени и живетъ, живетъ его дѣлами и болѣетъ его болями. По характеристикѣ г. Абрамова, Гаршинъ принадлежалъ къ мягкой формѣ этого типа. Но и мягко или рѣзко выраженная форма всегда сохраняетъ свою существенную черту. Въ то время, какъ моралистъ дѣлаетъ человѣка отвѣтственнымъ лично, человѣкъ съ общественно-политическимъ міровоззрѣніемъ ставитъ его въ зависимость отъ общихъ условій жизни. И ужь съ этого начальнаго пункта эти два міровоззрѣнія расходятся въ разныя стороны. Моралистъ тре-

буетъ совершенной личности, сторонникъ теоріи среды требуетъ улучшенныхъ условій для развитія личности. Одинъ хочетъ перемѣнъ внутреннихъ, другой—внѣшнихъ; первый поэтому будетъ строгимъ судьей личности, второй явится строгимъ судьей общественныхъ условій, создавшихъ непригодную для общежитія личность. Это два совершенно расходящихся умственныхъ движенія, каждое съ своею программой. Моралистъ всегда строгій, а иногда и неумолимый судья личности; въ немъ всегда есть что-то инквизиторское, уголовное, требовательное и суровое. Человѣкъ теоріи «среды» личность освобождаетъ отъ отвѣтственности, какъ не винитъ, напримѣръ, натуралистъ дубъ, выросшій кривымъ, потому что его корневище встрѣтило въ землѣ камень. Моралистъ мягкой формы можетъ еще простить, извинить, оправдать, но онъ, все-таки снизойдетъ. Это опять аристократическая форма отношеній, а не форма равенства. Ко всему тому, что моралистъ въ лучшемъ случаѣ только извинитъ, человѣкъ «среды» отнесется какъ къ явленію и постарается его понять и объяснить. Отъ этого-то онъ всегда гуманенъ, и вотъ эта-то черта и выдавалась такъ ярко въ Гаршинѣ.

Приведенныя формы—крайнія формы. Въ жизни вообще, а въ русской въ особенности, подобные чистые, послѣдовательные типы встрѣчаются рѣдко и въ каждой русской душѣ есть всегда большая или меньшая примѣсь изъ другаго типа. Но по историческимъ, общественнымъ и всякимъ другимъ условіямъ мы, русскіе, тяготѣемъ преимущественно къ болѣе намъ понятному и симпатичному типу «среды». Въ каждомъ человѣкѣ живетъ твердое убѣжденіе, что лично онъ ни въ чемъ не виноватъ. Самый заматорѣлый преступникъ убѣжденъ, что онъ и не могъ быть инымъ, не могъ не поступать такъ, какъ онъ поступалъ. И ужъ это одно всеобщее и ничѣмъ неустранимое, несмотря ни на какія моральныя поученія, убѣжденіе показываетъ, насколько въ глубинѣ души каждаго сидитъ присущее его природѣ сознаніе, что онъ, этотъ каждый, есть собственно продуктъ условій жизни, въ которыя онъ развился, и обстоятельствъ, отъ которыхъ онъ зависѣлъ и которыя сложили всѣ его понятія и привычки. Вовсе не отъ воли каждаго изъ насъ зависитъ создать себѣ ту или другую жизнь, создать себѣ положеніе, къ которому стремишься. Оттого-то стремленія обыкновенно и расходятся съ дѣйствительностью, а добрыми намѣреніями, какъ говорятъ, замощена дорога въ адъ. Такимъ образомъ, основаніе для теоріи «среды» коренится въ глубинѣ души каждаго, въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя каждый встрѣчаетъ между своимъ внутреннимъ *я* и тѣми скачками съ препятствіями, которыя устраиваетъ ему жизнь. Въ этомъ сознаніи и коренится законъ теоріи. Поэтому-то теорія эта такъ близка и понятна каждому и потому-то она и дѣлаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи въ общественномъ сознаніи и вытѣсняетъ такъ называемую моральную теорію, слишкомъ отвлеченно-высокую и слишкомъ далекую отъ той дѣйствительности, которая непосредственно воспитываетъ каждаго. Возьмите хотя русскую жизнь, возьмите хотя тотъ фактъ (одинъ изъ тысячи подобныхъ и повсюду повторяющихся), въ которомъ дѣйствовалъ Гаршинъ. Когда-то еще моральная теорія проникнетъ въ души петербургскихъ дворниковъ, а, между тѣмъ, даже небольшія перемѣны внѣшнихъ условій уже несомнѣнно связали бы ихъ здоровенные кулачищи.

Поэтому-то (и ужъ, конечно, больше всего поэтому) наша общественная мысль сознательно или безсознательно идетъ не въ лагерь «художниковъ» и моралистовъ, а въ лагерь публицистовъ. Гр. Л. Толстой же, съ его послѣдователями, могутъ образовать только секту мечтателей (да и то изъ людей обезпеченныхъ), а жизнь за ними не пойдетъ. Жизнь въ цѣломъ ея общественномъ строѣ самою силой вещей идетъ путемъ теоріи «среды» и нужно только, чтобы это безсознательное движеніе стало сознательнымъ.

Всѣ наши газеты—газеты политическія (что у большинства ихъ и стоитъ въ заголовкѣ),—значитъ, у нихъ долженъ быть ясно установленный общественный идеалъ, къ которому онѣ стремятся, и такія же ясныя и точныя идеи, къ которымъ они и должны все пріурочивать. Образчикомъ подобнаго пріурочиванія всего къ одному мѣсту и умѣнья нанизывать все на одну нитку можетъ служить «Гражданинъ». Каково бы тамъ ни было направленіе этой газеты (этого я здѣсь не касаюсь), но несомнѣнно, что кн. Мещерскій—писатель съ политическою жилкой, идущій совершенно прямо, даже съ шорами на глазахъ, по своей узенькой тропинкѣ. И оттого, что онъ знаетъ твердо свою дорожку,—и тѣ, кто идутъ за нимъ, тоже не сбиваются съ пути и шагаютъ всѣ нога въ ногу.

Взявъ за образецъ Катона-старшаго, кн. Мещерскій, о чемъ бы ни заговорилъ, всегда кончаетъ однимъ: «А Карѳагенъ нужно уничтожить». Такимъ Карѳагеномъ служитъ для кн. Мещерскаго наше самоуправленіе. Заговоритъ Мещерскій о смерти Вильгельма, непремѣнно скажетъ въ концѣ: «а земство, все-таки, надо уничтожить»; случится ли въ деревнѣ пожаръ, кн. Мещерскій опять свое: «а земство, все-таки, нужно уничтожить»; провалится гдѣ-нибудь желѣзно-дорожный мостъ или родитъ баба урода съ четырьмя головами—и по этому случаю окажется нужнымъ уничтожить земство. Въ этомъ есть «принципъ», есть «точка отправленія», видна школа. Есть у кн. Мещерскаго одна «истина», въ которой онъ не сомнѣвается, и онъ эту «истину» повсюду и всѣмъ тычетъ въ глаза и машетъ ею какъ мечомъ на всѣ стороны, точно Алёша-Поповичъ лошадиною костью. Совсѣмъ по правилу Бёрне. Бёрне разсказываетъ, что одинъ изъ парижскихъ редакторовъ республиканской газеты, пригласивъ его въ сотрудники, далъ ему такую программу: «все свое—безусловно хвалить, все не свое—безусловно бранить». «Я былъ тогда еще глупъ,—замѣчаетъ Бёрне,—и моя нѣмецкая честность возмутилась, но потомъ я понялъ, что онъ былъ правъ». Кн. Мещерскій именно и есть публицистъ этого образца.

Неуклонное стучанье въ одну точку—вотъ про-

грамма публициста. Если у писателя такой точки нѣтъ, пускай онъ пишетъ о сельско-хозяйственныхъ выставкахъ, о съѣздѣ мукомоловъ, пускай хотя перекладываетъ печи — мало ли дѣлъ на свѣтѣ? — но за публицистику онъ браться не долженъ. Точно также и газета должна имѣть точныя мысли, опредѣленную програму и умѣнье пріурочивать все къ своей основной политической идеѣ. Это только и сообщаетъ газетѣ цвѣтъ и физіономію. Газета безъ физіономіи — не газета, не политическій органъ, а только печатная бумага. Несмотря на кажущуюся односторонность и узкость вѣчнаго стучанья въ одну точку, въ немъ именно и заключается ширь, ширь въ томъ размахѣ, который каждая мысль получаетъ отъ своего общественнаго направленія.

Чтобы подтвердить это и показать, что̀ постигаетъ писателя, если онъ не умѣетъ при обсужденіи общественныхъ вопросовъ стать на публицистическую точку зрѣнія, я приведу два указанія изъ двухъ провинціальныхъ (политическихъ) газетъ, вызванныя моимъ февральскимъ очеркомъ. Въ этомъ очеркѣ я говорилъ о разницѣ въ движеніи мысли въ шестидесятыхъ годахъ и нынче, что наша «наука», при всей почтенности трудовъ многихъ нашихъ ученыхъ, не даетъ почти ничего для общественныхъ знаній и что она стоитъ далеко ниже европейской науки. Эта мысль настолько старая, столько разъ она повторялась и настолько всѣмъ извѣстна, что никакими такими вѣскими доказательствами подкрѣплять ее не нужно. Одинъ изъ сотрудниковъ «Одесскаго Листка» (баронъ Иксъ) по поводу этого же самаго очерка сказалъ: «Буквально то же самое писалъ и я по поводу состоявшагося въ Одессѣ съѣзда естествоиспытателей («Одес. Лист.» 1883 г.), на которомъ только и было рѣчи, что «о пищеварительныхъ органахъ у молюсковъ и о процессѣ пищеваренія у этихъ животныхъ», «о химической энергіи окисей щелочныхъ элементовъ», «о структурной формулѣ синяго индиго» и т. д.,—буквально то же писалъ и я (это все пишетъ баронъ Иксъ) и по поводу состоявшагося въ той же Одессѣ археологическаго съѣзда...»

И что же?—эта простая и общеизвѣстная мысль, которую нельзя было не повторить (и нужно повторить ее и еще тысячу разъ по правилу Реклама: «хорошее скажи, и еще разъ скажи, пока не будетъ услышано»), внезапно вызываетъ одного изъ сотрудниковъ «Сѣвернаго Кавказа» (издающагося въ Ставрополѣ) на защиту всѣхъ русскихъ ученыхъ (сотрудникъ этотъ, несомнѣнно, и самъ ученый, даже весьма вѣроятно, что онъ учитель). Онъ не допускаетъ, чтобы въ нашихъ ученыхъ изсякла любовь къ родинѣ и сознаніе своего нравственнаго долга «помогать темному русскому люду посредствомъ выясненія условій его существованія, его нуждъ и потребностей», и указываетъ, что наши «профессора и приватъ-доценты» сотрудничаютъ въ «Пантеонѣ Литературы», въ «Наблюдателѣ», въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и проч., не говоря уже о спеціальныхъ научныхъ органахъ.

И прекрасно, что они сотрудничаютъ въ журналахъ, да только не объ этомъ велась рѣчь. Рѣчь шла о характерѣ и направленіи нашей общественной мысли да о томъ, какія идеи находятся въ оборотѣ, а вовсе не о томъ, сотрудничаютъ или нѣтъ профессора и приватъ-доценты въ «Пантеонѣ Литературы». Противъ адвокатуры за общество и общественное сознаніе нельзя отвѣчать адвокатурой за корпорацію и мысль изъ простора тащить въ щель.

Еще въ бо̀льшую щель влечетъ своихъ читателей сотрудникъ «Одесскаго Листка». Баронъ Иксъ, сдѣлавъ выписки изъ моего очерка, замѣтилъ, что то же самое онъ говорилъ пять лѣтъ тому назадъ, и этотъ сотрудникъ въ томъ же очеркѣ нашелъ, что я беру изъ жизни только мрачное, а «есть у насъ и здоровая, бодрая, умная жизнь!» Ну, конечно; только дѣло въ томъ, что, изображая «здоровую, бодрую и умную жизнь» хоть бы города Одессы, едва ли бы казалось разсудительнымъ желать какихъ-нибудь перемѣнъ и улучшеній. Зачѣмъ это, когда въ Одессѣ и безъ того уже много здоровья, бодрости и ума? Въ этомъ читатель и убѣдится дальше.

Эти два образчика писательскихъ отношеній къ жизни совсѣмъ не единичное явленіе, и я объ нихъ въ подобномъ случаѣ не сталъ бы и говорить. Тутъ приходится имѣть дѣло съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ, за которымъ стоитъ цѣлая масса людей той же степени умственнаго и общественнаго развитія. Фельетонистъ «Сѣвернаго Кавказа», объявившійся адвокатомъ «ученыхъ» (подъ названіемъ «писамъ провинціальнаго читателя» фельетонистъ даетъ журнальное обозрѣніе), принадлежитъ, судя по его критическимъ фельетонамъ, къ типу тѣхъ «моралистовъ», о которомъ я говорилъ, и изъ которыхъ никогда не вырабатывается ни критикъ-публицистъ, ни еще менѣе того чистый публицистъ. Люди этого типа всегда страдаютъ излишнимъ развитіемъ чувства личности, всегда, поэтому, тяготѣютъ въ сторону личнаго, частнаго, корпоративнаго и наклонностью возводить себя во множественное число. Они, по преимуществу, люди «порядка» и «равновѣсія» и потому обыкновенно образуютъ въ жизни инертную, хотя и опрятную толпу.

Еще меньшимъ общественно-политическимъ развитіемъ отличаются тѣ, кто на такъ называемый «мрачный» взглядъ на жизнь отвѣчаютъ: «да, вѣдь, не все же въ жизни ужь такъ мрачно, есть въ ней и свѣтлыя, и хорошія стороны». Эти люди совершенно серьезно думаютъ, что если указывать на дурныя противуобщественныя стороны жизни, то отъ этого въ обществѣ разовьется пессимизмъ и явится подавленность и упадокъ духа и что поэтому нужно подбадривать общество свѣтлыми картинами, благородными геройскими и т. д. Прежде всего (и въ этомъ главная нравственная обязанность всякаго человѣка, а тѣмъ болѣе писателя), не слѣдуетъ фальшивить, а быть во всѣхъ случаяхъ искреннимъ и правдивымъ. Писатель, а тѣмъ болѣе публицистъ, изслѣдующій явленія общественной жизни, только и долженъ видѣть то, что мѣ-

шаетъ или стѣсняетъ ея развитіе. Поэтому-то все его вниманіе и обращается въ сторону препятствій. Докторъ опредѣляетъ не то, что у его паціента здорово, а то, что у него болитъ. Натуралистъ, устанавливающій законы развитія, опредѣляетъ тоже только то, что мѣшаетъ или помогаетъ развитію. Администраторъ точно также ищетъ лишь уклоненія отъ порядка. Уголовный законъ не говоритъ, что люди должны, а указываетъ то, чего они дѣлать не должны. Шиллеръ говоритъ, что «поправлять значитъ вычеркивать». Всѣ реформы основаны на отрицательномъ пріемѣ, то-есть на уничтоженіи помѣхъ и препятствій. Однимъ словомъ, всякое нормальное отношеніе къ жизни заключается только въ устраненіи мѣшающаго, изжившаго, нарушающаго правильное развитіе, препятствующаго именно тому, что безъ этого препятствія и составляло бы «здоровую, бодрую, умную жизнь».

Оттого, что для разъясненія того или другаго общественнаго положенія или вопроса публицистъ беретъ отрицательные факты, этихъ отрицательныхъ фактовъ не только не прибавится, а, напротивъ, убавится. Не въ подборѣ фактовъ дѣло и не въ мрачныхъ краскахъ, а въ вѣрныхъ выводахъ изъ этихъ фактовъ. Никто не набираетъ столько мрачныхъ и даже потрясающихъ фактовъ, какъ «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости», чтобы доказать, что Россія стремглавъ летитъ въ пропасть; но развѣ эти факты смущаютъ кого-нибудь? Смущаютъ выводы «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей», смущаютъ тѣ требованія, которыя они выставляютъ, та *нормальная* жизнь, которую они хотятъ устроить. Чѣмъ бо̀льшее число отрицательныхъ фактовъ вы дадите, тѣмъ доказательнѣе будетъ ваше слово, тѣмъ будетъ очевиднѣе для всякаго справедливость того, что вы предлагаете. Въ читателѣ надо будить мысль и возбуждать сознаніе, а этого можно достигнуть только тѣмъ, что будешь его толкать, а не тѣмъ, что надѣнешь на него ночной колпакъ и закроешь теплымъ розовымъ одѣяломъ.

О русской жизни дѣйствительно иногда мудрено судить и это можетъ быть только оттого, что у насъ такая, а не другая печать, и что сама эта печать, называющая себя зеркаломъ, не всегда отражаетъ Россію такой, какая она есть. Изъ провинціальныхъ газетъ развѣ только 6—8 занимаютъ дѣйствительно подобающее имъ мѣсто, воспитываютъ читателя и даютъ ему вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ и жизни. Остальныя бредутъ въ какомъ-то пустомъ пространствѣ, съ завязанными глазами, путаясь даже въ фактахъ, не зная, какіе изъ нихъ взять, какіе выдвинуть впередъ, какіе отставить назадъ.

Каждая мѣстная газета даетъ преимущественно свои мѣстные, областные или краевые факты, даетъ спеціальныя корреспонденціи и вообще держитъ вниманіе читателя въ своемъ углу. Это иначе и быть не можетъ. И потому, что это не можетъ быть иначе, и читатель мѣстной газеты, если онъ не читаетъ другихъ газетъ, будетъ смотрѣть на міръ Божій преимущественно изъ своей форточки. Если же читатель захочетъ узнать изъ газетъ Россію, увидѣть ее, такъ сказать, съ птичьяго полета, то такой «всероссійской» газеты, которая бы дала ему совокупность фактовъ русской жизни, онъ не найдетъ. Столичныя газеты — газеты преимущественно политическія, провинціи онѣ не удѣляютъ много вниманія, изъ провинціальной жизни помѣщаются въ нихъ только какъ бы случайные отрывочные факты и потому столичный читатель, читающій только свою столичную газету, едва ли можетъ имѣть какое нибудь цѣльное представленіе о той или другой мѣстности или о томъ или другомъ краѣ, а еще того меньше—цѣльное представленіе о Россіи. Оттого-то не только столичные жители имѣютъ очень смутное представленіе о Россіи, но и каждая мѣстность, губернія, край, по той же причинѣ, имѣютъ подобное же смутное представленіе о другой мѣстности, другой губерніи, другомъ краѣ. Гдѣ читатель узнаетъ о Поволжьѣ, если онъ не будетъ читать «Волжскаго Вѣстника», гдѣ онъ узнаетъ о южномъ Кавказѣ, если не будетъ читать «Новаго Обозрѣнія», что онъ узнаетъ о югѣ, не видя одесскихъ газетъ, или о Сибири, не встрѣчая газетъ сибирскихъ? Такимъ образомъ, силою вещей и состояніемъ печати, не только для читателя столичнаго, но даже и областнаго, Россія, въ ея цѣломъ, будетъ страною неизвѣстной, и объ ея внутренней текущей жизни онъ ничего и ни откуда не узнаетъ.

Чтобы увидѣть картину внутренняго русскаго быта, русскихъ нравовъ, русской повседневной жизни, принять въ себя ея умственное и нравственное нутро, — однимъ словомъ, почувствовать эту жизнь, нужно проникнуться впечатлѣніемъ всей провинціальной печати или, попросту, читать всѣ провинціальныя газеты. Средство это для обыкновеннаго читателя недоступно, а, между тѣмъ, другаго средства нѣтъ.

Наши газеты, не только столичныя, но и провинціальныя, построены всѣ по одному типу, совершенно какъ по одному общему типу построены, напримѣръ, млекопитающія. Во всѣхъ газетахъ идутъ сначала политическія статьи, телеграммы, извѣстія правительственныя, административныя, земскія, и все это въ такомъ большомъ количествѣ и разнообразіи, подчасъ очень мелкомъ, что читатель чувствуетъ себя кругомъ ими охваченнымъ и мысль свою полоненною только ими. Бытовымъ фактамъ, изъ обыденной или такъ называемой общественной жизни, отводится въ газетахъ самое ничтожное мѣсто. Обыкновенно ихъ преподносятъ читателю въ видѣ хроники скандаловъ, отрывочной, случайной, не оставляющей никакого общаго и цѣльнаго впечатлѣнія. Но попробуйте сдѣлать съ этою хроникой такой опытъ. Возьмите ножницы и аккуратно каждый день и изъ каждой провинціальной газеты вырѣзывайте только факты изъ внутренней жизни, складывайте эту «внутреннюю жизнь» въ одну кучку и въ теченіе года у васъ накопится такой ворохъ «внутренней жизни», что, погрузившись въ его чтеніе, вы почувствуете себя

въ какой-то дѣйствительно неисходной и смрадной пучинѣ. Газеты только и сообщаютъ, что о скандалахъ, заушеніяхъ, дракахъ и всякихъ насиліяхъ, а о «свѣтлыхъ явленіяхъ» что-то совсѣмъ не печатаютъ. Такъ что, если бы обозрѣватель «внутренней жизни» захотѣлъ бы удовлетворить читателя картиной «здоровой, бодрой, умной жизни», то желаніе его осталось бы неосуществленнымъ, просто по отсутствію газетнаго матеріала.

Совершенно справедливо, что, читая только о скандалахъ, заушеніяхъ и насиліяхъ, нельзя себя чувствовать легко, душа хочетъ чего-то еще и свѣтлаго, радостнаго. Вѣдь, жизнь не въ дракахъ и насиліяхъ, она не лѣтопись только уголовщины и мирового суда. И желаніе отдохнуть на чемъ-нибудь свѣтломъ тѣмъ сильнѣе въ каждомъ, чѣмъ больше этотъ каждый видитъ себя окруженнымъ гнетущими фактами, отъ которыхъ ему хотѣлось бы, наконецъ, выскочить на просторъ и свободу, чтобы отдохнуть въ отношеніяхъ мира, любви и согласія. Самое уже стремленіе къ этому манящему, свѣтлому есть признакъ наболѣвшаго желанія освободиться отъ мрачнаго. И это желаніе совершенно фатально заставляетъ каждаго именно и отыскивать въ жизни только темныя стороны, только то, что нужно сгладить, уничтожить, удалить, чтобы, наконецъ, создалось то свѣтлое, въ которомъ бы, наконецъ, душа отдохнула. Но даже и самый густой подборъ мрачныхъ фактовъ теряетъ свою давящую остроту, когда пробудившемуся общественному сознанію ясно, для чего это дѣлается. При работѣ сознанія, мрачное впечатлѣніе, поднимающее чувство негодованія или другія чувства, всѣ эти чувства вводитъ въ область пониманія, т.-е. создаетъ въ человѣкѣ осмысленное, разумное и даже успокоивающее отношеніе, живымъ образчикомъ котораго и является для насъ Гаршинъ въ «исторіи» на Невскомъ.

Вотъ мы и подошли опять къ тому, чѣмъ я началъ, хотя все то, что я говорилъ, и, повидимому, большой кругъ, который я сдѣлалъ, находилось въ тѣсной и непосредственной связи съ этою «исторіей», взятою мной лишь во множественномъ числѣ, какъ явленіе и въ связи съ существующими у насъ воззрѣніями и отношеніями къ подобнымъ явленіямъ. Я не беру на себя смѣлости гадать, какою внутреннею умственною работой дошелъ Гаршинъ до того культурнаго развитія, которое такъ изумляло его друзей, но очевидно, что оно свершилось лишь работой сознанія и именно въ томъ самомъ направленіи, о которомъ я говорилъ.

Такъ какъ я началъ этотъ очеркъ «исторіей» и имѣлъ въ виду пособрать факты того же рода, потому что наводить на нихъ вниманіе читателя неизбѣжно, то и обращаюсь теперь къ той самой нашей «внутренней жизни», которой намъ не сдѣлать свѣтлой, пока мы не наболѣемъ хорошенько отъ ея темноты. А хроника этой жизни даетъ за послѣднее время изумительные факты. И любопытно, что именно тамъ, откуда раздался голосъ, что есть же у насъ и «здоровая, бодрая, умная жизнь», т.-е. въ Одессѣ, свершаются какъ разъ самыя невѣроятныя вещи. Даже сами газеты, которыя разсказываютъ эти изумительныя исторіи, называютъ ихъ «невѣроятными».

Такую невѣроятную исторію (хотя «Одесскій Вѣстникъ» называетъ ее только «*почти* невѣроятною исторіей») свершилъ командиръ парохода «Россія». Пароходъ этотъ не военный, а добровольнаго флота, т.-е. частной компаніи, занимающейся обыкновенными мирными дѣлами, какъ перевозка чаю, пассажировъ, переселенцевъ и т. п. Мирныя цѣли, которымъ служитъ пароходъ, предполагаютъ на немъ такія же мирныя и гражданскія отношенія. Но вотъ картина мира и гражданственности, которую рисуетъ «Одесскій Вѣстникъ», называя ее «почти невѣроятной» и въ дѣйствительности которой нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться, во-первыхъ, потому что всѣ дѣйствующія лица названы по именамъ, во-вторыхъ—потому, что никакого опроверженія этому сообщенію не явилось, а въ-третьихъ — потому, что дѣло это, какъ говоритъ «Одесскій Вѣстникъ», разсматривается коммерческимъ судомъ.

Дѣйствіе происходитъ на пароходѣ «Россія» въ Красномъ морѣ. На этомъ пароходѣ въ теченіе 5—6 лѣтъ служила одна и та же прислуга, человѣкъ съ десять, а ресторатором служилъ лѣтъ пять нѣкій Тисленко. Служилъ этотъ Тисленко при командирѣ Кази, потомъ при командирѣ Стронскомъ и все на пароходѣ было мирно, какъ и слѣдуетъ въ гражданскомъ общежитіи. Но вотъ Стронскій, сдѣлавъ одинъ рейсъ, уѣхалъ въ Петербургъ и командиромъ назначенъ Ивановскій.

Около половины августа прошедшаго года пароходъ «Россія» вошелъ въ Красное море. Жара доходила до 40°. Пассажиры позавтракали. Было около 2-хъ часовъ. Одному изъ пассажировъ, Урсапію, захотѣлось пить и лакей Коломейцевъ подалъ ему стаканъ воды.

— Какая это вода! Кипятокъ!—гнѣвно сказалъ пассажиръ.

— Другой нѣтъ, сейчасъ за завтракомъ всю холодную воду выпили.

— Быть не можетъ!.. Сейчасъ мнѣ воды!

— Не угодно ли вашей милости подождать съ полчаса... вода скоро охладится въ ледникѣ.

На этотъ шумъ вошелъ въ каюту командиръ и пассажиръ передалъ ему свою претензію.

— Сію минуту холодной воды!—закричалъ Ивановскій на лакея.

— Ваше... напрасно изволите гнѣваться.

— Безъ разговоровъ!... Сейчасъ же!

— Выпили, ваше... за завтракомъ... только что на ледникъ поставили.

— А, такъ ты еще дерзости!... Эй! въ цѣпной его! сію секунду!... маршъ!

И лакея увели въ цѣпной ящикъ. Потомъ былъ вызванъ рестораторъ и послѣ головомойки получилъ отрѣшеніе отъ должности. Такъ какъ приходилось ликвидировать свои дѣла въ открытомъ морѣ, то, потолковавъ съ сослуживцами, Тисленко началъ ликвидацію съ шампанскаго и угостилъ прислугу. Командиръ не призналъ этого способа

ликвидаціи и приказалъ всю прислугу перевязать и запереть въ арестантскую. На утро, однако, онъ арестованныхъ выпустилъ и пароходная буря, повидимому, поуспокоилась.

Недѣли черезъ двѣ, подходя къ Сингапуру, прислуга явилась къ ресторатору за жалованьемъ. Прежде жалованье выдавалось всегда аккуратно 1 числа. На этотъ же разъ разсчетъ не былъ сдѣланъ и Тисленко сказалъ, что командиръ обѣщалъ выдать деньги въ Сингапурѣ. Когда же прислуга обратилась съ просьбой о деньгахъ къ командиру, то вотъ тутъ-то и послѣдовала «почти невѣроятная исторія». Командиръ велѣлъ оцѣпить прислугу и вмѣстѣ съ Тисленко пересадили ее на пароходъ «Нижній-Новгородъ», отходившій въ Одессу. Все это сдѣлалось такъ быстро, что лакеи не успѣли взять своихъ шапокъ. Такъ вся прислуга парохода «Россія» нежданно и негаданно, вмѣсто Китая и Японіи, куда она плыла, очутилась въ Одессѣ, куда она вовсе не желала плыть, и очутилась буквально на улицѣ. Тисленко предъявилъ въ коммерческомъ судѣ къ обществу добровольнаго флота искъ въ 11 т. руб.

Въ той же Одессѣ убѣжало изъ тюремнаго замка шесть арестантовъ и между ними каторжникъ, бѣжавшій изъ каторжныхъ работъ. Полиція принялась усердно за поиски, но бѣглецы точно канули въ воду. Но вотъ то тамъ, то здѣсь стали свершаться весьма дерзкія кражи, были даже случаи убійствъ и полиція опять принялась за поиски. Одинъ изъ полицейскихъ обходовъ, проходя на разсвѣтѣ черезъ Дюковскій садъ, замѣтилъ на снѣгу свѣжіе слѣды человѣческихъ ногъ по направленію къ подземнымъ галлереямъ. Обходъ, вооружившись факелами и фонарями, опустился въ «преисподнюю» и послѣ долгаго путешествія среди могильной тишины услышалъ глухой стонъ и какой-то странный храпъ. Направившись въ сторону этихъ звуковъ, дозоръ въ одномъ изъ закоулковъ набрелъ на кучу гнилой вонючей соломы, на которой лежалъ старикъ подъ семьдесятъ лѣтъ, прикрытый рубищемъ, и человѣкъ среднихъ лѣтъ, совершенно нагой, слегка прикрытый грязною соломой. Оба несчастные, изголодавшіеся, блѣдные, дрожали какъ въ лихорадкѣ, и особенно удручающее впечатлѣніе производилъ нагой. Оказалось, что старикъ былъ николаевскій солдатъ и имѣлъ паспортъ, а нагой былъ крестьянинъ, потерявшій свой документъ и оставшійся безъ работы. Боясь полиціи, бѣдняга поселился въ подземельи, гдѣ и прожилъ всю зиму и составилъ съ старикомъ своеобразную ассоціацію. Старикъ работалъ, носилъ съ базаровъ корзины, чистилъ дворъ одного еврея и, добывая жалкіе гроши, кормилъ нагаго и вмѣстѣ съ нимъ ночевалъ въ подземельи. Такъ какъ у старика всѣ документы оказались въ порядкѣ, то богатая Одесса, желающая видѣть только «здоровую, бодрую жизнь», выпустила великодушнаго старика на всѣ четыре стороны, не заразившись отъ него даже хотя бы зернышкомъ великодушія и справедливости и оставила ветерана умирать въ той же дырѣ, а нагаго, облачивъ въ халатъ съ бубновымъ тузомъ, отправила по этапу на родину. Затѣмъ въ «Одесскомъ Листкѣ» былъ описанъ этотъ случай, перепечатанъ нѣкоторыми провинціальными и столичными газетами, и теперь о немъ всѣ давно уже забыли.

Что, повидимому, общаго между этими двумя фактами? Въ одномъ случаѣ Красное море и пароходъ, въ другомъ—Одесса и подземелье; тамъ пароходная прислуга и рестораторъ, здѣсь отставной солдатъ и голый мужикъ; тамъ самоуправство и насиліе, здѣсь нѣтъ никакого насилія и все кончилось «благородно». Чѣмъ же возмущаютъ эти, повидимому, разнородные факты? Возмущаютъ они однимъ и тѣмъ же бездушіемъ и безсердечіемъ, одинаковымъ отношеніемъ къ «человѣку» и въ послѣднемъ случаѣ этого бездушія гораздо больше. Г. Иваницкій имѣлъ дѣло съ людьми, которые могли протестовать и протестовали; въ немъ могло подняться чувство власти (вѣрно или невѣрно понятое—это все равно), могли быть и другія, неизвѣстныя намъ побужденія, во всякомъ случаѣ, и прислуга, и рестораторъ проявили извѣстную степень независимости и самостоятельности, шли на протестъ и на борьбу. А какой же протестъ и какая борьба тутъ? Изголодавшій, безсильный, неспособный почти ни на какую работу старикъ (можетъ быть, еще и почтенный ветеранъ) да деревенскій мужикъ, утратившій отъ безпомощности человѣческій образъ и сразу опустившійся до «пещернаго періода». И ничего! Все это какъ будто въ порядкѣ вещей, никто ничѣмъ тутъ не возмутился, ни въ комъ не шевельнулась ни жалость, ни другія чувства, ни въ комъ не обнаружилась никакая мысль. Свершился фактъ—и только. Всѣ прошли мимо, какъ бы они прошли мимо мертвой мухи. Одинъ европейскій писатель сказалъ, что «человѣкъ, переставшій возмущаться, потерялъ разумъ». У насъ же, какъ кажется, возмущаться еще никто не начиналъ,—значитъ, и пора разума еще не наступила. Жалости въ насъ нѣтъ, чувства достоинства въ насъ нѣтъ, оттого нѣтъ и уваженія къ человѣку.

Одесса, эта космополитическая красавица и «южная Пальмира», представляетъ любопытнѣйшій образчикъ соединенія внѣшней европейской культурности съ русскою пещерностью. Ни въ одномъ городѣ Россіи человѣкъ не рискуетъ тѣмъ, чѣмъ онъ рискуетъ въ Одессѣ, и нигдѣ люди не думаютъ меньше о людяхъ, какъ въ этой южной Пальмирѣ. Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ «Одесскій Листокъ»:

«Пріѣхала въ Одессу дѣвушка, пріѣхала поздно ночью и, нанявъ извозчика, велѣла ему везти себя въ приличную гостинницу. Извозчикъ поѣхалъ по закоулкамъ и завезъ дѣвушку въ какой-то вертепъ, гдѣ надъ несчастной *девять мужиковъ* свершили гнуснѣйшее насиліе, затѣмъ ее ограбили, избили и почти голую, въ безчувственномъ состояніи, выбросили за чертой города у еврейскаго кладбища».

«Эту замѣтку,—пишетъ репортеръ,—несомнѣнно читали очень многіе и всѣ пропустили ее мимо ушей. Ни въ комъ не шевельнулось желаніе узнать, что сталось съ несчастною дѣвушкой». Кажется,

это желаніе не шевельнулось и у редакціи «Одесскаго Листка», по крайней мѣрѣ, газета эта, первая напечатавъ у себя о фактѣ, послала своего репортера навѣстить несчастную дѣвушку только тогда, когда получила изъ больницы слѣдующее письмо: «Зная васъ, г. редакторъ, за человѣка добраго и гуманнаго, я рѣшаюсь обратить ваше вниманіе на положеніе несчастной дѣвушки Маріи Б., о которой надняхъ сообщалось въ вашей газетѣ. Она находится у насъ въ больницѣ. Положеніе бѣдной самое ужасное. Больная, опозоренная, ограбленная до нитки, она въ страшномъ отчаяніи и просто не знаетъ, что съ собою начать. Сжальтесь надъ несчастной и сдѣлайте для нея что-нибудь при помощи газеты. У насъ такъ много богатыхъ грековъ; быть можетъ, хоть изъ нихъ кто-нибудь откликнется на горе несчастной дѣвушки-гречанки. Адресъ ея: городская больница, палата № 23».

Репортеру, посѣтившему Марію Б., она разсказала о себѣ вотъ что: «Я воспитывалась въ петербургской гимназіи и въ послѣднее время жила въ Маякахъ у своей мачихи. Отецъ мой умеръ... Жизнь была не сладка... Я рѣшилась ѣхать въ Одессу, разсчитывая найти уроки музыки и по предметамъ гимназическаго курса... Собралась и пріѣхала сюда въ прошлую субботу вечеромъ, пріѣхала на свою пагубу... Куда я теперь дѣнусь съ моимъ позоромъ?... Что я стану дѣлать? Не уроки же мнѣ теперь давать дѣтямъ»... и глухія рыданія заглушали слова несчастной».

О девяти мужикахъ, главныхъ герояхъ этой исторіи, я говорить не стану, а буду говорить о другомъ героѣ этой исторіи: объ Одессѣ, создавшей у себя такую безопасность для жизни, и о гуманности этой же самой Одессы.

Вчитайтесь въ письмо служащей въ больницѣ, посланное въ редакцію «Одесскаго Листка». «Зная васъ, г. редакторъ, за человѣка добраго и гуманнаго...», «я *рѣшаюсь* обратить ваше вниманіе...», «*сжальтесь* надъ несчастной...» Что это за смазываніе, что за робость обращенія, что за просьба о милости! Подумаешь, что это письмо писано не къ живымъ людямъ, а къ каменнымъ истуканамъ. И о чемъ же просьба? О какомъ-нибудь грошѣ, о пріютѣ, объ участіи! Вѣдь, если бы госпожа, написавшая это письмо въ редакцію, была увѣрена, что Одесса населена живыми людьми, а не каменными глыбами, развѣ было бы нужно столько униженія, мольбы, чуть не слезъ — и для чего?—только для того, чтобы нашелся хоть одинъ живой человѣкъ, который бы поинтересовался судьбою несчастной.

Прочитала Одесса въ газетахъ коротенькое извѣстіе о «происшествіи» и о томъ, что «виновные не найдены», и отложила газету въ сторону. Положимъ, что газеты существуютъ только для того, чтобы печатать, но люди живутъ не для одного того, чтобы читать. Даже редакторъ «Одесскаго Листка», извѣстный какъ «добрый и гуманный человѣкъ», не пошелъ дальше печатанья перваго извѣстія о происшествіи. Не нашлось въ редакціи и ни одного настоящаго репортера, который бы заинтересовался разузнать объ этомъ дѣйствительно выходящемъ изъ ряду происшествіи. И только послѣ письма изъ больницы репортеръ, «по порученію редакціи, посѣтилъ бѣдную дѣвушку и ушелъ отъ нея убитый горемъ, нравственно уничтоженный». Ну, что это за фразы! Точно потребовалось услышать подробный разсказъ отъ самой несчастной, чтобы «быть убитымъ горемъ» и чтобы «стало стыдно за тѣхъ негодяевъ, которые свершили гнусное насиліе, глумясь и истязая свою жертву, за себя, за васъ, читатели». Неужели репортеру не было стыдно за себя раньше, когда онъ отнесся совершенно равнодушно къ первому извѣстію? И вся замѣтка репортера, озаглавленная съ паѳосомъ—«жертва дикаго насилія»,—отдаетъ фразой, холодомъ, дѣланностью. «Я слушалъ безмолвно, — говоритъ репортеръ. — Что я могъ ей сказать въ утѣшеніе? Что есть люди, которымъ ощущаемая ею боль не понятна, потому что она выше ихъ кругозора, что этимъ людямъ трудно представить себя самихъ въ ея положеніи (неужели это непремѣнно нужно?), что сердце у нихъ такъ устроено, что оно не содрогается отъ зрѣлища пытки живаго существа, точно не одинъ Богъ ихъ сотворилъ и вдохнулъ въ ихъ тѣло душу живую, чувствующую, сострадающую? Ничто не бываетъ такъ мучительно, какъ сознаніе, что въ твоемъ несчастіи виновны люди, и только люди». Пощадите! Право отъ этихъ высокопарныхъ и пустыхъ фразъ только тошнитъ. А, впрочемъ, репортеръ, конечно, лучше знаетъ свою публику, знаетъ, какъ говорить съ нею и чѣмъ расплавлять бронзовыя сердца одесскихъ читателей.

Далеко отъ Одессы, за нѣсколько тысячъ верстъ, въ одномъ семействѣ за вечернимъ чаемъ, въ небольшой компаніи мужчинъ и женщинъ (были изъ нихъ и совсѣмъ молодыя), разсказывался, какъ поразительный фактъ, только что прочитанное мною въ «Одесскомъ Листкѣ» сообщеніе о жертвѣ дикаго насилія. Я разсказывалъ подробно, даже подчеркивая; и по мѣрѣ моего разсказа у моихъ слушателей дѣлались круглые глаза и вытягивались лица. Когда я кончилъ, слушатели не произнесли ни слова и смотрѣли на меня тѣми же круглыми неподвижными глазами, а лица ихъ точно задеревенѣли. Я сталъ волноваться, усиливался выяснить весь ужасъ разсказанной мной исторіи, но вытянутыя и застывшія лица, попрежнему, смотрѣли на меня съ недоумѣніемъ круглыми, немигающими глазами. Я привелъ этотъ фактъ, какъ смягчающее для Одессы обстоятельство и какъ небольшое обобщеніе. Вѣроятно, отъ этого же газеты перепечатали сообщеніе о голомъ человѣкѣ, найденномъ въ одесскихъ катакомбахъ, а случай съ Маріей Б. остался погребеннымъ на страницахъ только «Одесскаго Листка».

Убійства, насилія, драки, скандалы такъ и сыпятся на Одессу, точно изъ рога изобилія, и, вмѣсто того, чтобы улучшать, люди ухудшаютъ свое общежитіе. Одичаніе проникло даже и въ газетную среду. «Нигдѣ, кажется, не проявляется столько стараній о приниженіи значенія литературныхъ

органовъ и достоинства работниковъ печати, какъ въ Одессѣ, — говоритъ внутренній обозрѣватель «Недѣли».—Рядъ скандаловъ, всякаго рода столкновеній и судебныхъ процессовъ въ послѣднее время сталъ такъ великъ, что за этими фактами становится очень трудно слѣдить».

И все это въ порядкѣ вещей, если вся жизнь склоняется только въ сторону личныхъ понятій.

Въ политической, общественной, публичной дѣятельности каждый изображаетъ собою какъ бы коллективную единицу, онъ частичка партіи, частичка общаго, за нимъ стоитъ извѣстное множество, интересы котораго онъ представляетъ и защищаетъ. Въ каждомъ общемъ дѣлѣ лицо исчезаетъ и эти двѣ области понятій — личной и общественной—смѣшивать нельзя. Только отъ смѣшенія ихъ и происходитъ то, что личныя понятія, личныя глупости, личная тупость и личные нравы переносятся въ совсѣмъ чуждую для нихъ область.

Для изображенія «здоровой, бодрой, умной жизни», или хотя бы только стремленій къ ней, должно быть, придется подождать другаго времени.

XXVIII.

Не такъ давно, въ Москвѣ, мнѣ пришлось быть въ одномъ ученомъ собраніи. Докладывалась брошюра молодаго ученаго, пытавшагося разрѣшить вопросъ, отчего за нашъ хлѣбъ нѣмцы и англичане даютъ дешево, въ чемъ тутъ виноваты они, въ чемъ тутъ виноваты мы, въ чемъ тутъ виноватъ нашъ рубль, превратившійся въ полтину? Брошюра вызвала горячіе и продолжительные споры, но мнѣ показалось, что никто изъ публики такъ и не узналъ, что же нужно сдѣлать, чтобы полтинникъ сталъ рублемъ и чтобы отъ продаваемаго за границу хлѣба оставалась въ карманѣ нашего мужика хоть одна лишняя копѣйка?

Я заговорилъ объ ученомъ обществѣ не для того, чтобы поселять насчетъ его какія-либо сомнѣнія. Заговорилъ я для того, чтобы имѣть возможность коснуться вопроса совсѣмъ другаго, не курсоваго, не хлѣбнаго и даже ученаго; а вопроса о той запутанной и трудно разрѣшимой сложности всѣхъ теперешнихъ общественныхъ и экономическихъ отношеній, которая не только передъ каждымъ изъ насъ въ отдѣльности, но и передъ всею русскою коллективною мыслью стоитъ высоко, чуть не до неба, стѣной, перелетѣть черезъ которую нѣтъ у насъ достаточно широкихъ крыльевъ. А еще какъ недавно, всего какихъ-нибудь пятьдесятъ или даже меньше лѣтъ, жизнь казалась всѣмъ такою простою и немудреною. И думать-то мы тогда, кажется, вовсе не думали, и ничего—жили. Теперь же мы думаемъ, много думаемъ и какъ еще напряженно думаемъ,—и гдѣ же жизнь?

Да, прежде жилось проще и легче и всѣ вопросы разрѣшались легче. То, о чемъ разсуждало московское ученое общество,—вещь для насъ ужъ и очень не новая. И прежде мы доживали до кризиса промышленнаго и хлѣбнаго; падалъ и рубль нашъ много разъ, и падалъ, пожалуй, ниже, чѣмъ нынче; но все это не представляло никакой головоломности и совсѣмъ не было вопросомъ. А теперь это именно «вопросъ», и, пожалуй, даже не цѣлый вопросъ, а часть какого-то другаго вопроса, болѣе серьезнаго, болѣе важнаго, отъ котораго зависятъ всѣ другіе вопросы. Вопросовъ-то явилось у насъ ужъ слишкомъ много и всѣ они такіе сложные и запутанные, такъ они цѣпляются одинъ за другой и всѣхъ этихъ зацѣпокъ столько, что никакой отдѣльный человѣкъ, будь онъ хотя семи пядей во лбу, никакъ не разберется между ними и никакого вопроса своимъ умомъ не разрѣшитъ. Для всего теперь нужна дума коллективная, не только народная, но и международная.

Возьмемъ хотя такой, повидимому, простой фактъ, какъ упадокъ нашего бумажнаго рубля. Прежде съ этимъ «вопросомъ» справлялись у насъ очень просто и разрѣшали его, такъ сказать, однимъ почеркомъ пера. Прикажутъ «бумажкѣ» быть рублемъ—и она становится рублемъ. Но это было «тогда»; теперь «бумажку» никакимъ магическимъ словомъ не превратишь въ серебряный рубль; «тогда» исчезло безвозвратно, и новая жизнь требуетъ новыхъ средствъ. «Тогда» всѣ наши «бумажки» сидѣли дома и за границу не путешествовали, теперь же онѣ проникли повсюду и русскими бумажками вы можете разсчитываться не только въ Берлинѣ или Парижѣ, но и въ любой нѣмецкой деревушкѣ, точно у себя гдѣ-нибудь въ Тетюшахъ. Вездѣ у насъ завязались сношенія и сплелись они цѣлою сѣтью ниточекъ, которыя приходятъ повсюду и дотягиваются даже до Америки. Натяните ниточку въ Москвѣ или Одессѣ—и она натянется въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ. Какое бы мы ни вздумали прописать себѣ домашнее лѣкарство, одни его мы не примемъ и заставимъ принять и другихъ, потому что насъ связываетъ съ Европой одно общее кровообращеніе.

Да и дома мы живемъ уже не тою сонною, растительною жизнью, какою жили 25, 50, 100 лѣтъ назадъ. И потребленіе, и производство—все усилилось, усилились торговые и промышленные обороты, усилились всякія сношенія. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ рубль переходилъ у насъ, можетъ быть, изъ рукъ въ руки сотенъ людей, теперь тотъ же рубль побываетъ въ рукахъ многихъ тысячъ и каждый, кто его подержитъ, знаетъ ужъ его величину и соображаетъ, что на него можно купить, столько ли, сколько прежде, или меньше. Каждый, у кого были отложены въ сундукъ 100 руб. и потомъ, черезъ 5—10 лѣтъ, эти самые 100 р., въ

томъ же самомъ запертомъ сундукѣ, превратились въ 50 р., озадачится такимъ чудомъ и захочетъ его себѣ объяснить. А какъ только онъ это захочетъ и станетъ думать, онъ станетъ ужъ и финансистомъ, а потомъ доберется до экономическихъ, общественныхъ и политическихъ причинъ, которыя свершили чудо. И окажется, что чудо свершилъ не кто другой, какъ мы сами, а вовсе не Бисмаркъ, приказавшій, будто бы, Блейхредеру не давать за русскій рубль больше полтины. Ни Англіи, ни Франціи, ни Италіи Бисмаркъ этого приказать не могъ, но и тамъ не даютъ за нашъ рубль больше. Даже Финляндія (ужъ кажется, наша и даже собственная) даетъ за нашъ рубль полтину. Казалось бы, и приказать ей можно, чтобы она этого не дѣлала, но попробуйте—прикажите! Говорятъ (и совершенно справедливо), что въ Финляндіи курсъ лучше, потому что Финляндія живетъ за собственною границей. Но, вѣдь, граница не канава и не черта, проведенная на планѣ землемѣромъ. Граница, очевидно, что-то и умственное другое, и въ практическихъ жизненныхъ отношеніяхъ другое. Если бы можно было уничтожить границу между Россіей и Германіей, за нашъ рубль нѣмцы дали бы сейчасъ же свой серебряный таллеръ. Но уничтожить границу—значитъ или въ Германіи ввести русскіе порядки и русское хозяйство, или въ Россіи—германскіе порядки и германское хозяйство. Граница значитъ другія мысли, другія понятія, другія знанія, другія идеи, другіе порядки и отношенія.

Такимъ образомъ, скромная пытливая мысль, съ недоумѣніемъ остановившаяся надъ чудеснымъ превращеніемъ въ запертомъ сундукѣ ста рублей въ пятьдесятъ, ушла въ неожиданную для нея даль и опять остановилась съ неудоумѣніемъ, но уже передъ цѣлою массой новыхъ вопросовъ и жизненныхъ (общественныхъ) явленій совсѣмъ другаго порядка. И въ этой новой области, какъ видитъ читатель, нѣтъ ничего такого страшнаго, чего бы мысли слѣдовало бояться и чего бы она не могла разрѣшить.

Да, есть сила бóльшая, чѣмъ страхъ и непониманіе. Это—сила движенія, сила жизни, сила народныхъ и международныхъ интересовъ и общенія. Отъ этой силы никуда не убѣжишь и ни въ какомъ темномъ чуланѣ не запрешься, потому что она захватываетъ нынче не только каждый народъ, но и каждаго человѣка. Не отъ насъ зависѣлъ Наполеонъ I, не отъ насъ зависѣлъ и Вильгельмъ I. И тотъ, и другой служили, каждый, интересамъ своего народа и своей страны, но и тотъ, и другой явились нашими учителями и просвѣтителями. Наполеонъ далъ намъ теоретическія общественныя идеи, Вильгельмъ же показалъ, какъ слѣдуетъ достигать народныхъ цѣлей практически.

Самою силой вещей мы стали думать о своихъ домашнихъ дѣлахъ и это началось на другой же день послѣ Севастополя. Съ тѣхъ поръ мы не переставали думать все въ томъ же домашнемъ направленіи и, несмотря на всю робость, неумѣлость и непривычку думать, ушли, все-таки, довольно далеко. Приблизительною мѣркой нашего умственнаго роста служитъ наша печать. Мѣрка эта не совсѣмъ (даже, можетъ быть, и очень) не точна, если брать только публицистику современную, но она становится вполнѣ точной, если заглянуть въ исторію нашей печати. А наша печать ужъ несомнѣнно имѣетъ исторію, исторію любопытную и поучительную, для которой, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не нашлось еще историка. Исторія нашей печати есть исторія нашихъ идей, исторія стремленій и мыслей нами пережитыхъ. Въ тридцать лѣтъ, которыя прошли послѣ Севастополя, мы пережили не мало и много и хорошо, и энергично думали, а еще энергичнѣе и настойчивѣе желали и стремились. На память грядущимъ поколѣніямъ мы оставили замѣчательный памятникъ своего мышленія, памятникъ болѣе величавый и вѣчный, чѣмъ любая колонна побѣдъ, — памятникъ, въ которомъ русская мысль дошла до парящей высоты. Этими письменными памятниками нашего гражданскаго мышленія служатъ: положеніе объ освобожденіи крестьянъ и судебные уставы—акты замѣчательной зрѣлости творчества и высокой гуманности и политической мудрости. Но эти акты только—итоги мысли, зрѣлые ея продукты. Что же касается самаго движенія мысли, ея роста, ея внутреннихъ процессовъ, то они закрѣплялись нашею журналистикой и газетами. Въ этой текущей печати, какъ на подвижной бумажной лентѣ телеграфа, чертилась мысль въ моментъ самаго движенія. И ленты эти цѣлы, хотя не всѣ изъ нихъ тянутся до сихъ поръ. Изъ первыхъ лентъ не сохранилось почти ни одной, но именно это-то и сообщаетъ живой интересъ прошлому нашей мысли.

Той печати, которая была въ первыя двадцать пять лѣтъ послѣ крымской войны, теперь уже нѣтъ. И журналы теперь другіе, и газеты другія, и люди, говорятъ, стали другіе. Что газеты и журналы стали теперь другіе (по крайней мѣрѣ, по названіямъ), это совершенно вѣрно, но что стали другіе люди—въ этомъ нужно еще условиться.

Изъ старыхъ журналовъ сохранился только одинъ «Русскій Вѣстникъ», основанный Катковымъ, чтобы проводить идеи англійскаго самоуправленія. Изъ остальныхъ, теперешнихъ пяти, два: «Наблюдатель» и «Русское Богатство», удержавшіеся отъ крушенія, принадлежатъ къ семидесятымъ годамъ. Журналы эти не толстые и кругъ читателей у нихъ не великъ. Собственно же большихъ общественно-политическихъ ежемѣсячниковъ теперь три: «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль» и «Сѣверный Вѣстникъ», самый молодой по времени, возникшій въ 1885 году. Внѣшнимъ образомъ эта перемѣна несомнѣнно большая. Я говорю «внѣшнимъ образомъ» потому, что исчезновеніе прежнихъ журналовъ было только внѣшнимъ дѣйствіемъ и на внутреннее движеніе мысли этотъ фактъ подобнаго же уничтожающаго воздѣйствія не имѣлъ, да и не могъ имѣть. Тѣмъ не менѣе, внѣшняя физіономія русской мысли, насколько она выражалась прежнею журналистикой, все-таки, измѣнилась.

Съ газетами свершилась еще болѣе рѣзкая перемѣна, но въ обратную сторону. До крымской войны

у насъ была только одна частная политическая газета: «Сѣверная Пчела» Булгарина, котораго тогдашній шефъ жандармовъ ставилъ въ уголъ за тенденціозные намеки на дурной климатъ Петербурга. Теперь у насъ болѣе пятидесяти частныхъ газетъ и современные Булгарины могутъ смѣло писать о климатѣ Петербурга и Москвы безъ всякой боязни стоять за это въ углу. Прогрессъ несомнѣнный. Ростъ этотъ свершился, однако, не сразу. Даже въ первое время послѣ крымской войны нашимъ газетамъ было мало дѣла и очень долго мы обходились тремя казенными газетами: «Московскими Вѣдомостями», «Петербургскими Вѣдомостями» и «РусскимъИнвалидомъ».По тогдашнему времени этихъ трехъ газетъ было вполнѣ достаточно, а такъ какъ правительство шло тогда во главѣ умственнаго и преобразовательнаго движенія, то казенныя газеты несли либеральное знамя.

Хотя газету и журналъ мы заимствовали отъ Европы, но сейчасъ же приспособили ихъ къ нашимъ умственнымъ и общественнымъ требованіямъ. У народовъ, живущихъ политическою жизнью, газета—вещь боевая, нервная, она хватаетъ все налету, живетъ минутой, разсчитываетъ на близкій и короткій ударъ, но моментальное возбужденіе мысли и имѣетъ своимъ читателемъ улицу, толпу. Газета не учитъ, не руководитъ, не поучаетъ, — это совсѣмъ не ея дѣло. Она обращается къ зрѣлымъ, понимающимъ и умѣющимъ думать людямъ, которымъ только показываетъ ежедневно мѣняющійся калейдоскопъ фактовъ. Дѣло самого читателя знать, какъ съ этими фактами распорядиться и что на основаніи ихъ предпринять. Такими, по крайней мѣрѣ, являются газеты въ Америкѣ, гдѣ издатели съ гордостью говорятъ, что для американцевъ передовыя статьи не нужны. Въ Европѣ это нѣсколько иначе, а у насъ уже и совсѣмъ иначе.

Отъ этого-то и въ первое двадцатипятилѣтіе, да и теперь журналистика имѣетъ у насъ исключительное положеніе. Нашъ читатель еще не привыкъ справляться съ фактами (съ ними и журналисты не всегда умѣютъ у насъ справляться), онъ и до сихъ поръ любитъ, чтобы съ нимъ говорили «по поводу», т.-е. чтобы пріурочивали фактъ къ общимъ явленіямъ и говорили съ нимъ объ этихъ общихъ явленіяхъ. Еще надняхъ я получилъ письмо отъ одного читателя, котораго не удовлетворяетъ теперешняя манера писать разборъ книгъ. «Всякая новая книга,—говоритъ онъ,—есть прекрасный матеріалъ для того, чтобы написать «по поводу». Я знаю, что есть и такіе читатели, которымъ «по поводу» совсѣмъ не нужно и они желаютъ, чтобы, говоря о книгѣ, говорили бы только о книгѣ. Но и этотъ болѣе спеціализирующійся читатель ищетъ связи частныхъ фактовъ съ общими явленіями,—желаетъ, чтобы фактъ былъ поставленъ въ соотвѣтствующую ему клѣточку, а не давался въ оторванномъ видѣ, точно блуждающая комета. Нашъ читатель ищетъ и любитъ, чтобы съ нимъ говорили руководящимъ, уясняющимъ образомъ,—любитъ, когда съ нимъ принимаютъ даже авторитетный тонъ, но чтобы говорили ясно, просто, живою разговорною рѣчью, какъ въ обыкновенной бесѣдѣ. Учености и туману онъ побаивается, къ «уму» тоже не питаетъ особенной симпатіи, а желаетъ, чтобы больше шевелили его чувство, рылись и копошились въ его душѣ и помогали бы ему разложить самому его ощущенія, сомнѣнія, недоразумѣнія по кучкамъ, въ порядкѣ, котораго онъ самъ создать еще не всегда умѣетъ. Въ этомъ именно и заключается особенность нашего читателя. Онъ ищетъ понятій и идей нравственнаго порядка, которыя бы выясняли ему жизненныя отношенія и его личные вопросы о справедливости (больше всего о справедливости), такъ какъ это чувство чаще всего въ немъ страдаетъ и за него самого, и за другихъ. Онъ ищетъ указаній на общія руководящія начала и оттого такъ и любитъ обобщенія. Тяготѣя къ общимъ разрѣшеніямъ, онъ не любитъ ничего личнаго, частнаго, сословнаго, мѣстнаго, областнаго или кружковаго. Онъ, подобно древнему мудрецу, имѣетъ право сказать, что свою семью любитъ больше себя, отечество — больше семейства и родъ человѣческій—больше отечества. Его тяготѣнія и симпатіи къ тому или другому роду литературы и къ тому или другому автору устанавливались и опредѣлялись только этими его стремленіями къ широкому обобщенному удовлетворенію его чувства справедливости и его тяготѣніями къ идеалу общественныхъ отношеній. Обыкновенно больше и полнѣе всего отвѣчали этому запросу критика и публицистика. А такъ какъ критика и публицистика и общественно-руководящія статьи пристраивались у насъ почти исключительно въ толстыхъ журналахъ, то читатель и потянулся за журналами.

Читатель—большая сила и все онъ съумѣетъ перевернуть по-своему. Въ качествѣ такой перевертывающей силы онъ можетъ и поднять, и уронить печать. И онъ это самое и сдѣлалъ съ нашею печатью и преимущественно съ газетами. Чтобы удовлетворить спросу на общія и руководящія статьи, газеты, подражая журналамъ, стали тоже давать такія статьи, и не только въ своихъ верхнихъ этажахъ, но и въ фельетонахъ. Это статьи солидныя, назначаемыя для солидныхъ, понимающихъ читателей. Солидныя статьи отличаются содержательностью, направленіемъ и служатъ главнымъ складомъ того міровоззрѣнія, въ которомъ газеты стараются воспитывать своего читателя.

Но, кромѣ этого солиднаго читателя съ «міровоззрѣніемъ» и «направленіемъ», есть еще и какой-то заблудлый читатель, на котораго газеты тоже очень разсчитываютъ и котораго привлекаютъ «занимательностью». Въ сущности, это даже и не «читатель», а просто умѣющій читать человѣкъ, больше заботящійся о времяпровожденіи. Конечно, ни для какого читателя, даже самаго солиднаго, не слѣдуетъ писать скучно, и наши журналисты понимаютъ это давно. Еще Мих. Достоевскій, издатель «Времени», постоянно говорилъ своимъ сотрудникамъ: «пожалуйста, пишите занимательно». Писать занимательно, литературно и доступно — обязательно для каждаго писателя, и если чело-

вѣкъ не владѣетъ этимъ талантомъ, то пускай онъ лучше ужь и не пишетъ. Но писать занимательно не значитъ воображать себя беззаботнымъ воробьемъ и заниматься только веселымъ чириканьемъ.

Въ особенности грѣшатъ веселымъ чириканьемъ фельетонисты нашихъ провинціальныхъ газетъ. Допустимъ, что фельетонъ нуженъ и что его требуетъ читатель. Но, вѣдь, прежде всего, нужно, чтобы фельетонисты знали, что имъ говорить, и ужь потомъ они бы думали, какъ сказать то, что они хотятъ сказать. Въ большинствѣ же случаевъ, газетные фельетоны отличаются бездарностью, безсодержательностью, безплодными потугами остроумничанія и полнѣйшею идейною и умственною пустотой. И все это происходитъ отъ того, что наши фельетонисты думаютъ, что они должны быть остроумными. Если бы они отбросили погоню за тѣмъ, чего Богъ не далъ, и, прежде всего, выяснили бы себѣ, что читателю нужны понятія, идеи, обобщенные факты, да давали бы читателю Аріаднину ниточку, чтобы онъ не блуждалъ въ лабиринтѣ окружающихъ его фактовъ, и говорили бы простымъ, безхитростнымъ, понятнымъ литературнымъ языкомъ, т. е. держали бы себя пристойно, умно и съ общественнымъ достоинствомъ, то они освободили бы газеты отъ жонглерства, которое роняетъ и тѣхъ, кто имъ занимается, да не приноситъ чести и уваженія и редакціямъ газетъ.

При Петрѣ Великомъ пріѣхала разъ изъ-за границы въ Петербургъ труппа какихъ-то «штукмейстеровъ». Петръ штукмейстеровъ, вообще, недолюбливалъ и приказалъ пріѣхавшей труппѣ увеселять народъ даромъ, а для богатыхъ назначилъ таксу не свыше гривны съ человѣка. Штукмейстерамъ такое распоряженіе не понравилось, и еще больше имъ не понравилось, когда Петръ сказалъ: «здѣсь надобны художники, а не фигляры, и пришельцамъ шатунамъ сорить деньги безъ пользы грѣхъ», и велѣлъ «шатуновъ» выпроводить вонъ. И нашимъ газетамъ не мѣшало бы послѣдовать примѣру Петра и выпроводить отъ себя всѣхъ «шатуновъ» и фигляровъ, или же дать имъ другія инструкціи и указать имъ на образцовые примѣры, въ которые они должны вникнуть. А образцовый примѣръ у насъ есть въ лицѣ Щедрина, единственнаго русскаго писателя, обладающаго несомнѣннымъ остроуміемъ, владѣющаго формой изложенія и всегда содержательнаго, всегда утовлетворяющаго мысль и чувство читателя.

Кстати напомню слѣдующій фактъ. Въ шестидесятыхъ годахъ Писаревъ предложилъ Щедрину заняться популяризаціей, вмѣсто того, чтобы глумиться и забавлять публику безразличнымъ смѣхомъ. Сторонникамъ «свободнаго творчества» замѣчаніе Писарева показалось нигилистическою выходкой, но въ словахъ его была правда. Тогда у сатиры Щедрина еще не было точныхъ границъ, онъ раскидывалъ свои стрѣлы направо и налѣво, какъ бы нащупывая цѣль и какъ бы желая только удовлетворить своему сатирическому складу ума. Вотъ эту-то безразличность, а иногда и прямо выстрѣлы по «своимъ»—и ставили Салтыкову въ вину. Съ тѣхъ поръ сама жизнь заставила сатирика выдѣлить извѣстный сортъ явленій и отвѣчать на запросы наболѣвшаго общественнаго чувства. Форма нашла свое истинное содержаніе, а сатирическій бичъ свою цѣль, и Щедринъ сталъ широко-распространеннымъ писателемъ. Конечно, не всякому фельетонисту полагается быть сатирикомъ, владѣть Щедринскимъ остроуміемъ и его крупнымъ умомъ, но каждому человѣку и каждому писателю полагается слѣдовать примѣрамъ крупныхъ людей и учиться у нихъ общественному поведенію и общественному смыслу.

Теперешнюю печать и теперешнее общество не безъ основанія обвиняютъ въ шатаніи мысли. Выставкой этого шатанія служатъ именно тѣ отдѣлы газетъ (и преимущественно фельетонъ), которые посвящаются вопросамъ текущей жизни. Обыкновенно текущая жизнь не освѣщается свѣтомъ никакой общественной идеи. Но, вѣдь, внѣ общественнаго мышленія не можетъ быть никакого мышленія. Все пріурочивается къ нему, все въ него входитъ и все къ нему тяготѣетъ, какъ планеты къ солнцу. Общественное мышленіе есть именно то солнце, свѣтомъ котораго освѣщается міръ, и тотъ центръ, изъ котораго исходятъ и къ которому сходятся всѣ лучи. Въ этой солнечной системѣ могутъ быть звѣзды близкія и звѣзды далекія,—однѣ могутъ блестѣть ярче, потому что онѣ ближе, другія будутъ только мигать, потому что онѣ далеко,—но гармонія міра потому и возможна, что всѣми—и близкими, и далекими звѣздами управляетъ одинъ общій законъ тяготѣнія. Не будь этого, міръ превратился бы въ собраніе блуждающихъ кометъ. То же самое и съ мыслями, если онѣ не пріурочены къ одной общей руководящей идеѣ.

Чтобы мои слова не показались читателю рискованными (другаго выраженія не подобралось), я опять повторю, что у насъ до сихъ поръ общественность понимается, извѣстною частью общества, какъ что-то еретическое и внѣкомпетентное. Съ такимъ взглядомъ нужно, наконецъ, и разстаться въ виду новыхъ условій жизни, создающихъ и иное сознаніе. Какъ въ солнечной системѣ все существуетъ только для ея гармоніи, такъ и въ жизни какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ обществъ все стремится къ общей гармоніи и къ такимъ практическимъ распорядкамъ, которыми бы эта гармонія водворялась въ отношеніяхъ. Думать въ этомъ направленіи—значитъ думать общественно, а осуществлять каждому отдѣльному человѣку и всему обществу эти думы на практикѣ—значитъ жить и дѣйствовать политически. И мы тоже думаемъ общественно, даже часто обнаруживаемъ и поведеніе общественное; но горе наше въ томъ, что мы и думаемъ, и поступаемъ безсознательно. Въ этой-то безсознательности и въ неумѣньи пріурочить свою мысль къ одному опредѣленному мѣсту и къ одной точной цѣли и заключается наше шатаніе.

Между тѣмъ, вся исторія нашей мысли только и говоритъ о нашемъ упорномъ стремленіи установить и выяснить болѣе вѣрный, точный и прямой путь къ личной и общественной гармоніи отноше-

ній. Путь этотъ обозначенъ такими ясными вѣхами, что, казалось бы, никакихъ сомнѣній и недоразумѣній и быть бы не могло. Такъ называемые двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые и восьмидесятые годы — все это вѣхи, стоящія на одной и той же дорогѣ и въ томъ же направленіи движущейся мысли, указывающія на версты, которыя эта мысль отсчитывала въ своемъ общественно-политическомъ шатаніи. Казалось бы, поэтому, что и въ восьмидесятыхъ годахъ мы должны быть тѣ же самые *мы*, тѣ же думающіе и стремящіеся люди, какими были въ двадцатыхъ, сороковыхъ, шестидесятыхъ годахъ. А, между тѣмъ, эти самые «мы», какъ только ихъ настоящее дѣлалось прошлымъ, сейчасъ же становились на цыпочки (для бóльшаго роста) и начинали высокомѣрничать надъ самимъ собой, надъ своимъ собственнымъ предъидущимъ. Мы походили на ту легкомысленную барыньку, которая только любовь своего настоящаго времени находила истинной и прочной, а всякую свою предъидущую любовь считала увлеченіемъ и ребячествомъ.

Подобное же отношеніе къ прошлому наблюдалось и въ отношеніяхъ нашихъ поколѣній къ поколѣніямъ предъидущимъ. Каждому поколѣнію казалось, что оно начинаетъ собственную жизнь, и оно старалось исправлять ошибки поколѣнія предъидущаго, высокомѣрничало надъ нимъ и, въ то же время, само шло по инерціи или въ томъ направленіи, въ которомъ былъ данъ толчокъ, или работая для этого направленія. Я говорю не объ отсталыхъ людяхъ, а о людяхъ выше средняго уровня, говорю о писателяхъ, старающихся обнаруживать умственное вліяніе и прогрессивное руководительство. Даже эти люди, ужь несомнѣнно обязанные понимать и знать, что именно думалось до нихъ, не въ состояніи найти той общей единой ниточки, которая связываетъ всякое умственное предъидущее съ его же умственнымъ послѣдующимъ. Если бы эту ниточку они были въ состояніи найти, то увидѣли бы, что инерція движенія русской мысли наблюдается именно въ постепенности перехода отъ частнаго къ общему, отъ панацей и частныхъ формулъ къ широкимъ обобщающимъ основамъ и къ общимъ, поглощающимъ частности идеаламъ. Пресловутая «лягушка», которая должна была спасти міръ, и «сапоги выше Шекспира», и «мыслящій реализмъ», и «мужикъ», и «чистое народничество», и «деревня», вмѣщающая въ себѣ безошибочный и истинный русскій идеалъ, — все это было какъ бы отдѣльными зернышками ростущаго общественнаго сознанія. Цѣлебность зернышекъ, конечно, не подтвердилась практикой, ибо всѣ эти »панацеи» вели лишь къ частнымъ очисткамъ уголковъ.

И, въ то же время, и «лягушка», и «сапоги выше Шекспира» сдѣлали свое дѣло. Это были идеи, брошенныя въ общественное обращеніе и затѣмъ отразившіяся въ общественномъ сознаніи и создавшія свои практическіе результаты. Таково ужь свойство идей. Онѣ, точно бациллы, развиваются до безконечности въ благопріятной для нихъ средѣ. Конечно, если умственная среда не подготовилась, то и идейныя бациллы не будутъ множиться. Но несомнѣнно то, что вѣрная идея, хотя и медленно, будетъ рости, и шириться, и пролагать себѣ путь. Такою, напримѣръ, идеей была брошенная въ общество мысль, что «прекрасное — есть жизнь», что искусство служитъ только жизни, что оно напоминаетъ своимъ воспроизведеніемъ о томъ, что интересно для насъ, и знакомитъ съ тѣми сторонами жизни, которыхъ намъ не было случая наблюдать или испытывать, что художественная форма не спасаетъ произведеніе искусства отъ сострадательной улыбки, если оно важностью своей идеи не въ состояніи дать отвѣта на вопросъ: да стоило ли трудиться надъ подобными пустяками? — что безполезное не имѣетъ права на уваженіе, что человѣкъ самъ себѣ цѣль, но что дѣла человѣка должны имѣть цѣль въ потребностяхъ человѣка, а не въ самихъ себѣ. Мысли эти, высказанныя, кажется, въ 1858 г., явились истиннымъ откровеніемъ и проходятъ затѣмъ ниточкой черезъ всю работу русской мысли во все ея послѣдующее время до теперешнихъ дней. «Сапоги выше Шекспира», «мужикъ», «деревня» и т. п. только частныя формулы этой общей основной мысли, смотря по тому, кому какіе вопросы казались важнѣе. Кто считалъ самымъ важнымъ экономическое движеніе мысли, тотъ говорилъ, что «сапоги выше Шекспира», кто думалъ, что общее спасеніе изойдетъ изъ «деревни» и отъ «мужика», тотъ требовалъ, чтобы все дѣлалось исключительно для мужика, а всѣ остальныя дѣла считалъ пустыми и нестоющими.

Таковъ ростъ нашего общественнаго мышленія. Если бы каждый русскій человѣкъ понималъ это, а каждый русскій писатель растолковывалъ это непонимающимъ, то никакого шатанія мысли у насъ бы не было. Но мы именно потеряли ниточку, и не читатель потерялъ, а писатель. Что же такой потерявшій дорогу писатель можетъ дать читателю? Какія могутъ быть у него темы, какія могутъ быть у него мысли?

Въ 1 № «Нивы» нынѣшняго года г. Гончаровъ напечаталъ свой разсказъ или воспоминанія подъ заглавіемъ «*Слуги*». Самую цѣнную часть разсказа составляетъ авторская исповѣдь. Ветеранъ-художникъ бросаетъ взглядъ на свое художественное служеніе и отвѣчаетъ на тѣ упреки, которые ему дѣлали за выборъ темъ для своихъ произведеній. Въ особенности, какъ видно, ему былъ тяжелъ упрекъ въ «барствѣ» и что онъ по брезгливости не рисовалъ никогда народа. «Я не знаю, — говоритъ г. Гончаровъ, — быта, нравовъ крестьянъ, не знаю сельской жизни, сельскаго хозяйства, подробностей и условій крестьянскаго существованія, или если знаю что-нибудь, то это изъ художественныхъ и другихъ очерковъ и описаній нашихъ писателей. Я не владѣлъ крестьянами, не было у меня никакой деревни, земли; я не сѣялъ, не собиралъ, даже не жилъ никогда по деревнямъ. Ребенкомъ девяти и десяти лѣтъ я прожилъ въ деревнѣ два года и ни въ какое общеніе съ крестьянами, конечно, входить не могъ.

«Откуда же мнѣ было знать, такъ сказать, лично крестьянъ, ихъ жизнь, бытъ, нравы, горести, заботы, и какъ было заразиться живою (а не литературною) личною любовью и печалованіемъ о нихъ? Сознаніе человѣческаго долга къ ближнему, безъ сомнѣнія, живетъ въ сердцѣ каждаго развитаго человѣка, и въ моемъ также, — тѣмъ болѣе долга въ отношеніи «меньшей братіи».

«Я не только не отрекаюсь отъ этого сознанія, но питаю его въ себѣ и—то съ грустью, то съ радостью, смотря по обстоятельствамъ — наблюдаю благопріятный или неблагопріятный ходъ народной жизни. Описывать, притомъ еще изображать художественно типы и нравы крестьянъ могутъ тѣ, кто жилъ среди нихъ, непосредственно наблюдалъ ихъ вблизи, рисовалъ ихъ съ натуры: тѣмъ и книги въ руки. Я вѣкъ свой провелъ въ городахъ, больше всего въ Москвѣ, гдѣ учился, потомъ въ губернскомъ городѣ на родинѣ, потомъ болѣе полувѣка живу въ Петербургѣ, откуда отлучался нерѣдко на многіе мѣсяцы за границу и года два провелъ въ кругосвѣтномъ плаваніи. Внутрь Россіи я заглядывалъ мало и не надолго.

«Простой народъ, т.-е. крестьянъ, земледѣльцевъ, я видалъ за ихъ работами больше изъ вагона желѣзной дороги. Видѣлъ, какъ идутъ за плугами наши мужики безъ шапокъ, въ рубашкахъ, въ лаптяхъ, обливаясь потомъ; видалъ, какъ въ Германіи, съ коротенькою трубкой въ зубахъ, крестьяне пашутъ, крестьянки жнутъ въ соломенныхъ шляпкахъ; во Франціи гомозятся въ поляхъ въ синихъ блузахъ, въ Англіи въ плисовыхъ курткахъ сѣютъ, косятъ или везутъ по дорогѣ продукты въ городъ. Далѣе видѣлъ работающихъ въ поляхъ негровъ, индѣйцевъ, китайцевъ на чайныхъ, кофейныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ. Проѣздомъ черезъ Сибирь видалъ нашихъ сибирскихъ инородцевъ, якутовъ, бурятъ и другихъ, и все это издали, со стороны, катясь по рельсамъ, ѣдучи верхомъ, иногда съ борта корабля, и не вступалъ ни въ какія сношенія: не приходилось, случая не было.

«Слѣдовательно, описывать или изображать крестьянъ было бы съ моей стороны претензіей, которая сразу обнаружила бы мою несостоятельность. Зачѣмъ же мнѣ было напрашиваться на явную, ненужную неудачу? «Зачѣмъ не шелъ въ народъ, не искалъ случая сблизиться, узнать, изучить его? Эпикуреизмъ, чопорность, любовь къ комфорту мѣшали», — иногда слышались или чудились мнѣ обращенные по моему адресу упреки... Чтобъ идти въ народъ, надо имѣть не только охоту и своего рода подготовку, но и способности. А если послѣднихъ нѣтъ, что же дѣлать? Все-таки, идти? Упрекая меня въ невѣдѣніи народа и мнимомъ къ нему равнодушіи, замѣчаютъ, въ противуположность этому, что я не мало потратилъ красокъ на изображеніе дворовыхъ людей и слугъ.

«Это правда. На это бы, прежде всего, можно было замѣтить, что слуги, дворовые люди, особенно прежніе крѣпостные — тоже «народъ», тоже принадлежатъ къ меньшей братіи. Стало быть, я повиненъ только въ безучастіи собственно къ сельчанамъ, земледѣльческому и промышленному деревенскому люду. Это вѣрно: я его вовсе не зналъ, какъ сказалъ, и отъ этого не берусь не за свое дѣло, не описываю и не изображаю, чего не знаю».

Вотъ документальное подтвержденіе вѣрности мысли, высказанной еще тридцать лѣтъ назадъ о задачахъ художественнаго творчества. И подтвержденіе это мы слышимъ отъ «корифея», отъ «звѣзды», изъ «плеяды славныхъ», отъ писателя вполнѣ авторитетнаго. Передъ художникомъ, какъ разсказываетъ онъ, проходила цѣлая панорама жизни, и не одной русской. Длинною, нескончаемою полосою пробѣгали передъ его очами картины Россіи, Сибири, Европы, Китая, Индіи, Японіи, заокеанскихъ странъ, картины народнаго труда и копошащихся людей. Тутъ были и русскіе мужики, потѣющіе въ полѣ безъ шапокъ, и заграничные нѣмецкіе мужики съ трубками въ зубахъ, и нѣмки-крестьянки въ соломенныхъ шляпахъ, и французы въ синихъ блузахъ, и англичане въ плисовыхъ курткахъ, и негры, и китайцы, и индѣйцы. И ни одна изъ этихъ картинъ не оставила въ душѣ художника ни малѣйшаго слѣда, не выдѣлила изъ себя ни одной частности, которую бы художникъ пожелалъ изслѣдовать. Упрекать за это художника мы не имѣемъ права: «я не берусь не за свое дѣло, — говоритъ онъ, — и не описываю и не изображаю того, чего не знаю». Очевидно, что художникъ не зналъ потому, что не хотѣлъ знать, а не хотѣлъ знать потому, что отъ него никто этого знанія не требовалъ. Если бы онъ вздумалъ дать всю эту картину трудовой жизни, со всѣми вопросами, ее волновавшими, то читатель того времени прошелъ бы мимо нея, вѣроятно, точно также равнодушно. И плоть отъ плоти тогдашняго русскаго человѣка г. Гончаровъ, остановилъ свое художественное вниманіе на такихъ частностяхъ русской жизни, какъ «обыкновенныя исторіи», которыя онъ весь вѣкъ свой и разсказываетъ. Это тоже не упрекъ. Упрекъ, настоящій упрекъ, былъ сдѣланъ г. Гончарову Бѣлинскимъ, который сказалъ, что у г. Гончарова честнаго человѣка не отличишь отъ подлеца. Но и слова Бѣлинскаго, пожалуй, тоже только подтверждаютъ, насколько писатель обыкновеннаго ума и обыкновеннаго развитія есть человѣкъ своего времени даже въ нравственныхъ понятіяхъ, когда и само общество не особенно ясно понимаетъ разницу между честнымъ человѣкомъ и подлецомъ.

Даже у наиболѣе образованныхъ писателей былаго времени, какъ Тургеневъ, художественный анализъ не шелъ дальше частностей и характеровъ. Такими были его Лаврецкіе, Рудины, Лизы, Вѣры, Кирсановы, Базаровы. Все это были частныя изслѣдованія въ художественной формѣ или явленій отжитыхъ, или же опять частичными отвѣтами на неразрѣшенные вопросы дня, какъ «Отцы и дѣти», «Дымъ», «Новь»... А, между тѣмъ, жизнь шла все впередъ и впередъ, мысль работала быстро, даже изумительно быстро, и моментально переростала «Отцовъ и дѣтей», «Дымъ» и «Новь», выставляя все новые вопросы и требуя на нихъ но-

выхъ разрѣшеній, а старые выбрасывая, какъ выжатые лимоны. И чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе свершался этотъ анализъ частностей, привлекая къ себѣ массу второстепенныхъ художниковъ... Наконецъ, случилось нѣчто съ самимъ художественнымъ сознаніемъ (это «нѣчто» уже почувствовалъ и Тургеневъ), что и заставило художниковъ призадуматься надъ прежнею художественною программой, а крупныхъ изъ нихъ и отказаться отъ нея.

Это «нѣчто» заключалось въ иныхъ требованіяхъ аудиторіи, съ которой бесѣдовалъ художникъ, и въ болѣе высокомъ умственномъ и образовательномъ цензѣ, который долженъ былъ предъявить самъ себѣ художникъ, чтобы быть въ состояніи понимать жизнь. Писатель съ прежнимъ умственнымъ багажомъ и развитіемъ, стоявшій лѣтъ сорокъ назадъ въ первыхъ рядахъ, теперь бы ужъ занялъ второстепенное мѣсто, — настолько повысились требованія и запросы жизни. Вотъ и подтвержденіе этому. Разбирая разсказъ г. Гончарова «Слуги», одинъ изъ провинціальныхъ критиковъ со вздохомъ говоритъ: «жутко становится, что и еще одинъ талантъ началъ размѣниваться на мелочи». Но какое же тутъ размѣниванье? Г. Гончаровъ просто вынулъ изъ портфеля готовое, что было писано лѣтъ 30—40 назадъ, и предложилъ читателю 1888 г. Правда, г. Гончаровъ напечаталъ разсказъ въ «Нивѣ», уровень читателей которой гораздо ниже читателей толстыхъ журналовъ. Но и этимъ г. Гончаровъ только подтвердилъ разницу въ читателяхъ и невозможность уже напечатать то, что онъ лѣтъ сорокъ назадъ напечаталъ бы въ «Современникѣ», въ соотвѣтственномъ нынѣшнемъ передовомъ журналѣ. И въ самомъ дѣлѣ, кому нужны теперь «Слуги», если бы они были даже самой новѣйшей формаціи? А вообразите, что Салтыковъ написалъ сатиру на лакеевъ. Нѣтъ, этого вы не вообразите. А почему? Да просто потому, что какой же крупный, умный писатель станетъ палить изъ пушки по воробьямъ, когда для пушки есть дичь покрупнѣе?

Въ теченіе сорока лѣтъ, которыя прошли съ тѣхъ поръ, какъ г. Гончаровъ дѣлалъ свои замѣтки о слугахъ, наши беллетристы стрѣляли столько по воробьямъ и копошились столько въ ничтожныхъ частностяхъ, что, наконецъ, и сами почувствовали умственное неудовлетвореніе этимъ безплоднымъ занятіемъ. Новыя требованія анализа общихъ причинъ потянули всѣхъ наверхъ. Только слабые беллетристы занимаются еще анализомъ мелкихъ частныхъ явленій, да и слабые пройдутъ, не трогая лакеевъ, и постараются подвязать частное къ общему, насколько они въ состояніи его понять. Что же касается писателей крупныхъ, какъ Салтыковъ и Успенскій, то для нихъ совершенно ясно, что теперешняя жизнь течетъ такимъ живымъ потокомъ, что не даетъ ничему кристаллизоваться въ установившуюся твердую форму. Поэтому предметомъ изслѣдованія могутъ быть не кристаллы, которыхъ нѣтъ, а общій потокъ, мѣшающій имъ образоваться. И вотъ та самая панорама жизни, мимо которой, какъ разсказываетъ г. Гончаровъ, онъ проскользнулъ по рельсамъ желѣзныхъ дорогъ и проплылъ на пароходахъ, не остановившись ни передъ чѣмъ, теперешнихъ крупныхъ беллетристовъ останавливаетъ именно своею ширью и общимъ подавляющимъ впечатлѣніемъ. Но художественною формой этой шири не охватишь и беллетристы съ обобщающимъ умомъ, понявшіе это, примкнули къ публицистамъ.

И вновь подтвердился извѣстный законъ, что между писателемъ и читателемъ не должно и не можетъ быть большого разстоянія ни вверхъ, ни внизъ. Новое направленіе крупныхъ талантовъ не есть ихъ личная фантазія или личная особенность, — сама жизнь ставитъ писателей на этотъ путь. И этотъ фактъ текущей исторіи нашей общественной мысли нужно же, наконецъ, признать, какъ неустранимую неизбѣжность. Когда въ 1871 г. нѣмцы шли на Парижъ, Бисмаркъ сказалъ, что ничего онъ съ этимъ подѣлать не можетъ, потому что *всѣ* идутъ. Вотъ и мы всѣ идемъ.

Даже и не *мы* идемъ. Жизнь идетъ и тащитъ за собою каждаго, какъ бы онъ ни упирался. Да, идемъ, движемся и очень упорно движемся, — движемся всѣ. Можетъ быть, это движеніе еще недостаточно нами сознается, но, сознательное или безсознательное, оно существуетъ и свершается, и вся русская жизнь сводится теперь исключительно къ движенію, которое стараются изучить и беллетристы, и публицисты, и ученые, и государственные люди. Я говорю, конечно, о движеніи умственномъ, очевидномъ для каждаго умственно-зрячаго человѣка, и вопросъ, разрѣшеніе котораго назрѣваетъ, заключается только въ томъ, чтобы опредѣлить общія причины этого движенія и какой такой «Парижъ» мы всѣ отыскиваемъ, большею частью не зная въ него дороги.

Для русской мысли наступило теперь время аналогичное съ тѣмъ, какое она переживала передъ освобожденіемъ крестьянъ. Тогда тоже частная работа приходила къ концу и передовая мысль встала передъ однимъ широкимъ обобщеніемъ, практическое разрѣшеніе котораго составило эпоху въ нашей исторіи. Подобное же состояніе мысли обнаруживается и теперь. Оно явилось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той самой логики жизни, которая не нуждается ни въ какихъ діалектическихъ построеніяхъ, а думаетъ (пожалуй, и безошибочнѣе) одними фактами. Въ этомъ именно и заключается стихійная сила подобнаго мышленія.

Когда свершались реформы, когда главною задачей было освобожденіе, *всѣ* вполнѣ были увѣрены, что стоитъ только сдѣлать крестьянъ свободными, чтобы въ Россіи наступила вѣчная весна. Конечно, такъ думали только *всѣ*, т.-е. публика, а не тѣ, кто создалъ реформы. Освобожденіе крестьянъ вынесла на своихъ плечахъ сравнительно очень небольшая група людей. Это были люди съ «перлами сердца». Только въ нихъ развился необыкновенный подъемъ ума и чувства, который подѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на все русское общество. Безъ этого возбужденія

реформы оказались бы невозможными и «уравновѣшенные» люди на уступки бы не пошли. Большинство было убѣждено, что «наши крестьяне такъ мало развиты въ моральномъ отношеніи, что для нихъ наилучшій порядокъ есть существующій, потому что они, какъ дѣти, нуждаются въ опекунѣ, а этотъ опекунъ и есть помѣщикъ» (г. А. Повалишинъ, «Труды Ряз. Уч. Арх. Ком.»). Да и при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ сравнительно небольшая группа людей не сдѣлала бы ничего безъ той «счастливой случайности» какою явился Императоръ Александръ II. Это былъ царь тоже съ «перлами сердца».

Нѣкоторые заглядывали дальше. *Всѣ* же только занимались ликованьемъ и совершенно искренно думали, что послѣ освобожденія крестьянъ всякій русскій сядетъ первымъ гостемъ на пиру природы и получитъ даромъ жареную курицу.

Вотъ этотъ-то вопросъ о жареной курицѣ и есть та самая «логика жизни», которая дѣлаетъ нынче каждаго мыслителемъ, гонитъ его слушать публичныя разсужденія ученыхъ о рублѣ и хлѣбѣ, о воспитаніи и образованіи, о тарифѣ желѣзныхъ дорогъ, заставляетъ искать разрѣшенія и въ газетахъ, и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ очеркахъ Успенскаго, и въ сатирахъ Щедрина, и въ разговорахъ другъ съ другомъ. Въ такихъ большихъ городахъ, какъ Петербургъ, напряженіе мысли, пытающейся разрѣшить вопросъ о жареной курицѣ, менѣе замѣтенъ, чѣмъ въ деревнѣ, на землѣ, у самаго источника, создающаго курицу. Отъ этого-то, вѣроятно, въ Петербургѣ и особенно въ его газетномъ и журнальномъ мірѣ мысль и меньше напряжена. Но деревня о курицѣ размышляетъ очень упорно и очень энергически. Только при крѣпостномъ правѣ деревня не думала, потому что это ей было не зачѣмъ. Теперь же она думаетъ больше города. И думаетъ она все одну и ту же думушку, которой ей, однако, не могутъ разрѣшить ни петербургскія газеты, ни петербургскіе журналы.

Еще не такъ давно, даже лѣтъ 8—10 назадъ, у нашихъ газетъ замѣчалось нѣсколько теченій и наша (такъ называемая) политическая печать могла выставить зачатки тѣхъ же направленій, которыя были и въ Европѣ. По мѣрѣ того, какъ общество приглядывалось къ русскимъ потребностямъ, обстоятельствамъ, особенностямъ, оно уже начало выдѣлять главное отъ менѣе главнаго, первое отъ втораго, ближайшее отъ дальнѣйшаго, и остановилось на одной думушкѣ, которую, впрочемъ, было бы не точно обозвать думушкой только о жареной курицѣ.

Къ этой думушкѣ общество шло и стремилось раньше, чѣмъ Катковъ произнесъ слово «отрезвленіе», да Катковъ и понималъ-то это слово совсѣмъ не такъ, какъ хотѣла понять его жизнь. Отрезвленіе заключалось въ томъ, что съ бо́льшею яркостью выступили другіе очередные вопросы и обнаружилось во всемъ его объемѣ широкое дно домостроевской сути, котораго не коснулась ни крестьянская, ни судебная реформа,—дно, на которомъ, какъ на мѣрномъ фундаментѣ, зиждется все наше безграничное невѣжество и дикость взаимныхъ отношеній. Это понимали прежде немногіе, теперь начнутъ понимать всѣ, и сущность отрезвленія только въ томъ и заключается, что общество направило свое вниманіе въ эту сторону.

Я уже сказалъ, что прежнія газетныя направленія теперь исчезаютъ и съ ними должны исчезнуть и самыя названія этихъ направленій. Назвать кого-нибудь «либераломъ» значитъ ровно ничего о немъ не сказать. И въ самомъ дѣлѣ, что такое «либералъ», чего онъ хочетъ, какая его программа? Чтобы не сѣкли дѣтей? Да, вѣдь, этого не хотятъ и консерваторы. Чтобы отношенія въ семьѣ были лучше, чтобы въ общественныхъ отношеніяхъ было больше честности, правды и чувства долга? Но, вѣдь, того же самаго требуютъ и консерваторы. Или консерваторы стоятъ за существующій порядокъ, а либералы его хотятъ измѣнить? Положительно напротивъ: потому что консерваторы именно и требуютъ перемѣны существующаго, а либералы ополчаются на его защиту. Новымъ направленіямъ еще не явилось точнаго названія и формулы, которая бы ихъ ясно и коротко установляла. Вѣроятно, эти формулы и явятся-то не скоро. Можно, пока, намѣтить только одно, что всѣ былыя направленія стремятся теперь сгруппироваться въ два главныхъ направленія. Одно тяготѣетъ къ *Домострою*, другое именно его-то и не хочетъ.

Не мѣшаетъ установить, что у насъ, и особенно въ послѣднее время, помогали думать больше консерваторы (такъ называемые), чѣмъ ихъ противники. Консерваторы были и смѣлѣе, и свободнѣе, и неукротимѣе, и касались большаго круга вопросовъ, и даже выдвигали такіе изъ нихъ, которыхъ противники ихъ совсѣмъ не трогали. Припомните, напримѣръ, о чемъ только ни говорили «Московскія Вѣдомости» Каткова. Множество фактовъ изъ внутренней и заграничной жизни стало извѣстно только черезъ «Московскія Вѣдомости» и объ этихъ фактахъ никогда и ничего не узнало бы общество изъ печати либеральной. Случалось, что «Московскія Вѣдомости» излагали даже сущность книгъ и брошюръ «подпольнаго» содержанія, печатавшихся за границей. Такъ было, напримѣръ, съ книгой *Степняка* (написанной по-итальянски), содержаніе которой стало извѣстнымъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей»).

Эту развязность и смѣлость въ выборѣ темъ и вопросовъ продолжаетъ и теперешняя печать. Вообще эта печать много лѣтъ уже является главнымъ нашимъ пульсомъ, она постоянно бредитъ и держитъ въ тревогѣ нашу общественную мысль и въ области русскаго печатнаго слова является тѣмъ же, чѣмъ былъ Бисмаркъ въ области внѣшней политики Германіи. Результаты получаются подобные же, то-есть общественное мнѣніе воспитывается отрицательнымъ путемъ.

Шумная дѣятельность консервативной печати дѣлаетъ несомнѣнную честь ея энергіи, тѣмъ болѣе, что органовъ этой печати сравнительно мало. Чисто-консервативныхъ газетъ у насъ четыре столичныхъ: «Московскія Вѣдомости», «Петербугскія

Вѣдомости», «Гражданинъ», «Лучъ» (главные вояки), да 3—4 провинціальныя частныя газеты. Вся остальная масса московскихъ, петербургскихъ и провинціальныхъ газетъ принадлежитъ иному теченію, то приближающемуся къ направленію шумящей печати, то болѣе или менѣе отъ него отходящему. Число газетъ иного теченія, по крайней мѣрѣ, вчетверо больше. Но шумъ и пѣну производитъ не это тихое теченіе, а прыгающій по камнямъ газетный потокъ шумилъ.

Но не въ энергіи нашей консервативной печати дѣло. Дѣло въ томъ, какъ она относится къ жизни, какъ она ее понимаетъ, какими средствами она думаетъ разрѣшать тѣ трудные, запутанные и сложные вопросы, которые стоятъ передъ обществомъ такою высокою стѣной, что перелетѣть черезъ нее не хватаетъ у насъ крыльевъ. Для консервативной печати не существуетъ никакихъ стѣнъ, никакихъ препятствій, которыя бы ее пугали. Она до всего досягаетъ, она все разрѣшаетъ, и, притомъ, съ такою смѣлостью и самоувѣренностью, которая дается только геніальнымъ умамъ и дѣтямъ. Вотъ образчики этихъ разрѣшеній и объясненій фактовъ современной нашей жизни.

Саратовскій губернаторъ разослалъ, по словамъ «Гражданина», «ко всѣмъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ всѣхъ положеній и сословій» циркуляръ, въ которомъ проситъ сообщить ихъ мнѣніе, «что собственно привело Саратовскій край въ его настоящее неудовлетворительное экономическое положеніе: нужно ли тутъ видѣть только вліяніе причинъ чисто-экономическаго свойства, или причины коренятся глубже, въ нашей общественной жизни вообще?» Губернаторъ проситъ отвѣтъ «возможно скорый, обстоятельный и вполнѣ откровенный, съ указаніемъ мѣръ, при помощи которыхъ можно было бы измѣнить къ лучшему настоящее положеніе дѣлъ». «Московскія Вѣдомости» нашли, что саратовскій губернаторъ производитъ «потрясеніе основъ», что онъ какъ бы взываетъ къ «земскому собору», ко «всеобщей подачѣ голосовъ», намекаетъ на «правовый порядокъ» и чуть ли не выставляетъ знамя «чернаго передѣла». Тутъ же «кстати» «Московскія Вѣдомости» припомнили факты бывшей въ Саратовской губерніи революціонной пропаганды.

«Гражданинъ» уличилъ «Московскія Вѣдомости» въ усердіи не по разуму, но самъ, въ то же время, напечаталъ, что тверское земство ассигновало 50,000 руб. на производство статистическихъ работъ съ тою цѣлью, чтобы распространить революціонную пропаганду въ народѣ, и что уже оно и распространяетъ эту пропаганду подъ видомъ статистическихъ экскурсій.

«Московскія Вѣдомости» для умиротворенія университетовъ придумали раздѣлить ихъ на роты и учить студентовъ ружистикѣ, шагистикѣ и военному артикулу.

«Гражданинъ» поправилъ мысль «Московскихъ Вѣдомостей» и предложилъ каждый факультетъ каждаго университета устроить отдѣльно въ какомъ-нибудь губернскомъ или уѣздномъ городѣ, а студентовъ помѣстить на общихъ квартирахъ, то-есть въ карманахъ гражданскаго вѣдомства.

Въ одной деревнѣ, Олонецкой губерніи, случилось звѣрское дѣло: крестьянинъ былъ убитъ женой и сыномъ. «Гражданинъ» дѣлаетъ такое общее для всей Россіи заключеніе: «Чему же, впрочемъ, удивляться? Развѣ мы не живемъ въ томъ вѣкѣ, когда открыто проповѣдуется разрушеніе семьи, какъ начала отжившаго, разрушеніе общества и государства динамитомъ, уничтоженіе церкви?»

Въ деревняхъ, какъ говоритъ «Гражданинъ», усилилось пьянство, воровство, буйство, конокрадство, мазанье воротъ дегтемъ и т. д. Что же дѣлать противъ этого? «Крестьяне—взрослые дѣти,— отвѣчаетъ «Гражданинъ»,—и дѣтей нельзя наказывать по римскому праву; ихъ должно карать отеческими патріархальными способами...: право, предоставленное военнымъ начальникамъ, карать завѣдомыхъ мерзавцевъ 50-ю ударами розогъ явилось бы могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ земскаго начальника для водворенія мира, тишины и спокойствія въ нашихъ растерзанныхъ деревняхъ».

Крестьянскій мальчикъ сдѣлалъ какое-то преступленіе, судъ отдалъ ребенка матери для надзора. «Гражданинъ» говоритъ: «нужно бы его выпороть».

Еврей-шинкарь обманулъ мужика. «Гражданинъ» восклицаетъ: «мы всегда доказывали, что противъ еврейской эксплуатаціи одно средство: изгнать всѣхъ евреевъ изъ Россіи».

Упалъ курсъ нашего рубля и никакъ не хочетъ поправляться. «Гражданинъ» говоритъ: такъ какъ курсъ уронили купцы, жиды, банкиры и шалопаи, то *воспретить* вывозъ за границу кредитныхъ билетовъ, *изъять* изъ обращенія посредствомъ замѣны стараго образца новымъ кредитные билеты, *воспретить* пересылку по почтѣ, въ рекомендованныхъ и цѣнныхъ пакетахъ всякихъ денежныхъ знаковъ, *ограничить* выѣздъ и пребываніе за границей безъ научной цѣли всѣхъ русскихъ, а эмиграцію *преслѣдовать* военно-уголовнымъ судомъ, какъ измѣну государству.

Вотъ и весь немногосложный и общественный катехизисъ нашей консервативной печати: запереть, выпороть, изгнать, воспретить, изъять, ограничить, преслѣдовать. Это тотъ самый кодексъ общественной нравственности, который, наконецъ, вызвалъ реформы. Но освобожденіе крестьянъ отмѣнило лишь одно изъ частныхъ послѣдствій общественныхъ отношеній, это же самое крѣпостное право и создавшихъ. Судебная реформа тоже дала только новыя формальныя гарантіи бо́льшей справедливости суда. Все же бытовое міровоззрѣніе, съ установленными имъ отношеніями, все то широкое дно, на которомъ выросла и развилась теорія шумящаго теперь газетнаго консерватизма, предводимаго «Гражданиномъ» и «Московскими Вѣдомостями», вся та атмосфера, которой консерваторы этого направленія дышали съ колыбели, строй отношеній, воспитавшій ихъ привычки и понятія,— однимъ словомъ, вся система, ихъ создавшая, оста-

лись внѣ всякаго воздѣйствія крестьянской и судебной реформы. Что же удивительнаго, что на прежней почвѣ выросли прежніе цвѣты?

Но читатель сдѣлаетъ большую ошибку, если смѣшаетъ консерватизмъ «Гражданина» и другихъ газетъ съ дѣйствительнымъ русскимъ консерватизмомъ. Консерватизмъ кн. Мещерскаго и гг. Петровскаго и К° больше ничего, какъ «страшныя» слова. Русская же жизнь дѣлаетъ свое дѣло, не зная о томъ, что говорятъ Мещерскій и Петровскій и К°. Да и сами эти господа тоже знаютъ, что ни одного ихъ слова воплотить въ жизнь нельзя. Жидовъ изъ Россіи прогнать нельзя, судить военнымъ судомъ эмигрантовъ нельзя, предоставить каждому сѣчь крестьянъ нельзя, приказать полтинѣ быть рублемъ нельзя. Ничего этого нельзя. И не только ничего этого въ такомъ видѣ сдѣлать нельзя, но и ни одного русскаго современнаго вопроса никакимъ однимъ словомъ разрѣшить нельзя. И чѣмъ полнѣе выясняются всѣ наши вопросы, тѣмъ становится очевиднѣе вся ихъ безграничная многосложность, требующая работы не только очень многихъ умовъ, но и очень сильныхъ умовъ, а не младенцевъ, пріютившихся въ нашей такъ называемой консервативной печати, совершенно обдѣленныхъ умственною зрячестью и потому неспособныхъ видѣть связь слѣдствій и причинъ. Оттого-то всѣ наши непроницательные люди и обрушиваются исключительно на слѣдствія и искренно думаютъ, что стоитъ лишь слѣдствію приказать не быть слѣдствіемъ—и повсюду въ Россіи зацвѣтутъ розы. Такъ они и поступаютъ; но розы нигдѣ покуда не цвѣтутъ.

XXIX.

Нынѣшнею весной мнѣ пришлось провести въ Петербургѣ ровно мѣсяцъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ говорить о своихъ впечатлѣніяхъ, я напомню читателю недавнее прошлое того же Петербурга.

Я помню Петербургъ 1848 года и Петербургъ Крымской войны; помню, какимъ онъ былъ сейчасъ же послѣ смерти Императора Николая; помню, какимъ онъ былъ, когда подготовлялось освобожденіе крестьянъ и когда была объявлена свобода; помню Петербургъ въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ и въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ. Это были совсѣмъ разные Петербурги, — до того разные, точно между ними лежали цѣлыя столѣтія.

Петербургъ Императора Николая былъ щеголеватый, шикарный и вполнѣ гвардейскій городъ. Казовою его улицей былъ Невскій проспектъ, на которомъ *весь* Петербургъ собирался отъ 2 до 3-хъ часовъ. Это было дѣйствительно что-то блестящее, нарядное, праздничное. Особенный блескъ Невскому придавали кавалергарды, кирасиры, гвардейскіе гусары, вообще разноцвѣтная, яркая гвардейская кавалерія съ ея золотыми и серебряными касками, медвѣжьими шапками гусаръ, цвѣтными киверами уланъ, лязгомъ сабель, которыя для шику кавалеристы волочили по землѣ, звономъ шпоръ. Штатскіе тогда на Невскомъ какъ-то совсѣмъ не были замѣтны. Они исчезали среди военныхъ, преобладавшихъ повсюду, — у Доминика, Излера, въ театрахъ, на гуляньяхъ.

Невскій оканчивался тогда Аничковымъ мостомъ, и блестящій Петербургъ, высыпавшій на Невскій для прогулки, за Аничковъ мостъ не переходилъ. Полиціи на Невскомъ почти не было (да ея и нигдѣ не было видно). У Аничкова моста, у Гостинаго двора, да у Полицейскаго моста стояли три будки (три на весь Невскій), а у нихъ три будочника въ сермягахъ, съ алебардами. Будочники отъ будокъ отходить не смѣли и порядокъ тогда соблюдался самъ собою. Кучера и извозчики знали свои правыя и лѣвыя стороны, публика тоже установила свой порядокъ, и кто выходилъ на Невскій для прогулки, направлялся по солнечной сторонѣ, а кто по дѣлу—шелъ по сторонѣ Гостинаго двора. Эта сторона была рабочая, дѣловая, такъ сказать, гражданская. Если женщина (и именно вечеромъ) желала пройти безъ авантюръ, то шла по сторонѣ Гостинаго двора и могла быть увѣрена, что ее никто не побезпокоитъ. Направляясь же по солнечной сторонѣ (опять же вечеромъ), она давала этимъ знать, что ищетъ приключеній, и въ нихъ, конечно, недостатка не встрѣчала. Вообще тогдашній Петербургъ былъ городъ самоуправлявшійся, какимъ еще продолжаетъ быть Москва, съ установившимися обычаями и порядками, которые были всѣмъ извѣстны и которыхъ всѣ держались.

Послѣ Крымской войны и особенно послѣ освобожденія Невскій, этотъ главный нервъ Петербурга, утрачиваетъ свой праздничный, «парадный» характеръ. Блестящія каски начинаютъ понемногу исчезать, сабли по тротуарамъ не волочатся, звонъ шпоръ не раздается, праздничная сторона Невскаго перестаетъ быть праздничною, прогуливающагося блестящаго и яркаго кавалериста смѣняетъ дѣловикъ и разночинецъ и Невскій становится обыкновенною городскою улицей, по которой, уже не различая сторонъ, снуетъ и бѣжитъ петербургскій человѣкъ новой формаціи, новаго фасона и новаго вида. Блестящія металлическія каски и ярко-разноцвѣтные мундиры смѣнили теперь шляпы котелкомъ и неопредѣленнаго цвѣта пальто, которыя никогда не могутъ быть достаточно дурны, чтобы устыдиться Невскаго проспекта.

Но какъ бы Петербургъ ни мѣнялся прежде внѣшнимъ образомъ, въ немъ была одна особенность, которую онъ сознавалъ и которою гордился: Петербургъ считалъ себя головой Россіи и это главен-

ство Россія за нимъ признавала. Когда Невскій блестѣлъ касками и бряцалъ шпорами, когда магазины его были выставками модъ и безполезныхъ дорогихъ бездѣлушекъ,—Петербургъ имѣлъ для провинціи обаятельность «чего-то» утонченнаго, изящнаго, аристократическаго, и это «что-то» онъ, вмѣстѣ съ шляпками и ботинками новаго фасона, разсылалъ въ провинцію въ видѣ новыхъ фигуръ въ полькѣ или мазуркѣ или новыхъ изящныхъ пріемовъ въ разговорахъ, поклонахъ, въ держаніи себя въ гостиныхъ. Все это было тогдашними «идеями» Петербурга, которыми онъ просвѣщалъ и культивировалъ полудикую крѣпостную провинцію, обучая ее внѣшнимъ европейскимъ манерамъ.

Затѣмъ наступило другое время. Петербургъ сталъ «умственною» головой Россіи и въ немъ явились уже настоящія, такъ сказать, «идейныя» идеи. Теперь отъ Петербурга, какъ отъ яркаго солнца, стали расходиться по всей Россіи теплые лучи и этими умственно согрѣвающими лучами были новыя, невѣдомыя до того понятія, знанія, мысли. Никогда еще Петербургъ не былъ такою умною и мыслящею головой Россіи, какою онъ сталъ теперь, и никода онъ не былъ такъ богатъ мыслями, стремленіями, надеждами, блестящими идеями и даже общественными мечтаніями. Кн. Мещерскій, не особенно благорасположенный къ этому времени, говоритъ, что тогда «все кипѣло жизнью, и именно духовною жизнью, что тогда въ каждомъ русскомъ человѣкѣ билось сильно сердце, что тогда либералы создали цѣлую Ніагару мыслей, стремленій, цѣлей въ руслѣ русской умственной жизни и этимъ самымъ вызвали къ жизни и противниковъ этого громаднаго урагана» («Гражд.» № 138).

Петербургъ уже и раньше обнаруживалъ магнитныя свойства и тянулъ къ себѣ тѣхъ, кто хотѣлъ думать и учиться. Тяготѣніе началось еще во время Бѣлинскаго, который изъ Москвы убѣжалъ въ Петербургъ. Но особенно выросла притягательная сила Петербурга послѣ Севастополя. Теперь потянулся въ Петербургъ всякій живой человѣкъ, всякій, кто чувствовалъ въ себѣ Ніагару. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, можно было лучше учиться и лучше думать, и лучше чувствовать, и лучше стремиться, какъ не въ тогдашнемъ Петербургѣ. И вотъ изъ этихъ-то притянувшихся къ Петербургу изъ разныхъ концовъ Россіи людей—изъ Саратова, изъ Нижняго, изъ Тулы, изъ Костромы, изъ Сибири—Петербургъ создалъ своихъ знаменитыхъ публицистовъ, критиковъ, профессоровъ, ученыхъ. Когда, впослѣдствіи, запасъ ихъ началъ изсякать, Петербургъ уже былъ не въ силахъ создать что-нибудь равное имъ на смѣну.

Умственный обликъ Петербурга за все это время постоянно мѣнялся и Петербургъ въ этихъ перемѣнахъ являлся все инымъ и инымъ, пока, наконецъ, не сдѣлался и совсѣмъ инымъ. Перемѣны эти были дѣйствительно живымъ теченіемъ Ніагары, волны которой, какъ ни мѣнялись, а, все-таки, текли. При всѣхъ перемѣнахъ Петербургъ оставался головой Россіи, къ нему прислушивались, у него учились, отъ него исходилъ всякій умственный свѣтъ, отъ него ожидали всего, да и въ дѣйствительности получили очень много. Освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство, всеобщая воинская повинность,—однимъ словомъ, все, что создало большій просторъ для развитія матеріальныхъ и духовныхъ силъ Россіи,—все это вышло изъ Петербурга.

Вотъ недлинная исторія былой умственности Петербурга.

Въ одно время со мною пріѣхалъ въ Петербургъ, изъ нашихъ же мѣстъ, латышъ-мельникъ. Самый большой и культурный городъ, который онъ видѣлъ до сихъ поръ, былъ Рига. Теперь ему хотѣлось посмотрѣть на Москву и Петербургъ, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ онъ пробылъ по два дня. «Ну, какъ вамъ понравились Петербургъ и Москва?» — спросилъ я мельника, провожая его на желѣзную дорогу. — «Въ Москвѣ чувствуешь себя гораздо легче, а въ Петербургѣ точно связанъ»,— отвѣтилъ мельникъ. И это впечатлѣніе испытываетъ въ Петербургѣ всякій пріѣзжающій, особенно изъ деревни.

Когда поѣздъ приходитъ въ Москву, пріѣзжающіе высыпаютъ изъ вагоновъ трубой и такою же трубой идутъ по платформѣ, спѣша и обгоняя другъ друга. У выхода стоитъ толпа кондукторовъ съ мѣдными бляхами на фуражкахъ и каждая изъ этихъ бляхъ протягиваетъ руку къ вашему дорожному мѣшку и наперерывъ выкрикиваетъ: «Лоскутная», «Славянскій Базаръ», «Метрополь», «Гостиница Рояль» и т. д. Спустившись по лѣстницѣ на дворъ, вы опять попадаете въ шумную толпу. Со всѣхъ сторонъ протягиваются къ вамъ руки, которыя вамъ что-то суютъ, пытаются овладѣть вашимъ мѣшкомъ, а вдали легковые извозчики, приподнявшись на дрожкахъ, что-то кричатъ и манятъ къ себѣ. Весь этотъ шумъ и гамъ, и выкрикиванія и протягиваемыя руки, несмотря на кажущуюся безтолковую безпорядочность, имѣетъ что-то стройное, оживляющее. Послѣ вагонной тѣсноты и неподвижнаго сидѣнья цѣлыя сутки, а особенно, когда и утро-то солнечное, вамъ просто становится весело; гамъ, шумъ, движеніе васъ возбуждаютъ, вы чувствуете себя въ большомъ городѣ, васъ охватываетъ его городская, шумная жизнь, вы рады и довольны и нетерпѣливо ждете, когда васъ довезутъ, наконецъ, до гостиницы, чтобъ умыться и переодѣться и уже совсѣмъ отдаться этому оживляющему движенію, въ которомъ вы чувствуете себя легко и свободно.

Въ Петербургѣ, выйдя изъ вагона, вы сейчасъ же вступаете въ порядокъ. Пассажиры пропускаются черезъ сортировку, фильтруются. Чистые идутъ прямо и выходятъ на Невскій парадным выходомъ, не чистые—III-й классъ—съ мѣшками и кузовами направляются налѣво и выходятъ на дворъ. На площади, передъ вокзаломъ, опять все стройно и установлено, все размѣрено и предопредѣлено. Извозчики стоятъ въ линію, никто изъ нихъ не кричитъ, не зазываетъ, не машетъ вамъ рукой, никто не тянетъ вашего мѣшка,—все чинно, спокойно и тихо, совершенно какъ въ Берлинѣ.

На Невскомъ вы чувствуете тотъ же стройный

порядокъ. Извозчикъ мчитъ васъ по правой торцовой полосѣ; тутъ же мчатся, обгоняя другъ друга, дрожки, кареты, коляски, и всѣ онѣ катятся въ одномъ направленіи, не путаясь, не толкаясь, не задѣвая другъ друга. Точно такою же стройною линіей мчатся дрожки, кареты, коляски вамъ на встрѣчу, но уже по лѣвой торцовой полосѣ, а по серединѣ между двумя торцовыми полосами тянется узенькая каменная полоса съ рельсами для конки и стоятъ съ иголочки одѣтые полицейскіе въ бѣлыхъ перчаткахъ. Полицейскіе стоятъ только для того, чтобъ управлять извозчиками, въ особенности на разъѣздахъ и перекресткахъ. Однихъ, слишкомъ шустрыхъ и торопливыхъ, они сдерживаютъ, другимъ указываютъ проѣзжать скорѣе, и все это дѣлается молча, однимъ мановеніемъ бѣлыхъ перчатокъ. Особенно изумительно это стройное дирижированіе за Полицейскимъ мостомъ, гдѣ Невскій пересѣкается Большою Морской. Это самое бойкое мѣсто Петербурга составляетъ апогею стройности полицейскихъ петербургскихъ порядковъ и спокойнаго, самообладающаго мановенія бѣлыхъ перчатокъ. Одной приподнятой полицейской руки бываетъ совершенно достаточно, чтобы сразу замерла на мѣстѣ вся масса мчащихся дрожекъ, каретъ, колясокъ и чтобы затѣмъ онѣ стали дифилировать шагомъ, то останавливаясь, то опять медленно подвигаясь, и распредѣляться по четыремъ направленіямъ (не припомню, какъ въ этомъ бойкомъ мѣстѣ Невскаго свершались разъѣзды экипажей лѣтъ сорокъ назадъ, когда у Полицейскаго моста стояла всего одна полицейская будка, и будочникъ не смѣлъ отходить отъ нея, а на углу Невскаго и Большой Морской и совсѣмъ не было будочника).

Пріѣзжающіе по варшавской или балтійской дорогѣ испытываютъ иное первое впечатлѣніе. Тѣ поѣзда останавливаются въ глухихъ мѣстахъ, и пріѣзжающаго везутъ по скверной, избитой и пыльной мостовой Обводнаго канала. Московскіе же поѣзда останавливаются совсѣмъ въ центрѣ Петербурга и пріѣзжающій, прямо изъ вагона, вступаетъ на выглаженный, выметенный, политый водою Невскій, уставленный, какъ вѣхами, полицейскими. Въ человѣкѣ, пріѣхавшемъ изъ провинціи, эти повсюду торчащіе полицейскіе, въ перчаткахъ безукоризненной бѣлизны и въ короткихъ дамскихъ накидкахъ (изъ которыхъ каждый изъ нихъ выросъ) и, въ то же время, вооруженные револьверами и шашками, вызываютъ смѣшанное ощущеніе. Петербургскій житель ко всему этому уже приглядѣлся, но человѣкъ свѣжій, деревенскій, привыкшій жить среди мирныхъ, невооруженныхъ людей, чувствуетъ себя не совсѣмъ легко въ сосѣдствѣ съ револьверами и шашками, назначеніе которыхъ остается для него загадочнымъ и возбуждаетъ только сторожливое, сдержанное безпокойство. Прежняя алебарда, которую будочники обыкновенно приставляли къ будкѣ и брали въ руку, чтобы отдать честь проходящему мимо офицеру, имѣла мирное символическое значеніе и ясно говорила о безобидной роли тогдашняго будочника. Алебарда была только знакомъ полицейскаго достоинства, но въ нынѣшнемъ револьверѣ, кромѣ достоинства, есть еще шесть пуль.

Въ свѣжемъ человѣкѣ не малую тревогу возбуждаютъ еще и петербургскіе швейцары. Это совсѣмъ особенная порода людей, созданная Петербургомъ. Старшій дворникъ и швейцаръ знаютъ всю подноготную жильцовъ своего дома и своей лѣстницы. Каждому изъ нихъ въ точности извѣстно: откуда вы, сколько вамъ лѣтъ, живете ли вы съ своею женой или разъѣхались, сколько у васъ дѣтей, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ лѣтъ, гдѣ они учатся или служатъ, кто къ вамъ ходитъ и у кого вы бываете, какой образъ жизни ведете. Это обязательное всезнайство выработало въ петербургскихъ швейцарахъ (и дворникахъ) проницательный, пытливый, колючій взглядъ, и, въ то же время, сдержанность и молчаливость, неизбѣжную, впрочемъ, въ каждомъ, кому приходится хранить въ себѣ такъ много чужихъ тайнъ. Всѣ петербургскіе швейцары очень внимательны и вѣжливы, даже почтительно-вѣжливы. Всякій разъ, отворяя дверь, швейцаръ непремѣнно снимаетъ фуражку, но не кланяется (кланяется швейцаръ только почетнымъ лицамъ и домохозяину, передъ которыми онъ стоитъ даже безъ фуражки, но все это дѣлается съ достоинствомъ, безъ униженія или заискиванія), и всякій разъ вы чувствуете себя неловко подъ пытливымъ, всматривающимся въ васъ взглядомъ и стараетесь проскользнуть скорѣе на улицу. Съ своими постоянными жильцами швейцары, конечно, этого не дѣлаютъ, тѣмъ-то и непріятнѣе быть пріѣзжимъ, незнакомымъ, чужимъ. Опытный швейцаръ никогда не спроситъ, къ кому вы приходите, но замѣтитъ это сразу и запомнитъ ваше лицо. Онъ никогда не дастъ звонка не во-время, чтобы не заставить васъ торопиться по лѣстницѣ и не заставить прислугу ждать съ отворенною дверью. Выжидая внизу, онъ слѣдитъ за «маршами» («маршей» на языкѣ швейцаровъ называется лѣстница отъ площадки до площадки), отлично слышитъ, въ какой вы идете этажъ, и дастъ звонокъ какъ разъ къ тому времени, когда вы поднимаетесь по послѣдней маршѣ. Тотъ же опытный швейцаръ всегда васъ предупредитъ, что «такого-то» нѣтъ дома, чтобы не заставить васъ подниматься по лѣстницѣ.

У швейцаровъ трактировъ и ресторановъ пытливости во взорѣ не замѣчается и они развиваютъ въ себѣ другую привычку глаза. Домовый швейцаръ запомнитъ лицо, а трактирный — общій обликъ и платье. У трактирныхъ швейцаровъ считается особеннымъ щегольствомъ повѣсить на вѣшалку ваше платье и не дать вамъ номерка. Если вы ему скажете: «а нумерокъ?» — онъ отвѣтитъ: «не безпокойтесь, я васъ знаю». И дѣйствительно, онъ никогда не ошибется. Трактирные швейцары знаютъ фамиліи своихъ болѣе частыхъ посѣтителей, и какъ они ихъ узнаютъ — это ихъ секретъ.

Въ Петербургѣ есть еще одинъ любопытный уличный типъ, котораго тоже не замѣтишь въ Москвѣ, а ужъ тѣмъ болѣе въ провинціальныхъ городахъ. Очень часто на улицѣ, обыкновенно у воротъ домовъ, вы увидите стоящихъ безъ всякаго дѣла,

точно на посту, людей особеннаго фасона, приспособленныхъ къ ходьбѣ. На нихъ надѣты короткія пальто и сапоги военнаго образца (не мужицкіе, не бураками); этихъ праздно стоящихъ у воротъ людей, приспособленныхъ къ хожденію, мнѣ чаще всего привелось видѣть въ Пушкинской улицѣ. Въ этой короткой и узкой улицѣ, отличающейся громадными шестиэтажными домами вѣнской архитектуры, проживаетъ, какъ говорятъ, населеніе цѣлаго уѣзднаго города. Приспособленный къ хожденію субъектъ обыкновенно стоитъ молча и одиноко, въ воротахъ дома, и смотритъ на домъ противуположной стороны, не обращая, какъ мнѣ казалось, вниманія на проходящихъ.

Петербургскіе внѣшніе порядки производятъ такое общее впечатлѣніе, точно Петербургъ занятъ только одною думой, какъ бы у него все было тихо, спокойно, безъ всякихъ исторій. И Петербургъ, дѣйствительно, выработалъ въ себѣ изумительный порядокъ. Уличная жизнь его течетъ до того стройно и безшумно, что вы не услышите даже человѣческаго голоса. Все это снуетъ и бѣжитъ взадъ и впередъ, торопливо, молча, не останавливаясь, и только въ воздухѣ стоитъ мертво-однозвучный грохотъ каменной мостовой, отъ котораго Петербургъ тоже ужъ старается избавиться, одѣвая колеса экипажей резиною.

Уличный Петербургъ есть дѣйствительно только нескончаемое движеніе, стройное, точно водная система съ рѣками и впадающими въ нихъ ручейками. Съ колокольни Исакіевскаго собора вы можете наблюдать и законъ этого движенія, безконечнаго, стройнаго, цѣльнаго, массоваго, то стремящагося къ центру отъ окраинъ, то отъ него отливающаго. И въ то же время, вы замѣтите, что въ этомъ цѣльномъ, массовомъ движеніи, повинующемся одной общей силѣ, отдѣльныя частички, составляющія уличныя струи, ничѣмъ не связаны между собою. Каждый изолированъ, каждый бѣжитъ своею дорогой, не останавливаясь, никого не останавливая и теряясь въ общемъ движеніи, котораго онъ составляетъ частичку, какъ и всѣ остальные.

Стройная общность петербургскаго движенія именно и поражаетъ полною изолированностью своихъ отдѣльныхъ единицъ. Каждый идетъ по своему дѣлу, идетъ самъ по себѣ, и, въ то же время, всѣ эти изолированныя и свободныя единицы, сливаясь въ одно общее движеніе, образуютъ какую-то захватывающую васъ силу, завлекающую своимъ движеніемъ и подвижностью отдѣльныхъ частицъ, которыя на каждомъ шагу приковываютъ вашъ взглядъ и мѣняются, какъ разноцвѣтныя стеклушки въ калейдоскопѣ, привлекая ваше вниманіе своими постоянными перемѣнами.

Въ Петербургѣ безъ всякой усталости можно пройти по улицамъ пять, десять верстъ, т.-е. сдѣлать то, чего вы никогда не сдѣлаете въ деревнѣ. если бы вздумали идти только для прогулки. Въ деревнѣ нельзя ходить для хожденія, а въ Петербургѣ можно слоняться по улицамъ безъ всякаго дѣла цѣлые часы. И убивающему свое время человѣку будетъ казаться, что онъ дѣлаетъ какъ будто и дѣло, что онъ чувствуетъ, думаетъ, живетъ. Это неустанное движеніе является для петербургскаго человѣка источникомъ всяческаго самообмана и, въ то же время, составляетъ его спасеніе.

Петербургъ самый дѣятельный, подвижный и трудящійся русскій городъ, но его, какъ и волка, кормятъ только ноги. Оттого-то Петербургъ такъ много и ходитъ. Петербургъ ничего не создаетъ и ничего не производитъ; онъ только потребляетъ. Населеніе его составляютъ два основныхъ слоя. Верхній—его главное ядро, цвѣтъ, сила и блескъ—есть интеллигенція. Какъ нѣкогда въ Аѳинахъ вся жизнь сложилась для двухсотъ тысячъ независимыхъ гражданъ, а остальное все работало на нихъ, такъ и теперешній Петербургъ существуетъ лишь для своей интеллигенціи. Для нея и итальянская опера, и театры, и маскарады, и балы, и Аркадіи, и Ливадіи, и библіотеки для чтенія, и газеты, и журналы, и рестораны, и магазины, и кареты, и коляски, и посыльные, и газетчики; для нея строятъ изумительные дома, для нея дѣлаютъ торцовую мостовую, для нея электрическое освѣщеніе. Едва ли какой-либо другой городъ въ Европѣ дѣлаетъ столько для своей интеллигенціи, сколько Петербургъ.

Утромъ интеллигентный Петербургъ спускается изъ своихъ седьмыхъ и всякихъ другихъ этажей и, высыпавъ на улицы, спѣшитъ пѣшкомъ, на конкахъ, на извозчикахъ, въ коляскахъ, каретахъ—къ своимъ мѣстамъ: въ канцеляріи, коммисіи, засѣданія, конторы, редакціи, библіотеки, студіи, мастерскія, вообще къ своимъ «либеральнымъ профессіямъ». къ «своему» дѣлу. Здѣсь онъ пишетъ, сочиняетъ, переписываетъ, докладываетъ, считаетъ, переводитъ, телеграфируетъ, телефонируетъ—и все это спѣшно, порывисто, нервно, суетливо, едва успѣвая справиться съ тѣмъ, что ему нужно непремѣнно передѣлать и окончить до обѣда.

И въ то время, какъ «господинъ» Петербурга занятъ этими спѣшными дѣлами, которыя ему непремѣнно нужно передѣлать, въ ресторанахъ и трактирахъ (а у домовитыхъ людей дома) готовятся ему завтраки и обѣды, въ театрахъ и загородныхъ гуляньяхъ идутъ репетиціи для вечернихъ развлеченій этого новаго аѳинскаго гражданина и служащій ему Петербургъ работаетъ всѣми своими мускулами, чтобы приготовить все, что нужно, чтобы поднять и подкрѣпить упавшія отъ нервнаго напряженія силы «гражданина». Въ 5—7 часовъ гражданинъ обѣдаетъ, потомъ онъ развлекается, ужинаетъ, въ 2 часа ночи онъ спитъ, а утромъ опять спѣшитъ въ свои конторы и канцеляріи, чтобы писать, сочинять, считать, телеграфировать и телефонировать. И это повторяется изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ.

Петербургъ сложился и съорганизовался въ очень стройное, законченное и самодовлѣющее цѣлое, но это цѣлое не создаетъ никакихъ матеріальныхъ богатствъ. Мускульный Петербургъ только перерабатываетъ то, что производительная Россія высылаетъ въ Петербургъ со всѣхъ своихъ концовъ, а интеллигентный все это переработанное для него потребляетъ.

Въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи тянутся то непрерывные обозы, то безконечные товарные поѣзда, биткомъ набитые всякими предметами потребленія, а по всѣмъ воднымъ системамъ плывутъ нескончаемою вереницей судовые караваны съ зерномъ, мукой, дровами, углемъ, пескомъ, кирпичомъ, камнемъ. И все это Петербургъ въ себя втягиваетъ и уничтожаетъ. Въ Петербургъ каждый годъ доставляется до 180,000 головъ крупнаго скота, болѣе 100 тыс. телятъ, 30 тыс. свиней, 15 тыс. поросятъ и 14 тыс. барановъ. Битой говядины привозится до 1½ милліоновъ пудовъ и свинины до 600 тыс. пудовъ. Петербургъ поѣдаетъ не одинъ милліонъ штукъ разной дичины и едва ли не больше домашнихъ гусей, утокъ, индѣекъ, куръ. Въ Петербургъ приходитъ 70.000,000 штукъ сельдей, 50 тыс. пудовъ семги, 250 тыс. пудовъ трески, 100.000,000 пудовъ хлѣба, 10.000,000 раковъ, 2,000 вагоновъ яблокъ, 350 вагоновъ арбузовъ, 500,000 фунтовъ винограда, 6.000,000 апельсиновъ и т. д., и т. д., и т. д. О прокормленіи Петербурга заботится не только Россія, но и Европа.

А сколько приходитъ въ Петербургъ мануфактурнаго товара, разныхъ матерій и предметовъ для одежды, всякихъ этихъ ситцевъ, кисей, шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, шляпъ и шляпокъ, разныхъ предметовъ моды, украшеній, часовъ, посуды, бронзовыхъ и золотыхъ издѣлій! Петербургъ любитъ и покушать хорошо, и одѣться хорошо, и жить свѣтло и весело. Въ Петербургѣ существуетъ цѣлое населеніе портныхъ и портнихъ, сапожниковъ, башмачниковъ, шляпниковъ и шляпницъ, модистокъ, прачекъ, бѣлошвеекъ, работающихъ исключительно на «чистую» публику, т.-е. интеллигенцію.

Петербургъ собралъ въ себѣ милліонное населеніе, не создающее для Россіи никакихъ матеріальныхъ цѣнностей. Сравнительно съ земледѣльческою Россіей Петербургъ въ смыслѣ производительности пустое пространство. Онъ только пользуется сырьемъ, чтобы переработать его для своего потребителя, и создалъ въ себѣ громадный классъ посредниковъ, стоящихъ между потребителемъ и производителемъ. Всѣ нижніе этажи по всѣмъ улицамъ Петербурга заняты лавками и магазинами, и если бы всѣ эти лавки и магазины вытянуть въ одну улицу, то она дотянулась бы до Москвы. Необыкновенно громадное развитіе лавочной и магазинной торговли петербургскому жителю кажется очень удобнымъ, потому что, не выходя изъ своей улицы, онъ можетъ получить все, что ему нужно и въ сей жизни и даже то, что ему понадобится только послѣ смерти, т. е. начиная повивальною бабкой и молочною фермою и кончая докторомъ, аптекой и гробовщикомъ. Такъ называемое промышленное населеніе Петербурга, т.-е. все то, что сидитъ въ лавкахъ и магазинахъ и торгуетъ или работаетъ на «господствующій» классъ, составляетъ 450,000 человѣкъ.

Отношенія между этими двумя слоями населенія чисто-денежныя: нижній слой работаетъ на верхній, а верхній ему платитъ. Верхній слой тоже работаетъ (умственно) и за свою работу получаетъ плату. Вообще Петербургу извѣстны только способы денежныхъ пріобрѣтеній и только денежное хозяйство. Жить и работать для петербургскаго человѣка значитъ тѣмъ или другимъ способомъ добывать себѣ деньги. И Петербургъ только тѣмъ и занятъ, что добываетъ ихъ на всякіе лады и манеры. Это его экономическій законъ, его способы экономически-производительной дѣятельности, его теорія и практика богатства. Богатство для Петербурга—деньги, и того онъ считаетъ богаче, у кого ихъ больше, все равно, какимъ бы способомъ онъ ихъ не получалъ: жалованьемъ ли, игрою ли въ карты, отрѣзываніемъ купоновъ или наживой.

Такъ какъ Петербургъ живетъ въ практикѣ денежнаго хозяйства и думаетъ исключительно въ денежномъ направленіи, то его экономическое мышленіе нѣсколько однобоко. Ему ближе и понятнѣе всего денежныя комбинаціи, такъ сказать, головные способы пріобрѣтенія, поэтому онъ по преимуществу финансистъ, банкиръ, аферистъ, дѣлецъ. Поэтому же онъ недолюбливаетъ еврея, которому тоже извѣстны лишь головные способы пріобрѣтенія и математическія комбинаціи, который тоже финансистъ, банкиръ, аферистъ и дѣлецъ, но у котораго, кромѣ числовыхъ способностей, есть и еще нѣкоторыя особенности, дѣлающія еврея опаснымъ конкуррентомъ: ловкость, умѣнье обойтись съ человѣкомъ, терпѣніе, выдержка, способность угадать минуту, выждать моментъ. Еврей—только крайній выводъ того же денежнаго мышленія, того же денежнаго развитія понятій и той же денежной практики, но только болѣе утонченной и совершеннѣе опоражнивающей.

Потому что Петербурr ничего не производитъ, а только потребляетъ и умѣетъ лишь «добывать» деньги, ему мало понятна вся остальная производительная Россія. У него для пониманія ея просто нѣтъ способовъ, нѣтъ привычки глаза видѣть что нибудь другое, кромѣ «оборота», а потому и недостаетъ «производительныхъ» понятій. Отъ этого Петербургъ былъ всегда изобрѣтателенъ только на кредитные способы развитія жизни, онъ любилъ поощрять торговлю, привозъ и вывозъ, онъ придумывалъ самые разнообразные способы формы кредита—земельнаго, городскаго, взаимнаго, международнаго, крестьянскаго, дворянскаго, онъ покрылъ Россію сѣтью банковъ, въ долгахъ которымъ Россія, наконецъ, и запуталась. И самъ Петербургъ въ нихъ до того запутался, что не видитъ теперь ужъ никакого выхода.

Способами экономическаго существованія Петербурга опредѣляются и всѣ его остальныя отношенія. Петербургу неизвѣстна никакая совмѣстность, да она ему и не нужна. Деревня, напримѣръ, связана землей, на которой она живетъ, которую она дѣлитъ по душамъ, за которую она несетъ общія тягости. Въ деревнѣ всякій связанъ съ своимъ сосѣдомъ совмѣстною работой, которую и невозможно вести въ одиночку. И пахать, и сѣять, и косить, и жать земля всѣхъ вызываетъ въ одно и то же

время, въ одномъ и томъ же полѣ. Каждый съ пеленокъ пріучается видѣть себя вмѣстѣ съ другими и на работѣ, и на деревенскомъ совѣтѣ, и въ мірскихъ платежахъ, и въ мірскихъ невзгодахъ. Даже семейныя дѣла деревня рѣшаетъ міромъ, вмѣшивается она и въ личное поведеніе своихъ односельчанъ.

Какое же есть подобное общее въ Петербургѣ, что бы связывало его жителей? Никакого подобнаго общаго нѣтъ. Въ Петербургѣ живутъ люди по 10—20 лѣтъ въ одной квартирѣ, не зная, кто живетъ съ ними рядомъ, на одной площадкѣ. Имъ и знать этого совсѣмъ не нужно. Въ Петербургѣ каждый составляетъ свой личный и семейный особнякъ. Люди, правда, собираются въ общія конторы, канцеляріи, редакціи, вообще въ разныя помѣщенія, въ которыхъ несутъ совмѣстную службу, но каждый знаетъ только свой столъ, свой стулъ, свою чернильницу, свой аппаратъ (въ банкирскихъ конторахъ людей запираютъ даже въ отдѣльныя клѣтки) и каждый дѣлаетъ только свое личное дѣло, за которое онъ лично и отвѣчаетъ, каждый получаетъ за свой отдѣльный трудъ отдѣльную плату и ничѣмъ не связанъ съ своимъ сосѣдомъ, кромѣ общей комнаты, въ которой онъ съ нимъ работаетъ. Въ деревнѣ каждая семья изъ поколѣнія въ поколѣніе сидитъ на своей землѣ и никакая сила согнать эту семью съ ея земли не смѣетъ. Но петербургскія канцеляріи и конторы не составляютъ ничьей общественной собственности. Это только помѣщенія, въ которыя являются люди какъ на фабрики, чтобы отработать свой урокъ и въ концѣ мѣсяца получить заработанное жалованье. Годится человѣкъ для работы и здоровъ—его держатъ; не годится или боленъ—его уволятъ. Въ деревнѣ человѣкъ зависитъ отъ земли, она всѣми и всѣмъ повелѣваетъ и всѣхъ ставитъ въ разныя условія. Въ Петербургѣ человѣкъ зависитъ только отъ человѣка, у него всегда есть начальникъ или хозяинъ, который сегодня его держитъ, а завтра можетъ отпустить. Въ деревнѣ человѣкъ чувствуетъ себя во власти неустранимыхъ стихійныхъ силъ. Въ Петербургѣ командуетъ всегда человѣкъ, чужой умъ, чужая воля и внѣшняя единоличная сила. Каждый ростетъ и живетъ въ постоянномъ ощущеніи своего *я*, то въ томъ, что ему приказываютъ, то въ томъ, что онъ и самъ можетъ приказать. Петербургскому человѣку и нельзя быть другимъ, потому что у него ужь такой экономическій режимъ. Всѣ дѣла онъ свершаетъ на свой личный страхъ, все его благосостояніе зависитъ отъ его личныхъ силъ; его счастье, его положеніе, которое онъ долженъ себѣ создать, отвоевать, взять отъ жизни съ бою, зависитъ отъ его ума, способностей, энергіи. Только сильный и ловкій выплываетъ въ Петербургѣ, слабый и неловкій останется на днѣ или погибнетъ. Оттого-то петербургскій человѣкъ и чувствуетъ въ такой степени свое *я*, и это *я* разростается нерѣдко до полной неспособности рѣшать дѣла сообща и говорить иначе, какъ монологами.

Но никакое *я* не можетъ жить только собою. Не живетъ оно собою и въ Петербургѣ, а развивается въ ближайшую общественную форму — кружокъ, въ которомъ около одного болѣе центральнаго человѣка группируются другіе менѣе центральные люди. Петербургу пока извѣстна только кружковая жизнь и никакой другой онъ выработать еще не успѣлъ. Кружки составляются обыкновенно изъ людей общихъ занятій или однороднаго препровожденія времени.

Петербургскіе кружки—это маленькія изолированныя общественныя тѣла, между которыми нѣтъ ничего общаго. Нѣкоторые изъ нихъ очень малы, никому неизвѣстны и совершенно теряются въ петербургскомъ пространствѣ; другіе—больше, пользуются нѣкоторою извѣстностью (даже популярностью,—конечно, въ своемъ общественномъ слоѣ) и обыкновенно называются по имени своего центральнаго солнца. Центральнымъ солнцемъ чаще (кажется) бываютъ женщины, чѣмъ мужчины.

Особенность кружковыхъ петербургскихъ тѣлъ въ томъ, что они не только изолированы, но и враждебны одно другому. И это совершенно понятно, потому что у каждаго кружка свои дѣла, свои интересы, своя сплетенная паутина отношеній, къ которой каждый привыкъ; а къ тому же и центральныя солнца кружковъ не переносятъ свѣта другъ друга. Въ сущности, тутъ нѣтъ вражды идеи или принциповъ, а скорѣе соперничество именъ и игра въ первенство. Но и это неизбѣжно, если кружокъ есть ближайшая общественная форма выскочившаго изъ одиночества *я*.

Когда деревня обработываетъ свои поля, каждый видитъ сейчасъ же и результаты своего труда. Проходитъ ли мужикъ плугомъ свою полосу, — у него тутъ же, на глазахъ, получается пашня. Начнетъ онъ сѣять,—черезъ три дня является зелень. Коситъ ли онъ, жнетъ ли,—опять у него въ рукахъ очевидный результатъ его труда въ видѣ травы, снопозъ, хлѣба. А осенью деревня считаетъ и видитъ и общіе результаты всей своей совокупной деревенской работы. Тутъ не только очевидно участіе отдѣльнаго личнаго труда въ общемъ трудѣ, но эта очевидность создаетъ еще мужику извѣстный кругозоръ и ясно ставитъ ему цѣль общихъ усилій.

Петербургъ такого непосредственнаго, осязательнаго результата своего труда не видитъ. Люди, строчащіе въ канцеляріяхъ бумаги, считающіе въ банкирскихъ конторахъ на счетахъ или пишущіе передовыя статьи въ газетахъ, видятъ только то, что они настрочили, насчитали, написали. Это просто только отдѣльныя дѣйствія. Для рѣшительнаго большинства петербургскихъ людей, получающихъ за свои дѣйствія плату или жалованье, это самое дѣйствіе составляетъ уже и результатъ, ради котораго они трудятся. Никакого другого результата для этого рѣшительнаго большинства не видно и не осязательно, и о немъ у него не является даже и мысли. Люди пишутъ, читаютъ, считаютъ, ходятъ, исполняютъ приказанія совершенно такъ же механически, какъ исполняютъ порученія посыльные. Отнесетъ посыльный письмо, получитъ двугривенный и для него этотъ двугривенный и есть результатъ, а какія тамъ послѣдствія могутъ воз-

никнуть изъ письма: умретъ ли, оживетъ ли кто— какое до этого дѣло посыльному? Петербургъ въ этомъ отношеніи похожъ на громадный заводъ, въ которомъ каждый видитъ и знаетъ только свою работу и не видитъ общей работы. Отъ этого Петербургъ—самый механическій городъ изъ всѣхъ столицъ въ мірѣ, а петербургскій человѣкъ — самый механическій русскій человѣкъ, относительный кругозоръ котораго гораздо уже кругозора деревенскаго человѣка.

Слишкомъ тѣсная механическая жизнь Петербурга создала даже особенную, собственно «петербургскую» породу людей съ двойною душой. Человѣкъ съ двойною душой, когда стоитъ на своемъ дѣлѣ, сухъ, формаленъ, строго исполнителенъ, не думаетъ дальше того дѣла, которое дѣлаетъ, и не знаетъ, что изъ этого дѣла выйдетъ. Онъ вколачиваетъ порученный ему гвоздь или завинчиваетъ свой винтъ—и только. Но, окончивъ къ четыремъ, пяти часамъ дня вколачиваніе или завинчиваніе и снявъ свое рабочее платье, онъ внезапно оживаетъ. Гуттаперчевый человѣкъ становится живымъ человѣкомъ и, какъ всякій живой человѣкъ, радуется солнцу и природѣ, и цвѣтамъ, и людей любитъ, и жизнь чувствуетъ, и жизни проситъ и ищетъ. А на утро, надѣвъ свой рабочій фартукъ, онъ снова становится гуттаперчевою машиной и съ задеревенѣлымъ видомъ опять вколачиваетъ порученный ему гвоздь.

О формализмѣ, сухости и безучастности петербургскаго человѣка говорилось и писалось много, и больше всѣхъ И. Аксаковымъ, связывавшимъ этотъ формализмъ, будто бы чуждый русской жизни, только съ петербургскими канцеляріями. Это мнѣніе нѣсколько тѣсно и подчеркивалось Аксаковымъ ради большей наглядности его протеста противъ петербургскихъ западническихъ заимствованій. Люди петербургскихъ канцелярій (какъ и вообще всѣ исполнители) отличаются дѣйствительно сухимъ и безучастнымъ формализмомъ. Но развѣ нѣмецкіе или французскіе чиновники менѣе формальны и болѣе участливы? Сухой, черствый, послѣдовательный педантизмъ нѣмцевъ вошелъ даже въ пословицу и для насъ, русскихъ, онъ былъ всегда недосягаемымъ идеаломъ, котораго приглашавшимся на русскую службу нѣмецкимъ администраторамъ водворить у насъ такъ и не удалось.

Двойная душа есть общій петербургскій признакъ, и эта двойная душа сидитъ въ каждомъ петербургскомъ интеллигентѣ. Интеллигента съ одною душой въ Петербургѣ нѣтъ. Но двойная душа— не двоедушіе. Этой черты тоже нѣтъ у петербургскаго человѣка. Интеллигентъ оттого и создалъ себѣ двойную душу, что неспособенъ на двоедушіе. Душа петербургскаго интеллигента раздвоилась оттого, что у него нѣтъ характера примирить свои личныя стремленія съ общими условіями жизни, которыя всегда были сильнѣе его и всегда его себѣ подчиняли. Оттого онъ и выработалъ въ себѣ особую механическую половинку души, которою живетъ при однихъ обстоятельствахъ, а другою половинкой, но уже живой души, живетъ, когда снимаетъ свой рабочій фартукъ и приходитъ домой.

Самая коренная и главная особенность петербургскаго человѣка, основная черта его общественной и личной физіономіи, есть безхарактерность. Петербургскій человѣкъ ни въ чемъ твердо не увѣренъ, ничего онъ не знаетъ точно, не имѣетъ никакихъ основныхъ знаній, которыхъ ему и пріобрѣсти-то было негдѣ, потому что онъ всегда учился кое-гдѣ, кое-какъ и всегда очень лѣниво, только чтобы отбыть повинность. Поэтому-то петербургскій интеллигентъ, не чувствуя отъ того никакихъ затрудненій, можетъ легко ходить по двумъ дорожкамъ. Петербургскій человѣкъ собственно оппортюнистъ, онъ всегда плыветъ по теченію и, какъ всѣ безхарактерные люди, считаетъ себя человѣкомъ съ твердыми убѣжденіями и правилами и очень высокаго мнѣнія о своей сознательности и о своемъ умѣ.

Теперешнее время выдвинуло въ петербургской жизни одно любопытное умственное явленіе, намѣтившееся настолько опредѣленно, что о немъ въ Петербургѣ уже говорятъ. Это явленіе — «молодые писатели» (ихъ такъ и называютъ), выступающіе въ качествѣ умѣренныхъ представителей поколѣнія 80-хъ годовъ, слагающагося при условіяхъ новѣйшей дѣйствительности (преимущественно петербургской). Нѣкоторые петербургскіе литературные кружки относятся очень враждебно къ «молодымъ писателямъ»: они не признаютъ въ нихъ ни силы, ни даровитости, ни таланта; говорятъ, что «молодые писатели» сами себя раздуваютъ и сами себя рекламируютъ и потому ихъ нужно замалчивать. Едва ли это вѣрно. Если «молодые писатели» — будущая сила, то ихъ не замолчишь, а если они — безсиліе и пустой пробный шаръ, то одними разговорами о нихъ не создашь имъ того, чего у нихъ нѣтъ. Крупное или мелкое, сильное или слабое, но «молодые писатели» выражаютъ несомнѣнно новое теченіе въ петербургскомъ мышленіи, и отмѣтить его для публицистики обязательно, тѣмъ болѣе, что «молодые писатели» имѣютъ уже и своего молодаго критика. Критикъ этотъ г. Р. Д. въ «Недѣлѣ».

Его попыткой отвести «молодымъ писателямъ» опредѣленное мѣсто, объяснить ихъ какъ преемственное явленіе, даже какъ поправку предъидущему литературному мышленію, я теперь и воспользуюсь. Мнѣніе г. Р. Д. не простая оцѣнка того или другаго молодаго писателя. Нѣтъ, г. Р. Д. группируетъ ихъ въ «Новое литературное поколѣніе» (подъ этимъ заглавіемъ написана имъ въ «Недѣлѣ» статья) и въ подробностяхъ устанавливаетъ законъ этого новаго литературнаго поколѣнія, являющагося на смѣну поколѣнію предъидущему и прокладывающему русскому художественному творчеству новый путь.

Наша реальная школа,—говоритъ г. Р. Д.,— была отрицательною, но ея отрицаніе не распространилось на всю жизнь, какъ европейскій пессимизмъ, а было только отрицаніемъ русскаго «варварства» во имя просвѣщенія и человѣчности. Литература того времени извлекла изъ русскаго быта

только такіе типы, которые она хотѣла осмѣять или заклеймить (Фамусовы, Собакевичи, Ноздревы, Обломовы, Хлестаковы и т. д.).

Правда, было въ русской дѣйствительности (все это говоритъ г. Р. Д.) и еще явленіе, тоже привлекавшее вниманіе литературы и на которое тогдашнее время возлагало всѣ свои упраздненія. Это была небольшая група людей, преемственно смѣнявшихъ другъ друга и воспитавшихся на обще-человѣческихъ идеяхъ, которыя дали нашей литературѣ типы Онѣгина, Чацкаго, Печорина, Рудина, Базарова и проч., г. Р. Д. называетъ ихъ невольными протестантами, отщепенцами, чужаками на родинѣ, всемірными скитальцами. Изображая эти типы, наши художники сами же и развѣнчивали ихъ, показывая ихъ несостоятельность передъ жизнью, но это всегда были типы героическіе.

Поколѣніе сороковыхъ годовъ вѣрило въ индивидуальную мысль, въ человѣческій разумъ, въ героя просвѣщенія, но оно не сочиняло этого героя изъ головы, а довольствовалось только тѣмъ, что изображало «канунъ» предполагаемаго пришествія настоящихъ людей.

Но поколѣніе шестидесятыхъ годовъ на этомъ не остановилось и г. Р. Д. характеризуетъ его такъ: «Оно совершенно отдалось головнымъ, теоретическимъ идеаламъ. Недовольное природой и исторіей, оно раціоналистически построило «новаго человѣка», весьма мало похожаго на дѣйствительнаго, и нашло въ себѣ способность увѣровать въ этого своеобразнаго гомункула, для возведенія реальнаго человѣка въ идеалъ, оно опорожнило его отъ всего того содержанія, какимъ наполнили его природа и органическая жизнь націи, и вложила въ него заново-придуманную, новую душу. О такой операціи несомнѣнно свидѣтельствуютъ всѣ оставшіеся отъ того времени идеалы. Припомните, напримѣръ, Лопухова, Рахметова, Свѣтлова, Стожарова и т. п.».

Содержаніемъ идеаловъ сороковыхъ и всѣхъ послѣдующихъ годовъ до самаго послѣдняго времени было стремленіе къ героическому (это все говоритъ г. Р. Д. и я его цитирую очень подробно, потому что иначе будетъ читателю недостаточно ясно «новое» движеніе петербургской мысли). Человѣкъ, къ которому направлялись идеальные помыслы эпохи, неизмѣнно противуполагался толпѣ, массѣ общества, представлялся всегда героемъ, и непремѣнно героемъ особенной жизни, не похожей на обычную, съ ея «естественнымъ счастіемъ и горемъ, радостями и печалями. Такая простая жизнь объявлялась жалкимъ удѣломъ толпы, мѣщанствомъ, пошлымъ существованіемъ. Герой долженъ быть чуждъ этой жизни и всецѣло отдаться своей высокой цѣли и своему великому дѣлу. Въ сороковыхъ годахъ это великое дѣло заключалось въ служеніи истинѣ, въ проповѣди любви и правды, въ борьбѣ со зломъ и насиліемъ, а въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ оно заключалось въ служеніи народу. Это было героическое настроеніе, понимавшее жизнь только какъ борьбу за идеалы,— словомъ, — говоритъ г. Р. Д., — то фанатическое настроеніе, которое заставляетъ человѣка отрѣшиться отъ всѣхъ благъ и приманокъ жизни и позволяетъ ему совершать чудеса героизма и самоотверженія въ сферѣ общественной дѣятельности».

Новое поколѣніе (80-хъ годовъ) родилось скептикомъ и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ нимъ безсильными. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не признаетъ обязанности быть героемъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей. Всѣ эти идеалы — «сухія, логическія произведенія индивидуальной мысли» и для новаго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно прониклось сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника — природы, все являетъ собою одну и ту же тайну бытія, и возвращается къ пантеистическому міросозерцанію.

Молодыхъ писателей пока еще немного, пишутъ они недавно «и среди нихъ не нашлось еще никого, кто подарилъ бы насъ крупнымъ художественнымъ произведеніемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова», но, тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ наша новѣйшая художественная литература проникнута однимъ и тѣмъ же духомъ, «однимъ и тѣмъ же стремленіемъ реабилитировать дѣйствительность». Нѣкоторые изъ нихъ, правда, были еще одушевлены идеальными стремленіями прежняго времени, напримѣръ, Надсонъ, Всеволодъ Гаршинъ, печать того же идеализма лежитъ и на нѣкоторыхъ произведеніяхъ г. Короленко.

«Но рядомъ съ этими писателями, продолжавшими традиціи прошлаго (я сдѣлаю теперь большую выписку, потому что дѣло идетъ о квинтъэссенціи «новаго» направленія), въ современной литературѣ уже довольно ясно обособилась группа представителей новаго направленія. Въ числѣ ихъ можно отмѣтить гг. Чехова, Ясинскаго, Дѣдлова, Баранцевича, Щеглова, поэта Фофанова. Всѣ они проникнуты духомъ признанія, а не отрицанія дѣйствительности. Г. Чеховъ по самой натурѣ своей — пантеистъ-художникъ. Для него въ мірѣ нѣтъ ничего недостойнаго искусства. Все сущее интересно уже потому, что оно есть, и все можетъ быть предметомъ художественнаго воспроизведенія. Достаточно прочесть небольшой томикъ разсказовъ г. Чехова («Въ сумеркахъ»), чтобы убѣдиться, что ничто въ жизни не имѣетъ для него, какъ для художника, особаго преимущества и всякое ея явленіе можетъ вдохновить его на творчество... Г. Ясинскій работаетъ на томъ же новомъ пути. Его послѣдній романъ «Старый другъ» и замысломъ своимъ, и исполненіемъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о намѣреніи автора поднять внутреннее значеніе супружеской любви и всей вообще стихіи брачной жизни... Гг. Баранцевичъ, Щегловъ, Дѣдловъ относятся точно также объективно и свободно къ фактамъ жизни и трактуютъ ихъ совершенно независимо. Творчество молодыхъ беллетристовъ носитъ еще, правда, характеръ случайности, но это

потому, что у новаго поколѣнія нѣтъ еще установившихся практическихъ идеаловъ, которые бы ясно ставили цѣли для его дѣятельности и опредѣляли его отношеніе къ дѣйствительности. Новому поколѣнію (г. Р. Д. говоритъ «современному человѣку») чужды всѣ условныя точки зрѣнія и категоріи, которыми люди предшествующаго времени мѣрили достоинство различныхъ явленій жизни. Онъ (т.-е. современный человѣкъ) проникнутъ только духомъ безгранично-свободнаго и терпимаго пантеизма. Онъ не морализируетъ надъ жизнью, не судитъ ея съ точки зрѣнія идеаловъ гражданственности, но относится къ ней совершенно свободно, исключительно созерцательно, стараясь только постигнуть ея таинственную сущность. Вотъ почему современные художники наши и относятся такъ безразлично къ дѣйствительности. Какъ опредѣлить, подъ какую общую категорію можно подвести тѣ явленія, въ которыхъ вдругъ откроется художнику тайна жизни, творческая мысль природы? Тутъ нѣтъ границъ и предѣловъ».

Если все то, что говоритъ г. Р. Д., перевести на простой, обыденный языкъ, не употребляя маскирующихъ литературныхъ словъ, то получится вотъ что: «бросьте, господа, всѣ эти завиральныя идеи, которыя не привели ни къ чему, будьте людьми практическими, сидите каждый подъ своею смоковницей, любуйтесь на природу, а тамъ что будетъ, то и будетъ».

А что же будетъ? Г. Р. Д., въ качествѣ толкователя «идей» новаго поколѣнія, говоритъ, что то̀, что будетъ, никому неизвѣстно, что будущее составляетъ тайну природы и что эту тайну природы можетъ открыть внезапно любой «молодой беллетристъ», сидящій подъ своею смоковницей въ молчаливомъ созерцаніи природы и занимающійся «пантеизмомъ».

Ну, а нужно ли что-нибудь для этого знать? Знать — тоже ничего не нужно, потому что откровеніе, которое снизойдетъ само собою, сниметъ завѣсу со всѣхъ тайнъ бытія (молодые беллетристы, какъ разсказываютъ въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ, дѣйствительно все это утверждаютъ. Отрицаютъ они будто бы и образованіе, и науку,—вѣроятно, подъ вліяніемъ Л. Толстаго. А что эти толки о «молодыхъ беллетристахъ» недалеки отъ истины, можно заключить и изъ характеристики г. Р. Д., подтверждающаго ихъ вѣру въ наитіе).

Не выяснится ли лучше непроизвольная характеристика нарождающагося новаго петербургскаго поколѣнія и его «молодыхъ беллетристовъ», нѣсколько затемненная у г. Р. Д. способомъ его изложенія, слѣдующими сопоставленіями? Я только повторю отрицательный пріемъ г. Р. Д.

Г. Р. Д. говоритъ, что всѣ прежніе идеальные (художественные) типы или люди были несостоятельны, но они всегда знали, чего хотятъ; теперешніе, значитъ, будутъ состоятельными, потому что не знаютъ, чего они хотятъ, и не имѣютъ никакого опредѣленнаго общественнаго плана въ жизни.

Поколѣніе сороковыхъ годовъ вѣрило въ индивидуальную мысль, въ человѣческій разумъ, въ героя просвѣщенія; теперешніе (молодые беллетристы) не вѣрятъ ни въ какого героя и ни въ какое просвѣщеніе.

Поколѣніе шестидесятыхъ годовъ сочинило теоретическій идеалъ и выдумало «новаго человѣка», опорожнивъ его отъ всего того содержанія, какимъ наполнила его природа и органическая жизнь націи; молодые беллетристы никакого человѣка не выдумываютъ, а изъ прежняго вынимаютъ его содержаніе и въ такомъ опорожненномъ видѣ заставляютъ его ждать, когда на нихъ (молодыхъ беллетристовъ) снизойдетъ откровеніе и имъ станетъ ясна тайна бытія.

По идеалу сороковыхъ и всѣхъ послѣдующихъ годовъ человѣкъ представлялся героемъ: въ немъ были гражданскія стремленія, онъ или проповѣдывалъ любовь, правду, справедливость, боролся со зломъ и насиліемъ, или же, какъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, хотѣлъ служить народу. Новому человѣку героемъ быть не полагается, — ему позволяется только обзавестись молодою и красивою женой, уѣхать на лѣто на дачу и разводить цвѣты.

Идеалы 40-хъ и 60-хъ годовъ были лишь «сухими логическими произведеніями индивидуальной мысли», у новаго же поколѣнія (молодыхъ беллетристовъ) никакихъ индивидуальныхъ мыслей нѣтъ и для нихъ осталась «только дѣйствительность», въ которой имъ суждено жить, а потому все дѣйствительное они признаютъ справедливымъ и очень имъ довольны.

Признавъ, что ничто не можетъ быть лучше дѣйствительности, «молодые беллетристы» задались цѣлью ее «реабилитировать» и пропагандировать свои принципы беллетристическими произведеніями.

Г. Р. Д., отрицая совершенно серьезно и убѣжденно все предъидущее движеніе русской мысли, даетъ, однако, такую характеристику «новаго поколѣнія» и «молодыхъ беллетристовъ», что, право, не знаешь, за что ее принять, — такъ она похожа на иронію. Но несомнѣнно, что все, что пишетъ г. Р. Д. о молодомъ поколѣніи и молодыхъ беллетристахъ, такъ и есть въ дѣйствительности. Они опорожнили себя отъ всего предъидущаго и эту пустоту еще ничѣмъ не заполнили.

Упадокъ мысли «молодыхъ беллетристовъ» виденъ въ тѣхъ ничтожныхъ темахъ, которыя они разрабатываютъ. Темы эти берутся большею частью изъ газетныхъ корреспонденцій и дневника происшествій, и потому имѣютъ преимущественно полицейскій характеръ. Беллетристическія произведенія молодыхъ беллетристовъ чаще всего художественный перифразъ газетныхъ сообщеній о какомъ-нибудь мѣстномъ происшествіи или случаѣ,— перифразъ, сдѣланный иногда даже вовсе и не талантливо. Мальчикъ скралъ у родителей деньги и удралъ съ дѣвочкой-гимназисткой въ Петербургъ, собака съѣла котятъ, церковнаго старосту обманули воры, трусливый лѣсникъ не вышелъ изъ своей хаты на крикъ о помощи,—вотъ темы для ху-

дожественнаго творчества молодыхъ беллетристовъ. Ужь будто бы это пантеизмъ? Ужь будто бы вся Россія до того опорожнилась, что для мыслящаго человѣка въ ней нѣтъ ничего, что хотѣлось бы ему понять и объяснить?

Да хотя бы и сами «молодые беллетристы»! Развѣ они не такое явленіе, надъ которымъ, прежде чѣмъ возводить его въ «перлъ созданія», какъ это дѣлаетъ г. Р. Д., слѣдовало бы призадуматься посерьезнѣе? Вѣдь, нельзя же превращать въ нуль всю умственную работу предъидущихъ поколѣній, выдвинувшихъ дѣятелей, которыхъ признаетъ и чтитъ вся просвѣщенная Россія и умственнымъ трудомъ которыхъ обновилась вся русская жизнь, и вмѣсто ихъ пропагандировать новыхъ вождей, рекомендуя ихъ, какъ людей, у которыхъ внутри пока еще ничего нѣтъ, которые еще ничего не сдѣлали и ничего не сказали, но которые современемъ (если ихъ посѣтитъ пантіе), можетъ быть, что-нибудь и скажутъ! А, кажется, только такую рекомендацію «молодымъ беллетристамъ» и сдѣлалъ г. Р. Д.

«Молодые беллетристы»—вполнѣ петербургское явленіе и продуктъ исключительно петербургскаго мышленія, для котораго весь міръ наблюденій ограничивается Зоологическимъ садомъ, Аркадіей, Казанской улицей и Невскимъ проспектомъ съ ихъ внѣшними порядками и благоустройствомъ. Это тотъ опорожненный Петербургъ, который теперь рѣшительно растерялся, весь ушелъ въ себя и ничего не видитъ, кромѣ себя. И, въ то же время, онъ сохранилъ всѣ свои основныя петербургскія черты: сильно развитое чувство личности (при безхарактерности и безличности), всегдашнюю свою способность плыть по теченію и наклонность мѣнять и сообразовать свое настроеніе съ новыми временами и новыми вѣяніями. Въ этомъ отношеніи Петербургъ уже, конечно, самый безличный городъ: это какая-то опара или тѣсто, которое всегда принимаетъ форму горшка, въ который его положатъ. Даже кн. Мещерскій обозвалъ теперешній Петербургъ «размазнею, которая ничего не можетъ дать, кромѣ прозябанія». Но этотъ Петербургъ опять только кружковый Петербургъ, и обобщать его нельзя ни въ «новое поколѣніе», ни въ «Россію».

Теперешній Петербургъ меньше всего имѣетъ умственныхъ возможностей возводить себя въ какую-либо идею, которую бы приняла Россія. Его «новое», что нашло себѣ даже и литературное представительство въ лицѣ «молодыхъ беллетристовъ», и ихъ критика, настолько чуждо тѣхъ вопросовъ, на которые Россія ждетъ отвѣтовъ, что теоретическія оправданія дѣйствительности (индифферентизмъ и полное отчужденіе отъ жизни подъ красивымъ литературнымъ названіемъ «пантеизма»), за которое взялись «молодые писатели», сослужитъ плохую службу Петербургу. Прежде отъ Петербурга Россія ждала идей и ихъ дѣйствительно получала. Петербургъ будилъ мысль, изъ него шла жизнь и живое слово; теперешній же Петербургъ разсказываетъ Россіи, какія у нея прекрасныя поэтическія степи, какъ собаки поѣдаютъ котятъ и какъ мальчики дѣлаютъ не только всякія глупости, но и всякія пакости. Такой Петербургъ, конечно, убѣдитъ скоро Россію, что отъ него никакихъ идей и ничего особенно умнаго ждать не слѣдуетъ.

Теперешнему Петербургу едва ли даже и возможно установить свой умственный авторитетъ, потому что онъ находится въ положеніи улья, потерявшаго матку. У Петербурга нѣтъ умственнаго центра, нѣтъ никакой общей связывающей всѣхъ идеи, нѣтъ общаго дѣла. И когда Петербургъ очутился въ положеніи улья безъ матки, когда онъ разсыпался на свои единичныя части, то каждая такая отдѣльная частица ухватилась всѣми инстинктами своего умственнаго сомосохраненія за ближайшую и единственно оставшуюся ей доступною общественную форму—форму кружка. А такъ какъ каждый кружокъ имѣетъ передъ своими глазами только то общее, которое его соединяетъ, то онъ это свое общее превратилъ во всероссійское и мушку, которая его вылечила, желаетъ налѣпить на всю Россію. Тѣ, кто нашелъ свою мушку въ винтѣ, совѣтуютъ и всей Россіи играть въ винтъ; кто нашелъ свою мушку въ «Аркадіи»,—готовы всю Россію покрыть Аркадіями или превратить ее въ одинъ большой трактиръ Палкина. Этого же закона обобщенія не избѣгъ и кружокъ «молодыхъ беллетристовъ», превратившій себя тоже во всероссійскую идею и даже въ цѣлое молодое поколѣніе.

А, между тѣмъ, свою кружковость «молодое поколѣніе» могло бы легко усмотрѣть изъ того, что Надсонъ разошелся чуть ли не въ десяти изданіяхъ, могло бы усмотрѣть и въ тѣхъ симпатіяхъ, которыми пользовался Вс. Гаршинъ и которыми пользуется г. Короленко, и какими не пользуется ни одинъ изъ остальныхъ молодыхъ писателей. Причина этого, конечно, не въ меньшей талантливости этихъ остальныхъ. Г. Р. Д. называетъ Надсона, Вс. Гаршина и г. Короленко единственными изъ молодыхъ писателей, «продолжавшихъ традиціи прошлаго». Въ этомъ, конечно, только и причина ихъ успѣха. Очевидно, что «старое» лучше «новаго».

Петербургъ несомнѣнно утратилъ свое значеніе головы Россіи, какъ чего-то цѣльнаго и однодумнаго, и, распавшись на кружки, напоминаетъ голову, думающую въ разбродъ отдѣльными своими способностями и нервноголовными центрами. Дѣло пошло еще и дальше. Въ петербургской журналистикѣ,—чего никогда въ ней прежде не было,—стало обнаруживаться такое «дифференцированіе», что сами кружки внутри себя начали распадаться на свои составныя части, стараясь освободить себя отъ собственныхъ центровъ. Въ одной изъ рецензій майской книжки «Сѣвернаго Вѣстника» явилось даже и оправданіе подобнаго журнальнаго дифференцированія теоріей «солистовъ», какъ противупоставленіемъ теоріи «хороваго начала».

Это тоже преимущественно петербургское явленіе. Въ деревнѣ человѣкъ чувствуетъ себя свободнѣе и шире, онъ находится въ зависимости почти

исключительно отъ силъ природы, онъ только ихъ во всемъ и видитъ и только съ ними и соображаетъ свои дѣйствія. Отъ этого-то деревенскій человѣкъ и по преимуществу консерваторъ. Въ петербургскихъ же каменныхъ катакомбахъ, гдѣ нѣтъ никакой природы, гдѣ все узко и тѣсно,—тѣсно до того, что люди и ходить-то должны въ извѣстномъ порядкѣ, въ линію, только впередъ и назадъ и кромѣ этихъ двухъ направленій имъ нѣтъ другаго выбора,—человѣку, наконецъ, становится уже очень тягостно, ему претятъ всѣ эти указки и, стараясь освободиться, онъ начинаетъ съ того, что ему легче сбросить, т.-е. съ ближайшихъ личныхъ отношеній. Вѣроятно, отъ этого же и семейная жизнь идетъ въ Петербургѣ не союзомъ, а враждой, и люди женятся какъ будто только для того, чтобы потомъ весь вѣкъ освобождать себя другъ отъ друга. Катакомбная жизнь и два направленія, по которымъ людямъ только и предоставляется ходить, дѣлаютъ то, что петербургскій человѣкъ, увлекаясь мечтою о лучшемъ, становится «пантеистомъ» и «солистомъ».

Но это исходъ только лучшихъ и мыслящихъ людей. Немыслящіе (интеллигенція физіологическая или зоологическая), какъ пишетъ въ одной заграничной нѣмецкой газетѣ ея петербургскій корреспондентъ, получаютъ въ Петербургѣ совсѣмъ особый обликъ и образуютъ особый національный типъ—петербургскій: «Разсмотрите ихъ поближе,—говоритъ корреспондентъ,—и вы увидите нѣсколько внѣшнихъ признаковъ, хотя опредѣлить ихъ словами очень трудно. Блѣдные, скучающіе, наводящіе скуку и ищущіе наслажденій, во что бы то ни стало, но наслажденій варварской цивилизаціи...» Эту нервную породу, которой петербургская жизнь не даетъ никакого умственнаго и душевнаго содержанія, могутъ шевелить только сильныя нервныя возбужденія, и понятно, что она за ними гонится.

Требовалось особое искусство, чтобы выдумать такую тягостную жизнь, какую выдумалъ себѣ Петербургъ. Въ немъ жизни нѣтъ и люди стараются только забыться на разныхъ ея суррогатахъ. Нервная торопливость, вѣчная суета, масса «дѣлъ», которую каждому приходится передѣлать въ день въ конторахъ и канцеляріяхъ, бѣготня по улицамъ, огромные «концы» и физическое утомленіе, слѣдующее за всѣмъ этимъ безтолковымъ, суетливымъ и спѣшнымъ движеніемъ, настолько поглощаетъ силы петербургскаго человѣка, что ему совсѣмъ не остается времени подумать, что и для чего онъ все это дѣлаетъ. Но отнимите отъ Петербурга его суетливое движеніе и уличную бѣготню, на которыхъ онъ забывается, и Петербургъ сталъ бы городомъ самыхъ несчастныхъ и скучающихъ людей въ мірѣ.

Суррогатное существованіе всегда очень томило Петербургъ и онъ постоянно придумывалъ одно за другимъ средства къ выходу въ настоящую жизнь. Но все, что онъ ни придумывалъ, было не средствами къ выходу, а только указаніемъ на то, чѣмъ онъ болѣетъ. Его вѣчный вопросъ: «что дѣлать» и его разселеніе интеллигенціи по деревнямъ, и его протестъ противъ «мѣстъ» и «жалованья», и его теперешній «пантеизмъ», и его новѣйшая теорія «солистовъ»—только указанія на то, чего ему недостаетъ. Ему же недостаетъ только дѣла и возможностей для дѣла. Всѣхъ томитъ безцѣльность и безплодность существованія.

Даже крайніе петербургскіе консерваторы почувствовали, что они разсыпаются какъ песокъ морской, что у нихъ исчезъ умственный цензъ, что ихъ «партія впала въ безначаліе», что ей нуженъ новый Катковъ. Но это въ томъ же консервативномъ «Гражданинѣ», кажется, самъ редакторъ отвѣчаетъ: «Явись теперь новый Катковъ, съ болѣе сильнымъ даже талантомъ, и тотъ оказался бы безсильнымъ. Катковъ былъ сыномъ своего времени и поэтому былъ бы немыслимъ теперь, ибо онъ явился бы не въ свое время и обреченъ былъ бы на безсиліе... Катковъ съумѣлъ своимъ сильнымъ талантомъ публициста воспользоваться духовною мощью своего общества,—это безспорно; но не будь этой духовной мощи въ то время въ русскомъ обществѣ, Катковъ не могъ бы имѣть ни своей силы, ни своего положенія, ни своего обаянія. Это было въ самый разгаръ возрожденія русской жизни, два года послѣ 1861 года, когда все кипѣло жизнью, и именно жизнью духовною, когда лучшіе люди шли на общественную службу, когда въ каждомъ русскомъ человѣкѣ билось сильно сердце, когда либералы создали цѣлую Ніагару мыслей, стремленій, цѣлей въ руслѣ русской умственной жизни и этимъ самымъ вызывали къ жизни и противниковъ этого громаднаго урагана,—словомъ, когда все, что дремало до того, проснулось и на борьбу выступили всѣ силы добра и зла, на борьбу живую и, можно безъ преувеличенія сказать, народную, въ смыслѣ животрепещущихъ вопросовъ судьбы Русскаго государства, эпохою создавшихся... Но съ тѣхъ поръ мы прожили болѣе ста лѣтъ по духовному содержанію... Кто теперь зоветъ Каткова въ смыслѣ руководителя? Никто, потому что теперь нечего было бы Каткову дѣлать: нѣтъ мыслей и чувствъ, изъ которыхъ могла бы слагаться духовная мощь для его вдохновенія и укрѣпленія... Мы всѣ были тогда его силою и его бронею. А теперь что мы стали? Мы стали размазнею, которая ничего не можетъ дать, кромѣ прозябанія...»

Очевидно, что Петербургъ переживаетъ теперь умственный кризисъ, и не только его переживаетъ, но и начинаетъ его сознавать.

XXX.

Петербургскіе мастера давно уже жалуются, что годъ отъ году дѣла ихъ падаютъ и доходы уменьшаются. Нынѣшнюю Святую, напримѣръ, торговали лучше другихъ только кондитерскіе и цвѣточные магазины. Это значитъ, что покупатель, который въ прежніе годы купилъ бы для праздничнаго подарка что-нибудь получше и подороже, ограничивался фунтикомъ конфектъ или букетомъ цвѣтовъ. Другіе магазины, напримѣръ, бумажные, если торговали и не дурно, то тоже только дешевою мелочью. Петербургъ даже и франтить сталъ меньше. Бывало, весной каждый считалъ обязанностью завести модный цилиндръ, а нынѣшніе котелки уничтожили совсѣмъ всякую моду на шляпы и носятся по два, по три года. И въ платьѣ люди стали менѣе требовательны. Да и во всемъ.

Чтобы обсудить этотъ вопросъ, петербургскіе ремесленники составили по каждому цеху отдѣльныя коммиссіи изъ наиболѣе опытныхъ мастеровъ. Долго эти коммиссіи «изъ опытныхъ мастеровъ» думали и разсуждали и, наконецъ, рѣшили, что болѣе всего мѣшаютъ развитію и улучшенію ремесленной промышленности и ведутъ къ постепенному обѣднѣнію ремесленнаго населенія Петербурга четыре главныя причины.

Объ этихъ «четырехъ причинахъ» я скажу послѣ, а теперь, читатель, позвольте отклонить на минутку ваше вниманіе совсѣмъ въ другую сторону, и не только въ другую сторону, но и въ другую часть свѣта, далеко-далеко отъ Петербурга и отъ мыслей его опытныхъ мастеровъ.

Въ томъ же нумерѣ той же газеты, гдѣ были напечатаны «четыре причины», русскій ученый описываетъ въ фельетонѣ свое путешествіе въ Батавію. Ничего въ этомъ описаніи нѣтъ особеннаго, нѣтъ ни восторговъ, ни сравненія, ни картинъ, а разсказывается безъ всякихъ прикрасъ, какъ ученый плылъ на о. Яву, какъ онъ приплылъ въ Батавію, какія нашелъ онъ въ ней гостиницы, какіе въ этихъ гостинницахъ порядки, какіе сложились у жителей города обычаи и т. д. Разсказываются только факты. Но факты-то все такіе, что когда встрѣчаешься съ ними послѣ «четырехъ причинъ», придуманныхъ «наиболѣе опытными петербургскими мастерами», то чувствуешь, что выскочилъ изъ какого-то темнаго, глухаго переулка на широкій, свѣтлый просторъ, гдѣ все иначе и лучше, и богаче, и умнѣе; гдѣ люди живутъ, не мѣшая другъ другу и не стараясь думать только о томъ, какую бы такую сочинить зацѣпку и какъ на эту зацѣпку посадить, какъ на крючекъ, своего сосѣда.

Нашъ ученый плылъ на голландскомъ пароходѣ; а плыть на голландскомъ пароходѣ значитъ пользоваться гораздо большею свободой, чѣмъ на пароходѣ англійскомъ или французскомъ. Голландцы любятъ курить цѣлый день, притомъ, вездѣ, и не терпятъ стѣсненій въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, на англійскихъ пароходахъ, а для угожденія англичанамъ и на французскихъ, куреніе запрещено не только въ каютахъ, но и на кормовой палубѣ.

Пассажировъ высадили у таможни, но никакого досмотра имъ не дѣлали. Нашему ученому это показалось даже страннымъ, и онъ, чисто по русски, замѣчаетъ, что «не было даже формальнаго осмотра». Какой же можетъ быть формальный осмотръ, если пассажировъ совсѣмъ и не полагается осматривать? Ученый сѣлъ въ прекрасную извозчичью коляску парой и помчался по улицамъ стараго города, населеннаго суданцами, явайцами, малайцами, арабами и особенно китайцами, въ одно изъ европейскихъ предмѣстій, болѣе центральное, съ европейскими магазинами, гостиницами, клубами.

Въ европейскихъ предмѣстьяхъ Батавіи улицы широкія, обсаженныя прекрасными деревьями; дома стоятъ далеко одинъ отъ другаго, среди роскошнѣйшей тропической растительности. Еще въ XVII столѣтіи Батавія имѣла репутацію «могилы европейцевъ», теперь же здоровье европейцевъ въ Батавіи лучше, чѣмъ въ Индіи и на Цейлонѣ. Въ европейскихъ предмѣстьяхъ Батавіи болота высушены, въ каналахъ быстро-текущая вода, вездѣ просторъ и обиліе растительности. Образъ жизни голландцы сложили здоровый и умный. Водки почти совсѣмъ не пьютъ, а вина пьютъ очень мало, да и то съ водой. Пища соображена съ климатомъ, къ которому приспособлены и всѣ распорядки дня. Даже чайныя и кофейныя плантаціи Явы—настоящія санитаріи, въ которыхъ дѣти 7—12 лѣтъ, труднѣе всего выносящія тропическій климатъ, совершенно здоровы.

Ну, вотъ и все существенное, что разсказываетъ русскій ученый. Кажется, не особенно много. А, между тѣмъ, это немногое и есть все то, въ чемъ заключается смыслъ и умъ народа. Въ Европѣ только четыре народа сложились по гражданскому хозяйственному типу: голландцы, шведы, норвежцы и финляндцы. Это простыя мужицко-мѣщанскія сообщества, которымъ неизвѣстно честолюбіе родовъ и титуловъ и военнаго могущества. Вмѣсто того, чтобы кричать о своей «культурѣ» или присвоивать себѣ историческую «миссію» просвѣщать сосѣдей, они занимались просвѣщеніемъ самихъ себя, да устройствомъ у себя мирныхъ порядковъ и довольства. Разсказываютъ, что Людовикъ XIV никакъ не могъ понять, отчего онъ, могущественный король и повелитель могущественной арміи, не можетъ покорить маленькой Голландіи. «А потому,— отвѣтилъ ему Кольберъ,—что величіе и сила Гло-

ландіи составляетъ не ея пространство и не ея армія, а ея энергическое, трезвое и трудолюбивое населеніе». О той же Голландіи сохранился еще историческій анекдотъ. Императоръ Карлъ V послалъ своихъ пословъ въ Гагу для переговоровъ о мирѣ. Подъѣзжая къ городу, послы увидѣли нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ на берегу рѣки и закусывавшихъ хлѣбомъ и сыромъ. «Кто это такіе?» — спросили послы у мужика.—«А это наши благородные господа, депутаты штатовъ»,—отвѣтилъ мужикъ.—Ну, придется заключить миръ; съ такими людьми не справишься»,—сказалъ товарищамъ главный посолъ.

Положимъ, что это анекдоты, но, вѣдь, теперешнія Голландія, Швеція, Норвегія, Финляндія—вовсе не анекдоты, а такая дѣйствительность, передъ которой дѣйствительность государствъ, сложившихся по военному типу, представляется очень жалкой.

Маленькая Голландія, о которой въ Европѣ никто не говоритъ и ничего о ней не слышитъ, владѣетъ не только обширными и цвѣтущими колоніями, но, какъ пишетъ нашъ ученый, «для насъ, русскихъ, любопытна еще и тѣмъ, что, имѣя въ своихъ колоніяхъ дѣло съ азіатами-мусульманами, управляетъ ими совсѣмъ по иной системѣ, чѣмъ Россія и Англія, но съ большимъ успѣхомъ. Какая же это система?

Англійскую систему мы знаемъ; она основана тоже на «четырехъ причинахъ», какъ и проектъ обогащенія, придуманный петербургскими ремесленниками. Значитъ, нужно думать, что «большій успѣхъ» въ управленіи, созданный Голландіей, основанъ на какихъ-нибудь другихъ «четырехъ причинахъ», оттого-то на островѣ Явѣ и въ Батавіи такъ и много богатства, простора и ума. Да, мѣшаетъ что-то нашему русскому уму развернуться въ просторъ и все онъ хочетъ сжать, сдавить, съузить. Если бы петербургскимъ «наиболѣе опытнымъ мастерамъ» поручить теперь Батавію, они опять завели бы въ ней болота и снова превратили бы ее въ «могилу европейцевъ». И какъ же просты эти «четыре причины, которыя, по пословицѣ: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть», превратили бы Батавію въ болото, а петербургскимъ опытнымъ мастерамъ создадутъ Калифорнію.

Первая причина—«неудовлетворительность мирового суда». Прежде недоразумѣнія между хозяевами и подмастерьями разбирали цехи или общая ремесленная управа и виноватыми сказывались всегда подмастерья. Мировые же суды не только не оправдываютъ хозяевъ, но мутятъ еще и учениковъ.

Вторая причина, что нѣтъ постоянныхъ выставокъ или магазиновъ, куда мастера могли бы выставлять свои издѣлія для продажи.

Третья причина—жиды.

И четвертая причина, что у иностранныхъ ремесленниковъ Петербурга самоуправленіе и что они не подчинены русской ремесленной управѣ.

И такъ, чтобы въ Петербургѣ опять разцвѣла промышленность, нужно закрыть мировые суды, отдать подмастерьевъ и учениковъ въ полную власть хозяевъ, прогнать жидовъ и иностранныхъ ремесленниковъ подчинить русскимъ. Когда все это будетъ сдѣлано, у петербургскихъ жителей немедленно же явятся деньги и самыя разнообразныя потребности, а у петербургскихъ мастеровъ не будетъ отбоя отъ покупателей и всѣ хозяева-мастера выстроятъ себѣ каменные дома.

Но нѣтъ, «опытные мастера-хозяева» о богатствѣ Петербурга совсѣмъ и не думаютъ. Они думаютъ не о томъ, какъ бы для развитія промышленности создать обезпеченнаго потребителя, который бы не носилъ по три года, изъ экономіи, свой мятый котелокъ, который бы не ходилъ въ трепаномъ пальто и заплатанныхъ сапогахъ и, самъ бѣднѣя годъ отъ году, не сокращалъ бы и всякую промышленность. Такъ далеко «опытные мастера» думать не умѣютъ. Они не мечтаютъ ни о какихъ финансовыхъ и экономическихъ перемѣнахъ. Они — люди практическіе, люди дня, они знаютъ, что не скоро дождешься, когда петербургскій интеллигентъ начнетъ одѣваться по модѣ и носить щегольской цилиндръ, и потому разсуждаютъ въ предѣлахъ возможнаго, настоящаго, а не гадательнаго будущаго. Поэтому же они и «политики», поэтому же они и держатся теоріи «четырехъ причинъ», т.-е. теоріи истребленія соперниковъ.

Изумительно не то, что подобное мышленіе можетъ существовать въ такомъ умномъ городѣ Россіи, какъ Петербургъ,—изумительно то, что оно выступаетъ на свѣтъ Божій съ своими проектами государственныхъ преобразованій, и проекты эти такъ цѣликомъ и печатаютъ газеты: «посмотрите, молъ, какой проектъ сочинили петербургскіе ремесленники!» Изумительна именно смѣлость, съ какою являются теперь новоявленные Самсоны. Сидѣлъ Самсонъ весь свой вѣкъ въ чеботарнѣ, да ковырялъ дрянные сапоги—и вдругъ Самсонъ ощутилъ въ себѣ силу, снялъ съ головы ремешекъ, засучилъ рукава и пошелъ валить крышу, которая защищала его отъ непогодъ.

Петербургскіе Самсоны, впрочемъ, не сразу выступили со своимъ проектомъ. Они долго думали, чуть ли не нѣсколько лѣтъ, и ничего, какъ видно, выдумать не могли. И только когда московскіе фабриканты, а за ними «всероссійское купечество» прошлогодней нижегородской ярмарки выставили своихъ Самсоновъ и Самсоны начертали промышленную политику «четырехъ причинъ», рѣшили, что сколько ни думай, а ужь лучшаго ничего не выдумаешь, и тоже принялись ломать крышу, подъ которой сидѣли.

Важно тутъ не то, что Самсоны изъ охотнаго ряда полагаютъ, что всѣ вопросы можно разрѣшать безъ ума, одними лишь засученными рукавами,—важно безмолвное умственное поведеніе нашей интеллигенціи, которая тоже впадаетъ въ сомнѣніе относительно лучшихъ средствъ прогресса и, теряя почву, на которой выросла, смотритъ съ неувѣренностью на средства ума и то складываетъ на груди руки и глядитъ на все мутными глазами, то вмѣстѣ съ Самсонами засучиваетъ ру-

кава. Этого отступничества интеллигенціи отъ самой себя не поймешь, не заглянувъ въ исторію.

Петру Великому было совершенно ясно, что огромной, но нескладной Россіи не сравняться съ маленькою, но складною Голландіей и съ такою же складною Швеціей, пока нескладная Россія не станетъ думать по-новому. Но чтобы думать по-новому, нужно создать не только новые способы и средства, но еще и удобное мѣсто, гдѣ старыя умственныя привычки не становились бы поперекъ. И вотъ Петръ Великій созидаетъ новый городъ. По мысли великаго русскаго царя Петербургъ долженъ былъ проливать по всей Россіи свѣтъ просвѣщенія, знанія, образованія. И Петербургъ, дѣйствительно, соединилъ въ себѣ все, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ сдѣлать его Петръ. Петербургъ — единственный центръ Россіи, въ которомъ соединены всевозможныя приспособленія для самой разнообразной умственной работы. Онъ—главный административный русскій центръ и источникъ всѣхъ общественныхъ мѣропріятій. Онъ центръ промышленности и торговли. Онъ наша главная биржа и главный банкъ. Онъ главный источникъ наукъ и образованія, соединившій въ себѣ всевозможныя учебныя заведенія и ученыя учрежденія. Онъ центръ русскаго искусства—живописи, музыки, ваянія, архитектуры. Онъ, наконецъ, главный центръ журналистики и литературы. Ни одинъ русскій городъ не вмѣщаетъ въ себѣ столько внѣшнихъ средствъ для самой разнообразной умственной производительности, какъ Петербургъ. Это наша единственная вполнѣ организованная фабрика ума, наша наилучше устроенная лабораторія, обязанная производить не только квинтъ-эссенцію всякихъ идей, но приготовлять еще и жизненный элексиръ.

Но, созидая Петербургъ, Петръ создалъ только однѣ возможности для мысли. Петербургъ являлся лишь мѣстомъ для мыслей, а не самыми мыслями; онъ былъ возможностью для мышленія, а не самимъ мышленіемъ. И явившись при Петрѣ только этою «возможностью», онъ этою возможностью остался и до сихъ поръ.

А возможности его по-истинѣ громадны и изумительны. Уже не говоря про всѣ его учрежденія, которыя должны служить исключительно просвѣщенію и прогрессу Россіи, въ немъ соединено четыреста тысячъ людей, живущихъ только интеллектуальнымъ трудомъ, людей, которые ничего другаго не дѣлаютъ, какъ только думаютъ. И чтобы ничто не отвлекало ихъ отъ этого спеціальнаго ихъ дѣла, со всѣхъ концовъ Россіи собралось еще 450 тысячъ человѣкъ, которые взяли на себя всю черную, грубую работу, весь физическій трудъ, а интеллигенція, сохраняя идеальный завѣтъ Петра, все только и думаетъ о томъ, какъ бы сдѣлать Россію богатой, умной, просвѣщенной, цвѣтущей, счастливой. «А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, лишь бы была счастлива Россія»,—вотъ великій идеальный завѣтъ, оставленный Петромъ Петербургу, вотъ та великая жизненная программа, которой онъ долженъ былъ слѣдовать и которую онъ долженъ былъ выполнять.

И четыреста тысячъ интеллектуальныхъ людей, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ только для того, чтобы думать о благѣ и счастіи Россіи, въ двѣсти лѣтъ, что они думаютъ, могли бы, кажется, создать горы счастія и ума на общее русское благо. Но настолько ли велики результаты русской мысли, насколько было потрачено на нихъ силъ и средствъ? Качество результатовъ соотвѣтствуетъ ли количеству силъ, которыя ушли на эту двухсотлѣтнюю умственную работу? Одинъ только и есть отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если русскій умъ создалъ только то, что онъ создалъ, и ничего большаго,—значитъ онъ только это и могъ создать. И намъ, современникамъ, подводящимъ итогъ работѣ русскаго ума за двѣсти лѣтъ, остается только выяснить и установить сущность нашихъ умственныхъ дѣйствій, да условія, которыми опредѣляется та или другая успѣшность умственнаго труда.

Экономическая теорія установила уже съ совершенною точностью условія успѣшности экономическаго труда. Условія эти заключаются въ благопріятномъ сочетаніи климата, почвы, естественныхъ богатствъ, ловкости и способности работника, энергіи труда, правильномъ направленіи этой энергіи, улучшеній въ орудіяхъ производства и въ хорошихъ политическихъ учрежденіяхъ.

Та же экономическая теорія даетъ и точный аршинъ для опредѣленія экономической полезности каждаго отдѣльнаго человѣка. Если человѣкъ не производитъ никакихъ полезныхъ матеріальныхъ предметовъ, ни платья, ни хлѣба, ни сапоговъ, а только отрѣзываетъ купоны и эти купоны проживаетъ, то это будетъ человѣкъ экономически-убыточный и для страны было бы экономически-выгоднѣе, если бы онъ совсѣмъ не существовалъ.

Экономически-убыточный человѣкъ невыгоденъ странѣ не только тѣмъ, что онъ не создаетъ полезныхъ матеріальныхъ предметовъ, въ которыхъ она нуждается, онъ убыточенъ еще и тѣмъ, что полезные рабочіе должны для него трудиться.

Такимъ образомъ, онъ, самъ безполезный, дѣлаетъ безполезнымъ и другихъ. Совершенно какъ въ дубѣ уходятъ даромъ всѣ его полезные соки, если они, вмѣсто того, чтобы производить желуди, будутъ питать лишаи и мхи, на дубѣ ростущіе.

Въ убытокъ странѣ пойдетъ всякій, если трудъ его не создаетъ никакихъ матеріальныхъ полезностей или не помогаетъ возвышенію и усиленію способностей и энергіи рабочаго или не создаетъ для него условій наиболѣе успѣшнаго труда.

Этимъ же закономъ опредѣляется выгодность или убыточность и всякаго вообще труда, слѣдовательно и умственнаго, и выгодность или невыгодность для страны ея умственныхъ работниковъ.

Отрѣзыватель купоновъ можетъ быть тоже выгоденъ, если онъ создаетъ полезную умственную работу. Эдиссонъ, только отрѣзывающій купоны, уже несомнѣнно производитъ для человѣчества трудъ болѣе полезный, чѣмъ если бы онъ по рецепту графа Толстаго сталъ шить сапоги и класть печи.

Не будетъ выгоденъ только тотъ купонный отрѣ-

зыватель, который прожигаетъ свои деньги; не будетъ выгоденъ и всякій другой интеллигентный работникъ, который, вмѣсто полезнаго для общества умственнаго труда, увеличивающаго его умственное и нравственное благосостояніе, распространяетъ умственный мракъ и только усиливаетъ условія, мѣшающія успѣшности умственнаго труда. Всѣ подобные умственные производители идутъ странѣ въ убытокъ и она только безъ всякой пользы для себя тратитъ на нихъ свои силы, все равно какъ дубъ, кормящій, вмѣсто желудей, истощающіе его лишаи и мхи.

Петербургъ заключаетъ въ себѣ массу умственно-убыточнаго населенія. И сами эти такъ называемые интеллигентные люди, и весь ихъ такъ называемый интеллигентный трудъ идетъ Россіи въ убытокъ. Думаютъ ли они, или не думаютъ, это для Россіи рѣшительно все равно. Отъ ихъ думъ не прибавляется въ Россіи ни богатства, ни просвѣщенія, ни ума, ни спокойствія и вообще ни одного изъ тѣхъ благъ, въ которыхъ каждый нуждается. Все равно, какъ купонный отрѣзыватель, прожигающій свои деньги, не создаетъ для Россіи ни одного лишняго фунта хлѣба, ни одной пары сапоговъ и не убавляетъ ни богатыхъ, ни голодныхъ. Возможность существованія умственно-безполезныхъ людей составляютъ одно изъ главныхъ условій безуспѣшности нашего общаго умственнаго труда.

Конечно, установить съ точностью для каждаго отдѣльнаго случая и для каждаго интеллигентнаго человѣка его умственную полезность вовсе не такъ просто. Но, тѣмъ не менѣе, все-таки, необходимо установить общее понятіе объ умственно-полезныхъ и умственно-безполезныхъ людяхъ, идущихъ странѣ въ убытокъ. Едва ли теперь кто нибудь сомнѣвается, что, по нашей экономической бѣдности, намъ всего важнѣе создать условія для наиболѣе успѣшнаго и свободнаго всеобщаго экономическаго труда, а по нашей умственной бѣдности — подобныя же условія для наиболѣе успѣшнаго умственнаго труда. Другихъ ближайшихъ идеаловъ для насъ теперь и не можетъ быть. Интеллигентъ, думающій въ этомъ направленіи, будетъ умственно-полезнымъ работникомъ; но если интеллигентъ думаетъ такъ, что общихъ условій развитія въ странѣ не прибавляется, хотя въ частности кому нибудь становится и лучше,—такой интеллигентъ не есть умственно-полезный производитель.

Катковъ въ первый разъ своей публицистической карьеры, характеризуя наши умственныя способности, сказалъ, что мы, русскіе, не умѣемъ держать мысли въ головѣ. Въ коллективной формѣ неумѣнье держать мысль въ головѣ наблюдается легче всего въ Петербургѣ, который въ качествѣ фабрики ума производитъ мыслей больше, чѣмъ, пожалуй, всѣ остальные города Россіи вмѣстѣ. Я не говорю о центральныхъ великороссійскихъ городахъ, не вышедшихъ еще изъ умственной косности, но Петербургъ думаетъ больше и напряженнѣе даже и окраинъ. И всѣ мысли, которыя производитъ Петербургъ, которыя составляютъ его умственную атмосферу, носятся въ его воздухѣ. Петербургская интеллигенція именно только дышетъ мыслями. Она въ себя ихъ только вдыхаетъ, затѣмъ выдыхаетъ. Петербургскій процессъ механическаго мышленія напоминаетъ вѣтряную мельницу, жернова которой вѣчно вертятся и вѣчно мелятъ что попадется. Сегодня они мелятъ рожь, завтра горохъ, послѣ-завтра пшеницу. Что вы въ нихъ ни насыпьте, они все сотрутъ въ муку. И Петербургъ, какъ какой-нибудь умственный perpetuum mobile, безустанно, ни на секунду не останавливаясь, вертитъ свой механизмъ. Это въ высшей степени нервный и чувствительный аппаратъ, но аппаратъ головной, разсудочный, холодный, вся внутренняя жизнь котораго заключается только въ мышленіи. Умственные процессы—спеціальность Петербурга, его особенность, его нервъ, его душа, его бытіе. Но это бытіе, все-таки, исключительно умственно-механическое, какъ бы совершенно не зависящее отъ качества и содержанія мыслей. Оттого-то только въ Петербургѣ можно наблюдать эти быстро смѣняющіяся перемѣны мыслей и это безразличное равнодушіе, съ которымъ Петербургъ отдается смѣняющимся умственнымъ теченіямъ и вѣяніямъ. Ему точно все равно о чемъ мыслить, лишь бы было дѣло его вѣчно работающей головной кофейницѣ.

Оттого, что Петербургъ живетъ только мыслями, которыя онъ то принимаетъ, то изъ себя выпускаетъ и никогда никакой мысли не держитъ долго въ головѣ, у него нѣтъ, да и не можетъ быть убѣжденія.

Убѣжденіе есть умственная цѣльность, комплексъ полной души, съ точнымъ, опредѣленнымъ резонансомъ. Убѣжденіе есть нѣчто законченное, неподатливое, твердое, неизмѣнное. Это Мартинъ Лютеръ на Вормскомъ соборѣ: «вотъ тутъ я весь передъ вами». И Лютеръ былъ тутъ дѣйствительно весь, цѣльный и несокрушимый, какъ гранитная скала.

Убѣжденіе—это выводъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ мыслей, понятій, идей, замыкающій міровоззрѣніе, дающій ему цѣльность. Это—полная сѣть представленій, въ которой нѣтъ ни пропущенныхъ петель, ни разрывовъ. Сѣть эта создается цѣлою жизнью, постояннымъ мышленіемъ въ одномъ направленіи, — мышленіемъ, вѣчно заполняющимъ собственные просвѣты, пока не образуется одно общее послѣдовательное единство воззрѣній на всѣ жизненныя отношенія. И вотъ, когда законченное міровоззрѣніе дастъ человѣку подобную умственную цѣльность, она и будетъ его руководящимъ убѣжденіемъ, тѣмъ самымъ его: «вотъ тутъ я весь передъ вами», которымъ Лютеръ закончилъ свою вормскую исповѣдь. Люди не разстаются съ убѣжденіями, они съ ними только умираютъ. Можно мѣнять лишь мысли, какъ это и дѣлаетъ Петербургъ, мѣняя ихъ точно перчатки или модное платье, но убѣжденія не мѣняются. Можно раскаяваться въ чувствахъ, въ поступкахъ, въ ошибкахъ мысли или ошибкахъ поведенія, но въ убѣжденіяхъ не раскаяваются. Конечно, можно создать и ошибочное убѣжденіе, но измѣнить его, все-таки, нельзя, какъ нельзя вернуть прошлаго, какъ нельзя пережить второй разъ свою собственную жизнь.

Не разграничивая достаточно понятій, и смѣшивая, напримѣръ, мысли съ убѣжденіями, мы очень часто говоримъ о перемѣнѣ убѣжденій, когда никакихъ убѣжденій еще не было, а люди измѣняли только свои мысли, и придаемъ слишкомъ большое значеніе легко мѣняющимся мыслямъ.

Все это оттого, что мы въ качествѣ моралистовъ только умѣемъ порицать или хвалить, раздавать награды за хорошее поведеніе или наказывать за дурное. Мы вѣримъ только въ добрую или злую волю и продолжаемъ упорно думать, что міръ спасутъ только хорошіе люди, а не хорошія учрежденія.

Мы готовы пренебрежительно отнестись къ молодому, едва расправляющему мысль человѣку, готовы обозвать его безхарактернымъ и даже «измѣнникомъ своихъ убѣжденій» (которыхъ у него еще нѣтъ), если онъ при однихъ обстоятельствахъ своей жизни смотритъ на свои отношенія къ вещамъ такъ, а при обстоятельствахъ измѣнившихся—иначе. Но могъ ли онъ думать одинаково? Вы, напримѣръ, шли путемъ-дорогою и дошли до саженной канавы. Соображая свои силы, но не зная ихъ точно, вы думаете, что канаву перескочите. Вы скачете и падаете. Будете ли вы продолжать думать, что можете перескочить канаву, или нѣтъ? Я зналъ одного смѣлаго и энергичнаго пятилѣтняго мальчика, котораго очень плѣнялъ быкъ деревенскаго стада, и ребенокъ всегда мечталъ о томъ, какъ онъ этого быка возьметъ за рога и остановитъ. Если бы мальчику позволили сдѣлать эту пробу и онъ быка бы не остановилъ,—какъ по рецепту моралистовъ слѣдовало бы думать мальчику: остановитъ онъ быка или не остановитъ, и было ли бы измѣной убѣжденію, если бы онъ сталъ думать, что быка не остановитъ?

Изумляясь нравственной и умственной стойкости, мы собственно (какъ нужно думать) высказываемъ лишь наше наболѣвшее желаніе видѣть вездѣ и повсюду людей съ законченными нравственными и общественными понятіями. Это больше ничего, какъ выраженіе нашего наболѣвшаго скорбнаго чувства, что русская жизнь создаетъ пока людей съ половинными понятіями, которые, т.-е. люди, не могутъ поэтому ни устроить порядочно свою собственную жизнь, ни приносить пользу другимъ.

Но развѣ же это можетъ быть иначе, если мы живемъ въ условіяхъ исключительно личнаго мышленія и личныхъ и единоличныхъ отношеній? Общественная бухгалтерія должна основывать свои разсчеты не на титанахъ, герояхъ и исключительныхъ личностяхъ, а на массѣ, большинствѣ, которое зависитъ всегда отъ общихъ условій. Каждый старается устроить свою жизнь по тѣмъ возможностямъ, которыми онъ въ силѣ овладѣть, а не по тѣмъ условіямъ, которыя разстилаются передъ нимъ трехсаженною канавой. Если каждый человѣкъ можетъ жить только личною жизнью и на личный страхъ, если онъ не больше, какъ пылинка, носящаяся въ пространствѣ, то какъ же жалкой пылинкѣ искать себѣ точки опоры, когда ее можетъ сдуть съ мѣста первый вѣтеръ? Передъ нами наглядный примѣръ—«молодые беллетристы» (обобщившіе себя въ поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ), которые отрѣшились отъ задачъ всѣхъ предъидущихъ поколѣній и усомнились во всемъ предъидущемъ движеніи мысли только потому, что для своей личной жизни (при новомъ теченіи) не нашли точки опоры. Объ этомъ фактѣ можно глубоко скорбѣть, можно глубоко жалѣть людей, которыхъ вѣтеръ сдулъ въ пустое пространство, но ни скорбь, ни сожалѣніе, ни негодованіе не помогутъ. Тутъ приходится имѣть дѣло съ исторіей, на которую безполезно сердиться, потому что ей это все равно, и остается лишь понять фактъ.

Средній человѣкъ, съ которымъ мы имѣемъ здѣсь дѣло, не мыслитель и не Добрыня Никитичъ. Онъ обыкновенный путникъ, который только приноравливается къ своей дорогѣ. Дорога для него уже была готова и ему осталось лишь по ней идти, отыскивая свое счастье. И жизнь всѣхъ среднихъ людей и народныхъ массъ только въ этомъ и заключается. Мы не создаемъ своего счастья, а находимъ его уже готовымъ. Пройдешь путь своей жизни, соберешь на немъ, что встрѣтишь, вотъ это и будетъ твое счастье. Поэтому-то жизнь для каждаго и есть его крестъ, который онъ хочетъ или не хочетъ, а долженъ и будетъ его нести. Горе и несчастіе людей въ томъ, что жизнь устраиваетъ имъ иногда такой путь, на которомъ нѣтъ ничего, кромѣ страданій, но и счастье ихъ въ томъ, что имъ дано понимать это. И пользуясь своимъ счастіемъ пониманія, мы, если не начинаемъ еще сознавать, то должны сознать, что при господствѣ личнаго начала получается и то личное и единоличное мышленіе, которое мѣняется не только съ каждымъ поколѣніемъ, но и съ каждою личностью, если она можетъ имѣть вліяніе на ходъ дѣлъ и на положеніе общественной мысли. Въ этомъ и причина тѣхъ приливовъ и отливовъ, которыми такъ отличается наша русская общественная жизнь и которые все слабѣе и слабѣе наблюдаются въ жизни Европы. Только потому, что мы постоянно жили приливами и отливами, и нашъ русскій прогрессъ шелъ скачками. То мы блестѣли яркою, сіяющею звѣздой и ходили съ ликующимъ лицомъ, не чувствуя подъ собою земли, то, усѣвшись на мѣстѣ, опускали голову, смотрѣли себѣ въ животъ и, кромѣ своего живота, ничего не видѣли.

Но «молодые беллетристы», все таки, не отступники. Они хотятъ только подождать, хотятъ всмотрѣться въ жизнь, прежде чѣмъ идти, и находятся лишь въ моментѣ раздумья. Ошибка ихъ въ томъ, что, не окончивъ этого раздумья, они выступили съ проповѣдью о немъ. Но есть у насъ и настоящіе отступники мысли, которые съ самыми доброжелательными намѣреніями хотятъ превратить каждаго умственнаго работника въ работника мускульнаго. Я употребляю слово «отступникъ» не въ полемическомъ и не въ порицательномъ смыслѣ, а потому, что оно точнѣе характеризуетъ людей этого сорта. Всѣ они выросли изъ «народническаго» направленія, изъ благороднаго и великодушнаго стремленія возстановить исторически нарушенную спра-

ведливость въ отношеніяхъ большаго и меньшаго брата. И вотъ, чтобы возстановить справедливость, они пошли по Русской землѣ съ проповѣдью о служеніи народу, о служеніи не одними словами, нѣтъ,—о служеніи дѣломъ, и такимъ дѣломъ, чтобы интеллигентъ переселился въ деревню, сталъ бы пахать землю и превратился бы въ мужика.

Любопытную исторію этого вопроса даетъ «Деревенскій Житель» въ «Недѣлѣ. А исторія эта любопытна не только по своимъ недоразумѣніямъ, но еще больше по той несчастной торопливости, съ которою мы спѣшимъ всякую свою мысль сейчасъ же оповѣстить міру. Вотъ ужъ истина, что мы никакъ не умѣемъ держать мысли въ головѣ. У Сираха есть такое наставленіе: «услышалъ ли ты что-нибудь, сохрани въ себѣ, не бойся,—не лопнешь». А мы именно боимся лопнуть. Этого испугались и «молодые беллетристы», которые сейчасъ же оповѣстили міру, что они находятся въ раздумьѣ; этого испугался даже такой опытный и много думавшій писатель, какъ Л. Толстой. Или ужъ мы очень бѣдны мыслями, или очень цѣнимъ свои собственныя мысли и, можетъ быть, тоже потому, что ими бѣдны. А что изъ этого получается, читатель увидитъ сейчасъ.

«Болѣе десяти лѣтъ,—говоритъ «Деревенскій Житель»,—авторъ, извѣстный въ то время въ печати подъ буквами П. Ч., съ успѣхомъ выдвинулъ въ «Недѣлѣ», въ видѣ руководящаго принципа, въ противовѣсъ царившимъ до того надъ умами интеллигенціи «западно-европейскимъ формуламъ», «голосъ деревни».

Одновременно съ этимъ г. Михайловскій въ «Отечественныхъ Запискахъ» выставлялъ, какъ единственный критерій правильности всѣхъ прочихъ руководящихъ принциповъ—«интересы народа». «О, еслибъ я могъ,—восклицалъ онъ въ «Запискахъ профана» (1875 г.),—утонуть и расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа,—утонуть безповоротно, но сохранить тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть на счетъ того же народа!...»

«Дневникъ» Достоевскаго, другимъ языкомъ, съ другаго конца, работалъ въ томъ же направленіи разрушенія царившихъ дотолѣ надъ умами интеллигенціи «западно-европейскихъ формулъ».

Наконецъ, настоящій уже голосъ изъ деревни, года за два, за три до Льва Толстаго, буквально говорилъ то самое, что вскорѣ было подробнѣе высказано въ его «Мысляхъ». «Счастливъ тотъ,— писалъ г. Энгельгардтъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ «Писемъ изъ деревни», — счастливъ тотъ, кто спокойно ѣстъ свой хлѣбъ, зная, что онъ заработалъ его собственнымъ трудомъ. Можетъ ли человѣкъ быть спокоенъ, счастливъ, если у него является сознаніе, что онъ ѣстъ не свой хлѣбъ? Счастливъ ли нашъ интеллигентъ, котораго интересы до того противуположны интересамъ мужика, что когда мужикъ молится о дешевизнѣ хлѣба, онъ долженъ молиться о его дороговизнѣ? Не оттого ли такъ мечется нашъ интеллигентъ, не оттого ли такое недовольство повсюду? Кто счастливъ? Откликнись! И чего метаться? Идите на землю къ мужику! Мужику нуженъ интеллигентъ. Мужику нуженъ земледѣлецъ-агрономъ, нуженъ земледѣлецъ-врачъ на мѣсто земледѣльца-знахаря, земледѣлецъ-учитель, земледѣлецъ-акушеръ. Мужику нуженъ интеллигентъ-земледѣлецъ, самолично работающій землю. Россіи нужны деревни изъ интеллигентныхъ людей. Тѣ интеллигенты, которые пойдутъ на землю, найдутъ себѣ въ ней счастіе, спокойствіе. Тяжелъ трудъ земледѣльца, но легокъ хлѣбъ, добытый своими руками. Такой хлѣбъ не станетъ поперекъ горла. Съ легкимъ сердцемъ будетъ ѣсть его каждый. А это ли не счастье? Когда некрасовскіе мужики, отыскивающіе на Руси счастливца, набредутъ на интеллигента, сидящаго на землѣ, на интеллигентную деревню, то тутъ-то вотъ они и услышатъ: мы счастливы, намъ хорошо жить на Руси!.. Россія—государство земледѣльческое, русскій народъ—земледѣлецъ, русскій интеллигентъ долженъ внести свѣтъ въ русское земледѣліе, а внести свѣтъ онъ можетъ только тогда, когда самъ будетъ работать на землѣ».

Но вотъ выступаетъ со своими «мыслями» Левъ Толстой и окончательно подавляетъ «Деревенскаго Жителя». «Пресловутаго вопроса интеллигенціи: *что дѣлать?* — не существуетъ болѣе, — говоритъ онъ,— Л. Н. Толстой далъ на него отвѣтъ. Что такое интеллигенція? Блудный сынъ рабочей массы народа. Пусть припомнитъ читатель притчу о блудномъ сынѣ. Воображая себя вправѣ получить отъ отца «свою долю» изъ его имущества, онъ ее требуетъ, беретъ и уходитъ съ ней «на страну далече». Въ этомъ отношеніи находится «интеллигентная» масса къ массѣ «простаго» народа. Теперь для нея только одно спасеніе — вернуться «къ отцу». Путь «въ деревню» уже намѣченъ, выборъ сдѣланъ, вопросъ рѣшенъ въ пользу «деревни» въ утвердительномъ смыслѣ, и если за всѣмъ тѣмъ никакого замѣтнаго движенія въ избранномъ направленіи не происходитъ, то единственно благодаря трудности практическаго осуществленія этого новаго руководящаго принципа».

И вотъ «Деревенскій Житель», чтобы разрѣшить практически этотъ вопросъ, печатаетъ въ «Недѣлѣ» рядъ статей подъ заглавіемъ «Практика своего труда въ деревнѣ». Статьи эти до того возмутили одного нашего извѣстнаго писателя, что онъ обратился съ частнымъ письмомъ въ редактору «Недѣли»: «Что мужикъ — негодяй, подлецъ и скотина (говоритъ писатель) — было извѣстно всѣмъ и каждому еще до освобожденія крестьянъ; но чего же послѣ этого нужно г. «Д. Ж.» («Деревенскому Жителю») отъ народа и зачѣмъ онъ туда идетъ? Вѣдь, и безъ него тамъ умѣютъ объегоривать другъ друга. И вотъ этотъ-то объегориватель (скрытый) полагаетъ, что онъ интеллигентъ!.. Нѣтъ, интеллигентный человѣкъ подходитъ къ народу съ задачами высшаго порядка, а не съ цѣлью только ускользнуть отъ объегориванія или самому объегорить». «Откровенно говоря, — заключаетъ свои разсужденія писатель, — я бы ни въ какомъ

случаѣ не сталъ помѣщать такую вещь, какъ статья «Д. Ж.».

Но, кажется, нашъ извѣстный писатель обвиняетъ «Деревенскаго Жителя» не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ искать его ахиллесову пяту. А что статья напечатана, такъ это даже и очень хорошо, потому что она даетъ возможность говорить объ извѣстномъ порядкѣ русскаго мышленія съ большею законченностью.

«Деревенскій Житель» — это одинъ изъ яркихъ представителей того самаго русскаго мышленія, о которомъ я говорю въ этомъ «Очеркѣ». Въ сущности, онъ, т.-е. «Деревенскій Житель», хорошо устроенный мыслящій аппаратъ (по петербургскому образцу). Мыслитъ онъ страстно, съ увлеченіемъ, съ полемическимъ задоромъ, но всегда только въ направленіи той одной мысли, которую онъ перемалываетъ. При выборѣ мысли, для препровожденія ея въ аппаратъ, «Д. Ж.» отдается вполнѣ своимъ инстинктамъ или другимъ стремленіямъ, всегда хорошимъ и благожелательнымъ, но всегда личнымъ, въ которыхъ его *я* даетъ всему свой цвѣтъ и окраску. Поэтому-то, разсказывая исторію развитія «вопросовъ интеллигенціи», онъ и свалилъ въ одну кучу и П.Ч., и Михайловскаго, и Достоевскаго, и Энгельгардта, и Толстаго, хотя всѣ они говорятъ разное, а въ особенности Михайловскій (Михайловскій устанавливаетъ общій демократическій идеалъ и даже не думаетъ заставлять интеллигента отрекаться отъ умственныхъ благъ и отъ всего того, что дали ему прогрессъ, развитіе, образованіе).

Но «Деревенскій Житель» у всѣхъ этихъ говорящихъ разное людей нашелъ одно общее слово «деревня» и для него этого одного общаго слова вполнѣ достаточно, чтобы увлечься каждымъ писателемъ въ отдѣльности. Онъ беретъ его «мысль», отправляетъ ее въ свой «мыслительный аппаратъ» и тамъ заставляетъ ее пройти по всѣмъ колесамъ. Когда мысль «отдѣлана», онъ выпускаетъ ее изъ себя въ видѣ статьи, затѣмъ беретъ другую мысль, пропускаетъ ее опять черезъ аппаратъ и опять выпускаетъ въ видѣ статьи.

Въ прошломъ и нынѣшнемъ году были напечатаны въ «Недѣлѣ» три большія статьи «Деревенскаго Жителя», на которыхъ, читатель, вы можете провѣрить его мыслительный процессъ. Въ статьѣ «Къ чему способна интеллигенція» «Деревенскій Житель» беретъ сначала фразу (одну только фразу) г. Энгельгардта: «Неужели же участь всѣхъ интеллигентныхъ людей — служить, киснуть въ канцеляріяхъ? Неужели же земля не привлечетъ интеллигентныхъ людей?» — и изъ этой мысли дѣлаетъ двѣ статьи. Затѣмъ онъ отдается «мыслямъ» Толстаго и, пропустивъ ихъ черезъ аппаратъ, провозглашаетъ, что «интеллигенція — блудный сынъ массы народа», что народъ—ея «отецъ», къ которому она и должна возвратиться. Послѣ этого «Деревенскій Житель» пишетъ «Вопросы интеллигенціи», въ которыхъ опять «передумывается» Толстой и вопросъ оказывается рѣшеннымъ окончательно.

Но вотъ приходитъ къ «Деревенскому Жителю» какой-то незнакомый человѣкъ, отставной офицеръ, и проситъ, не возьметъ ли онъ его къ себѣ въ работники въ деревню. «Вы,—говоритъ,—пишете въ «Недѣлѣ», чтобы интеллигенція шла работать въ деревню, бралась за «землю»; такъ вотъ я одинъ изъ тѣхъ, кто желалъ бы за это дѣло взяться, да не знаю, какъ это сдѣлать: позвольте съ вами посовѣтоваться»... «Нужно признаться,— говоритъ «Деревенскій Житель»,—что, по свойственной русскому человѣку осторожности, я принялъ незнакомца довольно сухо, несмотря на то, что въ душѣ преклонялся предъ его энергіей и видимою преданностью идеѣ независимаго труда, и такъ какъ мы ни до чего не договорились (да у меня онъ и не нашелъ бы того, чего искалъ), то, проводивъ его, я тотчасъ же рѣшилъ не откладывать болѣе исполненія давнишняго своего намѣренія—сдѣлать починъ печатнаго обсужденія вопроса о тѣхъ способахъ, какими нашъ интеллигентный пролетаріатъ могъ хотя бы сколько-нибудь приблизиться къ осуществленію своей мечты о землѣ, какъ источникѣ средствъ независимаго существованія своимъ трудомъ». Плодомъ этого рѣшенія и былъ цѣлый рядъ статей: «Практика своего труда въ деревнѣ», напечатанныхъ въ «Недѣлѣ».

Съ обычною своею тщательностью мыслящій аппаратъ «Деревенскаго Жителя» «отдѣлалъ» и этотъ вопросъ, и получились «мысли» до того неожиданныя, что возмутившійся извѣстный писатель нашелъ нужнымъ сдѣлать указаніе редактору «Недѣли».

Оказалось, что «отецъ», къ которому долженъ былъ вернуться «блудный сынъ», далеко не такой порядочный отецъ, къ которому стоило бы возвращаться, что «интеллигенція слишкомъ склонна идеализировать деревенскую среду»; что «въ деревнѣ не слѣдуетъ увлекаться никакими чувствами и никому и ничего даромъ не дѣлать, чтобы не сыграть дурака»; что «поселясь въ деревнѣ, нужно впередъ знать, что вся она состоитъ изъ «кулаковъ», что «если интеллигентъ хочетъ жить въ деревнѣ, то долженъ по примѣру деревенскаго «кулака» выработать себѣ значительный запасъ безсердечія, а иначе онъ въ деревнѣ не уживется»; что «простыя человѣческія отношенія между современнымъ интеллигентомъ и современнымъ мужикомъ невозможны, потому что обѣ стороны всѣмъ складомъ своихъ привычекъ, взглядовъ, вкусовъ раздѣлены почти до степени разныхъ породъ»; что къ интеллигенту «будутъ относиться съ сугубымъ недовѣріемъ и съ сугубымъ стремленіемъ всячески «объегорить»; а такъ какъ почти всякій мужикъ поразительно талантливый актеръ, то какъ бы ни было велико ваше недовѣріе, ваша подозрительность, будьте покойны, васъ, все-таки, одурачатъ. Такъ ужь, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны какъ можно меньше подавайте поводовъ и потому по возможности *держитесь отъ мужика далеко* (курсивъ «Деревенскаго Жителя»). «Это будетъ самый надежный способъ сближенія съ нимъ. Для поясненія этой странной мысли приведу такое срав-

ненiе (все это говоритъ «Д. Ж.»): предположимъ, что вы задались мыслью приручить мышь, которая живетъ гдѣ-то у васъ подъ поломъ; ясное дѣло, что самый надежный способъ для этого—какъ можно меньше обращать на нее вниманія; если же вы будете ее подсвистывать да подманивать, какъ собаченку, то никогда не достигнете цѣли. Имѣйте терпѣніе дождаться, чтобы она сама къ вамъ первая подошла, но и тутъ берегитесь всякихъ лишнихъ движеній. Я полагаю,—говоритъ «Д. Ж.»,—что въ простыя человѣческія отношенія и интеллигенція только тогда встанетъ съ народомъ, когда она будетъ въ деревнѣ родиться, воспитываться и оставаться, и это возможно только для будущихъ поколѣній».

Чтобы окончательно убѣдить интеллигентнаго пролетарія, что ему къ деревнѣ не пристроиться, «Деревенскій Житель» дѣлаетъ подробный денежный разсчетъ неизбѣжныхъ расходовъ. Оказывается, что интеллигентному пролетарію для самаго плохаго устройства нужно имѣть не меньше 500 руб., и, все-таки, «однимъ земледѣльческимъ трудомъ прожить ему будетъ нельзя». На этотъ затраченный капиталъ интеллигентъ получитъ въ видѣ возвращеннаго хлѣба, сѣна, капусты, картофеля 170—175 руб., что составитъ до 35%, «если не принимать въ разсчетъ денежной оплаты собственнаго труда». «А я полагаю,—разсуждаетъ «Деревенскій Житель»,—что въ своемъ хозяйствѣ цѣну своего труда нужно принимать равною нулю, такъ какъ надо же человѣку что-нибудь дѣлать». «Трудъ въ своемъ хозяйствѣ,—мыслитъ дальше все тотъ же «Деревенскій Житель»,—получаетъ плату не денежную, а въ видѣ пріятнаго сознанія, что онъ даетъ независимое положеніе, свободу, самостоятельность, здоровье, разумное и честное существованіе». Это, очевидно, опять только тщательная «отдѣлка» мысли о цѣнности труда, попавшей въ умственный аппаратъ. Едва ли «петербургскіе мастера», занимающіе тоже вполнѣ независимое положеніе, откажутся отъ своего проекта «четырехъ причинъ» ради «пріятнаго сознанія». Да, вѣрно, и самъ «Деревенскій Житель», печатая въ «Недѣлѣ» статью о «практикѣ своего труда», не удовлетворяется только «пріятнымъ сознаніемъ». Нашъ земледѣлецъ дѣйствительно продаетъ свой трудъ почти за безцѣнокъ, но, вѣдь, за то дешевый трудъ и причина бѣдности нашей деревни и нашего сельско-хозяйственнаго кризиса. А «Д. Ж.» хочетъ, чтобы мужикъ работалъ и совсѣмъ даромъ.

Какой же выводъ слѣдуетъ изъ всѣхъ этихъ толковъ о возвращеніи «блуднаго сына» къ «отцу»? Слѣдуетъ только то, что все, что писалось, говорилось, проповѣдывалось о непригодности интеллигента для жизни, о нравственной обязанности «возвратить свой долгъ народу», о «служеніи народу» и т. д.,—все это однѣ только «мысли». П. Ч. излагалъ только свои мысли (и, вдобавокъ, очень туманно и смутно, что находитъ и «Деревенскій Житель»), Достоевскій въ «Дневникѣ писателя» тоже не шелъ дальше смутныхъ мыслей, Толстой такъ прямо и называетъ то, что онъ писалъ, только «мыслями», Энгельгардтъ тоже излагалъ «мысли и мечты» и, притомъ, не безъ противорѣчій; наконецъ, «Деревенскій Житель» представилъ уже и осязательное доказательство, что все это были, исключительно, мысли, потому что онъ съ одинаковымъ успѣхомъ мыслилъ и противъ «блуднаго сына», и противъ «отца».

А, между тѣмъ, во всѣхъ разбросанныхъ и не связанныхъ мысляхъ и П. Ч., и Достоевскаго и Энгельгардта, и Толстаго, и «Деревенскаго Жителя» есть одна общая соединяющая ихъ ниточка, заключающаяся не въ томъ, что говорили или мыслили эти писатели, а въ причинахъ и поводахъ, заставлявшихъ ихъ мыслить. Всѣ ихъ мысли не больше, какъ извѣстныя психическія состоянія и умственные процессы, вызывавшіеся наблюденіемъ надъ окружающею жизнью и этою жизнью создававшіеся.

Общая сущность всѣхъ этихъ головныхъ процессовъ заключается въ стремленіи мысли къ уничтоженію той двойственности, которая такъ рѣзко обнаруживается въ теперешнемъ распаденіи Россіи на двѣ рѣзко очерченныя группы или слоя, не сливающіеся какъ масло и вода. И все, что было въ Россіи умственно лучшаго, все, что любило ее, что болѣло за нее, что хотѣло создать для нея болѣе счастливое и довольное существованіе,—все это было занято всегда мыслью о томъ, чтобы найти средство заполнить промежутокъ между этими двумя слоями и слить ихъ въ одинъ слой. Въ той или другой формѣ объ этомъ думали и писали и славянофилы, и западники, и почвенники, и народники. Всѣхъ ихъ соединяло одно стремленіе, одно желаніе, только средства они предлагали разныя. Одни хотѣли мужика превратить въ барина, другіе—барина въ мужика; одни предлагали ради слiянія идти впередъ, другіе—назадъ. Но вотъ объявились на нашихъ глазахъ новые проповѣдники слiянія и толкнули интеллигента въ деревню. Видя, что гора не идетъ къ Магомету, Магометъ пошелъ къ горѣ.

Очень можетъ быть, что въ этомъ движеніи сказалась и практичность Магомета. Такъ, «Деревенскій Житель» въ одной изъ статей (*Къ чему способна интеллигенція*) говоритъ, что «условія жизни государственной, общественной, общенародной измѣняются очень, очень медленно, по меньшей мѣрѣ четвертямъ столѣтія; а ждать приходится въ тоскѣ гнетущей, достигающей нерѣдко степени нравственной пытки. Поэтому лучше не ждать, пока условія жизни внѣ насъ измѣнятся, а давайте лучше измѣнять тѣ условія, которыя отъ насъ зависятъ,—условія *собственной своей жизни*.

Ну, давайте измѣнять, и именно по рецепту Энгельгардта, Толстаго и по программѣ «Деревенскаго Жителя». Я предполагаю случай наиболѣе для нихъ пріятный, а именно такой грандіозный успѣхъ ихъ проповѣди, что вся интеллигенція повально переселяется изъ городовъ въ деревни. Петербургъ, Москва, Одесса, Кіевъ и всѣ большіе и малые города пустѣютъ и поростаютъ лѣсомъ и

травою, а интеллигенція, поселившись въ деревнѣ, отдаетъ народу свой нравственный долгъ. Но мужикъ глядитъ на интеллигента недовѣрчиво и не вступаетъ съ нимъ «въ простыя человѣческія отношенія». И вотъ начинается процессъ взаимнаго притиранья, на который и уходитъ жизнь нѣсколькихъ поколѣній. Раньше это и не можетъ случиться, по словамъ самого «Деревенскаго Жителя». Наконецъ, «сліяніе» свершается и нравственный долгъ отданъ: стомилліонная деревня поглотила цѣликомъ десятимилліонный городъ. А что же дальше? Дальше то, что вновь воскресшая домостроевская Россія снова станетъ ждать своего Петра Великаго и снова примется строить Петербургъ, Москву, Кіевъ, Одессу и потребуются новыя 200—300 лѣтъ, чтобы вернуться къ цивилизаціи, отъ которой мы убѣжали.

Нѣтъ, это не средство, и тѣмъ болѣе не средство, что мы какъ разъ переживаемъ такое время, когда больше всего нуждаемся въ хорошо работающихъ умственныхъ силахъ, въ подъемѣ физической, нравственной и умственной энергіи. Вотъ наглядное доказательство этой нужды. До Крымской войны Россія могла давать на государственныя нужды только 300 милл. руб. и только 300 тыс. войска. Потомъ реформами настолько увеличилась успѣшность нашего умственнаго и экономическаго труда, что Россія стала давать 900 м. р. и 2 м. войска. Но, вѣдь, и европейскій умъ не стоялъ на мѣстѣ и его трудъ оказался за это время настолько успѣшнымъ, что Европа за нашъ рубль стала давать пятьдесятъ копѣекъ и за пудъ нашей ржаной муки только одну марку. Свою полтину европейцы ставятъ намъ въ рубль, а свою марку—въ двѣ марки.

Но чѣмъ же усилитъ интеллигентный пролетарій успѣшность нашего труда, если онъ сядетъ на землю? Увеличитъ ли онъ производительность земледѣльческаго труда, усилитъ ли производительность умственнаго? Нѣтъ, онъ только уронитъ тотъ и другой. Земледѣльческій трудъ онъ уронитъ какъ дурной мускульный работникъ, а умственный—отрѣшенностью отъ умственнаго труда.

Интеллигенція безполезна (какъ утверждаютъ противники интеллигенціи) не потому, что она интеллигенція (вопросъ о полезности или безполезности интеллигенціи станетъ яснѣе, если мы разстанемся съ этимъ неточнымъ терминомъ); она дѣйствительно мало полезна потому, что ея умственный трудъ не находится въ условіяхъ такой успѣшности, чтобы имъ создавались именно тѣ умственныя блага, которыя нужны для роста и процвѣтанія Россіи. Посмотрите, куда, напримѣръ, уходятъ силы нашихъ выдающихся писателей и многихъ другихъ людей, далеко не заурядныхъ. Вѣдь, П. Ч., Достоевскаго, Энгельгардта, Толстаго и даже «Деревенскаго Жителя» не найдешь на всякой улицѣ; вѣдь, это соль Русской земли, и что же эта соль производитъ? Она производитъ только «мысли», и такія мысли, съ которыми мы уйдемъ еще въ большее безсиліе. Въ видѣ практической формулы спасенія, «Деревенскій Житель» возглашаете: «давайте измѣните условія нашей собственной (т.-е. личной) жизни!» Нѣтъ, «Деревенскій Житель», давайте лучше измѣните условія успѣшности нашего умственнаго труда. Правда, внѣшнія условія мѣняются медленно, да, вѣдь, за то съ ихъ перемѣнами жизнь идетъ впередъ, а измѣнивъ «свою собственную жизнь» по указаніямъ пророковъ самоотреченія, мы уйдемъ только назадъ. Можетъ быть, кто-нибудь и найдетъ въ этомъ свое личное успокоеніе, какъ, можетъ быть, нашелъ его «Деревенскій Житель», но Россія станетъ хуже.

Мы только потому и топчемся на мѣстѣ, что живемъ безрезультатными умственными процессами. Можетъ быть, клинъ клиномъ и выколачивается, но невѣжествомъ не уничтожишь невѣжества. И мы это знаемъ. Знаютъ это и наши Самсоны, знаетъ это и «соль земли», изгоняющая «интеллигенцію» въ деревню. И, зная это, тѣ и другіе проповѣдуютъ одну и ту же теорію «четырехъ причинъ». Разница лишь въ томъ, что Самсоны хотятъ вытурить «нѣмцевъ» и «жидовъ», а «соль земли» — интеллигенцію. Съ чѣмъ же мы останемся? Останемся мы снова лишь сами съ собою, въ старомъ заколдованномъ кругу, и снова повторится безотвѣтный вопросъ, поставленный еще тридцать лѣтъ назадъ: оттого ли мы бѣдны, что глупы, или оттого мы глупы, что бѣдны?

Въ сущности, мы сердимся на нѣмцевъ только за то, что ихъ цивилизація выше и потому-то они съ нами и не сливаются. Но, вѣдь, тутъ повторяется то же, что и съ нашею интеллигенціей. Разница только въ томъ, что свою интеллигенцію мы можемъ протурить въ деревню, а нѣмецкаго Магомета силой къ горѣ не отправишь. Нѣмецкіе колонисты, живущіе на югѣ Россіи болѣе ста лѣтъ, до сихъ поръ не выучились еще говорить по-русски. Но нѣмцы ли въ этомъ виноваты?

Вотъ что разсказываетъ г. Красновъ о нѣмецкихъ колоніяхъ на востокѣ Россіи (книжки «Недѣли», іюль): «Колоніи эти совершенно подобны колоніямъ европейцевъ въ Африкѣ и другихъ нецивилизованныхъ странахъ. Сарепта, напримѣръ, не имѣетъ ничего общаго съ сосѣдними селами. Въ послѣднихъ все тѣ же хаты-мазанки, тѣ же крошечные первобытные фруктовые садики за домами, та же грязь, тѣ же собаки, заставляющія серьезно опасаться за свою жизнь, тѣ же неизбѣжные кабакъ, мелочная лавка и невылазная грязь передъ волостнымъ правленіемъ. Но стоитъ подъѣхать къ Сарептѣ—и вы переноситесь въ иной міръ. Каменные дома чисто-городской, европейской архитектуры, прекрасные сады, улицы обсажены деревьями, дающими тѣнь; есть общественный садъ, гдѣ по воскресеньямъ играетъ музыка; прекрасный докторъ, рядъ промышленныхъ заведеній: тутъ дѣлаютъ мыло, тамъ сарептскій бальзамъ, горчицу, еще что-то. Колонистъ смотритъ господиномъ; онъ образованъ, одѣтъ по-европейски. Въ кавказскихъ провинціяхъ, говорятъ, есть нѣмецкія школы, даже чуть ли не съ гимназическимъ курсомъ; даже менониты, ушедшіе въ Туркестанъ, чтобы избѣжать исполненія всеобщей воинской повинности, живутъ тамъ господами; они первые за-

вели тамъ сыровареніе, соломенныя издѣлія и рядъ другихъ усовершенствованій, вызывавшихъ изумленіе туземцевъ въ Ауліэ-Ата и аханье русской публики на ташкентской выставкѣ. И рядомъ съ этимъ полная замкнутость. Въ Сарептѣ всѣ браки заключаются исключительно съ сарептянами же. Вліяніе смѣшенія съ сосѣдними крестьянами ничтожно. Эти послѣдніе—низшая раса, годная лишь для служенія въ батракахъ. Колоніи размножаются самостоятельно, какъ размножаются города и колоніи въ дикихъ странахъ, сохраняя свой языкъ, культуру, обычаи, не имѣя ничего общаго съ кореннымъ населеніемъ, продолжая вѣшать портретъ Вильгельма на стѣнѣ и выписывать нѣмецкія газеты. Женщины, да и значительная часть мужской молодежи часто даже не говорятъ по-русски».

Но ужъ, будто бы, и нашъ мужикъ не можетъ достигать матеріальнаго благосостоянія? Можетъ. «Тому, кто видѣлъ, какъ живетъ нашъ крестьянинъ въ южной Сибири, на Тянь-Шанѣ, даже въ иныхъ мѣстахъ Урала,—говоритъ дальше г. Красновъ, — до очевидности станетъ ясно, что пользованіе свободою искони вѣковъ, а, главное, богатая и легкая жизнь безъ повинностей, безъ солдатчины и при большихъ надѣлахъ есть одинъ изъ главныхъ факторовъ той пріятной внѣшности, какую имѣютъ колонисты». Въ избѣ сибиряка ѣдятъ кушанья, которымъ бы позавидовалъ иной русскій помѣщикъ, мельхіоровыми вилками, на прекрасныхъ тарелкахъ, за столомъ, освѣщеннымъ свѣчами въ мельхіоровыхъ подсвѣчникахъ, покрытымъ чистою, опрятною скатертью. И въ русскихъ избахъ бываютъ двустворчатыя окна, цыновки на полу и чистые пуховики безъ клоповъ.

Но рядомъ съ этимъ внѣшнимъ благосостояніемъ недостаетъ именно того, что составляетъ культурную силу нѣмца. «Русскій мужикъ въ Сибири,—говоритъ г. Красновъ, — разъ достигаетъ извѣстнаго довольства, разъ его хата чиста, ѣстъ онъ вареники, блины и пельмени, имѣетъ необходимые предметы комфорта,—онъ на этомъ и останавливается; въ его избѣ вы не увидите уже ни фортепіано, ни другихъ затѣй нѣмецкаго колониста, и не замѣтите дальнѣйшаго прогресса въ хозяйствѣ. Деньги начинаютъ откладываться въ сундукъ, или, что бываетъ еще чаще, начинаетъ развиваться пьянство. Малѣйшая конкурренція или ухудшеніе въ бытѣ коренныхъ сибиряковъ вызываетъ у нихъ переселеніе, исканіе новаго Эльдорадо, но стремленія болѣе разумными способами, трудомъ, поднять или увеличивать далѣе и далѣе свой комфортъ или обстановку не замѣчается. Они нисколько не ушли впередъ со времени Владиміра Святаго и его богатырей». И то же самое наблюдается во всей Россіи отъ китайской границы и до нѣмецкой,—наблюдается какъ въ жизни сибиряка-старообрядца, такъ и въ жизни приволжскаго или другаго кулака.

Очевидно, что въ русскомъ умѣ есть что-то, что мѣшаетъ ему идти дальше. Это «что-то»—идейная пустота. Вѣчная неисходная нужда и бѣдность, изъ которой Россія со временъ того же Владиміра Святаго и его богатырей не можетъ выкарабкаться, создала въ народѣ одинъ идеалъ — богатства и обезпеченной жизни. И, достигнувъ его, богатый мужикъ уже ничего другаго и не хочетъ и ни къ чему другому и не стремится. Двухъ вещей русская деревня никогда не знала—богатства и власти, и вотъ почему, мечтая о томъ, чего у нея нѣтъ, она въ богатствѣ создала для себя практическій идеалъ, а въ понятіи о власти — свои идеи «высшаго порядка».

Знатокъ сибирской жизни г. Наумовъ въ новомъ своемъ разсказѣ «Паутина» даетъ превосходный портретъ съ натуры сибирскаго кулака-крестьянина. Это нѣкій Кузьма Терентьевичъ изъ деревни Т., населенной подобными же ему кулаками. «Ввели меня,—говоритъ Наумовъ,—въ обширную комнату, оклееную пестрыми обоями, съ окрашенными подъ шахматъ полами. Комната была уставлена креслами съ мягкими подушками. У передней стѣны межъ окнами стоялъ большой мягкій диванъ; около дивана круглый столъ, покрытый бѣлою скатертью, а на столѣ красовался массивный бронзовый подсвѣчникъ съ тремя стеариновыми свѣчами. Въ простѣнкѣ висѣло большое зеркало въ рѣзной, орѣховаго дерева, рамѣ. По стѣнамъ развѣшены въ деревянныхъ рамкахъ гравированные портреты членовъ царской фамиліи и портретъ Ермака, писанный масляными красками. Кисейныя занавѣски на окнахъ, прикрѣпленныя, вмѣсто розетокъ, розовыми ленточками, дополняли убранство комнаты».

Кузьма Терентьевичъ, обставивъ себя такъ, изъ крестьянства выходить не хочетъ. Онъ честолюбивъ: «Съ мужика какой взыскъ? — разсуждаетъ онъ,—а коли въ купцы выйдешь, то въ ранговые не попадешь, а на задворкахъ путаться и самъ не захочешь». Кузьма любитъ, чтобы ему кланялись, ему нужна власть, онъ любитъ покуражиться, особенно надъ тѣми, кто обращается къ нему съ просьбами: «пошто, молъ, это мы на твоемъ языкѣ подлецы и воры, а ты честный человѣкъ да въ ноги намъ кланяешься, ссуды просишь, а-а?!...» И, ловко раскинувъ свою паутину, Кузьма серьезно убѣжденъ, что онъ благодѣтель рабочихъ: «Истинно говорю, что благодѣтельствуемъ мы имъ. Хлопоты такія, что и врагу ихъ не пожелаешь. Вѣдь, на пріиски работать идетъ все такой народъ, у котораго ни Бога, ни совѣсти нѣтъ; идутъ-то все болѣе варнаки-посельщики, что ни-на-есть оголтѣлые. Денегъ-то они зарабатываютъ и выносятъ оттуда помногу. Придетъ онъ къ намъ и почнетъ ломаться, дорвется до вина-то, такъ, вѣдь, образъ человѣческій потеряетъ, и наровятъ другъ друга ограбить, али на ножъ посадить. Вотъ и оберегаешь его, Бога памятуя»... И «Деревенскій Житель», давая характеристику «отца», къ которому гонитъ «блуднаго сына», группируетъ тоже только однѣ кулацкія черты.

Но развѣ у сарептскаго колониста этотъ идеалъ, развѣ онъ живетъ въ подобныхъ отношеніяхъ? Развѣ его не раздѣляетъ отъ русскаго сосѣда та же пустыня, которая лежитъ и между интеллигентомъ и мужикомъ? «Деревенскій Житель» сравнилъ

мужика съ мышью, которую не слѣдуетъ подманивать, а слѣдуетъ подождать, когда она освоится и сама подойдетъ. Это сравненіе цинично и грубо, но въ немъ есть и вѣрная мысль. Нужно не интеллигенціи идти въ деревню,—нужно, чтобы деревня подошла къ интеллигенціи, чтобы она сама и заполнила раздѣляющую ихъ пустыню, сама бы создала то посредствующее звено, котораго пока еще недостаетъ въ русской жизни между ея умственными верхами и народными низами,—нужно, чтобы не богатство и власть кулака были идеаломъ деревни, а кое-что другое, что именно и дѣлаетъ интеллигента интеллигентомъ и отсутствіе чего и составляетъ раздѣляющую пустыню.

Еще Екатерина II понимала, что между интеллигенціей и деревней недостаетъ промежуточнаго слоя, и почеркомъ пера создала «мѣщанское сословіе». Но почеркъ пера создалъ только новую форму жизни, а содержанія ему не далъ. Содержаніе дала деревня, передавъ мѣщанину свой идеалъ, и мѣщанинъ всталъ на путь кулака.

Бѣдность и нужда еще никогда ничего не создавали и съ ними наша деревня пришла только къ идеалу «кулака», а наша интеллигенція къ идеалу «деревни», чтобы черезъ два-три поколѣнія и самой раствориться въ томъ же идеалѣ. Намъ нуженъ не идеалъ «четырехъ причинъ», а, какъ голландцамъ въ Батавіи, нужно возможно просторное развитіе всѣхъ нашихъ умственныхъ и остальныхъ производительныхъ силъ. Когда работа русскаго ума будетъ въ условіяхъ своей полной успѣшности, тогда интеллигенціи не потребуется бѣжать для личнаго счастія въ деревню,—интеллигенція сама потащитъ деревню за собою и пустота между интеллигенціей и народомъ заполнится. Иной дороги для насъ въ природѣ не проложено.

XXXI.

Нѣмецкая эскадра, прибывшая съ императоромъ Вильгельмомъ въ Кронштадтъ, дала «Гражданину» поводъ сдѣлать очень лестный отзывъ о германскомъ флотѣ. Но цѣль статьи была не въ томъ, чтобы похвалить нѣмцевъ, а чтобы сказать, что у насъ во флотѣ совсѣмъ не то.

Не знаю, въ нашемъ флотѣ «то или не то», потому что въ этой спеціальности я не компетентенъ, но что нѣмцы сдѣлали большіе успѣхи въ морскомъ дѣлѣ—не подлежитъ сомнѣнію. Сдѣлали же они подобные успѣхи только потому, что «умѣли держать мысль въ головѣ».

Очень давно, когда о Бисмаркѣ еще никто ничего не зналъ, именно въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, нѣмецкіе лѣсничіе усердно разводили дубовые лѣса, и на вопросъ, для чего они ихъ разводятъ, отвѣчали: «для будущаго германскаго флота».

Намъ, русскимъ, учившимся тогда лѣсоводству у нѣмцевъ, отвѣтъ этотъ казался смѣшнымъ, потому что нѣмцамъ приходилось бы ждать 300 лѣтъ, пока маленькіе дубочки станутъ корабельными дубами. Смѣшнымъ казалось еще и то, что о флотѣ говорятъ лѣсничіе, которымъ (по-нашему) до флота нѣтъ никакого дѣла.

Но вотъ прошли какіе-нибудь три десятка лѣтъ и въ Кронштадтъ приходитъ нѣмецкая броненосная эскадра и, какъ оказывается, «еще восемь нѣмецкихъ броненосцевъ, не уступающихъ ни въ чемъ стоящимъ на кронштадтскомъ рейдѣ, находятся въ Килѣ». И не въ этомъ еще дѣло, а дѣло въ тѣхъ истинно «нѣмецкихъ» порядкахъ, которые именно и отличаютъ германскій флотъ отъ флота нашего.

Нѣмецкія суда,—говоритъ «Гражданинъ»,—не поражаютъ ни роскошью отдѣлки, ни богатствомъ, ни особеннымъ франтовствомъ. Все въ нихъ просто, удобно, сдѣлано по формѣ, и, кинувъ на нихъ только бѣглый взглядъ, видишь, что они принадлежатъ одной націи. Въ нѣмецкомъ флотѣ все однообразно, начиная съ краски, съ мачты и колевокъ. Все идетъ преемственно-традиціонно и ни измѣненіе наружной окраски, ни еще болѣе того расписаніе занятій флота «не подлежитъ личному усмотрѣнію или прихоти мѣняющагося начальства». У насъ же, какъ говоритъ авторъ статьи (должно быть, морякъ), нѣтъ ни строго разработаннаго устава внутренней службы на кораблѣ, ни строго опредѣленнаго расписанія занятій. Было установилось то и другое адмиралами Бутаковымъ и Пилкинымъ, командовавшими практическою эскадрой, но, «послѣ почти двадцатилѣтняго существованія этого порядка, онъ исчезъ безслѣдно, какъ дымъ».

И въ самомъ дѣлѣ, нѣмецъ можетъ сажать изо дня въ день вершковые дубки и будетъ онъ ихъ сажать изъ года въ годъ 300 лѣтъ и все это время будетъ держать въ головѣ одну и ту же мысль (о будущемъ германскомъ флотѣ) и смѣняющіяся поколѣнія будутъ передавать эту мысль одно другому (и, наконецъ, флотъ себѣ выстроятъ), а у насъ каждый является самостоятельнымъ лѣсоводомъ, и если вы вчера посадили дубокъ, то завтра придетъ вашъ сосѣдъ или даже вашъ собственный сынъ и этотъ дубокъ вырветъ и посадитъ на его мѣсто свою березу.

У насъ не только каждое отдѣльное *я* можетъ по своему «личному усмотрѣнію» сдуть, какъ карточный домъ, всякую доставшуюся ему по наслѣдству чужую работу, чтобы начать «свою» постройку, но и смѣняющія другъ друга поколѣнія не знаютъ другаго закона для своего коллективнаго поведенія, какъ сдувать то, что строили ихъ предшественники.

Деревня въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ «личнаго усмотрѣнія» не знаетъ. Худо или хорошо сложились ея распорядки,—это вопросъ дру-

гой, но, какіе бы они тамъ ни были, деревня, все-таки, владѣетъ дисциплинирующимъ аппаратомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «міра», который каждому деревенскому *я* указываетъ его границы. Не о томъ рѣчь, что многіе деревенскіе распорядки и обычаи съ нашей интеллигентной точки зрѣнія глупы и нелѣпы, рѣчь о томъ, что деревня выработала себѣ коллективную волю, и то, что мы зовемъ нелѣпостью, она выполняетъ дружно и именно какъ одинъ человѣкъ. Пашетъ ли деревня, боронитъ ли, отправляется ли въ извозъ, распредѣляетъ ли свои платежи, она подчиняется все тому же закону «міра».

Для насъ, разсыпчатой интеллигенціи, эта психическая законченность деревенскаго міра является чѣмъ-то грандіозно-подавляющимъ и непостижимымъ, какъ стихійная сила. Мы удивляемся цѣльности народнаго характера, твердаго, какъ чугунъ, и безповоротно подчиняющагося въ своемъ поведеніи какой-то непонятной для насъ фаталистической роковой силѣ. И эта роковая фаталистическая сила дѣйствительный фактъ, а не фантазія, не выдумка, она есть, она создалась «природою вещей» и «естественными условіями» деревни, создалась совокупностью земельныхъ, экономическихъ, государственныхъ, историческихъ вліяній, формировавшихъ теперешній деревенскій бытъ. Это такъ называемая «власть земли», власть факта, власть жизненнаго опыта деревни, это—наслѣдственное нервное накопленіе опыта вѣковъ, передававшагося изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Мы теперь присутствуемъ лишь при окончательныхъ результатахъ этого нервнаго накопленія, слившагося въ извѣстное и точное единство. Это для насъ полезный наглядный урокъ изъ общественной механики. Конечно, деревенское *я* было не богато личнымъ началомъ, требованія этого *я* были не многосложны, интересы его были первобытны и ограничены. Все это такъ и, все-таки, я опять повторю, что не объ этомъ рѣчь, а рѣчь объ общемъ законѣ единства силъ и о тѣхъ поразительныхъ результатахъ, которыхъ достигаетъ «міръ», когда сліяніемъ въ одно цѣлое личныхъ интересовъ онъ создаетъ себѣ коллективную волю.

Работа эта далась деревнѣ не легко. Первобытный славянинъ, прежде чѣмъ онъ создалъ свой деревенскій «міръ» и «коллективную волю», жилъ тоже свободно и независимо «по своему изволенію» и «по своему усмотрѣнію». Припомните изъ русской исторіи все то, что вынесъ нашъ мужикъ отъ усобицъ, нашествій, кормленій, правежей и всевозможныхъ бѣдствій, заставлявшихъ его то ютиться въ кучу, то бѣжать въ лѣса или окраины, прежде чѣмъ этотъ жившій «по своему изволенію» славянинъ сталъ крестьяниномъ и создалъ свою коллективную волю. И вотъ этимъ-то многовѣковымъ наслоеніемъ историческаго и бытоваго опыта и создалось то наслѣдственное нравственное чувство, которымъ самоуправляется внутри себя теперешняя деревня.

Намъ, интеллигенціи, досталось другое историческое прошлое. При Рюрикѣ и Святославѣ мы были дружинниками, при Иванѣ Грозномъ—опричниной, потомъ стали служилымъ сословіемъ, а съ Петра превратились въ интеллигенцію. Но мы всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ изображали собою «городъ», всегда несли впереди всего свое собственное личное *я* и всегда это *я* изображало собою или личную храбрость, или личную преданность, или личную мудрость, или личную заслугу, или личную волю. Поэтому и у интеллигенціи, путемъ накопленія въ нервахъ прошлаго опыта, создалось тоже своей нравственное чувство, но нравственное чувство, совсѣмъ не похожее на нравственное чувство деревни.

Когда заборъ, стоявшій между интеллигенціей и народомъ (городомъ и деревней), былъ снятъ освобожденіемъ, эти два разныхъ нравственныхъ чувства встали лицомъ къ лицу и оказалось, что городъ и деревня говорятъ на разныхъ языкахъ. Тогда-то лучшая, наиболѣе умственная и сознательная часть нашей интеллигенціи отдала всѣ свои нравственныя и умственныя силы, чтобы найти болѣе вѣрное и болѣе быстрое средство для практическаго разрѣшенія этого создавшагося исторіей великаго раскола, раздѣляющаго одинъ и тотъ же народъ на непонимающія другъ друга части. Но велика же и задача, великъ и вопросъ, создавшійся «новыми» естественными условіями и «новою природою вещей», который предстоитъ разрѣшить Россіи и ея умственнымъ представителямъ. Вопросъ заключается въ томъ, чтобы пріискать и установить формы, которыя проще и совершеннѣе удовлетворили бы естественному стремленію коллективной Россіи къ равновѣсію и сліянію двухъ разныхъ нравственныхъ чувствъ, двухъ разныхъ нервныхъ накопленій, двухъ различныхъ наслѣдственныхъ жизненныхъ опытовъ, на которые распадается теперешняя Россія, изображающая собою то городъ, то деревню, то интеллигенцію, то народъ.

Идея, создавшая это стремленіе къ отысканію новыхъ формъ для установленія новаго внутренняго равновѣсія, разрабатывалась почти двѣсти лѣтъ и въ разработкѣ ея и заключалась главная сущность послѣ-петровскаго періода русской исторіи. Уже съ Петра Великаго Россія вступила въ эту эволюцію и реформы шестидесятыхъ годовъ—лишь практическій результатъ этой идеи, вошедшей, наконецъ, въ государственное сознаніе.

Сравнительно съ Европой, эволюція, которую мы переживаемъ, повидимому, очень проста и немногосложна. Въ Европѣ было и могущественное феодальное дворянство, и еще болѣе могущественное духовенство, имѣвшее, кромѣ духовной, и феодальную власть. Потомъ выступило третье сословіе, а теперь выдвигается четвертое, и каждая изъ этихъ группъ стоитъ въ своихъ точно обозначенныхъ границахъ и выдвигается впередъ въ своемъ цѣльномъ составѣ. Наше дѣло стоитъ гораздо проще и односложнѣе. У насъ только и есть, что «городъ» и «деревня», «общество» и «личность», «интеллигенція» и «народъ», двѣ стороны, занимающія каждая свою чашку вѣсовъ. Поэтому-то установленіе равновѣсія, казалось бы, не должно представлять особенныхъ трудностей. И трудность дѣйствительно

не въ томъ, чтобы понять, что у нашихъ вѣсовъ только двѣ чашки,—трудность въ томъ, что внутри каждой чашки обнаруживается такое же передвиженіе частицъ, ищущихъ своего равновѣсія. Въ Европѣ всю историческую работу производили сословія въ своемъ цѣльномъ составѣ, у насъ же никакихъ сословій въ европейскомъ смыслѣ не было. Всѣ мы или «земля», или «городъ» и вся русская исторія до-петровскаго періода прошла въ томъ, чтобы сóбрать расползающуюся врозь землю, да связать *я* и его прикрѣпить, чтобы получилось общее цѣлое, способное себя отстоять и отъ внутренняго расползанія, и отъ внѣшнихъ разрушающихъ это единство воздѣйствій. Европа двигалась, выставляя впередъ сильно развитое *я*,—мы, напротивъ, двигались, подавляя это *я*, такъ сказать, собственнымъ индивидуальнымъ обезличиваніемъ, и получилось, наконецъ, нѣчто очень запутанное и, повидимому, противорѣчивое, хотя никакого во всемъ этомъ противорѣчія нѣтъ. Съ одной стороны, *я* оказывалось обезличеннымъ и поглощеннымъ, съ другой—это же самое *я* очень выдвигалось впередъ и являлось само обезличивающею силой. И, въ концѣ-концовъ, получилось какое-то *я, не я*, въ одно время и большое, и маленькое, подавляющее и подавляемое, нарушающее равновѣсіе и стремящееся выскочить изъ давленія. Въ этой-то дѣйствительности положенія заключается не столько трудность, сколько запутанность нашей эволюціи, которая, съ одной стороны, требуетъ, чтобы городъ создалъ себѣ коллективную волю и сдержалъ выскакивающее изъ себя *я*, съ другой—чтобы деревенское *я* получило бóльшій просторъ для развитія; а въ цѣломъ, чтобы городъ и деревня создали себѣ общее равновѣсіе и чтобы личность очутилась въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ для ея самостоятельнаго развитія и существованія въ предѣлахъ общей гармоніи. Вотъ теоретическая сущность эволюціи, въ которую мы вступили, — сущность, которую очень важно знать и помнить, чтобы не терять своей ниточки и не сбиваться съ прямой дороги въ окружающемъ насъ шумѣ и гамѣ и практической кутерьмѣ, чтобы понимать, и видѣть, и знать, куда мы и къ чему мы идемъ, и такъ ли мы идемъ, и насколько скоро идемъ.

Европѣ было легче думать въ общемъ направленіи, потому что она думала и двигалась всегда сословными группами. Поэтому въ Европѣ уже давно сложились общественныя привычки, мысли, и надъ каждымъ отдѣльно думающимъ *я* имѣется дисциплинирующій контроль въ традиціонно окрѣпнувшемъ общественномъ нравственномъ чувствѣ.

У насъ же не сословными группами шло развитіе и воспитывалось государственное сознаніе, а потому и неоткуда было явиться привычкѣ думать въ общественномъ направленіи. Групповою жизнью жила только деревня, но и крестьянскій міръ составлялъ отдѣльное цѣлое только въ предѣлахъ тѣхъ общихъ условій, которыя создавала для него общая, одинаковая зависимость отъ земли и лежавшихъ на ней тягостей. А затѣмъ, внутри себя, каждая деревня жила своею жизнью, даже своею собственною мірскою и личною нравственностью, своими бытовыми традиціями, своими наслѣдственными привычками. Отъ этого-то каждая отдѣльная деревня имѣетъ у насъ свои особенности и двѣ рядомъ лежащія деревни бываютъ иногда совершенно непохожими одна на другую. Въ одной нравы строже, въ другой распущеннѣе, въ одной мужики податливые и тихіе, въ другой грубые и буйные, въ одной деревнѣ развито сильное пьянство, въ другой, наоборотъ, почти не пьютъ.

Первая общественная возможность думать неизолированно явилась у насъ лишь послѣ освобожденія крестьянъ съ земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ. И наше самоуправленіе представляетъ не одну только возможность для лучшаго мышленія, но оно служитъ еще и его школой. Въ этомъ отношеніи мы опять много разнимся отъ Европы. Въ Европѣ каждое отдѣльное *я* не только много развитѣе, чѣмъ у насъ, но и настолько привыкло думать въ общественномъ направленіи и выработало умственную дисциплину, что образовались цѣлыя сознательныя и дисциплинированныя группы, которыя, такъ сказать, гурьбой раздвигаютъ рамки общественныхъ условій. Наше русское *я* еще не знаетъ этой дисциплины, у него слишкомъ крѣпки привычки традиціоннаго личнаго соизволенія и личнаго усмотрѣнія и еще очень сильна наслѣдственная наклонность раздвигать всякія рамки и дѣлать все по-своему.

Самоуправленіе, въ которое мы вступаемъ, служитъ для насъ приготовительнымъ классомъ общественности и ничѣмъ по существу не отличается отъ всякаго приготовительнаго класса любой школы. Законъ для мысли тутъ одинъ и разница только въ матеріалѣ. Школьная педагогія давно уже установила, что одиночное воспитаніе и развитіе достигаетъ очень неполныхъ результатовъ и сила отдѣльно работающей мысли совсѣмъ не та, какою она является въ работѣ коллективной. Тотъ же законъ управляетъ и общественною педагогіей.

И наглядные результаты подтвердили этотъ законъ немедленно. Тѣ же русскіе люди вдругъ стали неузнаваемыми и начали думать не только съ небывалою до того энергіей, но и на міръ-то Божій стали смотрѣть внезапно совсѣмъ другими глазами. И кто же были эти первые земцы, наполнившіе первыя земскія собранія? Это были все тѣ же дворяне и представители тогдашней интеллигенціи, все тѣ же люди, которые занимали мѣста въ администраціи и служили на всѣхъ государственныхъ поприщахъ. Другихъ людей и не могло быть. Тутъ были и родовитые свѣтлѣйшіе князья, какъ князь А. А. Суворовъ или князь И. В. Васильчиковъ (извѣстный авторъ «Самоуправленія»), были графы и бароны, были отставные и служащіе генералы, были сенаторы, были разные отставные и служащіе чиновники и офицеры, дворяне, предводители дворянства. Однимъ словомъ, были все тѣ же лица, которыя занимали всевозможныя мѣста отъ верхнихъ верховъ іерархіи до ея низовъ, отъ князя, полнаго генерала и генералъ-адъютанта до отставнаго гусара и армейскаго поручика.

И вотъ эти-то самые русскіе люди, составлявшіе и нашу правительственную администрацію, соединились теперь въ представительство интересовъ земли, о которыхъ имъ теперь нужно было думать. Отдѣльно дѣйствовавшія прежде единицы соединились теперь въ цѣлую общественную группу. Ну, конечно, получились и результаты другіе.

Бисмаркъ, кажется, въ отвѣтъ Рихтеру, оправдываясь отъ его обвиненій, сказалъ, что «міръ изъ партера представляется совсѣмъ инымъ, чѣмъ со сцены». Что тутъ партеръ, что тутъ сцена, вопросъ не существенный; существенно то, что одни и тѣ же люди, смотря по тому, сидятъ ли они въ партерѣ, или на сценѣ, видятъ міръ инымъ. И не въ ихъ умственныхъ способностяхъ и въ ихъ зрѣніи дѣло,—дѣло просто въ мѣстѣ, въ положеніи, которое люди занимаютъ.

Года два назадъ нѣкоторые наши губернскіе города являлись нагляднымъ подтвержденіемъ того, что значитъ именно «мѣсто», на которомъ стоятъ люди и съ котораго они смотрятъ на міръ Божій. Тогда одновременно съ земскимъ собраніемъ происходили съѣзды дворянъ. Составъ земскихъ собраній и дворянскихъ собраній былъ почти одинаковъ, главные представители и тамъ, и здѣсь были одни и тѣ же, а предсѣдателями и тѣхъ, и другихъ были одни и тѣ же губернскіе предводители. А, между тѣмъ, разница въ поведеніи собраній оказалась изумительная: въ занятіяхъ земскихъ собраній обнаружились и порядокъ, и дѣловитость, и дисциплина.

Но вотъ люди снимаютъ свои черные сюртуки, въ которыхъ они были на земскомъ собраніи, надѣваютъ дворянскіе мундиры (такъ это и было) и переходятъ въ домъ дворянскаго собранія. Казалось бы, земскій интересъ долженъ былъ смѣниться дворянскимъ интересомъ и одна цѣльность—другою цѣльностью. Но когда всѣ очутились вмѣстѣ, то, вмѣсто стройнаго обсужденія вопросовъ, поднялся въ воздухѣ гулъ отдѣльныхъ голосовъ и тотъ же предсѣдатель, который только что такъ стройно управлялъ земскимъ собраніемъ, безплодно звонилъ своимъ предсѣдательскимъ звонкомъ, а порядка установить не могъ...

Это не преувеличиваніе и не фантастическая картина: это—фактъ, который повторился не въ одной губерніи; это наглядная сравнительная параллель двухъ разныхъ институтовъ: одного, на которомъ покоился прежній порядокъ, и другаго, на которомъ покоится новый внутренній порядокъ. Екатерина II говорила про помѣщиковъ: «мои сто тысячъ полицеймейстеровъ», и это были дѣйствительно сто тысячъ маленькихъ властителей, на которыхъ лежали всѣ экономическія и полицейскія заботы о народѣ. Но сила этого учрежденія заключалась вовсе не въ его сословности, а только въ экономическихъ условіяхъ его положенія. Въ Европѣ сословныя группы имѣли всегда одинъ строго опредѣленный признакъ, котораго у насъ не было,—политическія права, и признакъ этотъ имѣлъ вполнѣ реальную, положительную сущность. У насъ признакомъ дворянства были не политическія его права, а его исключительное экономическое положеніе. И вотъ когда съ отмѣной крѣпостнаго права исключительное положеніе исчезло, исчезли сами собою и реальныя основы, на которыхъ покоилось значеніе дворянства. Воображаемая ранѣе сословность оказалась фикціей. Очутившись внѣ прежнихъ экономическихъ правъ, дворянство могло выступить лишь въ качествѣ наиболѣе просвѣщенной части населенія, имѣющей практическіе административные навыки. И въ качествѣ этой силы наибольшая часть дворянства (помѣщики) вступила въ земство, слившее прежніе раздѣльные земельные интересы въ одинъ общій нераздѣльный земельный интересъ.

Для помѣщиковъ, жившихъ въ деревняхъ, теперь было только одно мѣсто—въ земствѣ, которое стало вѣдать и оцѣнками, и раскладками, и ссудами, и земскими мѣстами, т. е. держало въ своихъ рукахъ такую жизненную сущность, которая давала настоящій реальный, осязательный смыслъ всѣмъ земскимъ занятіямъ и собраніямъ. Съ чѣмъ подобнымъ противъ уѣздныхъ или губернскихъ собраній, этихъ дѣйствительныхъ хозяевъ мѣстныхъ дѣлъ, могли теперь выступить дворянскія представительства въ видѣ уѣздныхъ или губернскихъ дворянскихъ собраній, ровно ничѣмъ существенно-осязательнымъ не вѣдающія и являющіяся только титулованными фикціями? Міръ Божій, очевидно, сталъ разстилаться теперь только съ того «мѣста», на которомъ встала земская группа.

Но такъ какъ представителями этой земской группы являлись, все-таки, люди «помѣстные», воспитавшіеся въ привычкахъ личнаго начала и «личнаго усмотрѣнія», то это и привело къ тому, что по преимуществу *земскими* оказались земства чисто-крестьянскія. Причина этого очень простая. Болѣе привычные къ пріемамъ личнаго управленія, дворянскіе представители вносили въ земство привычки своего болѣе личнаго мышленія и личное (сословное) начало, тогда какъ крестьяне, входившіе въ земство тоже съ своими наслѣдственными привычками мысли, тянули въ сторону «міра», воспитавшаго ихъ въ мірской дисциплинѣ, и всегда держались дружнѣе.

Говорить обо всемъ этомъ теперь, когда за земствомъ считается уже двадцатипятилѣтняя давность, кажется какъ бы и излишнимъ; но если объ этомъ приходится говорить, и говорить какъ о новомъ, то не оттого ли, что всякое новое есть хорошо забытое старое, которое время отъ времени необходимо освѣжать въ общественной памяти? Конечно, рецептурныя разсужденія о земствѣ и его практическихъ насущныхъ задачахъ и его практическихъ результатахъ и успѣхахъ необходимы и для публики, и для земства, но, въ то же время и именно потому, что мы живемъ въ «практическій вѣкъ», когда, съ одной стороны, теоретическіе люди не могутъ мириться съ царящею теперь практикой, а практическіе—извѣрились въ теорію, потому что она ихъ не повернула въ свою сторону, нужно освѣжать эту самую теорію хотя для тѣхъ, кого она можетъ повернуть.

Вся причина въ томъ, что мы очутились межъ двухъ досокъ и остановились передъ дилеммой, которой были не въ состоянии разрѣшить: люди ли создаютъ учрежденія, или учрежденія создаютъ людей. Когда мы освобождали крестьянъ, вводили земское самоуправленіе и новый судъ, мы слѣпо вѣрили, что учрежденія создаютъ людей; но потомъ обнаружились такіе факты, которые заставили общество въ этомъ усомниться, и за приливомъ преобладающаго общественнаго настроенія послѣдовалъ приливъ преобладающаго личнаго настроенія.

Во всѣхъ этихъ опытахъ мышленія земство являлось тою открытою для всѣхъ лабораторіей, въ которой умственные эксперименты свершались у всѣхъ на виду, и поэтому каждый чувствовалъ себя призваннымъ судьей земской работы, а друзья и враги земства съ одинаковымъ высокомѣріемъ или учили, или порицали его, и немного оказывалось людей, которые бы его понимали. И поступая такъ, какъ порицатели, такъ и друзья достигли одной цѣли: они поставили земство въ невѣрныя отношенія къ общественному мнѣнію. Какъ каждый порицатель и каждый другъ, являвшійся съ своими совѣтами и указаніями, считалъ себя внѣ земства и смотрѣлъ на него сверху внизъ, такъ и общество привыкло смотрѣть на земство какъ на нѣчто отъ него отдѣленное, стоящее особнякомъ, какъ на какой-то департаментъ путей сообщенія, который долженъ чинить мосты и дороги, а мы, каждое отдѣльное *я*, будемъ только по этимъ дорогамъ кататься. И мы, журнальные порицатели и друзья, а съ нами и все общество, или забыли, или и не научились понимать, что мы такая же «земля», что мы тоже частица того же земства, что мы не господа и не учители его, а оно не ученикъ и не слуга, а только коллективная форма нашего собственнаго *я*.

Въ такомъ выдѣляющемъ себя отношенія къ земству сказалась наша историческо-наслѣдственная особенность. Мы, русскіе, давно уже составили себѣ репутацію людей, для мысли которыхъ не существуетъ ни границъ, ни предѣловъ, ни пространства, и неудержимой смѣлости нашей мысли всегда изумлялась Европа. Одно время это давало даже намъ поводъ смотрѣть высокомѣрно на европейцевъ и въ особенности на нѣмцевъ. Тугой и умственно неповоротливый нѣмецъ тогда насъ раздражалъ и сердилъ, послѣ двухъ-трехъ смѣлыхъ скачковъ въ «будущее» онъ упирался лбомъ въ заборъ и отказывался идти дальше. Для русскаго ума никогда не было никакихъ заборовъ, онъ перескакивалъ черезъ всякія препятствія и уносился въ такую даль, что не только неповоротливый нѣмецъ, но даже и прыткій французъ отъ него отставали. Но вѣра въ силу нашей мысли оказалась одной изъ многихъ иллюзій, которыми мы себя подхлестывали, чтобы идти скорѣе. Время показало, что и съ очень смѣлою мыслью, перепрыгивающею черезъ всѣ заборы, можно стоять на одномъ мѣстѣ. . . . . . .

Эта наша наслѣдственная особенность создалась именно тѣмъ, что русская интеллигентная мысль варилась всегда въ собственномъ соку, она всегда сидѣла въ каждомъ отдѣльномъ интеллигентномъ черепѣ, точно въ закрытой коробкѣ, и тамъ, не зная никакихъ препятствій, упражнялась во всевозможныхъ смѣлыхъ полетахъ. И вотъ явилась, наконецъ, та отважная и не нуждающаяся ни въ какой провѣркѣ апріорность, а, главное, тотъ умственный эгоизмъ, съ которымъ каждый изъ насъ выступаетъ повсюду и вездѣ личнымъ судьей чего хотите. Формула этой неошибающейся апріорности очень проста и коротка: «я думаю» — и только. Комичную черту этого «я думаю» подмѣтилъ А. Н. Энгельгардтъ. Когда къ нему являлся въ рабочіе «мужикъ», то, вставъ за плугъ, поднималъ поле не говоря ни слова; но когда являлся рабочій интеллигентный и получалъ въ руки плугъ, то, не проведя еще имъ ни одной борозды, онъ уже надумывалъ разныя усовершенствованія, на что обыкновенно получалъ въ отвѣтъ: «это ужь послѣ, а теперь работайте пока такимъ плугомъ, какой есть». Мы и къ земству относились совершенно такимъ же образомъ и, ни разу въ немъ не поработавъ, задумывали всякія передѣлки.

Происходило это только отъ того, что мы никогда не стояли у дѣла; мы вѣкъ свой просидѣли въ партерѣ, только глядя на сцену, и привыкли о ней лишь разсуждать. Поэтому-то и не къ одному земству выработалось въ нашемъ обществѣ подобное критическое отношеніе. Наблюдая дѣло только со стороны, мы привыкли быть лишь судьями, и какъ для требованій теоретической (разсудочной) мысли нѣтъ предѣла, то, зная только одно—«теоретическія» возможности, мы являлись всегда очень строгими судьями. Въ одномъ отношеніи это было, конечно, хорошо, потому что воспитывало въ насъ неудовлетвореніе всякою серединой, посредственностью и полумѣрами, но за то являлась и заматорѣлая привычка судить всякаго по своей совѣсти, привычка къ выдѣленію себя изъ другихъ, привычка ко всякаго рода видовъ антагонизму и къ сквернымъ эгоистическимъ повадкамъ. И получался опять неисходный кругъ: лицо, искавшее своего успокоенія въ общемъ, само же изъ него и выскакивало.

Дурныя эгоистическія привычки нашей мысли пришлось испытать на себѣ и земству. Положимъ, что и въ земство вступали люди съ тѣми же самыми дурными привычками, но ихъ дурныя привычки, все-таки, регулировались до извѣстной степени земскою дисциплиной. А для насъ всѣхъ остальныхъ людей, для общества и необщества, ничего ни внѣшняго, ни внутренняго дисциплинирующаго не существовало. Теоретически, идеально, внутри себя, мы, такъ сказать, уполномочили земство создать новый усовершенствованный хозяйственный распорядокъ (вѣдь, для того и было призвано земство) и затѣмъ, уйдя въ сторону, мы сложили руки на груди и начали ждать чудесъ, точно земство—волшебникъ, который долженъ создавать все изъ ничего, а не изъ того же самаго русскаго матеріала, изъ котораго и оно, и каждый изъ насъ сдѣланъ.

Продолжающіяся яростныя нападки нѣкоторыхъ органовъ печати на наше самоуправленіе объясняются только этимъ, т.-е. тѣмъ, что противники земства и реформъ стоятъ внѣ всякаго дѣла и занимаются лишь сужденіями. Этою болѣзнью страдаетъ въ особенности наша консервативная печать, продолжающая, какъ она думаетъ, дѣло Каткова. Но дѣло Каткова въ то время, когда онъ бросалъ громы и молніи съ своей публицистской площадки, было дѣйствительнымъ дѣломъ. Съ того времени утекло много воды и все, что тогда Каткову было нужно говорить, теперь его продолжателямъ говорить нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ резоновъ. Ярыя слова Каткова являлись тогда его дѣломъ, они были гиперболической формой выраженія вродѣ той, къ какой нынѣ прибѣгъ императоръ Вильгельмъ, когда онъ сказалъ, что Германія не отдастъ ни одного клочка изъ ею пріобрѣтеннаго и на защиту его лягутъ всѣ 18 корпусовъ и 42 милліона нѣмцевъ. Но, вѣдь, всякому же понятно, что ни 18 нѣмецкихъ корпусовъ, ни тѣмъ болѣе 42 милліона нѣмцевъ не лягутъ мертвыми, чтобы удержать Эльзасъ и Лотарингію, потому что для кого ихъ тогда и удерживать? И слова Каткова, когда, какъ ему казалось, нужно было пробуждать энергію въ тѣхъ, для кого они говорились, имѣли это же значеніе. Теперешніе же его продолжатели, несмотря на то, что никакой энергіи въ правящемъ сословіи возбуждать уже не требуется и не на кого ее направлять, продолжаютъ съ той же катковской площадки трубить на воздухъ въ ту же трубу.

Этого бы, конечно, не могло случиться, если бы наша печать стояла у дѣла, какъ она стоитъ въ Европѣ. Въ Европѣ газета есть центральный умственный аппаратъ извѣстной общественной группы или политической партіи (какимъ и у насъ были при Катковѣ «Московскія Вѣдомости»), и этотъ центральный аппаратъ связанъ невидимыми нитями съ каждымъ своимъ читателемъ, а каждый читатель связанъ подобными же нитями съ представителями его группы или партіи, и все, что перерабатывается въ центральномъ аппаратѣ, расходится, перепутываясь, двигаясь и передаваясь во всѣ стороны по десяткамъ и сотнямъ тысячъ нитей, образующихъ цѣлую густую, плотную сѣть. Конечный результатъ этого многообразнаго и развѣтвленнаго обмѣна мыслей выражается всегда въ извѣстномъ общественномъ дѣйствіи.

У насъ же этотъ процессъ свершается въ неполномъ, зачаточномъ видѣ. Редакціи нашихъ газетъ далеко не такіе умственные аппараты, какими они являются въ Европѣ. Наши редакціи скорѣе только комнаты или умственныя фабрики, въ которыхъ изготовляются нумера газетъ. Несомнѣнно, что и наши газеты связаны съ своими читателями умственными нитями, но эти нити не образуютъ сложной, запутанной, перекрещивающейся во всевозможныхъ направленіяхъ сѣти, по которой свершается коллективное мышленіе. У насъ сѣть простая, прямолинейная, вродѣ телеграфной; каждый читатель имѣетъ съ газетой свою собственную проволоку и все, что по этой проволокѣ дойдетъ до читателя, такъ внутри его и останется.

Только потому, что наша печать не у дѣлъ, у насъ, напримѣръ, газета можетъ быть чисто-личною газетой ея издателя и никому не кажется страннымъ встрѣтить печатное выраженіе: «газета князя Мещерскаго», «газета Ланина». Иногда это личное названіе газеты употребляется въ полемическомъ смыслѣ. Поэтому-то наши крайнія консервативныя газеты могутъ говорить безъ удержу все, что вздумается ихъ издателямъ-редакторамъ. Въ Европѣ, гдѣ слово газеты переходитъ въ дѣло, нельзя предложить читателямъ высушить Средиземное море. Но когда для личнаго хозяина газеты не существуетъ никакихъ дисциплинирующихъ его мысль практическихъ предѣловъ, мысль его можетъ свершить всякіе смѣлые полеты, не признавая никакихъ препятствій. Только этимъ и объясняется, что наша крайняя консервативная печать можетъ до сихъ поръ говорить о сепаратизмѣ Сибири и даже Сванетіи и требовать уничтоженія самоуправленія, гласнаго суда, закрытія только что открытаго Томскаго университета и т. п. Если бы эта печать стояла у дѣлъ, то самымъ фактомъ такого положенія ей ставился бы извѣстный логическій предѣлъ, за который ея мысль не могла бы переступать, и газетѣ пришлось бы или совсѣмъ умолкнуть (вслѣдствіе безплодности говорить въ пустое пространство), или говорить лишь о практически-осуществимомъ. Возможность существованія у насъ «личныхъ» газетъ ведетъ еще къ большей порчѣ общественной мысли, потому что читатели воспитываются не только въ личныхъ повадкахъ, но и въ невозможности думать преемственно. Одинъ «хозяинъ» думаетъ такъ и учитъ одному, а смѣнившій его новый хозяинъ думаетъ по-своему, и получается та недисциплинированная разнузданность единоличной мысли, образчикомъ которой является въ настоящее время «Гражданинъ».

Иной порядокъ создается мышленіемъ цѣлой группы людей, стоящихъ у общаго дѣла. Это мышленіе всегда преемственное, создающее себѣ извѣстныя традиціи, идущее въ установившемся точномъ направленіи, безъ скачковъ и перерывовъ или внезапныхъ перемѣнъ, и направляющееся по равнодѣйствующей, создаваемой равновѣсіемъ силъ и интересовъ. И именно мы-то, русскіе интеллигенты, нуждаемся больше всего въ возможности для насъ подобнаго мышленія. Не о сепаратизмѣ или разсыпчатости нашей тутъ рѣчь, рѣчь даже и не о шатаніи мысли, которое и неизбѣжно при одиночномъ мышленіи,—рѣчь тутъ о томъ, что только возможность подобнаго мышленія уничтожитъ въ насъ скверную повадку являться только судьей, и наблюдателемъ, и обличителемъ, и порицателемъ. Тогда этому самому обвинителю и наблюдателю некого будетъ ни обвинять, ни обличать, ибо онъ думалъ со всѣми, и глупо или умно будетъ это выдуманное, но и въ этомъ глупомъ и въ этомъ умномъ будетъ частичка и его меду. Когда думаютъ всѣ и не умѣютъ выдумать болѣе умныхъ порядковъ,—винить некого, кромѣ самихъ себя.

Первый опытъ подобнаго мышленія и явился у насъ съ земствомъ, и худо или хорошо было наше земское мышленіе, не мы его судьи, ибо всѣ мы въ немъ виноваты. Если же мы недовольны земствомъ, то вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, отчего земство думаетъ и поступаетъ такъ, а не иначе, и почему оно могло думать и поступать только такъ, какъ оно думало и поступало.

Я не совсѣмъ правильно сказалъ, что земство было открытою для всѣхъ лабораторіей. Оно было дѣйствительно лабораторіей открытою, только не всякій глазъ видѣлъ, что и какъ въ этой лабораторіи дѣлалось. Земскія собранія были открыты для публики, но это, все-таки, мало помогло правильному пониманію земской умственной работы и вѣрному отношенію къ ней общественнаго мнѣнія.

По газетнымъ корреспонденціямъ и сообщеніямъ общество пріурочило всю земскую работу только къ народному образованію, да къ земской медицинѣ, точно земство, кромѣ школъ и медицины, ничѣмъ больше и не занималось.

Но дѣйствительная и главная сущность земской работы заключалась совсѣмъ не въ этомъ. Она заключалась въ томъ, чтобы, прежде всего, выяснить и создать опредѣленное положеніе и установить свои отношенія къ цѣлой совокупности русскихъ условій, въ которыхъ земству приходилось думать и дѣйствовать. Эта работа была самою главной и самою трудной, такъ какъ, прежде всякаго дѣла, должны быть выяснены и установлены дѣйствительныя возможности для этого дѣла.

Земство приступило къ работѣ съ широко-захватывающею мыслью, съ воодушевленіемъ и теоретическимъ порывомъ, съ тѣмъ самымъ теоретическимъ порывомъ, которымъ всегда отличалась наша индивидуальная мысль, привыкшая вариться въ собственномъ соку. Шумно и широко, видя передъ собою только свои задачи, выступило земство и каждый земецъ вступилъ въ него съ тѣмъ личнымъ преувеличиваніемъ своихъ силъ, съ тою вѣрой въ себя, которая создалась въ каждомъ изъ насъ отъ безучастія въ дѣлахъ и отъ привычки смотрѣть на все со стороны. Если это преувеличенное мнѣніе о своихъ личныхъ силахъ было недостаткомъ, то въ немъ же, въ этомъ самомъ недостаткѣ, заключалось и одно великое достоинство: вѣра въ свои силы, незнакомая ни съ какими дѣйствительными препятствіями, создала ту изумительную энергію и то желаніе работать, которыми отличалось земство на первыхъ порахъ. Даже и потомъ, когда вѣрѣ въ свои силы пришлось немножко поохладѣть, она долго еще не оставляла земства, и каждый новый составъ гласныхъ, приписывая неудачи предъидущему личному составу, думалъ, что для него этихъ неудачъ не будетъ.

Поле, на которое выступило земство, было широко и обширно и совершенно не обработано. На этомъ полѣ, какъ на какомъ-нибудь пустырѣ, проектируемомъ подъ садъ, стояли только колышки да вѣхи, обозначавшіе, гдѣ должны быть дорожки, гдѣ клумбы и цвѣтники, гдѣ газоны и кусты или деревья. Даже площадь пустыря не была извѣстна. Бывали случаи, когда внезапно открывались цѣлыя сотни тысячъ (едва не милліоны) десятинъ земли или лѣсовъ, о которыхъ никто раньше не зналъ. Земству пришлось работать надъ всѣмъ. Ему досталась работа въ размежеваніи земель, въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, въ учрежденіяхъ судебныхъ и полицейскихъ, въ воинскомъ присутствіи, въ статистическомъ комитетѣ и въ собственной земской статистикѣ, въ народномъ продовольствіи и общественномъ здравіи, въ дѣлахъ духовныхъ и уравненіи приходовъ, во всевозможныхъ повинностяхъ—квартирной, постойной, подводной, ему достались заботы о мѣстахъ заключенія, тюрьмахъ и этапахъ, о дорогахъ проселочныхъ, шоссейныхъ, водяныхъ системахъ, даже о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ; отъ него зависѣли вольныя почты, почтовыя станціи, народное образованіе, общественное призрѣніе; оно должно было изыскивать мѣры для улучшенія сельскаго хозяйства, для развитія промышленности и торговли, для прекращенія нищенства и пьянства, для охраненія лѣсовъ, оно же должно было создать новыя основанія для оцѣнокъ и раскладокъ, египетская работа, которая и до сихъ поръ еще не окончена. Вотъ буквально необъятное дѣло, которое досталось земству, и все въ этомъ дѣлѣ приходилось создавать вновь, устанавливать на новыхъ основаніяхъ, придумывать эти основанія, быть въ одно время и архитекторомъ, создающимъ планъ и фасадъ зданія, и каменщикомъ, и плотникомъ, и штукатуромъ, и печникомъ. Всякую мелочь нужно было пересмотрѣть вновь, обдумать ее земскимъ образомъ, установить для нея извѣстную практику, найти всему общую связь, выработать точность, единство, систему, — однимъ словомъ, создать земско-административный аппаратъ, котораго прежде не существовало и въ которомъ идейное единство сливалось бы гармонически съ соотвѣтствующею ему практикой. Для этого требовался большой умственный трудъ и не меньшій трудъ механическій. И тотъ, и другой трудъ былъ земствомъ свершенъ и въ настоящее время земское самоуправленіе представляетъ законченную организацію съ установившимися порядками, съ сложившимися традиціями, представляетъ собою, такъ сказать, готовую машину, идущую своимъ установившимся ходомъ. Худъ или хорошъ этотъ ходъ, судить объ этомъ не тѣмъ, кто никогда не былъ въ земствѣ и самъ на себѣ не несъ организаціоннаго труда, которымъ создались и земское хозяйство, и дѣйствующій земскій механизмъ.

Собственно школьное дѣло и земская медицина, къ которымъ обыкновенно сводятъ всю земскую дѣятельность, составляютъ лишь одну очень небольшую часть этой дѣятельности, и часть, можетъ быть, наиболѣе простую и легкую. Земству не приходилось ни спорить, ни разсуждать о томъ, что народу нужна школа и здоровье. Это были уже готовыя мысли, съ которыми каждый земскій гласный вступалъ и въ земское собраніе, и въ земскую управу. Можно еще было спорить о мелочахъ и частностяхъ, о практическихъ пріемахъ и лучшей

практической организаціи дѣла, о той или другой системѣ, составлявшей спеціальную сторону общаго вопроса, а не объ общей идеѣ, уже установившейся и санкціонированной даже правительствомъ. Поэтому-то всѣ заботы земства въ его школьной и медико-санитарной дѣятельности сводились только къ ея механическому развитію, что прямо зависѣло отъ денежныхъ средствъ. И если бы у земства было побольше денегъ, то Россія давно бы имѣла и вдвое больше земскихъ школъ, и вдвое больше земскихъ больницъ, докторовъ, фельдшеровъ и акушерокъ.

Иное было положеніе земства въ другихъ его вопросахъ. Земство—не изолированная сила, существующая сама по себѣ, независимо отъ другихъ русскихъ силъ; оно не больше, какъ извѣстный хозяйственный аппаратъ, дѣйствующій въ точныхъ, установленныхъ для него предѣлахъ. Оно—только хозяйственное механическое приспособленіе, частичка общаго, связанная съ общею русскою жизнью, съ ея сложившеюся системой, порядками и ея другими, не-земскими традиціями. Земство—это расширенное землевладѣльческое понятіе, коллективный землевладѣлецъ, дѣйствующій только въ границахъ своего владѣнія; оно—практическій хозяинъ, критическая мысль котораго ограничена предѣлами исключительно подручной ему практики. Повидимому, независимое и самостоятельное въ предѣлахъ своей земли, хотя и связанное съ другими русскими силами, земство представляетъ, однако, вполнѣ изолированный особнякъ, земщину, стоящую внѣ всякой общеидейной направляющей дѣятельности и подчиненную внѣшнимъ условіямъ, отъ которыхъ и зависитъ та или другая успѣшность земскаго хозяйства.

Я ужь не говорю о такихъ широкихъ задачахъ, какъ обязанность земства поднять уровень экономическаго благосостоянія народа. Каждому ясно, что этотъ вопросъ только частичка общаго экономическаго вопроса Россіи и зависитъ прямо отъ общей системы ея государственнаго и финансоваго хозяйства.

Но я возьму даже и не такой широкій и общій вопросъ, а вопросъ, повидимому, совсѣмъ частный, отдѣльный, ни съ какими другими вопросами, повидимому, несвязанный,—вопросъ объ осушкѣ болотъ.

Въ управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ графа Валуева осушеніе болотъ считалось вопросомъ государственнымъ и была образована даже особая коммиссія, которая этимъ дѣломъ завѣдывала. И вопросъ этотъ представлялъ важность не только народную, но и международную. Въ восточной Пруссіи, напримѣръ, установилось мнѣніе, что никакія мѣстныя мѣры не поднимутъ земледѣльческой культуры и не улучшатъ климата, пока мы не осушимъ своихъ литовскихъ болотъ, распространяющихъ вредное вліяніе далеко за предѣлы Россіи.

И вотъ одинъ крупный новгородскій землевладѣлецъ (занимавшій потомъ высокій государственный постъ) на губернскомъ собраніи 1873 года предложилъ способъ для осушки болотъ, которому всѣ остальные способы осушки служили бы только дополненіемъ. Онъ думалъ воспользоваться желѣзно-дорожными канавами, идущими, по обѣимъ сторонамъ полотна желѣзныхъ дорогъ, въ которыя по спеціально желѣзно-дорожному закону запрещено впускать воду для осушенія сосѣднихъ мѣстъ. Гласный предлагалъ новгородскому земству просить объ измѣненіи этого закона въ противуположную сторону, т.-е. чтобы канавы вдоль полотна желѣзныхъ дорогъ были бы не только достаточной глубины для осушенія полотна, но чтобы въ нихъ разрѣшено было впускать канавы сосѣднихъ землевладѣльцевъ. При этомъ должно было быть поставлено условіемъ, чтобы желѣзно-дорожныя канавы были всегда сухи. Это условіе заставило бы каждую желѣзную дорогу провести отводныя канавы, иногда, можетъ быть, даже значительной длины. И расходы на это дѣло были бы со стороны компаній желѣзныхъ дорогъ только долей справедливаго вознагражденія той мѣстности, съ которой онѣ получаютъ доходъ. Если бы на 14 т. верстъ (цифра 1873 г.) желѣзно-дорожной сѣти, перерѣзывающей Россію во всѣхъ направленіяхъ, канавы находились въ такомъ положеніи, то были бы осушены такія пространства, какихъ не въ состояніи осушить никакое буреніе (мѣра, тогда предложенная). Гласный думалъ, что это же правило слѣдуетъ распространить и на дороги шоссейныя и грунтовыя, которыя должны имѣть тоже сухія канавы и чтобы сосѣдніе землевладѣльцы имѣли право спускать въ нихъ свою лишнюю воду. Далѣе гласный указывалъ на необходимость очищенія всѣхъ нашихъ естественныхъ источниковъ отъ разныхъ препятствій, задерживающихъ воду и образующихъ искусственныя болота. Онъ указалъ на старорусскую соляную плотину, которая приносила правительству дохода около 16 тыс. руб. и затопляла даже лѣтнія дачи, какъ это было въ Красномъ Холмѣ. Мысль гласнаго заключалась въ томъ, чтобы сначала очистить естественные источники, уничтожить тѣ преграды, которыми создаются искусственныя болота, затѣмъ воспользоваться существующими желѣзно дорожными и шоссейными канавами, а ужь потомъ, въ видѣ чисто-мѣстнаго способа, когда нѣтъ возможности отвести воду въ канавы, прибѣгать къ буренію.

Мысль эта была вполнѣ правильная и осуществимая. Желѣзныя дороги представляли и представляютъ настоящія запруды и плотины, онѣ задерживаютъ и скопляютъ воду по сторонамъ, и на это имѣютъ право; а спускать въ желѣзно-дорожныя канавы воду которую они сами же и остановили, никому нельзя, и противъ этого ихъ оберегаетъ спеціальный желѣзно-дорожный законъ. Закона же, который бы оберегалъ сельско-хозяйственныя мѣстности отъ порчи ихъ желѣзно - дорожниками нѣтъ. На водныхъ системахъ повторяется то же самое и на затопленіе ими угодій и пашень наше земство жаловалось съ первыхъ шаговъ, но ничего изъ этого не вышло. Еще въ 1868 году валдайское уѣздное земство внесло записку въ новгородское губернское собраніе и указывало на вредъ и убытки, причиняемые землевладѣнію и сельскому хозяйству искус-

ственными водами вышневолоцкой системы. То же оказалось въ Старорусскомъ и Тихвинскомъ уѣздахъ, но о результатѣ ходатайства губернскаго собранія, кажется, и до сихъ поръ ничего не извѣстно. Такою же безрезультатной оказалась и мысль гласнаго относительно общей системы осушекъ въ интересахъ земледѣлія. Земское собраніе, выслушавъ гласнаго, постановило: «заявить объ этомъ черезъ начальника губерніи министерству государственныхъ имуществъ, въ виду того, что при означенномъ министерствѣ учреждена коммиссія для разработки вопроса объ осушеніи болотъ».

Я привелъ только одинъ случай зависимости земскихъ мѣропріятій отъ общихъ условій, стоявшихъ внѣ компетенціи земства. Но этихъ отдѣльныхъ случаевъ были тысячи.

Идея точнаго разграниченія интересовъ и опредѣленной ихъ градаціи съ самаго начала легла въ основу земскаго самоуправленія. Идея эта была вполнѣ государственная, но она, однако, не пошла дальше земскихъ предѣловъ. Извѣстные сельскіе интересы, собираясь въ однородную группу, составляли совокупность уѣздныхъ интересовъ; затѣмъ уѣздные интересы, сливаясь въ свою группу, составили компетенцію губернскаго земства. Это разграниченіе было до того закончено и установлено, что уѣздные и губернскіе интересы никогда не путаются и каждое земство дѣйствуетъ независимо въ своихъ предѣлахъ.

Желѣзно-дорожное хозяйство развилось послѣдовательнѣе. У него было тоже свое уѣздное и губернское дѣленіе въ отдѣльныхъ управленіяхъ и въ группахъ дорогъ. Но у этихъ частныхъ мѣстныхъ центровъ былъ еще и общій центръ, не только въ главныхъ управленіяхъ, являвшихся отдѣльными департаментами и чуть не министерствами, но еще болѣе въ общихъ съѣздахъ группъ, которые давали всему желѣзно-дорожному дѣлу одинаковую плотность и общую цѣльность. Отъ этого-то наши желѣзныя дороги и сложились въ такую силу, что съ ихъ сепаративными интересами пришлось, наконецъ, считаться государству.

Коллективный сепаратизмъ и распаденіе частныхъ интересовъ на отдѣльныя самодовлѣющія единицы создался освободительнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, когда былъ данъ такой сильный толчокъ частному почину и личной энергіи. Экономическая правительственная политика приняла тогда своею основой формулу «laissez faire, laissez passer» и открыла, по возможности, всѣ пути для подъема личной предпріимчивости. Экономическое, хозяйственное, промышленное, торговое движеніе свершалось группами безъ всякой связи этихъ группъ между собою въ интересахъ общаго. Это была практика именно коллективнаго сепаратизма, работа исключительно или въ личныхъ, или въ коллективныхъ интересахъ отдѣльныхъ группъ. Но общаго направленія разъединеннымъ интересамъ никто не указывалъ, никто ихъ не сливалъ въ общій народно-государственный интересъ и идеи обще-государственнаго хозяйства (какъ она существуетъ въ Европѣ) у насъ тогда еще не возникало.

Казалось, что земство, какъ представительство исключительно хозяйственныхъ интересовъ земли, должно было бы развиваться тоже по формулѣ «laissez faire, laissez passer». И это, повидимому, было бы вполнѣ послѣдовательно. Но въ томъ то и дѣло, что земская идея была иного происхожденія. Реформаціонное движеніе мысли, открывъ свободный путь для развитія принципа «laissez faire, laissez passer», объединяющей формулы или равнодѣйствующей для личнаго и общаго начала найти не могло. Дилемма эта осталась тогда не разрѣшенной и въ этомъ-то и заключалась причина двойственности нашей политики реформъ. Эти два противоположныхъ движенія мысли или предоставлялись сами себѣ и въ силу господствовавшаго тогда въ правящей группѣ принципа «laissez faire» предполагалось, что они сами собою установятъ равновѣсіе (эта мысль проведена и въ положеніи 19 февраля), или же, въ случаѣ столкновенія противуположныхъ стремленій, поддержка оказывалась личному началу.

Ультра-консервативная печать, съ Катковымъ во главѣ, думала найти разрѣшеніе этой двойственности въ идеѣ власти. Но чистая идея власти, какъ разсудочное движеніе, могла дать только голыя формы и задача, за разрѣшеніе которой взялся Катковъ, оказалась выше его силъ и исключительно идеей власти неразрѣшимою.

Въ настоящее время идея слiянія дѣйствующихъ въ разбросъ интересовъ самою силой вещей начинаетъ выступать на надлежащее ей мѣсто. Это выразилось частью въ мѣрахъ относительно желѣзныхъ дорогъ, частью въ работѣ, предпринятой правительствомъ для отысканія способовъ къ возвышенію сельскаго хозяйства, частью въ проектѣ мѣстнаго управленія. Но это опять только формы для объединенія, и въ этомъ смыслѣ только и понятенъ проектъ мѣстнаго управленія. Что же касается содержанія, которое дастъ жизнь этимъ формамъ въ интересѣ спеціальномъ народно-государственнаго хозяйства, то источникомъ его можетъ явиться только земство, эта единственная лабораторія, принимающая въ себя для переработки основные ближайшіе интересы земли.

Въ двадцать пять лѣтъ, что каждое отдѣльное земство живетъ внутри себя и думаетъ свою думу, у земства накопился громадный матеріалъ и запасъ знанія, опыта и практической зрѣлости. За это время земству пришлось пройти хорошую школу и мысль его работала очень энергично и по всѣмъ отраслямъ земскаго вѣдѣнія. Я не стану вводить читателя въ частности и перечислять, что именно сдѣлало каждое отдѣльно земство и какой спеціальный земскій вопросъ (у каждаго земства былъ свой наболѣвшій или болѣе существенный вопросъ) разрѣшило земство петербургское, московское, пермское или полтавское. Я только скажу, что нѣтъ такого вопроса въ земскомъ хозяйствѣ, на который бы земство не могло дать точнаго и полезнаго практическаго указанія. Оно хорошо знаетъ и страховой вопросъ, и продовольственный, оно овладѣло статистикой урожаевъ и неурожаевъ, оно изучило

хлѣбную торговлю, даже само торговало и сѣменами для посѣва, и хлѣбомъ для продовольствія, оно устраивало земскіе склады хлѣба для урегулированія цѣнъ и противодѣйствія скупщикамъ и кулакамъ, оно устраивало склады для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, чтобы сблизить производителя съ потребителемъ, оно изслѣдовало вопросъ о причинахъ сельско-хозяйственнаго кризиса, оно принимало ближайшее непосредственное практическое участіе въ улучшеніи быта сельскаго населенія и улучшенія сельскаго хозяйства, оно знакомо и съ народною школой, и съ народною гигіеной, оно строило и мосты, и дороги, и больницы, и дома для душевно-больныхъ, оно устроило даже желѣзныя дороги. Какой человѣкъ или какое вѣдомство, или какое другое учрежденіе въ эти 25 лѣтъ передумало столько и во всѣхъ направленіяхъ земско-народной жизни, сколько передумало земство; кто знаетъ о Россіи больше и кто лучше земства можетъ знать, что этой земской Россіи нужно.

Съ глубокимъ почтеніемъ должна Россія преклониться передъ своимъ земствомъ и даже передъ его ошибками, пробами и мелкими неудачами, и этимъ почтеніемъ она воздастъ должное только самой себѣ, своимъ умственнымъ силамъ, своимъ общественнымъ чувствамъ и стремленіямъ, нашедшимъ выраженіе въ ею же самой, этою же Россіей созданной земской идеѣ и въ земскихъ учрежденіяхъ, эту идею воплотившихъ. Земство сдѣлало все, что оно сдѣлать могло; чего же оно не сдѣлало, того оно, значитъ, при всѣхъ данныхъ условіяхъ и сдѣлать не могло. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, что если данная сила развила извѣстное дѣйствіе, то какія нужны условія, чтобы та же самая сила развила дѣйствіе большее?

Между вліяніями, мѣшавшими развитію земскихъ силъ, игралъ немалую роль коллективный сепаратизмъ, растаскивавшій Россію по частямъ, и изолированность земства, понижавшая его умственную и дѣятельную энергію. Собственно дѣятельность земства еще не нашла до сихъ поръ своего равновѣсія и нормальнаго уровня. Первое время оно отличалось сильнымъ подъемомъ умственной энергіи, и это происходило оттого, что земская мысль уходила въ идейную работу, что она отыскивала и разрабатывала общія основы для тѣхъ широкихъ цѣлей и задачъ, которыя передъ нею раскрылись. Но подобная приподнятая умственная возбужденность была выше своего собственнаго средняго нормальнаго подъема. Это общій законъ всякаго новаго дѣла въ періодъ его возникновенія и пока оно не нашло еще своей равнодѣйствующей.

Но вотъ широкій захватъ идей, выработка общихъ основаній и теоретическихъ программъ заканчивается, теоретическая работа переходитъ шагъ за шагомъ въ работу практическую. Идейные и теоретическіе люди уступаютъ мѣсто людямъ практическимъ, а, вмѣстѣ съ этимъ, неизбѣжно падаетъ и земскій умственный уровень. Если первое возбужденіе творческой земской мысли было выше средней нормы, то и ея практическій уровень оказался тоже ниже нормы. Это была земская реакція, зависѣвшая отъ общихъ условій, подчинявшихъ себѣ земство. Въ настоящее время начинаетъ опять чувствоваться подъемъ силъ, но это подъемъ частный, замѣчаемый лишь въ отдѣльныхъ и преимущественно уѣздныхъ земствахъ. Движеніе намѣчается пока снизу, въ цѣломъ же земство далеко еще не идетъ своимъ нормальнымъ уравновѣшеннымъ ходомъ и полнаго земскаго самочувствія, какое было въ моментъ первой общей идейной работы, еще не наступило.

Предъявлять къ земству особыя требованія уже потому русское общество не имѣетъ права, что земство есть арена общественной практики того же самаго общества и тѣхъ же самыхъ людей, которые, сдавъ свое земское полномочіе, уходятъ назадъ въ то же общество. Недовольство, которое слышится въ обществѣ на земство, есть лишь доказательство того, что умственно наше общество ушло гораздо дальше его собственной общественно-практической дѣятельности. Оттого-то у насъ и бросается рѣзко въ глаза своеобразная странность, что каждый изъ насъ гораздо умнѣе общественно-практическихъ порядковъ той общественной группы, къ которой онъ принадлежитъ. Мыслью мы и въ отдѣльности, и въ цѣломъ переросли свою собственную общественную практику и уже не можемъ уложиться въ ея рамкахъ.

Но и частная, земская и общая организація больше ничего, какъ извѣстныя формы, которымъ содержаніе и движеніе можетъ дать только общество тѣми своими идеалами и стремленіями, которыми оно само одушевлено, живетъ и движется.

Я уже говорилъ о рѣзкихъ нападкахъ на земское самоуправленіе ультра-консервативной печати. Чтобъ устранить поводы къ недоразумѣніямъ, необходимо установить, что печать эта вовсе не выражаетъ взглядовъ на самоуправленіе нашей правящей группы. Болѣе точный взглядъ на него выражаетъ наша прогрессивно-консервативная печать, представителями которой являются «С.-Петербургскія Вѣдомости». По поводу извѣстной рѣчи одесскаго генералъ-губернатора къ гласнымъ одесской думы газета эта говоритъ: «Отрицать идею городскаго самоуправленія, ея жизненность и цѣлесообразность едва ли возможно. Самоуправленіе обладаетъ само по себѣ такими драгоцѣнными свойствами, которыя совершенно немыслимы при другомъ порядкѣ, напримѣръ: послѣдовательностью, постоянствомъ, устойчивостью и т. п. Административное управленіе связано съ личностью, личность есть система, а смѣна личности есть крахъ системы. Вотъ почему при административномъ завѣдываніи хозяйствомъ, кромѣ другихъ неудобствъ, сплошь и рядомъ обнаруживаются скачки, отступленія, быстрый непосильный прогрессъ и такая же реакція. Самоуправленіе въ гораздо большей степени разсчитано на медленный и вѣрный ростъ городскаго хозяйства и принципъ его, въ теоретической чистотѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые для насъ представляются безспорными».

XXXII.

Въ № 29 «Недѣли» напечатана статья: «Мрачныя и свѣтлыя явленія». Статья эта имѣетъ личный характеръ и написана такимъ пріемомъ, какимъ пишутся всѣ личныя полемическія статьи. Но такъ какъ статья помѣщена передовой, не подписана авторомъ, то она является, несомнѣнно, статьей редакціонной, т.-е. выражаетъ образъ мыслей не только того изданія, въ которомъ она помѣщена, но и тѣхъ читателей, мнѣніемъ которыхъ газета руководитъ. Въ этомъ смыслѣ вопросъ о мрачныхъ и свѣтлымъ явленіяхъ получаетъ уже другой размѣръ.

Прежде чѣмъ говорить, однако, по существу дѣла, считаю нужнымъ сдѣлать коротенькое предисловіе.

Если бы авторъ статьи, о которой рѣчь, не далъ перевѣса своимъ личнымъ чувствамъ, то ему не было бы и никакой нужды писать статью лично-полемическую. Но, затруднившись установить, что и за «Очерками русской жизни» стоитъ редакція журнала, гдѣ они печатаются, а, слѣдовательно, и мнѣніе извѣстной группы людей, авторъ, сдѣлавъ свою статью редакціонною, написалъ ее, все-таки, лично-полемически. Это тоже одинъ изъ тѣхъ умственныхъ фактовъ, на который нельзя не указать, какъ нельзя оставить безъ разъясненія и всей статьи, служащей выраженіемъ извѣстной степени нашего общественнаго развитія, извѣстнаго состоянія нашей общественной мысли, раздвоившейся между двумя теченіями. Такимъ образомъ, статья о свѣтлыхъ явленіяхъ получаетъ болѣе сложный интересъ, какого, можетъ быть, и не предполагалъ въ ней ея неизвѣстный авторъ.

Собственно, какъ статья, она написана слабо и въ полемическомъ, и въ логическомъ отношеніи. Короткимъ, остроумнымъ замѣчаніемъ, что длинный списокъ русскихъ свѣтлыхъ явленій начинается нѣсколько странно—тремя похоронами: учителя, акушерки и женщины врача, внутренній обозрѣватель «Русской Мысли» сказалъ въ августовской книжкѣ о логической сторонѣ статьи *все*. Можно, пожалуй, прибавить, что своею собственною статьей авторъ нисколько не увеличилъ длиннаго списка перечисляемыхъ имъ свѣтлыхъ явленій.

Пріемъ, на которомъ построена статья, извѣстенъ въ реторикѣ подъ названіемъ паралогизма. Отъ софизма онъ отличается тѣмъ, что софизмъ дѣлаетъ неправильное заключеніе преднамѣренно, а паралогизмъ происходитъ отъ неосновательнаго знакомства съ предметомъ сужденія. Приведу и примѣръ, и заранѣе извинюсь за это передъ читателемъ; но, право, мы такъ много забыли изъ того, что еще недавно знали, повидимому, твердо, что иногда даже и слѣдуетъ напоминать забытое. Вотъ этотъ примѣръ: Катонъ, житель острова Крита, говоритъ, что критяне всѣ лгуны, а если критяне всѣ лгуны, то и Катонъ, какъ житель острова Крита, тоже лгунъ и сказалъ неправду,—значитъ, критяне не лгуны; если же критяне не лгуны, то и Катонъ, какъ житель острова Крита, не лгунъ; слѣдовательно, онъ сказалъ правду и критяне лгуны; а если критяне лгуны, то и Катонъ... ну, и т. д. безконечно, какъ сказка о бѣломъ бычкѣ.

На подобномъ же *все* построена и статья «Недѣли». Какъ въ приведенномъ паралогизмѣ Катонъ утверждаетъ, что критяне *всѣ* лгуны, такъ и авторъ статьи утверждаетъ, что по «Очеркамъ русской жизни» у насъ *все* гадко, гнило, удушливо. Дальнѣйшее изложеніе есть лишь развитіе этого *все*.

Чтобы доказать, что не *все* у насъ мрачно, статья приводитъ цѣлый рядъ «свѣтлыхъ явленій». Я попрошу у читателя позволенія повторить этотъ довольно длинный списокъ съ несущественными, впрочемъ, сокращеніями. «Ограничиваясь однимъ послѣднимъ годомъ, мы,—говоритъ авторъ,—можемъ указать на цѣлый рядъ свѣтлыхъ явленій, о которыхъ мы узнали изъ провинціальной печати. Въ Смоленской губерніи населеніе нѣсколькихъ волостей собралось отдать послѣдній долгъ почившему учителю, который бросилъ ради этого поприща военную службу и 50 лѣтъ несъ тяжелую долю народнаго учителя; въ Подольской губерніи населеніе одного мѣстечка устроило торжественныя похороны акушеркѣ, принявшей въ теченіе своей долгой жизни болѣе 5,000 дѣтей; г. Тобольскъ въ полномъ составѣ провожалъ трупъ женщины-врача, которая въ одинъ годъ своей дѣятельности успѣла пріобрѣсти любовь всего города. Это одна группа фактовъ. Вотъ факты изъ другой области: въ Томскѣ образовалось и процвѣтаетъ «общество попеченія о народномъ образованіи», благодаря дѣятельности котораго Томскъ, по относительному числу дѣтей, получающихъ начальное образованіе, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ русскихъ городовъ, не исключая и столицъ; въ Енисейскѣ и Минусинскѣ общественная иниціатива создала богатые музеи съ библіотеками при нихъ; въ Томскѣ и въ Одессѣ та же общественная иниціатива создала безплатныя народныя библіотеки; въ Харьковѣ уже 18 лѣтъ существуетъ частная воскресная школа, въ которой безплатно обучаютъ до 60 учительницъ, а число безплатно обучающихся взрослыхъ учениць ежегодно доходитъ до 350—400; по образцу харьковской школы недавно устроились школы въ Тифлисѣ и Одессѣ; въ цѣломъ рядѣ городовъ, благодаря энергіи небольшихъ кружковъ, основались и процвѣтаютъ народныя чтенія и т. д. Вотъ факты еще иного рода: въ Ставрополѣ-Кавказскомъ недавно устроилась безплатная столовая для бѣд-

ныхъ; въ Курскѣ существуетъ «мастерская благотворительнаго общества»; въ Вологдѣ второй годъ дѣйствуетъ комитетъ по улучшенію положенія кустарей; такой же комитетъ недавно образованъ въ Перми; въ Красноуфимскѣ дѣятельно работаетъ съ конца прошлаго года комитетъ по поднятію экономическаго положенія населенія вообще; пермское земство создало въ нынѣшнемъ году особый банкъ для выдачи ссудъ кустарямъ; такой же банкъ работаетъ уже нѣсколько лѣтъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ; новооскольское земство приняло на себя посредничество между военнымъ министерствомъ и мѣстными кустарями-сапожниками и т. д. Наконецъ, еще одинъ рядъ фактовъ: въ Мологѣ кружокъ дѣятельныхъ лицъ добился того, что городъ съ пятью тысячами жителей имѣетъ двухъ городскихъ врачей, достаточное количество школъ, гимнастическую школу и богатую библіотеку, а, главное, установилъ разумное пользованіе городскими землями; тѣ же основанія эксплуатаціи городскихъ земель заимствованы недавно г. Царевококшайскомъ; въ Звенигородѣ энергія одного человѣка сдѣлала невозможными злоупотребленія цѣлой группы лицъ, завладѣвшей городскимъ управленіемъ; такую же роль играетъ въ послѣдніе годы въ мосальскомъ уѣздномъ и калужскомъ губернскомъ земствахъ одинъ изъ гласныхъ отъ крестьянъ; въ Пермской губерніи, благодаря энергіи одного лица, директора красноуфимскаго реальнаго училища, создалась и процвѣтаетъ въ высокой степени полезная организація агрономическихъ смотрителей; въ Бердянскомъ уѣздѣ группа земскихъ дѣятелей добилась того, что всякій мальчикъ получаетъ возможность обученія въ школѣ и каждый больной находитъ медицинскую помощь».

Но, вѣдь, и я еще не мертвый, на котораго можно валить все, и я съ документами въ рукахъ могу выступать съ своими доказательствами. Возьму тоже только одинъ годъ, но это будетъ и дѣйствительно одинъ годъ. Въ январьскомъ «Очеркѣ» нынѣшняго года говорится о русскомъ мужикѣ-переселенцѣ, который бредетъ чуть не на край свѣта и несетъ свой общинный распорядокъ, свою болѣе высшую культуру, свое безсознательное общественно-политическое міровоззрѣніе на азіатскій востокъ, для котораго онъ является прогрессивною силой. Въ февральскомъ «Очеркѣ» говорится объ умственной работѣ шестидесятыхъ годовъ и ея общественно-воспитательномъ значеніи. Въ мартовскомъ—о томъ стремленіи къ благу и добру, которое живетъ въ каждой русской душѣ, но не можетъ вполнѣ выразиться въ общественномъ поведеніи. Въ майскомъ—о цѣльной натурѣ Гаршина и опять о томъ же стремленіи къ любви, правдѣ и справедливости въ соединеніи съ личнымъ мужествомъ и энергіей.

Это ли не свѣтлыя явленія, и именно явленія, а не отдѣльные единоличные или единичные факты? Тутъ или цѣлое народное движеніе, или цѣлое умственное движеніе, или стремленіе всего общества къ благу и добру. А кромѣ того, въ предъидущихъ «Очеркахъ» приводились нѣкоторые изъ тѣхъ отдѣльныхъ фактовъ, на которые указываетъ авторъ статьи.

Что же этимъ «свѣтлымъ явленіемъ» противупоставляетъ авторъ статьи, признавая мои явленія непригодными, а свои считая гораздо доказательнѣе? Онъ начинаетъ съ того, что обѣщаетъ ограничиваться «однимъ послѣднимъ годомъ», а между тѣмъ, изъ всѣхъ 23 приводимыхъ имъ фактовъ только «три смерти», да банкъ, устроенный пермскимъ земствомъ, относятся къ свѣтлымъ явленіямъ послѣдняго года, а остальные 19 случаевъ взяты изъ времени предъидущаго. Затѣмъ вы читаете: «*одно* мѣстечко», «*одинъ* человѣкъ», «*одинъ* гласный изъ крестьянъ», «*одно* лицо» или отдѣльныя указанія на города и земства. Я вовсе не стараюсь ослабить значеніе перечисленныхъ авторомъ фактовъ, а говорю только о способѣ его доказательствъ и ставлю тоже вопросъ: почему авторъ не хочетъ признать свѣтлыми явленіями цѣльныхъ групповыхъ фактовъ и групповыхъ или общественныхъ стремленій и противупоставляетъ имъ только свои частные случаи?

Второй вопросъ въ томъ, почему въ той же самой «Недѣлѣ», въ № 29 которой напечатана передовая обвинительная статья противъ мрачнаго взгляда на современную русскую жизнь, напечатана въ № 36 слѣдующая характеристика современной дѣйствительности (*Національность по В. Соловьеву*): «На тихой и сонной поверхности современной русской общественной мысли время отъ времени то промелькнетъ зыбь, то прокатится что-то вродѣ волны, чтобы замереть у сонного берега, то въ какой-нибудь точкѣ вдругъ заюлитъ и закрутитъ воронкой, втягивая куда-то въ глубину и оторвавшійся отъ родимой вѣтки листокъ, и мелкую рыбешку, беззаботно плескавшуюся на своемъ маленькомъ привольѣ. Заюлитъ, закрутитъ—и опять тихо, снова легла та же зеркальная поверхность, неподвижная и какъ бы безнадежно-мертвая, точно ничто никогда и не волновало ея. Что же значитъ все это? Или русская общественная мысль—пока еще до поры до времени безжизненная, а, слѣдовательно, и инертная стихія, которая приводится лишь въ кажущееся движеніе случайными толчками внѣшнихъ силъ? Или, можетъ быть, она живетъ и работаетъ въ глубинахъ, прикрываясь внѣшнею неподвижностью и лишь изрѣдка и случайно прорываясь на поверхность?»

Въ томъ же № 36 есть еще и передовая статья по поводу отчета преосвященнаго Никанора. Преосвященный выступилъ съ такимъ же рѣзкимъ обличеніемъ священниковъ своей херсонской епархіи, съ какимъ саратовскій губернаторъ Косичъ выступилъ противъ своихъ подчиненныхъ. Но тогда «Недѣля» нашла нужнымъ взять саратовскаго губернатора подъ свою защиту противъ газетныхъ на него нападокъ (такъ мнѣ помнится), а теперь по поводу картины, рисуемой преосвященнымъ, и его «темно», «грустно», «не предвидится разсвѣта» «Недѣля», «не сомнѣваясь въ фактической вѣрности наблюденій», находитъ неправильнымъ «трактовать духовенство внѣ всякой связи его съ окружающею

средой, внѣ зависимости отъ тѣхъ условій, среди которыхъ оно живетъ и дѣйствуетъ».

Если все это такъ, то, во-первыхъ, не слѣдовало бы и мои «Очерки» трактовать внѣ зависимости ихъ отъ тѣхъ общихъ условій, съ которыми они находятся въ связи; во-вторыхъ, «свѣтлымъ явленіямъ», списокъ которыхъ привелъ авторъ «Недѣли», тоже не слѣдовало придавать выдающагося значенія, потому что и они находятся тоже съ чѣмъ-нибудь въ связи, а, въ-третьихъ, заключеніе, которое дѣлаетъ «Недѣля», сопоставляя рѣзкое обличеніе преосвященнаго Никанора съ идеализаціей духовенства его апологетами, желающими отдать въ руки духовенства всѣ школы,—что въ одномъ случаѣ ошибка въ сторону осужденія, а въ другомъ въ сторону возвеличенія,—нельзя ли примѣнить и къ самой «Недѣлѣ», у которой, какъ у ласковаго мужика, отъ гостепріимства котораго убѣжалъ лѣшій,—изъ одного и того же рта выходитъ и тепло, и холодъ?

Что же это такое—противорѣчія? Нѣтъ, не противорѣчія, а въ большинствѣ случаевъ, только извѣстный пріемъ. У «Недѣли» есть свое цѣльное направленіе, которое она проводитъ и болѣе яркимъ выраженіемъ котораго явилась статья о мрачныхъ и свѣтлыхъ явленіяхъ. Авторъ статьи только совершенно напрасно употребилъ личный полемическій пріемъ; это было неудачное оружіе, выборъ котораго, конечно, зависѣлъ чисто отъ темперамента автора и его приподнявшагося личнаго чувства, что, конечно, и помѣшало спокойствію и безпристрастію изложенія. Но, въ общемъ, онъ идетъ, только съ другой стороны, къ той же точкѣ. Для поясненія своей мысли я употреблю такое сравненіе. Авторъ статьи идетъ по лѣстницѣ снизу наверхъ, а я иду сверху внизъ, и если онъ и я будемъ продолжать свое путешествіе, то думаю, что на какой-нибудь ступенькѣ мы, наконецъ, пожалуй, и встанемъ рядомъ. Но почему авторъ не хотѣлъ разсмотрѣть, куда я иду, и почему онъ на меня такъ разсердился, этого я объяснить не съумѣю, да думаю, что для читателя это и не важно.

Ступень, на которой стоитъ авторъ (въ той статьѣ, о которой рѣчь), повидимому, очень устойчивая и другихъ ступеней онъ не допускаетъ. По крайней мѣрѣ, онъ не хочетъ замѣчать, что люди ползутъ вверхъ и внизъ еще и по другимъ ступенямъ, желая найти или создать себѣ положеніе въ жизни. Авторъ стоитъ на «нравственной точкѣ зрѣнія» и на «точкѣ зрѣнія цѣлесообразности» (его подлинныя слова).

Держась этой программы, онъ требуетъ, чтобы каждый писатель (въ подлинникѣ «публицистъ», но это невѣрно) обращалъ вниманіе на всѣ стороны жизни, а не останавливался на одной, потому что это будетъ «подлогъ», «грубая передержка», «ложь» (о своемъ паралогизмѣ онъ не упоминаетъ). Изображеніе мрачныхъ сторонъ онъ допускаетъ, но какъ вызовъ *общества на работу*, которая бы устранила изображаемыя мрачныя явленія. Но одного указанія на мрачныя стороны онъ считаетъ еще недостаточнымъ, нужно также указать, *какъ* можно *при данныхъ условіяхъ* бороться съ этими явленіями. И вотъ тутъ и выступаетъ необходимость знакомства со «свѣтлыми явленіями», потому что только они и *могутъ научить*, какъ всего лучше вести борьбу съ печальными явленіями, какъ работать для прогресса при данныхъ условіяхъ дѣйствительности. «И чѣмъ мрачнѣе эта дѣйствительность,—говоритъ авторъ,—чѣмъ меньше въ ней свѣтлыхъ явленій, тѣмъ болѣе важна популяризація этихъ свѣтлыхъ явленій, какъ лучшее средство указанія положительныхъ путей, на которые нужно выходить людямъ, стремящимся къ улучшенію мрачной дѣйствительности». Указаніе на «свѣтлыя явленія» важно еще и потому, что оно производитъ «бодрящее впечатлѣніе». И то дурно, и другое дурно, и третье дурно (а самое дурное, кажется, то, что мы, мнящіе себя просвѣтителями и учителями общества, не умѣемъ еще понимать другъ друга). Да возможно ли, наконецъ, что-либо хорошее? Лучшимъ отвѣтомъ на такой вопросъ и должно служить именно указаніе на «свѣтлыя явленія», свидѣтельствующія о томъ, что дѣйствительность, направленная на борьбу со зломъ, съ людскимъ горемъ, вполнѣ возможна, лишь бы была энергія и желаніе работать на пользу лучшаго будущаго.

Лично я очень радъ, что авторъ этой руководящей программы признаетъ въ нашей жизни «мрачныя явленія» (значитъ, я вовсе ужь не такъ виноватъ, тѣмъ болѣе, что одинаково со мною виноватымъ оказался и преосвященный Никаноръ). Но авторъ программы не только признаетъ «мрачныя явленія» въ нашей жизни, но признаетъ ихъ еще въ такомъ количествѣ, что считаетъ для каждаго писателя обязательнымъ «популяризировать свѣтлыя явленія» и возбуждать «бодрящее впечатлѣніе».

Но если это такъ, если «чѣмъ меньше въ жизни свѣтлыхъ явленій, тѣмъ болѣе нужна ихъ популяризація», то какъ же выполнить самый первый параграфъ программы и не останавливаться «на одной сторонѣ жизни», потому что это будетъ «подлогъ», «грубая передержка», «ложь»»? Вѣдь, требуя отъ писателя, чтобъ онъ давалъ тѣмъ больше картинъ свѣтлыхъ явленій, чѣмъ ихъ меньше въ дѣйствительности, авторъ предлагаетъ прибѣгать къ антитезѣ, т.-е. проповѣдуетъ такую же односторонность, противъ которой онъ возстаетъ, но только въ другую сторону. Ну, а если публицистъ, принявшій эту программу, будетъ давать только «картины свѣтлыхъ явленій» и возбуждать «бодрящее впечатлѣніе», авторъ программы обвинилъ бы его за это? Конечно, нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, что же значатъ всѣ эти обвиненія другихъ въ подлогахъ, въ грубыхъ передержкахъ и во лжи? Къ чему ставить въ первомъ параграфѣ руководства для писателей, чтобъ они обращали вниманіе непремѣнно на всѣ стороны жизни, когда послѣдующимъ параграфомъ это требованіе отмѣняется?

И дѣло тутъ вовсе не въ противорѣчіяхъ и о нихъ собственно и говорить не стоитъ. Всѣ разсужденія автора вполнѣ логичны и послѣдовательны. Все дѣло въ точкѣ зрѣнія, въ той ступени лѣстницы, съ которой авторъ смотритъ на жизнь и на

людей. А съ этой ступени, дѣйствительно, не очень много увидишь.

Вся неясность, расплывчатость и неопредѣленность этой слишкомъ общей программы происходитъ только отъ того, что она построена на теоріи морали и личности. Поэтому-то эта программа по своей схемѣ можетъ одинаково служить какъ для «Недѣли», такъ и для «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей», которые тоже стоятъ на личномъ началѣ. Тутъ и программа одна, и схема одна, да, пожалуй, и мораль будетъ одна: нужно вызвать на работу общество, данныя условія остаются неизмѣнными, вокругъ все скверно, и поэтому требуется, чтобы каждый человѣкъ развилъ въ себѣ наивысшую энергію, а для этого ему необходимо указывать на примѣры энергическихъ и честныхъ людей и показывать, какими средствами и способами они боролись со зломъ и исполняли свой гражданскій долгъ.

И совершенно послѣдовательно авторъ этой программы приводитъ въ подкрѣпленіе ея и соотвѣтствующіе факты личнаго героизма. Вотъ почтенный человѣкъ бросаетъ военное поприще и идетъ въ народные учителя и несетъ эту тяжелую долю 50 лѣтъ. Вотъ акушерка въ теченіе своей долгой жизни не отказываетъ никому въ своей помощи и принимаетъ болѣе 5,000 дѣтей. Вотъ женщина-врачъ въ одинъ годъ своей дѣятельности пріобрѣтаетъ любовь всего города и умираетъ буквально отъ истощенія силъ. Вотъ *одинъ* энергическій человѣкъ идетъ на борьбу съ цѣлою кликой злоупотребителей, а вотъ и *другой* человѣкъ свершаетъ подобные же подвиги въ мосальскомъ и калужскомъ земствахъ и т. д. Всѣ послѣдующіе примѣры такіе же моральные примѣры героизма, служенія, чувства долга и энергіи.

Любопытно бы сопоставить эту программу «личнаго героизма» съ совершенно противуположною теоріей, установленною въ №№ 13 и 15 «Недѣли» статьей по поводу «новаго литературнаго поколѣнія». Авторъ «мрачныхъ и свѣтлыхъ явленій», очевидно, не принадлежитъ къ новому литературному поколѣнію, потому что высказываетъ устарѣвшіе взгляды, которые это поколѣніе уже отрицаетъ. Новое литературное поколѣніе совсѣмъ отринуло прежніе идеалы «вслѣдствіе естественной для живаго человѣка невозможности превратиться въ сухую, отвлеченную схему идеализированнаго героя-гражданина». И весь этотъ идеализмъ не больше, какъ извѣстный миражъ, «это ничто иное, какъ охватывающая по временамъ человѣчество суровая и аскетическая религія гражданственности. Увлекая человѣка громадностью своей задачи, блескомъ открываемыхъ ею перспективъ всеобщаго счастья, она налагаетъ на него, во имя величія и и трудности своей цѣли, тяжелыя обязанности, требуетъ подвижничества и самопожертвованія. Она стремится замѣнить существующій органическій порядокъ жизни другимъ, идеальнымъ, придуманнымъ человѣкомъ, и потому не можетъ не относиться отрицательно къ природѣ, къ дѣйствительности міра, создавшаго несогласныя съ ея планами явленія. Жизнь для нея ничто иное, какъ борьба за идеалы, а потому она цѣнитъ въ человѣкѣ только преданность ея идеямъ, да рѣшительную, непоколебимую волю,—словомъ, то фанатическое настроеніе, которое заставляетъ его отрѣшиться отъ всѣхъ благъ и приманокъ жизни и позволяетъ ему совершать чудеса героизма и самоотверженія въ сферѣ общественной дѣятельности».

Согласно этой новой общественной теоріи, авторъ программы, несомнѣнно, отсталый человѣкъ и принадлежитъ къ одному изъ старыхъ поколѣній. Чтобы возбудить «бодрящее впечатлѣніе», онъ приводитъ такіе дѣйствительно замѣчательные примѣры личной энергіи и самоотверженія, какъ сельскій народный учитель, акушерка, женщина-врачъ или тѣ энергическіе борцы, которые выступили противъ мѣстныхъ злоупотребителей, а ему отвѣчаютъ, что его примѣры только «сухія отвлеченныя схемы идеализированнаго героя-гражданина», что «русское молодое поколѣніе разочаровалось въ господствовавшихъ до него идеалахъ»... что «для него осталась дѣйствительность», что «оно признало необходимость этой дѣйствительности, въ которой ему суждено жить», что «оно приняло эту судьбу спокойно и безропотно», что жизнь перестала для него дѣлиться по категоріямъ героическаго и пошлаго (значитъ, въ ней нѣтъ ни свѣтлыхъ, ни мрачныхъ явленій, а всѣ явленія одинаковы), что «ея естественныя возможности, необходимыя потребности духа и тѣла, простыя человѣческія радости и стремленія не кажутся ему жалкими и презрѣнными, точно такъ же, какъ моменты напряженной человѣческой дѣятельности, трагическіе моменты самоотверженія и подвижничества, вызываемые экстатическими душевными состояніями или роковыми, жестокими коллизіями жизни, уже не пробуждаютъ въ немъ исключительныхъ восторговъ и симпатій».

Какой, однако, безпощадный и жестокій отвѣтъ! Къ чему же ведетъ теорія «свѣтлыхъ явленій» и «бодрящихъ впечатлѣній», зачѣмъ эти примѣры героизма, которыми писатели должны увлекать слабыхъ, инертныхъ и спящихъ, указывая имъ, что въ жизни возможно и хорошее, когда ни «напряженная человѣческая дѣятельность, ни трагическіе моменты самопожертвованія и подвижничества» не пробуждаютъ уже въ молодомъ поколѣніи восторговъ и симпатій. Къ кому же вы обращаетесь со своею проповѣдью, если у васъ нѣтъ слушателей? Кто станетъ выполнять вашу программу, когда она въ той же самой «Недѣлѣ» осуждена какъ продуктъ «экстатическаго душевнаго состоянія»?

Но я не хочу пользоваться очевиднымъ паралогизмомъ обѣихъ статей, къ которому прибѣгли авторы ради усиленія доказательствъ. Новое поколѣніе не можетъ быть такимъ, какимъ его характеризуетъ авторъ «литературнаго поколѣнія», и его жизненную формулу нужно, несомнѣнно, установить нѣсколько иначе. Поэтому я обращу вниманіе читателя не на послѣднее слово каждаго изъ

приводимыхъ мною авторовъ, а на общія основы, изъ которыхъ эти послѣднія слова вышли.

Если ставить вопросъ такъ, то окажется, что въ этихъ двухъ взглядахъ,—одномъ, требующемъ героизма, и другомъ, прописывающемъ герою полную отставку и предлагающемъ плыть по теченію,—никакого внутренняго, а тѣмъ болѣе непримиримаго противорѣчія нѣтъ. Оба взгляда исходятъ изъ одной и той же точки (изъ «личности), а второй взглядъ если не родной братъ, то родной сынъ перваго.

Первый взглядъ проповѣдуетъ теорію борьбы со зломъ «при данныхъ условіяхъ ея возможности» и потому требуетъ отъ писателя, чтобы каждому человѣку, ощущающему въ себѣ энергію на борьбу, было указано, *какъ* при «данныхъ условіяхъ» можно бороться съ «мрачными явленіями». Второй взглядъ тоже признаетъ «данныя условія». Поэтому вполнѣ послѣдовательно, что при однихъ данныхъ условіяхъ Никитушка Ломовъ будетъ ворочать каменья, а при другихъ данныхъ условіяхъ сынъ Никитушки сядетъ подъ ракиту. Ничего не подѣлаешь.

Исключительная моральная теорія, ставящая личность въ центрѣ мірозданія и сводящая все къ личной борьбѣ, къ личной энергіи, къ личному благородству, къ личному поведенію и къ личной волѣ, ничего другаго и предложить не можетъ. Всѣ данныя условія она оставляетъ непоколебимыми (а гр. Левъ Толстой и совсѣмъ не позволяетъ противиться злу) и хорошо еще, если данныя условія такъ податливы, что «герой» можетъ раздвинуть ихъ рамки; но, вѣдь, не съ неба же свалилась и та теорія, которая утверждаетъ, что лучше предоставить жизни идти, какъ она идетъ, не усиливая ни напряженія, ни энергіи. Теорію эту создали тоже «данныя условія», а потому очевидно, что она является практическою поправкой теоріи героизма и выраженіемъ формулы: «ничего не подѣлаешь».

Второй взглядъ даже послѣдовательнѣе перваго и основывается на лучшемъ наблюденіи надъ природой человѣка, ибо исключаетъ моральное подхлестываніе и растяжку. Дѣйствительно, сильныхъ людей подхлестывать нечего, они и сами найдутъ свою дорогу, а средняго человѣка потому подхлестывать не резонъ, что средній человѣкъ всегда плыветъ только по теченію. Въ этомъ легко могъ бы убѣдиться авторъ статьи о свѣтлыхъ явленіяхъ, еслибъ онъ попытался опредѣлить происхожденіе предлагаемой имъ теоріи. Всѣ эти энергическіе дѣятели, о которыхъ онъ говоритъ,—учитель, акушерка, женщина-врачъ, *одинъ* энергическій человѣкъ и *другой* энергическій человѣкъ, и всѣ тѣ отдѣльные земскіе и городскіе кружки, которые создали читальни, народный кредитъ и вообще сдѣлали все то хорошее, что они сдѣлали,—обнаружили свою энергію за много ранѣе (а народный учитель даже за 50 лѣтъ ранѣе) напечатанія статьи о «мрачныхъ и свѣтлыхъ явленіяхъ». Не эта статья и не теорія «свѣтлыхъ явленій» возбудили ихъ энергію, а, напротивъ, ихъ энергія заставила автора придумать свою теорію «бодрящихъ впечатлѣній». Значитъ, въ смыслѣ возбужденія энергіи эта теорія ровно ни къ чему не ведетъ и общественную энергію вызываютъ не статьи о «свѣтлыхъ явленіяхъ», сколько бы этихъ статей ни писалось. Царевококшайскъ заимствовалъ основанія для правильной эксплуатаціи городскихъ земель тоже не изъ бодрящей статьи, а, какъ и самъ авторъ говоритъ, отъ города Мологи. Очевидно, при составленіи теоріи «бодрящихъ впечатлѣній» было игнорировано установившееся научное положеніе, что фактъ предшествуетъ теоріи, а не теорія факту, вѣрность чего авторъ подтвердилъ еще разъ своею собственною статьей, хотя, какъ видно, онъ думаетъ объ этомъ иначе.

Не создавая никакихъ ни теоретическихъ, ни практическихъ результатовъ, теорія «свѣтлыхъ явленій» и «бодрящихъ впечатлѣній» умаляетъ достоинство той самой личности, которую она хочетъ поднять. Въ основѣ своей эта теорія не идейная, а рецептурная и механическая. Съ одной стороны она построена на прописныхъ нравоученіяхъ, а съ другой—на указаніяхъ почти механическихъ. Народнымъ учителямъ она говоритъ: посмотрите, какой человѣкъ былъ учитель X.: и военную службу бросилъ, и 50 лѣтъ несъ тяжелую долю народнаго учителя,—берите примѣръ съ него! Акушеркамъ и женщинамъ врачамъ дѣлаются подобныя же назиданія, а чтобы возбудить энергію въ учителяхъ, акушеркахъ и женщинахъ-врачахъ, имъ обѣщаютъ торжественныя похороны. Тѣмъ же, кто хотѣлъ бы что-нибудь дѣлать, да не знаютъ что, дается на выборъ цѣлый списокъ дѣлъ: устройство школъ, библіотекъ, даровыхъ столовыхъ, борьба съ злоупотребленіями, организація правильной эксплуатаціи земель и т. д., и т. д. Прочитавъ этотъ списокъ, каждый незнающій сейчасъ же сообразитъ и выберетъ то, что ему по силамъ и возможностямъ. Судя по этому способу обращенія къ читателю, никакъ нельзя предположить, чтобъ авторъ теоріи «бодрящихъ впечатлѣній» имѣлъ въ виду взрослыхъ людей.

Но, вѣдь, съ той ступеньки лѣстницы, которая служитъ основою этой теоріи, ничего другаго и предложить нельзя. Если при «данныхъ условіяхъ» личность есть единственный факторъ прогресса, то какую же другую ей можно предложить программу? Одно только данное предполагается при этой теоріи неустранимымъ и неизбѣжнымъ—первый человѣкъ, первый представитель энергіи: первый энергическій учитель, первая энергическая акушерка, первый энергическій земецъ и т. д. Какъ только явились эти первые люди, сейчасъ же возникаетъ заразительность примѣра, число подобныхъ личностей все ростетъ и ростетъ, и, наконецъ, страна наполняется такимъ числомъ доблестныхъ людей, что, не нарушая нисколько «данныхъ условій», само собою устанавливается всеобщее благоденствіе и всеобщая справедливость. Теорія эта, конечно, очень заманчива и обѣщаетъ полный успѣхъ, потому что построена на предложеніи о за-

разительности примѣра, на томъ, что стоитъ людямъ только захотѣть—и они все устроятъ у себя хорошо, а, слѣдовательно, и благіе результаты этой теоріи несомнѣнны, если ожидать ихъ терпѣливо.

И, въ то же время, эта заманчивая теорія заключаетъ въ себѣ кое-какія противорѣчія. Построенная, повидимому, на стремленіи къ благу и добру, она между прочимъ, вмѣсто мира и любви, вноситъ борьбу и мечъ. Не борется она только съ «данными условіями», но за то тѣмъ крѣпче держитъ мечъ для антагонизма поколѣній. Вся статья о «новомъ литературномъ поколѣніи» построена на этомъ антагонизмѣ. Она отрицаетъ идейную безошибочность въ поколѣніи сороковыхъ годовъ, въ поколѣніи шестидесятыхъ годовъ и въ поколѣніи семидесятыхъ годовъ и признаетъ безошибочнымъ лишь поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ. И авторъ теоріи «бодрящихъ впечатлѣній» держится того же начала отрицанія предъидущаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, приходится думать по способу его доказательствъ. Мнѣ тутъ придется уклониться въ личную сторону, но, въ сущности, это личное будетъ общимъ.

Въ нѣсколько мягкой формѣ (а, можетъ быть, и смягченной редакціей «Недѣли») авторъ статьи намекаетъ на мои года и дѣлаетъ это такъ: чтобы подкрѣпить свою теорію, онъ приводитъ цитату изъ одной газеты (не только послужившей поводомъ, но и давшей матеріалъ для статьи), что бороться невозможно безъ надежды на успѣшный ходъ борьбы (точно кто-нибудь и когда-нибудь это отрицалъ) и что не слѣдуетъ замалчивать то доброе и свѣтлое, что пробивается молодыми побѣгами сквозь толстую кору невѣжества и грубости, ибо эти молодые побѣги—провозвѣстники побѣды свѣта и добра (кажется, и о *замалчиваніи* не было рѣчи; вообще авторъ опровергаетъ то, что онъ самъ представилъ себѣ въ видѣ тезисовъ, требующихъ опроверженія). Передъ выпиской изъ провинціальной газеты авторъ статьи дѣлаетъ такое замѣчаніе: «но вотъ что говоритъ *живой* человѣкъ, провинціальный литераторъ», а послѣ выписки прибавляетъ: «такъ думаетъ человѣкъ, находящійся въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ жизни». Но если авторъ предполагаетъ, что я не живой человѣкъ и не нахожусь въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ жизни, а сижу въ пещерѣ, то зачѣмъ же онъ до такой степени испестрилъ свою статью моею фамиліей? Мертваго или пещернаго человѣка можно бы оставить и въ покоѣ.

Но и этотъ способъ доказательствъ тоже вполнѣ послѣдователенъ. Если всѣ чудеса въ жизни долженъ создать герой, а героя могутъ произвести только бодрящія впечатлѣнія, то очевидно, что и въ отсутствіи героя и бодрящихъ впечатлѣній тоже долженъ быть кто-нибудь виноватъ. Это логика теоріи личности, теоріи доброй и злой воли, а между прочимъ и теоріи дѣйствующаго уголовнаго и полицейскаго права съ его прокурорами и розысками. Но поднявшій мечъ отъ меча и гибнетъ. Такъ и автору «бодрящихъ впечатлѣній» пришлось выслушать отъ своего коллеги, что его теорія героическаго поведенія есть продуктъ «экстатическаго душевнаго состоянія и не можетъ пробудить въ молодомъ поколѣніи исключительныхъ восторговъ и симпатій». Такимъ образомъ, авторъ, только что упрекнувшій меня въ томъ, что *я* сижу въ пещерѣ, услышалъ отъ болѣе молодыхъ писателей тотъ же самый упрекъ. И въ самомъ дѣлѣ, что это за аргументація, которая прибѣгаетъ къ такимъ доказательствамъ: «вы, папенька, въ это дѣло не суйтесь,—вы уже отжили свой вѣкъ»! Совершенно какъ модныя купеческія дочки Островскаго.

И прибѣгая къ аргументаціи, при которой авторитетъ замѣняетъ доказательство и противнику говорятъ въ мягкой формѣ «замолчите», теорія этого самодовлѣющаго и авторитетнаго *я* поступаетъ вполнѣ послѣдовательно. Она проповѣдуетъ господство не того *я*, формулой котораго служитъ: «свою семью я люблю болѣе себя, отечество болѣе семейства и родъ человѣческій болѣе отечества». Эта теорія, напротивъ, эгоистически-сепаративная, выдѣляющая свое *я* отъ другаго *я*, свое поколѣніе отъ другаго поколѣнія, свое племя отъ другаго племени и свой народъ отъ другаго народа. Формулой этого *я* служитъ: «себя я люблю болѣе своей семьи, свою семью больше своего отечества, свое отечество больше человѣческаго рода».

Но, вѣдь, не идеи же блага и добра отрицаютъ эти отдѣльныя воинствующія *я* и враждующія поколѣнія,—нѣтъ. Они несогласны только относительно средствъ для достиженія цѣлей блага и добра. И авторъ теоріи «бодрящихъ впечатлѣній», и провинціальный литераторъ, на котораго онъ ссылается, имѣютъ въ виду только общее благо. Но они усматриваютъ вокругъ слишкомъ мало дѣятельныхъ силъ и думаютъ создать ихъ и сгруппировать призывомъ къ дѣятельности и поощряющими указаніями на примѣры энергіи, доблести, благородства и служенія. Авторъ статьи «Новое литературное поколѣніе» говоритъ тоже только о средствахъ, въ прежнихъ средствахъ (а въ томъ числѣ и въ «бодрящихъ впечатлѣніяхъ») онъ не усматриваетъ достаточной воздѣйствующей силы и, отрицая всѣ предъидущія средства, новыхъ не указываетъ, а предлагаетъ подождать, пока они сами собою объявятся.

Если же это такъ, если всѣ мы стремимся къ одной общей цѣли и расходимся лишь въ средствахъ, изъ-за чего же этотъ антагонизмъ лицъ и поколѣній, изъ-за чего эти взаимные страстные наскоки и взаимныя обвиненія, изъ-за чего эта полемика, принимающая враждебный личный характеръ, откуда и какъ могла явиться вражда?

И любопытно, что на «своихъ» въ этихъ случаяхъ обрушиваются съ болѣе страстною нетерпимостью, чѣмъ на не-своихъ, что, впрочемъ, и неизбѣжно при той точкѣ зрѣнія, на которой стоитъ авторъ теоріи «бодрящихъ впечатлѣній». Это точка зрѣнія именно разброда, а не единенія,—точка зрѣнія, требующая, чтобы общее приноравливалось къ личному, а не личное къ общему, и въ крайнемъ выводѣ тутъ необходимо то явленіе, которое съ такою яркостью начинаетъ обнаруживаться въ по-

слѣдствіяхъ, созданныхъ ученіемъ графа Л. Толстаго.

Какъ увѣряютъ люди, наблюдающіе петербургскую жизнь, число послѣдователей гр. Толстаго ростетъ настолько, что даже трудно опредѣлить ихъ число. Но каждый понимаетъ доктрину гр. Толстаго по-своему, приспособляетъ ее къ своимъ личнымъ наклонностямъ и привычкамъ и къ своему собственному умственному развитію и пониманію. Одни, вдохновившись «непротивленіемъ злу», ударились въ нравственный индифферентизмъ; другіе мечтаютъ о какихъ-то «обществахъ добродѣтели», призванныхъ возродить современное общество; третьи, самые многочисленные, увлеклись внѣшнею стороной толстовскихъ идей, промѣняли сюртуки на рубахи и перешли на мужицкое положеніе. Явился даже проектъ общества скромности и распространенія идей разумной жизни путемъ привлеченія въ составъ общества возможно большаго числа членовъ. Однимъ словомъ, вмѣсто объединенія, свершается распаденіе, каждый глубже и глубже зарывается внутри себя, копошится и кроется только въ своей душѣ и все свое вниманіе устремляетъ лишь на свое моральное *я*.

Этотъ ненормальный исходъ чувства, ищущаго удовлетворенія въ лучшей дѣятельности, указываетъ только на то, какая масса силъ ищетъ болѣе удовлетворяющаго выхода. Только на это указываетъ и статья автора «бодрящихъ впечатлѣній». Казалось бы, что въ моментъ подобнаго состоянія неудовлетворенной общественной мысли, къ ней бы и должна явиться широкая помощь, но именно этой-то помощи она и не находитъ и, во всякомъ случаѣ, голодающая мысль удовлетворяется не вполнѣ и зачастую, вмѣсто того, чего она проситъ, получаетъ только суррогаты. Подобный же камень, вмѣсто хлѣба, предлагаетъ обществу и авторъ «бодрящихъ впечатлѣній». Но совсѣмъ иначе разрѣшаются всѣ вопросы при общественно-политическомъ мышленіи и когда моралиста смѣняетъ публицистъ.

У насъ моральное движеніе мысли, особенно рѣзко намѣтившееся въ послѣднія десять лѣтъ, явилось потому, что и часть писателей (бо́льшая), и часть общества (тоже бо́льшая) усомнилась въ пользѣ общественно-политическаго движенія мысли и воспитательной силѣ учрежденій. Но, вѣдь, мы далеко не дошли еще до конца этой работы, чтобы имѣть право дѣлать окончательный выводъ о цѣлой области мышленія. Общество и умственные вожаки его имѣютъ право пока лишь на одно заключеніе, что извѣстное частичное движеніе общественно-политической мысли не даетъ ожидаемыхъ результатовъ блага—и только; но они не имѣютъ никакого умственнаго права совсѣмъ исключать изъ обихода цѣлую область мышленія и, вмѣсто ея, подставлять другую.

Въ Америкѣ, напримѣръ, проповѣдники морали, дѣлая свое дѣло и обращаясь къ внутреннему *я* каждаго отдѣльнаго человѣка, не выступаютъ врагами публициста, который тоже дѣлаетъ свое дѣло. И моралистъ, и публицистъ, хотя и съ разныхъ сторонъ, но смотрятъ на одну и ту же общую цѣль и къ ней стремятся и ведутъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлое общество и не вносятъ свою взаимную смуту (какъ у насъ) въ общественное мнѣніе, усиливаясь залучить послѣдователей только къ себѣ.

По состоянію личнаго и общественнаго мышленія мы находимся далеко не въ положеніи Америки. Мы болѣемъ не недостаткомъ личнаго доброжелательства, котораго въ каждомъ изъ насъ слишкомъ много, мы даже гордимся этою своею славянскою чертой, какъ національною особенностью, но наше личное доброжелательство не имѣетъ возможности выражаться въ общемъ движеніи и не создало еще себѣ точныхъ общественно-нравственныхъ представленій, потому что наше вниманіе не было до сихъ поръ обращено достаточно въ эту сторону. Общественный контроль и общественная мысль не обнаруживаютъ еще у насъ достаточно воздѣйствія и очевидно, значитъ, насколько для созданія подобнаго воздѣйствующаго вліянія общественной мысли требуется ея воспитаніе въ общественномъ направленіи. Но создастъ ли необходимую для того общественную дисциплину одно лично-моральное движеніе мысли и доброжелательное житіе хотя бы даже въ видѣ «обществъ скромности и распространенія идей разумной жизни», чьи уроки необходимѣе для современнаго русскаго общества — публициста или моралиста—и почему только моралистъ видитъ на своей сторонѣ истину?

Истина! Но, вѣдь, истина предполагается уже готовой и данной заранѣе, и плохо приступать къ постройкѣ, не зная, что строить. Въ подобномъ полномъ невѣдѣніи и находятся моралисты, у которыхъ пока нѣтъ никакой общей и однородной истины, и оттого-то у нихъ и является такъ много архитекторовъ.

Задачи публициста гораздо прямѣе, проще и опредѣленнѣе ужь даже по одному тому, что многое изъ того, что мы начали, мы не докончили и у насъ имѣется запасъ опредѣленныхъ задачъ и цѣлей, ожидающихъ своего практическаго осуществленія. Даже той самой моральной личности, о душевно-своекорыстномъ спасеніи которой хлопочатъ такъ моралисты всякихъ оттѣнковъ и цвѣтовъ, публицистика идетъ на встрѣчу съ бо́льшею и болѣе существенною помощью, чѣмъ моралисты, ибо имѣетъ въ виду создать лучшія возможности для развитія этого самаго моральнаго *я*, облегчить ему пути для его общественнаго поведенія и выработать такія условія, въ которыхъ бы этому моральному *я* былъ бы большой просторъ дѣлать свое добро, если только это моральное *я* дѣйствительно думаетъ объ общемъ благѣ, а не ищетъ удовлетворенія лишь въ своекорыстно-личномъ существованіи. Только публицистика откроетъ истинные и болѣе широкіе горизонты мысли для подобнаго стремящагося къ изолированности *я* и только она, направляя вниманіе въ болѣе широкую сферу, можетъ создать привычки мысли въ каждомъ частномъ явленіи и фактѣ отыскивать ихъ общественный смыслъ. Этой-то

привычки русская мысль пока еще не имѣетъ и подобную привычку ей именно и нужно создать.

Но, направляя мысль въ эту сторону, совсѣмъ не дѣло публицистики указывать на *всѣ* явленія жизни. На *всѣ* явленія не указываютъ и моралисты. Моралистъ знаетъ тоже только явленія своей моральной области, поэтому и публицистъ имѣлъ бы право обвинить моралиста въ замалчиваніи. Нашихъ публицистовъ можно скорѣе упрекнуть въ разбросанности и въ томъ, что они не всегда держатся строго своихъ границъ. А это происходитъ частью отъ неточности вообще нашей мысли, частью оттого, что публицистъ не всегда находитъ себѣ поддержку въ другихъ работникахъ мысли и потому по необходимости уходитъ иногда въ чужую область.

У публициста такая же своя отдѣльная область, какъ и у моралиста, и въ общемъ оркестрѣ каждый изъ нихъ играетъ на своемъ инструментѣ. Если же въ оркестрѣ является диссонансъ, то ужъ, конечно, меньше всего оттого, чтобы публицистъ не зналъ своей партіи. Вѣдь, откуда бы иначе явилось обвиненіе публициста въ томъ, что онъ не указываетъ на *всѣ* явленія жизни, не даетъ картинъ «свѣтлыхъ явленій» или не возбуждаетъ «бодрящихъ впечатлѣній»?

Въ майскомъ «Очеркѣ», по поводу упрека, который мнѣ сдѣлалъ провинціальный литераторъ (на котораго и ссылается авторъ статьи о свѣтлыхъ явленіяхъ), что я говорю объ одичаніи общества и не вижу пробивающихся молодыхъ побѣговъ, я старался выяснить, какъ понимаю задачи публициста; но мой «Очеркъ», какъ видно, только породилъ недоразумѣнія и вызвалъ противъ меня передовую статью. Но статья эта, однако, не устанавливаетъ закона послѣдовательности, обязательнаго для всякаго публициста, а скорѣе разрушаетъ этотъ законъ. Требованіе, чтобы публицистъ въ одинаковой степени относился ко *всѣмъ* явленіямъ жизни, и, доказывая, напримѣръ, вредъ крѣпостнаго права, разсказывалъ бы еще и о попечительныхъ помѣщикахъ, могло явиться только потому, что мы не установили себѣ точно и ясно опредѣленныхъ границъ для своей общественной мысли, а потому и валимъ какъ на свои, такъ и на чужія плечи часто несовмѣстимыя ноши. Такую несовмѣстимую ношу несетъ и мой разбѣгающійся по многимъ мелкимъ тропинкамъ оппонентъ, предлагающій, вмѣсто теоріи сосредоточенія силъ, теорію разбросанности. Но кто же мѣшаетъ вамъ рисовать картины свѣтлыхъ явленій и поднимать энергію моральнаго чувства, если вы въ этомъ видите свою общественную задачу? Если вы моралистъ, то въ этомъ ваше дѣло, и кто же васъ обвинитъ, что вы его выполняете?

Но заставлять и публициста возбуждать энергію моральнаго чувства— значитъ предлагать ему дѣло, лежащее совсѣмъ внѣ круга его дѣятельности. Публицистъ имѣетъ дѣло не съ энергіей моральнаго чувства, онъ имѣетъ дѣло съ энергіей общественной мысли. Онъ расширяетъ общій кругозоръ, онъ даетъ матеріалъ для общественнаго мышленія, для всего того, что должно помочь установленію и разъясненію связи общественныхъ причинъ и слѣдствій и указываетъ, какія причины ведутъ къ одному ряду явленій и какія къ другому ряду явленій. Воздѣйствіе публициста ограничивается исключительно этою областью понятій. Дѣло же моралиста, на основаніи тѣхъ же явленій и фактовъ, создать ту или другую теорію общественной нравственности и затѣмъ вести свою общественную пропаганду. Публицисту нѣтъ никакой нужды путать понятія, потому что та или другая общественная мораль сама собою предполагается въ основѣ всего того, что онъ говоритъ, и совершенно очевидна изъ той цѣли, къ которой онъ идетъ.

Моралистъ только тогда имѣлъ бы право сдѣлать публицисту упрекъ, если бы публицистъ исходилъ изъ ошибочнаго представленія объ общественной нравственности. Но если онъ этой ошибки не дѣлаетъ, если онъ идетъ къ той же цѣли, къ которой идетъ и моралистъ, то какъ же поставить ему въ вину, что, въ качествѣ публициста, онъ распоряжается только своими публицистскими средствами, а не употребляетъ средствъ моралиста? А развѣ не въ этомъ корень того обвиненія и той предлагаемой публицистамъ теоріи, противъ которой мнѣ теперь приходится говорить?

Публицисту говорятъ, что «недостаточно указать на мрачныя явленія, но необходимо также указать, *какъ* (курсивъ автора) можно, при данныхъ условіяхъ, бороться съ этими явленіями». Совершенно справедливо. Но предположите, что публицистъ рисуетъ «мрачныя явленія», возникающія въ обществѣ отъ отсутствія гласности или отъ слишкомъ слабаго распространенія общественныхъ понятій. Развѣ въ этой самой отрицательной формѣ не заключается и положительная сущность, и очень точное *какъ?* Почему это *какъ* явится только тогда, когда публицистъ скажетъ: учите и воспитывайте дѣтей, лечите съ любовью народъ, заводите банки, исполняйте свои обязанности, изобличайте злоупотребленія? Чѣмъ первое *какъ* хуже втораго? Оно не только лучше, но оно именно такое, какимъ должно быть. Оно устанавливаетъ общія идейныя понятія, формируетъ взглядъ на совокупность фактовъ и явленій, раскрываетъ широкое поле для работы сознанія, и на этомъ просторѣ мысль скорѣе не растеряется въ пріисканіи соотвѣтственнаго *какъ*, чѣмъ тогда когда на нее дѣйствовать только рецептурнымъ способомъ, возбуждая лишь механическую подражательность.

Да и что идейно или общественно-руководящаго представляютъ тѣ примѣры личнаго поведенія, которыхъ цѣлую страницу даетъ статья о «мрачныхъ и свѣтлыхъ явленіяхъ»? Во-первыхъ, она даетъ изолированные факты, а, во-вторыхъ, факты исключительные. Напримѣръ, изъ всѣхъ народныхъ учителей беретъ только одного, дѣйствительно выдѣляющагося изъ ряда (хотя авторъ могъ бы найти примѣръ и болѣе выдающійся: профессора Рачинскаго, оставившаго Московскій университетъ, чтобы стать деревенскимъ учителемъ). И остальной подборъ фактовъ тоже ничего не говоритъ въ

пользу обѣщанныхъ заглавіемъ свѣтлыхъ явленій потому, что эти факты возможны вездѣ и при всякихъ условіяхъ. Примѣры чувства долга, личнаго доброжелательства и фанатическаго служенія той или другой идеѣ бывали во всѣ времена. Ихъ можно встрѣтить и въ Турціи, и въ Китаѣ, и въ Абиссиніи. Башкинъ еще при Иванѣ Грозномъ находилъ, что кабальныхъ держать нехорошо. Развѣ, приводя подобные факты, значитъ говорить о чемъ-либо общественномъ, групповомъ, выражающемъ общественное сознаніе? Не будетъ ли это навыворотъ, т. е. что отдѣльные факты только потому и приводятся, что не оказалось въ наличности групповыхъ движеній для произведенія ихъ общественныхъ возможностей? Въ такомъ случаѣ, всѣ примѣры автора говорятъ только противъ него, и, приводя ихъ, онъ самъ отрицаетъ общественныя возможности и видитъ лишь возможности личныя. Если это такъ, если авторъ публицистъ, то что же публицистическаго даетъ онъ своею статьей, и можетъ ли такой способъ воздѣйствія на мысль сообщить ея движенію общественное сознаніе?

Энергія общественнаго поведенія создается только идейнымъ движеніемъ мысли, а не возбужденіемъ энергіи единоличнаго чувства. Въ единоличномъ чувствѣ у насъ никогда не бывало недостатка, не бывало недостатка и въ единичной энергіи. Нашъ разбродъ происходитъ не отъ того, чтобы у насъ недоставало личной доброжелательности или личной энергіи, — посмотрите, съ какою энергіей мы продѣлываемъ иногда невообразимо скверныя вещи, — нашъ разбродъ происходитъ только отъ того, что нашими личными чувствами и личною энергіей не управляютъ точныя понятія и опредѣленныя общественныя идеи.

По мысли автора статьи выходитъ такъ, что мы поступаемъ нехорошо только потому, что нѣтъ у насъ личной энергіи для борьбы со зломъ, и что только отъ этого «молодые побѣги» пробиваются слабо. Укажите этимъ «слабымъ побѣгамъ» «лучшее будущее», и тогда они, какъ грибы послѣ освѣжающаго дождя, пойдутъ въ ростъ. Какой, однако, это пригнетающій и подавляющій взглядъ, способный именно убить всякую энергію. Вѣдь, лучшее будущее есть уже заранѣе существующій источникъ всѣхъ нашихъ стремленій. Оно глубоко коренится въ душѣ каждаго и создавать его нечего, потому что съ нимъ каждый родится и живетъ. О чемъ же тутъ говорить? Совершенно справедливо, что должны быть установлены и выяснены идеалы жизни. Но, вѣдь, не о нихъ говоритъ авторъ, — онъ говоритъ, что «молодымъ побѣгамъ нужно разъяснить, что еще не все пропало въ жизни, и что еще есть и надежда на успѣшный ходъ борьбы» (ну, какъ же это не подавляющій взглядъ, способный именно убить всякую энергію?). Значитъ, онъ тоже предполагаетъ существующимъ заранѣе извѣстное лучшее будущее и извѣстные идеалы жизни. Вопросъ, слѣдовательно, только въ томъ, чтобы пробудить энергію дѣятельности, энергію чувства жизни. И это необходимо и неизбѣжно. Какія же для этого лучшія средства?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ другой статьѣ, повидимому, того же автора, по крайней мѣрѣ, однородной съ нимъ по духу: «Архипастырское обличеніе». Въ отчетѣ преосвященнаго Никанора проходятъ рядомъ двѣ мысли: отсутствіе религіозно-воспитательнаго вліянія священниковъ его епархіи и непроходимая темнота народа. Статья, написанная по поводу отчета, приводитъ только факты, касающіеся духовенства, а о народѣ не говоритъ, а казалось бы, что именно въ послѣднихъ-то фактахъ и долженъ бы заключаться центръ тяжести статьи. Вотъ что пишетъ преосвященный.

Въ селѣ Протопоповкѣ, послѣ келейнаго разговора, который имѣлъ архипастырь со священникомъ въ алтарѣ, онъ вышелъ въ народъ. Такъ какъ школьниковъ, о религіозномъ воспитаніи которыхъ шла рѣчь, тутъ не было, то преосвященный взялъ первую попавшуюся дѣвочку и спросилъ ее, какъ ее звать, какъ звать ея отца, мать. На эти вопросы дѣвочка отвѣтила толково. Потомъ преосвященный обратилъ ея глаза на храмовую, хорошо написанную, икону св. Троицы. Дѣвочка отвѣчаетъ: «не бачу, не вѣдаю». Преосвященный указалъ ей на Бога Отца отдѣльно, Бога Сына и т. д. Спрашиваетъ: «бачишь?» — «Бачу». — «Се кто»? — «Не вѣдаю». «А се кто?» — «Не вѣдаю». — «А се кто?» — «Также не вѣдаю». — «А се кто?» — спрашиваетъ преосвященный, указывая на архангела на южной двери. — «Се Божія Матерь». — «А се кто?» — указывая на Спасителя. — «Не вѣдаю». — «А се кто?» — указывая на Божію Матерь. — «Не вѣдаю». — «А се кто?» — указывая на архангела у сѣверной двери. — «Се Божія Матерь». — «А се кто?» — указывая на Святителя Николая за лѣвымъ клиросомъ. — «Не вѣдаю». Въ другомъ мѣстѣ дѣвушка лѣтъ 18-ти точно также не различала иконъ, и когда преосвященный сталъ укорять ее, что вотъ она невѣста, будетъ скоро имѣть своихъ дѣтей, а, между тѣмъ, сама ничего не знаетъ, ничему и дѣтей не научитъ и умретъ, ничего не вѣдая, съ досады развела руками на отлично исполненный иконостасъ и отвѣтила: «да, вѣдь, все образа». «Вы помогите мнѣ разрѣшить вопросъ: какой вѣры эти люди, какой вѣры эта дѣвочка?» — говоритъ преосвященный. — «Какой? — отвѣчаетъ священникъ, — звѣстно, крещеной, христіанской». — «Жаль, — говоритъ преосвященный, — что вы подсказали: теперь она повторитъ ваши слова». — «Какой ты вѣры, дѣвочка»? — «Христіанской», — отвѣчаетъ. — «Въ кого ты вѣруешь?» — Молчитъ. — «Видала ли ты когда образъ Іисуса Христа, есть ли тутъ образъ Іисуса Христа?» — Молчитъ...

«Одесскій Вѣстникъ», изъ котораго я сдѣлалъ эту выписку, говоритъ: «вникните въ прочитанное и скажите, не безмѣрна ли темнота и невѣжество въ нѣкоторыхъ слояхъ населенія и нужно ли удивляться... и т. д.». И это заключеніе публициста.

Одна московская газета, сдѣлавъ выписку изъ «Недѣли» только фактовъ, не дѣлаетъ изъ нихъ никакого вывода. И это вполнѣ публицистскій пріи-

ейъ, разсчитанный на мыслящаго читателя и достигающій своей цѣли.

Авторъ же статьи «Архипастырское обличеніе» заключаетъ свою статью такъ: «Духовенство, несомнѣнно,—крупная и важная сила въ Россіи, которой открыто широкое поле для дѣятельности; но, въ то же время, оно находится въ зависимости отъ многихъ условій, которыхъ нельзя не принимать въ разсчетъ, когда заходить рѣчь объ оцѣнкѣ духовенства или о возложеніи на него тѣхъ или другихъ задачъ. И если, въ связи съ этими условіями, духовенство не удовлетворитъ слишкомъ высокихъ требованій, за то оно не поведетъ и къ разочарованію». Какой же смыслъ этихъ словъ? «Ничего не требуй и будь доволенъ тѣмъ, что тебѣ даютъ», что ли? А куда же исчезъ вопросъ о народной темнотѣ?

Ну, какъ же не сказать, что это ночной колпакъ и розовое одѣяло, которые надѣваются на читателя? Какую энергію мысли можетъ вызывать подобный двойственный взглядъ? Да къ чему и вообще тогда теорія «бодрящихъ впечатлѣній», если для этой бодрости нѣтъ никакого дѣла, потому что если все и не такъ особенно хорошо, то ужъ не такъ же оно и дурно?

Не о томъ рѣчь, чтобы непремѣнно обвинить кого-нибудь,—публицисту обвиненіями ради обвиненій заниматься не приходится,—но, вѣдь, тутъ возникалъ передъ публицистомъ плотный узелъ взаимной темноты, который для него было обязательно распутать, чтобы отразить въ сознаніи читателя всю глубокую общественную важность фактовъ, приводимыхъ преосвященнымъ. И вмѣсто того, чтобы по возможности расширить свою задачу, публицистъ съузилъ ее и свелъ свою мысль къ неодобренію обвиненій преосвященнаго, тогда какъ именно слѣдовало воспользоваться ими съ благодарностью, какъ рѣдкимъ исключительнымъ матеріаломъ. Причина этого заключалась только въ томъ, что, вмѣсто общественной постановки вопроса, авторъ сдѣлалъ постановку личную. Въ мыслящемъ читателѣ не могло не возникнуть досадное чувство, что наша современная публицистика снова обращается къ старой формулѣ, что «наше время—не время широкихъ задачъ» и что «съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой—нельзя не признаться». Эта двойственная формула, пріучающая въ каждомъ общественномъ явленіи видѣть двѣ стороны, вмѣсто одной, ведетъ къ неувѣренности мысли, къ рефлексіи, къ сомнѣнію въ самой себѣ и создаетъ не только неточное поведеніе, но и убиваетъ всякую энергію. Такимъ образомъ, теорія «бодрящихъ впечатлѣній» разбивается о свою собственную двойственность. Теорія эта напоминаетъ басню о лисицѣ и журавлѣ, попавшихъ въ яму. Лисица бѣгала, суетилась и увѣряла, что у нея «тысяча думушекъ» и попала на шубу мужику, а журавль все долбилъ носомъ въ одно мѣсто и повторялъ: «а у меня одна думушка, а у меня одна думушка!»—и вылетѣлъ на свободу.

Такимъ образомъ, передъ читателемъ являются два теченія мысли: одно — единоличное, снизу вверхъ, и другое—групповое, общественное, сверху внизъ.

Но, вѣдь, и при групповомъ движеніи мысли то же самое единоличное *я* является основною силой, ради которой все дѣлается и которою все дѣлается.

Весь вопросъ лишь въ умственномъ содержаніи *я* и въ послѣдовательно-поступательномъ движеніи его мышленія.

Когда по программѣ моралистовъ это *я* устраиваетъ «общество добродѣтели и скромнаго житія», оно только повторяетъ средніе вѣка, когда люди бѣжали въ монастыри отъ царившаго повсюду зла и насилія, съ которымъ они были не въ состояніи бороться. Вліяніе времени заключается только въ томъ, что монашество аскетическое смѣнилось монашествомъ свѣтскимъ.

Слѣдующею ступенью является опять единоличное нравственное *я*, въ видѣ примѣрныхъ народныхъ учителей, акушерокъ, женщинъ-врачей, людей, борящихся съ мѣстными злоупотребленіями, а также добродѣтельныхъ фабрикантовъ, честныхъ торговцевъ и т. д. Каждый такой единоличный дѣятель проникнутъ чувствомъ долга, благожелательностью и вообще стремленіемъ приносить пользу ближнему, которую онъ по мѣрѣ своихъ силъ и старается приносить.

Но скоро примѣрный человѣкъ начинаетъ понимать, что его личная дѣятельность, кромѣ добрыхъ намѣреній, зависитъ и еще кое-отъ-чего, съ чѣмъ онъ связанъ тысячью ниточекъ. Народный учитель начинаетъ соображать, что, кромѣ школы, въ которой онъ такъ старательно учитъ, есть еще и школьные вопросы, есть общія условія народнаго образованія. Акушерка, женщина-врачъ, земецъ, купецъ, фабрикантъ начинаютъ тоже понимать, что есть какія-то другія внѣ ихъ лежащія причины, которыми опредѣляется ихъ единоличное поведеніе. И по мѣрѣ того, какъ они объ этомъ думаютъ, передъ ними встаетъ все большая и большая масса вопросовъ, связанныхъ другъ съ другомъ. Земецъ, сельскій хозяинъ, купецъ, фабрикантъ научаются понимать, что ихъ личная дѣятельность связана и съ желѣзными дорогами, и съ тарифами, и съ общимъ экономическимъ положеніемъ, и съ состояніемъ финансовъ, и съ международными условіями, и съ внутреннею и внѣшнею политикой.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ отдѣльное *я* проникается сознаніемъ своей зависимости отъ внѣшнихъ условій, вниманіе его направляется въ сторону этихъ управляющихъ имъ условій, оно пріучается не только о нихъ думать, но и понимать, какія изъ этихъ условій становятся, такъ сказать, поперекъ полнаго, полезнаго развитія личныхъ силъ и наивысшихъ полезныхъ результатовъ, которые личныя силы могли бы создавать.

Это есть уже пора общественнаго сознанія, пора мысли, направленной въ сторону общихъ условій, пора возникновенія организаціонной мысли, когда для каждаго отдѣльнаго дѣла—школы, медицины, промышленности, торговли, финансовъ и т. д.—вырабатывается уже извѣстная цѣльная законченная система или программа для возможно-полнаго

и успѣшнаго ихъ развитія,—то, что называется политикой: политика промышленная, финансовая, экономическая и т. д.

Но каждая изъ этихъ отдѣльныхъ политикъ можетъ преслѣдовать, однако, только свои групповыя цѣли, какъ это и наблюдается у насъ въ политикѣ нашихъ частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ или въ промышленной и торговой политикѣ «всероссійскаго купечества», выступившаго въ прошломъ году и еще разъ въ нынѣшнемъ съ своими петиціями.

Въ постепенно ростущемъ движеніи мысли публицистика занимаетъ точно опредѣленное положеніе, а каждый отдѣльный публицистъ—точно опредѣленное мѣсто. Публицистъ можетъ быть экономическимъ, финансовымъ и собственно политическимъ писателемъ или популяризаторомъ общественно-политическихъ идей, но какую бы частную область общихъ отношеній онъ ни избралъ своею спеціальностью, свое частное онъ долженъ пріурочить къ одному общему, что сливало бы всѣ частныя движенія публицистской мысли въ одно общее согласное движеніе. Въ подобномъ согласномъ однородномъ движеніи мысли долженъ заключаться идеалъ каждаго публицистскаго органа—газеты, журнала. Въ отдѣльности каждый органъ печати будетъ, конечно, стоять на своемъ собственномъ мѣстѣ, но и занимая свое собственное мѣсто и работая для читателя, стоящаго выше или ниже по своему общественному развитію и помогая его росту, органы, различающіеся только идейно-количественно, а не идейно-качественно, могутъ идти въ одномъ общемъ направленіи, въ концентрической системѣ.

Значитъ, вопросъ сводится къ тому, какое мѣсто въ движеніи общественной мысли отводитъ себѣ авторъ теоріи «бодрящихъ впечатлѣній» и «свѣтлыхъ явленій», и признаетъ ли онъ за мною право на совмѣстимость съ нимъ въ общемъ планѣ работы русской и общественной мысли?

Если онъ это право за мною признаетъ, то какимъ же идейнымъ разнорѣчіемъ была вызвана его статья? А если онъ этого права за мной не признаетъ, зачѣмъ онъ этого разнорѣчія не указалъ, чтобы предохранить читателя отъ ошибокъ и заблужденій, въ которыя я могу его вовлечь?

XXXIII.

Фактически, теперешнее время—не время широкихъ задачъ, а время мелочей, маленькихъ мыслей и несущественныхъ споровъ.

Въ числѣ этихъ несущественныхъ споровъ и взаимныхъ обвиненій выплылъ опять старый вопросъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Оказывается, что полнаго умственнаго благополучія нѣтъ у насъ только потому, что отцы мѣшаютъ дѣтямъ, а дѣти—отцамъ. Слѣдовательно, очевидно, что все было бы хорошо, если бы на свѣтѣ не было ни отцовъ, ни дѣтей.

Пресловутый вопросъ объ антагонизмѣ поколѣній въ томъ видѣ, какъ онъ установился и живетъ до сихъ поръ въ мнѣніи большинства, утвердилъ Тургеневъ романомъ «Отцы и дѣти». Пришпиливъ «отцовъ и дѣтей», какъ пришпиливаютъ бабочекъ, Тургеневъ отразилъ только ту дѣйствительность, которую онъ воспринялъ своимъ художественнымъ зрѣніемъ и переработалъ въ своемъ художественномъ сознаніи. Затѣмъ, нарисовавъ большое полотно, онъ выставилъ его на показъ, публика посмотрѣла на мастерскую картину единоборства новыхъ гораціевъ и куріаціевъ, и борьба «отцовъ и дѣтей» утвердилась въ общемъ сознаніи, какъ окончательное разрѣшеніе вопроса о причинѣ волнообразнаго движенія русскаго прогресса, а легенда о борьбѣ поколѣній стала преемственною истиной.

Въ то время, когда все это случилось, «дѣти» (хотя между ними были и очень почтенные «отцы») шумно выступили на путь новаго движенія мысли. Моментъ былъ страстный и потому картина, нарисованная Тургеневымъ, только обострила отношенія. Она устанавливала фактъ въ такихъ необъяснимыхъ подробностяхъ, что даже критики новаго движенія при объясненіи истиннаго смысла картины разошлись въ разныя стороны и раздѣлились на враждебные лагери.

Такимъ образомъ, фактъ остался, попрежнему, только фактомъ. Общество узнало лишь одно, что борьба поколѣній въ русской жизни существуетъ, что она повторяется изъ поколѣнія въ поколѣніе и что фактъ этотъ нужно принять въ такомъ видѣ, какъ онъ установленъ.

Но Тургеневъ, не только какъ художникъ, но и какъ человѣкъ иной формаціи, никакого разрѣшенія этого вопроса и не могъ дать. Его умственныя симпатіи оставались на сторонѣ такъ называемыхъ «отцовъ», которые были ему знакомы и ясны и которыхъ поэтому онъ могъ нарисовать въ полной ихъ умственной законченности. Новое же движеніе мысли (такъ называемыя «дѣти») настолько еще не сформировалось, что обрисовывалось лишь въ видѣ направленія. Но и какъ направленіе оно было совсѣмъ чуждо Тургеневу. Чувствовалъ онъ въ немъ что-то справедливое, способное создать болѣе удовлетворяющую всѣхъ правду отношеній, симпатизировалъ этой невѣдомой ему правдѣ, но постичь ее умомъ не могъ, что онъ и самъ говаривалъ, да еще разъ сказалъ и своимъ романомъ.

Вотъ какъ стоялъ тогда этотъ вопросъ и въ какомъ видѣ отразилъ его Тургеневъ. Онъ отыскалъ «новаго человѣка», далъ ему внѣшній образъ, въ двухъ его нарождающихся формахъ—въ видѣ активной, двигающей сознательной критической ум-

ственной силы (Базаровъ) и въ видѣ эмбріона будущей толпы (Аркадій), показалъ разное происхожденіе этихъ двухъ силъ (хотя и невѣрно) и далъ ихъ только въ формѣ движенія «какой-то» новой сильной мысли, получившей «какой-то» толчокъ и двинувшейся въ направленіи, которое ей этотъ толчокъ сообщилъ.

Художественное изображеніе «дѣтей» не показало ихъ идейнаго происхожденія,—они явились чѣмъ-то выхваченнымъ и оторваннымъ и ихъ преемственная связь осталась не выясненной. Вопросъ, не изслѣдованный въ этомъ направленіи, такъ и остался не изслѣдованнымъ, общество взяло его только внѣшнимъ образомъ и запечатлѣло въ себѣ, какъ картину борьбы всего стараго со всѣмъ молодымъ. Правда ли это? Выгодна ли для общественнаго развитія подобная, утвердившаяся въ общественномъ мнѣніи, «теорія прогресса»? Всегда ли назадъ идутъ только «отцы», или же назадъ идутъ иногда и «дѣти»? Борьбой ли поколѣній свершается движеніе и потому его нужно узаконить, или оно свершается борьбой идей, совсѣмъ независимыхъ отъ поколѣній, которыя въ этой борьбѣ являются сами лишь только средствомъ? Центръ тяжести понятія о движеніи и застоѣ—въ борьбѣ ли поколѣній, или его нужно перенести въ другое мѣсто? Наконецъ, существуютъ ли поколѣнія въ видѣ какихъ-то двухъ военныхъ армій: дѣтей и стоящихъ противъ нихъ отцовъ?

Это вопросы очень важные и разобраться въ нихъ необходимо. Если весь вопросъ—въ борьбѣ поколѣній, то совершенно ясно, что борьба между ними есть неизбѣжное и неустранимое условіе общественной жизни. Тутъ возникаетъ очень опредѣленный, осязательный образъ препятствія, стоящаго стѣной, и противъ этой стѣны и должны быть направлены всѣ усилія. Но если движеніе создается не поколѣніями, а тѣми или другими идеями, выразителями которыхъ въ одинаковой степени могутъ являться и отцы, и дѣти, то вопросъ становится совершенно иначе. И не только устанавливается иначе весь этотъ вопросъ, но и устанавливается совсѣмъ иная общественная и личная (семейная) нравственность, потому что измѣняется предметъ борьбы. Въ идеѣ и какъ принципъ, «отцы» перестаютъ быть врагами дѣтей, противъ которыхъ нужно бороться, а «дѣти» перестаютъ быть тою непокорностью, противъ которой должны быть принимаемы «мѣры». Общественная мысль вырабатываетъ себѣ другой критерій и получаетъ совсѣмъ другое движеніе.

Поколѣнія, какъ двѣ какія-то отдѣльныя и враждебныя арміи, есть собственно фикція. Ничего такого въ дѣйствительности не существуетъ и никакой точной раздѣляющей черты между поколѣніями провести нельзя. Графически поколѣнія можно изобразить подвижною наклонною плоскостью. Это—гора, постепенно и ровно идущая снизу и до верху, безъ всякихъ перерывовъ или рѣзкихъ внезапныхъ возвышеній. Съ высокой стороны горы каждый годъ исчезаютъ «отцы», съ другой, низкой, каждый годъ прибавляются «дѣти», и гора вѣчно двигается въ сторону нарождающихся дѣтей. Гдѣ же тутъ черта, разграничивающая поколѣнія?

Поколѣніе есть понятіе личное, частное, семейное (психологическое), а не общественное и политическое. Какъ понятіе семейное, оно вполнѣ точно, опредѣленно, а границы взаимныхъ отношеній «отцовъ» и «дѣтей» совершенно ясны. Между родителями и дѣтьми всегда сохраняется извѣстное разстояніе, которое вполнѣ никогда не исчезаетъ и взаимныя ихъ отношенія устанавливаются обыкновенно въ области исключительно семейныхъ чувствъ. Эти чисто-личныя психологическія отношенія въ область общественныхъ отношеній не переносятся, а такъ и остаются въ четырехъ стѣнахъ семьи.

Общественныя отношенія устанавливаются инымъ порядкомъ понятій, такъ называемымъ идейнымъ движеніемъ мысли, которое стремится всѣ эти частные, личные, семейные эгоизмы слить въ одинъ общій уравновѣшенный интересъ — общественный или государственный. Въ этой области понятій «поколѣніе», какъ понятіе личное и семейное, вполнѣ заслоняется другимъ высшимъ понятіемъ, въ немъ исчезаетъ и растворяется.

Такъ бы оно должно быть, но не такъ оно у насъ. У насъ утвердилось и снова повторяется мнѣніе о борьбѣ,—борьбѣ, въ которой сороковые годы исключаютъ двадцатые, шестидесятые—сороковые, и восьмидесятые исключаютъ семидесятые и шестидесятые и всѣ предъидущіе. Въ этой теоріи взаимнаго поглощенія понятіе о поколѣніяхъ является чисто-подставнымъ, фиктивнымъ обобщеніемъ своего собственнаго *я*. Отдѣльное *я*, или група подобныхъ *я*, обобщаетъ себя въ фикцію поколѣнія, поколѣніе возводитъ въ общество, общество — въ цѣлую Россію, а свою частную личную истину провозглашаетъ истиной общественной и даже общерусской. Еще Свифтъ замѣтилъ, что девять десятыхъ человѣческихъ глупостей происходятъ отъ преувеличеннаго о себѣ мнѣнія. Но, вѣдь, если у насъ былъ кружокъ людей сороковыхъ годовъ (который обобщаетъ обыкновенно въ поколѣніе), то его идейное происхожденіе было иное. Онъ именно меньше всего выражалъ собою «индивидуальную мысль», тогда какъ та група людей, которая беретъ на себя представительство поколѣнія восьмидесятыхъ годовъ, выходитъ исключительно изъ «индивидуальной мысли». Думаетъ ли она сыграть роль людей сороковыхъ годовъ, этого я не знаю; но что люди сороковыхъ годовъ стояли во главѣ идейнаго движенія, а група, о которой рѣчь, устанавливаетъ и опредѣляетъ условія своего личнаго существованія, это несомнѣнно. Разстояніе между людьми сороковыхъ годовъ и *этими* (я подчеркиваю—«этими») людьми восьмидесятыхъ такъ же велико, какъ между небомъ и землей.

Исторія общественнаго развитія шла другимъ путемъ—путемъ идейнаго движенія. Идеи же падаютъ не съ неба. Онѣ творятся жизнью и стремленіями людей къ лучшимъ отношеніямъ. Люди же такой «индивидуальной мысли», представителями которой были люди сороковыхъ годовъ, являются

только выразителями этихъ стремленій и даютъ имъ идейную формулу. Идея, создавшая Петра Великаго, существовала далеко до него,—ее можно прослѣдить во всей предъидущей русской исторіи. И шагъ за шагомъ росла и двигалась эта идея въ безсознательномъ русскомъ мышленіи, пока не отразилась во всей своей яркости и силѣ въ сознаніи Петра. Это законъ всякой общественной идеи. Иногда нужны вѣка, прежде чѣмъ идея доростетъ до своего осуществленія и явятся, наконецъ, «руки», способныя дать ей плоть и кровь. И у каждой общественной идеи являлись рано или поздно свои «руки», могущество, сила и величіе которыхъ должны были отвѣчать болѣе или менѣе могуществу, силѣ и величію идеи, ихъ создавшей. Такіе великіе реформаторы, какъ Карлъ Великій, Лютеръ, Петръ Великій, только потому и велики, что ихъ создали великія идеи и что у нихъ были великія личныя силы, чтобы назрѣвшія потребности жизни осуществить въ дѣйствительности. На нашихъ глазахъ свершилось два подобныхъ же идейныхъ осуществленія—наше освобожденіе крестьянъ, постепенно ростущую идею котораго можно выслѣдить въ цѣломъ рядѣ предъидущихъ вѣковъ и установить ея связь съ христіанскимъ порывомъ Башкина при Иванѣ Грозномъ, и объединеніе Германіи, въ которомъ идеально-мечтательный образъ Фридриха III является въ такой благородной, возвышенной, гуманной чистотѣ. Висмаркъ и Вильгельмъ I были «руки» не той идеи, и исторія сдвинетъ ихъ съ пьедестала, на который ихъ поставили современники.

Не фиктивный антагонизмъ фиктивныхъ поколѣній создалъ всѣ эти историческія движенія, а поступательная жизнь и преемственность идей въ ихъ непрерывномъ ростѣ. Если бы общественный прогрессъ свершался смѣной поколѣній, то онъ былъ бы непрерывный, какъ ростъ лѣса. Но вотъ что показываетъ исторія. Возьму ее лишь съ Петра. Петръ Великій творитъ реформы—и вся русская жизнь кипитъ, движется, ростетъ. Послѣ Петра наступаетъ многолѣтнее затишье, прерываемое только золотымъ вѣкомъ Екатерины. Но яркость Екатерининскаго царствованія наблюдается только въ первыя 15 лѣтъ и съ лѣтами императрицы блекнетъ и яркость ея золотаго вѣка. Съ Императоромъ Павломъ наступаетъ въ русской общественной жизни крутой поворотъ. Затѣмъ черезъ пять лѣтъ вступаетъ на престолъ Императоръ Александръ I и даетъ сильный обновляющій толчокъ всей внутренней жизни, наступаетъ эпоха воодушевленія, обновленія, реформъ. Это подвижное шумное время продолжается не болѣе пятнадцати лѣтъ. Царствованіе Императора Николая опять носитъ совсѣмъ иной характеръ. Затѣмъ вступаетъ на престолъ Императоръ Александръ II и создаетъ эпоху реформъ, аналогичную общему воодушевленію и энергіи стремленій съ эпохой Александра I. Теперешнее время разрѣшаетъ опять иныя задачи.

Гдѣ же тутъ поколѣнія? Поколѣнія ли создали эти чередующіяся перемѣны, сроку времени которыхъ не отвѣчаетъ жизнь поколѣній, или что-нибудь другое? Силой ли поколѣній создавались эти иногда очень рѣзкіе переходы въ жизни Россіи, или же, напротивъ, сами поколѣнія подчинялись тому или другому движенію, входили въ него, сливались съ нимъ? Слѣдуетъ, думаю, признать, что наши поколѣнія обыкновенно подчинялись воздѣйствію внѣшнихъ вліяній и силѣ господствующихъ обстоятельствъ.

То же самое повторилось еще разъ и на той группѣ людей, о которой было заявлено печатно, что она есть идейная представительница поколѣнія восьмидесятыхъ годовъ. И въ чемъ же заключается ея идейность? Вся идейность этой группы заключается только въ томъ, что, признавъ дѣйствительность за свершившійся фактъ и принявъ ее «спокойно и безропотно», она подыскала своему безропотному спокойствію теоретическое объясненіе—и получился результатъ поистинѣ изумительный. Такъ какъ идеи и идеалы всѣхъ предъидущихъ поколѣній не соотвѣтствуютъ той дѣйствительности, въ которой группа родилась, и которую она приняла «спокойно и безропотно», то всѣ эти идеи и идеалы ошибочны и ихъ слѣдуетъ вычеркнуть. Истинная правда заключается только въ настоящемъ и предъидущаго у нея нѣтъ; это настоящее нужно лишь умѣть понять и за тѣмъ состоящее самъ собою безошибочный законъ общественнаго существованія и тѣ идеалы, которые должны руководить поведеніемъ людей. Если бы эта группа людей была безсмертна, то ей пришлось бы быть свидѣтельницей цѣлаго ряда собственныхъ чудесныхъ превращеній, и у нея явился бы цѣлый сборникъ безошибочныхъ общественныхъ законовъ и цѣлая галлерея идеаловъ. И въ своемъ незлобивомъ художественномъ созерцаніи эти счастливые люди, сидя на одномъ мѣстѣ и любуясь развертывающеюся передъ ихъ глазами панорамой исторіи, считали бы себя «поколѣніемъ», творящимъ все это движеніе.

Все это я говорю къ тому, чтобы установить, что теорія поколѣній (особенно въ ея подновленномъ видѣ) не даетъ ровно ничего руководящаго. Считая себя творцомъ собственной дѣйствительности оно живетъ въ своей дѣйствительности желаетъ возвести въ общій и эту дѣйствительность законъ, молодое поколѣніе при этой теоріи можетъ послужить другому дѣлу, съ которымъ оно по своимъ нравственнымъ чувствамъ можетъ совсѣмъ и не мириться.

Очевидно, что законъ движенія нужно искать не въ теоріи поколѣній, не въ томъ, что только всякое послѣдующее поколѣніе является дѣйствительнымъ выразителемъ общественнаго прогресса и что только съ камертономъ этого поколѣнія и должна сообразоваться жизнь. Есть нѣчто другое, что стоитъ выше поколѣній, что вліяетъ и на нихъ, что вліяетъ одинаково какъ на поколѣнія, такъ и на всю совокупность жизни всякой страны, всякаго народа, что подчиняетъ себѣ и руководящіе умы и управляетъ «руками» и всякими исполнительными органами, несущими свою механическую службу. Это нѣчто — идеи. Только принявъ идеи, мысль

освободитъ себя отъ всего частнаго, случайнаго, временнаго и пойдетъ верхнимъ движеніемъ, не путаясь въ темныхъ закоулкахъ, которые ее сбиваютъ на нижнемъ пути. Всѣ несущественные, всѣ приставшіе искусственные или временные элементы тогда отпадутъ и установится совершенно ясный общій ходъ движенія, въ которомъ каждый явится безошибочнымъ судьей того, что ему слѣдуетъ понять, какъ слѣдуетъ думать, какъ слѣдуетъ вести себя, какъ жить.

Если бы при этомъ способѣ пониманія жизненныхъ движеній и пришлось создавать теорію поколѣній, то, конечно, обнаружилась бы между поколѣніями преемственная связь, и вполнѣ стала бы ясна та общая идейная нить, на которую поколѣнія нанизаны какъ бусы и которая ихъ скрѣпляетъ въ одну общую поступательную силу, а не разрываетъ эту нить и не разбрасываетъ бусъ, какъ это дѣлаетъ выступившая теперь съ своею собственною истиной новая теорія.

Весьма вѣроятно, что объ этой теоріи общество ничего бы не знало, если бы ученіе объ общественномъ индифферентизмѣ не нашло себѣ такой благопріятной почвы въ цѣлой группѣ людей, оказавшейся одаренной литературнымъ талантомъ («Новое литературное поколѣніе»). И это тѣмъ болѣе прискорбно, что нѣкоторые изъ этого новаго литературнаго поколѣнія обладаютъ несомнѣнною даровитостью, пишутъ они много и читаютъ ихъ много, и, такимъ образомъ, популяризація общественнаго индифферентизма является школой общественнаго разврата, которая несомнѣнно принесетъ свои плоды въ будущемъ, а, можетъ быть, приноситъ ихъ уже и теперь.

Эта популяризація общественнаго индифферентизма является тѣмъ болѣе опасной, что «новое литературное поколѣніе» окружено однородною съ нимъ средой, изъ нея лишь черпаетъ свои темы и дышетъ только этою однородною съ нимъ атмосферой. Всѣ непосредственныя впечатлѣнія «новыхъ» писателей воспринимаются только изъ этого видимаго ими міра, и не имѣя никакого другаго критерія (ни въ себѣ, ни внѣ), они, конечно, только этотъ развратъ мысли и чувства и могутъ возводить въ теорію, ни на секунду не сомнѣваясь въ ея безошибочности.

Какова же атмосфера, которой дышетъ «новое литературное поколѣніе»? Объ этой атмосферѣ даетъ понятіе авторъ очерковъ о современной петербургской молодежи, печатающихся въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». «Я не вижу въ современномъ молодомъ поколѣніи никакой опредѣленной окраски, никакихъ установленныхъ идеаловъ,— говоритъ авторъ очерковъ,—оно такъ же чуждо славянофильства, какъ и западничества; такъ же далеко отъ идеаловъ «моральной личности», какъ и отъ преклоненія передъ научно-соціологическимъ раемъ. Оно разъединено, разрознено, разбито на множество отдѣльныхъ толковъ, которыхъ почти столько же, сколько въ немъ считается единицъ. Въ сущности, всѣ правы и никто неправъ. Послѣдователи и поклонники найдутся у всѣхъ, кто только ни говоритъ о современной молодежи... Я,— говоритъ авторъ,—знаю молодыхъ людей, увлекшихся до самозабвенія книгамиМану и буддійскою моралью, но, конечно, не они даютъ тонъ молодому поколѣнію... Да и вообще нѣтъ этого тона. Нынѣшній молодой человѣкъ сотворилъ себѣ, какъ говорится, «келью подъ елью» и въ этой полной изолированности и отчужденности проходятъ его лучшіе годы. Можетъ быть, это протестъ противъ былой стадности, въ которой костенѣла молодежь; можетъ быть, здѣсь сказываются долгіе годы рабьяго трепетанья передъ «передовыми» авторитетами. Не знаю. Ясно только, что работаетъ и главенствуетъ натура, и ничего больше»...

Фраза о протестѣ противъ былой стадности и рабьяго трепетанья передъ передовыми авторитетами вставлена, очевидно, ради полемическаго краснорѣчія. Потому что если ясно, что тутъ работаетъ и главенствуетъ натура и ничего больше, такъ о чемъ же еще и говорить? Если бы молодежь, о которой рѣчь, была недовольна движеніемъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, она выставила бы свою собственную общественную теорію, которою бы и протестовала противъ ошибокъ предъидущаго движенія мысли. Въ умственной области и акціи, и реакціи могутъ быть только умственными. А, вѣдь, тутъ оказывается, что люди сидятъ подъ елью и въ нихъ работаетъ и главенствуетъ только натура. Если автору очерковъ о петербургской молодежи кажется, что это—протестъ противъ былой стадности и рабьяго трепетанья передъ передовыми авторитетами, то, вѣдь, та стадность была, все-таки, стадность «умственная», а это—стадность зоологическая. При чемъ же тутъ протестъ, а тѣмъ болѣе отрицаніе собственной стадности, когда стадность осталась стадностью и стадо лишь направилось въ другую сторону? Несомнѣнно, что здѣсь приходится наблюдать мысль, сбившуюся съ пути. Но какіе же общественные и нравственные результаты получаются отъ этой ошибки и что ждетъ впереди эту самую молодежь, и что ждетъ Россію, когда подобныя «дѣти» станутъ «отцами» и возьмутъ въ свои руки какое бы то ни было кормило, хотя бы просто палку деревенскаго сотскаго?

Групповый возрастъ, создавшій эту новую теорію, долженъ быть отъ 20—30 или нѣсколько болѣе лѣтъ. Молодежь, принадлежащая къ нему, должна была родиться между 1858 — 1868 гг., кончить гимназію между 78 и 86 гг., а университетъ между 80 и послѣдующими годами.

Эти годы были труднымъ временемъ. Общество заметалось, спуталось; оно и прежде было слабо сознаніемъ, а тутъ мысль его и совсѣмъ очутилась подъ спудомъ. Аксаковъ думалъ, что умственный промежутокъ, который открылся тогда передъ обществомъ, и есть именно наиболѣе благопріятный моментъ для того, чтобы общественное сознаніе встало въ томъ направленіи, которое онъ считалъ единственно способнымъ обновить все наше общественно-государственное существованіе. Рядомъ съ этимъ, такъ называемые западники желали усиленія дѣятельности интеллигенціи. Но явилось и еще движе-

ніе, направленное именно противъ интеллигенціи. Это было одно изъ самыхъ злополучныхъ и несчастныхъ самоотреченій, продолжающееся и до сихъ поръ. Интеллигенція была сдѣлана козломъ отпущенія за все—и кѣмъ же?—такою же самою интеллигенціей, какъ она. Та самая масса молодыхъ силъ, которая было устремилась за знаніемъ,—за знаніемъ, которое потребовала теперь сама жизнь, за тѣмъ знаніемъ и образованіемъ, сознанной недостаточности котораго совершенно вѣрно приписывалась вся наша отсталость, всѣ наши внутреннія неурядицы,—эта самая молодежь, выдвинутая Россіей, какъ необходимая для нея умственная сила, стала внезапно какимъ-то общимъ бременемъ. Даже печать стала травить ее. И явилось нѣчто анормальное, ставшее въ ученіи гр. Толстаго религіей общественнаго обновленія невѣжествомъ. Вопросъ, наконецъ, всталъ въ виду двухъ взаимно исключающихъ положеній. Или рамки жизни не могутъ быть расширены, чтобы принять въ себя обратно ту часть населенія, которую Россія выдѣляетъ, чтобы получить обратно въ формѣ интеллигентной силы, и, въ такомъ случаѣ, интеллигенція, конечно, намъ не нужна, а гр. Толстой правъ, или же намъ нужна интеллигенція, и Россія, выдѣляя силы для интеллигентнаго ихъ развитія, дѣлаетъ это для того, чтобы ихъ принять въ себя обратно и, слѣдовательно, имъ долженъ быть открытъ просторъ.

Молодежь, особенно петербургская, которая росла и воспитывалась въ этомъ переполохѣ мысли, на чемъ могла остановиться? На чемъ могъ остановиться искренно стремящійся и ищущій юноша, чувства котораго искали дѣла, а мысль просила разрѣшеній шевелившихъ ее вопросовъ, можетъ быть, тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые возбудилъ въ нихъ гр. Л. Толстой, если бы этотъ юноша пришелъ къ своему учителю и спросилъ его: «что же дѣлать?»

Не знаю, молодой ли человѣкъ корреспондентъ «Русскаго Курьера», напечатавшій въ немъ недавно свой разсказъ о посѣщеніи гр. Толстаго. Должно быть, молодой. Пришелъ онъ къ гр. Л. Н. Толстому пѣшкомъ изъ Орла и, немудрствуя лукаво, излился въ откровенной исповѣди. Гр. Толстой слушалъ пришельца внимательно, сочувственно, не спуская съ него своихъ ласкающихъ глазъ и изрѣдка вставляя замѣчанія.

«— Какъ же пѣшкомъ-то дошли, небось ноги болятъ?

«— Болятъ, Левъ Николаевичъ, но что же дѣлать?

«— Да. И рубль только у васъ? И ничего нѣтъ?... Зачѣмъ же въ Москву идете?

«— Работать, Левъ Николаевичъ.

«— Тамъ трудно искать. Такихъ, какъ вы, тамъ много, очень много, вакансій нѣтъ, а желающихъ много. Идите назадъ, въ Орелъ, и лучше бросьте свою профессію.

«— И возвратиться назадъ?!

«—Да, именно назадъ. Впереди мракъ. Цивилизація въ томъ видѣ, какъ она идетъ—мракъ. Назадъ надо. Работа же всегда, но не безцѣльная и корыстная. Цѣль жизни такая: давайте какъ можно больше и какъ можно меньше берите. Тогда спокойствіе и довольствіе; иначе нѣтъ... Ограничьте ваши потребности. Доведите ихъ до минимума. Давайте много и берите мало,—такъ надо. Это хорошо, что вы идете пѣшкомъ, съ рублемъ. Но не все. Костюмъ у васъ хорошій. Вамъ стыдно идти. Зачѣмъ вы его надѣли? Рублей тридцать, вѣдь, онъ стоитъ. На эти деньги можно полдесятины купить и живите, кормитесь, работайте. А вы отъ старой профессіи такой же ищете, лишь бы денегъ побольше. Нехорошо...»

«—Прощайте! Пишите, если что надо будетъ,—сказалъ графъ, разставаясь съ пришельцемъ.—Я всегда готовъ... А лучше назадъ идите... назадъ.

«И ушелъ я,—говоритъ юноша, — съ тоскою на сердцѣ. Дорога предстояла длинная...»

Какія перспективы могли открываться передъ подростающею молодежью, когда, съ одной стороны, на нее смотрѣли какъ на нѣчто вредное, а съ другой — ее считали безполезною и безсильною дать жизни какое бы то ни было плодотворное содержаніе и говорили ей: «иди назадъ, купи себѣ полдесятины земли, живи каторжнымъ трудомъ и кормись,—чего тебѣ еще нужно, кромѣ корки черная хлѣба?»

И получалось то, что должно было получаться. Молодежь, и преимущественно петербургская, выроставшая, такъ сказать, въ самомъ источникѣ болѣе интензивныхъ условій внѣшней жизни, сложилась преимущественно по тому типу, на который указываютъ «Петербургскія Вѣдомости». Одни изъ нихъ сѣли подъ елью, другіе сформировали «новое литературное поколѣніе», третьи начали читать книги Ману и ушли въ буддійскую мораль, четвертые отправились въ паломничество къ графу Л. Н. Толстому.

Все это были лишь разныя формы личнаго эгоизма, стремленія единоличнаго *я* создать себѣ мѣсто въ природѣ и найти ублаготворяющую атмосферу въ независимомъ личномъ положеніи.

Люди съ иною нравственною наслѣдственностью, въ той же самой дѣйствительности, которая создала группу, провозгласившую себя поколѣніемъ восьмидесятыхъ годовъ, нашли совсѣмъ иной матеріалъ для движенія своихъ чувствъ и мыслей. Это была молодежь, стоявшая нѣсколько дальше отъ непосредственныхъ и болѣе острыхъ петербургскихъ вліяній, но за то ближе къ живой жизни и потому сложившаяся по другому умственному типу. Люди этой лучшей натуры въ самихъ условіяхъ окружавшей и не удовлетворявшей ихъ дѣйствительности черпали для себя возбуждающую силу, чтобы для этой самой дѣйствительности найти ея болѣе справедливое настоящее и ея болѣе свѣтлое будущее.

Приведу два указанія изъ этой дѣйствительности, двѣ черты того нравственнаго образа, который формируется въ живой, настоящій «новый типъ», новыхъ готовящихся работниковъ, имѣющихъ уже очень точныя и ясныя представленія о своихъ задачахъ жизни. Беру эти черты не изъ

писаній «новаго литературнаго поколѣнія», а у писателей провинціальныхъ.

Одинъ изъ нихъ, по поводу «Писемъ съ дороги» Гл. И. Успенскаго, ведетъ рѣчь о томъ, что намъ необходимо изъ міра грезъ и фантазій вернуться къ настоящей дѣйствительности, и вотъ какъ онъ рисуетъ ту руководящую нравственную силу, которая должна поддерживать и воодушевлять каждаго:

«Въ нашихъ мечтаніяхъ мы всегда уносимся далеко... Въ эти благодатныя минуты мы живемъ, дышемъ, чувствуемъ себя сильными и бодрыми... Но вотъ грезы улетѣли. Мы снова въ дѣйствительности. Борьба, которая казалась намъ такой высокой и прекрасной въ мечтахъ, сводится на кропотливую, утомляющую возню съ мелочами, съ угнетающими душу ничтожными фактами. Мы видимъ, что наши идеалы должны вынести страшное столкновеніе съ тѣми безпощадными, отравляющими жизнь, частностями, которыми такъ богата мимоидущая жизнь, что на каждомъ шагу намъ приходится испытывать весь ужасъ положенія одиноко стоящаго человѣка, потому что масса незамѣтныхъ мелочей отдѣляетъ отъ насъ тѣхъ, кто идетъ заодно съ нами. Иногда личныя отношенія заслоняютъ стоящую впереди цѣль, иногда частныя столкновенія вредятъ общему дѣлу, а солидарность и объединеніе исчезаютъ передъ массой незамѣтныхъ, но ежечасно, ежеминутно дающихъ знать о себѣ, пустяковъ, передъ которыми мы оказываемся безсильны, передъ которыми отступаемъ шагъ за шагомъ, и постепенно отказываемся отъ своихъ идеаловъ, считая ихъ несбыточною мечтой, нелѣпою фантазіей, которыми можетъ тѣшить себя только зеленая юность. Наша вѣра гаснетъ, слѣдовательно, гаснетъ и жизнь, и начинается медленное прозябаніе, во время котораго мы пріискиваемъ себѣ суррогаты жизни, тѣшимъ себя тѣмъ, что не имѣетъ никакого значенія, и забываемъ настоящую цѣль и настоящій смыслъ человѣческаго существованія... Мы стараемся даже не задумываться надъ этими вопросами, зная, что они пробудятъ въ душѣ мучительную тревогу, заставятъ насъ утратить на время наше величественное спокойствіе... Но эти вопросы, эти моменты есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, наше единственное спасеніе, единственное доказательство, что еще не все честное и хорошее угасло въ нашихъ сердцахъ, что мы еще не окончательно погрязли въ житейской суетѣ, что въ насъ сохранился откликъ ко всему чистому и высокому... И счастливъ тотъ, кто переживаетъ эти моменты, счастливъ тотъ, у кого не исчезла способность думать и чувствовать! Счастливъ тотъ, у кого сильно бьется сердце при мысли о тѣхъ несообразностяхъ, которыми такъ богата человѣческая жизнь, у кого явится стремленіе выйти изъ этой нескладицы, распутать тотъ узелъ, въ который скрутились житейскія отношенія... Только усиліями этихъ людей и движется впередъ наша жизнь... Къ счастію, самая сложность ея, безвыходность многихъ ея сторонъ заставляетъ людей крѣпко задумываться и искать выхода изъ того положенія, въ которое она ставитъ ихъ... Многіе, конечно, сбиваются, падаютъ, но многіе закаляются и сохраняютъ свѣжесть души и чувства, сохраняютъ неприкосновенность своихъ идеаловъ, безъ которыхъ жизнь человѣка блѣдна и безсмысленна. Только работа въ пользу этихъ идеаловъ, только сознаніе цѣли своей жизни освѣщаетъ всю ее, даетъ связующую нить всѣмъ поступкамъ и дѣйствіямъ человѣка, только тогда эта жизнь не сводится къ перечню не имѣющихъ никакого взаимнаго отношенія фактовъ, не сводится къ погонѣ за эфемерными благами жизни» (*Журнальные наброски*, «Волжскій Вѣстникъ», № 239).

Это—теоретическій, идеальный порывъ чистой, истинно-человѣческой, живой, любящей и молодой души, ищущей удовлетворенія въ дѣйствительности, ради этой дѣйствительности и ея мелкихъ заботъ и нуждъ (какъ видите, тоже «дѣйствительность», но уже совсѣмъ не та, которую приняло «молодое литературное поколѣніе»).

А какая это «дѣйствительность», осуществленія которой желаетъ истинно по-человѣчески направленное стремленіе, какихъ практическихъ дѣлъ ждетъ оно отъ той «новой религіи», проповѣдь которой раздается изъ Ясной Поляны, привлекая къ себѣ паломниковъ, читатель увидитъ изъ слѣдующей картины, нарисованной писателемъ тоже молодымъ и тоже не изъ «молодого литературнаго поколѣнія». Приведу эту выписку съ несущественными сокращеніями и попрошу у автора позволенія говорить его словами, потому что всякій перифразъ отнялъ бы отъ картины ея яркость, рельефность и убѣдительность.

Въ видѣ вступленія авторъ рисуетъ теперешнюю «дѣйствительную» Ясную Поляну. Старый графскій паркъ стоитъ какъ бы погруженный въ тихую и грустную думу. Спитъ все кругомъ, какъ въ волшебной сказкѣ. Нелюдимо, безжизненно, пустынно. Графскій замокъ стоитъ унылый и мрачный. По пыльной проселочной дорогѣ шагаетъ медленно газетный хроникеръ, въ «его сердцѣ какая-то свѣтлая, заманчивая надежда», а усталыя ноги еле несутъ его тѣло. Онъ шагаетъ впередъ, а по сторонамъ бѣдныя, жалкія лачужки крестьянъ, убогое сельцо, невзрачная церковь, оборванный мальчишка, грязная и растрепанная баба... Не слышно здѣсь ни пѣсенъ людей, ни щебетанья птицъ, ни громкихъ и веселыхъ дѣтскихъ голосовъ. Все молчитъ. Вотъ, наконецъ, и графъ въ портахъ и грязной рубахѣ... Внимательно, сочувственно, не спуская съ странника своихъ ласкающихъ глазъ, выслушалъ Левъ Николаевичъ исповѣдь и сказалъ ему: «Идите назадъ, назадъ идите. Цивилизація въ томъ видѣ, какъ она идетъ, мракъ»... И странникъ съ тоскою въ сердцѣ зашагалъ опять по пыльной дорогѣ.

Но вотъ картина мѣняется.

— Эй, господинъ,—крикнулъ кто-то надъ моимъ ухомъ, — потрудитесь встать, скоро станція Ясенки. Авторъ очнулся и, къ великому удовольствію, сейчасъ же вспомнилъ, что всѣ мрачныя картины, которыя только что ему рисовались, —

сонъ, иллюзія и что только теперь должна развернуться передъ нимъ свѣтлая дѣйствительность.

Было сентябрьское утро, свѣтлое и ясное. Какъ только авторъ сошелъ съ поѣзда на платформу, къ нему подбѣжалъ какой-то прилично одѣтый господинъ съ вопросомъ: «Вы къ графу? Пожалуйте, здѣсь его линейка. Я сейчасъ. Поищу, нѣтъ ли еще гостей». У самаго вакзала стояла прекрасная линейка для десяти человѣкъ съ платформой для багажа. Пріѣзжій бросилъ свои вещи на верхнюю площадку и сѣлъ. Вскорѣ выбѣжалъ тотъ господинъ и, привѣтливо кивнувъ еще разъ, сказалъ: «Ну-съ, сейчасъ ѣдемъ,—больше никого нѣтъ». Дорогой онъ обернулся къ гостю и сказалъ: «Я сынъ Льва Николаевича. Мы къ каждому поѣзду высылаемъ лошадей, потому что къ папѣ очень много народу ѣдетъ. Иногда я выѣзжаю, иногда мой старшій братъ, или самъ папа, или кто-нибудь изъ гостей,—потому у насъ никакихъ работниковъ нѣтъ».

Скоро показалась и Ясная Поляна. Какое прелестное и замѣчательное село! Помню, говоритъ авторъ, когда-то меня привели въ восторгъ нѣмецкія колоніи менонитовъ на Молошной; я тогда думалъ, что лучшаго идеала деревни уже и быть не можетъ. Но то, что я увидѣлъ здѣсь (не забывайте читатель, что все это «фантазія» автора), превзошло всѣ мои смѣлыя ожиданія. Высокія деревянныя избы, крытыя тесомъ и выкрашенныя разною краской, тянулись двумя правильными рядами. Позади каждой избы большой огородъ, оканчивающійся фруктовымъ садомъ, впереди—палисадникъ и нѣсколько декоративныхъ растеній. Оказалось, что у Льва Николаевича есть замѣчательный лѣсъ и большой питомникъ, и что онъ никому не жалѣетъ строительнаго матеріала и надѣляетъ всю округу всевозможными полезными растеніями изъ питомника.

Дальше въ селѣ стоялъ прекрасный домъ, весь утопающій въ зелени, а на крышѣ его большая вывѣска: «Ясно-полянская двухклассная профессіональная школа», еще дальше безплатная лечебница и пріемный покой для приходящихъ больныхъ, еще дальше литейный заводъ и слесарная, потомъ складъ земледѣльческихъ орудій и машинъ для кустарныхъ промысловъ, затѣмъ безплатная аптека, больница—всѣ палаты построены отдѣльными павильонами. По улицамъ встрѣчается народъ, бойкій, веселый, здоровый и празднично одѣтый. Былъ воскресный день.

Когда линейка подъѣхала къ усадьбѣ, на встрѣчу гостю вышелъ самъ графъ въ простомъ, но удобномъ и хорошо сшитомъ костюмѣ. Изъ внутреннихъ покоевъ выбѣжали еще какіе-то господа, всѣ такіе хорошіе, добродушно улыбающіеся. Всѣ пожимали пріѣзжему руки, какъ старому знакомому.

— Пожалуйте, пожалуйте, дорогой гость!—говорилъ графъ.—Сейчасъ идемъ чай пить.—Въ это время на порогѣ показалась какая-то молодая женщина.

— Господа!—крикнула она,—пожалуйте скорѣе чай пить,—мнѣ некогда.

— Это дочь моя,—обратился графъ къ гостю,—она спѣшитъ въ больницу къ своимъ больнымъ. Я только теперь убѣдился, какую громадную пользу могутъ принести населенію женщины-врачи. Пожалуйте.

Когда стаканы были налиты, графъ приподнялся съ мѣста и произнесъ слѣдующую краткую молитву: «Господь, Разумъ Вселенной, Свѣтлѣйшій идеалъ любви! Пусть снидетъ Твой разумъ и Твоя любовь на всѣхъ насъ, дабы мы жили между собою по-братски, по великимъ и жизненнымъ законамъ Твоимъ, по законамъ любви и справедливости. И вдохни въ насъ часть творческой силы Твоей, дабы мы могли творить и создавать, трудиться и производить. Аминь».

Комнаты графа стали наполняться разнородными людьми, которые все прибывали и прибывали, и пріѣзжій тутъ только впервые узналъ, что Левъ Николаевичъ состоитъ предсѣдателемъ губернской земской управы. Пріѣхали нѣкоторые земцы для совѣщаній. Графъ проектировалъ открыть въ губерніи нѣсколько агрономическихъ школъ, для каковой цѣли онъ жертвовалъ своихъ собственныхъ сто тысячъ. Гость удивился, какъ это газеты ничего не сообщаютъ о томъ, что графомъ Толстымъ открыты двѣ учительскія семинаріи для женщинъ, гдѣ, помимо педагогическихъ курсовъ, проходятся также курсы фельдшерскіе и акушерскіе. Гость узналъ также, что, благодаря стараніямъ графа и его крупнымъ пожертвованіямъ, при всѣхъ мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ учреждены спеціальныя агрономическія отдѣленія, что всѣ народные учителя въ губерніи уже надѣлены землей.

Въ это утро графъ очень много и увлекательно говорилъ о земскомъ дѣлѣ; онъ преподавалъ своимъ товарищамъ-земцамъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ, какъ вести борьбу съ нѣкоторыми воротилами, которые вели подпольную интригу противъ господствующей земской партіи. Потомъ зашла рѣчь объ учреждаемомъ графомъ обществѣ распространенія полезныхъ ремеслъ среди народа. Уставъ уже былъ выработанъ и, благодаря личному примѣру графа, между помѣщиками была собрана настолько солидная сумма, что можно было сразу открыть 30 ремесленныхъ школъ. Затѣмъ много говорилось объ учрежденіи общества страхованія отъ конокрадства. Въ дебатахъ приняли горячее участіе многіе крестьяне.

Многіе явились къ графу за совѣтами, кто спрашивалъ, какъ истреблять гессенскую муху, кто просилъ новыхъ сѣмянъ, кто спрашивалъ, какъ разводить какое-то новое растеніе, другіе пришли за медицинскимъ пособіемъ, тяжущіеся приходили мириться. Всѣхъ графъ внимательно выслушивалъ, всѣхъ одинаково привѣтливо принималъ, ко всѣмъ относился съ истинно-христіанскою любовью, всѣхъ по возможности удовлетворялъ.

Послѣ обѣда, который состоялъ изъ двухъ простыхъ блюдъ и чашки кофе, графъ обратился къ гостямъ съ просьбой не забывать, что въ 6 часовъ должно быть совѣщаніе.

Ровно въ 6 часовъ всѣ собрались въ кабинетѣ

Льва Николаевича. Старикъ былъ, видимо, возбужденъ и взволнованъ.

— Дорогіе друзья,—сказалъ графъ, обращаясь ко всѣмъ, — я долженъ вамъ сообщить, что получилъ недавно разрѣшеніе издавать газету для народа, подъ названіемъ «Крестьянскій Другъ». Нашъ многомилліонный народъ не имѣетъ еще ни одного періодическаго изданія, которое онъ могъ бы читать съ пользою для себя, которое бы давало ему полезныя практическія и нравственно-воспитательныя знанія... Далѣе, я хочу вамъ сообщить, что мнѣ пришла мысль основать передвижной народный театръ. Я уже написалъ для этого будущаго учрежденія нѣсколько подходящихъ пьесъ и послалъ ихъ въ цензуру. Помогите, друзья, это дѣло организовать и устроить,—оно очень трудное и сложное. Наконецъ, я вошелъ въ соглашеніе съ однимъ издателемъ, который долженъ напечатать дешевое изданіе моихъ сочиненій. Всѣ 12 томовъ будутъ продаваться по три рубля. На вырученныя деньги я намѣреваюсь выкупить сочиненія любимыхъ поэтовъ. Я хочу, чтобы ихъ пѣсни сдѣлались общимъ достояніемъ. Посовѣтуйте мнѣ, какъ всѣ эти задачи наилучшимъ образомъ исполнить...

Сколько по этому поводу было произнесено горячихъ и прочувствованныхъ рѣчей! Многіе, вмѣсто всякихъ словъ, бросились къ Льву Николаевичу и начали его душить въ своихъ объятіяхъ.

Наконецъ, наступила минута, когда гостю нужно было разстаться съ великимъ и дорогимъ учителемъ. Графъ позвалъ гостя въ кабинетъ, посадилъ противъ себя и ласково сказалъ:

— Ну, другъ мой, теперь скажите, кто вы такой и чего отъ меня желаете?

— Я — газетный труженикъ и умоляю васъ, объясните мнѣ, дѣйствительно ли мое занятіе — безполезное, негодное, подлое? О, не щадите меня! И могу ли я такъ устроиться, чтобы жить по вашей заповѣди: «какъ можно больше давайте и какъ можно меньше берите»?

И положилъ Левъ Николаевичъ свою руку на плечо вопрошавшаго и сказалъ:

— Сынъ мой, твое занятіе можетъ быть очень полезно, если ты будешь стараться служить словомъ своему ближнему, если ты будешь просвѣщать его, научать, наставлять, указывать истинный путь жизни. Не продавай своей совѣсти, отстаивай свои убѣжденія, старайся во всемъ блюсти не свои личные интересы, а интересы общіе. Всякій трудъ есть благо, если онъ будетъ вытекать изъ побужденія — какъ можно меньше брать себѣ лично и какъ можно больше давать другимъ. Иди впередъ, сынъ мой! Впереди свѣтъ и жизнь, и благо, и успокоеніе. Служить истиннымъ задачамъ цивилизаціи—это работа великая и святая! Иди впередъ и да поможетъ тебѣ Господь... Помни, что впереди свѣтъ и жизнь. Ступай впередъ, впередъ!

Растроганный и умиленный, обновленный притокомъ новыхъ силъ, гость оставилъ Льва Николаевича (*Еще въ Ясной Полянѣ*, «Одесск. Вѣстн.», № 251).

И такъ, рядомъ съ «новымъ литературнымъ поколѣніемъ», созданнымъ Петербургомъ и его умственною атмосферой и рекламирующимъ себя поколѣніемъ восьмидесятыхъ годовъ, Россія, провинція, живущая иною, практическою дѣйствительностью, выдвигаетъ людей и иной формаціи, на это «поколѣніе» не похожихъ. Есть у этихъ людей и живое чувство, и дѣятельная любовь, и стремленія, и потребность дѣла, и совершенно опредѣленныя практическія задачи, которыя они хотѣли бы осуществить.

Въ Россіи и всегда, во всѣ времена, не переводились эти два сорта людей: одни — проповѣдывавшіе «назадъ», другіе — «впередъ»; но, кажется, только нашему времени достался въ удѣлъ такой небывалый случай, что тѣ, кто идетъ и ведетъ «назадъ», шумно, смѣло и самоувѣренно рекламируютъ себя какъ поступательную силу, свое «назадъ» возводятъ въ теорію прогресса, и увы?—и въ этомъ-то и заключается весь драматизмъ нашего времени — привлекаетъ къ себѣ молодыя, хорошія, ищущія правды силы, къ сожалѣнію, однако, ни непосредственнымъ чувствомъ, ни умомъ неспособныя распознать, что въ словахъ любви, которыми очаровываютъ ихъ слухъ, нѣтъ никакой любви. И не будь у насъ «теоріи поколѣній», одной молодости было бы еще недостаточно, чтобы присвоивать себѣ право на умственную безошибочность и только себя и только свои личныя стремленія возводить въ истину.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое свершилось въ мірѣ, чтобы правда перестала быть правдой, справедливость — справедливостью, а любовь — любовью? И солнце, попрежнему, встаетъ съ востока, и Волга течетъ сверху внизъ, и вся громадная земледѣльческая Россія, этотъ исполинскій нижній пластъ, живетъ тою же жизнью, какою жила, съ тѣми же желаніями и стремленіями, и надеждами, и чаяніями. И не ради этого лежащаго внизу пласта шевелилась усомнившаяся въ себѣ мысль верховъ; шевелилась она только ради себя, и вся теорія «новаго поколѣнія» восьмидесятыхъ годовъ есть только теорія личныхъ заботъ о себѣ, о своемъ собственномъ мѣстѣ въ природѣ. Понятно, что подобное «поколѣніе» должно было разорваться со всѣмъ предъидущимъ идейнымъ движеніемъ, потому что оно и вышло не изъ него. Оно должно было отринуть и сороковые, и шестидесятые, и семидесятые года, ибо только въ этомъ и могла заключаться его послѣдовательность. Но рядомъ съ этою послѣдовательностью есть еще и другая послѣдовательность. Россія жила до насъ и будетъ жить послѣ насъ. Ея поступательная, стремящаяся впередъ жизнь имѣетъ тоже свой законъ движенія, обнаруживающійся въ непрерывности этого движенія. Чтобы увидѣть нить этой непрерывности, не зачѣмъ уходить далеко въ исторію, тѣмъ болѣе, что русло этого теченія еще никогда не опредѣлялось съ такою точностью, съ какою оно опредѣлилось на нашихъ глазахъ.

Намъ говорятъ (въ поясненіе «новыхъ» идей, «новаго литературнаго поколѣнія»), что сороко-

вые года выставили представителей «индивидуальной мысли». Совершенно вѣрно. Станкевичъ, Бѣлинскій и весь тогдашній московскій кружокъ изображался единицами и его умственное движеніе не было сознательнымъ и общимъ русскимъ умственнымъ движеніемъ. Въ этомъ смыслѣ оно было, конечно, «индивидуальнымъ», какъ и Петръ Великій изображалъ собою тоже «индивидуальную» мысль.

Если художественная литература не могла изъ данныхъ сороковыхъ годовъ создать живой типъ новаго человѣка и «довольствовалась скромною участью изображать только «канунъ» предполагаемаго пришествія настоящихъ людей, то это было и вполнѣ вѣрно дѣйствительности. Для художественнаго воспроизведенія готоваго «новаго», положительнаго типа не было достаточно матеріала. Имѣлся матеріалъ по преимуществу идейный. Этотъ матеріалъ не поддавался художественному творчеству, а чему онъ могъ бы поддаться, того у насъ не имѣлось. Идейный матеріалъ того времени былъ характера публицистскаго, а публицистики у насъ тогда не существовало. Вслѣдствіе этого, не только въ то время, но и много послѣ, наша художественная критика сложилась въ критику публицистскую, начало чему уже положилъ Бѣлинскій. Особенное положеніе печати заставляло общественные вопросы, уже вполнѣ выступившіе или намѣтившіеся, разбирать въ связи съ вопросами искусства, а литературно-художественными типами приходилось пользоваться какъ матеріаломъ для популяризаціи общественныхъ идей, потому что о нихъ отдѣльно говорить не приходилось. Это, несомнѣнно, вело къ путаницѣ, а не къ разграниченію понятій.

Но вотъ «индивидуальная мысль» разростается, однако, такъ, что лишь благодаря ей освобожденіе крестьянъ становится не только сознательною идеей, но и фактомъ; это «стремленіе къ героическому», которое отрицаетъ для себя «новое литературное поколѣніе», является именно тою силой, безъ которой и невозможно было бы никакое движеніе. Все освобожденіе крестьянъ было исключительно выраженіемъ «стремленія къ героизму» и безъ него бы не осуществилось. Оно свершилось только группою людей (безъ различія поколѣній), одушевленныхъ именно «героическимъ стремленіемъ» и силою котораго воспользовался Императоръ Александръ II, ставъ въ его главѣ. Безъ этого «героизма» не было бы ничего. Понятно, что, популяризируя новыя идеи и понятія, прямо возникавшія изъ всего освободительнаго движенія того времени, публицистская беллетристика и могла только, да и должна была, создать именно типъ «героя», а не типъ молодаго человѣка, сидящаго подъ елью и читающаго книгуМану.

И въ этомъ была опять прямая, непосредственная связь идейнаго движенія, продолжавшаго «индивидуальную мысль», выросшую теперь уже въ возможность своего осуществленія и требовавшую для этого дѣла и людей. Періодъ этотъ не прекратился еще и до сихъ поръ. Теперь больше, чѣмъ когда, расширилось поприще для людей съ умственною силой и характеромъ, и живая жизнь требуетъ именно того, что рисуетъ въ своей «фантазіи» авторъ цитированнаго мною фельетона изъ «Одесскаго Вѣстника», представляя графа Льва Николаевича въ томъ идеалѣ земскаго работника и борца, какимъ бы его желала видѣть современная жизнь, ищущая практическихъ, насущныхъ отвѣтовъ на то, что она получить желаетъ. Этой жизни насущныхъ интересовъ именно нужны вожди, чтобы использовать существующія и открытыя возможности для работы въ общественномъ направленіи. Использованы ли онѣ?

Конечно, и у нашего времени есть свои идейныя задачи, подобныя тѣмъ, которыя въ сороковыхъ годахъ создали только «индивидуальную мысль»; но эти задачи не могутъ быть разрѣшены въ той области идей, въ которой графъ Л. Н. Толстой ищетъ разрѣшенія русскихъ общественныхъ судебъ и ужь, конечно, и практически, и теоретически его общественное служеніе было бы плодотворнѣе, если бы онъ могъ «опуститься» до того идеала земскаго человѣка, котораго въ немъ желаетъ видѣть теперешняя умственно-зрѣлая молодежь, сознательно относящаяся къ задачамъ современной дѣйствительности.

И въ этой области личнаго поведенія не требовалось тоже никакого особеннаго, новаго слова и новыхъ ученій, точно также какъ не было ничего ранѣе неизвѣстнаго, что вызывало бы необходимость сѣсть подъ елью и выжидать, не придетъ ли со стороны учитель и не укажетъ ли дороги, по которой идти.

Между тѣмъ, по какому-то непонятному недоразумѣнію (и, по всей вѣроятности, вслѣдствіе той же теоріи поколѣній), даже люди, стоящіе во главѣ періодическихъ изданій, нарушаютъ традиціонную цѣльность нашего общественнаго мышленія.

По поводу критическаго фельетона А. М. Скабичевскаго, «Русское Богатство», полемизируя съ почтеннымъ критикомъ, говоритъ, что Писаревъ установилъ формы «интеллигентной буржуазіи». «Идеалъ Писарева состоялъ въ томъ, что надо отыскать себѣ трудъ, который бы мнѣ нравился, который бы удовлетворялъ меня, и только... Писаревъ,—говоритъ авторъ статьи,—въ то время не задавался еще мыслью, что дѣло можетъ дойти до того, что всѣ формы интеллигентнаго труда, если ими заниматься исключительно, могутъ стать ненавистными, не удовлетворять нравственно. И Писарева нельзя обвинять въ этомъ; въ то время еще не было такихъ фактовъ, которые бы могли предсказать такое явленіе, въ то время интеллигентный трудъ былъ только обѣтованною землей». Дальше авторъ говоритъ, что за долго до графа Толстаго Н. К. Михайловскій поставилъ формулой прогресса работу всѣхъ органовъ и возсталъ на раздѣленіе труда, что о физическомъ трудѣ говорилъ С. Н. Кривенко въ своей извѣстной книгѣ, а Гл. И. Успенскій потребовалъ даже, чтобы каждый человѣкъ дѣлалъ для себя все самъ. Значитъ въ чемъ же дѣло? Сначала ставится идея о трудѣ

вообще и объ его необходимости, а затѣмъ та же идея разрабатывается въ дальнѣйшихъ подробностяхъ.

Казалось бы такъ. Но, кромѣ того, думается, что авторъ статьи не совсѣмъ вѣрно приписалъ Писареву «идеалъ грядущей буржуазіи, нынѣ уже пришедшей, который оправдываетъ всякую буржуазную дѣятельность, лишь бы она дѣлалась съ любовью и увлеченіемъ». «И, конечно,—продолжаетъ авторъ,—заручившись такою теоріей, современный европейскій буржуа можетъ быть совершенно покоенъ совѣстью и отдаться съ полною страстью проведенію «естественнаго» закона науки объ истребленіи сильнымъ слабаго. Что ему могутъ возразить люди, не признающіе никакого иного критерія, кромѣ той же науки? А буржуазія иного критерія не признаетъ и не можетъ признать, и у насъ тотъ же принципъ проводилъ Писаревъ». Вмѣсто этого, ошибочно поставленнаго критерія науки, авторъ ставитъ любовь, которая «всегда останется цѣлью и смысломъ жизни».

Тутъ, очевидно, недоразумѣніе, происшедшее только оттого, что, вмѣсто понятія «науки», поставленъ какой-то ея суррогатъ. Никакая «наука» не устанавливала началомъ жизни истребленіе и не считала благомъ страданіе. Авторъ указываетъ на Манчестерскую школу, но вѣдь, это «школа» экономической политики, въ интересахъ опредѣленной партіи. Ссылается дальше авторъ на Дарвина, но и Дарвинъ подтянулъ свои наблюденія подъ извѣстную теорію, которая опять не сходится съ теоріей всѣхъ теорій жизни—теоріей блага, счастья и довольства для каждаго отдѣльнаго человѣка. Пожалуй, будемъ называть идею такого движенія «любовью» и «методомъ сердца», «методомъ любви» (въ моральномъ смыслѣ это вѣрно). Но дѣло въ томъ, что понятіе о любви тоже не говоритъ ничего въ частности каждому отдѣльному человѣку или, пожалуй, слишкомъ много говоритъ ему въ его частномъ личномъ смыслѣ. Сущность вопроса здѣсь не въ томъ, что наука будто бы не даетъ вѣрныхъ указаній: вся сущность въ томъ, что, напримѣръ, Манчестерская школа просто подгоняетъ извѣстную теорію подъ свои групповыя поползновенія. Наука не можетъ сказать и нигдѣ не говоритъ, что люди для своего блага должны поѣдать другъ друга. Противъ такого теченія мысли, вооружившагося даже извѣстными фактами, возстаетъ другое движеніе мысли и съ фактами гораздо большей убѣдительности совершенно уничтожаетъ теорію взаимнаго истребленія.

Въ этомъ смыслѣ только умственный, идейный критерій представляетъ убѣждающую силу и создаетъ общественное сознаніе, а не голое слово «любовь». Ибо что такое любовь, какъ не идея блага и общаго благополучія, долженствующая составлять цѣль и задачу жизни каждаго отдѣльнаго лица и стремленій общества?

Я знаю, что почтенный журналъ защищаетъ эти же мысли, но я говорю только о неточности термина, не заключающаго въ себѣ ничего опредѣленнаго и руководящаго, и о невѣрной ссылкѣ на Писарева. Любовь—тоже понятіе, какъ и всякое другое понятіе. Можно очень хотѣть любить, но что же нужно сдѣлать, чтобы *начать* любить? А начать любить въ общественномъ смыслѣ можно только тѣмъ движеніемъ мысли, которое научаетъ думать лишь въ направленіи блага ближняго. Другимъ путемъ общественной любви создать нельзя. И развѣ всѣ мы, русскіе, не носимъ въ душѣ любви, и очень много любви? Но въ чемъ же намъ эта любовь до сихъ поръ помогла? Только идейнымъ движеніемъ создалось освобожденіе крестьянъ, и гласный судъ, и земство, а не движеніемъ любви, лишенной идейности и общественнаго сознанія. А вотъ въ этомъ-то смыслѣ мы въ настоящее время едва ли сдѣлали какое-нибудь новое открытіе.

Всѣ эти идеи блага и добра существовали еще до насъ и достались намъ по наслѣдству отъ предъидущаго времени. Намъ только что-то помѣшало ихъ понять, а, можетъ быть, и услышать, и вотъ откуда то великое недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго часть людей могла подумать, что въ области общественныхъ идей не было раньше ничего, кромѣ ошибокъ, съ которыми слѣдуетъ разстаться, а для жизни выдумать что-нибудь новое.

Жизнь пойдетъ не за этими людьми, болѣе склонными къ обособленной личной жизни и къ созерцательности,—жизнь пойдетъ за тѣми, въ комъ развиты сильнѣе общественные инстинкты и наслѣдственное чувство доброжелательства. Только къ людямъ этихъ чувствъ и инстинктовъ переходитъ умственное наслѣдіе, передающееся и ростущее изъ рода въ родъ. То, что изъ этого наслѣдія уже дозрѣло до практическаго осуществленія, будетъ приспособлено къ требованіямъ своего времени и перейдетъ въ дѣло; что еще не дозрѣло, будетъ дополнено или развито—и опять двинется дальше, путемъ наслѣдственной передачи, пока не доростетъ до возможности осуществленія. Этимъ путемъ всегда шла жизнь и не знала она никакого другаго закона прогресса. Къ сожалѣнію, сознаніе этого закона у насъ еще слишкомъ слабо, и это-то сознаніе только и слѣдуетъ намъ въ себѣ развивать. При существованіи подобнаго общественнаго сознанія было бы невозможно то, свидѣтелями чего намъ приходится быть, что одни люди или совсѣмъ теряютъ всякую связь съ своимъ собственнымъ наслѣдіемъ и отъ него отказываются, или же, увлекаемые жаждой доброжелательной дѣятельности, идутъ за провѣдниками, увлекающими ихъ на ложный путь себялюбиваго сепаратизма. Горько будетъ умственное пробужденіе этихъ людей, когда они сознаютъ, что въ «любви», которая ихъ увлекала, нѣтъ никакой дѣйствительной любви.

XXXIV.

Хотѣлось мнѣ для этого «Очерка» освѣжить въ памяти главныя черты 1888 года. Принялся я за работу съ нѣсколько предвзятою мыслью, подъ впечатлѣніемъ теоріи «свѣтлыхъ явленій» и «бодрящихъ впечатлѣній», которою какъ я ни усиливался, но не могъ разрѣшить ни вопроса о малоземельи, ни переселенческаго вопроса, ни вопроса о наймѣ рабочихъ.

Но по мѣрѣ того, какъ я просматривалъ газеты и журналы, моя предвзятость отодвигалась куда-то дальше, затемнялась другими впечатлѣніями и изъ раскинутыхъ тамъ и здѣсь отдѣльныхъ фразъ, намековъ, а порой и довольно цѣльныхъ разсужденій, возникъ рядъ другихъ вопросовъ, а предвзятость уже и совсѣмъ улетучилась.

Иначе, впрочемъ, и не могло быть. Въ самомъ дѣлѣ, что за причина, что интеллигентъ, о чемъ бы онъ ни писалъ: о переселеніи, о наймѣ рабочихъ, о школахъ, о земствѣ, — никакъ не можетъ удержаться только на этихъ вопросахъ, и непремѣнно въ видѣ освѣщенія или для идейности и обобщенія вставитъ мысли и о себѣ? И всегда въ этихъ мысляхъ слышится скорбная нотка, что-то наболѣвшее, тревожащее и, очевидно, мѣшающее думать настолько свободно, чтобы въ думахъ о постороннихъ дѣлахъ этой нотки бы не звучало.

Слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ «знаменіе времени», или явленіе, у котораго можетъ даже наступить ближайшее лучшее будущее, такъ что интеллигенція увидитъ скоро и на своей улицѣ праздникъ, или же это — только безнадежно-отчаянное скорбное чувство, прорывающееся наружу совершенно непроизвольно, вродѣ того, какъ страдающій зубною болью невольно говоритъ о ней, рѣшить я не берусь. У насъ пророчествовать мудрено. Но фактъ о скорбной ноткѣ несомнѣненъ, да и странно было бы сомнѣваться въ немъ.

Скорбная нотка звучитъ, однако, не повсюду одинаково или съ одинаковою силой. Иногда ее какъ будто и совсѣмъ не слышно, иногда она точно переходитъ въ веселый смѣхъ, но смѣхъ неискренній, иногда звучитъ чѣмъ-то сердитымъ, озлобленнымъ и безнадежнымъ, а бываетъ и такъ, что люди, чувствующіе сильную зубную боль, начинаютъ доказывать, что лучшее средство противъ зубной боли увѣрять, что зубной боли совсѣмъ нѣтъ, и тогда всѣ будутъ думать и чувствовать, какъ вполнѣ здоровые.

У насъ есть группа людей, имѣющая въ печати и своихъ довольно вліятельныхъ и многочисленныхъ представителей, въ душѣ которыхъ скорбная нотка звучитъ, можетъ быть, и не сильнѣе, чѣмъ у другихъ, но она имѣетъ особенный личный оттѣнокъ. Она, такъ сказать, не общественно-личная, а *лично*-общественная. И потому, что она именно такая, а не другая, возникаютъ и совсѣмъ особенныя умственныя отношенія этой группы людей и писателей какъ къ своей собственной скорбной ноткѣ, такъ и ко всѣмъ ея послѣдствіямъ. Вотъ эти-то совсѣмъ особенныя отношенія и совершенно особенный пріемъ, съ которымъ писатели этой группы трактуютъ наши общественныя злобы дня, и принудили меня измѣнить свой первоначальный планъ. Я не стану называть ни статей, ни именъ авторовъ, чтобы избѣгнуть полемики, всегда и неизбѣжно (при именахъ) принимающей болѣе или менѣе острый личный характеръ и потому скучной, непріятной и совершенно безплодной. Дѣло не въ именахъ и лицахъ, а въ понятіяхъ. Вопросъ въ томъ, насколько личная точка зрѣнія и вся общественная нравственность, изъ нея вытекающая, приводятъ къ правильнымъ заключеніямъ и въ какой степени удовлетворительно или неудовлетворительно могли бы разрѣшиться наши современныя задачи, если бы міровоззрѣніе этой группы было господствующимъ, — конечно, при данныхъ обстоятельствахъ.

Группа писателей съ личною скорбною ноткой требуетъ, повидимому, очень простой вещи: чтобы каждое отдѣльное *я* было преисполнено общественной энергіи и проникнуто чувствомъ личнаго и гражданскаго долга, и чтобы общество выступило въ качествѣ основной силы, двигающей колесницу русскаго прогресса. Это, пожалуй, даже и не идеализмъ, а простая мечта о журавлѣ въ небѣ. Весь вопросъ русской жизни и русской исторіи только въ томъ и заключается, чтобы создать мало-мальски гражданскую личность, а сторонники этой теоріи хотятъ прямо начать съ этой еще несуществующей личности, только пытающейся дѣлать свои первые гражданскіе шаги. Если бы не было извѣстно, что писатели этой группы люди искренно убѣжденные и честные, то можно бы подумать, что они шутятъ дурныя шутки, лишь маскируясь либеральными словами. Развѣ не тѣхъ же совершенствъ требовалъ отъ личности и общества Катковъ, развѣ не того же требуетъ «Гражданинъ»? А такъ какъ подобныхъ совершенствъ Россіи, пока, создать у себя не удалось, то они порицаютъ освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство и вообще всѣ учрежденія, которыя даютъ хотя малѣйшій просторъ личности и обществу. Время ли теперь предъявлять подобныя требованія личности и обществу и дѣлать ихъ отвѣтственными въ томъ, что лежитъ внѣ ихъ возможностей? Личность ли и общество должны быть творцами возлагаемаго на нихъ обновленія, или же обновленіе должно явиться само собою, какъ простое и неизбѣжное слѣдствіе извѣстной перемѣны понятій, руководящихъ общественныхъ идей и перемѣны внѣшнихъ условій, соотвѣтственно измѣнившимся понятіямъ? Можно ли создать энергію общественной

дѣятельности и чувство долга тѣмъ, что мы будемъ твердить о нихъ людямъ и обществу каждый день съ утра до вечера, и не будемъ ли мы похожи на тѣхъ скучныхъ, сухихъ и бездушныхъ гувернантокъ, которыхъ такъ не любятъ дѣти за ихъ вѣчную воркотню и надоѣдливыя нравоученія? Даже школьною педагогіей эта система оставлена давно, а мы хотимъ примѣнять ее къ общественной педагогіи. Не въ этомъ ли желаніи примѣнить оставленную школьную систему къ воспитанію общества и лежитъ корень всѣхъ умственныхъ ошибокъ той группы писателей, которая думаетъ воздѣйствовать на общество средствами, и въ дѣтской школѣ не обнаружившими воздѣйствующей силы? И какъ же къ взрослымъ примѣнять то, что не годится даже и для дѣтей?

Очень характерною иллюстраціей этого стараго педагогическаго способа мышленія служитъ своеобразное толкованіе причинъ «русскаго пессимизма», будто бы разъѣдающаго теперь общество. Пессимизмъ тутъ, конечно, не причемъ, потому что какіе же мы пессимисты? Что у насъ писали и пишутъ о Гартманѣ и Шопенгауерѣ — совершенно справедливо, но только изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Пессимизмъ предполагаетъ цѣлое міровоззрѣніе, и называть людей, чѣмъ-либо недовольныхъ, пессимистами можно развѣ въ шутку. Очень можетъ быть, что у насъ найдутся и настоящіе пессимисты, но, вѣдь, у насъ завелись, какъ говорятъ, и буддисты. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что русское общество впало въ буддизмъ? Зачѣмъ же тутъ понадобился пессимизмъ? Пессимизмъ въ этомъ случаѣ не больше, какъ тактическій маневръ, это оружіе, которымъ группа публицистовъ-педагоговъ пытается поразить своихъ противниковъ и уронить ихъ въ мнѣніи «общества». Это не больше, какъ застращиваніе или доказательство ad absurdum, чтобы показать, до какихъ крайнихъ послѣдствій могутъ довести общество противники, которыхъ поразить требуется.

Доказательство «ad absurdum» не ограничивается только «пессимизмомъ», педагоги-публицисты начинаютъ грозить обществу повальнымъ самоубійствомъ (право такъ!): «хроника самоубійствъ все ростетъ и ростетъ», говорятъ они, что же будетъ дальше, если не принять мѣръ противъ сѣятелей пессимизма? Но не пугайтесь, читатель: и «пессимизмъ», и «самоубійство» въ настоящемъ случаѣ не больше, какъ благодарная тема, и знаете ли для кого? Ужъ никакъ не для тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ ней съ побѣдоноснымъ видомъ для пораженія своихъ противниковъ.

Въ русской жизни самоубійства наблюдаются не сегодня и не вчера. Усиливается ли это явленіе и усилилось ли оно въ 1888 году, достовѣрно неизвѣстно, потому что у насъ нѣтъ точной статистики самоубійствъ. Но тѣ, кому нужны самоубійства, какъ «матеріалъ», утверждаютъ (тѣмъ болѣе, что можно обойтись и безъ доказательствъ), что самоубійства увеличиваются и что только въ одномъ Петербургѣ за послѣдніе три мѣсяца случилось 125 самоубійствъ.

Самоубійство—явленіе очень старое. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, существуютъ повсюду и вездѣ и самоубійства, и, слѣдовательно, существовали и попытки объяснить это явленіе. Обыкновенно причины самоубійствъ оставались неизвѣстными, поэтому еще Вольтеръ, тоже интересовавшійся вопросомъ, очень жалѣлъ, что самоубійцы не имѣютъ привычки оставлять записокъ. Русскіе самоубійцы кончали съ собою точно также безмолвно, просто, но теперь молчаливый способъ часто нарушается и, если не въ большинствѣ случаевъ, то, по крайней мѣрѣ, очень нерѣдко, самоубійцы объясняютъ свои мотивы.

Человѣкъ, напримѣръ, кончаетъ съ собою потому, что не могъ вынести нужды, а добывать средства для жизни преступленіями не хотѣлъ. Служащее лицо лишаетъ себя жизни потому, что сдѣлало растрату. Молодая женщина умираетъ потому, что у нея «нѣтъ дѣтей». Дѣвушки и юноши кидаются подъ поѣзда изъ-за безнадежной любви, невозможности выйти замужъ, отказа любящей женщины и т. д.

Кромѣ этихъ чисто-личныхъ мотивовъ (вообще довольно разнообразныхъ), есть мотивы соціальные или общественные, формулой которыхъ служитъ: «тяжело жить». Молодой человѣкъ съ блестящимъ будущимъ и богатый (имѣетъ 40 т. доходу въ годъ) пускаетъ себѣ пулю въ лобъ потому, что ему жизнь «надоѣла». Другіе умираютъ потому, что жизнь «сложилась не такъ, какъ слѣдуетъ, перемѣнять же ее «не стоитъ», что жизнь съ философской точки не имѣетъ смысла» или «не оправдываетъ возлагавшихся на нее надеждъ»; были и такіе самоубійцы, которые умирали потому, что не могли приносить людямъ той пользы, которую они желали бы приносить; одинъ мировой судья лишилъ себя жизни потому, что никакая будто бы общественная дѣятельность не можетъ быть у насъ плодотворною.

Какое же объясненіе дѣлается всѣмъ этимъ и подобнымъ имъ фактамъ? Первый вопросъ, который ставятъ себѣ публицисты-педагоги: неужели же наша жизнь до того тяжела и безотрадна и до того она не даетъ простора для дѣятельности, что и вправду дѣлаетъ безцѣльнымъ и безполезнымъ существованіе каждаго изъ насъ?—и затѣмъ даютъ на него такой отвѣтъ.

Рисовать жизнь мрачными красками у насъ теперь въ модѣ и сдѣлалось почти обязательнымъ. Надежды и иллюзіи у насъ теперь не въ почетѣ. Даже тѣ, которые въ 60-е годы предавались необузданно самымъ несбыточнымъ мечтамъ, теперь смѣются надъ всякими иллюзіями и надеждами и противупоставляютъ дѣйствительности самыя мрачныя явленія. Что наша жизнь неприглядна, этого не отрицаютъ публицисты-педагоги. Но, вѣдь, не такъ же она ужасна, говорятъ они, чтобы смерть предпочитать жизни? Чтобы судить дѣйствительность, нельзя ограничиваться одною ея внѣшнею стороной. Напримѣръ, подъ блестящею внѣшностью 60-хъ годовъ скрывалось много пустоты и увлеченія внѣшнимъ блескомъ и трескомъ. Когда

же понадобились люди для прочнаго водворенія принциповъ 60-хъ годовъ, ихъ оказалось не много. Четверть вѣка, которые мы прожили со времени освобожденія крестьянъ, прошли не безслѣдно. Внѣшнія условія могутъ влiять только на внѣшнія формы жизни, а не на ея содержаніе. Оно творится людьми и въ теперешнее время; есть не мало людей умѣющихъ жить и работать для блага людей (все это говорятъ публицисты-педагоги).

До сихъ поръ публицисты-педагоги разсуждаютъ довольно правильно. Не берусь рѣшить, насколько нынче въ модѣ рисовать жизнь мрачными красками и бываетъ ли такая мода. Но что надежды и иллюзіи теперь не въ почетѣ, это несомнѣнно, и причина этого заключается, конечно, не въ модѣ, а въ какихъ-нибудь дѣйствительныхъ фактахъ, иначе было бы необъяснимо, почему люди отказались ни съ того, ни съ сего отъ надеждъ и иллюзiей. Что въ 60-хъ годахъ было меньше людей, подготовленныхъ для практическихъ дѣлъ, это несомнѣнно; что въ теперешнее время есть не мало людей, готовыхъ жить и работать для общаго блага, тоже несомнѣнно.

Но всѣ эти справедливыя разсужденія еще не объясняютъ причины самоубійствъ. Откуда же берется недовольство собою и безцѣльностью и безсмысленностью собственной жизни, которое приводитъ къ рѣшенію выйти въ тиражъ? Педагоги-публицисты разрубаютъ этотъ гордіевъ узелъ совершенно какъ Александръ Македонскій. Они утверждаютъ, что въ обществѣ распространено пессимистическое настроеніе, и это-то настроеніе является однимъ изъ тѣхъ пагубныхъ заблужденій, которыя порою эпидемически охватываютъ цѣлыя общества, что въ распространеніи заблужденія повинны тѣ, кто фактически является учителями и руководителями общества, кто взялъ на себя выработку идеаловъ массы. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать выработкѣ идеаловъ и облегчать потуги общественной мысли, эти ужасные люди всѣ робкія попытки въ этомъ направленіи встрѣчаютъ презрительнымъ смѣхомъ и ироніей. Ну, конечно, это нехорошо; но едва ли хорошо и то, что педагоги-публицисты говорятъ настолько неясно, что не поймешь, какіе именно идеалы встрѣчаютъ смѣхъ и иронію. Это тѣмъ болѣе нужно бы знать, что, по ихъ увѣренію, постоянство и настойчивость тѣхъ, кто поступаетъ такъ съ идеалами, не предлагая никакихъ своихъ, дѣйствительно могутъ не одну начинающуюся жизнь заставить придти въ отчаяніе и покончить съ собою. Если это такъ, то, вѣдь, это преступленіе, которое нельзя оставлять или обходить и ограничиваться какими-то неясными и двусмысленными намеками. Чьи проповѣди, какіе идеалы наводятъ на мысль о самоубійствѣ, кто эти мрачные проповѣдники нирваны, отъ словъ которыхъ у людей пропадаетъ охота жить? Если же это не такъ, если это только полемическій пріемъ или реторическая фигура преувеличенія, то такую реторику изъ публицистики нужно изгнать. Страстность чувства и страстность мысли обязательны для всякаго публициста, но ему еще обязательнѣе умѣнье (умъ) отстаивать то, что онъ хочетъ отстаивать, а не портить неумѣлостью своего собственнаго дѣла. Съ подобными-то неумѣлостями теперь и приходится чаще всего встрѣчаться.

Впрочемъ, это неизбѣжное положеніе всѣхъ защитниковъ, какой бы то ни было непослѣдовательности. А къ такимъ именно непослѣдовательностямъ и принадлежитъ то понукательство, которымъ нѣкоторые публицисты моралистической школы думаютъ наэлектризовывать общество, т.-е. какъ разъ ту часть русской интеллигенціи, которую не проберешь никакимъ электричествомъ, а тѣмъ болѣе кисло-сладкою моралью.

И такъ, самоубійства происходятъ у насъ оттого, что есть писатели, которые не только не облегчаютъ потугъ общественной мысли, но еще и убиваютъ эти попытки въ самомъ зародышѣ противупоставленіемъ имъ мрачной дѣйствительности. Вслѣдствіе этого является отчаяніе и желаніе покончить съ собою. Но, вѣдь, если есть на свѣтѣ такія мрачныя слова, отъ которыхъ люди лишаютъ себя жизни, то должны быть и веселыя слова, отъ которыхъ хотѣлось бы жить. Скажите такое слово, можетъ быть, мертвые и воскреснутъ. Если же у васъ нѣтъ веселыхъ словъ и вы только воете и сердитесь, точно уксусная вдова, зачѣмъ вы пишете? Нѣтъ, нужно думать, что на свѣтѣ дѣла дѣлаются не по рецептамъ газетныхъ и журнальныхъ статей и что самоубійства совершаются по какой-нибудь другой причинѣ и подъ другими вліяніями.

Что самоубійства производятъ не журнальныя статьи, это, пожалуй, склоненъ допустить и цитируемый мною авторъ. Подумавъ немного, онъ нашелъ «другой корень». Этотъ другой корень лежитъ (!), по его мнѣнію, «въ оторванности нашей интеллигенціи отъ жизни». Формула эта вполнѣ вѣрна (хотя и не полна), но авторъ наполнилъ ее такимъ содержаніемъ, что получился новый абсурдъ.

Абсурдъ получился оттого, что и всѣ правильныя мысли притянуты авторомъ за волоса, чтобы оттѣнить его излюбленную мысль, будто самоубійства и пассивность въ виду неблагопріятныхъ условій общественной жизни происходятъ отъ парализующихъ энергію газетныхъ и журнальныхъ вліяній.

Вполнѣ правильно, что жизнь каждаго нашего интеллигента ограничена самою узкою сферой: редакція, контора, школа, пріемная, камера — вотъ узкія рамки дѣятельности, каждаго (говоритъ авторъ). Молодежь ростетъ въ подобныхъ же условіяхъ и, заключенная въ узкое кольцо, не имѣетъ никакого соприкосновенія съ «дѣйствительностью». Если бы эти мысли были развиты послѣдовательно (хотя послѣдняя — о молодежи — уже притягивается за волоса), то получился бы и выводъ вполнѣ правильный. Но какъ цѣль всѣхъ разсужденій заключалась въ томъ, чтобы привлечь къ отвѣтственности писателей, которые находятъ понуканіе общества занятіемъ безцѣль-

нымъ и пустымъ, то дѣлается логическое сальто-мортале, и получается выводъ совершенно неожиданный.

Разсужденіе ведется слѣдующимъ образомъ: такъ какъ интеллигенты сидятъ только въ редакціяхъ и конторахъ и на міръ Божій смотрятъ изъ форточекъ (рѣчь идетъ, вѣроятно, только о Петербургѣ), то о всей остальной многообъемлющей жизни приходится узнавать изъ разсказовъ, изъ книгъ и чаще изъ газетъ. Вслѣдствіе этого является необыкновенное легковѣріе къ самымъ невѣроятнымъ сообщеніямъ и объясненіямъ фактовъ дѣйствительности, отсюда возникаетъ привычка подтасовывать факты подъ предвзятые взгляды, а недостатокъ соприкосновенія съ дѣйствительностью ведетъ къ отсутствію привычки бороться съ неблагопріятными условіями.

Молодежь точно также узнаетъ о жизни изъ пятыхъ рукъ, вѣритъ всему, что ей говорятъ другіе, и потому поддается всякому настроенію, и, еще не вступивши въ жизнь, уходитъ съ ея поля, рѣшивъ, что жизнь безцѣльна, что сама она, молодежь, никому не нужна и ни на что не годна.

Если все это такъ, если общество состоитъ только изъ людей, смотрящихъ на міръ Божій изъ форточекъ, не имѣетъ о жизни ровно никакого понятія и вѣритъ всякой газетной статьѣ, а молодежь и того хуже, то становится совсѣмъ непонятною теорія понуканья. Кого и для чего понукать, когда люди ничего не понимаютъ и ни о чемъ не могутъ судить сами? Такихъ головопятовъ сколько ни понукай, ничего толковаго отъ нихъ не дождешься. Изумительная характеристика общества! И, въ то же время, отъ этого общества требуютъ, чтобы оно обновило всю русскую жизнь. Но остается неразъясненнымъ еще и вотъ какой вопросъ. Отчего общество головопятовъ накидывается такъ легковѣрно только на извѣстныя журнальныя и газетныя статьи и имъ подчиняется, а прекрасныя и основательныя поученія другихъ авторовъ не обнаруживаютъ на общество своего воздѣйствія и они безплодно кричатъ изъ своей форточки въ пустое пространство.

Но авторъ, очевидно, этого вопроса себѣ не задаетъ, а съ «энергіей, заслуживающей лучшей участи», пищитъ какъ комаръ, нескончаемо одно и то же: «умѣрьте долбленіе на тему о безотрадности дѣйствительности, обратите вниманіе молодыхъ силъ на особенную важность энергіи именно въ виду плохихъ условій дѣйствительности и на возможность борьбы съ ними, поставьте рядомъ съ вѣчнымъ припѣвомъ: «плохо, плохо и ничего хорошаго не будетъ»—тезисъ: «будетъ хорошо, если мы сами этого захотимъ», наше общество не въ такомъ положеніи, чтобы надъ нимъ пѣть отходную; нужно беречь молодыя силы, нужно поддерживать и ободрять эти силы, нужно возбуждать и подкрѣплять въ нихъ вѣру и надежду на лучшее...»

Какія, однако, все это жалкія слова, совершенно чуждыя той самой дѣйствительности, которою берутся поучать; какое скучное нытье и причитанье, лишенное всякой энергіи чувства, мысли и содержанія! Если наше общество переживаетъ дѣйствительно моментъ упадка общественно-нравственныхъ силъ, а у молодежи нѣтъ вѣры въ себя и въ свое собственное будущее, такъ что оно прямо со школьной скамейки идетъ на самоубійство, то одними лирическими возгласами и моральными понуканьями ни въ кого не вложишь ни ума, ни вѣры.

Не моральная гальванизація поднимаетъ силы и сообщаетъ энергію, а возбужденное сознаніе и согласно работающая общественная мысль. Сознаніе же есть знаніе, а знаніе можно проводить только двумя основными и существенными способами. Обществу сообщается точное, ясное и полное представленіе объ его положеніи и причинахъ этого положенія, и рядомъ съ этимъ вводятся фактическія и идейныя знанія, выясняющія цѣли, къ которымъ общество должно стремиться.

Въ этихъ просвѣтительныхъ задачахъ печати полемика играетъ роль очень подчиненную. Она не способствуетъ прямому и непосредственному воздѣйствію на сознаніе. Полемика есть собственно публичное единоборство отдѣльныхъ представителей партій, безъ которой, а тѣмъ болѣе въ личной формѣ, дѣло можетъ легко и обойтись. Личная форма имѣетъ смыслъ тогда, когда нужно сбить кого-нибудь съ его руководящей передовой позиціи и ослабить или убить авторитетъ, существующій по недоразумѣнію.

Подобная полемика ведется теперь противъ гр. Л. Н. Толстаго и его послѣдователей. Полемика эта создалась боязнью, что неясное и мистическое ученіе гр. Л. Н. Толстаго, дѣйствующее почти исключительно на чувство, а не на сознаніе (и поэтому-то и обнаруживающее такое вліяніе), можетъ породить недоразумѣнія и, вмѣсто того, чтобы приближать общество къ его ближайшимъ задачамъ, будетъ отъ нихъ удалять. Формулы ученія гр. Толстаго слишкомъ неточны и открываютъ настолько широкій просторъ всякимъ личнымъ толкованіямъ, что послѣдователи могутъ съ одинаково благожелательными чувствами отказаться и отъ всякой цивилизаціи и науки и засѣсть за книги Ману, могутъ отказаться и отъ всякаго непротивленія злу, какія бы оно антиобщественныя формы ни принимало, могутъ, проникнувшись формулой «своего хлѣба», уйти въ кулацкіе идеалы и отказаться за себя и за своихъ дѣтей отъ задачъ интеллигенціи. Понятно, что тѣ, кто боялся за послѣдствія двойственныхъ толкованій, прямо возстали противъ формулъ гр. Толстаго и указали на выводы, которые изъ нихъ могутъ быть дѣлаемы. И только послѣ этого сторонники гр. Толстаго, т.-е. тѣ, кому хотѣлось понимать своего учителя слова въ томъ ихъ лучшемъ смыслѣ, какой они сами въ нихъ влагали, внесли въ эти формулы свои поправки и дополненія. Такъ, формула «не противься злу насиліемъ», признанная неудачною даже крайними послѣдователями, была подвергнута такому эксперименту, что совершенно утратила свой первоначальный видъ. Вотъ экспериментъ, которому была подвергнута эта формула. «Формула Льва

Николаевича «не противься злу насиліемъ» вооружается не противъ противленія вообще злу, а противъ насилія. Насиліе—зло, зло для меня и другихъ, и отъ зла должно удерживать себя и другихъ. И вотъ вмѣсто слова «зло» подставляя слово «насиліе», получается такая формула: «удерживай себя и другихъ отъ насилія». Но и эта измѣненная формула едва ли помогаетъ дѣлу. Формула «своимъ хлѣбомъ» хотя принадлежитъ не гр. Толстому, но вполнѣ отвѣчаетъ его ученію о физическомъ трудѣ. Она направлена противъ интеллигенціи и отрицаетъ интеллигентный трудъ въ смыслѣ «жалованья», «мѣстъ», «писанья». Съ этою формулой могутъ уживаться въ самомъ тѣсномъ союзѣ и кулачество, и эксплуатація, и все, что хотите.

Вотъ главная причина полемики съ ученіемъ гр. Толстаго и съ его послѣдователями. Полемика эта стремится ослабить или совсѣмъ уничтожить авторитетное вліяніе гр. Толстаго, потому что ученіе его, возбуждая, повидимому, хорошія чувства, уводитъ умъ въ темный лабиринтъ, въ которомъ онъ путается безъ выхода. Говорятъ, что въ настоящее время спячки общественной мысли вліяніе гр. Толстаго хорошо уже тѣмъ, что, возбуждая чувство, онъ шевелитъ и мысль, вызываетъ идею. Но развѣ мы находимся въ первомъ днѣ творенія и какія бы мысли и идеи ни вызывались въ обществѣ, это совершенно безразлично? Нужна ли намъ теорія о непротивленіи злу даже въ ея исправленной формулѣ, нужна ли намъ теорія или идеалъ «своего хлѣба», эти истинные журавли въ небѣ и еще третій подобный журавль: «будетъ хорошо, если мы сами этого захотимъ»,—или же нужно что-нибудь другое?

Легко сказать: «захотимъ»! Научите же, какъ захотѣть! Съ волшебною палочкой въ рукахъ, конечно, можно «захотѣть» и богатства, и ума, и счастья, и геніальности. Дайте намъ эту палочку въ руки, и мы всего не только захотимъ, но и все получимъ. И зачѣмъ же вы, такіе добрые и участливые, не дали своей волшебной палочки тѣмъ несчастнымъ юношамъ и дѣвицамъ, которые изъ-за безнадежной любви кидались подъ поѣзда? Нѣтъ у насъ этой волшебной палочки, вотъ почему. И, сами зная, что у васъ этой палочки нѣтъ, вы, все-таки, твердите: «будетъ хорошо, если мы сами этого захотимъ», а въ самоубійствахъ обвиняете печать. Вѣдь, это на столько же умно, насколько умно утверждать, что дождь идетъ потому, что въ углу стоитъ палка. Нѣтъ, дождь идетъ не потому.

А, между тѣмъ, въ причинахъ, вызывающихъ самоубійства, есть одинъ «соціальный моментъ», который было полезно выяснить. Конечно, эта работа потруднѣе, чѣмъ сказать, что самоубійства производятъ журнальныя статьи, рисующія дѣйствительность мрачными красками. Но за то же общество о причинахъ дождя получитъ болѣе точное понятіе и не станетъ слушать тѣхъ, кто учитъ его глупостямъ.

О самоубійствахъ пока извѣстно только одно, что они вызываются извѣстными психическими предрасположеніями и составляютъ явленіе чисто-личное. Природа этихъ психическихъ предрасположеній еще настолько не разслѣдована и причины ихъ настолько еще не поддаются современному знанію, что психіатрія передъ ними такъ же безсильна, какъ и передъ наклонностью къ сумасшествію и преступности.

Главную роль въ самоубійствахъ играетъ слишкомъ сильный аффектъ, производимый иногда, повидимому, ничтожными причинами. Искра, кажется, причина небольшая, а какой эффектъ производитъ она, если ее бросить въ кучу пороха! Не такъ давно былъ случай, что молодая, едва вышедшая замужъ, женщина сдѣлала попытку на самоубійство потому, что мужъ отказалъ ей въ ложѣ въ театръ. И всѣ самоубійства по личнымъ, острымъ причинамъ всегда въ этомъ родѣ. Это всегда отчаяніе, всегда крайне нарушенное душевное равновѣсіе, всегда однопредметная страстность, заслоняющая все, кромѣ тѣхъ мучительныхъ ощущеній, которыми страдаетъ человѣкъ, которыя рисуются ему вѣчными и отъ которыхъ онъ стремится освободиться. Но, кромѣ страстности и остроты личнаго чувства, требуется еще и отсутствіе чувства страха передъ будущимъ. Люди, вѣрующіе въ загробную жизнь и проникнутые искреннимъ религіознымъ чувствомъ, не лишаютъ себя жизни.

Кромѣ моментальнаго, взрывающаго личнаго чувства съ моментальнымъ острымъ концомъ, бываютъ душевныя состоянія, повидимому, спокойныя, когда самоубійство свершается съ внѣшнимъ хладнокровіемъ. Вотъ, напримѣръ, лицо, завѣдывающее отдѣльною частью, запутавшееся въ денежныхъ и другихъ дѣлахъ, гордое, самолюбивое, привыкшее къ почету и внѣшнему уваженію, не переноситъ мысли объ униженіи, которое его ожидаетъ, и стрѣляется. Всѣми подробностями самоубійства, хотя о причинахъ его онъ не оставилъ никакой записки, этотъ человѣкъ вполнѣ ясно показалъ, насколько его горделивая душа хотѣла сохранить о себѣ и за гробомъ внѣшнее общественное мнѣніе и не поступиться своимъ достоинствомъ. Вставъ утромъ, онъ надѣлъ чистое бѣлье, надѣлъ фракъ, сѣлъ за письменный столъ, написалъ, что нужно, о своихъ дѣлахъ и, сидя въ томъ же креслѣ, пустилъ себѣ пулю въ сердце. Гордый и самолюбивый человѣкъ и умеръ съ тѣмъ же внѣшнимъ приличіемъ, съ какимъ онъ держалъ себя при жизни. Въ этомъ и подобныхъ ему самоубійствахъ, когда замѣшано чувство достоинства, нѣтъ, повидимому, остраго момента, но жгучее чувство боязни общественнаго мнѣнія, чувство стыда, принадлежащее къ головнымъ чувствамъ, производитъ настолько постоянно усиливающееся впечатлѣніе на весь чувствующій организмъ, что создаетъ, наконецъ, такой же невыносимый острый моментъ, въ какой кончаютъ съ собой и острые самоубійцы. Здѣсь чувство личности дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ другихъ мотивовъ и совершенно покоряетъ себѣ человѣка, какъ и всякая страсть.

Болѣе или менѣе уравновѣшеннымъ людямъ могутъ быть совсѣмъ непостижимы подобныя душевныя состоянія. Какимъ чувствомъ вы, здоровый чело-

вѣкъ, воспримете душевное состояніе гимназиста, стрѣляющагося потому, что онъ не выдержалъ экзамена на аттестатъ зрѣлости? Какъ вы поймете юнкера, который застрѣлился потому, что его знанія и заслуженность были оцѣнены ниже, чѣмъ онъ ихъ самъ цѣнилъ, и его не произвели въ офицеры? Какъ вы поймете даму, избившую другую даму зонтикомъ и принявшую карболовую кислоту, когда объ этомъ было напечатано въ газетѣ?.. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ крайне приподнятымъ личнымъ чувствомъ и безгранично разростающимся *я*, не уравновѣшеннымъ другими чувствами и незнакомымъ съ дисциплиной мысли. Тутъ не дисциплинирующая мысль создаетъ рефлексъ движенія, а переходитъ въ него возбужденное чувство, незнающее никакого умственнаго промежутка, или же умъ, сбитый чувствомъ и вообще ему послушный, подтасовываетъ представленія, согласныя съ чувствомъ. Причина лежитъ всегда въ слишкомъ сжатой, тѣсной психической области, въ которой все вращается около личнаго *я*, слишкомъ собою поглощеннаго и мало уравновѣшеннаго другими интересами.

Подобное же разросшееся непомѣрно *я* наблюдается и въ другой категоріи самоубійствъ, хотя умственные мотивы ихъ совсѣмъ, повидимому, изъ иной области. Въ этомъ случаѣ между самоубійствами и сумасшествіемъ является довольно тѣсная аналогія. Чтобы сойти съ ума, нужно имѣть вполнѣ подготовленный для того физическій организмъ, а какое обстоятельство или причина дадутъ ему послѣдній толчокъ, зависитъ отъ множества случайностей. Но не эта случайность составляетъ дѣйствительную причину сумасшествія, оно даетъ ему только цвѣтъ, окраску, форму. Въ общественно-религіозные моменты преобладали всегда религіозныя формы помѣшательства, во времена войнъ—формы воинственныя, во времена политическихъ движеній—формы политическія. Въ корнѣ же лежитъ все то же *я* съ его разстроеннымъ, нервнымъ аппаратомъ.

Въ статьѣ, противъ невѣрныхъ мыслей которой я пишу, говорится, что увеличеніе числа самоубійствъ падаетъ, главнымъ образомъ, именно на категорію съ общественною окраской. Если это удостовѣреніе можетъ быть подкрѣплено очными доказательствами, то придется признать, что въ настоящее время напряженность общественной мысли преобладаетъ передъ личными побужденіями, и на это явленіе взглянуть какъ на признакъ времени. Придется только пожалѣть, что самоубійцы этой категоріи даютъ очень недостаточныя объясненія причинъ, заставлявшихъ ихъ лишить себя жизни. Такія объясненія, какъ «тяжело жить, больше не могу», «жизнь надоѣла», «жизнь безцѣльна», «не имѣетъ смысла», «не оправдываетъ возлагавшихся на нее надеждъ», говорятъ еще очень мало. Почти столько же неясны и такія причины, какъ «презрѣніе къ собственной безполезности» или «разочарованіе въ собственной профессіи», «невозможность оказывать помощь беднякамъ». Конечно, всѣмъ этимъ несчастнымъ, измученнымъ и наболѣвшимъ людямъ не до того, чтебы пришпиливать себя и разсказывать свою внутреннюю жизнь. Но если бы они могли и раскрывать ее, то съ несомнѣнною точностью установились бы тѣ факты нашихъ внутреннихъ отношеній, которые до такой степени напрягаютъ мысль и возбуждаютъ чувствительность, что менѣе стойкіе и крѣпкіе организмы выносить ихъ оказываются неспособными.

Это одна сторона дѣла, внѣшняя, которой бы выяснилось, что именно въ нашихъ формахъ жизни, во взаимныхъ отношеніяхъ и въ возможностяхъ для дѣятельности становится иногда такъ рѣзко и грубо поперекъ дороги. Но есть тутъ и другая сторона—внутренняя, психическая. Въ этой-то внутренней психической сторонѣ и отношеніи ея къ внѣшней и заключается весь вопросъ.

Если самоубійца говоритъ, что онъ кончаетъ съ собою потому, что «жизнь надоѣла», тутъ чувствуется намекъ на какое-то излишество самой жизни, точно много ея самой, много въ ней чего-то однороднаго и томительнаго. Бывали и бываютъ старики, столько жившіе и настолько притупившіеся, что ничто ихъ больше не радуетъ и не огорчаетъ. Для нихъ существуетъ лишь смѣна дней и вѣчное повтореніе одного и того же. Жизнь имъ буквально надоѣдаетъ и они очень легко съ нею разстаются.

Но вотъ говоритъ, что «жизнь надоѣла», и пускаетъ себѣ пулю въ лобъ молодой человѣкъ съ положеніемъ и имѣющій 40 тыс. руб. въ годъ дохода. Чѣмъ же успѣла жизнь надоѣсть ему такъ рано? Не пускаясь въ гадательныя предположенія, приходится сказать, что «надоѣло» — ничего не объясняетъ. Могло быть физическое пресыщеніе, злоупотребленіе молодыми силами и истощеніе, за которымъ слѣдуетъ всегда равнодушіе къ жизни. Могли быть, конечно, причины и нравственныя, но и о нихъ можно лишь догадываться, не зная ничего навѣрное. Во всякомъ случаѣ, причина самоубійства кроется въ какихъ-то неудовлетворяющихъ условіяхъ жизни, оставшихся неизвѣстными.

«Тяжело жить, больше не могу»—говоритъ уже яснѣе. Здѣсь слышится стонъ или вопль страдающаго человѣка и причины его страданій поясняются отдѣльными фразами другихъ несчастныхъ, такъ что составляется довольно полное и опредѣленное представленіе о коллективномъ самоубійцѣ. Вотъ эти дополнительныя и поясняющія фразы: жизнь безцѣльна, она не имѣетъ смысла, она не оправдываетъ возлагавшихся на нее надеждъ, она порождаетъ презрѣніе къ собственной безполезности, она не даетъ возможности дѣлать то, что человѣкъ думалъ свершать и т. д.

Только напрасно авторъ статьи усматриваетъ въ этихъ духовныхъ завѣщаніяхъ отчаяніе, упадокъ духа, безнадежность и вообще что-то вродѣ прострацiи. Нѣтъ, не она тутъ чувствуется. Тутъ чувствуется мажорная, горделивая нотка, скорѣе высокомѣрное отношеніе къ жизни, въ рамкахъ которой человѣкъ не уложился. Здѣсь выступаетъ скорѣе приподнятое чѣмъ подавленное *я*,—*я* съ

широкими горизонтами, съ мечтами о подвигѣ,—и этого *я* «мрачными картинами» не испугаешь, потому что только «мрачныя явленія» его и создали и вложили въ него мечту о подвигѣ, о дѣлѣ, которое бы оно хотѣло свершить. Не въ собственныхъ силахъ сомнѣвается здѣсь человѣкъ, онъ отворачивается отъ безсмысленной жизни, не отвѣчающей его идеалу, не оправдывающей возлагавшихся на нее надеждъ. Даже въ презрѣніи къ собственной безполезности видится приподнятое *я*, желающее видѣть въ жизни храмъ, а не мастерскую. Подобныя горделивыя натуры, если, къ тому же, онѣ отличаются еще страстностью и воображеніемъ, легко увлекаются идеализаціей себя, мечтами о подвигахъ, и не такъ просто укладываются въ рамки той дѣйствительности, которою онѣ подчасъ бываютъ окружены и изъ которой не усматриваютъ никакого выхода. Разумѣется, самоубійство — не выходъ, но дѣло въ томъ, что разладъ душевныхъ требованій, подчасъ не Богъ вѣсть какихъ идеальныхъ, съ условіями текущей жизни и съ умственною средой, въ которую судьба иногда насильно погрузитъ человѣка, бываетъ такъ непримиримъ, что на вопросъ, что дѣлать, не пріискивается никакого отвѣта.

Душа человѣка создается такими сложными и многообразными внѣшними и внутренними воздѣйствіями, въ ней столько самыхъ разнообразныхъ и и противуположныхъ теченій, такъ подчасъ смутны и неясны ея стремленія, желанія, порывы, столько въ каждомъ отдѣльномъ *я* своего собственнаго, личнаго, что ни съ какимъ прямолинейнымъ разрѣшеніемъ подходить къ человѣческой душѣ не позволяется и для ея гордіевыхъ узловъ еще не народился Александръ Македонскій.

Вотъ, напримѣръ, дѣвушка обращается къ писателю съ просьбой указать ей, что читать, «назвать хоть нѣсколько сочиненій, способныхъ помочь ей выйти изъ ужасно тяжелаго состоянія апатіи, въ которомъ она находится, способныхъ хотя немного освѣтить смыслъ жизни, дать хоть какіе-нибудь идеалы»... «Кругомъ все пусто, мертво, дѣло лишь на словахъ и отношеніе къ нему странное,— пишетъ она. — Болѣе внимательный взглядъ на жизнь этихъ людей вызываетъ вопросы: чѣмъ они живутъ? въ чемъ смыслъ ихъ жизни? стоитъ ли жить такъ? (слышите: стоитъ ли?)—и беретъ сомнѣніе, есть ли гдѣ-нибудь иные люди...» Какіе дѣйствительно тяжелые, мучительные и, очевидно, неразрѣшимые для человѣка вопросы!

Говорятъ, что обращенія къ писателямъ съ просьбой—что читать? что дѣлать?—очень обыкновенны. Что же это доказываетъ? Доказываетъ только то, что у насъ еще очень много людей, нуждающихся въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ и не находящихъ въ жизни указаній или возможностей для ихъ разрѣшенія. Для тѣхъ, кто спрашиваетъ, что читать и что дѣлать (и объ этомъ спрашиваютъ уже тридцать лѣтъ), очевидно, не нашлось ни дѣла, ни указаній, какъ жить.

И у подобнаго ищущаго и неудовлетвореннаго душевнаго требованія есть законъ, о существованіи котораго нужно же, наконецъ, догадаться. Законъ этотъ подчиняетъ себѣ каждаго съ первыхъ же шаговъ жизни. Воздѣйствіе его начинается еще въ дѣтской, въ семьѣ, затѣмъ оно переходитъ въ школу, изъ школы сопровождаетъ въ жизнь и своимъ противуположеніемъ дѣйствительности вноситъ въ душу разладъ. Однимъ удается найти примиреніе, другіе найти его не умѣютъ, и каждый затѣмъ разрѣшаетъ свою жизненную задачу по-своему.

И родители, и воспитатели твердятъ каждому, еще ребенкомъ, что онъ долженъ быть хорошъ, добръ, что людей нужно любить, дѣлать для нихъ добро, что нужно помогать бѣднымъ, скорбѣть съ несчастнымъ. Объ этомъ говоритъ намъ и няня въ дѣтской, когда учитъ молиться Богу, и мать, и священникъ, и Евангеліе, которое мы читаемъ. Каждому подсказываетъ то же и его собственная душа, собственная потребность въ ласкѣ, любви и справедливости.

Дальше, когда наступитъ пора мысли, когда человѣкъ начнетъ проникать въ тайны жизни, раскрывать ея горизонты, отыскивать общіе руководящіе законы, разрѣшать вопросъ, «что дѣлать», создавать себѣ такъ называемые идеалы, когда онъ во всемъ и повсюду будетъ искать разрѣшеній загадки жизни, когда онъ начнетъ читать,—опять передъ нимъ возникнетъ, но уже въ большемъ размѣрѣ, все тотъ же вопросъ о любви, правдѣ и справедливости. Его не разрѣшилъ и древній міръ съ его великими умами, его не разрѣшаетъ и новый міръ усиліями подобныхъ же великихъ умовъ.

И все, что бы человѣкъ ни читалъ у великихъ поэтовъ и мыслителей, все, что онъ найдетъ въ современной поэзіи, романѣ, повѣсти, въ статьяхъ журнала,—все это одна и та же неотвязчивая мысль о любви и правдѣ, о жизни по-божески. На этомъ вѣчномъ, нескончаемомъ указаніи на божескую правду, которая должна быть задачей и цѣлью нашей жизни, ростетъ всякая душа, проникаясь ея ощущеніями и получая привычку къ этимъ ощущеніямъ.

Но не однимъ чуствомъ любви проникается дѣтская душа подъ воздѣйствіемъ нравственныхъ вліяній. Рядомъ съ ними воображеніе питается подвигами мучениковъ, героевъ, великихъ людей. И въ книгахъ, и на словахъ ребенку разсказываютъ біографіи знаменитыхъ ученыхъ, изобрѣтателей, путешественниковъ, борцовъ за независимость народовъ, твердятъ ему объ образцахъ преданности и самопожертвованія и увлекаютъ дѣтское воображеніе мечтами о подобныхъ подвигахъ и желаніемъ подражать великимъ людямъ и друзьямъ человѣчества.

Воспитаніе дѣлаетъ все, что оно можетъ, чтобы поднять резонансъ души и заставить его звучать лучшими человѣческими чувствами, и, въ то же время, оно не даетъ почти ничего разуму, не даетъ знаній, которыя бы шли въ уровень съ приподнятыми чувствами и вполнѣ имъ отвѣчали. Ни латинская грамматика, ни греческій языкъ, ни географія не отвѣчаютъ на запросы приподнятаго чувства и воображенія ищущихъ совсѣмъ не того,

что дает им гимназическая наука. Дальнейшая наука разрешает вопросы накопившагося чувства нисколько не лучше. А жизнь... да, ведь, для того, чтобы исправлять жизнь, чтобы бороться со злом, насаждать правду и любовь и являть примеры самопожертвования и благородства, воспитание и поднимало детскую душу, пропитывая ее примерами подвигов и человеческаго величія. Воспитаніе только и старалось о том, чтобы выдвинуть человека в герои, приподнять детское *я*, и без того, обыкновенно, достаточно большое. И вот это *я*, вступая в жизнь с готовностью на подвиги самопожертвованія и искупленія, сразу охватывалось фактами такой действительности, которые входили в молодую душу режущим стальным, холодным клином и производили диссонанс, с которым душа не могла ни справиться, ни примириться, ни сростись. Вот откуда этот вечный, нескончаемый клич о том, что читать, что делать. И в самом деле, что читать, что делать?

Практическіе умы эти вопросы одолевают легче, люди же теоретическіе, идейные и, в особенности, с приподнятым личным чувством, у которых центр тяжести их душевнаго существованія кроется в нравственном чувстве, равновесія или совсем не находят и в таком случае при известных предрасположеніях могут придти к острому концу, или же остаются на всю жизнь подавленными, неудовлетворенными, несчастными, или же, наконец, становятся озлобленными на настоящее, а то, пожалуй, и на то прошлое, которое их создало, на идеях, чувствах и стремленіях котораго они выросли. В теперешнее время вы встретите не мало людей, которые в шестидесятых годах жили самыми яркими чувствами и светлыми надеждами, а теперь не могут говорить об этом времени без злобнаго чувства и без негодованія. Но они умалчивают о своем *я*, и во всем оказываются виноватыми время и его идеи. Так ли?

Детское чувство и молодое воображеніе пріучают развиваться и рости только на красивых и ярких сторонах героизма, высоких подвигов, рыцарских чувств и самопожертвованія. Все разнообразные виды благородства переживаются обыкновенно в виде ощущеній, стремленій, желаній сердца, а великіе подвиги свершаются только в воображеніи. Тот самый ребенок, которому так тщательно внушают идеи безкорыстія и самопожертвованія, не поделится ни с кем даже пряником. Что значит в действительности подвиги самопожертвованія и героизма, какой затраты сил—и каких сил!—они требуют, привычку к каким нравственным и физическим страданіям они должны создать, этого обыкновенно будущіе герои даже и не предполагают. А не предполагают они потому, что, в сущности, их не воспитывают в чувствах и ощущеніях благородства и самопожертвованія. Их воспитывают только в понятіях, в головных ощущеніях. О благородных подвигах они слышат лишь на словах, а сердца их ими не трогают. Детям или твердят: будь честен, правдив, благороден, и подгоняют их на нравственное поведеніе самолюбием и наказаніем, или же стараются устыдить фразами вроде: «фи, как это не хорошо». И, в то же время, ни разу во всю детскую жизнь не согреют детскаго сердца ощущеніем действительнаго великодушія, правды, благородства и любви. Головныя чувства, осуществляемыя только в головном представленіи подвигов, а не самыя чувства и не практика подвигов,—вот область, в которой формируется обыкновенно детскій нравственный организм.

Будет ли ребенок воспріимчив чувством или же только заучат понятія о добре и благородстве—в том и другом случае характер, способный на истинное самопожертвованіе и подвижничество, у него не сформируется. Подобные характеры создаются не фантазіей, не жизнью только в представленіи красивых сторон подвигов и своего собственнаго *я* в виде центральной фигуры. Первыя же препятствія и практическіе уроки сломят такой организм, не приготовленный к борьбе, подавят его не сформировавшуюся энергію и не установившуюся мысль, питавшуюся только воображеніем и безпредметными ощущеніями и стремленіями.

Центральное *я*, в котором так усиленно нас ростят, и мечты о личном счастьи, которыя развиваются тоже из этого способа воспитанія, совсем вынимают из-под ног почву действительности. Это усиленное *я* имеет привычку требовать себе всего в слишком больших количествах, иногда далеко не соответственно своим правам и силам, а на личное счастье имеет слишком своеобразный взгляд. Личное счастье не есть что-либо готовое и блестящее вроде свадебнаго подарка или готоваго храма, в который достаточно только войти, чтобы погрузиться в наполняющее его блаженство. Такое счастье фабрикуется лишь в нашем воображеніи и в готовом виде его на свете нет. Счастья нет предвзятаго и заранее задуманнаго. Оно создается всею жизнью и составляет ея итоги, т.-е. все то, что мы получим от жизни. Иван Гус подвел итог своему счастью на костре, а Вашингтон оценил свое счастье только на смертном одре в том всеобщем почтеніи и удивленіи, которыя его окружали. Вот какое разное бывает счастье.

Счастье создается из отдельных удовлетвореній наших стремленій и желаній; оно как цветы разсеяно по пути жизни, которые мы встречаем и собираем. Но как каждый идет своею дорогой, то и цветы он собирает только те, которые растут на его дороге. Поэтому у каждаго свое счастье, о котором он вполне узнает только в конце своего пути. Кто ищет много счастья—ничего не найдет. Путем своей жизни Иван Гус пришел к костру, а Вашингтон—к безмятежности и спокойствію, окруженный ореолом славы и всеобщаго благоговейнаго почтенія. И, зная, что наше счастье есть то, что мы сами соберем на пути своей жизни, каждому не трудно определить хотя приблизительно ожидающее его счастье.

Не такъ, однако, поступали тѣ, кто входилъ въ жизнь съ мечтами о счастьи, какъ о блаженствѣ, которое должно снизойти съ облаковъ. Не такъ поступали и тѣ, кто вступалъ въ жизнь съ мечтами о великихъ подвигахъ, способныхъ что-то обновить или создать. Розовыя мечты, пріуроченныя къ преувеличенному *я*, для красиваго и блестящаго счастія котораго все должно служить, оказались лишь плодами воображенія. И это было тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ ярче разрисовывала фантазія блестящую картину счастья, лежащаго впереди. Никакая мысль о страданіи, лишеніяхъ, трудностяхъ не смущала молодаго порыва. Само слово счастіе не мирилось съ мыслью о страданіи. И развѣ въ страданіи и лишеніяхъ можетъ быть счастье? Развѣ счастье можетъ быть страданіемъ? И вотъ, когда на томъ самомъ пути, на который выступилъ человѣкъ, счастье оказалось только въ страданіяхъ и лишеніяхъ, когда яркія картины воображенія смѣнились совсѣмъ непохожей на нихъ дѣйствительностью, — сорвалось слово проклятія своей собственной молодости и все, что было въ ней свѣтлаго и чистаго, всѣ ея лучшія идеи, желанія и стремленія были обозваны безуміемъ. Другіе же, для мечтательныхъ подвиговъ которыхъ арена жизни оказалась мало пригодной, приходили еще и къ худшему результату.

У Спенсера есть превосходное опредѣленіе граціи. Грація,—говоритъ онъ,—есть экономія силъ. Именно этой-то граціи, этой экономіи силъ у насъ ни въ чемъ и никогда не замѣчалось. Каждое наше отдѣльное *я* отдавалось всегда страстно своимъ мыслямъ, желаніямъ, чувствамъ, мечтамъ и затрачивало на нихъ гораздо больше энергіи, чѣмъ было нужно. Всѣ свои душевныя силы это страстное *я* отдавало одному дѣйствію, одному какому-либо душевному состоянію или порыву. Весь запасъ ихъ уходилъ на одно. Силъ ли недоставало на уравновѣшанную работу чувствъ и идей, или этихъ чувствъ и идей было мало, такъ что на нихъ неизбѣжно сосредоточивались всѣ силы, вся энергія, для результатовъ было безразлично, потому что всегда получалась какая-нибудь преувеличенность, что-нибудь окрашенное болѣе яркими красками, чѣмъ какія требовались по существу работы или дѣйствія. Самымъ простымъ, естественнымъ чувствамъ придавалась возвышенность и самыя простыя дѣла возводились въ подвиги, а приподнятое *я* создавало само себѣ удовлетвореніе въ признаніи собственнаго героизма и въ ощущеніи производимаго имъ сіянія.

Эта односторонность, сосредоточившая на себѣ всю силу, происходила только оттого, что истинное общественное *я* являлось у насъ лишь въ видѣ передовыхъ силъ, а въ общемъ, въ массѣ, стояло только личное *я*, знавшее лишь личныя побужденія, жившее личными чувствами, личными мечтами, личными стремленіями, на которыя и уходили всѣ силы. Почувствовавъ себя, это *я* и не могло не протираться впередъ на первое мѣсто, потому что ничѣмъ другимъ оно и не могло заявить о своемъ личномъ достоинствѣ.

Въ сущности, это было не аристократическое движеніе мысли, а первое пробужденіе сознанія собственнаго *я*,—то сознаніе своего личнаго достоинства, которое явилось реакціей обезличеннаго дореформеннаго *я*. Это былъ первый шагъ къ общественности, первый моментъ нашего общественнаго пробужденія,—моментъ, изъ котораго мы и до сихъ поръ еще не вышли.

Неудовлетвореніе, которое почувствовало личное *я*, должно было неизбѣжно явиться. И въ самомъ дѣлѣ, устремившись создать себѣ положеніе и личное достоинство, *я* могло искать этого только въ личномъ удовлетвореніи, и вотъ оно направилось за личнымъ счастьемъ, котораго, однако, не нашло потому, что счастья этого тамъ никогда и не было, гдѣ его искали. Почувствовавъ свой ростъ и желая занять свое мѣсто, это личное *я* опять забыло, что рядомъ съ нимъ стоитъ такое же *я*, которое ищетъ того же. Наконецъ, дѣлая первый шагъ къ общественности и чувствуя только себя, одинокое и выдѣлившее себя изъ другихъ, *я* и должно было искать опоры лишь въ своихъ силахъ, въ своемъ собственномъ сосредоточеніи. Отсюда преувеличеніе собственнаго *я* и преувеличенное представленіе подвига.

А, между тѣмъ, только подвигомъ и могла пока твориться русская общественная жизнь, только имъ она и могла двигаться впередъ. И, въ то же время, подвигъ заключался какъ разъ не въ томъ, въ чемъ его видѣло преувеличенное *я*. Отъ этого и подвигъ не получался, а получилось лишь разочарованіе въ общественныхъ силахъ, безнадежность и упадокъ духа и энергіи. На пути къ подвигу оказалось такое же разочарованіе, какое оказалось и на пути къ счастью, ибо путь къ счастью есть только путь подвига. У нихъ одна дорога и одни и тѣ же цвѣты ростутъ на ихъ общемъ пути.

Великіе подвиги возможны только въ великія времена, а величіе времени зависитъ отъ величія его задачъ. Недавнее наше реформенное время было однимъ изъ подобныхъ великихъ временъ. Задачи его разрѣшили коллективныя умственныя усилія, создавшія и коллективный подвигъ. Въ наступившее теперешнее время возможна тоже только коллективная работа, въ которой каждое отдѣльное *я* какъ бы исчезаетъ въ общемъ результатѣ. И работа эта хотя и незамѣтна для глазъ, но такъ или иначе свершается. Свершается незамѣтное движеніе для улучшенія формъ жизни и также незамѣтно готовится лучшее содержаніе для этихъ будущихъ улучшенныхъ формъ. Личный подвигъ возможенъ только для втораго случая, въ той области поведенія, гдѣ личное *я*, не умѣющее найти себѣ точки опоры, проситъ научить его, что читать и что дѣлать.

Въ этой области нѣтъ мѣста ни для широкихъ мечтаній, ни для блестящихъ подвиговъ величія, которые выдѣляли бы *я* въ центральную фигуру, стоящую на высотѣ, окруженную сіяніемъ и возбуждающую удивленіе и поклоненіе, если и не толпы, то хотя извѣстной группы людей. Но подвигъ, все-таки, останется подвигомъ. Подвигъ бу-

деть въ томъ, что для кажущагося простаго, обыденнаго и домашняго дѣла требуется имѣть силы, проникнуться идеей блага, справедливости и любви, требуются люди не съ личнымъ *я*, мечтающимъ о личномъ счастіи и личномъ удовлетвореніи, а люди съ общественнымъ *я*, для котораго и личное счастье, и подвигъ есть трудъ на пользу общественную, направляемый общественною идеей. Уйти въ деревню, чтобы жить «своимъ хлѣбомъ», еще не значитъ свершить общественный подвигъ, — подобный хлѣбный подвигъ свершаетъ и всякій кулакъ. Въ еврейскихъ мѣстечкахъ (евреи, какъ извѣстно, любятъ лечиться) стали теперь заводиться вольные доктора, «служащіе» деревнѣ и народу. «Интеллигентъ», выдавленный жизнью изъ «мѣста» въ городѣ, пошелъ на «мѣсто» въ деревнѣ. Но развѣ это подвигъ? Если это «подвигъ», то такой же подвигъ свершаетъ и всякій, кто живетъ «вольнымъ трудомъ» и создаетъ себѣ «свой хлѣбъ». Тутъ только купля и продажа, тутъ лишь экономическое дѣйствіе. Подвигъ заключается въ идейномъ поведеніи, въ чувствахъ, воодушевляющихъ на задачи «высшаго порядка», которыя руководятъ всѣмъ поведеніемъ и даютъ ему общественный, человѣческій смыслъ.

И едва ли для этого нужны шумъ и блескъ, едва ли для этого нужно подниматься на цыпочки, едва ли человѣкъ, который знаетъ, что счастье и подвигъ составляютъ лишь то, что мы соберемъ на собственномъ общественномъ пути, станетъ искать и ожидать отъ своей жизни чего-нибудь другаго, кромѣ того, что онъ только можетъ найти на этомъ пути.

Въ Одессѣ умерла не такъ давно въ больницѣ совсѣмъ еще молодая фельдшерица Зинаида Александрова. Умерла она всего 23-хъ лѣтъ, заразившись сапомъ на бактеріологической станціи. Это была скромная, хорошая женщина, посвятившая свою жизнь скромному, хорошему дѣлу.

Родилась Александрова въ бѣдной землянкѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Уже шести лѣтъ она просила настойчиво свою мать отдать ее въ школу. Кончивъ народное училище, она стала думать о самостоятельномъ трудѣ и о «разумной жизни». Мать дальнѣйшаго образованія давать ей не хотѣла, тогда энергическая дѣвочка принялась учиться сама, и при выборѣ «дѣла» остановилась на «Красномъ Крестѣ» и званіи фельдшерицы. Но чтобы поступить въ разсадникъ сестеръ «Краснаго Креста», нужно было знать больше, чѣмъ даетъ народная школа. Самообразованіе помогало мало. На счастіе дѣвушки, нашелся для нея хорошій безплатный учитель (такой ужь путь этого счастья, что часто находится рука, которая поддержитъ и проведетъ) и, выдержавъ экзаменъ, она поступила въ разсадникъ.

Экзаменъ и приготовленіе къ нему были рѣшающимъ моментомъ въ жизни Александровой. Насколько энергично и настойчиво она стремилась къ своей цѣли, настолько же неотвязчиво тревожила ее мысль: «а что же тогда, когда я не выдержу экзамена?» И въ ней шевельнулась мысль о самоубійствѣ. Когда экзаменъ сошелъ хорошо и когда она была принята въ разсадникъ, она объявила своимъ домашнимъ, что если бы случилось иначе, то ее едва ли бы увидѣли больше. На восклицаніе брата: «что ты, Богъ съ тобой!» дѣвушка отвѣтила дрожащимъ голосомъ: «А то со мной, что совѣсть моя не позволила бы мнѣ тянуть эту канитель: если я не годна для жизни, то должна сама себя выбросить за бортъ, потому что безъ смысла и пользы жить невыносимо...»

Наши Александры Македонскіе печати разрѣшили бы этотъ вопросъ, конечно, просто. Какъ вообще въ самоубійствахъ виноваты журнальныя статьи, такъ въ настоящемъ случаѣ виноваты несомнѣнно недостатокъ чувства жизни и упадокъ энергіи. Такъ! Но дѣло вотъ еще въ чемъ. Передъ нами дѣвушка необыкновенно добрая, сочувствующая всякому страданію и желающая помогать именно страждущимъ. Этотъ инстинктъ ея сердца и направилъ ее въ сестры милосердія и въ фельдшерицы. Если бы дѣвушка покончила съ собою, то съ моральной точки зрѣнія поступокъ ея заслуживалъ бы, конечно, порицанія. Вѣдь, не всѣ же пути жизни передъ нею закрылись. Она могла бы быть телеграфисткой, могла служить въ конторѣ, сидѣть въ кондитерской, могла остаться въ семьѣ попечительною дочерью и помощницей своей матери, могла выйти замужъ и быть доброю женой и воспитательницей своихъ дѣтей. Выходовъ въ жизни много. Но вопросъ въ томъ, что только одинъ путь отвѣчалъ ея инстинктамъ, движенію мысли, стремленіямъ сердца и другихъ подобныхъ же путей, между которыми оказывался бы возможнымъ выборъ, никакихъ не открывалось. Жизнь завязывалась въ очень тѣсный узелъ, и при видѣ этого узла можетъ возникнуть вопросъ не о томъ, что Александрова такъ легко склонилась къ мысли о самоубійствѣ, а о томъ, что при недостаткѣ выходовъ къ жизни возникаетъ легко мысль о самоубійствѣ.

Александрова была истинною сестрой милосердія, не только доброю, внимательною, но и геройски самоотверженною. Она радовалась, когда ее назначали въ заразную палату, и, точно наслаждаясь опасностями, которыя въ ея собственныхъ глазахъ придавали цѣну ея сердоболію, разсказывала при вступленіи въ заразное отдѣленіе, что пока она только въ дифтеритномъ, а потомъ пройдетъ тифозное и рожистое, въ которомъ придется ухаживать за больными сибирскою язвой, сапомъ и проч. Вступивъ въ тифозное отдѣленіе, она писала: «Мнѣ такъ нравится работать въ тифозной палатѣ, что я непремѣнно пробуду здѣсь мѣсяцевъ четыре или пять; нравится потому, что бываютъ очень рѣдкіе случаи смерти и сравнительно скоро выздоравливаютъ больные. Эти больные почти не требуютъ леченія, а только ухода, такъ что на обязанности сестры лежитъ отъ малаго до большого знать, что дѣлается съ больнымъ». Видите, какъ просто. Ни малѣйшаго подчеркиванья, ни малѣйшаго желанія рисоваться; человѣкъ дѣлаетъ свое дѣло, проникнутый святымъ чувствомъ помощи страждущимъ, помогаетъ имъ — и только.

Вотъ еще характерное мѣсто изъ одного ея письма къ брату: «...Мнѣ очень бываетъ грустно и больно за тебя, что ты такъ много страдаешь, и мнѣ кажется, что я даже не вправѣ быть счастливой, когда ты несчастенъ. Не будетъ у меня счастья (она выходила замужъ), когда я буду видѣть, что мои близкіе страдаютъ. Совершенно счастливой я чувствовала бы себя тогда, когда бы все человѣчество не страдало; а такъ какъ это невозможно, то пусть хоть мои близкіе не страдаютъ». И здѣсь опять все просто, какъ была проста и вся ея жизнь. Просто она ходила за больными, просто ихъ перевязывала, просто давала лѣкарство, просто слѣдила за всѣми перемѣнами у больныхъ и выздоравливающихъ, все дѣлала она просто.

Такъ же просто, но отдавая всѣ свои силы, она работала на бактеріологической станціи и въ будни, и въ праздникъ, приготовляя субстраты, и радовалась, что скоро будутъ прививать сибирскую язву и чахотку людямъ, также просто и не подозрѣвая того, что она во время одной работы заразилась сапомъ и умерла въ разцвѣтѣ своихъ молодыхъ силъ 23 лѣтъ. «Девять дней провела она въ страшныхъ мукахъ, и въ тѣ минуты, когда утихала ея мучительная боль, она не выражала отчаянія, что разстается съ жизнью, хотя знала, что, кромѣ смерти, ей нѣтъ другаго исхода, она безпокоилась только о томъ, что ея болѣзнь и смерть причиняютъ страданія ея близкимъ».

Ну, вотъ и вся жизнь, всѣ дѣла этого истинно общественно-нравственнаго человѣка. Думалъ онъ такъ, какъ слѣдуетъ думать каждому, и поступалъ такъ, какъ при подобномъ думаньѣ только и можно поступать.

На этомъ я и кончу, не возвращаясь больше, въ видѣ заключенія, къ тенденціознымъ и полемическимъ объясненіямъ причинъ самоубійствъ, которыхъ нельзя было оставить безъ возраженій. Нѣтъ во всемъ этомъ ни пессимистическаго общественнаго настроенія, ни разочарованія въ дѣйствительности, а ужь тѣмъ болѣе нѣтъ и тѣни «пагубныхъ заблужденій, которыя порою эпидемически охватываютъ цѣлыя общества». Никакими дѣйствительными фактами эти соображенія не подтверждаются и разлетаются, какъ карточный домъ, даже при самомъ легкомъ анализѣ. Вообще къ такимъ сложнымъ явленіямъ, какъ нашъ современный общественно-психическій моментъ, нельзя подходить только съ мечомъ Александра Македонскаго или же во всѣхъ злосчастіяхъ Россіи обвинять лишь своихъ противниковъ по печати. Этимъ способомъ мало ли до чего можно договориться.

XXXV.

А, кажется, нужно подчеркнуть рѣзче то направленіе, которое въ послѣднее время предлагается русскому обществу съ особенною настойчивостью, въ видѣ единственнаго средства благоустройства. Формула, которой обнимается практическая сущность этого средства, очень проста: «тебѣ плохо, потому что ты самъ ничего не дѣлаешь, и будетъ хорошо, если ты самъ этого захочешь». Очень великодушная, справедливая, а, главное, умная формула! Но что же въ ней новаго, чтобы она имѣла право выступать съ шумомъ и авторитетомъ, точно и въ самомъ дѣлѣ новая истина? Когда же человѣку не говорили, что онъ самъ виноватъ? Когда же ему запрещалось хотѣть лучшаго и когда же этотъ самый человѣкъ не бился, какъ рыба объ ледъ, чтобы сдѣлать себѣ лучше? Можно подумать, что прежде на обывателя сыпались съ неба изъ рога изобилія жареные рябчики и московскіе калачи и онъ такъ привыкъ къ подаркамъ, что сложилъ руки и совсѣмъ пересталъ о себѣ заботиться, а между тѣмъ, рогъ изобилія на небѣ закрылся. Конечно, такому праздному лѣнтяю и нельзя дать другаго совѣта, кромѣ: «будетъ хорошо, если самъ этого захочешь».

Любопытно, что это воззрѣніе, давно уже окрѣпшее въ практической жизни, стало наблюдаться не только въ художественной литературѣ, но и въ журналистикѣ. Но у повседневной практики были для этого свои очень основательные резоны,— на то она и повседневная практика. Вотъ какой-нибудь ошмыганный мужичишка или оборванный интеллигентъ бьются и переколачиваются, чтобы выбиться на дорогу, глядишь — и тамъ закрыты пути, и здѣсь нѣтъ мѣста. Что тутъ дѣлать? Не другимъ же отыскивать для нихъ не занятые приборы на пиру природы. Конечно, самъ человѣкъ долженъ искать, что ему нужно, самъ долженъ найти себѣ и приборъ по вкусу.

Практическая жизнь, знавшая лишь стоящія передъ нею практическія возможности, видѣла только свои факты и дальше фактовъ она не шла. И въ образѣ мужика и деревни наша практическая жизнь до того подчинилась факту, что интеллигентъ, не понявшій, въ чемъ тутъ дѣло, распростерся, наконецъ, ницъ передъ солдатикомъ Каратаевымъ.

Но, вѣдь, солдатикъ Каратаевъ человѣкъ только факта и больше ничего. Ну, холодно, такъ и холодно! Солдатикъ Каратаевъ, какъ практикъ, очень хорошо знаетъ, что противъ холода ничего не подѣлаешь. Знаетъ онъ, что противъ голода ничего не подѣлаешь и противъ смерти ничего не подѣлаешь. И вотъ онъ всѣмъ этимъ напастямъ смотритъ прямо въ глаза и когда придетъ ему время умирать — ляжетъ на спину, перекрестится, сложитъ руки на груди и умретъ, потому что ничего не подѣлаешь.

Интеллигентъ выработался совсѣмъ изъ другихъ отношеній къ факту. Онъ знаетъ тоже очень хо-

рошо, что есть такіе факты, какъ холодъ, голодъ, смерть. Но, кромѣ того, что онъ объ этомъ знаетъ, онъ объ этомъ еще и думаетъ. Кромѣ факта, какъ факта, въ головѣ интеллигента есть еще и идея этого факта. Солдатикъ Каратаевъ говоритъ, что «ничего не подѣлаешь», а интеллигентъ именно и хочетъ что-нибудь подѣлать, чтобы не было ни холодно, ни голодно. Солдатику Каратаеву свалится на голову кирпичъ съ крыши и Каратаевъ ничего—почешетъ въ головѣ, надѣнетъ шапку и пойдетъ дальше, а интеллигентъ не пойдетъ: онъ остановится и подумаетъ, какъ бы такъ сдѣлать, чтобы кирпичи съ крышъ не падали на головы проходящимъ.

Совершенно справедливо, что привычка только думать, а не дѣлать, пріучила интеллигента рефлектировать и «крутить мозгами», но также справедливо, что привычка подчиняться только факту отучила солдатика Каратаева думать. Такимъ образомъ, если солдатикъ Каратаевъ и интеллигентъ превратились въ два противуположныхъ полюса, то вопросъ, конечно, не въ томъ, чтобы корить интеллигента солдатикомъ Каратаевымъ, потому что и солдатика Каратаева можно упрекнуть интеллигентомъ.

Солдатика Каратаева, конечно, можно похвалить за мужество, съ которымъ онъ переноситъ холодъ, голодъ и даже смерть, но, говоря по правдѣ, это мужество еще не Богъ вѣсть какое, да и явилось-то оно потому, что ничего не подѣлаешь.

Интеллигентъ же народился въ мірѣ (въ мірѣ, а не у насъ однихъ) не для того, чтобы переносить холодъ, голодъ и смерть, а чтобы такъ устроить дѣла, чтобы не было ни холоду, ни голоду, да и смерть отодвинуть подальше. И не для себя одного задумалъ интеллигентъ все это сдѣлать, а и для солдатика Каратаева, котораго, пока, жизнь научила одному—пассивно умирать.

Даже и относительно смерти интеллигентъ оказался «развитѣе» солдатика Каратаева. И съ моральной, и съ общественной точки зрѣнія нельзя оправдывать самоубійствъ, но нельзя также объяснить ихъ недостаткомъ воли и энергіи. Здѣсь пассивное мужество Каратаева смѣнилось вполнѣ мужествомъ активнымъ.

Если сдѣлать подробное сравненіе между солдатикомъ Каратаевымъ и интеллигентомъ и подлѣ каждаго изъ нихъ сложить въ кучки ихъ нравственное и умственное богатство, то имущество интеллигента окажется неизмѣримо больше имущества солдатика Каратаева.

Если же это такъ, то почему же наши «извѣстные и авторитетные» художники-беллетристы, а за ними и другіе, менѣе извѣстные, и даже и совсѣмъ неизвѣстные писатели — всѣ свои симпатіи склонили въ сторону солдатика Каратаева и превратили его даже въ идеалъ, а интеллигента поѣдаютъ поѣдомъ, точно хотятъ совсѣмъ сжить его со свѣта? Даже и на новый-то годъ не дали интеллигенту покоя и, вмѣсто всякихъ добрыхъ пожеланій, упрекнули его въ недостаткѣ энергіи, въ отсутствіи воли и въ томъ, что онъ самъ не хочетъ сдѣлать себѣ лучше! И кто же это сдѣлалъ? Это сдѣлали тѣ самые «друзья» интеллигента, которые, подобно «новому литературному поколѣнію», составляютъ истинный продуктъ восьмидесятыхъ годовъ. У этихъ умныхъ друзей не нашлось лучшаго слова, кромѣ упрека, и той формулы, которую они придумали. Имъ даже и не пришло въ голову, что ихъ формула жестока и несправедлива, потому что приноситъ въ жертву факту того самаго интеллигента, который, прежде всего, нуждается въ возможностяхъ для интеллигентнаго существованія. О томъ, какъ бы создать эти возможности и почему ихъ нѣтъ, они не говорятъ ни слова. Ту половину интеллигентнаго человѣчества, которой живется хорошо, они оставляютъ въ покоѣ и всего требуютъ только отъ тѣхъ, кому жизнь встала поперекъ горла.

Все это дѣлается, конечно, съ самыми доброжелательными намѣреніями, чтобы указать хотя какой-нибудь выходъ. Но только этотъ ли выходъ нужно указывать? Что говорить тому, кто бился изъ всѣхъ силъ и, наконецъ, изъ нихъ выбился, что у него нѣтъ силъ? Онъ это и самъ знаетъ. Говорить же это тому, кто еще бьется, безполезно потому, что онъ еще бьется. Въ томъ и въ другомъ случаѣ получаются только пустыя слова.

Но тутъ важны не пустыя слова, — о нихъ не стоило бы и говорить,—важно то, почему они могли явиться, почему выходъ оказался только въ этомъ средствѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, почему у насъ мысль можетъ получить пустое направленіе? Чтобы понять это, не зачѣмъ уходить дальше того, что свершилось на нашихъ глазахъ.

Русская жизнь, только однимъ освобожденіемъ крестьянъ, не говоря уже о другихъ реформахъ, открыла много новыхъ, небывалыхъ прежде возможностей для интеллектуальнаго существованія и создала цѣлыя группы новыхъ людей, устремившихся воспользоваться этими возможностями. Большинство этихъ группъ по своему общественному происхожденію стояло ближе къ солдатику Каратаеву и воспользовалось новымъ умственнымъ движеніемъ именно какъ средствомъ для новаго, лучшаго и болѣе человѣческаго существованія. Все это такъ и должно было быть; но вотъ что могло бы и не быть. Лѣтъ двадцать пять назадъ, особенно въ самый разгаръ реформъ, тонъ жизни давало верхнее, идейное движеніе, а теперь тонъ жизни даютъ уже не идейные люди, а люди середины. Середина теперь рѣшительно выдвинулась впередъ и заняла первое мѣсто.

Одна провинціальная газета рисуетъ даже слѣдующую картину нашего современнаго серединнаго существованія: «Быть можетъ, въ наши современные дни,—говоритъ газета,—нѣтъ у насъ «геніевъ», или не видно ихъ покамѣстъ для всѣхъ; но куда ни оглянись, въ каждомъ уголкѣ, въ каждомъ департаментѣ и въ каждой канцеляріи мы видимъ цѣлыя массы людей, рѣшительно ничѣмъ не уступающихъ среднему уровню «передовыхъ людей» начала шестидесятыхъ годовъ. Такими людьми теперь у насъ повсемѣстно хоть прудъ

пруди. Быть можетъ, они не такъ наивны и не полны радужныхъ надеждъ, но въ ихъ массѣ, какъ и во всякой вообще массѣ, стремленіе къ царству правды и добра живуче нисколько не меньше, чѣмъ въ насъ въ дни нашей юности. Но, не говоря объ этихъ людяхъ съ высшимъ образованіемъ и съ честными стремленіями, неужто можно забывать про массы, и безчисленныя массы, средняго сословія, лицъ съ среднимъ образованіемъ, народившихся за послѣднее время для общественной жизни, прежде рѣшительно для нихъ недосягаемой? А эти милліоны грамотныхъ людей, прошедшихъ начальныя школы всѣхъ наименованій, могутъ развѣ быть поставлены въ уровень съ тѣмъ, чѣмъ былъ «народъ» тридцать лѣтъ тому назадъ? Все это— элементы прогресса, правда, не блестящаго, не головокружительнаго, не пьянящаго, но за то болѣе реальнаго и неискоренимаго, чѣмъ тотъ, которымъ мы въ началѣ шестидесятыхъ годовъ любовались больше по наслышкѣ и «въ кредитъ», чѣмъ на самомъ дѣлѣ».

Эту картину рисуетъ не какой-нибудь провинціальный листокъ объявленій, а газета въ своей окраинѣ авторитетная, управляемая людьми образованными и развитыми, съ точными общественными понятіями и требованіями, съ ясно опредѣленною программой. И все, что говоритъ газета, совершенно вѣрно, факты приведены неоспоримые. Если же это такъ, то почему же въ цѣлой картинѣ вы не чувствуете правды? Только потому, что вамъ этой правды и не даютъ, что васъ заставляютъ присутствовать на единоборствѣ, что передъ вами происходитъ полемика восьмидесятыхъ годовъ съ шестидесятыми. Но зачѣмъ понадобилась эта полемика? Шестидесятые года прошли, притязаній никакихъ на свое возстановленіе въ настоящемъ не заявляютъ, да и заявлять его не могутъ, — въ тридцать лѣтъ, которыя миновали, и люди народились другіе, и русло жизни установилось иное. Зачѣмъ эта безполезная, повидимому, полемика съ прошлымъ, съ исторіей, съ жизнью, сданной въ архивъ.

Не борьба тутъ съ прошлымъ ведется, не полемика съ исторіей, и шестидесятые года тутъ не причемъ. Они нарисованы на картинѣ только для конкретности, для осязательности, для наглядности. Въ дѣйствительности же тутъ идетъ борьба двухъ существующихъ въ настоящее время направленій — дѣловаго съ идейнымъ, практическаго съ идеальнымъ, фактической повседневности съ возникающею и крѣпнущею все болѣе и болѣе критикой этой дѣловой повседневности.

И странный производятъ эффектъ противупоставляемыя части картины,— эффектъ, котораго, конечно, не ожидалъ и самъ художникъ. Не поскупился онъ на краски, и полотно взялъ большое, и фигуръ нарисовалъ многое множество. Тутъ и цѣлыя массы людей, рѣшительно начѣмъ не уступающихъ среднему уровню «передовыхъ людей» начала шестидесятыхъ годовъ (какая (иронія) масса, что хоть «прудъ пруди»); тутъ и стремленіе къ царству правды и добра, такое же живучее, какъ и «въ дни нашей юности» (опять иронія); тутъ и безчисленныя массы средняго сословія съ среднимъ образованіемъ, тутъ и милліоны грамотныхъ людей, прошедшихъ народную школу, только одного нѣтъ въ этомъ громадномъ полотнѣ, заполненномъ такою массою фигуръ,—воздуху: фигуръ нарисовано много, стоятъ онѣ тѣсно, а дышать имъ нечѣмъ.

Группа людей дѣловаго, практическаго направленія, забирающая въ свои руки печать, теперь довольно многочисленна. Устроилась она и въ столичной, и въ провинціальной печати, и на югѣ и на сѣверѣ, и на западѣ и на востокѣ. Состоитъ она изъ людей и талантливыхъ и безталанныхъ, и умныхъ и не умныхъ, и образованныхъ и полуобразованныхъ, и тяготѣющихъ больше къ умственнымъ верхамъ, и тяготѣющихъ больше къ умственнымъ низамъ, но нутро ея остается все одно и то же. Оно не «умственное», а «практическое», и, какъ преимущественно практическое и дѣловое, тяготѣющее къ «капиталу», отличается способностью къ приспособленію. Въ этомъ и заключается его главная особенность, его нервъ, его душа. Лишь бы только не было помѣхъ къ «накопленію», а тамъ, какія бы другія помѣхи жизнь ни выставляла, все будетъ хорошо, пока можно еще накоплять.

Во время реформъ наши дѣловики (уже и тогда устроившіеся въ печати) стояли горячо на сторонѣ реформъ, ибо они сулили имъ возможность очень широкихъ и разнообразныхъ поприщъ для накопленія; потомъ, когда обстоятельства стали слагаться на отливъ, практики пошли по отливу; во время «новыхъ вѣяній» они тоже вѣяли, а затѣмъ, когда вѣянія и идеи сошли съ горизонта и первый планъ картины заняла «середина», они почувствовали себя настолько авторитетными, что вступили въ полемику съ идеями и явились самыми ярыми сторонниками дѣйствительности. И ни въ «измѣнѣ убѣжденіямъ», ни въ «шатаніи мыслей», ни въ чемъ-либо подобномъ ихъ упрекнуть нельзя. Напротивъ, они очень послѣдовательны, даже неуклонно послѣдовательны, и такъ хорошо знаютъ свою ботанику, что какую имъ дорожку ни откройте, они на всякой съумѣютъ собрать гербарій. Ужь таково свойство ихъ ума, который не видитъ ничего другаго, кромѣ практическихъ житейскихъ возможностей къ устройству своего личнаго благосостоянія, и не знаетъ другихъ задачъ, кромѣ накопленія.

Это собственно дѣльцы, практики, но съ особеннымъ умственнымъ оттѣнкомъ. Отъ этого-то они и устроились въ печати. Чистый дѣлецъ знаетъ только «счетъ»,—для идей или идеаловъ (конечно, общественныхъ) у него въ головѣ совсѣмъ нѣтъ никакой и клѣточки. У дѣльцовъ же, пристроившихся въ печати и самую печать превратившихъ въ свое дѣло, въ средство для пропаганды, клѣточка въ головѣ есть. Въ этой клѣточкѣ у нихъ бьется маленькій общественный пульсъ, имъ знакомъ и идеалъ, общественнаго устройства на началахъ равноправности, они тяготѣютъ къ большинству, завидуютъ обезпеченію и довольству

меньшинства, питаютъ къ нему за это иногда и злобныя чувства, тяготѣютъ къ народу, изъ котораго нерѣдко и сами происходятъ, но все это умственное (идейное) содержимое ихъ клѣточки изображаетъ только сложную контрольную организацію, направляющую вѣрнымъ путемъ ихъ собственный «счетъ». Вотъ этотъ-то счетъ и даетъ главный тонъ всему ихъ мышленію. А законъ «счета» одинъ, онъ всегда знаетъ только сегодняшній день, а «завтра» предоставляетъ мечтателямъ и утопистамъ.

Въ сей моментъ по обстоятельствамъ времени имъ кажется (а можетъ быть они опредѣляютъ это вѣрно своимъ практическимъ чутьемъ), что для интеллигента нѣтъ другаго выхода, какъ биться, какъ рыба объ ледъ, и вотъ они совершенно искренно (и съ своей точки зрѣнія справедливо) хотѣли бы заставить замолчать тѣхъ, кто, какъ они думаютъ, мѣшаетъ ихъ пропагандѣ современнаго способа практическаго приспособленія. Они совершенно искренно полагаютъ, что публицисты, съ ними несогласные, «не только не содѣйствуютъ выработкѣ идеаловъ (!), не только не облегчаютъ потуговъ общественной мысли, стремящейся къ созданію идеаловъ, но еще встрѣчаютъ всѣ робкія попытки въ этомъ направленіи презрительнымъ смѣхомъ и ироніей, убивая эти попытки въ самомъ зародышѣ противупоставленіемъ имъ мрачной дѣйствительности».

Видите, какія все хорошія слова: «потуги общественной мысли», «новые идеалы жизни и дѣятельности», «презрительный смѣхъ, убивающій попытки въ самомъ зародышѣ»... А знаете ли, о какихъ тутъ потугахъ общественной мысли и новыхъ идеалахъ жизни и дѣятельности рѣчь? Да все о томъ же «своемъ хлѣбѣ» и «своемъ трудѣ». Что это «новая дѣятельность» и только дѣятельность— совершенно справедливо. Но идеалы-то ужь оставьте, пожалуйста, въ покоѣ. Для нихъ нужно что-нибудь пошире и подальше «мѣщанскаго счастья», о которомъ вы только и мечтаете.

Проповѣдники этого идеала популяризируютъ собственную программу и собственныя вожделѣнія. Кусокъ земли, домикъ въ три окошечка, на окнахъ занавѣски и цвѣты, а внутри дома жена-хозяйка, дѣти, «свой хлѣбъ» и хоть щей горшокъ, да самъ большой. Чего же еще нужно интеллигенту?

Надо, однако, воздать должное предусмотрительности авторовъ этой программы: предлагаемое «мѣщанское счастье» они нигдѣ не называютъ мѣщанскимъ, а изъ клѣточки, въ которой у нихъ помѣщаются разныя идеи, берутъ и предлагаютъ для употребленія еще такія хорошія слова, какъ «обще-полезная дѣятельность», «возможность ея даже и при безотрадной дѣйствительности», «необходимость энергіи для борьбы съ плохими условіями дѣйствительности». Но всѣ эти «хорошія» слова оказываются только словами, потому что и борьба, и энергія, и общеполезная дѣятельность предполагаются не иначе, какъ при условіи неподвижности границъ плохой дѣйствительности. Вся мораль этой программы основана на старомъ анекдотѣ о господинѣ, которому портной сшилъ очень узкія панталоны и увѣрялъ, что такая ужь мода, и что нужно шагать за временемъ. Господинъ резонно отвѣтилъ: «какъ же я буду шагать, когда я не могу сдѣлать ни одного шагу?» Совершенно то же предлагаютъ интеллигенту и проповѣдники «новыхъ идеаловъ жизни и дѣятельности». Они сохраняютъ весь теперешній гардеробъ интеллигента и велятъ ему не обращать никакого вниманія на узкое платье и шагать энергично. Въ результатѣ получится, конечно, одно изъ двухъ: или интеллигентъ не сдѣлаетъ ни одного шагу, или же платье его лопнетъ въ узкомъ мѣстѣ.

Практическое мышленіе по самой своей сущности ничего другаго и предложить не можетъ, ибо оно потому-то и есть практическое, что знаетъ только одну задачу—съумѣетъ направить свои силы такъ, чтобы извлечь пользу изъ того, что лежитъ передъ глазами, и не протягиваетъ рукъ къ тому, до чего онѣ еще не достаютъ. Народъ, росшій въ своей практикѣ тысячу лѣтъ, и ужь, конечно, лучше знакомый съ существомъ факта, чѣмъ интеллигентъ,—практикъ, только еще недавно народившійся на смѣну интеллигента-идеалиста, давно уже придумалъ поговорку: «если бы то если, а то например». Но, вѣдь, зная, что онъ знаетъ и что изъ факта не выскочишь, народъ и не толкуетъ о «новыхъ идеалахъ жизни и дѣятельности». И это не только послѣдовательно, но и добросовѣстно.

И какіе это такіе «новые идеалы»? Идейное движеніе за послѣднія сто лѣтъ создало такую массу задачъ и выдвинуло такую массу вопросовъ, а критическая мысль ушла въ такую глубь и ширину, что и въ пятьсотъ лѣтъ человѣчеству не передѣлать всего практическаго дѣла, которое бы исчерпало выставленныя теоретическія задачи; а у насъ вдругъ объявились свои собственные Колумбы и съ горшечкомъ резеды въ рукахъ громогласно объявляютъ, что они производятъ «потуги общественной мысли и стремятся создать новые идеалы жизни и дѣятельности».

Идеалы, которые человѣческая мысль создала за все время своей общественной работы, очень точны и опредѣленны и чего-нибудь новаго къ нимъ русскими потугами не прибавишь. Дай Богъ только сохранить и не испортить хоть того, что досталось намъ по наслѣдству. Идеалъ личной морали, напримѣръ, требуетъ дѣятельной любви и развитія чувства равнаго достоинства. Идеалъ этотъ очень старый и до сихъ поръ наши практическія отношенія слагались, кажется, совсѣмъ не по этому идеалу. Въ чемъ же помогутъ ему новыя формулы жизни, которыя пытаются изобрѣсти (но еще не изобрѣли) наши руководители-практики и насколько, слѣдуя за ними, русская жизнь разовьетъ въ себѣ дѣятельную любовь? Посмотримъ!

Вотъ, напримѣръ, Александрова, о которой я говорилъ въ январьскомъ очеркѣ, тоже говорила: «хочу ѣсть свой хлѣбъ, хочу жить разумною жизнью». Это была ея программа жизни, которую она создала для себя, прочитавъ нашихъ лучшихъ руководителей общественной мысли. Какой же она

создала себѣ «свой хлѣбъ»? Она не больше, какъ сидѣлка, живетъ на жалованьѣ, зависитъ отъ капризовъ докторовъ и много отъ нихъ терпитъ и не разъ въ своихъ письмахъ на нихъ жалуется. Развѣ это тотъ «свой хлѣбъ», который проповѣдуютъ практики и котораго болѣе точная формула: «хоть щей горшокъ, но самъ большой»? Вопросъ Александровой совсѣмъ не въ этомъ горшкѣ, а въ «разумной жизни», въ дѣятельной любви. Когда передъ нею дрогнула вѣра въ возможность для подобной дѣятельности, когда закралось въ нее сомнѣніе въ свои силы и, усомнившись въ себѣ, она теряла надежду попасть въ разсадникъ сестеръ милосердія, въ ней шевельнулась мысль о самоубійствѣ. А щей горшокъ она бы имѣть могла, могла бы добывать «свой хлѣбъ», хлѣбъ своимъ трудомъ, сидя даже въ лавкѣ своей матери. Такъ всякій практикъ на ея мѣстѣ и поступилъ бы. Но не такой «свой хлѣбъ» она хотѣла имѣть, а свой хлѣбъ, добытый трудомъ дѣятельной любви. Тутъ уже не «свой хлѣбъ» являлся силою, направлявшею дѣятельность этой женщины, а «разумная жизнь». Разумная же жизнь заключается въ томъ, чтобы жить со смысломъ, а жить со смысломъ значитъ помогать страждущимъ. Вотъ чего и хотѣла Александрова.

И «свой трудъ» для Александровой вовсе не жалованье, не мѣсто, онъ совсѣмъ не то, что «свой хлѣбъ» практиковъ. «Свой трудъ» для Александровой значитъ нравственная независимость, возможность поступать такъ, какъ повелѣваетъ ей ея нравственное чувство, въ дѣятельность котораго никто не имѣлъ бы права вмѣшиваться.

И такихъ истинно-моральныхъ людей, живущихъ исключительно моральными побужденіями, можно встрѣтить у насъ — не знаю, на каждомъ ли шагу, — а много. Вотъ еще случай и совершенно аналогичный. Дѣвушка стремится и рвется къ той же нравственной независимости и «разумной жизни», какъ и Александрова. Полтора года употребляетъ она самыя энергическія усилія, чтобы добиться цѣли, которой она задалась; а цѣль ея — изучить медицину. Но поддержки никакой не встрѣчаетъ она у близкихъ и родныхъ, не находитъ въ нихъ никакой помощи. Она, какъ утопающій, готова ухватиться за всякую соломинку, но и соломинки нѣтъ подлѣ. Для нея теперь вопросъ о «быть или не быть» въ ста рубляхъ, которые бы дали ей возможность уѣхать заграницу въ одинъ изъ тамошнихъ университетовъ. Неужели это такое мечтательное, утопическое желаніе? Какъ видите, да. Энергіи ли, поэтому, нужно поучать этого бьющагося человѣка и говорить ему: «будетъ хорошо, если ты самъ этого захочешь», или хотя ради того же моральнаго идеала подумать и о томъ, что для людей съ нравственными стремленіями должны существовать въ жизни и возможности для удовлетворенія этихъ нравственныхъ стремленій?

Но именно эти-то возможности и исключены предвзято изъ общественной программы практиковъ, вмѣстѣ съ этимъ моральному идеалу подрѣзаны крылья, а у дѣятельной любви убавлены средства. О средствахъ и возможностяхъ, которыя бы помогли стремленію къ идеалу гражданскаго быта, практики не только не упоминаютъ, но они и прямо выстраняются отъ критики существующихъ условій и провозглашаютъ для руководства такой принципъ: «такъ какъ условія жизни государственной, общественной и общенародной измѣняются очень медленно, то лучше не ждать, пока условія жизни внѣ насъ измѣнятся, а лучше измѣнять условія собственной жизни». Какъ правило практическое для практическихъ людей и для цѣлей сегодняшняго дня, указаніе это, конечно, вѣрно. И еслибы практики такъ прямо и говорили, что они предлагаютъ практическіе рецепты, никакихъ бы недоразумѣній и не происходило. Но, вѣдь, они хотятъ играть роль идейныхъ вождей и умственныхъ руководителей; они говорятъ объ идеалахъ, и не просто объ идеалахъ, а о «новыхъ» идеалахъ и о потугахъ общественной мысли, стремящейся ихъ создать. Вотъ это-то недоразумѣніе и требуется разъяснить и уничтожить.

Общественная мысль и не думаетъ находиться въ потугахъ, чтобы создать новые идеалы. Общественная мысль создается изъ стремленій такихъ единицъ, какъ Александрова, какъ другая дѣвушка, о которой я говорилъ, какъ тысячи, а можетъ быть, и милліоны подобныхъ имъ людей, которые хотятъ учиться, хотятъ создать себѣ условія человѣческаго существованія, хотятъ находить возможность для безпрепятственнаго проявленія своихъ стремленій къ дѣятельной любви, къ правдѣ, справедливости, вообще къ такимъ нравственнымъ удовлетвореніямъ и къ такимъ взаимнымъ отношеніямъ, въ которыхъ собственно и заключается идеалъ гражданскаго быта. Какъ бы ни было сильно въ отдѣльныхъ людяхъ стремленіе къ гражданской и общественной справедливости, одного этого стремленія еще мало; нужно, чтобы въ самыхъ формахъ жизни имѣлся достаточный просторъ для проявленія каждаго отдѣльнаго личнаго стремленія.

И вотъ если душу и мысль каждой отдѣльной личности, точно внутренній свѣточъ, освѣщаютъ идеи подобнаго гражданскаго общежитія, для достиженія его направлены ея стремленія и усилія,— въ душѣ такого человѣка присутствуетъ идеалъ и въ головѣ его живутъ идеи высшаго порядка. Если же, какъ въ формулѣ практиковъ, на личность возлагаются какія-то моральныя обязательства, но лишь въ предѣлахъ внѣшнихъ неподвижныхъ условій, тутъ общественнаго идеала искать нечего. И практики дѣйствительно никакого общественнаго идеала не выставляютъ.

Практики думаютъ, что идейное содержаніе и стремленіе къ идеалу гражданскаго быта мѣшаютъ человѣку жить разсудительно, что идеальныя стремленія все равно, что мечтательныя стремленія, что это только головокружительное и «пьянящее» состояніе, производящее пѣну, но не дающее ничего реальнаго и житейски полезнаго.

Что и отдѣльные люди, и общество могутъ находиться иногда въ подобномъ «головокружительномъ» состояніи, это, конечно, вѣрно, что стремленія мо-

гутъ принимать мечтательный характеръ, тоже справедливо. Но также справедливо и то, что дѣловое, практическое направленіе, которое смѣняетъ иногда состояніе головокружительное, есть, въ сущности, не больше, какъ реакція, дни которой бываютъ обыкновенно тоже сочтены.

Европейскій человѣкъ давно уже пережилъ всю ту приготовительную общественную умственную работу, которую мы далеко не закончили, и потому и не выработали еще сознательное представленіе о «спиральномъ» движеніи общественнаго прогресса. Поэтому каждому европейцу очень хорошо извѣстно, что можно и должно преслѣдовать въ жизни практическія насущныя цѣли, но что при этомъ не только можно, а еще и гораздо болѣе должно не терять изъ вида общихъ цѣлей. Можно сидѣть за прилавкомъ или торговать мукой и, понимая, что это только «хлѣбное» дѣло, носить въ головѣ интеллигентное содержаніе и не упускать изъ вида общественныхъ порядковъ и стремиться къ ихъ улучшенію.

Зная это, европеецъ понимаетъ, что общественныя теченія имѣютъ иногда чисто-временный характеръ, что въ борьбѣ разнообразныхъ, а иногда и противуположныхъ стремленій торжествующее положеніе того или другаго направленія совсѣмъ еще не доказываетъ торжества истины. Поэтому ни Бисмарку и ни кому изъ его партіи не придетъ и въ голову утверждать, а тѣмъ болѣе доказывать нѣмцамъ, что они являются носителями «новаго» спасительнаго идеала.

Но наши практики думаютъ совсѣмъ иначе. Очутившись въ извѣстномъ моментѣ общаго состоянія мысли, когда сама жизнь потребовала коекакихъ поправокъ и дополненій, они вообразили, что эти-то поправки и дополненія и составляютъ тотъ «новый» идеалъ, котораго жизнь ищетъ и будто бы затрудняется найти. Они практическіе пути для практической дѣятельности приняли за идеалъ и даже за «новый» идеалъ.

Нѣкогда въ видѣ указанія на практическіе выходы рекомендовались у насъ швейная машина, сапожныя и башмачныя артельныя мастерскія и т. п. Однако, «новыми» идеалами этихъ практическихъ выходовъ для отдѣльныхъ существованій никто не называлъ. Теперешніе же практики совершенно серьезно думаютъ (болѣе умные изъ нихъ, конечно, этого не дѣлаютъ), что предлагаемый ими «свой хлѣбъ» и «свой трудъ» (обобщенная швейная машина) есть личный идеалъ счастья, а такъ какъ формулу они предложили новую и, вмѣсто прежней швейной или сапожной мастерской, направили интеллигента на «землю», то, слѣдовательно, это и «новый» идеалъ.

Создавъ сами себѣ это недоразумѣніе, практики должны были впасть и въ другую ошибку. Такъ какъ они были вполнѣ убѣждены, что создали «новый» идеалъ и придумали очень удачную для него формулу, а подробности этой формулы имъ не дались и они еще и сами не знаютъ, какъ сдѣлать общедоступнымъ для каждаго интеллигента практическое осуществленіе этой формулы, то и пришли въ негодованіе на тѣхъ, кто въ этой формулѣ не нашелъ ничего общественно-спасительнаго и удовлетворительно разрѣшающаго задачи интеллигенціи. Вотъ изъ какихъ побужденій возникло не совсѣмъ ясное обвиненіе «какихъ-то» фактическихъ учителей и руководителей общества, которые «презрительнымъ смѣхомъ и ироніей только убиваютъ попытки къ созданію новыхъ идеаловъ».

Въ томъ-то и дѣло, что во всемъ предлагаемомъ практиками очень трудно усмотрѣть даже хотя бы намеки на общественный идеалъ. Слѣдовало бы думать, что въ ихъ формулѣ, преимущественно экономическаго происхожденія, долженъ бы скрываться и экономическій идеалъ. И весьма вѣроятно, что онъ въ ней скрывается, но только «свой хлѣбъ» ровно ничего не говоритъ о соціально-экономическомъ бытѣ, который позволяется подъ нимъ подразумѣвать. Извѣстно лишь то, что на «свой хлѣбъ» приглашаются въ деревню люди всякихъ интеллигентныхъ спеціальностей, пригодныхъ для деревни, но какъ эти интеллигентныя спеціальности устроятся и какой создадутъ распорядокъ въ экономическихъ отношеніяхъ, этого ни изъ чего не видно. Вѣроятнѣе всего, что въ предѣлахъ существующихъ деревенскихъ распорядковъ, въ виду того, что интеллигенты будутъ личными собственниками своей земли, они, поразжившись, заведутъ батрачеcкое хозяйство и превратятся въ мелкихъ землевладѣльцевъ.

Теперь мы подошли къ самому корню вопроса, къ фундаменту, на которомъ построена вся *теорія* практиковъ и ихъ *идеалъ*. Да, идеалъ. И у практиковъ онъ тоже оказывается, и у нихъ есть свои желанія, свои стремленія и даже мечты. Ихъ идеалъ—личная свобода. Но эта личная свобода не есть общественная или гражданская свобода, не есть совокупность тѣхъ очень разнообразныхъ условій, которыми создаются возможности для всесторонняго развитія разнообразныхъ личныхъ силъ въ благоустроенномъ общежитіи. Свобода практиковъ есть собственно личная независимость въ предѣлахъ существующихъ условій, ради приложенія наиболѣе энергическихъ усилій къ экономической дѣятельности.

Подобное движеніе мысли у насъ далеко не ново. Оно обнаружилось еще во время реформъ, а въ то время когда началось обсужденіе основаній для освобожденія крестьянъ, съ шумомъ выступило въ журналистикѣ и вызвало даже цѣлую полемическую литературу. Борьба съ этимъ направленіемъ была не легка, ибо за нею стояли не только люди практики, но и люди «науки». Направленіе это извѣстно подъ именемъ буржуазнаго и вело оно свое происхожденіе подъ вліяніемъ идей французскихъ экономистовъ буржуазной школы. Буржуазное направленіе создано во Франціи третьимъ сословіемъ, въ его интересахъ, и опиралось на ученіе о свободѣ, какъ политической, такъ и экономической. Въ политикѣ оно привело къ сильному расширенію правъ третьяго сословія, а въ экономикѣ къ манчестерской школѣ и къ извѣстной французской экономической формулѣ, требовавшей полной свободы для личной экономической дѣятельности и совершеннаго устраненія вмѣшательства государства. На нашей внутренней экономической политикѣ того времени эта теорія

отразилась во всей своей силѣ и неоспоримо имѣла большое вліяніе на развитіе личной предпріимчивости и развитіе промышленности. Но эта же теорія, покровительствовавшая только личному интересу, принесла намъ и массу зла, не однимъ тѣмъ, что создала цѣлый міръ дѣльцовъ со всѣми печальными послѣдствіями, къ которымъ привела ихъ практика, а еще и тѣмъ, что очень понизила уровень нашей умственной и идейной жизни, заслонивъ идейныя стремленія болѣе доступными для большинства стремленіями практическими.

Та новая внутренняя политика, которую имѣетъ въ виду формула «своимъ хлѣбомъ», есть больше ничего, какъ эпилогъ этой общей политики. Общая политика знала только интересы крупной промышленности и капитала и поощряла ту дѣятельность, результаты которой фигурируютъ въ видѣ милліонныхъ итоговъ въ отчетахъ объ отпускной и внутренней торговлѣ и о мануфактурномъ производствѣ. Иначе сказать, общая политика знала только фабриканта купца

Формула «своимъ хлѣбомъ» демократизируетъ эту политику и изъ области промышленнаго и торговаго міра, изъ сферы милліоновъ, низводитъ въ сферу обездоленнаго интеллигента, единственный капиталъ котораго заключается въ образованіи и въ личной энергіи. Но такъ какъ съ этимъ капиталомъ никакой фабрики построить нельзя, а опытъ съ швейными и башмачными мастерскими и табачными лавочками былъ исчерпанъ, то интеллигенту и предложили приложить свои силы къ землѣ.

Но и эта *новая* идея не вышла готовой изъ головы Минервы. Еще въ министерство графа Киселева отводились участки земли чиновникамъ, которыхъ думали обезпечить земледѣліемъ. Опытъ хотя и не удался, но идея его не погибла. Въ семидесятыхъ годахъ или, точнѣе, въ концѣ шестидесятыхъ та же идея шевельнулась еще разъ, но въ измѣненномъ видѣ. На этотъ разъ идея шла изъ Петровской академіи и піонеры ея отправились на Кавказъ (а, можетъ быть, и въ другія мѣста) и составили первыя земледѣльческія товарищества или артели для совмѣстнаго хозяйства. И это движеніе не имѣло практическихъ результатовъ: товарищества разбрелись и коллективнаго земледѣлія не получилось. Но идея этого дѣла и тутъ не умерла. Ее оживилъ А. Н. Энгельгардтъ, новою пропагандой настолько удачно попавшій въ больное мѣсто интеллигенціи и идеализировавшій жизнь въ деревнѣ, что у него въ Батищевѣ образовалось нѣчто вродѣ школы практическаго земледѣльческаго искусства и подвижничества. Теперь, кажется, подвижники въ Батищево больше ужъ не являются.

Движеніе мысли въ томъ видѣ, какой далъ ему г. Энгельгардтъ, имѣетъ много симпатичнаго, ибо рядомъ съ вполнѣ демократическою постановкой вопроса (трудъ своими руками), интеллигенціи, выкинутой съ рынка интеллигентнаго труда, указывались еще и другія задачи чисто-просвѣтительнаго характера на пользу и служеніе деревни.

Но, съ другой стороны, это нравственное и просвѣтительное служеніе всегда именно и составляло главный признакъ той части русскаго общества, которая извѣстна подъ именемъ интеллигенціи. Только гуманное развитіе этой части русскаго общества и его освободительный порывъ и создали вездѣ общественныя блага, которыя эта же часть общества теперь такъ отстаиваетъ. Это движеніе общей мысли явилось гораздо раньше формулы «своего хлѣба», и только ему эта формула и обязана своею симпатичностью.

Формула «своимъ хлѣбомъ» не только не расширяла гуманитарнаго и демократическаго движенія общей мысли, а, напротивъ, его съузила. Общая мысль имѣла своею задачей именно расширеніе правъ и возможностей для самостоятельнаго развитія народныхъ силъ страны въ интеллектуальномъ, экономическомъ и общественномъ направленіи; теорія же «своего хлѣба» имѣетъ въ виду лишь извѣстную часть интеллигенціи и никакого общаго вопроса не разрѣшаетъ.

Въ этомъ смыслѣ она вовсе не идейное движеніе, способное обхватить умы, раскрыть передъ нами какіе-нибудь широкіе общественные горизонты, направить мысль на соотвѣтственную работу и расширить самое содержаніе жизни. Ничего подобнаго теорія нашихъ практиковъ и не думаетъ творить. Горизонты она оставляетъ въ покоѣ и только предлагаетъ интеллигенту, вмѣсто работы въ канцеляріи, добывать «свой хлѣбъ» на собственномъ клочкѣ земли. Общественно-идейнаго въ этомъ практическомъ совѣтѣ очень мало, а потому на общественныя стремленія онъ вліять не можетъ, да не даетъ для нихъ и никакого матеріала.

Это самоограничивающее умственное поведеніе есть прямое слѣдствіе перевѣса практическаго направленія надъ идейнымъ, еще такъ недавно дававшаго тонъ русской жизни. Пока русское общество имѣло въ виду общія задачи, оно и думало общимъ образомъ. Когда же оно начало думать о дѣловомъ и частномъ, оно перестало думать объ общемъ. Конечно, и въ смыслѣ частной, идейной работы могло бы быть найдено что-нибудь другое, болѣе общественно-широкое и интеллигентное, а не та тараканья щель, въ которую сажаютъ теперь обездоленнаго интеллигента.

Но именно въ этомъ-то и сказалась практичность практическаго мышленія. Вести обездоленнаго интеллигента на вершину горы и показать ему оттуда прекрасный Божій міръ съ его ширью и далью—значитъ питать въ немъ порывы и стремленія къ красотамъ Божьяго міра. А этого, по мнѣнію практиковъ, совсѣмъ не полагается въ дѣловой сезонъ. И вотъ интеллигента уводятъ въ щель, въ которой онъ будетъ рыться, какъ кротъ въ землѣ, и будетъ, наконецъ, видѣть столько же, сколько видитъ кротъ. И при этомъ интеллигенту еще приговариваютъ: «будетъ хорошо, если ты самъ этого захочешь».

Чтобы провѣрить результаты общественнаго воздѣйствія дѣловаго мышленія, пускай читатель припомнитъ картину современной Россіи, о которой было говорено. Описаніе начинается прямо съ ироніи надъ умственною яркостью, съ того, что въ

наши современные дни нѣтъ у насъ «геніевъ», да, пожалуй, ихъ совсѣмъ и не нужно, потому что ихъ замѣнилъ общій геній образованной массы, не уступающей среднему уровню «передовыхъ людей» недавняго времени. Современными передовыми людьми «хоть прудъ пруди», такъ ихъ много, и всѣ они проникнуты самыми возвышенными стремленіями «къ царству правды и добра». За современными передовиками стоитъ масса людей средняго образованія, масса безчисленная, «народившаяся въ послѣднее время для общественной жизни», а затѣмъ милліоны грамотныхъ людей, прошедшихъ начальную школу. Вотъ какъ много свѣту и просвѣщенія, свѣту настоящаго и просвѣщенія истиннаго, создавшаго элементы такого же истиннаго и реальнаго прогресса, прогресса неискоренимаго, потому что онъ реальный, осязательный, насущный, а не мечтательный или головокружительный!

Отчего же при всей яркости красокъ картина, все-таки, тускла и сѣра и «элементы прогресса», сплотившіеся въ коллективный геній, смотрятъ скучно и безжизненно, точно восковыя куклы? Не было ли лучше, если бы у этихъ безжизненныхъ элементовъ прогресса закружилась бы немного голова? Авось они стали бы погеніальнѣе и создали бы лучшую дѣйствительность!

Красоту и содержаніе жизни даютъ только идеи, руководящія поведеніемъ общества. И картина, нарисованная провинціальною газетой, была бы даже и поучительной, еслибы авторъ ея указалъ на идеи, которыми живутъ его «элементы прогресса». Онъ на нихъ, однако, не указываетъ и его панегирикъ своему времени остается только похвальнымъ словомъ на могилѣ того предъидущаго, которое онъ усиливается похоронить. Но, во-первыхъ, на могилахъ, не смѣются, а, во-вторыхъ, можно хоронить только такія идеи, которыя свершили свой полный циклъ и у которыхъ поэтому нѣтъ будущаго.

Чувство жизни и дѣйствительности въ людяхъ поддерживать слѣдуетъ. Въ этомъ смыслѣ понятно, когда вниманіе людей обращаютъ на текущіе вопросы, на то, что совершается передъ ихъ глазами. Но, вѣдь, наши практики задались совсѣмъ другою программой и ужъ не сегодня они начали свой подкопъ подъ время, предшествовавшее восьмидесятымъ годамъ.

Въ этомъ подкопѣ участвуютъ писатели самыхъ разнообразныхъ лагерей, начиная съ такъ называемыхъ консерваторовъ и такъ называемыхъ славянофиловъ и кончая нѣкоторыми изъ либераловъ. Но самый способъ ихъ войны показываетъ насколько они чувствуютъ себя не въ авантажѣ. Вмѣсто того, чтобы иронизировать надъ «головокружительнымъ» и «пьянящимъ» прогрессомъ «въ кредитѣ» или, какъ дѣлаютъ другіе, сердиться и браниться, они могли бы поступить убѣдительнѣе, сдѣлавъ выставку собственныхъ идей и развернувъ передъ обществомъ идеалы того «реальнаго» и «неискоренимаго» прогресса, который они создаютъ. Тѣ, кто набирается руководящихъ идей и идеаловъ и отыскиваетъ смыслъ жизни, и сами рѣшили бы, что имъ выбрать и въ какую сторону идти.

Но у практиковъ — увы! — подобныхъ руководящихъ общественныхъ идей въ наличности именно и не оказывается. Ихъ практическій умъ, потому и лишенъ всякаго идейнаго творчества, потому онъ и не имѣетъ общественно-руководящей силы, что онъ видитъ только наличный фактъ и умѣетъ разбираться лишь въ предѣлахъ этого факта. Оттого-то съ тѣхъ поръ, когда практическое направленіе оказалось господствующимъ, мы и стали такъ бѣдны идеями. Но, зная только фактъ, практики очень находчиво умѣютъ установить всегда его фактическую сущность, дать ему названіе. Такъ поступили они еще разъ и теперь съ «элементами прогресса». Что «элементы прогресса» неоспоримый фактъ, въ этомъ практики возраженія не встрѣтятъ; но, вѣроятно, и они согласятся, что сущность вопроса не въ «элементахъ прогресса», а въ идейномъ и умственномъ содержаніи, которое эти элементы прогресса въ себѣ носятъ. Если на этой подготовляющейся пашнѣ практики и дѣльцы посѣятъ только свои сѣмена, то можно уже и теперь предвидѣть, какой родится хлѣбъ и чьи амбары они наполнятъ.

По поводу «элементовъ прогресса» одинъ изъ нашихъ историковъ, дѣлая оцѣнку «сѣренькому» 1888 году, высказываетъ успокоительную мысль, что прогрессъ свершаютъ не шумныя «дѣянія», олицетворяемыя въ великихъ людяхъ, и что этотъ аристократическій взглядъ, созданный существовавшими общественными условіями, уступилъ свое мѣсто иному взгляду: «Теперь историкъ и философъ присматриваются уже къ послѣдствіямъ дѣяній, къ бытовой или культурной сторонѣ жизни, къ историческимъ силамъ и элементамъ. Здѣсь, въ этихъ глубокихъ основахъ счастья, глухо, часто безъимянно идетъ непрерывная, всеобщая, гигантская работа жизни; здѣсь нѣтъ, въ общемъ итогѣ, ни смерти, ни попятныхъ шаговъ. Здѣсь — все движеніе впередъ и открытія творчества: о нихъ только не кричатъ, такъ какъ они тонутъ въ общемъ, демократическомъ шумѣ массы разнородныхъ, сплетающихся «интересовъ».

Это вполнѣ утѣшительный и вполнѣ вѣрный взглядъ. Но дѣло въ томъ, что «глубины», которыя производятъ свою неустанную гигантскую работу жизни, производятъ ее не съ сегодня. Онѣ производили ее и сто, и тысячу лѣтъ назадъ. Дѣло совсѣмъ не въ глухой работѣ этихъ глубинъ и въ накопленіи ими фактовъ, а въ результатахъ сознанія, которые они создаютъ, и въ идеяхъ. Подобною работой «глубины» до сихъ поръ не занимались; она для нихъ то будущее, къ которому ихъ ведетъ исторія. Работу сознанія производила только одна частичка «глубины», выдѣлявшаяся изъ нея и у насъ извѣстная подъ названіемъ интеллигенціи, на долю которой и досталась современная историческая задача сознавать то, что нужно для общаго блага и общаго счастія.

Поэтому-то вопросъ всякаго даннаго времени и заключается только въ томъ, какъ работаетъ это

сознаніе и какое направляющее движеніе оно даетъ умамъ, а, слѣдовательно, и текущей жизни.

Въ сей моментъ сознаніе, направляющее жизнь, работаетъ почти исключительно въ практической области. Теоретическіе вопросы наши практическіе руководители разрѣшили всѣ, когда еще учились въ гимназіи. Теперь они только устраиваютъ жизнь. Печать, которую они себѣ подчинили, знаетъ тоже только практическія задачи. Но вотъ въ чемъ вопросъ. Отчего всѣ «современные передовые люди», которые проникнуты самыми возвышенными стремленіями къ царству «правды и добра», и вся слѣдующая за ними масса людей средняго образованія, «народившаяся для общественной дѣятельности», ни въ литературѣ, ни въ искусствахъ, ни въ какой-либо области идейнаго и умственнаго творчества не высказала никакой силы? Что за причина, что столько «элементовъ прогресса», накопившихся въ эти тридцать лѣтъ, не создали никакихъ результатовъ ни въ одной области свободнаго творчества? Что это за странные «элементы», созданные образованіемъ и не обнаружившіе ничѣмъ своего существованія? А, между тѣмъ, «элементы» несомнѣнно существуютъ, несомнѣнно и дѣйствуютъ, несомнѣнно и творятъ жизнь. Гдѣ же и въ чемъ эта созданная ими жизнь? Въ чемъ работа массы людей средняго образованія, «народившейся для общественной дѣятельности»? Гдѣ этотъ свѣтъ «правды и добра», которымъ такъ сіяютъ «современные передовые люди», расплодившіеся до того, что ими хоть «прудъ пруди»?

Практики, рисующіе картину плодовъ нашего просвѣщенія, очень хорошо знаютъ, гдѣ весь этотъ свѣтъ. Онъ весь у нихъ. Оттого-то имъ и кажется, что у насъ такъ много свѣту.

И въ то время, какъ мы заняты такъ усердно практическимъ мышленіемъ, мы становимся втупикъ передъ самыми обыденными жизненными вопросами и не въ состояніи установить самыхъ повседневныхъ отношеній, если въ нихъ есть хоть что-нибудь общественное. Приведу только два факта, и факта, случайно попавшихся въ новогоднихъ нумерахъ газетъ. Сравнивая 1888 годъ съ 1887 г., «Судебная Газета» говоритъ, что въ 1888 году «такое же множество злостныхъ банкротствъ, банковыхъ процессовъ, должностныхъ растратъ и такъ называемыхъ литературныхъ дѣлъ». «Ясно,—замѣчаетъ газета,—что въ экономической жизни страны, попрежнему, творится что-то неладное, что существуютъ глубокія причины, вызывающія злоупотребленія общественнымъ добромъ. Ясно также, что русскій обыватель, попрежнему, не благоволитъ къ печатному слову и продолжаетъ воздвигать противъ служителей его гоненія». А по поводу обвиненія русской печати въ тенденціозномъ подборѣ извѣстій пессимистическаго характера, чѣмъ вносится расшатанность въ умы неустановившихся людей, а вслѣдствіе этого у насъ усилились въ послѣднее время самоубійства, «Русскій Курьеръ» замѣчаетъ: «Вѣдь, очень хорошо извѣстно, что масса явленій, между которыми имѣется достаточное количество пессимистическихъ, лежатъ внѣ компетенціи печати и никогда обсужденію съ ея стороны не подвергается. А затѣмъ, гдѣ же живутъ эти погубляемыя печатью «неуравновѣшенныя» души — въ сферѣ однихъ лишь газетныхъ извѣстій, или же въ обществѣ? Полагаемъ, что въ обществѣ, и полагаемъ, что здѣсь «неуравновѣшеннымъ» приходится наталкиваться лично на такія «мрачныя» явленія и въ такомъ количествѣ, о какомъ газетамъ даже и не снится. Вѣдь, взять хотя бы такого рода обстоятельство: за границей газеты сообщаютъ не только не меньше «неутѣшительнаго», чѣмъ у насъ, а даже больше, и, однако же, едва ли тамъ придетъ кому-либо въ голову обвинять печать въ чьемъ либо самоубійствѣ и въ сумасшествіи. И самоубійство, и сумасшествіе, помимо личной организаціи, «неуравновѣшенной», зависятъ, главнымъ образомъ, отъ строя общественной жизни»...

Всѣ эти вопросы, несомнѣнно, и практическіе, и реальные, а, между тѣмъ, когда нашимъ практикамъ приходится ихъ разрѣшать, они или ровно ничего не придумаютъ, или же придумаютъ такую штуку, что уши вянутъ, какъ это вышло съ объясненіемъ причинъ самоубійствъ.

Насъ, русскихъ, по разсудочности, давно уже сравниваютъ съ китайцами. И это сравненіе не только вѣрное, но и тонкое. Китаецъ великій практикъ, практикъ насущной, ближайшей жизни, того, что сейчасъ же лежитъ подъ руками и разрѣшается простымъ сравненіемъ «много» и «мало». Что же лежитъ дальше ариѳметическаго «счета» и простымъ «много» и «мало» не разрѣшается, то китаецъ отрицаетъ, какъ несущественное, ненужное, непрактическое. Отъ этого китаецъ—великій мастеръ въ торговлѣ, но за то ужь совсѣмъ не мастеръ въ устройствѣ внутреннихъ отношеній.

Мы тоже развили въ себѣ способности преимущественно къ обмѣну и торговлѣ и еще когда ужь участвовали въ Ганзейскомъ союзѣ. Но мы всегда торговали только чужимъ, а изъ своего предлагали только то, что родитъ Богъ. Чтобы предлагать что-нибудь другое, надо было кое-что знать, а безъ знаній приходилось, конечно, изворачиваться только «счетомъ» и жить однимъ разсудкомъ. Эта традиція и до сихъ поръ у насъ сохранилась и наградила насъ привычками мысли, для общественной жизни иногда вовсе неудобными.

И до сихъ поръ мы продолжаемъ жить преимущественно купеческими способностями, и въ послѣднія тридцать лѣтъ развили ихъ еще болѣе, поднялись въ разсудочной области выше и, расширивъ ея предѣлы, стали дѣльцами-практиками, т. е. расплодили людей той же породы, которые жнутъ не сѣявши и получаютъ отъ жизни львиную долю только за свои разсудочныя комбинаціи.

Вотъ эти-то разсудочные люди и считаютъ практическимъ и фактическимъ только то, что можно положить въ карманъ. Все же, что не укладывается въ кошелекъ, перестаетъ для нихъ быть «реальнымъ фактомъ». Поэтому умственныхъ фактовъ они вообще не уважаютъ, а нерѣдко ихъ и совсѣмъ не признаютъ. И чѣмъ такой умственный фактъ

дальше отъ рублевой бумажки, тѣмъ онъ мечтательнѣе, утопичнѣе, а, слѣдовательно, и непригоднѣе.

Мелочныя соображенія, погруженныя только въ меркантильные, дѣловые разсчеты, пріучили и вниманіе работать лишь въ ближайшей, доступной зрѣнію области и обнаружили, наконецъ, вліяніе на общее состояніе мысли, направившейся на изслѣдованіе простыхъ, односложныхъ фактовъ и какъ бы испугавшейся фактовъ сложныхъ, непосредственному наблюденію не поддающихся.

Вѣроятно, этимъ, главнѣйше (хотя существуютъ, несомнѣнно, еще и другія причины), слѣдуетъ объяснить, что болѣе сложныя жизненныя явленія, дающія себя знать въ такой массѣ повседневныхъ фактовъ, современная русская мысль не считаетъ подлежащими ея компетенціи.

Только публицистика, не теряя умственнаго мужества, проникаетъ еще въ область сложныхъ явленій и пытается давать имъ объясненія. Но нужно признаться, что ея попытки заслуживаютъ иногда гораздо лучшей участи. Сошлюсь опять на объясненіе самоубійствъ. Несомнѣнно, что это очень сложное явленіе, причины котораго коренятся далеко и глубоко и разъясненіе которыхъ раскрыло бы общественному сознанію многія ненормальныя условія русской жизни, до сихъ поръ, можетъ быть, никому еще и неизвѣстныя. Но обнаружила ли наша мысль хотя малѣйшее поползновеніе проникнуть въ эти невѣдомые тайники? Нѣтъ. И вотъ безпомощная публицистика, не располагающая достаточными средствами знанія, ощупью побрела въ потемки и, спутавшись сама, еще болѣе спутала и такъ уже спутанныя общія понятія.

Публицистика не творитъ знаній, она пользуется тѣмъ готовымъ, что ей даетъ наука, изслѣдованіе. Безъ подобнаго готоваго матеріала публицисту приходится только «крутить мозгами» и разрѣшать вопросы лишь «разсудочными комбинаціями». Публицистика въ рукахъ публицистовъ, мало знающихъ, мало образованныхъ и не получающихъ достаточнаго матеріала знанія отъ тѣхъ, кто его долженъ создавать, неизбѣжно должна опускаться книзу, вращаться тоже въ области мелкихъ и простыхъ фактовъ и, принизившись сама, понизить и весь уровень общественной мысли. И подобный круговоротъ неустранимъ, если камертонъ жизни держитъ практическое направленіе, не умѣющее понимать идейныхъ фактовъ.

Русская наука 1888 года представляетъ неоспоримое тому доказательство. Общій характеръ и направленіе нашихъ научныхъ трудовъ въ 1888 году были совершенно такими же, какъ и въ 1887 году. Изслѣдованіе свершалось почти исключительно въ области простыхъ фактовъ и преимущественно въ сферѣ естествознанія. Изучалась своя и чужая природа, а свой «русскій» человѣкъ никого не интересовалъ. Я не стану перечислять того, что было сдѣлано по астрономіи, физикѣ, ботаникѣ, зоологіи, метеорологіи, чтобы не утомлять вниманія читателя перечисленіемъ только названій, а укажу на труды нашихъ ученыхъ, когда они хотѣли соприкасаться непосредственно съ жизнью. И въ этихъ случаяхъ вниманіе поглощалось не явленіями, а только простыми фактами и, что любопытно, не фактами своими, домашними, а, такъ сказать, посторонними, чужими. Это случалось, конечно, потому, что свои факты представляютъ мало интереса и нѣтъ побужденій для ихъ изученія. Другое дѣло—страны невѣдомыя, природа незнакомая и люди, которыхъ мы еще не видывали. И замѣчательно, какой запасъ необыкновенно энергическихъ людей Россія имѣетъ для этого труднаго дѣла, требующаго особеннаго закала, мужества и выносливости. Только что мы лишились Пржевальскаго, а уже его мѣсто занялъ человѣкъ, пожалуй, еще бо́льшей энергіи и неустрашимости—капитанъ Громбчевскій, свершившій экспедицію въ Кунжутъ. Кромѣ Кунжута, мы путешествовали на Новую Землю, въ Саяны, на Памиръ. 1888 годъ далъ обстоятельное «географическое описаніе Китая», «Ахалъ-Текинскаго оазиза». Въ области этнографіи были сдѣланы тоже цѣнные вклады въ науку, напримѣръ: «Слѣды язычества у маньзовъ» (вогуловъ), «Демонологическіе разсказы киргизовъ», «Гомельскія народныя пѣсни», «Пѣсни Мензелинскаго уѣзда», «Бытъ инородцевъ русскаго побережья Тихаго океана» и въ параллель къ «Географическому описанію Китая»—«Принципы жизни китайцевъ». Въ исторіи мы тоже придерживались менѣе извѣстнаго и потому болѣе интереснаго, т. е. или чужихъ странъ, какъ, наприм., Англія и прежняя Польша или болѣе отдаленныхъ временъ: «Русь и Византія въ X вѣкѣ». Единственною яркою звѣздочкой въ этой нѣсколько туманной атмосферѣ является «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка» г. Семевскаго.

«Русскія Вѣдомости», газета осторожная и въ научныхъ дѣлахъ компетентная, изъ которой я взялъ эти свѣдѣнія, заключаетъ свое научное обозрѣніе 1888 года такъ: «Сдѣланный очеркъ, не имѣющій никакого притязанія на полноту (при полнотѣ явилось бы, конечно, еще больше сухихъ тумановъ), въ состояніи, однако, дать нѣкоторое понятіе о движеніи русской науки въ теченіе года. Уступая въ продуктивности наукѣ западной, высказывая неодинаковую энергію и успѣшность развитія въ различныхъ своихъ отрасляхъ, русская наука продолжаетъ двигаться впередъ, усвоивая себѣ результаты работы мысли на Западѣ и дополняя и видоизмѣняя ихъ путемъ самостоятельныхъ наблюденій и изслѣдованій. Нужно только желать, чтобы эта самостоятельность русской науки заявляла о себѣ очевиднѣе и плодотворнѣе, чтобы условія научнаго образованія и научной дѣятельности въ Россіи были возможно болѣе благопріятны и болѣе способствовали появленію пытливыхъ, наблюдательныхъ, критическихъ и талантливыхъ умовъ, которые бы вносили новый свѣтъ въ различные сложные вопросы человѣческаго знанія и содѣйствовали бы тѣмъ болѣе активно прогрессу русской и общечеловѣческой культуры.

Этотъ выводъ можно выразить еще и такъ: мы производимъ плодовъ знанія гораздо меньше, чѣмъ

Европа. Сущность нашей умственной работы въ томъ, что мы беремъ отъ Запада готовое и затѣмъ это готовое дополняемъ и видоизмѣняемъ. Поэтому желательно, чтобы русская наука заявляла о своей самостоятельности очевиднѣе и плодотворнѣе. Въ особенности мы мало дѣлаемъ въ области сложныхъ вопросовъ, мало помогаемъ своею наукой прогрессу общественнаго развитія, мало прилагаемъ къ этой области изслѣдованія пытливости, наблюдательности, критики и таланта. Газета полагаетъ, что все это происходитъ оттого, что у насъ мало подобныхъ, болѣе сильныхъ и даровитыхъ умовъ и что поэтому нужно желать, чтобы условія научнаго образованія и развитія были болѣе благопріятны.

Можетъ быть, все это и вѣрно, но вѣрно и то, что не талантливыхъ или энергическихъ людей у насъ недостаетъ, а что вниманіе, таланты, энергія, пытливость и предпріимчивость обращены въ другія области вѣдѣнія и дѣятельности. Вѣдь, вотъ, археологіей мы занимаемся очень энергически, имѣемъ знающихъ и неутомимыхъ археологовъ, при московскомъ археологическомъ обществѣ образовали въ прошедшемъ году еще новую, особую, восточную комиссію, которая будетъ издавать свои труды отдѣльно, въ томъ же 1888 году и въ той же Москвѣ открыли новое нумизматическое общество. Занимаясь такъ усердно стариной и для изученія ея развивая новыя силы, мы изучаемъ еще охотно географію и принципы жизни китайцевъ, а своихъ-то принциповъ и географіи не знаемъ, хотя имѣемъ такихъ путешественниковъ-географовъ, которымъ завидуетъ Европа. Значитъ, вопросъ не въ силахъ, а въ томъ, куда эти силы обращаютъ свое вниманіе. Вниманіе, — говорятъ психологи, — двери души, а въ какую сторону мы отворяемъ эти двери? Мы очень широко распахнули ихъ для естествознанія, въ особенности для зоологіи, «изслѣдованія о строеніи и эмбріональномъ развитіи различныхъ животныхъ формъ и о фаунахъ отдѣльныхъ мѣстностей занимаютъ чуть ли не бо́льшую долю изданій, состоящихъ при нашихъ университетахъ обществъ естествоиспытателей» (мы открыли у миноги третій глазъ), и, въ то же время, для эмбріологіи, физіологіи и патологіи своей собственной общественной жизни не оставили даже и щелки. Но пока общественнымъ вниманіемъ руководятъ дѣльцы и практики и въ видѣ общественнаго идеала предлагаютъ личную, эгоистическую формулу «*своимъ* хлѣбомъ», такъ все это и быть должно.

XXXVI.

Звѣздочетовская исторія хотя и не такой сильный громъ, который могъ бы заставить всѣхъ перекреститься, но подумать по поводу этой исторіи мы, все-таки, подумали. Въ этомъ, конечно, и главный интересъ исторіи. Интересна она какъ поводъ для мышленія, какъ смотръ, который мы сдѣлали нашимъ мыслямъ и понятіямъ.

Въ девяносто случаяхъ изъ ста мы заявили себя психологами и моралистами. Преобладающее большинство газетъ рѣшило, что Звѣздочетовъ злодѣй, что поступки его позорные и нечеловѣческіе, что холодная и разсчитанная, грабительская система его поведенія хуже открытаго разбоя, что это — извергъ безпримѣрной жестокости и т. д. Для изображенія Звѣздочетова въ возможно отвратительномъ нравственномъ безобразіи было употреблено столько яркихъ красокъ, что эффектъ воздѣйствія на моральное чувство долженъ былъ получиться полный.

И такъ, Звѣздочетовъ — злодѣй и извергъ. Но что же дальше? Это «дальше» разрѣшить тѣмъ болѣе важно, что звѣздочетовская исторія есть старая и нескончаемая сказка о бѣломъ бычкѣ. Но старую сказку мы оставили въ покоѣ, вѣроятно, потому, что она всѣмъ извѣстна, и подвели звѣздочетовской исторіи такой разсудочный итогъ. Одни сказали, что фактъ не имѣетъ «важнаго общественнаго значенія» и только характеренъ «въ бытовомъ смыслѣ». Другіе утверждали, что фактъ именно и важенъ въ общественномъ смыслѣ, что у него есть глубокіе и широко распространенные корни не только въ понятіяхъ и нравахъ общества, но и въ цѣлой области знанія, питающей эти понятія и нравы. «...Вся юриспруденція, и практическая, и теоретическая, — рѣшили эти другіе, — построена на томъ, что болѣе умный человѣкъ объегориваетъ менѣе умнаго человѣка. А называется это, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или *узаконеніемъ факта* или *мошенничествомъ...*» Таковы отличительныя черты профессіи юриста, и съ этимъ нужно примириться. Въ ней все такая сплошная ложь, такое схоластическое крючкотворство, такая область условностей и формализма, что преступленіе юриста есть, въ сущности, только нарушеніе художественнаго закона о свѣто-тѣняхъ. Онъ «перепустилъ» немного, — это совершенно вѣрно, но если бы онъ не дошелъ до «точки», что бы сказалъ кліентъ? Нравственность, что ли, нужна кліенту? Увы, кліенту нуженъ исполнительный листъ, а не нравственность... Возьмите обвинительный актъ по звѣздочетовскому дѣлу и прочтите его безъ всякой предвзятой мысли. Что такое, въ концѣ-концовъ, Звѣздочетовъ? Ловкій юристъ — и только. Когда приходится дѣйствовать въ средѣ, у которой только одно помышленіе, какъ бы, путемъ разныхъ ухищреній, кляузъ и проч., урвать кусокъ пожирнѣе или отнять не принадлежащее, — что остается юристу? Взобраться на каѳедру и прочи-

тать послѣднюю проповѣдь графа Толстаго? Очевидно, это абсурдъ. Юристъ дѣйствуетъ по призванію. Онъ долженъ выговорить себѣ сначала гонораръ и затѣмъ объявить: «все это — грязь и развратъ, жадность и кляузничество, но по статьѣ такой-то легко выиграть дѣло, а потому зайдемте къ нотаріусу Бизяеву и заключимъ тамъ подробное условіе».

Неужели и въ самомъ дѣлѣ все это такъ? Неужели юристы и юридическая наука только для того и существуютъ, чтобы подыскивать въ законѣ такія статьи, которыя нужны для объегориванія? Конечно, нѣтъ. Это просто образчикъ умствованія одной большой петербургской консервативной газеты «разсудительнаго» направленія, полемизирующей съ «Гражданиномъ» и «Московскими Вѣдомостями» и въ *принципѣ* признающей даже самоуправленіе.

Консервативное умствованіе именно тѣмъ и отличается отъ всякаго другаго общественнаго умствованія, что оно строго въ отношеніи морали, особенно личной, что оно всегда желаетъ уничтожить полезныя учрежденія и всегда думаетъ очень сложно и непослѣдовательно. Такимъ оно является и въ настоящемъ случаѣ. По обыкновенной логикѣ, все дѣло въ томъ, что Звѣздочетовъ намошенничалъ, а по консервативному мышленію оказывается, что только одинъ Звѣздочетовъ и поступилъ правильно и что онъ изображаетъ собою такое юридическое учрежденіе, которое обязано помогать «объегориванію» на юридическомъ основаніи и по точнымъ существующимъ для того статьямъ закона. Что тутъ можно возражать? Вотъ ужъ истина, что если Богъ захочетъ наказать человѣка, то отниметъ отъ него разумъ.

И въ самомъ дѣлѣ, личной ли морали у насъ недостаетъ и мы только потому мало добродѣтельны, что намъ мало о добродѣтели твердятъ, или звѣздочетовская исторія говоритъ что-нибудь другое?..

Былъ въ пятидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ оберъ-полицеймейстеръ Кокошкинъ, больше извѣстный своимъ кучеромъ, отличавшимся такимъ голосомъ, что когда онъ крикнетъ: «пади», «берегись»,—лошади шарахались въ сторону, а народъ, переходившій черезъ улицу, метался въ паническомъ страхѣ, не зналъ куда бѣжать. Порядокъ блюлъ Кокошкинъ строго и полицію держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ. За свои способности къ порядку Кокошкинъ былъ назначенъ харьковскимъ генералъ-губернаторомъ. При широкихъ правахъ и полномочіяхъ тогдашнихъ генералъ-губернаторовъ, Кокошкинъ имѣлъ, конечно, полный просторъ выказать свои правительственныя способности и онъ на этомъ просторѣ ихъ дѣйствительно и выказалъ.

Шла разъ весною 1851 года, въ Харьковѣ, по тротуару вдова полковника Ольшевская и позвала извозчика, стоящаго на биржѣ. Вся извозчичья биржа поскакала кучей и одинъ изъ извозчиковъ ударилъ г. Ольшевскую дышломъ, свалилъ съ ногъ и переломилъ ей два ребра. Старшій полицеймейстеръ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Кокошкина и доложилъ, что виновный не открытъ, потому что извозчики отказались его выдать. Въ тотъ же день Кокошкинъ предложилъ губернатору собрать всѣхъ харьковскихъ извозчиковъ на Николаевскую площадь и дать, на мѣстѣ происшествія, каждому по двѣсти пятидесяти ударовъ розгами. Распоряженіе это приказалъ исполнить въ двадцать четыре часа и объ исполненіи донести, внушивъ извозчикамъ, чтобы они подъѣзжали къ сѣдокамъ по одиночкѣ, шагомъ, начиная съ праваго фланга. «До двухъ сотъ извозчиковъ было собрано на Николаевской площади и наказаны розгами подъ наблюденіемъ младшаго харьковскаго полицеймейстера Мерказина».

Въ томъ же Харьковѣ на углу Клочковской улицы и Мордвиновскаго переулка, стоялъ колодецъ, съ невысокимъ срубомъ и ничѣмъ не огороженный. Въ мартѣ 1853 года упалъ въ колодецъ чиновникъ Аз—кинъ. Хотя воды было въ колодцѣ мало, но бѣдняга до того иззябъ, что едва стоналъ. Стонъ услышалъ случайно проходившій по Клочковской улицѣ квартальный, вытащилъ Аз—кина и доставилъ его въ полицію. Для поданія помощи Аз—кину, находившемуся почти въ безчувственномъ состояніи, квартальный послалъ въ клинику за ординаторомъ. Ординаторъ не пришелъ. Квартальный велѣлъ пригласить фельдшера, но и фельдшеръ, сославшись на ночное время, тоже не явился. Тогда квартальный отвезъ почти полумертваго Аз—кина въ единственную тогда харьковскую больницу на Сабуровой дачѣ и тамъ его оставилъ. Когда донесли объ этомъ событіи Кокошкину (который былъ и попечителемъ университета), то онъ удалилъ ординатора отъ должности, арестовалъ его на мѣсяцъ на гауптвахтѣ, а фельдшеру приказалъ дать при полиціи пятьсотъ ударовъ розгами, «что и было въ точности исполнено».

Одна изъ домовладѣлицъ, дворянка, купила на благовѣщенскомъ базарѣ щуку, заплатила за нее деньги и хотѣла уже уходить, какъ подошелъ полицейскій унтеръ-офицеръ, наблюдавшій за базарнымъ порядкомъ, и сталъ требовать отъ покупательницы, чтобы она уступила ему щуку, потому что другой щуки у торговки не было. Покупательница, конечно, запротестовала. Тогда городовой выхватилъ у нея изъ рукъ щуку и ударилъ ею по лицу покупательницу. Кокошкинъ приказалъ дать унтеръ-офицеру за оскорбленіе дворянки шестьсотъ розогъ въ присутствіи всѣхъ полицейскихъ служителей, и приказаніе опять «было въ точности исполнено», несмотря на то, что унтеръ-офицеръ былъ георгіевскій кавалеръ («Южный Край»).

А вотъ, что было мѣсяца два назадъ, кажется, въ Гдовскомъ уѣздѣ. Волостной судъ присудилъ мужика къ двадцати розгамъ. Старшина былъ золъ на мужика и поспѣшилъ выполнить приговоръ въ тотъ же день, не выждавъ срока для обжалованія. Мужикъ въ жалобѣ на старшину пишетъ, что не физическая боль составляетъ для него обиду, а что надъ нимъ теперь смѣются всѣ деревенскіе мальчишки. И это чувство достоинства создалось въ какія-

нибудь двадцать пять лѣтъ простою отмѣной варварскаго учрежденія. Отмѣна варварскаго учрежденія создала чувство личнаго достоинства не только въ тѣхъ безправныхъ людяхъ, которыхъ можно было сѣчь прежде сотнями на городскихъ площадяхъ, но подняла и достоинство генералъ-губернаторской власти, освободивъ ее отъ подобнаго права. Какой изъ теперешнихъ генералъ-губернаторовъ нашелъ бы совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ походить на Кокошкина?

Привелъ я эти факты для того, чтобы показать, насколько простая перемѣна въ отношеніяхъ измѣняетъ нравственность обѣихъ сторонъ. Не моральное воздѣйствіе создало новое чувство достоинства, не перемѣна моральныхъ понятій породила чувство стыда. На тѣлесное наказаніе народъ сталъ смотрѣть какъ на дѣйствіе позорящее и оскорбительное только съ отмѣной розогъ. Но чтобы новыя нравственныя отношенія установились, слѣдуетъ сначала уничтожить тѣ преграды, которыя именно и мѣшаютъ установленію этихъ отношеній.

Изумительно, что эту азбуку общественности приходится напоминать послѣ отмѣны крѣпостнаго права, тѣлесныхъ наказаній, послѣ введенія суда присяжныхъ, послѣ двадцатипятилѣтія земства. Что-то случилось съ нашимъ общественнымъ мышленіемъ, и точно вѣтеръ какой выдулъ изъ насъ азбуку общественныхъ понятій, которую мы еще недавно знали, повидимому, такъ твердо. Или съ другимъ классомъ учениковъ мы теперь заговорили? Есть и это, но есть и большая умственная попятность, очень замѣтно обнаружившаяся въ одной части либеральнаго лагеря. Во время реформъ эта группа либераловъ думала иначе. Она находила тогда, что только общественными перемѣнами создаются новыя, лучшія и болѣе нравственныя отношенія, а теперь стала сердито проповѣдывать, что лишь личною нравственностью общество можетъ создать перемѣны въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ. Случилось это только потому, что либералы, о которыхъ рѣчь, построили свою формулу прогресса на компромиссѣ, слѣпивъ ее изъ двухъ противуположныхъ понятій, — вотъ и получился такой абсурдъ, какъ «движеніе» въ «неподвижной дѣйствительности». Изобрѣтя такую изумительную формулу и предложивъ Россіи «двигаться въ неподвижности», названные либералы, однако, не сняли съ себя своего прежняго ярлыка и, конечно, оказались бы очень изумленными, если бы ихъ назвали «консерваторами». Въ то же время, между «либеральными консерваторами», признающими въ *принципѣ*, что самоуправленіе выше бюрократическаго строя, и «консервативными либералами», проповѣдующими «движеніе въ неподвижности», почти никакой раздѣлительной черты нѣтъ, и очень трудно разсмотрѣть, гдѣ кончаются первые и начинаются вторые. Разница между тѣми и другими только въ оттѣнкахъ. И эта разница въ оттѣнкахъ выражается преимущественно въ томъ, что либеральные консерваторы меньше настаиваютъ на морали и какъ будто больше желаютъ стоять на мѣстѣ, а консервативные либералы хотятъ больше двигаться и хотя сами умственно и стоятъ на мѣстѣ, но другихъ заставляютъ производить хорошіе моральные поступки и, для возбужденія моральной энергіи, не прочь прибѣгнуть даже къ давленію и понуканію. Въ общемъ же, ни тѣ, ни другіе не идутъ впереди жизни, идейнаго воздѣйствія не обнаруживаютъ, общественной мысли не освѣжаютъ, критической мысли не трогаютъ, а занимаются только «подчистками» и говорятъ устами середины, голосъ которой они изображаютъ въ печати.

И пускай бы за ними оставался этотъ голосъ, потому что и «серединѣ» нужно имѣть его. Но въ этомъ есть и несомнѣнная общественная опасность, — опасность, грозящая правильному развитію общественной мысли, ибо и безъ того «середина» даетъ себя слишкомъ чувствовать въ современной жизни. Что же будетъ, если представители середины возьмутъ на себя роль общественныхъ водителей и начнутъ спутывать и такъ небогатый обиходъ нашихъ гражданскихъ понятій (что они по мѣрѣ своихъ силъ и дѣлаютъ), вмѣсто того, чтобы ихъ распутывать?

А распутать и разложить въ порядкѣ кажущуюся (именно кажущуюся, а не дѣйствительную) путаницу нашего теперешняго умственнаго обихода совсѣмъ легко, если твердо знать свою точку и въ область гражданскихъ понятій не вводить того, что къ ней не принадлежитъ.

Мы даже и внѣшнюю политику уводимъ въ область чувства. Мы хотимъ быть рыцарями, оказывать услуги и благодѣянія, получать благодарность и преданность. Совершенно какъ Китъ Кибычи, благодѣтельствующіе своихъ бѣдныхъ родственниковъ. А когда же окажется, что нашими рыцарскими чувствами сосѣди пользуются для того, чтобы насъ же и провести, мы негодуемъ не на себя, а на сосѣдей, воспользовавшихся нашею довѣрчивостью, чтобы сшить себѣ шубу.

Только недавно явился въ нашей печати поворотъ, и она начала понимать, что внѣшнія политическія отношенія устанавливаются не симпатическими чувствами, а совершенно безстрастными разсудочными соображеніями о такой организаціи взаимныхъ международныхъ отношеній, при которой ни одинъ народъ не могъ бы давить и эксплуатировать другаго, и чтобы международное развитіе свершалось по закону взаимной солидарности, на равныхъ правахъ, безъ всякаго подчиненія и давленія.

Этотъ законъ международной политики остается закономъ и для внутренней. Что въ первой политикѣ достигается равновѣсіемъ народныхъ группъ, то во внутренней—равновѣсіемъ внутреннихъ отношеній. И какъ международное равновѣсіе не создается симпатическими чувствами, такъ не создается симпатическими чувствами и равновѣсіе внутреннее. Вся наша теперешняя озадаченность только оттого и происходитъ, что мы никакъ еще не можемъ найти законъ силъ и политическія понятія сваливаемъ въ одну кучу съ личными.

Правда, мы, кажется, еще никогда не страдали

такъ сильно чувствомъ, и именно личнымъ, какъ нынче, и, вѣроятно, оттого-то никогда еще не искали болѣе усиленно утѣшенія и одобренія. Не находя его въ собственномъ сознаніи и въ окружающей жизни, мы стали требовать его извнѣ, отъ печати, преимущественно отъ публицистики, и оставались всегда недовольны, когда утѣшенія не встрѣчали.

Это все хорошіе признаки. Глубоко задѣтое и наболѣвшее чувство должно создать такую же наболѣвшую и глубокую мысль. И дѣйствительно, никогда еще въ русскомъ обществѣ напряженное чувство, ищущее своего разрѣшенія въ подобномъ же напряженіи мысли, не бывало такъ сильно, даже болѣзненно сильно, какъ нынче. Теперь напряженъ каждый; каждый пытается найти какой-нибудь точный руководящій выходъ для своей мысли. А такъ какъ выходъ этотъ еще не найденъ и напряженіе ничѣмъ пока не разрѣшилось, то и во всемъ обществѣ повторяется то же, что бываетъ съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, когда въ немъ клубятся и борятся разныя нерѣдко противорѣчащія одна другой мысли, и онъ не остановился ни на одной изъ нихъ. Теперешній нашъ умственный моментъ— великій историческій моментъ. Въ немъ какъ бы повторяются сороковые года, когда въ окружающемъ затишьи работало наболѣвшее чувство и зрѣла широкая общественная мысль. Къ какому разрѣшенію придетъ современная мысль, пока закрыто будущимъ.

Великая эпоха Петра свершилась какъ бы безъ всякаго участія отдѣльныхъ умственныхъ напряженій. Вся умственная и дѣятельная энергія того времени сосредоточилась въ колоссальной фигурѣ Петра Великаго, который одинъ своими мощными руками и рубилъ окно въ Европу.

Вторая великая эпоха русской исторіи—паденіе крѣпостнаго права—была тоже только результатомъ предъидущаго напряженія. Это была работа назрѣвшей мысли, перешедшей въ дѣйствіе, оттого-то она и имѣла такой восторженный, ликующій и шумный характеръ. То было побѣдоносное торжество и воодушевленная работа множества работниковъ, рубившихъ уже не маленькое окно, въ которое проходилъ только мерцающій свѣтъ, а снимавшихъ цѣлый заборъ, стоявшій поперекъ русской жизни. Петръ рубилъ одинъ, а тутъ работали уже сотни тысячъ работниковъ.

Теперь наступило иное время и опять не дѣла, а думы. Конечно, мы могли бы думать нѣсколько погромче, поэнергичнѣе, порадивѣе и больше вслухъ, чѣмъ это у насъ происходитъ. Тогда и думать было бы намъ легче. Но и въ этой своей тихой думѣ мы также ростемъ, какъ росли и въ минуты ликованій. Передъ Петромъ Великимъ было тоже тихо и передъ паденіемъ крѣпостнаго права было тихо и теперь тихо. Есть одна разница въ этихъ тишинахъ. До Петра мы думали подъ спудомъ и не имѣли даже гражданской азбуки, передъ паденіемъ крѣпостнаго права у насъ была уже литература и критика, а теперь есть столичная и провинціальная жизнь.

Думаемъ мы, однако, не одною столичною и провинціальною печатью, еще больше и напряженнѣе мы думаемъ внѣ печати. И думаетъ теперь каждый не потому только, чтобъ этому каждому стояло что-нибудь въ жизни поперекъ (и прежде всегда что-нибудь стояло), а потому, что наступило такое время, что пришла пора думать каждому. Съ паденіемъ крѣпостнаго права не съ однихъ крестьянъ снялась веревочка, привязывавшая ихъ къ мѣсту. Размножившемуся интеллигенту и народившемуся разночинцу пришлось тоже жить на свой страхъ, какъ *свободному* человѣку, и создавать свою жизнь при новыхъ и много болѣе усложненныхъ отношеніяхъ, которыхъ при крѣпостномъ правѣ не было.

Во всю свою предъидущую тысячелѣтнюю работу русскій умъ для общественной гармоніи не придумалъ другой связующей гражданской идеи, кромѣ идеи власти, однимъ изъ средствъ которой было всеобщее крѣпостное право. Теперь, съ отмѣной этого средства, установившаяся прежде «крѣпостная» гармонія нарушилась и для связи освободившихся единоличныхъ произволовъ потребовался новый цементъ, уже не прежній, внѣшній, а новый, внутренній, иного идейнаго состава.

Сочинять или изобрѣтать этотъ новый цементъ намъ не приходилось. Въ той же тысячелѣтней работѣ русскаго ума нашелся вполнѣ готовый матеріалъ, которымъ оставалось только воспользоваться и затѣмъ продолжать ту же историческую работу. Такъ русскій умъ и поступилъ. Онъ вступилъ въ это было забытое и поросшее историческое русло, и началась новая энергическая работа мысли, которая продолжается и въ сей моментъ.

«Мужикъ», который былъ выдвинутъ впередъ и данъ, какъ «идеалъ»,—совсѣмъ не тотъ дѣйствительный мужикъ, котораго князь Мещерскій предлагаетъ снова «пороть», какъ поролъ Кокошкинъ харьковскихъ извозчиковъ. Этого мужика не выпорешь, ни въ какую кутузку его не посадишь, никакими земными силами его не уничтожишь и въ руки его не возьмешь, потому что это—мужикъ «историческій», потому что онъ есть «народное» начало нашей исторіи. Для развитія этого начала крѣпостное право было плотиной. И вотъ, когда плотина оказалась снятою, остановленное было теченіе снова пошло своимъ ходомъ.

Историческій мужикъ есть тотъ мужикъ, сильный чувствомъ взаимности и стойко-крѣпкій въ своемъ единодушіи, который не только создалъ, но и сохранилъ, несмотря на всѣ историческія преграды и противодѣйствія, свой «міръ», свое деревенское «вѣче», въ которомъ и «баба» имѣетъ голосъ. Это мужикъ, сложившій общину, съ которой не разстается никогда, которую онъ несетъ съ собою на край свѣта, когда переселяется, которую онъ хранитъ въ видѣ артели, если на время освобождается отъ власти земли. Это та органическая прирожденность, которая не знаетъ иного дѣйствія, кромѣ сообща.

Вотъ этотъ-то историческій мужикъ и сохранилъ въ своемъ «мірскомъ» началѣ всѣ основные инстинкты человѣческаго существованія и ту высшую правду и высшую справедливость, которую

онъ и самъ назвалъ «божескою»,—настолько она дѣйствительно чиста и высока въ ея истинно-евангельскомъ разумѣніи, не знающемъ ни знатныхъ, ни богатыхъ, ни избранныхъ, а сливающемъ всѣхъ въ одномъ, единомъ общемъ братствѣ, въ одинаковомъ чувствѣ равнаго человѣческаго достоинства, какъ всѣхъ одинаково званныхъ.

Но, вѣдь, эта «божеская» правда жива, все-таки, только въ идеѣ, и если у «дѣйствительнаго» мужика ея больше, чѣмъ у интеллигента, то только потому, что дѣйствительный мужикъ живетъ «міромъ», общиной, при менѣе сложныхъ условіяхъ, чѣмъ разсыпчатый интеллигентъ, знающій пока только культъ своего личнаго *я*. А, между тѣмъ, только разсыпчатый интеллигентъ и изображаетъ собою нашу единственную лабораторію ума, вырабатывающую всѣ формы и отношенія жизни, всѣ порядки для лучшаго общежитія. Только интеллигентъ и есть творецъ нашего общественнаго сознанія: онъ прорубилъ окно въ Европу, онъ свершилъ освобожденіе крестьянъ, онъ въ настоящее время думаетъ свою новую думу.

Теперь наблюдается одно любопытное явленіе, не для всѣхъ, однако, ясное: одно за другимъ слѣдовали чествованія поэтовъ. Сначала чествовали Полонскаго, потомъ Майкова, теперь Фета. Почему же ихъ стали чествовать, когда еще не такъ давно чествованіе ихъ было бы совершенно невозможно? Въ одномъ петербургскомъ изданіи есть такое этому объясненіе: «Въ это время (время Добролюбова и Писарева) его (Фета) рѣшительно не понимали (это Добролюбовъ-то и Писаревъ, сами поэты и художники слова): его произведенія, по его же собственному справедливому признанію, подвергались строгому остракизму почти во всѣхъ изданіяхъ; почти всѣ считали своею обязанностью смѣяться надъ ними; ихъ знали больше по пародіямъ на нихъ. Для того, чтобы поэзія Фета была оцѣнена по достоинству, нуженъ былъ коренной переворотъ въ общественномъ настроеніи, переломъ жизни, нужно было освобожденіе отъ всего того, что въ недавнее время такъ грубо и крѣпко опутывало наше сознаніе. Въ наши дни такой переломъ совершился».

Что же это такое опутывало наше сознаніе такъ грубо и крѣпко, отъ чего намъ слѣдовало освободиться? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ «Русское Дѣло» въ статьѣ по поводу чествованія того же А. А. Фета. «Нѣтъ шествія безъ препятствія, какъ души безъ грѣха,—говоритъ «Р. Дѣло»,—и нашъ поэтъ испыталъ всю силу «препятствій»; мы разумѣемъ то гоненіе и глумленіе въ «Свисткѣ», которое выпало на долю А. А. Фета. Тяжелы были тѣ времена и—грѣшны мы—мы частью оправдываемъ нападки современниковъ,—точнѣе, литературы 60-хъ годовъ,—на «чистую» поэзію. Не «шепотъ, робкое дыханье, трели соловья, не поцѣлуи влюбленныхъ въ тѣни плакучей ивы, не щебетанье пташки» носились въ воздухѣ, въ суровомъ разрѣженномъ воздухѣ того времени: то время жило великими государственными интересами, жило тяжелою думой о соціальномъ бытоустройствѣ, жило мыслью о реальномъ счастьѣ массы людей... Надо ли вспоминать извѣстныя имена?.. Вотъ почему нашъ поэтъ со своимъ субъективнымъ лиризмомъ очутился не au courant... Не то теперь...» И настолько «не то теперь», что въ Петербургѣ стали устраиваться «любительскіе... балетные спектакли» и «лавры Цукки не даютъ спокойно спать нашимъ дамамъ. Сначала онѣ вздумали увлекаться цыганами; теперь увлеклись балетными танцами». Иронизируя надъ этимъ, «Южный Край» замѣчаетъ, что все это «въ духѣ времени». «Теперь какъ извѣстно,—говоритъ газета, хорошо знающая свою провинцію,—въ числѣ другихъ орудій борьбы съ нигилизмомъ гг. консерваторы возлагаютъ не малую надежду на «широкое распространеніе среди общества и учащейся молодежи страстишки поплясать». И не только поплясать. Не знаю, какъ провинціальные гимназисты, а петербургскіе семи и восьмиклассники проводятъ свои свободные и праздничные дни за винтомъ. Это несомнѣнный «переломъ», освобожденіе отъ всего того, что въ недавнее время «такъ грубо и крѣпко опутывало наше сознаніе». Понятно, что при подобномъ «переломѣ» можетъ дрогнуть ужасомъ каждая живая душа, и дрогнетъ въ ней даже и не гражданское, а простое, обыкновенное живое человѣческое чувство. Возникаетъ мысль о нравственномъ и умственномъ спасеніи дѣтей,—тѣхъ младенцевъ и дѣтей, которые въ будущемъ явятся распорядителями нашихъ общественныхъ судебъ. И приходится подумать о спасеніи человѣческой души не ради ея одной. Ради этого спасенія приходится дорожить всѣмъ, что можетъ тронуть ея общечеловѣческія струны и заставить ихъ звучать чувствомъ той «человѣческой красоты и непобѣдимой свободы духа», во имя которыхъ В. А. Гольцевъ поднялъ бокалъ на празднествѣ Фета, напомнивъ обществу, что «идеалы человѣчности, добра и красоты слишкомъ еще слабы въ нашей жизни».

Это—положительная сторона отношенія къ поэзіи; а ея сторона отрицательная, личная, выражающаяся уже въ отношеніи не къ поэзіи вообще, а къ поэтамъ, какъ къ проповѣдникамъ этой красоты, въ то время, когда выступаютъ разныя темныя силы, старающіяся убить въ зародышѣ всякіе идеалы человѣчности и взаимной любви, была совершенно точно установлена литературнымъ обозрѣвателемъ «Русской Мысли», слова котораго и я повторю: «Спасибо поэту за то (говоритъ авторъ обозрѣнія по поводу стихотвореній Фета), что онъ не отдалъ своей музы на служеніе темнымъ силамъ, что онъ остался вѣренъ себѣ, своему чистому служенію искусству въ пѣсняхъ о горѣ и радостяхъ любви».

И это не слова «примиренія», какъ выразилось «Русское Дѣло» по поводу рѣчи В. А. Гольцева, а просто слова вѣрнаго пониманія дѣйствительности,—слова, въ которыхъ выразилось общественное «страховое» чувство, готовое, въ извѣстныя общественныя времена оберегать всякую силу, такъ или иначе сѣющую въ обществѣ сѣмена блага, добра и человѣчности, недостатокъ которыхъ даетъ чувствовать окружающая жизнь.

Здѣсь же объясненіе и другаго личнаго факта—теперешняго общественнаго значенія гр. Л. Н. Тол-

стаго. Въ то время, когда, по выраженію «Русскаго Дѣла», все «жило великими государственными интересами, жило тяжелою думой о соціальномъ бытоустройствѣ, жило мыслью о реальномъ счастіи массы людей» и субъективный лиризмъ, какъ нѣчто ужъ слишкомъ личное, не могъ быть въ курсѣ, гр. Л. Н. Толстой цѣнился какъ художникъ, но какъ общественный мыслитель, а тѣмъ болѣе какъ гражданскій вождь, никакого передоваго мѣста занять не могъ. Гр. Толстой былъ извѣстенъ какъ основатель ясно-полянской народной школы и педагогическаго журнала «Ясная Поляна», и воспитательное вліяніе гр. Толстаго едва ли шло дальше скромныхъ предѣловъ его ясно-полянской школы.

Если бы не случился «переломъ», гр. Толстой, вѣроятно, и до сихъ поръ оставался бы въ тѣхъ скромныхъ общественныхъ предѣлахъ, которые ему тогда отмежевала жизнь. Теперь же нѣкогда скромная фигура сельскаго учителя выросла въ строгій величественный образъ авторитетнаго проповѣдника общественной морали.

Все это случилось оттого, что измѣнился характеръ дѣятельнаго движенія мысли. Въ то время, въ которое все «жило великими государственными интересами», идеи высшей любви, красоты и гармоніи стояли передъ этими всѣми какъ готовый образъ, какъ цѣль, какъ идеалъ для овладѣвшей всѣми «тяжелой думы о соціальномъ благоустройствѣ». Напоминать эти идеалы ужь было незачѣмъ и учить общественной любви было некого, потому что всѣ и безъ того жили ею, потому что все и дѣлалось во имя этой любви. И въ томъ верховомъ теченіи, которое жило этими идеалами тогда, все и теперь осталось на своихъ мѣстахъ. Въ верхнемъ, не изсякшемъ и теперь слоѣ русской мысли цѣлы, попрежнему, и идеалы любви и красоты, цѣлы и идеалы соціальнаго благоустройства.

Работа теперешней активной мысли свершается не для этого верхняго слоя. Она идетъ не въ глубь, а въ ширь. Это опять популяризація, но популяризація преимущественно нравственныхъ понятій въ новомъ формирующемся и готовящемся для будущаго слоѣ русской жизни.

Если это такъ, если теперь все направлено на воспитаніе этихъ низовъ и на подготовку ихъ для будущаго, то достаточно ли мы понимаемъ, что мы дѣлаемъ, и сообщаемъ ли теперешнему умственному моменту его историческое величіе, какъ это было въ сороковыхъ годахъ, подготовлявшихъ наступившую затѣмъ освободительную эпоху?

Превосходный, истинно-жизненный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Гл. Ив. Успенскій въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». «Жизнь общественная,—говоритъ онъ,—идетъ у насъ какъ-то помимо общественныхъ вопросовъ, и всякій современный дѣятель, настойчиво осуществляющій на дѣлѣ какую-нибудь часть общественнаго дѣла, едва ли ощущаетъ удовольствіе неразрывной живой связи своего дѣла съ обществомъ, съ жизнью общественною». Я воспользуюсь второю частью этой замѣтки, которая примѣняется непосредственно къ нашимъ современнымъ идейнымъ вождямъ.

Читатель, конечно, помнитъ обращеніе гр. Л. Н. Толстаго къ русскому обществу, а, можетъ быть, преимущественно къ молодежи, по случаю «Татьянина дня». Въ моральной своей сущности оно было несомнѣнно справедливо съ перваго и до послѣдняго слова, если бы скромно и въ одиночку сидящая по всѣмъ угламъ Россіи интеллигенція внезапно, 12 января, собралась по всѣмъ трактирамъ, чтобы упиться.

Но если бы даже и такъ, если бы праздникъ годовщины Московскаго университета походилъ вполнѣ на парадные праздники, т. е. что люди, какъ выражается гр. Толстой, жившіе буднями и работой, въ одинъ опредѣленный день покидаютъ свою работу и принимаются ѣсть необычныя вкусныя кушанья, пить заготовленное пиво и водку и упиваются до того, что цѣлуются, обнимаются, кричатъ, поютъ пѣсни, то умиляются, то храбрятся, то обижаются; всѣ говорятъ, никто не слушаетъ; начинаются крики, ссоры и иногда драки... то на вопросъ, который ставитъ гр. Толстой: «что это такое? Отчего это?»—будетъ ли отвѣтомъ: «А это праздникъ»?

То-то, отвѣтъ ли это? Что значитъ праздникъ? Откуда берется въ народѣ эта неудержимая потребность выскочить изъ будень, что-то сдѣлать такое, чтобы нарушить обычное теченіе, пожить иными ощущеніями, поѣсть и необычайныя вкусныя кушанья и попить пива и вина. Пьянство, конечно, дѣло дикое и не средство для обновляющихъ ощущеній. Но, вѣдь, тутъ дѣло не въ средствахъ, а въ причинѣ, заставляющей искать какое-то средство, чтобы найти удовлетвореніе, котораго обыденная жизнь не даетъ.

И по отношенію къ интеллигенціи и въ особенности по отношенію къ молодежи задача моральнаго вождя въ томъ ли, чтобы выступать нынче съ проповѣдью объ аскетическомъ житіи, или же въ томъ, чтобы спросить себя, что создаетъ это тяготѣніе людей другъ къ другу, какая неудовлетворенная и неудержимая потребность ихъ собираетъ, и этой-то потребности и дать моральное удовлетвореніе? У гр. Толстаго же нашелся только камень, вмѣсто хлѣба.

Даже «Русское Дѣло», воспользовавшееся статьей гр. Толстаго, чтобы во 2 № обрушиться на «привычки» интеллигенціи и на «редакцію профессорской газеты», въ 4 № уже усомнилось въ умѣстности «обличенія». «Въ громовой проповѣди гр. Толстаго,—говоритъ *Р. Д.*,—слышится, прежде всего, нотка негодованія не только на излишество, но на полную неумѣстность вообще проводить праздникъ съ чашами въ рукахъ. «Кипѣли чаши, кипѣли съ ними рѣчи наши», какъ говоритъ Пушкинъ... Чтобы двѣ тысячи молодежи собралось иначе почтить 12 января, немыслимо; у насъ это было бы или незаконная сходка, или тошнотворное «засѣданіе». Что же? провести день въ молчаніи, встрѣчая другъ друга словами memento mori? Что дѣлать, если только бутылка вина разъ въ годъ и

сближаетъ людей разныхъ возрастовъ? Что дѣлать, если нѣтъ никакихъ другихъ живыхъ путей общительности,—не существуетъ ни литературныхъ, ни другихъ кружковъ, гдѣ бы было весело и гдѣ молодежь чувствовала бы себя дома?»

Въ томъ ли задача современнаго моралиста, чтобы корить ростущую молодежь въ пьянствѣ и въ дурномъ примѣрѣ для народа? Если бы моралистъ имѣлъ передъ своими духовными очами часть русской молодежи, для которой интересы жизни сводятся только къ винту, которая ищетъ своего удовлетворенія только въ танцахъ, любительскихъ балетахъ, а подчасъ въ оргіяхъ и попойкахъ, подобно купеческимъ саврасамъ,—моралистъ былъ бы вполнѣ правъ.

Но развѣ онъ обратился къ этой молодежи? Конечно, нѣтъ. Люди искали «единенія и солидарности»; они собирались во имя тѣхъ самыхъ высшихъ цѣлей, во имя которыхъ шли въ университетъ, во имя тѣхъ высшихъ задачъ просвѣщенія, для осуществленія которыхъ именно и учились и вступили въ жизнь. А цѣль была только одна: «знаніе и прогрессъ,—прогрессъ въ мысли и въ дѣлѣ, въ пониманіи и трудѣ, въ выработкѣ высшихъ идеаловъ и въ неутомимой дружной работѣ къ ихъ осуществленію». Вотъ что именно люди искали въ «единеніи и солидарности», и вотъ для чего они собрались. Поэтому, то ли слово долженъ былъ произнести проповѣдникъ, которое онъ произнесъ, или слово, которое бы обращалось къ разуму и чувству и возбуждало идеи высшей общественной морали, которая зажигаетъ сердца и волнуетъ умы, соединяя всѣхъ въ одномъ общемъ стремленіи къ объединенію духовныхъ силъ на служеніе прогрессу и на дружную борьбу со всякимъ мракомъ, неправдой и насиліемъ?

У каждаго времени есть свои задачи. Если мы переживаемъ теперь время мысли и дѣло этой мысли впереди, то мы только то и должны свершать, въ чемъ заключается задача времени. Въ разрѣшеніи этой задачи проповѣдники личной морали намъ не помогутъ. Они уж совсѣмъ отдѣлились отъ земли и парятъ въ такой небесной высотѣ, въ которой дѣйствительныя нужды людей перестаютъ имѣть какое бы то ни было значеніе. Поэтому-то, даже опускаясь иногда на землю и желая обмолвиться земнымъ словомъ, они настоящаго земнаго слова никогда найти не могутъ и понятно, что не отыскиваютъ охотниковъ висѣть вмѣстѣ съ ними между небомъ и землей.

Наклонность къ личной морали имѣетъ у насъ историческое происхожденіе и сохранило вполнѣ свою старую традицію. Въ настоящее время это больше ничего, какъ дурная привычка безсознательной мысли оставаться въ неподвижномъ положеніи, точно въ Россіи не было никакихъ гражданскихъ реформъ, и мы все еще продолжаемъ времена московской волокиты.

Въ тѣ времена помышлять о человѣкѣ было некогда. Всѣ государственныя силы уходили на то, чтобы создать и закрѣпить цѣлость расползавшагося общаго, а на внутреннее устроеніе уже не оставалось больше силъ. Внѣшнія границы мы создали крѣпкія, и внутри этихъ границъ все стояло поперекъ одно другому. Ни жизнь, ни имущество, ни честь не находили себѣ защиты; народъ бѣжалъ толпами въ лѣса или уходилъ въ казачество, чтобы спастись отъ непорядковъ и отъ тѣхъ, кто порядки долженъ былъ создавать и водворять. Правду можно было купить только деньгами, а личный произволъ умилостивить или подачками, или покорностью и смиреніемъ. Все зависѣло отъ лица. Ни гражданская честь, ни гражданскія понятія не были никому извѣстны, правды въ правѣ не существовало, да не существовало и никакихъ правъ, а были лишь обязанности; гарантій—никакихъ. Это былъ какой-то котелъ, въ которомъ клубилось одно лишь неустроеніе, и каждому приходилось спасаться, какъ онъ знаетъ, своими силами.

При такой безпомощности каждаго, когда въ самихъ порядкахъ не было никому защиты и никто не зналъ, гдѣ искать спасенія отъ произвола, оставалось одно средство: обращеніе къ личной совѣсти каждаго, въ проповѣди житія по-божески, во взаимной любви и братствѣ. Это обращеніе къ личнымъ чувствамъ только потому и являлось единственнымъ якоремъ спасенія, что безсильный умъ стоялъ въ недоумѣніи передъ непреодолимою для него задачей уравновѣшенія единоличныхъ произволовъ мѣрами гражданскаго устроенія.

Историческій мужикъ, правда, выработалъ себѣ страховой порядокъ въ общинѣ, слабое начало гражданственности сказалось и въ земщинѣ; но эти инстинктивные зачатки гражданственности такъ и остались зачатками и не нашли своего продолженія въ господствовавшихъ общихъ порядкахъ и отношеніяхъ, не возвысились до государственнаго сознанія.

Начало государственному сознанію положилъ Петръ Великій. Но въ формахъ, которыя онъ создалъ, преобладала только одна сторона этого сознанія—исключительно государственная, а для развитія гражданскаго общежитія не было оставлено почти никакого мѣста. Этому развитію открывался только одинъ путь—путь образованія, одинъ изъ наиболѣе медленныхъ путей при неподвижности формъ. Что могло сдѣлать образованіе, то оно и сдѣлало. Въ особенности помогли университеты. Но это опять былъ культъ личности, хотя и въ иной формѣ. До Петра весь разсчетъ благоустройства основывался на человѣческой совѣсти и на присущей ей божеской правдѣ. Теперь разсчетъ основывался уже на умственномъ развитіи, на иныхъ понятіяхъ, на сознаніи гражданской чести. Но то, что давали университеты этому сознанію, было каплей въ морѣ и внутри неподвижныхъ формъ жизни клубилось прежнее неустроеніе, въ борьбѣ съ которымъ истощалась всякая энергія и чувствовала себя безсильной самая крутая власть, безплодно требовавшая отъ своихъ органовъ честности, неподкупности и правды. Крайнимъ выраженіемъ этой общественной системы, полагавшей что благоустройство создается добродѣтельнымъ

житіемъ и хорошими примѣрами, явился художественно-литературный идеалъ добродѣтельнаго чиновника и добродѣтельнаго губернатора. Это было послѣднее слово системы, нашедшей себѣ поддержку въ литературѣ въ то время, когда въ воздухѣ вѣяло уже новымъ.

На другой же день освобожденія крестьянъ, суда присяжныхъ и земства открылись во всѣхъ концахъ Россіи живые ключи и свершилось невиданное чудо: внезапно, какъ бы изъ-подъ земли, явились новые люди, которые прежде, несмотря на всѣ обращенія къ совѣсти и чести, ниоткуда не появлялись: судьи стали судить честно и неподкупно, волокита кончилась, помѣщикъ превратился въ земскаго человѣка и покрылъ Россію десятками тысячъ школъ, больницъ, въ народѣ пробудилась потребность знанія, возникло небывалое чувство личнаго достоинства.

И все это создалось лишь небольшимъ сравнительно числомъ перемѣнъ. При этомъ надо прибавить, что только освобожденіе крестьянъ и всеобщая воинская повинность являются общими мѣрами. Затѣмъ остальныя реформы, земство, судъ присяжныхъ и даже мировой судъ, составляютъ достояніе лишь великороссійскихъ губерній, а окраины, какъ Западный и Балтійскій край, Царство Польское, Кавказъ, сѣверныя губерніи и вся громадная Сибирь, ихъ или вовсе не имѣютъ, или имѣютъ въ неполномъ видѣ.

Но и помимо этой количественной неполноты между петровской и послѣдними реформами есть большая аналогія. Петръ прорубилъ только окно въ Европу. И потомкамъ нашимъ заборъ, снятый реформами шестидесятыхъ годовъ, будетъ казаться тоже только окномъ. Дѣйствительно, въ окно шестидесятыхъ годовъ проходитъ не столько свѣта и воздуха, чтобы мы могли догнать Европу, идущую едва ли не вдвое скорѣе, и чтобы у себя дома мы имѣли повсюду столько свѣта, сколько его нужно по нашей темнотѣ.

Реформы коснулись лишь «органовъ» власти и неоспоримо поставили ихъ сразу на такую высоту гражданскихъ обязанностей, какая была для нихъ прежде недостижима, но не надо забывать, что одно изъ самыхъ наглядныхъ послѣдствій реформъ есть народившійся разночинецъ и размножившійся интеллигентъ. Уже во время реформъ было указано и на народившагося разночинца, какъ на новое явленіе жизни, и на народившагося интеллигентнаго пролетарія, о которомъ прежде тоже не было слышно.

И вотъ двадцать пять лѣтъ печать говоритъ постоянно о томъ и о другомъ, но ни для того, ни для другого никто еще не поставилъ прибора на пиру природы, какъ это было, напримѣръ, сдѣлано для народа актомъ освобожденія.

Съ тѣхъ поръ и разночинецъ, и интеллигентный пролетарій все ростутъ и множатся, все плодятся и наполняютъ Русскую землю. Было время, когда тотъ и другой составили себѣ даже репутацію безпокойнаго элемента. Теперь это время, кажется, кончилось. Но въ виду того, что для разночинца и интеллигентнаго пролетарія на пиру природы никто прибора до сихъ поръ не поставилъ, въ послѣднее время явилось очень настойчивое къ нимъ обращеніе, чтобы этотъ приборъ они сами себѣ поставили, ибо ни отъ кого они его не дождутся.

Это настойчивое обращеніе, въ сущности, не больше, какъ газетная популяризація давно уже существующаго факта. Вѣдь не умиралъ же интеллигентный пролетарій до сихъ поръ съ голоду, не понимая въ своемъ интеллигентномъ неразуміи, что всякому человѣку нужно пить и ѣсть, чтобы потребовалось говорить, да еще съ высокой каѳедры: «Господа, пожалуйста, подумайте о насущномъ хлѣбѣ, и если вы его не находите въ городахъ, то идите въ деревню, которая накормитъ всякаго голоднаго, а человѣку безъ дѣла дастъ дѣло».

А, впрочемъ, если такое слово потребовалось, то, очевидно, что и оно вызвано жизнью. Но довольно ли одного этого слова по нашему времени, и именно по нашему времени, вотъ въ чемъ вопросъ? Ну, пускай всѣ интеллигентные пролетаріи и голодные разночинцы займутъ въ деревняхъ мѣста писарей, старостъ, старшинъ; а изъ «міра» ихъ больше не будетъ, а что же дальше-то? Дальше, конечно, не получится ничего, потому что консервативный либерализмъ ничего дальше и не желаетъ, да, пожалуй, и не видитъ. Онъ тоже проповѣдуетъ только «мораль», и было бы любопытно знать, какъ бы прозвучало его слово, если бы оно, подобно «воззванію» гр. Толстаго, явилось программой для бесѣдъ «Татьянина дня»?

Не для толковъ о «хлѣбѣ» собирались люди во всѣхъ концахъ Россіи, собирались не сельскіе хозяева, собирались бывшіе и настоящіе студенты—цвѣтъ нашей интеллигенціи. Распредѣлялись они по группамъ во имя того общаго, что ихъ по преимуществу объединяло. Тутъ были и старики и молодые, ростущіе и выросшіе, обезпеченные и бѣдные, создавшіе себѣ положеніе и никакого положенія еще не создавшіе. Старики и люди зрѣлые собирались, чтобы отдохнуть на воспоминаніяхъ своей лучшей молодой поры и припомнить тѣ лучшія времена канувшаго былаго, когда жилось очень широкими надеждами и упованіями. Молодежь искала «объединенія и солидарности», въ свое прошлое не заглядывала, потому что у нея его нѣтъ, но за то со смѣлостью и увѣренностью смотрѣла впередъ и разрѣшала свои вопросы ужъ, конечно, не по программѣ о кускѣ «хлѣба». И у теперешней молодежи, можетъ быть, дѣйствительно только одна программа будущаго,—та программа, до которой она и сама уже додумалась. Эта программа ни предъидущею, ни слѣдовавшею за нею и теперь уже зрѣлою молодежью не была ни придумана, ни разрѣшена. Ее приняла, какъ умственное наслѣдіе пережитаго предъидущаго, интеллигенція нарождающаяся.

«Бывали хуже времена», но и то молодежь не жила мыслью о хлѣбѣ и не шла за тѣми, кто говорилъ ей о хлѣбѣ и винѣ.

Въ «Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомо-

стяхъ» напечатаны воспоминанія бурсака добраго стараго времени, конечно, дореформеннаго. Тяжелое это было доброе время, когда бурсакъ питался впроголодь, когда онъ жилъ подаяніемъ купцовъ и болѣе состоятельныхъ гражданъ, когда многимъ изъ бурсаковъ не въ чемъ было показаться на улицу, когда въ бурсѣ замерзала вода отъ морозу. Вотъ какая была тогда нищета и напасть. Но ни голодъ, ни холодъ не убивали въ юношествѣ «честныхъ стремленій и благородныхъ порывовъ,—говоритъ авторъ.—Холодъ и голодъ и другія невзгоды жизни не мѣшали лучшимъ изъ семинаристовъ увлекаться литературою и съ терпѣніемъ переписывать въ толстыя тетради творенія поэтовъ того времени: старика Державина, болѣе современнаго Жуковскаго и гремѣвшаго славой Пушкина».

«Во времена Помяловскаго,—прибавляетъ «Южный Край»,—«бурсаки» тоже имѣли своего рода «альбомы», но они наполнялись не одами Державина, не балладами Жуковскаго, не геніальными созданіями Пушкина, а извлеченіями изъ пламенныхъ рѣчей Лассаля, изъ блестящихъ памфлетовъ Г—а, изъ зажигательныхъ статей «Колокола» и «Полярной Звѣзды». Чѣмъ-то увлекаются и увлекаются ли чѣмъ-нибудь семинаристы нашихъ дней?..»

Не намъ, помятымъ людямъ, отвѣчать на этотъ вопросъ не только за семинаристовъ, но и за всю другую молодежь, что ростетъ и готовится для жизни во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Теперешняя молодежь счастливѣе былой молодежи, списывавшей Державина и Пушкина. Больше знаетъ онъ и той молодежи, которая еще въ недавнее время восторгалась Лассалемъ. Та волна отхлынула, идетъ другая волна. Знанія теперешней молодежи полнѣе и шире, ея мысли зрѣлѣе и у нея есть уже опытъ. Это не ея личный опытъ, но она участвуетъ въ немъ наслѣдственно, потому что была свидѣтельницей суровыхъ уроковъ жизни, вынесенныхъ другими. Говорятъ, что эта суровая пора прошла и объ этомъ было заявлено на обѣдѣ харьковскихъ студентовъ въ Петербургѣ. Дай Богъ! Жизнь должна вступить на ровный прогрессивный путь развитія и она на него вступитъ непремѣнно. Но пока мы все еще на этомъ пути и прогрессивное теченіе жизни больше похоже на свѣтлые ключи, скромно и въ одиночку журчащіе подъ поверхностью и еще не слившіеся въ одно общее русло. Слиться въ это единое русло—задача будущихъ людей,—тѣхъ будущихъ людей, передъ которыми въ видѣ, ихъ жизненной программы уже возникла идея «единенія и солидарности». Въ этой идеѣ лежитъ первое ядро будущаго общества,—мы же живущіе и до насъ жившіе создавали только прогрессивныхъ людей, партизановъ прогресса.

Если это такъ (а нужно думать, что это такъ), то всѣ теперешнія обращенія къ обществу и обвиненія его въ томъ, что оно не кладетъ своимъ вліяніемъ преградъ тѣмъ или другимъ противообщественнымъ фактамъ и должны оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ это въ дѣйствительности и есть.

И въ самомъ дѣлѣ, кого мы винимъ, къ кому обращаемся, есть ли что-нибудь реальное въ томъ, къ чему мы обращаемся, какъ къ существующему, или же это только идейный образъ желательнаго, которое каждый носитъ въ своей душѣ, и выраженіе назрѣвающей потребности въ подобной вліятельной, сдерживающей и контролирующей силѣ?

У насъ было общество, когда существовало крѣпостное право. И это общество являлось такимъ законченнымъ, цѣльнымъ, что едва ли что-нибудь подобное можно встрѣтить гдѣ-либо теперь. Существовало аналогичное общество развѣ въ южныхъ штатахъ Американскаго Союза до освобожденія негровъ.

Не умственные интересы и, пожалуй, даже не гражданская и государственная идея связывали крѣпостное общество,—его связывало единство экономическихъ условій, солидарность страховаго чувства и привиллегированное положеніе. Оттого-то оно и было такъ однородно. Цѣльность и компактность общества заключались не только въ его внутреннемъ сословно-хозяйственномъ интересѣ, но и въ тѣхъ средствахъ, которыми снабдило и упрочило его государство. Помѣстное дворянство составляло государственный институтъ, охранительное ядро цѣльности самого государства, во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ проникнутое и связанное однородною идеей. Это былъ институтъ, скрѣпленный настолько своими правами и настолько проникнутый идеей собственной цѣльности, что онъ-то и являлся единственнымъ устоемъ, на которомъ покоилось и утверждалось все наше внутреннее государственное существованіе. Помѣстное дворянство управляло внѣ всякаго контроля крестьянами, оно выбирало исправниковъ, нижній земскій судъ, предсѣдателей гражданскихъ и уголовныхъ палатъ и имѣло въ этихъ палатахъ своихъ дворянскихъ членовъ и засѣдателей. Такимъ образомъ, мѣстная администрація, полиція, судъ находились если и не въ прямой зависимости отъ помѣщиковъ, то косвенно вполнѣ подчинялись ихъ вліянію и служили ихъ интересамъ.

Конечно, это общество было только крѣпостное и его общественное мнѣніе — исключительно крѣпостное и сословное. Но рѣчь не объ этомъ, а о цѣльности общества и единствѣ его общественнаго мнѣнія. И мнѣніе это было вполнѣ однородное и точное въ своихъ цѣляхъ, интересахъ и охранительныхъ задачахъ. Его не разъѣдали никакія сомнѣнія, никакія противорѣчія или противуположныя умственныя теченія, возникающія при разнообразіи и несходствѣ интересовъ и задачъ жизни. Тутъ было все однородно и опредѣленно, а потому было опредѣленно и однородно и общественное мнѣніе этого опредѣленнаго и однороднаго общества.

Съ освобожденіемъ крестьянъ это общество рушилось. Прежнія узкія границы, обнимавшія интересы лишь одного помѣстнаго сословія, разошлись въ туманную даль и какъ бы расплылись, утерявъ всякое очертаніе. Вмѣсто исключительно помѣстныхъ интересовъ, явилась масса интересовъ новыхъ и чрезвычайно разнообразныхъ, а съ ними и масса

новыхъ идей, понятій, желаній, стремленій, цѣлей и задачъ, прежде не существовавшихъ.

Общая идея государственныхъ интересовъ тоже расширилась до необычайности и приняла въ себя массу новыхъ задачъ, возникшихъ изъ новыхъ отношеній, прежде или неизвѣстныхъ, или же поглощавшихся одними помѣстными интересами. Простое и немудреное согласованіе простыхъ и несложныхъ интересовъ былаго однороднаго строя превратилось теперь въ такую сложную, а подчасъ и неуловимую въ своихъ границахъ задачу, что должны были измѣниться и самыя задачи государства. Всѣ прежнія границы теперь раздвинулись, а несложно-мѣстные интересы и помѣстныя права, распредѣлившись въ массѣ новыхъ соучастниковъ и возникшихъ новыхъ гражданскихъ группъ, расширились до невиданныхъ еще предѣловъ, открывъ небывалыя возможности для образованія новаго общества съ инымъ общественнымъ мнѣніемъ, на прежнее ужь, конечно, не похожимъ.

Первое время по освобожденіи свершилось только распаденіе прежняго общества на новыя части и группы, возникавшія изъ процесса распаденія. Этотъ процессъ, кажется, можно считать уже законченнымъ, но новое общество еще не сформировалось, а только къ этому будущему обществу и могли бы быть обращены требованія, которыя такъ часто предъявляются въ печати, и были бы справедливы указанія вродѣ тѣхъ, которыя дѣлаетъ «Недѣля» по поводу убійства Ковердяковской: «не слѣдуетъ ли, прежде всего, обратить вниманіе на улучшеніе общественной атмосферы въ смыслѣ подъема духа и энергіи въ обществѣ?»

Конечно, обратить вниманіе слѣдуетъ, но именно въ томъ и вопросъ, на что обратить его прежде всего: на улучшеніе общественной атмосферы (предполагается, что въ смыслѣ «общества», о которомъ собственно и говоритъ «Недѣля») или какой-нибудь другой атмосферы? Должна улучшиться и общественная атмосфера, это вѣрно; но что значитъ улучшиться? Улучшиться общественная атмосфера въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія можетъ только возможностями для проявленія этого воздѣйствія. Въ энергіи недостатка не будетъ. Подъемъ же духа создастъ сознаніе обществомъ самого себя, какъ дѣятельной нравственной силы, что, напримѣръ, и было при крѣпостномъ обществѣ, державшемъ высоко голову, потому что оно чувствовало свое значеніе и было несомнѣнною силой.

Въ подобныхъ ли возможностяхъ находится то, что нынче называютъ обществомъ? И если не въ подобныхъ, правильно ли указаніе, съ которымъ «Недѣля» къ нему обращается?

Дѣло было вотъ въ чемъ. Вдову священника, Ковердяковскую, убили ея племянники, Богоявленскіе, и чтобы скрыть слѣды преступленія, подожгли квартиру убитой. Слѣды, однако, были настолько очевидны, что относительно наличности преступленія не могло быть никакихъ сомнѣній: перина, одѣяло, волосы жертвы были пропитаны кровью, а по показанію малолѣтнаго Богоявленскаго, ее били «какъ будто вальками по подушкамъ». «На другой день убійства пріѣхалъ становой приставъ, произвелъ бѣглый осмотръ трупа и затѣмъ... роспилъ съ преступниками и ихъ матерью пять бутылокъ вина и отправился къ мѣстному священнику уговорить его похоронить убитую, за что мать преступниковъ при становомъ обѣщала дать 300 руб., а самъ становой пообѣщалъ сдѣлать пожертвованіе на церковь... Затѣмъ пріѣхалъ судебный слѣдователь; вмѣстѣ съ становымъ они переночевали у священника, выпили полведра водки, и утромъ пьяная компанія, вмѣстѣ съ врачемъ, отправилась на вскытіе трупа, причемъ ничего подозрительнаго найдено не было. Въ концѣ-концовъ, слѣдователь представилъ дѣло къ прекращенію, что и было утверждено окружнымъ судомъ. Лишь много времени спустя, по дошедшимъ до прокурора слухамъ о насильственной смерти Ковердяковской, было назначено новое разслѣдованіе. Преступники очутились на скамьѣ подсудимыхъ и приговорены къ каторжнымъ работамъ. Становой приставъ и урядникъ, обвинявшіеся въ умышленномъ сокрытіи слѣдовъ преступленія, были присяжными оправданы».

«Всмотритесь въ эту картину изъ дѣйствительной жизни, — говоритъ «Недѣля», — вѣдь, это невѣроятная, ошеломляющая эпопея. Первѣйшіе столпы уѣздной администраціи, столпы уѣздной интеллигенціи, въ рукахъ которыхъ, можно сказать безъ преувеличенія, находятся жизнь и смерть обывателя,—врачъ, становой приставъ, судебный слѣдователь, отчасти даже священникъ,—затушовываютъ преступленіе... которое было всенародно извѣстно. И они не только захотѣли,—они *смогли* сдѣлать это... становой приставъ нашелъ нужнымъ только уладить дѣло со священникомъ... а всѣмъ прочимъ населеніемъ совершенно пренебрегъ, какъ будто его вовсе и не было... только темнымъ путемъ случайныхъ «слуховъ» дѣло могло дойти до свѣдѣнія прокурорскаго надзора, вовсе не особенно далекаго отъ населенія».

Что же во всемъ этомъ такого удивительнаго и будто бы совсѣмъ выходящаго изъ ряда вонъ? Ну, конечно, становой приставъ «всѣмъ прочимъ населеніемъ совершенно пренебрегъ, какъ будто его вовсе и не было», потому что его для становаго и въ дѣйствительности и не было и нѣтъ. Да и что значитъ населеніе? Разбитые въ одиночку по своимъ усадьбамъ владѣльцы, живущіе другъ отъ друга въ 5, 10 и 15 верстахъ, или крестьяне, раскинутые тоже отдѣльными деревнями? Деревня (т.-е. вообще все населеніе сельскихъ мѣстностей) живетъ только слухами, а вовсе не общественнымъ мнѣніемъ, которое не имѣетъ ни центра для объединенія, ни какого-либо воздѣйствующаго вліянія. Передамъ такой фактъ: отравляется въ деревнѣ (на погостѣ) молодой человѣкъ, и священникъ, чтобы избавить мать отъ позора, огласки, вскрытія, дознанія, хоронитъ покойника. Это дѣло, несомнѣнно неправильное, кончается, однако, вполнѣ «домашними» средствами и никакое «общественное мнѣніе» о немъ ничего не знаетъ, да и узнать не можетъ, какъ оно вообще не знаетъ и дѣлъ ста-

новыхъ приставовъ. Уголовныя дѣла и особенно чѣмъ-нибудь выдающіяся оглашаются «слухами» и «стоустою молвой», въ сельскихъ мѣстностяхъ вообще энергичной. Если подобный слухъ дойдетъ до прокурора, какъ это было въ дѣлѣ Ковердяковской, — дѣло встанетъ на свою дорогу, а не дойдетъ — кончится тѣмъ, чѣмъ оно кончилось. Чего тутъ, спрашивается, недостаетъ общественному мнѣнію: подъема духа, энергіи, или чего другаго? У тѣхъ, кто хочетъ поступить, нарушая всякую правду и законъ, весь разсчетъ основанъ на недостаткѣ гласности, а подчасъ и на возможности «выскочить» изъ дѣла. Что же мы, живущіе по деревнямъ, тутъ подѣлаемъ?

XXXVII.

«Въ концѣ прошлаго года между газетой «Недѣля» и Н. В. Шелгуновымъ (въ «Русской Мысли») произошла любопытная, хотя и очень быстро окончившаяся полемика на тему о «мрачныхъ и свѣтлыхъ явленіяхъ русской жизни». Такъ началъ свои «Случайныя замѣтки» Н. К. Михайловскій въ № 51 «Русскихъ Вѣдомостей».

Я сдѣлалъ эту выдержку, чтобы указать на два выраженія Н. К. Михайловскаго, относящіяся непосредственно къ упоминаемой имъ полемикѣ: «любопытная» и «хотя очень быстро окончившаяся». Полемика эта могла бы быть дѣйствительно «любопытною»: если бы она дошла до своего полнаго развитія, то стороны, конечно, договорились бы до многихъ подробностей, не безполезныхъ и для читателей, и для публицистовъ, ибо точнѣе опредѣлилось бы, гдѣ и кто стоитъ.

Хотя мы и начинаемъ понемногу «раскладываться» и приходить въ нѣкоторый умственный порядокъ, но, къ сожалѣнію, даже печать, которая именно для того и существуетъ, чтобы помогать обществу думать, не только не вноситъ достаточно умственнаго порядка, но подчасъ заметаетъ и тотъ вѣрный слѣдъ, на который общественная мысль пытается встать.

Полемика о «свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ», какъ она ни была коротка, имѣетъ уже свою небольшую исторію и даже своихъ мучениковъ. Первый камень бросилъ «Одесскій Листокъ», напечатавшій замѣтку о «гераклитахъ» и «демокритахъ».

Это былъ дѣйствительно первый камешекъ, брошенный веселымъ человѣкомъ, вѣрно подмѣтившимъ хмурыя и веселыя физіономіи въ стоящей передъ нимъ толпѣ, но только не понявшимъ, въ чемъ тутъ дѣло. Говорить о «демокритахъ» и «гераклитахъ» то же самое, что толковать о пессимистахъ; иначе сказать—совсѣмъ не понимать, изъ-за чего собственно борятся теперешнія общественныя направленія, которыя, какъ они ни слабо выражаются печатью, но все-таки, существуютъ. Когда зрѣлъ и разрѣшался вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и подготовлялась судебная реформа, уже конечно, самый безпечный и веселый человѣкъ того времени не придумалъ бы обозвать «гераклитами» или «пессимистами» тѣхъ, кто не находилъ «свѣтлыхъ явленій» въ дореформенномъ бытѣ и желалъ освобожденія новаго суда. А если бы это и случилось, то веселый человѣкъ и самъ бы понялъ, на какое мѣсто ему слѣдуетъ встать и въ какой газетѣ работать.

Вслѣдъ за «Одесскимъ Листкомъ» выбросилъ два камешка «Сѣверный Кавказъ». Это, опять-таки, было только партизанское дѣйствіе, но уже достаточно опредѣленное и имѣвшее точную цѣль. Въ двухъ фельетонахъ, написанныхъ съ напускною бойкостью и внѣ всякаго пониманія литературныхъ приличій, неизвѣстный авторъ (кстати замѣчу, что всѣ господа, выступавшіе съ возраженіями, писали ихъ лично-полемически и, должно быть, именно поэтому-то и скрывали свои имена) выписалъ въ видѣ эпиграфа (и по-нѣмецки, хотя у насъ имѣется и переводъ) одно мѣсто изъ статьи Берне «Менцельфранцузоѣдъ» (конечно, сравнивая меня съ Менцелемъ, а себя съ Берне) и грозилъ, что меня перестанутъ читать, если я буду упорно продолжать писать въ томъ же отсталомъ родѣ. И весь этотъ шумъ авторъ двухъ фельетоновъ произвелъ только изъ-за того, что въ февральскомъ «очеркѣ» прошлаго года говорилось, что теперешняя русская наука занимается больше изслѣдованіемъ предметовъ отдаленныхъ, чѣмъ того, что лежитъ подъ руками, и что поэтому она мало помогаетъ общественному сознанію. Авторъ фельетоновъ со справками въ рукахъ доказывалъ, что русскіе ученые много и добросовѣстно работаютъ (чего никто не отрицалъ), что они даже помѣщали свои труды въ «Пантеонѣ Литературы» (что тоже справедливо) и что, слѣдовательно (этотъ выводъ непремѣнно долженъ былъ истекать изъ приведенныхъ доказательствъ), теперешняя русская наука есть какъ разъ то самое, что требуется для Россіи (хотя именно это-то и требовалось доказать).

Въ фельетонахъ «Сѣвернаго Кавказа», напечатанныхъ обдуманно (?) и, какъ видно, не за одинъ присѣстъ, были уже намѣчены мѣста для тѣхъ краеугольныхъ камней, которые легли въ основу послѣдовавшей за тѣмъ передовой статьи «Недѣли», т.-е. было высказано, что публицистъ обязанъ давать *всю* правду (какъ ученый) и ободрять «пробивающіеся молодые ростки».

Вѣроятно, моя догадка не будетъ лишена основанія, если я укажу на личную преемственность между фельетонами «Сѣвернаго Кавказа» и передовой статьи «Недѣли», такъ какъ у этихъ изданій есть общіе сотрудники (по крайней мѣрѣ, они

были тогда). Это я говорю не ради инсинуацiи, а чтобы указать на внутреннiй законъ нашихъ «общественныхъ» побужденiй, чаще всего возникающихъ изъ «личныхъ» чувствъ. И въ самомъ дѣлѣ, были въ «Русской Мысли» статьи болѣе рѣзкiя, направленныя противъ многаго такого, что творится у насъ, однако, возраженiй онѣ не возбуждали. А когда рѣчь коснулась русской «науки», сейчасъ же нашлись «коллежскiе ассесоры отъ науки», и начали защищать «ученыхъ».

И статья «Недѣли» была написана съ очевидною цѣлью поддержки фельетониста «Сѣвернаго Кавказа», потому что въ статьѣ приведены не только выписки изъ этихъ фельетоновъ (безъ точнаго указанiя, откуда онѣ взяты), но и самыя основныя мысли автора фельетоновъ изложены лишь въ болѣе развитой и законченной формѣ. Такъ ли, не такъ ли, въ личной или общей формѣ, но вопросъ обнаруживалъ тенденцiю идти впередъ и расширяться.

Параллельно со статьями «Недѣли» о «свѣтлыхъ и мрачныхъ явленiяхъ» явились въ той же газетѣ статьи «Деревенскаго Жителя», имѣвшiя тѣсную нутряную связь съ тѣмъ же вопросомъ. Статьи «Деревенскаго Жителя» по своей литературной порядочности рѣзко отличались отъ лично-полемическихъ статей, о которой я говорилъ, и расширяли вопросъ, поставленный нѣсколько узко полемизаторами. «Деревенскiй Житель» велъ рѣчь не о «свѣтлыхъ явленiяхъ» и «бодрящихъ впечатлѣнiяхъ», которыми полемизаторы думали пользоваться, какъ механическими двигателями, вродѣ паровой или электрической машины, для возбужденiя общественной энергiи, а указывалъ на двигателя «умственнаго», давая разныя его формулы («свой хлѣбъ», «свой трудъ», «взаимный трудъ», «мускульный трудъ»). Къ сожалѣнiю, статьи «Деревенскаго Жителя» прекратились и, какъ кажется, не потому, чтобы этого пожелалъ ихъ авторъ.

Была напечатана еще короткая замѣтка въ «Екатеринбургской Недѣлѣ» по поводу 11 и 12 кн. «Русской Мысли» и въ направленiи все того же вопроса. Симпатiи этой замѣтки на сторонѣ «Недѣли». Хотя авторъ замѣтки и не стоитъ за «бодрящiя впечатлѣнiя», но и не удовлетворяется «отрицательнымъ направленiемъ въ сферу безнадежности» и устанавливаетъ для публицистики такую программу: «Если,—говоритъ онъ,—скверно сейчасъ, будетъ непремѣнно хорошо потомъ, и дѣло публицистики состоитъ, по нашему мнѣнiю, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы указать обществу ближайшiй путь къ улучшенiю своего существованiя, а не затмѣвать его сгущенными облаками безнадежности». Выводъ совершенно вѣрный, но любопытно, что ему предшествуетъ нѣсколько частныхъ мыслей, которыми подтверждается очень старая истина, что каждый читаетъ не то, что напечатано или что хотѣлъ сказать авторъ, а что этому каждому хочется прочесть. Въ томъ, что каждый читаетъ только то, что ему хочется прочесть, лежитъ, кажется, главная причина многаго ненужнаго и путающаго, что встрѣчается въ теперешней и преимущественно провинцiальной печати.

Такимъ образомъ, вопросъ о «свѣтлыхъ и мрачныхъ явленiяхъ» и «бодрящихъ впечатлѣнiяхъ» обошелъ всю Россiю. Родился онъ въ Одессѣ въ видѣ очень неразумнаго дитяти, перекочевалъ на Сѣверный Кавказъ, гдѣ тоже не обнаружилъ особеннаго разума, но за то показалъ свой характеръ, нашелъ себѣ откликъ и поддержку въ Петербургѣ, переселился на Волгу, въ предѣлы Казанской губернiи, значительно выросшимъ, поднялся за Уралъ, а теперь снова перекочевалъ на Кавказъ, но уже не на Сѣверный, а въ Южный. Объ этой послѣдней перекочевкѣ я и буду теперь говорить.

Въ то время, когда я началъ февральскiй «очеркъ», въ одной провинцiальной газетѣ (не помню какой) попалась мнѣ выдержка изъ «Новаго Обозрѣнiя», подходившая къ моей темѣ. Этою выдержкой я и воспользовался, не указавъ, однако, откуда ее взялъ и изъ какой газеты она сдѣлана. Затѣмъ, когда «очеркъ» былъ уже отосланъ, я получилъ сразу всѣ нумера «Новаго Обозрѣнiя» (съ перваго) и оказалось, что выдержка была сдѣлана изъ новогодняго фельетона Н. Я. Николадзе. Оказалось еще, что провинцiальная газета, изъ которой я взялъ выдержку, сдѣлала ее только для того, чтобы подчеркнуть «оптимизмъ» «Новаго Обозрѣнiя». Наконецъ, оказалось (и это самое главное), что фельетонъ Н. Я. Николадзе даетъ матерiалъ совсѣмъ для другаго разговора.

Фельетонъ написанъ тонко, съ обычнымъ его автору мастерствомъ и опытностью и съ полнымъ соблюденiемъ всѣхъ литературныхъ приличiй. Эти культурныя качества моего новаго оппонента отмѣтить необходимо въ виду нашей несчастной слабости полемизировать и за недостаткомъ энергiи мысли прибѣгать къ энергiи выраженiй. И факты приведены авторомъ вполнѣ вѣрные. Невѣрно только то, что въ фельетонѣ говорится совсѣмъ не о томъ, что было предметомъ полемики между «Недѣлей» и Русскою Мыслью» и что Н. Я. Николадзе и задумалъ выяснить.

«Безъ всякаго сомнѣнiя,—говорится въ фельетонѣ,—жизнь наша обставлена массою неудобствъ и печальныхъ явленiй. Въ ней все, повидимому, способно скорѣе скашивать, чѣмъ плодить радужныя надежды и свѣтлыя упованiя. Фактически, поэтому, «Русская Мысль», конечно, права, тыча пальцемъ въ безконечный списокъ гнетущихъ впечатлѣнiй современности. Фактически, съ другой стороны, «Недѣля», разумѣется, неправа въ усилiяхъ противупоставить этому мрачному списку коротковатый рядъ «прiятныхъ» явленiй: разъ, два, три—да и обчелся. Споръ на эту тему двухъ почтенныхъ изданiй, конечно, неравенъ: аргументы—на сторонѣ «Русской Мысли»... Но все это только «повидимому», только благодаря неумѣлой постановкѣ вопроса, только потому, что на этой почвѣ споръ возможенъ на основанiи вовсе не цифръ да фактовъ»...

И поставивъ «умѣло» вопросъ, т.-е. перенеся его совсѣмъ на другое мѣсто, о которомъ прежде и рѣчи не заводилось, авторъ фельетона рисуетъ картину «элементовъ прогресса», накопившихся

за послѣднія тридцать лѣтъ, и въ заключеніе восклицаетъ:

„Въ надеждѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни".

Кромѣ вопроса о русскомъ прогрессѣ, Н. Я. Николадзе ставитъ еще вопросъ о «настроеніи» и дѣлаетъ это въ такой аллегорической формѣ. Онъ предлагаетъ читателю поговорить съ нимъ о погодѣ. «Представьте себѣ,—говоритъ авторъ,—въ газетахъ только и рѣчи, что о «жестокихъ морозахъ», окончательно, повидимому, обрусившихъ нашъ край, о 16, 18 и 20 градусахъ Реомюра, ниже нуля, о замерзаніи Куры, о гололедицѣ. А въ Ріонской долинѣ, гдѣ я пишу эти строки, у насъ все это время стоитъ чисто-весенняя погода... За все это время чрезвычайныхъ стужъ термометръ у насъ ни разу не спускался, даже и передъ разсвѣтомъ, ниже 2—3 градусовъ мороза. Отсюда вы можете умозаключить, возможенъ ли какой бы то ни было унисонъ во впечатлѣніяхъ, выносимыхъ вами—подъ гнетомъ камчатской стужи и мною—подъ вліяніемъ такого обилія тепла и свѣта?... Должно полагать, что лишь этою разницей «обстановки» объясняется разительная противуположность моихъ мыслей и ощущеній съ тѣми, которыя мнѣ приходится вычитывать теперь въ литературѣ, особенно столичной. У насъ, въ Ріонской долинѣ, теперь работа кипитъ повсемѣстно, на всѣхъ парахъ, и всѣ, отъ мала и до велика, полны бодрости и энергіи, а слѣдовательно, и радостныхъ надеждъ... А въ столицахъ то и дѣло проповѣдуютъ въ газетахъ и журналахъ рѣшительную безнадежность...»

Вотъ, кажется и все, что было высказано въ печати по поводу «свѣтлыхъ и мрачныхъ явленій».

Надобно замѣтить, что «Недѣля» дала совсѣмъ невѣрное названіе вопросу, оттого-то и получилось столько разнообразныхъ «точекъ» зрѣнія и столько «личныхъ» толкованій. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ сущность спора заключалась въ «свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ»? Нисколько. Не шло рѣчи и о томъ, когда было больше «элементовъ прогресса»—въ шестидесятыхъ или въ восьмидесятыхъ годахъ. «Свѣтлыя» и «мрачныя» явленія были въ этомъ лишь вспомогательнымъ средствомъ. Это была, такъ сказать, артиллерія противныхъ сторонъ. Въ послѣднюю турецкую войну дѣло шло не изъ-за того, какія ружья лучше—магазинки или берданки. И хорошъ былъ бы наблюдатель, который, не увидѣвъ ничего, кромѣ ружей, изъ которыхъ стрѣляли русскіе и турки, озаглавилъ бы свое описаніе войны: «магазинки и берданки». А именно нѣчто подобное и случилось съ авторомъ статьи «Свѣтлыя и мрачныя явленія», напечатанной въ «Недѣлѣ».

Сущность вопроса заключалась совсѣмъ не въ «свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ», а въ томъ чтобы отыскать и указать наиболѣе дѣйствительное средство для подъема общественнаго духа. «Недѣля» тоже не отрицаетъ «мрачныхъ явленій» (какъ не отрицаетъ ихъ и ни одна изъ нашихъ газетъ вообще) и у нея попадаются нумера, въ которыхъ, какъ нарочно, подобранъ только одинъ мракъ. Вотъ, значитъ, насколько сама «Недѣля» не придаетъ существеннаго значенія свѣтлымъ или мрачнымъ явленіямъ. Они важны для нея лишь какъ средство для произведенія «бодрящихъ впечатлѣній», а «бодрящія впечатлѣнія» опять нужны для возбужденія въ обществѣ энергіи, отсутствіе которой, по мнѣнію «Недѣли», только и причиной нашей общественной бездѣятельности.

Если бы «Недѣля» озаглавила статью: «о средствахъ для поднятія общественной энергіи» (или «общественнаго духа»), то всѣ такія второстепенности, какъ «свѣтлыя и мрачныя явленія», «пессимизмъ», «оптимизмъ» и другія подобныя имъ понятія, не игравшія въ спорѣ существенной роли, встали бы на свои мѣста и всѣ, кому приходилось такъ или иначе принимать участіе въ разрѣшеніи вопроса, думали бы прямо по существу.

Теперь же неточное заглавіе только отвело глаза и многимъ показалось, что, овладѣвъ заглавіемъ, они овладѣли и смысломъ, который подъ нимъ скрывался. Правда, кромѣ путаницы въ заглавіи, была путаница и въ понятіяхъ. И случилась она только потому, что авторъ «Недѣли» попридержался слишкомъ строго мыслей своего коллеги въ «Сѣверномъ Кавказѣ», потребовавшаго отъ каждаго отдѣльнаго публициста «всей» правды. Вотъ откуда и возникъ тоже несущественный споръ о задачахъ публицистики.

Въ этомъ спорѣ были спутаны два разныхъ понятія: публицистика, какъ совокупность общей работы всѣхъ отдѣльныхъ публицистовъ, и частныя задачи (или работы) отдѣльныхъ публицистовъ по ихъ спеціальностямъ, личнымъ особенностямъ и по подготовительнымъ работамъ), которыя они ведутъ. У отдѣльныхъ публицистовъ могутъ быть и такія «временныя» задачи, какими задавался, напримѣръ, Шашковъ, о которомъ Благосвѣтловъ говорилъ: «прочитаешь статью Шашкова и кажется, что завтра же погибнетъ весь міръ». И дѣйствительно, едва ли кто-нибудь лучше Шашкова группировалъ и собиралъ въ плотную кучу «мрачныя» явленія. И ничего,—міръ не погибалъ, ни у кого не опускались руки и никому не приходило въ голову написать обвинительную статью противъ Шашкова, что по его милости «вянутъ молодые побѣги».

Бываютъ времена, когда «мрачныя явленія» сами по себѣ и составляютъ всю сущность вопроса. Такъ это и было послѣ Севастополя, когда ярко выступило въ нашей журналистикѣ и художественной литературѣ «отрицательное направленіе». Тогда сильно, крѣпко и дружно долбили въ одну точку, чтобы растолковать обществу, что по-старому жить нельзя. И въ похвалу тому времени нужно сказать, что въ публицистикѣ не показывались люди съ двойнымъ хвостомъ, старавшіеся заметать даже свой собственный слѣдъ. Писатели, у которыхъ изъ одного и того же рта выходитъ и тепло, и холодъ, стали появляться съ семидеся-

тыхъ годовъ, когда было провозглашено, что «наше время—не время широкихъ задачъ». Вотъ когда завелась у насъ двойная игра, съ тѣхъ поръ и не превращавшаяся и занесенная и въ теперешнюю полемику о свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ.

Конечно, для отрицательной работы, въ ея прежнемъ видѣ, миновало время. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что намъ остается только строить и больше нечего расчищать. Случалось не разъ въ исторіи, что людямъ приходилось растолковывать, что они несчастны, до того они не понимали своего положенія. Общества съ неокрѣпшею общественною мыслью тоже легко теряютъ свою умственную ниточку и впадаютъ даже въ «оптимизмъ», напоминая того индѣйца, который, проспавъ въ наказаніе 18 лѣтъ на гвоздяхъ, такъ привыкъ къ своей постели, что когда его простили, спалъ уже весь свой вѣкъ на гвоздяхъ. Стюартъ Миллъ говоритъ, что общество (или народъ), упавшее на низшій уровень экономическихъ потребностей, съ величайшимъ трудомъ и въ теченіе не одного поколѣнія снова достигаетъ своего перваго уровня. То же самое повторяется и въ умственной области, съ гражданскими понятіями, когда общество, подобно индѣйцу, готово снова лечь на свои старые гвозди.

Для полноты этой ссылки я приведу мнѣніе, высказанное въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» г. Сычевскимъ. Мнѣніе это я подчеркиваю, во-первыхъ, потому, что оно принадлежитъ несомнѣнно компетентному лицу; во-вторыхъ, потому, что оно высказано провинціальнымъ органомъ печати, слѣдовательно, имѣетъ довольно распространенные корни, и, наконецъ, въ-третьихъ, чтобы не говорить отъ своего лица. Г. Сычевскій указываетъ на опасность, которая грозитъ обществу отъ совращенія графа Л. Н. Толстаго съ истиннаго пути (на которомъ, кстати замѣчу, онъ никогда не стоялъ, оттого-то совращеніе его Сютаевымъ такъ легко и свершилось). Г. Сычевскій говоритъ, что положеніе графа Толстаго печально само по себѣ; «но еще хуже, что, изъ уваженія къ великому художнику, даже умные и честные люди относятся къ его современному умственному и нравственному положенію не только съ состраданіемъ, котораго оно вполнѣ заслуживаетъ, а съ особеннымъ почтеніемъ, часто съ благоговѣніемъ, ожидая отъ этого новаго фазиса развитія графа Толстаго чего-то необычайнаго... Если бы все дѣло было только въ томъ, что одинъ изъ величайшихъ русскихъ художниковъ переживаетъ умственный и душевный кризисъ, поразившій параличомъ его великій талантъ, то это было бы, конечно, очень печально, но, все-таки, не такъ опасно, какъ теперь... потому что графъ Толстой имѣетъ много приверженцевъ и, пожалуй, можетъ сдѣлаться, на старости лѣтъ, иниціаторомъ новаго направленія въ русской литературѣ, крайне нежелательнаго и даже вреднаго... Мистицизмъ всегда игралъ нѣкоторую роль въ многихъ художественныхъ произведеніяхъ и не въ одной Россіи. У насъ въ послѣднее время Ѳ. М. Достоевскій далъ ему очень важное мѣсто въ своихъ произведеніяхъ. Не чуждъ его и Тургеневъ... Но у Достоевскаго «чудесное» искупалось такимъ глубокимъ психологическимъ анализомъ, что ему легко прощали старца Зосиму и т. д. Достоевскій до «Дневника Писателя» не выступалъ проповѣдникомъ, а въ «Дневникѣ» защищалъ такую мистически-политическую теорію (прежнюю славянофильскую), которая давно потеряла всякій кредитъ и рѣшительно никому не опасна. Оттого Достоевскій, какъ художникъ-психологъ, создалъ школу, а Достоевскій, какъ политическій метафизикъ,—никакой... Другое дѣло—графъ Толстой. Давъ русской литературѣ множество высоко-художественныхъ образовъ, создавъ нѣсколько колоссальныхъ произведеній, отмѣченныхъ чистѣйшимъ реализмомъ, онъ вдругъ измѣнилъ фронтъ, заклеймилъ презрѣніемъ науку, искусство, цивилизацію и принялся за энергичную проповѣдь полумистической, полуюродивой теоріи, которой осуществленіе невозможно, а цѣль которой—уничтожить личность, стереть все то, что отличаетъ человѣка отъ другаго, и нивеллировать всѣхъ въ видѣ какой-то спокойно стоящей водицы. Не того я боюсь,—говоритъ г. Сычевскій,—что такія стремленія великаго художника найдутъ послѣдователей въ обществѣ. Это не бѣда! Пускай попробуютъ. Но страшно то, что литература серьезно относится къ нимъ. Какъ, напримѣръ, не замѣтить, что «непротивленіе злу»—дѣло глубоко безнравственное? Чему же и противиться, если не злу? Какъ не замѣтить, что телячья кротость «блаженненькаго» есть не идеалъ, а гибель личности? Какъ не замѣтить, что отрицаніе цивилизація есть преступленіе противъ исторіи и человѣческаго ума? А если замѣтить, то какъ не вооружаться противъ всего этого? Вѣдь, еще шагъ, еще годъ-два такого равнодушія,—найдутся и подражатели. Какъ ихъ не найтись у Толстаго? Да они уже и есть. Что же мы будемъ тогда дѣлать въ литературѣ съ равнодушіемъ ко злу, съ презрѣніемъ къ цивилизаціи, съ обезличеніемъ личностей? Скверная перспектива... Нѣтъ, не туда насъ влекли корифеи нашей литературы. За то и жизни тогда было больше...»

И гр. Толстой, Достоевскій и многіе имъ подобные—явленіе не новое. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ сталъ стремиться впередъ (и это случилось въ первый же день его сотворенія), началась и борьба новаго со старымъ, поступательнаго съ попятнымъ, причемъ общественные приливы смѣнялись отливами, а яркая работа затишьемъ. Это совсѣмъ старая и всѣмъ извѣстная исторія. Не менѣе старая исторія, что во всѣ времена появлялись люди, стремившіеся отыскать смыслъ жизни, установить для нея законъ или встать во главѣ ея, чтобы направить ее по новому руслу. Могучіе люди, у которыхъ были соотвѣтственныя для того силы, всѣ наперечетъ и имена ихъ записаны въ исторіи. Рядомъ съ этимъ исторія знаетъ попытки и другаго рода. Она записала и имя Юліана Отступника, человѣка несомнѣнно громадныхъ да-

рованій и широкаго образованія, сердце котораго дрогнуло передъ неизвѣстнымъ будущимъ, ради котораго приходилось жертвовать всею очевидною и несомнѣнною образованностью и культурой, созданной многовѣковою языческою цивилизаціей.

Но, вѣдь, не въ такомъ же находимся мы теперь положеніи, чтобы стоять передъ чѣмъ-то совсѣмъ неизвѣстнымъ, какъ стоялъ Юліанъ передъ нарождающимся міромъ новыхъ идей, и въ недоумѣніи задавалъ себѣ вопросъ: нужно ли ради этого неизвѣстнаго жертвовать уже сложившеюся культурой и цивилизаціей, —гдѣ эта культура, въ чемъ созданная нами цивилизація?

Да не Юліановъ и создавала русская жизнь въ лицѣ гр. Л. Н. Толстаго, Достоевскаго и ихъ послѣдователей. Юліанъ былъ сознательный борецъ за выработанный и установившійся прогрессъ; онъ лишь усомнился, чтобы что-нибудь лучшее могли дать взамѣнъ его простые безхитростные люди, выступившіе съ новымъ словомъ и сулившіе всѣмъ на землѣ царство Божіе. Юліанъ не вѣрилъ, чтобы необразованные бѣдняки могли создать какое-нибудь новое царство. Но, вѣдь, Достоевскій, гр. Толстой и ихъ ученики несли и несутъ проповѣдь не о новомъ царствѣ. Они только возвели въ теорію ту практику, до которой солдатикъ Каратаевъ дошелъ своимъ умомъ, потому что ничего не подѣлаешь. Вотъ и они «своимъ умомъ» не ушли дальше этой практики, и не только не просвѣтили интеллигента, котораго именно и хотѣли просвѣтить, но не открыли умственныхъ очей и солдатику Каратаеву, оставшемуся въ прежнемъ умственномъ мракѣ. Одинъ изъ сотрудниковъ «Недѣли» (рекомендующій практическіе выходы) отозвался даже съ ироніей объ «идеяхъ высшаго порядка», конечно, совершенно искренно, и также искренно не предполагая, что онъ боковымъ путемъ ползетъ на ту же Толстовскую гору.

Въ этихъ-то «идеяхъ высшаго порядка» и заключается узелъ полемики, раздѣлившей людей, желающихъ идти впередъ, на два лагеря. О нашихъ «такъ называемыхъ» консерваторахъ тутъ нѣтъ рѣчи. Они настолько ниже своего положенія, что слова ихъ, какъ болтовня базарныхъ бабъ о колдовствѣ, въ которое люди перестали вѣрить, никого съ толку сбить не могутъ и на общественное сознаніе вліять не въ состояніи. Но съ тѣми, кто хочетъ держать камертонъ и дирижировать, дѣло стоитъ иначе. Какой-то умный завоеватель, въ отвѣтъ совѣтникамъ, говорившимъ ему о всемогуществѣ золота, сказалъ: «Мечомъ я добуду и золото, а золотомъ не добуду мужественныхъ людей, съ которыми могу покорить міръ». Идеи высшаго порядка и есть этотъ всепокоряющій мечъ, которымъ добываются и мужественные люди, и золото, и порядокъ, и благо, и добро. Еще недавно не пришло бы никому въ голову спорить объ этомъ, а теперь приходится отстаивать даже пользу наукъ, благотворность цивилизаціи и доказывать, что общественное идейное мышленіе выше частнаго, промышленнаго, прикладнаго.

Кто же отрицаетъ будущія судьбы Россіи? «Русская Мысль» хотя и не поетъ:

„Въ надеждѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни...“

но она не меньше Н. Я. Николадзе вѣритъ въ русскій прогрессъ и ради его только и работаетъ. Усомнись она въ немъ хоть на минуту, она перестала бы существовать. Видитъ она не менѣе ясно и всѣ наши теперешніе «реальные» дѣловые успѣхи. Да и какъ ихъ не видѣть! Ихъ признали не только американцы и англичане, признала ихъ даже и Германія, которой они меньше всего нравятся. Возьмите любой нумеръ любой русской газеты, и вы почувствуете даже нѣкоторое смущеніе отъ массы извѣстій, указывающихъ на наши промышленно-экономическіе успѣхи или на наше международное положеніе. Бухарское посольство спѣшитъ въ Петербургъ, чтобы засвидѣтельствовать свою благодарность за благодѣяніе желѣзнаго пути, связавшаго Бухару съ Россіей. Англичане относятся съ глубокимъ почтеніемъ къ достоинству и выдержкѣ нашей внѣшней политики. О французахъ ужь и говорить нечего. Внѣшнимъ образомъ мы несомнѣнно поднялись на значительную высоту, и если не успѣли еще привлечь на свою сторону симпатій Европы, то стяжали ея почтеніе, нелишенное нѣкотораго страха передъ твердостью и выдержанностью нашего политическаго поведенія.

Развитіе внутренней промышленности и торговли идетъ тоже съ невиданною до сихъ поръ энергіей и быстротой. Желѣзно-дорожное хозяйство приводится въ порядокъ, тарифы регулируются, принимаются мѣры къ поднятію доходности сельскаго хозяйства, учреждаются одна за другою всевозможныя выставки, сзываются съѣзды промышленниковъ и хозяевъ, для огражденія промышленности отъ иностраннаго соперничества пошлины возвышаются настолько, что начинаютъ уже мѣшать развитію другихъ отраслей народнаго производства. Рядомъ съ этимъ ростутъ народныя школы и школы грамотности, расширяется издательство народныхъ книгъ, умножаются народныя чтенія и т. д. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть этихъ успѣховъ, созданныхъ почти исключительно ростомъ нашего промышленно-экономическаго сознанія. Нужно быть слѣпымъ и для того, чтобы не видѣть, что работа физическаго труда идетъ тоже на всѣхъ парахъ, и не въ одной Ріонской долинѣ, гдѣ всѣ, «отъ мала до велика, полны бодрости и энергіи, а, слѣдовательно, и радостныхъ надеждъ». Народъ работаетъ съ тою же настойчивою энергіей, повсюду и повсюду его ободряетъ и поддерживаетъ надежда, что Господь Богъ пошлетъ урожай и что будущее будетъ лучше прошедшаго.

Если же народъ и не всегда глядитъ въ будущее, то это ему нисколько не мѣшаетъ съ поразительною настойчивостью и упорствомъ яремной силы тянуть свою лямку и свершать, напримѣръ, такіе поистинѣ чудовищные подвиги, какъ путешествіе изъ Смоленской губерніи на Аму-Дарью на лѣтніе заработки, чтобы осенью опять вернуться домой.

Указаніе на «веселый и полный радостныхъ надеждъ» трудъ народа Н. Я. Николадзе сдѣлалъ только для того, чтобы противупоставить ему «безнадежность», проповѣдуемую столичными газетами и журналами, а, слѣдовательно, конечно, и «безнадежность», царящую въ душѣ интеллигенціи. Но, вѣдь, газеты и журналы не выдумываютъ жизнь, а только ее отражаютъ. Чего нѣтъ въ жизни, того не будетъ и въ печати. Если бы у народа, трудящагося такъ «весело и полнаго радостныхъ надеждъ», были свои газеты и журналы, мы, конечно, точнѣе бы знали о душевномъ настроеніи, съ какимъ онъ свершаетъ свои прогулки въ 10,000 верстъ на Аму-Дарью. Ничего мы этого не знаемъ. Почему-то мы, обвинители интеллигенціи, не хотимъ знать и того, что и она, подобно народу, кладетъ всю свою энергію, чтобы создать себѣ мало-мальски порядочное положеніе, и что у нея есть тоже своя Аму-Дарья. Безъ надежды никто не живетъ на свѣтѣ, и потому смѣшно толковать о «безнадежности».

Еслибъ я считалъ нужнымъ упрекать «Новое Обозрѣніе» въ непослѣдовательности, то могъ бы привести изъ этой газеты не только массу мрачныхъ фактовъ, но и еще болѣе мрачныхъ воззрѣній. Напримѣръ, въ томъ же нумерѣ газеты, въ которомъ рисуется благоухающая и цвѣтущая Ріонская долина, авторъ статьи «На новый годъ» говоритъ далеко не о благоухающихъ и цвѣтущихъ розахъ: «Хочу, — говоритъ онъ, — поддаться общему теченію, хочу одинаково со всѣми думать, что вотъ сейчасъ, какъ только сойдутся стрѣлки на циферблатѣ предо мною стоящихъ часовъ, воцарится «на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе», но горькій опытъ многихъ вѣковъ обрѣзываетъ крылья моей фантазіи, отравляетъ мои розовыя мечты. Одна изъ главныхъ причинъ величайшаго несчастія человѣчества состоитъ въ разладѣ между умомъ и сердцемъ... Но я готовъ думать, что тотъ найдетъ настоящую Архимедову точку, откроетъ тайну perpetuum mobile, кто найдетъ точку сближенія между восточнымъ фатализмомъ и западнымъ скептицизмомъ». Это ужь не благоухающія и цвѣтущія розы Ріонской долины, манящія сердце и воображеніе счастіемъ и успокоеніемъ. Это что-то ужь совсѣмъ подавляющее и убивающее всякую надежду и вѣру въ настоящее, потому что когда-то еще будетъ найдена «точка сближенія», а что же до тѣхъ-то поръ?

А до тѣхъ поръ требуется честное, прямое, правдивое отношеніе къ жизни. Если «безнадежность» дѣйствительно существуетъ, то задача печати не въ томъ, чтобы съ фальшивою улыбкой говорить людямъ: «будьте веселы, посмотрите на трудящагося мужика, полнаго радостныхъ надеждъ, посмотрите на цвѣтущія и благоухающія розы и т. д.», потому что этимъ никого не убѣдишь. Истинное достоинство правдивой печати въ томъ, чтобы не бояться мрачнаго, а смотрѣть на него съ умственнымъ мужествомъ, какъ смотритъ докторъ на болѣзнь, какъ смотритъ ученый на изслѣдуемыя имъ явленія, какія бы они тамъ ни были. То же «Новое Обозрѣніе» говоритъ, что нужно отыскивать тѣ *микробы жизни*, которые дѣлаютъ ее тяжелою. Одна изъ благороднѣйшихъ задачъ печати и состоитъ именно въ отысканіи этихъ микробовъ жизни; это дѣло, несомнѣнно, стоющее и многообѣщающее. И оно не только «стоющее», но и обязательное.

Если печать стоитъ за правду и достоинство личности, если она является проповѣдницей благородства, честности, гражданскихъ идеаловъ и гражданскихъ доблестей, если она поучаетъ энергіи и вызываетъ на самостоятельность, если именно эти задачи она хочетъ преслѣдовать, то пускай же она и понимаетъ, какими средствами возможно достигать этихъ цѣлей, пускай же поэтому она только и обращается къ честнымъ и благороднымъ побужденіямъ ею же самою облагораживаемой личности, а не принижаетъ ее ложью и фальшью всякихъ недостойныхъ поддѣлокъ.

Писатель долженъ быть равенъ своему читателю. Онъ, писатель, не имѣетъ права смотрѣть на читателя какъ на несовершеннолѣтняго, не имѣеть права возвеличивать себя въ гувернеры и воображать, что передъ нимъ стоятъ какіе-то мальчики, которыхъ нужно поглаживать по головкѣ и ободрять поощрительными фразами. Если писатель проникнутъ самъ чувствомъ равенства, если онъ самъ носитъ въ себѣ чувство человѣческаго достоинства, — только это чувство онъ будетъ видѣть и въ другихъ, и только въ нихъ будетъ искать опоры для своей собственной дѣятельности.

Печать роститъ общественно-взрослыхъ людей, будущихъ (а, пожалуй, и настоящихъ) работниковъ гражданскаго устроенія, а потому не имѣетъ права, просто не смѣетъ, не унижая себя, обращаться къ чему-нибудь иному, кромѣ сознанія, воздѣйствуя лишь на разсудочныя средства читателя, предоставляя затѣмъ уже ему самому въ умственныхъ фактахъ, которые передъ нимъ разложены, отыскивать и брать то, что ему нужно.

Теоретическая педагогика давно уже указала на фальшь воспитанія, желающаго лѣпить дѣтей въ ту или другую готовую форму. На вопросъ: «кого воспитывать?» — только и есть одинъ отвѣтъ: «никого». Ни вы, ни я, ни третій, ни десятый не имѣемъ права навязывать нашимъ дѣтямъ своихъ одностороннихъ опытовъ. Мало ли какъ слагалась и слагается жизнь каждаго изъ насъ. У каждаго человѣка свой путь, свое будущее. Свои будутъ у него и препятствія, свое будетъ счастье и несчастье. Воспитаніе и образованіе только въ томъ и заключаются, чтобы развить въ ребенкѣ всѣ данныя ему природой силы и способности и подготовить его къ успѣшной борьбѣ съ жизнью.

Если же только чувство равенства и вѣра въ благородную природу человѣка составляютъ истинную и единственную основу нравственнаго воспитанія и начало всѣхъ гражданскихъ обязанностей, для которыхъ оно должно готовить, то какъ же мы, люди печати, имѣющіе дѣло съ взрослыми людьми, станемъ относиться къ нимъ какъ къ разслабленнымъ или истощеннымъ нервнымъ субъектамъ, съ которыми ни о чемъ нельзя говорить пря-

мо. Не происходитъ ли это отъ того, что мы сами-то нѣсколько разслабленны, да не сильны и въ этой наукѣ, безъ которой нельзя быть ни проповѣдникомъ общественной нравственности, ни вліятельнымъ вождемъ?

Что мы въ этой наукѣ не сильны, за доказательствами ходить далеко не нужно. Одно изъ нихъ подыскало «Новое Обозрѣніе», помѣстивъ слѣдующую замѣтку по поводу общественной психологіи, проповѣдуемой «Петербургскими Вѣдомостями». «Петерб. Вѣд.», — говоритъ «Новое Обозрѣніе», — находятъ, что 1888 годъ былъ годомъ передышки. Болѣе тридцати лѣтъ мы не знали отдыха. Очень ужъ много было преобразованій»... «Нужно дорожить общественными нервами, — говоритъ органъ г. Авсѣенко. — И пусть новый годъ будетъ по-старому...» «Новое Обозрѣніе» къ этому прибавляетъ: «Наврядъ ли, однако, ожиданія эти исполнятся. Ничто не стоитъ на мѣстѣ: ни природа, ни жизнь не знаютъ покоя; на мѣстѣ топтаться нельзя. Поставить же точку къ жизни можно только въ воображеніи, да еще въ газетѣ «князя Точки».

Это объясненіе не совсѣмъ подходитъ къ мыслямъ «Петерб. Вѣдом.». Они говорили вовсе не объ общемъ законѣ движенія, который, конечно, свершается и среди обитателей «спящаго Востока». Рѣчь «Петерб. Вѣдом.» собственно о прогрессивныхъ реформахъ и о поступательности въ развитіи гражданскихъ формъ жизни. Въ этомъ смыслѣ поставить точку вовсе не такъ трудно, не только не нарушая жизни во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но и очень энергично содѣйствуя ея развитію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Объясненіе «Новаго Обозрѣнія» особенно цѣнно потому, что служитъ ключомъ къ мыслямъ, высказаннымъ Н. Я. Николадзе. Онъ, правда, не повторяетъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», онъ не говоритъ «довольно», «нужно отдохнуть», — напротивъ, онъ какъ бы говоритъ совсѣмъ другое: что жизнь остановить нельзя, что она двигается всегда, вездѣ и повсюду, что всѣ эти тридцать лѣтъ двигалась она и у насъ, что она создала за это время и массу образованныхъ людей, и двинула впередъ печать и т. д., и т. д. Кого же тутъ защищаютъ и противъ чьихъ нападокъ, кому все это говорится, а, главное, что именно этимъ говорится? И перенося такъ «умѣло» вопросъ на «другую почву», не значитъ ли повторять, но въ иной формѣ, мысль «Петерб. Вѣдом.»? Онѣ, вѣдь, тоже очень хорошо знаютъ, что жизнь идетъ впередъ, что у насъ теперь всего больше, чѣмъ было, что промышленно-экономическій ростъ идетъ у насъ впередъ гигантскими шагами и т. д. Все это «Петербургскія Вѣдомости» знаютъ отлично. Ихъ мысль та, что если жизнь имѣетъ весь свой будничный обиходъ, то чего же ей нужно еще больше? А Н. Я. Николадзе говоритъ, что если нѣтъ ничего больше, то мы живемъ, все-таки, очень хорошо и въ будняхъ имѣемъ тоже свой праздникъ. И характернѣе всего, что опытный публицистъ преподноситъ эти мысли въ видѣ назиданія и руководства русской публицистикѣ, которая тоже родилась не сегодня и не сегодня начала думать, чтобъ ей порвать свою традиціонную идейную ниточку и не понимать разницы между умственными праздниками и умственными буднями.

Еще характернѣе для опытнаго публициста, что то или другое движеніе общественной мысли онъ объясняетъ чисто-личными побужденіями. По этой теоріи, конечно, люди сороковыхъ годовъ должны стоять за сороковые года, люди шестидесятыхъ — за шестидесятые, а люди восьмидесятыхъ — за восьмидесятые. Но куда же мы тогда уйдемъ, когда будемъ защищать только года или своё время, а не идеи? Попытка подобной личной защиты была сдѣлана въ «Недѣлѣ» г. Р. Д., который сдулъ, какъ карточный домъ, всю умственную работу сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, насколько она выражалась въ художественныхъ идеалахъ и стремленіяхъ, и выдвинулъ въ видѣ новой силы, народившейся, чтобы исправить всѣ предъидущія умственныя ошибки, «новое литературное поколѣніе» восьмидесятыхъ годовъ. Но въ силу этой же теоріи индѣецъ остался спать на гвоздяхъ до своей смерти; въ силу этой же теоріи князь Мещерскій, выросшій на розгахъ, считаетъ ихъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ и самою твердою опорой власти. Они, т. е. индѣецъ и князь Мещерскій, проповѣдуютъ то же самое въ одну сторону, что Н. Я. Николадзе проповѣдуетъ въ другую. Но у Н. Я. Николадзе совсѣмъ неясно, какія идеи онъ защищаетъ и какія отрицаетъ. Онъ просто говоритъ о временахъ и объ увеличеніи числа «элементовъ прогресса»; онъ говоритъ, что «не промѣнялъ бы нашихъ современныхъ дней и нашего нынѣшняго положенія на дѣло и порядки четверть вѣка тому назадъ. И это вовсе не по «наитію» или «ощущенію», а просто-таки по трезвому разсчету, по близкому знакомству съ реальностью вещей въ ту и въ нынѣшнюю пору».

И никто не хотѣлъ бы промѣнять настоящее на прошлое, и не только потому, что это невозможно, да еще и потому, что это, все-таки, значитъ идти назадъ. Тридцать лѣтъ, что Россія передумала, пользуясь судомъ присяжныхъ, земскими учрежденіями и при свободѣ народа, создали ей такой запасъ новаго умственнаго и фактическаго опыта, что едва ли заслугу вѣрной оцѣнки этого громаднаго, небывалаго прежде богатства можетъ присвоивать себѣ только одинъ Н. Я. Николадзе. Но о счетѣ ли этихъ новыхъ богатствъ шла рѣчь въ спорѣ, который Н. Я. Николадзе взялся поставить на вѣрную точку? То-то что нѣтъ.

Зачѣмъ же понадобилась эта проповѣдь благодушества и самоудовлетворенія, и въ чемъ ея дѣйствительная сущность? И авторъ теоріи «свѣтлыхъ явленій» и «бодрящихъ впечатлѣній», и авторъ формулы «будетъ хорошо, если мы сами этого захотимъ», и «Д. Ж.», предлагавшій разныя другія формулы (даже и «Сѣверный Кавказъ» и рецензентъ «Екатеринбургской Недѣли», придерживающіеся теоріи ободренія и поощренія слабыхъ побѣговъ), предлагаютъ формулы прогрессивныя и ощущаютъ непреодолимую энергію идти впередъ.

Если они и вызывали противъ себя возраженія, то только потому, что, отдаваясь отыскиванію практическихъ выходовъ для настоящаго, они успокоиваютъ мысль и подрѣзываютъ ей крылья, вмѣсто того, чтобы ее укрѣплять и возбуждать. Но авторъ новогодняго фельетона «Новаго Обозрѣнія» совсѣмъ ставитъ точку. И та же газета обвиняетъ «князя Точку». Чѣмъ же «точка» Н. Я. Николадзе отличается отъ «точки» князя Мещерскаго? Только тѣмъ, что князь Мещерскій гикаетъ и размахиваетъ кнутомъ, а теорія «цвѣтущей Ріонской долины» предлагается въ бархатныхъ перчаткахъ, съ мягкими манерами и вкрадчивою улыбкой. Конечно, и это прогрессъ!

Н. Я. Николадзе говоритъ: «Безспорно, положеніе нашей печати, даже и столичной, теперь не блистательно. Но надо быть слѣпцомъ, чтобы не видѣть, насколько оно недосягаемо выше положенія печати 1860—1866 гг. Сравните нынѣшніе газеты и журналы съ тогдашними, сравните предметы, о которыхъ трактуется теперь, съ трактовавшимися тогда—и вы принуждены будете сознаться, что вѣка цѣлые прошли между двумя этими положеніями». Ну, конечно, вѣка: тогда не трактовали о бакинскомъ нефтепроводѣ, о закавказскихъ марганцевыхъ мѣсторожденіяхъ и безпорядкахъ закавказской желѣзной дороги, тогда еще былъ свѣжъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, тогда горячо работали мировые посредники, въ газетахъ и журналахъ шли толки о судѣ присяжныхъ, о задачахъ едва возникавшаго земства, шла энергическая полемика о классическомъ и реальномъ образованіи и разрабатывалась программа «разумной жизни». Неужели «Новое Обозрѣніе» не шутитъ, а серьезно хочетъ увѣрить, что теперешніе умственные горизонты, насколько они выражаются печатью, шире?.. И что значитъ послѣдующая фраза: «...нельзя, все-таки, не сознаться, что народись теперь у насъ крупный публицистическій талантъ, сфера его вліянія и дѣятельности будетъ несравненно болѣе обширная, чѣмъ была прежде»?

Теперь для крупнаго публицистическаго таланта была бы дѣйствительно другая работа, и гораздо шире по объему, если бы подобная работа удержалась у него въ рукахъ. Крупнымъ публицистическимъ талантомъ для нашего времени былъ бы тотъ, кто, обладая широкимъ государственнымъ міровоззрѣніемъ и проникая въ глубину подробностей нашего общественнаго и гражданскаго быта во всѣхъ ихъ мелкихъ сущностяхъ, противорѣчіяхъ и несогласіяхъ съ общимъ народно-государственнымъ интересомъ, всю частную и частичную работу сознательно и безсознательно борящихся стремленій слилъ бы и обобщилъ въ ясно и опредѣленно поставленную цѣль всеобщаго однороднаго стремленія. Однимъ словомъ, крупнымъ талантомъ былъ бы тотъ, кто на своихъ плечахъ понесъ бы всю частичную работу отдѣльныхъ умовъ и работниковъ мысли,—работу не только ту, которая происходитъ у всѣхъ на глазахъ, но и извлекъ бы изъ-подъ спуда и тѣ идеи гражданскаго устроенія, которыя пока ничѣмъ не обнаруживаютъ своего существованія, хотя и просятся наружу.

Но неужели же потому, что у насъ нѣтъ подобнаго всеобъемлющаго публицистическаго таланта, всѣ остальные, не всеобъемлющіе писатели, должны толкать другъ друга назадъ, въ чаяніи, что вотъ народится крупный человѣкъ и поведетъ всѣхъ впередъ? Кажется, что такое умственное поведеніе не говоритъ особенно въ пользу «недосягаемой высоты», на которую Н. Я. Николадзе возвелъ современную мысль.

Однако, довольно этихъ частностей, хотя безъ нихъ мы бы не дошли до этой «недосягаемой высоты», на которой и остановимся.

«Мы хотимъ жить!—говоритъ «Новое Обозрѣніе» въ одномъ изъ своихъ «Обзоровъ печати».— Боже мой, какъ хотимъ жить! И чего только ни дѣлаемъ, съ чѣмъ ни миримся ради жизни, чего-чего только ни переносимъ! Мы готовы жить безъ вѣрованій, безъ надежды, безъ любви... только бы жить. Готовы жить безъ рукъ, безъ ногъ, безъ глазъ, безъ зубовъ... только бы жить. Мы готовы жить пресмыкаясь безъ собственныхъ мнѣній, подъ ножомъ хирурга, но жить...» Да, именно хотимъ жить! Ради этой жажды жизни мы занимаемся столоверченіемъ, гипнотизмомъ, отдаемъ все свое время и силы карточной игрѣ, любительскимъ спектаклямъ, занимаемся изученіемъ балетныхъ танцевъ,—однимъ словомъ, какъ угорѣлые мечемся изъ стороны въ сторону, не находя удовлетворенія мысли, чувствамъ, стремленіямъ и желаніямъ. Въ послѣднее время ради этой же жажды жизни расходился особенный родъ искателей мѣстъ, которые, по словамъ «Новаго Времени», пустили къ учету и размѣну на выгодныя мѣста почетныя отличія и служебныя повышенія, свои «консервативныя» убѣжденія. По словамъ газеты, нѣкоторыя административныя учрежденія завалены доставляемыми отъ этихъ господъ изъясненіями, подъ разными предлогами, образа мыслей, въ видѣ записокъ, рѣчей, проектовъ и т. д. «Новое Время» совершенно вѣрно называетъ эту «жажду жизни» политическими шантажами и усматриваетъ причину ихъ въ недоразумѣніи, которое плодитъ и поддерживаетъ печать. «Не сами ли эти претенденты расхваливаютъ себя въ газетахъ, вродѣ «Гражданина», и неудачу своихъ искательствъ сваливаютъ на мнимую слабость сановниковъ къ «краснымъ»? Очень похоже на то. Но тогда и источникъ недоразумѣнія становится до извѣстной степени понятенъ. Оно, стало быть, питается безшабашнымъ газетнымъ враньемъ извѣстнаго сорта и еще болѣе безшабашными идеями и планами, изо дня въ день наполняющими тѣ же газеты. А наивные люди воображаютъ, что такъ оно и есть въ дѣйствительности, какъ пишется въ этихъ газетахъ».

Это объясняетъ только одну половину дѣла, а другая половина заключается въ низкомъ уровнѣ общественнаго мышленія. Если бы оно стояло на иной высотѣ, подобные шантажи были бы невозможны. Вотъ почему теперешняя печать, болѣе,

чѣмъ когда-нибудь, должна быть строга сама къ себѣ и избѣгать малѣйшихъ возможностей къ недоумѣніямъ, чтобы не играть въ руку «Гражданину, Лучу» и имъ подобнымъ. Поэтому же прискорбно, что «Новое Обозрѣніе» нѣкоторыми своими фельетонами плодитъ недоразумѣніе весьма нежелательное. Вѣдь, то, что у насъ есть хорошаго, не станетъ худымъ, если мы худое назовемъ его настоящимъ именемъ и свалимъ даже въ одну кучу. Хуже, если мы обтерпимся до того, что станемъ опять «къ добру и злу постыдно равнодушны». А, вѣдь, похоже на то, что мы къ этому приближаемся, и что насъ къ этому приближаютъ «примирительные» публицисты-оптимисты.

«Петербургскимъ Вѣдомостямъ» и къ лицу говорить, что у насъ было слишкомъ ужъ много преобразованій и что нужно дорожить общественными нервами, хотя и г. Авсѣенко, какъ романисту, полагается понимать психологію не только отдѣльной человѣческой души, но и психологію общества, состоящаго изъ отдѣльныхъ человѣческихъ душъ. Выпаливъ фразой объ успокоеніи общественныхъ нервовъ, «Петербургскія Вѣдомости» только повторили то, что было сказано въ печати лѣтъ шесть назадъ. Тогда это была дѣйствительно новая мысль, отъ практическаго осуществленія которой ожидались очень благіе результаты. Теперь же, когда эти результаты вполнѣ очевидны, можно уже безъ ошибки судить и объ основной ихъ мысли. Это было бы не трудно даже и для «Петербургскихъ Вѣдомостей», посвятившихъ, кажется, цѣлый рядъ статей характеристикѣ петербургской молодежи, то засѣвшей «въ кельѣ подъ елью», то принявшейся за чтеніе книгъ Ману, то обратившейся въ вѣру гр. Л. Н. Толстаго. И такъ поступала болѣе умственная молодежь, а неумственная начала участвовать въ балетахъ или еще и того хуже.

Господствующее теперь промышленное и дѣловое мышленіе не можетъ давать полнаго умственнаго удовлетворенія ни молодежи, ни обществу, и вмѣсто того, чтобы успокоивать общественные нервы, напротивъ, ихъ раздражаетъ. Ни въ чемъ иномъ наша «безнадежность» и не заключается, какъ только въ неудовлетвореніи высшихъ умственныхъ потребностей и интересовъ. Кому эти интересы чужды, тѣ спокойно мѣряютъ въ лавкахъ аршинами и отвѣшиваютъ на вѣсахъ товаръ и не знаютъ никакой «безнадежности». Мысль этихъ людей вполнѣ удовлетворена и совершенно объединяется съ ихъ повседневною практикой. Но, вѣдь, не одно же у насъ только лавочное дѣло.

И чему удивляться, что промышленное развитіе идетъ «гигантскими» шагами. Еще бы ему не шагать, когда только объ этомъ шаганіи мы и думаемъ. И не у насъ однихъ промышленное развитіе шло быстро. Въ Европѣ оно шло еще быстрѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ явилась въ прошедшемъ столѣтіи паровая и прядильная машина, промышленное развитіе сдѣлало такой быстрый и внезапный скачекъ, что перевернуло кверху ногами весь существовавшій до того патріархальный бытъ и сразу уничтожило натуральное хозяйство.

Чтобы производить свой собственный гигантскій ростъ капиталистической промышленности, совсѣмъ и не требуется привлекать къ себѣ какія-нибудь особенныя способности и знанія. Именно потому, что для пониманія промышленныхъ задачъ въ ихъ капиталистической и индивидуалистической формѣ не требуется особенныхъ способностей, и заключается главная причина повсюдныхъ успѣховъ промышленности и торговли.

Доступъ въ промышленно-капиталистическую область открытъ для всякихъ среднихъ силъ. Вѣдь, не Богъ вѣсть какой геніальный свѣтъ обиталъ въ головахъ... ну, хотя бы тѣхъ первыхъ московскихъ фабрикантовъ, которые выросли въ теперешнія громадныя фирмы, ворочающія милліонами. Видѣли мы этихъ наслѣдниковъ многомилліонныхъ богатствъ, распоряжавшихся на своихъ мануфактурахъ судьбою тысячъ людей и не имѣвшихъ о своихъ собственныхъ человѣческихъ обязанностяхъ ни малѣйшаго понятія. Немножко предпріимчивости, немножко смѣтки, немножко выдержки, извѣстная доля безчеловѣчности по отношенію къ рабочимъ, — вотъ и вся нетрудная программа промышленнаго преуспѣянія и процвѣтанія. А затѣмъ, когда этой мысли приходилось выскочить изъ заколдованнаго круга простыхъ, первичныхъ комбинацій, она, бѣдная, ужъ совсѣмъ переставала быть мыслью и не обнаруживала ровно никакой ни дѣятельности, ни живучести. Это мы видѣли и на проектахъ «всероссійскаго купечества» нижегородской ярмарки, и на проектахъ московскаго купечества о страхованіи рабочихъ. Только простотою, легкостью и, слѣдовательно, общедоступностью знанія и возможностью поэтому овладѣть дѣломъ и объясняется, что предпріимчивость и капиталы охотнѣе всего устремляются въ область промышленности и торговли.

Съ сельскимъ хозяйствомъ дѣло стоитъ труднѣе и на его четырехпроцентный доходъ не скоро найдешь охотниковъ изъ капиталистовъ. Но, кромѣ того, сельское хозяйство неизмѣримо сложнѣе и овладѣть имъ вовсе не такъ легко, какъ любою промышленностью. Вотъ эта-то сравнительная доступность промышленныхъ знаній, привлекая капиталы преимущественно къ промышленности, въ то же время, отвращаетъ ихъ отъ сельскаго хозяйства, въ которомъ и рисковъ больше, и знаній требуется больше, и борьба съ природой еще такъ велика и безуспѣшна, что сельскій хозяинъ ужъ никакъ не можетъ считаться «царемъ природы», тогда какъ каждый фабрикантъ, промышленникъ и дѣлецъ ужъ несомнѣнный царь въ своей области. Отъ этого сельское хозяйство и находится въ захудалыхъ рукахъ. Отъ этого же на его долю достается мало заботъ и попеченій.

Земледѣліе есть истинный пасынокъ судьбы, оно — скудная доля всякой захудалости. Съ одной стороны, по своей малодоходности оно не привлекаетъ предпріимчивость и капиталы, съ другой — требуетъ большихъ знаній, большей энергіи и труда. И получается кругъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ выхода. Дѣло, требующее большихъ знаній и

большихъ средствъ, находится въ рукахъ людей съ наименьшими знаніями и средствами; и среда, нуждающаяся въ наибольшихъ благахъ просвѣщенія и въ наибольшемъ попечительномъ вниманіи, имѣетъ того и другаго наименьше. Результаты получаются, конечно, такіе, какіе и должны получаться. Въ то время, какъ промышленность, точно паукъ какой, высасываетъ изъ жизни все, что она можетъ высосать, когда на нее устремляется почти исключительное вниманіе, когда для успѣховъ ея ростутъ школы, развивается техническое образованіе, работаютъ изъ всѣхъ силъ химики, технологи, изобрѣтатели, когда на долю ея выпадаютъ всякія поощренія, кредиты, и оно точно жалкое дитя окружено кормилицами, мамками и няньками, заботливо охраняющими его и отъ вѣтра, и отъ холода и кормящими сладкими лепешками,—земледѣліе, этотъ истинный мужикъ между всѣми другими промышленностями, мужикъ не по природѣ, а по присущей ему естественной черноземной силѣ, оставляется на произволъ всѣмъ вѣтрамъ и непогодамъ.

Помните ли вы Невскій проспектъ и Кузнецкій мостъ, какими они были до освобожденія крестьянъ? Теперь такіе магазины только во второстепенныхъ и въ третьестепенныхъ улицахъ. А на Невскомъ и Кузнецкомъ мосту магазины смотрятъ зеркальными окнами въ двѣ сажени, и чего-чего нѣтъ за ними. Теперь не нужно устраивать и промышленныхъ выставокъ. Пройдитесь по Невскому, пройдитесь по Кузнецкому мосту—и вы насмотритесь всякихъ чудесъ, начиная съ пятикопѣечнаго миткаля и кончая бриллiантовымъ ожерельемъ въ нѣсколько тысячъ. Промышленные города ростутъ, какъ слоны; въ какія-нибудь тридцать лѣтъ маленькій городишко, но пристроившійся въ удобномъ мѣстѣ, изъ десятитысячнаго населенія выростаетъ въ стотысячное, да и того ему еще мало. Домишки и лачужки смѣнились многоэтажными палаццо вѣнской архитектуры, и палаццо эти настроила все та же холеная и оберегаемая промышленность, чтобы въ нижнихъ ихъ этажахъ за зеркальными двухсаженными окнами разложить напоказъ свои богатства.

А помните ли вы деревню, какою она была до освобожденія? И теперь она строится какъ тогда (по крайней мѣрѣ, въ нашихъ бѣлорусскихъ мѣстахъ), по типу, сохранившемуся отъ временъ Герберштейна, и теперь она не разсталась съ палатями и лавками вокругъ стѣнъ, и спитъ она въ повалку, безъ различія пола и возраста, безъ постелей, подъ тулупомъ и кулакомъ подъ головой, вмѣсто подушки. Правда, на сельско-хозяйственныхъ выставкахъ и земледѣліе какъ бы пытается не уронить себя лицомъ въ грязь и похвастываетъ альгаузскими телятами и іоркширскими поросятами, но, вѣдь, это не земледѣліе ими хвастаетъ, а только нѣкоторыя отдѣльныя владѣльческія хозяйства. Общій уровень остается тотъ же, и общій, господствующій характеръ нашему земледѣлію сообщаютъ не отдѣльные альгаузскіе телята, а все та же старая «тасканская» порода, съ ея нисколько не измѣнившимся характернымъ признакомъ.

Допустимъ, что не вездѣ наше земледѣліе похоже на бѣлорусское, что и въ земледѣліи замѣчается ростъ, что земледѣльческая мысль тоже проснулась и зашевелилась (это и есть частью)—и, все-таки, земледѣльческій производитель сравнительно съ промышленнымъ производителемъ не больше, какъ пасынокъ. И онъ останется пасынкомъ до тѣхъ поръ, пока наша мысль не выскочитъ изъ тѣсныхъ рамокъ техническаго и спеціальнаго мышленія, въ которыхъ оно теперь почти исключительно пребываетъ. Въ этихъ рамкахъ думать много нечего и общественной мысли не найти своего полнаго удовлетворенія. И въ самомъ дѣлѣ, земледѣльческое мышленіе, устремивъ неподвижное свое умственное око въ черноземъ, ничего въ немъ не можетъ сообразить и, попрежнему, живетъ упованіями на Бога, а промышленное, лучше овладѣвшее своимъ нехитрымъ дѣломъ, всю свою политику и общественные идеалы свело къ простой таблицѣ умноженія и разсуждаетъ вполнѣ правильно, что если 2 рубля помножить на 10, то получится 20 рублей.

Вотъ и всѣ умственныя комбинаціи, которыя рекомендуютъ «Петербургскія Вѣдомости» для «успокоенія общественныхъ нервовъ». «Новое Обозрѣніе» же въ одномъ мѣстѣ, повидимому, возражающее противъ этой мысли, въ другомъ говоритъ, что если мы не умѣемъ удовлетвориться настоящимъ, то это значитъ—смотрѣть назадъ, предаваться безповоротному отчаянію, впадать въ пессимизмъ и даже проповѣдывать безнадежность. Неужели же «Новое Обозрѣніе» думаетъ, что если бы индѣецъ, спавшій 18 лѣтъ на гвоздяхъ, пожелалъ, наконецъ, отдохнуть на болѣе мягкой постели, то онъ былъ бы безнадежный пессимистъ, предающійся безповоротному отчаянію?

Очевидно, что «Новое Обозрѣніе», считавшее русскихъ людей по пальцамъ, кое-кого изъ нихъ пропустило. Кромѣ пасынка-земледѣльца и любимаго сынка-промышленника, есть у насъ еще и интеллигентъ. Какой же подарокъ припасло на его долю «Новое Обозрѣніе»—затрапезный халатъ? Да, вѣдь, онъ въ немъ ходитъ и теперь.

Я не говорю о литературномъ движеніи мысли и никогда этого вопроса не касался. Наши корифеи литературы—Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Достоевскій—всѣ выросли на крѣпостномъ правѣ. Теперешняя же Россія выросла на иномъ правѣ, и на этомъ еще не выяснившемся и не установившемся правѣ выросли и наши новыя молодыя литературныя силы. Понятно, что они въ недоумѣніи. Будь между ними сильный, выдающійся умъ, законченный всестороннимъ образованіемъ, онъ съумѣлъ бы усмотрѣть въ кажущемся хаосѣ законъ его движенія и, подобно Леверрье, указалъ бы въ пространствѣ мѣсто, гдѣ слѣдуетъ искать новую планету. Но такого ума Россія еще не создала, а гр. Толстой, увлекающій молодыхъ писателей на свой путь, готовитъ для нашихъ дѣтей плохихъ руководителей.

Наша рѣчь не о внутреннемъ мірѣ отдѣльнаго человѣческаго *я* и не объ общихъ законахъ души,— наша рѣчь только объ общественномъ движеніи мысли и объ общественныхъ отношеніяхъ, неопредѣленность которыхъ создала и неопредѣленность теперешней литературной мысли. Будь для развитія личности точно опредѣлившіяся условія, какъ это было при крѣпостномъ правѣ, передъ художниками встали бы законченные образы и точные типы, и литературная мысль не стала бы шататься изъ стороны въ сторону, играя въ жмурки, или держаться за полу гр. Толстаго, который и самъ-то идетъ безъ яснаго пути, повинуясь только добрымъ инстинктамъ.

У общественной и гражданской жизни есть несомнѣнная традиція и ее напрасно отрицаетъ «Новое Обозрѣніе» устами своего руководителя. Традиція эта похожа на ручеекъ, поперекъ котораго, конечно, можно положить бревно, но тогда ручеекъ разольется, онъ можетъ даже образовать болото, а затѣмъ, все-таки, проложитъ себѣ русло и потечетъ своимъ теченіемъ.

У живой мысли, какъ и у текущаго ручейка, есть одинаковый законъ. И этотъ живой законъ сказывается пока въ томъ «нервномъ раздраженіи», противъ котораго говорятъ «Петербургскія Вѣдомости», и въ томъ томленіи скучающей мысли, которая ищетъ себѣ разнообразные выходы, неодобряемые подчасъ и самою академическою газетой. Даже и наша общественная апатія — жизненный признакъ.

Вѣрно говоритъ г. Сычевскій — и я опять ссылаюсь на него, чтобы указать, какая разница существуетъ въ идеяхъ и понятіяхъ провинціальной печати, пользующейся для своихъ выводовъ и заключеній однимъ и тѣмъ же жизненнымъ матеріаломъ: «Не только генералъ Буланже,—говоритъ г. Сычевскій,—покойный принцъ Рудольфъ и безпокойный Миланъ, но даже какой-нибудь Ашиновъ въ состояніи теперь всколыхать историческое болото. А общество... Надо думать, что для него очередь настанетъ нѣсколько позже. Одно можно сказать навѣрное, что современная апатія во всѣхъ сферахъ не можетъ продолжаться долго».

И въ томъ, что говоритъ г. Сычевскій, вы чувствуете не только живую мысль, выросшую на лучшихъ общественныхъ традиціяхъ, но чувствуете мысль, оставшуюся имъ вѣрной. «Новое Обозрѣніе» же не только отрекается отъ этихъ традицій, но еще и предлагаетъ своимъ читателямъ себя, какъ настоящую «недосягаемую высоту печати», какой раньше у насъ никогда не было.

Въ нашей современной общественно-психологической теоріи изумительнѣе всего то пренебреженіе къ уму и знанію, которое овладѣло теперь всѣми.

Всякій, выступающій съ какимъ-нибудь общественнымъ рецептомъ, ищетъ опоры то въ «бодрящихъ впечатлѣніяхъ», то въ «свѣтлыхъ явленіяхъ», то въ проповѣдываніи «вѣры», надежды и любви», то въ веселомъ высвистываніи: «въ надеждѣ славы и добра...» Но никто не обращается къ разуму своихъ читателей, точно мѣсто этого разума, на который еще недавно опиралась наша печать, заняла пустота.

Теперешнему затрапезному интеллигентному *я*, этому «элементу прогресса», не соображающему пока никакой гражданско-общественной силы, только говорятъ: «будетъ хорошо, когда ты самъ этого захочешь». Такъ растолкуйте, чего ему захотѣть, потому что именно этого-то онъ и не знаетъ. Вмѣсто же того, чтобы передъ затрапезнымъ *я* раскрывать горизонты общественной мысли, мы рисуемъ ему картины «свѣтлыхъ явленій», да манимъ цвѣтущею розами Ріонскою долиной.

Для дѣятельнаго поведенія существуетъ только одинъ неизмѣнный психологическій законъ — точная и ясная мысль. Если подобная мысль сформировалась, за нею само собою слѣдуетъ дѣятельное и энергическое поведеніе. Когда Добролюбовъ далъ «Темное царство», никто не испугался мрачной картины, ибо мысли открывался точный путь впереди. Рецепта въ статьѣ никакого не было; она раскрывала читателю лишь его умственныя очи. И всякій, у кого они раскрылись, пошелъ уже самъ по дорогѣ, которой онъ прежде передъ собой не видѣлъ. Но Добролюбовъ раскрывалъ духовныя очи на наши ближайшія личныя, семейныя и взаимныя отношенія, такъ сказать, освѣщалъ личную душу, указывая на царящій въ ней мракъ. Теперь же наступила пора раскрывать глаза уже на слѣдующую за тѣмъ ступень отношеній.

Теперешній читатель счастливѣе читателя того времени. Тогда всякая новая мысль или новые ея горизонты являлись откровеніемъ. Теперь всѣ общественныя откровенія уже сдѣланы и гражданскіе горизонты давно раскрыты. Задача современной публицистики не въ томъ, чтобы открывать что-нибудь новое; задача ея въ томъ, чтобы охранить то, что дано уже мысли и общественному сознанію,— удержать идейныя традиціи. «Не мѣшаетъ, не мѣшаетъ намъ, — говоритъ г. Сычевскій по поводу разныхъ печатающихся въ журналахъ воспоминаній о людяхъ недавняго времени и воспоминаніи о Добролюбовѣ,—вспоминать нашихъ дорогихъ покойниковъ. Изъ ихъ гробницъ, по выраженію Виктора Гюго, исходитъ тотъ свѣтъ, при которомъ еще можно кое-что различить, даже если вокругъ царила бы непроглядная тьма». Эти дорогіе покойники, въ сущности, только идейныя традиціи, которыми иногда только и освѣжается недѣятельная мысль.

Характерная особенность современной публицистики въ томъ, что она сама увлечена дѣловымъ, практическимъ настроеніемъ и въ рѣшительномъ большинствѣ своихъ органовъ отличается недѣятельностью мысли въ области понятій, стоящей выше ближайшей практической дѣловитости, т.-е. такъ называемыхъ идей высшаго порядка. Мысль очень дѣятельная и энергическая, пока она вращается въ практической области, становится недѣятельной на вершокъ выше и точно подстрѣленная птица падаетъ внизъ. Это именно и случилось съ тою «поправкой», которую хотѣлъ внести Н. Я.

Николадзе въ полемику о «свѣтлыхъ явленіяхъ» и «бодрящихъ впечатлѣніяхъ».

Случилось это, вѣроятно, потому, что «поправкой» вопросъ былъ поставленъ не публицистически, а лично. «Я самъ, — говоритъ Н. Я. Николадзе, — началъ жить и думать въ эту приснопамятную эпоху, оставившую во мнѣ рядъ свѣтлыхъ воспоминаній; ее я люблю какъ весну своей жизни, а кто не любитъ своей юности, съ ея пламенными и безграничными надеждами?.. Поэтому мнѣ можно повѣрить...»

Но развѣ общественные вопросы разрѣшаются на вѣру наличными ощущеніями или тѣми и другими воспоминаніями публицистовъ? Публицистъ не лирическій поэтъ. Его область — разсудочная, идейная, область общественныхъ и гражданскихъ понятій, и публицисту-лирику каждый имѣетъ право сказать: «какое дѣло мнѣ, страдалъ ты или нѣтъ?»

Публицисты, работающіе теперь, всѣ начали жить и слагаться умственно въ ту «весну жизни», о которой говоритъ г. Николадзе. И князь Мещерскій съ сотрудниками «Гражданина» сложился умственно тогда же. Къ той же «веснѣ жизни» принадлежатъ работники и одномышленники «Московскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Вѣстника», «Петербургскихъ Вѣдомостей» и другихъ мелкихъ газетъ того же направленія. Современные дѣятели, или теперешнее правящее поколѣніе, т. е. всѣ тѣ, кому теперь 40—50—55 лѣтъ, принадлежатъ тому же времени и ихъ «весна жизни» была тогда же. Только не объ ихъ веснѣ были разговоры.

Современное практическое поколѣніе, установившее тонусъ теперешней жизни, все выросло въ 60 годахъ и, отпраздновавъ свою «весну», вычеркиваетъ ее теперь изъ дальнѣйшаго календаря. Устами «Петербургскихъ Вѣдомостей» оно требуетъ «успокоенія нервовъ», устами гр. Л. Н. Толстаго оно проповѣдуетъ «воздержаніе», а устами публициста «Новаго Обозрѣнія» утверждаетъ всю эту «психологію» — уже «по трезвому разсчету и по близкому знакомству съ реальностью вещей — на положительныхъ основахъ дѣйствующаго обихода».

Еще бы! «Кто ходитъ въ сапогахъ, тому кажется, что вся земля покрыта кожей».

XXXVIII.

Ну, вотъ, нашлось и «свѣтлое явленіе», читатель...

Въ Харьковѣ, за подлогъ векселя, судился извѣстный «дисконтеръ — грабитель юга Россіи, разорившій многихъ помѣщиковъ и нажившій изъ ничего состояніе въ 500—700 тысячъ» — ростовщикъ Кравцовъ. За этотъ подлогъ Кравцовъ въ октябрѣ 1887 г. былъ приговоренъ къ ссылкѣ на 8 лѣтъ въ Сибирь, но въ Сибирь не отправился, а подалъ кассаціонную жалобу. 7 и 8 февраля нынѣшняго года дѣло Кравцова разсматривалось вновь харьковскимъ окружнымъ судомъ и Кравцовъ опять приговоренъ въ Сибирь. Защитникомъ Кравцова явился профессоръ уголовнаго права Харьковскаго университета Владиміровъ.

«Признаюсь, — пишетъ въ «Гражданинѣ» другой профессоръ того же университета, — я даже не вѣрилъ этому слуху. Я предполагалъ въ моемъ collег'ѣ больше благоразумія и чуткости. Кравцовъ — популярнѣйшая личность, разъ уже осужденная присяжными. Громко и много говорили объ этомъ дѣлѣ, пророчили профессору полный провалъ на судѣ; надо отдать справедливость коллегіи, — лучшіе ея члены громко порицали рѣшимость проф. Владимірова. Когда же слухъ оправдался, изумленію Харькова не было предѣловъ. То, что я видѣлъ, слышалъ и ощущалъ во время суда, не поддается описанію. Совѣстно было сидѣть. Замѣчанія, колкости и ядовитости по адресу профессора-защитника, раздававшіяся въ корридорахъ суда, среди публики, чиновъ судебнаго вѣдомства, адвокатуры и прокуратуры — не поддаются описанію. Всякій понималъ, что дѣло, не представляя никакого юридическаго интереса, пропитано было грязью. Отъ него разило, какъ изъ помойной ямы; пріемы большинства свидѣтелей Кравцова (исключая 1—2 чел.) были гнусны до невозможности. Прибавьте, каждый сознавалъ, что это — не даровая защита убогаго и угнетеннаго, а защита сытаго волка, перекусившаго горло множеству мирныхъ овецъ, защита силы противъ слабости, ростовщика противъ разоряемыхъ. Редакція мѣстной газеты, совѣстно признаться, получала письма (наприм., одно, подписанное «Отецъ студента-юриста»), дышавшія негодованіемъ противъ профессора, взявшагося за эту защиту, отъ которой многіе его предостерегали. И если бы еще успѣхъ въ результатѣ (для толпы finis часто coronat opus!); а то провалъ полный! Кравцовъ вновь осужденъ, приговоренъ къ ссылкѣ. Защита же, почувствовавъ, надо полагать, слабость почвы и давленіе общественнаго мнѣнія, вела неважно (и дѣлала грубые промахи) и судебное слѣдствіе, и самыя пренія. Не помогли ей и выставленные ею свидѣтели — laudatores, доказывавшіе «честность» Кравцова...»

Гдѣ же и въ чемъ тутъ свѣтлое явленіе? Свѣтлое явленіе въ протестѣ общественнаго мнѣнія и въ словѣ осужденія, съ которымъ профессоръ Даневскій выступилъ въ «Гражданинѣ» противъ своего коллеги.

Но, вѣдь, все это только «шепотъ, робкое дыханье...», да; но мы, не избалованные общественными протестами, скромные русскіе люди, рады и шепоту.

Зналъ я одного неизбалованнаго редактора. Бывало, спросишь его вначалѣ подписки: «Ну, какъ у васъ подписка?» — «Очень хороша». — «Сколько сегодня получили пакетовъ?» — «Восемь», — отвѣчаетъ онъ съ довольною, благодушною улыбкой, точно у него въ рукахъ восемь тысячъ пакетовъ.

Такой же благодушный былъ онъ и въ сужденіяхъ о людяхъ. Онъ во всемъ видѣлъ только одно хорошее и свѣтлое. Онъ зналъ, что на свѣтѣ есть зло, но онъ зналъ тоже, что «нѣтъ зла безъ добра», и только это добро и отыскивалъ во всемъ. И этотъ, повидимому, умиротворенный человѣкъ былъ, въ то же время, несчастный и недовольный человѣкъ. То огорчалъ его недостатокъ къ нему сочувствія, то ему казалось, что онъ ни разу въ жизни не испытывалъ любви, то вообразитъ, что къ нему несправедливы, или застрадаетъ, что живетъ въ четвертомъ этажѣ. Вообще, это былъ человѣкъ, которому казалось, что у другихъ всего больше, чѣмъ у него.

Потому, что онъ былъ личникъ, онъ никакъ не умѣлъ увидѣть и въ другихъ, гдѣ кончается «личное» и начинается «общее». Оттого и защита его была всегда личная. Повидимому, онъ судилъ каждаго по его, этого каждаго совѣсти; но это было лишь повидимому. Въ дѣйствительности же онъ судилъ другихъ только по себѣ. Онъ, такъ сказать, сажалъ самого себя въ чужую душу и говоря за другаго, говорилъ отъ себя. Вся его справедливость и гуманность были лишь самооправданіемъ и любовью къ себѣ, не перенесенными на другихъ.

Если бы ему пришлось обсуждать поступокъ проф. Владимірова, онъ, конечно, его бы не оправдалъ, но онъ не нашелъ бы удобнымъ его оглашать и дѣлать изъ него «общественный скандалъ». Мало ли какія есть у ученой корпораціи средства для воздѣйствія! Нашелъ бы онъ справедливымъ и общественное негодованіе, но не одобрилъ бы его, если бы оно выразилось въ какой-нибудь крайности. Лучшимъ исходомъ онъ считалъ бы такой, при которомъ дѣло окончилось «келейно», домашнимъ образомъ и не получило огласки. Онъ согласился бы даже на исключеніе проф. Владимірова изъ университетской корпораціи, но опять-таки, чтобы это сдѣлалось тихо, безъ особенной огласки. Но онъ нашелъ бы много и оправдывающихъ обстоятельствъ, по которымъ на первый разъ можно бы ограничиться «поставленіемъ проф. Владимірову на видъ всей неблаговидности его поступка». И, въ то же время, онъ былъ бы доволенъ, что «поступокъ» не прошелъ незамѣченнымъ и вызвалъ порицаніе со стороны общества, что въ этомъ выразилось общественное мнѣніе, которое необходимо поддерживать, и совершенно искренно радовался бы, что у насъ существуетъ общественное мнѣніе.

И всѣ мы, русскіе люди, болѣе или менѣе похожи на этого редактора. Всѣ мы переносимъ себя на другаго, когда судимъ объ этомъ другомъ. Всѣ мы еще боимся, что если станемъ судить громко и публично другаго, то этимъ самымъ и себя отдадимъ на подобный же судъ. Не профессора Владимірова мы въ этомъ случаѣ защищаемъ, — что намъ профессоръ Владиміровъ? — себя мы защищаемъ, себя сберегаемъ отъ суда общества. Того же чувства увѣренности въ себѣ, при которомъ каждый изъ насъ шелъ бы смѣло на судъ общественнаго мнѣнія и могъ бы сказать то, что нѣкогда сказалъ Прудонъ Тьеру, у насъ нѣтъ. А Прудонъ сказалъ вотъ что: «Разскажите публично съ каѳедры всю свою жизнь, а я разскажу свою, — и пускай насъ судитъ Франція». Вотъ этого чувства открытости, этого понятія объ общественномъ контролѣ, этой привычки поступать смѣло и увѣренно, съ полнымъ сознаніемъ, что мы и не можемъ поступать иначе, — у насъ еще и нѣтъ. Каждый изъ насъ еще ходитъ по двумъ дорожкамъ, качаясь между совѣстью и стыдомъ.

Между совѣстью и стыдомъ качался и проф. Владиміровъ. Еще до суда надъ Кравцовымъ, когда огласилось, что проф. Владиміровъ будетъ его защищать, «лучшіе члены коллегіи» громко порицали рѣшимость проф. Владимірова. Онъ, конечно, это зналъ, и, все-таки, выступилъ на защиту. Очевидно, что человѣкъ рѣшилъ такъ поступить, какъ онъ поступилъ. А если онъ это рѣшилъ, зачѣмъ ему было терять самообладаніе на судѣ? Вѣдь, защищалъ же онъ на военномъ судѣ проворовавшагося ремонтера и не конфузился. Изъ десяти дѣлъ, на защиту которыхъ проф. Владиміровъ выступалъ, можетъ быть, одно или два были «приличны для профессора», и, однако, какъ говоритъ проф. Даневскій, проф. Владиміровъ не терялъ мужества. Или онъ не чувствовалъ тутъ давленія общественнаго мнѣнія? Отчего же общественное мнѣніе молчало? Значитъ, это самое общественное мнѣніе шагъ за шагомъ утверждало проф. Владимірова на пути, на который онъ становился?

«Много лѣтъ назадъ съ удовольствіемъ видѣлъ я, — пишетъ проф. Даневскій, — какъ онъ выступалъ на защиту бѣдняковъ изъ среды людей случайно преступныхъ, заслуживающихъ состраданія и участія. Весь Харьковъ сочувствовалъ профессору Владимірову, когда онъ выступалъ въ нѣсколькихъ литературныхъ процессахъ, защищая, напримѣръ, товарища своего, высокоуважаемаго профессора Стоянова. Но картина вскорѣ мѣняется; краски розовыя смѣняются красками болѣе мрачнаго колорита...» Но вотъ онъ выступаетъ въ громкомъ интендантскомъ процессѣ, продолжавшемся 24 дня, и хотя защитилъ одного изъ подсудимыхъ, но защита эта не прибавила славы къ его адвокатскому имени и не создала ореола его профессорскому достоинству. Общественное мнѣніе молчало. Выступилъ онъ въ процессѣ «проворовавшагося ремонтера» — и общественное мнѣніе опять молчало. Выступалъ затѣмъ не разъ въ подобныхъ же дѣлахъ — и общественнаго мнѣнія онъ ни разу передъ собою не увидѣлъ. Или интендантскія злоупотребленія и злоупотребленія ремонтеровъ внѣ компетенціи общественнаго мнѣнія? Но, вѣдь, общественному мнѣнію приходилось судить не интендантство или ремонтера, а общественную нравствен-

ность профессора Владимірова. Значитъ, само общественное мнѣніе толкало человѣка на путь общественнаго разврата и воспитывало его въ безстыдствѣ. И только тогда, когда онъ пошелъ на защиту «сытаго волка» противъ «слабыхъ овецъ», оно выступило съ своими протестами. А развѣ онъ раньше защищалъ не «сытыхъ волковъ»?

Качался между совѣстью и стыдомъ и профессоръ Даневскій, выступившій съ обличеніемъ. Онъ молчалъ, пока «Гражданинъ» не обрушился на всѣхъ вообще профессоровъ-адвокатовъ и не объявилъ съ свойственною ему смѣлостью, что профессура съ адвокатурой не совмѣстима. А если бы князь Мещерскій не «обрушился», выступилъ ли бы профессоръ Даневскій съ обличеніемъ? Сомнительно. И теперь профессоръ Даневскій выступилъ собственно не обличителемъ проф. Владимірова, а обличителемъ своей собственной корпораціи. Да и не это обличеніе составляетъ центръ тяжести письма, съ которымъ профессоръ Даневскій обратился къ князю Мещерскому. Обличеніе и обвиненіе дѣлаются съ цѣлью оправданія; и не себя, пожалуй, оправдываетъ профессоръ Даневскій, онъ говоритъ о трудности и почти невозможности какихъ-либо протестовъ, если дѣло касается профессорской корпораціи. Вопросъ получаетъ уже болѣе общій характеръ и на скамью подсудимыхъ сажается передъ общественнымъ мнѣніемъ вся корпорація харьковскихъ профессоровъ, не признающая для себя компетенціи этого общественнаго мнѣнія и, въ силу этого, покрывающая и тѣмъ поощряющая всякое неблаговидное, «не профессорское» поведеніе своихъ членовъ.

И почему профессоръ Даневскій написалъ свое обличеніе въ формѣ письма къ кн. Мещерскому? Конечно, г. Даневскій имѣлъ право поступить такъ, какъ онъ считалъ удобнѣе. Но это, все-таки, не отвѣтъ на вопросъ. У насъ есть газеты, распространенныя болѣе «Гражданина», которыя читаетъ публика болѣе образованная; къ этой-то публикѣ, казалось бы, и слѣдовало обратиться, а, между тѣмъ, г. Даневскій ее минуетъ и идетъ въ редакцію «Гражданина», да и въ ней еще отыскиваетъ князя Мещерскаго и ему вручаетъ свое письмо, начинающееся чисто-личнымъ обращеніемъ: «Прежде чѣмъ изложить мои соображенія по вопросу, поднятому вами, князь, я предпошлю имъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній». И вотъ чисто-общій вопросъ становится полугласнымъ, получаетъ характеръ интимной бесѣды между профессоромъ Даневскимъ и княземъ Мещерскимъ, къ которому профессоръ явился съ объясненіями. А если бы князь Мещерскій не соблаговолилъ напечатать письмо профессора Даневскаго?..

И какую же картину подавленной и приниженной профессорской личности въ Харьковскомъ университетѣ рисуетъ г. Даневскій! «Признаюсь, я нѣсколько колебался, прежде чѣмъ выступить въ печать,—говоритъ онъ,—и сознавалъ, что мои искреннія и—смѣю думать—правдивыя замѣчанія вызовутъ неудовольствіе среди нѣкоторыхъ изъ членовъ университетскихъ корпорацій. На ряду съ громадными и высокочтимыми мною достоинствами почтенной ученой коллегіи у ней, какъ и у всякой коллегіи и корпораціи, имѣются свои слабости. Многіе члены коллегіи, вообще, лица очень почтенныя, очень не любятъ, чтобы «изъ избы соръ выносили». Они всегда готовы извинить многое, скорѣе то, что мнѣ лично кажется непростительнымъ, но никогда не извинятъ никакого смѣлаго и искренняго слова порицанія, направленнаго противъ ученой, преподавательской и даже сторонней общественной дѣятельности одного изъ профессоровъ. Замѣчено также, что коллегія скорѣе склонна порицать своего сочлена, осмѣлившагося высказать «особое мнѣніе» въ ея совѣтѣ, непріятное его большинству, для того изъ ея собратовъ, кто, вполнѣ, подчиняясь взглядамъ и предразсудкамъ коллегіи по вопросамъ ея бытія изъ области ея внутренняго существованія, дозволяетъ себѣ явно и публично во всѣхъ отношеніяхъ внѣ стѣнъ коллегіи колебать достоинство и авторитетъ профессорскаго званія. Другими словами, я опасался навлечь на себя гнѣвъ товарищей по службѣ, высказавшись смѣло и откровенно по вопросу, который не можетъ не интересовать, мало того—не волновать всякаго мыслящаго и честнаго человѣка, имѣющаго высокую честь быть членомъ университетской корпораціи».

Я выписалъ цѣликомъ это мѣсто, чтобы читателю было виднѣе, какой толстый слой ваты потребовался для того, чтобы «высокочтимая почтенная коллегія» почувствовала какъ можно слабѣе горошину, которую подъ нее подложили. Если же снять вату и развернуть скобки, то въ прямой рѣчи получится вотъ что:

1) всякое правдивое замѣчаніе вызываетъ неудовольствіе среди *нѣкоторыхъ* профессоровъ Харьковскаго университета;

2) почтенная коллегія, при всѣхъ ея «громадныхъ и высокочтимыхъ ученыхъ достоинствахъ», не имѣетъ соотвѣтствующихъ имъ общественно-нравственныхъ достоинствъ, а потому

3) высокочтимая коллегія любитъ, чтобы, что ни дѣлаютъ ея члены, не получало огласки и оставалось шито и крыто; поэтому же

4) высокочтимая коллегія скорѣе извинитъ многое непростительное, но не извинитъ ни малѣйшаго, даже самаго правдиваго порицанія кого-нибудь изъ ея сочленовъ; но опять только подъ тѣмъ условіемъ,

5) чтобы этотъ вызывающій порицаніе профессоръ вполнѣ подчинялся мнѣнію большинства коллегіи и былъ его покорнѣйшимъ слугой;

6) затѣмъ, такой покорнѣйшій профессоръ, живущій въ мирѣ и согласіи съ своею высокочтимою коллегіей, можетъ колебать на сторонѣ достоинство и авторитетъ профессорскаго званія, сколько ему заблагоразсудится, и коллегія не только его защититъ, но и наложитъ свое veto на всякаго, кто вздумалъ бы явиться его обличителемъ.

Очевидно, что въ Харьковскомъ университетѣ есть двѣ партіи, точнѣе, два направленія или теченія. Одно направленіе образуетъ крѣпкій устой коллегіи, нѣчто вродѣ неподвижной скалы, а дру-

гое прорывается въ видѣ слабаго родничка живой воды, стремящагося къ свѣту и свободѣ. Что родничекъ еще очень слабъ, а скала крѣпка и устойчива, слѣдуетъ съ полнѣйшею непреложностью изъ признанія, которымъ профессоръ Даневскій заключилъ свое письмо.

Когда были вызваны для опроса свидѣтели защиты и стали доказывать честность Кравцова, проф. Даневскій испугался за исходъ дѣла и даже сталъ винить себя въ малодушіи. «Мы, русскіе,— говоритъ проф. Даневскій,—не поняли еще, что каждый гражданинъ обязанъ оказывать содѣйствіе правосудію. Вотъ и я, напримѣръ, имѣлъ въ своихъ рукахъ важное данное противъ г. Кравцова и думалъ не разъ, что слѣдуетъ довести его до свѣдѣнія г. прокурора, но потомъ смалодушничалъ. Все проклятый страхъ предъ тѣмъ: «а что скажетъ г-жа Коллегія на то, что я товарищескую защиту топлю?» И рѣшилъ не вмѣшиваться и даже не исполнилъ обѣщанія, даннаго мною свидѣтелю (весьма извѣстному въ Харьковѣ)—довести до свѣдѣнія прокурорскаго надзора имѣющіяся у него данныя о «честности» Кравцова... Пишу по совѣсти и объявляю,—заключаетъ профес. Даневскій,—что на всякое возраженіе на это письмо мое отвѣчу съ удовольствіемъ,—не страшусь никакихъ раздраженій противъ меня. Нельзя молчать, когда совѣсть и достоинство университета требуютъ кричать и писать. Буду надѣяться, что хотя печатное слово введетъ увлекшихся изъ среды нашей въ предѣлы долга!»

Разберите всѣ слова профессора Даневскаго, вдумайтесь во всѣ подробности его письма,—сколько въ нихъ ужаса! Письмо профес. Даневскаго есть скорбная исповѣдь болѣвшей совѣсти, колебавшейся между долгомъ и чувствомъ страха. И сколько же въ немъ было этого чувства, сколько разъ приходилось ему подавлять свою совѣсть ради страха передъ коллегіей и какая требовалась борьба, чтобы, наконецъ, отъ этого страха освободиться! Г. Даневскій молчалъ до суда, молчалъ на судѣ, несмотря на то, что далъ слово весьма извѣстному въ Харьковѣ лицу довести до свѣдѣнія прокурора данныя о «честности» Кравцова, молчалъ послѣ суда, пока князь Мещерскій не вызвалъ его на письмо.

А, между тѣмъ онъ горѣлъ отъ стыда, болѣлъ душой, ему было «совѣстно сидѣть»,—до того все вокругъ его возмущалось поведеніемъ его коллеги. И это было, какъ говоритъ проф. Даневскій, всеобщее, повальное негодованіе: негодовала публика, негодовали чины судебнаго вѣдомства, негодовала адвокатура, негодавала прокуратура. Ужь не въ этомъ ли всеобщемъ негодованіи проф. Даневскій почерпнулъ мужество и рѣшимость сбросить, наконецъ, подавлявшее его чувство страха? И ради чего были всѣ эти колебанія совѣсти, ради чего проф. Даневскій такъ усиленно оправдывался передъ «высокочтимою почтенною ученою коллегіей!» Только ради того, чтобы сказать, что поведеніе проф. Владимирова заслуживаетъ публичнаго осужденія. Крѣпка же, должно быть, скала харьковской университетской коллегіи и велика, должно быть, сила этого устоя!

«Елисаветградскій Вѣстникъ» дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе, сравнивая *Очерки французской жизни* и *Очерки русской жизни*. Вмѣсто того, чтобы жить, мы только разсуждаемъ о жизни, и вмѣсто того, чтобы поступать, мы занимаемся самоанализомъ. Во французской жизни всякій дѣйствительно живетъ, въ ней все кипитъ, все волнуется, все движеніе и нѣтъ никогда покоя. Во Франціи даже расклейщикъ политическихъ афишъ не простой наемникъ, а живой, дѣятельный участникъ своей политической партіи и ея уличный глашатай; тамъ каждый извозчикъ имѣетъ «свою» газету, знаетъ, чего онъ хочетъ отъ Буланже и за кого онъ будетъ подавать свой голосъ.

Въ этой кипучей и живой Франціи развѣ было бы возможно, чтобы профессоръ университета выступилъ въ такой роли, въ какой выступилъ профессоръ Владиміровъ? А еслибъ это случилось, развѣ было бы возможно публичное покаяніе другаго профессора за себя и за всю университетскую коллегію? Сдѣлай профессоръ, или кто бы тамъ ни было, безчестный поступокъ, французы не стали бы разсуждать,—съ разсужденіями на общія темы они уже давно покончили. У нихъ общественное негодованіе не замкнулось бы въ стѣнахъ судебнаго коридора и противъ негодующаго общественнаго чувства у нихъ не устояла бы никакая скала. Никто не посмѣлъ бы у нихъ явиться защитникомъ волковъ противъ овецъ, мрака противъ свѣта, безчестности противъ свободы совѣсти и принудительнаго молчанія противъ гласности. Со всѣми этими азбучными гражданскими понятіями французы давно покончили. Оттого-то они и живутъ, а не разсуждаютъ.

У насъ же и въ беллетристикѣ, и даже въ публицистикѣ больше разсужденій, чѣмъ жизни, больше анализа, чѣмъ живой, дѣятельной силы. Такой переживаемъ мы еще историческій моментъ. Поэтому-то люди живаго темперамента, подвижные и дѣятельные, должны быть у насъ чистыми мучениками. Не въ этомъ ли причина, что натуры, не склонныя къ пришпиливанію и разсматриванію жизни, кидаются безъ особеннаго разбора на всякіе практическіе пути, не затрудняя подчасъ своей совѣсти, хотя, правда, и запасъ совѣсти не долженъ быть у нихъ особенно великъ? Вѣдь, совѣсть есть то свѣтлое и хорошее, что вписано въ каждой душѣ какъ идеалъ, какъ цѣль нашихъ человѣческихъ стремленій. А когда ничего не написано ясно,— куда же идти? Нашъ русскій анализъ, которому начало положили еще наши дѣды,—анализъ, выступившій съ такою яркостью и силой въ сороковыхъ годахъ,—анализъ, проходящій черезъ шестидесятые и семидесятые годы и живущій еще до сихъ поръ,—и есть та теоретическая преемственная работа мысли, которой должна создаться и наша общественная совѣсть, и наши гражданскія понятія. Французы съ этою первоначальною работой уже давно покончили.

Поэтому-то вся эта харьковская исторія съ ея

разсужденіями о томъ, что можно и чего нельзя, всѣ эти страхи и публичныя покаянія и самоизвиняющійся протестъ противъ неправды показались бы французамъ дѣтскимъ лепетомъ. А для насъ это не лепетъ, для насъ это живое слово дѣйствительности, сама жизнь. Да, наша жизнь пока въ словѣ, а не въ дѣлѣ, въ установленіи понятій о взаимныхъ отношеніяхъ. И пока мы не условимся въ этихъ понятіяхъ, пока мы не установимъ ихъ до того, чтобы уже не быть больше свидѣтелями недоразумѣнія даже профессоровъ университета, что считать честнымъ и что считать безчестнымъ, мы не будемъ жить почеловѣчески.

Все, что для насъ еще такъ близко и что мы переживаемъ съ такою болью, для французовъ настолько далеко и настолько ими забыто, что они останавливаются въ недоумѣніи передъ картинами русской жизни, съ которыми мы ихъ теперь знакомимъ переводами Тургенева, Толстаго, Достоевскаго, Островскаго. Наша мрачная русская драма, нашъ психическій анализъ, наше неустанное рытье въ самихъ себѣ французамъ совершенно непонятны. «Власть тьмы» не имѣла у нихъ успѣха, «Преступленіе и наказаніе» выдержало только 20 представленій, «Гроза» съ трудомъ попала на сцену и прошла едва замѣченной. Нашъ анализъ и дикій мракъ, который мы вытаскиваемъ наружу, ихъ мертвитъ, ничего имъ не даетъ. Они настолько же не понимають нашего самобичеванія, насколько мы не поняли бы самобичеванія индійскаго факира, если бы намъ показали его на сценѣ.

Для русскихъ, говоритъ одинъ французскій критикъ о «Грозѣ», «разсердиться, украсть, мстить» и т. д.—значитъ «грѣшить», и это слово вертится у нихъ на языкѣ такъ часто, что намъ это кажется просто комичнымъ... существенная черта знаменитой «славянской души» это—позволять себѣ все, что взбредетъ въ голову, но, въ то же время, бить себя въ грудь, повторяя вмѣстѣ съ Мармеладовымъ изъ «Преступленія и наказанія:» «Я согрѣшилъ, я—свинья!» такъ какъ вѣчная мысль о грѣхѣ нисколько не мѣшаетъ имъ грѣшить... Что же все это значитъ? А значитъ только то, что эти люди—только на русскій ладъ—переживаютъ то душевное состояніе, какое пережили наши отцы въ прежніе вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, эту постоянную заботу о грѣхѣ рядомъ съ сильнымъ инстинктомъ можно часто встрѣтить въ нашихъ мистеріяхъ. Оригинальность и особенная прелесть русскихъ драматическихъ произведеній въ томъ, можетъ быть, и состоитъ, что психологическія состоянія, пережитыя нашими предками 400 лѣтъ тому назадъ, описаны въ нихъ не такими же наивными, какъ эти предки, и бездарными людьми, а писателями съ утонченною культурой и проницательною наблюдательностью»... И для француза это не больше, какъ «мракъ вѣковъ», на который онъ смотритъ какъ на чуждую ему панораму, а для насъ это—«темное царство», которое мы переживаемъ еще въ дѣйствительности, усиливаясь понять его причины и найти его корень.

Умственное общеніе съ французами, въ которое мы вступили теперь, раскрывъ передъ ними свою душу и введя ихъ въ нашъ внутренній бытъ посредствомъ ознакомленія съ нашими знаменитыми писателями, откроетъ намъ лучше глаза на самихъ себя, чѣмъ это достигалось до сихъ поръ нашими домашними средствами. До этихъ поръ мы смѣялись надъ французами, что они насъ совсѣмъ не знаютъ и настолько невѣжественны въ географіи, что даже Неву увели въ Крымъ. Теперь французы насъ узнали. Пока они изучали насъ по Тургеневу, они видѣли міръ нашей интеллигенціи (или, вѣрнѣе, полуинтеллигенціи) и этотъ міръ понимали. Познакомившись съ Толстымъ, они начали нѣсколько недоумѣвать; но когда мы имъ показали Достоевскаго и въ особенности наше «темное царство», они совсѣмъ пришли въ недоумѣніе.

До тѣхъ поръ, пока вопросъ не выходилъ изъ области искусства и мы знакомили французовъ съ нашими писателями, мы съ гордостью и заносчивостью говорили, что являемся учителями французовъ въ реализмѣ въ искусствѣ, что въ ихъ литературѣ нѣтъ ничего подобнаго, что мы первые... и т. д. Но теперь, когда чадъ прошелъ и для французовъ, когда, познакомившись съ нашимъ «реализмомъ въ искусствѣ», французы захотѣли понять, какой «реализмъ жизни» создалъ подобное правдивое и неприкрашенное искусство, вотъ картина, которая передъ ними возникла. «Гроза».—говоритъ другой критикъ,—одно изъ самыхъ своеобразныхъ драматическихъ произведеній, какія только можно встрѣтить; лишь бы была достаточная доля «любознательности и терпѣнія»... Ея своеобразность заключается въ чисто-національныхъ характерахъ и въ подробностяхъ быта... Все это (жизнь и нравы семьи Кабановыхъ) переноситъ насъ за тысячи верстъ не только отъ нашихъ западныхъ обычаевъ и нашего умственнаго склада, но и вообще отъ всякой цивилизаціи, такъ какъ эти люди дѣйствительно гораздо ниже въ нравственномъ отношеніи не только нашихъ алжирскихъ арабовъ, но даже куперовскихъ краснокожихъ, которые носятъ перья на головѣ и кольца въ носу».

И для насъ было время, когда мы ужасались этой страшной картины. Тогда и самъ творецъ ея, Островскій, не понималъ ужаса, который онъ изображалъ. Онъ пѣлъ, какъ поетъ птица красоты природы, не зная, что она поетъ. И только когда нашелся человѣкъ съ живою душой и съ сознательною мыслью и переложилъ пѣсни вольной птицы въ рядъ понятій, мы очнулись отъ умственной летаргіи и поняли весь нравственный ужасъ нашего «Темнаго царства».

Вихрь давно уже унесъ многое изъ этого мрака. Бытъ этотъ дрогнулъ, разсыпался, устои его исчезли, въ эти тридцать лѣтъ и въ купеческой семьѣ уже народились иные люди; но осколки темнаго царства лежатъ еще повсюду и нѣтъ для ихъ изображенія ни новаго Островскаго, ни для истолкованія его новаго Добролюбова. А, между тѣмъ, мы нуждаемся постоянно въ истолкователяхъ жизни, въ людяхъ съ свѣжею душой и ясною мыслью, ко-

торые толкали бы насъ подъ бока, потому что иначе мы сейчасъ же начинаемъ дремать, да еще и сердимся, что намъ мѣшаютъ заснуть.

Сдѣлайте такой опытъ. Завяжите американцу или французу глаза, посадите его въ воздушный шаръ, опустите... ну, хотя въ любое мѣсто Бѣлоруссіи, затѣмъ развяжите вашему путешественнику глаза и попросите его угадать, въ какой онъ части свѣта и среди какого народа.

Если читатель съ Бѣлоруссіей незнакомъ, то картина, которую, я нарисую, покажется ему, пожалуй, преувеличенною. Наши бѣлорусскія деревни—это рядъ бревенчатыхъ кучъ, обсыпанныхъ внизу землею, а сверху покрытыхъ безпорядочно соломой. Чтобы солому не сдулъ первый же вѣтеръ, кладутся на нее ряды жердей. Но вѣтеръ посильнѣе подшучиваетъ надъ этими предосторожностями и, разыгравшись, закручиваетъ солому въ разныя стороны, точно вихры на нечесанной головѣ.

Въ этихъ кучахъ живутъ люди такого фасона. Лѣтомъ и зимой, мужчины и женщины, ходятъ въ бѣлыхъ одеждахъ: лѣтомъ—въ холщевыхъ, а зимой въ бѣлыхъ нагольныхъ полушубкахъ. На ногахъ у этихъ людей, и лѣтомъ, и зимой, онучи и лапти. Въ избенкѣ, въ 3 сажени длины и ширины, помѣщается иногда три семьи. Это значитъ—мужиковъ, бабъ и ребятишекъ душъ 15—18. Всѣ эти души спятъ гдѣ придется, и смрадъ въ избахъ стоитъ нестерпимый. Ни постелей, ни одѣялъ, ни подушекъ люди не знаютъ. Ѣдятъ они хлѣбъ, смѣшанный съ землею и всякимъ соромъ, такъ называемый «половый», и даже сложили поговорку: «люди—не свиньи,—съѣдутъ», т.-е. свинья не станетъ ѣсть того, что съѣстъ человѣкъ.

Лошаденки у обитателей кучъ величиною съ жеребятъ, телѣги зовутся «колесами» и въ двадцати шагахъ дѣйствительно въ нихъ не видишь ничего, кромѣ колесъ; нужно подойти близко, чтобы разсмотрѣть, что на колесахъ лежитъ маленькій, продолговатый ящичекъ, въ который едва уложится теленокъ.

Пашутъ эти люди сохами первобытнаго устройства, а боронятъ—деревянными боронами. Коровенки у нихъ крошечныя, съ взъерошенною шерстью, съ вѣчно насохшими комьями навоза на бокахъ. Молока коровенки почти не даютъ, такъ что для ребятишекъ матери зачастую покупаютъ молоко горлочами въ сосѣднихъ усадьбахъ.

Теперь, весной, по деревнямъ текутъ ручьи навозной жидкой грязи, и нѣтъ отъ нихъ нигдѣ прохода, а по дорогамъ нѣтъ отъ грязи проѣзда. Такъ вотъ они и живутъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, повторяя изо дня въ день и изъ года въ годъ—что дѣлали ихъ отцы, дѣды и прадѣды.

Спросите своихъ воздушныхъ путешественниковъ, среди какого они народа, и путешественники, ни минуту не задумавшись, отвѣтятъ, что это, должно быть, эскимосы или самоѣды. Перенесите бѣлорусскую деревню цѣликомъ съ ея чумами, грязью, скотомъ, людьми и половымъ хлѣбомъ на парижскую выставку—и французы рѣшатъ, что это, должно быть, обломокъ какого-то первобытнаго племени, но не охотничьяго, какъ краснокожіе индѣйцы, а пастушескаго, едва вступившаго въ земледѣльческую культуру и остановившагося на ея первой стадіи.

А вотъ образчики другаго быта, который слѣдовало бы поставить на парижской выставкѣ рядомъ съ нашею бѣлорусскою деревней. Съ небольшимъ годъ тому назадъ американцы штата Мичиганъ основали городъ въ честь Гладстона и назвали городъ его именемъ. Gladstone-town—пока не больше любаго бѣлорусскаго мѣстечка и насчитываетъ всего около 2-хъ тысячъ семействъ. Гладстонъ освѣщается электричествомъ, имѣетъ прекрасную торцевую мостовую, пожарную команду, пять церквей, три учебныхъ заведенія, два банка, шесть фабрикъ и свою собственную ежедневную газету.

Если бы французы могли предположить, что образчикъ первобытной деревни, питающейся половымъ хлѣбомъ, скрывается въ какомъ-либо уголкѣ ихъ милой Франціи, которую они такъ любятъ и умѣютъ любить, что эти звѣриныя шкуры, эти онучи и обувь изъ древесной коры носятъ ихъ соотечественники,—о, какъ бы поднялось ихъ дѣятельное и живое чувство и съ какою бы энергіей они принялись за устраненіе всего того, что держитъ ихъ въ звѣриномъ образѣ!

Но, вѣдь, мы не французы,—отвѣтитъ читатель. Вѣрно, что не французы, объ этомъ-то и рѣчь. Оттого-то намъ и полезно духовное общеніе съ французами, полезно побывать на ихъ всемірной выставкѣ и заразиться примѣромъ активной любви.

Только потому, что мы не французы, у насъ и возможенъ тотъ патріотизмъ, которымъ мы щеголяемъ,—патріотизмъ личнаго самолюбія, а не общественныхъ и гражданскихъ успѣховъ. Французъ, найдя у себя что-нибудь худое, сейчасъ же хочетъ это худое превратить въ хорошее. У насъ же, когда покажутъ людямъ худое, они отвѣчаютъ: «а посмотрите, сколько у насъ и свѣтлыхъ явленій», взгляните на эти «пробивающіеся ростки», «не убивайте же ихъ энергіи», «не проповѣдуйте безнадежности и пессимизма» и поддерживайте «бодрящія впечатлѣнія». Французу придастъ энергію именно то дурное, что онъ у себя видитъ, и онъ это дурное хочетъ непремѣнно знать, чтобы превратить его въ хорошее; мы же смотримъ только на свое хорошее и боимся увидѣть худое.

Французъ, наблюдая свои порядки, выдѣляетъ изъ нихъ свое *я* и держитъ себя внѣ этого худаго. У насъ же каждый поставитъ въ средину худаго свое собственное *я* и сейчасъ же ощетинится, точно въ этомъ худомъ обвиняютъ его. Вѣроятно, отъ этого-то французъ всегда недоволенъ своими порядками и всегда отзывается о нихъ дурно, но никогда не позволитъ говорить о нихъ дурно не-французу. Мы же не позволяемъ говорить дурно о своихъ порядкахъ только самимъ себѣ.

Зналъ я одного юношу изъ разночинцевъ, большаго патріота и народника (но разночинствующаго), развившагося на статьяхъ г. Юзова. Часто бесѣдовали мы съ нимъ о русскихъ домашнихъ по-

рядкахъ и о многомъ онъ позволялъ говорить неодобрительно. Но онъ рѣшительно не выносилъ, когда скажешь, что нѣмецъ умнѣе русскаго, что все онъ лучше знаетъ и все онъ лучше умѣетъ. Юноша (онъ былъ механикъ) вспыхивалъ, начиналъ горячиться и доказывалъ, что русскіе такъ же умны, какъ нѣмцы, и знаютъ все не хуже ихъ, да только имъ не даютъ ходу. Теперь жизнь уже поукротила его самолюбіе и онъ допускаетъ, что нѣмецъ, учившійся механикѣ за границей, можетъ знать и больше его, учившагося всего только въ череповскомъ техническомъ училищѣ.

Вотъ этотъ-то личный патріотизмъ, вотъ это-то вѣчное самолюбивое примѣшиваніе своего *я*, очень мѣшаетъ намъ судить правильно *вообще* и ведетъ зачастую къ антагонизму внутри группъ людей съ одинаковыми стремленіями. Сошлюсь на журнальное обозрѣніе «Екатеринбургской Недѣли». По поводу романа «Побѣдители», помѣщеннаго въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», журнальный обозрѣватель Е. Н. говоритъ, что все, написанное г. Михайловымъ въ 80-хъ годахъ, далеко уступаетъ произведеніямъ, появившимся въ 70-хъ годахъ. «Тотъ же блестящій анализъ личности, масса наблюдательности, тѣ же краски въ слогѣ, но что-то другое въ самыхъ мысляхъ, чувствахъ дѣйствующихъ лицъ и, пожалуй, въ мысляхъ и чувствахъ автора. Это нельзя,—говоритъ обозрѣватель,—объяснить однимъ только ходячимъ мнѣніемъ: «другое время—иныя пѣсни...» Романы 80-хъ годовъ уже не захватываютъ широкихъ общественныхъ задачъ, а типы молодежи, выводимые въ нихъ, или какіе-то недоноски по мысли и развращенные по чувствамъ или крайне блѣдныя и безцвѣтныя тѣни, представляющія якобы тѣхъ людей, въ которыхъ «современный человѣкъ изображенъ довольно вѣрно». Симпатіи романиста явно склоняются къ тому поколѣнію, которое уже отодвинуто жизнью на второй планъ, и если не составляетъ еще такъ называемаго стараго поколѣнія, то, во всякомъ случаѣ, на пути къ тому. Мы не хотимъ этимъ сказать, что эти люди не могутъ дать интереснаго матеріала для повѣсти, но тотъ, кто такъ плодовито пишетъ, какъ г. Михайловъ, могъ бы проще и симпатичнѣе коснуться и типа людей, не потерявшихъ еще вѣру въ жизнь и идеи и, слѣдовательно, составляющихъ надежду Россіи. Послѣ чтенія текущихъ литературныхъ произведеній г. Михайлова выносишь безотрадное чувство пришибленности, какъ будто жизнь, на вашихъ глазахъ, покрывается плѣсенью».

Совершенно справедливо, что художественное произведеніе не должно производить впечатлѣнія безотрадности и пришибленности. Но не объ этомъ рѣчь, а рѣчь о требованіи, которое предъявляетъ рецензентъ автору романа. Рецензента не удовлетворяетъ то, что даетъ авторъ и что этотъ авторъ желаетъ дать,—онъ требуетъ отъ него то, что ему самому хочется отъ него получить. А хочется ему увидѣть въ зеркалѣ «типы людей, не потерявшихъ еще вѣру въ жизнь и идеи и, слѣдовательно, составляющихъ надежду Россіи». Но идейное отношеніе къ жизни заключается не въ томъ, что бы свое *я* обобщить въ томъ или другомъ поколѣніи или, подобно череповецкому технику, находить себя умнѣе всѣхъ. На этомъ самолюбіи, какъ на дурныхъ салазкахъ, можно сломить себѣ голову или же, скатившись подъ гору, превратиться въ бронзовый устой. Самовосхваляющее удовлетвореніе, привыкающее смотрѣть на себя какъ на творца жизни, въ концѣ-концовъ, выростаетъ именно въ это самое будущее препятствіе. Вотъ и борись съ нимъ тогда!

Современная идейная задача совсѣмъ не въ томъ, чтобы отыскивать «ростки жизни», или «людей, не потерявшихъ еще вѣру въ жизнь и идеи», а въ томъ, чтобы расчищать почву для этой самой жизни, для этихъ самыхъ ростковъ, для идей, которыя должны ихъ питать. Занявшись же празднымъ отыскиваніемъ «ростковъ», мы, пожалуй, потеряемъ изъ вида самое главное, къ чему насъ собственно и призываетъ наша необработанная родная нива.

Ну, какъ не вспомнить опять французовъ и не пожелать, чтобы они вошли къ намъ также въ моду, какъ вошли мы, русскіе, во Франціи. Французъ есть истинный человѣкъ идеи. Было время, когда мы даже смѣялись надъ легкомысліемъ французовъ, надъ ихъ суетностью и пустотой, надъ ихъ ребяческою наклонностью увлекаться словами. Тогда французы увлекались совсѣмъ пустымъ словомъ, не имѣвшимъ для насъ никакого обязательнаго смысла,—славой. А ради этой славы, ради ея воодушевлявшей идеи французъ шелъ въ пустыни Египта, лѣзъ на пирамиды, погибалъ въ болотахъ Литвы и въ снѣгахъ Россіи, являясь повсюду глашатаемъ новой истины, оставляя вездѣ свой умственный слѣдъ, а иногда давая народамъ и новый «французскій кодексъ». Самъ же этотъ легкомысленный и увлекающійся французъ за всѣ свои лишенія, за смерть на чужбинѣ, среди проклятій, которыя на него сыпались за его ненасытное честолюбіе, удовлетворялся только тѣмъ, что онъ сдѣлалъ человѣческое дѣло, принесъ людямъ новыя понятія, новые взгляды на жизнь. Надъ этимъ-то мы и смѣялись тогда!

«Слава» во Франціи уже покончила свое дѣло; новыхъ идей теперь по свѣту разносить французской арміи не нужно. Для распространенія идей существуютъ уже другіе способы, а у французовъ явились новыя воодушевляющія ихъ слова. Теперешняя идея французовъ въ томъ, чтобы устроить у себя дѣйствительное, а не фиктивное гражданское равноправіе, да экономическую справедливость, такъ чтобы у каждаго француза за обѣдомъ была настоящая жареная курица, о чемъ еще мечталъ Генрихъ IV.

Мы же каждую идею норовимъ перевести въ болѣе доступное намъ понятіе о личности или поколѣніи, превратить идею въ извѣстный конкретный образъ. У насъ еще слишкомъ силенъ культъ личности, намъ непремѣнно нужно стоять передъ кѣмъ нибудь на колѣняхъ или же требовать, чтобы стояли на колѣняхъ передъ нами. Отъ этого, напримѣръ, идею справедливости мы сейчасъ превратимъ въ «новаго» мирового судью, идею порядка—въ зем-

скаго начальника, а болѣе живое ощущеніе жизни — въ молодое поколѣніе. И, превращая такимъ манеромъ идеи въ образы, мы, наконецъ, совсѣмъ растериваемъ свои идеи и остаемся при однихъ образахъ, на которые потомъ и обрушиваемъ свое общественное негодованіе за то, что изъ нихъ выдохлась всякая идея.

Вотъ почему у насъ и возможно, напримѣръ, высказывать такія мысли, какія высказываетъ рецензентъ «Екатеринбургской Недѣли», хотя онъ, очевидно, одушевленъ самыми лучшими желаніями и самыми благожелательными стремленіями. Какіе же это типы людей, «не потерявшихъ еще вѣру въ жизнь и идеи?» Да развѣ идеи — вѣра, развѣ ихъ можно терять, если онѣ были? Идеи, это—точныя представленія, точныя понятія; онѣ—знаніе, онѣ — убѣжденіе. Намъ именно нужно выработать и создавать себѣ точныя гражданскія представленія и ясныя понятія о гражданскихъ обязанностяхъ, да формировать граждански-вліятельное общественное мнѣніе, а не жить только «вѣрой въ жизнь». При одной вѣрѣ въ жизнь можно при первой неудачѣ такъ же легко впасть и въ безвѣріе, а затѣмъ и проклясть свою молодость съ ея увлеченіями, мечтами и порывами. Эту игру, въ которую мы такъ давно играемъ, пора ужъ и кончить. Въ томъ-то и дѣло, что мы жили до сихъ поръ больше вѣрой, чувствомъ, да ощущеніемъ своихъ молодыхъ силъ, а по части идей бывали слабы и въ этой области хозяевами сдѣлаться еще не успѣли. Оттого-то мы то дѣльцовъ превращали въ идею, то профессоровъ—въ дѣльцовъ.

Въ журналѣ «Дѣло» печатался лѣтъ десять назадъ романъ «Горе побѣжденнымъ». Это—хроника гор. Кіева и той идеи, которой онъ явился такимъ яркимъ выразителемъ въ «конкретной дѣйствительности». Въ промежутокъ времени между Севастополемъ и реформами у насъ думали, что благоустройство создастъ добродѣтельный губернаторъ и стоящій при немъ добродѣтельный чиновникъ особыхъ порученій. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ мы ушли уже дальше и начали думать, что спасеніе въ наше общежитіе внесетъ просвѣщенный человѣкъ. И въ самомъ дѣлѣ, если повсюду вмѣсто невѣжественныхъ и неспособныхъ людей поставить людей знающихъ, просвѣщенныхъ и способныхъ, то очевидно, что все должно пойти очень хорошо. Но кто же этотъ наиболѣе способный, знающій и просвѣщенный человѣкъ, кто? Кто же можетъ быть просвѣщеннѣе профессора? И вотъ кіевскіе профессора заняли мѣсто въ городской думѣ, въ городской управѣ, нѣкоторые изъ нихъ въ видахъ благоустройства города посвятили себя кирпичному производству и кіевскія зданія, построенныя изъ профессорскаго кирпича, дѣйствительно скрасили Кіевъ; другіе—построили себѣ собственные дома... и управленіе городскимъ хозяйствомъ стало профессорскимъ и прежніе кабинетные ученые превратились теперь въ практическихъ дѣловиковъ... Это доброе сѣмя, брошенное на хорошую почву, при благопріятствующихъ его произрастанію условіяхъ, дало теперь такой цвѣтъ (плоды еще впереди): какъ сообщаютъ кіевскія газеты, «нѣкоторые кіевскіе профессора-врачи устроили формальную стачку и рѣшили отказывать въ помощи всѣмъ тѣмъ больнымъ, которые не могутъ передъ началомъ докторскаго совѣта внести пять рублей».

«Возникшее у насъ новаторство,—говоритъ «Кіевлянинъ»,—хотя и объясняется слабостью у насъ общественнаго мнѣнія и излишнею терпимостью общества, является нѣсколько непонятнымъ и даже рискованнымъ, въ виду существующихъ у насъ законоположеній. Съ этой точки зрѣнія, попытка группы кіевскихъ врачей установить свою собственную таксу является дѣйствіемъ совершенно произвольнымъ, и вся ихъ конвенція представляется противорѣчащею и закону, и обычаю. Такой характеръ ея сознается всѣми; упорное же бравированіе этого общаго сознанія является ничѣмъ неоправдываемымъ вызовомъ обществу». Вопросъ о «слабости общественнаго мнѣнія и излишней терпимости общества» и о «существующихъ у насъ законоположеніяхъ» я пока оставлю...

Жилъ еще не такъ давно въ Кіевѣ старичокъ профессоръ-медикъ Мерингъ. Никому онъ не отказывалъ въ своей помощи и самымъ раннимъ утромъ, часовъ въ 7—8, вы могли увидѣть его крытыя дрожки, запряженныя парою лошадокъ, гдѣ-нибудь на краю города у воротъ бѣднаго еврейскаго домишка. Больше рубля никакой еврей Мерингу не давалъ, а случалось, что онъ ѣздилъ и даромъ или же еще и самъ помогалъ больному. Ни одинъ больной никогда не слышалъ отъ Меринга отказа... Кіевскіе профессора-врачи, заключившіе теперь «ученую конвенцію», вѣроятно, не забыли похоронъ Меринга и съ какимъ непритворнымъ горемъ благодарные бѣдняки провожали его гробъ. Они точно чувствовали, что со смертью этого добраго человѣка исчезаетъ для нихъ единственный лучъ свѣта и тепла, и, оплакивая Меринга, они оплакивали свое собственное сиротство. «На кого ты насъ покинулъ, добрый человѣкъ?» — думали, вѣроятно, плакавшіе бѣдняки.

И Мерингъ былъ практикъ, но онъ не былъ дѣльцомъ. Идея дѣловаго направленія возникла еще въ шестидесятыхъ годахъ и имѣла тоже свою свѣтлую идеальную пору. Какъ всѣ идейныя движенія, это направленіе имѣло въ виду благо всѣхъ, благо Россіи. «Довольно хорошихъ словъ, пора перейти къ дѣлу», — вотъ формула, которую оно провозгласило. Люди, искренно отдавшіеся идеѣ дѣла, видѣли въ ней свой подвигъ. И они вступили на путь его не просто, а съ покаяніемъ за свое прошлое. Не фразы, не «хорошія слова» нужны для жизни, нуженъ для нея суровый трудъ, нужно настоящее «практическое дѣло», и только это практическое дѣло спасетъ насъ, проповѣдывали они. И затѣмъ приносили искренне покаяніе въ своихъ увлеченіяхъ «хорошими словами». Покаяніе было не притворное и торжественное,—это было сжиганіе кораблей, чтобы не сохранилось ни малѣйшаго слѣда пути къ возврату. Прощаясь съ увлеченіями молодости, они хоронили ее всю, они хоронили и свою прошлую любовь, хоронили всѣ свѣтлыя вос-

поминанія молодыхъ годовъ съ ихъ безконечными спорами и разсужденіями, съ ихъ увлекающимися порывами, подчасъ, правда, безпредметными, но всегда искренними, благородными, полными любви къ людямъ и готовности на самопожертвованіе. Выбрасывалось за бортъ все, что хотя немного напоминало молодость. Все это были только «хорошія слова», ненужныя для дѣйствительной жизни. Душа опрастывалась отъ всего, что ее украшало, что давало ей силу живаго чувства и дѣлало ее способной на живое дѣло. Не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ люди сжигали все, что могло бы напомнить имъ ихъ свѣтлое, счастливое прошлое. Перебирались даже вещи, бумаги, переписки. Вотъ пачка писемъ, въ которыхъ столько «хорошихъ словъ» и которыми упивалась нѣкогда молодая душа. Прочь ихъ! И пачка летитъ въ топящуюся печку. Вотъ пачка писемъ нѣкогда очень дорогихъ, перевязанныхъ розовою ленточкой, — и эта пачка, безъ колебаній, летитъ въ печку... Душа опоражнивается отъ увлеченій рѣшительно и радикально и не оставляется въ ней ни одного живаго слѣда. Все прошлое выкинуто, сама душа выкинута и потеряна и обновленный человѣкъ чувствуетъ себя вполнѣ готовымъ на «дѣло».

Въ Кіевѣ, какъ разсказывали, представителемъ этого направленія былъ весьма почтенный профессоръ, достигшій потомъ исключительнаго для профессора положенія. Теоретикъ и ученый, онъ съ искреннимъ убѣжденіемъ искалъ и поощрялъ въ молодыхъ начинающихъ людяхъ дѣловыя практическія способности, чтобы создать работниковъ «дѣла». И онъ ихъ создавалъ, онъ ихъ выдвигалъ, дѣловое направленіе проникло въ городское самоуправленіе, профессора и ученые стали городскими хозяевами, духъ наживы нашелъ свое теоретическое освященіе и на могилѣ безповоротно погребенныхъ «хорошихъ словъ» выросли «дѣла». Идея дѣла открыла просторъ всѣмъ щучьимъ наклонностямъ и создала дѣловой прогрессъ «сверху», съ его программой заботъ о мостовыхъ, хорошихъ тротуарахъ, красивыхъ зданіяхъ, прогрессъ внѣшняго городскаго благоустройства, выгодныхъ дѣлъ, прогрессъ денежныхъ помѣщеній, прогрессъ наживы, но не прогрессъ знаній, просвѣщенія и заботъ о нуждахъ тѣхъ, у кого этихъ нуждъ больше всего.

На одного умственнаго человѣка, искренно сжигавшаго корабли, опоражнивавшаго свою душу и не понимавшаго, что онъ дѣлаетъ, приходилось по сотнѣ штукъ, никакихъ кораблей не сжигавшихъ и отлично понимавшихъ, что они дѣлаютъ. Вся эта игра съигралась въ пользу щукъ.

Несомнѣнно, что знающій могъ быть полезнѣе незнающаго и образованный полезнѣе необразованнаго, да сущность-то «идеи» заключалась совсѣмъ не въ томъ, что всѣ хозяйственныя дѣла Россіи нужно поручить профессорамъ, а въ томъ, что общественнымъ поведеніемъ людей должны руководить не прежнія, а иныя общественно-нравственныя понятія, что мѣсто невѣжества должны занять знаніе и образованіе и мѣсто доброжелательныхъ стремленій, этихъ «хорошихъ словъ» — вполнѣ соотвѣтствующія имъ хорошія дѣла.

Облачивъ эту справедливую идею въ профессорскій мундиръ, мы не создали ровно никакого ручательства, что профессора будутъ свершать именно тѣ хорошія дѣла, которыхъ отъ нихъ ждутъ, а не займутся только постройкой для себя каменныхъ домовъ да денежными конвенціями. Очевидно, что договоръ на вѣру общества съ профессорами не состоялся.

«Кіевлянинъ» винитъ общество въ излишней терпимости и въ слабости его общественнаго мнѣнія. Это обвиненіе напоминаетъ одинъ анекдотъ о Фридрихѣ II. Разъ Фридриху говорятъ, что такой-то его бранитъ. «А есть у него 60 тысячъ войска?» — спрашиваетъ Фридрихъ. — «Нѣтъ». — «Ну, такъ пускай себѣ бранитъ». И Наполеонъ III отлично зналъ, что за нимъ стоитъ пятисоттысячная армія, и потому не обращалъ ровно никакого вниманія на общественное мнѣніе Франціи.

Положимъ, что у кіевскихъ профессоровъ-врачей нѣтъ никакой арміи, нѣтъ арміи и у профессора Владимірова; но что и кіевскіе врачи, и проф. Владиміровъ опираются на какой-нибудь крѣпкій устой—не подлежитъ никакому сомнѣнію. И въ самомъ дѣлѣ, на судѣ все вокругъ возмущалось поведеніемъ профессора Владимірова, негодовала публика, негодовали чины судебнаго вѣдомства, негодовала адвокатура, негодовала прокуратура (а «отецъ студента-юриста» напечаталъ въ мѣстной газетѣ письмо, полное негодованія). Ужь чего, кажется, больше! И все это негодованіе привело лишь къ тому, что профессоръ Владиміровъ велъ «неважно» свою защиту, а отказаться отъ нея и не подумалъ.

«Кіевлянинъ» находитъ, что «упорное бравированіе общественнаго сознанія является ничѣмъ неоправдываемымъ вызовомъ обществу». Что поведеніе кіевскихъ врачей и профессора Владимірова ничѣмъ не оправдывается—совершенно справедливо, но что въ этомъ поведеніи нѣтъ ни бравированія, ни вызова—тоже совершенно справедливо. Кажущееся бравированіе есть больше ничего, какъ установившееся теченіе, по которому, должно быть, плывутъ нѣкоторые профессора, не встрѣчая никакихъ препятствій. И поплывутъ они еще и дальше, нисколько не предполагая, что кидаютъ «вызовъ обществу», потому что они вовсе и не думаютъ его кидать. Профессоръ Владиміровъ берется за выгодныя для него судебныя дѣла, а профессора-врачи заключаютъ выгодную для себя стачку вродѣ томскихъ винокуренныхъ заводчиковъ — вотъ и все. Нравственно это или безнравственно, они этого не знаютъ, какъ не знали этого и томскіе винокуры. Люди поступаютъ такъ потому, что видятъ въ этомъ свою выгоду, что стремиться къ выгодѣ никому не запрещено и что подобныя дѣла дѣлать можно. Вотъ они ихъ и дѣлаютъ.

Значитъ, въ чемъ же вопросъ? Кажется, вопросъ въ томъ, что если у людей нѣтъ руководящаго ихъ поведеніемъ нравственнаго чувства, то нужно, чтобы какая-нибудь внѣшняя сила управляла ихъ поведеніемъ. У присяжныхъ повѣренныхъ

есть совѣтъ, который и слѣдитъ за корпоративною адвокатскою нравственностью. У военныхъ подобною руководящею силой является военная честь, честь мундира и офицерскій судъ, который и судитъ тѣхъ, кто нарушитъ долгъ офицерской чести.

Кажется, только эти двѣ корпоративныя организаціи и имѣютъ общественное мнѣніе съ дисциплинарною властью. У другихъ корпорацій, особенно у свободныхъ профессій (художники, музыканты, литераторы), подобной организаціи нѣтъ, хотя у каждой изъ нихъ есть несомнѣнное свое корпоративное общественное мнѣніе, есть поэтому и чувство стыда, т.-е. боязнь общественнаго мнѣнія и забота о томъ, чтобы не вызвать его неодобренія или порицанія.

Судя по словамъ профессора Даневскаго, у харьковской ученой коллегіи корпоративное общественное мнѣніе преслѣдуетъ какія-то другія цѣли, а общественную нравственность своихъ сочленовъ выстраняетъ изъ своей компетенціи. Во всякомъ случаѣ, профессорская нравственность заключается для этой коллегіи не въ томъ, что понимается подъ нею обществомъ. Поэтому-то общественное поведеніе профессора Владимірова и не возбуждало въ коллегіи ни неодобренія, ни протеста, а, напротивъ, протестующее коллегіальное чувство поднималось противъ тѣхъ, кто являлся изобличителемъ. То же самое наблюдается и между кіевскими профессорами, потому что если бы кіевская ученая коллегія въ числѣ своихъ корпоративныхъ обязанностей считала наблюденіе за профессіональною нравственностью, то «Кіевлянинъ» не сталъ бы обвинять въ слабости кіевское общество и требовать отъ него воздѣйствующаго вліянія.

У насъ чувство стыда развито очень сильно. Это чуть ли не главное, основное наше чувство, которое до сихъ поръ и являлось единственною нравственною уздой для каждаго отдѣльнаго человѣка. Больше всего мы боимся, чтобы о насъ не сказали или не подумали дурно. Чувство боязни порицанія и необыкновенная чувствительность ко всякому охужденію и ко всякой похвалѣ—не только наша личная, но и наша національная черта. Отъ этого мы и обнаруживаемъ такую наклонность къ таинственности, келейности, къ сокрытію своего поведенія (когда не увѣрены въ немъ) и боимся всякой огласки. Отъ этого же и законъ о диффамаціи встрѣтилъ у насъ такое сочувствіе и создалъ столько судебныхъ дѣлъ.

Что же касается совѣсти и чести, то не то, чтобы эти понятія у насъ не существовали, но они находятся пока въ состояніи неполнаго развитія. И въ самомъ дѣлѣ, стыдъ—вполнѣ и для каждаго чувство ясное. Если не хочешь терпѣть стыда, не хочешь, чтобы на тебя смотрѣли косо, неодобрительно или даже съ неуваженіемъ,—поступай такъ, какъ требуетъ общество. Какое это общество, какъ велики его размѣры—это все равно. Свое общественное мнѣніе имѣетъ и кружокъ изъ 10—15 человѣкъ, и 3—4 деревенскихъ сосѣда.

Въ понятіи объ общественномъ мнѣніи не заключается никакого точнаго представленія объ его нравственномъ содержаніи. И у воровъ есть свое общественное мнѣніе, которому каждый воръ долженъ подчиняться. У нихъ есть и свое понятіе о воровской чести, котораго оскорблять нельзя. Общественное мнѣніе управляетъ и жизнью въ острогахъ, оно есть и у каторжныхъ. Какое бы ни было общественное мнѣніе, оно всегда нѣчто условное, имѣющее свой собственный кругъ понятій и представленій объ одобряемомъ или неодобряемомъ. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе есть, въ сущности, внѣшняя контролирующая сила, но сила громадная, наиболѣе подчиняющая себѣ поведеніе каждаго отдѣльнаго человѣка. Ни законъ, ни судъ, ни уголовная кара не имѣютъ надъ людьми такой предупреждающе-контролирующей власти, какую имѣетъ общественное мнѣніе.

Потому, что общественное мнѣніе бываетъ не только честнымъ, но и безчестнымъ, не только двигающимъ человѣка на добро, но толкающимъ его и на зло, не само по себѣ общественное мнѣніе имѣетъ руководящее значеніе, а по тѣмъ требованіямъ, которыя оно предъявляетъ, по тому кодексу личной и общественной нравственности, которымъ оно одобряетъ одно и порицаетъ другое. Тутъ ужь выступаетъ вопросъ о совѣсти, вопросъ о томъ, что люди считаютъ дозволеннымъ или недозволеннымъ.

Но и совѣсть, взятая вообще, не разрѣшаетъ вопроса о дозволенномъ и недозволенномъ. Совѣсть тоже бываетъ разная; у каждаго человѣка она своя собственная и отвѣчаетъ его нравственнымъ воззрѣніямъ, нравственнымъ понятіямъ, нравственному чувству, нравственнымъ инстинктамъ, привычкамъ и вообще составу его души. И, тѣмъ не менѣе, совѣсть есть внутренній законъ человѣка,—тотъ его законъ, который человѣкъ самъ признаетъ для себя обязательнымъ. Поэтому-то человѣкъ, нарушившій самъ свой собственный законъ, страдаетъ внутреннимъ неудовлетвореніемъ, страдаетъ иногда ужасно, мучительно-болѣзненно—и это-то и есть такъ называемое угрызеніе совѣсти.

Чтобы застрадать угрызеніемъ совѣсти, человѣку вовсе не нужно вообразить себѣ, что о немъ скажутъ, и ему не бросится краска стыда въ лицо при мысли, что о немъ подумаютъ люди, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожитъ. Совѣсть не есть головное или умственное чувство, какъ стыдъ.

Вотъ эта-то самая совѣсть и служитъ основой общественнаго мнѣнія. Совѣсть есть центральная сила, связывающая въ болѣе или менѣе тѣсную группу извѣстныя нравственно-душевныя однородности. Это не условленный и чаще всего безсознательный союзъ людей, сходныхъ по своимъ инстинктамъ и нравственнымъ тяготѣніямъ и способныхъ понимать только то, что находитъ откликъ въ ихъ душѣ.

Но, вѣдь, и душа человѣка не явилась на свѣтъ Божій во всеоружіи своего гражданскаго и общественнаго величія. Много прошло вѣковъ, прежде чѣмъ дикарь, путемъ постояннаго развитія, превратился, наконецъ, въ величественный образчикъ того гражданскаго героизма, какой исторія даетъ

въ лицѣ Вашингтона, этого чистѣйшаго, благороднѣйшаго и лучшаго представителя общественной совѣсти.

Насколько же у насъ развита именно эта совѣсть, насколько тѣсную и влiятельную группу составляютъ люди этого развитiя? Что люди съ наиболѣе развитою общественною совѣстью у насъ есть и что они въ приговорахъ своей совѣсти едва ли въ чемъ-нибудь разойдутся,—не подлежитъ сомнѣнiю. Но является еще и другой вопросъ, — вопросъ чисто-практическiй: насколько у этого высшаго суда общественной совѣсти есть средствъ и возможностей обнаруживать свое влiятельное воздѣйствiе?

Общество наше живетъ пока отдѣльными мiрками и распадается на группы по роду своихъ занятiй. Есть у насъ мiръ адвокатовъ, мiръ судебный, мiръ военныхъ, коммерческiй мiръ, художественные и литературные кружки. Распадаясь по спецiальностямъ, каждый такой отдѣльный мiръ, а иногда мiрокъ, живетъ своимъ корпоративнымъ общественнымъ мнѣнiемъ и своею собственною общественною совѣстью. Между этими спецiальными совѣстями нѣтъ нерѣдко ни малѣйшей связи. Что, напримѣръ, общаго между адвокатскою совѣстью и совѣстью купеческою или судейскою совѣстью и совѣстью желѣзно-дорожниковъ? Каждая изъ подобныхъ спецiальныхъ совѣстей можетъ расходиться съ общею совѣстью, въ чемъ наше общество и имѣло возможность уже не разъ убѣждаться. Еще недавно общество возмущалось нравами и понятiями адвокатскаго мiра, дѣйствительно, торговавшаго своею совѣстью. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ этомъ мiрѣ и нравственная дисциплина его значительно поднялась. Теперь наступила очередь для желѣзно-дорожниковъ и для коммерческаго мiра. Въ особенности поражаетъ своею тупостью наша коммерческая совѣсть или, вѣрнѣе, наша торговая безсовѣстность. На всю Россiю падаетъ за нее стыдъ и, какъ выразился нѣкогда лѣтописецъ о Новгородѣ, «стали мы въ поруганiе сосѣдямъ нашимъ».

Но въ чемъ же имѣетъ возможность выразится у насъ нравственный союзъ людей въ дѣлѣ той общей гражданской совѣсти, которая иногда не находитъ себѣ мѣста въ частной корпоративной совѣсти купцовъ, желѣзно-дорожниковъ, коллегiй ученыхъ, общественныхъ воспитателей и т. д.? Чѣмъ и въ чемъ эта совѣсть можетъ обнаружить свой запретъ и какiя у нея возможности, чтобы встать во всеоружiи своей нравственной власти и строгаго контроля надъ каждою отдѣльною единоличною или корпоративно-дѣловою нравственностью? Единственнымъ органомъ ея у насъ является въ настоящее время печать.

XXXIX.

Мартовскiе «Очерки русской жизни» вызвали замѣчанiя «Южнаго Края». Я прочелъ внимательно эти замѣчанiя и нахожу, что они не только не измѣняютъ ничего изъ того, что говорилось на ту же тему въ мартовскомъ и другихъ очеркахъ, а, напротивъ, еще подкрѣпляютъ все, что въ нихъ говорилось. Вотъ замѣчанiя «Южнаго Края», которыя я прослѣжу шагъ за шагомъ, потому что дѣло идетъ объ одномъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ теперешняго времени.

Авторъ замѣчанiй (г. Г.) говоритъ, что я снова поднимаю старый вопросъ о значенiи учрежденiй и о значенiи личной нравственности, личнаго усовершенствованiя, что все это я дѣлаю по поводу проповѣди гр. Л. Толстаго вообще и по поводу его статьи о Татьянином дѣ въ частности, что я указываю на общее, будто бы теперь существующее стремленiе выдвинуть вопросъ о личной нравственности на первый планъ, что самъ я поклонникъ «учрежденiй» и нахожу, что общественная нравственность создается учрежденiями, а не выработкой въ обществѣ личной нравственности (здѣсь г. Г. говоритъ немножко за меня,—ну, да это ничего).

Учрежденiя ли создаютъ общественные порядки, или ихъ создаютъ нравственные люди и проповѣдники личной морали и добродѣтельнаго житiя, вопросъ дѣйствительно старый. Въ эпоху реформъ вопросъ этотъ былъ поставленъ и разрѣшенъ прямо и опредѣленно. Всѣ преобразованiя того времени были вызваны фактами неустранимой дѣйствительности, которымъ было неизбѣжно подчиниться, ибо вопросъ шелъ о нашемъ международномъ и внутреннемъ самосохраненiи.

Но почему же этотъ «старый» и поконченный вопросъ выдвигается теперь снова? «Южный Край», какъ кажется, въ этомъ сомнѣвается; по крайней мѣрѣ, онъ заставляетъ меня отвѣчать въ такомъ видѣ: «Г. Шелгуновъ,—говоритъ г. Г.,—указываетъ на общее, будто бы теперь существующее стремленiе выдвинуть вопросы о личной нравственности на первый планъ». А почему же не такъ? Если сосчитать всѣ «консервативныя» газеты (начиная съ «Гражданина»), которыя такъ горячо требуютъ нравственно-совершенныхъ людей (и чего не менѣе горячо требуетъ и «Южный Край»), и присоединить къ органамъ «консервативной» печати еще и органы печати «либеральной», требующей тоже личной нравственности и энергiи, да прибавить сюда проповѣдниковъ новой религiи любви, тоже достаточно поддерживаемыхъ печатью, то едва ли будетъ справедливо сказать объ этомъ умственномъ направленiи, что оно существуетъ «будто бы».

Допустимъ, однако, это «будто бы» и, все-таки,

окажется непреложнымъ слѣдующій фактъ. И во время реформъ, и въ настоящее время существовало и существуетъ два движенія мысли: одно въ направленіи внѣшнихъ перемѣнъ (учрежденій), другое въ направленіи единоличнаго нравственнаго усовершенствованія. Эти два движенія исчезать и не думали; въ нихъ только свершилось и должно было свершиться перемѣщеніе центра тяжести, причина чего вполнѣ понятна.

Во время реформъ и консервативная печать, и люди, наиболѣе заматорѣлые въ дореформенномъ складѣ мыслей, занимались обсужденіемъ предстоящихъ перемѣнъ. И еще бы надъ перемѣнами не задумываться, когда онѣ били по самому больному мѣсту. Гдѣ ужъ тутъ было думать о личной нравственности или предлагать ее для переустройства общества. Правда, и теперь свершаются очень энергичныя перемѣны. Вглядитесь хотя въ дѣятельность министерства финансовъ, министерства государственныхъ имуществъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи—во всѣхъ нихъ свершается энергическая и многообразная работа. При всемъ своемъ многообразіи и энергіи, эта работа, все-таки, частичная, спеціальная, и потому она не тянетъ къ себѣ общественнаго вниманія.

Въ этомъ случаѣ и наши «консерваторы», и наши «неконсерваторы» одинаково смотрятъ въ сторону общаго, одинаково желаютъ отыскать такую двигающую силу, которая нашей жизни придала бы гармонію, согласіе, стройность, опредѣленность, цѣльность, красоту, благоустройство и для каждаго отдѣльнаго человѣка создала удовлетвореніе, довольство, успокоеніе. Это-то общее руководящее и искомое снова выступаетъ на свою очередь и его, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать самымъ серьезнымъ и главнымъ матеріаломъ въ работѣ современной общественной мысли.

Сдѣлавъ изъ моего мартовскаго «Очерка» выписку: «На другой же день освобожденія крестьянъ, суда присяжныхъ и земства открылись во всѣхъ концахъ Россіи живые ключи и совершилось невиданное чудо: внезапно, какъ бы изъ-подъ земли, явились новые люди, которые прежде, несмотря на всѣ обращенія къ совѣсти и чести, ни откуда не появлялись; судьи стали судить честно и неподкупно, волокита кончилась, помѣщикъ превратился въ земскаго человѣка и покрылъ Россію десятками тысячъ школъ, больницъ; въ народѣ пробудилась потребность знанія, возникло небывалое чувство личнаго достоинства. И все это создалось лишь небольшимъ, сравнительно, числомъ перемѣнъ...», — оппонентъ говоритъ: «Удивительно даже въ такомъ пожиломъ публицистѣ, какъ г. Шелгуновъ, такая странная наивность. Выходитъ, что все произошло какъ бы по щучьему велѣнію; что предстала сивка-бурка, вѣщая каурка, а Россія въ одно ухо влѣзла, въ другое вылѣзла—и стала неузнаваема. Исчезли Чичиковы и Ноздревы, Хлестаковы и городничіе, а водворились «земскіе люди» (ковычки оппонента), праведные судьи, и настали «миръ, благораствореніе воздуховъ и изобиліе плодовъ земныхъ». Но если бы г. Шелгуновъ былъ молодой человѣкъ, такъ что объ эпохѣ послѣднихъ двадцати—двадцати пяти лѣтъ судилъ по тѣмъ результатамъ, которые видитъ теперь,—и тогда его сужденіе являлось бы примѣромъ непростительнаго легкомыслія. Что же сказать объ этомъ сужденіи, принявши во вниманіе, что г. Шелгуновъ былъ очевидцемъ всего, что совершалось у всѣхъ на глазахъ въ продолженіе послѣднихъ двадцати—двадцати пяти лѣтъ, и, притомъ, очевидцемъ внимательнымъ, такъ какъ въ продолженіе всего этого времени г. Шелгуновъ занимался публицистическою дѣятельностью? Какіе это «новые люди» явились «внезапно, какъ бы изъ-подъ земли»? Кому не извѣстно, что произошло въ шестидесятыхъ годахъ? Произошла очень простая вещь. Всѣ Собакевичи, Хлестаковы, Ноздревы и т. д., подъ вліяніемъ «новыхъ вѣяній», явились въ качествѣ «новыхъ людей»; но не надо было имѣть особой проницательности, чтобы изъ-подъ маски и изъ-подъ костюма «новаго человѣка» замѣтить полы стараго, замасленнаго халата,—замѣтить, что и у обновленнаго Ноздрева тоже одна бакенбарда какъ будто рѣже другой, что обновленный Хлестаковъ такъ же вретъ, только уже на другія темы, что обновленный Собакевичъ такой же кулакъ, но уже съ либеральнымъ оттѣнкомъ, что чиновники остались тѣми же чиновниками, и если потеряли совершенно неудержимое стремленіе къ взяткѣ, то лишь благодаря тому, что пріобрѣли столь же неудержимое стремленіе къ окладу, и что «правосудіе» какъ тогда было на послѣднемъ планѣ, такъ и теперь осталось тамъ же. Однимъ словомъ, люди остались тѣ же, общество осталось то же самое, какое было изображено Гоголемъ въ «Мертвыхъ душахъ», а «реформы», напримѣръ, судебная, сдѣлали лишь то, что, по крайней мѣрѣ, на время освободили людей честныхъ и порядочныхъ, дали имъ ходъ. Такъ, въ старыхъ судахъ было невозможно не брать взятокъ; надо было или брать взятки, или не служить. Люди порядочные и честные выходили изъ этой алтернативы тѣмъ, что предпочитали не служить. Судебная реформа дала возможность служить и такимъ людямъ, и вотъ они-то, эти люди, внесли въ суды нѣкоторую долю правосудія, которой прежде не было. Но эти люди были созданы не реформою, а именно тою проповѣдью личнаго усовершенствованія, противъ которой такъ возстаетъ г. Шелгуновъ; реформа же лишь дала возможность этимъ людямъ служить дѣлу, сохраняя свое человѣческое достоинство. Да и самыя реформы, въ томъ числѣ и судебная, возникли единственно благодаря проповѣди личной нравственности, личнаго усовершенствованія, а не явились, какъ думаетъ, повидимому, г. Шелгуновъ, «по моему прошенію, по щучьему велѣнію». Вѣдь, надо было, чтобы образовалось достаточное количество людей, сознающихъ безнравственность взяточничества и неправосудія, и тогда только могла явиться мысль о выработкѣ мѣръ противъ взяточничества и неправосудія. Въ томъ-то и дѣло, что реформы, тѣ или другія учрежденія, могутъ лишь очистить мѣсто, создать возможность для дѣятельности людей честныхъ и порядочныхъ, но

никакъ не создать подобныхъ людей. Если ихъ въ странѣ нѣтъ, или, лучше сказать, если ихъ нѣтъ въ образованномъ сословіи страны, то никакія реформы ни къ чему не поведутъ. Мы это испытали на собственномъ примѣрѣ...»

«Почему,—спрашиваетъ г. Г.,—наши реформы—и какія реформы!—остались если не безплодными, то весьма мало плодотворными? Да именно потому, что общество наше и послѣ реформы осталось тоже гоголевское. Почему, напримѣръ, въ послѣднее время у насъ земствомъ, городскимъ самоуправленіемъ почти окончательно завладѣли «промышленники»? Потому, что *людей* (курсивъ г. Г.) нѣту, а которые и есть, тѣ извѣрились въ возможность дѣйствовать среди общества, оставшагося тѣмъ же... Значитъ,—говоритъ г. Г.,—центръ тяжести вовсе не въ реформахъ, а именно въ проповѣди личной нравственности, личнаго усовершенствованія,—въ томъ, что встарину называли «образованіемъ ума и сердца», котораго у насъ очень мало. Но «образованіе ума и сердца» возможно лишь тогда, когда оно приспособлено къ особенностямъ національности, когда въ основу его положена *своя* (курсивъ г. Г.) культура, *свое* просвѣщеніе,—иначе выйдетъ не образованіе, а лишь дрессировка. А эти-то: *своя* культура, *свое* просвѣщеніе у насъ спрятаны подспудомъ, ихъ надо отыскивать. Общество само собою не можетъ разыскивать эту, гдѣ-то спрятанную, свою культуру, это, гдѣ-то спрятанное, свое просвѣщеніе; оно воспринимаетъ то, чему его учатъ, и остается выдрессированнымъ на европейскій ладъ, какъ его дрессируютъ въ гимназіяхъ и университетахъ». «Въ этомъ и причина,—заключаетъ г. Г. свою статью,—что у насъ «реформы» какъ-то не удаются, а проповѣдь личной нравственности, личнаго усовершенствованія какъ-то не прививается. Не съ того конца берутся—вотъ въ чемъ дѣло».

Вѣдь, это цѣлая программа, да еще какая радикальная, требующая самыхъ широкихъ общественныхъ преобразованій, кореннаго измѣненія гимназій и университетовъ, *своей* культуры, *своего* просвѣщенія и общественныхъ передѣлокъ съ другаго конца. Такъ далеко я за авторомъ не пойду, а возьму вопросъ ближе.

То, что г. Г. приписываетъ мнѣ сказку о сивкѣбуркѣ, вѣщей кауркѣ, больше ничего, какъ извѣстный полемическій пріемъ, употребленный ради читателей «Южнаго Края» и въ нашемъ теперешнемъ разговорѣ не имѣющій никакого существеннаго значенія. Г. Г. писалъ для своихъ читателей, я пишу для своихъ—вотъ и все. Но поговорить подробнѣе о «чудѣ» внезапнаго появленія «новыхъ» людей можно.

Спорить о томъ, реформы ли создаютъ людей, или люди реформы, то же самое, что спорить о томъ, что было раньше—курица или яйцо. Разсуждать о подобныхъ отвлеченностяхъ не дѣло публицистовъ. Публицисты живутъ въ своемъ времени и обязаны говорить лишь о ближайшемъ насущномъ, требующемъ непосредственнаго вниманія общества къ его текущимъ нуждамъ, потребностямъ и задачамъ. «Если бы Богъ, протянувъ обѣ руки, сказалъ мнѣ: въ этой рукѣ истина, а въ этой стремленіе къ ней, я палъ бы предъ Нимъ на колѣни и воскликнулъ: Господи! истина Тебѣ одному, дай мнѣ стремленіе къ ней». Вотъ завѣтъ великаго Лессинга всему, что живетъ и хочетъ жить настоящею жизнью.

А вѣдь, погоня за накопленіемъ въ людяхъ моральныхъ совершенствъ—таже погоня за истиной. Этихъ совершенствъ намъ не создать ни сегодня, ни завтра, ни во всю нашу личную жизнь, ибо это цѣлая многовѣковая культура, создающаяся накопленіемъ самыхъ многообразныхъ измѣненій въ физическомъ организмѣ. Измѣненія эти свершаются съ такою геологическою медленностью, что въ короткую жизнь одного человѣка ихъ не замѣтить ни въ обществѣ, ни въ отдѣльныхъ лицахъ.

Перемѣны же, которыя создаются учрежденіями, у всѣхъ налицо. И перемѣны эти наблюдаются не только въ сторону улучшеній, но и въ сторону ухудшеній. Когда въ послѣднее время у насъ усилились самоубійства и въ особенности среди молодежи, наши моралисты, не смущаясь, поставили всѣмъ мертвецамъ нули за поведеніе и сочли этимъ свой моральный долгъ вполнѣ исполненнымъ (и «Южный Край» поставилъ не мало нулей мертвецамъ).

Предположимъ, что «дрянность» играетъ здѣсь большую роль. Но, вѣдь, если, по утвержденію моралистовъ, учрежденія создаются людьми, а не «вѣщею каурной», то не «вѣщая каурка» создала и эту «дрянность». Вѣдь, 30—40 лѣтъ назадъ этой «дрянности» въ русской жизни незамѣчалось. Въ Пруссіи даже министерство народнаго просвѣщенія признало неудовлетворительность системы гимназическаго образованія и создаваемое ею мозговое переутомленіе. И въ нашемъ министерствѣ просвѣщенія это тоже начинаетъ сознаваться.

Но чтобы явилось, подобное сознаніе, требовались, конечно, факты. И они, дѣйствительно, давали себя знать, изъ года въ годъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ. Теперь спрашивается, насколько это повторявшееся изъ года въ годъ мозговое переутомленіе, вмѣстѣ съ неопредѣленностью матеріальнаго положенія, нуждою и разными другими трудностями новыхъ условій существованія, создавало нравственное переутомленіе и вліяло на молодыя поколѣнія вырождающимъ образомъ? Этого, кажется, наши моралисты вычислить не изволили. Они поставили нули мертвецамъ, не замѣтили живыхъ причинъ, которыя эти преждевременныя смерти создали, и, конечно, свое поведеніе нашли великодушнымъ, справедливымъ и умнымъ.

Возьму еще одинъ фактъ. При прежней рекрутской системѣ, съ ея двадцати-пятилѣтнимъ срокомъ службы, съ ея жестокими побоями и безпощаднымъ сѣченіемъ, воспитывались и люди жестокіе, вносившіе жестокость и грубость во всѣ жизненныя отношенія. Теперешній солдатъ, незнакомый съ зуботычинами, фухтелями и палками, вернувшись въ свою деревенскую семью, вноситъ уже иной режимъ, а не тотъ, съ какимъ возвращались такъ называемые николаевскіе солдаты.

Во всѣхъ подобныхъ общественныхъ плюсахъ и минусахъ «проповѣдь личной нравственности и личнаго усовершенствованія» были не причемъ. Воздѣйствіе оказывали совсѣмъ другія причины, и притомъ, съ такою быстротой, какая совершенно немыслима для измѣненій подъ чисто-моральными воздѣйствіями.

Этотъ споръ, читатель, не о праздныхъ словахъ, а о сущности всего мышленія, о томъ или другомъ взглядѣ на жизнь и на людей. Не все равно, судить ли людей по *своей* совѣсти, какъ это дѣлаютъ наши моралисты, или судить людей по *ихъ* совѣсти. Не все равно, обвинить ли неповинныхъ мертвецовъ и тѣхъ, кто, страдалъ при жизни, или обвинить тѣхъ, кто, можетъ быть, этихъ мертвецовъ создалъ и самъ никогда въ жизни не страдалъ. Не все равно, видѣть ли во всѣхъ несчастіяхъ, неудачахъ и вообще во всякихъ минусахъ причину только внутри этихъ самыхъ минусовъ и приписывать все лишь одной личной нравственности, обвиняя слабыхъ, или же искать причины всѣхъ минусовъ внѣ ихъ, а въ минусахъ видѣть послѣдствія, созданныя извѣстными обстоятельствами и жизненными условіями. Это двѣ совершенно противуположныя точки зрѣнія, вырабатывающія двѣ совершенно различныя системы мышленія, два различныхъ отношенія къ явленіямъ жизни, два совершенно различныхъ вниманія и двѣ разныя справедливости.

Все это вопросы общественные и старые, и, однако, объ этихъ вопросахъ приходится говорить какъ о неизвѣстныхъ и новыхъ. Такъ же, какъ о новости, приходится говорить и о томъ, что я назвалъ «чудомъ», а г. Г. обозвалъ сказкой о «вѣщей кауркѣ». Нѣтъ, «чудо» не есть «вѣщая каурка». Напомню читателю такой фактъ.

Когда былъ составленъ проектъ судебной реформы, его разослали на разсмотрѣніе къ разнымъ лицамъ и затѣмъ въ министерство поступило 400 записокъ съ подробными замѣчаніями. Говорятъ замѣчанія отличались серьезностью, глубиной, знаніемъ жизни и большими теоретическими и практическими юридическими познаніями. Но неужели всѣ эти четыреста человѣкъ, обнаружившіе внезапно свою дѣятельную силу, были и прежде нашимъ умственнымъ капиталомъ? Конечно, нѣтъ. Въ экономикѣ капиталомъ считается только дѣятельная сила, создающая новыя матеріальныя богатства. Милліарды золота, лежащіе въ сундукѣ, только мертвый золотой пластъ. То же самое и относительно умственныхъ и нравственныхъ силъ всякой страны. И въ настоящее время, несомнѣнно, въ Россіи есть масса талантливыхъ, честныхъ, благородныхъ и умныхъ людей, которые ничѣмъ не даютъ знать о своемъ существованіи (этого не отрицаетъ и г. Г.). Но можно ли ихъ считать нашимъ общественнымъ умственнымъ и нравственнымъ капиталомъ, если они обнаруживаютъ такую же дѣятельность, какую обнаруживали и четыреста нашихъ юристовъ, пока они лежали подспудомъ? Теперь предположите, что всѣ эти хорошіе люди соединяются въ одну общую дѣятельную силу и Россія начинаетъ пользоваться фактическими результатами ихъ честности, ума и благородства. Развѣ это не будетъ «чудомъ»? Развѣ можно утверждать, что это «вѣщая каурка»?

Совершенно справедливо (какъ это говоритъ г. Г.), что всѣхъ этихъ людей создало образованіе. Но развѣ школы, гимназіи, университеты не были именно тѣми учрежденіями, которыя ихъ создали? Общественное образованіе есть только учрежденіе созидающее, а чтобы созданныя имъ силы пришли затѣмъ въ общественно-дѣятельное состояніе, нужны опять учрежденія.

Г. Г. говоритъ, что Хлестаковы, Ноздревы и Чичиковы только надѣли на себя другое платье, а, въ сущности, остались все тѣми же Хлестаковыми, Ноздревыми и Чичиковыми. Но и нынѣшніе нѣмцы сохранили вполнѣ національныя черты, о которыхъ говорилъ еще Тацитъ, а развѣ теперешніе нѣмцы похожи на тогдашнихъ дикарей? И мы сохранили свои славянскія черты, но развѣ мы тѣ же, какими были при Рюрикѣ? Неужели было бы лучше, если бы мы такъ-таки и не снимали своего стараго кафтана, если бы Хлестаковы, Ноздревы и Чичиковы остались такими же, какими ихъ описывалъ Гоголь, а нашими дѣлами орудовали бы неизмѣнившіеся Куролесовы, Салтычихи и Затрапезные?

Не о вѣчномъ законѣ человѣческой души тутъ можетъ быть рѣчь, не о той искомой истинѣ, которая составляетъ идеалъ нашихъ нравственныхъ стремленій. Намъ, теперь живущимъ людямъ, этого идеала въ руки не взять, а потому и слѣдуетъ думать и говорить только о томъ, до чего наши руки могутъ достать. Совершенно справедливо, что у насъ много и личныхъ, и общественныхъ недостатковъ, недостатковъ иногда поистинѣ возмутительныхъ. И всѣ они настолько обнаруживаются теперь печатью (преимущественно провинціальною, что если ихъ собрать вмѣстѣ, то волосы встанутъ дыбомъ, вѣрить не захочется, что все это возможно. Но, вѣдь, именно поэтому-то публицисты и не должны закрывать глаза себѣ и другимъ на картины дѣйствительности или устремлять свои очи въ нравственную высь, а должны разъяснять себѣ и другимъ, что, какъ и почему, и будить въ читателяхъ общественныя чувства и возбуждать общественное сознаніе.

Недавно я получилъ отъ П. И. Добротворскаго книжку его разсказовъ, очерковъ и набросковъ»*). Это наблюденія человѣка, внимательно присматривавшагося къ провинціальной, заводской (кажется, на Уралѣ) и деревенской жизни, и хорошо знакомаго съ тѣми ея темными сторонами, въ которыхъ г. Г. видитъ нѣчто такое дурное, съ чѣмъ будто бы уже невозможно бороться никакими общественными средствами, а остается прибѣгать только къ проповѣди личнаго усовершенствованія.

Я пока оставлю деревенскую среду, о которой не говоритъ и г. Г., а возьму изъ книжки г. Добротворскаго только картинки средняго интелли-

*) Разсказы, очерки и наброски П. И. Добротворскаго (Петра Кармасанова). Спб. 1888 г.

гентнаго круга, о нравственности котораго съ такою безнадежностью отзывается г. Г.

Да, читатель, картины страшныя, нравы жестокіе, чисто-животные, зоологическіе, не усмотрите вы въ нихъ ни малѣйшихъ зачатковъ общественности, ничего такого, что давало бы бѣдному и слабому возможность жить своею полною человѣческою жизнью.

Имѣете ли вы понятіе, что такое «фабричный быкъ»?—«Фабричный быкъ», говоритъ г. Добротворскій,—есть почти непремѣнная принадлежность всякой фабрики, на которой работаетъ женское населеніе. «Фабричный быкъ» есть такая язва, такое зло, къ которому не должны относиться равнодушно ни правительство, ни общество. Если бы въ нашемъ уголовномъ кодексѣ преступленія противъ женской чести, изнасилованіе и растлѣніе, не обусловливались непремѣнно вчинаніемъ дѣла потерпѣвшею, ея родителями или опекунами, а преслѣдовались помимо воли потерпѣвшихъ, то всѣ «фабричные быки» кончали бы свою жизнь на каторгѣ.

«Роль «фабричнаго быка» чаще всего выпадаетъ на долю одного изъ служащихъ на фабрикѣ: кого нибудь изъ родственниковъ или близко стоящихъ къ фабричной администраціи. Я не слыхалъ,—говоритъ г. Добротворскій,—чтобы въ этой роли фигурировалъ кто нибудь изъ мужчинъ, работающихъ на фабрикѣ, да, полагаю, что это и невозможно, потому что сами рабочіе расправились бы съ негодяемъ. «Фабричный быкъ» обыкновенно пользуется своею авторитетностью, своимъ независимымъ положеніемъ, а также зависимостью, забитостью и глупостью своихъ жертвъ. Жертвами этого плотояднаго звѣря бываютъ молоденькія дѣвушки, работающія на фабрикѣ. Здѣсь нѣтъ и рѣчи ни о любви, ни о симпатіи. Хорошая, дурная и красавица губятся подрядъ»...

Случайно г. Добротворскому удалось познакомиться съ однимъ такимъ «быкомъ», и вотъ какой его портретъ онъ рисуетъ. Потапъ Осиповичъ былъ видный, здоровый мужчина; одѣвался чисто, носилъ длинный черный сюртукъ, жилетъ сверху выпускной косоворотки, ходилъ тихо, мелкими шагами, говорилъ плавно и вообще изображалъ изъ себя кротость, смиреніе и полную благонадежность.

Потапъ Осиповичъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, занималъ мѣсто конторщика на суконной фабрикѣ, зналъ хорошо грамоту, счетную часть, выписывалъ «Развлеченіе» и «Сынъ Отечества» и даже самъ писалъ обличительныя корреспонденціи, если былъ золъ на кого, и одинъ разъ въ годъ непремѣнно посылалъ въ столицу хозяину какой нибудь анонимный доносъ.

Это-то животное, давно уже потерявшее и счетъ своихъ жертвъ, заманивалъ ихъ въ свои сѣти разными посулами и денежными приманками. При разсчетахъ рабочихъ Потапъ Осиповичъ, обыкновенно, обсчитывалъ глупыхъ дѣвокъ, не умѣющихъ часто сосчитать полтины, но намѣченной жертвѣ давалъ больше, чѣмъ она заработала, или же манилъ обѣщаніемъ выхлопотать мѣсто пряхи. Это значитъ: вмѣсто 3—4 рублей въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, получать 5 и даже 7 рублей. Противъ такой приманки рѣдкая изъ заводскихъ дѣвушекъ устаивала. Если же Потапу Осиповичу попадалась непокорная, неподдающаяся никакимъ посуламъ и денежнымъ приманкамъ, то онъ прибѣгалъ прямо къ насилію. И все ему сходило, а, можетъ быть, и до сихъ поръ сходитъ съ рукъ.

Это—типъ человѣка чисто-зоологическаго, человѣка-борова; никакою проповѣдью личной морали этой толстой кожи не прошибешь, прошибетъ ее развѣ прокуроръ да уголовный судъ. Наша зоологическая формація въ разныхъ ея видоизмѣненіяхъ представляетъ пластъ очень почтенныхъ размѣровъ и живетъ этотъ пластъ своею внутреннею жизнью, своими бытовыми зоологическими привычками и понятіями, до которыхъ пока не достигъ еще никакой свѣтъ. Вотъ еще факты изъ этой же зоологіи.

Въ одномъ изъ трактировъ Забулачья (въ Казани) кутятъ два купчика. Кутили они и безобразничали — и, наконецъ, заскучали. Тогда буфетчикъ предложилъ имъ пошутить надъ однимъ изъ пьяныхъ оборванцевъ, который изъ-за бутылки водки позволитъ сдѣлать надъ собою что угодно. И начали купчики изобрѣтать разныя потѣхи. «Пролѣзь подъ столомъ десять разъ за стаканъ водки!» Пролѣзъ. «Пройдись по улицѣ, по морозу, въ адамовомъ естествѣ». Это оказалось не совсѣмъ исполнимымъ: во-первыхъ — публика, а во-вторыхъ—полиція. «Нѣтъ, лучше вотъ что: поѣдемъ на Кабанъ и, значитъ, тамъ ты искупайся». Поѣхали. Три раза оборванецъ погружался въ прорубь съ головою и пока онъ одѣвался, его взъерошенные волоса до того замерзли, что нельзя было надѣть шапки. Получивъ два двугривенныхъ, оборванецъ побѣжалъ въ кабакъ. А купчики и толпа зѣвакъ хохотали отъ души, такъ это было забавно.

Въ Ельцѣ компанія веселыхъ людей, взявъ ликеру, коньяку и мятныхъ лепешекъ на касторовомъ маслѣ, отправилась за кулисы передъ началомъ спектакля. Артисты приняли съ удовольствіемъ угощеніе, выпили коньяку, ликеру, закусили мятными лепешками, и спектакль начался. Какъ сообщаетъ корреспондентъ, спектакль кончился, однако, ранѣе обыкновеннаго и публика, узнавши секретъ, «гомерически хохотала».

Въ Саратовѣ опереточная актриса кидаетъ своей соперницѣ на сцену куклу и два пятака, а въ бенефисъ этой же самой актрисы устраивается ей импровизованный дождь изъ соленыхъ огурцовъ.

Въ томъ же Саратовѣ, въ конкѣ, ѣдутъ два «туза» и нѣсколько дамъ. Увлекшись коммерческими разговорами, «тузы» такъ и пересыпаютъ свою рѣчь непечатными выраженіями. Какой-то господинъ проситъ кондуктора унять ораторовъ. «Я сдѣлать ничего не могу, а попросить ихъ вы и сами можете»,—отвѣчаетъ кондукторъ.

Въ театральной конторѣ записей, въ Петербургѣ, служатъ дѣвушки. Разсчитывая на то, что дѣвушки должны прочитывать всѣ поступающія письма, петербургскіе «шутники» посылаютъ заявленія, на-

писанныя въ самомъ непристойномъ тонѣ и съ самыми грязными двусмысленностями.

Фельдшерица Дубоссарской больницы посылается докторомъ въ участокъ, гдѣ была эпидемія. Вернувшись изъ командировки, она, съ разрѣшенія того же врача, распорядилась, чтобы ей приготовили ванну. Передъ ванной она зашла къ своему сослуживцу—фельдшеру, чтобы попросить тазъ и гребешокъ. Смотритель больницы, сидѣвшій у фельдшера, отвѣчаетъ ей: «У меня есть старый ночной горшокъ, не угодно ли помыть свою рожу?» Фельдшерица возразила на эту выходку довольно рѣзко и обратилась къ фельдшеру съ вопросомъ: «А гдѣ ваша сидѣлка?» — «Одна публичная дѣвка ищетъ другую»,—сказалъ смотритель. Фельдшерица назвала его мерзавцемъ и ушла брать ванну. Но только что она успѣла раздѣться, какъ ворвался къ ней смотритель, выругалъ ее, повалилъ, схватилъ за косы, выволокъ въ корридоръ и билъ палкой и топталъ ногами, пока фельдшерица не лишилась чувствъ.

Въ Елисаветградѣ свершается смертный приговоръ надъ двумя евреями. Лицо часоваго, приставленнаго къ ихъ камерѣ, покрыто мертвенною блѣдностью, глаза заволоклись слезой. Ничего звѣрскаго или злодѣйскаго не выражають лица осужденныхъ. «За что, господа, за что?» — спрашиваетъ одинъ изъ нихъ съ укоризной.—«О, господинъ начальникъ, — говоритъ онъ, обращаясь къ начальнику тюрьмы, — помните, что я васъ просилъ».—«Будь спокоенъ, голубчикъ, я все исполню... я все сдѣлаю». — «Извините же меня, ваше благородіе... Кажется, я за все время ничего вамъ непріятнаго не сдѣлалъ». — «Нѣтъ, нѣтъ, грѣхъ сказать». — «Помните же, все отдайте моей несчастной матери... Жена не нуждается...» Осужденныхъ вывели на тюремный дворъ, тюремные надзиратели скрутили имъ назадъ руки и крѣпко перевязали бичевкой. Офицеръ скомандовалъ «на плечо», секретарь началъ громко и внятно читать приговоръ. Сначала оба осужденные внимательно прислушивались къ чтенію, потомъ одинъ изъ нихъ впалъ въ апатичное состояніе, другой о чемъ-то задумался... Наконецъ, томительное чтеніе было окончено и одному изъ казнимыхъ, Зеліонеру, было позволено выйти на минутку, чтобы проститься съ братомъ... и дикій страшный вопль отчаянія раздался на дворѣ... Вернувшись къ мѣсту казни, Зеліонеръ громко и внятно произнесъ: «Прощайте, господа!» Трупы еще качались и вздрагивали, а нѣкоторые изъ присутствовавшей публики *закурили папиросы*.

Несмотря на разрозненность всѣхъ этихъ отрывочныхъ фактовъ, въ нихъ можно усмотрѣть связь, постепенность, культурный ростъ, прогрессъ. Начинаясь человѣкомъ-боровомъ, зоологическая формація проходитъ цѣлый рядъ культурныхъ измѣненій и кончается своею зоологическою интеллигенціей. Общій признакъ формаціи, что въ ней нѣтъ ни чувствъ, ни понятій, ничего того, что принято называть человѣчествомъ. Вмѣсто нервовъ, тутъ мѣдная проволока, вмѣсто чувствъ и мыслей — похоть, то вполнѣ животная, какъ у человѣка-борова, то уже болѣе утонченная, доразвившаяся до нѣкоторой идеи, которую она вноситъ въ свои животно-похотныя вожделѣнія, то уже и совсѣмъ животно-интеллигентная, возбуждающая свою мѣдную проволоку ощущеніями рафинированной жестокости.

На этомъ низшемъ пластѣ нашей зоологической формаціи лежитъ слой болѣе новаго образованія и дальнѣйшаго культурнаго развитія, гдѣ чистая зоологія возвышается уже до идеи первичной общественности, но тоже только зоологической. Этотъ пластъ широкъ, распространился онъ у насъ повсюду и прожилки его вы встрѣтите вездѣ. Мѣстомъ его первоначальнаго происхожденія нужно, кажется, считать наши восточныя привольныя мѣста, въ которыхъ пріютилась заводская промышленность и гдѣ обстоятельства особенно благопріятствовали развитію людей этого типа—умныхъ, ловкихъ, смѣтливыхъ, которые ко всему могутъ приноровиться, у которыхъ никакое дѣло изъ рукъ не вывалится. «Недаромъ, — говоритъ г. Добротворскій, — люди эти разбрелись по всей землѣ Русской, начиная съ далекой Сибири и кончая Питеромъ и Одессой, занимая повсюду мѣста управляющихъ, конторщиковъ, письмоводителей, дѣлопроизводителей, бухгалтеровъ—у частныхъ лицъ, въ обществахъ, даже на коронной службѣ».

Въ этой средѣ и созданныхъ ею условіяхъ и порядкахъ всякая способность и сила превращаются именно только въ искусство приноровленія. Безъ этого искусства или пропадешь, или будешь съѣденъ, или навсегда останешься на днѣ.

«Фабричный быкъ» по своей грубой животной природѣ живетъ исключительно инстинктами свинской похоти; но слѣдующая за нимъ, уже болѣе умственная форма ищетъ иныхъ удовлетвореній. У нея есть идеалъ въ той «цивилизаціи», которая ей понятна лишь въ ея матеріальной, вещественной сущности, въ высшемъ положеніи на ступеняхъ общественной лѣстницы. Это уже начало человѣческаго честолюбія. Живую иллюстрацію типа даетъ г. Добротворскій въ характеристикѣ Тишки Кочергина.

Тишка былъ юркій, ловкій заводскій мальчикъ, четырнадцати лѣтъ, съ умнымъ личикомъ, съ черными бойкими глазенками. Онъ состоялъ на побѣгушкахъ у управляющаго фабрикой и торчалъ постоянно въ передней. Здѣсь, сидя за столомъ у окна, онъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ выводилъ букву за буквой съ прописей, и такъ изощрился въ искусствѣ копированія, что былъ замѣченъ главнымъ конторщикомъ. Конторщикъ доложилъ о своемъ открытіи управляющему, который и приказалъ взять Тишку въ контору.

Попавъ въ контору, Тишка старался угождать конторщику, и очень понравился ему своею смѣтливостью; потомъ онъ подслуживался писарямъ, въ особенности хорошо знающимъ канцелярское дѣло; сдружился съ мальчиками, занимавшимися въ конторѣ, которыхъ любилъ управляющій. Не прошло и мѣсяца, какъ Тишка сдѣлался общимъ любимцемъ.

Не забывалъ онъ и управляющаго, къ которому носилъ бумаги къ подписи, и докладывалъ ему обо всѣхъ безпорядкахъ въ канцеляріи, что дѣлалъ очень ловко. Управляющій, напримѣръ, приказываетъ ему принести изъ конторы книги, счеты или справки.

— Слушаюсь!—отвѣчалъ бойко Тишка.—Какъ только Ефимъ Григорьевичъ (конторщикъ) придетъ, сейчасъ скажу ему.

— Какъ! Развѣ его нѣтъ?—спрашиваетъ управляющій.

— Нѣтъ-съ. Они сегодня только на одинъ часъ приходили.

— Кто же тамъ есть?

— Я-съ, Похваловъ, Кряжевъ, да мальчики,—отвѣчаетъ Тишка, исключая себя изъ мальчиковъ.

— А остальные гдѣ?

— Не могу знать-съ!—отвѣчаетъ Тишка и тотчасъ же объясняетъ: — Ефимъ Григорьевичъ, кажется, на охоту ушли. Петровъ и Соминъ не приходили...

— Ахъ, подлецы! ахъ, мерзавцы! — ругается управляющій, не давая договорить Тишкѣ.

— Антонъ Антоновичъ! — начинаетъ робко Тишка.

— Что?

— Вы ужь, пожалуйста, не говорите, что я вамъ сказалъ. А то, вѣдь, мнѣ житья не будетъ.

— Хорошо, хорошо! Только смотри никогда не ври, всегда говори правду,—и управляющій суетъ въ руку Тишки двугривенный.

— Ну, Ефимъ Григорьевичъ, бѣда! — говоритъ Тишка, возвратившись въ контору.

— Что такое? Или за вихры тебя оттаскалъ управляющій?

— Нѣтъ-съ! Управляющему кто-то сказалъ, что васъ нѣтъ въ конторѣ. Спрашивалъ меня. Я увѣрялъ, что вы здѣсь, не вѣритъ.

— Сейчасъ пойду къ нему объясняться!—говоритъ, вскакивая, конторщикъ.

— Ефимъ Григорьевичъ, ради Бога не ходите, меня только выдадите...—и объясненіе съ управляющимъ откладывается.

Вотъ порядки, въ которыхъ Тишка началъ свое нравственное самовоспитаніе.

Прошли два года, которые для Тишки не пропали даромъ. Онъ умѣлъ занести бумаги во входящій и исходящій журналъ, могъ написать приказъ, составить «отпуски», а, наконецъ, изучилъ и счетоводство.

Какъ-то разъ, разбирая книги, Тишка напалъ на какія-то невѣрности и ошибки, которыя и записалъ на бумажку. Сталъ онъ затѣмъ рыться въ книгахъ тщательнѣе и произвелъ цѣлую ревизію канцелярскаго дѣлопроизводства. Всѣ свои замѣчанія онъ привелъ въ систему, переписалъ ихъ каллиграфически и явился съ ними къ управляющему.

— Я къ вамъ, Антонъ Антоновичъ... быть можетъ, это не мое дѣло, но я по моей преданности къ вамъ счелъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія. У насъ въ канцеляріи большіе безпорядки...—и Тишка подалъ управляющему свои замѣчанія.

— И это все вѣрно? - спросилъ Антонъ Антоновичъ, просмотрѣвъ замѣчанія.

— Всѣ эти выписки и замѣтки сдѣланы мною изъ книгъ самолично,—отвѣтилъ Тишка.

— Тобою?!

— Мною, Антонъ Антоновичъ.

Во время ревизіи конторы Тишка дѣлалъ указанія, давалъ объясненія по всѣмъ представленнымъ имъ даннымъ и, несмотря на то, что всѣ служащіе смотрѣли на него какъ на предателя, доносчика и шпіона, ни одинъ мускулъ ни разу не дрогнулъ въ его лицѣ и ни разу не измѣнилъ ему его голосъ.

Конторщикомъ былъ сдѣланъ Тишка.

Теперь ужь онъ назывался Тихономъ Прохоровичемъ; одѣтъ былъ въ настоящій пиджакъ, попраздникамъ надѣвалъ бѣлую крахмаленную манишку, галстукъ завязывалъ затѣйливымъ бантомъ, а сапоги носилъ съ каблуками и легкимъ скрипомъ. Обращеніе съ конторскими писарями онъ перемѣнилъ разомъ: сталъ требователенъ, говорилъ громко, повелительно и только съ управляющимъ оставался прежнимъ подобострастнымъ Тишкой.

Съ перемѣной положенія въ іерархической лѣстницѣ и честолюбіе Тихона Прохоровича сдѣлало шагъ впередъ. Онъ началъ читать. Первыми его книгами были «Европейскія мины и контръ-мины» Самарова да «Петербургскія трущобы» Вс. Крестовскаго, а изъ газетъ выписывалъ какую-то маленькую. Тихонъ Прохоровичъ очень интересовался внутреннею политикой, но еще больше—биржевыми свѣдѣніями. Интересовался онъ также описаніями всякихъ торжествъ, пріемовъ, баловъ и гуляній. Онъ сильно сочувствовалъ свободѣ прессы и всякое обличеніе, особенно крупныхъ злоупотребленій, приводило его въ восторгъ. Если же ему приходилось прочесть о предостереженіи или пріостановкѣ журнала или газеты, онъ казался весьма огорченнымъ. «Помилуйте!—говорилъ онъ,—правду, правду говорить запрещаютъ! Да откуда, отъ кого они узнаютъ истину, кто разскажетъ имъ скорбь-то народную, если прессѣ-то, прессѣ запрещаютъ говорить о ней?»

Прошло шесть лѣтъ и у Тихона Прохоровича назрѣлъ планъ спустить управляющаго. Способъ для этого онъ употребилъ старый: на управляющаго чуть не съ каждою почтой посылались въ Петербургъ безъименные доносы, наконецъ, Тихонъ Прохоровичъ, подъ предлогомъ поѣздки въ Казань, укатилъ въ Петербургъ и вернулся съ полною довѣренностью на управленіе имѣніемъ...

Теперь Тихонъ Прохоровичъ одѣвается по-европейски, носитъ штиблеты, запонки, журналъ выписываетъ, разсуждаетъ о внутренней политикѣ съ апломбомъ, женатъ на дочери купца 1-й гильдіи, за которой взялъ «капиталъ», пользуется почетомъ и уваженіемъ мѣстной и городской «интеллигенціи». Но объ его управленіи заводомъ ходитъ дурная молва. Разсказываютъ, напримѣръ, что въ конторѣ обсчитываютъ рабочихъ, налагаютъ на нихъ большіе штрафы, плату производятъ не деньгами, а хлѣбомъ и товаромъ; разницу

дѣйствительныхъ цѣнъ съ цѣнами, выставляемыми въ контрактахъ, Тихонъ Прохоровичъ получаетъ въ свою пользу, существуютъ у него и другіе источники дохода и что вообще это мошенникъ и воръ.

Извѣстный Бунаковъ, убійца Шершавиной, вышелъ въ люди, кажется, тоже изъ заводскихъ мальчиковъ, онъ тоже былъ «уважаемый» и, какъ «уважаемый», былъ избранъ въ предсѣдатели земской управы. Но нравственныя черты у него съ Тихономъ Прохоровичемъ общія; пріемы у нихъ лишь разные. Тихонъ Прохоровичъ предпочиталъ средства мягкія, незамѣтныя, Бунаковъ же—рѣшительныя и отважныя, но ни тотъ, ни другой ни передъ чѣмъ бы не задумались, лишь бы подняться. Нравственныхъ сомнѣній для нихъ не существовало, упрековъ совѣсти они не знали, да и взяться имъ было не откуда.

Оставляя мелкія индивидуальныя различія, въ общемъ, главномъ, у людей этой формаціи окажется полнѣйшая однородность въ задачахъ, средствахъ и прямолинейной, ни передъ чѣмъ не отступающей смѣлости, съ какой они достигаютъ своихъ цѣлей. У этой формаціи, какъ и у чисто-зоологической, есть и своя «интеллигенція». Начиная какимъ-нибудь Тихономъ Прохоровичемъ или Бунаковымъ, она въ верхнихъ слояхъ считаетъ развившихся на нашемъ просторѣ крупныхъ и мелкихъ расхитителей башкирскихъ земель и другихъ «способныхъ» практическихъ дѣятелей, прокладывающихъ себѣ пути къ деньгамъ и къ «уважаемому» положенію.

Очерчена у г. Добротворскаго и еще одна формація,—та формація, которая образуетъ нашу провинцію и ея засасывающую «общественную» среду.

Въ большомъ торговомъ селѣ, въ одной изъ дореформенныхъ губерній, жилъ судебный слѣдователь Андрей Андреевичъ П. съ женою своей Лизаветой Александровной. Андрей Андреевичъ былъ простой, добродушный человѣкъ, а Лизавета Александровна — умная, милая и очень добрая женщина.

Къ своей службѣ и обязанностямъ Андрей Андреевичъ относился добросовѣстно и сердечно. Заботы о службѣ были на первомъ планѣ не только у него, но и у его жены.

— Андрей Андреевичъ, да посидите съ нами: дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ,—скажетъ, бывало, кто-нибудь изъ гостей, собравшихся провести у нихъ вечеръ.

— Что вы, развѣ можно? Арестантъ, вѣдь, сидитъ—каково ему? - скажетъ и уйдетъ.

Случалось иной разъ уговорятъ его остаться, а жена съ вопросомъ:

— Андрюша, смотри. Не будутъ ли ждать тебя люди?

— Нѣтъ, Лиза! Если бы ждали, развѣ бы я остался?

— Смотрите, Андрей Андреевичъ, какъ бы вамъ за это не досталось!—замѣтитъ, бывало, кто-нибудь, узнавши о какомъ-нибудь гуманномъ дѣйствіи или распоряженіи его, какъ судебнаго слѣдователя.

— Такъ не прикажете ли думать еще объ этомъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы погубить или спасти несчастнаго человѣка?—отвѣчаетъ за Андрея Андреевича Лизавета Александровна.

О добротѣ Андрея Андреевича и Лизаветы Александровны сохранилось въ селѣ много воспоминаній.

Разъ матушка-попадья прислала къ Подзаборкинымъ просить шубу, чтобы отвезти въ городъ больнаго брата. Жена вздумала было отказать, ссылаясь на то, что болѣзнь заразительная.

— Заразительная болѣзнь! Да если бы и заразительная, такъ не безъ шубы же везти больнаго человѣка! Ты слышала, что батюшка-то шубу увезъ, слышала?—кипятился Андрей Андреевичъ. Шуба, конечно, была дана.

Въ другой разъ у Подзаборкиныхъ заболѣла кухарка. Ухаживаніе за ней доходило даже до комизма: для больной покупался виноградъ и конфекты.

Вотъ въ это-то время кто-то изъ бывшихъ у нихъ гостей къ слову и скажи: «Ну, какъ она умретъ, Лизавета Александровна? Будутъ, пожалуй, хлопоты, придется вамъ на свой счетъ хоронить...»

Лизавета Александровна поблѣднѣла и даже затряслась отъ негодованія. «Души, говоритъ, въ васъ нѣтъ! Человѣкъ боленъ, а вы ужь и убытки вздумали считать, какіе принести можетъ его смерть... Вамъ какое дѣло? Развѣ васъ заставятъ ее хоронить? Не васъ?... А мы, мы съ Андрюшей, за тягость для себя этого не сочтемъ...»

Подзаборкиныхъ всѣ любили; около нихъ группировались чуть ли не лучшіе люди цѣлаго уѣзда, изъ которыхъ многіе, вѣроятно, и теперь вспоминаютъ вечера въ Петровскомъ съ безконечными оживленными спорами о литературѣ, о призваніи нашей интеллигенціи, о нуждахъ народа и т. д., и гдѣ, бывало, въ своемъ кружкѣ одномыслящихъ людей беззаботно и пѣли, и плясали не разъ.

И вотъ послѣ многихъ лѣтъ Андрей Андреевичъ занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ губерніи и, оставивъ свое село, гдѣ жилось такъ и просто, и хорошо, переѣхалъ въ губернскій городъ. Прежняя внѣшняя простота смѣнилась теперь «обстановкой»: у Лизаветы Александровны явился «будуаръ» и у Андрея Андреевича «кабинетъ», а для пріема «гостиная».

— Видите, какъ мы устроились-то здѣсь?—говорилъ Андрей Андреевичъ одному изъ старыхъ петровскихъ друзей, его посѣтившему.—Нельзя-съ, здѣсь мы, вѣдь, не въ деревнѣ живемъ, людей принимать приходится...

— А тамъ, въ Петровскомъ, ужь будто бы вы не людей принимали?

— Конечно, людей... Ну, а здѣсь, здѣсь жизнь другаго сорта! Здѣсь распоясываться-то нельзя, здѣсь вѣчно въ крахмалахъ приходится ходить, да-съ!... Къ намъ частенько его превосходительство и запросто заходитъ.

Въ рѣдкія минуты задушевности, которая еще

не оставила этихъ нѣкогда простыхъ и добрыхъ людей, Андрей Андреевичъ не безъ горечи говорилъ: «Чортъ знаетъ, что за жизнь! Приходится знаться и принимать людей, къ которымъ не чувствуешь ни любви, ни уваженія». А Лизавета Александровна въ подобныя же минуты откровенности жаловалась, что вѣчно приходится быть не самою собой, что она разучилась даже вѣрить людямъ. Но подобныя минуты бывали рѣдки. Среда, заставлявшая приспособляться къ себѣ, дѣлала свое дѣло. Андрей Андреевичъ даже читать пересталъ, а Лизавета Александровна хотя изрѣдка и почитывала, но говорила, что «нынче нечего читать, нынче ни одного журнала порядочнаго нѣтъ». Андрей Андреевичъ былъ послѣдовательнѣе.

— Глупости тамъ только однѣ пишутъ,—говорилъ онъ.

— Какъ глупости?

— Конечно, глупости! Что же, вы думаете, что тамъ чѣмъ-нибудь позаимствоваться можно? Все, что они пишутъ въ этихъ книгахъ, только на бумагѣ хорошо, а къ жизни ихъ проповѣди непримѣнимы... Да и когда намъ читать,—служба у насъ.

Однако же, и службу свою Андрей Андреевичъ отбывалъ теперь не прежнимъ жизненнымъ образомъ, а какъ школьникъ, который учится для балловъ и наградъ. Говоря о службѣ, Андрей Андреевичъ говорилъ только о жалованьѣ и наградахъ. «Слышали, Иванъ-то Иванычъ... предсѣдателемъ окружнаго суда назначенъ. Каково!... Слѣдователемъ тоже былъ, когда я въ Петровскомъ-то служилъ... Жаль, что я министерство юстиціи бросилъ, а то бы и я, пожалуй, предсѣдателемъ былъ. Впрочемъ, жалѣть нечего: если и здѣсь управляющаго получу, я буду получать больше, квартира одна чего стоитъ». Или: «Слышали, Обезьянину какую денежную награду отвалили?—1,000 рублей! А, вѣдь, ничего, ровно ничего не дѣлаетъ. Ну, да и стоитъ—умѣетъ себя показать». Даже Лизавета Александровна интересовалась наградами и повышеніями служащихъ.

Подзаборкины давали теперь «вечера», это значитъ—у нихъ играли на нѣсколькихъ столахъ въ карты, а кто въ карты не играли, занимались пересудами, сплетнями, разговорами о нарядахъ. Когда другъ, посѣтившій Подзаборкиныхъ, напомнилъ имъ о вечерахъ въ Петровскомъ, когда въ карты не играли, а жили интересами мысли: «Съ волками жить, по-волчьи выть»,—отвѣтила Лизавета Александровна. А Андрей Андреевичъ прибавилъ: «Молоды-съ были, зелены. Тогда можно было и канитель разводить, а теперь, мой батинька, глупостями-то заниматься некогда, теперь нужно подумать, какъ бы мѣсто управляющаго получить...»

— Неужели ужъ и нѣтъ другихъ интересовъ въ жизни, Андрей Андреевичъ? Да хоть бы то дѣло, которому вы служите... Вѣдь, тутъ интересы цѣлаго края, нужды населенія...

— Интересы населенія!... интересы населенія!...—перебилъ Андрей Андреевичъ.—Все это, мой батинька, мы давно по-боку, давно выкинули за бортъ, какъ никуда негодную утопію. Интересы населенія! ха, ха, ха!...

И Андрей Андреевичъ взглянулъ на своего собесѣдника, точно хотѣлъ сказать: «ничего, братъ, ты не понимаешь...»

Старая тетка, жившая у Подзаборкиныхъ, объяснила ихъ перемѣну просто: она говорила, что ихъ обошелъ лѣшій.

Г. Добротворскій даетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ набросковъ, характеризующихъ среду, выработавшую нашъ дѣйствующій русскій законъ общественнаго приспособленія. Какъ Тишка закономъ этого приспособленія выработался въ «уважаемаго» человѣка, какъ Бунаковъ, закономъ того же приспособленія, достигъ тоже «уваженія» и кончилъ расхищеніемъ и убійствомъ, такъ въ средѣ, въ которой очутился Андрей Андреевичъ, законъ приспособленія или обходитъ человѣка, какъ лѣшій въ лѣсу, или человѣкъ, не найдя себѣ мѣста въ природѣ и не приспособившись къ ней, самъ себя выпускаетъ въ тиражъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаю тотъ матеріалъ, который въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ представляетъ наша провинціальная печать. Искреннимъ и жизненнымъ словомъ провинціальной печати, которое все чаще и чаще теперь слышится, ростутъ и развиваются не только новые умственные центры, распространяющіе свои просвѣтительные лучи все больше и больше, но и кладется начало того умственнаго коллективизма, въ объединенномъ единствѣ котораго создается новая умственно-нравственная среда, дѣлающая, наконецъ, невозможнымъ ни появленіе «Ивановыхъ», ни жировое перерожденіе Андреевъ Андреевичей.

Въ подкрѣпленіе этой мысли, и чтобы опереться на компетентный источникъ, я сдѣлаю выдержку изъ *Литературныхъ очерковъ* «Саратовскаго Дневника», дающихъ вполнѣ жизненное (а не литературное или книжное) объясненіе происхожденія людей одного типа съ «Ивановымъ». Это уже не Андреи Андреевичи, а опять форма болѣе высокая, поступательно приближающаяся къ тому активно-волевому типу, который, наконецъ, ее смѣнитъ.

«Иванову около 35 лѣтъ,—слѣдовательно, онъ принадлежитъ къ тому же поколѣнію, къ которому принадлежалъ *покойный* Гаршинъ, пѣвцомъ котораго былъ *покойный* Надсонъ. Широкія общественныя задачи, свѣтлые принципы правды и красоты, которые выработали себѣ Ивановы, и молодыя увлеченія, которыми они жили въ стѣнахъ университетовъ и академій, они понесли въ глухіе закоулки нашего обширнаго отечества, одушевленные желаніемъ примѣнить ихъ къ жизни, облагодѣтельствовать ими своихъ несчастныхъ меньшихъ братьевъ. Дѣйствительная жизнь въ ея обратно-поступательномъ движеніи только разочаровала ихъ. Дирижорская палочка, въ рукахъ руководителей современнаго общественнаго настроенія—«столпа отечества» Дерунова и «куроѣда-сердцеѣда» Граціанова — превратившаяся въ тяжелую дубину, больно начала прогуливаться по плечамъ наивныхъ мечтателей. Выразительница общества—текущая пресса, за немногими исключеніями, поставила себѣ

девизъ: «наше время — не время широкихъ задачъ», бросила, какъ негодную ветошь, широкіе общественные идеалы и кинулась въ объятія представительницы народившагося «откровеннаго направленія» — газеты «Чего изволите».

«Съ другой стороны, — говоритъ «Саратовскій Дневникъ», — русская жизнь не могла еще выработать изъ русскаго интеллигента энергичнаго и упорнаго общественнаго борца. Во время крѣпостнаго права заурядный интеллигентъ или фрондировалъ втихомолку, или вырабатывалъ себѣ по нѣмецкимъ книжкамъ отвлеченные идеалы истины, красоты, не примѣняя ихъ къ дѣйствительности. Освободительная эпоха 60-хъ годовъ промелькнула какъ метеоръ, и уже по своей непродолжительности не могла выдѣлить дѣятелей, за немногими исключеніями, способныхъ къ систематической борьбѣ. Послѣдующая эпоха, — эпоха страстной и ожесточенной борьбы двухъ противуположныхъ теченій общественнаго настроенія, — окончилась жестокимъ пораженіемъ по всему фронту такъ называемыхъ прогрессивныхъ партій и выдѣлила массу русскихъ интеллигентныхъ людей, оскорбленныхъ въ своей святынѣ, униженныхъ и доведенныхъ до отчаянія, переставшихъ вѣрить и въ свои силы, и въ торжество своихъ излюбленныхъ идеаловъ. Вмѣсто активныхъ борцовъ, русская дѣйствительность выработала людей, способныхъ лишь равнодушно гибнуть и безтрепетно умирать.

«Мудрено ли, что, при такихъ условіяхъ общественной дѣятельности, русскіе интеллигенты, отчаявшись въ возможности успѣшной борьбы, недопускающіе сдѣлокъ съ совѣстью, кончаютъ самоубійствомъ, какъ Ивановы, или, другіе какъ Ивановы, доводятъ себя до нравственнаго самоубійства, махнувши рукой на свои неудачныя попытки водворенія на землѣ правды. Какою злобною ироніей надъ самимъ собою и надъ себѣ подобными звучатъ слова Иванова, обращенныя имъ къ доктору Львову: «Выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе тонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Запритесь себѣ въ раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло».

«Много Ивановыхъ, но не всѣ... Да и сами Ивановы, въ своихъ отчаянныхъ исканіяхъ торжества правды, заронили глубоко сѣмена ея въ души молодыхъ, идущихъ на смѣну имъ силъ... Наконецъ, не надо забывать, что на арену общественной дѣятельности только еще начала выступать грядущая, непочатая сила — русская интеллигентная женщина. 10—15 лѣтъ тому назадъ молодыя женщины и дѣвушки широкою волной хлынули къ открытому имъ источнику знанія, твердо побѣждая препятствія въ виду семейныхъ и общественныхъ предразсудковъ. Теперь, какъ врачи, учительницы, фельдшерицы, онѣ несутъ свои знанія, освященныя ихъ теплымъ, любящимъ сердцемъ, во всѣ глухіе уголки нашего отечества; облагораживающее вліяніе ихъ натуры смягчитъ жестокія и грубыя проявленія современной дѣйствительности; воспитательницы грядущаго поколѣнія, онѣ съумѣютъ вдохнуть въ него живую душу и сдѣлать изъ него честную общественную силу».

Весь этотъ рядъ фактовъ — не литературная или художественная «выдумка». Это — живые факты живой дѣйствительности, это — цѣлая геологія теперь существующихъ нравственныхъ понятій и жизни, на нихъ основанной созидающей ту или другую практику отношеній, въ которыхъ мы путаемся.

Да, это — именно геологическое напластованіе слоевъ различныхъ эпохъ. Внизу лежитъ глухой слой низшей культуры, вышедшей изъ своей чисто-животной стадіи. На этомъ слоѣ лежитъ второй пластъ, уже болѣе культурный, болѣе человѣческій, но тоже съ понятіями первобытныхъ эпохъ. И, поднимаясь по лѣстницѣ развитія все выше и выше, мы доходимъ, наконецъ, до наиболѣе совершенной формы общественнаго типа, народившейся въ послѣднее время.

Эта форма есть высшій продуктъ нашего умственнаго и нравственнаго развитія, созданный многовѣковою работой мысли, упорно, хотя и медленно прокладывавшей себѣ пути и творившей возможности для болѣе и болѣе совершеннаго осуществленія идеаловъ справедливости, равенства и свободнаго развитія.

Если все это такъ, т.-е. что русская жизнь представляетъ собою цѣлый рядъ культурныхъ напластованій, то разбираться между ними и установить для нихъ общій законъ и порядокъ ихъ взаимнаго воздѣйствія едва ли представитъ какія-либо затрудненія.

Именно для того, чтобы показать, какъ самъ собою, естественною логическою послѣдовательностью этотъ законъ устанавливается и насколько эта логическая послѣдовательность неустранима (и изъ нея не можетъ выскочить никто), я сошлюсь на г. Г., т.-е. буду подтверждать этотъ законъ тѣми самыми словами моего оппонента, которыми онъ старается доказать, что я ошибочно ставлю на первомъ мѣстѣ учрежденія.

Г. Г. отрицаетъ появленіе «новыхъ людей», а тѣмъ болѣе «внезапно, какъ-бы изъ-подъ земли (мое «какъ бы» г. Г. совершенно основательно обходитъ молчаніемъ). Онъ говоритъ, что въ 60-хъ годахъ всѣ Собакевичи, Хлестаковы, Ноздревы и т. д. явились бы самозванными «новыми людьми» только подъ вліяніемъ «новыхъ вѣяній», но что не требовалось особенной проницательности, чтобы увидѣть изъ-подъ новаго костюма полы стараго кафтана, что и люди, и общество остались прежніе, что реформы, «по крайней мѣрѣ, на время освободили людей честныхъ и порядочныхъ, дали имъ ходъ», что судебная реформа дала возможность служить этимъ порядочнымъ людямъ, и оните и «внесли въ суды нѣкоторую долю правосудія, которой прежде не было», что «реформы, тѣ или другія учрежденія могутъ лишь очистить мѣсто, создать возможность для дѣятельности людей честныхъ и порядочныхъ».

И затѣмъ, въ видѣ антитезы, г. Г. говоритъ, что

если въ странѣ нѣтъ порядочныхъ людей, «или, лучше сказать, если ихъ нѣтъ въ *образованномъ сословіи страны,* то никакія реформы ни къ чему не поведутъ». Но вѣдь, эти порядочные люди только что сейчасъ были; они освободили крестьянъ, ввели новый судъ, надѣли на всѣхъ Чичиковыхъ и Ноздревыхъ новое платье,—такъ что эти люди обнаружили даже стыдливость, которой прежде въ нихъ не замѣчалось,—и вдругъ внезапно, тоже чудомъ, куда-то исчезли. Если у меня эти люди чудомъ являются, то и у г. Г. они, устроивъ всѣ хорошія дѣла, такимъ же чудомъ исчезаютъ. Въ чемъ же секретъ этихъ чудесъ?

Одинъ именно главный секретъ признаетъ и г. Г. Онъ признаетъ, что учрежденія—такая сила, которая даже самыхъ закоренѣлыхъ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ и Хлестаковыхъ подчиняетъ себѣ. И еще бы въ этомъ сомнѣваться послѣ такой массы очевидныхъ фактовъ!

И пока г. Г. смотритъ на Божій міръ какъ публицистъ, онъ является и энергическимъ защитникомъ реформъ противъ нападокъ на нихъ нашихъ такъ называемыхъ консервативныхъ органовъ—«Московскихъ Вѣдомостей», «Гражданина» и т. д. Но когда публицистъ въ немъ на время прячется и намѣсто его становится моралистъ, г. Г., только что выразившій свое удовольствіе, что Чичиковъ и Ноздревъ надѣли новое платье и подчинились «новымъ вѣяніямъ» (больше чего отъ нихъ и не требовалось, да и требовать было невозможно), начинаетъ сердиться, что они сдѣлали лишь внѣшнюю уступку, а въ душѣ остались все тѣми же Чичиковыми и Ноздревыми. Отъ этой-то двойственности и не поймешь, хочетъ ли г. Г. вести насъ впередъ, или предлагаетъ сидѣть у моря и ждать погоды.

Онъ обвиняетъ общество въ томъ, что объ него «разбились усилія отдѣльныхъ личностей, получившихъ возможность дѣйствовать благодаря реформамъ», что лучшіе люди «извѣрились въ возможность дѣйствовать среди такого общества» и что поэтому нашимъ городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ завладѣли «промышленники».

Но о какомъ «обществѣ» говоритъ г. Г.? Обществъ у насъ столько же, сколько существуетъ умственно-нравственныхъ формацій. Развѣ зоологическая группа Потаповъ Осиповичей не составляетъ своего общества? Развѣ Тихоны Прохоровичи, Бунаковы и расхитители башкирскихъ земель не общество? Развѣ не въ обществѣ жилъ Андрей Андреевичъ, пока онъ чувствовалъ и думалъ по-человѣчески, и развѣ не общество заставило его найти потомъ, что все это были однѣ глупости молодости? Развѣ не общество, какъ выражается «Саратовскій Дневникъ», нанесло «пораженіе по всему фронту» такъ называемой прогрессивной партіи, и развѣ сама эта партія не общество?

Очевидно, что если разъ оказались вліятельною силой тѣ, кто созидалъ реформы, а затѣмъ эти люди куда-то попрятались, а на ихъ мѣсто выступили бывшіе Тишки, то для публициста можетъ быть только одинъ вопросъ—какія возможности помогаютъ появленію созидателей новыхъ учрежденій и когда вылѣзаютъ Тишки? Разрѣшать вопросовъ одного порядка мышленія другимъ порядкомъ мышленія нельзя. Въ этомъ случаѣ непремѣнно получится то, что, напримѣръ, и получилось недавно, когда профессоръ О. Миллеръ вздумалъ поправить Н. К. Михайловскаго. Дѣлая характеристику Г. И. Успенскаго, Н. К. Михайловскій говоритъ, между прочимъ, о «работѣ чести», поднимающей достоинство личности, а профессоръ О. Миллеръ, желая опровергнуть эту мысль, доказываетъ, что надо жить свято и избѣгать грѣха. Конечно, жить свято хорошо и необходимо, и если бы подобное назиданіе сдѣлалъ Тишкѣ на духу священникъ, это было бы и умѣстно, и, вѣроятно, шевельнуло бы Тишкину совѣсть. Но, вѣдь, публицисты имѣютъ дѣло не съ личною совѣстью. Они не могутъ заниматься ни проповѣдью личной нравственности, ни «образованіемъ ума и сердца», которымъ г. Г. желаетъ прошибить разныхъ Антошекъ-христопродавцевъ, Тишекъ, Бунаковыхъ и проч. Пускай, кому это подлежитъ, занимаются образованіемъ ума и сердца Тишекъ, а мы будемъ думать о томъ, какими средствами созидаются лучшія возможности для успѣшности этого образованія. Еще когда воспитаются въ Тишкѣ умъ и сердце, когда еще чувства общественнаго долга и общественной чести проникнутъ въ промыслы всѣхъ тѣхъ, кто ничего въ нихъ теперь не понимаетъ, а до тѣхъ поръ намъ нужно бороться противъ общественныхъ золъ общественными средствами и направлять общественное вниманіе именно въ эту сторону, а не отвлекать его въ сторону созерцанія вѣчныхъ истинъ или, подобно «метафизику», вмѣсто того, чтобы выкарабкиваться изъ ямы по веревкѣ, которую ему кинули, сидѣть на днѣ и разсуждать, что, вѣроятно, есть для этого какое-нибудь лучшее средство.

Насколько трудно прививается къ намъ гражданское мышленіе, какъ трудно бываетъ иногда сдѣлать себя понятнымъ и какъ, сидя на днѣ ямы, даже люди печати, въ органахъ, повидимому, предназначенныхъ для распространенія публицистскихъ идей, отдаются размышленію о «вервіи», а публицистику забываютъ, я представлю слѣдующее доказательство.

«Елисаветградскій Вѣстникъ», очевидно, пользуясь только статьею г. Г., дѣлаетъ ту самую выписку, которая приведена изъ моего «очерка» въ «Южномъ Краѣ», потомъ выписываетъ, что говоритъ г. Г. о Собакевичахъ, Ноздревыхъ и т. д., оставшихся такими, какими они были, и затѣмъ въ видѣ примиряющаго вывода, для этой тезы и антитезы, ссылается на Кавелина. Кончается ссылка на примиряющее мнѣніе Кавелина такъ: «Живой человѣкъ не можетъ стать (т.-е. встать) въ разрѣзъ съ *внѣшнею* дѣйствительностью, не можетъ игнорировать окружающія его явленія, но онъ, съ другой стороны, никогда не можетъ удовлетвориться однимъ только внѣшнимъ благоустройствомъ и созиданіемъ раціональныхъ учрежденій. Правильное и естественное развитіе человѣка пойдетъ только тогда по желательному пути,

когда оба эти теченія не будутъ одинъ другаго исключать, а пойдутъ параллельно другъ другу, — когда человѣкъ будетъ съ одинаковою заботливостью и ревностью думать, какъ о внѣшнемъ, такъ и о внутреннемъ своемъ благоустройствѣ и когда обѣ эти его законныя и одинаково важныя потребности будутъ строго согласованы между собою и объединены однимъ общимъ разумнымъ началомъ».

Если бы эта статья была напечатана въ видѣ научно-теоретическаго фельетона, я не возразилъ бы на нее ни однимъ словомъ. Но если она является надъ чертой, въ отдѣлѣ политическомъ, она получаетъ уже иной смыслъ и иной руководящій характеръ. Кавелинъ былъ, несомнѣнно, почтенный ученый и искренній и честный человѣкъ, отдавшійся отысканію «истины». Но публицистомъ онъ никогда не былъ и опираться на него въ политическихъ спорахъ ужь совсѣмъ нельзя. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, сущность разнорѣчія между г. Г. (и многими другими подобными ему моралистами) и мною заключается въ томъ, что намъ нужнѣе въ сей текущій моментъ: «внѣшнее ли благоустройство и созиданіе раціональныхъ учрежденій», какъ выражается Кавелинъ, т. е. умственное воспитаніе общества въ понятіяхъ гражданскаго благоустройства и созиданіе практическихъ привычекъ гражданскаго общежитія, или же моральная проповѣдь гр. Л. Толстаго и его газетныхъ и журнальныхъ послѣдователей, рекомендующихъ, какъ профессоръ О. Миллеръ, жить свято и избѣгать грѣха? Неужели хоть тѣнь отвѣта на этотъ вопросъ заключается въ словахъ Кавелина, что «правильное и естественное развитіе человѣка пойдетъ только тогда по желательному пути, когда обѣ законныя и одинаково важныя его потребности будутъ строго согласованы между собою и объединены однимъ общимъ разумнымъ началомъ»?

Это такой же отвѣтъ, какъ если бы на вопросъ: «Какъ устроить наши внутреннія отношенія, чтобы вѣрнѣе спастись отъ всякихъ Тишекъ и Бунаковыхъ?» — «Елисаветградскій Вѣстникъ» отвѣтилъ: «Подождите, когда люди станутъ умнѣе, а Тишки добродѣтельнѣе».

Впрочемъ, все это такъ и должно быть и, какъ видно, къ самимъ органамъ, проповѣдующимъ это мудрое начало, нужно примѣнить ихъ собственную мудрость. Въ самихъ нашихъ такъ называемыхъ политическихъ органахъ (обыкновенно выставляющихъ у себя въ заголовкѣ: «газета политическая и общественная» нѣтъ еще сознанія своего политическаго значенія. Потому-то на каждомъ шагу и приходится видѣть, что публицистъ то вздумаетъ да и надѣнетъ на себя хламиду мудреца и понесетъ мудрыя рѣчи, а то преобразится въ пустынника и начнетъ совѣтовать всѣмъ жить свято и избѣгать грѣха. Это просто путаница неразмежеванныхъ понятій.

Кромѣ путаницы неразмежеванныхъ понятій, тутъ есть еще и нѣчто такое, что называется общественною безнравственностью. Г. Г. утверждаетъ, что *въ нашемъ образованномъ сословіи нѣтъ порядочныхъ людей*. Этого утвержденія я опровергать не стану, потому что не знаю, въ какомъ образованномъ обществѣ живетъ г. Г. Каждому, конечно, виднѣе, какими онъ людьми окруженъ. Но я замѣчу, что такъ какъ наши геологическія формаціи представляютъ массу культурныхъ и нравственныхъ разнообразій и каждое такое разнообразіе образуетъ свой собственный слой, то для публициста обязательно считать умственно-нравственнымъ общественнымъ представительствомъ страны только ея умственные верхи.

Если же публицистъ этого не понимаетъ и самъ стоитъ не на этихъ верхахъ, то, конечно, у него не можетъ быть ни вѣрной общественной точки опоры, ни вѣрнаго общественнаго сужденія, ни тонкаго общественнаго идеала, ни ясной цѣли, къ которой онъ шелъ бы самъ и которую онъ могъ бы указывать другимъ. Тутъ возможны ужь всякіе выводы и заключенія и даже такія, что «въ нашемъ образованномъ сословіи нѣтъ порядочныхъ людей»; а если нѣтъ въ обществѣ (и даже не въ обществѣ, а въ цѣломъ образованномъ сословіи) порядочныхъ людей, то... дальше слѣдуетъ уже программа кн. Мещерскаго.

XL.

Вотъ уже тридцать пять лѣтъ, какъ въ русской жизни идетъ глубокое внутреннее движеніе. Шагъ за шагомъ, сначала вовсе незамѣтно даже и для проницательныхъ людей, оно выросло на нашихъ глазахъ въ весьма опредѣленное явленіе, которое могутъ видѣть и понимать ужь люди и непроницательные.

Это явленіе заключается пока въ томъ, что жизнь отливаетъ отъ Сѣвера на Югъ, создаетъ себѣ новые центры, колонизируетъ пустыни, рвется на просторъ, стремится освободить себя отъ всякихъ стѣсняющихъ ее путъ и сложиться по какому-то новому, громадному масштабу, во внутренней Россіи невиданному, да и не возможному.

Если все будетъ идти такъ же и дальше, то на Югѣ и Юго-Востокѣ возникнетъ небывалая еще промышленная сила — Россія хлопковыхъ и табачныхъ плантацій, рисовыхъ и сорговыхъ полей, тутовыхъ рощъ, безпредѣльныхъ виноградниковъ, Россія громаднѣйшей горнозаводской промышленности — желѣзной, каменно-угольной, соляной, нефтяной, Россія невиданнаго еще земледѣлія, съ невиданнымъ до сихъ поръ земледѣльцемъ новаго типа.

Да, жизнь отливаетъ отъ русскаго негостепріим-

наго и холоднаго Сѣвера, отъ его непроизводительныхъ тундръ и болотъ, требующихъ неимовѣрныхъ усилій, чтобы превратить ихъ въ источники маломальски человѣческаго существованія. Только теперь, черезъ тысячу лѣтъ, Россія, оттѣсненная въ Новгородскія пятины и пустыри Сибири, находитъ свое истинное культурное мѣсто на благодарномъ Югѣ и на берегахъ Чернаго моря, къ которому изъ всѣхъ силъ пробивался еще Петръ Великій.

Россія, этотъ едва выходящій изъ пеленокъ гигантъ, о будущемъ развитіи котораго мы теперь не можемъ составить ни малѣйшаго понятія, должна сложить себѣ иную жизнь, и никакая сила не встанетъ поперекъ этому стихійному движенію и ему не помѣшаетъ.

Уже и теперь можно предугадать, какъ возникновеніе новыхъ общественно-экономическихъ окраинъ потребуетъ и новаго общественно-экономическаго равновѣсія, а вновь возникающая областная жизнь создастъ себѣ и новые центры. Теперешніе центры, созданные частью искусственно и по нуждѣ, какъ Петербургъ или, хотя возникшіе путемъ и болѣе естественнаго развитія, какъ Москва, но слишкомъ отдаленные отъ окраинъ, чтобы новая жизнь, слагающаяся на Мургабѣ, на Аму-Дарьѣ, на Кавказѣ, на берегахъ Чернаго моря, стала бы искать въ нихъ своей опоры,—поблекнутъ, потеряютъ свое первенствующее значеніе и заслонятся другими, болѣе развитыми центрами. Географическая карта будущей Россіи, ужь несомнѣнно, будетъ совершенно не похожа на карту Россіи теперешней.

Передвиженіе частицъ, стремящихся создать новый укладъ, и то тяготѣніе, которое обнаруживаетъ Россія по отношенію къ силамъ, внѣ ея лежащимъ, выражается въ разныхъ формахъ эмиграціи и иммиграціи. А факты этого двойнаго движенія и невиданнаго еще у насъ роста производительныхъ силъ вотъ какіе.

Капиталы не знаютъ отечества, также какъ и идеи, и проникаютъ повсюду, гдѣ встрѣчаютъ свободу, необходимую для ихъ развитія. И просторъ нашего нетронутаго Юга оказалъ внезапно такія возможности для развитія экономической предпріимчивости, что привлекъ къ себѣ, кромѣ значительныхъ русскихъ капиталовъ, огромные капиталы англійскіе, бельгійскіе, голландскіе и французскіе. Даже король европейскихъ капиталистовъ, Ротшильдъ, нашелъ удобнымъ перенести къ намъ часть своего царства.

Три завода выдаются на Югѣ по своимъ невиданнымъ и небывалымъ гигантскимъ размѣрамъ: Юзовскій—англичанина Юза, устроившаго первый желѣзо-дѣлательный и рельсовый заводъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, Александровскій южно-русскій заводъ—филіальное отдѣленіе Брянскаго завода и Каменскій—Рау, Кокериль и К°. О размѣрахъ этихъ заводовъ можно судить по слѣдующему: на плату рабочимъ заводы эти тратятъ въ мѣсяцъ отъ 150 до 180 тысячъ рублей. Угля сжигаютъ они ежедневно до 50,000 пудовъ. На Каменскомъ заводѣ водопроводы и газопроводы стоятъ 200,000 рублей. Установка на этомъ же заводѣ калильныхъ и дуговыхъ электрическихъ лампъ стоила 150,000 рублей. На Голубовскомъ каменно-угольномъ рудникѣ электричествомъ освѣщается проволочная желѣзная дорога, идущая отъ рудника до ст. Голубовки донецкой желѣзной дороги. Эта дорога имѣетъ длины 4 версты и перевозитъ въ годъ до 9 милліоновъ пудовъ угля. Электричество все болѣе и болѣе вытѣсняетъ въ южно-русскихъ производствахъ всякое другое освѣщеніе. Самая большая изъ соляныхъ копей, Брянцевская, освѣщается 120 лампочками Эдиссона и соль получается безукоризненной чистоты, а не грязная закоптѣлая, какъ при практикуемыхъ у насъ въ другихъ копяхъ патріархальныхъ способахъ освѣщенія.

И этому последнему слову электрической техники отвѣчаетъ и все остальное устройство заводовъ. Доменныя печи, напримѣръ, принадлежатъ къ числу самыхъ большихъ въ свѣтѣ, а на Юзовскомъ заводѣ предполагается устроить новую доменную печь небывалыхъ еще размѣровъ, которая будетъ давать ежедневно болѣе 10,000 пудовъ чугуна, а въ годъ до 4 милліоновъ. Въ каменно-угольныхъ копяхъ добывается по 5, 8, 10, 15 и болѣе милліоновъ пудовъ угля въ годъ. Копи каменной соли представляютъ грандіозныя безконечныя залы по 7—8 саженъ вышины. Своды этихъ залъ опираются на столбы соли въ 17 саженъ длины и 7—8 саженъ ширины. Уже и теперь производительность этихъ копей измѣряется милліонами пудовъ, а въ будущемъ обѣщаетъ давать и совсѣмъ чудовищныя цифры. Всѣ эти промышленныя предпріятія, поглотившія многіе милліоны, все ростутъ и поглощаютъ новые милліоны. Французское общество для разработки каменной соли, затратившее уже 9 милліоновъ франковъ, надняхъ на расширеніе предпріятія снова назначило 12 милліоновъ.

Выгоды, получаемыя южно-русскою промышленностью, настолько велики, что нѣтъ возможности предвидѣть, до какого развитія она можетъ дойти. И ростутъ не одни главныя предпріятія, возникаетъ и развивается масса новыхъ, второстепенныхъ предпріятій, связанныхъ съ главными: напримѣръ, заводы огнеупорнаго кирпича, известковые, заведенія для приготовленія сельско-хозяйственныхъ машинъ, требующихся въ большомъ количествѣ на Югѣ не только владѣльцами, но и крестьянами.

Съ развитіемъ промышленности возникаютъ новые центры населенія. Юзъ построилъ свой заводъ въ голой степи, а теперь это цѣлый городокъ, Юзовка, съ населеніемъ въ 10 слишкомъ тысячъ жителей. На Каменскомъ заводѣ Кокериля и Рау коренное населеніе составляетъ болѣе 5,000 человѣкъ, да въ с. Каменскомъ столько же. Кривой Рогъ изъ ничтожнаго села превратился въ крупный промышленный и торговый центръ. И каждое крупное предпріятіе сейчасъ же группируетъ около себя значительное населеніе. Кромѣ постоянныхъ центровъ, созданныхъ южно-русскою промышленностью, она тянетъ къ себѣ населеніе пришлое. Масса народа, которая прежде уходила на Югъ для полевыхъ работъ, отправляется теперь на южно-русскіе заводы, въ каменно-угольныя и соляныя копи.

Привлекая къ себѣ выдающіяся европейскія силы въ области капитала, знанія, предпріимчивости и энергіи, южно-русская производительность является надвигающеюся грозой для всякой другой однородной промышленности, не соединяющей въ себѣ подобныхъ же силъ. Три южныхъ завода—Юзовскій, Александровскій и Каменскій—только при теперешнемъ своемъ размѣрѣ могутъ добывать половину всего количества желѣза, добываемаго во всей Россіи. Послѣдствія очевидны. Уже и теперь «начинаютъ сокращать свое производство и даже совсѣмъ закрываться громадные передѣлочные заводы, искусственно созданные субсидіями и казенными заказами подъ Петербургомъ и на берегахъ Балтійскаго моря, работавшіе на привозномъ изъ Англіи чугунѣ и углѣ. Такая же участь начинаетъ постигать и желѣзную промышленность Урала, отдѣленную громадными разстояніями отъ мѣста потребленія и работающую на древесномъ углѣ. Уральскіе заводы закрываются одинъ за другимъ или сокращаютъ свое производство и въ недалекомъ будущемъ имъ угрожаетъ полный крахъ» («Недѣля»).

Другою подобною же надвигающеюся силой собирается быть Кавказъ и наша новая азіатская окраина, по которой прошла закаспійская желѣзная дорога. Кавказъ пока выдался своею нефтяною промышленностью, получившею всесвѣтное значеніе. Но и его рудныя мѣсторожденія, его неисчерпаемыя каменно-угольныя и соляныя копи, его изумительная по плодородію земля, его климатъ, способный ростить марену, хлопчатникъ, шафранъ, табакъ, кунжутъ, виноградъ, его площадь, способная даже при теперешнемъ состояніи сельско-хозяйственныхъ и другихъ промышленныхъ знаній прокормить и создать обезпеченное положеніе пятидесяти-милліонному населенію (теперешнее населеніе составляетъ 7¼ милліоновъ), превращаютъ Кавказъ въ такую грядущую силу, на которой могутъ успокоиться самыя смѣлыя культурныя и прогрессивныя надежды.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ мы чуть не повсемѣстно жгли лучину, а теперь въ каждой деревенской избѣ вы найдете керосиновую лампу. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ Кавказъ скромно потягивалъ свое кахетинское вино изъ вонючихъ бурдюковъ, не мечтая ни о какой выдающейся роли, а теперь онъ протягиваетъ руки къ міровой извѣстности. Онъ вытѣсняетъ съ европейскихъ рынковъ американскій керосинъ, онъ забираетъ рынки Азіи и Африки, онъ изобрѣлъ нефтяное отопленіе, онъ приманилъ къ себѣ денежнаго короля Ротшильда, которому стало тѣсно въ Европѣ и для силъ котораго только Кавказъ оказался достаточно устойчивою точкой опоры изъ всѣхъ другихъ точекъ міра.

Но у Кавказа, кромѣ его нефтяныхъ источниковъ, есть много еще и другихъ нетронутыхъ богатствъ, которыя только ждутъ приложенія къ нимъ ума, энергіи, предпріимчивости и знаній, чтобы передъ мѣстнымъ населеніемъ раскрылись блестящія перспективы обезпеченности, благосостоянія, довольства и широкой внутренней жизни.

Еще большею естественною силой и источникомъ большихъ надеждъ является Закаспійскій край. Его будущее опредѣленнѣе, потому что точно извѣстно его прошлое. «Оазисъ, созданный Мургабомъ, искони славился своимъ плодородіемъ,—говоритъ г. Циммерманъ.—Въ тѣ глубокія времена, когда вся Европа была еще погружена въ полный мракъ невѣжества, Мервъ, или Муру, какъ онъ назывался встарь, достигъ уже высокой степени культуры и гордо величалъ себя царемъ всего міра».

Во время владычества арабовъ «Мервъ сталъ однимъ изъ главныхъ административныхъ пунктовъ обширной области и знаменитымъ средоточіемъ наукъ и искусствъ. Въ немъ находились славныя школы, обширная библіотека, астрономическая обсерваторія. Посѣщавшіе его путешественники разносили по свѣту вѣсть о пышныхъ дворцахъ, великолѣпныхъ мечетяхъ и чудныхъ садахъ, украшавшихъ прекрасный городъ, служившій до тринадцатаго вѣка главнымъ убѣжищемъ азіатскаго просвѣщенія».

Но вотъ ураганомъ прошли по странѣ монголы и послѣ двухъ такихъ бичей Божіихъ, какъ Чингисъ-ханъ и Тамерланъ, умерла всякая жизнь, богатая, просвѣщенная страна покрылась грудами развалинъ, населеніе ея городовъ было истреблено и нѣкогда цвѣтущій край сталъ убѣжищемъ для кочевниковъ, жившихъ грабежомъ и набѣгами.

Съ присоединеніемъ края къ Россіи и проложеніемъ по немъ желѣзной дороги, вся эта одичавшая страна вступила въ связь съ Европой и передъ ней вновь раскрылись возможности для блестящей культуры и цивилизаціи, но на этотъ разъ уже не азіатской, а европейской. Извѣстный ненавистникъ Россіи, еще болѣе извѣстный, какъ знатокъ Востока, Вамбери, пораженный фактами, которыми уже ярко засвидѣтельствовалось культурное вліяніе Россіи, и проникая въ будущее этого нѣкогда цвѣтущаго края, говоритъ, что теперь «арійскія народности снова вступятъ въ свои права, отнятыя у нихъ нѣсколько вѣковъ назадъ турскими племенами. Мервъ, Нисса и многія другія извѣстныя мѣста возникнутъ опять подъ новыми названіями... Такъ какъ естественныя условія будущей культуры не измѣнились, такъ какъ рѣка Мургабъ, попрежнему, несетъ къ оазису свою плодотворную влагу, то Мервъ, навѣрное, станетъ опять тѣмъ же, чѣмъ былъ древле, а именно: алмазомъ въ песчаной оправѣ, отъ котораго современемъ станутъ разливаться лучи новаго міровоззрѣнія».

И теперь уже желѣзная дорога въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ совершенно измѣнила не только способы торговыхъ сношеній, но и создала новые города, быстротою своего роста напоминающіе города американскіе. Такимъ городомъ, выросшимъ какъ бы внезапно изъ земли, сталъ русскій Мервъ. «На ровной площади по сю сторону Мургаба,—пишетъ г. Циммерманъ,—какъ по шнуру, вытянулись ряды домовъ, пересѣкаемые подъ прямымъ угломъ такими же правильными улицами. Вдоль тротуаровъ прорыты водопроводныя канавки. Тамъ, гдѣ онѣ пересѣкаютъ мостовую, черезъ нихъ

перекинуты каменные мостики съ высокими парапетами по бокамъ. Дома бо́льшею частью одноэтажные, съ плоскими крышами, скромно и уютно смотрятъ за рядами молодыхъ еще деревьевъ, разсаженныхъ по краямъ тротуаровъ. По нѣкоторымъ улицамъ размѣстились магазины, мелочныя лавки и товарные склады. И въ Мервѣ, какъ въ Асхабадѣ, извозчики щеголяютъ удобными колясками парой. Словомъ,—говоритъ г. Циммерманъ,—на всемъ лежитъ отпечатокъ благоустроеннаго цивилизованнаго города, какого и не ожидаешь видѣть въ азіатскихъ пустыняхъ. Но это еще только одна часть его, въ которой поселился по преимуществу торговый людъ. Другая половина города расположилась на правомъ берегу Мургаба. Черезъ рѣку перекинутъ желѣзно-дорожный мостъ. Пройдя по немъ и миновавъ высокій крѣпостной валъ, вы выходите на новыя улицы, гдѣ тянутся ряды болѣе роскошныхъ строеній, отчасти напоминающихъ итальянскія виллы съ прекрасными при нихъ садами. Тутъ находятся жилища военныхъ и административныхъ властей, также казначейство, почтамтъ, телеграфъ, аптека. А далѣе, на томъ же правомъ берегу, за городскимъ садомъ расположены казармы и церковь среди нихъ...»

Другое чудо, но уже въ иномъ родѣ, совершается въ процвѣтавшихъ когда-то, но покинутыхъ за недостаткомъ воды земляхъ по Мургабу. Инженерамъ поручено возобновить тутъ древнюю плотину, матеріалъ для этой работы уже подвозится и, какъ говорили г. Циммерману, будетъ скоро приступлено и къ сооруженію плотины. Недалеко отъ станціи г. Циммерманъ видѣлъ довольно обширную плантацію деревьевъ разныхъ туземныхъ породъ, назначенныхъ для разведенія парка. «Когда плотина будетъ готова, то, подъ вліяніемъ обильнаго орошенія, въ этомъ краѣ вновь разцвѣтетъ прежняя многоплодная культура, и цѣль эта будетъ достигнута въ скоромъ времени, если только со стороны мѣстныхъ властей не будетъ представляться препятствія туземцамъ къ заселенію участковъ».

Еще бо́льшее чудо свершится въ краѣ, когда будетъ осуществлена мысль Петра Великаго, высказанная имъ въ наказѣ князю Черкаскому: «Надлежитъ надъ гаваномъ, гдѣ бывало устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость,—писалъ Петръ.—Осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки, тако же и плотины... Ежели возможно оную воду паки обратить въ старый токъ... Прочія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море... Осмотрѣть мѣсто близь плотины на настоящей Аму-Дарьѣ рѣкѣ, для строенія же крѣпости... понеже зѣло нужно».

И хотя все это было «зѣло нужно» уже во времена Петра Великаго, хотя мысль его не пропадала и поддерживалась не только мѣстными преданіями о существовавшемъ нѣкогда теченіи Аму по теперешнему сухому руслу Узбоя и проектами, время отъ времени появлявшимися у насъ о возстановленіи стараго теченія Аму, но, кажется, только теперь приближается время для осуществленія мысли Петра, если только мы съумѣемъ стать на ту же идейную высоту.

Индія, благословеннѣйшая страна въ мірѣ, это истинное міровое Эльдорадо, манила къ себѣ во всѣ времена воображеніе и мечты европейскаго человѣка. Великіе завоеватели, геніальные представители идеи всеобщаго мирнаго культурнаго развитія и прогресса постоянно увлекались Индіей и стремились ввести ее въ міровую связь. Колумбъ, открывая Америку, думалъ только проложить путь въ Индію. И нашъ великій Петръ ужь, конечно, только ради той же связи Индіи съ Европой задумалъ сдѣлать Аму русскою рѣкой.

Здѣсь любопытно вотъ что. Какими данными, какими фактами руководствовался Петръ, когда у него явилась мысль провести Аму въ Каспійское море? Зналъ же онъ, значитъ, что рѣка эта текла прежде не такъ, какъ она текла при немъ и какъ течетъ теперь. Ужь, разумѣется, зналъ. И зналъ онъ это въ такое время, когда въ Россіи никто ничего не зналъ и не умѣлъ смотрѣть дальше Москвы. И этотъ Петръ изъ той же никуда не смотрѣвшей Москвы, точно второй Колумбъ, проникъ взглядомъ въ самую глубь Азіи и задумалъ связать ее съ Россіей и Европой, чтобы возстановить опять тотъ путь, которымъ во времена арабовъ шла торговля черезъ Среднюю Азію и Россію къ морямъ Черному и Балтійскому. Только этотъ путь приносилъ Великому Новгороду и многимъ другимъ прибалтійскимъ славянскимъ городамъ богатство, которымъ удивлялись западные лѣтописцы. Этимъ же путемъ русскіе купцы возили бобровъ и чернобурыхъ лисицъ черезъ Среднюю Азію къ предѣламъ Индіи и Китая. Разумѣется, Петръ зналъ все это, какъ знаемъ и мы теперь, спустя почти два столѣтія послѣ его смерти; но, кажется, въ эти два столѣтія наша общественная мысль не стала ни шире, ни проницательнѣе, чѣмъ какою она была у Петра Великаго.

Впрочемъ, мысль о соединеніи Аму съ Каспійскимъ моремъ питала сама себя и живучесть ея поддерживалась постоянно мѣстными преданіями и сказаніями, что Аму текъ нѣкогда другою дорогой. Не умирала и мысль Петра и, по мѣрѣ того, какъ мы проникли въ глубь Азіи, она ожила настолько, что для разслѣдованія на мѣстѣ возможности возстановленія этого пути было снаряжено нѣсколько экспедицій на правительственныя средства.

Я не стану вдаваться въ подробности этихъ изслѣдованій, очень тщательныхъ, очень мелочныхъ и стоившихъ большихъ усилій и расходовъ, а укажу только на тотъ неожиданный результатъ, къ которому изслѣдованія привели.

Одни изслѣдователи нашли, что Узбой сохранилъ рѣзкія очертанія русла, по которому несомнѣнно текла нѣкогда большая рѣка. Другіе, что поворотъ на Аму отъ Каспія въ Аралъ произошелъ отъ искусственныхъ запрудъ. Третьи, что поворотъ произошелъ не отъ искусственныхъ запрудъ, а отъ естественныхъ наносовъ, и что, вслѣдствіе общаго склона къ Каспію, Аму современемъ самъ возстановитъ свое прежнее теченіе.

По однимъ изслѣдованіямъ (очень точнымъ и тщательнымъ), оказывалось, что Узбой имѣетъ не-

прерывное русло; по другимъ, и тоже точнымъ и тщательнымъ, обнаружилось, что мѣсто, откуда начинается Узбой, лежитъ на семь саженъ ниже Каспійскаго моря. Должно быть, именно эти противорѣчивыя мнѣнія и возбуждали вкусъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, и въ 1879 году для изученія стараго русла Аму-Дарьи была снаряжена правительственная экспедиція. Экспедиція произвела очень почтенное изслѣдованіе и составила проектъ проведенія Аму въ Каспійское море, для осуществленія котораго потребовалось бы 27 милліоновъ рублей (сумма, кажется, очень небольшая сравнительно съ тѣмъ, что стоилъ Суэзскій каналъ или что будетъ стоить каналъ Панамскій).

Но противъ изслѣдованій экспедиціи возстали внезапно геологи, которые въ экспедицію приглашены не были. Вотъ приговоръ, произнесенный труду экспедиціи профессоромъ Мушкетовымъ: «Состоя только изъ инженеровъ путей сообщенія и топографовъ, не имѣя ни одного натуралиста и задавшись малосбыточною цѣлью выяснить соединеніе Урала и Каспія при посредствѣ Узбоя, эта многочисленная и дорого стоющая экспедиція превратилась, въ сущности, въ съемочную партію, и, вмѣсто всестороннихъ научныхъ изслѣдованій, которыя только и могли рѣшить вопросъ о природѣ Узбоя и причинахъ поворота Аму-Дарьи, занялась только съемками и нивеллировками по заранѣе намѣченнымъ направленіямъ, т.-е. она всю свою дѣятельность сосредоточила на работахъ, которыя должны бы быть дополнительными къ общимъ геологическимъ и физико-географическимъ изслѣдованіямъ».

Конечно, все это совершенно справедливо въ томъ смыслѣ, что геологи въ изслѣдованіяхъ не участвовали, а работали только топографы; но, вѣдь, для того, чтобы рѣшить, какое мѣсто выше и какое ниже, и потечетъ или не потечетъ вода, куда желательно, кромѣ нивеллировки, ничего и не нужно. Петръ Великій вырылъ Ладожскій каналъ тоже безъ геологіи. Геологическія изслѣдованія при проектахъ Суэзскаго и Панамскаго каналовъ были нужны только для составленія смѣты расходовъ. Знаменитый Трольгетскій каналъ въ Швеціи течетъ и впередъ, и назадъ, даже наперекоръ всякой нивеллировкѣ. Голландскія плотины являются уже и совсѣмъ чудомъ, защищая землю, лежащую ниже моря. Противъ постройки нашей николаевской желѣзной дороги возставали очень почтенные ученые и административные авторитеты и было даже сосчитано по пальцамъ, что больше того народу, который ѣздитъ между Москвой и Петербургомъ въ почтовыхъ каретахъ и дилижансахъ, и явиться не откуда. И на эту-то дорогу, по которой, предполагалось, будетъ ѣздить въ день только по десяти человѣкъ, потрачено 200 милліоновъ. Теперь же недостаетъ въ день даже десяти поѣздовъ, и дорога даетъ доходъ, какого не даетъ ни одна дорога въ мірѣ! Не въ геологіи, должно быть, тутъ дѣло, а въ чемъ-то другомъ, что было у Петра Великаго и чего, какъ видно, недостаетъ нашему времени.

Весь вопросъ здѣсь въ идеѣ. У Петра Великаго идея проведенія Аму въ Каспій была и ужь, конечно, онъ такъ же просто провелъ бы Аму въ море, какъ просто обошелъ Ладожское озеро каналомъ. Кстати, напомню читателю преданіе, сохранившееся на Ладожскомъ каналѣ, какими средствами Петръ довелъ его до конца. Рылъ, рылъ Петръ каналъ, разсказываетъ народъ, дорылъ уже до половины и видитъ, что у него нѣтъ больше денегъ. Что тутъ дѣлать? —подумалъ Петръ да и построилъ по каналу царскіе кабаки. Работаетъ народъ недѣлю, въ субботу получаетъ разсчетъ, а въ воскресенье снесетъ денежки въ кабакъ. Въ понедѣльникъ царь ихъ получаетъ, въ субботу разсчитается съ рабочими, а въ воскресенье они опять ихъ снесутъ въ кабакъ. Такъ Петръ и дорылъ каналъ.

Въ этомъ преданіи нѣтъ ни фактической, ни хронологической правды, потому что Ладожскій каналъ, начатый Петромъ въ 1713 году, былъ окончепъ при Аннѣ Іоанновнѣ въ 1732 году. Но не въ этой правдѣ дѣло, а въ томъ, какъ народъ по-своему оцѣнилъ изобрѣтательность и находчивость Петра. И дѣйствительно, для петровской изобрѣтательности не было ничего невозможнаго, если онъ даже ни минуты не задумался, чтобы перелить церковные колокола въ пушки. Мы, его наслѣдники, ужъ, конечно, не рѣшились бы ни на что подобное. Смѣлость, даже дерзость мысли — вотъ черта сильныхъ умовъ и крупныхъ государственныхъ организаторовъ, которые шагаютъ черезъ мелкія препятствія, какъ великаны черезъ лужи и кочки.

Противники кажущагося имъ слишкомъ смѣлымъ проекта соединенія Аму съ Каспіемъ находятъ, что для этого потребовались бы капитальныя гидротехническія сооруженія и что «едва ли подобное грандіозное и дорого стоющее предпріятіе оказалось бы на уровнѣ тѣхъ выгодъ, какія ожидаются отъ установленія удобнаго пути сообщенія между Россіей и ея средне-азіатскими владѣніями. Для удовлетворенія этой потребности имѣются въ настоящее время болѣе дешевыя и не менѣе раціональныя средства, каковы желѣзныя дороги».

Если рѣчь идетъ только объ одномъ пути сообщенія между Россіей и ея среднеазіатскими владѣніями, то для этого, конечно, достаточно и закаспійской желѣзной дороги. Но тутъ рѣчь не объ этомъ, да и я веду разговоръ не о путяхъ сообщенія, или о томъ или о другомъ техническомъ проектѣ соединенія Аму-Дарьи съ Каспійскимъ моремъ, а о тѣхъ перспективахъ, которыя раскрываются идеей этого соединенія не только для культурнаго развитія Россіи, но и для интересовъ всего міра. Путями Провидѣнія, т.-е. безсознательно, мы шагъ за шагомъ двигались въ пустыни Азіи и присоединили ихъ къ себѣ вплоть до Самарканда, этой нѣкогда столицы и резиденціи Тимура, извѣстной своими школами, блескомъ и богатствомъ. Не для того же мы все это сдѣлали, чтобы засѣсть въ пескахъ пустыни и довольствоваться ихъ при-

соединенiемъ. Есть же въ этомъ присоединенiи и живой смыслъ, живой отвѣтъ на какой-нибудь живой вопросъ нашей внутренней жизни.

И живой отвѣтъ на нашъ внутреннiй вопросъ заключается не собственно въ проведенiи пути въ Индiю, а въ томъ культурномъ колонизаторскомъ значенiи, которое представляетъ для нашего будущаго развитiя этотъ край. Все колонизаторское значенiе этого края держится только на его орошенiи. Безъ орошенiя онъ останется вѣчною пустыней, и то, что предпринимается теперь по Мургабу, только часть дѣла, и дѣла небольшаго. Мургабъ сравнительно невеликъ. Но Аму-Дарья и Узбой создали же средства для орошенiя громаднѣйшей площади земли и изъ безжизненной теперь пустыни создали бы безграничныя пшеничныя, рисовыя, сорговыя поля и богатѣйшее плодоводство, о какомъ только позволяется мечтать самому смѣлому воображенiю.

Аму-Дарья — нашъ Нилъ. И сила ея не только въ плодородiи, которое она создаетъ и о которомъ нашъ крестьянинъ-колонистъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятiя, потому что сорго даетъ урожая до самъ-200, и съ одного поля можно снимать въ годъ двѣ жатвы; но сила ея еще и въ культурномъ влiянiи другаго рода. Нашъ великороссъ, безсильный въ борьбѣ съ природой, противъ которой онъ ничего подѣлать не можетъ, ожидаетъ безпомощно, что вздумаетъ эта природа ему послать. И этотъ вѣчный пассивный рабъ обстоятельствъ въ прiютившей его новой странѣ внезапно начинаетъ чувствовать, что онъ совсѣмъ не такъ безпомощенъ и что можетъ быть и господиномъ своихъ обстоятельствъ, и даже царемъ природы, управлять которой въ его власти. Въ новомъ благодатномъ краѣ, гдѣ урожаи зависятъ исключительно отъ искусства орошенiя, каждому землевладѣльцу ясно, что онъ самъ творитъ свои урожаи и что его благополучiе зависитъ только отъ того искусства, съ какимъ онъ съумѣетъ распорядиться водою. Эта школа несомнѣнно должна создать иную породу земледѣльческаго населенiя, не похожую на ту инертную массу, которая у себя дома ждетъ всѣхъ благъ только со стороны, выработаетъ населенiе энергическое, предпрiимчивое, которое забудетъ практическое правило своихъ отцовъ, что «ничего не подѣлаешь», и создастъ тотъ предпрiимчивый и смѣлый типъ, образчики котораго мы встрѣчаемъ уже и теперь, если нашъ крестьянинъ становится самъ распорядителемъ своихъ судебъ.

Однимъ изъ такихъ типовъ, созданныхъ освобожденiемъ, является тавричанинъ. Типъ этотъ сложился подъ культурнымъ влiянiемъ нѣмцевъ-колонистовъ Новороссiи и имѣетъ общiя черты съ типомъ молокана и духоборца, созданнаго тѣмъ же нѣмецкимъ влiянiемъ. Влiянiе это, впрочемъ, было почти исключительно хозяйственное, внѣшнее. «Тавричанинъ живетъ въ большой хатѣ съ «храптономъ», ѣздитъ въ легкомъ, покойномъ фургонѣ, запряженномъ парою прекрасныхъ лошадей, пашетъ желѣзнымъ плугомъ, сѣно сгребаетъ конными граблями, сѣетъ, жнетъ и молотитъ хлѣбъ машинами. Онъ заимствовалъ всю внѣшнюю обстановку колониста-нѣмца, исключая костюма, котораго, также какъ и языка, онъ не измѣняетъ и, попрежнему, ходитъ въ «чумаркѣ», а говоритъ чисто-малорусскимъ языкомъ». Авторъ, которымъ я пользуюсь (*Погоня за землей.* «Елисаветградскiй Вѣстникъ»), говоритъ, что тѣ тавричане, которыхъ онъ встрѣчалъ, поражали его своею легкою воспрiимчивостью къ нововведенiямъ и трезвымъ взглядомъ на жизнь, даже слишкомъ трезвымъ, ибо часто онъ переходитъ въ сухой и жестокiй эгоизмъ.

Вотъ этотъ-то самый тавричанинъ, энергичный, работящiй, умѣющiй замѣтить и позаимствовать то, что ему полезно, по мѣрѣ того, какъ онъ цивилизовался и богатѣлъ, развивалъ въ себѣ аппетитъ къ еще большему богатству; «а такъ какъ единственнымъ источникомъ наживы служила земля, то и аппетитъ направился на захватъ ея, путемъ купли и аренды». Теперь тавричанинъ вмѣстѣ съ нѣмцемъ-колонистомъ скупаютъ все больше и больше владѣльческiя и всякiя продажныя земли и скоро станутъ владыками всего Новороссiйскаго края.

Этихъ надвигающихся владыкъ-богатѣевъ не пугаетъ высокая цѣна земли (сами они эту цѣну и создали), напротивъ, именно высокая-то цѣна и является роковою силой, которой создается ничѣмъ неустранимый переходъ дворянскихъ имѣнiй Екатеринославской губернiи въ руки тавричанъ и нѣмцевъ. Несоотвѣтственно-высокая цѣна земли, созданная горячкой скупки, при доходѣ, остающемся неподвижнымъ, разорила бы всякаго другаго; но ни тавричанинъ, ни нѣмецъ никакого сельско-хозяйственнаго кризиса не боятся. Работая сами и постоянно улучшая культуру земли, они доведутъ ея доходность до того, что она будетъ отвѣчать продажной цѣнѣ, и тогда-то этотъ новый типъ владѣльца явится господиномъ цѣлаго края, изъ крѣпкихъ рукъ котораго не выскочитъ никакой кусокъ земли.

Какъ бы параллельно съ тавричаниномъ и колонистомъ-нѣмцемъ, надвигающимся на Новороссiйскiй край, идетъ колонизацiя Сѣвернаго Кавказа. «Всюду, куда бы ни поѣхали, попадаются новыя поселенiя, часто цѣлыя громадныя села, которыхъ пять лѣтъ тому назадъ совсѣмъ не было», — говоритъ очевидецъ этого движенiя г. Абрамовъ («Недѣля», 1888 г.). Небольшiе хутора обратились въ селенiя съ тысячами жителей; одиноко-стоявшiе гдѣ-нибудь въ степи, дворы разрослись въ поселенiя съ десятками дворовъ; небольшiе хуторки появились въ такой глуши, гдѣ прежде, казалось, и нога человѣческая не ступала.

Этотъ нахлынувшiй переселенецъ совершенно измѣнилъ всю физiономiю края. Еще недавно Сѣверный Кавказъ былъ почти сплошною степью, не знавшею никакой культуры, а теперь крестьянскiй плугъ забрался даже въ слывшiя еще недавно совершенно безплодными степи кочующихъ народовъ и нагорныя возвышенности Кавказскаго хребта.

Рядомъ съ расширяющимися запашками подни-

малась и культура. Крестьянинъ-колонистъ сѣетъ почти исключительно дорогіе хлѣба, да и между ними выбираетъ сорта наиболѣе цѣнные, а сѣрыхъ хлѣбовъ избѣгаетъ. Онъ разводитъ огородные овощи, ленъ, горчицу, рапсъ, рѣпакъ, начинаетъ заниматься плодоводствомъ, винодѣліемъ и даже шелководствомъ. Скотоводство Сѣвернаго Кавказа занимаетъ первое мѣсто въ Европейской Россіи и мѣстный скотъ отправляется въ большомъ количествѣ въ Москву и Петербургъ. Любопытно, что расширеніе запашекъ не сократило скотоводства, какъ это замѣчается въ средней Россіи, а только создало улучшенный уходъ за скотомъ и культуру болѣе цѣнныхъ породъ. Едва ли не половину овецъ края составляетъ теперь «шпанка», т. е. испанскій мериносъ, и овечья шерсть Сѣвернаго Кавказа заняла почетное мѣсто на харьковскомъ шерстяномъ рынкѣ.

Понявъ выгоду разведенія цѣнныхъ хлѣбовъ, кавказскій колонистъ понялъ также, что цѣнный хлѣбъ станетъ еще цѣннѣе, если его производить возможно дешевле. Для удешевленія производства кавказскій земледѣлецъ сталъ заводить земледѣльческія машины и улучшенныя земледѣльческія орудія. Тяжелые старинные плуги-сабаны замѣнялись нѣмецкими плужками и экстирпаторами, а для уборки и обработки хлѣба стали употребляться машины. Употребленіе машинъ настолько распространилось на Сѣверномъ Кавказѣ, что образовался даже особый родъ промышленниковъ, имѣющихъ паровыя молотилки и переходящихъ съ ними отъ одного мелкаго хозяйства къ другому. Вообще земледѣльческія машины имѣютъ на Кавказѣ очень широкое распространеніе и молотилки, конныя и паровыя, вѣялки, сортировки, косилки, жнеи каждый годъ входятъ въ большее и большее употребленіе. «Въ нынѣшнемъ (1888) году,—говоритъ г. Абрамовъ,—спросъ на косилки и жнеи былъ такъ великъ, что весь имѣвшійся въ складахъ запасъ этихъ машинъ былъ распроданъ, и, тѣмъ не менѣе, болѣе половины требованій осталось неудовлетворенною».

Таковъ законъ мысли, что стоитъ ей только разъ двинуться впередъ, и затѣмъ уже она будетъ продолжать свое прогрессивное движеніе. Кавказскій прогрессивный земледѣлецъ не остановился на машинахъ, цѣнныхъ хлѣбахъ и цѣнныхъ породахъ скота, онъ пришелъ уже и къ искусственному орошенію («къ сожалѣнію,—говоритъ г. Абрамовъ,—важный вопросъ объ ирригаціи доселѣ остается безъ законодательнаго регулированія, что даетъ возможность мѣстной администраціи принимать произвольныя и не всегда удачныя мѣры»); а высшая степень хозяйства дала ему возможность подняться и на высшій уровень жизни. Кавказскій земледѣлецъ живетъ вполнѣ отъ своей земли, ему не приходится бродить за тысячи верстъ за подсобнымъ дѣломъ или отрываться отъ своей земли, чтобы работать на посторонняго земледѣльца. Это хозяинъ чистаго земледѣльческаго типа, крѣпкій своему хозяйству, обезпеченный, хорошо питающійся, на котораго благопріятныя обстоятельства его положенія повліяли настолько благотворно, что мужикъ Сѣвернаго Кавказа «сравнительно съ являющимися сюда вятчанами и смольнянами кажется богатыремъ». Этотъ-то богатырь устраиваетъ самъ школы для своихъ дѣтей, помѣщаетъ эти школы въ прекрасныхъ домахъ, платитъ учителямъ жалованье, какого они не получаютъ во внутренней Россіи, нанимаетъ фельдшеровъ и привлекъ уже къ себѣ вольнопрактикующихся врачей (въ Ставропольской губерніи ихъ пять).

Да, русская жизнь выходитъ уже изъ своего историческаго окоченѣнія, ея стремленіе вырваться изъ сжатой области московскаго періода и изъ закупоренной московской тѣсноты прорывается не только замѣтнымъ, но и широкимъ потокомъ. И въ этомъ движеніи къ простору, къ лучшимъ условіямъ существованія, движеніи традиціонномъ, начавшемся не сегодня, одинаково сливались и усилія государства, дѣлавшаго все новыя и новыя присоединенія и усилія народа, постоянно искавшаго выхода къ окраинамъ. Теперь мы имѣемъ возможность наблюдать уже воочію послѣдствія этого безсознательнаго стихійнаго стремленія къ простору и свободѣ.

Не о томъ, конечно, рѣчь; на нашихъ ли глазахъ Мервъ снова засіяетъ алмазомъ въ песчаной оправѣ и отъ него начнутъ разливаться лучи новаго міровоззрѣнія; на нашихъ ли глазахъ Аму снова потечетъ по Узбою въ Каспійское море и изъ Индіи поплывутъ караваны черезъ русскія владѣнія; на нашихъ ли глазахъ вся эта страна станетъ страною рисовыхъ, сорговыхъ, хлопчатныхъ и шелковичныхъ плантацій и покроется промышленнымъ, трудолюбивымъ, богатымъ и свободнымъ населеніемъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ людей; не о томъ рѣчь, что и другой «алмазъ въ русской коронѣ»—Кавказъ создаетъ у себя такое же богатое, свободное промышленное населеніе тоже въ нѣсколько десятковъ милліоновъ и что то же самое повторится и на нашемъ степномъ Югѣ. Все это свершится несомнѣнно и неустранимо. Рѣчь лишь о томъ историческомъ движеніи, которое на нашихъ глазахъ настолько уже установилось и опредѣлилось, что мы можемъ видѣть и понимать, какъ возникающая, новая жизнь готовитъ Россіи, съ неудержимою силой, новую исторію, новую судьбу, новую міровую роль, когда «на свободный русскій народъ и на его свободный трудъ уже вполнѣ снизойдетъ благословеніе Божіе». Манифестъ, провозгласившій освобожденіе, только пророчески призывалъ это благословеніе, а мы уже и теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ, имѣемъ возможность наблюдать, какъ это пророчество осуществляется.

Рядомъ съ этимъ могучимъ и смѣлымъ движеніемъ народныхъ и промышленныхъ силъ создать новый укладъ жизни, создать что-то громадное, великое, свободное и просторное, по численности и и размѣрамъ ни въ Европѣ, ни даже въ Америкѣ невиданное, та самая Россія, изъ которой возникаетъ эта новая творящая сила, сохраняетъ еще крѣпко, устойчиво и тоже традиціонно формы своего стараго экономическаго и общественнаго быта.

Рядомъ съ чѣмъ-то широкимъ и богатѣющимъ,

создающимъ даже иную по внѣшности породу людей, рядомъ съ перспективами будущаго народнаго и государственнаго величія и процвѣтанія стоитъ наша коренная бѣднота, насидѣвшая себѣ мѣсто въ цѣлой, огромной внутренней области,—бѣднота, вѣчно, какъ маятникъ, качающаяся между урожаями и голодовками, бѣднота, ничѣмъ прочнымъ не обезпеченная, живущая еще по звѣриному образу, не знакомая ни съ какимъ умственнымъ и матеріальнымъ прогрессомъ, не защищенная ничѣмъ отъ всяческой эксплуатаціи, бѣднота безсильная и безпомощная, съ упованіемъ ожидающая только того, что пошлетъ ей Богъ, и только когда всякое терпѣніе ея истощится, въ порывѣ безъисходнаго отчаянія, зря бѣгущая, куда глядятъ глаза, не зная, куда она бѣжитъ и что ее тамъ ждетъ. Нужно ужь очень приглядѣться къ нашему «переселенческому движенію», какъ мы называемъ голодное бѣгство нашего народа, нужно очень и очень привыкнуть къ его страшнымъ картинамъ, чтобы являть такое «объективное» равнодушіе къ этой великой и народной драмѣ, какое мы являемъ.

Я не стану рисовать картины нашихъ переселенческихъ бѣдствій, изъ года въ годъ не только не ослабѣвающихъ, но расширяющихся и растущихъ. Великъ же долженъ быть этотъ неумирающій инстинктъ самосохраненія, велика же его живучесть въ народѣ, велики и причины, поднимающія его до такого напряженія, что нашъ народъ, вообще здравомыслящій и практическій, приходитъ въ очумѣлое состояніе и бредитъ на-яву о какихъ-то кисельныхъ странахъ и бѣлой Арапіи.

Но нельзя сказать, чтобы и мы, «вверху стоящіе, какъ городъ на горѣ», сами не вѣрили въ кисельные берега и не манили воображеніе народа сказками о бѣлой Арапіи. Такою сказкой о бѣлой Арапіи, гдѣ мы, «вверху стоящіе», собирались устроить для народа Эльдорадо, былъ долгое время пресловутый Амуръ. Двадцать пять лѣтъ мы жили этою иллюзіей, «обольщаясь сами и рисуя себѣ Амуръ чѣмъ-то такимъ, гдѣ все само родится, гдѣ текутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ, мы передали тѣ же иллюзіи крестьянству. И вотъ распространилось мнѣніе, что отъ Волги и Урала до береговъ Восточнаго океана нѣтъ лучшей земли, какъ на Амурѣ. «На Амуръ, на Амуръ! — раздался кличъ,—на Амурѣ счастье»,—повторяла молва, и потянулось на Амуръ крестьянское населеніе, пошелъ русскій мужикъ». («Восточное Обозрѣніе»).

Оказывается, что этотъ Амуръ есть гористая мѣстность, съ высокими хребтами горъ и плоскими возвышенностями, изрѣзанная дикими ущельями и расщелинами, покрытыми лиственницей и изрѣдка елью. Почва на Амурѣ промерзлая, климатъ суровый, сухой, недоступный для воздушныхъ теченій и потому страдающій отъ рѣзкихъ перемѣнъ температуры. Мѣста, годныя для поселеній, тянутся только полосами вверхъ по р. Зеѣ и по Амуру, между устьями Зеи и Буреи. Лучшія земли уже заняты казачьими поселеніями и солдатами амурскаго пѣшаго полубаталіона. Все населеніе Амура составляетъ 75,000 чел.; въ числѣ ихъ казаковъ 18 тыс. и крестьянъ-земледѣльцевъ 17 тысячъ. Остальное населеніе, т. е. 40 тыс. человѣкъ, земледѣліемъ не занимается. Чтобы все населеніе Амура могло прокормиться, нужно на человѣка по 18 пуд. хлѣба, а амурское земледѣліе производитъ его только по 9 пудовъ на человѣка. Если бы не манджуро-китайцы и корейцы, снабжающіе Амуръ недостающимъ для него хлѣбомъ, то половина его населенія давно бы вымерла отъ голоду. Хороша колонія, открывшая свои объятія для населенія, которое и съ родины-то убѣжало отъ голоду!

Но здѣсь вопросъ не въ томъ, что находилъ переселенецъ на Амурѣ, а въ томъ ничѣмъ неискоренимомъ стремленіи къ лучшей жизни, которое заставляло его двигаться въ эту невѣдомую и страшную даль, преодолѣвая всевозможныя препятствія. Переселенцы шли на Амуръ часто 2—3 года, а бывали случаи, что они достигали его только черезъ 11 лѣтъ. Остановится такой неспѣшащій переселенецъ у сибирскаго старожила, поработаетъ у него немного, поправится и опять двигается въ путь, пока, наконецъ, не осядетъ на клочкѣ собственной земли.

Во всемъ этомъ не зачѣмъ искать ни энергіи, ни выносливости или удивляться долготерпѣнію русскаго мужика. Къ долготерпѣнію и выносливости онъ привыкъ еще дома; онъ и двинулся въ путь только тогда, когда мѣра того и другаго въ немъ окончательно истощилась. Стихійно двигающеюся силой является здѣсь ничѣмъ непобѣдимый инстинктъ земли, неустранимая ничѣмъ жажда ея, которую нашъ крестьянинъ проявлялъ всегда и которая еще никогда не доходила въ немъ до такой силы, до которй она доросла послѣ освобожденія и въ особенности въ послѣднее время.

Эта жажда земли томитъ одинаково какъ тѣхъ, кто съ коркой хлѣба за пазухой бредетъ по одиннадцати лѣтъ въ невѣдомый далекій край, къ невѣдомо гдѣ лежащему клочку земли, повинуясь стихійно его силѣ притяженія, такъ и тѣхъ, у кого за пазухой сотни или тысячи рублей и кто можетъ покупать землю цѣлыми площадями.

Тотъ же очевидецъ, которымъ я уже пользовался, разсказываетъ, что когда въ восьмидесятыхъ годахъ открылся крестьянскій банкъ, то легкая возможность пріобрѣсти землю совсѣмъ ошеломила тавричанина-мужика и «хлынулъ цѣлый потокъ желающихъ воспользоваться помощью банка, перебивая другъ друга». Этотъ массовый спросъ сейчасъ же поднялъ цѣну земли; но тавричане, потерявшіе голову только отъ одной мысли, что можно пріобрѣсти клочекъ земли «на вѣчность», ничѣмъ не смущались.

Такъ продолжалось года 2—3, когда выросли цѣлыя села на пустынныхъ степяхъ. Но вотъ наступили неурожайные годы. «Степь оставалась черною все лѣто, хлѣба даже не восходили, трава изсыхала, не успѣвъ подняться, вода высыхала въ прудахъ и рѣкахъ... Охнули тогда мужики. Стономъ застонали новые землевладѣльцы, прижались, елико возможно, въ расходахъ на свои жизненныя потребности, но все это мало помогало. Нѣкоторыя имѣнія, купленныя при помощи банка,

были назначены въ продажу...» Мужики призадумались. За черными годами наступилъ урожай 1887 и 1888 годовъ и тавричанинъ вздохнулъ, притихшая въ немъ было горячка земли снова разыгралась и «потокъ искателей земли наводнилъ сѣверную часть Екатеринославской губерніи и захватилъ часть Харьковской».

«Тѣмъ дальше шло время къ зимѣ, тѣмъ все больше и больше прибывало число охотниковъ на землю, опережая одинъ другаго,—разсказываетъ очевидецъ.—Это была такая бѣшеная погоня за землей, которая невольно набивалась на сравненіе съ биржевымъ ажіотажемъ и внушала опасеніе, къ чему это приведетъ... И надо было слышать взволнованный голосъ покупателя и видѣть его воспламененное лицо, выражавшее досаду и даже гнѣвъ, если условія продавца оказывались неподходящими, чтобы понять, какою страстною «земельною жаждой» горитъ тавричанинъ. Если же, на бѣду, являлся другой претендентъ на облюбованную тавричаниномъ землю, то онъ терялъ всякую мѣру благоразумія и соглашался иногда на такія условія, которыя были совсѣмъ не по его средствамъ».

Вообще и для богатаго, какъ и для бѣднаго, не существовало ни такихъ трудностей, ни такихъ жертвъ, на которыя бы онъ не пошелъ, лишь бы разстаться съ теперешними условіями своего существованія и найти что-нибудь лучше. Казалось бы, что богатому крестьянину, свободно располагающему сотнями рублей, проще купить землю тутъ же подъ бокомъ, да еще и съ разсрочкой при пособіи банка, чѣмъ подвергать себя всякимъ трудностямъ совершенно непривычнаго ему океанскаго плаванія и отправляться за землей на край свѣта. А, между тѣмъ, и богатый мужикъ тянулся туда же, куда плелся бѣднякъ.

Въ 1885 году былъ сдѣланъ такой опытъ. Желающимъ переселиться на Амуръ объявили, что они не только не получатъ отъ казны никакой денежной помощи и должны плыть на свой счетъ, но что, прибывъ въ Одессу, они обязаны сдать капитану парохода, который доставитъ ихъ во Владивостокъ, 600 руб. для обезпеченія своего устройства на мѣстѣ. И въ первый же годъ явилось 130 семей, готовыхъ подчиниться этимъ тяжелымъ условіямъ, а на второй уже 222 семьи. «Восточное Обозрѣніе» говоритъ, что все это, какъ оказалось, были энергичные, трудолюбивые люди, быстро и прекрасно устроившіеся, и что «сама амурская администрація засвидѣтельствовала, что крестьянская колонизація и въ этомъ отношеніи свершила подвигъ и выразила блестящіе результаты» («Отчетъ» амурскаго генералъ-губернатора).

Но послѣ того, что самые захудалые мужичишки проявляли по одиннадцати лѣтъ несслабную энергію переселенія, послѣ того, что нашъ мужикъ, неустанно колонизируя Сибирь, сдѣлалъ ее людною, неужели могъ родиться вопросъ: а не будетъ ли мужикъ, у котораго въ карманѣ тысяча рублей, худшимъ колонизаторомъ, чѣмъ голякъ, побирающійся дорогой Христовымъ именемъ?

Факты переселенія мужиковъ на Амуръ, да еще съ представленіемъ залога, должны бы, казалось, служить доказательствомъ не энергіи и трудолюбія переселенцевъ или пробой силъ, въ которыхъ будто бы слѣдовало убѣдиться (300 лѣтъ, что русскій мужикъ колонизуетъ Сибирь,—проба, кажется, вполнѣ достаточная), факты эти должны бы являться исключительно указаніемъ на то, что если до сихъ поръ переселялся только мужикъ-голышъ, получавшій премію за переселеніе, то теперь началъ переселяться уже мужикъ-богачъ, готовый даже внести залогъ, только бы ему позволили уйти на другое мѣсто...

А теперь, читатель, переселимтесь въ область совсѣмъ иныхъ фактовъ, съ переселеніемъ, повидимому, ничего общаго не имѣющихъ. Я напомню вамъ одну рѣчь, произнесенную на могилѣ Салтыкова.

Салтыковъ,—говорилось въ этой рѣчи,—«ярко рисовалъ ту общественную деморализацію, которая мѣшала успѣху самыхъ лучшихъ начинаній и корни которой скрывались въ эпохѣ предшествовавшей. Да, онъ не переставалъ указывать на то, что человѣка, потому что его такъ долго не признавали, убывало, а не прибывало, именно тогда, когда на него, наконецъ, сказался усиленный спросъ. Если бы не это, мы бы не только двинулись, но и пришли бы куда слѣдовало... Но какъ пройдешь, когда «съ человѣкомъ тихо», не въ смыслѣ запроса, а въ смыслѣ отклика на запросъ?... Именно въ силу той же ложной системы, которую намъ рекомендуютъ теперь иные, не понимая, что это леченіе именно тѣмъ, отъ чего произошла болѣзнь,—и вышло то, что описывалъ Салтыковъ въ своей легендѣ *о пропавшей совѣсти*. Долго валялась она, какъ ветошь, то подбираемая, то опять бросаемая, пока не подобралъ ее какой-то жалкій мѣщанинишка. И взмолилась ему «государыня совѣсть»: отыщи ты мнѣ маленькое русское дитя, раствори ты предо мной его сердце чистое и схорони меня въ немъ. И сдѣлалъ по указу ея мѣщанинишка: «ростетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть. Исчезнутъ тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама».

«Гдѣ же оно, это маленькое русское дитя?—обратился ораторъ къ слушателямъ.—Не среди ли васъ оно, наконецъ, выросло, люди молодаго русскаго поколѣнія? Много ли между вами людей съ такою большою совѣстью? Много ли между вами вполнѣ неспособныхъ продать право своего духовнаго первородства за чечевичную похлебку житейскихъ благъ? Это не я васъ спрашиваю,—это онъ, покойникъ, изъ своей еще не зарытой могилы васъ спрашиваетъ и допрашиваетъ»...

То-то, что не онъ, великій покойникъ, спрашивалъ это, а спрашивалъ только самъ ораторъ. Онъ воспользовался именемъ великаго покойника, чтобы, прикрывшись имъ, заговорить отъ имени Льва Толстаго. Это былъ рѣзкій допросъ, рѣчь суроваго проповѣдника, призывавшаго къ покаянію, повелѣвавшаго каждому изъ присутствующихъ загля-

нуть въ свою душу и спросить себя, честный ли онъ человѣкъ?

А что такое честь, что такое совѣсть? Та совѣсть, къ которой обращался ораторъ, та ли совѣсть, которую будилъ Салтыковъ? «Совѣсть» Льва Толстаго разрѣшитъ ли сложные факты нашей русской жизни, дастъ ли она отвѣты на сложные вопросы, вызываемые этими сложными фактами? Можетъ ли эта совѣсть руководить явленіями нашей общественности и ея разнообразными теченіями, которыя все больше и больше обнаруживаются?

У оратора были несомнѣнно прекрасныя побужденія. Онъ думалъ воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы высказать, что у него лежало на душѣ и что онъ повсюду и вездѣ старается высказывать. Но, въ такомъ случаѣ, проповѣдь о толстовской совѣсти слѣдовало произнести не на могилѣ Салтыкова. Душу Льва Толстаго съ душою Салтыкова слить въ одну душу нельзя.

И въ самомъ дѣлѣ, русская жизнь ростетъ и ширится. Повсюду и вездѣ она обнаруживаетъ накопленіе силъ, силъ громадныхъ, — силъ, какъ вода переполняющая водоемъ и льющаяся черезъ край. Вѣдь, только накопленіе силъ создаетъ чудеса промышленности на Югѣ и гигантскіе заводы, которые тамъ ростутъ. Только накопленіе силъ открываетъ намъ выходъ въ азіатскія пустыни, заставляетъ насъ сооружать тысячеверстную желѣзную дорогу, превращать пески въ плодоносныя поля, составлять грандіозные проекты воднаго пути въ Индію и чудовищнаго орошенія пустыни отъ границъ Индіи до Аральскаго моря и отъ него до Каспія. Только накопленіе силъ создало нефтяной Кавказъ и смѣлый замыселъ переливать нефть изъ Баку прямо въ корабли, стоящіе въ Батумѣ. И никакіе смѣлые замыслы насъ не пугаютъ, все считаемъ мы возможнымъ, мы чувствуемъ себя прямыми преемниками и продолжателями гигантскихъ, геніальныхъ начинаній Петра Великаго. И тавричанинъ, и прогрессивный земледѣлецъ Сѣвернаго Кавказа, работающій уже не иначе, какъ машинами, и переселенецъ, плывущій на свой счетъ во Владивостокъ, и даже тотъ захудалый мужикъ, который плетется на Амуръ по одиннадцати лѣтъ, — все это избытокъ нашихъ силъ, отыскивающій себѣ новое дѣло, избытокъ, для котораго нужно создать исходъ и помѣщеніе, какъ создаемъ водоемъ для воды, чтобы она не разливалась по-пустому и вмѣсто полезной силы не превращалась бы во вредную.

Но рядомъ съ этимъ накопленіемъ силъ идетъ и другое накопленіе. Тѣ самые гиганты-заводы, которые подавляютъ воображеніе чудовищнымъ размѣромъ своихъ производствъ, закабаляютъ десятки тысячъ людей и создаютъ заводскій пролетаріатъ въ благословенныхъ черноземныхъ степяхъ, которые бы, казалось, и созданы-то только для того, чтобы обезпечивать самостоятельное и независимое существованіе. Нашъ углекопный и желѣзнозаводскій пролетаріатъ еще не доросъ до того, чтобы составлять стотысячную стачку, какъ это онъ дѣлаетъ въ Германіи; онъ пока лишь слагаетъ пѣсни о своей тяжелой долѣ, а доля эта, должно быть, не легка, потому давно ли Юзъ заложилъ въ Екатеринославской губерніи первый желѣзный заводъ, а ужъ рабочіе Юга поютъ:

Смерть таскаемъ за плечами.
Одинъ Богъ небесный съ нами!

Теперь нашъ нарождающійся рабочій вопросъ разрѣшается пока при помощи кабака и, конечно, такое его рѣшеніе «ужь слишкомъ просто», замѣчаетъ совершенно основательно Г. И. Успенскій («Русскія Вѣдомости»: *Новыя народныя пѣсни*). Кабакъ, пока, не придумалъ другаго разрѣшенія, кромѣ «погрома» и дикаго пьянства. Напримѣръ, въ с. Каменскомъ, лежащемъ рядомъ съ заводами Кокериль и Рау, — 19 кабаковъ. Два раза въ мѣсяцъ послѣ «получки» рабочіе съ заводовъ заполняютъ кабаки, затѣмъ буйствуютъ, бьютъ стекла, а то свершаютъ подвиги и погромче. Такъ, недавно они разнесли буфетъ въ одномъ кабакѣ, а потомъ, собравшись большою толпой, совершенно разрушили все имущество въ 2-хъ-этажной гостиницѣ того же хозяина, разбили органъ, билліардъ, разграбили 400 руб., банковые билеты и все домашнее имущество, повыкололи глаза лошадямъ кабатчика, поубавили индюшекъ, даже канареекъ! («Одесскій Листокъ»).

Менѣе и не въ такомъ подавляющемъ размѣрѣ надвигается тавричанинъ и нѣмецъ-колонистъ, но и они не хуже Юза, Кокериля и Рау, да владѣльцевъ гигантскихъ каменноугольныхъ копей съумѣютъ заставить дѣть тѣхъ, кто попадаетъ въ ихъ цѣпкія руки. «Крестьяне Юга уже чуютъ бѣду отъ наплыва къ нимъ новыхъ землевладѣльцевъ, съ большою враждебностью встрѣчаютъ ихъ и просятъ помѣщиковъ: «продавайте землю кому хотите, только не тавричанамъ и нѣмцамъ, потому что намъ тогда житья не будетъ» («Елисаветградскій Вѣстникъ»).

Какъ «совѣстью» гр. Льва Толстаго разрѣшить эти вопросы? Какъ привести ею въ порядокъ и уравновѣсить всю эту жизнь, переливающуюся черезъ край, пробивающую себѣ новые пути, стремящуюся создать иной порядокъ отношеній, на прежній крѣпостной вовсе не похожій? Тутъ не одни вопросы промышленности, изъ ничтожной, мелкой стремящейся стать міровой. И не одинъ тутъ вопросъ переселенческій. И не тавричанинъ, этотъ новый типъ новаго нарождающагося земледѣльца, является только тѣмъ неизвѣстнымъ, которое требуется опредѣлить. Наше жизненное уравненіе имѣетъ массу неизвѣстныхъ, и эти неизвѣстныя гораздо шире и глубже выставляемыхъ на-показъ жизнью. Она обнимаетъ всю сумму нашихъ внутреннихъ отношеній, всю ту массу несоглашенныхъ и мѣшающихъ другъ другу противорѣчій, которыя выражаются въ тѣхъ или другихъ нашихъ внутреннихъ неустройствахъ. Одни колеса русской жизни вертятся свободно, и чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе они крутятся, втягивая въ свое вращеніе все, что они этимъ вращеніемъ могутъ захватить. Другія

скрипятъ и почти не двигаются, встрѣчая разныя препятствія. Какою же общею сознательною, руководящею идеей, какимъ общимъ принципомъ охватывается все это кажущееся нестройное движеніе, называемое русскою общественною жизнью? Гдѣ у насъ та руководящая идея, которая, проникая въ будущее, этимъ будущимъ регулировала бы настоящее? Разрѣшимъ ли мы эти сложные вопросы и опредѣлимъ ли неизвѣстныя нашего уравненія, если, послушавъ нашихъ проповѣдниковъ личной нравственности, станемъ класть печи, шить сапоги и перестанемъ продавать право своего духовнаго первородства за чечевичную похлебку? Очевидно, что центръ тяжести при разрѣшеніи нашихъ общественныхъ вопросовъ не въ личномъ покаяніи и не въ допросѣ своей совѣсти, къ которому призывалъ ораторъ на могилѣ Салтыкова, а въ допросѣ своей мысли: такъ ли она работаетъ и то ли она понимаетъ, что ей нужно понимать? Вотъ къ какой совѣсти обращался Салтыковъ.

Салтыковъ обращался къ совѣсти общественнаго сознанія. Онъ раскрывалъ тѣ общія идейныя причины, отъ которыхъ именно и идетъ человѣкъ на убыль; онъ говорилъ о томъ сознательномъ развитіи, которое творитъ умственно-самостоятельныхъ и понимающихъ людей, и о тѣхъ общихъ причинахъ, которыя этому развитію мѣшаютъ. Никто такъ не преслѣдовалъ ограниченность мысли и чувствъ, какъ Салтыковъ, и никто такъ не раздражалъ его, какъ глуповцы разныхъ цвѣтовъ, видовъ и положеній.

Салтыковъ былъ истинный мудрецъ, которому были ясны всѣ тончайшія нити и пружины личныхъ и общественныхъ отношеній; онъ только объ этихъ отношеніяхъ и говорилъ; только о нихъ онъ и напоминалъ; только ихъ законъ онъ и отыскивалъ въ каждой отдѣльной человѣческой душѣ. Сила ума Салтыкова заключалась въ рѣдкой проницательности, въ способности вдругъ, сразу, моментально проникнуть въ самую суть человѣческой души или въ суть сложнаго явленія, созданнаго множествомъ подобныхъ душъ.

Потому-то потеря Салтыкова такъ и громадна, что у насъ нѣтъ другаго, равнаго ему крупнаго человѣка, который бы могъ настолько же помогать развитію общественнаго сознанія, насколько помогалъ ему Салтыковъ; потому эта потеря и велика, что у насъ нѣтъ другаго писателя, который бы могъ воздѣйствовать на ту именно совѣсть, на которую воздѣйствовалъ Салтыковъ.

Сравнительно съ Салтыковымъ, этимъ истиннымъ гигантомъ, остальные наши учителя-проповѣдники сущіе младенцы. Хороня Салтыкова, думающая Россія чувствовала (сознательно или безсознательно), что теперь у нея уже нѣтъ центральнаго тѣла, нѣтъ того свѣтившаго всѣмъ маяка, которымъ былъ Салтыковъ для всей наиболѣе умственно независимой части населенія.

Исторія выработала у насъ три главныя общественно-умственныя движенія. Всѣ они традиціонныя, всѣ они создались потребностями жизни и всѣ они, поэтому, ея органическій продуктъ. Эти три движенія постоянно между собою борятся и во взаимной борьбѣ ихъ и заключается исторія нашего общественнаго и гражданскаго прогресса. То одно, то другое изъ этихъ умственныхъ движеній выступаетъ впередъ и, овладѣвъ жизнью, даетъ ей руководящій тонъ, создаетъ общее настроеніе и на болѣе или менѣе продолжительное время устанавливаетъ направленіе, которому должны подчиняться всѣ остальныя умственныя теченія. Эти три движенія общественной мысли: петровское, созданное тѣми же потребностями обновленія, которыя создали и Петра Великаго (маякомъ этого движенія въ послѣднее десятилѣтіе и былъ Салтыковъ); крѣпостное, отличающееся наибольшею устойчивостью и до сихъ поръ обыкновенно перетягивающее равновѣсіе на свою сторону, и покаянное, проповѣдующее гражданское спасеніе путемъ нравственнаго улучшенія личности.

Каждое изъ этихъ движеній имѣетъ свои твердые устои, свою точную программу, свой логическій законъ, а, слѣдовательно, и свой точный и вполнѣ опредѣленный путь.

Основной признакъ петровскаго умственнаго движенія вовсе не въ его прогрессивности. Крѣпостное умствованіе тоже прогрессивное, прогрессивно и умствованіе покаянное. Особенность петровскаго движенія—только въ его широкомъ представленіи идеи счастія. «А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, лишь бы была счастлива Россія». Вотъ эта-то счастливая Россія и есть источникъ и конечная цѣль петровскаго направленія. Для него не существуетъ никакихъ частныхъ представленій, ничего обособленнаго ни въ видѣ окраинъ или середины, ни въ видѣ національностей или племенъ, или религіозныхъ различій, ни въ видѣ сословій, или привилегированныхъ группъ, а всѣ эти частности оно сливаетъ въ одно общее уравновѣшенное понятіе о «Россіи», которая должна служить источникомъ равнаго и одинаково доступнаго счастія для всѣхъ тѣхъ, кто ее составляетъ.

Въ этомъ понятіи объ общемъ заключается главный секретъ непомѣрной силы этого мышленія, его полета, шири и смѣлости. Тутъ же и секретъ геніальности Петра. Каждое дѣло Петра было велико только потому, что оно было широко, а широко оно было потому, что охватывало идею общаго, а не частнаго. Петръ не рылся въ мелочахъ, не задавался вопросами о препятствіяхъ, онъ задавался только идеей общаго счастія, а затѣмъ удаленіе препятствій являлось уже само собою, какъ простое слѣдствіе перехода идеи въ дѣло.

Оттого-то Петру и удавались всѣ дѣла, что его широкая мысль опиралась всегда на такія же широкія практическія мѣры. Петръ полумѣръ не зналъ. Нужно ли ему ввести улучшенную породу скота, онъ нагонитъ, куда ему нужно, тысячи коровъ и быковъ и водворитъ породу сразу. Нужна ему улучшенная порода лошадей—онъ точно также нагонитъ тысячи головъ и ихъ массой закроетъ всю мѣстную породу. Это былъ его методъ дѣйствія во всемъ, въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ, въ гражданскихъ преобразованіяхъ, въ

учрежденіяхъ. И Петру все удавалось только потому, что онъ дѣйствовалъ массовыми средствами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ поступалъ иначе, т. е. не могъ подавить старое массовымъ вліяніемъ новаго, ему реформы не удавались.

Ужь таково свойство идеи, имѣющей цѣлью общее, а не частное благо. Такія идеи зовутся широкими, геніальными, практическія дѣла, которыя ими разрѣшаются,—великими, а времена, когда эти великія дѣла свершаются,—эпохами.

Есть и еще одна поразительная особенность у широкихъ общественныхъ идей: онѣ пресоздаютъ практическую нравственность. Когда камертономъ жизни является идея общаго блага и общихъ мѣръ, этотъ камертонъ начинаетъ руководить поведеніемъ отдѣльныхъ людей и возникаетъ внезапно общее стремленіе къ справедливости, правдѣ, уравненію, до того времени еще невиданное. Подобную эпоху мы переживали еще недавно.

Наконецъ, петровское умственное движеніе есть почти исключительно преобразовательное, опирающееся на соотвѣтствующія ему учрежденія. По этому-то учрежденія, на которыхъ оно останавливается, имѣютъ всегда тотъ же широкій размѣръ и отличаются всеобщностью своихъ мѣръ. А такъ какъ осуществленіе подобныхъ мѣръ требуетъ соотвѣтственныхъ силъ, то само собою устанавливается неизбѣжное соотношеніе между творческою мыслью и тѣми руками, которыми эта мысль проводится въ жизнь.

Любопытно, что обыденное мнѣніе, что у насъ нѣтъ людей, повторяется почти тридцать лѣтъ, хотя оно имѣло полную возможность провѣрить себя историческими указаніями.

Ужь, кажется, Петръ Великій началъ свою работу совсѣмъ въ непроницаемомъ лѣсу. Какими же руками онъ ее свершилъ? Однѣми собственными руками, если бы онѣ были у него даже въ десять разъ сильнѣе, Петру бы своего дѣла не свершить. Всѣ свои дѣла Петръ сдѣлалъ людьми. Всѣ реформы Императора Александра II свершились тоже людьми и на каждую реформу, какъ бы она ни была многосложна и запутана, явилась такая масса силъ, а силы эти свершили свое дѣло съ такимъ замѣчательнымъ совершенствомъ, что освобожденіе крестьянъ и судебная реформа вызвали даже изумленіе всего просвѣщеннаго міра.

И, несмотря на эти факты, у насъ почему-то преобладаетъ не только упорное, но и усиливающееся мнѣніе, что «нѣтъ людей». Даже и пословицу мы сочинили о болотѣ. Конечно, болото создаетъ всегда то, что ему и приличествуетъ создавать. Но, вѣдь, преобразовательное и организаціонное движеніе мысли, о которомъ я говорю, творитъ не болото. Каждое дѣло найдетъ всегда соотвѣтствующихъ работниковъ, и потому дѣло не въ работникахъ, а въ дѣлѣ.

Объ остальныхъ движеніяхъ мысли я говорить теперь не стану. Замѣчу только, что покаянное, проповѣдывавшее самоуничтоженіе и замаливаніе грѣховъ, даже предлагавшее самоочищеніе путемъ каторги (Ѳед. Достоевскій), въ лицѣ гр. Льва Толстаго сдѣлало уже значительный шагъ впередъ и своею формулой о возвращеніи долга народу какъ бы пытается стать гражданскимъ. Но такъ какъ область этого мышленія совсѣмъ не гражданская, то ни теоретически, ни практически (опрощеніе, кладка печей, личный земледѣльческій трудъ) мышленіе это не могло раскрывать никакихъ гражданскихъ горизонтовъ.

XLI.

И опять мнѣ пришлось увидѣть Волгу, но на этотъ разъ она не произвела прежняго захватывающаго и покоряющаго впечатлѣнія.

Такъ же она многоводна и широка, такъ же успокоиваетъ ея объективная величественность, такъ же бодритъ и освѣжаетъ ея чудный, прозрачный воздухъ...

Но Волга представлялась теперь уже не «природой», не тою великою умиротворяющею силой, въ величавой молчаливости которой измученный человѣкъ находитъ успокоеніе,—Волга была теперь для меня только громадною водяной силой, которую можно приспособить для различныхъ человѣческихъ надобностей: можно заставить вертѣть мельничныя колеса, нести тысячи барокъ, плотовъ, пароходовъ и даже такихъ исполиновъ, какъ пароходы американскаго типа, орошать луга и поля.

И это практическое, утилитарное отношеніе къ умиротворяющей величавости Волги явилось во мнѣ не по одному тому, что впечатлѣнія не повторяются, а еще и потому, что я отправился на Волгу, а затѣмъ по Дону на Кавказъ совсѣмъ не для того, чтобы отыскивать молчаливую величавость.

Когда я вступилъ на пароходъ, за столомъ сидѣлъ старый, сгорбленный господинъ, съ сильно оттопыренною и повисшею большою нижнею губой (какія бываютъ у очень старыхъ лошадей), въ вышитой золотомъ ермолкѣ. Старикъ что-то ѣлъ. Я спросилъ кофе и сѣлъ на противуположномъ концѣ стола.

Кончивъ ѣду, старикъ подошелъ ко мнѣ съ очевиднымъ желаніемъ завязать знакомство и мягко, съ застѣнчивостью спросилъ, откуда я ѣду. Я отвѣтилъ уклончиво, что «ѣду изъ-за Москвы».

Немного погодя вышла изъ каюты и жена старика. Если старикъ производилъ добродушное и миролюбивое впечатлѣніе, то отъ его супруги вѣяло чѣмъ-то властнымъ и боевымъ. Небольшая, полная, когда-то, несомнѣнно, красивая, одѣтая тщательно и съ нѣкоторымъ избыткомъ золотыхъ

украшеній, она держала себя совершенно прямо, а голову откидывала назадъ. Привычка повелѣвать и встрѣчать повиновеніе сказывалась во всѣхъ движеніяхъ и во всей фигурѣ почтенной дамы. Несмотря, однако, на повелительный видъ, въ ней было что-то простое, домашнее. Это первое впечатлѣніе, однако, не оправдалось.

Дочка, дѣвушка лѣтъ девятнадцати, добродушнымъ видомъ напоминала отца. Это была захолустная барышня, немножко лепешка, скромная, простая и коровистая.

Съ перваго же знакомства почтенная дама дала мнѣ замѣтить, что они «не какіе нибудь», что они живутъ въ Петербургѣ, имѣютъ на Петербургской сторонѣ свой домъ, что когда они его купили, въ ихъ улицѣ не было мостовой, а теперь уже есть, что мужъ ея страдаетъ одышкой, что докторъ велѣлъ мужу ея совершить путешествіе по Волгѣ до Астрахани и назадъ, что они всею семьей были за границей и даже въ Парижѣ и что у насъ напрасно говорятъ, будто за границей все хорошо,—у насъ это все гораздо лучше.

Дочка даже прямо подсмѣивалась надъ нѣмцами и особенно надъ ихъ аккуратностью и мелочностью. Такъ какъ, кромѣ меня, слушали дочку двѣ подобныя же ей петербургскія барышни, но не бывшія за границей, то она говорила съ авторитетностью, не допускавшею никакихъ сомнѣній. Въ видѣ неотразимаго доказательства смѣшной и педантической мелочности нѣмцевъ дочка привела такой фактъ. Разъ кельнеръ гостиницы, въ которой они остановились, считалъ утромъ на деревѣ сливы и когда кончилъ считать, то оказалось, что трехъ сливъ недостаетъ.

— Что же въ этомъ считаньи худаго? — спросилъ я.

— Помилуйте, да, вѣдь, это же смѣшно... — и дѣвушка засмѣялась.—Нѣтъ, у насъ вы такой мелочности не встрѣтите.

Подъ вечеръ я опять подошелъ къ дочкѣ. Она разговаривала съ тѣми же барышнями и опять авторитетничала.

— Вотъ у васъ такъ много патріотизма, — горорю я ей,—а на похоронахъ Салтыкова вы, вѣрно, не были.

— Нѣтъ, не была... А вы были?

— И я не былъ.

— Ну, вотъ видите, а меня спрашиваете!

Я долженъ признаться, что по отношенію къ почтенной дамѣ и ея дочери я велъ себя дурно. Мать чувствовала, что я какъ будто ихъ задираю и недостаточно почтителенъ. Сѣмя раздора уже легло между нами, была даже подготовлена и почва, чтобы ему взойти. Оставалось подождать благопріятнаго случая, который и представился очень скоро.

Въ тотъ же день вечеромъ общество собралось въ салонѣ и, какъ всегда, не знало, что ему съ собою дѣлать. Вдругъ раздается громкій женскій крикъ: «Посмотрите, какая красавица!» Всѣ бросились смотрѣть красавицу. Въ окнѣ рисовался дѣйствительно замѣчательный профиль, правильный, почти греческій, съ очень тонкимъ очертаніемъ. Профиль принадлежалъ путницѣ третьяго класса, сѣвшей на нашу носовую галлерею и прислонившейся головою къ наружной рамѣ окна, а лицомъ почти къ стеклу.

— Но, вѣдь, это совсѣмъ не русская красота,— сказалъ я.

— А по-вашему,—отвѣтила язвительно мать,— русскіе, пожалуй, ужь и не красивы... Нѣтъ, это русское лицо!

— Кажется, русская красота требуетъ, чтобы носъ былъ загнутъ кверху,—возразилъ я.

— Вотъ какъ у меня,—прибавила дочь.

Но тихо и какъ будто бы только для меня высказанное замѣчаніе дочери было покрыто громоноснымъ на весь салонъ отвѣтомъ матери:

— Вы, вѣрно, полякъ!

И, закинувъ голову, мать вышла изъ салона, бросивъ на меня угрожающій взглядъ.

Въ Симбирскѣ я далъ почтенной женщинѣ новый поводъ для торжества надо мною.

Когда пароходъ остановился у пристани и нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ хотѣли отправиться посмотрѣть городъ, я сказалъ имъ, что смотрѣть въ Симбирскѣ рѣшительно нечего. Какимъ онъ былъ, когда Гончаровъ писалъ «Обрывъ», такимъ остался и теперь: жара, пыль, на улицахъ ни души, только лежатъ собаки съ высунутыми языками. Мать, стоявшая недалеко и боевое чувство которой настолько уже накопилось, что ему неизбѣжно было разрядиться, ловила каждое мое слово, и не успѣлъ я еще кончить, какъ она вытянулась и, закинувъ голову, сказала громко, не обращаясь, повидимому, ни къ кому: «Прекр-расный городъ!» Затѣмъ наклонилась къ своей сосѣдкѣ и начала говорить ей что-то горячо и шепотомъ; я услышалъ только одно слово «полякъ», которое для меня было сказано громче.

Это почтенное семейство составляло средоточіе, около котораго группировались меньшія силы нашего пароходнаго общества. А ихъ было не мало. Двѣ дѣвушки-сестры (тоже, должно быть, съ Петербургской стороны) и при нихъ студентъ, какая-то дама, очень любившая пѣть, хотя пѣнью она нигдѣ не училась, и еще двѣ маменьки: одна съ сыномъ и дочкой, а другая только съ дочкой.

Нашъ салонъ былъ занятъ исключительно этою привиллегированною частью пароходнаго населенія. Она овладѣла всѣми диванами и стульями салона и даже столами, которые заняла рукодѣльями, книгами и письменными принадлежностями. Не исключая піанино, салонъ принадлежалъ всецѣло этой аристократіи и музыка начиналась у насъ съ ранняго утра. Сейчасъ послѣ утренняго чая кто-нибудь изъ нашей аристократіи начиналъ уже пѣть или играть и музыкальное настроеніе до того оказывалось преобладающимъ, что пѣніе и музыка не прекращались до самаго поздняго вечера. Особенною энергіей и неутомимостью отличались двѣ дѣвушки-сестры.

Плылъ съ нами, между прочимъ, и піанистъ настоящій, кончившій петербургскую консервато-

рію. Разъ одна изъ сестеръ вздумала играть Шопена. Піанистъ, слушавшій ее, все хмурился и мрачно молчалъ. Послѣ старшей сестры сѣла младщая и заиграла не помню что. Піанистъ сталъ щипать себѣ бороду. Когда музыкантша встала и проходила мимо него, онъ остановилъ ее вопросомъ:

— А знаете, что я вамъ скажу?

Музыкантша остановилась.

— Вы играете еще хуже вашей сестры.

Все, что я разсказываю о преобладающемъ владычествѣ на пароходѣ собирательной посредственности, не случайность. Эта смѣлость, этотъ задоръ, эта властность, это не только не стыдящееся самого себя невѣжество, а скорѣе полная увѣренность въ свое умственное превосходство, въ безошибочность своихъ сужденій, въ право руководить, могли явиться только потому, что противъ нихъ не стоитъ бо́льшая смѣлость, бо́льшій авторитетъ, бо́льшее право на властительство умомъ. Увидѣвъ на жизненномъ просторѣ только себя, собирательная посредственность не могла не вообразить себя властительницей этого простора.

У насъ на пароходѣ собирательная посредственность заняла всѣ лучшія мѣста по той же причинѣ. Занявъ все, что она могла захватить, она сейчасъ же расположилась какъ у себя дома и внесла въ пароходную жизнь свой домашній обиходъ. И во всемъ, что она дѣлала, она была вполнѣ неповинна. Она и дома точно также скверно играла на фортепіано, такъ же фальшиво пѣла и такъ же говорила только глупости.

Это тотъ самый ея обиходъ, которымъ она живетъ у себя на «Петербургской сторонѣ», дальше котораго она ничего не видѣла, ничего не знаетъ и ни о чемъ не можетъ судить. Ей никогда и не приходилось сравнивать себя съ настоящими величинами. А если она бывала за границей, гдѣ и жизнь другая, и люди другіе, и мысли другія, и чувства другія, то и тутъ собирательная посредственность неповинна, что у нея не получилось правильнаго сравненія.

Все, что она видѣла, было лишь то, что она была въ состояніи видѣть, и все, что она понимала, было только то, что она была въ состояніи понимать. Она видѣла, что нѣмцы считаютъ на деревьяхъ сливы, и это показалось ей смѣшною мелочностью, хотя у себя дома она усчитываетъ каждый кусокъ сахару и держитъ подъ замкомъ цикорій. Дѣлая сравненіе дальше, собирательная посредственность непремѣнно должна была придти къ заключенію, что на Петербургской сторонѣ нисколько не хуже (даже лучше), чѣмъ въ Парижѣ. На Петербургской сторонѣ есть грязь и въ Парижѣ есть грязь, на Петербургской сторонѣ идетъ дождь и въ Парижѣ идетъ дождь, на Петербургской сторонѣ есть воры и убійцы и въ Парижѣ есть воры и убійцы, на Петербургской сторонѣ слѣдитъ за всѣмъ полиція и въ Парижѣ слѣдитъ за всѣмъ полиція. Но въ Парижѣ собирательная посредственность чувствуетъ себя въ гостяхъ и ничѣмъ командовать не можетъ, а на Петербургской сторонѣ она у себя дома и во всякое время можетъ надѣть халатъ и ермолку. Очевидно, что на Петербургской сторонѣ живется свободнѣе и безпрепятственнѣе и, слѣдовательно, лучше, чѣмъ въ Парижѣ.

Впрочемъ, экземпляры собирательной посредственности, водворившейся на нашемъ пароходѣ, были не самой чистой воды и ироническій смѣхъ барышни съ Петербургской стороны надъ мелочностью нѣмцевъ оказывался невиннымъ дѣтскимъ лепетомъ сравнительно съ тѣмъ, что я встрѣтилъ на поѣздѣ между Москвою и Нижнимъ. Барышня смѣялась дѣйствительно только по младенческому неразумію, да и говорила она по заученному, а современемъ могла бы даже понять, что говорила вздоръ. Кромѣ того, у барышни и даже у ея матери чувствовалась «идея», первый зародышъ чувства общественности. Если имъ не нравился Парижъ и нѣмецкая мелочность, то только потому, что онѣ знали мѣсто и порядки еще и лучшіе парижскихъ,—своей Петербургской стороны. Но то, что я встрѣтилъ на поѣздѣ, была уже безповоротная и безнадежно-закостенѣлая глупость, въ которой одинаково соперничали женщины и мужчины (они соперничали точно также и у насъ на пароходѣ).

Это блистательное представительство принадлежало двумъ дамамъ, только что вернувшимся съ парижской выставки. Онѣ передавали свои впечатлѣнія какому-то мужчинѣ, тоже бывшему когда-то за границей. Насъ раздѣляла двойная перегородка, въ которой помѣщалась печка, и голоса доходили до меня черезъ рѣшетчатые вырѣзы перегородокъ не вполнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—слышался женскій голосъ,—а нашъ-то русскій отдѣлъ — стыдъ и смѣхъ!.. Представьте себѣ шесть тысячъ мѣшковъ съ мукой, наваленныхъ въ одну кучу, — для кого это, для чего?!.. ни толку, ни порядку.

— А каково устройство! — перебилъ другой женскій голосъ.—А еще говорятъ, что французы мастера на все! Ходить невозможно. Насыпали вездѣ колотый камень, точно на шоссе. Каждый день я возвращалась съ разорванными прюнелевыми ботинками и должна была покупать новыя. Да, вѣдь, это же невозможно!

— Когда я былъ за границей, — долетѣлъ до меня черезъ нѣсколько времени голосъ мужчины,— я купилъ въ Германіи фунтъ пряниковъ, да такъ и забылъ о немъ. Пріѣхавъ въ Лондонъ и найдя пряники у себя въ чемоданѣ, попробовалъ ихъ и, представьте себѣ, съѣлъ сразу весь фунтъ... Пряники были брауншвейгскіе...

Развѣ можно сравнивать этихъ дамъ съ нашею барышней съ Петербургской стороны? Конечно, барышня была пока глупенькая простушка, но въ этой глупенькой простушкѣ чувствовалась молодость, барышня чего-то искала, къ чему-то присматривалась, о чемъ-то думала, что-то сравнивала, даже критическая мысль въ ней какъ бы шевелилась. Если бы барышня не жила на «Петербургской» сторонѣ, изъ нея, вѣроятно, выработалось бы что-нибудь умственно-порядочное. Но

надъ дамами, не увидѣвшими на парижской выставкѣ ничего, кромѣ мостовой и шести тысячъ мучныхъ мѣшковъ, и надъ кавалеромъ, для котораго Германія представлялась вкуснымъ брауншвейгскимъ пряникомъ, приходилось ставить крестъ,— такой же крестъ, какой и надъ почтенными родителями простушки.

Впрочемъ, ея папенька, несмотря на свои 67 лѣтъ, обнаруживалъ нѣкоторую подвижность мысли и ту нравственно-умственную неустойчивость, которая особенно замѣчается въ людяхъ, переживщихъ эпоху реформъ и почувствовавшихъ въ текущей современности нѣчто не похожее на то, на чемъ они было уже установились.

Неустойчивость почтеннаго по лѣтамъ человѣка обнаруживалась особенно рѣзко при сравненіи съ двумя шведами, которые тоже вращались и даже играли роль въ нашемъ салонѣ. Одинъ изъ шведовъ былъ военный генералъ, другой—командиръ нашего парохода, старый морякъ, прослужившій въ Восточномъ океанѣ болѣе двадцати лѣтъ. Въ этихъ людяхъ было все точно, опредѣленно и непоколебимо и ничего не чувствовалось въ нихъ ни неяснаго, ни находящагося въ «твореніи». Въ то время, какъ папенька барышни съ Петербургской стороны не имѣлъ о многомъ точныхъ понятій и обнаруживалъ легкомысленную шаткость даже въ нравственныхъ понятіяхъ, шведы стояли на своемъ фундаментѣ твердо и непоколебимо, какъ бронзовая скала. Основныя понятія о человѣкѣ, его достоинствѣ и человѣческихъ правахъ были не только въ нихъ закончены, но даже срослись съ ними и образовывали какую-то органическую цѣльность. Цѣльность ихъ происходила оттого, что свои понятія и нравственные принципы они добыли не однимъ размышленіемъ, а всѣмъ складомъ окружающей ихъ жизни, въ привычкахъ и практикѣ которой они выросли и которымъ они подвели свой собственный умственный и сознательный итогъ много послѣ. Это было нѣчто совсѣмъ противуположное нашему русскому способу умственнаго развитія.

Мы ростемъ и умнѣемъ совсѣмъ иначе. Привычки жизни намъ почти ничего не даютъ или, точнѣе, даютъ много такого, отъ чего мы потомъ желаемъ освободиться. Ну, что можетъ дать Петербургская сторона, наславшая своихъ интеллигентныхъ и общественныхъ представителей въ нашъ пароходный салонъ? А дамы, негодующія на парижскую выставку, а ихъ кавалеръ, а тотъ Титъ Титычъ, ѣхавшій въ числѣ 22 душъ и занимавшій цѣлый вагонъ, котораго я потомъ встрѣтилъ на владикавказской желѣзной дорогѣ, а вся эта собирательная посредственность, которая со всѣхъ концовъ Россіи—и съ сѣвера, и востока, и запада, и юга—потянулась на кавказскія воды и набилась въ I классъ всѣхъ волжскихъ пароходовъ?

Все, что эта собирательная посредственность сложила и создала, всѣ ея понятія о правдѣ, справедливости, человѣческихъ отношеніяхъ, долгѣ, чести, даже любви,—все это, въ сущности, не правда, не честь, не любовь, а только условная ложь. Какъ нѣкогда теперешнія суевѣрія были научными истинами, такъ и условная ложь тепершней собирательной посредственности была нѣкогда культурною силой, смягчавшею грубые нравы. Но съ тѣхъ поръ утекло много воды. Правдивое, простое чувство, наконецъ, вознегодовало на всѣ эти отжившія условности, а критическая мысль, вызванная негодующимъ чувствомъ личнаго достоинства, была лишь неустранимою и неизбѣжною умственною реакціей, выраженіемъ того нравственнаго протеста, который всколыхалъ, освѣжилъ и обновилъ всю нашу общественную мысль и живою струей проникъ во всякую живую душу.

Отрицаніе, съ такою силой привившееся къ нашему обществу, было лишь первымъ пробнымъ шагомъ личнаго чувства, запротестовавшаго противъ царившей и стѣсняющей условности и неправды отношеній, въ которыхъ запуталась наша собирательная посредственность и которыми она запутывала все, что попадало въ ея водоворотъ. Дѣятельная мысль заявлялась у насъ только протестомъ и отрицаніями. Отрицаніе, какъ зараза, проникало повсюду и даже дѣти росли у насъ не въ привычкахъ того или другаго установившагося порядка жизни, а въ его отрицаніи. Отрицательныя повадки давали умственный цвѣтъ даже и такимъ безнадежностямъ, какъ дамы, негодующія на парижскую выставку, отрицаніе являлось и пробой силъ барышни съ Петербургской стороны. Онѣ только не понимали, что имъ слѣдуетъ отрицать, способъ же ихъ прогрессивнаго мышленія былъ исключительно отрицательный.

И вотъ, отрицая и, въ то же время, пріучая къ своимъ установившимся условностямъ, эта середина творила въ тѣхъ, кто попадалъ въ ея школу, только душевную раздвоенность. Лучшихъ порядковъ и отношеній она вокругъ себя создать была не въ состояніи, а, между тѣмъ, сама толкала мысль на отрицаніе того, къ чему она сама хотѣла пріучить. Гдѣ же тутъ было взяться устойчивости и цѣльности, когда между привычками и отношеніемъ къ нимъ мысли не было ни связи, ни единства?

Худо или хорошо сложилась жизнь шведовъ, вносившихъ въ нашъ салонъ совсѣмъ иную умственную и нравственную атмосферу, но между ихъ привычками и нравственнымъ поведеніемъ и мыслью не чувствовалось ни антагонизма, ни противорѣчій. Они, если хотите, не были умными людьми въ нашемъ русскомъ смыслѣ. Они не крутили мозгами, не мучились вопросами, что, зачѣмъ и почему, не упражнялись въ отрицаніи и критикѣ и вообще были консерваторами самой чистой воды. Но ихъ консерватизмъ происходилъ не отъ спячки чувствъ и понятій, а именно отъ сознательнаго довольства условіями своего общественно-нравственнаго существованія и неувѣренности, чтобы перемѣны и неиспытанное будущее оказались бы лучше ихъ испытаннаго настоящаго.

Съ русскимъ говорить весело, потому что передъ нимъ открыты всѣ горизонты мысли и русскаго не пугаетъ никакая умственная и общественная неизвѣстность. Мысль его паритъ, летаетъ, прыга-

етъ, не зная никакихъ препятствій, ее ничѣмъ не запугаешь и ничѣмъ не остановишь. Даже барышня съ Петербургской стороны отличалась подобною безстрашною мыслью и всегда была готова на путешествіе въ невѣдомое для нея пространство. Въ головахъ же нашихъ шведовъ стоялъ очень близко заборъ, въ который упиралась или отъ котораго отскакивала всякая мысль, пытавшаяся идти дальше того, что составляло твердый законченный обиходъ ихъ умственныхъ представленій. Говоря съ ними, вы сейчасъ же чувствовали, до какого предѣла съ ними можно говорить и двигаться впередъ. Затѣмъ начиналась область абсолютнаго непониманія, въ которую вы уже и не покушались ихъ манить, ибо на васъ глядѣли мертвыми глазами.

И вотъ эти-то неумные люди, тоже собирательная посредственность, но шведская, выдѣлялись между нашею собирательною посредственностью точно каменные кряжи среди зыбучихъ песковъ. Наша публика смотрѣла на нихъ снизу вверхъ, а шведскій гранитъ глядѣлъ на нее сверху внизъ.

Послѣ разговора въ салонѣ, въ которомъ одинъ изъ шведскихъ гранитовъ только высказалъ, что онъ порядочный и справедливый человѣкъ, почтенный отецъ съ Петербургской стороны съ чувствомъ скорбной безнадежности, точно честность въ Россія хранится лишь въ музеяхъ рѣдкостей, говоритъ мнѣ, указывая головою на уходившаго шведа:

— Изумительно честный человѣкъ, и всѣ эти шведы такіе.

Я, конечно, не пропустилъ благопріятнаго случая познакомиться поближе съ нравственными понятіями почтеннаго старца и спросилъ его:

— А что такое честность?

Старикъ какъ будто обидѣлся и оттопырилъ губу.

— Честность! Да кто же не знаетъ, что такое честность?

— Однако.

— Честность?.. Ну, честность... это понятно каждому.

— Не совсѣмъ; да и вы, вѣроятно, думаете не о той честности, которая только не воруетъ носовыхъ платковъ.

Старикъ смотрѣлъ въ столъ и молчалъ.

— Разскажу вамъ такой анекдотъ изъ финляндской жизни, — говорю я. — Въ Выборгѣ былъ назначенъ новый начальникъ, на какое мѣсто — это все равно. Начальникъ былъ шведскаго происхожденія, но воспитаніе получилъ не въ Финляндіи. Идетъ этотъ начальникъ въ воскресенье утромъ по Выборгскому мосту, а на встрѣчу ему толпа чухонъ мастеровыхъ. Одинъ изъ нихъ, занятый разговоромъ, толкнулъ начальника.

— Свинья!—сказалъ сердито начальникъ.

— Самъ свинья,—отвѣтилъ мастеровой.

Начальникъ подалъ на мастероваго жалобу въ судъ.

— Ты сказалъ ему «свинья»? — спрашиваетъ судья обвиняемаго.

— Сказалъ.

— Ты зналъ, кто онъ такой?

— Зналъ.

— Какъ же ты смѣлъ такъ сказать?

— Онъ мнѣ сказалъ «свинья» и я ему сказалъ «свинья», — отвѣтилъ мастеровой.

Судья видитъ, что по этому пункту обвинить мастероваго нельзя, но въ жалобѣ говорилось, что мастеровой былъ пьянъ, а быть пьянымъ до обѣдни въ Финляндіи большое преступленіе.

— Ты былъ пьянъ?—говоритъ судья.

— Нѣтъ, я не былъ пьянъ. Точно, что въ субботу вечеромъ я былъ пьянъ, и, можетъ быть, не проспался хорошо, а пьянъ не былъ.

Судья видитъ, что и по этому пункту нельзя обвинить мастероваго, и наложилъ штрафъ на начальника, который выбранилъ мастероваго.

— Ну, вотъ вамъ для рѣшенія задача, — сказалъ я.

Старикъ заволновался.

— Да что же вы такое разсказываете?.. Это къ дѣлу не идетъ. Какая тутъ честность? Развѣ можно было обвинить начальника, вѣдь, онъ назначается властью? Все это совсѣмъ не то...

— Такъ-то такъ. Значитъ, по-вашему, урядникъ или городовой никогда не можетъ быть виноватъ? А, вѣдь, вотъ вы человѣкъ справедливый и финляндской честности удивляетесь.

Старикъ всталъ изъ-за стола и ушелъ.

На другой день утромъ мы встрѣтились въ салонѣ за утреннимъ кофе и дружески поздоровались.

— Какой вы, однако, спорщикъ, — говоритъ онъ мнѣ.

Но видно, что мой анекдотъ заставилъ старика подумать, потому что, какъ бы продолжая нашъ вчерашній разговоръ, онъ мнѣ говоритъ:

— Вѣдь, я же понимаю, что высшіе не всегда бываютъ правы,—ну, хотя бы взять дѣло... — и старикъ заговорилъ объ одномъ старомъ уголовномъ процессѣ, надѣлавшемъ въ Петербургѣ большаго шуму. —Я тутъ не оправдываю...

Оправдывалъ или не оправдывалъ «тутъ» старикъ, это все равно. Дѣло въ томъ, что почтенный мужъ во всѣхъ подобныхъ вопросахъ былъ не совсѣмъ у себя дома. Да и Богъ его знаетъ, что думалъ въ дѣйствительности этотъ лукавый старикашка. Ясно было лишь одно, что сегодня онъ могъ говорить такъ, а завтра иначе.

И говорилъ онъ такъ даже и не потому, что не всегда зналъ, какъ ему думать, а большею частью по привычкѣ къ угодливости. Подобной уступки въ нашихъ шведахъ не было. Худо или хорошо они думали, но какъ они думали, такъ они и говорили и всегда упорно стояли на своемъ. Это происходило не отъ недостатка гибкости ума или отъ упрямства, а отъ другихъ, чѣмъ наши, привычекъ жизни. Оба наши шведа были люди долга и дисциплины, но въ ихъ исполнительности заключалось только ихъ внѣшнее поведеніе. На одной изъ пристаней командиръ нашего парохода получилъ даже замѣчаніе отъ командира другаго парохода (и тоже моряка, но русскаго), что на какое-то распоряженіе управ-

ляющаго пароходствомъ онъ не сдѣлалъ никакого возраженія. «Не мое дѣло дѣлать возраженіе. Онъ распоряжается, онъ за это и отвѣчаетъ, а я отвѣчаю за то, что я дѣлаю», — отвѣтилъ шведъ. Конечно, если бы нашимъ командиромъ былъ старикъ, о которомъ я такъ много говорю, то онъ не только приноровилъ бы къ требованіямъ управляющаго пароходствомъ свое внѣшнее поведеніе, да постарался бы и думать, какъ онъ.

Плыли мы въ самую лучшую пору лѣта. Природа только что распустилась и была ярко свѣжа, дни стояли чудные, солнечные, а Волга была и величественна, и красива своимъ многоводіемъ. Но для нашего салона какъ будто не существовало ни Волги, ни природы, а все еще тянулась та же закупоренная зима, съ ея жизнью въ четырехъ стѣнахъ.

Да, мы точно еще не оттаяли и чувствовали себя, попрежнему, на Петербургской сторонѣ. Хотя старикъ и былъ посланъ для «воздуха», но онъ цѣлый день игралъ въ карты. Ни воздуха, ни природы ни для кого изъ нашихъ салонныхъ обитателей не существовало. Солидные проводили все время за карточнымъ столомъ, а молодые—пѣли, играли и щебетали.

И припомнились мнѣ три нѣмца, съ которыми я плылъ по Волгѣ два года назадъ. У каждаго изъ этихъ нѣмцевъ было по бедекеру и по биноклю. Неутомимо и даже стремительно перебѣгали нѣмцы съ одной стороны парохода на другую, наводили дружно свои бинокли на новые открывающіеся виды и всякій разъ заглядывали для провѣрки въ бедекеры.

Должно быть, отъ нашей непривычки къ природѣ у насъ и нѣтъ «путеводителей». Есть, правда, «Спутникъ по Волгѣ» Монастырскаго, дорогой, да изданный въ 1884 году. Явился, было, нынче болѣе доступный «Путеводитель», изданный въ Нижнемъ, но послѣ отзыва, помѣщеннаго о немъ въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», купить его я не рѣшился. У одного изъ плывшихъ съ нами студентовъ «Путеводитель» этотъ хотя и былъ, но студентъ послѣ нѣсколькихъ справокъ пересталъ въ него заглядывать. Какъ говорятъ, у Бедекера, все-таки, лучшее описаніе Волги. Такъ ли—не знаю; но что «нѣмецъ» можетъ составить лучшее описаніе Волги, а мы лучшаго описанія Рейна не составимъ, это очень возможно.

Съ другой же стороны (при сравненіи съ Европой у насъ всякое дѣло нужно разсматривать съ одной и съ другой стороны), Волга хотя и широка, и многоводна, и величава въ своей молчаливости, но въ ней ужь слишкомъ много этой самой молчаливости и однообразной утомляющей пустынной величавости. Всѣ ея рельефы, все, что манитъ и останавливаетъ глазъ, соединилось между Казанью и Самарой (и преимущественно въ Жигулевскихъ горахъ); за Жигулями же все пустынно и уныло, а ниже Саратова—и совсѣмъ томительно, безжизненно.

Въ Россіи едва ли есть другая рѣка, берега которой, насколько хватаетъ глазъ, были менѣе заселены. Попадаются только города, а между городами не видно ничего, кромѣ неба, воды и береговой пустыни. Поэтому-то нашъ салонъ, можетъ быть, и не такъ виновенъ, что онъ только игралъ въ карты, пѣлъ и щебеталъ.

Опять же въ нѣмцѣ любовь къ природѣ воспитала эта самая природа. Онъ ужь съ дѣтства привыкъ восхищаться ея разнообразіемъ и богатствомъ, привыкъ жить съ нею вмѣстѣ, дышать ею, успокоивать и тѣшить на ней свой взглядъ и свои чувства. А какія чувства къ природѣ могли воспитать въ насъ наши новгородскія или петербургскія болотныя равнины?

Говорятъ даже, что и физіономія русскаго человѣка, черты его ровнаго, безразличнаго лица создались нашею равнинностью. Въ горныхъ мѣстностяхъ, съ рѣзкими рельефами, совсѣмъ иныя лица. Посмотрите на грузина, армянина, черкеса, вообще кавказскаго жителя. Лицо его тотъ же уменьшенный Кавказъ, и все въ этомъ лицѣ рельефно и очерчено рѣзко. Даже фигура горнаго жителя иная. Тогда какъ жители равнинъ ходятъ опустивъ голову и имѣютъ походку неувѣренную, обитатели горъ ходятъ поступью смѣлой, имѣютъ приподнятую, хорошо развитую грудь и держатъ голову прямо. У одного какой-то запуганный видъ, у другаго—смѣлый, увѣренный.

И у европейца—француза, англичанина, итальянца, нѣмца—лицо тоже выразительно и рельефно, а поступь увѣренная и весь видъ смѣлый и рѣшительный. Иностранца вы сразу замѣтите въ цѣлой толпѣ русскихъ.

Ну, конечно, не одна природа выработала намъ, русскимъ, иную фигуру и другую манеру держать себя; но и природа тутъ значила не мало. Она же развила въ иностранцахъ болѣе сильное чувство красоты и потребность наслажденія многообразіемъ природы, которое пока еще въ насъ не явилось. Мы умѣемъ пользоваться природой только для матеріальныхъ надобностей. Отъ этого нѣмецъ, явившись въ пустыню, сейчасъ же насадитъ въ ней деревья и цвѣты, а мы, явившись въ мѣстность, гдѣ ростутъ цвѣты и деревья, вырубимъ ихъ на дрова. Крыму и Кавказу извѣстно не мало нашихъ подобныхъ подвиговъ.

Все это я говорю не въ порицаніе, а только для объясненія, почему нашъ салонъ не обнаруживалъ ни любви къ природѣ, ни любознательности, которою отличались... ну, хотя бы тѣ три нѣмца, съ которыми я плылъ два года назадъ по той же самой Волгѣ.

Свершивъ по ней путешествіе, нѣмцы, конечно, знали ее настолько въ совершенствѣ, насколько это оказалось для нихъ доступно. По крайней мѣрѣ, они сдѣлали все, что было въ ихъ власти, чтобъ ее узнать, чувствовать себя сознательно въ ея природѣ и не находить удовлетворенія въ той пассивности, какую обнаружили мы, просидѣвшіе все время въ салонѣ за картами и за піанино.

И не смотря на то, что Волгу и волжскую природу мы видѣли лишь изъ оконъ салона и изучали преимущественно волжскую порціонную стерлядь,

мы, все-таки, путешествовали и, возвратившись на свою Петербургскую сторону, несомнѣнно, почувствовали себя обогащенными новыми, живыми знаніями о своемъ отечествѣ и будемъ съ увѣренностью, какъ очевидцы, говорить о Приволжскомъ краѣ и его жизни. Вѣдь барышня съ Петербургской стороны видѣла въ Германіи не больше того, что она видѣла на Волгѣ за піанино, а какъ она хорошо знаетъ Германію и съ какою авторитетностью говоритъ о ней! И не эта одна барышня, а всѣ барышни, которыя плыли не только на нашемъ, но и на всѣхъ волжскихъ пароходахъ, и всѣ маменьки и тетеньки этихъ барышень, если онѣ тоже плыли, и всѣ папеньки, и всѣ блестящіе юноши, состоявшіе въ томъ же салонѣ при піанино, видѣли на Волгѣ столько же...

А край богатый, ростущій, развивающійся, хотя этого развитія мы и дѣйствительно не могли замѣтить на тѣхъ пустынныхъ и безжизненныхъ берегахъ, которые только и видны съ парохода.

Не узнаемъ ничего объ этой развивающейся жизни и изъ «Путеводителей». Даже лучшій изъ нихъ— Монастырскаго—говоритъ только объ Аскольдѣ и Дирѣ, да о курганахъ Стеньки Разина или о Батыѣ, о Сумбекиной башнѣ и покореніи Казани.

Во всю дорогу мнѣ не случилось встрѣтить на нашемъ пароходѣ ни одного человѣка (хотя пассажиры и мѣнялись), который обмолвился бы о томъ, какъ живутъ люди по берегамъ и что говоритъ жизнь, и какимъ пульсомъ она бьется въ этой лишь кажущейся мертвой пустынѣ.

Взять хотя бы Жигулевскія горы. Для салонныхъ путешественниковъ это только красивые, облѣсенные холмы, расположенные въ живописномъ сочетаніи, вся жизненная поэзія которыхъ заключается въ преданіяхъ о волжскихъ разбойникахъ.

Въ самихъ же Жигуляхъ вы объ этой поэзіи не услышите ни слова, тамъ застучалъ топоръ да завизжалъ буръ и пробуждающійся промышленный геній русскаго человѣка является уже тою новою движущею силой, развитіе которой внесетъ въ жизнь массу новыхъ понятій и отношеній, до сихъ поръ намъ еще мало извѣстныхъ.

Въ Жигуляхъ теперь работаетъ огромный и единственный у насъ асфальтовый заводъ, разсылающій свой асфальтъ по всѣмъ концамъ Россіи; въ Жигуляхъ же открыты богатыя залежи сѣры и установлено нахожденіе нефти, такъ что, можетъ быть, и не безъ основанія Жигули мечтаютъ о соперничествѣ съ Баку и о возможности занять на міровомъ нефтяномъ рынкѣ первое мѣсто. Случится это или не случится, но, тѣмъ не менѣе, Жигули заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ громадныя нетронутыя естественныя богатства и только ждутъ приложенія къ нимъ дѣятельныхъ силъ.

И силы эти зрѣютъ, готовятся и шагъ за шагомъ выдвигаются уже впередъ. «Поэзія» былаго волжскаго ушкуйничества, да удали и захвата, на принципахъ которыхъ выросла и наша старая, домостроевская промышленная и торговая жизнь, начинаютъ уступать мѣсто новой для насъ «поэзіи»—мирной, прогрессивной работы ума, знанія, предпріимчивости и организаціи.

Въ тѣхъ же самыхъ Жигуляхъ васъ поразитъ изумительное сочетаніе стариннаго волжскаго ушкуйничества и нравственныхъ преданій временъ Стеньки Разина съ укрощающимъ ихъ вліяніемъ вновь возникающей промышленной культуры. Здѣсь, въ Жигуляхъ, рабочимъ является босякъ, но босякъ волжскій, наиболѣе необузданный и не привыкшій ни къ какой дисциплинѣ.

И рядомъ съ этимъ ушкуйнымъ человѣкомъ, а подчасъ и пропойцемъ, стоитъ организованный заводскій порядокъ, сложившійся по наиболѣе строгому и выдержанному типу точно разсчитаннаго производства. Примѣненіе самыхъ послѣднихъ усовершенствованій и приспособленій, какъ заводская желѣзная дорога, электрическое освѣщеніе, улучшенные механическіе двигатели и контрольные аппараты, т.-е. организація, основанная на математически-точномъ согласованіи всѣхъ работающихъ силъ, и ушкуйный босякъ—это наиболѣе послѣдовательная антитеза всякой точности, математическаго разсчета и дисциплины—крайности, между которыми лежатъ вѣка.

Здѣсь, какъ мнѣ говорили, рабочихъ кормятъ, какъ бы кормили развѣ рабочихъ-англичанъ. Да босякъ иначе не пошелъ бы и на заводъ. Но постоянная заводская дисциплина и точность труда босяку тяжелы. Свободный сынъ волжскаго простора не выноситъ монотонной регулярности. Сжавшись вначалѣ и вступивъ въ «порядокъ», онъ начинаетъ постепенно имъ тяготиться и, наконецъ, ищетъ случая расправить свои члены и дать просторъ инымъ, нервнымъ ощущеніямъ. И вотъ, босякъ выскакиваетъ изъ утомившаго его порядка, начинаются попойки, драки, разгулъ... «Что же вы въ такомъ случаѣ дѣлаете?»—«Распускаемъ всѣхъ рабочихъ и набираемъ новыхъ»,—отвѣтили мнѣ.

И въ томъ мірѣ новыхъ условій, въ которыхъ только и могутъ существовать такія промышленности, какъ нефтяная, горнозаводская, химическихъ веществъ, нельзя жить по-старому ни босяку-рабочему, ни его хозяину. Въ этихъ промышленностяхъ весь успѣхъ основанъ на самыхъ послѣднихъ знаніяхъ, на утилизаціи всякой песчинки, всякаго ничтожнаго отброса, на полномъ превращеніи всего въ полезный продуктъ и всякаго дѣйствія въ полезную производительную силу. Ужь таковы условія самаго дѣла, что въ борьбѣ за успѣхъ не пропадаетъ только тотъ, кто владѣетъ наилучшими знаніями и вмѣстѣ съ ними соединяетъ пытливость, наблюдательность, предпріимчивость и способность организаціи.

Эту способность слѣдуетъ поставить впереди всѣхъ другихъ способностей, ибо только ею создается и устанавливается всякое дѣло. Но у насъ именно эта способность еще и не развилась. Ея недостаетъ у насъ не въ одной промышленности, а, пожалуй, и повсюду. Мы, именно, не умѣемъ устанавливать отношеній и организовывать дѣлъ такъ, чтобы они шли, какъ говорится, «сами собою». Это «само собою» больше ничего, какъ вѣрно найден-

ное основаніе, присущее самому дѣлу (или неизвѣстнымъ отношеніямъ), изъ котораго затѣмъ развивается вся многосложная сѣть дѣйствій и отношеній, не теряя своей внутренней связи.

Русскій умъ пытался уже не разъ найти такое общее основаніе, которое связывало бы все однимъ общимъ единствомъ и изъ котораго, какъ изъ центра, шли бы по всей Руси оживляющіе и освѣщающіе все однимъ общимъ и единымъ свѣтомъ лучи.

Лѣтъ тридцать назадъ литературнымъ выразителемъ подобнаго единаго направленія былъ Базаровъ. Хотя базаровщина и убила Базарова, но то, что было серьезно и справедливо въ этомъ движеніи мысли, вошло настолько въ жизнь и въ ней окрѣпло, что едва ли теперь найдется человѣкъ, въ которомъ бы не оказалось слѣдовъ этой прививки. Масса молодежи кинулась на изученіе естественныхъ наукъ, химіи, технологіи, горнаго дѣла и подготовила цѣлый рядъ энергическихъ и знающихъ людей, создавшихъ новую, небывалую еще въ Россіи промышленность. Еще не такъ давно мы даже соду покупали за границей, а теперь имѣемъ громадные химическіе заводы, приготовляющіе и соду, и квасцы, и сѣрную кислоту, и разные виды кали и т. д., и т. д.

Что технологія окажетъ Россіи несомнѣнную услугу и нанесетъ порядочный ударъ системѣ мануфактурныхъ Тить Титычей, съ ихъ безграничнымъ московскимъ самодурствомъ и высасываніемъ соковъ изъ фабричныхъ рабочихъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ, этотъ самый химикъ и технологъ, уже и теперь даетъ иной тонъ своимъ фабричнымъ порядкамъ и не превращаетъ своихъ рабочихъ въ приписныхъ крестьянъ.

Весьма вѣроятно, что причина этого заключается въ томъ, что мѣста, гдѣ орудуютъ химикъ и технологъ, не знали крѣпостнаго права и не знакомы съ его традиціями, въ которыхъ выросли московскіе фабриканты. Низовья Волги, Кама, Кавказъ, Новороссійскій край и вообще окраины—вотъ гдѣ развивается и ростетъ новая промышленность.

Конечно, все это утѣшительно, ибо возникающія новыя требованія на промышленныя знанія внесутъ много новаго и въ наши общія отношенія. Но, во-первыхъ, мы и въ химіи полземъ черепашьимъ шагомъ (значитъ, когда же все это сдѣлается?), а, во-вторыхъ, одной химіи еще слишкомъ мало, потому что есть на свѣтѣ и еще кое-какія понятія, безъ которыхъ не проживешь по-человѣчески...

Когда вы путешествуете по улицамъ Петербурга и Москвы, вы находитесь настолько во власти внѣшняго порядка, что жизнь кажется вамъ и стройной, и правильно текущей, и твердо установившейся. Но отправьтесь въ путешествіе по Россіи, да подальше отъ ея среднихъ губерній и столичныхъ городовъ, куда-нибудь на Волгу, на Кавказъ, и только тутъ вы замѣтите, какая громадная работа свершается теперь повсюду. Старое старится, молодое—ростетъ, что-то возникаетъ, что-то разрушается, въ одномъ мѣстѣ работаетъ поразительная энергія и предпріимчивость, въ другомъ — люди цѣпляются за какой-то старый хламъ и пытаются его охранить и уберечь. Въ своемъ цѣломъ это очень сложное и запутанное движеніе представляется хаосомъ броженія миріадъ атомовъ. Каждый такой атомъ живетъ какъ бы только своею собственною жизнью, и въ этомъ хаосѣ сталкивающагося и перекрещивающагося труда вы не усмотрите ничего, кромѣ движенія.

И жизнь несомнѣнно въ движеніи, но, вѣдь, нужно же для этого движенія какое-нибудь и руководящее общественное сознаніе, хотя бы ради того, чтобы миріады атомовъ, которые теперь «сами собою» устраиваютъ свои отношенія, не тратили безполезно силъ на ненужное взаимное толканье. У насъ же слишкомъ много именно этого толканья, такъ что человѣкъ, пробивающій себѣ путь жизни, тратитъ на это пробиванье столько силы, что на настоящую-то жизнь у него почти ничего затѣмъ и не остается. И знаютъ наши проповѣдники «энергической личности» и самопомощи», по Смайльсу, что это очень хорошо, и все-таки, твердятъ одно и то же, а «невмѣшательство» возводятъ даже въ общественную теорію. А вотъ и одинъ изъ тысячи примѣровъ, къ чему приводитъ практика подобнаго невмѣшательства.

Въ Дубовкѣ на пристани предлагаютъ путешественникамъ ковры мѣстнаго производства. Это нѣчто яркое и бьющее въ глаза—какіе-то фантастическіе, огромные, какъ тарелки, красные цвѣты, зелень колоссальныхъ размѣровъ, немного чернаго фона. Путешественники обыкновенно посмотрятъ на разложенный товаръ, какъ на мѣстную диковинку, спросятъ изъ любопытства о цѣнѣ и отойдутъ, а продавцы, не ожидая отхода парохода, уже складываютъ свои ковры и уносятъ ихъ домой до новаго парохода. Кто же покупаетъ эти ковры, кѣмъ поддерживается эта промышленность и слышали ли вы когда о дубовскихъ коврахъ? И персидскіе ковры пестры, великою уродливостью рисунка отличаются наши кавказскіе и закаспійскіе ковры, но они расходятся тысячами и кормятъ цѣлыя населенія. А дубовскіе ковры едва ли кого-нибудь кормятъ.

О возникновеніи этой «промышленности» разсказываютъ вотъ что. Жилъ и служилъ когда-то въ Петербургѣ нѣкій Шаминъ. Человѣкъ онъ былъ очень честный, какъ говорятъ, даже потерпѣлъ за свою честность и на старости лѣтъ поселился въ Дубовкѣ. Шаминъ служилъ на шпалерной мануфактурѣ и у него былъ лакей изъ рабочихъ этой мануфактуры. Поселившись въ Дубовкѣ, Шаминъ задумалъ дать крестьянамъ болѣе выгодный заработокъ. И вотъ при помощи этого лакея-мастера Шамину удалось водворить въ Дубовкѣ ковровое производство. Лакей училъ, Шаминъ распоряжался и руководилъ, и понемногу, шагъ за шагомъ, тканье ковровъ въ Дубовкѣ стало крестьянскимъ дѣломъ.

Это не единственный у насъ случай проявленія въ крестьянскомъ населеніи подобныхъ промысловъ. Въ одной деревнѣ Калужской губерніи послѣ двѣнадцатаго года поселился плѣнный французъ, научившій мужиковъ плести шляпы изъ корней. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Смоленской губерніи

крестьяне дѣлаютъ скрипки, благодаря тоже случайности. Благодаря подобной же случайности, въ Архангельской губерніи создалась рѣзьба изъ слоновой кости. Случайно явится въ деревнѣ какой-нибудь хорошій, доброжелательный или знающій человѣкъ, научитъ народъ новому для него дѣлу и дѣло это привьется. Но, возникнувъ случаемъ и завися только отъ случая, всѣ подобныя промышленности и остаются затѣмъ игралищемъ всяческихъ случайностей. Иногда дѣло пустить корни и разовьется, какъ напримѣръ, ножевое производство въ Павловскѣ или гармоники въ Череповцѣ. А то остановится на одномъ мѣстѣ, какъ архангельская рѣзьба, или и совсѣмъ уйдетъ въ захудалость, какъ тюменскіе и дубовскіе ковры.

А повидимому и въ Тюмени и въ Дубовкѣ ковровое производство могло бы рости. Шерсть дешева, краска есть, бабы ткать могутъ, народъ въ подобномъ промыслѣ нуждается — и производство, все-таки, вымираетъ, потому что оно съ самаго начала зависѣло отъ «счастливой случайности» и безъ нея существовать не можетъ.

И до сихъ поръ всѣ хорошія дѣла въ русской жизни свершались только почином «счастливыхъ случайностей». Народится счастливая случайность—и свершится въ русской жизни какое-нибудь крупное дѣло или даже и общественный поворотъ. Умретъ «счастливая случайность» — и собирательный средній русскій человѣкъ снова повернетъ жизнь по своему.

Въ Кисловодскѣ я познакомился съ одною подобною же счастливою случайностью въ дѣлѣ производства химическихъ продуктовъ. Сынъ, кажется, купца изъ крестьянъ, онъ началъ съ маленькой фабрики красильныхъ веществъ, а теперь имѣетъ подъ Елабугой большой химическій заводъ, изготовляющій сотни тысячъ пудовъ самыхъ разнообразныхъ химическихъ продуктовъ и даже хромпикъ.

Поговорите съ этою «счастливою случайностью», какимъ трудомъ, какою затратой энергіи удалось ей создать и организовать все это дѣло! Больше пятнадцати разъ ѣздилъ человѣкъ за границу, чтобы изучать интересовавшія его производства, проникать въ заводскіе секреты вродѣ добыванія хромпика, да находить для производства ихъ мастеровъ. Если бы этотъ почтенный человѣкъ изложилъ подробно всю исторію своей борьбы со всякими препятствіями, тупыми силами и невѣжествомъ, которыя становились ему поперекъ, выяснилъ бы тѣ общія условія, которыя предоставляли его «самому себѣ», да всѣ постепенныя подробности организаціи дѣла, въ которой собственно и заключается причина всякаго успѣха, то всѣмъ тѣмъ, кто взываетъ къ личной энергіи, самодѣятельности и тому подобнымъ вздорамъ и болтаетъ этотъ вздоръ сознательно, съ задними цѣлями, можетъ быть, сдѣлалось бы, наконецъ, и стыдно говорить глупости.

Недостатокъ энергіи и самодѣятельности! Да нашъ мужикъ въ страду тратитъ ужь, конечно, въ десять разъ больше силъ и энергіи, чѣмъ американецъ, который пашетъ, боронитъ, жнетъ, коситъ, сидя съ сигарою въ зубахъ въ экипажѣ. И наша интеллигентная молодежь затрачиваетъ умственной и нравственной энергіи тоже побольше, чѣмъ учащаяся молодежь Франціи, Англіи, Америки. А развѣ результаты, которые даетъ русское поле и русская школа, похожи на результаты, хотя бы даже поля нѣмецкаго и нѣмецкой школы? Ясно, что рѣчь тутъ можетъ идти не объ энергіи, а объ условіяхъ, въ которыхъ этой энергіи приходится дѣйствовать.

«Счастливая случайность» проложитъ себѣ вездѣ дорогу; но, вѣдь, не для геніевъ читаются только лекціи въ университетѣ и не по геніальнымъ ученикамъ судятъ объ успѣхахъ школы. Отъ каждой дубовской бабы тоже нельзя требовать, чтобы она была «счастливою случайностью». Все, что только возможно для этой бабы, она и дѣлаетъ: она краситъ, сучитъ, ткетъ. А затѣмъ для нея наступаетъ уже область недоступнаго. Мы, пароходные путешественники, только потому и не покупали дубовскихъ ковровъ, что они безобразны и по рисунку, и по краскамъ, а наши барышни съ Петербургской стороны (такая же посредственность, какъ дубовскія бабы, но только интеллигентная) очень легкомысленно высокомѣрничали надъ темною неумѣлостью дубовскихъ ткачихъ. Но развѣ всякая подобная темная ткачиха могла научиться «сама собою» рисовать, или устроить въ Дубовкѣ рисовальную школу, или изобрѣсти нелинючія краски? Въ Великомъ Устюгѣ еще не такъ давно былъ извѣстный мастеръ дѣлать чернь по серебру, издѣлія котораго отличались колоссальными безобразіями рисунка. Но вотъ въ Устюгъ ссылаютъ искуснаго рисовальщика поляка (опять случайность), полякъ составилъ очень тонкіе и изящные рисунки для гравировщиковъ и та же мастерская стала отличаться художественностью своихъ издѣлій.

Повсюду и вездѣ мы имѣемъ дѣло или съ «серединой», или съ «случайностью». Въ Покровской слободѣ (противъ Саратова) былъ механическій заводъ Бартеля. Бартель—простой слесарь-самоучка, необыкновенно даровитый, обратившій на себя вниманіе даже такихъ спеціалистовъ-знатоковъ, какъ Макъ-Кормикъ и Джонстонъ. Но вотъ даровитый Бартель умираетъ, а съ нимъ умираетъ и все основанное имъ дѣло. Въ Саратовѣ не нашлось ни одного человѣка, который бы могъ замѣнить Бартеля и потому пожелалъ бы купить его заводъ.

Волга кончилась для меня въ Царицынѣ. Вотъ ужь кстати, что счастье, какъ и здоровье, оцѣнишь только тогда, когда ихъ лишишься. Послѣ волжскаго простора, обилія воздуха и свѣта, послѣ чистоты и роскоши, которыми балуютъ пароходы американскаго типа, грязная, темная, почти мрачная царицынская станція желѣзной дороги гнететъ и давитъ тоскливымъ уныніемъ. И царицынская дорога отвѣчаетъ вполнѣ своей главной станціи. Ей неизвѣстны другіе поѣзда, кромѣ товаро - пассажирскихъ: съ ними ѣдутъ и курьеры, и почта, и публика, и грузы.

На Дону дышется снова легче. Донъ не широкъ, не подавляетъ ни просторомъ, ни грандіозностью и многоводіемъ, онъ не манитъ далью, но за то производитъ какое-то домашнее, уютное впечатлѣніе. На Волгѣ вы больше ничего, какъ часть парохода,

пароходъ—вашъ домъ, ваша пловучая тюрьма, вы точно въ открытомъ морѣ и чувствуете себя въ полной власти могучей водяной стихіи. На Дону никакой такой могучей и страшной стихіи нѣтъ; берега, зеленые и цвѣтущіе, тянутся рядомъ, казачьи станицы попадаются безпрестанно, у каждой изъ нихъ пароходъ останавливается и эта постоянная близость къ землѣ связываетъ васъ родственною близкою связью и съ этою самою землей, и съ ея обитателями. Вы чувствуете себя гораздо больше на землѣ, чѣмъ на пароходѣ, оттого и легко.

За «тихимъ» Дономъ послѣдовалъ людный и дѣятельный Ростовъ, затѣмъ владикавказская желѣзная дорога и станція «Минеральныя Воды», на которой нашъ поѣздъ высадилъ массу курсовыхъ, направлявшихся кто въ Пятигорскъ, кто въ Ессентуки или Желѣзноводскъ, кто въ Кисловодскъ. Я направился въ Кисловодскъ.

Представьте себѣ лощину между горами. На лощинѣ раскинулась слобода, въ серединѣ слободы базарная площадь, а по серединѣ площади стоитъ церковь. Вдали этой лощины идетъ еще лощина или глубокій и широкій оврагъ, на днѣ котораго течетъ рѣчка, а по сторонамъ ея и по краямъ оврага раскинулся паркъ, въ концѣ же парка въ томъ же оврагѣ выстроена длинная галлерея для питья водъ. Вотъ это и будетъ Кисловодскъ.

Верхній Кисловодскъ или слобода находится еще въ моментѣ первобытности. Ни дороги, ни тротуары, ни удобства жизни этому Кисловодску пока неизвѣстны. Послѣ всякаго дождя (а нынче въ іюнѣ и до половины іюля дожди шли каждый день) по площади, по всѣмъ дорогамъ, дорожкамъ и спускамъ въ паркъ стоитъ липкая и скользкая грязь. Съ 6-ти часовъ утра по всѣмъ этимъ дорогамъ, дорожкамъ и спускамъ люди подъ зонтиками или безъ зонтиковъ, въ одиночку, парами, группами, а то и вереницами тянутся и скользятъ, направляясь къ оврагу. Съ 9-ти или десяти часовъ тѣ же одиночки, пары или группы, кончивъ воды и взявъ ванны, скользятъ опять вверхъ. Послѣ обѣда, между 5-ю и 6-ю часами, тѣ же одиночки, пары и группы скользятъ еще разъ внизъ и затѣмъ онѣ же скользятъ вверхъ къ домамъ, чтобы ложиться спать. Это скольженіе повторяется каждый день по два раза въ теченіе всего лѣта.

Первобытный верхній Кисловодскъ не додумался еще даже и до звонковъ. У насъ, напримѣръ (такъ оно и вездѣ), маленькій ручной колокольчикъ стоялъ на полочкѣ у выходной двери. Кому была нужна прислуга, тотъ отправлялся въ переднюю, бралъ съ полочки колокольчикъ, вытягивалъ руку во дворъ и звонилъ. Звонить было нужно до тѣхъ поръ, пока откуда-то, съ другаго конца двора, не послѣдуетъ отвѣтъ: «сейчасъ». Противъ меня изъ двери въ дверь поселился довольно серьезный больной, часто нуждавшійся въ прислугѣ. «Какъ же вы зовете прислугу,—спрашиваю я его,—когда вамъ нельзя выходить изъ комнаты?»

— Да я отворю окно и жду, не пройдетъ ли кто по двору.

Когда курсовые проползутъ по всѣмъ дорожкамъ и тропинкамъ и опустятся въ нижній оврагъ, въ которомъ раскинулся паркъ, они вступаютъ въ область благоустройства и установившейся организаціи. Паркъ въ Кисловодскѣ превосходный и держится въ большомъ порядкѣ. Такой же порядокъ въ отдѣленіи ваннъ и въ галлереѣ Нарзана, гдѣ пьютъ воды.

Въ Кисловодскѣ, хотя и въ нѣсколько иной формѣ и въ иныхъ подробностяхъ, повторяется все то же, что раньше сопровождало васъ во весь путь. Съ одной стороны, «натуральная» жизнь, слагающаяся «сама собою», туго, медленно; съ другой—культура и порядокъ, у нашихъ западныхъ сосѣдей составляющіе силу, управляющую жизнью, а у насъ являющіеся тоже пока только «счастливою случайностью» и умѣющіе укладываться рядомъ не сливаясь, но за то и не мѣшая и не помогая ни въ чемъ другъ другу, точно двѣ стороны двугривеннаго.

Повторяется въ Кисловодскѣ и еще одна, сопровождавшая васъ во весь путь надоѣдливая неустранимость, и тоже въ иной, болѣе законченной формѣ. На пароходѣ салонъ устанавливается тремя-четырьмя семьями и состоящими при нихъ юношами, обыкновенно не подающими никакихъ надеждъ. Въ Кисловодскѣ собравшіеся со всѣхъ пароходовъ и поѣздовъ салоны сливаются въ цѣльное однородное множество. Это не собраніе только салоновъ,—нѣтъ, это уже «общество». Каждый отдѣльный салонъ въ немъ стирается, теряетъ свою яркость и величину, люди въ отдѣльности становятся меньше, властныя маменьки теряютъ свое величіе, дочки—звонкость смѣха, перестаютъ авторитетничать и сливаются съ другими подобными имъ дочками, а юноши, не подающіе никакихъ надеждъ, утрачиваютъ салонную бойкость и принимаютъ безнадежно-глупый видъ. Получается «Павловскъ». Но въ Павловскъ стекается только «образованный» Петербургъ, въ Кисловодскъ же собираются отдѣльныя частицы всѣхъ остальныхъ «Павловсковъ» Россіи, какъ бы на смотрѣ, чтобы показать, что можетъ получиться, если они соберутся всѣ вмѣстѣ.

Дюма-отецъ, посѣтившій Петербургъ еще при Императорѣ Николаѣ, сказалъ про блестящее общество Невскаго проспекта, что оно похоже на души усопшихъ, гуляющія въ Елисейскихъ поляхъ. Кисловодскій паркъ—такія же Елисейскія поля, въ которыхъ скользятъ безшумно тѣни усопшихъ. Однѣ усопшія сидятъ на садовыхъ скамейкахъ, стоящихъ вдоль главной аллеи, по ту и другую ея сторону, другія—скользятъ плотною стѣною между этими рядами взадъ и впередъ. Во время музыки, когда бываетъ главный наплывъ публики и общество находится въ полномъ сборѣ, это хожденіе и неподвижное сидѣніе продолжаются непрерывно утромъ одинъ часъ и вечеромъ—два часа.

Въ нашемъ обществѣ есть одна особенность, которой вы не встрѣтите нигдѣ. Особенность эта заключается въ томъ, что она превращаетъ каждаго

въ глухонѣмаго. Есть какая-то сила у этого общества, отъ которой никто избавиться не можетъ и и непремѣнно ей подчинится. Властныя маменьки съ ихъ благовоспитанными дочками и состоящими при нихъ глупыми юношами, можетъ быть, менѣе всего подчиняются этому закону, потому что они-то, кажется, и творятъ его.

Больше всего законъ этотъ давитъ людей покрупнѣе. Въ Кисловодскѣ было не мало подобныхъ людей и даже людей несомнѣнно крупныхъ—по уму, по таланту, по положенію. Но все это крупное, вступая въ общую струю, сейчасъ же дѣлалось «какъ всѣ». Должно быть, ночью всѣ кошки сѣрыя.

Пока вы бесѣдуете вдвоемъ, вы видите нравственный ростъ своего собесѣдника, чувствуете его умъ. Но вотъ подходитъ къ вамъ одинъ, два, три человѣка, и сейчасъ же въ вашемъ умѣ и чувствахъ становится какая-то перегородка; подчиняясь извѣстной внутренней дисциплинѣ, вы замуравливаетесь, цѣлая область мыслей, понятій и чувствъ немедленно извлекается изъ употребленія, то же самое свершается въ душѣ вашего собесѣдника и разговоръ принимаетъ «общее» направленіе.

Почему же, спрашивается, вы, человѣкъ покрупнѣе, не поднимете до себя того, кто меньше васъ, а, напротивъ, сами становитесь пошлѣе и и глупѣе, сами превращаетесь въ глухонѣмаго и еще больше распространяете глухонѣмую атмосферу, отъ которой именно вы-то и страдаете, а совсѣмъ не пошляки и глупцы, которымъ въ этой атмосферѣ дышется легко? Почему?..

И чѣмъ эта глухонѣмая сила плотнѣе, чѣмъ общество больше, чѣмъ разнообразнѣе его составъ, тѣмъ оно сѣрѣе, безразличнѣе, тѣмъ больше исчезаетъ въ немъ всякая личная яркость и тѣмъ больше каждый испытываетъ на себѣ мертвящее вліяніе этой нѣмой, сѣрой безразличности.

Есть, однако, предѣлъ, до котораго все это можетъ продолжаться. Затѣмъ наступаетъ пора томительной повторяемости впечатлѣній, и каждый терпѣливо подчиняется ей, потому что не кончилъ еще своихъ ваннъ и водъ. Кончивъ, этотъ каждый въ тотъ же день укладывается и въ тотъ же день уѣзжаетъ.

Любопытенъ же и этотъ «каждый». Онъ жалуется на пошлость, скуку и глухонѣмую атмосферу, онъ считаетъ себя выше общества и, въ то же время, онъ-то, именно этотъ самый «каждый», и составляетъ это самое общество. Общество ему нужно, толпа, множество тянутъ его къ себѣ, а когда онъ вступитъ именно въ это самое множество, къ которому онъ стремится и тянется, онъ самъ же первый выскакиваетъ изъ него и садится въ сторону на скамейку, чтобы молчать въ одиночку.

XLII.

Настоящій *Очеркъ* я задумалъ писать по поводу книги М. Г. Моргулиса «Вопросы еврейской жизни». Подобравъ матеріалъ и собравшись уже работать, я прочелъ въ «Новостяхъ» разсказъ о находящемся на парижской выставкѣ сибирскомъ самоучкѣ-механикѣ Растиковѣ-Алмазовѣ. Разсказъ показался мнѣ очень удобнымъ для предисловія и въ такомъ видѣ я имъ и воспользуюсь.

То, что разсказываетъ въ «Revue des Deux Mondes» Мельхіоръ де-Вогюэ объ Алмазовѣ, не просто разсказъ о похожденіяхъ русскаго самоучки,—нѣтъ, тутъ и между строкъ, и прямо изложена цѣлая умственная драма, ужасъ которой для Вогюэ и для всякаго европейца заключается въ младенчески-первобытной и, въ то же время, самодовольной безсознательности какъ тѣхъ, кто направлялъ Алмазова на выставку, такъ и въ безсознательности самого Алмазова, сѣвшаго на парижской выставкѣ съ своими изобрѣтеніями. Конечно, мы думали изумить Европу непочатою даровитостью нашихъ народныхъ силъ; въ дѣйствительности же мы изумили ее лишь нашею неумѣлостью давать зачаткамъ даровитости такое развитіе, которое бы превращало ихъ въ дѣйствительную силу и не сжимало сердца скорбною болью о безплодно пропадающихъ способностяхъ.

Не Растиковъ-Алмазовъ фигурировалъ на парижской выставкѣ представителемъ русскихъ самобытныхъ изобрѣтеній, фигурировали мы, русскіе, выставившіе Алмазова, какъ печальный результатъ нашей неумѣлости обращаться съ нашими умственными силами, какъ образчикъ нашего собственнаго непониманія и неразвитія, какъ продуктъ нашей умственной атмосферы, какъ плодъ нашей отсталой общественной и умственной культуры.

Алмазовъ—это наиболѣе жалкая и обидная антитеза нашимъ самохвально-самодовольнымъ крикамъ о русскомъ умѣ, о нашихъ умственныхъ успѣхахъ и нашемъ интеллектуальномъ ростѣ. Если бы Парижъ былъ выставкой не успѣховъ ума, а выставкой средствъ, которыми всѣ эти умственные успѣхи человѣчествомъ созданы, то мы не могли бы дать болѣе законченной наглядной отрицательной картины этихъ средствъ, какъ отправивъ на выставку Алмазова.

Патріоты, отправлявшіе Алмазова въ Парижъ, конечно, меньше всего понимали, что не русскаго изобрѣтателя-самоучку они выставляютъ, а выставляютъ они свое собственное умственное младенчество, выставляютъ мракъ нашей домашней умственной атмосферы, въ которой всякая умственная сила или вымираетъ въ зародышѣ, или развивается въ несовершенную форму, или же стано-

вится уродствомъ. Вотъ что выставили мы въ Парижѣ въ образѣ Растикова-Алмазова.

Исторія умственнаго развитія Алмазова очень поучительна, хотя и не нова. Родился онъ въ Омскѣ, работалъ на фабрикахъ, съ дѣтства чувствовалъ влеченіе къ механикѣ, разсматривалъ машины, придумывалъ въ нихъ разныя измѣненія и усовершенствованія, желалъ учиться, желалъ испробовать на дѣлѣ свои изобрѣтенія. Услышавъ, что на Уралѣ, въ Екатеринбургѣ, устраиваютъ выставку, Алмазовъ рѣшилъ отправиться туда. Благодаря покровительству генералъ-губернатора, Алмазовъ добрался до Екатеринбурга, гдѣ и получилъ на свои изобрѣтенія патентъ. Изъ Екатеринбурга Алмазовъ со всѣми своими моделями поѣхалъ въ Казань. Въ Казани встрѣтилъ онъ добродушную барыню, которая довезла его до Харькова. Въ Харьковѣ на выставкѣ онъ опять разложилъ свои изобрѣтенія и получилъ второй патентъ. Въ томъ же Харьковѣ заинтересовался Алмазовымъ актеръ Андреевъ-Бурлакъ и привезъ его въ Москву. Здѣсь какой-то американецъ, осмотрѣвъ модели Алмазова, повыбралъ изъ нихъ нѣкоторыя и предложилъ за нихъ сто рублей. Это показалось Алмазову мало и онъ написалъ Бурлаку. Бурлакъ посовѣтовалъ не связываться съ американцемъ, и пригласилъ Алмазова пріѣхать въ Петербургъ и выслалъ деньги на дорогу. Въ Петербургѣ направили Алмазова къ генералу Рихтеру, который пристроилъ его на заводъ морскаго вѣдомства въ Кронштадтѣ. Приглядѣвшись къ усовершенствованнымъ заводскимъ механизмамъ, Алмазовъ убѣдился, что многія изъ его изобрѣтеній были давно уже изобрѣтены и въ гораздо лучшемъ видѣ. Такъ прошелъ годъ. Пошли толки и приготовленія къ парижской выставкѣ. Алмазову очень захотѣлось показать свои изобрѣтенія Европѣ. Опять помогли добрые люди и Алмазовъ со всѣми своими изобрѣтеніями очутился въ Парижѣ. Здѣсь нашлись новые добрые люди; одни изъ нихъ его кормили, другіе устроили ему на выставкѣ клѣтку, посадили въ нее вмѣстѣ съ его изобрѣтеніями и на клѣткѣ сдѣлали надпись: «Растиковъ-Алмазовъ, изобрѣтатель-механикъ изъ Омска въ Сибири».

Да, свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Но всѣ эти добрые люди не увидѣли въ Алмазовѣ ничего, кромѣ любопытной звѣрушки, выучившейся сама собою дѣлать разныя занятныя штуки, и стали они эту звѣрушку возить на-показъ по всѣмъ выставкамъ и ярмаркамъ, пока не привезли въ Парижъ, гдѣ и бросили.

И въ то время, когда добрые русскіе люди, возившіе съ тщеславнымъ чувствомъ любопытную звѣрушку на-показъ, наконецъ, довезли ее до Парижа, гдѣ съ тѣмъ же самодовольнымъ патріотическимъ тщеславіемъ посадили въ отдѣльную клѣтку, какъ образчикъ сибирскаго самородка, европейски-просвѣщенный французъ, совершенно случайно замѣтившій клѣтку съ запертымъ въ нее изобрѣтателемъ, смотрѣлъ на него съ сердечною болью и думалъ: «Вотъ человѣкъ, который, за недостаткомъ первоначальныхъ свѣдѣній, затратилъ массу умственнаго труда, чтобы открыть себѣ дорогу, давно уже проложенную человѣческимъ геніемъ, чтобы снова изобрѣсти азбуку науки, подобно геніальному ребенку, который собственнымъ умомъ дошелъ до эвклидовскихъ теоремъ. Онъ и не подозрѣваетъ, какую умственную тяжесть нужно поднять, чтобы создать себѣ мѣсто въ высшемъ умственномъ мірѣ, притягивающемъ его къ себѣ. Полный неунывающей надежды, онъ всю жизнь свою разсчитывалъ на добродѣтельныхъ барынь и благодушныхъ актеровъ, которые, наконецъ, и довезли его до Парижа, гдѣ онъ и затерялся одинокій, почти нѣмой»... «Умоляю нашихъ инженеровъ и ученыхъ, которымъ эти строки попадутся на глаза, — взываетъ де-Вогюэ, — чтобы они бросили взглядъ на выставку Алмазова и опредѣлили степень его дарованій. Сибирскій изобрѣтатель напомнитъ имъ предшественниковъ, подготовлявшихъ нынѣшнее торжество науки, искавшихъ, догадывавшихся и вѣрившихъ подобнымъ же образомъ въ сравнительно недавнее еще время».

Между этимъ стройнымъ, законченнымъ, осмысленнымъ и сознательнымъ отношеніемъ къ жизни, — отношеніемъ, которое каждое явленіе сейчасъ же устанавливаетъ на принадлежащее ему мѣсто, и умственнымъ младенчествомъ «добродѣтельныхъ барынь и благодушныхъ актеровъ», только перевозившихъ Алмазова съ мѣста на мѣсто, лежитъ такая же пропасть, какая раздѣляетъ самого Алмазова... ну, хотя бы отъ Эдиссона.

Эдиссонъ — тоже сынъ рабочаго и, подобно Алмазову, росъ тоже на улицѣ. Но этотъ сынъ рабочаго уже одиннадцатилѣтнимъ мальчишкой, торгуя на станціи желѣзной дороги спичками и всякою дрянью, въ свободное время между поѣздами читалъ Гиббона, Юма, энциклопедію, качественный химическій анализъ. Любознательный ребенокъ проникалъ не только въ спеціальныя частности химическихъ явленій, но усиливался этимъ частностямъ подыскать мѣсто въ общихъ явленіяхъ жизни, ввести ихъ въ общую съ ними связь. То была цѣлая умственная школа, которую проходилъ ребенокъ, — школа, вырабатывавшая ему полную законченную сѣть представленій, дававшая стройную связь его мышленію и создавшая то, что называется дисциплиною ума.

Пройдя такую умственную школу, Эдиссонъ на парижской выставкѣ является не изолированнымъ тѣломъ; онъ не теряется въ чудесахъ ея многообразія, для него на ней все ясно и понятно, всему онъ видитъ его надлежащее мѣсто, все отдѣльное частное сливается для него въ общее гармоническое цѣлое, въ которомъ онъ съ тою же сознательною ясностью видитъ и свое собственное мѣсто.

Это умственное ясновидѣніе, сознаніе своей умственной преемственности и точнаго положенія этой преемственности связываютъ Эдиссона такими опредѣленными и ясными для него узами съ культурными результатами общаго промышленнаго труда человѣчества, что Эдиссонъ среди чудесъ парижской выставки чувствуетъ себя такъ же легко и свободно, какъ рыба въ водѣ, и сознаетъ впол-

нѣ свою точную частную опредѣленность среди такой же ясной и точной для него общей опредѣленности.

Нашъ же Алмазовъ сидитъ изолированною звѣрушкой въ своей клѣткѣ, «затерянный, одинокій, почти нѣмой», подъ особенною сочиненною для него вывѣской, точно экспонатъ какой! И мы, добрые русскіе люди, поставили его дѣйствительно въ это обидное, оскорбительное положеніе, мы сами навели просвѣщеннаго француза къ клѣткѣ съ этимъ русскимъ экспонатомъ, и просвѣщенный французъ, тронутый страдательнымъ положеніемъ несчастнаго, взываетъ къ экспертамъ, чтобы они успокоили этого нравственнаго мученика и удовлетворили бы его, признавъ въ немъ человѣка. Такимъ образомъ, потребовалась случайность парижской выставки и европейски-просвѣщенные люди, чтобы сдѣлать то, что слѣдовало сдѣлать намъ, когда Алмазовъ былъ еще ребенкомъ и, живя въ своемъ родномъ Омскѣ, занимался изготовленіемъ изъ пробки и проволоки механическихъ игрушекъ.

Между этимъ просвѣщеннымъ европейскимъ сужденіемъ и сужденіемъ нашихъ «добрыхъ людей», не съумѣвшихъ удовлетворить Алмазова въ самомъ дорогомъ и важномъ для него вопросѣ: есть ли у него дарованіе и каковъ размѣръ его—лежатъ цѣлые вѣка культуры и умственнаго роста. Какъ Алмазовъ долженъ напомнить современнымъ французамъ ихъ предшественниковъ, подготовлявшихъ нынѣшнее торжество науки, такъ и «добродѣтельныя барыни и благодушные актеры» должны теперешнимъ французамъ напомнить тоже ихъ уже давно пережитыя времена.

Да, тутъ двѣ разныя ступени роста, двѣ разныя степени развитія общественнаго темперамента. Французъ уже выработалъ себѣ головной, умственный темпераментъ, онъ создалъ въ себѣ сознаніе и умственную дисциплину, поразительные факты которыхъ европейцы имѣютъ возможность наблюдать теперь... ну, хотя бы въ международномъ политическомъ поведеніи французовъ и въ изумительномъ тактѣ этого поведенія.

Французская печать вполнѣ свободна. Каждый французъ можетъ писать все, что онъ хочетъ. А етихъ каждыхъ пишущихъ французовъ не десятки людей, какъ у насъ, а тысячи, и къ какой бы французъ политической партіи ни принадлежалъ, онъ ни однимъ неосторожнымъ словомъ, ни одною неумѣстною, не относящеюся къ дѣлу мыслью не выйдетъ изъ предѣловъ того, что для этой мысли устанавливается общимъ ходомъ европейскихъ отношеній и политическими цѣлями, которыми задалась Франція.

Тактъ! Да, тактъ. Но что же такое тактъ? Это очень тонкая, сознательная, мелочная работа такой же тонкой и сложной мысли, работа того же сознанія, совершенно ясно и несомнѣнно устанавливающаго для каждаго, что въ данный моментъ возможно и что невозможно, о чемъ слѣдуетъ говорить, о чемъ—молчать и какъ молчать.

Даже въ самыхъ, повидимому, обыденныхъ и повседневныхъ отношеніяхъ французъ никогда не теряетъ своего мѣста, не выходитъ изъ предѣловъ, которые онъ долженъ занимать. Его мысль всегда дисциплинирована, сдержана, всегда видитъ ясно связь причинъ и слѣдствій. Вотъ это-то общественное ясновидѣніе, принявшее во Франціи уже наслѣдственную умственную форму, дѣлаетъ французовъ наиболѣе общественно-развитымъ европейскимъ народомъ.

Шло во время выставки первое торжественное представленіе тріумфальной оды въ честь республики. Громадный зрительный залъ, въ которомъ было заготовлено 22 тысячи мѣстъ, настолько переполнился публикой, что многимъ пришлось жаться по двое на одномъ стулѣ. Ровно въ 9 часовъ началась торжественная увертюра, и только что публика стала вслушиваться въ мягкіе, мелодичные ея звуки, какъ загорѣлась одна изъ подвѣшенныхъ къ потолку большихъ электрическихъ люстръ. Особенной опасности пожара не представлялось, потому что огонь не могъ передаться сосѣднимъ частямъ зданія, но, вѣдь, этого же публика не знала, и стоило какому нибудь растерявшемуся человѣку крикнуть «пожаръ», чтобы многотысячною толпой овладѣла паника и, бросившись къ тѣснымъ выходамъ, она произвела давку со всѣми ея страшными послѣдствіями. «И, не смотря на то,—разсказываетъ очевидецъ,—что всѣ чувствовали себя очень и очень не по себѣ, тѣмъ болѣе, что пожарные почему-то долго медлили и люстра горѣла минутъ 7—10, прежде чѣмъ сообразили спустить ее внизъ, большинство сохранило присутствіе духа, старалось успокоить и другихъ и изъ зала, въ концѣ-концовъ, вышли очень немногіе, только тѣ, у кого было свѣжо впечатлѣніе ужаснаго пожара въ Opera Comique.

Теперь на мѣстѣ этой умной публики, сознающей и понимающей, что вокругъ нея происходитъ, представьте себѣ многотысячную толпу, состоящую изъ слѣдующихъ образчиковъ зоологическаго типа. Фактъ, который я приведу, почти невѣроятный и, въ то же время, несомнѣнный. Кажется, подъ Самарой или подъ какимъ другимъ городомъ, но, во всякомъ случаѣ, подъ городомъ, т.-е. тамъ, гдѣ люди, все-таки, повидимому, и больше думаютъ, и больше знаютъ, нѣсколько мѣщанскихъ парней ловили ершей. «А что, ребята, хотите я проглочу ерша?»—говоритъ одинъ изъ парней, очевидно, осѣненный необыкновенною для него, по своей новизнѣ, мыслью.— «Проглоти»,—отвѣчаютъ товарищи. Парень взялъ ерша и проглотилъ. «Да это что,—говоритъ онъ,—ершъ небольшой, а я проглочу большаго ерша». Проглотилъ парень, къ общему удовольствію публики, и большаго ерша. Всѣ пришли въ восторгъ, а парень, упоенный успѣхомъ, предложилъ проглотить ерша противъ шерсти. Выбравъ ерша побольше, парень глотнулъ его, посинѣлъ, зашатался и упалъ. Товарищи всполошились, однако, догадались отнести несчастнаго въ больницу, но дорогѣ куда онъ и умеръ.

Между этимъ фактомъ и фактомъ умственнаго самообладанія, который я привелъ раньше, лежатъ, конечно, цѣлые вѣка, но этотъ фактъ я,

все-таки, не притянулъ за волоса. Прослѣдите его въ ближайшей связи съ другими фактами нашей русской жизни, тамъ, гдѣ она становится, повидимому, интеллигентной, и вы увидите, что это все то же «глотаніе ершей». Развѣ «добродѣтельныя барыни и благодушные актеры» (а ихъ только Алмазовъ и встрѣчалъ повсюду, начиная еще съ Омска) не занимались глотаніемъ ершей? Развѣ многочисленные сотрудники нашихъ охранительныхъ органовъ, всѣ эти галдящіе, шумящіе, кричащіе и не сознающіе ничего Мещерскіе, Окрейцы и ихъ даже, повидимому, болѣе образованное продолженіе не занимаются только «глотаніемъ ершей»?

Вѣдь, все несчастіе парня, поплатившагося за невѣжество жизнью, заключалось лишь въ томъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое человѣческое горло, что такое ершъ и что можетъ случиться, если этого ерша проглотить противъ шерсти. Парень зналъ только свое «нутро»: «захочу—и сдѣлаю», вотъ весь его законъ. Это законъ—ощущеній и смутно бродящихъ силъ, толкающихъ человѣка туда и сюда. И толкаемый человѣкъ съ одинаковою легкостью будетъ свершать поступки глупые и умные, честные и безчестные, не понимая и не сознавая, что онъ дѣлаетъ. Въ жизни такого толкаемаго человѣка зависитъ все отъ случайностей, обстоятельствъ, столкновеній съ тѣми или другими людьми. Будетъ человѣкъ окруженъ одпѣми случайностями,—онъ будетъ такой, будетъ окруженъ другими—выйдетъ другой.

Ну, хотя бы Савинъ, котораго недавно судили въ Берлинѣ за мошенничество и оправдали, развѣ это не человѣкъ той самой «роковой случайности», которая дѣлаетъ русскую жизнь такою неопредѣленной, что у насъ сложилась даже поговорка: «отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся»? Что въ этой жизни опредѣленнаго, яснаго, руководящаго и настолько сознательно установившагося, чтобы для каждой неустановившейся силы создавало общее русло умственной и нравственной порядочности, которымъ бы и опредѣлялось умственное и нравственное поведеніе каждаго?

Посмотрите, съ какимъ апломбомъ держалъ себя Савинъ. Для этого нужна большая нравственная увѣренность въ жизненныя основы, которыя его выработали и сложили. Когда предсѣдатель берлинскаго суда вздумалъ обвинять Савина въ мошенничествѣ, онъ съ достоинствомъ отвергъ это обвиненіе, какъ клевету. Его никогда и нигдѣ не судили за мошенничество или обманъ. Въ Брюсселѣ его судили за оскорбленіе должностныхъ лицъ; въ Парижѣ хотѣли арестовать по подозрѣнію въ сношеніи съ нигилистами; въ Константинополѣ у него было столкновеніе съ оберъ-полицеймейстеромъ, котораго онъ вынужденъ былъ побить. Чтобы окончательно ниспровергнуть всѣ эти клеветы, оскорбительныя для его нравственнаго достоинства, Савинъ съ гордостью заявилъ, что онъ «настоящій русскій патріотъ и никогда не былъ нигилистомъ».

Наши газетные патріоты по поводу объясненій Савина замѣтили, что онъ будто бы очень хорошо зналъ, «что чѣмъ болѣе онъ будетъ клеветать на свое отечество, тѣмъ снисходительнѣе отнесется къ нему нѣмецкій судъ». Но развѣ Савинъ клеветалъ? Развѣ факты, на которые онъ ссылался, не общеизвѣстные у насъ факты? Савинъ, конечно, рисовался и своимъ патріотизмомъ, и своими политическими замыслами, и своимъ притязаніемъ въ интересахъ Россіи на болгарскій престолъ. Ну, а Ашиновъ, который чуть было не произвелъ международнаго политическаго инцидента? Ну, а наша московская и петербургская патріотическая печать, принявшая Ашинова, во имя православія и русскихъ интересовъ, подъ свое покровительство? Распутайте-ка этотъ клубокъ! Гдѣ въ немъ начинается Савинъ, какъ онъ переходитъ въ Ашинова и какою идейною, нравственною, политическою и патріотическою связью сливается все это въ нѣчто однородное съ цѣлою массой представителей печати, пытающихся руководить общественнымъ мнѣніемъ и поучать его истинному патріотизму? Какими таинственными путями мысли лично-замотавшаяся безнравственность можетъ связать себя съ идеей патріотизма, самое обыденное проходимство поставить себя на пьедесталъ государственныхъ и политическихъ интересовъ, да найти еще поддержку въ руководящихъ людяхъ? Это, можетъ быть, любопытная особенность мошенническаго мышленія, ищущаго себѣ опоры въ патріотизмѣ.

Защитникъ Савина охарактеризовалъ его коротко и вѣрно. Онъ назвалъ его легкомысленнымъ и заносчивымъ славяниномъ, «малооблизаннымъ» культурой, полуазіатомъ, надѣлявшимъ турецкихъ пашей затрещинами просто для удовольствія, вообразившимъ себѣ, что онъ можетъ быть претендентомъ на болгарскій престолъ, и думавшимъ, что съ помощью затрещинъ и наводокъ можно прожить вѣкъ. «Такую скобелевскую натуру,—сказалъ защитникъ,—нельзя считать простымъ обманщикомъ».

И Савина, дѣйствительно, нельзя считать обманщикомъ, какъ нельзя считать обманщикомъ Ашинова, какъ нельзя считать обманщиками и людей печати, которые думаютъ какъ Савинъ и Ашиновъ, да могутъ и поступать, какъ они. Это все люди «нутра». Конечно, ихъ не разожжешь проглотить живаго ерша, потому что они, все-таки, учились въ гимназіи и знаютъ, что ершей глотать нельзя. Но это все тотъ же «первобытный» темпераментъ, которому извѣстенъ лишь одинъ законъ его внутренняго, смутнаго «хочу», темпераментъ не упорядоченный ни познаніями, ни умственною дисциплиной, которому никогда не бываетъ ясно, что онъ дѣлаетъ, и для котораго мы сами придумали очень мѣткую формулу: «русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ».

Въ Европѣ этотъ первобытный, безсознательный темпераментъ давно уже уступилъ мѣсто темпераменту умственному, головному, выработавшему внутри себя извѣстную сдерживающую силу, приводящую въ равновѣсіе смутные, скорые порывы «нутра».

Въ Ниццѣ мнѣ случилось разъ быть свидѣтелемъ такой сцены. У станціи желѣзной дороги, въ ожиданіи поѣзда, съѣхались извозчики и два изъ нихъ изъ-за чего-то начали браниться. Брань становилась все запальчивѣе, крупнѣе и, наконецъ, одинъ изъ бранившихся соскочилъ съ козелъ, то же моментально сдѣлалъ и другой и, остановившись въ угрожающей позѣ, занесъ надъ противникомъ руку. Этимъ все дѣло и кончилось. А вотъ и анекдотъ на эту же тему, конечно, русскій, придуманный въ насмѣшку надъ иностранцами. Два англичанина побранились и одинъ изъ нихъ, не стерпѣвъ обиды, говоритъ своему противнику: «Я васъ вызываю на дуэль».—«А я васъ убиваю»,—отвѣтилъ противникъ. Ну, конечно, все это смѣшно. А проглотить ерша противъ шерсти не смѣшно, выворотить, ради шутки, глаза пріятелю — не смѣшно, довести газетную полемику до того, что писатель объявляетъ печатно: «я васъ побью»—не смѣшно. Дѣйствительно, не смѣшно, даже совсѣмъ не смѣшно!

И вотъ, живя-то весь свой историческій вѣкъ подобнымъ «нутромъ», мы выработались совсѣмъ въ особенный типъ, «великорусскій», ничего общаго, пока, съ европейскимъ впечатлительнымъ типомъ не имѣющій.

Обыкновенно, «великорусскій» типъ зовутъ холоднымъ, головнымъ. И типъ этотъ, дѣйствительно, холодный, въ томъ смыслѣ, что для возбужденія въ немъ чувствительности требуются усиленныя воздѣйствія. Но это типъ вовсе не головной въ европейскомъ смыслѣ. Титъ Титычъ и кулакъ—вотъ его наиболѣе яркіе представители.

Еще болѣе характернымъ и разностороннимъ представителемъ великорусскаго типа является наше духовенство. Оно сохранило въ себѣ въ наиболѣе чистомъ, традиціонномъ видѣ всѣ этнографическія, культурныя и историческія черты русскаго кореннаго человѣка, какимъ его сложила первая, допетровская половина нашей исторіи.

Духовенство составляетъ у насъ единственную народную группу, жившую настолько изолированно и замкнуто, что въ нее почти совсѣмъ не проникали постороннія расовыя и племенныя примѣси, изъ слiянія которыхъ сложился теперешній великорусскій типъ. Точно также оно было менѣе доступно и гражданскимъ культурнымъ вліяніямъ и развивалось преимущественно бытовымъ образомъ.

Къ сожалѣнію, этотъ любопытный и своеобразный типъ у насъ мало обработанъ художественною литературой, да остался въ сторонѣ и отъ ученаго изслѣдованія.

То, что въ «великорусскомъ» типѣ кажется намъ головнымъ, есть именно его слишкомъ слабая нервная возбуждаемость, его трудная доступность чувствительности. Грубость, прямота, неделикатность, холодность, практичность, переходящая въ безжалостность и неумолимость,—всѣ эти «головныя» черты великоросса, особенно рѣзкія въ кулакѣ, происходятъ исключительно отъ малой чувствительности его нервной системы.

И это черты не одного только кулака. Тотъ нашъ интеллигентъ, который по развитію стоитъ въ ближайшей связи съ великорусскимъ типомъ, созданнымъ московскою историческою культурой, тоже мало доступенъ нервной впечатлительности, онъ даже надъ нею смѣется, какъ надъ ненужною сантиментальною чувствительностью. Нашу «охранительную» печать и такъ называемую «русскую партію» составляютъ именно люди этого маловпечатлительнаго типа. Даже въ интеллигентѣ болѣе развитой формы, если онъ находится еще въ переходномъ состояніи, наблюдаются тѣ же особенности.

Являясь въ видѣ такой своеобразной человѣческой формы въ средѣ иной умственной культуры, иной нервной впечатлительности, другаго умственнаго движенія и роста, мы образуемъ дѣйствительно какое-то инородное тѣло, съ людьми этой культуры и нервности не сливающееся.

Мы, русскіе, на парижской выставкѣ всѣ были Растиковы-Алмазовы. Каждый являлся въ собственной клѣткѣ, подъ собственною вывѣской и изъ своей клѣтки не выходилъ. Корреспонденты столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, описывавшіе русскихъ на парижской выставкѣ, всѣ одинаково, въ той или другой формѣ, подъ тѣмъ или другимъ соусомъ, преподносили все ту же суть, для которой культурная умственная и душевная среда Европы еще слишкомъ тонка и деликатна. То они заставляли русскихъ вздыхать о пирогахъ и кашѣ, то объ очищенной, то о невозможности распуститься по душѣ, потому что попадешь въ полицію, то о неумѣлости найти и создать себѣ мѣсто въ европейской природѣ, раствориться въ той европейской культурной общности, частью которой чувствуетъ себя всякій другой пришлый европеецъ—нѣмецъ, англичанинъ, итальянецъ, испанецъ (даже японецъ) и въ которой только мы, русскіе, чувствуемъ себя инороднымъ тѣломъ, «затеряннымъ, одинокимъ почти нѣмымъ». Въ сентябрьской книжкѣ «Недѣли» г. Дѣдловъ рисуетъ остроумную, вполнѣ вѣрную и, увы, далеко не льстящую нашему самолюбію картину Россіи на парижской выставкѣ. Прочтите, читатель!

И, странное дѣло, этотъ самый русскій человѣкъ, недоступный тонкимъ ощущеніямъ и тонкимъ мыслямъ, неспособный устроить такую простую вещь, какъ русскій отдѣлъ на парижской выставкѣ, можетъ творить иногда дѣйствительно великія дѣла, вродѣ петровской реформы, освобожденія крестьянъ, составленія судебныхъ уставовъ. Какимъ-то чудомъ великорусскій типъ выскакиваетъ внезапно въ подобныхъ случаяхъ изъ себя и достигаетъ до высоты вполнѣ европейскаго умственнаго, просвѣщеннаго, прогрессивнаго и глубоко-туманнаго типа.

Въ чемъ же причина этой странной двойственности: съ одной стороны—крайней тупости чувства и неспособности справиться съ самыми простыми и односложными комбинаціями мысли, а съ другой—поразительной глубины мышленія, проникающаго въ самыя сокровенныя и сложныя соотно-

шенія и созидающаго совершенно новый, невиданный порядокъ вещей?

Причина все въ той же малой чувствительности нервовъ великорусскаго человѣка, держащаго въ рукахъ судьбу своихъ собственныхъ общественныхъ дѣлъ. Нуженъ именно громъ небесный, чтобы великороссъ, наконецъ, перекрестился. Сколько вѣковъ крѣпостное право било насъ по самымъ чувствительнымъ мѣстамъ, сколько намъ нужно было вынести и перетерпѣть жестокостей этого страшнаго, нечеловѣческаго быта, сколько вѣковъ томила и мучила насъ московская волокита, сколько пришлось намъ выстрадать отъ невозможности найти хоть мало-мальски человѣческую правду и справедливость, чтобы, наконецъ, почувствовать, что такъ жить нельзя, а нужно покончить и съ крѣпостнымъ бытомъ, и съ прежнею судейскою волокитой! Для всякаго другаго болѣе впечатлительнаго народа даже половина этихъ неустройствъ оказалась бы невыносимой, а у насъ во время самаго освобожденія находились люди, которые говорили, что съ крѣпостнымъ правомъ можно было бы прожить и еще много лѣтъ.

И вотъ, когда громъ грянетъ и великороссъ перекрестится, онъ открываетъ ходъ своей умственной и душевной напряженности, и получаются результаты даже для него самого неожиданные. Затѣмъ, когда громъ немножко поутихнетъ и креститься больше не нужно, русскій человѣкъ примиряется съ остальными тучками, закрывающими небосклонъ его жизни, и рѣшаетъ, что креститься больше незачѣмъ, потому что маленькія тучки пока не гремятъ.

Это время, когда маленькія тучки накопляются и креститься пока незачѣмъ, называется у насъ временемъ вопросовъ, и едва ли у какого-нибудь другаго народа въ мірѣ имѣется столько вопросовъ, и, при томъ, самыхъ элементарныхъ, сколько ихъ у насъ: вопросъ о малоземельи и многоземельи, вопросъ переселенческій, продовольственный, пожарный, кустарный, фабричный, школьный, вопросъ о классическомъ, реальномъ, техническомъ и ремесленномъ образованіи, вопросъ о школьномъ переутомленіи и школьной гимнастикѣ, вопросъ объ отношеніи школы къ семьѣ и семьи къ школѣ, вопросъ о женскомъ образованіи, о перепроизводствѣ и недопроизводствѣ интеллигенціи и объ интеллигентномъ пролетаріатѣ, вопросъ желѣзно-дорожный и тарифный, о хлѣбной торговлѣ и элеваторахъ, вопросъ земскій и объ упорядоченіи мѣстнаго самоуправленія, вопросъ судебный и мироваго института, вопросъ объ осушеніи, орошеніи и облѣсеніи, вопросъ о сельскомъ хозяйствѣ и о поднятіи сельско-хозяйственной производительности, вопросы окраинъ — остзейскій, финляндскій, польскій, малороссійскій, еврейскій...

Большинство изъ этихъ вопросовъ превратились давно уже въ вопросы сезонные, такъ что каждому извѣстно, что весной онъ будетъ читать въ газетахъ о переселеніи, лѣтомъ — о деревенскихъ пожарахъ, осенью — о народномъ продовольствіи, о наплывѣ учениковъ въ учебныя заведенія, въ которыхъ не оказывается мѣста для всѣхъ желающихъ, объ учебникахъ и т. д.

Основное свойство нашихъ вопросовъ въ томъ именно и заключается, что они подлежатъ закону безконечной повторяемости, точно непрерывная дробь, что мы можемъ 20, 30, 40 лѣтъ (даже цѣлое столѣтіе) говорить изъ года въ годъ все объ одномъ и томъ же и что единоличной жизни бываетъ зачастую далеко не достаточно, чтобы дождаться конца «назрѣвающаго» вопроса. Найдите хотя одинъ вопросъ, который бы разрѣшился при жизни любаго изъ насъ. И я говорю не о молодежи, а о старикахъ, которые всю жизнь свою прожили на этихъ вопросахъ, состарились съ ними, умрутъ, а вопросы все останутся неразрѣшенными. И съ молодежью повторится то же — и она состарится на своихъ вопросахъ и умретъ раньше ихъ разрѣшенія.

Въ этомъ «назрѣваньи» есть одна любопытная особенность, и тоже исключительно русская, или, точнѣе, «великорусская», — наша враждебность къ вопросамъ. Мы точно сердимся на каждый изъ нихъ, считаемъ каждый вопросъ своимъ врагомъ, чѣмъ-то лежащимъ внѣ насъ, какою-то помѣхой, съ которой приходится возиться. Мы даже крестьянъ винили, что нужно ихъ освободить. Между разрѣшаемымъ и разрѣшающимъ у насъ всегда стоитъ какая-то стѣна и чувствуется антагонизмъ, разрѣшаемое всегда есть нѣчто пассивное, страдательное, всегда оно точно не наше, а свалившееся на насъ внезапно съ крыши или съ неба.

Эта враждебность и даже озлобленность чувствуются въ особенности въ крайнихъ органахъ печати «русской партіи», какъ наиболѣе чистой представительницы великорусскаго центральнаго начала. Печать эта никакъ не умѣетъ понять, что всѣ эти вопросы, какую бы они кличку ни носили, всѣ безъ исключенія наши собственные, и именно великорусскіе вопросы, что дѣло заключается не во внутренней сущности вопросовъ, которую слѣдуетъ признать за фактъ, а въ нашемъ умственномъ отношеніи къ этой сущности, что это-то умственное отношеніе и есть именно то самое искомое, которое прежде всего нужно установить и опредѣлить, и что въ немъ-то собственно и заключается вопросъ всѣхъ нашихъ вопросовъ. Если взглянуть на наши неустройства и на трудности, которыя они для насъ представляютъ, даже въ пустякахъ, именно съ этой точки зрѣнія, т.-е. со стороны нашихъ способностей справляться съ неустройствами, это дѣло, очевидно сведется къ нашей душевной и умственной непроницаемости, къ трудностямъ, съ которыми мы поддаемся новымъ ощущеніямъ, чувствамъ, понятіямъ, представленіямъ.

О непроницаемости, напримѣръ, «Гражданина» и вообще людей его умственныхъ средствъ говорилось у насъ столько, что кн. Мещерскій и его органъ (да и другіе органы того же направленія) стали уже нашимъ сезоннымъ вопросомъ, вродѣ неурожаевъ, голодовокъ и пожаровъ. Какъ не разрѣшить намъ при жизни этихъ вопросовъ, такъ, конечно, не придумать намъ никакихъ страховыхъ средствъ и противъ князей Мещерскихъ.

Одно намъ только и остается продолжать съ мужествомъ, «заслуживающимъ лучшей участи»,—ни въ чемъ, никогда и нигдѣ не дѣлать ни малѣйшей уступки этой общественной и личной толстокожести, гдѣ бы и въ какой бы формѣ она ни проявлялась. И не объ уступкѣ тутъ, конечно, разговоръ, потому что какую же уступку можно сдѣлать людямъ ископаемой формаціи! Можно и не уступать, но можно и замолчать, а замолчать—значитъ самимъ ослабить въ себѣ душевную и умственную впечатлительность, самимъ начать обростать мохомъ и становиться тоже толстокожими. Еще недавно мы были гораздо впечатлительнѣе къ нормальнымъ явленіямъ нашей жизни, они насъ безпокоили, тревожили, раздражали, а теперь все спокойнѣе и неуязвимѣе начинаемъ къ нимъ относиться, все больше и больше утрачиваемъ непосредственность ощущеній и душевную свѣжесть и начинаемъ смотрѣть не только равнодушно на разныя общественныя и личныя мерзости, но еще и обростающему шерстью современному русскому человѣку стараемся печатно внушать, что его время—очень хорошее время («Недѣля», № 38). Усиливаясь обезчувствить себя въ отношеніи общаго воспріятія нашей жизни, мы этимъ обезчувствимъ себя для воспріятія частностей и утратимъ не только связь между ними, да разучимся понимать и то, что намъ бы и хотѣлось понять. Ну, хотя бы тотъ же самый Растиковъ-Алмазовъ, которымъ я началъ этотъ очеркъ. Вдумайтесь, читатель, въ положеніе этого глубоко-несчастнаго молодого человѣка. Что сдѣлали мы съ нимъ? Съумѣли ли мы заглянуть въ живую душу его, когда онъ былъ еще ребенкомъ? И просилъ-то этотъ способный ребенокъ только одного—школы, знанія. Мы же оставили его дѣлать игрушки изъ пробокъ и проволоки, а затѣмъ стали возить его на-показъ. Не нашлось ни въ Сибири, ни въ Россіи, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ никого, въ комъ бы обрѣталась хотя малѣйшаякурпица умственной проницательности и способности увидѣть и понять, какое начало какого конца стоитъ тутъ передъ нимъ, не нашлось способности увидѣть, что этотъ маленькій даровитый мальчикъ есть зародышъ цѣлаго общественнаго явленія, что онъ нашъ текущій вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго мы стоимъ въ безпомощномъ недоумѣніи.

Все, что мы дѣлали съ Алмазовымъ, была лишь хирургическая операція; мы освобождались отъ него, какъ отъ занозы, мы выростили его въ неудачника, да еще и выставили на-показъ на парижской выставкѣ въ кустарномъ отдѣлѣ, какъ образчикъ загубленныхъ способностей, которымъ не съумѣли дать правильнаго развитія. Алмазовъ, пока, еще надѣется и вѣритъ, но надолго ли у него достанетъ и этой вѣры, и этой надежды? Присяжные эксперты уже прошли разъ мимо него, не останавливаясь, и это его глубоко огорчило. Вогюэ замѣтилъ его совершенно случайно и, тронувшись его страдательнымъ положеніемъ, придумалъ только одно средство помочь бѣдняку, болѣющему непризнанностью: «умолять» французскихъ инженеровъ и ученыхъ обратить на него вниманіе, потому что Алмазовъ напомнитъ имъ «предшественниковъ, подготовлявшихъ нынѣшнее торжество науки». Вѣдь, такъ къ нормальнымъ явленіямъ не относятся.

И Алмазовъ, дѣйствительно, болевой продуктъ русской жизни, это—чистокровный неудачникъ, заѣденный средой и не нашедшій себѣ въ ней мѣста. Въ этомъ или въ другомъ видѣ мы можемъ насчитать тысячи, если не десятки тысячъ людей, воображающихъ себя выше среды, которая ихъ создала, рвущихся изъ нея вонъ и не подозрѣвающихъ, что для нихъ будетъ невозможна борьба за умственное и нравственное существованіе въ той высшей области, для которой они считаютъ себя призванными. И когда въ человѣкѣ проснется сознаніе и онъ пойметъ, что то, чего онъ хочетъ, ему не по силамъ, а отъ посильнаго онъ совсѣмъ отвернулся и разорвалъ съ нимъ,—наступаетъ моментъ мучительнаго душевнаго состоянія, за которымъ зачастую слѣдуетъ острый конецъ.

Вотъ въ этихъ-то случаяхъ мы—общество, писатели, проповѣдники нравственности, гуманности и прогресса и руководители общественной мысли—обнаруживаемъ свое полнѣйшее непониманіе смысла фактовъ и явленій и выставляемъ въ сугубомъ видѣ ту толстокожесть и непроницаемость для живыхъ чувствъ и понятій, съ которой мы съ самаго начала толкаемъ человѣка или на ложный путь, или же закрываемъ отъ него путь истинный, а затѣмъ, когда человѣкъ очутится, растерянный, на распутіи, мы еще съ бóльшею толстокожестью начинаемъ побивать несчастнаго каменьями и предаемъ его анаѳемѣ.

Подобнаго рода общимъ врагомъ, на котораго мы накидываемся съ ожесточеніемъ и озлобленіемъ, нерѣдко даже личными, сталъ у насъ несчастный интеллигентъ въ разныхъ его непристроившихся къ жизни формахъ. Призадумавшись надъ неудачниками, лишними людьми и интеллигентомъ, ищущимъ мѣстъ, мы необыкновенно просто и легко сообразили слѣдующее. Если я, интеллигентъ, пристроившійся, положимъ, въ газетѣ или журналѣ, т. е. имѣю занятіе и кусокъ хлѣба, то я несомнѣнно почетный гость на пиру природы и имѣю всѣ права на существованіе; а если вы, совершенно такой же интеллигентъ, мѣста не имѣете, то очевидно, что вы—«перепроизводство», и потому должны быть сокращены.

Этотъ хирургическій способъ разрѣшенія всѣхъ общественныхъ недоразумѣній и неустройствъ примѣняется преимущественно въ такихъ случаяхъ, когда фактъ, явленіе (вообще результатъ извѣстныхъ причинъ) можно ощупать и взять въ руки, показать на него пальцемъ: напримѣръ, женщины, ищущія высшаго образованія, интеллигентъ, отыскивающій мѣста, неудачникъ, внезапно учиняющій что-нибудь неподходящее. Тутъ виноватые всегда на лицо и самому незамысловатому репортеру «Гражданина» или подобной ему газеты совершенно ясно, въ чемъ должно заключаться разрѣшеніе. Разрѣшеніе, прежде всего, заключается въ

томъ, что этотъ самый незамысловатый репортеръ (про самого князя Мещерскаго, разумѣется, и говорить нечего) несомнѣнно почетный гость на пиру природы, ну, а затѣмъ онъ такой же несомнѣнный судья и вершитель судебъ всѣхъ *тѣхъ*, кто на пиру природы прибора еще не получилъ. При такомъ хирургическомъ способѣ мышленія разрѣшеніе получается всегда самое простое и всегда доступное незамысловатымъ способностямъ незамысловатаго репортера или его газетнаго шефа.

Но получается тутъ еще и нѣчто другое. Возникаетъ болѣе важный вопросъ: въ сущности ли разрѣшаемой задачи заключается трудность разрѣшенія, или же трудность лежитъ исключительно въ нашихъ отношеніяхъ къ этой сущности? И отвѣтъ получается одинъ, ибо другаго отвѣта и быть не можетъ: трудность разрѣшенія въ нашихъ отношеніяхъ.

Поэтому-то мыслящему читателю, для котораго вопросы русской жизни и явленія современнаго умственнаго порядка представляютъ интересъ, книга М. Г. Моргулиса «Вопросы еврейской жизни» дастъ богатый матеріалъ для весьма поучительныхъ размышленій. Не говоря уже о томъ, что онъ познакомится съ сущностью положенія у насъ евреевъ и узнаетъ объ этомъ положеніи полную безпристрастную правду, онъ призадумается и надъ тѣмъ, о чемъ г. Моргулисъ, повидимому, не говоритъ, призадумается надъ правдой человѣческихъ отношеній и надъ тѣми изумительными препятствіями, которыя самыя естественныя, простыя, элементарныя требованія справедливости встрѣчаютъ еще въ понятіяхъ людей.

Помимо общаго интереса, книга М. Г. Моргулиса является въ сей моментъ кстати еще и потому, что, какъ сообщаетъ «Судебная Газета», министерство государственныхъ имуществъ, въ которомъ имѣется проектъ разселенія евреевъ, командируетъ на югъ Россіи гг. Трирогова и Случевскаго для изученія на мѣстѣ быта еврейскихъ колоній. Кромѣ этихъ лицъ, то же министерство и для этой же цѣли командируетъ чиновниковъ еще и на западъ Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что богатая содержаніемъ книга г. Моргулиса послужитъ для командированныхъ лицъ очень цѣннымъ и неизбѣжнымъ матеріаломъ при изслѣдованіи и того вопроса, изученіе котораго на нихъ возложено.

Но такъ какъ въ этомъ очеркѣ я говорю не объ еврейскомъ вопросѣ и не о бытѣ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, а о самыхъ элементарныхъ требованіяхъ справедливости и общественной нравственности, то и обращу вниманіе читателя на слѣдующее.

«Судебная Газета», сообщая о командировкѣ чиновъ министерства государственныхъ имуществъ, говоритъ, что «задача командировокъ клонится къ тому, чтобы болѣе наглядно выяснить вопросъ о способности евреевъ къ земледѣльческому труду и къ ассимиляціи ихъ въ этомъ дѣлѣ съ русскою націей. Средствъ на это предпріятіе министерство ассигновало довольно много. Но вопросъ вотъ въ чемъ: вознаградятся ли всѣ эти труды и затраты? По исторіи развитія еврейскихъ колоній на югѣ Россіи мы (т. е. «Судебная Газета») знаемъ, что семиты неспособны заниматься сельскимъ трудомъ; они могутъ только владѣть землею, но обрабатываютъ ее малороссы. Еврей же, какъ человѣкъ, рожденный, по его понятію, для господства въ мірѣ, только ходитъ съ бичомъ по полю и подгоняетъ къ работѣ христіанина».

«Елисаветградскій Вѣстникъ», изъ котораго я беру эти свѣдѣнія, не безъ ироніи замѣчаетъ: «Мы убѣждены, что редакція «Судебной Газеты» хорошо освѣдомлена насчетъ воззрѣній евреевъ, и спорить противъ заключительныхъ словъ редакціи не будемъ, хотя, конечно, было бы болѣе умѣстно съ своими категорическими заявленіями подождать до выясненія этого вопроса командированными ревизорами. Мы можемъ только добавить, что обобщеніе юридической газеты относительно неспособности семитовъ къ физическому труду, по меньшей мѣрѣ, неосновательно. Въ городахъ и селахъ есть десятки тысячъ семитовъ, занимающихся физическимъ трудомъ, а въ селахъ среди еврейской молодежи, выросшей уже среди крестьянъ, встрѣчаются тоже заправскіе косари и жницы, которыми восхищаются сами малороссы, которые не доктринерствуютъ, а сами трудятся...»

И дѣйствительно, почему «Судебная Газета» такъ категорично предрѣшаетъ, что расходы министерства (и, какъ видно, значительные) будутъ сдѣланы напрасно, а труды и затраты едва ли вознаградятся, ибо вопросъ о неспособности семитовъ къ земледѣльческому труду уже рѣшенъ исторіей? Вѣроятно, министерство государственныхъ имуществъ знаетъ исторію евреевъ не хуже «Судебной Газеты» и, вѣроятно, въ этой-то самой исторіи и усмотрѣло необходимость подвергнуть тотъ же самый вопросъ новому и, какъ видно, весьма тщательному изслѣдованію. Вѣроятно, и «Судебной Газетѣ» извѣстно, что семиты, прежде чѣмъ они стали тѣмъ, что они теперь, были и пастушескимъ, и земледѣльческимъ народомъ. Ужь если такъ предвзято разсуждаетъ серьезная юридическая газета (для которой полагается знать, что если правительство предполагаетъ такое трудное и обширное изслѣдованіе и тратитъ на него массу труда и средствъ, то очевидно, что оно руководствуется весьма серьезными мотивами), то въ какомъ бы видѣ явилось толкованіе тѣхъ же самыхъ извѣстій о командировкѣ въ «Гражданинѣ», «Лучѣ», «Новомъ Времени»?

Надо отдать справедливость этимъ газетамъ, что онѣ ведутъ свою борьбу съ евреями, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Окажется ли по ихъ соображеніямъ необходимымъ обвинить евреевъ въ небываломъ поджогѣ или аграрномъ преступленіи,—онѣ выдумаютъ и то, и другое; нужно ли обвинить въ небываломъ смертоубійствѣ,—сочинятъ и смертоубійство. И ради чего все это дѣлается? То-то ради чего!

Я знаю нѣсколько петербургскихъ барынь, которыя никогда не выѣзжали изъ Петербурга, въ жизнь свою не видѣли ни одного еврея и, несмотря

на то, не могутъ слышать равнодушно слова «еврей». И эту непостижимую ненависть къ евреямъ, доходящую до идіосинкразіи, онѣ вычитали исключительно въ «Новомъ Времени». Конечно, это барыньки-патріотки, т.-е. онѣ уже были попорчены предрасположеніемъ къ исключительно-національнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Онѣ недолюбливаютъ поляковъ, остзейцевъ, финляндцевъ и вообще всѣхъ нерусскихъ и, слѣдовательно, на подобной благопріятной почвѣ сѣять всякую національную ненависть уже не трудно. И, тѣмъ не менѣе, когда вы видите, что барынька-патріотка, не слушая никакихъ доводовъ, затыкаетъ уши и уходитъ, вы, все-таки, озадачиваетесь. Вамъ ясно лишь одно, что никакими разсудочными средствами тутъ ничего не достигнешь и что вы все равно ничего не понимаете въ этомъ недоконченномъ умственномъ и душевномъ организмѣ. Совершенно такія же женскія, первичныя и недоконченныя душевныя движенія овладѣваютъ «Гражданиномъ», «Лучомъ» и «Новымъ Временемъ», когда въ нихъ возбуждается національное чувство. Всякое усиліе ихъ укротить, успокоить, убѣдить или вразумить оказывается не только безплоднымъ, но и приводитъ къ совершенно противуположнымъ результатамъ. Возраженія ихъ только раздражаютъ и, чтобы ихъ успокоить, съ ними, какъ и съ барыньками, нужно согласиться. Къ счастію, судьба общественныхъ вопросовъ зависитъ и у насъ, какъ во всемъ свѣтѣ, не отъ барынекъ и отъ газетъ, страдающихъ разными идіосинкразіями, а потому опасность отъ нихъ въ настоящее время не такъ велика, но за то тѣмъ несомнѣннѣе ихъ дурное вліяніе на чувства и понятія той части общества, для которой онѣ имѣютъ воспитательное значеніе. Эта часть общества не передовая, она масса, она то, что называется «собирательною посредственностью», но у нея есть свое несомнѣнное значеніе, своя сила если не въ настоящемъ, то въ будущемъ. Поэтому-то совсѣмъ не все равно, какой для будущей передовой Россіи подготовляется въ настоящее время фундаментъ изъ «собирательной посредственности», на который этому будущему придется опираться. Вотъ въ чемъ главный вредъ современныхъ органовъ печати, служащихъ приготовительнымъ классомъ нашей общественности и издающихся для менѣе образованной массы. Противъ этого вліянія нужно бороться всѣми силами, чтобы въ приготовительномъ классѣ общественныхъ понятій не было бы учителей, приносящихъ только вредъ.

Рисовать картины приниженнаго положенія евреевъ, чтобы возбудить въ читателѣ «Русской Мысли» чувство общественной справедливости, я, конечно, не стану. Ни убѣждать, ни поучать мнѣ его не въ чемъ. Но я обращу вниманіе читателя на нѣкоторые факты, которые возьму изъ книги г. Моргулиса, и читатель оцѣнитъ ихъ самъ.

Евреи достались намъ въ наслѣдство въ видѣ законченнаго цѣлаго вмѣстѣ съ присоединеніемъ западныхъ губерній и Царства Польскаго. Такое же законченное цѣлое мы пріобрѣли съ присоединеніемъ и всѣхъ остальныхъ нашихъ разнообразныхъ народностей: Малороссіи, Польши, Остзейскаго края, Финляндіи, Кавказа. Но дѣло въ томъ, что всѣ остальныя народности поддавались легче изученію и были для насъ понятнѣе, чѣмъ евреи. Кромѣ того, съ присоединеніемъ другихъ народностей, къ намъ не переходили разныя предвзятыя на нихъ воззрѣнія и средневѣковыя понятія, а съ присоединеніемъ евреевъ ихъ вошла цѣлая масса. Вѣдь, «Лучъ» и «Гражданинъ» (да, кажется, и «Новое Время») до сихъ поръ вѣрятъ, что евреи пьютъ на Пасхѣ христіанскую кровь. Попробуйте ихъ въ этомъ разувѣрить. Ну, вотъ съ подобными-то предразсудками и приходилось всегда бороться, когда дѣло касалось евреевъ. На нихъ всегда глядѣли какъ на враговъ христіанства, какъ на людей, которымъ ихъ еврейскій законъ предписываетъ смотрѣть на христіанина, какъ на врага, и у которыхъ выработалось даже цѣлое особое учрежденіе—кагалъ, превращающій евреевъ въ какую-то замкнутую республику, враждебную и государственной власти, и общественному порядку, котораго кагалъ не признаетъ и которому онъ запрещаетъ подчиняться.

А, между тѣмъ, и этотъ «республиканскій» кагалъ (теперь уже не существующій), и всѣ остальныя еврейскія корпоративныя учрежденія были для нихъ не больше, какъ страховыми средствами, подъ защиту которыхъ они укрывались отъ внѣшняго гнета и утѣсненій. Совершенно подобное же значеніе имѣли въ Западной Европѣ въ феодальныя времена гильдіи. Только подъ защитой ихъ оказывалось еще возможно дышать нѣсколько свободно и спасаться отъ господствовавшаго кулачнаго права. Государство оказывалось безсильнымъ ограждать интересы своихъ собственныхъ гражданъ отъ анархіи и произвола сильныхъ, и гражданамъ поневолѣ приходилось замыкаться въ корпораціи и придумывать средства самозащиты. Вотъ именно такимъ-то средствомъ самозащиты и служилъ для евреевъ кагалъ, учрежденіе средневѣковое, но которое еще въ XVIII и даже въ XIX вѣкѣ имѣло фактическое основаніе для своего существованія именно въ томъ безправіи, отъ котораго приходилось евреямъ спасаться.

Главное обвиненіе, которое всегда взводили на евреевъ, заключается въ томъ, что они сдѣлали себѣ обособленную общественную организацію, что они составляютъ государство въ государствѣ. Но если бы евреи сами себя не оберегали, кто сталъ бы ихъ оберегать? У евреевъ есть масса благотворительныхъ учрежденій (которыя евреи обязаны содержать и по закону), дающихъ пріютъ и образованіе дѣтямъ, призрѣвающихъ сирыхъ и безпомощныхъ, дающихъ ремесленное образованіе, безплатное леченіе. Укажу на одно изъ подобныхъ учрежденій.

У евреевъ грамотность и элементарное знаніе закона развито очень сильно и евреи почти поголовно всѣ грамотные. Когда въ сороковыхъ годахъ правительство задумало заняться еврейскимъ образованіемъ, оно нашло уже цѣлую готовую школьную организацію; низшія школы («талмудъ-торы»),

высшія («ешиботы») и цѣлую армію частныхъ учителей («меламедовъ»). Низшія школы и меламеды учили грамотѣ и давали элементарныя познанія въ еврейскомъ законѣ, а въ высшихъ школахъ изучался талмудъ и другіе богословскіе предметы съ религіозною цѣлью. Меламеды обучали за плату и обыкновенно ничтожную. Талмудъ-торы же посѣщались или круглыми сиротами, или дѣтьми такихъ родителей, которые, по бѣдности, не могли давать дѣтямъ никакого образованія. Школы эти не только обучали дѣтей даромъ, но давали имъ пищу, одежду, обувь.

Несмотря на учрежденіе для евреевъ спеціально-еврейскихъ казенныхъ школъ и открытіе евреямъ доступа въ общія учебныя заведенія, народныя еврейскія школы удержались повсюду и до сихъ поръ. Даже меламеды, противъ которыхъ вооружался не разъ и законъ, существуютъ до сихъ поръ. Очевидно, что есть же какая-нибудь народная потребность, и потребность неустранимая, которой они удовлетворяютъ.

И потребность эта дѣйствительно есть, и они ей дѣйствительно удовлетворяютъ; но потребность эта не религіозная, потребность не въ обособленіи, а попросту нужда. Евреи, какъ извѣстно, всѣ благословлены многолюдными семьями. Отецъ работаетъ, мать работаетъ,—кому же смотрѣть за ребятишками? Вотъ удовлетвореніе этой-то потребности и взяли на себя меламеды. Они посылаютъ за дѣтьми на домъ своихъ помощниковъ, держатъ дѣтей въ школѣ цѣлый день, а зимой даже и вечеромъ, доставляютъ дѣтямъ изъ дому пищу два раза въ день и разводятъ дѣтей по окончаніи занятій по домамъ. Все это дѣлается за самую ничтожную плату. Меламедъ не учитель, онъ просто нянька, нянька общественная, дешевая, избавляющая родителей отъ хлопотливаго, а подъ часъ и невозможнаго надзора за дѣтьми и за которой не родителямъ приходится ходить, а она сама придетъ къ нимъ. Пускай меламедъ и невѣжественъ, и не умѣетъ учить, и держитъ дѣтей въ невозможной гигіенической обстановкѣ,—всѣ эти его недостатки перевѣшиваются удовлетвореніемъ такой настоятельной народной потребности, которую нельзя оставить безъ удовлетворенія. Конечно, меламедовъ можно запретить,—ну, а куда же дѣнутся безпризорныя дѣти?

Еврейскія учрежденія, какъ-бы они ни были несовершенны, даютъ еврейской массѣ столько благодѣяній, что безъ нихъ она совершенно бы погибла. Учрежденія эти даютъ грамотность, элементарное образованіе, облегчаютъ участь больныхъ и немощныхъ, призрѣваютъ дѣтей организацией надъ ними надзора,—можетъ быть, и не особенно совершеннаго, но, все-таки, достаточно спасительнаго,—чтобы держать дѣтей въ первые годы въ извѣстной нравственной дисциплинѣ, не предоставляя ихъ улицѣ и разнузданной праздности. Наконецъ, еврейскія учрежденія, насколько это для нихъ возможно и доступно, сдерживаютъ распространеніе еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ несчастнаго еврейскаго пролетаріата западныхъ губерній.

Еврейскій пролетаріатъ происходитъ не отъ одной скученности еврейскаго населенія, но и отъ особенностей его историческаго наслѣдства, съ которымъ оно, между прочимъ, досталось намъ. Одна изъ такихъ особенностей, напримѣръ, *общественные долги*, которые на нихъ лежатъ и фигурируютъ до сихъ поръ въ русскихъ законахъ. А долги эти образовались такъ. Въ Познани евреи выстроили разъ синагогу, а рядомъ съ нею стоялъ доминиканскій монастырь, на который отъ синагоги падала тѣнь. Вотъ за эту-то тѣнь евреевъ и заставили платить ежегодную подать. Евреи ее частью совсѣмъ не платили, а частью платили неисправно, и на нихъ накопился долгъ. Въ той-же Познани случился разъ падежъ скота и одинъ изъ доминиканскихъ монаховъ причину его объяснилъ тѣмъ, что евреи обокрали доминиканскую церковь и закопали гостіи въ полѣ. Возникъ цѣлый процессъ, запылали костры, на которыхъ жгли евреевъ. Изъ этого процесса возникъ еще процессъ съ доминиканцами о судебномъ убійствѣ, тянувшійся 120 лѣтъ и кончившійся тѣмъ, что познанское еврейское общество было приговорено къ платежу ежегодно къ празднику Тѣла Христова налога въ 800 злотыхъ и къ выполненію позорной церемоніи. Церемонія заключалась въ томъ, что три еврейскихъ представителя, одѣтые въ черную кожу и въ цѣпяхъ, шли впереди торжественной процессіи, неся большую доску, на которой была изображена исторія о трехъ гостіяхъ. Эту позорную церемонію евреи выполняли 170 лѣтъ, а затѣмъ она была переложена въ натуральную повинность. Повинность эту, однако, оказывалось платить невозможно и на евреяхъ накопилась громадная недоимка. «Краковская духовная академія имѣла обезпеченный на разныхъ кагалахъ капиталъ въ 550,000 польскихъ золотыхъ, а въ другихъ провинціяхъ Великой и Малой Польши суммы, обезпеченныя на разныхъ еврейскихъ кагалахъ, доходили до 6.000,000 польскихъ зототыхъ»(не злотыхъ ли?). И у насъ въ Россіи, — говоритъ г. Моргулисъ, — долги, слѣдовавшіе католическимъ монастырямъ и перешедшіе затѣмъ къ русскому правительству, образовались подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, такъ что и до сихъ поръ на евреяхъ лежитъ религіозная контрибуція въ память прошлой средневѣковой нетерпимости.

Но исключительность экономическаго и юридическаго положенія евреевъ не въ этомъ одномъ. Евреи, какъ подданные Русскаго государства, облагаются податями и налогами наравнѣ съ другими подданными, но, какъ евреи, они облагаются еще особыми сборами—коробочнымъ и свѣчнымъ, для поддержанія казенныхъ еврейскихъ училищъ. И рядомъ съ этимъ тѣ же, повидимому, свободные подданные составляютъ въ западныхъ губерніяхъ крѣпостное населеніе владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ въ силу чиншеваго права владѣльцевъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ особые сборы доходятъ до 28 статей, а въ другихъ городахъ и болѣе. Въ Бердичевѣ сборы въ пользу владѣльца составляютъ ежегодно 70,000 руб. Сколько платятъ евреи раз-

ныхъ чиншевыхъ съ нихъ сборовъ, г. Моргулисъ не говоритъ, но, судя по тому, что въ юго-западномъ краѣ считается до 347 владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ, нужно думать, что сборы эти очень велики.

Коммиссія, учрежденная въ 1868 г. въ Кіевѣ для составленія проекта устройства земледѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ юго-западнаго края, нашла, что бытъ крестьянъ упроченъ положеніемъ 19 февраля, но что затѣмъ «остается масса еврейскаго населенія, живущаго въ мѣстечкахъ, на основаніи обычнаго права, почти безъ всякаго опредѣленія закономъ ихъ правъ по владѣнію недвижимымъ имуществомъ и отношеній къ владѣльцамъ, и подъ дѣйствіемъ разнообразныхъ монополій, отчасти утвержденныхъ закономъ, большею же частью существующихъ по обычаю, вопреки закону, но стѣсняющихъ торговлю и промыслы и ложащихся тяжестью на потребителей сельскихъ продуктовъ». А «Судебная Газета» увѣряетъ, что мы такъ хорошо знаемъ исторію евреевъ, что узнавать о нихъ что-нибудь совсѣмъ ужъ больше и не нужно. Въ томъ-то и бѣда, что мы никакой исторіи не знаемъ, какъ слѣдуетъ, даже своей собственной. Ужъ евреямъ такое счастье, что мы о нихъ кричимъ больше, чѣмъ о другихъ національностяхъ, составляющихъ Россію; но если бы пришлось заговорить о полякахъ, остзейцахъ, финляндцахъ, малороссахъ, кавказскихъ племенахъ, то оказалось бы, что мы и о нихъ знаемъ столько же, сколько объ евреяхъ.

И пока такъ ли, сякъ ли, но обычный, установившійся ходъ жизни евреевъ, къ которому они притерпѣлись, не нарушается, все идетъ, повидимому, благополучно, такъ же, какъ и съ русскимъ деревенскимъ обитателемъ, къ жизни котораго впроголодь мы (особенно изъ петербургской дали) присмотрѣлись и привыкли. Но чуть явится хоть небольшой минусъ, нарушающій это установившееся равновѣсіе, и тогда начинается чисто-народное бѣдствіе.

Такъ было съ евреями въ 1869 году, когда они цѣлыми массами питались кочерыгами, брюквенною и картофельною шелухой и умирали тысячами отъ тифозной горячки. Помощь несчастному населенію пришла не изъ Россіи, а изъ-за границы. Участіе европейцевъ было поистинѣ замѣчательное и доходило до энтузіазма. Въ Мемелѣ, Лыкѣ, Кенигсбергѣ образовались центральные комитеты для помощи, а въ Кобленцѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Кельнѣ, Мюнстерѣ, Ахенѣ и др. городахъ — мѣстные. Какой-то ремесленникъ въ Гамбургѣ прислалъ въ комитетъ 15 зильбергрошей при запискѣ: «для страждущихъ евреевъ въ Россіи. Отказывающій себѣ въ удовольствіи посѣщать циркъ. Да найдутся подражатели».

Прежде всего, оказывалось необходимымъ хоть какъ-нибудь накормить голодныхъ и спасать больныя мѣстности отъ дальнѣйшаго распространенія заразы. И въ видѣ временной мѣры остановились на переселеніи, которое и было направлено въ иностранныя государства и въ Америку. Мѣра дѣйствительно любопытная, точно евреевъ хотѣли спасти отъ Россіи. Но скоро иностранные евреи догадались, что такое переселеніе ни къ чему не поведетъ, а докторъ Рюльеръ, предсѣдатель мемельскаго комитета, прибывшій въ Россію по приглашенію нашего правительства, подалъ ковенскому губернатору князю Оболенскому записку, въ которой, между прочимъ, говорилъ: «Намъ нечего скрывать передъ вашею свѣтлостью, что всѣ пожертвованія, если бы они составляли даже милліоны, могутъ доставить только временное облегченіе. Къ сожалѣнію, нужно опасаться, что при настоящемъ порядкѣ вещей бѣдствія западно-русскихъ евреевъ не только могутъ, но и должны повторяться. Противъ такой возможности мы, конечно, безсильны. Если мы даже въ третій разъ возьмемъ на себя заботу о вспомоществованіи, мы, все-таки, будемъ находиться въ положеніи того врача, который, леча по наружнымъ признакамъ болѣзни, думаетъ такимъ образомъ устранить зло. Мы должны направить свои упорныя и продолжительныя усилія къ тому, чтобы придумать такой способъ леченія, который уничтожилъ бы зло въ самомъ корнѣ. Не говоря уже о необходимости введенія такого порядка вещей, который мы, съ нашей отечественной, прусской точки зрѣнія, находимъ лучшимъ и который, однако, очень трудно привить къ чужой почвѣ, я осмѣливаюсь обратить теперь ваше вниманіе на одно только обстоятельство. Чуть только мы переходимъ русскую границу и вступаемъ на прусскую почву, уже замѣтно различіе въ положеніи евреевъ. Въ пограничной чертѣ Пруссіи они далеко не такъ скучены, и еврейскія общины, находящіяся тамъ, отличаются большимъ благосостояніемъ и образованностью и не уступаютъ своею дѣятельностью на поприщѣ ремесленнаго и промышленнаго труда никому изъ внутреннихъ прусскихъ городовъ. Кромѣ того, въ значительной части большихъ и малыхъ прусскихъ городовъ, отъ Мемеля до Ахена, отъ русской до французской и бельгійской границъ, находится весьма большое число евреевъ, уроженцевъ прусскихъ провинцій, лежащихъ вдоль русской границы, которые недавно тамъ поселились и занимаютъ тамъ почетное положеніе, какъ купцы и промышленники. Они существеннымъ образомъ способствуютъ поднятію и оживленію прусской торговли и промышленности въ этихъ мѣстностяхъ. Чѣмъ же объяснить такое полное и рѣзкое отличіе въ положеніи тѣхъ евреевъ, которые въ былыя времена жили вмѣстѣ съ пограничными русскими евреями? Причину найти не трудно: она обусловливается господствующимъ въ Пруссіи полнымъ, неограниченнымъ правомъ свободнаго передвиженія».

Бывали и русскіе государственные люди, которые смотрѣли на еврейскій вопросъ такимъ же образомъ. Въ 60-хъ годахъ, когда вся русская жизнь провѣрялась идеей свободы, существовавшему тогда еврейскому комитету было поручено «пересмотрѣть всѣ существующія о евреяхъ по-

становленія для соглашенія ихъ съ общими видами слiянія ихъ съ коренными жителями».

Комитетъ этотъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ графа Киселева, потребовалъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ соображенія губернаторовъ по еврейскому вопросу и вотъ отвѣты, которые получились.

Могилевскій губернаторъ писалъ, что между евреями много отличныхъ мастеровъ, произведенія которыхъ отличаются изяществомъ отдѣлки и прочностью работъ, но что все искусство евреевъ безплодно, потому что еврейскіе ремесленники не пользуются правами, предоставленными мастеровымъ внутреннихъ губерній, и что число мастеровъ-евреевъ несоразмѣрно съ потребностями бѣднаго Могилевскаго края.

Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ находилъ необходимымъ предоставить еврейскимъ ремесленникамъ право заниматься своими произведеніями во внутреннихъ губерніяхъ и учредить въ юго-западныхъ губерніяхъ ремесленно-техническія школы.

Графъ Строгановъ, новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, писалъ, что существованіе какихъ бы то ни было ограниченій въ гражданскихъ правахъ евреевъ, сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ, не сообразно ни съ духомъ времени, ни съ стремленіемъ правительства къ сліянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ имперіи, и потому полагалъ дозволить евреямъ жить во всѣхъ мѣстахъ имперіи и заниматься безъ всякихъ ограниченій, на одинаковыхъ со всѣми русскими подданными правахъ, ремеслами и промыслами, добровольно ими избираемыми, соотвѣтственно ихъ способностямъ.

Черниговскій губернаторъ писалъ, что въ малороссійскихъ губерніяхъ евреи слились почти совершенно съ коренными жителями и потому всѣ существующія для малороссійскихъ евреевъ ограниченія слѣдуетъ измѣнить.

Графъ Шуваловъ, генералъ-губернаторъ эстляндскій, лифляндскій и курляндскій, находилъ, что географическое и экономическое положеніе Остзейскаго края обусловливаетъ необходимость постояннаго жительства въ немъ евреевъ и потомъ онъ считаетъ желательной наивозможно-скорѣйшую отмѣну существующихъ въ Остзейскомъ краѣ ограничительныхъ для евреевъ законовъ, исполненіе которыхъ въ дѣйствительности оказывается невозможнымъ, и разрѣшеніе евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи.

Наконецъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточивался еврейскій вопросъ, высказывалось не только за разселеніе евреевъ-ремесленниковъ въ общихъ экономическихъ интересахъ Россіи и интересахъ производителей и потребителей, но, ссылаясь на отзывъ полтавскаго губернатора, указывало на то, что проживаніе евреевъ-ремесленниковъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ они теперь не имѣютъ права жить и гдѣ будутъ составлять незначительное меньшинство, совершенно исчезающее въ массѣ кореннаго населенія, послужитъ къ скорѣйшему смягченію ихъ національныхъ особенностей.

Необходимость разселенія евреевъ доказывалъ и министръ финансовъ, который въ подробной запискѣ по этому вопросу, между прочимъ, писалъ: «Внесеніе въ массу земледѣльческаго населенія промышленнаго еврейскаго элемента оказало бы неисчислимую пользу, съ одной стороны, самимъ евреямъ, облегчивъ и обезпечивъ имъ добываніе средствъ къ существованію, а съ другой — не только западному краю, который освободился бы отъ излишка еврейскаго населенія, но и прочимъ мѣстностямъ имперіи, куда евреи внесли бы свои капиталы, свою предпріимчивость и полезную конкурренцію въ положеніи труда».

Совершенно также просто, логически, умно и безъ предубѣжденій смотрѣли тогда на еврейскій вопросъ общество и печать.

Но вотъ прошло 25 лѣтъ и воцарившаяся было терпимость опять смѣнилась нетерпимостью, точно мы сразу перескочили изъ XIX вѣка въ средніе вѣка.

Что же такое случилось? Или евреи въ эти двадцать пять лѣтъ дали какой-нибудь особенный поводъ, что противъ нихъ потребовалось снова воздвигать костры?

Что-то дѣйствительно случилось, но только не съ евреями. Евреи въ это время не только не подали ни малѣйшаго повода для нетерпимости,—напротивъ, они дѣлали самыя энергическія нравственныя и умственныя усилія, чтобы вывести еврейство на новый путь, и даже выставили цѣлую законченную программу для слiянія еврейскаго прогресса съ началами прогресса общечеловѣческаго.

«Но такъ какъ экономическій строй обществъ и государствъ измѣняется только вѣками, а предразсудки—тысячелѣтіями», и, слѣдовательно, даже при самой лучшей теоретической программѣ быстрыхъ перемѣнъ въ положеніи евреевъ ждать никакъ нельзя, то рядомъ съ этою идейною программой явились и программы болѣе непосредственно-практическія, нѣчто вродѣ ученія объ уніи, предлагающаго перемѣны въ обычаяхъ и религіозныхъ установленіяхъ, напримѣръ, замѣна субботы воскресеньемъ и т. д.

Казалось бы, что причины, вызвавшія подобную уступку, просты и понятны. Но кн. Мещерскій и тутъ ухитрился найти поводъ бить себя въ грудь и требовать костровъ. Онъ не усмотрѣлъ въ этомъ движеніи мысли ничего, кромѣ отступничества и нравственной мерзости, превращающей въ гешефтъ даже религію. Я знаю одно интеллигентное, образованное и умное еврейское семейство, въ которомъ всѣхъ дѣтей крестятъ православными, чтобы избавить ихъ въ будущемъ отъ всякихъ несчастныхъ случайностей. Неужели это ренегатство, вѣроотступничество и самоотреченіе? Что сказалъ бы кн. Мещерскій, если бы, вслѣдствіе внѣшняго гнета, ему пришлось бы обращать своихъ дѣтей въ католичество или въ протестантство? Вѣроятно, призадумавшись надъ обстоятельствами, заставляющими его поступать такимъ образомъ, князь про-

свѣтлѣлъ бы умственно и сталъ бы говорить меньше вздоровъ.

И любопытно, что всѣ вздоры, всѣ завыванія, всѣ безшабашныя требованія преслѣдованія стали раздаваться именно тогда, когда, повидимому, слѣдовало бы радоваться прогрессивной программѣ слiянія, выставленной евреями, и помогать ея осуществленію.

Но дѣло въ томъ, что за эти двадцать пять лѣтъ въ самой русской жизни обнаружилось умственное теченіе, ранѣе незамѣтное. Въ образѣ кн. Мещерскаго и его многочисленныхъ соратниковъ выступилъ ископаемый человѣкъ, провозгласившій себя не только проповѣдникомъ истины и прогресса, но вотъ уже пятнадцать лѣтъ занимающійся безъ помѣхи пропагандированіемъ своихъ ископаемыхъ понятій. Это явленіе, поистинѣ позорящее Россію послѣ того, что она освободила крестьянъ и создала у себя гласный судъ, замѣчательно, можетъ быть, еще болѣе тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ къ нему относится лучшая часть общества и печати, точно и мы-то, еще недавніе живые люди, освободившіе крестьянъ, стали тоже ископаемо-неуязвимыми для всякой нравственной и умственной мерзости.

Еврейскій вопросъ тутъ, конечно, не причемъ, потому что для ископаемыхъ людей и всѣ русскіе вопросы—такой же еврейскій вопросъ. Имъ бы только заткнуть всѣ щели отъ Божьяго свѣта. А мы сидимъ въ сторонкѣ, сложа руки, да смотримъ, какъ они конопатятъ!

XLIII.

Въ «Недѣлѣ» время отъ времени появляются статьи очень любопытныя для характеристики нашихъ современныхъ умственныхъ теченій. Статьи эти являются въ газетѣ какъ бы набѣгомъ, случайно, входятъ въ нее струей другаго цвѣта и только благодаря гостепріимству редакціи выступаютъ на свѣтъ Божій и получаютъ возможность выясняться и разрабатываться на страницахъ органа, имъ не вполнѣ родственнаго.

Однимъ изъ этихъ умственныхъ теченій были «мысли», такъ настойчиво и даже съ нѣкоторымъ озлобленнымъ фанатизмомъ высказывавшіяся въ статьяхъ «о свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ».

Вопросъ, казавшійся поконченнымъ, снова, однако, выступаетъ на сцену и на этотъ разъ уже не въ прежней легкой формѣ, скрашенной цвѣтами полемическаго краснорѣчія, а незыблемо устанавливаемый на несокрушимомъ фундаментѣ историческихъ, психологическихъ, философскихъ (вѣроятно, и еще какихъ-нибудь другихъ) основъ.

Статья, о которой рѣчь, напечатана въ 38 № «Недѣли» и называется *Жалобы на наше время*. Я изложу содержаніе этой статьи въ самомъ сжатомъ видѣ не только для того, чтобы дать возможность познакомиться съ ея мыслями читателямъ, незнакомымъ съ «Недѣлей», но и для того, чтобы быть яснѣе въ послѣдующемъ изложеніи. Мысли и рѣчи автора статьи я обозначу ковычками.

«Жалобы на «наше время» сдѣлались чѣмъ-то неизбѣжнымъ; они раздаются повсюду, произносятся почти всѣми и наше время оказывается такою «ужасною» эпохой, какой еще никогда не было»,— такъ начинаетъ авторъ.

«Въ этихъ жалобахъ нѣтъ ничего новаго, вспомните хотя стихъ Некрасова, относившійся къ его времени: «бывали хуже времена, но не было подлѣй». Хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Люди въ рѣдкія эпохи бываютъ довольны настоящимъ; но подобныя эпохи, когда люди бываютъ всецѣло поглощены своимъ настоящимъ, не только крайне рѣдки, онѣ и очень коротки. Вспомните хотя реформаціонное возбужденіе 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Это время часто противупоставляютъ нашему, а, между тѣмъ, въ дѣйствительности, еще не наступило 19 февраля 1861 г., какъ уже начали раздаваться голоса разочарованія въ «нашемъ времени». Начали, конечно, болѣе прозорливые люди, а потомъ о «нашемъ времени» говорили и всѣ, какъ объ эпохѣ мрачной, давящей, какъ о времени, когда невозможна общеполезная дѣятельность, когда все—и люди, и задачи быстро мельчаютъ, когда и жить тяжело и т. д. Теперь это все какъ будто бы забыто, и поройтесь, ну, хотя бы только въ литературѣ 60-хъ годовъ, и вы увидите, что тогдашнее время осыпалось тѣми же самыми жалобами, какъ и настоящее время».

Упрекать автора въ недобросовѣстномъ искаженіи, подборѣ или подтасовкѣ фактовъ нѣтъ, конечно, основанія, потому что иначе онъ получше хозяйничалъ бы съ собственными мыслями и не посадилъ бы самъ себя въ яму съ первыхъ словъ. Эта яма, въ которой авторъ добросовѣстно усѣлся и не замѣчая того продолжаетъ со дна ея говорить совсѣмъ другое,—двѣ слѣдующія маленькія фразы, которыя, казалось бы, должны были наложить окончательно на уста его печать молчанія, если бы съ энергіей фанатической настойчивости онъ не усиливался доказывать, что для утоленія общей современной общественной жажды Россіи совершенно достаточно того маленькаго стакана воды, изъ котораго онъ самъ пьетъ. Вотъ эти двѣ маленькія фразы: «люди бываютъ довольны своимъ настоящимъ, когда они всецѣло имъ поглощены». Вторую свою мысль авторъ высказываетъ въ отрицательной формѣ: когда явилось въ 60-хъ годахъ разочарованіе, то заговорили объ этомъ времени, какъ о мрачной, давящей эпохѣ, «когда невозможна никакая общеполезная дѣятельность». Иначе

сказать — общеполезная дѣятельность «всегда возможна» и если человѣку замазать глиной глаза, уши и ротъ, онъ даже и въ этомъ положеніи можетъ дѣлать что-нибудь полезное. Это совершенно справедливо, но только стоитъ ли объ этомъ толковать, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ говоритъ, что «люди» (значитъ, общество) бываютъ довольны своимъ настоящимъ, когда они «всецѣло» имъ поглощены?

Не умственной добросовѣстности недостаетъ у автора. Вся бѣда его въ томъ, что онъ носится съ своимъ маленькимъ стаканчикомъ и бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы доказать, что на свѣтѣ и нѣтъ другой живой воды. Даже его умственный дальтонизмъ происходитъ только отъ того, что въ немъ слишкомъ велика потребность общеполезной дѣятельности (эта черта всего нашего современнаго періода, начавшагося съ освобожденія крестьянъ и сдвинувшаго всѣхъ и каждаго съ своего мѣста). Только отъ этого онъ и не анализируетъ явленій и фактовъ, не устанавливаетъ имъ ни очереди, ни порядка, а все, что попадается ему подъ руку, сваливаетъ въ одну кучу и совершенно искренно считаетъ свой способъ доказательствъ неотразимымъ.

А способъ его доказательствъ вотъ какой. Приводитъ онъ васъ на Невскій проспектъ послѣ дождя и, показывая пальцемъ на мостовую, спрашиваетъ: «грязь?» Вы отвѣчаете: «грязь». Затѣмъ онъ ведетъ васъ въ Чебоксары и, показывая на топь, въ которой завязли коровы и свиньи, спрашиваетъ: «грязь?» Вы отвѣчаете: «грязь». Потомъ онъ ведетъ васъ на Итальянскій бульваръ въ Парижѣ и, показывая на асфальтъ, только призамазанный грязью, спрашиваетъ: «грязь?» Вы опять отвѣчаете: «грязь». И, свершивъ все это, авторъ съ гордостью говоритъ: «ну, вотъ видите, все это грязь и вездѣ грязь».

Совершенно справедливо, что золотникъ грязи — «грязь», и пудъ грязи — «грязь», и гора грязи — «грязь». Но только при этомъ способѣ мышленія можно потерять, наконецъ, всякую разницу между золотниками и горами, между Чебоксарами и Парижемъ, между разнообразными и многосложными потребностями общества, которыя всѣ, въ полномъ ихъ объемѣ, нуждаются въ удовлетвореніи, и все свести къ Чебоксарамъ и къ мѣщанской избѣ. Авторъ, очевидно, нашелъ себѣ умственное удовлетвореніе и дѣло, успокоился на извѣстномъ равновѣсіи и теперь желаетъ надѣть на всѣхъ людей свою собственную голову.

Вся причина недовольства людей своимъ настоящимъ заключается, по мнѣнію автора, въ томъ, «что будучи воспитаны предшествующею эпохой, люди большею частью переносятъ и на послѣдующее время тѣ же воззрѣнія на задачи времени, которыя были выработаны этою предшествующею эпохой. Иначе говоря, приступая къ оцѣнкѣ нашего времени, мы прилагаемъ ту же мѣрку, которая считалась дѣйствительною и единственно настоящею въ эпоху, въ которую мы росли или подъ вѣяніемъ которой мы развились. Неудивительно, — разсуждаетъ авторъ, — что при такомъ отношеніи къ дѣлу люди рѣдко имѣютъ случай быть довольными своимъ временемъ, и довольство это обусловливается отнюдь не тѣмъ, что въ данное время все обстоитъ ужь такъ прекрасно, а просто тѣмъ, что люди случайно нашли возможность мѣрить жизнь своею мѣркой и находятъ ее вполнѣ пригодною къ дѣлу. Вотъ, напримѣръ, вторая половина 50-хъ годовъ: неужели это время, когда еще господствовало крѣпостное право, когда народъ былъ поголовно безграмотенъ, когда и среднеучебныя заведенія были рѣдкостью, когда совсѣмъ не было женскаго образованія, когда народная масса не знала, что такое врачебная помощь и т. д., — неужели эта эпоха представляетъ собою время какого-то безпечальнаго житія и общаго благоденствія? А, между тѣмъ, именно въ это время мы видимъ всеобщее ликованіе интеллигентнаго общества и именно въ это время стали писать статьи, начинающіяся знаменитымъ «въ наше время, когда», за которымъ слѣдовали всевозможныя восхваленія «нашему времени». Объясняется эта несообразность именно тѣмъ обстоятельствомъ, что жизнь тогда цѣнилась съ точки зрѣнія взглядовъ, воспитанныхъ предшествующимъ временемъ. Въ это послѣднее время нельзя было свободно говорить о самыхъ простыхъ вещахъ, и когда возможность явилась, это оказалось необычайно громаднымъ шагомъ впередъ. Ранѣе нельзя было и заикнуться противъ крѣпостнаго права, а тутъ стали подготовляться къ его отмѣнѣ и т. д. Словомъ, поводовъ для ликованія явилась масса, и ликованіе это было законно, но отнюдь не потому, чтобы тогдашняя жизнь такъ ужь рѣзко отличалась отъ жизни предшествующей эпохи, а просто потому, что явленія данной эпохи соотвѣтствовали мѣркѣ, выработанной предшествующимъ временемъ и казавшейся тогдашнему поколѣнію вполнѣ дѣйствительною. Наоборотъ, когда явленія жизни оказываются не подходящими къ этой мѣркѣ, — что бываетъ чаще, — является недовольство, раздаются жалобы, фактически вполнѣ справедливыя, но совершенно невѣрныя по тому значенію, которое имъ придается.

Чтобы убѣдить читателя въ вѣрности своего вывода о причинахъ довольства или недовольства человѣчествомъ (вѣдь, конечно, это законъ не для однихъ русскихъ) своимъ настоящимъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующую параллель между шестидесятыми и восьмидесятыми годами: «Совершенно справедливо, — говоритъ онъ (всѣ послѣдующія «справедливо» принадлежатъ автору), — что литература 60-хъ годовъ говорила въ десять разъ смѣлѣе, чѣмъ литература современная», «справедливо, что въ ту эпоху двери высшаго образованія широко раскрывались для всѣхъ и оно всячески дѣлалось возможно болѣе доступнымъ всѣмъ и каждому», «справедливо, что всякія своекорыстныя поползновенія въ 60-е годы должны были прятаться во тьмѣ», «справедливо, что тотъ общественный слой, который выступилъ двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ въ качествѣ носителя передовыхъ идей и гражданскихъ доблестей, теперь представляетъ со-

бою собраніе своекорыстныхъ личностей, живущихъ только для себя», «справедливо, что 25 лѣтъ тому назадъ говорились горячія рѣчи о народномъ благѣ и что теперь такія рѣчи въ томъ же общественномъ слоѣ слышатся гораздо рѣже и ихъ даже начинаютъ конфузиться».

«Но, вѣдь, если справедливо, что 25 лѣтъ тому назадъ печать судила о многомъ смѣлѣе, то не менѣе справедливо, что и количественное, и качественное вліяніе ея было несравненно слабѣе и ея смѣлость, въ сущности, имѣла очень слабое практическое значеніе». «Печать 25 лѣтъ тому назадъ не могла ни касаться такого множества вопросовъ, потому что и вопросы-то эти еще не были поставлены, ни давать такой массы фактическихъ данныхъ для разрѣшенія вопросовъ жизни, ибо данныя эти были тогда еще неизвѣстны». «Преимущества тогдашней печати на жизнь вліяли очень мало, и имѣли больше академическое значеніе, тогда какъ теперь печать оказываетъ громадное вліяніе на жизнь, являясь средствомъ распространенія идей въ огромномъ кругу своихъ читателей, и, не смотря на недостатки свои, въ общемъ распространяемыя ею идеи суть идеи гуманныя и прогрессивныя, отчего и вліяніе ея—гуманизирующее». «То же имѣетъ мѣсто и въ области школьнаго образованія». «То же и въ земской дѣятельности. Какіе крупные вопросы поднимались на первыхъ собраніяхъ, какую горячность проявляли ораторы, сколько оживленія было тогда! Теперь сравнительно съ этимъ блескомъ все потускнѣло, посѣрѣло, измельчало. Но если разсмотрѣть отношеніе того, что говорилось на земскихъ собраніяхъ прежде и теперь, къ дѣлу, вѣдать которое земства призваны, то современность получаетъ чрезвычайное преимущество передъ прошлымъ»... «Общій выводъ,—заключаетъ авторъ,—тотъ, что для оцѣнки нашего времени необходимо выбрать иную мѣрку, чѣмъ та, которая прилагалась доселѣ. Жалобы на «наше время», повторяемъ, имѣютъ основаніе, но не вѣрно то значеніе, которое имъ дается, и тѣ выводы, которые изъ нихъ дѣлаются».

Авторъ со всѣми своими «справедливо», которыя онъ разложилъ на двѣ кучки, такъ что и въ одной все оказалось справедливо, и въ другой все справедливо, очень похожъ на человѣка, роющагося въ большомъ муравейникѣ, сортирующаго муравьиныя яйца по годамъ и ничего не замѣчающаго, что дѣлается у него надъ головою. Только свою муравейную кучу онъ и видитъ и такъ какъ эта куча его и жилъ онъ всегда только въ своемъ собственномъ муравейникѣ, то онъ и любитъ лишь его и думаетъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ этого муравейника.

И, между тѣмъ, авторъ былъ преисполненъ самыхъ благожелательныхъ намѣреній и хотѣлъ высказать очень простую мысль. Ему хотѣлось показать, что теперешнее время посвящено очень почтенной работѣ, на которую и должны быть направлены всеобщія усилія. Работа эта, чисто-практическая, заключается въ устройствѣ земскаго и вообще народнаго хозяйства, школъ, лечебницъ, дорогъ и т. д., т.-е. въ удовлетвореніи тѣхъ насущныхъ, практическихъ надобностей, которыми бы удовлетворились непосредственныя и ближайшія нужды народа. А такъ какъ эта работа идетъ на удовлетвореніе непосредственныхъ нуждъ, то ее и нужно признать болѣе плодотворной, существенной и полезной, чѣмъ предшествующую подготовительную работу, имѣвшую преимущественно теоретическій, умственный характеръ.

Подобная спокойная и безхитростная характеристика теперешняго времени была бы даже и справедливой, если бы авторъ ею только и ограничился. Это было бы для него тѣмъ лучше, что, напримѣръ, въ журнальныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ ихъ изданіяхъ г. Абрамова у него имѣлся бы прекрасный примѣръ для подражанія. Г. Абрамовъ весьма искусно и тщательно умѣетъ пользоваться текущимъ статистическимъ матеріаломъ и даетъ всегда очень точныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается. Изъ его статей вы узнаете, гдѣ было сколько школъ тогда-то и сколько ихъ теперь, какого типа эти школы, какія, гдѣ и когда дѣлались улучшенія въ школьномъ дѣлѣ; гдѣ, какъ и когда вырабатывалась земская медицина, въ какой постепенности и какъ устанавливались болѣе правильныя воззрѣнія на ея организацію и т. д. Однимъ словомъ, вы всегда имѣете весьма цѣнный фактическій матеріалъ, который даетъ вамъ точное понятіе о состояніи и постепенномъ ростѣ все расширяющейся практической земской дѣятельности и общественной работы, направленной на удовлетвореніе потребностей низовъ.

И вотъ, если бы авторъ поступилъ такимъ образомъ и далъ бы общую картину фактическаго состоянія всего того, что у насъ теперь дѣлается, не однимъ земствомъ, но и правительствомъ (въ особенности министерствомъ государственныхъ имуществъ), а также и частными усиліями, принимающими тоже все болѣе и болѣе общественный характеръ, то это былъ бы весьма полезный и почтенный обзоръ нашей практической современности, несомнѣнно поучительный для общественно-практическихъ дѣятелей и людей съ исполнительными способностями, у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо нуждающихся въ практическихъ указаніяхъ, рецептахъ, выставкахъ и вообще въ наглядномъ обученіи.

Вмѣсто этого прямаго и простаго отношенія къ тому самому дѣлу, которому авторъ желаетъ служить и быть полезнымъ, онъ съ перваго и до послѣдняго слова все съ кѣмъ-то и съ чѣмъ-то споритъ и полемизируетъ, кого-то или что-то желаетъ принизить, опровергнуть и даже уничтожить. Онъ какъ будто и писать-то сѣлъ только для того, чтобы дать выходъ накопившемуся злому чувству противъ этого кого-то или чего-то.

Вся статья написана противъ идейности и въ пользу практичности. Авторъ топчетъ ногами все предъидущее движеніе мысли и дѣлаетъ это съ какимъ-то непостижимымъ личнымъ озлобленіемъ, точно это движеніе мысли и есть тотъ самый врагъ, который всему мѣшаетъ и котораго, поэтому,

нужно унизить, смѣшать съ грязью, уничтожить. Ничего подобнаго этому уродливому, болѣзненному и, во всякомъ случаѣ, ненормальному движенію мысли у насъ до восьмидесятыхъ годовъ еще не появлялось. Теперь же и въ критикѣ, и въ поэзіи, и въ беллетристикѣ, а, наконецъ, и въ публицистикѣ, выступаетъ цѣлая фаланга представителей благонамѣреннаго обскурантизма, не признающихъ своей умственной связи съ предъидущимъ временемъ и желающихъ высказать что-то свое собственное. Это просто непомѣрно возвеличенное самолюбивое *я*, мало-интеллигентное, мало-культурное, мало-образованное, мало-читавшее и очень мало-думавшее, выросшее въ условіяхъ, когда много всего этого и получить-то было ему негдѣ. За подобными читателями, конечно, стоитъ цѣлая масса читающей ихъ молодежи, на ихъ урокахъ формирующаяся въ легкомысленную и самолюбивую умственную и нравственную безшабашность. И кого эти «новые люди» хотятъ повалить, уничтожить, чье мѣсто хотятъ они занять? Они хотятъ замѣнить тѣхъ, у кого, поистинѣ, они недостойны даже развязать ремня на ногѣ.

Люди сороковыхъ годовъ (съ ниспроверженія которыхъ начали *новые* писатели) кажутся теперь гигантами. И они, дѣйствительно, очень крупные люди. Сила значенія и ростъ ихъ не въ одномъ ихъ крѣпкомъ умѣ, а въ разносторонности ихъ общаго образованія, въ громадной начитанности, въ обширныхъ познаніяхъ и широко-захватывающихъ гуманныхъ стремленіяхъ. И люди 60-хъ годовъ, вынесшіе на себѣ всю тяжесть умственнаго обновленія той эпохи и разработавшіе всѣ реформы, отличались, кромѣ ума, тоже большими познаніями, начитанностью и широкимъ общимъ образованіемъ. Все это и не могло быть иначе, ибо безъ подобнаго богатаго умственнаго багажа и невозможно было бы разрѣшать такіе крупные и сложные вопросы, какіе были разрѣшены реформами.

Когда заходитъ рѣчь объ образованіи людей 40-хъ годовъ, то, обыкновенно, въ поясненіе (а, можетъ быть, и для оправданія собственнаго невѣжества) прибавляютъ, что то были бары, выросшіе на сахарныхъ булкахъ и имѣвшіе много празднаго досуга, созданнаго имъ крѣпостнымъ правомъ. Правда тутъ есть, но не все только правда. Бѣлинскій выросъ не на сахарныхъ булкахъ, крѣпостныхъ не имѣлъ и добывалъ себѣ хлѣбъ очень тяжелымъ трудомъ. Люди 60-хъ годовъ, напримѣръ, литературные вожди того времени, выросли тоже не на сахарныхъ булкахъ, тоже не имѣли крѣпостныхъ и жили не въ праздномъ досугѣ, однако, тоже и много знали, и много читали, и хорошо понимали, что свершается передъ ихъ глазами. Значитъ, не въ сахарныхъ булкахъ и не въ праздномъ досугѣ тутъ дѣло, а въ чемъ-то другомъ, что толкаетъ людей наполнять свой досугъ плодотворнымъ содержаніемъ.

Мы говоримъ о томъ читателѣ, который хочетъ быть представителемъ идей восьмидесятыхъ годовъ, о томъ читателѣ, который хочетъ владѣть умами, творить направленіе, который выступилъ въ печати руководящимъ критикомъ, руководящимъ поэтомъ, руководящимъ публицистомъ.

Для этого вождя теперешнее время не закрываетъ ничего. Въ 40-хъ и 60-хъ годахъ всякая заграничная книжка была запретнымъ плодомъ и, однако, все заграничное тогдашними умственными вождями читалось. Умственный свѣтъ шелъ для нихъ съ Запада, откуда онъ и дѣйствительно исходитъ и до сихъ поръ. Теперешняя заграничная печать для подобнаго же читателя-вождя ничего запретнаго не представляетъ, все онъ можетъ и достать, и прочесть, потому что доступъ заграничныхъ изданій при соблюденіи извѣстныхъ условій открытъ свободный. Но самъ-то этотъ исключительный читатель и вождь читать ничего заграничнаго не хочетъ. Въ противуположность умственнымъ вождямъ 40-хъ годовъ, претворявшимъ и разрабатывавшимъ внутри себя идеи и знанія Запада, теперешній вождь является уже самъ по себѣ носителемъ внутренняго свѣта и готовой истины, проповѣдникомъ которой онъ и выступаетъ. Тогдашніе люди учились, думали, провѣряли, искали истину; у теперешнихъ же вождей все найдено, провѣрено и установлено и, проталкиваясь впередъ, они машутъ рукою тѣмъ, кто стоитъ за ними, и кричатъ: «идите за нами, мы ужъ васъ приведемъ куда нужно». То-то, господа вожди, приведете ли? Не уведете ли, вѣрнѣе, въ темную дыру, въ которой сами сидите?

Нѣкоторое объясненіе этому странному и узкому движенію мысли, казалось бы, можно искать въ томъ, что въ 40-хъ и 60-хъ годахъ самими условіями тогдашней жизни вызывалась иная умственная работа, чѣмъ нынче. И въ самомъ дѣлѣ, передъ мыслителями 40-хъ годовъ Россія стояла точно дремучій лѣсъ, который надо было освѣтить хоть какимъ-нибудь свѣтомъ, чтобы разсмотрѣть въ немъ что-нибудь и не заблудиться.

Предъидущая русская умственная жизнь никакимъ свѣточемъ для этого служить не могла, и надо было воспользоваться плодами знаній народовъ, которые выступили раньше насъ на путь общественнаго и историческаго сознанія. И вотъ европейскіе философы, историки, публицисты, экономисты и явились именно тѣмъ свѣтомъ, который помогъ намъ разобраться въ домашнемъ мракѣ, и знанія, которыя мы отъ нихъ получили, послужили основаніемъ для изученія нашей безсознательно развивавшейся общественности.

Всѣ наши ученые, публицисты, критики, беллетристы, всѣ великіе писатели и умственные дѣятели 40-хъ годовъ, доставшіеся намъ по наслѣдству въ 60-хъ и 80-хъ годахъ, всѣ эти умственные дѣятели, положившіе основаніе дальнѣйшему нашему развитію и имена которыхъ навсегда сохранятъ передовое мѣсто въ исторіи нашей литературы и науки, — всѣ эти сильные и крупные люди создались исключительно наукой и идеями Запада. Теоріи юридическія, историческія, художественныя, критическія, которыми создались существующія у насъ юридическія, историческія, художественныя, критическія, общественныя, экономическія

познанія и которыми мы выяснили себѣ явленія русской жизни, всѣ пришли къ намъ изъ университетовъ Европы и достались какъ готовое умственное наслѣдіе отъ западныхъ мыслителей и ученыхъ. А такъ какъ это время по всѣмъ своимъ общественнымъ условіямъ не было временемъ осуществленія теоретическихъ идей, то и понятно, что оно имѣло характеръ исключительно умственный, идейный.

Въ шестидесятые года былъ выдвинутъ на первое мѣсто, какъ основной факторъ общественнаго и государственнаго развитія и благосостоянія, народъ, и вниманіе къ народу оказалось настолько преобладающимъ, что «мужикъ» сталъ, наконецъ, цѣлою журнальною программой. Преобладаніе въ идеѣ народнаго направленія оттѣснило интересы интеллигенціи на второй планъ. Интеллигенція точно забыла сама себя, она какъ бы даже застыдилась, что она интеллигенція, и явился «кающійся дворянинъ», забывшій о своемъ интеллигентномъ происхожденіи и понесшій самъ себя на закланіе. Затѣмъ интеллигенту были приписаны и другіе грѣхи и противъ него возникло цѣлое гоненіе.

Теперь намъ приходится наблюдать явленіе и болѣе прискорбное, когда плоть отъ плоти той самой интеллигенціи, которой создались всѣ реформы и все послѣдующее движеніе мысли, — народившійся новый интеллигентъ, — выступаетъ врагомъ уже не интеллигенціи, а всего интеллигентнаго мышленія и ставитъ ему точку.

Что же такое случилось, чтобы естественный законъ преемственности мысли былъ объявленъ несуществующимъ и «новое литературное поколѣніе» (тоже принятое подъ покровительство «Недѣлей» и о которомъ мнѣ уже приходилось говорить), а теперь и «новое поколѣніе публицистовъ» объявило все предъидущее мышленіе несуществующимъ и провозгласило лишь себя единственнымъ источникомъ истиннаго свѣта? Какъ могло случиться, что идейную ниточку, которая тянулась непрерывно съ Петра Великаго, проходя черезъ золотой вѣкъ Екатерины, первые годы нынѣшняго столѣтія, двадцатые, сороковые, шестидесятые года съ ихъ обновившими всю рускую жизнь реформами, оказалось внезапно необходимымъ перерѣзать и объявившійся новый мессія только себя одного призналъ проповѣдникомъ истины, отъ которой должна возникнуть для Россіи новая умственная эра?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ частью «Критико-библіографическій словарь» С. А. Венгерова, въ біографіи извѣстнаго публициста Я. В. Абрамова: «Литературною своею дѣятельностью Абрамовъ примыкаетъ къ той фракціи новѣйшей русской интеллигенціи, — говоритъ «Словарь», — которая, отодвигая на второй планъ вопросы общественно-политическія, считаетъ основною задачей современной государственной жизни Россіи—энергическую помощь народу въ его трудной борьбѣ съ доморощеннымъ кулачествомъ и быстро нарождающейся, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе тѣснаго общенія съ Западомъ, буржуазіей русской».

Это направленіе мысли, отодвигающей на второй планъ вопросы общественно-политическіе, есть коренной признакъ писателей и публицистовъ, выступавшихъ въ 80-хъ годахъ. На біографіи г. Абрамова можно даже выслѣдить постепенное развитіе этого направленія и объяснить характеръ всей его публицистической дѣятельности.

Г. Абрамовъ и по времени вполнѣ человѣкъ 80-хъ годовъ. Онъ родился въ 1858 г., учился сначала дома, потомъ поступилъ въ ставропольскую гимназію, изъ 6-го класса ея перешелъ въ мѣстную духовную семинарію и, кончивъ въ ней курсъ «общеобразовательныхъ наукъ» (ковычки принадлежатъ «Словарю»), поступилъ въ 1877 г. въ медико-хирургическую академію. Медицинскаго образованія г. Абрамову, однако, не удалось завершить... Въ декабрѣ 1880 г. ему было разрѣшено вернуться въ Петербургъ и съ этихъ поръ начинается журнальная дѣятельность молодаго писателя.

Журнальная дѣятельность г. Абрамова отличается характерною особенностью. Прежде всего, она замѣчательно плодовита и энергична. Вторая ея особенность въ той кажущейся безразличности, съ которой г. Абрамовъ принимаетъ участіе во всѣхъ почти безъ исключенія органахъ печати, кромѣ крайней правой. Онъ началъ съ журнала «Слово» въ 1881 г. Съ середины этого же года дѣлается постояннымъ сотрудникомъ «Отечеств. Записокъ». Участвуя въ «Отеч. Запискахъ», онъ работалъ въ «Устояхъ» и «Дѣлѣ». Когда «Отеч. Записки» были въ 1884 г. закрыты, г. Абрамовъ вступилъ въ статистическое бюро при петербургской земской управѣ, гдѣ тоже обнаружилъ весьма плодовитую и энергическую дѣятельность. Но съ 1885 г. онъ снова возвращается къ журналистикѣ и участвуетъ въ «Наблюдателѣ», въ «Дѣтскомъ Чтеніи», въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», въ «Недѣлѣ», въ которой съ того же 1885 г. принимаетъ постоянное участіе и «составляетъ для каждаго № передовыя и отдѣльныя статьи по внутреннимъ и научнымъ вопросамъ». Наконецъ, «неутомимый публицистъ за 6 лѣтъ своей литературной дѣятельности помѣстилъ еще рядъ статей въ «Русскомъ Курьерѣ», «Московскомъ Телеграфѣ», «Терекѣ», «Тифлисскомъ Вѣстникѣ», «Новомъ Обозрѣніи», «Экономическомъ Журналѣ», и приготовилъ много объемистыхъ статей для «Живописной Россіи». Это, конечно, не всѣ изданія, въ которыхъ участвовалъ г. Абрамовъ, потому что свѣдѣнія отъ него получены «Словаремъ» до 1886 г., а теперь 1889 г.

Кажущаяся безразличность г. Абрамова относительно направленія органовъ печати и та легкость, съ которою онъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Отечеств. Записокъ» становится постояннымъ сотрудникомъ «Недѣли», журналовъ мало сходныхъ и въ общихъ воззрѣніяхъ, и въ подробностяхъ, объясняется просто тѣмъ, что «фракція новѣйшей русской интеллигенціи», какъ выражается «Словарь», къ которой принадлежитъ г. Абрамовъ, не придаетъ особеннаго значенія общественно-политическому движенію мысли и отодвигаетъ его на вто-

рой планъ. Считая главною, первою своею задачей практическую дѣятельность на помощь народу, «фракція» эта соприкасается своею програмой съ програмой любаго изданія, не исключая, пожалуй, «Гражданина», ибо «народъ», «помощь народу», «изученіе положенія народа» есть общая програма всей русской печати, слѣдовательно, писатели этой фракціи могутъ безъ всякихъ упрековъ въ непослѣдовательности считать себя сотрудниками всей русской печати. Весьма вѣроятно, что они не вступятъ ни въ «Гражданина», ни въ «Московскія Вѣдомости», но это только доказываетъ, что отодвигаемые ими на второй планъ общественно-политическіе вопросы еще держатъ ихъ подъ своею властью и сохранили надъ ними нѣкоторое традиціонное вліяніе.

Понятное движеніе этой «фракціи» объясняется весьма просто — ея практичностью и желаніемъ оказать народу существенную ближайшую помощь; но существенная помощь народу не должна бы, казалось, вести къ той страстности, съ какой фракція относится къ недавнему движенію мысли, изъ котораго она сама вышла и въ которомъ она какъ бы видитъ себѣ помѣху. А непослѣдовательность эта даетъ себя тотчасъ же знать, какъ только писатели фракціи вздумаютъ изъ своихъ практическихъ низовъ подняться хоть на вершокъ въ идейные верхи.

Идейные верхи — область вообще непосильная для писателей фракціи (что они и сами чувствуютъ) и какъ только они вздумаютъ въ нее вступить или пуститься въ обобщенія, возводя себя во всеобщій русскій законъ и единственную общественную безошибочность, сейчасъ же сами (и не подозрѣвая того) опредѣляютъ мѣсто, которое они только и могутъ занимать. Пока для оправданія своей претензіи на главенство они выставляли теорію «свѣтлыхъ явленій», они обнаруживали только собственную непроницательность, но когда теперь въ статьѣ, по поводу которой я пишу, они вздумали выставить всю свою артиллерію, весь запасъ своей теоретической аргументаціи, и дѣлаютъ это съ настойчивостью непостижимаго упрямства, затыкая сами себѣ глаза и уши, то приходится усомниться и въ томъ, чтобы она могла при своемъ теоретическомъ міровоззрѣніи достигнуть и практически-полезныхъ результатовъ для народа.

Авторъ статьи *Жалобы на наше время* говоритъ, что во всѣ времена люди бывали недовольны своимъ настоящимъ. Это совершенно справедливо и такъ оно и должно быть. Вопросъ не въ этомъ, а вопросъ въ томъ, кто недоволенъ и чѣмъ недоволенъ. Напримѣръ, въ началѣ царствованія Императора Александра I либеральная партія была недовольна общественными порядками и внутреннею нескладицей, противъ которыхъ она и предприняла цѣлый рядъ преобразованій. По теоріи автора, это было осуществленіемъ идеаловъ молодости, на которыхъ либералы эпохи Александра I выросли. Однако, извѣстно, что, немного лѣтъ спустя, они стали очень недовольны своимъ временемъ. Или, останавливаясь на примѣрѣ, приводимомъ авторомъ, можно ли объяснять недовольство Некрасова тѣмъ, что для оцѣнки времени онъ «прилагалъ мѣрку единственно настоящую въ эпоху, когда онъ росъ и подъ вѣяніемъ которой онъ развивался»? И Некрасовъ, и вообще люди сороковыхъ годовъ развивались на идеѣ освобожденія народа и, слѣдовательно, когда ихъ идеалъ осуществился, имъ слѣдовало бы быть вполнѣ довольными своимъ временемъ. Ну, а люди шестидесятыхъ годовъ, чему они ликовали во время реформъ? Вѣдь, это было осуществленіе идеаловъ не ихъ, а поколѣнія 40-хъ годовъ. Осуществленія своихъ идеаловъ люди эти и не видѣли. Очевидно, что объясненіе автора, будто бы «жизнь цѣнится съ точки зрѣнія взглядовъ, воспитанныхъ предшествующимъ временемъ», совершенно невѣрна.

Довольство или недовольство «нашимъ временемъ», какъ выражается авторъ, зависитъ вовсе не отъ того, осуществились или не осуществились стремленія и желанія молодости того или другаго поколѣнія. Теорія поколѣній больше ничего, какъ фантазія, которой ничего объяснять нельзя. Въ Въ шестидесятыхъ годахъ, когда осуществился идеалъ людей 40-хъ годовъ, ликовали всѣ безъ различія поколѣній. Никакихъ «поколѣній» тогда не чувствовалось и не замѣчалось, а всѣ «поколѣнія» сливались въ одну воодушевленную группу, принимавшую ровное и горячее участіе въ преобразованіяхъ и жившую одною общею надеждой и вѣрой въ наступленіе лучшей поры для общихъ условій существованія. Только эти общія условія существованія и служатъ мѣркой, которой измѣряется всякое данное время, а вовсе не идеалы и желанія поколѣній. Общія же условія, дѣйствующія на подъемъ духа, слагаются изъ фактическаго положенія вещей, создающаго тѣ или другія возможности для развитія общей жизни, и изъ того, насколько эти условія отвѣчаютъ понятіямъ объ общественной справедливости лучшей, наиболѣе развитой части интеллигенціи.

У насъ подобная роль интеллигенціи должна имѣть наибольшее значеніе, чѣмъ гдѣ-либо, и напрасно авторъ клевещетъ, будто бы интеллигенція только тогда и бываетъ довольна у насъ, когда осуществляются ея личныя стремленія и желанія. Въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, гдѣ народъ гораздо развитѣе и гдѣ онъ принимаетъ фактическое участіе въ своихъ и общихъ дѣлахъ, роль интеллигенціи совсѣмъ иная. У насъ же, при умственной инертности массы и при ея механическомъ, прозябающемъ существованіи, только интеллигенція и является всегда предстательницей и за нужды народа, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, и за нужды народа въ широкомъ смыслѣ, какъ общей совокупности, къ которой принадлежитъ и сама эта предстательствующая интеллигенція.

Въ допетровскую эпоху печаловалось о народѣ обыкновенно духовенство, теперь это печалованіе, принявшее иной характеръ, стало дѣломъ интеллигенціи. Всѣ идеи, которыя такъ или иначе осуществлялись въ общихъ мѣропріятіяхъ, все, что созидалось тѣми или другими реформами,—всему

этому у насъ одинъ источникъ—интеллигенція, т. е. та передовая умственная сила, которой творилось наше общественное и государственное сознаніе. Эта роль интеллигенціи, историческая, неустранимая и неизбѣжная, есть простое и естественное логическое послѣдствіе гражданскаго поворота, который сдѣлала Россія при Петрѣ. Россія стала теперь выражаться тремя слоями. Внизу, какъ широкое основаніе, лежалъ инертный въ общественно-сознательномъ смыслѣ народный слой, надъ нимъ высился дѣятельный, властный правящій слой, сосредоточивавшій въ себѣ всю фактическую и исполнительную силу, и, наконецъ, небывалый еще при московской Руси новый общественный агентъ—интеллигенція, сознательный и высшій идейный руководитель, дававшій всей русской жизни извѣстное направленіе и наполнявшій ее сознательнымъ идейнымъ содержаніемъ.

Было бы, кажется, точнѣе (и, во всякомъ случаѣ, яснѣе и безспорнѣе) замѣнить названіе «интеллигенціи», вызывающее представленіе о чемъ-то осязательномъ, опредѣленномъ въ своихъ границахъ и въ формѣ, словомъ, имѣющимъ болѣе отвлеченный, общій смыслъ. Не все, что интеллигентно, даетъ прогрессивно-историческое направленіе и движеніе жизни Россіи, и только то, что дѣйствительно идейно, прогрессивно. Собственно интеллигенція есть та неуловимая лабораторія, не имѣющая ни мѣста, ни числа, которая вырабатываетъ извѣстную идейную руководящую властвую силу, подчиняющую себѣ всѣ остальныя силы. Это умственная атмосфера, образующаяся изъ очень разнообразныхъ, но однородныхъ умственныхъ теченій, составляющихъ одно гармоническое направляющее цѣлое. Да, именно атмосфера, которой дышетъ всякій живой человѣкъ, подобно тому, какъ онъ дышетъ обыкновеннымъ воздухомъ. Онъ черпаетъ изъ этой атмосферы свою умственную силу, крѣпость и здоровье, также какъ изъ обыкновеннаго воздуха черпаетъ свое физическое здоровье и свою физическую силу.

Интеллигенція не образуетъ собою никакой юридической единицы. Она не корпорація, не сословіе, ея права и обязанности не установлены и не опредѣлены закономъ и не регламентированы никакими правилами, инструкціями или формами. Это совершенно свободная сила, подчиняющаяся въ своемъ идейномъ творчествѣ только одному закону мысли и велѣніямъ той дѣйствительности, которой онъ служитъ. Это кормчій, стоящій у компаса, а не у руля, и указывающій, куда плыть, это лоцманъ, слѣдящій за фарватеромъ, выкрикивающій, гдѣ какая глубина и гдѣ лежатъ камни и мели.

И эту роль интеллигенціи можно прослѣдить во всѣхъ нашихъ большихъ и малыхъ внутреннихъ дѣлахъ. Интеллигенція всегда стояла на стражѣ ихъ, всегда зорко слѣдила за всѣми движеніями общественной жизни и всегда являлась высшимъ разумомъ и источникомъ уравновѣшеннаго сужденія, стоящаго выше всего частнаго, случайнаго, временнаго и искавшаго справедливаго разрѣшенія только въ общемъ.

Возьмемъ хотя освобожденіе крестьянъ. Первымъ извѣстнымъ выразителемъ въ литературѣ идеи освобожденія явился Радищевъ, съ надѣлавшимъ такого переполоха «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву». Державинъ, отмѣтивъ въ книгѣ всѣ предосудительныя мѣста, представилъ ее Екатеринѣ II и императрица отправила Радищева въ Илимскій острогъ. Ужъ одна строгость этого наказанія и поспѣшность, съ какой Державинъ сдѣлалъ свои замѣтки, служила доказательствомъ, что идея освобожденія начинала носиться въ воздухѣ и проникать въ умы. И идея эта дѣйствительно носилась въ воздухѣ и проникала въ умы, и проникла съ такою энергіей, что при Александрѣ I были освобождены остзейскіе крестьяне. До русскихъ пока дѣло не доходило; но за то тѣмъ энергичнѣе и упорнѣе разрабатывалась эта идея интеллигенціей двадцатыхъ и сороковыхъ годовъ, пока въ шестидесятыхъ годахъ она не покорила даже самые неподатливые умы и не выразилась въ грандіозной реформѣ освобожденія 20-ти милліоннаго населенія.

Или идея гласнаго суда. Она возникла, развилась и достигла своего осуществленія совершенно подобнымъ же путемъ. Это неправда, что нашъ судъ присяжныхъ вышелъ судомъ улицы, какъ это усиливались доказать «Московскія Вѣдомости». Нѣтъ, это не былъ судъ улицы, это былъ судъ очень впечатлительной общественной совѣсти и тонко развитаго чувства справедливости, которое ставило себя выше временныхъ требованій справедливости условной. Въ Англіи, когда за кражу въ одинъ шилингъ уголовный законъ требовалъ смертной казни, ни одна кража въ шилингъ не признавалась кражей. И нашъ судъ относился ко многимъ преступленіямъ подобнымъ же образомъ, пытаясь смягчить слишкомъ суровую кару уголовнаго закона. Кромѣ того, нашъ судъ думалъ вносить поправку и въ тѣ общія отношенія, которыя такъ или иначе, а иногда и съ неотразимою силой, вліяютъ на преступность. И глубокое моральное чувство, съ которымъ нашъ судъ судилъ то, что подлежало его сужденію, не было случайностью и не свалилось внезапно съ неба. Оно создалось продолжительною предшествовавшею ему работой мысли и тою самою идеей справедливости, которая, наконецъ, осуществилась въ судебной реформѣ. Приговоры нашихъ судовъ были лишь выраженіемъ этой самой идеи, ея неизбѣжнымъ практическимъ выраженіемъ, ея плотью отъ плоти, второю ея половиной.

Или хотя бы программа, выставляемая авторомъ статьи въ «Недѣлѣ» и фракціей, къ которой онъ принадлежитъ. Вѣдь, вся эта фракція получила свое душевное крещеніе отъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Ими же создано и то практическое движеніе для непосредственной помощи народу, которое эта фракція выдвигаетъ впередъ, какъ собственное изобрѣтеніе.

Такимъ образомъ, наша интеллигенція имѣетъ почти исключительно теоретическое значеніе. Она изслѣдуетъ и наблюдаетъ жизнь во всѣхъ ея практи-

ческихъ проявленіяхъ, нуждахъ и уклоненіяхъ, она расширяетъ область нашихъ познаній объ условіяхъ дѣйствительности и творитъ наше общественное сознаніе. Неуловимая и неосязаемая, но, въ то же время, вездѣсущая и всепроникающая, эта общественно-воспитательная сила властвуетъ надъ умами путемъ свободнаго воздѣйствія, располагая для этого однимъ, единственнымъ средствомъ—печатью.

При особенномъ положеніи нашей интеллигенціи, какъ исключительно умственно-творческой силы, и печать получаетъ у насъ даже особенное значеніе. Въ Европѣ, гдѣ развита политическая жизнь, печать служитъ преимущественно средствомъ для борьбы политическихъ партій. Роль нашей печати совсѣмъ иная—служебно-воспитательная. Наша печать есть, такъ сказать, скрижаль или запись всего того, что наши творческія умственныя силы, наблюдая жизнь во всѣхъ ея общественныхъ подробностяхъ, занесутъ въ нее. Это не больше, какъ открытый для общаго свѣдѣнія отчетъ о результатахъ наблюденій надъ жизнью, которыя интеллигенція дѣлаетъ и затѣмъ записываетъ ихъ шагъ за шагомъ, то въ фактическихъ подробностяхъ, то въ общихъ выводахъ. Кто-то разъ спросилъ Гроція, какъ достигнуть мудрости. «Возьми десть чистой бумаги и записывай все, что встрѣтишь въ жизни замѣчательнаго»,—отвѣтилъ Гроцій. Ну, вотъ это-то самое и дѣлаетъ наша печать, сознательно или безсознательно, но, тѣмъ не менѣе, являясь единственнымъ открытымъ для всѣхъ источникомъ, изъ котораго каждый можетъ черпать свою общественную мудрость.

Правда, что наша печать не всегда стоитъ на высотѣ своей теоретической задачи, но также правда, что несмотря на неблагопріятныя условія своего положенія, она стремится занять подобающее ей мѣсто и, наконецъ, еще бо́льшая правда, что для печати, которая несетъ такую возможную и нравственно-отвѣтственную служебную и воспитательную обязанность, необходимо находится въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ для ея существованія. Какъ одинъ изъ деликатнѣйшихъ органовъ общественности, печать, какъ и школа, нуждается въ бережливомъ и пествующемъ уходѣ. Слишкомъ чувствительная и впечатлительная, она при малѣйшихъ шероховатостяхъ, а ужъ тѣмъ болѣе при толчкахъ, замыкается, какъ раковина, и не обнаруживаетъ не только своего воспитательнаго вліянія, но перестаетъ выполнять и свою служебную роль.

Если всѣ эти требованія, предъявляемыя къ интеллигенціи и ея органу, печати, вѣрны, то какъ же могло случиться, что одна изъ фракцій этой самой интеллигенціи, въ лицѣ своихъ литературныхъ представителей, обнаруживаетъ худо-скрываемый зубъ не только противъ своихъ интеллигентныхъ предшественниковъ, но и противъ предшествовавшаго интеллигентнаго движенія мысли?

На одну изъ причинъ этого я уже указывалъ. Фракція, о которой рѣчь, въ числѣ своихъ представителей не выставила ни одного сильнаго ума, ни одного писателя съ широкимъ образованіемъ и съ широкими взглядами. Всѣ критики, беллетристы, поэты, публицисты этой фракціи отличаются робостью общественной мысли и очень короткими умственными крыльями. Отъ этого они съ большимъ шумомъ перелетаютъ съ одной муравейной кучи на другую, но подняться выше въ атмосферу, чтобы увидѣть, какую общую картину представляютъ эти кучи, они не могутъ.

Вторая и, можетъ быть, самая главная причина ихъ низкаго полета заключается въ ихъ, такъ сказать, *хронологическомъ* происхожденіи. Всѣ они родились уже послѣ освобожденія; это—во-первыхъ, а во-вторыхъ, и что самое главное, они выросли и воспитались при условіяхъ болѣе суровой дѣйствительности, которая не стояла поперекъ (по крайней мѣрѣ, въ такой степени) воспитанію и развитію дѣятелей 40 и 60-хъ годовъ.

Всѣ писатели этой фракціи, вышедшіе или изъ захудалаго, или изъ разночиннаго быта, чувствуютъ себя какъ бы иною породой людей, съ предъидущею породой, изъ которой выходила прежняя интеллигенція, общаго не имѣющей. Въ сущности, этотъ антагонизмъ не столько умственный, сколько антагонизмъ происхожденія и потому принимающій сословный характеръ, устанавливающій и поддерживающій словое дѣленіе и переносящій центръ тяжести сверху внизъ.

Авторъ, о которомъ рѣчь, не дѣлаетъ этого прямо, и тѣмъ это хуже. У него для прямаго слова, очевидно, недостаетъ умственной смѣлости, какую не боялись обнаруживать его предшественники семидесятыхъ годовъ. Но программа его вполнѣ ясна. Она—подголосокъ этихъ предшественниковъ, сознательный или безсознательный, это трудно рѣшить, потому что авторъ какъ-то путается въ словахъ и напускаетъ на себя таинственность, точно онъ хранитъ въ себѣ что-то очень важное, но, по извѣстнымъ ему соображеніямъ, не считаетъ удобнымъ говорить яснѣе. И надо отдать справедливость автору, что онъ говоритъ дѣйствительно таинственно-неясно. Эта таинственная неясность мѣшаетъ, конечно, говорить и за него яснѣе, хотя нисколько не мѣшаетъ установить умственное мѣсто автора и его программу русскаго прогресса.

Уже въ 60-хъ годахъ точно намѣтились два главныхъ направленія и каждое изъ нихъ предлагалось какъ обезпечивающее наиболѣе правильное и вѣрное прогрессивно-поступательное движеніе Россіи. Несмотря на множество мелкихъ теченій, часто неясныхъ, смутныхъ, подчасъ фанатическихъ, отводившихъ слишкомъ много мѣста чувству и даже фантазіи, всѣ эти теченія сводились къ двумъ программамъ: прогресса сверху внизъ и прогресса снизу вверхъ. Программа прогресса сверху внизъ ставила во главѣ его городъ и интеллигенцію, которая должна руководить и держать въ своихъ рукахъ все умственное и общественное развитіе и движеніе. Программа же прогресса снизу вверхъ ставила во главѣ деревню и народъ, какъ единственный источникъ твердаго и незыблемаго общественнаго и политическаго роста Россіи. Фракція эта задалась мыслью

служить народу непосредственнымъ практическимъ путемъ и удовлетворять его насущнымъ нуждамъ въ просвѣщеніи и благоустройствѣ простыми ближайшими средствами и энергическимъ трудомъ безъ всякой окраски его въ какой-либо посторонній цвѣтъ или тенденцію, для практическаго дѣла, по мнѣнію фракціи, не имѣющихъ никакого значенія. Программа эта, несомнѣнно, почтенная и должна привести непремѣнно къ плодотворнымъ результатамъ, потому что подготовитъ и создастъ работниковъ дѣла, воспитавшихся въ мысли о непосредственной практической дѣятельности и общественно-служебной исполнительности. Подобныхъ работниковъ у насъ еще мало и въ земствѣ, и въ городскомъ самоуправленіи, и даже въ чиновничествѣ, и наше самоуправленіе сплошь и рядомъ скрипитъ только отъ ихъ недостатка.

Успѣху этой пропаганды должно помочь не только ея вполнѣ легальное направленіе, но и соотвѣтствіе ея стремленій съ общимъ характеромъ дѣятельности правительства, направившейся тоже на удовлетвореніе непосредственныхъ практическихъ нуждъ народа.

Но это, все-таки, только одна сторона дѣла. На пользу народа работать нужно, и работать именно въ томъ направленіи, какое приняла фракція, а затѣмъ остается и еще кое-что, что фракція намѣренно или ненамѣренно желаетъ игнорировать и на что она смотритъ даже съ высокомѣріемъ. Это нѣчто есть идейность.

Авторъ дѣлитъ жизнь рѣзкою чертой пополамъ и то, что дѣлалось 25—30 лѣтъ назадъ, называетъ *академическимъ* направленіемъ, *жизнью* же онъ считаетъ исключительно практическую работу. А такъ какъ этой практической работы прибавилось, и школъ, больницъ, газетъ и хорошихъ дорогъ теперь гораздо больше, чѣмъ было въ *академическій* періодъ, то онъ и утверждаетъ, что жизни въ настоящее время неизмѣримо больше, чѣмъ ея было тогда.

Жизнь! А что такое жизнь? Что создаетъ жизнь? Движеніе, конечно, жизнь, и чѣмъ его больше, тѣмъ больше и жизни. Но, вѣдь, это вопросъ количества и механическаго труда. Да и точно ли то «количество», на которое только и указываетъ авторъ и котораго дѣйствительно не было 25—30 лѣтъ назадъ, создало народу такую жизнь, которую онъ видитъ, и чувствуетъ, и ощущаетъ и которою онъ живетъ теперь неизмѣримо полнѣе, богаче и дышетъ полною грудью? Сомнительно! Этой жизни, которую такъ тщательно перечисляетъ авторъ по пальцамъ, не настолько прибавилось для народа, чтобы она зашевелила его и сдвинула съмѣста.

Жизни прибавилось только для среднихъ, исполнительныхъ интеллигентныхъ способностей, для людей той фракціи, которой ея представители указываютъ новый практическій легальный путь дѣятельности, для молодыхъ силъ, ищущихъ приложенія, но не знающихъ куда ихъ приложить. Очевидно, что фракція лишь прикрывается народомъ и жизнью считаетъ только то, что можетъ удовлетворить людей среднихъ, исполнительныхъ способностей и составляющихъ или группирующихся около нея.

Перенося центръ тяжести времени на себя и создавая программу для новаго практическаго поведенія, фракціи удалось меньше всего разрѣшить общій вопросъ, который она думала разрѣшить въ лицѣ автора статьи, возъимѣвшаго не совсѣмъ удачное желаніе подняться на высоту общихъ идей и разъяснить, въ чемъ собственно заключается жизнь и когда ея бываетъ больше.

Да, дѣйствительно, тогда ли жизнь, когда архитекторы разбиваютъ мѣсто для новой постройки, вырабатываютъ идею, составляютъ планы, смѣты, проекты, чертежи, или когда придутъ каменщики и плотники, и начнутъ строить домъ? Тогда ли было больше жизни, когда тоже небольшая фракція людей 40-хъ годовъ, поднявшись на высоту общихъ идей, освѣщала русскія умственныя дебри и проводила идеи освобожденія въ общество; когда потомъ фракція другихъ людей осуществляла эти идеи и создала новое движеніе общественной мысли, или когда на смѣну имъ пришли опять новые люди и сказали, что идеи вздоръ и что жизнь лишь въ одной практической работѣ? Тогда ли жизнь, когда идейно воодушевленные и энергическіе работники мысли заставляютъ человѣческую душу звучать всѣми ея струнами и издавать полные аккорды, когда этотъ приподнятый резонансъ создаетъ цѣлую плеяду писателей 40-хъ годовъ и дополняющую ее плеяду публицистовъ эпохи освобожденія, или когда на смѣну имъ является «новое литературное поколѣніе», заявляющее, что ему сказать нечего, что оно ждетъ, когда на него снизойдетъ вдохновеніе, и когда публицисты того же времени провозглашаютъ теорію опорожненнаго нутра?

И опорожненное нутро, отодвигающее идеи на второй планъ, не можетъ создать ничего, кромѣ филистерства и идеала мѣщанскаго счастья. Конечно, мѣщанская изба съ тремя свѣтленькими окошечками, съ занавѣсками и цвѣтущими бальзаминами—тоже идеалъ, но только идеалъ благоустройства Сарептской колоніи. Для такой страны, какъ Россія, нужно что-нибудь и пошире, хотя бы ужъ по одному тому, что передъ нашею сложною жизнью лежатъ слишкомъ громадныя задачи и внутренняго, и международнаго содержанія, которыхъ однимъ сарептскимъ благоустройствомъ не разрѣшишь.

Публицисты «новаго поколѣнія», поднявшіе теперь (и именно теперь) голосъ противъ интеллигентнаго, *академическаго*, т.-е., по ихъ мнѣнію», безплоднаго движенія мысли, поступаютъ пока безтактно и не умно; но разъ ставъ на эту наклонную плоскость, они быстро допишутся и до «Гражданина», если не найдутъ въ себѣ примиренія между идейностью и практичностью, если будутъ превращать ихъ въ какія-то двѣ враждебности, а не въ одну общую гармоническую, а потому и могучую творческую силу. Вѣдь, только въ этомъ и заключается наше теперешнее общественное безсиліе.

XLIV.

Что за интересная книга «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» С. А. Венгерова! Это даже и не книга, не словарь, а собраніе,—да, именно собраніе, цѣлое общество лицъ, съ которыми вы бесѣдуете съ мертвыми, какъ съ живыми, а съ живыми—точно съ умершими (есть такіе мертвые—живые люди). И это не заурядные, средніе, обыкновенные люди, которыхъ вы встрѣтите на каждомъ перекресткѣ. Нѣтъ, это наши лучшіе мыслящіе люди,—люди, которыми Россія думала и думаетъ; это ея мыслящій мозгъ, ея творческая умственная сила, которой создалось все наше движеніе впередъ, нашъ ростъ, нашъ прогрессъ, наше сознаніе, наша литература, наука, наше просвѣщеніе, наши реформы; это та сила, которой мы вошли въ среду европейскихъ народовъ и стали (если пока еще не стали, то, по крайней мѣрѣ, готовимся и пытаемся стать) соучастниками европейскаго просвѣщенія и европейскаго прогресса.

Пока вышелъ только 1-й томъ *Словаря* (буква А.) и въ немъ помѣщено около 600—700 біографій; значитъ, въ цѣломъ *Словарѣ* ихъ будетъ не менѣе 20,000. Цифра, пожалуй, не особенно большая. Если бы всѣ эти 20,000 человѣкъ, которыхъ Россія выдѣлила въ теченіе тысячи лѣтъ, были живы въ сей моментъ, то одинъ мыслящій человѣкъ пришелся бы на 5,000 людей, не принимающихъ въ умственномъ движеніи внѣшняго участія. Раскинутые же на протяженіи 1,000 лѣтъ 20 т. мыслящихъ людей совсѣмъ теряются въ пространствѣ.

Словарь С. А. Венгерова, соединяя въ одну группу раскинутыхъ въ пространствѣ нашихъ мыслящихъ людей, даетъ возможность составить общее цѣльное представленіе о нашей умственной физіономіи. Это все равно, какъ отдѣльно разсаженныя елки даютъ только частное понятіе о каждомъ отдѣльномъ деревцѣ и, чтобы получить понятіе о произрастаніи еловаго лѣса, нужно всѣ отдѣльныя елки собрать въ лѣсъ.

Но чтобы получить такое цѣльное впечатлѣніе, *Словарь* слѣдуетъ читать не отдѣльными выпусками, по мѣрѣ того, какъ они выходятъ, а прочесть всѣ 21 вып., составляющіе первую серію, сразу.

При такомъ чтеніи вы не растеряетесь въ опредѣленіи роста отдѣльныхъ лицъ, а каждое изъ нихъ встанетъ на свое мѣсто, и получится гармоническая картина, производящая цѣльное впечатлѣніе.

При отдѣльномъ же чтеніи, Аксаковы, напримѣръ, рисуются людьми преусиленнаго роста и рѣзко выдѣляются изъ остальныхъ лицъ (этому помогаетъ и исключительное вниманіе составителя *Словаря* къ Аксаковымъ, посвятившаго имъ несоразмѣрно много страницъ).

Когда же вы прочтете всѣ выпуски сразу, яркость въ Аксаковыхъ исчезаетъ, соотношеніе съ другими людьми устанавливаетъ настоящую мѣру ихъ роста, ставитъ ихъ въ общій ранжиръ, на мѣсто, которое имъ по ихъ росту принадлежитъ, и частное, отдѣльное впечатлѣніе смѣняется общимъ.

Конечно, впечатлѣніе, которое произведетъ *Словарь*, доведенный до конца, когда вы почувствуете себя среди всѣхъ двадцати тысячъ какъ бы воскрешенныхъ нашихъ умственныхъ дѣятелей, будетъ полнѣе, но и тѣ 600—700 человѣкъ, въ сообщество съ которыми васъ вводитъ *Словарь* теперь, производятъ впечатлѣніе вполнѣ опредѣленное и достаточно цѣльное.

Въ массѣ лицъ, собранныхъ г. Венгеровымъ, не столько численное, сколько нравственное впечатлѣніе производятъ люди въ рясахъ и черныхъ клобукахъ. Нельзя сказать, чтобы ихъ было и мало, ибо ихъ, по крайней мѣрѣ, двѣсти—триста. Они составляютъ основной фонъ картины, и чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ ихъ больше, тѣмъ стоятъ они плотнѣе, а, наконецъ, и никого, кромѣ ихъ, не видно.

Иначе размѣстились лица свѣтскія. На заднемъ планѣ ихъ почти нѣтъ, но за то они толпятся на первомъ, хотя, здѣсь и тамъ, и даже въ самомъ переду, среди свѣтскихъ людей попадается не мало черныхъ клобуковъ.

Да и у насъ въ старые годы, какъ въ Европѣ въ средніе вѣка, монастыри были единственнымъ мѣстомъ, куда отъ міра и его царящаго зла уходили люди болѣе чуткіе, искавшіе удовлетворенія въ чистомъ нравственномъ житіи. И уходили они отъ жизни не только для того, чтобы спастись, но чтобы и работать для этой жизни, служить ей тѣми средствами, которыя они считали лучшими, бороться за то, что они считали истиной и въ чемъ они видѣли спасеніе. А спасеніе тогда искалось только въ «вѣрѣ», какъ ее понимали, въ «нравственной истинѣ», въ которой одной и заключалась вся внутренняя жизнь. Другой жизни и не было. На защиту-то этой «нравственной истины» и выдвигались энергическіе борцы, люди закала, убѣжденія и поразительной силы характера.

Посмотрите на эти черные клобуки и рясы, стоящіе въ заднихъ рядахъ, вглядитесь въ ихъ лица, писанныя «греческимъ письмомъ»! Это гранитные люди, неспособные ни на какую уступку фанатики, которые за свои убѣжденія пойдутъ на костеръ, на плаху, а то и сожгутъ себя, спасая свою душу и свою истину, изъ которой они не поступятся ни одною іотой. Еще бы у нихъ были лица другаго письма, кромѣ греческаго!

Впереди всѣхъ выдается «протопопъ-богатырь», какъ его называетъ Соловьевъ, «Петръ Великій,

только въ обратную сторону», какъ обозвалъ его Тихонравовъ, знаменитый Аввакумъ.

Это непосредственная, сырая натура, истинная черноземная сила, чуждая всякой другой внутренней дисциплины, кромѣ той «истины», которую она носитъ въ себѣ и на защиту которой она отдаетъ всецѣло всѣ силы своего несокрушимаго, чугуннаго, богатырскаго организма. Это именно несокрушимый богатырскій организмъ, какихъ теперь природа уже не создаетъ. Это молотъ, стучащій въ одну точку, стихійная сила, подчиняющаяся лишь своему естественному закону, какъ подчиняются своему закону громъ, молнія, градъ,—силы, которыхъ тоже не укротишь и ничего съ ними не подѣлаешь.

Суровый аскетъ, человѣкъ строгаго житія, Аввакумъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ остается твердъ и вѣренъ своему нравственному идеалу и той внутренней, одухотворяющей его силѣ, которая повелѣваетъ ему исполнить нравственный законъ. Съ этою силой онъ точно родился и въ немъ какъ бы и не было другого существа. Съ первыхъ шаговъ своего священства, когда Аввакумъ былъ еще простымъ сельскимъ попомъ,—онъ,—такой нетерпимый и непреклонный борецъ за свой нравственный идеалъ и за свою правду, какимъ потомъ уже измученнымъ пытками старикомъ вступилъ на костеръ!

Аввакумъ былъ одинаково строгъ какъ къ себѣ, такъ и къ своей паствѣ. Разъ, во время исповѣди, пришла къ нему «дѣвица, блудному дѣлу повинная», и въ Аввакумѣ загорѣлся «огонь блудный». Онъ «зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою и возложилъ руку правую на пламя и держалъ дондеже угасло злое желаніе». Въ другой разъ, въ село пришли «плясовые медвѣди съ бубнами и домрами». Аскетъ Аввакумъ «по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ,—одного ушибъ, а другаго отпустилъ въ поле». Въ это время плылъ Волгою мимо села воевода Шереметевъ. Ему пожаловались на самоуправство Аввакума. Шереметевъ призвалъ его къ себѣ, пожурилъ, хотѣлъ было уже отпустить, но велѣлъ на «прощаніе благословить сына своего Матвѣя, брадобрица». Аввакумъ, «видя блудный образъ» молодаго боярина, на-отрѣзъ отказался. Шереметевъ велѣлъ сбросить Аввакума въ Волгу, такъ что протопопъ еле спасся «отъ неминучей гибели». У вдовы «начальникъ отнялъ дочерь», Аввакумъ пришелъ къ нему съ суровымъ обличеніемъ, и начальникъ его съ начала «до смерти задавилъ», такъ что онъ лежалъ «мертвъ полчаса и больше», а затѣмъ, «пришедъ въ церковь, билъ и волочилъ за ноги по землѣ въ ризахъ», палилъ «изъ пистола» и, наконецъ, «домъ отнялъ и выбилъ, все ограбя».

Все это только больше разжигало Аввакума и онъ еще энергичнѣе стыдилъ и уличалъ своихъ прихожанъ за пороки и не оставлялъ въ покоѣ даже сосѣднихъ священниковъ, что они плохо исполняютъ церковныя правила и предписанія. Въ Юрьевцѣ, куда Аввакумъ былъ назначенъ протопомъ, «попы и бабы, которыхъ онъ унималъ отъ блудни», уже черезъ 8 недѣль послѣ того, какъ Аввакумъ прибылъ въ этотъ городъ, «среди улицы били батожьемъ и топтали» его и грозили совсѣмъ «убить вора... да и тѣло собакамъ въ ровъ бросить» (все это Аввакумъ разсказываетъ въ своемъ *Житіи*).

Отъ подобныхъ протестовъ своихъ прихожанъ Аввакуму приходилось бѣжать не разъ въ Москву. Убѣжалъ онъ въ нее и изъ Юрьевца. Для такого борца, какъ Аввакумъ, нужно было, конечно, дѣло покрупнѣе, чѣмъ борьба съ сосѣдними священниками и деревенскими прихожанами. Москва, какъ разъ, оказалась по плечу Аввакуму, да и обстоятельства сложились такъ, что подошло и дѣло крупное.

У Аввакума въ Москвѣ были хорошія связи. Находился онъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифантьевымъ, былъ лично извѣстенъ царю и ближайшимъ человѣкомъ, другомъ его былъ знаменитый впослѣдствіи расколоучитель, протопопъ Казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ, у котораго онъ и жилъ, «вѣдая церковь его, егда тотъ куда отлучался».

«Какъ и всѣ близкіе къ Вонифантьеву и Неронову,—говоритъ г. Венгеровъ,—Аввакумъ участвовалъ въ «книжномъ исправленіи», предпринятомъ патріархомъ Іосифомъ. Но вотъ въ 1652 г. Іосифъ умираетъ и его мѣсто занимаетъ Никонъ, нѣкогда пріятель Аввакума. Новый патріархъ продолжаетъ начатое Іосифомъ исправленіе книгъ, но только ставитъ къ этому дѣлу людей истинноученыхъ, знающихъ греческій языкъ и могущихъ дѣйствительно что-нибудь исправить въ ошибкахъ прежнихъ типографщиковъ. Аввакумъ и его пріятели были устранены, а вмѣсто ихъ Никонъ выписалъ Епифанія Славинецкаго и его товарищей изъ Кіева, Арсенія Грека изъ соловецкаго заточенія и другихъ».

Новшества, которыя завели эти справщики, сейчасъ же вызвали протестъ консерваторовъ и одно изъ видныхъ мѣстъ между ними занялъ энергическій и упрямый Аввакумъ. Уже черезъ годъ послѣ начала никоновскихъ «новшествъ» Аввакума засадили въ подвалъ Андроньевскаго монастыря, гдѣ онъ просидѣлъ 3 дня и 3 ночи не ѣвши и не пивши, а затѣмъ начали увѣщевать. «Журятъ мнѣ,—разсказываетъ Аввакумъ въ *Житіи*,—что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню, да лаю». Отдали Аввакума за непокорство подъ начало: «за волосы дерутъ, и подъ бока толкаютъ, и за чепь торгаютъ, и въ глаза плюютъ», а Аввакумъ стоитъ на своемъ и не уступаетъ. Никонъ велѣлъ разстричь его, но царь заступился и Аввакума сослали въ Сибирь.

Привезли Аввакума въ Тобольскъ, гдѣ онъ нашелъ было себѣ покровителя въ архіереѣ и устроился, но съ самаго же начала сталъ чудить. «Выстегалъ ремнемъ» дьяка за какой-то проступокъ и велѣлъ «среди улицы собакамъ бросить» тѣло боярскаго сына Бекетова, въ церкви обругавшаго его и архіепископа, и, не укротившись ни на іоту,

продолжалъ «бранить отъ писанія» Никонову ересь.

Сослали Аввакума за Лену къ воеводѣ Пашкову, имѣвшему порученіе завоевать Даурію. Пашковъ былъ человѣкъ суровый, а Аввакума ему прямо «приказано было мучить». Аввакумъ, конечно, это зналъ и хотя, повидимому, дѣла Пашкова его не касались, но, усмотрѣвъ въ нихъ какія-то неправильности, онъ вздумалъ изобличать воеводу. Пашковъ разсердился и велѣлъ сбросить протопопа и его семью съ досчаника, на которомъ тотъ плылъ по Тунгузкѣ. Страшно было и на утломъ досчаникѣ, а тутъ пришлось пробираться съ малыми дѣтьчи по непроходимымъ дебрямъ дикихъ даурскихъ ущелій. Не вытерпѣлъ Аввакумъ и послалъ Пашкову рѣзкое посланіе. Воевода разсвирѣпѣлъ, приказалъ притащить къ себѣ протопопа, избилъ его, велѣлъ дать ему 72 удара кнутомъ и бросить въ острогъ. И сидѣлъ Аввакумъ въ острогѣ не мало времени въ «студеной башнѣ: тамъ зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ и безъ платья! Что собачка въ соломкѣ лежу, — пишетъ Аввакумъ — коли покормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было: я ихъ скуфьею билъ—и батожка не дадутъ! Все на брюхѣ лежалъ, спина гнила. Блохъ да вшей было много». Поколебался было протопопъ: «хотѣлъ на Пашкова кричать прости, но сила Божія возбранила, велѣно терпѣть». По веснѣ Пашковъ выпустилъ протопопа на волю.

Шесть лѣтъ прожилъ Аввакумъ въ Даурской землѣ подъ началомъ Пашкова, наконецъ, пришла изъ Москвы грамота — ѣхать протопопу на Русь. Цѣлыхъ три года провелъ въ пути Аввакумъ, и провелъ ихъ не праздно, а «по всѣмъ городамъ и по селамъ, въ церквахъ и на торгахъ кричалъ, проповѣдуя слово Божіе, и уча, и обличая безбожную лесть» никоніанскихъ новшествъ.

Никонъ былъ уже не въ милости и доживалъ послѣдніе годы своего патріаршества. Время, слѣдовательно, было для Аввакума благопріятное. Его восторженно чествовали сановные и несановные москвичи, явились и тайные сторонники раскола и самъ царь выказывалъ ему необыкновенное расположеніе. Первое время Аввакумъ былъ сдержанъ и, не совсѣмъ понявъ его кроткое настроеніе, бояре стали предлагать ему «соединиться въ вѣрѣ». Они соблазняли его тѣмъ, что царскимъ духовникомъ сдѣлаютъ и денегъ ему многое множество надавали, а государь черезъ Стрешнева уговаривалъ его, если ужъ «не соединиться», то, по крайней мѣрѣ, молчать. «И я потѣшалъ его: царь-то есть отъ Бога учиненъ и добренекъ до меня». Къ тому же, обѣщали его поставить справщикомъ при печатномъ дворѣ, а это была для Аввакума приманка большая, «лучше духовничества».

Полгода молчалъ протопопъ, надѣясь на обѣщанія, но когда онъ увидѣлъ, что все остается попрежнему, онъ «паки заворчалъ и написалъ царю многонько-таки, чтобы онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика».

Когда царь увидѣлъ изъ челобитной, что Аввакумъ возстаетъ не только противъ Никона, но и противъ всей вообще существующей церкви, онъ на него «кручиновать сталъ». «Не любо стало, — прибавляетъ Аввакумъ, — какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, когда молчу, да мнѣ такъ не сошлось».

Аввакума опять сослали — въ Мезень, но продержали въ ссылкѣ только полтора года и привезли въ Москву, гдѣ на собравшемся въ 1666 году соборѣ, созванномъ для борьбы съ расколомъ, хотѣли заставить Аввакума отказаться отъ его пропаганды. Аввакумъ отъ увѣщателей «отрицался, что отъ бѣсовъ», показанія писалъ «съ бранью большою» — и увѣщаніе кончилось тѣмъ, что протопопа разстригли и «опроклинали». Аввакумъ тутъ же «проклиналъ сопротивъ» разстригавшихъ его.

Свезли Аввакума въ Пафнутьевъ монастырь и «заперли въ темную палатку, гдѣ скованно держали годъ безъ мала», затѣмъ опять привезли въ Москву на съѣздъ вселенскихъ патріарховъ. Но и патріархи съ Аввакумомъ ничего подѣлать не могли, а только наслышались отъ него грубостей или, какъ онъ выражается, «побранилъ ихъ сколько могъ», и затѣмъ онъ произнесъ имъ такое послѣднее слово: «чистъ есть азъ и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лучше единъ творяй волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ».

Аввакума вмѣстѣ съ его сообщниками — Лазаремъ-попомъ и Ѳеодоромъ-дьякомъ — сослали въ Пустозерскій острогъ, гдѣ держали въ самомъ строгомъ заключеніи. Это не только не помѣшало Аввакуму и его товарищамъ написать цѣлый рядъ посланій и догматическихъ сочиненій, но еще и обратить въ расколъ стражу, черезъ которую они и распространили свои писанія между своими послѣдователями. Дошло это до властей и Аввакумъ, котораго вообще щадили, отдѣлался сравнительно легко: его посадили на хлѣбъ и на воду въ отдѣльный срубъ, врытый въ землю, а товарищамъ его вырѣзали языки.

Четырнадцать лѣтъ провелъ Аввакумъ въ Пустозерскѣ и съ прежнею энергіей продолжалъ свою борьбу съ новшествами. Старика долго щадили. Но мѣра долготерпѣнія оказалась, наконецъ, выше силъ не только для старика-страдальца, но и для московскихъ властей. Въ 1681 году Аввакумъ написалъ письмо къ царю Ѳедору Алексѣевичу, — письмо вначалѣ почтительное и скромное, но затѣмъ переходящее въ такой озлобленный и несдержанный тонъ противъ никоніанцевъ и царя Алексѣя Михайловича, что «за великія на царскій домъ хулы» повелѣно было Аввакума предать сожженію, а вмѣстѣ съ нимъ сжечь и товарищей его по заключенію: Лазаря, Епифанія и Никифора.

Построили срубъ изъ дровъ; ввели на него казнимыхъ, народъ снялъ шапки... дрова подожгли — все замолчали. Аввакумъ сложилъ двуперстный крестъ: «Вотъ будете этимъ крестомъ молиться, — сказалъ онъ народу, — во вѣкъ не погибнете, а оставите его — городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ

занесетъ; а погибнетъ городокъ — настанетъ и свѣту конецъ!..» Огонь охватилъ казнимыхъ... Одинъ изъ нихъ закричалъ. Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли.

И на заднемъ планѣ этой толпы такихъ Аввакумовъ не одинъ. Вотъ стоитъ славившійся своею начитанностью, умѣньемъ вести рѣчь и строгостью жизни Анкиндиновъ, раскольникъ поморскаго согласія, знаменитый силою своихъ убѣжденій. Когда холмогорскому архіепископу Варсонофію донесли о дѣятельности печерскихъ и мезенскихъ поморцевъ, онъ потребовалъ военную силу, и противъ раскольниковъ было выслано 80 солдатъ. Анкиндиновъ на общемъ совѣтѣ положилъ запереться въ верхней комнатѣ, гдѣ отправляли службу. Отломали лѣстницы, передъ воротами сдѣлали защиту, два окна оставили для разговоровъ и приготовили смолы и бересты. Когда скитъ былъ оцѣпленъ, а увѣщеванья не привели ни къ чему, солдатамъ было приказано ломать скитъ. Скитники запѣли молебенъ, запалили храмину, и всѣ 86 человѣкъ погибли въ огнѣ.

Тутъ же, въ той же толпѣ, стоитъ близкій Аввакуму іеромонахъ Авраамій, постникъ и подвижникъ, котораго протопопъ Аввакумъ называлъ своимъ духовнымъ сыномъ. За челобитную объ уничтоженіи новшествъ Авраамію сдѣлали строгій допросъ, при которомъ митрополитъ Павелъ Крутицкій жестоко избилъ его; а когда Авраамій продолжалъ упорствовать, его разстригли и сослали. Но Авраамій не унялся, продолжалъ свою пропаганду и въ ссылкѣ и былъ сожженъ въ срубѣ.

И тѣ, кто сжигалъ, и тѣ, кого сжигали, стоятъ теперь передъ нами рядомъ, вызывая одинаковое изумленіе къ силѣ взаимной нетерпимости и ожесточенія. Аввакума и всѣхъ другихъ сожгли потому, что сила была не на ихъ сторонѣ, но тотъ же Аввакумъ не дрогнулъ бы собственными руками взвести Никона на костеръ и поджечь его, если бы могъ это сдѣлать. «Какъ бы ты мнѣ волю далъ,— писалъ Аввакумъ въ письмѣ къ царю Ѳедору Алексѣевичу,—я бы ихъ (никоніанцевъ), что Илья пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но освятилъ, чаю... Перво бы Никона, собаку, разсѣкли на четверо, а потомъ бы никоніанъ...» И будь Аввакумъ на мѣстѣ Никона, онъ все это бы и сдѣлалъ.

Г. Венгеровъ говоритъ, что Аввакума, «по нравственной высотѣ, слѣдуетъ поставить никакъ не ниже Гуса или Саванароллы». Сравненіе было бы вѣрно, если бы для него было достаточно только одной нравственной высоты. Саванаролла былъ тоже человѣкъ строгаго житія и энергическій боецъ противъ безнравственности своего времени, но, въ тоже время, онъ былъ церковный реформаторъ и политическій дѣятель, стремившійся къ возстановленію демократическаго правленія. Иванъ Гусъ былъ тоже церковный реформаторъ и проповѣдникъ прогрессивной религіи. Это совсѣмъ разныя нравственности, нравственности съ идейнымъ содержаніемъ, котораго у Аввакума не было.

Аввакумъ, какъ и всѣ сторонники раскола, сила несомнѣнно большая, вызывающая изумленіе своею непреклонною стойкостью, но эта стойкость не сознательной мысли, а стальной пружины, отдающей съ такою же силой, съ какою ее нажимаютъ.

Въ борьбѣ, которую велъ Аввакумъ и которую вели съ нимъ его противники, стояли одна противъ другой одинаковыя по содержанію силы. Новшества, которыя казались такими Аввакуму, были, въ сущности, возстановленіемъ стараго, первоначальнаго церковнаго порядка и его формъ. И Аввакумъ отстаивалъ тоже установившійся временемъ порядокъ и не допускалъ въ немъ перемѣнъ. Борьба шла за отстаиваніе разныхъ моментовъ одного и того же порядка и идей, защищались двѣ, въ сущности, однородныя формы, внѣшняго благочестія и встали одинъ противъ другаго неумолимыми врагами два однородные консерватизма.

Когда въ 1649 году пріѣхалъ въ Москву патріархъ іерусалимскій Паисій и замѣтилъ въ московскомъ богослуженіи отступленія отъ обрядовъ Восточной Церкви, замѣчанія его очень смутили царя и патріарха Іосифа. Было рѣшено послать на Востокъ вѣрнаго человѣка, который бы изучилъ вопросъ о богослуженіи на мѣстѣ. Этимъ вѣрнымъ человѣкомъ былъ Арсеній Сухановъ, ѣздившій на Востокъ три раза и въ послѣдній разъ по порученію Никона. Сухановъ описываетъ въ мрачныхъ краскахъ испорченность православнаго духовенства на Востокѣ, его приниженность, угодливость, его равнодушіе къ своимъ обязанностямъ и къ строгому и точному исполненію обрядовъ. Главныя отступленія, которыя замѣтилъ Сухановъ, заключались въ томъ, что на Востокѣ троятъ, а не двоятъ аллилуію, что на проскомидію употребляютъ не семь, а пять просфоръ, что при крестныхъ ходахъ идутъ не по солнцу, а противъ солнца, что обливательное крещеніе считаютъ дѣйствительнымъ; наконецъ, противъ двуперстія аѳонскіе монахи не могли привести Суханову ни одного солиднаго довода. Однимъ словомъ, оказывалось, что вѣра испортилась не у насъ, а на Востокѣ. «Пренія о вѣрѣ» съ аѳонскими греками, написанныя Сухановымъ, сильно распространились въ раскольничьей средѣ и оказали большую поддержку расколу. Когда Аввакума привезли въ Москву къ вселенскимъ патріархамъ, разсчитывая на то, что они его убѣдятъ, и когда въ заключеніе преній патріархи ему сказали: «Ты упрямъ; вся наша Палестина и серби, и албансы, и валахи, и римляне, и ляхи, всѣ тремя персты крестятся; одинъ ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты»,—то Аввакумъ отвѣтилъ: «Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіанамъ, а у васъ православіе пестро; отъ насилія турскаго Магмета немощни есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться».

Вотъ съ какими силами мы имѣемъ тутъ дѣло, а совсѣмъ не съ тою нравственною высотой, на которой стояли Саванаролла и Гусъ, люди свободнаго и критическаго ума. Да, пожалуй, свободный и критическій умъ намъ тогда и не требовался. Поврежденіе нравовъ было большое, церковное неустрое-

ніе было тоже велико и едва ли Аввакумъ былъ правъ, приглашая восточныхъ патріарховъ пріѣзжать къ намъ учиться. Учиться-то было нечему.

На церковномъ соборѣ 1551 г. наше церковное неустроеніе было выяснено вполнѣ. Представители церкви жаловались, что монахи и монахини бродятъ по-міру, просвирни надъ просфорами приговариваютъ, монахи и попы пьянствуютъ, вдовые попы соблазняютъ своимъ поведеніемъ; въ церквахъ народъ стоитъ въ шапкахъ, съ палками, говоръ и ропотъ и всякое прекословіе, и бесѣды, и срамныя слова; попы и дьяконы поютъ безчинно, церковные причетники всегда пьяны, безъ страху стоятъ и бранятся; попы въ церквахъ дерутся между собою и въ монастыряхъ то же. Патріархъ Іосифъ, тотъ самый, который началъ исправленіе книгъ, жаловался, что дѣти поповъ и мірскихъ людей безчинствуютъ въ алтарѣ во время службы; во время церковнаго пѣнія ходятъ шпыни и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ: они то бранятся, то дерутся, иные притворяются малоумными, другіе во время службы ползаютъ, пищатъ и въ простыхъ людяхъ возбуждаютъ великій соблазнъ. Аввакумъ, этотъ поборникъ чистоты нравовъ, и въ своихъ писаніяхъ, и на диспутахъ, какъ онъ самъ говоритъ, «лаялся отъ писанія», а подчасъ любилъ и подраться. Когда на преніи съ восточными патріархами Аввакумъ «побранилъ ихъ, сколько могъ», то на него накинулись и стали бить.

Въ подобномъ неустроеніи критическому уму предстояла работа не въ писаніи или церковныхъ установленіяхъ, а въ нравахъ, которые слѣдовало подчинить этимъ установленіямъ. Сомнѣнія же въ уставахъ и не могло явиться, ибо ихъ требованія стояли выше дѣйствительности, съ которою только и приходилось бороться, чтобы ее поставить въ рамку установившихся требованій. Это была работа чисто-охранительная, для которой требовались характеры, а не умы.

И вся эта группа людей, которую г. Венгеровъ даетъ возможность окинуть взглядомъ пока въ небольшой ея части, представляетъ образцы изумительныхъ характеровъ, стойкихъ, непреклонныхъ, подчасъ ужъ слишкомъ суровыхъ, даже неумолимыхъ и того же закала, какъ Аввакумъ.

Група эта создавалась закономъ подбора, оттого она и отличается такою односторонностью. Я уже говорилъ, что у насъ, какъ и въ Европѣ въ средніе вѣка, въ монастыри уходили люди избранные, выдающихся нравственныхъ стремленій. То были постники, аскеты, люди строгаго житія, хорошо знавшіе, какой они берутъ на себя подвигъ, и потому только и уходившіе въ монастыри, что это былъ подвигъ. Не одни соблазны міра гнали ихъ въ монастыри, и не о своемъ только личномъ спасеніи они думали; ихъ влекла еще потребность нравственной дѣятельности, потребность служенія словомъ и дѣломъ обращенію падшихъ или нетвердыхъ на путь истины и спасенія, ради чего они обрекли себя уже заранѣе мученическому вѣнцу. Большая требовалась для этого нравственная сила и мощь характера. И передъ нами возникаютъ дѣйствительно мощные образы представителей церкви, какъ бы традиціонно повторяющіе одинъ другаго. Св. Алексѣй митрополитъ, Никонъ, Амвросій (Орнатскій), Филаретъ, хотя и раздѣлены цѣлыми вѣками,—всѣ люди одного закала, однихъ стремленій, одной силы, одного сознанія своихъ обязанностей и высоты своего святительскаго положенія.

Эта традиціонная преемственность выразилась съ особенною яркостью въ Амвросіи. Самъ аскетъ до того, что не ѣлъ ничего, кромѣ рѣдьки и капусты, Амвросій требовалъ такого же воздержанія отъ подчиненнаго ему духовенства и отъ окружающихъ. Снисхожденія и уступки онъ никогда не зналъ. «Я въ экономіи Божіей уксусъ»,—говорилъ онъ про себя.

Въ 1824 г. ожидали Императора Александра I въ Пензу. За годъ городъ сталъ готовиться къ царскому посѣщенію. Только Амвросій не дѣлалъ ничего, не починялъ совершенно развалившагося архіерейскаго дома, не убиралъ даже мусора передъ окнами. Губернаторъ (Лубяновскій) поручилъ полицеймейстеру попросить преосвященнаго приказать очистить отъ грязи и мусора площадь передъ архіепископскимъ домомъ. «Хорошо, — отвѣтилъ Амвросій, — эту нечистоту можно убрать, но куда мы уберемъ тебя съ губернаторомъ? Васъ хоть въ землю зарой, а дѣла ваши не скроются».

При пріѣздѣ государя начальство распорядилось встрѣтить его съ главнаго, западнаго крыльца собора, а Амвросій рѣшилъ встрѣтить его съ южнаго, у котораго и всталъ съ хоругвями и духовенствомъ. Когда его стали просить встрѣтить царя у западнаго крыльца: «Я архіерей, и мнѣ принадлежатъ здѣсь распоряженія», отвѣтилъ Амвросій. Императоръ, поднимаясь по не совсѣмъ удобной лѣстницѣ, замѣтилъ архіерею, что для его больныхъ ногъ она черезчуръ крута; «а танцовать не болятъ ноги?»—отвѣтилъ, не смутившись, Амвросій.

Послѣ молебна въ соборѣ, государь, которому была отведена квартира въ губернаторскомъ домѣ, расположился отдохнуть, какъ вдругъ начался оглушительный звонъ. Это Амвросій шелъ въ торжественной процессіи, чтобы окропить императорскіе покои. Государь послалъ сказать, что нерасположенъ принять теперь преосвященнаго. Амвросій, не отвѣтивъ ничего, продолжалъ путь. У подъѣзда встрѣтилъ его взбѣшенный Дибичъ: «Какъ генералъ-адъютантъ, — сказалъ онъ Амвросію, — объявляю вамъ высочайшее повелѣніе воротиться». — «Ты адъютантъ царя земнаго, — спокойно отвѣтилъ Амвросій, — а я адъютантъ Царя небеснаго». — «Я васъ остановлю», — крикнулъ Дибичъ.—«Нѣтъ силы на землѣ, которая остановила бы крестъ Господень»,—возразилъ Амвросій и вошелъ въ императорскую квартиру.

Въ 1825 г. Амвросій удалился въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и, отдавшись охватившему его душевному настроенію, посвятилъ себя подвижничеству. Онъ поселился въ тѣсной кельѣ, никого къ себѣ не допускалъ и не выходилъ изъ своего уединенія. Пища его состояла изъ просфоры, которую ему подавали въ окно. Онъ не пилъ даже

чаю, и только когда къ нему пріѣзжали родители, онъ самъ ставилъ для нихъ самоваръ. Черезъ два года такого истощающаго подвижничества Амвросій умеръ и даже въ минуту смерти никого при немъ не было.

Не однимъ строгимъ подвижничествомъ и личнымъ примѣромъ служили эти люди своему дѣлу. Вся эта стоящая передъ нами группа духовныхъ дѣятелей—проповѣдники и писатели, творцы нашего духовнаго просвѣщенія. Каждый изъ нихъ оставилъ болѣе или менѣе видный слѣдъ въ духовной литературѣ и внесъ въ нее свой вкладъ. Укажу хотя только на тѣхъ, о комъ я говорилъ подробнѣе. Аввакумъ оставилъ 43 сочиненія, а Амвросій Орнатскій—авторъ знаменитой многотомной «Исторіи россійской іерархіи». Книгохранилище трудовъ нашихъ святителей и духовныхъ ученыхъ, если не по богатству и разнообразію содержанія, то по количеству, несомнѣнно богаче того, что создали до сихъ поръ наши свѣтскіе ученые и писатели.

Я останавливался такъ долго на группѣ представителей духовнаго просвѣщенія не только потому, что она представляетъ наиболѣе законченное и установившееся цѣлое, что она забирала въ себя, извлекая изъ жизни, людей съ исключительною силой характера, съ точными, опредѣленными представленіями, а вслѣдствіе этого и съ точнымъ поведеніемъ, но еще и потому, что цѣльныя, законченныя начала, которыя она проводила и закрѣпляла, имѣли наиболѣе могущественное вліяніе не только бытовое, но и историческое, творили нашу прошлую исторію и творятъ нашу исторію текущую.

Въ группѣ нашихъ свѣтскихъ просвѣтителей, очень и разнообразной, и многообразной, разобраться гораздо труднѣе. Когда вы встрѣчаетесь съ представителемъ духовнаго просвѣщенія, вамъ въ немъ все ясно, его образъ, точный и опредѣленный, не оставляетъ въ васъ никакихъ сомнѣній насчетъ его духовно-нравственной физіономіи. Но, очутившись въ многочисленной толпѣ свѣтскихъ просвѣтителей (а ихъ въ этой первой группѣ собрано г. Венгеровымъ по меньшей мѣрѣ четыреста человѣкъ), вы чувствуете озадаченность и не знаете, какъ вамъ въ этой толпѣ оріентироваться. Г. Венгеровъ очень предупредительно рекомендуетъ вамъ каждаго просвѣтителя, и вы узнаете, что вотъ этотъ *А*—математикъ, другой *А*—химикъ, третій—педагогъ, четвертый—профессоръ геодезіи въ институтѣ путей сообщенія, пятый—врачъ-путешественникъ, шестой—просто врачъ и т. д. Г. Венгеровъ знакомитъ васъ съ ботаниками, астрономами, политико-экономами, юристами, антропологами, біологами, анатомами; вы ихъ насчитываете цѣлыми десятками, узнаете, что каждый изъ нихъ имѣетъ несомнѣнныя ученыя заслуги, что каждый написалъ большее или меньшее число болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія ученыхъ сочиненій, что нѣкоторые изъ этихъ почтенныхъ дѣятелей обогатили не только русскую, но и европейскую науку. И, всетаки, ваше недоумѣніе не исчезаетъ вполнѣ и вы чувствуете, что о всѣхъ этихъ почтенныхъ людяхъ ровно ничего не знаете, что не только нравственная, но даже и умственная физіономія ихъ вамъ неясна, и вы затрудняетесь, на какое гражданское мѣсто ихъ поставить и о чемъ съ ними говорить.

Распредѣлите эту группу умственныхъ дѣятелей на кучки, по спеціальностямъ, и у васъ окажутся десятки, чуть не сотни химиковъ, математиковъ, педагоговъ, техниковъ. Но гдѣ же поэты, гдѣ писатели, гдѣ публицисты, гдѣ изслѣдователи народнаго быта? Что за причина, что изъ четырехсотъ лицъ только нѣсколько единицъ не посвящаютъ себя спеціальнымъ, положительнымъ знаніямъ?

Изъ всѣхъ 600—700 представителей умственнаго труда, собранныхъ теперь г. Венгеровымъ на смотръ, оказывается лишь 1 изслѣдователь народной поэзіи, 1 историкъ-изслѣдователь, 2 литературные критика, 4 или 5 второстепенныхъ беллетриста, 2 поэта, да 4 публициста, да, кажется, больше никого.

Но если этихъ отобранныхъ умственныхъ дѣятелей просѣять еще разъ черезъ сито, то писателей наиболѣе широкаго общественнаго кругозора и свѣтлой проницательной мысли окажется еще меньше. Весьма вѣроятно, что это отношеніе въ послѣдующихъ серіяхъ въ частности нѣсколько и измѣнится, но въ общемъ оно останется такимъ же.

Въ послѣднее время, когда нашихъ писателей стали переводить въ Европѣ и Америкѣ, мы съ нѣсколько преусиленною гордостью вообразили себя учителями человѣчества въ художественномъ реализмѣ. Но, прежде чѣмъ рѣшать вопросъ такимъ образомъ, слѣдовало бы, какъ кажется, разрѣшить вопросъ о нашемъ великорусскомъ реализмѣ вообще. И въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе полвѣка нашъ жизненный реализмъ создалъ поэтовъ, крупныхъ беллетристовъ и выдающихся критиковъ и публицистовъ единицами. И, въ то же время, у насъ явились цѣлыя тысячи химиковъ, технологовъ, врачей, геологовъ, біологовъ и механиковъ.

Эти тысячи людей практическихъ, дѣловыхъ, *реальныхъ* знаній, прежде всего, представляютъ полное опроверженіе мнѣнія противниковъ интеллигенціи, будто бы она гонится за безплодными знаніями. Напротивъ, она гонится за самыми реальными и положительными знаніями. А если она пріобрѣтаетъ ихъ не въ той формѣ, не въ томъ качествѣ и размѣрѣ, какіе требуются практическою жизнью, то это происходитъ совсѣмъ не оттого, чтобы интеллигенція, т.-е. всякій, кто хочетъ учиться и создать себѣ хлѣбное знаніе, не желали бы пріобрѣсти этихъ знаній и въ надлежащей формѣ, и въ надлежащемъ качествѣ, и въ надлежащемъ размѣрѣ.

Нашъ великороссійскій реализмъ очень реаленъ и очень крѣпко держится практической почвы. Въ послѣднее время онъ далъ почувствовать себя, еще разъ выдвинувъ цѣлую «фракцію» писателей и публицистовъ (такъ называемыхъ «восьмидесятниковъ»), отодвигающихъ идеи на второй планъ и считающихъ жизненнымъ дѣломъ лишь исключительно практическую дѣятельность, по формулѣ, провозглашенной еще въ семидесятыхъ годахъ: «теперь не время широкихъ задачъ». Безъидейный реализмъ былъ всегда у насъ силенъ; онъ со-

ставляетъ основную сущность нашей «деревни», для которой жизнь есть исключительно осязаемый матеріальный фактъ. И этотъ безъидейный реализмъ принесъ уже давно свои плоды, создавъ жестокую и бездушную породу людей. Только его преобладающее господство, только имъ даваемый тонъ повседневнымъ практическимъ отношеніямъ создали язву повсемѣстнаго и всеобщаго русскаго кулачества въ видѣ Деруновыхъ, кабатчиковъ, шибаевъ, скупщиковъ и перекупщиковъ, этихъ истыхъ представителей практическаго реализма, не знающаго ничего, кромѣ практической пользы и личной выгоды. И вотъ эта-то самая практическая безъидейность теперь освѣщается теоріей, находитъ себѣ представителей въ интеллигенціи и предлагается какъ всеобщій руководящій принципъ «новыми» публицистами. Иначе сказать, то, что прежде дѣлалось безсознательно, свершалось просто какъ фактъ неорганизованныхъ въ общихъ интересахъ отношеній, теперь получаетъ общественную окраску. «Восьмидесятники» дѣлаютъ это, конечно, не предумышленно. Намѣренія и цѣли у нихъ, повидимому, самыя благожелательныя, ибо подобно Генриху IV они хотятъ, чтобы у каждаго мужика была за обѣдомъ курица. Но тотъ же Генрихъ IV понималъ, что кромѣ курицы, есть еще блага жизни, безъ которыхъ не создашь и курицы, оттого-то у французовъ онъ и заслужилъ прозвище не только «добраго», но и умнаго.

Нашъ не только народный, но и реализмъ такъ называемаго общества отличался всегда черствымъ, низменнымъ пошибомъ и узостью поля наблюденія. Если это поле узко у деревенскаго мужика, для котораго жизнь является только матеріальнымъ фактомъ; если это поле узко у кабатчика и шибая, которые тоже не знаютъ другаго идеала, кромѣ личнаго матеріальнаго довольства и наживы,—все это вытекаетъ изъ самой сущности вещей. Но если этотъ самый безъидейный реализмъ возводится интеллигенціей въ теорію, а идейность ставится на второй планъ, то подобная проповѣдь уже никакъ не вытекаетъ изъ сущности вещей, а, напротивъ, ей противорѣчитъ, ибо интеллигенція, думающая такъ, перестаетъ быть интеллигенціей.

Задача интеллигентнаго реализма можетъ быть только одна, только та, которую разрѣшали наши лучшіе представители художественной литературы, критики и публицистики. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть реальнѣе самого человѣка и условій его личнаго и общественнаго существованія? Конечно, фунтъ хлѣба—вещь реальная, но, вѣдь, и хлѣбъ производитъ не земля, а голова и условія, въ которыхъ эта голова работаетъ.

И, несмотря на то, что самъ человѣкъ есть высшій реальный фактъ, вниманіе нашихъ интеллигентныхъ силъ бывало открыто меньше всего въ сторону этого важнѣйшаго реальнаго факта и условій его общественнаго существованія, а устремлялось преимущественно на изученіе внѣшнихъ стихійныхъ условій, точно химическія и физическія явленія, какъ громъ, молнія, дождь и снѣгъ, важнѣе грома, молніи, дождя и снѣга нашихъ личныхъ и общественныхъ отношеній.

Въ чемъ же искать причину нашего урѣзаннаго вниманія къ ближайшей, непосредственной жизни? Въ умственныхъ качествахъ работниковъ мысли или въ условіяхъ, въ которыхъ они находятся и работаютъ? Что условія тутъ ничему не мѣшаютъ и что люди, наиболѣе одаренные, устремляли всегда вниманіе на изученіе фактовъ личной и общественной жизни, слѣдуетъ заключить изъ того, что никакія условія не помѣшали появленію Пушкина, Лермонтова, Бѣлинскаго, Некрасова, «плеяды» художниковъ 40-хъ годовъ и цѣлому ряду пытливыхъ наблюдателей 60-хъ годовъ. Значитъ, есть что-то мѣшающее въ самомъ складѣ русскаго ума и въ унаслѣдованномъ имъ способѣ отношеній къ дѣйствительности, почему русскій умъ изъ двухъ порядковъ реальныхъ фактовъ легче отдается изученію однихъ, чѣмъ другихъ.

Потому что мы легче отдаемся изученію явленій одного порядка, чѣмъ изученію явленій другаго порядка, и потому лучше изучаемый порядокъ явленій знаемъ безспорнѣе, чѣмъ порядокъ, мало изучаемый; у насъ наблюдается одна особенность—въ Европѣ или неизвѣстная, или составляющая совершенно незамѣтное въ общей жизни исключеніе—перемѣна умственнаго фронта.

Въ группѣ лицъ, собранной г. Венгеровымъ, первый наиболѣе характерный образчикъ этого рода представляетъ Аврамовъ, сначала сподвижникъ Петра Великаго, а потомъ ярый противникъ его реформъ.

О дѣтскихъ впечатлѣніяхъ Аврамова ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что по десятому году онъ былъ отданъ въ Посольскій приказъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, посланъ въ Голландію, гдѣ состоялъ при нашемъ послѣ Матвѣевѣ. Во время пребыванія въ Голландіи Аврамовъ «за прилежное обученіе тамошними жителями былъ похваленъ и печатными курантами опубликованъ». Въ 1702 онъ вернулся въ Россію, былъ представленъ Петру и назначенъ имъ директоромъ государственной типографіи.

Аврамову жилось хорошо. Онъ находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ кабинетъ-министромъ Макоромъ, былъ близокъ съ Петромъ, котораго не разъ принималъ у себя и угощалъ, деньги водились у него большія и вообще онъ жилъ весело, предаваясь, по собственному признанію, «ненасытному блуду», пьянству и другимъ «безумнымъ дѣламъ и злодѣйствамъ».

«Но вотъ наступаетъ обычная въ такихъ случаяхъ реакція,—говоритъ г. Венгеровъ,—какъ большинство людей того времени, вчерашній распутникъ и чревоугодникъ начинаетъ думать о спасеніи и примыкаетъ къ средѣ монашества, духовенства и вообще людей благочестивыхъ». Это объясненіе причины поворота едва ли достаточно. Внѣшнія причины и вліянія, конечно, играли въ немъ большую роль, но только роль двигающей силы. Требовалось нѣчто внутреннее, что оказывалось бы возможнымъ повернуть, а это внутрен-

нее намъ и неизвѣстно, хотя о немъ можно догадываться съ несомнѣнностью.

Повернувшись въ сторону благочестія, Аврамовъ написалъ государственно-финансовый проектъ, направленный противъ Ѳеофана Прокоповича и его новой системы воспитанія и обученія. Потому ли, что задняя мысль проекта была хорошо замаскирована, или потому, что Петръ Великій на проектъ Аврамова не обратилъ вниманія, дѣло это кончилось ничѣмъ.

Вступивъ на путь преобразовательныхъ проектовъ, Аврамовъ сочинилъ еще проектъ о возстановленіи патріаршества, уничтоженіи присяги на подданство, придуманной Ѳеофаномъ, о пересмотрѣ гражданскихъ и церковныхъ законовъ, въ видахъ согласованія ихъ съ уставами Св. Отцевъ, и о возвращеніи духовенства въ древнее благочестіе. За этотъ проектъ Аврамовъ очутился въ Охотскомъ острогѣ.

Возвращенный при Елизаветѣ Петровнѣ, онъ снова принялся за сочиненіе преобразовательныхъ проектовъ и обличеніе новшествъ Петра Великаго и Ѳеофана Прокоповича. Въ особенности возмущало Аврамова казавшееся ему въ мѣрахъ Петра оскорбленіе православія и потворство лютеранскимъ обычаямъ. Увлекаясь неудержимымъ негодованіемъ, Аврамовъ въ фанатическомъ озлобленіи позволилъ себѣ въ проектѣ такія ругательства, что «за укоризны о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ» и «противныя разсужденія» попалъ въ Тайную канцелярію и въ застѣнокъ. Три года содержался Аврамовъ въ заключеніи и въ заключеніи умеръ.

Аврамовъ—явленіе въ Россіи не только довольно общее, но въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ продолжающееся и до сихъ поръ. Главный душевный составъ Аврамова—въ той «русской сути», которой, какъ сказалъ Тургеневъ, не вымоешь и въ ста водахъ. А эта «суть», по-просту, установившіяся понятія и привычки молодости. Путешествіе по Европѣ и ученіе въ Голландіи, за которое Аврамовъ былъ удостоенъ даже похвалы, прошли надъ его головой, этой «сути» нисколько и не затронувъ. Отдалъ Аврамовъ дань молодости, пожилъ физически, а когда подошла пора зрѣлости, въ немъ поднялся во весь ростъ домостроевскій человѣкъ, который не только не думалъ исчезать, а, напротивъ, зрѣлъ и разростался и только выжидалъ, когда ему можно будетъ перейти въ дѣятельное состояніе. По времени, въ которое развивался Аврамовъ, и когда господствовало у насъ только духовно-нравственное воспитаніе, Аврамовъ и могъ сложиться лишь въ моралиста по аввакумовскому образцу. Другихъ образцовъ и не было. Нѣкоторую своеобразную окраску гражданской физіономіи Аврамова придаетъ ея какъ бы духовный обликъ, фанатическое изувѣрство и страстно-упрямая настойчивость. Но чтобы привести безпокоившія Аврамова чувства въ равновѣсіе, требовалась одаренность, а Аврамовъ былъ тусклаго ума и тупыхъ способностей.

Недавній либерализмъ эпохи реформъ, сначала только потупившійся, а затѣмъ и самъ отъ себя отвернувшійся, есть аналогичное явленіе. Въ немъ, конечно, нѣтъ ни фанатизма, ни аввакумовщины, ни духоборства, потому что и время не то, и привычки, въ которыхъ выросли люди, не тѣ, да и общая тенденція, породившая явленіе, другая.

Во времена Аввакума и Аврамова шли преобразованія въ непосредственныхъ и прямыхъ интересахъ Церкви и государства. Поэтому и протесты, вызванные преобразованіями, имѣли такой же общій, идейный характеръ. Ни Аввакумъ, ни Аврамовъ и ихъ послѣдователи не думали о себѣ или чьей-либо личной пользѣ. Протестуя, они тоже хотѣли работать въ интересахъ той же Церкви и того же государства. Оттого-то всѣ протесты тѣхъ временъ, какъ бы они ни были грубы и невѣжественны, были, все-таки, протестами идейными.

Аврамовы нашего времени получили иное нравственное крещеніе, а потому и окраска ихъ другая. Послѣднія реформы, при ихъ общегосударственной сущности, имѣли еще и частную, личную тенденцію. Освобождались не одни крестьяне, освобождался и интеллигентъ, освобождалась личность. И въ освободительномъ движеніи, охватившемъ всю тогдашнюю мысль, явилось два теченія. Для однихъ реформы имѣли почти исключительно общественный и государственный характеръ; для другихъ — преимущественно, или даже исключительно,—личный. Первые, поэтому, думали въ направленіи общихъ мѣръ, вторые—въ направленіи своего личнаго благополучія, и когда его не явилось, они отвернулись отъ всего того, на что возлагали ранѣе свое упованіе.

Характернымъ образчикомъ этихъ вторыхъ людей былъ Викторъ Ипатьевичъ Аскоченскій. Г. Венгеровъ называетъ его «знаменитымъ обскурантомъ». Обскурантизмъ Аскоченскаго есть только обратная сторона того радикализма, которымъ онъ началъ. Сила, которая двигала его сначала влѣво, теперь, послѣ личныхъ неудачъ, отодвинула его настолько же вправо.

Аскоченскій былъ сынъ священника и учился въ воронежской семинаріи, гдѣ всецѣло царили порядки бурсы, о которыхъ писалъ Помяловскій: жестокость отношеній къ ученикамъ, жестокіе нравы и грубѣйшіе пороки. Окончивъ семинарію, Аскоченскій поступилъ въ кіевскую духовную академію, изъ которой вышелъ со степенью магистра и тотчасъ же былъ назначенъ баккалавромъ, сначала по каѳедрѣ польскаго языка, а вскорѣ затѣмъ—патрологіи. Аскоченскій профессорствовалъ, однако, не долго, и, какъ онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, «митрополитъ и все воинство его, какъ по всему видно, очень рады будутъ отдѣлаться отъ такого карбонарія, какъ я».

И Аскоченскій былъ, дѣйствительно, карбонарій. Въ немъ не было ни зерна благочестія и горѣла такая ненависть къ монашеству и къ нравамъ кіевскаго духовенства, что онъ даже отклонялъ молодежь отъ поступленія въ монашество и съ гордостью отмѣчаетъ въ дневникѣ: «Слава Тебѣ, Господи! Успѣлъ въ нѣкоторыхъ поколебать, если не совсѣмъ истребить, это намѣреніе ихъ, враждебное Богу, людямъ, самимъ себѣ, всему человѣчеству». Аскоченскій не остановился только на

критикѣ церковныхъ злоупотребленій и порицаній церковныхъ обрядовъ. Вставъ разъ на этотъ путь, онъ быстро дошелъ до отрицанія вещей и болѣе существенныхъ, и сознательно, систематически, старался передать свой образъ мыслей своимъ слушателямъ. Вотъ что пишетъ Аскоченскій въ дневникѣ о своихъ лекціяхъ:

«Несмотря на то, что предметомъ моихъ лекцій служатъ лица, которыхъ почитать повелѣваетъ намъ святая наша Церковь и которыя въ минуты смиренной молитвы для меня самого служатъ предметомъ благоговѣнія,—несмотря, говорю, на это, я на каѳедрѣ профессорской рѣшился оторваться отъ той мысли, что у меня имѣется дѣло съ святымъ человѣкомъ. Что мнѣ за надобность,—думалъ я, пиша во время оно свои лекціи,—до святости такого-то; на благоговѣйное усмотрѣніе высокихъ подвиговъ угодника Божія суть особенныя времена, особые случаи, особые пріемы. Передо мной пусть онъ станетъ человѣкомъ, съ своею разумною рѣчью, съ своими сердечными убѣжденіями, даже съ своими человѣческими взглядами и ошибками, какъ слѣдствіями того или другаго направленія. Я читаю его сочиненія, разбираю ихъ, какъ критикъ, а не безотвѣтный поклонникъ прославленной Богомъ и людьми святыни. И вотъ причина, отчего читатель мой найдетъ въ моихъ запискахъ столько смѣлости и заподозритъ меня, быть можетъ, въ кощунствѣ. Въ полномъ убѣжденіи, что я не виноватъ въ этомъ грѣхѣ, я говорю теперь и оставляю моему потомству записки мои и, не боясь самохвальства, скажу: exegi monumentum aere peraennius. Да, Богъ одинъ видѣлъ, сколько поднято было мною трудовъ для составленія вотъ этихъ двухъ фоліантовъ, которые покоятся на этомъ столѣ, подавивъ своею тяжестью мелочныя книжки и брошюрки. Я шелъ непробитою дорогой, шелъ одинъ — безъ руководителя; впереди меня былъ дремучій лѣсъ; виляя изъ стороны въ сторону, я проложилъ, однако-жь, въ этомъ лѣсу просѣку и теперь уже лучше и вѣрнѣе будетъ идти моимъ послѣдователямъ. Благодарю Тебя, Господи, что Ты подалъ мнѣ силъ и способностей выполнить это служеніе на пользу добрыхъ и юныхъ моихъ братій! Тщательно, однако-жь, скрываю я лекціи мои отъ неразумной ревности нашихъ инквизиторовъ-монаховъ, которыхъ и безъ того уже бѣситъ нескрываемый восторгъ моихъ слушателей. Преподаваніе мое идетъ двумя путями: исотерически и экзотерически. Въ аудиторіи, оставаясь глазъ-на-глазъ со студентами, я говорю имъ все, что идетъ мнѣ въ голову, и что уже пало подъ перо мое вслѣдствіе заранѣе подготовленнаго истиннаго убѣжденія. Это — исотерическое преподаваніе, къ которому я не допускаю никого изъ непосвященныхъ и не преданныхъ мнѣ. Когда же приходятъ экзамены и ареопагъ монашескій судитъ меня, студентовъ и мои лекціи,—тутъ мои записки становятся неукоризненны, какъ первыя четыре правила ариѳметики, уступчивы, какъ воздухъ, и невинны, какъ рѣчная вода. Это немножко по іезуитской логикѣ, но что-жь дѣлать?»

И вотъ этотъ-то самый умственный революціонеръ превращается внезапно въ «знаменитаго обскуранта». Къ сожалѣнію, у г. Венгерова не выяснены достаточно причины превращенія. «Мы здѣсь не занимаемся психологіей обскурантизма и реакціонерства вообще,—говоритъ г. Венгеровъ,—и потому не дѣлаемъ никакихъ общихъ выводовъ, но для всякаго, читающаго «Дневникъ» Аскоченскаго, не остается никакого сомнѣнія относительно того, что обскурантизмъ редактора «Домашней Бесѣды» находится въ тѣснѣйшей связи съ личными неудачами его. Пока онъ любилъ и былъ самъ любимъ (у Аскоченскаго было два романа: одинъ кончился неудачно, а другой далъ ему «цѣлый годъ безмятежнаго счастія»), пока въ немъ кипѣли «жизни силы» и былъ живъ интересъ къ наукѣ, онъ былъ искреннимъ приверженцемъ всего свѣжаго и свободнаго; но когда въ личной жизни его наступилъ мракъ, когда денежныя дѣла его запутались до того, что онъ, занимая видное въ губернской іерархіи мѣсто (оставивъ профессуру, Аскоченскій поступилъ на службу къ генералъ-губернатору Юго-Западнаго края — Бибикову и жилъ у него въ домѣ, въ качествѣ воспитателя, родственника генералъ-губернатора — Сипягина), сидѣлъ часто безъ обѣда и собственноручно долженъ былъ чинить единственную пару штановъ, когда онъ увидѣлъ и почувствовалъ, что всѣ его ненавидятъ, онъ и самъ все и всѣхъ возненавидѣлъ».

Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что Аскоченскій былъ брюзга, ябедникъ, доносчикъ, что онъ возбудилъ противъ себя настолько общественное мнѣніе, что Бибиковъ, вообще къ нему благоволившій, попросилъ его оставить службу. Вотъ съ этихъ-то поръ и начинается ярый обскурантизмъ Аскоченскаго, «превратившагося въ лютаго врага всего современнаго и направившаго скопившееся въ немъ озлобленіе въ сторону отрицанія новыхъ теченій жизни». «Послѣднія страницы «Дневника»,—говоритъ г. Венгеровъ,—дышатъ какою-то бѣшеною ненавистью къ наукѣ, европейскому просвѣщенію и стремленіямъ новѣйшей гражданственности». Въ своей реакціонной ярости Аскоченскій обрушивается даже на стремленіе низшихъ классовъ къ образованію.

Родственныя черты съ Аскоченскимъ имѣетъ Илья Арсеньевъ, тоже знаменитый, но не столько какъ обскурантъ, сколько какъ доносчикъ. Илья Арсеньевъ происходилъ не изъ духовнаго званія, а принадлежалъ къ старинному и богатому дворянскому роду; мальчикомъ, въ родительскомъ домѣ, онъ видѣлъ Дмитріева, Пушкина, Глинку, Надеждина, Лермонтова, затѣмъ въ Петербургѣ, куда онъ перешелъ на службу, свелъ дружбу съ Кукольникомъ, Брюловымъ, Глинкой,—однимъ словомъ, вращался въ атмосферѣ, которая должна была, повидимому, создать въ немъ душевную порядочность.

Весьма вѣроятно, что она въ немъ и была, но какъ затѣмъ свершился въ немъ переломъ — неизвѣстно. Извѣстно только, что Арсеньеву «не посчастливилось» ни на службѣ, ни въ журналистикѣ. Оставивъ сотрудничество въ казенныхъ изда-

ніяхъ, Арсеньевъ задумалъ попытать счастья въ роли журнальнаго предпринимателя и одну за другой основалъ сатирическую еженедѣльную газету «Занозу», «Петербургскій Листокъ» и «Петербургскую Газету». Но ему не повезло и на издательскомъ поприщѣ. «Безчисленные процессы то съ сотрудниками, которыхъ онъ эксплуатировалъ и которымъ ничего не платилъ, то съ соиздателями, причемъ выяснились подлоги въ конторскихъ книгахъ, шантажные подвиги всякаго рода,—все это привело къ тому,—говоритъ г. Венгеровъ,—что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Илья Арсеньевъ долженъ былъ оставить Петербургъ и уѣхать въ Москву. Впослѣдствіи онъ вернулся въ Петербургъ, но уже въ печати участія не принималъ. Въ литературныхъ кругахъ было извѣстно, что Арсеньевъ состоялъ агентомъ III-го отдѣленія».

«Словарь» г. Венгерова имѣетъ въ виду критико-біографическія цѣли и въ психологію общественныхъ и политическихъ превращеній не вдается. Но и изъ того, что «Словарь» даетъ, можно достаточно точно установить главныя вліянія, создающія эти повороты или вообще предрасполагающія къ нимъ и къ тяготѣнію направо.

Эти главнѣйшія вліянія очень разнообразны, но всегда они преимущественно личныя. Первоначальныя дѣтскія впечатлѣнія, неудачничество, обыкновенно приводящее къ крайнему, даже фанатическому озлобленію, умственная робость, безразличный рыбій и эгоистичный темпераментъ, усталость.

Уже и въ I-й серіи являются у г. Венгерова образчики всѣхъ этихъ формъ. Но пока, кромѣ Аксаковыхъ, передъ читателемъ стоятъ только дѣятели вторыхъ и третьихъ силъ, мало выдающіеся въ современной литературѣ и журналистикѣ, а потому и представляющіе какъ бы второстепенный интересъ. Въ слѣдующихъ серіяхъ, конечно, предстанутъ «вожди» и господствующихъ въ настоящее время направленій и теченій. Очутившись тогда среди характерныхъ личностей, сгруппировавшихся около «Гражданина», «Московскихъ Вѣдомостей», «Новаго Времени», «Южнаго Края», «Новороссійскаго Телеграфа», «Кіевскаго Слова» и т. д., и т. д., читатель почувствуетъ живѣе, непосредственнѣе всю совокупность ихъ воздѣйствія, да, конечно, установитъ точнѣе и порядокъ причинъ, заставляющихъ людей переходить слѣва направо. Только вотъ какое беретъ сомнѣніе: придется ли намъ дождаться, когда наши современные умственные дѣятели предстанутъ передъ нами въ полномъ сборѣ? Г. Венгеровъ успѣлъ выпустить намъ первый томъ «Словаря». Началъ «Словарь» выходить въ 1886 году, а теперь конецъ 1889 года. Если изданіе не будетъ ускорено, то послѣдній томъ выйдетъ ужъ никакъ не раньше 1989 года, когда для нашихъ правнуковъ мы будемъ изображать очень старую, забытую и, по всей вѣроятности, нисколько не интересную исторію, мы же, современники, ничего о себѣ не узнаемъ.

Если такіе характерные люди, какъ Аввакумъ, этотъ настоящій чугунный молотъ, или упрямый фанатикъ Аврамовъ, или, наконецъ, озлобленный личникъ Аскоченскій, представляютъ большой психологическій интересъ, какъ образчики силы, вообще у насъ мало развитой, а потому и рѣдко обнаруживающейся, за то вторые, серединные люди, намъ ближе и понятнѣе, мы ими постоянно окружены, и они намъ лучше выясняютъ нашу жизнь. Вотъ эти-то серединные люди, выдвинувшіе изъ себя такихъ же серединныхъ представителей въ литературу и собранные пока г. Венгеровымъ, лучше объясняютъ тотъ сѣрый и тусклый тонъ, который приняла вся наша теперешняя жизнь.

Нѣкоторыя изъ этихъ личностей совсѣмъ маленькія, теряющіяся въ литературной толпѣ, напримѣръ Н. А. Александровъ (журналистъ и художественный критикъ). Началъ онъ свою литературную дѣятельность въ «Современникѣ» 60-хъ годовъ, былъ негласнымъ редакторомъ, вмѣстѣ съ Н. И. Шульгинымъ (редакторомъ и сотрудникомъ «Дѣла»), газеты «Якорь», работалъ въ «Современномъ Обозрѣніи» Тиблена, участвовалъ въ «Дѣлѣ». Въ это время онъ велъ ожесточенную борьбу съ Незнакомцемъ-Суворинымъ, «вызванную тѣмъ,—говоритъ г. Венгеровъ,—что фельетонистъ коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (т.-е. г. Суворинъ), въ то время еще принадлежавшій къ числу наиболѣе рьяныхъ застрѣльщиковъ либеральнаго лагеря, казался ему слишкомъ умѣреннымъ прогрессистомъ. Но теперь г. Александровъ всего тѣснѣе соприкасается въ журналистикѣ съ «Новымъ Временемъ». И въ художественной критикѣ г. Александровъ тоже повернулъ фронтъ. Сначала онъ былъ горячимъ сторонникомъ новой русской школы, а теперь рѣшительно измѣнилъ свое отношеніе къ партіи передвижниковъ и видитъ въ ней только недостатки». Г. Венгеровъ не говоритъ ничего о причинахъ этой перемѣны, но, какъ кажется, г. Александровъ принадлежитъ къ группѣ неудачниковъ, которымъ поманившая ихъ было жизнь дала меньше того, что они отъ нея ожидали.

Группа личныхъ неудачниковъ у насъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ она кажется. Къ ней слѣдуетъ, повидимому, причислить даже и такихъ установившихся на серединѣ писателей, какъ г. Авсѣенко, редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Г. Авсѣенко развивался подъ вліяніемъ Водовозова, Иноземцева (учителя русской словесности) и находился подъ вліяніемъ любимаго своего профессора Виталія Шульгина. Хотя и тогда г. Авсѣенко относился довольно скептически къ новымъ вѣяніямъ, но далеко не такъ отрицательно, какъ впослѣдствіи, когда онъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» сталъ помѣщать статьи о современной литературѣ. Г. Авсѣенко дѣлилъ журналистику и литературу на «петербургскую», проводящую идеи 60-хъ годовъ, и «московскую», дающую имъ отпоръ. Въ петербургской журналистикѣ онъ отрицалъ даже прогрессивность и обвинялъ ее въ «безстыдно-наглой тенденціи противодѣйствовать и зложелательствовать всему, что вносятъ къ намъ благодѣянія цивилизаціи». Возмущало его еще, что «петер-

бургская беллетристика изгнала изъ себя жизнь «культурныхъ классовъ» и замѣнила ихъ «мужикомъ».

«Петербургская» печать, не оставаясь въ долгу, называла ожесточенные нападки г. Авсѣенка «возвратною горячкой» булгаринскихъ идей и объяснила происхожденіе ихъ неудовлетвореннымъ самолюбіемъ и чувствомъ озлобленія, потому что петербургскіе рецензенты если не всегда иронически, то всегда небрежно относились къ произведеніямъ г. Авсѣенка. Въ своихъ статьяхъ, Авсѣенко очень часто говорилъ о нарождающейся «плеядѣ» московскихъ писателей, очень талантливыхъ, но изъ партійнаго чувства петербургскою критикой игнорируемыхъ. Объ этой же, заѣдаемой петербургскимъ либерализмомъ, московской «плеядѣ» много толковалъ другой, близкій г. Авсѣенку органъ — «Русскій Міръ» (1873—74 гг.), причемъ уже прямо указывались лица, составляющія «плеяду», именно назывались имена Маркевича, Аверкіева, Всев. Крестовскаго и Авсѣенка.

Это объясненіе вполнѣ правдоподобно. Если бездарные скриптоманы, преисполненные своего преувеличеннаго *я* и авторскаго самолюбія, объясняютъ отношеніе къ нимъ критики завистью или кумовствомъ къ своимъ писателямъ и вообще посторонними причинами, то почему бы скриптоманамъ среднихъ силъ и тоже надѣленнымъ безмѣрнымъ самолюбіемъ, не объяснять подобнымъ же образомъ отношеніе къ нимъ критики, не признающей въ нихъ первоклассныхъ писателей? Во всякомъ случаѣ, въ томъ положеніи, которое занимаютъ у насъ люди, самолюбіе играетъ большую роль. Сегодняшній «свой» завтра же можетъ превратиться въ несвоего и даже въ лютаго врага прежнимъ своимъ, если въ немъ не признаютъ того, что онъ хочетъ, чтобы въ немъ признавали.

Къ типу людей, въ жизни которыхъ рѣшающее вліяніе имѣли первыя впечатлѣнія, принадлежитъ Д. В. Аверкіевъ. Онъ происходитъ изъ купеческой семьи. «И дѣдъ, и отецъ Аверкіева,—говоритъ г. Венгеровъ,—хотя и простые купцы, однако же, были люди довольно начитанные, но на старинный, такъ сказать, церковно-славянскій ладъ, и нѣтъ сомнѣнія,—прибавляетъ г. Венгеровъ,—что любовь къ старинному русскому быту, составляющая одну изъ характерныхъ сторонъ литературной физіономіи Аверкіева, представляетъ собой въ значительной степени отголосокъ дѣтства. Съ дѣтства же развилась въ Аверкіевѣ любовь къ театру, до котораго большимъ охотникомъ былъ и дѣдъ его... Въ 1846 г. отецъ перевезъ Д. В. Аверкіева въ Петербургъ подъ крыло другаго дѣда, вышедшаго изъ раскола... Ему Аверкіевъ обязанъ своими религіозными воззрѣніями». Во время пребыванія въ Петербургскомъ университетѣ Аверкіевъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Добролюбовымъ и во время того же пребыванія въ Петербургскомъ университетѣ сошелся близко съ кружкомъ Н. Н. Страхова.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, когда литературно-общественные лагери не раздѣлялись такъ рѣзко, какъ они раздѣлились потомъ, г. Аверкіевъ одно время примыкалъ тѣсно къ людямъ, видѣвшимъ въ новомъ фазисѣ русской общественной жизни только хорошія стороны, и написалъ теплый некрологъ только что умершаго тогда Добролюбова. Но уже черезъ три года, участвуя въ «Эпохѣ», онъ началъ брать тонъ, рѣзко-враждебный новому теченію русской мысли, а Писаревъ въ полемической статьѣ: «Прогулка по садамъ россійской словесности» назвалъ его рыцаремъ «мракобѣсія и сикофанства». Съ тѣхъ поръ враждебное отношеніе г. Аверкіева къ идеямъ 60-хъ годовъ ужь, конечно, не уменьшилось.

Все это типы, болѣе или менѣе рѣзко поворачивавшіе вправо или державшіеся правой стороны. Въ этихъ людяхъ видна и сила, и энергія, и опредѣленность. Но вотъ любопытный и новый типъ, очень характерный для теперешняго времени и котораго, какъ будто, въ прежнія времена мы не знали. Это—типъ уставшаго человѣка, котораго г. Венгеровъ даетъ въ лицѣ поэта С. А. Андреевскаго.

«Литературную карьеру Андреевскій началъ для поэта очень поздно—въ 30 лѣтъ и началъ ее совершенно случайно, заинтересовавшись однимъ стихотвореніемъ Мюссе, которое ему захотѣлось передать въ русскомъ переводѣ. До того онъ не написалъ ни одного стиха. Въ автобіографической замѣткѣ, составленной для «Словаря», г. Андреевскій объясняетъ это тѣмъ, что пора его юности (г. Андреевскій родился въ декабрѣ 1847 г., и, слѣдовательно, ему теперь 42 года), совпала «съ разгаромъ писаревскаго вліянія», которое его «надолго отбросило отъ прежнихъ литературныхъ кумировъ».

Въ этомъ объясненіи есть много недосказаннаго, точно также нельзя согласиться и съ замѣчаніемъ г. Венгерова, что вліяніе Писарева «должно было быть очень сильнымъ, чтобы совершенно подавить въ человѣкѣ съ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ самое желаніе писать стихи». Но, вѣдь, вліяніе было сильно только потому, что было слишкомъ слабо ему противодѣйствіе. Да и Писаревъ ратовалъ не противъ поэтическаго творчества, а противъ содержанія этого творчества.

Когда г. Андреевскій выступилъ съ «Сборникомъ» своихъ стихотвореній, отъ писаревскаго вліянія не осталось и слѣда. «Красота есть единственно-законная область поэзіи; меланхолія есть наиболѣе законное изъ поэтическихъ настроеній»— вотъ эпиграфъ «Сборника». «И «Сборникъ» Андреевскаго,—говоритъ г. Венгеровъ,—есть строгое воплощеніе этого девиза. Въ немъ нѣтъ ни одного стихотворенія съ общественною подкладкой, и поэтъ прямо сознается, что общественные инстинкты въ немъ замерли», а къ своимъ прежнимъ воззрѣніямъ относится съ горечью, потому что не видитъ въ нихъ ничего зиждущаго.

«Сильно ошибется читатель, который приметъ Андреевскаго за представителя, такъ называемаго «искусства для искусства»,—говоритъ г. Венге-

ровъ.—Нѣтъ, не «искусство для искусства» и не стремленіе къ «красотѣ», о которомъ говоритъ первая половина девиза, составляютъ характеристическую особенность литературной физіономіи Андреевскаго. Дѣло въ томъ, что и «искусство для искусства», и сколько нибудь ревностное служеніе «красотѣ» требуютъ извѣстной душевной свѣжести, требуютъ извѣстнаго увлеченія. А ни того, ни другаго нѣтъ у Андреевскаго, начавшаго писать въ 30 лѣтъ; онъ не знаетъ радостнаго, юношескаго отношенія къ жизни; онъ старъ душою, ему близка только тоска. Усталость — вотъ что составляетъ красную нить, проходящую черезъ всѣ произведенія Андреевскаго».

Усталостью и старчествомъ душевнымъ дышетъ рядъ мелкихъ стихотвореній г. Андреевскаго, въ которыхъ описывается, какъ онъ «окаменѣлъ», какъ съ «грудью холодной» вспоминаетъ о прошломъ, какъ его «дни старости безцвѣтно серебрятся», какъ, «вялый и больной», онъ вступилъ «въ туманы осени дождливой» и т. д. Даже въ переводахъ г. Андреевскій избираетъ сюжеты, почти исключительно подходящіе къ его тоскливому настроенію.

Нѣтъ, это не старость, потому что какіе же года для поэта 30 лѣтъ? Въ біографіи г. Апухтина г. Венгеровъ говоритъ, между прочимъ, объ Алексѣѣ Толстомъ, Фетѣ и Майковѣ, у которыхъ подъ внѣшнею оболочкой «искусства для искусства» чувствуется самый тенденціозный полемическій задоръ. Они не просто поютъ про трели соловья и «ласку милой», а демонстративно и каждою строчкой какъ бы хотятъ сказать: «вотъ тамъ, въ шестидесятыхъ годахъ, все кричали про «полезное искусство», да про «гражданскую» поэзію, а мы надъ всѣмъ этимъ смѣемся, мы презираемъ «политику», мы только «чистому» искусству желаемъ служить».

Вѣдь, это семидесятилѣтніе старики, а посмотрите, какъ они упорно и до сихъ поръ стучатъ въ свою точку. Небось, не состарились и не устали, а продолжаютъ стучать, точно имъ по двадцати лѣтъ. Г. Андреевскій же состарился въ 30 лѣтъ! Нѣтъ, это не старость. Это просто душевная безсодержательность и умственная неопредѣленность. Г. Андреевскій, должно быть, одинаково не можетъ ни любить, ни ненавидѣть и если бы ему предложили прямо, категорически, встать направо или налѣво, ужь, конечно, онъ не всталъ бы налѣво, потому что только протестомъ противъ лѣвой онъ и создался въ своемъ теперешнемъ видѣ.

Въ галлереѣ лицъ, собранныхъ г. Венгеровымъ, семьѣ Аксаковыхъ отведено такое большое мѣсто, что миновать ихъ безъ точнаго опредѣленія ихъ мѣста, конечно, нельзя.

Аксаковы, несомнѣнно, крупные люди. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ (отецъ Константина и Ивана Аксаковыхъ) выступилъ съ своею «Семейною хроникой» 67 лѣтъ, не чувствуя старости, которая на г. Андреевскаго снизошла въ 30 лѣтъ. Это былъ честный и хорошій человѣкъ съ московскими барскими привычками, чуть ли не двѣ трети жизни проведшій въ обществѣ ничтожныхъ и безличныхъ людей. Иванъ Сергѣевичъ, при всей любви своей къ отцу, характеризуетъ его, какъ человѣка, который «былъ чуждъ гражданскихъ интересовъ и относился къ нимъ индифферентно. Даже 1812 годъ, когда Сергѣю Тимоѳеевичу было уже 22 года, не оставилъ въ немъ особенныхъ воспоминаній. Правда, онъ съ отцомъ своимъ записался въ милицію, но и только. Двѣнадцатый годъ онъ прожилъ въ деревнѣ. Будучи вполнѣ русскимъ, онъ никогда не былъ «патріотомъ», даже въ духѣ своего времени. Политикой онъ не занимался вовсе». И подъ крыломъ-то такого безразличнаго отца выросли такіе политическіе бойцы, какъ Константинъ и Иванъ Аксаковы!

Очеркъ мой, однако, позатянулся и потому приходится, къ сожалѣнію, говорить какъ можно короче.

Въ то время, когда Константинъ Аксаковъ находился въ Московскомъ университетѣ, между студентами его образовалось два кружка. Одинъ изъ кружковъ, извѣстный въ исторіи новѣйшей русской литературы подъ именемъ «кружка Станкевича», считалъ въ числѣ своихъ членовъ и Константина Аксакова. Находясь подъ неотразимымъ вліяніемъ Станкевича и Бѣлинскаго, К. Аксаковъ шелъ съ ними рука объ руку и съ увлеченіемъ изучалъ Гегеля. Правда, что кружокъ въ это время принадлежалъ къ правой сторонѣ гегеліанства, но и тутъ К. Аксаковъ не переносилъ оппозиціоннаго направленія кружка. Въ особенности ему были больны нападенія на Россію. «Но, видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ,—пишетъ К. Аксаковъ,—слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ».

Но вотъ Станкевичъ, уравновѣшивавшій рѣзкія стремленія другихъ членовъ кружка, умираетъ, а Бѣлинскій изъ праваго гегеліанства поворачиваетъ круто въ противуположную сторону, «и съ такою же стремительностью начинаетъ, по выраженію К. Аксакова, произносить «буйныя хулы» по адресу понятій, которыми еще такъ недавно восхищался. Не вытерпѣлъ этого Аксаковъ, все болѣе и болѣе начинавшій сближаться, по смерти Станкевича и отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ, съ Хомяковыми, Кирѣевскими, Самаринымъ, прежніе друзья обмѣнялись нѣсколькими рѣзкими письмами и на вѣки разстались: К. Аксаковъ пошелъ направо, Бѣлинскій налѣво. Какъ Бѣлинскій выступаетъ теперь передовымъ бойцомъ западничества, такъ К. Аксаковъ выступаетъ передовымъ застрѣльщикомъ славянофильства въ его наиболѣе крайнихъ проявленіяхъ. Онъ первый сталъ проповѣдывать единеніе интеллигенціи съ народомъ и первый же провозгласилъ, что надо вернуться «домой», т.-е. въ допетровскую Русь. Иванъ Аксаковъ это «домой» только повторилъ.

Иванъ Аксаковъ не далъ славянофильству, которое онъ унаслѣдовалъ въ законченномъ видѣ, ни одной новой идеи, не двинулъ ни на шагъ впередъ,

скорѣе онъ отодвинулъ его назадъ; но онъ тридцать лѣтъ подрядъ, пользуясь своимъ огромнымъ публицистическимъ талантомъ, разсматривалъ вопросы практической жизни съ точки зрѣнія славянофильской доктрины и этимъ очень способствовалъ распространенію въ обществѣ славянофильскихъ понятій. Со времени болгарской и турецкой войны славянофильская тенденція смѣняется въ И. Аксаковѣ руссофильской, а когда онъ сталъ издавать «Русь», то многими сторонами своихъ государственныхъ понятій примкнулъ къ Каткову, и газета успѣха не имѣла. Но при этомъ Аксаковъ всегда оставался горячимъ защитникомъ независимости общественнаго мнѣнія.

Общаго заключенія я никакого дѣлать не буду, между прочимъ, и потому, что нѣтъ мѣста, и потому еще, что читатель и самъ можетъ сдѣлать заключеніе, какое найдетъ нужнымъ. Замѣчу только вотъ что: «Словарь» г. Венгерова, устанавливающій съ достаточною полнотой и вѣрностью соотношеніе и характеръ дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ у насъ умственныхъ силъ, не можетъ ли служить частью отвѣтомъ и разъясненіемъ обвиненію, брошенному недавно «Times'омъ», что «въ наше время одна Россія представляетъ зрѣлище попятнаго движенія цѣлой націи, возвращающейся къ дореформеннымъ временамъ»? Прибавлю еще, что обвиненіе «Times'а» тенденціозное.

XLV.

И опять случай посылаетъ мнѣ неожиданный матеріалъ для предисловія.

Дѣло вотъ въ чемъ. «Недѣля», хотя и не прямо, но также и не совсѣмъ косвенно, придаетъ моему ноябрьскому очерку личный характеръ. Газета говоритъ, что я приписываю г. Абрамову «путемъ окольныхъ и не совсѣмъ деликатныхъ соображеній» статью «Жалобы на наше время». Очень жалѣю, что мой очеркъ былъ понятъ «Недѣлей» такимъ образомъ, и еще больше жалѣю, если и г. Абрамовъ усмотрѣлъ въ немъ что-нибудь личное. Могло это случиться только потому, что въ насъ, русскихъ публицистахъ, еще недостаточно развито сознаніе своей общественной роли.

Предположите, что въ земскомъ собраніи или въ думѣ кто-нибудь вступаетъ на трибуну и объявляетъ, что сегодня, въ воскресенье, 10 декабря, термометръ показываетъ 20° морозу и дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Выслушавъ такое сообщеніе, мы примемъ его къ свѣдѣнію и ужъ, конечно, не поинтересуемся знать, кто его дѣлаетъ.

Но вотъ на ту же трибуну вступаетъ новый ораторъ и начинаетъ рѣзко нападать на образованіе и народныя школы и предлагаетъ ихъ закрыть. Тутъ ужъ не о 20° мороза рѣчь и для слушателей вовсе не безразлично, кто ораторствуетъ. Мы, земцы, выбирающіе своихъ гласныхъ, конечно, пожелаемъ узнать не только фамилію, но имя и отчество оратора, да и кѣмъ онъ выбранъ въ гласные. Думаю, что и самъ ораторъ сочтетъ долгомъ своей общественной чести не скрываться за псевдонимомъ или за анонимомъ, ни, тѣмъ болѣе, прятаться за спиною своихъ избирателей.

Теперь предположите, что въ какомъ-нибудь повременномъ изданіи является не одна, а рядъ статей, въ которыхъ общественнымъ фактамъ придается съ настойчивостью такое объясненіе, что бѣлое оказывается чернымъ, а черное бѣлымъ; предположите, что въ тѣхъ же статьяхъ значеніе лицъ, имена которыхъ вписаны золотыми буквами въ исторію нашего умственнаго развитія и стремленія которыхъ мы должны бы больше всего цѣнить именно въ текущій моментъ, умаляются, а маленькіе, вовсе неизвѣстные, хотя и полезные дѣятели, преувеличиваются; наконецъ, предположите, что эта спутанная умственная перспектива нарушается уже и совсѣмъ парадоксальнымъ утвержденіемъ, будто бы общественно-политическое мышленіе имѣетъ второстепенное значеніе. Спрашивается, какъ вы, читатель, ищущій въ печатномъ словѣ правды и поученія, должны принять подобные, спутывающіе васъ, парадоксы?

На статью «Недѣли», о которой и идетъ главнѣйше рѣчь, нашли нужнымъ возражать «Вѣстникъ Европы» и «Русскія Вѣдомости». Полагая, что господствующее настроеніе давно уже въ нашемъ обществѣ не измѣнялось до такой степени къ худшему, какъ теперь, «Вѣстникъ Европы» признаетъ несостоятельность мнѣнія одной петербургской газеты, что потерянное въ одномъ направленіи вознаграждается пріобрѣтеніями въ другомъ. Газета указывала, напримѣръ,—говоритъ «Вѣстникъ Европы»,—что если въ шестидесятые годы печать пользовалась бо́льшею свободой обсужденія общихъ вопросовъ и насчитывала въ своей средѣ меньше безпринципныхъ органовъ, то она за то меньше, чѣмъ въ наше время, имѣла связей съ текущею жизнью; далѣе, доступъ къ высшему образованію тогда облегчался всѣми мѣрами для всѣхъ, теперь нѣтъ этого, и все же высшее образованіе получаетъ большее число лицъ; къ положительнымъ сторонамъ современности относится, наконецъ, расширеніе дѣла народнаго образованія и развитія земской дѣятельности въ наиболѣе желательномъ направленіи. Таковы, по мнѣнію газеты, свѣтлыя пятна, ярко выдѣляющіяся на темномъ фонѣ. Она забыла только,—замѣчаетъ «Вѣстникъ Европы»,—спросить себя: долго ли еще они будутъ выдѣляться? Да, прогрессъ народной школы,—прогрессъ, въ противуположность прежнимъ традиціямъ, не номинальный, а дѣйствительный,—безспорно знаменуетъ собою исторію двухъ послѣд-

нихъ десятилѣтій; но обезпеченъ ли онъ отъ всякихъ случайностей, долго ли еще останется открытымъ тотъ путь, на которомъ и благодаря которому народная школа достигла столь выдающихся успѣховъ? Да, земство расширяетъ свою дѣятельность, и расширяетъ именно въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ для массы; но сохранитъ ли оно свой настоящій составъ и свое настоящее устройство, которыми именно и обусловливается его направленіе? Что касается печати, то здѣсь мы не можемъ согласиться даже съ основнымъ тезисомъ газеты; мы не можемъ признать, чтобъ идеи, теперь распространяемыя печатью, были, «въ общемъ, идеи гуманныя и прогрессивныя, отчего и вліяніе ея гуманизирующее и цивилизующее». Мы думаемъ, что антигуманнаго, антипрогрессивнаго современная періодическая печать вноситъ въ обращеніе, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько хорошаго и свѣжаго. Одичанію взглядовъ и нравовъ она способствуетъ едва ли меньше, чѣмъ противодѣйствуетъ. Первая задача дается ей, во всякомъ случаѣ, гораздо легче, чѣмъ вторая, и нѣтъ ручательства въ томъ, чтобы въ ближайшемъ будущемъ вѣсы не опустились еще больше въ сторону своего нынѣшняго наклона. Четверть вѣка назадъ исключеніемъ въ области печати было именно то, что теперь становится въ ней если не общимъ правиломъ, то явленіемъ весьма обычнымъ»...

«Вѣстникъ Европы», возражая «Недѣлѣ», противупоставлялъ ея фактамъ, которые она брала *снизу*, факты, которые онъ бралъ *сверху*. Тѣми же фактами сверху пользовался и я въ своемъ очеркѣ. Но «Вѣстникъ Европы» писалъ какъ бы для «Недѣли» и дѣлалъ возраженіе ей. Отъ этого онъ даже и не упоминаетъ имени «Недѣли», и говоритъ: «въ одной изъ петербургскихъ газетъ» или въ «газетѣ»,—я же писалъ для читателей «Русской Мысли» и ни однимъ словомъ не обращался къ «Недѣлѣ». Я даже выдѣлялъ ее изъ соучастія въ статьяхъ, по поводу которыхъ говорилъ и думалъ, и думаю, что я поступалъ правильно.

Идейная полемика со всякимъ безъ исключенія изданіемъ совершенно безполезна. Вы будете говорить одно, вамъ будутъ говорить другое—и споръ затѣется безконечный и совершенно безплодный. Надоѣстъ и вамъ возражать, надоѣстъ и читателю васъ читать. Взять хотя бы тотъ же споръ о свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ, который обошелъ почти всѣ наши періодическія изданія. Споръ этотъ былъ поднятъ «Недѣлей», шуму произвелъ онъ много, и каждый изъ шумѣвшихъ не только остался на своей позиціи, но еще и окопался на ней. Въ объявленіи о подпискѣ на 1890 годъ, разосланномъ «Недѣлей» при провинціальныхъ газетахъ, говорится, что «редакція всегда старается выяснить *общій* (курсивъ объявленія) смыслъ событій и докапываться до ихъ *коренныхъ основъ*». При этомъ «Недѣля» настойчиво проводитъ ту мысль, составляющую *глубокое убѣжденіе* редакціи, что, несмотря на многія печальныя явленія въ современной русской жизни, Россія не только не «гибнетъ» и не «идетъ назадъ», какъ утверждаютъ нѣкоторые, но, напротивъ, замѣтно развивается и во всѣхъ отношеніяхъ ростетъ. Видите, какъ окопалась теперь «Недѣля», и что станете вы говорить противъ «глубокаго убѣжденія»? Вѣдь, это такой редутъ, къ которому и приближаться безполезно.

Но все дѣло становится иначе, если вы оставите редутъ въ покоѣ, не станете тащить на него читателя и вовлекать его въ рукопашный бой, а поступите согласно программы самой «Недѣли», т.-е. будете «докапываться до коренныхъ основъ».

И въ самомъ дѣлѣ, что за причина и изъ какого источника являются всѣ эти однобокіе парадоксы, что современная печать вноситъ столько же антипрогрессивнаго, сколько и хорошаго, что одичанію взглядовъ и нравовъ она способствуетъ едва ли меньше, чѣмъ противодѣйствуетъ, что четверть вѣка назадъ исключеніемъ въ области печати было именно то, что теперь становится въ ней если не общимъ правиломъ, то явленіемъ весьма обычнымъ? Изъ какихъ тайниковъ мысли, какимъ мышленіемъ создаются всѣ эти странныя статьи, въ которыхъ то вамъ доказываютъ, что причиной самоубійствъ молодежи извѣстная часть печати, плодящая будто бы недовольство жизнью, то говорятъ, что академическое направленіе мысли — пустяки, а гораздо важнѣе работа плотниковъ и штукатуровъ, то васъ увѣряютъ, что мы переживаемъ теперь чуть ли не самый свѣтлый періодъ русской исторіи, то поучаютъ отложить въ сторону всякія общественно-политическія мысли и рекомендуютъ заняться чисто-практическими и маленькими дѣлами, не думая о томъ, что вы дѣлаете, для чего дѣлаете, такъ ли дѣлаете и къ чему приведетъ ваша работа? Вѣдь, это цѣлый потокъ парадоксовъ, въ которомъ вы видите не «докапываніе до коренныхъ основъ», а закапываніе коренныхъ основъ.

И если бы только этимъ однимъ закапываніемъ и ограничивалось дѣло, а то въ тѣхъ же статьяхъ вы постоянно чувствуете зубъ противъ людей недавняго прошлаго. Ни одна изъ этихъ статей не написана спокойно, ни въ одной нѣтъ именно того самаго «докапыванія», которое «Недѣля» вводитъ въ существенную часть своей программы. Этого мало: вы чувствуете, что всѣ эти статьи, перечисленныя «Недѣлей» въ объявленіи, какъ редакціонныя, именно и не сходятся съ общимъ тономъ «Недѣли» и съ другими ея тоже редакціонными статьями, что въ нихъ преобладаетъ какой-то субъективизмъ, что-то умственно-бродячее, какія-то струйки другаго цвѣта.

Если «Вѣстникъ Европы» и «Русскія Вѣдомости», указывая на эти статьи, не упоминаютъ ни однимъ словомъ «Недѣлю», а говорятъ, что статьи были напечатаны въ «одной изъ петербургскихъ газетъ», это—дѣло ихъ темперамента и объективнаго положенія, которое они не желаютъ нарушать. Но есть въ жизни и другіе темпераменты и другія положенія. Идеи—идеями, но нуженъ и живой человѣкъ, котораго вы могли бы видѣть, и осязать, и знать. Не съ идеями только намъ при-

ходится бороться, а приходится возиться и съ живыми людьми. Поэтому не все равно, когда тѣ или другія идеи вы слышите выходящими какъ бы изъ водосточной трубы или когда передъ вами стоитъ человѣкъ и вы видите, кто съ вами говоритъ. Редакція состоитъ не изъ безплотныхъ духовъ, а изъ живыхъ людей, и газетныя статьи пишутся не «идейными воплощеніями», а тоже живыми людьми. Вотъ этихъ-то живыхъ людей вы намъ и подайте, чтобы мы знали, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, кто куда идетъ, съ кѣмъ намъ идти, съ кѣмъ не идти. Какой толкъ отъ такой гласности, которая не говоритъ вамъ ничего, что вы узнаете изъ указанія, что «въ одной изъ петербургскихъ газетъ» говорится то-то или то-то? Въ какой газетѣ: въ «Гражданинѣ» или въ «Земледѣльческой Газетѣ»? Открытость и искренность—нравственный долгъ каждаго человѣка, а для публициста это долгъ его публицистской чести. Для насъ, людей печати, не существуетъ статья закона о диффамаціи и ужъ, конечно, никто изъ насъ прибѣгать къ ея защитѣ не станетъ. Статья эта существуетъ только для людей, которымъ неизбѣжно скрывать свои имена. Публицистъ, писатель—это трибунъ, обязанный стоять передъ своими слушателями во весь ростъ. Слушателямъ не нуженъ ораторъ въ полумаскѣ, показывающій только свой говорящій ротъ. При слабо развитой гласности и при боязни ея, господствующей еще въ нашемъ обществѣ, намъ, писателямъ, слѣдовало бы явиться ея примѣромъ, а не проповѣдовать гласность только на словахъ и въ дѣйствительности плодить безгласность. Кому нужно, напримѣръ, такое сообщеніе, дѣлаемое «Недѣлей»: «къ одному изъ здѣшнихъ медицинскихъ свѣтилъ явилась въ пріемный часъ барыня, лично съ нимъ знакомая. Послѣ консультаціи она положила на докторскій столъ два рубля, но едва лишь она вышла изъ докторскаго кабинета въ пріемную, полную народа, какъ изъ кабинета раздался сердитый возгласъ: «Иванова!»—и прежде чѣмъ госпожа Иванова успѣла что-нибудь сообразить, докторъ сунулъ ей въ руку полученный отъ нея гонораръ и громогласно произнесъ:—Возьмите ваши два рубля и приходите въ слѣдующій разъ въ лечебницу, гдѣ я принимаю безплатно». Это очень характеристичный пріемъ гласности. Тутъ есть все, что нужно для произведенія эффекта—и пріемная, «полная народа», и «сердитый возгласъ», и «громогласный» выговоръ, нѣтъ только главнаго—имени знаменитости. Петербургскіе жители, вѣроятно, и знаютъ, о комъ тутъ рѣчь, но провинціальные больные, нуждающіеся тоже въ петербургскихъ знаменитостяхъ, ничего изъ этого «разоблаченія» не узнаютъ. Хуже! они только увидятъ неблаговидную тѣнь, которая кидается на всѣ петербургскія медицинскія знаменитости. Неужели въ этомъ заключалась цѣль сообщенія?

Бываютъ случаи, когда начинающіе авторы не подписываютъ своихъ именъ или выставляютъ ихъ не вполнѣ, изъ неувѣренности къ себѣ. (Привожу фактъ хотя и личный, но думаю, что онъ фактъ и общій). Есть провинціальная газета, отъ которой вѣетъ здоровымъ, укрѣпляющимъ горнымъ воздухомъ, въ которой чувствуется тѣсная сплоченность, однородность и не видно ни умственной наготы, ни двойнаго хвоста, которымъ обзавелись теперь многія изъ нашихъ газетъ и особенно петербургскія. Газета эта «Екатеринбургская Недѣля». Въ ней есть «журнальныя замѣтки», которыя до сихъ поръ подписывались неполнымъ именемъ: Н. О—ва. Случалось и этимъ «замѣткамъ» со мною не соглашаться, случалось и мнѣ съ ними не соглашаться. Теперь въ объявленіи о подпискѣ «Екатеринбургская Недѣля» раскрываетъ псевдонимъ своего журнальнаго обозрѣвателя и обозрѣватель и самъ сталъ подписываться полною фамиліей. И, узнавъ, что Н. О—ва есть Н. В. Остроумова, я этому радуюсь,—да, радуюсь потому, что знаю человѣка, что, встрѣтившись съ нимъ, мнѣ не нужно будетъ наводить о немъ никакихъ справокъ, ни ждать взаимной рекомендаціи. Въ этой возможности узнавать другъ друга никогда не видѣвшись и на разстояніи десятковъ, тысячъ верстъ, въ этой возможности дѣлать себя извѣстнымъ не только писателемъ, но и всѣмъ читателямъ, въ этой широкой гласности, которая раскрываетъ вамъ душу человѣка и вы уже заранѣе его знаете,—какъ далеко съ нимъ можете идти, въ чемъ найдете въ немъ себѣ друга и единомышленника и въ чемъ врага и злоумышленника,—заключается одно изъ величайшихъ общественныхъ благъ гласности и одно изъ счастливыхъ привилегій писателей и вообще общественныхъ дѣятелей. Это одно изъ тѣхъ величайшихъ личныхъ нравственныхъ благъ, которымъ каждый изъ насъ долженъ дорожить, которымъ онъ долженъ гордиться, которое онъ долженъ охранять и оберегать какъ зеницу ока.

Но, кромѣ извѣстной доли личнаго счастья и нравственнаго удовлетворенія, которыя гласность доставляетъ каждому порядочному человѣку, она имѣетъ еще и общественно-контролирующее значеніе и служитъ однимъ изъ стимуловъ общественно-нравственной чистоплотности. Это контролирующее значеніе гласности расширяется по мѣрѣ политически-общественнаго развитія каждаго общества, а по мѣрѣ демократизаціи идей проникаетъ до извѣстной степени и въ личную дѣятельность каждаго. У насъ еще, пока, говорятъ преимущественно о мертвыхъ, а о живыхъ говорить не рѣшаются, вѣроятно, изъ боязни, чтобы не вызвать разговоръ о себѣ. Но въ Европѣ общественная пытливость начинаетъ проникать въ душевные тайники даже такихъ лицъ, къ которымъ до сихъ поръ она не смѣла подходить и за сто верстъ. Припомните опубликованный дневникъ императора Фридриха и характеристику императора Вильгельма II, напечатанную его воспитателемъ.

Пытливая общественная мысль и у насъ сдѣлала несомнѣнные успѣхи, но успѣхи эти больше теоретическіе. Что же касается практики гласности, то формула ея та же, надъ которой подсмѣивался еще тридцать лѣтъ назадъ Добролюбовъ: «въ одномъ повременномъ изданіи одинъ писатель...» или «одна медицинская знаменитость

съ одною дамой...», или «въ одномъ земскомъ собраніи одинъ гласный...», т. е. мы по прежнему, склоняемъ на всѣ лады мѣстоименія одинъ и одна и въ этомъ усматриваемъ даже извѣстную личную деликатность, забывая, что на свѣтѣ есть еще болѣе важная деликатность—общественная, ради которой обязательно разоблачать то, что обществу должно быть извѣстно. Не лицамъ служитъ печать, а общественнымъ интересамъ. Несомнѣнно, что въ послѣднія десять лѣтъ гласность у насъ очень упала, и когда она встанетъ на ноги—неизвѣстно. Этому упадку гласности я приписываю и упрекъ, сдѣланный мнѣ «Недѣлей» въ личной неделикатности. Предположите, что я, публицистъ, встрѣчаю въ какомъ-нибудь органѣ печати не одну, а рядъ статей, которыя точно бусы нанизываются на одну и ту же нитку. Во всѣхъ этихъ статьяхъ ясно, а чаще всего робко, таинственно, подъ вуалью, высказываются мысли и тенденціи далеко не общественныя, а по времени и вполнѣ безтактныя. Такъ, напримѣръ, самоубійства приписываются «извѣстной части печати», будто-бы только плодящей недовольство, и т. д. Вниманіе, оказываемое редакціей этимъ статьямъ, не возбуждающимъ умственной симпатіи ни содержаніемъ, ни пріемомъ писанья, закутаннымъ и неоткровеннымъ, заставляетъ предполагать больше, чѣмъ единоборство авторовъ ихъ съ людьми и идеями недавняго прошлаго. Тутъ чувствуется цѣлое теченіе извѣстныхъ мыслей, пока еще робко и неувѣренно выступающихъ впередъ, но теченіе, очевидно, стремящееся проложить себѣ путь, создать направленіе, завербовать сторонниковъ, явиться пропагандой. И вотъ, когда изъ массы мелкихъ и непріятныхъ впечатлѣній, производимыхъ статьями, во мнѣ слагается и боязливая, и досадная мысль, что, вѣдь, это же проповѣдь оглупѣнія и одичанія, что, вѣдь, это же провозглашеніе вражды къ людямъ и идеямъ, которые и такъ уже находятся не въ авантажѣ, я нахожу въ «Словарѣ» г. Венгерова біографію публициста, которая разрѣшаетъ всѣ мои боязливыя и досадныя мысли. Публицистъ этотъ г. Аврамовъ, а біографія его составлена по матеріаламъ, имъ самимъ доставленнымъ издателю «Словаря». Оказывается, что у насъ народилась цѣлая «фракція» людей и писателей, додумавшихся до возможности и плодотворности такихъ общественныхъ порядковъ, когда вся общественная работа можетъ быть сведена къ однимъ практическимъ мѣропріятіямъ внизу, а верхнимъ, мыслящимъ слоямъ общества, надѣвается ночной колпакъ. Весьма вѣроятно, что когда выйдутъ послѣдующіе томы «Словаря», то писатели и люди этой фракціи окажутся и въ буквахъ Б., В., Г., и т. д. Но пока вышла буква А., подъ которой значится одинъ г. Абрамовъ. А такъ какъ между «фракціей», къ которой принадлежитъ г. Абрамовъ, и статьями «Недѣли», о которыхъ рѣчь, очевидно, самая тѣсная связь, то на эту связь я и указываю. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего ни личнаго, ни окольнаго. Если г. Абрамовъ представляется мнѣ весьма характернымъ образчикомъ «новаго» публициста, то и это заключеніе я сдѣлалъ изъ его же автобіографіи, которую всякій можетъ прочесть въ «Словарѣ» г. Венгерова. Какіе же тутъ секреты и отъ чего тутъ прятаться? «Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ». Наконецъ, если г. Абрамову, какъ начинающему писателю, еще не создавшему себѣ точнаго положенія въ публицистикѣ, непріятна возможность даже самаго отдаленнаго предположенія, что эти статьи или нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть приписаны ему, то въ той же «Недѣлѣ» онъ можетъ заявить, что статьи эти ему не принадлежатъ.

Ну, вотъ, моему вынужденному предисловію и конецъ. Теперь я буду говорить о томъ, о чемъ задумалъ говорить въ настоящемъ *Очеркѣ*. А думалъ я говорить все о той же печати.

Практическое направленіе настолько утвердилось и окрѣпло во всемъ внѣшнемъ, наружномъ теченіи нашей современной общественной жизни, что сообщило свой характеръ и свой пошибъ и печати. Точнѣе говоря—газетамъ. И всегда-то наша печать зависѣла отъ жизни, но бывали времена, когда эта самая жизнь направлялась высшимъ теченіемъ мысли, а теперь она направляется низшимъ. Когда жизнь направлялась теченіемъ высшимъ, тогда и въ печати, и въ обществѣ преобладала критическая мысль, каждый думалъ, каждый старался опредѣлить и оцѣнить то, что есть, и то, что можетъ быть, усложненныя требованія и усложненныя общественныя задачи вызывали и усложненное мышленіе, усложненное же мышленіе создавало приподнятость и энергію въ умственной работѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. А такъ какъ тогда думали всѣ и въ направленіи одного общаго дѣла, то соединенная энергія умственнаго движенія единицъ создавала ту самую коллективную силу ума, которая зовется обыкновенно воодушевленіемъ и восторженностью.

Это восторженное и энергическое настроеніе критической мысли очень легко управлялось съ фактами жизни, которые ему приходилось разрѣшать, и являлось, такимъ образомъ, господиномъ этихъ самыхъ фактовъ жизни. Но потомъ, когда именно вслѣдствіе того, что мысль справлялась съ фактами жизни и дала имъ просторъ, явилась небывалая многосложность отношеній и число новыхъ жизненныхъ фактовъ разрослось и увеличилось, дирижирующая мысль встала передъ ними въ безсильномъ недоразумѣніи и получились тѣ умственныя теченія, которыя намъ приходится наблюдать въ современныхъ газетныхъ направленіяхъ, причемъ однѣ изъ газетъ (почти исключительно петербургскія), не зная, какъ овладѣть многосложными фактами жизни, вполнѣ подчинились имъ, и явился газетный оппортюнизмъ разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ («Недѣля», «Новое Время»).

Несмотря на кажущееся разнообразіе газетныхъ направленій, у нихъ есть одна общая черта—враждебное отношеніе къ идейности, къ теоретическому движенію мысли, которое они называютъ профессорскимъ или академическимъ и частью не довѣряютъ ему, а частью считаютъ безплоднымъ

и даже иронизируютъ надъ «высшими идеями», предпочитая разработку «муравьиныхъ», но за то близкихъ каждому практическихъ вопросовъ «публицистскому празднословію» о вопросахъ, которые нельзя ставить прямо и ясно и отвѣчать на нихъ «рѣзко и категорически».

Нѣтъ, не въ томъ заключается «идейность» или «высшія идеи», чтобы говорить о томъ, о чемъ нельзя говорить «рѣзко и категорически». Нельзя говорить, такъ и не говорите. Но то, о чемъ говорить можно и о чемъ вы говорите, говорите идейно и не считайте свой публицистскій долгъ выполненнымъ, если вы только сидите надъ муравейными кучами, кывыряете въ нихъ палкой, раскладываете муравьиныя яйца по ихъ величинѣ на горсточки и считаете, сколько въ каждой горсточкѣ яицъ.

Чтобы говорить прямо и просто, не прибѣгая къ замаскированнымъ выраженіямъ, которыя читателя удовлетворить не могутъ, я выясню на примѣрѣ, какъ существенна и важна роль идейности въ публицистикѣ и къ чему ведетъ «недостаточное вниманіе» къ ней, которое,—какъ выразилась «Недѣля»,—она дѣйствительно къ «высшимъ идеямъ» обнаруживаетъ. Прибавлю, что я вовсе не полемизирую съ «Недѣлей», а только стараюсь выяснить недоразумѣнія, больше всего мѣшающія единомыслію современной печати.

Въ томъ же 48 № «Недѣли», въ которомъ она на меня несправедливо сердится, напечатана статья «Чумазые лэндъ-лорды». Прозвище «чумазый», утвердившееся въ публицистикѣ, какъ характерное, мѣткое и заключающее ясный и опредѣленный для всѣхъ смыслъ, принадлежитъ Салтыкову. И у Салтыкова «чумазый» имѣлъ не только опредѣленный смыслъ, но и страшный, пугающій образъ. Вы чувствовали, какъ этотъ «чумазый» ползетъ изъ каждой щели, какъ онъ надвигается со всѣхъ сторонъ точно туча, заволакивающая горизонтъ, какъ онъ забираетъ въ руки все, что не твердо лежитъ, какъ онъ грозитъ своимъ грубымъ нравомъ, обиходомъ, обычаемъ, своею холодною и неумолимою эксплуатаціей, безжалостною и безсердечною, вытѣснить ту небольшую общественную культуру, которую мы пока успѣли создать, и хозяиномъ всѣхъ отношеній хочетъ поставить себя. Эту надвигающуюся тучу вы видѣли,—видѣли, какъ она идетъ на васъ, какъ она васъ захватываетъ. Вотъ ужь она, кажется, и совсѣмъ подлѣ, вы озираетесь со страхомъ, вы всматриваетесь въ окружающую жизнь, вы въ нее вдумываетесь, въ васъ начинаетъ работать критическая мысль. Вотъ что такое «чумазый» Салтыкова. Онъ не только общественное явленіе, на которое вамъ раскрываютъ глаза, онъ еще и толчекъ, заставляющій васъ думать въ общественномъ направленіи и пробуждающій критическую мысль. Скажутъ: Салтыковъ—крупный талантъ. Нѣтъ, тутъ талантъ на второмъ мѣстѣ; на первомъ стоитъ крупный, обобщающій умъ и его проницательная критическая сила.

Посмотримъ же, что даютъ «Чумазые лэндъ-лорды», напечатанные въ «Недѣлѣ». Статья эта составлена частью по газетнымъ корреспонденціямъ, частью по книгѣ о Башкиріи г. Ремезова, частью, какъ кажется, по личнымъ матеріаламъ автора. Но статья—компилятивная, центръ тяжести которой, собственно, въ фактахъ, а не въ обобщеніяхъ. Вамъ дается списокъ разбогатѣвшихъ мужиковъ, владѣющихъ на югѣ и востокѣ Россіи громаднѣйшими площадями земли, даже до двухсотъ тысячъ десятинъ. Тутъ и Мальцевъ, и Мазаевъ, и Петрикъ, и Панкеевъ,—однимъ словомъ, всѣ крупные замлевладѣльцы, вышедшіе изъ молоканъ, колонистовъ, купцовъ, крестьянъ. И каждаго изъ нихъ авторъ пришпиливаетъ булавкой и дѣлаетъ это съ злобнымъ чувствомъ, которое передается и читателю, ибо статья пестрѣетъ фамиліями съ болѣе или менѣе личною характеристикой. Есть, правда, указаніе и на происхожденіе этихъ богатствъ, но это указаніе болѣе вводное и центръ тяжести статьи совсѣмъ не въ немъ, а въ ея чисто-личномъ настроеніи.

Эта мелкая, личная и исключительно-фактическая постройка статьи и дѣлаетъ ее сѣрой, безъидейной, скользящей поверхностно въ умѣ читателя. Даже и заглавіе-то къ статьѣ не подходитъ. Ну, какіе всѣ эти разбогатѣвшіе мужики «лэндъ-лорды», а тѣмъ болѣе «чумазые»? И что хочетъ сказать авторъ своею ироніей? То, что въ крупные землевладѣльцы полѣзли мужики? А если бы земли скупали графы и князья, т. е. настоящіе лэндъ-лорды, а не «чумазые»,—имъ бы это простилось? Выходитъ какъ будто такъ, потому что, перечисляя по именамъ разбогатѣвшихъ молоканъ, колонистовъ и т. д., авторъ подчеркиваетъ, что они еще на нашихъ глазахъ были лапотниками и кабатчиками. Онъ не скупится на черныя краски, но всѣ эти черныя краски идутъ у него на рисованіе портретовъ. Правда, онъ группируетъ нѣкоторыя общія черты и говоритъ, что въ лицѣ «чумазаго лэндъ-лорда» народился новый типъ людей, поклоняющійся только золотому тельцу. Но, во-первыхъ, «типъ» есть коллективная личность, значитъ опять личная, а не общественная постановка вопроса; а, во-вторыхъ, когда же люди, особенно промышленные, молились другому богу? Вѣдь, и всѣ наши купцы, всѣ наши промышленники, фабриканты, заводчики свои помыслы и желанія направляютъ тоже только на пріобрѣтеніе и увеличеніе средствъ. Тутъ же рядомъ съ «чумазыми лэндъ-лордами» выросли заводы Юза и Пастухова, создавшіе небывалую еще у насъ по своимъ гигантскимъ размѣрамъ промышленность, но ни Юзъ, ни Пастуховъ не оказываются «чумазыми». Да и что хочетъ сказать авторъ своимъ презрительнымъ прилагательнымъ? Въ Европѣ вся интеллигенція и аристократія чумазаго происхожденія. Чумазымъ былъ отецъ Гладстона, Биконсфильдъ самъ былъ чумазымъ. Въ Америкѣ большинство президентовъ и ихъ помощниковъ изъ чумазыхъ,—одинъ былъ портнымъ, другой сапожникомъ, третій лѣсорубомъ и сплавщикомъ. Современные денежные короли Ротшильды происходятъ отъ чумазаго дѣда. А мы развѣ не чумазаго происхожденія? Много ли вы найдете русскихъ родовитыхъ фамилій, которыя

бы не происходили отъ чумазаго родоначальника? Самъ же авторъ говоритъ, что «чумазые лэндъ-лорды» отдаютъ своихъ дѣтей въ науку, что более честолюбивые и дальновидные изъ нихъ не бѣгутъ отъ общественнаго дѣла, «и благодаря своему вліянію, сразу становятся въ передніе ряды, занимая важнѣйшія и почетнѣйшія должности», что «современное поколѣніе лэндъ-лордовъ болѣе ранняго происхожденія (Фальцфейны, Люстичи, Панкеевы) состоитъ изъ лицъ, получившихъ образованіе». Очевидно, что «чумазость» не есть основный и характерный признакъ этихъ людей, а, между тѣмъ, авторъ только ее и выдвигаетъ на первое мѣсто и всю свою статью строитъ на чумазости и на желаніи возбудить какое-то личное чувство противъ перечисляемыхъ имъ Мазаевыхъ, Петриковъ, Мальцевыхъ и т. д. Авторъ настолько послѣдователенъ въ своемъ лично-пренебрежительномъ отношеніи къ происхожденію этихъ внезапно и изъ ничего возникшихъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, что не допускаетъ ничего порядочнаго даже въ ихъ потомствѣ. «Ужь и теперь они (т. е. теперешніе владѣльцы) даютъ себя знать,—говоритъ онъ въ заключеніе,—и если роль ихъ въ жизни страны пока скромнѣе роли англійскихъ лэндъ-лордовъ, то это зависитъ лишь отъ того, что они еще не развернулись... Да и неудивительно: вчера еще были лапотники и кабацкіе сидѣльцы, а нынче—«короли»,—поневолѣ ошалѣешь. За то новое поколѣніе, выростающее или уже выросшее въ положеніи «лэндъ-лордовъ», покажетъ себя во всей силѣ».

И откуда вы знаете, въ какой силѣ покажетъ себя будущее поколѣніе? Да и въ этомъ ли вопросъ, или вопросъ въ томъ, чтобы, не гадая неизвѣстнаго будущаго, выяснить сущность настоящаго? Ужь, разумѣется, вопросъ въ послѣднемъ, но авторъ какъ разъ доводитъ вопросъ только до этого мѣста и ставитъ точку. И получилась распространенная репортерская замѣтка или корреспонденція, но не публицистская статья.

Увидѣть, что тавричане вѣсятъ отъ 8 до 9 пудовъ, что они имѣютъ аршинъ въ плечахъ, что это все тѣ же деревенскіе кулаки, но орудующіе десятками тысячъ десятинъ и тысячами рабочихъ,—можетъ всякій, у кого есть глаза. Но это факты простые, непосредственные и очевидные. За этими простыми фактами начинаются другіе, болѣе сложные, запутанные, и чтобы подмѣтить ихъ, нужно имѣть уже иное зрѣніе. Не въ «девятипудовыхъ» тавричанахъ и не въ томъ тутъ дѣло, чтобы возбуждать къ нимъ негодующее личное чувство,—тавричане, какъ и расхитители башкирскихъ земель, больше ничего, какъ извѣстная очевидность или наглядная неспособность, указывающая на нѣчто имъ предшествующее и создающее изъ нихъ аграрную уродливость. Всѣ эти девяти-пудовые тавричане нужны постольку, поскольку они указываютъ на систему внутреннихъ отношеній, дающую просторъ противуобщественнымъ инстинктамъ. И вотъ съ этого-то мѣста и начинается публицистъ, а не съ установленія простыхъ и однородныхъ фактовъ, которые даетъ репортеръ и корреспондентъ.

Недоразумѣніе, значитъ, вотъ въ чемъ. «Новое» практическое направленіе въ публицистикѣ считаетъ для себя вполнѣ достаточнымъ работать надъ простыми фактами, а «высшія идеи», т.-е. сложные общественные факты, оно выстраняетъ изъ поля своихъ наблюденій. Оттого-то и получаются у новыхъ публицистовъ такія чисто-фактическія статьи, какъ «Чумазые лэндъ-лорды», которыя дѣйствуютъ только на чувство, а общественное сознаніе обходятъ, критической мысли не шевелятъ и оставляютъ читателя въ полнѣйшемъ недоразумѣніи какъ относительно сущности явленія, его происхожденія и закона, такъ и относительно средствъ, которыми вредный порядокъ общественныхъ явленій могъ бы быть замѣненъ порядкомъ общественно-полезнымъ. Такая публицистская мизерность тѣмъ болѣе печальна, что та же русская печать представляетъ образцы совсѣмъ иного рода, которымъ бы оставалось только слѣдовать, если, конечно, достанетъ на это силъ.

Укажемъ на «Русскія Вѣдомости». Газета эта небольшая, особеннымъ разнообразіемъ содержанія или полнотой она не отличается, ведется серьезно, даже немножко скучно, ни рекламъ, ни широковѣщательныхъ объявленій съ заманчивыми обѣщаніями не разсылаетъ. Достигла она успѣха только «идейностью». Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» читатель чувствуетъ вѣрнаго друга, во мнѣніяхъ котораго онъ всегда найдетъ спокойную, безпристрастную объективность.

Газета идетъ съ жизнью рядомъ, объясняя каждый ея общественный фактъ, выясняя смыслъ ея явленій, пользуясь для оцѣнки фактовъ только «идейнымъ» аршиномъ, т.-е., тѣми «идеями высшаго порядка», которыя нашимъ практическимъ оппортюнистамъ кажутся «публицистскимъ празднословіемъ».

Зная «идейную» программу «Русскихъ Вѣдомостей» и «практическое» направленіе другихъ газетъ, сдѣлайте, читатель, такой умственный опытъ. Опустите въ редакціонный ящикъ «Русск. Вѣд.» ну, хоть бы статью «Чумазые лэндъ-лорды» и посмотрите, какое чудесное и умное превращеніе свершится съ этою статьей. Ея факты останутся фактами, но рядомъ съ этими фактами, увидѣть которые достаточно самаго обыкновеннаго «простаго» зрѣнія, явятся еще и тонкіе, сложные факты, для которыхъ требуется «двойное» зрѣніе. Никто не потянетъ за руку всѣхъ этихъ Мазаевыхъ и Петриковъ и не станетъ ихъ рекомендовать вамъ: «вотъ чумазый лэндъ-лордъ Мазаевъ», или «вотъ чумазый лэндъ-лордъ Петрикъ», даже и слово «чумазый» исчезнетъ изъ статьи, потому что оно совершенно не кстати взято отъ Салтыкова. Въ его «картинѣ» оно имѣло смыслъ и потому производило эффектъ; а въ публицистской статьѣ оно не только не имѣетъ смысла, но вноситъ еще путающія понятія. Вопросъ «Русск. Вѣд.» будетъ поставленъ чисто-аграрно, потому что дѣло тутъ не въ Мазаевыхъ или Петрикахъ и не въ томъ, чу-

мазые они или не чумазые, а въ томъ, что создаетъ возможности для концентраціи въ отдѣльныхъ рукахъ такихъ громадныхъ площадей земли, что можно безъ денегъ, съ одними только желаніемъ и энергіей, стать владѣльцемъ двухсотъ тысячъ десятинъ? Не вскользь коснется газета этого вопроса, какъ сдѣлалъ авторъ статьи, а сдѣлаетъ изъ него центральную точку, выдвинетъ его на общественную очередь, ибо онъ уже давно просится на свѣтъ Божій и зарекомендовалъ себя такою массой фактовъ, обнаруженныхъ и заявленныхъ печатью, что въ сей моментъ задача публицистики совсѣмъ не въ томъ, чтобы перетряхать еще разъ тѣ же факты, а въ томъ, чтобы заговорить уже и выводами, пустить ихъ въ общественный оборотъ, сдѣлать ихъ предметомъ общественнаго вниманія и сознанія. Вѣдь, нашъ аграрный вопросъ такая нескончаемая путаница, такъ онъ себя даетъ знать на каждомъ шагу, начиная съ переселеній и перехода земли изъ рукъ въ руки не только отъ владѣльцевъ или чиновниковъ къ купцамъ и разночинцамъ, но и отъ коренныхъ земледѣльцевъ-крестьянъ, передвиженіе земли такъ всеобще и повсегодно, что оставлять это взбудоражившееся море на произволъ всѣмъ вѣтрамъ, случайностямъ, теченіямъ и личнымъ вожделѣніямъ, не подчинивъ ихъ общей руководящей аграрной политикѣ, пожалуй, уже и въ сей моментъ опасно. Нужно думать, что для этого нашего наиболѣе жизненнаго вопроса наступила не только пора общественнаго сознанія, но и близится часъ для его правительственнаго изслѣдованія. Въ такой важный, острый моментъ публицисту не приходится выѣзжать на однихъ голыхъ фактахъ и превращаться въ репортера или корреспондента, а нужно быть публицистомъ.

Ошибка нашего практическаго оппортюнизма только въ томъ и заключается, что онъ теряется между частными теченіями и мелкія временныя случайности или даже отдѣльные голоса принимаетъ за требованія времени или за общее руководящее указаніе. Въ этомъ не только ошибка оппортюнизма, но и его гибель, потому что, говоря сегодня одно, а завтра другое, смотря по тому, въ какое теченіе онъ попадетъ, онъ не только теряетъ свою собственную ниточку, но и своего читателя. Сегодняшній случайный читатель на-завтра имъ можетъ перестать быть. Будьте тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, и читатель придетъ къ вамъ самъ.

Не факты нужны читателю и современному русскому человѣку: онъ ихъ знаетъ лучше насъ съ вами, потому что заваленъ ими выше головы, ему нуженъ смыслъ фактовъ,—ему нуженъ волшебный фонарь, который бы всѣ эти факты ему освѣтилъ и показалъ бы ихъ въ вѣрной умственной перспективѣ. Читателю нужны идеи, и именно «идеи высшаго порядка». Идеи же «высшаго порядка» не значатъ разсужденія о сухихъ туманахъ или несбыточныя мечты о томъ, до чего не дотянешься теперь и съ самыми длинными руками. Идейность есть больше ничего, какъ умное и понимающее отношеніе къ жизни, которой должно даваться то, чего ей именно въ сей моментъ недостаетъ, и что каждый, ужъ слишкомъ подавленный фактами и мелкою практикой текущихъ отношеній, ищетъ и ожидаетъ найти въ печати.

Народу милъ и дорогъ тотъ,
Заснуть кто мысли не даетъ.

Наши же опортюнисты и практики не только не шевелятъ мысли, не только не возбуждаютъ въ ней критическаго отношенія къ дѣйствительности въ ея сложныхъ и запутанныхъ фактахъ, но съ свѣтлымъ лицомъ, точно они и не вѣсть какіе спасители отечества, проповѣдуютъ теорію оглупѣнія. Въ этомъ отношеніи какъ газеты, придерживающіяся практическаго оппортюнизма, такъ и придерживающіяся оппортюнизма политическаго, идутъ рука въ руку.

Намъ всегда было вредно уходить въ самихъ себя и глядѣть только подъ свои собственныя ноги, а, вѣдь, оппортюнизмъ насъ ничему другому и не учитъ. Наша многовѣковая историческая жизнь была жизнью только факта и безсознательнаго мышленія. Двигали насъ обстоятельства налѣво мы шли налѣво; двигали направо—шли направо. До сихъ поръ мы росли почти исключительно физически, подчиняясь безсознательнымъ инстинктамъ и стихійности, овладѣть которой намъ пока еще не удалось. Подниметъ насъ волна—поднимемся; опуститъ—опустимся. Рѣдкіе свѣтлые моменты историческаго сознанія и идейности не оставляли прочныхъ слѣдовъ въ нашемъ общественномъ мышленіи и не служили намъ урокомъ и руководствомъ для будущаго. Отъ этого-то въ нашей общественной жизни, не только въ ея цѣломъ, но и въ частностяхъ, нѣтъ ни установившейся и выработанной системы, ни той традиціонной, одинаковой изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, поступательности, направленіе которой не зависитъ отъ личныхъ случайностей. Отъ этого же послѣ эпохи реформъ у насъ вдругъ сталъ возможенъ практическій оппортюнизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выдвигаетъ себя и желаетъ явиться хозяиномъ и распорядителемъ общественнаго поведенія.

Прочна и непоколебима у насъ въ своемъ направленіи лишь «деревня» и то только потому, что она не начала еще думать. Также традиціонно-стихійны въ своей общественной неподвижности и ближайшіе къ деревнѣ слои. Въ жизни этихъ слоевъ фактъ есть единственная творческая и руководящая сила. Оттого-то Мазаевы, Петрики, Мальцевы и сотни тысячъ слѣдующихъ за ними мелкихъ, однородныхъ съ ними темныхъ безсознательныхъ силъ могутъ въ водоворотѣ нашей общественной безсознательности и спячки мысли вырости до размѣровъ эйфелевой башни, и только тогда мы о нихъ заговоримъ; а что сдѣлать, чтобы подобныя эйфелевы башни у насъ больше не выростали, мы, все-таки, не придумаемъ. Мы только выводимъ ихъ передъ публикой, да рекомендуемъ, а эйфелевы башни, ничего этого не подозрѣвая, растутъ себѣ попрежнему.

Опустившись на дно жизненнаго русла, гдѣ преобладаетъ неосмысленный и несознаваемый

фактъ, практическій оппортюнизмъ напоминаетъ сказку Сисмонди о водоносѣ. Какъ и хозяинъ въ этой сказкѣ, онъ хочетъ бороться только съ фактомъ, а волшебнаго слова, которое бы закрыло путь развитію факта, не знаетъ.

И въ шестидесятыхъ годахъ шла борьба съ фактомъ, да еще съ какимъ! Но тогда у борцовъ было волшебное слово, и борьба шла во имя общечеловѣческихъ началъ. Теперешнее же практическое направленіе, выработавшее даже и свою теорію, думаетъ, что можно прожить умно на свѣтѣ, не затрудняя себя ни общественными, ни политическими соображеніями. Вотъ это-то и есть та самая понятность, то оглупѣніе, съ которымъ борятся даже и тѣ самые органы печати, которые это оглупѣніе отстаиваютъ и проповѣдуютъ. Въ чемъ причина, что у насъ упало художественное творчество и что оно не находитъ для себя жизненныхъ темъ; въ чемъ причина, что у насъ исчезла литературная критика, а общественно-критическая мысль сидитъ за печкой, точно сандрильонка; въ чемъ причина, что, какъ говоритъ критикъ той же «Недѣли», въ громадномъ большинствѣ произведеній новыхъ беллетристовъ общественное положеніе персонажей представляется чѣмъ-то случайнымъ, безразличнымъ, что новыхъ писателей занимаетъ преимущественно судьба человѣка, различныя возможности его жизни, что они относятся къ судьбѣ этого человѣка патетически и въ словахъ ихъ звучатъ лирическія ноты; въ чемъ причина, что, по словамъ того же кружка, за критическую работу берутся теперь люди безъ образованія, едва грамотные, неспособные судить правильно о томъ, о чемъ они берутся говорить,—въ чемъ причина подобнаго всеобщаго упадка общественной мысли, отсутствія въ ней всякой энергіи, воодушевленія, порыва и творчества, что ни въ литературѣ, ни на сценѣ не является и десятой доли того, что давали шестидесятые года, когда мысль била ключемъ, едва справляясь со множествомъ работы, которую она сама себѣ задавала? Причина тутъ одна: не мысль тогда зависѣла отъ факта, а фактъ отъ мысли. Тогда мы жили при повышенной впечатлительности, видѣли то, чего теперь уже не видимъ, и были господами фактовъ, съ которыми боролись. Теперь же фактъ сталъ господиномъ мысли и не только оттянулъ ее книзу, но подобное ненормальное для общества умственное состояніе нашло еще сторонниковъ, защитниковъ и пропагандистовъ, создало цѣлую фракцію людей, которыхъ этотъ фактъ покорилъ своей волѣ. Въ своемъ идейномъ безсиліи передъ фактомъ, эти люди смиренно сложили свое умственное оружіе и, забывъ завѣтъ своихъ предшественниковъ, что только идеи управляютъ жизнью, отказались отъ лучшаго человѣческаго права и высшаго человѣческаго блага, которое одно только и дѣлаетъ человѣка распорядителемъ его общественныхъ судебъ. Неспособные подняться выше факта, безсильные и бездарные, чтобы овладѣть какою-либо общею идеей, они этотъ самый фактъ, который подчинилъ ихъ своей волѣ, возвели въ идею и послушно поплелись за нимъ, распространяя повсюду умственную скуку, бездарность, уныніе и понижая умственный темпъ жизни.

Обозрѣвая экономическую дѣятельность Россіи за прошлый годъ, «Русскія Вѣдомости» указываютъ на тѣ признаки, которыми характеризуется общее экономическое положеніе народа. «Если торговля въ застоѣ,—говоритъ газета,—если движеніе и сборы желѣзныхъ дорогъ идутъ на убыль, если и банки сокращаютъ свои учетно-ссудныя операціи, то это вѣрный знакъ, что и въ различныхъ отрасляхъ производства и потребленія, во всѣхъ внутреннихъ тайникахъ народной жизни, куда не въ силахъ проникнуть статистикъ съ своими бланками и цифрами, всюду ощущается заминка и чувствуется недомоганіе, которое можетъ современемъ перейти въ открытое разстройство. Напротивъ, бойкая торговля, оживленное движеніе по рельсовымъ путямъ, сильный спросъ на кредитъ обыкновенно указываютъ на бодрую, здоровую работу народнаго хозяйства».

Это законъ экономическихъ сношеній, и этотъ же законъ остается закономъ и умственныхъ сношеній. Если темпъ умственной жизни упалъ, если бездарность полѣзла изъ всѣхъ щелей и, потерявъ мѣру своего роста, подняла голову, если не только полуобразованіе, но и самое безнадежное невѣжество нашли себѣ мѣсто въ печати и даже стали руководить ея органами, если производительность мысли понизилась до того, что ни литература, ни критика, ни публицистика не выдвигаютъ талантовъ, то очевидно, что во внутреннихъ тайникахъ умственной жизни свершается нѣчто, лишающее мысль полета, широкаго, бодраго, смѣлаго движенія, силы, многообразія, и что гнететъ ее къ землѣ, заставляя стлаться.

И это «нѣчто» есть. Оно заключается въ томъ, что въ самомъ источникѣ, изъ котораго питается современная мысль, нѣтъ той одухотворяющей силы, которая могла бы сообщить мысли полетъ, разнообразіе, могучее творчество и раскрыть для ея дѣятельности всѣ области, подлежащія ея компетенціи.

Да, мы ушли въ фактъ, но въ фактъ мелкій, односложный,—фактъ, который для разслѣдованія и опредѣленія себя не требуетъ большихъ умственныхъ силъ, съ которымъ можетъ справиться каждая бездарность. И получилось вотъ что: съ одной стороны, односложный фактъ, съ которымъ можетъ справиться всякая бездарность, потянулъ эту бездарность къ себѣ; съ другой, этотъ же самый фактъ, не нуждающійся въ даровитыхъ силахъ и въ людяхъ ума, оставилъ ихъ за флагомъ. Бездарность расплодилась у насъ не потому, чтобы только ее Россія и производила,—бездарность расплодилась потому, что въ томъ самоуглубленіи, въ которое мы опустились, наибольшій просторъ движенію представляется именно только для бездарностей и людей односложнаго ума. Зачѣмъ человѣку учиться, если онъ и не учась чувствуетъ въ себѣ силу разрѣшать лежащіе подлѣ него вопросы; а съ другой стороны зачѣмъ ему давать полное обра-

зованіе, когда и съ полнымъ полуобразованіемъ онъ тянетъ свою умственную лямку? Вотъ результаты нашего теперешняго самоуглубленія. И они всегда бывали такими, когда мы замыкались въ себя и только въ своей собственной жизни черпали умственную силу и указаніе на то, что и какъ намъ дѣлать. Въ исторіи нашего умственнаго развитія подобныя эпохи отмѣчались всегда какъ эпохи застоя.

Насколько это изолированное самоуглубленіе уже успѣло принести и плоды, читатель можетъ убѣдиться изъ того, что у насъ находилась цѣлая фракція людей, имѣющая и своихъ представителей въ печати, которые выставляютъ въ видѣ общественнаго и руководящаго догмата удовлетвореніе мелкимъ, однороднымъ фактическимъ трудомъ и одпопредметнымъ фактическимъ мышленіемъ. Вотъ это-то и есть тѣ практическіе оппортюнисты, которые всегда пристаютъ къ господствующему теченію. Въ эпохи сильныхъ умственныхъ теченій они тоже и волнуются, и пѣнятся, и отдаются умственной волнѣ, которая и ихъ подхватываетъ, а въ эпохи фактическія и застоя мысли они точно также волнуются и пѣнятся, отдаваясь фактическому теченію и находя и въ немъ совершенно такое же умственное удовлетвореніе. Несомнѣнное достоинство этихъ несильныхъ умомъ людей составляетъ, впрочемъ, ихъ искренность и чувство общественнаго доброжелательства.

Политическіе оппортюнисты гораздо умнѣе, но за то и лукавѣе. Они видятъ больше, соображаютъ лучше, вообще даровитѣе, проницательнѣе и гибче. Поэтому, отдаваясь руководящему практическому теченію и хорошо понимая всѣ его слабыя стороны, а въ особенности слабое умственное удовлетвореніе, которое оно представляетъ, они умѣютъ, если не отыскать, то пріискать для него идейную окраску, придумать извѣстное обобщеніе, которое становится для нихъ принципомъ ихъ общественнаго поведенія, а если они публицисты, то программой для ихъ публицистской дѣятельности. Такимъ принципомъ для политическихъ оппортюнистовъ служитъ «русскій патріотизмъ», «интересы русской партіи» и «русское начало», т.-е. опять исключительно собственные, домашніе источники, которыми должна питаться мысль, даже и съ этими источниками недостаточно знакомая.

Въ преддверіе какой широкой области вѣдѣнія вступаетъ мысль, пытающаяся встать на подобную историческую точку зрѣнія, читатель увидитъ изъ слѣдующей выписки изъ посмертнаго сочиненія Фюстель де-Куланжа «Исторія политическихъ учрежденій древней Франціи». Всегда и вездѣ,—говоритъ Фюстель де-Куланжъ, — форма владѣнія землею является однимъ изъ главныхъ элементовъ, опредѣляющихъ характеръ общественнаго и политическаго строя. По отношенію къ настоящему времени, эта истина не имѣетъ того значенія, какое слѣдуетъ признать за нею для болѣе древнихъ періодовъ исторіи. Въ послѣднія четыре столѣтія наши общества сдѣлались болѣе сложными организмами. Будущему историку, который черезъ нѣсколько вѣковъ пожелаетъ узнать наши теперешнія учрежденія, придется изучать многое другое помимо поземельнаго строя. Ему придется отдать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ являлась у насъ фабрика и что представляло собою населеніе, работающее на ней. Онъ будетъ стараться понять нашу биржу, наши финансовыя предпріятія, нашу журналистику и все, что съ нею связано. Онъ вынужденъ будетъ прослѣдить одинаково какъ исторію денегъ, такъ и поземельную исторію, — какъ исторію машинъ, такъ и исторію людей. Исторія науки и всѣхъ профессій, съ нею соприкасающихся, будетъ имѣть для него огромное значеніе. Наши взгляды, истинные и ложные, и всѣ разнообразныя проявленія нашей духовной жизни будутъ имѣть для него большую цѣну. Чтобы понять наши политическія движенія, онъ долженъ будетъ заняться не только тѣмъ классомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается земельная собственность, — ему придется обратить вниманіе и на тѣ два класса, которые не владѣютъ землею: съ одной стороны, на тотъ, который обнимаетъ собою такъ называемыя либеральныя профессіи, съ другой—рабочій классъ. Онъ долженъ будетъ измѣрить то вліяніе, какое каждый изъ нихъ оказываетъ на общественныя дѣла... И все это историки должны выяснить не изъ простаго любопытства. Исторія не есть собраніе всякаго рода событій, совершившихся въ прошломъ; исторія — наука человѣческихъ обществъ. Ея задача—узнать, какъ образовались эти общества. Она должна изучить, подъ дѣйствіемъ какихъ силъ они управлялись, т.-е. какія силы поддерживали связь и единство каждаго изъ нихъ. Она изслѣдуетъ тѣ органы, которыми общества жили, т.-е. ихъ право, ихъ общественную экономію, ихъ привычки, духовныя и матеріальныя. Каждое изъ этихъ обществъ было живымъ существомъ...»

Въ западной Европѣ эта программа служитъ не для однихъ историковъ. Выработали ее для сужденія о прошломъ, европейскій умъ пользуется ею и для сужденія о настоящемъ. Программа эта есть программа каждаго выдающагося и свободномыслящаго государственнаго человѣка, политическаго дѣятеля и публициста, ибо эта программа собственно тѣхъ знаній и понятій, которыя каждый изъ нихъ долженъ имѣть о своей странѣ и своемъ времени,— тѣхъ понятій и того общественнаго кругозора, которые каждый изъ нихъ долженъ себѣ выработать и которыми долженъ руководствоваться, чтобы, взвѣшивая текущія событія и уясняя текущія явленія, умѣть находить для нихъ разрѣшенія и уравновѣшенія средства справедливыя и прогрессивныя, помогающія историческому движенію впередъ, а не останавливающія его.

Сравнительно съ многообъемлющей программой, которую предъявляетъ современная сложная жизнь современному публицисту, программа нашихъ «патріотическихъ» органовъ поражаетъ своею прямолинейною простотой и односложностью. О ней говорить я не стану, потому что она достаточно извѣстна читателю, да и не о «патріотической» печати я говорю теперь. Не буду говорить подробно

и о «русской» программѣ «Новаго Времени», а сошлюсь на нее лишь настолько, насколько это нужно для ясности и связи «Очерка».

Корреспондентъ изъ Екатеринославля пишетъ «Новому Времени», что еще въ прошломъ году екатеринославское уѣздное земское собраніе заявило желаніе ограничить права нѣмцевъ-колонистовъ на покупку земель. Въ губернскомъ собраніи одни нашли такое желаніе неосновательнымъ, а другіе нашли нѣмецкую колонизацію даже желательной и полезной. Тогда уѣздное собраніе постановило обратиться непосредственно къ правительству съ ходатайствомъ объ ограниченіи правъ колонистовъ въ законодательномъ порядкѣ.

Состоится ли это ходатайство и какъ отнесется къ нему правительство,— неизвѣстно, но «Новое Время» разрѣшило вопросъ такъ: съ принципіальной точки зрѣнія оно считаетъ мѣру, предположенную екатеринославскимъ земствомъ, вполнѣ основательной, потому что «подъ давленіемъ и гнетомъ надвигающейся тучи германизма постепенно могутъ исчезнуть, не успѣвъ привиться, русскіе элементы на нашемъ югѣ, и безъ того уже бывшіе тамъ весьма слабыми и неустойчивыми». «Не слѣдуетъ забывать, — пишетъ «Новое Время» (начинается программа «русской» партіи),—что Россія есть государство русское, и, поэтому, хотя въ ней и существуетъ масса инородческихъ иноплеменныхъ элементовъ, эти элементы должны всегда подчиняться и уступать кореннымъ началамъ нашей государственной жизни, сложившимся въ теченіе вѣковъ и вытекающимъ изъ характера русскаго народа, изъ его своеобразныхъ племенныхъ свойствъ. Это преобладаніе русскихъ началъ въ государственномъ строѣ Россіи является необходимымъ условіемъ нормальнаго теченія нашей внутренней государственной жизни. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ чуждая національность начинаетъ получать преобладающее вліяніе, немедленно должны быть—въ интересахъ государственныхъ—принимаемы мѣры для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, для поддержанія ослабѣвающихъ началъ господствующей русской національности».

Все это теоретически правильно, хотя и выражено слишкомъ торжественно. Нужно бы, однако, прежде всего, доказать, что «туча германизма» на насъ дѣйствительно надвигается и грозитъ нашему государственному строю. Да и откуда взяться этой тучѣ? Вѣдь, не сто же менонитовъ, живущихъ на югѣ, сгустились внезапно въ такую грозную тучу. Да и въ «нѣмецкой тучѣ» ли тутъ дѣло? Національный ли это вопросъ или аграрный? Въ тучу ли собрались нѣмцы-скупщики или образовали тучу Мазаевы, Петрики и Мальцевы, скупившіе по 100, 150, 200 тысячъ десятинъ, да громадный хвостъ болѣе мелкихъ скупщиковъ-кулаковъ, который именно и грозитъ потрясти основы народнаго земледѣльческаго быта? Вотъ въ чемъ, казалось бы, слѣдовало видѣть «русское начало»; слѣдовало бы видѣть его въ томъ, чтобы земля не ускользала изъ рукъ русскаго кореннаго земледѣльца.

На нашей памяти «русскія начала» были другими началами; они были началами справедливости и разныхъ благъ для всѣхъ. Во имя этихъ русскихъ началъ свершилось освобожденіе, введенъ гласный судъ, введены земскія учрежденія. Мы съ гордостью и съ сознаніемъ своей великой исторической миссіи готовы были распространить это начало по всему міру. Мы считали себя творцами новаго аграрнаго слова, вершителями судебъ труженика-земледѣльца, «русское начало» должно было убить въ корнѣ земледѣльческій пролетаріатъ и спасти отъ него Европу. Мы освободили крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ во имя этого русскаго начала. Русское начало мы сознавали тогда какъ нѣчто очень широкое, освободительное и общечеловѣческое.

Какое же изъ этихъ началъ есть истинно «русское»? То ли, которое выступаетъ съ провозглашеніемъ широкихъ освободительныхъ началъ, или то, которое спѣшитъ замазать всякую щелку, чтобы въ нее не пролѣзъ такой человѣческій микробъ, какъ еврей-лудильщикъ, которое видитъ надвигающуюся тучу въ десяти менонитахъ, покупающихъ землю, въ то же время, растворяетъ широко ворота, въ которыя истинною тучей врываются Мазаевы и Петрики съ ихъ нескончаемымъ кулаческимъ хвостомъ?

А было время, и недавнее время, когда первые пророки нашего національнаго сознанія—Кирѣевскіе, Аксаковы, Хомяковъ, Самаринъ, люди высокой честности, глубокаго, искренняго убѣжденія, широкаго кругозора, законченнаго европейскаго образованія и философскаго развитія, пропустивъ черезъ собственное зрѣлое сознаніе русскую народную и государственную жизнь, провозгласили, что, можетъ быть, міръ не видѣлъ еще того общаго человѣческаго, какое явитъ великая славянская и именно русская природа, что исключительности національной не было никогда въ до-петровской Руси, что духъ русскаго народа есть христіанско-человѣческій, и національная исключительность не только чужда, но и ненавистна русскому народу, что ни къ нѣмцамъ, ни къ полякамъ въ простомъ народѣ нѣтъ никакой ненависти, что русскій народъ есть богоизбранный, что въ немъ заключается источникъ свѣта, правды и общественной нравственности для другихъ народовъ, что богоизбранный чистый русскій народъ призванъ спасти «гнилой» Западъ, оздоровить его духовно, привить къ нему истинныя начала нравственности, терпимости и любви.

Пускай все это было увлеченіемъ, но въ этомъ увлеченіи вы чувствовали честныя, благородныя и возвышенныя стремленія; вы могли съ проповѣдниками не соглашаться, но они побѣждали ваше сердце, они заставляли его биться ободряющими чувствами, они возбуждали въ васъ человѣколюбивыя побужденія, они освѣтляли ваши понятія благими помыслами, они вдохновляли васъ благородными началами, источникъ которыхъ вы видѣли въ народѣ, и вы съ благороднымъ и любящимъ чувствомъ смотрѣли на этотъ нрав-

ственно-возвышающій васъ народъ, всѣ ваши помыслы становились честными и возвышенными, вся ваша дѣятельность становилась справедливой, гуманной.

Но вотъ прошло сорокъ лѣтъ, на смѣну дѣдовъ выступили внуки, и богатое идеями умственное наслѣдіе, имъ доставшееся, превратилось въ лохмотья. Тотъ же самый богоизбранный народъ, бывшій только что источникомъ правды, справедливости и любви, сталъ внезапно началомъ вражды, гоненія и несправедливости. Во имя этого же самаго народа дѣды призывали васъ къ общечеловѣческой любви и во имя того же народа внуки стали призывать васъ къ народной исключительности и къ внутренней враждѣ. Что же случилось съ народомъ, откуда такая внезапная перемѣна его нравственныхъ началъ? Перемѣны въ народѣ никакой не случилось и какимъ онъ былъ сорокъ лѣтъ назадъ, такимъ онъ остался и теперь. Перемѣнился не народъ, — перемѣнились внуки.

Творцы славянофильства были идеалисты, — это были европейски-образованные и человѣчески-мыслящіе люди, глазами европейскаго просвѣщенія они смотрѣли на народъ и потому и видѣли въ немъ черты общечеловѣческія, несомнѣнно ему присущія. Внуки рѣшили, что легче смотрѣть своими умственными глазами, что можно обойтись и безъ европейскаго просвѣщенія. Они очистили славянофильство отъ его идеализма, взглянули на жизнь «трезво» и «своими» глазами увидѣли въ томъ же русскомъ народѣ, и не думавшемъ измѣнять своей правдѣ, такія «русскія начала», отъ которыхъ ихъ просвѣщенные дѣды отреклись бы какъ отъ Божьяго проклятья, какъ отъ гнусной клеветы на народъ и его нравственный душевный строй.

И все это случилось оттого, что внуки вздумали только въ «своемъ» умѣ искать источникъ умственной самодѣятельности. Они нашли вполнѣ достаточнымъ для себя курса 6-ти классовъ гимназіи и, надѣвъ шоры, перестали видѣть что-либо по сторонамъ. Это больше ничего, какъ плоды полуобразованія, какъ доказательство, къ какому умственному перерожденію оно приводитъ и какую силу надъ нимъ обнаруживаетъ господствующій фактъ, въ которомъ одномъ оно и черпаетъ свое общественное сознаніе, не провѣряя его знаніями и идеями народовъ, впереди насъ идущихъ, какъ это дѣлали просвѣщенные творцы нашего умственнаго возрожденія и творцы тѣхъ реформъ, къ которымъ это возрожденіе привело.

XLVI.

Наконецъ-то о восьмидесятыхъ годахъ мы начнемъ говорить въ прошедшемъ времени. Конечно, въ сей моментъ это прошедшее имѣетъ пока календарное значеніе, но также несомнѣнно, что и девяностые годы заключаютъ въ себѣ не одинъ календарный смыслъ. Вѣроятно, еще нѣсколько лѣтъ мы будемъ жить двумя теченіями, напоминающими смѣну картинъ въ волшебномъ фонарѣ: одна тускнѣетъ, другая, вытѣсняющая ее, становится все ярче, пока, наконецъ, не выступитъ въ своей полной отчетливой ясности и чистотѣ.

Есть несомнѣнные признаки, что въ волшебномъ фонарѣ нашихъ общественныхъ теченій уже началась смѣна картинъ. Смѣну эту можетъ наблюдать каждый внимательный читатель, если онъ слѣдитъ за «Недѣлей» и «Новымъ Временемъ». Эти два изданія, существенно отличающіяся по внутреннему содержанію, имѣютъ одинъ общій признакъ—необыкновенную чуткость и впечатлительность къ малѣйшимъ перемѣнамъ въ общественной атмосферѣ. Повидимому, въ природѣ все стойко и опредѣленно попрежнему: и вѣтеръ, кажется, дуетъ тотъ-же, и солнце стоитъ за тучами, и слякоть чувствуется повсюду, а ужъ ртуть въ чувствительныхъ барометрахъ зашевелилась и пошла на повышеніе.

Эти оба одинаково впечатлительные барометра показываютъ, однако, состояніе двухъ разныхъ атмосферъ. Оттого-то для вѣрнаго пониманія погоды вообще нужно наблюдать оба барометра. «Новое Время» показываетъ состояніе атмосферы въ высшихъ слояхъ, изъ которыхъ исходитъ громъ, молнія, свѣтъ и теплота, или же мертвящій холодъ. «Недѣля» отмѣчаетъ состояніе погоды въ среднихъ слояхъ атмосферы, въ томъ, что называется обществомъ или спеціально среднимъ обществомъ, состоящимъ изъ обыкновенныхъ среднихъ людей, занятыхъ преимущественно насущными практическими дѣлами.

Для болѣе нагляднаго сравненія я сдѣлаю этимъ двумъ чувствительнымъ барометрамъ коротенькую фактическую параллель. Когда стала извѣстной война между Франціей и Германіей, а наши русскія симпатіи всѣ склонились на сторону французовъ, «Новое Время» печатало статьи съ выраженіемъ симпатій къ Франціи. Но вотъ провозглашается извѣстный тостъ въ честь торжества нѣмцевъ, и «Новое Время» на другой же день начинаетъ печатать статьи, благожелательныя для Германіи, враждебныя Франціи.

Другой фактъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда на нашемъ общественномъ горизонтѣ было, повидимому, довольно ясно, въ «Новомъ Времени», точно громъ изъ тучи, явилась внезапно статья противъ интеллигенціи. Это былъ рѣзкій и совершенно неожиданный вызовъ, смѣло брошенный обществу. Печать всполошилась, и начались обсужденія, кого и что слѣдуетъ считать интел-

лигенціей, какая интеллигенція настоящая и какая ненастоящая. Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ такъ и не сходилъ со сцены и составлялъ центральную точку всего умственнаго движенія восьмидесятыхъ годовъ. Не свой вызовъ бросило «Новое Время» обществу, оно явилось лишь подголоскомъ того, что исходило изъ другихъ сферъ.

«Новое Время»—газета почти исключительно петербургская. Она служитъ наилучшимъ показателемъ петербургскихъ теченій, явленій и назрѣвающихъ или назрѣвшихъ мѣропріятій. Въ этомъ отношеніи «Новое Время» есть нашъ настоящій внутренній оффиціозъ. «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ», которымъ въ провинціи придается подобное значеніе, въ дѣйствительности его не имѣютъ. Они настолько грубы и топорны, настолько склонны къ ничѣмъ невызываемымъ крайностямъ и чужды всякой уравновѣшенности, что могутъ служить лишь показателями вожделѣній отдѣльныхъ лицъ или, пожалуй, группы лицъ, но ужь никакъ не показателями руководящаго настроенія. Не имѣя существеннаго значенія, газеты эти, однако, усиливаются показать, что имъ открыты тайны высшихъ канцелярій и кабинетовъ государственныхъ лицъ, изъ которыхъ онѣ будто бы черпаютъ свое вдохновеніе.

«Новое Время» въ такую игру не играетъ. Правда, и оно ведетъ свою игру; оттого и кажется, что у него будто бы два хвоста. Но это, въ сущности, не игра, а просто отраженіе тѣхъ теченій, которыя и въ дѣйствительности существуютъ въ петербургскихъ сферахъ. Петербургъ, несмотря на свой вицмундиръ, любитъ пощеголять либерализмомъ и внѣшнимъ лоскомъ, но у этого либерализма и лоска есть и обратная сторона: традиціонная дѣйствительность, извѣстная установившаяся практика, система, съ которой этотъ самый либерализмъ иногда не соглашается, и противъ котораго онъ даже готовъ и протестовать. И вотъ, въ качествѣ вѣрнаго зеркала, то отражая либеральное и не имѣющее существенныхъ результатовъ словословіе, то отстаивая дѣйствительность, «Новое Время» очень часто ставитъ своихъ читателей въ недоумѣніе и составило себѣ репутацію газеты «чего изволите». Но это «чего изволите», смущающее всякаго другаго читателя, истиннаго «нововременца» нисколько не смущаетъ. Онъ безошибочно отличаетъ практическую дѣйствительность, которою онъ живетъ, отъ красивыхъ либеральныхъ словъ, законность и неустранимую неизбѣжность которыхъ онъ тоже признаетъ въ видѣ чего-то желательнаго, но чего, къ сожалѣнію, пока нельзя осуществить. И онъ правъ, правъ настолько, насколько его практичность ему подсказываетъ, что вотъ «это» въ сей моментъ возможно, а вотъ насчетъ «этого» нужно подождать.

Выполняя свою служебно-отражательную задачу и чуждое претензій «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина», «Новое Время» стоитъ всегда на высотѣ «послѣдняго слова времени» и даже какъ будто его опережаетъ. Такъ,—третій фактъ,—въ концѣ 1889 года «Новое Время», рѣзко обрушивавшееся прежде на интеллигенцію, говорившее объ ея перепроизводствѣ, иронизировавшее надъ стремленіемъ женщинъ къ образованію и къ самостоятельному положенію, стоявшее на сторонѣ нашей такъ называемой классической системы (по крайней мѣрѣ, ничего не писавшее противъ нея), двойственно относившееся къ многимъ реформамъ шестидесятыхъ годовъ и порицавшее «общество», начало высказывать иныя мысли. «Гражданинъ», не съумѣвшій понять, что выражаетъ эта внезапная перемѣна, обвинилъ «Новое Время» въ заискиваніи передъ публикой и въ желаніи занять руководящее положеніе. Ничего этого въ дѣйствительности не было, но такъ же, какъ и ранѣе, «Новое Время» лишь отражаетъ то, что въ немъ отразилось.

У «Новаго Времени» есть и другія характерныя особенности, но я говорю только объ его политической физіономіи. Внѣшнимъ образомъ оно напоминаетъ ею «Голосъ», котораго тоже упрекали за двойной хвостъ, но дѣло въ томъ, что для «Голоса» точкой опоры служило общество, тогда какъ «Новое Время» для общества только издается.

Если «Новое Время», дѣйствуя въ качествѣ барометрическаго указателя, обнаруживаетъ передъ обществомъ возможности для тѣхъ или другихъ его чаяній, ожиданій и надеждъ, то «Недѣля», въ качествѣ органа, опирающагося исключительно на общество, показываетъ съ такою же чувствительностью, какъ это общество принимаетъ раскрывающіяся передъ нимъ возможности для чаяній, ожиданій и надеждъ.

А у общества слишкомъ много поводовъ для ожиданій и надеждъ, потому что всѣ опыты устроенія и общественной организаціи производятся надъ нимъ. Оно та реторта, въ которой должны перебродить всѣ элементы новыхъ возникающихъ порядковъ и отношеній, оно должно сгладить и привести въ равновѣсіе всякія начинанія, проба которыхъ дѣлается надъ нимъ; оно должно испытать на себѣ и всякія ошибки руководящей мысли, пассивно выжидая, когда рядомъ, подчасъ тяжелыхъ до невыносимости послѣдствій, ошибки эти, наконецъ, будутъ установлены съ непреложностью математическаго доказательства. Изъ множества примѣровъ приведу только одинъ—опытъ съ классическою системой образованія. Потребовалось 25 лѣтъ настойчиво изъ года въ годъ повторявшагося опыта, потребовалось массовое накопленіе фактовъ, умственнаго и нравственнаго обезсиленія, потребовалось цѣлое поколѣніе юношей и подростающей молодежи, не имѣющей не только необходимыхъ знаній для жизни, но незнакомой даже достаточно съ роднымъ языкомъ и родною литературой, чтобы идеализація классическаго воспитанія, обѣщавшаго создать людей высшей интеллигенціи и обновить ими общество, нашла въ самой себѣ ахиллесову пяту въ несоотвѣтствіи мѣръ съ цѣлями, къ которымъ эта идеализація стремилась. Понятно, почему общество обнаруживаетъ такую чувствительность ко всему, что касается улучшенія возможностей и условій для его свободнаго раз-

витія, что облегчаетъ ему жизнь, что даетъ ему новыя средства и новыя силы для борьбы за существованіе,

И «Недѣля» съ замѣчательною чуткостью слѣдила всегда за этою стороной русской общественной жизни. Газету можно было даже обвинить за излишній оптимизмъ и за преувеличенныя надежды, которыя она возлагала на случайныя теченія и вѣянія, не заключавшія въ себѣ ничего настолько установившагося, чтобы на нихъ можно было прочно опереться. Но таковъ ужъ законъ надежды и страстной мысли. Впрочемъ, оптимизмъ «Недѣли» былъ лишь отраженіемъ оптимизма общества, которое съ такою же надеждой и страстною мыслью принимало все, въ чемъ находило хотя малѣйшій откликъ или отвѣтъ на свои неразрѣшенные вопросы.

Въ послѣднія десять лѣтъ, о которыхъ я здѣсь только и говорю, «Недѣля» отразила всѣ малѣйшія колебанія въ ожидательномъ настроеніи общества, а когда ей казалось, что общество падаетъ духомъ и теряетъ энергію, она съ такою же настойчивостью говорила о «свѣтлыхъ явленіяхъ» и о необходимости поддерживать падающую общественную энергію «бодрящими впечатлѣніями». Съ эпохи «вѣяній» и до настоящаго времени прошелъ цѣлый послѣдовательный рядъ колебаній въ общественномъ настроеніи. Эти колебанія, точно волны послѣ сильнаго вѣтра, стихали все болѣе и болѣе, пока не явилось то кажущееся уравновѣшенное спокойствіе, на которомъ общество теперь, повидимому, остановилось.

Чувствительность «Недѣли» къ малѣшимъ проявленіямъ жизни въ обществѣ была такъ велика, что она отражала не только всѣ болѣе или менѣе крупныя колебанія, но даже и такія частныя теченія или струи, какъ «новое» движеніе мысли беллетристовъ и публицистовъ 80-хъ годовъ, пытавшихся выдѣлиться въ особую руководящую фракцію. «Недѣлѣ» совершенно справедливо было поставлено въ заслугу (кажется «Саратовскимъ Дневникомъ»), что только она одна даетъ у себя мѣсто молодымъ, начинающимъ талантамъ. И «Недѣля» дѣйствительно можетъ выставить цѣлый списокъ новыхъ именъ, начиная съ Н. Ч. и кончая авторами статей послѣдняго времени, которымъ всегда радушно открывались страницы газеты. Это гостепріимство нужно объяснять тою же жилкой общественности, тѣмъ же стремленіемъ отыскать въ обществѣ хоть малѣйшіе признаки живучести и движенія впередъ. «Недѣлю» можно упрекнуть только въ томъ, что, при оцѣнкѣ силы и характера подобныхъ движеній, она не всегда ставила ихъ на надлежащее мѣсто, а потому и нарушала общественно-идейную перспективу; но ужъ ни въ какомъ случаѣ ее нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы она пропустила какое-нибудь движеніе. Самый оптимизмъ «Недѣли», придающей небольшимъ писателямъ и публицистамъ кружково-преувеличенное значеніе, происходитъ отъ той напряженности, съ какой «Недѣля» старается открыть хоть малѣйшій свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ нашей полудремотной общественности.

Наконецъ, послѣдній фактъ: въ 52 № прошлаго года «Недѣля» напечатала такое заявленіе отъ редакціи: «Въ будущемъ году мы предполагаемъ сдѣлать нѣкоторыя улучшенія въ составѣ «Недѣли». Важнѣйшія изъ нихъ будутъ состоять въ томъ, что рядомъ со статьями практическаго характера мы дадимъ бо̀льшее развитіе статьямъ теоретическимъ, освѣщающимъ текущіе вопросы съ болѣе общей точки зрѣнія. Надѣемся также расширить отдѣлъ критики и библіографіи».

Это заявленіе служитъ несомнѣннымъ показателемъ того, что «практическое» направленіе, въ это десятилѣтіе преобладавшее въ печати и пришпиливавшее общественную мысль слишкомъ плотно къ землѣ, готовится уже утратить свое значеніе. Что общество уже достаточно удовлетворилось преобладающимъ «практическимъ направленіемъ», не разрѣшившимъ его сомнѣній, не удовлетворившимъ его стремленій и не давшимъ ему отвѣтовъ на его общіе, еще не разрѣшенные вопросы, можно заключить изъ того интереса, съ какимъ читающая публика относилась къ сочиненіямъ соціологическимъ, къ психологіи и философіи и къ журнальной полемикѣ, вызванной трудомъ профессора Карѣева «Основные вопросы философіи исторіи». На эту же потребность указываетъ основавшееся въ Москвѣ психологическое общество и издаваемый имъ, подъ редакціей Н. Я. Грота, органъ «Вопросы философіи и психологіи». Несомнѣнно, что нашъ умственный діапазонъ поднимается, и «Недѣля», возвѣщающая, что будетъ теперь давать большее развитіе статьямъ теоретическимъ, освѣщая текущіе вопросы съ болѣе общей точки зрѣнія, только отмѣчаетъ обнаруживаемую обществомъ новую умственную потребность, долженствующую затѣмъ въ послѣдующихъ девяностыхъ годахъ все болѣе и болѣе развиваться.

Конечно, не одно «Новое Время» и не одна «Недѣля» отражаютъ эти два движенія: одно—идущее сверху внизъ, другое—идущее снизу вверхъ. Вся остальная наша печать дѣлится на группы, тоже отвѣчающія этимъ теченіямъ, и если я указалъ на «Новое Время» и на «Недѣлю», то сдѣлалъ это для того, чтобы говорить проще и оттѣнить ярче двѣ основныя черты нашего стремящагося къ равновѣсію новаго общественнаго уклада.

Ровно двадцать пять лѣтъ назадъ, наканунѣ введенія земскихъ учрежденій, газета тогдашняго министерства внутреннихъ дѣлъ, «Сѣверная Почта», обратилась къ обществу съ такимъ воззваніемъ: «Всѣ законодательные акты 1864 г. вызваны всеобщими желаніями страны нашей, вполнѣ совпадавшими съ истинными государственными потребностями. Въ этомъ ихъ общее сходство и залогъ ихъ будущаго благотворнаго вліянія. Дѣйствіе нашихъ новыхъ законовъ поставлено въ зависимость отъ тѣхъ силъ, которыя общество будетъ въ состояніи и захочетъ употребить при ихъ практическомъ примѣненіи. Осуществленіемъ крестьянской реформы русское общество уже доказало, что въ немъ заключается достаточно средствъ для содѣйствія правительству къ достиженію великихъ

законодательныхъ цѣлей. Можно быть увѣреннымъ,—и мы вполнѣ питаемъ эту увѣренность,—что новыя великія преобразованія въ свою очередь вызовутъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ дѣятелей. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время главная задача законодателя выполнена; желанія общества услышаны, сужденія его приняты въ соображеніе, законы тщательно выработаны и изданы. Настала очередь обществу исполнить свое дѣло». Вотъ взглядъ на общество, въ вѣрности котораго двадцать пять лѣтъ назадъ никто и не думалъ сомнѣваться.

А вотъ что о томъ же самомъ обществѣ говорила печать въ 1889 г. Я приведу болѣе выдѣляющіеся отзывы, потому что если выписывать все, что говорилось въ печати 1889 года объ обществѣ, то вышелъ бы многотомный сборникъ. Газетные отзывы объ обществѣ имѣли всѣ почти безъ исключенія порицательный характеръ. Тѣни клались такія густыя, а выраженія подчасъ подбирались настолько рѣзкія и даже ругательныя, что, ей-Богу же, и десятой доли всего этого было бы достаточно, чтобы впасть въ безъисходное отчаяніе и потерять всякую вѣру въ возможность какого бы то ни было возрожденія общества, состоящаго изъ подобныхъ озвѣрѣвшихъ и дикихъ людей, лишившихся, а, можетъ быть, никогда не имѣвшихъ подобія и образа человѣческаго. Чтобы читатель видѣлъ, что я не говорю ничего отъ себя, я буду приводить подлинные отзывы и указывать на газеты, изъ которыхъ они взяты.

«Мы разучились чувствовать реальность высокаго, прекраснаго, нѣжнаго и милаго, благороднаго и честнаго—этихъ болѣе рѣдкихъ продуктовъ жизни. Мы боимся, что все это выдумка, обманъ, плодъ сантиментальнаго воображенія, и потому охотно вѣримъ правдѣ всего несомнѣннаго, грубаго, массоваго, что бываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе животнымъ и низменнымъ. Мы сомнѣваемся въ любви къ ближнему и вѣримъ въ самое крайнее себялюбіе, сомнѣваемся въ духовныхъ радостяхъ любви къ женщинѣ и вѣримъ въ чувственность, сомнѣваемся въ добродѣтели женъ и вѣримъ хвастливой похвальбѣ современныхъ Донъ-Жуановъ, сомнѣваемся въ безкорыстіи стремленій къ общественному благу и вѣримъ алчности и честолюбію, сомнѣваемся въ самопожертвованіи и вѣримъ въ подлость ради обезпеченія собственной жизни» («Недѣля»).

«Нашъ культурный лоскъ—это идолопоклонство варварской цивилизаціи самаго разрушительнаго направленія. Чего онъ коснется, отъ наряда до совѣсти, все спѣшитъ реализировать въ наличную монету. Исчезаютъ традиціонная преемственность, всѣ обычаи старины, всѣ формы взаимнаго довѣрія, даже всѣ личныя добродѣтели обращаются въ безсильное ничтожество передъ могуществомъ культурной политуры. Порядочнымъ человѣкомъ становится человѣкъ денежный, имѣющій связи и дѣло въ обществѣ богатыхъ, наживающій состояніе на биржѣ, разговаривающій по телефону и по телеграфу, отдыхающій въ балетѣ и разъѣзжающій на резиновыхъ шинахъ... Всѣ стремятся, черезъ силу, именно къ такому показному образу жизни. Гордость превращается въ бахвальство выскочекъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, тускнутъ и исчезаютъ всѣ понятія о правдѣ, о честныхъ средствахъ. Вмѣсто нихъ, приходитъ коммерческое безразличіе рублеваго достоинства. Остаются еще въ обращеніи хорошія фразы, театральные монологи, какъ устарѣлая и стертая монета, которую не успѣли перечеканить въ новую форму. Постепенно исчезаетъ нравственный критерій въ оцѣнкѣ поступковъ и остается руководящимъ принципомъ одна легальная трусость, одна боязнь лишиться комфорта, сытой праздности и фарисейскаго уваженія не къ лицу, а къ складу кредитной бумаги. Во всѣхъ формахъ общепринятой вѣжливости и фальшиваго уваженія у насъ воцарился грабительскій культъ. Въ обществѣ жить приходится какъ на травлѣ, на всѣхъ озираясь и подозрѣвая, съ какими кровопійскими цѣлями подходитъ къ тебѣ этотъ пріятный и вышлифованный джентльменъ, съ умною и блестящею рѣчью, доказывающею несомнѣнно его «высшее образованіе». Кромѣ этой боязни, непосредственно остается еще боязнь всякаго рода экспромтовъ и вдохновленныхъ неожиданностей. Завѣдомаго негодяя и подлеца вы не видите, и никто вамъ не покажетъ его. Всѣ хороши, всѣ «порядочные» люди, всѣ учились въ школахъ, всѣ занимаютъ въ обществѣ болѣе или менѣе видныя и частно властныя положенія, и всѣ исповѣдуютъ декоративную показность, представительство и мельканіе... И, что всего хуже, господство этого грабительскаго культа требуетъ самыхъ дюжинныхъ, самыхъ посредственныхъ способностей, доступныхъ рѣшительно всѣмъ. Подъ способностями у насъ и до сихъ поръ подразумѣвается пройдошество и пролазничество, приближающіяся болѣе къ инстинкту самосохраненія, чѣмъ къ уму человѣка нравственно-разборчиваго и брезгливаго» («Новое Время»).

«Пышный и необыкновенно быстрый разцвѣтъ городской культуры, съ легкими и безумными обогащеніями посредствомъ банковыхъ и дорожныхъ концессій, акціонерныхъ надувательствъ, отвлекалъ отъ земли все болѣе легкомысленное населеніе и земельныя ссуды пошли на подряды, на попойки, на игру въ биржевыя бумаги. Городская культура открывала соблазнительно-легкіе способы жить и наживаться. Фиктивныхъ цѣнностей появилось на биржѣ сразу на неисчислимые милліоны и всѣ погнались за ними, не спрашивая, какими экономическими чудесами создалось вдругъ изъ ничего такое колоссальное богатство и, притомъ, въ такую пору, когда весь государственный строй, какъ говорится, ходуномъ ходилъ. Спекуляція дутыми цѣнностями приняла такіе обширные размѣры, что образовалось цѣлое населеніе биржевыхъ игроковъ, а безобразная сила городской культуры, въ борьбѣ за легкое обогащеніе, создала цѣлую спеціальную науку расхищенія всего готоваго...» («Новое Время»).

«Все у насъ есть, всего много, но бѣда въ томъ, что мы не умѣемъ трудиться и боимся физическаго труда, какъ чего-то унизительнаго, обижающаго

и рабскаго. Люди, дерзающіе у насъ жить трудами рукъ своихъ, считаются или за чудаковъ, или за святыхъ, проповѣдующихъ истины какого-то новаго евангелія. Хожденіе же по торному пути казеннаго содержанія или готовой ренты считается подвигомъ, достойнымъ изумленія соотечественниковъ. У насъ считаютъ возможнымъ говорить о непроизводительности и невыгодности жизненнаго труда, если послѣдній доставляетъ гонорара менѣе того, какой могъ бы получать трудящійся руками, если бы онъ взялъ, соотвѣтственную своему рангу и связямъ, казенную службу. Получать 20 числа опредѣленное жалованье по чину и по мѣсту можетъ каждый: тутъ дарованіе и характеръ чиновника не играетъ почти никакой рѣшающей роли. Пословица о «синицѣ въ рукахъ» и «журавлѣ въ небѣ» у насъ очень популярна, и отъ молодыхъ ногтей мы родителями нашими пріучены дорожить казенною синицей и презирать своего возможнаго журавля. Отсюда боязнь риска, отсюда неумѣнье работать, отсюда же косность всего русскаго общества и полный недостатокъ предпріимчивой инициативы,—недостатокъ, открывающій широкое поле иностранцамъ для эксплуатаціи насъ и составляющій вѣрный залогъ нашего долгаго экономическаго и промышленнаго рабства культурной Европѣ...» («Новое Время»).

«У насъ каждый интеллигентъ претендуетъ на тысячи и что ни должность, то тысячи и тысячи, за трудъ и пользу, гораздо ближе измѣряемые мѣдными грошами, чѣмъ тысячами. Съ такими несообразностями нужно бороться всѣми силами, а отнюдь не утверждать ихъ въ сознаніи интеллигенціи, которая такъ или иначе должна жить своимъ трудомъ и знаніемъ, въ примѣненіи къ средѣ деревенской. Въ городѣ давнымъ-давно нечего дѣлать цѣлому сонмищу образованныхъ людей, и люди, рекомендующіе имъ «голодную смерть въ деревнѣ», должны, по меньшей мѣрѣ, указать имъ новыя «мѣста» съ тысячными окладами. Гдѣ ихъ взять? Становится понятенъ этотъ застой содержанской бездарности и преобладаніе инородцевъ во всякомъ практическомъ дѣлѣ. Куда ужь соваться на «вольный» трудъ, изобрѣтать улучшенія, болѣе легкіе способы для разработки богатствъ, о которыхъ всѣ говорятъ и пишутъ, но никто къ нимъ не прикасается, въ ожиданіи раздачи новыхъ содержаній! Кому же браться за дѣло? Своею неумѣлостью, бездарностью и раздутымъ самомнѣніемъ школьнаго чванства интеллигенція сама открываетъ всѣ доступы къ богатству людямъ дикимъ и невѣжественнымъ. Пенять не на кого. Въ шумной суматохѣ столицъ, гдѣ пустяковскаго люда видимо-невидимо, еще замѣтны какіе-то признаки жизни въ нынѣшнемъ интеллигентѣ. Внѣшнія впечатлѣнія, хотя и пустяковскія, еще безпокоятъ его нервы. Но въ провинціи жалко смотрѣть на новѣйшихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, факирски сосредоточенныхъ на желудочныхъ самонаблюденіяхъ. Бродятъ они, какъ осеннія мухи, мычатъ и глазами мигаютъ, двигаются медленно и сами не знаютъ, куда и зачѣмъ, пишутъ какія-то «дѣла» и, повидимому, писать еще не умѣютъ, но читать уже давно забыли. Идетъ на васъ какой-то опорожненный сосудъ, и вамъ стоитъ большихъ усилій признать въ немъ не только подобіе образа Божія, но еще и человѣка «съ высшимъ образованіемъ» («Новое Время»).

«Въ Европѣ вы не найдете ни одного мало-мальски образованнаго человѣка, который не имѣлъ бы самыхъ точныхъ свѣдѣній обо всемъ, что касается его отечества, его прошлаго и настоящаго, его топографіи, орошенія, его естественной и фабричной промышленности и проч. Исторію и положеніе своей родной провинціи онъ знаетъ до мельчайшихъ подробностей. Онъ знаетъ, чѣмъ знаменитъ лѣвый берегъ такой-то рѣченки, что происходило 300 лѣтъ тому назадъ на этомъ полѣ, кто стоялъ когда-то вотъ на этой скалѣ, чѣмъ вызвана такая-то народная легенда или пѣсня, почему тотъ городъ носитъ такое и такое названіе... А вы спросите-ка нашего просвѣщеннаго россіянина, что ему извѣстно о своей родинѣ. Онъ помнитъ, что было когда-то какое-то Мамаево побоище, но кто кого билъ и за что—этого не помнитъ. Онъ помнитъ, что есть такая-то рѣчная система, но чѣмъ она отличается—этого онъ или вовсе не знаетъ, или забылъ. Онъ знаетъ, что такой-то монастырь считается россійскою древностью, а почему? Онъ знаетъ, что такая-то мѣстность имѣетъ историческое значеніе, но самаго факта не знаетъ. О своемъ же собственномъ краѣ онъ положительно ничего не знаетъ, такъ какъ въ учебникахъ объ этомъ ничего не говорилось, а пополнять этотъ пробѣлъ своими собственными силами и средствами онъ никогда не имѣлъ желанія...» («Елисаветградскій Вѣстникъ»).

«Нашей публикѣ, въ цѣлой массѣ ея, надо еще много учиться для того, чтобы подняться до одного уровня съ европейской. Надо помнить, что пращуровъ современнаго поколѣнія Петръ I палкой гналъ учиться, тогда какъ въ Европѣ процвѣтали уже академіи и университеты. Роковой законъ наслѣдственности долженъ сказаться, и вольные и невольные грѣхи предковъ взыскиваются на насъ. И они взысканы—о томъ свидѣтельствуетъ наша невоспитанность въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи; о томъ свидѣтельствуетъ ничтожный процентъ дѣйствительной интеллигенціи въ нашихъ такъ называемыхъ интеллигентныхъ сословіяхъ... Свѣжая молодежь, побывавшая въ провинціи, негодуетъ на «скотскую» жизнь общества. Это слово повторяется часто въ частныхъ письмахъ. Клубы, выпивка и винтъ—вотъ и всѣ интересы общественной жизни. Массѣ публики нашей надо еще учиться. Наше общество надо еще шевелить и будить въ умственномъ смыслѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ заявленія подписчиковъ, получаемыя редакціями теперь и получавшіяся еще въ большемъ количествѣ въ то время, когда не была еще такъ ощутительна спячка нашей мысли. Иные вопросы поражаютъ невѣдѣніемъ самыхъ элементарныхъ вещей, знать которыя обязательно для каждаго образованнаго человѣка, но во всѣхъ слышится искренній призывъ: мы хотимъ знать, въ чемъ правда,—научите. Въ нихъ сказывалась непривычка мыслить

самостоятельно. Самые чуткіе требуютъ готоваго кодекса, по которому слѣдуетъ устраивать жизнь свою. Число такихъ ищущихъ разъясненій, жаждущихъ, чтобы имъ опредѣлили, что думать и дѣлать, нельзя опредѣлить цифрами, но оно должно быть велико» («Новости»).

«Человѣкъ съ правилами—вотъ та рѣдкостная птица, которой никакъ не могутъ высидѣть ни закрытые, ни открытые, ни классическіе, ни реальные питомники нашей педагогіи. Возьмите нѣмца: у него всегда есть свои излюбленныя «золотыя правила», которыя, обыкновенно, начертанныя огромными золочеными буквами, развѣшиваются по стѣнамъ нѣмецкаго училища. «Человѣкъ, не предавайся гнѣву»,—гласитъ золоченое начертаніе золотого правила,—и нѣмецъ не предается. «Будь умѣренъ въ своихъ желаніяхъ»,—читаетъ онъ на стѣнкѣ—и становится умѣренъ. Если нѣмецъ съ правилами напоминаетъ шарманку, которая весь свой вѣкъ наигрываетъ однѣ и тѣ же аріи, то русскаго можно, пожалуй, сравнить съ тѣмъ удивительнымъ музыкантомъ, у котораго мѣдная остроконечная шапка увѣшана бубенчиками, на спинѣ прикрѣпленъ барабанъ, въ который онъ ударяетъ привязанными къ локтямъ палками, между колѣнями гремятъ литавры, на пяткахъ звенятъ цимбалы, а руки стараются управиться съ скрипкою. Такой «всесторонній» музыкантъ по необходимости играетъ безъ всякихъ правилъ, предоставивъ полную свободу дѣйствій и рукамъ, и ногамъ, и колѣнямъ, и локтямъ. Война русскаго человѣка со всѣмъ, что носитъ на себѣ клеймо «провила», до того непримирима, что даже «Божьи старушки»—и тѣ при случаѣ ковыляютъ въ обходъ установленныхъ правилъ... Россійскій же интеллигентъ просто презираетъ всякія правила, какъ несовмѣстимыя съ «широтою взгляда». Подъ этою «широтой» мирно уживаются самыя, казалось бы, непримиримыя вещи, и героизмъ до поры до времени довѣрчиво спитъ рядомъ со свинствомъ. Теперь предположите, что съ такимъ предрасположеніемъ «и туда, и сюда» юноша бросается въ адвокатуру. Можно держать пари, что свинство проснется раньше героизма и преспокойно его придушитъ...» («Недѣля»).

«Наше время есть именно время водворенія свинства. Лозунгъ времени, кажется, именно таковъ: «идеи упразднить, а свинство водворить». Но противъ такого лозунга хоть спорь, хотя не спорь, все равно ничего не выйдетъ. Ибо свинство есть сила, которую никакою діалектикой не прошибешь. Но есть у насъ и такіе, которые не только хотятъ провозгласить этотъ лозунгъ и, такъ сказать, привести его въ дѣйствіе, но еще и оправдать его, но еще найти для него «раціональныя объясненія». И такіе, на вопросъ, что такое идея, что такое идеалъ, отвѣчаютъ совершенно такъ, какъ когда-то отвѣчалъ на подобные вопросы кучеръ Генриха Гейне. Этотъ почтенный нѣмецкій обыватель разрѣшалъ вопросъ просто. «Идея,—говорилъ онъ,—есть всякій вздоръ, который придетъ человѣку въ голову». Многіе почтенные россійскіе обыватели съ нѣкоторыхъ поръ стали придерживаться подобнаго же взгляда... И такъ: «идеи»—это всякій вздоръ, который придетъ кому-нибудь въ голову, а также и «идеалы»... И обыватель радуется, потому что до того ужъ затравили его «идеями» и «идеалами», что онъ радъ передохнуть. Давно его это тяготило, но прежде онъ не смѣлъ явно выразить свои чувства, кряхтѣлъ и мялся, и лишь въ домашнемъ кругу, охая и стеная, иногда поговаривалъ: «охъ, ужъ эти мнѣ «идеи»—вотъ онѣ гдѣ у меня сидятъ!»—но когда начали писать въ газетахъ, то и обыватель осмѣлился... «Подите вы съ своими «идеями»,—бойко началъ поговаривать онъ,—не до идей намъ, у насъ есть «реальное дѣло»—и отправлялся дѣлать это реальное дѣло, т.-е. играть въ винтъ или слушать куплеты опереточной дивы...» («Южный Край»).

«Наше общество недавняго времени укоряли въ оторванности отъ народа, отъ его духа, отъ историческихъ традицій его; говорили, что легкомысленный общественный либерализмъ и есть послѣдствіе этой оторванности. Но и теперь общество съ «измѣнившеюся физіономіей», общество, поворотившее отъ либерализма къ «здравымъ понятіямъ»—столь же оторвано отъ народа, отъ его историческихъ традицій, столь же мало общаго имѣетъ съ духомъ этого народа. Перемѣнился мундиръ, а люди, носящіе его, остались тѣ же. Вмѣсто либеральнаго мундира, надѣтъ консервативный мундиръ, потому что носить его стало выгоднѣе,—вотъ и все, вотъ въ чемъ и простое объясненіе факта, что вчерашніе либералы оказываются сегодня консерваторами, что вчерашніе матеріалисты сегодня, уже имѣя очи горѣ, говорятъ «о путяхъ Провидѣнія», что вчерашніе «либръ-пансеры» сегодня покорно выслушиваютъ «молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ». Издали всему этому можно удивляться, но когда присмотришься къ дѣлу ближе, то ясны дѣлаются пружины всѣхъ этихъ изумительныхъ метаморфозъ. «Выгоднѣе»—вотъ въ чемъ все дѣло, вотъ объясненіе того общественнаго лицемѣрія, которое совершается у всѣхъ на глазахъ, о которомъ всѣ знаютъ и всѣ же умалчиваютъ...» («Южный Край»).

«Дуракъ пришелъ!» Какъ это ни прискорбно, но это такъ. «Дуракъ»—онъ былъ и раньше, но то былъ «дуракъ» особенный, дуракъ мягкій, дуракъ покладистый, дуракъ, подчинявшійся разнымъ вѣяніямъ, дуракъ, оглядывавшійся по сторонамъ, дуракъ, всегда безпокоившійся, на ту ли ногу онъ ступилъ и такъ ли это выйдетъ, дуракъ, наконецъ, жаждавшій просвѣщенія, и хотя не получавшій этого просвѣщенія по своей глупости, но все же жаждавшій,—однимъ словомъ, либеральный дуракъ. Теперь пришелъ дуракъ особенный, онъ называетъ себя «консервативнымъ», но и это неправда, ибо консерватизмъ, по самой этимологіи слова, нѣчто предполагаетъ, желаетъ что-то охранять, нѣчто существующее, ибо «консерватизмъ» предполагаетъ нѣкоторыя идеальныя требованія, отправляется отъ нѣкоторыхъ идей. Но теперешній дуракъ ничего этого не признаетъ; онъ даже

не попугай, какимъ былъ дуракъ либеральный, умѣвшій произносить разныя затверженныя фразы; онъ даже членораздѣльную рѣчь отрицаетъ, а просто мычитъ. Если же и прибѣгаетъ къ членораздѣльной рѣчи, то единственно, чтобы высказать какую-нибудь пакость или нагло скощунствовать. Вотъ какой дуракъ пришелъ!... И вы начинаете сомнѣваться въ будущемъ, —жалѣть о прошломъ. «Либеральный дуракъ! гдѣ ты?—восклицаете,—откликнись!» Но либеральный дуракъ не откликается, онъ запуганъ. Онъ сидитъ въ банкѣ и боится пикнуть. Вы вспоминаете про него, про либеральнаго дурака, съ умиленіемъ. Правда, онъ докучалъ вамъ своею глупостью, правда, онъ докучалъ вамъ своею азартною болтовней, правда, вы брезгали имъ за его пошлость, за удивительное умѣнье соединять казенный окладъ съ либерализмомъ, за удивительное умѣнье соединять въ себѣ, въ одно и то же время, всѣ черты Молчалина и всѣ черты Хлестакова,—но онъ, по крайней мѣрѣ, не вопилъ: «пороть!»—и если кощунствовалъ, то втихомолку, а не открыто, кощунствовалъ ради «оппозиціи» и потихоньку отъ начальства... И вы, упоенные воспоминаніемъ—«что пройдетъ, то будетъ мило»,—вопите: «гдѣ ты, гдѣ ты, либеральный дуракъ?...» («Южный Край»).

Если читатель сопоставитъ все, что я сказалъ о политикѣ «Новаго Времени» и «Недѣли», и мнѣнія объ обществѣ «Сѣверной Почты» и печати прошлаго года, онъ непремѣнно почувствуетъ смущеніе, точно человѣкъ, очутившійся въ дремучемъ лѣсу. И въ самомъ дѣлѣ, политическая роль «Новаго Времени» и «Недѣли» по существу своему очень серьезная, ибо они служатъ показателями тѣхъ двухъ общественно-государственныхъ теченій, изъ которыхъ слагается наша общественно-государственная жизнь, они популяризируютъ не только извѣстный рядъ понятій и общественныхъ идей, но, проводя въ общество иногда противуположныя и какъ бы сталкивающіяся теченія идей и стремленій, даютъ обществу матеріалъ, который общественная мысль должна переработать, согласовать, примирить, возвести въ общественное сознаніе и подвести имъ окончательный умственный итогъ въ формѣ той созрѣвшей и установившейся мысли или понятій, которыя затѣмъ и служатъ основаніемъ для установленія тѣхъ или другихъ основаній для практическихъ мѣропріятій. Очевидно, въ области понятій, о которыхъ рѣчь, все важно и серьезно,—важно и серьезно настолько, насколько только можетъ быть важно и серьезно все то, что касается насущныхъ жизненныхъ интересовъ общества, правительства и государства.

«Сѣверная Почта» съ подобною же серьезностью, вызываемою серьезностью и важностью великихъ задачъ, которыя разрѣшались реформами шестидесятыхъ годовъ, говоритъ, что общество того времени вполнѣ доказало свою способность идти рука объ руку съ правительствомъ и содѣйствовать ему въ достиженіи его великихъ законодательныхъ цѣлей, и что всѣ законодательные акты 1864 года вызваны всеобщими желаніями страны, вполнѣ совпадавшими съ истинными государственными потребностями, что всѣ желанія общества услышаны, сужденія его приняты въ соображеніе, законы тщательно выработаны и изданы. Оффиціальный органъ министерства, стоявшаго въ самой серединѣ водоворота многосложныхъ государственныхъ, общественныхъ и правительственныхъ задачъ, требовавшихъ ихъ гармоническаго слiянія и разрѣшенія, ужь, конечно, ясно и сознательно говорилъ объ обществѣ, на содѣйствіи котораго только и былъ основанъ весь успѣхъ преобразованій. Общество, содѣйствовавшее освобожденію крестьянъ и выставившее тѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей, которые разработали, а затѣмъ привели и въ исполненіе великую реформу, ужь, конечно, заключало въ себѣ достаточныя силы или, какъ выражалась «Сѣверная Пчела», «просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ дѣятелей», чтобы осуществить на практикѣ реформы менѣе трудныя и сложныя. И общество дѣйствительно откликнулось на призывъ правительства, на обращеніе къ лучшимъ и великодушнымъ чувствамъ и инстинктамъ общества, къ тѣмъ вѣчнымъ благороднымъ сторонамъ благородной человѣческой природы, которая никогда себѣ не измѣняла, когда къ ней обращались. Практическое осуществленіе судебной и земской реформы доказало, насколько въ обществѣ кроется просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ силъ, способныхъ служить великимъ государственнымъ задачамъ и цѣлямъ справедливости.

Но вотъ проходитъ ровно четверть вѣка и то же общество, которое по закону развитія должно было подняться, казалось, на высоту неизмѣримую, получаетъ отъ печати 1889 года такую аттестацію, что съ недоумѣніемъ себя спрашиваешь, о какомъ тутъ обществѣ рѣчь? Кто же это разучился чувствовать и понимать все честное и благородное, кто, начиная отъ совѣсти и до наряда, реализировалъ все въ наличную монету, кто водворилъ грабительскій культъ и создалъ цѣлую науку расхищенія всего готоваго, кто упразднилъ идеи и идеалы, растерялъ благородныя стремленія и побужденія и водворилъ «всеобщее свинство», кто подъ видомъ «здравыхъ понятій» продалъ свою душу и совѣсть личной выгодѣ, кто этотъ «дуракъ», который теперь пришелъ и сталъ кощунствовать надъ тѣмъ, что еще недавно казалось обществу святыней?

Нѣтъ, это не недоразумѣніе. Это не рѣчь о томъ обществѣ, которое свершило освобожденіе крестьянъ, выполнило послѣдующія преобразовательныя предначертанія законодателя и заключало въ себѣ еще достаточно силъ, чтобы идти дальше. Очевидно, что печать 1889 года вела рѣчь совсѣмъ о другомъ обществѣ, къ которому «Сѣверная Почта» вовсе не обращалась.

Это общество прожигателей жизни, гонявшееся за личнымъ наслажденіемъ и за легкою наживой, было и тогда; оно выставило даже цѣлый послѣдовательный рядъ червонныхъ валетовъ, черныхъ бандъ и т. д. Была тогда же и безразличная часть общества, совершенно равнодушная къ реформамъ,

къ общественнымъ идеямъ и идеаламъ, къ литературѣ, къ печати. Была и та часть общества съ низменными, грубыми, кулаческими инстинктами, для которой вся цѣль жизни заключалась въ наживѣ и въ объегориваніи. Была, наконецъ, и та часть, неспособная ни къ какому личному производительному труду, которая искала только жалованья и мѣстъ. Все, о чемъ говорила печать 1889 г., чѣмъ она такъ возмущалась и чѣмъ она старалась колоть глаза обществу, всецѣлой его массѣ, не съ неба свалилось внезапно и народилось не въ прошедшемъ году. Это порицаемое общество, т. е. та часть его, тѣ его фракціи, слои и прослойки, которыя не обнаруживали умственной и нравственной устойчивости и были совершенно равнодушны ко всему, что не касалось ихъ лично, порицалось и печатью временъ реформъ. Но тогда у этой печати были еще и другія цѣли и задачи, былъ и другой слушатель и читатель, стремившійся къ тѣмъ же цѣлямъ и къ разрѣшенію тѣхъ же задачъ, былъ слушатель работникъ, проникнутый реформаціонными и общественными идеями, составлявшій дѣятельные общественные верхи или такъ называемое общество шестидесятыхъ годовъ. Оно-то и составляло декорацію перваго плана, оно-то и давало цвѣтъ и тонъ жизни, оно же давало и матеріалъ для печати.

У газетной печати 1889 года этого матеріала совсѣмъ и не было передъ глазами, точно онъ совсѣмъ исчезъ, точно первый планъ общественной сцены былъ занятъ исключительно тѣми статистами, о которыхъ печать только и говорила. И на первомъ планѣ стояли дѣйствительно только статисты, только тѣни и подобія настоящихъ людей,— тѣ жалкія подобія, съ которыми газеты и боролись какъ съ вѣтряными мельницами.

И какими же средствами онѣ боролись? Онѣ тыкали человѣческому подобію пальцемъ въ лицо и приговаривали: ты такой-сякой, ты сволочь, ты свинство, ты дуракъ! Эти потоки морально-назидательныхъ изліяній, въ безполезно-безплодномъ изобиліи которыхъ наши газеты оставили далеко за собой крыловскаго повара-грамотѣя, доходили до поразительной по своей пустотѣ и безсодержательности шумихи словъ, образчики которой читатель могъ найти почти во всѣхъ газетахъ, какъ въ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. «Да, кто хочетъ работать, тотъ никогда не будетъ жаловаться на то, что работать нельзя, что вотъ если бы онъ былъ тамъ-то или тѣмъ-то, тогда—дѣло иное... Все это фразы, диктуемыя нежеланіемъ работать, все это фразы лицемѣрнаго тунеядства, корыстолюбія, апатіи. Человѣкъ, любящій родину, не можетъ сидѣть сложа руки, когда такъ много дѣла. На какое мѣсто онъ ни попалъ бы, онъ будетъ полезенъ... Въ томъ-то и бѣда, что мало живыхъ людей и много, черезчуръ много двуногихъ аппаратовъ... Какъ же не лицемѣріе говорить, что нельзя дѣлать дѣла, что жить скучно... и т. д. Все это ложь. Только надо любить дѣло, любить трудъ, быть такимъ живымъ человѣкомъ, который желаетъ, чтобы все было лучше, совершеннѣе, и который дѣлаетъ не по обязанности, а по влеченію, и жизнь ваша будетъ полна смысла и безконечной работы, дающей удовлетвореніе,—разумѣется, не матеріальное...» Этотъ образчикъ моральнаго краснорѣчія я взялъ изъ петербургской газеты «День». Тѣмъ же краснорѣчіемъ, но съ полемическимъ оттѣнкомъ и съ крѣпкими словами вродѣ «свинство» и «дуракъ», изъ провинціальныхъ газетъ отличался «Южный Край». Наклонность къ моральной болтливости обнаруживали почти всѣ безъ исключенія газеты, тяготѣвшія къ крайней правой. Съ ихъ стороны это было вполнѣ логично, хотя для общественнаго сознанія совершенно безполезно.

Сознательно или безсознательно морально-порицательное отношеніе къ обществу преобладало въ нашей печати послѣдняго времени, и въ особенности печати 1889 года, рѣшать, пожалуй, даже и не зачѣмъ. Довольно того, что оно преобладало и заслоняло всякое другое болѣе серьезное, правильное и дѣйствительно общественно-критическое отношеніе. Порицаніе и обвиненіе стало точно газетною модой. Каждый репортеръ и корреспондентъ превратился въ обличителя безнравственности общественныхъ тунеядцевъ и шалопаевъ, а за ними въ видѣ грозной артиллеріи выступали фельетонисты, обозрѣватели и газетные передовики, громившіе уже въ серьезъ и съ видомъ государственныхъ мыслителей всѣхъ праздно-болтающихъ (конечно, кромѣ себя), всѣхъ шатающихся по трактирамъ и опереткамъ.

Можетъ быть, это и не было модой, но несомнѣнно, что это было стаднымъ явленіемъ и дѣйствіемъ подражательнымъ, которое росло и развивалось съ тѣхъ поръ, какъ «Новое Время» первое свистнуло въ свою дудку противъ интеллигенціи. Но «Новое Время» знало хорошо, что оно дѣлаетъ и идеи какой политики оно проводитъ; послѣдующіе же свистуны обзавелись собственными дудками по тому же образцу и засвистѣли въ нихъ только потому, что свистятъ другіе.

Эта печать и ея свистѣвшіе публицисты были серьезно убѣждены, что нашли истиннаго врага нашей общественности, что всему мѣшаетъ «шалопай», посѣтитель оперетокъ и прожигатель жизни, все честолюбіе котораго направлено лишь на то, чтобы обзавестись резиновыми шинами. И ничтожный шалопай, этотъ истинный общественный микробъ—и самъ лишь продуктъ извѣстныхъ условій, не имѣющій ровно никакого значенія въ экономіи нашей общественности, привлекъ на себя все вниманіе и уподобился тому глупому волу, котораго медвѣди, тигры и волки взвалили на костеръ, «чтобъ и тѣла намъ спасть, и нравы отъ заразы». Шалопай явился, такимъ образомъ, горчичникомъ, не только отвлекшимъ наше общественное вниманіе въ другую сторону, но и создавшимъ цѣлое моральное движеніе мысли, которое еще больше овладѣло нашимъ вниманіемъ.

Ничтожный шалопай съ его честолюбивымъ стремленіемъ къ резиновымъ шинамъ породилъ даже новое религіозное ученіе и гоненіе на всю современную цивилизацію. Жизнь требовала хорошей поло-

вой щетки, чтобы вымести соръ, мѣшающій намъ ходить, а тутъ явились будды съ такими морально-радикальными требованіями, которыхъ намъ не удовлетворить и черезъ двѣ тысячи лѣтъ. Чуждые всякихъ общественно-политическихъ инстинктовъ и стремленій, проповѣдники новой религіи и новой цивилизаціи совсѣмъ не понимали, что они разыгрываютъ роль горчичника, отвлекающаго вниманіе отъ текущихъ дѣлъ.

Не понимали этого, кажется, и нѣкоторые органы политической печати. Такъ, «Новости» обозвали «праздными и пустопорожними рѣчами» полемику, которая велась въ 1889 году по поводу того, моральными ли средствами или учрежденіями исправляются общественныя отношенія и порядки. Тѣ, кто спорилъ, хорошо понимали, чего они хотятъ и о чемъ они говорятъ. Сущность спора только въ томъ и заключалась, чтобы объяснить тѣмъ, кто въ этомъ еще сомнѣвался или этого не зналъ, что въ текущій общественный моментъ намъ нужно обзавестись хорошею половою щеткой, а не садиться на дно ямы, полной сору, и, глядя со сложенными на груди руками вверхъ, мечтать о голубомъ небѣ. Споръ этотъ былъ не теоретическій; онъ велся не *вообще* и рѣчь шла не о томъ, чтобы рѣшить, что было раньше—курица или яйцо, а рѣчь шла о томъ, нужно ли вооружиться половою щеткой, или сѣсть въ яму. Требовалось ослабить вліяніе проповѣдниковъ новой цивилизаціи и религіи, которые не только смущали обыкновеннаго средняго, хотя и доброжелательнаго человѣка, но смущали и недостаточно твердыхъ и самостоятельныхъ публицистовъ, которые тоже начали склоняться въ сторону безплодныхъ мечтаній о голубомъ небѣ и изъ публицистовъ превращались въ проповѣдниковъ.

Полемика и споры печати 1889 года о свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ, о морали и учрежденіяхъ, о «молодыхъ» писателяхъ и публицистахъ восьмидесятыхъ годовъ имѣли лишь этотъ смыслъ. Они не только не были «праздными и пустопорожними рѣчами», а, напротивъ, служили очень важнымъ показателемъ того, что общественная мысль снова находитъ свое равновѣсіе, которое она было утеряла, и что она производитъ себѣ провѣрку.

Надо отдать справедливость газетамъ правой, которыя всегда яснѣе понимали, чего онѣ хотятъ и куда онѣ идутъ, чѣмъ газеты лѣвой, и въ особенности газеты провинціальныя. Конечно, газеты правой пользовались выгодами своего положенія и сохранять свою линію имъ было легче. Но это нисколько не оправдываетъ ни сомнѣній, ни, тѣмъ болѣе, шатанья мысли газетъ лѣвой.

Съ ними повторилось то же, что привело «новое литературное поколѣніе» и публицистовъ восьмидесятыхъ годовъ къ общественно-политическому индифферентизму. Почувствовавъ свое безсиліе, они рѣшили, что нужно начинать жизнь снова, а не продолжать то, что народилось и должно рости и развиваться. Они даже выдумали теорію общественныхъ десятилѣтій, прежде всего невыгодную для нихъ самихъ, потому что ею они осудили сами себя на смерть съ концомъ своего десятилѣтія. И смерть этого индифферентнаго настроенія, конечно, свершится—не сегодня, не завтра, а свершится, и умственное настроеніе девяностыхъ годовъ не повторитъ настроенія восьмидесятыхъ.

Когда газеты правой и во главѣ ихъ «Новое Время» кинули перчатку интеллигенціи и обществу, они отлично знали, что они дѣлаютъ. Еще въ шестидесятыхъ годахъ, въ самый разгаръ реформъ, наша верховая и общественно-дѣятельная интеллигенція обнаружили два несходныхъ стремленія. Эти оба стремленія очень долго удерживали свое положеніе и, конечно, выработали бы, наконецъ, устойчивое равновѣсіе. Но судьба судила иначе и въ восьмидесятыхъ годахъ явился рѣзкій перевѣсъ одного общественнаго теченія надъ другимъ. Вотъ этотъ-то поворотъ и наступившую новую пору «Новое Время» и заявило обществу, бросивъ перчатку интеллигенціи.

Перемѣна картины свершилась до того рѣзкая и неожиданная, точно вихрь прошелъ по землѣ Русской. Та часть верховой интеллигенціи, которая еще недавно принимала дѣятельное участіе въ дѣлахъ реформъ, совершенно исчезла изъ вида, точно она зарылась въ землю. Тонъ и цвѣтъ, который она давала жизни, тоже исчезъ, потому что исчезло нравственное и умственное руководительство и началъ поднимать голову и рости тотъ интеллигентъ общественныхъ подонковъ, который до сихъ поръ робко заявлялъ о своемъ существованіи и головы высоко поднимать не смѣлъ. Какой это интеллигентъ и что онъ можетъ внести въ нашу общественную жизнь, и насколько на него можетъ опереться общественный порядокъ и гражданское благоустройство, читатель видѣлъ изъ тѣхъ газетныхъ характеристикъ, которыя я привелъ.

Газеты правой и въ особенности обскурантныя, хорошо понимали, что шалопай, прожигатель жизни, биржевой игрокъ и человѣкъ наживы, честолюбіе котораго сводится только къ резиновымъ шинамъ, не могутъ изображать интеллигентной общественной силы, на которую могло бы опереться правительство. Но такъ какъ шалопайная и праздная интеллигенція изъ недоучекъ была этимъ газетамъ на руку, то онѣ свалили въ одну кучу все, что оказывалось выгодно свалить, и получился какой-то составной, искусственный интеллигентъ, дѣйствительно ни на что непригодный, на котораго онѣ имѣли полное право указывать пальцемъ, какъ на общественную язву и неспособность.

Но вѣдь, шалопаевъ, людей наживы и героевъ резиновыхъ шинъ въ Европѣ не меньше, чѣмъ у насъ, и ни Гладстонъ, ни Бисмаркъ, ни Карно не пригласятъ ихъ въ свой совѣтъ и общество не выберетъ изъ нихъ своихъ представителей. Консервативная печать Европы тоже не станетъ выдавать шалопая за общественнаго дѣятеля, она не станетъ заниматься общественными подлогами, не станетъ лгать и клеветать на лучшія умственныя силы общества, безъ содѣйствія которыхъ никакое правительство не можетъ достигнуть плодотворныхъ результатовъ. Если у насъ для обществен-

ныхъ дѣлъ мало работниковъ, то едва ли наша консервативная печать представляетъ доказательство своего патріотизма и общественно-государственнаго смысла, уменьшая искусственно ихъ число и затирая тѣхъ, на кого правильно, нормальнымъ ходомъ идущая жизнь только и должна опираться.

Впрочемъ, продолжать и въ девяностыхъ годахъ съ нашею консервативною печатью полемику объ интеллигенціи—значитъ говорить въ прошедшемъ, а, можетъ быть, и въ давно прошедшемъ времени. Десять лѣтъ работы общественнаго сознанія — срокъ большой и острое состояніе мысли такъ долго тянуться не можетъ. Конецъ восьмидесятыхъ годовъ и ихъ начало не имѣютъ ничего общаго не только по своему умственному содержанію и общественнымъ задачамъ, но и по составу общественныхъ дѣятелей. Для остраго момента требуются не такіе люди, какіе требуются въ моменты устанавливающагося равновѣсія, когда жизнь стремится идти своимъ спокойнымъ ходомъ. Энергическіе общественные дѣятели, наклонные къ рѣшительнымъ и крутымъ дѣйствіямъ, идеалисты, какого бы они ни были направленія, фанатически отдающіеся своей идеѣ и настолько сильные и энергическіе, чтобы дать ей перевѣсъ, вносятъ въ жизнь слишкомъ много боеваго начала. Они слишкомъ бередятъ, тревожатъ, тормошатъ и по своей безпокойной энергіи болѣе способны на борьбу, чѣмъ на устроеніе, на искорененіе, чѣмъ на созиданіе. И такихъ дѣятелей восьмидесятые года имѣли не одного.

Въ моментъ, когда общество нуждается въ безтревожномъ и довѣрчивомъ къ нему отношеніи, боевое настроеніе «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина» является даже и не анахронизмомъ, а просто непониманіемъ того, что съ программой восьмидесятыхъ годовъ нельзя вступать въ девяностые годы. Уже и въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ программа этихъ газетъ была настолько внѣ времени и консервативныхъ требованій, что даже «Южный Край», идущій вообще рядомъ съ «Московскими Вѣдомостями», приходилъ въ негодованіе отъ «Гражданина» и бросилъ по адресу князя Мещерскаго: «дуракъ идетъ!»

И «Московскимъ Вѣдомостямъ» не удержать своего «консервативнаго» положенія, если онѣ не отложатъ въ сторону свою боевую трубу и барабанъ, которые теперь никому не нужны, и не будутъ держаться иной, болѣе разсудительной, спокойной и понимающей требованія жизни программы. Чтобы явиться выразителями спокойнаго и «трезвеннаго» консерватизма, имъ, пожалуй, даже и думать бы не приходилось, потому что въ числѣ провинціальныхъ газетъ, получаемыхъ редакціей «Московскихъ Вѣдомостей»' имѣется, конечно, «Кіевлянинъ», у котораго московская газета и могла бы позаимствовать тонъ спокойнаго достоинства и серьезности, прежде всего обязательныхъ для каждаго консервативнаго органа. Какой же это консерватизмъ, если онъ постоянно горячится и волнуется, выскакиваетъ изъ себя, а что всего меньше достойно трезвеннаго консерватизма — себя подхлестываетъ. Нашей консервативной печати неизбѣжно измѣнить тонъ, ибо ея боевая роль кончилась и ей незачѣмъ больше гремѣть своими пустыми бочками.

Какъ на показателя перемѣнъ, съ которыми консервативная печать вступаетъ въ девяностые годы, я укажу на нѣкоторыя происшедшія въ ней перемѣны. Свершились ли эти перемѣны случайно или неслучайно, во всякомъ случаѣ, онѣ свершились и въ шумномъ оркестрѣ нашей консервативной печати инструменты теперь измѣнились. «Лучъ»ересталъ грохотать г. Окрейцомъ и поступилъ подъ новую редакцію, которая ведетъ свое дѣло спокойнѣе и осмотрительнѣе; «Газета Гатцука», несмотря на то, что она издается довольно давно, съ девяностаго года совершенно обновилась. «Газета,—какъ заявляетъ новая редакція,—не будетъ служить, какъ всѣ наши безъидейныя (консервативныя) иллюстрированныя изданія, для празднаго легкаго чтенія. Она постарается, насколько позволятъ ей силы, средства и обстоятельства, ставить и освѣщать тѣ жизненные вопросы, общественные и индивидуальные, которые съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе назрѣваютъ въ русскомъ обществѣ и не находятъ не только разрѣшенія, но даже и возможности быть поставленными ясно и опредѣленно». Программѣ этой соотвѣтствуютъ и новыя литературныя прогрессивныя силы, которыми газета заручилась.

Если еще нельзя утверждать, что у насъ свершается перемѣщеніе общественныхъ силъ, то несомнѣнно, что и въ правящей интеллигенціи, и въ обществѣ началась уже перемѣна настроенія. Наиболѣе выдающимся признакомъ этой перемѣны служитъ установившееся общее согласіе на необходимость подвергнуть тщательному пересмотру господствующую теперь систему общественнаго образованія и воспитанія.

Нападки печати на хилое, слабое, безхарактерное, не приспособленное для борьбы съ жизнью и полуобразованное поколѣніе были, въ сущности, протестомъ не противъ этихъ безхарактерныхъ и непригодныхъ для жизни силъ, а противъ условій, которыя ихъ создавали. Громадное число недоучекъ, выкидывавшихся гимназіями до окончанія полнаго курса, недостаточное профессіональное и техническое образованіе, не дававшее тоже людей, пригодныхъ для дѣла, и, въ то же время, громадныя требованія и претензіи, которыя это полуобразованіе плодило, создали, наконецъ, такое общественное бремя, что даже тѣ, кто его не несетъ, а потому и не чувствуетъ, его почувствовали и увидѣли. Даже лучшіе и даровитѣйшіе изъ этой народившейся съ семидесятыхъ годовъ молодежи, ея представители, назвавшіе себя поколѣніемъ восьмидесятыхъ годовъ, пожелавшіе явиться руководителями общественной жизни и провозгласившіе себя носителями новыхъ идей и общественныхъ началъ, явились лишь пустопорожнимъ промежуткомъ между поколѣніями, которыя имъ предшествовали, и новымъ поколѣніемъ, которое должно ихъ смѣнить.

Я приведу характеристику «молодымъ писателямъ», сдѣланную Н. К. Михайловскимъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и приведу ее не только потому, что она вѣрна и сдѣлана компетентнымъ лицомъ, но еще и потому, что она выражаетъ вполнѣ то скорбное душевное состояніе, которое испытываютъ люди выдающихся силъ, не видя себѣ продолженія.

«У насъ есть «молодые писатели» по разнымъ отраслямъ литературы, — говоритъ г. Михайловскій. — Въ качествѣ писателя старшаго возраста, но преданнаго дѣлу литературы, я иной разъ спрашиваю себя: не потому ли, молъ ты имѣешь такъ мало общаго съ этими свѣжими силами, что онѣ свѣжія, что онѣ идутъ не въ помощь нашему литературному поколѣнію, а на смѣну ему, и противъ этой неизбѣжной смѣны напрасно возстаетъ и ворчитъ отжившее и отживающее? Въ самомъ дѣлѣ, эта ревнивая ворчливость стараго, отживающаго — дѣло очень обыкновенное. Однако, добросовѣстно вдумываясь въ свой горькій вопросъ, я прихожу къ совсѣмъ другому, но тоже горькому отвѣту, — именно молодости-то и не вижу въ нашихъ молодыхъ писателяхъ. Они или ударяются въ мрачный (можетъ быть, иногда напускной) пессимизмъ, который, конечно, несовмѣстимъ съ игрой младой жизни; или такъ опытны, трезвенны, такъ умѣренны и аккуратны, что ни о какихъ запросахъ и взмахахъ и рѣчи быть не можетъ. Страннымъ образомъ выходитъ иногда такъ, что именно они ворчатъ за увлеченія старшихъ поколѣній, за которыя, дескать, и имъ приходится расплачиваться... Гдѣ же молодость?.. Сила молодости — не въ опытности, которой она не успѣла еще пріобрѣсти, и не въ трезвенной умѣренности, а аккуратности, которая слишкомъ противорѣчитъ естественному кипѣнію молодой крови. Сила молодости — исключительно въ ширинѣ размаха крыльевъ духа. Молодость, обреченная или обрекшая себя на безкрылое существованіе, слабѣе самой слабой старости... Между нашими такъ называемыми молодыми писателями безспорно есть люди умные и чрезвычайно талантливые. Но они безкрылы, и не только имъ самимъ «никогда до облакъ не подняться», но они желали бы, чтобы и прочіе люди жили «по-малу, по-полсаженки, низкомъ перелетаючи...»

Поколѣніе подобныхъ людей несомнѣнно образуетъ общественно-пустое пространство, оно, такъ сказать, умственный этапъ, можетъ быть, и необходимый для роздыха, и, можетъ быть, и совершенно ненужный минусъ, но, тѣмъ не менѣе, это, все-таки, трещина, которая образовалась на нашемъ общественномъ пути, а чтобы перешагнуть черезъ нее, потребуется шагъ больше обыкновеннаго. «Наши дѣти худосочны и забиты, въ нихъ нѣтъ дѣтской живости, они еще на школьной скамьѣ теряютъ любознательность: современные юноши немощны, безжизненны и мало способны къ упорному труду... Въ школѣ зрѣетъ будущее страны, безъ школы невозможно преемство культуры. Дурная школа порождаетъ дурную семью, рушитъ нравственный устой государства. Плохую будущность готовитъ себѣ страна, гдѣ съ первыхъ годовъ развивающагося сознанія юное поколѣніе пріучается смотрѣть на трудъ какъ на каторгу, на ученье — какъ на безцѣльное истязаніе...»

Читатели знаютъ о ходатайствѣ орловскаго дворянства. Смоленское дворянство пошло нѣсколько дальше и, кромѣ ходатайства о назначеніи коммиссіи для пересмотра нынѣ дѣйствующей системы образованія въ гимназіяхъ и учебныхъ плановъ, ходатайствовало о дарованіи дворянству права избирать попечителей, которые участвовали бы въ педагогическихъ совѣтахъ и наблюдали за дѣятельностью воспитателей и лицъ, завѣдывающихъ средне-учебными заведеніями. На это ходатайство Высочайше повелѣно было объявить смоленскому дворянству, что оно и теперь, въ силу существующихъ постановленій, можетъ слѣдить за внутреннею жизнью учебныхъ заведеній чрезъ своихъ почетныхъ попечителей, и что министерство народнаго просвѣщенія занято вопросомъ объ облегченіи гимназическаго курса въ предѣлахъ, которые будутъ признаны возможными безъ ущерба для основательнаго образованія.

«Новое Время» находитъ въ Высочайшей резолюціи новый оттѣнокъ, который она сообщаетъ мысли министра народнаго просвѣщенія. Въ докладѣ министра говорилось о пересмотрѣ программъ «въ предѣлахъ разумнаго облегченія труда учениковъ», Высочайшая же резолюція указываетъ на то, что облегченіе учащихся должно быть достигнуто лишь безъ ущерба основательному образованію. «Слѣдовательно, — говоритъ «Новое Время», — признается возможность облегченія учащихся не столько путемъ сокращенія дѣйствующихъ программъ, сколько путемъ измѣненія. Этотъ оттѣнокъ представляется существенно важнымъ и, несомнѣнно, онъ не останется безъ вліянія на направленіе работъ коммиссіи, занятой пересмотромъ учебныхъ программъ».

Но не средняя школа только творитъ поколѣнія и создаетъ тѣ интеллигентные верхи, которые даютъ смыслъ и направленіе всей общественной жизни. Ихъ творитъ высшее образованіе — университеты. Приведу мысли «Русскихъ Вѣдомостей» по поводу нынѣшней 135-й годовщины Московскаго университета, потому что это тоже мысли всего русскаго общества безъ различія сословій, партій и направленій.

У Московскаго университета есть свои славныя традиціи, которыми онъ, по праву, занимаетъ первое мѣсто, и первое мѣсто онъ занимаетъ еще и потому, что даетъ Россіи наибольшее число людей съ высшимъ образованіемъ. Въ 40-хъ годахъ, въ памятную эпоху Грановскаго, Кудрявцева и ихъ славныхъ сверстниковъ, Московскій университетъ былъ нашимъ главнымъ проводникомъ гуманно-просвѣтительныхъ идей и общеевропейской науки. Шестидесятые годы съ ихъ гуманнымъ и освободительнымъ движеніемъ были лишь непосредственнымъ, ближайшимъ слѣдствіемъ тѣхъ идей, которыя зрѣли и развивались въ Московскомъ университетѣ и подготовляли людей для наступившей затѣмъ эпохи реформъ.

Московскій университетъ всегда служилъ показателемъ общественныхъ требованій и всегда отзывался своевременно на запросы жизни, подготовляя для нея тѣхъ лучшихъ дѣятелей, которыхъ эта жизнь просила и ожидала. Во время судебной реформы въ юридическихъ аудиторіяхъ Московскаго университета собиралось болѣе тысячи слушателей. Затѣмъ преобразованіе гимназій дало небывалое раньше развитіе историко-филологическому факультету. Когда съ возникновеніемъ земства явился усиленный спросъ на врачей, наплывъ слушателей въ медицинскія аудиторіи и клиники оказался такъ силенъ, что онѣ были не въ состояніи вмѣстить всѣхъ слушателей. Въ настоящее время практическихъ и техническихъ знаній огромнымъ увеличеніемъ числа студентовъ отличается физико-математическій факультетъ.

Отвѣчая запросамъ жизни, Московскій университетъ давалъ главную массу общественныхъ дѣятелей для всѣхъ поприщъ примыкающему къ Москвѣ району. Въ массѣ губерній, тяготѣющихъ къ Москвѣ, судебный персоналъ, педагоги, медики и дѣятели въ сферѣ общественнаго самоуправленія — питомцы Московскаго университета. Насколько росло требованіе на этихъ лицъ и насколько Московскій университетъ удовлетворялъ этому требованію, видно изъ того, что къ столѣтнему юбилею Московскаго университета (1854 г.) было 1,089 студентовъ, къ 1 января 1880 года ихъ было 1,890, а въ январѣ 1889 года число студентовъ съ сторонними слушателями и аптекарскими помощниками дошло до 3,604. Это цѣлая четверть всѣхъ университетскихъ студентовъ Россіи.

Но что же значитъ для Россіи не только эта четверть, но и всѣ остальныя три четверти? Наши университеты выпускаютъ въ годъ всего двѣ тысячи окончившихъ курсъ. Это капля въ морѣ на 108 милліоновъ русскаго населенія. Да и эта капля расплывается настолько неравномѣрно, что въ столицахъ и ближайшихъ къ нимъ крупныхъ центрахъ является какъ бы излишекъ людей ученыхъ профессій, а за этими центрами, на какую-нибудь сотню верстъ, людей съ высшимъ образованіемъ приходится искать съ фонаремъ, и люди даровитые и способные бѣгутъ отъ этихъ трущобъ, жизнь въ которыхъ не даетъ имъ ни нравственнаго, ни умственнаго, ни матеріальнаго удовлетворенія.

Еще недавно у насъ раздавались голоса о «перепроизводствѣ» интеллигенціи, а князь Мещерскій дошелъ даже до того, что предлагалъ и совсѣмъ покончить съ образованіемъ. Перепроизводство! Это въ странѣ-то, въ которой 9/10 населенныхъ мѣстъ составляютъ норы и трущобы, гдѣ вы не найдете ни порядочнаго доктора, ни порядочнаго педагога, ни чиновника съ высшимъ образованіемъ.

Наша средняя школа, конечно, кричитъ громче, оттого и крикъ ея раньше услышался; но кричатъ и наши университеты. Въ Европѣ, напримѣръ, усиленіе матеріальнаго могущества идетъ рядомъ съ усиленіемъ могущества умственнаго. Европейскіе университеты, это — дворцы, снабженные всѣми необходимыми средствами для образованія и движенія знаній. Они имѣютъ громадныя библіотеки, превосходныя ученыя коллекціи, прекрасно устроенныя лабораторіи, клиники и т. д. Нѣмцы, присоединивъ къ себѣ Страсбургъ, вмѣстѣ съ назначеніемъ Мантейфеля для умиротворенія края, отпустили нѣсколько милліоновъ марокъ для образцоваго устройства Страсбургскаго университета. Въ Лондонѣ университеты—дворцы со всевозможными пособіями для образованія—выстроены даже для народа.

Въ Московскомъ же университетѣ, этомъ нашемъ первенцѣ, «остается еще множество различныхъ неудовлетворенныхъ пробѣловъ, которые мѣшаютъ поставить научную работу и преподаваніе на должную высоту. Большинство университетскихъ помѣщеній представляются жалкими и ничтожными по сравненію не только съ тѣми палатами, которыя западно-европейскія государства одно передъ другимъ воздвигаютъ для высшихъ разсадниковъ просвѣщенія, но даже по сравненію съ нѣкоторыми изъ лучшихъ нашихъ среднихъ школъ. Университетская библіотека обладаетъ крайне скудными средствами, совершенно не соотвѣтствующими ни современному развитію наукъ, ни запросу на книги со стороны учащихъ и учащихся,—и это тѣмъ прискорбнѣе, что и другія книгохранилища Москвы, по странному невниманію государства, находятся въ подобномъ же незавидномъ состояніи. Трудъ цѣлой сотни преподавателей и нѣсколькихъ тысячъ студентовъ не можетъ быть вполнѣ успѣшнымъ, когда при каждомъ сколько-нибудь серьезномъ изслѣдованіи приходится отправляться въ Петербургъ или заграницу». Это говорятъ «Русскія Вѣдомости», газета въ подобныхъ вопросахъ наиболѣе компетентная.

Помѣщеніе Московскаго университета крайне тѣсно. «Три тысячи студентовъ вынуждены толпиться въ тѣхъ же самыхъ аудиторіяхъ, лабораторіяхъ, музеяхъ, клиникахъ, библіотекѣ, гдѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, размѣщалось втрое меньшее ихъ число.

«Въ былое время,—говорятъ «Русскія Вѣдомости»,—студентъ еще могъ кое-какъ перебиваться при помощи уроковъ; но теперь, вслѣдствіе чрезмѣрной конкурренціи, вознагражденіе за уроки понизилось до крайней степени, и большинству ищущихъ не удается даже найти заработка ни на какихъ условіяхъ. Между тѣмъ, жизнь въ столицѣ дорожаетъ; притомъ же, современный студентъ долженъ платить за право слушанія лекцій вдвое больше, чѣмъ прежде, да, кромѣ того, еще нести расходы на форменное платье, которыхъ не было въ прежніе годы. Понятно, поэтому, что съ каждымъ годомъ все большей долѣ студенчества приходится выносить нужду со всѣми ея послѣдствіями».

Не подобаетъ оставлять ростущую и учащуюся молодежь, которой только слѣдуетъ учиться, добывать еще и средства существованія. Вѣдь, эти же юнцы—не полные люди, которымъ нужно только

рости, да формироваться умственно и нравственно въ крѣпкую, здоровую силу, накоплять въ себѣ какъ можно больший запасъ энергіи, чтобы съ нимъ вступить въ жизнь, а не надрываться надъ добываніемъ насущнаго хлѣба. Формирующіяся молодыя силы важнѣе насъ, дѣйствующихъ поколѣній, ибо онѣ должны смѣнить насъ и вести Россію дальше.

Провожая восьмидесятые годы, порадуемтесь, что они прошли и что общество вступаетъ въ новое десятилѣтіе уже въ иномъ, болѣе свѣтломъ настроеніи, съ началомъ увѣренности, что чаши нашихъ общественныхъ вѣсовъ склоняются къ равновѣсію, что, слѣдовательно, девяностые годы дадутъ намъ дѣятельное общество, которое и сообщитъ тонъ и цвѣтъ жизни, а не тотъ шалопай, прожигатель жизни, человѣкъ наживы и кулакъ, котораго консервативная печать принимала и выдавала за общество, что за вопросомъ гимназическимъ выступитъ и вопросъ университетскій, вопросъ о новомъ поколѣніи, которое смѣнитъ уставшихъ стариковъ, поработавшихъ уже довольно. И это не мечты, читатель. Для этихъ надеждъ и ожиданій есть основаніе не только въ здравомъ человѣческомъ смыслѣ и въ логикѣ жизни, но и въ общественномъ нравственномъ чувствѣ. Восьмидесятые годы были тяжелымъ, болевымъ состояніемъ, которое уже несомнѣнно стремится уступить свое мѣсто состоянію болѣе здоровому и болѣе жизнерадостному.

XLVII.

Одна изъ петербургскихъ газетъ (какая, не припомню) замѣтила не безъ ядоватости, что жизненныя дѣла просты, а потому и дѣлать ихъ нужно просто, не напуская на себя ни миссіонерства, ни подвижничества. Подобную же мысль высказало и «Новое Обозрѣніе» по поводу докторовъ, на трудъ которыхъ, по мнѣнію газеты, нужно смотрѣть тоже просто и оплачивать его какъ всякій обыкновенный трудъ.

У газетъ, высказывавшихъ подобныя мысли, были несомнѣнно свои основанія, но были несомнѣнно свои резоны и у основательницъ тифлисской дешевой библіотеки для народнаго и дѣтскаго чтенія, устроившихъ ее по другому идейному рецепту.

Отчетъ этой библіотеки, за первый годъ ея существованія (съ 20 сентября 1888 г. по 20 сентября 1889 г.), не только любопытенъ, но и поучителенъ, и именно потому, что служитъ отвѣтомъ тѣмъ, кто желалъ бы свести нашу жизнь къ такой «простой» практикѣ отношеній, когда все измѣряется взаимною пользой, выгодой, аршинами, вѣсами и деньгами.

Отчетъ, къ сожалѣнію, не говоритъ ни слова, у кого, при какихъ обстоятельствахъ и какъ явилась мысль объ устройствѣ библіотеки. Видно только, что библіотекой управляютъ «учредительницы». Очень можетъ быть, что это тѣ самыя «тифлисскія барышни», которыя года два тому назадъ обратились къ Л. Толстому съ просьбой указать имъ, что дѣлать, и за это были высмѣяны; очень можетъ быть, что это и совсѣмъ другія лица. Во всякомъ случаѣ, отъ этого пропуска отчетъ теряетъ очень много въ его нравственной сущности. Онъ говоритъ о фактическихъ подробностяхъ и оставляетъ подъ вуалью душу дѣла, ту единственную дѣятельную силу, безъ которой никакой подобной библіотеки въ Тифлисѣ бы не явилось, да и вообще никакія дѣла, имѣющія исключительно нравственную основу, на свѣтѣ не появляются. Но, оставляя въ сторонѣ душу, отчетъ, все-таки, сообщаетъ весьма интересныя подробности, на которыхъ слѣдуетъ остановиться.

20 сентября 1888 года, на Михайловской улицѣ, въ Тифлисѣ, надъ дверями небольшой лавочки, служившей прежде молочной, появилась вывѣска: «Библіотека». Сначала учредительницы было думали написать на вывѣскѣ «Народная библіотека», но не сдѣлали этого потому, что имѣли оффиціальное разрѣшеніе на открытіе библіотеки вообще, а, во-вторыхъ, онѣ не были увѣрены, что библіотека станетъ «народной», т.-е. что народъ, привыкшій покупать книги на базарѣ и у офеней, обратится за ними въ бобліотеку.

Нужно думать, что скромная вывѣска не обратила на себя особеннаго вниманія обитателей Михайловской улицы и прохожихъ и что первыхъ покупателей и читателей приходилось создавать. Такъ слѣдуетъ думать потому, что распорядительницами и учредительницами библіотеки были учительницы, а первыми покупательницами ихъ ученицы, бравшія книги частью для себя и для своихъ родныхъ. Любопытно, что взрослые за книгами сами не являлись, а посылали за ними обыкновенно дѣтей. «Папаша прислали 20 копѣекъ,— объясняетъ маленькая покупательница,— и велѣли принести имъ толстую книгу: они тоненькихъ не любятъ». Или приноситъ мальчикъ книжку. «Что, понравилась?» — «Очень понравилась, и тятя тоже хвалилъ». — «А кто твой отецъ?» — «Фонарщикъ». Или—дѣвочка возвращаетъ книгу. При разспросахъ оказывается, что она ее совсѣмъ не помнитъ. «Ты, вѣрно, ее не читала?» — «Мнѣ некогда было». — «Такъ возьми ее еще разъ».— «Нѣтъ, ужь пожалуйста дайте другую. Мамаша очень просила, чтобы перемѣнить; она ее всю прочитала и другую хочетъ». Бывало и такъ: является кондукторъ конки и проситъ записать его сына, девятилѣтняго мальчугана. Выдаютъ дѣтскую книжку. «Нѣтъ, ужь пожалуйста поинтереснѣе»,—

выдаетъ себя отецъ, расчитывавшій читать книги, которыя будетъ носить сынишка.

Вообще взрослые точно стыдились являться сами за книгами и посылали за ними подростковъ. Это очень затрудняло библіотекаршъ, которымъ приходилось выдавать книги совсѣмъ наугадъ. Случалось, что они сразу попадали во вкусъ неизвѣстнаго читателя, а случалось, что и никакъ не могли на него потрафить. Выдадутъ, напримѣръ, «Капитанскую дочку», «Юрія Милославскаго», «Князя Серебрянаго» и т. п. и дѣвочка, возвращая черезъ нѣсколько дней книгу, говоритъ: «Папашѣ очень понравилась: велѣли еще такую взять». Послѣ беллетристическихъ сочиненій выдаютъ что-нибудь посерьезнѣе: «Разсказы про старое время на Руси» или другую историческую книгу, и тоже получается благодарность. Но часто посланная, возвращая книгу, прибавляла лаконически: «нехорошая!». А бывали и такіе подписчики, въ особенности изъ молоканъ, которымъ никакъ не удавалось угодить, и недѣли черезъ 2—3 они переставали брать книги.

Чтобы поставить библіотеку въ болѣе непосредственную и тѣсную связь съ ея невѣдомымъ и таинственнымъ читателемъ, распорядительницы пригласили для завѣдыванія дѣломъ простую женщину, изъ учениць воскресной школы, не получившую никакого образованія, но умную, начитанную и развитую. Для веденія библіотечной статистики она была не совсѣмъ удобна, потому что писала и дурно, и медленно. Но она хорошо знала ту среду, для которой назначалась библіотека, съ преданностью и любовью бралась за дѣло и отличалась простотой обращенія. На другой же день послѣ ея поступленія пришли записаться ея знакомые — два брата-слесаря и одинъ изъ ихъ учениковъ; за ними явились еще двое, работавшихъ въ той же мастерской; эти привели еще новыхъ подписчиковъ — и библіотека шагъ за шагомъ начала пріобрѣтать популярность, такъ что къ концу перваго мѣсяца у нея было уже 160 подписчиковъ (наибольшее число изъ нихъ было, впрочемъ, не изъ рабочаго населенія). Всего въ теченіе года записалось 677 человѣкъ. Многіе изъ этихъ подписчиковъ, почитавъ мѣсяца два, переставали брать книги, потомъ записывались вновь. Изъ общаго числа всѣхъ подписчиковъ простой народъ и рабочее населеніе составляли половину, а остальную половину составляла интеллигенція, т.-е. преимущественно учащіеся.

Библіотека при открытіи имѣла преимущественно книги для народнаго чтенія, дешевыя изданія въ числѣ 840 названій. Теперь въ ней около 3,000 книгъ и 1,660 названій, въ томъ числѣ полныя собранія сочиненій Некрасова, Пушкина, Гоголя, Кольцова, Никитина, Тургенева, Лермонтова, Успенскаго, Короленко, Гаршина, Мачтета, Надсона; почти полныя собранія (за недостаткомъ нѣсколькихъ томовъ) Достоевскаго, Островскаго, Гончарова, Толстаго и по нѣскольку лучшихъ произведеній Щедрина, Писемскаго, Гюго, Диккенса, Байрона, Шекспира, Шпильгагена и др. Беллетристическія сочиненія, конечно, преобладаютъ (1,027); за ними слѣдуютъ историческія (111), географическія (70), естественно-историческія, біографическія, этнографическія, путешествія, духовно-нравственныя сочиненія, сельско-хозяйственныя, по общественнымъ вопросамъ, сборники разсказовъ и проч.

Библіотека составилась изъ книгъ, большею частью купленныхъ по случаю на распродажѣ, на базарѣ, а также и изъ пожертвованій. Пожертвовано 604 книги, 54 лицами, въ числѣ которыхъ были подписчики-бѣдняки, отдававшіе свои единственныя книги. Случалось и такъ, что подписчикъ приноситъ книги и проситъ не вносить ихъ въ каталогъ, а выдавать для чтенія, пока онъ состоитъ подписчикомъ. Первый примѣръ этого подалъ одинъ бѣдный мальчикъ. Иногда книга, приносившаяся для подобнаго временнаго пользованія, представляла засаленный и истрепанный, никуда негодный лубочный хламъ, но, чтобы не обидѣть жертвователя, ихъ принимали и складывали въ уголку на полкѣ.

Кромѣ пожертвованій книгъ, сочувствіе къ библіотекѣ выражалось разными другими услугами: старые подписчики подыскивали новыхъ, разыскивали и выручали книги, которыя долго не возвращались, подклеивали книги, одинъ изъ подписчиковъ придѣлалъ колокольчикъ къ входной двери, другой установилъ на зиму желѣзную печь. Вообще между библіотекой и ея простыми читателями съ перваго же раза установилась интимная, нравственная связь, домашнія, родственныя отношенія. Несмотря на то, что за чтеніе бралась плата, подписчики смотрѣли на библіотеку не какъ на коммерческое дѣло, библіотека не была для нихъ лавочкой, только отпускавшей за деньги книги. Они находили еще въ ней сочувствующихъ и близкихъ людей, которые разъясняли имъ ихъ недоразумѣнія, помогали совѣтами и указаніями въ выборѣ книгъ. Дѣти съ особенною охотой высказывали свои впечатлѣнія. Ихъ всегда выслушивали, задавали вопросы по поводу ими прочитаннаго, разъясняли то, чего они не понимали, и библіотека превращалась какъ бы въ маленькую аудиторію. Для взрослыхъ библіотека имѣла руководящее значеніе въ смыслѣ выбора книгъ и указанія на то или другое чтеніе. Наконецъ, много помогало связи библіотеки съ ея подписчиками то, что за книги не бралось залога.

И не смотря на то, что книги выдавались безъ залога и за чтеніе бралась ничтожная плата, книги не зачитывались и не пропадали. Въ теченіе отчетнаго года было выдано 14,768 книгъ и изъ нихъ не возвращено только 30. Хлопоты о возвращеніи задержанныхъ книгъ лежали на обязанности библіотекарши. Она или сама отправлялась къ подписчикамъ, или обращалась къ содѣйствію другихъ исправныхъ подписчиковъ, или же просила о возвращеніи книгъ письменно. Этихъ мѣръ было совершенно достаточно, и книги, задержанныя обыкновенно по безпорядочности или безпечности, почти всегда возвращались. Былъ даже такой случай.

Одинъ изъ подписчиковъ, мастеровой, бывшій ученикъ ремесленнаго училища, долго не возвращалъ взятую книгу «Домби и сынъ». Попросили напомнить ему о возвращеніи одного изъ его товарищей, и онъ ему отвѣтилъ, что книги не возвратитъ, потому что смѣется надъ тѣмъ, кто даетъ книги безъ залога. Тогда ему написали письмо и выяснили, какое значеніе имѣетъ для бѣдняковъ выдача книгъ безъ залога, что этимъ выражается къ нимъ довѣріе, и что если книги будутъ не возвращаться, то придется брать залогъ. На другой же день мастеровой книгу возвратилъ.

Библіотека содержалась на абониментныя деньги, на частныя пожертвованія и на сборы съ концертовъ и спектаклей. Частныя пожертвованія были единовременныя и ежемѣсячныя, въ любомъ размѣрѣ, отъ 5-ти копѣекъ до 5-ти рублей. Общій доходъ библіотеки изъ всѣхъ трехъ источниковъ составлялъ 978 р. 5 к. Въ томъ числѣ плата съ подписчиковъ дала 312 р. 80 к., единовременныя пожертвованія — 36 руб., ежемѣсячныя — 179 р. 25 к. и два концерта и спектакль—450 руб.

Расходы библіотеки были слѣдующіе: на покупку книгъ 303 р. 95 к., квартира 192 руб., завѣдующей библіотекой 180 руб., переплетъ книгъ 93 р. 20 к., обзаведеніе, отопленіе, типографія, страхованіе и проч. 54 р. 75 к. Всего 823 р. 90 к. Въ лѣтніе мѣсяцы, когда не было расходовъ на отопленіе и на покупку книгъ, и подписчики были большею частью состоятельные, платившіе по 20 к. въ мѣсяцъ, библіотека окупалась; зимой же дефицитъ былъ очень великъ. Увеличивался онъ въ особенности отъ того, что многимъ подписчикамъ приходилось дѣлать уступку, хотя это и было противъ правилъ (солдатамъ, подмастерьямъ и т. д.), но этихъ исключеній нельзя было не допустить. Для того, чтобы библіотека стала твердо и не зависѣла бы отъ пожертвованій, ей нужно имѣть вдвое подписчиковъ, т. е. вмѣсто 670,—1,300. И учредительницы думаютъ, что Тифлисъ, съ его стотысячнымъ населеніемъ, это число подписчиковъ дать можетъ. Эти цифирныя подробности обыкновенный читатель найдетъ, вѣроятно, скучными, но я привожу ихъ для тѣхъ, кому опытъ учредительницъ тифлисской библіотеки могъ бы служить полезнымъ указаніемъ при устройствѣ подобныхъ же библіотекъ въ другихъ городахъ.

Относительно требованій подписчиковъ отчетъ, къ сожалѣнію, не даетъ точныхъ указаній. Только къ концу года была заведена книга, въ которой отмѣчалось противъ каждой затребованной книги, сколько разъ ее брали. Больше всего спрашивались художественные разсказы Толстаго: «Кавказскій плѣнникъ», «Богъ правду видитъ», «Поликушка». Разсказы эти читались съ увлеченіемъ и взрослыми и еле грамотными, и подростками и дѣтьми. Изъ другихъ изданій «Посредника» чаще брали «Марью кружевницу» и «Сигналъ». Эти книги, въ особенности первыя три, настолько уже распространились въ народѣ, что въ послѣднее время ихъ спрашивали только тѣ, которые раньше ничего не читали. Затѣмъ чаще спрашивались передѣлки «Короля Лира», «Старикъ Никита и его три дочери», «Бѣдность не порокъ», «Не такъ живи какъ хочется», «Царевна Меллина», «Чудный мальчикъ», «Фима» (передѣлка «Касимовской невѣсты» Соловьева), «Подвигъ», «Рыжій графъ» (Засодимскаго), «Архангельскіе китоловы», «Хижина дяди Тома», «Маша на дѣвичникѣ», «Титъ», «Вавила и Маланья» (Острогорскаго); изъ повѣстей Погосскаго: «Неспособный человѣкъ», «Суходольщина», «Музыкантъ», «Безоброчный» (Нефедова), «Муму». Болѣе грамотные зачитывались: «Юріемъ Милославскимъ», «Княземъ Серебрянымъ», «Капитанскою дочкой», «Дубровскимъ», повѣстями Гоголя и вообще историческими романами и повѣстями. Рѣдко оставались на полкахъ «Народная война» Шалфеева, «Разсказы про старое время на Руси». Читались сильно біографіи Ломоносова (Некрасовой), Шевченко, Гарфильда, Томаса Эдвардса, «Черные богатыри» (Конради), «Записки изъ мертваго дома». Учащіеся въ ремесленномъ, техническомъ, городскихъ училищахъ (не говоря уже о гимназіяхъ) поглощали одно за другимъ путешествія; а такъ какъ большинство подписчиковъ предоставляли выборъ книгъ библіотекаршѣ и дежурнымъ учительницамъ, то Жюль Вернъ расходился больше Майнъ-Рида. Всѣ дѣвушки — бѣднѣйшія швейки, ученицы воскресныхъ школъ, гимназистки—брали на расхватъ разсказы Анненской, въ особенности «Тяжелую жизнь», «Анну», «Надежду семьи». Было человѣкъ пятнадцать изъ мастеровыхъ и отставныхъ, которые читали съ увлеченіемъ «93-й годъ» и «Исторію одного преступленія» Гюго, перечитали всего Лермонтова, Тургенева, Успенскаго; брали Щедрина, Костомарова, Достоевскаго, Гаршина, Короленко, Шекспира и Байрона. «Позвольте ужъ еще томикъ Тургенева,—проситъ скромно отставной солдатикъ:—хочу всего прикончить,— очень хорошо пишутъ!». — «Интереснѣе «Мертвыхъ душъ» ничего, кажется, нѣтъ»,—разсуждаетъ другой. Часто просили дать почитать что-нибудь изъ исторіи западныхъ государствъ (вродѣ книги Петрушевскаго); но, къ сожалѣнію, это требованіе было трудно удовлетворить, потому что, кромѣ Иловайскаго, Вебера и Шлоссера, исторіи западныхъ государствъ, сколько-нибудь популярно и научно составленной, у насъ нѣтъ. Очень желательно бы было видѣть подобную книгу въ народной библіотекѣ, прибавляетъ «Отчетъ».

Большинство книгъ выдавалось по выбору библіотекарши и учительницъ, потому что читатели, не зная, что взять, обыкновенно просили дать имъ «хорошую книжку». Это практиковалось въ особенности по отношенію къ дѣтямъ. Книжка, понравившаяся одному подписчику, переходила изъ рукъ въ руки. «Дайте Бѣлую бабу» («Бѣлая женщина» Цебриковой),—повторялось по нѣскольку разъ въ день, послѣ того, что книга понравилась одной изъ ученицъ, слышавшей чтеніе ея въ школѣ. «А мнѣ Косматую Дуню» (разсказъ Иванова),— твердятъ другія. И эта книга пошла въ ходъ, потому что ее читали въ школѣ. Вообще наилучшимъ средствомъ для спроса на ту или другую книгу слу-

жило предварительное съ нею знакомство дѣтей школьнаго возраста.

Хотя наибольшимъ спросомъ пользовался отдѣлъ литературный, но были любимыя книжки и въ другихъ отдѣлахъ. Читались съ интересомъ и пропагандировались подписчиками между собою: «Разсказы о землѣ и небѣ» Иванова, «Вулканы и землетрясенія», «Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ», «Разсказы о фабрикахъ», «О неподвижныхъ звѣздахъ», «Истребители мышей», «Наставленіе матерямъ», «Двѣ капельки». Книги религіознаго содержанія спрашивались преимущественно въ Великомъ посту; читателями ихъ были большею частью денщики.

Рядомъ съ выдачей книгъ для чтенія шла и продажа ихъ. Перечитавъ нѣсколько книгъ, подписчики покупали тѣ изъ нихъ, которыя имъ больше нравились. Покупали и не подписчики. Заходитъ въ библіотеку мальчикъ въ синей блузѣ и рабочемъ фартукѣ: «Продаются у васъ книжки? Ну, дайте мнѣ, пожалуйста, на 10 копѣекъ, но хорошихъ!» Съ мая мѣсяца продажа книгъ была перенесена библіотекой и на базаръ, гдѣ былъ установленъ столикъ съ книгами на ряду съ офенями. Покупатели стали подходить и къ библіотечному столику, который съ перваго же раза продалъ нѣсколько книгъ, не бывшихъ у офеней: «Хижину дяди Тома», «Сельскій календарь», «Мученики» Шатобріана. Къ сожалѣнію, продажу книгъ на базарѣ учредительницамъ библіотеки не удается еще поставить правильно, потому что трудно найти надежнаго человѣка, который продавалъ бы книги по назначеннымъ цѣнамъ. А кромѣ того, лишь въ концѣ года удалось получить отъ городской управы билетъ на право безплатной торговли на базарѣ.

Ну, вотъ и вся исторія этого простаго дѣла. А дѣло, дѣйствительно, очень простое. Нѣсколько лицъ вздумали устроить дешевую библіотеку для бѣдныхъ читателей, потому что для нихъ библіотеки не было. Устроилась библіотека тоже просто, на собранныя деньги. Завѣдываніе библіотекой поручили простому, обходительному человѣку, который сейчасъ же (именно «сейчасъ же») установилъ съ читателями простыя и прямыя отношенія. Затѣмъ все дѣло пошло также просто, какъ просто оно устроилось. Читатель шелъ въ библіотеку спокойно, какъ бы онъ шелъ къ себѣ домой. Съ нимъ не только говорили, но и бесѣдовали, давали совѣтъ и указанія, разъясняли его недоумѣніе или недомысліе, выбирали для него книгу и помогали словомъ и дѣломъ; библіотека вѣрила своему подписчику, подписчикъ вѣрилъ своей библіотекѣ, они полюбили другъ друга, сроднились и простое дѣло, устроенное просто, также и шло просто, само собою.

Да, дѣло простое! Но я напомню читателю исторіи, пожалуй, и еще болѣе простыя.

20 января 1790 года, въ маленькомъ русскомъ городкѣ, какимъ въ то время былъ Херсонъ, окончилъ жизнь одинъ изъ гуманныхъ дѣятелей на пользу страждущихъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ служителей цивилизаціи и прогресса. Этотъ благородный служитель на пользу страждущихъ былъ англійскій филантропъ докторъ Джонъ Говардъ. Онъ только что пріѣхалъ въ Россію, чтобъ изучить положеніе тюрьмы и дополнить свои наблюденія надъ чумой и вообще заразными болѣзнями. Въ Херсонѣ Говарда пригласили къ молодой дамѣ, заболѣвшей чумой, и, заразившись, онъ умеръ. Столѣтнюю годовщину смерти Говарда и чествовалъ 20 января нынѣшняго года Херсонъ.

Говорить о жизни и дѣятельности Говарда я не стану, но я скажу, въ чемъ заключалось чествованіе его памяти и какіе любопытные факты при этомъ обнаружились. Чествованіе выражалось тѣмъ, что въ церкви тюремнаго замка, выстроеннаго, какъ думаютъ, по плану Говарда, была отслужена литія, а у памятника, поставленнаго въ Херсонѣ Говарду, панихида. Затѣмъ, вечеромъ, въ залѣ городскаго собранія состоялось публичное торжественное засѣданіе общества херсонскихъ врачей. Послѣ прочтенія біографіи Джона Говарда, предсѣдатель общества, докторъ Попперъ, сказалъ рѣчь, въ которой онъ, между прочимъ, сообщилъ и слѣдующее: «До какой степени было сильно обаяніе Говарда на окружающихъ, можно судить по тому, что, несмотря на трехмѣсячное только пребываніе свое въ Херсонѣ, Говардъ пріобрѣлъ всеобщую любовь, которая выразилась тѣмъ, что ему поставили памятникъ на добровольныя пожертвованія. Уваженіе къ Говарду переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе, примѣромъ чему служитъ семейство Ищенковыхъ, у котораго обязанность оберегать могилу Говарда передавалась изъ рода въ родъ почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія, несмотря на то, что оно за это не получало никакой платы. Только съ 1875 года городская управа стала платить за это сначала по три рубля въ мѣсяцъ, а за тѣмъ по рублю».

Почти въ тотъ же день, когда Херсонъ чествовалъ память Говарда, Одесса хоронила доктора Дрея. «Кто въ Одессѣ не зналъ этого патріарха врачей, человѣка небывалой энергіи, человѣка сильной, любящей души, который всѣ свои богатоодаренныя способности направилъ на служеніе высокимъ идеаламъ гуманности?—говоритъ «Одесскій Листокъ».—Врачъ угнетенныхъ, врачъ скорбящихъ, всюду и вездѣ онъ шелъ на первый зовъ. Его можно было встрѣтить и на разсвѣтѣ, и въ глубокую ночь, и въ суровую непогодь, встрѣтить въ невылазной грязи отдаленнѣйшихъ закоулковъ города, гдѣ живетъ бѣдная масса. Это былъ врачъ народный,—врачъ, для котораго всѣ люди, безъ различія вѣры и національности, были равны. Человѣкъ высоко-безкорыстный, онъ зналъ одно—лечить больнаго и помогать ему; но, кромѣ этого, онъ любилъ больныхъ. За то и народъ любилъ его, любилъ, какъ своего патріарха; его имя произносилось съ благоговѣніемъ. Его радости были радостями массы, его горе—горемъ массы. Каждый бѣдный человѣкъ можетъ разсказать о какомъ-либо благородномъ поступкѣ покойнаго. Мое первое воспоминаніе дѣтства сразу запечатлѣло въ памяти моей его благородный образъ,—говоритъ г. Бардахъ.—Въ бѣдной, жалкой лачужкѣ Дрей самъ

готовитъ постель, вынимаетъ скудное бѣлье, даетъ свое, своими руками переноситъ роженицу на имъ приготовленную постель, говоритъ утѣшительныя и бодрящія слова и уходитъ только тогда, когда всѣхъ успокоилъ. Уходитъ и незамѣтно оставляетъ деньги на хорошую пищу для больной. Такіе поступки покойнаго были настолько повседневны, что многіе изъ знавшихъ его,—а его знали десятки, если не сотни тысячъ,—могутъ привести подобные факты или еще болѣе характеризующіе покойнаго. И теперь еще городская масса не имѣетъ правильно-организованной медицинской помощи,—можно себѣ представить, что было полстолѣтія тому назадъ! И вотъ среди бѣдняковъ явился человѣкъ, всецѣло и безкорыстно отдавшійся дѣлу врачеванія, человѣкъ съ высокимъ общимъ образованіемъ, съ обширными для своего времени познаніями въ области медицины (спеціально хирургіи и акушерства), человѣкъ въ цвѣтѣ умственныхъ и физическихъ силъ; онъ сразу высоко поставилъ свое знамя—знамя врача. Трудясь дома, трудясь въ больницѣ, трудясь въ бѣднѣйшихъ лачугахъ, этотъ человѣкъ почти не зналъ отдыха и только въ высокой миссіи врача, носителемъ которой онъ былъ, черпалъ силы для своей благородной, безконечно-трудной, но и безконечно-высокой полувѣковой дѣятельности».

«Дрей былъ съ виду строгъ и суровъ,—говоритъ «Новороссійскій Телеграфъ» (вообще не расположенный къ евреямъ, оттого я привожу его отзывъ о Дреѣ),—но подъ этою суровою оболочкой билось горячее, отзывчивое и участливое сердце. Въ теченіе многихъ годовъ на квартиру д-ра Дрея стекалась масса больныхъ всѣхъ классовъ и состояній, и покойный всѣхъ выслушивалъ и врачевалъ съ одинаковымъ вниманіемъ и сердечностью. Благодѣтельное вліяніе д-ра Дрея на являвшихся къ нему больныхъ было просто изумительно... Довѣріе къ нему публики было безгранично и слово доктора имѣло на больныхъ магическое дѣйствіе. Не одна сотня, не одна тысяча больныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей обязаны покойному избавленіемъ отъ физическихъ страданій и подчасъ опасныхъ недуговъ. И популярность свою Дрей добылъ всецѣло въ силу обаянія своей личности, какъ человѣка и врача...»

И это не похвальныя только слова, какія произносятся на могилахъ. Вотъ какъ описываетъ «Одесскій Вѣстникъ» похороны Дрея: «Къ 12 часамъ къ квартирѣ Дрея стали стекаться со всѣхъ сторонъ безчисленныя массы народа. Въ началѣ втораго часа раздалось печальное пѣніе хора пѣвчихъ и гробъ былъ медленно вынесенъ врачами на рукахъ... Впереди гроба несли массу вѣнковъ. Позади шли родственники, члены разныхъ депутацій, близкіе друзья и знакомые, затѣмъ слѣдовала цѣлая вереница экипажей, а по тротуарамъ густою лентой тянулась все возраставшая толпа народа... Несмотря на разстояніе въ нѣсколько верстъ, отдѣляющее городъ отъ новаго еврейскаго кладбища, туда явилось нѣсколько тысячъ человѣкъ, большинство пѣшкомъ, не отставая отъ гроба».

Въ промежутокъ смерти Говарда и Дрея, лѣтъ 50—60 назадъ, Пермь подобнымъ же образомъ хоронила одного изъ своихъ врачей (я забылъ его фамилію, но въ Перми, конечно, сохранилась о немъ память). Это былъ тоже патріархъ, старикъ-нѣмецъ, напоминавшій Гуфеланда. Онъ тоже не зналъ непогоды, не различалъ ночи отъ дня, когда нужно было идти къ больному и онъ не только лечилъ, но и помогалъ деньгами, и за гробомъ его шла вся Пермь, отъ губернатора до послѣдняго бѣдняка.

И люди съ подобнымъ душевнымъ складомъ вовсе не исключительная рѣдкость. Они были, они есть и будутъ, и будетъ ихъ становиться все больше и больше. На нашихъ глазахъ былъ не одинъ случай подобныхъ же чествующихъ похоронъ, когда только со смертью человѣка люди почувствовали, чего они лишились, и когда за гробомъ женщины-врача, фельдшерицы, школьнаго учителя, профессора шли толпы народа. Случаи эти уже потому должны повторяться чаще, что теперь прибавилось и докторовъ, и учителей, и вообще общественнаго дѣла, и лицъ, служащихъ ему, а слѣдовательно, явилось и больше поводовъ для практики общественнаго доброжелательства.

А практика эта и проста, и немудрена. Спросите учредительницъ тифлисской библіотеки и библіотекаршу, трудно ли имъ выдавать книги и бесѣдовать съ подписчиками, и онѣ отвѣтятъ, что не только не трудно, но пріятно и тѣмъ это пріятнѣе, чѣмъ онѣ живѣе ощущаютъ, что возбуждаютъ къ себѣ признательное и доброе чувство. И зачѣмъ спрашивать учредительницъ тифлисской библіотеки,—спросите себя, трудно ли вамъ дѣлать пріятное, не только близкимъ и роднымъ, но и каждому, если является къ тому случай? Всѣ мы и добры, и хотимъ быть добрыми, и намъ пріятно, если насъ считаютъ добрыми, мы хотимъ любить и хотимъ, чтобы насъ любили. Другой и нѣтъ нравственности. А что эта нравственность не трудна, мы тоже это знаемъ на своихъ повседневныхъ,—ну, хотя бы домашнихъ,—отношеніяхъ.

Вѣрно, что это повседневное, домашнее чувство есть личное и узкое чувство и практика его не широка. Но за то мы сдѣлали большой его запасъ, прожавъ чуть не вѣкъ однимъ домашнимъ, семейнымъ доброжелательствомъ. Когда свершились реформы, этому накопившемуся запасу, не нашедшему себѣ удовлетворенія исключительно въ семейномъ доброжелательствѣ, открылся не существовавшій до того времени просторъ. Вотъ откуда этотъ не перестающій раздаваться повсюдный кличъ: «что дѣлать?» «научите, что дѣлать?»—вотъ откуда и обращеніе тифлисскихъ барышень къ Толстому. Не въ чувствахъ тутъ дѣло—ихъ у насъ довольно, дѣло въ томъ, на что употребить ихъ. И найти дѣло совсѣмъ не такъ просто даже для людей уже знакомыхъ съ жизнью. Для молодыхъ же, у которыхъ общественное доброжелательство находится въ особенно остромъ состояніи, на каждомъ шагу представляются такія несокрушимыя препятствія, черезъ которыя съ молодыми силами не перескочишь. Надняхъ мнѣ случилось

встрѣтить дѣвушку, которая чуть ли не съ десяти лѣтъ мечтала о медицинскихъ курсахъ. Ихъ теперь нѣтъ и она изъ всѣхъ силъ рвется хоть въ фельдшерицы. И какъ горитъ ея лицо, какъ блестятъ глаза, когда она говоритъ на эту единственную тему ея жизни! Всѣ ея мысли, всѣ ея желанія, всѣ ея стремленія, вся душа ея направлены только на то, чтобы найти возможность уѣхать изъ деревни въ Москву на фельдшерскіе курсы. Теперь она живетъ въ гувернанткахъ на пятнадцати-рублевомъ жалованьи. Но, вѣдь, изъ него ничего не скопишь. А курсъ тянется пять лѣтъ. Она считаетъ, что двухъ сотъ рублей въ годъ ей за-глаза въ Москвѣ достаточно. А гдѣ взять эти 200 руб. въ годъ въ теченіе пяти лѣтъ? И почему ей нужны непремѣнно медицинскіе или фельдшерскіе курсы—это секретъ ея чувства, секретъ всѣхъ сердобольныхъ людей, которымъ непремѣнно нужны страждущіе, болѣющіе, несчастные.

И эти чувства не умаляются, а ростутъ. Кто можетъ учиться здѣсь—учится здѣсь, кому дорога для ученья закрыта дома—уходятъ въ заграничные университеты. И всѣ эти стремленія къ знанію, къ «правдѣ и свѣту», «къ нравственному удовлетворенію», эти горячія, искреннія просьбы указать, что читать, чтобы «разобраться въ мучащихъ вопросахъ»,—все это интеллигентное неудовлетвореніе, особенно между людьми, заброшенными въ глушь, все это недовольство полузнаніями и стремленіе пополнить его саморазвитіемъ, чтобы «освѣтить смыслъ жизни», «дать хотя какіе-нибудь идеалы», всѣ эти жалобы молодыхъ и свѣжихъ натуръ, что «кругомъ все пусто и мертво, дѣло лишь на словахъ и отношеніе къ нему странное», это, наконецъ, разочарованіе въ ученіи графа Толстаго, смѣнившее первое горячее имъ увлеченіе, когда молодежь поняла, что «самоусовершенствованіе», проповѣдуемое Толстымъ, есть ученіе эгоистическое, ставящее въ центрѣ личное *я* и думы лишь о немъ,—все это—разныя формулы одного и того же душевнаго порыва, выраженіе одного и того же неудовлетвореннаго чувства любви, ищущаго и не находящаго для себя дѣятельнаго проявленія.

Пока подобное доброжелательное чувство питается внутри себя и живетъ собственнымъ накопленіемъ, оно находитъ само въ себѣ и удовлетвореніе. Но когда оно пытается принять общественно-дѣятельную форму и вступаетъ въ область общественныхъ отношеній, которыми руководятъ уже не чувства, а идеи и принципы, сейчасъ же передъ нимъ раскрывается какая-то безплодная пустыня съ массой препятствій, въ которой глохнетъ и замираетъ всякій доброжелательный порывъ и требуется большое личное доброжелательное мужество, чтобы порывъ сохранилъ свое дѣятельное состояніе. Могилу Говарда, напримѣръ, семейство Ищенковыхъ оберегало изъ рода въ родъ цѣлое столѣтіе, и дѣлалось это просто, само собою. Но вотъ вздумала оберегать эту могилу херсонская городская управа, и простое нравственное обязательство превратилось въ вопросъ городской смѣты и экономіи городскаго хозяйства. Сначала управа отпускала на содержаніе могилы 36 руб. въ годъ, потомъ стала отпускать 12 руб. и, вѣроятно, скоро не станетъ и ничего отпускать. Пока тифлисская библіотека зависѣла исключительно отъ тѣхъ нравственныхъ чувствъ, въ которыхъ она зародилась и которыми она поддерживалась, никакихъ трудностей для существованія ея не возникало. Но когда учредительницы задумали поставить на базарѣ столикъ для продажи грошовыхъ книгъ,—нравственный вопросъ превратился въ вопросъ городскаго бюджета. Чуть ли не годъ пришлось ждать учредительницамъ, что имъ позволятъ продавать книги по даровому свидѣтельству. Можетъ быть, для этого потребовалось даже собраніе всей тифлисской городской думы и почтенные представители одного изъ первокласныхъ и богатѣйшихъ городовъ Россіи совсѣмъ въ серьезъ толковали, слѣдуетъ или не слѣдуетъ позволить поставить столикъ съ десятью грошовыми книгами даромъ.

И неужели въ этомъ могъ заключаться хоть малѣйшій вопросъ? Могъ и заключался, читатель. Вѣдь, въ область общественно-нравственныхъ чувствъ, въ область общественнаго доброжелательства мы вступили всего безъ году недѣля. А до этого вступленія мы жили лишь въ области личнаго чувства и личнаго доброжелательства,—подавали нищимъ милостыню, надѣляли чѣмъ могли сиротъ и убогихъ, кто побольше заботился о своей душѣ и имѣлъ побольше денегъ—строилъ или храмъ Божій, или учреждалъ богадѣльню и давалъ этой богадѣльнѣ свое имя, чтобы каждый зналъ, кѣмъ она устроена. Нравственная основа этого доброжелательства была тоже исключительно личная. То были душеспасительныя дѣла, которыя дѣлались не ради нищихъ, сирыхъ и убогихъ, а чтобы черезъ нихъ получить извѣстное благо для себя. Личное чувство превращалось только въ личное поведеніе и дальше не шло. Ни въ общественную мысль, ни въ общественную идею, ни въ общественный принципъ оно не выростало и даже не переходило въ наслѣдственную привычку, потому что и не передавалось наслѣдственно ни чувству, ни уму. Доброжелательный отецъ строилъ богадѣльню, а недоброжелательный сынъ ее закрывалъ. Такъ это и водилось.

Хотя рядомъ съ этимъ своекорыстнымъ доброжелательствомъ (назовемъ его для отличія лично-моральнымъ,—названіе, впрочемъ, невѣрное), доставшимся намъ отъ прошлаго, явилась въ новое время совсѣмъ неизвѣстная, ранѣе форма доброжелательства гражданскаго, возникшая совершенно изъ иныхъ побужденій, иныхъ чувствъ и идей, но эта форма пока еще не успѣла развиться настолько, чтобы войти въ жизнь, какъ руководящій общественный принципъ, и носитъ на себѣ личныя черты. Старое все еще сильно оттягиваетъ насъ назадъ и держитъ крѣпко въ своихъ традиціяхъ. У насъ, гдѣ образованіе и знанія распространены такъ слабо, какъ нигдѣ, казалось бы, каждому желающему учиться слѣдовало бы выдавать за это премію и радоваться, что нашелся охотникъ учиться, право на образованіе и ученіе

обложены, напротивъ, такимъ высокимъ налогомъ, какъ тоже нигдѣ въ мірѣ. Таковъ еще у насъ господствующій общественно-образовательный принципъ, считающій образованіе не насущною и неустранимою потребностью, которую нужно холить, поощрять и развивать, а роскошью. И вотъ, чтобы ослабить нѣсколько дѣйствіе этого суроваго принципа, на помощь бѣднякамъ-учащимся явилась благотворительность въ видѣ стипендій, денежныхъ взносовъ, устройствъ для студентовъ общежительствъ, дешевыхъ столовыхъ. Но всѣ эти доброжелательныя дѣйствія имѣютъ всегда личный характеръ. Какъ въ старину купецъ, строившій страннопріимный домъ, хотѣлъ, чтобы каждый зналъ, кѣмъ этотъ домъ выстроенъ, и давалъ ему свое имя, такъ и теперешнее наше доброжелательство, хотя и утратившее свой прежній исключительно благочестивый характеръ, остается, попрежнему, личнымъ. Напримѣръ изъ отчета Московскаго университета за прошедшій годъ оказывается, что всѣ пожертвованія на стипендіи и всѣ единовременныя пособія связаны непремѣнно съ именами жертвователей. Н. И. Русановъ вноситъ 5,000 рублей на учрежденіе стипендіи имени умершаго студента Миролюбова; по завѣщанію умершей вдовы генералъ-майора Любенковой поступаютъ 10,000 р. на учрежденіе стипендіи имени завѣщательницы и имени ея мужа; по завѣщанію пот. поч. гражданина Н. С. Мазурина поступаютъ 12,000 р., на учрежденіе двухъ стипендій его имени; вдова пензенскаго купца А. Е. Андреева жертвуетъ 4,000 р. на учрежденіе стипендіи имени А. А. Андреева; А. А. Краевскій оставляетъ 6,000 руб. на одну стипендію его имени; умершая московская мѣщанка Ю. И. Александрова завѣщаетъ 7,000 руб. на двѣ стипендіи ея имени и т. д., дешевая столовая для студентовъ называется столовой братьевъ Ляпиныхъ, студенческія общежитія называются именами ихъ учредителей. И это повторяется вездѣ, и въ Петербургскомъ университетѣ, и въ другихъ. Масса подобныхъ личныхъ, именныхъ, пожертвованій такъ велика, что для нея должна быть введена особая бухгалтерія. Каждый пожертвованный капиталъ составляетъ отдѣльную статью, а именныя жертвы должны держаться твердо въ памяти. И образовался какой-то конгломератъ изъ отдѣльныхъ великодушныхъ дѣйствій, а не нѣчто безъименное, общественное и цѣльное. Въ этомъ конгломератѣ чувствуется скорѣе совокупность единоличныхъ великодушныхъ протестовъ противъ чего-то, что оно усиливается умягчить, сгладить, уничтожить, чѣмъ система общественнаго поведенія, возведенная въ такую же общественную идею и въ общественный принципъ.

Чтобы поступать такъ, выдѣляя себя и выдѣляя свое поведеніе, конечно, нужно и самому выдѣляться изъ средняго уровня и имѣть особую силу. И наши великодушные и доброжелательные жертвователи дѣйствительно выдѣляются, а ихъ простое дѣло становится не простымъ только потому, что для него жизнь не выработала еще условій общественной простоты и свободы и требуетъ особенныхъ единоличныхъ усилій и единоличной энергіи. Получается что-то ненормальное, потому что доброжелательство, стремящееся принять общественно дѣятельную форму, должно вступать въ борьбу, побѣждать препятствія. Это уже героизмъ. Учредительницамъ тифлисской библіотеки стоило большихъ усилій и хлопотъ ея открытіе; а злополучный столикъ, который онѣ желали поставить на базарѣ для продажи книгъ, всего на какой-нибудь рубль, принялъ размѣры городскаго финансоваго вопроса и подлежалъ особому обсужденію городскихъ правителей. Вотъ почему самое простое доброжелательное дѣло становится у насъ обыкновенно далеко не простымъ и, чтобы свершить его, требуется извѣстная степень героизма, подвижничества, самопожертвованія, а подчасъ и очень большая энергія.

Осенью прошлаго года, послѣ трехъ съ половиною мѣсячнаго путешествія по Сибири, прибылъ въ Приамурскій край бывшій ученикъ красноуфимскаго реальнаго училища г. У., уроженецъ Малороссіи. Увлекшись идеей личнаго труда, г. У., бывшій нѣсколько лѣтъ сельскимъ учителемъ, поступилъ въ красноуфимское реальное училище, окончилъ съ выдающимся успѣхомъ курсъ и все время былъ лучшимъ работникомъ на училищной фермѣ. Въ Приамурскомъ краѣ г. У. рѣшилъ «сѣсть на землю». Его встрѣтили очень сочувственно всѣ мѣстныя власти. Генералъ-губернаторъ предоставилъ ему выбрать для занятія земледѣліемъ 100 десятинъ земли, а военный губернаторъ Амурской области выдалъ 600 руб. на обзаведеніе сельскохозяйственнымъ инвентаремъ. При содѣйствіи бывшаго директора красноуфимскаго училища, давшаго о піонерѣ культурнаго земледѣлія самый лестный отзывъ, изъ Петербурга ему посланы сѣмена хлѣбныхъ и кормовыхъ растеній, плодовъ и овощей, книги и руководства по сельскому хозяйству.

Ну, вотъ фактъ доброжелательства, нравственная сущность котораго въ ея цвѣтѣ, характерѣ и размѣрѣ возможна только у насъ, въ Россіи. Самое простое, повидимому, дѣло становится настолько не простымъ, что вызываетъ вниманіе къ нему высшихъ властей, и о г. У. говоритъ вся печать. Но что же такое свершилъ г. У.? Больше ничего, какъ задумалъ «сѣсть на землю», оставилъ учительство, поступилъ въ красноуфимское реальное училище, чтобы ознакомиться съ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ, и затѣмъ отправился въ Приамурскій край, гдѣ и водворился на отведенной ему землѣ. Что, кажется, можетъ быть проще? Да все въ этомъ дѣлѣ просто, не просто только самое дѣло. Нѣмецъ-піонеръ, переселяясь въ Америку, забирается еще и въ не такія трущобы, какъ нашъ Приамурскій край, и, однако, объ этомъ не говоритъ ни одна нѣмецкая газета. Впрочемъ, и у нѣмцевъ есть общественныя дѣла, подобныя нашимъ, когда идейность сообщаетъ имъ приподнятость и характеръ подвига. Но у насъ въ такихъ дѣлахъ болѣе свѣжаго чувства, непосредственности и личнаго, потому что побужденіями къ общественнымъ подвигамъ отличается, главнымъ обра-

зомъ (если не исключительно), только часть общества, та его часть, которая живетъ по преимуществу чувствами, стремленіями и исканіемъ идеаловъ,—молодежь.

Въ Европѣ между этою частью общества, еще формирующеюся для жизни, и зрѣлою частью, уже жизнью руководящей, гораздо больше непосредственной связи. Тамъ юноша, сложившій свои идеалы и точно установившій свои общественныя стремленія, вступая въ слѣдующій возрастъ, только продолжаетъ самого себя и такъ называемая дѣйствительность не становится передъ нимъ несокрушимою стѣной, отъ которой отскакиваютъ всѣ его идеалы, стремленія и мечты, превращаясь въ несбыточныя иллюзіи. Какъ отнесется жизнь къ его идеаламъ и стремленіямъ и какъ она надломитъ ему крылья, еще неизвѣстно, и онъ вступаетъ въ жизнь бодрый, свѣжій, съ увѣренностью въ свои силы. Нашъ же юноша уже и въ жизнь-то вступаетъ съ надломленными крыльями, съ подавленными стремленіями, хилый, слабый, съ парализованною энергіей. Онъ выходитъ разочарованнымъ прямо изъ школы.

Неорганизація нашей жизни заключается только въ ея рѣзкой двойственности. Когда мы еще ростемъ и формируемся, живемъ порывами, стремленіями и чувствами, когда мы начинаемъ читать и думать, мы слагаемся для неизмѣримо болѣе широкаго круга дѣятельности, чѣмъ тотъ, который потомъ встрѣтимъ въ дѣйствительности. Не одна художественная литература и поэзія, дѣйствующія на воображеніе и заставляющія молодыя сердца биться благородными, рыцарскими стремленіями и порывами, но и чисто-логическія, разсудочныя знанія, какъ юридическія и экономическія, раскрываютъ передъ молодыми формирующимися умами массу идеаловъ и возбуждаютъ въ молодыхъ сердцахъ страстное желаніе увидѣть осуществленіе ихъ въ жизни. Это старая исторія, каждому изъ насъ хорошо извѣстная. Также хорошо каждому изъ насъ извѣстно, что, вступая въ жизнь съ страстнымъ желаніемъ ее облагородить, очистить, водворить повсюду правду и справедливость, насадить просвѣщеніе, поднять матеріальный и умственный уровень народныхъ массъ, мы очень скоро убѣждаемся, что все это насаждается и водворяется вовсе не такъ просто и легко, потому что противъ нашихъ страстныхъ желаній и стремленій къ водворенію на землѣ блага и счастья стоятъ какія-то другія желанія и стремленія, а для осуществленія нашихъ, повидимому, очень простыхъ и легко осуществимыхъ идеаловъ мѣста не оказывается. И, дѣйствительно, имъ мѣста нѣтъ. Мѣста нѣтъ потому, въ что установившемся жизненномъ обиходѣ обращается гораздо меньше идей, стремленій и желаній, чѣмъ сколько ихъ имѣется въ насъ при вступленіи въ этотъ обиходъ. Подготовляясь къ жизни, мы набираемъ болѣе богатый умственный и идейный багажъ, чѣмъ какой допускается имѣть тѣми, кто въ этой жизни занимаетъ дѣятельно-практическое положеніе. И вотъ одни изъ вступающихъ въ дѣйствительную жизнь часть этого лишняго багажа складываютъ въ сторону и обкрадываютъ себя умственно и идейно, другіе, посильнѣе, съ излишнимъ багажомъ разстаться не желаютъ и мужественно несутъ его, пока у нихъ достаетъ для этого силъ. Изъ этихъ-то людей съ большими умственными и нравственными силами и выдѣляются всякіе піонеры и подвижники, изумляющіе подчасъ энергіей своего общественнаго доброжелательства и упорствомъ настойчивости.

Народничество есть въ настоящее время идеалъ всѣхъ культурныхъ народовъ,—идеалъ, въ Западной Европѣ явившійся много раньше, чѣмъ у насъ, и нами только оттуда заимствованный, да примѣненный къ нашимъ условіямъ. Въ Германіи, во Франціи, въ Англіи народничество выражается въ стремленіи улучшить положеніе фабричнаго и рабочаго пролетаріата, этого четвертаго и уже значительно выдѣляющагося сословія; у насъ, гдѣ считается 80 милл. сельскаго населенія, это вопросъ о «мужикѣ» и «деревнѣ»; въ Скандинавскихъ государствахъ, въ Швеціи и въ особенности въ Норвегіи, гдѣ нѣтъ никого, кромѣ мужиковъ,— это тоже мужицкій вопросъ. Скандинавское народничество, поэтому, гораздо намъ понятнѣе и ближе и, читая тамошнихъ народниковъ-писателей, чувствуешь что-то свое, русское.

Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» печатался романъ изъ шведскаго быта; поставьте вмѣсто шведскихъ именъ русскіе, и вы подумаете, что передъ вами русскіе энтузіасты-идеалисты, піонеры новой жизненной практики, отдающіе всѣ свои силы на благо и просвѣщеніе народа. Смѣлый, молодой, увлекающійся герой романа, Фалькъ, готовъ отказаться безъ сожалѣнія отъ званія профессора, чтобы быть сельскимъ учителемъ. Крестьянская школа для него самая плѣнительная аудиторія, а крестьяне для него самые дорогіе слушатели. «Мои крестьяне и крестьянки,—восторженно проповѣдуетъ Фалькъ,—люди совсѣмъ другаго закала. Они являются въ школу съ такою страстью учиться, съ такою жаждой знанія, что просто любо смотрѣть. Но все это у нихъ въ зачаточномъ состояніи, такъ что они не умѣютъ даже выразить своихъ чувствъ. И какое счастье для учителя работать на этой дѣвственной почвѣ, идти медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ впередъ, пока не покажутся первые молодые ростки, и затѣмъ продолжать все дальше и дальше съ любовью и пониманіемъ. Мы не желаемъ пользоваться роскошью и изысканностью, не позволяемъ себѣ разнаго рода прихотей, которыя изображены досужимъ городскимъ меньшинствомъ и могутъ достаться въ удѣлъ только немногимъ. Мы находимъ, что пріятнѣе жить такъ, какъ живутъ многіе, чѣмъ такъ, какъ могутъ жить только нѣкоторые. И намъ кажется, что есть въ жизни много духовныхъ задачъ, которыя мы будемъ имѣть возможность выполнить, если не станемъ тратить времени на мелочи, на поддержку этой безполезной роскоши въ платьѣ, ѣдѣ, въ меблировкѣ и т. п. Мы вѣримъ, что родина наша нуждается въ трудѣ нашемъ для достиженія другихъ задачъ!...»

Не правда ли, какъ все это напоминаетъ нашихъ

народниковъ? Не въ теоріи, не въ порывѣ только чувства, а на практикѣ, на дѣлѣ, мы имѣемъ профессоровъ университета, ставшихъ сельскими учителями. Больше двадцати лѣтъ (съ основанія Петровской академіи) у насъ не прекращаются попытки «сѣсть на землю». Одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ, то здѣсь, то тамъ выступали постоянно отдѣльные піонеры въ видѣ земледѣльцевъ («своимъ трудомъ»), сельскихъ учителей, писарей, уходившихъ въ деревню, подобно г. У., отправившемуся теперь на Амуръ, а «опрощеніе» было и общимъ движеніемъ. Но почему же все это было только піонерствомъ, почему въ 20 лѣтъ своей непрерывности піонерство такъ и осталось только піонерствомъ, т.-е. отдѣльнымъ дѣйствіемъ отдѣльныхъ, болѣе энергическихъ и сильнѣе фанатизированныхъ людей? Да только и главнѣйше потому, что идея подобнаго общественнаго доброжелательства была лишь въ одной формирующейся и ростущей части общества, а не дошла еще до обихода идей другой, болѣе зрѣлой части общества. Отъ этого каждый піонеръ долженъ былъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ,— дѣйствовать изолированно, бороться исключительно собственными силами, не разсчитывая ни на поддержку, ни на помощь, ни на содѣйствіе. Для этого требовалось очень много силъ, большая живучесть идеи и большой запасъ смѣняющихъ другъ друга, не падающихъ духомъ, піонеровъ, которыхъ жизненный опытъ училъ лишь тому, что «одинъ въ полѣ не воинъ». Но именно эта непрерывность піонерствъ и живучесть идеи и доказываютъ, насколько въ стремленіи къ ея осуществленію заключается общественной правды, той самой великой общественной правды, для общественнаго роста которой и не существуетъ другого закона. Всѣ великія идеи и общественные идеалы развивались всегда путемъ піонерства, усиліями отдѣльныхъ выдающихся силъ, прежде чѣмъ они становились руководящимъ принципомъ дѣйствующаго въ жизни большинства.

Нашему прогрессивному піонерству труднѣе сохранять свое положеніе, чѣмъ въ Западной Европѣ и въ скандинавскихъ земляхъ (и въ особенности въ скандинавскихъ), не только потому, что русское общество въ его дѣятельномъ большинствѣ много ниже европейскаго по образованію, развитію, стремленіямъ и въ особенности по своимъ общественнымъ принципамъ, но еще и потому, что приходится дѣйствовать въ средѣ иного культурнаго уровня.

Фальку легко было выставить программой: «не станемъ тратить времени на мелочи, на поддержку этой безполезной роскоши въ платьѣ, ѣдѣ, въ меблировкѣ и т. п. Мы вѣримъ, что родина наша нуждается въ трудѣ нашемъ для достиженія другихъ задачъ!» и эту программу выполнить. Между культурнымъ Фалькомъ и культурнымъ скандинавскимъ земледѣльцемъ, въ особенности норвежскимъ, разницы въ обиходѣ и общественныхъ понятіяхъ нѣтъ большой. Норвежскіе крестьяне живутъ какъ наши нѣмецкіе колонисты (лучше) и въ ихъ обиходѣ гораздо больше удобствъ и даже комфорта, чѣмъ въ обиходѣ нашихъ новыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ изъ шляхты, бывшихъ дворовыхъ, управляющихъ, бурмистровъ. Выполняя свою программу, Фалькъ, безъ сомнѣнія, каждый вечеръ бесѣдуетъ съ своими односельцами за кружкой пива о шведскихъ и норвежскихъ внутреннихъ дѣлахъ, объ европейской политикѣ, о рабочемъ вопросѣ, о Бисмаркѣ, о Вильгельмѣ II и объ европейскихъ или скандинавскихъ политическихъ и общественныхъ новостяхъ, о которыхъ они узнали въ той же пивной изъ газетъ. Вернувшись въ свою крестьянскую избу, Фалькъ найдетъ въ ней и столъ, и стулъ, и комодъ, и диванъ, и кровать съ подушками и одѣяломъ и чистымъ постельнымъ бѣльемъ. Все это, можетъ быть, и грубо, не отличается моднымъ фасономъ, но за то смотритъ прочно, солидно и содержится въ порядкѣ и чистотѣ. Даже и въ одеждѣ между Фалькомъ и его деревенскими сожителями нѣтъ разницы,— тѣ же панталоны, тотъ же жилетъ, тотъ же пиджакъ или сюртукъ,— и все это такъ же солидно и прочно, какъ и мебель въ избѣ. Нельзя сказать, чтобы норвежскій крестьянинъ не слѣдилъ и за модой, она у него только не мѣняется такъ часто, какъ у городскаго жителя, потому что зависитъ почти исключительно отъ прочности и солидности матеріала, которымъ онъ распоряжается. А деревенскій матеріалъ прочный.

Являясь лишь болѣе образованнымъ и развитымъ продолженіемъ того же крестьянина-земледѣльца, Фалькъ совершенно правильно разсуждаетъ, что родина его нуждается въ трудѣ народныхъ піонеровъ не для поддержанія безполезной роскоши въ платьѣ, ѣздѣ или меблировкѣ, потому что и то, что есть, вполнѣ обезпечиваетъ народу здоровую и удовлетворяющую человѣческимъ потребностямъ жизнь, и что задача піонерства въ идейномъ развитіи народа, въ демократизаціи понятій, пока еще не проникшихъ въ народную массу. Средній матеріальный уровень, на который должны встать всѣ болѣе обезпеченные и богатые и, въ то же время, болѣе высшій умственный уровень, до котораго долженъ быть поднятъ народъ,— дѣйствительно единственная задача скандинавскаго проповѣдника общественной морали. Во Франціи это дѣло стоитъ нѣсколько иначе, въ Германіи еще иначе, а у насъ и еще иначе.

Фалькъ, вставъ на средній матеріальный уровень народа, будетъ и сытъ, и одѣтъ, и дѣти его будутъ здоровы, а не вымрутъ на половину до пятилѣтняго возраста, а нашему піонеру, захотѣвшему встать на средній народный уровень, пришлось бы снять сапоги и надѣть лапти, голодать черезъ годъ, не видѣть никогда мяса и даже въ урожайное лѣто ѣсть хлѣбъ пополамъ съ мякиной. Есть, правда, и у насъ средній уровень благосостоянія, когда матеріальныя потребности почти всѣ удовлетворены и люди живутъ по-человѣчески; но этотъ средній уровень не уровень народа. Для народа онъ пока идеалъ, о которомъ онъ едва ли получитъ понятіе и къ которому едва ли начнетъ

стремиться, если наши піонеры-народники, «сѣвъ на землю», немедленно снимутъ сапоги и надѣнутъ лапти, откажутся отъ чая, станутъ ѣсть пушной хлѣбъ, да спать въ избѣ въ повалку, отрѣшившись отъ всякой чистоплотности и здоровыхъ гигіеническихъ привычекъ. Фалькъ въ своихъ общественно-воспитательныхъ стремленіяхъ найдетъ и въ сельскомъ старшинѣ, и въ сельскомъ писарѣ людей, которые его поймутъ и ему помогутъ; онъ съ ними поговоритъ и посовѣтуется и объ общественныхъ дѣлахъ, потому что они ихъ не только понимаютъ, но и служатъ честно интересамъ народа; а спросите-ка нашихъ сельскихъ учителей, а въ особенности учительницъ, на сколько имъ помогаютъ волостные писаря и старшины? Г. Астыревъ, при всей своей энергіи и фанатическомъ желаніи водворить правду, справедливость и нравственную чистоту въ волостныхъ порядкахъ, черезъ два года убѣжалъ изъ волостныхъ писарей, никакой нравственной чистоты въ административный обиходъ волостнаго правленіе не водворивъ.

Фалькъ, задумавшій явиться съ пропагандой новыхъ идей и порядковъ куда-нибудь на конецъ Норвегіи, въ Нордландъ или въ Финмаркенъ, добрался бы до нихъ изъ Христіаніи дня въ два, а у насъ г. У., задумавшій служить Приамурскому краю, путешествовалъ въ него только отъ Красноуфимска, лежащаго на границѣ Сибири, три съ половиною мѣсяца! Вотъ какая разница въ размѣрѣ и характерѣ нашего народничества сравнительно съ народничествомъ скандинавскимъ. Тамъ оно чисто-демократизаціонное движеніе, долженствующее охватить всю народную массу и поднять ее до уровня общественныхъ требованій теперешняго развитаго меньшинства; у насъ же оно забота о первоначальномъ улучшеніи условій матеріальной жизни народа, о первой его духовной пищѣ и объ очисткѣ атмосферы его нравственнаго и умственнаго существованія. Это задача болѣе трудная и сложная, чѣмъ задача Фалька, а потому для русскаго народнаго піонерства нужны и люди болѣе сложные, болѣе крѣпкіе, болѣе выдержанные и способные бороться, не упадая духомъ, съ препятствіями и преградами, которыя они встрѣтятъ на своемъ пути. Даже въ нашей Финляндіи піонеръ-народникъ встрѣтитъ другія условія и будетъ имѣть другую аудиторію, чѣмъ какія онъ найдетъ не только въ Приамурскомъ краѣ, но и въ Орловской или Тульской губерніи, уже не говоря про живущую еще по звѣриному Бѣлоруссію.

Года полтора-два назадъ нѣкоторыя газеты очень настойчиво предлагали всѣмъ городскимъ и преимущественно петербургскимъ интеллигентамъ, «ищущимъ мѣстъ», уйти въ «деревню» и отдать ей свои интеллигентныя силы на водвореніе правды, справедливости, хорошихъ нравовъ, привычекъ и порядковъ. Это была очень наивная проповѣдь кабинетныхъ писателей, смотрѣвшихъ на жизнь и на людей въ розовыя очки изъ «прекраснаго далека». Кабинетные писатели знали, что были такіе люди, которые «садились на землю», жили «своимъ трудомъ» и по возможности служили словомъ и дѣломъ народу. А такъ какъ это были интеллигенты, а въ городахъ искали мѣстъ тоже интеллигенты, то упомянутыя газеты вполнѣ логически умозаключили, что если каждый интеллигентъ, не находящій себѣ «мѣста» въ городѣ, уйдетъ въ деревню, то немедленно, только однимъ своимъ присутствіемъ, онъ водворитъ въ ней рай и создастъ народу довольство и счастіе.

Да, дѣйствительно, на землю садились интеллигенты, но эти интеллигенты были не изъ той глины, изъ которой слѣпила жизнь этихъ интеллигентовъ, рыскающихъ въ городахъ за мѣстами и за жалованьемъ. Тѣ интеллигенты были борцы, люди съ закаломъ, энергіей, фанатически отдававшіеся служенію своей благородной идеи и всецѣло проникнутые чувствомъ доброжелательства, которое и было въ нихъ основною двигающею силой. А съ какою бы двигающею силой «сѣли на землю» разшатанные, безпринципные, неспособные интеллигенты, которыхъ нѣкоторая часть печати готова была выгнать изъ городовъ въ деревни цѣлыми толпами, когда эти интеллигенты были не въ состояніи найти себѣ дѣла даже въ городѣ, гдѣ для каждой неспособности и безпринципности открыто гораздо больше путей? Ужъ кому другому, а этому безпринципному, шатающемуся интеллигенту нечего указывать, что дѣлать; онъ это и самъ отлично знаетъ, и если бы «деревня» давала ему то, чего онъ ищетъ и что ему нужно, онъ давно бы заполонилъ деревню, какъ заполонилъ городъ.

Счастіе деревни именно въ томъ, что она не служитъ приманкой для праздныхъ людей, что въ ней имѣется дѣло лишь для одной дѣйствительной силы, а все безсильное пропадетъ. И изъ сильныхъ вынесутъ деревню только особенно сильные, особенно сильные не одною энергіей и характеромъ, но и мощью тѣла подходящіе къ первобытнымъ еще организмамъ нашихъ сельскихъ обывателей, не тронутыхъ пока цивилизаціей. Понятно, что подобные піонеры должны вызывать къ себѣ и удивленіе, и уваженіе. Дѣло, которое они хотятъ дѣлать, конечно, простое, потому что что же можетъ быть проще справедливости и правды, какъ въ экономическомъ, такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ и распространеніи здравыхъ человѣческихъ понятій? И дѣло это было бы дѣйствительно просто, если бы поперекъ ему не становилась цѣлая стѣна разныхъ препятствій. И вотъ для дѣла, повидимому, самаго простаго, требуются, однако, люди далеко не простые, не серединные, не заурядные, а какіе-то особенные, съ Божьею искрой въ душѣ, съ священнымъ огонькомъ въ сердцѣ, любвеобильные и восторженные, слѣпленные, такъ сказать, изъ одной идеи, одного желанія, одного стремленія къ общественному доброжелательству.

Было бы, разумѣется, проще, если бы, по желанію петербургской газеты, простыя дѣла дѣлались просто, простыми и заурядными людьми, и не требовали бы ни миссіонерства, ни подвижничества. Къ этой простотѣ жизнь и стремится. Есть уже и теперь много дѣлъ, ставшихъ настолько за-

урядными и дозволенными, что ихъ можетъ свершать каждый, ибо они вошли въ установившійся обиходъ. Еще недавно сдѣлаться сельскимъ врачемъ и поселиться въ деревнѣ на вольной практикѣ было подвигомъ самоотреченія, и рефератъ доктора Таирова, какъ онъ водворился въ деревнѣ и установилъ свою вольную практику и пріобрѣлъ любовь и довѣріе народа, выслушивался и читался какъ исторія подвига, потому что это былъ и въ дѣйствительности подвигъ самоотреченія и идейности.

Но рядомъ съ этимъ подвигомъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи обнаруживались факты и заурядности подобныхъ отношеній. Въ десяти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ я живу, есть еврейское мѣстечко и въ немъ вольнопрактикующій врачъ, приглашенный евреями, съ которымъ заключены весьма точныя и опредѣленныя денежныя условія. Такъ, бѣдныхъ онъ долженъ лечить даромъ и за это получаетъ отъ мѣстечка 300 руб. въ годъ, съ людей средняго состоянія получаетъ за визитъ или совѣтъ по 25 коп., а съ богатыхъ—гонораръ по условію. Тутъ дѣло стоитъ совсѣмъ просто и о подвигѣ никто и не думаетъ говорить.

Еще одинъ случай, когда земскій врачъ, лишившись земскаго мѣста, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ городъ и искать тамъ практики, рѣшилъ жить практикою деревенской. Удалась она ему не сразу, и онъ постранствовалъ не мало, прежде чѣмъ нашелъ мѣсто по себѣ. Теперь онъ практикуетъ въ Виленской губерніи и тоже въ мѣстечкѣ, населенномъ евреями и русскими. Этотъ человѣкъ съ искрой въ душѣ и никакой таксы не установилъ; свое дѣло онъ любитъ, любитъ онъ и народъ, и нравственныя отношенія, которыя онъ установилъ, доставляютъ ему столько душевнаго удовлетворенія, что свое мѣстечко онъ не промѣняетъ ни на какой городъ.

И тутъ, пожалуй, можно (и слѣдуетъ) не согласиться съ мнѣніемъ, что трудъ доктора нужно разсматривать какъ всякій другой трудъ и оплачивать какъ трудъ обыкновенный. То-то такой ли простой трудъ доктора, какъ трудъ печника или трубочиста? Чтобы и печку сложить хорошо, нужно любить печное дѣло. Никакого дѣла нельзя дѣлать безъ любви къ нему; въ человѣческихъ же отношеніяхъ безъ любви къ людямъ и ровно ничего нельзя дѣлать. Внѣ любви къ людямъ нельзя найти ни нравственнаго удовлетворенія, ни душевнаго спокойствія и довольства. И потому-то печать, подставляющая, вмѣсто идеи общественнаго и личнаго доброжелательства, идею купли и продажи, едва ли оказываетъ обществу (въ особенности ростущей его части) нравственно-просвѣтительную услугу.

Подобная проповѣдь въ особенности неудобна для девяностыхъ годовъ, которымъ придется противодѣйствовать одному изъ умственныхъ движеній годовъ восьмидесятыхъ, ставшему въ недоумѣніе передъ идеей общественнаго доброжелательства и принизившему идеалы, господствовавшіе ранѣе.

Этого вопроса я касаюсь еще разъ потому, что сторонники его свили себѣ гнѣздо, усиливаются укрѣпиться въ своей позиціи и сводятъ дѣло не къ идейному выясненію его по существу, а къ личной самозащитѣ и, къ сожалѣнію, вполнѣ личнымъ средствамъ.

То, что я говорилъ о «восьмидесятникахъ» и ихъ низменномъ общественномъ и идейномъ полетѣ, было объяснено моимъ оппонентомъ софизмомъ, который уже давно пора сдать въ архивъ понятій, вышедшихъ изъ употребленія. Объясненіе было сдѣлано вотъ какое: «Полемика между «Недѣлей» и г. Шелгуновымъ является только однимъ изъ эпизодовъ въ тѣхъ безконечныхъ пререканіяхъ, которыя всегда ведутъ между собою отцы и дѣти. Но изъ послѣднихъ «Очерковъ русской жизни» г. Шелгунова съ особенною ясностью видно, сколько самообожанія носятъ въ себѣ иные изъ нашихъ «отцовъ» и съ какимъ презрительнымъ высокомѣріемъ относятся они къ «дѣтямъ». Въ ничтожности послѣднихъ много повинно, прежде всего, непослушаніе, которое—увы!—споконъ вѣка свойственно «дѣтямъ». Они, «забывъ завѣтъ своихъ предшественниковъ, что только идеи управляютъ жизнью, отказались отъ лучшаго человѣческаго права и высшаго человѣческаго блага, которое одно только и дѣлаетъ человѣка распорядителемъ его общественныхъ судебъ». Далѣе оказывается, что «неспособные подняться выше факта, безсильные и бездарные, чтобы овладѣть какою-либо общею идеей, они этотъ самый фактъ, который подчинилъ ихъ своей волѣ, возвели въ идею и послушно поплелись за нимъ, распространяя повсюду умственную скуку, бездарность, уныніе и понижая умственный темпъ жизни. Какъ видите, поносительныхъ словъ въ этой тирадѣ имѣется весьма достаточно. «Дѣти» обвиняются не только въ отсутствіи такъ называемой идейности, но и во враждебномъ отношеніи къ ней. Являясь врагами широкихъ обобщеній и широкой постановки вопросовъ, они проповѣдуютъ «теорію оглупѣнія».

Это объясненіе ровно ничего не объясняетъ. Оно даже и не оригинально, потому что тянется въ хвостѣ за пущенною Тургеневымъ въ оборотъ теоріей о борьбѣ отцовъ и дѣтей, и до сихъ поръ, какъ оказывается производящей еще смуту въ умахъ. Да если бы тургеневская теорія была и вѣрна, то она, все-таки, къ настоящему случаю не подходила бы.

Въ то время, о которомъ писалъ Тургеневъ, «отцы» являлись представителями стараго уклада, созданнаго крѣпостничествомъ, противъ котораго и выступили «дѣти». Но, выступая противъ «отцовъ», «дѣти» не свершали противъ нихъ повальнаго похода. Вся ихъ кажущаяся отрицательная работа была лишь продолженіемъ тѣхъ идей, которыя сороковые года оставили въ наслѣдіе шестидесятымъ въ литературѣ, публицистикѣ и критикѣ. Такимъ образомъ, «дѣти» были продолженіемъ своихъ «отцовъ», но только не тѣхъ «отцовъ», противъ которыхъ они пошли протестомъ. Работа «дѣтей», взявшихъ на себя практическое осуществленіе умственнаго наслѣдія «отцовъ», которыхъ они про-

должали, была не только отрицательная и критическая, но и творческая. Перемѣны, которыя они ввели въ жизнь, и теперь у всѣхъ налицо въ видѣ новыхъ лучшихъ отношеній и въ семьѣ, и вообще въ повседневномъ обиходѣ.

Но, вѣдь, тѣ, кого цитируемая статья беретъ подъ свою охрану, чтобы защитить отъ завистливыхъ и высокомѣрныхъ «отцовъ», преслѣдующихъ своихъ «дѣтей» за ихъ непокорность, ничего общаго съ «дѣтьми» тургеневскаго изображенія не имѣютъ. Они больше ничего, какъ частный продуктъ общественныхъ сомнѣній, созданныхъ петербургскими условіями жизни извѣстнаго періода, и образуютъ лишь группу новыхъ писателей и публицистовъ (конечно, и съ ихъ хвостомъ). Ни о поколѣніи, ни о «дѣтяхъ» тутъ разговора быть и не можетъ, а можетъ быть разговоръ только о частномъ кружковомъ явленіи.

А какого характера это явленіе и въ чемъ заключается его идейная сущность, было обстоятельно объяснено критикомъ «Недѣли» въ статьѣ «Новое литературное поколѣніе». Въ статьѣ этой говорилось объ идейныхъ ошибкахъ писателей сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, а на «новыхъ» писателей указывалось какъ на новую силу, которая должна исправить эти ошибки и создать новое безошибочное общественное сужденіе. Въ чемъ именно будетъ заключаться это новое руководящее общественное сужденіе, критикъ указать не могъ, потому что новые писатели пока и сами не знаютъ, какія тайны раскроетъ имъ жизнь. Ну, тѣ ли это «дѣти», которыхъ создали шестидесятые годы,—«дѣти», хорошо знавшія, что имъ думать и дѣлать, или же это дѣйствительныя дѣти въ общеупотребительномъ смыслѣ съ обычнымъ для дѣтей самомнѣніемъ?

Но я готовъ подчиниться обвиненію и сознаться, что писалъ противъ «новыхъ» публицистовъ потому, что я «отецъ». Будутъ ли, однако, разсужденія моего обвинителя отъ этого правильнѣе и обобщающее заглавіе, которое онъ далъ своей статьѣ: «Отцы и дѣти нашего времени»,—можетъ ли служить характеристикой теперешнихъ отношеній между людьми, сходящими со сцены, и людьми, готовящимися ихъ замѣнить? Точно ли «отцы» выступили врагами «дѣтей» и между ними нѣтъ никакой умственной преемственной связи?

Въ февральскомъ *Очеркѣ* я приводилъ отзывъ о «молодыхъ писателяхъ» Н. К. Михайловскаго, который именно съ болью въ душѣ говоритъ объ ихъ трезвенной умѣренности и аккуратности, объ ихъ безкрылости, объ ихъ молодости, болѣе слабой, чѣмъ самая слабая старость. Но, вѣдь, Н. К. Михайловскій ни по лѣтамъ, ни по времени своей дѣятельности «отцомъ» еще быть не можетъ,—чѣмъ же объяснить его подобный отзывъ о молодыхъ писателяхъ?

А вотъ и еще отзывъ о молодыхъ писателяхъ А. М. Скабичевскаго: «Странное поколѣніе беллетристовъ и поэтовъ (прибавлю, и публицистовъ) явилось на смѣну отошедшимъ свѣтиламъ 40-хъ годовъ! Мы не будемъ уже говорить о его политическомъ индифферентизмѣ, о полной беззаботности относительно судебъ отечества, объ отсутствіи всякой жилки увлеченія какими бы то ни было общественными интересами и какъ о результатѣ этого отсутствія и крайней узости горизонтовъ творческой фантазіи, не станемъ требовать того, чего этому поколѣнію не дано судьбою, что отъ природы у всѣхъ у нихъ поголовно атрофировано... Но есть такія требованія отъ искусства, которыя входятъ въ самую суть его, безъ которыхъ оно немыслимо. Можно существовать безъ ногъ, безъ рукъ, но не безъ головы...» Для усиленія доказательствъ въ пользу автора, предполагающаго, что теперь снова повторяется старая исторія «отцовъ» и «дѣтей», я предположу, что и г. Скабичевскій, подобно мнѣ, «самообожающій» и завистливый «отецъ», хотя по лѣтамъ онъ гораздо моложе меня.

Но вотъ ужь гдѣ не можетъ быть сомнѣній ни относительно самообожающаго и завистливаго отношенія къ «дѣтямъ», ни относительно какихъ-либо дурныхъ къ нимъ чувствъ—въ «Недѣлѣ»: въ этой газетѣ печаталась статья «Новое литературное поколѣніе» и напечатаны «Отцы и дѣти нашего времени».

Въ той же газетѣ, въ другомъ №, говорится, что главный недостатокъ теперешнихъ гимназій заключается въ томъ, «что окончившіе курсъ, послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ ими самими и ихъ семьями, оказываются людьми совершенно необразованными, незнакомыми рѣшительно ни съ чѣмъ, что обязательно долженъ знать человѣкъ маломальски образованный, часто не умѣющими написать связно и грамотно трехъ словъ».

Это ужь рѣчь не о фракціяхъ, не объ отдѣльныхъ умственныхъ теченіяхъ, а рѣчь о поколѣніяхъ, о «дѣтяхъ». Даже о «повальномъ одичаніи общества» говоритъ статья. Если, по словамъ «Недѣли», эти «дѣти» незнакомы рѣшительно ни съ чѣмъ, что обязательно долженъ знать человѣкъ мало-мальски образованный, то при чемъ же остается обвиненіе «отцовъ», усмотрѣвшихъ въ дѣтяхъ «отсутствіе идейности и пониженіе умственнаго темпа жизни»? «Недѣля» обвиняетъ дѣтей въ гораздо худшемъ—въ неумѣньи даже писать грамотно и связно.

Допустимъ, что эту статью «Недѣли» писалъ «отецъ», тоже высокомѣрно относящійся къ невѣжеству своихъ непослушныхъ дѣтей; но вотъ свидѣтельства, въ которыхъ нельзя допустить никакихъ сомнѣній, ибо они исходятъ отъ людей восьмидесятыхъ годовъ.

Журнальный обозрѣватель «Екатеринбургской Недѣли» по поводу моего ноябрьскаго *Очерка* замѣчаетъ, что фракціи, о которой и теперь идетъ рѣчь, не слѣдуетъ и нельзя приписывать руководящаго вліянія на молодежь, что эта фракція есть созданіе петербургской жизни, легкомысленной, самолюбивой, эгоистичной, что Петербургъ и эти петербургскіе писатели новѣйшей фракціи не заключаютъ въ себѣ еще Россіи и ея интеллигентной молодежи, которая вполнѣ согласится съ тѣмъ, что опорожненное нутро, отодвигающее идеи на второй

планъ, не можетъ создать ничего, кромѣ филистерства и идеала мѣщанскаго счастья.

И еще свидѣтельство человѣка, живущаго въ такой глуши, куда даже и почта не ходитъ, человѣка много работающаго, думающаго, читающаго и наблюдающаго жизнь. По поводу одной своей статьи онъ пишетъ: «Въ нашей литературѣ очень часто приходится читать сѣтованія на отсутствіе у насъ всякой преемственной связи между «отцами» и «дѣтьми». Я не стану отрицать этого факта, но не могу не сказать, что отсутствіе этой преемственности далеко не такъ рѣзко и значительно, какъ можетъ сразу показаться. Часто «дѣти» и дѣйствительно являются сынами и по духу своихъ отцовъ, но жизнь движется, требуются новыя рѣчи, а, между тѣмъ, вслѣдствіе разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, даже рѣчи «отцовъ» подпадаютъ «подъ замѣчаніе...» Наше духовное рожденіе выпало на такую историческую эпоху, когда не только съ идеями отцовъ, людей 60-хъ годовъ, но и вообще со всякими «мыслями» невольно связывается представленіе какъ о чемъ-то неблагонадежномъ, вредномъ. Неудивительно, если лучшіе люди молодаго поколѣнія (а ихъ большинство, я вѣрю въ это) таятъ въ себѣ и свои мысли, и свои чувства, а на сцену выступаютъ тѣ «вѣчные типы» низости и молчалинства, которые не принадлежатъ ни одному поколѣнію въ отдѣльности или же принадлежатъ имъ вмѣстѣ всѣмъ, каковъ бы возрастъ ихъ ни былъ. Во время «отцовъ» эти люди запрятались куда-то или старались пѣть въ унисонъ, а теперь они господа положенія... Въ этомъ вся разница. Подъ обманчивою поверхностью всеобщаго сна и грязныхъ вожделѣній происходитъ тяжелая внутренняя работа: дѣти продолжаютъ дѣло отцовъ... Я не могу даже назваться «человѣкомъ 80-хъ годовъ», такъ какъ я, собственно, еще и не жилъ. Если вы прочитаете до конца статью, то увидите, что, по крайней мѣрѣ, одна часть молодого поколѣнія далеко не порвала съ предъидущими завѣтами...»

Нѣтъ, не въ борьбѣ отцовъ и дѣтей заключается дѣло,—борьбы этой не видно и слѣда, да нѣтъ для нея ни поводовъ, ни причинъ,—а дѣло въ фактѣ умственнаго и нравственнаго вырожденія извѣстной части молодежи, въ фактѣ очевидномъ и ясномъ для каждаго, если этотъ каждый самъ не составляетъ частицы факта, о которомъ рѣчь.

Вырожденіе это выражалось двумя струями. Въ нравственномъ шалопайствѣ, въ прожиганіи жизни и въ нравственной безпринципности и въ шалопайствѣ общественномъ, которое критикъ «Недѣли» охарактеризовалъ такъ: «Новое поколѣніе (80-хъ годовъ) родилось скептикомъ, и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ нимъ безсильными. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не признаетъ обязанности быть героемъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей. Всѣ эти идеалы—сухія, логическія произведенія индивидуальной мысли, и для новаго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно прониклось сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника—природы, все являетъ свою одну и ту же тайну бытія и возвращается къ пантеистическому міросозерцанію».

И когда же эти люди отказались отъ вѣры въ возможность идеальныхъ людей, отреклись отъ обязанности быть героями? Какъ разъ тогда, когда для жизни именно и были нужнѣе всего идеалы, идеальные люди и герои, и подвижники общественнаго труда и общественнаго служенія! Слабые, безхарактерные и бездушные, неспособные ни на какой протестъ, даже умственный, они вынули изъ себя и послѣдніе остатки своей маленькой души и, отдавшись окружавшему ихъ теченію, рѣшили, что это и есть та «дѣйствительность, въ которой имъ суждено жить».

Дѣйствительность! Но что такое дѣйствительность? Развѣ г. У., изучающій сельское хозяйство, чтобы явиться піонеромъ на Амурѣ, не дѣйствительность? Развѣ тѣ, кто шелъ въ народъ и «садился на землю», не дѣйствительность? Развѣ просвѣщенное поведеніе всѣхъ тѣхъ, кто отдавалъ силы на образованіе народа, учреждалъ библіотеки, воскресныя школы, народныя чтенія, не дѣйствительность? Развѣ гуманное, самоотверженное поведеніе доктора Дрея не дѣйствительность? Развѣ движеніе мысли въ направленіи общественнаго блага и всякое благожелательное поведеніе не дѣйствительность? Нѣтъ, не дѣйствительность, отвѣчаютъ вамъ на это. Дѣйствительность есть общественный индифферентизмъ и пантеистическое міросозерцаніе. Когда же вы вздумаете протестовать противъ подобнаго общественнаго разврата, вамъ отвѣчаютъ, что вы «самообожающій отецъ», обиженный тѣмъ, что «дѣти запѣли свои собственныя пѣсни». Нѣтъ ужь, лучше бы они совсѣмъ не пѣли.

И пѣсня *этихъ* «дѣтей» дѣйствительно спѣта! Протестующею реакціей выступитъ противъ нихъ тотъ новый общественно-благожелательный и способный на подвиги человѣкъ, который, пока, говоритъ о себѣ, что онъ еще не началъ жить, и котораго мы увидимъ въ девяностыхъ годахъ.

XLVIII.

Любопытно, что о «среднемъ человѣкѣ» заговорили теперь консерваторы, т.-е. какъ разъ тѣ, отъ кого именно «среднему человѣку» житья и не было.

Первымъ вспомнилъ о среднемъ человѣкѣ «Южный Край», по поводу земскихъ начальниковъ. «Южный Край»—газета очень характерная, и чтобы понять, что и почему она говоритъ, нужно сначала установить ея общественно-политическую физіономію.

«Южный Край» издается уже десятый годъ, въ Харьковѣ, г. Юзефовичемъ. Года два, три назадъ были пущены въ Харьковѣ на счетъ этой газеты какіе-то неблаговидные слухи и между прочимъ, что она пользуется внѣшнею поддержкой. Г. Юзефовичъ очень энергически протестовалъ противъ слуховъ, казавшихся ему почему-то обидными, хотя, въ сущности, въ нихъ обиднаго ничего не было. Въ независимости и самостоятельности образа мыслей и направленія г. Юзефовича никто не сомнѣвался и вопросъ заключался исключительно въ томъ, настолько ли у «Южнаго Края» читателей, чтобы газета могла существовать подпиской. Но «Южный Край» числа своихъ читателей не обнаружилъ и вопросъ о распространенности газеты остался закрытымъ, въ какомъ положеніи онъ пребываетъ и до сихъ поръ.

По своимъ особенностямъ «Южный Край» занимаетъ въ нашей печати изолированное и своеобразное положеніе. У каждой газеты есть своя извѣстная умственная точность, такъ что по тремъ-четыремъ нумерамъ вы легко опредѣлите, чего газета хочетъ и куда она васъ поведетъ. Съ «Южнымъ Краемъ» это совсѣмъ не такъ просто. Въ немъ какъ будто недостаетъ умственнаго нерва и вы имѣете постоянно дѣло съ какою-то неуловимою женскою нервозностью и впечатлительностью, съ какимъ-то легко возбуждающимся *я*. Но въ этой легкой возбуждаемости нѣтъ настоящей злобы, составляющей душевную сущность идейно-цѣльныхъ и умственно-широкихъ натуръ, передъ которыми жизнь какъ бы стоитъ во всей ея совокупности, а потому и ихъ протестъ является не минутнымъ кипяченьемъ, вызваннымъ какою-либо частностью, а цѣлымъ, стройнымъ, дисциплинированнымъ умственнымъ поведеніемъ, широкимъ, всезахватывающимъ.

«Южный Край» производитъ впечатлѣніе не газеты, не органа, за которымъ чувствуется извѣстное множество, партія,—за нимъ вы видите только группу отдѣльныхъ *я*. Читая «Южный Край», вы всегда чувствуете, что бесѣдуете съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ человѣкомъ, который излагаетъ вамъ свои мысли и свои душевныя состоянія. Подобное впечатлѣніе производятъ у насъ еще «Новое Время» (впрочемъ, въ слабой степени) и «Гражданинъ», середину между которыми и занимаетъ «Южный Край».

Но за «Новымъ Временемъ», дѣйствительно, тянется широкая и длинная полоса, оно выработало извѣстный личный типъ общественно-политическаго характера, создавшій себѣ уже мѣсто, положеніе и имя, такъ что сказавъ «нововременецъ», вы точно знаете, о комъ и о чемъ вы говорите. Ни «Южный Край», ни «Гражданинъ» ничего подобнаго собою не выражаютъ; они точно не общественные органы, а продукты извѣстныхъ личныхъ психическихъ вожделѣній, которыя, тѣмъ не менѣе, играютъ не совсѣмъ ничтожную роль въ нашей общественной экономикѣ.

«Южный Край» соединилъ въ себѣ всѣ консервативныя теченія послѣдняго тридцатилѣтія. Въ государственности онъ идетъ рядомъ съ «Московскими Вѣдомостями», въ церковной политикѣ слѣдуетъ «Церковному Вѣстнику» и потому Толстаго не только не признаетъ, но считаетъ вреднымъ; въ пониманіи консервативной народной морали и народнаго смиренномудрія придерживается Достоевскаго и видитъ въ немъ единственнаго писателя, глубоко проникнутаго истиннымъ народнымъ духомъ; въ оцѣнкѣ мѣропріятій и практической общественной дѣятельности онъ проводитъ *русское* воззрѣніе и требуетъ, чтобы у насъ было все *свое*: *своя* школа, *свое* образованіе, *свое* просвѣщеніе, *своя* цивилизація и *свой* прогрессъ. Все это консервативное разнообразіе, не всегда ясное и не имѣющее точной программы, проникнуто и связано нигилистическими повадками мысли, сообщающими душевному старчеству «Южнаго Края» что-то свѣжее, молодое и даже какъ будто современное.

Хотя «Южный Край» въ объявленіи о подпискѣ и называетъ себя газетой «общественною, политическою и литературною», но политическаго нутра въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Правда, онъ печатаетъ политическія телеграммы и даетъ время отъ времени передовыя статьи объ иностранной политикѣ; но въ нихъ онъ больше морализируетъ, пользуясь политикой, какъ матеріаломъ, и не усматривая въ ней неустранимой руководящей общественной силы.

Потому, что у «Южнаго Края» нѣтъ политическаго нутра, онъ не признаетъ надъ собой никакой политической дисциплины. Придерживаясь теоріи «своего» и «не своего», газетѣ, казалось бы, слѣдовало стоять на сторонѣ «своихъ». А, между тѣмъ, «Южный Край» споритъ со «своими» гораздо чаще и больше, чѣмъ «не со своими». Если онъ съ презрительнымъ высокомѣріемъ относится къ Н. К. Михайловскому или къ А. М. Скабичевскому, то поступаетъ вполнѣ по своему праву,—это писатели принципіально противуположные «Юж-

ному Краю» и съ нимп ему воевать слѣдуетъ. Но любопытно, что своихъ противниковъ онъ трогаетъ гораздо рѣже, чѣмъ своихъ единомышленниковъ, и возражаетъ имъ гораздо мягче, чѣмъ своимъ. Напримѣръ, по поводу князя Мещерскаго (не считая для себя обязательнымъ приличие въ словахъ и манерахъ) «Южный Край» говоритъ: «пришелъ дуракъ», и повторяетъ съ видимымъ удовольствіемъ прозвище «козла на конюшнѣ», данное князю Мещерскому «Московскими Вѣдомостями». Съ «Московскими Вѣдомостями» «Южный Край» тоже не стѣсняется. Возражая на статью «Московскихъ Вѣдомостей», которыя назвали «преступною агитаціей» ходатайство нѣкоторыхъ земствъ и городскихъ думъ о сохраненіи въ ихъ мѣстностяхъ мировыхъ судей, «Южный Край» испещряетъ статью такими выраженіями, какъ «горячечный бредъ», «гоголевская Коробочка», «заврапортовавшаяся газета» и въ заключеніе обзываетъ московскую газету тоже «козломъ на конюшнѣ».

Эта некультурность больше ничего, какъ умственное своеволіе, созданное повадками нигилизма, которыми «Южный Край» проникнутъ до мозга своихъ костей. Въ каждомъ словѣ каждой его статьи вы чувствуете какое-то выдѣляющееся и отрицающее *я*, заявляющее о своемъ несогласіи не потому, что такъ нужно ради дѣла, а потому, что несогласіе принадлежитъ вотъ этому самому возражающему *я*. И происходитъ это не отъ умственной самостоятельности или оригинальности мышленія «Южнаго Края», потому что, какъ я уже сказалъ, газета эта соединила въ себѣ всѣ консервативныя теченія послѣдняго тридцатилѣтія и не признаетъ лишь ихъ крайностей. Но, вѣдь, и «Гражданинъ» не серьезно говоритъ о розгахъ, а больше ради консервативной послѣдовательности.

Тѣмъ не менѣе, «Южный Край» чувствуетъ себя на какомъ-то особенномъ мѣстѣ, на исключительной, своей собственной высотѣ, съ которой онъ и говоритъ, напримѣръ, такія, совершенно справедливыя, но какъ-бы не идущія къ нему вещи: «Съ нѣкоторыхъ поръ такъ называемая «консервативная» (ковычки «Южн. Кр.») печать начинаетъ положительно свирѣпствовать. Она уже перестала разсуждать и доказывать, она только «выкликаетъ» и порицаетъ. Съ чисто-хлестаковскою развязностью, она однимъ взмахомъ пера рѣшаетъ самые серьезные вопросы, выдаетъ свои заскорузлыя вожделѣнія за верхъ политической мудрости, безъ зазрѣнія совѣсти, выдаетъ мракобѣсіе за «програму» нашего правительства и всего русскаго народа, а всѣхъ «несогласно мыслящихъ» называетъ не иначе, какъ измѣнниками, безбожниками,—словомъ, людьми опасными, къ которымъ немѣшало бы примѣнить во всей строгости «уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій». И чего-то чего не наболтали «при сей оказіи» наши доморощенные Катоны, съ умиленіемъ вспоминающіе о порядкахъ дореформенной Россіи! Сегодня они восклицаютъ: «Эврика! Слово найдено! Розги! Россіи недостаетъ именно розогъ! Въ отсутствіи розогъ заключается все зло! Пустите въ ходъ розги, но безъ колебаній, безъ этихъ ни къ чему ненужныхъ формальностей, которыя только портятъ дѣло, и вы увидите, что пороки исчезнутъ, добродѣтели процвѣтутъ, безначаліе разсѣется, и Россія почувствуетъ себя счастливою и довольною!» Не успѣли вы опомниться отъ этого открытія, какъ почтальонъ приноситъ другой листокъ какой-нибудь «консервативной» газеты, въ которомъ доказывается, что необходимо обуздать провинціальную печать и подчинить ее двойной, тройной цензурѣ, цѣлой инстанціи цензурныхъ должностныхъ лицъ и установленій, такъ чтобы одинъ цензоръ контролировалъ другаго и вычеркивалъ уже изъ вычеркнутаго, дабы подписчикъ былъ вполнѣ гарантированъ отъ неблагонадежныхъ мыслей и намековъ. Вслѣдъ за этимъ проектомъ появляется цѣлая куча другихъ проектовъ: то о необходимости посократить число гимназій, то о безполезности образованія для должностныхъ лицъ и т. д. Сатурналія самозванныхъ глашатаевъ «охранительныхъ началъ», понимаемыхъ «съ другаго конца», доходитъ до того, что они не хотятъ считаться даже съ дѣйствующими законами, и каждаго, кто осмѣлился думать и дѣйствовать иначе, чѣмъ думаютъ и дѣйствуютъ или, лучше сказать, болтаютъ эти господа, они не только «призываютъ къ порядку», но даже «вручаютъ въ руки правосудія».

Судя по нигилистическому пошибу и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, у людей «Южнаго Края» должно быть не такое прошлое, какое у людей «Гражданина». Тѣ ужь такими родились, такими выросли и такими останутся. Люди «Южнаго Края» составляютъ какъ бы крайнюю правую людей «Новаго Времени», сложную формацію новѣйшаго происхожденія, въ которой вы различите всѣ ея напластованія. Внизу лежитъ слой нигилизма и отрицанія. Это весна жизни людей формаціи, первое пробужденіе жизнерадостнаго чувства и ощущеніе своего личнаго *я*. Пора эта прошла и отъ хорошихъ сторонъ нигилизма не сохранилось ничего, а остался лишь его внѣшній пошибъ, некультурность, да повадки распущенности. Затѣмъ наступаетъ пора другихъ вліяній, а съ ними образуются и другія напластованія. Такъ какъ нигилистическіе порывы съ ихъ анархическими мечтами о гармоніи единоличныхъ произволовъ и реформаціонное освободительное движеніе, отъ котораго ожидалось нравственное и общественное обновленіе, не оправдали всеобщихъ на нихъ упованій, то началось противуположное движеніе, изъ котораго и осѣлъ на эту формацію новый слой. Начался онъ сомнѣніями на свои недавніе порывы и стремленія, а кончился отрицаніемъ, но уже въ противуположную сторону. Шагъ за шагомъ это новое напластованіе росло и крѣпло и подъ давленіемъ болѣе сильныхъ вліяній сложилось въ цѣлое душевное состояніе, признающее безошибочность лишь сильныхъ вліяній какъ внизу, такъ и вверху. Люди было хотѣли сдвинуть льдину съ мѣста, положили они на эту работу много силъ, надеждъ и упованій, но какъ льдина съ мѣста не тронулась,

а только дала нѣсколько щелей, то они съ берега перешли и сами на льдину.

Одни изъ перешедшихъ сдѣлали это просто, даже добродушно, безъ всякаго злобнаго чувства къ тѣмъ, кто остался на берегу («не удалось, такъ не удалось»). Такъ поступили люди «Новаго Времени». Другіе, какъ люди «Южнаго Края» (и часть нововременцевъ, къ которымъ «Южный Край» примыкаетъ), приписали свои неудачи и разочарованія тѣмъ, съ кѣмъ они еще недавно стояли рядомъ на берегу и ушли съ враждебнымъ, злымъ чувствомъ какъ къ тѣмъ, въ кого они еще недавно вѣровали, такъ и къ хвосту, который за ними тянулся. Это злобное чувство, съ теченіемъ времени значительно ослабѣвшее, сохранило въ нихъ и до сихъ поръ горькій осадокъ, выражающійся въ болѣзненной нелюбви къ людямъ вообще и въ нервной раздражительности, съ какой они относятся ко всему, что не такъ, какъ бы имъ хотѣлось, и не такъ, какъ они думаютъ, на основаніи опыта своихъ личныхъ неудачъ. Этотъ излишекъ личнаго начала составляетъ главную основу и ихъ сужденій, и ихъ характера, и ихъ темперамента. Онъ же причиной, что они воображаютъ себя отдѣльною группой независимыхъ людей, будто бы стоящихъ внѣ всякихъ партій и партійныхъ интересовъ.

Въ «Пестрыхъ замѣткахъ», по поводу смерти Салтыкова, о которой «Московскія» и «Петербургскія Вѣдомости» не обмолвились ни однимъ словомъ, точно Салтыкова и на свѣтѣ не было, «Южный Край» замѣчаетъ: «Вотъ то-то и плохо, что и у нашихъ «глаголемыхъ либераловъ», и у нашихъ «глаголемыхъ консерваторовъ»—одна манера, и очень скверная: «не нашего, молъ, прихода». Но непонятно, откуда это составилось мнѣніе, что Салтыковъ былъ какого бы то ни было прихода. Никакого онъ прихода не былъ, а былъ *самъ по себѣ, какъ и всякій даровитый человѣкъ*. Если онъ подчасъ размѣнивался на мелочь, на бравирующій фельетонъ, то, вѣдь, это благодаря обстоятельствамъ его жизни... Но, вѣдь, кромѣ бравирующаго фельетона, у него есть многое и другое, и это другое и является главнымъ. Это-то и слѣдовало сдѣлать при посмертной оцѣнкѣ дѣятельности Салтыкова, а никакъ не стараться закрыть эту дѣятельность пальцемъ... А то: «нашъ, нашъ!»—кричатъ всѣ «представители» «красы Демидрона» и «чего изволите» (это насчетъ либераловъ и критиковъ бывшихъ «Отечественныхъ Записокъ», которые, по мнѣнію «Южнаго Края», будто бы совершенно напрасно считали Салтыкова «своимъ»). Слѣдовало сказать: «не вашъ, да и не могъ быть вашимъ, даже и въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ выражалъ все же не ваши мысли, не ваши чувства, не ваши желанія». Вотъ что слѣдовало сказать и доказать, а никакъ не дѣлать видъ, что «не замѣчаемъ, молъ».

И такъ какъ этой задачи ни «Московскія», ни «Петербургскія Вѣдомости», ни «Гражданинъ» не выполнили, то ее и взялъ на себя «Южный Край», что онъ и дѣлаетъ въ отдѣльной статьѣ, посвященной Салтыкову. По мнѣнію автора статьи, всѣ журнальныя и газетныя похвалы, гдѣ вовсе нѣтъ «темы», а есть только одинъ аккомпаниментъ, составленный изъ хвалительныхъ словъ, не могутъ возбуждать ничего, кромѣ досадливаго и брезгливаго чувства. «Не знаю, какъ кто, но я,—говоритъ авторъ,—никогда не могъ видѣть безъ досадливо-брезгливаго чувства, какъ толпа съ одинаковымъ ожесточеніемъ, такъ сказать, физіологическаго восторга вѣнчаетъ лаврами и великаго художника, и посредственную бездарность,—никогда я не могъ видѣть безъ досадливо-брезгливаго чувства, какъ толпа восхищается Салтыковымъ, какъ бы желая тѣмъ сказать: «онъ нашъ, онъ выражаетъ *наши* чувства, *наши* мысли, *наши* желанія». Это обидно для всякаго истиннаго поклонника дарованія только-что почившаго писателя. Невольно хочется сказать, и теперь, болѣе чѣмъ когда-либо: «неправда, онъ былъ не вашъ и не только не выражалъ ваши чувства, мысли и желанія, а, напротивъ, въ продолженіе всей своей дѣятельности только и дѣлалъ, что осмѣивалъ все васъ и эти ваши мысли, чувства и желанія». Критику, вмѣсто хвалительныхъ эпитетовъ, слѣдовало, по словамъ автора, очистить имя Салтыкова отъ прилипшихъ къ нему восторговъ толпы, чтобы всѣ Ноздревы и Хлестаковы «прогресса» не пріурочивали бы къ нему свою «оппозицію». И когда же начали «всѣ» восхищаться Салтыковымъ? Именно въ тотъ періодъ его дѣятельности, когда онъ сталъ измѣнять себѣ, когда онъ, *художникъ*, размѣнялся на фрондирующій и мелко-обличительный фельетонъ съ «намеками темными на то, чего не вѣдаетъ никто». «Именно тогда наше «образованное общество», наша «интеллигенція» начала восхищаться Салтыковымъ и популярность его среди этой «интеллигенціи» достигла своего апогея. Не найдя въ себѣ силъ отвѣтить «интеллигентной» толпѣ по Пушкинскому завѣту:

> Но, позабывъ свое служенье,
> Алтарь и жертвоприношенье,
> Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

Салтыковъ самъ себя подвергъ «восхищенію глупца». Это было тѣмъ болѣе странно, что, вѣдь, мало кто умѣлъ клеймить эту «интеллигентную» толпу съ такой силой и съ такою рѣжущею ироніей, какъ тотъ же Салтыковъ. И какъ же все это могло случиться?» «Южный Край», ссылаясь на Писарева, думаетъ, что случилось это вслѣдствіе одного основнаго недостатка Салтыкова, его пристрастія къ безцѣльному остроумію или, лучше сказать, остроумничанью, а подчасъ только къ внѣшне-смѣшному сочетанію словъ и отсутствію цѣльности, устойчивости и опредѣленности его міросозерцанія.

Хотя «Южный Край» и хотѣлъ пополнить пробѣлъ, оставленный нашею критикой при оцѣнкѣ Салтыкова, но во всемъ, что онъ сказалъ, было лишь повтореніе того, что говорила о Салтыковѣ «консервативная» и «художественная» критика, т.-е. что Салтыковъ собственно художественный

талантъ, что имѣютъ значеніе только его художественныя произведенія и что когда онъ вступалъ въ несвойственную ему область публицистики, то получались слабыя вещи, которыя возбуждали только восторгъ «интеллигентой» толпы (Ноздревыхъ и Хлестаковыхъ прогресса) и печально озадачивали серьезныхъ поклонниковъ художественнаго дарованія Салтыкова. Прогрессивная же критика (по терминологіи «Южнаго Края», «либералы») въ лицѣ ненавистныхъ для газеты Н. К. Михайловскаго и А. М. Скабичевскаго (о которыхъ она всегда говоритъ только презрительно) выяснила и другую сторону дѣятельности Салтыкова, и совершенно точно и опредѣленно установила его міросозерцаніе. Пробѣла, такимъ образомъ, въ критической оцѣнкѣ Салтыкова не оказалось и «Южному Краю» едва ли оставалось что-нибудь пополнять.

Но не объ этомъ рѣчь. Рѣчь о томъ, что сѣтованія «Южнаго Края» на критику были лишь предлогомъ. Не пополнить «пробѣлъ» ему было нужно, а въ немъ заговорило нутро, зашевелилось озлобленное чувство, то самое озлобленное чувство, которое осталось въ людяхъ «Южнаго края» и съ которымъ они съ берега перешли на льдину; ему нужно было вытащить впередъ «Ноздревыхъ и Хлестаковыхъ прогресса» съ ихъ «оппозиціей», чего не сдѣлали «Московскія» и «Петербургскія Вѣдомости»; натыкать всѣмъ этимъ Ноздревымъ и Хлестаковымъ пальцемъ въ лицо и объяснить имъ, чтобы они не радовались, будто Салтыковъ былъ ихъ и что онъ протестовалъ противъ чего-нибудь другого, кромѣ нихъ и ихъ пошлости.

Вѣрно, что пошлости много на свѣтѣ; много на свѣтѣ и Хлестаковыхъ и Ноздревыхъ; но они водятся не у одного «прогресса». Если Хлестаковы «прогресса» считали Салтыкова своимъ, то, несмотря на свою пошлость, они, все-таки, протестовали и противъ этой своей собственной пошлости, и противъ «проходимцевъ», и противъ «промышленника», и противъ «государственныхъ младенцевъ», и противъ «графовъ Твердоонто», умѣющихъ, какъ говоритъ «Южный Край», тыкать пальцемъ въ пустое пространство или, зажмуривши глаза, рѣзать по живому мясу, т.-е. протестовали противъ всего того, противъ чего протестовалъ Салтыковъ.

Это ли дѣлали Хлестаковы и Ноздревы «регресса»? И они протестуютъ, и они образуютъ «оппозицію», но только противъ чего? «Хлестаковы прогресса», считая Салтыкова своимъ, смотрѣли, все-таки, въ его сторону; опереться на нихъ, какъ на каменную стѣну, конечно, нельзя; но на «Хлестаковыхъ прогресса» и совсѣмъ опираться невозможно. «Хлестаковы прогресса», все-таки, устыдятся рѣзать по живому мясу, а «Хлестаковы регресса» ничего не устыдятся, напротивъ, все утвердятъ и поддержатъ, такъ что даже сами «графы Твердоонто» замашутъ на нихъ руками и испугаются ихъ усердія.

«Хлестаковы регресса» еще недавно доказали, чего отъ нихъ можно ожидать, когда они почувствуютъ свою силу. Я говорю о скандалѣ, который они сдѣлали на обѣдѣ въ годовщину Петербургскаго университета. «Новое Время» взяло подъ свою защиту этихъ «Хлестаковыхъ регресса», а «Южный Край», перепечатавъ защиту, отъ себя добавилъ: «Очевидно, что либеральная болтовня теперь уже не пользуется прежнимъ кредитомъ. Наше общество начинаетъ мало-по-малу понимать, что русскому человѣку, да еще съ университетскимъ образованіемъ, стыдно играть роль недоросля, котораго можетъ уловить въ свои сѣти первый подвернувшійся подъ руку полякъ или еврей. Каждому изъ нихъ русскій человѣкъ смѣло можетъ смотрѣть въ глаза, ибо нравственная правота на его, а не на ихъ сторонѣ. Давно, давно пора понять это!» Да, твердите болѣе «Хлестаковымъ регресса», что нравственная правота на ихъ сторонѣ и что они должны смотрѣть всѣмъ смѣло въ глаза, вы, наконецъ, и сами испугаетесь своей проповѣди!

Вы говорите «Ноздревымъ и Хлестаковымъ регресса», что «русскому человѣку, да еще и съ университетскимъ образованіемъ, стыдно играть роль недоросля и нужно, наконецъ, и самому понимать», и вы знаете, что вы говорите, а они въ это время засучиваютъ рукава и думаютъ, что это-то и значитъ понимать. Если этимъ людямъ не понравились нѣкоторыя рѣчи, то на рѣчи надо было и отвѣчать рѣчами, а не затѣвать кулачный бой. Товарищеское собраніе открывало широкій просторъ, которымъ слѣдовало воспользоваться для обмѣна мыслей и идей, для ихъ если не соглашенія, то выясненія. «Русскому человѣку», котораго такъ усердно поучали «національному самосознанію» и «Новое Время», и «Гражданинъ», и «Южный Край», представлялся прекраснѣйшій случай показать, насколько онъ воспользовался ихъ уроками, а онъ лишь доказалъ, что, попрежнему, понимаетъ только способы физической аргументаціи.

«Южный Край» не разъ подсмѣивался надъ барышнями, которыя носятся съ «книгой Бокля». Но Бокль былъ несомнѣнно очень умный человѣкъ, написалъ несомнѣнно умную книгу и жилъ въ странѣ, въ которой давно уже установились точныя воззрѣнія на общественныя группы и на какія изъ нихъ долженъ опираться общественный порядокъ. И не однѣмъ барышнямъ пригодилась бы «книга Бокля», особенно въ теперешнее время. Бокль, напримѣръ, пишетъ, что огромное большинство людей должно всегда оставаться въ среднемъ состояніи, быть ни слишкомъ глупыми, ни слишкомъ умными, ни слишкомъ добродѣтельными, ни слишкомъ порочными; но покоиться въ мирной и приличной посредственности, принимая безъ большого затрудненія ходячія мнѣнія дня, ничего не насилуя, не производя скандала, никого не удивляя, но держась на одномъ уровнѣ съ своимъ поколѣніемъ и мирно подчиняясь нравственнымъ началамъ и научнымъ выводамъ, общимъ вѣку и странѣ, въ которой они живутъ. Вотъ англійскій идеалъ «собирательной посредственности», какъ называетъ образованную чернь Стюартъ Милль.

Но у насъ не только въ обществѣ, но даже въ

печати не выработался и не установился взглядъ на «собирательную посредственность», какою она есть, какою она должна быть и какое мѣсто ей слѣдуетъ занимать въ нашей общественной экономіи. У насъ и бѣлое, и черное, и красное, и зеленое,—все свалили въ одну кучу подъ названіемъ «интеллигенціи», и въ послѣднее время противники либеральнаго направленія употребляли это слово только въ порицательномъ и презрительномъ смыслѣ; «интеллигенція», по ихъ утвержденію, испортила всю русскую жизнь, не оправдала ожиданій, изгладила реформы, создала городскую цивилизацію, опошлила нравы, растеряла нравственные принципы, впала въ распущенность. И въ порывѣ негодующаго озлобленія «Южный Край», усматривающій причину всѣхъ нашихъ общественныхъ золъ въ невѣрно понятыхъ основахъ русской жизни, обозвалъ ненавистныхъ ему людей «Ноздревыми и Хлестаковыми прогресса».

Но, вѣдь, нельзя же не видѣть, что наши «Ноздревы и Хлестаковы прогресса» менѣе всего заслуживаютъ и обвиненія, и презрительнаго къ нимъ отношенія, потому что только они-то и подходятъ ближе всего къ идеалу собирательной посредственности, устанавливаемому англійскимъ общественнымъ сознаніемъ. Они и не слишкомъ глупы, и не слишкомъ умны, не слишкомъ добродѣтельны и не слишкомъ порочны, легко принимаютъ ходячія мнѣнія дня, не производятъ скандаловъ, наконецъ, не противодѣйствуютъ нравственнымъ началамъ и научнымъ выводамъ, общимъ вѣку. Чего, кажется, еще больше требовать отъ этихъ покладистыхъ людей съ добрыми стремленіями и съ искреннимъ желаніемъ принимать и нравственныя начала, и научные выводы своего времени, которые имъ предлагаются ради лучшаго устройства жизни.

Очевидно, что не «Ноздревы и Хлестаковы прогресса» вносятъ умственную и нравственную смуту въ наши отношенія. Барышни, надъ которыми смѣется «Южный Край», что они носятся съ «книгой Бокля», если они поймутъ ее даже и на половину, несомнѣнно будутъ въ сто разъ полезнѣе для жизни и внесутъ въ нее и въ свои отношенія къ ближнимъ неизмѣримо больше свѣта, тепла, правды и справедливости, чѣмъ тѣ, которыя носятся безъ всякихъ книжекъ и выростаютъ на одниxъ преданіяхъ. Обѣдъ въ годовщину Петербургскаго университета, о которомъ была рѣчь, не обошелся, разумѣется, и безъ «Ноздревыхъ и Хлестаковыхъ прогресса», но развѣ они засучивали рукава, развѣ они готовы были прибѣгнуть къ кулачной аргументаціи, когда требовалось говорить, а не драться, развѣ они сдѣлали скандалъ?

Наша, какъ выражается «Южный Край», «такъ называемая» консервативная печать, къ которой онъ и самъ принадлежитъ, всегда опиралась на «Ноздревыхъ и Хлестаковыхъ» своей стороны и играла на ихъ дурныхъ инстинктахъ и недомысліи. Она не могла представить себѣ другой аудиторіи, да, можетъ быть, другой аудиторіи у нея и не было. Это происходило исключительно оттого, что консервативная печать и сама подчасъ не понимала, что интеллигенція не состоитъ изъ одного сплошнаго слоя, а не понимала она потому, что между консервативными газетами есть не одна, въ которой работаютъ исключительно представители собирательной посредственности. Только этою спутанностью и объясняется, что, напримѣръ, «Южный Край» устремилъ теперь взоры упованія на «средняго человѣка», вѣритъ, что онъ придетъ и что, «съ Божіею помощью, новые люди, перемѣнивши старые мѣха, вольютъ въ нихъ новое, хорошее вино, настоящее виноградное (!), не прибѣгая ни къ какой фальсификаціи».

Для устраненія всякихъ недоразумѣній и поводовъ къ полемикѣ считаю нужнымъ сказать, что я говорю объ «Южномъ Краѣ» не какъ о газетѣ, издаваемой тѣмъ или другимъ лицомъ, а какъ о выразительницѣ міровоззрѣнія части провинціальнаго общества, составляющей переходную формацію, созданную борьбой мнѣній и стремленій, которыми мы жили въ послѣднія тридцать лѣтъ. «Южный Край» могъ бы и не существовать, а эти люди переходнаго мышленія все-таки бы были. Если же для пропагандированія того, что эти люди передумали и перечувствовали и на чемъ они остановились, какъ на опытомъ провѣренной истинѣ, они нашли нужнымъ прибѣгнуть къ печатному слову, то очевидно, что они чувствуютъ за собою силу и не считаютъ себя въ безнадежномъ меньшинствѣ.

Но что это за «средній человѣкъ», на котораго «Южный Край» возлагаетъ свои упованія, и со стороны ли южнаго края онъ придетъ? «Намъ, прежде всего, нужны не знатоки того, «что будетъ съ Индіей, когда и отъ чего», а люди дѣла, знающіе и любящіе свой край, проникнутые духомъ русской жизни. Не крикуны, не говоруны, а сѣрые, скромные русскіе люди, умѣющіе, однако, двигать горами, когда это нужно... Подъ сѣрыми людьми я,—говоритъ авторъ статьи,—разумѣю не сѣрый, необразованный людъ, который я какъ бы противупоставляю людямъ образованнымъ. Избави меня Богъ отъ такого тяжкаго обвиненія! Я только врагъ того крикливаго фразерства, которымъ заражено большинство русскихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей, получившихъ безсмысленное энциклопедическое образованіе. Все-то они знаютъ... А русской жизни, русской исторіи, литературы, законовъ, обычаевъ они ни въ зубъ... И ничего-то ихъ не смущаетъ, и все-то для нихъ на свѣтѣ — дважды два четыре. Это не русская черта. Побольше бы скромности, степенности и сѣроватости, той сѣроватости, которая не фыркаетъ, но постоять за себя умѣетъ, больше думаетъ, чѣмъ говоритъ, и больше дѣлаетъ, чѣмъ разсуждаетъ. Образцы этой сѣроватости даетъ намъ русскій народъ въ лучшихъ его представителяхъ... Образованіе безъ опыта, безъ запаса практическихъ свѣдѣній, безъ такта и природнаго ума не много дастъ шансовъ на успѣхъ. И я глубоко убѣжденъ, что найдутся люди, хотя и не получившіе дипломнаго образованія, но по своимъ знаніямъ жизни, ясности ума, трезвости мыслей и выдержкѣ характера заткнутъ за поясъ многихъ кандидатовъ и дѣйствительныхъ

студентовъ въ роли земскаго начальника. Но, прежде всего, земскій начальникъ долженъ быть вполнѣ русскій человѣкъ. Прямой, искренній, простой, привѣтливый, вдумчивый, разсудительный. Онъ долженъ совмѣщать въ себѣ лучшія качества русскаго человѣка. Это обязательно. Да, наконецъ, и просто-таки пора русскимъ интеллигентамъ перестать обезьянничать».

Отмѣчу, прежде всего, одну особенность писателей «Южнаго края»—говорить съ необыкновеннымъ апломбомъ и отъ своего *я* то, что составляетъ всеобщій обиходъ: «*я* никогда не могъ видѣть безъ досадливо-брезгливаго чувства, какъ толпа восхищается Салтыковымъ», «*я* врагъ крикливаго фразерства», «*я* глубоко убѣжденъ...» и т. д. И въ чемъ же писатель «Южнаго Края» глубоко убѣжденъ? Въ томъ, что есть недипломированные люди, которые умнѣе и больше знаютъ дипломированныхъ!

Это выдѣленіе своего *я* могло явиться только потому, что людямъ приходилось постоянно сравнивать себя съ тѣми, кто меньше ихъ, что умственная и нравственная атмосфера, которою они окружены или которою они сами себя окружили, отыскивая себѣ мѣсто въ природѣ, являлась именно такою, что или возбуждала досадливо-брезгливое чувство, или заставляла, наконецъ, призадуматься, что не можетъ же быть такъ на свѣтѣ, что должны быть и другіе люди, которыхъ почему-то въ атмосферѣ, окружающей людей «Южнаго Края», нѣтъ, и вотъ ихъ осѣняетъ внезапно «глубокое убѣжденіе», что, кромѣ собирательной посредственности, среди стамилліоннаго русскаго населенія должны быть еще и другіе слои.

И дѣйствительно, имъ пришлось свершить не малую работу мысли, чтобы размежеваться въ собственныхъ понятіяхъ и придти, наконецъ, къ «глубокому убѣжденію» въ томъ, что уже давно составляетъ азбуку общественности.

И въ чемъ же писатель усиливается убѣдить своихъ читателей? Въ томъ, напримѣръ, что онъ—писатель и публицистъ—признаетъ пользу образованія и чтобы на этотъ счетъ не было никакихъ сомнѣній, призываетъ даже имя Божіе; далѣе, въ томъ, что крикливое фразерство и безсмысленное энциклопедическое образованіе ниже скромности и ума и умѣнья больше думать, чѣмъ говорить, что одно поверхностное образованіе, безъ опыта, безъ практическихъ свѣдѣній, безъ такта и природнаго ума, не даетъ шансовъ на успѣхъ, что для управленія народомъ нужно проникнуться его духомъ и и уразумѣть сущность его жизни.

Да позвольте же, къ кому вы это обращаетесь? Вѣдь, тѣ, кого вы такъ презрительно обзываете «Ноздревыми и Хлестаковыми прогресса», слышали все это еще тридцать лѣтъ тому назадъ. Очевидно, что у васъ другая аудиторія. И ваша аудиторія дѣйствительно другая; а потому, что она другая, у васъ и взглядъ на жизнь и на людей другой и нѣтъ въ васъ вѣры въ иныя жизненныя возможности.

Наши консерваторы или, какъ выражается «Южный Край», «такъ называемые консерваторы» оттого такъ и мрачны, оттого они и проникнуты безнадежнымъ пессимизмомъ и высокомѣрнымъ отношеніемъ къ «толпѣ» и къ «интеллигенціи», что выросли на почвѣ своей собственной собирательной посредственности, только одну ее и имѣли въ виду, какъ средство для своихъ цѣлей, и не хотѣли никогда допустить, что есть еще слой общества, на который только и можетъ опираться порядокъ.

Странно было бы допустить, чтобы болѣе образованные консерваторы не знали, что собирательная посредственность не есть единственный общественный слой; но изъ того, что они «толпу» звали «интеллигенціей», а «интеллигенцію» «толпой», нужно думать, что точнаго понятія объ общественныхъ наслоеніяхъ они не имѣли и что передъ ихъ глазами мелькала всегда только собирательная посредственность ихъ стороны. А собирательная посредственность московскихъ устоевъ, если ей дать просторъ, способна дѣйствительно довести до отчаянія, въ которое и впали уже «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ». Только окончательно потерявши голову и всякое умственное самообладаніе, только въ пароксизмѣ отчаянія можно дойти до тѣхъ послѣднихъ словъ, до которыхъ дошли эти газеты и въ особенности «Гражданинъ». Дальше этого уже идти некуда и остается или замолчать, или повернуть на другую дорогу.

Люди «Южнаго Края» никогда не теряли умственнаго самообладанія и всегда были противъ крайнихъ мѣръ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина». Это происходило, конечно, оттого, что людямъ «Южнаго Края», стоящимъ ближе къ практической жизни, была она виднѣе и понятнѣе, чѣмъ писателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина», которые, живя въ Петербургѣ и Москвѣ, не испытывали и не видѣли того, что испытываютъ и знаютъ люди провинціи.

Поэтому-то «Гражданинъ», привѣтствуя институтъ земскихъ начальниковъ, какъ новую эру порядка, съ пафосомъ писалъ, что «при колокольномъ звонѣ должны выѣхать губернаторы на смотрины новыхъ учрежденій», что «звукъ числа (!) долженъ получить историческій смыслъ», что «этимъ числомъ всякій долженъ выразить день укрѣпленія порядка», что «подъ лучами русскаго народа должно возсіять это число», что «за нѣсколько дней до этого числа по улицамъ долженъ пробѣжать трепетъ» и т. д.

На это «Южный Край», хорошо знакомый съ тѣмъ, что бывало, не безъ ироніи отвѣчалъ: «Почему и въ какомъ смыслѣ мнѣ надлежитъ трепетать? Если въ смыслѣ предчувствія чего-то грознаго и неумолимаго, что, какъ Deus ex machina, придетъ и покажетъ всѣмъ, «гдѣ раки зимуютъ», то это, насколько я понимаю, не задача земскихъ начальниковъ, роль которыхъ больше миротворческая, чѣмъ воздаятельная... А, во-вторыхъ, насъ, захолустныхъ обывателей, хотя и считаютъ простаками, но это больше по недоразумѣнію... Насъ и насчетъ урядниковъ предупреждали, что они и то, и другое, и даже новыя формы жизни создадутъ

для насъ... То же самое происходило у насъ и съ другимъ начальствомъ. А перебывало его у насъ по разнымъ причинамъ и подъ разными кличками столько, что и не пересчитаешь. И всякій разъ происходила одна и та же исторія, словно по стереотипу. Пріѣзжаетъ къ намъ новый исправникъ или становой, или мировой посредникъ, или вообще кто-нибудь изъ начальства. Начинается обыкновенно исторія съ упраздненія системы предшественника. Находятся всюду ошибки и упущенія, которыхъ-де и терпѣть нельзя и впредь ихъ допустить ни подъ какимъ видомъ невозможно. Новый начальникъ все это-де непремѣнно раскассируетъ, изъ моды выведетъ и устроитъ по своей системѣ такой порядокъ, что мое почтеніе. И чувствуетъ онъ себя вполнѣ способнымъ на это, потому что онъ, не какъ предшественникъ, смотритъ на вещи «съ боку», а прямо «въ оба» и дальнозорко. И все, что онъ ни сдѣлаетъ, будетъ, дескать, такъ хорошо, умно и цѣлесообразно, что можно сказать: nec plus ultra... И смотримъ, бывало: нашъ homo novus тамъ сниксуетъ, тамъ въ компромиссъ войдетъ, а черезъ нѣкоторое время недавняго «протестанта» хоть голыми руками бери. И разсуждаетъ онъ по-нашему, и поетъ пѣсни изъ нашихъ оперъ, и пляшетъ подъ нашу музыку, словно родился въ нашемъ уѣздѣ. И дѣлается онъ нашимъ милымъ присяжнымъ собесѣдникомъ, кумомъ, партнеромъ, собутыльникомъ... Все это говорится къ тому, что ученостью насъ не обморочишь, а хорошему человѣку мы всегда рады. Земскіе начальники, такъ и земскіе начальники. Намъ хоть бы песокъ, лишь бы солилъ. И въ страхѣ трепетать намъ передъ приходомъ земскихъ начальниковъ нѣтъ никакихъ основаній. Придутъ—увидимъ, а что скажутъ намъ —послушаемъ». Затѣмъ авторъ высказываетъ пожеланія (которыя я уже цитировалъ), что не крикуны, фразеры и болтуны, играющіе во власть, нужны для провинціи, а скромные, умные, сѣрые люди, проникнутые духомъ народа, разумѣющіе сущность его жизни и «умѣющіе двигать горами, когда это нужно».

«Новое Время» повторяетъ ту же мысль, что намъ нужны не всероссійскіе умники, мудрствующіе лукаво, а «средній человѣкъ» съ его простымъ умомъ и критически-здравымъ смысломъ. «У насъ есть еще средній человѣкъ, есть хорошій и честный работникъ, а главное, есть нѣчто такое, что выше всякаго отдѣльнаго человѣка. Это—умъ всего народа, это—преданіе, преемственность, духъ народный. Геніевъ нѣтъ, но есть народный геній. Вреденъ не сѣрый и средній человѣкъ съ его средними способностями, а вредно умничанье, вредно желаніе выйти изъ колеи, стать выше другихъ, когда нѣтъ ни выдающагося ума, ни большихъ способностей. Тутъ именно и дѣлаютъ ошибки и трудно поправимыя глупости. Люди власти у насъ еще съ большимъ трудомъ усвоиваютъ себѣ понятіе, что они для народа и общества, а не наоборотъ, что они должны быть скромнѣе, трудолюбивѣе и разсудительнѣе обывателя, ибо ихъ умничанье и капризы, ихъ чванство больно отдаются на жизни милліоновъ людей... Есть наслѣдственный государственный умъ, который проникаетъ отдѣльнаго человѣка и сообщаетъ ему нѣчто столь твердое и крѣпкое, что онъ при среднихъ способностяхъ и среднемъ умѣ является полезнымъ дѣятелемъ, если только не мудритъ и не умничаетъ».

Все, что говоритъ «Новое Время» и «Южный Край», они говорятъ противъ своей собственной собирательной посредственности, на сторонѣ которой пока остаются еще «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ». Очевидно, что наша консервативная лѣвая начинаетъ уже освобождаться отъ своихъ прежнихъ тенденцій. Она этого пока не высказываетъ прямо или потому, что еще и сама не сознаетъ своего поворота, или же продолжаетъ питать надежду на лучшихъ людей консервативной собирательной посредственности. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что дисциплина между людьми нашей правой настолько поколебалась, что если ея фракціи останутся послѣдовательными, то должны разойтись по разнымъ дорогамъ.

Теперь имъ остается только назвать вещи ихъ собственными именами и дѣло этимъ очень упростится. Кто же эти «умники», «говоруны», «болтуны», «крикуны», «фразеры», которые ломались надъ народомъ и дѣлали ошибки и трудно поправимыя глупости, какъ не та самая собирательная посредственность, которой и наши лѣвые, и наши правые консерваторы только и открывали ходъ, а среднему человѣку, къ которому они, лѣвые, теперь начали взывать, постоянно закрывали дорогу? Вѣдь, не за горами 1882 годъ, когда «Новое Время» провозгласило устраненіе высшей интеллигенціи въ интересахъ народа, для котораго ничего не дѣлалось, благодаря только тому, что интеллигенція, загребая жаръ чужими руками, все прибрала къ себѣ. Тогда было такое время, когда по всему фронту консервативной печати открылась яркая атака противъ «высшихъ общественныхъ стремленій широкихъ общественныхъ задачъ». У людей до того закружилась голова, что, не понимая, что они дѣлаютъ, они даже и не подозрѣвали, что подрубаютъ сукъ, на которомъ сидятъ сами. Вся исторія нашего умственнаго развитія во все ея многовѣковое существованіе проходитъ только въ борьбѣ двухъ слоевъ интеллигенціи—собирательной посредственности съ среднимъ человѣкомъ. Въ этой борьбѣ и проходитъ собственно вся наша умственная жизнь,—жизнь, подчасъ просто невыносимая, уносящая силы на повтореніе тысячный разъ того, что, казалось, было уже совсѣмъ рѣшено и принято. Вотъ, кажется, ужь окончательно рѣшено, что просвѣщеніе—свѣтъ, а не просвѣщеніе—тьма и что намъ нужно образованіе, какъ можно больше образованія, и вдругъ внезапно откуда-то хлынетъ противная волна и раздастся кличъ, что намъ не нужно ни образованія, ни просвѣщенія, потому что они приносятъ только вредъ и создаютъ превратныя понятія. Откуда и отчего этотъ внезапный дикій кличъ? Какими таинственными движеніями мысли и какими побужденіями то, что все человѣчество считаетъ для себя высшимъ благомъ, мы признаемъ для себя

зломъ? Отвѣтъ одинъ: собирательная посредственность опять, значитъ, подняла голову и, почувствовавъ свою силу, пытается повернуть жизнь по-своему.

У насъ все зависитъ отъ того, какая часть общества устанавливаетъ уровень общественныхъ требованій. Если беретъ перевѣсъ высшій умственный общественный слой, то поднимаются всѣ требованія жизни, учащается ея темпъ, вездѣ идетъ кипучая работа мысли, литература оживаетъ, публицистика привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе, всѣ хотятъ читать, думать, учиться; запросъ на чтеніе усиливается, у газетъ и журналовъ прибавляется подписчиковъ, издательская дѣятельность усиливается и книжная торговля процвѣтаетъ. Но если беретъ перевѣсъ и устанавливаетъ уровень требованій собирательная посредственность, эта кипучая жизнь, съ ея учащеннымъ пульсомъ, внезапно смѣняется умственною отупѣлостью, потому что собирательная посредственность сразу же сокращаетъ горизонтъ мысли до предѣловъ собственнаго пониманія. Все, что ей не нужно лично, она вычеркиваетъ изъ общественнаго обихода и надъ всѣмъ, чего она не понимаетъ, она начинаетъ высокомѣрничать. Этотъ упадокъ мысли обнаруживается, прежде всего, тѣмъ, что общество начинаетъ читать меньше и не то, что оно читало раньше. Когда при болѣе высокихъ умственныхъ стремленіяхъ отъ каждаго требуется и знать больше, и думать больше, и когда этотъ каждый видитъ вокругъ себя массу новыхъ вопросовъ, которыхъ онъ самъ разрѣшить не можетъ, онъ за разрѣшеніемъ ихъ обращается къ печати, и усиленный спросъ читателя, чувствующаго себя соучастникомъ въ расширеніи общественныхъ задачъ, порождаетъ такое же широкое предложеніе со стороны печати. Но когда собирательная посредственность сокращаетъ умственную жизнь до минимума, о чемъ остается людямъ читать и о чемъ писателямъ писать? Упадокъ знаній ниже средняго уровня и общее пониженіе умственной жизни, создаваемое руководительствомъ собирательной посредственности, дѣйствуетъ всегда разрушительно и на общественную и личную нравственность. Общественная совѣсть притупляется, стыдъ исчезаетъ, чувство справедливости падаетъ, они смѣняются общественнымъ безстыдствомъ и нахальствомъ, беззастѣнчивостью и цинизмомъ, такъ что даже и люди, стоящіе выше собирательной посредственности, утрачиваютъ нерѣдко стыдъ и совѣсть.

И когда наступитъ моментъ подобнаго упадка общественной мысли и общественной нравственности, такъ что его замѣчаютъ уже и всѣ слѣпые и признаютъ упрямые, и лучшіе изъ собирательной посредственности и служащіе ей люди печати убѣждаются, что съ собирательною посредственностью и съ ея средствами ничего не устроишь, кромѣ общественной безурядицы, общественная мысль снова дѣлаетъ поворотъ и склоняется въ сторону своихъ такъ называемыхъ лучшихъ людей. Случается, что поворотъ общественной мысли въ сторону лучшихъ людей становится настолько силенъ, что собирательная посредственность бываетъ принуждена уступить имъ свое мѣсто. И тогда опять наступаетъ время подъема мысли и энергической умственной и общественной работы. Но вотъ дѣло поправлено настолько, что собирательная посредственность, усвоившая кое-какія новыя мысли и опытныя указанія, мнитъ себя достаточно способной занять свое прежнее мѣсто и тогда люди, къ помощи которыхъ она прибѣгала, снова устраиваются и опять начинаетъ хозяйничать по-своему посредственность, пока не испортитъ дѣла настолько, что опять неизбѣжно пригласитъ на помощь болѣе умственныхъ людей.

Такіе приливы и отливы чередуются у насъ почти съ математическою правильностью и можно предсказывать заранѣе не только ихъ наступленіе, но и продолжительность ихъ сроковъ. Что бы ни говорили о пассивности нашего интеллигентнаго общества, но, вѣдь, только оно создаетъ нашу жизнь и даетъ ей тотъ или другой цвѣтъ, характеръ, направленіе.

А такъ какъ собирательная посредственность несомнѣнная сила и ея у насъ много, какъ песка морскаго, то ясно, что періоды ея главенства должны быть всегда продолжительнѣе, чѣмъ періоды ея подчиненной роли. И нельзя сказать, чтобы собирательная посредственность была злою силой съ предвзятыми дурными намѣреніями. Ничего этого нѣтъ. Она тоже желаетъ общаго блага и стремится къ нему, но всѣ ея понятія такого рода, что когда она начнетъ прилагать ихъ къ общественнымъ отношеніямъ, то непремѣнно должна получиться путаница. Совершенно искренно и въ интересахъ общаго блага она помогала «дѣльцамъ» и сочиняла такія формулы прогресса, какъ: «теперь не время широкихъ задачъ», «довольно словъ», «нужно дѣло», и открывало путь «купону», какъ выражается Г. И. Успенскій. Такъ же искренно и въ области идейно-общественныхъ понятій она сводила все къ «простотѣ» и къ общедоступному пониманію. Такъ же искренна и доброжелательна была она и въ области общественной психологіи, когда находила, что обществу необходимо успокоиться отъ его слишкомъ лихорадочной дѣятельности и зажить по будничному. Всѣ эти программы были не случайныя или внезапныя. Собирательная посредственность надъ ними думала, и много думала, и если дѣйствительная жизнь, выполняя ихъ, приходила къ результатамъ совершенно противуположнымъ, то, вѣдь, и сама собирательная посредственность ихъ не ожидала.

И въ сей моментъ обращеніе «Южнаго Края» и «Новаго Времени» (газетъ — провинціальной, лучше знающей интересы и нужды провинціи, и столичной, которой яснѣе столичное настроеніе) къ «среднему человѣку» нельзя не привѣтствовать, какъ добрый признакъ того, что за первыми двумя ласточками прилетитъ ихъ и больше. Г. Суворинъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что у насъ есть средній человѣкъ, есть хорошій и честный работникъ и что именно этотъ-то средній человѣкъ и создалъ Россію, пробилъ для нея пути жизни и

выработалъ то, что называется умомъ всего народа и народнымъ духомъ. И дѣйствительно, не геніи творили русскую исторію, не геніи были тѣми работниками, которые народныя стремленія къ правдѣ и къ «жизни по-божески», «по-справедливому», возводили въ общественно-нравственныя понятія и въ государственное сознаніе и создавали практическія возможности для ихъ осуществленія. Не геніи додумались до освобожденія крестьянъ и не геніи произвели поразительную по громадности работу въ общественныхъ преобразованіяхъ, къ которой эта идея привела. Всю эту работу сдѣлалъ «средній человѣкъ». Онъ и былъ, и есть тотъ нашъ коллективный геній, въ которомъ хранится наша общественная совѣсть и живетъ наше общественное сознаніе. Кто эти люди, полные общественнаго доброжелательства, которые открываютъ школы и читальни, идутъ піонерами на Амуръ и во всякія трущобы, «садятся на землю», поступаютъ въ волостные писаря, изъ профессоровъ университета уходятъ въ сельскіе учителя и для удовлетворенія своего чувства жить по-справедливому и приносить пользу наполняютъ фельдшерскія школы и женскіе курсы, стремятся въ университеты за высшимъ образованіемъ и, полные доброжелательныхъ порывовъ и стремленій, лелѣютъ въ себѣ идеалы жизни и накопляютъ дѣятельную силу, чтобы осуществить ихъ затѣмъ въ предстоящей имъ дѣйствительности? Все это средніе люди, простые и хорошіе люди и честные работники, которыхъ вы встрѣтите вездѣ. Много ли ихъ, или мало, счетомъ я не знаю, но, судя по тѣмъ громаднымъ реформамъ, которыя эти средніе люди произвели, и по тому, что они дѣлаютъ и теперь, вездѣ и повсюду, выдѣляясь своею неумирающею и неустанною энергіей, какія бы препятствія имъ жизнь не противупоставляла, слѣдуетъ думать, что не въ числѣ тутъ дѣло. И дѣйствительно, дѣло не въ числѣ, а въ распредѣленіи силъ и въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ эти силы должны быть по ихъ способностямъ и средствамъ. Г. Суворинъ говоритъ, что хорошій и честный работникъ на Руси не вывелся; но какой же былъ и поводъ въ этомъ сомнѣваться? Г. Суворинъ говоритъ, что вреденъ не сѣрый и средній человѣкъ съ его обыкновеннымъ умомъ и средними способностями, а вредно умничанье, вредно желаніе встать выше другихъ, когда для этого нѣтъ ни умственныхъ, ни нравственныхъ правъ. Что же это значитъ и чего не доказалъ г. Суворинъ? Не доказалъ онъ того, что всѣ эти умничающіе и желающіе встать выше другихъ люди и есть наша собирательная посредственность, только потому и умничающая, что она не умна, только потому и желающая встать выше другихъ, что она не знаетъ истинной мѣры своего роста. Всѣ эти кричащіе, болтающіе и фразерствующіе, о которыхъ говоритъ «Южный Край», что они, пріѣхавъ на мѣсто, напустятъ всякой пыли, все раскассируютъ и заведутъ посвоему, потому что смотрятъ прямо «въ оба» и дальнозорко,—все это тотъ же морской песокъ собирательной посредственности, заполонившей всю нашу жизнь, ничѣмъ не смущающейся, все знающей и вѣдующей и для которой все просто какъ дважды два четыре.

Гёте говоритъ, что люди, узнавъ слово, воображаютъ, что поняли и его смыслъ; но есть такія слова, въ которыхъ именно и заключается весь ихъ смыслъ. Такое слово и есть «собирательная посредственность». Мы этимъ словомъ пока не овладѣли и не дали ему еще права гражданства. Отъ этого только у насъ и возможно, что публицистъ поразитъ внезапно читателя фразой: «я глубоко убѣжденъ, что найдутся люди, хотя и не получившіе дипломнаго образованія, но по своимъ знаніямъ жизни, ясности ума, трезвости мыслей и выдержкѣ характера заткнутъ за поясъ многихъ кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ», или, какъ г. Суворинъ, объявитъ о своей догадкѣ, что въ Россіи есть *еще* хорошій и честный работникъ.

Во всемъ этомъ любопытна именно неумѣренность, что есть въ Россіи нѣчто и лучшее того, что мелькаетъ повседневно. Неужели среда и атмосфера, въ которой консервативные публицисты живутъ, такого рода, что приходится задумываться надъ тѣмъ, что не можетъ же быть, чтобы всѣ люди были такіе, и что непремѣнно должны быть еще и люди настоящіе, съ настоящими человѣческими чувствами, съ яснымъ умомъ и съ общественнымъ смысломъ? Да, вѣдь, если не имѣть убѣжденія, что, кромѣ собирательной посредственности, есть еще и настоящіе люди, то нужно выкинуть изъ себя вѣру и надежду въ лучшую жизнь, въ лучшіе распорядки, въ лучшія отношенія, выкинуть вѣру даже въ прогрессъ, заморить всѣ къ нему стремленія,— однимъ словомъ, выкинуть изъ себя душу. Но ради чего тогда и жить на свѣтѣ?

Наша такъ называемая (именно «такъ называемая») консервативная печать, полная пессимизма и безвѣрія, устанавливающая уровень своихъ практическихъ требованій только на тѣхъ возможностяхъ, которыя для ея соображеній представляетъ собирательная посредственность съ ея ограниченнымъ запасомъ чувствъ и этическихъ понятій, всегда занимала и будетъ занимать ничтожное по своему нравственному и умственному вліянію положеніе. Все живое, свѣжее, стремящееся и задумывающееся надъ жизнью, все умственное еще не установившееся, а ищущее, все, въ чемъ не заглохла потребность выработать нравственный общественный идеалъ и подчинить ему свое поведеніе, — все, въ комъ живая душа бьетъ живымъ ключомъ потребности общественной любви и смотритъ на предстоящую ей жизнь какъ на открытое безграничное поле для дѣятельнаго приложенія этой любви, — все это, живое и стремящееся, проникнутое непреодолимою потребностью найти запасу своихъ силъ исходъ и указаніе, никакого исхода и указанія въ консервативной (такъ называемой) печати не найдетъ.

Но, вѣдь, нельзя же сказать, чтобы представи-

тели нашей консервативной печати потеряли совсѣмъ свою душу и отказались отъ идеаловъ. О, нѣтъ! И они стремятся къ чему-то возвышенному и благородному, и они — и, можетъ быть, больше, чѣмъ кто-либо другой—говорятъ о честности, справедливости, правдѣ и любви. Они и должны говорить о нихъ больше, потому что рѣже видятъ ихъ около себя. Но у нихъ всѣ ихъ нравственныя пожеланія и стремленія, выражаемыя благородными словами, только и могутъ оставаться лишь словами. Именно къ «такъ называемымъ» консерваторамъ примѣнимо замѣчаніе Гёте, что люди, овладѣвъ словами, воображаютъ, что овладѣли ихъ и смысломъ. Понять смыслъ слова значитъ понять возможность, когда честное слово можетъ быть честнымъ дѣломъ, когда оно можетъ воплотиться въ дѣйствительности. А, вѣдь, мы, толкуя, положимъ, о справедливости, устанавливаемъ для нея такія рамки и условія, что, вмѣсто справедливости, которой отъ всѣхъ требуемъ, можетъ получиться только несправедливость. И вотъ, когда получится она и повсюду накопится ея много, очень много, мы же консерваторы, приходимъ въ негодованіе и начинаемъ взывать къ «среднему человѣку», чтобы онъ вышелъ изъ захолустья, въ которое мы его загнали, и устроилъ бы намъ все по-честному. Умственная бѣда консерваторовъ только въ томъ и заключается, что они говорятъ хорошими словами и рѣшительно не понимаютъ, какъ хорошія слова сдѣлать такими же хорошими дѣлами.

Какъ же идти за людьми, которые требуютъ на словахъ любви, а на дѣлѣ только сѣютъ смуту и вражду, у которыхъ, какъ у сказочнаго дровосѣка, изъ одного и того-же рта выходитъ и тепло, и холодно, такъ что даже лѣшій не захотѣлъ имѣть дѣла съ такимъ двоящимся человѣкомъ!

И посмотрите, какъ играютъ словами любовь, правда, честность, справедливость «Гражданинъ», «Московскія Вѣдомости», да хотя бы и тотъ же «Южный Край», настолько падкій до этическихъ идеаловъ, что даже весь современный прогрессъ онъ выкидываетъ, какъ ветошь. Слушая ихъ хорошія слова, подумаешь, что все это агнцы божіи, а приди къ агнцу божьему «средній человѣкъ» за практическою инструкціей, и онъ получитъ такое приказаніе: жидовъ топить, штундистовъ жечь, поляковъ скручивать въ бараній рогъ, нѣмцевъ турить вонъ, для насажденія настоящаго, своего, и истинно этическаго прогресса, вмѣсто изученія римскихъ классиковъ и латинскаго языка, ввести изученіе византійской цивилизаціи и языка греческаго (на водвореніи этого новаго прогресса настаиваетъ съ необыкновенною энергіей «Южный Край»), а русскаго человѣка, того самаго человѣка, народнымъ геніемъ котораго, какъ говоритъ г. Суворинъ, «Русь стала такою широкой и сильной и выросла въ нѣчто колоссальное», этого-то творца нашей государственности, достаточно доказавшаго свой умъ и организаторскія силы, «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости» (еще ровно ничего не доказавшіе) прикажутъ пороть и для порядка держать въ ежевыхъ рукавицахъ. И тутъ же эти люди будутъ увѣрять: «мы враги крикливаго фразерства, которымъ заражено большинство русскихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей, намъ нужно побольше скромности, степенности и сѣроватости, которая не фыркаетъ, но постоять за себя умѣетъ, больше думаетъ, чѣмъ говоритъ, и больше дѣлаетъ, чѣмъ разсуждаетъ; намъ нуженъ средній человѣкъ, хорошій и честный работникъ». Вѣрно, что нуженъ онъ и вамъ, только знаете ли вы такое волшебное слово, которое бы онъ послушалъ, и своими крикливыми фразами о благородствѣ и честности приманите ли вы его къ себѣ?

Уже давно, разсказываетъ «Новое Время», Петербургъ не видѣлъ въ такомъ количествѣ, какъ теперь, какихъ-то особенныхъ и странныхъ людей, явившихся неизвѣстно откуда. Еще съ осени стали попадаться, и въ довольно замѣтномъ числѣ, подержанныя личности съ хорошими манерами, изобличающими въ нихъ людей, принадлежавшихъ когда-то къ обществу; излишняя одутловатость лицъ, припухлость вѣкъ, слеза въ глазахъ, загаръ и огрубѣлость кожи,—все это свидѣтельствовало несомнѣнно объ ихъ долгой залежалости въ провинціи; не первой свѣжести и даже прямо-таки потертые костюмчики, на нѣкоторыхъ, низшихъ экземплярахъ, фуражки съ красными околышами при статскомъ платьѣ опредѣляли сразу на опытный и привычный взглядъ ихъ происхожденіе и превратность дальнѣйшей ихъ судьбы... Прилепились даже завѣдомо не подходящіе ни къ какому дѣлу люди, по причинѣ своей судимости, своей явной и несомнѣнно доказанной неблагонадежности, страдающіе страстью къ спиртнымъ напиткамъ, удаленные тихимъ образомъ отъ должностей, при которыхъ они когда-то состояли, — словомъ, вся эта накипь, которую согнала своимъ дуновеніемъ съ народной деревенской жизни реформа 19 февраля... Но какъ постарѣли они, износились, даже истрепались съ той поры! Какой ужасный, жадный, голодный блескъ появился у нихъ теперь въ глазахъ!.. И бродятъ они всѣ утромъ, возлѣ подъѣздовъ извѣстныхъ вліятельныхъ лицъ,—дожидаются чего, заявить хотятъ о себѣ?.. Что возмутило ихъ? Что привело ихъ сюда? Зачѣмъ они собрались и чего ищутъ?

И собрались они, и ищутъ, и надежды не потеряли найти, потому что они все могутъ, о чемъ пишутъ «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости», которые ихъ держутъ въ курсѣ ихъ понятій. Вы говорите «накипь». Нѣтъ, не накипь, а только подонки той самой собирательной посредственности на верхахъ которой стоитъ лощеное крикливое фразерство, уже разсуждающее о возвышенныхъ матеріяхъ, о патріотизмѣ, о прогрессѣ, о византійской культурѣ, о русскихъ интересахъ, о чести и благородствѣ, о правдѣ и справедливости и даже о свободѣ, — то самое крикливое фразерство, которое, приговаривая о своей любви къ отечеству, правою рукой отечество гладитъ, а лѣвою у самаго этого отечества вырываетъ его послѣдніе вихры,—

то самое крикливое фразерство, которое, подманивъ свои собственныя подонки, само приходитъ отъ нихъ въ ужасъ и, чураясь своихъ умственныхъ чадъ, начинаетъ взывать къ «среднему человѣку», къ «хорошему и честному работнику», не болтуну и фразеру, а «къ скромному русскому человѣку, умѣющему, однако, двигать горами, когда это нужно».

Но, вѣдь, этотъ скромный русскій «средній человѣкъ», еще не такъ давно двигавшій горами, на вашъ кличъ не пойдетъ. Его толпой вы не увидите (и не потому, чтобы онъ не могъ образовать толпы). Онъ выступаетъ теперь только одиночкой, добровольцемъ, піонеромъ. Онъ то устраиваетъ школу, то заводитъ читальню, то идетъ піонеромъ на какой-нибудь Амуръ, чтобы учить людей жить по-человѣчески, то садится на землю, а если онъ былъ у дѣла и остался внѣ его, то смотритъ на міръ Божій изъ своей форточки и скорбитъ за него, потому что ничего другаго не подѣлаешь; а то думаетъ и читаетъ, и готовится и наблюдаетъ, и ищетъ такихъ этическихъ идеаловъ, которые предстоящій ему путь жизни примирили бы съ его нравственными потребностями нравственной дѣятельности. Такого человѣка двойнымъ языкомъ не приманить, и сколько вы ни аукайтесь, вамъ отвѣтитъ только эхо да выползетъ на вашъ кличъ еще, пожалуй, та самая двоящаяся накипь, которой вы чураетесь.

XLIX.

Получилъ я изъ Сибири письмо отъ «толстовца». Авторъ обращается не ко мнѣ лично, а къ цѣлой группѣ писателей, которые, проповѣдуя, какъ и Л. Н. Толстой, благо и добро, только по недоразумѣнію и потому, что недостаточно знакомы съ ученіемъ Толстаго, выступаютъ его противниками. Письмо «толстовца» имѣетъ поэтому не личный, а общій интересъ, и мнѣ думается, что авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы его напечаталъ, не направляя лично ко мнѣ.

«Сегодня,—пишетъ авторъ,—я прочелъ ваши «Очерки русской жизни» въ мартовской книжкѣ «Русской Мысли». Такъ было отрадно читать этотъ вашъ «Очеркъ», особенно его начало. Былой полемики нѣтъ и въ поминѣ. Желанія ваши прелестны и я ихъ раздѣляю всею душой отъ чистаго сердца... Читая вашъ названный «Очеркъ», я невыразимо былъ обрадованъ, что молодежь въ вашихъ глазахъ заняла болѣе почетное мѣсто, чѣмъ раньше. Больно было пробѣгать ваши прежніе «Очерки» гдѣ она третировалась, какъ никуда негодный мусоръ, и то, что ее живило, ободряло, поддерживало, возбуждало въ ней высшія стремленія, топталось въ ея глазахъ уважаемыми ею лицами въ грязь!.. Я говорю о «толстовщинѣ»... Здѣсь я, конечно, не намѣренъ излагать ученія Л. Н. Толстаго, защищать или опровергать его. Въ вашемъ послѣднемъ «Очеркѣ», попрежнему, не забытъ и Л. Н. Тамъ вы говорите, что въ этомъ ученіи ужь разочаровались, что это ученіе—эгоистичное въ узкомъ смыслѣ этого слова. «Толстовцевъ», видно, вы относите къ «восьмидесятникамъ». Послѣднее не вѣрно въ томъ отношеніи, что появилось «ученіе Л. Н.» въ серединѣ 80-хъ годовъ, и пока привлекло къ себѣ взоры десятка, другаго людей, 80-е годы приблизились къ концу. «Толстовцы» еще только прилаживаются, а вы уже ихъ похоронили. Разочаровываться они не думали; наоборотъ: чѣмъ больше читали, думали, жили, тѣмъ все больше и больше укрѣплялись въ этомъ ученіи, каждый шагъ неотвратимо толкалъ ихъ въ такомъ направленіи, но не насильно; они сознательно и добровольно дѣлали это. Если же которые-нибудь и отреклись, то это лишь отрадно: полова отлетаетъ, а чистое зерно остается. Гдѣ же не бываетъ Іуды?.. Альтруизмъ полнѣйшій не можетъ быть узкимъ, животнымъ эгоизмомъ. Конечно, альтруизмъ есть тоже эгоизмъ, но только духовный: человѣкъ «отрекается отъ себя», чтобы исполнить велѣніе духа своего, т. е. чтобы угодить себѣ (себѣ—не какъ животному, а какъ духовному существу). «Ученіе Л. Н.» называть узко-эгоистичнымъ равносильно тому, что называть бѣлое чернымъ. Все это нуждается въ громадныхъ комментаріяхъ. И я совѣтую и прошу васъ самымъ лучшимъ образомъ ознакомиться съ «ученіемъ Л. Н.»; вы его совсѣмъ не понимаете, какъ видно изъ вашихъ «Очерковъ». Между вашимъ непротивленіемъ злу и тѣмъ, о которомъ говоритъ Л. Н., громаднѣйшая пропасть... За теоріей я отсылаю васъ къ самому Льву Толстому. Теперь же скажу еще нѣсколько словъ. Вы говорите, что «ученіе Л. Н.» дѣлаетъ людей разбитыми, апатичными. На первыхъ порахъ это, можетъ быть, и такъ: сжечь за собою свои корабли, распроститься почти со всѣмъ, съ чѣмъ сроднился,—да когда это было легко? Особенно на первыхъ порахъ это, можетъ быть, въ силу того, что «ученіе Л. Н.» съ перваго разу кажется, при всей своей справедливости, требованіемъ отречься отъ лучшихъ убѣжденій: отъ науки, отъ права защищать истину на словахъ и на дѣлѣ, стоять за слабыхъ, обижаемыхъ... Но зачѣмъ же останавливаться вдали? Нужно подойти поближе и увидѣть всю правду. Почти четверть вѣка я уже прожилъ. Истина, справедливость, свобода, идеалы были у меня въ мысляхъ; и я интересовался и интересуюсь, страстно интересуюсь всѣмъ и всѣми, что и кто хоть намекаетъ мнѣ про правду, свободу, истину, про идеалы. Видѣлъ я, въ силу этихъ исканій идеальнаго, не мало хорошихъ людей. Всегда (въ по-

слѣднее время) я видѣлъ вотъ что: только «толстовцы» стремятся къ истинѣ на словахъ и на дѣлѣ, и они скорѣе «противятся злу», чѣмъ тѣ, кто стоитъ за «противленіе злу». И тотъ, кто также хорошъ, но кто еще не «толстовецъ», встрѣтившись съ настоящимъ «толстовцемъ», обстоятельно ознакомившись съ «ученіемъ Л. Н.», *непремѣнно* переходитъ на сторону «толстовцевъ». Примѣры изъ самой жизни вопіютъ, что тамъ, гдѣ вы видите ложь, зло, что тамъ—истина, правда. Не придавая своему письму большаго значенія..., я хочу только сказать вамъ, что о Толстомъ и его «ученіи» вы имѣете самыя смутныя понятія; и если вы, дѣйствительно, таковъ, какимъ кажетесь по вашимъ сочиненіямъ 60-хъ годовъ и по своему послѣднему «Очерку», то вы не можете и не должны отзываться съ такимъ негодованіемъ о томъ, что для насъ, для лучшей части подростающей молодежи, составляетъ самое лучшее, самое святое, то, что заставляетъ наши сердца усиленно биться, наши головы горѣть, пламенѣть, что требуетъ, чтобы мы не оставались коснѣть въ бездѣйствіи, а, пока что, готовились бы къ борьбѣ, упорной борьбѣ за свободу, кто же ужь вышелъ въ жизнь, вступать въ отчаянную борьбу со зломъ, неправдою, насиліемъ, ложью, вовсе не заботясь о своемъ собственномъ благоденствіи, благополучіи, о своей собственной жизни. Ваши желанія сходятся съ нашими желаніями, такъ о чемъ же споры? «Слова, слова, слова!» Вы недовольны Толстымъ и солидарны съ Скабичевскимъ. Протопоповъ (пишетъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ») недоволенъ и Толстымъ и Скабичевскимъ... Столпотвореніе вавилонское! Всѣ стремятся къ идеальному, къ истинѣ и лучшему; посмотришь на ихъ жизнь—и живутъ очень хорошо: слово съ дѣломъ не расходится. Но отчего же такая рознь? Зачѣмъ спорить о словахъ, когда сущность одна и та же? Врагъ силенъ, нужны громадныя силы. Одинъ въ полѣ не воинъ. Такъ зачѣмъ же другъ отъ друга отдѣляться? Отчего не дѣйствовать дружно вмѣстѣ? Вѣдь, эта рознь подрываетъ на корнѣ слова тѣхъ, кто ее поддерживаетъ! Это же я хотѣлъ бы сообщить и Михайловскому. Краткость, я думаю, не помѣшаетъ намъ понять то, о чемъ я хотѣлъ сказать. Толстой, Михайловскій, Скабичевскій, вы и подобные—всѣ одного хотятъ, одного ищутъ. Господа! да поймите же себя! Вамъ въ «прекрасномъ далеко» хорошо и о словахъ поспорить; но, вѣдь, вы не испытываете гнета, лежащаго на огромномъ большинствѣ забитыхъ, начинающихъ мыслить и мыслящихъ людей! А какъ онъ тяжелъ! Если бы вы его представили себѣ рельефно, вы бы протянули своимъ нынѣшнимъ «врагамъ» (въ сущности, единомышленникамъ) руки, бросивъ свои постыдныя препирательства о словахъ, и помогли бы сбросить иго, такъ долго, такъ грузно, такъ прочно тяготѣющее надъ человѣкомъ. То, что свято для васъ, обязываетъ васъ вмѣстѣ со всѣми радѣтелями о благѣ человѣка двинуться походомъ противъ зла, противъ этой стоглавой змѣи, дѣломъ жизни показать искренность своихъ словъ...»

Ну, вотъ и все письмо. Пожалуй, это даже и не письмо, а цѣлая психогическая картина внутренняго міра и не одного автора письма, а многихъ однородныхъ же душевныхъ и умственныхъ организмовъ; это психологическая исторія, въ которой вы чувствуете сплетеніе разныхъ традиціонныхъ ниточекъ, среди которыхъ разобраться не совсѣмъ легко, потому что онѣ и многообразны, и сложны, и идутъ иногда далеко назадъ. Но разобраться въ этомъ или хотя попытаться разобраться, все-таки, необходимо

У письма есть PS., котораго тоже нельзя не привести. «Толстой» и «толстовцы», — говоритъ письмо,—заслуживаютъ *уваженія* уже по одному тому, что правды они ищутъ *искренно*. Если они заблуждаются, то разувѣрьте ихъ, а для этого прежде ознакомьтесь какъ можно лучше съ ихъ заблужденіемъ и потомъ разскажите имъ, какъ другъ, какъ братъ, что они ошибаются и въ чемъ ошибаются. Я очень желалъ бы услышать вѣское опроверженіе «ученія Л.Н.», но, кромѣ философскихъ рацей, богословскихъ умствованій, площадной ругани, ничего не читалъ и не слышалъ противъ этого «ученія».

«Я же Толстаго уважаю больше, чѣмъ кого бы то ни было изъ нашихъ писателей: послѣдніе, кромѣ понуканій да общихъ мѣстъ, ничего намъ не даютъ; ихъ читаютъ, но развѣ 9/10 понимаютъ правду ихъ: замаскированную, втиснутую межъ строкъ, ее иногда очень трудно бываетъ увидѣть. Куда идти? За что браться? На чьей сторонѣ правда? Гдѣ ложь и есть ли она, но гдѣ же и т. д., и т. д.—и на всѣ такіе вопросы никто, кромѣ Толстаго, никто ничего теперь не говоритъ. Читатели Щедрина, Михайловскаго и проч. преспокойно продолжаютъ свою жизнь, какою жили и до чтенія ихъ, не смотря на то, что увлекаются ихъ писаніями. Читатели Толстаго или бранятъ его (что онъ ясно развѣнчиваетъ ихъ паразитизмъ), или соглашаются съ нимъ и тогда попросту, какъ Богъ на душу положитъ (у кого же было научиться?), стараются безсмысленное свое прозябаніе перемѣнить на осмысленную, разумную, истинную жизнь. Не похвально искреннее, хотя, быть можетъ, и неумѣлое стремленіе топтать въ грязь! А если вы сами, зная истину, не говорите намъ ее изъ-за страха потерять свою шкуру, такъ посторонитесь отъ свѣта, не обманывайте насъ, что у васъ свѣтъ: вы его держите у себя подъ платьемъ (если онъ только есть у васъ) и намъ отъ васъ ничуть не свѣтлѣй, чѣмъ отъ китайской стѣны! Мы ищемъ свѣта, мы хотимъ видѣть его, и если теперь обманываемся, то одно наше искреннее стремленіе къ свѣту хоть когда-нибудь выведетъ насъ на дорогу. Лучше самому ощупью отыскивать дорогу, если нѣтъ провожатаго и не у кого спросить, чѣмъ «сидѣть у моря да ждать погоды». Охотники идутъ волковъ бить, но, вмѣсто того, чтобы идти дружно и скорѣе на нихъ, они начинаютъ спорить другъ съ другомъ о своей ловкости... Не туда, господа, обращаете вы стрѣлы свои: вы мечете ихъ въ своихъ товарищей, а не противъ того врага, противъ котораго вы вышли. Или не жалѣя живота своего лѣзьте на рогатину противъ врага, лжи, зла, или,

если боитесь, то уходите съ поля битвы почивать на лаврахъ, но не мѣшайте другимъ биться съ врагами, не ослабляйте своими не туда направленными стрѣлами силъ борцовъ за свободу»...

За этимъ PS. слѣдуетъ еще приписка, и такая же любопытная, какъ и все письмо. «Хочу сообщить вамъ,—прибавляетъ авторъ,—одно наблюденіе. Многіе изъ лучшихъ молодыхъ людей, какихъ я только встрѣчалъ, ужасно склонны къ самоуничиженію. Они хороши-то: ищутъ свѣта и всякому помогаютъ, въ чемъ могутъ, съ охотой; но мнѣніе о себѣ, какъ о негодномъ, безхарактерномъ человѣкѣ, подрываетъ ихъ стремленія: они постоянно боятся выступить впередъ и дѣйствуютъ за спиною другихъ, да и то начнетъ, да, пожалуй, и не кончитъ: «а что, какъ я не такъ и не то дѣлаю, что и какъ нужно?..»—думаетъ онъ.—«Мы люди маленькіе»,—говорятъ они, и боятся смѣлѣе взяться за то дѣло, которому сочувствуютъ и которое (хотя и слишкомъ въ скромныхъ размѣрахъ и съ оглядкою) осуществляютъ въ своей жизни. Нужно бы имъ больше вѣры въ себя, только вѣры, а какъ это сдѣлать?.. Никакихъ особенныхъ силъ, никакихъ жертвъ отъ нихъ не потребовалось бы: пусть бы только уважали себя больше. Какъ я сказалъ, они не бездѣйствуютъ, но дѣлаютъ ужь очень мало въ сравненіи съ тѣмъ, сколько могли бы дѣлать. Встрѣтишь такое явленіе, и у тебя самого прежде времени опускаются и безъ того не сильныя руки... Какъ быть?.. Извините, пожалуйста, меня, если я что сказалъ рѣзко. Я не полемизировать хочу: я прошу оставить ваши споры о ловкости и освѣтить путь имѣющимъ выступить дѣятелямъ; многіе, очень многіе находятся въ страшномъ заблужденіи: заходъ солнца (со словъ нянюшекъ, мамушекъ) считаютъ они за восходъ, черное называютъ бѣлымъ!»

Читая это любопытное письмо, вы, съ перваго до послѣдняго слова, чувствуете себя въ какомъ-то иномъ душевномъ и умственномъ мірѣ. Передъ вами человѣкъ не какъ «всѣ», а особый, иной человѣкъ, и даже не одинъ человѣкъ, не авторъ письма только, а группа людей, составляющая свой замкнутый особнякъ, неподатливый и твердый въ своей душевной цѣльности, изъ которой онъ не уступитъ ничего. Поэтому-то, прежде чѣмъ говорить о письмѣ, необходимо установить черты типа, съ которымъ приходится имѣть дѣло, и вотъ съ этого-то установленія я и начну.

Авторъ подписалъ письмо «М. Нитка» и сопровождаетъ свой нѣсколько вычурный псевдонимъ такимъ объясненіемъ: «Я самъ, конечно, не тотъ золотникъ, о которомъ говорится: малъ золотникъ, да дорогъ. Но я признаю пословицу: съ міру по ниткѣ—голому сорочка. Я бы хотѣлъ быть одною изъ этихъ нитокъ... Хотя я малая, а все же нитка: если нужно—пригожусь».

Сколько въ этихъ, повидимому, скромныхъ словахъ горделивой увѣренности и вѣры въ себя! Но что безъ вѣры въ свои силы, въ свое призваніе, въ свои задачи жизни и сдѣлали бы эти люди? Только въ вѣрѣ ихъ и сила, только убѣжденіе, что каждая такая нитка есть будущая сорочка для голаго, сообщаетъ всѣмъ этимъ ниткамъ и цвѣтъ, и содержаніе, и гордое сознаніе, что онѣ служатъ общему благу, составляютъ его первый источникъ, безъ котораго не будетъ ничего.

Подобная вѣра въ себя и въ свое общественное призваніе создаетъ не только душевную приподнятость, фанатизированную увѣренность въ своей непогрѣшимости, но со временемъ, съ лѣтами, съ возвышеніемъ по іерархической лѣстницѣ служенія своему дѣлу, все болѣе и болѣе ростущую авторитетность, а, наконецъ, пожалуй, и чувство помазанности, что уже и наблюдается въ представителяхъ толстовскаго ученія.

Авторъ письма еще совсѣмъ молодой человѣкъ, а ужь сколько въ немъ и увѣренности въ своей непогрѣшимости, и сколько авторитетности, не допускающей никакихъ сомнѣній въ правдѣ, которой онъ вѣритъ, и отрицанія подобной же правды во всѣхъ другихъ людяхъ, не принадлежащихъ къ тому же толку. Онъ, нисколько не задумываясь, вычеркиваетъ всѣхъ нашихъ прогрессивныхъ писателей—и Щедрина, и Михайловскаго, и другихъ. Всѣ они не даютъ ничего, всѣ они безполезны для своихъ читателей. Да и что имъ сказать? Есть ли у нихъ хоть какая-нибудь истина, которой они могли бы подѣлиться? Никакой такой истины у нихъ нѣтъ и отъ всего, что они говорятъ и пишутъ, «ни чуть не свѣтлѣй, чѣмъ отъ китайской стѣны». Этого мало: авторъ подозрѣваетъ ихъ еще и въ общественной трусости, въ «боязни потерять свою шкуру», ради чего они и умалчиваютъ о своей истинѣ, «если она только у нихъ есть». Но нѣтъ, нѣтъ! Не гражданскаго мужества недостаетъ у прогрессивныхъ русскихъ писателей и не за свою «шкуру» они боятся, какъ выражается энергически авторъ,—подобное сомнѣніе въ немъ явилось мимолетно: «свѣта» нѣтъ у нихъ, а допустить въ нихъ свѣтъ какой-либо истины значило бы допустить двѣ истины, тогда какъ на свѣтѣ истина только одна—«толстовская». Авторъ даже сомнѣвается, чтобы у писателей, о которыхъ онъ говоритъ, нашлись бы способности понять эту единственную истину. Обращаясь, напримѣръ, лично ко мнѣ, онъ предлагаетъ ознакомиться съ этимъ (толстовскимъ) ученіемъ безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, какъ будто я въ первый разъ слышу о немъ, и затѣмъ прибавляетъ: «и я думаю, очень не скоро вы поймете его должнымъ образомъ: изъ примѣровъ я знаю,—прибавляетъ онъ,—что и молодые люди смѣялись сначала надъ нимъ (ученіемъ Л. Н. Толстаго), потомъ бранили, вооружались противъ него, негодовали и только послѣ продолжительной борьбы поддавались ему; а кто же больше способенъ увлекаться, какъ не молодежь, однако, и она вотъ борется, и не легка эта борьба»...

Допускаю, что относительно меня авторъ правъ, т.-е. что я старъ и потому не въ силахъ уже понимать того, что могутъ понимать только молодые; но въ концѣ письма онъ говоритъ: «это же я хотѣлъ бы сообщить и Михайловскому». Значитъ, и Н. К. Михайловскаго онъ считаетъ малоспособнымъ

понять истину. Но, вѣдь, г. Михайловскій находится въ полномъ разцвѣтѣ силъ, ему знакомы всѣ области мысли: онъ и критикъ, и публицистъ, и философъ, и ученый, вездѣ онъ чувствуетъ себя дома, уму его привычны всевозможныя комбинаціи и, слѣдовательно, затрудненій въ пониманіи для него быть не можетъ. Откуда же въ авторѣ, который говоритъ о себѣ: «почти четверть вѣка я уже прожилъ», могло явиться убѣжденіе, что только молодымъ и избраннымъ дано понять новое ученіе, что и Щедринъ, и Михайловскій, и другіе писатели того же направленія не даютъ ничего и не имѣютъ ни умственнаго, ни моральнаго вліянія, что всѣ ихъ нападки на «ученіе Л. Н. Толстаго»—«слова, слова, слова»,—простое недоразумѣніе и непониманіе, создающее лишь «столпотвореніе вавилонское», откуда, наконецъ, этотъ возгласъ: «господа! да поймите же себя... бросьте свои постыдныя препирательства»; откуда эта увѣренность въ своей безошибочности, этотъ проповѣднический тонъ человѣка, говорящаго, какъ власть имущій, и трактующаго извѣстныхъ писателей какъ простую, заурядную и ничего не понимающую толпу?

Я не стану говорить ничего объ «ученія Л. Н. Толстаго»,—въ сей моментъ говорить противъ него было бы не только не удобно, но въ общественномъ отношеніи и безтактно. Замѣчу только, что два главные основные догмата ученія не принадлежатъ Толстому. Непротивленіе злу было провозглашено больше двадцати лѣтъ назадъ Маликовымъ, и, въ то же время, раздался голосъ, призывающій интеллигенцію отдать свой долгъ народу. И интеллигентъ, пожелавшій отдать долгъ народу, тогда же объявился и получилъ затѣмъ отъ Н. К. Михайловскаго мѣткое прозвище «кающагося дворянина».

Явись «ученіе Толстаго» въ шестидесятыхъ или семидесятыхъ годахъ, оно не только не обнаружило бы никакого вліянія на молодежь, но вызвало бы еще ея негодованіе. Тогда преобладали иныя умственныя теченія, не имѣвшія съ ученіемъ Толстаго ничего общаго. Но вотъ эти теченія и волны, произведенныя ими, исчезли, жизнь встала въ иныя рамки и дѣятельное чувство общественнаго доброжелательства очутилось въ пустотѣ. Въ пустотѣ жить нельзя. Живое — требуетъ жизни, требуетъ дѣятельной любви, иначе оно захирѣетъ, зачахнетъ, умретъ нравственно и умственно. И, разрѣшая вопросъ о пустотѣ и какимъ новымъ общественно дѣятельнымъ содержаніемъ его пополнить, восьмидесятые года выдвинули новыхъ общественныхъ людей, съ новымъ общественнымъ содержаніемъ, людей на прежнихъ дѣятелей совершенно не похожихъ, иного склада понятій, иныхъ инстинктовъ, иного темперамента, иного душевнаго содержанія и, слѣдовательно, иного поведенія. Эти новые люди получили въ печати и въ обществѣ прозвище «восьмидесятниковъ» и «толстовцевъ». Авторъ письма думаетъ, что я смѣшиваю «толстовцевъ» съ «восьмидесятниками»: никогда я ихъ не смѣшивалъ, не смѣшиваю, да и не могъ смѣшивать. Ихъ также нельзя смѣшать, какъ нельзя смѣшать красный и зеленый цвѣтъ, если не страдаешь дальтонизмомъ, а его у меня нѣтъ.

Восьмидесятники—люди практическіе, въ обыденномъ смыслѣ этого слова, и искры Божіей въ нихъ нѣтъ. Они слишкомъ холодны и разсудочны, чтобы чѣмъ-нибудь увлекаться, и слишкомъ любятъ себя и свое тѣло, чтобы при какомъ бы то ни было случаѣ забыть о себѣ. Въ нихъ до непомѣрности развито чувство личнаго *я*, но только въ сторону самосохраненія. Если восьмидесятникъ увидитъ утопающаго, онъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ, не бросится его спасать, и вовсе не потому, чтобы у него не шевельнулось чувство желанія спасти, а только потому, что въ немъ чувство доброжелательства слишкомъ зачаточно, потому что восьмидесятникъ, прежде всего, хорошій счетчикъ и жизненные вѣсы его устроены такъ, что чашка, на которую онъ кладетъ свое личное *я*, всегда перетягиваетъ другую чашку. Поэтому-то онъ и спасать не станетъ утопающаго, не порѣшивъ, какая ему грозитъ при этомъ опасность. У восьмидесятника ужъ такъ устроенъ умъ, что въ каждомъ дѣлѣ, въ каждомъ дѣйствіи онъ обсуживаетъ это дѣло, это дѣйствіе не само по себѣ, взятое независимо отъ всякихъ постороннихъ обстоятельствъ, а непремѣнно въ связи съ этими посторонними обстоятельствами. Отъ этого его сужденіе никогда не бываетъ свободно, а всегда зависитъ отъ разныхъ вліяній и соображеній чисто-практическаго и личнаго свойства, и потому—справедливости въ общественномъ сужденіи и въ общественномъ поведеніи восьмидесятника нѣтъ. Наклонность ума стлаться по землѣ и уходить въ мелкіе личные интересы сообщаетъ уму восьмидесятника низменный пошибъ, лишаетъ его порыва, полета вверхъ и вширь и пріучаетъ къ холодной рефлексіи, къ пессимизму, ко всякимъ сомнѣніямъ и даже къ безвѣрію въ лучшія, благороднѣйшія человѣческія стремленія и въ личную и общественную нравственность. Понятно, почему восьмидесятники не выставили (да и не могли выставить) ни одного выдающагося поэта, ни одного выдающагося писателя, критика, публициста, ни одного общественнаго дѣятеля или вѣроучителя, за которымъ бы стоило идти. Да и куда идти съ ними, когда ихъ общественная формула—«сидѣть у моря и ждать погоды»?

Толстовцы, напротивъ, проникнуты чувствомъ дѣятельнаго доброжелательства, сидѣть у моря они и не могутъ по своему подвижному темпераменту и живому отношенію къ судьбѣ и положенію человѣка. А такъ какъ вокругъ себя они не находятъ погоды, какая имъ нужна, то они и дѣлаютъ свою собственную погоду. И въ складѣ понятій, и въ способѣ разрѣшенія общественныхъ вопросовъ, и въ общественной програмѣ у толстовцевъ съ восьмидесятниками нѣтъ ничего общаго. И тѣ, и другіе имѣли въ виду опытъ своихъ предшественниковъ (шестидесятниковъ и семидесятниковъ), но выводъ, который они сдѣлали изъ этого опыта, оказался совершенно различный. Восьмидесятники при оцѣнкѣ предшествовавшаго держались исключительно гражданской почвы и не только стара-

лись опредѣлить, что можно и чего нельзя, но и пытались установить новую общественно-гражданскую истину и такой новый теоретическій принципъ, который былъ бы осуществимъ на практикѣ. А такъ какъ подобнаго принципа въ предъидущихъ опытахъ они не усмотрѣли, а одни стремленія къ идеалу ихъ не удовлетворяли, то они и рѣшили, что слѣдуетъ предоставить жизни идти сама собой, въ тѣхъ рамкахъ и при тѣхъ дѣятельныхъ силахъ, которыя даютъ ей движеніе, цвѣтъ, характеръ и направленіе теперь, и пока ограничиться лишь наблюденіемъ того, что свершается въ жизни, не относясь къ этому свершающемуся ни съ какою предвзятою теоріей. Жизнь, по ихъ мнѣнію, выработаетъ сама свою истину, не нужно только этой жизни мѣшать, не нужно ее насиловать. Когда же эта истина выработается, восьмидесятники, пока лишь сидящіе въ сторонѣ и наблюдающіе каждый изъ своей форточки за тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ, эту истину пришпилятъ и провозгласятъ. Но, вѣдь, если жизнь сама должна выработать свою собственную истину, то она, эта жизнь, найдетъ сама и своихъ собственныхъ герольдовъ, и въ восьмидесятникахъ можетъ не оказаться никакой нужды, тѣмъ болѣе, что новой истины они могутъ и не дождаться. Да истину ли они и наблюдаютъ черезъ своихъ литературныхъ представителей, объявившихъ себя новымъ литературнымъ поколѣніемъ? Вѣдь, матеріалъ, которымъ они пользуются, они берутъ или изъ уголовной хроники, или изъ дневника полицейскихъ происшествій и, въ сущности, полицейскіе протоколы только перекладываютъ на литературный языкъ. Не болѣе счастливы и публицисты этой фракціи. Для нихъ идеалъ общественнаго служенія не идетъ дальше практики сельскихъ учителей и учительницъ, земской медицины и земскихъ путей сообщенія. Забравшись въ узкій переулокъ, люди этой фракціи смотрятъ только себѣ подъ ноги и по принципу не хотятъ видѣть того, что выше ихъ... По принципу! То-то по принципу ли? Не потому ли скорѣе они не видятъ того, что выше, что ужъ такъ устроено ихъ умственное зрѣніе? Нужно думать, что такъ, иначе они и ихъ сторонники не стали бы относиться высокомѣрно къ «идеямъ высшаго порядка». Очевидно, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ умственною посредственностью, а если фракція и выставляетъ нерѣдко людей даровитыхъ, то какъ будто бы только для того, чтобы доказать, что постигаетъ всякое дарованіе и талантъ, если они замыкаются въ рамки узкой мысли и сами себѣ подрѣзываютъ крылья... Пройдетъ лѣтъ десять, пятнадцать, и сами представители этой умственной низменности, нужно думать, ужаснутся пустоты, которую они создавали, ужаснутся той безъидейности и преступному замариванію всего живаго, чувствующаго, стремящагося, ищущаго и любящаго, на служеніе которому они отдали лучшіе свои молодые годы. Вотъ ужъ поистинѣ растраченная и убитая молодость, кокое-то непостижимое и добровольное умственное и душевное скопчество, вытравленная жизнь, не знавшая ни увлеченій, ни порывовъ, ни ошибокъ, ни заблужденій, ничего того, что именно и составляетъ прелесть молодой жизни, полной клокочащихъ чувствъ, благородныхъ любящихъ стремленій, порываній вверхъ и вширь, на свободный идейный просторъ, къ солнцу, на которое не можетъ смотрѣть ни одинъ орленокъ, чувствующій въ себѣ орлиныя силы, безъ того, чтобы не устремиться въ эту прелестную, согрѣвающую и свѣтлую, просторную высь. Ужь лучше ошибаться, паря въ широкомъ, безпредѣльномъ поднебесьѣ, чѣмъ ползать по землѣ, не зная никакихъ душевныхъ и умственныхъ радостей, разъѣдая себя всякими сомнѣніями и безвѣріемъ въ жизнь и въ людей.

Для устраненія недоразумѣній замѣчу еще разъ, что когда идетъ рѣчь о «восьмидесятникахъ», то предполагается только извѣстная часть поколѣнія восьмидесятыхъ годовъ, та его часть или фракція, которая, желая намѣтить и установить правильный путь развитія (потому что предъидущіе пути были ошибочны и заводили не туда), выступила съ своею собственною, новою общественною программой и теоріей не только политическаго бездѣйствія, но и полнаго бездѣйствія политической мысли.

Толстовцы, какъ я уже сказалъ, люди иного темперамента и другаго душевнаго состава. Они вышли тоже изъ критики предшествовавшихъ общественныхъ попытокъ и движенія общественной мысли и также, какъ восьмидесятники, отнеслись къ нимъ отрицательно. Въ чемъ заключались подробности этой отрицательности, неизвѣстно. Но, судя по тому, что толстовцы не признаютъ даже цивилизаціи, нужно думать, что отрицаніе ихъ шло гораздо шире и дальше, чѣмъ у восьмидесятниковъ. Эти, считая себя продолженіемъ предшествовавшихъ поколѣній (десятилѣтнихъ смѣнъ), отрицали только ихъ теорію и практику гражданскаго и общественнаго прогресса. Толстовцы же вычеркивали всю общественную и гражданскую жизнь, не въ отдѣльныхъ формахъ и попыткахъ, но въ цѣлой совокупности ея строя. Вмѣсто этого строя, формъ жизни и борьбы изъ-за нихъ, они выставляли самодовлѣющую моральную личность, для которой не требуются никакія формы и которая, дѣйствуя въ предѣлахъ собственнаго моральнаго закона, уже этимъ однимъ установитъ и гармонію, и порядокъ, и справедливость, и дѣятельную любовь во взаимныхъ отношеніяхъ. Понятно, что если подобная личность явится распорядительницей и руководительницей всѣхъ отношеній, то не потребуются ни юридическія, заранѣе установленныя и указываемыя закономъ и учрежденіями принудительныя и обязательныя для всѣхъ гражданскія требованія, ни, тѣмъ болѣе, борьба за нихъ. Этотъ именно смыслъ и заключается въ формулѣ «непротивленія злу», какъ формулѣ политически-гражданской. Ею провозглашается ненужность противленія не только какъ безцѣльнаго, но и какъ вреднаго дѣйствія, приводящаго совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, которые отъ него ожидались, а скорѣе отодвигавшаго общество назадъ и порождавшаго реакцію, чѣмъ улучшеніе отношеній и

расширеніе возможностей для доброжелательнаго поведенія и общественной гармоніи и справедливости.

Совершенно справедливо, что если вытравить изъ себя всѣ юридическія идеи, формулы и порядки жизни и освободиться отъ юридическаго мышленія, то получится завлекательная картина аркадской жизни среди всеобщей дѣятельной любви, справедливости отношеній, взаимныхъ уступокъ и полнаго исчезновенія всякаго насилія, дѣлающаго современную жизнь невыносимой. Непротивленіе злу является неизбѣжно основнымъ камнемъ всей этой идеальной постройки, именно какъ протестъ противъ всякаго насилія, и разъ эта формула станетъ всеобщею общественно-политическою формулой, передъ людьми откроется широкій и вполнѣ свободный путь для устройства своего личнаго и общественнаго счастія.

Это заманчивое ученіе, не заключающее въ себѣ ничего утопическаго и дающее очень точный и опредѣленный общественный идеалъ (давно уже извѣстный и создавшій въ Германіи цѣлую литературу объ общественности и государственности), появилось какъ разъ въ моментъ общественно-идейной пустоты, когда заскучавшая мысль искала съ жадностью удовлетворенія. Я уже сказалъ, что явись ученіе однимъ или двумя десятилѣтіями раньше, оно не имѣло бы успѣха. Но теперь оно не только успокоивало мысль, искавшую общественнаго идеала, но и открыло широкую возможность для удовлетворенія въ настоящемъ дѣятельнаго чувства любви, указывая ему точную программу поведенія формулой «возвращенія долга народу». Однимъ словомъ, въ этомъ ученіи соединилось какъ разъ идейное съ удовлетвореніемъ чувства активнаго доброжелательства.

Ученіе, кромѣ того, было удобно для момента еще тѣмъ, что допускало разныя толкованія и растяжимостью формулы непротивленія злу могло привлечь къ себѣ людей не съ однимъ стремленіемъ къ активному доброжелательству, желавшихъ «стоять на дѣлѣ за слабыхъ и обижаемыхъ», но и людей съ общественно-политическими стремленіями. Для послѣднихъ не только формула непротивленія, но и общій идеалъ (если освободить ихъ отъ остальной примѣси «ученія»), заключали въ себѣ столько именно того удовлетворенія мысли, котораго они искали, что недаромъ наши консерваторы соединили въ одинъ враждебный для нихъ лагерь какъ «противящихся», такъ и «непротивящихся» злу. Конечно, для людей съ свободною и ясною мыслью «ученіе» представляло умственную скачку съ логическими препятствіями, которыя нужно было преодолѣть, а часть ихъ, пожалуй, и совсѣмъ удалить; но, свершивъ эту работу, ученіе можно было, все-таки, принять, какъ успокоивающій выходъ, по времени казавшійся единственнымъ. Вѣроятно, объ этихъ-то людяхъ авторъ письма и говоритъ, что тѣ, «кто такъ же хорошъ (какъ толстовецъ), но кто еще не «толстовецъ», встрѣтившись съ настоящимъ «толстовцемъ» и обстоятельно ознакомившись съ ученіемъ, *непремѣнно*, переходитъ на сторону «толстовцевъ». Къ этимъ же людямъ относится, вѣроятно, и другое мѣсто письма о молодежи, «которая сначала смѣялась надъ ученіемъ, потомъ бранила, вооружалась противъ него, негодовала и только послѣ продолжительной борьбы поддавалась ему; а кто же больше способенъ увлекаться, какъ не молодежь, однако, и она вотъ борется, и не легка эта борьба». Изъ чего авторъ письма и выводитъ, что болѣе старымъ людямъ «не скоро понять ученіе должнымъ образомъ». И это заключеніе совершенно вѣрно, если освободить его отъ тѣхъ шоръ мысли, въ которыя нарядилъ его авторъ. Дѣйствительно, людямъ съ точными, установившимися общественными понятіями не только не легко, а иногда и совершенно невозможно усвоить то, что даже и молодежь, которую убѣждать совсѣмъ не такъ трудно, принимаетъ «только послѣ продолжительной борьбы».

И для чего же нужна подобная упорная и продолжительная борьба, чтобы втолковать людямъ истину? Вѣдь, истина—солнечный, согрѣвающій свѣтъ, проникающій самъ собою повсюду. Простое ученіе Христа, обращавшееся къ чувству всѣхъ гонимыхъ, страждущихъ и обремененныхъ и сулившее имъ царство Божіе на землѣ, было именно подобнымъ, свободно проникающимъ повсюду свѣтомъ. Всякому оно было понятно и въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ находило себѣ мѣсто и откликъ. Не одни страждущіе и обремененные находили въ немъ свою истину и свое успокоеніе; ее находило всякое наболѣвшее, живое человѣческое чувство, изстрадавшееся подъ гнетомъ римской неполноправности и тогдашней формулы общественности—око за око, зубъ за зубъ. И христіанскую истину, потому что она была дѣйствительною истиной, не нужно было никому втолковывать. Да; но, вѣдь, христіанское ученіе только сулило царство Божіе на землѣ и обращалось къ совсѣмъ другой аудиторіи, чѣмъ ученіе, о которомъ теперь рѣчь. Тогда провозглашала впервые совершенно новая общественная и личная мораль, провозглашать которой теперь уже нѣтъ нужды, потому что она преподается во всякой школѣ и всякому извѣстна. Тогда можно было, пожалуй, придти въ ужасъ только отъ мысли, что обремененные и гонимые потребуютъ любви и равноправности не на однихъ словахъ. Теперь же этимъ никого не испугаешь, потому что новое государство всѣми своими учрежденіями стремится сдѣлаться христіанскимъ и создать для массъ иныя условія существованія, древнему государству неизвѣстныя. Да, между «тогда» и «теперь» лежитъ цѣлая пропасть, которую уже перешагнуло цивилизованное человѣчество, успѣвшее передумать во время своего шаганья многое, очень многое, много узнать, много испытать и многое порѣшить безповоротно. Тогда новое ученіе о милосердіи, жалости и любви было единственнымъ прибѣжищемъ для всѣхъ страдавшихъ и угнетенныхъ, и христіанская мораль, взывавшая къ чувству, была воплемъ отчаянія, воплемъ многовѣковаго нестерпимаго страданія подавленныхъ массъ, которымъ только и оставалось, что просить

о жалости и состраданіи, потому что ихъ совсѣмъ не было въ жизни, и ни идеи справедливости, ни идеи равнаго достоинства, впервые провозглашенной христіанствомъ, не было ни въ тогдашнихъ учрежденіяхъ, основанныхъ на рабствѣ, ни въ тогдашнихъ общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ.

И вотъ является христіанская мораль, сулящая всѣмъ равенство и братство, а древній міръ, построенный на идеѣ неравенства и рабства, падаетъ. Торжество новой идеи, повидимому, несомнѣнное, но это торжество только теоретическое. Христіанская мораль живетъ лишь въ проповѣдяхъ, въ поученіяхъ, преподается въ школахъ, но въ практику жизни, во взаимныя отношенія людей и въ государственныя установленія и учрежденія не проникаетъ. Тянутся вѣка за вѣками и христіанская мораль подъ давленіемъ другихъ идей и понятій все попрежнему находитъ себѣ пріютъ лишь въ церковныхъ поученіяхъ, въ школахъ, да въ отдѣльныхъ сердцахъ отдѣльныхъ лучшихъ людей. Только съ эпохи Возрожденія, съ пробужденіемъ изслѣдующей, критической мысли, съ возникновеніемъ новыхъ знаній и съ развитіемъ культуры и цивилизаціи начинаютъ распространяться нравственныя понятія и улучшаться взаимныя нравственныя отношенія.

Особенный толчекъ движенію общественной и личной нравственности даетъ XVIII столѣтіе, имѣвшее такое рѣшительное и всеобщее вліяніе на улучшеніе понятій, что цивилизованное человѣчество въ сто лѣтъ, прошедшія съ того времени, ушло въ своей нравственности, можетъ быть, въ десять разъ дальше, чѣмъ прежде, въ теченіе семнадцати вѣковъ. Не увеличеніе числа нравственныхъ понятій и не улучшеніе ихъ внутренняго содержанія или достоинства создало это чудо, а только распространеніе новыхъ знаній и понятій и успѣхи цивилизаціи, создавшей для практики любви, доброжелательства и справедливости такія возможности, которыхъ прежде не существовало. Этотъ опытъ составляетъ, можетъ быть, одно изъ важнѣйшихъ идейно-общественныхъ пріобрѣтеній, которое сдѣлало цивилизованное человѣчество. Онъ, этотъ опытъ, доказалъ и установилъ, что не ученіе объ идеальной нравственности, не проповѣди и поученія, не преподаваніе нравственности въ школахъ, на словахъ, создаютъ иныя отношенія между людьми, двигаютъ впередъ цивилизацію и служатъ ея причиной; а, напротивъ, развитіе цивилизаціи служитъ причиной успѣховъ нравственныхъ отношеній, потому что улучшаетъ понятія и умственныя способности людей и даетъ имъ такое движеніе, что вся жизнь становится легче, лучше, ровнѣе и справедливѣе. Иначе сказать, въ результатѣ получается именно то самое лучшее и праведное житіе, котораго моралисты одними своими моральными воздѣйствіями никогда не могли достигнуть.

Этотъ драгоцѣнный историческій опытъ, выяснившій роль культуры, цивилизаціи, здравыхъ понятій и соотвѣтственныхъ имъ общественныхъ порядковъ въ личныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, установилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и точную мѣру воспитательнаго значенія моральной проповѣди и нравственныхъ воздѣйствій на такъ называемую личную добрую и злую волю.

Въ ученіи Л. Толстаго моральный принципъ занимаетъ хотя и главное мѣсто, но рядомъ съ нимъ проходитъ и соціальная идея, не совсѣмъ ясная, какъ бы недоговоренная и потому допускающая болѣе или менѣе произвольныя толкованія. Кромѣ того, это ученіе въ противуположность къ ученію христіанскому, обращавшемуся съ обѣщаніемъ царства Божія на землѣ массамъ и оставлявшему въ сторонѣ вопросъ, какъ такое царство устроить, задается чисто-практическою задачей и, минуя массы, къ которымъ оно считаетъ и ненужнымъ обращаться, даетъ программу для практическаго поведенія культурнымъ и образованнымъ классамъ, которые именно и должны устроить царство Божіе на землѣ. Наконецъ, то же ученіе, наперекоръ историческому опыту, указавшему на значеніе культуры, цивилизаціи, просвѣщенія и общественныхъ порядковъ въ дѣлѣ улучшенія личной и общественной нравственности, совсѣмъ отрицаетъ современную цивилизацію и современное просвѣщеніе и имъ-то именно и приписываетъ все зло. Вся эта масса трудно примиримыхъ непослѣдовательностей дѣлаетъ то, что ученіе Л. Толстаго теряетъ характеръ всеобщности и становится понятно только такимъ умамъ, которыхъ или не смущаютъ непослѣдовательности, или которые могутъ перескочить черезъ нихъ, довольствуясь лишь тѣмъ, что ихъ удовлетворяетъ и даетъ отвѣтъ на ихъ личные вопросы и стремленія. Я знаю, что между толстовцами есть люди и безъ умственныхъ шоръ, но они не больше, какъ исключеніе; что же касается массовыхъ послѣдователей, то особенность ихъ именно и заключается въ умственныхъ шорахъ, въ умственной замкнутости и въ той чисто-русской своеобразности, по которой каждый изъ насъ считаетъ возможнымъ доходить до всего своимъ умомъ, вычеркивая весь предъидущій умственный трудъ и опытъ человѣчества, точно всѣ эти милліоны людей, думавшихъ объ устройствѣ своей жизни по-хорошему и справедливому цѣлые вѣка, и передавая умственное наслѣдіе изъ поколѣнія въ поколѣніе, умственно-пустое пространство, которое дано заполнить русскому мыслителю, философу и моралисту «своимъ умомъ».

И, въ то же время, это люди несомнѣнно хорошіе, любящіе, полные доброжелательства, готовности на подвигъ и жертву, люди съ искрою Божіей въ душѣ. Не фразы—то, что говоритъ авторъ письма о подростающей молодежи, для которой призывъ къ добру и къ борьбѣ со зломъ и неправдой составляетъ «самое лучшее и святое дѣло, заставляющее сердце ея усиленно биться, а головы горѣть и пламенѣть». Несомнѣнно, что по искренности и гуманности стремленій, по чистотѣ личныхъ помысловъ, это есть часть нашей лучшей молодежи. Рядомъ съ «восьмидесятниками», которые ни отъ чего не загорятся и не запламенѣютъ, эта часть молодежи составляетъ одинъ изъ отрад-

ныхъ признаковъ того, что живое чувство и человѣческія стремленія у насъ еще не заглохли подъ гнетомъ господствующаго практическаго и мелочно-житейскаго направленія, охватившаго теперешнее общество, что дѣйствительность, передъ которой преклонились «восьмидесятники» и вытравили изъ себя всякое живое чувство, способное любить и негодовать и рваться впередъ, что эта самая дѣйствительность въ средѣ другихъ людей, среди молодежи иного душевнаго состава, вызвала, напротивъ, серьезное и глубокое движеніе мысли и идеальныя стремленія.

Но рядомъ съ этимъ отраднымъ фактомъ приходится установить и другой фактъ, уже вовсе не отрадный, фактъ того умственнаго безсилія, о которомъ я сказалъ,—безсилія, заставляющаго этихъ хорошихъ и честныхъ людей додумываться до всего своимъ умомъ и ходить въ такихъ непроницаемыхъ шорахъ, что, при всей искренности стремленія понять жизнь, они, эти хорошіе люди, не видятъ ничего ни назади, ни въ исторической перспективѣ, ни сбоку, ни вверху, и, подвигаясь, повидимому, впередъ, сами не знаютъ, идутъ ли они прямо, или дѣлаютъ кругъ назадъ.

Авторъ письма говоритъ: «Сжечь за собою свои корабли, распроститься почти со всѣмъ, съ чѣмъ сроднился, да когда же это было легко? Особенно на первыхъ порахъ это можетъ быть въ силу того, что «ученіе Л. Н.» съ перваго разу кажется, при всей своей справедливости, требованіемъ отречься отъ лучшихъ убѣжденій: отъ науки, отъ права защищать истину на словахъ и на дѣлѣ, стоять за слабыхъ, обиженныхъ...» Господи, Господи, какія непроницаемыя шоры и какое фанатическое убѣжденіе, что тутъ именно и кроется свѣтъ истины! «Сжечь за собою корабли»! Да какіе же вы сожгли корабли и какіе корабли были у васъ? Ни отъ какой науки, ни отъ какого знанія, ни отъ какого убѣжденія отказаться нельзя. И разъ у людей есть такіе корабли, они не сжигаются. Никакимъ усиліемъ воображенія невозможно представить, чтобы Дарвинъ, Уоллесъ, Спенсеръ, Шлоссеръ, Гервинусъ или другіе передовые и руководящіе общественно-политическіе дѣятели Европы сожгли бы свои корабли. И огня то нѣтъ такого на свѣтѣ, который бы могъ свершить подобное невозможное чудо. Убѣжденіе!... Но, вѣдь, и убѣжденіе—такой же несгораемый корабль. Убѣжденіе есть результатъ очень сложной и продолжительной умственной работы. Оно создается знаніями, опытомъ, наблюденіемъ и образуетъ такую плотную и законченную сѣть представленій, въ которой невозможны уже ни дополненія, ни измѣненія, ни разрывы. Эта плотно сплетенная сѣть, созданная многолѣтнею душевною работой, заполняетъ весь человѣческій организмъ, какъ его вторая нервная система, и составляетъ съ нимъ такое же нераздѣльное, сливающееся и переплетенное цѣлое.

Медленно и туго ведется эта работа и начинается она съ дѣтства, съ первыхъ наблюденій надъ окружающими насъ людьми и отношеніями. Но міръ нашихъ личныхъ отношеній слишкомъ тѣсенъ и ничтоженъ, а потому и убѣжденія, которыя онъ можетъ въ насъ создать, будутъ также тѣсны и ничтожны и не дадутъ почти ничего для пониманія того, что лежитъ внѣ, въ болѣе широкомъ мірѣ совсѣмъ иныхъ и болѣе сложныхъ отношеній. Этотъ ближайшій болѣе широкій міръ есть жизнь нашей родины, отечества, государства во всѣхъ его подробностяхъ, зависимостяхъ, въ историческомъ развитіи, стремленіяхъ, въ борьбѣ его творческихъ культурныхъ силъ, въ движеніи его прогрессивныхъ идей, въ жизни и дѣятельности его выдающихся борцовъ за прогрессъ, процвѣтаніе и развитіе, наконецъ, въ жизни организаторовъ тѣхъ общественныхъ условій, которыя создаютъ возможность для болѣе успѣшнаго и быстраго общественнаго прогресса.

Но и міръ нашей родины далеко еще не полный міръ, онъ самъ лишь небольшая частичка другаго громаднаго цѣлаго, соединяющаго въ себѣ жизнь всего человѣчества, съ которымъ не только наша родина, какъ часть цѣлаго, но и каждое наше отдѣльное *я* находится въ непосредственной и зависимой связи. Чтобы изучать этотъ міръ въ его постепенномъ историческомъ ростѣ и культурномъ развитіи, начиная съ своего личнаго *я* и своей родины, нужно много учиться, много читать, много думать, наблюдать и сравнивать. Проникнуться идеей человѣчества въ ея общемъ ходѣ развитія, понять прогрессивный механизмъ историческаго движенія въ его прошломъ, настоящемъ и предусматривать вѣроятное будущее, а каждому факту, каждому явленію общественности умѣть найти его надлежащее мѣсто, дано не многимъ счастливымъ умамъ.

Подобныхъ счастливыхъ людей у насъ еще и до сихъ поръ мало. Они появлялись обыкновенно черезъ большіе промежутки отдѣльными единицами, какъ счастливая исключительная случайность. Что создавало ихъ, какимъ образомъ, даже въ глухихъ захолустьяхъ, среди всевозможныхъ препятствій и очевидныхъ невозможностей для образованія и развитія, они умѣли его достигнуть и поражали своею всестороннею начитанностью и разнообразными широкими знаніями, это ихъ личная тайна, тайна ихъ даровитости и ума.

Что же касается не счастливыхъ случайностей, а обыкновенныхъ людей, даже съ очень хорошими задатками и стремленіями, то положеніе ихъ было поистинѣ роковое, даже въ нашихъ центрахъ просвѣщенія, какъ университетскіе города и столицы.

Съ какими познаніями мы выходимъ изъ гимназій и университетовъ, это каждый изъ насъ знаетъ очень хорошо. Но и самая идеальная школа не можетъ дать человѣку всѣхъ знаній и всѣхъ понятій; да не въ этомъ ея и задача. Школа должна положить твердыя и вѣрныя основанія, фундаментъ тому послѣдующему умственно-идейному зданію, которое каждый долженъ выстроить потомъ самъ. Ну, а какъ мы строимъ это зданіе? Что мы читаемъ, много ли читаемъ, да и какія имѣемъ возможности читать именно то, что формируетъ полное законченное представленіе на природу, на міръ, на

жизнь этого міра, на законы, которые этою жизнью управляютъ, на всѣ условія культуры, цивилизаціи, общественнаго прогресса? Есть только одна библіотека, дающая возможность для самообразованія—петербургская публичная библіотека. Существуетъ подобное учрежденіе и въ Москвѣ. А въ провинціи, въ особенности въ уѣздныхъ городахъ или въ такихъ окраинахъ, какъ Сибирь, Кавказъ? Въ частныхъ библіотекахъ теперь нѣтъ и половины того, что было, а изъ оставшейся половины вы не узнаете ничего. Журналы!... Но, вѣдь, журналъ не книга, не энциклопедія знанія, если бы даже наши журналы были вдвое, втрое богаче матеріаломъ для образовательнаго чтенія. Что же читать? Какъ продолжать свое образованіе? И мы или совсѣмъ забрасываемъ всякое чтеніе и отдаемся практическимъ дѣламъ, или же—и это наши наиболѣе пытливые молодые умы—читаемъ, что попадетъ подъ руку, что подтолкнетъ или доставитъ случай, а умственные просвѣты, которые образуются отъ подобнаго безпорядочнаго и случайнаго чтенія, пополняемъ разговорами и спорами въ своемъ кружкѣ (если онъ есть, потому что бываетъ, что даже и его нѣтъ). Вотъ гдѣ начало нашей скверной привычки ко всякимъ легкомысленнымъ апріорнымъ сужденіямъ и привычки доходить до всего «своимъ умомъ». Нигдѣ въ мірѣ вы не услышите такъ часто, не только въ обыкновенномъ разговорѣ, но и въ сужденіяхъ научныхъ, гдѣ не допускается ни апріорность, ни неточность, стереотипной фразы «я думаю», какъ у насъ. Иногда это доходитъ до чистаго комизма. Вмѣсто того, чтобы возражать точнымъ и уже установленнымъ фактомъ или принятыми въ наукѣ положеніями, человѣкъ скажетъ «я думаю», и затѣмъ пойдетъ говорить «изъ себя», «своимъ умомъ», произведя діалектическія построенія очень послѣдовательныя и логически-безукоризненныя, но только не основанныя ни на чемъ научно и фактически точномъ.

И вотъ въ подобной-то школѣ самообразованія формируются у насъ общественныя убѣжденія. Сѣть представленій для подобныхъ убѣжденій создается очень просто. Основаніе и главные исходные пункты намѣчаются кое-какими фактами знанія, добытыя безпорядочнымъ и незаконченнымъ чтеніемъ, а промежутки и просвѣты заполняются уже чисто-головными, апріорными, логическими умозаключеніями и умственными фактами неизвѣстнаго происхожденія, имѣющими нерѣдко корни въ традиціяхъ весьма отдаленыхъ.

Традиціи имѣютъ у насъ большую воспитательную силу, и характеръ ихъ зависитъ не только отъ семейныхъ и сословныхъ условій (напримѣръ, дворянскіе традиціи мало похожи на традиціи чиновничьей, канцелярской среды, купеческія рѣзко отличаются отъ дворянскихъ и чиновничьихъ, а традиціи духовенства составляютъ ужъ и совсѣмъ выдѣляющуюся особенность), но и часто отъ мѣстности, отъ географическаго положенія. Петербургскія традиціи, московскія, сибирскія, кавказскія, традиціи уѣздныхъ городовъ, созданныя своеобразною практикой жизни и условій всѣхъ этихъ мѣстностей, замкнутыхъ въ собственныхъ интересахъ и условіяхъ своего существованія и не имѣющихъ ни малѣйшей ни общественной, ни умственной связи, кладутъ свое клеймо на умственную и нравственную физіономію каждаго, кто въ нихъ выросъ. Даже обликомъ, внѣшностью, манерами уралецъ, сибирякъ, кавказецъ, москвичъ или петербуржецъ отличаются другъ отъ друга. Что же удивительнаго, что человѣкъ, сложившій свои «убѣжденія» подъ вліяніемъ географическихъ, климатическихъ и традиціонныхъ обстоятельствъ и подъ самыми ничтожными, отрывочными, неполными умственными вліяніями и идеями, зачастую принадлежащими прошлымъ вѣкамъ, при встрѣчѣ съ первымъ болѣе сильнымъ діалектически и болѣе богатымъ знаніями пропагандистомъ, окажется разбитымъ на всѣхъ пунктахъ, откажется отъ своихъ понятій и усвоитъ другія! Но, вѣдь, это простой переходъ изъ одного ученическаго класса въ другой, зачастую даже и не высшій, и никакого сжиганія кораблей тутъ нѣтъ.

Авторъ письма думаетъ, однако, иначе, и, конечно, ему лучше знать, какого труда стоило ему перемѣнить свои прежнія понятія, не дававшія ничего руководящаго, на новыя, ясно и опредѣленно устанавливающія задачи жизни. Самое существенное во всемъ этомъ дѣлѣ то, что прежде человѣкъ чувствовалъ себя во мракѣ, а теперь, когда онъ отрекся отъ «лучшихъ убѣжденій: отъ науки, отъ права защищать истину на словахъ и на дѣлѣ...»,—передъ нимъ точно раскрылось какое-то откровеніе и все стало ясно. Но, вѣдь, это «ясно» есть не больше, какъ сокращеніе умственнаго кругозора. Потому-то для людей, принимающихъ «новое ученіе», и становится все ясно, что они закрываютъ для себя цѣлыя области мышленія, уменьшаютъ до минимума свою умственную работу и, устремивъ вниманіе и силы на одну точку, ужь никакихъ другихъ точекъ больше и не видятъ. Что же имъ такое ясно?

И подобную-то точку, только одну точку, видитъ во всемъ и вездѣ и авторъ письма. Для него и Салтыковъ, и Михайловскій, и Скабичевскій, и Протопоповъ, и Л. Толстой—«всѣ одного хотятъ, одного ищутъ», «всѣ стремятся къ идеальному, къ истинѣ, къ лучшему». Всѣ же нападки и возраженія противъ «новаго ученія»—пустыя слова. «Не туда, господа, обращаете вы стрѣлы свои: мечете вы ихъ въ своихъ товарищей... бросьте свои пустыя препирательства, поймите же себя!»—восклицаетъ авторъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что и Щедринъ, и Михайловскій ничего не понимаютъ. Находитъ авторъ письма еще, что только Толстой даетъ отвѣты на вопросы: «куда идти? за что браться? на чьей сторонѣ правда? гдѣ ложь?» и т. д., и т. д., а писаньями Щедрина, Михайловскаго и проч. хотя и увлекаются, но, несмотря на то, ихъ увлекающіеся читатели преспокойно продолжаютъ свою жизнь, какою жили и до чтенія ихъ». И мой мартовскій очеркъ авторъ письма похвалилъ только за то, что я говорилъ о чувствѣ дѣятельнаго доброжелательства. За то онъ очень

недоволенъ другими очерками за ихъ полемическое направленіе. Еслибы автору письма поручить русскихъ писателей и публицистовъ, онъ заставилъ бы ихъ всѣхъ писать только проповѣди, поученія и моральныя руководящія статьи на тему «куда идти, за что браться и что дѣлать». Никакихъ другихъ движеній мысли онъ не признаетъ, и весь міръ заключается для него лишь въ жизни чувства, въ дѣятельной любви, въ активномъ доброжелательствѣ. Все это честно, благородно и, все-таки, очень узко и тѣсно.

Правильно говоритъ авторъ письма, что Толстой и «толстовцы» заслуживаютъ *уваженія* (курсивъ автора) уже по одному тому, что правды они ищутъ *искренно*, но неправильно онъ прибавляетъ: «если они заблуждаются, то разувѣрьте ихъ, а для этого прежде ознакомтесь какъ можно лучше съ ихъ заблужденіями и потомъ разскажите имъ, какъ другъ, какъ братъ, что они ошибаются и въ чемъ ошибаются». Да развѣ толстовцамъ можно что-нибудь доказывать или въ чемъ-нибудь ихъ разувѣрять? Вѣдь, если что писалось противъ такъ называемой «толстовщины», то совсѣмъ не для того, чтобы разувѣрять «толстовцевъ»; писалось не для толстовцевъ. Истинные и твердые толстовцы совсѣмъ и не желаютъ, чтобы кто-нибудь ихъ въ чемъ-нибудь разувѣрялъ. И авторъ письма (должно быть, убѣжденный) немножко лукавитъ, предлагая разувѣрить «толстовцевъ», если они заблуждаются. Онъ вполнѣ увѣренъ, что заблуждаются не «толстовцы», а ихъ противники, и свершаетъ весьма ловкій стратегическій маневръ, предлагая до опроверженія «толстовцевъ» «ознакомиться» какъ можно лучше съ ихъ заблужденіями». Онъ убѣжденъ, что всякій, кто познакомится вполнѣ съ этимъ ученіемъ, непремѣнно станетъ толстовцемъ, если онъ только хорошій человѣкъ, потому что не было примѣровъ, чтобы «тотъ, кто также хорошъ, но кто еще не «толстовецъ», встрѣтившись съ настоящимъ «толстовцемъ» и обстоятельно ознакомившись съ «ученіемъ Л. Н.», не перешелъ бы *непремѣнно* на сторону «толстовцевъ». Вотъ этого онъ и желаетъ и Михайловскому, и Скабичевскому, и Протопопову, и всѣмъ писателямъ того же направленія. Пожелалъ бы и Салтыкову, если бы Салтыковъ могъ его услышать. Однимъ словомъ, онъ всѣхъ русскихъ писателей хотѣлъ бы обратить въ свою вѣру и думаетъ, что это совсѣмъ не такъ трудно: стóитъ только писателямъ познакомиться основательно съ «ученіемъ Л. Н.» и они станутъ непремѣнно «толстовцами».

Въ томъ видѣ, какъ сложилось «ученіе Толстаго» и какъ оно принялось и разработалось его послѣдователями, оно есть чисто-русское явленіе. Въ Западной Европѣ, гдѣ образованіе поставлено гораздо лучше, чѣмъ у насъ, гдѣ наука, знаніе носятся, такъ сказать, въ воздухѣ, гдѣ чтеніе свободно и открыто и самообразованіе не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, а мысль проходитъ школу строгой дисциплины, самое фанатическое чувство или новое вѣроученіе, вслѣдствіе установившейся дисциплины мысли, само собою получаетъ правильную постановку и не станетъ отрицать ни науки, ни прогресса, ни культуры, ни цивилизаціи.

Былъ, правда, и въ Европѣ отрицатель прогресса и цивилизаціи, мечтавшій о «золотомъ вѣкѣ» первобытнаго состоянія. Но, во-первыхъ, Руссо очень хорошо понималъ, что возвращеніе къ первобытности невозможно, а, во-вторыхъ, онъ отрицалъ не цивилизацію и прогрессъ, не науку и знаніе, а порядки и отношенія своего времени. Ихъ только онъ и громилъ, но громилъ опять во имя прогресса и цивилизаціи, во имя здравыхъ общественныхъ понятій и всеобщаго равенства, идеалъ которыхъ онъ только и имѣлъ передъ собою.

Но у насъ, гдѣ не существуетъ никакой дисциплины мысли, гдѣ мысль не проходитъ никакой послѣдовательной школы, гдѣ знаніе не составляетъ умственной атмосферы, а атмосферу, которою приходится дышать большинству, составляетъ скорѣе невѣжество, у насъ, гдѣ ни наука, ни знаніе еще не пользуются ни почетомъ, ни уваженіемъ и людямъ мысли и знанія живется подчасъ хуже, чѣмъ людямъ безъ всякихъ мыслей и знаній, не существуетъ еще никакой ни внѣшней, ни внутренней силы, которая бы удержала человѣка, если бы ему вздумалось колобродить умственно и додуматься до чего-нибудь «своимъ умомъ». Подобный новаторъ найдетъ всегда и подобныхъ же ему полуобразованныхъ и полуневѣжественныхъ послѣдователей.

Поэтому-то въ проповѣдываніи нашихъ доморощенныхъ Жанъ-Жаковъ «золотой вѣкъ» оказался совсѣмъ не тѣмъ золотымъ вѣкомъ, котораго желалъ европейскій, большой Жанъ-Жакъ. Развѣ мы отрицаемъ цивилизацію и науку во имя чего-нибудь болѣе свѣтлаго, лучшаго и поучительнаго и имѣющаго силу водворить на Русской землѣ счастіе всеобщаго вѣдѣнія, всеобщаго сознанія и всеобщаго гражданскаго и общественнаго благополучія? Намъ говорятъ только о сожиганіи кораблей, но не говорятъ ничего, что будетъ выстроено взамѣнъ сожженныхъ. Намъ говорятъ, что отрѣшиться отъ науки и знанія мучительно трудно, но не говорятъ, чѣмъ заполнить образовавшуюся умственную пустоту. Намъ повелѣваютъ заняться дѣятельнымъ доброжелательствомъ, отдавать долгъ народу и разносить по Русской землѣ гоненіе на науку, знаніе, прогрессъ и цивилизацію... И авторъ письма, говорящій объ этомъ совершенно убѣжденно, думаетъ серьезно, что г. Михайловскій и писатели одныхъ съ нимъ понятій поучаютъ тому же, чему поучаетъ и Л. Толстой; онъ думаетъ серьезно, что г. Михайловскій «и другіе», познакомившись лучше съ «ученіемъ Л. Н.», сожгутъ свои корабли и, вмѣсто защиты науки и идей прогресса, о которыхъ до сихъ поръ говорили, объявятъ ихъ врагами и превратятся въ проповѣдниковъ повальнаго невѣжества.

И когда же слово подобнаго обскурантизма у насъ раздается, когда «ученіе» пріобрѣтаетъ себѣ послѣдователей и проповѣдниковъ даже на такихъ окраинахъ, какъ Сибирь? Тогда, когда уже и такъ понизился совсѣмъ уровень общественной мысли,

понизилось образованіе, сократились умственные интересы, а невѣжество и само собою дѣлаетъ быстрые успѣхи, нисколько не нуждаясь ни въ какой пропагандѣ. Но понимаетъ ли авторъ письма, что, приписывая толстовскому ученію подобную неблаговидную и непатріотическую роль, онъ оскорбляетъ это ученіе въ самомъ святилищѣ его—въ любви къ ближнему, изъ котораго оно все и вышло? Да развѣ возможна хоть какая-либо любовь во мракѣ невѣжества, развѣ возможно хоть какое-либо активное доброжелательство, если населить міръ глупцами и невѣждами? Вѣдь, отъ глупцовъ-то и невѣждъ только и нѣтъ житья, а вы хотите ихъ плодить!..

Нѣтъ, «истина», которой насъ поучаютъ теперь изъ Томска, не есть плодъ недоразумѣнія; она плодъ полуобразованія и гнетущей умственной атмосферы, не дающей никакого содержанія жизни и удовлетворенія мысли и чувству, болѣющимъ полнымъ бездѣйствіемъ.

Есть тутъ, несомнѣнно, и безсознательный протестъ противъ нѣкоторыхъ сторонъ дѣйствительности. Полуобразованіе и невѣжество, спячка мысли и душевная неповоротливость и не въ одномъ Томскѣ или въ Сибири стоятъ поперекъ живому стремленію къ общественно-дѣятельному выходу. Но именно потому, что это протестъ безсознательный, что ему чужды самому идейныя основы прогресса, онъ наше полуобразованіе принялъ за образованіе, нашу полуцивилизацію за цивилизацію и наше полузнаніе за знаніе. Вмѣсто того, чтобы идти противъ всѣхъ этихъ «полу», образующихъ наше родное невѣжество, протестъ обрушился на ту самую истинную науку и цивилизацію, которыя однѣ только и могутъ вывести насъ на прямую дорогу жизни.

Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ ненормальнымъ и нежелательнымъ, когда часть молодежи, исполненная честныхъ и любящихъ стремленій, но лишенная возможности себя образовать и не настолько умственно-сильная, чтобы выработать самой вѣрныя точки опоры, бросается на первое удовлетворяющее ее подобіе истины и, не понимая, что она дѣлаетъ, переходитъ въ лагерь обскурантизма.

L.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія жилъ въ Европѣ поэтъ, «великій объективный» поэтъ, какъ называли его еще при жизни. И когда великій объективный поэтъ умеръ, другой поэтъ сказалъ про него:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна...“

И этотъ-то великій объективный поэтъ, дышавшій съ природой одною жизнью и разумѣвшій лепетанье ручья, другой великой половины книги природы, которую составляетъ человѣкъ съ его радостями и печалями, съ его надеждами и ожиданіями, читать совсѣмъ не хотѣлъ. Останавливаясь передъ каждымъ лепечущимъ ручьемъ, объективный поэтъ проходилъ равнодушно мимо человѣка, потому что «нельзя же останавливаться передъ каждымъ болѣющимъ мизинцемъ».

Но вотъ другой поэтъ, поэтъ историкъ-публицистъ. Понималъ ли онъ говоръ травъ и трепетанье «древесныхъ листовъ», объ этомъ ни самъ онъ, ни другіе ничего не говорятъ; но онъ понималъ трепетанье человѣческаго сердца и чувства своего народа, счастью и пробужденію сознанія котораго посвятилъ свою жизнь. Онъ зналъ, что не ручьевъ лепетанье творитъ исторію, а что творятъ ее болѣющіе мизинцы, и оставилъ своимъ соотечественникамъ такой завѣтъ: «если въ странѣ есть хоть одинъ несчастный, — всѣ порядки ея никуда не годятся».

Это два противуположные полюса двухъ крайнихъ общественныхъ воззрѣній, уводящіе совсѣмъ въ разныя стороны. Если, не пугаясь выводовъ, идти послѣдовательно по пути «великаго объективнаго поэта», то перестанешь останавливаться не только передъ болѣющимъ мизинцемъ, но и передъ милліонами болѣющихъ мизинцевъ, и передъ всѣми вообще болѣющими пальцами. Это теорія эгоистической безмятежности, полнѣйшаго равнодушія къ человѣческимъ страданіямъ и глубочайшаго общественнаго разврата, какой только можно придумать. Слово же поэта-публициста есть слово дѣятельной живой любви; оно открываетъ каждому вполнѣ ясныя общественныя перспективы, указываетъ на точный, хотя, можетъ быть, и недостижимый идеалъ, создаетъ цѣлую общественную программу.

Понятно, что два такихъ противуположныхъ воззрѣнія должны были встать враждебно одно противъ другаго. И они встали, и вражда ихъ продолжается и, вѣроятно, будетъ еще долго продолжаться.

Любопытно, что поэтическая объективность, создавшая формулу «искусство для искусства», утратившую уже въ Европѣ свою остроту, только у насъ находитъ горячихъ и даже фанатическихъ защитниковъ. Въ послѣднее время эти поэтическіе объективисты снова выдвинулись на сцену и стали перетряхивать старину, точно и въ самомъ дѣлѣ въ ней заключается что-нибудь требующее перерѣшенія.

Если житель юга чувствуетъ себя подавленнымъ могучею природой, то, вѣдь, природа его и дѣйствительно могуча. Громадная каменная глыба Альпъ, могучая растительность тропиковъ, Ніагара, бросающая цѣлые океаны воды, самому самоувѣренному человѣку внушатъ скромныя мысли объ его силахъ. Бѣлый человѣкъ передъ этою могучею природой, однако, не смирился. Онъ заставилъ Ніагару вертѣть машины, льва заперъ въ клѣтку, слона пріучилъ качать воду, а каменныя Альпы, ставшія поперекъ дороги, пробуравилъ туннелями.

Если могучая сила природы подавляла человѣка и возбуждала въ немъ мысли объ его ничтожествѣ, то та же сила природы съ тою же могучестью поражала его своею прелестью, овладѣвала всею его душой, сообщала ей возвышенное настроеніе, проникала ее поэтическимъ восторгомъ и высокими помыслами и возбуждала на борьбу противъ всевластности природы.

Поэтическій объективизмъ господствовалъ надъ человѣкомъ, пока надъ нимъ господствовала безусловно природа. Но какъ только человѣкъ нашелъ ключь къ ея силамъ и заставилъ не только вѣтеръ и воду, но громъ и молнію служить себѣ, онъ созналъ въ себѣ присутствіе царственной власти, и то, передъ чѣмъ онъ еще недавно смирялся, какъ передъ несокрушимою силой, теперь смирилось передъ его умомъ и заняло подчиненное служебное мѣсто.

Поэтическая объективность передъ страшною когда-то и подавляющею силой внѣшней природы перешла теперь въ поэтическій восторгъ передъ самимъ человѣкомъ, передъ его творческимъ геніемъ и непостижимыми тайнами его безграничныхъ душевныхъ силъ. Не Ніагара, кидающая океаны воды, порождаетъ теперь изумленіе и страхъ и наводитъ на мысли о физическомъ ничтожествѣ человѣка, порождаетъ изумленіе уже ничтожество Ніагары передъ человѣкомъ, превратившимъ ее въ обыкновенную рабочую силу.

Но что же было въ русской природѣ такого, что могло бы возбуждать поэтическій объективизмъ и заставлять говорить о ничтожествѣ человѣка? Гдѣ у насъ эта чудовищная Ніагара, гдѣ смиряющіе духъ рельефы земли, гдѣ подавляющія явленія природы съ ея изумительными возстановляющими силами тропиковъ? Все въ нашей природѣ плоско, ровно, безцвѣтно, инертно, уступчиво и слабо. Лѣсъ и болото — вотъ нашъ рельефъ и наша природа. Ужь будто бы нужна какая-нибудь особенная сила на борьбу съ такою уступчивою природой, когда она послушно и покорно склоняетъ сама свою голову передъ человѣкомъ! Вырубить лѣсъ настолько легко и просто, что мы составили себѣ даже всемірную извѣстность искусствомъ превращать лѣса въ пустыри, которыхъ наша вялая природа и не думаетъ возстановлять; а отъ стоячаго болота довольно палкой провести бороздку въ первый ручеекъ, чтобы вода сама собою утекла и болото высохло. Самый лютый звѣрь нашихъ лѣсовъ — медвѣдь — составилъ себѣ репутацію комическаго добродушія и чуть не считается домашнимъ другомъ нашей деревни.

И ни одинъ изъ нашихъ болѣе выдающихся поэтовъ — ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ — не унижали человѣка передъ такою «объективною» природой, и не она служила для нихъ источникомъ вдохновенія, а самъ этотъ человѣкъ. Приниженіемъ его занимались поэты и художники втораго и третьяго сорта или такіе изъ болѣе даровитыхъ писателей, которыхъ исковеркала жизнь и совсѣмъ извратила ихъ чувства, какъ Достоевскаго.

Для этихъ писателей «искусство для искусства» служило не формулой художественности, а политическою программой, и когда они требовали «искусства для искусства», они служили не дѣлу художественнаго творчества и высшей объективной истинѣ, которую будто бы пытались отыскать, а старались лишь отвлечь вниманіе извѣстной подчиненной группы людей отъ общественнаго сознанія въ пользу другой командующей группы. Поэтическій объективизмъ былъ всегда формулой консервативныхъ руководителей жизни и съ особеннымъ шумомъ онъ выступалъ именно въ такіе моменты, когда по какимъ-нибудь причинамъ возникала снова борьба за общественныя права.

Въ мертвой природѣ нечего искать отвѣтовъ на эти вопросы; секретъ ихъ кроется не въ природѣ, а въ душѣ человѣка. Не природа даетъ смыслъ человѣку, а человѣкъ природѣ, заставляя ее говорить то, что онъ хочетъ и что онъ самъ говоритъ за нее. Безграничная степь, мертвая и безмолвная въ своей объективной красотѣ, скажетъ только то, что она отразитъ въ сознаніи человѣка. Но что она отразитъ? Будетъ ли она для него символомъ свободы, или только самоцвѣтнымъ ковромъ богатой цвѣтущей растительности, возбудитъ ли она въ его душѣ порывъ къ вольной волюшкѣ, или только разнѣжитъ его чувствомъ безмятежной лѣни?

Для сторонниковъ «искусства для искусства» степь только самоцвѣтный коверъ, ласкающій душу нѣгою и покоемъ. Ко всякимъ символамъ, выводящимъ мысль и чувство на просторъ, — на тотъ поэтическій просторъ, котораго такъ жаждетъ утѣсненная душа современнаго человѣка, — они боятся подходить даже близко, потому что не въ свободѣ духа видятъ объективную правду природы.

Да, культура, развитой бытъ, тѣ или другія общественныя чувства и идеи, тѣ или другія стремленія и понятія, — все это человѣкъ переноситъ на природу, отражая себя въ ней. Вотъ вамъ два одинаково пустынныхъ берега, на одномъ стоитъ группа нагихъ кафровъ съ кольцами въ носахъ и перьями на головахъ, а на другомъ — группа французовъ или англичанъ. Развѣ идейныя картины, которыя нарисуетъ ваше воображеніе, даже при самомъ мимолетномъ взглядѣ на эти два пустынные берега, будутъ одинаковы? И зачѣмъ тутъ цѣлыя группы! На одномъ пустынномъ берегу нарисуйте военные доспѣхи кафра и содранную съ человѣческихъ головъ кожу, на другомъ — европей-

скую шляпу и напишите на ней «Франція», и оба пустынные берега заговорятъ съ вами на разныхъ языкахъ и возбудятъ въ душѣ цѣлый строй противуположныхъ ощущеній. Мертвая природа остается все тою же мертвою природой, и только вы, живой человѣкъ, переносите на нее свою живую душу, отыскивая гармонію съ своимъ внутреннимъ духовнымъ миромъ. Отъ этого каждому природа говоритъ свое и только съ культурнымъ человѣкомъ она говоритъ своимъ полнымъ языкомъ, и отвѣчаетъ его культурнымъ вопросамъ и просвѣщеннымъ стремленіямъ, отражая его геній. Застоявшійся, некультурный народъ мертвитъ все, до чего онъ только не коснется; вы повсюду видите его неподвижную тѣнь, глушащую все, на что она падаетъ. И не воображеніе только рисуетъ передъ вами заманчивыя картины даже при одномъ имени культурнаго народа, напримѣръ, французовъ. Въ васъ возникаютъ вполнѣ практическія и реальныя представленія о той дѣйствительности, которую культурный народъ можетъ создать хотя бы на томъ же пустынномъ берегу, на которомъ отъ кафра вы можете ждать только одного, что онъ сдеретъ съ вашей головы кожу. Не одно чувство физическаго самохраненія говоритъ здѣсь уму,—за культурною тѣнью умнаго, даровитаго и жизненнаго француза вы видите и какъ бы даже ощущаете такой же культурный, умный, даровитый и жизненный строй быта, манящій васъ удовлетвореніемъ, котораго вы вокругъ себя не находите. Разумѣется, и въ лепетаньи ручья, и въ говорѣ древесныхъ листовъ, и въ плескѣ волны вами услышатся уже жизнерадостные звуки, если только въ васъ самихъ есть жизнерадостное чувство и еще не уснула жизнь.

Проѣзжая на Кавказъ отъ Ростова, вы уже верстъ за полтораста до станціи «Минеральныя Воды» замѣчаете перемѣну ландшафта. То здѣсь, то тамъ, то по лѣвую, то по правую сторону дороги поднимаются одинокіе, рѣзко очерченные крутые холмы, напоминающіе горы въ миніатюрѣ, а на горизонтѣ бѣлѣетъ снѣговая полоса Кавказскаго хребта.

Послѣ однообразной равнины, которой вы ѣхали почти двое сутокъ или которая, можетъ быть, натомила васъ достаточно и дома, эта перемѣна производитъ оживляющее впечатлѣніе, точно вы вступаете въ какой-то новый міръ, міръ иныхъ чувствъ, міръ другихъ людей, живущихъ другими ощущеніями и интересами, міръ чего-то непосредственнаго, молодаго, свѣжаго, начинающаго и, въ то же время, богатаго героическими воспоминаніями.

А ими Кавказъ дѣйствительно богатъ. Мы только и знаемъ Кавказъ по его героическому прошлому, да по тѣмъ идеальнымъ, народнымъ вождямъ, героямъ и патріотамъ, образы которыхъ оставили намъ поэты.

Это не были сознательные патріоты, какихъ, напримѣръ, выставила Америка въ борьбѣ за свою независимость, патріоты съ точнымъ гражданскимъ идеаломъ, на защиту котораго они ополчились не ради только своего Союза, а и ради всеобщаго гражданскаго прогресса, потому что подавленная въ Америкѣ свобода была бы подавлена и повсюду.

Кавказскіе патріоты—не бойцы за гражданскую свободу, они—непосредственныя дѣти природы, дорожили только своимъ простымъ полудикимъ обычаемъ, который сложили имъ еще дѣды, когда

„Давнымъ-давно, у чистыхъ водъ,
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится!
Гдѣ за Машукомъ день встаетъ,
А за крутымъ Бешту садится,
Близъ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвѣли,
Гордились дружбою взаимной;
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и пиръ гостепріимный;
Черкесъ счастливъ и воленъ былъ.
Красою чудной за горами
Извѣстны были дѣвы ихъ,
И старцы съ бѣлыми власами
Судили распри молодыхъ.
Весельемъ пѣсни ихъ дышали:
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали“.

Тутъ встали одинъ противъ другаго два строя жизни, двѣ разныя цивилизаціи: магометанская и западно-европейская. Въ великомъ спорѣ Казбека съ сѣдовласымъ Шатомъ, угрюмый Казбекъ, какъ кажется, не понималъ, въ чемъ дѣло, да не понималъ этого и Шатъ. Онъ вздумалъ пугать Казбека могучимъ Востокомъ. На что Казбекъ весьма резонно отвѣчалъ:

„Все, что тамъ доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!

—Не хвались еще заранѣ!—
Молвилъ старый Шатъ.—
Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!..“

И Казбекъ кинулъ взоръ на сѣверъ темный и смутился:

„Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки...
Идутъ все полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи
Прямо на Востокъ“.

Востоку Востока бояться было нечего, и не Востокъ надвигался на Кавказъ, а надвигалась на него безсознательно, но стихійно, подчиняясь фаталистической силѣ прогресса, культура европейскаго міра. «За бѣлыми султанами», «боевыми батальонами» и батареями съ ихъ «мѣднымъ строемъ», которые «ведетъ, грозя очами, генералъ сѣдой», ни «сѣдовласый Шатъ», ни самъ Лермонтовъ, опоэтизировавшій боевую картину, этого не замѣтили. Лермонтову точно хотѣлось вплести новый лавръ

въ побѣдный вѣнокъ русской боевой силы, а какая другая сила стояла за боевыми батальонами и батареями, объ этомъ онъ не говоритъ и этого онъ не опоэтизировалъ, потому что не въ нихъ заключались задачи его поэтическаго настроенія...

Ахъ, какъ все это было давно, читатель! Теперь и Мулла-Нуръ, Амалатъ-бекъ и Измаилъ-бей и даже сама божественная Тамара рисуются въ туманѣ такой далекой перспективы, точно это сказки няни, которыя мы съ онѣмѣлымъ восторгомъ и замираніемъ сердца слушали въ дѣтствѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много, много времени, много мы пережили другихъ вопросовъ, много и дѣлъ свершили другихъ, и всѣ эти сказочные герои дѣтскаго міра, всѣ эти Мулла-Нуры и Амалатъ-беки, плѣнявшіе насъ какъ и «братья разбойники», сохранились какъ свѣтлое воспоминаніе о дѣтской порѣ, къ которому нельзя подходить близко, нельзя освѣжать его новымъ чтеніемъ Мулла-Нура, потому что онъ разсѣется какъ миражъ...

Въ пору большей зрѣлости, когда мы «замирили» Кавказъ и приступили къ нему уже съ гражданскими задачами, мы узнали, что это «алмазъ въ русской коронѣ». И вотъ къ этому-то алмазу въ русской коронѣ я ѣхалъ теперь по желѣзной дорогѣ, проникнутый уже не героическими чувствами поры дѣтства, когда сѣдовласый Шатъ спорилъ съ смущеннымъ Казбекомъ, устоитъ ли Кавказъ противъ надвигающагося на него врага, а когда этотъ врагъ въ видѣ фаталистической и неотразимой силы культуры и прогресса проникъ въ него и уже наложилъ на него во всемъ свою руку.

Культура, прогрессъ, цивилизація... Какія все хорошія слова, сулящія каждому какое-то удовлетвореніе, котораго онъ требуетъ и ждетъ отъ жизни! Да, это не только хорошія слова, но еще и болѣе хорошія дѣла, хорошія отношенія, хорошіе порядки. И все это хорошее состоитъ лишь изъ цѣлаго ряда самыхъ мелкихъ мелочей, мелочей ничтожныхъ, почти неуловимыхъ, но которыя, однако, настолько охватываютъ васъ со всѣхъ сторонъ, что могутъ совсѣмъ отравить и испортить жизнь, если, вмѣсто удовлетвореній, даютъ только лишенія.

Мы очень гордимся Кавказомъ, какъ своимъ культурнымъ дѣтищемъ. Дорогъ онъ намъ не только потому, что мы почти сто лѣтъ лили изъ-за него свою кровь, дорогъ онъ еще и потому, что мы дали ему свое духовное крещеніе, внесли въ него и гражданственность, и порядокъ, и идеи просвѣщенія, и смягчили его полудикіе нравы. Все это вообще вѣрно, но настолько ли мы внесли въ него культурнаго и интеллектуальнаго свѣта, сколько пролили изъ-за него крови? Настолько ли мы имѣемъ право гордиться своими культурными заслугами, насколько ими гордимся?

Любопытно, что Кавказъ доставляетъ намъ удовлетвореніе не самъ по себѣ, а тѣмъ, что мы можемъ хвастать имъ передъ Европой. Красотами военно-грузинской дороги и дикими прелестями Дарьяльскаго ущелья мы пользуемся для того, чтобы сказать Европѣ: «ну, что ваши Альпы!» Узнавъ же, что у насъ есть 17 № Ессентуковъ, болѣе сильный, чѣмъ европейскія щелочныя воды, мы опять закричали Европѣ: «ну, что вашъ Карльсбадъ!»

Но, вѣдь, и Дарьяльское ущелье, и № 17 Ессентуковъ отъ Бога, а что мы сдѣлали съ 17 № и какую культуру ввели на кавказскихъ водахъ,— это отъ насъ. Кавказскія минеральныя воды настоящій пробный камень нашей культуры, нашихъ организаціонныхъ способностей, нашихъ знаній, нашего развитія, нашей цивилизаціи и нашихъ чувствъ. Если мы гордимся этими водами, если мы тщеславимся ихъ многими особенностями и совершенно справедливо убѣждены въ томъ, что подобной группировки водъ нѣтъ въ Европѣ, а Нарзанъ единственный источникъ въ мірѣ, то, вѣдь, одной похвальбы дарами природы еще мало. Чѣмъ лучше воды, чѣмъ больше разнообразія и особенностей онѣ въ себѣ заключаютъ, тѣмъ тоньше, умнѣе и разнообразнѣе должно быть и ихъ устройство. Кавказскія минеральныя воды — обширная лечебница, въ которую съѣзжаются больные со всѣхъ концовъ Россіи, изъ Сибири и даже изъ Остзейскаго края (нынче больныхъ было болѣе 6,000). Больной человѣкъ есть въ высшей степени тонкій, впечатлительный и деликатный аппаратъ, требующій и нуждающійся въ самомъ внимательномъ, предупредительномъ, тонкомъ, деликатномъ и знающемъ уходѣ. А чтобы устроить подобный уходъ, требуются отъ здоровыхъ устроителей соотвѣтственная тонкость пониманія, знанія, развитія, гуманность, человѣческія чувства, а, главное, культивированый умъ. Подобныя гуманныя учрежденія, требующія для своего устройства лучшихъ силъ и способностей, служатъ, конечно, и лучшимъ мѣриломъ этихъ способностей и той культурной и общественной высоты, до которой люди достигли.

У кавказскихъ водъ есть уже давно своя исторія. Ихъ замѣтилъ еще Петръ Великій во время персидскаго похода и поручилъ изслѣдовать своему лейбъ-медику Жоберу. Затѣмъ ихъ описывалъ Гюльденштедтъ въ 1773 году, Палласъ въ 1793 г., а въ 1803 г. слава горячеводскихъ (какъ ихъ называли тогда) источниковъ настолько уже распространилась, что медицинская коллегія опредѣлила къ водамъ постояннаго врача. Въ 1837 году посѣтилъ кавказскія воды Императоръ Николай и приказалъ отпускать на устройство ихъ по 200,000 р. ассигнаціями ежегодно. Это, кажется, была лучшая пора кавказскихъ водъ. «Съ 1856 г., — говоритъ г. Богословскій («Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды»), — состояніе нашихъ водъ, несмотря на признанную всѣми цѣлебность, видимо, клонилось къ упадку. Съ каждымъ годомъ число посѣтителей уменьшалось, ванныя зданія и резервуары въ нихъ приходили въ ветхость». Казенное управленіе, не оправдавшее ожиданій, было признано неудобнымъ, и въ 1862 году воды переданы въ частное завѣдываніе, сначала Новосельскаго, а потомъ Байкова. Въ 1875 г. открылась владикавказская желѣзная дорога и больные, обрадованные удобствомъ сообщенія, хлынули на кавказскія воды. Но, вмѣсто устройства и порядка, «повсюду видѣлся разгромъ. Публика, обиа-

нутая въ своихъ предположеніяхъ о новыхъ порядкахъ и не встрѣчая ихъ, увезла съ собою неудовлетвореніе, чѣмъ, несомнѣнно, надолго была подорвана репутація водъ. Малочисленный съѣздъ въ 1876 году былъ отвѣтомъ на негостепріимный пріемъ предшествовавшаго года», — говоритъ г. Богословскій. Въ декабрѣ 1883 г. кончился срокъ контракта Байкова и были вызваны «желающіе взять на себя устройство и дальнѣйшее содержаніе водъ на основаніяхъ, которыя будутъ предложены по разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ». Желающіе явились, но «основанія» не были представлены къ сроку въ государственный совѣтъ, и кавказскія минеральныя воды предположено было передать во временное казенное управленіе, «какъ наилучшій способъ для полнаго уясненія состоянія водъ и для приведенія ихъ въ благоустроенный видъ». Для завѣдыванія водами назначенъ особый правительственный коммиссаръ съ весьма широкими полномочіями, и воды переданы изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство государственныхъ имуществъ. Съ 1818 по 1884 г. было затрачено на кавказскія воды 4.102,449 р. Изъ нихъ на устройство водъ ушло только 1.242,201 р., а остальныя деньги были израсходованы на администрацію, на субсидіи и на содержаніе военной команды. Разсказывая всю эту исторію во много болѣе пространномъ видѣ, профессоръ Богословскій заключаетъ ее такъ: «Правительство, поставивъ въ принципѣ преобразовать воды и затративъ на первыхъ порахъ столь значительную сумму, внѣ всякаго сомнѣнія, сдѣлало только первый шагъ къ новымъ, болѣе крупнымъ затратамъ въ будущемъ, если оно твердо рѣшилось поставить отечественныя воды на уровень съ европейскими».

Эту исторію можно разсказать и еще короче. Петръ Великій положилъ первый камень устройства кавказскихъ минеральныхъ водъ, поручивъ ихъ изслѣдованіе своему лейбъ-медику. Послѣ Петра изслѣдованіе, описаніе и устройство водъ продолжалось непрерывно до нашихъ дней. Проходитъ двѣсти лѣтъ и новый компетентный изслѣдователь находитъ, что все, до сихъ поръ сдѣланное — не больше, какъ первый пробный шагъ, и даже какъ будто сомнѣвается, чтобы имѣлось твердое намѣреніе поставить кавказскія воды на уровень съ европейскими.

Откуда же взялся весь этотъ шумъ, вся эта заносчивая похвальба и самоувѣренная реклама, и патріотическій восторгъ, что «вотъ какія у насъ воды и ничего подобнаго нѣтъ имъ въ мірѣ»? Ищите вѣтеръ въ полѣ!

Былъ на Кавказѣ человѣкъ ума замѣчательнаго и широкаго образованія, отличавшійся громадными организаторскими способностями, талантомъ все видѣть и все понимать и умѣньемъ сдѣлать всегда то, что именно нужно. Управленіе этого даровитаго человѣка было лучшимъ временемъ и кавказскихъ минеральныхъ водъ, а мѣстное населеніе увѣковѣчило память о немъ, сохранивъ за всѣмъ, что онъ сдѣлалъ, его имя: «воронцовскій мостъ», «воронцовское шоссе», «воронцовскій паркъ», «воронцовскій кленъ», «воронцовская скамейка». Какъ всѣ люди крупнаго и свѣтлаго ума, Воронцовъ одинаково видѣлъ и большое, и малое и дѣйствовалъ всегда широкими средствами. Ни до Воронцова кавказскія минеральныя воды (конечно, и Кавказъ) не знали подобнаго организатора, ни послѣ его; не видятъ ничего подобнаго и теперь. Большихъ результатовъ нельзя достигать короткими руками и великихъ дѣлъ нельзя свершать дѣтскимъ умомъ. Разумѣется, мы не имѣемъ права требовать, чтобы каждый администраторъ былъ Петромъ Великимъ или Воронцовымъ, но мы имѣемъ право требовать, чтобы умственное наслѣдіе, оставляемое крупными людьми, не затиралось людьми маленькими и чтобы не въ рукахъ маленькихъ людей находилась судьба человѣчества и учрежденій. Но, вѣдь, нельзя же, чтобы судьбами человѣчества руководили только великіе люди. Они слишкомъ рѣдки. Поэтому нужно, чтобы и маленькіе люди могли дѣлать великія дѣла и овладѣли бы секретомъ крупныхъ людей. У насъ даровитое организаціонное поведеніе пока тайна личныхъ способностей, потому что не выработалось еще ни въ сознательный общественный принципъ, ни въ точно установившуюся систему. И потому, что ни принципа, ни системы организаціи у насъ еще не существуетъ, каждый маленькій человѣкъ, которому и всего-то поручено мести и поливать дороги, сейчасъ же вообразитъ себя если не Петромъ Великимъ, то Воронцовымъ и начнетъ водворять свою организацію.

Наши крошечные Петры Великіе и маленькіе Воронцовы начинаютъ организацію совсѣмъ не съ того конца, да, кажется, и тѣ, кто стоитъ повыше ихъ, не совсѣмъ твердо знаютъ, съ какого конца она должна начинаться. Обо всемъ они, повидимому, думаютъ, много, повидимому, и дѣлаютъ; не думаютъ они только объ одномъ — о человѣкѣ. Оттого-то на кавказскихъ минеральныхъ водахъ хорошо всѣмъ — и докторамъ, и буфетчикамъ, и поварамъ, и извозчикамъ, и содержателямъ квартиръ, не хорошо только тѣмъ, для кого минеральныя воды устроены—больнымъ. Несчастный больной—это какая-то жертва всеобщаго недоразумѣнія, которое сейчасъ же начинаетъ тяготѣть надъ нимъ, какъ только онъ вступитъ на кавказскую почву. Высадившись на станціи «Минеральныя Воды», несчастный больной — больной только для себя, а для всѣхъ остальныхъ онъ «курсовой»—извѣстная единица времени, денежнаго разсчета, рыночная величина. Бездушное прозвище «курсоваго» придумано, по всей вѣроятности, докторами и содержателями квартиръ, бюджетъ которыхъ опредѣляется простымъ умноженіемъ курсовой платы на число курсовыхъ. Для всѣхъ остальныхъ—для извозчиковъ, лавочниковъ, рестораторовъ, прислуги—«курсовой» величина неуловимая, никакой точности въ себѣ не заключаетъ и ничего имъ не говоритъ.

Несомнѣнно, что наши личныя привычки и наши нравы еще очень жестоки, но этому горю можно бы нѣсколько пособить, если бы у насъ были менѣе жестокія понятія. Жестокость же нашихъ

понятій въ томъ, что для насъ человѣкъ всегда что-то постороннее, что никогда мы не дѣлаемъ ничего собственно для него, а, напротивъ, имъ пользуемся для какихъ-то другихъ цѣлей. Устроимъ ли мы школу, мы не ее станемъ приспособлять къ ученикамъ, а ихъ къ ней. Проведемъ ли желѣзную дорогу, и она будетъ служить у насъ не усиленію сношеній, а какимъ-то общимъ желѣзно-дорожнымъ задачамъ, эксплуатируя пассажировъ и грузы. Устроимъ ли минеральныя воды, и не онѣ окажутся для больныхъ, а больные для тѣхъ, кто составляетъ обстановку водъ. Человѣка, для котораго, казалось бы, все и должно дѣлать, мы всегда ухитримся оттереть въ сторону, запихнуть въ уголъ и зажать такъ, чтобы онъ едва дышалъ. Во всякомъ дѣлѣ мы сейчасъ же дѣлимся на управляющихъ и управляемыхъ, на властныхъ и безвластныхъ, на повелѣвающихъ и повелѣваемыхъ. При такой наклонности къ властности, да при недостаткѣ общественнаго смысла и познаній, путаница начинается съ перваго же шагу, потому что первый шагъ въ томъ и заключается, чтобы нарушить общечеловѣческое равенство, чтобы другаго человѣка сдѣлать какъ можно меньше, безгласнѣе и безотвѣтнѣе и свою волю поставить вмѣсто его воли. Послѣ этого можетъ наступить, конечно, только путаница всякаго мелкаго безправія и безжалостности отношеній; и путаница дѣйствительно наступаетъ, и мы, устроители путаницы, скромно считаемъ себя творцами какой-то организаціи и еще удивляемся, что за эту организацію насъ никто не благодаритъ.

Какъ случилось, что желѣзная дорога обошла минеральныя воды, я не знаю (ходятъ на этотъ счетъ какія-то мѣстныя легенды); но очевидно, что организаторы минеральныхъ водъ о желѣзной дорогѣ тогда не думали, а тѣ, кто устраивалъ желѣзную дорогу, не думали о минеральныхъ водахъ. И вотъ Пятигорскъ остался на двадцать верстъ въ сторонѣ. Правда, отъ станціи желѣзной дороги ведетъ шоссе и къ услугамъ «курсовыхъ» имѣются удобныя четырехмѣстныя коляски четверикомъ. Но это и есть первый шагъ той «организаціи», которая сжимаетъ сердце «курсоваго» невѣдомымъ и мучительнымъ страхомъ. Покинутый желѣзною дорогой, курсовой растерянно озирается на всѣ стороны, онъ знаетъ, что ему нужно спѣшить, чтобы не остаться безъ экипажа, и онъ торопливо бѣжитъ нанимать коляску, затѣмъ съ тою же торопливою спѣшностью (хотя спѣшить совсѣмъ не куда) отыскиваетъ своего носильщика, въ то время какъ носильщикъ также торопливо отыскиваетъ его, суетится, волнуется, раздражается и успокоится только тогда, когда почувствуетъ себя въ коляскѣ, окруженный своими вещами и когда за нимъ захлопнутся дверцы.

Пока «курсовой» сидѣлъ на поѣздѣ, онъ чувствовалъ себя въ безмятежно-счастливомъ ожиданіи чего-то манящаго, успокоивающаго, рисующаго заманчивыя перспективы довольства и удовлетворенія. Онъ былъ только «больной», ѣдущій на воды и преисполненный самыхъ радужныхъ надеждъ и розовыхъ ожиданій. Онъ нетерпѣливо считалъ часы и минуты, когда поѣздъ доставитъ его, наконецъ, на послѣднюю станцію, гдѣ какъ разъ и думалъ найти тотъ самый Кавказъ, который всю дорогу манилъ его воображеніе новыми, освѣжающими и ободряющими впечатлѣніями.

Ну, какъ же не жестоко поманить больнаго прелестями Кавказа и, играя на патріотическомъ чувствѣ, расхвалить кавказскіе источники больше всего за то, что они «русскіе», а когда больной и ничего невѣдающій патріотъ послѣ долгихъ колебаній и сборовъ двинется изъ какой-нибудь отдаленной трущобы, вродѣ Урала или Сибири, оставить его на произволъ путеводной звѣзды?!

Правда въ путеводителѣ Ландцерта ничего невѣдающій патріотъ найдетъ объявленіе о кавказскихъ водахъ, подписанное правительственнымъ коммиссаромъ. Но объявленіе это ровно ничего ему не разъяснитъ. Онъ узнаетъ, въ какія числа открывается на разныхъ группахъ оффиціальный сезонъ. Но оффиціальный сезонъ не есть сезонъ дѣйствительный. Далѣе онъ узнаетъ, что, кромѣ водъ, можно получать кумысъ и молоко, но онъ не узнаетъ, что кавказскій кумысъ есть разжиженная копія кумыса самарскаго. Еще онъ узнаетъ, что на текущій сезонъ приглашены нѣкоторые профессора и доценты военно-медицинской академіи, но имена эти будутъ для него безразличнымъ звукомъ. Наконецъ, онъ узнаетъ, что въ книжныхъ магазинахъ и въ канцеляріи правительственнаго коммиссара можно имѣть «Путеводитель и справочную книгу по кавказскимъ минеральнымъ водамъ», «Сборникъ анализовъ воды всѣхъ источниковъ» и «Опытъ систематическаго указателя литературныхъ данныхъ по кавказскимъ минеральнымъ водамъ». Но, во-первыхъ, всѣ эти изданія старыя, не освѣженныя, а, во-вторыхъ, узнать уже въ пути, что есть какія-то о кавказскихъ водахъ изданія и что ихъ, навѣрное, можно найти только у правительственнаго коммиссара (потому что изъ десяти книжныхъ магазиновъ развѣ одинъ ихъ держитъ)—послѣ ужина горчица.

И зачѣмъ больному «Опытъ систематическаго указателя литературныхъ данныхъ», зачѣмъ ему «Сборникъ анализовъ воды?» Прежде всего, ему нужно вотъ что. Ему нужно знать, какъ онъ, напримѣръ, съ Урала доберется до станціи «Минеральныя Воды» и что это будетъ ему стоить; ему нужно знать, какъ устроено сообщеніе между группами минеральныхъ источниковъ и какія цѣны на проѣздъ; ему нужно знать, какія есть на группахъ гостиницы, какія въ нихъ цѣны и какъ устроиться до пріисканія квартиры; ему нужно знать, какія есть квартиры, на какихъ условіяхъ онѣ отдаются, какихъ слѣдуетъ избѣгать, какихъ держаться; ему нужно знать, какой и гдѣ можно имѣть столъ и какъ вообще устроить продовольствіе, ему нужно знать цѣны извозчиковъ, цѣны главныхъ продуктовъ, какъ чай, кофе, сахаръ, свѣчи и т. д.; ему нужно знать — и это самое больное мѣсто кавказскихъ минеральныхъ водъ — обычаи мѣстныхъ аптекъ и докторовъ, а обычаи ихъ очень

жестокіе. Однимъ словомъ, больному, до отправленія на минеральныя воды, нужно знать всѣ подробности ихъ матеріальныхъ условій, чтобы сообразить, что ему будетъ стоить леченіе. Руководясь только путеводною звѣздой, больной знаетъ теперь лишь одно, что на Кавказъ ѣхать далеко, а лечиться тамъ не дешево. Затѣмъ ему предоставляется полная свобода броситься съ головой и ногами въ безбрежное море неизвѣстности и отдаться его теченію, что онъ обыкновенно безропотно и дѣлаетъ. И почему бы администраціи водъ не составить подобнаго указателя, почему бы его не продавать и еще лучше не раздавать даромъ отправляющимся на Кавказъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ при выдачѣ билетовъ, въ Ростовѣ-на-Дону, на станціи «Минеральныя Воды»? Почему?— да только потому, что эта простая мысль или совсѣмъ и не приходила въ голову правительственнаго коммисара, или онъ считаетъ ее внѣ своей коммиссарской программы и ниже своихъ полномочій. Но, вѣдь, правительственный коммиссаръ есть, въ сущности, правительственный приказчикъ или хозяйственный управитель и ниже компетенціи его будетъ лишь то, что вредитъ организаціи водъ или порядкамъ, что, вмѣсто хорошей славы, бросаетъ на нихъ дурную, что мѣшаетъ ихъ популярности, что роняетъ ихъ въ мнѣніи больныхъ. Все же, что создаетъ водамъ добрую славу и способствуетъ распространенію ихъ извѣстности, составляетъ прямую обязанность управляющаго и не можетъ быть ниже его компетентности. За границей, гдѣ воды вполнѣ уже устроены и публикѣ извѣстны, гдѣ порядки не оставляютъ желать ничего лучшаго, и тамъ администраціи водъ считаютъ необходимымъ публиковать ежегодныя о нихъ свѣдѣнія. Свѣдѣнія же эти заключаются не въ томъ, что больнымъ предлагаютъ какія-то «опыты систематическихъ указателей литературныхъ данныхъ», а въ томъ, что публикуютъ, какія новыя удобства прибавлены къ старымъ (кажется, ужь и безъ того достаточнымъ) и какія новыя прихотливыя удовлетворенія найдутъ больные. За границей каждый больной чувствуетъ на водахъ, что онъ первый гость, почетное лицо, и все, что ни дѣлается, дѣлается только для доставленія ему новыхъ и новыхъ удобствъ, для его успокоенія и ублаженія.

Нашъ же злополучный больной, котораго путеводная звѣзда довела до станціи «Минеральныя Воды», чувствуетъ затѣмъ, какъ суровая и безжалостная судьба выбрасываетъ его на жертву всѣмъ случайностямъ и непредвидѣнностямъ и обрушивается на него всею тяжестью дарвиновскаго закона борьбы за существованіе. Больной теперь больной только для себя, для всѣхъ остальныхъ онъ не больной, а туристъ, путешественникъ, лѣтній гость, дачникъ, «курсовой», извѣстная единица времени и числа, базарная цѣнность.

Совершенно безсознательно минеральныя воды, т.-е. все это человѣческое обиталище, обращаются съ наѣздомъ курсовыхъ въ два лагеря. Одинъ лагерь ликующій и активный, дѣятельный и энергическій, со взоромъ, пытливо устремленнымъ въ туманную даль, въ перспективѣ которой ему рисуются золотыя горы—это мѣстные купцы, хозяева домовъ, рестораторы, повара, содержатели «домашняго стола», сбѣгающаяся отовсюду прислуга, извозчики, съѣзжающіеся изъ разныхъ городовъ, доктора, наѣзжающіе тоже съ разныхъ концовъ Россіи. Другой—не ликующій, а омраченный, пассивный, гадающій неувѣренно свою невѣдомую никому судьбу и успокоивающій себя надеждами и розовыми мечтами, что его надежды осуществятся, и готовый ради этого на всякія жертвы,—«курсовые» для активнаго лагеря, но для себя только больные и дѣйствительно несчастные, положеніе которыхъ можетъ возбуждать лишь состраданіе.

Но этому чувству нѣтъ мѣста на водахъ. Оффиціально—оно казенное лечебное учрежденіе, задача котораго въ устройствѣ источниковъ, ваннъ, всѣхъ приспособленій для леченія и въ организаціи соотвѣтственнаго управленія. Казенное управленіе считаетъ свою цѣль вполнѣ достигнутой, если оно устроитъ внѣшнее благоустройство и организуетъ внѣшній порядокъ. Дальше этого оно на кавказскихъ минеральныхъ водахъ не идетъ и олицетворяетъ собою объективный, безстрастный принципъ. Затѣмъ весь субъективный, нравственный, неоффиціальный обиходъ и вся внутренняя жизнь водъ развивается уже бытовымъ образомъ, по обычаю.

Внутренній же курсовой обиходъ кавказскихъ минеральныхъ водъ есть собственно отхожій промыселъ, но только особенной формы. Обыкновенно человѣкъ, нуждающійся въ заработкѣ, и не находящій его дома, уходитъ въ такое мѣсто, гдѣ онъ себѣ работу найдетъ. На кавказскія минеральныя воды тоже сходится разный людъ, не находящій у себя дома выгоднаго заработка. Но заработокъ-то этотъ доставляетъ ему не мѣстное населеніе, которое и само нуждается въ заработкѣ. А приходитъ со стороны какой-то особенный человѣкъ, называемый «курсовымъ», придетъ онъ мѣсяца на три, дастъ всѣмъ работу, заплатитъ за нее щедро, какъ нигдѣ, никто и никогда не платитъ, а затѣмъ уйдетъ неизвѣстно куда, какъ неизвѣстно откуда онъ пришелъ. Какъ богатъ золотой мѣшокъ, изображаемый курсовыми, можетъ показать слѣдующій,—конечно, приблизительный,—разсчетъ. Каждый курсовой оставитъ золота не меньше 300 р. (эта цифра много ниже дѣйствительной). Въ нынѣшній сезонъ было на водахъ 6,000 человѣкъ. Слѣдовательно, больные оставили на мѣстѣ не менѣе 1.800,000 руб. и львиная доля изъ нихъ досталась докторамъ. Обычная плата доктору за курсъ 100 р.; есть доктора, у которыхъ лечится не меньше 200 больныхъ, и, слѣдовательно, заработокъ такого счастливаго доктора составитъ 20,000 руб. въ 3—4 мѣсяца. Зарабатываютъ на кавказскихъ водахъ хорошо и домохозяева, но истинною фортуной и волшебницей, осыпающею золотымъ дождемъ, воды служатъ только для докторовъ. И кто же получаетъ по 10, по 20 тысячъ за лѣто? Свѣтила, знаменитости, люди выдаю-

щихся знаній? Никакихъ свѣтилъ и знаменитостей на кавказскихъ водахъ нѣтъ, да ни одна знаменитость Москвы или Петербурга на нихъ и не поѣдетъ. Ѣдутъ не профессора и теоретики, а ѣдутъ врачи-практики. Есть между ними болѣе или менѣе извѣстные и съ хорошею репутаціей, а есть и совсѣмъ неизвѣстные, безъ всякой репутаціи. Конечно, хорошо и то, что есть, и для больныхъ было бы еще хуже, еслибы никто не поѣхалъ. Но сущность вопроса, о которомъ я говорю, совсѣмъ не въ томъ, въ рукахъ какого сорта докторовъ судьба больныхъ и какіе доктора поѣдутъ и какіе не поѣдутъ. Сущность вопроса въ томъ, какой всеобщій мотивъ управляетъ отношеніями на водахъ и даетъ всей жизни цвѣтъ, характеръ, направленіе? Вопросъ въ томъ, этотъ ли мотивъ долженъ быть первымъ и всеобщимъ закономъ отношеній на минеральныхъ водахъ, или какой-нибудь другой, болѣе безошибочный, болѣе отвѣчающій существу дѣла, а, слѣдовательно, и ведущій къ болѣе правильнымъ и удовлетворительнымъ результатамъ? Ясно, что другой. Ясно, что если четыре группы водъ влекутъ къ себѣ, какъ Силоамская купель, тысячи слѣпыхъ, хромыхъ, чающихъ движенія воды, если для этихъ чающихъ, и только для нихъ и ради нихъ, затрачиваются милліоны, чтобы устроить воды, то эти милліоны затрачиваются не для организаціи отхожаго промысла, а для организаціи лечебнаго заведенія. Минеральныя воды есть, въ сущности, больница, но больница особой системы, организованная на болѣе широкихъ основаніяхъ и дѣятельное участіе въ которой принимаетъ цѣлая масса свободныхъ людей. Это нѣчто вродѣ взаимно-страховой организаціи, но организаціи исключительно лечебной, гдѣ центральною точкой, около которой все движется и ради которой все движется, долженъ быть больной, его требованія и его интересы. Теперь же, вмѣсто одного центра, являются два центра и, вмѣсто одного сливающагося интереса, два интереса.

Съ той минуты, когда больной, выйдя изъ вагона, превратился внезапно на станціи «Минеральныя Воды» въ «курсоваго», онъ начинаетъ уже чувствовать надъ собою тяготѣніе какого-то злаго рока, отъ котораго затѣмъ уже не можетъ освободиться до конца, пока снова не сядетъ на станціи «Минеральныя Воды» въ вагонъ, чтобы ѣхать домой. И напретятъ же ему эти люди, надо отдать имъ справедливость, и не столько своею алчностью, сколько неослабляемою, недающею передышки назойливостью и безсознательною тупостью, съ какой они тянутъ больные нервы все въ одну и ту же сторону. И не Богъ вѣсть что́ все эти люди и вытянутъ изъ вашего кошелька. Но претятъ эти улыбки угодливости и дѣланнаго вниманія, которымъ люди торгуютъ, какъ торгуютъ своими ласками продажныя женщины, противно участіе, которое они выдавливаютъ изъ себя, когда никакого участія въ душѣ у нихъ нѣтъ, когда они ничего въ васъ не понимаютъ и дѣлаютъ какъ разъ все только то, что васъ раздражаетъ, или, вѣрнѣе сказать, именно ничего для васъ, какъ для больнаго, и не дѣлаютъ.

Вы скажете, что не откуда и взяться живому дѣятельному чувству у людей, которые видятъ васъ въ первый разъ, и что собрались они на воды совсѣмъ не ради того, чтобы жить дѣятельнымъ участіемъ, а собрались они ради отхожаго промысла. Но, вѣдь, въ этомъ-то и заключается все несчастіе и все неустройство нашихъ водъ. И на заграничныхъ водахъ все, что собирается, чтобы служить больнымъ, собирается тоже не ради цѣлей самопожертвованія. Отправляясь служить на воды, люди знаютъ, что не безкорыстной идеѣ отвлеченнаго блага они будутъ служить, а что они будутъ служить больнымъ, что они возьмутъ на себя извѣстное обязательство, опредѣленную работу, которую и должны будутъ выполнять. А развѣ съ мыслью о своихъ обязанностяхъ относительно больныхъ сбѣгаются на наши воды извозчики, прислуга, лавочники, содержатели ресторановъ? Развѣ съ мыслью о своихъ обязанностяхъ домовладѣльцы сдаютъ квартиры больнымъ? Развѣ съ мыслью о своихъ обязанностяхъ и долгѣ являются на воды, пожалуй, и доктора? Именно ни чувства долга, ни чувства сознанія своихъ обязанностей у тѣхъ, кто окружаетъ больныхъ, и не замѣчается.

Можно, конечно, сдѣлать уступку и не требовать отъ людей сознанія того, что они еще не могутъ сознавать, потому что чувство долга и сознаніе своихъ гуманныхъ обязанностей по отношенію къ ближнему предполагаютъ довольно высокое нравственное развитіе. Но, вѣдь, тутъ недостаетъ самой обыденной рабочей добросовѣстности; нѣтъ того, чтобы рабочій понималъ, за какое дѣло онъ берется и что отъ него потребуютъ. Не съ мыслью о работѣ онъ и явился на свой отхожій промыселъ, а только съ мыслью о заработкѣ; а знаетъ ли онъ дѣло, ради котораго пришелъ, или не знаетъ, до этого ни ему, ни кому-либо другому нѣтъ никакой заботы, потому что и этотъ другой, будетъ ли онъ интеллигентъ или не интеллигентъ, то же не думаетъ, что больной есть, такъ сказать, единственный объектъ всего мѣстнаго труда, цѣль всеобщаго бережливаго ухода, а вовсе не объектъ всеобщаго объегориванія, какимъ онъ теперь является.

Ну, вотъ, наконецъ, мы опять добрались до «курсоваго». Онъ садится въ коляску, окруженный своими чемоданами и мѣшками, дверцы захлопываются, носильщикъ получаетъ плату и ямщикъ трогаетъ лошадей. Теперь курсовой вступаетъ въ «кавказскую организацію», въ свое царство, въ царство, устроенное для него, курсоваго, въ немъ шевельнулось даже и чувство царственнаго величія, онъ знаетъ, что наступило его время и все, что онъ встрѣтитъ, будетъ для него, будетъ для того, чтобы его, больнаго, сдѣлать здоровымъ. По крайней мѣрѣ, я ѣхалъ въ Кисловодскъ въ прошедшемъ году именно съ этими чувствами, и хотя мое царственное величіе потерпѣло полнѣйшее фіаско и я сбѣжалъ изъ Кисловодска съ болѣзнями, которыхъ у меня раньше не было, но и въ нынѣшнемъ году я ѣхалъ опять окрыленный всякими надеждами и съ тѣми же радостными мечтами. Думаю, что и всѣ больные чувствуютъ то же.

Облегчивъ себя вздохомъ, что станціонныя мытарства кончились, больной съ легкимъ сердцемъ и съ чувствомъ ожиданія пріятнаго и чего-то новаго смотритъ вдаль на тянущееся лентой шоссе и на вереницы колясокъ, съ такими же, какъ онъ, курсовыми, пріѣхавшими на томъ же поѣздѣ. Но пятигорское шоссе способно убить не только чувство пріятнаго ожиданія, но и всякія, какія есть вообще, чувства въ человѣкѣ. Едва ли есть на свѣтѣ другое шоссе болѣе пыльное. Вся эта вереница колясокъ мчится окутанная непроницаемымъ облакомъ пыли. Вы поворачиваете налѣво, направо, чтобы гдѣ-нибудь отыскать струйку чистаго воздуха, вы закрываете себѣ лицо, вы удерживаете, наконецъ, дыханіе,—спасенія нѣтъ,—а встрѣтившійся экипажъ обдаетъ васъ еще и новымъ столбомъ пыли. Просто мученье!

Раннею весной пыли меньше. Лѣтомъ же, когда не бываетъ долго дождей, пыль покрываетъ толстымъ слоемъ всю зелень по сторонамъ дороги, и лѣсокъ, который тянется съ полпути и во всякое другое время производитъ веселое впечатлѣніе своею красивою разнообразною листвой, смотритъ теперь скучно, уныло, точно это не лѣсъ, а двѣ сѣрыя земляныя стѣны, между которыми вы ѣдете. Къ Пятигорску, когда минуешь земляныя стѣны и открывается большій просторъ, а, наконецъ, покажутся и горы—направо Змѣиная гора и Бештау, а потомъ налѣво и неуклюжій Машукъ, начинаешь дышать легче,—близокъ конецъ пути. Надъ Пятигорскомъ, особенно въ вѣтряную погоду,—а вѣтеръ тамъ безпрестанно,—стоитъ обыкновенно непроглядное облако пыли. Помню одно подобное облако,—это было не облако, а густая черная мгла, постепенно расходившаяся вверхъ. «Что это, пожаръ?»—«Нѣтъ, пыль»,—отвѣтилъ мнѣ ямщикъ.

Мнѣ не случалось видѣть, чтобы мели пятигорское шоссе, но на желѣзноводскомъ ранними утрами видѣлъ не разъ стараго старика, цвѣта дороги, окутаннаго столбомъ пыли, которую онъ самъ поднималъ, и сметавшаго ее съ середины шоссе къ краямъ. Сметенная пыль, конечно, сносилась потомъ вѣтромъ, разъѣзжалась экипажами, и старикъ ее опять сметалъ къ краямъ и терпѣливо изо дня въ день переливалъ изъ пустаго въ порожнее. Нужно думать, что этотъ старикъ есть живое забытое воспоминаніе о какомъ-нибудь такомъ же забытомъ «организаторѣ», додумавшемся, что пыль вредна и непріятна и что противъ нея нужно предпринять радикальныя мѣры.

О Пятигорскѣ одно очень компетентное въ медицинѣ лицо сказало мнѣ, что «это поганая дыра», и велѣло съ ранняго утра уходить въ горы. Я этого дѣлать не могъ, а наслаждался Пятигорскомъ въ его натуральномъ видѣ, наконецъ, не выдержалъ и сбѣжалъ въ Желѣзноводскъ. За то я считаю себя вправѣ подтвердить приведенный отзывъ компетентнаго лица. Пятигорскъ не только поганая, но прогнившая и запыленная дыра. Въ пыли его носится песокъ, щепки, солома, навозъ, известка, мелкій кирпичъ,—однимъ словомъ, все то, что можетъ дать содержаніе вѣчно строющійся городъ, который съ перваго дня своего основанія не думалъ никогда о чистотѣ и никогда ея у себя не вводилъ.

Пыль въ Пятигорскѣ составляетъ постоянную городскую атмосферу; она—воздухъ, которымъ должны всѣ дышать. У нея нѣтъ ни облюбленнаго мѣста, ни центра происхожденія; она повсюду и вездѣ, ее производитъ и шоссе, проходящее черезъ городъ, и каждая улица, и каждая площадь, и каждое мѣсто, съ котораго вѣтру есть что поднять. Но, кромѣ пыли, царящей повсюду и вездѣ, въ Пятигорскѣ есть еще и центральный источникъ зараженія—базарная площадь, заваленная навозомъ. Это весьма большое пространство, лежащее въ серединѣ города и вполнѣ достаточное для того, чтобы заполнить міазмами всю атмосферу города. Даже постоянные жители не могутъ выносить этой отравляющей атмосферы, и кто можетъ—уѣзжаетъ на лѣто прочь. Какъ же жить-то больнымъ?

Администрацію водъ нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы она не принимала никакихъ мѣръ противъ пыли, но то, что она дѣлаетъ, напоминаетъ немного старика, метущаго желѣзноводское шоссе. Вдоль Пятигорска тянется бульваръ, одинъ конецъ котораго служитъ центромъ курсовой жизни. Тутъ цвѣтники, фонтаны, музыка, ресторанъ, ванны, такъ называемый Николаевскій вокзалъ, гдѣ больные пьютъ воды, библіотека, контора, почтовое отдѣленіе. По сторонамъ бульвара идутъ улицы. Бульваромъ завѣдуетъ администрація водъ, улицами—городъ. Вотъ эту-то часть бульвара, въ которой собираются больные, администрація водъ и поливаетъ, а городъ улицъ, идущихъ по сторонамъ, не поливаетъ, такъ что пыль съ нихъ при малѣйшемъ вѣтрѣ несется на бульваръ. Казалось бы, и городу ничего бы не стоило поливать двѣ небольшія улицы или обязать поливкой противъ своихъ домовъ домохозяевъ, но городъ этого не дѣлаетъ. Казалось бы, и администраціи не много бы стоило взять на себя и поливку улицъ, если нельзя столковаться съ городомъ. Вѣдь, взяла же она на себя устройство въ городѣ водопровода, который будетъ стоить, кажется, больше двухсотъ тысячъ. Но когда еще водопроводъ будетъ готовъ, а до того времени можно бы завести четыре бочки для поливки улицъ,—не двѣсти же тысячъ нужно для этого. Бочки не заводятся, городъ улицъ не поливаетъ, администрація водъ тоже ихъ не поливаетъ, и потому, что у администраціи съ городомъ не выходитъ ладовъ, больные должны дышать пылью. Это называется «организація» и для устройства ея имѣется на мѣстѣ даже особенный правительственный коммисаръ.

Пыль и міазмы—самое больное мѣсто Пятигорска, дѣлающее его рѣшительно невозможнымъ курортомъ. И пока онъ не будетъ вымытъ, причесанъ, убранъ и вообще приведенъ въ порядокъ и оздоровленъ, все, что дѣлаетъ теперь администрація водъ, не будетъ имѣть никакого смысла. Зачѣмъ эти цвѣтники, зачѣмъ эти мраморные бассейны съ фонтанами, на которые пошла точно мода и на устройство которыхъ находятся же деньги, когда не могутъ устроить простой поливки двухъ какихъ-

нибудь короткихъ улицъ, а базарная площадь теперь въ непролазномъ, вонючемъ навозѣ и никто его и не думаетъ убирать? Впрочемъ, Пятигорскъ имѣетъ одно очень важное достоинство: въ немъ жизнь гораздо дешевле,—разумѣется, не въ гостиницахъ и не для тѣхъ, кто обѣдаетъ въ ресторанахъ. Вообще же въ экономическихъ принципахъ и хозяйственныхъ распорядкахъ Пятигорскъ держится тѣхъ же началъ, какъ и всѣ остальныя группы. Какіе же это принципы и распорядки, я сейчасъ раскажу читателю.

Изъ Пятигорска я сбѣжалъ въ Желѣзноводскъ, потому что нечѣмъ было дышать. Послѣ пыльнаго, грязнаго, неопрятнаго и вѣчно строящагося Пятигорска, Желѣзноводскъ кажется маленькимъ раемъ. Онъ лежитъ въ лощинѣ между круглою, какъ колпакъ, и сплошь зеленою Желѣзной горой и Бештау. Главный центръ Желѣзноводска составляетъ паркъ, раскинутый у подножія Желѣзной горы и сливающійся съ покрывающимъ ее лѣсомъ. Въ Желѣзноводскѣ всего одна улица, идущая рядомъ съ паркомъ, и на ней-то и расположены дома, предлагающіе квартиры курсовымъ. Послѣ быстраго перехода отъ неопрятнаго Пятигорска (всего 3/4 часа ѣзды) Желѣзноводскъ производитъ очень отрадное впечатлѣніе своею яркою, богатою и тѣнистою зеленью и чистымъ, бодрящимъ воздухомъ. Но это первое впечатлѣніе удерживается не долго и больной постепенно начинаетъ убѣждаться, что и на солнцѣ есть пятна.

Самое трудное и самое, конечно, важное—найти квартиру. Каждый вновь пріѣзжающій, если онъ не запасся ранѣе свѣдѣніями, долженъ положиться на своего извозчика. Я, впрочемъ, еще въ прошедшемъ году изъ неосвѣжаемаго «Путеводителя по кавказскимъ минеральнымъ водамъ» зналъ, что въ Желѣзноводскѣ отличаются какимъ-то особеннымъ внутреннимъ устройствомъ, подземными стоками для нечистотъ и еще чѣмъ-то дома Карпова, расположенные подлѣ самаго парка, и потому, не провѣривъ «Путеводителя» другими справками, сказалъ извозчику, чтобы онъ остановился у Карпова. Все это такъ и сдѣлалось, и я послѣ выбора между нѣсколькими комнатами водворился, не безъ колебанія, въ комнатѣ болѣе меня удовлетворившей. Вѣроятно, и другіе поступаютъ также. Но почему они попадутъ къ Карпову, другіе къ Трамбецкой, третьи къ Милютину, а четвертые къ Зипалову, вѣроятно, секретъ способностей каждаго найти лучшее среди худшаго.

Карповъ отличается несомнѣнною хозяйственностью и все, что онъ дѣлаетъ, дѣлаетъ солидно и прочно. Столы въ его номерахъ желѣзные, на желѣзныхъ ножкахъ, выкрашенные масляною краской, которая отъ времени во многихъ мѣстахъ слѣзла. Даже маленькіе столики имѣютъ не деревянныя, а желѣзныя доски. Шкафъ, крашеный масляною краской, съ филенками не деревянными, а тоже желѣзными, кровати солидныя желѣзныя. Только диваны и стулья деревянные; но если бы и ихъ можно было сдѣлать изъ желѣза, Карповъ непремѣнно желѣзными бы ихъ и сдѣлалъ. Штора у окна была тоже солидная, деревянная, и не меньше двухъ аршинъ ширины; а такъ какъ она должна была закрывать венеціанское окно въ три аршина ширины, то съ каждой стороны оставалось незакрытымъ по полъаршину. Это, впрочемъ, мои первыя впечатлѣнія, а черезъ день я уже настолько приспособился, что смотрѣлъ на мою комнату какъ на неизмѣнный и неустранимый фактъ, къ которому всякое критическое отношеніе совершенно безполезно. Это тоже общій законъ для всѣхъ курсовыхъ.

Но вотъ къ чему я былъ не въ состояніи приспособиться, потому что дѣло шло о моемъ существованіи: къ духотѣ моей комнаты. Она смотрѣла своимъ единственнымъ широкимъ венеціанскимъ окномъ на югъ и солнце жгло ее почти цѣлый день. Штора не помогала, потому что не закрывала половины окна. Кромѣ этого, источникъ теплоты, который я могъ видѣть и осязать, былъ еще источникъ скрытый, но очень дѣятельный, на который я нашелъ указаніе въ книгѣ г. Богословскаго. «Главный домъ (а я въ главномъ домѣ и жилъ),—пишетъ г. Богословскій,—построенный безъ соблюденія архитектурныхъ правилъ, съ узкими деревянными лѣстницами и корридорами, не безопасенъ въ случаѣ пожара. Накатъ потолковъ, повидимому, не смазанъ глиной и не засыпанъ землею, почему въ верхнихъ комнатахъ отъ накаляющейся желѣзной крыши дѣлается невыносимо жарко». Это самое «невыносимо жарко» и было у меня, такъ что на ночь, чтобы впустить хоть малѣйшую струю болѣе освѣжающаго воздуха, я отворялъ дверь въ корридоръ, а отверстіе, на всякій случай, заставлялъ кресломъ. Разъ вечеромъ мнѣ показалось что у меня какъ будто бы свѣженько и что нужно бы укрыться потеплѣе. Посмотрѣлъ я на термометръ $+19^{\circ}$. Сколько же бывало градусовъ, когда жара становилась невыносимой, если 19° казались уже холодомъ? Кончилось тѣмъ, что я объявилъ управляющему, что въ этой комнатѣ оставаться больше не могу, и чтобы онъ мнѣ далъ другую... И это, должно быть, общій законъ для всѣхъ курсовыхъ, общій въ томъ, что ни противъ зноя, ни противъ холода ни одинъ хозяинъ не принялъ никакихъ мѣръ. Ни ставней, ни маркизъ, ни какихъ-либо другихъ приспособленій противъ жары нигдѣ не существуетъ. Кое-гдѣ, какъ мнѣ припоминается теперь, есть ставни, и даже у Карпова у одной квартиры (а всѣхъ ихъ 53) есть маркизы, но ужь, конечно не Карповъ ихъ устроилъ. И противъ холоду не принято никакихъ мѣръ и печей въ домахъ нѣтъ, такъ что температуру регулировать невозможно. Пошлетъ Богъ жару и больной будетъ жариться, пошлетъ холодъ—больной будетъ зябнуть. Таковъ ужь общій принципъ мѣстныхъ построекъ.

Чтобы помочь горю, въ каждомъ частномъ случаѣ принимаютъ и частныя мѣры. Одинъ изъ больныхъ нашего корридора заявилъ управляющему, что въ корридорѣ совсѣмъ нѣтъ воздуха. Управляющій привелъ стекольщика и вынулъ изъ рамы стекло. «Да, вѣдь, въ эту дыру дуетъ теперь постоянно сквозной вѣтеръ»,—говорю я управляющему.—«А что же мнѣ дѣлать? Ужь сколько я говорилъ

хозяину, что нужно сдѣлать рамы у оконъ отворяющіяся,—ему жалко пятіалтыннаго»,—отвѣтилъ управляющій. Такъ эта дыра въ окнѣ, на гибель боящихся сквознаго вѣтра, и осталась. «Пятіалтынный»—вотъ основная сила, вершающая все и доходящая иногда до чистой скаредности. Дома строятся здѣсь для дохода, а вовсе не для больныхъ. Карповъ съ своихъ домовъ (а у него кажется, 7 или 8, такъ что они образуютъ цѣлый городокъ) получаетъ 7,000 доходу и съ своей точки зрѣнія, конечно, правъ, что не истратитъ пятіалтыннаго на петли.

И этотъ злополучный пятіалтынный, вытѣснившій больнаго изъ всего мѣстнаго мышленія, оттянулъ книзу всю мѣстную жизнь и наложилъ на нее печать скаредности и мерзости. Ради пятіалтыннаго, корридоръ верхняго и нижняго этажа освѣщался у насъ однимъ фонаремъ, висѣвшимъ на половинѣ лѣстницы. Стекла у фонаря были до того закопчены, что свѣтъ едва черезъ нихъ мерцалъ. И говорю я управляющему: «Ну, какъ вамъ не стыдно, вы хотя бы разъ въ лѣто приказали вымыть фонари».—«Ахъ, ужь эта прислуга, совсѣмъ съ нею горе»,—отвѣчаетъ управляющій. А какая тутъ прислуга, когда самъ управляющій ни за чѣмъ не смотритъ и ничего не видитъ, и всю свою обязанность считаетъ въ томъ, чтобы получить съ квартирантовъ деньги? Постыдилъ я фонаремъ и нашу корридорную Аннушку, а она мнѣ на это отвѣтила: «Ну, что онъ толкуетъ, свѣчей даже не даютъ для фонаря, гдѣ хочешь, тамъ ихъ и бери; ужь я собираю огарки отъ постояльцевъ». Другой разъ говорю я управляющему насчетъ воды. Есть въ Желѣзноводскѣ два ключевыхъ источника, но чтобы получать изъ нихъ воду, слѣдуетъ взять билеты изъ конторы. Билетъ стоитъ копѣйку и дается на него два или четыре ведра, не помню; но это все равно. Не все равно только то, что здоровая, чистая вода продается больнымъ администраціей за деньги. Мы, обитатели Карповскаго дома, этой здоровой воды не получали, а для самоваровъ и питья получали воду изъ колодца, вырытаго тутъ же на нашемъ дворѣ. Встрѣтивъ управляющаго съ двумя ведрами воды, которые онъ несъ изъ источника, я и говорю ему: «Вотъ вы себѣ и хозяину носите хорошую воду, а насъ, больныхъ, заставляете пить воду изъ вашего колодца!»—«Да я сколько разъ говорилъ Аннушкѣ, чтобы она носила воду изъ источника, и давалъ билеты,—не хочетъ». Аннушка же мнѣ говоритъ: «Ужь сколько разъ я говорила управляющему насчетъ той воды, такъ нѣтъ, жаль истратить грошъ на билеты». Дашь Аннушкѣ вставить свѣчъ въ подсвѣчники, она тутъ же у васъ, на окнѣ, начнетъ ихъ оскабливать головною шпилькой. «Да кто же такъ дѣлаетъ, неужели у васъ нѣтъ ножа?»—говоришь Аннушкѣ, а она отвѣчаетъ: «Какого тутъ ножа, у нихъ ничего нѣтъ и ничего не даютъ!» Скажешь ей насчетъ пыли, которую она никогда не вытирала, и услышишь, что нѣтъ тряпокъ и ни у кого ихъ не допросишься. Можетъ быть, и не въ такой степени, но тотъ же пятіалтынный служитъ закономъ и не для однихъ домовъ Карпова, а и для всѣхъ остальныхъ домовъ и для всѣхъ остальныхъ курсовыхъ.

Главное зло пятіалтыннаго заключалось въ его, такъ сказать, воспитательномъ вліяніи. Онъ не только создавалъ повсюдную грязь, нечистоту, безпорядокъ, но — что хуже всего — онъ пріучалъ къ нимъ; глазъ, наконецъ, свыкался и съ дворомъ, поростающимъ травою, и съ отвалившеюся штукатуркой, и съ нечистотами, валяющимися на улицѣ, и съ грязнымъ корридоромъ, и съ непромытымъ, а только размазаннымъ поломъ, и съ грязнымъ бѣльемъ, которое вамъ подавали къ столу, и съ пылью въ паркѣ, и съ посудой, которая не убиралась изъ комнаты отъ завтрака до обѣда, и съ тѣмъ, что нельзя было дозваться прислуги, потому что не было колокольчиковъ, а приходилось вызывать ее крикомъ. Ну, ужь и кричали же нѣкоторые изъ нашихъ квартирантовъ, особенно женщины! Съ утра до вечера то изъ одного, то изъ другаго номера только и слышалось: «Аннушка, Аннушка!» А Аннушка, точно кладъ какой, никому не давалась и больше всего тогда, когда она была нужна. Скажешь ей, бывало: «Да гдѣ вы пропадаете, не докричишься», а Аннушка отвѣчаетъ: «У меня десять номеровъ». Съ обѣдомъ повторялось то же, но тогда курсовые нашего корридора кричали не «Аннушка», а «Варвара», и когда скажешь Варварѣ: что вы такъ долго не подаете, она отвѣчаетъ: «Я одна на десять номеровъ и всѣ какъ нарочно обѣдаютъ въ одно время». Говорю я управляющему: «Совсѣмъ невозможно у васъ съ прислугой, легкіе надорвешь, хоть бы вы устроили колокольчики!» А онъ съ такимъ видомъ, точно и самъ ужь думалъ объ этотъ, отвѣчаетъ: «Какъ тутъ устроить колокольчики? Будетъ ужь очень безпокоить больныхъ постоянный звонъ». И откуда эта внезапная забота о больныхъ, когда съ самаго основанія Желѣзноводска въ немъ никто и ни разу, какъ кажется, объ ихъ спокойствіи не подумалъ? Вообще колокольчикъ на кавказскихъ водахъ такая еще поразительная новизна, съ которой никакъ не можетъ свыкнуться мысль. Въ Пятигорскѣ, чтобы позвать прислугу, надо было выйти на стеклянную галлерею и постучать палкой въ раму. Для этого я былъ снабженъ и особою палкой. Такъ какъ этотъ способъ былъ неудобенъ, то я позвалъ слесаря, чтобы провести колокольчикъ. Не предупредивъ хозяйку дома, этого, разумѣется, нельзя было сдѣлать, но хозяйка воспротивилась. Она находила, что если пробить въ стѣнѣ дырочку для проволоки, то зимой въ домѣ будетъ холодно. Впрочемъ, потомъ она прислала свое согласіе, и бѣгать въ стеклянную галлерею, чтобы стучать палкой въ раму, мнѣ ужь не приходилось.

Въ Желѣзноводскѣ, да и на всѣхъ группахъ, жизнь установилась на началахъ полнаго невмѣшательства. Можно даже подумать, что это-то и есть осуществленіе прудоновскаго идеала гармоніи единоличныхъ произволовъ. Но въ дѣйствительности это не гармонія, а анархія единоличныхъ

произволовъ. Больные, какъ и все, что тяготѣетъ къ нимъ, образуютъ отдѣльныя независимыя группы или сорты людей по роду ихъ занятій. Это не корпораціи, сознающія свою внутренюю цѣльность и солидарную связь съ другими корпораціями, а именно только группы однородныхъ людей. Извозчики образуютъ одну группу, прислуга, убирающая комнаты,—другую, прислуга, живущая хотя и въ томъ же домѣ, но подающая кушанье,—третью, домовладѣльцы—четвертую, больные—пятую, доктора—шестую. Есть и еще группы—лавочниковъ. торговцевъ азіатскаго товара, разносчиковъ фруктовъ и проч. Каждая група живетъ совсѣмъ изолированно отъ другой группы, смотритъ на ея интересы какъ на совсѣмъ чуждые и точно также стремится обособиться и каждое отдѣльное лицо каждой отдѣльной группы. Казалось бы, что интересы отдѣльныхъ группъ и лицъ должны бы сливаться въ интересѣ больныхъ и больные должны бы давать тонъ жизни. Но въ группѣ больныхъ чувствуется, пожалуй, еще большая разсыпчатость, чѣмъ въ какой-либо другой группѣ. У каждаго своя болѣзнь и каждый только ею и поглощенъ и только въ заботахъ о себѣ и активенъ, а во всемъ остальномъ больной хотя противъ многаго и протестуетъ, но протестуетъ въ себѣ, молча. Если же и случится, что на гуляньѣ, въ паркѣ, выскажетъ свое неудовольствіе такому же больному, то это сдѣлается какъ-то нечаянно, больше для разговора и, высказавшись, больной махнетъ безнадежно рукой. И въ самомъ дѣлѣ, что подѣлаетъ больной? Напримѣръ, главная дорожка въ паркѣ и площадки вначалѣ совсѣмъ не поливались, и зной и пыль ничѣмъ не умѣрялись. Такъ бы все это, вѣрно, и тянулось, если бы не объявился рѣшительный человѣкъ—адъютантъ изъ Петербурга, сдѣлавшій смотрителю водъ замѣчаніе. Въ тотъ же день началась поливка. «Нужно было, чтобы адъютантъ сдѣлалъ вамъ замѣчаніе»,—говорю я смотрителю.—«А откуда вы это знаете?»—отвѣчаетъ онъ и затѣмъ, обратившись къ помощнику въ полголоса прибавилъ: «Вотъ, вѣдь, все сейчасъ же станетъ извѣстно». Въ этомъ «извѣстно» и заключается секретъ порядка и исполнительности. Конечно, не ко всему этотъ секретъ примѣнимъ. Напримѣръ, извѣстно и даже *всѣмъ* извѣстно, что въ Желѣзноводскѣ нѣтъ никакого навѣса, подъ которымъ въ дождь можно было бы пить воду; что на источники нужно, поднимаясь и опускаясь то на гору, то подъ гору, идти чуть не двѣ версты, что большинство ваннъ тоже пріютилось версты за двѣ и что нѣтъ никакихъ приспособленій, которыя источники и ванны приблизили бы къ больнымъ. Противъ этого и рѣшительный адъютантъ изъ Петербурга ничего бы не подѣлалъ. Но подѣлать, все-таки, кое-что можно, если бы больные не изображали изъ себя молчаливой, пассивной группы, отдавшейся на всю волю мѣстныхъ установившихся порядковъ и не считали бы себя чуждыми ихъ. Когда больные, наконецъ, сознаютъ, что они сила, и большая сила, конечно, многое измѣнится къ лучшему для самихъ больныхъ, а администрація водъ не будетъ, какъ это нынче, воображать себя начальствомъ.

Желѣзноводскіе больные нынѣшняго лѣта имѣли въ общемъ какую-то загадочную и неопредѣленную физіономію. Я не говорю ни о военныхъ, ни о чиновникахъ,—у этихъ была своя очень опредѣленная корпоративная физіономія (да ихъ было и мало), а говорю о штатскихъ и о женщинахъ. По всѣмъ внѣшнимъ признакамъ было видно, что это не «общество» и не «интеллигенція». Бросалась въ глаза какая-то неувѣренность въ себѣ, и неувѣренность не только умственная, но и неувѣренность относительно своей внѣшности. Хотя изъ молодыхъ мужчинъ нѣкоторые выдѣлялись даже ухарствомъ манеръ и гостинодворскою развязностью, но и это ухарство, и эта развязность были далеко не свободными, а точно люди подхлестывали себя, чтобы поддержать апломбъ, недостатокъ котораго они въ себѣ чувствовали. Чтобы опредѣлить, что это за странное и неувѣренное въ себѣ русское человѣчество собралось въ Желѣзноводскѣ, я сталъ проглядывать «Прибавленіе къ Листку», въ которомъ печатаются списки пріѣзжающихъ, и вотъ какого общественнаго положенія оказалось рѣшительно большинство больныхъ: З.—почетный гражданинъ, К.—купецъ, К—жена священника, К.—дочь купца, М.—мѣщанинъ, М. А.—гражданинъ, Н.—купчиха, Р.—купеческій сынъ, Т.—купецъ, Ч.—урядникъ, Я.—мѣщанинъ, А—канцелярскій служитель, Б.—дочь купца, Б.—калмыкъ, Б.—калмыкъ, К.—жена урядника, К.—калмычка, К.—жена купца, С.—крестьянинъ, Т. М.—крестьянинъ,—ну, и т. д. Я сдѣлалъ эту выписку изъ № 70, но и во всѣхъ остальныхъ нумерахъ не только повторяется то же самое, но и оказывается громадное преобладаніе купчихъ, купцовъ, почетныхъ гражданъ и почетныхъ гражданокъ, мѣщанъ, крестьянъ, духовенства, учителей, маленькихъ чиновниковъ; того же, что называется «обществомъ», совсѣмъ замѣтно не было. Такой составъ лечащихся изображалъ собою лишь первоначальные разрозненные и не слившіеся еще въ цѣлое зачатки общества; онъ напоминалъ Петровскія ассамблеи, въ которыхъ люди пріучались лишь къ манерамъ, къ умѣнью держать себя, а общества съ развитыми требованіями пока еще не составляли. Понятно, что если на кавказскихъ минеральныхъ водахъ будутъ собираться только подобныя ассамблеи, то вліятельнаго общественнаго мнѣнія, которымъ бы дорожила администрація водъ и одобреніе котораго она старалась бы заслужить, не будетъ; а администрація будетъ хозяйничать и поступать лишь ради одобренія начальства.

А гдѣ же «общество», гдѣ «интеллигенція»? И куда дѣлось «общество», куда дѣлся «интеллигентъ»? Вѣдь, не убѣжали же они отъ кавказскихъ минеральныхъ водъ, какъ убѣгаютъ отовсюду, оставляя порожнее мѣсто для чернобыльника и для ассамблей? Или люди съ болѣе развитыми и культурными требованіями уѣхали на заграничныя воды, пользуясь улучшеннымъ курсомъ? Если это

такъ, если нашъ курсъ станетъ еще лучше, а кавказскія воды лучше не станутъ и будутъ предлагать своимъ больнымъ то же, что онѣ предлагаютъ и теперь, то культурный и интеллигентный человѣкъ и совсѣмъ ихъ забросить и станетъ ѣздить за границу, гдѣ онъ найдетъ не только больше спокойствія и больше вѣроятія на выздоровленіе, но еще и освѣжится умственно и нравственно, а кавказскія воды, несмотря на свой единственный въ мірѣ Нарзанъ и на 17 № Ессентуковъ, станутъ только мѣстными водами, займутъ второе или третье мѣсто и погубятъ свою славу неумѣлостью своихъ устроителей и низкимъ общественно-умственнымъ и культурнымъ уровнемъ, на который онѣ будутъ сведены.

Кавказскія минеральныя воды могли бы одухотворить интеллигенція и культурное общество. Но сомнительно, чтобы теперешняя администрація водъ была въ состояніи ихъ привлечь, когда она не можетъ предложить ничего, кромѣ неустройства, разныхъ непорядковъ, самаго крайняго и всеобщаго невниманія къ уходу за больными и томительнѣйшей тоски одиночества среди глухонѣмаго многолюдства.

Сомнительно, чтобы администрація водъ справилась и съ другою своею реформаторскою задачей и чтобы кавказскія воды перестали быть мѣстомъ только отхожаго промысла и сдѣлались бы лечебнымъ мѣстомъ, существующимъ исключительно для лечебныхъ цѣлей. Я говорю «сомнительно» потому, что администрація, вмѣсто того, чтобы противиться господствующему началу, сама подчинилась ему. Все, что сдѣлано и дѣлается на Кавказѣ, сдѣлано и дѣлается не для того, чтобы удешевить жизнь, а чтобы ее удорожить. Вотъ одинъ примѣръ изъ сотни. Коньякъ, который въ Москвѣ у Бауера продается за 2 р. 80 к., въ Желѣзноводскѣ продается за 6 р. «Отчего же вы берете больше, чѣмъ вдвое?»—спрашиваю я лавочника.—«А вотъ почему,—отвѣчаетъ онъ,—за эту маленькую лавчонку, даже безъ окна, и за патенты и билеты я плачу за лѣто 800 руб. Съ чего же мнѣ ихъ выручить? На сахаръ, кофе, свѣчи, табакъ, чай разложить этихъ денегъ нельзя, потому что цѣны товара болѣе или менѣе извѣстны и установились, а цѣна вину неизвѣстна». И вы видите, что лавочникъ правъ. И всякій другой точно также правъ. Азіатъ, продающій въ паркѣ кавказскія и персидскія издѣлія, тоже беретъ вдвое, потому что администрація водъ за каждый аршинъ земли, который онъ занимаетъ, беретъ 30 руб. Беретъ она налогъ съ булочниковъ, которые торгуютъ въ паркѣ, наложила налогъ даже на чистую воду. Теперь и съ больныхъ она усилила налогъ. Прежде съ билетомъ, оплаченнымъ на одной группѣ, а стоилъ билетъ 2 руб., можно было переѣзжать для продолжающагося леченія и на всѣ остальныя группы, теперь же для каждой отдѣльной группы нужно брать особый билетъ, а такъ какъ всѣхъ группъ четыре, то, вмѣсто прежнихъ 2 руб., больному приходится тратить 8 руб. Даже маленькое «Прибавленіе къ Листку», въ которомъ печатаются пріѣхавшіе на одинъ-два дня, тоже составляетъ предметъ усиленнаго налога, потому что администрація продаетъ его по 5 коп. за экземпляръ, когда онъ ей самой обходится едва ли дороже копѣйки. При этомъ принципѣ мудрено поставить наши воды на одинъ уровень съ заграничными, на которыхъ все благоустроено, хорошо и дешево, а у насъ все неустроено, нехорошо и дорого.

Еще меньше можно ожидать, чтобы администрація водъ провела санитарную реформу и групповыхъ врачей превратила въ санитарныхъ, освободивъ ихъ отъ практики. Пускай администрація назначаетъ отъ себя врачей, какъ уполномоченныхъ и снабженныхъ ея ручательствомъ, но пускай рядомъ съ ними будутъ и настоящіе групповые санитары, обязанные слѣдить и за квартирами, и за ресторанами, и за «домашнимъ столомъ», и за чистотой улицъ, дворовъ, парка и даже за водой, которой поятъ больныхъ. Теперь же никакого санитарнаго надзора ни за чѣмъ не существуетъ и каждый дѣлаетъ только то, что увеличиваетъ его доходъ. Все же, что дохода не увеличиваетъ, считается не только безполезнымъ и ненужнымъ, но даже глупымъ.

Да, печальное и тоскливое впечатлѣніе оставляютъ наши кавказскія минеральныя воды! Когда я томился отъ жары въ комнатѣ, смотрѣвшей на полдень, передо мной, точно задняя декорація въ театрѣ, стоялъ холодный, оголенный, каменистый Бештау. Вся картина была молчаливая, пустынная; ничто не напоминало о людяхъ, а скорѣе говорило о безлюдьи и отсутствіи всякой культуры. Когда мнѣ дали комнату на противуположной сторонѣ дома, передо мною стояла покрытая сплошною зеленью Желѣзная гора и тоже производила впечатлѣніе нелюдимости и неустройства. Но на этой же сторонѣ, сидя вечеромъ у окна, я видѣлъ внизу на дворѣ и жизнь: дѣти играли въ мячъ, большіе въ карты или даже и разговаривали, но, кажется, только для того, чтобы не разучиться говорить.

LI.

Узнавъ, о чемъ трактуютъ изданія харьковскихъ учительницъ—«Что читать народу»,—представленныя на парижскую выставку, французскій рабочій изумился и на вопросъ, что должно быть содержаніемъ такихъ изданій, онъ отвѣтилъ: «Какъ что?!—все!» И во Франціи не только каждый блузникъ и каждый интеллигентъ, но и каждый ребенокъ знаетъ, что народу можно читать «все» и что тутъ не скрывается ровно никакого вопроса, который бы слѣдовало разрѣшать. Конечно, это «все» не значитъ, что народу слѣдуетъ читать безъ выбора; «все» — это только право народа самому знать, что ему читать нужно, это право каждаго знать все, что создаетъ печать.

Но какъ бы былъ изумленъ тотъ же рабочій, когда бы онъ узналъ, что «что читать народу»— совсѣмъ не политическій вопросъ, а описаніе путешествія группы интеллигентныхъ русскихъ людей въ невѣдомую и таинственную для нихъ область интеллекта русскаго народа, попытка приподнять завѣсу, скрывающую народную душу—умъ и чувство—и установить управляющій ими законъ. Что воскликнулъ бы французъ-рабочій, узнавъ объ этомъ путешествіи, я не знаю, но несомнѣнно, что онъ развелъ бы руками отъ удивленія и сказалъ бы: «не понимаю». Не понялъ бы этого ни англичанинъ, ни нѣмецъ, ни итальянецъ, ни испанецъ; не понялъ бы ни одинъ европейскій человѣкъ, ни рабочій, ни интеллигентъ, а мы такъ что-то въ этомъ понимаемъ, и не только понимаемъ, но и создаемъ для себя очень важный вопросъ. И вопросъ тутъ, дѣйствительно, есть, вопросъ очень важный, только не въ томъ, въ чемъ мы его видимъ.

Когда въ 1884 г. вышелъ первый томъ «Что читать народу» (увѣсистая книга въ 50 листовъ), то въ умахъ нашихъ интеллигентныхъ людей какъ бы почувствовалось маленькое землетрясеніе. *Вся* печать и даже нѣкоторые изъ нашихъ почтенныхъ и уважаемыхъ ученыхъ отнеслись къ изданію харьковскихъ учительницъ чуть ли не съ восторгомъ. Для всѣхъ было очевидно, что изъ увѣсистаго тома распространяются какіе-то новые, до сихъ поръ невѣдомые лучи и освѣщаютъ новый невѣдомый міръ, о существованіи котораго интеллигенція ничего не знала. Когда въ 1889 году вышелъ такой же увѣсистый второй томъ, землетрясенія въ умахъ уже не замѣчалось. Второй томъ былъ продолженіемъ перваго, новыхъ лучей отъ него не шло и новаго невѣдомаго міра не освѣщалось. Но и первый, и второй томы были несомнѣнно работою весьма почтенной, въ которую было положено много искренности, доброжелательства, любви къ народу и труда, а, самое главное, настойчиваго желанія раскрыть и изслѣдовать то, что казалось никому неизвѣстнымъ и что и въ дѣйствительности было очень многимъ неизвѣстно. Все это давало харьковскимъ учительницамъ несомнѣнное право послать свои изданія на парижскую выставку и такое же право предполагать, что это изслѣдованіе будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ и настолько же новымъ для Европы, сколько и для насъ. Харьковскія издательницы въ этомъ, конечно, и не ошиблись.

Два такіе почтенные тома должны были произвести на французовъ внушительное впечатлѣніе. Не зная еще ихъ содержанія, они по одному ихъ объему должны были заключить, что трудъ, имѣющій такіе большіе размѣры, не можетъ не быть серьезнымъ, не можетъ не касаться одного изъ важныхъ вопросовъ страны, не можетъ не отвѣчать ея нуждамъ и быть настолько же полезнымъ. Вѣдь, если бы составительницы не были сами убѣждены въ этомъ, онѣ не рѣшились бы свое изслѣдованіе представить на международное обсужденіе. Такъ должны были разсуждать французы до знакомства съ содержаніемъ «Что читать народу». Ознакомившись же съ нимъ, они едва ли поняли, о чемъ собственно идетъ дѣло. Между «Что читать народу» и сибирскимъ механикомъ-самоучкой, сидѣвшимъ на той же выставкѣ на-показъ въ особой клѣткѣ, они, несомнѣнно, нашли нѣчто общее. И повѣяло на нихъ стариной, чѣмъ-то давно отжившимъ, о чемъ никакихъ живыхъ воспоминаній не сохранилось,—не то разсказами Вобана, не то царствованіемъ Людовика XIV, когда и во Франціи между народомъ и интеллигенціей лежала непроходимая пропасть, когда земледѣльцы считались особою породой людей, когда, какъ говоритъ Вобанъ, у нихъ даже и образа человѣческаго не было и когда французамъ нужно было растолковывать, что и земледѣльцы—люди, что и у нихъ человѣческая душа, что и они думаютъ по-человѣчески и чувствуютъ по-человѣчески, и имѣютъ человѣческія радости и печали, надежды и желанія.

Не взявъ живымъ, дѣятельнымъ чувствомъ ни содержанія «Что читать народу», ни міровоззрѣнія харьковскихъ учительницъ, французы, все-таки, наградили ихъ трудъ золотою медалью за его несомнѣнную почтенность, хотя этой почтенности они постигнуть и не могли. И все это тоже понятно, и все это въ порядкѣ вещей. Въ такомъ же порядкѣ вещей, какъ и то, что на международныя состязанія въ умѣ, знаніяхъ и развитіи мы являемся не во всеоружіи зрѣлыхъ силъ, какими являются французы, американцы, англичане, нѣмцы, а выступаемъ всегда съ начинаніями, съ зародышами чего-то, не имѣющими законченнаго настоящаго.

Зная это хорошо и сами, мы на международныхъ состязаніяхъ держимъ себя скромно, съ видомъ учениковъ приготовительнаго класса. Мы понимаемъ, что намъ далеко еще до выпуска, и потому не кор-

чимъ изъ себя выпускныхъ. Но, въ то же время, мы знаемъ, что Богъ и насъ создалъ изъ той же глины, какъ французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, и если мы въ такомъ же, какъ они, всеоружіи не можемъ еще явиться на международный пиръ, за то мы сознаемъ и понимаемъ, что и передъ нами лежитъ открытый путь развитія, по которому идутъ уже давно европейцы. Такъ какъ мы все это понимаемъ, а идти въ хвостѣ намъ, все-таки, обидно, то чувство своего международнаго достоинства мы уравновѣшиваемъ тѣмъ, что при всякомъ подходящемъ случаѣ стараемся напомнить европейцамъ, что мы хотя и молодой, но за то способный и даровитый народъ, въ подтвержденіе чего представляемъ всегда и доказательства. На послѣдней парижской выставкѣ такое доказательство и изображалъ собою Алмазовъ, сибирскій механикъ-самоучка, и частью «Что читать народу», выставленное харьковскими учительницами. Доказательства эти были хотя и не совсѣмъ удачны, потому что они, прежде всего, доказывали не то, что мы хотѣли доказать, но несомнѣнно, что они доказывали немножко и то, что мы доказать хотѣли.

Читатель, однако, можетъ спросить, почему я говорю о «Что читать народу», когда первый томъ его вышелъ въ 1884 году, второй въ 1889, въ этомъ же году была и парижская выставка, а нынче 1890 годъ? Въ русской жизни есть одна особенность, читатель, которая очень помогаетъ каждому публицисту быть современнымъ и свѣжимъ. Особенность эта въ томъ, что у насъ нѣтъ текущихъ вопросовъ или, пожалуй, вѣрнѣе, всѣ наши вопросы текутъ постоянно какъ рѣки и ручьи и постоянно журчатъ, напоминая о себѣ. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ журчать столѣтіе, два столѣтія, даже больше (вѣдь, петровскіе вопросы мы и до сихъ поръ еще не всѣ разрѣшили), другіе полстолѣтія и нѣтъ у насъ ни одного такого вопроса, который, народившись съ извѣстнымъ поколѣніемъ, былъ бы этимъ поколѣніемъ и разрѣшенъ. Поэтому-то у насъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, работа поколѣній должна быть преемственной и поколѣнія должны идти одно за другимъ шагъ въ шагъ. Такъ какъ этого нѣтъ и преемственность общественнаго мышленія очень слаба, то каждое поколѣніе живетъ обыкновенно своими собственными чувствами, желаніями, стремленіями, подчасъ ничтожными и не отвѣчающими главнымъ интересамъ и нуждамъ отечества, а вопросы, народившіеся ранѣе, скопляются въ плюшкинскую кучу, въ ней ветшаютъ и, въ то же время, постоянно напоминаютъ о своей очереди. Поэтому-то наши вопросы всегда стары и всегда новы, а плюшкинская куча служитъ неистощимымъ матеріаломъ для публицистики и никогда не нарушаетъ ея современности.

Въ подтвержденіе этого я разскажу читателю кое-что изъ своего личнаго писательскаго опыта. Сдѣлаю я это не потому, что это былъ мой *личный* опытъ, а потому, что въ этомъ личномъ есть *общее*, и общаго больше, чѣмъ личнаго. Когда «Русская Мысль» предложила мнѣ писать «Очерки русской жизни», работа эта представилась мнѣ до того новой и незнакомой, что я почувствовалъ себя въ непроходимомъ лѣсу. Конечно, вообще, я былъ для нея немного подготовленъ, но, вѣдь, требовалось писать не *вообще*, а въ частности, требовалось писать о текущемъ, современномъ, фактическомъ, о жизни въ ея движеніи и главныхъ ея теченіяхъ. Гдѣ же найти эту жизнь и ея теченія, какъ отличить главныя теченія отъ неглавныхъ, первое отъ втораго, какъ опредѣлить, что интересуетъ читателя и что его не интересуетъ, что можетъ составлять интересъ большинства, къ которому и нужно обращаться, и интересъ меньшинства, который можно и обойти? Очевидно, что мое невѣдѣніе не могло быть разрѣшено никакими апріорностями и вопросъ о русской жизни могъ быть выясненъ лишь наблюденіями надъ этою самою жизнью и только индуктивнымъ методомъ. Къ нему-то я и прибѣгнулъ. Имѣя больше двадцати столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, я усердно принялся за ихъ чтеніе. Каждый новый фактъ, каждый новый вопросъ, каждое новое сообщеніе я отмѣчалъ подъ особою рубрикой, перечиталъ этимъ способомъ газеты за три мѣсяца и получилъ цѣлый калейдоскопъ самыхъ разнообразныхъ фактовъ. Тутъ были и уголовныя преступленія, и тюрьмы, и Сибирь, и судъ, и общественные и личные нравы, и воспитаніе, и школы, и переселенія, и голодухи, урожаи и неурожаи, хлѣбныя цѣны, торговля, даже театръ и музыка. Затѣмъ я сосчиталъ въ каждой рубрикѣ число фактовъ и установилъ очередь рубрикъ. Первое мѣсто заняли уголовныя преступленія. Но, очевидно, что не уголовныя преступленія составляютъ основной фонъ русской жизни и первое мѣсто должно принадлежать не имъ.

Во всѣхъ этихъ тщательно собранныхъ фактахъ чувствовался какой-то важный пропускъ, чувствовалось, что есть еще какіе-то факты, не отмѣченные газетами, но въ которыхъ именно и заключается русская жизнь. Конечно, и голодухи, и переселенія, и школы тоже факты изъ русской жизни, но писать о нихъ—значило уйти въ неподлежащую мнѣ область «внутреннихъ обозрѣній». И если бы я ушелъ въ эту неподлежащую область, для бытописанія которой имѣлся въ «Русской Мысли» особенный отдѣлъ и спеціальный лѣтописецъ, то могли бы оказаться излишними или «Внутреннія обозрѣнія», или мои «Очерки».

Поле наблюденій, очевидно, нужно было расширить и за внѣшними фактами поискать еще и факты внутренніе, найти какой-то большой всеобщій фактъ, который надъ всѣми этими сборными фактами носится какъ «духъ надъ бездною», какъ творческая сила, ихъ создающая, какъ ихъ причина.

Какой же это такой всеобщій фактъ и гдѣ его искать? Прямо на него газеты не указывали, но всѣмъ, что читалось между строкъ, они говорили объ его существованіи. И, въ самомъ дѣлѣ, отчего у насъ часты голодухи, отчего наши школы и наше образованіе находятся въ такомъ, а не въ другомъ видѣ, отчего мужикъ нашъ и до сихъ поръ кочуетъ, мы же это кочеванье зовемъ совсѣмъ неподходящимъ словомъ «переселеніе» и ничего для пра-

вильной организаціи народнаго стремленія къ удовлетворяющему его укладу жизни не дѣлаемъ, отчего у насъ такъ много личныхъ и общественныхъ безобразій и взаимнаго насилія, отчего «черная сотня» беретъ перевѣсъ надъ интеллигенціей въ общественныхъ дѣлахъ, отчего у насъ въ загонѣ всякое свободное стремленіе къ личной самостоятельности, отчего въ загонѣ женскій трудъ, да, пожалуй, и сама женщина?.. Эти «отчего» тянутся нескончаемою вереницей и каждый фактъ, который даютъ газеты, возбуждаетъ непремѣнно свое «отчего». Отчего?!—очевидно, оттого, что надъ бездной носится не духъ той творческой силы, который долженъ бы надъ ней носиться. Вѣдь, не факты и статистическія цифры управляютъ жизнью, а управляютъ ею идеи, понятія, сознаніе, руководящія всѣми дѣлами людей и всѣми ихъ поступками. Эти-то идеи и понятія и связываютъ всѣ отдѣльные факты въ одно цѣлое, всѣмъ имъ даютъ одинъ всеобщій цвѣтъ и окраску и, конечно, только въ нихъ однихъ заключается истинное и всеобщее существо русской, да и всякой жизни.

Поднявшись въ область этихъ высшихъ и болѣе сложныхъ фактовъ, пришлось опять раскладываться. Объ этомъ раскладываніи я пока говорить подробно не буду, замѣчу только вотъ что. Теперь не время творческихъ идей, а время подчистокъ и подметанья, т.-е. такой работы, которую успѣшно (конечно, лишь, повидимому) могутъ производить и люди вторыхъ и третьихъ величинъ. Оттого-то они такъ и выдвинулись. Особенность этой работы заключается въ томъ, что она нагромождаетъ такую массу практическихъ мелочей, что изъ-за щепокъ не видно лѣса и утрачивается умственная перспектива. Ужь не съ сегодня однимъ стало и совсѣмъ не видно лѣса, а другимъ онъ видится лишь въ недосягаемой синей дали. Творческая идея, отодвинутая въ такую туманную даль, разумѣется, не могла казаться особенно нужной, а вниманіе, поглощенное щепками, помутило настолько сознаніе, что создало весьма своеобразный оптимизмъ, который гораздо хуже всякаго оппортюнизма. Я приведу только одинъ фактъ изъ области этого оптимизма, настолько уже распространившагося или, по крайней мѣрѣ, пытающагося распространиться, что куриная слѣпота, которою онъ зараженъ, можетъ сдѣлаться, пожалуй, и общественною болѣзнью.

Сущность теперешняго нашего умственнаго момента заключается въ томъ, что жизнь сверху внизъ призастыла, не закончивъ начатаго было ею движенія, и покрылась ледяною корой, какъ покрываются ею рѣки отъ мороза. Теченіе продолжается болѣе свободно только внизу, да и тамъ оно зимнее, холодное, сочащееся. Казалось бы, этотъ фактъ вполнѣ установленъ и всѣмъ очевиденъ и ясенъ. А, между тѣмъ, наши оптимисты, идеалъ которыхъ не идетъ дальше мѣщанскаго счастья и которыхъ восьмидесятые годы удовлетворяютъ вполнѣ и умственно, и нравственно, и экономически, усмотрѣли въ этомъ сочащемся движеніи (да усмотрѣли еще и не просто, а съ благодушнымъ самодовольствомъ, что Богъ только ихъ наградилъ историческою проницательностью, а другимъ ея не далъ)... ну, угадайте, что они усмотрѣли? Нѣтъ, не угадать вамъ, читатель, потому что для такой исторической проницательности нужно не видѣть ничего впереди и сидѣть въ щепкахъ, заслоняющихъ всю синюю даль. Это, вѣдь, тоже не всѣмъ дается! Право, и говорить-то серьезно не хочется, но и смѣяться тутъ не надъ чѣмъ, потому что этотъ мѣщанскій оптимизмъ есть, въ сущности, упадокъ общественной мысли до очень низкаго уровня, когда она, уже совсѣмъ безкрылая, начинаетъ перелетать, какъ курица, съ кучи на кучу и находитъ себѣ въ этомъ не только полное удовлетвореніе, но и всякую другую мысль, пытающуюся подняться выше и охватить бо́льшій кругозоръ, хочетъ низвести до собственнаго уровня. Чему же тутъ радоваться, надъ чѣмъ тутъ смѣяться? Изъ той исторической проницательности, которую обнаружилъ нашъ мѣщанскій оптимизмъ, читатель и самъ убѣдится, насколько все это вѣрно. Въ сочащемся движеніи низовъ, движеніи вполнѣ общественно-безсознательномъ и не заключающемъ въ себѣ ничего политическаго, мѣщанскій оптимизмъ усмотрѣлъ *начинающееся нарожденіе четвертаго сословія*. Это у насъ-то четвертое сословіе! И какіе же признаки его нарожденія? Народъ, видите ли, или, точнѣе, городскіе мѣщане начали заводить школки грамотности... Нѣтъ, четвертое сословіе создается не школками грамотности, въ которыхъ учатъ черничкн, да отставные пономари и солдаты, а коечѣмъ другимъ. И вотъ если бы это самое другое подмѣтилъ мѣщанскій оптимизмъ въ начинающемся стремленіи народа къ грамотности, онъ былъ бы вполнѣ правъ. Вѣдь, и при Людовикѣ XIV, когда Кольберъ далъ экономическій толчокъ Франціи, обездоленный и голодный французскій мѣщанинъ и крестьянинъ тоже стали учиться грамотѣ, но какому бы французскому публицисту взбрело на мысль пророчески усматривать въ этомъ возникновеніе четвертаго сословія? И у насъ при Киселевѣ народъ начиналъ учиться грамотѣ, школки грамотности у насъ существовали съ незапамятныхъ временъ и придуманы онѣ были не министерствомъ просвѣщенія, а самимъ народомъ (школы для народа завелись у насъ еще при Владимірѣ святомъ). И все это было началомъ возникновенія въ Россіи четвертаго сословія?! Нѣтъ, ужь если приходится искать въ этомъ всемъ возникновеніе чего-то, то скорѣе всего возникновеніе въ народившейся въ восьмидесятыхъ годахъ публицистикѣ общественной безсознательности и кругозора короче воробьинаго носа.

Привелъ я этотъ фактъ не только потому, что онъ наиболѣе свѣжій (нашелъ я его въ сентябрьскомъ № нынѣшняго года одной провинціальной газеты), а еще и потому, что въ немъ весьма послѣдовательно отражается одно изъ движеній мысли, начавшееся въ восьмидесятыхъ годахъ, когда явилась реакція противъ предъидущаго времени, а еще болѣе потому, что онъ очень рѣзко выдвинулся впередъ при раскладываніи въ фактахъ высшаго порядка, о которомъ я сказалъ.

Раскладываніе показало, что, кромѣ настоящей, чистокровной реакціи разныхъ цвѣтовъ, оттѣнковъ и направленій, совершенно открытой и искренней, ничего не стыдящейся и ни отъ чего не краснѣющей, какъ реакція «Гражданина», есть еще реакція тайная, безсознательная, — реакція, считающая себя даже новою прогрессивною силой, открывающею новые прогрессивные пути, это — тотъ оптимизмъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ.

Оба эти реакціонныя движенія настолько занимаютъ въ нашей печати передовое мѣсто и по числу органовъ, и по энергіи, съ какою они дѣйствуютъ, что туманъ, который они вносятъ въ понятія, совершенно сбиваетъ съ толку общественное сознаніе и получается невообразимая путаница. Читатель уподобляется «человѣку между добродѣтелью и порокомъ» и стоитъ, растопыривъ руки и ноги, не зная, куда ему идти и кого слушать. Получается то, о чемъ мнѣ писалъ толстовецъ. Недоумѣлый читатель, особенно изъ молодыхъ, теряясь въ царящей разноголосицѣ, не знаетъ, какъ ему отличить бѣлое отъ чернаго, истину отъ лжи, правду отъ неправды. Тутъ ужъ приходится толковать не объ идейныхъ принципахъ и творческихъ задачахъ, которые держатъ мысль на верхахъ, а приходится толковать и спорить, напримѣръ, о такихъ вздорахъ, четвертое или не четвертое сословіе образуютъ наши мѣщане, заводящіе школки грамотности, идеи ли управляютъ жизнью, или неосмысленные факты и мелкая мѣщанская практичность, тогда ли выше общественная жизнь, когда во главѣ ея стоятъ даровитые люди, когда эта жизнь бьетъ ключомъ, выражается въ художественномъ творчествѣ, въ богатой и блестящей литературѣ, въ оживляющей мысль печати, или когда она сидитъ, какъ сандрильонка, за печкой, въ хорошихъ ли политическихъ учрежденіяхъ и порядкахъ заключается основная возможность общественнаго развитія, или въ моральномъ воспитаніи совершеннаго человѣка, который затѣмъ своимъ добродѣтельнымъ житіемъ сдѣлаетъ ненужными политическія учрежденія и все пойдетъ само собою, какъ по маслу?

Вотъ о какой азбукѣ общественности, забытой публицистами восьмидесятыхъ годовъ, приходится теперь толковать и спорить, чтобы спасать общественное сознаніе отъ гипнотическаго состоянія, въ которое его приводитъ одна часть печати. А толстовецъ упрекаетъ меня въ полемикѣ, которою я будто бы слишкомъ занимаюсь. Да развѣ это полемика? Надо трубить въ трубы и бить въ барабаны, надо бревномъ толкать подъ бокъ засыпающихъ людей, чтобы они очнулись и были похожи на живыхъ. На крики и вопли надо отвѣчать такими же криками и воплями, а не жужжать весенними кроткими мухами, которыя и жалить-то не умѣютъ. Это ужъ слишкомъ добродѣтельно. А, вѣдь, другая часть нашей печати именно и играетъ въ подобную добродѣтель. Ей какъ будто не хочется пачкать рукъ, не хочется надрываться крикомъ въ спорѣ съ людьми, на которыхъ она смотритъ сверху внизъ; она боится уронить свое достоинство и путается съ брезгливымъ чувствомъ непорядочности, до которой ее можетъ принизить полемика. Но если вашъ умственный аристократизмъ не позволяетъ вамъ принизиться до полемики, — ну, и оставьте ее, а, все-таки, трубите въ трубы и бейте въ барабаны, чтобы вашъ голосъ былъ слышенъ, чтобы васъ читали, чтобы общество думало съ вами и знало бы, съ кѣмъ ему думать не слѣдуетъ. Если жизнь опустилась настолько, что снова приходится толковать объ азбукѣ, — ну, и нечего дѣлать, надо толковать объ азбукѣ. Конечно, обидно и досадно обращаться десятки разъ все къ тѣмъ же б-а — ба, больно за печать, что ей приходится быть школкой грамотности; но если ей больше ничего не остается дѣлать, какъ спасать общественное сознаніе и поднимать общественную мысль, то и приходится заниматься только этимъ дѣломъ, помня о томъ муравьѣ, который девяносто девять разъ лѣзъ на стѣну и всякій разъ обрывался, полѣзъ въ сотый — и влѣзъ.

Когда, раскладываясь между газетными фактами всѣхъ сортовъ и величинъ, пришлось придти къ этимъ мыслямъ и составить соотвѣтственную имъ программу требованій современной публицистики, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснилась и еще одна особенность нашего общественнаго мышленія: законъ повторности. А законъ этотъ заключается въ томъ, что то, что мы еще вчера знали хорошо, мы забываемъ сегодня, но завтра опять возвращаемся къ тому же, какъ къ чему-то новому и нами самими придуманному, потомъ опять забываемъ, опять припоминаемъ и такъ безконечно, ставя и не разрѣшая вопросовъ и накопляя ихъ въ кучу, передаваемую изъ года въ годъ отъ поколѣнія поколѣнію.

Недавно, совсѣмъ по особенному случаю, мнѣ пришлось просматривать статьи, которыя я писалъ лѣтъ 20—30 назадъ. Оказалось, что почти всѣ онѣ могутъ быть напечатаны и нынче, даже безъ освѣженія, и будутъ имѣть текущій интересъ. Да, вѣдь, это же бѣдствіе! Ну, какъ тутъ публицисту не повторяться и не дописаться до банальности? Одно только и можетъ спасти публициста отъ подобной бѣды — отсутствіе памяти. И каждый публицистъ долженъ молить объ этомъ Бога, если онъ хочетъ сохраниться. Только забывая все, что публицистъ переживалъ и писалъ раньше, онъ каждый повторяющійся фактъ, каждое повторяющееся явленіе общественной жизни снова приметъ живымъ чувствомъ и свѣжею мыслью, какъ бы нѣчто совсѣмъ новое, и напишетъ о нихъ свѣжо. Въ этой способности переживать старое, какъ новое, и заключается весь секретъ живучести писателя.

Но та же повторность, грозящая публицисту бѣдой, очень помогаетъ ему въ его механической работѣ. Раскладыя газетные факты по кучкамъ за нѣсколько мѣсяцевъ, я на каждомъ шагу встрѣчалъ старыхъ знакомыхъ. Найдешь новый, повидимому, фактъ въ какой-нибудь провинціальной газетѣ, глядишь — тотъ же фактъ повторяется или въ столичной, или въ другой провинціальной газетѣ. И это совсѣмъ не въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, — нѣтъ, а въ теченіе недѣли, двухъ недѣль или ужъ много мѣсяца. Очевидно, что въ еги-

петской работѣ выслѣживанія фактовъ за большое время, распредѣленія ихъ по рубрикамъ и т. д., работѣ скучной и утомительной, не было никакой нужды. Всегда тамъ или здѣсь оказывался торчащій изъ плюшкинской кучи какой-нибудь хвостикъ и стоило только его потянуть, чтобы потащилось и все его продолженіе, иногда до самаго корня.

Такъ это случилось и теперь. Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» я нашелъ статью, озаглавленную: «Что читать народу». Въ ней сообщалось о грамотности въ селѣ Алешны. Свѣдѣнія весьма любопытныя и статья хорошая, но она, все-таки, только одинокій хвостикъ, который оказывалось нужнымъ потянуть, чтобы добраться до корешковъ. Ближайшими корешками и оказалось «Что читать народу» харьковскихъ учительницъ.. Это уже не газетная статья, а цѣлыхъ сто печатныхъ листовъ. Матеріалъ богатый, сулящій много. Что же даетъ этотъ богатый матеріалъ?

Въ нашихъ отношеніяхъ къ народу много еще невѣрнаго (точнѣе фальшиваго). Невѣрность (фальшь) заключается въ томъ, что эти отношенія тоже хвостикъ, за который нужно потянуть, чтобы обнаружились его корешки. А корешки — это все тѣ же продолжающіяся, хотя и въ значительно слабѣйшей степени, крѣпостныя чувства и крѣпостныя привычки мысли. Наши образованные и правящіе классы и до сихъ поръ чувствуютъ себя бѣлою костью. И они, дѣйствительно, бѣлая кость. Точно оазисы въ пустынѣ они образуютъ болѣе или менѣе цвѣтущіе особняки и каждый такой цвѣтущій особнякъ знаетъ свои сословныя выгоды, права, границы. Несмотря на сословную обособленность, оазисы связаны взаимными нитями и образуютъ извѣстную цѣльность. Она заключается въ исключительности ихъ общественнаго положенія, въ томъ, что они общественные органы, съ опредѣленною общественною властью. Это-та властность и постоянныя взаимныя соотношенія, какъ органовъ общественности, сливаютъ дворянство, духовенство, военное и гражданское служивое сословіе въ одну группу, стоящую на авансценѣ. Купецъ и разночинецъ хотя и не составляютъ сословій, но тяготѣютъ тоже къ авансценѣ и стоятъ во второй линіи. Затѣмъ лежитъ промежутокъ и вдали его стоитъ народъ. Народъ для тѣхъ, кто на авансценѣ, не есть сословіе, онъ — просто народъ, масса, мускульная сила, которою нужно управлять и руководить, сохраняя всегда по отношенію къ ней главенство и верховенство. Этотъ порядокъ отношеній установился самъ собою существующимъ строемъ общественности и не можетъ быть другимъ безъ нарушенія этого строя.

Невѣрность или фальшь отношеній кроется не здѣсь, не въ области общественной оффиціальности, а тамъ, гдѣ мы выступаемъ въ качествѣ идейной силы и свободнаго независимаго общества, имѣющаго тоже свой опредѣленный кругъ дѣятельности, свои права и власть. Наши права и наша власть, какъ общества, не юридическія, а умственныя и нравственныя, и только въ нашей умственности и въ нашемъ развитіи и заключается вся наша сила. Областью нашего поведенія служатъ исключительно общественная нравственность и общественные принципы, и чѣмъ они выше, чище, человѣчнѣе, тѣмъ чище, выше, человѣчнѣе и святѣе наше общественное поведеніе.

Для этого нужно быть не только умственно-развитымъ человѣкомъ, но имѣть еще и сердце, глубоко охваченное и потрясенное чувствомъ любви и уваженія къ человѣческому достоинству. А этимъ чувствомъ нужно запастись въ молодости, когда живется всѣми ощущеніями жизни, когда душа раскрывается для любви къ человѣку и человѣчеству и когда сердце поддается легко пульсу жизни.

Когда мы говоримъ объ общественной нравственности, мы говоримъ только о тѣхъ лучшихъ людяхъ общества, которые рядомъ съ оффиціальною Россіей, дѣлающею оффиціальное дѣло, тоже дѣлаютъ свое общественное неоффиціальное дѣло. Преобладающую особенность этихъ лучшихъ людей составляетъ ихъ доброжелательство. Въ немъ только ихъ сила и оно только является двигателемъ всего ихъ общественно-доброжелательнаго поведенія. Но эта сила, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ единственнымъ рессурсомъ, съ которымъ люди выступаютъ на свое общественное дѣло. Приступая къ нему, они подчасъ ничѣмъ инымъ, кромѣ доброжелательства, и не располагаютъ. Принявшись за свое хорошее дѣло, они только на немъ ему учатся и силы ихъ уходятъ не прямо на это дѣло, а на подготовленіе себя къ нему. Такимъ образомъ, практика современнаго доброжелательства есть, въ большинствѣ случаевъ, только школа, въ которой лучшая часть интеллигенціи готовится для будущаго настоящаго дѣла.

И, принявшись разрѣшать вопросъ, «что читать народу», мы центромъ тяжести сдѣлали не народъ, которому хотимъ помочь, а самихъ себя. Не въ народъ мы и ушли, чтобы слиться съ нимъ и составить однородное общечеловѣческое цѣлое. Народъ стоитъ внѣ насъ, вдали, и мы только на него смотримъ и изучаемъ его, какъ что-то, если намъ и не чужое, то чуждое, невѣдомое и незнакомое. Невѣрность (фальшь) здѣсь въ томъ, что, думая, что мы находимся къ народу въ субъективныхъ отношеніяхъ, мы занимаемъ положеніе объективное, наблюдательное, верховое, что народъ для насъ все тотъ же отрѣзанный ломоть, что мы чувствуемъ себя выше его и не съ нимъ переживаемъ его ощущенія, чувства и думы, а только ихъ выглядываемъ и записываемъ, точно передъ нами не такіе же люди, созданные съ нами по одному нравственному и умственному типу, а что-то совсѣмъ иное и живущее по иному, чѣмъ мы, закону. Во всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда той христіанской идеи, которая гласитъ: люби ближняго, какъ самого себя. Вотъ этой-то идеи и создающихъ ее чувствъ въ насъ и нѣтъ, потому что никогда и ни въ чемъ мы ихъ въ себѣ не воспитывали. Условія нашей общественности воспитывать ихъ въ насъ не могли, а въ томъ самовоспитаніи и саморазвитіи, которое мы сами себѣ создавали, мы именно и не

находили истинной христіанской (общечеловѣческой) нравственности, которую хотя мы и искали, но найти не могли, потому что никогда не подходили къ ея источнику. Не ощутивъ въ себѣ ни разу его животворной влаги, мы и въ себѣ не могли создать ключа живой воды,—того ключа, который одинъ только служитъ родникомъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ и всѣхъ нашихъ отношеній къ ближнему и всей нашей общественной нравственности.

Для большей наглядности и пользуясь, какъ поводомъ, проповѣдническою дѣятельностью, гр. Л. Н. Толстаго, я скажу объ этой дѣятельности нѣсколько словъ. Гр. Толстой несомнѣнно крупный человѣкъ, и это всѣмъ извѣстно; гр. Толстой несомнѣнно крупный талантъ — и это тоже всѣмъ извѣстно; наконецъ, гр. Толстой есть крупный моральный вѣроучитель нашего времени — и это не только извѣстно, но есть и такіе алчущіе и жаждущіе правды, которые прибѣгаютъ къ Толстому, какъ къ ея источнику. И, странное дѣло, что этотъ источникъ находитъ очень небольшое число истинныхъ послѣдователей, а все остальное или совершенно равнодушно къ тому, что гр. Толстой говоритъ, или вражитъ ему. Еще, повидимому, страннѣе, что и равнодушные, и враждующіе, все-таки, читаютъ все, что напишетъ гр. Толстой, и списки его сочиненій расходятся повсюду въ тысячахъ экземплярахъ и проникаютъ даже въ самые глухіе деревенскіе углы. Причина этого не только въ томъ, что гр. Толстой самый крупный изъ современныхъ писателей и всякій интересуется тѣмъ, что онъ пишетъ, но и просто въ любопытствѣ.

Но почему же такой популярный писатель, котораго читаютъ, можетъ быть, сотни тысячъ людей, увлекаетъ только единицы, почему, ставъ вѣроучителемъ и проповѣдникомъ, онъ не сдѣлался вождемъ и сотни тысячъ его читателей только издали смотрятъ на проповѣдническое шествіе вѣроучителя, за которымъ, сравнительно съ его проповѣдническою энергіей, тянется только очень небольшой хвостъ? Да только потому, что во всемъ, что пишетъ гр. Толстой, недостаетъ именно того, что могло бы сдѣлать его всеобщимъ вождемъ.

Многое, напримѣръ, что гр. Толстой находитъ нехорошаго въ бракѣ, находятъ и другіе тоже нехорошимъ. Но это учрежденіе первоначально было очень хорошимъ. Цѣлыя тысячелѣтія думало человѣчество, пока оно придумало эту форму жизни. И бракъ, какъ результатъ этихъ тысячелѣтнихъ думъ, явился великимъ учрежденіемъ, не только глубоконравственнымъ, но и страховымъ, доставившимъ людямъ успокоеніе и личное счастіе и спасшимъ женщину отъ насилія, ибо въ мужѣ онъ ей создалъ покровителя и защитника. Такъ это и тянулось тысячелѣтія. Если съ большимъ развитіемъ понятій о правахъ человѣка и женщина стала искать въ мужѣ не одного покровителя и защитника и въ прежнія понятія о брачныхъ отношеніяхъ стали вводиться поправки, если женщина потребовала и себѣ ту же долю самостоятельности, которой пользуется мужъ, то, вѣдь, это значитъ только одно, что идея равноправности (или, точнѣе, равнаго достоинства) сдѣлала такіе успѣхи, что проникла уже и въ семейную сферу и вызываетъ въ ней поправки, которыя, конечно, и явятся.

Но не въ томъ дѣло, а дѣло въ томъ, почему за гр. Толстымъ идутъ только единицы, хотя его читаютъ всѣ? Вѣдь не *всѣхъ* же въ этомъ слѣдуетъ винить! И виноваты дѣйствительно не всѣ, потому что не для *всѣхъ* гр. Толстой говоритъ. Ни въ одномъ изъ вопросовъ, которые гр. Толстой такъ энергично поднимаетъ, и ни въ одномъ изъ золъ, которыя онъ также энергично старается побить, онъ никогда не доходитъ до корней, не проникаетъ въ ихъ глубь. Гр. Толстой всегда стоитъ на поверхности, вы видите его сильную фигуру, слышите его убѣжденное и сильное слово, но это слово всегда обращается къ внѣшнему факту. Мало этого, слушатель всегда недоумѣваетъ, почему гр. Толстой обрушивается именно на тотъ или на другой фактъ. Почему, напримѣръ, гр. Толстой обрушился нынче на бракъ и на половое чувство, а въ прошломъ году выступилъ съ обвинительнымъ словомъ, по поводу Татьянина дня, противъ пьянства? Почему онъ проповѣдывалъ противъ противленія злу или противъ жизни не своимъ трудомъ? Вѣдь, все это вопросы, о которыхъ нисколько не хуже говорилось въ нашей печати лѣтъ двадцать пять назадъ и гр. Толстой тогда молчалъ. И печать говорила тогда объ этихъ вопросахъ не только какъ о внѣшнихъ фактахъ, но и углублялась внутрь ихъ.

Въ мірѣ царитъ еще столько зла, лжи, насилія, неустройства, столько разныхъ формъ общественной безнравственности, что совсѣмъ непонятно, почему гр. Толстой выберетъ вдругъ какую-нибудь одну частность,—ну, хотя бы Татьянинъ день,—и наляжетъ на нее со всею силой своей страстной энергіи. Да, вѣдь, и проституція, и пьянство, съ его послѣдствіями, и оскорбленіе женщины животнымъ на нее воззрѣніемъ, и эксплуатація чужихъ силъ и чужого труда, — все это лишь частныя слѣдствія одной общей, создающей ихъ причины. Это лишь извѣстныя формы и насилія, и лжи, и всякаго другаго зла, господствующаго еще въ отношеніяхъ людей и имѣющаго одинъ общій и глубокій корень. И до этого-то корня, до обобщенія частныхъ золъ и частныхъ формъ всяческаго насилія, до указанія одного общаго начала и основной нравственной идеи, изъ которой уже и исходитъ вся нравственность, графъ Толстой никогда не доходилъ. Дѣйствуя какъ моралистъ, безъ увлекающей силы общей основной идеи, восходящей къ одному неотразимому и всепобѣждающему принципу, который, напримѣръ, покорялъ сердца и умы въ первыхъ проповѣдяхъ христіанства, гр. Толстой всегда оставался болѣе понятнымъ только растеряннымъ единицамъ.

Общій же, простой, но основной принципъ, тотъ основной принципъ личной и общественной нравственности, который именно и отсутствуетъ въ на-

шей жизни, въ видѣ общесознанной идеи, есть принципъ, создавшій и христіанство. Онъ зовется принципомъ «равнаго достоинства». Вѣроятно, всегда будутъ люди и умные и глупые, и сильные и слабые, и добрые и злые, но человѣческое достоинство ихъ какъ было, такъ и будетъ всегда одинаковымъ. И вы, пророкъ и проповѣдникъ нравственности, передъ которымъ стоятъ толпы покоренныхъ вами слушателей, и вы, учитель и просвѣтитель народа, внимающаго жадно каждому вашему слову, также равны каждому послѣднему изъ этой толпы, какъ человѣческое достоинство семидесятилѣтняго старца равно такому же человѣческому достоинству семилѣтняго ребенка. Только это чувство достоинства и создаетъ уваженіе къ человѣку, только оно одно и вмѣщаетъ въ себѣ любовь, — ту самую любовь, которая въ самомъ корнѣ убиваетъ всякое верховенство надъ ближнимъ и, слѣдовательно, всякую форму насилія — физическаго, нравственнаго и умственнаго.

Чувство равнаго достоинства составляетъ у насъ принадлежность лишь высоко-развитыхъ отдѣльныхъ единицъ и истинно-гуманныхъ людей. И дѣйствительно, только вполнѣ гуманный и развитой человѣкъ можетъ цѣнить и уважать такую же нравственную свободу въ другомъ, не ставя ни себя въ зависимость отъ него, ни требуя и отъ него зависимости. Это же чувство вырабатывается только полнымъ нравственнымъ обновленіемъ, полнымъ освобожденіемъ себя отъ узъ тѣхъ понятій, повадокъ и привычекъ, которыя создаются условіями жизни, построенной на зависимости. Вѣдь, всего тридцать лѣтъ, какъ мы расстались съ крѣпостнымъ правомъ, которое одинаково развращало и тѣхъ, кто стоялъ выше, и тѣхъ, кто стоялъ ниже. Перемѣна свершилась покуда внѣшняя, формальная. Ни въ семью, ни въ школу, ни въ воспитаніе нашихъ собственныхъ дѣтей, ни въ воспитаніе народа покуда не проникъ еще этотъ высшій и единственно справедливый воспитательный принципъ, нигдѣ, ни отъ кого и никогда вы не слышали ни слова о человѣческомъ достоинствѣ вашего ближняго. Припомните свое воспитаніе, слышали ли вы хоть одно слово объ уваженіи къ человѣку, или же весь строй воспитательной системы училъ васъ только неуваженію и приподыманію себя надъ другими? И затѣмъ мы же удивляемся, а моралисты, не сказавшіе намъ ни разу, ни одного слова объ истинной человѣческой нравственности, даже и негодуютъ, что вся наша жизнь спуталась въ какой-то громадный комъ взаимныхъ неуваженій и глубочайшаго всеобщаго нравственнаго невѣжества!

Это замѣчаніе было бы слишкомъ жестко, если бы примѣнить его вполнѣ къ «Что читать народу», но насколько, въ цѣляхъ настоящаго очерка, мнѣ казалось нужнымъ уяснить, почему пользующійся несомнѣннымъ всеобщимъ уваженіемъ и составляющій нашу гордость гр. Толстой, несмотря на всю авторитетность своего имени, обнаруживаетъ очень слабое нравственное вліяніе на общество, такъ въ тѣхъ же цѣляхъ мнѣ хотѣлось воспользоваться и несомнѣнно почтеннымъ трудомъ харьковскихъ учительницъ, чтобы выяснить его истинную морально-общественную сущность.

«Что читать народу» есть собственно сказаніе харьковскихъ учительницъ о томъ невѣдѣніи, съ какимъ онѣ вступили въ незнакомый имъ міръ, называемый народомъ. Это невѣдѣніе не замѣчается, пока учительницы разбираютъ книги духовно-нравственнаго содержанія, по естествознанію, исторіи, біографіи, путешествіямъ (этого рода книгъ въ 1-мъ томѣ разобрано 694 и во второмъ 905, всего 1,599); тутъ интеллигенція чувствуетъ себя въ своей области и дѣлаетъ свое дѣло. Міръ невѣдѣнія начинается для воспитательной интеллигенціи съ той минуты, когда она вступаетъ въ область психологіи и начинаетъ взвѣшивать народную душу и мѣрить ее вдоль и поперекъ произвольнымъ аршиномъ такъ называемой народной литературы, большею частью тенденціозной и назидательной, пытающейся выправлять народную душу по тому или другому шаблону. Литературныхъ произведеній, на которыхъ, какъ на пробирномъ камнѣ, производилось опредѣленіе доброкачественности народной души, было разобрано и прочитано харьковскими учительницами 885. И нужно отдать справедливость народной разсудительности, выдержавшей не только блистательную пробу, но еще и открывшей нашей воспитательной интеллигенціи свѣтъ невѣдомаго для нея откровенія. Въ сущности, получился урокъ не для народа, а для насъ, народныхъ учителей и учительницъ, для насъ, народныхъ писателей, для насъ, интеллигенціи вообще.

Еще Декартъ установилъ, что нѣтъ способности, распредѣленной болѣе равномѣрно между людьми, какъ разсудокъ. Интеллигенція отличается отъ народа не тѣмъ, что ея разсудокъ (умъ) больше или сильнѣе, а только тѣмъ, что онъ имѣетъ возможность работать надъ бо́льшимъ числомъ фактовъ, представляемыхъ ему болѣе развитою и разнообразною жизнью, и создавать поэтому бо́льшее число понятій. Но въ этомъ же многообразіи матеріала кроется и опасность для вѣрности выводовъ разсудка. Ему все равно, надъ какимъ матеріаломъ ни работать. Какъ честный счетчикъ, онъ только подводитъ свой итогъ, а будетъ ли итогъ такой или другой, зависитъ уже отъ матеріала, надъ которымъ честный счетчикъ работаетъ. Поэтому-то для интеллигентнаго разсудка гораздо больше опасности сдѣлать невѣрный выводъ, чѣмъ для разсудка человѣка не интеллигентнаго. Народъ живетъ почти исключительно реальными, практическими фактами, работать надъ которыми приходится разсудку не особенно много, потому что эти факты и не многочисленны, и не особенно разнообразны и сложны. Интеллигентному разсудку работы больше. Кромѣ практическихъ, реальныхъ фактовъ, ему приходится имѣть еще дѣло и съ умственными фактами. Но умственные факты заключаютъ въ себѣ подчасъ такія кривыя и косыя понятія или апріорности, столько бываетъ въ нихъ намѣшано и правды и лжи, и истинъ и

заблужденій, что, честно проработавъ надъ всѣмъ этимъ мѣшаннымъ матеріаломъ, интеллигентный разсудокъ создаетъ лишь выводъ, полный лжи и пустяковъ. Только потому, что у интеллигенціи слишкомъ много всякихъ и всяческихъ умственныхъ фактовъ, — фактовъ не только самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, но самыхъ разнообразныхъ временъ, столѣтій и происхожденій, — и оказывается такое разнообразіе выводовъ разсудка, что люди, живущіе не только въ одномъ городѣ, но въ одномъ домѣ, на одной лѣстницѣ, даже въ одной квартирѣ, могутъ совсѣмъ не понимать другъ друга. Въ народѣ вы этого не найдете. У него фактовъ гораздо меньше, но всѣ они точнѣе, опредѣленнѣе и болѣе обусловлены житейскою необходимостью. Апріорныхъ фактовъ вы у него не встрѣтите. Понятій у него меньше, оттого и словъ у него меньше. Но именно отъ этого архангельскій мужикъ гораздо лучше понимаетъ мужика не только орловскаго, но и минскаго, и полтавскаго, чѣмъ живущіе на одной улицѣ сотрудники двухъ разныхъ петербугскихъ газетъ.

Такимъ образомъ, не народную разсудительность требовалось провѣрять, — требовалось провѣрить отношеніе народной разсудительности къ представленіямъ о ней интеллигентной среды. Учительницамъ пришлось занять положеніе статистика, производящаго опросы для того, чтобы самому научиться.

Три дѣвочки, лѣтъ 10, 11 и 12, подаютъ учительницѣ «Чѣмъ люди живы» Толстаго.

«Вотъ вы отгадайте мнѣ каждая по одной загадкѣ, я и отпущу васъ», — говоритъ учительница, а затѣмъ предлагаетъ вопросы, какое первое, какое второе, какое третье слово узналъ ангелъ. Отвѣты всѣ были неумѣлые, а третья дѣвочка сказала что-то и совсѣмъ несообразное. Учительница наивно вноситъ въ свой дневникъ: «Для меня было ясно, кто понялъ и кто не понялъ «Чѣмъ люди живы».

Къ той же учительницѣ подходятъ еще три ученицы, приблизительно такого же возраста.

«Разсказывайте по очереди», — говоритъ учительница. Дѣвочки разсказываютъ и дѣло идетъ хорошо, пока не подходятъ вопросы.

«Что прежде всего узналъ ангелъ?» — спрашиваетъ учительница.

— «Онъ узналъ, что если бы жена сапожника не подала ужинать, такъ померла бы», — отвѣчаетъ первая.

«Ну, а чѣмъ люди живы?» — спрашиваетъ учительница третью.

— «Своею работой», — отвѣчаетъ она, и только средняя замѣчаетъ: «душою!»

И учительница съ тою же наивностью заноситъ въ свой дневникъ: «Очевидно, что, усвоивъ внѣшнюю сторону разсказа, дѣти остались глухи и нѣмы къ его руководящей идеѣ».

Или стоитъ передъ учительницей маленькая дѣвочка съ тупымъ и сонливымъ выраженіемъ.

«Чѣмъ люди живы?» — спрашиваетъ учительница.

— «Сапожною работой», — отвѣчаетъ флегматически дѣвочка. Остальныя дѣти смѣются.

Еще маленькая дѣвочка очень хорошо разсказала «Чѣмъ люди живы». Но когда учительница спросила: «чѣмъ же люди живы?» — дѣвочка замолчала. Молчала она и на всѣ три остальные вопроса, недоумѣвая, повидимому, чего еще отъ нея добиваются, и, наконецъ, сказала тономъ убѣжденія: «Я все, какъ есть, разсказала».

Подходитъ къ учительницѣ маленькая, очень плаксивая дѣвочка съ книжечкой въ рукахъ.

«О чемъ ты, Соня?»

— «Не могу отвѣтить», — отвѣчаетъ Соня, всхлипывая. — И старшія дѣвочки учили, не пойму!»

Одна учительница заноситъ въ свою записную тетрадь: «Меня занимаетъ вотъ какое обстоятельство: десятки дѣтей пересказываютъ мнѣ «Чѣмъ люди живы» и отвѣчаютъ на одни и тѣ же вопросы, предложенные мною, и каждая въ свой пересказъ вноситъ свою собственную индивидуальность, варьируя на свой ладъ отвѣты, которые, казалось, должны были бы являться одними и тѣми же».

Или же еще учительница (а, можетъ быть, и та же) записываетъ въ дневникѣ: «Чѣмъ люди живы» пріобрѣтаетъ всѣ болѣе и болѣе популярности въ школѣ... Приходится разспрашивать по 6, по 7 ученицъ разомъ. Записывать нѣтъ никакой возможности. Такъ и сегодня въ моей записной тетради стоятъ только отрывочныя фразы, записанныя наскоро карандашомъ... Ничего невозможно разобрать, съ такою поспѣшностью дѣлались замѣтки. Кому принадлежатъ эти отвѣты, положительно не могу припомнить, мелькаютъ передо мною дѣтскія лица, дѣтскіе глаза, и только. Одно общее впечатлѣніе или, лучше сказать, выводъ остался отъ этого переспроса. Онъ состоитъ въ томъ, что дѣтямъ не свойственна отвлеченность. При вопросѣ, въ воображеніи ихъ, повидимому, возникаетъ цѣлая сцена, и они дадутъ выводъ, но не иначе, какъ воспроизведя эту сцену, связавши реальное происшествіе съ его основною идеей».

Подобныя замѣтки по поводу «Чѣмъ люди живы» занимаютъ въ 1-мъ томѣ почти 13 двойныхъ страницъ, а редакція или харьковскія издательницы дѣлаютъ такой общій выводъ: «Подводя итоги всему сказанному, очевидно, что художественный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитывающій разсказъ «Чѣмъ люди живы» можно давать различнымъ возрастамъ и на разныхъ ступеняхъ развитія, требуя отъ однихъ фактической передачи разсказа, а отъ другихъ болѣе глубокаго пониманія и толкованія его».

Да простятъ меня харьковскія издательницы и учительницы: очень искренно, любовно и доброжелательно отнеслись онѣ къ своему дѣлу, это чувствуется въ каждомъ ихъ словѣ, но въ самой постановкѣ ими дѣла заключается нѣкоторая неопытность.

Одна учительница говоритъ, что хотя Гоголь, какъ и Пушкинъ, писалъ чистымъ литературнымъ, а не простонароднымъ языкомъ, онъ, т.-е. Гоголь,

понимается, и читается простолюдиномъ съ большимъ наслажденіемъ. Почему же учительница думаетъ, что для наслажденія простолюдина нуженъ простонародный языкъ? Съ народомъ нужно говорить не простонароднымъ или литературнымъ языкомъ, а обыкновеннымъ человѣческимъ, просто, толково, ясно, не употребляя словъ и выраженій, въ лексиконѣ народа не существующихъ. Въ простотѣ, толковости и ясности весь секретъ и хорошаго литературнаго языка. Пушкинъ не тѣмъ замѣчателенъ, что писалъ «чистымъ» (и что значитъ «чистый»?) литературнымъ языкомъ, а тѣмъ, что ввелъ въ литературный языкъ простоту, ясность, безхитростность рѣчи и покончилъ съ прежнею напыщенностью и съ дѣленіемъ слога на возвышенный и благородный, низкій или неблагородный. Языкъ всегда долженъ быть одинаково благородный и одинаково для всѣхъ простой и ясный. Другаго секрета у хорошаго литературнаго языка и нѣтъ. Пишите, какъ вы говорите, и это будетъ самый лучшій языкъ.

Харьковскія учительницы, при всемъ ихъ литературномъ образованіи, пишутъ не такъ, какъ говорятъ, а говорятъ, вѣроятно, не такъ, какъ онѣ пишутъ. Учительница, о которой рѣчь, предлагаетъ ученицамъ, напримѣръ, такіе вопросы: «какая отличительная черта характера малоросса?» Эта «отличительная черта» была бы неудобопонятна даже въ гимназіи, а въ народной школѣ она уже и совсѣмъ выходитъ изъ школьнаго порядка. Ну, и весь вопросъ тоже очень мудренъ, такъ что, пожалуй, не только каждая изъ деревенскихъ ученицъ, но и не всякая изъ сельскихъ учительницъ отвѣтила бы на него сразу.

Вообще вопросы, предлагавшіеся учительницами (и, вѣроятно, предлагаемые и теперь), отличались мудреностью: «много ли привязанностей было у Герасима?» «Побѣдилъ ли онъ въ себѣ желаніе отомстить врагу?» «Что вынудило мужика ѣхать въ лѣсъ и рубить дерево?» Всѣ эти «вынудило», «пріобрѣлъ» да «побѣдилъ», въ особенности «побѣдилъ»—совсѣмъ ужь не на своемъ мѣстѣ, да не вѣрны они и въ психологическомъ смыслѣ.

Система вопросовъ очень стара. Начала она практиковаться у насъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Когда я учился, у насъ этимъ дѣломъ занимался, въ свободное отъ классныхъ занятій время, инспекторъ. «Что такое окно?»—спрашиваетъ инспекторъ.— «Окно есть дыра»,—отвѣчаемъ мы.—«Окно есть отверстіе», — поправляетъ инспекторъ. — «Окно есть отверстіе»,— повторяемъ мы. — «Что такое чернильница?»—спрашиваетъ инспекторъ.—«Чернильница есть стклянка»,—отвѣчаемъ мы.—«Чернильница есть сосудъ», — поправляетъ инспекторъ.—«Чернильница есть сосудъ»,—повторяемъ мы хоромъ... Вопросами и отвѣтами хотѣли насъ пріучить къ точнымъ понятіямъ и опредѣленіямъ. Въ шестидесятыхъ годахъ нѣмцы-педагоги уже спрашивали: «у лошади четыре ноги, а у собаки?»— «У козла маленькій хвостъ, а у человѣка?»—«Птица покрыта перьями, а баранъ?»... Это были уже вопросы, развивающіе наблюдательность и способность находить сходства и различія. Теперь задача стала гораздо шире, игра въ вопросы и отвѣты ведется для общаго развитія ума, и приняла форму инквизиціоннаго допроса, труднаго для учителей и очень томительнаго для учениковъ, приводящаго ихъ нерѣдко въ ошалѣлое состояніе. Пора бы, кажется, покончить съ этою инквизиціей и замѣнить ее собесѣдованіями и простыми безхитростными разговорами, не доводящими учениковъ до гипнотическаго отупѣнія.

Испытаніе, которое мы задумали сдѣлать народу, чтобы узнать, умѣетъ ли онъ думать, чувствовать и судить по-человѣчески, превратилось какъ-то само собою въ испытаніе насъ, учителей и учительницъ, въ пробу нашихъ педагогическихъ силъ. Испытаніе это показало, что то, что мы еще недавно знали, мы уже успѣли забыть. Читая трогательный разсказъ, вызывающій у крестьянскихъ дѣтей слезы, мы записываемъ это въ наши тетрадки, точно удивляемся, что крестьянскія дѣти могутъ плакать, какъ и наши. Встрѣчаясь съ народнымъ суевѣріемъ или вѣрою въ сны, мы и это записываемъ въ тетрадки.

Нѣтъ, не это требовалось намъ дѣлать. За правдой мы пошли въ школу,—за тою правдой, которая должна была провѣрить насъ, а не народъ,— за правдой, ради которой мы завели народныя школы и ради которой стали народными учителями. Харьковскія учительницы не простыя учительницы грамоты и письма, онѣ воспитательницы и наставницы, и потому съ нихъ приходится требовать больше, чѣмъ съ обыкновенныхъ сельскихъ учителей изъ учительскихъ семинарій. Взявшись за воспитаніе народа (а не одно обученіе) и ради него задумавши свершить тотъ громадный трудъ, который онѣ свершили, учительницы должны были встать на соотвѣтственную ему идейную высоту и, прежде всего, выяснить себѣ точно свои психологическія и общественныя задачи. Но этого-то именно и не было сдѣлано. Неясность мысли отразилась даже и на заглавіи. Вопросъ учительницъ, въ дѣйствительности, какъ онѣ его объяснили, заключался не въ томъ, «что читать», а какъ «писать» для народа, какъ съ нимъ «говорить», какъ создать живую и нравственную связь съ нимъ, какъ установить непосредственныя отношенія.

Въ народѣ пока еще много непосредственнаго, библейскаго, чего у насъ, интеллигентныхъ людей, уже не замѣчается. Отношенія народа между собою проще и прямѣе, жизнь менѣе сложна, и многихъ формъ, выработанныхъ у насъ культурою, у народа еще не явилось. Народу, напримѣръ, неизвѣстна наша вѣжливость, да едва ли ему извѣстна и наша гуманность. Она замѣняется у него непосредственною жалостливостью, которой, опять, недостаетъ у насъ. А оттого, что у народа недостаетъ еще культурности (или, по крайней мѣрѣ, очень ея мало), что вся жизнь его проще, его и сужденія о жизни проще, и ему дается легче правда, чѣмъ намъ, интеллигентамъ, спутаннымъ подчасъ массою условныхъ требованій, искусственныхъ понятій и неясныхъ или даже просто ложныхъ пред-

ставленій. Отъ этого же народъ легче видитъ и понимаетъ художественную правду, чѣмъ мы, воспитанные въ идеяхъ искусства. Одною формой, которая какъ бы ни была художественна, народу не отведешь глаза.

Интересный опытъ этого рода сдѣлали харьковскія учительницы. «Посредникъ» устроилъ складъ, чтобы удовлетворить спросу на хорошія и дешевыя книги. Но что значитъ «хорошія»? «Хорошимъ мы считаемъ содержаніе, возможно ближе выражающее ученіе Христа и, въ крайнемъ случаѣ, ни въ чемъ не противорѣчащее этому ученію, и, притомъ, изложенное въ формѣ, доступной массѣ и удовлетворяющей его потребностямъ»,—говоритъ «Посредникъ» въ объявленіи объ открытіи склада. Что же можетъ быть лучше подобной задачи, и что можетъ быть выше христіанскаго ученія о братствѣ и любви? Но странное дѣло, что изданія «Посредника» уже съ самаго начала встрѣтили недовѣріе. И оно явилось, конечно, не оттого, что «Посредникъ» желалъ проповѣдывать христіанскую нравственность, а отъ другихъ, постороннихъ ей примѣсей. Вотъ эти-то примѣси и заставляли бояться «возбужденія въ народѣ суевѣрія, привитія идеаловъ рабства и искаженія ученія Христа». Харьковскія издательницы не раздѣляли, однако, этихъ сомнѣній. «Намъ казалось,—говорятъ онѣ,—что народъ нашъ совсѣмъ не такъ легковѣренъ, чтобы повѣрить въ реальное существованіе какого-либо «перваго винокура», не такъ простъ, чтобы къ нему можно было привить идеалъ рабства, не такъ неустойчивъ, чтобы промѣнять истинное ученіе Христа на первую попавшуюся книжку». И эта вѣра въ народный здравый смыслъ оправдалась. Не обошлось, конечно, безъ того, чтобы тенденціозныя книжки не обнаружили вліянія на существующее и въ народѣ, какъ и въ нашихъ дѣтяхъ, влеченіе къ сверхъестественному, чудесному и неразгаданному. Такъ, на второй годъ чтенія изданій «Посредника» оказалось, что какъ бы ни было жизненно и реально содержаніе, слушатели ждали покаянія и чуда. «Они ждали его даже тамъ, гдѣ оно явилось бы почти невѣроятнымъ, какъ, напримѣръ, во «Власти тьмы» покаяніе злодѣйки Матрены, въ разсказѣ Пейверинта «Попутчики»—раскаянія сытаго эгоиста пробста. Они допускали возможность воскресенія повѣсившагося «Поликушки» и усматривали присутствіе сверхъестественнаго въ томъ, что объяснялось весьма просто». Но и въ этомъ видна здравая логика народа, въ которой тенденціозные проповѣдники могли бы усмотрѣть злую на свой счетъ иронію. «Еще въ прошломъ году,—замѣчаютъ учительницы,—на вопросъ одного изъ крестьянъ, чѣмъ все это кончится, другой отвѣчалъ: «Покается,—здѣсь всѣ каются». Еще тогда крестьяне, не посѣщавшіе чтеній, подсмѣивались надъ организовавшеюся аудиторіей и говорили съ ироніей: «Имъ тамъ такія книжки читаютъ, такія книжки, что они вотъ-вотъ живыми къ Богу дойдутъ». Чтеніе же въ отдѣльности изданій «Посредника» и всѣ толки, разговоры, споры и мнѣнія слушателей даютъ возможность заключить, что народный смыслъ, выросшій на реальномъ сужденіи, совсѣмъ не такъ легко затуманить. Чортъ не принимается на вѣру, какъ что-то существующее въ дѣйствительности, слащавость и сантиментализмъ, къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые изъ народныхъ писателей, чтобы размягчить воображаемое ими безчувственное и каменное сердце народа, ровно ничего не размягчаютъ, а встрѣчаютъ и возраженіе, если они не кстати и не оправдываются реальнымъ мышленіемъ народа. Напримѣръ, на вопросъ, почему люди не поступаютъ по заповѣдямъ Христа и не раздаютъ своего имѣнія нищимъ, одна изъ ученицъ отвѣчала: «потому что люди—*простые*, это святой только можетъ все раздать». Или по поводу птицъ небесныхъ одна изъ ученицъ объяснила: «это вотъ какъ надо понимать: птицы летаютъ, никакого вреда не дѣлаютъ, и Господь питаетъ ихъ, а людямъ такъ нельзя,—люди должны работать». Относительно чтенія житія святыхъ оказывалось, что «народъ слушаетъ чтеніе съ должнымъ благоговѣніемъ, какъ и слѣдуетъ слушать житіе святаго, но ни вопросовъ, ни разговоровъ, ни споровъ, которые бываютъ при чтеніи книгъ общаго содержанія, не бываетъ». И это опять потому, что реальный смыслъ подсказывалъ слушателямъ, что тутъ не о чемъ ни спорить, ни толковать, а нужно брать фактъ, какъ онъ есть. «Ильясъ» Толстаго тоже не убѣдилъ никого, что работникомъ быть лучше, чѣмъ хозяиномъ. Молодые слушатели это и высказали прямо, старики сказали: «ну, какъ же: то хозяинъ, то батракъ!» и только двѣ древнія старухи, присутствовавшія при чтеніи, «начали вздыхать о крѣпостномъ правѣ, о добрыхъ покойныхъ господахъ и о томъ беззаботномъ времени, которое было тогда». Прочли сказку «Зерно съ куриное яйцо». Содержаніе сказки въ томъ, что ребята нашли зерно съ куриное яйцо, и позвалъ царь старика-мужика, не видалъ ли онъ на своемъ вѣку такого чудовищнаго зерна. Старикъ сказалъ, что не видалъ, совѣтовалъ спросить его отца. Пришелъ отецъ. Онъ смотрѣлъ моложе сына, но отвѣчалъ тоже, что не видалъ. Позвали дѣда. Онъ вошелъ легко, глаза свѣтлые, говоритъ внятно. И сказалъ дѣдъ царю, что хлѣбъ такой на его вѣку родился вездѣ, что другаго и хлѣба не было, и что хлѣба тогда не покупали и не продавали,—у всѣхъ своего вволю было,—и про деньги тогда не знали. «Скажи же мнѣ,—говоритъ царь,—еще два дѣла. Одно дѣло, отчего прежде такое зерно родилось, а нынче не родится? А другое дѣло—отчего твой внукъ шелъ на двухъ костыляхъ, сынъ на одномъ, а ты вотъ пришелъ и вовсе легко?»—«Оттого эти два дѣла сталися,—отвѣтилъ дѣдъ,—что перестали люди своими трудами жить, начали на чужіе зариться. Въ старину жили по-Божьи—своимъ владали, чужимъ не корыстовались» (сказка Толстаго). Послѣ прочтенія сказки слушатели призадумались, точно они думали крѣпкую думу; наконецъ, одинъ изъ нихъ произнесъ отчетливо и увѣренно: «Было когда-то, да ужь не вернется!..»

Нашу общественную бѣду составляетъ относи-

тельная слабость культурныхъ традицій. Русскій образованный человѣкъ часто выступаетъ на проповѣдь съ тѣмъ, что лично ему кажется новою истиной. Эти личныя истины нерѣдко бываютъ односторонни, и хотя онѣ иной разъ и выдаются, напримѣръ, за христіанскую нравственность, но ужъ въ самомъ способѣ ихъ личнаго возникновенія и въ тенденціозной ихъ односторонности нѣтъ ничего истинно - христіанскаго. Народъ, конечно, чувствуетъ всю эту фальшь непосредственно, а если его вынуждаютъ сказать о ней, что онъ думаетъ, то здравый, реальный смыслъ подсказываетъ ему отвѣты вродѣ: «было когда-то, да ужъ не вернется». Въ массѣ мнѣній и отрывочныхъ замѣчаній, въ самихъ спорахъ и толкахъ слушателей по поводу прочитаннаго, мы имѣемъ въ трудѣ харьковскихъ учительницъ богатое указаніе, какъ слѣдуетъ разработать матеріалъ, ими собранный.

Прежде чѣмъ закончить эту мысль, я приведу мнѣніе гр. Толстаго, высказанное имъ много лѣтъ назадъ, о народныхъ книжкахъ: «Мы убѣждены,— писалъ гр. Толстой,—что всѣ потребности народа законны, что добро присуще человѣческой природѣ, и что народъ точно также нельзя поучать, какъ и нельзя испортить книжками... Мужикъ платитъ гривенникъ за книжку и потому требуетъ, чтобы ему дали то, что ему хочется, а не то, что хочется воспитателю народа... Почему же для этого сфинкса-народа не должно предложеніемъ отвѣчать на требованіе? Почему мы для себя считаемъ хорошимъ писателемъ того, который намъ нравится, а для народа считаемъ хорошимъ писателемъ того, который намъ, а не народу нравится?» Теперь гр. Толстой думаетъ уже иначе, только народъ остался при своемъ прежнемъ здравомъ смыслѣ. Его дѣйствительно нельзя испортить книжками.

Да, матеріалъ, собранный въ «Что читать народу», проситъ разработки. Теперь въ немъ растеряется не только сельскій учитель, но, пожалуй, и опытный писатель. Конечно, не въ томъ, «что читать народу», долженъ заключаться вопросъ, а въ томъ, «какъ писать для него», удовлотворяя его нравственной правдѣ и относясь къ нему съ тѣмъ уваженіемъ, какого требуемъ для себя мы, интеллигенты и народные проповѣдники. Нужно думать, что между харьковскими издательницами нашлись бы для этого и пригодныя силы. Можно между ними указать на Х. А. Замѣтки и рецензіи, подписанныя этими буквами, отличаются всегда дѣльностью, серьезностью и вѣрностью взгляда.

LII.

«Рано или поздно, а истина всегда восторжествуетъ»,—гласитъ старое изреченіе, ставшее уже банальнымъ и, все-таки, не пользующееся общественнымъ сочувствіемъ. Есть истины, которыя ждутъ своего торжества по сто, по двѣсти лѣтъ, а христіанская идея въ примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ не достигла своего торжества и въ двѣ тысячи лѣтъ. Но есть и другія истины, болѣе общедоступныя и очевидныя, торжество которыхъ наступаетъ въ годъ, два, три. Такою-то именно истиной и оказалось утвержденіе печати, что такъ называемое «новое поколѣніе» (я говорю «такъ называемое» для устраненія недоразумѣній, ибо предполагалось не сплошь все поколѣніе, а болѣе бросающаяся въ глаза часть его) мало образовано, мало развито, мало знающе. Это утвержденіе явилось не вдругъ и свалилось не съ неба. Печать была только отголоскомъ общества и повторила лишь то, о чемъ уже давно говорилось, сначала въ видѣ разрозненныхъ отдѣльныхъ наблюденій, распространившихся затѣмъ настолько, что, наконецъ, образовалось общественное мнѣніе. Вотъ это-то общественное мнѣніе и повторила печать. Даже характеристика «восьмидесятниковъ» или «новаго литературнаго поколѣнія» принадлежитъ не публицистамъ противуположнаго лагеря («отцамъ»), а молодому критику того же поколѣнія, конечно, не предполагавшему, что онъ своею кропотливою и старательною оцѣнкой нарисуетъ картину крайняго невѣжества, бездушія и общественной безнравственности. Поэтому-то личныя обращенія къ тому или другому публицисту съ упреками, что онъ «несправедливо обвиняетъ современную молодежь въ отсутствіи умственно-идейнаго развитія», что «упрекать въ этомъ молодежь жестоко», что «лежачаго не бьютъ, а подаютъ ему руку подняться», направляются совсѣмъ не по адресу. Въ томъ, что говорилось о недостаткѣ въ молодежи «умственно-идейнаго» развитія, не было ничего ни жестокаго, ни нежестокаго, никто не билъ ни стоячаго, ни лежачаго, а публицисты просто устанавливали безспорный фактъ, какимъ его признавало не только общественное мнѣніе, но даже и болѣе безпристрастная часть той самой молодежи, о которой шла рѣчь. А въ пробужденіи этого сознанія и заключалась вся задача.

Страшно не невѣжество, а его самолюбивое самоублаженіе и его высокомѣріе собственнымъ ничтожествомъ. И кого судьба обрекла лежать въ этой нравственной могилѣ, надъ тѣми остается только поставить крестъ и пройти мимо. Нѣтъ такой трубы, которая бы пробудила этихъ заживо-погребенныхъ, нѣтъ такой силы, которая бы вдохнула въ нихъ сознаніе. Вы, человѣкъ, болѣющій жаждой истины, пытающійся пытливымъ окомъ проникнуть въ жизнь и разгадать главную ея загадку, отчего такъ мало между людьми справедливости, когда любить, повидимому, такъ легко, не ищите отвѣтовъ на мучащіе васъ вопросы въ своей честной, благородной и любящей природѣ. Эти отвѣты не въ

васъ, а внѣ васъ, и никогда еще русская жизнь не давала такихъ плодотворныхъ уроковъ общественному сознанію, какіе она даетъ нынче. Припомните рядъ блестящихъ именъ, начиная съ Петра Великаго и до теперешнихъ нашихъ дней,—именъ, уже вписанныхъ въ исторію русскаго просвѣщенія и прогресса, припомните, съ какою яркостью, съ какими свѣтлыми надеждами люди каждой эпохи общественнаго обновленія творили свое великое дѣло и какъ они вѣрили въ его успѣхъ и какъ имъ все казалось легко и просто! И пока дѣло оставалось въ ихъ рукахъ, оно было дѣйствительно легко и просто и пока они мѣрили людей мѣркой своихъ силъ и дарованій, вѣра въ несомнѣнность быстраго успѣха поддерживала и увеличивала ихъ энергію. Эти люди и умирали полные надежды и увѣренности, что дѣло, которому они отдали всю свою жизнь, стоитъ наканунѣ торжества, и смерть имъ была тяжела, тяжело они разставались съ жизнью только потому, что праздника обновленія, ради котораго они жили и который вотъ-вотъ уже и наступаетъ, имъ не увидѣть и не принять въ немъ участія.

Теперь мы многое знаемъ лучше, но многаго еще и не знаемъ. Въ скорое наступленіе праздниковъ мы уже не особенно вѣримъ и, кажется, убѣдились, что ихъ въ нашемъ общественномъ календарѣ не много. Но съ другими иллюзіями мы все еще не разстаемся. Одна изъ такихъ иллюзій наша вѣра въ молодость. Молодость великая сила, но только въ томъ случаѣ, когда она дѣйствительно сила. Молодость съ ея благороднымъ энтузіазмомъ, съ ея смутными стремленіями къ честному, справедливому, къ общественной правдѣ, есть одно изъ величайшихъ силъ прогресса. Только эта молодость создаетъ сильныхъ людей и только сильные люди творятъ крупныя дѣла. Но не всякая молодость — молодость, и есть молодость, которая хуже и опаснѣе всякой старости, потому что мѣшающая старость отойдетъ въ вѣчность и слѣда ея не останется, а у безнадежной молодости впереди цѣлая жизнь, и всю эту жизнь она будетъ стоять поперекъ всякой правдѣ, всему живому и стремящемуся. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ ренегатство молодости, и тотъ, кто молодымъ, вмѣсто того, чтобы поймать свою душу, потеряетъ ее, никогда уже ее не найдетъ. *Свои* и *не свои*— вотъ старый завѣтъ людей, установившихъ эту формулу размежеванія общественныхъ силъ. Европейцы эту формулу помнятъ и ея держатся, а мы ее уже давно забыли и, какъ сорока Якова, твердимъ все свое—«отцы» и «дѣти», думая что это-то и значитъ *свои* и *не свои*.

Когда не такъ давно часть прогрессивной печати выдвинула вопросъ, стали ли мы умнѣе или глупѣе, образованнѣе или необразованнѣе,—и печать очень хорошо знала, почему и для чего она этотъ вопросъ дѣлаетъ,—получился результатъ совершенно неожиданный. Вопросъ о нашемъ умѣ и образованіи былъ, правда, поставленъ безъ особенной мягкости и извѣстная часть нашей молодежи обвинялась даже довольно рѣзко за ея теорію индифферентизма и огульное порицаніе людей предъидущаго времени. Но, несмотря на отсутствіе мягкости, вопросъ, подлежавшій разрѣшенію, былъ поставленъ въ общей формѣ, какъ идейный, гуртовой, касавшійся не двухъ, трехъ лицъ, а извѣстнаго направленія общественной мысли, точно формулированнаго, обоснованнаго и даже получившаго въ свое распоряженіе одинъ изъ органовъ петербургской либеральной печати. Вопросъ стоило обсудить во всѣхъ его подробностяхъ не только потому, что онъ касался той или другой группы молодежи, среди которой явились даже принципіальные противники образованія, но и потому, что онъ обнималъ насущные умственные интересы общества и захватывалъ область его общественнаго сознанія.

Казалось бы, что такой широкій вопросъ долженъ привлечь такое же вниманіе печати, но ни одна изъ нашихъ шестидесяти такъ называемыхъ «литературно-политическихъ» газетъ не обмолвилась ни однимъ словомъ ни за, ни противъ, точно вопросъ былъ поставленъ на лунѣ и насъ, русскихъ людей, нисколько не касался. Только одна газета нашла нужнымъ отвѣчать и поднять брошенную перчатку (правда, у нея были для того и резоны, потому что статьи этой газеты и вызывали полемику). И вотъ въ чемъ заключались ея возраженія... Но я лучше приведу объ этомъ характерномъ возраженіи мнѣніе газеты, не принимавшей участія въ полемикѣ. «Находя такое направленіе (группы писателей, пріютившейся въ «Недѣлѣ») крайне опаснымъ и вреднымъ для общества,—говоритъ «Екатеринбургская Недѣля»,—наши публицисты Шелгуновъ, Протопоповъ и Михайловскій пытались нѣсколько разъ вступать въ идейную полемику съ «Недѣлей». Полемика эта, правильно веденная, могла бы принести большую пользу русскому обществу и молодежи. Но, къ сожалѣнію, «Недѣля», вслѣдствіе своего, должно быть, пренебреженія къ высшимъ идеямъ (такъ однажды она сама выразилась), предпочла дѣльной полемикѣ грубую личную брань. Шелгунову она отвѣтила, что онъ старъ, отжилъ свое время, ничего не понимаетъ и потерялъ чутье жизни; и вслѣдъ за этимъ помѣстила одну изъ своихъ сенсаціонныхъ статей: «Жалобы на наше время», гдѣ въ пяти строкахъ уничтожила 60-ые года, да въ столькихъ же—70-е. Когда Шелгуновъ написалъ возраженіе на эту статью, «Недѣля» въ «Отцахъ и дѣтяхъ нашего времени» еще разъ сказала ему, что онъ отсталъ, ничего не понимаетъ и *завидуетъ теперешнему молодому поколѣнію*, какъ это всегда бываетъ въ отношеніяхъ отцовъ къ дѣтямъ. Этимъ и закончилась полемика между «Недѣлей» и Шелгуновымъ. Протопопова эта газета нѣсколько разъ, между прочимъ, обозвала «невѣждой», «плохимъ критикомъ» и такимъ же философомъ и т. д.— все безъ доказательствъ»... Михайловскому же, который въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» писалъ, что время отъ времени у «Недѣли» появляется желаніе, словно зудъ какой, сказать «новое слово», и что слово это всегда оказывается заимствованнымъ ею у «Гражданина» или «Московскихъ Вѣдомостей», досталось суровѣе всѣхъ, и все за то же, за что

досталось и другимъ—за вѣрность своему прежнему направленію.

Гдѣ же тутъ отвѣтъ на вопросъ, стали мы умнѣе или глупѣе, образованнѣе или необразованнѣе и въ чемъ заключается общественная полезность направленія, заявленнаго въ «Недѣлѣ» извѣстною группой писателей,—направленія, которое только потому и вызвало полемику, что извѣстная часть печати нашла его вреднымъ? Да отвѣта тутъ и нѣтъ. Это просто живая картина, въ которой сгруппировалась толпа, фракція, часть (ужъ не знаю какъ выразиться) молодежи, принявшей лично на свой счетъ обвиненіе въ невѣжествѣ и своею нѣмою сценой какъ бы сказавшей: «вы хотѣли видѣть насъ, ну, вотъ, мы и предъ вами».

Молодость всегда самоувѣренна, а подчасъ и заносчива, потому что преувеличиваетъ свои силы. Но нужно, чтобы въ ней было и то «смутное стремленіе», о которомъ говоритъ Гёте и которое чувствуется въ каждомъ хорошемъ человѣкѣ. Гдѣ же тутъ хорошій человѣкъ? Его-то и нѣтъ. Тутъ только одна физическая молодость, безъ всякой молодости ума и чувства, тутъ только самоощущающее *я*, изображающее собою завязанный мѣшокъ, въ который уже не входитъ ничего. Когда «новое литературное поколѣніе» заявляло свое право на идейное руководительство, оно подкрѣпляло его хоть какими нибудь резонами и доказательствами, а, вѣдь, въ «Отцахъ и дѣтяхъ нашего времени», написанныхъ кѣмъ-то изъ «хвоста», вы только видите человѣка, выскочившаго нагишомъ на улицу и показавшаго языкъ. Вотъ что, вѣдь, печально и больно! Печально и больно безстыдство и даже не передъ общественнымъ мнѣніемъ, а передъ своимъ собственнымъ внутреннимъ нравственнымъ чувствомъ, передъ голосомъ своей собственной совѣсти.

Этотъ «инцидентъ» съ вопросомъ, умны мы или не умны, конечно, только одинъ изъ фактовъ русской жизни, а не русская жизнь. Но онъ именно тѣмъ и характеренъ, что выскочилъ одинокимъ пузыремъ и не говоритъ ничего о русской жизни. Если бы о русской жизни, ея нравственныхъ и умственныхъ стремленіяхъ и интересахъ и о внутренней работѣ молодежи судить только по газетамъ, то пришлось бы думать, что, кромѣ этого одинокаго пустаго пузыря, у насъ уже и нѣтъ ничего.

Судить о нашей живучести и о нашемъ нравственномъ нутрѣ нужно не по тому, что всплываетъ наверхъ, а по тому, что не всплываетъ. Мы теперь какъ будто ушли немножко въ средніе вѣка и переживаемъ время до изобрѣтенія книгопечатанія. У насъ явилась рукописная литература и мы стали обмѣниваться мыслями въ письмахъ. Есть факты поразительные. Переписываются, напримѣръ, шестидесятилѣтніе старики, пытаясь выяснить себѣ вопросы личной и общественной морали, которую они провѣряютъ на современной дѣйствительности. Или: люди, едва знакомые, ведутъ весьма энергическую переписку по вопросамъ все той же этики и каждый усиливается обратить другаго въ свою вѣру. Или: вамъ, писателю, присылается цѣлая переписка по общественнымъ и нравственнымъ вопросамъ, просто какъ матеріалъ для обработки или для разъясненія сомнѣній переписывавшихся. Бываетъ и такъ, что васъ, писателя, хотятъ поставить на вѣрную точку зрѣнія, высказываютъ замѣчанія, даже просятъ убѣдительно вникнуть въ тотъ или другой вопросъ или исправить и дополнить свое сужденіе. Иногда вамъ присылаютъ цѣлыя опроверженія, подробныя и обширныя, точно журнальная статья, иногда выговоры, иногда оправданія на ваши обвиненія, иногда просьбы указать, что дѣлать, что читать, какъ устроить свою жизнь по-божески, по-справедливому, какъ дополнить образованіе, какъ вести саморазвитіе...

Несомнѣнно, что это—цѣлое умственно-нравственное движеніе, просящееся наружу, не выработавшее еще формы для внѣшняго выраженія, не находящее возможности выразиться въ теперешней печати, ею не удовлетворенное и, въ то же время, настолько уже ставшее неудержимою потребностью, что если оно не можетъ выразиться тѣми путями, которые для него открыты, прибѣгаетъ къ своимъ собственнымъ путямъ.

Эта письменная литература представляетъ, конечно, очень большія неудобства, вродѣ тѣхъ, какія испытывались думающими людьми до изобрѣтенія книгопечатанія. Укажу только на одинъ случай—на неудобство ея излишней централизаціи. Предположите періодическое изданіе, имѣющее тысячъ четырнадцать подписчиковъ, предположите, что изъ этихъ четырнадцати тысячъ прочитаетъ васъ только десятая часть и изъ этой десятой части еще десятая часть почувствуетъ неустранимую потребность высказать вамъ свои недоразумѣнія, получить на нихъ разъясненія, отвѣты, указанія,—однимъ словомъ, обмѣняться съ вами мыслями. Вы, значитъ, получите, по крайней мѣрѣ, 140 болѣе или менѣе длинныхъ писемъ въ мѣсяцъ, непремѣнно требующихъ отвѣта. Есть ли возможность удовлетворить всѣхъ корреспондентовъ или быть исправнымъ хоть на половину?

Брандесъ говоритъ, что только русскіе писатели находятъ нравственное удовлетвореніе въ отношеніяхъ къ нимъ читателей и что за границей этого уже давно нѣтъ. То-то такъ ли? Не объясняются ли эти отношенія частью тѣмъ, что Европа воспользовалась вполнѣ и самымъ широкимъ образомъ изобрѣтеніемъ Гуттенберга, а мы все еще прибѣгаемъ къ письменной литературѣ? Правда, и у насъ письменная литература не всегда процвѣтала; иногда она и совсѣмъ исчезала, когда для каждаго теченія общественной мысли имѣлось въ печати свое русло. Если же въ настоящее время опять наблюдается письменная литература, то, очевидно, только оттого, что существующая печать не удовлетворяетъ потребностямъ мысли, ищущей себѣ выхода въ письменности, и не даетъ этой мысли мѣста. Вѣдь, вотъ для изложенія гражданскаго вѣроученія «новаго литературнаго поколѣнія» мѣсто въ печати нашлось, нашлось оно и для того, чтобы скомпрометировать порядочность молодежи, а для того, что никого не компрометируетъ, для того,

что говорить о нашей умственной и душевной порядочности и чистоплотности, говорить о томъ, что мы еще не совсѣмъ донизились до мѣщанскаго филистерства и самодовольства, не совсѣмъ еще загрубѣли и одеревенились,—для этого въ печати мѣста нѣтъ.

И смѣлость-то осталась у насъ теперь только для всего непорядочнаго, загрубляющаго, точно мы застыдились хорошихъ, великодушныхъ чувствъ. Мы! Но кто же эти «мы»? Наше «мы», какъ медаль, о двухъ сторонахъ. И нельзя сказать, чтобы у того «мы», о которомъ я теперь говорю, не было ни стыда, ни совѣсти. Есть у него и стыдъ, потому что и оно дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ, есть у него и совѣсть, потому что и оно носитъ въ себѣ извѣстный идеалъ общественности и нравственности но его и стыдъ, и совѣсть, такъ сказать, свои собственные. Не принявъ еще идей и стремленій отцовъ и дѣдовъ, это «мы» освободило себя и отъ всякаго суда и контроля того общественнаго мнѣнія, которое эти идеи и стремленія изображаетъ. Вотъ откуда это кажущееся безстыдство и бравированіе. Оно только безстыдство передъ тѣмъ судомъ, котораго не признаетъ, безсовѣстность передъ тою нравственною порядочностью, которую отрицаетъ. Но тутъ нѣтъ тѣхъ «забытыхъ словъ», о которыхъ говоритъ Салтыковъ. Ихъ и раньше не было, а потому и забывать было нечего. Это просто приготовительный классъ общественности со всѣми особенностями недоростковъ школьнаго возраста, съ непомѣрнымъ самолюбіемъ и сомнѣніемъ, съ наклонностью къ грубымъ выходкамъ и къ умственному деспотизму. Не изъ полемическаго задора я выражаюсь такъ, а только повторяю мнѣніе, установленное не мною.

И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ убѣжденно и увѣренно, съ какимъ легкимъ сердцемъ и непродуманною мыслью разрѣшается этими людьми одинъ изъ самыхъ болевыхъ вопросовъ теперешняго времени: достаточно ли нашихъ народившихся и нарождающихся умственныхъ и нравственныхъ средствъ для разрѣшенія всей громадной массы накопившихся недоразумѣній и спорныхъ вопросовъ, или, идя тѣмъ же путемъ, мы сильнѣе и больше будемъ чувствовать свое передъ ними безсиліе? Вѣдь, гр. Л. Толстой выступилъ новымъ Петромъ Пустынникомъ и провозгласилъ крестовый походъ противъ господствующей безнравственности не слѣпымъ русскимъ безсознательнымъ случаемъ; не слѣпымъ случаемъ гр. Толстой выступилъ съ своею проповѣдью именно теперь, а не 15—20—30 лѣтъ назадъ; не слѣпымъ случаемъ слово гр. Толстаго зажгло сердца и породило фанатичныхъ послѣдователей, горящихъ жаждой немедленной практической доброжелательной дѣятельности; не слѣпымъ случаемъ рядомъ съ моральнымъ теченіемъ мысли, во главѣ котораго сталъ гр. Толстой, выдвинулось въ видѣ антитезы и въ дополненіе къ общей истинѣ еще и другое теченіе, преимущественно гражданское, ставящее общественную нравственность въ зависимости отъ учрежденій; не слѣпымъ случаемъ въ «Недѣлѣ», самой преданной почитательницѣ гр. Толстаго, благоговѣющей передъ каждымъ его словомъ, явился романъ Беллами («Въ 2000-мъ году»), въ которомъ рисуется картина счастливаго соціально-экономическаго быта Америки, созданнаго новыми условіями общественности, въ которыхъ, однако, отведено широкое мѣсто системѣ наказаній и поощреній для гражданъ съ недоразвитымъ чувствомъ общественности, и справедливости! И вотъ, когда возникаютъ въ печати попытки обратить общественное вниманіе на эти многосложные и у насъ еще очень спорные и затемненные вопросы, когда пытаются раскрыть, опредѣлить и установить истинное положеніе вещей, какъ оно теперь есть, поднять общественное сознаніе до истинной общественной высоты и предохранить его отъ увлеченія только мелочами и лавочною, мѣщанскою практичностью,—это наше «мы» разрѣшаетъ теперешніе запутанные и сложные общественные вопросы простымъ окрикомъ: «посторонитесь, вы, «отцы»,—«мы» идемъ!»

Предположите, что все это такъ и случилось въ дѣйствительности, что «отцы» какъ бы по мановенію волшебнаго жезла совсѣмъ исчезаютъ съ лица земли русской; съ ними исчезаютъ представители печати, науки, искусства, исчезаютъ моральные вожди, а съ ними и гр. Толстой, потому что онъ тоже «отецъ», исчезаетъ все болѣе и умственно-зрѣлое, все идейно-руководящее, исчезаетъ цвѣтъ современной интеллигенціи, насколько его составляютъ «отцы»,—и все это «старое, никуда непригодное, лишенное чутья жизни и только завидующее всему молодому», уступаетъ свое мѣсто «новому поколѣнію», шумно выступившему въ «Недѣлѣ», да «тушинцамъ», выставившимъ своего представителя въ лицѣ «восьмидесятника изъ деревни»... Вы, самоувѣренно шумящіе въ вашей домашней газетѣ, вы, съ мужествомъ «Гражданина», не краснѣющіе и не стыдящіеся того, что вы говорите, и не сознающіе того, что вы думаете, вы, увѣренные, что только съ вами идетъ та правда, которой ждетъ Россія,—спросите у той же самой Россіи, въ которой вы хотите занять всѣ дороги, съ кѣмъ бы она хотѣла остаться: съ вами ли безъ «отцовъ», вами изгоняемыхъ, или съ «отцами» безъ васъ?

Да не покажется читателю все, что я говорю, многорѣчивостью о мелочахъ, не стоющихъ такого вниманія. Не мелочи это, читатель. Это одинъ изъ итоговъ нынѣшняго года, а нынче мѣсяцъ итоговъ. Не мелочи это потому, это дѣло идетъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ элементовъ прогресса, о молодыхъ, подрастающихъ силахъ, на которыхъ покоятся всѣ наши лучшія надежды и упованія. Нужно, значитъ, разобраться въ этихъ «элементахъ прогресса», опредѣлить, что въ нихъ золото, что въ нихъ мишура, на чемъ могутъ опереться наши общественныя ожиданія и что должно быть исключено изъ элементовъ прогресса, какъ сила для него непригодная. И не утѣшителенъ же итогъ, который приходится подводить, не утѣшителенъ потому, что основная сила всякаго разумнаго человѣческаго *я*, безъ котораго исчезаетъ вся его раз-

умность, есть сознаніе, а сознанія-то въ итогѣ и не оказывается. Не въ самоувѣренности, не въ ошибкахъ мысли опасность. Какая же молодость не самоувѣрена и не ошибается? Опасность въ томъ, когда у молодости повреждены самые источники ея мыслительности, когда она уперлась лбомъ въ стѣну, когда ничего ей уже нельзя растолковать и когда сознаніе ея не идетъ дальше стѣны, въ которую она уперлась. Тутъ дѣло даже и не въ молодости, а въ заурядной человѣческой ограниченности. И вотъ она-то и свершила свое шумное и самоувѣренное шествіе, и выступила на смотръ, какъ грядущая сила, передъ которой все должно посторониться и очистить дорогу!

Если бы наши итоги подводились только по газетамъ, то никакого другаго заключенія о нашемъ важнѣйшемъ «элементѣ прогресса» и сдѣлать было бы нельзя. Недаромъ же, въ самомъ дѣлѣ, Россію зовутъ сфинксомъ. Ищи этого сфинкса,—гдѣ онъ, какое зеркало его отражаетъ? Девять десятыхъ населенія живутъ внѣ всякихъ газетъ, внѣ всякой письменности, и никакое зеркало не отражаетъ ихъ жизни. Только тогда мы какъ будто начинаемъ кое-что уразумѣвать въ этой жизни, когда всколыхнется его поверхность. И еще бы не увидѣть, когда для этого ничего больше и не требуется, кромѣ зрѣнія. И вотъ, чуть ли не столѣтіе мы видимъ и наблюдаемъ, какъ колышется и движется поверхность этой жизни, точно море, готовящееся на отливъ, какъ изъ года въ годъ усиливается и ростетъ это движеніе, какъ, начавшись съ середины Россіи, оно разливается все шире и шире и охватываетъ уже ея окраины. Этому всеобщему и ростущему явленію русской жизни мы дали и названіе «переселенческаго движенія» и, кромѣ этого названія, мы о немъ ничего больше и не знаемъ. Ну, а что же лежитъ подъ этою движущейся поверхностью, лежитъ дальше, глубже?..

Но когда же намъ опускаться въ глубину народной души, когда мы, интеллигенція, и сами стоимъ передъ собою еще болѣе неразгаданнымъ сфинксомъ? Народъ, повидимому, для насъ простъ и ясенъ, по крайней мѣрѣ, въ его переселенческомъ движеніи, которое для насъ очевидно. Мы знаемъ или думаемъ, что знаемъ, что это вопросъ земли и хлѣба. Тутъ мы, повидимому, хоть что-нибудь знаемъ. А что мы знаемъ, или думаемъ, что знаемъ, о неразгаданномъ сфинксѣ, частичку котораго каждый изъ насъ составляетъ и которому мы даемъ одно общее названіе интеллигенціи? Не вопросы о землѣ и хлѣбѣ возбуждаетъ въ насъ это названіе, а вопросы о чемъ-то внутреннемъ, глубокомъ, умственномъ, нравственномъ, и не массовомъ, какъ въ народѣ, а личномъ и одиночномъ. Это личное и одиночное, не группирующееся, а скорѣе разсыпающееся, и служитъ именно тою трудностью, которую, пока, невозможно подвести ни къ какому единству. Познаніе своей духовной природы, ея требованій, вся совокупность ея высшихъ нравственныхъ удовлетвореній или то, что называется личнымъ счастіемъ, связь и зависимость каждаго отдѣльнаго личнаго счастія отъ счастія другаго и самоудовлетвореніе, возникающее изъ гармоніи всѣхъ единоличныхъ счастій, наконецъ,—и самое трудное,—организація этой гармоніи или коллективизмъ, для котораго раскрываются два пути: одинъ—внутренній, нравственный, другой—внѣшній, создающій рамки и возможности для коллективной гармоніи и просторъ для единоличнаго поведенія, какъ свободный и не стѣсняемый выходъ для побужденій нравственной личности и ея воли,—вотъ та громадная работа, которая лежитъ передъ каждымъ изъ насъ, какъ основной признакъ нашей интеллигентности и какъ задача нашего сознанія.

И вотъ въ ту-то минуту, когда въ обществѣ шевельнулись нравственные запросы, когда, удовлетворяя имъ, явились въ печати слабыя попытки выдвинуть эти вопросы впередъ, облегчить каждому его тайную внутреннюю работу совмѣстнымъ обсужденіемъ, когда, казалось, больше, чѣмъ когда-либо, мы нуждались въ настойчивой и ясной работѣ сознанія, въ энергической молодой силѣ, помогающей этой работѣ, въ горячемъ участіи этой молодой силы, — вы въ отвѣтъ на свои запросы слышите въ печати лишь безсознательное галдѣнье молодыхъ голосовъ, нескончаемое «мы», «мы», «мы», за которыми вамъ очевидна полнѣйшая умственная пустыня. Вы слышите самоувѣренное требованіе посторониться съ дороги, потому что идетъ «восьмидесятникъ» и всѣ эти вопросы онъ порѣшитъ, что время «словъ» уже кончилось, что нужно «дѣло», а не «слова», и что, познавъ тайну общественнаго идеала изъ романовъ Гончарова, онъ, этотъ «восьмидесятникъ», несетъ обновляющую силу въ образѣ олицетвореннаго Тушина и его раціональной агрономіи. Вотъ что сказала намъ наша печать, и вотъ та панорама Россіи, съ ея гдѣ-то тамъ глубоко возникающими, шевелящими и порывающимися наружу вопросами, которую эта же самая печать руками «восьмидесятниковъ» развернула передъ читающимъ обществомъ, чтобы помочь его сознанію.

Но въ тайникахъ души того же интеллигентнаго сфинкса оказалась и еще сила, сила скрытая, повидимому, не дѣятельная, сила именно и дѣлающая его неразгаданнымъ, потому что она не шумитъ, не порывается самоувѣренно впередъ только отъ избытка физическаго самоощущенія, а зрѣетъ и работаетъ внутри. Въ то время какъ-то «мы», о которомъ я говорилъ, считаетъ себя настолько уже подготовленнымъ, что лишь ждетъ, чтобы ему, какъ Ивану Александровичу Хлестакову, предложили управлять департаментомъ, а то и цѣлымъ министерствомъ, и не безъ основанія смотритъ на себя какъ на «партію дѣйствія» («восьмидесятникъ изъ деревни» такъ прямо и говоритъ); въ то время, когда этому «мы» открыты пути въ печати настолько, что оно можетъ развернуться во весь ростъ и показать себя, какимъ оно есть, о другой, скрытой части интеллигентнаго сфинкса есть возможность лишь догадываться по тому немногому, что она изрѣдка заявитъ о себѣ въ литературѣ письменной.

Эта скромная часть интеллигенціи или готовится для жизни (читаетъ, думаетъ, зрѣетъ), или уже готова (и тоже читаетъ, думаетъ, наблюдаетъ, но не доходитъ до общественныхъ дѣлъ) и составляетъ нашъ умственный и нравственный общественный резервъ. Это какъ бы капиталъ, лежащій въ банкѣ до востребованія. Незамѣтнымъ для глазъ накопленіемъ подобнаго фонда и объясняется, что, напримѣръ, во времена реформъ и внезапнаго запроса на иныхъ людей, люди эти являются точно изъ-подъ земли. Чуда тутъ никакого нѣтъ, а это просто выступающій резервъ, о существованіи котораго мы ничего не знаемъ, пока печать не находится въ его распоряженіи. Я буду говорить теперь пока о той части этого фонда, которая составляетъ полнѣйшую противуположность шумящему «мы», объявившему въ печати, что всѣ русскія дороги принадлежатъ только ему.

Въ письмѣ толстовца, о которомъ я говорилъ въ августовскомъ *очеркѣ*, есть весьма цѣнное наблюденіе надъ тою частью молодежи, къ которой я теперь перехожу. «Они (т.-е. эта часть молодежи) постоянно боятся выступить впередъ и дѣйствуютъ за спиной другихъ, да и то начнетъ, да, пожалуй, и не окончитъ: «а что, какъ я не такъ и не то дѣлаю, что и какъ нужно?»—пишетъ толстовецъ и объясняетъ эту черту самоуничиженіемъ и безхарактерностью. Тутъ нѣтъ ни самоуничиженія, ни безхарактерности, тутъ просто недовѣріе къ своимъ силамъ, вслѣдствіе неувѣренности въ своихъ знаніяхъ. И это недовѣріе къ своимъ знаніямъ, постоянная потребность самопровѣрки и та легкость, съ какою эта самопровѣрка возбуждается, и составляетъ драгоцѣнную особенность этой части молодежи. Попробуйте, напримѣръ, напечатать, что молодое поколѣніе необразованно, и немедленно же вы испытаете на себѣ двойной эффектъ, произведенный вашею статьей. Молодежь самоувѣреннаго типа, самолюбивая, съ непомѣрно развитымъ *я* (и въ дѣйствительности недостаточно образованная), сейчасъ же обидится и напечатаетъ противъ васъ болѣе или менѣе громоносное опроверженіе, въ которомъ будетъ сказано (но не доказано), что вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о молодежи, не понимаете ни ея цѣлей, ни задачъ, ни идеаловъ, что вы отстали... ну, и т. д. (такъ все это и было недавно).

Молодежь того типа, о которомъ говоритъ толстовецъ, отнесется къ вашимъ словамъ безъ обидчивости и пойметъ ихъ такъ же просто и прямо, какъ просто и прямо вы ихъ говорили. Не протестующее самолюбіе они возбудятъ, не боевое враждебное чувство, а только желаніе провѣрить себя и разрѣшить вопросъ по существу, потому что въ этомъ собственно и заключается дѣло и ради этого дѣла вы и писали.

Въ этой-то части молодежи и развито исключительно стремленіе къ самообразованію и недовольство тѣми познаніями, которыми она владѣетъ. Малѣйшій намекъ на недостаточность образованія заставляетъ людей уже заглянуть въ себя, поднимаетъ массу вопросовъ, на которые они въ себѣ отвѣтовъ обыкновенно не находятъ и ищутъ совѣтовъ и указаній извнѣ. Я думаю, нѣтъ такого писателя, къ которому бы не обращались за подобными указаніями. Что читать? какъ читать? какъ достигнуть идейнаго развитія? какъ подготовить себя къ жизни? что дѣлать?—вотъ вопросы, которые въ послѣднія тридцать лѣтъ, повторяясь ежегодно, какъ видно, и не нашли своего разрѣшенія, потому что они повторяются и до сихъ поръ. Очевидно, что потребность чувствовать себя сознательнымъ въ мірѣ человѣческихъ отношеній, поступковъ и дѣлъ и найти своимъ силамъ наиболѣе плодотворное, полезное и нравственно-удовлетворяющее приложеніе, не только не ослабѣла, но, можетъ быть, еще болѣе обострилась, а отвѣтъ на нее не найденъ и въ тридцать лѣтъ мы не установили и не выработали ничего, что эту потребность могло бы удовлетворить и успокоить.

И въ самомъ дѣлѣ, тридцать лѣтъ изъ года въ годъ повторяется все одинъ и тотъ же вопросъ: что читать? что дѣлать? какъ пріобрѣсти умственно-идейное развитіе? Дѣлали этотъ вопросъ «отцы» теперешнихъ дѣтей, дѣлаютъ его теперешнія «дѣти», которыя въ свою очередь станутъ «отцами» и будутъ, быть можетъ, дѣлать его и ихъ «дѣти». Что же это такое? Существуетъ на этотъ вопросъ какое-нибудь общее разрѣшеніе или не существуетъ? Или это разрѣшеніе намъ не по силамъ? Или, разрѣшивъ его, въ частности, для себя, мы не передаемъ секрета дѣтямъ? Или ставимъ этому вопросу такія препятствія, что онъ то вымираетъ, то снова нарождается? Или это даже вовсе и не вопросъ нашего общественнаго сознанія, и его вовсе и не существуетъ въ нашемъ общественно-умственномъ обиходѣ? Или это вопросы извѣстной поры жизни, съ этою порой и увядающіе? Или, наконецъ, это порывы отдѣльныхъ болѣе смѣлыхъ умовъ, умственное партизанство единицъ, не имѣющее ни традиціи, ни наслѣдственности? Интеллигентный сфинксъ, разрѣши всѣ эти вопросы! Гдѣ, въ чемъ, какъ, скажи, искать на нихъ отвѣтовъ? Гдѣ то зеркало, въ которомъ бы можно тебя увидѣть? Литература, по крайней мѣрѣ, зеркаломъ тебѣ не служитъ и въ печати тебя не увидишь. И, какъ кажется, это только у насъ однихъ. У всѣхъ другихъ народовъ печать отражаетъ и выражаетъ малѣйшее движеніе мысли, гдѣ бы эта мысль въ обществѣ ни шевельнулась. Печать есть слово мысли, безъ котораго такъ же невозможно представить мысль, какъ и мысль безъ слова.

Такъ это у другихъ, но у насъ иначе. У насъ девяносто милліоновъ живутъ, совсѣмъ не зная печати; физіологическій, естественный ростъ ихъ мысли прекращается на полпути, не доходя до внѣшняго выраженія. Мы ничего не можемъ сказать, потому что ничего не знаемъ, какъ эта незаконченность мысли отражается на душевномъ строѣ народа, но что подобное глухо-нѣмое мышленіе девяноста милліоновъ кладетъ свою печать и на все мышленіе интеллигенціи, это не должно подлежать никакому сомнѣнію. Да и въ чемъ тутъ

сомнѣваться, если мы, интеллигенція, стоя лицомъ къ лицу съ этимъ поразительнымъ фактомъ, даже и не замѣчаемъ его? И не только не замѣчаемъ его, но и сами находимся подъ его воздѣйствіемъ и впадаемъ въ подобное же умственно-оцѣпенѣлое состояніе, въ какомъ находится и народъ. Вѣдь, изъ всей нашей интеллигенціи, можетъ быть, десятая часть, а то и меньше, живетъ съ печатью живою связью; остальная же часть живетъ также внѣ печати, какъ и народъ. Она, правда, читаетъ, для нея печатають книжки, издають газеты, но все это чтеніе, вся эта связь съ печатью только внѣшняя. Печать даже не знаетъ, какъ слѣдуетъ, этого своего читателя; точно также какъ этотъ читатель не знаетъ, что такое его печать и въ чемъ, и гдѣ онъ найдетъ то, что ему нужно. Въ этомъ взаимномъ невѣдѣніи печать и читатель составляютъ двѣ отдѣльныя обособленности, объективныя стороны, стоящія внѣ другъ друга. Стороны эти не враждать, но они и не сливаются; это именно тѣ стороны, о которыхъ Салтыковъ сказалъ: «писатель пописываетъ, читатель почитываетъ».

Болѣе тѣсныя отношенія къ печати обнаруживаетъ читатель съ общественными понятіями, и такой читатель, который ищетъ въ печати нравственныхъ и умственныхъ воздѣйствій и руководящихъ указаній. Но этому читателю печать, оттягиваемая книзу, въ большинствѣ своихъ органовъ, не даетъ отвѣтовъ на его вопросы, и сфинксъ остается сфинксомъ, и ведетъ онъ свою работу внутри себя, и ищетъ разрѣшенія своихъ недоразумѣній въ своихъ собственныхъ силахъ, и не выступаетъ онъ на свѣтъ Божій, какъ полноправный человѣкъ, со своими вопросами, а таитъ ихъ въ себѣ, какъ контрабанду, и идетъ наша умственная жизнь двумя теченіями, образуя два слоя. Видимый слой живетъ своею жизнью, разрѣшая только видимое, а невидимый слой живетъ самъ по себѣ и своими собственными средствами умственнаго существованія.

Нарисовать портретъ этого таинственнаго сфинкса (этой второй, внутренней, непоказной Россіи), уловить всѣ особенности его умственно-нравственной физіономіи совсѣмъ не такъ легко и едва ли подъ силу одному человѣку. Вѣдь, это не портретъ шумящаго «мы», совсѣмъ не сложнаго и не мудренаго,—портретъ, который и это самое «мы» воспроизводитъ достаточно и своимъ шумомъ, и тѣмъ, что оно говоритъ о себѣ. Да, пожалуй, и писатели не отказываются заниматься этою работой, какъ легкою, сподручною и болѣе доступною.

Здѣсь я укажу только на одну общую и характерную черту нашей тащейся интеллигенціи, на неудержимое ничѣмъ стремленіе къ знанію, образованію, саморазвитію, на упорное исканіе истины, правды жизни и руководящаго идеала, за которымъ, какъ за свѣточемъ, можно было бы идти, чтобы жить «по-божески», «по-справедливому».

Изумительно, что такое простое, естественное и нормальное умственное движеніе является у насъ какимъ-то болевымъ состояніемъ, чѣмъ-то мучительно-тяжелымъ, чуть не вызывающимъ вопль отчаянія. По крайней мѣрѣ, такимъ оно является въ той письменной литературѣ, по которой одной только и можно наблюдать движеніе. Въ жалобахъ и запросахъ вы всегда найдете досадливую горечь внутренняго неудовлетворенія и недовольства, имѣющаго, впрочемъ, разныя степени и оттѣнки. Иногда это просто скорбное сознаніе своего недостаточнаго умственнаго развитія и чисто-объективное, безличное недовольство имъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, энергично выражаемое желаніе пополнить недостатокъ образованія, какихъ бы это усилій ни требовало. А то, рядомъ съ подобнымъ скорбнымъ мотивомъ, вылившимся изъ очевидно-страдающей души услышится и боевая нотка; рядомъ съ скорбнымъ сознаніемъ неудовлетворительности умственнаго развитія ставится и вопросъ, кто въ этомъ виноватъ, и личная нравственная отвѣтственность какъ бы откладывается въ сторону.

Въ одномъ изъ документовъ письменной литературы (я только говорю въ «одномъ», а то же самое повторяется и не въ одномъ) указывается, напримѣръ, на такія «извиняющія условія», которыми и передвигается весь вопросъ совсѣмъ на другое мѣсто. Фактъ «отсутствія идейности» и «недостаточнаго образованія» признается фактомъ безспорнымъ, но обвинителямъ ставится въ непремѣнное условіе понять причины этой недостаточности, извиняющія ее условія жизни и подать руку помощи. «Вѣдь, то узко-практическое направленіе современной молодежи,—говоритъ документъ,—за которое ей-таки достается изрядное количество пинковъ, ясно вытекаетъ изъ отсутствія умственно-идейнаго развитія, а отсутствіе этого развитія есть необходимое слѣдствіе современныхъ условій жизни молодежи. При чемъ же тутъ молодежь?» Далѣе говорится, что въ прежнее время молодой человѣкъ, поступающій въ университетъ, попадалъ подъ извѣстныя требованія умственнаго и нравственнаго развитія того кружка, въ которомъ ему приходилось вращаться, а литература и общественная жизнь поддерживала молодыхъ людей въ ихъ стремленіяхъ. Теперь же будто бы ужъ ничего подобнаго нѣтъ. Для чтенія нѣтъ времени и сами родители слѣдятъ за тѣмъ, чтобы дѣти читали меньше, отпуская сына въ университетъ, родители берутъ съ него клятву не участвовать въ какомъ бы то ни было кружкѣ, университетъ тоже не оставляетъ времени для чтенія, кружковъ не существуетъ, жизнь не только не предохраняетъ отъ умственнаго разврата, а, напротивъ, на него наталкиваетъ, для учащихся, напримѣръ, въ оперетках дѣлаютъ уступку въ 50%, «маменьки наряжаютъ своихъ томныхъ дочекъ въ подобающіе костюмы и снаряжаютъ на охоту за студентами, городъ (рѣчь идетъ о большомъ губернскомъ университетскомъ городѣ) открываетъ студенту всѣ свои развратныя прелести, противустоять которымъ онъ не подготовленъ». Еще далѣе, по поводу замѣчанія, высказаннаго въ печати, что «толстовцы есть лучшая часть современной молодежи и что только имъ однимъ свойственны живое чувство и идеальныя стремленія», говорится: «позвольте, какъ обвиняемой сторонѣ..», и затѣмъ «обвиняемая сторона» дѣлаетъ параллель

между «толстовцами» и не-толстовцами (конечно, не въ пользу «толстовцевъ») и выводитъ заключеніе, что «живое чувство и идеальныя стремленія свойственны не только той кучкѣ, которая пошла за Л. Н. Толстымъ, а бóльшей части молодежи».

Пускай все это справедливо, пускай въ приведенныхъ фактахъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія даже въ ихъ окраскѣ, но только зачѣмъ все это? Что это за «обвиняемая сторона»? Зачѣмъ простой и несомнѣнный фактъ, признанный такимъ и печатью всѣхъ цвѣтовъ, и обществомъ, и самыми тѣми, о комъ рѣчь, уводить въ какую-то трущобу, гдѣ нѣтъ для него разрѣшенія, а самихъ себя сажать на скамью подсудимыхъ? Зачѣмъ эта самолюбивая параллель съ толстовцами, желаніе выдвинуть себя и сказать: «мы лучше»? Кто лучше, кто хуже—вы ли судья этого? Но вамъ, какъ видно, только того и нужно, чтобы рѣшить, кто лучше, кто хуже, кто виноватъ, кто не виноватъ. Васъ не удовлетворяетъ фактъ, какъ онъ есть, въ его дѣйствительной и простой сущности, какъ ту группу молодежи, одной съ вами стороны, которая, признавъ фактъ, имѣетъ достаточно умственнаго и нравственнаго мужества и чувства справедливости, чтобы не отказаться передъ собою отъ нравственной отвѣтственности. Поставивъ фактъ безлично, эта группа не старается отыскивать виноватыхъ и не виноватыхъ и разрѣшеніе задачи ставитъ въ зависимость исключительно отъ своихъ личныхъ силъ. И эта постановка вопроса не только умственно мужественная, но и единственно нравственная.

Но васъ такое разрѣшеніе вопроса внутри себя не удовлетворяетъ, вамъ еще нужны «извиняющія условія», вамъ нужно еще и моральное разрѣшеніе вопроса и лично-моральное удовлетвореніе. И, ставя вопросъ морально, вы разрѣшаете его морально? Отчего, по-вашему, будетъ разрѣшеніе морально, если за ваше недостаточное образованіе и умственное развитіе будутъ обвинены другіе, а вы, искренно называющіе себя «обвиняемою стороной» и вполнѣ чувствующіе во всемъ свою правоту, будете обѣлены? Зачѣмъ вамъ, правымъ, это обѣленіе, да и вообще-то зачѣмъ эта погоня за бѣлыми и черными, кому это нужно, для чего, что выиграетъ русское просвѣщеніе и образованіе молодежи отъ того, что мы раздѣлимъ русское общество на виноватыхъ и не виноватыхъ, лѣвыхъ и правыхъ, подвергающихся отвѣтственности или ей не подвергающихся?

Есть старинное практическое житейское правило, имѣющее глубокую моральную сущность—обвинять во всемъ только самого себя. Какъ всеобщій принципъ и въ особенности какъ общественный, это правило къ жизни не примѣнимо, ибо можетъ вести къ жестокости и несправедливости. Ликующіе и торжествующіе всегда ухватятся за этотъ принципъ съ удовольствіемъ, чтобы сказать всѣмъ не ликующимъ и не торжествующимъ: «да, вѣдь, вы сами же во всемъ виноваты». Такъ это и бывало. Но какъ принципъ личный (исключительно личный), правило это пріучаетъ заглядывать въ себя, пріучаетъ не только не отстраняться отъ нравственной отвѣтственности, а, напротивъ, строго себя ей подвергать. Вмѣстѣ съ закономъ причинности или преемственности явленій правило это создаетъ и укрѣпляетъ въ насъ нравственное мужество и чувство отвѣтственности за свои слова, дѣла, поступки.

Но эту теорію личной нравственности разрабатываетъ оправдательный документъ, о которомъ я говорилъ. И въ немъ дѣлается указаніе на законъ преемственности явленій, потому что узко-практическое направленіе выводится изъ отсутствія умственно-идейнаго развитія, а отсутствіе этого развитія устанавливается какъ необходимое слѣдствіе условной жизни. Допускается и нравственная отвѣтственность, потому что приводится цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ. Но въ общемъ получается обратная сторона практическаго житейскаго правила и малодушное самооправданіе, а личная отвѣтственность куда-то улетучивается.

Я останавливаюсь на личной нравственной отвѣтственности съ нѣкоторою настойчивостью не потому, чтобы не придавалъ значенія «извиняющимъ условіямъ»,—они есть и стоятъ такою высокою стѣной, что нужно имѣть особенныя силы, чтобы черезъ нее перескочить. Но такъ какъ это именно и есть вопросъ силъ, то и нужно говорить о нихъ и о средствахъ, ихъ развивающихъ, а не переносить вопросъ въ неподлежащую область сантиментальнаго разрѣшенія. Если бы на свѣтѣ не было никакихъ стѣнъ, не было бы и вопросовъ,—слѣдовательно, для каждаго, кто желаетъ прыгать, главное дѣло въ томъ лишь и заключается, чтобы научиться прыгать выше. Что передъ стѣнами всегда стоитъ масса карапузиковъ, покорно смиряющаяся передъ ихъ несокрушимою вышиной, кто же этого не знаетъ? Конечно, никто этихъ карапузиковъ не винитъ, и не станетъ обвинять, потому что это было бы празднымъ, пустымъ дѣломъ. Рѣчь о тѣхъ, кто себя карапузиками не считаютъ, а чувствуютъ въ себѣ достаточно силъ и самоувѣренности, чтобы не отказаться отъ ихъ испытанія. Этимъ людямъ, если въ нихъ есть точно силы, и они не увлекаются самообольщеніемъ, ужь совсѣмъ не приходится гоняться за ободрительными похвалами и обнаруживать такую впечатлительность, какую они обнаруживаютъ ко всякому слову порицанія и «упрекамъ», какъ они называютъ простое установленіе безспорнаго и для нихъ самихъ факта.

Теперешніе старики помнятъ и не такія времена, какъ нынче. Да, была глухая пора, когда, кажется, и голоса-то человѣческаго нельзя было нигдѣ услышать. Давно, правда, это было, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, а, все-таки, на нашей памяти. Тогда и въ губернскихъ, даже и въ университетскихъ городахъ не было такихъ библіотекъ, какія вы найдете нынче въ каждомъ уѣздномъ городѣ. Спрашивается, наитіемъ какихъ силъ среди такого царившаго мрака собирались и концентрировались въ умѣ отдѣльныхъ личностей скрытые въ этомъ мракѣ свѣтовые лучи? И развѣ такихъ людей надо было хвалить, одобрять, гладить по самолюбію?

Развѣ они занимались такимъ пустымъ дѣломъ, какъ отыскиваніе «извиняющихъ условій»? Люди сознавали, что они мало знаютъ, мало понимаютъ, недостаточно развиты, — ну, и старались узнать, понять и развиться. Вся жизнь подобныхъ людей только въ томъ и проходила, что они постоянно узнавали все больше и больше, постоянно пополняли пробѣлы, которые усматривали въ своихъ познаніяхъ и плели болѣе и болѣе полную и густую сѣть сознанія. Для нихъ знаніе было простою, органическою потребностью, неустранимымъ условіемъ ихъ нравственно-умственнаго существованія, а не какою-то игрой суетности и самолюбія, ищущаго похвалы и одобренія. Я знаю, что всѣ не могутъ быть Бѣлинскими, но думаю, что и не заявляю требованія выше человѣческихъ силъ, когда говорю, что не слѣдуетъ смѣшивать разнородныхъ понятій, или, выражаясь морально, оскорблять такое высокое и облагораживающее стремленіе, какъ стремленіе къ свѣту знанія, образованія, мелкими побужденіями личнаго самолюбія и самооправданія. Сохраните святое побужденіе въ его неприкосновенной святости и не пачкайте его мелкими движеніями души, ничего съ нимъ общаго не имѣющими. Вы ищете истину, — ну, и ищите ее достойными средствами.

Кромѣ моральнаго изъяна, есть въ этомъ еще изъянъ логическій, въ тѣхъ дурныхъ повадкахъ мысли, при которыхъ она пріучается все общее протискивать черезъ личное. Ну, что можетъ быть болѣе общаго, какъ коллективно поставленный вопросъ о неудовлетворительности образованія такой большой группы людей, какъ все молодое поколѣніе? Конечно, группа эта состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей и общій вопросъ имѣетъ свое особое приложеніе къ каждой отдѣльной единицѣ группы. Но такъ какъ эта единица, все-таки, часть группы, то очевидно, что и разрѣшеніе вопроса можетъ быть только общее (общественное), и самое сужденіе о немъ должно идти приблизительно въ такомъ направленіи. Вопросъ о недостаточномъ образованіи молодежи поставили «отцы». Какимъ сравненіемъ (и съ кѣмъ) отцы пришли къ такому заключенію? Подтверждается ли оно фактами и какіе пробѣлы и недочеты обнаруживаются при сравненіи образованія теперешней молодежи съ образованіемъ «отцовъ» или, точнѣе, чѣмъ сфера образованія и мышленія «отцовъ» отличается по объему и содержанію отъ сферы мышленія и знанія «дѣтей»? Въ какой зависимости находится та или другая сфера отъ своего времени и его задачъ или, опять точнѣе, насколько отъ вопросовъ и задачъ времени находится въ зависимости образованіе, его характеръ, направленіе, содержаніе, объемъ? Да и что такое вопросы времени и въ чемъ ихъ отношеніе къ общимъ задачамъ просвѣщенія? У всякаго времени свои практическіе вопросы, которые оно и разрѣшаетъ, и потому каждое время имѣетъ свои обязанности и можетъ не походить на другое время. Но общія задачи просвѣщенія, какъ бы времена ни были различны, будутъ всегда однѣ и тѣ же, будетъ ли это 1800 или 1890 годъ. Онѣ будутъ всегда заключаться въ разностороннемъ широкомъ образованіи, въ возможно большемъ и разнообразномъ знаніи, въ сознательномъ отношеніи къ дѣятельности и вѣрномъ ея пониманіи, въ высокомъ моральномъ развитіи и въ развитіи чувства общественнаго долга и чувства личной чести...

Вотъ порядокъ общаго мышленія (и я его только намѣчаю), которымъ не только уясняется вполнѣ вопросъ, но и точно устанавливается отношеніе къ нему тѣхъ, кого онъ касается. Тутъ все настолько ясно, что человѣку остается отвѣтить только на два вопроса. Если общія задачи просвѣщенія заключаются въ «томъ-то и томъ-то» и въ «такихъ и такихъ» знаніяхъ, — есть ли во мнѣ это «то-то и то-то» и «такія и такія» познанія? Если все это есть, — ну, и прекрасно и вопросъ можно считать исчерпаннымъ, а если нѣтъ, то также ясно, чѣмъ этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ...

Порча мышленія начинается у насъ съ первыхъ шаговъ нашей жизни. Дѣтьми, дома, въ семьѣ, мы уже пріучаемся къ эгоцентрирующему мышленію и затѣмъ на всю жизнь отъ него не освобождаемся. Это порченное мышленіе стоитъ у насъ большимъ препятствіемъ для правильнаго умственнаго развитія и вообще очень мѣшаетъ нашему личному и общественному сужденію и справедливости въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Вотъ ужъ гдѣ начинается у насъ вопросъ о «воспитаніи» и объ «отцахъ» и «дѣтяхъ». Мы съ испорченными основаніями вступаемъ въ школу, нисколько въ ней не исправляемся и порченными вступаемъ въ жизнь, въ ней изъ порченныхъ «дѣтей» превращаемся въ порченныхъ «отцовъ» и затѣмъ создаемъ новыхъ порченныхъ «дѣтей». И получается неисходный кругъ, въ которомъ всѣ обвиняютъ другъ друга, «отцы» обвиняютъ «дѣтей», «дѣти» — «отцовъ», всѣ занимаются лишь отыскиваніемъ виноватыхъ, а сужденія и понятія остаются прежнія, система жизни и отношеній не измѣняется, и каждый ползетъ и бредетъ по собственной тропинкѣ, отдаваясь закону случайности и отливовъ и приливовъ, управляющихъ русскою жизнью.

Въ этомъ смыслѣ вопросъ о воспитаніи является у насъ вопросомъ всѣхъ вопросовъ. У насъ, собственно, можно говорить не о воспитаніи, а о невоспитаніи. Ушинскій, Водовозовъ, Пироговъ — имена все почтенныя; идеи гуманности, которыя они проводили и усиливались ввести въ воспитаніе, открыли передъ обществомъ совсѣмъ новые воспитательные горизонты; но, вѣдь, дѣло совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, насколько ихъ гуманныя идеи и новые воспитательные горизонты воспринялись обществомъ, «отцами» и примѣнились къ воспитанію «дѣтей»? Личное вліяніе Ушинскаго, Водовозова, Пирогова ограничивалось тѣсными предѣлами тѣхъ заведеній, гдѣ они учительствовали и воспитывали, и дальше идти не могло, а общее вліяніе провозглашеннаго ими гуманизма въ воспитательную практику не вошло и не стало общею системой воспитанія ни въ семьѣ, ни въ школѣ.

Конечно, если бы всѣ наши отцы, учителя и вос-

питатели были похожи на Ушинскаго, Водовозова, Пирогова, то никакого вопроса о воспитанiи и явиться бы не могло. Но дѣло въ томъ, что именно до «отцовъ» во всѣхъ ихъ видахъ и развѣтвленiяхъ гуманизмъ, провозглашенный Ушинскимъ и т. д. и составившiй ихъ личную принадлежность, и не дошелъ и къ нимъ не привился. Поперекъ встало личное, эгоцентрирующее мышленiе, съ его тѣснымъ и узкимъ личнымъ интересомъ и повадками личнаго своекорыстiя. Поэтому, едва ли правильно удивляться, что изъ рукъ такихъ гуманныхъ педагоговъ, какъ Ушинскiй, Водовозовъ, Пироговъ, вышло не гуманное и худо воспитанное поколѣнiе, потому что ни Ушинскiй, ни Водовозовъ, ни Пироговъ «поколѣнiя», о которомъ рѣчь, не воспитывали; если же они и воспитывали какое-нибудь поколѣнiе, то воспитывали своими сочиненiями только поколѣнiе воспитателей и учителей, т.-е. опять «отцовъ», а не «дѣтей». Но воспитали ли они ихъ, вотъ въ чемъ вопросъ.

У насъ и вопросъ объ «отцахъ» и «дѣтяхъ», какъ всѣ наши вопросы, ставится лично. Каждому сейчасъ же рисуется его собственный отецъ, собственная семья, съ ея влiянiями, уроками, помѣхами развитiю и страховою, оберегающею любовью. Но «отцы»—понятiе болѣе широкое: «отцы»—это извѣстная совокупность, создающая общiя жизненныя влiянiя и цѣлую систему отношенiй,—систему настолько влiятельную и сильную, что она какъ сѣть опутываетъ и окружаетъ каждаго, кого въ себя втянетъ.

Вотъ эти-то самые «отцы» и составляютъ основной фонъ нашей жизни, они создаютъ и «дѣтей» по собственному образцу, воспитывая ихъ въ своихъ привычкахъ. Что можетъ узнать и услышать ребенокъ порядочнаго въ семьѣ, когда и разговоры, и понятiя,—все въ ней пусто и времяпровожденiе заключается только въ картахъ и въ безсмысленной болтовнѣ? Припомните свое дѣтство, припомните, какими умственными интересами вы были окружены, какiе слышали разговоры. Даже о литературѣ вы не услышите никакихъ разговоровъ, точно мы не только не читаемъ, но и разучились читать. Я знаю, какой на это можетъ воспослѣдовать отвѣтъ: что нынче читать нечего и нѣтъ «великихъ» писателей, какiе еще были недавно. Да зачѣмъ вамъ «великiе» писатели, точно ужь ваша собственная жизнь такая великая вещь, что ее должны изображать только генiи? Нѣтъ, та жизнь, которая есть и которая создается вами, описывается удовлетворительно и тѣми, кто о ней теперь пишетъ. Причина не тутъ. Я знаю одно литературное семейство: мать образованная женщина и много читаетъ, отецъ «прогрессистъ» и пишетъ либеральныя статьи, дѣти совсѣмъ ужь взрослыя, но еще не кончили образованiя. Случалось, что, по невѣдѣнiю (теперь я этихъ ошибокъ уже не дѣлаю), скажешь за обѣдомъ то, что изъято изъ програмы семейныхъ разговоровъ, и «отецъ», вмѣсто отвѣта, опуститъ молча глаза, а «мать» скажетъ: «охъ, какой вы взяли себѣ дурной кусокъ», и начнетъ рыться въ блюдѣ, чтобы дать кусокъ лучше. А послѣ обѣда, въ кабинетѣ, когда мы остаемся съ «отцомъ» съ глазу на глазъ, пьемъ кофе и куримъ, онъ ведетъ со мною уже совсѣмъ иные разговоры...

Тема эта очень обширная и, къ сожалѣнiю, настолько деликатная, что распространенныхъ разъясненiй, пожалуй, даже и не выноситъ. Замѣчу только, что у насъ было и есть два сорта «отцовъ» и «дѣтей». Одинъ сортъ образуетъ фонъ нашей жизни и даетъ ей цвѣтъ и направленiе, другой изображаетъ фонъ умственно-нравственныхъ началъ, не особенно парадно и шумно выступающихъ въ жизни и печати, а то и вовсе никакой гласности не подвергающихся. Тѣ и другiе «отцы» несомнѣнно играютъ въ жизни направляющую роль,—каждый конечно, въ доступной для его дѣятельности средѣ,—и ихъ направляющая дѣятельность, прежде всего, обнаруживается въ отношенiяхъ къ «дѣтямъ». Но изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы «дѣти» сами по отношенiю къ себѣ имѣли право допускать какiя-либо «извиняющiя условiя». Никакiя «извиняющiя условiя» не освобождаютъ ихъ отъ нравственной отвѣтственности, и въ этомъ смыслѣ указанiе на недостатокъ образованiя молодежи или «дѣтей» не можетъ заключать въ себѣ ничего несправедливаго.

И какой, въ самомъ дѣлѣ, тутъ можетъ быть вопросъ о справедливости или несправедливости, когда устанавливается фактъ? Вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, вѣрно или невѣрно установленъ фактъ. Разъ фактъ установленъ вѣрно, онъ подлежитъ дальнѣйшему обсужденiю и разъясненiю, и опять въ интересахъ сознанiя тѣхъ, кого онъ непосредственно касается.

Сознанiе, сознанiе, сознанiе—вотъ чего у насъ и недостаетъ, и отсутствiемъ чего мы именно и болѣемъ. Да, прежде всего, намъ нужно выработать въ себѣ сознанiе, что въ насъ нѣтъ сознанiя, и доказательство чего мы еще разъ представили въ тѣхъ выдвинутыхъ на первый планъ «извиняющихъ условiяхъ», которыми думали объяснить и оправдать недостатокъ нашего образованiя. Сознанiе ли это, что какъ тридцать лѣтъ назадъ мы не знали, что и какъ намъ читать, такъ не знаемъ мы этого до сихъ поръ и не установили себѣ на этотъ счетъ никакихъ руководящихъ правилъ и указанiй, не выработали никакой системы? Кто долженъ руководить чтенiемъ и устанавливать его общiе принципы—семья, школа, гимназiя, университетъ, родители, учителя, профессора—и помогать молодежи въ этомъ, можетъ быть, наиболѣе трудномъ дѣлѣ самообразованiя, я говорить теперь не стану, а указываю только на то, что ничего общаго, руководящаго и уясняющаго у насъ въ этомъ дѣлѣ не существуетъ и каждый читаетъ на свой страхъ, какъ Богъ ему положитъ на душу.

Есть факты этого рода до того поразительные, что не знаешь, чему больше изумляться: необыкновенной ли жаждѣ знанiй, энергiи ли, съ которой они прiобрѣтаются, безпорядочности ли труда или отсутствiю самыхъ элементарныхъ представленiй о томъ, что такое чтенiе и какъ имъ слѣдуетъ пользоваться, какъ его вести. Вотъ, напримѣръ, чело-

вѣкъ, о которомъ поистинѣ можно сказать, что его обуреваетъ страсть саморазвитія. Получилъ онъ образованіе въ одномъ изъ среднихъ провинціальныхъ учебныхъ заведеній, учился, какъ и другіе, вышелъ, затѣмъ, «схвативъ на лету нѣсколько сочиненій разныхъ авторовъ, какъ пустыхъ, такъ и серьезныхъ, всталъ втупикъ отъ полнѣйшаго непониманія всего его окружающаго, а равно и своихъ стремленій къ поставленному впереди какому-то идеалу». Что тутъ дѣлать? Чего недостаетъ для пониманія? Гдѣ, въ чемъ, какъ найти это недостающее? Какъ выработать въ себѣ самостоятельныя убѣжденія, когда безсильная мысль бьется, какъ рыба объ ледъ, безплодно истомляясь въ стремленіи ухватить и понять то, что она ни ухватить, ни понять не въ состояніи? Очевидно, что требуется какая-то подготовка, что нужно пріобрѣсти кое-что, чего еще нѣтъ. И вотъ человѣкъ накидывается на чтеніе. Онъ прочитываетъ «кое-что» изъ Шопенгауэра, Гартмана, Добролюбова, Писарева, Щапова, Михайлова, Скабичевскаго, Миртова, Лассаля, Шеффле, Ренана, Эркмана-Шатріана и т. д. въ той же безпорядочной путаницѣ именъ, читаетъ безъ системы и порядка и дочитывается до того, «что получается въ головѣ полнѣйшій хаосъ, въ которомъ разобраться оказывается совершенно невозможно». Но энергія и жажда знанія не оставляютъ этого мужественнаго человѣка. «Я готовъ,—пишетъ онъ,—начать все снова, готовъ начать съ Ломоносова или Нестора, только бы меня научили, что читать, съ чего начать и какой держаться программы».

Не у всѣхъ, стремящихся понять окружающее и разобраться въ немъ, такая же энергія, но у всѣхъ у нихъ вопросъ одинъ: что̀ читать и какъ читать? И этотъ вопросъ обыкновенно возникаетъ уже послѣ того, что люди, начитавшись безпорядочно всего, что попадалось подъ руку, и не справившись съ прочитаннымъ, почувствовали, что именно послѣ чтенія-то у нихъ и явился въ головѣ хаосъ. Эта неудача приписывалась обыкновенно неумѣлому подбору книгъ и предполагалось, что если читать то, что слѣдуетъ, и въ порядкѣ, въ какомъ слѣдуетъ, то чтеніе дастъ непремѣнно то, чего отъ него ожидаютъ; вотъ отчего во всѣхъ подобныхъ случаяхъ вопросы только и заключались въ томъ, чтобы было указано, что̀ читать и въ какой системѣ. Вѣра въ книги и чтеніе бывала иногда такъ велика, что просили совѣта и указанія, что читать, съ точнымъ обозначеніемъ сочиненій, «способныхъ помочь выйти изъ тяжелаго состоянія апатіи и хотя немного освѣтить смыслъ жизни, дать хоть какіе-нибудь идеалы». А бывало (и есть), что ставились вопросы и въ такой категорической формѣ: «указать, что именно формируетъ полное, законченное представленіе на природу, на міръ, на жизнь этого міра, на законы, которые этою жизнью управляютъ, на всѣ условія культуры, цивилизаціи, общественнаго прогресса». И вопросы въ такомъ видѣ ставились совсѣмъ не юнцами, а людьми возрастными. Очевидно, что книгамъ и чтенію приписывалась роль какого-то волшебнаго фонаря. Нужно было только, чтобы такой волшебный фонарь выбралъ знающій человѣкъ, да научилъ бы, въ какомъ порядкѣ и какъ имъ дѣйствовать, чтобы освѣтить, какъ слѣдуетъ, все нутро просвѣщающагося, а когда все нутро освѣтится, какъ слѣдуетъ, лучи, исходящіе изъ него, освѣтятъ все, что требуется, и просвѣтленный увидитъ, какъ на ладони, всѣ тайны бытія.

Изумительная мечтательность! И, въ то же время, мы, русскіе, слывемъ и сами себя считаемъ народомъ практическимъ, положительнымъ и даже первыми реалистами, до того первыми, что и Европу поучаемъ реализму въ искусствѣ. Мечтательность и реализмъ составляютъ у насъ двѣ различныя возрастныя принадлежности, стоящія совсѣмъ особняками. Въ первой порѣ, этой золотой порѣ нашего полузнайства и невѣдѣнія, мы живемъ исключительно мечтами. Тутъ мы чувствуемъ въ себѣ и геройскій приливъ силы, мужество, смѣлость и съ неудержимою отвагой идемъ даже валить быка за рога. Но когда не мы повалимъ быка, а быкъ насъ, тогда мы садимся въ сторону отъ дороги, превращаемся сразу же въ практическихъ и разсудительныхъ людей и не только пропускаемъ мимо себя каждаго быка, но и каждаго теленка, къ порѣ же прилива силъ и неудержимой отваги относимся какъ къ пережитой глупости, къ которой, конечно, больше и не возвращаемся.

А между тѣмъ, и въ эту пору практическаго мышленія, какъ и въ первую пору мечтательнаго мышленія, мы остаемся при томъ же скудномъ запасѣ знаній, сужденій, понятій и представленій. Разница лишь въ томъ, что въ пору мечтательности мы съ этими скудными запасами куда-то рвемся и порываемся, увлекаемые «идеаломъ», а въ пору спокойной разсудительности сидимъ вплотную на мѣстѣ. Но и въ первую, и во вторую пору мы одинаково не понимаемъ дѣйствительности, одинаково скудны средствами образованія и развитія, оттого и вносимъ въ жизнь такой рѣзкій переломъ. Наши «отцы» и «дѣти», какъ средняя масса, общество (объ этомъ массовомъ обществѣ я теперь только и говорю), именно и изображаютъ собою два противуположныхъ берега. Сначала «отцы» и «дѣти», сидя на разныхъ берегахъ, аукаются, не понимая другъ друга и другъ друга обвиняя, потомъ дѣти переплываютъ на противуположный берегъ, садятся и, въ свою очередь, начинаютъ аукаться съ тѣми, кто остался пока еще на другомъ берегу.

Въ этомъ праздно мечтательномъ посиживаніи на одномъ берегу и въ безучастномъ посиживаніи на другомъ заключается ключъ къ уразумѣнію многихъ кажущихся непостижимостей нашей жизни. А непостижимость просто въ томъ, что въ нашъ умственный обиходъ до сихъ поръ еще не вошли самыя обыденныя общественныя понятія и ясныя представленія о самыхъ элементарныхъ вещахъ, о которыхъ въ Европѣ никто уже не споритъ и даже не думаетъ, потому что они приняты, какъ неустранимая и неизбѣжная программа жизни.

Кто же въ Европѣ не знаетъ, что школа, гимназія, университетъ могутъ давать и даютъ только

извѣстныя, доступныя школьному и университетскому возрасту знанія и понятія и что слѣдующія за тѣмъ понятія пріобрѣтаются такъ называемымъ самообразованіемъ, чтеніемъ, размышленіемъ? Въ Европѣ никому не придетъ въ голову спросить, что формируетъ полное законченное представленіе на всѣ законы и тайны бытія и какія для этого нужно прочесть книжки. Въ Европѣ человѣкъ, охваченный жаждой чтенія, не накинется съ невѣдѣніемъ дикаря на все, что попадетъ ему подъ руку, чтобы сразу поглотить всѣ тайны жизни, и потому съ нимъ невозможно то, что постоянно и до сихъ поръ повторяется съ русскимъ читателемъ, стремящимся къ самообразованію, т.-е. что именно отъ чтенія-то, въ которомъ онъ искалъ просвѣтленія, онъ и становится втупикъ «отъ полнѣйшаго непониманія всего окружающаго, а равно и своихъ стремленій къ поставленному впереди *какому-то* идеалу». Какому-то!

Да развѣ для молодаго европейца, продолжающаго свое образованіе, книги и чтеніе — волшебная палочка, развѣ общественный идеалъ для него *какое-то*, а не точно установленное реальное понятіе? У насъ при словахъ «идеалъ», «идеальныя стремленія», «идейное развитіе» обыкновенно развертываются въ воображеніи какія-то завѣсы и за ними представляются свѣтлые вращающіеся круги, пробуждающіе въ юной душѣ восторги и порыванье къ чему-то отрадно-манящему и окрыляющему и, въ то же время, неясному и неопредѣленному, именно къ чему-то «какому-то». А, между тѣмъ, идеалъ есть вполнѣ точное и реальное понятіе. Онъ не плодъ воображенія, не утопическая мечта о невозможныхъ, сказочныхъ комбинаціяхъ жизненныхъ фактовъ, а совершенно точное и сознательное представленіе объ иномъ, лучшемъ, болѣе справедливомъ расположеніи элементовъ дѣйствительности. Поэтому-то точное знакомство съ этою самою дѣйствительностью и составляющими ее элементами есть первое основаніе для точнаго представленія идеала въ его осязательной реальной сущности.

Впрочемъ, подобный реальный взглядъ на идеалъ какъ будто бы у насъ уже начинаетъ формироваться и, рядомъ съ мечтательнымъ представленіемъ идеала, какъ «чего-то», возникаетъ уже и такое воззрѣніе, которому остается только пожелать большаго и большаго распространенія: «не идеальныхъ стремленій и живаго чувства намъ недостаетъ,—намъ недостаетъ знанія, знанія, знанія. Невозможно удовлетворяться живымъ чувствомъ и идеальными стремленіями,—нужно знаніе, съ помощью котораго это живое чувство и идеальныя стремленія получили бы ясную и опредѣленную цѣль, чтобы видно было, къ чему мы стремимся». Приступая съ такимъ точнымъ представленіемъ къ чтенію, и нашъ читатель ужь не растеряется ни въ хаосѣ понятій, ни въ хаосѣ книгъ, и съумѣетъ самъ найти свою дорогу къ лабиринтѣ, какимъ ему и до сихъ поръ представляется еще чтеніе, пугающее мракомъ таинственной неизвѣстности, изъ которой онъ чувствуетъ себя не въ силахъ выйти безъ посторонней помощи.

И поразительные же факты безпомощности представляетъ еще до сихъ поръ нашъ читатель. Ну, какъ изъ Иркутска, изъ Томска, за цѣлыя тысячи верстъ люди обращаются съ вопросомъ: что читать и какъ читать? Неужели въ Иркутскѣ и Томскѣ нѣтъ никого, къ кому бы можно обратиться съ подобнымъ вопросомъ?! Ужь, конечно, есть и люди, есть и библіотеки... А, впрочемъ, это, можетъ быть, и не умственная безпомощность, а умственная неясность и безпорядочность...

Кажется, не нынче только стали читать люди, читали они и прежде. И прежде не заканчивали они образованія гимназіей и университетомъ, а учились, читали, думали, и потомъ Бѣлинскій ужь, конечно, не написалъ ни къ кому ни одного письма съ просьбой научить его, что читать и въ какой системѣ. Не написалъ, конечно, ни одного письма и Добролюбовъ. Не писали, я знаю, и другіе люди. Да и что тутъ можетъ сказать посторонній и совершенно незнающій насъ человѣкъ? Каждому лучше извѣстно, чего онъ не знаетъ и что онъ въ состояніи понимать. Одно есть общее правило, на которое можно указать и котораго у насъ, къ сожалѣнію, не держатся: не читать того, что не по силамъ.

Гейне говорилъ, что нужно писать геніально. И читать нужно геніально. Это не значитъ, что для писанія и для чтенія нужно быть геніемъ, а значитъ только, что нужно работать легко и надъ матеріаломъ вполнѣ по нашимъ силамъ. Это правило еще и до Гейне зналъ Пушкинъ. Встрѣтился онъ разъ на Невскомъ съ княземъ Одоевскимъ. «Ну, что подѣлываете, что пишете?»—спрашиваетъ онъ Одоевскаго. Одоевскій отвѣтилъ, — «да трудно», прибавилъ онъ.—«Такъ зачѣмъ же вы пишете?»—сказалъ Пушкинъ. Именно такъ: зачѣмъ, когда трудно? Лессингъ разсказываетъ, что у него былъ пріятель, который поглупѣлъ, потому что читалъ все умныя книжки. Это свидѣтельство историческаго человѣка, но и мнѣ случилось знать одного страстнаго читателя, котораго постигла та же судьба. Чѣмъ было мудренѣе заглавіе книги, тѣмъ съ большею энергіей онъ на нее накидывался. Читалъ онъ по-французски, по-нѣмецки, по-русски—и только книги мудреныя. Сидитъ по часу надъ страницей, лобъ сморщитъ, глаза уставитъ пристально въ книгу, точно вопьется въ нее, и видишь, что бѣдняга мучится напрасно, потому что ничего не понимаетъ. Такъ и кончилъ тѣмъ, что дѣйствительно ничего изъ мудреныхъ книгъ не понялъ, затупѣлъ, бросилъ всякое чтеніе и вышелъ изъ него самый заурядный человѣкъ, съ практическими наклонностями, стяжательностью и съ филистерскимъ идеаломъ. Что же его заставляло читать? Да ничего, кромѣ самолюбія, кромѣ желанія быть умнымъ, и быть умнымъ не знаніями, а для показной стороны. Такое есть честолюбіе, и хотя оно не всегда приводитъ къ подобнымъ результатамъ, но также сомнительно, чтобы оно могло создавать и людей съ истинною умственною добросовѣстностью, ставящихъ общіе интересы и интересы истины выше интересовъ своего личнаго честолюбія.

И такъ, прежде всего, чтеніе по силамъ, чтеніе

неторопливое, чтеніе не изъ побужденій честолюбія сдѣлаться умнымъ, потому что съ подобными вторыми задачами легче всего дочитаться до переутомленія и заглупѣть; наконецъ, чтеніе съ яснымъ и сознательнымъ представленіемъ о томъ, что оно можетъ дать, а не съ мечтательною, сказочною и обольщающею иллюзіей, что есть такія двѣ-три книжки на свѣтѣ, которыя какъ прочитаешь, такъ и поймаешь мѣсяцъ за рога. Такихъ книгъ на свѣтѣ нѣтъ.

Чтеніе есть работа, большая работа, работа всей жизни; оно есть общеніе съ лучшими, чѣмъ мы, умами и постоянное удовлетвореніе вѣчной неуспокоивающейся потребности нашего познающаго духа, стремящагося проникнуть въ жизнь и охватить всѣ ея подробности. Поэтому задача чтенія есть самая реальная задача нашего умственнаго существованія, и какъ задача въ высшей степени реальная, она сама въ себѣ несетъ указаніе на порядокъ и систему удовлетворенія нашихъ познавательныхъ стремленій. Это работа внутренняя, вполнѣ обусловленная нашими умственными силами и душевными потребностями и потому совершеннѣе всего выполняемая только участіемъ въ ней нашихъ внутреннихъ силъ. Велики въ васъ эти силы,—много вы соберете внутри себя и умственныхъ сокровищъ; мало силъ,—мало и соберете; но, прежде всего, не обольщайтесь насчетъ своихъ силъ и не нарушайте натугой очереди понятій. Трудна вамъ книга,—отложите ее: это значитъ, что вы еще не доросли до ума ея автора. Будетъ трудна и черезъ годъ,—опять отложите и не стыдитесь, что вы ее не въ состояніи понять. Гёте можно читать всю свою жизнь—до семидесяти-восьмидесяти лѣтъ—и каждый годъ находить въ немъ все новое и новое. Это значитъ только, что читатель ростетъ изъ года въ годъ, поднимаясь шагъ за шагомъ до высоты ума Гёте. Дѣтскою наивностью и юношескою самоувѣренностью было бы воображать себя въ двадцать лѣтъ ровней геніальному мыслителю въ пору высшаго развитія его силъ.

Такъ какъ чтеніе есть самая реальная задача нашего умственнаго существованія, то сама жизнь сдѣлаетъ указаніе, что читать и въ какомъ порядкѣ читать, чтобы шагъ за шагомъ, начиная съ простѣйшаго, постепенно дойти до высшихъ понятій, какими мы въ силахъ овладѣть. Люди различныхъ силъ остановятся и на различныхъ точкахъ развитія, хотя всѣ пойдутъ отъ одного и того же, начиная съ фактовъ окружающей дѣйствительности. Дѣло лишь въ томъ, чтобы начать не съ книжныхъ, идейныхъ и отвлеченныхъ фактовъ, отыскивая волшебный фонарь, а отъ повседневныхъ вопросовъ, составляющихъ задачу и злобу дня. Это единственный способъ реальнаго самовоспитанія, вырабатывающій правильное реальное мышленіе.

Первый нумеръ любой газеты, первый фактъ, который обратитъ на себя ваше вниманіе, можетъ сослужить вполнѣ роль отправной точки для чтенія. По теперешнему времени, этою точкой будутъ, конечно, вопросы экономическіе, удобные еще и тѣмъ, что они менѣе сложны, болѣе конкретны, и не только у насъ, но и повсюду выдвинуты жизнью на первое мѣсто. Вотъ изъ разныхъ концовъ Россіи, то изъ Курской губерніи, то изъ Саратовской, Самарской, съ юга, востока, двигаются переселенцы въ Сибирь, въ азіатскія окраины, въ Бразилію, Турцію. Что это за движеніе, какая причина его? Малоземеліе? Да, малоземеліе. Но идите дальше, разберите его подробности, загляните въ исторію нашего крестьянскаго вопроса, познакомьтесь съ крѣпостнымъ правомъ, съ условіями освобожденія, съ послѣдующими перемѣнами въ земельныхъ отношеніяхъ, съ условіями нашей крестьянской собственности. Это—такъ называемый аграрный вопросъ, извѣстный уже Риму. Это вопросъ о поземельной собственности, имѣющій продолжительную исторію, изслѣдованный европейскими учеными,—вопросъ, о которомъ писалось много и для справедливаго разрѣшенія котораго теперь усматривается только одно средство — національзація земли.

Далѣе въ томъ же движеніи народа, кромѣ массоваго, совсѣмъ отрывающаго людей съ ихъ мѣста и заставляющаго созидать себѣ какъ бы новую родину, усматриваются еще частныя теченія,—народъ бредетъ за тысячи, иногда, верстъ, отыскивая работу, потому что дома нѣтъ у него заработка. Это, опять, что? Пожалуй, и это аграрный вопросъ, но уже иного оттѣнка, съ примѣсью новыхъ сторонъ и условій жизни, заставляющихъ земледѣльца отыскивать поддержки въ подсобномъ трудѣ, то въ видѣ отдаленныхъ путешествій за заработкомъ, то въ видѣ домашнихъ кустарныхъ занятій неземледѣльческимъ дѣломъ, то въ фабричной и заводской работѣ. Это опять новая и обширная область изслѣдованія, въ которой цѣпляются за вопросы и каждый отдѣльный вопросъ представляетъ обширное поле для изученія. Это вопросы труда, законовъ и условій его успѣшности, со всѣми его подраздѣленіями, съ царящею теперь конкурренціей, т. е. войной всѣхъ противъ всѣхъ, съ борьбой труда съ капиталомъ, съ капиталистическимъ строемъ современнаго общества и его послѣдствіями, какъ рабочій пролетаріатъ, необезпеченность рабочаго и вызванныя этою необходимостью самыя разнообразныя изслѣдованія, ученія, теоріи, закончившіяся на нашихъ глазахъ тѣмъ, что рабочій вопросъ сталъ, какъ въ Германіи и во Франціи, предметомъ государственнаго вмѣшательства, а императоръ Вильгельмъ, въ противовѣсъ соціалистическимъ стремленіямъ и самопомощи, къ которой стало прибѣгать рабочее населеніе, добивающееся уже и политической власти, выступилъ представителемъ такъ называемаго государственнаго соціализма и покровителемъ, и защитникомъ рабочихъ противъ капиталистовъ и хозяевъ. Такъ называемый рабочій вопросъ есть лишь терминъ того остраго общественнаго состоянія, къ которому, наконецъ, привело капиталистическое производство, начавшееся съ изобрѣтенія машинъ. За вопросомъ этимъ считается болѣе ста лѣтъ и онъ настолько уже изслѣдованъ, что имѣетъ громадную литературу, вполнѣ выясняющую всѣ частности

этого ненормальнаго и несправедливаго и убыточнаго для общества и государства состоянія дѣлъ и отношеній.

Стюартъ Милль можетъ служить капитальнымъ пособіемъ для знакомства съ экономическимъ моментомъ, который переживаетъ современное общество, и съ сущностью выработавшихся экономическихъ понятій и ожидающаго ихъ будущаго. Если же читатель присоединитъ къ Стюарту Миллю исторію политической экономіи, то передъ нимъ раскроется уже и очень широкая область экономическаго мышленія и встанетъ ясный экономическій идеалъ, т. е. элементы существующей соціально-экономической дѣйствительности получатъ иное и болѣе справедливое расположеніе.

Романъ Беллами «Черезъ сто лѣтъ» (изданіе Павленкова) можетъ послужить тоже очень хорошимъ пособіемъ для размышленія не только по своему критическому отношенію къ современной экономической дѣйствительности, но и какъ образчикъ реальнаго здравомыслія въ области комбинацій идеальнаго строя мысли. Это именно тотъ истинный реальный (а не мечтательный и фантастическій) идеализмъ, который твердо стоитъ на землѣ и пользуется данными дѣйствительности, располагая лишь ихъ въ лучшемъ и болѣе желательномъ порядкѣ. Въ этомъ идеализмѣ нѣтъ ни разверзающихся завѣсъ, ни свѣтлыхъ вращающихся круговъ, манящихъ глазъ и воображеніе чѣмъ-то приводящимъ въ смутный восторгъ, но не говорящимъ уму и не дающимъ ничего точнаго и практически осуществимаго стремленіямъ, разрѣшающимся при мечтательности обыкновенно пустымъ зарядомъ.

Я не говорю ни о какой программѣ для чтенія, а даю только приблизительную для него схему. Чтенію нельзя научить, и кто самъ съ нимъ справиться не можетъ, того чтенію никто не научитъ. Чтеніе есть постепенная и послѣдовательная работа анализирующей мысли, работа вполнѣ самостоятельная, въ которой одинъ вопросъ цѣпляется за другой и за однимъ найденнымъ отвѣтомъ идетъ слѣдомъ отыскиваніе другаго отвѣта. Тутъ вопросы экономики переходятъ въ вопросы исторіи, этики и т. д. Это безконечные и затяжные вопросы, которыхъ въ годъ передъ выходомъ изъ гимназіи или университета не разрѣшишь, чтобы вмѣстѣ съ полученіемъ диплома вступить въ жизнь, уже владѣя всѣми ея тайнами. А, вѣдь, нашъ мечтающій читатель именно такъ и смотритъ на чтеніе и самовоспитаніе.

Воспитать себя значитъ создать полную, законченную, безъ всякихъ пробѣловъ и пропусковъ сѣть представленій на жизнь и всѣ ея отношенія. Эта сѣть плетется всю жизнь и еще нашимъ прадѣдамъ было извѣстно, что «вѣкъ живи и вѣкъ учись». Поэтому не съ мечтательнымъ легкомысліемъ или самолюбивымъ самообольщеніемъ надо приступать къ чтенію, а съ серьезною мыслью и искреннимъ сознательнымъ стремленіемъ къ истинѣ и обдуманною, и сознательною потребностью знанія. Есть все это въ человѣкѣ, и пойдетъ у него работа, какъ слѣдуетъ; нѣтъ этого,—остановится онъ на какой-нибудь точкѣ своего пути и дальше не пойдетъ. Но все это нужно знать и понимать, прежде чѣмъ приниматься за чтеніе и самообразованіе, чтобы не было потомъ такъ называемыхъ разочарованій и разрушенныхъ иллюзій. Нужно знать, что въ этомъ дѣлѣ все держится на собственныхъ силахъ, на собственномъ и весьма серьезномъ трудѣ. Тогда не придется послѣ перваго замѣчанія въ печати, что мы не образованы и малознающи, обращаться къ автору замѣчанія съ письмами и просьбами: научите насъ читать, да что читать, да какъ читать, гдѣ достать книги и т. д. Каждый, думается, и въ своемъ родномъ городѣ, въ особенности, если это университетскій, найдетъ и людей, которые дадутъ ему указаніе (если ему неизбѣжны указанія), найдетъ какую ни-на-есть и библіотеку, которая на первыхъ порахъ дастъ его пытливости, все-таки, достаточное удовлетвореніе.

Одно можно сдѣлать всеобщее замѣчаніе, что съ чего бы ни началось чтеніе, впереди всего должно стоять знакомство съ родною литературой и ея критиками. А рядомъ съ литературнымъ образованіемъ должно идти хорошее знаніе и вѣрное пониманіе исторіи своего отечества.

LIII.

Въ одной охранительной нашей газетѣ императоръ Вильгельмъ, за его рѣчь о гимназіяхъ, былъ названъ «бывшимъ кассельскимъ гимназистомъ», у котораго «логика, на провѣрку, оказывается далеко не высокой пробы»... Если бы «бывшій кассельскій гимназистъ» пожелалъ познакомиться съ этими охранительными писателями, какъ бы онъ былъ удивленъ, увидѣвъ передъ собою группу маленькихъ, подобострастныхъ людей, съ «котомкой покорности» за плечами. Они напомнили бы ему тѣхъ «гимназистовъ-неудачниковъ» и «кандидатовъ на голодъ», которыми, по его словамъ, нѣмецкое классическое образованіе заполняетъ журналистику и отъ которыхъ независимая нѣмецкая печать отрекается рѣшительно и энергически, приписывая недоразумѣніе императора тому, что онъ имѣлъ возможность знать только оффиціозныхъ журналистовъ.

Изумительна историческая судьба Гогенцоллерновъ, нѣкогда ничтожнаго и безсильнаго маркграфства, терявшагося среди другихъ подавлявшихъ его германскихъ государствъ и только идеей

прогрессивнаго патріотизма достигшаго теперешняго своего значенія, величія и первенствующаго положенія!

Вотъ коротенькая статистика этого изумительнаго превращенія:

1640 годъ.

Курфиршество Бранденбургское.

Пространство—36,700 квадр. верстъ.
Число жителей—2.400,000.
Царствующій государь: Фридрихъ-Вильгельмъ, курфирстъ бранденбургскій.

1891 годъ.

Пруссія, королевство.

Пространство—348,354 кв. верстъ.
Число жителей—28.358,000.
Царствующій государь: Вильгельмъ II, король прусскій, императоръ германскій.

Насъ, русскихъ, привыкшихъ считать все сотнями милліоновъ, эти цифры, можетъ быть, и не поразятъ. Но за то содержаніе этихъ цифръ такъ умно, что онѣ получаютъ выдающійся политическій смыслъ. Только умною государственною системой и прогрессивнымъ патріотизмомъ Пруссія достигла своего значенія.

«Бывшій кассельскій гимназистъ!»—восклицаютъ наши классики-патріоты. Нѣтъ, не «кассельскій гимназистъ» выступаетъ здѣсь съ своимъ новымъ преобразовательнымъ словомъ, а германскій императоръ, стоящій во главѣ нѣмецкаго племени, которому предстоятъ новыя государственныя и общественныя задачи, которыя возможно будетъ разрѣшить съ народомъ, получившимъ иное образованіе, на теперешнее не похожее. «Измѣнившееся международное положеніе Пруссіи и Германіи расширяетъ нашъ кругозоръ и заставляетъ всѣхъ насъ спросить себя: можетъ ли наше образованіе оставаться такимъ же, какимъ оно было въ то время, когда Германія и нѣмецкій народъ жили жизнью замкнутыхъ въ себѣ мыслителей? Теперь, съ измѣнившимися обстоятельствами, мы невольно приходимъ къ мысли, что намъ, быть можетъ, придется такъ или иначе прорвать ту ограду, которой стѣснена была до сихъ поръ наша школьная система», такъ разъяснилъ мысль императора Вильгельма министръ народнаго просвѣщенія.

Для чего же «такъ или иначе» (значитъ, безповоротно, рѣшительно, во что бы то ни стало) придется Пруссіи порвать съ своею школьною системой образованія? Только для того, чтобы создать людей, выросшихъ въ знаніи своего отечества, въ пониманіи его практическихъ нуждъ и потребностей, создать тѣхъ дѣятельныхъ гражданъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ, которыхъ теперешняя школа, учившая совсѣмъ другому и старавшаяся отвлекать вниманіе отъ знакомства съ истинными нуждами своего отечества, совсѣмъ не создавала. Эту мысль, хотя и другими словами, императоръ Вильгельмъ высказалъ вполнѣ ясно.

Говорятъ, что Вильгельмъ ищетъ популярности, что онъ во что бы то ни стало желаетъ оставить по себѣ слѣдъ въ исторіи. Все это возможно. Но вопросъ не въ этомъ; вопросъ — въ томъ, какими средствами Вильгельмъ думаетъ достигнуть этой цѣли, если вѣрно, что онъ только ради ея и работаетъ. И Вильгельмъ въ своихъ средствахъ является истымъ Гогенцоллерномъ. Выдающіеся Гогенцоллерны, имена которыхъ записаны исторіей, всегда отличались умѣньемъ понимать требованія своего времени и того, что нужно дѣлать для славы и возвеличенія Пруссіи. Такимъ же передовымъ представителемъ Пруссіи является и Вильгельмъ.

Выросшій среди побѣдныхъ кликовъ нѣмцевъ и всеобщаго воинственнаго возбужденія, Вильгельмъ еще ребенкомъ обнаруживалъ воинственныя наклонности, какъ бы уже формировался въ будущіе завоеватели и даже заставилъ говорить о себѣ, какъ о будущемъ Фридрихѣ Великомъ. И вотъ этотъ будущій Фридрихъ Великій, ставъ императоромъ и королемъ, умѣряетъ свой военный пылъ и провозглашаетъ самую мирную програму: «Мы живемъ,—говоритъ онъ, — въ переходное время и находимся наканунѣ вступленія въ новое столѣтіе, а преимуществомъ моего дома,—и я думаю, мои предки давно это доказали,—всегда было то, что они, чувствуя біеніе пульса времени, умѣли предъугадывать, что должно наступить. Тогда они становились во главѣ движенія, которымъ они рѣшились руководить и которое хотѣли направить къ новымъ цѣлямъ. Я полагаю, что узналъ, къ чему склоняется новый духъ и заканчивающееся столѣтіе, и я рѣшился, какъ при возбужденіи вопроса о соціальныхъ реформахъ, такъ и въ дѣлѣ воспитанія нашего молодаго поколѣнія, выступить на новую дорогу, — идти по которой мы должны безусловно, потому что если мы не сдѣлаемъ этого, то мы будемъ къ тому черезъ двадцать лѣтъ принуждены».

Вотъ и весь секретъ Вильгельма,—секретъ очень простой и даже не новый, и лишь только заявленный во всеуслышаніе, какъ программа, которой Вильгельмъ будетъ держаться. Фридрихъ-Вильгельмъ, а еще болѣе Фридрихъ Великій не спрашивали своихъ подданныхъ-«дѣтей», что имъ нужно. Теперь уже такъ нельзя. И жизнь, и народное сознаніе выросли и развились настолько, что, кромѣ силы «сверху», явилась уже и сила «снизу». Нижнее теченіе, не только во Франціи и Италіи, но даже въ нѣмецкихъ земляхъ, даже въ Австріи, составляетъ фактъ, который нужно уже признать какъ одно изъ неустранимыхъ основаній современной государственности.

И Вильгельмъ объявляетъ, что онъ этотъ фактъ признаетъ, что онъ останется вѣренъ гогенцоллернской традиціи прогрессивнаго консерватизма. Консерватизмъ этотъ заключается не въ настойчивомъ охраненіи всѣхъ старыхъ порядковъ, учрежденій, установленій и внутреннихъ отношеній,—онъ заключается въ томъ традиціонномъ идеалѣ, кото-

рый выработали для себя Гогенцоллерны. Власть, какъ носитель справедливости, общаго блага, мирнаго развитія и просвѣщенія, на встрѣчу которымъ она идетъ сама, предъугадывая требованія жизни, и, притомъ, пріуроченная собственно къ дому Гогенцоллерновъ, и есть именно тотъ традиціонный консервативный устой, на охраненіе и укрѣпленіе котораго Вильгельмъ намѣренъ положить всѣ свои силы. Въ сущности, это консерватизмъ правительственной системы дома Гогенцоллерновъ, прогрессивная роль котораго въ политической исторіи Германіи питаетъ въ Вильгельмѣ честолюбивую мечту не только поднять и укрѣпить, но и расширить значеніе Пруссіи, своей династіи и вообще монархической власти. Вильгельмъ немножко идеалистъ-мечтатель, настолько честолюбивый, энергичный и дѣятельный, что въ исторической борьбѣ разныхъ теченій, въ которой, можетъ быть, ему придется играть видную роль, онъ считаетъ возможнымъ выйти побѣдителемъ, а, пожалуй, стать и вождемъ монархизма, который онъ хочетъ обновить.

Честолюбіе Вильгельма заключается въ поднятіи національнаго чувства и умственнаго развитія. Нѣкогда приниженные нѣмцы, почти ставшіе предметомъ презрѣнія для своихъ болѣе сильныхъ сосѣдей, сдѣлались тѣмъ, что они теперь есть, только подъемомъ національнаго сознанія и національнаго чувства. Во главѣ этого возбужденія встала Пруссія, выставившая цѣлый рядъ великихъ и даровитыхъ патріотовъ, работавшихъ въ литературѣ и на государственномъ и политическомъ поприщѣ. Томазій, Лессингъ и слѣдовавшая за ними плеяда писателей, ученыхъ, философовъ и цѣлый рядъ патріотовъ-правителей, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, Фридрихъ Великій, Вильгельмъ I, Штейнъ, Бисмаркъ, заканчивается на нашихъ глазахъ новымъ вождемъ прусско-нѣмецкаго государственнаго патріотизма—Вильгельмомъ II.

По мнѣнію Вильгельма II, новый германскій государственный строй стоитъ того, чтобы его сохранить, и содѣйствіе сохраненію и спокойному дальнѣйшему развитію этого государственнаго строя — задача достойная того, чтобы употреблять на нее всѣ силы человѣческія. И путемъ иного, осмысленнаго и патріотическаго образованія Вильгельмъ надѣется создать для Пруссіи новое поколѣніе гражданъ, спокойное, поступательное, сливающееся въ своихъ стремленіяхъ, желаніяхъ и цѣляхъ въ гармоническое и одномыслящее цѣлое съ правительствомъ.

Вмѣсто «очерка *русской* жизни», у меня выходитъ какъ будто бы «очеркъ *прусской* жизни». Но это именно «какъ будто-бы». Историческія иллюстраціи мнѣ казались (и думаю, что это такъ и есть) наиболѣе убѣдительнымъ противупоставленіемъ тому, что стараются доказать наши охранительныя газеты. Вильгельмъ II — крайній и убѣжденный идеалистъ монархизма, желающій поставить монархическую власть въ Германіи на высоту, на какой она стояла при Карлѣ Великомъ, когда и благо и добро, и правда и справедливость, и порядокъ исходилъ только отъ лица императора. А «Гражданинъ» усматриваетъ въ его программѣ укрѣпленія монархизма «колебанія основъ».

Разгадка этого недоразумѣнія — въ томъ, что «основы», на которыхъ стоитъ «Гражданинъ» и его единомышленники, выдающіе ихъ за чисто-*русскія*, совсѣмъ не тѣ, на которыхъ стоитъ Вильгельмъ. Вильгельмъ — образованный человѣкъ и въ качествѣ образованнаго человѣка онъ знаетъ цѣну образованія, знаетъ, что только ему Пруссія обязана своимъ возвышеніемъ, и потому въ иномъ образованіи юношества, образованіи общественно-политическомъ, основанномъ на знаніи дѣйствительныхъ и практическихъ нуждъ страны,—образованіи, на существовавшее до сихъ поръ образованіе не похожемъ, — усматриваетъ единственную возможность угадать «біеніе пульса времени» и «предусмотрѣть то, что должно наступить». Съ нетерпѣливостью молодости, но твердо, энергично и сознательно, Вильгельмъ сталъ подготовлять путь, на который онъ хочетъ поставить Пруссію, замѣняя старыхъ генераловъ и совѣтниковъ своего дѣда болѣе свѣжими людьми, иного режима. Энтузіастъ-императоръ, можетъ быть, уже и рисуетъ себя центральною фигурой обновленнаго прусскаго монархизма, окруженною созданными имъ новыми поколѣніями, начинающими новую эру не только для Пруссіи, но и для всей Германіи. Конечно, въ подобномъ консерватизмѣ ни для «Московскихъ Вѣдомостей», ни для «Гражданина» съ ихъ сторонниками нѣтъ мѣста. Оба эти консерватизма отстоятъ другъ отъ друга на цѣлое тысячелѣтіе. Консерватизмъ Вильгельма — свѣтлый, доброжелательный консерватизмъ, полный жизни и просвѣщенныхъ стремленій; консерватизмъ же «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина» — что-то мрачное, нелюдимое, озлобленное и недоброжелательное. Консерватизмъ Вильгельма основанъ весь на сознательной идеѣ развитія. Вильгельмъ говоритъ, что теперешній государственный строй Германіи стоитъ того, чтобы его сохранить и употребить на это всѣ силы человѣческія. Но чтобы этотъ строй могъ сохраниться, нужно, чтобы каждый гражданинъ убѣдился, что это именно такъ, чтобы каждый воспитался въ этомъ убѣжденіи, чтобы каждый зналъ всѣ условія развитія и роста той государственности, которая охраняетъ его гражданское и личное существованіе, чтобы онъ зналъ всѣ опасности, которыя грозятъ цѣлости этой государственности, и когда каждый пруссакъ убѣдится сознательно и безъ колебаній, что только въ теперешней прусской государственности, съ ея вождемъ Гогенцоллерномъ, она имѣетъ лучшія формы общественности, ужь онъ, конечно, будетъ сознательно стремиться охранять эти формы отъ всякаго сторонняго покушенія на ихъ цѣльность и охранительное начало найдетъ свой непоколебимый источникъ само въ себѣ, въ сознаніи гражданъ. «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ» выставляютъ совсѣмъ противуположныя требованія. Они выстраняютъ изъ своей программы консерватизма всякую критическую мысль, сознательность и свободное отношеніе къ дѣйствительности, а «Гражданинъ» даже

и прямо возстаетъ противъ образованія, въ немъ-то именно и усматривая опасность для охранительныхъ началъ. Подобный консерватизмъ, думающій укрѣпиться на невѣжествѣ, лежитъ, разумѣется, за десятки тысячъ верстъ отъ консерватизма Вильгельма, находящаго самый прочный и надежный устой въ образованіи и просвѣщеніи.

Разное отношеніе къ умственному развитію и сознательности устанавливаетъ и совсѣмъ противуположныя практическія программы того и другаго консерватизма. Когда Штеккеръ, напримѣръ, вздумалъ возобновить при Вильгельмѣ II свой крестовый походъ противъ евреевъ, Вильгельмъ попросилъ его замолчать. Наши же охранительные органы думаютъ, что люди будутъ чувствовать себя лучше и счастливѣе, если не давать каждому свое, а давать его только нѣкоторымъ, а тѣхъ, для для кого оно не полагается, турить вонъ...

Ставлю точки. И что я усиливаюсь доказать и для кого? Развѣ въ той же Пруссіи Вильгельма, о которой рѣчь, пришло бы какому-нибудь писателю въ голову доказывать, что государство и народъ сильны только образованіемъ, просвѣщеніемъ, сознаніемъ, что каждый гражданинъ долженъ знать учрежденія своей страны, ея исторію, что просвѣщенное правительство, опирающееся на просвѣщенныхъ гражданъ, образуетъ несокрушимую силу, дающую странѣ могущество внѣшнее и крѣпость внутреннюю, что управленіе должно быть основано на подъемѣ нравственности народа и на просвѣщенномъ патріотизмѣ, что соотвѣтственное воспитаніе подростающихъ поколѣній есть единственный залогъ стройнаго и развивающагося внутренняго быта?.. А у насъ все это нужно еще доказывать, и доказывать безконечно, изо дня въ день, изъ года въ годъ, чѣмъ и занимаемся неустанно вотъ уже тридцать лѣтъ и, должно быть, прозанимаемся еще лѣтъ пятьдесятъ, растолковывая эти азбучныя истины не младенцамъ или дѣтямъ, а взрослымъ, и отстаивая просвѣщеніе, цивилизацію и истинный патріотизмъ отъ покушеній на нихъ разныхъ обскурантныхъ силъ то въ видѣ проповѣдниковъ морали, то въ видѣ органовъ печати.

Изъ всѣхъ европейскихъ обществъ только наше, едва вкусившее отъ плодовъ просвѣщенія, такъ колеблется между увѣренностью и неувѣренностью, нужно ли образованіе, или не нужно, спасетъ ли знаніе, или погубитъ. Только у насъ можно наблюдать такое любопытное явленіе, что вопросъ: нужно ли образованіе, или нѣтъ—является предметомъ обсужденія, споровъ и полемики, и что невѣжество, какъ общественный принципъ, встрѣчаетъ массу «убѣжденныхъ» сторонниковъ. Атмосфера, которую создаютъ эти «убѣжденные», есть пережитокъ того до-петровскаго, московскаго періода, когда мы замыкались отъ всего европейскаго, боялись знаній, какъ чумы, и думали, что лучше всего мы проживемъ «своимъ умомъ». Выростая въ этой атмосферѣ, каждый у насъ носитъ уже въ себѣ ея заразу, а возможность прожить, и даже хорошо, не разставаясь съ невѣжествомъ, дѣлаетъ всѣхъ насъ болѣе или менѣе равнодушными къ знанію, образованію и просвѣщенію. Вотъ съ этимъ-то равнодушіемъ и слѣдуетъ бороться изо всѣхъ силъ и долбить на каждомъ шагу и каждому: учись, учись, учись, знай, понимай, сознавай и протестуй, насколько, гдѣ и какъ можешь, противъ невѣжества и полуобразованія. Будить мысль, толкать ее на постоянную работу, не давать ей задремать и — Боже упаси — заснуть—вотъ единственная задача печати и дѣятельно-интеллигентной части нашего общества, которой дороги интересы отечества и благо народа.

По поводу письма толстовца, которое я приводилъ въ августовскомъ «Очеркѣ» прошедшаго года, «Недѣля» въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ сказала, что я боюсь за цивилизацію. Ни за какую цивилизацію я не боюсь, да и не думаю, чтобы за нее кто-нибудь изъ противниковъ толстовскаго общественнаго ученія и боялся. Юліанъ-Отступникъ былъ человѣкъ необыкновенно умный, высокаго образованія и располагавшій всѣми средствами громадной власти, да и тотъ не былъ въ состояніи, даже хоть на время, задержать движеніе новой христіанской цивилизаціи. Чѣмъ же сравнительно съ Юліаномъ являются всѣ наши Достоевскіе и другіе проповѣдники морали, не признающіе знанія и образованія единственною силой и моральнаго прогресса? Вѣдь, это же, сравнительно, пигмеи мысли, отуманенные фанатики и прямолинейные энтузіасты, способные увлечь на свой путь только подобныхъ же себѣ людей, но общественное здравомысліе сбить съ толку,—на долго, по крайней мѣрѣ, — силъ не имѣющіе. Какая же можетъ быть отъ нихъ опасность цивилизаціи, которая будетъ идти своимъ путемъ и, не замѣтивъ даже, что они пытаются встать поперекъ ея, замететъ всякій слѣдъ ихъ?

Не о цивилизаціи тутъ рѣчь и не ее приходится спасать. Нужно спасать общество отъ обскурантныхъ вліяній и отъ умственнаго усыпленія. Предположите, что обскурантное ученіе проповѣдниковъ морали становится настолько сильнымъ, что увлекаетъ за собой хоть 100,000 интеллигентныхъ людей и преимущественно молодежи, и всѣ эти люди «садятся на землю». Да, вѣдь, это же такое общественное бѣдствіе и такой общественный минусъ, передъ которымъ должно поблекнуть нашествіе десяти Тамерлановъ и Аттилъ. Сто тысячъ, вынутые изъ нашего скуднаго запаса образованныхъ и интеллигентныхъ людей и омужиченные ради того лишь, что «интеллигентъ долженъ отдать свой долгъ народу и своими руками добывать себѣ насущный хлѣбъ»,—это не только общественный абсурдъ, но и тягчайшее общественное преступленіе, которое должно бы вызвать проклятіе на главу проповѣдниковъ этого безбожнаго и бездушнаго избіенія людей, можетъ быть, даже нашихъ лучшихъ людей, ибо идутъ за нашими проповѣдниками только энтузіасты и люди, способные жертвовать собою ради нравственныхъ общественныхъ цѣлей. Обобщите извѣстіе, сообщаемое «Орловскимъ Вѣстникомъ», предположите, что

горькая судьба бѣдняковъ, о которыхъ онъ пишетъ, постигла всѣ эти 100,000 обращенныхъ. А «Орловскій Вѣстникъ» пишетъ, что «въ Орлѣ стали все чаще и чаще появляться возвращающіеся издалека на родину молодые интеллигентные люди въ оборванной одеждѣ, почти босые, и, несмотря на насмѣшки и оскорбленія, собирающіе милостыню по мѣстнымъ трактирамъ. Послѣдователи графа Толстаго по большей части люди съ извѣстными денежными средствами, которыя даютъ имъ возможность покупать землю и безъ особеннаго труда обзаводиться хозяйствомъ: они, такъ сказать, только играютъ «въ мужички», но тѣмъ несчастнымъ, которые послѣ тщетныхъ попытокъ найти какую-нибудь работу на чужой сторонѣ возвращаются домой почти босыми и нагими, приходится глубоко задуматься надъ своею участью». Что же это такое? Да больше ничего, какъ давно извѣстная, старая картина бродяжества нашего крестьянина-пахаря, дополненная бродяжествомъ интеллигентнаго пахаря.

Теперь предположите, что тѣ же 100,000 интеллигентовъ не омужичиваются и не садятся на землю, а даютъ образованныхъ и даровитыхъ писателей, ученыхъ, педагоговъ, администраторовъ, художниковъ, техниковъ, вообще работниковъ мысли, двигателей просвѣщенія и честныхъ практическихъ дѣятелей, преимущественно въ области администраціи высшей и низшей. Когда выиграетъ больше Россія: тогда ли, когда она пріобрѣтетъ подобныхъ интеллигентныхъ дѣятелей, устроителей порядка въ нашемъ внутреннемъ управленіи, нуждающемся въ обновленіи, и просвѣщенныхъ представителей руководящаго общественнаго мнѣнія, или же когда девяносто милліоновъ деревенскаго населенія пріобрѣтутъ еще сто тысячъ плохихъ пахарей изъ интеллигентовъ, для нашего земледѣлія вовсе ненужныхъ, которые исчезнутъ незамѣтно въ общей массѣ земледѣльцевъ, нисколько не измѣнивъ ихъ сѣраго цвѣта?

Нельзя не повторить извѣстнаго выраженія, что теперешніе представители консервативной печати и какой-то «русской» партіи и теперешніе проповѣдники моральныхъ вѣроученій, пытающіеся обновить русскую жизнь, подготовляютъ невольно правильное общественное сознаніе. Тѣ и другіе, прежде всего, сами отличаются недостаточнымъ общественнымъ и политическимъ развитіемъ, узостью общественнаго кругозора и апріорностью въ средствахъ, которыми они думаютъ излечить Россію отъ всѣхъ ея болѣстей. Всѣ эти средства предвзятыя, всѣ они личныя и всѣ они отличаются именно отсутствіемъ обобщенія и знанія дѣйствительныхъ нуждъ Россіи. Наприм., соціальная сущность общественной морали гр. Толстаго заключается въ томъ, что интеллигентъ долженъ отдать долгъ народу. Такое ученіе вполнѣ личное, вылившееся изъ той потребности нравственнаго обновленія, которую съ такою силой ощутилъ въ себѣ и сознаъ гр. Толстой. И удовлетворяя этому чувству гр. Толстой отдаетъ свой долгъ лично. Онъ ходитъ въ армякѣ, пашетъ землю, живетъ чуть не въ подвалѣ своего барскаго дома и *своими* руками зарабатываетъ свой хлѣбъ. Покаяніе Толстаго есть его личное дѣйствіе, вызванное нравственною потребностью освободиться отъ продолжающейся еще несправедливости нашихъ отношеній къ народу, традиціоннымъ послѣдствіемъ которой чувствовалъ себя гр. Толстой.

Послѣдователи гр. Толстаго изъ того же дворянско-интеллигентнаго слоя являются подобными же «кающимися дворянами». Это тоже люди хорошихъ фамилій, со средствами, и «нравственный долгъ», который они отдаютъ народу, есть совершенно такое же нравственное дѣйствіе, такая же личная потребность уплатить народу цѣну созданнаго народомъ прогресса, дворянской интеллигенціи и ея наслѣдственныхъ состояній. Кающійся дворянинъ есть поэтому представитель или выразитель нравственнаго протеста противъ общественныхъ условій и отношеній, которыя его создали, и его формула,—отдача долга народу, - выражаетъ вѣрно сущность его покаятельнаго поведенія и какой общественной группѣ она должна служить программой.

Но освобожденіе крестьянъ выдвинуло еще и другую группу, ничего общаго съ этою группой не имѣющую, группу иного, новаго происхожденія, группу, вышедшую изъ того же народа и вмѣстѣ съ нимъ послужившую на созданіе нашей дворянской интеллигенціи,—эту новую общественную группу составилъ разночинецъ. Разночинецъ есть поднимающаяся кверху часть народа, имѣющая въ немъ свои корни, и не чуждая протестующихъ чувствъ противъ первой группы, о которой я говорилъ. По способу происхожденія, разночинцу, конечно, нѣтъ мѣста въ формулѣ кающагося дворянина, потому что ему и каяться-то не въ чемъ и отдавать некому. Нѣтъ ему поэтому мѣста и въ хвостѣ гр. Толстаго. Кающійся дворянинъ и разночинецъ—два противуположныхъ полюса нашей общественности, созданные двумя совсѣмъ несходными движеніями мысли. Кающійся дворянинъ выросъ изъ моральнаго, покаятельнаго чувства, а разночинецъ — прямой продуктъ новыхъ общественно-гражданскихъ условій жизни, слѣдовательно, имѣетъ общественно-политическое происхожденіе. Кающійся дворянинъ есть явленіе личное и онъ возможенъ лишь тогда, когда есть люди, способные къ покаянію, поэтому и размѣръ вліянія ученія о покояніи и отдачѣ долга народу зависитъ отъ числа людей, не только способныхъ проникнуться покаятельнымъ чувствомъ, но и сознать свое участіе въ предъидущей исторической несправедливости. Разночинецъ же, какъ продуктъ улучшившихся общественныхъ условій, есть явленіе общественное, выдвигаемое только жизнью. Покаятельная пропаганда, вся основанная на способности моральнаго проникновенія, выдвигаетъ впередъ личность и требуетъ личнаго поведенія. Успѣхъ ея поэтому зависитъ только отъ качествъ почвы, на которую падаетъ сѣмя, а когда такой почвы не особенно много, не взойдетъ на ней много сѣмянъ. Значитъ, это ученіе уже само въ себѣ заключаетъ свое соб-

ственное ограниченіе и не можетъ быть всеобщимъ ни въ смыслѣ широкаго общественнаго захвата, ни въ смыслѣ однородности проявленія, ибо каждый кающійся будетъ каяться на свой манеръ, и получится лишь анархія единоличныхъ моральныхъ произволовъ. Единоличность же моральныхъ произволовъ приведетъ еще къ большей личной произвольности въ общественномъ мышленіи, если только до общественнаго мышленія дотянется. И вотъ откуда это отрицаніе личнаго развитія и воображаемая возможность прожить по-человѣчески безъ знаній. Все это, конечно, происходитъ только отъ того, что мы вовсе не воспитаны общественно-политически. Есть у меня письмо, въ которомъ приводится такое мнѣніе молодаго толстовца о Щедринѣ: «мнѣ, чтобы читать Щедрина, нужно знать хорошо исторію послѣднихъ 30—40 лѣтъ; на что мнѣ знать эту исторію, пусть они научатъ меня жить по-справедливому, «по-божески». Очевидно, что человѣкъ думаетъ, будто бы можно прожить «по-божески» безъ образованія и даже безъ знанія исторіи своего отечества!

Въ «Недѣлѣ» былъ напечатанъ весьма поучительный разсказъ объ арміи спасенія и о тѣхъ поразительныхъ результатахъ, которыхъ это общество достигло, когда оно изъ пустопорожней области моральной дѣятельности перешло къ соціально-экономической общественной практикѣ. Разсказъ этотъ былъ напечатанъ по поводу смерти жены «генерала» Бутса, основателя арміи.

Въ арміи считается теперь 2,500 отрядовъ, 7,000 офицеровъ, около 160,000 солдатъ, а ежегодный доходъ ея равняется 50,000 фунтовъ стерлинговъ. Вначалѣ армія спасенія задавалась только лично-моральными цѣлями и боролась противъ современнаго невѣрія, пьянства, разврата и нищеты, теперь же она вступила на соціальный путь и предводитель ея, «генералъ» Бутсъ, задумалъ громадное дѣло спасенія жителей лондонскихъ трущобъ отъ ихъ горькой участи посредствомъ эмиграціи. Въ книгѣ генерала Бутса, которая вышла надняхъ, изложенъ подробный его планъ, въ который входитъ устройство въ Англіи кооперативныхъ квартиръ, мастерскихъ, школъ, рабочаго бюро, банка, юридическаго кабинета и конторы для заключенія браковъ; въ провинціяхъ—кооперативныхъ селеній и фермъ, за моремъ—кооперативныхъ колоній. Одно изъ свѣтилъ англиканской церкви, извѣстный проповѣдникъ Лидонъ, посѣтивъ публичный митингъ арміи спасенія въ Вайтчапелѣ, сказалъ, что онъ не зналъ, куда скрыться отъ стыда при видѣ тѣхъ результатовъ человѣческой проповѣди среди подонковъ лондонскаго общества, которыхъ достигли эти заблуждающіеся мистики, тогда какъ истинная христіанская церковь ничего не дѣлаетъ для народныхъ массъ! Другой извѣстный англичанинъ выразился о дѣятельности Бутса такъ: «Мы посвятили всю свою жизнь на дѣло уничтоженія суевѣрныхъ понятій и созданія новой эры, основанной на разумѣ, образованіи и просвѣщенномъ эгоизмѣ, но одинъ Бутсъ произвелъ болѣе вліянія на цѣлое поколѣніе, чѣмъ мы всѣ вмѣстѣ. Конечно, онъ сдѣлалъ это не благодаря своимъ убѣжденіямъ, которыя просто суевѣрная чепуха, но онъ пробудилъ въ людяхъ чувство братства, и это обращеніе къ соціальному инстинкту человѣка дало ему силу совершать чудеса». Въ совершеніи этихъ чудесъ дѣятельно помогала ему жена, которая, кромѣ общихъ цѣлей, предпринятаго имъ общественнаго движенія, имѣла всегда въ виду стремленіе къ достиженію естественныхъ женскихъ правъ, и, главнымъ образомъ, благодаря ей, въ арміи спасенія женщины вполнѣ сравнены съ мужчинами. Она питала пламенное сочувствіе ко всѣмъ, кто страдаетъ и нуждается, а потому новое направленіе, приданное общественной дѣятельности арміи спасенія, обязано отчасти ей. Она не только своею религіозною дѣятельностью, проповѣдями и многочисленными сочиненіями заслужила прозвище «женщины-епископа», но была въ полномъ смыслѣ слова матерью какъ арміи спасенія, такъ и всего трущобнаго населенія Лондона...

Ну, вотъ примѣръ того, какія чудеса творятся изъ мелкихъ начинаній, когда за нихъ берутся люди истинно образованные, развитые, убѣжденные, которымъ извѣстна и исторія ихъ страны, исторія стремленій народа, его нужды, требованія, общій ходъ и направленіе современнаго соціальнаго движенія. Въ англійской арміи спасенія не только ни одинъ офицеръ, да ни одинъ рядовой не скажетъ: «зачѣмъ мнѣ знать исторію послѣднихъ 30—40 лѣтъ, пускай научатъ меня жить по-справедливому». Да, вѣдь, справедливость только изъ этого знанія и получается, а оно вовсе не существуетъ въ видѣ пилюли, которую какъ проглотишь, такъ и почувствуешь въ себѣ присутствіе справедливости и начнешь жить «по-божески». Готовыхъ «пилюль справедливости» на свѣтѣ нѣтъ, и каждый такую пилюлю долженъ приготовить для себя самъ. Рецептъ же пилюли очень простъ: образованіе, знаніе, развитіе.

Наша армія спасенія думаетъ, однако, иначе. Она вѣритъ только въ чудеса и въ какое-то «непосредственное начало», которое нужно умѣть только зашевелить и изъ него сейчасъ же выроститъ древо познанія добра и зла. Безъ знаній ничего не выростаетъ, а, напротивъ, все заглохаетъ и умираетъ. Жаль будетъ, если и нашу армію спасенія постигнетъ то же, но ничего, должно быть, не подѣлаешь противъ этого, когда армія эта сама себѣ роетъ яму. Не спасти ей никого, если она сама себя спасти не умѣетъ. Изъ ничего Бутсъ создалъ 2,500 отрядовъ и завербовалъ 7,000 «офицеровъ» и 160,000 «солдатъ». По разсчету нашего населенія мы бы должны имѣть 7,500 отрядовъ, 21,000 офицеровъ и 500,000 солдатъ. Гдѣ они? И Бутсъ началъ проповѣдью противъ невѣрія, пьянства, разврата и бѣдности, но смыслъ, знаніе и наблюденіе ему подсказали, что моральный конекъ, если ѣздить на немъ одномъ, только измучитъ ѣздока и никуда не привезетъ, и онъ перешелъ къ практическимъ мѣрамъ гражданскаго, экономическаго и соціальнаго устроенія и повернулъ въ свою сторону все передовое общественное

мнѣніе Англіи. Лидонъ говоритъ, что ему стало стыдно при видѣ результатовъ, которыхъ достигли эти «заблуждающіеся мистики», «тогда какъ христіанская церковь ничего не дѣлаетъ для народныхъ массъ». Другой англичанинъ увѣряетъ, что «убѣжденія Бутса—суевѣрная чепуха», и онъ совершилъ свои чудеса, обратившись къ соціальному инстинкту человѣка и пробудивъ чувство братства. Но развѣ англиканская церковь, о которой говоритъ Лидонъ, что-нибудь и хочетъ дѣлать для массъ? Развѣ она въ своихъ проповѣдяхъ говоритъ имъ то, что говоритъ Бутсъ? «Убѣжденія Бутса—суевѣрная чепуха!» Какія убѣжденія—не знаю, но знаю, что за суевѣрною чепухой англійскія массы не пойдутъ и сила Бутса не въ чепухѣ, не въ пустыхъ словахъ, которыя бы давно разнесъ вѣтеръ, а въ глубокомъ знаніи природы человѣка и въ совершенно отчетливомъ и ясномъ представленіи какъ съ этою природой и съ чѣмъ къ ней нужно обращаться. Чувство справедливости, т.-е. братства, равнаго достоинства,—вотъ тѣ великія струны сердца, которыя надо было твердо знать, чтобы умѣть на нихъ играть, и чтобы среди подонковъ лондонскаго населенія водворить равенство правъ мужчины и женщины. Нужно было имѣть свѣтлый, реальный взглядъ на жизнь и знать больше, чѣмъ только исторію за послѣднія 30—40 лѣтъ назадъ, чтобы вступить на путь тѣхъ соціальныхъ мѣропріятій, на который Бутсъ теперь всталъ. Большой умъ требовался для всего этого, большое знаніе явленій жизни и ея требованій, большое знаніе законовъ души и большое умѣнье ими пользоваться, чтобы свершить то, что свершилъ Бутсъ.

Вотъ единственный секретъ Бутса. А мы все нянчимся съ «непосредственностью» и думаемъ, что можно творить общественныя чудеса, не имѣя общественныхъ знаній и понятій.

Общее заключеніе этого «Очерка» такое: у насъ очень слабо общественно-политическое развитіе, и мы этого не только не сознаемъ, но и проповѣдуемъ, что этого и сознавать не нужно. Наши «охранители» увѣряютъ, что только при невѣжествѣ можно прожить спокойно и счастливо; а наши моралисты поучаютъ, что для развитія правильной общественности достаточно одной «непосредственности», а думать въ общественно-политическомъ направленіи совершенно излишне.

LIV.

Лѣтъ сорокъ назадъ мы знали очень хорошо, что такое Петербургъ и что такое Россія. Тогда объ этомъ можно было прочитать у Карамзина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Соловьева. Теперь о Петербургѣ и Россіи ни у кого ничего не прочтешь. Тогда и Петербургъ, и Россія были что-то цѣльное, и люди были ихъ цѣльные. Человѣкъ, только что родившійся, имѣлъ уже свое опредѣленное мѣсто въ природѣ, впереди его лежалъ готовый путь, по которому онъ шелъ и соотвѣтственно которому думалъ и поступалъ. Передъ теперешнимъ человѣкомъ готовыхъ дорогъ нѣтъ, нѣтъ у него и мѣста готоваго, все это нужно найти, да и думать нужно научиться, думать по своему. Тогда у каждаго была готовая ниточка, за которую онъ держался, теперь большинство старыхъ ниточекъ порвалось, новыхъ еще не свили, и очень немногіе знаютъ, за что имъ держаться.

Теперешнее время прозвали временемъ хаоса и шатанія мысли, и всѣхъ, кто выступилъ въ жизнь послѣ того, какъ порвались прежнія ниточки, обвинили въ нравственномъ и умственномъ безпутствѣ, безъидейности, безпринципности, въ отсутствіи идеаловъ и устоевъ. Тутъ есть недоразумѣніе, вслѣдствіе оптическаго обмана. Обвиненіе падаетъ на теперешняго человѣка, потому что никого другаго и обвинить больше нельзя. Вѣдь, нельзя же обвинять мертвыхъ? Но теперешній обвиняемый, все-таки, мертвый человѣкъ, хоть онъ и стоитъ передъ нами во весь ростъ, Онъ, этотъ теперешній, есть собственно человѣкъ прошлаго, онъ кость отъ кости и плоть отъ плоти того времени, которое прошло и которое смѣнилось временемъ новымъ и такимъ же новымъ человѣкомъ. Тѣ же, теперешніе, которыхъ обвиняютъ, только родились нынче, но они то, чѣмъ люди были тогда, съ тѣми же принципами и нравственными устоями, съ тѣми же понятіями и воззрѣніями, которыя они и внесли въ новый открывшійся передъ ними просторъ жизни. Просторъ этотъ для нихъ оказался слишкомъ великъ и они въ немъ потерялись, потому что у нихъ не нашлось никакой внутренней, нравственной и умственной дисциплины. Съ старою же, дореформенною дисциплиной на этотъ просторъ выступать было нельзя. Вотъ эти-то люди, съ которыхъ сняли шоры, и натворили неустройства.

Шатается не новое, что вступило въ новое, шатается старое, что вступило въ новое съ своимъ старымъ. Наши публицисты правой, обрушивающіеся на шатающихся и распущенныхъ людей, даже и не подозрѣваютъ того, что они указываютъ лишь на себя и на своихъ, составляющихъ общественно-идейный анахронизмъ. Кто всѣ эти фигурирующіе въ позорныхъ процессахъ, кто эти расхи-

тители общественнаго сундука, кто эти насильники и злоупотребители, кто эти дѣльцы новой формаціи, кулаки и піявки, высасывающіе отовсюду живые соки? Кто ихъ создалъ, какая идея дала имъ жизнь и содержаніе и опредѣлила ихъ поведеніе? Реформы создали только просторъ, въ который они и влѣзли съ тѣми идеями, понятіями, стремленіями и аппетитами, истребить которые изъ русской жизни и должны были реформы.

Оптическій обманъ, въ которомъ будто бы пребываютъ наши «правые», обманъ не для нихъ, а для ихъ противниковъ. «Правые», зная все, что они знали, въ обманъ впасть не могли и разыграли твердо свою партію, какъ по нотамъ.

Всегда во всѣ времена и у всѣхъ народовъ консерваторы гораздо лучше понимали свое дѣло и искуснѣе вели свою игру, чѣмъ либералы. И это понятно. Консерваторы стояли всегда твердо на практической, личной почвѣ, умѣли хорошо мѣрить и считать, и знали, что именно нужно имъ мѣрить и считать. Блага, къ которымъ они стремились, были всегда блага осязательныя. Освобожденіе крестьянъ было для нихъ вопросомъ о даровой силѣ и землѣ, которая отъ нихъ отходила. Судъ присяжныхъ былъ пугающимъ голосомъ общественнаго мнѣнія, которое могло извлечь на свѣтъ Божій то, что хотѣлось бы имъ оставить безгласнымъ, и т. д. И они были послѣдовательны и громили безъ передышки и пощады новыя учрежденія, нарушавшія ихъ выгоды.

А что могли противупоставить имъ либералы? Идеи братства, любви, гуманныхъ человѣческихъ правъ? Идеи! Но много ли на свѣтѣ людей, для которыхъ идеи были бы чѣмъ-то жизненно-осязательнымъ, органически-цѣльнымъ, неотдѣлимою принадлежностью всего ихъ нравственнаго и умственнаго существованія? Вѣдь сила идеи, за которую люди шли на костры, только въ этакой органической цѣльности и заключается. «Вотъ тутъ я весь передъ вами», сказалъ Мартинъ Лютеръ на Вормскомъ Соборѣ, и онъ былъ дѣйствительно «весь» цѣльный, силоченный, не разъединимый отъ идеи, которую онъ высказывалъ и за которую вышелъ на борьбу.

Эта цѣльность въ первой молодости не дается. Она создается многолѣтнею, согласною работой сердца, ума и поведенія, слагающею ничѣмъ неустранимую привычку быть именно только цѣльностью безъ всякихъ разрывовъ и противорѣчій между словомъ и дѣломъ. Кромѣ того, въ первой молодости мѣшаетъ цѣльности еще и «исканіе истины», исканіе того «ключика жизни», который, какъ думаетъ молодежь, откроетъ ей всѣ тайны бытія. Эта истина еще не ясна, во многомъ она даже спорна, чувство правды и справедливости ищетъ еще своего выраженія въ той или другой формулѣ, которую нужно создать и вложить въ нее житейскій смыслъ практической осуществимости. Эта работа не простая. Какъ же тутъ не уступить правымъ, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ этой работы и программа которыхъ ясна и пряма, какъ таблица умноженія, какъ простой счетъ выгоды и убытка?

Но если это такъ, если правые знаютъ и свой счетъ, знаютъ, что для этого счета нужно, чтобы въ новыхъ мѣхахъ было старое вино, то чѣмъ же они возмущаются, что это за комедія негодованія и игра въ благородные порывы? Ложь это, что ли? Да, это ложь, но по-ихнему это не ложь, а «политика».

Любопытный фактъ припоминаю я изъ пушкинскаго торжества въ Москвѣ. Достоевскій, заготовивъ свою извѣстную рѣчь, отправился съ нею къ одному вліятельному петербургскому критику, чтобы выслушать его замѣчанія. Въ рѣчи Достоевскій ссылался на «Пророка». Спуталъ ли онъ, измѣнила ли ему память, но, вмѣсто пушкинскаго «Пророка», онъ вставилъ въ рѣчь «Пророка» Лермонтова. Критикъ это ему замѣтилъ, Достоевскій заспорилъ, навели справки, и критикъ оказался правъ. Вотъ эту-то исторію критикъ и разсказывалъ мнѣ со смѣхомъ, и трунилъ при этомъ надъ самимъ Достоевскимъ, надъ его рѣчью и надъ тѣмъ энтузіазмомъ, который она вызвала въ Москвѣ. Все это было на другой день по возвращеніи критика изъ Москвы, а на третій—явился въ газетѣ его фельетонъ, въ которомъ исторія московскаго торжества и эффектъ Достоевскаго «всечеловѣка» были разсказаны съ такою патріотическою восторженностью и искреннимъ увлеченіемъ, точно авторъ самъ былъ полонъ энтузіазма, которымъ онъ хотѣлъ наэлектризовать читателя. Что же, это ложь? У обыкновенныхъ людей, конечно, ложь, но на языкѣ людей печати правой это тоже только «политика» и «тактъ».

Говорятъ что мы народъ не политическій. Правда, у насъ нѣтъ политической жизни, и, все-таки, едва-ли найдется въ Европѣ другой народъ, у котораго было бы столько политики во всемъ его обиходѣ, въ мысляхъ, въ стремленіяхъ, въ жизни, въ практическихъ отношеніяхъ и во всѣхъ мелочахъ, среди которыхъ мы каждую минуту вращаемся. У насъ политикъ даже каждый мужикъ. Крестьяне въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ гораздо тоньше и осторожнѣе, чѣмъ мы, интеллигенты, потому что живутъ міромъ, гдѣ больше требуется взаимной бережливости, чѣмъ при индивидуальной жизни интеллигентовъ. Но за то наша политика посложнѣе, похитрѣе и отличается восточнымъ лукавствомъ и большою неискренностью. Повторяется это и въ нашихъ личныхъ дѣлахъ, повторяется и въ дѣлахъ покрупнѣе. Всегда у насъ волчій зубъ да лисій хвостъ.

Въ Европѣ, напримѣръ, политическая газета только и есть, что газета политическая, то-есть она вѣдаетъ лишь внѣшнія общественныя отношенія и условія, да порядки, которые къ нимъ относятся, и добивается силы и вліянія своей партіи. Мы, въ сущности, хотя и не живемъ внѣшнею политическою жизнью, но ведемъ въ своихъ газетахъ ту же игру. А такъ какъ наша жизнь представляетъ коекакія особенности, то онѣ-то и заявляютъ свои трудно удовлетворяемыя требованія. Возьмите хоть «Новое Время» или «Недѣлю», эти двѣ наши самыя ловкія и изворотливыя газеты. Посмотрите,

сколько въ нихъ тонкаго лукавства, такъ называемой русской смѣтки и рускаго себѣ на умѣ, сколько умѣнья двоиться и лавировать между опасностями, обходить всякую мель, всякій подводный камень! Нѣтъ такой Сциллы и Харибды, между которыми онѣ не съумѣли бы найти фарватера. Но, вѣдь, для такого плаванія требуется не только извѣстное историческое воспитаніе и наслѣдственность историческаго характера, но и громадное спеціальное знаніе всѣхъ теченій жизни и всѣхъ воздушныхъ теченій, и знаніе не однихъ общихъ и внѣшнихъ условій, требуется еще и большой практическій тактъ, большой практическій смыслъ, умѣнье общее свести на личное, заслужить, расположить, сказать иногда «да», когда требуется сказать «нѣтъ», и сказать «нѣтъ», когда требуется сказать «да». Но, вѣдь, все же опять ложь, лицемѣріе, обманъ. Нѣтъ, читатель, это только наша житейская, практическая политика, въ которой насъ воспитала жизнь.

Теперь для этихъ органовъ «политика» въ томъ, чтобы пропагандировать «средняго человѣка», простаго смертнаго, который только одинъ все и съумѣетъ сдѣлать. Если бы въ этой проповѣди не заключалось «политики», то столковаться съ «Новымъ Временемъ» и «Недѣлей» было бы еще возможно. Но дѣло въ томъ, что пропаганда направлена противъ всего предъидущаго умственнаго настроенія, когда «средними людьми» и «средними дѣлами» считалось не то, что считается теперь.

Заговоривъ о новыхъ мѣхахъ и старомъ винѣ, о политикѣ и среднемъ человѣкѣ, я собственно передаю то общее впечатлѣніе, которое въ этотъ пріѣздъ произвелъ на меня Петербургъ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ я живу въ немъ при особыхъ условіяхъ, имѣя возможность наблюдать Божій міръ только изъ форточки, которая смотритъ на чужое, незастроенное мѣсто, выходящее на тихую улицу. Положеніе, повидимому, не особенно удобное для обильныхъ впечатлѣній. Но какъ разъ это-то положеніе и личныя обстоятельства, въ которыхъ я нахожусь, и дѣлаютъ то, что хотя многое до меня не достигаетъ, но за то нѣкоторыя впечатлѣнія доходятъ въ такой полнотѣ, что я могу говорить безъ всякой боязни за невѣрность выводовъ.

Петербургъ, поистинѣ, «новые мѣха», въ которыхъ орудуетъ старый человѣкъ, и основной центръ дѣятельности «средняго человѣка», котораго пропагандируютъ «Новое время» и «Недѣля». «Средній человѣкъ» есть собственно боевой кличъ людей новаго катехизиса, ихъ формула протеста противъ людей катехизиса предъидущаго. Въ этой борьбѣ передъ нами встаютъ разные масштабы мышленія, разный уровень требованій, разная сила стремленія впередъ, разныя условія удовлетворенія, разныя высоты душевнаго резонанса, разные взгляды на формы общественности, и не на одни только общественныя права, а на весь строй матеріальнаго, душевнаго и эстетическаго существованія. Сторонники новаго катехизиса говорятъ, что для жизни нужны не подвиги и геройства, не возвышенныя и священныя слова, а трезвенное, простое, прямое пониманіе жизни и такое же къ ней отношеніе, что жизнь спасаетъ средній человѣкъ, и какой онъ есть, такою будетъ и жизнь, что жизнь есть фактъ, а не мечта, и потому нужно считаться съ фактомъ и брать его такимъ, какой онъ есть, потому что сколько бы ни проповѣдывалось непреклоненія передъ нимъ, онъ, все-таки, охватитъ своею несокрушимою силой и заставитъ каждаго поступать такъ, какъ онъ того требуетъ, а не такъ, какъ о томъ мечтаетъ этотъ каждый. Самый же всемогущій фактъ и есть «средній человѣкъ». Не культуренъ онъ у насъ, вялъ, дикъ, распущенъ, ничего не знаетъ, хотя и умничаетъ, ничего не понимаетъ, хотя и во все суется, самъ не въ состояніи ничего ни устроить, ни сдѣлать для себя, и во всемъ винитъ только независящія обстоятельства. И вотъ такой-то «средній человѣкъ» всегда и во всемъ обнаружитъ свою властную руку, все-то онъ повернетъ по-своему, всему придастъ свой цвѣтъ и видъ, всякому преобразованію сообщитъ свой собственный характеръ, повернетъ жизнь на свой путь, такъ что ни въ герояхъ, ни въ подвигахъ ихъ нужды никакой не потребуется, и величіе поступковъ окажется уже ни къ чему ненужнымъ.

Ну, ужь будто бы все это такъ? Вѣдь, не одна общественная жизнь, но и всякая личная жизнь течетъ по болѣе сильному руслу, которое ее увлекаетъ. Это законъ настолько извѣстный, что его и повторять не стоитъ. А вотъ что напомнить слѣдуетъ. Напомнить слѣдуетъ, что никакой законъ не есть нѣчто неизбѣжное, законъ не есть то, что обязательно должно свершаться при всякихъ обстоятельствахъ и случаяхъ. Законъ есть то, что неизбѣжно должно случиться лишь при наличныхъ, установившихся данныхъ, влекущихъ за собою, какъ извѣстная причина, непремѣнно и извѣстное послѣдствіе. Тутъ ужь открываются и просторъ, и выборъ, и разныя возможности.

Послѣдователи новаго катехизиса, говоря о «среднемъ человѣкѣ», умалчиваютъ, какое зеркало они наводятъ на жизнь и въ какія очки на нее смотрятъ. Но даже статистика отказалась теперь отъ средняго человѣка, потому что онъ—вздоръ, фикція. Точное понятіе о жизни даютъ только минимумы и максимумы, то-есть дорога вверхъ или внизъ, и вопросъ лишь въ томъ, слѣдуетъ ли подниматься или опускаться. Кромѣ того, «средній человѣкъ» еще и потому ничего не даетъ точнаго, что онъ не можетъ быть дѣйствительно обще-среднимъ, въ особенности у насъ, при нашемъ сословномъ составѣ. Какого же средняго человѣка сторонники новаго катехизиса хотятъ взять за силу, которая всему должна дать свой цвѣтъ и окраску? У насъ есть правящее сословіе, имѣющее своего средняго человѣка, есть образованная городская интеллигенція тоже со своимъ среднимъ, есть интеллигенція внутренней Россіи, помѣстная, земская, есть бытовая—подъинтеллигентный слой купеческій и мѣщанскій, придерживающійся Домостроя, наконецъ, внизу всего лежитъ громадный пластъ сермяжной деревенской Россіи, который своимъ

грознымъ стомилліоннымъ численнымъ составомъ образуетъ такую «среднюю», что передъ нею становится жутко всему остальному среднему.

Установивъ всѣ эти группы и въ каждой изъ нихъ выискавъ настоящаго, точнаго «средняго человѣка», какому изъ нихъ мы ввѣримъ историческія, общественныя и всякія другія судьбы Россіи? Какому среднему каждый изъ насъ отдастъ надъ собою и судъ, и право и построитъ свою жизнь по правдѣ этого человѣка, а не по своей? Должна ли Россія опроститься до средняго сермяжнаго обитателя деревни, или подняться до средняго вельможи правящаго сословія? Вверхъ ли намъ тянуться, или опускаться внизъ? Держаться ли каждой группѣ своего «средняго человѣка», или забираться за среднимъ человѣкомъ въ сосѣднюю, болѣе многочисленную группу, а то и совсѣмъ сѣсть на дно народной жизни? Нѣтъ, все это что-то не такъ, и проповѣдники средняго человѣка едва ли сами найдутъ выходъ изъ сочиненнаго ими лабиринта.

Казалось бы, что именно Петербургъ меньше всего и можетъ дать матеріала для политической програмы о среднемъ человѣкѣ. Петербургъ по преимуществу городъ аристократическій. Только богачамъ да людямъ съ положеніемъ, талантливымъ, способнымъ, изворотливымъ и умѣлымъ, вообще людямъ съ надежными средствами для борьбы, въ немъ и живется по-человѣчески. Все же среднее, заурядное въ немъ только мыкается и крутится, переколачивается и бѣдствуетъ, подавленное всякими трудностями, съ которыми ему бороться не подъ силу. Весь шаблонъ петербургской жизни направленъ на то, чтобы все обезличить и обезформить, вытравить всякую яркость и оригинальность, окрасить все въ одинъ общій сѣрый цвѣтъ, насадить повсюду томящую всѣхъ скуку и ослабить пульсъ жизни. И «средняго»-то человѣка, создающаго такой шаблонъ и такъ легко опускающаго все книзу, предлагаютъ какъ идеалъ общественнаго благополучія и какъ дѣятельную силу для организаціи этого благополучія!

Казовой Петербургъ, который вы видите, проѣзжая по улицамъ, совсѣмъ не Петербургъ дѣйствительный: это — Петербургъ въ его стремленіяхъ и будущихъ возможностяхъ. Фасадный, лицевой, показной Петербургъ изображается меньше, чѣмъ десятою частью населенія. Дѣйствительный же Петербургъ, считающій отъ 800 до 900 тысячъ жителей, живетъ за фасадами. Если бы съ Петербургомъ случилось чудо такого превращенія, что всѣ его наружные фасады исчезли, то получилась бы картина первыхъ, вторыхъ и третьихъ дворовъ, то-есть узкихъ глубокихъ колодцевъ, съ выгребными ямами на днѣ, съ неподвижнымъ, отравленнымъ воздухомъ, съ грязными, холодными, крутыми лѣстницами, для которыхъ не существуетъ ни швейцаровъ, ни цвѣтовъ, ни ковровъ, украшающихъ входы парадныхъ этажей. Квартиры въ этихъ колодцахъ полусвѣтлы, небольшія, затхлыя, въ которыя не проникаетъ ни воздухъ, ни солнце. И постояннаго-то обитателя этихъ квартиръ и составляетъ «средній человѣкъ». Въ квартирѣ «средняго человѣка» все чахнетъ и вянетъ, начиная съ него и кончая его дѣтьми. Цвѣты даже не держатся въ такихъ квартирахъ. И вотъ несчастный «средній человѣкъ», у котораго недостаетъ тысячи рублей на квартиру, исчахнувъ зиму въ своемъ колодцѣ, бѣжитъ весною на поправку на такъ называемыя дачи. Уже одинъ тотъ фактъ, что подъ Петербургомъ выросъ цѣлый рядъ дачныхъ мѣстностей, образующихъ городки въ 30 — 40,000 лѣтняго населенія, показываетъ, какъ живется среднему человѣку въ петербургскихъ великолѣпныхъ домахъ и въ той внѣшней обстановкѣ, лучше которой Петербургъ пока ничего выдумать не съумѣлъ. А сторонники новаго катехизиса хотятъ, чтобы вся Россія жила въ такихъ же колодцахъ и убѣгала изъ нихъ на лѣто на дачи!

И вся матеріальная жизнь средняго петербургскаго человѣка отвѣчаетъ вполнѣ его промозглому жилью. Все въ этой жизни скомкано въ одинъ комокъ, въ которомъ не доберешься ни до начала, ни до конца. Одно цѣпляется за другое въ такой взаимной неустранимой зависимости, которой предѣла не видно. Не богатство и не обиліе свободныхъ капиталовъ создаетъ Петербургу его картинную внѣшность и его магазинную торговлю, придающую ему жизненность и разнообразіе. Не богатство торгуетъ въ этихъ нескончаемыхъ вереницахъ магазиновъ, не богатство ихъ и завело. Что такое всѣ эти маленькія табачныя, да суровскія, да башмачныя, да швейныя, которыми заняты вторыя и третьи улицы Петербурга и особенно его концы? Это не торговля, а переколачивающаяся нужда, простое и болѣе легкое средство для жизни. Здѣсь тоже орудуетъ «средній человѣкъ», и этотъ средній человѣкъ создаетъ и свою среднюю торговлю. Вся петербургская жизнь сшита красными нитками переколачивающейся нужды «средняго человѣка», которому, потому что онъ «средній», жить еще труднѣе. Начиная съ квартиръ и кончая продовольствіемъ и одеждой, все для средняго человѣка устанавливается по иному, именно «среднему» размѣру.

Я могъ бы сообщить читателю изумительныя на этотъ счетъ подробности, но онѣ сюда не идутъ. Я могъ бы сообщить, какъ кочанъ кислой капусты обходится среднему человѣку въ 70 коп., потому что настоящую, хорошую кислую капусту достанешь только у Штурма или Зайцева. Штурмъ (говорятъ, отставной офицеръ), еще недавно рекламировавшій только свой уксусъ, теперь сталъ готовить капусту и огурцы и явился сильнымъ соперникомъ Зайцева, который прежде одинъ вѣдалъ это дѣло на весь Петербургъ. Казалось бы, посолить огурцы и заквасить капусту не особенно хитрая наука, и всякая баба могла бы сдѣлать то же самое. И въ Петербургѣ есть сотни мелочныхъ лавокъ, раскинутыхъ повсюду, въ которыхъ продаются кислая капуста и соленые огурцы. Но тотъ же средній человѣкъ, на этотъ разъ «бытовой», который орудуетъ лавочною торговлей, даже и не хочетъ дѣлать того, что дѣлаетъ всякая баба. Когда ему говорятъ, что просто

стыдъ, что за кочаномъ кислой капусты нужно посылать къ Штурму, и почему онъ не дѣлаетъ такой капусты, онъ отвѣчаетъ: «Это намъ нейдетъ»,—вотъ и двигайся впередъ съ такимъ среднимъ человѣкомъ и по его идеалу строй общественные порядки!

Этотъ-то самый средній бытовой человѣкъ, занявшій всѣ первые этажи своею торговлей и забравшій въ свои руки снабженіе Петербурга всѣмъ необходимымъ, устроилъ торговое благоустройство такъ, что настоящее масло вы найдете только у одного Чистякова въ Морской, сметану только у одного Маркса, творогъ только у одного Леонова на Невскомъ, настоящій французскій хлѣбъ только въ одной французской булочной, тоже въ Морской, а хорошаго молока, несмотря на то, что молочная лавка есть почти въ каждомъ домѣ, нигдѣ не найдете. И какой бы предметъ первой необходимости вамъ ни потребовался, если только вы не желаете имѣть ни суррогата, ни гнили, ни дряни, а вещь настоящую, хозяйственную, хорошую, вы должны непремѣнно отправляться за нею въ центръ города, въ магазины съ установившеюся репутаціей. Гдѣ же среднему человѣку платить за кочанъ капусты по 70 коп., и понятно, что этотъ средній человѣкъ, въ особенности живущій гдѣ-нибудь на окраинѣ, долженъ пользоваться только подмѣсями и поддѣлками. И ничего «средній человѣкъ» противъ этого и подѣлать не можетъ. Жизнь для него сложилась и устроилась раньше, чѣмъ онъ въ нее вступилъ такимъ же, какъ и онъ, «среднимъ человѣкомъ», и ему, среднему человѣку, изъ этой жизни не выскочить и ни на какую новую дорогу ее не повернуть.

Средній пошибъ петербургской жизни, начинающійся съ квартиръ въ колодцахъ, на задворкахъ и съ продовольствія всякою вредною дрянью, только нижній, первый фундаментъ того всеобщаго средняго строя, который охватываетъ петербургскую жизнь во всѣхъ ея мелочахъ и развѣтвленіяхъ. Хуже всего, что эта средняя жизнь, съ ея наклоннымъ положеніемъ книзу, все ширится, ростетъ и захватываетъ все крѣпче и крѣпче петербургскаго человѣка, принижая его и матеріально, и умственно, и нравственно. Не вверхъ, не къ свѣту, не къ развитію, не къ большому и разнообразному росту идетъ петербургскій человѣкъ, а опускается все ниже и ниже и становится все сѣрѣе и однороднѣе.

Эта постоянно понижающаяся жизнь создала въ Петербургѣ особую отрасль существованія, которой прежде не бывало. Несомнѣнно, что эта «отрасль существованія» создалась прогрессивными причинами; но, Господи, что это за прогрессъ и куда онъ ведетъ! Прогрессъ этотъ, впрочемъ, создалъ не самъ средній петербургскій человѣкъ, его создалъ новый читатель, а новаго читателя создало въ Петербургѣ развитіе школьнаго дѣла, пустившее свои корни даже въ мѣщанскую и крестьянскую избу. Теперь въ Петербургѣ читаетъ всякій дворникъ, и всякая швея, писарь и извозчикъ, и вотъ для этого-то читателя, поднимающагося съ низовъ, создались особая литература и необходимый для нея работникъ. Литература эта дешевая, двухъ-трехрублевая: тутъ и трехрублевыя газеты, и трехрублевыя иллюстрированныя изданія, и даже двухрублевыя собранія романовъ, чуть ли не по 24 книжки въ годъ. Для такой дешевой литературы требуется, конечно, и такой же дешевый литераторъ, и вотъ этотъ-то дешевый литераторъ и составляетъ ту особенность, которой прежде въ русской литературѣ не бывало. Литераторъ-ремесленникъ смотритъ на свое дѣло только какъ на простой механическій заработокъ. Идейный, интеллигентный трудъ сведенъ тутъ къ простому счету буквъ и листовъ и къ задѣльной платѣ, какъ за шитье сапоговъ и печеніе булокъ. Что бы такому работнику ни приходилось писать или переводить, ему рѣшительно все равно. Требуется народная сказка,—онъ будетъ писать сказку; требуется романъ или поваренная книга,—онъ будетъ дѣлать романъ или поваренную книгу. Отъ одного изъ подобныхъ работниковъ мнѣ пришлось услышать, что прежде всего нужно «пить и ѣсть». И этотъ несчастный работникъ правъ. Ему дѣйствительно прежде всего нужно пить и ѣсть. Воровать или поддѣлывать векселя онъ не станетъ и не сдѣлаетъ никакого дѣла, за которое сажаютъ на скамью подсудимыхъ, а что онъ сегодня работаетъ въ «Гражданинѣ», завтра въ «Новостяхъ» и вообще не справляется съ направленіемъ изданій, затѣмъ пишетъ кухонную книгу или дѣлаетъ переводъ, какой ему закажутъ, тоже не справляясь, какого направленія издатель, лишь бы онъ платилъ деньги, то, вѣдь, какъ же ему поступать иначе?

И, тѣмъ не менѣе, именно этотъ ремесленникъ-литераторъ, созданный читателемъ, поднимающимся съ низовъ, очень понизилъ и значеніе литератора, и значеніе литературнаго труда. «Середина», въ которую намъ предлагаютъ теперь сѣсть, только одна этому и причиной. Прежде, когда отъ литератора требовались талантъ, искра Божія, идея, познанія и начитанность, подобному ремесленнику не нашлось бы мѣста въ литературѣ. Такъ какъ ему рѣшительно все равно, чѣмъ добывать деньги, то онъ давалъ бы уроки музыки, служилъ въ какой-нибудь «статистикѣ» или конторѣ, и въ литературу бы не забирался. Но нынче его въ литературу возьмутъ, потому что и литература стала тоже рынкомъ для труда, и тому, кто знаетъ языки и умѣетъ писать достаточно литературно, всегда найдутся на этомъ рынкѣ занятія.

Вы скажете, что и въ читателѣ, поднимающемся съ низовъ, тоже нужно воспитывать и честныя мысли, и честныя чувства, высказанныя убѣдительнымъ словомъ, просвѣщающимъ, очищающимъ, облагораживающимъ и поднимающимъ. Вѣрно! Но, къ сожалѣнію, читатель низовъ имѣетъ совсѣмъ иныя умственныя потребности, которыя, однако, нужно тоже удовлетворить. И вотъ эти-то потребности, которыя нужно удовлетворить и для удовлетворенія которыхъ всегда приищутся люди, оттягиваютъ книзу литературныхъ работниковъ, которымъ «пить и ѣсть» надо. Ну, и кто

же этотъ читатель низовъ? Онъ, пожалуй, тоже «средній» человѣкъ, котораго намъ будутъ рекомендовать въ вожди прогресса и въ творцы общественнаго благоустройства.

«Пить и ѣсть», несмотря на то, что оно въ Петербургѣ въ высшей степени скверно, стоитъ среднему человѣку очень дорого, потому что у него есть, все-таки, кое-какія интеллигентныя потребности и привычки, которыя неизбѣжно удовлетворять, есть у него и положеніе, ниже котораго ему тоже нельзя быть. И, все-таки, семья, имѣющая 150 рублей въ мѣсяцъ или около 2,000 р. въ годъ, живетъ въ Петербургѣ вполнѣ по-нищенски. Одинъ человѣкъ на 2,000 еще проживетъ, но я говорю о семьѣ, въ которой двое-трое учащихся дѣтей. Семья изъ двухъ лицъ, имѣющая 120 р. въ мѣсяцъ, нанимаетъ квартиру уже на второмъ дворѣ, надъ помойными ямами. Семья, имѣющая 80 р. въ мѣсяцъ, живетъ на подобномъ же второмъ дворѣ, но уже подъ небесами. Продовольствіе семьи, имѣющей 100, 120 и 150 р., состоитъ изъ кофе съ булками утромъ, вечерняго чая съ булками и обѣда изъ двухъ блюдъ; но семья, получающая 80 р. въ мѣсяцъ, можетъ имѣть обѣдъ только изъ одного блюда. Эти цифры я не сочиняю.

Нищенское существованіе, начинающееся съ двухтысячнаго годичнаго расхода, падая все ниже и ниже, кончается настоящимъ нищенствомъ — жизнью въ углахъ, въ подвалахъ, заливаемыхъ водою, въ ночлежныхъ пріютахъ, да питаніемъ впроголодь всякою дешевою, испорченною дрянью. Фасадные обитатели замаскировываютъ всю эту жизнь нужды и бѣдственнаго переколачиванья; но этихъ фасадныхъ обитателей въ Петербургѣ, какъ я уже сказалъ, не больше десятой части, то-есть тысячъ сто, и занимаютъ они всего тысячъ одиннадцать квартиръ, зафасадные же обитатели и жители концовъ составляютъ почти девятьсотъ тысячъ и занимаютъ 105,000 квартиръ. Цвѣтъ же Петербургу даютъ его фасады и фасадные обыватели. Ужь такова Сѣверная Пальмира съ ея всепокоряющимъ закономъ красоты. Человѣкъ, имѣющій 80 р. въ мѣсяцъ, ѣстъ только одно блюдо, а на улицу выходитъ въ цилиндрѣ и въ щеголеватомъ пальто, точно фасадный обитатель. Одинъ изъ подобныхъ зафасадныхъ обитателей говорилъ мнѣ, что изъ десяти дней только два дня здоровъ: то у него плевритъ расходится отъ петербургской погоды, то сердце бьется, то слабость, то общее недомоганье, а изъ Петербурга уѣхать нельзя, потому что человѣкъ живетъ литературною работой. И подобныхъ, привязанныхъ къ Петербургу людей, можетъ быть, сотни тысячъ. Тутъ и литераторы, и чиновники, и музыканты, и художники — вообще всѣ тѣ, кому работу можетъ дать только Петербургъ. Въ провинціи эти люди умерли бы съ голоду, въ Петербургѣ же, если они умрутъ и отъ Петербурга, за то имѣя работу. Вотъ что значитъ «пить и ѣсть надо»!

Едва ли, однако, легко интеллигентному человѣку опускаться до этого низкаго уровня. Умственный трудъ, ставшій ремесленнымъ трудомъ, понижаетъ и самъ себѣ плату до ремесленной поденщины. А значитъ это вотъ что: одинокая интеллигентная переводчица, чтобы заработать тридцать руб. въ мѣсяцъ, на которые она проживетъ, ограничивая себя во всемъ, должна перевести 10 печатныхъ листовъ. Семейной нужно вдвое. Но, вѣдь, 20 печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ не перевести, считая, что переводчица сама должна выискать и матеріалъ для перевода.

Положеніе аристократокъ этого рынка лучше, но тоже тяжелое. И аристократка живетъ переводною работой, но, кромѣ того, она еще и компилируетъ, работаетъ на дѣтскія изданія, составляетъ книги для дѣтскаго чтенія, пишетъ оригинальные разсказы и романы. Есть между этими аристократками такія переводчицы и писательницы, къ именамъ которыхъ въ объявленіяхъ о сотрудничествѣ издатели прибавляютъ «талантливая», «извѣстная». Но эти талантливость и извѣстность окупаются только двадцатью, много тридцатью руб. за листъ оригинальнаго писанья, а въ мѣсяцъ, чтобы прожить, нужно заготовить не менѣе шести печатныхъ листовъ.

И тяжела же эта работа, — ой, какъ тяжела! Вы прочитаете ее не только въ каждой складкѣ лица такой работницы, прочитаете и въ ея торопливой походкѣ, и въ ея постоянно озабоченномъ видѣ. Для такой работницы «время—деньги», и не только для нея «время—деньги», но и весь интересъ ея жизни только въ деньгахъ, потому что если это мать семейства, то не о себѣ одной ей приходится думать, но и о дѣтяхъ, которыхъ она ростить и воспитываетъ. Человѣкъ долженъ работать для того, чтобы прокормить себя и семью, а прокармливаетъ онъ себя для того, чтобы работать,—вотъ и вся жизнь этихъ людей. Они только существуютъ. Читать имъ некогда, и читаютъ они только для выискиванья работы. Кое-когда театръ, концертъ, вечеръ у знакомыхъ, да то, что они прочитаютъ въ «Новомъ Времени»,—вотъ вся ихъ умственная жизнь и умственное удовлетвореніе. Исключительныя натуры еще сберегаютъ при такой жизни остатки своей души, остальныхъ условія существованія подавляютъ до того, что они глохнутъ и застываютъ для всего, что не касается прямо ихъ денежнаго интереса. Серединная жизнь совсѣмъ заѣдаетъ въ нихъ живаго человѣка. Остается лишь одно своекорыстное и черствое «я». Такихъ-то именно людей и плодитъ петербургская жизнь, а проповѣдники «средняго человѣка» хотятъ наплодить ихъ и еще больше, даже законъ жизни такой устанавливаютъ. Ну, вотъ этотъ «средній человѣкъ» и передъ вами. Хорошъ?!

Нескончаемое труженичество и неустанная мучительная забота о деньгахъ, деньгахъ и только о деньгахъ дѣлаютъ петербургскаго человѣка необыкновенно впечатлительнымъ къ тому, что рисуютъ ему иныя жизненныя возможности. Поэтому только въ Петербургѣ романъ Беллами могъ выйти тремя почти одновременными изданіями. Больное мѣсто сказалось.

Но сказалось и мѣсто здоровое. Сказалось оно въ благородной природѣ человѣка, въ его здравомъ

смыслѣ, въ его чувствѣ справедливости, которые рано или поздно всегда выдвинутся впередъ и возьмутъ верхъ надъ другими теченіями жизни.

Восьмидесятые годы начались подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ 1 марта, и поколѣніе, воспитавшееся въ это десятилѣтіе, слагалось умственно подъ исключительными вліяніями. Оттого ли, что въ поколѣніи восьмидесятыхъ годовъ не нашлось особенно умныхъ, даровитыхъ и образованныхъ представителей, или по другимъ причинамъ, но только оно выросло умственно и нравственно однобокимъ.

Органомъ восьмидесятниковъ явилась «Недѣля», въ которой вожди этого поколѣнія и излагали свои общественныя и художественныя теоріи. Теорій этихъ я повторять не стану, потому что о нихъ писалось уже довольно, но я отмѣчу одну особенность восьмидесятниковъ. Имъ показалось, что та работа мысли, которую они свершали при ненормальныхъ условіяхъ, но потому, что это ихъ собственная работа, и потому, что они народились въ восьмидесятыхъ годахъ, должна исключить и 40-е, и 60-е, и 70-е годы и составить эру въ нашемъ общественномъ мышленіи, а сами восьмидесятники должны занять мѣсто новыхъ общественныхъ вождей и обновить наше общественное развитіе. Для подобнаго честолюбиваго стремленія у восьмидесятниковъ, конечно, имѣлся прецедентъ, потому что если были люди 40-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ, то почему же не быть и людямъ 80-хъ? Въ силу этого они провозгласили представителей даже наличнаго предъидущаго поколѣнія отжившими и рѣшили, что теперь наступило ихъ время. У меня есть письмо одного восьмидесятника, кончающееся такъ: «да не смущайте насъ, тѣни прошлаго, и вы, отцы, поймите своихъ дѣтей, — шире дорогу: восьмидесятникъ идетъ!» И восьмидесятники, дѣйствительно, могли бы занять широкую дорогу, если бы между ними нашлись люди съ умомъ, образованіемъ, талантами, вообще люди выдающіеся, а не преисполненные только претензіи занять первое мѣсто. Такъ какъ все это были люди не умные и все ихъ міровоззрѣніе было не умное, то восьмидесятники и не обнаружили замѣтнаго вліянія, хотя, нечего скрывать, съ ихъ направленіемъ пришлось, все-таки, побороться и посчитаться, и оно несомнѣнно имѣетъ еще и теперь послѣдователей. По крайней мѣрѣ, «Недѣля» еще не думаетъ складывать оружія и даже нашла себѣ союзника въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», который тоже желаетъ похоронить писателей предъидущаго поколѣнія и замѣстить ихъ своими молодыми сотрудниками. Конечно, все это не представляетъ ни для кого и никакой опасности и, къ сожалѣнію, получило характеръ литературнаго скандала, ненужной, безцѣльной полемики, у авторовъ которой не нашлось ни такту, ни литературной чистоплотности, ни нравственной порядочности, а, главное, не нашлось ума, чтобы понять литературное и общественное неприличіе подобнаго поведенія.

Недостатокъ проницательности лучше всего указываетъ на размѣръ умственныхъ средствъ этихъ людей, назвавшихъ себя «партіей дѣйствія» (хорошо дѣйствіе, когда партія избрала своимъ лозунгомъ: «сиди у моря и жди погоды!»). Они не сообразили ни обстоятельствъ, при которыхъ развивались и вступили въ жизнь, ни случайнаго характера этихъ обстоятельствъ. Почему имъ показалось, что русская жизнь рѣзко откололась отъ своего прогрессивнаго предъидущаго и что для нея наступило время новаго откровенія, тайны котораго дано постигнуть и провозгласить восьмидесятникамъ, это ихъ секретъ. Но, не понявъ, что они захвачены случайнымъ токомъ жизни и измолоты имъ, что они, въ сущности, лишь «пожертвованное поколѣніе», они собственную измолотость превратили въ общественный принципъ и общественную теорію и начали проповѣдывать нирвану. И еще передъ кѣмъ! Передъ тѣми, кто горитъ и кипитъ жизнью, кто полонъ всякими личными и общими вопросами, кто ищетъ на нихъ отвѣтовъ и указаній, кто ищетъ повсюду пророка и учителя, который бы указалъ путь для истинной, человѣческой дѣятельности! И въ отвѣтъ-то на эти страстные вопросы людей, жаждущихъ дѣятельности, имъ предлагается теорія «маленькихъ дѣлъ», «средняго человѣка» и будущей хорошей погоды, если люди будутъ скромно дремать на берегу моря! Что же удивительнаго, что отъ восьмидесятниковъ отвернулось готовящееся смѣнить ихъ поколѣніе, и пророкамъ «Недѣли» теперь уже въ Петербургѣ не внемлятъ даже въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ еще недавно газета эта принималась за общественно-руководящій органъ.

Ученіе о «малыхъ дѣлахъ» и «среднихъ людяхъ»—ученіе очень не новое, и его можно проповѣдывать только въ новомъ видѣ, а не переиначивая и придумывая свое, какъ это дѣлаютъ восьмидесятники «Недѣли». Еще Иванъ Аксаковъ много лѣтъ тому назадъ призывалъ къ «малымъ дѣламъ», потомъ этимъ занимался Тургеневъ. Но, говоря о «малыхъ дѣлахъ», люди эти говорили не о томъ, о чемъ говорятъ теперь. Тогда было время крѣпостное, и задача руководящихъ умовъ заключалась въ томъ, чтобы обратить на крѣпостное право и на положеніе не только народа, но и всей Россіи общественное вниманіе. Это была очень важная и очень опасная работа, на которую могли идти лишь смѣлые люди. Проповѣдь о малыхъ дѣлахъ была тогда тѣмъ болѣе необходима, что даже болѣе умные люди тогдашняго общества упражнялись въ діалектическихъ спорахъ объ «абсолютѣ», объ «я—не я» и т. д.,—однимъ словомъ, вродѣ того, какъ въ 60-хъ годахъ г. Страховъ больше интересовался жителями луны и сухими туманами, чѣмъ вопросомъ о жителяхъ Россіи и объ отмѣнѣ подавлявшаго ихъ крѣпостнаго права. Вотъ противъ этого-то направленія мысли и ратовали писатели, призывавшіе къ «маленькимъ дѣламъ», которыми они считали улучшеніе господствующихъ порядковъ, смягченіе положенія крѣпостныхъ, водвореніе правды и справедливости въ судѣ и администраціи.

И дѣла эти, дѣйствительно, маленькія, земныя, повседневныя, которыми каждый изъ насъ или самъ занятъ, или приходитъ съ ними въ постоянное соприкосновеніе. Вся наша жизнь только и состоитъ

что изъ подобныхъ мелочей, вся она ими запутана и перепутана, точно также какъ и мы всѣ спутаны и запутаны взаимно въ одно нераспутываемое цѣлое сѣтью этихъ тонкихъ, многообразныхъ и многочисленныхъ мелочей и ниточекъ, которыхъ не разорвешь и отъ которыхъ неизбѣжно подчасъ освободиться, если онѣ гдѣ-нибудь ужъ черезчуръ давятъ и рѣжутъ.

И всѣ эти дѣла—мелкія дѣла, и становятся они большими, когда захватываютъ большое число людей. При крѣпостномъ правѣ освобождали крестьянъ отдѣльные владѣльцы по-одиночкѣ зачастую, освобождали и цѣлыми деревнями. Но освобожденіе стало «большимъ дѣломъ», когда оно захватило 22 милліона народа. И, въ то же время, это большое дѣло свершилось очень мелочною, единоличною работой, работой мысли въ каждой отдѣльной головѣ, что крѣпостныхъ освободить нужно, и послѣдовавшей затѣмъ рѣшимостью осуществить эту мысль, дать на нее отдѣльное согласіе. Вотъ эти-то отдѣльныя согласія и явились цѣлымъ, большимъ широкимъ дѣломъ, хотя все оно состояло изъ отдѣльныхъ маленькихъ частицъ. И въ нашей общей перемѣнѣ понятій бытовыхъ, семейныхъ, общественныхъ повторилось то же. Пока во время крѣпостнаго права только отдѣльные піонеры задумывались надъ бытовыми и общественными понятіями, дѣло это было очень маленькое, а желаніе Ивана Аксакова, чтобы всѣ занялись такимъ маленькимъ дѣломъ, не осуществилось. Но вотъ, когда во время реформы, нѣсколько милліоновъ людей, составляющихъ интеллигенцію и такъ называемое общество, задумались надъ тѣмъ же, и при этомъ каждый думалъ только своими маленькими мыслями о маленькихъ дѣлахъ, которыя его касались или которыя онъ могъ выполнить, получилось и дѣло большое, потому что оно захватило уже цѣлую сѣть взаимныхъ отношеній и создало не отдѣльныя, а общія перемѣны.

Всѣ эти малыя дѣла, большія только по ихъ большимъ результатамъ, создаютъ не титаны и не верстовые гиганты, а обыкновенные средніе люди, имѣющіе чувство справедливости и человѣческія понятія о человѣческихъ правахъ. И это тоже «средніе», да только не тѣ «средніе», которые создали «средній» уровень Петербурга, не тѣ «средніе», которые создали и крѣпостное право, и многое другое, что опять тоже «средніе» измѣнили на иное положеніе отношеній.

Казалось бы, что все это настолько просто и общедоступно, что никакихъ бы недоразумѣній и двойныхъ толковъ о «среднемъ человѣкѣ» и «малыхъ дѣлахъ» и явиться не должно. Ни о чемъ особенномъ, ни о какихъ подвигахъ и геройствѣ и вдохновенномъ трепетѣ нѣтъ тутъ рѣчи; простое и небольшое для каждаго отдѣльнаго человѣка дѣло, и дѣлается просто. Зачѣмъ же эта проповѣдь о «малыхъ дѣлахъ», о подвигахъ и геройствѣ, вдохновенномъ трепетѣ, сакраментальныхъ дѣлахъ и даже поющихъ минералахъ? Нѣтъ, не одно тутъ недоразумѣніе, не одинъ тутъ общественный индифферентизмъ,—тутъ еще и особенности чисто-личныя, всей категоріи людей этого направленія. Это они собственную серединность возводятъ въ законъ для всѣхъ, собственныя малыя дѣла хотятъ сдѣлать дѣломъ всѣхъ.

Малыя дѣла и большія! Всякое дѣло будетъ ничтожно и мало, и всякій человѣкъ будетъ ничтоженъ и малъ, если онъ между своимъ дѣломъ и общимъ дѣломъ не находитъ связи и не творитъ своего дѣла въ этой связи. Петръ Великій создалъ государство и, въ то же время, шилъ сапоги и плелъ лапти. Онъ зналъ и понималъ, что онъ дѣлаетъ, и какое мѣсто и лапти, которыя онъ плелъ, и сапоги, которые онъ шилъ, занимаютъ въ общегосударственной экономикѣ жизни. А вотъ сапожникъ, живущій на Охтѣ и работающій на петербургскій Гостиный дворъ, этого не понимаетъ, какъ не понимаютъ той же разницы учителя наши въ «Недѣлѣ», когда они смѣются надъ *великими* дѣлами и предлагаютъ заняться *маленькими*.

Да не о малыхъ и большихъ дѣлахъ они тутъ и думаютъ, а то бы они нашли и указали и для настоящаго времени такія маленькія дѣла и маленькія задачи, о подобныхъ которымъ, напримѣръ, думалъ Иванъ Аксаковъ и другіе, когда они усиливались тянуть общественное вниманіе изъ отвлеченныхъ высотъ на практическую почву общественныхъ перемѣнъ. Но объ этомъ восьмидесятники и думать не думаютъ, и такое думанье не входитъ даже и въ программу ихъ мышленія. Они совершенно искренно, подобно г. Абрамову и другимъ, считаютъ желательнымъ, чтобы люди не занимались никакими такъ называемыми идейными вопросами и оставили бы въ покоѣ «идеи высшаго порядка», т.-е. такое мышленіе, которое между сапожнымъ ремесломъ и государственно-общественнымъ строительствомъ видитъ и умѣетъ найти связь и при которомъ каждый, кромѣ своего маленькаго, дѣлаемаго имъ, дѣла, знаетъ и понимаетъ, какое мѣсто и оно, и онъ самъ занимаютъ въ общемъ строѣ гражданской жизни. Они просто выкорчевываютъ общественное сознаніе, учатъ тому, чтобы не думать и не глядѣть дальше своего носа. Вотъ съ какимъ «новымъ словомъ» они выступили и желали бы покорить этимъ словомъ подъ свою власть всю Россію!

Лично-логически они и не могли поступить иначе. Они развивались и росли въ такую пору, когда легко могла привиться къ нимъ боязнь всякаго мышленія, выходящаго изъ заурядности. Вотъ почему они, какъ г. Абрамовъ, признаютъ только физическій и мѣщанскій идеалъ и свою боязнь мысли хотятъ сдѣлать общею, но ужъ не боязнью,—нѣтъ, хуже, а руководящимъ принципомъ. Но, вѣдь, въ то же время, они, казалось, должны бы понять, что жизнь приходитъ въ равновѣсіе, что у нея есть нормальный уровень и нормальное теченіе, а то, что они проповѣдуютъ, ужъ и совсѣмъ ненормально. Долженъ понять! А если они понять не въ силахъ? Тогда имъ не слѣдуетъ выступать и съ проповѣдью «новаго слова». Но они и этого не понимаютъ. Даже хуже, чѣмъ не понимаютъ, потому что при непониманіи они имѣютъ еще му-

жество кричать всѣмъ встрѣчнымъ: «шире дорогу—восьмидесятникъ идетъ!»

Конечно, они и тутъ лично-логически не могутъ поступить иначе. Они, вѣдь, все-таки, «поколѣніе», знаютъ они, что всегда бывали «отцы» и «дѣти», и что дѣти всегда смѣняли отцовъ. Вотъ они и заявляютъ о своемъ желаніи превратиться въ отцовъ изъ дѣтей и стать хозяевами положенія.

Но и здѣсь по условіямъ своего развитія они обнаруживаютъ своеобразность тоже вполнѣ личную—злобность. Замѣтьте—*злобность*, а не *озлобленіе*. Озлобленіе есть идейное чувство и оно направляется на общія условія, на общія причины или ихъ слѣдствія. Злобность же есть чувство личное и предметомъ его бываетъ всегда человѣкъ. Посмотрите, въ кого и въ какую сторону направили они свои стрѣлы. Развѣ тутъ ихъ враги, развѣ здѣсь стоятъ помѣхи движенію? Для нихъ, конечно, здѣсь, потому что для нихъ движеніе въ томъ, чтобы занять другое мѣсто. Можно даже думать, что у нихъ составленъ и списокъ писателей предъидущаго времени, которыхъ слѣдуетъ выпустить въ тиражъ, чтобы писатели-восьмидесятники, жаждущіе литературной власти, авторитета и роли, могли бы встать впереди.

На восьмидесятникахъ я остановился такъ долго потому, что мы присутствуемъ при ихъ отходной и говорить о нихъ еще едва ли придется.

Въ концѣ прошлаго года, упоминая о смѣняющихъ восьмидесятниковъ (фракція восьмидесятниковъ, резидирующая въ «Недѣлѣ») людяхъ девятидесятыхъ годовъ, я говорилъ только предположительно. Теперь же, на основаніи точныхъ фактовъ, которые проникли ко мнѣ изъ большаго Божьяго міра въ форточку, я говорю объ этомъ утвердительно. По закону нашихъ десятилѣтій такъ оно хронологически и должно быть, но оно должно быть еще и по закону общественной психологіи и общественнаго равновѣсія. Восьмидесятники всѣмъ своимъ умственно-нравственнымъ существомъ составляютъ порожденіе тѣхъ ненормальныхъ условій, которыя должны были создать и ненормальное теченіе мысли. Кончилась или кончается эта ненормальность—должно кончиться или кончается и его послѣдствіе. Это, впрочемъ, не значитъ, что восьмидесятники будутъ стерты съ лица земли. Если «Недѣля» останется имъ вѣрна, они могутъ еще долгіе годы изображать въ ней пустое пространство нашей публицистики. Если же двери гостепріимства «Недѣли» для нихъ закроются, то они проживутъ свой вѣкъ въ болѣе скромной роли молчаливаго протеста подъ кущей своей домашней смоковницы, подъ которой они всѣмъ совѣтуютъ теперь сидѣть, выжидая хорошей погоды. Погоды девятидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ они, конечно, хорошей не признаютъ, потому что это, все-таки, не ихъ погода.

Изъ той же форточки я имѣлъ возможность установить и еще одинъ отрадный фактъ, уже народившійся въ умственномъ состояніи Петербурга: объ окончательной утратѣ толстовскимъ вѣроученіемъ всякаго авторитета среди нарождающихся девятидесятниковъ. И въ этомъ тоже сказалась неустранимая логика событій, потому что толстовство есть порожденіе тоже восьмидесятыхъ годовъ. Къ сожалѣнію, я не могу сообщить подробности факта, потому что меня просили не оглашать письма графа Толстаго.

Это все очень важные признаки наступающаго иного движенія мысли, указывающіе, что девятидесятые года будутъ формировать людей уже совсѣмъ не похожихъ на восьмидесятниковъ. И теперь дѣйствительно слагается формація иного поколѣнія, которая въ девятидесятыхъ годахъ, можетъ быть, еще и не выработаетъ точной и рѣзкой умственной физіономіи. Тѣ, кто слагается теперь и кончаетъ гимназію и университетъ, готовятся для жизни болѣе отдаленнаго десятилѣтія. Это будетъ поколѣніе собственно тысяча девятисотыхъ годовъ, когда, достигнувъ тридцатилѣтняго возраста, поколѣніе получитъ право на активную общественную дѣятельность. Вотъ это-то обстоятельство, т.-е. что ростущая, развивающаяся теперь молодежь дождется своей очереди еще, можетъ быть, лѣтъ черезъ десять, и обязываетъ ее помнить это и знать свою очередь, для которой она и должна готовиться.

Среди этой молодежи будущаго замѣчается одна умственная особенность, которой нѣтъ совсѣмъ у восьмидесятниковъ. Восьмидесятники думали *изъ себя*, думали практически, соображая лишь опасности и трудности, которыя ихъ окружали. Они мало учились, мало читали, и, растерявшись въ заключеніяхъ и выводахъ, остановились на идеѣ общественнаго индифферентизма.

Урокъ этотъ, вѣроятно, не пропалъ даромъ. По крайней мѣрѣ, теперешняя молодежь начинаетъ не съ этого, не съ общаго и послѣдняго, представляющаго уже выводъ и практическую программу общественнаго поведенія, а съ частнаго—съ изученія тѣхъ общественныхъ фактовъ, изъ которыхъ, какъ логическій выводъ, должно послѣдовать уже и само собою—что дѣлать?

Теперь въ Петербургѣ очень распространяется самообразованіе и спокойное, серьезное научное изученіе общественныхъ вопросовъ. Изученіе это обыкновенно кружковое, заключается въ простомъ накопленіи знаній по всѣмъ отраслямъ общественно-государственнаго вѣдѣнія и соціальной экономики. Кромѣ юридически-государственныхъ и экономическихъ свѣдѣній, входитъ еще и изученіе соціально-экономическаго, административнаго и государственнаго состоянія Россіи. Однимъ словомъ, всѣ отдѣлы обширной области общественной науки нашли себѣ тутъ мѣсто. Конечно, не вся эта громадная масса знаній обхватывается сразу каждою отдѣльною группой. Изученіе спеціализируется какъ бы факультетски, и каждый кружокъ занимается преимущественно однимъ отдѣломъ, выдвигая его впередъ, а другіе ставитъ на второе мѣсто. Такая программа и умна, и практична.

Движеніе это пока возникающее и вполнѣ оно еще не организовалось. Но если все пойдетъ такъ и дальше, то нужно думать, что для тысячи

девятисотыхъ годовъ оно создастъ поколѣніе дѣятелей просвѣщенныхъ и образованныхъ, какого до сихъ поръ Россія еще не выставляла. Говорятъ, что наше вѣдомство просвѣщенія смотритъ благосклонно на это движеніе. Да и думается, что другаго, кромѣ благосклоннаго, взгляда на это движеніе и быть не можетъ.

Возникшее серьезное самообразованіе важно не по одному тому, что подниметъ и расширитъ уровень общественныхъ понятій. Оно еще важнѣе потому, что подниметъ уровень общественной и личной нравственности. Съ тѣхъ поръ, какъ пошла пропаганда о «малыхъ дѣлахъ» и «малыхъ и среднихъ людяхъ», явилась у насъ какая-то фальшивая приниженность, приниженность не искренняя, замаскировывающая другія чувства, смѣшанная съ гордыней, крайности чего такъ рѣзко совмѣщались въ Ѳедорѣ Достоевскомъ. Любопытно противорѣчіе, въ которое впадаютъ восьмидесятники между теоріей и практикой своего ученія. Казалось-бы, имъ-то, поприжатымъ, и слѣдовало бы протестовать противъ «малости» во имя человѣческаго достоинства. Они же свою приниженность возводятъ въ законъ. И, получая «малости», тѣ же проповѣдники для подъема общественнаго духа постоянно толковали о «свѣтлыхъ явленіяхъ» и «бодрыхъ впечатлѣніяхъ», точно для пришибленнаго человѣка они могутъ существовать. Наконецъ, проповѣдуя малыя дѣла и приниженность другимъ, они сами возглашаютъ: «прочь съ дороги — восьмидесятникъ идетъ!» — и пытаются выкинуть за бортъ всѣхъ, кто думалъ, работалъ и писалъ раньше ихъ.

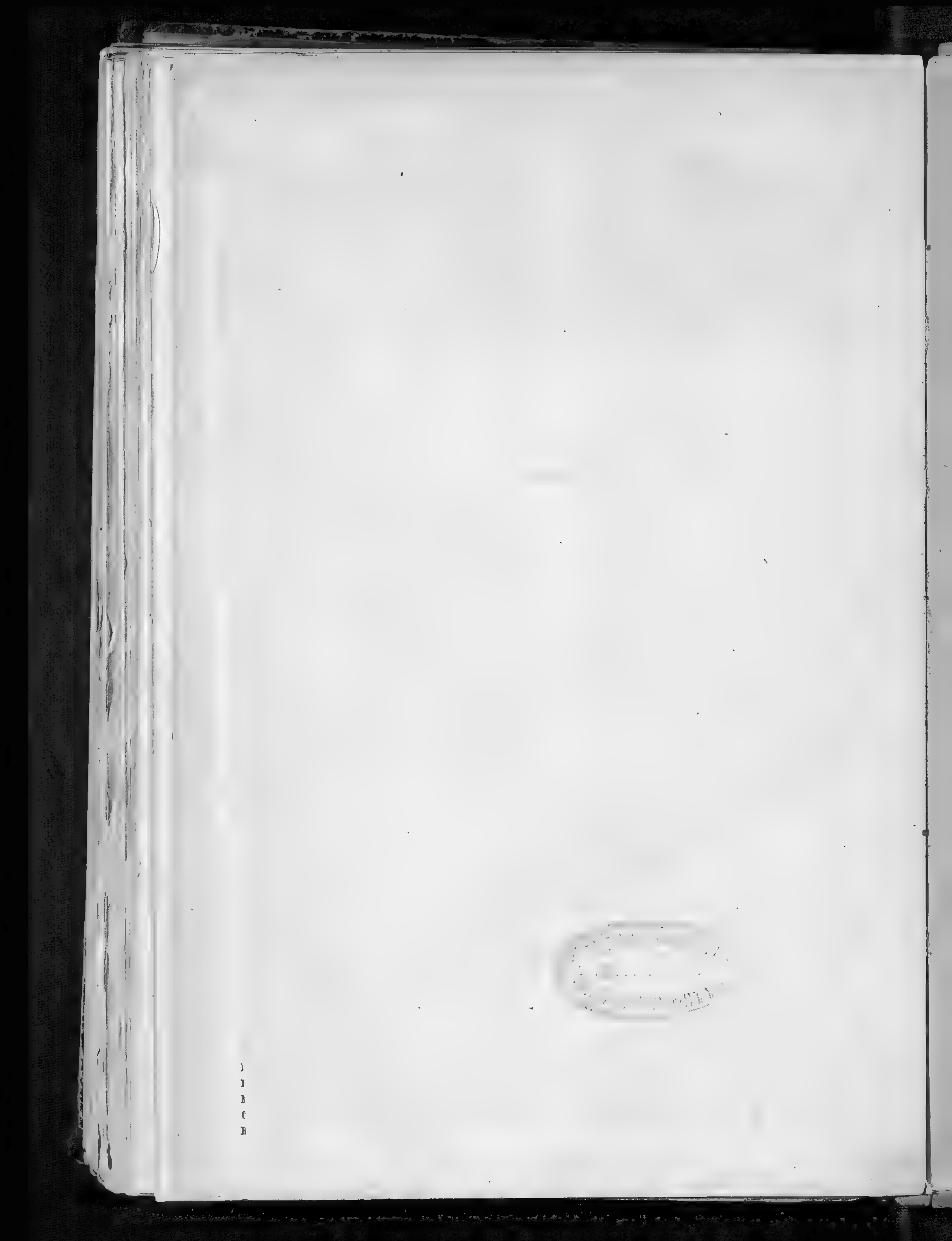
Ученіе о «малости» принесло уже свои плоды, въ особенности въ провинціи, гдѣ труднѣе самообразованіе, да труднѣе, пожалуй, найти себѣ и дѣло. У меня есть нѣсколько письменныхъ документовъ, авторы которыхъ говорятъ не только за себя, но и вообще за духъ унылости, овладѣвшій провинціальною молодежью, точно намѣренно старающейся себя принизить и даже считающей себя не въ силахъ выполнять то, что проповѣдуетъ графъ Толстой. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ видѣ выражается иногда это душевное состояніе. Въ одномъ письмѣ говорится: «Вы, можетъ, уже догадываетесь, о чемъ я намѣренъ говорить съ вами, и, навѣрное, думаете: опять мелочи, Господи!» Вы угадали. Да, мелочь. И знаете, что я нисколько не обижаюсь на это; я знаю, что я мелкій, маленькій человѣкъ и даже напираю на эту мелочность,—это мой удѣлъ. «Выше лба не прыгнешь», — говоритъ русская пословица, и я это знаю хорошо, даже очень хорошо, почему и не задаюсь никакими большими планами жизни, развѣ только иной разъ помечтаешь въ темнотѣ, но это дѣло тихое, безгрѣшное... Я вамъ откровенно скажу, что мнѣ, напримѣръ, да, пожалуй, и многимъ другимъ, быть работниками мысли совсѣмъ не подъ силу. Ну, посудите сами, что я могу работать въ области мысли? Развѣ заниматься фантазерствомъ, строеніемъ воздушныхъ замковъ или вообще праздномысліемъ? Да, вѣдь, это смѣшно и жалко. Пожалуй, чего добраго, вообразишь себя работникомъ мысли, станешь работать, да и выработаешь такой проектъ: «недовольные нашею землей, полѣзайте на луну и устраивайтесь тамъ по-своему». Воображаю, какое благодѣяніе принесешь такимъ проектомъ!»

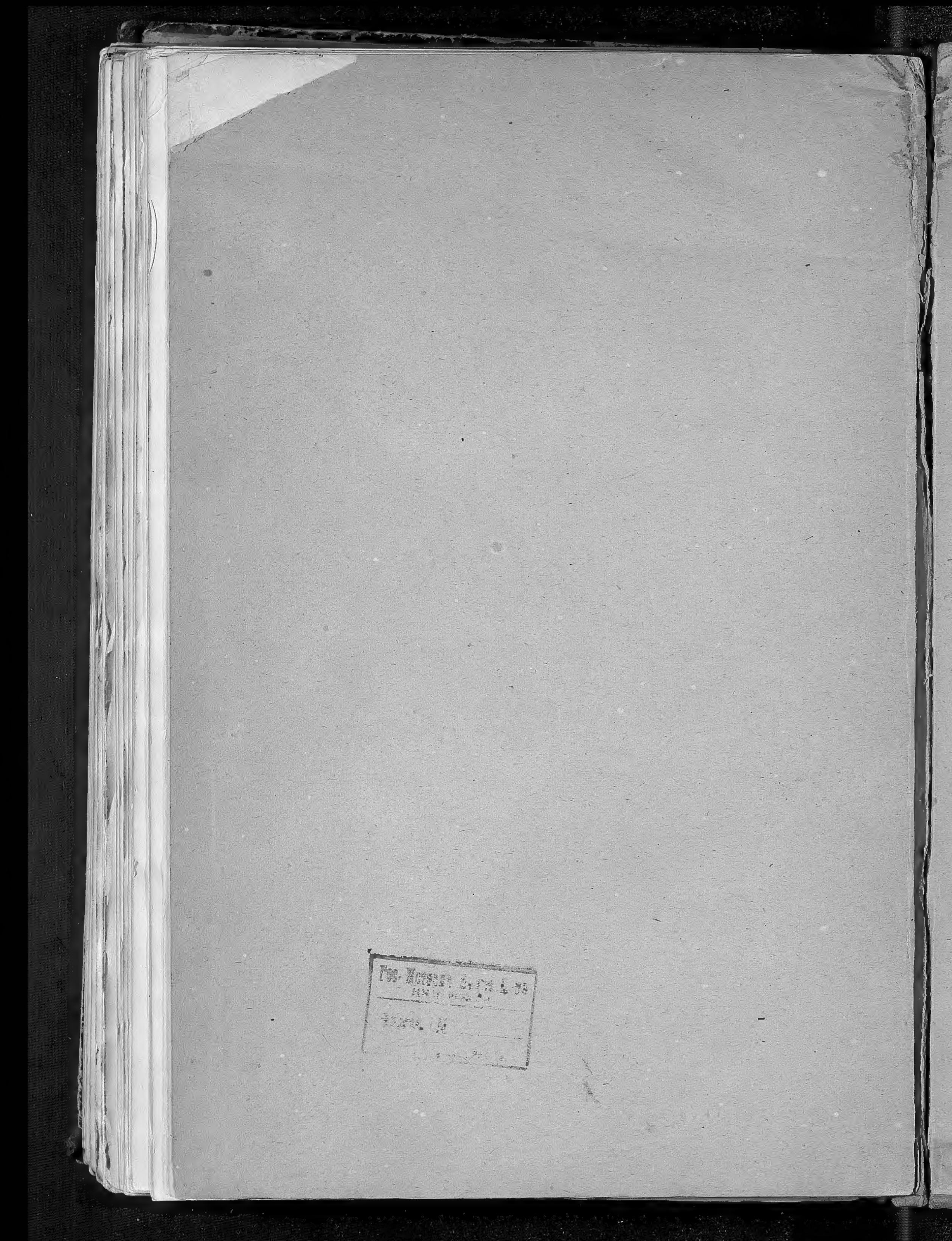
Да, это все практическіе плоды теоріи «малости». И, въ то же время, тотъ же человѣкъ, въ томъ же письмѣ, набрасываетъ чуть ли не цѣлый проектъ соціальнаго переустройства Россіи. Ему представляются двѣ такія параллели: столица или вообще большой городъ, куда стекаются всѣ даровитые, всѣ образованные и гдѣ кипитъ могучая энергичная работа. Каждый по своимъ силамъ и средствамъ будитъ общественное сознаніе и заставляетъ общество мыслить и работать. Вездѣ кипитъ и бьетъ ключомъ умственная жизнь, являются все новыя и новыя общественныя мысли, а администраторы схватываютъ ихъ налету и воплощаютъ въ цѣлесообразныя формы общественнаго управленія.

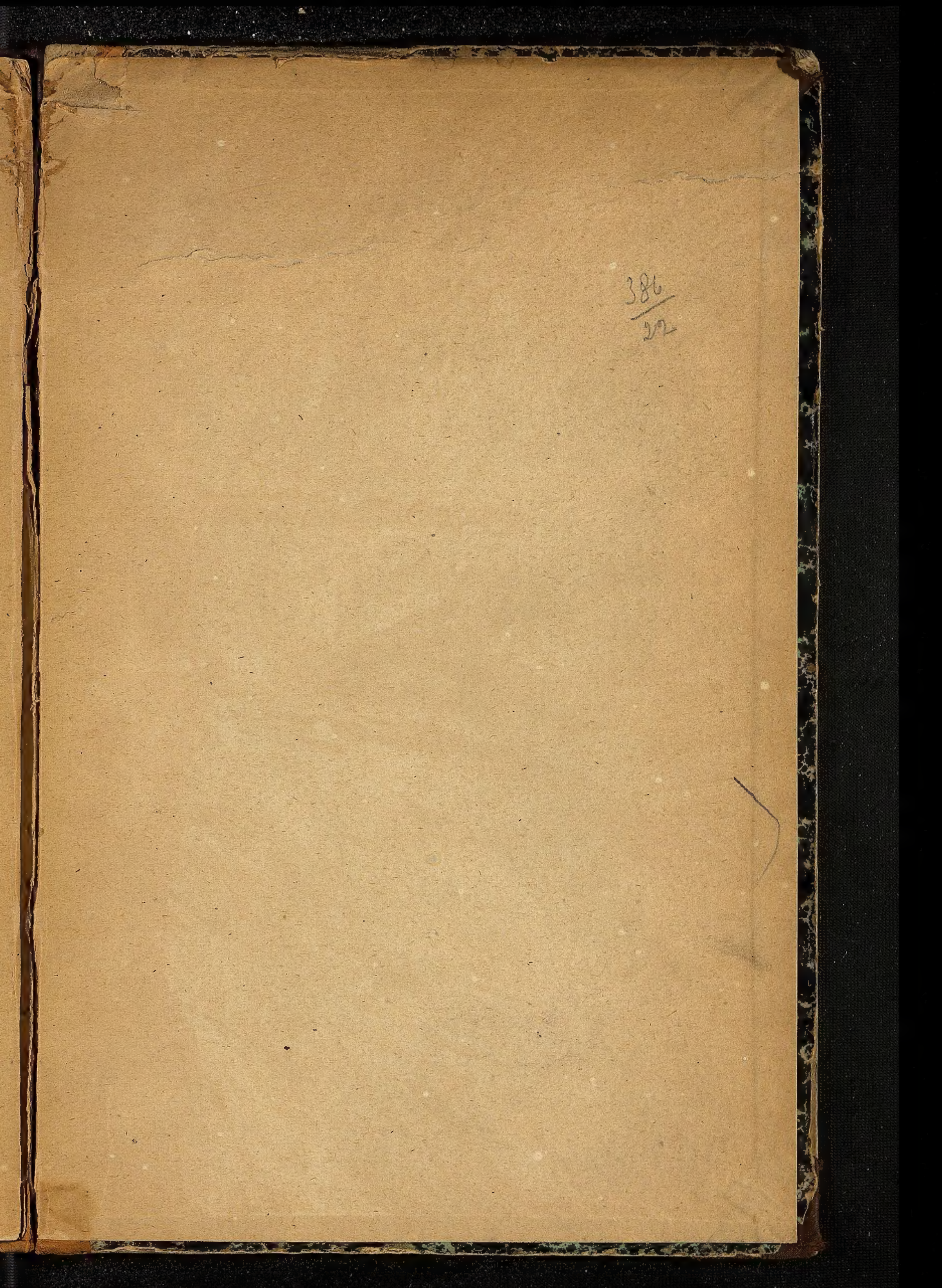
Другая параллель такого рода: интеллигентная деревня, устроенная на началахъ простой крестьянской деревни и окруженная подобными же селеніями. Въ нихъ есть хорошія образцовыя школы, библіотеки, хозяйство ведется научно, раціонально, земля пашется усовершенствованными орудіями, а дѣти, окончившія деревенскую школу, часто продолжаютъ свое образованіе въ городскихъ заведеніяхъ и затѣмъ остаются въ городѣ, а другіе возвращаются въ деревню. Между этою деревней и окружающимъ ее населеніемъ существуютъ дружескія простыя отношенія, почвой которымъ служатъ обыкновенныя житейскія нужды. И въ деревнѣ идетъ работа скромная, упорная, и въ деревнѣ будятъ сознаніе; но вся разница только въ томъ, что въ деревнѣ все дѣлается непосредственно, лично самою жизнью. «Вы можетъ быть, скажете: «идиллія!»—пишетъ авторъ.—Не знаю, идиллія это или нѣтъ, но скажу откровенно, что меня прельщаетъ такая картина не своею идилліей, а возможностью честно поработать на этомъ пути и осмысленно приложить свои малыя силы къ благому дѣлу».

Все это пишетъ человѣкъ, несомнѣнно, съ душевными задатками и нутромъ. Правда, идиллія, до которой онъ додумался самъ, давно уже извѣстна и чуть ли не съ 60-хъ годовъ имѣла сторонниковъ «города» и «деревни». Но дѣло не въ этомъ, дѣло въ томъ, что такое громадное общественное преобразованіе, какъ «счастливая деревня», населенная счастливыми людьми, ему кажется чѣмъ-то «маленькимъ» и что онъ находится подъ очевиднымъ вліяніемъ ученія о «малыхъ дѣлахъ» и «маленькихъ людяхъ». Это ученіе, какъ бы придавливая собою, принуждаетъ его смотрѣть на деревню и на деревенскія дѣла, какъ на что-то микроскопическое, а себя считать «маленькимъ человѣкомъ», потому что онъ разночинецъ, и большимъ администраторомъ, профессоромъ или умственнымъ вождемъ не будетъ. И, въ то же время, въ этомъ «маленькомъ человѣкѣ» внутренняя при-

сущая ему сила, работающая въ направленіи общественнаго сознанія, именно та самая сила, которая маленькое дѣло превращаетъ въ большое, выражается въ смѣлыхъ проектахъ грандіознаго, всеобщаго общественнаго переустройства. Эта-то двойственность заставляетъ человѣка не только страдать нравственно, но, принижая, она убиваетъ въ немъ достоинство, если по натурѣ онъ слабъ, или же озлобляетъ, если онъ хотя и не слабъ, но не имѣетъ силъ средствами своего ума освободиться отъ ея вліянія и стать самостоятельнымъ. Вотъ въ чемъ заключается чуть ли не самая вредная сторона поученія восьмидесятниковъ, и противъ этого теченія мысли слѣдуетъ протестовать и бороться изо всѣхъ силъ. Нельзя не прибавить, что и графъ Толстой влилъ въ это направленіе не одну каплю своего собственнаго меда. Поэтому поворотъ въ мысляхъ петербургской молодежи, на которую и вліяніе восьмидесятниковъ, и вліяніе графа Толстаго уже утратило свою силу и молодежь начинаетъ думать самостоятельно, не прицѣпляясь ни къ чьему хвосту, составляетъ очень крупное и отрадное явленіе въ теперешней умственной жизни Петербурга.






386/22